

ЖИЗНЬ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ

И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ

ОГЛАВЛЕНІЕ „НИВЫ“ ЗА 1890 ГОДЪ.

I. Романы, повѣсти, рассказы, стихотворенія и пр.

А. П. М...ву. Стих. А. Н. Майкова	394
Артемій Саватъевъ. Раз. Ө. Ө. Тютчева —	1048, 1075
Борьба двухъ началъ. Раз. Виллингеръ	642
Въщее затменіе. Стих. Ясинскаго	111
Говѣніе. Разск. Евг. Маркова . 978, 1002,	1026
Государ.-Маслян. Разск. П. Н. Полевого .	139
Графиня Толстой. 2 стих. А. Фета	754
Графиня Н. М. С.—бъ. Стих. А. Фета	1090
Давидъ и Голиафъ. Нов. Виллингера	346
Джемма. Раз. Кота-Мурлыки . 1235, 1266,	1298
Дочь полка. Разск. В. Д.	760
Жизнь, какъ она есть. Ром. В. И. Немировича-Данченко . 562, 586, 610, 634,	658, 682, 706, 730, 754, 778, 802,
826, 850, 874, 898, 922, 946, 970,	994
Иисусъ (Сынъ Навина) Пов. Эберса . 11, 40,	72, 100, 128, 159, 212, 240, 268, 298,
327	
К. Р. Стих. А. Н. Майкова	122
Quasi una fantasia. Стих. А. Фета	342
Кладъ. Ром. І. І. Ясинскаго . 370, 394,	418, 442, 466, 490, 514,
538	
Колесо Фортуны. Ист. раз. П. Полевого —	1098, 1123,
1150	
Кровавая страница лѣтописи. Историч. рассказъ П. Полевого	619
Л. И. О—й. Стих. А. Фета	1018
Лампо и Кармела. Разск. Кастельн. —	594,
615	
Лисица. Рассказъ	348
Лѣтняя ночь. Стих. Величко	864
Мама! Стих. А. Фета	416
Маневильскій мельникъ. Разск.	1331
Маркъ Петровичъ Петровъ. Рассказъ А. Н. Майкова	2, 34
Моничка. Пов. Н. Морскаго .—426, 448,	472, 495,
522	
На землѣ сидѣлъ голодный... Стих. Я. П. Полонскаго	10
Осужденъ. Разск. Беннарда	544
Панъ Круль. Ром. Е. А. Салиаса .—1018,	1042, 1066, 1090, 1114, 1142, 1170,
1198, 1226, 1258, 1290,	1332
Первая гроза. Пов. В. Бибилова .—808,	832, 859, 882, 906, 930,
954	
Попъ Симеонъ. Разск. А. Я. Максимова .—	290, 318,
342	
Послѣдній экземпль. Разск. Толля	784
Праздникъ Николая Деметъевича Разск. Кн. Волконскаго	1303
Пѣсня солнцу. Стих. Тегнера	206
Рубашка. Стих. П. Вейнберга	178
Сердце—рудникъ. Стих. Авенариуса	537
Сестра милосердія. Разск. Ярославцевой	376, 402
Склерена. Ист. пов. А. А. Смирнова .—	150, 178, 206, 234,
262	
Соколы. Стих. Ясинскаго	873
Сочельникъ въ лѣсу. Раз. Горева .	1309
Старинный вальсъ. Разск. А. С. —666,	688, 712,
736	
Судьба. Пов. М. Н. Волконскаго .—66, 94,	122
Сѣдой локопъ. Сказка Эберса .—1179,	1207, 1240
Только-что сиряч. солнце... Ст. А. Фета	513
Три волхва. Стих. Чуминой	1290
Что дѣлаютъ матери. Разск. Твэна	526
Я врагами богатъ... Стих. Я. П. Полонскаго	234

II. Биографіи и характеристики.

Августа, импер. Германск.	54
Альфонсъ XIII, кор. Испанскій	115
Амадей I, герцогъ Австскій	114
Андрани, Ю., графъ	197
Антоновичъ, В. Б.	555
Апхунтинъ, А. Л., поп. Варш. уч. окр.	795
Арди, Н. И., артистъ	531
Асторъ, Д. Д.	309
Башкирцева, М. П.	1257
Бейландъ, Ел., путешестъ.	170
Беннегъ, Д. Г.	309
Бизе, Ж., композит.	1215
Бисмаркъ, князь	358
Блэй, Недля, путешестъ.	170
Бойсъ—Рюкеръ, Шарлотта	1191
Боррасъ, Жозефъ	699
Боткинъ, С. П., профессор.	21
Бранковичъ, Г. Патр.	603
Вячковь, А. Ө. дир. Имп. публ. библ.	921

Валуевъ, П. А., графъ	169
Вандербилтъ, В. Г.	309
Ванновскій, П. С., военн. мнн.	729
Венелинъ, Ю. П.	82
Веревкинъ, В. Н., генер.	770
Викторъ-Эмман. пр. Неаполит.	410
Вильгельмъ II, импер. Германск.	794
Владиславлевъ, М. И., професс.	674
Воронцовъ-Вельяминовъ, П. Л.	986
Галкинъ-Враскій, М. Н.	650
Гроеноръ-Вестмъ, герцогъ	309
Груберъ, В. Л., професс.	987
Гульдъ, Джай.	309
Данилевскій, Григ. Петров.	1279
Доброславинъ, А. П., професс.	22
Долгоруковъ, В. А., князь	849
Дубровинъ, Н. Ө., генер.	777
Желобовскій, А. А., протопресв.	890
Журавскій, Д. П.	842
Звѣревъ, К. Я., генер.	1010
Зотовъ, В. Р.	1278
Иоаннъ, нег. Абисс. Очеркъ	383
Иосифъ II, импер. Австр.	226
Каприви (де), герм. канцл.	358
Капустинъ, М. Н.	1190
Карръ, Альфонсъ	1010
Келлескраусъ, В. М., баронъ	1107
Козловъ, П. П.	386
Колокольцевъ, А. А., контръ-адмир.	441
Кондратьевъ, Г. П., реж. р. оп.	143
Косгана, А. С.	555
Кохъ, Р., профессор.	1159
Кочетова, А. Д.	530
Лавровскій, Н. А.	1191
Левченко, П. Е., писарь	458
Лейкинъ, П. А.	458
Леопольдъ II, кор. Бельгійск.	770
Луи-Филиппъ Орлеанскій	196
Лѣсковъ, Ник. Сем.	317
Марковичъ, А. П., сенат.	1041
Марку, М., сенаторъ	699
Мевель (фонъ), Р. Т., генер.	489
Менеликъ, негусъ Абисс.	281
Мольтке (фонъ), графъ	1034
Мопассанъ (де), Гюи	747
Мравина, Евг. Конст.	1056
Музиль, Н. И.	1186, 1191
Немировичъ-Данченко, В. И.	561
Никитенко, Ал. Вас.	1
Николай Максимъ Романовскій кн.	481
Новиковъ, Н. И.	914
Огаревъ, Н. И.	226
Пассини, Лудвигъ	887
Пинго, С., путешестъ.	197
Пѣшковъ, Д., сотникъ	410
Радецкій, Ө. Ө., генер.	113
Раухъ, Өт. Егор.	1034
Рейтернъ, М. Х., графъ	142
Рыдзевскій, Ф. Д., инженер.	1246
Сверчковъ, Н. Е., профессор.	1169
Седжъ, Россель	309
Сергіевъ, Иоаннъ, прог.	1313
Сегъ, укрот. львовъ	23
Сидоренко, Г. Д.	253
Скудлиская, Марианна	282
Смѣкаловъ, А. М., генер.	603
Сотерландскій, герцогъ	309
Стьюартъ, А. Д.	309
Стьюартъ, Д. П. К.	309
Супруненко, П. П.	866
Франклинъ, Веніаминъ	435
Цертелевъ, Д. Н., князь	33
Штакенштейндеръ, А. И.	818
Шубертъ, Ө. Ө.	963
Ясинскій, І. І.	369
Яхонтовъ, П. К., протоіерей	195

III. Этнографія, археологія и культурно-историческіе очерки.

Алекс.-Невск. Лавра въ СПб.	862
Археологія общ. въ Москвѣ. Оч.	83
Бенаресъ, городъ	601
Бухара. Базарн. площ.	408
Вяделемъ (Въ). Очеркъ. Свѣчина	1273
Владимиръ-Вольинскій, городъ	1278
Выборгъ, городъ	1008
Гельголандъ, островъ	674
Кіевъ. Входъ въ пещеры	816
Константинополь. Оч. Теплова	738
Куба, городъ	1036
Нагасаки, гор. въ Японіи	672
Паскентъ, аулъ	19

Поръ-порогъ, водонадъ	648
Сахалинъ. Угольн. копи	746
Сахалинъ. Мысь Крильонъ	1106
Святая земля. Очеркъ	351
Сѣверная окраина. Очеркъ	598
Ташкентъ. Истор. очеркъ	651
Уранія, обсерваторія	51
Фреденсборгъ, замокъ въ Даніи	912
Цухарскія ворота	280

IV. Естествознаніе.

Аббагамба и хамелеонъ. Очеркъ	1055
Барсукъ (Meles taxus)	112
Гульманъ. (Обезьяны)	746
Звѣринныя общества. Оч. Кнауэра	835
Ива, плакучая	889
Кариы и угки	21
Метеоритъ. Оч. Ю. Симашко	550
Микроскопическій міръ. Очеркъ	982
На просторѣ океана. Оч. Штауде . 1079.	1102
Осьминогъ и омаръ	1131
Рыбы, свѣтятся. Очеркъ Ленденф.	691
Солнце и электричество. Очеркъ	959
Сурки (Arctomys marini)	1104
Угольная кислота. Очеркъ	936
Умъ птиць. Очеркъ Нассау	575
Черепаша, двуголовая	23
Черепаша на походѣ	648

V. Новыя изобрѣтенія и технологія.

Аринометръ сист. Однера	939
Батарея Имшенецкаго	603
Велосипедъ, сухоп.-водян.	1215
Манежъ, электрич. въ Ниддѣ	1279
Пишущая машина „Бостонъ“	675
Пишущая машина Первенко	23
Порохъ, бездымный	253
Трубы бр. Маннесманъ	987

VI. Архитектура и скульптура.

Агриппина. Стат. Вейценб.	1131
Дворецъ прессы въ Нью-Йоркѣ	866
Защита знамени. Группа Пащенко	410
Камей, Флакмана	888
Мостъ въ Шотландіи	309
Памятникъ Александру II въ Рост. на Д.	1338
Памятникъ Екаторія II въ Симф.	1082
Памятникъ Колумбу въ Чикаго	1011
Памятникъ Тотлебену въ Севаст.	722
Памятникъ Имп. Фридриху	530
Петербургъ (зданія и памятники)	791
Соборъ, Ульмскій	1032
Хлѣбъ. Группа Лефевра	1278
Часы скульпт. Бауэра	386
Эдипъ и Антигона. Стат. Шредера	818

VII. Современность.

Арестованіе террор. въ Парижѣ	602
Встрѣча Д. Н. Пѣшкова	579
Выставка Человодства въ Моск.	914
„ Садоводства въ Сиб.	1010
„ Тюремная въ Спб.	627, 650
„ Казанская	770
„ Туркестанская	1058
„ Дикая Америка“, въ Сиб.	674
Крещеніе В. Кн. Мар. Павл.	554
Маневры при Нарвѣ	890
Похороны С. П. Боткина	82
Прибытіе Итал. принца въ Спб.	579
Спускъ бронен. „Гангутъ“	1082
Спускъ яхты „Полярная звѣзда“	579
Труна лилипутовъ въ Спб.	482

VIII. Литературный альбомъ.

„Бахчисар. фонт.“ Пушкина	19
„Борисъ Годуновъ“ Пушкина	984
„Въ тѣсахъ“ Мельникова	1082
„Дѣдушка“ Стих. Никитина	864
„Портретъ“ Гоголя	82
„Русалка“, Пушкина	195
„Сказка о царѣ Салт.“, Пушкина	167

IX. Популярно-медицинскіе очерки.

Враги человѣч. здоровья. Очеркъ	432
Наслѣдственность. Очеркъ	1006
Обоняніе. Очеркъ Пфейфера	479
Помощь утопающ. и мн. умерш.	643
Средство Д-ра Коха	1159

X. Статьи разнаго содержанія.

Воздухоплаваніе Очеркъ Вехмара	670
Географич. общ. въ Спб.	434

СТРАН.		СТРАН.		СТРАН.	
Домъ трудолюбія въ Крошшт.	1065	Верховья р. Тигра. Карт. Кившенко . . .	372, 373	Золотая рыбка, Пушк. Рис. Котляр. . .	1023
Иканскій бой. Истор. очеркъ	626	Викторъ-Эмануилъ, пр. Неаполит. . .	412	Зотовъ, Влад. Раф.	1276
Кухня. Современн. оч. Барберъ	1054	Вильгельмъ II, Импер. Герм.	785	Ива плакучая. Рис. Крыжикъ	876
Лебеница общ. покровит. жив.	280	Вискаши (Lagost. trichod.)	836	Идилля. Карт. Галкина	492
Литерат.-критич. миниат. Введенскаго . .	55	Вишеникъ. Карт. Сергѣева	397	Изъ лѣсу. Рис. Писемскаго	1261
222, 407, 599, 719, 815, 886, 910, 1184		Владимиръ-Вольскн. городъ	1269	Искушеніе Иисуса Хр. Карт. Шеффера . .	641
Музей въ Сиб. таможенъ	53	Владиміръ. разорен. Карт. Кошел. 612, 613	613	Иерусалимъ. Общій видъ	352, 353
Оборона Герм. береговъ. Оч. Иванова . .	766	Владиславлевъ, М. П.	676	" Назареть	361
Обуховскій заводъ, въ Сиб.	454	Власть звуковъ. Карт. Рейхерта	217	" Церковь Св. Гроба	361
Павловскій полкъ (100 л. юбил.)	498	Воронцовъ-Вельяминовъ, Н. П.	988	Иоаннъ Непомукъ разд. милост.	165
Роскошь древн. Венеціи. Очеркъ	1030	Встрѣча тѣла герц. Лейхтенб. Карт. Ковалевск.	596	Иосифъ II, импер. Австр.	225
Скучающимъ провинц. А. О. Брандта	1127	Всѣ струсили. Карт. Фрешля	609	Казармы въ Мургаб. Имѣніи	1197
Солдаты, римскіе. Истор. очеркъ	527	Въ глуши нарка. Карт. Клевера	205	Казачій кордонъ. Рис. Кравченко	149
Урожай 1889 года. Очеркъ	198	Въ корчмѣ. Рис. Гороховскаго	1076	Капръ. Триумф. ворота	1241
XI. Библиографія.		Въ науку. Карт. Винцмана	449	Какъ у себя дома. Карт. Адама	1117
Стр. 59, 86, 115, 254, 282, 335, 362, 507, 724, 821, 915, 1035, 1134, 1192, 1218, 1247, 1281, 1312		Въ расказахъ Кур. Пер. Рис. Буше	1125	Камей Флаксмана	873
XII. Парижскія моды.		Въ раздумьѣ. Карт. Кизеля	905	Канюкъ бѣлый. Рис. Шнехта	625
Съ Января по Декабрь — ежемѣсячно, съ 358 модн. гравюр. и рисунк., 370 черт. выкр. въ натур. велич., 282 рисунк. рукод. и вышивальныхъ работъ, нѣсколько сотъ моногр. и массою рецептовъ по хозяйству.		Въ распутіи. Карт. Сверчк.	900	Каприви, Г. Л., герм. канцлеръ	364
XIII. Тиражи выигрышей Госуд. Банна.		Въ сѣнокошъ. Карт. Галкина	537	Капризная натура. Карт. Зимма. 1200, 1201	1201
50 тиражъ 1-го займа 2 Января 1890 г.		Выборгъ. Видъ города	996	Капустинъ, Мих. Никол.	1188
48 " 2 " 1 Марта 1890 г.		Выдра и гусь. Рис. Домбр.	1157	Карны и утки. Рис. Шнехта	29
1 " 3 " 1 Мая 1890 г.		Выдоравливающая. Карт. Лемоха	500	Карръ, Альфонсъ	1012
51 " 1 " 2 Юля 1890 г.		Выкупъ дороги свадебн. поѣзд.	264	Карта урожая 1889 г.	198
49 " 2 " 1 Сент. 1890 г.		Выкупаютъ. Рис. Котляр.	1116	Катокъ въ Парижѣ. 2 рис.	172
2 " 3 " 1 Ноябрь. 1890 г.		Выставка Пчеловодства въ Москвѣ	913	Кающаяся Магдалина. Карт. Макса	689
		" Садоводства въ Сиб.	1009	Келлескрауссъ, В. М., баронъ	1109
		" Тюремная въ Сиб. 5 рис.—	628, 629, 632, 677	Кипиневъ. На улицѣ. Рис. Райляна	65
		" Казанская	769	Кіевъ. Входъ въ пещеры	805
		" Туркестанская, 5 рис.	1057, 1060	Князь Игорь. Оп. Бородина	1160
		Виденосные спортсмены	1036	Коза-кормилца. Карт. Кани.	1005
		Вѣщее затменіе. Рис. Земцова	96	Козловъ, И. П.	389
		Галкинъ-Враскій, М. П.	653	Козлы, горные	839
		Галчина. Птичн. и ферма	961	Голокольниковъ, А. А., контръ-адмир.	441
		Гельголандъ, о-въ	676	Кольбель Мих. Феод., Карт. Стенан.	1233
		Географич. О-во въ Сиб. (Заль)	433	Кондратьевъ, Г. П.	141
		Гермюна. Карт. Кизеля	425	Конкуренты. Карт. Каразина	740
		Героямъ безъ славы. Карт. Эбера	1025	Константинополь. Видъ и тишь. 8 рис.	742—744
		Герцогъ Орлеанскій на охотѣ	305	" Ильдизъ-Кіоскъ	993
		Гиппопотамы	839	Корона Менелика	280
		Гирвасъ, водоп. въ Ол. губ.	804	Костанда, А. С., ген.-адъют.	557
		Гну (стадо)	837	Котенокъ съ бабочкой. Карт. Адама	521
		Головинъ, Н. М., генер.	1108	Кохъ, Р., профессоръ	1161
		Гомонтово, усадьба. 2 рис.	844	Кочевья езидовъ. Карт. Кившенко. 420, 421	421
		Гонецъ въ пустынѣ. Карт. Павинн. 756, 757	757	Кочетова, Ал. Дорим.	533
		Горе-рыболовъ. Рис. Оболенскаго	857	Кронштадтъ. Домъ трудолюбія	1065
		Грамотѣй. Акв. Крюкова	77	" Андреевскій Соборъ	1314
		Граціелла. Карт. Блааса	1149	Куба. Видъ города	1053
		Гробница импер. Фридриха	532	Кубань. Видъ на рѣкѣ. Рис. Червин.	877
		Гроеноръ-Вестминстерскій, герцогъ	308	Кубекъ, Сусанна	284
		Гроза. Рис. Шильдера	1101	Куряжъ въ окр. Харьк. Карт. Васильк.	516
		Груберъ, В. Л., профессоръ	988	Къ парому. Карт. Ковалевскаго	524
		Гульдъ, Джай	308	Лавровскій, Ник. Алекс.	1188
		Гульманъ (обезьяны). Рис. Шнехта	745	Лагерный циркульникъ. Карт. Геббенса.	508
		Гугенбергъ, Юганшъ	964	Левченко, Н. Е., писарь	461
		Гхаты въ Венаресѣ	588	Ледники на Кюнгфр. Карт. Кам.	932, 933
		Дакота. „Негодныя земли“	649	Ледорѣзы въ Помраніи. Рис. Стевера.	924
		Данилевскій, Григ. Петров.	1276	Лейбъ-гусаръ и савояры. Карт. Видлеа.	181
		Два пугала. Рис. Котляр.	787	Лейкинъ, Н. А.	461
		Дворецъ прессы въ Нью-Йоркѣ	868	Леопольдъ II, кор. Бельгійскій	769
		Двѣ націентки. Карт. Зандерланда	517	Летательный аппаратъ. 7 рис.	670, 671
		Дерева, согнутыя вѣтромъ	1089	Лечебница о-ва покров. животн.	277
		Дерево, 3-хъ посадокъ	917	Лудовикъ XIV и Мольтеръ. Рис. Мерте.	529
		Джигетан (стадо)	837	Луи-Филиппъ Орлеанскій. 2 рис.	196
		Джузепе. Карт. Джелли	269	Луисвилльскій тифонъ. 3 рис.	772
		Дибровскій заводъ. Карт. Сергѣева	525	Лунныя горы въ Африкѣ	252
		Доброславинъ, А. П.	21	Львица съ добычей. Рис. Кунерта	541
		Долгоруковъ, В. А., князь	849	Льсковъ, Ник. Сем.	317
		Домашиній концертъ. Карт. Урлауба	881	Льсная бѣда. Рис. Каразина	1205
		Досуги рыбака. Карт. Мюллера	665	Льсникъ. Рис. Радомскаго	429
		Дошалися. Карт. М. Эйлеръ	576	Любимцы. Карт. Эберле	1209
		Дрофы передъ грозой. Рис. Каразина	793	Любопытство. Карт. Пассини	885
		Дубровинъ, Н. О., генер.	777	Лугунечій концертъ. Карт. Марн	753
		Дѣдушка. Ст. Никит. Рис. Козач.	853	Мадонна де-Камонна. Карт. Рафаэля	1297
		Дюна Кур. Нерунга	1124	Мазгальская	284
		Ермакъ является къ Строгановымъ	1068	Мазовской, генер., въ сраж. подъ Фридл.	500
		Желобовскій, А. А., протонр.	893	Мандолината. Карт. Кизеля	289
		Журавскій, Д. П., генер.	845	Маневры у Нарви Разн. сцены. 7 рис. 889—893	889—893
		Забавный расказъ. Карт. Клегаса	1333	Манежъ, электрическій. 2 рис.	1280
		За водой. Рис. Котлярскаго	828	Манифестация передъ нам. Камозиса	140
		За грибами. Рис. Писемскаго	929	Марковичъ, А. Н., сенаторъ	1041
		Залпы безд. и обьки. порох. 2 рис.	253	Марку, М., сенаторъ	701
		Запорожскій сторожевой пунктъ. Карт. Васильковскаго	465	Мары (стадо)	837
		Запорожцы на пути въ Сѣчь. Рис. Сѣрова	764	Масляница. Никникъ. Рис. Грузинск.	124
		Зарепа (Бахчис. фонт.). Рис. Лоренца. 4, 5	5	" Блины въ народн. столов.	125
		Засада. Рис. Каразина	948	" Госуд.-масл. Рис. Китаева	132
		Защита знамени. Група Пащенко	408	" Масл. на морѣ "	133
		Звѣздочки изъ кожи альпсина. 3 рис.	228	" Катанье на чухнахъ	137
		Звѣтрень, К. Я., генер.	1012	Мевесъ (фонъ), Р. Т.	489
		Здановская, Агнешка	284	Медаль Сиб. Минералогич. о-ва	604
		Здановская, Эмилия	284	Менеликъ II, Негусъ Абисс.	280
		Зима въ Вѣлорусіи. Рис. Юмудскаго	44	Метеоритъ, Мигейскій. 8 рис.	556
				Мочеть въ Байр.-Али	1212
				Милость плѣни. Карт. Кальдер.	1177
				Могилы Т. Г. Шевченка	233

	СТРАН.		СТРАН.		СТРАН.
Молитва. Карт. Макса	185	Петербургъ. Парадъ на Дворц. площ.	505	Сидоренко, Г. Д.	256
Мольке, графъ	1037	” Прибытіе Итал. принца	580	Сказка о ц. Салг. Пушкина. Рис. Чижина.	160
Монассанъ (де), Гюи	749	” Разводъ у Зимн. дворц.	161	Скивъ, царскій. Рис. Радомскаго	949
Москва. Домъ археолог. общества	81	” Самсоніевскій соборъ	24	Скопининъ-Шуйскій у Воронинскаго. Рис. Земцова	36
” Крыльцо и залъ. 2 рис.	84	” Спускъ яхты „Пол. звѣзд.“	580	Скублинская, Марианна	284
Мостъ въ Шотланд. (сравн. велич.)	300	” Спускъ кор. „Гангутъ“	1083	Скучно. Рис. Писемскаго	637
Мравина, Е. К., артистка	1056	” Станц. для изсл. трих.	661	Слона, туалеть. Рис. Шехта	1213
Музей, тамож. въ СПб. (главн. залъ)	45	” У Анничкина моста	12	Слоны	840
Музиль, Н. И., артистъ	1189	” У кассы Ник. ж. д.	104	Служи и друзья. Рис. Козач.	1029
Мумии, съ портр. покойник.	56	” Юбил. Павл. п. 6. рис.	498—509	Служба на стражѣ. Рис. Радомскаго	245
На базаръ. Рис. Блазнова	1152	Петергофъ. Моидез. и прист.	956	Слѣпая сидѣлка. Рис. Трутовскаго	1208
На берегу Финск. зал. Рис. Земцова	1236	Пивникъ. Рис. Волкова	621	Смѣкаловъ, А. М. Ген.-лейт.	604
Наибольшее сердце. Карт. Загорскаго.	565	Пинто, С., путешест.	197	Соборъ, ульмскій	1021
На буксирѣ. Карт. Дм. Оренб.	445	Пишущая маш. „Бостонъ“	677	Солнцъ. Карт. Галкина	513
На ваканціи. Рис. Томашевича	597	Погибъ конь—погиб. и всадн. Рис. Караз.	1020	Состязаніе въ скачкѣ лошади. въ Сиб.	484
На венеціанск. лагунахъ. Карт. Рубенса	262	Погребъ. въ катакомб. Карт. Граса 732, 733	733	Сотерландскій, Герцогъ	308
Нагасаки. Освященіе часовни	657	Подаяніе. Карт. Нуара	1153	Сочувствіе. Карт. Вау	237
” Офицерскій лазаретъ	660	Подвѣсныи. нарядъ. Карт. Гизель	476, 477	Спасеніе экип. у о. Байта	409
” Русская гостиница	660	Подходъ къ медв. берг. Карт. Кившенко	377	Славъ лѣса. Рис. Полякова	216
Надулась. Карт. Бурго	569	Подъ защитой. Рис. Целевина	417	Столкновеніе судна съ лед. горою	76
На Камѣ. Рис. Полякова	741	Поединокъ Морозова съ Вяземскимъ, Рис. Лебедева	684, 685	Стюартъ, А. Д.	308
На провлѣ въ Александрин. Карт. Фабіо.	1268	Пожарище дома Скублинской	284	Стюартъ, Д. П. К.	308
На маневрахъ. Рис. Вальда	193	Покровское, село, Екат. губ.	600	Судно, разбойничье. Рис. Магдесіана	189
Напрасные поиски. Карт. Жирар.	1049	Полава. Шведская могила	980	Судъ Ландскнехтовъ. Рис. Мерте	97
Нарвалы (единороги)	840	Помилонаніе Кн. Шуйск. Рис. Земц.	13	Суируненко, П. И., Д-ръ	869
Нарушенный покой. Карт. Сартера	633	” Портретъ“ Гоголя. Рис. Волкова	69	Сурки. Рис. Шехта	1100
На рѣчкѣ. Карт. Платонова	515	” Портреты др.-греч. живопис.	57	Схватка съ медвѣдемъ. Рис. Писемск.	101
Наскентъ, аулъ въ Дагестанѣ	17	” Портреты др.-греч. живопис.	69	Съ добрымъ утромъ! Карт. Вагнера	761
На склонахъ дней. Карт. Муратова	1001	” Поръ - Порогъ, водопадъ	644	Съ мороза. Карт. Степанова	564
На службу Государеву. Рис. Радомск.	292, 293	” Послѣ бала. Карт. Чумакова	977	Съ праздникомъ. Рис. Зичи	1300
Пастастья Чапур. Рис. Лоренда	1073	” Послѣ гоньбы. Рис. Шмицберг.	49	Сбровъ, В. Р., есаулъ, и рядов. его сотни.	620
На удочку. Карт. Вагнера	681	” Послѣ охоты. Рис. Кившенко	1180	Ташкентъ. Домъ Черныяева	653
Неаполитанка. Карт. Зихеля	473	” Посл. мин. Филиппа. Карт. Новоскольд.	428	Термографъ. 2 рисунка	1133
Неаполитанка. Рис. Квасава	157	” Постройка Луцк. ж. д. 3 рис.	1108, 1109	Тихій вечеръ. Карт. Блум.	1017
Неаполь. Галлерей Гумб. I. 2 рис. 1244, 1245	1245	Похороны Воткина. 2 рис.	85	Тихимъ вечеромъ. Карт. Судковской	380
Невиданное явленіе. Рис. Волкова	1004	Прага. Наводненіе. 2 рис.	940, 941	Толкучка. Рис. Земцова	272
Недужный. Карт. Пеленина	381	” Праздн. въ Помпеяхъ. Карт. Кумасъ	549	Томскъ. Наводненіе. 2 рис.	700
Немировичъ-Данченко, Вас. Пв.	561	” Праздн. на Смол. кладб. Рис. Пжак.	957	Тридцать сереб. Руды. Карт. Б.-Томаш.	333
Ненаглядный. Карт. Целевина	493	” Преслѣд. волками. Карт. В.-Ковальск.	152, 153	Трубы, металлическія	989
Необычн. поклоны. Карт. Андреевн.	800	” Приваль. Карт. Каразина	708	Трупна дилитунтовъ	485
Нижн.-Новг. Исправ. колон. 3 рис. 721, 724	724	” Приемъ дамъ. Карт. Шредера	105	Туркменъ, продав. ковр. Рис. Караз.	1260
Никитенко, А. В.	1	” Приемъ гонимъ. Карт. Гусевой	360	Тушеніе пожара въ стени	997
Николай Максимиліанов. Романовскій	481	” Приемъ пословъ Лже-Дмитріемъ	860, 861	У желѣзныхъ воротъ. Рис. Кирхи.	1132
Новиковъ, Ник. Иван.	917	” Приемъ поѣзда реней. въ Москвѣ	865	У колыбели. Карт. Нассини	884
Нью-Йоркъ. Ледяныя горы	249	” Проводы новобранц. Рис. Бролин.	1052	У корчмы. Карт. Васильк.	468
Обераммергау. Деревня въ Баваріи	964	” Прогрулка римск. натриція	813	Улица въ деревнѣ. Рис. Земцова	1225
Обманутая надежда. Рис. Пейнье	820	” Проходъ поѣзда по мосту	281	Ульфила, проп. гог. евангел.	908
Обуховскій заводъ въ Сиб. 8 рисунк.	452	” Прощанье пер. поход. Карт. Сулакр.	1069	” Уранія“, обсерваторія. 4 рис.	52, 53
Обѣдъ матросовъ. Рис. Нѣмова	453, 457, 460	” Прыгуны (стадо)	837	Урокъ. Карт. В. Маковскаго	297
Огаревъ, П. И.	225	” Психея. Карт. Тумана	1228, 1229	Утро Рожд. Христ. Карт. Гольца	1292, 1293
Осадченны. Карт. Либлинга	93	” Пугу. Рис. Радомскаго	589	Утѣшеніе въ музыкѣ. Карт. Геслина	208, 209
Олятникъ. Карт. Коровина	328	” Пѣсня голода. Карт. Адама	945	У церкви. Карт. Творожниковъ	444
Осенняя непогода. Карт. Пецельб.	972	” Пѣшковъ, Д., сотникъ	412	Ученое засѣданіе. Карт. Рейхер.	1077
Осминокъ и омаръ. Рис. Шехта	1129	” Пѣшковъ на своемъ конѣ	413	Феннеки и стени. куръ. Рис. Шехта.	385
Огвѣтъ. Рис. Каразина	1044	” Рабочій, сожжен. электрич. токомъ	1277	Фортеніано сист. Янко	1189
Отдыхъ на бер. моря. Рис. Земцова	1331	” Радецкій, Ф. Ф., Генер.	112	Франклинъ, Бенѣминъ	436
Откупленіе раб. на своб. Карт. Лосева	329	” Разграбленіе Рима. Рис. Полиаги	841	Фреденсбургъ, замокъ. 3 рис.	909—912
Охотнич. жаргонъ. Карт. Коченейтера	717	” Ракета, снасательн. 2 рис.	1216	Хлѣбъ, группа Лефевра	1273
Памятникъ Александру II въ Росс. и Д.	1324	” Расхителн. карликъ на Пар. выст.	113	Холмъ. Прибыт. соб. колокола	985
” Воинамъ навн. подъ Икан.	624	” Раухъ, О. Е. Генер.	1037	Холста, блѣненіе. Рис. Козачинск.	1144
” Екатерины II въ Симф.	1081	” Рачникъ-любитель. Рис. Котляревск.	669	Христіанст. дивъ, своб. Карт. В.-Томаш.	1092
” Колумбу въ Чикаго	1013	” Рачникъ-промышл. Рис. Котляревск.	593	Царицынъ бугоръ. Рис. Писемск.	765
” Николаю I въ Сиб.	1105	” Ребрацкъ (собственноручн. портр.)	577	Цѣпты, суменые (букетъ)	796
” Тотлебену въ Севаст.	725	” Рейтернъ, М. Х., Графъ	141	Цертельевъ, Дм. Ник.	33
Пассини, Лудвигъ	884	” Римская дѣвушка. Карт. Зихеля	713	Цудахарскія ворота въ Дагест.	273
Пастушеская идиллія. Рис. Цикка	617	” Рождество. Несугъ Елку	1281	Цыгане, нищенствующ. Карт. Везина	188
Пасха. Заутреня. Рис. Писемскаго	341	” Мой Елка	1305	Цыганскій таборъ. Рис. Козачинск.	812
” Христовою бояриня. Рис. Лебед.	344	” Ветръча Рожд. на морѣ	1308	Часовой золотой роты. Рис. Томаш.	1329
” Звонари-любители	315	” Ростовъ и Д. Таганрогск. спускъ	1325	Часы. Скульпт. Бауэра	388
” Отъ 12 еванг. Рис. Котляревск.	349	” Рубка лѣса въ Финл. Рис. Бролинга	68	Черезъ 6 мин. Нов. годъ. Карт. Вакера.	1301
” Пахарь. Рис. Каразина	1121	” Руновъ, Полювникъ	502	Черепашка, двуглавая. 2 рис.	24
Первый иней. Карт. Дарно	1172, 1173	” Русалка, Пушкина. Рис. Волкова	180	Черепашка на походѣ. Рис. Молле	645
Передъ вѣнцомъ. Карт. Маковск.	780, 781	” Рыбакъ на рѣкѣ Вилн. Рис. Пютр.	924	Чтеніе изъ Тассо. Карт. Пассини	885
Передъ кондитерск. Рис. Козачинск.	1097	” Рыбачка, Венеціанск. Карт. Блааса	73	Что бы это могло значить! Карт. Бель-круа	213
Передъ обѣдомъ. Карт. Загорскаго	469	” Рыбы, свѣтлиця. 24 рис.	692, 693	Что за диковинка! Рис. Дата	1332
Передъ свадьбой. Рис. Шредера	1141	” Рыдзевскій, Ф. Д., Инженеръ	1245	Чудо какъ пристало. Рис. Козачинск.	177
Переправа войскъ у Учъ-Чучака. Карт. Каразина	396	” Саратовъ. Выгрузка муки	801	Чумакъ, Украинскіе. Рис. Радомск.	716
Петербургъ. Биржа въ полдень	709	” Сахалинъ. Продавцы у пристани	705	Шахматная партія. Карт. Дюльвеса	301
” Видъ здания. 10 рис.	789, 792	” Сахалинъ. Камень. кони. 3 рис.	748	Шахматы. Рис. Мокля	37
” Видъ Алекс.-Цев. лагерь	852	” Сахалинъ. Мысъ Крыльцовъ	1105	Школа въ Голландіи. Рис. Стѣна	829
” Видъ на Певу	221	” Сбитенщикъ. Рис. Пютрескаго	129	Школа въ Луизи. Карт. Шильда	1145
” Водосвѣтіе на Певѣ	916	” Сборъ морск. травы. Карт. С.-Луиса	121	Школа въ Римѣ. Карт. Пассини	884
” Ветръча Пѣшкова. 2 рис.	581	” Сборъ на войну. Карт. Бекки	41	Шприцовка Д-ра Коха	1249
” Дикая Америка“	673	” Свадьба, боярская. Рис. Лебедева	925	Штакеншнейдеръ, А. И. Архит.	821
” Закладка пирокс. зав.	937	” Сваха. Карт. Вальшт.	1237	Шубертъ, Ф. Ф.	965
” Казармы Павл. п.	508, 509	” Сверчковъ, П. Е., проф.	1169	Шуйскій на лобн. мѣстѣ. Рис. Земц.	668
” Католическ. чр. Певу	221	” Свиданіе. Карт. Лосева	325	Эдипъ и Антигона. Групп. Шред.	817
” Крещ. В. К. Мар. Павл.	553	” Свѣжая рыба! Карт. Лингнера	244	Юрій Милосл. нах. Киршу. Карт. Сверчк.	320
” Паемъ рабочихъ	981	” Святыя жены на кр. пути. Карт. Делуга.	336	Ясенскій (М. Вѣлинскій)	369
” Освящ. креславъ Каз. соб.	697	” Севастополь. Видъ бухты	897	Ярмарка въ Ярослав. Рис. Земцова	236
		” Седжъ, Росселья	308	Яхонтовъ, И. К. Протоіер.	196
		” Сергіевъ, Іоаннъ, протоіер.	1313	Ѳеодосія. Курсы ручн. труда	1113
		” Сеть и его левъ	24		

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XXI г.
№ 1

г. XXI
1890

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 8—10 РИС. И ЕЖЕМЕСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
Выдаѣ 6 января 1890 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № „Нивы“ 35 к. съ перес. 45 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1890 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГЪ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.

ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за
строку нонпарейль (1/4 шир.
стр.) въ Глав. Кон. Ред. по
75 к. — Загран.: для Франціи у
Agence Navas по 2 fr. 40 с.;
для Австр., Герман. и Швейц.
у Rudolf Mosse по 1 M. 20 Pf.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:
Безъ доставки въ Петер-
бургъ 5 р.
Съ доставкою въ Петер-
бургъ 6 р. 50 к.
За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 9 р.
На 1/4 года безъ дост. 1 р. 25 н., съ дост. въ П.-бургъ 1 р. 75 н., съ перес. иногор. 1 р. 75 н.
На 1/2 года безъ дост. 2 р. 50 н., съ дост. въ П.-бургъ 3 р. 50 н., съ перес. иногородн. 3 р. 50 н.

Безъ дост. въ Москвѣ чр. конг. объявл.
Н. Н. Печниковой, Петровск. Торг. лин. 6 р.
Съ пересылкою въ Москву и другіе го-
рода Россіи 7 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особыя приложенія при
„НИВѢ“ объявленія отъ тор-
говыхъ домовъ принимаются
для иногородн. и городскихъ
подписчиковъ по особому
соглашенію.

При этомъ № прилагается для подписчиковъ „Нивы“ первое бесплатное приложеніе — стѣнный календарь на 1890 г., печатанный 8-ю красками.
При семъ № прилагаются: „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за ЯНВАРЬ 1890 г., съ 32 рис. и отд. листъ съ 33 чертеж. выкроекъ въ натуральн. величину
и 21 рисункомъ рукодѣльныхъ работъ.

А. В. Никитенко.
Недавно въ одномъ изъ нашихъ историче-
скихъ изданій окончены печатаніемъ *Воспо-
минанія* Александра Васи-
льевича Никитенка, извѣстнаго критика и
профессора словесности, одного изъ замѣчатель-
ныхъ русскихъ людей. Эти записки, веденныя
имъ въ продолженіе всей его долгой и плодотвор-
ной жизни, содержатъ драгоценныя матеріалы
для исторіи литературы и общества, для уразу-
мленія той эпохи, въ которой жилъ и дѣйство-
валъ Никитенко. Весьма даровитый ученый, онъ
былъ вѣрнымъ поклонникомъ всего прекрас-
наго въ природѣ и въ искусствѣ, идеалистомъ
въ самомъ лучшемъ значеніи этого слова, при-
нимавшимъ близко къ сердцу широкіе инте-
ресы народа, родины, человечества. Вѣчно
юный, свѣжій сердцемъ и умомъ, онъ напря-
женно слѣдилъ за событіями, пронесшимися
въ отечествѣ, вдумывался въ нихъ, въ ходъ
жизни, и необыкновенно чуткою душой умѣлъ
распознавать ложь и

Александръ Васильевичъ Никитенко. Съ фотогр. грав. Шюблеръ.

фальшь тамъ, гдѣ другіе
этого не видѣли. Его
смѣло можно назвать
стражемъ правды и исти-
ны, за который онъ
умѣлъ постоять. Усво-
ивъ извѣстное міросо-
зерцаніе, въ высшей сте-
пени строгіе взгляды на
науку и искусство, твер-
дыя политическія убѣ-
жденія, онъ оставался
имъ вѣренъ до конца
жизни такъ же, какъ
оставался вѣренъ долгу
гражданина, честнаго,
неподкупнаго, предан-
наго отечеству и пре-
столу. Никитенко могъ-
бы сдѣлаться популяр-
нымъ писателемъ, по-
пулярнымъ журнали-
стомъ, тѣмъ болѣе, что
въ современномъ дви-
женіи русской журна-
листики онъ принималъ
самое живое участіе,—
такое дѣятельное, что
безъ него не могло, ка-
залось, ни возникнуть,
ни держаться какое-ни-
будь предпріятіе, уче-
ное или литературное,—
но, скромный труже-
никъ, онъ былъ врагомъ
этой популярности: онъ
служилъ дѣлу, а не ка-
кой-либо партіи. Его
консервативныя убѣ-
жденія хорошо были
извѣстны въ лагерѣ на-
шихъ такъ-называе-

мых либераловъ, всегда отличавшихся и отличающихся узкою нетерпимостью, и, конечно, это было причиною, что уло кончины Никитенка ни одинъ изъ журналовъ не напечаталъ о немъ даже маленькой некрологической замѣтки. Эти люди или забыли, или не хотѣли знать сколько добра русской литературѣ сдѣлалъ онъ въ качествѣ цензора, верѣдко съ огромнымъ рискомъ для себя разрывая къ выпуску въ свѣтъ такія, напримѣръ, изданія, какъ „Мертвыя души“ Гоголя. Забыты были и его важныя и дѣйствительныя заслуги, какъ педагога, внесшаго въ дѣло преподаванія столько труда и прекрасныхъ, здравыхъ началъ. Будучи профессоромъ, онъ развилъ въ своихъ слушателяхъ вкусъ, любовь къ изящному, идеальныя стремленія. Онъ читалъ словесность и вносилъ въ преподаваніе этого предмета много характернаго, оригинальнаго. При начертаніи теоріи словесности онъ обратился къ основнымъ началамъ человѣческой природы и жизни, извлекалъ ихъ изъ психологіи и исторіи. Для доставленія общими началами несомнѣнной примѣняемости, онъ возводилъ ихъ въ область русской народности. Къ характеристикѣ его преподаванія слѣдуетъ еще добавить, что, проводя въ чтеніяхъ своихъ, путемъ философіи, исторіи и литературной критики, начало эстетическое, и оградя самостоятельность его въ средѣ другихъ дѣйствующихъ элементовъ человѣческой природы, Никитенко всегда имѣлъ въ виду глубокое и высшее значеніе этого начала, дающее чувствовать себя въ нравственномъ образованіи и развитіи, какъ члѣна общества, такъ и отдѣльнаго человѣка; видѣлъ въ немъ не просто „интересъ чувства, услаждающагося красотой“, а великую образовательную силу, одного изъ двигателей всякаго развитія и усовершенствованія.

Александръ Васильевичъ Никитенко родился 14 марта 1805 г., Воронежской губерніи, Бирючинскаго уѣзда, близъ Острогожска, былъ сыномъ крѣпостнаго крестьянина и лишь много лѣтъ спустя получилъ свободу, благодаря личнымъ заслугамъ предъ родиной. Въ концѣ царствованія императора Александра I, въ двадцатыхъ годахъ, въ Россіи почти повсемѣстно учреждались товарищества, или отдѣлы, такъ-называемаго Библейскаго общества, цѣль котораго состояла въ распространеніи среди народа книгъ Св. Писанія. Центральное управленіе всѣхъ товариществъ находилось въ Петербургѣ, въ рукахъ князя А. Н. Голицына, въ то время занимавшаго постъ министра Народнаго Просвѣщенія. Не было сколько-нибудь значительнаго города въ Имперіи, который не открывалъ-бы у себя отдѣленія этого общества и не призывалъ къ участію въ немъ лучшихъ силъ своихъ. Въ числѣ такихъ оказался и уѣздный городокъ Воронежской губерніи, Острогожскъ, который, открывъ у себя отдѣленіе Библейскаго общества, избралъ въ секретари его девятнадцатилѣтняго юношу, А. В. Никитенко. Будущій профессоръ и академикъ, въ то время одинъ изъ самыхъ скромныхъ обывателей названнаго городка, не смотря на свою молодость и зависимое положеніе, уже игралъ тамъ замѣтную роль. Окончивъ всего лишь курсъ уѣзднаго училища въ Воронежѣ, онъ самъ настолько развилъ и образовалъ себя, что могъ уже съ этихъ поръ съ успѣхомъ подвизаться на педагогическомъ поприщѣ. Онъ руководилъ небольшою школою въ Острогожскѣ и, кромѣ того, давалъ уроки въ лучшихъ домахъ городка. Избраніе его въ секретари Библейскаго общества оказывалось

исполнѣ заслуженнымъ почетомъ и кромѣ того составило счастливый переломъ въ его жизни. 27 января 1824 года, въ день перваго общаго собранія новаго сотоварищества, молодой Никитенко произнесъ рѣчь, которая, дойдя до Петербурга, обратила на себя вниманіе князя Голицына. Послѣдній вызвалъ Никитенко въ столицу, открылъ ему доступъ въ университетъ и тѣмъ самымъ осуществилъ замѣтную мечту молодаго человѣка. Разъ выведенный на дорогу, онъ уже быстро и твердо пошелъ по ней. Въ 1828 г. онъ окончилъ курсъ наукъ въ университетѣ кандидатомъ и былъ немедленно опредѣленъ на службу въ канцелярію Попечителя Округа младшимъ писмоводителемъ. Два года спустя, а именно въ 1830 г., Никитенко, по избранію совѣта университета, былъ приглашенъ на кафедру политическаго экономіи, которую занималъ по 1832 годъ, когда былъ переведенъ на кафедру русской словесности. Вслѣдствіе лекціи его: „О происхожденіи и духѣ литературы“, произнесенная имъ при большомъ стеченіи публики, сразу приобрѣла ему почетную извѣстность. Въ 1834 г. Никитенко былъ утвержденъ экстраординарнымъ профессоромъ, въ 1837 представилъ разсужденіе: „О творческой силѣ въ поэзіи, или о поэтическомъ гени“ и получилъ степень доктора, а въ 1850 г. и званіе ординарнаго профессора, въ качествѣ котораго продолжалъ, съ большимъ успѣхомъ, читать лекціи въ университетѣ вплоть до 1864 года. Никитенко преподавалъ и въ высшихъ классахъ Екатерининскаго Института (1830—1844), Смольнаго Монастыря (1838—1844), и въ спеціальному классѣ для образованія наставниковъ въ С.-Петербургскомъ Александровскомъ училищѣ (1848—1857). Живая и одушевленная рѣчь профессора, его горячая нравственная проповѣдь, возбуждали въ воспримчивыхъ слушателяхъ настоящій энтузіазмъ и западали въ ихъ душу обильными сѣменами. Репутація молодаго профессора быстро росла и высшія учебныя заведенія столицы непрерывно старались заручиться имъ. Никитенко въ теченіе пятнадцати лѣтъ (1833—1848) состоялъ цензоромъ при Петербургскомъ цензурномъ комитетѣ, а потомъ членомъ главнаго управленія цензуры и членомъ совѣта министерства Внутреннихъ Дѣлъ по дѣламъ книгопечатанія (1862—1865). Во всѣхъ этихъ должностяхъ и при всякомъ представлявшемся случаѣ онъ являлся то ходатаемъ за произведенія литературы, то ихъ оберегателемъ и защитникомъ. „Особенно вниманія и доброй памяти общества заслуживаетъ еще дѣятельность Никитенко, по словамъ А. О. Бычкова, — въ первые годы министерства Норова, „душой котораго онъ былъ“. Въ это время было испрошено Высочайшее дозволеніе на увеличеніе нормы числа студентовъ въ университетахъ Московскомъ и Петербургскомъ; постановлено отправлять за границу молодыхъ людей для замѣщенія вакантныхъ кафедръ въ университетахъ, и осуществлены еще нѣкоторыя реформы. Все это и многое другое обязано своимъ появленіемъ инициативѣ Никитенко. Свой собственный вкладъ въ литературу Никитенко внесъ рядомъ критическихъ этюдовъ и біографическихъ очерковъ. Въ 1853 г. Академія Наукъ избрала Никитенко членомъ-корреспондентомъ по отдѣленію русскаго языка и словесности, а въ 1855 г. — ординарнымъ академикомъ. Съ этихъ поръ онъ часто произносилъ рѣчи въ торжественныхъ собраніяхъ Академіи. А. В. Никитенко умеръ 21 июля 1877 г.

Маркъ Петровичъ Петровъ.

Разсказъ А. Н. Майкова. *

Горунинъ жилъ уже нѣсколько дней въ одномъ маленькомъ городкѣ лежащемъ по дорогѣ изъ Болоньи во Флоренцію на отлогостяхъ Апеннинскихъ горъ. Онъ занималъ комнату въ небольшой гостинницѣ Горнаго Орла, которую содержала сьора Маріанна, породная, съ двойнымъ подбородкомъ женщина, съ легкими маленькими усиками, несмотря на то въ свое время очевидно красавица. Онъ былъ очень доволенъ своимъ положеніемъ, потому что вслѣдствіе своей доброты тотчасъ сдѣлался какъ-бы членомъ семейства у сьоры Маріанны, понравившись и ей и сойдясь какъ нельзя лучше и съ двумя ея дочерьми, и съ большимъ чернымъ котомъ, и съ дворовой, избалованной собакой. Его всѣ полюбили; даже молодой осликъ съ молочными розовыми губами, бродившій обыкновенно по двору гостинницы, подымалъ крючкомъ хвостъ и бросался къ нему скачками со всѣхъ четырехъ ногъ, когда Горунинъ сходилъ съ крыльца и выносилъ для него хлѣба или салату. Эти прыжки возбуждали большое неудовольствіе куръ, которыя кидались отъ разыгравшагося простодушнаго четвероногаго, съ крикомъ и кудахтаньемъ; ихъ крику отвѣчалъ другой, который подымали изъ кухни служанки гостинницы, потому что тогда и Лучерта, со-

бака, начинала заигрывать съ осликомъ — и они въ вознѣ своей стаскивали бѣлье развѣшанное на дворѣ на веревкахъ и топтали его безо всякой бережи. Горунинъ уже осматривалъ всѣ достопримѣчательности городка — и картину Августина Караччи въ соборѣ, и какую-то старинную арку, и двѣ колонны, съ довольно хорошо сохранившимися капителями, вошедшія въ составъ стѣны какой-то конюшни — по изслѣдованію ученыхъ остатки какого-то храма Сибиллы или Весты — и наконецъ какую-то яму или погребъ, гдѣ, сказали ему, найдено было нѣсколько этрусскихъ вазъ и золотыхъ украшеній, хранящихся въ музеѣ въ Римѣ.

Какія дальнѣйшія изслѣдованія по части искусствъ, древностей или народной жизни хотѣлъ здѣсь произвести Горунинъ для своихъ ученыхъ цѣлей, въ точности онъ и самъ не могъ дать себѣ отчета. Можетъ быть интимная жизнь хозяекъ гостинницы и сновавшаго около нея народа — ковоховъ, факиновъ, ветуриновъ и проч. могла представляться ему матеріаломъ для изученія нравовъ; но есть сильное подозрѣніе что не по-

* По возвращеніи изъ перваго моего путешествія по Италіи, я предположилъ высказать мои впечатлѣнія въ рядѣ разсказовъ. Первые два разсказа напечатаны въ 1848 году.

слѣдную въ этомъ отношеніи роль играла здѣсь одна удивительной красоты черноокая сьора Сусанна, дальняя родственница хозяйки. Едва ли не на ея счетъ должно отнести то, что онъ предложилъ сьорѣ Маріаннѣ не накрывать ему особо стола въ „чистой“ столовой для проѣзжающихъ, а дозволить, во избѣжаніе лишнихъ хлопотъ, раздѣлять общую трапезу или во дворикѣ, подъ тѣнистымъ навѣсомъ виноградной старой лозы, или въ хозяйской столовой возлѣ кухни. Кромѣ того заходилъ онъ, и не разъ въ день, въ самую кухню, огромную комнату съ закоптѣлыми сводами, съ вѣчно отворенными дверьми во дворъ, съ землянымъ поломъ, съ очагомъ находившимся прямо противъ дверей. Жизнь всего дома главнымъ образомъ сосредоточивалась тутъ: весь женскій персоналъ его тутъ и бѣлье гладилъ, и стиралъ, и шитьемъ занимался. Горунинъ или перекидывался съ ними шутками, или молча сидѣлъ въ углу и мечталъ какъ-бы хорошо было провести всю свою жизнь здѣсь, посреди простыхъ людей, вдали отъ шума и волненій міра—причемъ невольно взглядывалъ на Сусанну, помогавшую хозяйкамъ въ ихъ домашнихъ работахъ. Намѣренія его были самыя чистыя и возвышенныя; къ сожалѣнію, не всѣ ихъ такъ понимали, и нѣкоторые проницательные люди полагали что у него вѣчто недоброе на умѣ.

Первый кто возымѣлъ это подозрѣніе, былъ нѣкто извѣстный въ городѣ подъ именемъ „друга Меркуціо“, одинъ изъ обычныхъ посѣтителей кофейни,—куда заходилъ Горунинъ отъ нечего дѣлать раза два въ день, выпить чашку чернаго кофею. „Другомъ Меркуціо“ онъ назывался потому что былъ еще „другъ Пьетро“, его неразлучный товарищъ, хотя совершенно противоположныхъ ему качествъ какъ физическихъ, такъ и нравственныхъ, въ чемъ Горунинъ убѣдился съ перваго-же знакомства съ обоими друзьями. Другъ Пьетро сидѣлъ всегда неподвижно на своемъ соломенномъ стулѣ, подъ стѣною виноградной лозы, лицомъ къ собору, спиною къ наружной стѣнѣ кофейни, покуривалъ изъ своей коротенькой трубочки, говорилъ очень мало, но пользовался большимъ уваженіемъ своихъ согражданъ за совершенные имъ подвиги въ походѣ Наполеона въ Россію и за долгое пребываніе въ плѣну въ нашемъ отечествѣ. Ремесломъ былъ когда-то бочаръ и самъ отчасти походилъ на свои произведенія. Горунину онъ представлялъ тотъ интересъ, что хорошо относился о Россіи и очень былъ доволенъ своимъ плѣномъ. „Brava gente, brava gente, i Russi“, вотъ формула, въ которую онъ заключалъ всѣ свои вынесенныя изъ Россіи воспоминанія и впечатлѣнія; впрочемъ онъ болѣе ихъ продумывалъ, глядя на Горунина, а не высказывалъ вслухъ. За него говорилъ другъ Меркуціо,—всегда-ли одинаково объ одномъ и томъ же событіи—неизвѣстно; онъ былъ вообще за всѣхъ говорящее лицо въ этой компаніи: только иногда присаживался на стулъ, а то всегда стоялъ передъ собесѣдниками, поминутно оглядываясь то въ ту, то въ другую сторону площади. Тонкій, худой, юркій малый,—чего-чего только онъ не зналъ! Слушая его рассказы и сужденія политическія, историческія и даже научныя, Горунинъ никакъ не могъ составить себѣ представленіе о томъ, какого рода жизнь провелъ этотъ субъектъ, какими ремеслами занимался, около какихъ общественныхъ сферъ онъ вращался. Не только всѣ тайны города, особенно по женской части, онъ сообщалъ Горунину по мѣрѣ того какъ та или другая особа этого пола появлялась на площади, но и всѣ придворныя дѣла и сплетни Тосканскаго и Неаполитанскаго двора, а равно и губернаторовъ австрійскихъ Венеціи и Милана; тайны-же Ватикана, кардиналовъ и ихъ племянницъ, папы Григорія и его цирюльника — рассказывалъ онъ какъ будто былъ очевидцемъ или участникомъ этой жизни, для смертныхъ закрытой непроницаемымъ покровомъ. На языкъ нельзя

сказать чтобы былъ воздерженъ, за что получалъ или укоръ, или толчокъ отъ друга Пьетро.

О собственныхъ похожденияхъ Меркуціо распространялся впрочемъ немного, развѣ что придется къ слову. Такъ, оказалось, что папа хотѣлъ его разъ за что-то повѣсить, а неаполитанскій король порядочно-таки выдержалъ въ тюрьмѣ, и Богъ знаетъ чѣмъ бы еще тогда кончилось, если-бъ онъ не сумѣлъ выскользнуть изъ тюрьмы, вслѣдствіе чего и продолжаетъ еще „goder del lume di ciel“ (наслаждаться свѣтомъ небесъ). Конечно интереснѣйшимъ предметомъ разговоровъ для всѣхъ троихъ собесѣдниковъ были событія дня, современное состояніе Папской области и всей южной Италіи, еще не успокоившейся послѣ подавленія болонскихъ беспорядковъ; разумѣется также, что объ нихъ говорилось шопотомъ, и сьоръ Пьетро постоянно обводилъ глазами кругомъ площади и какъ только на горизонтѣ появлялась шляпа въ родѣ донъ-Базиліевой или что-нибудь другое подозрительное, онъ стучалъ трубочкой по столу, и оба пріятели смолкали и начинали креститься на соборъ. Дѣло въ томъ, что возставшая партія послѣ погрома разсѣялась въ горахъ, гдѣ не угасало исконное разбойничество, на нѣкоторое время усмирное было французами, а теперь снова обнаружившееся съ особенною дерзостью. Безъ сомнѣнія, для Горунина эти разговоры представляли особенный интересъ, только опять-таки трудно ему было опредѣлить съ достовѣрностью чьей стороны держатся его собесѣдники, паписты они, или революціонеры, или пожалуй даже не разбойники-ли? Что они ему иногда безсовѣстнѣйшимъ образомъ въ глаза лгали, это было несомнѣнно, особенно другъ Меркуціо; тѣмъ не менѣе онъ убѣдился что инсургенты имѣютъ въ городѣ большую сочувствующую имъ партію, поддерживающую съ ними сношенія; предпринимались, напримѣръ, экспедиціи въ горы, о которыхъ знали, казалось, только кардиналъ-намѣстникъ да начальникъ отряда—глядя анъ въ горахъ тотчасъ же все извѣстно, тамъ принимались свои мѣры—и экспедиціи постоянно кончались—фіаско. Но нѣкоторымъ признакамъ, другъ Меркуціо тутъ не былъ совсѣмъ въ сторонѣ, но Горунинъ изъ деликатности и отчасти осторожности никогда не касался этого пункта.

Такъ вотъ этотъ-то „другъ Меркуціо“ и возымѣлъ повидимому подозрѣнія на счетъ Горунина и чувствъ его къ сьорѣ Сусаннѣ; по крайней мѣрѣ онъ не пропуская случая при разговорѣ какъ-нибудь упомянуть ея имя, причемъ бросалъ быстрый, проницательный взглядъ на Горунина, нерѣдко его заставлявшій покраснѣть.

Такъ въ тотъ достопамятный день, когда случилось происшествіе, о которомъ я хочу рассказать, всѣ они трое сидѣли у кофейни; въ городъ вступилъ отрядъ папскихъ войскъ, произвелъ на площади маленькое ученіе и спустился въ какой-то переулокъ. Друзья Пьетро и Меркуціо, вмѣстѣ съ высыпавшимъ отовсюду населеніемъ, оглушительнѣйшими голосами прокричали: „evviva“, подкидывая колпаки и шляпы въ воздухъ. Когда они возвратились къ своимъ мѣстамъ, Горунинъ вздумалъ со своей стороны сконфузить друга Меркуціо и спросилъ:

— А вѣдь если-бъ это отрядъ инсургентовъ вступилъ въ городъ, вы также-бы кричали и шляпы подкидывали?

Другъ Меркуціо, всегда сопровождавшій или лучше сказать иллюстрировавшій свою рѣчь извѣстными условными въ Италіи жестами и гримасами, вытаращилъ глаза, выпятилъ нижнюю губу, прижалъ ко рту палецъ, вадернулъ плечи и проговорилъ таинственно:

— Чего-жъ вы хотите, синьоръ, живемъ на волкашѣ!.. Ничего не знаемъ что дѣлается въ мірѣ. Да и знать ничего нельзя. Изъ города ни выйти никто не смѣетъ, ни войти—развѣ проѣзжіе иностранцы, да и то съ большими неприятностями. Я-вотъ ужъ два дня посидѣлъ in carcere, въ кутузкѣ,—при этомъ Меркуціо приложилъ

Литературный альбомъ. „Бахчисарайскій фонтанъ“ Пушкина. „Зарема“ Оряг. рис. (собств. „Киевъ“) Н. Лоренца, грав. Парръ.

къ лицу кисть лѣвой руки ладонью наружу, разставивъ передъ глазами пальцы, долженствовавшіе изображать тюремную оконную рѣшетку,—и за что? За то только, что къ кумѣ хотѣлъ сбѣгать въ Кампанью, отнести ей пару башмаковъ! Скверныя времена, синьоръ. Да вотъ! продолжалъ онъ какъ-бы спохватившись:—живетъ у насъ тутъ женщина — вы ее знаете — у вашей хозяйки живетъ—сыора Сусанна: мужъ во Флоренціи, должна была ужъ бы давно къ нему уѣхать: не пускаютъ! за ней слѣдятъ—за женщиной!

И при этомъ онъ опять устремилъ свой пронзительный взглядъ прямо въ глаза Горунину и выпятилъ нижнюю губу.

Горунинъ опять покраснѣлъ, но и подумалъ:

„Однако что-жъ это онъ все объ Сусаннѣ, да объ Сусаннѣ... Чортъ вѣдь ихъ знаетъ, эти итальянцы... Такъ всегда посмотритъ—точно что сказать имѣеть... Можетъ-быть и ремесло его такое... Но Сусанна—неужели Сусанна совсѣмъ не то, что я думаю!“

Изъ этого затруднительнаго положенія, по счастью для Горунина и для его возвышеннаго образа мыслей, вывелъ его появившійся на площади нѣкоторый субъектъ, обратившій на себя вниманіе всѣхъ троихъ собесѣдниковъ.

Изъ переулка изъ-за собора поднялся и, сгорбясь, медленно и большими шагами, черезъ площадь, по направлению къ остеріи, шелъ господинъ въ старой изъ чернаго плиса кватрочентѣ (родъ пальто, какія носятъ теперь художники въ Италіи, воскресивъ моду XIV столѣтія), въ сѣрой съ широкими полями шляпѣ—тоже во вкусѣ Возрожденія.

Меркуціо стремительно нагнулся къ Горунину.

— Вы его въ первый разъ видите?.. Не мудро: спитъ когда люди бодрствуютъ e vice versa. Тенерь засядетъ въ остеріи, пожалуй тамъ-же и заснетъ до утра; развѣ кто отведетъ домой. А спитъ и дома такъ, не раздвѣаясь. Весь оттого въ пуху. Кто такой—не можемъ узнать. Художникъ-то художникъ — это видно, ужъ такъ одѣтъ. Только какой націи—не признавъ навѣрное. Вотъ вы-бы зашли посмотрѣли-бы въ остерію: не соотечественникъ-ли вашъ, не русскій-ли? Мнѣ что-то сдается, что русскій. Квартуруетъ у Кіоруччи. Французъ, нѣмецъ, англичанинъ — у тѣхъ ужъ извѣстно — утромъ café au lait, а этому—рюмку абсенту. У тѣхъ—чтобы всякій день прибрано было въ комнатѣ, и окна отворены; этотъ не велитъ ни убирать, ни оконъ не отворять. Говоритъ по-итальянски чисто. Я ужъ около него и такъ и сякъ: обругалъ „vatte ne al diavolo, anima dannata“ (убирайся къ чорту, проклятый), отчеканилъ какъ нельзя лучше, чисто какъ транстеверинецъ.

Мысль, что это русскій—и въ такомъ жалкомъ видѣ—поразила Горунина и не давала ему покоя. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній и разспросовъ, которые не прибавили никакихъ дальнѣйшихъ свѣдѣній о заинтересовавшемъ его субъектѣ, Горунинъ рѣшился пойти въ остерію.

„Непремѣнно долженъ быть русскій“, подумалъ онъ войдя въ комнату и окинувъ взглядомъ художника. Онъ присѣлъ къ большому столу прямо противъ незнакомца. На поклонъ его тотъ не отвѣчалъ или сдѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ, углубленный въ глотаніе макаронъ. Видно было, что онъ давно не брился: борода, по крайней мѣрѣ двухнедѣльная, рыжеватой щетиной высыпала на подбородкѣ и щекахъ; нѣсколько потемнѣе цвѣтомъ усы—онъ очевидно носилъ ужъ давно усы, но они беспорядочно торчали во всѣ стороны. Можно было заключить, что и безъ того небольшіе сѣрые глаза его еще болѣе сѣзулись и помутились, потому что все лицо его вздулось, а щеки и вѣки отекали отъ продолжительнаго покоя и пьянства.

— Скверное вино въ этой сторонѣ, сказалъ Горунинъ по-итальянски, чтобы какъ-нибудь завязать разговоръ.—Вы, кажется, не здѣшній?

Незнакомецъ посмотрѣлъ на него однимъ глазомъ и опять занялся макаронами.

— Вотъ я тоже живу здѣсь нѣсколько дней и странно что встрѣчаюсь съ вами въ первый разъ, а городокъ небольшой, продолжалъ Горунинъ, но тотъ ужъ и глазъ не подымалъ. Горунинъ нѣсколько опѣшилъ. Вдругъ ему блеснула мысль: заговорить по-русски.

— Если я не ошибаюсь, мнѣ кажется—вы русскій? спросилъ онъ.

Незнакомецъ опять поглядѣлъ на него однимъ глазомъ и отвѣтилъ съ чистымъ русскимъ произношеніемъ:

— Нѣтъ, не русскій.

— А какъ-же—вѣдь вы говорите по-русски?

Незнакомецъ не подымалъ лица отъ своей тарелки.

Горунинъ попробовалъ еще что-то сказать, спросить, но не получивъ никакого отвѣта, съѣлъ поданную ему котлету и рѣшился возвратиться къ „друзьямъ“, ожидавшимъ его у кофейни.

Они еще сидѣли тамъ, но съ ними оказалось еще третье лицо: красивый парень лѣтъ тридцати пяти. Хотя вообще можно было увидать съ перваго взгляда, что онъ принадлежитъ къ тому-же сословію какъ и друзья Пьетро и Меркуціо, но отличался отъ нихъ необыкновеннымъ благообразіемъ, спокойствіемъ и даже важностью своихъ манеръ, не смотря на нѣкоторую странность въ костюмѣ, который былъ какой-то сборный: обыкновенная въ народѣ въ Папской области, плисовая бутылочнаго цвѣта полная куртка, а панталоны изъ тонкаго чернаго трико составлявшія очевидно часть фракной пары какого-нибудь свѣтскаго человѣка; на шеѣ какой-то щегольской, дорогой шелковый шарфъ яркаго краснаго цвѣта съ желтыми узорами, ужъ никакъ не гармонировавшій съ надѣтыми на босу ногу калошами. Главное-же отличіе его физиономіи заключалось въ томъ, что онъ имѣлъ длинную тщательно расчесанную бороду и длинные густые волосы, картинно ниспадавшіе на плечи, съ проборомъ по срединѣ головы. Это новое лицо само отрекомендовалось Горунину:

— Имѣлъ удовольствіе видѣть эччеленцу въ студиіи del signor Iwanoff въ Римѣ... Маникуччи—можетъ быть слышали? пояснилъ онъ приподымая шляпу съ легкимъ поклономъ, — faccio il modello — натурщикъ. Il celebre Ovrabeco di Monaco—Овербекъ, знаменитый Мюнхенскій живописецъ, всѣ свои священные лики съ меня писалъ. Знаменитый французскій Деларосъ...

Но на „Деларосъ“ (Деларосѣ) вдругъ остановился Маникуччи, снялъ съ головы широкую перевязанную голубою съ развѣвающимися концами лентою шляпу, и глядѣлъ, охваченный внезапнымъ изумленіемъ по направлению къ остеріи. Въ дверяхъ остеріи показался заинтересовавшій Горунина незнакомецъ, постоялъ въ дверяхъ, какъ-бы раздумывая куда-бы пойти, но повидимому ни на что не рѣшился и повернулъ опять назадъ въ остерію.

— Браво! синьоръ Марко — здѣсь! воскликнулъ Маникуччи и бросился было къ остеріи, но тотчасъ-же остановился въ своемъ порывѣ.

— Нѣтъ, сказалъ онъ возвращаясь къ друзьямъ.— Прежде надобно навести нѣкоторыя справки. Давно онъ здѣсь?

— Больше недѣли.

— Что-же дѣлаетъ—пѣеть?

— Пѣеть.

— Ну, такъ тутъ надо осторожно. Когда онъ въ такой полосѣ, то лучше guarda e passa—„взгляни и иди мимо“, какъ говаривалъ, ходя по выставкамъ, знаменитый Корнелиушъ...

Меркуціо давно былъ самъ не свой какъ только увидалъ, что отъ Маникуччи можно получить свѣдѣнія о художникѣ:

— Такъ ты его знаешь? ah, che felicità! какое счастье! Маникуччи самодовольно улыбнулся.

— Я-то знаю ли! Могу спросить: кого я не знаю и кто меня не знает въ артистическомъ мірѣ? А съоръ Марко, что есть натурщикъ, только меня и цѣнить, и признаетъ. Другаго олуха ломаютъ, ломаютъ, „руку повыше, ногу отставь, гляди въ потолокъ, да будь повеселѣ“, установятъ какъ-нибудь, и стоитъ какъ деревянный манкенъ. Душу надо имѣть, геній—*ingenio!* Мнѣ только стоитъ взглянуть на эскизъ—сейчасъ понять. Преобразился весь. Встань Аполлономъ—ну и Аполлонъ передъ вами: грація, свѣтъ, гармонія, однимъ словомъ—богъ! Короли, апостолы, пророки—напримѣръ Илія—и грозное чело, и громы, и молніи!.. Въ каждомъ—своя идея! Потомъ—страсти, аффекты души: гнѣвъ, ненависть, презрѣнье—и съ величайшей быстротой послѣдовательно онъ придавалъ своему подвижному лицу всѣ эти выраженія. — Надобно чтобъ не только лицо, каждый мускулъ тѣла стоялъ въ гармоніи съ выраженіемъ фізіономіи... постановка ногъ, сгибъ рукъ, наклонъ туловища... Опять мимика...

Меркуціо терялъ терпѣніе.

— Ну, да про него-то, про него-то рассказывай! *съоръ Марко* ты назвалъ его, жалобнымъ голосомъ перебилъ онъ вошедшаго въ азартъ Маникуччи.

— *O! un Michel Angelo russo!* Русскій Микель Анджело! воскликнулъ послѣдній замахавъ руками, и какъ высшую степень своей похвалы, добавилъ поднявъ вверхъ брови и указательный палецъ: — *molto stimato dal suo imperatore*—весьма уважаемый своимъ императоромъ! Деньги и заказы къ нему такъ и валять! Въ Римѣ всѣ его знаютъ. Выйдетъ изъ студиі—мальчишки, дѣвчонки, кто откуда: — „здравствуйте съоръ Марко, здравствуйте съоръ Марко“ — „Ah! sanaglia!“ и сейчасъ въ толпу горсть монетъ, что только захватить въ карманѣ. Доволенъ онъ тобою, понялъ ты его—вонъ, говоритъ, въ комодѣ, возьми сколько надо! Ну, а не потрафить, или вотъ этакая какъ теперь полоса найдетъ, такъ—унаси Господи!

— Что-же?

— Да что только подъ руку попало. Я одинъ разъ съ мѣсяцъ въ больницѣ пролежалъ—молоткомъ пустилъ, прямо въ голову. Большой заказъ былъ. Эскизъ вышелъ—великолѣпне. Глиной обложилъ, ужъ отдѣлывать началъ. Работаемъ весело. Только прихожу разъ, смотрю въ мастерской—гдѣ голова, гдѣ рука, самъ свирѣпствуетъ—каркасъ молоткомъ добиваетъ... „Съоръ Марко! что вы дѣлаете?“ — „И ты тутъ, говоритъ, мошенникъ“, да и какъ пустить въ меня молоткомъ-то — темя проломилъ. Занепоправилась работа.

— Ну что-жъ ты-то?

— Что? упалъ, кровью обливаюсь, а онъ-то ко мнѣ: „ахъ, ахъ, ахъ, Маникученько, миленькій... воды, доктора“, въ больницу перевезли, дня три самъ просидѣлъ около меня, не отходилъ. Каждый день потомъ лакомства носилъ. Надо сказать, что этотъ случай намъ обимъ къ счастью послужилъ.

— Ну да, конечно, онъ тебѣ хорошо заплатилъ, глупокомысленно замѣтилъ другъ Пьетро.

— Заплатить-то мнѣ, положимъ, заплатилъ, хоть я и не требовалъ по любви моей къ нему и изъ уваженія къ великому таланту, но самъ-то онъ послѣ этакаго несчастія одумался, хлопоча около меня, а то недѣли-бы на три занялъ, а это ему вредно, очень вредно, и такъ ужъ у него дурной кашель. А главное—какая потомъ группа, я вамъ скажу, вышла, вмѣсто разбитой—сама жизнь! И какъ разъ сюжетъ-то былъ „Смерть Гектора“.

„Интересная личность“, подумалъ Горунинъ; „жалъ, что не удалось мнѣ съ нимъ сойтись. Впрочемъ, утро вечера мудренѣе“... Горунинъ хоть терпѣть не могъ говорить пословицами, однако на этотъ разъ прибѣгъ къ поговоркѣ, потому что она оправдывала его желаніе пойти къ хозяйкамъ, которыя вѣрно ждали его жи-

нать. Колоколь уже ударилъ къ Ave Maria. Другъ Пьетро и другъ Меркуціо перекрестились, преклонили колѣна передъ соборомъ и сѣли опять на свои мѣста, переговаривались съ проходившими женщинами, дѣвчонками и разными гражданами городка, осведомляясь кто откуда идетъ, и куда и зачѣмъ, обвиняя во лжи однихъ, подтрунивая надъ другими и сообщая другъ другу замѣчанія о третьихъ. Развѣ только вѣдетъ запоздалый ветуринъ въ городъ, друзья встанутъ со своихъ мѣстъ и заложивъ руки — другъ Пьетро въ карманы панталонъ, а другъ Меркуціо только большими пальцами въ карманы жилета, подойдутъ къ его „миланскому“ экипажу; потрогаютъ шляпу здороваясь съ ветуриномъ, и станутъ разсматривать его добычу — усталыхъ путешественниковъ, которые вылѣзаютъ разбитыми ногами изъ экипажа, и съ зѣвотой распрямляютъ усталые члены.

Горунинъ съ большимъ удовольствіемъ проводилъ время въ домѣ своихъ хозяекъ.

Двѣ дочери съоры Маріанны, были: одна, Аврора, уже совсѣмъ сформировавшаяся дѣвушка, семнадцати лѣтъ—того типа итальянокъ, которыя такъ убѣждены въ побѣдоносности своей красоты, что не считаютъ нужнымъ дѣлать какое-нибудь умственное усиліе, сидятъ апатично сложивъ на груди руки и едва вамъ отвѣчаютъ, и то только жестами, поднятіемъ плечъ, прищелкиваніемъ языкомъ, односложными: *ma giusto!* *ma chè!* „Любуйся, молъ, мною и не заставляй говорить“. За то сестра ея, дѣвочка лѣтъ десяти, была совершенная противоположность: къ ея дѣтской рѣзвости и живости уже присоединилась какая-то страстность: взоръ ея выражалъ что она понимаетъ и способна чувствовать многое, что еще очень темно для нашихъ. Напримѣръ, дѣвочекъ ея лѣтъ. На сестру она уже смотрѣла съ нѣкоторой завистью, и себѣ на умѣ. Когда Горунинъ, или кто-нибудь другой, говорилъ любезности Аврорѣ, маленькая Анджелика уходила въ уголь, закусывала губки и, смотря на сестру, дѣлала ей презрительную гримасу: „погоди, погоди! еще годъ, еще два, увидимъ кому будутъ больше говорить милыхъ вещей... Ишь, вѣдь сидитъ, не улыбнется даже... телятина!“ Горунина она очень полюбила за то, что онъ говорилъ съ нею какъ съ большой, но сажалъ къ себѣ на колѣни и цѣловалъ какъ ребенка—и она, когда никого не было въ комнатѣ, крѣпко обвивала его шею своими загорѣлыми рученками.

Насчетъ съоры Сусанны едва-ли ужъ въ это время небыли основательны подозрѣнія друга Меркуціо, хотя совсѣмъ безъ того оттѣнка, который придавалъ онъ своимъ плебейскимъ воображеніемъ чувствамъ Горунина, впрочемъ еще не яснымъ для него самого. Сусанна была чисто римскаго типа молодая женщина. Строгій, правильный профиль, умные глаза, лицо выразившее твердую, непреклонную волю. Горунинъ въ ней чувствовалъ могучее, клокочущее пламя, не смѣющее вырваться наружу. Онъ сравнивалъ ее съ Агриппиной Старшей; но чтобы дать ей почувствовать всю прелесть и остроуміе своего сравненія, долженъ былъ ей рассказать всю исторію Агриппины и обрисовать ея личность, потому что Сусанна никогда ничего не слыхала объ Агриппинѣ. Одно только въ ней не подходило подъ этотъ типъ: это ея природная веселость. Веселость эта рѣшительно противорѣчила идеалу, который онъ составилъ себѣ о древнихъ женщинахъ и древнихъ людяхъ вообще. Они всѣ представлялись ему цѣльными олицетвореніями добродѣтелей или пороковъ, какъ лица въ классическихъ трагедіяхъ. Агриппину онъ воображалъ себѣ не иначе, какъ одерживающею побѣду надъ Германцами, мчащеюся на колесницѣ впереди своихъ легионовъ, или какъ шествующею по городамъ и селамъ съ драгонѣнною урвой, съ пепломъ ея мужа, и однимъ

своимъ видомъ возбуждающею народную скорбь. Онъ не могъ себѣ представить, чтобъ Агриппина смѣялась и шутила въ кругу близкихъ и знакомыхъ, и если есть свидѣтельства, что римскія матроны, въ челѣ своихъ рабынь, пріяли лень, то это, казалось ему, онѣ дѣлали съ тою же важною, съ какою сенаторы засѣдали въ сенатѣ. Но за-то иногда бурная веселость Сусанны, ясная игривость ея характера, питали въ душѣ его нѣкоторыя неопредѣленные надежды. „Въ ней есть и новый элементъ, говорилъ онъ себѣ, — можетъ быть примѣсь тентонской или галльской крови“ — и потому охотно пускался съ нею въ разсужденія о повѣйшихъ современныхъ открытiяхъ ума человѣческаго, что, напримѣръ, минутное увлеченiе, капризъ, не есть измѣна долгу и что святость супружескихъ отношенiй отъ нихъ нисколько не пострадаетъ; это — бокаль шампанскаго, маленькая оргiя, въ которой художнику жизни даже грѣшно себѣ отказывать. Сусанна при этомъ смотрѣла на него такъ, какъ будто хотѣла сказать, что она „все сіе“ разумѣетъ лучше его. „Скрытое-то пламя“ давало себя чувствовать! Горунинъ ужъ немножко торжествовалъ. Онъ думалъ:

„Эти южныя натуры! Ихъ только надо умѣть увлечь, пробудить въ нихъ энтузіазмъ!“

И ему показалось, что въ этотъ вечеръ ему удалось и увлечь и пробудить энтузіазмъ: во время ужина она была необыкновенно задумчива; разсѣянный взглядъ ея постоянно на немъ останавливался.. На прощанье она крѣпко сжала ему руку.. казалось хотѣла что-то сказать, но бдительная сора Марiанна уже стояла подлѣ Горунина со связкой ключей и готовилась со свѣчей проводить своего постояльца въ его комнату.

— Пожелайте спокойной ночи сибьору, сказала она дѣтямъ, — и ступайте по угламъ.

Горунинъ удалился въ свою комнату. Онъ былъ въ необыкновенномъ состоянiи духа.. Рукѣ его все еще чувствовалось пожатiе нѣжной руки Сусанны. Передъ глазами ни на минуту не исчезали ея большіе черные глаза изъ-подъ длинныхъ рѣсницъ устремлявшіе на него какой-то, какъ онъ толковалъ себѣ „тоскливо-призывающій“ взглядъ... Куда же они зовутъ его? Къ чему все это можетъ повести?.. О, что объ этомъ думать! „Настоящее, настоящее!“ повторилъ онъ. „Жизнь вдругъ такъ хорошо обстановка.. Я нахожусь теперь подъ вліяніемъ реальныхъ впечатлѣнiй — они идутъ въ меня извнѣ; это не созданiе болѣзненно настроеннаго воображенiя, не фантасмагорiя неудовлетворенной жажды жизни — это сама жизнь охватываетъ меня своей волною, какъ морской приливъ, и влечетъ, влечетъ... Но какъ человѣкъ, какъ существо разумное, какъ сынъ XIX вѣка, я все это чувствую, понимаю и осмысливаю...“ Это все онъ продумывалъ ходя взадъ и впередъ по своей комнатѣ и вдругъ остановился у отвореннаго окна... Закатъ еще не погасъ. На дальнемъ горизонтѣ, надъ цѣпью плавныхъ, пологихъ вершинъ Апенинъ, точно высѣченныхъ изъ прозрачнаго, лиловаго аметиста, сіялъ край неба полосами — внизу ярко-оранжеваго цвѣта, переходившаго потомъ въ желтый, потомъ зеленоватый — который сливался съ потемнѣвшей лазурью остальнаго неба; плыли, принимая образы сфинксовъ, драконовъ или просто безконечной длинной линіей, въ родѣ меча-рыбы, обрывки облаковъ — тамъ, внизу темнолиловаго цвѣта, — а высоко надъ головою его — маленькими клочками розовой кисеи.. Безконечно казалось пространство отдѣлявшее Горунина отъ этого аметистоваго и золотатаго царства, мимо котораго какъ будто только проходила наша планета; безконечно казалось это пространство, затопленное холоднымъ туманомъ, изъ котораго подымались только профили холмовъ со своими кипарисами, пиніями и кое-гдѣ кучками домиковъ и башенокъ — какъ острова на этомъ сѣромъ

морѣ.. Горунинъ смотрѣлъ, Горунинъ слушалъ... обычный шумъ городка отходящаго ко сну, запоздалые шаги, плачъ осла и гиканье погонщика, звонъ бубенчиковъ и топотъ муловъ, переходившихъ съ вьюками гору, звучный плескъ городского фонтана — мало-по-малу все исчезло передъ нимъ: онъ одинъ наполнялъ своею личностью, своей широкой симпатiей этотъ дивный міръ. Онъ это понималъ, онъ это чувствовалъ, грудь его вздымалась медленно но сильнѣе... уста шептали... что-то гармоничное, даже похожее на стихъ... да! нестигостонный и очень недурной ямбъ: „вы спите въ тишинѣ, подъ сѣнью Апенинъ...“ Стихъ? стихъ! а вотъ наверхъ всталъ и слѣдующій: „потомки мирные воинственныхъ Омброновъ...“ „Омброновъ“, какъ хорошо!.. Мелькала и риѣма: „лимоновъ“... Старая привычка проснулась — онъ ужъ нѣсколько лѣтъ какъ бросилъ писать стихи... „Неужели опять Муза!.. Да! Муза и любовь... о блаженство!“ Поскорѣ зажечь онъ свѣчу; вынулъ дорожную книжку, записалъ эти стихи. За ними пошло дальше, и черезъ полчаса вышло цѣлое стихотворенiе:

„Вы спите въ тишинѣ подъ сѣнью Апенинъ,
Потомки мирные воинственныхъ Омброновъ!
Вы спите — ночь тиха; съ темнѣющихъ долинъ
Несется ароматъ яминовъ и лимоновъ...
Въ васъ нѣтъ шальныхъ страстей великихъ городовъ,
Ни бесполезныхъ мукъ, ни козней хитрецовъ.
Вамъ чужды блескъ и шумъ, и цѣни, и темницы...
А я — я бодрствую... Воспитанникъ столицы,
Одинъ за всѣхъ за васъ, одинъ я сознаю,
Что ночь ясна, что я — живу, что я... люблю!“

Хотя послѣдній стихъ и казался нѣсколько неловкимъ, непріятно ломающимся на три кусочка — но онъ помирился съ нимъ: такъ ужъ, молъ, „вылилось“... Главное — искренность и правда въ поэзіи... конечно и звучный стихъ... Стихи же звучны... а я-то? развѣ я не искрененъ? развѣ настроенiе мое поддѣльное?.. Это сама жизнь вырываетъ изъ души моей такой аккордъ...

Не вишите, читатель, Горунина! большинство людей и даже очень глубокомысленныхъ критиковъ полагаютъ что великія творенiя рождаются тутъ же, подъ непосредственнымъ впечатлѣнiемъ и „выливаются“ какъ одинъ аккордъ и что въ этомъ аккордѣ все хорошо: и лимоны, и хитрецы, и воспитанники...

Горунинъ такъ былъ погруженъ въ гармонию этого своего аккорда, что не слышалъ, какъ отворилась дверь и кто-то къ нему подошелъ. Онъ замѣтилъ присутствiе въ комнатѣ другаго существа только тогда, когда это существо слегка прикоснулось къ его плечу...

— Сусанна!

— Тсс! Молчите... прошептала она, быстро кругомъ оглядываясь.

Она была безъ своего бѣлаго покрывала, которое всегда носила на головѣ, окутана въ темную шаль завязанную концами назадъ и чудесно обрисовывавшую ея талю и высокую, полную грудь...

— Чего же вы испугались? сказала она, какъ-будто довольная удачею своей шалости и любясь на испугъ Горунина, который вскочилъ со своего стула и смотрѣлъ на нее совсѣмъ растерянный...

— Сусанна... Сусанна... О, какое счастье!.. задыхаясь только и могъ произнести Горунинъ приходя въ себя. — Я признаюсь, писалъ и не думалъ...

— Такъ я уйду, если вамъ помѣшала...

Она сдѣлала движенiе по направленiю къ двери. Горунинъ схватилъ ее за руку.

— Ради Бога! нѣтъ! оставьтесь!.. Какъ можно...

— Я пришла къ вамъ, сказала она, садясь и вдругъ принимая серьезный видъ, — только сказать, чтобы вы не смѣли цѣловать эту гадкую Анджелику. Это не хорошо. Никто не цѣлуетъ дѣвочекъ ея лѣтъ. И ей стыдно.

— Я не зналъ что это вамъ можетъ не нравиться.

Русская боярыня. Ориг. рис. Лебедева, грав. Шюблеръ.

отвѣчалъ Горунинъ, въ этомъ приступѣ къ разговору прозрѣвая нѣчто другое, болѣе для него лестное, — но я не буду—если вы не хотите...

— Я не могу у васъ оставаться долѣе одной минуты... За мной все слѣдятъ... за мной все смотрятъ. Каждый мой шагъ, каждое слово замѣчено и растолковано злыми языками Богъ знаетъ какъ. Я окружена шпионами... Я — несчастнѣйшая женщина!

Горунинъ приблизился къ ней, взялъ ее за руку, смотрѣлъ ей въ глаза. Она взглянула на него, потомъ отвела взоръ и устремила его въ окно на синюю даль.

— Боже мой! говорилъ Горунинъ, все еще держа ее за руку и смотря на нее: — неужели и здѣсь, въ этомъ раю — тѣ же цѣпи на бѣдной женщинѣ...

— Вотъ что, вдругъ, какъ бы очнувшись, рѣшительно сказала Сусанна, вставая: — увезите меня къ мужу!.. То что теперь я у васъ — это ужъ навѣрно все узнаютъ — за дверью пожалуй ужъ и подслушиваютъ. Вы — иностранецъ, вамъ выѣздъ свободенъ.

Горунинъ быстро взглянулъ за дверь, заложилъ задвижку, быстро подошелъ къ Сусаннѣ, поднесъ къ устамъ ее руку, обнялъ ее станъ и шепталъ:

— Никого нѣтъ! Никого нѣтъ!

— Хотите увезти меня во Флоренцію, къ мужу?

— Хоть на край свѣта!

— Такъ не теряя времени, достаньте лошадей. Завтра чѣмъ свѣтъ я буду ждать за городскими воротами, на второмъ поворотѣ, гдѣ развалины старой башни. Выѣжайте какъ только станеть свѣтать. А здѣсь пусть говорятъ что хотятъ... что убѣждала съ вами... Мнѣ все равно... Устроите?

— Устрою, устрою!.. все сдѣлаю... но не уходите, теперь... Поговоримъ еще... все спать...

— Нельзя! прошептала она, граціозно погрозивъ пальцемъ и приложивъ его къ губамъ. — Такъ помни-те — второй поворотъ, старая башня.

Горунинъ цѣловалъ ее руку, хотѣлъ поцѣловать плечо обнажившееся отъ сдернувшейся съ него шали, но она съ подавленнымъ смѣхомъ вырвалась изъ его

объятій, оказавшись въ борьбѣ гораздо сильнѣе его — и со словами: „достаньте лошадей — ветурина, почта, что хотите... Лучше, впрочемъ, ветурина“, отдернула задвижку и скрылась за дверью.

Горунинъ, задыхаясь, упалъ на диванъ... Что это такое было?.. Онъ смотрѣлъ на стулъ, гдѣ она сидѣла, на то мѣсто гдѣ стояла, тутъ подлѣ него... на все предметы, которыхъ коснулась: все они какъ-будто повторяли ее слова, какъ-будто были взволнованы отъ ее прикосновенія — и бумаги его грустно зашептали, когда она затворила дверь, и занавѣсъ кровати увлекся къ двери чтобы ее опутать и удержать; особенно свѣча, огонь которой, видно наскучившись видѣть все одного Горунина и такъ любовно освѣтившій ее лицо, метался въ разные стороны, точно готовъ былъ сейчасъ оторваться отъ свѣтильни и порхнуть за нею слѣдомъ... Но черезъ минуту все успокоилось, и листы его бумагъ, и занавѣсъ кровати, и огонь на свѣтильнѣ: не успокоился только Горунинъ... Волненіе его перешло мало-по-малу въ какое-то оцѣпенѣніе... Вдругъ въ головѣ его мелькнуло слово: „лошадей!“ онъ быстро вскочилъ, схватилъ шляпу и осторожно сталъ спускаться съ лѣстницы. По счастью, первый встрѣтившійся ему человѣкъ по выходѣ изъ гостиницы „Горнаго Орла“ былъ другъ Меркуціо. Онъ обѣщаль клятвенно, что завтра до свѣта будетъ все готово.

„Или она любитъ меня, или любитъ мужа“, думалъ Горунинъ, одинъ направляясь къ площади, инстинктивно повинувъея потребности подышать чистымъ воздухомъ. „Если она любитъ мужа — я не оскорблю святой привязанности! Я долженъ такъ поступить, какъ благородный человѣкъ... Если же... если же любитъ меня... О счастливейшій изъ смертныхъ... Въ обоихъ случаяхъ — это жизнь...“

И онъ какъ-будто въ первый разъ на вѣку своемъ почувствовалъ въ груди своей присутствіе всехъ доблестей человѣка, поставленнаго въ необходимость дѣйствовать и проявить въ дѣйствіи силу своей личности.

(Окончаніе въ слѣд. №).

Стихотвореніе.

Я. П. Полонскаго.

На землѣ сидѣлъ голодный,
Безпріютный, бѣдный мальчикъ,
И просилъ онъ, Христа ради,
Дать ему краюшку хлѣба.

Но толпы людей за счастьемъ
Погнались и одичали,
И никто, никто не подалъ
Бѣдняку краюшки хлѣба.

„Ахъ! когда-бъ я былъ съ крылами!“
Думалъ онъ, — „я всё бы небо
Облетѣлъ, и ужъ досталъ бы
Я себѣ краюшку хлѣба“.

Услыхалъ его злой демонъ,
И сказалъ: „Лети какъ вѣтеръ,
И попробуй въ Божьемъ небѣ
Отыскать краюшку хлѣба“.

И невидимыя крылья
Ощутивъ, поднялся мальчикъ,

И, какъ рыбка въ океанѣ,
Очутился въ темномъ небѣ...

Прилетѣлъ къ лунѣ и видитъ —
Вся луна не что иное
Какъ потрескавшейся лавы
Холодѣющая глыба.

Къ солнцу онъ свой путь направилъ.
Прилетѣлъ, и что-жъ онъ видитъ?

Догорающаго угля
Потухающее пламя.

Онъ къ звѣздамъ — горять и жгутся
Эти искорки вселенной...

Такъ нигдѣ не могъ найти онъ
Ни одной краюшки хлѣба.

Черезъ тысячу столѣтій
Онъ опять слетѣлъ на землю,
И увидѣлъ шаръ пустынный
Въ саванѣ снѣговъ глубокихъ.

Исполинскія постройки,
Города, дороги, флоты —
Все исчезло — прошлой славы
Ни слѣда... ни даже тѣни.

И на холмѣ у ледянаго
Моря сѣлъ голодный мальчикъ,
И, забывъ свои страданья,
Сталъ о людяхъ горько плакать.

Увидалъ его тутъ ангель,
И сказалъ: „Лети со мною
И найдешь ты человѣка...“
Но куда его унесъ онъ —

Этой тайны не постигнетъ
Миръ возникнувшій изъ праха,
Только демонъ ею бредитъ,
Но земля его не слышитъ...

Петербургъ 1889

Иисусъ.

Повѣствованіе изъ библейскихъ временъ.

Георга Эберса.

(Право перевода приобретено редакціей отъ автора).

Глава I.

Это змѣй-и -олимпъ Апель...

тунай внизъ, дѣдушка; я поосторожу. Старецъ, къ которому обращена была эта просьба, отрицательно покачалъ бритою головою.

— Право, здѣсь, наверху, тебѣ не заснуть...

— А какъ же звѣзды? Да и внизу-то... развѣ можно спать въ такіе дни?.. Накинь мнѣ плащъ!.. Что ужъ за сонъ въ эту страшную ночь!..

— Ты зябнешь. Посмотри, какъ дро-

житъ у тебя въ рукѣ подозрительный снарядъ...

— Ну, подставь мнѣ плечо!

Юноша, получивъ приказаніе, охотно повиновался; но вскорѣ сказалъ:

— Напрасны всѣ усилія: звѣзда за звѣздой гаснуть въ темной тучѣ. А эти вопли въ городѣ... кажется, и въ нашемъ домѣ! Мнѣ странно до смерти, дѣдушка, и пощупай, какъ у меня голова горитъ... Сойдемъ внизъ, быть-можетъ имъ нужна помощь.

— Она въ рукахъ боговъ, а мое мѣсто — здѣсь. Но что это тамъ?.. Вѣчные боги! Смотри на полночь, къ морю... нѣтъ, дѣвѣ, къ закату... видишь, въ городѣ мертвыхъ ¹⁾ что-то движется!..

— Дѣдушка, родной... гляди, гляди! воскликнулъ юноша въ жреческой одеждѣ, помогавшій дѣду своему, гороскону ²⁾ бога Аммуна-Ра, на звѣздочетной вышкѣ храма посвященнаго этому богу, въ Танисѣ, столицѣ фараоновъ на сѣверѣ страны Гесемъ.

Съ этими словами онъ высвободилъ свое плечо, служившее опорой старцу.

— Гляди! гляди! Не море-ли хлынуло на сушу? Или туча пала на землю и волнуется туда и сюда? Смотри!.. Да сжалится надъ нами небожитель! Преподняя разверзлась—это змѣй-исполнѣ Апель выползаетъ изъ города мертвыхъ! Вонъ онъ клубится мимо храмовъ, я вижу его и слышу ревъ... Угроза великаго еврея исполняется! Родъ нашъ будетъ стертъ съ лица земли. Это змѣй! Вонъ голова его тивется къ юго-востоку... Конечно, онъ пожретъ новорожденное свѣтило, едва взойдетъ оно поутру.

Взглядъ старца послѣдовалъ за указующимъ перстомъ юноши и теперь также уловилъ громадную темную массу, клубившуюся во тьмѣ и сливавшую свои очертанія съ окружающимъ мракомъ. Съ невольнымъ трепетомъ разслышалъ онъ и грозный ревъ ея.

Оба теперь, напрягая зрѣніе и слухъ, старались проникнуть въ тайны ночи; но вмѣсто небесной выси, взоры звѣздочетовъ были устремлены внизъ на столицу, далекое море и плоскую равнину окрестностей.

Въ небѣ царилъ глубокая тишь, но покоя въ немъ не было; ибо неслышимый вѣтеръ верхнихъ слоевъ воздуха мѣстами то

сбивалъ темныя облака въ безформенную тучу, то вновь разрывалъ ея сѣрую пелену и бѣшено разгонялъ ихъ. Мѣсяцъ не показывался въ эту ночь, и облака играли въ прятки лишь съ яркими звѣздами Юга, то закутывая ихъ, то снова давая свободный пропускъ ихъ лучамъ. И какъ тамъ, на тверди небесной, такъ и внизу, на землѣ, блѣдный свѣтъ постоянно чередовался съ чернымъ мракомъ. То вспыхивали зарницей отблески небесныхъ свѣтилъ на зеркальныхъ поверхностяхъ моря и рѣчного рукава, на гладкомъ гранитѣ храмовыхъ обелисковъ и позлащенно-мѣдной кровлѣ царскаго дворца; то пропадали въ потемкахъ и море, и рѣка, и паруса въ гавани, святыни и улицы города, вмѣстѣ съ заросшею пальмами окрестной равниной. Все, что глазъ пытался запечатлѣть въ себѣ—мигомъ исчезало; не легче было и уху — то наступало такое полное затишье, что казалось всякая жизнь умолкла и замерла по всей непроглядной окрестности, то вдругъ ночное безмолвіе прорывалось жалобными воплями. А затѣмъ, послѣ болѣе или менѣе короткихъ перерывовъ, опять слышался тотъ ревъ, что молодому жрецу показался гласомъ адскаго змѣя, и къ этому реву съ возрастающей тревогой прислушивались и дѣдъ, и внукъ.

Отъ самаго города мертвыхъ и участка чужеземцевъ начинались темныя извивы тѣла, котораго непрерывное поступательное движеніе становилось очевиднымъ, какъ только звѣздный свѣтъ прорывался въ борющихся съ нимъ тучахъ.

Внезапный ужасъ охватилъ и юношу, и старца; но послѣдній прежде внука пришелъ въ себя, и зоркій глазъ звѣздочета скоро убѣдилъ его, что городъ мертвыхъ высылаетъ на равнину не одно исполненное тѣло, а громадную толпу тѣлъ, которая двигалась волнуясь и извиваясь по дугамъ настѣницъ. Ревъ и мычаніе исходило также не изъ одного мѣста, но раздавалось то на близкомъ, то на очень далекомъ разстояніи. То казалось они вырываются изъ нѣдръ земли, то звучатъ съ высотъ воздушнаго пространства.

Тогда старцемъ овладѣлъ новый ужасъ. Схвативъ руку юноши десницею, онъ лѣвою рукой показалъ ему на городъ мертвыхъ и проговорилъ дрожащимъ голосомъ:

— Народу мретъ столько, что мертвыхъ некуда дѣть! Преподняя переполнена ими и разливается черезъ край какъ Рѣка ¹⁾ въ водополье, когда русло ея слишкомъ узко для притока водъ съ Юга. Смотри, какъ они кишатъ, клубятся и катятся волнами! Мѣстами вразбродъ! Это души тѣхъ тысячъ, что похитила смерть. Отягощенные проклятіемъ еврея, не преданныя землѣ, не защищенныя отъ тлѣнія, пришли онѣ къ ступенямъ лѣстницы ведущей въ вѣчность...

— Это онѣ! увѣренно подтвердилъ юноша, вырвалъ у старца свою руку, провелъ ею по лихорадочно пылавшему челу и продолжалъ, едва выговаривая слова отъ ужаса:—Это онѣ, осужденныя на муку! Буря занесла ихъ въ море, вода же извергла на сушу, а святая земля тоже не хочетъ принять и гонитъ ихъ въ область воздушную. Но чистый эфиръ Шу вихремъ крутитъ ихъ долу—и вотъ... смотри, видишь? слышишь? онѣ съ ревомъ пробираются въ пустыню.

— То есть въ огонь палачій, воскликнулъ старецъ,—очисти же ихъ, пламя! Омойте ихъ, воды!

Юноша вторилъ заклинаніямъ старца; но еще не замолкли голоса ихъ, какъ опускная дверь, ведшая на вершину высочайшихъ вратъ храма, служившую для наблюденія звѣздъ, поднялась, и жрець низшаго чина крикнулъ старцу:

— Бросьте работу! Кому теперь до свѣточей неба, когда тамъ на землѣ всякая жизнь угасаетъ!

Старець слушалъ его мгновенно онѣмѣвъ, и когда жрець нерышительно заявилъ, что посланъ женою гороскона, послѣдній едва пролепеталъ:

— Горой? Значитъ и моего сына постигло?

Жрець утвердительно кивнулъ головою, и оба звѣздочета горько залакали, ибо старецъ терялъ своего первенца, а юноша — дорогаго родителя.

Но когда юноша, дрожа въ лихорадочномъ ознобѣ, безсильно припалъ на грудь старца, послѣдній быстро освободился изъ его объятій и поспѣшилъ къ подъемной двери.

Жрець конечно зналъ что является вѣстникомъ смерти, но отеческому сердцу недостаточно словъ чужаго человѣка для того чтобъ отказаться отъ надежды на спасеніе жизни своего сына. Спускаясь по каменнымъ ступенямъ, старецъ торопливо шелъ высокими притворами и обширными дворами храма, и юноша слѣдовалъ за нимъ, хотя дрожація колѣна едва выдерживали тяжесть разнемогшагося тѣла. Старецъ, постигну-

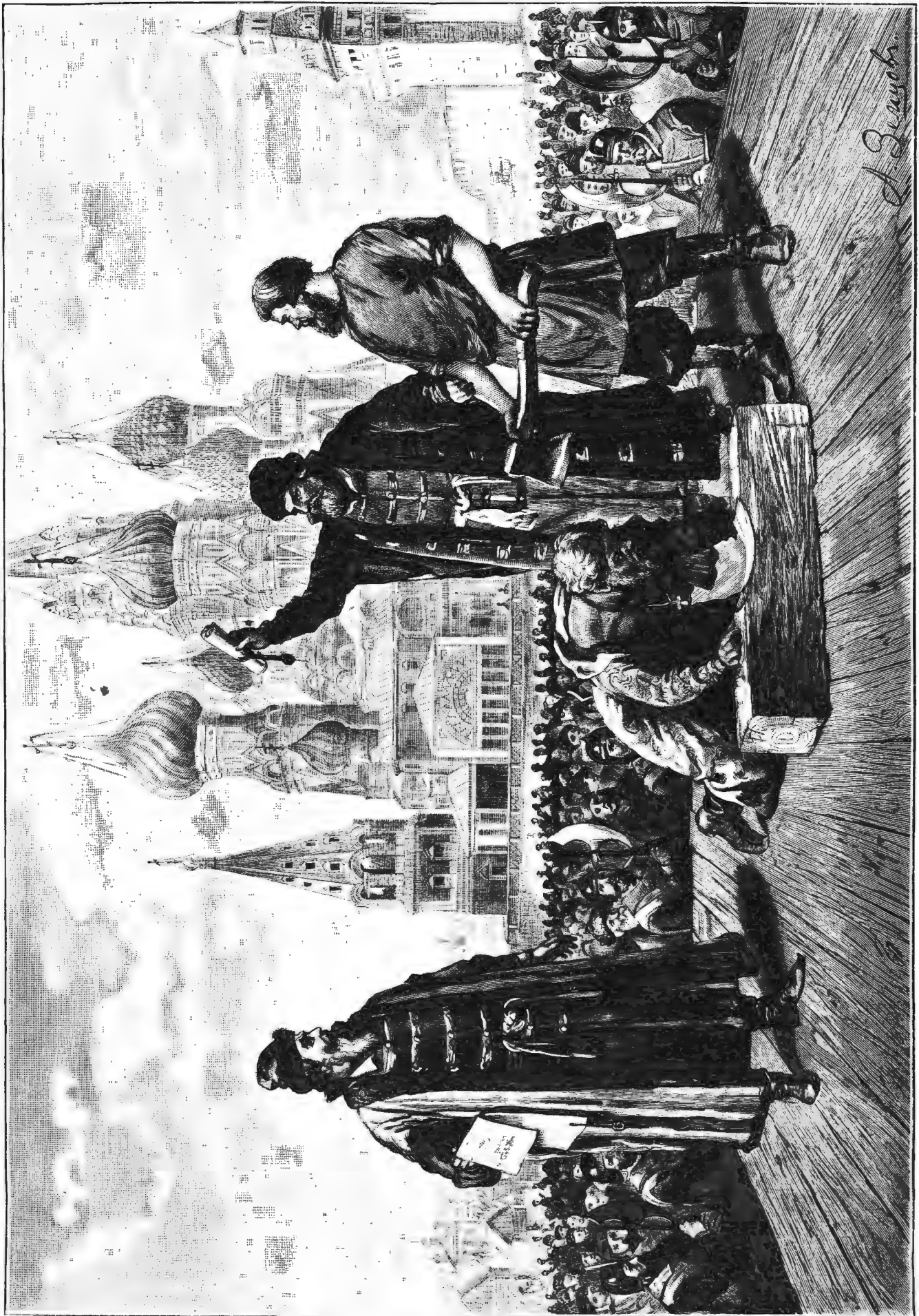
¹⁾ Городами мертвыхъ, некрополями, у древнихъ египтянъ назывались кладбища съ ихъ громадными мавзолеями. *Ред.*

²⁾ Такъ назывались храмовые астрономы. *Ред.*

¹⁾ Древніе египтяне называли Нилъ просто *Рѣкой*. *Ред.*

Петербургъ. На Фонтанкѣ у Аничкова моста. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Г. Бролинга, грав. М. Рашевскій.

Русская история. Помилование князя Василия Шуйского передъ казнью.
Ориг. рис. (собств. „Нивы“) А. Зенцова, грав. Шиблеръ.

тый ударомъ въ своемъ тѣсномъ семейномъ кругу, забылъ о грозномъ ликѣ, грозившемъ гибелью бытъ-можетъ всему міру; но юношу этотъ ликъ преслѣдовалъ неотступно, и когда онъ, оставивъ за собой преддверіе храма, подошелъ къ первымъ пилонамъ, ему, потрясенному смертельной тревогой и горемъ, почудилось будто тѣни обелисковъ пляшутъ у него въ глазахъ, а парныя изваянія царя Рамзеса на угольныхъ столбахъ высокихъ вратъ отбиваютъ ладъ своими жезлами.

Тутъ лихорадка свалила несчастнаго юношу съ ногъ. Судороги искажали ему лицо, подбрасывая молодое тѣло въ ужасныхъ корчахъ. Старецъ же опустился на колѣна, и предохранивъ прекрасную, кудрявую голову отъ ушибовъ о каменныя плиты помоста, тихо простоналъ:

— А теперь и этого!

Собравъ всѣ свои силы, онъ сталъ звать на помощь; но сколько ни кричалъ — все было тщетно и напрасно. Наконецъ онъ понизилъ голосъ, лица угѣшенія въ молитвѣ, и тутъ ему послышался шумъ на дорогѣ обставленной сфинксами, по ту сторону пилоновъ, что согрѣло ему сердце новою надеждой.

Что бы это могло быть въ такой поздній часъ ночи?

Съ громкимъ жалобнымъ воемъ сливалось пѣніе жрецовъ, звонъ и дребезжаніе металлическаго систрума, потрясаемаго священными женами, и мѣрные шаги богомольцевъ.

Къ храму приближалось торжественное шествіе. Старецъ обвелъ взглядомъ двойные ряды гранитныхъ колоннъ, громадные изваянія и обелиски разсыпанные по двору храма, и, вѣрный долготѣйшей привычкѣ, поднялъ глаза на звѣздный небосводъ, причемъ горькая улыбка шевельнула его впалыя губы: да, и богамъ сегодня отказано въ подобающихъ имъ почестяхъ. Ибо въ эту ночь, первую послѣ новолунія, въ мѣсяцѣ *фармуот*, въ прежніе годы святыня божества красовалась въ богатомъ цвѣточномъ уборѣ. Едва разсѣется мракъ этой безлунной ночи, должны начаться великій праздникъ весенняго равноденствія и праздникъ жатвы. Въ честь великой богини Нейтъ, Реннутъ, посылающей благословеніе полямъ, и молодого Гора, по мановенію коего всходятъ посьвы, устраивалось, какъ предписывають священныя книги о божественномъ рожденіи Солнца, торжественное шествіе по городу къ Рѣкѣ и пристани; сегодня же мертвая тишина царствовала въ святилищѣ, коего преддверіе въ эти часы нѣкогда цепенялось мужами, женщинами и дѣтьми, приносившими жертвенные дары и слагавшими ихъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь смерть холодными перстами прикасалась къ сердцу его внука.

Но вотъ яркій блескъ озарилъ обширное пространство, до сихъ поръ скудно освѣщенное нѣсколькими свѣтильниками. Ужели безумцы вздумали начать чествованіе веселаго праздника, не смотря на неслыханный ужасъ этой ночи?

Но вѣдь совѣтъ жрецовъ еще прошлымъ вечеромъ рѣшилъ, ради безопадно свирѣпствующаго мора, не украшать храма и отмѣнить шествіе. Уже въ первые часы послѣ полудня многіе замыкались въ домахъ пораженныхъ моровою язвой; и въ самую ограду храма должно-быть проникла уже язва, пока онъ, гороскопъ, слѣдилъ за теченіемъ звѣздъ, — иначе куда могли дѣться сторожа и остальные звѣздочеты, которые вмѣстѣ съ нимъ вошли сюда при заходѣ солнца и обязаны были оставаться здѣсь всю ночь?

Затѣмъ онъ снова вѣжко и заботливо обратился къ страдалицу; но вскорѣ вскочилъ на ноги, такъ какъ врата храма открылись, а пламя факеловъ и свѣтильниковъ еще ярче озарило передній дворъ. Одинога взгляда на звѣздное небо довольно было чтобы убѣдиться въ томъ, что полночь едва минула — и повидимому опасенія его сбывались: жрецы очевидно сходились въ храмъ ради приготовленій къ утреннему празднику жатвы.

Но итъ!

Когда же они для этого вступали въ святилище съ пѣніемъ и стройными рядами? Да и не одни служители божества оказывались въ толпѣ. Къ нимъ примкнулъ народъ; въ торжественномъ священномъ пѣсеннѣи прорывались визгливые вопли женщинъ и безумные крики отчаянія, какихъ онъ въ жизнь свою не слыхивалъ въ этой священной оградѣ.

Ужь не обманъ ли это чувство? Не ворвалась ли въ святилище божества воющая толпа не нашедшихъ успокоенія душъ, которую внукъ его указывалъ съ вышки?

Тогда на него палъ новый ужасъ, и старецъ, какъ бы въ защиту поднимая руки, нѣсколько мгновений повторялъ заклинанія противъ коварства злыхъ духовъ. Но вскорѣ онъ прекратилъ это, узнавъ нѣсколькихъ друзей, которые вчера еще были въ живыхъ: прежде всего ему кинулся въ глаза рослый второй прорицатель при храмѣ его бога, затѣмъ посвященный Амму-Ра жены, пѣвчіе и святыя отцы, а увидавъ позади гороскоповъ и пастофоровъ своего зятя, домъ котораго до послѣдняго вечера щадилъ язва, старецъ ободрился и окликнулъ его. Но голосъ его заглушался пѣніемъ и криками приближавшейся толпы.

На переднемъ дворѣ храма стало совѣтъ свѣтло, но каждый былъ до того поглощенъ собственнымъ горемъ, что стараго звѣздочета никто не замѣтилъ. Тогда онъ сорвалъ плащъ со своихъ коленчатыхъ плечъ, и подложилъ его подъ голову юноши, а пока онъ отечески заботливо хлопоталъ надъ больнымъ, до слуха

его, среди пѣнія и криковъ, долетѣли сначала проклятія евреевъ, виновникамъ всѣхъ бѣдствій обрушившихся на фараона и весь народъ его, затѣмъ все чаще и чаще повторялось имя наслѣдника престола, царевича Рамзеса, и самый отгѣнокъ голоса, съ которымъ оно проносилось, скорбныя молитвы, конми оно сопровождалось, повѣдали ученому звѣздочету, что смерть сомкнула очи и первенцу фараона.

Съ возрастающей тревогой вглядывался онъ теперь въ блѣдное лицо внука. Но когда плачь о наслѣдникѣ престола раздался снова и все громче, въ душѣ старца промелькнуло не лишнее услады ощущеніе при мысли о нелицепріятн смерти, которая такъ же мало щадитъ стоящаго на высшихъ ступеняхъ власти, какъ и нищаго на дорогѣ. Теперь онъ зналъ, что привело эту шумную толпу во храмъ.

Насколько позволяли ему старыя кости, онъ поспѣшилъ къ рядамъ плакальщицъ, но не успѣлъ еще дойти до нихъ, какъ увидѣлъ выходившихъ изъ сторожки привратника и его жену, которые несли на рогожѣ мертвое тѣло отрока. Мужъ держалъ одинъ конецъ рогожи, малорослая, худощавая жена — другой, причемъ великанъ-привратникъ долженъ былъ сильно нагибаться, дабы оконченый грузъ лежалъ ровнѣе и не соскользнулъ въ сторону жены. Трое дѣтей замыкали печальное шествіе, во главѣ котораго шла маленькая дѣвочка съ фонаремъ.

Можетъ-быть ихъ никто бы и не замѣтилъ, но у женки привратника вырвался такой громкій и раздражающій вопль, что пропуститъ его мимо ушей было невозможно. И вотъ олянулся сначала второй прорицатель Аммуна, за нимъ его спутники. Шествіе толпы приостановилось, и когда кое-кто изъ жрецовъ приблизился къ мертвому тѣлу, привратникъ громко воскликнулъ:

— Сторонитесь! Нашего первенца поразила язва!

Жена его, между тѣмъ, выхватила у дочки фонарь, освѣтила имъ лицо умершаго и простонала:

— Вотъ что терпитъ богъ нашъ! Подъ собственнымъ кровомъ допускаетъ эти ужасы! Но не его святая воля, итъ, а проклятія чужеземца тяготѣютъ надъ нами и нашею жизнью. Поглядите сюда! Вѣдь это нашъ первенецъ былъ, и еще двухъ служителей храма такъ же схватило. Одинъ ужъ на томъ свѣтѣ! Тутъ, въ нашей коморкѣ и протянулъ ноги, а вонъ... вонъ еще одинъ лежитъ, молодой Камусъ, внукъ гороскопа Рамери... Мы слышали, какъ старикъ звалъ на помощь и видѣли все... Но кому же досугъ подпирать чужой домъ, когда свой валится? Страшныя времена настали!.. Сами боги отворили храмъ свой злополучію, и если весь міръ погибнетъ, право, я не подвлюсь и ужъ всеконечно не стану сокрушаться!.. Высокопочтеннѣйшіе владыки, я простая женщина, но развѣ я не въ правѣ спросить: что-же, снѣтъ что-ли наши боги, или сглазилъ ихъ кто, не то чѣмъ-же они заняты, гдѣ они, наконецъ, если дали забрать такую силу надъ нами и дѣтьми нашими еврейскому отродью?

— Бейте евреевъ! Смерть чужеземцамъ! Въ море ихъ, смерть имъ вмѣстѣ съ колдуномъ ихъ Мезу (!) словно отголоскомъ въ отвѣтъ на проклятіе женщины грянуло въ толпѣ, и зять стараго гороскопа, начальникъ стрѣлковъ Горнехтъ, вскипѣвшій гнѣвомъ при видѣ умирающаго любимаго племянника, поднялъ короткій мечъ свой и крикнулъ въ себя: — За мной, всѣ у кого есть сердце! На евреевъ! Жизнь за жизнь! Десять евреевъ за каждого египтянина, котораго умертвилъ чародѣй!

Какъ стадо овецъ бросается въ огонь за передовымъ бараномъ, такъ ринулась толпа на призывъ знаменитаго воина. Женщины впереди мужчинъ, всѣ тѣснили его къ воротамъ, и пока служители божества колебались, выжидалъ что скажетъ Аммуновъ прорицатель, этотъ послѣдній вдругъ выпрямился во весь ростъ съ величественною осанкой и спокойно проговорилъ:

— На молитву, всѣ кто носятъ жреческое одѣяніе! Народъ — орудіе небожителей. Въ ихъ рукахъ возмездіе. Мы же останемся здѣсь и помолимся за успѣхъ мести.

Смерть фараонова первенца.

1) Мезу — египетское имя Моисея. Авт.

Глава II.

Благослови же и меня!

Б

ан, второй прорицатель Аммуна, заступавший мѣсто дряхлаго отъ старости перваго прорицателя и верховнаго жреца Руи, удалился въ святая святыхъ, прочіе служители божества разошлись къ своимъ должностямъ, а неистовая толпа все еще бушевала по улицамъ города, направляясь къ отдаленному еврейскому участку.

Какъ бѣшеный водъпадъ, съ шумомъ низвергаясь въ долину, увлекаетъ съ собою все, что захватилъ на пути, такъ и дышавшая мщеніемъ толпа заставляла слѣдовать за собою всѣхъ встрѣчныхъ. Ни одинъ египтянинъ, у котораго смерть похитила дорогихъ сердцу, не отказывался присоединиться къ мятежному потоку, и потокъ этотъ все разрастался, изъ сотенъ въ тысячи мстителей. Мужчины, женщины и дѣти, свободные и рабы, всѣ окрыленные жгучей жаждой истребленія и смерти ненавистныхъ евреевъ, спѣшили къ населенной ими окраинѣ города.

Откуда взялась мотыга у этого подмастерья, какъ попалъ топоръ въ руки той домохозяйки—они сами этого не знали. Стремясь на убійство и разрушеніе, они вовсе не искали потребныхъ для того орудій—все явилось какъ бы само собою на пути.

Прежде всѣхъ, тяжкій гнѣвъ толпы долженъ былъ обрушиться на еврея Навина, почтеннаго, многими любимаго старца, богатаго ставовладѣльца, дѣлавшаго добро нерѣдко и египтянамъ; но гдѣ запѣвалами выступаютъ ненависть и месть—трусельная благодарность молча прятается въ заднихъ рядахъ.

Обширная усадьба его, подобно всѣмъ домамъ и хижинамъ его народа, лежала въ западной части Таниса, въ участкѣ чужеземцевъ, и ближе всѣхъ примыкала къ египетскимъ улицамъ города. Бывало, въ эти часы рогатый скотъ и овцы Навина выгонялись на водопой и на пастбище, и обширный дворъ передъ домомъ былъ биткомъ набитъ скотиной, скотинками, скотницами, возами и всякой утварью. Владѣлецъ имѣлъ обыкновенно лично присматривать за выгономъ стада, и его-то съ домохадцами выбрала ярость толпы первую жертвой.

Лучшіе ходоки вступили уже на обширный дворъ, въ числѣ ихъ и зять стараго гороскопа, начальникъ стрѣлковъ, Горнехтъ. Домъ и дворъ были озарены лучами ранняго утренняго солнца. Сплачъ-кузнецъ ударилъ ногой въ массивныя ворота; но незапертые створы такъ легко уступили, что онъ долженъ былъ схватиться за косякъ чтобы не упасть отъ натуги. Другіе протѣснились впередъ, и между ними начальникъ стрѣлковъ.

Однако, что-же бы это значило? Не новое-ли волшебство свидѣтельствовало о могуществѣ еврейскаго вождя Мезу, навлекшаго такіа страшныя казни на страну?

Дворъ былъ пустъ, совершенно пустъ. Лишь въ плетневыхъ закуткахъ лежалъ кое-какой битый скотъ, нѣсколько негодныхъ коровъ и овецъ, да большой ягненокъ бросился съ бляннѣмъ бѣжать со всѣхъ ногъ, завидя чужаковъ.

Даже возы и повозки исчезли. Ревущая толпа, которую жрецы ночью приняли за души осужденныхъ, оказывалась скопищемъ выселявшихся евреевъ, со всѣми стадами своими покинувшихъ бывшее отечество подъ водительствомъ Монсея.

Начальникъ стрѣлковъ опустилъ свой короткій мечъ, и повидимому былъ даже приятно удивленъ тѣмъ что нашелъ здѣсь; стоявшій-же рядомъ съ нимъ писецъ изъ казнохранилища фараона, видимо озадаченный и какъ бы обманувшись въ надеждѣ, оглядывалъ пустоту двора.

Море ощущеній и замысловъ, бушующее прибоемъ высокихъ волнъ въ часы ночи, идетъ на отливъ при свѣтѣ блага дня;

точно также и въ начальникъ стрѣлковъ легко возбуждаемая страстность вонна давно уступила мѣсто большому спокойствію. Онъ готовъ былъ поступить наихудшимъ образомъ со всѣми евреями, за исключеніемъ Навина, сынъ котораго, Осія, былъ начальнику стрѣлковъ товарищемъ по оружію, однимъ изъ наиболее уважаемыхъ вождей и въ довереніе всего давнишнихъ другомъ въ семьѣ Горнехта. Вспомни онъ давеча объ Осіи и о томъ, что домъ отца его первымъ подвергнется нападенію, Горнехтъ конечно уже не сталъ бы во главѣ этого мстительнаго набѣга; да, онъ уже глубоко раскаивался теперь въ недостаткѣ спокойной разсудительности, которой требовалъ его зрѣлый возрастъ.

Но тутъ подошли мужчины и женщины, и пока многіе изъ нихъ занялись грабежомъ покинутой усадьбы бѣжавшаго Навина, пытались даже разрушать зданія,—распространилась вѣсть, что и въ сосѣднихъ домахъ нѣтъ ни души живой. Другіе разсказывали о жалобно мяукавшихъ кошкахъ, оставшихся у опустѣлыхъ очаговъ, о прирѣзанномъ старомъ скотѣ и битой посудѣ; въ концѣ концовъ неистовая толпа таки притащила одного еврея съ домохадцами и сумасшедшую сѣдую старуху, которыхъ нашла зарывшимися въ солому. Старуха, подмигивая и хихикая, увѣряла, что родичи кричали на нее до хрипоты, уговаривая, но Мехела-то себѣ на умѣ: гдѣ-жъ ей бѣжать да бѣжать, какъ они требовали, она и на ноги слаба ужъ, да и обуется ей не во что.

Захваченный еврей, отвратительный жидъ, котораго и изъ своихъ-то немногіе сочли-бы стоющимъ состраданія, то унижался до раболѣпія, то увлекался свойственнымъ ему грубымъ нахальствомъ, завѣрялъ, что онъ и знать не хочетъ лжебога, во имя котораго обманщикъ Монсей заманилъ народъ въ погибель, а потому вотъ и съ женой и съ ребенкомъ остались они попрежнему у добрыхъ друзей, у египтянъ. Дѣйствительно, его многіе знали, такъ какъ онъ былъ ростовщикомъ, и когда его соплеменники взыли за страннической посохъ, онъ сирятался, съ тѣмъ чтобы продолжать свой безчестный промыселъ и не понести убытковъ.

Въ бушующей толпѣ нашлось нѣсколько человекъ изъ его должниковъ, но и безъ нихъ участь его была бы рѣшена одинаково, ибо онъ явился первымъ, на комъ толпа могла показать, что мститъ не на шутку. Съ бѣшенными криками ринулись на него со всѣхъ сторонъ, и скоро трупъ несчастнаго и его домохадцевъ простерлись на землѣ. Не знали даже, кто началъ эту кровавую расправу: слишкомъ много народу набросилось на убитаго.

Другіе оставшіеся и вытасканные изъ домовъ и хижины еврей—а ихъ оказывалось не мало, хотя многіе успѣли спастись бѣгствомъ,—такъ же скоро пали жертвой народнаго мщенія, и пока здѣсь текла кровь, тамъ толпа взылась за топоры, бревнами и балками таранила стѣны и высаживала двери, чтобы сравнять съ землею самыя жилища ненавистныхъ.

Но горящее уголье, котораго нанесли бѣснующіяся женщины, было тотчасъ же затоптано и погашено, такъ какъ болѣе благоразумные изъ толпы растолковали ей опасность, какою грозилъ бы пожаръ въ участкѣ чужеземцевъ сосѣднимъ домамъ и всему городу.

Такимъ образомъ еврейскій участокъ избѣгъ сожженія; но по мѣрѣ того какъ солнце всходило выше и выше, всю округу разрушенныхъ жилищъ выселившагося народа непроглядно закутывали густыя облака бѣловатой пыли, и тамъ гдѣ вчера еще тысячи людей сидѣли у милыхъ сердцу домашнихъ очаговъ, а громадныя стада утоляли жажду на водопояхъ, теперь лишь груды щебня и камней, обрушенные строища и поломанное дерево засѣивали горячую почву.

По развалинамъ слонялись брошенные собаки и кошки, да еще присоединились къ нимъ женщины и дѣти изъ нищенскихъ шалашей, окаймлявшихъ городъ мертвыхъ; закрывая рогъ рукой, чтобы не задохнуться отъ пыли, подъ градомъ осыпавшагося щебня, онѣ шарили всюду, не найдется-ли гдѣ домашней утвари и съѣстнаго, оставленныхъ переселенцами и не усенныхъ еще грабителями.

Вскорѣ послѣ полудня, Бан, втораго прорицателя при храмѣ Аммуна, несли на носилкахъ мимо разрушеннаго участка. Жрецъ прибылъ сюда не для того чтобы насладиться зрѣлищемъ разрома, ему просто было по пути при возвращеніи домой изъ города мертвыхъ. Тѣмъ не менѣе, на губахъ его заиграла злорадная усмѣшка, при видѣ того какъ основательно заработала здѣсь толпа. Конечно, собственный замыселъ его не осуществился: вожди переселенцевъ избѣгли его мести; но хотя ненависть ненасытна, за то на первыхъ порахъ и малыя довольствуется. Самый ничтожный вредъ причиненный врагамъ уже тѣшитъ ее, а Банъ возвращался теперь отъ горюющаго фараона; правда, жрецу не удалось еще совсѣмъ разорвать сѣти которыми опуталъ царя еврейскій чародѣй, но онъ значительно ослабилъ ихъ узы.

Обдумывая въ уединеніи святилища все совершившееся и вновь затѣваемое, сильный волею, честолюбивый жрецъ, никогда не имѣвшій обыкновенія бѣсѣдовать вслухъ съ самимъ собою, въ эти постѣдніе дни никакъ не могъ отдѣлаться отъ повторенія однихъ и тѣхъ-же словъ—нѣтъ-нѣтъ да и проворчить: „благослови-же и меня!“

Дѣло въ томъ, что самъ фараонъ обратился съ этою просьбой къ нѣкому человеку — и человекъ этотъ былъ не старецъ Руи, верховный судья и жрецъ, и не самъ Баи, единственный лица которымъ подобало благословлять царя, — нѣтъ, это былъ нечестивѣйшій изъ нечестивцевъ, презрѣнный чужеземецъ, еврей Мезу, котораго онъ ненавидѣлъ пуще всѣхъ на свѣтѣ.

„Благослови-же и меня!“ — эта кроткая просьба, доверчивое изліяніе встревоженной души, рѣзнула жреца какъ ножомъ по сердцу. Ему казалось, что подобная просьба, милостиво обращенная изъ такихъ устъ къ такому человеку, ломаетъ жезлъ надъ головами всего сословія египетскихъ жрецовъ и срываетъ леопардовыя шкуры ⁽¹⁾ съ плечъ ихъ, позоря весь народъ египетскій, горячо имъ любимый.

Конечно, онъ, Баи, признавалъ Моисея однимъ изъ величайшихъ мудрецовъ, вышедшихъ изъ египетскихъ школы; конечно, онъ зналъ, что царь находится подъ вліяніемъ этого человека, который выросъ въ домѣ фараона и былъ другомъ его отца, великаго Рамзеса.

Онъ видѣлъ также, что владыка Египта прощаль Моисею такія дѣянія, за которыя всякій, будь онъ, знатнѣйшимъ изъ знати, заплатилъ-бы жизнью; — но до какой-же степени дорогъ долженъ быть этотъ еврей фараону, если царь, само божество солнца на вселенскомъ престолѣ, предъ смертнымъ ложемъ роднаго сына, уступилъ неодолимой потребности протянуть къ чародѣю руки съ мольбою: „благослови-же и меня!“

Все это жрецъ говорилъ себѣ и тщательно взвѣшивалъ, но тѣмъ не менѣе не хотѣлъ и не могъ уступить могущественному чужеземцу.

Подготовить гибель ему и его народу Баи считалъ священнѣйшимъ и настоятельнѣйшимъ долгомъ. Во исполненіе завѣтной дѣли, онъ не боялся поднять руку на самого владыку Египта; да, въ его глазахъ, этою нечестивою просьбой: „благослови-же и меня“ фараонъ Менефта лишилъ себя права на власть.

Моисей былъ убійцей фараонова первенца; онъ-же, Баи, съ верховнымъ жрецомъ Аммуна, держали въ своихъ рукахъ загробное блаженство или муку души умершаго отрока — оружіе это было крѣпко и надежно, и жрецъ хорошо зналъ нерышительность и малодушіе царя. Если-бы не верховный жрецъ Аммуна, единственное лицо стоявшее выше Баи и противодѣйствовавшее ему по необъяснимой старческой причудѣ, ему ничего не стоило-бы вынудить у фараона уступки. Но малодушный правитель весьма легко могъ нынѣ утвержденное — завтра-же отмѣнить, если только еврею снова удастся стать между нимъ и его египетскими совѣтниками. Еще сегодня этотъ недостойный сынъ великаго Рамзеса, услышавъ одно имя чародѣя, закрылъ себѣ лицо руками и задрожалъ какъ робкая газель, а завтра онъ что-же — проклянетъ его, изречетъ ему смертный приговоръ? Пожалуй, его убьдятъ; но постѣ-завтра онъ навѣрно вернетъ чародѣя и снова попроситъ у него благословенія. Долой такого фараона, во прахъ эту трость колеблемую вѣтромъ на престолѣ! Онъ, Баи, нашелъ уже среди князей царской крови достойнаго наследника. Придетъ время, — закроетъ глаза верховный жрецъ Аммуна Руи, давно перешедшій предѣлъ положенный человеческой жизни богами, — тогда онъ, Баи, станетъ на его мѣсто, заря новой жизни начнется во всемъ Египтѣ, и Моисею съ его народомъ придетъ конецъ.

Во время этихъ размышленій, надъ головой прорицателя пронесли два ворона и каркая сѣли на покрытыя ильмо развалины одного изъ разрушенныхъ домовъ. Невольно оглянувшись онъ на птицъ и замѣтилъ дѣль ихъ полета: запорошенное щепнемъ, полунагое тѣло убитаго еврея. И снова по умнымъ, надменнымъ чертамъ его лица скользнула улыбка, смыслъ которой жрецы низшаго чина, песніе его носилки, не могли разгадать.

Тѣло убитаго еврея.

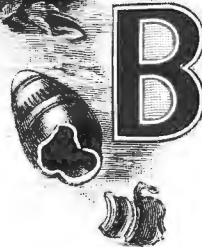

¹⁾ Шкуры леопарда на плечахъ и кривоногий жезлъ въ видѣ посоха были отличительными атрибутами египетскихъ жрецовъ. Рео.

Глава III.

Баи, Ефремъ и Горнехтъ.

Въ числѣ сопровождавшихъ прорицателя, находился начальникъ стрѣлковъ, Горнехтъ. Оба они были въ наилучшихъ отношеніяхъ между собою, ибо военачальникъ стоялъ во главѣ знатнѣйшихъ изъ тѣхъ, которые поклялись свергнуть фараона.

Подойдя къ разоренному дому Навина, жрецъ указалъ военачальнику на развалины и проговорилъ:

— Владѣлецъ этой усадьбы, кажется, единственный еврей, которому я даровалъ бы пощаду. Онъ былъ достойный человекъ, а сынъ его, Осія...

— Онъ преданъ намъ, перебилъ начальникъ, — въ войскѣ фараона найдется немного лучшихъ людей и, — прибавилъ онъ, понижая голосъ, — я надѣюсь на него въ день расплаты.

— Объ этомъ поговоримъ наединѣ, возразилъ жрецъ. — Впрочемъ, я обязанъ ему особою благодарностью. Во время ливійской войны, какъ тебѣ извѣстно, я попалъ въ руки враговъ и Осія, съ какою-нибудь горстью своихъ воиновъ, высвободилъ меня изъ дикой толпы. — Жрецъ понизилъ голосъ и какъ-бы желая оправдать случившееся, продолжалъ свойственнымъ ему поучительнымъ тономъ: — Такъ все идетъ на землѣ! Если извѣстный кругъ людей заслужилъ кару, то вмѣстѣ съ ними и невинный терпитъ наказаніе, за то что принадлежалъ къ нимъ. Сами боги не умѣютъ въ такомъ случаѣ отличить правого отъ виновныхъ; мало того, даже ни въ чемъ неповинныя животныя несутъ свою долю бѣдствій. Посмотри на эти стаи голубей, кружащихся надъ мусоромъ; они тщетно ищутъ своей голубятни. А вонъ и кошка съ котятками! Поди, Беки, захвати ее съ собой; мы обязаны спасти священныхъ животныхъ отъ голодной смерти.

И тотъ самый человекъ, который только что съ дикою радостью мечталъ о гибели столькихъ людей, теперь съ нѣжною заботливостью отнесся къ судьбѣ безсловесныхъ тварей; онъ приказалъ остановить носилки и самъ наблюдалъ, какъ прислужникъ его сталъ ловить котятъ. Но это оказалось гораздо труднѣе, чѣмъ онъ предполагалъ. Котенокъ шмыгнулъ въ отверстие, ведшее въ погребъ, которое было настолько узко, что всякое преслѣдованіе казалось невозможнымъ. Однако, одинъ изъ слугъ, стройный молодой нубіецъ, не отказался отъ новой попытки. Но едва заглянулъ онъ въ отверстие, какъ откинулся назадъ и закричалъ своему господину:

— Тамъ человекъ лежитъ и, кажется, еще живой! Да, вотъ онъ поднялъ руку... Онъ мальчикъ или юноша и навѣрное не рабъ: волосы у него вьются густыми кудрями и... погодите, вотъ его солнцемъ освѣтило — на рукѣ его, пониже плеча, широкое золотое запястье.

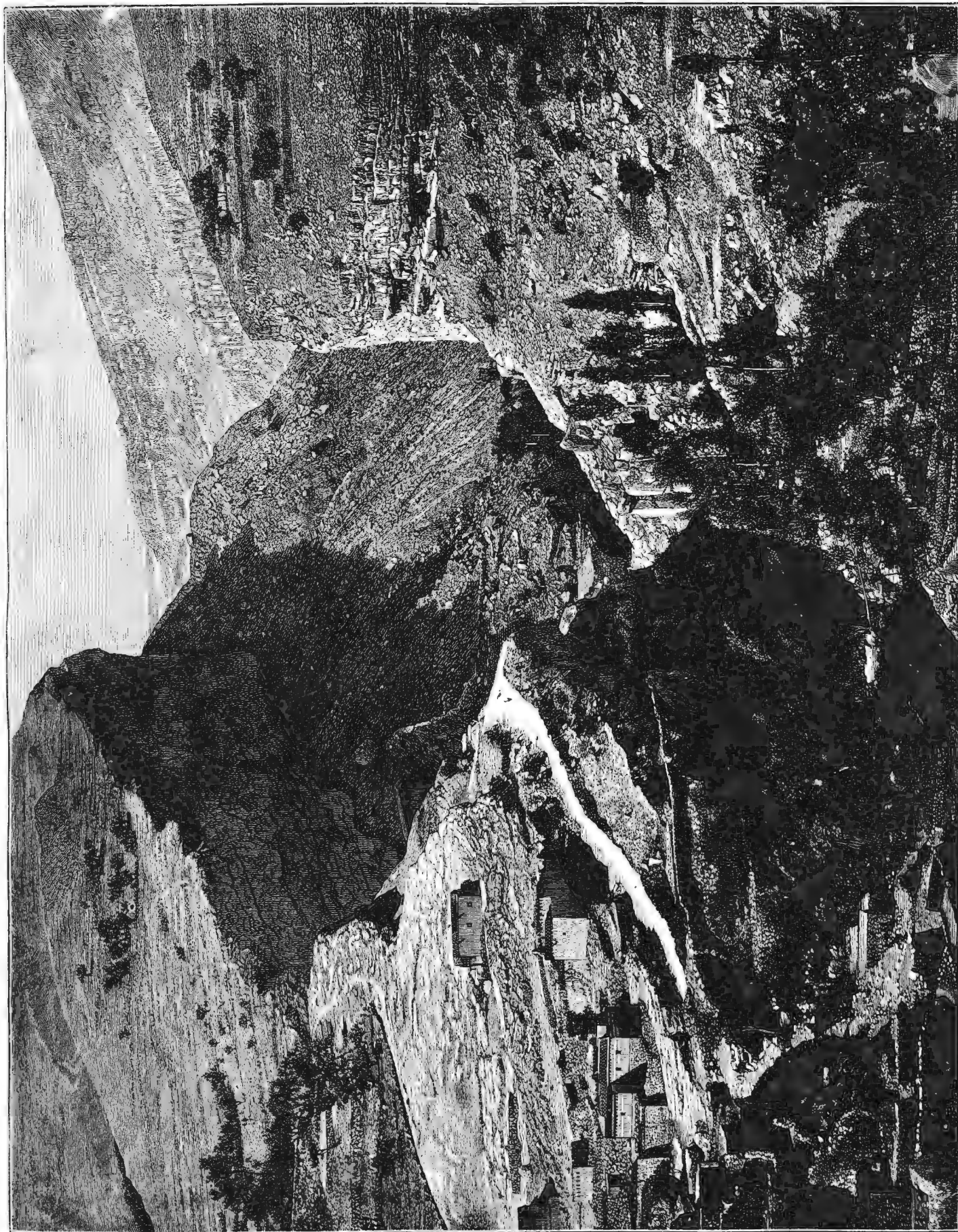
— Вѣроятно, кто-нибудь изъ семьи Навина, забытый здѣсь, сказалъ начальникъ стрѣлковъ.

А прорицатель Баи прибавилъ съ жаромъ:

— Такова воля боговъ! Священныя животныя указали мнѣ возможность оплатить добромъ человеку, которому я такъ много обязанъ. Попробуй проникнуть туда, Беки, и вытщи юношу.

Между тѣмъ, нубіецъ отвалилъ камень, заграждавшій отверстие входа въ погребъ, и вскорѣ передалъ товарищу безжизненное молодое тѣло, которое тотъ вытщилъ на близкій свѣтъ и перенесъ къ колодцу, гдѣ свѣжая вода вскорѣ привела юношу въ чувство.

Очнувшись отъ обморока, юноша протеръ себѣ глаза, посмотрѣвъ въ недоумѣніи вокругъ, какъ бы не совная гдѣ онъ находится, и потомъ, съ видомъ глубокаго отчаянія, опустилъ голову на грудь. Кудри его на затылкѣ слились подъ чернымъ египетскимъ запекшейся крови.

Ауль Наскентъ, Даргинскаго ояруга въ Среднемъ Дагестанѣ. Съ фотогр. Ропнова, грав. Рашевскій.

Прорицатель приказал обмыть у колодца глубокую рану, напесенную мальчику упавшим камнем и затѣмъ подозвалъ его къ своимъ носилкамъ, защищеннымъ отъ солнца наметомъ.

Молодой еврей пришелъ еще до восхода солнца, послѣ долгаго пути изъ Пнѳома, называемаго евреями Соххоомъ, въ домъ своего дѣда, Навина, съ порученіемъ; во идя домъ пустынь, онъ прилежъ отдохнуть въ безлюдныхъ покояхъ. Разбуженный криками освиригившей толпы, услышавъ проклятія своему народу, которымъ оглашался весь домъ, онъ искалъ убѣжища въ погребѣ, а сорвавшись сверху камень, ранивъ его при паденіи, вмѣстѣ съ тѣмъ и спасъ его, такъ какъ столбъ пыли, поднявшійся кругомъ, скрылъ юношу отъ глазъ грабителей.

Прорицатель внимательно осматривалъ раненаго и, хотя тотъ стоялъ передъ нимъ испачканный, блѣдный, съ окровавленною повязкою на головѣ, жрецъ убѣдился, что имъ возвращенъ къ жизни прекрасно сложенный, поразительно красивый мальчикъ, или скорѣе юноша.

Подъ вліяніемъ живѣншаго участія, прорицатель смягчилъ суровость своего взгляда и милостиво спросилъ мальчика, откуда онъ и что привело его въ Танисъ, такъ какъ по лицу спасеннаго трудно было рѣшить къ какому племени онъ принадлежитъ. Юноша беззаказанно могъ-бы выдать себя за египтянина; но онъ откровенно сознался, что приходится внукомъ Навину. Ему только что минуло восемнадцать лѣтъ и зовутъ его Ефремомъ, какъ и праотца его, сына Юсифова; онъ пришелъ новидаться съ дѣдомъ.

Въ словахъ юноши слышалось сознание собственного достоинства и гордое довольство своимъ высокимъ происхожденіемъ.

На вопросъ, не принесъ-ли онъ какихъ-либо вѣстей, Ефремъ поведилъ нѣсколько отвѣтомъ, но потомъ овладѣлъ собой, безбоязненно взглянулъ въ лицо прорицателя и отвѣчалъ твердо и рѣшительно:

— Меня учили говорить правду, а потому, кто-бы ты ни былъ, знай, что у меня въ Танисѣ есть еще одинъ кровный другъ, Осія, сынъ Навина, тотъ что служить въ войскѣ фараона, вотъ ему-то я и долженъ сообщить кое-что.

— Знай-же и ты, возразилъ жрецъ, — что именно ради этого Осія я остановился здѣсь и приказалъ вытащить тебя изъ разрушеннаго дома. Я обязанъ ему благодарностью, и хотя большая часть твоего народа заслуживаетъ тяжкаго возмездія, но ради его доблестей ты будешь пользоваться между нами свободою и безопасностью.

Мальчикъ бросилъ на говорившаго гордый, пламенный взоръ, но не успѣлъ вымолвить и слова, такъ какъ жрецъ продолжалъ съ прежнею благосклонностью:

— По глазамъ твоимъ, отрокъ, я вижу, что ты намѣренъ, при посредствѣ твоего дѣда Осія, поступить въ ряды войскъ фараоновыхъ. Твой ростъ и станъ какъ нельзя болѣе приличны воинѣ, а въ храбрости у тебя тоже, кажется, нѣтъ недостатка.

По губамъ Ефрема пробѣжала усмѣшка польщеннаго тщеславія и, верти, можетъ быть безсознательно, широкое золотое записье пониже плеча, онъ отвѣчалъ съ жаромъ:

— Храбрость свою, господинъ, я частенько доказывалъ на охотѣ; но у насъ дома и безъ того довольно овецъ и другого скота, и все это теперь мое, а потому мнѣ гораздо пріятнѣе пользоваться свободой и самому приказывать моимъ пастухамъ, нежели дѣлать то, что мнѣ прикажутъ другіе.

— Такъ, такъ, возразилъ жрецъ, — но Осія вѣроятно научитъ тебя чему-нибудь лучшему. Повелѣвай! прекрасная дѣла для юноши. Жаль только, что достигшіе этой дѣли становятся тѣмъ горше обремененными рабами, тѣмъ болѣе подчиняющихся имъ. Ты понимаешь меня, Горнехтъ, а ты, отрокъ, поймешь впоследствии, когда изъ дичка обратишься въ палому, которую ты общаешь быть. Однако время идетъ. Кто послалъ тебя къ Осію?

Юноша вѣрнопительно опустилъ глаза въ землю; но, на замѣчаніе прорицателя: „А гдѣ-же правда, которой тебя учили?“ отвѣчалъ прежнимъ твердымъ и рѣшительнымъ тономъ:

— Я сдѣлалъ этотъ путь по просьбѣ женщины, которой ты не знаешь.

— Женщины? повторилъ прорицатель и многозначительно взглянулъ на военачальника. — Когда храбрый воинъ и красивая женщина идутъ другъ друга, Аторы *) не заставляютъ себя ждать и соединяютъ ихъ веревочными узлами. Но служители боговъ не подобаютъ слѣдить за такими дѣлами и потому я не допрашиваю тебя дальше. Горнехтъ, поучаю его тебѣ; помоги ему довести до конца данное ему порученіе къ Осію. Вопросъ только въ томъ: прибавь ли онъ уже?

— Нѣтъ еще, возразилъ воинъ, — но не далѣе какъ сегодня ожидаютъ возвращенія его отрядовъ.

— И такъ, воскликнулъ прорицатель, обращаясь къ мальчику, — Аторы, всегда покровительствующія посланцамъ любви, вѣрноподно сведутъ тебя съ нимъ не позже какъ завтра.

— Мое посольство вовсе не изъ любовныхъ! возразилъ юноша съ негодованіемъ.

Жреца позабавилъ задорный отвѣтъ мальчика и онъ проговорилъ со смѣхомъ:

*) Египетскія богини любви, которыя изображались съ веревками въ рукахъ. *Аот.*

— Правда, я и забыть, что бесѣдную съ пастушьямъ паремъ. — Затѣмъ уже гораздо степеннѣе: — Когда ты увидишь Осію, продолжалъ онъ, — передай ему мой привѣтъ и скажи, что Ван, второй жрецъ Аммуна, освобожденный имъ отъ рубль ливійцевъ, рассчитывалъ уплатить своему спасителю часть долга, охранивъ тебя — его племянника. Можеть-быть ты и не знаешь, смѣлый мальчикъ, что избавился какъ бы чудомъ отъ двойной опасности. Разъяренная толпа не пощадилъ бы тебя, точно также какъ и обломки разрушеннаго дома, подъ которыми ты могъ задохнуться. Запомни это хорошенько, и еще передай Осію отъ моего имени, что когда онъ увидитъ всю бездну горя и отчаянія, въ которую повергло волшебство одного изъ твоихъ какъ домъ фараона — которому онъ клялся въ вѣрности — такъ и этотъ городъ и всю страну, я увѣренъ, что онъ съ ужасомъ и отвращеніемъ отвернется отъ своихъ соплеменниковъ. Они трусливо бѣжали, нанеся тяжкіе удары тѣмъ, у кого они пользовались миромъ и покровительствомъ, и ограбивъ тѣхъ, кто давалъ имъ хлѣбъ и работу. Вотъ что надѣлали евреи — и если я не ошибаюсь въ Осію, онъ повернется спиной къ совершившимъ все это. Скажи ему также, что такъ поступилъ уже, собственнымъ починомъ, всѣ младшіе еврейскіе начальники и наемники, служащіе подъ знаменами сирійца Аарзу. Сегодня утромъ — Осія услышитъ это и отъ другихъ — они не только приносили жертвы своимъ Вааламъ и Сету, которому многіе изъ васъ такъ охотно поклонялись, пока несчастный Мезу не совратилъ васъ, но и отцу Аммуна, и священному члену девяти нашихъ вѣчныхъ боговъ; если и Осія поступитъ такъ же, то пусть будетъ увѣренъ, что мы съ нимъ, рука объ руку, поднимемся высоко, чего онъ вполне достоинъ. Остальную часть моей признательности я улачу ему другимъ путемъ, который пока долженъ оставаться въ тайнѣ. Сегодня ты можешь, однако, увѣрить своего дѣда, что я сумѣю охранить достоинства Навина, его отца, когда кара боговъ и царя постигнетъ остальныхъ сыновъ твоего народа. Скажи ему, что уже оттачивается мечъ и готовится безошадный судъ. Пусть онъ подумаетъ, что могутъ сдѣлать бѣглецы пастухи противъ военной силы, однимъ изъ вождей которой будетъ онъ самъ. Скажи мнѣ, сынъ мой, живъ ли твой родитель?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Ефремъ дрожащимъ голосомъ, — его давно уже отнесли на кладбище.

Лихорадка-ли вслѣдствіе полученной раны, позоръ-ли принадлежности къ народу, совершившему столь постыдныя дѣянія или, напротивъ того, гнѣвъ и негодованіе на слова осужденія его народу, заставляли краснѣть и блѣднѣть мальчика и приводили его въ такое волненіе, что онъ едва могъ говорить? Все равно! Какъ бы то ни было, онъ не могъ быть надежнымъ вѣстникомъ того, что прорицатель хотѣлъ передать его дѣду. Поэтому жрецъ сдѣлалъ знакъ начальнику стрѣлковъ и отошелъ съ нимъ подъ тѣнь широколиственной сикоморы. Надо было во что бы то ни стало удержать Осію въ войскѣ, а потому, положивъ руку на плечо своего друга, жрецъ проговорилъ:

— Ты знаешь, что тебя и другихъ привлекла на пашу сторону моя жена. Она служитъ намъ лучше и усерднѣе многихъ мужей. Твоя дочь такъже прелестна и привлекаетъ сердца очарованіемъ своей невинности.

— Ты хочешь, чтобы и Казана приняла участіе въ заговорѣ? спросилъ военачальникъ недовольнымъ тономъ.

— Но не дѣятельное, какъ моя жена; конечно, нѣтъ.

— Она и не годилась бы для этого, возразилъ тотъ болѣе спокойнымъ тономъ, она совѣтъ дитя.

— А между тѣмъ, она могла бы привлечь къ нашему дѣлу человека, помощь котораго я считаю необходимою.

— Ты говоришь объ Осію? спросилъ военачальникъ, и чело его снова омрачилось.

Но прорицатель продолжалъ:

— А если-бы и такъ? Развѣ онъ еще остался настоящимъ евреемъ? Развѣ ты находишь недостойнымъ дочери уважаемаго воина отдать руку человѣку котораго мы, если наше предпріятіе удастся, поставимъ во главѣ всего наемнаго войска?

— Нѣтъ, владыка, возразилъ воинъ, — но въ числѣ причинъ, по которымъ я возсталъ противъ фараона и обратился къ Сиптаху, заключается и та, что мать перваго была чужестранка, а въ жилахъ втораго течетъ наша кровь. Кровью матери опредѣляется кровь человѣка. Мать же Осія была еврейка. Я называю его своимъ другомъ, я умѣю цѣнить его достоинства, Казана расположена къ нему...

— Но ты все-таки желалъ-бы зятя познатнѣе? перебилъ его жрецъ. — Какъ же можешь утѣшить наше трудное предпріятіе, если тѣмъ, кто долженъ быть готовъ поставить на конъ самую жизнь, тяжела и первая жертва? Ты говоришь, что дочь твоя расположена къ Осію?

— По крайней мѣрѣ была расположена! воскликнулъ тотъ. Да, сердце ея стремилось къ Осію, но я сумѣлъ принудить ее къ повиновенію, и теперь, когда она довольна, ты хочешь, чтобы я самъ отдалъ ее тому, отъ кого, видятъ боги, съ какой борьбой я заставилъ ее отказаться! Съ которыхъ поръ что-либо подобное стало возможнымъ въ Египтѣ?

— Съ тѣхъ поръ, какъ мужи и жены на Нилѣ, возразилъ

жрецъ,—научились, ради великаго дѣла, подчиняться требованіямъ противорѣчающимъ ихъ желаніямъ. Обдумай все это, а также и то, что прародительницей Осии—какъ ошь самъ хвалился въ твоёмъ присутствіи—была египтянка, дочь одного изъ жрецовъ.

— А сколько покатѣній сошло съ тѣхъ поръ въ могилу?!

— Все равно. Во всякомъ случаѣ, это обстоятельство приближаетъ его къ намъ—и этого довольно. А пока до свиданія! Ты не откажешь племяннику Осии въ своемъ гостепріимствѣ и въ ласковомъ уходѣ твоей прекрасной дочери, въ которомъ онь такъ нуждается.

(Продолженіе будетъ).

Къ рисункамъ.

Литературный альбомъ. „Бахчисарайскій фонтанъ“.

(Рис. на стр. 4 и 5).

Рисунокъ Лоренца, въ прекрасной гравюрѣ Паара, изображаетъ одну изъ женъ Крымскаго хана Гирея, грузинку Зарему. Въ унылой тишинѣ гарема она цвѣла,

Ни думать, ни желать не смѣла...

Подъ стражей бдительной и хладной,

На ложѣ скуки безотрадной...

и никто изъ робкихъ женъ Гирея не могъ сравниться красотой съ Заремой,

Звѣздой любви, красой гарема!

Ея плѣнительныя очи

Яснѣ дня, чернѣ ночи.

Чей голосъ выразитъ сильнѣй

Порывы пламенныхъ желаній?

Чей страстный поцѣлуй живѣй

Ея явительныхъ лобзаній!

Зарема долго была любимой женою хана, по

Тѣмъ блаженства миновалась.

Съ тѣхъ поръ, какъ польская княжна

Въ его гаремъ заключена.

Русская боярыня. (Рис. на стр. 9).

К. В. Лебедевъ принадлежитъ къ весьма тѣсному кружку молодыхъ русскихъ живописцевъ, которые посвящаютъ свой талантъ на изученіе русской старины и изучаютъ ее толково, серьезно, сживаются съ нею и сердцемъ, и душою, умѣютъ находить въ ней прекрасное, изящное, достойное карандаша и кисти художника.

Предлагаемый нами рисунокъ К. В. Лебедева очень живо передаетъ отношеніе этого талантливаго художника къ нашей русской старинѣ. Передъ нами молодая и прекрасная русская женщина—боярыня-ли, царевна-ли—въ роскошномъ, богатомъ, величавомъ русскомъ нарядѣ. Красивыми, мягкими складками прикрываетъ шелковая, дорогая ткань все формы ея стана; ослѣще изъ темнаго безцвѣтнаго соболя украшаетъ ея высокую грудь; жемчужное ожерелье обхватываетъ ея шею, а высокая, вплзшая жемчужомъ и саженая каменными повязка прекрасно обрамляетъ ея лицо жемчужными поднизями и подвѣсками, спадающими на плеча. Бѣлая шелковая, тонкая фата дополняетъ нарядъ боярыни, смягчая и сглаживая впечатлѣніе его силошной, однотонной массы. Небрежно раскинувшись на богатою креслѣ, тонкими пальцами правой руки перебирая нити крупныхъ бурмицкихъ зеренъ, сложившия въ рѣзкомъ ларцѣ съ другими драгоценностями, молодая женщина задумалась... Дорогое онахало, которымъ она за минуту передъ тѣмъ кокетливо обмахивалась, лежитъ недвижно въ ея откинувшейся рукѣ; глаза неопредѣленно и томно устремлены вдалѣ; полуоткрытыя уста какъ будто шепчуть что-то... Крылатые мысли далеко-далеко уносятъ молодую женщину за предѣлы наряднаго терема, украшеннаго богатыхъ шатерныхъ нарядомъ, устланнаго дорогими коврами... Красавица задумалась—о чемъ? о комъ? Это ея тайна, въ которую художникъ дать намъ возможность только мелькомъ заглянуть, только намекнуть въ ея позѣ и выраженіи ея милого лица.

На Фонтанкѣ. (Рис. на стр. 12).

У Лѣтняго сада, въ Петербургѣ, изъ Большой Невы выте-

каетъ притокъ Фонтанка. Направляясь сперва къ югу, а затѣмъ къ юго-западу, Фонтанка до своего слиянія вновь съ Невой, раздѣляется на два рукава, обтекающіе Галерный островъ. Во всю свою длину, болѣе шести верстъ, она достаточно широка и глубока для движенія по ней даже большихъ барокъ, и во время навигаціи на ней замѣтна кипучая дѣятельность, въ особенности по разгрузкѣ разнаго товара, преимущественно дровъ и строительныхъ матеріаловъ.

Рисунокъ Броунига бойко передаетъ оживленное движеніе на Фонтанкѣ у Аничкова моста, украшеннаго четырьмя замѣчательными конными статуями работы барона П. Клодта фонъ-Юргенсбургга. Почти во всю ширину течения она установлена барками, пристанями и живоробными садками, между которыми, извиваясь, шмыгаютъ филипдеки пароходики съ пассажирами.

Князь Василій Шуйскій, помилованный на плахѣ.

(Рис. на стр. 13).

Художникъ изобразилъ одинъ изъ весьма трагическихъ эпизодовъ нашей исторіи XVII вѣка, богатой картинами и яркими красками. Векоръ послѣ того, какъ Самозванецъ торжественно вступилъ въ Москву, радостно и шумно привѣтствуемый всѣми, первые шагъ новаго властелина уже ясно показали боярамъ, что оны не дадутъ имъ воли и, какъ человекъ вышедшій изъ низшихъ слоевъ общества, не будетъ относиться съ особеннымъ уваженіемъ къ родовитымъ и знатымъ представителямъ русскаго боярства. Это, конечно, возбудило въ боярствѣ большое недовольство Самозванцемъ. Выразителемъ недовольства явился князь Василій Шуйскій, который, вмѣстѣ съ Метиславскими и Голлицыными, принадлежалъ къ числу наиболѣе знатныхъ и наиболѣе гордыхъ представителей современной русской знати. Василій Шуйскій, какъ человекъ очень предприимчивый и ловкій (при Годуновѣ угождавшій Годунову, при появленіи Самозванца угождавшій Самозванцу), задумалъ воспользоваться нѣкоторыми промахами и слабостями Лжедмитрія, и сталъ распускать о немъ въ народѣ неблагопріятные для него слухи, составляя въ то же время заговоръ въ средѣ знати. Слухи дошли до Лжедмитрія, заговоръ былъ открытъ въ самомъ началѣ, Шуйскій схваченъ и подверженъ пыткѣ—и во всемъ сознался. Боярская дума произнесла надъ нимъ приговоръ—Шуйскія очутился на плахѣ, среди той Лобной (нынѣ Красной) площади, на которой спесено было такъ много боярскихъ головъ... Толпа, жадная до всякихъ кровавыхъ зрѣлищъ, волнуясь и гудя тысячами голосовъ, окружила палача, на которомъ тучный князь, уже разоблаченный палачемъ, медленно склоняется головою на плаху, между тѣмъ какъ дьякъ, присутствующій при казни, громко и внятно читаетъ обвинительный приговоръ, въ которомъ перечислены все вѣины князя. Чтеніе приговора окончено, палачъ беретъ за топоръ—еще мгновеніе, и расчеты съ жизнью будутъ окончены. Все замерло въ ожиданіи... Но вотъ отъ Кремля скачетъ верховой и машетъ издали указомъ. „Помилувань, помилувань!“ разносится повсюду шепотъ въ толпѣ. Дѣйствительно, посланный Лжедмитріемъ гонецъ подѣзжаетъ къ помосту, всходитъ по ступенямъ его и останавливаетъ топоръ, занесенный надъ головою Шуйскаго, который поднимается съ плахи, окрыляемый надеждою—нежданной, негаданной, неза заслуженной милости... Народъ, пришедшій поглазѣть на казнь, шумно ликуетъ, привѣтствуя помилувань... Нужно-ли добавлять къ этому трагическому эпизоду, что Шуйскій, помилованный вѣрными и легкомысленнымъ Лжедмитріемъ, впоследствии отплатилъ ему тѣмъ, что составилъ новый заговоръ, жертвою котораго и палъ Лжедмитрій.

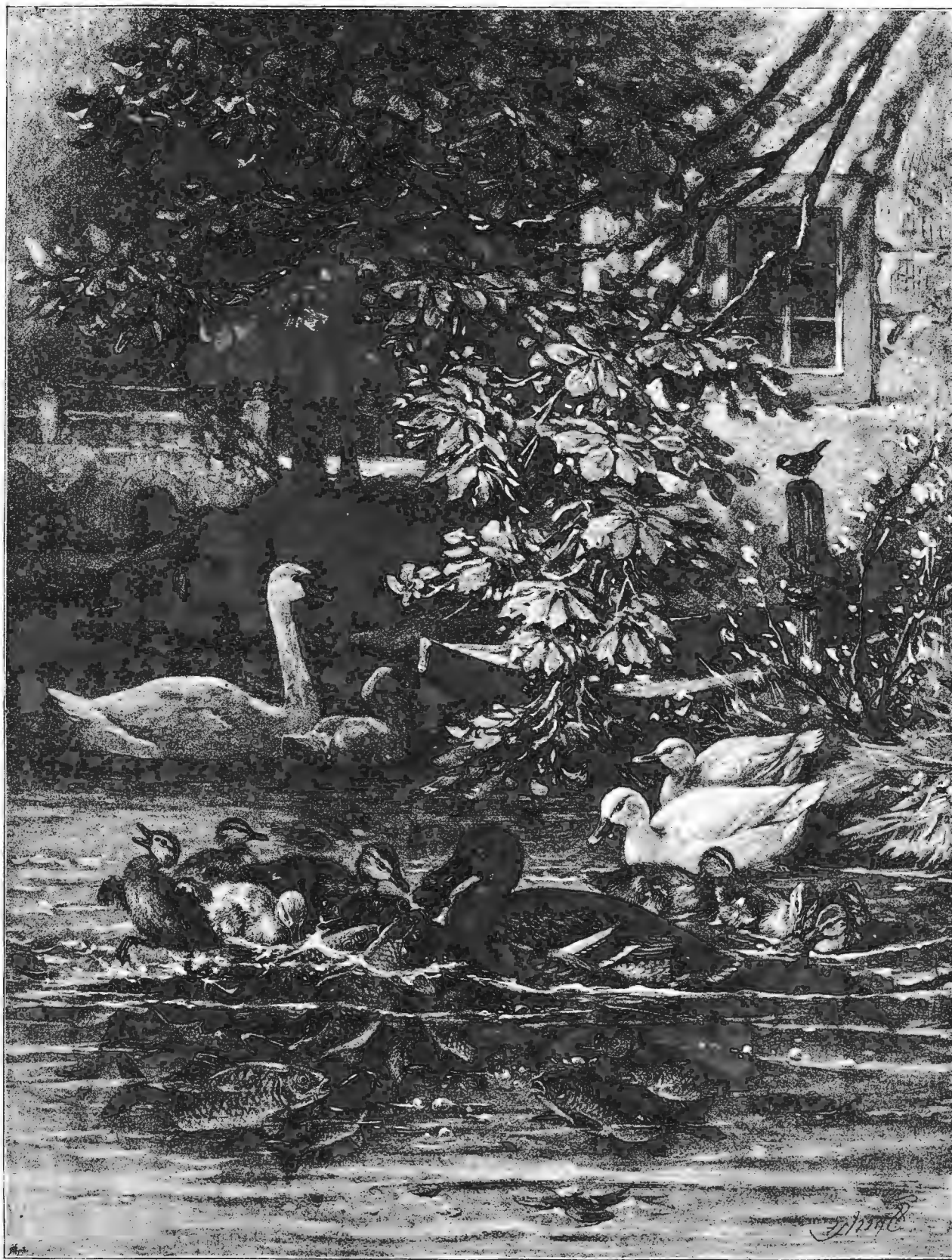
Аулъ Наскентъ, Даргинскаго округа.

(Рис. на стр. 17).

Если гдѣ горная природа дѣйствительно и недоступна и сурова, такъ это въ восточной части Кавказскаго хребта, въ Дагестанѣ. Собственно слово *Дагестанъ*, т. е. страна горъ, и характеризуетъ эту природу. Голыя скалы, утесы, расщелины, пропасти, на днѣ которыхъ шумятъ потоки, отсутствіе растительности, камни, камни и все камни—вотъ каковы Дагестанъ въ сѣверной своей части и въ особенности въ центрѣ ея, гдѣ расположенъ Даргинскій округъ. Онь состоитъ изъ пяти наиболѣе, а населеніе каждаго наибства расположено въ выселкахъ и хуторахъ, называемыхъ по аварски: *маги, мани, кунги*; селенія-же, гдѣ оно болѣе скучено, носятъ названіе *аулъ*. Эта мѣстность была по своей недоступности когда-то гнѣздомъ Шамилъ, къ которому въ 1845 году самъ князь Воронцовъ дѣлалъ большую и весьма неудачную экспедицію; но для русскихъ войскъ не существуетъ никакихъ препятствій—въ 1859 году они покорили Дагестанъ, и теперь мы имѣемъ возможность на страницахъ нашего журнала помѣтить фотографію одного изъ недоступнѣйшихъ ауловъ—Наскента. Читатель по самой фотографіи можетъ судить объ его обстановкѣ: скалы, камни, утесы; растительности очень мало; сакли разбросаны кое-гдѣ и какъ понало... Спросить, чѣмъ же эти люди живутъ и какова ихъ культура? На это мы отвѣтимъ, что аулъ Наскентъ, въ которомъ считается 924 души обоаго пола, расположенъ на истокахъ рѣки Гудень-Озень; она на фотографіи и

видна и находится въ глубинѣ ущелья. По берегамъ ея и возникла мѣстная культура. Тутъ человекъ искусственно создалъ почву изъ навоза и земли нанесенной съ разныхъ мѣстъ горстями. На этихъ, такъ сказать, парникахъ и держится вся культура и идетъ сравнительно очень далеко: хлѣбъ-

сопровождающихъ маленькаго ишака (осла), везущаго на своей спинѣ эти продукты, а тамъ, куда они свозятся для продажи, можно только дивиться разнообразію и прекрасному ихъ качеству. Все это указываетъ на замѣчательное трудолюбіе жителей. Но природа здѣсь чрезвычайно сурова, лѣто не

Карпы и утки. Рис. и грав. Шехтъ.

няя растенія, овощи, плодовые деревья, вы все тутъ найдете, и ближайшія отсюда наши укрѣпленія, въ числѣ которыхъ находится и Хаджалъ-Махи, основанное здѣсь въ 1847 году, служатъ рынкомъ для ихъ сбыта. Туристъ, попавшій въ эту часть Дагестана, во многихъ еще мѣстахъ профзажающій не горнымъ тропинкамъ, часто встрѣчаетъ женщинъ и дѣтей,

продолжительно, горы заносятся снѣгами, а тогда земледѣльческая культура оказывается недостаточною и жители восполняютъ ее другими производствами. Они выдѣлываютъ кожи, сафьянъ, валяютъ бурки, нѣкоторые занимаются изготовленіемъ оружія, и въ особенности прекрасныхъ клинковъ, а часть изъ нихъ идетъ также и въ отхожіи промыслы. Наскеницы,

как и другіе земляки ихъ, аварцы, спускаются обыкновенно въ долину цѣлыми артелями и подражаютъ на различныхъ работахъ въ Петровскѣ, Темиръ-Ханъ-Шуръ и другихъ береговыхъ пунктахъ Каспія. Они отличаются замѣчательною честностью, умѣренностью и выносливостью.

Карпы и утки.

(Рис. на стр. 20).

Извѣстно, что карповъ, содержащихся въ сажалкахъ и искусственныхъ прудахъ, легко приучить, чтобы они по звонку выплывали на поверхность воды и хватали бросаемый имъ мякоть хлѣба и тому подобныя лакомства. Но кормъ этотъ перѣдко соблазняетъ и прожорливыхъ утокъ, которыя тоже привыкаютъ отличать звонки, призывающіе рыбу на мѣсто кормежки, и стремглавъ бросаются туда же, хлопая крыльями по водѣ. И вотъ между рыбой и птицей начинается борьба за кусокъ хлѣба, изображенная на нашемъ рисункѣ.

С. П. Боткинъ.

(Портр. на стр. 21).

Около тридцати лѣтъ тому назадъ въ петербургской Медико-Хирургической Академіи повѣяло новымъ, свѣжимъ духомъ. Въ мѣсто прежней официальной науки, въ клиникахъ и лабораторіяхъ закинула небывалая дѣятельность, раздалось живое научное слово въ аудиторіяхъ. Вотъ что говорилъ на первой лекціи своей одинъ изъ тогдашнихъ молодыхъ профессоровъ, С. П. Боткинъ, при открытіи академическаго года, внушая своимъ слушателямъ истинную любовь къ наукѣ, самое серьезное и добросовѣстное отношеніе къ дѣлу, указывая имъ путь къ достиженію высокой цѣли — облегчать страданія ближняго. „Клиника—говорилъ профессоръ—представляетъ редство для достиженія этой благородной цѣли; она даетъ возможность приложить къ дѣлу всю сумму теоретическихъ свѣдѣній, усвоенныхъ ранѣе. Поэтому клиническая медицина есть связывающее звено теории съ практикой и имѣетъ главнойю цѣлью — научить леченію больного. Громадный запасъ свѣдѣній необходимъ для того, чтобы приступить къ этой окончательной цѣли медицинскихъ наукъ. Для забавленія больного отъ случайностей, и себя отъ лишняго угрызненія совѣсти, для принесенія истинной пользы человечеству существуетъ одинъ только путь — путь научный, а потому въ клиникѣ необходимо научиться рациональной практической медицинѣ, занимающей одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ въ ряду естественныхъ наукъ. А если прак-

С. П. Боткинъ. († 12 декабря 1889 г.).

широкою, всероссійскою извѣстностью и стоялъ на ряду съ знаменитостями врачебной науки въ Западной Европѣ. Нашему отечеству онъ долженъ быть особенно дорогъ потому, что онъ одинъ изъ первыхъ положилъ начало самостоятельному развитію и преуспеванію русской медицины, открывъ собою новый періодъ въ исторіи ея, періодъ освобожденія нашей медицины отъ иноземнаго вліянія. Своимъ замѣчательнымъ твореніемъ „Курсъ клиники внутреннихъ болѣзней“ и другими въ высшей степеніи выдающимися трудами онъ доказалъ, что и у насъ есть своя научная медицина, поставленная на прочную почву. Вліяніе Боткина на ея развитіе и крѣпкій ростъ было громадно; онъ умѣлъ овладѣть вниманіемъ слушателей, выводить ихъ мышленіе на дорогу прямо ведущую къ цѣли и незамѣтно дѣлать ихъ участниками той неслыханной работы, въ видѣ которой было вѣрное распознаваніе болѣзни, болѣею частью оправдываемое до мелочей при вскрытіи. При своей громадной эрудиціи, просвѣщенномъ, проникательномъ умѣ и стремленіи постоянно совершенствоваться, онъ обладалъ рѣдкимъ талантомъ передавать слушателямъ и свои познанія, и свой опытъ. Его лекціи, всегда превосходно обработанныя во всѣхъ отношеніяхъ, даже въ стилистическомъ, отличались богатствомъ внутренняго содержанія; его науч-

А. П. Доброславинъ. († 4 декабря 1889 г.).
Съ фот. А. Яковина, грав. Шюблеръ.

ный, главным образом, опытный методъ, заимствованный имъ у его знаменитаго учителя Клода Бернара, и идеальная научная добросовѣстность производили глубокое, неизгладимое впечатлѣніе на учащуюся молодежь и начинающихъ карьеру врачей, которымъ Боткинъ обыкновенно давалъ задачи для самостоятельной разработки и которые въ клиникѣ славнаго профессора и устроенной на его средства лабораторіи могли услышать послѣднее слово науки, всегда находили неисчерпаемый источникъ разработки различныхъ вопросовъ медицины, и теоретической, и практической. Такимъ образомъ, Боткинъ создалъ свою школу, далъ намъ не мало почтенныхъ, опытныхъ врачей, изъ которыхъ многие заняли уже профессорскія кафедры или завѣдуютъ обширными медицинскими учреждениями, составивъ себѣ имя и въ медицинской литературѣ. Съ первыхъ шаговъ своего возникновенія, эта школа имѣла уже большое значеніе, придавая врачу авторитетъ весьма прочный, такъ что ученики Боткина пользовались всегда вниманіемъ общества и ученыхъ. Врагъ рутинны въ наукѣ, Боткинъ однакоже не любилъ оригинальничанья, былъ остороженъ въ произнесеніи приговоровъ и не пренебрегалъ поисками средствъ даже въ простонародныхъ способахъ леченія, изслѣдуя ихъ и научно, и практически. Заботясь объ оздоровленіи города, онъ неутомимо слѣдилъ за статистикой заболѣваній и предостерегалъ публику путемъ печати, если онъ въ этихъ заболѣваніяхъ усматривалъ эпидемическій характеръ, заставляя общество во время осмотра выѣхать и принимать предохранительныя мѣры. Какъ практическій врачъ, Боткинъ пользовался самою широкою популярностью и огромнымъ успѣхомъ. Но его многочисленныя ученики, друзья, масса пациентовъ его и всѣ, сколько нибудь знавшіе его, глубоко цѣнили Боткина не только какъ врача и ученаго, слава котораго гремѣла и у насъ, и за границей,—его цѣнили и горячо любили какъ прекраснаго, простаго, отзывчиваго на все доброе, чрезвычайно сострадательнаго человека, съ рѣдкою душою, чисто русскою, прямою, открытою, благородною, никогда не кичившагося своими знаніями, своимъ авторитетомъ, положеніемъ и богатствомъ. Имѣя громадную практику, многочисленныя занятія, Боткинъ нѣрѣдко не только даромъ лечилъ бѣдныхъ, но и оказывалъ матеріальную помощь такого рода пациентамъ. И вотъ, не стало человѣка съ такою чудной душою, съ такимъ рѣдкимъ умомъ и характеромъ совершенно *русскаго* склада, внушавшаго столько симпатій къ своей свѣтлой, обаятельной личности. Боткинъ погибъ безвременно: ему было только 57 лѣтъ. Сергій Петровичъ родился въ 1832 году въ купеческой семьѣ, предки которой жили въ Псковской губерніи и были крестьянами. Дѣдъ Сергѣя Петровича Боткина занимался чайною торговлею, которую продолжалъ и значительно расширилъ въ Москвѣ и сынъ его. Первоначальное воспитаніе Сергѣй Петровичъ получалъ въ частномъ пансіонѣ Энциеса, а дальнѣйшее въ Московскомъ университетѣ (по медицинскому факультету), сохранившемъ прекрасныя предавія и завѣты кружковъ Станкевича и Грановскаго, проводникомъ которыхъ былъ также и Василій Петровичъ Боткинъ, братъ знаменитаго нашего врача,—такъ что на образованіе характера Сергѣя Петровича эти традиціи лучшаго времени имѣли не малое вліяніе. Сергѣй Петровичъ окончилъ курсъ въ 1855 году, работалъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, подъ руководствомъ незабвеннаго Пирогова, затѣмъ, по окончаніи войны, совершенствовался за границей, работая у Клода Бернара, Траубе, Вирхова и другихъ. Въ 1860 г., возвратясь на родину, онъ приглашенъ былъ въ Медико-Хирургическую Академію адъюнктомъ профессора Шипулинскаго, мѣсто котораго онъ занялъ по смерти послѣдняго, получилъ потомъ въ завѣдываніе клинику и сдѣланъ членомъ Военно-Медицинскаго комитета и Медицинскаго Совѣта. Кромѣ того, Боткинъ былъ гласнымъ петербургской думы, участвовалъ въ санитарной, больничной и прочихъ комиссіяхъ и принесъ въ этихъ должностяхъ много пользы и добра нашей столицѣ. Боткинъ скончался 12 декабря въ Ментонѣ, во Франціи, отъ нарыва сердца. Имя Боткина, какъ одного изъ людей, которые рождаются только вѣками, вѣчно будетъ жить въ нашей исторіи, въ нашей памяти народной. Онъ былъ *истинно русскій* человѣкъ въ глубокомъ, лучшемъ значеніи слова.

П. Быковъ.

А. П. Доброславинъ. (Портр. на стр. 21).

Неумолимая смерть продолжаетъ опустошать ряды дѣятелей русской медицинской науки. Въ ночь на 4 декабря истекшаго года, отъ брюшнаго тифа, осложнившагося другими болѣзнями, скончался Алексѣй Петровичъ Доброславинъ, ординарный профессоръ Военно-Медицинской Академіи, извѣстный нашъ гигиенистъ, совѣтательный членъ Военно-Медицинскаго ученаго комитета и инспекторъ Главнаго тюремнаго управленія. Въ его лицѣ и отечественная наука, и общество потеряли дѣятеля въ высшей степени безкорыстнаго, энергичнаго и даровитаго. Первый гигиенистъ въ Россіи, онъ всю жизнь употребилъ на разработку вопросовъ своей специальности, на изученіе санитарныхъ условий нашей повседневной жизни; всю жизнь онъ старался распространять среди публики гигиеническія понятія, для чего читалъ общедоступныя лекціи, печата-

лъ статьи касающіяся охраненія народнаго здравія и редактировалъ, созданный имъ, первый въ Россіи гигиеническій журналъ *Здоровье*. Въ продолженіе многихъ лѣтъ трудился онъ надъ созданіемъ русской гигиенической школы, и былъ кафедрой гигиены въ Казани, Харьковѣ и Варшавѣ заняты его учениками. Нельзя не подивиться той энергіи и неутомимости съ какими профессоръ Доброславинъ трудился на избранномъ имъ поприщѣ, его способности управлять со множествомъ разнообразныхъ и далеко не легкихъ обязанностей. Онъ былъ основателемъ „Общества охраненія народнаго здравія“, учредителемъ нормальной столовой при Обществѣ, открывалъ санитарныя станціи-лабораторіи, устраивалъ врачебно-гигиеническую выставку, производилъ сотни анализовъ, исполнялъ въ теченіе девяти лѣтъ должность ученаго секретаря Медицинской Академіи и несъ обязанности безѣмпаго председателя постоянной комиссіи петербургскаго земства, предсѣдая также на съѣздахъ петербургскихъ врачей, въ Обществѣ охраненія народнаго здравія, котораго онъ былъ душою, и проч. Во время эпидеміи въ Ветлянкѣ, онъ боролся съ чумою, въ послѣднюю войну занимался дезинфекціей полей битвъ на Кавказѣ и въ Азіатской Турціи, принималъ на себя цѣлый рядъ командировокъ по осмотру лазаретовъ и размѣщенію войскъ, усердно хлопоталъ о примѣненіи гигиены въ войскахъ четырехъ военныхъ округовъ и на Кавказѣ, а также въ тюрьмахъ. Кромѣ того, онъ былъ организаторомъ русскаго отдѣла на выставкѣ въ Брюсселѣ и делегатомъ отъ военнаго вѣдомства на международномъ клиническомъ конгрессѣ въ Вѣнѣ, изучалъ санитарное состояніе большихъ центровъ въ Европѣ. Онъ также работалъ въ области медицинской литературы и напечаталъ множество трудовъ. Изъ нихъ особеннаго вниманія заслуживаютъ „Курсъ военной гигиены“ и „Гигиена. Курсъ общественнаго здравоохраненія“, выдержавшая два изданія. Всѣ эти и другія его работы по гигиенѣ представляютъ весьма цѣнный вкладъ въ науку.

И какъ человѣкъ онъ достоинъ былъ глубокаго уваженія и сочувствія. Утрата его тѣмъ болѣе для русскаго общества, что онъ сошелъ въ могилу въ полномъ цвѣтѣ силъ и таланта, еще не достигнувъ и пятидесятилѣтняго возраста. Дѣдъ профессора Доброславина былъ священникомъ Василь-Сурскаго уѣзда, Нижегородской губерніи, а отецъ, Петръ Алексѣевичъ, воспитанникъ Казанскаго университета, былъ врачомъ. Алексѣй Петровичъ родился въ 1842 году, въ Орловской губерніи, на Брянскихъ Мальцовскихъ заводахъ, и воспитывался въ Калужской гимназіи. Отецъ, умершій въ 1866 г., оставилъ своей вдовѣ и дѣтямъ одно лишь незапамятное имя, да крохотную пенсію, но мать (живущая и нынѣ) была изъ тѣхъ женщинъ, которыхъ не страшитъ никакаго трудъ. Цѣною страшныхъ усилий ей удалось довести сына до Академіи, въ которую онъ поступилъ въ 1861 году и гдѣ вскорѣ былъ зачисленъ на казенный счетъ. Окончивъ курсъ въ 1865 году съ дипломомъ на серебряную медаль, онъ былъ оставленъ въ Профессорскомъ институтѣ и зачисленъ сверхштатнымъ ординарнымъ Втораго Военно-Сухопутнаго госпиталя. Въ институтѣ онъ получилъ блестящую подготовку по чистой химіи у профессора Н. Н. Зинина, а по медицинской химіи у I. В. Забѣлина, и сперва думалъ посвятить себя фармакологіи, но потомъ, передъ посылкой за границу, выбралъ своей спеціальностью гигиену. Послѣ трехлѣтней работы, онъ, въ 1868 году, блестяще защитилъ диссертацию „Матеріалы для физиологіи метаморфоза“, написанную на степень доктора, и былъ командированъ на казенный счетъ за границу. Здѣсь онъ работалъ два года, особенно усердно занимаясь у Петтенкофера и Фойта. Возвратясь изъ-за границы, онъ читалъ пробныя лекціи по гигиенѣ, въ 1871 г., будучи назначенъ приватъ-доцентомъ Академіи. Въ 1872 г. его избрали адъюнктомъ-профессоромъ, а вскорѣ утвердили и прямо ординарнымъ профессоромъ гигиены. До него эта наука читалась исключительно теоретически и довольно плохо, такъ что Доброславину пришлось преодолѣть не малыя затрудненія, чтобы создать въ Академіи совершенно самостоятельную кафедру этой науки и поставить ее на должную высоту, что и удалось ему вполне. Онъ добился устройства сравнительно богато обставленной лабораторіи, которая была всегда наполнена и военными, и вольнопрактикующими врачами и изъ которой вышло не мало очень почтенныхъ работъ по самымъ различнымъ отдѣламъ гигиены. Въ 1876 году Доброславинъ занялъ мѣсто ученаго секретаря Медицинской Академіи и исполнялъ эту обязанность до 1885 года. Какъ профессоръ, Доброславинъ умѣлъ возбуждать большой интересъ къ своему предмету и пользовался особенной любовью своихъ многочисленныхъ учениковъ. Такой же живой интересъ возбуждали и его популярныя лекціи, полныя содержанія, увлекательныя. Горячая рѣчь профессора, убѣдительность и вѣра въ то, о чемъ онъ бесѣдовалъ, привлекали всегда массу слушателей на его публичныя чтенія. А. П. Доброславинъ скончался въ числѣ тайнаго совѣтника и имѣлъ нѣсколько орденовъ. Онъ состоялъ членомъ многихъ врачебныхъ обществъ: Гельсингфорскаго, Военно-санитарнаго, Московскаго военныхъ врачей, Кавказскаго медицинскаго и друг. Проф. Доброславинъ умеръ, но живъ духъ его, жива созданная имъ школа гигиенистовъ, составляющихъ цѣлую

плеяду его учеников, уже достаточно заявивших себя учеными трудами и разбланных по разным большим городам нашего отечества, которого А. П. Доброславинъ былъ вѣрнымъ и доблестнымъ сыномъ.

П. Быновъ.

Двуголовая черепаха. (Рис. на стр. 24).

Какъ извѣстно, уже Dr. Фаустъ замѣтилъ однажды педанту Вагнеру, что „чрезвычайно неприятно имѣть двѣ души въ одной груди“; едва-ли пріятнѣе носить двѣ головы на одномъ тѣлѣ. А между тѣмъ именно такого рода существо было поймано въ юнѣ 1888 года, въ болотахъ Сѣверо-Американскаго штата Коннектикутъ. Это экземпляръ одного изъ видовъ черепахъ (*Chrysemis picta*), найденный г. Барбу и описанный имъ въ *American Journal of Science*. При помѣжѣ, маленькому уродцу было повидному не болѣе двухъ недѣль отъ роду; въ теченіе первыхъ трехъ мѣсяцевъ неволи онъ выросъ на одну третью первоначальной величины. Хотя за исключеніемъ двуголовости и того обстоятельства, что ширина тѣла превосходитъ длину (такъ какъ это двѣ сросшія между собою особи), вѣншій видъ животного ничѣмъ не отличается отъ нормальной черепахи, но тѣмъ болѣе должно уклониться отъ нормы внутреннее строеніе, какъ-то: первы, пищеваарительный аппаратъ и проч. Обѣ головы движутся независимо одна отъ другой: каждая сама по себѣ видитъ, слышитъ, дышетъ и принимаетъ пищу. Когда черепахѣ предлагаютъ муху, кузнечика и т. п., такъ что обѣ головы видятъ добычу—тогда начинается ссора между двумя органами, оканчивающаяся лишь по разорваніи лакомага кусочка пополамъ. Но и безъ такихъ предлоговъ перѣдко возникаетъ драка между головами, причемъ побѣжденная скрывается подъ обшій покровъ груднаго щита, гдѣ тѣснота не позволяетъ уже продолжать борьбу. Часто случается, что пока одна голова спитъ, другой вздумается прогуляться; но такъ какъ каждая голова управляетъ только навою ногой своей стороны, то въ этомъ случаѣ черепаха лишь кружится вокругъ своей оси, не двигаясь съ мѣста. Но и когда обѣ головы разомъ затѣютъ прогулку, она рѣдко удается вполнѣ, такъ какъ одна пара ногъ (на одномъ боку) дѣйствуетъ независимо отъ другой, и поступательное движеніе черепахи напоминаетъ скорѣе лавированіе корабля на морѣ. Что касается права обѣихъ головъ, то правая оказывается менѣе энергичной и бодрой чѣмъ лѣвая.

Это свойство ноги позволяетъ заключить, что нервная система у каждого изъ близнецовъ особая; раздѣленность же кровеносной системы и органовъ пищевааренія можетъ быть доказана лишь анатомическимъ вскрытіемъ, котораго конечно не рѣшаются предпринять заживо надъ такимъ рѣдкимъ экземпляромъ.

Изобрѣтеніе для слѣпыхъ. (Рис. на стр. 24).

На страницахъ нашего журнала не разъ помѣщались рисунки тѣхъ приборовъ и пособій, которые доставляютъ возможность неслычащимъ, лишеннымъ зрѣнія, не только писать, но и развлекаться разными забавами (часть этихъ пособій и забавъ помѣщены въ № 48 нашего журнала за 1887 годъ). Конечно, насколько достаетъ силъ и знанія у человѣка, настолько онъ старается помочь бѣдному брату. И вотъ, въ послѣднее время стали появляться разные приборы для слѣпыхъ. Изъ нихъ большая часть—пишущія машины.

Много потрудился надъ этимъ дѣломъ нашъ извѣстный изобрѣтатель А. Н. Ковакъ, построившій нѣсколько пишущихъ приборовъ; затѣмъ появился приборъ нашего-же соотечественника г. Козлова (на послѣдней выставкѣ въ Парижѣ); но, судя по заключенію бывшаго тамъ-же конгресса слѣпыхъ, всѣ разсмотрѣнные приборы заставляютъ желать еще очень многого. Почти всѣ пишущія машины построены для точечнаго письма по азбукѣ Брайля, принятой и распространенной повсюду. Машинокъ-же для рельефнаго тисненія азбучныхъ знаковъ сравнительно очень мало.

Мы, со своей стороны, пожелавъ отъ души поднаго успѣха столь доброду и полезному дѣлу, позволимъ себѣ высказать наше мнѣніе, что всѣ пишущія машины для слѣпыхъ должны

быть, прежде всего, не дороги, просты, пригодны для всякой бумаги и удобно переносимы. Если всѣ эти качества возможно соединить въ одномъ приборѣ, то такая машинка будетъ лучшимъ другомъ и спутникомъ слѣпаго.

Прилагаемый рисунокъ изображаетъ одинъ изъ послѣднихъ приборовъ, построенный г. Первенко.

Отличительная простота этого прибора слишкомъ рѣзко выдѣляетъ его изъ группы всѣхъ другихъ тѣмъ, что весь печатающій механизмъ заключенъ въ нажимной рукояткѣ, управляемой только двумя пальцами. Механизмъ печатанія крайне простъ, а потому проченъ, что весьма важно. Печатаніе производится прижиманіемъ рукояти на бумагу, лежащую подъ нею на подушкѣ. Оттискъ точекъ получается прямой и отчетливый.

Самая же характерная черта этого аппарата заключается въ расположеніи замыкающихъ кнопокъ, которыхъ на рукояти шесть, по три съ каждой стороны, расположенныхъ въ видѣ треугольника. Такое размѣщеніе кнопокъ даетъ возможность совершенно свободно надавливать на одну, на двѣ, по выбору и на всѣ три, работая съ одной стороны большимъ, а съ другой указательнымъ пальцами правой руки.

Весь же процессъ печатанія совершается такъ: съ задней стороны прибора, поворотомъ валика за головку его борна, бумага втягивается на подушку (кожа съ подолоемъ сукна). Слѣпой, опущавъ насколько влило бумаги, перестаетъ вращать валикъ, беретъ правою рукою за рукоять, причемъ большой и указательный пальцы устанавливаются надъ кнопками; затѣмъ, приподнявъ немного рукоять (можно и не поднимать), нажимаетъ на тѣ изъ кнопокъ съ той и другой стороны, которыя соответствуютъ сочетанію точекъ, обозначающихъ азбучный знакъ. Нажавъ на всѣ нужные кнопки, онъ придавливаетъ самую рукоять; тогда, тѣ изъ печатающихъ штифтовъ, у которыхъ концы не нажимаются, углубятся въ свои гнѣзда, не оставивъ на бумагѣ никакого впечатлѣнія, а зажатые выйдутъ за поверхность нажима и оттиснутъ на бумагѣ точки.

Изъ рисунка видно, что рукоять надвинута на стержень. Внутри муфты рукояти вѣдлана защелка, а въ стержнѣ помѣщена зубчатая рейка. Когда будетъ отпечатанъ одинъ буквенный знакъ и потребуются воспроизвести другой, то для этого рукоять нужно отодвинуть настолько, чтобы новый знакъ имѣлъ промежутокъ отъ перваго. Этого можно достигнуть или надавливаніемъ на головку подвижной рейки или просто перемѣщеніемъ рукояти вдоль стержня; въ послѣднемъ случаѣ правильность интервала определяется по слуху, щелканіемъ муфтовой пружинки. И такъ, продолжая печатаніе буквы за буквой, рукоять придетъ къ концу. Для начала печатанія новой строки она приподнимается нѣсколько кверху и отводится назадъ; поворотомъ же валика на половину его окружности, что узнается опять-таки щелканіемъ пружинки, бумага подводится подъ новую строчку. Выполнивъ всю эту подготовку, печатаютъ вторую строку, за нею слѣдующую и т. д., до выхода всей бумаги.

Укротитель львовъ Юлій Сеть. (Рис. на стр. 24).

Царь хищныхъ животныхъ и властелинъ всѣхъ млекопитающихъ, левъ съ давнихъ временъ укрощался и приручался человѣкомъ. Маркъ Антоній, разсказываютъ, послѣ фарсальской битвы развѣзжалъ на колесницѣ, запряженной ручными львами. Въ новѣйшее время въ циркахъ и другихъ увеселительныхъ мѣстахъ очень часто можно видѣть укротителей, отважно и дерзко забирающихся въ клѣтку львовъ и разныхъ дикихъ звѣрей, гдѣ и заставляютъ животныхъ продѣлывать разные штуки. Среди такихъ укротителей выдающемся мѣсто, безспорно, занимаетъ Юлій Сеть, показывающій, въ настоящее время, дрессированныхъ львовъ, въ циркѣ Чинизелли въ Петербургѣ, и его представленія привлекаютъ всегда многочисленную публику. Безстрашно и, повидному, хладнокровно входитъ Сеть въ клѣтку къ своимъ питомцамъ (въ числѣ ихъ 3 льва и 4 львицы) и заставляетъ ихъ исполнять подчиняться своей волѣ, несмотря на рычаніе и отчаянные прыжки, невольно вызывающіе страхъ и удивленіе у зрителей.

Политическое обозрѣніе.

Подъ покровомъ мира и спокойствія начинается послѣднее десятилѣтіе настоящаго вѣка. Давно не было замѣтно такого миролюбія, съ какимъ встрѣтила новый годъ Европа. Повсюду въ руководящихъ сферахъ сознаютъ, какъ о томъ пишетъ парижскій корреспондентъ *Times*, что миръ необходимъ. Оставляя въ сторонѣ разные иные соображенія, однимъ изъ самыхъ сильныхъ доводовъ къ сохраненію мира являются громадныя и безпримѣрныя въ исторіи расходы, какіе должна вызвать война въ настоящее время. Одна мобилизація войскъ будетъ стоить великимъ державамъ болѣе подмиллиарда франковъ, а затѣмъ каждый мѣсяцъ войны будетъ поглощать по два миллиарда ихъ. Что станется съ Европой, если война затянется и обниметъ обширныя пространства? замѣчаетъ тотъ-же корреспондентъ. Быть рѣшителемъ мира и войны, пишетъ онъ далѣе, настойчиво добивается Россія съ самаго начала ны-

нѣшняго царствованія, и этой цѣли Россія успѣла уже достигнуть. Ей приписываются честолюбивые планы, но на дѣлѣ она отказалась преслѣдовать всякіе личные интересы и предпочла стоять на стражѣ мира. При такихъ условіяхъ, ни Франція, ни Германія, а еще менѣе Австро-Венгрія и Италия не рѣшатся нарушить мира. Отъ времени до времени могутъ, конечно, возникать кое-какіе инциденты, но не такого рода, чтобы изъ-за нихъ можно было опасаться общей катастрофы, и еще долго рѣшающая роль во вѣншней политикѣ будетъ принадлежать Россіи.

Первенствующее мѣсто въ исторіи событій истекшаго года отводить Россія и еще одинъ органъ заграничной печати, *Schlesische Zeitung*, причемъ особенное вниманіе обращается на наше финансовое и экономическое положеніе. Газета прежде всего отмѣчаетъ, что въ текущемъ году Россія въ фи-

нансовомъ отношеніи можетъ похвалиться блестящими успѣхами. Государственные доходы постоянно возрастали, отчеты Государственного Казначейства изъ мѣсяца въ мѣсяцъ оказывались болѣе и болѣе благоприятными. Повышеніе, почти до запрета многихъ статей, таможенного сбора дѣйствительно

вызвало значительное неудовольствіе въ иностранной промышленности, но увеличеніе таможенныхъ доходовъ оказало величайшую услугу не только русской казнѣ, но и молодой, расцвѣтающей и способной къ дальнейшему развитію русской промышленности, которая, какъ и непочатый отчасти сокровища почвы обширной имперіи, сильно нуждается въ охранительныхъ мѣраxъ. Далѣе на торговый балансъ оказалъ благоприятное вліяніе обильный урожай хлѣба въ Россіи, и значительный спросъ на него за высокую цѣну въ некоторыхъ иностранныхъ государствахъ, пострадавшихъ отъ неурожая. Въ силу такихъ благоприятныхъ обстоятельствъ оказалась возможность подвергнуть конверсіи, обремененные высокими процентами, желѣзнодорожные и иные государственные долги, и курсъ рубля, который еще въ прошломъ году подвергался опаснѣйшимъ колебаніямъ, удержался въ теченіе всего нынѣшняго года на небывалой за много лѣтъ высотѣ.

Совершенно иначе встрѣтила новый годъ Бразилія. Въ то время какъ лица, захватившія власть, разсылаютъ депешы съ увѣреніями, что учрежденная ими республика пользуется общими сочувствіемъ населенія, извѣстія изъ частныхъ источниковъ представляютъ положеніе дѣлъ въ совершенномъ видѣ. По словамъ *Times*, повсюду вводится осадное положеніе, дѣйствіе обыкновенныхъ законовъ приостановлено, газеты несочувствующія установленному порядку запрещаются, телеграммы подвергаются строжайшей цензурѣ и для писемъ учрежденъ черный кабинетъ. По всему этому, должно ожидать въ Бразиліи еще болѣе неожиданныхъ событій, чѣмъ послѣдняя революція.

Такое положеніе дѣлъ не могло не отозваться удручаю-

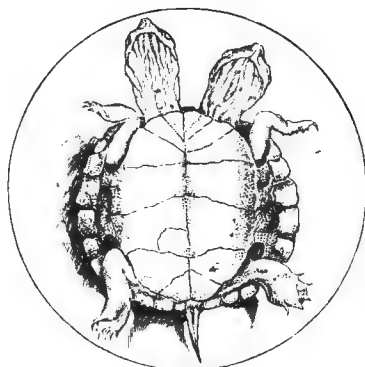
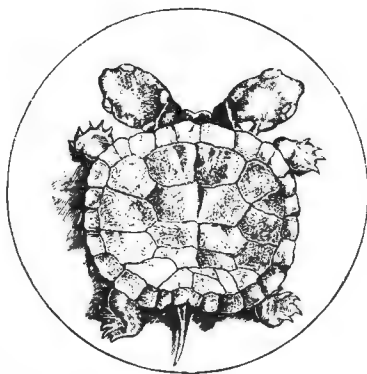
щимъ образомъ на престарѣлымъ императорѣ Домъ-Педро, несчастія котораго еще увеличились внезапной утратой супруги, императрицы Бразильской, скончавшейся въ Опорто, 16 декабря, послѣ полудня. Домъ-Педро осматривалъ въ этотъ день художественный музей, когда бразильскій посланникъ при-

ѣхалъ увѣдомить его, что императрица заболѣла. Когда императоръ возвратился въ отель, императрица уже скончалась. Тѣло императрицы будетъ выставлено въ одной изъ вѣстныхъ церквей и затѣмъ перевезено въ Лиссабонъ, гдѣ состоится погребеніе въ усыпальницѣ Браганцаго дома.

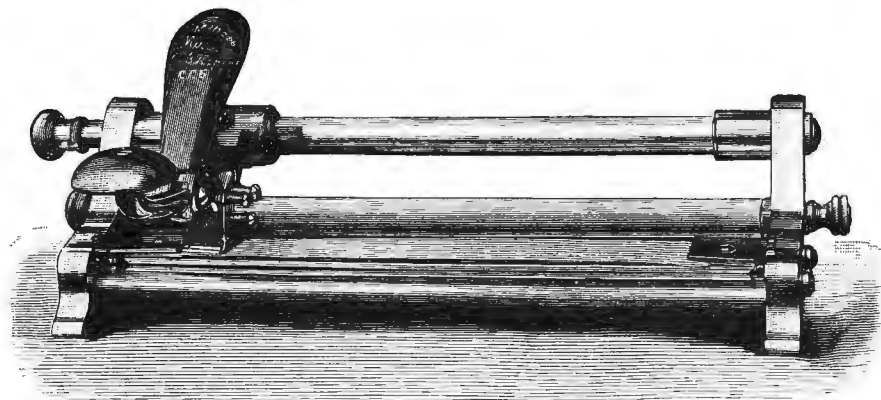
Смѣсь.

Шахматный турниръ въ Гаваннѣ, между нашимъ извѣстнымъ шахматистомъ М. И. Чигоринымъ и лучшимъ английскимъ игрокомъ Гюнсбергомъ начался 20 декабря. Первую партію досталось по жребію начать нашему соотечественнику, и онъ, въ честь своего соперника, выбравъ „Английское начало“, выигралъ партію на 50-мъ ходѣ. „Побѣдители“ будутъ признаны тотъ кто первый выиграетъ 10 партій.

Усовершенствованный велосипедъ. Извѣстный мюнхенскій велосипедистъ Георгъ Нинкергъ, нѣсколько времени тому назадъ изобрѣлъ велосипедъ, безъ всякихъ приспособленій и даже не сходя съ него, можно съ одинаковой легкостью двигаться по землѣ, водѣ и снѣгу. Такъ какъ велосипедъ этотъ, которому можетъ быть предостановлено не малый интересъ для всѣхъ любителей этого спорта, то мы считаемъ не лишнимъ дать краткое его описаніе. Новый механизмъ, который первоначально былъ поставленъ на три колеса, имѣетъ переднее колесо изъ стальныхъ листовъ въ формѣ обыкновеннаго велосипеднаго колеса, но имѣющаго у оси 40 сантиметровъ толщины и представляющаго заостряющійся къ ободу герметически закрывающійся котель. Послѣдній служитъ для управленія и защищаетъ отъ поврежденій на землѣ концентрически расположеннымъ съ нимъ колесомъ съ резиновой шиной. Два заднія колеса, которыя въ то же время представляютъ и маховые колеса, состоятъ каждое изъ полаго

Двуглавая черепаха (сверху) Грав. Флюгель. Двуглавая черепаха (снизу). Грав. Флюгель.

Новое изобрѣтеніе. Пшущая машина для слѣпыхъ, изобр. Первенко.

Юлій Сеть и его любимый левъ. Съ фотогр. грав. Флюгель.

ставляющаго заостряющійся къ ободу герметически закрывающійся котель. Послѣдній служитъ для управленія и защищаетъ отъ поврежденій на землѣ концентрически расположеннымъ съ нимъ колесомъ съ резиновой шиной. Два заднія колеса, которыя въ то же время представляютъ и маховые колеса, состоятъ каждое изъ полаго

Открыта подписка на „НИВУ“ 1890 года.

Начинал в этом году третье десятилетіе своего существованія, „НИВА“ остается вѣрпа своей многосторонней и твердо установленной программѣ чисто-русскаго журнала, благодаря которой въ теченіе двухъ первыхъ десятилѣтій успѣла обратить на себя вниманіе всего русскаго общества и занять выдающееся положеніе въ средѣ нашихъ періодическихъ изданій, ставъ наиболѣе распространеннымъ и любимымъ журналомъ русской семьи. Россія, русскій народъ, русская исторія и русская жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ — вотъ что непрежнему будетъ главною основой помещаемаго въ „НИВѣ“ литературнаго и художественнаго матеріала.

Что касается литературнаго матеріала имѣющаго появиться въ „НИВѣ“ 1890 г., то кромѣ уже начатыхъ печатаніемъ въ этомъ № „НИВѣ“ разсказа Ап. Ник. Майкова „Марья Петровна Петрова“ и большой библейско-исторической повѣсти Георга Эберса „Исусъ“, съ иллюстраціями художника Земцова (право перевода пріобрѣтено Редакціей отъ автора), въ портфель редакціи имѣются слѣдующія произведенія:

<p>Н. Д. Ахшарумова: „НЕВѢРНЫЙ СЛУГА“ и „НЕ ТОТЪ“, разсказы.
 К. А. Бороздина: „ИЗЪ ПРОШЛАГО БЫТА МИНГРЕЛИ“ и „ИЗЪ РАЗСКАЗОВЪ СТАРША ЧЕРКЕСА“, очерки.
 В. И. Вибикова: „ПЕРВАЯ ГРОЗА“, повѣсть.
 А. Э. Брандта: профессора Харьковскаго Университета: „НЕДАГОГИЧЕСКІЯ КАРТИНКИ“ изъ міра животныхъ. Популярно-научныя статьи.
 А. И. Введенскаго: „Литературно-критическія миниатюры“ (общедоступныя бесѣды о русской литературѣ).
 Кв. М. Н. Волконскаго: „КНЯЗЬ НИКИТА ФЕДОРОВИЧЪ“, историческ. романъ въ 3-хъ ч. и „СУДЬБА“, разсказъ.
 В. П. Желиховской: „ТРИ ДѢЙСТВІЯ КОМЕДИИ“, повѣсть.</p> | <p>А. Я. Максимова: „НОЧЬ СИМЕОНЪ“, разсказъ.
 В. И. Немировича-Данченко: „НА РУССКОМЪ ЮГѢ“, очерки.
 П. Н. Полеваго: рядъ историч. разсказовъ.
 Гр. Е. А. Салиаса: „НАШЪ КРУДЪ“, историч. романъ.
 Н. Северина: „ОЧЕРТЯ ГОЛОВУ“, повѣсть.
 А. К. Сизова: „СОЛОМОНІЯ САБУРОВА“, историч. разсказъ XVI в.
 А. А. Смирнова: „СВ. ИРЕНА“, историческая повѣсть.
 А. Соколовой: „СТАРИННЫЙ ВАЛЬСЪ“, разск.
 К. Тхоржевскаго: „МОЙ ПРІЯТЕЛЬ ДРОБОВЪ“, разсказъ.
 Э. Э. Тютчева: „АРТЕМИЙ САВАТЬЕВЪ“, разск.
 Кн. Д. Н. Цертелева: „ИНКОГНИТО“, комедія въ 2-хъ дѣйств.</p> |
|---|---|

Стихотворенія П. И. Вейнберга, В. Величко, А. Н. Майкова, Я. П. Полонскаго, Кн. Д. Н. Цертелева, I. I. Ясинскаго, и друг.

Въ нашемъ художественномъ отдѣлѣ, по примѣру прежнихъ лѣтъ, въ теченіе этого года появится множество портретовъ русскіхъ и иностраннхъ общественныхъ дѣятелей (съ биографіями), сотни оригинальныхъ рисунковъ и копій съ картинъ; сверхъ того, нами заготовлено также множество видовъ русскіхъ городовъ и замѣчательныхъ мѣстностей, исполненныхъ лучшими художниками и граверами для „НИВѣ“.

Въ отдѣлѣ текущихъ новостей читатели непрежнему найдутъ изображенія и описанія всѣхъ сколько-нибудь выдающихся явленій русской и заграничной общественной жизни, и весьма подробные обзоры нашихъ Художественныхъ выставокъ — въ видѣ цѣлаго ряда картинъ.

Постоянно обогащая отдѣлъ бесплатныхъ приложений „НИВѣ“, мы и въ этомъ году будемъ разсылать подписчикамъ художественно-исполненная въ краскахъ таблицы съ изображеніемъ выдающихся предметовъ отчизновѣдѣнія, въ такомъ-же родѣ какъ изданныя до сихъ поръ: гербы всѣхъ русскіхъ губерній, важнѣйшія рыбы Россіи, важнѣйшія русскія деревья, грибы и пр.—драгоценный матеріалъ для нагляднаго изученія нашей родины.

Затѣмъ, для удовлетворенія потребностей каждой семьи, при журналѣ „НИВА“ непрежнему будетъ выходить **ОСОБОЕ БЕСПЛАТНОЕ ЕЖЕМЯСЯЧНОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“**.

Устроивъ въ нынѣшнемъ году собственный художественный институтъ въ СПБ., съ персоналомъ выписанныхъ нами изъ-за границы извѣстныхъ мастеровъ, для печатанія красками большихъ олеографій, мы нашли возможнымъ на будущій годъ, въслѣдствіе одной, дать **ДВѢ ЖИВОПИСНЫЯ ПРЕМІИ**:

<p>1) „СОСНОВЫЙ ЛѢСЪ“ и
2) „ЗАПУЩЕННЫЙ ПАРКЪ“,</p>	}	два новыя произведенія кисти любимца русской публики проф. И. И. ШИШКИНА, — писанныя имъ по нашему заказу для „Нивы“.

Обѣ картины (въ 16 вершковъ вышины и 12 вершковъ ширины каждая), соотвѣтствуя одна другой, представляютъ исполненную художественной гармоніи противоположность: величественнаго бора, осыпennaго бархатистою хвоей, и чернолѣся съ его веселыми переливами разнотѣнной зелени.

Наконецъ, удовлетворяя давнимъ желаніямъ, выраженнымъ многими изъ нашихъ подписчиковъ, мы въ будущемъ 1890 году выдадимъ третью — литературную премию, **ИЗЯЩНЫЙ ТОМЪ СБОРНИКА** оригинальныхъ и переводныхъ романовъ и повѣстей, обширный по объему и разнообразный по содержанию.

ТАКИМЪ ОБРАЗОМЪ ВЪ БУДУЩЕМЪ 1890 ГОДУ, МЫ ВЫДАДИМЪ

ТРИ ГЛАВНЫХЪ ПРЕМІИ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВѢ“:

<p>Безъ доставки въ С.-Петербургѣ . . . 5 Р.</p> <p>Съ доставкою въ С.-Петербургѣ . . . 6 Р. 50 К.</p>	<p>Безъ доставки въ Москвѣ, чрезъ отдѣленіе конторы „Нивы“ у Н. Н. Печковской, Петровскія ливні 6 Р.</p>	<p>Съ перес. въ Москвѣ и въ друг. город. и мѣст. Имперіи. 7 Р.</p> <p>За границу 9 Р.</p>
--	--	---

Безъ всякой доплаты за пересылку главныхъ премій.

Требованія и подписку на „Ниву“ 1890 года просить адресовать въ Главную Контуру редакціи „НИВѢ“ (А. Ф. Марксу), въ С.-Петербургѣ, Невскій проспектъ, д. № 6. Редакція и издатель „Нивы“.

О ПОДПИСКѢ НА „НИВУ“ 1890 ГОДА

СЪ РАЗСРОЧКОЮ ПЛАТЕЖА.

Нѣкоторые изъ нашихъ иногородныхъ гг. подписчиковъ обратились къ намъ съ просьбою **О РАЗСРОЧКѢ ПОДПИСНОЙ ПЛАТЫ ЗА „НИВУ“ 1890 ГОДА**. Исполняя ихъ желаніе, мы нашли возможнымъ допустить разсрочку на слѣдующихъ условіяхъ:

- 1) Въ два сроча: При подпискѣ вносится 4 р. и къ 1-му Іюня 1890 г. 3 р.
- 2) Въ три сроча: При подпискѣ вносится 3 р., къ 1-му Мая 1890 г. 2 р. и къ 1-му Августа 1890 г. 2 р.

При аккуратной высылкѣ взносовъ, журналъ будетъ высылаться со всеми приложениями и преміями — наравнѣ съ годовыми подписчиками.

При коллективной подпискѣ гг. служащихъ въ казенныхъ и частныхъ учрежденіяхъ допускается разсрочка и на болѣе льготныхъ условіяхъ (по особому соглашенію съ Редакціей), но за поручительствомъ казначеевъ или управляющихъ.

обода въ 120 сант. диаметромъ изъ листовой стали. Ободъ этотъ соединенъ со ступицею стальными спицами и на окружности снабженъ лопатками. Концентрически съ этимъ колесомъ расположено другое обыкновенное велосипедное колесо съ резиновой шиной, которая также соединяется со своею ступицею стальными спицами. Все остальное устройство какъ у обыкновеннаго трехколеснаго велосипеда. Произведенные 13 и 19 октября опыты въ Мюнхенской городской общественной купальнѣ дали наилучшіе результаты. Давленіе на рукоятку при ѣздѣ по водѣ требовало, по отзыву всѣхъ испытывавшихъ новый велосипедъ, не болѣе силы какъ по землѣ, при чемъ поворотливость его дѣлала возможнымъ полный поворотъ на ширинѣ обыкновенной улицы, а при остановкѣ—почти на одномъ мѣстѣ. Воздушныя кольца при грузѣ около 140 килограммовъ опускались на 15—20 сантиметровъ глубины; опасность опрокинуться при внезапныхъ поворотахъ совершенно устранена. На новое изобрѣтеніе тотчасъ по окончаніи опытовъ испрошена привилегія во всѣхъ значительнѣйшихъ государствахъ земнаго шара. (с.)

Такъ-называемая чернь на серебрѣ и проч. встарину производилась слѣдующимъ образомъ: борозки, сдѣланныя грабителемъ въ пластинкахъ изъ серебра или золота, наполняли расплавленной смѣсью свинца, серебра и мѣди, употребленныхъ въ той или другой пропорціи. Смѣсь эта, черноватого цвѣта (migelum, откуда niello, niellare, чернь), не покрывала собою негранированнаго мѣста и, застывая, плотно прилежала тамъ, гдѣ она была наложена. Отполированный, затѣмъ, листъ представлялъ рисунокъ въ нѣсколько тоновъ, смотря по числу употребленныхъ металловъ и ихъ взаимной пропорціи, при чемъ одніе части выходили блестящими, а другія матовыми. Въ концѣ XV столѣтія этотъ способъ производства черни былъ въ большомъ употребленіи въ Италіи и особенно во Флоренціи, гдѣ въ то время жили искуснѣйшіе мастера этого рода. Одинъ изъ нихъ, Мацо Финигуэрра, будучи граверомъ, рисовальщикомъ и ваятелемъ, обезсмертилъ себя изобрѣтеніемъ способа печатать рисунки, въ 1452 году. Послѣ цѣлага ряда продолжительныхъ опытовъ, онъ первый дошелъ до употребленія черной жидкой краски и сырой бумаги; благодаря ему, повсемѣстно распространилось искусство отпечатыванія рисунковъ. Рассказываютъ, что открытію этому помогъ самый простой случай. Женщина, въ отсутствіе мастера, разложила на его рабочемъ столѣ вымытое ею бѣлье; возвратясь домой и увидѣвъ сырое бѣлье на доскѣ, борозки которой уже были наполнены черною краскою, Финигуэрра обратываетъ на полъ бѣлье и замѣчаетъ въ это время на немъ отпечатокъ всей его работы. Дальнѣйшими изысканіями и опытами онъ, наконецъ, дошелъ до того, что уловилъ тайну искусства печатать эстампы. (о.)

Самопомощь у животныхъ во время заболѣваній. Многія животныя инстинктивно умѣютъ находить средства, помогающія имъ отъ разныхъ болѣзней. Такъ напр., при лихорадочномъ состояніи они не принимаютъ нищи, ложатся въ темное, прохладное мѣсто пьютъ много воды, иногда даже ложатся въ воду, чувствуя что все это можетъ принести имъ выздоровленіе. Муравьи—фактъ повидному невѣроятный, но тѣмъ не менѣе несомнѣнно доказанный—имѣютъ собственныхъ хирурговъ и правильно организованые приемные покои, гдѣ перевязываютъ раны, покрывая ихъ прозрачною жидкостью, находящеюся у нихъ во рту. Шимпанзе, чтобы остановить кровотеченіе изъ раны, покрываетъ ее листьями или дерномъ, или же крѣпко зажимаетъ передними руками. Собаки безостановочно лижутъ пораненныя мѣста или обмываютъ ихъ въ водѣ. Докторъ Фреде наблюдалъ собаку, укушенную въ морду гадюкой; она тотчасъ побѣжала къ рѣкѣ, погрузила голову въ воду и такимъ образомъ излѣчила себя. Точно такъ же охотничья собака, которую переѣхали, подползла къ рѣкѣ, легла въ воду и пролежала такъ, не смотря на зимнее время, довольно долго. У одной таксы сильно болѣлъ лѣвый глазъ; она стала избѣгать свѣта и тепла, хотя прежде охотно лежала у горячей печки; улеглась въ темномъ, прохладномъ углу и съ удивительнымъ терпѣніемъ, въ продолженіе двухъ сутокъ лизала нижнюю сторону правой лапы и прикладывала ее къ больному глазу. Когда лапа высыхала, она снова лизала ее и продолжала такое лѣченіе, пока глазъ не поправился. Раненыя кошки также лѣчатся постояннымъ смачиваніемъ больныхъ мѣстъ. Докторъ Делоне наблюдалъ раненую кошку, которая цѣлыми днями лежала на берегу рѣчки, пока не выздоровѣла. Другой трехмѣсячный котенокъ улегся подъ фонтаномъ и пролежалъ тамъ, пока не поправился. Такой методъ лѣченія, применяемый животными для предупрежденія травматической лихорадки, конечно самый простѣйшій, и потому человѣчеству не мѣшало бы обратить на него вниманіе и, по возможности, примѣнять къ себѣ. (с.)

Пословицы: „Гусь лапчатый“, „глупъ какъ гусь“ едва ли имѣютъ достаточно основанія судя по слѣдующимъ примѣрамъ изъ „очной жизни“, помѣщеннымъ въ одномъ сельско-хозяйственномъ листкѣ. Одинъ землевладелецъ наблюдалъ сидѣвшую на янцахъ гусыню, которая, повидному заболѣвъ, не въ состояніи была продолжать усиджаніе. Каково же было удивленіе наблюдателя, когда гусыня, сойдя съ гнѣзда, отыскала на дворѣ другую, молодую гусыню, которая очевидно взялась докончить дѣло усиджанія и тотчасъ-же усѣлась на янча. Старая-же наблюдала за ней, прилежни въ сторонкѣ, гдѣ и была найдена на другое утро мертвою. Можетъ-ли это быть названо простымъ инстинктомъ? Старая гусыня очевидно предвидѣла свой конецъ и, такъ или иначе, сговорилась съ молодой помощницей относительно дальнѣйшаго усиджанія. Случай этотъ подтвержденъ и другими свидѣтелями.— Другое истинное происше-

ствіе рассказываетъ шлезвигскій помѣщикъ. Молодой забіяка-пѣтухъ постоянно нападалъ на гуся и выщипывалъ ему перья при каждой встрѣчѣ. Гусь долго терпѣлъ такое обращеніе, пока наконецъ нападеніе не произошло вблизи пруда. На этотъ разъ гусь выплился клювомъ въ забіяку, потащилъ его въ воду, нырнулъ вмѣстѣ съ нимъ и держалъ его подъ водой, пока тотъ не захлебнулся. Такова была его месть обидчику!— Еще одинъ случай сообщенъ намъ старомъ изъ Ольденбурга. „Молодой, сѣрый гусь“, пишетъ старостъ, „искалъ у меня защиты отъ другаго, блага, напавшаго на него среди поля и очевидно превосходившаго его силами. Увидѣвъ въ чемъ дѣло, я, шутки ради, придержалъ блага гуся пока сѣрый не нанесъ ему нѣсколько хорошихъ ударовъ клювомъ. Война на этомъ окончилась, но сѣрый гусь съ тѣхъ поръ всегда встрѣчалъ меня радостнымъ крикомъ и провожалъ до самаго дома. Однажды, при обходѣ прихода, мнѣ пришлось пройти дворомъ. Я услышалъ знакомый голосъ моего пріятеля, но онъ не могъ слѣдовать за мной, потому что калитка, ведущая во дворъ, была заперта на замокъ. Я былъ уже довольно далеко, когда услышалъ въ воздухѣ хлопанье крыльевъ какой-то большой птицы, и—возлѣ меня, съ радостнымъ крикомъ, спустился на землю мой пріятель. Впоследствии гуся пришлось зашнуръ чтобы удержать его отъ такихъ экстравагантныхъ выходокъ.“ (с.)

Искусственная морская вода. Содержаніе морскихъ водовѣстлящихъ съ животными и растениями не удавалось до сихъ поръ въ городахъ, не прилегающихъ къ морю, благодаря скорой портѣ привозимой морской воды. Въ настоящее время удалось самой жесткой (содержащей много известія) ключевой водѣ придать свойства морской прибавленіемъ 1,325 гр. поваренной соли, 150 гр. хлористаго магнія, 100 гр. сѣрно-кислаго магнія и 30 гр. сѣрно-кислаго калия. Смѣсь оставляютъ стоять нѣсколько времени, послѣ чего сливаютъ прозрачную часть. Последнюю въ стекляныхъ чашкахъ оставляютъ въ холодномъ мѣстѣ стоять еще три недѣли на открытомъ воздухѣ, слегка лишь прикрывая при томъ чашы, чтобы брошенныя туда, прикрывленныя къ камнямъ водоросли, могли обогатить воду нужнымъ количествомъ кислорода. Затѣмъ пропускаютъ воду черезъ громадный фильтръ и опредѣляютъ ее удѣльный вѣсъ для проверки содержанія соли. (н.)

Орлеанская дѣва. Пѣкто Лесинь (Lesigne) напечаталъ въ Парижѣ книгу, подъ заглавіемъ: „La fin d'une légende“, въ которой, опираясь на многочисленныя документы и хроники, старается разрушить ореолъ, окружающій орлеанскую дѣвственницу. Лесинь утверждаетъ, что французы и безъ помощи Іоанны Д'Аркъ спасли бы Францію отъ англійскаго нашествія. Народъ къ тому времени самъ де воспринялъ духомъ и твердо рѣшилъ изгнать страну отъ иноземныхъ притѣснителей. Всѣ хроники единогласно сходятся въ томъ, что городъ Орлеанъ успѣлъ отстоять англичанъ до появленія Іоанны и что ей несправедливо приписывается освобожденіе города. Далѣе, всѣ относящіяся къ тому времени и заслуживающія полнаго довѣрія письменныя документы гласятъ, что Іоанна не имѣла никакого вліянія на ходъ сраженій, а просто служила полезнымъ орудіемъ въ рукахъ короля и его полководцевъ, чтобы, со знаменемъ въ рукахъ, воодушевлять и вести въ битву менѣе надежныя войска. Такъ какъ въ книгѣ приведены интересныя историческія документы, современные Іоаннѣ, которые дѣйствительно подтверждаютъ взглядъ автора, то трудъ Лесиня падѣлалъ большого шума и возбуждалъ горячую газетную полемику. (с.)

Современный вегетарианецъ. Въ Петербургѣ, по словамъ газетъ, проживаетъ интересный вегетарианецъ, В. Д. Малиновскій. Онъ двадцать пять лѣтъ не употребляетъ ни мясной, ни рыбной нищи, ни даже молочной, и питается исключительно растительною пищею, приправленной растительными маслами. Отказался онъ отъ употребленія мяснаго, рыбнаго и молочнаго, вслѣдствіе отвращенія къ такой нищи, явившагося у него безъ особой какой-либо причины. Этому вегетарианцу теперь безъ маала шестьдесятъ лѣтъ, но, несмотря на такой возрастъ, онъ чрезвычайно бодръ и крѣпокъ. (в.)

Обычай брить бороду былъ введенъ у римлянъ за 300 лѣтъ до Р. Х. По свидѣтельству Плинія, Сципионъ Африканскій былъ первый римлянинъ, ежедневно брившій бороду. Впоследствии, первое бритье юноши означало у римлянъ вступленіе его въ возмужалый возрастъ, и день этотъ праздновался съ большою торжественностью. (с.)

Въ Малагѣ, какъ пишутъ изъ Мадрида, въ такомъ множествѣ показались сардинки, что на ловлю ихъ не хватаетъ рукъ, хотя ловлей этой заняты и старые, и малые. Необычайное явленіе это, которое не повторялось уже съ давнихъ поръ, объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что рыба, преслѣдуемая акулами, ищетъ спасенія у береговъ. Несмотря на безостановочный вывозъ сардинки какъ внутри страны, такъ и за границу, цѣны на нее упали до такой степени, что въ самой Малагѣ за одинъ *arrola* (т. е. 26 фунтовъ) платится 10 *centimos*, т. е. 3½ копѣйки. (с.)

Ложное мнѣніе относительно богатства Сѣверной Америки буйволами. Двадцать лѣтъ тому назадъ насчитывали до 8 милліоновъ головъ бизонныхъ, но нынѣ, вслѣдствіе безумнаго преслѣдованія и бесполезнаго подчасъ убиванія массами, число столь полезнаго животнаго сокращено до нѣсколькихъ сотенъ. По точнымъ справкамъ Смитсонскаго института въ Вашингтонѣ, на всемъ прострѣанствѣ Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки находится лишь 600 буйволовъ, и большинство изъ нихъ въ неволѣ, въ зоологическихъ садахъ, звѣринцахъ и проч. Въ Yellowstone-паркѣ на средства правительства содержится напр. до 200. (н.)

Пирамида Аменемхата III. Г-ну Флиндерсу Петри удалось, как известно, открыть путь во внутренность пирамиды Аменемхата III, в Гаварь, близ Файюна. Это стоило ему огромных трудов. Въ погребальную камеру онъ проникъ уже раньше, но отыскать древній входъ въ пирамиду было гораздо труднѣе, потому что, какъ оказалось впоследствии, входъ этотъ находился не въ самой пирамидѣ, а представлялъ подземную галерею, отверстие которой выходило далеко въ сторону. Старанія отыскать настоящій входъ снаружи, долго оставались безуспѣшными; тогда г. Петри испробовалъ обратный путь. Такъ какъ погребальная камера была уже открыта снаружи съ помощью искусственнаго пролома, то онъ сталъ искать выхода изнутри ея. Задача была не изъ легкихъ: погребальная камера состоитъ изъ монолита, въ которомъ высѣчены углубленія, и толщина стѣнокъ имѣетъ 15 футовъ. Самые искусные рабочіе изъ Каира проработали нѣсколько недѣль надъ просверливаніемъ хода въ стѣнѣ. Когда-же это наконецъ удалось, изслѣдователю уже не представляло труда напасть на истинный путь. Гаварская пирамида — до сихъ поръ единственная съ далеко отстоящимъ подземнымъ ходомъ. Ни Джизехскія, ни Саккарахскія пирамиды не представляютъ подобнаго устройства. Кромѣ того, въ этой пирамидѣ впервые найдены останки фараона двѣнадцатой династїи, и самая постройка ея значительно различается отъ открытыхъ ранѣе.

Пирамиды Джизеха, Майдума и Саккараха имѣютъ входъ по срединѣ сѣвернаго фасада, въ пирамидѣ Аменемхата III входъ устройенъ съ южной стороны и притомъ не непосредственно у постройки, а чрезъ подземный ходъ. Точно также и во внутреннемъ ея устройствѣ ходы, закоулки и искусственныя преграды имѣютъ совершенно иное распределеніе.

Петри опасался, что погребальная камера окажется пустымъ, и опасенія его оправдались. Во время персидскаго владычества въ

Египтѣ, былъ сдѣланъ проломъ въ пирамидѣ и все удобопереносимое было унесено. Камера сдѣлана изъ дѣльнаго песчаника; внутри она имѣетъ 22 фута длины и 8 футовъ высоты. Петри считаетъ вѣсъ ея въ 200 тоннъ (12,000 пудовъ). Въ камерѣ находились большой и малый саркофаги изъ шлифованнаго песчаника, оба совершенно гладкіе и безъ надписей. У подножія большого саркофага имѣется низкій доколъ съ рѣзными украшеніями. Кромѣ того, въ камерѣ найдены двѣ кружки изъ шлифованнаго известняка, на основанїи которыхъ имѣются такіе-же рѣзные орнаменты, какъ и на доколѣ саркофага; затѣмъ — обломки алебастровыхъ вазъ безъ надписей; на одной только виднѣлось имя Аменемхата III. На стѣнахъ вовсе не было надписей. И въ этомъ отношенїи Гаварская пирамида также отличается отъ другихъ, намъ извѣстныхъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ большомъ саркофагѣ заключались останки Аменемхата III, но, для чего служилъ второй саркофагъ, — остается неизвѣстнымъ. Полагаютъ, что онъ принадлежалъ Аменемхату IV или царицѣ Зебаказерїи, но достовѣрныхъ указаній, къ сожалѣнію, не имѣется. (с.)

Шведскимъ инженеромъ Лиллье проектируется соединеніе Швеціи съ Данїей подводнымъ мостомъ. Труба, съ двойными стѣнками и соответственнаго діаметра, укладывается на столбы, отстоящіе одинъ отъ другаго на разстояніи 30 метровъ, и на такой глубинѣ, чтобы не мѣшала судоходству. Зазоръ между стѣнками заполняется бетономъ съ такимъ расчетомъ, чтобы труба почти держалась въ водѣ и едва давила на поддерживающіе столбы. Последніе изготовляются изъ желѣзныхъ ящиковъ, также наполненныхъ бетономъ.

Расходы по выполненію описаннаго проекта, не считая желѣзнодорожныхъ путей съ шведской и датской сторонъ, при сравнительно незначительной длинѣ моста, въ 4 версты, не превысятъ 12 милліоновъ марокъ. (с.)

Рѣшеніе Рождественской задачи № 81

(помѣщ. въ № 52, 1889 г.).

1 2 3															
П о з															
4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16			
ъ	с	д	р	а	в	о	л	я	е	м	н	ъ			
17	18				ы	д	м			ь	о				
24	25				м	т	ь			п	ш				
31	32				ь	а	у			в	ж				
38	39	40	41	42	43	44	45	46	47	48	49	50			
в	ж	е	м	ы	х		ь	ч	п	т	т	о			
51	52	53	54	55	56	57	58	59	60	61	62	63			
у	с	а	е	з	ь	л	ь	е	ь	й	е	д			
64	65				66	67	68			69	70				
т	ф				т	р	г			в	т				
71	72				73	74	75			76	77				
а	я				с	с	ь			п	ь				
78	79				80	81	82			83	84				
а	с				п	п	о			в	м				
85	86	87	88	89	90	91	92	93	94	95	96				
л	г	ь	д	у	ю	щ	е	м	в	л	е				

- 1) Давитъ.
- 2) Гомеръ.
- 3) Моисей.
- 4) Вѣче.
- 5) Ты.
- 6) Нева.
- 7) Мысль.
- 8) Мотивъ.
- 9) Теца.
- 10) Ухо.
- 11) Шлемъ.
- 12) Весна.
- 13) Людоѣдъ.
- 14) Соха.
- 15) Аппель.
- 16) Вязъ.
- 17) Тяжъ.
- 18) Стуль.
- 19) Миражъ.
- 20) Дума.
- 21) В. Г.

П	о	з	д	р	а	в	л	я	е	м	ь	с	ь	н
о			в			ы	м			ь				о
д			о			м	ь			п				ш
н			х			ь	у			в				ж
а			е	м	ы	х	ь	ч	п	т				т
е										й				е
л				а	е	м	ь			в				т
р				ь			т			п				ь
с				я			с			в				а
п				с			н			о				в
ь	с	л	ь	д	у	ю	щ	е	м	ь	г	о	д	у

„Поздравляемъ съ Новымъ годомъ нашихъ уважаемыхъ читателей! Желаемъ встрѣтиться съ Вами снова въ слѣдующемъ году!“ „1890“.

Ребусъ. Задача № 1.

Алгебраическая задача № 2.

- 1) Четвертое число равно суммѣ втораго и третьаго.
- 2) Полуумма перваго и седьмаго равна коэффициенту шестаго члена разложенія (бинома) седьмой степени.
- 3) Сумма перваго и пятаго равна x уравненїи: $(\frac{1}{64})^2 - 0,1x^4 = \sqrt{0,125}$
- 4) Разность между послѣднимъ и четвертымъ равна пятому числу.
- 5) Шестое число въ степени седьмаго равно четырехзначному числу; если послѣднюю цифру этого числа 6 перенести съ одного конца на другой, то полученное число будетъ больше искомаго на 2315.
- 6) Разность арифметической прогрессїи, состоящей изъ чиселъ четвертаго, перваго и пятаго, равна z уравненїи: $z^2 = -1 + 1/3(z^z - z^{-z})$.

СОДЕРЖАНІЕ: А. В. Нинитенко (съ портр.). — Маркъ Петровичъ Петровъ. Рассказъ А. Н. Майнова. — Стихотворенїе Я. П. Полонскаго. — Исусъ. Повѣствованіе изъ библейскихъ временъ. Георга Эберса (съ рис.). — Къ рисункамъ: Литературный альбомъ „Бахчисарайскій фонтанъ“ (съ рис.). — Русская бесьярия (съ рис.). — На Фонтанѣ (съ рис.). — Князь Василій Шуйскій, помилованный на плахѣ (съ рис.). — Ауль Наснетъ, Даргинскаго округа (съ рис.). — Карпы и утѣи (съ рис.). — С. П. Ботининъ (съ портр.). — А. П. Доброславинъ (съ портр.). — Двуголовная черепаха (съ 2 рис.). — Изобрѣтенїе для слѣпыхъ (съ рис.). — Укротитель лвовъ, Юлій Сеть (съ рис.). — Политическое обозрѣніе. — Смысь. — О подпискѣ на „Иву“ 1890 года. — Задачи и рѣшенія задачъ. — Облавленїя.

Прч этомъ № прилагаются: 1) СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ на 1890 г., печатанный 8-ю красками; 2) „ПАРИЖСКІЙ МОДЫ“ за ЯНВАРЬ 1890 г., съ 32 рис. и отдѣльнѣе съ 33 чертѣе. выровненъ въ натур. величину и 21 рис. рукодѣльныхъ работъ.

Издатель А. Марсье. Редакторъ В. Ключинкозъ.

КРЫШКИ для переплета „НИВЫ“ изъ лучшего англійскаго вальсера, съ золотымъ тисненіемъ, печатаннымъ красками, на 1889 г., по показанному образу, 1 р., съ пересылкою 1 р. 60 к.

ВАЗЕЛИНОВОЕ МЫЛО

I. ГОЛЛЕНДЕРЪ

для смягченія кожи.

Новоизобрѣтенное вазелиновое мыло, пріятнаго запаха, придаетъ кожѣ желаемую нѣжную мягкость. Цѣна за кусокъ 30 коп., 3 куска съ пересыл. 1 р. 50 к.

Получать можно во всѣхъ парфюм. и аптеч. магазинахъ и аптекахъ Россіи.

Главный складъ: СПБ., Демидовъ пер., д. № 1. № 4278

ЮНЫЙ ИМПЕРАТОРЪ.

Ром.-хрон. XVIII в. Вс. Соловьева. Спб. Изд. 2-е. II. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ колѣнк. пер. 2 р. 75 к., съ перес. 3 р. 25 к.

Поединокъ Фауста съ Валентиномъ.
Образецъ гравюры на мѣди (уменьш. въ 12 разъ) изъ книги „Фаустъ“, Гёте

Издание А. Ф. МАРКСА:

Новое большое роскошно иллюстрированное издание in folio сочиненія

ГЁТЕ

„ФАУСТЪ“

объ части, переводъ А. ФЕТА, съ 25-ю эстампами гравированными на мѣди и 132-мя гравюрами на деревѣ по рисункамъ ЭНГЕЛЬБЕРТА ЗЕЙБЕРЦА,

исполненными знаменитыми граверами: Адрианомъ Шлейхомъ, Альгейеромъ, Зигле и друг.

Классически образцовый переводъ А. Фета не только передаетъ слово въ слово оригиналъ прекрасными стихомъ, но и снабженъ (въ примѣчаніяхъ) всѣми объясненіями трудно понимаемыхъ мѣстъ, а также необходимыми комментаріями, чѣмъ значительно облегчено чтеніе второй части „Фауста“.

Изъ всѣхъ книгъ такъ-называемой классической литературы, „Фаустъ“ Гёте представляетъ истинную сокровищницу: онъ такъ богатъ высокими идеями, что его можно перечитывать всю жизнь и всегда съ новымъ наслажденіемъ.

Цѣна въ роскошномъ кожаномъ (шагреновомъ) переплетѣ, съ золотымъ обрѣзомъ и въ футлярѣ 40 р., за пересылку слѣдуетъ прилагать за 35 фунтовъ, по разстоянію.

Съ требованіями обращаться въ контору журнала „НИВА“, Спб., Невскій пр., № 6.

Поступилъ въ продажу въ конторѣ журнала „Нива“ (СПБ., Невскій, № 6)

ПОЛНЫЙ ТОМЪ

„НИВЫ“ за 1889 г.

заключающій въ себѣ 1,300 стр. разнообразнаго текста и 700 художественно-выполненныхъ гравюръ, разск. А. Фета—„Внѣ моды“, повѣсть Н. Д. Ахшарумова—„Опасная игра“, романъ М. В. Крестовской—„Торжество Юліи Андреевны“, большой ром. въ 2-хъ част. В. И. Немировича-Данченко—„Подъ звонъ колоколовъ“, историч. ром. въ 2 част. графа Е. А. Салиаса—„Барыни-крестьянки“, разск. кн. Д. Голицына-Муравлина—„Увлеченіе“, разсказъ П. Дорошенко—„Что-же“ и массу другихъ повѣстей, разсказовъ и стихотвореній извѣстныхъ писателей, а также много научно-популярныхъ статей по зоологіи, гигиенѣ, живописи и мн. др. Кромѣ того нѣсколько художественныхъ приложений—важнѣйшія рыбы Россіи, важнѣйшія древ. растенія Россіи, Росс. Импер. ордена и проч., печат. красками, большой сборникъ новѣйшихъ повѣстей и разсказовъ (томъ 484 стр.) и большая олеографическая картина профес. В. Д. Орловскаго:

„ЛѢТНІЙ ВЕЧЕРЪ ВЪ МАЛОРОССІИ“.

ЦѢНА ЭТОМУ ВОЛЬШОМУ ТОМУ, со всѣми бесплатными преміями и приложениями:

Брошюрован. 4 р. Въ колѣнк. перепл. 5 р. 50 к.
Съ пересылкою до 2000 Съ пересылкою до
версть 6 р. 2000 версть 7 р. 50 к.
Свыше 2000 версть за пересылку прилагается по разстоянію за 13 фунтовъ.

PAPIER FAYARD ET BLAYN

употребляется въ леченіи ревматизма, раздраженія дыхательныхъ органовъ, насморка, раздраженія груди, вывиховъ, ранъ, ожоговъ, ознобленій, мозолей и всякихъ накожныхъ затвердѣній. Продажа во всѣхъ аптекахъ (требовать собственноручную подпись).

LA VELOUTINE

Спеціальная рисо-висмутовая пудра.
CHARLES FAY, Parfumeur, 9, rue de la Paix Paris.

ВЪ ИМПЕРАТОРСКОМЪ Тульскомъ Оружейномъ Заводѣ

имѣются готовые ружья, слѣдующихъ наименованій:

- 1) Одноствольныя шомпольныя съ стальными стволами, цѣною: 7 р. 50 к., 10 р. 50 к. и 12 р.
- 2) Двухствольныя шомпольныя съ стальными стволами въ 15 р., 18 р., 20 р., 25 р. и 30 р.
- 3) Двухствольныя центрального боя въ 38 р., 43 р. и 48 р.
- 4) Двухствольныя центрального боя съ дамассковыми стволами, въ 60 р., 70 руб.

Ружья этихъ сортовъ высылаютъ Заводъ черезъ двѣ недѣли по полученіи денегъ. На укуорку слѣдуетъ добавлять по 1 р. 10 к. за одноствольное и по 1 р. 50 к. за двухствольное и на пересылку по вѣсу и разстоянію. Всѣхъ одноствольныхъ ружья съ укуоркою примѣрно 22 ф., а двухствольнаго—24 ф.

ИМПЕРАТОРСКІЙ Тульскій Оружейный Заводъ изготавляетъ дешевыя ружья для охотничьихъ командъ: шомпольныя одноствольныя отъ 4 руб., двухствольныя отъ 15 р. и заряжающія съ казны: одноствольныя отъ 8 р. и двухствольныя—отъ 38 руб.

Подробная раздѣлка высылается по требованію, къ которому слѣдуетъ приложить 7 коп. марку. № 4274

НОВОЕ, ПЯТОЕ ИЗДАНИЕ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ А. Н. МАЙКОВА,

изячно изданное А. Ф. МАРКСОМЪ, съ портретомъ автора, гравированнымъ на стали, и факсимиле.

Настоящее изданіе дополнено всѣми послѣдними произведеніями А. Н. Майкова, тщательно просмотрѣно и исправлено авторомъ.

Утвержденнымъ г. Министромъ опредѣленіемъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія постановлено: книгу „Полное собраніе сочиненій А. Н. Майкова“ рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, а также для выдачи, при выпускѣ, въ награду ученикамъ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, окончивающимъ въ оныхъ курсъ, о чемъ и напечатано въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

3 тома in 8, болѣе 1500 страницъ. Цѣна 6 руб., съ перес. 6 р. 75 к.; въ роскошныхъ колѣнкор. переплетахъ съ золотыми тисненіями—8 руб., съ пересылкою 9 руб.

Для подписчиковъ „Нивы“—5 р. 50 к., съ перес. 6 р. 25 к.; въ переплетѣ 7 р., съ пересылкою 8 руб.

Съ требованіями просить обращаться въ Спбурзь, въ контору журнала „Нива“ (Невскій, 6).

Въ кн. маг. Фену, „Нов. Вр.“ и др. прод. практич. повар. кн. „Экономная хозяйка“. Ц. 75 коп. Складъ изданія: Спб., Цевскій просп., № 97, кв. 37, у А. П. Суворова. Выпис. изъ склада за перес. не платитъ. Мелочъ мож. выс. почтов. марками. № 4276

ПРЕЛЕСТНЫЙ ПОДАРОКЪ ДЛЯ ДАМЪ ВЪ ПАМЯТЬ ПАРИЖСКОЙ ВЫСТАВКИ.
Выдается: за 45 к. почтовыми марками прелестный раслетъ съ бреломъ башни Эйфеля. За 60 коп. марками элегантная брошь съ башней Эйфеля.
За оба предмета вмѣстѣ одинъ рубль кредитными.

Адресовать: Paris, M-me Levene, 273, rue St. Denis. П. № 4236 2-2

ДЛЯ УХОДА ЗА КОЖЕЙ
EAU DE LYS DE LOHSE.
Въ виду часто вѣтряемыхъ въ продажѣ поддѣлокъ, слѣдуетъ при покупкѣ требовать № 4933 9-4

Eau de Lys de LOHSE.
МЫЛО ЛОЗЕ „LILIENMILCH“
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ
Придворный Парфюмеръ
46. Jägerstrasse, Berlin.

Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи.

ПРО ЧТО ЩЕБЕТАЛА ЛАСТОЧКА. Соч. Шталагена. Съ портретомъ и биографіею автора. Ц. 1 руб., съ перес. 1 руб. 25 коп.

ИМПЕРИЦІЯ МАШИНА „РЕМИНГТОНА“.

Пишетъ въ 3 раза быстрее пера. Чистота, четкость красота. Введена во всѣхъ Министерствъ и мног. вѣдѣтельствъ и частныхъ учрежд.

Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленн. отзывы отъ Правительства и другихъ учреждений, высылается безплатно. № 3748 Единственный складъ для всей Россіи:

ГОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ
Москва С.-Петербургъ
Кузнечій мостъ. Б. Морская, 21.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1890 ГОДЪ НА НОВЫЙ литературно-политическій и научный журналъ **РУССКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.**

РУССКОЕ ОБОЗРѢНІЕ будетъ выходить безъ предварительной цензуры, 15 числа каждаго мѣсяца, книжками по тридцати листовъ, по слѣдующей программѣ: 1) **Изысканная словесность:** оригинальные и переводные романы, повѣсти, рассказы, драматическія произведенія, стихотворенія и т. д. 2) **Науки:** философія, исторія, естествознаніе, военныя науки и проч. 3) **Обозрѣніе:** внутреннее, экономическое и иностранное. 4) **Хроника:** литературная, научная, музыкальная, театральная и художественная. 5) **Критика:** библиографія, корреспонденціи.

БЛИЖАЙШЕЕ УЧАСТІЕ ПРИМУТЪ:

Въ литературномъ отдѣлѣ: Н. Д. Ахшарумовъ, кн. М. Н. Волконскій, В. П. Ключниковъ, М. В. Крестовская, Котъ Мурлыка, гр. А. А. Кутузовъ, К. Н. Леонтьевъ, Н. С. Лѣсковъ, Незеленовъ, К. Орловскій, гр. Е. А. Салиасъ, А. А. Смирновъ, Д. И. Стахѣевъ, А. Стернь, А. А. Феть, А. П. Чеховъ, І. І. Ясинскій (Максимъ Бѣлинскій) и др.

Въ научно-политическомъ отдѣлѣ: Главацкая (Рада-Бей), А. А. Борзенко, Н. П. Вагнеръ, С. Васильевъ, А. Н. Веселовскій, А. И. Воейковъ, Л. Н. Вороновъ, Н. М. Горбовъ, В. А. Грингмутъ, Н. Я. Гротъ, Н. А. Звѣревъ, Н. Д. Кашкинъ, А. А. Кирѣевъ, Г. А. Ларошъ, Н. А. Любимовъ, Л. Н. Майковъ, И. П. Минаевъ, Е. Л. Марковъ, О. К., Э. О. Радловъ, С. А. Рачинскій, В. И. Сафоновъ, В. В. Святловскій, Вл. С. Соловьевъ, Н. Н. Страховъ и др.

Изъ приглашенныхъ редакціей иностранныхъ сотрудниковъ ближайшее участіе примутъ:

Бретъ-Гартъ (Bret-Harte), П. Бурже (Paul Bourget), Г. Вельшенже (Henri Welschinger), П. Леруа-Больэ (Paul Leroy-Beaulieu), Э. Гартманъ (Eduard von Hartmann), Ж. Симонъ (Jules Simon), Стэдъ (Stead) и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	НА ГОДЪ.	НА ПОЛГОДА.
Безъ доставки и пересылки	15 р. 50 к.	8 р. — к.
Съ доставкой въ Москвѣ	16 " — "	8 " 50 "
Съ пересылкой изъ городовъ	17 " — "	9 " — "

Подписка принимается въ конторѣ журнала: **МОСКВА, ТВЕРСКОЙ БУЛЬВАРЪ, ДОМЪ ЗЫКОВА, № 46**, а также въ книжномъ магазинѣ Думнова (бывшій Салаева), кромѣ того у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ С.-Петербурга и Москвы.

Для подписывающихся въ конторѣ журнала допускается разсрочка.
Издатель **Н. БОБОРЫКИНЪ.** Редакторъ кн. **Д. ЦЕРТЕЛЕВЪ.**

НАТУРАЛЬНАЯ УГЛЕКИСЛАЯ МИНЕРАЛЬНАЯ ВОДА
МАТТОНИ
ГИСНЮБЛЕРЪ
Чистый щелочнокислый источникъ
Освѣжительный и здоровый
СТОЛОВЫЙ-НАПИТОКЪ
Можно вездѣ получить.
600000 (миллион) бутылокъ главоу вывозъ.

Семь разъ удостоены первыхъ наградъ.
СКРИПКИ.

Самыя лучшія и дешевыя въ настоящее время, неподражаемы по тону и качеству отъ 6—30 марокъ, знаменитыхъ мастеровъ отъ 30—200 марокъ. Альты, виолончели, басы. Смычки 1 1/2—50 мар. Футляры 3 1/2—40 мар. Цитры 16—300 мар. Гитары 6—50 мар. Превосходныя струны. Всѣ духовныя инструменты. Нѣмая скрипка для ученя (собств. изобрѣт.). Мастерская для починокъ. Рекомендациі отъ Вильгельми, Саразете, Сора, Зингеръ и проч. Полнѣйшая гарантія. Прейсъ-куранты безплатно.

Бр. ВОЛЬФЪ.
Фабрика струнныхъ инструментовъ.
Ц. № 4121 Крещнакъ. 9-5

СѢМЕНА:

Хлѣбная, луговая, огородная, цвѣточная, древесная и проч. лучшия качества и неистощимой всхожести. Полный иллюстр. прейсъ-курантъ высылается за 25 коп. марками.

СѢМЕННОЕ ДѢЛО
Н. В. ЛИСИЦЫНА
въ Москвѣ: Ц. № 4271

1) Петровка, д. Пенского.
2) Мясницкая, д. Долгорукова.

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОКЪ

Невскій, 57, собств. домъ,
Покупаетъ всѣ % бумаги.
Суды подъ всѣ % бумаги.
Страхованіе выигранныхъ займовъ.
Переводы на всѣ города.
Оплата купоновъ. № 3925

Также нужны вѣрныя съ постояннымъ мѣстомъ жительства
АГЕНТЫ.
Предложенія адресовать по вышеозначенному адресу.

РОЯЛИ К. М. ШРЕДЕРЪ.

С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, № 52, собственный домъ.
ПОСТАВЩИКА ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ:
ИМПЕРАТОРА ВСЕРОССІЙСКАГО, ИМПЕРАТОРА ГЕРМАНСКАГО, ИМПЕРАТОРА АВСТРІЙСКАГО, КОРОЛЯ ДАТСКАГО И КОРОЛЯ БАВАРСКАГО.

ВЫСШІЯ НАГРАДЫ НА ВСЕМИРНЫХЪ ВЫСТАВКАХЪ 1885 года, Единственныя въ Россіи, по музыкальному отдѣлу:
ЛОНДОНЪ—золотая медаль, **АНТВЕРПЕНЪ**—почетный дипломъ и орденъ Леопольда.

Піанино 425, 500 и 550 руб. Кабинетные рояли 550, 650, 750 и 800 руб. Салонные рояли 900 руб. Концертные рояли 1,200, 1,400 до 2,000 рублей.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1890 ГОДЪ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1890 ГОДЪ

ИЗДАНИЯ ГОДЪ ВОСЬМОЙ.

НОВОСТИ ДНЯ

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА,

съ портретами государственныхъ и обществен-
ныхъ дѣтелей.

Ц. № 4163 5-5

Наружь восьмого года существова-
нія нашего изданія намъ не приходится
распространять о цѣляхъ и задачахъ
„Нов. Дня“. Фактъ тотъ, что распро-
страненность и популярность газеты
дали возможность увеличить форматъ
ея до размѣровъ большихъ ежедневныхъ
газетъ, не увеличивая подписной цѣ-
ны. Всесторонняя полнота содержанія
и богатство беллетристическаго мате-
риала дѣлають „Нов. Дня“ газетой
одинаково интересной, какъ для сто-
личныхъ, такъ и для провинціальныхъ
читателей.

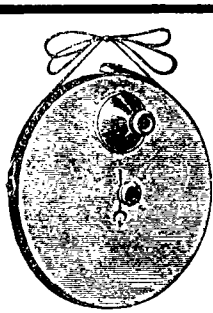
Изъ беллетристики въ портфелѣ ре-
дакціи имѣются междупрочимъ: Тумин-
скій воръ, изъ времени междунарствія,
больш. историч. пов. Д. С. Дмитриева,
Отець, ром. въ 4 час. К. В. Назаревой.
Въ занолдованномъ кругѣ, ром. О. Е.
Дубровиной. Быльемъ поросло, повѣсть
П. Н. Богатырева. Отверженные, ром.
въ 2 час. В. Курскаго. Семейная пу-
таница, ром. Белло, перев. Охтинской.

Подписная цѣна:

	Въ На За		
	Москвѣ, города, границу.		
	р. к.	р. к.	р. к.
На 12 мѣс.	8. —	9. —	13. —
„ 11 „	7.50	8.50	12.90
„ 10 „	7. —	8. —	12. —
„ 9 „	6.50	7. —	10.90
„ 8 „	6. —	6.50	9.70
„ 7 „	5.50	6. —	8.80
„ 6 „	5. —	5.50	7.90
„ 5 „	4.50	5. —	6.70
„ 4 „	3.70	4. —	5.60
„ 3 „	2.90	3. —	4.70
„ 2 „	1.90	2. —	3. —
„ 1 „	1. —	1. —	1.60

Адресъ:

Москва, Мясницкая, д. Сытова,
Контора газеты „Новости Дня“.

Весьма легко для каждого заниматься фотографиро-
ваніемъ. Предлагаемъ № 4216
ФОТОГРАФИЧЕСКУЮ СЕКРЕТНУЮ НАМЕРУ ШТИРНА.
Цѣна съ пластинками на 36 снимковъ 20 р.
Шесть моментальныхъ снимковъ въ одну минуту.
Носится незаметно подъ сюртукомъ. Весьма удобна.
Хорошіе результаты. Пробные снимки: 50 к.
Единственная продажа для всей Россіи.
Краткое печатное наставленіе къ фотографирова-
нію прилагается бесплатно. Аппараты для съемокъ
изображеній въ кабинетную величину, съ хорошимъ
объективомъ, начиная съ 15 рублей. Большой вы-
боръ всякихъ предме- товъ каса-
ющихся фотографіи. **СКЛАДЪ ФОТОГРАФИЧЕСКИХЪ ПРИНАДЛЕЖНОСТЕЙ**
БРУНО ЗЕНГЕРЪ и Ко
с.-ПЕТЕРБУРГЪ НЕВСКІЙ ПР., № 25-1.

Гг. Офицерамъ и Служащимъ

въ казенныхъ учрежденіяхъ, съ ручательствомъ гг. казначеевъ и управляющихъ, отпу-
скають швейные машины на уплату, по цѣнамъ какъ за наличныя деньги.
Прейсъ-куррантъ съ аттестатами, условіе и листы для заказовъ бесплатно.

А. ШТЕЙНЪ, С.-Петербургъ, Вол. Морская, 24.

Складъ швейныхъ и вязальныхъ машинъ.

№ 4275

ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

на годъ 5 р.	ДЕЖЪ	на 4 мѣс. 2 р.
на 8 мѣс. 4 р.		на 2 мѣс. 1 р.
на 6 мѣс. 3 р.		на 1 мѣс. 60 к.
За границу		Объявленія по
на годъ 10 р.		10к. за строку.

Адресъ: С.-Петербургъ, (360 вып. въ годъ). Редакт. И. В. Сиворцовъ.
Преображенская, 4. № 4142 8-7 Издатель А. А. Грeve.

РОДНИКЪ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1890 г.
(IX годъ изданія).

„РОДНИКЪ“ выходитъ въ первыхъ числахъ каж-
даго мѣсяца книжками большого формата, не ме-
нѣе 7 печат. листовъ каждая, со многими рисо-
нками въ текстѣ. Годовое изданіе „РОДНИКА“
составляетъ 2 большихъ тома, около 700 стран.
каждый, со 100—120 рисунками. При „РОДНИКЪ“
издается педагогическій листокъ „ВЪСПИТАНІЕ И ОБУЧЕНІЕ“.
„РОДНИКЪ“ рекомендованъ и одобренъ раз-
ными вѣдомствами. Адресъ главной конторы:
СПб., при „Русскомъ книжномъ магазинѣ“, Нев-
скій пр., д. № 106 (Шлякова). Мѣ. № 4261

Журналъ для дѣтей.
въ годъ за 12 книгъ 5 р.
въ годъ за 6 лист. „Воспит. и Обученіе“ 6 р.
съ доставк. и пересылк.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ВѢСТНИКЪ

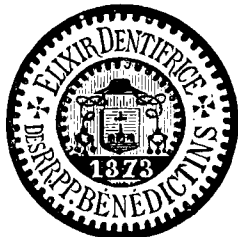
САДОВОДСТВА, ПЛОДОВОДСТВА И ОГОРОДНИЧЕСТВА

1890 г.

Органъ Императорскаго Россійскаго Общества Садоводства
подъ редакціей **В. Н. Кутузова**
(СПб., Лѣсной Институтъ).

Журналъ выходитъ ежемѣсячно, въ объемѣ 3 листовъ текста съ двумя хромолито-
графиями и разными рисунками въ текстѣ.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи журнала „Нива“ (СПб.,
Невскій просп., № 6) и у казначея Общества Э. И. Эндеръ (СПб., Импер.
Ботанической Сады). Цѣна 8 рублей за годъ. Допускается подписка съ раз-
срочкой для лицъ состоящихъ на государственной службѣ исключ. въ
конторѣ редакціи „Нивы“.

ЭЛИКСИРЪ,

ПОРОШОКЪ И ПОМАДА

ДЛЯ ЗУБОВЪ

ОТЦЕВЪ БЕНЕДИКТИНЦЕВЪ

Аббатства СУЛЯКЪ (Жироуд) Франціи.

Находится во всѣхъ аптекахъ, мосна-
тельныхъ лавкахъ и косметическихъ ма-
газинахъ.

- Всѣ названные косметическіе продукты не содержатъ никакихъ вредныхъ веществъ,
почему и разрѣшены СПб. Стол. Врачебн. Управленіемъ.
- 1) ПОДЛИННИКЪ ПАСТА EUGENIE средство для лица. Цѣна банки 1 р. 60 к.
 - 2) БАЛЬЗАМЪ EUGENIE изъ миртов. цвѣтовъ для декольте, лица и рукъ. Ц. флак. 1 р. 70 к.
 - 3) ЭЛИКСИРЪ MELANGE для волосъ. Ц. за флаконъ 2 р.
 - 4) ХИННО-ГЛИЦЕРИНОВ. ПОМАДА для волосъ. Цѣна банки 2 р.
 - 5) РУМЯНА EUGENIE жидкія, придающія щекамъ и устамъ розов. цвѣтъ. Рекомендуются въ особенности для театровъ и баловъ. Цѣна за флаконъ 1 р. 50 к.
 - 6) РУЧНАЯ РАКОВИННАЯ ПОМАДА Цѣна банки 1 рубль 30 коп.
 - 7) ПОДЛИННИКЪ POUFRE EUGENIE бѣлая и розов. Ц. съ пухов. 1 руб. 50 коп., № 4202 12-3 безъ пухов. 1 руб. 20 коп.
- КРАСКА ДЛЯ ВОЛОСЪ** черная, коричн. и свѣтлор. Цѣна кор. 3 руб. Рись Гутманъ.
- Главное депо въ С.-Петербургѣ: въ Русскомъ обществѣ торговли аптекарскими товарами, Казанская; въ Центральномъ Аптекарскомъ Депо, Миллионн. Рядъ; у Рузанова, Гостинный Дворъ; бывшій Даразевъ, Пассаажъ, № 15-17; у Сіу и Ко; у Персовъ и Тибо, Невскій пр., № 18 и въ другихъ аптекарскихъ магазинахъ. Въ Москвѣ: у К. И. Феррейна, Никольска и въ другихъ аптекарск. магаз., а также можно получить во всѣхъ аптекарскихъ магазинахъ всей Россіи.

ДВУНОГІЙ ВОЛКЪ.

Н. Н. Нарзинна. Изданіе 2-е. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к. Обращаться въ Контору
журнала „Нива“, а также и ко всѣмъ известнымъ книгопродавцамъ.

БРАТЯ ЭНГБЕРТСЪ и Ко.

Гостинный дворъ, № 146, 147 и 14
въ С.-Петербургѣ.

СПЕЦИАЛЬНОСТЬ МУЖСКАГО И ДАМСКАГО БѢЛЫЯ.

ПОЛОТНО, БАТИСТЪ.

СТОЛОВОЕ БѢЛЫЕ ВЪ ГРОМАДНОМЪ ВЫБОРѢ.

НОВОСТИ ШЕЛКОВЫХЪ, ШЕРСТЯНЫХЪ И БУМАЖНЫХЪ
ТКАНЕЙ.

Гг. иногороднымъ покупателямъ по
требованію высылаются преісъ-кура-
нты бесплатно. № 4244 2-2

Поступило въ продажу во всѣхъ книжн. магазинахъ новое изданіе Ф. Павленкова:

ЭЙФЕЛЕВА БАШНЯ. Составилъ Г. ТИСАНДЬЕ.

Популярное описаніе ея устройства, ея цѣль и польза. Переводъ съ франц. подъ ре-
дакціей инженера Ю. Эрлиха. Съ 37 рисунками, портретомъ строителя, его автогра-
фомъ и биографическими о немъ свѣдѣніями. Ц. 50 коп. Мѣ. № 4281

О подпискѣ въ 1890 году НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА „ДѢТСКІЙ ОТДЫХЪ“

(X ГОДЪ ИЗДАНИЯ).

„Дѣтскій Отдыхъ“ особенно рекомендованъ Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для среднихъ учебныхъ заведеній мужскихъ и женскихъ, городскихъ и начальныхъ народныхъ училищъ. Учебнымъ Комитетомъ при Святейшемъ Синодѣ допущенъ къ приобрѣтенію для фундаментальныхъ библиотекъ духовныхъ училищъ. Ученымъ Комитетомъ Собственной Е. И. В. Канцелярїи по учрежденіямъ Императрицы Марїи, допущенъ въ четыре класса среднихъ учебныхъ заведеній вѣдомства.

„ДѢТСКІЙ ОТДЫХЪ“ въ 1890 году будетъ издаваться по той же программѣ и въ томъ же объемѣ (отъ 8 до 10 печатныхъ листовъ—листъ 16 стр.), какъ и въ настоящемъ 1889 г., со многими рисунками русскихъ и иностранныхъ художниковъ. Кромѣ того при № журнала будетъ данъ рядъ акварельныхъ рисунковъ, подъ общимъ заглавіемъ:

„Изъ дѣтской жизни“.

На 1890 годъ редакціе приобрѣтены слѣдующія статьи:

Н. П. Ансакова: „Взятіе Арконы“, историческая повѣсть временъ борьбы Датчанъ со Славянами, и „Боривой“, историческая повѣсть изъ жизни древнихъ Славянъ; А. А. Бахтиярова: „Жилище челоѣка“, этнографическій очеркъ; Н. П. Боголюбова: рассказы изъ морской жизни: „Холмъ надеждъ“ и „Островъ Сомбреро“; П. В. Бозобразова: „Греческія сказки“ и историческій очеркъ „Славяне“; М. И. Богемскаго: „Бѣгльцы“, рассказъ; П. Вольногорскаго: „Море и его тайны“, рядъ очерковъ по естественной исторїи моря и его обитателей; А. Н. Догановичъ: „Мачиха“, рассказъ; В. П. Желиховской: „Въ обители Св. Шою“, рассказъ изъ жизни за Кавказомъ; А. В. Круглова: „Счастье“, большая повѣсть въ 2-хъ частяхъ, и „Страничка прошлаго“, лирическая поэма; Вас. И. Немировича-Данченко: „Въ горныхъ высяхъ“, большая повѣсть для юношества; Ольга Н.: „Рождественскій рассказъ“; Н. Н. Островской: „Въ Голландїи“, повѣсть; Н. И. Познякова: „Товарищъ“, повѣсть; А. П. Смирнова: „Родимый“ и „Картинки съ натуры“, рассказы. М. Юрьевой: „На южномъ берегу Брыма“, повѣсть въ 2 частяхъ; А. В. Щепиной: „Призывный звонъ“, рассказъ, и мн. др.

А также редакціи обѣщано на 1890 г. новое произведеніе нашей маститой писательницы **Евгенїи Туръ**.

Кромѣ того, въ журналѣ принимаютъ участіе: гр. П. А. Валевъ, Н. И. Ге, Н. А. Иваницкій, М. В. Ниселева, И. К. Кондратьевъ, М. Кулинь, Н. В. Краснослодовъ, П. М. Невѣжинъ, Л. В. Постникова, В. А. Сысоевъ, С. В. Стриковъ, И. В. Юрневичъ, А. М. Федоровъ и мн. др.

Въ художественномъ отдѣлѣ принимаютъ участіе: Н. А. Богатовъ, А. В. Вишнева, А. Э. Гофманъ, Н. Н. Каразинъ, М. М. Михайловъ, А. П. Степановъ, К. Н. Чичаговъ и мн. др.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ НА 1890 ГОДЪ:

Съ доставкой и пересылкой на годъ . . . 6 р. — к.
„ „ „ „ „ „ на полгода . . . 3 р. 50 к.
Безъ доставки въ Москвѣ (конт. Печковской) 5 р. 50 к.

Оставшіеся экземпляры за 1881 до 1887 г. включительно, кромѣ 1883 г., продаются въ конторѣ редакціи по 3 р. 50 к. съ пересылкой, а за 1888 г. (25 экз.) и 1889 г. по 6 руб.

Подписка принимается въ Москвѣ, въ конторѣ объявленій Н. Печковской (Петровскія линїи), въ Петербургѣ во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Гг. иногородныхъ подписчиковъ просятъ обращаться **ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО** въ контору редакціи журнала „Дѣтскій Отдыхъ“:

Москва, Арбатъ, Аонасѣевскій пер., д. Ганенфельдъ.

Редакторы-Издательницы: { **Е. САРАЧЕВА.**
Е. НАВАЛКОВА.

ИЗДАНИЯ ЖУРНАЛА „ДѢТСКІЙ ОТДЫХЪ“:

А. В. Кругловъ: „Котофей Котофеевичъ“, повѣсть въ 2 частяхъ, съ 50 рисунками художника М. М. Михайлова и др., въ изящной папкѣ на альбомной бумагѣ. Пересылка за 2 ф. Цѣна 1 р. 25 к.

Вас. И. Немировичъ-Данченко: „На краю гибели“, романъ для юношества, въ 3 частяхъ, съ 80 рисунками, дающій массу свѣдѣній о Волгѣ, Каспійскомъ морѣ и Кавказѣ. Цѣна 2 р. 50 к., въ коленкоровомъ переплетѣ 3 р. Пересылка за 4 фунта. П. № 4270

Складъ изданій въ конторѣ журнала „Дѣтскій Отдыхъ“.

Дозвол. цензур., СПб., 28 декабря 1889 г.

Изданіе А. Ф. Маркса, СПб., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., № 1.

Библиотека „Руниверс“

ФИСГАРМОНІЯ

Прекрасный инструментъ
Для духовной и свѣтской музыки.

Американскія фисгармонїи, печальною приятные, благородные звуки которыхъ уравниваютъ каждого слушателя, изящная отдѣлка которыхъ украшаетъ каждую залу, стоятъ только 110, 150, 175, 250, 300, 350, 450, 600, 700, 900 и 1400 руб.

Французскія фисгармонїи: 100, 130, 160, 200, 300 и 500 р. № 4280

Выучиться играть на фисгармонїи очень легко; кто немного играетъ на Фортепиано, тому игра на фисгармонїи не составляетъ никакого труда. Школы и ноты для фисгармонїи въ большомъ выборѣ.

Иллюстрированный прейсъ-курантъ и каталогъ нотъ для фисгармонїи—**бесплатно.**

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ
ГЛАВНОЕ ДЕПО
МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ И НОТЪ.
С.-Петербургъ, Большая Морская, № 36 и 42
Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарьина.

(Америк. фисгармонїя въ 300 р.)

Поставщики велосипедовъ Русской Арміи

Торговый Домъ Ж. БЛОКЪ,

Москва, Кузнецкій Мостъ, | С.-Петербургъ, Б. Морская № 21.

ИМѢЕТЪ
единственный Складъ для всей
Россїи Велосипедовъ: Свифтъ,
Вишнетъ, Русскій Клубъ, Мол-
нии (New Rapid), Имперіаль и пр.

Цѣны отъ 100 до 500 руб.

НОВОСТЬ
Общедоступный Свифтъ №2
= 150 руб. =

Прейсъ-Куранты высылаются бесплатно.
Поставщики велосипедовъ Русской Арміи.

ПОДАРКИ ДѢТЯМЪ

ВЪ БОЛЬШОМЪ ВЫБОРѢ
предлагаетъ

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ МАСТЕРСКАЯ
УЧЕБНЫХЪ ПОСОБІЙ И ИГРЪ.

Справочный списокъ съ рисунка-
ми высыл. за 5 коп.

II Троицкая ул., II.

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ

Г. ВАЛЬТЕРЪ

Специалистъ хронометровъ.
СПбуръ, Невскій пр., № 62
прот. Пил. Публ. Библиотеки.
Оптовая и розничн. продажа.
Подробный иллюстрирован-
ный прейсъ-курантъ высылается по востре-
бованію бесплатно. Пересылка на счетъ ма-
газина. Ручательство на 2 года. № 4155 10-7

ЛЕННИНГЪ и ГЛОЗНИНЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставля-
ютъ черную краску, которую печатается
иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405

ОБУВЬ

ТОВ. СПБ. МЕХ. ПРОИЗВ. ОБУВИ

имѣется въ продажѣ:

Въ Тулѣ: магазинъ П. И. Ксенофонтова, въ Гостинномъ дворѣ и на Киевской улицѣ.

Въ Курскѣ: Магазинъ СПб. Мех. Обувн, Московская ул., д. Александрова.

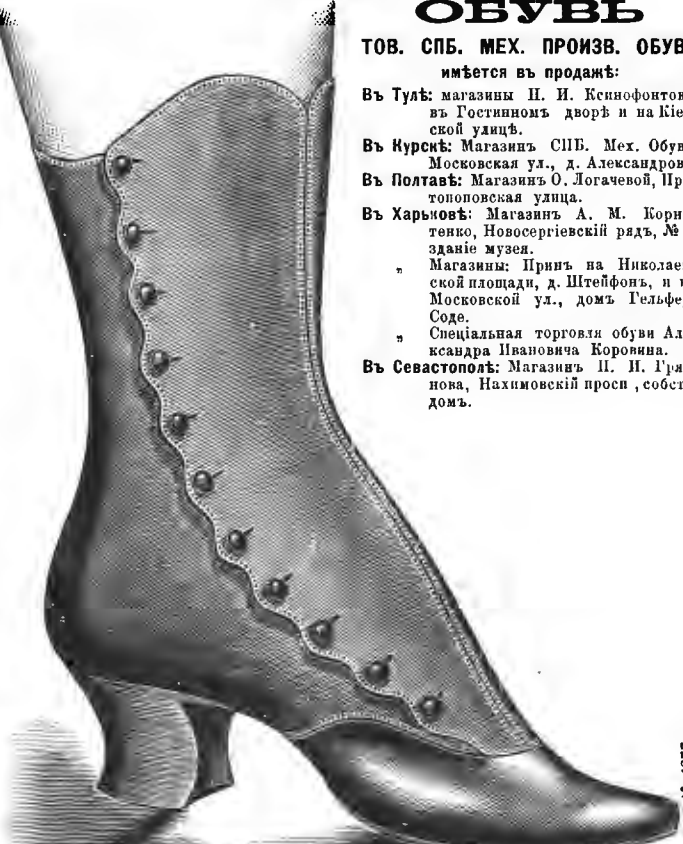
Въ Полтавѣ: Магазинъ О. Логачева, Протопоповская улица.

Въ Харьковѣ: Магазинъ А. М. Корнунтенко, Новосергїевскій рядъ, № 1, зданіе музея.

Магазинъ: Принъ на Николаевской площади, д. Штейфонъ, и на Московской ул., домъ Гельфер-Соде.

Спеціальная торговля обуви Александра Ивановича Коронина.

Въ Севастополѣ: Магазинъ П. И. Гурьнова, Нахимовскій просп., собств. домъ.

№ 4277

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЪСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
 Выдаѣт 13 января 1890 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цена этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1890 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГЪ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.
 ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

ОБЪЯВЛЕНІЯ
 въ „НИВЪ“ принимаются за
 строку непарейль (1/4 шир.
 стран.) въ Глав. Кон. Ред. по
 75 к. — Загран.: для Франціи у
 Agence Navas по 2 fr 40 с.;
 для Австр., Герман. и Швейц.
 у Rudolf Mosse по 1 M. 70 Pf.

Безъ доставки въ Пе-
 тербургъ 5 р.

Съ доставкою въ Пе-
 тербургъ 6 р. 50 к.

За границу, съ пересылкою 9 р.

Безъ дост. въ Москвѣ чр.
 конт. объявл. Н. Н. Печков-
 ской, Петровск. Торг. линіи. 6 р.

Съ пересылкою въ Москву
 и другіе города Россіи . . . 7 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
 Особые приложенія при
 „НИВЪ“ объявленія отъ тор-
 говыхъ домовъ принимаются
 для иногородн. и городскихъ
 подписчиковъ по особому
 соглашенію.

Везъ всякой доплаты за пересылку главной премии.

Кн. Д. Н. Цертелевъ.

Въ ряду молодыхъ русскихъ поэтовъ, князь Д. Н. Цертелевъ занимаетъ выдающееся и притомъ довольно особенное мѣсто, благодаря тому что творческая фантазія его съ особенною любовью уноситъ на древній Востокъ и воскрешаетъ предъ нами величественные образы иранской и индійской мифологіи. Что касается собственно лирическихъ его стихотвореній, то они отличаются большею частью элегическимъ характеромъ, но всегда согрѣты искренностью и задушевностью.

Дмитрій Николаевичъ Цертелевъ родился въ 1852 году въ Пензенской губерніи, Саранскаго уѣзда, въ с. Смольковѣ. Раннее дѣтство провелъ частью въ деревнѣ, частью въ Харьковѣ, 1861—1864 г. въ Швейцаріи; вскорѣ по возвращеніи въ Россію, поступилъ въ 5-ю Московскую гимназію, а затѣмъ, въ 1870 году, въ Московскій университетъ, гдѣ и кончилъ курсъ по юридическому факультету въ 1874

Князь Дмитрій Николаевичъ Цертелевъ. Съ фотогр. Денъера, грав. Шюблеръ.

году. Еще будучи студентомъ, во время заграничной поѣздки, онъ близко сошелся съ гр. А. К. Толстымъ, котораго зналъ и ранѣе, а въ теченіе послѣдующихъ лѣтъ нерѣдко проводилъ съ нимъ цѣлые мѣсяцы. Въ 1875 году, послѣ смерти графа, Цертелевъ провелъ зиму за границей, въ Египтѣ и въ Италіи, а затѣмъ въ 1877 году былъ избранъ предсѣдателемъ съѣзда мировыхъ судей въ Спасскомъ уѣздѣ, Тамбовской губерніи. Въ 1879 г. представилъ въ Лейпцигскій университетъ диссертацию „О теоріи познанія Шопенгауэра“ и по выдержаніи экзамена удостоенъ былъ степени доктора философіи поманутаго университета.

Съ 1872 года Д. Н. Цертелевъ помѣщалъ философскія статьи и стихотворенія въ періодическихъ издаваніяхъ, преимущественно въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, который и редактировалъ имъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, по смерти М. Н. Каткова, и въ *Вѣстникѣ Европы*.

Отдѣльными издаваніями появились его сочи-

непня: 1) „Границы религии, философии и естествознания“, 1879 г. 2) „Философия Шопенгауэра“, 1880 г. 3) „Сборникъ стихотворений“, 1883 г. 4) „Современный пессимизмъ въ Германіи“, 1884 г. 5) „Спиритизмъ съ точки зрѣнія философіи“, 1885 г. 6) „Свобода и либерализмъ“, 1888 г. 7) „Нравственная философія гр. Л. Н. Толстаго“, 1889 г. 8) „Нужна-ли реформа мѣстна-

го управленія“, 1889 г. Готовится къ печати второй выпускъ стихотворений.

Въ настоящее время кн. Д. Н. Цертелевъ стоитъ во главѣ издающагося въ Москвѣ ежемѣсячнаго журнала *Русское Обозрѣніе*, который обѣщаетъ быть однимъ изъ лучшихъ современныхъ изданій въ Россіи.

Маркъ Петровичъ Петровъ.

Разсказъ А. Н. Майкова.

(Окончаніе).

Горунинъ, ходя вдоль по площади туда и назадъ, нѣсколько разъ прошелъ мимо остеріи, гдѣ видѣлъ художника — и вдругъ вспомнилъ про эту встрѣчу. При томъ высокомъ строѣ души, въ которомъ онъ находился, онъ ужъ не задумался, не разсуждалъ, а смѣло и рѣшительно вошелъ въ локанду и прямо въ ту комнату, гдѣ былъ давече. Художникъ сидѣлъ еще тамъ. Передъ нимъ стояла большая фоллетта съ виномъ и стаканъ.

— Вотъ мы съ вами опять сошлись, весело и развизно сказалъ Горунинъ садясь напротивъ. — Что за чудная ночь! что за чудная страна, эта Италия!

Смѣлый пріемъ Горунина очевидно произвелъ на художника впечатлѣніе. Онъ какъ-будто даже смѣшался, посмотрѣлъ на Горунина внимательнѣе и отвѣчалъ:

— А вы тоже изъ Россіи?

— Уже съ полгода. Выѣхалъ на Берлинъ, потомъ въ Дрезденъ, Рейдельбергъ, потомъ въ Парижъ, въ Женеву...

— Значитъ все какъ слѣдуетъ, пробормоталъ художникъ.

Интересъ за минуту, какъ казалось, пробудившійся въ немъ къ Горунину, видимо погасъ, онъ откинулся на спинку стула, опустилъ голову и потухшимъ взоромъ какъ бы машинально смотрѣлъ на своего vis-à-vis, и только повторялъ: „такъ, такъ“, когда тотъ описывалъ свой маршрутъ: на С. Бернаръ, Домо д'Оссоло, Геную, Флоренцію, Римъ...

— И Римъ конечно больше всего понравился? заключилъ свои „таки“ художникъ съ нѣкоторой уже ироніей. — Еще бы! столица искусствъ! — и онъ захохоталъ. — Всѣ ѣдутъ!.. вы пожалуй тоже акварели рисуете? Ну — пиши тамъ, красныя развалины?

Горунинъ понялъ иронію и хотѣлъ выдѣлать себя въ представленіи художника изъ массы нашихъ обыкновенныхъ туристовъ и вызвать въ немъ къ себѣ уваженіе и симпатію.

— Видите-ли, сказалъ онъ спокойно и нѣсколько внушительно, — поѣхалъ я путешествовать чтобы вообще познакомиться съ жизнью и бытомъ другихъ народовъ. Въ Германіи — наука. Во Франціи — жизнь парламента, міровые вопросы. Въ Италиі — древности и искусства. Хоть искусства и древности не моя спеціальность, но для образованнаго человѣка надо быть съ ними знакому. Я занимаюсь болѣе политической экономіей и философіей исторіи.

— Книги пишете?

— Еще не печаталъ; но у меня накопилось много матеріалу. Вотъ за границей-то я и надѣялся собственнымъ наблюдениемъ подкрѣпить выводы науки... такъ-сказать горизонтъ расширить. У насъ этими предметами почти не занимаются, не интересуются... А между тѣмъ они теперь важнѣе всего — особенно политическая экономія. Тутъ, можно сказать, послѣднее слово вѣка, путь къ осуществленію его цѣлей... освобожденіе, обособленіе личности... проведеніе разумности въ отношеніяхъ людей и народовъ... А — въ концѣ концовъ, — значитъ, единство и счастье всего человѣческаго рода... Ну — этого еще у насъ не понимаютъ!

— А не пишете-ли вы стиховъ? вдругъ спросилъ художникъ.

Горунинъ, говорившій съ увлечениемъ о любимомъ предметѣ и при этомъ неожиданномъ вопросѣ вспомнившій о только что имъ написанномъ стихотвореніи, смѣшался и даже обидѣлся.

— При чемъ же тутъ стихи? спросилъ онъ. — То что я говорилъ — это плодъ моихъ долгихъ размышленій, всей жизни, чтенія... а я ничего не пропускаю по этой части... Вы же вдругъ — стихи!..

Художнику стало его даже какъ-будто жаль.

— Выпьете-ко лучше, сказалъ онъ наливая Горунину изъ своей фоллетты. — Это вино не дурно. Я спросилъ васъ о стихахъ, продолжалъ онъ какъ бы желая поправиться, — оттого что у насъ былъ товарищъ — вышелъ бы хорошій архитекторъ для гражданской архитектуры, да заѣла страсть къ стихамъ. Чувъ ужасную пишесть, а не учится, ничего не дѣлаетъ.

„Ну, часъ отъ часу не легче“, подумалъ Горунинъ, но замѣтилъ что художникъ и самъ уразумѣлъ свой промахъ, потому что махнулъ рукой и самъ пробормоталъ: „ну, что я вру!“ — съ добродушной улыбкой отвѣчалъ:

— Признаюсь, вы меня очень сконфузили. Но я увѣренъ, когда вы меня узнаете покорооче, вы будете обо мнѣ лучшаго мнѣнія... Да впрочемъ что же и скрывать. Я вамъ прямо скажу, что если теперь... я имѣю удовольствіе съ вами говорить... то это потому что принялъ въ васъ горячее участіе!.. Мнѣ здѣсь скалала, что вы — нашъ, что вы художникъ. Изъ того что я слышалъ о васъ, я подумалъ не постигло-ли васъ какое-нибудь несчастье — не могу-ли чѣмъ-нибудь вамъ быть полезенъ...

— Ну, меня-то ужъ вы оставьте въ сторонѣ, перебилъ тотъ, нахмурился и опять протянулъ руку къ фоллеттѣ.

— Мнѣ показалось очень страннымъ... продолжалъ однако Горунинъ, — что-то такое болѣзненное... что вы поселились въ этомъ захолустьѣ, гдѣ повидимому ничто особенно васъ не занимаетъ.

Художникъ хмурился все болѣе и болѣе.

— Конечно, можетъ-быть вы обдумываете какое-нибудь новое произведеніе.

— Ничего не обдумываю, да и нечего объ этомъ говорить.

— По крайней мѣрѣ отсюда вы куда же располагаете ѣхать — въ Римъ или можетъ-быть въ Россію?

— Ни въ Римъ, ни въ Россію, никуда.

— Не навсегда же здѣсь останетесь!

— Можетъ и навсегда.

— Не можетъ быть, чтобы вы все бросили!

Художникъ зѣвнулъ и потянулся:

— А если и все бросилъ?..

— А искусство? понизивъ голосъ, какъ бы съ нѣкоторой осторожностью спросилъ Горунинъ, тѣмъ тономъ, какъ говорятъ о святыхъ.

— Коего чорта еще искусство! какъ бы судорожно, со злобой воскликнулъ тотъ.

Горунинъ совсѣмъ изумился:

— Вы говорите такія вещи... Я не понимаю... Если вы бросили искусство... въ которомъ, какъ я слышалъ, достигли такой степени, должны же быть причины?

Художникъ разсердился и стукнулъ стаканомъ по столу:

— Чего тутъ причины! Захотѣлъ и бросилъ! и вся недолга. Говорите лучше о политической экономіи.

Но Горунинъ, и подъ вліяніемъ вина и подъ вліяніемъ удачи съ Сусанной, распахнулся во всю ширь своей любящей, симпатизирующей души. Онъ рѣшился прямо высказать мелькнувшую въ головѣ его мысль:

— Послушайте... я васъ не знаю... не знаю даже вашего имени и отчества...

— Маркъ Петровичъ Петровъ — ничего не украсть, слава Богу, нечего скрывать свое имя.

— Ахъ, Маркъ Петровичъ, вы опять сердитесь, ну, да это все равно. Самъ не знаю почему, мнѣ хочется вамъ быть полезнымъ. Вотъ что, мало-ли что случается въ жизни—вамъ не надобны-ли деньги?

— Не хотите-ли?

И художникъ высыпалъ горсть всякихъ монетъ на столъ и смотрѣлъ на Горунина.

Но тотъ не сконфузился и пристально посмотрѣлъ на Марка Петровича:

— У васъ душа не спокойна, сказалъ онъ. — Когда вы думаете вернуться въ Россію?

— А коего чорта я забылъ въ Россію?

— Нѣтъ, вы чорта-то оставьте...

— Бойтесь что-ли его къ ночи?

— Не боюсь, да видите-ли въ чемъ дѣло-то. Развѣ вамъ было нехорошо въ Россію?

— Хорошо-ли, не хорошо-ли, оставимъ это. Въ Россіи только шалопаемъ нехорошо, а я такой же шалопаи, какъ и многіе другіе. И по настоящему васъ слѣдуетъ оттуда выгнать палками, шалопаевъ-то.

— Есть у васъ семейство, родители, Маркъ Петровичъ?

Марку Петровичу какъ-будто трудно было отвѣчать на этотъ вопросъ. Онъ упрямо молчалъ и злился. Горунинъ продолжалъ:

— И вы не вернетесь къ старикамъ?

— Да что вы меня исповѣдуете, что-ли?

— Грѣшно, сударь, грѣшно! произнесъ Горунинъ тихо, съ нѣкоторой торжественностью, вставши со своего мѣста и потрепавъ художника по плечу: — стыдитесь—я вамъ прямо скажу: это, сударь, не по-русски.

Онъ сталъ ходить по комнатѣ. Маркъ Петровичъ сидѣлъ, упрямо уставивъ глаза на прожженное платнышко на столѣ, и прихлебывалъ изъ стакана.

Горунинъ наконецъ закурилъ сигару и сѣлъ на свое мѣсто.

— Маркъ Петровичъ, сказалъ онъ, — вѣдь вы все противъ себя говорите. Вы бросили искусство оттого, говорите, что „захотѣли“ и бросили. Но отчего же вы захотѣли бросить? Ну, я согласенъ—позвольте говорить откровенно—что неудача можетъ насъ огорчить; но что же за малодушіе пасть при первой неудачѣ? Знаете-ли какъ начинали первоклассные художники? Вы, впрочемъ, это лучше меня должны звать. Неудача не убиваетъ, а удаиваетъ, утраиваетъ силы таланта на слѣдующія произведенія. Неудача — это тотъ же учитель; онъ крутенекъ, правда, онъ осмѣетъ, даже уязвитъ, но лучше всѣхъ укажетъ вамъ ваши силы, заставитъ найти свои недостатки. А вы вѣдь вашихъ силъ еще не знаете... Потомъ вѣдь и то: современники не всегда повимаютъ талантъ. У нихъ свои одностороннія теоріи—и поднесите этимъ аристархамъ произведеніе созданное не по ихъ теоріи — у cadaго же таланта вѣдь своя теорія, которой онъ часто самъ не сознаетъ — закричать: вздоръ! дрянъ! *не то... Не то* — а отчего? Помилуйте! писали, писали, доказывали, громоздили свой принципъ, разбивали все по клѣточкамъ, въ такомъ отличномъ порядкѣ — и роды, и виды, и рубрики, и параграфы, и убили можетъ-быть сотни талантовъ имъ повѣрившихъ на слово... А тутъ вдругъ пришелъ Богъ вѣсть кто такой, гдѣ учился, съ какимъ дипломомъ, да и бацъ — всю теорію вверхъ дномъ! Изъ одного

самолюбія ужъ надобно унять такого выскочку... Вотъ, батюшка, судьи-то. Да и не у насъ, у однихъ. Положимъ, они — сила, да вамъ-то ихъ-ли слушать? „Ты самъ себѣ судья, взыскательный художникъ!“ сказалъ Пушкинъ — и сказалъ великую истину!

Маркъ Петровичъ во все время рѣчи Горунина сидѣлъ уставивъ глазами на извѣстное прожженное платнышко. Горунинъ хотѣлъ что-то еще прибавить, но Маркъ Петровичъ сдѣлалъ какъ бы судорожное движеніе и перебилъ его:

— Что вы мнѣ все это рассказываете! Ни въ какихъ судьяхъ я вашихъ не нуждаюсь, да и все, что говорите, знаю; дѣло только въ томъ, что надобенъ талантъ, чтобы что-нибудь сдѣлать — и вотъ этимъ-то дѣломъ и бить ихъ... А у кого нѣтъ таланта...

Дальше говорить онъ не могъ, легъ головой на руки, спряталъ лицо. Горунинъ смотрѣлъ на него молча. Ему казалось, что художникъ рыдалъ.

— Маркъ Петровичъ! ну, это еще что такое? говориль Горунинъ, глубоко тронутый.

Маркъ Петровичъ овладѣлъ собой и продолжалъ порывисто, съ особенной силой:

— У кого нѣтъ таланта, да лѣзетъ въ гевин — тотъ подлець! Да какой еще подлець: маленькимъ не хочетъ быть на что родился, а полѣзь гдѣ бы и духу его не должно быть... Не захотѣлъ Маркушка гусей да утятъ стеречь, свиней пасти, да какъ бы повывосъ, старику отцу помогать... Не захотѣлъ казачкомъ въ лакейской сидѣть — чулки вязать, съ дѣвками амуриться, тарелки облизывать. Хочу, молъ, художествомъ заниматься... Чтобъ ихъ тамъ чортъ всѣхъ побралъ, умниковъ-мещановъ — выдрать бы его хорошенъко дурака, дѣла не дѣлай, отъ дѣла не бѣгай — знай сверчокъ свой шестокъ, — а то нѣтъ! Въ академію его! и того мало: въ Италію! Чтобъ имъ ни дна, ни покрывки! Въ Италію! Аполлона Бельведерскаго, Моисея поглядѣть, да Медичисовъ Микель-Анджеловскихъ, да Вернипиевскаго Христа у Богоматери на колѣняхъ... И поглядѣлъ! и сравнилъ свои мужицкія силы съ ихними, съ божескими. И казись теперь — залетѣла ворона въ высоки хоромы!.. И радуйся, Благодатная, Господь съ Тобою!..

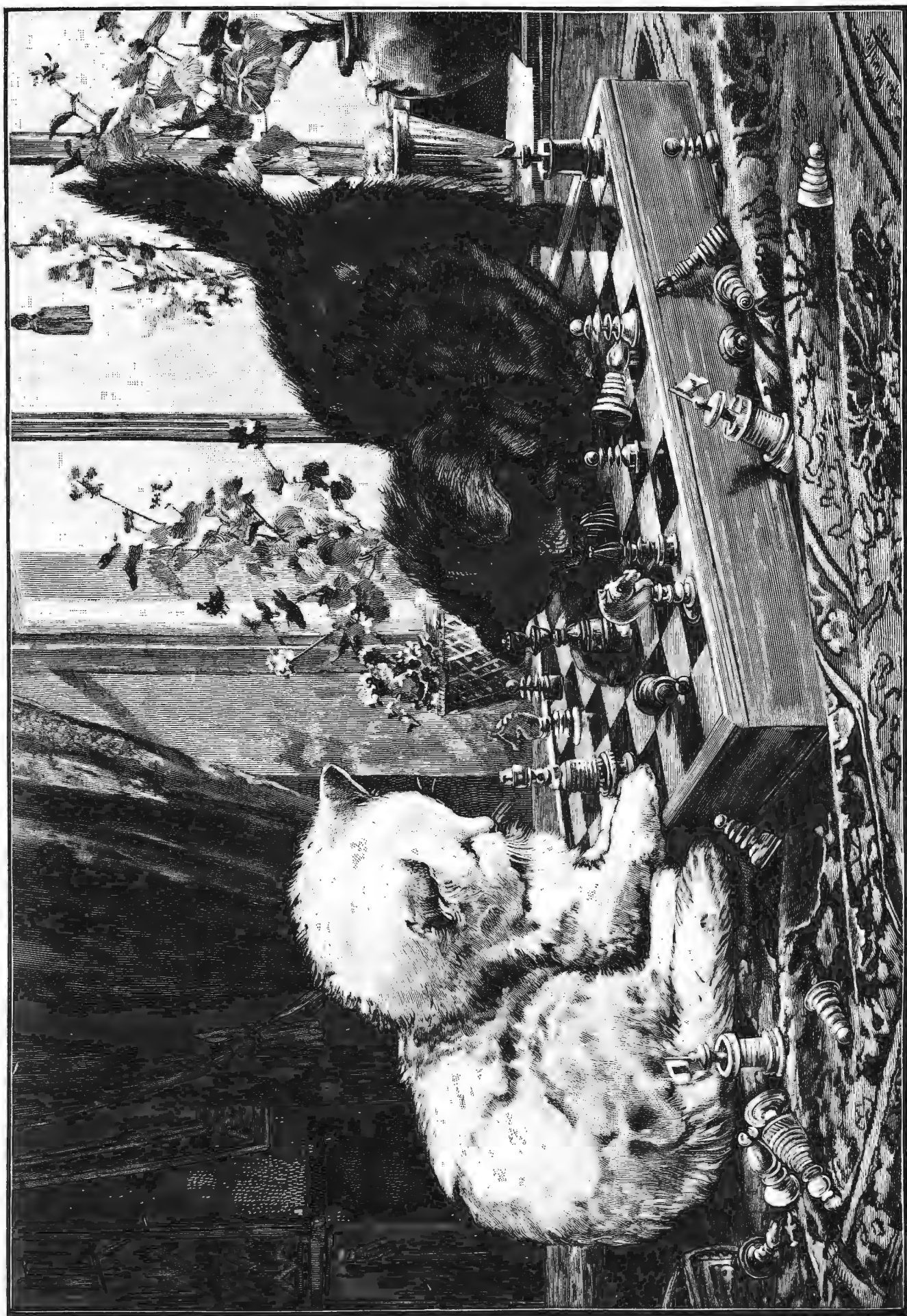
Горунинъ пораженъ былъ силою, съ которою сказаны были эти слова. Страшная драма развертывалась передъ его нѣжною душою при каждомъ намекѣ; въ каждомъ словѣ онъ видѣлъ тяжкое горе, жестокое испытаніе.

— Маркъ Петровичъ! началъ онъ наконецъ оправясь, — не вините себя, не вините никого! Вы себя не понимаете. Судя по вашимъ словамъ, вы уже много сдѣлали, чтобы было чѣмъ вамъ гордиться... Вы, значитъ, начали ваше поприще съ самаго начала, съ самаго низу... И сколько вамъ надобно было побѣдить препятствій — если вы изъ простаго крестьянскаго мальчика дошли до того, что теперь — въ Итали и пользуетесь такой репутаціей. Я сейчасъ слышалъ, тутъ же, въ кофейнѣ, какъ объ васъ судить народъ, — а у итальянскаго народа чутье врожденное — значитъ передъ вами великое будущее, и ваше прошедшее за него ручается. Вы, можетъ быть, Маркъ Петровичъ, озлоблены... понимаю!.. Всю жизнь въ душѣ копились оскорбленія, копились, копились, и наконецъ стало тѣсно съ ними... Но вѣдь надо знать, отъ какихъ людей они исходятъ! Вы знаете, что такое наше общество!.. Ахъ, Маркъ Петровичъ, да знаете-ли вы, что я сколько ни видалъ у насъ талантливыхъ людей — всѣ они несчастны, всѣ они какъ болѣзненные наросты на нашемъ обществѣ! Что дѣлать! вы не для публики, не для отечества должны трудиться, а только для искусства, для человѣчества, ждать признанія не отъ настоящаго, а отъ будущаго: онъ прійдетъ, этотъ судья, и разберетъ! Вотъ отчего у насъ пока не можетъ быть ни національнаго искусства, ни русской школы, ни русской науки... Именно оттого,

Князь Михаил Васильевич Скопинъ-Шуйскій на пиру у князя Воротынскаго (1610).

Ориг. рис. (собств. „Нивы“) А. Земцова, грав. Шюблеръ.

Шахматы. Черные сдаются. Рис. Ферфакс Молей, грав. Флюгель.

что ни паука, ни искусство не имѣютъ корня въ нашей исторіи, не въ потребностяхъ духа русскаго чело-вѣка! Вы, художники, какъ и мы, ученые,—мы только продолжатели развитія той мысли, которая жила какъ необходимый элементъ всей многосторонней жизни на Западѣ. И наше историческое значеніе вотъ какое: мы показываемъ собою, что эта мысль развилась такъ широко, что даже охватила собою самое полудикую Россію... Чтò дѣлать? Мы еще варвары, Маркъ Петровичъ! Рос-сія долго еще будетъ Сатурномъ, пожирающимъ луч-шихъ своихъ дѣтей...

— Нѣтъ, стой, братику, стой! перебилъ его художникъ приподымаясь,—а при мнѣ ты Россію ругать не смѣй! Онъ ударилъ кулакомъ по столу.

— Да вы, Маркъ Петровичъ, сами эта жертва!

— Если пока жертвы такія, какъ мы съ тобой, такъ и жалѣть насъ нечего, и плевать на насъ. Рос-сія—святое дѣло.

— Я совершенно понимаю васъ и вполне согласенъ; отечество—святое дѣло; можетъ быть въ далекомъ буду-щемъ и намъ будетъ чѣмъ гордиться... Но, сами согласи-тесь, Россія еще на очень низкой степени цивилизаціи...

— Цивилизація! прошипѣлъ сквозь зубы, со злобой и презрѣніемъ Маркъ Петровичъ.—Оттого, что ты самъ чело-вѣкъ—дрянь, такъ и сваливаешь на Россію... Я знаю, что я тоже чело-вѣкъ дрянн, оттого и не хочу въ Рос-сію, и не достоинъ быть въ Россіи...

— Вы меня не выслушали, Маркъ Петровичъ, я не ругаю Россію... и напрасно сердитесь, я люблю Россію не меньше вашей... Можетъ-быть мы не сходимся только въ томъ, какъ понимать Россію.

— Чего тутъ понимать? перебилъ художникъ.—„Рос-сія...“ и онъ, съ полузакрытыми глазами, какъ будто самъ себѣ въ первый разъ уясняя то, что коренилось въ глубинѣ души его, говорилъ сначала тихо и отры-висто, а потомъ съ возрастающимъ наэосомъ:—Россія... это вотъ — кремль!.. это — татары!.. это — Дмитрій Донской!.. это — Сергій Преподобный!.. до Ледовитаго океана разнесли ученики духъ его и *создали* русскій народъ!.. это — Мининъ и Пожарскій!.. это — Петръ Великій! полтавскій-то приказъ его — „а о Петрѣ не думайте, жива была бы Россія!“ это — Ломоносовъ: „и будетъ собственныхъ Невтоновъ земля Россійская рождать!..“ Да что тутъ говорить!.. Не „чувствуешь“ — такъ и чортъ съ тобой! заключилъ онъ, сильно мах-нувъ кулакомъ.

Молча потомъ пройдясь по комнатѣ, молча подо-шелъ онъ опять къ столу, взявъ фоллетту и налилъ два стакана; поставилъ одинъ передъ Горунинымъ, и поднявъ свой, потянулся, чтобы чокнуться:

— За Россію! произнесъ онъ задыхаясь отъ волненія.

Они чокнулись и молча выпить былъ тостъ. Было что-то благоговѣйное, торжественное въ этомъ тостѣ, чтò почувствовалъ и Горунинъ, отъ котораго не усколь-знула особенная обстановка этого тоста — въ глуши Апеннинъ, въ безвѣстномъ маленькомъ городишкѣ... У него даже слезы навернулись. Маркомъ Петровичемъ онъ былъ совершенно подавленъ.

„Экая богатая, непосредственная натура!“ мелькали въ его умѣ разные обрывки мыслей—„чтò за сила!.. Вѣдь вотъ ея, эту необъяснимую и себѣ невѣдомой, грубой силой и могуча Россія...“

Этого онъ не произнесъ вслухъ, но видя, что Маркъ Петровичъ успокоился и сѣлъ на свое мѣсто, ска-заль ему:

— Какой вы славный, Маркъ Петровичъ!.. Расска-жите-ко мнѣ о себѣ, то-есть какъ вы стали искусствомъ-то заниматься?

— Какъ искусствомъ-то сталъ заниматься? Да какъ? Былъ я взятъ изъ крестьянскихъ мальчиковъ во дворъ казачкомъ. Стали тутъ строить новый господскій домъ; выписали изъ Москвы живописца потолки расписывать

и по стѣнкамъ помпейскія фрески рисовать. Я былъ къ нему приставленъ краски тереть, наглядѣлся, да и самъ сталъ мараить. Онъ похваливалъ, поправлялъ сталъ. Ну и пошло. Началь со всѣхъ портреты писать. Пріѣзжаетъ къ барину одинъ знакомый, князь: да вы, говоритъ, его со мной отпустите, будетъ у меня жить, ходить въ Академію. Князь потомъ померъ. Баринъ дозволилъ мнѣ продолжать учиться, а какъ сталъ я ужъ ученикомъ порядочно зарабатывать, оброкъ положилъ. На медаль работать мнѣ нельзя было, потому крѣпостной. Тутъ у меня завязалась съ нимъ исторія. Академія просила, чтобы онъ далъ мнѣ вольную. Онъ—ничего, говоритъ, очень радъ, только пусть мнѣ прежде поработаетъ, за-служитъ. Ну, и поѣхалъ я къ нему заслуживать. Оно, впрочемъ, было весело. Дали подъ мою команду крест-янскихъ мальчиковъ. Отыскали мы годной для дѣлки глины — въ Академіи-то я на скульптуру перешелъ. Мальчишки таскаютъ, мнутъ, мелятъ, а я-то сущимъ Микель-Анджеломъ работаю. Баринъ не нарадуется, такъ за мной и ходитъ: ѣшь и пей чего хочешь, всего вволю. Всю церковь облѣпилъ барельефами; къ амбару каріатиды приставилъ въ родѣ аѳинскихъ, у Парѳенона-то маленькій храмикъ—дѣвушки съ такимъ загадоч-нымъ взглядомъ, какъ у сфинксовъ... На скотномъ дворѣ колоссальныхъ быковъ воздвигъ. Всей дворни, всѣхъ сосѣдей бюсты вылѣпилъ — все отливали изъ гипса... Чтò онъ денегъ потратилъ!.. Семейную группу сдѣлалъ. Самъ онъ велѣлъ себя изобразить римскимъ консуломъ въ тогѣ и туникѣ въ курульныхъ креслахъ (съ Анной на шеѣ), супруга, дочь, а надъ ними, въ видѣ парящаго ангела—преждевременно, видите, рож-денный, мертвый ребенокъ...

„Ну, годъ работаю, другой идетъ... Я ужъ говорю ему на чисто: отпустите, кажется заслужилъ!.. Нѣтъ, погоди, да погоди! Со стороны ужъ стали его стыдить—губер-наторъ. Ужъ и губернатору я былъ извѣстенъ—бюстъ сдѣлалъ... Потомъ чиновники—помѣшники... Развѣзжаю на тройкахъ. Пропадаю по мѣсяцамъ. Многіе принимали меня ужъ совсѣмъ не какъ крѣпостнаго. Андрей Ивано-вичъ говоритъ, души не чаешь во мнѣ: какъ я тебя от-пущу! чтò же со мной будетъ! А я ужъ, знаете, и книгъ поначитался; о товарищахъ слышу—усѣхъи. Да что!.. Сама барыня и барышня меня подбиваютъ, обѣ, знаете, съ романтизмомъ въ головѣ—всѣ мечтали о художни-кахъ. Я же былъ недуренъ собою, одѣвался хорошо, чисто, денегъ много. Началь шалить — ужъ нарочно, авось выгонить; спойлъ дворню—на все сквозь пальцы смотреть. Одна штучка помогла. Была у него въ городѣ завнобушка. Я пронюхалъ, да и пріударилъ за ней. Ну, ужъ тутъ не выдержалъ, разсердился, раскричался, не-благодарностью попрекалъ и прогналъ, далъ паспортъ и выкупъ назначилъ... десять тысячъ. Тутъ я и прі-ѣхалъ въ Петербургъ.

— Что-жь вы дѣлали въ Петербургѣ?

— Чтò дѣлалъ? Памятники—можете видѣть на Смо-ленскомъ и на Волковомъ. Въ годъ выкупился, полу-чилъ вольную, устроилъ свои дѣла въ Академіи—и вотъ теперь въ Италіи.

— Охъ, Маркъ Петровичъ, какой же вы путь прошли!..

— И чортъ знаетъ, къ чему все это! сказалъ онъ, вдругъ погружаясь опять въ мрачную думу.—Не полный у меня талантъ! Весь израсходовался, пока добивался, или просто былъ, да прошелъ.

— Да кто же вамъ это сказалъ? Съ чего вы это взяли?

— Ахъ, да я ужъ вамъ говорилъ! Мои судьи ска-зали: Микель-Анджело сказалъ, Донателло сказалъ... не ваши доморощенные судьи! Пока ихъ не повималъ, чтò они говорятъ, и работалъ; а повилъ—и послушался, и пересталъ работать.

— Это добрый знакъ, добрый знакъ, повторялъ Го-рунинъ, потирая руки,—постоянное самодовольство, са-моувѣренность въ художникѣ не есть признакъ таланта,

а даже скорѣй напротивъ. Но вы сами согласитесь, что затѣяли не доброе дѣло. Вы должны меня послушаться.

— Вы опять за свое? строго произнесъ художникъ, еще болѣе омрачась.—Эй, Антонио! еще фольетту!

Горунинъ, ужь тверже прежняго, прямо рѣшился увести Марка Петровича. Правда, для этого ему надобно было пожертвовать Сусанной. Э, да что тутъ думать... Онъ залпомъ осушилъ налитый ему стаканъ и храбро приступилъ къ дѣлу:

— Ваша студія въ Римѣ?

— Въ Римѣ.

— Поѣдемте вмѣстѣ въ Римъ.

— Экую новость выдумали!

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, ужь какъ ни говорите, вамъ здѣсь нечего дѣлать. Вы больны, у васъ нервы разстроены. Ну, я прошу васъ, Маркъ Петровичъ, поѣдемте вмѣстѣ. Я не прошу себѣ, если оставлю васъ, такъ, одного, Богъ знаетъ гдѣ... Ну прошу васъ какъ другъ, какъ человѣкъ, который васъ любитъ...

— Будемъ лучше пить, говорилъ художникъ и опять налилъ Горунину.

Горунинъ съ безпокойствомъ смотрѣлъ на каждый новый пріемъ. Пустыхъ фольеттъ выстроилась ужь цѣлая батарея на столѣ.

— Половина вашей жизни убываетъ отъ этого яду! восклицалъ онъ.

Самъ онъ чувствовалъ, какъ слабѣлъ, голова разгоралась, но тѣмъ болѣе душа рвалась на доброе дѣло.

— Такъ завтра ѣдемъ?

— Мнѣ и здѣсь хорошо, бормоталъ уже Маркъ Петровичъ, откинувшись на спинку стула и покачивая тяжело головой то направо, то налево.

— Такъ рѣшено? Вы даете слово?

— Ну, ужь это скучно, проговорилъ Маркъ Петровичъ вставая.—Коли больше ни о чемъ не умѣете говорить, такъ лучше прощайте!.. Право, точно езуитъ какой обращаетъ въ католичество, добавилъ онъ ужь въ видѣ общаго разсужденія, не смотря на себе-сѣдника.

— Если бѣ вы знали, Маркъ Петровичъ! воскликнулъ Горунинъ, тоже вскочивъ со своего стула,—если бѣ вы знали, чѣмъ я хочу пожертвовать, чтобы только спасти васъ!

— Не нужно мнѣ никакихъ жертвъ! Я самъ никогда и никому ничѣмъ не жертвую.

Онъ позвалъ камерьера (служителя), бросилъ ему, не считая, нѣсколько скуди за вино, поклонился Горунину и вышелъ изъ остеріи.

Горунинъ хотѣлъ было броситься за нимъ, но подкопились ноги. Грустно опустилъ онъ голову на руки.

— Боже мой! говорилъ онъ.—Ничего-то я не могу сдѣлать! отчего это? что это такое!.. Готовъ жертвовать, можетъ быть, счастьемъ своей жизни, чтобы спасти другаго, который лучше меня... и все тщетно! Боже мой! все напрасно!

Долго еще сидѣлъ онъ неподвижно въ остеріи, пока не успокоился. Успокоила его окончательно мысль: „нѣчего однако дѣлать... Сама судьба толкаетъ къ Сусаннѣ“...

Горунинъ ужь подходилъ къ гостинницѣ Горнаго Орла, какъ отъ нея отѣхала тяжелая карета и стала спускаться съ горы. Толпа, обыкновенно собирающаяся глязѣть на проезжихъ и хотя за это сорвать съ нихъ *la buona manci* или *buona grazia*, расходилась въ разныя стороны. Человѣка три конюховъ разныхъ гостинницъ, приведшіе изъ разныхъ мѣстъ лошадей, дѣлили полученную бонусу-гратию; оставался одинъ недѣлимый байокко, они стали разыгрывать его въ мору (*la mora*)—игра состоящая въ томъ, чтобы въ одно время обоимъ играющимъ открыть извѣстное число пальцевъ такъ, чтобы вмѣстѣ съ тѣми, которые открылъ другой, вышло число, какое должны оба одновременно сказать; они

буквально впиваются глазами другъ другу въ глаза, и выкрикиваютъ въ одно время: *cinque, sei*, и пр. Задоръ такой, что перѣдко дѣло доходитъ до ножей. Какъ ужь онъ подходилъ къ дому, Горунинъ замѣтилъ при лунномъ свѣтѣ, что изъ открытаго окна верхняго этажа высунулась головка Анджелики: она была въ одной рубашкѣ, прибирала ручками круглый воротъ ея на складкахъ; распущенныя косы ея свѣсились внизъ, когда при его приближеніи она къ нему нагнулась и рукою дѣлала ему какіе-то знаки, какъ будто хотѣла что-то сказать,—но вдругъ появилась сѣра Маріанна, отдернула дѣвочку отъ окошка—дѣвочка заплакала, а мать захлопнула окно. Онъ поглядѣлъ еще, не смотритъ ли откуда-нибудь Сусанна, но ея не было...

Было условлено, что съ первыми лучами зари другъ Меркуціо прійдетъ разбудить Горунина, принесетъ счетъ хозяйки и приведетъ ветурину. Подъ влияніемъ сладкихъ мечтаній о Сусаннѣ, да и при содѣйствіи выпитаго противъ обыкновенія большаго количества вина, Горунинъ очень скоро заснулъ.

Но не другъ Меркуціо разбудилъ его на другой день: онъ самъ проснулся—вспомнилъ все—вскочилъ—солнце ужь высоко, въ гостинницѣ все давно поднялось, какъ свидѣтельствовали разнородныя шумы сразу донесшіяся до его слуха. Онъ спустился внизъ: дѣвушки на обширной кухнѣ ужь гладили бѣлье; сѣра Маріанна сама своими бѣлыми руками разсѣкала большимъ ножомъ баранью грудинку и кроила котлеты; старшая дочь ея Аврора сидѣла передъ очагомъ, протинувъ ноги и поджавъ на груди руки, и наблюдала за варившимся для Горунина кофеемъ. Конюхъ мель улицу. Не видно было только маленькой Анджелики и Сусанны.

Горунинъ спросилъ: приходилъ ли за нимъ Меркуціо; оказалось—не приходилъ.

Онъ вышелъ на площадь къ кофейнѣ, ни друга Меркуціо, ни друга Пьетро у кофейни не было.

Онъ прошелъ въ городскіе ворота, гдѣ его пропустили безпрепятственно, послѣ нѣкотораго допроса и „*buona manci*“, спустился съ горы до втораго поворота, до старой башни; тамъ не было Сусанны.

Только какъ вернулся домой, къ нему подлетѣлъ другъ Меркуціо, весь запыхавшійся и обмахивавшійся платкомъ.

— *Eccolo, sto caro signore!* вотъ онъ наконецъ, этотъ любезный господинъ! Сблаговолите поглядѣть на меня: точно изъ воды выльзъ: всю ночь пробѣгалъ, никто не ѣдетъ: кто боится, а у кого нѣтъ лошадей. Сбѣгалъ ужь въ Лойано—двѣ мили отсюда—тамъ у меня племянникъ—черезъ часъ прійдетъ, *un bravo giovinotto*, недавно женился, тоже ветуринъ, двѣ смѣны лошадей...

— Ну да! миланская карета, останавливаться въ лучшихъ гостинницахъ—еще что?.. Эхъ вы! *la fede italiana!* итальянская вѣрность! „Никто не ѣдетъ, нѣтъ лошадей“—а для кареты вчера поздно вечеромъ нашлись лошади! сердито проговорилъ Горунинъ.

Другъ Меркуціо на этотъ грозный окликъ сталъ изображать изъ себя на всевозможныя, неописуемыя манеры всѣ степени отчаянія: другъ Пьетро, смотря на него, только губы покусывалъ.

Въ ожиданіи племянника Горунинъ сѣлъ однако пить кофе, подлѣ же кухни, въ обширной хозяйской столовой—велѣлъ тутъ подать себѣ, а не въ „чистыхъ комнатахъ“, въ надеждѣ увидѣть Сусанну. Онъ молчалъ. Молча также, глубоко понутивъ головы, стояли, какъ каріатиды по обѣимъ сторонамъ двери, другъ Пьетро и другъ Меркуціо, тяжело вздыхая.

Наконецъ подѣхалъ „племянникъ“. Уложили вещи. Горунинъ заплатилъ по счету, стали прощаться. Горунинъ не выдержалъ и спросилъ: а гдѣ же Анджелика и сѣра Сусанна?

— Ахъ я дура этакая! всплеснувъ руками воскликнула сѣра Маріанна,—изъ головы вонъ совсѣмъ. Су-

саппа очень велѣла вамъ кланяться. Она уѣхала съ этими господами... Какъ же, бѣдняжка! По мужу скупала, сами видѣли — а теперь время такое... съ нашимъ братомъ строго. Ну, большие господа, притомъ иностранцы — другое дѣло! Господинъ-то и сжалился, взялъ ее, голубушку, какъ бы служанку...

Горунинъ не могъ держаться на ногахъ и присѣлъ на скамейку. — Какой господинъ?

— Что вчера проѣзжали — хорошій господинъ, какъ слѣдуетъ господинъ, и синьоръ и синьорина... вотъ онъ въ книгѣ расписался... да ужъ и вы потрудитесь кстати расписаться.

И сьора Маріанна поднесла Горунину раскрытую книгу съ именами путешественниковъ, и онъ прочелъ послѣднюю подпись: „André de Blagotschinnoy“ — далѣе слѣдовалъ титулъ, котораго ужъ онъ не сталъ читать. Наскоро написалъ свою фамилію, сказалъ, что у него страшно болитъ голова, и почти не отвѣчая на всеобщіе поклонны и пожеланія, сѣлъ въ „дребезжалку“, каковою ему показалась „миланская“ карета, и грозно крикнулъ кучеру, чтобы ѣхалъ скорѣе.

„Какъ могъ сюда замѣшаться Благочинный? — не выходило у него изъ головы. — Не прельстилъ же онъ Сусанну своими напомаженными висками... Быть не можетъ“...

Вспомнилось ему еще одно обстоятельство. Анджелика разъ сказала ему: „терпѣть не могу Сусанны!“ Горунинъ, дивясь какъ въ этикіе годы дѣвочка, а ужъ ревнуетъ и такое чутье имѣетъ, сталъ добиваться за что. „Гадкая! вы знаете, у нея мужъ-то разбойникъ. Ихъ обоихъ навѣрно повѣсятъ“...

Экипажъ едва исчезъ на поворотѣ, какъ все оживилось: другъ Меркуціо подпрыгнулъ и вскинулъ шляпу на воздухъ, и къ общему удовольствію и хототу схва-

тилъ сьору Маріанну за руки и сталъ около нея кружиться, повертывая ее за собою.

Почтенная матрона наконецъ высвободилась, оттолкнула Меркуціо и, пославъ его къ дьяволу, прибавила:

— Чему радуешься? Нешто твоимъ умомъ дѣло сдѣлалось? Возился, возился дѣлоу недѣлю со своимъ дуракомъ, да еще что бы вышло — неизвѣстно; а мы, вотъ, своимъ бабимъ умомъ въ полчаса все спроворили.

— О sublime donna, божественная женщина! воскликнулъ Меркуціо, подымая къ ней руки. — Какъ же вы это совершили?

— Просто: вижу, пріѣхалъ господинъ, глазъ не спускаетъ съ Сусанны, спрашиваетъ меня потихоньку: кто такая? Я тотчасъ сообразила, съ семействомъ-то безопаснѣе и спокойнѣе будетъ ей, чѣмъ съ этимъ недотропой, и говорю: такъ и такъ, хочется къ мужу, а выѣзда изъ города нѣтъ, вотъ вы бы сдѣлали доброе дѣло, взяли съ собою, хоть только до границы, „служанка“, молъ. Научила Сусанну, та расплакалась, — ну, и синьоръ, и синьора, и синьорина сжалились, поговорили между собой и взяли... А вотъ эта негодница Анджелика, добавила сьора Маріанна, — испортила было все дѣло: такъ и рвалась рассказать ему все... Я ужъ слышала разъ, она ему что-то про разбойниковъ говорила... Ну, ужъ за то просидитъ у меня въ чуланѣ до вечера... Не проѣвали бы только наши въ горахъ... Да не наткнуться бы имъ на карабинеровъ... Сплошаетъ Сусанна — многимъ придется посидѣть въ тюрьмѣ.

— Ну ужъ за Сусанну — я головой поручусь: Маккиавелли въ юбкѣ! — успокоивалъ другъ Меркуціо.

— А сплошаетъ, такъ ужъ твоей-то головѣ не быть на плечахъ... замѣтила сьора Маріанна. — Однако за дѣло принимайтесь, дѣти, нечего тутъ растабарывать...

Иисусъ.

Повѣствованіе изъ библейскихъ временъ.

Георга Эберса.

(Право перевода пріобрѣтено редакціей отъ автора).

(Продолженіе).

Глава IV.

Ефремъ и Казана въ саду.

Какъ въ цѣломъ городѣ, такъ и въ домѣ Горнехта господствовала глубокая печаль. Мужчины брили голову, женщины посыпали чело прахомъ. Жены начальника стрѣлковъ давно уже не было въ живыхъ, но дочь и прислужницы ея встрѣтили его въ развѣвающихъ покрывалахъ и съ громкими причитаньями, такъ какъ у тестя его умерли нервородный сынъ и внукъ, да и кромѣ

того, во многихъ знакомыхъ имъ семьяхъ были жертвы морской язвы.

Но заботы о немощномъ отрокѣ скоро вполне поглотили женщинъ; его обмыли, вновь перевязали ему рану на головѣ съ цѣлительнымъ бальзамомъ, предложили ему вина и инжи, а когда онъ освѣжился и подкрѣпилъ свои силы, повалил его къ дочери домохозяйки.

Изъ грязнаго оборванца вышелъ прекрасный юноша. Умашенные волосы разсыпался, пѣз-нодъ бѣлой повязки, длинными волнистыми кудрями; окаймленная золотымъ шитьемъ египетская одежда, пѣз оставшихся послѣ умершаго мужа дочери домохозяйки, покрывала его гибкое, слегка смуглое тѣло. Ему повидному нравился этотъ праздничный нарядъ, отъ котораго исходило, доселѣ ему незнакомое, тонкое благоуханіе нарда, — веселый блескъ его черныхъ глазъ какъ бы освѣщалъ правильныя черты его лица.

Дочь начальника стрѣлковъ давно уже не видала такого красиваго юноши, хотя сама она была исполнена чарующей прелести. Послѣ недолгаго брака съ нелюбимымъ мужемъ, Казана всего черезъ годъ съ чѣмъ-нибудь вернулась въ родительскій домъ, которому недоставало хозяйки, а значительное богатство, перешедшее къ ней по смерти мужа, дало ей возможность внести въ скромное жилище война ту роскошь, къ которой сама она уже успѣла привыкнуть.

Отецъ ея, отличавшійся строгостью и часто безмѣрной вспыльчивостью, теперь предоставилъ ей полную волю. Нѣкогда онъ безпощадно подавилъ эту волю своею, принудивъ пятнадцатилѣтнюю дѣвушку выйти замужъ за человека который былъ гораздо старше ея лѣтами. Сдѣлавъ онъ это, замѣтивъ, что въ юномъ сердцѣ Казаны возникаетъ склонность къ военачальнику Осіи, а Горнехтъ считалъ позоромъ назвать зятемъ еврея, который въ то время еще не занималъ выдающагося положенія въ войскѣ. Египетскія дѣвы должны были безпрекословно повиноваться отцу, когда онъ выбиралъ имъ мужа; Казана также покорилась своей судьбѣ, но при этомъ горько плакала, и начальникъ стрѣлковъ очень обрадовался, когда она подчинилась наконецъ его волѣ и отдала руку нелюбимому жениху.

Сборы на войну. Съ картины итальянскаго художника Л. Бекки, грав. Иерике.

Но и вдовую дочь его не утратила привязанности къ еврею: какъ только войска выступили въ походъ, она не переставала тревожиться, проводя дни и ночи въ мучительномъ страхѣ. Когда приходили вѣсти о войскахъ, она справлялась только объ Осей. Этой склонности приписывали, втайнѣ раздраженный, отецъ ея то, что она отказывала псалтелимъ ея руки, одному за другимъ. Въ качествѣ вдовы, она теперь имѣла право располагать собой, и нѣжная, мягкосердая молодая женщина удивляла отца этою упрямую настойчивостью, которую давала чувствовать не только ему и женихамъ равнаго съ нею званія, но и князю Синтаху, въ замыслахъ котораго начальникъ стрѣлковъ былъ соучастникомъ.

Сегодня Казана такъ открыто и несдержанно радовалась возвращенію еврея, что вспыльчивый отецъ ея даже ушелъ изъ дому, чтобы сгорая не наговоритъ и не надѣлать какихъ-нибудь непріятностей. Юнога же гости своего онъ предоставилъ попеченіямъ дочери и ея мамки.

Какъ сильно дѣйствовалъ на впечатлительную душу отрока этотъ домъ, съ его просторными покоями, съ открытыми, обставленными колоннадой переходами, блестящею разноцвѣтною окраской и живописью по стѣнамъ, изящною утварью и художественными украшеніями, мягкими подушками и сладчайшимъ благовоніемъ! Ново и чуждо было все это сыну ставладѣльца, привыкшему жить въ голыхъ сѣрыхъ стѣнахъ большаго, но лишеннаго всякихъ украшеній, сельскаго дома или по цѣлымъ временамъ года въ холщевыхъ шатрахъ среди пастуховъ и стадъ, чаще на вольномъ воздухѣ, чѣмъ подъ какимъ-либо кровомъ. Ему чудилось, что онъ какимъ-то волшебствомъ перенесенъ въ лучшій, высшій, завидный міръ, которому самъ онъ въ этой великолѣпной одеждѣ, съ умачеными кудрями и свѣжевымытымъ тѣломъ, какъ нельзя болѣе подѣлать. Правда, на свѣтѣ вездѣ хорошо: и подѣ чистымъ небомъ на настѣнѣхъ среди стада, и прохладнымъ вечеромъ у огонька передъ шатромъ, когда пастухи поютъ, звѣроловы разсказываютъ о своихъ приключеніяхъ, а надъ головою такъ дивно блестятъ звѣзды... Но всему этому предшествуетъ тяжелый, противный трудъ; здѣсь же только смотри и вдыхай наслажденія! А когда распахнулась завѣса, и молодая вдова, съ ласковымъ привѣтствіемъ, заставила его сѣсть противъ себя, и то разсиранивала его, то участливо слушала его отвѣты, ему показалось, что онъ опять, какъ недавно подѣ развалинами разрушеннаго дома, потерялъ сознание, что его ослѣпило сладчайшее пао всѣхъ сновидѣній, а если онъ теперь почти задыхается и такъ часто прерываетъ теченіе своей рѣчи, такъ это отъ избытка сладостныхъ ощущеній, излитыхъ на него Ашерой, подургой Ваала ¹⁾, о которой финикійскіе кушцы, снабжавшіе пастуховъ всякимъ добромъ, много разсказывали ему, а строгая Маріамъ даже упомянуть запретила.

Свои посылки въ юной душѣ его ненависть къ египтянамъ, угнетателямъ его народа; но могли ли быть дурны, могли ли быть ненавистны тѣ, въ чьихъ рядахъ встрѣчались такіа существа, какъ прекрасная, ласковая госпожа, которая теперь такимъ кроткимъ и вмѣстѣ жгучимъ взоромъ смотритъ ему въ глаза, при чемъ слова ея шаруютъ слухъ какъ самая благозвучная музыка, а созерцаніе ея прелестей такъ волнуешь кровь, что надо прижать руку къ сердцу, дабы заглушить его неистовые удары.

Она сидѣла противъ него, на обитомъ леопардовой кожей креслѣ и прядла тонкую шерсть на веретенѣ. Конечно, и онъ понравился ей и она приняла его такъ ласково потому, что онъ былъ сродни человѣку котораго она любила съ дѣтства. Ей казалось, что есть даже сходство между нимъ и Осией, хотя юношѣ недоставало еще сдержанной важности мужа, которому она, сама не зная когда и какъ, отдала неопытное сердце, хотя онъ никогда не добивался ея любви.

На черныхъ, красиво прибранныхъ волосахъ ея лежалъ цвѣтокъ лотоса и стебель его пязничымъ изгибомъ спускался на склоненный затылокъ, обрамленный цѣлою путанницей нѣжныхъ завитковъ. Когда она поднимала на него глаза, Ефрему казалось будто предъ нимъ открываются два источника, проливающие струю блаженства въ молодую грудь, а нѣжной руки ея, прямишей теперь шерсть, онъ коснулся уже и держалъ ее въ своихъ при первой встрѣчѣ.

Теперь она разсиранивала его объ Осей, о той женщинѣ, которая послала его, молодая ли она и хороша ли собой, нѣтъ ли между ней и его дядей союза любви.

Ефремъ неудержимо расхохотался; ибо посланная его отличалась такою важностью и суровостью, что одно предположеніе, будто бы и она способна къ нѣжной страсти, разсмѣшило

юношу. Хороша-ли она собой — это ему и въ голову никогда не приходило.

Молодая вдова приняла этотъ смѣхъ за самый желательный для нея отвѣтъ, и со вздохомъ облегченія, бросивъ веретено, пригласила Ефрема идти съ нею въ садъ.

Какъ тамъ все цвѣло и благоухало! Въ какомъ порядкѣ содержались цвѣточныя гряды, тропинки, бесѣдки, копаный прудъ!

Къ его незатѣйливому отчому дому примыкалъ пустырь двора, лишенный всякаго украшенія, кромѣ плетневыхъ закутъ для крупнаго скота и овецъ, и однако Ефрему было извѣстно, что нѣкогда онъ будетъ распоряжаться большимъ имуществомъ, ибо онъ былъ единственнымъ сыномъ и наследникомъ зажиточнаго отца, женатаго на дочери богача Павна. Слуги его не разъ говаривали объ этомъ, и теперь онъ раздражался, видя, что его домъ немногимъ пороскопнѣе, чѣмъ помѣшенія рабовъ Горнехта, которыя показывала ему Казана.

На прогулкѣ въ саду, Ефремъ помогалъ ей рвать цвѣты, и когда наполнилась корзина, которую онъ понесъ теперь за нею, Казана пригласила его въ бесѣдку помочь ей въ плетеніи вѣнковъ. Они предназначаются дорогимъ покойникамъ. Роднаго ея дядю и любимаго двоюроднаго брата въ прошлую ночь похитила моровая язва, которую накликали на Танисѣ его родичи.

Съ улицы, за стѣною сада, то и дѣло доносились вой и причитанія женщинъ, оплакивавшихъ умершаго или провожавшихъ его тѣло къ мѣсту погребенія, а однажды, когда стенашіе раздалось особенно громко и болѣзненно, Казана кротко изложила юношѣ все, что танитамъ приходилось выносить изъ-за евреевъ, и спросила его, можетъ-ли онъ отрицать, что ея соплеменники имѣютъ основаніе ненавидѣть тѣхъ, кто навелъ на нихъ подобныя бѣдствія.

На это ему трудно было отвѣтить какъ бы слѣдовало; ибо онъ слышалъ, что это Богъ его народа поражаетъ египтянъ, дабы освободить его родичей изъ униженія и рабства, и юноша не долженъ былъ отвращать лицо и отрекаться отъ тѣхъ, чья кровь текла и въ его жилахъ. Поэтому онъ молчалъ, чтобы не солгать или не согрѣшить; но она не отставала отъ него, и наконецъ онъ отвѣтилъ, что ему противно все огорчающее ее, но что народъ его не имѣетъ никакой власти надъ здоровьемъ и жизнью; ибо, заболѣвая, евреи часто обращаются къ египетскимъ врачамъ. Конечно, все происшедшее здѣсь совершилъ великій Богъ его отцовъ, который превосходитъ могуществомъ всѣхъ прочихъ боговъ. Самъ онъ, Ефремъ, также еврей, но не смотря на то, проситъ ее вѣрить, что онъ неповиненъ въ моровой язвѣ, и охотно возвратилъ бы жизнь ея дядѣ и двоюродному брату, еслибы это было въ его власти. Ради ея готовъ онъ на все, какъ бы ни было оно тяжело.

Тогда она милостиво улыбнулась ему и сказала:

— Бѣдный мальчикъ! Если я и нахожу въ тебѣ какую-нибудь вину, то развѣ ты, что ты принадлежишь къ народу не знающему ни пощадъ, ни милосердія. Милые наши, несчастные умершіе! Они лишены даже надгробнаго плача родныхъ; ибо домъ, гдѣ лежатъ они, считается зараженнымъ и никто не смѣетъ входить въ него.

Молча вытерла она себѣ глаза и продолжала плести вѣнки; но при этомъ слеза за слезой все еще катилась по щекамъ ея.

Онъ не находилъ болѣе что сказать ей и только подавалъ ей цвѣты, а когда рука ея касалась ея руки, кровь знойно бушевала въ его жилахъ. Голова и рана его начали сильно болѣть, и по временамъ все тѣло его охватывалъ легкій ознобъ. Онъ чувствовалъ лихорадочную дрожь, какъ въ то давно минувшее время, когда красуха ¹⁾ чуть не отправила его на тотъ свѣтъ; но онъ стыдился сознаться въ этомъ и держался какъ можно бодрѣй и прямѣе.

На закатѣ солнца въ садъ вошелъ начальникъ стрѣлковъ. Онъ уже видѣлся съ Осией, и хотя искренно радовался свиданію съ испытаннымъ другомъ, но все же былъ раздосадованъ и встревоженъ тѣмъ, что Осія прежде всего съ участіемъ освѣдомился объ его дочери. Горнехтъ не скрылъ этого и отъ нея, грозно ворочая при этомъ глазами, чѣмъ обличилъ свое недовольство привѣтствіями еврея. Наконецъ онъ обратился къ Ефрему и сообщилъ ему, что Осія стонетъ съ войскомъ за городомъ. По причинѣ мороваго повѣтрія они разобьютъ станъ внѣ города, между Танисомъ и моремъ. Они скоро должны пройти мимо, и дядя велѣлъ ему сказать, что Ефремъ попожее можетъ зайти къ нему въ ставку.

Видя, что юноша помогаетъ Казанѣ плести вѣнки, Горнехтъ улыбаясь и воскликнулъ:

— Какъ подумаешь, еще утромъ сегодня этотъ волокита хотѣлъ всю жизнь оставаться вольною птицей и только поведлѣвать, а теперь ужъ поступилъ къ тебѣ на службу, Казана. Нечего краснѣть, дружокъ! Если теперешняя твоя владычица или дядя твой добьются того, что ты станешь нашимъ и посвятить себя благороднѣйшему призванію воина, тебѣ же лучше

¹⁾ *Ашери* — главное божество финикійскія, олицетвореніе проливающей и плодотворной природы, супруга Ваала, богиня рожденія и плодородія, изображеніемъ коихъ въ небѣ была луна. Ей посвящали были орошающіе почву источники, вѣчно зеленія деревья (кипарисъ и т. п.), плодотворное гранатовое дерево и рыбы, какъ плодущія животныя. Въ жертву ей приносили голубей и козловъ, но всего пріятнѣе были ей чувствительныя жертвы. Вааль первоначально былъ олицетвореніемъ благодѣтельной силы солнца, впоследствии же и всего возвышеннаго, добраго и прекраснаго въ духовномъ мірѣ. Культъ Ваала, кромѣ финикійскаго, былъ распространенъ между многими народами семитической расы, вавилонянами, мидянами, ассириями, моавитянами и въ землѣ Ханаанской. Сами евреи перѣдко вкладали въ это идолослуженіе, впервые при царѣ Ахавѣ, женатомъ на сиринкѣ Иезавели.

Ред.

¹⁾ Скарлатина.

будеть. Посмотри на меня! Больше сорока лѣтъ пошу я лукъ и стрѣлы, а все же и до сихъ поръ веселюсь и горжусь моимъ призваніемъ. Конечно, приходится повиноваться, но за то и повелѣваешь, и тѣ тысячи, что меня слушаются, отнюдь не короли и овцы, а храбрые мужи. Поразуди-ка объ этомъ еще разокъ. Изъ него вышелъ бы великолѣпный вождь стрѣлковъ. Какъ ты думаешь, Казана?

— Разумѣется, отвѣтила молодая женщина и хотѣла еще что-то прибавить, но за стѣною сада послышался мѣрный шагъ приближающагося отряда войскъ...

Легкій румянецъ вѣянулъ на щекахъ молодой женщины, глаза ея загорѣлись огнемъ, пенувавшимъ Ефрема, и не обращая вниманія ни на отца, ни на гостя, она прошла мимо пруда по тропинкѣ межъ деревьевъ и цвѣточныхъ грядъ, взошла на дерюговую скамью у стѣны и жаднымъ взоромъ смотрѣла на улицу, съ проходившимъ по ней строемъ вооруженныхъ воиновъ.

Во главѣ ихъ шелъ Осія во всоружіи своего сана. Порывавшись съ садомъ начальника стрѣлковъ, онъ обернулъ къ нему суровое чело, но вдругъ замѣтилъ Казану и съ заскочившимъ привѣтомъ преклонилъ предъ нею свою боевую сѣкиру.

Ефремъ поспѣдовалъ за начальникомъ стрѣлковъ, и тотъ позвалъ юношѣ дядю, сказавъ при этомъ:

— И тебѣ будетъ къ лицу блестящій военный уборъ, а ужъ идешь въ немъ, словно на крыльяхъ летишь, когда трубы трубятъ и знамена развѣваются надъ головою. Сегодня воспала музыка, конечно, молчать по случаю страшнаго бѣдствія, накликаемаго на насъ еврейскимъ злодѣемъ. Вотъ и Осія тоже изъ твоего народа, но какъ я ни презираю это племя, а долженъ сознаться, что онъ истинный воинъ, образецъ для молодежи. Передай ему, какъ я думаю объ немъ въ этомъ отношеніи. Теперь же скорѣе прощайся съ Казаною и слѣдуй за воинами; вонъ тамъ отверста дверь въ стѣнѣ.

Съ этими словами онъ пошелъ къ дому, а Ефремъ на прощанье подаетъ руку молодой женщинѣ.

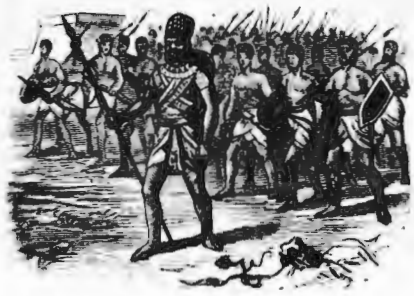
Она охотно дала свою, но затѣмъ быстро отдернула и озбоченно воскликнула:

— Какъ горяча твоя рука! У тебя жаръ!

— О, гдѣтъ, гдѣтъ! пролетѣлъ юноша, но не договоривъ, склонился на колѣна, и словно темная пелена покрыла душу больного, потрясенную цѣлымъ рядомъ волненій.

Казана испугалась, но скоро овладѣла собой и освѣжила ему лобъ и темя водой изъ пруда. При этомъ она тревожно вглядывалась въ его лицо, и никогда еще не казалась онъ ей до такой степени похожимъ на Осію. Да, любимый ею человѣкъ долженъ былъ сильно походить на этого мальчика въ то время, когда самъ былъ еще мальчикомъ. Сердце ея забилось чаще, и держа его голову въ своихъ рукахъ, она тихо поцѣловала его. Она думала, что онъ потерялъ сознание; но освѣжительная влага уже прогнала его обморокъ, и онъ въ сладкомъ трепетѣ почувствовалъ, что съ нимъ произошло, но не открывалъ глазъ и пролежалъ бы такъ всю свою жизнь головою на груди ея, въ надеждѣ, что уста ея еще разъ коснутся его устъ. Но вмѣсто новаго поцѣлуя, она громко позвала на помощь.

Тогда онъ вскопчилъ на ноги, окинулъ ее жаднымъ, пламеннымъ взглядомъ, и прежде чѣмъ она успѣла помѣшкать ему, бросился какъ здоровый къ садовой двери, толкнулъ ее настежь и поспѣшилъ за войскомъ. Скоро онъ догналъ задніе ряды, затѣмъ опередилъ много другихъ, и очутившись наконецъ вождь стрѣлковъ, окликнулъ дядю по имени. Обрадованный и удивленный Осія протянулъ ему руки навстрѣчу, но прежде чѣмъ Ефремъ успѣлъ упасть въ его объятія, сознание вторично его покинуло, и сильные воины донесли его на рукахъ въ шатеръ, который былъ уже разбитъ поспѣвающимъ начальникомъ на песчаномъ холмѣ у самаго моря.

Осія во главѣ войска.

Глава V.

Осія и Ефремъ въ ставкѣ.

астала полночь. Предъ шатромъ Осія разложилъ былъ огонь, самъ воснаачальникъ сидѣлъ у костра, хмуро и задумчиво глядя то въ пламя, то въ окрестную даль. Въ холщевой ставкѣ лежалъ молодой Ефремъ на походномъ ложѣ дяди.

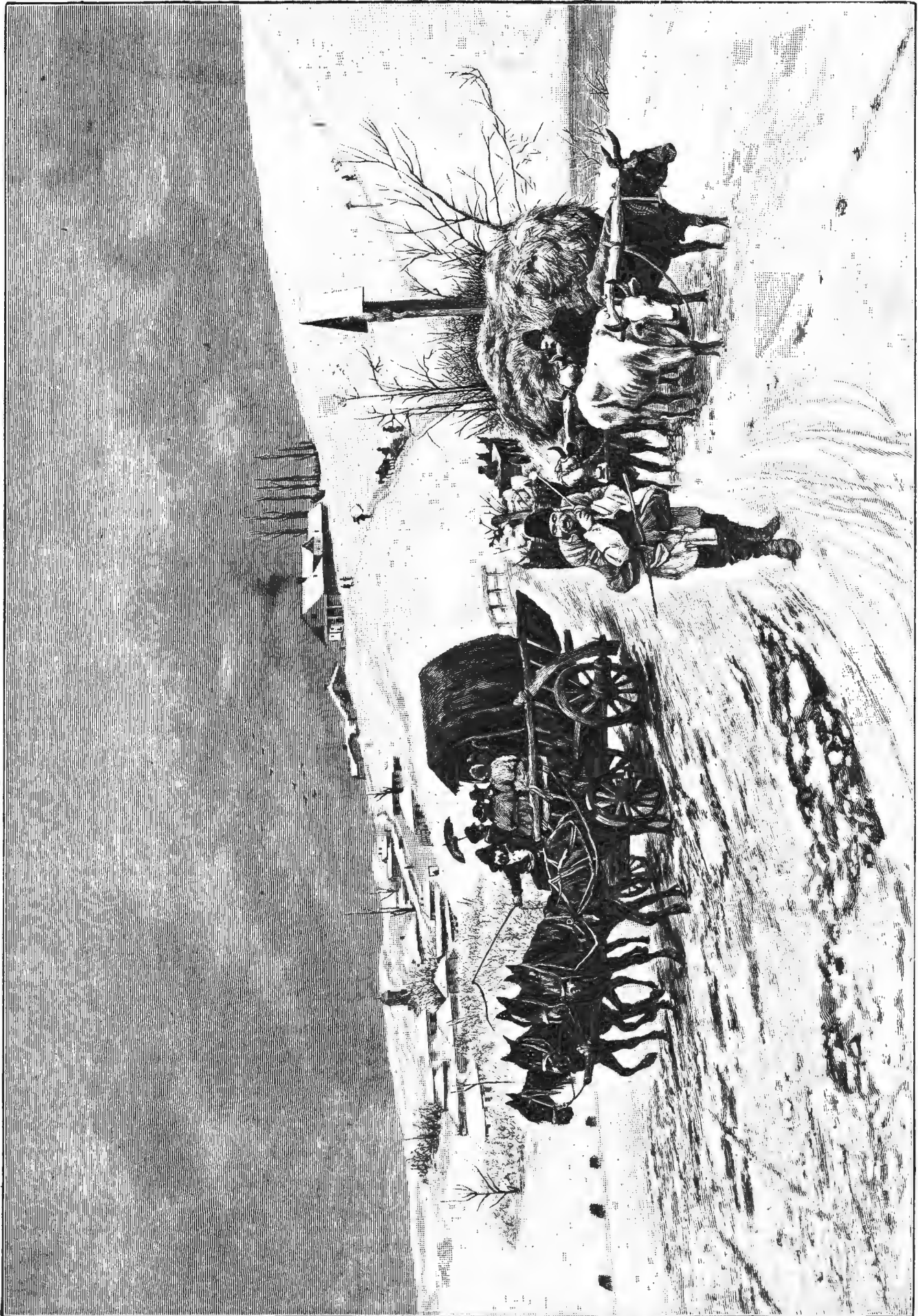
Состоявшій при тысячѣ врачъ перевязалъ рану юноши, далъ ему подкряпляющее питье и предписалъ полный покой, такъ какъ его напугала сильная лихорадка, овладѣвшая мальчикомъ.

Но Ефремъ не въ силахъ былъ исполнить этого предписанія. То мысленному взору его являлся образъ Казаны, усиливая жаръ и безъ того знойной крови; то обдумывать онъ совѣтъ вступити, подобно дядѣ, въ ряды войска—и совѣтъ этотъ казался ему весьма разумнымъ, ибо сулилъ славу и почести, какъ усиленно заставлялъ себя думать Ефремъ, хотя въ сущности ему хотѣлось поспѣдовать совѣту потому только, что это приближало юношу къ той, кого такъ жаждала его душа. Но тутъ опять поднималась на дыбы его гордость, при мысли о тѣхъ поношеніяхъ, которыми Казана и ея отецъ клеймили его родичей по крови и по духу. Онъ сжималъ кулаки, вспоминая разоренный домъ дѣда, котораго всегда считалъ достойнѣйшимъ изъ людей. Не забывалъ онъ и своего порученія; Маріамъ нѣсколько разъ повторяла ему то, что онъ долженъ былъ передать дядѣ, и острая память юноши сохранила эту рѣчь слово въ слово, тѣмъ болѣе, что онъ не переставалъ твердить ее про себя въ теченіе всего пути къ Таинсу. Онъ и теперь пытался повторить еѣ, но теперь это ему не удавалось, такъ какъ на половинѣ рѣчи внезапно овладѣвала имъ неодолимая потребность думать о Казанѣ.

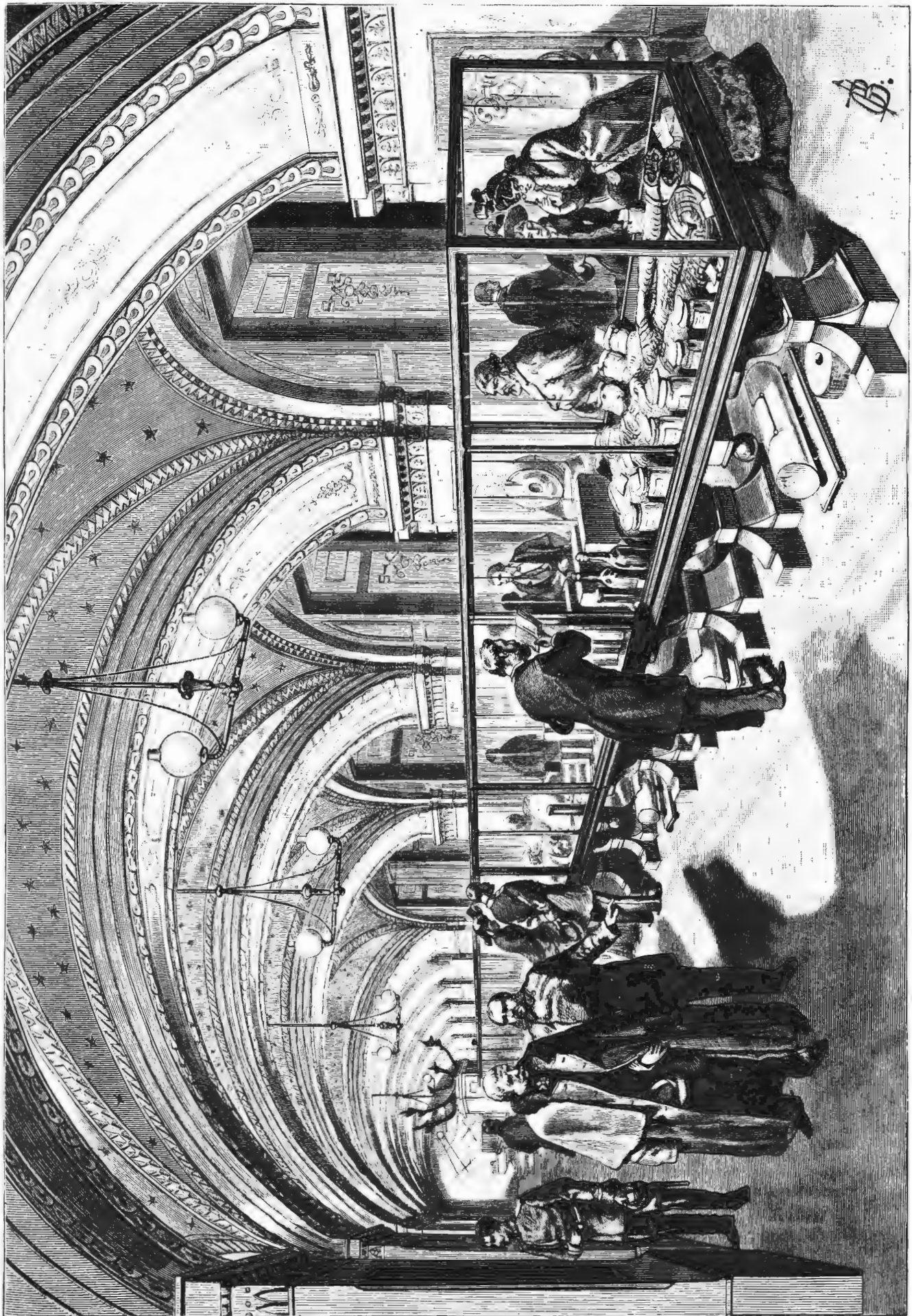
Врачъ настаивалъ на томъ чтобы Осія не позволялъ больному много говорить, а потому когда Ефремъ началъ было править свое посольство, дядя заставилъ его умолкнуть; но зато суровый воинъ, съ заботливостью матери, оправлялъ ему подушки, давалъ лекарство и нѣжно цѣловалъ его въ лобъ. Наконецъ прилѣлъ у костра передъ шатромъ, и затѣмъ уже входилъ подъ сѣнь его лишь для того, чтобы подавать больному цѣлительное питье, считая часы по теченію звѣздъ.

Освѣщенное пламенемъ костра, слегка загорѣлое лицо Осія отличало человѣка видѣннаго на своемъ вѣку много опасностей и преодолевавшаго ихъ съ непоколебимою твердостью и мудрымъ присутствіемъ духа. Властный взглядъ его черныхъ глазъ и сочивыя, крѣпко сжатые губы свидѣтельствовали о горячій крови, но еще громче говорили о желѣзной силѣ воли этого крѣпыща. Ширококонечій хребетъ воина прислонялся къ связкѣ нѣсколькихъ копій, накрестъ воткнутыхъ въ землю, и когда онъ мощною рукою проводилъ въ густой волнѣ черныхъ волосъ или поглаживалъ темную бороду, а глаза при этомъ загорались гнѣвнымъ огнемъ, можно было догадаться, что душа его возмущена и стоитъ лицомъ къ лицу предъ какимъ-то великимъ вопросомъ. Левъ еще дремалъ, но когда онъ встретился—горе врагамъ! Его воины часто сравнивали своего косматого, безстрашнаго и твердаго какъ сталь вождя съ царемъ евреевъ, и теперь, когда онъ въ раздумьи грозилъ кому-то сжатою десницею, причѣмъ на смуглой рукѣ его напрягались могучія мышцы, словно пытаясь разорвать золотое заячье, а глаза горѣли зловѣщимъ пламенемъ, одинъ видъ его возбуждалъ страхъ и трепетъ.

Тамъ, на западѣ, куда обращалъ онъ взоры, лежалъ городъ мертвыхъ и участки чужеземцевъ. Нѣсколько часовъ тому

Зима вь Бѣлоруссіи. Ориг. рис. (собств. „Нива“) Юмудснаго, грав. М. Рашевскій.

Главный залъ въ Петербургскомъ Таможенномъ музеѣ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Бролинга, грав. А. Бухеръ.

пазадь Осія провель свой отрядъ по развалинамъ, надъ которыми кружилось воронье, и мимо разрушеннаго отчаго дома.

Въ глубокомъ безмолвіи, по долгу службы, шель онъ во главѣ войскъ, и только на привалѣ, когда ему передано было распоряженіе гдѣ разбить станъ его тысячѣ, начальникъ стрѣлковъ Горнехтъ сообщилъ ему, что произошло въ эту ночь. Молча и не сморгнувъ выслушалъ его Осія и ни однимъ словомъ не освѣдомился о дальнѣйшихъ подробностяхъ, пока воины его не разошлись по шатрамъ. Самъ онъ едва успѣлъ отдохнуть, какъ, несмотря на окрикъ стражи, къ нему ворвалась еврейская дѣвушка, и во имя Эліавъ, старѣйшаго изъ Навиновыхъ рабовъ, которому приходилась внучка, умоляла Осію пойти съ нею къ старцу. Эліавъ былъ оставленъ въ городѣ, такъ какъ дряхлость и недуги дѣлали его неспособнымъ къ странствію, и тотчасъ по выступленіи евреевъ, его съ женою перевезли на ослѣ въ домикъ у пристани, подаренный вѣрному слугѣ великодушнымъ Навиномъ.

Внучку оставили для ухода за дряхлою четой, и теперь старый слуга ждалъ, хоть разъ еще повидаться съ господскимъ первенцемъ, котораго еще ребенкомъ носилъ на рукахъ. Эліавъ приказалъ внучкѣ сообщить восначальнику о всенародно данномъ обѣщаніи Навина, что онъ, Осія, покинетъ египтянъ и послѣдуетъ за своимъ. Дѣвушка рассказала ему, съ какими восторженными кликами встрѣтили эту вѣсть колѣно Ефремово и весь народъ; но подробности могъ передать ему только дѣдъ ея, потому что сама она въ то время была внѣ себя отъ горя и слезъ. Внучка прибавила, что Осія будетъ осыпанъ благословеніями, если пойдетъ съ нею.

Онъ заранѣе зная, что уступитъ этому желанію, но долженъ былъ отложить посѣщеніе старца до утра; между тѣмъ посланная успѣла наскоро сообщить ему еще многое изъ видѣннаго ею и слышаннаго отъ другихъ.

Накопецъ, она удалилась. Онъ же снова развелъ огонь и все время, пока пламя костра ярко пылало, хмуро и задумчиво глядѣлъ на западъ. Только тогда, когда пламя пожрало свою пшцу, и тонкими голубоватыми струйками забѣгло играя въ обугленныхъ дровахъ, установился онъ неподвижнымъ взоромъ на трещавшія цекры, и тѣмъ долгие глядѣлъ онъ, тѣмъ непроборимѣ казался ему разладъ, возникшій въ душѣ его, канануѣ еще цѣльной и стремившейся къ великой цѣли.

Полтора года держала его вдали отъ родины борьба съ ливійскими мятежниками, и цѣлыхъ десять мѣсяцевъ не доходило къ нему ни вѣсточка отъ своихъ. Нѣсколько недѣль тому назадъ онъ получилъ приказъ возвратиться, и сегодня, по мѣрѣ того какъ онъ все ближе подходилъ ко граду Рамзеса, многостолпному Танису, сердце его билось такъ радостно и съ такими надеждами, какъ будто онъ, тридцатилѣтній мужъ, снова сталъ юношей.

Черезъ нѣсколько часовъ онъ долженъ былъ увидѣть возлюбленнаго, глубоко чтимаго родителя, который лишь послѣ тяжкаго раздумья и уступая увѣщаніямъ матери, теперь уже давно умершей, разрѣшилъ ему послѣдовать своему влеченію и посвятить себя военной службѣ въ войскѣ фараона. Сегодня еще надѣялся онъ обрадовать отца извѣстіемъ, что онъ, Осія, опередилъ по службѣ далеко старѣйшихъ его вождѣ изъ природныхъ египтянъ. Въместо униженій, которыя со страхомъ предрекала сыну Навинъ, Осія, благодаря безавѣтной отвагѣ, способностямъ и, какъ онъ скромно прибавлялъ, счастью, получила лишь отличія — и при этомъ остался евреемъ. Когда при жертвоприношеніяхъ и общихъ молитвахъ ему по необходимости приходилось исповѣдать какого-либо бога, онъ постоянно придерживался Сета, во храмъ котораго еще ребенкомъ водилъ его родитель и которому въ то время молились всѣ семиты въ Египтѣ. Про себя же онъ признавалъ еще одно божество, но не Бога своихъ праотцевъ, а того что чтли всѣ египтяне изъ посвященныхъ. Народной толгѣ, которой божество это было бы непонятно, его не открывали; но знали о немъ не одни посвященные, т. е. жрецы, а также и большинство занимавшихъ высшія должности на государственной гражданской службѣ и военачальниковъ, а въ числѣ ихъ и онъ. Осія, чужеземецъ и непосвященный. Всякій понималъ что именно подразумевалось, когда говорили о „богѣ“ просто, безъ имени того-ли другаго божества, о „совокупности Всего“, о „Самотворящемъ“, о „великомъ Единомъ“. Его прославляли священныя пѣснопѣвныя; въсѣченныя на гробницахъ надписи, которыя всякій могъ прочесть, гласили о немъ, единомъ богѣ. Все собою проникающемъ и однороднымъ со Всѣмъ. Онъ не только наполнял собою видимый міръ, какъ жизненная сила наполняетъ человѣческое тѣло, но самъ былъ совокупностью всего творенія — вселенною — съ вѣчнымъ бытіемъ, преходящимъ и вновъ возникающимъ, повинующеюся законамъ, которые сама себѣ предписала. Какъ въ каждой части Всего, такъ и въ человѣкѣ жила его сущность, и куда бы ни обратилъ свои взоры смертный, всюду видѣлъ онъ воздѣйствіе этого „Единого“. Виѣ его ничто не могло быть мыслимо, и такимъ образомъ онъ былъ одинаковъ съ Богомъ праотцевъ Осін. Безъ него ничто не возникло и не совершалось на землѣ, и слѣдовательно онъ былъ всемогущъ подобно послѣднему. Осія давно уже считалъ обоихъ равными по существу и различными лишь по имени. Кто признавалъ одного, тотъ служилъ

и другому, и такимъ образомъ восначальникъ могъ спокойно предстать своему родителю и сказать ему, что и вопиомъ на службѣ фараона остался вѣренъ Богу своего народа.

Но не отъ этого только забилось его сердце: быстрѣе и радостнѣе, когда онъ завидѣлъ издали высокіе пилоны и обелиски Таниса: и въ безчисленныхъ походахъ по безомыслимъ пустынямъ, и на привалахъ въ уединеніи подъ сѣнью шатра, мысленному взору его постоянно являлся образъ нѣкой дѣвы изъ его народа, которую онъ называлъ еще въ то время какъ она была ребенкомъ, своенравнымъ и волнуемымъ всевозможными странными мыслями, а потомъ, незадолго передъ послѣднимъ походомъ въ Ливію, опять встрѣтилъ уже взрослою дѣвою въ недоступномъ величии какой-то суровой красоты. Она прибыла изъ Сокхова на погребеніе его матери, въ Танисъ, и здѣсь образъ ея глубоко запечатлѣлся въ его сердцѣ. А его образъ — по крайней мѣрѣ онъ могъ надѣяться — въ ея сердцѣ. Въ то время она была уже пророчицей, внимавшей гласу Господа. Межъ тѣмъ какъ прочія дѣвушки ея племени застѣнчиво держались всторонѣ, она свободно вращалась даже въ мужскомъ кругу, и не смогла на свою ненависть къ египтянамъ и къ занимаемому Осіемъ положенію въ ихъ средѣ, не скрыла отъ него, что ей больно разставаться съ нимъ и что она никогда его не забудетъ. Будущую жену свою онъ всегда представлялъ себѣ такою же сильною и строгою какъ самъ онъ, а Маріамъ была именно такова и совершенно затмила другой свѣтлый образъ, который нѣкогда улыбался ему въ мечтахъ. Осія любилъ дѣтей, а милѣе Казаны не встрѣчалъ онъ ребенка ни въ Египтѣ, ни на чужбинѣ. Участіе привнимасмосъ въ его дѣлахъ и судьбахъ прелестною дочерью соратника, тихая, сердечная привязанность, которую выказывала ему восторженностию молодая вдова, умѣвшая однако рѣдко отгаживать другихъ поклонниковъ, бывали ему услудою въ бездѣйствіи мирнаго времени. До ея замужества онъ видѣлъ въ ней подроставшую будущую жену свою, но бракъ ея съ другимъ и неоднократныя заявленія Горнехта что онъ никогда и ни за что не отдастъ руку своей дочери чужеземцу, уязвили его гордость и оттолкнули его. Потомъ онъ встрѣтилъ Маріамъ и воспылалъ желаніемъ обладать ею. Тѣмъ не менѣе на обратномъ походѣ онъ съ удовольствіемъ думалъ о предстоящемъ свиданіи съ Казаною, которое будетъ тѣмъ пріятнѣе что теперь онъ вовсе не намѣренъ добиваться ея руки; вѣдъ это повело бы лишь къ горькой досадѣ, такъ какъ и египтяне, и евреи гнушались даже дѣлать трапезу, сидѣть рядомъ или ѣсть съ одного пожа. Хотя онъ и считался *своимъ* въ средѣ товарищей по оружію, хотя отецъ молодой вдовы нерѣдко дружески освѣдомлялся объ его отцѣ, все же и Горнехту, и всѣмъ свободнымъ египтянамъ „чужеземецъ“ казался тѣмъ-то противнымъ.

Въ Маріамъ нашель онъ драгоцѣннѣйшую подругу. Пусть же Казана осчастливитъ кого-нибудь другаго! Тѣмъ не менѣе она всегда осталась бы для него прелестнымъ ребенкомъ, отъ котораго ничего не требуютъ кромѣ удовольствія любоваться ея имъ.

Онъ собирался къ ней за ласковымъ взглядомъ, какъ старый, на всякую услугу готовый другъ; къ Маріамъ-же — за нею самою во всемъ ея величии и красотѣ. Ибо онъ достаточно долго уже выносилъ одиночество походнаго быта, а съ тѣхъ поръ какъ при возвращеніи домой его не встрѣчаютъ и облитія матери, все сильнѣе чувствовалъ убогую чуждость холостой жизни. Онъ хотѣлъ насладиться мирнымъ временемъ, сложивъ оружіе послѣ цѣлаго ряда опасностей и лишеній всякаго рода; его долгъ — ввести хозяйку въ отчий домъ и позабиться о томъ чтобы не угасъ именитый родъ, въ которомъ онъ оставался послѣднимъ потомкомъ по мужскому колѣну; ибо Ефремъ былъ сынъ сестры его.

Съ такими-то возвышающими душу, радостными мысленіями приближался онъ къ Танису, вотъ онъ и цѣли достигъ — и что-же? все на что надѣялся, чего такъ страстно желалъ онъ, все теперь сплнуло предъ нимъ какъ зрѣлая шва побитая градомъ и опустошенная саранчой.

Какъ-бы въ насмѣшку надъ нимъ, судьба привела его прежде всего къ участку его родичей. Гдѣ нѣкогда стоялъ отчий домъ, въ которомъ онъ выросъ и куда рвалось его сердце, тамъ теперь лежали въ пыли одиѣ развалины; гдѣ нѣкогда съ гордостью встрѣчала его многочисленная родня, тамъ пылъ попался ему лишь нищѣ, жадно рвынѣеся въ мусорѣ ради пищи.

Первымъ встрѣтившимъ его въ Танисѣ былъ отецъ Казаны. Въместо ласковаго взгляда ея глазъ, онъ получилъ отъ Горнехта извѣстія, растерзавшія ему сердце. Онъ думалъ ввести подѣ отчий кровъ молодую жену, а этотъ домъ, въ которомъ она должна была хозяйничать, сравняли съ землею. Онъ ждалъ родительскаго благословенія и хотѣлъ порадовать отца своимъ возвышеніемъ, но тотъ ушелъ въ невѣдомую даль и сталъ врагомъ царя, которому сынъ обязанъ этимъ возвышеніемъ.

Еще недавно гордился онъ тѣмъ, что, не смотря на свое происхожденіе, достигъ власти и почестей и теперь, какъ вождь многихъ тысячъ, можетъ уже въ широкихъ размѣрахъ доказать на что онъ способенъ. У него и прежде не было недостатка въ замыслахъ, которые, будучи приняты начальствомъ,

принесли-бы много пользы; а теперь онъ могъ самъ осуществить эти замыслы и изъ жалкаго орудія стать руководящею силой. Это пробуждало въ груди его прекрасныя, высокия чувства и открыло его на обратномъ походѣ, а теперь, когда онъ достигъ заветной цѣли, онъ долженъ вернуться назадъ и прикннуться къ востухамъ и кирпичникамъ, которымъ онъ — и какимъ аполучи́емъ это казалось ему теперь! — свой по крови и происхожденію, а между тѣмъ — нечего себя обманывать — сталъ имъ такъ-же чуждъ какъ и ливійцамъ, съ которыми воевалъ. Во многомъ изъ того чѣмъ дорожатъ люди, у него не было съ ними ничего общаго. Онъ думалъ утвердительно отвѣтить на вопросъ отца: остался-ли онъ евреемъ, а теперь онъ чувствовалъ, что остался имъ неохотно и менѣе чѣмъ на половину.

Онъ всей душою былъ преданъ знаменамъ, подъ которыми хаживалъ въ битвы и которыя нынѣ самъ долженъ былъ вести къ побѣдѣ. Могъ-ли онъ теперь покинуть ихъ и отказаться отъ того, что добыто собственными заслугами? Однако-жь, по словамъ внуки старика Эліава, свои ждуть отъ него, что онъ оставитъ службу и послѣдуетъ за ними. Скоро должна была дойти къ нему эта вѣсть отъ отца, а у евреевъ сынъ не могъ преклословить волю родителя.

Но и другому также обязанъ онъ былъ повиноваться, именно фараону, которому торжественно присягалъ: служить вѣрно и по единому слову его, не медля и безъ разсужденія, всегда и днемъ и ночью быть готовымъ въ огонь и воду. Какъ часто называлъ онъ бездѣльнымъ и безчестнымъ воина, который становился перебѣжникомъ или противился повелѣнію своего начальника, и какъ часто по его приказу и на его собственныхъ глазахъ казнили многихъ перебѣжниковъ позорною казнью — повѣшеніемъ! Неужели ему самому теперь сдѣлать то, за что онъ презиралъ другихъ и даже лишалъ жизни? Онъ былъ повѣстенъ во всемъ войскѣ своей мгновенной рѣшимостью, а также и быстротой съ которой даже въ самыхъ затруднительныхъ положеніяхъ принималъ вѣрное рѣшеніе и приводилъ его въ исполненіе; теперь-же, въ эти ночные часы, онъ казался себѣ тростью колеблемою вѣтромъ, чувствовалъ себя безпомощнымъ, какъ осиротѣлый младенецъ.

Имъ овладѣлъ ярый гнѣвъ на самого себя, и въ припадкѣ отвращенія къ собственной пачоети, онъ ударилъ копьемъ въ огонь съ такою силой, что внезапно запылавшій костеръ развалился съ трескомъ и ярый огонь некръ столбомъ поднялся въ потемкахъ на воздухъ.

Если бы происшедшее здѣсь, въ Танисѣ, налагало на него подобающій мужу долгъ мнѣнія, то всемъ обсужденіямъ и колебаніямъ насталъ бы конецъ и призывъ отца былъ-бы непрерываемъ; но кто-же здѣсь потерялъ тягчайшую несправедливость? Конечно, египтяне, которымъ проклятіе Моисея обошло въ тысячи дорогихъ жизней. Онъ негодовалъ на нихъ за уничтоженіе еврейскихъ жилищъ, но не видѣлъ достаточныхъ основаній для кроваваго имъ возмездія, если принять во вниманіе неслыханное горе, которое, благодаря его родичамъ, обрушилось на фараона и его подданныхъ. Нѣтъ! мститъ было не за что, и онъ казался себѣ человѣкомъ который видитъ своихъ отца и мать въ смертельной опасности и убѣжденъ въ томъ, что не можетъ помочь обоимъ разомъ, и хотя-бы онъ жизнью пожертвовалъ чтобы спасти одну, онъ все-же предпочтетъ другаго погибелю. Откликнись онъ на призывъ соплеменниковъ — погибнетъ его честь, которую онъ доселѣ хранилъ незапятнанною какъ яркую мѣдъ своего шлема, а вмѣстѣ съ честью будутъ утрачены и все высшія блага жизни. Останься онъ вѣренъ фараону и присягѣ — онъ предастъ своихъ кровныхъ, отцовское проклятіе омрачитъ ему все его дни, и самъ онъ откажется отъ лучшей надежды въ грядущемъ, такъ какъ Маріамъ — истинная дщерь своего народа, и благо ему если великая душа ея способна такъ-же горячо любить какъ умѣла ненавидѣть.

Величественною и прекрасной, но съ мрачнымъ взглядомъ и строгимъ предостерегающимъ мановеніемъ руки являлась она его мысленному взору, когда Осія смотрѣлъ чрезъ потухающій костеръ въ темную ночь, при чемъ мужская гордость его возмущалась и ему казалось постыднымъ, изъ боязни гнѣва и упрековъ женщины, бросить на ставку все что дорого воу.

„Нѣтъ, нѣтъ!“ шепталъ онъ про себя, и чаша вѣсовъ, на которой лежали сыновіе долги, любовь и повинновеніе вмѣстѣ съ голосомъ крови, стремительно поднялась къверху. Онъ — то что онъ есть, начальникъ десяти-тысячнаго царскаго войска. Одному царю присягалъ онъ и никому болѣе. Пусть родичи бѣгутъ отъ ига египетскаго — онъ, Осія, ненавидитъ бѣгство! Ихъ тяжело угнетали въ рабствѣ, его-же знатнѣйшіе сановники страны встрѣчали какъ равнаго и сочли достойнымъ высшихъ почестей. Отвѣтить имъ въполномъ — было-бы не въ его духѣ: онъ поднялся на ноги со вздохомъ облегченія, и ему казалось, что онъ избралъ путь правды. Женщина и слабость исполненнаго любовью сердца не должны отвлекать его отъ важныхъ обязанностей и высокиихъ цѣлей его жизни.

„Я остаюсь“, звучалъ громкій голосъ въ груди его. „Отецъ мой мудръ и добръ, и узнавъ мои побужденія, онъ одобритъ ихъ и вмѣсто проклятія благословитъ меня. Я напишу ему, а

мальчицк., присланный Маріамью, отнесетъ мое посланіе“.

Зовъ изъ шатра заставилъ его вздрогнуть, и тутъ, взглянувъ на звѣзды, и убѣдясь, что забыть объ уходѣ за больными, Осія проворно подошелъ къ его ложу.

Ефремъ ждалъ его, приподнявшись на локтѣ, и встрѣтилъ его словами:

— Истомился я по тебѣ. Такое множество мыслей кшитъ у меня въ головѣ и прежде всего порученіе Маріамъ. Я не успокоюсь, пока не передамъ тебѣ ея словъ — слушай же...

Осія кивнулъ ему головой, и юноша, вышивъ поданное ему лекарство, началъ такъ:

— Маріамъ, дочь Авраама и Иохаведы, привѣтствуетъ сына Павинова, потомка Ефремова. Осией (спасителемъ) зовутъ тебя, и спасителемъ своего народа избралъ тебя Господь Богъ нашъ. Отнынѣ же впродъ, по Его велѣнію, будутъ звать тебя Исусомъ¹⁾, спасителемъ которому въ помощь Іегова; ибо устами Маріамъ, рабыни Его, повелѣваетъ тебѣ Богъ отецъ ея, Онъ же и твой Богъ, да будешь ты мечъ и щитъ народу твоему. Онъ всемогущъ и обѣщаетъ укрѣпить руку твою, ея же сокрушитъ враговъ.

Тихо началъ Ефремъ эту рѣчь, но постепенно голосъ его крѣпчалъ и послѣднія слова громко и торжественно прозвучали въ ночномъ затишѣ.

Такъ твердила ихъ ему Маріамъ, возложивъ руки на его голову и строго уставя ему въ лицо черные какъ ночь глаза, и онъ повторялъ эти слова за нею, чувствуя какъ бы присутствіе нѣкой таинственной силы, побуждавшей его передать ихъ Осію такъ точно, какъ онъ слышалъ ихъ изъ устъ пророцши. Тутъ Ефремъ вздохнулъ съ облегченіемъ, повернулся лицомъ къ холщевой стѣнѣ шатра и спокойно проговорилъ:

— А теперь я засну.

Но Осія положилъ ему руку на плечо и повелительно сказалъ:

— Еще разъ!

Юноша повиновался; но на этотъ разъ онъ произнеслъ нтверженныя слова безъ смысла и тихо, какъ бы про себя. Потомъ съ мольбою проговорилъ: „дай же мнѣ покой“, прилежъ щекою на руку и закрылъ глаза.

Осія далъ ему волю, заботливо перевернулъ примочку на пылавшей головѣ, погасилъ свѣтильникъ и подбросилъ топлива въ догоравшій костеръ передъ шатромъ; но все это бодрый, крѣпкій волею мужъ дѣлалъ какъ во снѣ. Наконецъ присѣлъ у костра, опершись локтемъ о колыно, склонивъ голову на руку, и смотрѣлъ то въ пустое пространство, то на огонь.

Кто же былъ этотъ Богъ, заповѣдавшій ему устами Маріамъ, чтобы онъ при Его помощи сталъ мечомъ и щитомъ своего народа?

Вотъ онъ долженъ теперь носить новое имя, но имя въ Египтѣ — всея челоуѣкъ. „Чти фараоново имя“, а не „чти фараона“, говорилось и устно, и письменно, и если отнынѣ онъ назовется Исусомъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ вынужденъ будетъ сожечь съ себя прежняго челоуѣка и стать новымъ.

Въ томъ что передала ему Маріамъ за волю Бога отповѣ своихъ, заключалось ни болѣе, ни менѣе какъ требованіе, чтобы онъ изъ египтянина, какимъ сдѣлала его жизнь, сталъ снова евреемъ, которымъ былъ въ дѣтствѣ. Онъ долженъ былъ усвоить себѣ и образъ дѣйствій, и чувства еврея!

Маріамъ также звала его къ своимъ. То самое чего ждалъ отъ него родитель, заповѣдалъ ему черезъ нее и Богъ его народа. Вмѣсто подначальныхъ ему тысячъ, которыя теперь предстояло бросить, — впродъ когда дѣло дойдетъ до битвы, онъ поведетъ въ бой своихъ братьевъ по крови. Таковъ былъ смыслъ даннаго ему повелѣнія, и если великая дѣва, пророцша обратившая къ нему свое слово, являла ему что самъ Богъ глаголетъ ей устами, то это не было суетною похвалой, и она въ самомъ дѣлѣ исполняла заповѣдъ Всевышняго. Теперь образъ этой жены, которой онъ осмѣлился пожелать, выросла въ передъ нимъ до недосягаемой высоты. Многие изъ того что онъ въ дѣтствѣ слышалъ о Богѣ Авраамовомъ и Его обѣтованіяхъ, снова пришло ему на память, и теперь та чаша вѣсовъ, что прежде перевѣшивала, поднималась все выше и выше. То что прежде повидному созрѣло въ рѣшеніе, оказывалось теперь несостоятельнымъ, и снова видѣлъ онъ себя добычею душевнаго разлада, который такъ еще недавно считалъ побѣжденнымъ.

Какъ громко и мощно звучало призваніе, которому онъ только что внималъ! До сихъ поръ еще звенѣло оно въ ушахъ его, смущая покой и ясность духа, и вмѣсто прежняго снокопнаго обезужденія, въ немъ оживали теперь воспоминанія дѣтскихъ лѣтъ, которыя онъ считалъ давно похороненными, и отрывочныя проблески мыслей словно молніями сверкали непрекращиваясь въ головѣ.

По временамъ ему хотѣлось обратиться съ молитвой къ призванному его Богу; но сколько ни старался сосредоточиться и устремить къ Нему очи и сердце, Осія никакъ не могъ забыть о присягѣ, которую приходилось нарушить, и о своихъ тысячахъ, которыя предстояло покинуть — и покинуть съ тѣмъ чтобы вмѣсто вышкоченныхъ, храбрыхъ, послушныхъ соратниковъ вести всякій сбродъ, изъ привычныхъ къ тяжкому угнетенію

¹⁾ По еврейски *Исхону* — тотъ кому въ помощь Іегова.

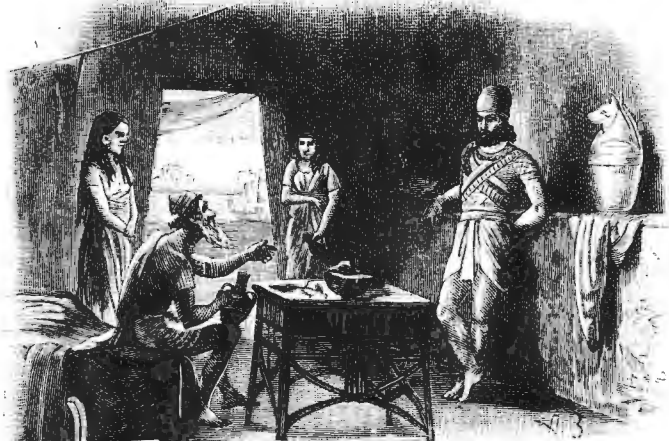
тягловых поденниковъ и своевольныхъ, грубыхъ пастуховъ.

Настала третій часъ послѣ полуночи, смѣнили стражу, и Осія подумывалъ о томъ, чтобы дать себѣ покой часа на два. При дневномъ свѣтѣ хотѣлъ онъ все это снова обдумать съ нѣкогда свойственной ему ясностью сужденія, теперь недостаточной для него. Но когда онъ вошелъ въ шатеръ и прислушался къ дыханію Ефрема, ему показалось будто онъ опять внемлетъ торжественной рѣчи юноши. Онъ испугался даже и началъ было повторять ее про себя, какъ внезапно среди дозорныхъ послышались громкіе голоса и горячій споръ прервалъ безмолвіе ночи.

Осіа обрадовался этому случаю, и быстрыми шагами пошелъ къ стражѣ.

Глава VI.

Эліавъ, Хогла и Осія.

Хогла, внучка стараго раба, снова пришла умолять Осію чтобы онъ послѣдшилъ за нею къ ея дѣду, который внезапно занемогъ, чувствуетъ приближеніе смерти и не хочетъ умереть, не повидавъ его еще разъ и не благословивъ его.

Полководецъ приказалъ ей подождать; затѣмъ, убѣдившись, что Ефремъ спитъ спокойнымъ сномъ, поручилъ его надежному человѣку и послѣдовалъ за Хоглой.

Молодая дѣвушка шла впереди съ небольшимъ фонаремъ въ рукахъ. Свѣтъ падалъ иногда на ея лицо, и Осія могъ замѣтить, что оно очень некрасиво и что непосильный, тяжелый трудъ преждевременно сгорбилъ спину дѣвушки. Голосъ ея звучалъ хрипло, какъ часто бываетъ у женщинъ, беспощадно изнуряемыхъ работою; но всея рѣчи дышала кротостью и привѣтливостью, и Осія совсѣмъ забылъ объ ея наружности, когда она призналась, что у нея есть женихъ, ушедшій съ переселенцами, сама же она осталась у дѣда, не въ силахъ будучи покинуть стариковъ одинокими. Такъ какъ она некрасива, никто не хотѣлъ взять ее въ жены, пока не явился Асирь, который не обратилъ вниманія на ея наружность, потому что самъ такъ же трудолюбивъ какъ она и надеется, что она будетъ хорошею, бережливою хозяйкой. Онъ также охотно остался бы съ нею, но отецъ приказалъ ему примкнуть къ переселенцамъ и такимъ образомъ молодымъ людямъ пришлось покориться и разстаться на всю жизнь.

Голосъ молодой дѣвушки не былъ звученъ, слова были протесты и безирригизательны, а между тѣмъ они за сердце хватили человѣка, который только что намѣревался, противъ воли отца, идти своимъ собственнымъ путемъ.

Когда они подошли къ гавани, гдѣ Осія увидѣлъ набережные и большіе укрѣпленные склады для запасовъ, воздвигнутые людьми его племени, ему снова пришли на умъ оборванныя толпы рабочихъ, которыя перѣдко на его глазахъ то пресмыкались предъ египетскими надсмотрщиками, то неистово ссорились между собою. Они знали, что его соплеменники не оставались передъ ложью и обманомъ, отлынивая отъ работы, и видѣть съ какимъ трудомъ заставляли ихъ повиноваться.

Наиболѣе отталкивающія личности изъ среды этихъ несчастныхъ живо представились ему, и возможность того, что онъ будетъ начальствовать надъ ними, показалась ему униженіемъ, отъ котораго отказался бы самый младшій изъ подчиненныхъ ему пятидесятниковъ. Среди наемнаго фараонова войска насчитывалось, правда, не мало евреевъ, извѣстныхъ своею храбростью и выносливостью; но то были сыновья ста-

доловѣдѣцевъ или сами бывшіе пастухи. Большинство же тѣхъ, къ кому звали его теперь, составлялъ жалкій сбродъ тягловыхъ поденниковъ, жившихъ въ мазанкахъ, которыя разсыпались отъ одного удара ногой.

Съ рѣшимостью остаться вѣрнымъ присягѣ, приковылавшей его къ знаменамъ, и тѣмъ не менѣе съ какою-то тайною тревогой въ душѣ вошелъ Осія въ хижину раба, и дурное расположеніе духа усилилось въ немъ еще болѣе, когда онъ увидѣлъ, что старикъ сидитъ почти здоровый и собственноручно наливаєтъ воду въ вино. И такъ, обманомъ заставили его покинуть большаго племянника, лишили его самого возможности отдохнуть и все это затѣмъ только, чтобы исполнить желаніе раба, который и въ его глазахъ не былъ настоящимъ человѣкомъ! Осія приходилось теперь испытать на себѣ то лукавое своекорыстіе, въ которомъ египтяне упрескали его племя и которое, по истинѣ, не могло привлечь его къ своимъ. Но Осія былъ сира-ведливъ и прощителенъ, а потому гнѣвъ его скоро улегся, когда молодая дѣвушка видимо обрадовалась быстрому выздоровленію дѣда; къ тому же и престарѣлая жена раба подтвердила, что мужъ, по ея мнѣнію, стоялъ уже одной ногой въ могилѣ, но не успѣла внучка ихъ уйти, какъ старуха вспомнила, что въ домѣ у нихъ имѣется вино, и послѣ перваго же стакана мужу стало дѣлаться все лучше и лучше. Вотъ онъ и теперь приготовляетъ дѣлебое питье, чтобы отъ времени до времени подбѣривать себя глоточкомъ.

Тутъ и старикъ вступилъ въ разговоръ, сказавъ, что всѣмъ этимъ и еще многимъ другимъ обязаны они великодушію Навина, отца Осія; ибо, кромѣ хижины, вина и муки на хлѣбъ, онъ подарилъ имъ дойную корову и даже осла, на которомъ старикъ могъ бы иногда выѣхать. Мало того, онъ оставилъ при нихъ внучку и далъ имъ нѣсколько серебра. Такимъ образомъ они могутъ спокойно ожидать смерти, тѣмъ болѣе, что за домикомъ есть еще клочекъ земли, который Хогла намѣрена засѣять рѣдкою, лукомъ и чеснокомъ. Но дороже всего та грамота, которая дѣлаетъ ихъ и внучку навѣки свободными. Да, Навинъ—истинный владыка и отецъ своихъ рабовъ. На дѣлахъ его почіетъ благословеніе Всевышняго, ибо вскорѣ по выступленіи народа удалось, при помощи жениха Хоглы—Асира, благополучно перевезти сюда и его, Эліавъ, и жену.

— Мы, старики, присвокупили старуху,—такъ и умремъ здѣсь. Но Хоглу Асирь обѣщалъ взять за себя, если она до конца исполнитъ свой долгъ относительно насъ.

При этихъ словахъ старуха обратилась къ молодой дѣвушкѣ и добавила успокоительнымъ тономъ:

— Намъ ужъ теперь не долго жить.

Хогла смахнула слезы краемъ своей синей одежды и воскликнула:

— Живите себѣ на здоровье подольше; я молода и могу ждать!

Осіа слышалъ эти слова, и снова ему показалось, будто бѣдная, некрасивая, покинутая дѣвушка даетъ ему урокъ.

Онъ не прерывалъ рѣчи опущенниковъ; но время шло, а потому полководецъ спросилъ Эліавъ, не было ли у него особыхъ поводовъ позвать его.

— Я долженъ былъ это сдѣлать, отвѣтилъ тотъ,—не только въ уголеніе желаній моего стараго сердца, но такова была и воля моего господина. Ты великъ и славенъ своимъ мужествомъ; ты сталъ надеждою Израэля. Отецъ твой обѣщалъ своимъ рабамъ и домохозянкамъ, что—когда онъ сойдетъ въ могилу—ты станешь ихъ господиномъ и вождемъ. Полна похвалъ тебѣ была рѣчь его, и велика была наша радость, когда мы услышали, что ты присоединился къ вступающимъ. Подъ конецъ господинъ мой удостоилъ меня порученіемъ къ тебѣ: въ случаѣ если ты вернешься раньше, чѣмъ его посланцы найдутъ тебя, я долженъ сообщить тебѣ, что Навинъ, отецъ твой, ожидаетъ своего сына. Куда бы твой народъ ни направился, тебѣ надлежитъ слѣдовать за нимъ. Онъ держитъ путь свой на востокъ, сначала подаваясь на полдень, и у Соххова остановится на роздыхъ. Отецъ твой думаетъ оставить тебѣ въ дуплѣ смоковницы, что передъ домою Амнадава, посланіе, въ которомъ сообщитъ, куда народъ направитъ отсюда путь свой. Да будетъ на тебѣ благословеніе отца твоего и Бога нашего во всѣхъ путяхъ твоихъ!

При послѣднихъ словахъ старика, Осія наклонилъ голову, какъ бы подставляя незримымъ рукамъ. Затѣмъ онъ поблагодарилъ старика и спросилъ славеннымъ голосомъ, все-ли охотно подчинились вѣлнію докинуть домъ и имущество.

Тутъ старуха всплеснула руками и воскликнула:

— О, нѣтъ, господинъ, далеко не такъ! Сколько тутъ было жалобъ и вою передъ выступленіемъ! Одни отмаливались, другіе бѣжали или забивались по укромнымъ уголкамъ. Но все было напрасно! Въ домѣ нашего сосѣда Дегула—ты знаешь его—молодая жена только что родила первенца сына. Какъ-же будетъ несчастной во время странствованій! Ахъ, какъ она горько плакала, да и мужъ ея страшно богохульствовалъ, но ничто не могло помочь! Ее уложили въ повозку вмѣстѣ съ поворожденнымъ, и когда тронулись, на молодую женщину египтоило какъ и на другихъ; даже на Пинеха, который съ женой и пятью ребятами затѣлъ было въ голубятню, и на горбатую „кладбищенскую“ Кузайю—ты знаешь ее? Адонаи!

Послѣ гоньбы. Рис. Шмицбергеръ, грав. Крѣперъ.

Ей пришлось пережить отца и мать, мужа и трех взрослых молодых сыновей—все, что Господь дал ей дорогого: все они рядом лежат на нашем кладбище. Старуха ходила каждое утро и вечер на могилы и, сидя на обрубок бревна, подкаченном ею к могильным камням, все шептала про себя; это были не оди́н молитвы — я часто прислушивалась, незамѣтно ей, — нѣтъ, она говорила съ умершими, как будто они могли слышать ее изъ могилы и отвѣчать ей, подобно живымъ. Ей уже подь-семьдесят и уже двадцать одинъ годъ тому назадъ люди прозвали ее „кладбищенскою Кузайей“. Глухія повадки, конечно, но тѣмъ труднѣе ей было отказаться отъ нихъ; она и не соглашалась, даже спрятавшись въ кусты. Но Ахизеръ вытащилъ ее оттуда. Послушать ея вопли—сердце разрывалось; но когда дѣло дошло до выступленія—охватило и ее, и она не могла противиться также, какъ и другіе.

— Что же, наконецъ, такое снизошло на этихъ несчастныхъ и что тамъ охватило ихъ? перебилъ Осія слова старухи.

И тутъ ему снова представился, во всей его жалкой неприглядности, народъ, который онъ долженъ вести, который онъ поведетъ во всякомъ случаѣ—это такъ же вѣрно, какъ то, что нѣтъ для него ничего выше отповскаго благословенія.

Старуха вздрогнула, видя гнѣвъ господскаго первенца, великаго и знатнаго полководца, и возразила запинаясь:

— Что ихъ охватило-то, господинъ? Какъ сказать... я бѣдная, глухая раба; но, если-бъ ты самъ видѣлъ...

— Что-же, что? снова нетерпѣливо и рѣзко перебилъ ее Осія, впервые видя себя принужденнымъ дѣйствовать противъ воли и убѣжденія.

Тогда старикъ попытался прийти къ испуганной женщинѣ и робко проговорилъ:

— Ахъ, господинъ, никакой человѣческій умъ не можетъ постичь этого, никакія уста не могутъ пересказать. Это шло отъ Господа Бога, и если-бъ я осмѣлился описать тебѣ, съ какою силой оно въ душахъ народа...

— Говори, перебилъ Осія,—по времени у меня мало. И такъ, ихъ принудили къ выступленію и они противъ воли взяли за посохъ. Что они съ нѣкоторыхъ поръ слѣдуютъ за Моисеемъ и Аарономъ, какъ стадо за пастухомъ, это извѣстно даже египтянамъ. Не эти-ли двое, навлекшіе на столькохъ безвинныхъ страшную заразу, совершили и то чудо, которое омрачаетъ умъ тебѣ и твоей женѣ?

При этихъ словахъ старецъ простеръ руки, какъ бы останавливая Осію, и возразилъ съ огорченнымъ и умоляющимъ видомъ:

— О, господинъ! Ты первенецъ моего повелителя, ты одинъ изъ великихъ и сильныхъ міра, и, захоти только, можешь раздавить меня, какъ ничтожнаго червя; но я тѣмъ не менѣе возвышаю голосъ и зываю къ тебѣ: Свѣдѣнія твои не вѣрны! Ты сражался въ чужихъ странахъ тотъ годъ, когда со всѣми нами случилось чрезвычайное. Говорятъ, ты былъ вдали отъ Зоана *) во время выступленія. Иначе быть не могло! Ибо каждый сынъ нашего народа, бывшій при этомъ, скорѣе далъ бы отсохнуть своему языку, чѣмъ сталъ бы издѣваться надъ тѣмъ великимъ событіемъ, что Господь привелъ ему пережить. О, если-бъ ты имѣлъ терпѣніе выслушать меня...

— Такъ говори же! воскликнулъ Осія, пораженный торжественною рѣчью старика.

Тотъ поблагодарилъ его признательнымъ взглядомъ и продолжалъ:

— Ахъ, если-бы Ааронъ, или Елеазаръ, или господинъ мой, твой отецъ, были здѣсь, а не то бы Всевышній даровалъ мнѣ силу слова! Но такъ-то что же я... Гдѣ ужъ мнѣ!.. хотя мнѣ кажется, что я снова вижу и слышу опять все какъ было, но какъ пересказать? Можно ли передать что-либо подобное простыми словами? А все-же съ Божьею помощію попытаюсь!

Онъ замолчалъ, и Осія, замѣтивъ, что у старика дрожатъ руки и губы, самъ подаль ему стаканъ, который тотъ съ благодарностью осушилъ до дна. Потомъ онъ началъ рассказъ, полукривъ глаза и, по мѣрѣ того какъ онъ говорилъ, морщины его какъ бы разглаживались.

— Жена уже рассказывала тебѣ, что произошло, когда стало извѣстно предназначенное нашему народу; мы также были въ числѣ роптавшихъ и малодушныхъ, но вчера вечеромъ все мы, принадлежащіе къ дому Навина, даже пастухи, и рабы, и бѣдные, были приглашены на торжественный ширъ; тамъ были жареные ягнята, свѣжій прѣсный хлѣбъ и вдоволь вина—больше чѣмъ обыкновенно на праздникѣ жатвы, который начался въ ту же ночь и на которомъ ты самъ часто бывалъ въ дѣтствѣ. Мы сидѣли и наслаждались яствами, а отецъ твой, нашъ господинъ, ободрялъ насъ, рассказывалъ намъ о Богѣ нашихъ отцовъ и о великомъ Его строителствѣ ихъ судьбѣ. Теперь—воля Всевышняго, чтобы мы вышли изъ страны, гдѣ претерпѣвали лишь рабство и презрѣніе. Это не жертва, подобная той, для которой Авраамъ точилъ ножъ, чтобы, по велѣнію Всевышняго, пролить кровь сына своего Исаака, хотя многимъ и тяжело покажется разстаться съ до-

момъ своимъ и старыми привычками; напротивъ, это будетъ великое счастье для всѣхъ насъ. Ибо, разъ Онъ призываетъ насъ, мы идемъ не на неизвѣстное, а къ прекрасной цѣли, указанной намъ самимъ Богомъ. Въостъ этой страны рабства, Онъ обѣщаль намъ благодатное, новое отечество, гдѣ мы, свободные люди, на плодоносныхъ нивахъ и богатыхъ пастбищахъ найдемъ все необходимое для человѣка и радующее его сердце. Подобно тому, какъ трудятся въ потѣ лица, чтобы получить хорошее вознагражденіе, такъ и намъ придется претерпѣть нѣкоторое время лишенія и невзгоды, чтобы себѣ и дѣтямъ нашимъ добыть благодатное отечество, обѣтованное намъ Господомъ. Оно называется землей Господней, ибо есть даръ Всевышняго. Такъ говорилъ отецъ твой и благословилъ всѣхъ насъ и обѣщаль, что и ты отряхнешь прахъ отъ ногъ своихъ и присоедишься къ намъ и твердою рукою будешь сражаться за насъ, какъ опытный полководецъ и покорный сынъ.

Тутъ раздались громкіе восторженные клики, а когда мы, собравшись на площади, узнали, что и тягловымъ удалось уйти отъ надсмотрщиковъ, то многие ободрились. Затѣмъ среди насъ явился Ааронъ, сталъ на скамью оцѣнщика при вольныхъ торгахъ, и изъ устъ его мы услышали то же самое, что на торжественномъ ширествѣ говорилъ мой владыка, Навинъ. Рѣчь Аарона гудѣла то грозными громовыми раскатами, то нѣжными звуками гуслей, и каждый чувствовалъ, что его устами говоритъ самъ Господь; поэтому она западала глубоко въ душу даже упорствовавшимъ, такъ что они уже не роптали и не сѣтовали; когда-же онъ возвѣстилъ тысячамъ народа, что не грѣшный человѣкъ, а самъ Господь будетъ нашимъ вождемъ, когда онъ описалъ великолѣпіе той страны, въ которую Богъ намъ откроетъ путь и гдѣ, избавившись отъ всякаго рабства, мы будемъ жить свободными, счастливыми людьми, повинуваясь лишь Богу отцовъ нашихъ, и тѣмъ, кого мы сами поставимъ своими вождями—тогда можно было подумать, что вся толпа, поголовно, захмѣлѣла отъ сладкаго вина, точно это происходило не на тернистомъ пустынномъ пути къ неизвѣстному, а на великомъ ширествѣ, приготовленномъ самимъ Всевышнимъ. Даже тѣхъ, что не слышали ни слова изъ рѣчи Аароновой, охватило дивное довѣріе; мужчины и женщины говорили еще громче и радостнѣе, чѣмъ обыкновенно на праздничкѣ жатвы, и сердца изливались въ горячей благодарности.

И старецъ охватило той же радостью. Столѣтній Елишамъ, отецъ твоего отца, который давно уже, какъ ты знаешь, сидитъ скорчившись и молча на своемъ мѣстѣ,—поднялся на ноги и сверкая глазами произносилъ пламенные рѣчи. Духъ Господень снизошелъ на него и на всѣхъ насъ. Мнѣ сдалось, что я помолодѣлъ тѣломъ и душою, а какъ подошелъ къ отрядамъ, выстрапавшимся въ путь, вижу вдругъ Елисавету, роженницу-то, на носилкахъ: она смотрѣла оттуда, какъ въ день своей свадьбы, и, прижимая къ груди младенца, восхваляла судьбу за то, что онъ вырастетъ свободнымъ въ благословенной странѣ. Мужъ ея, Дегуиль, громче всѣхъ возстававшій, теперь махалъ посохомъ, цѣловалъ жену и ребенка со свѣтлыми слезами радости на глазахъ и громко ликовать, какъ виноградарь во время уборки, когда кувшины и мѣха не могутъ вмѣстить Божьихъ даровъ. Старая кладбищенская Кузайя, которую оторвали отъ могилъ ея родни, сидѣла на позовкѣ съ другими дряхлыми и, махая покрываломъ, подтягивала хвалебной пѣсни, которую запѣли Элкана и Ависавъ, сыны Корея. Такъ выступили они; мы-же, оставшіеся, узнали другъ друга въ объятія и не знали, съ горя-ли напались глаза наши слезами, или съ радости что видимъ счастливыми и исполненными свѣтлой надежды тысячи людей, близкихъ и дорогихъ намъ.

Такъ-то вотъ оно было—и только, когда исчезли въ темнотѣ пылавшія корчаги со смолой, что несли впереди шествія и которыя, какъ мнѣ казалось, свѣтили ярче огней зажигаемыхъ для праздника Нейтъ на воротахъ храмовъ,—мы пошли домой, чтобы не задерживать отставшаго отъ шествія Аспра. И потомъ, идя въ ночной темнотѣ по улицамъ, ослепленнымъ жалобами и воплями жителей, мы запѣли тихимъ голосомъ хвалебную пѣснь сыновей Корея, и радостный покой снизошелъ на насъ; мы знали теперь, что Господь Богъ нашъ охраняетъ и ведетъ свой народъ.

Старикъ умолялъ, а жена и внучка, слушавшія его съ блестящими глазами, прижались одна къ другой и, не сговариваясь, запѣли хвалебную пѣснь сыновей Корея; слабый голосъ старухи трогательно сливался съ хриплымъ, но благоуханнымъ восторженностью голосомъ молодой дѣвушки.

Осія чувствовалъ, что было бы преступленіемъ прервать изліянія этихъ переполненныхъ сердецъ; однако старикъ скоро велѣлъ имъ замолчать и съ напряженнымъ ожиданіемъ глянулъ въ сурово-строгія черты господскаго первенца. Понялъ-ли тотъ его?

Понялъ-ли вопль, служившій фараону, что, при выступленіи, самъ Богъ умолялъ сердцами его единоплемениковъ?

Или онъ отрекся отъ своего народа и своего Бога и такъ уже развратился среди египтянъ, что противится желанію и повелѣнію своего отца?

*) Еврейское названіе Танаиса.

Пеужели тотъ, на кого онъ возлагалъ величайшія надежды, сталъ отступникомъ и потерялъ навсегда для своего народа?

Старикъ не получилъ словеснаго отвѣта на эти вопросы, но когда Осія взялъ его старую, мозолстую руку въ обѣ свои и пожалъ ее, какъ руку друга, когда онъ со слезами на глазахъ простился съ нимъ и пробормоталъ: „Ты еще услышишь обо мнѣ!“—старикъ показалось, что онъ понялъ все и, охваченный порывистою радостью, онъ бросился цѣловать одежду и плечи молодого воина.

Навинъ и Елишамъ на пиру.

(Продолженіе будетъ).

Популярная астрономія.

Франца Бендта.

(Рис. на стр. 52 и 53).

Дѣятельность астронома всегда окружена, въ глазахъ посвященныхъ, нѣкоторою таинственной прелестью. Уже самое зданіе обсерваторіи, съ его куполами и диковинными инструментами, ночные часы занятій и великая книга — звѣздное небо — отверстая передъ ученымъ, дѣлаютъ изъ него нѣчто въ родѣ современнаго колдуна и волшебника. Интересъ къ его дѣятельности, обнимающей, въ буквальный смыслъ слова, самыя широкія горизонты, возрастаетъ еще болѣе, когда какое-либо величественное небесное явленіе требуетъ объясненій и популяризаціи.

Такъ было съ предсказаннымъ года два тому назадъ солнечнымъ затмѣніемъ, благодаря которому въ предшествовавшую ночь не спала чуть не половина всѣхъ жителей Европы. Не мудрено, если у каждаго образованнаго человѣка является желаніе увидѣть астронома за его работой, а тѣмъ болѣе собственными глазами, при помощи научныхъ инструментовъ, поглядѣть на чудеса звѣзднаго міра.

Посѣщенія обсерваторій публикою хотя и допускаются, но, въ учрежденіяхъ посвященныхъ наукѣ, они по необходимости должны быть весьма ограниченны. Къ тому-же, для посѣщеній отводятся болѣею частью дневные часы, такъ какъ каждая ясная, звѣздная ночь саншкомъ дорога для самого астронома. Поэтому громадныя, „безмолвныя“ инструменты, которые такимъ образомъ удастся видѣть публикѣ, способны скорѣе развлечь, чѣмъ удовлетворить ея любопытство.

Въ отвѣтъ на законныя требованія публики въ Берлинѣ основалось болѣе года тому назадъ общество „Уранія“, поставившее себѣ цѣлью пробуждать и развивать „любовь къ естествознанію“. Оно имѣетъ въ виду, помимо астрономіи, и другія отрасли естественныхъ наукъ.

Недавно происходило открытіе собственнаго дома „Ураніи“, грандіозный фасадъ котораго, обращенный къ парку „Национальной выставки“, изображенъ здѣсь на рисункѣ художника П. Гейделя.

Зданіе состоитъ изъ четырехъ частей: обсерваторіи, снабженной весьма цѣнными инструментами, обширной театральной залы, физическаго и математическаго кабинета и, смежной съ нимъ, достоянной выставки научныхъ приборовъ.

Чтобы судить о богатствѣ матеріаловъ, собранныхъ обществомъ „Уранія“, попробуемъ сдѣлать систематическій обходъ всего зданія. Войдемъ прежде всего въ театр. Онъ отличается простотой и благородствомъ обстановки. Обширный партеръ и *одна* рядъ ложъ рассчитаны на 400 посѣтителей. Изъ двухъ вышѣ, по обѣимъ сторонамъ сцены, взираютъ на публику бюсты двухъ царей науки — Коперника и А. Гумбольдта; перваго какъ представителя строго-научной системы изслѣдованій, преимущественно въ области астрономіи; втораго, какъ нѣзвѣстнѣйшаго популяризатора науки, т. е. ра-

ботавшаго въ томъ самомъ направленіи, которому слѣдуетъ и новое учрежденіе.

У края сцены устроено возвышеніе для лектора, который объясняетъ присутствующимъ все происходящее на сценѣ. Но нѣтъ зрителя не ожидаютъ видѣть профессора, съ поднятымъ вверхъ указательнымъ перстомъ. Нѣтъ. Поэтически украшенный текстъ изложенія, вышедшій изъ-подъ пера директора „Ураніи“, передается публикѣ знаменитымъ драматическимъ артистомъ, прекрасная дикція котораго способствуетъ ясности и интересу лекціи.

Лампы уже потушены; занавѣсъ взвизываетъ и передъ нами — ландшафтъ, освѣщенный блѣдною утренней зарей. Но вотъ востокъ заалѣлъ и на краю горизонта восходитъ солнце. Восходитъ не огненнымъ шаромъ, а узкимъ серпомъ, и зрѣлище это такъ необычайно, что способно возбудить ужасъ свѣдѣрной толпы. Серпъ солнца поднимается все выше и выше.

И вдругъ, какъ будто по мановенію волшебнаго жезла, сцена измѣняется. Солнце печезаетъ, и на мѣстѣ его появляется черный дискъ, окруженный блестящею, золотистою короной. Ландшафтъ озаренъ какимъ-то страннымъ свѣтомъ; мы присутствуемъ при полномъ солнечномъ затмѣніи.

Новая картина! Мы находимся въ безконечномъ пространствѣ, окружающемъ мірозъ неподвижныхъ звѣздъ. Восходитъ земля, освѣщенная солнцемъ. Мы наблюдаемъ ея движенія, видимъ какъ луна движется вокругъ нея, то бросая тѣнь на землю, то сама входя въ область ея тѣни. Такимъ образомъ, уже въ первомъ актѣ, мы имѣемъ наглядное объясненіе затмѣній. Второй актъ представленія переноситъ насъ на луну. Передъ нами величественныя горныя пейзажи, съ морями, кратерами и трещинами, обозначенные рѣзкими тѣнями, не смягченными слоемъ воздуха, ибо на лунѣ нѣтъ атмосферы. Такимъ легкимъ, занимательнымъ способомъ знакомится публика съ явленіями звѣзднаго міра, и дирекція намѣрена сыграть мало-по-малу весь небесный репертуаръ. Впрочемъ, помимо этого, въ новомъ научномъ театрѣ будутъ читаться лекціи по физикѣ и геологіи, сопровождаемыя не менѣе грандіозными демонстраціями.

Ознакомившись посредствомъ изображеній и живаго слова съ нѣкоторыми изъ величественнѣйшихъ явленій заоблачнаго міра, мы можемъ наблюдать съ платформы зданія, при помощи зрительной трубы, и самыя небесныя тѣла, насколько они будутъ видны въ данную минуту, съ этого пункта. Для пользования публики установлено шесть приборовъ, въ томъ числѣ пять рефракторовъ (зрительныхъ трубъ съ линзами, чечевицеобразными стеклами) и одинъ телескопъ съ зеркаломъ. Изъ всѣхъ этихъ превосходныхъ инструментовъ, особаго вниманія заслуживаетъ большой рефракторъ общества „Уранія“, величайшій изъ приборовъ, которыми располагаетъ въ настоящее время Пруссія. Въ этомъ замѣчательномъ произведеніи оптическаго искусства соединены всѣ вспомогаельныя средства, которые даны въ распоряженіе астронома современной техникой.

Такъ напр., громадный куполь, въ которомъ помѣщается приборъ, поворачивается простымъ нажатіемъ пальца, и клапаны, прикрывающіе отверстія къ звѣздному небу, открываются сами собою.

Одно изъ нововведеній, впервые встрѣчающихся въ Европѣ, заключается въ слѣдующемъ: До сихъ поръ, чтобы слѣдовать за положеніемъ зрительной трубы, въ особенности при наблюденіи низкостоящихъ звѣздъ, приходилось влѣзать на тѣсники или табуретъ. Въ обсерваторіи „Уранія“ это неудобство устранено; здѣсь самый полъ поднимается, вмѣстѣ со зрительмъ, на требуемую высоту. Устройство это заимствовано у Инской обсерваторіи въ Калифорніи, обладающей первымъ по величинѣ телескопомъ въ мірѣ.

Физическій кабинетъ, съ его богатыми коллекціями, низводитъ насъ отъ далекихъ небесныхъ сферъ къ земнымъ интересамъ. Мы знакомимся со всѣми физическими явленіями, изъ примѣненія коихъ созданы удивительныя изобрѣтенія современной культуры, какъ напр. телефонъ или динамо-электрическая машина. Простымъ нажатіемъ пуговки, каждый самъ можетъ производить опыты, которые всегда удаются съ замѣчательной точностью.

Наконецъ, микроскопическая коллекція, которая, въ противоположность обсерваторіи, открываетъ намъ міръ безконечно-малаго, даетъ зрителю множество препаратовъ живыхъ и мертвыхъ организмовъ. Мы видимъ, какъ въ каплѣ воды движутся оригинальныя, колоколоподобныя существа и какъ циркулируетъ кровь въ кожѣ приведенной въ оцѣснѣніе лягушки.

Нельзя также пройти молчаніемъ новую электрическую лѣчь для выводи цыплятъ, которая даетъ возможность наблюдать развитіе живаго цыпленка въ яйцѣ. (С.)

Къ рисункамъ.

Отравленіе князя Михаила Скопина-Шуйскаго.

(Рис. на стр. 36).

Русская исторія представляетъ намъ не много примѣровъ

такого быстро возвышенія отдѣльной личности въ государствѣ, какое мы видимъ въ биографіи юнаго князя-героя Михаила Скопина-Шуйскаго. Его мужественный образъ является идеально-прекраснымъ среди массы мрачныхъ историческихъ

типовъ Смутнаго времени. Едва достигнувъ совершеннолѣтія, князь Михаилъ Скопинъ-Шуйскій уже выступаетъ на поляхъ битвъ, во время борьбы дяди своего, царя Василя Ивановича (Шуйскаго), съ ополченіемъ возмущившихся противъ него Ша-

хотскаго, Ляпунова и Болотникова, и сразу обращаетъ на себя общее вниманіе своею пылкою храбростью и воинскими дарованиями. Годъ спустя, онъ уже является смѣлымъ вождемъ отдѣльныхъ частей царскаго войска, и дѣйствуетъ самостоятельно противъ тушинцевъ, поляковъ и воровскихъ казаковъ, выполняя въ то же время серьезныя дипломатическія порученія по отношенію къ Швеции, вступившей съ нами въ союзъ и предложившей царю Василю вспомогательное войско противъ короля Сигизмунда.

Несмотря на чрезвычайную трудность положенія, въ которое царь Василій былъ поставленъ широко разгорѣвшейся смутой, несмотря на крайній недостатокъ въ деньгахъ и запасахъ, князь Михаилъ Скопинъ-Шуйскій, соединивъ свѣжее русское войско, набранное въ сѣверныхъ областяхъ, со шведскимъ вспомогательнымъ отрядомъ, сумѣлъ совершить чудеса мужества и храбрости и одержать рядъ блистательныхъ усѣховъ надъ мятежными скопинцами тушинцевъ. Искусный шведскій полководецъ Де-ла-Гарди, сдружившійся съ княземъ Михаиломъ при этомъ со-вмѣстномъ дѣйствіи русскаго и шведскаго войска, изумлялся мужеству и превосходнымъ воинскимъ дарованиямъ Скопина-Шуйскаго. Не только русскіе, но и шведскіе ратники относились къ нему съ безпредѣльнымъ уваженіемъ и восторгомъ. Быстрымъ движеніемъ къ Москвѣ отъ Новгорода онъ вынудилъ мятежниковъ снять осаду съ Троицкой обители, разсѣялъ полчища Рожинскаго, навелъ ужасъ на Дземитрія II (въ Тушинѣ) и очистилъ дорогу къ Москвѣ для тѣхъ хлѣбныхъ запасовъ, въ которыхъ Москва крайне нуждалась. 2 марта 1610 года, вся Москва, съ

виствой смутѣ и своеволю поляковъ. Но торжество Скопина-Шуйскаго возбудило опасенія царя Василя и зависть его брата, Дмитрія Шуйскаго, который, очевидно, рассчитывалъ на то, что престолъ Московскій перейдетъ къ нему послѣ смерти его бездѣтнаго брата-царя... Общая любовь народа и войска къ юному Скопину-Шуйскому ставила на пути Дмитрія къ престолу весьма опаснаго соперника. Униженно лѣтя князю Михаилу и воздавая ему великія похвалы, Дмитрій Шуйскій готовилъ ему гибель. Сговорившись съ женою, княгиниею Екатериною, дочерью злодѣя Малюты Скуратова, Дмитрій Шуйскій завладалъ Скопина-Шуйскаго на пирѣ (23 апрѣля 1610 г.) къ Воротынскому, и здѣсь, хозяйка дома, по древнему русскому обычаю, поднесла дорогому гостю задравную чашу. Князь Михаилъ выпилъ чашу — и почувствовалъ себя дурно... Кровь полилась у него изъ носа и изъ ушей... Его замертво снесли домой, гдѣ онъ едва успѣлъ исполнить послѣдній христіанскій долгъ — и скончался, оплакиваемый всѣми. Современники сообщаютъ намъ, что даже суровые шведскіе ратники плакали о немъ, какъ о родномъ и близкомъ... Народъ сохранилъ память о безвременной кончинѣ юнаго героя, сложивъ по этому поводу прекрасную былинку, которая и до сихъ поръ поется на Сѣверѣ.

Художникъ нашъ очень мѣтко и живо изобразилъ намъ роковую мигъ отравленія Скопина-Шуйскаго на

Германская императрица Августа. († 26 декабря 1889 г.).
(Портретъ пятидесятихъ годовъ).

Популярная астрономія. Зданіе обсерваторіи „Уранія“.

царемъ Василямъ и съ духовенствомъ во главѣ, вышла навстрѣчу побѣдителя и встрѣчала его кликами торжества и слезами радости... Его вступленіе въ Москву оживило всеобщія надежды на то, что настанетъ вскорѣ конецъ нена-

Популярная астрономія. Наблюденіе звѣзднаго неба съ обсерваторіи „Уранія“.

пиру, въ домѣ Воротынскаго.

Шахматы. Черные сдаются. (Рис. на стр. 37).

Плохо чернымъ. Еще одинъ ходъ, и тогда конецъ — шахъ

и мать. Блѣнный побѣдитель съ сознаниемъ собственнаго достоинства поспрашиваетъ на своего побѣжденнаго противника, который вдругъ, не сдержавъ досады, сдается, разбрасывая шахматы съ доски.

Сборы на войну. (Рис. на стр. 41).

Игра въ солдаты, въ войну, распространена повсюду среди

дворъ, пакгаузы, сараи и проч. Это—С.-Петербургская портовая таможня. Когда Петръ Великій оставилъ свой грандіозный проектъ превратить Васильевскій Островъ съ цѣлою сѣтью каналовъ, идущихъ вдоль и поперекъ, въ своего рода Венецію, ему пришло въ голову устроить здѣсь таможню съ огромнымъ гостинымъ дворомъ и прочими приспособленіями. Для этой цѣли пригодился самый большой каналъ, прорытый съ

Популярная астрономія. Представленіе солнечнаго затмения въ театр. залѣ „Уранія“.

подрастающаго поколѣнія. Отъ нея не избавлены даже дѣвочки, а мальчики, можно сказать, поголовно во всѣхъ странахъ и въ разныя времена играли, играютъ и будутъ играть въ солдаты. Картина итальянскаго художника Л. Бекки живо передаетъ приготовленія молодого воина. Въ небольшой комнатѣ итальянскаго деревенскаго или пригороднаго домика босоногий мальчуганъ съ бумажной каской на головѣ и палкой, вмѣсто меча, совѣтъ готовъ, чтобы явиться передъ своими союзниками и врагами. Недостасть только усевъ, которые ему тщательно разрисовываетъ углемъ его сестренка, позабывшая для того свою работу, тутъ-же лежащую у ней на колѣняхъ.

Зима въ Бѣлоруссіи.

(Рис. на стр. 44).

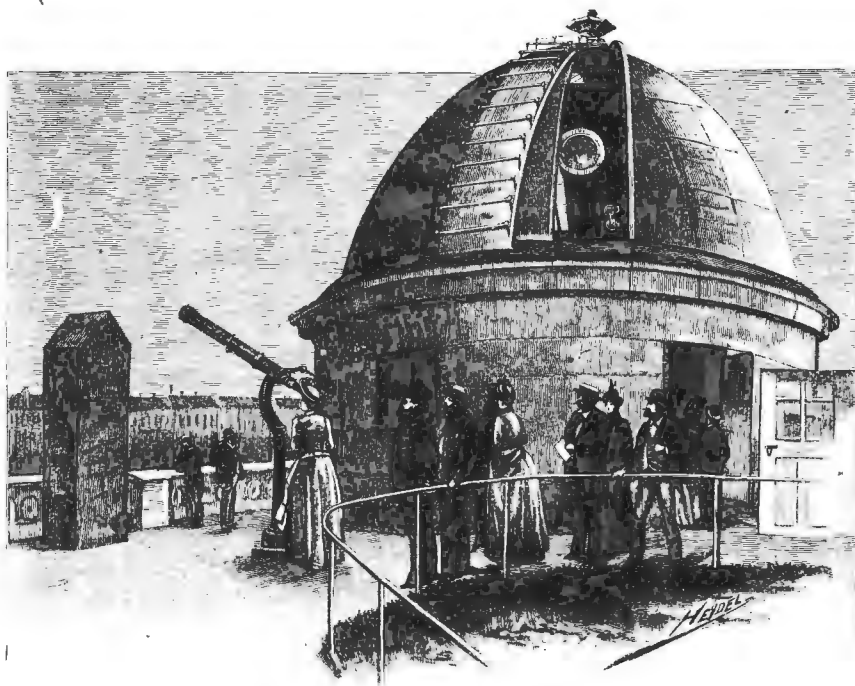
Рисунокъ Юмудскаго переноситъ зрителя въ Витебскую или Могилевскую губерніи, составляющія нынѣ значительную часть той области нашего отечества, которая извѣстна подъ именемъ Бѣлоруссіи. Прежде такъ назывались княжества Полоцкое, Витебское, Мстиславское и Смоленское, бывшія долгое время подъ владычествомъ Литвы. Присоединенная окончательно къ Россіи въ 1794 году, Бѣлоруссія до сихъ поръ еще сохранила слѣды прежняго господства надъ нею Литвы и Польши.

Музей С.-Петербургской таможни. (Рис. на стр. 45).

На Васильевскомъ Островѣ, тамъ гдѣ идетъ стрѣлка, противъ крѣпости и загиба Петербургской Стороны, стоитъ рядъ красивыхъ и весьма обширныхъ зданій: большой гостиный

край, отъ стрѣлки, поперекъ острова по линіи фасада нынѣшняго университета. Онъ былъ шире и глубже прочихъ каналовъ, такъ что до середины купеческія суда могли входить въ него безъ разгрузки. Въ 1772 году таможня была переведена къ Невѣ, къ мосту идущему въ крѣпость, и здѣсь находилась до послѣднихъ годовъ царствованія Анны, когда была перенесена въ домъ бывшаго кабинетъ-секретаря Петра I, Макарова, на Васильевскомъ Островѣ. Этотъ домъ стоялъ на мѣстѣ нынѣшняго зданія таможни, возлѣ часовни, существующей и

понынѣ, и былъ конфискованъ во время дѣла о Макаровѣ, возбужденнаго тайною канцеляріей. Почти цѣлое столѣтіе простояли старыя дома таможни и лишь въ эпоху гр. Канкрина были окончательно перестроены и соединены въ одно зданіе съ довольно приличнымъ фасадомъ, который заканчивается куполомъ съ флажштокомъ. С.-Петербургская таможня считается по огромнымъ размѣрамъ своихъ оборотовъ первой въ Россіи и играетъ огромную роль въ нашемъ государственномъ хозяйствѣ. Цѣлые дни кишитъ здѣсь, словно въ муравейникѣ, почти непрерывная дѣятельность. Нерѣдко проносятся здѣсь и комическія сцены, и достаточно трагическія, когда русскій купецъ лишень бываетъ возможности взять свой товаръ изъ таможни въ самое горячее для торговли время или когда этотъ товаръ конфискуется. Стукъ, шумъ, гомонъ сливаются здѣсь въ какой-то гулъ, въ звуки напоминающіе отдаленный ропотъ моря. И въ самомъ дѣлѣ, здѣсь зачастую слышится громкій ропотъ, недовольство, возникаютъ споры и пререканія, при

Популярная астрономія. На платформѣ обсерваторіи „Уранія“.

конфискуется. Стукъ, шумъ, гомонъ сливаются здѣсь въ какой-то гулъ, въ звуки напоминающіе отдаленный ропотъ моря. И въ самомъ дѣлѣ, здѣсь зачастую слышится громкій ропотъ, недовольство, возникаютъ споры и пререканія, при

очищеніи товаровъ отъ пошлины. Обыкновенно всякія пререканія и споры кончаются тѣмъ, что дѣло рѣшается практическимъ путемъ въ музеѣ петербургской таможни, котораго открытіе происходило съ небольшимъ пятнадцать лѣтъ тому назадъ, а именно въ 1874 году.

Музей помѣщается въ зданіи стараго гостиннаго двора, рядомъ съ таможней, и основанъ главнымъ образомъ для выставки образцовъ всевозможныхъ товаровъ заграничнаго привоза. Въ огромномъ помѣщеніи музея, отдѣланномъ на заграничный манеръ, тянется длинный рядъ витринъ, въ которыхъ выставлено все, начиная отъ дорогаго фарфора и кончая послѣднимъ новостями изъ области дамскаго туалета; предметы роскоши чередуются здѣсь съ образцами предметовъ первой необходимости, и по части съѣтнаго, и по части обстановки, и по части одежды и обуви,—словомъ по части всего, что поглощаетъ наша ненасытная столица. Здѣсь каждый можетъ производить наглядно всевозможныя справки относительно таможеннаго тарифа. Публика толпится въ музеѣ и по воскреснымъ, и по будничнымъ днямъ, плата за входъ довольно скромную плату. Здѣсь есть чему удивиться, здѣсь отъ обилія и разнообразія выставленныхъ предметовъ невольно глаза разбѣгаются.

Послѣ гоньбы. (Рис. на стр. 49).

Въ октябрѣ начинается стрѣльба звѣря изъ-подъ голицхъ и съ загонщиками, преимущественно зайцевъ. Въ ноябрѣ самый разгаръ этой охоты: бьютъ зайцевъ, лисницъ и косуль. Но лучшее время для большихъ облавъ на югъ—декабрь, когда лѣсъ уже занесенъ снѣгомъ и деревья совершенно оголились. Безшумно становятся стрѣлки на свои нумера; загонщики, напротивъ, поднимаютъ страшный гамъ, и съ крикомъ, съ трещетками и стучкомъ по деревьямъ, гонятъ дичь изъ всего оцѣпеннаго острова подъ выстрѣлы. На картинѣ Шмидбергера облава уже кончилась, трофеи охоты лежатъ въ сторонкѣ на снѣгу, а старый загонщикъ прикармливаетъ своихъ любимыхъ голицхъ.

Императрица Августа. (Портр. на стр. 52).

На второй день Святокъ, 26 декабря, около полудня распространился по Берлину слухъ, что вдовствующая императрица Августа, супруга почившаго въ 1888 году незабвеннаго Германскаго императора Вильгельма I, больна при смерти. Въ течение ночи инфлуэнца, которою страдала больная, перешла въ сильное воспаленіе легкихъ, и ослабѣвшее отъ многолѣтней болѣзни тѣло 79-ти-лѣтней старицы не въ состояніи было бороться съ возраставшей лихорадкой. Около 3 часовъ утра больная, оставшаяся до того въ полной памяти, начала бредить, и вмѣстѣ съ приступами сильнаго кашля, силы быстро падали. Ухаживавшіе за больною врачи, доктора Фельтенъ и Шницъ, тотчасъ извѣстили императора Вильгельма II о трудномъ положеніи страдальцы, и онъ около 5 часовъ утра прибылъ къ одру своей умирающей бабки. Вскорѣ затѣмъ туда собрались всѣ проживавшіе въ Берлинѣ члены императорской

фамилии, и придворный исповѣдникъ, докторъ Кегель, присутствовали также при послѣднихъ минутахъ Вильгельма I, пробивши его умирающую вдову. Больше десяти часовъ продолжалась затѣмъ агонія. Наконецъ, вскорѣ послѣ четырехъ часовъ, больная попыталась встать, коротко вздохнула и переселилась въ лучшей миръ. Въ 20 минутъ пятоа врачи объявили, что сердце прекратило свою дѣятельность. Тотчасъ колокольный звонъ собѣднаго собора извѣстилъ, что первая императрица Германіи скончалась. Одновременно императорскій штандартъ на верхушкѣ дворца былъ спущенъ на половину флагштока.

Императрица Августа почилла въ томъ небольшомъ дворцѣ, гдѣ была похоронена смертью и супругъ ея. Комната императрицы расположена невдалекѣ отъ того историческаго небольшого помѣщенія, въ которомъ 22 мѣсяца тому назадъ скончался масгитый императоръ Вильгельмъ. Эта комната, какъ и покой почившаго, съ очень скромною обстановкой, освѣщена была полукрытою лампой и нѣсколькими свѣчами, при свѣтѣ которыхъ едва приметно тѣло почившей государыни, покрытое бѣлою шелковою мантией. На груди ея лежалъ золотой крестъ, положенный великой герцогиней Баденской, единственной дочерью императрицы Августы, а въ исхудалой узкой рукѣ покойницы—небольшой букетъ ландышей, ея любимыхъ цвѣтовъ.

Почившая императрица Августа была дочь великаго герцога Карла-Фридриха Саксенъ-Веймарскаго и великой княгини Маріи Павловны, родной сестры въ Востъ почившаго Государя Императора Николая Павловича. Покойная императрица (полное имя которой было Августа-Марія-Луиза-Екатерина) приходилась такимъ образомъ двоюродною сестрою покойнаго Государя Александра II и двоюродною теткою нашего нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора.

Ея русское происхожденіе по матери и близкія родственныя узы связующія ее съ Россійскимъ Императорскимъ Домомъ усиливали ея постоянное и нескрываемое расположеніе къ Россіи, которое не оставалось безъ вліянія на ея Августѣйшаго супруга, основателя Германской имперіи.

Почившая императрица Августа родилась 30 сентября 1811 года въ Веймарѣ. 18-ти лѣтъ она вступила въ бракъ съ принцемъ Прусскимъ, впоследствии Германскимъ императоромъ Вильгельмомъ I, котораго пережила почти на 2 года.

Императрица Августа, живя въ сторонѣ отъ политической жизни Германіи, была извѣстна покровительствомъ наукамъ и искусствамъ. Гѣте посвятилъ ей много своихъ стихотвореній. Но неувядаемую славу усопшей составятъ воспоминанія объ ея гуманности, отзывчивости ко всякому доброму дѣлу и безкорыстной, возвышенной любви къ благотворенію. Она учредила массу богоугодныхъ и другихъ учреждений, а дѣлу ухода за ранеными и развитію помощи имъ и ихъ семействамъ отдавала положительно всю свою душу и была одною изъ главныхъ покровительницъ Общества Краснаго Креста.

Древне-греческая живопись.

(Рис. на стр. 56 и 57).

Наши свѣдѣнія о живописи древнихъ оставались до послѣдняго времени очень скудными, и лишь недавно удалось сдѣлать открытія, пролившія новый свѣтъ на состояніе этой отрасли искусства въ древности. Открытія эти блистательно доказали, что всѣ рассказы о произведеніяхъ эллиническихъ и римскихъ живописцевъ отнюдь не преувеличены, и что живопись стояла у древнихъ на одной высотѣ съ архитектурой и скульптурой.

До сихъ поръ намъ были извѣстны лишь изображенія на сосудахъ, большею частью одноцвѣтныя (красновато-оранжевыя на черномъ фонѣ), и двухъ-трехъ-или четырехъ-цвѣтныя живописи, найденная на стѣнахъ помпейскихъ домовъ. Все это мало соответствовало восторженнымъ отзывамъ древнихъ писателей о современныхъ имъ живописцахъ, рассказамъ Павзанія, Плинія и другихъ о томъ, какъ птицы прилетали клевать написанные плоды, или какъ сами художники были вводимы въ заблужденіе мастерски изображенною драпировкой и т. п. И вотъ теперь недоразумѣнія наши блистательно разрѣшены цѣлою серіей недавно открытыхъ портретовъ.

Съ древнихъ временъ въ Египтѣ существовалъ обычай помѣщать на саркофагѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ приходилась голова, изображение лица умершаго, въ большемъ или меньшемъ рельефѣ. Впослѣдствіи обычной этотъ нѣсколько измѣнился. Изображенія стали дѣлать или непосредственно на холщевомъ покровѣ, которымъ обертывалась мумія, или на тонкой деревянной дощечкѣ наложенной на то мѣсто муміи, гдѣ приходилось лицо. Края дощечки скрывались подъ обертывавшую мумію тканью и получалось впечатлѣніе, какъ будто на васъ смотритъ лицо самого умершаго. До послѣдняго времени были извѣстны лишь одиночныя, мало замѣчательныя образчики такого способа погребенія, но въ августѣ 1887 г. была открыта въ Рубаятѣ, въ оазисѣ Файюмъ, въ Среднемъ Египтѣ,—разграбленная уже раиѣ могила, въ которой найдена большая

коллекція писанныхъ красками портретовъ, а нѣсколько времени спустя, англійскому инженеру Флиндерсу Петри удалось открыть, во время раскопокъ въ Гаварѣ, другую серію такихъ же портретовъ.

Послѣдняя серія, за исключеніемъ экземпляровъ, переданныхъ въ Булакскій музей, въ Каирѣ, привезена въ Англию; первая же—перешла во владѣніе вѣнскаго негодіанта Теодора Графа, который ознакомилъ съ нею публику посредствомъ выставокъ въ Берлинѣ и Мюнхенѣ. Описываемые портреты, хотя найденные въ Египтѣ, ни въ какомъ случаѣ не могутъ считаться памятниками египетскаго искусства. Достаточно одного взгляда, чтобы признать ихъ за произведенія эллинической культуры, проникшей въ Египетъ вмѣстѣ съ основаніемъ Александріи. Новая столица, подъ владычествомъ Птолемеевъ, быстро сдѣлалась ередоточіемъ всемірной торговли и справедливо прославленнымъ центромъ процвѣтанія наукъ и искусствъ.

Стекавшіеся сюда со всѣхъ сторонъ греки, финикійцы, римляне и иудеи смѣшивали свои обычаи, вѣрованія и культуру, распространяя ее въ глубь страны.

Гораздо труднѣе опредѣлить время, къ которому относятся названные портреты. Что они написаны уже послѣ полного слиянія различныхъ элементовъ населенія и по принятій или мѣтнаго способа погребенія, доказывается тѣмъ, что изображенія лишь въ весьма немногихъ, одиночныхъ случаяхъ представляютъ египетскіе или эоіонскіе типы; въ большинствѣ же случаевъ преобладаютъ греческія черты, а наряду съ ними нѣрѣдко семитическія.

Принимая датѣ во вниманіе, что въ найденныхъ изображеніяхъ не замѣчается еще положительныхъ признаковъ вліянія христіанства, можно съ достовѣрностью отнести ихъ къ періоду времени между 250 г. до Р. X. и 350 г. по Р. X., а при помощи другихъ указаній и сопоставленій наиболѣе вы-

дающіяся изъ нихъ слѣдуетъ признать за принадлежащія первымъ двумъ вѣкамъ христіанской эры.

Помимо чисто-художественнаго значенія портретовъ, они представляютъ величайшій интересъ для археологовъ въ смыслѣ головныхъ уборовъ и общей „упаковки“ мумій. Полосы ткани, обертывающей мумію, съ математической точностью пересѣкаютъ одна другую въ формѣ діагонали и имѣютъ красивый, сливочный мягкій тонъ — если погребенъ молодой человѣкъ, или желтый и черный — если погребена женщина.

Въ коллекціи Графа находится до 70 портретовъ подъ стекломъ и вставленныхъ въ раму, частью сильно попорченныхъ; нѣкоторые изъ дощечекъ дали трещины, и краски мѣстами облупились. Но краски повидимому нисколько не потемнѣли и являются въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ художникъ накладывалъ ихъ на дерево около двухъ тысячъ лѣтъ назадъ. Причина такой чрезвычайной прочности заключается въ томъ, что краски употреблялись не въ теперешнемъ ихъ видѣ, а въ видѣ мягкой, густой массы изъ краски въ порошокъ, масла и „пунического воска“; смѣсь эта накладывалась не кистью, а *sestrum'омъ* (родъ зубчатого ножа, напоминающаго современный намъ *шпатель*). Наложивъ на нее краску производятъ почти впечатлѣніе наложенной въстыю. Давъ краскамъ нѣсколько просохнуть, ихъ „обжигали“, по свидѣтельству древнихъ писателей, т. е. по всей вѣроятности подносили на нѣкоторое разстояніе отъ картинъ раскаленные металлическіе прутья или горячіе уголья. Существовалъ впрочемъ и другой родъ восковой живописи — именно декоративной, — въ этомъ случаѣ воскъ растапливался и краски накладывались кистью въ жидкомъ видѣ. Способъ этотъ практиковался большею частью для изображенія одежды, не требовавшихъ особой тщательности письма.

Описанный выше способъ письма, называемый „энкаустикой“, былъ совершенно забытъ, и, несмотря на свидѣтельство Плинія и другихъ древнихъ писателей, не могъ быть указанъ даже приблизительно, но теперь, благодаря находкамъ въ Рубаятѣ, способъ этотъ вновь открытъ живописцемъ Донверомъ Ф. Рихтеромъ въ Мюнхенѣ.

Мы знаемъ теперь, какъ художникъ размягчалъ воскъ посредствомъ варки его въ соленой водѣ съ различными примѣсями; какъ онъ накладывалъ краски на деревянную пластинку и сглаживалъ ихъ *sestrum'омъ*, снимая лишній слой краски, помогая кистью и просто пальцемъ; и какъ, наконецъ, растапливая и нагрѣвая воскъ, онъ придавалъ блескъ и слитность своему письму.

Впрочемъ, не всѣ портреты сдѣланы энкаустикой; нѣкоторые написаны а *tempera*, т. е. на яичномъ желткѣ, по загрнтовкѣ изъ клея и мѣла. Послѣдніе сразу отличаются отъ первыхъ по отсутствію блеска въ краскахъ. Въ нѣкоторыхъ портретахъ встрѣчаются оба способа письма.

Головы портретовъ написаны большею частью *sestrum'омъ*;

одежды же, сдѣланныя эскизно, — кистью, жидкими восковыми красками.

Большинство портретовъ имѣютъ итальянскій тонъ, но есть что-то восточное въ трактовкѣ глазъ, которымъ придано преобладающее значеніе въ лицѣ. Не надо забывать, что на Востоку существовалъ обычай — сохранившійся впрочемъ и среди насъ — искусственно увеличивать глаза посредствомъ подкрашивания.

Трудно было бы назвать наиболѣе удавшіеся въ ряду этихъ портретовъ. Несомнѣнно, что значительное число ихъ свидѣтельствуетъ о чисто ремесленномъ отношеніи къ дѣлу второстепенныхъ живописцевъ и имѣетъ для насъ лишь историческое, а не художественное значеніе. Но затѣмъ остается еще обширная галерея несравненно законченныхъ портретовъ, доставляющихъ рѣдкое художественное наслажденіе. Приведенные нами въ гравюры два образца могутъ дать хотя приблизительное понятіе о томъ, что можно найти въ этой галерей. Вотъ, напр., представленная совершенно *en face* головка молодой дѣвушки съ едва замѣтной улыбкой на устахъ. Это одинъ изъ наиболѣе интересныхъ портретовъ всей коллекціи, какъ по чрезвычайной строгости письма, такъ и по особенностямъ одежды. Волосы, причесанные мелкими локончиками и косами, сдерживаются жемчужной сѣткой съ воткнутой въ нихъ стрѣлой. На шеѣ золотая цѣпь, въ ушахъ серьги изъ жемчуга въ золотой оправѣ. Серьги такой формы, съ тремя жемчужными подвѣсками, встрѣчаются не только на другихъ женскихъ портретахъ той же коллекціи, но найдены въ моголахъ и въ оригиналѣ. Не менѣе замѣчательны по силѣ и характерности изображенія мужской портреты съ курчавыми волосами и коротко подстриженной бородкой; его плотно сжатія губы выражаютъ полусдержанную иронию и сознание собственного превосходства.

Полной противоположностью этому портрету является головка молодой дѣвушки, почти ребенка, съ золотымъ вѣнкомъ изъ плюща на вьющихся волосахъ и съ широко открытыми, какъ бы недоумѣвающе вззирающими на міръ Божій, глазами.

Большинство портретовъ изображаютъ людей молодыхъ или среднихъ лѣтъ. Это объясняется тѣмъ, что портреты писались заранее, при жизни заказчика, и болѣе состоятельные люди обращались, конечно, къ лучшимъ художникамъ того времени, жившимъ въ Александріи. Но и наименѣе искусно написанные свидѣтельствуютъ во всякомъ случаѣ о необычайной наблюдательности, объ удивительной способности схватывать и передавать индивидуальность каждого лица, — умѣнье, которому могло бы позавидовать и наше время. Мы имѣемъ теперь доказательства, что древніе живописцы не только умѣли передавать живо, до обмана, вѣрность изображаемаго лица, но и возводили его въ типъ.

Въ настоящее время коллекція Графа находится въ Парижѣ. (С.)

Литературно-критическія мініатюры.

Карамзинъ и Жуковскій.

Съ первыхъ дней своего развитія, подъ вліяніемъ европейскаго просвѣщенія, и до Карамзина, русская литература шла къ одной главной цѣли, — къ развитію языка, который она сознательно стремилась сдѣлать способнымъ къ выраженію мыслей новыхъ для русскаго ума, внесенныхъ въ него сближеніемъ русскаго общества съ умственной жизнью западныхъ странъ и наукою. Эта первенствующая цѣль, какъ это понятно само собою, должна была глубоко вліять на содержаніе той литературы, и именно въ томъ смыслѣ, что содержаніе это было неопредѣленно, случайное; занимался человѣкъ минералогіей, какъ Ломоносовъ, — онъ стремился подчинить языкъ выраженію минералогическихъ понятій и представлений; жилъ человѣкъ въ обществѣ, при дворѣ, напр., какъ тотъ же Ломоносовъ и Державинъ, — они сочиняли стихотворенія и рѣчи на случайныя событія времени, — отъ блестящихъ побѣдъ, прославлявшихъ русское оружіе, до именинъ одного вельможи и смерти другаго. Такое направленіе литературы было не случайно, а необходимо: когда дѣлаютъ инструментъ, имъ еще не могутъ дѣлать того дѣла, для котораго онъ предназначенъ; заботась преимущественно о томъ, чтобы найти форму, выраженіе для своей мысли, трудно было думать о развитіи, о прогрессѣ самой мысли; чувство, какъ бы оно ни было глубоко, должно было блѣднѣть, тускнѣть въ писателѣ, когда онъ не могъ выражать его свободно и просто, а долженъ былъ еще придумывать, какъ оно можетъ быть выражено. Естественно и понятно, что когда еще нѣтъ языка гибкаго и послушнаго, не будешь и поэзи, и искренняго и простаго выраженія чувства въ литературныхъ произведеніяхъ; умъ и чувство народа (или отдѣльнаго человѣка) не стануть во весь свой ростъ въ ту эпоху, когда еще вырабатываются только формы для вѣрнаго выраженія ихъ.

На этомъ пути къ своему развитію, русскій языкъ, подобно всякому другому языку въ такомъ же положеніи, неуклонно стремился къ тому, чтобы литературная рѣчь становилась постепенно все ближе и ближе къ разговорной рѣчи, т. е. ста-

новилась проще, естественнѣе, чтобы самыя сложныя идеи, мысли, могли быть выражены самымъ обыкновеннымъ, простымъ, естественнымъ образомъ, и потому болѣе доступнымъ и понятнымъ для всѣхъ. И нужно сказать, что изумительны были успѣхи русскаго языка. Въ какіе-нибудь полвѣка изъ хаотической первоначальной смѣси славянскаго, русскаго народнаго и иностранныхъ языковъ выработался блестящій уже у Карамзина литературный русскій языкъ, способный къ выраженію величайшихъ идей.

Вся сила, богатство и выразительность его сказались тогда на русскихъ баснописцахъ: Имайловъ, Хемницеръ, Крыловъ. Сравните тяжелыя Кантемировскія сатиры съ гениальными баснями Крылова, и вы поймете, какъ плодотворны были успѣхи русскаго языка въ восемнадцатомъ вѣкѣ, направленные на развитіе роднаго языка. Съ развитіемъ языка явилась возможность хорошихъ переводовъ изъ чужихъ литературъ. Могъ появиться и классическій переводъ Гомеровою „Иліады“, прославившій Гнѣдича.

Но переводы и басни, обыкновенно тоже переводныя, не могутъ составить того, что заслуживаетъ названіе истиннаго содержанія литературы народа. Литература, какъ выраженіе самосознанія даннаго народа или общества, имѣетъ столь опредѣленные стремленія, что содержаніе ея не можетъ быть случайнымъ. Черезъ всѣ великія произведенія данной литературы проходитъ всегда общая мысль, дѣлающая ее цѣльнымъ, въ которомъ каждое отдѣльное произведеніе имѣетъ свое опредѣленное мѣсто и значеніе. Какъ мы сказали, во времена выработки формы мысли, языка, содержаніе не можетъ быть еще такимъ. Но какъ скоро языкъ выработанъ, какъ скоро онъ свободно и послушно подчиняется вашему уму и движеніямъ вашего сердца, безъ усилий выражаетъ ваши мысли и чувства, — наступаетъ время и для работы общественнаго самосознанія путемъ литературы. Конечно, это явленіе наступаетъ постепенно, нужны для этого предварительныя условія теоретической мысли, нужны люди, подобные Новикову и Ра-

дищеву, о которых сохранила память история нашей литературы. Но является гениальная личность, и в нем оно, это явление, получает яркій, отчетливый, определенный характер, так что потомкам кажется, что им именно начато и совершенно все дѣло. Такими личностями, предшествовавшими Пушкину и влившимися богато въ литературу, были Карамзинъ и Жуковский — два великихъ имени, съ которыми тѣсно связано представление о цѣлой эпохѣ русской литературы.

При томъ направленіи, которое получило тогда русское образование, естественно ожидать, что содержаніе, внесенное въ литературу Карамзинимъ, было не совсемъ русское, а болѣе подражательное, взятое съ европейскаго. Такъ это должно было быть, такъ и было. Въ началѣ послѣдняго десятилѣтія прошлаго вѣка появились „Письма русскаго путешественника“ Карамзина, не представлявшія ничего, повидимому, необыкновеннаго, описывавшія путешествіе автора, его встрѣчи, знакомства и т. п. за границей, но поразившія тогдашнихъ читателей. Ничего замѣчательнаго, особенно поучительнаго, авторъ не даетъ въ нихъ, но читатель того времени находилъ въ нихъ, быть можетъ, въ первый разъ то, что не было обычно въ тогдашнихъ литературныхъ произведеніяхъ, — свои простыя, обыкновенныя чувства, простыя мысли, словомъ — человека — не героя, не бросающаго подъ облака башни, а живущаго самою обычной жизнью ума и сердца. И это было поразительно въ тѣ времена, составляло великую заслугу, литература выступала этимъ на путь, ведущій къ самосознанію, простому человеческому пониманію себя и общества своего. Конечно, авторъ имѣлъ въ иностранныхъ литературахъ образцы (въ родѣ „Чувствительнаго путешествія“ — „Voyage sentimental“ — Стерна), но заслуга его тѣмъ не менѣе велика и неопишима. Вслѣдъ за „Письмами“ (въ 1792 г.) появилась знаменитая „Бѣдная Лиза“, чувствительная повѣсть, намъ уже мало интересная, возбуждающая почти недоумѣніе, какъ столь мало занимательная повѣсть могла до такой степени увлекать современниковъ. Между тѣмъ, успѣхъ этой повѣсти былъ громаденъ. Окрестности того мѣста, гдѣ по повѣсти жила Лиза, сдѣлались предметомъ посѣщеній, тогдашніе стихотворцы писали элегіи „въ праху бѣдной Лизы“ и похвалы автору, читатели или читательницы плакали надъ печальною судьбою Лизы. И „Бѣдная Лиза“ пользовалась извѣстностью и любовью у читателей около двадцати лѣтъ. Фактъ этотъ показываетъ, конечно, огромную важность для общества того направленія въ литературѣ, которое создавалъ своею повѣстью Карамзинъ.

Но обыкновенное истинно человеческое содержаніе въ литературу не могло придти сразу, слишкомъ былъ бы необыкновененъ переходъ отъ баснословныхъ героев къ обыкновеннымъ людямъ. И литературное содержаніе, отражающее обыкновенную жизнь человеческого ума и чувства, въ первое время должно было принять характеръ преувеличенный, неестественный. Для русской литературы это было тѣмъ возможно, что то же явление совершалось и за-границей, въ западныхъ литературахъ, въ которыхъ русскіе писатели постоянно искали образцовъ, которымъ стремились подражать. Тогда господствовалъ въ западныхъ литературахъ „сантиментализмъ“, чувствительность, довольно далекая отъ истиннаго чувства, преувеличивавшая его до неестественности. И въ карамзинскихъ „Письмахъ“ и „Бѣдной Лизѣ“ основной характеръ есть сантиментальность, ставшая довольно надолго характеристическою чертой русской литературы. Эту черту Карамзинъ пронесъ чрезъ всю свою дѣятельность, чрезъ рядъ своихъ повѣстей и другихъ сочиненій. Сантиментальности не чужда даже его

„Исторія государства Россійскаго“ — великій трудъ, положившій основаніе русской исторіи. Въ Карамзинѣ и языкъ русскій сдѣлалъ новый шагъ къ простотѣ, ставши выразителемъ „чувствительности“, чувство человеческихъ, хотя и преувеличенныхъ, но въ основѣ своей, конечно, истинныхъ.

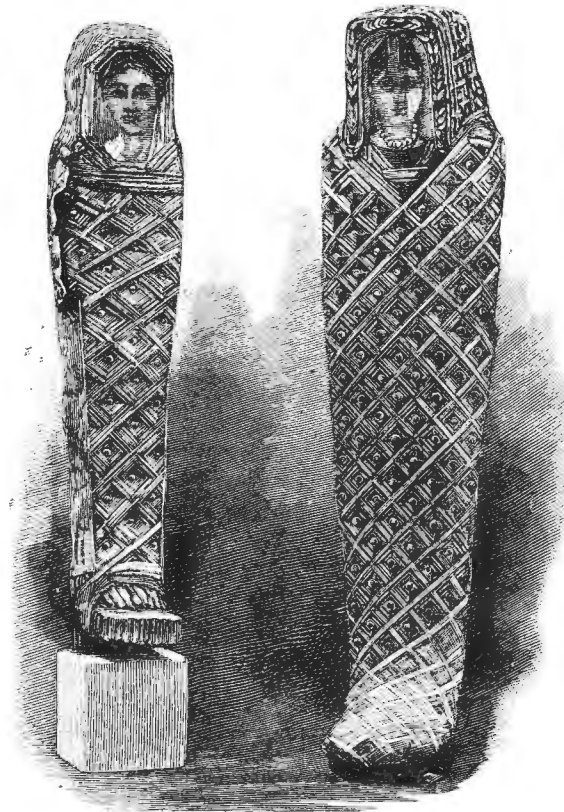
Карамзинъ сдѣлалъ первые шаги въ томъ направленіи, которое должно было провести русскую литературу къ выполненію великой задачи всякой литературы — задачи общественаго самосознанія. Жуковскому принадлежитъ честь перенесенія въ русскую литературу такъ-называемаго романтизма, который тогда составлялъ содержаніе всѣхъ европейскихъ литературъ. Подъ именемъ „романтизма“ скрывается понятіе совершенно неопредѣленное, бывшее предметомъ многихъ споровъ; остается оно различно понимаемымъ и донынѣ. Несомнѣнно, однако, одно, — то именно, что слово это обозначаетъ такое литературное направленіе, которое отказалось отъ всякихъ стѣпеней въ отношеніи формы литературныхъ произведеній, отъ предписаній стѣпенительныхъ правилъ господствовавшихъ до того, и которое признало содержаніе литературы, устранивъ различіе предметовъ достойныхъ и недостойныхъ, предметовъ низкихъ и высокихъ, какъ и различіе „слоговъ“ — высокаго, низкаго и средняго. Литературы возвращались съ романтизмомъ къ естественности и простотѣ литературныхъ формъ и стремленій, оставивъ такъ-называемый „ложный классицизмъ“, видѣвшій въ древнихъ классическихъ произведеніяхъ образцы, отъ которыхъ отступать не дозволялось по внѣшней формѣ, ни даже, частію, по содержанію.

Жуковский, проникнувшись духомъ нѣмецкой и англійской поэзіи, обладалъ талантомъ передавать произведенія этихъ литературъ съ силой подлинника, давая при томъ русскому языку необыкновенную красоту. Въ то же время, онъ считается отцомъ и „русскаго романтизма“, создавъ такія произведенія, какъ „Людмила“ и „Свѣтлана“, въ которыхъ нѣсколько чуждый русскому духу нѣмецкой сантиментальности и романтическихъ нѣмецкихъ представленій сливается съ духомъ русскаго сказочнаго міра. Вліяніе Жуковскаго на современниковъ было громадно. Его чарующій языкъ, цѣлый огромный міръ европейской поэзіи, выражаемый этимъ языкомъ,

отраженіе вообще поэтической жизни души человеческой, въ первый разъ появившееся въ русской литературѣ, — все это по справедливости отводило Жуковскому — огромное мѣсто. Безкорыстный, не искавшій славы, но проникнутый сознаніемъ вѣрности своего дѣла, поэтъ былъ блестящимъ явленіемъ, которое въ честныхъ душахъ повинѣ должно возбуждать благоговѣніе.

Но и въ Карамзинѣ и Жуковскомъ мы находимъ только элементы того, что должно было стать содержаніемъ русской литературы, потому что сантиментализмъ, который общество должно было неминуемо забыть въ пользу истиннаго чувства, и романтизмъ чуждыхъ литературъ — могли быть только школой для поэтическаго русскаго чувства, а не цѣлю. Исторія литературы помнить и другія имена (какъ Богдановича съ его „Душенькой“ и особенно Батюшкова, соперника Жуковскаго), заслуживающія благодарности за введеніе въ литературу естественности и правды; особенно значительнъ Крыловъ, проникнутый въ своей рѣчи чисто русскимъ чувствомъ и сознаніемъ. Долженъ былъ появиться гениальный человекъ, который могъ-бы воспользоваться всѣми этими элементами языка и уже выраженаго поэтическаго русскаго чувства — и создать національную русскую, родную литературу, отразивъ въ своихъ произведеніяхъ поэзію роднаго русскаго духа. Такимъ гениемъ и былъ Пушкинъ.

Арс. Введенскій.

Закнутанныя муміи съ прирѣпленными къ нимъ портретами покойниковъ. Грав. Флюгель.

Политическое обозрѣніе.

Много лѣтъ не начинался годъ при такихъ благоприятныхъ обстоятельствахъ, какъ нынѣ. Заявленія искренняго

миролюбія и завѣренія въ упроченіи взаимнаго довѣрія получаются отовсюду.

Портреты Древне-греческой живописи изъ коллекции Графа. Гейеръ и Кирмсе.

Итальянский король, принимая в первый день Нового Года (по новому стилю) депутацию от парламента, заявил, что онъ счастливъ видѣть новый годъ начинающимся при еще болѣе благоприятныхъ предзнаменованіяхъ, чѣмъ 1889 г., такъ какъ всѣ державы болѣе чѣмъ когда-либо подтвердили свое твердое намѣреніе сохранить миръ.

Въ Парижѣ, на бывшемъ приѣмѣ у президента республики, папскій нунцій, представляя г. Карно дипломатической кортисъ, сказалъ: „Съ глубокимъ чувствомъ почтенія къ вашей уважаемой особѣ мы спѣшимъ отъ имени своихъ государей и правителей, равно и отъ насъ лично выразить наилучшія пожеланія—вамъ счастья, а французскому народу благоденствія. Мы искренно желаемъ, чтобы Божій Промыселъ по-прежнему охранялъ ваше благородное отечество, дабы французскій народъ, при своей неисчерпаемой гениальности, прибавилъ въ наступающемъ году новыя страницы къ исторіи всемирной цивилизаціи“. На это г. Карно отвѣтилъ: „Благодарю дипломатическій кортисъ за высказанныя имъ чувства въ выраженіяхъ, которые меня глубоко тронули, равно какъ за пожеланія величія французской націи и благоденствія республики и ея президенту. Я особенно счастливъ, что послѣ истекшаго года, показавшаго столько собранныхъ въ одномъ мѣстѣ чудесъ, мнѣ пришлось слышать сегодня откликъ заявленія уваженія къ миролюбивому гению Франціи. Въ наступающемъ году мы продолжимъ общими силами именно великое дѣло мира и прогресса, и я убѣжденъ въ томъ, что дѣли этой мы достигнемъ при нашемъ просвѣщенномъ содѣйствіи и благодаря волѣ правительствъ и народовъ, которые въ насъ имѣютъ столь достойныхъ представителей“.

Германскій императоръ послалъ имперскому канцлеру по случаю новаго года сердечное поздравленіе, причемъ выразилъ благодарность за полное самопожертвованія содѣйствіе канцлера достигнутымъ въ истекшемъ году успѣхамъ въ сохраненіи мира и въ обезпеченіи престарѣлыхъ и неспособныхъ къ труду рабочихъ. Затѣмъ, за три дня до открытія Прусскаго сейма, императоръ Вильгельмъ, на аудіенціи, данной президенту и вице-президентамъ рейхстага, заявилъ, что общее политическое положеніе дасть въ настоящее время основаніе считать всеобщій миръ вполне обезпеченнымъ. Для охраненія мира — сказалъ императоръ — совершенно необходимо, чтобы Германія, при ея географическомъ и политическомъ положеніи, не переставала заботиться о содержаніи въ наилучшемъ видѣ своихъ вооруженій, а также арміи и флота.

Раздающіяся со всѣхъ сторонъ миролюбивыя заявленія вызываютъ общее чувство удовольствія. Газеты повсюду свидѣтельствуютъ, что новый годъ начинается проявленіемъ миролюбія въ различныхъ мѣстахъ, равно какъ миролюбивыми симптомами. *Vossische Zeitung* придаетъ особенное значеніе словамъ президента Карно. Глубокое впечатлѣніе производятъ также выраженныя императоромъ князю Бисмарку пожеланія. *Boersencourier*, обсуждая шансы мира, констатируетъ фактъ перемѣны къ лучшему и объясняетъ такое улучшеніе преимущественно миролюбивою политикою Россіи. Последнія слова получили еще большее подтвержденіе, когда была опубликована наша государственная роспись и всеподданнѣйшій докладъ министра финансовъ.

За нѣсколько дней до того *Кельнская газета*, не могущая никакъ воздержаться чтобы не потревожить общественное мнѣніе за счетъ Россіи, напечатала извѣстіе, неблагоприятное для русскихъ финансовъ, якобы полученное изъ Петербурга. Называя это сообщеніе вымысломъ, *Hamburger Nachrichten* сильно нападаетъ на *Kölnische Zeitung* за ея статью. По словамъ газеты, *Kölnische Zeitung* въ противность мирной политикѣ Германіи пользуется всякимъ случаемъ, чтобы возбуж-

дать недовѣріе и раздраженіе между Германіей и содѣйными государствами. „Само собою, говорить *Гамбургская газета*, — возникаетъ подозрѣніе, что и послѣдняя попытка *Kölnische Zeitung* встревожить общественное мнѣніе или биржу вытекаетъ изъ такого-же легковѣснаго намѣренія, какъ и появившееся извѣстіе о совѣщаніи военныхъ министровъ въ Виппѣ“. „Распространеніе подобныхъ вѣстей, заключаетъ *Hamburger Nachrichten*, только вредитъ интересамъ Германіи“. Инакъ, перепечатывая изъ *National Zeitung* сочувственную статью о русской государственной росписи на 1890 годъ, *Гамбургская газета* прибавляетъ, со своей стороны, что эта оцѣнка русскаго бюджета блестящимъ образомъ оправдываетъ высказанное ранее въ *Hamburger Nachrichten* порицаніе газетному походу противъ русскихъ финансовъ. „Въ настоящее время — говоритъ *Hamburger Nachrichten* — всѣ единогласно признаютъ, что этотъ газетный походъ былъ большою ошибкой“.

Въ упомянутой выше статьѣ *National Zeitung*, обсуждая русскій бюджетъ на 1890 г., говоритъ, что, помимо другихъ экономическихъ фактовъ, цифры, касающіяся исполненія бюджета 1888 г., опубликованныя пока данныя объ исполненіи бюджета 1889 г. и роспись 1890 г. свидѣтельствуютъ, до какой степени неосновательна была полемика части германской печати противъ русскихъ финансовъ. Газета присовокупляетъ, что нельзя сказать, чтобы мѣсто неслучайныхъ русскихъ бумагъ заняли на германскомъ рынкѣ одиѣ только солидныя бумаги. *National Zeitung* также указываетъ, подобно другимъ газетамъ, на мирный характеръ бюджета 1890 г., называетъ его истиннѣ мирнымъ бюджетомъ и выражаетъ надежду, что министру финансовъ удастся благополучно провести до конца свою программу. Далѣе *Deutsches Tageblatt*, *Vossische Zeitung*, *Kleines Journal*, *Boersen Courier* и другія газеты отзываются сочувственно о русскомъ бюджетѣ на 1890 годъ. Чрезвычайная осторожность въ численіи доходовъ, удовлетвореніе увеличивающихся нуждъ помимо установленія новыхъ или увеличенія существующихъ налоговъ, покрытіе чрезвычайныхъ расходовъ не прибѣгая къ займу, опредѣленіе чрезвычайныхъ расходовъ главнымъ образомъ на производительныя дѣла и особенно строгое исполненіе бюджета расходовъ 1889 г., — все это факты, свидѣтельствующіе о неустойномъ, цѣлесообразномъ движеніи впередъ на пути къ упроченію русскихъ финансовъ, а потому производящее самое благоприятное впечатлѣніе. При этомъ Всеподданнѣйшій докладъ министра финансовъ привѣтствуется какъ выдающаяся миролюбивая манифестация. Газеты особенно выставляютъ на видъ заявленія русскаго министра финансовъ объ улучшеніи политическаго положенія Европы, равно какъ о томъ, сколько этимъ обязаны политикѣ Россіи, исполненной твердости, спокойствія, откровенности и невозмутимаго миролюбія.

Во вѣскихъ газетахъ и политическихъ кружкахъ съ особеннымъ удовольствіемъ отзываются о мирныхъ заявленіяхъ, сдѣланныхъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ о русской государственной росписи. *Neue Freie Presse* говоритъ, что эти мирныя заявленія изъ Петербурга, рядомъ съ мирными заявленіями, сдѣланными недавно въ Берлинѣ, составляютъ событіе настолько радостное, что лучшаго и желать нельзя. Въ финансовыхъ кругахъ Вѣны о русской государственной росписи говорятъ съ уваженіемъ. *Nemzet* заявляетъ, что извѣстіе о томъ, будто русскій военный министръ потребуетъ впоследствии дополнительныхъ кредитовъ, преждевременно.

Во Франціи всеподданнѣйшій докладъ русскаго министра финансовъ встрѣченъ весьма сочувственно. Всѣ большія газеты воспроизводятъ хвалебную статью *Journal des Débats*, причемъ указываютъ на взаимныя выгоды, вытекающія изъ открытія парижскаго рынка для русскихъ бумагъ.

Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

— 31 минушаго декабря, Ихъ Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица, со всѣмъ Августѣйшимъ Семействомъ, выѣхали изъ Гатчины и прибыли въ Собственный Его Величества (Аничковъ) Дворецъ, на зимнее пребываніе въ СПб.

— Государь Императоръ изволилъ повелѣть: наложить при Высочайшемъ Дворѣ трауръ на четыре недѣли по случаю кончины императрицы Германской Августы.

Финансы.

Общій обзоръ Государственной росписи на 1890 годъ.

— Доходы: 1) Обыкновенныхъ государственныхъ 888.898,051 руб. 2) Оборотныхъ 2.593,257 р. 3) Чрезвычайныхъ ресурсовъ: военное вознагражденіе 3.439,583 р.; вклады въ Государственный Банкъ на вѣчное время 600,000 р.; суммы, слѣдующія въ возмѣнить отъ желѣзныхъ дорогъ 9.600,000 р.; сбере-

женія Государственнаго Казначейства отъ кредитовъ, ассигнованныхъ на погашеніе восточныхъ займовъ 2.229,882 рублей; итого 907.360,773 руб. Изъ свободной наличности Государственнаго Казначейства 40.508,466 р. Всего 947.869,239 руб.

Расходы: 1) Обыкновенныхъ государственныхъ 887.457,282 руб. 2) Оборотныхъ 2.593,257 р. 3) Чрезвычайныхъ: на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ и портовъ 45.318,700 руб.; на расходы по перевооруженію 10.500,000 руб.; на заготовленіе специальныхъ резервовъ продовольствія 2.000,000 р.; итого 57.818,700 руб. Всего 947.869,239 руб.

Военное и морское дѣло.

— Именнымъ Высочайшимъ указомъ Прав. Сенату повелѣно: закрѣпить за Кубанскимъ казачьимъ войскомъ въ вѣчную собственность находящіяся въ его пользованіи земли за рѣкою Кубанью, занятія имъ на основаніи положенія 10 мая 1862 года, и, сверхъ того,

пожаловать ему въ такую же собственность расположенныя среди его земель двѣ казенныя лѣсныя дачи: Махшевскую и Бѣлорѣчинскую, а также лежащую на сѣверномъ склонѣ главнаго Кавказскаго хребта, вдоль границы Черноморскаго округа, такъ называемую нагорную полосу, ограниченную съ сѣвера землями Кубанскаго войска и казенною Даховскою лѣсною дачею, а съ востока верховьями рѣки Малой Лабы.

Промышленность.

— Отправленная въ началѣ дѣла сего года на счетъ г. Шеселева и К^о развѣдочная партія на о. Сахалинѣ, для отысканія нефтяныхъ источниковъ, произвела развѣдки у сѣверо-восточнаго берега о. Сахалина, гдѣ и нашла на вѣрныя признаки присутствія нефти. Мѣстность предполагаемыхъ нефтяныхъ источниковъ находится между заливами Пронге и Урегъ.

Торговля.

— Общій оборотъ торговли на Нижегород-

ской ярмаркѣ 1889 г., по свѣдѣніямъ, доставленнымъ губернскимъ начальствомъ, выражается въ нѣсколько меньшей, сравнительно съ предшествующимъ годомъ, цифрѣ. На Нижегородскую ярмарку было привезено товаровъ на 186,798,121 руб., менѣе противъ прошлаго года на 3,573,044 р., а стоимость товара, оставшагося непроданнымъ, простиралась въ текущемъ году до 9,346,099 рублей, менѣе противъ прошлаго года на 4,568,533 руб.; слѣдовательно, на минувшей ярмаркѣ, сравнительно съ предыдущею, продано товаровъ болѣе на 995,489 руб.

Искусства изобразительныя.

— 25 декабря, въ Москвѣ, въ залахъ Училища живописи, ваянія и зодчества, состоялось открытіе XII выставки ученическихъ картинъ. Картины, писанныя масляными красками, выставлено 361: большинство изъ нихъ принадлежитъ къ отдѣламъ пейзажа и жанра.

— 26 декабря, въ помѣщеніи московскаго Общества любителей художествъ, открыта IX періодическая выставка картинъ. Въ числѣ

139 выставленныхъ картинъ есть работы извѣстныхъ художниковъ: А. Боголобова, Ф. Бронникова, П. Ковалевскаго, П. Рачкова, К. Трутовскаго, А. Маковской и Н. Богатова. Есть на выставкѣ и акварели.

Литература и наука.

— 28 декабря, въ СПб. открытъ VIII съѣздъ русскихъ естествоиспытателей и врачей.

Спортъ.

— Изъ Гавани, отъ 2 (14) января, *Новому Времени* телеграфируютъ объ извѣстномъ шахматномъ турнирѣ между Чигоринымъ и Гунсбергомъ, что восьмую партію матча съ Гунсбергомъ (неправильное начало) Чигоринъ, играя черными, проигралъ на тридцатомъ ходѣ. Всего, съ начала матча, какъ Чигоринымъ, такъ и Гунсбергомъ, выиграно по три партіи и двѣ партіи разыграны въ ничью. Побѣдителемъ на турнирѣ будетъ считаться тотъ, кто первый выиграетъ 10 партій.

Некрологъ.

— 30 декабря, произошло погребеніе тѣла лейбъ-медика, профессора военно-мед-

цинской академіи, тайнаго совѣтника С. П. Боткина. Тѣло покойнаго было привезено изъ-за границы, 29 декабря, утромъ, по Варшавской желѣзной дорогѣ на с.-петербургскую станцію, и предано землѣ на кладбищѣ Воскресенскаго (Новодѣвичьяго) женскаго монастыря.

— 29 декабря, въ день пятой годовщины кончины учредителя и перваго предсѣдателя Имп. Московскаго Археологическаго Общества, графа А. С. Уварова, въ московскомъ Ново-дѣвичьемъ монастырѣ было совершено освященіе воздвигнутаго на могилѣ графа А. С. Уварова памятника, представляющаго изящный мавзолей. Памятникъ исполненъ по плану извѣстнаго московскаго архитектора Н. В. Пикитина, мраморщикомъ А. Захаровымъ.

— 2 (14) января, фельдмаршалъ лордъ Неширъ, извѣстный своимъ походомъ въ Абисинію въ 1868 г., скончался отъ инфлуэнцы.

— Въ Мадридѣ скончался 79 лѣтъ въ крайней бѣдности нѣкогда славившійся оперный пѣвецъ Ронкони. 15 лѣтъ назадъ онъ лишился всего своего состоянія.

Библиографія.

Russische Gedichte von Kolzow. Deutsch von Moritz Michelson. S.-Pb. 1890 (Русскія стихотворенія Кольцова. Переводъ М. Михельсона. СПб. 1890. Тип. Яблонскаго и Шерота).

Наконецъ и Германія познакомится съ нашимъ Кольцовымъ. Переводъ г. Михельсона составляетъ литературное событіе въ поэтическомъ смыслѣ слова. Боденштедту было сравнительно легко переводить Лермонтова, такъ какъ и характеръ произведеній, и способъ выраженія (языкъ въ общирномъ смыслѣ) носили на себѣ яркую печать такъ-сказать общечеловѣческой образованности вообще съ значительною долей байронизма въ частности, а слѣдовательно были близки и понятны духу любаго западно-европейскаго народа. Другое дѣло Кольцовъ съ его національнымъ духомъ, простонароднымъ бытомъ и особеннымъ чисто-русскимъ пошибомъ рѣчи, непонятной иностранцу въ ея богатой краткости. Вотъ какая трудная, едва преодолимая задача предстала переводчику, и г. Михельсонъ справился съ нею мастерски. Не знаешь чему удивляться въ его переводѣ: легкости-ли и правильности стиха, точности-ли перевода — буквальной и болѣею частью подстрочной, или совершенству, съ которымъ переданъ духъ произведеній Кольцова на языкѣ чуждомъ поэту. Книжка издана съ русскимъ текстомъ en regard, и такимъ образомъ читатель имѣетъ возможность при самомъ чтеніи ея проверить справедливость нашего отзвѣта.

Вѣстникъ Садоводства, Плодоводства и Огородничества. Органъ Имп. Росс. Общества Садоводства. Январская книжка 1890 года, съ двумя хромолитографіями и 2 фотодуографіями. СПб. (Типо-литографія А. Ф. Маркса).

Въ послѣдніе годы казалося, что *Вѣстникъ* превратился въ органъ плодоводовъ. Содержаніе январской книжки сего

года однако свидѣтельствуетъ, что въ *Вѣстникѣ* снова, попрежнему, должно вниманіе будетъ обращено и на остальные отрасли культуры растений (Косатикъ Королькова. *Саппа hybrida* „le Tigre“ Э. Л. Регели. Орхиден для рѣзки цвѣтовъ. Изъ столѣтнему юбилею хризантему, С. Н. Худекова. *Medinilla magnifica*; *Cattleya Mossiae*, В. Н. Кутузова. Выращиваніе плодовыхъ деревъ съ плоскою кроною на горизонтальной шпалерѣ, Ф. П. Анеутина. Июноцы на Парижской выставкѣ садоводства въ 1889 г. Новая раса сирени. Уходъ за орхидеями въ прошломъ и теперь. Библиографическія замѣтки. Перечень рисунковъ растений и плодовъ, напечатанныхъ во второй половинѣ 1889 года, П. Е. Волкенштейна. Хроника и мелкія извѣстія. Вопросы). Считаемо нужнымъ особенно указать на хронику и мелкія извѣстія. Въ настоящее время многіе издавна употребляемые въ практикѣ приемы освѣщаются наукою (получаютъ научную подкладку), а съ другой стороны, нерѣдко теорія и научные опыты и наблюденія даютъ практически примѣнимыя указанія. Въ органѣ хотя и специально, но не чисто научномъ, всѣ научныя данныя, имѣющія дѣйствительно практическое значеніе, должны быть сообщены вкратцѣ. Заслуга упомянутаго отдѣла и заключается по преимуществу въ этомъ. Вотъ заглавія цѣлѣ которыхъ изъ этихъ замѣтокъ: Количество и вѣсъ сѣмянъ. Муравьи-защитники розовыхъ кустовъ. Вліяніе снѣга на прорастаніе сѣмянъ и проч. Для подробнаго изученія весьма важны также послѣднія двѣ статьи П. Е. Волкенштейна.

Что касается наконецъ вѣншей стороны *Вѣстника*, то и въ этомъ отношеніи онъ много выигралъ. Печать и бумага безукоризненны, а хромолитографіи выполнены не только очень изящно, но вмѣстѣ съ тѣмъ весьма живо передаютъ изображеніе растений.

С м ѣ с ь.

Страхованіе отъ несчастныхъ случаевъ. При № 48 „Нивы“ была разослана всѣмъ подписчикамъ брошюра Страховаго Общества „Россія“, содержащая въ себѣ нѣкоторыя свѣдѣнія о страхованіи отъ несчастныхъ случаевъ.

Тѣ серьезныя выгоды, какія представляетъ для застраховывающихся этотъ видъ страхованія въ связи съ его дешевизной, побуждаютъ насъ огнестись съ полнымъ сочувствіемъ къ новой страховой отрасли, впервые введенной Обществомъ „Россія“.

Въ самомъ дѣлѣ, кто изъ насъ гарантированъ отъ несчастій? При суетливой городской жизни, во время путешествій, при обыкновенныхъ занятіяхъ по хозяйству, — вообще вездѣ и всюду, благодаря какой-нибудь несчастной случайности, вы можете потерять здоровье и даже жизнь. Для примѣра перечислимъ нѣсколько случаевъ, за послѣдствія отъ которыхъ беретъ на себя отвѣтственность Страховое Общество: паденіе, порѣзъ, ушибъ, укушеніе собакой. Несчастія во время вѣды верхомъ, въ экипажѣ, въ конкѣ, по желѣзной дорогѣ, на пароходѣ, на лодкѣ, на конькахъ, несчастіе на охотѣ, при спасеніи людей и имущества, на пожарахъ и т. д. При какихъ разнообразныхъ обстоятельствахъ бывають несчастія, можно видѣть уже изъ одного перечня улаченныхъ въ 1888 г. обществомъ „Россія“ вознагражденій.

Въ Англіи, гдѣ особенно развитъ этотъ видъ страхованія, дознаю статистикой, что въ теченіе каждаго года среднимъ числомъ одинъ изъ 17 человекъ получаетъ поврежденіе отъ несчастнаго случая; у насъ въ Россіи, по наблюденіямъ Статистическаго Комитета, бываетъ ежегодно 30,000—35,000 несчастій, имѣющихъ смертельный исходъ; а сколько случаевъ ускользаютъ отъ наблюденій

и остается неизвѣстными?

Представьте-же себѣ положеніе челоѣка, который личнымъ трудомъ приобретаетъ средства къ жизни для себя и семьи; все идетъ гладко, хорошо, и вдругъ роковая случайность губитъ жизнь или здоровье и разбиваетъ всѣ надежды семьи на счастье и безбѣдную жизнь. Незавидно положеніе и члена семьи, который дѣлается калѣкой благодаря несчастному случаю, и содержаніе его ложится тяжелымъ бременемъ на семью.

Застраховать же себя стоитъ совсѣмъ не дорого. Страховые взносы (преміи) назначаются не для всѣхъ одинаковые: инженеръ, архитекторъ, офицеръ, агентъ, — вообще лицо, ведущее подвижную жизнь и подвергающее себя большимъ опасностямъ, платитъ дороже, чѣмъ, напримѣръ, чиновникъ, ведущій сидячую жизнь. Возьмемъ для примѣра лицо, подвергающееся, по роду занятій, обыкновеннымъ опасностямъ. За ежегодную премію въ 25 р. Общество гарантируетъ ему: въ случаѣ смерти отъ несчастнаго случая капиталъ въ 10,000 руб., выдаваемый наследникамъ умершаго или лицу, которое было указано имъ при заключеніи страхованія; въ случаѣ тяжкаго увѣчья тотъ-же капиталъ, выдаваемый самому страхователю, или пожизненную пенсію въ размѣрѣ до 1,000 руб. въ годъ. Можно, за высшую премію, заключить то-же страхованіе, но съ условіемъ что Общество возвратитъ всѣ внесенныя преміи, если страхователь умретъ, хотя-бы естественной смертію. За пятилѣтнее страхованіе, съ единовременнымъ взносомъ премій, платится всего 4 годичныя преміи.

Условія страхованія отъ несчастныхъ случаевъ очень разнообразны: Общество страхуетъ не только отдѣльныхъ лицъ, но и цѣлыми группами, напримѣръ рабочихъ на фабрикахъ, заводахъ, при по-

стройках п. т. п.; наконец можно застраховаться от несчастных случаев только на время путешествий, когда страхователь подвергается особенно многочисленным случайностям. За премию в 4 р. Общество принимает страхование в 5,000 руб. на целый месяц путешествия (страховой билет на 1 сутки стоит 65 к., на 3 суток 1 р. 25 к. и на 8 суток 2 руб.). Последняго рода страхования можно заключать не только у всех агентов Общества, но и на вокзалах желѣзных дорог (въ особыхъ кіоскахъ Общества „Россія“, или при книжныхъ шкафахъ), въ большихъ гостиницахъ и на пароходныхъ пристаняхъ.

За подробностями касательно страхования отъ несчастныхъ случаевъ отсылаемъ интересующихся къ брошюрамъ, которыя бесплатно раздаются агентами Общества во всехъ городахъ Имперіи.

Чувство состраданія въ кошкѣ. Не подлежитъ сомнѣнію, что кошка чрезвычайно привязана къ своимъ котятамъ и способна ради нихъ на величайшее самопожертвованіе; но гораздо менѣе извѣстенъ тотъ фактъ, что она не лишена горячаго чувства состраданія и къ другимъ, совершенно постороннимъ кошкамъ. Такъ напр., Г. Фитчъ пишетъ въ журналѣ *Nature*, что онъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ замѣтилъ, какъ однажды домашняя кошка потащила кости изъ дома въ садъ. Прослѣдивъ за ней, г. Фитчъ убѣдился, что она отдала ихъ чужой, полу-мертвой отъ голода кошкѣ, которая съ жадностью поглотила ихъ. Мало того, сострадательное животное вернулось въ домъ за новымъ запасомъ провизіи, который былъ принятъ голодной товаркой съ немаленькою благодарностью. О другомъ случаѣ сообщаетъ г. А. Макферсонъ. Въ 1876 г. у него былъ старый котъ и молодой котенокъ, нѣсколькихъ мѣсяцевъ отъ роду. Старый котъ, давнишній любимецъ, ревновалъ котенка и выказывалъ ему явное перасположеніе. Однажды, въ нижнемъ этажѣ дома передѣлывались полы; было поднято нѣсколько досокъ и замѣнено новыми. Черезъ два дня послѣ окончанія работъ, старый котъ явился на кухню, сталъ тереться возлѣ кухарки и старался жалобнымъ мяуканьемъ обратить на себя ея вниманіе. Потомъ онъ въ безпокойствѣ сталъ бѣгать взадъ и впередъ, приглашая удивленную женщину слѣдовать за нимъ, и привелъ ее наконецъ въ ту комнату, гдѣ производились работы. Кухарка не знала, чѣмъ объяснить себѣ поведение кота, пока не услышала изъ-подъ пола тихое, жалобное мяуканье. Подняли половицы и подъ ними оказался котенокъ, живой и невредимый, но сильно ослабѣвшій. Котъ наблюдалъ за всѣмъ этимъ съ величайшимъ вниманіемъ; но когда онъ убѣдился, что котенку освобожденъ, онъ сейчасъ-же удалился изъ комнаты, не выражая никакого особаго удовольствія по поводу удавшагося спасенія. И впоследствии спасенный отъ вѣрной смерти и спаситель никогда не были настоящими, добрыми друзьями, потому что старый котъ никакъ не могъ освободиться отъ чувства ревности къ котенку. (с.)

О томъ какъ игравали на театрѣ рассказываетъ нѣкоторыя подробности, въ своихъ мемуарахъ, великій мимикъ Бутъ (Booth), отецъ знаменитѣйшаго американскаго трагика настоящаго времени. Одинъ актеръ, игравшій Гамлета, въ сценѣ съ Офеліей, когда онъ посылаетъ ее въ монастырь, со словами: „Богъ далъ тебѣ лицо, а

ты дѣлаешь себѣ другое,“ взявъ носовой платокъ, стеръ имъ румяна съ лица актрисы, и, показавъ испачканный платокъ зрителямъ, вызвалъ тѣмъ шумные аплодисменты. — Другой актеръ, въ роли Ричарда III, чтобы правдоподобнѣе выразить на лицѣ страданіе, причиняемъ тирану укорами совѣсти, насыпалъ себѣ въ сапоги гороху. Сильная боль, ощущаемая имъ въ то время какъ онъ „страшными шагами“ демона ходилъ по сценѣ, заставляла его кусать губы и судорожно сжимать мускулы лица, что всегда производило чрезвычайный эффектъ. (с.)

Американскій профессоръ Артуръ Гедлей исчисляетъ стоимость всехъ существующихъ на свѣтѣ желѣзныхъ дорогъ въ 100—120 тысячъ милліоновъ марокъ. Онъ высказываетъ предположеніе, что сумма эта составляетъ одну десятую достоянія всехъ цивилизованныхъ націй и четверть, если не треть, всехъ капиталовъ, находящихся въ обращеніи. Сомнительно, чтобы капиталы, положенные въ основаніе фабричныхъ и промышленныхъ предпріятій, равнялись этой суммѣ. Капиталы находящіеся въ банкахъ тоже нѣсколько менѣе ея. Наличныя-же деньги — золото, серебро и бумажки — составляютъ лишь одну треть стоимости всехъ желѣзныхъ дорогъ. (с.)

Пастеровская предохранительная прививка отъ водобоязни (бѣшенства) пока испробована на 6,870 людяхъ; изъ нихъ по крайней мѣрѣ 80 процентовъ дѣйствительно были укушены бѣшеными животными. Смертность раньше, безъ прививки, опредѣлялась при незначительныхъ укусахъ въ 15%, а при сильныхъ на лицѣ и рукахъ въ 80%. Прививкою же уменьшилась смертность въ первомъ случаѣ до 1%, а во второмъ до 4%. Достоинныя замѣчанія, что англійская коммисія, созванная по этому вопросу въ прошломъ году, высказалась въ томъ направленіи, что Пастеровская прививка по ея пользѣ равнозначуща Дженнеровской оспопрививкѣ; въ этой коммисіи участвовали такіе люди, какъ І. Листеръ, Педжетъ, В. Норслей, г. Роско и проч. Яда водобоязни однако и до сихъ поръ мы не знаемъ, и въ данномъ случаѣ практика далеко опередила теорію. (N.)

Настоящаго мокка не существуетъ. По словамъ *Journal of Commerce*, въ самой Моккѣ и въ окрестностяхъ этого города кофейныхъ деревьевъ нѣтъ; они растутъ лишь въ провинціи Йемень, главный городъ коей именно на морскомъ побережьи и есть Мокка. Ежегодно изъ послѣдняго города вывозится около десяти тысячъ тоннъ; но большая часть и этого кофе привозится изъ Ост-Индіи, Африки и даже Бразиліи, чтобы въ смѣси съ арабскимъ быть лишь вывезеннымъ изъ Мокки. Нѣкоторые англійскіе знатоки даже утверждаютъ, что лучшіе сорта такъ-называемаго мокка не доходятъ далѣе Константинополя. (N.)

Сельдерей, какъ средство противъ ревматизма. Утверждаютъ, что частое употребленіе варенаго сельдерей устраняетъ возможность появленія ревматизма. Сельдерей рѣжется на куски, варится до мягкости и взваръ дается пациенту. Можно также приготовить сельдерей на скорородкѣ съ небольшимъ количествомъ молока, муки, мускатнаго орѣха и жаренаго хлѣба или картофеля. Средство это настолько дешево и общедоступно, что во всякомъ случаѣ заслуживаетъ быть испробованнымъ. (с.)

Сто лѣтъ тому назадъ въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ насчитывалось 40,000 католиковъ. Въ настоящее время число ихъ превышаетъ 9 милліоновъ, при чемъ имѣется 80,000 духовныхъ лицъ, 10,000 церквей и 650 учебныхъ заведеній съ опредѣленно католическимъ характеромъ. (с.)

Изъ Эдинбурга пишутъ: На-дняхъ, инженеромъ Томсономъ, читавшимъ лекцію по исторіи электричества, было сдѣлано интересное сообщеніе относительно изобрѣтенія телеграфа. По словамъ лектора, честь открытія принадлежитъ нѣкому шотландцу, который, подъ псевдонимомъ С. М., напечаталъ въ 1753 г., въ журналѣ *Scotts Magazine*, статью подъ заглавіемъ: „Быстрый способъ передачи новостей.“ (с.)

Географическая задача № 3.

Найти по атласу городъ или рѣку, не подписанные въ клеткахъ и отмѣченные вопросительнымъ знакомъ, выкинуть тѣ буквы, которыя придется на мѣстѣ занятыхъ. Изъ полученныхъ такимъ образомъ буквъ слѣдуетъ составить посредствомъ хода коня русскую пословицу.

Ребусъ. Задача № 4.

О ПОДПИСКѢ НА „НИВУ“ 1890 ГОДА

СЪ РАЗСРОЧКОЮ ПЛАТЕЖА.

Исполняя желаніе многихъ изъ нашихъ подписчиковъ, мы нашли возможнымъ допустить РАЗСРОЧКУ ПОДПИСНОЙ ПЛАТЫ ЗА „НИВУ“, на слѣдующихъ условіяхъ:

- 1) Въ два срока: При подпискѣ вносится 4 р. и къ 1-му Іюня 1890 г. 3 р.
- 2) Въ три срока: При подпискѣ вносится 3 р., къ 1-му Мая 1890 г. 2 р. и къ 1-му Августа 1890 г. 2 р.

При аккуратной высылкѣ взносовъ, журналъ будетъ высылаться со всіми приложениями и преміями— гарантѣ съ годовыми подписчиками.

При коллективной подпискѣ гг. служащихъ въ казенныхъ и частныхъ учрежденіяхъ допускается разсрочка и на болѣе льготныхъ условіяхъ (по особому соглашенію съ Редакціей), но за поручительствомъ казначеевъ или управляющихъ.

1-й заемъ 1864 года.

50-й тиражъ 2-го января 1890 года.

ТИРАЖЪ ВЫГРЫШЕЙ ВЪ ГОСУДАРСТВЕННОМЪ БАНКѢ.

№ сер.	№ бл.	Сумма.	№ сер.	№ бл.	Сумма.	№ сер.	№ бл.	Сумма.	№ сер.	№ бл.	Сумма.	№ сер.	№ бл.	Сумма.	№ сер.	№ бл.	Сумма.						
20	30	500	2357	14	500	4549	4	500	7544	30	10000	10172	49	500	12844	5	500	14787	37	500	17482	18	500
28	50	500	2386	5	500	4583	12	500	7569	45	500	10199	32	500	12875	11	500	14984	21	500	17570	49	500
105	30	500	2443	45	500	4894	49	500	7606	5	1000	10234	9	500	12958	39	500	15026	48	500	17601	33	500
113	19	500	2447	34	500	4930	22	500	7619	22	500	10368	10	500	13052	33	500	15262	32	500	17680	8	500
152	24	500	2519	43	500	4983	33	500	7640	38	500	10384	9	5000	13187	39	500	15325	20	500	17693	8	500
446	36	500	2529	4	500	5065	21	500	8045	50	500	10523	6	500	13190	19	500	15353	1	500	17849	27	500
467	13	500	2599	48	500	5196	4	500	8081	45	500	10640	11	500	13276	12	500	15355	41	500	17872	22	500
664	41	500	2622	45	500	5208	3	500	8135	14	500	10739	7	100	13352	41	500	15470	40	500	17946	25	500
758	20	500	2625	49	500	5212	5	500	8221	14	500	10778	15	500	13372	26	500	15549	27	500	17947	45	500
782	3	500	2627	43	500	5214	32	1000	8236	10	500	10874	41	500	13522	11	500	15577	46	500	18221	29	500
782	39	500	2829	9	500	5281	20	1000	8246	15	500	10919	47	500	13523	45	500	15673	1	500	18427	14	500
808	37	500	2829	28	500	5295	34	500	8259	10	500	11055	29	500	13569	43	500	15731	17	500	18439	6	500
857	50	500	2855	49	500	5307	17	500	8356	39	500	11228	40	1000	13593	14	40000	15809	5	500	18495	19	1000
985	44	500	2859	4	500	5324	28	500	8394	24	500	11369	29	500	13614	32	25000	15864	14	500	18511	26	8000
1067	16	500	2956	23	500	5338	27	500	8472	12	1000	11345	47	500	13662	9	500	16125	1	1000	18569	8	500
1118	33	500	2957	30	500	5364	39	500	8482	14	1000	11354	2	500	13830	29	500	16141	7	500	18591	3	500
1287	46	500	2979	9	500	5368	5	500	8505	13	500	11359	49	5000	13835	38	500	16196	19	500	18635	28	500
1312	27	500	3020	29	500	5531	26	500	8598	12	500	11366	50	500	13838	6	500	16210	29	500	18647	33	500
1383	15	500	3085	28	500	5745	45	500	8665	10	500	11381	48	500	13892	32	500	16278	36	500	18674	38	500
1409	43	500	3111	19	500	5851	35	500	8777	14	500	11406	21	500	14006	39	500	16344	37	500	18684	33	500
1433	23	500	3203	46	500	5855	20	500	8817	33	1000	11435	38	500	14107	31	500	16397	29	1000	18711	29	500
1485	23	500	3306	49	10000	6179	35	500	8835	20	500	11494	47	5000	14124	15	1000	16538	40	500	18819	42	500
1528	10	500	3366	25	1000	9277	44	500	8907	23	500	11526	31	8000	14363	31	500	16582	44	500	18900	16	500
1768	21	500	3732	33	500	9293	7	500	8991	28	500	11557	49	500	14364	25	1000	16693	17	500	18927	45	500
1781	41	500	3924	30	500	9316	17	500	9025	39	500	11601	31	500	14371	17	500	16709	6	500	18988	49	500
1846	38	1000	3956	48	500	9365	36	500	9052	40	500	11636	23	500	14376	46	5000	16720	18	500	19120	34	500
1898	21	500	3993	43	500	9402	5	500	9137	13	500	11674	6	500	14406	50	500	16786	15	500	19170	46	500
1901	13	500	4076	16	500	9406	12	500	9215	44	5000	11685	50	500	14426	11	500	16813	32	500	19446	21	500
2027	4	8000	4095	14	5000	9417	34	500	9252	50	500	11784	5	500	14455	12	500	16834	19	500	19497	22	500
2032	37	500	4144	29	500	9681	31	500	9318	4	500	11836	46	500	14490	30	500	16843	31	8000	19511	9	500
2130	5	500	4165	17	500	9786	3	500	9413	24	20000	11840	50	500	14497	36	500	16887	37	500	19527	19	500
2169	42	5000	4186	48	500	9805	16	500	9626	42	500	11860	21	500	14526	3	1000	16968	36	500	19584	32	1000
2192	28	500	4201	44	500	9805	28	500	9696	37	500	12943	31	500	14560	5	500	16999	44	500	19688	43	500
2200	1	500	4205	18	500	7011	25	75000	9784	1	500	12935	18	1000	14706	21	500	17382	14	500	19692	10	500
2207	18	1000	4214	2	500	7122	38	500	9905	49	8000	12943	13	500	14730	45	500	17388	7	500	19805	17	10000
2223	16	500	4348	25	500	7204	37	500	9921	44	500	12953	48	500	14732	11	500	17415	43	500	19885	38	500
2315	37	500	4418	2	1000	7324	44	500	10007	21	500	12803	42	500	14744	20	1000	17474	26	500	19969	9	500
2331	45	500	4538	17	500	7471	10	500	10093	11	500												

№№ серій, вышедшихъ въ тиражъ погашенія.

266, 1299, 1433, 2276, 2341, 2671, 2833, 2863, 3096, 3145, 3279, 3632, 3783, 3901, 4024, 4178, 4508, 4644, 4853, 4857, 5815, 5825, 6400, 6532, 6991, 7091, 7415, 7421, 7559, 7722, 776, 7854, 7950, 8044, 8142, 8267, 8523, 8551, 8589, 8635, 8824, 9412, 9472, 9693, 9760, 10079, 11779, 11792, 12054, 12135, 12207, 12448, 12585, 13078, 13109, 13230, 13281, 13338, 13407, 13633, 13849, 14363, 14408, 14611, 14621, 15158, 15164, 15477, 15599, 15616, 15632, 15691, 15737, 16076, 16251, 16548, 16796, 16989, 17128, 17251, 17269, 17487, 17520, 18106, 18251, 18367, 18472, 18363, 18685, 19273, 19521, 19533, 19562, 19840.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

СОДЕРЖАНІЕ: Кн. Д. Н. Цертелевъ (съ портр.). — Маркъ Петровичъ Петровъ. Рассказъ А. Н. Майкова. (Окончаніе). — Исусъ. Повѣствованіе изъ библейскихъ временъ. Георга Эберса (съ рис.). (Продолженіе). — Популяриная астрономія. Франца Бенда (съ 4 рис.). — Къ рисункамъ: Отравленіе князя Михаила Скопина-Шуйскаго (съ рис.). — Шахматы. Черные сдаются (съ рис.). — Сборы на войну (съ рис.). — Зима въ Бѣлоруссіи (съ рис.). — Музей Петербургской таможни (съ рис.). — Послѣ гонимы (съ рис.). — Императрица Августа (съ портр.). — Древне-греческая живопись (съ 3 рис.). — Литературно-критическія миниатюры. Нарамзинъ и Жуковский. А. Введенскаго. — Политическое обозрѣніе. — Разныя извѣстія. — Библиографія. — Сибирь. — Задачи. — О подпискѣ на „Ниву“ 1890 г. — Тиражъ выигранныхъ въ Государственномъ Банкѣ. — О перемѣнѣ адреса. — Объявленія.

Издатель А. Марксъ.

Редакторъ В. Ключниковъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ВѢСТНИКЪ САДОВОДСТВА, ПЛОДОВОДСТВА и ОГОРОДНИЧЕСТВА 1890 г.

Органъ Императорскаго Россійскаго Общества Садоводства подъ редакціей **В. И. Кутузова** (СПБ., Лѣсной Институтъ).

Журналъ выходитъ ежемѣсячно, въ объемѣ 3 листовъ текста съ двумя хромолитографіями и разными рисунками въ текстѣ.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи журнала „Нива“ (СПБ., Невскій просп., № 6) и у назначеннаго Общества Э. И. Эндеръ (СПБ., Импер. Ботаническій Садъ). Цѣна 8 рублей за годъ. Допускается подписка съ разсрочкой для лицъ состоящихъ на государственной службѣ исключ. въ конторѣ редакціи „Нивы“

АНЕМІЯ
МАЛОКРОВІЕ

ПРИМѢНЯЕТСЯ ЛѢЧЕНІЕ
НАЗВАННЫХЪ БОЛЕЗНЕЙ

**ХЛОРОЗА
БЛѢДНОСТЬ
ЛИЦА**

ПИЛЮЛЯМИ ВАЛЛЭ

(ОДОБРЕННЫМИ ПАРИЖСКОЙ МЕДИЦИНСКОЙ АКАДЕМІЕЙ).

PILULES DE VALLET. Ц. № 4283 6—1

НАСТОЯЩІЯ ПИЛЮЛИ ВАЛЛЭ НЕ ПОСЕРЕБРЕННЫ.
Онѣ были и имя Валлэ написано на каждой пилюль.

Не брать флаконы, на которыхъ на этикеткѣ не находится мое имя и мой адресъ:
19, RUE JACOB.

Прод. во всѣхъ аптекахъ. *Vallet*

ХЛОРОЗА
БЛѢИ

**АНЕМІЯ
МАЛОКРОВІЕ**

САРПИНКА

отъ 12 коп. аршинъ и дороже.

Собственное приготовление изъ высшихъ сортовъ бумажной пряжи.

Новые изящные рисунки, ручное ткачество. Хорошо моется.

Продажа партионная и розничная.

По требованію — высылаются образцы заказной бандеролью за плату (почтовыми марками).

Въ Альбомѣ, нумерованные, за 40 к. Въ конвертѣ, пакками, пенумерованные, за 30 копѣекъ.

При нихъ условия и указанія пересылки. Высылка образцовъ начнется съ 15-го декабря с. г.

Адресъ: Саратовъ, Торговому дому „А. Бендеръ съ С.-ми, А. Степановъ и В. Бендеръ“. Московская ул., д. Т. М. Лобанова.

Телеграммы: № 4145 5-5 Саратовъ. Бендеръ—Степановъ.

Отъ 7 разъ удорожана продажа! Выбравъ направо.

ЦИТРЫ
отличной работы, хорошаго качества и сильного тона отъ 16—22—28—38—300 мар. Школа Грегера для самообученія 1 ч. 5 м., 11 ч. вышш. школа 7 м. Скрипки и всѣ струнные инструменты. Прейсъ-куррантъ бесплатно. Ц. № 4167 БРАТЯ Вольфъ, 4-2 Фабрика инструментовъ, Крейцихацъ.

14-е пробѣренное и обновленное издание **ШКОЛА ЭТЮДОВЪ К. ЛЮТИЦЪ**, въ 12-ти тетрадахъ, каждая по 1 р. 50 к. Единственное издание составленное по предложенію знаменитаго профессора **Ф. О. Лешетинскаго** и коллективно просмотрѣнное всеми профессорами С. П. Консерваторіи. № 4273

В. БЕССЕЛЬ и №.
С.-Петербургъ, Москва, Невскій, 54. Петровка, 12.

ВАЗЕЛИНОВОЕ МЫЛО

1. ГОЛЛЕНДЕРЪ
для смягченія кожи.
Новоизобрѣтенное вазелиновое мыло, пріятнаго запаха, придаетъ кожѣ желаемую пѣхкую мягкость. Цѣна за кусокъ 30 коп., 3 куса съ пересылк. 1 р. 50 к. Получать можно во всѣхъ парфюм. и аптеч. магазинахъ и аптекахъ Россіи.

Главный складъ: С. П., Демидовъ пер., д. № 1. (2) № 4278

НАВОЖДЕНІЕ. Ром. изъ современн. жизни. Вс. Соловьева. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Всѣ названные косметическіе продукты не содержатъ никакихъ вредныхъ веществъ, почему и разрѣшены С. П. Ст. Б. Врачебн. Управленіемъ.

- 1) ПОДЛИННИКЪ ПАСТА EUGENIE** средство для лица. Цѣна банки 1 р. 60 к.
- 2) БАЛЬЗАМЪ EUGENIE** изъ миртов. цвѣтовъ для декольте, лица и рукъ. Ц. флак. 1 р. 70 к.
- 3) ЭЛЕКСИРЪ MELANGE** для волосъ. Ц. за флак. 2 р.
- 4) ХИННО-ГЛИЦЕРИНОВ. ПОМАДА** для волосъ. Цѣна банки 2 р.
- 5) РУМЯНА EUGENIE** жидкія, придающіе щекамъ и ушамъ розов. цвѣтъ.
- 6) РУЧНАЯ РАКОВИННАЯ ПОМАДА** Цѣна банки 1 рубль 30 коп.
- 7) ПОДЛИННИКЪ POUDE EUGENIE** бѣлая и розов. Ц. съ пухов. 1 руб. 50 коп., № 4202 12 3 безъ пухов. 1 руб. 20 коп.

КРАСКА ДЛЯ ВОЛОСЪ черная, коричн. и свѣтлор. Цѣна кор. 3 руб. Рись Гутманъ.

Главное депо въ С.-Петербургѣ: въ Русскомъ обществѣ торговалъ аптекарскими товарами, Каланская; въ Центральномъ Аптекарскомъ Депо, Милитинъ Гадъ; у Рузанова, Гостинный Дворъ; бывший Дарзавсъ, Пассаажъ, № 15-17; у Сіу и Къ; у Персовъ и Тибо, Невскій пр., № 18 и въ другихъ аптекарскихъ магазинахъ. Въ Москвѣ: у К. И. Феррейна, Никольск. и въ другихъ аптекарск. магаз., а также можно получать въ всѣхъ аптекарскихъ магазинахъ всей Россіи.

ФОСФОРИТНАЯ МУКА

Парового тончайшаго размола свѣше 180° ф. к. и около 1° кали, расгворимость выше всѣхъ, цѣна 25 к. пудъ съ доставкою на Пшавоку, Орл.-Вит. дор. Заказы адресовать туда же, **К. В. Мясоѣдову.**

ПРО ЧТО ЩЕБЕТАЛА ЛАСТОЧКА. Соч. Шильманна. Съ портретомъ и биографіею автора. Ц. 1 руб., съ перес. 1 руб. 25 коп.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1890 ГОДЪ НА НОВЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ И НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ РУССКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

РУССКОЕ ОБОЗРѢНІЕ будетъ выходить безъ предварительной цензуры, 15 числа каждаго мѣсяца, книжками по тридцати листовъ, по слѣдующей программѣ: 1) **Изящная словесность:** оригинальные и переводные романы, повѣсти, рассказы, драматическія произведенія, стихотворенія и т. д. 2) **Науки:** философія, исторія, естествознаніе, военныя науки и проч. 3) **Обозрѣніе:** внутреннее, экономическое и иностранное. 4) **Хроника:** литературная, научная, музыкальная, театральная и художественная. 5) **Критика,** библиографія, корреспонденціи.

БЛИЖАЙШЕЕ УЧАСТІЕ ПРИМУТЪ:

Въ литературномъ отдѣлѣ: **Н. Д. Ахшарумовъ, кн. М. Н. Волконскій, В. П. Ключниковъ, М. В. Крестовская, Котъ Мурлыка, гр. А. А. Кутузовъ, К. Н. Леонтьевъ, Н. С. Лѣсковъ, Незеленовъ, К. Орловскій, гр. Е. А. Салиасъ, А. А. Смирновъ, Д. И. Стахѣевъ, А. Стернь, А. А. Феть, А. П. Чеховъ, І. І. Ясинскій (Максимъ Бѣлинскій) и др.**

Въ научно-политическомъ отдѣлѣ: **Главацкая (Рада-Бей), А. А. Борзенко, Н. П. Вагнеръ, С. Васильевъ, А. Н. Веселовскій, А. И. Воейковъ, Л. Н. Вороновъ, Н. М. Горбовъ, В. А. Грингмутъ, Н. Я. Гротъ, Н. А. Звѣревъ, Н. Д. Кашкинъ, А. А. Кирѣевъ, Г. А. Ларошъ, Н. А. Любимовъ, Л. Н. Майновъ, И. П. Минаевъ, Е. Л. Марковъ, О. К., Э. О. Радловъ, С. А. Рачинскій, В. И. Сафоновъ, В. В. Святловскій, Вл. С. Соловьевъ, Н. Н. Страховъ и др.**

Изъ приглашенныхъ редакціей иностранныхъ сотрудниковъ ближайшее участіе примутъ:

Бретъ-Гартъ (Bret-Harte), П. Бурже (Paul Bourget), Г. Вельшенже (Henri Welschinger), П. Леруа-Больз (Paul Leroy-Beaulieu), Э. Гартманъ (Eduard von Hartmann), Ж. Симонъ (Jules Simon), Стэдъ (Stead) и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	НА ГОДЪ.	НА ПОЛГОДА.
Безъ доставки и пересылки	15 р. 50 к.	8 р. — к.
Съ доставкой въ Москвѣ	16 " — "	8 " 50 "
Съ пересылкой иногороднымъ	17 " — "	9 " — "

Подписка принимается въ конторѣ журнала: **МОСКВА, ТВЕРСКОЙ БУЛЬВАРЪ, ДОМЪ ЗЫКОВА, № 46,** а также въ книжномъ магазинѣ Думнова (бывшій Салаева), кромѣ того у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ С.-Петербурга и Москвы.

Для подписывающихся въ конторѣ журнала допускается разсрочка. Издатель **Н. БОБОРЫКИНЪ.** Редакторъ кн. **Д. ЦЕРТЕЛЕВЪ.**

Во всѣхъ складахъ духовъ и у всѣхъ парикмахеровъ во Франціи и за границей.

LA VELOUTINE

Спеціальная рисово-висмутовая пудра.

CHARLES FAY, Parfumeur, 9, rue de la Paix Paris.

CIGARETTES ESPIC contre ASTHME & CATARRHE
Préparées par **C. MASSAT, pharmacien**
AUTORISÉES PAR LE GOUVERNEMENT RUSSE
Dépôt général: **STOLL & SCHMIDT, a Saint-Petersbourg**
Vente en gros: **J. ESPIC, 20, rue Saint-Lazare, Paris**
Exiger la Signature sur chaque Cigarette.

ОТДАЕТСЯ ВЪ АРЕНДУ

1300 дес. Глубокой черноземъ.
27 верстъ отъ Росошиной и Ефремова станціи, запашки 1100 дес., весь инвентарь, усадьба, фрукт. садъ. Уѣка. Подр. цѣну узнать: Москва, въ конторѣ Александровой, Тверская, Чернышевскій пер., д. Никитина.

ЦАРЬ-ДѢВИЦА.

Вс. Соловьева.
Ром.-хрон. XVII в., въ 3 ч. Ром. этотъ обнимаетъ эпоху правленія и низложенія Царевны Софін. С. П. 1886 г. Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 коп.; въ колѣнкор. перепл. 2 р. 75 к., съ перес. 3 руб. 25 коп.

АЛЬБОМЪ

РИСУНКОВЪ ДЛЯ ВЫШИЛВАНІЯ, состоящій изъ 25 листовъ съ 391 совершенно новыми, оригинальными и нигдѣ еще не напечатанными рисунками художника **І. П. СЕРГѢЕВА.**
Альбомъ этотъ отличается изяществомъ, вкусомъ и разнообразіемъ стили; въ немъ включена масса превосходныхъ вещей — отъ самыхъ мелкихъ и до болѣе сложныхъ и крупныхъ. Цѣна этого изданія назначена крайне умѣренная: въ издѣн. литограф. оберткѣ 1 р. 25 к., а съ пересылкою 1 р. 60 к.
Требованія просить адресовать: въ С. П., къ контору журнала „Нива“ (Невскій, 6).

Поставщики велосипедов Русской Армии

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ,
Москва, С.-Петербургъ,
Кузнецкий Мостъ, В. Морская № 21.

ИМѢЕТЪ
единственный Складъ для всей
Россіи Велосипедовъ: Свифтъ,
Виппетъ, Русскій Клубъ, Мол-
ниа (New Rapid), Имперіаль и др.

Цѣны отъ 100 до 500 руб.

НОВОСТЬ
Общедоступный Свифтъ №2
= 150 руб. =

Прейс-Куранты высылаются бесплатно.
Поставщики велосипедов Русской Армии.

ПОДНОЕ РУЧАТЕЛЬСТВО ЗА ДОБРОКАЧЕСТВЕННОСТЬ МАШИНЫ.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ МѢХОВЫХЪ ТОВАРОВЪ

ПРИДВОРНАГО ПОСТАВЩИКА

П. М. ГРИНВАЛЬДЪ

въ С.-Петербургѣ

ПЕРЕВЕДЕНЪ НА
НЕВСКІЙ ПРОСПЕКТЪ, № 22.

Рекомендуются мѣха и мѣховыя издѣлія высшаго достоинства по
различнымъ цѣнамъ. № 4101

Участвіе на Всемирной Парижской Выставкѣ 1889 года
„ВНѢ КОНКУРСА“

Офицерскій крестъ Почетнаго Легіона.

Адресъ для телеграммъ:
ПЕТЕРБУРГЪ, ГРИНВАЛЬДЪ.

ЭЛИКСИРЪ,
ПОРОШОКЪ И ПОМАДА
ДЛЯ ЗУБОВЪ

ОТЦЕВЪ БЕНЕДИКТИНЦЕВЪ

Аббатства СУЛЯКЪ (Жиронда) Франція.

Находится во всѣхъ аптекахъ, моск-
овскихъ лавкахъ и косметическихъ ма-
газинахъ.

МИГРЕНИ И НЕВРАЛЬГИИ УСПОКОИВАЮТСЯ
перлами скипидарной эссенціи Д-ра КЛЕРТАНА.

Каждый флаконъ заключаетъ въ себѣ 30 перловъ, отчего дѣйствіе
обходится въ нѣсколько копѣекъ. Ц. № 4284 6-1

УВѢДОЖЕНІЕ.
Если мигрени происходятъ отъ дур-
наго состоянія желудка или отъ запора,
слѣдуетъ употреблять

УГОЛЬ Д-ра БЕЛЛОКА.

Требуется на этикет-
кѣ под-
писи.

Скипидарная эссенція, заключающаяся
въ перлахъ Д-ра КЛЕРТАНА, химиче-
ски чиста.
Требо-
вать на
каждомъ
флаконѣ
подпись

Dr. Clermont

ОПТОВОЕ ПРОИЗВОДСТВО,
19, RUE JACOB, ПАРИЖЪ.
НАХОДИТСЯ ВО ВСѢХЪ АПТЕКАХЪ.

ЭЛЕОПАТЪ пров. КИНУНЕНЪ

для волосъ, средство противъ перхоти на
головѣ. Элеопатъ Кинунена находится для
продажи во всѣхъ большихъ Аптек. и
Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, со-
держащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп.
но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Жители въ провинціи выписываютъ Элеопатъ Кину-
нена изъ ближайшихъ отъ нихъ городовъ, гдѣ только
имѣется Аптек. или Космет. магазинъ, но не менѣе
двухъ флаконовъ.

Просятъ непременно обращать вниманіе
на клеймо въ самомъ стеклѣ каждого фла-
кона,—пров. Кинуненъ. (1) № 4287

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1890 ГОДЪ
на
ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ
„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Условия подписки на 1890 г.
(одинадцатый годъ изданія).

Съ доставкой и пересылкой во все мѣста	12 р.	6 р.	3 р.	—	1 р.
Россіи	14 "	7 "	3 "	50 к.	—
За границу					

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка: при подпискѣ въ 1 апрѣля,
1 июля и 1 октября по 3 рубля.

Книгопродавцамъ дѣлается уступка въ размѣрѣ 50 коп. съ каждаго годоваго
экземпляра. Кредитъ и разсрочка по доставляемымъ или подискамъ не допускается.

Журналъ выходитъ подъ тою же редакціей, при томъ же составѣ сотрудниковъ
и въ прежнемъ объемѣ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ
въ конторѣ журнала: Москва, Леонтьевскій переулокъ, 21.
Редакторъ-издатель В. М. ЛАВРОВЪ.
№ 4291

Изданы Ф. ПАВЛЕНКОВЫМЪ и поступили въ продажу:

СОЧИНЕНІЯ А. СКАБИЧЕВСКАГО.

Критическіе этюды, публицистическіе очерки, литературныя характеристики.
1868—1887. М. № 4285 2-1

Съ портретомъ автора. Цѣна за все собраніе въ ДВУХЪ большихъ томахъ (1700 стр.)—
3 руб. Въ простомъ переплетѣ—3 р. 50 к. Въ роскошномъ—4 руб.

САРПИНКА САРАТОВСКАЯ.

Большая партія вновь выработана на 1890 годъ, изъ лучшихъ сортовъ бумажной
пряди, для дамскихъ платяевъ, дѣтскихъ костюмовъ и мужскихъ сорочекъ, новѣйшихъ
рубчинокъ, прочныхъ красокъ, не уступающая зефирамъ, цѣною отъ 12 до 20 коп. за
аршинъ, съ пересылкою во все города Россіи. Продажа шгуками и аршинами.

Прейс-курантъ съ большою коллекціею образцовъ высылается по требованію не-
медленно, завантой бандерелью за 49 коп. почтовыми марками. Торговцамъ условія
по особому соглашенію.

Адресъ: Гор. Саратовъ, Константину Андреевичу Андрееву. № 4289

РОЯЛИ К. М. ШРЕДЕРЪ.

С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, № 52, собственный домъ.

ПОСТАВЩИКА ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ:

ИМПЕРАТОРА ВСЕРОССІЙСКАГО, ИМПЕРАТОРА ГЕРМАНСКАГО, ИМПЕРАТОРА АВСТРІЙСКАГО, КОРОЛЯ ДАТСКАГО И КОРОЛЯ БАВАРСКАГО.

ВЫСШІЯ НАГРАДЫ НА ВСЕМИРНЫХЪ ВЫСТАВКАХЪ 1885 года, Единственный въ Россіи, по музыкальному отдѣлу:

ЛОНДОНЪ—золотая медаль, **АНТВЕРПЕНЪ**—почетный дипломъ и орденъ Леопольда.

Піанино 425, 500 и 550 руб. Кабинетные рояли 550, 650, 750 и 800 руб. Салонные
рояли 900 руб. Концертные рояли 1,200, 1,400 до 2,000 рублей.

КРЫШКИ для переплета „НИВЫ“ изъ лучшаго англійскаго календора съ золотымъ тисненіемъ, печатанныя красками, на 1889 г., по показанному образцу, 1 р., съ пересылкою 1 р. 60 к.

ИИШУЮЩАЯ МАШИНА „РЕМИНГТОНА“.

Пишетъ въ 3 раза быстрее пера. Чистота, четкость и красота. Введена во всѣхъ Министерствахъ и мног. правительствъ и частныхъ учрежд.

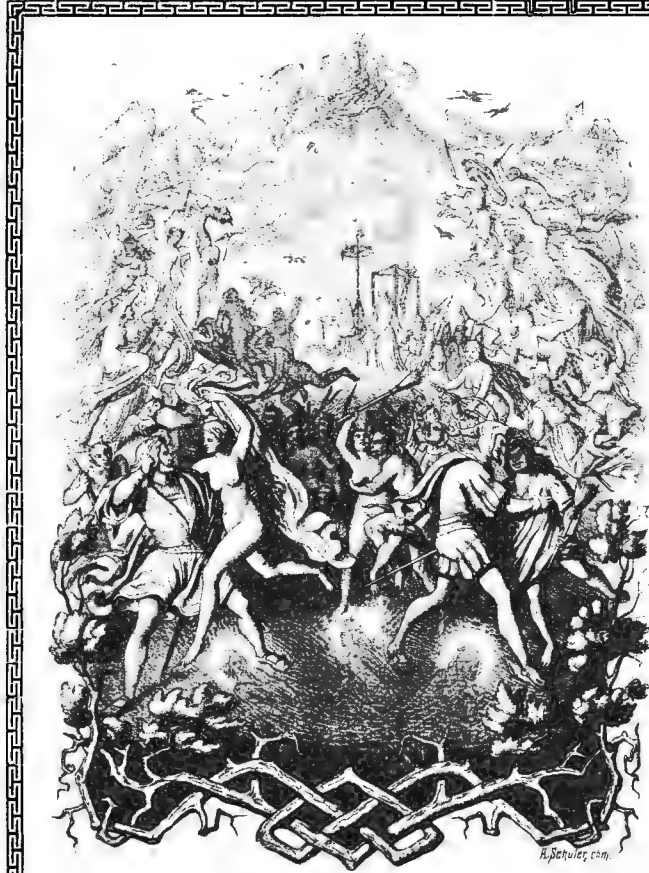
Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленн. отзывы отъ Правительства и другихъ учреждений, высылается безплатно. № 3748

Единственный складъ для всей Россіи:

ГОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ

Москва С.-Петербургъ
Кузнецкій мостъ. Б. Морская, 21.

ЛЕВИНГЪ и ГРОЗНИГЪ имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которую печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405

Вальпургіева ночь.

Образецъ гравюры на мѣди (уменьш. въ 12 разъ) изъ книги „Фаустъ“, Гёте.

Издание А. Ф. МАРКСА:
Новое большое роскошно иллюстрированное издание in folio сочинения

ГЁТЕ „ФАУСТЪ“

объ части, переводъ А. ФЕТА, съ 25-ю астампами гравированными на мѣди и 132-мя гравюрами на деревѣ по рисункамъ **ЭНГЕЛЬБЕРТА ЗЕЙБЕРТЦА**, исполненными знаменитыми граверами: **Адрианомъ Шлейхомъ, Альгейеромъ, Зигле и друг.**

Классически образцовый переводъ **А. Фета** не только передаетъ слово въ слово оригиналъ прекраснымъ стихомъ, но и снабженъ (въ примѣчаніяхъ) всѣми объясненіями трудно понимаемыхъ мѣстъ, а также необходимыми комментаріями, чѣмъ значительно облегчено чтение второй части „Фауста“.

Изъ всѣхъ книгъ такъ-называемой классической литературы, „Фаустъ“ Гёте представляетъ истинную сокровищницу: онъ такъ богатъ высокими идеями, что его можно перенчитывать всю жизнь и всегда съ новымъ наслажденіемъ.

Цѣна въ роскошномъ кожаномъ (шагреновомъ) переплетѣ, съ золотымъ обрѣзомъ и въ футлярѣ **40 р.**, за пересылку слѣдуетъ прилагать за 35 фунтовъ, по разстоянію.

Съ требованіями обращаться въ контору журнала „НИВА“. СПБ., Невскій пр., № 6.

БИЛЛЯРДНАЯ ФАБРИКА А. ФРЕЙБЕРГЪ.

С.-Петербургъ, Троицкій пр., близъ Египетскаго моста, домъ № 7--2. 26-1

Иллюстрированные преісъ-куранты по востребованіямъ высылаются безвозмездно.

247

Милостивая государыня! Подъ вышеуказаннымъ номеромъ изготовляются нами польскіе сапоги изъ лайковой кожи, на 9-ти пуговицахъ и небывалой еще прочноти. Испытайте этотъ сортъ, потребуйте отъ Вашего поставщика таковой, но обратите вниманіе на наше фабричное клеймо. Сапоги эти обойдутся не дорого и докажутъ Вамъ, что наши издѣлія дѣйствительно заслуживаютъ вниманія и что они нисколько не уступаютъ занозной работѣ, и даже гораздо прочнѣе и во всѣхъ отношеніяхъ лучше Варшавской обуви.

Поступилъ въ продажу въ конторѣ журнала „Нива“ (СПБ., Невскій, № 6)

ПОЛНЫЙ ТОМЪ „НИВЫ“ за 1889 г.

заключающій въ себѣ 1,300 стр. разнообразнаго текста и 700 художественно-выполненныхъ гравюръ, разск. А. Фета—„Внѣ моды“, повѣсть Н. Д. Ахшарумова—„Опасная игра“, романъ М. В. Крестовской—„Торжество Юліи Андреевны“, большой ром. въ 2-хъ част. В. И. Немировича-Данченко—„Подъ звонъ колоколовъ“, историч. ром. въ 2 част. графа Е. А. Салиаса—„Барыни-крестьянки“, разск. кн. Д. Голицына-Муравлина—„Увлеченіе“, разсказъ П. Дорошенко—„Кто-же“ и массу другихъ повѣстей, разсказовъ и стихотвореній извѣстныхъ писателей, а также много научно-популярныхъ статей по зоологіи, гигиенѣ, живописи и мн. др. Кромѣ того нѣсколько художественныхъ приложеній—важнѣйшія рыбы Россіи, важнѣйшія древ. растенія Россіи, Росс. Импер. ордена и проч., печат. красками, большой сборникъ новѣйшихъ повѣстей и разсказовъ (томъ 484 стр.) и большая олеографическая картина профес. В. Д. Орловскаго:

„ЛѢТНІЙ ВЕЧЕРЪ ВЪ МАЛОРОССІИ“.

ЦѢНА ЭТОМУ БОЛЬШОМУ ТОМУ, со всѣми бесплатными преміями и приложеніями:

Брошюрован. 4 р. Въ колѣнк. перепл. 5 р. 50 к.
Съ пересылкою до 2000 Съ пересылкою до 2000
верстъ 6 р. 2000 верстъ . . . 7 р. 50 к.
Свыше 2000 верстъ за пересылку прилагается по разстоянію за 13 фунтовъ.

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ Вс. Крестовскаго (автора „Петербургскихъ Трущобъ“); 3-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Весьма легко для каждаго заниматься фотографированіемъ. Предлагаемъ № 4216

ФОТОГРАФИЧЕСКУЮ СЕКРЕТНУЮ КАМЕРУ ШТИРНА.

Цѣна съ пластинками на 36 снимковъ 20 р.

Шесть моментальныхъ снимковъ въ одну минуту. Носится незамѣтно подъ сюртукомъ. Весьма удобна. Хорошіе результаты. Пробные снимки: 50 к.

Единственная продажа для всей Россіи.

Краткое печатное наставленіе къ фотографированію прилагается безплатно. Аппараты для съемокъ изображеній въ кабинетную величину, съ хороними объективами, начиная съ 15 рублей. Большой выборъ всѣхъ предметовъ касавшихся фотографіи.

БРУНО ЗЕНГЕРЪ и Ко

с.-ПЕТЕРБУРГЪ нескій пр., № 25-1.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЪСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
 Выданъ 20 января 1890 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫНРОЕНЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цена этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1890 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГЪ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.
 ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

ОБЪЯВЛЕНІЯ
 въ „НИВѢ“ принимаются за
 строку непарейль (¼ шир.
 стран.) въ Глав. Кон. Ред. по
 75 к. — Загран.: для Франціи у
 Agence Havas по 2 fr. 40 с.;
 для Австр., Герман. и Швейц.
 у Rudolf Mosse по 1 M. 70 Pf.

Безъ доставки въ Пе-
 тербургъ 5 р.

Съ доставкою въ Пе-
 тербургъ 6 р. 50 к.

За границу, съ пересылкою 9 р.

Безъ дост. въ Москвѣ чр.
 конт. объявл. Н. Н. Печков-
 ской, Петровск. Торг. линіи. 6 р.

Съ пересылкою въ Москву
 и другіе города Россіи . . . 7 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
 Особая приложенія при
 „НИВѢ“ объявленія отъ тор-
 говыхъ домовъ принимаются
 для иногородн. и городскихъ
 подписчиковъ по особому
 соглашенію.

Безъ всякой доплаты за пересылку главной премии.

На улицѣ въ Кишиневѣ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) В. Райляна, грав. Флюгель.

Судьба.

Повѣсть князя М. Н. Волконскаго.

I.

Все какъ-то распаталось, разошлось, не клеилось въ домѣ Маріи Ивановны. Лавочникъ, которому печѣмъ было заплатитъ, являлся каждый день со своимъ счетомъ. Въ булочной грозили прекратить отпускъ хлѣба по книгѣ, если на-дняхъ не будетъ внесенъ старый долгъ. Дворникъ приходилъ получать за квартиру, а денегъ нѣтъ, нѣтъ и надежды нѣтъ... т. е. надежда, или вѣрнѣе мечта, была гдѣ-то на днѣ души у Маріи Ивановны. Они ждали съ мужемъ *мѣста*. Ожиданія эти, правда, длились вотъ уже одиннадцать лѣтъ, въ теченіе которыхъ семья перебывала на 98 рублей въ мѣсяцъ. Теперь ваканція, на которую рассчитывалъ Андрей Николаевичъ, освободилась. Марія Ивановна вздохнула свободнѣе. Три недѣли онъ уже исправлялъ должность, которая вѣроятно останется за нимъ, и тогда все перемѣнится. Во-первыхъ, жалованья будетъ почти въ два съ половиною раза больше; затѣмъ можетъ-быть удастся получить казенную квартиру,—словомъ, тогда ковачатся эти дни нищеты, мелкихъ и тягелыхъ для самолюбія оскорбленій, безденежья, безпросвѣтнаго горя и постоянного страха за завтрашній день. Эта новая, свѣтлая, тихая, спокойная жизнь казалась до того прекрасною и заманчивою, что невольно приходило въ голову: „Боже мой, да будетъ-ли это когда-нибудь?!“

Андрей Николаевичъ увѣрялъ что будетъ. Онъ три недѣли исполнялъ должность съ особеннымъ рвеніемъ, занимаясь и по вечерамъ министерскими бумагами и не имѣя времени теперь добывать тотъ грошевый заработокъ, который все-таки имъ былъ подспорьемъ.

Дни тянулись, безденежье становилось еще ошутительнѣй, а назначенія не выходило.

„Полно, будетъ-ли?“ думала Марія Ивановна,— „вѣдь одиннадцать лѣтъ!“

Сегодня особенно было ей скверно на душѣ, истерзанной мелкими домашними неудачами.

Вчера лопнуло стекло на лампѣ. Нужно купить новое — лишній гривенникъ изъ кармана. Сегодня дѣти испачкали пальто, которое она, такъ долго мечтавшая о немъ, купила въ гостиниомъ дворѣ, выгадавъ кое-какъ нужные деньги, несмотря на то, что это стоило нѣсколькихъ лишений. Дѣвчонка, служившая у нея при дѣтяхъ, нагрубила и, зная, что печѣмъ разсчитать ее, просила отпустить если она де негодна... Десятилѣтній сынъ, Бори, испортившій пальто, вмѣсто того, чтобъ одуматься, чуть-ли не со смѣхомъ, фыркая пошелъ въ уголь... Леша разбилъ, разломалъ старую шарманку, дорогую ей по воспоминаніямъ собственнаго дѣтства, и когда она начала выговаривать ему, совершенно равнодушно оправдывался:

— Да вѣдь, мама, она же старал!..

Все радужное, подающее надежду, все то, чѣмъ она жила послѣднее время и что поддерживало и ее, и ея мужа въ это трудное время — все было забыто.

„Когда это еще будетъ!“ снова пришло въ голову ей.— „Сколько разъ ужъ казалось что вотъ-вотъ, а потомъ смотришь и прошло мимо... и теперь вѣрно такъ будетъ!“

Марія Ивановна знала, предчувствовала это; знала, что не даромъ у нея такая безнадежная, цемаящая тоска въ груди. Вѣдь это только Андрей Николаевичъ можетъ жить иллюзіями. И она съ досадою и злобой вспомнила любимаго мужа, представила себѣ его лицо, его фигуру, когда онъ предавался своимъ мечтамъ...

Ребенокъ, котораго она укачивала въ это время на рукахъ, точно понявъ, что думаютъ теперь не о немъ, что отъ него отвлеклись — вдругъ рѣзко, настойчиво и требовательно закричалъ, какъ бы желая обратить все вниманіе матери только на себя.

— Шш!.. шшш!.. шш!.. заходила она, спохватившись, — ну, перестань, ну, перестань!..

„Господи! хоть бы поскорѣе уснулъ“... подумала она, снова принимаясь привычнымъ движеніемъ рукъ покачивать ребенка...

Ей хотѣлось быть одной, запереться куда-нибудь подальше ото всѣхъ, отъ дѣтей даже, и плакать, плакать, выплакать слезы, стоявшія у нея въ горлѣ.

Но младенецъ не позволялъ ей уйти. Прошло болѣе часа, а она все еще должна была носить его на рукахъ. Онъ не могъ уснуть — прогулявъ свое время. Теперь она желала уже одного, чтобы ребенокъ успокоился, и на душѣ ея не проходила, но замирала—какъ физическая боль отъ вспрыскиванія морфина — ея недавняя тоска и желаніе слезъ. Руки ея давно отекли: пятки, на которыхъ она уже при второмъ ребенкѣ находила мозоли, укачивая „безсоннаго“, какъ она говорила, сына — ныли и болѣли, а она все ходила и ходила, не переставая напѣвать однообразную убаюкивающую пѣсню.

Наконецъ онъ уснулъ. Она бережно, медленно всвобождая изъ-подъ него руки, опустила его въ соломенную, обитую полосатымъ тикомъ, съ клеенчатымъ верхомъ, старенькую, служившую всѣмъ ея дѣтямъ по очереди, колясочку, стоящую у ея постели и, съ минуту оставшись неподвижно, опустивъ лѣвую, особенно затекшую руку, неслышными шагами вышла изъ-за ситцевой перегородки ихъ спальни.

Теперь предстояли новыя заботы.

Она прошла среднюю комнату,—гдѣ старшая дочь ея, Аня, накрывала столъ къ обѣду, — въ дѣтскую. Тамъ, въ углу, надувъ теперь губы, стоялъ наказанный Боря. Марія Ивановна велѣла ему сѣсть за столъ и учить уроки.

— Аня! позвала она.

Некрасивая, какъ всѣ дѣвочки-подростки съ ихъ слишкомъ большими руками и ногами, Аня вошла въ дѣтскую.

— Ты уроки знаешь?

— Знаю.

— Умой и переодѣнь Лешу. Я приду изъ кухни — чтобъ все здѣсь было въ порядкѣ... Да спроси Борю уроки. Заставь выучить...

Аня знала, что служившая при дѣтяхъ Аграфена, сердито возившаяся зачѣмъ-то съ тряпкой у окна, нагрубила матери, которая потому и приказываетъ ей заняться Лешей...

— Что же, разсчесть-то когда дадите? съ дерзкою насмѣшкою въ голосѣ спросила Аграфена, не поворачиваясь отъ окна.

Марья Ивановна сдѣлала видъ, что не слышитъ.

— Какъ вамъ угодно, а мнѣ *сегодня* деньги нужны, подчеркнула Аграфена еще смѣлѣе.

— Вотъ баринъ придетъ... начала было Марья Ивановна.

— Баринъ, баринъ!.. заворчала Аграфена, — что баринъ...

Марья Ивановна ушла, хлопнувъ дверь, напрасно сдерживая безсильную злобу, влокотавшую въ ней, и рѣшивъ, если Андрей Николаевичъ не принесетъ сегодня денегъ—заложить послѣднее платье, но *выгнать* эту дерзкую дѣвчонку.

Въ кухнѣ кухарка Марюша, стоя надъ корытомъ съ сѣрватою водой, бѣлою пѣной и взбученнымъ комомъ бѣлья, засучивъ рукава на своихъ костлявыхъ, жилистыхъ, старушечьихъ рукахъ, мыла что-то, двигаясь взадъ и впередъ, словно пилила бревно.

На плитѣ стояло нѣсколько кастрюлекъ.

Марья Ивановна подошла къ нимъ, открыла крыш-

ку на самой большой и, взявъ ножикъ, тронула наврившуюся тамъ говядину.

— Такъ и знала! проговорила она. — Господи, что за народъ! Вѣрно у тебя кастрюля не на огнѣ стояла... обратилась она къ Марѳушѣ.

Та молчала.

— Я тебя спрашиваю... повторила Марья Ивановна.

— Супъ-то? поворачивая голову, но не переставая мыть и двигаться, переспросила Марѳуша, — гдѣ-жь ему стоять-то...

— Гдѣ стоять! передразнила Марья Ивановна, — на краю плиты вѣрно... видишь, дерево, а не мясо. А телитина жарится?..

— Жарится! неохотно протянула Марѳуша и, вытеревъ о передникъ руки, вышла изъ кухни.

Марья Ивановна поглядѣла ей упорно въ слѣдъ, подбрала снова наворачившіяся слезы и занялась у плиты...

Было уже почти шесть часовъ и Андрей Николаевичъ долженъ былъ скоро вернуться, но, несмотря на это, его долго еще не было.

Дѣти пообедали. Митенька проснулся. Марья Ивановна одѣла его, спросила у старшихъ уроки, задала и объяснила новые, зашила вырванную пуговицу у испорченного днемъ пальто, вычистила его, свела нѣсколько пятенъ и вела долгій разговоръ съ лавочникомъ зашедшимъ получить свои, обѣщаемыя ему каждый день, деньги... Андрея Николаевича все еще не было.

„Ужъ не случилось-ли чего-нибудь! помилуй Богъ!“ начинала временами думать Марья Ивановна, — „можетъ-быть конка...“

Наконецъ около восьми часовъ въ передней раздался отрывистый звонокъ, и Андрей Николаевичъ особенно торопливо, не глядя на Марѳушу, бросилъ ей на ходу разстегнутое, промокшее пальто и кинулъ на ясеневый столикъ истрепанную шапку.

Марья Ивановна, глядѣвшая на мужа въ щель изъ дѣтской, поблѣднѣла, мгновенно передала Митеньку, котораго держала на рукахъ, нянькѣ и вышла къ мужу. И по походкѣ его, и по лицу, и по звонку, она знала уже, что случилось что-то недоброе, и сердце ея болѣзненно сжалось.

„Съ мѣстомъ вѣрно... нѣтъ, денегъ не досталъ!“ тотчасъ отгоняя первую, слишкомъ страшную мысль, подумала она.

— Ну что жь, я вѣдь ѣсть хочу, скоро будетъ обѣдъ? встрѣтилъ ее хмурился Андрей Николаевичъ.

— Я тебя ждала, отвѣтила она, — сейчасъ подадутъ.

— Ужъ можно было бы кажется подать! девятый часъ... я съ утра ничего не ѣлъ... проговорилъ Андрей Николаевичъ, садясь за столъ, кладя на него локти и закрывая руками лицо.

Марья Ивановна вышла на кухню.

— Подавай поскорѣй! — баринъ голоденъ!.. приказала она Марѳушѣ.

— Маша! раздался раздосадованный голосъ.

Марья Ивановна вернулась.

— Я здѣсь, что такое?

— Куда жь ты ушла? — я пришелъ, ты уходишь... сказалъ Андрей Николаевичъ, глядя на испуганное лицо жены, и неожиданно добавилъ: — ты обѣдала?..

„Хочетъ разозлиться, на домашнихъ выместить свою неудачу...“ тотчасъ перевела она на свой мысленный языкъ слова мужа.

Она сѣла на свое мѣсто и сдѣлала усиліе надъ собой, чтобы держать себя какъ можно спокойнѣе и не выказать какъ ей хочется поскорѣе узнать, что случилось съ мужемъ. Она стала ѣсть хлѣбъ.

Нѣсколько минутъ длилось молчаніе. Она думала, что Андрей Николаевичъ особенно не любитъ, чтобы его спрашивали, когда у него тяжело на душѣ. А онъ именно терпѣть не могъ этого ея напускнаго спокойствія, этой ея сдержанности, фальшивой, не-

искренней, которую всегда напускала на себя Марья Ивановна въ тѣ минуты, когда все первы его были натянуты отъ душевной боли и когда онъ чувствовалъ ими вдвойнѣ эту неискренность...

Потребуй она отъ него пересказа что случилось, спроси, разсердись сама, покажи свое сердце (онъ зналъ что она сердита на самомъ дѣлѣ) — онъ вѣроятно и самъ бы разсердился, но ему было бы легче, потому что это было бы естественно...

„Господи, да каменная ты что-ли!“ думалъ Андрей Николаевичъ про жену, — „развѣ не видишь — ну, спроси, не играй комедіи, вѣдь это противно... до тошноты противно...“

Но она продолжала молчать.

— Что ты дѣлала? спросилъ вдругъ Андрей Николаевичъ, отнимая отъ лица руку и глядя исподлобья.

— Ничего и очень много, все по дому... отвѣчала Марья Ивановна нарочно оживленнымъ тономъ.

Этотъ „нарочно оживленный тонъ“, которымъ разговариваютъ взрослые, когда играютъ съ дѣтьми, желая сдѣлать видъ, что имъ самимъ очень интересна давно надоѣвшая игра, — словно взвизгъ пожа рѣзнулъ слухъ Андрея Николаевича.

— А дѣти, прислуга что? перебилъ онъ, не слушая того, что ему говорила жена, и упорно глядя на нес, отчего она больше волновалась.

Онъ предлагалъ вопросы, надѣясь, что на какой-нибудь изъ нихъ она отвѣтитъ искренно, и этимъ упорнымъ своимъ взглядомъ и молилъ, и требовалъ, и ждалъ, чтобы она высказала то, что у нея на душѣ — тогда бы и ему было легко высказаться; но она считала этотъ взглядъ у мужа за привычку глядѣть такъ когда онъ былъ не въ духѣ. Она знала, что онъ не слушаетъ того что она говоритъ, знала какіе вопросы онъ будетъ дѣлать, раздражалась ими и воображала, что мужъ тоже знаетъ это и, дѣлая свои вопросы, именно желаетъ разсердить ее, чтобы имѣть поводъ разсердиться самому и облегчить себя гнѣвомъ.

„Не поймашь!“ подумала она и, притворно удивленно поднявъ брови, взглянула на Андрея Николаевича.

— Дѣти? прислуга?.. ничего, отлично... отвѣчала она.

— Такъ отчего же ты такая взволнованная, нервная? я думалъ, что случилось что-нибудь...

Марья Ивановна не отвѣчала.

Она чувствовала по своему, что какъ ни сдерживала себя — мужъ достигъ своей цѣли. Онъ окончательно разстроилъ ее.

„Я стараюсь забыть неприятности, принуждаю себя забыть, а онъ нарочно растравляетъ рану, чтобы я не выдержала. Ему только этого и нужно“, думала она, — „какой у него скверный, несносный характеръ, и какъ съ нимъ трудно жить!..“

Обѣдъ кончился скоро и кончился молча.

Андрей Николаевичъ всталъ и направился въ соседнюю комнату, раздѣленную ситцевою перегородкой, гдѣ на одной половинѣ была ихъ спальня, а на другой — стоялъ его письменный столъ.

„Уйдетъ! надо же знать!“ подумала опять Марья Ивановна и вдругъ заговорила.

— Авдюша! начала она...

Лицо ея покраснѣло. Она, робѣя, боялась, что мужъ придерется къ ея словамъ и устроитъ ей сцену, которой, какъ ей казалось, она избѣжала сейчасъ.

Андрей Николаевичъ въ полъ-оборота повернулъ къ ней лицо.

— Авдюша... сейчасъ опять звонили... это опять лавочникъ... онъ ужъ сегодня былъ разъ... Я велѣла ему вечеромъ зайти... Денегъ надо... дай... ты досталъ...

— Нѣтъ! сказалъ онъ.

— Такъ какъ же мы будемъ...

— Какъ будемъ! Господи! тутъ дѣло о жизни идетъ, а она толкуетъ о какомъ-то лавочникѣ!..

Рубка лѣса въ Финляндіи. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Бролинга, грав. Раппевекіі.

Литературный альбомъ. „Портретъ“ Гоголя. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) И. Волкова. грав. Яблонскій.

Андрей Николаевичъ поднялъ руки и прижалъ ладони къ вискамъ.

— Не досталь я денегъ — ну, нѣтъ у меня ихъ, нѣтъ... нѣтъ!.. прокричалъ онъ, остановившись на мгновенье, — откуда я ихъ возьму?

Онъ былъ въ какомъ-то изступленіи и съ налившимися кровью глазами глядѣлъ на жену.

— Да что же ты кричишь такъ? сказала Марья Ивановна мягко, слишкомъ даже мягко, такъ, какъ не могла говорить женщина въ спокойномъ состояніи, — вѣдь я должна же у тебя спросить... почему же я знаю: досталь ты денегъ или нѣтъ...

Новая неправда окончательно взбѣсила Андрея Николаевича — неужели она по его состоянію не могла видѣть и знать заранѣе, что у него нѣтъ денегъ.

— Не я кричу, а ты кричишь, сказалъ онъ и вышелъ изъ комнаты.

Инстинктомъ больнаго, измученнаго физически и нравственно человѣка, какъ это часто бываетъ, она уже знала, безошибочно знала теперь, что у мужа была неприятность, горе изъ-за мѣста. Она еще сомнѣвалась въ этомъ въ первую минуту его возвращенія, но теперь она знала, что это такъ.

„Что я ему скажу?“ думала она, — „а придется еще оправдываться, рассуждать о томъ, почему я не спросила его что съ нимъ... а если бы спросила, что бы было тогда!..“

И ей живо представились всѣ вспышки мужа, когда онъ бывалъ въ подобномъ настроеніи духа...

„Да, а теперь лучше?..“ черезъ секунду подумала она, — „не такъ же-ли онъ вышелъ изъ себя и накричалъ и накричитъ еще?.. не знаешь какъ быть... Боже мой, Боже мой! дай мнѣ силъ и терпѣнія... научи что дѣлать! Силъ у меня нѣтъ... силъ... здоровья...“

Она встала и пошла за мужемъ.

Андрей Николаевичъ, заложивъ руки въ карманы, стоялъ спиной къ дверямъ у письменнаго стола...

Марія Ивановна тихонько затворила дверь и подошла къ нему.

— Ну, полно, Андрюша, начала она.

Сердце ея усиленно билось.

„Ударить еще!“ думала она то, что думала всякій разъ при подобной исторіи, — „ударить или бросится, задушить!..“

— Андрюша!

Марія Ивановна положила свою худую, испорченную работой руку на его плечо.

— Ахъ, оставьте меня!.. пробормоталъ Андрей Николаевичъ.

— Послушай, вѣдь ты самъ говорилъ, что не любишь, когда пристають къ тебѣ... Я боялась спросить и теперь боюсь...

Андрей Николаевичъ судорожно улыбнулся.

— Боялась, повторилъ онъ, — боишься... чего?

— Андрюша, скажи самъ — я боюсь тебя... боюсь разсердиться... моимъ нѣтьемъ...

„Не то, не то!“ мысленно, отчаянно повторялъ себѣ Андрей Николаевичъ, не того онъ хотѣлъ отъ жены...

— Это вѣдь не съ мѣстомъ что? выждавъ немного, продолжала она...

Онъ продолжалъ стоять молча.

— Да, съ мѣстомъ, съ мѣстомъ! вдругъ приходя въ новое бѣшенство, прокричалъ Андрей Николаевичъ, — обошли, отдали другому... а ты съ твоимъ лавочникомъ!.. Я жить такъ не могу... на девяносто рублей въ мѣсяцъ мы тянуть больше не можемъ... Оставаться такъ, пойми, нельзя... а между тѣмъ и сдѣлать ничего нельзя...

Онъ безсильно опустился на стулъ.

Какъ ни ждала Марья Ивановна дурнаго извѣстія о мѣстѣ, какъ ни была даже увѣрена въ этомъ извѣстіи, но теперь, когда рушились всѣ надежды, она теперь только почувствовала какую отраду давало ей таившееся гдѣ-то въ глубинѣ души ея зернышко надежды,

готовое разростись при малѣйшемъ намекѣ на удачу и вырванное теперь окончательно.

Она поняла, что хотя и увѣрила себя въ предстоящей неудачѣ, но все же только увѣрила, а на самомъ дѣлѣ почти жила мыслью о мѣстѣ — и вдругъ теперь отымаютъ у нея эту жизнь...

— Андрюша, можетъ быть это слухи только? проговорила она, желая утѣшить не столько его, сколько себя, — кого назначили на твоё мѣсто? Ради Бога, успокойся...

Она сама задыхалась.

Андрей Николаевичъ покачалъ головой.

— Нѣтъ, не слухи...

Онъ отнялъ руки отъ своего смуглаго лица, слегка попорченнаго оспой, и уставился черными какъ уголь глазами своими въ одну, неопредѣленную, первую попавшуюся точку...

Марья Ивановна тоже долго стояла не шевелясь и потомъ вдругъ положила ему на голову свою руку.

Онъ поглядѣлъ на нее — и она поняла наконецъ, что говорили эти глаза, поняла, что онъ сердится на нее только оттого, что онъ несчастенъ, и что на самомъ дѣлѣ не сердиться онъ хочетъ, а хочетъ, чтобы его пожалѣли, поддержали и чтобы именно она, жена его, которую онъ любитъ, и пожалѣла, и поддержала его.

— Какъ же ты узналъ это? кто тебѣ сказалъ? совсѣмъ другимъ уже, ласковымъ голосомъ спросила она.

— Кто?..

— Да...

Андрей Николаевичъ, точно просыпался, поглядѣлъ на жену.

— Ахъ! — директоръ... проговорилъ онъ, — директоръ призвалъ меня и говоритъ: „мнѣ очень жаль сообщить вамъ, Андрей Николаевичъ, но войдите въ мое положеніе... я съ своей стороны сдѣлалъ все, что могъ... представилъ князю“... Ахъ, развѣ все это нужно было, когда могъ самъ назначить!.. перебилъ себя Андрей Николаевичъ.

— Ну, и что же дальше? остановила мужа Марья Ивановна.

Глаза ея блестѣли, щеки были горячи и красны. Она видимо съ усиліемъ старалась разобрать слова мужа и понять суть дѣла...

— Ну и что жъ — вотъ и сказалъ, продолжалъ онъ, — „ничего не могъ сдѣлать... для васъ... князь пожелалъ... его желаніе“...

— То есть что же, я не понимаю, кого же назначаютъ? Вѣдь по-очереди, что-ли, долженъ былъ ты получить это мѣсто.

— Ну да, а теперь отдали другому...

— Кому же?.. прошептала Марія Ивановна, и въ ожиданіи отвѣта быстро стала перебирать сослуживцевъ мужа, которые могли перебить ему дорогу. — Авдѣевъ... Колпнянскій... Барининъ...

— Сынку одного генерала... причисленному... паненька прислать... по знакомству назначили...

Андрей Николаевичъ усмѣхнулся, и вставъ съ кресла, сталъ ходить изъ угла въ уголъ по комнатѣ.

Марія Ивановна машинально сѣла на его мѣсто.

Она чувствовала страшную усталость во всемъ тѣлѣ и страшное отсутствіе мыслей въ головѣ.

„Все кончено, все кончено... какъ быть теперь? какъ быть?“ мысленно повторяла она; но эти слова не имѣли для нея опредѣленнаго значенія. Они являлись какъ-то такъ, по привычкѣ, и не вызвали никакого отвѣта.

Сердце у нея точно остановилось. Она замерла вся.

II.

Былъ Великій постъ. Стоялъ мартъ мѣсяцъ. Таявшій снѣгъ свезли съ улицъ. Въмѣсто него на мостовой остались лужи и грязь. На тротуарахъ въ каждой ямкѣ, въ каждой рябинкѣ виднѣлась вода. Въ воздухѣ пахло сыростью. Нева посѣрѣла. Пѣшеходные мостки съ нею убрали, но ледъ еще не трогался.

Къ подъѣзду большаго, четырехэтажнаго дома на одной изъ главныхъ улицъ постоянно подъѣзжали экипажи, кареты и извозчики дрожжи.

Извозчики, ссадивъ сѣдоковъ и получивъ съ нихъ деньги, отъѣзжали отъ подъѣзда, оглядываясь на него: кареты, выпустивъ господъ, дѣлали кругъ по улицѣ и, вновь подъѣхавъ къ дому, выстраивались въ линію, вдоль по тротуару.

Выходившія изъ экипажей дамы были въ черныхъ платьяхъ и черныхъ шляпахъ, мужчины—преимущественно военные—въ полной парадной формѣ.

Всѣ выходили какъ-то особенно молча, и молча отвѣтывъ кивкомъ головы на низкіе поклоны швейцара, поднимались по лѣстницѣ.

„Что?.. гдѣ?.. а?“ слышались только изрѣдка, шепотомъ произносимыя восклицанія.

На первомъ переходѣ лѣстницы стоялъ какой-то странный по одеждѣ и виду среднихъ лѣтъ человекъ, безъ шляпы и въ драповомъ пальто.

Во второмъ этажѣ высокая дверь съ рѣзными, вычурными украшеніями и огромными львиными головами, была пріотворена.

Въ дверь по временамъ высовывалась голова благообразнаго лакея, который глядѣлъ на лѣстницу и, видя поднимающихся господъ, широко, безъ шума, растворялъ дверь, и пропустивъ ихъ, снова затворялъ ее.

Въ передней вся мебель была вынесена и вмѣсто одной, стояло нѣсколько вѣшалокъ. Зеркало было заткнуто холстомъ. Въ одномъ углу, прислоненная къ стѣнѣ, блестѣла серебромъ и будто массивнымъ золотомъ металлическая крышка большаго гроба.

Входившіе въ переднюю снимали верхнее платье, шепотомъ переговаривались съ лакеями, указывая куда повѣсить шубы, шинели и пальто, и тихо шли въ залу.

Изъ залы тоже все, вся мебель была вынесена.

Высокія простѣлочныя зеркала были закутаны бѣлою матеріей. Бронзовая люстра чуть видѣлась изъ-подъ кисейнаго чехла.

Огромная эта зала съ лѣпными стѣнами и потолкомъ, въ правомъ, восточномъ углу была превращена въ садъ.

Тамъ красивою декорацией раскинули свои стрѣльчатые листья широкія пальмы, стояли мирты, лавры и между ними горшки розановъ, цинерарій и гіацинтовъ.

Всю эту декорацию на двѣ равныя половины раздѣлялъ столикъ, покрытый бѣлой скатертью, на которомъ стояли иконы и теплилась лампадка.

„Скоро... скоро начнется паннихида?“ спрашивали, здороваясь другъ съ другомъ, входившіе, „священникъ пришелъ?“

И они изрѣдка, точно по забывчивости, улыбались и точася, стараясь сдержаться и казаться „приличными случаю“, набожно крестились съ серьезнымъ лицомъ.

— Какъ онъ исхудалъ!.. узнать нельзя... слышалось дальше.—А что это у него въ головахъ? Боже мой—я смотрю и не могу понять, а это просто кисель!..

Покойникъ, окруженный деревьями, между четырехъ свѣчъ, въ своемъ гробу на высокомъ катафалкѣ, лежалъ весь какъ-то осунувшись, опустившись по-мертвецки, безучастный, закаменѣлый. Глаза его были крѣпко закрыты, носъ заостренъ, лицо темно-желто. Губы сложились въ улыбку, точно обращенную къ большинству пріѣзжавшихъ къ нему на паннихиду...

Рядомъ, въ гостиной, шелъ разговоръ:

— Что-жь это не начинаютъ?.. нетерпѣливо беспокоилась небольшого роста полная дама, вынимая изъ черной кружевной муфточки платокъ,—или ждутъ кого-нибудь?..

— Нѣтъ, кажется съ Еленой Ивановной что-то...

— А что?..

— Обморокъ, кажется...

— Александра Романовна, голубчикъ, вы-бы пошли туда... вдругъ соболѣзнующе обратилась дама съ муф-

точкой къ почтеннаго вида худой особѣ въ нѣсколько поношенномъ, траурномъ платьѣ.

— Ничего, ничего—я ужъ была тамъ... первно тряся головой и стараясь удержать ротъ отъ кривившей его, по привычкѣ казаться любезною, улыбки, отвѣчала Александра Романовна.

— А-а!.. сколько лѣтъ, сколько зимъ не видались! подошелъ къ ней высокій генераль.—А я ужъ думалъ, что и вы... того... Однако нѣтъ... все бѣгаете... смотрите, берегитесь, вѣдь какъ сядете—умрете чего добраго... Александра Романовна фыркнула.

— Нѣтъ, я ужъ вамъ, генераль, первое мѣсто уступаю... обидчиво произнесла она.

— Да, да... повторилъ генераль,—вѣдь вотъ, какъ знать:

Цвѣлъ юноша вечеръ, а нынче умеръ,
И вотъ его четыре старика
Несутъ на сторбленныхъ плечахъ въ могилу.

— Ты отсюда куда? тихо спрашивалъ между тѣмъ какой-то молодой человекъ у товарища.

— Какъ тебѣ сказать... Меня сегодня звали въ ложу...

— Такъ я подвезу тебя...

— Знаете, рассказывалъ уже на другомъ концѣ комнаты шепотомъ генераль, показывая глазами на Александру Романовну,—она *ему* (онъ кивнулъ головою по направленію залы) за нѣсколько часовъ до смерти принесла маринованную селедку. Онъ, видите, любилъ ихъ при жизни, такъ она умирающему хотѣла удовольствіе сдѣлать. *Его* братъ рассказывалъ моему сыну. Право. И селедку еще положила въ мыльницу... другой посуды не нашла...

При этомъ генераль не выдержалъ и тихо засмѣялся...

„Священникъ пришелъ“, донесся шепотъ изъ залы. и всѣ почти съ такими-же лицами, какъ пассажиры, долго ждавшіе поѣзда на станціи, направились въ залу.

Паннихида началась. Чужіе размѣстились вдоль стѣнъ.

Родные покойнаго стали направо отъ гроба. Тутъ были и отецъ, и мать, и братья покойнаго, и сестра. Мать—маленькая, полная, краснощекая старушка, въ новомъ черномъ суконномъ платьѣ съ обшитой крепомъ пелеринкой и прозрачномъ, съ длинными завязками, чепцѣ. Отецъ, во флотской формѣ, съ черными орлами на золотыхъ погонахъ, величественный, строгій, съ зачесанными на виски волосами и быстрыми сѣрыми, выпуклыми глазами. Онъ казался совершенно спокойнымъ, но рука его, которую онъ протянулъ при входѣ въ залъ безсчетное число разъ, была холодна какъ ледь.

Съ матерью стояла замужня сестра покойнаго.

Она недавно поднялась послѣ рожденія втораго ребенка и теперь пріѣхала на паннихиду, почти поссорясь съ мужемъ, не хотѣвшимъ выпустить ее изъ дому вечеромъ.

Она никогда еще не теряла близкаго, дорогаго существа, и смерть брата поразила ее ужасомъ.

„Неужели онъ умеръ?“ думала она, „не можетъ быть... не можетъ быть!..“ И не смотря на то, что она видѣла лицо брата тутъ передъ собой въ гробу, она ждала, что вотъ-вотъ онъ выйдетъ оттуда изъ двери и все въ душѣ ея успокоится. „Господи, что это я—вѣдь онъ *умеръ!*..“ вдругъ вспомнила она—и на минуту думала о его смерти, но потомъ опять какъ-то начинала ждать, что онъ придетъ.

Любовь Николаевна склонилась совсѣмъ къ полу свою голову и горько заплакала, и вдругъ, какъ-бы въ отвѣтъ на ея слезы, на ея молитву и мысли, она услышала слова, которыя пѣли пѣвчіе: „яко золь душа моя исполнися и животъ мой ада приближася...“

Пѣніе было тихое, какъ чье-то благоуханное дыханіе, исполненное такой тоски, такого желанія чистоты духа, что оно, какъ нѣжная материнская ласка, подѣйствовало на ея душу.

„Да, да!“ шептала Любовь Николаевна, „ада приближася—это такъ. Ты знаешь, Господи, душу мою. По-

моги мнѣ и исцѣли меня и прости... *ему прости*“, заливаясь слезами, глядя на лицо покойнаго брата, говорила она.

Она поднялась съ колѣнъ и взглянула на покачнувшуюся, какъ ей показалось, мать.

— Что у мамы *опять* былъ обморокъ? шепотомъ спросила она у одного изъ братьевъ.

— Нѣтъ... кажется... впрочемъ... нѣтъ!.. отвѣчалъ тотъ.

„*Кажется!*“ подумала Любовь Николаевна и инстинктивно обернулась кругомъ— не слыхаль-ли кто отвѣта брата.

Рядъ знакомыхъ и полужакомыхъ лицъ мелькнулъ передъ нею.

„Добрые, хорошіе!“ думала она, „всѣ пришли помолиться... а это кто?“ невольно остановилась она, взглянувъ на незнакомаго, стоявшаго въ сторонкѣ у дверей, смуглаго человѣка.

Человѣкъ этотъ, въ поношенномъ, но старательно вычищенномъ сюртукѣ, плохо и изъ плохаго сукна сшитомъ, въ тоненькомъ черномъ галстукѣ, на сидѣвшей хомутотъ на его исхудалой шеѣ рубашкѣ, далеко былъ не похожъ на собравшихся здѣсь людей, принадлежавшихъ видимо къ другому кругу.

Онъ стоялъ сдвинувъ брови, сжавъ губы, не отрываясь глядя на покойника, стоялъ вытянувшись, истоиво держа слегка въ сторону горящую восковую свѣчу и не передвигая ногъ, обутыхъ въ толстые, съ тупыми носками, забрызганные сапоги.

На слегка попорченномъ оспою лицѣ его изрѣдка пробѣгала словно судорога.

„Кто-бы это былъ?“ повторила съ недоумѣніемъ Любовь Николаевна и подвинулась, чтобы лучше рассмотреть незнакомаго лицо. И вдругъ сердце ея дрогнуло: незнакомый человѣкъ плакалъ.

Двѣ крупныя, тяжелыя слезы катились по его щекамъ, словно онъ близко зналъ ея брата.

— Папа, вы видите? тихо сказала отцу послѣ панихиды Любовь Николаевна, показывая на незнакомаго человѣка, когда всѣ стали подходить къ покой-

нику, а онъ все еще стоялъ у дверей, не двигаясь.

— Я видѣлъ его... замѣтилъ... скажи Алексѣю, чтобы подошелъ къ нему, отвѣтилъ отцу,—поблагодарилъ за участіе... уча... и...

Старикъ, крѣпившійся все время, не выдержалъ и всхлипнулъ.

— Что вы, папа? быстро подходи къ отцу, проговорилъ Алексѣй, второй сынъ.—Сядьте...

Онъ усадилъ отца и нагнулся къ сестрѣ, стараясь понять, что она говорила ему, показывая куда-то.

— Гдѣ? а?... что?... хорошо! проговорилъ онъ наконецъ, поворачивая голову и глядя въ сторону дверей.— Сейчас! и добавивъ на слова отца—гдѣ братъ могъ познакомиться—„вѣрно за-границей“—пошелъ къ незнакомому, пробираясь сквозь толпу.

— Алексѣй Николаевичъ, пожалуйста—вась „батьюшка“ ожидаютъ! остановилъ его дворецкій.

— Alek, à quelle heure demain?

— Алеша, здравствуй голубчикъ, гдѣ Елена Ивановна?..

— Покровъ будетъ вашъ, новый, или изъ церкви прикажете?..

— Сейчасъ, сейчасъ! отвѣчалъ Алексѣй Николаевичъ, ни на кого не глядя и пробираясь къ дверямъ.

Но вдругъ, крѣпко уцѣпившись за его рукавъ, остановила его Александра Романовна.

— Зачѣмъ это крышку сюда несутъ? неистово спрашивала она, какъ будто готовилось произойти нѣчто ужасное.—Зачѣмъ закрывать, это не дѣлается...

— Какую крышку, кого закрывать? съ досадою спросилъ Алексѣй.

— Вотъ... вотъ...

Александра Романовна протянула руку со своими обезображенными отъ ревматическихъ опухолей пальцами.

— Гдѣ? Это покровъ, какая крышка! сказалъ Алексѣй, взглянувъ по направленію руки и, освободившись отъ Александры Романовны, хотѣлъ было опять идти исполнить порученіе отца, но когда онъ взглянулъ къ дверямъ—незнакомаго человѣка уже не было тамъ.

(Продолженіе будетъ)

Исусъ.

Повѣствованіе изъ библейскихъ временъ. **Георга Эберса.** (Продолженіе).

Осія на молитвѣ.

Глава VII.

ъ поникшею головой возвращался Осія въ лагерь. Разладъ въ его душѣ улегся. Онъ зналъ теперь, что ему нужно дѣлать. Отецъ звалъ его—надо было повиноваться.

А Богъ его народа!

При рассказѣ старика вновь ожило все то, что Осія слышалъ отъ него, въ дѣтствѣ, и теперь онъ зналъ, что Богъ этотъ не Сеть азіатовъ Нижняго

Египта и не „Единый“ или „Совокупность Всего“ посвященныхъ египтянъ. Молитвы, которыя онъ произносилъ мальчикомъ, отходя ко сну, новѣсть о сотвореніи міра, которой онъ никогда не могъ заслушаться, потому что она съ дивною ясностью показывала, какъ возникало одно за другимъ все, что есть на землѣ и на небѣ, пока не явился наконецъ человѣкъ, чтобы взять все подъ свою власть и, себѣ на пользу, рассказы о праотцахъ Авраамъ и Исаакъ, Иаковъ, Исавъ и его собственномъ предкѣ Иосифѣ,—все это онъ такъ охотно слушалъ, когда рассказывала кроткая женщина, давшая ему жизнь, или мамка, или дѣвѣ Элизамъ, и все это онъ считалъ давно забытымъ.

Но въ хижинѣ стараго раба онъ могъ-бы повторить слово въ слово эти рассказы, и теперь онъ снова зналъ, что есть невидимый, всемогущій Богъ, который избралъ его племя изъ всѣхъ другихъ и общалъ сдѣлать великимъ народомъ.

То, что египтяне хранили въ величайшей тайнѣ, было общимъ достояніемъ его единоплеменниковъ. У нихъ каждый индій и каждый рабъ могъ воздвѣвать руки въ молитвѣ къ единому, невидимому Богу, который являлся Аврааму.

Египетскіе мудрецы, смутно догадывавшіеся объ Его существованіи, окружили Его естество порожденіями собственного воображенія и собственного мышленія, и подъ густою завѣсой скрывали его отъ толпы; только въ еврейскомъ народѣ Онъ былъ поистинѣ живымъ Богомъ и проявлялъ Себя въ своемъ могущественномъ, потрясающемъ сердце величій.

Онъ не природа, съ которой отождествляли его посвященные въ храмахъ; нѣтъ выше всего сотвореннаго и всего видимаго міра вмѣстѣ съ человѣкомъ, Его послѣднимъ и совершеннѣйшимъ твореніемъ, созданнымъ по Его образу и подобию,—стоялъ Богъ отцовъ его, и все сотворенное покорялось Его волѣ. Будучи могущественнѣе всѣхъ царей, Онъ управлялъ съ правосудною строгостью всѣмъ живущимъ—и если Онъ былъ недостижимъ взорамъ человѣка, Его подобія, который даже не могъ представить Его себѣ, тѣмъ не менѣе Онъ былъ та-

Венецианская рыбачка. Сь карт. Ев. Блааса, грав. Врендамуръ.

кимъ же живымъ, мыслящимъ, одушевленнымъ существомъ, какъ и люди, но предѣломъ Его бытія была вѣчность, Его духъ былъ — всевѣднѣе, границы власти его — въ безконечности.

И этотъ Богъ сталъ вождемъ его народа. Нѣтъ военачальника, который отвѣтился бы помѣриться съ Нимъ! Если Маріамъ не обманулъ пророческій духъ, если Онъ дѣйствительно призвалъ Осію служить Ему своимъ мечомъ, то можетъ-ли смертный противиться такому повелѣнію и возможно-ли болѣе высокое назначеніе на землѣ?

А народъ его? Сбродъ, о которомъ онъ думалъ не иначе какъ съ пренебреженіемъ, какъ онъ преобразился теперь въ его глазахъ власти Всевышняго послѣ разказа старика! Осія страстно желалъ теперь вести его, и остановился на половинѣ обратнаго пути къ стану, на песчаномъ холмѣ, подъ которымъ безпредѣльная равнина моря сверкала при свѣтѣ догораваго неба, онъ въ первый разъ послѣ многихъ, многихъ лѣтъ, воздѣлъ руки и возвелъ очи къ Богу, котораго снова обрѣлъ.

Онъ началъ короткою молитвою — которой его выучила мать; но потомъ, сталъ призывать Всевышняго, какъ могущественнаго совѣтника, и съ горячими слезами молилъ Его указать ему путь, на которомъ онъ могъ-бы повиноваться Ему и отцу, не нарушая данной царю присяги и не дѣлаясь безчестнымъ въ глазахъ тѣхъ, кому онъ обязанъ своимъ высокимъ положеніемъ.

— Твой народъ восхваляетъ Тебя, воскликнулъ онъ, поднявъ голову къ высокому небу, — какъ Бога истины, который наказываетъ клятвopреступленіе! Неужели Ты потребуешь отъ меня, чтобы я сталъ пзмѣнникомъ и нарушилъ данную клятву? Все, чего я достигъ, все, что дано мнѣ свершить, принадлежитъ Тебѣ, Великій, а кровь свою и жизнь я готовъ отдать за свой народъ. Но не ввергай меня въ безчестіе и клятвopреступленіе, избавь меня отъ этого и поручи другому, не связанному священной клятвою, то дѣло, для котораго Ты избралъ своего раба!

Такъ молился онъ, и казалось ему, точно онъ держитъ въ объятіяхъ друга, котораго считалъ потеряннымъ. Потомъ онъ тихо пошелъ дальше во мракѣ быстро бѣжавшей ночи, и когда проснулася утренняя заря, бурный приливъ чувствъ отхлынулъ, и Осія превратился въ спокойнаго, твердаго военачальника.

Правда, онъ обѣщалъ себѣ ничего не дѣлать противъ воли отца и Бога, но не менѣе твердо рѣшилъ онъ, что не станетъ ни безчестнымъ, ни клятвopреступникомъ. Какъ надлежало ему поступать — теперь ясно и отчетливо рисовалось передъ его глазами. Онъ долженъ покинуть службу фараону, прямо объявивъ тѣмъ, кто стоялъ выше его, что, какъ покорный сынъ, онъ хочетъ исполнить приказаніе отца и раздѣлить судьбу своего народа.

При этомъ онъ вовсе не скрывалъ отъ себя, что ему могутъ отказать въ его просьбѣ, могутъ насильно удерживать его, угрожать смертью, если онъ будетъ настаивать на своемъ непоколебимо-твердомъ рѣшеніи и, въ крайнемъ случаѣ, предадутъ въ руки палача. Если такъ суждено ему, если его рѣшеніе будетъ стоить ему жизни, все-же онъ поступитъ правильно — и его соратники, которыхъ уваженіе дорого ему, вспомнятъ о немъ какъ о храбрѣмъ товарищѣ; отецъ и Маріамъ не будутъ имѣть права негодовать на него, а лишь пожалѣютъ благороднаго воина и сына, который предпочелъ смерть клятвopреступленію.

Ободрившись духомъ и успокоясь, онъ съ гордою осанкой сказалъ стражѣ пропускъ ¹⁾ и вошелъ въ свою ставку.

Ефремъ спокойно лежалъ на ложѣ и улыбался, какъ бы охваченный сладкимъ сномъ. Осія также прилегъ на чепуху возлѣ него, чтобы подкрѣпитесь къ наступающему тяжелому дню. Векорѣ и его вѣки сомкнулись; послѣ часоваго крѣпкаго сна, онъ открылъ глаза и приказалъ подать себѣ лучшую праздничную одежду, шлемъ и позолоченныя чешуйчатая латы, которыя надѣваютъ по большимъ праздникамъ и въ присутствіи царя.

Между тѣмъ Ефремъ также проснулся; любовными и радостными глазами смѣрился онъ дядю, который стоялъ передъ нимъ, во всемъ блескѣ мужественной силы и великолѣпнаго военного наряда; потомъ онъ вскочилъ на ноги и воскликнулъ:

— Съ какою гордостью должно-быть вѣдешъ тысячи въ такомъ одѣяніи!

¹⁾ Для читателей, которыхъ могутъ удивить такіа тонкости военного дѣла въ столь отдаленнаго времени, считаемъ великимъ замѣтить что военное искусство было весьма развито у древнихъ египтянъ. У нихъ были крѣпости, боевыя колесницы, осадныя снаряды и хорошее вооруженіе, которое выдавалось изъ оружейныхъ фараона. Воинамъ вообще не платили жалованья, но они владѣли третью частью земли съ крестьянами, которыми распоряжались по произволу; жалованье же (хлѣбъ, масло и вино) давалось имъ только тогда, когда они попадали въ тѣлохранители фараона; эту службу они отбывали ноочередно, по 1000 человекъ въ годъ. Кромя стрѣлковъ, составлявшихъ ядро арміи, была разнообразно вооруженная тяжелая пѣхота, которая въ бою строилась плотными массами въ рядѣ фалангъ. На боевыхъ колесницахъ сражались знатнѣйшіе военачальники. Вслѣдствіи заведена была и конница. При осадѣ городовъ египтяне рыли подземныя траншеи къ стѣнамъ крѣпости. *Ред.*

Осія пожалъ плечами и сказалъ:

— Повинуйся Богу, не давай ни вышнимъ, ни низшимъ права относиться къ тебѣ иначе, какъ съ уваженіемъ, — и ты можешь держать голову такъ же высоко, какъ самый гордый витязъ въ пурпуровой одеждѣ и золотой бровѣ.

— Однако ты достигъ многого среди египтянъ, продолжалъ юноша. — Они ставятъ тебя очень высоко; вотъ и начальники стрѣлковъ Горнехтъ и его дочь Казана...

— Въ самомъ дѣлѣ? спросилъ улыбаясь воинъ и затѣмъ велѣлъ племяннику лежать спокойно, такъ какъ лобъ его все еще горѣлъ, хотя и не пылалъ уже такъ сильно какъ вчера.

— Не выходи на воздухъ, сказалъ въ заключеніе Осія, — пока у тебя не побываетъ врачъ, и ожидай здѣсь моего возвращенія.

— А скоро-ли ты вернешься? спросилъ юноша.

Осія остановился въ раздумьи, посмотрѣлъ съ любовью въ лицо племянника и строго отвѣчалъ:

— Служащій господину своему никогда не знаетъ, сколько времени его задержать.

Затѣмъ онъ смягчилъ рѣчь и спокойно продолжалъ, какъ-бы говоря самыя обыкновенныя вещи:

— Можетъ-быть все рѣшится очень скоро — и я вернусь черезъ нѣсколько часовъ. Если же случится иначе, если я не вернусь къ тебѣ до вечера или до завтрашняго утра... тогда, — и тутъ онъ положилъ руку на плечо юношѣ, — тогда отправляйся какъ можно скорѣе въ обратный путь. Если приди въ Сокхоэвъ узнаешь, что народъ ушелъ оттуда раньше твоего прибытія, то въ дуплѣ смоковницы, что противъ дома Амнанадава, ты найдешь письмо, которое сообщитъ тебѣ, куда народъ направился дальше. Когда ты доберешься до нашихъ, передай мой привѣтъ отцу моему, дѣду Елишамѣ, а также Маріамъ. Скажи ей и остальнымъ, что Осія будетъ помнить повелѣніе Бога и своего отца. Впредь онъ будетъ называться Исусомъ! Слышишь-ли, Исусомъ? Объ этомъ прежде всѣхъ другихъ сообщи Маріамъ. Наконечъ ты долженъ передать имъ, что если я не приду и если мнѣ не позволять послѣдовать за ними, несмотря на мое желаніе, — значитъ Всевышній судилъ иначе, и мечъ, который онъ вложилъ въ мои руки, сиюминутно прежде чѣмъ я успѣлъ употребить его въ дѣло. Понимаешь-ли ты меня, мальчикъ?

Ефремъ кивнулъ головой и отвѣчалъ:

— Ты хочешь сказать, что только смерть воспрепятствуетъ тебѣ послѣдовать призыву Бога и приказанію твоего отца?

— Да, таковъ смыслъ моихъ словъ, отвѣчалъ Осія. — Если же тебя спросятъ, почему я не бѣжалъ отъ фараона и отъ его власти, отвѣчай, что Осія хочетъ принять новыя обязанности незапятнаннымъ, не опозореннымъ пзмѣной клятвѣ, или если такова Божья воля, то незапятнаннымъ и умереть; а теперь повтори то, что я тебѣ сказалъ.

Ефремъ повиновался, и очевидно рѣчь Осія сильно запечатлѣлась въ его душѣ, такъ какъ онъ не забылъ и не искалъ ни одного слова. Но исполнивъ обязанность гонца и повторивъ сказанное, онъ въ горячемъ порывѣ схватилъ руку Осія и сталъ умолять, чтобы онъ довѣрился ему и сказалъ: имѣеть-ли онъ причины бояться за свою жизнь.

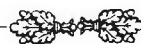
Тогда воинъ горячо обнялъ юношу и высказалъ надежду, что довѣренное ему порученіе не придется выполнить.

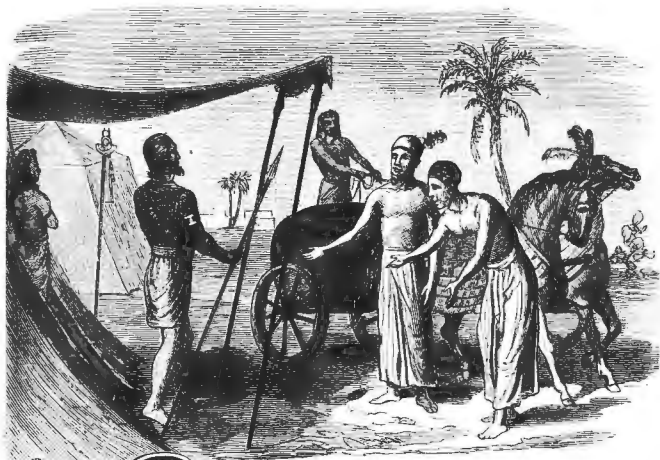
— Можетъ-быть, заключилъ онъ, — меня будутъ стараться удержать силой, но, съ Божьею помощію, я скоро буду опять съ тобой, и мы вмѣстѣ поскачемъ въ Сокхоэвъ.

Съ этими словами онъ послѣдно вышелъ изъ шатра, не обращая вниманія на вопросы, которыми закидалъ его племянникъ, такъ какъ послышался грохотъ колесъ, и двѣ колесницы, запряженныя прекрасными конями, быстро подѣхали къ шатру и остановились передъ входомъ.

Прощаніе Осія съ Ефремомъ.

Осія и посланцы фараона.

Глава VIII.

Осія хорошо зналъ обоихъ сошедшихъ съ колесницъ; это былъ первый коммандный сановникъ и одинъ изъ высшихъ писцовъ царя, и они прѣехали съ тѣмъ чтобы везти Осію къ Высокимъ Вратамъ¹⁾.

Колебаться и отказываться не было возможности, и Осія, болѣе наумленный, чѣмъ обезпокоенный, взмошелъ вмѣстѣ съ писцомъ во вторую колесницу.

На обоихъ сановникахъ были темныя похоронныя одежды и у каждаго надъ вискомъ черное страусовое перо, вмѣсто бѣлаго, служившаго отличительнымъ знакомъ ихъ достоинства. Кони и скороходы, шедшіе впереди двухколесныхъ повозокъ, также носили на себѣ всѣ знаки глубочайшаго горя; однако посланные царя казались скорѣе обрадованными, чѣмъ опечаленными, такъ какъ орелъ, котораго нужно было привезти къ фараону, бѣжалъ съ ними добровольно, а они боялись, что уже не найдутъ его въ гнѣздѣ.

Рослые гнѣдые кони, съ царской конюшни, быстрѣ вѣтра понесли легкія колесницы по направленію къ царскому дворцу по неровному проселку черезъ прибрежныя песчаные холмы и по гладкой мощеной дорогѣ.

Съ любопытствомъ, свойственнымъ юности, Ефремъ вышелъ изъ шатра посмотрѣть на необычное зрѣлище. Присутствовавшимъ воинамъ очень понравилось, что фараонъ прислабъ за ихъ предводителемъ собственную колесницу; въ особенности же было польщено тщеславіе молодаго еврея при видѣ почета, которымъ пользовался его дядя. Однако, пріятное зрѣлище продолжалось недолго; вскорѣ густыя облака пыли скрыли отъ его взоровъ отъѣзжавшія колесницы.

Дуль палищій вѣтеръ пустыни, который такъ часто въ весенніе мѣсяцы свирѣпствуетъ въ долинѣ Нила и, совершенно ясное на разсвѣтѣ, голубое небо было покрыто теперь не облаками, а какою-то бѣловатою мглой.

Солнечный шаръ неподвижно, подобно глазу слѣнца, взиравъ на головы людей. Удушливый зной, казался, поглотивъ всѣ исходящія отъ него лучи. Сквозь окружающую мглу глазъ безпрятственно могъ смотрѣть на кругъ солнца, а между тѣмъ жаръ никогда не былъ такъ силенъ. Даже легкій утренній вѣтерокъ, приносившій обыкновенно прохладу, походилъ сегодня на горячее дыханіе разсвирѣтившаго чудовища. Онъ несъ съ собою раскаленные песчинки пустыни, и вдыханіе его производило мучительныя страданія. Обыкновенно столь благовонный мартовскій воздухъ Египта стѣснялъ теперь грудь человѣка и животнаго. Онъ давилъ все живущее и какъ-бы останавливалъ жизнь.

Чѣмъ выше подымалось блѣдное, лишенное лучей солнце, тѣмъ темнѣе становилась мгла, тѣмъ гуще и быстрѣ неслись тучи песковъ пустыни. Ефремъ стоялъ передъ шатромъ и смотрѣлъ въ ту сторону, гдѣ исчезли въ облакахъ пыли колесницы фараона. Колѣна его дрожали, но онъ приниживалъ отъ дѣйствію вѣтра Сета-Тифона, во время котораго даже самыя сильныя и здоровыя ощущаютъ невидимую тяжесть на ногахъ.

Осія уѣхалъ; но черезъ нѣсколько часовъ онъ вернется, Ефрему придется послѣдовать за нимъ въ Сокхоуъ, и тогда всѣ блестящія ожиданія и надежды, которыя пробудилъ въ немъ вчерашній день, всѣ волшебныя картины, отъ которыхъ еще болѣе усиливалось его лихорадочное состояніе, исчезнутъ для него навсегда.

Не далѣе, какъ прошлою ночью, юноша рѣшился вступить въ войска фараона, для того чтобы остаться въ Танисѣ и быть поближе къ Казанѣ. Но если онъ и не совсѣмъ ясно понялъ слова дяди, то, во всякомъ случаѣ нѣтъ сомнѣнія, что Осія

¹⁾ Дворецъ царя. Слово „фараонъ“ собственно значитъ „высокія врата“. Дев.

намѣренъ отказаться отъ Египта и своего высокаго положенія и увести его, Ефрема, вмѣстѣ съ собою. И такъ, надо отречься отъ надежды еще разъ увидѣть Казану. Но мысль эта казалась ему невыносимой и тайный голосъ шепталъ, что не имѣя ни отца, ни матери, онъ въ правѣ дѣйствовать по своему усмотрѣнію. Опекующъ его, въ домѣ котораго онъ выросъ—братъ его отца—недавно умеръ, а новаго не назначали, такъ какъ Ефремъ успѣлъ выйти уже изъ дѣтскаго возраста. Впоследствии ему предстоило сдѣлаться однимъ изъ вождей своего славнаго рода, и до вчерашняго дня онъ не мечталъ ни о чемъ лучшемъ.

Когда, наканунѣ, онъ съ высокомѣріемъ свободнаго стадо-владѣльца отказался отъ предложенія жреца—вступить въ ряды войскъ фараоновыхъ, онъ дѣйствовалъ по внушенію своего сердца. Но теперь Ефремъ говорилъ себѣ, что было-бы неразумно и мальчишески-глухо отказываться отъ того, чего онъ не знаетъ, что съ намѣреніемъ представляли ему въ невращенномъ и отталкивающимъ видѣ, для того чтобы крѣпче привязать къ своимъ. Ему представляли египтянъ ненавистными врагами и притѣснителями, а между тѣмъ какъ привлекательно показалось ему все, что онъ встрѣтилъ въ первомъ-же домѣ фараонова воина, въ который вступилъ.

А Казана!

Что подумаетъ она о молодомъ человѣкѣ, если онъ безъ прѣвѣта и прощальнаго слова покинетъ Танисъ? Развѣ не обидно ему будетъ остаться въ ея воспоминаніи грубымъ и неотесаннымъ пастухомъ? Наконецъ, было-бы просто нечестно не возвратитъ тѣхъ драгоценныхъ одеждъ, которыми она снабдила его! Благодарность—и между евреями считалась первою обязанностью благороднаго сердца. Юноша показался-бы себѣ достойнымъ презрѣнія на всю жизнь, если-бы еще разъ не повидалъ ее.

Но надо торопиться; когда Осія вернется, ему надо быть готовымъ къ отъѣзду.

Ефремъ уже сталъ подвизывать къ ногамъ подошвы, но дѣло подвигалось медленно и онъ самъ не понималъ почему руки такъ плохо повинуются ему сегодня.

Ефремъ безпрятственно прошелъ станомъ. Храмовыя пилоны и обелиски, казалось, тихо дрожавшіе въ раскаленномъ, пыльномъ воздухѣ, указывали ему путь, и вскорѣ онъ шелъ уже по широкой дорогѣ, ведшей къ городскому рынку, какъ объяснилъ ему изнемогавшій отъ жары торговецъ, везшій въ станъ на ослахъ мѣхи съ виномъ.

Густая пыль покрывала избѣжавшую дорогу и носилась въ воздухѣ, а сверху солнце обдавало палищимъ зноемъ непокрытую голову юноши. Рана снова начала болѣть; наполненный песчаную пылью воздухъ проникалъ въ глаза и ротъ, жегъ и кололъ лицо и незащищенные части тѣла. Мучительная жажда одолевала молодаго человѣка, и по временамъ онъ принужденъ былъ останавливаться, такъ какъ ноги отказывались служить ему. Наконецъ онъ подошелъ къ колодцу, вырытому какимъ-то благочестивымъ египтяниномъ на пользу странниковъ и, хотя колодецъ былъ украшенъ изображеніемъ языческаго божества, которыхъ Маріамъ учила его избѣгать какъ заразы, Ефремъ принялъ пить не переставая, находя, что никогда еще съ такимъ наслажденіемъ не утолялъ своей жажды.

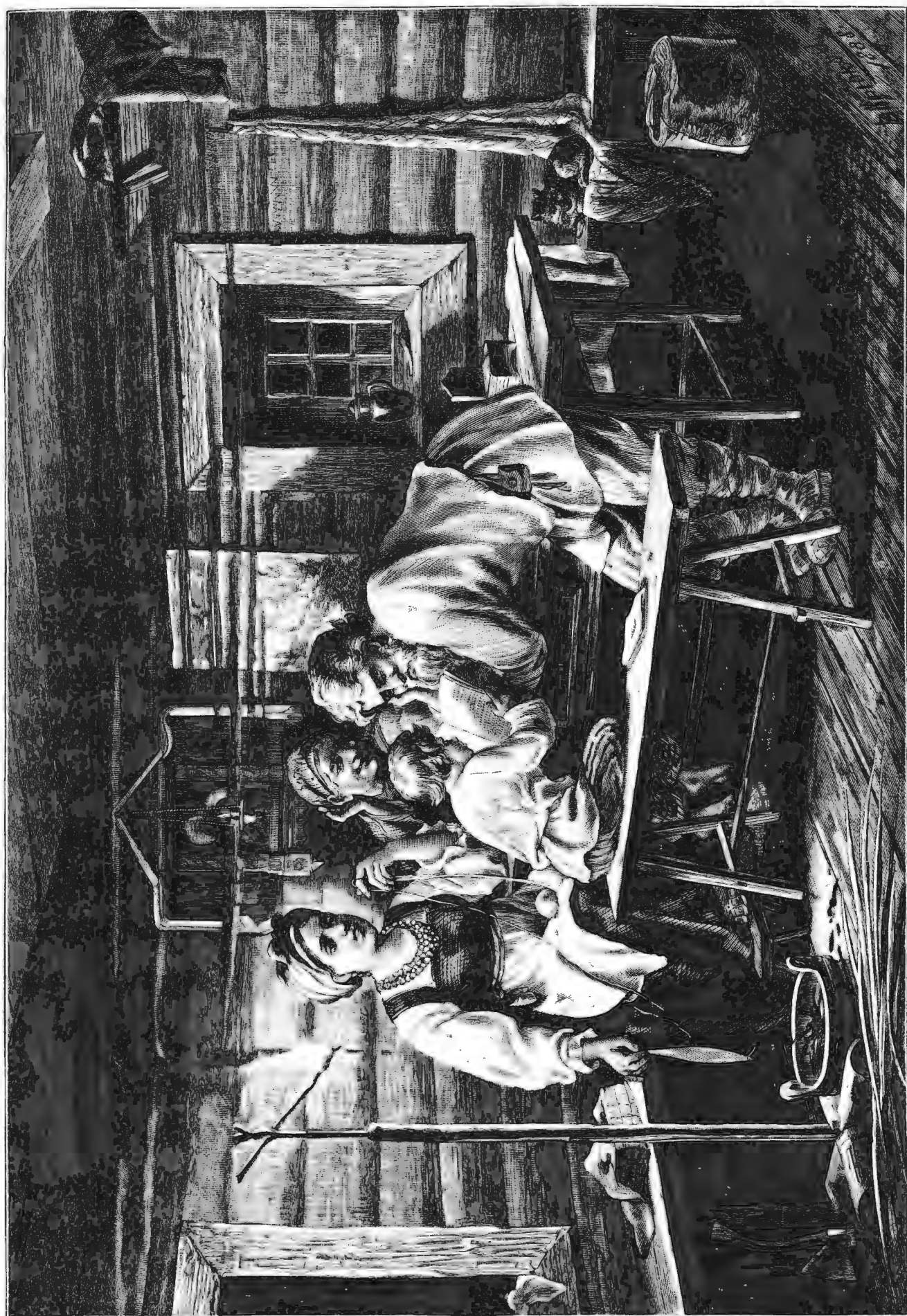
Боязнь потерять какъ вчера сознаніе—теперь покинула его и, хотя въ ногахъ ощущалась прежняя тяжесть, Ефремъ бодро зашагалъ къ привлекавшей его цѣли; однако это напряженіе силъ вскорѣ утомило его, потъ каплями выступилъ у него на лбу, рана стала ныть, будто по ней стучали молотками, а голову словно сжимало желѣзное кольцо; зоркіе глаза юноши также отказывались служить; все что онъ видѣлъ—пыль предъ нимъ въ столбѣ дорожной пыли и небосклонъ, казалось, колыхался вверхъ и внизъ; въ то-же время явилось ощущеніе, какъ будто онъ ступаетъ не на твердый камень, а идетъ по мягкому болоту.

Однако все это мало заботило юношу, ибо внутренняя жизнь его никогда еще не была такъ полна и богата красками. Все, о чемъ онъ думалъ, съ необычайною ясностью представлялось его воображенію. Картина за картиной являлись мысленнымъ очамъ помимо его желанія, а какъ-бы повинуюсь какой-то чужой волѣ. То ему казалось, что онъ лежитъ у ногъ Казаны, склонивъ голову на ея колѣна и глядя въ ея прекрасное лицо,—то онъ видѣлъ передъ собою Осію въ блестящемъ воинскомъ уборѣ, какъ вчера, но еще величественнѣе, и освѣщеннаго не слабымъ свѣтомъ въ шатрѣ, а краснымъ заревомъ пожара. Потомъ передъ нимъ проходили великолѣпнѣйшіе быки и бараны его стада и въ то-же время мелькали нареченія посланій, которыя онъ запечатлѣлъ въ своей памяти; по временамъ ему казалось, будто кто-то громко произноситъ ихъ возлѣ него; но не успѣвалъ юноша вслушаться въ нихъ, какъ что либо новое, необычайно блестящее вставало передъ его глазами или въ ухахъ раздавался громкій шумъ и звонъ.

Такъ шелъ онъ впередъ, качаясь какъ пьяный, съ каплями пота на лбу и пересохшимъ горломъ. По временамъ онъ безсознательно поднималъ руку, чтобы отмахнуть пыль отъ воспаленныхъ глазъ; но въ сущности его мало огорчало, что глаза его такъ плохо и неясно видятъ, ибо все окружающее было ничто въ сравненіи съ тѣми восхитительными карти-

Столкновеніе паруснаго судна съ ледяною горою. Рис. Вилл Стёверъ, грав. Пейне.

Грамотей. Съ акварели В. Крюкова. грав. Шюблеръ.

нами, которая рисовалась его воображению. Правда, по временам он сознавал, что сильно страдает, и у него являлась мысль броситься в изнеможении на землю; но каждый раз какой-то непонятный прилив бодрости подталкивал его вперед. Наконец ему стало казаться, что голова его все растет и растет; вот она доросла уже до высоты громадного истукана, который он видел вчера перед вратами храма, потом достигла вышины пальм, стоявших на дороге, наконец доросла до мглы окутавшей небо, и поднялась выше... И вдруг ему показалось, что эта голова, все-таки его собственная, обнимает весь земной шар; он прижимал руки к вискам и ко лбу, желая поддержать эту голову, тяжесть которой становилась невыносимою для слабой шеи и плеч; не сладив с этим впечатлением, Ефрем громко вскрикнул, колѣна его подкосились, и он без чувств упал на пыльную дорогу.

Осія протерся ниц...

Глава IX.

В эту самую минуту, один из придворных сановников вводил Осю в приемный покой.

Между тем как все подданные, являясь предъ лицом фараона, обыкновенно ждали по несколько часов, терпѣние еврея не нашли нужным подвергать испытанию. В это время глубокой скорби обитавшие дворцовые покои, всегда кипѣвшие шумной и пестрой жизнью, казались вымершими. Не только рабы и стража, но даже придворные того и другого пола, изъ приближенных къ царственной четѣ, бѣжали от заразы и скрылись безъ всякаго разбѣженія.

Лишь кое-гдѣ, прислонившись къ колоннѣ, одиноко стоялъ жрецъ, чиновникъ или придворный, или, закрывъ лицо руками, сидѣлъ на корточкахъ, въ ожиданіи приказаній. Стражники шагали взадъ и впередъ, опустивъ оружіе и туло смотря передъ собой. Иногда, по опустошеннымъ заразою покоемъ проходили неслышными шагами молодые жрецы, покачивая серебряныя жаровни, въ которыхъ курился можжевелникъ и благовонныя смолы.

Казалось, какой-то страшный гнѣтъ лежитъ на дворцѣ и его обитателяхъ; и дѣйствительно, къ общей скорби о любимомъ царскомъ сынѣ, привѣшивался страхъ смерти и полный упадокъ силъ, тѣлесныхъ и нравственныхъ, вызванный душительнымъ вѣтромъ пустыни.

Здѣсь, у ступеней престола, гдѣ всегда можно было видѣть лица горѣвшія надеждой и честолюбіемъ, преданностью и страхомъ, одушевленіемъ и ненавистью, Осія встрѣчалъ сегодня лишь понуренныя головы и потупленные взоры.

На одного лишь Бан, второго жреца Аммуна, казалось, не дѣйствовали ни горе, ни страхъ, ни душительный воздухъ. Онъ бодро и весело привѣтствовалъ Осю въ первомъ изъ покоевъ и тотчасъ сталъ увѣрять его—конечно едва слышимымъ шепотомъ—что никто не думаетъ ставить ему въ вину поступка его единоплеменниковъ. Когда же еврей откровенно сознался, что въ ту минуту когда его потребовали во дворецъ, онъ былъ уже на пути къ верховному военачальнику, у котораго намѣревался испросить увольненіе отъ воинской службы, жрецъ перебилъ его и заговорилъ о благодарности, которую онъ, Бан, обязанъ ему, своему спасителю. Затѣмъ снова сталъ увѣрять, что сдѣлаетъ все возможное для того, чтобы удержать его при войскахъ и доказать ему, что въ Египтѣ и помимо воли фараона—о которомъ онъ скажетъ ему нѣсколько словъ наединѣ—умѣютъ цѣнить истинныя заслуги, не по наружности только и не обращая вниманія на происхожденіе.

Осія хотѣлъ было продолжать, но его прервалъ главный комнатный сановникъ, подошедшій чтобы вести его предъ лицо „добраго бога“¹⁾.

Фараонъ ожидалъ еврея въ нѣсколько меньшей приемной, примыкавшей къ внутреннимъ покоямъ царской семьи.

Эта была великолѣпная комната, казавшаяся сегодня еще больше, чѣмъ во дни большихъ приемовъ, ибо была почти пуста; лишь нѣсколько придворныхъ, жрецовъ и приближенныхъ къ царницѣ женщинъ, въ печальныхъ нарядахъ, окружали престолъ. Напротивъ него, расположившись на полу кружкомъ и поджавъ ноги, сидѣли, украшенные страусовыми перьями, пинцы и совѣтчики фараона.

И здѣсь, во дворцѣ, смерть нашла себѣ жертву, что доказывалось какъ печальными нарядами присутствующихъ, такъ и однообразнымъ, жалобнымъ причитаніемъ плакальщицъ, доносившимся въ общемъ загнѣвъ изъ внутреннихъ покоевъ царскаго жилища. По временамъ одинъ какой-либо громкій, рѣзкій и дрожащій вопль выдѣлялся среди общаго однообразнаго хора.

Фараонъ и его супруга занимали сѣдалище изъ золота и слоновой кости, обитое черными тканями. вмѣсто обычныхъ блестящихъ украшеній, на обоихъ были темныя одежды. Царственная жена и мать, оплакивавшая своего первенца, сидѣла безъ движенія, опустивъ голову и прислонясь къ плечу своего высокаго супруга.

Погруженный въ глубокую думу, фараонъ также безучастно опустилъ глаза въ землю. Царскій жезлъ выпалъ у него изъ рукъ и лежалъ на его колѣняхъ.

Царицу только-что увели отъ тѣла умершаго сына, переданнаго на руки бальзамовщиковъ, и лишь на порогѣ приемнаго зала она успѣла овладѣть своими слезами. Неумолный придворный уставъ требовалъ ея присутствія на всѣхъ болѣе важныхъ приемахъ—противиться такому обычаю она и не пыталась. Хотя сегодня возможно было бы избѣжать его, но фараонъ потребовалъ ея присутствія, и сама она, зная чѣмъ приема и сочувствуя ей, нашла необходимымъ явиться; ибо страхъ предъ могуществомъ еврея Мезу—котораго единоплеменники звали Моисеемъ—и предъ его Богомъ совершенно овладѣлъ ею. Вѣдь у нея есть и еще дѣти, которыхъ она могла потерять, и царица, знавшая Мезу еще ребенкомъ, хорошо помнила какъ высоко цѣнили умъ этого чужеземца, воснигивавшагося вмѣстѣ съ его сыновьями, великій Рамаезъ, отецъ и предшественникъ ея супруга.

О, еслибы удалось умилостивить этого человѣка! Но Мезу ушелъ вмѣстѣ со своими; она знала его желѣзную волю и боялась что страшный человекъ останется недоступенъ ни угрозамъ фараона, ни ея собственнымъ горячимъ мольбамъ.

Теперь она ожидала Осю, думая, что только ему, сыну Навина, перваго человека среди евреевъ Таниса, удастся можетъ-быть устроить то, что считаютъ за лучшее для обѣихъ сторонъ и ея супругъ, и престарѣлый верховный жрецъ и первый прорицатель Аммуна—Руи. Глава всего жрецческаго сословія въ странѣ, послѣдній въ то же время исполнялъ должности главнаго судьи, главнаго хранителя казны, намѣстника, и вмѣстѣ со дворомъ послѣдовалъ изъ Оивъ въ Танисъ.

Передъ темъ какъ ее призвали въ приемную залу, царица была занята плетеніемъ вѣнковъ для своего дорогаго покойника и, по ея желанію, все необходимое для этого было перенесено вслѣдъ за нею въ приемный покой. Цвѣты лотоса, шпорника, мальвы и листья ивы лежали на ея колѣняхъ и на столѣкѣ рядомъ; но она чувствовала себя какъ-бы разбитою ударомъ, и рука, протягивавшаяся за цвѣтами, отказывалась служить ей.

По лѣвую руку фараона, на цыновкѣ сидѣлъ поджавъ ноги Руи, первый жрецъ Аммуна, старецъ давно уже достигшій девяностолѣтняго возраста. На его потемнѣвшемъ лицѣ, морщинистомъ и потрескавшемся точно кора стараго дуба, изъ-подъ густыхъ бѣлыхъ бровей блистали умные, живые глаза, подобно свѣжимъ цвѣтамъ среди засохшей зелени, являя странную противоположность дряхлому, сморщенному и согбенному тѣлу старца.

Общее веденіе дѣлъ Руи уже передалъ съ нѣкоторыхъ поръ второму прорицателю Бан, но сохранилъ за собою свой санъ,

¹⁾ Эфемерическое названіе фараона. Лот.

свое мѣсто вслѣдъ фараона и кресло въ совѣтѣ, и хотя говорилъ рѣдко, но мнѣніе его чаще имѣло рѣшающее значеніе, чѣмъ мнѣніе пылкаго, краснорѣчиваго и гораздо болѣе молодого, втораго прорицателя.

Не смотря на то, что старецъ не покидалъ фараона съ тѣхъ поръ, какъ зараза проникла во дворецъ, онъ сегодня чувствовалъ себя свѣжѣе обыкновеннаго. Палящій вѣтеръ пустыни, разслаблявшій другихъ, дѣйствовалъ на него благотворно. Онъ постоянно чувствовалъ ознобъ, не смотря на шкуру леопарда, покрывавшую ему спину и плечи, а сегодняшній зной согрѣлъ его старую застывающую кровь.

Еврей Моисей былъ его ученикомъ, и никогда Руи не приходилось руководить болѣе сильною душой и болѣе одареннымъ умомъ. При посредствѣ стараго ученаго, юноша былъ посвященъ во все высшія таинства. Многого ожидалъ старій жрецъ для Египта и для своей вѣры отъ молодого еврея. И когда тотъ убилъ пристава, жестоко истязавшаго одного изъ его соплеменниковъ, и потомъ бѣжалъ въ пустыню, это нечестивое дѣяніе такъ глубоко огорчило старика, какъ будто собственный сынъ его совершилъ это и собственному же сыну приходилось нести послѣдствія. Только благодаря заступничеству жреца, Мезу былъ помилованъ; но когда онъ вернулся въ Египетъ и съ нимъ провозомъ то, что другіе жрецы называли его „отступничествомъ“,—это нанесло старику еще болѣе тяжкій ударъ, чѣмъ бѣгство молодого еврея. Еслибы онъ, Руи, былъ моложе, онъ возненавидѣлъ бы того, кто обманулъ его лучшей надеждой; но старецъ, для котораго сердце человѣческое было открытою книгой и который съ трезвымъ безпристрастіемъ яснаго ума умѣлъ переноситься въ души другихъ людей, обвинилъ прежде всего себя самого въ томъ, что не замѣтилъ перелома, совершавшагося въ его ученикѣ.

По воспитанію и образованію, еврей Мезу былъ настоящимъ египетскимъ жрецомъ; но послѣ того какъ онъ, ради своего народа, поднялъ руку на тѣхъ, къ которымъ принадлежалъ въ силу человѣческаго разума и воли,—онъ былъ потерянъ для египтянъ и сталъ истымъ сыномъ своего племени; а тамъ, гдѣ этотъ человѣкъ, съ твердой волей и сильнымъ умомъ, пойдетъ впереди, другіе неизбежно послѣдуютъ за нимъ.

Верховный жрецъ хорошо зналъ, что отступникъ намѣренъ дать своему племени; Мезу самъ сознавался ему въ этомъ. Онъ хотѣлъ дать своему народу вѣру во единого Бога. Въ то время Мезу отринувъ упрекъ въ клятвопреступленіи, утверждая, что онъ отнюдь не выдавалъ евреямъ тайны „Единого“, а только привелъ ихъ обратно къ тому Богу, которому они служили прежде, чѣмъ Іосифъ и его братья пришли въ Египетъ. Положимъ, Единый посвященныхъ во многомъ походилъ на Единого евреевъ, но это именно и успокаивало стараго мудреца. Онъ зналъ по опыту, что толпа не удовольствуется единымъ, истиннымъ Богомъ, понятіе о которомъ трудно давалось даже развитымъ умамъ многихъ изъ его учениковъ. Человѣку изъ народа нужны олицетворенія всего важнаго, совершающагося въ немъ и вокругъ него, а это давала ему религія египтянъ. Что значила для любящей молодой дѣвушки созидательная и управляющая мірами невидимая сила? Ее влекло къ ласковой, близкой ей Хаторѣ, съ веревками въ щедрой рукѣ, которыми она привязывала сердце къ сердцу,—прекрасной, могущественной и притомъ женщиной, такой же какъ она сама: передъ ней она могла откровенно высказать все, что лежало у нея на сердцѣ. Что значило маленькое горе матери, оспаривающей у смерти своего ребенка, для необъятно великой и всемогущей невидимой силы? Другое дѣло, добрая Изиды, которая сама докрасна наплакала себѣ глаза отъ горя,—та сдѣлать ее понять. А не надо забывать, что женское влияние очень много значить въ отношеніяхъ и мужичны къ божеству!

Верховному жрецу часто приходилось видѣть въ египетскихъ святилищахъ молящихся евреевъ и евреекъ. Если Мезу и удастся обратить ихъ къ своему Богу, то опытный старецъ ясно видѣлъ, что они очень скоро отвернутся отъ невидимаго Духа, который навсегда останется имъ непонятнымъ, и цѣлыми толпами вернуться къ болѣе доступнымъ для нихъ богамъ.

Теперь Египту угрожала потеря рабочихъ рукъ, въ которыхъ онъ такъ нуждался, но Руи надѣялся, что онъ скоро могутъ быть возвращены странѣ.

— Тамъ, гдѣ можно подѣйствовать словомъ, не слѣдуетъ употреблять въ дѣло мечъ и стрѣлы, возразилъ онъ второму прорицателю Бан, на требованіе того преслѣдовать и убить евреевъ. — Мертвыхъ тѣлъ у насъ и безъ того избытокъ; мы терпимъ недостатокъ въ рабочихъ рукахъ. Постараемся лучше удержать то, что грозитъ уйти отъ насъ!

Эти мягкія слова совершенно пришлись по сердцу фараону, который довольно испыталъ уже бѣдствій и думалъ что безопаснѣе войти безоружнымъ въ клѣтку льва, чѣмъ бороться съ гнѣвомъ страшнаго еврея.

И потому онъ на этотъ разъ не слушалъ поджигающихъ словъ втораго прорицателя. — твердый и рѣшительный образъ дѣйствій котораго всегда тѣмъ сильнѣе влиялъ на фараона, чѣмъ верѣннѣе былъ онъ самъ,—но успокоенный и освѣженный новой надеждой, тотчасъ согласился на предложеніе

престарѣлаго Руи послать военачальника Осію къ его единоплеменникамъ для веденія съ ними переговоровъ отъ имени фараона.

Въ концѣ концовъ и второй прорицатель, Бан, одобрилъ эту затѣю, дававшую ему въ руки новый рычагъ для низверженія престола, подъ который онъ подкапывался. Когда выходцы снова утвердятся въ странѣ, царскій жезлъ можетъ быть перейдетъ изъ рукъ трусливаго Менеоты въ руки князя Сиптаха, ненавидящаго евреевъ и не считающаго никакія кары слишкомъ тяжелыми для нихъ.

Но прежде всего надо удержать бѣглецовъ, а на это всѣхъ пригоднѣе Осія; надо только свискать довѣріе прямодушнаго воина, чего никто, по мнѣнію Бан, не могъ достигъ такъ успѣшно, какъ самъ фараонъ и его супруга. Мнѣніе это раздѣлялъ и престарѣлый верховный жрецъ Руи, не принимавшій, однако, участія въ заговорѣ. Вслѣдствіе такого рѣшенія царскую чету убѣдили прервать оплакиваніе умершаго и лично принять еврея.

Осія простерся ницъ передъ царскимъ престоломъ и, подивившись, встрѣтилъ на себѣ утомленный и опечаленный, но вмѣстѣ съ тѣмъ милостивый взглядъ своего царя.

Волосы на бородѣ и головѣ фараона были обриты, какъ того требовалъ обычай отъ родителя, лишившагося своего первенца. Когда-то лицо Менеоты обрамляли черные, блестящіе волосы; но въ теченіе двадцатилѣтняго, исполненнаго заботъ, царствованія они успѣли посѣдѣть; прямой и стройный станъ фараона согнулся и свидѣтельствовалъ объ утомленіи и слабости, хоть онъ едва достигъ пятидесятилѣтняго возраста. Правильныя черты его были все еще прекрасны и чувствовалось что-то внушавшее состраданіе въ ихъ грустномъ, мягкомъ выраженіи, напоминавшемъ о слабости характера, но скрашиваемомъ по временамъ доброю, чарующею улыбкой. Привычная лѣнивая медлительность движеній не скрывала, свойственнаго фараону, природнаго величія, но его благозвучный голосъ раздавался почти всегда слабо и безпомощно. Менеота не былъ рожденъ для царствованія; тринадцать старшихъ братьевъ должны были умереть прежде, чѣмъ право престолонаслѣдія перешло къ нему, и потому онъ почти до зрѣлаго возраста безопасно пользовался жизнью, въ качествѣ красивѣйшаго юноши въ странѣ, любимца женщинъ и легкомысленнаго баловня счастья. Наслѣдовавъ своему отцу, великому Рамзесу, онъ не успѣлъ принять бразды правленія, какъ ливійцы, въ союзѣ съ другими племенами, возстали противъ Египта. Испытанныя въ бояхъ его предшественниковъ, войска фараона и вожди ихъ скоро доставили ему побѣду, но, въ теченіе двадцати лѣтъ, послѣдовавшихъ за смертью Рамзеса, войскамъ этимъ рѣдко выпадалъ отдыхъ. То на западѣ, то на востокѣ приходилось усмирять мятежи и, вмѣсто того, чтобы жить въ Оивахъ, гдѣ Менеота провела столько лѣтъ, сообразно своимъ вкусамъ и склонностямъ, въ великолѣпномъ дворцѣ, пользуясь благами міра и обществомъ выдающихся мужей,—занимавшихся науками и искусствами, фараону приходилось теперь не только ходить въ походъ вмѣстѣ съ войсками, но даже перенести свое мѣстопробываніе въ главный городъ Нижняго Египта, Танисъ, въ виду затруднительности управленія этою пограничною страной. Такъ рѣшилъ престарѣлый Руи, и царь охотно ему повиновался. Въ послѣдніе годы жизни Рамзеса государственная святиня въ Оивахъ, а вмѣстѣ съ нею и ея верховный жрецъ стали богаче и могущественнѣе царскаго дома, а слабый Менеота предпочиталъ быть орудіемъ въ рукахъ другаго, чѣмъ руководителемъ. лишь бы ему воздавались все царскія почести. За послѣднимъ онъ сдѣлалъ съ такою настойчивостью, на которую былъ совершенно неспособенъ въ болѣе важныхъ дѣлахъ.

Милостивое вниманіе, съ которымъ фараонъ принялъ Осію, обрадовало и вмѣстѣ съ тѣмъ смутило его. Тѣмъ не менѣе онъ нашелъ въ себѣ мужество прямо высказать просьбу объ увольненіи его отъ службы и отъ присяги, принесенной имъ царю.

Фараонъ равнодушно выслушалъ своего полководца и лишь когда Осія чистосердечно сознался, что къ этому шагу побуждаетъ его приказаніе отца, Менеота сдѣлалъ знакъ верховному жрецу, и тотъ заговорилъ тихимъ, едва слышимымъ голосомъ:

— Сынъ, отказывающійся отъ великихъ благъ для того, чтобы не выйти изъ повиновенія отцу, будетъ однимъ изъ самыхъ вѣрныхъ слугъ „добраго бога“. Иди съ миромъ на зовъ Навина. Сынъ солнца, властитель Верхняго и Нижняго Египта, освобождаетъ тебя отъ присяги; но при посредствѣ меня, своего раба, онъ ставитъ тебѣ одно условіе...

— Какое же? спросилъ Осія.

Фараонъ снова сдѣлалъ знакъ верховному жрецу и откинулся на спинку сѣдалища, между тѣмъ какъ старецъ, поднявъ свои ясные глаза на Осію, продолжалъ: — То, чего требуетъ отъ тебя властитель обоихъ міровъ, легко исполнимо. Оно заключается въ томъ, чтобы ты опять сдѣлался его слугою, опять сдѣлался нашимъ, какъ только народъ твой и его вожди — навлекшіе на нашу страну столько бѣдствій — примутъ божественную руку сына солнца, миролюбиво протянутую имъ, и снова вернуться подъ благословенную сѣнь царскаго престола. „Добрый богъ“ привлечетъ ихъ къ себѣ

и къ своему государству богатыми знаками своей милости, какъ только они возвратятся изъ пустыни, куда ушли принести жертвы своему Богу. Пойми меня! Все, что доселѣ служило къ утѣсенію народа, среди котораго ты родился, будетъ отменено. „Добрый богъ“, новымъ закономъ, даруетъ имъ широкія права и вольности и то, что мы обѣщаемъ, будетъ начертано и засвидѣтельствовано съ нашей и вашей стороны, въ видѣ новаго договора, имѣющаго силу для дѣтей и внуковъ вашихъ. Но если все это будетъ обѣщано съ нашей стороны, съ честнымъ намѣреніемъ сдерживать данное слово до конца дней, и народъ твой согласится принять наши предложенія, обѣщашь-ли ты тогда снова стать нашимъ?

— Возьми на себя обязанности посредника, тихимъ голосомъ перебила первосвященника дарица, съ умоляющимъ видомъ взглянувъ въ лицо еврея своими грустными глазами.

Я думаю съ ужасомъ о гнѣбѣ Мезу, и, насколько отъ насъ зависитъ, мы сдѣлаемъ все, чтобы вернуть себѣ его прежнее расположеніе. Назови ему мое имя и напomini тѣ дни, когда онъ объяснялъ мнѣ, маленькой Изидѣ-Нефергѣ, названія растеній, которыя я ему приносила, и толковалъ мнѣ и моей сестрѣ ихъ вредъ или пользу, въ тѣ дни, когда навѣщала на женской половинѣ царя, свою вторую мать. Да простятся и забудутся всѣ раны, которыя онъ нанесъ сердцамъ египтянъ! Будь нашимъ посломъ, Осія, не откажи намъ въ этомъ!

— Такия слова изъ такихъ устъ, отвѣчалъ воинъ,—строжайшій приказъ; но тѣмъ не менѣе они пріятны моему сердцу. Я принимаю обязанность посредника.

Престарѣлый верховный жрецъ одобрительно кивнулъ ему головой и воскликнулъ:

— И такъ я надѣюсь, что этотъ краткій часъ бесѣды поведетъ къ продолжительному благоденствію. Вы же замѣтите вотъ что: гдѣ помогаетъ лекарство, тамъ надо избѣгать ножа и прижиганій. Гдѣ черезъ рѣку перекинуть мостъ, нѣтъ надобности переплывать пучину!

— Да, конечно, надо избѣгать пучины, подтвердилъ фараонъ.

Царица повторила то же самое и снова посмотрѣла на цвѣты, лежавшіе у нея на кофѣяхъ.

Началось совѣщаніе.

Три тайныхъ ища сѣли на полъ возлѣ верховнаго жреца, чтобы лучше слышать его тихій голосъ, а сдвинувшіеся въ кружокъ законовѣды и совѣтники взяли за письменные приборы и, держа въ лѣвой рукѣ папирусъ, быстро двигали тростниковыми палочками или кистями. Все что вершилось и рѣшалось предъ лицомъ фараона—надлежало записывать.

Во время наступившаго совѣщанія кругомъ раздавались только приглушенные голоса; стража и придворные засыпали на своихъ мѣстахъ, а царская чета, какъ бы погруженная въ свои думы, молча и неподвижно смотрѣла на прореходившее передъ нею.

Ни фараонъ, ни его супруга не могли слышать тихаго говора совѣщавшихся, однако египтяне послѣ каждой фразы взглядывали на царя, какъ-будто желая удостовѣриться въ его одобреніи. Осія слѣдовалъ хорошо ему извѣстному обычаю и, подобно другимъ, понижалъ свой голосъ; когда же рѣчь втораго прорицателя или главы законниковъ раздавалась громче, фараонъ поднималъ голову и повторялъ фразу верховнаго жреца: „Гдѣ черезъ рѣку перекинуть мостъ, избѣгайте опасности переплывать пучину“, такъ какъ эти слова выражали то именно, чего желали онъ и царица: избѣжать борьбы, помириться съ евреями, не опасаться болѣе гнѣва ихъ грознаго вождя и его Бога и, въ то же время, не лишиться множества рабочихъ рукъ ушедшаго народа.

Совѣщаніе подвигалось; уже цѣлый часъ продолжался шепотъ говорившихъ и скрипъ тростниковыхъ палочекъ, а царица все оставалась въ прежнемъ положеніи, фараонъ же сталъ обнаруживать признаки безпокойства и возвысилъ голосъ: онъ опасался, что второй прорицатель, ненавидѣвшій того, у кого царь просилъ благословенія и чья враждебность ему казалась столь опасною, поставитъ посреднику невыполнимыя условія.

Однако фараонъ только снова повторилъ совѣтъ вспомнить о мостѣ, а на вопрошенный взглядъ брошенный имъ на главнаго законовѣда, послѣдній успокоилъ его, сказавъ, что дѣло идетъ самымъ лучшимъ образомъ. Осія просилъ только,

чтобы наблюдавшіе за работавшимъ народомъ надсмотрщики вредъ назначались не изъ стражниковъ ливійскаго племени, а изъ евреевъ, выбираемыхъ народными старѣйшинами и утверждаемыхъ египетскимъ правительствомъ.

Тутъ фараонъ бросилъ пенуганно-просительный взглядъ на Баи, втораго прорицателя, и на другихъ совѣтниковъ; Баи съ сожалѣніемъ пожалъ плечами и, объявивъ, что подчиняетъ свое мнѣніе божественной мудрости фараона, согласился на условіе Осія.

Земной богъ съ благодарнымъ наклоненіемъ головы принялъ эту уступку человѣка, желанія котораго уже много разъ притворѣчили его собственнымъ. Послѣ того какъ „чтець“ плу гланатый прочелъ вслухъ отдѣльныя статьи договора, Осію заставили дать торжественную клятву въ томъ, что онъ во всякомъ случаѣ вернется въ Танисъ и сообщитъ Высокимъ Братамъ, какъ приняли его единоплеменики условія царя.

Осторожный полководецъ, хорошо знавшій ловушки и сѣти, разставлявшіяся здѣсь въ изобиліи, неохотно далъ клятву—и то лишь послѣ того, какъ его письменно удостовѣрили, что, каковъ бы ни былъ исходъ переговоровъ, его свобода ни въ какомъ случаѣ не будетъ въ опасности, если только онъ докажетъ, что сдѣлалъ со своей стороны все возможное, дабы поубѣдить народныхъ вождей къ принятію договора.

Наконецъ фараонъ протянулъ воину руку для цѣлованія; Осія прикоснулся губами и къ краю одежды царицы. Тогда верховный жрецъ Руи сдѣлалъ знакъ первому комнатному сановнику; а этотъ фараону, и властитель понялъ, что можетъ удалиться. Онъ сдѣлалъ это охотно и съ радостью въ сердцѣ, убѣжденный, что позаботился наилучшимъ образомъ о собственномъ благополучіи и о благѣ своего народа.

Его прекрасное, усталое лицо освѣтилось какъ бы лучомъ солнца, и когда царица тоже встала и увидѣла его пріятную улыбку, улыбнулась и она.

На порогѣ пріемнаго покоя властитель глубоко вздохнулъ и сказалъ, обращаясь къ своей супругѣ:

— Если Осія сдѣлаетъ свое дѣло, мы перейдемъ по мосту.

— А не черезъ пучину, продолжала въ томъ же тонѣ царица.

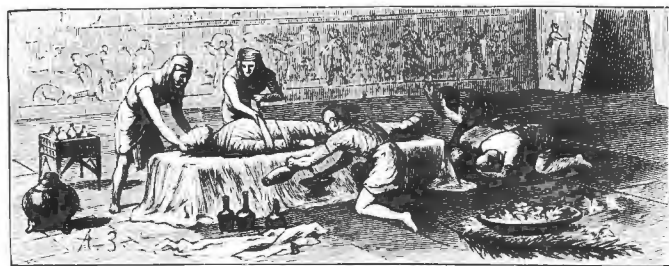
— А если полководцу удастся примирить съ нами Мезу, прибавилъ фараонъ,—и онъ убѣдитъ своихъ остаться на нашей землѣ...

— Тогда ты примешь этого Осію—у него такая важная осянка и честное лицо—въ число царскихъ родственниковъ, прервала фараона его супруга.

Но тутъ фараонъ впервые отрѣшился отъ своей влости и подчиненія и возразилъ съ горячностью:

— Развѣ это возможно? Еврей-то! Если мы примемъ его въ число „друзей“ или „носителей онахала“, то это ужъ самое болѣе! Не легкая задача въ этомъ случаѣ найти золотую середину между чрезвѣрнымъ и слишкомъ малымъ!

Чѣмъ дальше подвигалась чета во внутреннеи покон, тѣмъ громче на встрѣчу ей раздавались вопли плакальщицъ. Это вызвало новыя слезы на глаза царицы, а фараонъ продолжалъ размышлять о томъ, какое мѣсто въ сонмѣ придворныхъ онъ можетъ предложить Осію въ случаѣ если удастся его посольство.

Бальзамированіе фараонова первенца.

(Продолженіе будетъ).

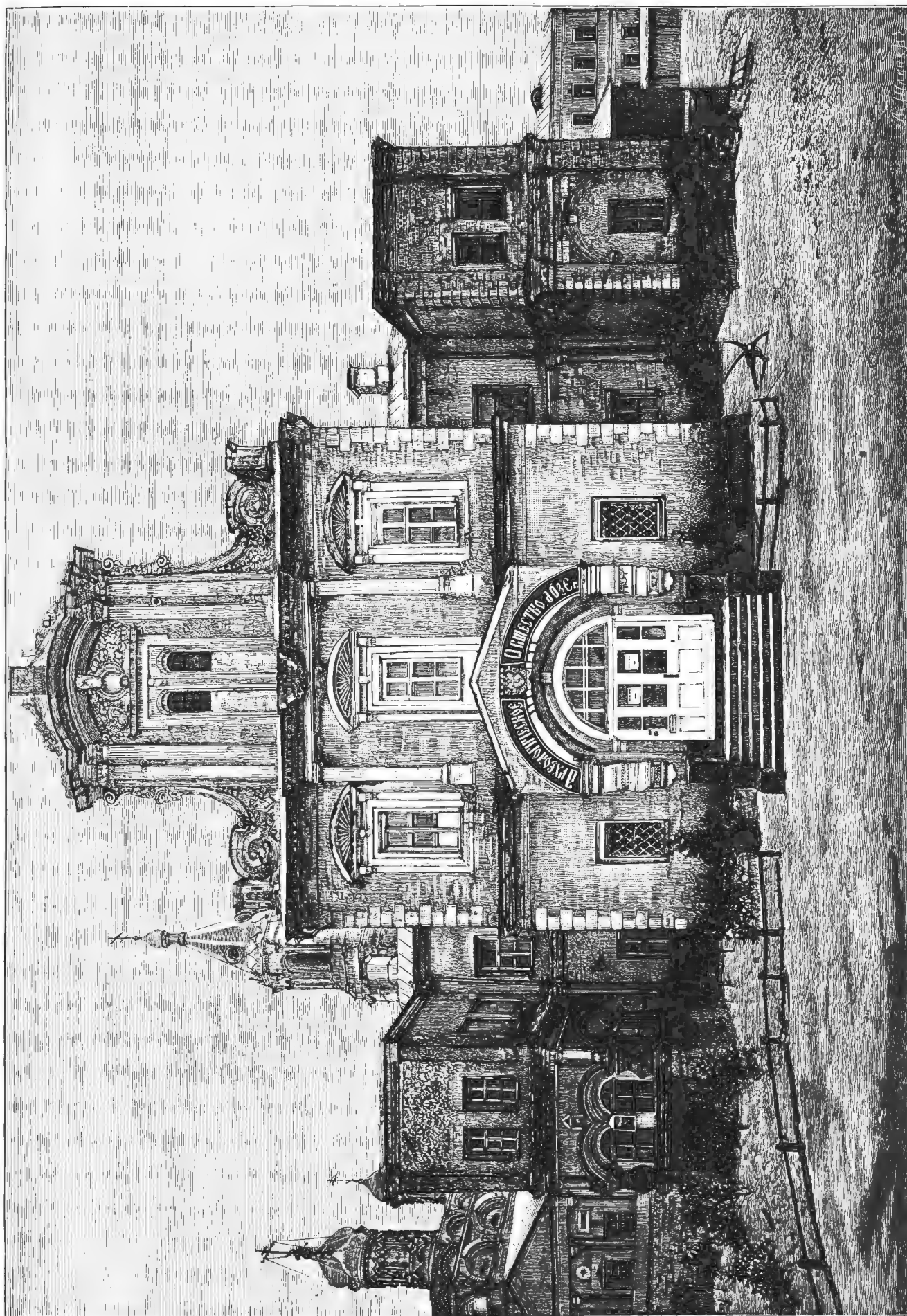
Къ рисункамъ.

На улицѣ въ Кишиневѣ. (Рис. на стр. 65).

Населеніе главнаго города Бессарабской губерніи представляетъ нестройную смѣсь русскихъ, молдаванъ, евреевъ, болгаръ, валаховъ, цыганъ, татаръ и иѣмцевъ. Жители занимаются торговлей, разведеніемъ табаку и винограда, огородничествомъ, садоводствомъ и земледѣіемъ. Поэтому отличная жизнь города кишитъ самыми разнообразными типами. Два изъ нихъ чаще встрѣчаемыхъ, лѣтний молдаванинъ и юркій еврей, изображены нашимъ художникомъ на прилагаемомъ рисункѣ.

Рубка лѣса въ Финляндіи. (Рис. на стр. 68).

Лѣса въ Финляндіи составляютъ болѣе половины (56%) всего пространства, между тѣмъ какъ четверть его (24%) занята озерами, болотами и торфяниками, 10% лугами и только 3% остается на земледѣіе. Понятно что въ такой странѣ сильно должны быть развиты лѣсные промыслы. Лѣса Финляндіи, состоящіе главнымъ образомъ изъ сосны (77%), затѣмъ остальной хвой (12%) и черной сосны (11%), доставляютъ корабельный, строевой и подѣлочный лѣсъ и дрова на топливо; много обжигаютъ деревья на уголь, занимаются снѣдкой дегтя, при-

Домъ Московскаго Археологическаго Общества (бывшій Малюты Скуратова), на Берсеневкѣ.
(По поводу 25-лѣтняго юбилея Общества). Съ фотогр. грав. Шиллеръ.

готовлением смолы, скандара и поташа, причем почти повсеместно вводится правильное лесоводство, тогда как недавно еще леса истреблялись самым безощадным образом. Рубка леса и перевозка его на приземистых финских лошадках занимает огромное число рабочих рук.

Литературный альбомъ. „Портретъ“ Гоголя.

(Рис. на стр. 69.)

„Сквозь щели въ ширмахъ видѣлъ художникъ Чартковъ“, герой известной повѣсти Гоголя „Портретъ“, освѣщенную мѣсяцемъ свою комнату и видѣлъ прямо висѣвшій на стѣнѣ портретъ. Глаза нарисованнаго на немъ старика вперились въ него и, казалось, не хотѣли ни на что другое глядѣть, какъ только на него. Полный тягостнаго чувства, онъ рѣшился встать съ постели, схватилъ простыню и, приблизясь къ портрету, закуталъ его всего. Сдѣлавши это, онъ легъ въ постель покойниче, и сталъ думать о бѣдности и жалкой судьбѣ художника, о тернистомъ пути, предстоящемъ ему на этомъ свѣтѣ; а между тѣмъ глаза его невольно глядѣли сквозь щельку ширмы на закутавшій простынею портретъ. Сіяніе мѣсяца успивало близину простыни, и ему казалось, что страшные глаза стали даже просвѣчивать сквозь холстинку. Со страхомъ вперилъ онъ пристальнѣе глаза, какъ бы желая увѣриться, что это взоръ. Но наконецъ уже въ самомъ дѣлѣ... онъ видитъ, видитъ ясно: простыни уже нѣтъ... портретъ открытъ весь и глядитъ, мимо всего, что ни есть вокругъ, прямо на него, — глядитъ, просто, къ нему внутрь... У него захолололо сердце. И видитъ: старикъ пошевелился и вдругъ уперся въ рамку обѣими руками, наконецъ приподнялся на рукахъ и, высунувъ обѣ ноги, выпрыгнулъ изъ рамы...“

Венеціанская рыбацка. (Рис. на стр. 73.)

Не много найдется городовъ, гдѣ бы художникъ могъ встрѣтить такое разнообразіе типовъ, какъ въ Венеціи, прозванной царицею Адриатическаго моря. Гондолеры, несущія воду форлянки, продавцы и продавщицы на различныхъ рынкахъ, странствующие торговцы, нищие и т. п. Въ высшей степени характерныя фигуры встрѣчаются среди рыбаковъ, въ которыхъ, конечно, нѣтъ недостатка. Ихъ во множествѣ можно встрѣтить на рыбной площади (Pescheria), близъ церкви San Giacomo di Rialto, а также на островахъ Джудекка и Кюджа. Тамъ-то повидимому и зарисовалъ, небезызвѣстный читателямъ *Ильи*, художникъ Евгений фонъ-Блаасъ дѣвочку-рыбачку, помѣщенную на стр. 73.

Ледяныя горы въ Атлантическомъ океанѣ.

(Рис. на стр. 76.)

Когда земля, совершая свой путь вокругъ солнца по небесной эклиптикѣ, вступаетъ въ зодіакальный знакъ Вѣсовъ, и расположенныя у сѣвернаго полюса области послѣ долгой зимней ночи снова вступаютъ въ сферу солнечнаго свѣта, ежедневно возрастающая сила солнечныхъ лучей начинаетъ мало-по-малу разрушать ледяной покровъ Сѣвернаго Ледовитаго океана. Отрываются ледяныя поля (плоскія льдины) нерѣдко въ нѣсколько сотъ квадратныхъ верстъ; до тѣхъ поръ заключенныя между ними ледяныя горы (громадныя глыбы льда) получаютъ свободный выходъ, и цѣлыя ледяныя острова уносятся полярнымъ теченіемъ къ югу. Холодный потокъ съ сѣвера, изъ Баффинава залива и отъ Лабрадора, омывающій восточное побережье Сѣверной Америки до Флориды, несетъ ледяныя массы въ Атлантическій океанъ. Плавушія ледъ, изъ котораго состоятъ ледяныя острова, образуются въ теченіе полярной зимы на поверхности моря; ледяныя же горы возникаютъ на сушѣ, въ ледникахъ (глетчерахъ) горъ Гренландіи, и образуются въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Гренландскіе ледники, въ ихъ поступательномъ движеніи съ горъ въ долины, медленно скользятъ съ отлогихъ склоновъ къ морскому берегу и затѣмъ по фюрдамъ (заводьямъ и бухтамъ) выносятся въ море; вслѣдствіе сильнаго прибоа волнѣ, подошва ледника, прежде всего вступающая въ море, отламывается и такимъ образомъ получается ледяная гора, которая и плыветъ въ Атлантическій океанъ.

Между ледяными горами сѣвернаго полушарія и таковыми же южнаго замѣчается значительная разница въ томъ отношеніи, что первая отличаются неправильною формой съ высокими шпичками, теряющимися въ облакахъ вершинами башенъ и блестящими куполами, вторыя же представляютъ болѣе плотную и ровную массу; это зависитъ отъ того что первая движутся къ морю въ крутыхъ и узкихъ ущельяхъ и тѣснахъ гренландскаго берега.

Плавушія съ сѣвера къ югу ледяныя горы, заходя весьма далеко въ Атлантическій океанъ, постепенно таютъ при этомъ, но тѣмъ не менѣе достигаютъ даже 36° сѣверной широты. Каждый годъ, преимущественно съ марта по августъ, онѣ представляютъ большія опасности для трансатлантическаго судоходства. Такъ какъ, вслѣдствіе таянія, центр тяжести этихъ громаднхъ ледяныхъ массъ постоянно мѣняется, то онѣ нерѣдко переворачиваются на водѣ вершиною книзу, и потому становятся опасными для корабля подошедшаго къ нимъ слишкомъ близко въ такое переходное время, такъ какъ огром-

ныя ледяныя глыбы, отрываясь отъ главной массы, нерѣдко падаютъ на налубу, ломая мачты, убивая или увѣча матросовъ и т. д. Многие корабли гибнутъ отъ столкновенія съ подводною частью горы, которая въ видѣ незримаго рифа далеко выдается отъ главной массы льда. Форма этихъ горъ иногда бываетъ чрезвычайно странная: такъ, извѣстный путешественникъ къ сѣверному полюсу, капитанъ Гайесъ (Hayes) видѣлъ ледяную гору напоминающую колоссъ Родосскій; посрединѣ ея зила громадная арка, въ которую капитанъ свободно провелъ свой корабль.

Такъ какъ ледъ немногимъ легче воды, то горы эти выдаются надъ уровнемъ моря лишь на $\frac{1}{3}$ или $\frac{1}{2}$ своей массы. Однако въ Южномъ океанѣ встрѣчались горы въ 150 сажень высоты надъ водою; слѣдовательно, по приведенному разсчету, общая высота ихъ должна быть около двухъ верстъ. Въ маѣ прошлаго года корабль *Инцирингъ* прошелъ мимо ледяной горы въ 100 сажень высоты и одиннадцатъ верстъ длины.

Иной годъ ледяныя горы бываютъ особенно многочисленны; полагаютъ, что болѣе или менѣе частое появленіе ихъ въ Атлантическомъ океанѣ находится въ связи съ болѣе или менѣе низкою температурою лѣтнихъ мѣсяцевъ въ Европѣ.

На ледяныхъ горахъ нерѣдко видны каменныя глыбы или массы песка, захваченныя ими при движеніи въ ледникахъ, а также бѣлые медвѣди и другіе полярныя звѣри; въ 1794 г. на ледяномъ островѣ видѣли даже покнутый корабль, а въ 1845—судно съ экипажемъ, которому помочь не было никакой возможности.

Къ сожалѣнію, нѣтъ вѣрныхъ средствъ избѣжать опаснаго сближенія съ ледяной горой и во время увидать ее, такъ какъ охлажденіе температуры развиваетъ сильный туманъ на морѣ. Но и постоянное измѣреніе температуры воды едва ли полезно, ибо пониженіе можетъ зависѣть и не отъ близости ледяной горы, а отъ другихъ причинъ; за-то вѣрнымъ предудреждающимъ признакомъ служить эхо отъ наровыхъ свѣтковъ. Лучше всего—выбрать самый южный путь, за границей плавающихъ льдовъ.

Грамотей. (Рис. на стр. 77.)

Передъ нами сцена, которая, съ развитіемъ церковно-приходскихъ школъ, все чаще встрѣчается въ семейномъ быту русскаго крестьянина. Одинъ изъ малышей, до сихъ поръ помогавшій старшимъ членамъ семьи исполненіемъ кое-какихъ порученій на посылкахъ, да развѣ присмотромъ за совѣтъ уже крошечными братишками или сестренками, вдругъ оказался во главѣ всего семейства,—правда, въ одномъ только отношеніи: онъ сталъ грамотнымъ и можетъ съ грѣхомъ пополамъ, частенько еще спотыкаясь на словахъ погрудить, прочесть изъ своего же букваря или иной книги кое-что изъ „божественнаго“, о чемъ такъ любить слушать русскій человѣкъ въ часы досуга. И вотъ вся семья собралась вокругъ юнаго чтеца и съ нескрываемымъ удовольствіемъ слѣдитъ за его погудами, стараясь уловить смыслъ читаемаго.

Похороны С. П. Боткина. (Рис. на стр. 85.)

Въ субботу, 30 декабря, состоялись похороны С. П. Боткина. Поутру траурный вагонъ съ прахомъ покойнаго прибылъ на петербургскую станцію Варшавской желѣзной дороги. Вся внутренность вагона была обита чернымъ сукномъ и увѣшана вѣнками изъ живыхъ цвѣтовъ, а посрединѣ стоялъ въ ящикѣ металлическій гробъ съ останками усопшаго. Около 10 часовъ утра вагонъ былъ открытъ и была отслужена заупокойная литія. Во время совершенія ея громадная толпа собралась у вокзала, поджидая выноса гроба съ прахомъ покойнаго С. П. Боткина. Послѣ литіи гробъ былъ вынесенъ изъ вокзала профессоромъ академикомъ, докторами и близкими усопшему лицами, и установленъ на носилки, затѣмъ врачи и студенты взяли носилки на плечи и печальное шествіе двинулось вдоль Обводнаго канала, по направлению къ Новодѣвичьему монастырю. Впередѣ гроба шли два хора пѣвчихъ, а за носилками двигалась печальная колонна, запряженная въ шесть лошадей, вся покрытая вѣнками отъ различныхъ учрежденій и лицъ. По прибытіи въ монастырь, гробъ былъ внесенъ въ церковь и установленъ по срединѣ ея на траурномъ катафалкѣ. Во время заупокойной литургии, совершенной епископомъ Нарвскимъ Владиміромъ, въ сослуженіи множества духовенства и при двухъ хорахъ пѣвчихъ, было сказано профессоромъ богословія, протоіереемъ Лебедевымъ, слово, посвященное памяти покойнаго. Послѣ литургии было совершено отпѣваніе и затѣмъ гробъ, при стройномъ пѣніи „Святый Боже“, былъ перенесенъ къ мѣсту погребенія. Прахъ Боткина погребенъ въ фамильномъ склепѣ, вблизи монастырскаго церкви.

Ю. И. Венелинъ. (Портр. на стр. 88.)

„Онъ первый напомнилъ свѣту о забытомъ, но нѣкогда славно и могущественномъ племени болгаръ и пламенно желалъ его возрожденія“. Такія слова начертаны на памятникѣ Юрія Ивановича Венелина, сооруженномъ одесскими болгарами въ Даниловомъ монастырѣ въ Москвѣ. Эта краткая надпись ярко-красно характеризуетъ главную заслугу Венелина, замѣча-

тельного слависта, достаточно завѣтнаго въ русской литературѣ своими учеными изслѣдованіями по исторіи, археологіи, географіи и этнографіи. Карпаторусъ по происхожденію, онъ пришелъ къ намъ не за кускомъ хлѣба, а какъ вполне безкорыстный дѣятель на поприщѣ науки, полный своей славянской родной жизни, исполненный глубокіхъ симпатій къ Россіи. По свидѣтельству его друзей, Венелинъ питалъ къ нашему отечеству какое-то благоговѣніе, восхищался его побѣдами, его силой и могуществомъ, любовался грознымъ положеніемъ русскихъ монарховъ въ отношеніи къ первостепеннымъ европейскимъ державамъ. Всею свою жизнь, къ сожалѣнію недолгую, онъ боролся съ западными учеными, старавшимися по возможности унижить Россію—и въ большинствѣ случаевъ боролся весьма успешно. Но крайней мѣрѣ онъ опровергъ многіе историческіе авторитеты, пытавшіеся доказать, что бытіе славянского племени въ землѣ русской началось сравнительно недавно, и выразилъ мнѣніе, что Русскій народъ „некогда вѣковъ называлъ себя не иначе, какъ Русью“. Влюбленный въ свою завѣтную мысль о стародавности славянъ въ Россіи, онъ порою увлекался и высказывалъ слишкомъ смѣлыя гипотезы, чѣмъ и возбуждалъ противъ себя не мало порицаній въ литературѣ. Больше всего, конечно, возставали противъ него люди лакействовавшіе и пресмыкавшіеся передъ Западомъ, которымъ, поэтому, былъ по сердцу взглядъ нѣмецкихъ ученыхъ на Россію, взглядъ далеко не лестный. Какъ-бы то ни было, но Венелинъ первый логически заговорилъ о древнѣйшей исторіи славянскихъ племенъ; сказалъ *новое* слово въ литературѣ и, бесспорно, повлиялъ своими строго научными изслѣдованіями на измѣненіе историческихъ идей. Замѣчательно, что изслѣдованіе Венелина о болгарахъ имѣло сильное вліяніе и на его ярыхъ противниковъ. Это доказываетъ тѣмъ, что и Шафарикъ, и Сенковский, и Эйхвальдъ—антагонисты его, повторили внослѣдствіи то же, что сказалъ Венелинъ. Во всякомъ случаѣ, его ученіе имѣло и имѣетъ достаточно послѣдователей.

Если Венелинъ имѣетъ значеніе въ литературѣ русской, то въ литературѣ болгарской его значеніе громадно. И не удивительно: онъ, что называется, открылъ глаза болгарамъ. Ихъ народное самосознаніе готово было совсемъ угаснуть... Болгары уже переставали считать себя отдѣльнымъ и самостоятельнымъ народомъ. По вотъ изъ родственной и единоверной имъ Россіи донеслась вѣсть, что и они составляютъ въ народахъ міра отдѣльную единицу, что и они имѣли нѣкогда собственное царство и своихъ царей, и даже дин—хотя и весьма краткіе—могущества и славы. Этимъ радостнымъ вѣстникомъ былъ Венелинъ, своей книгой о болгарахъ сдѣлавшій, дѣйствительно, великое дѣло—призвавъ къ жизни угнетенное и забытое племя.

Юрій Ивановичъ Венелинъ, а первоначально Георгій Гуда (Hutza), родился въ 1802 году въ сѣверной Угріи, въ Бережскомъ округѣ, селѣ Большой Тибавѣ (Nagy-Tibava), что въ Карпатскихъ горахъ. Его отецъ былъ протоіереемъ (Vice-Archidiaconus) Верховины и умеръ, когда его сыну минуло девять лѣтъ. Первоначальное воспитаніе молодой Гуда получилъ въ Унгарской гимназіи, гдѣ, какъ первый ученикъ, обратилъ на себя вниманіе начальства духовной семинаріи, которое и предложило ему вступитъ въ духовное вѣдомство воспитанникомъ семинаріи. Получая отъ нея пособіе, онъ учился въ Сатмар-

скомъ лицѣѣ философскимъ наукамъ, обнаруживая и здѣсь особенное трудолюбіе и любовь къ исторіи. Кончивъ второй курсъ философскихъ наукъ въ Львовскомъ университетѣ въ 1822 году, онъ не захотѣлъ быть духовнымъ, и—чтобы, въ качествѣ воспитаника-стипендіата унгарской семинаріи, скрыть свое мѣстожителство,—не смотря на семейныя преданія, принялъ фамилію Венеловичъ-Венелинъ, которая за нимъ и осталась до конца жизни его. Еще въ лицѣѣ, а потомъ въ университетѣ Венелинъ съ любовью занимался исторіею Русскаго народа и стремился поселиться въ Россіи, которую онъ уже любилъ неволью. Въ началѣ весны 1823 года онъ осуществилъ свое пламенное желаніе и, съ родственникомъ своимъ и землякомъ И. И. Молнаромъ (внослѣдствіи ординаторомъ Павловской больницы въ Москвѣ), прибылъ накануне Свѣтлаго Воскресенія въ Хотинъ, а оттуда въ Клишиневъ. Здѣсь генералъ-губернаторъ И. П. Инзовъ, архіепископъ Димитрій и ректоръ семинаріи Иринеи приняли радушно молодого странника и доставили ему мѣсто воспитателя въ благородномъ пансіонѣ при семинаріи. Два года пробылъ Венелинъ въ Клишиневѣ, гдѣ жило очень много болгаръ; онъ знакомился съ ними и собиралъ свѣдѣнія о краѣ и народѣ. Лѣтомъ 1825 года онъ отправился въ Москву, куда пришелъ, съ пятью рублями въ карманѣ, чтобы поступить въ университетъ. Его влекло на тогдашній словесный факультетъ, но онъ поступилъ на медицинскій, по желанію своего родственника, извѣстнаго И. С. Орлая, и въ 1829 году выдержалъ экзаменъ на степень лекаря. Медициной и естественнѣмъ онъ занимался съ любовью, написалъ интересное разсужденіе „De calore animal“, началъ составлять медицинскій словарь, но занятія исторіею взяли перевѣсъ, и онъ оставилъ медицину навсегда. Скоро его историческія изысканія обратили на себя вниманіе, особенно его книга „Древніе и нынѣшніе Болгары“, послѣ появленія которой Русской академія отправила Венелина, въ 1830 году, въ ученое путешествіе по разнымъ славянскимъ землямъ. Результатомъ этой поѣздки было богатѣйшее собраніе грамотъ, несоизвѣнное сокровище для исторіи нашей письменности, и болгарская грамматика, вполне оцѣненная такимъ знатокомъ какъ Востоковъ. Возвратясь въ Россію, Венелинъ продолжалъ свои ученые изысканія и участвовалъ въ *Телескопъ*, *Московскомъ Наблюдателѣ*, *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія*, *Отечественныхъ Запискахъ*, *Галатей* и другихъ журналахъ и издавалъ брошюрами свои мелкія сочиненія. Жизнь ему далеко не улыбалась: онъ жилъ уроками и мучился, что средства не позволяютъ ему продолжать своихъ многообразныхъ трудовъ. Въ 1836 году онъ получилъ мѣсто инспектора классовъ въ институтахъ ордена Св. Екатерины и Александровскомъ, и дѣла его поправились. Онъ сталъ усиленно работать, но въ разгаръ своихъ важныхъ трудовъ и замысловъ скончался отъ скоротечной чахотки 25 марта 1839 г., почти въ самую заутреню на Свѣтлое Воскресеніе. Венелинъ, по словамъ Аполлона Александровича Григорьева, былъ одинъ изъ благороднѣйшихъ дѣятелей славянства и одинъ изъ даровитѣйшихъ представителей славянской мысли, одаренный гениальнымъ историческимъ чутьемъ. Онъ вносилъ въ науку всѣ симпатіи и всѣ глубокія ненависти угнетеннаго племени, за которое, какъ и за всѣ славянскія племена въ совокупности, готовъ былъ идти на крестъ и мученія.

П. Быковъ.

25-ти-лѣтіе Московскаго Археологическаго Общества.

(Рис. на стр. 81 и 84).

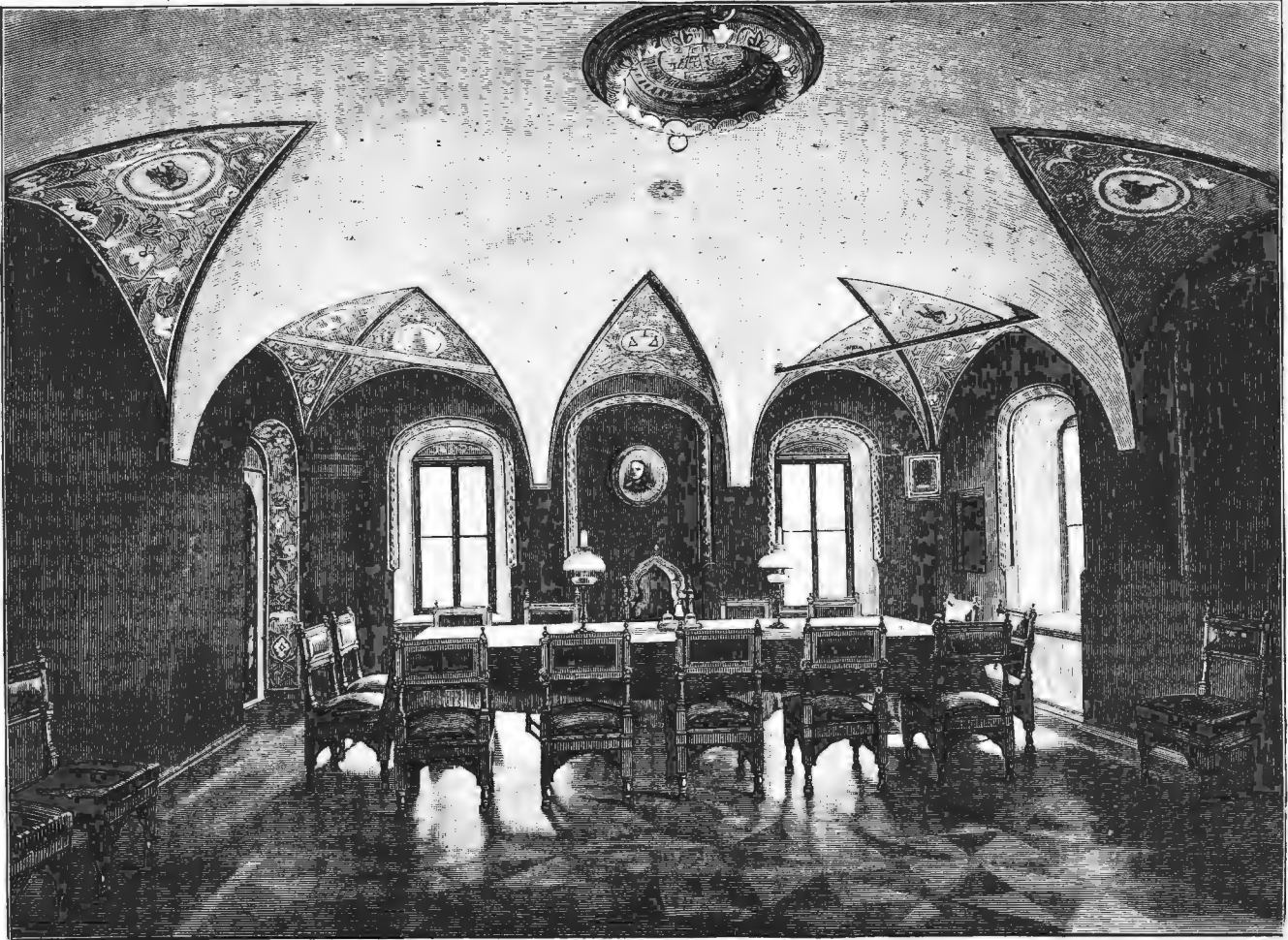
Въ началѣ 1865 г. было открыто въ Москвѣ, по инициативѣ покойнаго графа А. С. Уварова и другихъ любителей русской древности, „Московское Археологическое Общество“. Тогда же, по Высочайшей волѣ, дарованы были для помѣщенія новоучрежденнаго Общества одинъ изъ старѣйшихъ домовъ въ Москвѣ, такъ-называемый „курьерскій домъ“ на Берсеневкѣ, за Московской-рѣкою. Этотъ историческій домъ, въ значительной степени сохранившій и вышность, и внутреннее устройство и даже убранство московскихъ домовъ XVII вѣка, вполне заслуживаетъ того, чтобы мы нѣсколько подробнѣе ознакомили нынѣ читателей *Нивы* съ однимъ изъ весьма замѣчательныхъ остатковъ нашей русской старины. Историческій домъ стоитъ въ исторической мѣстности и при томъ на такой улицѣ, которая истари носитъ названіе производимое отъ имени крупнаго историческаго дѣятеля времени Василія III. Мѣстность, въ которой находится Берсеневка, истари извѣстна подъ названіемъ „Садовниковъ“. Это названіе было дано мѣстности въ концѣ XV вѣка, когда, послѣ большаго пожара 1493 г. за Москвою-рѣкой, огонь перекинуло въ Кремль и здѣсь погорѣли великокняжескіе дворы, митрополичьи хоромы и другія зданія.

Во вѣзваніе ипотобныхъ случайностей на будущее время, великій князь приказалъ снести всѣ жилища ностройки за Москвою-рѣкой, противъ Кремля, и на этой мѣстности разбить обширныя царскіе сады и луга. Около этихъ-то обширныхъ и красиво расположенныхъ садовъ поселились цѣлою слободою царскіе *садовники* и новый поселокъ, весьма обширный, такъ и сталъ называться *Садовниками*. Внослѣдствіи, въ этой приятной близости къ царскимъ садамъ, стали строить себѣ дома и

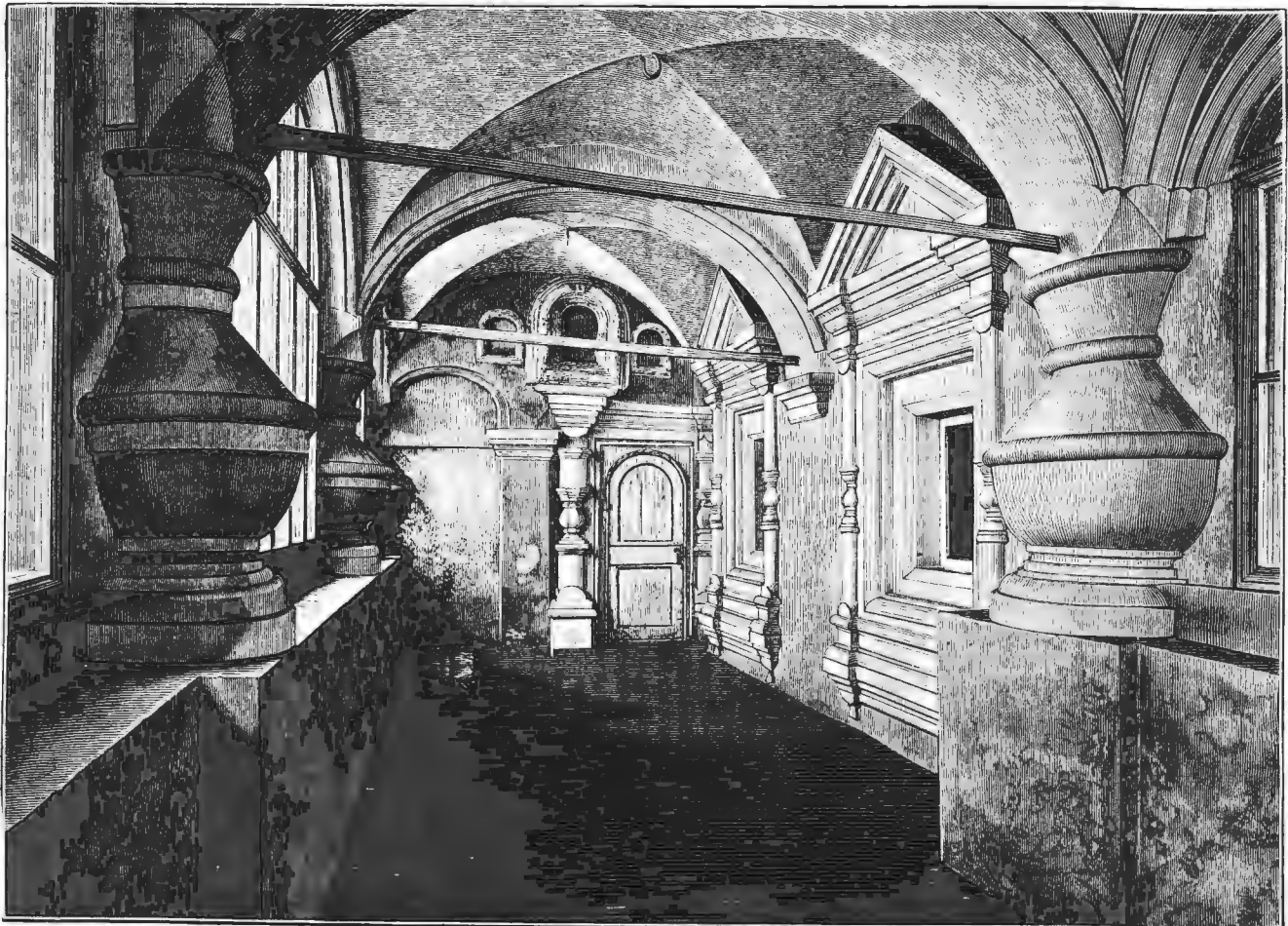
многіе изъ бояръ. Однимъ изъ первыхъ бояръ, поселившихся здѣсь, былъ извѣстный любимецъ Василія III, бояринъ Берсень-Беклемішевъ (ум. 1525 г.). Улица, на которой стоялъ его домъ, получила названіе *Берсеньки*, и находившаяся на ней церковь получила названіе *Николю-Берсеньевской*.

Около самой Николю-Берсеньевской церкви, почти стѣна-обѣстѣну, стоитъ тотъ старинный домъ, который былъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія извѣстенъ подъ названіемъ „курьерскаго“, а теперь принадлежит Императорскому Московскому Археологическому Обществу. Въ одномъ изъ внутреннихъ покоевъ этого почетнаго зданія, вмѣщающемъ теперь палату засѣданій Общества,—сохранилось древнее украшеніе, свидѣтельствующее въ пользу древности самаго зданія: на сводѣ палаты изсѣченъ осьмиконечный крестъ, а около него надпись, указывающая, что эта палата была пристроена къ дому въ 1657 году, т. е. въ самомъ началѣ второй половины XVII вѣка. Слѣдовательно, домъ существовалъ гораздо ранѣе и можетъ быть смѣло отнесень къ XVI вѣку, когда, по преданію, онъ принадлежалъ любимцу Іоанна Грознаго, Малютѣ Скуратову, а послѣ него, по родству, перешелъ къ Годуновымъ.

Въ то время, когда пристроена была къ этому старому дому обширная палата съ крестомъ и надписью, изсѣченными на ея сводѣ, домъ принадлежалъ государеву садовнику Авергію Степановичу Кирилову, одному изъ крупныхъ московскихъ богатѣй того времени. А. С. Кириловъ былъ сначала *московскимъ гостемъ* (а это званіе давалось только богатѣйшимъ представителямъ торговаго сословія), а потомъ возведенъ былъ даже въ думные дьяки. Въ качествѣ думнаго дьяка онъ управлялъ

25-лѣтіе Московскаго Археологическаго Общества. Заль засѣданій Общества. Съ фотогр. грав. Рашевскій.

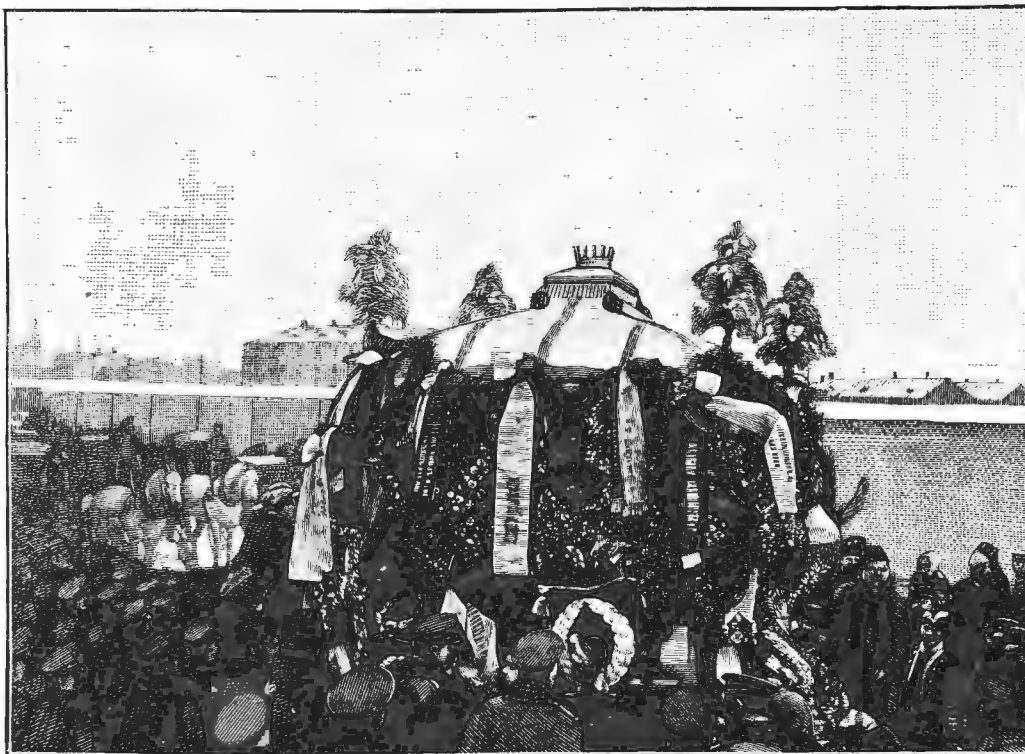

25-лѣтіе Московскаго Археологическаго Общества. Древнее крыльцо въ домѣ Московскаго Археологическаго Общества (бывшій Малюты Смуратова).
Съ фотогр. грав. Рашевскій.

Библиотека "Руниверс"

Приказомъ Большаго Прихода, въ которомъ собирались доходы съ лавокъ, съ гостиныхъ дворовъ и съ погребовъ, и „съ мѣръ, чѣмъ всякіе товары и питія мѣряютъ“, а также и тамо-

не вполне справедливое обвиненіе въ томъ, что онъ былъ главнымъ виновникомъ этихъ налоговъ. Такими обвиненіями воспользовались враги его, принадлежавшіе къ партіи Милослав-

Похоронная колесница съ вѣнками возложенными на гробъ С. П. Боткина. Съ фот. ген. Насвѣтевича, грав. Шюблеръ.

женныя пошлины. Налоги на соль и другіе съѣстные припасы, введенные въ то время, когда Кириловъ правилъ Приказомъ Большаго Прихода, вызвали противъ него рожь и, вѣроятно,

сникъ, и, во время стрѣleckаго бунта 1682 года, А. С. Кириловъ былъ однимъ изъ первыхъ убитъ стрѣльцами во дворцѣ и сброшенъ съ Краснаго Крыльца на коня. Лѣтъ десять спу-

Похоронное шествіе съ гробомъ С. П. Боткина. (См. стр. 82). Съ фот. ген. Насвѣтевича, грав. Шюблеръ.

стя, сынъ его постригся въ монахи, въ Донскомъ монастырѣ, и внесъ въ обитель богатые вклады. О значительности его денежныхъ средствъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, то, что его вдова, кромѣ многихъ пожертвованій, деньгами и имѣніями, на поминъ души покойнаго мужа, достроила на свой счетъ монастырскую ограду Донскаго монастыря съ башнями, начатую на казенный счетъ и приостановленную за недостаткомъ средствъ. Къ кому перешелъ этотъ домъ послѣ Кириловыхъ — неизвѣстно; знаемъ только, что уже съ 1740 года онъ находился въ вѣдѣніи казны; здѣсь, около этого времени, помѣщались Корчменная Канцелярія и Контора. По сохранившимся старымъ памяткамъ извѣстно, что этотъ домъ, принадлежащій нынѣ Археологическому Обществу, съ 1762 г. существуетъ въ почти неизмѣненномъ видѣ. Общество, переселившись въ него, постаралось все оставить въ домѣ въ томъ видѣ, въ какомъ оно застало старину Малютиныхъ палатъ. Сдѣланы были только необходимыя приспособленія и исправленія. На одномъ изъ прилагаемыхъ нами рисунковъ представлена палата засѣданій Общества съ ея древними сводчатыми, расписными и разукра-

шенными окнами: на срединѣ свода палаты, надъ столомъ видны то украшеніе съ крестомъ и надписью 1657 г., о которомъ мы упоминали выше. На другомъ рисункѣ изображено старинное крыльцо Малютина дома, пристроенное вѣроятно уже въ XVII вѣкѣ, когда домъ принадлежалъ Кириловымъ. Украшенія этого крыльца (нынѣ обращеннаго въ стеклянную, крытую галерею), и въ особенности его массивныя колонны и наличники оконъ — чрезвычайно красивы и оригинальны. На третьемъ рисункѣ, помѣщаемомъ нами, представленъ во всѣхъ подробностяхъ фасадъ дома Малюты; съ лѣвой стороны, изъ-за угла его, видны главы и колокольни Николо-Бересневской церкви.

Въ настоящее время, помѣщающееся въ домѣ Императорское Московское Археологическое Общество уже отпраздновало двадцати-пятилѣтній юбилей своего существованія, ознаменованнаго почтеннымъ рядомъ трудовъ и ученыхъ разысканій, вошедшихъ въ составъ издаваемого Обществомъ сборника, подъ заглавіемъ „Древности“, и въ другія ученія изданія Общества.

Политическое обозрѣніе.

Новымъ выраженіемъ миролюбія Россіи явился Высочайшій рескриптъ, данный на имя московскаго генералъ-губернатора князя В. А. Долгорукова, по случаю выраженныхъ при началѣ новаго года добрыхъ чувствъ и пожеланій первопрестольной Москвы. Слова Верховнаго Вождя Русскаго народа о развитіи внутреннихъ силъ возлюбленнаго отечества непрерывно и безпрерывно, посреди всѣмъ желаемого и для всѣхъ спасительнаго мира, особенно старательно отмѣчаются заграничною печатью.

По поводу частаго указыванія за предѣлами Россіи, правда только въ недавнее время, на миролюбіе нашей родины, *Journal de St.-Petersbourg* пишетъ: „Съ чувствомъ искренняго удовольствія будемъ встрѣчено повсюду въ Россіи напечатанное въ послѣдніе дни различными иностранными газетами удостовѣреніе, что столь прямодушная политика Императорскаго правительства весьма много способствовала улучшенію облагоположенія дѣлъ въ Европѣ и возрожденію всеобщей увѣренности въ сохраненіи мира. Считаемъ, однако, полезнымъ замѣтить, что въ настоящее время политика эта безусловно та же, какою она была вчера, и что ни въ своей программѣ, ни въ проведеніи на дѣлѣ она не подвергалась ни малѣйшимъ измѣненіямъ при нынѣ царствующемъ Государѣ Императорѣ, политика котораго начертана была въ циркулярѣ отъ 4 марта 1881 г. Для обращенія недоброжелательныхъ и обезоруженія недоброжелателей потребовалось около девяти лѣтъ. Тѣмъ не менѣе мы поздравляемъ ихъ съ тѣмъ, что это наконецъ достигнуто, и радуемся какъ за нихъ, такъ и за себя. Нѣкоторые приписываютъ такое обращеніе миролюбивымъ заявленіямъ, заключающимся въ замѣчательномъ всеподданнѣйшемъ докладѣ министра Финансовъ. Но мы, быть-можетъ, нѣсколько удивимъ ихъ, напомнивъ, что такія же категорическія заявленія заключались уже во всеподданнѣйшихъ докладахъ г. Вышнеградскаго въ концѣ 1888 и 1887 годовъ. Но, какъ кажется, психологическій моментъ тогда еще не наступилъ. Наконецъ, свѣтъ разсѣялъ тьму, въ которую охотно облекали и финансовое положеніе Россіи, когда-то столь осуждавшееся, и ся миролюбивыя намѣренія, бывшія предметомъ столькихъ подозрѣній. Теперь свѣтъ пролѣтъ и будемъ надѣяться, что ни клеветамъ, ни своекорыстнымъ спекуляціямъ не удастся омрачить его болѣе.“

Подъ сѣнью общеевропейскаго мира, въ нѣкоторыхъ государствахъ, тѣмъ не менѣе, замѣтно извѣстное безпокойство во внутренней политической жизни ихъ. Особенное возбужденіе проявляетъ Пиринейскій полуостровъ, обыкновенно неслынный въ европейскомъ концертѣ. Съ одной стороны, Португалія за послѣднее время обратила къ себѣ всеобщее вниманіе, сперва воцареніемъ домъ-Карлоса, затѣмъ прибытіемъ Бразильской

императорской семьи, а теперь вызываетъ всеобщіе толки столкновеніемъ съ Англіей на почвѣ колониальной политики, — съ другой стороны, Испанія не мало вызвала разговоръ опасною болѣзью короля и министерскимъ кризисомъ.

По поводу англо-португальскаго конфликта вся европейская печать горячо обсуждаетъ текущія дѣйствія обонхъ правительствъ. Нѣсколько времени тому назадъ въ Лондонѣ было получено извѣстіе отъ британскаго консула въ Мозамбикѣ, что экспедиціонный отрядъ маіора Серла Шинто укрѣплить занятія имъ мѣста въ землѣ Макололовъ, на которыя англичане имѣютъ притязанія, какъ это видно изъ горячести ихъ дѣйствій. Маркизъ Солсбери тотчасъ послалъ ультиматумъ, требовавшій отъ лиссабонскаго правительства очищенія не только земли макололовъ, но также и другихъ пунктовъ. Одновременно съ этимъ требованіемъ, нѣсколько англійскихъ военныхъ судовъ начали готовиться къ отравленію немедленно въ португальскія воды. Понятно, что правительство молодого короля Карлоса вынуждено было уступить сильному противнику и согласиться безирекословно на всѣ предъявляемыя ему Англіею требованія. Парижскія газеты почти единогласно, а также нѣкоторыя газеты другихъ странъ, порицаютъ рѣшительный образъ дѣйствій Англіи по отношенію къ Португаліи и видятъ въ немъ нарушеніе протокола Берлинской конференціи по африканскимъ дѣламъ. Въ Португаліи, а также во многихъ мѣстахъ Испаніи, замѣтно сильное возбужденіе до поводу дѣйствій англійскаго правительства и всюду выражается сочувствіемъ Португаліи.

Въ то же время Испанія только что благополучно пережила министерскій кризисъ. Послѣдній едва не разразился еще въ прошлый годъ, но внезапная и тяжкая болѣзнь молодого короля отсрочила его разрѣшеніе. Нынѣ королю Альфонсу XIII гораздо лучше и опасность миновала, но было время, когда, въ виду серьезности положенія, г. Сагаста созвалъ совѣтъ министровъ, который обсуждалъ вопросъ о возможной перемѣнѣ престола и рѣшилъ, что королевская власть не должна быть ни на минуту приостановлена и что въ случаѣ смерти короля престолъ долженъ перейти къ принцессѣ Маріи Мерседесъ, подъ регентствомъ королевы-матери Христины.

Съ другой стороны, вслѣдствіе болѣзни юнаго испанскаго короля, испанскіе революціонеры обнаружили лихорадочную дѣятельность. По всей странѣ появились эмисары Сорилы и между республиканскими комитетами происходили частыя совѣщанія. Въ Барселонѣ, Картагенѣ, Сарагосѣ и во многихъ другихъ городахъ начали провозить контрабандою ящики съ оружіемъ. Карлисты тоже стали сѣзжаться въ южную Францію. Но все благополучно разрѣшилось вмѣстѣ съ улучшеніемъ въ ходѣ болѣзни короля.

Библиографія.

Бѣлоруссія и Литва. Историческія судьбы Сѣверо-Западнаго края. Съ Высочайшаго соизволенія издано при министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ П. Н. Батюшковымъ. СПб. 1890.

Труды П. Н. Батюшкова, по изданію историческихъ документовъ и матеріаловъ касающихся нашей западной окраины, извѣстны всей Россіи. Не говоря уже о роскошныхъ и многими доступныхъ изданіяхъ, каковы „Памятники старины въ западныхъ губерніяхъ Имперіи“ и т. п., не далѣе какъ два года тому назадъ появилось украшенное множествомъ гравюръ и портретовъ описаніе Волыни въ историческомъ и бытовомъ отношеніяхъ. Теперь передъ нами не менѣе интересное изложженіе судебъ Бѣлоруссіи и Литвы, подобно предшедшей книгѣ сопровождаемое множествомъ политиче-скихъ, портретовъ, одною хромо-литографіей и картой. Чрезвычайно популярно написанная и доступная по цѣнѣ книга эта, помимо общаго интереса, будетъ необходима каждому служащему и другимъ дѣятелямъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ.

Иллюстрированный каталогъ съмянъ, растений и проч.

Грачевъ на 1890 г. Подобно прежнимъ, и этотъ выпускъ каталога можетъ служить хорошимъ руководствомъ при выборѣ сѣмянъ и растений, какъ для полеводства и огородничества, такъ и для садоводства. Ясные, не расплывчато написанные наставленія и совѣты служатъ притомъ также важнымъ подспорьемъ. Каждый желающій украсить свой садъ или домашній уголокъ растеніями, найдетъ здѣсь не мало цѣнныхъ указаній, а между рисунками — много облегчающихъ ему красивое составленіе клумбъ и растительныхъ пейзажей. Любитель растений также не пожалѣетъ уплаченныхъ за каталогъ денегъ. Наконецъ и ученый встрѣтитъ много достопримѣчательнаго, какъ въ текстѣ, такъ и между рисунками: припомнимъ, что В. Грачевъ давно уже славится какъ знатокъ огородничества и счастливый научный культиваторъ. Обращаемъ особенное вниманіе на множество рисунковъ, выполненныхъ весьма художественно и живо передающихъ изображенное растеніе до мелкихъ подробностей. Цѣна очень умеренная (75 коп.).

Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

— 4 января, въ СПб. прибыли по Варшавской желѣзной дорогѣ Е. П. В. Вел. Кн. Марія Александровна Герцогиня Эдинбургская съ супругомъ, Е. К. В. Герцогомъ Альфредомъ Эдинбургскимъ. Для встрѣчи Августѣйшихъ Гостей прибыли на станицю Ея Величество Государыня Императрица, Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ и другія Особы Императорской Фамиліи.

— При Высочайшемъ Дворѣ наложены трауръ на шесть дней, по случаю кончины принца Алексея, герцога Аостскаго.

— 7 января, вечеромъ, Ихъ Величества присутствовали на домашнемъ спектаклѣ у графа А. Д. Шереметева, гдѣ любителями изъ высшаго общества были разыграны драматическія сцены Пушкина „Борисъ Годуновъ“. Ихъ Величества, при входѣ, встрѣтили хозяйку дома и поднесли Государыни Императрицѣ роскошный букетъ изъ розъ и ландышей. На лѣстницѣ и при входѣ въ гостиную, Ихъ Величества встрѣтили хозяйку дома и ея родители — графъ и графиня Гейденъ, съ семействомъ. Графиня М. Ѳ. Шереметева поднесла Ихъ Величествамъ афиши расписанія семью акварелями, изображающими сцены изъ представляемой пьесы, работы художника Григорьева. Афиши изъшли въ видѣ прѣвнѣхъ грамотъ, въ золотыхъ глазетовыхъ переплеткахъ, съ высшими печатями.

— 11 января, въ 5 часовъ 35 м. утра, Е. П. В. Вел. Кн. Елисавета Мавриковна разрѣшилась благополучно дочерью. Августѣйшая Родильница и Высокопороджденная, парещная при святой молитвѣ Тагиною, находится въ вождѣннѣмъ здравіи.

Военное и морское дѣло.

— Изъ Ревеля, отъ 5 января телеграфируютъ, что пароходъ „Талия“ изъ Саванни, нагруженный 4.500 пудовъ хлѣба, нахалъ на камень у Ревельштейна и быстро наполнился водою. Въ виду явной опасности, капитанъ съ марсрами отплылъ въ трехъ лодкахъ отъ тонущаго парохода. Спасательные пароходы наплы „Талию“ до палубы погруженною въ воду. Хлѣбъ выгружаютъ въ спасательные пароходы.

— Въ настоящемъ году исполнится 900 лѣтъ со времени построенія великимъ княземъ Владиміромъ (въ 990 г.) первой каменной крѣпости въ мѣстечкѣ Белгородѣ, Киевскаго уѣзда. Построеніе каменной стѣны вокругъ Белгорода относится къ тому времени, когда великій князь Владиміръ, желая обезвѣщитъ Югъ Россіи отъ набѣговъ воинственныхъ сосѣдей, приказалъ строить (ставить)

города по рѣкамъ Деснѣ, Вострѣ, Трубежѣ, Сулѣ и Стугнѣ, выдающимъ въ Днѣпръ.

Народное просвѣщеніе.

— Дворянство Смоленской губерніи, во всеподданнѣйшемъ адресѣ, обратилось съ ходатайствомъ: 1) о дарованіи дворянству права избранія почетителей средне-учебныхъ заведеній министерства Народнаго Просвѣщенія, для участія въ педагогическихъ совѣтахъ и ближайшаго наблюденія за дѣятельностью заведенныхъ лицъ и воспитателей, и 2) о назначеніи комисіи для разсмотрѣнія иныя дѣйствующей системы средне-учебныхъ заведеній и для пересмотра и приведенія въ болѣе полное соотвѣтствіе учебныхъ плановъ съ требованіями современной педагогикі.

Государь Императоръ, по разсмотрѣніи адреса Смоленскаго дворянства союкою съ докладомъ министра Народнаго Просвѣщенія, 17 декабря минушаго года, Высочайше повелѣть соизволилъ объявить, черезъ министра Внутреннихъ Дѣлъ, Смоленскому дворянству: 1) что оно и теперь, по силѣ существующихъ постановленій, можетъ слѣдить за внутреннею жизнью учебныхъ заведеній чрезъ своихъ почетныхъ почетителей, и 2) что министерство Народнаго Просвѣщенія занято вопросомъ объ облегченіи гимназическаго курса въ предѣлахъ, которые будутъ признаны возможными безъ ущерба для основательнаго образованія.

— 7 января исполнилось 50-лѣтіе ученой дѣятельности профессора СПб. университета, по факультету восточныхъ языковъ, т. е. Пили Николаевича Березина.

Литература и наука.

— Государь Императоръ, удостоивъ принятию изданную при министрѣ Внутреннихъ Дѣлъ книгу „Бѣлоруссія и Литва“, Всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ 4 января, объявить издателю, д. т. е. Батюшкову, Монаршу Ею Императорскаго Величества благодарность.

— Государь Императоръ, удостоивъ благосклоннаго принятія экземпляръ изданнаго д. с. е. Михальсономъ перевода на вѣмецкій языкъ стихотвореній Гольцова, Высочайше повелѣть соизволилъ благодарить автора за поднесеніе означеннаго изданія.

— 3 января, въ актовомъ залѣ СПб. университета, въ торжественномъ собраніи Географическаго общества, по случаю VIII съѣзда естествоиспытателей и врачей. А. А. Тилло сдѣлалъ сообщеніе объ орографіи Европейской Россіи на основаніи построенной имъ новой гисометрической карты.

С м ѣ с ь .

6 января, въ редакціи „Нивы“ происходило скромное торжество двадцатилѣтія существованія журнала. Собрались сотрудники и поднесли издателью А. Ф. Маркву роскошный адресъ.

Послѣдній состоитъ изъ четырехъ страницъ, великолѣпно иллюстрированныхъ художниками, участвующими въ „Нивѣ“: Александровскимъ, Богдановымъ, Дмитриевымъ-Оренбургскимъ, Зичи, Зельцовымъ, Карзиннымъ, Клевверомъ, Куріаръ, Константиновой, М. Клодомъ, Кившенко, Латоріи, Писемскимъ, Премацци, Радомскимъ, Рашевскимъ, Флюгелемъ, Шишкинымъ, Шюблеромъ. Рисунки расположены въ адресѣ съ большимъ мастерствомъ и вкусомъ и перемежаются автографами въ стихахъ и прозѣ Д. В. Аверкіева, П. Д. Ахшарумова, П. В. Бикова, проф. А. Ф. Брандта, П. И. Вейнберга, А. И. Введенскаго, князя М. П. Волконскаго, Ю. О. Гринберга (однихъ изъ ближайшихъ и старѣйшихъ сотрудниковъ А. Ф. Маркса), Г. И. Дашлевекаго, В. А. Крылова (Александровъ), В. И. Клоушикова, М. В. Крестовской, А. И. Майкова, С. Д. Никитенко, Э. П. Нидергедера, Я. П. Полонскаго, П. П. Полеваго, В. С. Стетковича, князя Д. П. Цертелова, А. П. Шульцевской и Г. Яенискаго. Адресъ былъ прочитанъ П. П. Карзиннымъ и А. Ф. Марксомъ, для котораго это празднество было неожиданнымъ, такъ какъ оно было задумано и приведено въ исполненіе помимо его вѣдома, отбѣчалъ прочувствованною рѣчью. Издатель выразилъ горячую готовность, по мѣрѣ силъ, оставаться вѣрнымъ тому живому и честному началу, которымъ проникнутъ журналъ со дня его

Археологія.

— Въ Москвѣ, 8 января, вечеромъ, состоялось юбилейное засѣданіе Археологическаго общества. На засѣданіи присутствовали: Е. П. В. Вел. Кн. Сергій Александровичъ съ супругою, Вел. Кн. Елисаветою Феодоровною, генералъ-губернаторъ, губернаторъ, высшее духовенство, представители университета и депутаціи. Великій Князь передалъ предѣлительному обществу, графинѣ Уваровой, отъ имени Государя Императора поздравленіе и пожеланіе успѣха. Эти слова были покрыты класами „ура“. Послѣ прочтенія предѣлительнымъ историческою записки, началось чтеніе адресовъ, длившееся около двухъ часовъ. Засѣданіе кончилось въ 11 ч. пѣніемъ гимна.

9 января, въ 2 часа дня, въ историческомъ музеѣ открытъ Вел. Кн. Сергѣемъ Александровичемъ восьмой археологическій съѣздъ. На открытіи присутствовали Е. П. В. Вел. Кн. Елисавета Феодоровна, депутаты отъ университетовъ и многихъ ученыхъ обществъ, представители французскихъ, германскихъ и австрійскихъ археологическихъ обществъ. Вѣсъ членовъ съѣзда собралось до 370. Затѣмъ въ Николаевскомъ Дворѣ состоялся въ честь археологическаго съѣзда обѣдъ на сто особъ. Е. П. В. Вел. Кн. Сергій Александровичъ провозгласилъ за Государя Императора гостя, встрѣченный восторженными „ура“ и исполненіемъ гимна.

— Профессоромъ А. В. Праховымъ закончена разработка проекта реставраціи разваливъ Успенскаго храма въ гор. Владимірѣ-Волынскомъ, сооруженнаго въ XII вѣкѣ.

Изъ губерній и областей.

— Въ Ташкентѣ, 7 января, получены слѣдующія извѣстія изъ Кашгара: начальникъ тибетской экспедиціи Пѣвцовъ нашелъ удобный перевалъ въ сѣверозападный Тибетъ и поднялся на плоскогорье Тибета. Мѣстность пустынная и безлюдная, но къ югу орошена и покрыта растительностью; высота плоскогорья около 12 тысячъ футовъ. Въ началѣ апрѣля экспедиція Пѣвцова отправится туда въ полномъ составѣ и, пробывъ тамъ все лѣто, спустится въ сентябрѣ къ Лобъ-Нору. В. И. Роборовскій пишетъ, что дорога изъ Ния въ Тибетъ найдена у Юнжиликъ-Ханимъ. Его поѣздка была очень удачна. Въ концѣ января Роборовскій намѣревается отправиться сѣверною дорогою изъ Ния въ Черчень, а оттуда вверхъ къ Черченской рѣкѣ.

Некрологъ.

— Въ Киевѣ, 7 января, скончался военно-медицинскій инспекторъ кievскаго военнаго округа т. сов. Зубовскій.

основанія; онъ не оставался ни передъ какими жертвами, чтобы создать хорошій семейный журналъ, и русская публика не осталась равнодушна къ успѣхамъ издателя. Въ заключеніе своей рѣчи, А. Ф. Марксъ указалъ на то, что „Нива“ является не только его личнымъ дѣломъ, но и общимъ. Празднество закончилось сердечными пожеланіями съ обѣихъ сторонъ.

Въ послѣдней книжкѣ *Русскаго Архива*, между прочимъ, разсказанъ слѣдующій эпизодъ изъ жизни знаменитаго Московскаго митрополита Платона:

Однажды докладываютъ митрополиту Платону, что хомуты на его шею украдены, что ему нельзя выѣхать изъ Виаоніи, а потому испрашивалось его разрѣшеніе на покушку хомутовъ. Дѣло было осенью, грязь непролазная отъ Виаоніи до Троицкой лавры, да и въ Москвѣ не многимъ лучше. Митрополитъ приказываетъ всѣхъ осматрѣть, разузнать, кто въ этотъ день былъ и т. и. Все было сдѣлано, но безъ всякаго успѣха. Митрополитъ рѣшается дать разрѣшеніе на покушку, но передумываетъ. Онъ распорядился чтобы въ три часа, по троекратному удару въ большой виаонскій колоколъ, т. е. только вся братія, но и всѣ рабочіе, даже живущіе въ слободахъ, собрались въ церковь и ожидали его.

Въ четвертомъ часу доложили митрополиту, что всѣ собрались. Входитъ митрополитъ. Въ храмѣ уже полумракъ. Вѣрѣ Царскими Вратами въ придѣлѣ Лазаря стоитъ аналой, и передъ нимъ теплится единственная свѣча. Гермоноахъ, принявъ благословеніе владыки, начинаетъ мѣрное чтеніе есалтыря. Прочитавъ канѣму, онъ

останавливается, чтобы перевести духъ, а съ укрытаго мракомъ Фавора раздается звучный голосъ Платона:

- Усердно ли вы молитесь?
- Усердно, владыко.
- Все ли вы молитесь?
- Все молюсь, владыко.
- И воръ молится?
- И я молюсь, владыко.

Подъ сильнымъ впечатлѣніемъ окружающаго и отбѣившись мысленно отъ житейскаго, воръ невольно проговорился. Воромъ оказался кучеръ митрополита. Запираться было нельзя, и онъ указалъ мѣсто въ оврагѣ гдѣ спрятаны были хомуты.

Проектъ расчистки Днѣпровскихъ пороговъ. Для правильной постановки судоходнаго дѣла на Днѣпрѣ, уже въ 1799 г. правительство устроило судоходный каналъ, а въ 1807 г. произвело нѣкоторая дополнительная работы. Съ 1833 г. съ перерывами до 1854 г. снова пытались, при помощи проведенія обводныхъ каналовъ, улучшить сплавное судоходство черезъ пороги. Работы обошлись казѣ въ 2 милліона, но притомъ дали возможность продолжить сплавъ лишь до половины іюня. Главной причиной малаго успѣха была крайняя трудность взрыва подводныхъ скалъ и углубленія каменистаго дна помощью пороха, при большой скорости теченія воды въ переходахъ. Удачная расчистка Старо-Кайдакского порога динамитомъ въ теченіе 1884—1886 гг. побудила министерство произвести изысканія. Въ настоящее время, на основаніи послѣднихъ, выработана проектъ общаго улучшенія судоходства черезъ пороги, къ осуществленію котораго будетъ приступлено въ скоромъ времени. Изысканія показали, что въ руслѣ порожистой части Днѣпра протекаютъ два фарватера: одинъ изъ нихъ образовался естественнымъ образомъ — самымъ расположеніемъ подводныхъ и надводныхъ скалъ и камней; сюда устремилась главная водная струя по болѣе свободному отъ препятствій пути; этотъ фарватеръ называется *старымъ ходомъ*, а также *казацкимъ*, ибо по немъ запорожцы спускались въ своихъ байдакахъ къ Черному морю. Въ этомъ ходѣ главная струя лежитъ влѣво, встрѣчая каменную гряду, дающую извѣстный поворотъ теченію. Другой фарватеръ, называемый *новымъ ходомъ*, направляется по каналамъ, расположенныхъ въ лѣвой части каждаго порога. Въ плесахъ (части рѣки между порогами) оба хода во многихъ мѣстахъ совпадаютъ; но вблизи каждаго порога, равно и въ плесахъ засоренныхъ каменными заборами, они раздѣляются. Кромѣ этихъ двухъ ходовъ существуютъ еще такъ-называемый *весенний* и нѣсколько побочныхъ. Порожистая часть начинается въ 12½ верстахъ ниже Екатеринослава, у с. Мариентополь, и тянется по старому ходу на 62 версты 250 саж., съ паденіемъ 15,73 саж., а по новому — на 63 в. 115 с. причѣмъ пороги собственно занимаютъ лишь пространство въ 3 в. 495 с. (а по новому 3 в. 453 с.), съ общимъ паденіемъ 7,036 (нов. 7,068 саж.). Всѣхъ пороговъ 10, и расположены они по теченію рѣки въ слѣдующемъ порядкѣ: Старо-Кайдакскій, Сурскій, Лоханскій, Званецкій, Ненасытецкій, Волнигскій, Будилевскій, Липинскій, Вильный и Явленый. Порожистая часть Днѣпра принимаетъ 3 незначительныхъ притока: съ правой стороны — Суру, а съ лѣвой — Вороню и Осокировку. Препятствія судоходству здѣсь представляютъ: 1) загражденія и засоренія русла каменными массами; 2) неравномерно-распределенные и мѣстами весьма значительные уклоны уровня воды, и 3) неправильное направленіе струй. Кромѣ пороговъ, много встрѣчается каменныхъ заборовъ, носящихъ особія названія, а также поднимаются изъ воды скалы (напр. скала Цыкуха и пр.). Углубленіе стараго хода предполагается довести до 10 четвертей ниже горизонта, при ширинѣ 30, а мѣстами 40—50 с.; вмѣстѣ съ расчисткой хотятъ произвести выправленіе въ немъ теченія настолько, чтобы порожистая часть могла служить въ большую часть навигаціи путемъ передвиженія не только сплавляемаго лѣса, но и болѣе цѣнныхъ товаровъ (хлѣба и проч.). Одновременно предполагается улучшеніе новаго хода, причѣмъ глубину положено довести до 7½ четвертей, ниже нулеваго уровня воды. Оказывается именно, что взводка судовъ по казацкому ходу представила бы почти непреодолимая препятствія и рядъ опасностей, почему и назначается ходъ по каналамъ болѣе соответствующимъ своему назначенію. Общая стоимость работъ по расчисткѣ порожистой части опредѣляется въ 1.598,051 руб. 80 коп. На выправленіе пороговъ

потребуется не менѣе 6-ти лѣтъ времени. (N.)

Въ дополненіе къ напечатанной нами на-дняхъ биографіи А. В. Никитенко, считаемъ не лишнимъ прибавить для интересующихся его свѣтлою личностью, что *Воспоминанія* его доходятъ лишь до 1824 года и нѣблизкомъ помѣщены въ *Русской Старинѣ* изд. 1888 года (книги Сентябрь, Октябрь, Ноябрь и Декабрь). Начиная-же съ январскаго выпуска *Русской Старины*, изд. 1889 г., почти изъ книги въ книгу непрерывно печатался *Дневникъ А. В. Никитенко*. Это историко-литературный памятникъ въ высшей степени интересный для характеристики русскаго общества и исторіи русскаго печатнаго дѣла за время съ 1826 года; печатаніе его продолжается въ книгахъ *Русской Старины* 1890 года. Въ подлинникѣ „Дневникъ“ доведенъ почти до времени кончины автора, т. е. до 1877 г. и изъ него явится въ *Русской Старинѣ* 1890 года нѣсколько тетрадей.

Вліяніе кофе на обмѣнъ веществъ. Гунмараезъ въ Рио-де-Жанейро, для разсѣдованія этого вопроса, произвелъ опыты съ собаками. Нѣсколько собакъ содержались въ просторномъ помѣщеніи: нѣкоторыхъ кормили исключительно мясомъ, другихъ — смѣшанною пищею, причѣмъ кормъ ежедневно взвѣшивался. Послѣ

пріученія собакъ къ такому образу жизни, имъ ежедневно вводили въ желудокъ извѣстное количество кофе, всегда одинаково приготовленнаго. У собакъ, кормившихся мясомъ, при этомъ наблюдалось дѣйствительно ускореніе кровообращенія и дыханія, возвышеніе температуры тѣла и расширеніе зрачка, причѣмъ и количество съѣдаемаго ими мяса ежедневно возрастало; напр. въ теченіе восьми дней отъ 244 граммъ до 314, а въ послѣдующіе восемь — даже до 343 гр.; вмѣстѣ съ тѣмъ и вѣсъ собаки увеличивался въ среднемъ на 300 гр. Кофе, слѣдовательно, ускоряетъ пищевареніе и тѣмъ увеличиваетъ позывъ на ѣду. Напротивъ, собака вѣсомъ въ 5,7 килограммъ, которая по желанію могла ѣсть свиное сало или кашу изъ маниока (обильной крахмаломъ, весьма питательной муки изъ корня *Jatropha*), околѣла уже на 9-й день послѣ того какъ она уменьшилась въ вѣсѣ на 1,5 килограммъ. Кофе способствуетъ, слѣдовательно, лишь уподобленію мяса. По другимъ опытамъ Гунмараеза, кофе уменьшаетъ количество газовъ въ крови; а содержаніе сахара и мочевины, напротивъ, увеличиваетъ. Собака, которую питали лишь водою, ежедневно теряла въ вѣсѣ 15 грам. съ каждаго килограмма и околѣла на 31-й день; другая-же, которой кромѣ воды давали пить и кофе, околѣла уже на 13-й день. Кофе такимъ образомъ можетъ быть сравнимаемъ съ мяснымъ отваромъ (говяжьимъ супомъ), который не только питаетъ, но также увеличиваетъ потребность въ пищѣ; кофе способствуетъ тѣлу принять большее количество пищи, а потому полезенъ всѣмъ людямъ ведущимъ дѣятельную жизнь. Однако онъ оказываетъ пользу только въ томъ случаѣ, когда употребляется въ пищу и мясо; люди, питающіеся исключительно растительною пищею, вегетарианцы, должны избѣгать кофе. (N.)

Вліяніе снѣга на прорастаніе сѣмянъ. Много лѣтъ тому назадъ инспекторъ женевакаго сада для акклиматизаціи альпійскихъ растений, г. Корревоизъ указалъ на важное значеніе снѣга для сѣянцевъ альпійскихъ растений. У дѣлнчнхъ-культураторовъ также уже давно извѣстно замораживаніе сѣмянъ древесныхъ породъ для ускоренія ихъ прорастанія; то же самое явленіе, по опытамъ проф. А. Э. Баталлина, наблюдается у хлѣбныхъ сѣмянъ. Въ недавнее время пасторъ О. Мюллеръ сообщилъ въ *Möller's Deutsche Gärtner-Zeitung* способъ ускорять прорастаніе сѣмянъ многолѣтнихъ травянистыхъ растений при посредствѣ снѣга. Для этого онъ кладетъ болѣе твердыя сѣмена на два-три дня на тающій снѣгъ или въ снѣговую воду и затѣмъ высѣиваетъ ихъ въ плоскіе ящики, или на высѣянные уже сѣмена прямо накладываетъ снѣгъ въ теченіе нѣсколькихъ дней. Снѣгъ притомъ долженъ быть промерзшій, взятый при температурѣ отъ 15 до 20 градусоовъ мороза, а не свѣже выпавшій. Затѣмъ ящики переносятся изъ подвала въ теплую комнату и черезъ каждыя 3—4 дня, до прорастанія сѣмянъ, ихъ снова покрываютъ рыхлымъ снѣгомъ, который на нихъ долженъ всегда растаять. Послѣ того какъ сѣмена вполнѣ пропитаются снѣговою водою, ящики покрытые стекломъ выставляются на солнце, особенно при употребленіи промерзшаго снѣга, причѣмъ, конечно, земля не должна просыхать. (N.)

Способность распознавать мѣстность у животныхъ ока-

Ю. И. Венелинъ. Съ соврем. портр. грав. Шюблеръ.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1890 г.

Подписная цѣна показана на первой страницѣ.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1890 году номера.

зывается особенно развито у пчелы; ею издавна пользуются американскіе искатели меда. Они ловятъ нѣсколько залетныхъ медоносныхъ пчелъ и затѣмъ съ разныхъ точекъ выпускаютъ ихъ на свободу. Освобожденная пчела тотчасъ по прямой линіи направляется въ улей и тѣмъ его выдаетъ. Американцы называютъ эту линію „пчелиною“. Даже у нашихъ домашнихъ животныхъ наблюдали, что они стараются вернуться домой по прямой линіи, а не по тому пути, по которому они вышли. (N.)

Молитвы буддистовъ. Почти каждый монголъ — по словамъ одного духовнаго изданія — выходитъ на улицу съ четками въ рукахъ и идя что-то бормочетъ про себя. Это онъ произноситъ молитвы, которыя считаетъ, передвигая, послѣ каждой, пальцы на слѣдующій шарикъ четокъ, но смысла которыхъ онъ вовсе не понимаетъ. Всею употребительнѣе у нихъ молитва состоящая лишь изъ 6 слоговъ. Каждый монголъ истолковываетъ ее по своему, а нѣкоторые объясняютъ, что дѣло не въ истолкованіи, а въ томъ, сколько разъ молитва прочитана. За чтеніе молитвы возможно большее число разъ, монголы надѣются на прощеніе грѣховъ и даже на полученіе блаженства. Но такъ какъ устное повтореніе молитвы слово за словомъ кажется имъ медленнымъ, то они и изобрѣли молитвенныя ручныя машины съ наклеенными на нихъ большими листами отпечатанныхъ молитвъ. Машины вертятся — и молитвы мелькаютъ предъ глазами. Устраиваются еще и большія, семейныя машины, приводимыя въ движеніе большимъ колесомъ, ремень котораго вертеть дѣдь или бабушка въ домѣ, а внуки слѣдятъ за точностью оборотовъ. Если при неловкомъ движеніи колесо обернется назадъ, внуки громко кричатъ, такъ какъ этотъ поворотъ колеса вмѣсто добродѣтели прибавляетъ только новый грѣхъ. Бываютъ молитвенныя машины и съ часовымъ механизмомъ. На старье, купленные на рынкѣ и хорошо вычищенные часы наклеиваются молитвы (на колеса) и часы пускаются въ ходъ. Вставъ утромъ, монголъ заводитъ ихъ, и часы молятся за всю семью. Люди бѣдные, которые не въ состояніи купить ручную машинку, пользуются молитвеннымъ флагомъ, доскуткомъ обыкновеннаго полотна, на которыхъ вытѣснены буквы или молитвенные знаки. Флагъ прикрѣпляютъ къ шесту и ставятъ вблизи своего жилища, вѣря, что движеніе доскутка отъ вѣтра равносильно повторенію молитвъ. Осѣленные буддисты думаютъ, что такія молитвы доставляютъ имъ отпущеніе грѣховъ, и живутъ и умираютъ съ такой дожной вѣрой. Раздѣляясь такъ легко со своими грѣхами, монголы поэтому и не даютъ себѣ труда жить свято, въ полной увѣренности, что довольно нѣсколько разъ пробормотать молитву или повернуть ее на колесѣ. (в.)

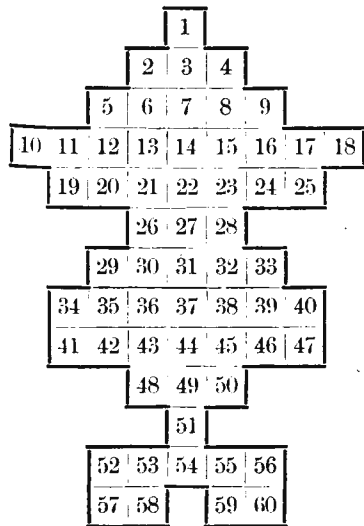
Рыба-стрѣлокъ. Надъ образомъ жизни и правами малоизвѣстной въ Европѣ рыбы-стрѣлка сдѣланы докторомъ К. Мейсеномъ, въ Сіамѣ, весьма интересныя наблюденія. Тѣло этой рыбы короткое и широкое, достигаетъ величинъ человѣческой ладони; окраска хребта зеленовато-сѣрая, получающая къ бокамъ серебристый оттѣнокъ. Четыре черныя поперечныя полоски придаютъ этой окраскѣ нѣкоторое подобіе тигровой кожи. Глаза большіе, съ черно-радужною и светло-желтою роговою оболочкой, весьма подвижны и имѣютъ нѣчто въ родѣ выраженія. Во всякомъ случаѣ глаза эти заставляютъ предполагать, что обладательница ихъ принадлежитъ къ наиболѣе интеллигентнымъ представителямъ своего вида. Рыбы-стрѣлки отыскиваютъ преимущественно тихія, укромныя мѣстечки

по берегамъ рѣкъ; онѣ медленно плаваютъ у самой поверхности воды, никогда не держась вмѣстѣ, а, по обычаю опытныхъ охотниковъ, хорошо сохраняя дистанцію и внимательно и осторожно осматривая мѣстность. На стеблѣ какого-либо водянаго растенія, около фута отъ поверхности воды, спокойно и безмятежно грѣется на солнцѣ муха. Стрѣлокъ уже замѣтилъ ее: онъ выбираетъ позицію нѣсколько въ сторонѣ, цѣлится съ минуту и вдругъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ сидѣло насекомое, разбивается капля воды; рыба, съ быстротою молніи устремляется впередъ, хватается упавшую въ воду жертву, прячетъ ее въ ягдташъ, иначе спазать желудокъ, и спокойно плыветъ дальше, высматривая новую добычу. Поразительна быстрота, вѣрность и сила, съ которою рыба производитъ водяной выстрѣлъ: даже на разстояніи трехъ футовъ она не дѣлаетъ промаха. Однако процессъ стрѣльбы не совѣмъ таковъ, какъ описываетъ его Бремъ въ своей „Жизни животныхъ“. Рыба не погружается до половины тѣла въ воду и не выбрасываетъ ее струей на свою жертву, а, напротивъ, располагается настолько горизонтально, что голова ея какъ разъ касается поверхности воды. Направивъ глаза на добычу, она ждетъ нѣсколько мгновений, очевидно цѣлится, и затѣмъ, съ закрытымъ ртомъ, выбрасываетъ небольшое количество воды въ отвѣстнѣе, образуемое выступающею впередъ нижнею челюстью. Доктору Мейсену удалось поймать нѣсколько такихъ рыбъ и наблюдать ихъ въ комнатномъ акваріумѣ. Быстро привыкнувъ къ новымъ условіямъ жизни, онѣ и здѣсь занимались той же охотою. Въ концѣ-концовъ рыбы-стрѣлки сдѣлались настолько ручными и доверчивыми, что не только энергично обрызгивали насекомыхъ, которыхъ давалъ имъ г. Мейсенъ, но даже выхватывали у него изъ рукъ иншу, подпрыгивая доймавъ на пять пядей водою. Новидимому обрызгиваніе для нихъ составляетъ нѣкоторый родъ спорта, такъ какъ онѣ перѣдко, для собственнаго развлечения, обливали глаза, уши, носъ и ротъ стоящихъ вокругъ акваріума. Докторъ Мейсенъ считаетъ возможнымъ привести эту рыбу въ Европу живую и содержать ее здѣсь въ теплыхъ комнатахъ. Новая интеллигентна акваріумовъ будетъ навѣрное представлять болѣе интереса, чѣмъ наскучившая уже золотая рыбка. (с.)

Папирусъ Эберса. Извѣстный ученый и знатокъ древне-египетскаго языка, Георгъ Эберсъ, только что вышедшій романъ котораго печатается теперь въ *Нивѣ*, нашелъ въ городѣ мертвыхъ Фиваиды папирусъ, представляющій сборникъ врачебныхъ познаній древнихъ египтянъ. Недавно, въ *Трудахъ* Саксонскаго общества наукъ, Эберсъ помѣтилъ снова переводъ одной части этого папируса, заключающей познанія египтянъ относительно глазныхъ болѣзней. Для правильной передачи и толкованія всѣхъ выраженій не достаточно было быть хорошимъ египтологомъ, переводчикъ необходимо долженъ былъ владѣть и широкими познаніями по исторіи и всѣмъ отраслямъ естественныхъ наукъ. Такимъ всестороннимъ ученымъ именно и является Эберсъ. Достоинъ упоминанія, что перечисленные рецепты весьма сходны по составу съ глазными мазями грековъ. Не будетъ-ли это новымъ важнымъ подтвержденіемъ предположенія, что египетская и восточная культура перешла въ Грецію? (N.)

Замѣчено, что во время долгихъ морскихъ путешествій собаки теряютъ чутье, которое возвращается лишь послѣ нѣкотораго пребыванія на сушѣ. (с.)

Задача бунвъ (ходъ короля) № 5.

Найти *тринадцать* словъ:

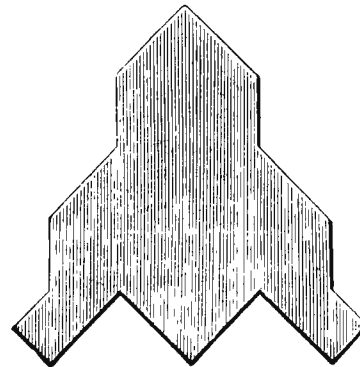
- 1) Произведеніе Рубинштейна 27. 3. 40. 57. 26. 5.
- 2) Правитель Венеціи 21. 16. 18. 20.
- 3) Адъ у грековъ 8. 39. 17. 33. 52.
- 4) Притокъ р. Днѣпра 23. 59. 50. 2. 37.
- 5) Металлъ 56. 15. 34. 38. 53.
- 6) Ткань 11. 35. 19. 41.
- 7) Пухный звѣрь 51. 7. 32. 45. 12.
- 8) Столбъ на римскомъ шоссе 54. 25. 30. 10.
- 9) Чай 6. 4. 58. 1. 47.
- 10) Пахучій цвѣтокъ 55. 29. 48. 31. 60. 13.
- 11) Украшеніе лица мужчины 14. 43. 22.
- 12) Шахматная фигура 28. 36. 49. 44. 46.
13. Союзъ и рѣка 24. 9. 42.

Бунвы найденныхъ словъ разбѣтить по квадратамъ на мѣ-

стахъ чиселъ, но такъ, чтобы можно было посредствомъ *хода короля* прочесть нравоученіе изъ басни Крылова.

Геометрическая задача № 6.

Данную фигуру разрѣзать прямыми линіями на 9 частей такъ, чтобы изъ нихъ составился прямоугольный треугольникъ.

Рѣшеніе ребуса № 77 (помѣщен. въ № 50, 1889 г.).

„Съ молодую наживай, а подъ старость проживай.“

Рѣшеніе ребуса № 78 (помѣщен. въ № 51, 1889 г.).

„Не та хозяйка, которая говоритъ; а та, которая щи варитъ.“

Рѣшеніе шашечной задачи

№ 76 (помѣщ. въ № 48, 1889 г.).
 Бѣлыя. Черныя.
 Н 2 — G 3 В 8 — П 2
 G 5 — F 6 G 7 — E 5
 В 6 — С 7 D 8 — В 6
 D 2 — С 3 А 1 — G 1
 Н 6 — F 4 E 5 — G 3
 F 8 — С 5 В 6 — D 4
 С 1 — E 3 D 4 — F 2
 В 4 — E 1

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: СПБ.—Ф. А. Борогина, А. Кузнецова, С. Т. Грибова, Москва—С. Д. Дмитрова, Н. П. Смирнова, Н. Ларионова, Н. З. Хохлова, Дубовна—Л. Марьянна, Елисаветградъ—С. Р. Ковно—И. Н. Кенпънъ, Ниструсъ—И. Сахарова, Козацкое—В. Бонташъ, Назань—А. В. Лаптева, Ромны—

Рѣшеніе шашечной задачи

№ 80 (помѣщ. въ № 51, 1889 г.).
 Бѣлыя. Черныя.
 В6 — С7 В8 — D6
 С3 — В4 D6 — А3
 С1 — D2 А3 — С1
 E3 — H6 C1 — G1
 H6 — G3 H4 — F2
 А5 — E1

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: СПБ.—И. В. Панкова, С. Грибова, Москва—Н. П. Смирнова, С. И. Никитина, Казань—А. В. Лаптева, Одесса—И. В. Башкетова, Ромны—Н. Н. Кузнецова.

шашка и дамка заперты.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. много-родныхъ подписчиковъ, при переѣмѣ адреса, прислать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

СОДЕРЖАНІЕ: Судьба. Повесть князя М. Н. Волконскаго. — Исусъ. Повѣствованіе изъ библейскихъ временъ. Георга Эберса (съ рис.). (Продолженіе). — Къ рисункамъ: На улицѣ въ Кишиневѣ (съ рис.). — Рубка лѣса въ Финляндіи (съ рис.). — Литературный альбомъ. „Портретъ“ Гоголя (съ рис.). — Венеціанская рыбака (съ рис.). — Ледяныя горы въ Атлантическомъ океанѣ (съ рис.). — Грамотей (съ рис.). — Похороны С. П. Боткина (съ 2 рис.). — Ю. И. Венелинъ (съ портр.). — 25-ти-лѣтіе Московскаго Археологическаго Общества (съ 3 рис.). — Политическое обозрѣніе. — Библиографія. — Разныя извѣстія. — Смѣсь. — О подпискѣ на „Ниву“ 1890 г. — Задачи и рѣшенія задачъ. — О переѣмѣ адреса. — Объясненія.

Издатель А. Марнсъ.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

СОЧИНЕНІЯ А. СКАБИЧЕВСКАГО.

Критическіе этюды, публицистическіе очерки, литературныя характеристики. М. № 4285 2—2
 Съ портретомъ автора. Цѣна за все собраніе въ ДВУХЪ большихъ томахъ (1700 стр.)—3 руб. Въ простомъ переплетѣ—3 р. 50 к. Въ роскошномъ—4 руб.

PAPIER FAYARD ET BLAYN

употребляется въ леченіи ревматизма, раздраженій дыхательныхъ органовъ, насморка, раздраженій груди, вывиховъ, ранъ, ожоговъ, ознобленій, мозолей и всякихъ нагноившихъ затвердѣній. Продажа во всѣхъ аптекахъ (требовать собственноручную подписку).

Открыта подписка на 1890 г. на музыкальный журналъ

БАЯНЪ

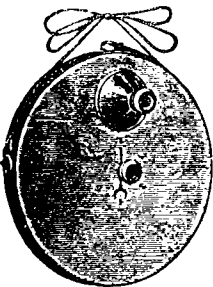
Выходитъ по 15-мъ числамъ въ количествѣ 12 ежемѣсячныхъ нотныхъ тетрадей—до 100 пьесъ въ годъ фортепیانной, вокальной и камерной музыки лучшихъ современныхъ русскихъ и иностранныхъ композиторовъ и 12 номеровъ музыкальной газеты на прежней программѣ. Условія подписки: Полное изданіе (ноты и газета) на годъ съ доставкой 5 р. Одна муз. газета 1 р. 50 к. Подписка принимается непосредственно въ помещеніи редакціи: С.-Петербургъ, Пушкинская ул., д. № 11. № 4294

ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

на годъ 5 р. на 4 мѣс. 2 р.
 на 8 мѣс. 4 р. на 2 мѣс. 1 р.
 на 6 мѣс. 3 р. на 1 мѣс. 60 к.
 За границу 10 к. за строку.
 Адресъ: С.-Петербургъ, (360 вып. въ годъ). Редакт. И. В. Скворцовъ Преображенская, 4. № 4142 8—8 Издатель А. А. Греве.

Весьма легко для каждого заниматься фотографированіемъ. Предлагаемъ № 4216
ФОТОГРАФИЧЕСКУЮ СЕКРЕТНУЮ НАМЕРУ ШТИРНА.
 Цѣна съ пластинками на 36 снимковъ 20 р.
 Шесть моментальныхъ снимковъ въ одну минуту.
 Носится незаметно подъ сюртукомъ. Весьма удобна.
 Хорошіе результаты. Пробные снимки: 50 к.
 Единственная продажа для всей Россіи.
 Краткое печатное наставленіе къ фотографированію прилагается бесплатно. Аппараты для съемки изображеній въ кабинетную величину, съ хоронимъ объективомъ, націная съ 15 рублей. Большой выборъ всѣхъ предметовъ касавшихся фотографіи. С.-ПЕТЕРБУРГЪ НЕВСКІЙ ПР., № 25—1.

Во всѣхъ складахъ духовъ и во всѣхъ парикмахерскихъ во Франціи и за границей.
LA VELOUTINE
 Специальная рисово-визмутовая пудра.
 CHARLES FAY, Parfumeur, 9, rue de la Paix Paris.

**ПРИДВОРНЫЕ ПОСТАВЩИКИ
ВАСИЛІЙ ПЕРЛОВЪ СЪ СЫНОВЬЯМИ**

Фирма существуетъ въ Москвѣ съ 1787 г.
 Имѣютъ честь увѣдомить, что въ магазинахъ ихъ поступилъ въ продажу чай № 4304

СЪ КАЗЕННОЮ БАНДЕРОЛЮЮ,
развѣшанный подъ контролемъ правительственнаго инспектора.

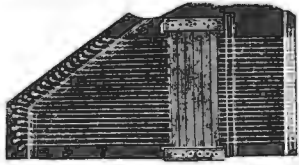
ЭЛЕОПАТЬ ПРОВ. КИНУНЕНЪ
 для волосъ, средство противъ перхоти на головѣ. Элеопать Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптекъ и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп. но безъ пересылки.
 Пров. КИНУНЕНЪ.
 Жители въ провинціи выписываютъ Элеопать Кинунена изъ ближайшихъ отъ нихъ городовъ, гдѣ только имѣется Аптекъ или Космет. магазинъ, но не менѣе двухъ флаконовъ.
 Просятъ непременно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждого флакона,—пров. Кинуненъ. (2) № 4287

Leichner's Fettwunder
ЖИРНАЯ ПУДРА ЛЕЙХНЕРА
 для вечера а также и дня! Незамѣтна на кожѣ! Косметическое средство для красоты кожи! Цѣна коробка 1 рубль! № 4293 12—1
 Театральныя гримировки:
 Румяна, бѣлила и карандаши для бровей!
 Имѣются во всѣхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи.
 Л. ЛЕЙХНЕРЪ, Берлинъ, поставщикъ Вельгійскихъ театровъ и двора.
 Главное депо для Россіи у В. Ауриха, Колокольная, № 18. С.-Петербургъ.

ЗУБОЧИСТНЫЯ СРЕДСТВА ПЕЛЛЕТЬЕ,
 Ц. № 4300 ЧЛЕНА МЕДИЦИНСКОЙ АКАДЕМІИ ВЪ ПАРИЖѢ. 6—1
ОДОНТИНЪ ПЕЛЛЕТЬЕ ЭЛИКСИРЪ ПЕЛЛЕТЬЕ
 бѣлить зубы, не портя ихъ эмали. освѣжаетъ ротъ.
 Каждая коробка запечатана прилагаемою печатью, четырьмя цвѣтами. Каждый флаконъ запечатанъ прилагаемою печатью, четырьмя цвѣтами.
Приготавливается у Л. ФРЕРА,
 19, Rue Jacob, Paris.
 У всѣхъ аптекарскіхъ и продавцевъ благовонныхъ товаровъ.

БАЛЬНЫХЪ ПЛАТЬЕВЪ
 НОВАЙШИЯ
ШЕЛКОВЫЯ ТКАНИ
 Дама Judic, Дама Parchemin, Broccatil Riche, Маузелъ, Сюблинъ, Тюль fleur, Муслинъ, broché, Газъ и Воланы.
КОСТЮМЫ съ роскошной отдѣлкой. № 4298
AU BON MARCHÉ
 С.-Петербургъ, Гостиный Дворъ, №№ 133 и 134.

ДВУНОГІЙ ВОЛКЪ.
 Н. Н. Каразина. Изданіе 2-е. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к. Обращается въ Контору журнала „Нива“, а также и ко всѣмъ известнымъ книгопродавцамъ.

УСОВЕРШЕНСТВОВАННЫЯ НАРОДНЫЯ ЦИТРЫ
 собств. издѣлія продаются по вновь усовершенствованнымъ цѣнамъ:
 съ 7 педальми по 4 р. и 4 р. 50 к.
 съ 7 педальми по 4 р. и 4 р. 50 к. съ приспособленіемъ для легкой и скорой настройки по 6 рублей
 Самый легкий инструментъ для изученія. Приятный тонъ. Въ короткое время проданы многія тысячи.
 За пересылку по почтѣ просятъ прилагать за 4 руб. за 10 фунт., за 6 руб. за 15 фунт.

I. Ф. МЮЛЛЕРЪ
 Москва, Петровка, домъ Волкова.
 Иллюстр. преисъ-курантъъ рѣшмъ инструментамъ бесплатно. (19) Ц. № 3864
 Торговцамъ дѣляется скидка.

Съ 1-го января 1890 года издается новый ежемѣсячн. журналъ

„ФОТОГРАФЪ-ЛЮБИТЕЛЬ“

Подписная цѣна съ доставкою на годъ 5 р., на полгода 3 р., отдѣльн. номера по 45 к. за отдѣльн. №№ можно высылать почтой (марками).
 Редакция: С.-Петербургъ, Екатерининскій каналъ, № 94.
 Редакторъ-издатель А. М. Лавровъ, авторъ 2-хъ сочиненій по фотографіи подъ псевдонимомъ А. Михайловичъ; среди сотрудниковъ И. Карповъ, авторъ руков. практической фотографіи для начинающихъ любителей. № 4296

ГОРЬКАЯ ВОДА ИСТОЧНИКА ФРАНЦА ЈОСИФА

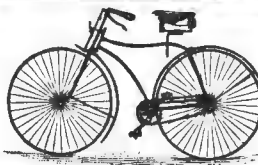

Натуральная минеральная слабительная вода источника ФРАНЦЪ-ЈОСИФЪ въ Будапештѣ, по отзывамъ медицинскихъ авторитетовъ, она дѣйствуетъ легко, аккуратно и безъ всякихъ вредныхъ послѣдствій.
 Рекомендуется какъ слабительная вода, не содержащая въ своемъ составѣ вредныхъ здоровью веществъ. Продается въ аптекахъ и аптеч. магазинахъ, Ц. № 4298 7-2
 Для нормальнаго пріема достаточно одного внешнего стакана Диренца въ Будапештѣ.

ЛВИНПЕРГЪ и ГЛОЗНИГЪ
 имѣють честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которую печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405

Поставщики велосипедовъ Русской Арміи

Торговый Домъ Ж. Блокъ,
 Москва, С.-Петербургъ, Кузнецкій Мостъ, Б. Морская № 21.
 имѣють единственный Складъ для всей Россіи велосипедовъ: Спидотъ, Випперъ, Русскій Клаубъ, Молнин (New Rapid), Имперіалъ и пр.

Цѣны отъ 100 до 500 руб.

ПОВОСТЬ
 Повесть о Свѣтѣ №2 = 150 руб. =
 Преисъ-Курантъ высылается бесплатно.
 Поставщики велосипедовъ Русской Арміи

ВТОРАЯ ЖЕНА. Ром. Марлинна. Пер. съ англ. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

Поступилъ въ продажу въ конторѣ журнала „Нива“ (СПБ., Невскій, № 6)

ПОЛНЫЙ ТОМЪ „НИВЫ“ за 1889 г.

заключающій въ себѣ 1,300 стр. разнообразнаго текста и 700 художественно-исполненныхъ гравюръ, разск. А. Фета—„Внѣ моды“, повѣсть Н. Д. Ахшарумова—„Опасная игра“, романъ М. В. Крестовской—„Торжество Юли Андреевны“, большой ром. въ 2-хъ част. В. И. Немировича-Данченко—„Подъ звонъ колоколовъ“, историч. ром. въ 2 част. графа Е. А. Салиаса—„Барыни-крестьянки“, разск. кн. Д. Голицына-Муравлина—„Увлеченіе“, разск. П. Дорошенко—„Нто-же“ и массу другихъ повѣстей, разсказовъ и стихотвореній извѣстныхъ писателей, а также много научно-популярныхъ статей по зоологіи, гигиенѣ, живописи и мн. др. Кроме того нѣсколько художественныхъ приложений—важнѣйшія рыбы Россіи, важнѣйшія древ. растенія Россіи, Росс. Импер. ордена и проч., печат. красками, большой сборникъ новѣйшихъ повѣстей и разсказовъ (томъ 484 стр.) и большая олеографическая картина профес. В. Д. ОРЛОВСКАГО:

„ЛѢТНІЙ ВЕЧЕРЪ ВЪ МАЛОРОССІИ“.

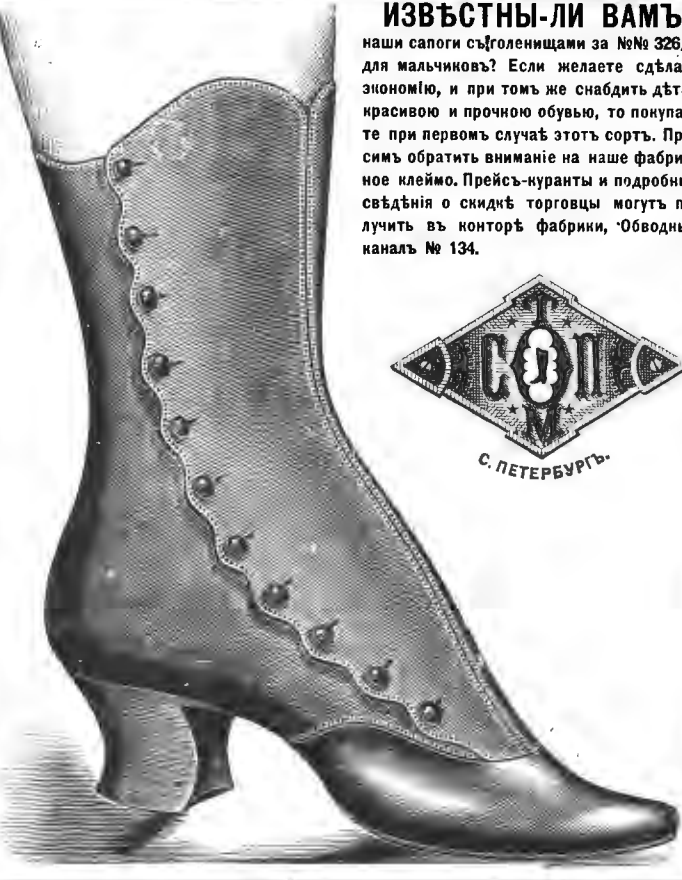
Цѣна ЭТОМУ БОЛЬШОМУ ТОМУ, со всѣми бесплатными преміями и приложениями:

Брошюрован. 4 р. Въ колѣнк. перепл. 5 р. 50 к.
 Съ пересылкою до 2000 6 р. Съ пересылкою до 4000 7 р. 50 к.
 Выше 2000 верстъ за пересылку прилагается по разстоянію за 13 фунтовъ.

ЛУЧШИЯ ВЪ МІРѢ ГАРМОНИИ ФАБРИКИ I. Ф. КАЛЬБЕ.

Юлія Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ
 Главное депо № 4302
 музыкальныхъ инструментовъ и нотъ.
 С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40 (прежніе 36 и 42).
 Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарыина.

Однорядныя въ 4 1/2, 5 1/2, 6, 7, 7 1/2, 8, 9, 10, 11, 12, 15, 20 и 25 р.
 Двурядныя въ 12, 14, 15, 16, 18, 20, 25, 28, 30 р. и въскіе въ 10 и 22 р.
 Трехрядныя въ 60 р. и въскіе въ 30, 50 и 75 р.
 Самоучитель Соколова по 1 руб. Ноты его же по 75 к. и 1 р. за тетрадь.
 Иллюстр. преисъ-курантъъ бесплатно.
 Продажа оптомъ и въ розницу.

НЕБЫВАЛЫЙ СЛУЧАЙ!
 3000 фотограф. альбомовъ (отъ 50 коп. до 15 руб.)
 25% ниже фабричныхъ цѣнъ. Рекомендую особенно слѣдующіе:

Малень. форматъ (леди) американск. кожа, пшюен. и пр. 50, 60, 75, 90 к. и 1 р.
Форматъ октавъ 1 р. до 2 р. 50 к.
Форматъ Винторія (большіе) 1 р. 50 к., 2 р., 2 р. 50 к., 3 р. до 7 р.
Большой форматъ (нварто) американск. гладк. съ тиснен. и металлич. украшеніями и пр., пр. 2 р. 75 и 3 руб. **Томе южнн.** съ тисненіемъ и металлич. укр. съ живописью, изъ аллигаторской кожи съ живописью и въ японскомъ стилѣ 3 р. 50 к., 4 р., 4 р. 50 к., 5 р., 5 р. 50 к., 6 р. до 12 р. 50 к.
Томе плошев. съ шелко. или металлич. украшеніями, эмалью. или живописью и въ японскомъ и китайск. стилѣ 3 р. 75 к., 4 р., 4 р. 50 к., 5 р., 5 р. 50 к., 6 р., 6 р. 50 к., 7 руб., 7 р. 50 к. до 15 руб.

Всѣ вышеозначенные альбомы элегантно и излицо выполнены.
 Кроме того рекомендую послѣднюю Парижскую Новость „Грация“, дамскіе растягивающіеся кушачи изъ золотой проволоки съ золотымъ замочкомъ, прокатные черныи, бѣлыи, красноватыи, голубыи, розовыи, желтыи или темнокрасныи шелкомъ. Цѣна 3 руб. 50 коп.
 Высылка по всей Россіи. При заказѣ просятъ высылать стоимость. № 4310

СКЛАДЪ ОСКАРЪ ЛЕССЕРЪ
 С.-Петербургъ, Садовая, 12 — 18, напротивъ Гост. Двора.

Самодѣйствующій подсна-тель для рыбной ловли, одобренный всѣми любителями рыбной ловли; съ успѣхомъ примѣнимъ во всякое время года и для всякой рыбы; замѣняетъ грузъ, карабинъ и блесну. Устроены такъ, что когда рыба хватается наживку, то крючки механически закрываютъ ее за щеку. Способъ употребленія при каждомъ экземплярѣ. Ц. 60 к. На пересылку отъ 1 до 6 прилагается 40 к. Единственн. скл. у П. Ф. Наратова, Невскій пр., Милитинъ рядъ, № 18, въ С.-Петербургѣ. № 4305

Иллюстрированный преисъ-курантъъ рыболовныхъ принадлежностей высыл. бесплатно.

ПАРЫШЕННЫЯ КЛАССЫЕ ВРАЧ. ЧИСТАЯ НЕ СОДЕРЖАЮЩАЯ ВЪ СЕБѢ СОЛ. СТАВЪ ВРЕДНЫХЪ ЗДОРОВЬЮ ВЕЩЕСТВЪ.

ПЛАСТЫРЬ ПРОВИЗОРА **В. И. ШЕПФЪ** ДЛЯ УНИЧТОЖЕНІЯ **МОЗОЛЕЙ** **БОРОДАВОКЪ** Цѣна 35 коп.

Можно получить во всѣхъ лучшихъ аптекахъ, аптекарскихъ магазинахъ, магазинахъ обуви и резинов. издѣлій. Выписывающіи не менѣе 3-хъ пачекъ, высылка бесплатна, торговцамъ значительная уступка.

Главный складъ у изобрѣтателя, провизора В. И. Шепфъ, въ Москвѣ, Патриарше пруды, д. Вриткина. Ц. № 4182 10-4

ПИСУЩАЯ МАШИНА „РЕМИНГТОНА“.

Писать въ 3 раза быстрее пера. Чистота, четкость и красота. Введена во всѣхъ Министерствахъ и мног. правительствъ и частныхъ учрежд.

Преисъ-курантъ, содерж. многочисленн. отзывы отъ Правительства и другихъ учреждений, высылается бесплатно. № 3748
 Единственный складъ для всей Россіи:
ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ
 Москва С.-Петербургъ, Кузнецкій мостъ. Б. Морская, 21.

XXI г.
№ 4

г. XXI
1890

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЪСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
Выданъ 27 января 1890 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕВЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цена этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1890 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГЪ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за
строку непарейль (1/4 шир.
страни) въ Глав. Кон. Ред. по
75 к.—Загран.: для Франціи у
Agence Navas по 2 fr. 40 с.;
для Австр., Герман. и Швейц.
у Rudolf Mosse по 1 M. 70 Pf.

Безъ доставки въ Пе-
тербургъ 5 р.
Съ доставкою въ Пе-
тербургъ 6 р. 50 к.
За границу, съ пересылкою 9 р.

Безъ дост. въ Москвѣ чр.
конт. объявл. Н. Н. Печков-
ской, Петровск. Торг. линіи. 6 р.
Съ пересылкою въ Москву
и другіе города Россіи . . . 7 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особья приложенія прл
„НИВѢ“ объявленіи отъ тор-
говыхъ домовъ принимаются
для иногородн. и городскихъ
подписчиковъ по особому
соглашенію.

Вездѣ всякой доплаты за пересылку главной преміи.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1890 г. номера „Нивы“ со всѣми приложеніями.

Озадачены. Съ карт. М. Либлингъ, грав. Герике.

Судьба.

Повѣсть князя М. Н. Волконскаго.

(Продолженіе).

III.

Долго сидѣла Марья Ивановна у письменнаго стола мужа.

Вѣсть о потерѣ мѣста была слишкомъ ужасна, слишкомъ много влекла за собой горя, чтобы принять ее со смиреніемъ, съ надеждой, что если это не удалось—удастся другое.

Андрей Николаевичъ продолжалъ ходить по комнатѣ.

— Что это, они... чай идутъ пить? вдругъ страннымъ, безнадежно спокойнымъ голосомъ, проговорилъ онъ.

Марья Ивановна подняла голову.

— Да, должно-быть...

Андрей Николаевичъ отворилъ дверь.

— Я къ нимъ пойду, сказалъ онъ и вышелъ.

Марья Ивановна осталась одна въ комнатѣ.

Что это, вачѣмъ къ нимъ?.. Она ничего не могла сообразить, мысли ея спутались, смѣшались...

— Все равно! проштала она и, склонивъ голову на руку, опять замерла.

Страшный, отчаянный, нечеловѣческій крикъ раздался въ это время по квартирѣ,—раздался, замеръ на секунду и потомъ наполнилъ ее всю.

Такъ никогда никто не кричалъ изъ дѣтей, не кричалъ и не могъ кричать.

Марья Ивановна хотѣла вскочить, но тѣло ея не слушалось ея воли. Оно дрожало и выпрямилось.

Внутреннимъ своимъ, духовнымъ существомъ она, послѣ извѣстія о потерѣ мѣста, почему-то ждала еще какого-нибудь тягчайшаго несчастія и, услышавъ этотъ неистовый крикъ, она именно поняла, что это было то, чего она ждала съ ужасомъ, чего даже словно требовало что-то внутри ея, неумолчно приговаривая: „а вотъ еще, а вотъ еще!..“

Вдругъ дверь съ шумомъ отворилась, ударились объ стѣну, и Леша, вбѣжавъ, прокричалъ:

— Мама!.. папа убилъ Митю. Онъ тебя зоветъ.

Марья Ивановна не двинулась.

— Мама, надо ваты поскорѣй, вбѣжала Аня. — Гдѣ она у тебя? Я не могу найти. Онъ страшно обварился... потянулъ самоваръ и опрокинулъ его на себя... и не виновата... папа видѣлъ!.. Да ты не пугайся...

Она обняла было мать, стараясь заглянуть ей въ лицо, и вдругъ отшатнулась.

Лицо Марьи Ивановны было сине, глаза широко раскрыты и казалось совсѣмъ ушли въ лобъ. Кожа на лбу вытянулась, ротъ скривился.

— Мама, что съ тобой? голубушка! крикнула Аня.

Она потянула мать за руку.

Марья Ивановна покачнулася какъ-то вся, такъ что все тѣло ея осталось какъ было, и изъ криваго, полуоткрытаго рта вырвался не то вздохъ, не то хрипъ.

Аня выбѣжала изъ комнаты.

Андрей Николаевичъ, рвавшій въ это время платье съ обвареннаго ребенка, обернулся къ дочери:

— Гдѣ-же вата? вату скорѣе!..

— Мама... начала Аня.

— Гдѣ мама? прохрипѣлъ Андрей Николаевичъ.

— Она тамъ... она не двигается...

— Не двигается, какъ не двигается? отчего? и не дослушавъ того что стала пояснять Аня, но понявъ, что съ женой что-то случилось, Андрей Николаевичъ бросился къ ней.

Черезъ нѣсколько минутъ въ домѣ поднялся тотъ переполохъ, который неизбѣженъ, когда вдругъ нагрянетъ нежданное несчастіе.

Двери на лѣстницу, впуская холодъ, стояли открытыми. Въ нихъ уже нѣсколько разъ заглянули чужіе,

проходившіе мимо. Пявка-дѣвчонка куда-то исчезла. Марюша, охая, вздыхая, не зная что ей дѣлать, каждую минуту ходила на кухню къ крану и, помочивъ холодной водой тряпки, прикладывала ихъ къ лицу, рукамъ и груди лежавшаго въ безсознательномъ состояніи Митеньки.

Въ средней комнатѣ у стола, гдѣ опрокинулся самоваръ, стояла огромная лужа, и Леша, присѣвъ на корточки, съ испуганнымъ лицомъ водилъ по ней пальцемъ.

Аня была у матери.

— Когда-же это папа вернется? безпокоилась она.— Боря, посмотри, нѣтъ-ли его... Пойдемъ на лѣстницу— ужь не случилось-ли и съ нимъ чего?

И Аня выбѣжала съ Борей на лѣстницу и, перегнувшись черезъ перила, смотрѣла внизъ.

— Господи, Господи! шептала она, крестясь и молясь, чтобы отецъ вернулся скорѣе съ докторомъ, и вслѣдъ за темъ, что внизу хлопала дверь, она ждала, что это они.

— Аничка, подите сюда — мамаша хрипѣтъ, услышала она нянькинъ голосъ.

Аня опять кинулась къ матери.

Наконецъ въ передней послышались голоса, и Андрей Николаевичъ привелъ къ женѣ доктора.

Докторъ, изъ начинающихъ, молодой, небольшого роста человѣкъ, съ рѣсеемъ на носу и маленькой русой бородкой, вошелъ оглядываясь и потирая съ холоду руки, видимо подражая кому-то—должно быть извѣстному профессору, у котораго учился.

Онъ, стараясь показать, что не теряетъ ни минуты, отогрѣвъ пальцы, быстро подошелъ къ больной, пощупалъ ей пульсъ, и подпаялъ одно, потомъ другое вѣко.

Андрей Николаевичъ, въ своей потрепанной барашковой шапочкѣ, которую забылъ снять, стоялъ съ Аней, ожидая врачебнаго приговора, какъ подсудимые—заключенія присяжныхъ.

— Ни-ичево! протянулъ докторъ, значительно выпячивая губы, точно для пощелѣя.—Ничего—столбнякъ... Дайте мнѣ нашатырнаго спирта или нюхательной соли... Въ аптеку надо будетъ послать за морфиномъ и мускусомъ. Я пропишу. Дайте бумаги. Вы сами пойдете? обратился онъ къ Андрею Николаевичу.

— Да, да, я самъ... отвѣчалъ тотъ едва слышно.

Онъ до того казался растеряннымъ, что не понималъ ни того, что ему говорили, ни того, что онъ самъ отвѣчалъ.

— Я пока кровь пуцу, продолжалъ докторъ,—ванна есть у васъ?..

— Н-нѣтъ... то-есть есть—дѣтская, словно опомнившись и обрадовавшись отвѣтилъ Андрей Николаевичъ.

— Ну, это не годится...

И взявъ отъ Ани листъ чистой бумаги, которую та принесла, докторъ подошелъ къ столу и, стоя, сталъ писать рецептъ.

— Придется отодвинуть, сказалъ онъ опять, движеніемъ головы показывая на неподвижную Марью Ивановну,—тутъ неудобно. Это вамъ скоро дадутъ, протиговая рецептъ Андрею Николаевичу, продолжалъ докторъ.—Захватите еще скапидару и спирта нашатырнаго.

Андрей Николаевичъ, схвативъ рецептъ, бросился было къ дверямъ, но вдругъ опомнился.

— Да! вѣдь у меня ребенокъ обваренъ—я вамъ говорилъ. Его надо посмотрѣть...

— Идите, идите скорѣй въ аптеку, а я посмотрю... нужно торопиться здѣсь, а то... И докторъ сердито уже

показать на Марию Ивановну и, взявъ ножницы, стала быстро разрѣзывать ея лифъ.

Андрей Николаевичъ вышелъ на улицу.

„Аптека... да... въ какую сторону?..“ соображалъ онъ, хватаясь за голову. „Гдѣ ближе?..“

Ему страшныхъ усилій стоило вспомнить; но онъ веномнилъ и побѣждалъ.

Аптека была довольно далеко. Прошло минутъ десять, когда онъ, наконецъ, тяжело входилъ туда по лѣстницѣ.

— Нашатырю пожалуйста... скорѣе... и вотъ по рецепту... говорилъ онъ срывающимся голосомъ аптекарю, который, давно привыкнувъ видѣть людей въ положеніи подобномъ Андрею Николаевичу, такъ часто появившихся передъ его стойкой, спокойно, молча взялъ рецептъ и вышелъ въ соседнюю комнату.

— Черезъ пять минутъ будетъ готово, послышался оттуда его голосъ.

Андрей Николаевичъ видѣлъ, какъ аптекарь достала склянку, наливала въ нее лекарство, наклеивала ярлыкъ, запечатывала.

Ему казалось, цѣлая вѣчность проходитъ.

„Господи, что-то тамъ!“ мелькнуло, между тѣмъ, у него въ головѣ.

— Два рубля 87 копѣекъ, проговорилъ наконецъ аптекарь, — потрудитесь уплатить въ кассу.

Андрей Николаевичъ стоялъ, опустивъ глаза, съ выраженіемъ нестерпимаго стыда и страданія на лицѣ.

У него не было этихъ двухъ рублей восьмидесяти семи копѣекъ.

— Я послѣ заплачу... у меня... съ собой нѣтъ... бормоталъ онъ, шаря въ карманахъ и чувствуя, какъ болить, какъ изнемогаетъ его душа при мысли: а что если ему не дадутъ лекарства!

Аптекарь молчалъ.

— Не вѣрите? вдругъ вскрикнулъ Андрей Николаевичъ, — возьмите вотъ кольцо — оно дороже стоитъ.

Онъ сваялъ съ руки обручальное кольцо.

Кассирша приподнялась со стула и подошла къ стойкѣ.

— Отпустите, сказала она. — Запишите адресъ, фамилію...

Дома между тѣмъ у Андрея Николаевича докторъ дѣлалъ все, что было возможно. Онъ нѣсколько разъ, хотя безуспѣшно, пробовалъ пустить кровь Марьѣ Ивановнѣ; осмотрѣлъ Митеньку, велѣлъ его везти немедленно въ дѣтскую больницу, и для того чтобы его тамъ приняли, написалъ что-то на своей карточкѣ.

Аня, изъ безпомощной дѣвочки, почти ребенка, вдругъ, слушая его приказанія, обращенныя къ ней, такъ какъ другаго никого не было, сдѣлалась внимательною и сообразительною какъ взрослая.

Она и одѣла Митеньку, или лучше сказать — обернула его въ вату, потомъ въ кофту матери и наконецъ въ свое теплое одѣяло...

Мароуша взялась отвезти его въ больницу.

— Ты ва извозчикѣ, — у тебя деньги есть? догадалась Аня.

Мароуша махнула рукой и, порывшись у себя въ сундукъ, въ запертомъ тамъ тряпкѣ, достала изъ завязаннаго на одной изъ тряпицъ узелка — какую-то мелочь.

Андрей Николаевичъ вернулся, когда спосили уже съ лѣстницы стоявшаго Митеньку. Онъ не обратилъ на него вниманія и сказавъ только на слова Ани: — „А-а-а!.. въ больницу!“ прошелъ къ женѣ...

Докторъ пробылъ до двухъ часовъ ночи, тщетно добываясь отъ кровопусканія благоприятныхъ результатовъ. Кровь начинала идти каплями, тяжело, и сейчасъ же переставала. Наконецъ, послѣ долгихъ усилій, удалось пустить ее, но ожидаемаго, замѣтнаго облегченія это не принесло. Марья Ивановна осталась не-

подвижною. Глаза ея были все такъ же открыты и тѣло сведено судорогой.

Докторъ велѣлъ заставить свѣчу, чтобы не было яркаго свѣта, запретилъ трогать больную; оставивъ ее, какъ она была, на креслѣ, приказалъ класть ей на голову холодные компрессы, давать нюхать нашатырный спиртъ, вдыхать кислородъ, за подушкой котораго онъ уже самъ, со своею карточкой, посылалъ въ аптеку дворника.

Когда докторъ уѣхалъ, сказавъ, что будетъ завтра рано утромъ — Андрей Николаевичъ остался у жены, а захлопотавшаяся Аня пошла посмотрѣть гдѣ братья.

Лужа у стола въ средней комнатѣ не была вытерта. Леша сидѣлъ на стулѣ въ уголку подъ стѣнными любимыми дѣтскими часами (они почему-то остановились теперь) и крѣпко спать, откинувъ голову на спинку стула.

Аня подошла къ нему, поцѣловала. Леша полуоткрылъ глаза.

— Пойдемъ-ка спать, шепнула дѣвочка.

И взявъ на руки Лешу, она съ трудомъ, но все-таки сама принесла его въ дѣтскую, раздѣла и уложила въ постель.

Боря спалъ на постели одѣтый. Аня разбудила его.

„Лужу вытереть надо, мама была бы недовольна!“ веномнила Аня и, войдя въ кухню, разбудила няньку спавшую почему-то у кухоннаго стола, на который положила голову.

Аграфена заворчала было, но Мароуша достала изъ угла тряпку и сунула ей въ лицо.

— Нечего дрыхнуть-то, что весь вечеръ дѣлала? Драли тебя мало, вотъ что! негодовала Мароуша.

И нянька, не смѣя грубить Мароушѣ, какъ грубила барышнѣ, послушно поднялась и пошла съ тряпкою, стуча саногамъ.

— Вы бы, барышня, пошли отдохнули, посоветовала Мароуша Анѣ, — нечего вамъ тутъ быть — и безъ васъ все сдѣлаютъ. Я приглажу.

Аня стояла не шевелясь.

— Ну, что вы, барышня, Богъ съ вами...

— Мароуша, она не умретъ? тихо прошептала Аня, подходя къ кухаркѣ.

Та взглянула на дѣвочку и ничего не отвѣтила. Ей было жалко Аню, но угѣнить ее она не знала чѣмъ.

— Мароуша, какъ ты думаешь? еще тише прошептала Аня.

— Что думать-то! заговорила Мароуша. — Все въ волѣ Божьей — вы лучше помолитесь Ему...

Аня съ выраженіемъ и страха, и мольбы смотрѣла на старуху своими большими голубыми глазами.

— Что думать-то, продолжала Мароуша, сердито смахивая со стола крошки, — вотъ въ деревнѣ у насъ зашибло полѣвными дѣвочку годиковъ четырехъ. Замертво лежала, ужъ и пона позвали, и подъ образа подняли, и въ холстину хотѣли заворачивать. Мать только не давала. Все выла да молилась.. вотъ такъ подыметъ руки къ образамъ, потомъ грохнется о-земь и опять заголоситъ... И что жъ? очнулась дѣвчонка на третьи сутки, а всѣ думали — ужъ померла...

— И жива теперь? спросила Аня.

— Еще бы не жива. Дѣвкѣ семнадцатый годъ пошелъ.

„Господи — можетъ быть и мама очнется!“ думала бѣдная дѣвочка и снова ей захотѣлось сейчасъ же увидѣть мать, и она пошла къ ней.

Марья Ивановна, покрытая большимъ чернымъ платкомъ, все такъ же хрипѣла на креслѣ. Андрей Николаевичъ сидѣлъ рядомъ и высоко, въ уровень со своей головой, придерживалъ компрессы на лбу жены.

— Что же ты не спишь? обратился онъ къ дочери, — ступай...

Аня оглядѣла комнату и подошла къ креслу матери.

Литературный альбомъ. „Слово о полку Игоревѣ“. Вѣщее затменіе.

Ориг. рис. (собетв. „Нивы“) А. Земцова, грав. Шюблеръ.

Библиотека "Руниверс"

Судъ ландскнехтовъ. Рис. Мерте, грав. Кирмзе.

— Папочка, ты давал? кладь руку на подушку съ кислородомъ, спросила она, — теперь ужь пора. Докторъ велѣлъ каждыя двадцать минутъ.

— А? Д-да!.. отрывисто, точно не вполне сознательно, проговорилъ Андрей Николаевичъ.

— Дать еще?

— Что? тише!.. поморщась отъ новаго хрипа Марьи Ивановны прошептала онъ. — Можно, дай, дай...

Аня подняла подушку, прислонила ее къ креслу, поставила колѣнкой и, вытянувъ гуттаперчевую трубку, поднесла край, какъ училъ докторъ, ко рту больной.

Андрей Николаевичъ, ощутивъ на руку голову, сидѣлъ что-то сообразить.

— Я завтра уйду рано въ министерство, началъ онъ, — такъ ты ужь тутъ останешься, слышишь?.. и ни на минуту не отходи отъ мамы. Я вернусь скоро и принесу денегъ... да. Надо будетъ отдать въ аптеку, лавочнику, доктору, даромъ вѣдь никто ничего дѣлать не станетъ... Я тебѣ дамъ деньги, ты все это и сдѣлай. Пошли Марюшу въ аптеку. Лавочнику отдайте...

— Хорошо, сказала Аня.

— На расходъ я тоже дамъ...

— Надо спиртомъ потереть, перебила Аня, складывая подушку съ кислородомъ.

— Потри, сказалъ отецъ и протянулъ ей пузырекъ со спиртомъ.

Онъ сидѣлъ теперь съ неподвижно устремленными глазами въ уголь, застывшій, блѣдный...

Аня потеряла виски матери спиртомъ, поставила пузырекъ на мѣсто и, поглядѣвъ еще разъ на Андрея Николаевича, подошла къ нему.

— Папа, голубчикъ, милый...

Онъ словно очнулся и сталъ гладить дочь по волосамъ.

— Папа, — Марюша сейчасъ рассказывала мнѣ... у нихъ въ деревнѣ дѣвочка... ожила... Можетъ-быть и мама... да... она тоже... вѣдь ничего еще неизвѣстно... знаешь, она оживетъ... я увѣрена... Богъ дастъ...

Аня думала, что она для отца только лжетъ что „увѣрена“, но на самомъ дѣлѣ эта увѣренность жила въ ея душѣ безотчетно, неправдоподобно, но настоящимъ.

— Ахъ, Аня! выговорилъ Андрей Николаевичъ, — тяжело!.. ну, если она и оживетъ, ну хорошо... Богъ дастъ, а потомъ что?..

— Какъ что? широко открывая глаза, сказала Аня въ какомъ-то испугѣ удивленія, не понимая, какъ можно было теперь желать еще чего-то, кромѣ того, чтобы мама пришла въ себя, потому что *все* уже заключалось для нея въ этомъ. — Какъ что? повторила она, — потомъ... попржежнему... какъ мы жили до сихъ поръ...

И ей казалось *теперь*, что лучшей жизни, чѣмъ когда мама здорова, и придумать, и желать нельзя...

— Попржежнему... прошептала Андрей Николаевичъ, — ахъ, Аня!.. мѣстомъ меня обошли сегодня... теперь уже надежды нѣтъ, жить *попржежнему* нельзя...

— Какимъ мѣстомъ? силилась понять Аня, — это тѣмъ, что ты ждалъ такъ?..

Она слыхала объ этомъ мѣстѣ и изъ разговоровъ старшихъ, и мать какъ-то говорила ей...

„Вотъ что!“ думала Аня, и сама не замѣчала какая глубокая внутренняя работа происходила въ ней...

— Иди-ка спать! сказалъ Андрей Николаевичъ, видя, что дочь стоитъ не шевелясь. — Утромъ я тебя разбужу...

Но дѣвчкѣ не хотѣлось спать.

— Какъ же это обошли? допытывалась она, — другаго значитъ назначили?

— Да.

Андрей Николаевичъ говорилъ и отвѣчалъ машинально, точно не замѣчая кто его спрашивалъ.

— И кто жь это другой?

— Другой — сынъ важнаго генерала... у него родня, связи... А я вѣдь одинъ... одинъ съ вами... Господи!.. Аня наморщила съ полудѣтскою серьезностью свой лобъ, двинула глазами въ сторону и вдругъ проговорила:

— Знаешь, папа, напиши ему, что это твое мѣсто... что опъ не можетъ отымать его; онъ долженъ уступить...

Андрей Николаевичъ поднялъ быстро глаза. Мгновенная ясность показалась въ нихъ и снова застлалась прежнимъ туманомъ...

— Да, развѣ!.. пронзесъ опъ съ горькою усмѣшкой.

IV.

Прошло болѣе двухъ недѣль. Аня, какъ всегда въ это послѣднее время, выйдя изъ комнаты матери, куда пришелъ смѣнить ее отдохавшій часа три передъ ночью отецъ, сидѣла на кухнѣ у стола и пила чай съ Марюшей и лавочницей, принявшей въ нихъ большое участіе и много помогавшей при уходѣ за больной. Мальчики спали. Марюша уложила ихъ. Няньки давно уже не было. Она ушла на четвертый день болѣзни Марьи Ивановны, объявивъ, что желаетъ служить *настоящимъ* господамъ и до страсти боится „покойниковъ“.

Какъ ни кляла ее Марюша, что „креста на ней нѣтъ“, — она слышать ничего не хотѣла и ушла, наговоривъ самаго обиднаго про безденежье, про долги, задержку въ жалованьи, плохую нищу.

Марюша осталась одна.

Въ положеніи Марьи Ивановны перемѣны къ лучшему не было. Она была все такъ же мертвенно-блѣдна и недвижима, все такъ же хрипѣла, только глаза ея открылись еще больше и казались еще страшнѣе, чѣмъ прежде.

Въ домѣ теперь одна Аня не боялась этихъ глазъ.

Андрей Николаевичъ жилъ это время не разсуждая, не приходи въ себя, точно по какой-то инерціи, не сознавая хорошенько, какъ все дѣлалось кругомъ него. Онъ досталъ у казначея денегъ впередъ, въ счетъ жалованья. Два сослуживца, къ которымъ онъ обращался, обѣщали и ничего не дали — третій далъ тридцать рублей. Этими деньгами оборачивались Марюша и лавочница. Лавочникъ не приходилъ за долгомъ. Хозяинъ дома прислалъ старшаго дворника сказать, что подождать за квартиру. Все это какъ-то устроилось, обошлось и дѣлалось, но Андрей Николаевичъ чувствовалъ, что это дѣлалось какъ-бы помимо не только его, но и вообще всѣхъ людей; точно все выходило само собою. Онъ и не безпокоился объ этомъ. Живой, страшный трупъ жены, сидѣвшій въ креслѣ, поглотилъ всѣ его способности, всѣ мысли.

Митенькѣ было гораздо лучше, и хотя на лбу его, на шеѣ и на рукахъ виднѣлись еще безобразныя пятна, онъ былъ живъ и не слѣпъ. Въ больницѣ требовали чтобы его взяли домой. Андрей Николаевичъ ходилъ туда — просить, чтобы подержали еще, но ему сказали, что это невозможно.

Что дѣлать и какъ быть — Андрей Николаевичъ не звалъ и не былъ въ силахъ думать объ этомъ. Тогда, послѣ разговора съ дочерью, онъ написалъ письмо и отослалъ его, но скоро забылъ и о немъ...

Аня, сидя теперь у бѣлаго кухоннаго стола, думала, что будетъ, когда привезутъ Митеньку.

Свѣжая, еще теплая французская булка, принесенная лавочницей, лежала возлѣ нея, но дѣвочка не трогала ее.

Теперь у нея было вдвое тяжелѣе на сердцѣ. Теперь она начинала понимать, что такое жизнь, — начинала понимать, отчего Марья Ивановна такъ часто прежде плакала и не хотѣла, не могла ѣсть, отчего отецъ такъ

часто бывалъ не въ духѣ, знала какъ много нужно денегъ, чтобы жить, и какъ мало было денегъ у нихъ.

Вдругъ какое-то внезапное безпокойство охватило ее. Она словно почувствовала, что сейчасъ, сию секунду, необходимо ей... именно *ей* присутствие тамъ, гдѣ сидѣла ея мать въ креслахъ,—тамъ, въ этой страшной и милой вмѣстѣ съ тѣмъ и дорогой комнатѣ.

Она вскочила и почти выбѣжала изъ кухни.

— Куда вы, куда? остановила ее лавочница, давно уже переглядывавшаяся съ Марѳушей и наблюдавшая за Аней.

Но Аня не слыхала ничего и неслышно, быстро скользя по полу, приблизилась къ двери, гдѣ была больная.

Свѣча, заставленная большою книгой, попрежнему освѣщала одну стѣну этой комнаты и часть ситцевой перегородки. Марья Ивановна, все покрытая тѣмъ-же чернымъ платкомъ, сидѣла въ креслахъ.

У письменнаго стола, заставленнаго теперь склянками и вѣсмъ, что требовалось для больной, чтобы оно было подъ руками, стоялъ спиною къ двери докторъ и разговаривалъ съ Андреемъ Николаевичемъ.

— Завтра все, вѣроятно, будетъ кончено, услышала Аня слова доктора,—послѣдуетъ задушеніе.

Андрей Николаевичъ безпомощно стоялъ передъ докторомъ. Онъ сгорбился весь, и лицо его такъ исхудало, что покрылось толстыми, какъ рубцы, морщинами.

Онъ видимо хотѣлъ что-то сказать и не могъ.

— Вы, кажется, вѣрующій человекъ, продолжалъ докторъ,—въ этомъ найдите утѣшеніе... У васъ дѣти есть... вспомните ихъ...

Аня не могла выдержать больше, она кинулась въ комнату.

„Мама... завтра... у-умреть... да?“

Ноги ея такъ тряслись, что она невольно схватилась за руку доктора, чтобы не упасть.

Докторъ смутился. Онъ, не зная что сказать, посмотрѣлъ на Аню, потомъ на Андрея Николаевича, обернулся, точно ища помощи, и, замѣтивъ остановившуюся въ дверяхъ лавочницу, головой сдѣлалъ ей знакъ, чтобы она увела дѣвочку.

— Нѣтъ, я не уйду... Скажите... да? простионала Аня.

— Полноте, голубчикъ... началъ мягко докторъ, и взявъ за плечи Аню, хотѣлъ увести ее, но она рванулась и въ обморокъ упала на полъ.

Она очнулась почью, на постели въ дѣтекой. Возлѣ нея на полу, на принесенномъ откуда-то тюфякѣ, лежала въ платѣ и платкѣ лавочница Агафья Маріоновна и крѣпко спала.

Боря и Леша тоже спали. Боря храпѣлъ. Аня оглядѣлась еще и еще разъ, соображая, какъ она очутилась здѣсь; протерла глаза, взялась за лобъ, какъ-бы припоминая что-то, вдругъ все вспомнила и вскочила, трясясь всѣмъ тѣломъ.

„Да, мама... сегодня...“ шептала она.

И боясь разбудить Агафью Маріоновну, изъ страха что лавочница не позволитъ ей встать, Аня глазами нашла на стулѣ свое платье и, еле дыша, босикомъ соскочивъ съ постели, подошла къ стулу и стала одѣваться.

Не прошло трехъ минутъ — она уже была готова, торопясь застегивала пуговицы на своемъ платьѣ и быстро выходила изъ комнаты.

Въ квартирѣ стоялъ таинственный полумракъ, отъ мерцавшихъ въ окна съ улицы фонарей. Слышался далекій, глухой церковный благовѣстъ. Темные углы за шкафомъ какъ-то жутко чернѣли, точно тамъ кто-то спрятался.

Неслышно, какъ тѣнь, Аня подошла къ матери.

„Умерла, умерла!“ что-то говорило внутри ея. Андрей Николаевича въ комнатѣ не было. Она нагнулась надъ матерью и стала прислушиваться.

Сначала ничего не было слышно.

Аня подождала, чувствуя какъ въ лѣвомъ боку ея холодѣетъ, точно кусокъ льду положили туда. Но вдругъ начался пугавшій ее прежде, а теперь ожидаемый какъ нѣчто дорогаго, возжелѣнное—хрипъ Марьи Ивановны.

Аня нагнулась ближе.

„Да, хрипѣть, хрипѣть—жива!“ съ восторгомъ подумала Аня, и сжавъ руки, она подняла глаза къ образу.

„Господи помоги!“ не словами, а духомъ молилась она.

Въ это время заблаговѣстили въ ближайшей церкви. Звонъ яснѣе проникъ сквозь замерзлыя окна въ комнату.

Аня мгновенно затихла вся, замерла, точно прислушиваясь къ чему-то, что происходило внутри ея, въ самомъ сердцѣ,—постояла, оглянулась и вдругъ, перекрестясь, вышла изъ комнаты.

Она рѣшилась..

Она рѣшилась идти сейчасъ такъ, какъ она есть, въ одномъ платьѣ, съ непокрытою головою,—идти въ церковь.

Она проскользнула къ входной двери и осторожно, чтобы не шумѣть, сняла тяжелый крюкъ.

Сырость и холодъ охватили ее на лѣстницѣ. Точно какой-то давящій, тяжелый ледяной обручъ надвинулся на ея голову.

„Или вернуться, падѣть на голову что-нибудь?“ мелькнуло у ней.

Но она не вернулась, и держась одной рукой за перила, шибко, словно гнались за ней, побѣжала внизъ по лѣстницѣ.

На улицѣ было темно, лежалъ снѣгъ, морозило. Фонари мерцали.

Аня бѣжала, боясь думать о чемъ-нибудь, чтобы не согрѣшить, какъ она думала. Она бѣжала все скорѣе и скорѣй, чувствуя, какъ тяжело и холодно становилось головѣ.

Какой-то дворникъ, лѣниво поднявшійся съ обрубка дерева, на которомъ сидѣлъ приткнувшись у воротъ, и закуривавшій трубку, окликнулъ Аню:

— Дѣвочка, барышня, куда?

Аня только ускорила бѣгъ.

Благовѣстъ уже кончился.

Спотыкаясь и скользя на ступенькахъ лѣстницы, Аня, съ трудомъ переводя духъ, вошла на панерть и съ трудомъ пріотворила дверь церкви.

Тамъ было совсѣмъ пусто, и Аня, какъ показалось послѣ мороза, стало очень тепло.

У иконостаса кое-гдѣ горѣли красные огоньки.

Въ алтарѣ кто-то кашлялъ утревнимъ, старческимъ кашлемъ и говорилъ полушепотомъ. Служба еще не начиналась.

Аня прошла къ правому придѣлу, гдѣ стояла большая, старинная икона Божіей Матери, съ горѣвшими передъ нею большими, изъ разноцвѣтнаго стекла, оправленными въ серебро и золото лампадами, и глядя на икону, стала на колѣни.

Теперь она ни о чемъ уже не думала, ничего не соображала. Она помнила только одно, молилась обь одномъ:

„Господи, Господи, спаси ее! Господи, помоги, спаси, испѣли, сохрани!..“

Глаза ея глядѣли на ликъ Богородицы, темнѣвшій своимъ стариннымъ письмомъ изъ дорогаго, усыпанной крупнымъ и мелкимъ жемчугомъ, точно сотканной изъ него, ризы,—глядѣли на розовыя и голубыя левты по окладу, на висѣвшія у иконы рядами маленькія, сдѣланныя изъ серебра, плоскія руки, ноги и даже полныя контуры людей... и ничего не видѣли.

Душою она была у Бога, передъ Богомъ, и восторженно, какъ у Существа котораго она видѣла, какъ

будто у человека который могъ все сдѣлать, она молила и требовала и просила, не спрашивая, можетъ-ли она и имѣть-ли право просить и требовать—просила и требовала исцѣления матери.

„Господи исцѣли! ради Сына Твоего исцѣли!.. Ты общаешь... Господи!“ шептали ея губы, и крупныя слезы текли на ея сложенные и поднятыя къ подбородку руки.

Она не замѣтила, какъ кончилась полунощница, какъ началась и кончилась утренняя, какъ вышелъ съ кадиломъ священникъ и какъ черезъ нѣкоторое время нѣсколько нестройныхъ голосовъ пропѣли—„Единородный Сыне...“

Она вздрогнула и посмотрѣла по сторонамъ только тогда, когда какая-то старушка, проходившая поставить свѣчу, задѣла ея салономъ.

Аня поднялась съ колѣнъ и, замѣтивъ, что сторожъ оправлявшій лампы пылливо что-то смотритъ на нее, перекрестилась, подошла къ иконѣ, одной ногой стала на ступеньку и, еле доставая губами стекло образа, крѣпко поцѣловала его, прижавшись плечами къ массивной золотой рамѣ, перекрестилась еще разъ и скоро-скоро пошла вонъ изъ церкви.

— Ишь дѣвочка-то!.. въ одномъ платишкѣ!.. слышала Аня за собою.

„Нѣтъ, недостойна я, чтобы Господь услышалъ мою

молитву“, съ отчаяніемъ думала она по временамъ, „что я такое?..“

И опять она старалась отогнать свои мысли, ни о чемъ не думать.

Холодная, синяя отъ мороза, вошла она на лѣстницу. „А вдругъ дверь заперли?“ подумала она, „ну что-жъ—позовою“.

Но дверь была не заперта.

Изъ передней видна была цѣлая куча людей, какъ-то сжавшихся и медленно двигавшихся въ дверяхъ, которыя вели изъ спальни въ среднюю комнату.

Аня бросилась къ нимъ, разглядывая, что они дѣлаютъ. Они несли что-то длинное, покрытое чернымъ платкомъ.

— А-а-а-а! вскрикнула Аня, и въ изступленіи, чтобы увидѣть что тамъ, подъ нимъ, дернула платокъ.

— Тише, что вы! сердитымъ шепотомъ проговорилъ кто-то надъ ея ухомъ.— Что вы убить ее хотите?

И кто-то крѣпко схватилъ ея руку выше локтя.

Аня подняла глаза. Передъ нею былъ докторъ.

— Надо быть осторожнѣе. Она очнулась!.. проговорилъ докторъ и показалъ головою на пришедшую въ себя, находившуюся уже внѣ опасности, Марью Ивановну, которую выносили теперь въ среднюю большую комнату, гдѣ было больше воздуха и простора.

(Окончаніе въ слѣд. №).

Иисусъ.

Повѣствованіе изъ библейскихъ временъ. Георга Эберса. (Продолженіе).

(Право перевода пріобрѣтено редакціей отъ автора).

Прощаніе Осіи съ войскомъ.

Глава X.

сіи долженъ былъ торопиться, чтобы во время догнать своихъ единоплеменниковъ, ибо чѣмъ дальше они уйдутъ, тѣмъ труднѣе будетъ уговорить Моисея и старѣйшихъ, чтобы они вернулись и заключили договоръ.

Все случившееся съ нимъ въ это утро казалось ему настолько чудеснымъ, что онъ видѣлъ здѣсь волю Бога, котораго снова позналъ: вспомнилось ему также имя „Иисусъ“, то есть „тотъ, кому въ помощь Іегова“, полученное имъ чрезъ посредство Маріамъ. Онъ охотно будетъ носить это имя; хотя и нелегко ему отказаться отъ того, которое онъ прославилъ, но вѣдь многіе изъ его товарищей по оружію поступали такъ-же. А данное ему прозвище такъ чудесно оправдалось сегодня: Божья помощь никогда не обнаруживалась для него такъ ясно, какъ въ это утро. Онъ вступилъ во дворецъ фараона, ожидая, что его лишатъ свободы или отдадутъ въ руки палача, если онъ будетъ настаивать на своемъ желаніи послѣдовать за единоплеменниками, а между тѣмъ какъ скоро оказались разбитыми цѣпи, приковылавшія его къ военной службѣ! Затѣмъ на него возложили задачу, которая казалась ему великою и прекрасною, и онъ

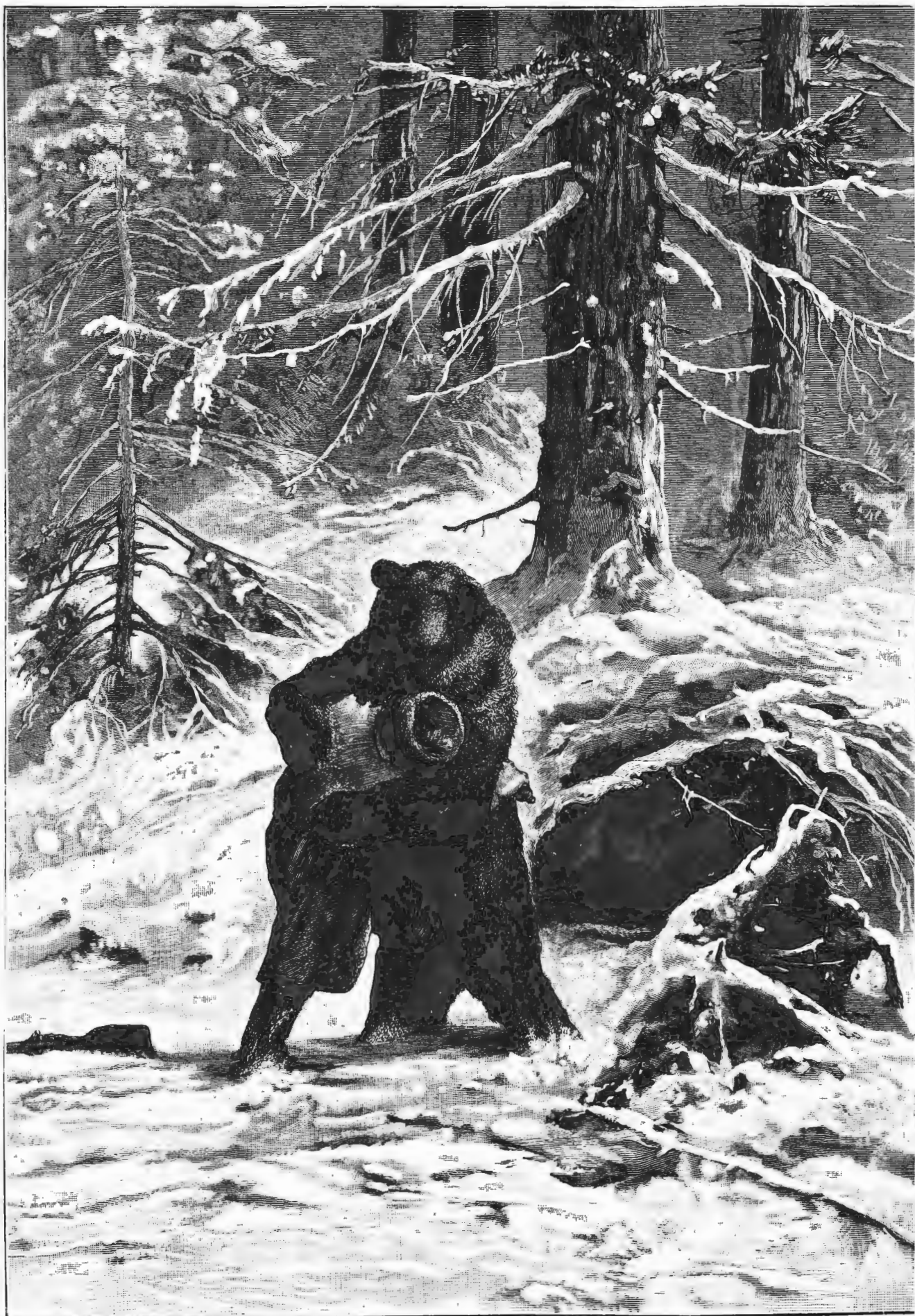
готовъ былъ вѣрить, что самъ Богъ его отцовъ призвалъ его къ выполненію этого дѣла.

Онъ любилъ Египетъ. Это была великолѣпная страна. Гдѣ же народъ его могъ найти лучшее мѣсто для поселенія? Только тѣ условия, въ которыхъ евреямъ приходилось жить, были невыносимы. И вотъ теперь предстояли лучшія времена. Его единоплеменникамъ предоставлялась свобода вернуться въ Гесемъ или поселиться къ западу отъ Нила въ странѣ озеръ, которая, какъ онъ зналъ, была плодородна и побиловала водою. Никто не будетъ въ правѣ принуждать ихъ къ тягловымъ работамъ, да и надъ тѣми, кто найметъ по собственному желанію, будутъ приставниками еврей-же, а не суровые, жестокіе иноплеменики.

Что еврей должны оставаться подданными фараона, съ этимъ соглашался и Осія; вѣдь и его предки: Іосифъ, Ефремъ и сыновья его были такими-же подданными, а жились имъ хорошо въ качествѣ египтянъ.

Если договоръ состоится, то старѣйшины въ каждомъ колѣнѣ будутъ сами управлять внутренними дѣлами народа. Намѣстникомъ новыхъ поселеній, не смотря на возраженіе втораго прорицателя, Баи, имѣлось въ виду назначить Моисея; самъ-же Осія долженъ былъ начальствовать тамъ вооруженною силою, защищать границы, и изъ еврейскихъ наемниковъ, уже въ нѣсколькихъ войнахъ выказавшихъ свою храбрость, набирать новые тысячные отряды. Но прежде, чѣмъ онъ выйдетъ изъ дворца, второй прорицатель, Баи, сдѣлалъ ему нѣсколько таинственныхъ намековъ, которые хотя въ общемъ оставались неясными, но однако давали понять, что у Баи были весьма важныя замыслы; что, какъ только управление государствомъ изъ рукъ престарѣлаго Руи перейдетъ къ нему, онъ имѣетъ въ виду для Осіи весьма важныя задачи, можетъ-быть даже завѣдываніе всѣми наемными войсками, которыми теперь начальствовалъ сиріецъ Аарсу. Это болѣе обезпочило Осію, чѣмъ обрадовало; зато ему пріятно было сознавать, что по его настоянію каждый третій годъ восточныя границы страны будутъ открыты для его единоплеменниковъ, и они получатъ возможность уходить въ пустыню и совершать тамъ жертвоприношенія. Моисей считалъ это въ высшей степени важнымъ, а между тѣмъ, по дѣйствовавшимъ доселѣ законамъ, никто не имѣлъ права безъ разрѣшенія правительства переходить за узкую полосу замкнутую съ восточной стороны укрѣпленіями. Можетъ быть такая уступка евреямъ склонитъ великаго вождя на сторону благодѣтельнаго для евреевъ договора.

Во время этихъ совѣщаній Осія снова почувствовала, насколько онъ сталъ чуждъ своимъ: онъ не сумѣлъ-бы даже объяснить, на что нужно это жертвоприношеніе въ пустынѣ. Онъ также откровенно признался совѣтникамъ фараона, что не знаетъ ни обидъ, ни требованій своего народа, и сдѣлалъ это съ тѣмъ, чтобы сохранить за своимъ право измѣнять и дополнять тѣ предложенія, которыя онъ передастъ имъ.

Схватка съ медвѣдемъ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) академика А. Писемскаго, грав. Рашевскій.

Чего-же лучшего могли пожелать его единоземники и их вожди?

Будущность была полна надеждъ на новое благополучіе для народа и для него самого. Если соглашение состоится, то и для него придетъ пора свить собственное гнѣздо; образъ Маріамъ снова возставалъ передъ нимъ во всемъ своемъ величій и прелести. Мысль о завоеваніи этой дивной женщины казалась ему упительной, и онъ спрашивалъ себя, достоинъ-ли онъ ея и не дерзость-ли съ его стороны мечтать объ обладаніи боговдохновенною, чудною дѣвой-пророчицей.

Онъ извѣдалъ жизнь и хорошо зналъ въ какой мѣрѣ можно полагаться на обѣщанія слабого человѣка, которому не подъ силу тяжелый жезлъ правленія. Поэтому онъ принялъ мѣры предосторожности, и если народныя старѣйшины примутъ условія, то договоръ, статья за статьей, какъ и всякій союзный договоръ Египта съ другими народами, будетъ вырѣзанъ на металлическихъ доскахъ и, за подписью фараона и уполномоченныхъ еврейскаго народа, повѣшенъ въ государственномъ храмѣ въ Опахъ. Такие документы—Осіа узналъ это при заключеніи мира съ Хетамъ¹⁾—обезпечивали на болѣе или менѣе продолжительный срокъ кратковременную „вѣчность“ международныхъ договоровъ. Онъ навѣрное не упуститъ изъ вида ничего, чтобы обезпечить своихъ отъ обмана и вѣроломства! Никогда Осіа не чувствовалъ себя сильнѣе, увѣреннѣе и бодрѣе, какъ въ ту минуту, когда онъ снова возшелъ на колесницу фараона, чтобы проститься со своими подчиненными. Даже таинственные намски и предложенія Бан озабочивали его лишь въ легкой степени, ибо онъ привыкъ предоставлять заботы о будущемъ будущему. Но въ станѣ его ожидала неприятность, относившаяся къ настоящему. Съ изумленіемъ, досадою и безпокойствомъ узналъ онъ тамъ, что Ефремъ ушелъ изъ шатра тайкомъ и никому не сказавъ—куда. Торопливо произведенные разспросы выяснили, что юношу видѣли на дорогѣ въ Танисъ, и Осіа, не теряя времени, послалъ своего вѣрнаго щитоносца въ городъ разыскивать мальчика и, если найдетъ его, передать ему приказъ, чтобы онъ слѣдовалъ за дядею въ Сокхоотъ.

Простившись со своими воинами, полководецъ двинулся въ путь, приказавъ сопровождать себя одному только старому конюху.

Ему было пріятно видѣть, что адонъ²⁾ и низшіе начальники, изъ его приближенныхъ,—суровые бойцы, съ которыми онъ все дѣлалъ и на войнѣ, и въ мирное время, въ опасностяхъ и въ лишенияхъ, такъ явно показывали, насколько тяжело была для нихъ разлука съ любимымъ начальникомъ. Свѣтлыя слезы катились по смуглымъ щекамъ много посѣдѣвшаго воина, когда Осіа въ послѣдній разъ протягивалъ ему руку; обросшія бородой уста цѣловали край его одежды, его ногу или блестящую шерсть благороднаго ливійскаго коня, который, изогнувъ шею, рвался впередъ и, крѣпко сдерживаемый всадникомъ, несъ его по рядамъ воиновъ. Впервые послѣ смерти матери глаза его увлажнились, когда изъ многочисленнаго отряда зазвучали ему вслѣдъ искренніе и громкіе прощальные крики и пожеланія.

Никогда еще Осіа не чувствовалъ въ такой мѣрѣ, какъ крѣпко сросся онъ съ этими людьми и какъ высоко цѣнитъ онъ свое благородное призваніе.

Однако долгъ, исполняемый имъ теперь, былъ также великъ и высокъ, и Богъ, разрѣшившій его отъ присяги и облегчившій ему путь, на которомъ онъ, оставаясь правдивымъ и честнымъ человѣкомъ, могъ повиноваться волѣ отца,—можетъ-быть приведетъ его обратно къ боевымъ товарищамъ, сердечныя пожеланія которыхъ, казалось ему, онъ слышалъ еще, хотя станъ давно уже скрылся изъ виду.

Но сознание прекрасной стороны довѣреннаго ему дѣла, возвышенное настроеніе человѣка, который ревностно взялся за выполнение трудной задачи, полное блаженство любящаго, который съ разумною надеждою на исполненіе своихъ лучшихъ, сокровенныхъ желаній, сибѣнитъ навстрѣчу своей избранницѣ—все это лишь тогда въолинь охватило его, когда онъ оставилъ за собой городъ и круною рысью двинулся къ юго-востоку по прекрасной равнинѣ, изобиловавшей водой и растительностью.

Но пока онъ еще сдерживалъ коня на улицахъ столицы и въ окрестностяхъ гавани, онъ былъ такъ полонъ воспоминаніями о только-что пережитомъ и заботой о бѣжавшемъ мальчикѣ, что мало обратилъ вниманія на многочисленныя, стоявшія на якорѣ суда, на пеструю смѣсь стекавшихъ сюда судохозяевъ, купцовъ, моряковъ и посильщиковъ, самыхъ различныхъ народностей Африки и передней Азии, искавшихъ здѣсь наживы,—на чиновниковъ, воиновъ и просителей, послѣдовавшихъ за фараономъ изъ Опахъ въ городъ Рамзеса.

Онъ не замѣтилъ также двухъ людей болѣе высокаго чина, хотя одинъ изъ нихъ, начальникъ стрѣлковъ Горнехтъ, дѣлалъ ему знаки.

Оба они стояли подъ глубокими воротами пилоновъ храма

¹⁾ Хетамъ—Хититы, въ Библии Хеттеице, воинственный народъ семитскаго племени, жившій отъ Оронта до Евфрата; у нихъ была сильная крѣпость Кадемъ. Ред.

²⁾ Почти то же что у насъ адъютантъ. Дот.

Сета, укрываясь отъ пыли, которую гнали по дорогѣ вѣтеръ пустыни.

Въ то время, какъ начальникъ стрѣлковъ тщетно пытался обратить на себя вниманіе проѣзжавшаго, второй прорицатель Аммуна, Бан, шепнулъ ему:

— Оставь его! Онъ и безъ того скоро узнаетъ, куда дѣвался его племянникъ.

— Какъ прикажешь, возразилъ воинъ, и горячо продолжалъ начатый передъ тѣмъ разговоръ. — Когда мальчикъ принесли, онъ былъ похожъ на кусокъ глины изъ мастерской горшечника.

— Нѣтъ ничего удивительнаго, перебилъ его жрецъ,—вѣдь онъ довольно таки долго пролежалъ на дорогѣ въ пыли тифона. Но зачѣмъ же ходилъ къ воинамъ твой домоправитель?

— Черезъ моего адона, котораго я посылалъ вчера вечеромъ, мы узнали, что бѣдный малый схватилъ жестокую лихорадку—и Казана, уложивъ вино и бальзамъ своей кормилицы, послала старика въ станъ.

— Къ мальчику или къ полководцу? спросилъ прорицатель съ лукавою улыбкою.

— Къ больному, рѣзко отвѣтилъ воинъ, и чело его грозно нахмурилось.

Однако онъ сдержался и продолжалъ, какъ бы оправдываясь: — Ея сердце—мягкій воскъ, а еврейскій мальчикъ... ты вѣдь видѣлъ его вчера?..

— Красавецъ-мальчикъ, какъ разъ по сердцу женщинамъ! засмѣялся жрецъ.—Ну, а ласки племяннику—пріятны и дядѣ.

— Едва-ли это было у нея на умѣ, съ горечью проговорилъ Горнехтъ.—Впрочемъ, кажется неосозаемый еврейскій Богъ бодрствуетъ надъ своими не меньше, чѣмъ безсмертные котормъ ты служишь, потому что Онъ привелъ Готепу къ мальчику въ то самое время, когда тотъ почти погибалъ. Разсѣянный Готепу навѣрное прошелъ бы мимо, такъ какъ пылъ уже...

— Превратила мальчика въ кусокъ горшечной глины. Что-жъ дальше?

— Дальше, старикъ увидѣлъ, что изъ сѣрой кучи блеснуло что-то золотое...

— А за этимъ нагибаются и самый крѣпкій затылокъ.

— Совершенно вѣрно! Мой Готепу такъ и сдѣлалъ, и такимъ образомъ широкое золотое запылало, на рукѣ у мальчика, засверкавъ на солнцѣ, вторично спасло ему жизнь.

— А главное—хорошо, что мальчика теперь у насъ.

— Да, я тоже обрадовался, когда увидѣлъ, что онъ снова открылъ глаза. Потомъ ему скоро стало лучше; врачъ говорилъ, что онъ живучъ какъ котенокъ и жизнь его вѣдъ опасности. Но онъ сильно бредитъ и кричитъ всевозможныя безсмыслицы на своемъ языкѣ, даже старая мамка моей дочери не въолинь понимаетъ ихъ, хотя она родомъ изъ Аскалона. Ей кажется только, что она слышитъ имя Казаны.

— Стало-быть опять женщина—причина зла.

— Оставь эти шутки, святой отецъ, возразилъ Горнехтъ и закусылъ себѣ губы.—Благозравная вдова—и этотъ птенецъ съ пушкомъ на подбородкѣ!

— Въ такіе юные годы, невозмутимо возразилъ жрецъ,—молодыхъ жуковъ больше привлекаютъ пышныя розы, чѣмъ расцвѣтающія почки, а въ этомъ случаѣ, прибавилъ онъ уже безъ шутокъ,—оно намъ на руку. Мы захватили въ сѣти племянника Осіа—и твое дѣло не выпускать его.

— Ты полагаешь, вскричалъ воинъ,—что мы должны задерживать его?

— Да, именно.

— Но вѣдь ты такъ предашь его дядѣ!

— Конечно. Но государству еще болѣе.

— Этотъ мальчикъ...

— Для насъ желанный заложникъ. Мечъ Осіа былъ намъ въ высшей степени полезнымъ орудіемъ; но если руку его будетъ направлять тотъ, чья власть даже надъ высшими намъ хорошо извѣстна...

— Ты разумѣешь еврей Мезу?

— Тогда Осіа будетъ наносить намъ самимъ такія же губокія раны, какъ прежде нашимъ врагамъ.

— Но я уже нѣсколько разъ слышалъ изъ твоихъ же собственныхъ устъ, что онъ не способенъ ни на какое клятвопреступленіе.

— Я остаюсь при томъ же мнѣніи, и еще сегодня онъ прекрасно его подтвердилъ. Онъ сунулъ свою голову въ насть крокодила, лишь бы добиться разрѣшенія отъ присяги. Но если сынъ Навина—левъ, то въ Мезу онъ нашелъ укротителя. Этотъ человѣкъ—заклятый врагъ Египта, и при одной мысли о немъ во мнѣ подымается вся желчь.

— Печальные вопли плакальщицъ за этими воротами, конечно, побуждаютъ насъ ненавидѣть его.

— И несмотря на это, немощъ сидящая на престолѣ хочетъ забыть о местѣ и посылаетъ Осіа...

— Съ твоего согласія, однако?

— Еще-бы! подтвердилъ жрецъ съ насмѣшливой улыбкой.— Вѣдь мы его посылаетъ строить мостъ! О, этотъ мостъ! Искрившій умъ старикашки предлагаетъ его построить, а жалкій сынъ такого отца, который не побоялся бы переплыть самую бурную пучину, лишь бы отомстить во что бы то ни стало,

сь радостью хватается за эту мысль! Пусть же Осия попытается выстроить! Если мостъ проведетъ его черезъ потокъ обратно къ намъ, я буду тепло и искренно его приветствовать; но о томъ, чтобы мостовые устои обрушились подъ вождями его народа, какъ только этотъ *одинъ* человекъ перейдетъ на нашъ берегъ, должны позаботиться мы, доблестные египтяне.

— Конечно, конечно! Но я боюсь, что мы злимся и полководца, если съ его единоплеменниками случится то, чего они заслуживаютъ.

— Пожалуй что такъ.

— Ты умѣе меня...

— Однако, въ этомъ случаѣ ты думаешь, что все-таки я ошибаюсь?

— Какъ могу я осмѣлиться...

— Какъ членъ военнаго совѣта, ты обязанъ высказать свое мнѣнiе, и я считаю своимъ долгомъ объяснить тебѣ, куда ведетъ тотъ путь, по которому до сихъ поръ ты слѣпо шелъ за нами. Слушай же и руководись этимъ, когда до тебя дойдеть очередь въ совѣтѣ. Верховный жрецъ Рун старъ...

— И ты уже теперь исполняешь половину его обязанностей.

— Пусть бы его забыли и отъ остальной части! Не ради меня, конечно, такъ какъ я люблю борьбу, но для благоденствiя моей родины. Во всѣхъ насъ глубоко вкоренилась привычка считать мудростью все то, что говоритъ и приказываетъ старость; вотъ почему не много нашлось совѣтниковъ, которые не присоединились къ мнѣнiю старика, а между тѣмъ его мудрость, подобно ему самому, ходитъ на костыляхъ. Все хорошее вязнетъ въ тишѣ подъ его слабымъ, вялымъ управленiемъ.

— Вотъ поэтому-то и располагай моимъ голосомъ! вскричалъ воинъ.—Я обѣими руками помогу свергнуть спячаго на престолѣ и тупоумныхъ совѣтниковъ что поддакиваютъ ему.

Прорицатель приложилъ палецъ къ губамъ, напоминая объ осторожности, затѣмъ ближе подвинулся къ начальнику стрѣлковъ и проговорилъ тихо и быстро, указывая на свои носилки:

— Меня ждутъ въ Высокихъ Вратахъ, а потому выслушай только вотъ что: если Осии удастся дѣло примиренiя, то его единоплеменники, какъ виновные, такъ и невинные, — вернутся назадъ, и первые будутъ наказаны. Къ послѣднимъ мы должны причислить весь родъ полководца — называющей себя сынами Ефрема — отъ стараго Павина до мальчика, который у тебя въ домѣ.

— Мы должны падить ихъ; но вѣдь и Мезу — еврей, и то, что мы присудимъ ему...

— Будетъ сдѣлано не на большой дорогѣ; а посѣять вражду между двумя людьми, которымъ придется дѣлить между собою власть — дѣтская игра, не болѣе. Я позабочусь о томъ, чтобы Осия отнесся равнодушно къ гибели другаго; но для этого нужно, чтобы фараонъ, все равно, будь то Менеета или — тутъ онъ понизилъ голосъ, — или уже Сиптахъ такъ возвысилъ Осю (а онъ этого вполне заслуживаетъ) чтобы закружившаяся голова уже не могла распознать, чего намъ отъ него надо. Есть одно лакомое блюдо, отъ котораго трудно отказаться тому, кто отвѣдалъ его хоть одинъ разъ.

— Блюдо?

— Да, власть, хочу я сказать, Горнехтъ, — большая, могущественная власть! Сдѣлавшись намѣстникомъ цѣлой провинци, начальникомъ всѣхъ наемныхъ отрядовъ, вмѣстѣ Аарсу, Осия конечно посперечается порвать съ нами. Я его знаю. Если удастся его убѣдить, что Мезу несправедливо къ нему, а властолюбивый человекъ дастъ къ тому поводъ — и если вопли увѣрить его, что самъ законъ предписываетъ тѣ наказания, которымъ мы подвергнемъ чародѣя и худшихъ изъ его единоплеменниковъ, то онъ допуститъ это и даже одобритъ насъ.

— А если посольство не удастся?

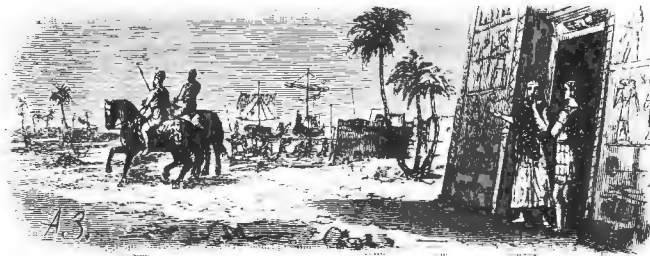
— Тогда онъ во всякомъ случаѣ снова явится къ намъ: онъ ни за что не нарушитъ клятвы. Въ томъ же случаѣ, если Мезу, отъ котораго всего можно ожидать, насильно удержатъ его, намъ придется мальчишкѣ, — такъ какъ Осия любитъ его, единоплеменники высоко цѣнить его жизнь, и онъ принадлежитъ къ ихъ знатнѣйшему роду. Во всякомъ случаѣ фараонъ долженъ угрожать мальчику, а мы будемъ его защищать; это соединитъ съ нами дядю новыми узами и заставитъ его перейти на сторону тѣхъ, которые недовольны фараономъ.

— Превосходно!

— А вѣрнѣе всего мы достигнемъ цѣли, если намъ удастся завязать еще одинъ узелъ; короче сказать — но я прошу тебя на этотъ разъ выслушать спокойно, сѣдовласый юноша: короче сказать, еврей, нашъ общiй собратъ по оружию, спасшiй мнѣ жизнь, сильнѣйшiй человекъ въ войскѣ, которому по праву будутъ принадлежать величайшiя почести, долженъ быть твоимъ зятемъ. Казана расположена къ нему; я знаю это отъ моей хозяйки.

Цело военачальника снова омрачилось, и онъ съ трудомъ овладѣлъ собой. Онъ видѣлъ, что не можетъ долѣе отказываться отъ выбора своимъ зятемъ человека, происхожденiе котораго претило ему, но котораго онъ въ то же время высоко цѣнилъ и уважалъ. Горнехтъ не могъ сдержать пропавшихъ про себя проклятiй, но отвѣтъ, данный жрецу, звучалъ разумнѣе и спокойнѣе, чѣмъ тотъ могъ ожидать.

— Если ужъ въ Казану вселились злые духи, влекущие ее къ чужеземцу, пусть она поступаетъ какъ ей угодно. Но Осия и не думаетъ просить ея руки. Какъ бы то ни было, клянусь краснымъ Сетомъ и его семьдесятю помощниками! воскликнуть Горнехтъ съ яростью, — ни тебѣ, ни кому другому не удастся убѣдить меня, чтобы я самъ предложилъ мою дочь — руки которой добиваются двадцать нескателей — тому кто, называя себя нашимъ другомъ, никакъ не выберетъ времени посѣтить нашъ домъ! Удержать мальчика — это другое дѣло; это я беру на себя.

Отъездъ Осии изъ Таниса.

Разграбленiе запаснаго двора въ Сокхоѣ.

Глава XI.

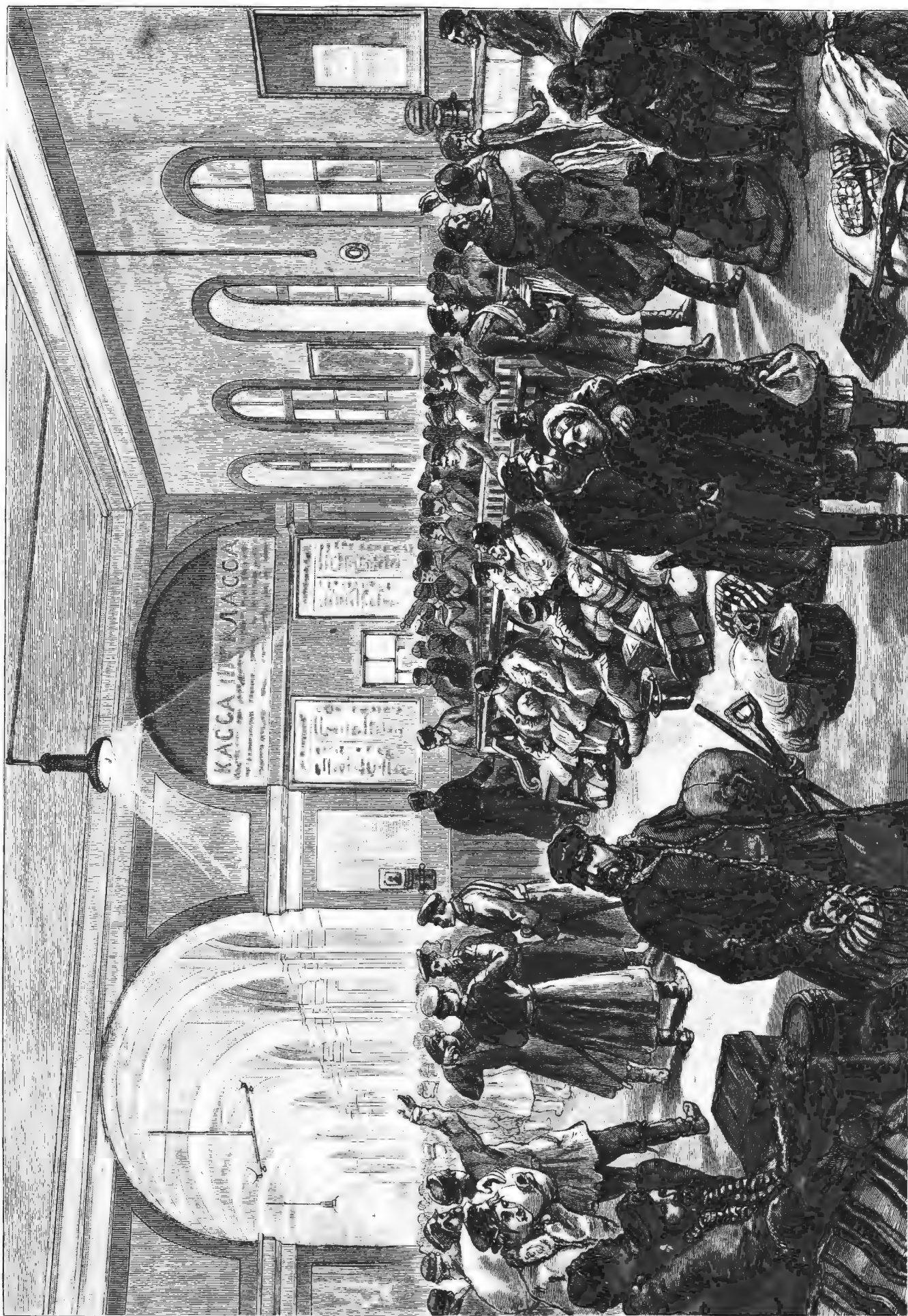
сздно-прозрачнымъ покровомъ, усѣяннымъ безчисленными звѣздами, простерлось полночное небо надъ плоскою мѣстностью восточной дельты и надъ мѣстечкомъ Сокхоомъ, называемымъ у египтянъ по храму, къ которому принадлежалъ округъ „градомъ бога Тума“ или Пнеомомъ.

Мартовская ночь близилась къ концу и бѣловатые пары клубились надъ каналомъ, прорѣзывавшимъ равнину. Онъ былъ сооруженъ руками евреевъ, съ помощью принудительныхъ работъ, и орошалъ прилежавшiе поля и луга, тянувшiеся на необозримое пространство.

Съ юга и востока небо было покрыто густымъ туманомъ, который поднимался съ большихъ озеръ и узкаго морскаго заводи, глубоко врѣзавшагося въ перешеекъ. Раскаленный вѣтеръ пустыни, пронесшiйся вчера съ пескомъ и пылью по изсохшей травѣ, по домамъ и шатрамъ Сокхоѣ, стихъ предъ наступленiемъ ночи, и теперь въ воздухѣ чувствовалась та утренняя свѣжесть, которая въ мартѣ передъ восходомъ солнца замѣчается даже въ Египтѣ.

Тотъ кому раньше уже случалось подъ утро посѣщать это скромное пограничное мѣстечко — съ его пастушьими шатрами и жалкими хижинами изъ нильскаго ила — теперь едва-ли узналъ-бы его. Даже обширный, укрѣпленный запасный дворъ, единственное значительное строенiе городка, за исключенiемъ величественнаго храма Тума — бога солнца, представлялъ въ эту минуту необычное зрѣлище. Хотя длинныя, выбѣленные стѣны кладовыхъ выдѣлялись какъ всегда свѣтлымъ пятномъ во мракѣ ночи, но, обыкновенно мертвенно и безмолвно возвышавшiйся надъ окрестностью, онъ сегодня кнѣшилъ жизнью. Зданiе это имѣло еще и другое назначенiе. Оно служило крѣпостью противъ разбойничьихъ шаекъ шазу¹⁾, которымъ уда-

¹⁾ Бедуны, кочевники въ соседней въ Египтѣ, причисляемой къ Азии, пустынь.

У кассы III класса на Николаевской железной дороге в СПБ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Бромлинга, грав. Бухерг

Привѣтъ мой дамѣмъ. Съ карт. А. Шредера, грав. Пейле.

валось обойти укрѣпленія на перешейкѣ. За неприступными стѣнами складовъ помѣщался египетскій крѣпостной отрядъ, который могъ противостоять даже превосходнымъ силамъ непріятеля.

Но сегодня можно было подумать, что дѣтямъ пустыни удалось-таки взять запасный дворъ. Однако мужчины и женщины, копошившіеся у подошвы и на широкихъ стѣнахъ громаднаго зданія, были не пазу, а евреи. Съ громкимъ крикомъ и радостными ужимками, грабли они тысячи огромныхъ грузовъ ячменя и пшеницы, ржи и проса, стручковыхъ плодовъ, финиковъ и лука, найденныя ими въ полныхъ закромахъ. Еще до захода солнца начали они онустовать кладовыя и, нагрузивъ содержимое въ мѣшки, ведра и мѣха, въ корыта, кувшины и даже въ собственные передники, принялись таскать запасы внизъ по лѣстницамъ или спускаться сверху на веревкахъ.

Знатнѣйшіе не участвовали въ этой работѣ, но зато, несмотря на поздній часъ, среди копошившихся вокругъ зданія, видны были дѣти всѣхъ возрастовъ, которые тащили все, что могли, въ горшкахъ и блюдахъ, взятыхъ на кухни у матерей.

Наверху, вездѣ непокрытыхъ отверстій въ житницы, въ которые безпрепятственно смотрѣли звѣзды, и у подошвы лѣстницъ толпились женщины, освѣщая работу другихъ свѣточами и факелами.

Ярко горящія смоляныя плашки были поставлены передъ тяжелыми, запертыми воротами крѣпости и, при свѣтѣ ихъ, видѣлись шагающія вездѣ и впередъ вооруженныя пастухи. Когда изнутри, въ обитыя мѣдью врата, слышались удары вогъ или камней и раздавались угрозы на египетскомъ языкѣ, стоявшіе снаружи евреи отвѣчали насмѣшками и бранью.

Въ день праздника жатвы, во время вечерней смѣны стражей, въ Сокхоѣ прибыли нѣсколько гонцовъ-скороходовъ; они вышли утромъ изъ Таниса, дабы сообщить живущимъ въ Сокхоѣ сынамъ Израіля, которымъ было въ двадцать разъ больше нежеланіи египтянъ, что народъ вечеромъ выступитъ изъ Таниса и здѣшніе друзья и родные должны быть готовы присоединиться къ нему. Тогда среди собравшихся въ каждомъ домѣ евреевъ началось громкое ликование; въ этотъ день — перваго новолунія послѣ весенняго равноденствія — они, подобно своимъ единоплеменникамъ въ городѣ Рамзеса, справляли праздникъ жатвы. При этомъ старѣйшими колѣнъ израильскихъ было объявлено, что день освобожденія наступилъ и Господь намѣренъ вести свой народъ въ землю обтованную.

Какъ въ Танисѣ, такъ и здѣсь, многие выказывали малодушіе и упорство; многие пытались отделиться отъ другихъ и остаться дома, но и здѣсь, также какъ и тамъ, они были увлечены большинствомъ. Какъ въ Танисѣ Ааронъ и Навинъ, такъ здѣсь смилъ перваго Элеазаръ и знатнѣйшіе вожди племени Іудова Оръ и Наассонъ увѣщевали толпу. Маріамъ-же, сестра Моисея, ходила изъ дома въ домъ и вездѣ пылкими рѣчами пробуждала пламенъ воодушевленія въ сердцахъ мужей и вѣрляла женщинамъ, что вѣдетъ съ солнцемъ завтрашняго утра взойдетъ день счастья, радости и свободы для нихъ и ихъ дѣтей. Лишь немногіе оставались глухи къ словамъ пророчнымъ. Было что-то величественное, требовавшее повиновенія во всемъ существѣ этой дѣвушки. Ея большіе, черные глаза съ густыми, темными, сросшимися бровями проникали въ глубину сердецъ и какъ бы грозили упорствующимъ своимъ мрачнымъ блескомъ.

Съ веселымъ сердцемъ, исполненные надежды, отошли ко сну, послѣ йира, жители каждаго дома. Но какаѣ перемены произошло въ нихъ въ теченіе слѣдующаго дня, ночи и вновь наступившаго утра! Казалось, что вѣтеръ пустыни занесъ своими песками всѣ ихъ надежды и доблести. Страхъ передъ неизвѣстнымъ закрался въ ихъ сердца и многие изъ тѣхъ, что такъ самоуверенно и отважно потрясали посохомъ, теперь чувствовали себя накрѣпко привязанными къ дому отцовъ, къ заботливо воздѣланному садку и къ жатвѣ на поляхъ, которую только на половину успѣли убрать.

Отъ вниманія египетскихъ воиновъ, находившихся въ укрѣпленномъ запасномъ дворѣ, не ускользнуло особое оживленіе, охватившее евреевъ; но они приписывали его празднику жатвы. Начальникъ твердыни слышалъ, что Моисей намѣренъ вести единоплеменниковъ въ пустыню для жертвоприношенія своему Богу, — и потому просилъ подкрѣпленія. Никакихъ другихъ подробностей онъ не зналъ, ибо до того утра, когда поднялся вѣтеръ пустыни, ни одинъ еврей не выдалъ намѣреній своего народа. Но чѣмъ удушливѣе становился зной, тѣмъ сильнѣе росъ въ малодушныхъ сердцахъ ужасъ въ виду странствованія по раскаленной, песчаной и безводной пустынѣ. Страшный пыльный день былъ какъ бы предвкушеніемъ предстоящихъ мученій и когда, около полудня, шмель начала спускаться въ тучи, а воздухъ становился все удушливѣе, — одинъ еврейскій разнощикъ, у котораго и египетскіе воины покупали товаръ, проникъ въ крѣпость и сталъ умолять начальника, чтобы онъ помѣшалъ его единоплеменникамъ идти на вѣрную гибель.

Между тѣмъ и среди знатнѣйшихъ послышались недовольные голоса. Завидовавшіе власти Моисея и Аарона, Азарія и Михаиль, вѣдетъ со своими сыновьями, ходили даже изъ дома

въ домъ, убѣждая евреевъ созвать еще разъ старѣйшинъ и потребовать, чтобы они вошли въ переговоры съ египтянами.

Въ то время, какъ недовольные съ успѣхомъ вербовали себѣ послѣдователей, а предатель проникъ къ начальнику египетскаго крѣпостнаго отряда, еще два скорохода пришли въ Сокхоѣ и объявили, что выступившіе придутъ сюда передъ разсвѣтомъ...

Безъ словъ и безъ дыханія, обливаясь потомъ и съ выступившей на губахъ кровью, указъ старшій изъ гонцовъ на порогѣ дома Аминадава, въ которомъ нашла пріютъ и Маріамъ. Лишь послѣ того, какъ утомленнымъ вѣстникамъ было предложено вино и прохладительная закуска, менѣе обезсиленный изъ нихъ въ состояніи былъ объяснить, зачѣмъ они пришли. Хриплымъ голосомъ, но исполненный благодарности и пламеннаго воодушевленія, передалъ онъ, какъ произошло выступленіе и какъ Богъ праотцевъ вселялъ духъ Свой въ сердце каждаго, вновь укрѣпивъ надеждою робкія души.

Маріамъ съ сияющими глазами слушала рассказы; по окончаніи его, она нагнула покрывало на голову и приказала слугамъ Аминадава, окружавшимъ гонцовъ, собрать весь народъ подъ старую, тысячелѣтнюю смоковницу, вѣтви которой защищали обширное пространство отъ палящихъ лучей солнца.

Хотя вѣтеръ пустыни еще не прекратился, но радостная вѣсть, повидимому, сломила его власть надъ людьми. Многія сотни сыновъ Израіля собрались подъ смоковницу, и Маріамъ, при помощи племянника своего Элеазара, сына Аарона, вставъ на скамью, прислоненную къ мощному, душистому дереву, вдохновенно подняла глаза и руки къ небу и, какъ будто очамъ ея даровано было узрѣть Всевышняго, обратилась къ Нему съ громкой молитвой.

Потомъ она предоставила слово гонцу, и когда тотъ еще разъ описалъ все, что произошло въ городѣ Рамзеса, и объявилъ, что черезъ нѣсколько часовъ выступившіе придутъ сюда, громкіе радостные клики послышались въ толпѣ. Въ то же время Элеазаръ, сынъ Аарона, съ пламеннымъ краснорѣзіемъ пояснялъ, что Господь уже совершилъ для своихъ сыновъ и что общіалъ имъ и дѣтямъ и внукамъ ихъ.

Какъ свѣжал утрення роса на поблекшую траву, западали вдохновенныя слова Элеазара въ сердца его соплеменниковъ. Вѣрующіе сопровождали его рѣчь ликующими взглядами, а у маловѣрныхъ и малодушныхъ выросли крылья надежды. Азарія, Михаиль и ихъ приверженцы не ронгали болѣе и, когда еврейскій наемникъ изъ крѣпостнаго отряда, успѣвши пробраться къ своимъ, сообщилъ имъ объ измѣнѣ еврея разнощика, Элеазаръ, Наассонъ, Оръ и другіе составили совѣтъ. Собравъ вокругъ себя всѣхъ бывшихъ тутъ пастуховъ, они пламенными рѣчами убѣждали своихъ соплеменниковъ выказать истинное мужество и, при помощи Всемогущаго Бога, сразиться за свой народъ и за его освобожденіе. Въ топорахъ, дубинахъ, серпахъ и мѣдныхъ коныхъ, равно какъ и въ тяжелыхъ коныхъ и пращахъ, лукахъ и стрѣлахъ, составляющихъ оружіе пастуха противъ дикихъ звѣрей, не было недостатка, а потому, какъ только порядочная кучка сильныхъ людей присоединилась къ Ору, онъ ринулся противъ египетскихъ приставниковъ, наблюдавшихъ за нѣсколькими сотнями евреевъ на тягловой работѣ.

Съ крикомъ: „Идутъ! Долой притѣснителей! Господь Богъ нашъ — вождь нашъ!“ бросились они на ливійскую стражу, одолѣли ее и освободили своихъ единовѣрцевъ-землекоповъ и каменщиковъ. Когда знатный, уважаемый Наассонъ братски прижалъ къ своему сердцу старѣйнаго изъ этихъ несчастливцевъ, то и другіе освобожденные поденщики бросились на грудь къ пастухамъ, и такимъ образомъ, съ кликами: „Идутъ!“ и „Господь, Богъ отцовъ нашихъ — вождь нашъ!“ подвигались они всредѣ все увеличивавшейся толпой. Когда, наконецъ, горсть пастуховъ dorocла до нѣсколькихъ тысячъ, Оръ повелъ ихъ противъ египетскихъ войскъ, значительно уступавшихъ имъ въ числѣ.

Египетскіе стрѣлки уже слышали дождемъ стрѣлъ и смертоносные камни изъ пращи силачей-пастуховъ разили уже передній рядъ непріятеля, когда раздался звукъ трубы, отзвывавшій египтянъ за отвѣсныя стѣны и крѣпкіе ворота. Численное превосходство евреевъ показало начальнику слишкомъ большіе, а между тѣмъ онъ считалъ своимъ долгомъ удержатъ въ своихъ рукахъ твердыню до прибытія затребованныхъ подкрѣпленій.

Оръ однако не удовольствовался этою первою побѣдою. Какъ рѣзкій порывъ вѣтра раздуваетъ тлѣющій огонь, такъ успѣхъ воспламенилъ духъ его воиновъ, и лишь только египтяннъ показывались между стѣнными зубцами запаснаго двора, круглый камень изъ пращи пастуха мѣтко поражалъ его. По приказанію Наассона, принесли лѣстницы. Многмъ сотни людей вскарабкались на ограду, и послѣ короткаго, почти безкровнаго боя, склады были въ рукахъ евреевъ. Египтянамъ удалось только удержатъ за собою внутреннее укрѣпленіе.

Между тѣмъ вѣтеръ, дувшій изъ пустыни, утихъ. Наиболее ожесточенные изъ освобожденныхъ поденщиковъ навалили соломы, дерева и хворосту передъ воротами двора, въ который были отгѣнены египтяне, и были уже готовы снать враговъ до послѣдняго человека, но Оръ, Наассонъ и другіе благо-

разумные вожди народа не допустили до этого, дабы не сжечь вмѣстѣ съ тѣмъ и продовольственныхъ припасовъ, находившихся еще въ кладовыхъ.

Не легко, конечно, было удержать отъ этого мщенія молодежь изъ поленщиковъ, однако каждый изъ нихъ принадлежалъ къ семьѣ, и когда отцы и матери присоединили къ увѣщаніямъ Ора свои, то молодые рабочіе не только дали усмирить себя, но и помогли старшимъ подѣлать между главами семействъ бывшіе въ закромахъ запасы и нагрузить ихъ на вьючныхъ животныхъ и на повозки, которыя должны были идти съ переселенцами.

При яркомъ свѣтѣ факеловъ закипѣла работа и скоро перешла въ новое пиришествіе, ибо ни Оръ, ни Наассонъ, ни Элеазаръ не могли помѣшать мужчинамъ и женщинамъ раскупорить кувшины и мѣха съ виномъ. Тѣмъ не менѣе, львиную долю драгоценной добычи удалось сохранить про черный день. Такимъ образомъ, пьяныхъ было не слишкомъ много, но винныя пары и радость по поводу богатой добычи довели до высшей степени общее благодарно-восторженное настроеніе. Когда Элеазаръ снова вошелъ въ толпу и сталъ говорить о землѣ обѣтованной, мужчины и женщины внимали ему, воспринявъ духомъ, и единодушно подхватили хвалебную пѣснь, которую запѣла Маріамъ.

Какъ передъ выступленіемъ изъ Таниса, такъ и теперь въ Сохкоѣ набожное одушевленіе охватило сердца народа. Около семидесяти евреевъ, мужчинъ и женщинъ, которые скрывались во храмѣ Тума, услышавъ торжественное пѣніе, вышли изъ храма, присоединились къ другимъ и стали укладывать свое имущество съ такою радостною надеждою и съ такою теплою вѣрою въ Бога отцовъ своихъ, какъ будто они никогда не боялись похода.

По мѣрѣ того, какъ меркли звѣзды, радостное возбужденіе успивалось. Мужчины и женщины толпами двинулись по дорогѣ въ Танисъ, навстрѣчу приближавшихся единоплеменниковъ. Отцы вели за руку подрастающихъ сыновей, матери несли на рукахъ малютокъ; вѣдь между подходящими было столько дорогихъ друзей, а наступавшее утро должно было принести съ собою такую радость, которой нельзя лишиться никого изъ милыхъ сердцу и которая должна будетъ откликаться въ душѣ младенцевъ до тѣхъ поръ, пока у нихъ самихъ будутъ дѣти и внуки.

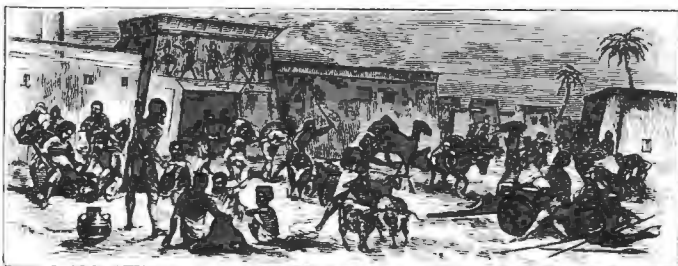
Ни въ шатрахъ, ни въ хижинахъ, ни въ домахъ никто не думалъ объ отдыхѣ, ибо всѣ хотѣли окончить сборы. Толпа работавшихъ у склада порѣдѣла, такъ какъ многие уже вволю набрали съѣстныхъ припасовъ, сколько могли увезти.

У иныхъ шатровъ и хижинъ уже собравшіеся въ путь мужчины и женщины разложили быстро разгорѣвшіеся костры, а пасухи согнали скотъ въ болѣе обширные дворы и были тѣхъ быковъ и овецъ, которые не могли выдержать далекаго путешествія. Передъ многими домами раздавались удары топоровъ и визгъ пилы; необходимо было приготовить носилки для хворыхъ и слабыхъ. Возы и повозки были уже нагружены, а хозяева все еще никакъ не могли поладить съ женами: разставаться съ имуществомъ всегда тяжело, а женское сердце привязывается къ ничтожнымъ повидимому вещамъ нерѣдко сильнѣе, чѣмъ къ самымъ дорогимъ. Можно-ли было, напримѣръ, упрекнуть ткачиху Ревекку за то, что она настойчиво желала уложить на возъ грубо сколоченную люльку, въ которой умеръ ея любимый ребенокъ, предпочитая ее выложенному слоновою костью ларцу изъ чернаго дерева, отданному однимъ египтяниномъ въ залогъ ея мужу.

Во всѣхъ окнахъ и дверяхъ видѣлся свѣтъ, а на крышахъ самыхъ высокихъ домовъ зажглись факелы и свѣтильники навстрѣчу приближавшимся.

На пиришествѣ, которое было устроено въ ночь праздника жатвы, въ каждомъ домѣ былъ на столѣ жареный агнецонокъ, но и въ эти часы ожиданія, хозяйки снова угощали своихъ, чѣмъ могли.

По узкимъ улицамъ скромнаго пограничнаго мѣстечка кипѣла теперь оживленная дѣятельность, и никогда еще потухавшія звѣзды не видѣли здѣсь такихъ ясныхъ взоровъ, такихъ свѣтлыхъ, вдохновенно сверкавшихъ глазъ, такихъ озаренныхъ надеждою и благочестивою вѣрою лицъ.

Евреи дѣлать добычу.

Аминадавъ и семья его.

Глава XII.

а крыши одного изъ самыхъ большихъ домовъ Сохкоа всѣ еще оставались въ сборѣ до зари, дабы привѣтствовать странниковъ, которые здѣсь должны были сдѣлать первый продолжительный привалъ.

Предшествуя имъ, въ Сохкоѣ являлись одинъ за другимъ лучшіе ходоки и подростки. Большинство направлялось прямо въ домъ Аминадава. Онъ состоялъ изъ двухъ строеній: въ одномъ изъ нихъ жилъ Наассонъ, сынъ владѣльца, и его семья; въ другомъ, большемъ, кромѣ престарѣлаго хозяина и его жены, помѣщались его зять Ааронъ съ женою, дѣтьми и внуками, а также Маріамъ. Престарѣлый, именитый князь отъ колѣна Иуды, передавшій обязанности своего сана сыну Наассону, протягивалъ дрожащія руки навстрѣчу каждому гонцу и слушалъ его рассказы съ блестящими, часто туманившимися отъ слезъ глазами. Онъ убѣдилъ свою старушку-жену съѣсть теперь же въ кресло, въ которомъ ее будутъ нести за шестивѣтъ, чтобы она заранѣе успѣла привыкнуть къ нему, и самъ съ этою же цѣлью помѣстился въ своемъ креслѣ.

Слушая, какъ гонцы восхваляли удачное исполненіе того, что сулило народу блестящую будущность, старика часто взглядывала въ глаза мужу и восклицала: „Да, вотъ каковъ Моисей!“ Она питала высокое уваженіе къ брату своего зятя и съ радостью видѣла исполненіе того, что онъ ей предсказывалъ. Старики съ гордостью смотрѣли и на своего зятя Аарона; но всю свою любовь они отдавали Элеазару, своему внуку, въ которомъ видѣли подрастающаго втораго Моисея. Съ нѣкоторыхъ поръ они нашли новаго, пріятнаго члена семьи въ лицѣ Маріамъ. Расположеніе добросердечныхъ стариковъ къ сосредоточенной въ себѣ дѣвушкѣ конечно не перешло въ родительскую нѣжность, а дочь ихъ Елизавета, дѣятельная жена Аарона, такъ же мало желала дѣлится съ пророчицей заботами по обширному домашнему хозяйству, какъ и жена ихъ сына Наассона, которая и безъ того жила со своими ближайшими родными подъ одною крышею. Однако старики были очень благодарны Маріамъ за ея заботы объ ихъ внука Милкѣ, дочери Аарона и Елизаветы, которую тяжелое горе обратило изъ веселаго ребенка въ унылую, умершую для всякой радости женщину.

Черезъ нѣсколько дней послѣ брака, горячо любимый ею мужъ позволилъ себѣ забыть и поднять руку на одного египетскаго сборщика податей, который, во время поѣздки фараона на востокъ, черезъ Сохкоѣ, хотѣлъ угнать у него большое стадо прекраснѣйшихъ быковъ для „кухни влестителя обоихъ міровъ“. За это самоуправство несчастный былъ отправленъ въ рудники, какъ государственнй преступникъ, а всякому хорошо было извѣстно, что соланные гибли тамъ отъ непосильныхъ работъ. Только благодаря влиянію стараго Навина, отца Оснъ, жена и родственники осужденнаго не подверглись тому же наказанію, какъ то предписывалъ египетскій законъ; но съ тѣхъ поръ Милка все хилѣла, и только одна Маріамъ умѣла вывести изъ офиснѣтнй безмолвную блѣднлицую женщину. Покинутая жена привязалась къ ней своимъ разбитымъ сердцемъ и всегда сопровождала ее, когда Маріамъ пригнѣла наученное ею врачебное искусство въ хижинахъ бѣдняковъ и носила имъ лекарство и милостыню.

Последніе изъ гонцовъ, которыхъ принялъ Аминадавъ на крыши своего дома, рисовали мрачными красками трудности странствованія и тѣ бѣдствія, коихъ они были свидѣтелями. Но когда кто-нибудь изъ наиболее мягкосердыхъ распространялся

о тяжких страданіяхъ, перенесенныхъ женщинами и дѣтми въ то время, когда свирѣловалъ вътеръ пустыни, и о всѣхъ ужасахъ, запечатлѣвшихся въ его памяти, съ грустью и страхомъ взирая на будущее,—старецъ утѣшалъ его, указывая на всемогущество Господа и на привычку, которая не замедлитъ войти въ свои права. На его лицѣ выражалась несоколебимая твердость, тогда какъ въ строгихъ, но прекрасныхъ чертахъ Маріамы не замѣтно было той радостной надежды, которая обыкновенно отличаетъ юность отъ старости.

Пока гонцы приходили и уходили, Маріамъ ни на минуту не отлучалась отъ стариковъ, предоставивъ невѣсткѣ своей Елизаветѣ и ея прислужницамъ утѣшать утомленныхъ гонцовъ; сама-же лишь слушала, показалося ей весьма мало успокоительнымъ. Ей было хорошо извѣстно, что въ домъ, давній пріютъ Аарону, имѣли доступъ только тѣ, кто былъ преданъ вождямъ народа, ея братьямъ. Если у этихъ уже исчезло радостное настроеніе, то чего-же ждать отъ равнодушныхъ или упорствовавшихъ!

Лишь изрѣдка присоединяла она свои вопросы къ вопросамъ старика, и каждый разъ гонцы, впервые видѣвше Маріамъ, съ удивленіемъ взглядывали на нее, пораженные ея необычайно густымъ, хотя и пріятнымъ голосомъ.

Когда нѣсколько скороходовъ на ея вопросы отвѣтили, что Осія, сына Навина, итъ среди выступившихъ, она пошла головой и не спрашивала болѣе, пока блѣднющая Милка, вездѣ слѣдовавшая за ней, не подняла на нее умоляющаго взгляда своихъ черныхъ глазъ и не повторила ей шепотомъ имя Рувима, своего пропавшаго безъ вѣсти мужа. Тогда Маріамъ поцѣловала блѣдную покинутую женщину, взглянувъ на нее такими глазами, какъ-будто уверкала себя въ чѣмъ-то, и потомъ горячо принялась разспрашивать посланцевъ, не знаютъ-ли они чего о Рувимѣ, который былъ сосланъ въ рудники. Одинъ изъ гонцовъ сталъ припоминать, будто слышалъ отъ одного вынужденнаго на свободу каторжника, что мужъ Милки находится въ мѣдныхъ рудникахъ округа Бехъ, въ окрестностяхъ горы Синаи. Маріамъ воспользовалась этимъ извѣстіемъ и съ жаромъ стала утѣрять молодую женщину, что народъ, двинувшійся на востокъ, навѣрное пройдетъ мимо рудниковъ и освободитъ находящихся тамъ въ неволѣ евреевъ.

Милка бросилась на грудь утѣшительницы и не могла наслухаться ея ободряющихъ словъ.

Но вдругъ всѣ находившіеся на крышѣ дома Аминадава заволновались: съ сѣвера приближалось густое облако и вскорѣ можно было уже разобрать какой-то неясный гулъ, который становился все громче и громче, наконецъ перешелъ въ смѣшанный тысячеголосый гамъ криковъ и возгласовъ, рева и блявня, какого не приходилось слышать никому изъ присутствующихъ, — и вотъ потянулась, звываясь, многосоставная и многоголосая толпа, тотъ необозримый потокъ людей и животныхъ, что вступилъ горскаго принятъ съ вышки Таннескаго храма за адегаго змѣи.

И теперь еще, при слабемъ свѣтѣ брезжущаго утра, потокъ этотъ можно было принять за сонмище безилотныхъ духовъ, изгнанныхъ изъ селенія мертвыхъ; блѣловато-сѣрый столбъ пыли, достигавшій тверди небесной, шелъ впереди его, и въ этой мощной, многосоставной и многоголосой совокупности, окутанной песчаными облаками, не было возможности различить отдѣльныхъ образовъ. Лишь по временамъ сверкала при первыхъ солнечныхъ лучахъ наконечникъ копья или мѣдный котель и выдѣлялся чей-нибудь болѣе громкій голосъ.

Передовыя волны потока уже достигли дома Аминадава, передъ которымъ разстлалась необозримая дуга выгона.

Послышались громко отдаваемые приказы, шествіе остановилось и стало раскатываться какъ горное озеро весной, которое, переполнившись, дѣлится на множество ручьевъ и ручейковъ. Но вскорѣ мелкіе потоки снова соединились въ свѣтъ, заняли значительныя пространства обрызганныхъ росой луговъ, и тамъ, гдѣ останавливались эти отдѣльныя части могучаго потока, тотчасъ исчезало нильное покрывало, дотолѣ скрывавшее ихъ отъ глазъ.

Улица долго еще оставалась закутана облакомъ пыли, но на лугахъ уже ясно видѣлись, въ лучахъ утренняго солнца, мужчины, женщины и дѣти, волы и ослы, овцы и козы, и вскорѣ на лужайкахъ противъ домовъ Аминадава и Наассона закипѣла работа; возникали одинъ за другимъ цѣлые ряды шатровъ, скотъ отдѣлялся загородками, вбивались въ твердую землю столбы и колья, натягивались наметы; тамъ привязывали корову, здѣсь вели стадо воловъ или овецъ на водопой, разводили огонь, и длинныя вереницы женщинъ и дѣвушекъ, съ кувшиномъ на головѣ и красиво изогнутой, для сохраненія равновѣсія, рукой, направлялись къ колодцу позади старой смоковницы или къ берегу ближайшаго канала.

Тамъ, какъ и во всѣ дни недѣли, итгій волъ съ высокимъ горбомъ вертѣлъ водоподъемное колесо. Оно орошало землю, которую владѣлецъ вода готовился покинуть завтра; но рабъ, представленный къ колесу, не заглядывалъ такъ далеко и, не получивъ другихъ приказаній, туло, по старой привычкѣ, продолжалъ поливать дуга, которые завтра же достанутся врагу...

Понадобилось нѣсколько часовъ на то, чтобы всей толпѣ расположиться станомъ, и Маріамъ, описывая все происходившее вблизи Аминадава, плохо видѣвшему вдаль, была при этомъ свидѣтельницей многого, чего предпочла бы не видѣть вовсе.

Она не рѣшалась передавать старику всего сполна, чтобы не омрачить его свѣтлаго настроенія.

Маріамъ, уювавшая всѣми силами своей возвышенной души на Бога отцовъ своихъ и Его всемогущество, вчера еще раздѣляла увѣренность старика; но Господь далъ ей роковой даръ прозрѣвать вещи и слышать слова невидимыя и непонятныя для другихъ. Чаще всего она слышала такія слова во снѣ, а иногда и на яву, въ часы уединенія, когда, глубоко сосредоточившись въ себѣ, она думала о прошломъ или будущемъ.

То, что Ефремъ передалъ отъ ея имени Осію, какъ откровеніе Всевышняго, она услышала изъ невидимыхъ устъ, одиноко сидя подъ старой смоковницей, погруженная въ мысли объ исходѣ евреевъ и о человѣкѣ, котораго любила съ дѣтства. Сегодня, передъ разсвѣтомъ, когда она опять сидѣла подъ вѣтвями священнаго для нея дерева, задремавъ отъ усталости,—она опять ясно услышала тотъ же голосъ. Хотя самыя слова вышли у нея изъ памяти при пробужденіи, но она знала, что они звучали скорбнымъ предостереженіемъ.

Предостереженіе это, при всей своей неопредѣленности, встревожило ее, и теперь она ясно понимала, что возгласы, доносившіеся съ луговъ, не были кликами радости по поводу счастливо совершеннаго перваго перехода и соединенія съ братьями,—какъ полагать стоявшій рядомъ съ нею старецъ,—итъ, это были бранные крики освиригившихъ, необузданныхъ людей, спорившихъ съ злымъ жесточеніемъ за удобное мѣсто для шатра и дравшихся въ тѣнотѣ у водоюла, на берегу напояннаго водою рва.

Гнѣвъ, разочарованіе, отчаяніе слышались въ этихъ возгласахъ. Отыскивая глазами то мѣсто, откуда неслись самыя громкіе крики, Маріамъ замѣтила мертвое тѣло женщины, которое съ бранью и проклятіями несли на наружныя тягловыя поденщики, въ то время какъ оборманный, растерзанный еврей, очевидно мужъ умершей, поднималъ въ одной рукѣ мертваго младенца, а другою грозилъ въ ту сторону, гдѣ, какъ видѣла Маріамъ, находились ея братья.

Въ слѣдующее мгновение она увидѣла, какъ согнувшійся отъ тяжелой работы сѣдой старикъ поднялъ руку на самого Моисея и ударилъ бы его, еслибы другіе не опрокинули старика на землю.

Маріамъ не выдержала долѣе и, въ сопровожденіи Милки, блѣдная, тяжело дыша, поспѣшила въ станъ. Встрѣчавшіеся на пути жители Сокхова пріивѣтствовали ихъ почтительными поклонами.

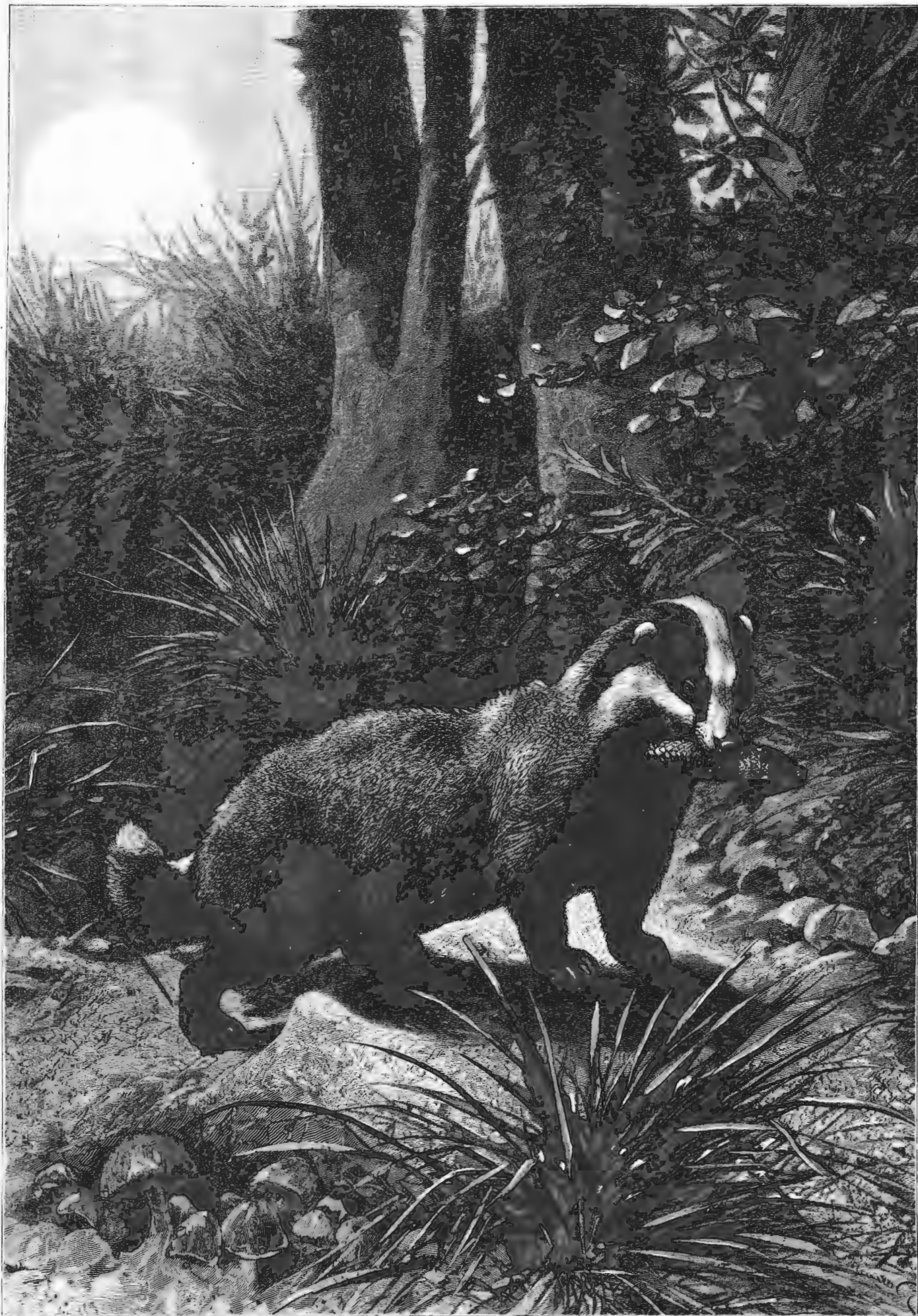
Пришедшіе изъ Зоана, какъ еврей называли Танпѣ, и пригнувшіе къ шествію въ Фа-коѣ и Бубастидѣ, не знали Маріамъ, но, глядя на высокій ростъ и гордую осанку пророчицы, почтительно давали ей дорогу и съ готовностью отвѣчали на ея разспросы.

Маріамъ услышала грустныя, потрясающія вѣсти. Насколько радостно было настроеніе, съ которымъ шествіе тронулось въ первый день, настолько-же вяло и безнадѣжно двигалось оно далѣе. Вътеръ пустыни сломилъ твердость и мужество многихъ сильныхъ и здоровыхъ. Подобно женѣ поденщика съ ея новорожденнымъ младенцемъ, подъ влияніемъ пыли и палящаго зноя, схватили горячку и другія родильницы—и вотъ, цѣлая вереница тянется къ сокхооскому еврейскому кладбищу. Туда, откуда итъ возврата, несутъ не только женщинъ и дѣтей, но только тѣхъ кого повезли уже больными, чтобы не бросить однихъ въ Танпѣ, но и многихъ мужчинъ, вчера еще здоровыхъ и сильныхъ, а нынѣ пнемощныхъ подъ непосильною ношей, или слишкомъ неосторожно подвергавшихъ себя лучамъ полуденнаго солнца.

Въ одномъ изъ шатровъ, гдѣ злая лихорадка трясла молодую родильницу, Маріамъ просила блѣднлицу Милку распорядиться чтобы принесли ея ящикъ съ лекарствами, и молодая женщина быстро и охотно исполнила данное ей порученіе. По пути она, конечно, останавливала всякаго и робко спрашивала о пропавшемъ мужѣ, но никто не могъ дать ей отвѣта. Маріамъ же успѣла узнать въ это время, что Навинъ получилъ извѣстія отъ бывшаго раба своего Эліава о томъ, что сынъ его, Осія, намѣренъ присоединиться къ своимъ. Она услышала также, что раненый Ефремъ нашель убѣжище въ шатрѣ своего дяди.

Болѣзнь-ли мальчика или чтѣ другое задерживало Осію въ Танпѣ? Вопросъ этотъ наполнялъ сердце Маріамъ тоской и тревогой, но она тѣмъ не менѣе съ удивительнымъ самообладаніемъ расточала помощь и утѣшеніе тамъ гдѣ могла. Сердечный привѣтъ стараго Навина нѣсколько ободрилъ ее. Болѣе пріивѣтливаго, достойнаго любви и бодрого старика трудно было себѣ представить.

Уже одинъ видъ почтенной головы его съ густыми, блѣсно-бѣлыми, курчавыми волосами и бородой, съ правильными чертами лица и юношески ясно смотрящими глазами, дѣйствовалъ на нее благотворно. Со свойственной ему бьющею черезъ край живостью и пріивѣтливостью, старикъ выразилъ

Барсукъ (*Meles taxus*, L.), Рис. и грав. Шпехтъ.

свою радость, что снова видит молодую женщину. Когда-же Маріамъ сообщила ему, что во имя Всевышняго нарекла Осюю— Исусомъ и призвала его обратно къ своимъ для того, чтобы онъ велъ войско евреевъ, и Навинъ, прижавъ дѣвущку къ сердцу, поцѣловалъ ее въ лобъ, ей казалось, что она обрѣла въ немъ своего умершаго отца. Послѣ этого Маріамъ съ новыми силами отдалась тяжелымъ обязанностямъ, которыя со всѣхъ сторонъ требовали ея присутствія.

Не легко было великодушнѣйшей дѣвущкѣ самоотверженно ухаживать за людьми, грубость и одионость которыхъ больно отзывались въ ея сердцѣ. Правда, женщины принимали ея помощь охотно; но мужчины, выросшіе подъ налкой приставниковъ, не знали ни уваженія, ни страха; какъ вѣрности, такъ и внутренней складъ ихъ говорили о полномъ одичаніи. Узнавъ, кто она, они грубо стали упрекать Маріамъ за то, что брать ея сманилъ ихъ, заставилъ промѣнить сносное положеніе на самое ужасное. Проклітія и брань, которыми они сопровождали ея слова, злобный блескъ черныхъ глазъ, потемнѣвшія лица, обрамленныя курчавыми, вклокоченными волосами, заставляли сжиматься ея сердце. Тѣмъ не менѣе Маріамъ овладѣла своимъ страхомъ и отвращеніемъ и, съ бьющимся сердцемъ, готовая на все худшее, толковала тѣмъ, которые особенно оттапливали и пугали ее — о Богѣ отцовъ ихъ и Его обѣтованіяхъ.

Теперь она, казалось ей, поняла, чѣмъ предостерегавшій голосъ подѣлалъ смороковницей. У ложа молодой родильницы, только отнятой у смерти, Маріамъ воздѣла руки къ небу и обѣщала. Всевышнему отдать всю себя на борьбу съ маловѣрїемъ и упорствомъ, которое могло повергнуть народъ въ новыя бѣдствія. Богъ указалъ ему великую цѣль — и цѣль эта не должна быть утрачена благодаря близорукости и упорству нѣсколькихъ заблудшихъ. Самъ Господь едва-ли могъ обратиться гнѣвъ на тѣхъ людей, которые привыкли, подобно скоту, безропотно переносить погоню и грубое обращеніе, ради удовлетворенія первыхъ потребностей тѣлесной жизни. Теперь толпа еще не сознавала, что должна побороть окружающій ее мракъ, дабы сдѣлаться достойной свѣтлаго дня, который ждетъ ее.

Лекарства, данная больнои, повидимому приносили ей пользу, и Маріамъ, исполненная новой твердости и надежды, вышла изъ шатра, чтобы отыскать своихъ братьевъ.

Въ станѣ все оставалось попрежнему. Ей снова пришлось видѣть возмутительныя зрѣніща, которыя заставили ее пожалѣть, что она взяла съ собою робкую Милку. Пойманные на крадѣ чужой утвари и скота, самые отчаянные изъ поденщиковъ были повѣшены на пальмѣ, и вороны, слѣдовавшія за шествіемъ и уже на пути находившія себѣ богатую добычу, съ жадными криками кружились надъ мѣстою живо поконченнаго самосуда.

Не извѣстно, кто тутъ былъ судьей и кто исполнителемъ приговора; но владыкы похищеннаго, принимавшіе участіе въ быстрой расправѣ, чувствовали себя справедливо удовлетворенными.

Быстрыми шагами и стараясь не глядѣть на страшное зрѣніще, повлекла Маріамъ за собою дрожащую молодую женщину и передала ее Наассону, ея дядѣ, чтобы отвести ее домой. Послѣдній только что разошелся съ человѣкомъ, который дѣлалъ съ нимъ начальство надъ сынами Иуды, въ качествѣ таково-же князя отъ колѣна Иудина. Это былъ тотъ самый Оръ, что во главѣ пастуховъ одержалъ первую побѣду надъ египтянами; не безъ самодовольства подвелъ онъ къ молодой дѣвущкѣ статнаго мужа и юношу, своего сына и внука. Какъ тотъ, такъ и другой состояли на египетской службѣ и были въ Мемфисѣ золотыхъ дѣлъ мастерами и литейщиками при дворѣ фараона. Первому, за его искусство, дано было имя Урія, что значитъ по египетски *великій*; о сынѣ же этого мастера, внука Ора, Веселіилъ, говорили, что онъ еще превосходитъ отца дарованіемъ, хотя едва вышелъ изъ юношескаго возраста.

Съ весьма понятною гордостью взиралъ Оръ на сына и внука; оба они успѣли достигъ многого среди египтянъ, но тѣмъ не менѣе безъ возраженій покинули то, къ чему дедало ихъ сердце и, по зову отца, присоединились къ странствующему народу, чтобы раздѣлить его невѣрную участь.

Маріамъ горячо привѣтствовала этихъ трехъ человѣкъ, представителей трехъ поколѣній, и дѣйствительно они явили зрѣніще, на которомъ съ удовольствіемъ могъ остановиться взглядъ каждаго.

Дѣду еще не было шестидесяти лѣтъ, и хотя много серебряныхъ нитей примѣшивалось къ его чернымъ волосамъ, онъ держался прямо, какъ молодой человѣкъ, и въ его сухощавыхъ, рѣзкихъ чертахъ выражалась непреклонная воля, вполне объяснявшая ту поспѣлость, съ которой сынъ и внукъ исполнили его приказаніе.

Урія также былъ статнымъ и красивымъ мужемъ, а Веселіилъ — юношей, который видимо не безъ пользы прожилъ свои девятнадцать лѣтъ и уже твердо стоялъ на собственныхъ ногахъ. Въ глазахъ его сверкала некра лещинаго художественнаго дарованія и, когда юноша и отецъ его простились съ Маріамъ, отправляясь на поклонъ къ Халеу, прадѣду одного и дѣду другаго, дѣвущка отъ всего сердца поздравила Ора,

лучшаго друга ея братьевъ, съ такими продолжателями его рода.

Тогда Оръ взялъ ее за руку и заговорилъ съ мягкостью и теплотой, мало свойственными суровому, властительному вождю неукротимаго наступящаго племени:

— Да, они остались добрыми, вѣрными и покорными. Господь сохранилъ ихъ и даровалъ мнѣ радость увидѣть ихъ сегодня здѣсь. Но я хочу сдѣлать этотъ день еще болѣе радостнымъ и счастливымъ въ моей жизни. Ты давно уже могла замѣтить, что глаза мои безпрестанно слѣдятъ за тобою и что ты дорога моему сердцу. Для меня, какъ мужа, и для тебя, какъ женщины, нѣтъ большаго блага чѣмъ благо нашего народа и это составляетъ между нами крѣпкую связь. Но я бы желалъ, чтобы мы были связаны еще болѣе крѣпкими узами, а такъ какъ родителей твоихъ нѣтъ болѣе въ живыхъ и я уже не могу обратиться къ Амраму со свадебными дарами, чтобы выкупить тебя, то обращаюсь къ тебѣ самой, великая дѣва. Прежде, чѣмъ ты скажешь мнѣ *да* или *нѣтъ*, ты должна узнать, что сынъ мой и внукъ готовы признать тебя, наравнѣ со мною, главою нашего дома и что братья твои охотно дали свое согласіе на то, чтобы я искалъ твоей руки.

Въ нѣмомъ изумленіи слушала Маріамъ эту рѣчь; она глубоко уважала человѣка выказывающаго ей такую горячую привязанность и была расположена къ нему. Не смотря на его зрѣлыя годы, онъ стоялъ передъ ней въ полной мужественной красотѣ и съ видомъ гордаго величія. Молящій взглядъ его глазъ, полныхъ обыкновенно властной самоувѣренности, тронулъ ее до глубины души.

Но въ сокровенныхъ мечтахъ своего сердца Маріамъ ждала другаго — и потому, въ отвѣтъ на слова Ора, лишь печально покачала головой.

Однако зрѣлый мужъ, вождь своего племени, привыкшій настойчиво доводить до конца разъ задуманное, не остановился передъ этимъ нѣмымъ отказомъ и продолжалъ еще горячѣе:

— Не разрушай въ одинъ мигъ долго сдерживаемую мечту моей жизни! Можетъ быть тебѣ претятъ мои дѣта?

Маріамъ снова отрицательно покачала головой, и Оръ продолжалъ:

— А между тѣмъ, именно это меня тревожило, хотя въ мужествѣ и силѣ я могу поспорить со многими изъ младшихъ. Но если только можешь примириться съ моими сѣдинами, взвѣсь хорошенько мои слова. О вѣрности и преданности съ моей стороны нечего и говорить. Въ мои годы сватаются лишь по сильному влеченію сердца. Но есть еще нѣчто, по-моему не менѣе важное. Я сказалъ, что введу тебя въ свой домъ. Вотъ онъ стоитъ передъ тобою, просторный и прочный. Но съ завтрашняго дня нашимъ домомъ будетъ шатеръ, мѣстожительствомъ — станъ, а ты видишь, какъ грубо и небезопасно сложилась тамъ жизнь. Посмотри только на несчастныхъ, которые висятъ тамъ на пальмѣ! Никакой судья не разслѣдовалъ дѣло обвиненныхъ. Прозволь толпы слухалъ имъ закономъ. Никто не можетъ быть увѣренъ въ безопасности своей жизни, а тѣмъ менѣе женщина, какъ бы сильна она ни была, взявшись за то дѣло, противъ котораго ропщутъ тысячи. Родители твои умерли; братья твои могли бы, правда, охранить тебя, но если народъ наложитъ на нихъ руку — тѣ самые камни, по которымъ ты думаешь пройти черезъ потокъ, потянутъ тебя въ глубину.

— А если я стану твоей женой, то и тебя вмѣстѣ со мною! возразила Маріамъ, и густыя брови ея мрачно сдвинулись.

— Эту отвѣтственность я беру на себя, отвѣчалъ Оръ. — Судьба пала въ рукахъ Божіихъ; вѣра моя такъ же сильна, какъ твоя, а за мною стоитъ колѣно Иудино, которое повинуется мнѣ и Наассону, какъ стадо своему пастырю. Старый Навинъ и колѣно Ефремово держатся насъ и, въ крайнемъ случаѣ, намъ предстоитъ одно изъ двухъ: или погибнуть по волѣ Господа, или въ вѣрномъ союзѣ власти и благополучіи дожить до глубокой старости въ странѣ обѣтованной.

Маріамъ взглянула прямо и смѣло въ суровое лицо Ора, положила руку на его локоть и проговорила:

— Это рѣчи достойнаго мужа, который воспиталъ такихъ сыновей и котораго я глубоко чту съ дѣтскаго возраста; но женой твоей я не могу быть.

— Не можешь?

— Нѣтъ, господни мой, не могу!

— Суровое рѣшеніе, а все-же я долженъ имъ довольствоваться. Возразилъ вождь и печально опустил голову; но Маріамъ воскликнула:

— Нѣтъ, Оръ, ты имѣешь право спросить о причинѣ моего отказа и, почтвая тебя, я должна сказать всю правду. Другой человѣкъ изъ нашего народа овладѣлъ моимъ сердцемъ. Я встрѣтила его первый разъ, когда была ребенкомъ. Подобно твоему сыну и внуку, онъ служилъ египтянамъ. Призывъ Бога и его отца дошелъ до него, и если онъ окажется такое же повинное какъ Урія и Веселіилъ и попрежнему будетъ стремиться ко мнѣ, я стану его женой, если доучитъ Богъ, Которому я служу и гласъ Котораго мнѣ дано слышать. О тебѣ же я всегда буду вспоминать съ благодарностью.

Больше глаза дѣвущки сверкнули при этихъ словахъ властнымъ блескомъ, а у сѣдѣющаго Ора дрогнулъ голосъ, когда онъ смущенно и нерѣшительно проговорилъ:

— А если человекъ котораго ты ждешь — я не спрашиваю объ его имени — если онъ останется глухъ къ этому зову? если онъ откажется раздѣлить невѣрную участь нашего народа?

— Этого никогда не случится! прервала его Маріамъ, и холодная дрожь пробѣжала по ея жилтамъ.

— Никто, кромѣ Бога, не можетъ сказать: „никогда“ и „навѣрное“! воскликнулъ Оръ. — И если, несмотря на твою увѣренность, случится не такъ какъ ты думаешь, если Господь откажетъ тебѣ въ исполненіи того желанія, которое возникло въ тебѣ, когда ты была еще неразумнымъ ребенкомъ...

— Тогда Тотъ, Кто до сихъ поръ велъ меня, укажетъ мнѣ истинный путь.

— Да будетъ такъ, проговорилъ Оръ, — жди на Немъ твою судьбу. Если избранный тобою окажется достоинъ тебя и станеть твоимъ господиномъ — сердце мое будетъ радоваться безъ всякой зависти союзу, благословенному Самимъ Господомъ. Но если Богъ судить иначе, если тебѣ понадобится крукая рука, чтобы опереться на нее, я буду на лицо — шатеръ и сердце Ора всегда открыты для тебя.

Съ этими словами онъ повернулся и ушелъ; а Маріамъ долго задумчиво глядѣла ему вслѣдъ, любясь величественною осанкой пожилаго вождя.

Погруженная въ глубокую думу, она пошла наконецъ къ дому своихъ гостеприимныхъ друзей; но достигнувъ дороги, ведомой изъ Танаиса, она остановилась и обратила взоры къ сѣверу. Пыль уже улеглась; дорога была видна на далекое пространство, но тотъ, кого ждала Маріамъ, не показывался. Съ глубокимъ вздохомъ, поникнувъ головою, пошла она далѣе и вздрогнула, когда со стороны старой смоковницы ее окликнулъ глухой голосъ ея брата, Моисея.

(Продолженіе будетъ).

Вѣщее затменіе.

Стихотвореніе І. І. Ясинскаго. (Рис. на стр. 96).

За Сулою кони ржутъ,
Слава въ Кіевѣ гремятъ,
Трубы Новгородъ зовутъ,
И въ Путивлѣ стая шумитъ.

Пгоръ Всеволода ждеть—
Половчанъ громить вдвоемъ,
И на Донъ полки ведетъ.
Золотой на пемъ шеломятъ,

Блещутъ латы, мечъ востеръ,
Красный щитъ въ его рукѣ.
Онъ съ холма бросаетъ взоръ—
Пыль клубится вдалекѣ.

Это—Всеволодъ и съ нимъ
Полкъ послушливый курянь.
Быстро пологомъ съдымъ
Поднимается туманъ.

Точно вѣстникъ тяжкихъ бѣдъ,
Солнце гаснетъ, меркнетъ денъ;
Гдѣ сиялъ полдневный свѣтъ,
Тамъ ползетъ ночная тѣнь.

Степь завывала... клеточка... стонъ...
Птицы прынули съ вѣтвей...
„Страха нѣтъ у насъ! на Донъ,
„Милый братъ, гони коней!

„Намъ ли знаменье грозить?
„Блѣдныхъ звѣздъ нѣмая рать,
„Или солнца черный щитъ
„Обратятъ отважныхъ всячь?

„На врага копье метнуть,
„Съ ханомъ мечъ хочу скрестить,
„Дона шлемомъ зачерпнуть,
„Или голову сложить!

„Чу! враги уйти спѣшать,
„Скрытъ телѣгъ несется къ намъ...
„Точно лебеди кричатъ,
„Разлетаясь по степямъ!“

— „Святославичъ! Ты одинъ
„Братъ мой свѣтлый! За тобой,
„Во главѣ своихъ дружинъ,
„Я иду на смертный бой!

„Я подъ трубами повить
„И концомъ конья вскормленъ,
„Мечъ мой пламенемъ горить,
„А кольчуга—красный звонъ!“

Такъ отвѣтилъ брату братъ—
И въ зловѣщей тѣмѣ блеснулъ
Тусклой искрою булатъ,
И желѣзный слышенъ гулъ.

Къ рисункамъ.

Озадачены. (Рис. на стр. 93).

Что за штука! Только что собрались полакомиться молокомъ три маленькія таксы, быть можетъ, впервые выбравшіяся изъ кануры, какъ вдругъ съ шумомъ припорохнулись незнакомый щенятамъ звѣрокъ, и, отважно усѣвшись на край ковша, въ присутствіи озадаченныхъ хозяевъ принялся угощать жажду. Всею эту сцену спокойно наблюдаетъ нѣжная родительница испуганныхъ щенятковъ, чутко прислушиваясь и зорко приглядываясь къ происходящему.

Смертная казнь у ландскнехтовъ. (Рис. на стр. 97).

Ландскнехтовъ можно считать первообразомъ регулярной пѣхоты. Они впервые появляются съ правильною организациею при „последнемъ рыцарѣ“ эрцгерцогѣ Максимилианѣ въ XV вѣкѣ. Съ одной стороны, возрастающая сила князей, повсегда покорныхъ волѣ своего сюзерена, съ другой—большая охота платить государю подать на содержаніе войска, чѣмъ самому нести всю тяжесть военной службы, создали наемное войско, среди котораго ландскнехты долгое время были лучшими служивыми. Храбрые на полѣ битвы и преданные наивысшему ихъ властелину, ландскнехты пользовались многими преимуществами и правами. Особенно интереснымъ было право судить и казнить своихъ провинившихся товарищей, носившее названіе „Spießrecht“. Если за кѣмъ-либо изъ ландскнехтовъ замѣчались предосудительные проступки, онъ призывался къ товарищескому суду. После рѣчей: обвинительной и оправдательной, повторявшихся дважды, рѣшеніе о виновности представлялось сорока лицамъ изъ числа присутствовавшихъ. Въ случаѣ обвинительнаго приговора тутъ-же приступали къ исполненію его, и если виновный былъ приговоренъ къ смертной казни, то его, после неповѣди, прогоняли сквозь строй вооруженныхъ длинными копьями ландскнехтовъ, которые и закалывали осужденнаго.

Схватка съ медвѣдемъ. (Рис. на стр. 101).

Недалеко еще на Русь время, когда такіе богатыри, какъ напр. братья Орловы, хаживали на медвѣдя въ одиночку съ рогатиной и ножомъ, а на Сѣверѣ и въ Сибири простые мужички промышляли страшнаго звѣря и съ однимъ ножомъ, обмотавъ лѣвую руку ремнями и подставляя разсвѣтившему „Михайлѣ Ивановичу“, въ то время какъ правая наносила ему смертельный ударъ подъ ребро или вснарывала брюхо. Теперь бой въ рукопашную съ медвѣдемъ бываетъ лишь въ рѣдкихъ несчастныхъ случаяхъ, послѣ промаха, раны не въ убойное мѣсто, или когда товарищи по охотѣ оробѣютъ и не подадутъ во время помощи находящемуся въ опасности. Такой именно случай изображенъ на нашемъ рисункѣ молодымъ художникомъ А. Писемскимъ. Охотникъ очевидно промахнулся и, бросивъ ружье, едва успѣлъ выхватить ножъ, какъ Михайло Ивановичъ сгрѣбъ его въ мощныя объятія; тѣмъ не менѣе, охотникъ изловчился всадить ему ножъ по самую рукоять въ сердце и, по всей вѣроятности, отдѣлается нѣсколькими царапинами да помятами боками.

У кассы III класса. (Рис. на стр. 104).

Талантливый рисунокъ г. Бронинга, одинъ изъ цѣлой серіи, представляющей довольно полную панораму Петербурга, на этотъ разъ не требуетъ поясненій. Каждому знакомъ этотъ безконечный „хвостъ“ ожидающихъ своей очереди взять билетъ III класса и болѣе или менѣе оживленные группы уже запасашихъ билетами, сторожащихъ свои пожитки до отхода поѣзда. Тутъ и неожиданныя встрѣчи, и трогательное прощанье, и одинокое раздумье, — словомъ, все то разнообразіе типовъ, какое встрѣчается ежедневно на большихъ желѣзнодорожныхъ станціяхъ.

Привѣтъ мой дамамъ. (Рис. на стр. 105).

Альбертъ Шредеръ, нѣмецкій художникъ живущій въ Дрез-

денъ, навѣстенъ въ Германіи своими бытовыми картинами. Особенно прославился онъ въ 1877 году своею картиною „Открытие“, отличавшейся простотою передачи сюжета, превосходнымъ рисункомъ и колоритомъ. Тѣми-же достоинствами отличается его картина „Привѣтъ мой дамамъ“, гравюра съ которой помѣщена на стр. 105. На ней представлена небольшая сцена посреди обстановки XVII в. Молодой пажъ только что выполнилъ роль postillon d'amour, судя по лежащему на столѣ письму, и со смѣлостью избалованнаго всеобщаго любимца привѣтствуетъ молодыхъ красавицъ воздушнымъ поцѣлуемъ.

Барсукъ (Meles taxus).

(Рис. на стр. 109).

Это животное, представляющее переходъ отъ кунницы къ медвѣдю, является типомъ медвѣрчиваго, угрюмаго затворника среди хищныхъ звѣрей Россіи. Впрочемъ, изъ хищниковъ это самый безвредный, а для сельскаго хозяйства даже и полезный звѣрь, такъ какъ онъ лѣтомъ истребляетъ громадное количество насекомыхъ, гусеницъ, улитокъ и дождевыхъ червей, а также лягушекъ, ящерицъ и змѣй. Въ прочее время года пища его преимущественно состоитъ изъ кореньевъ (особенно березовыхъ), буковыхъ и дубовыхъ желудей, овощей и птичьихъ яицъ (въ этомъ его главный вредъ); не брезгаетъ онъ и мелкими млекопитающими, молодыми зайцами, летучими мышами, кротами и проч. Медъ (изъ шмелиныхъ и осинныхъ гнѣздъ) и виноградъ составляютъ его лакомство; въ виноградникахъ онъ производитъ даже значительныя опустошенія. Лишь нарѣдка воруетъ онъ утокъ и гусей съ крестьянскихъ дворовъ, да и то если изба стоитъ у самой окраины лѣса. Къ осени барсукъ отбѣдается, жирѣетъ и дѣлаетъ приготовленія къ зимней спячкѣ.

Барсукъ живетъ одиноко въ норахъ, которыя выкапываетъ своими крѣпкими, кривыми когтями на солнечной сторонѣ лѣсныхъ холмовъ. Нора имѣетъ 4—8 выходовъ, одушины для вентиляции и вообще устроена какъ нельзя удобнѣе. Не смотря на свое затворничество, барсукъ чрезвычайно любитъ комфортъ и лѣнь. Главная часть норы есть логови-

Генераль-адъютантъ О. В. Радецкій. († 14 января 1890).
Съ фот. Дешера, грав. Шюблеръ.

Герцогъ Австрійскій. († 6 января 1890).

ще, къ которому ведутъ нѣсколько коридоровъ. Это отдѣленіе такъ велико, что въ немъ свободно помѣщается большая постель изъ мха и само животное, а взрослый барсукъ бываетъ до 1½ аршина длины и около пуда вѣсомъ. Изъ ходовъ, ведущихъ въ это отдѣленіе, лишь немногіе употребляются при ежедневныхъ прогулкахъ; они служатъ барсучку для вентиляции или на случай бѣгства. Величайшая чистота и опрятность царствуютъ во всемъ домѣ, и этимъ нора барсучка отличается отъ всѣхъ прочихъ подземныхъ жилищъ отряда млекопитающихъ. Для постройки норы выбираются лѣсныя опушки и даже склоны холмовъ на безлѣсныхъ полянахъ, лишь бы мѣсто было уединенное и тихое, такъ какъ отвѣтнику мѣръ съ его суетой и шумомъ противенъ до смерти. Благодаря своей силѣ, барсукъ можетъ вырывать себѣ жилище съ большимъ проворствомъ и, подобно многимъ животнымъ живущимъ въ норахъ, можетъ закопаться въ землю въ нѣсколько минутъ. После непродолжительной работы барсукъ нарывасть такую кучу земли, что она мѣшаетъ ему идти далѣе; тогда онъ начинаетъ дѣйствовать задними ногами, и земля летитъ въ сторону отъ сильныхъ толчковъ. Когда работа подвигнется до извѣстной степени, этого средства уже недостаточно; барсукъ начинаетъ идти задомъ напередъ и съ большими усилиями выталкиваетъ землю наружу. Этимъ же способомъ онъ очищаетъ и самую глубокую часть своей норы.

Въ такой норѣ барсукъ проводитъ большую часть своего времени и только съ наступленіемъ ночи рѣшается отойти отъ нея на далекое разстояніе. Къ зимѣ въ нору натапливаются листья и устраивается мягкая, теплая постель. До наступленія настоящихъ холодовъ барсукъ кормится собраннымъ запасомъ; когда же настаетъ зима, онъ свертывается, ложась на брюхо и забивая голову между передними лапами. Зимняя спячка прерывается у него такъ же часто какъ у медвѣдей, при чемъ въ отведеніи онъ ходитъ шить. Зимній поостъ дѣйствуетъ на барсучка очень сильно: въ нору онъ ложится вѣся около пуда, а весной выходитъ на свѣтъ Божій скелеть-скелетомъ.

Генераль-адъютантъ Ѳ. Ѳ. Радецкій.

(Портр. на стр. 112).

11 января въ Одессѣ скоропостижно скончался одинъ изъ героевъ послѣдней Турецкой войны, членъ Государственнаго

лицья, онъ въ 1834 г. вступилъ въ службу кондукторомъ въ кондукторскую роту училища, и въ 1839 г. былъ произведенъ въ полковые инженеръ-прапорщики. Въ 1842 г. онъ перешелъ въ Кавказскую армию, гдѣ и служилъ до окончанія военныхъ дѣйствій на Кавказѣ. Онъ участвовалъ во многихъ дѣлахъ

Растительные карлики на Парижской выставкѣ 1889.

Совѣта, генераль-адъютантъ, генераль-отъ-пѣхоты Ѳедоръ Ѳедоровичъ Радецкій.

Ѳ. Ѳ. Радецкій, изъ дворянъ Казанской губ., родился въ 1820 г. Родители его, хотя и не богатые люди, дали ему отличное образование. Окончивъ курсъ въ главномъ инженерномъ учи-

щѣ горцами, въ верховьяхъ Кубани, на Чертмекскихъ высотахъ, при взятіи штурмомъ горы Аччишера и др., и всегда отличался необыкновенною храбростью, обратившею на него вниманіе генерала Пассека и главнокомандующаго князя Воронцова. Произведенный въ 1845 г. въ подпоручики, Радецкій

въ 1847 г. поступилъ въ Военную академію (вышѣ Николаевская академія Генеральнаго штаба) и по окончаніи курса по первому разряду, причисленъ былъ къ Генеральному штабу. Вернувшись въ Кавказскую армію, въ 1852 г. онъ отличился въ бояхъ съ горцами на Дагестанской линіи, въ 1853 г. въ Дагестанѣ и въ Даргинскомъ округѣ, былъ награжденъ орденомъ Св. Анны и произведенъ въ подполковники, а въ 1857 г. за отличіе въ дѣлѣ при Табасарани — въ полковники. Занимая должности начальника штаба въ Прикаспійскомъ краѣ и командующаго Дагестанскимъ полкомъ, Радецкій отличился при переправѣ войскъ чрезъ Андійскіе Койсу и въ 1858 г. былъ награжденъ орденомъ Св. Георгія 4 степени, а въ 1860 г. золотую саблю „за храбрость“, за дѣйствія въ Ичкеріи и Яухѣ. Въ 1861 г. произведенный въ генераль-майоры, онъ впоследствии командовалъ 38-ю и затѣмъ 21-ю пѣхотными дивізіями. въ 1870 г. въ чинѣ генераль-лейтенанта 9-ю пѣхотную дивізію, а въ 1876 г. — 8-мъ армейскимъ корпусомъ. Въ Русско-Турецкой войнѣ 1877—1878 гг., Радецкій участвовалъ съ самаго начала и до прекращенія военныхъ дѣйствій. За переправу чрезъ Дунай, Радецкій былъ пожалованъ орденомъ Св. Георгія 3-й степени; за оборону Шинкинскаго перевала — бриллиантовую шапку съ надписью: „За оборону Шинки съ 9 по 14 августа 1877 г.“ За разбитіе и плѣненіе турецкой Шинкинской арміи (Вессели-паша), послѣ перевала чрезъ Балканы, Радецкій былъ пожалованъ орденомъ Св. Георгія 2-й степени. Въ 1878 г. Радецкій былъ удостоенъ званія генераль-адъютанта, а въ 1879 г. былъ пожалованъ серебряною медалью за оборону Шинки. Кроме того, онъ былъ удостоенъ чести назначенія шефомъ 55-го Подольскаго пѣхотнаго полка. По окончаніи войны, Радецкій былъ назначенъ командиромъ 5-го армейскаго корпуса. Въ 1881 г. назначенъ командиромъ Гренадерскаго корпуса, а въ 1882 г. командующимъ войсками Харьковскаго военного округа; Радецкій занималъ эту должность до упраздненія Харьковскаго военного округа, въ 1888 г., когда былъ переведенъ на ту же должность въ Кіевскій военный округъ. Въ 1883 г. Радецкій былъ избранъ почетнымъ членомъ Николаевской академіи генеральнаго штаба. Въ августѣ 1889 г. Радецкій былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта и, по случаю 50-лѣтняго юбилея, удостоенъ Высочайшаго рескрипта.

Участвуя болѣе ста разъ въ бояхъ съ неприятелемъ, въ самыхъ жаркихъ схваткахъ, въ первомъ огнѣ, Радецкій остался невредимъ; ни раненымъ, ни даже контуженымъ онъ не былъ ни разу. Но общимъ отзывамъ, Радецкій оставилъ по себѣ завидную память, не только какъ герой, но и какъ человѣкъ высокой чести и прекраснаго сердца.

Амадей I, герцогъ Аостскій, бывшій король Испанскій. (Портр. на стр. 112).

6 (18) января 1890 года скончался отъ воспаления легкихъ герцогъ Аостскій, Амадей-Фердинандъ-Марія, герцогъ Аостскій, второй сынъ короля Италіанскаго Виктора-Эммануила, родился 30 мая 1845 года, воспитывался въ Туринѣ, въ 1859 году участвовалъ въ Австрійской кампаніи, въ 1866 г. сражался подъ Кустоцой, причѣмъ былъ легко раненъ, и впоследствии получилъ чины генераль-лейтенанта и контръ-адмирала. Въ 1867 году онъ женился на принцессѣ Маріи даль-Поццо-делла-Чистерна (р. въ 1847, † 1876) и отъ этого брака имѣлъ трехъ сыновей. По низверженіи испанскихъ Бурбоновъ, когда переговоры испанскаго временнаго правительства съ принцемъ Омой Савойскимъ, Леопольдомъ Гогенцоллернскимъ и наконецъ даже съ герцогомъ Эсартеро о принятіи ими короны испанской не имѣли успѣха, Амадей 16 (4) ноября 1870 года былъ выбранъ кортесами (двумя третями голосовъ) королемъ Испаніи, принялъ 4 декабря во Флоренціи поднесенную депутатіей корону, 2 января 1871 года торжественно вступилъ въ Мадридъ и принялъ правленіе при весьма дурныхъ предзнаменованіяхъ, такъ какъ всего за нѣсколько дней (30 декабря) генералъ Примъ, которому Амадей обязанъ былъ короной, паль отъ руки убійцы. Несоблюденіе строгаго испанскаго этикета при вступленіи на престолъ оттолкнуло отъ новаго короля дворянство, но произвело хорошее впечатлѣніе на массы. Тѣмъ не менѣе королю, какъ извѣстно, не удалось утвердиться на престолѣ; онъ не поладилъ ни съ одной изъ борющихся между собой партій, и не хотѣлъ произвести государственнаго переворота, а потому 11 февраля 1873 года отказался отъ престола и черезъ Португалію вернулся въ Италію, гдѣ впоследствии вступилъ въ командованіе седьмымъ армейскимъ корпусомъ.

Растительные карлики. (Рис. на стр. 113).

На минувшей Парижской выставкѣ ипущій могъ найти и то, что менѣе всего можно было ожидать — нѣкоторую тишину, а именно въ паркѣ Трокадеро. Широко распростертыя вѣтви высокаго сянгаго африканскаго кедра мысленно переносили гуляющаго подъ тропики, а цѣлая роща араукарій — на горную цѣль Андовъ. Нѣсколько шаговъ въ паркѣ, правѣ выставки министерства публичныхъ работъ, приводили на дальній Востокъ — въ Япоцію. Тамъ, по склону, уступами

былъ расположенъ садъ японца Касавара; къ саду приходилось подниматься по деревяннымъ ступенямъ, по сторонамъ которыхъ вмѣсто скамеекъ стояли большіе причудливо расписанные, опрокинутые горшки. Иллюзію не мало поддерживали и самъ г. Касавара изъ Токио, котораго почти всегда можно было встрѣтить за его японскимъ домомъ читающимъ громадную, усѣянную раскрашенными фигурами, японскую газету. Какъ и у насъ на Международной выставкѣ въ 1884 г., такъ и здѣсь японцы щеголяли причудливо изогнутыми, старыми деревьями, которыя, не будучи выше нѣсколькихъ футовъ, имѣютъ видъ столбчатыхъ. Японцы вообще отличаются своеобразнымъ вкусомъ. Вмѣсто букетовъ у нихъ дарятся цѣлыя растительные пейзажи. Разныя древесныя породы въ ростѣ карлика, панорамки и выющіяся растенія служатъ украшеніемъ развалинъ пагоды или, напр., обросшей скалы (какъ на приложенномъ рисункѣ), омываемой волнами озера, на которомъ плаваетъ лодка; все это вытѣлено изъ фарфора и раскрашено. Чтобы увеличить причудливость формы, подобныя деревья сажаютъ еще на кусокъ коры или въ обрубку выдолбленнаго древеснаго панорамника (Aristophyla), перѣдко встрѣчающагося въ южной Япоціи. Особенно охотно, повидимому, подвергаются японскими искусниками-садовниками такому воспитанію нѣкоторыя хвойныя, а изъ лиственныхъ — кленъ. Въ Имп. Ботаническомъ саду въ Сиб., напр., имѣется коллекція 23 разныхъ кленовъ, изъ коихъ 19 составляютъ разновидности acer palmatum, остальные три вида суть а. japonicum, carpinifolium и crataegifolium. Одна и другая лиственные породы не ушли отъ ихъ рукъ; въ петербургской коллекціи имѣются еще слѣдующія: виды бирючины, аира и пром. Для облегченія сбора плодовъ карликами воспитываются въ Япоціи также и разныя плодовые деревья, только ихъ такъ не уродуютъ. Изъ хвойныхъ необыкновенной податливостью обладаютъ два японскихъ вида сосны. На Парижской выставкѣ 1878 г., напр., были выставлены два дерева, изъ коихъ у одного (вышньюю въ 18 вершк.), вытягиваніемъ корней надъ землею, стволъ, подобно тому какъ на рисункѣ у средняго дерева, значительно былъ поднятъ изъ горшка. Относительно втораго удостѣрили, что это дерево воспитывалось въ оградѣ древнихъ Тайкунскихъ мавзольевъ въ Токио (Иеддо) въ теченіе 150 лѣтъ. Такъ какъ оно имѣло около 27 вершк. въ вышину при поперечникѣ въ 9 в., то ежегодное вытягиваніе составляло менѣе четверти вершка. Изъ другихъ хвойныхъ упомянемъ еще видъ тиссовыхъ (*Podocarpus macrophylla*), интересный уже тѣмъ, что илы у него вълѣдствіе большой ширины вѣтвей похожи на листья лиственныхъ породъ (на рисункѣ онъ изображенъ съ правой стороны въ кругломъ нижнемъ горшкѣ); при толщинѣ въ кулакъ, эти деревья имѣли едва 9 вершк. вышнны. Многие сомнѣваются въ столбчатомъ возрастѣ такихъ деревьевъ-карликовъ, и вѣроятно — справедливо.

При терпѣливости японцевъ и мягкости тамошняго климата вполнѣ понятна возможность искусственнаго воспитанія такихъ приземистыхъ деревьевъ въ теченіе двухъ-трехъ десятиковъ лѣтъ. Вся тайна состоитъ въ извѣстномъ уходѣ за растеніемъ — въ своевременномъ выщипываніи побѣговъ и искривленіи вѣтвей, въ выращиваніи растеній въ возможно маленькихъ горшкахъ, въ лишеніи такимъ образомъ по возможности пищи, равно воды и свѣта въ различныя времена роста (вегетации), — однимъ словомъ, въ ограниченіи всѣхъ условій, необходимыхъ для жизни растенія, до крайностей. Часто не приходится и много прибѣгать къ искусству — въ природѣ и такъ можно найти не мало угнетенныхъ деревьевъ; послѣдніи японцы лишь пересаживаютъ въ горшки, причѣмъ не всѣ корни покрываются землею; подрѣзываютъ еще тамъ и сямъ вѣточку, деревьямъ придаютъ болѣе живописный видъ, и въ такомъ состояніи ихъ годами удается поддерживать и въ возможно маленькихъ горшкахъ. Обнаженіе корней выгребаніемъ земли вообще придаетъ растенію причудливый и старческій видъ, чѣмъ и пользуются; причѣмъ корни постепенно вытягиваются, такъ что стволъ подчасъ виситъ на воздухѣ на разстояніи пяти и болѣе вершковъ отъ горшка. Болѣе продолжительный способъ состоитъ въ слѣдующемъ: высвѣаютъ хвойныя сѣмена, но лишь только ростокъ вытянулся изъ сѣмени, отщипываютъ почку, оставляя одни первые (сѣмядольные) листья. Этимъ достигается развитіе болѣе слабыхъ сѣмядольныхъ почекъ. Когда затѣмъ вѣтви начинаютъ удлиняться, ихъ стягиваютъ въ видѣ буквы S, вълѣдствіе чего растеніе принимаетъ изогнутый, скрюченный видъ. Дальнѣйшимъ частымъ отщипываніемъ молодыхъ побѣговъ, привязкой вѣтвей и лишеніемъ пищи и свѣта, растеніе медленно вытягивается и сохраняетъ свою форму. Наконецъ упомянемъ еще одинъ способъ, употребляемый у *Podocarpus*. Онъ состоитъ въ томъ, что въ горшокъ пересаживаютъ уже вполнѣ развитое растеніе, стволъ котораго имѣетъ толщину въ кулакъ. Послѣ укорененія, срѣзываютъ верхушку его на разстояніи полъ-аршина отъ горшка и прививаютъ боковыя почки, обыкновенно, разновидности крупнолиснаго подокарна, съ неспелыми листьями. Почки эти развѣтвываются въ одностебельныя вѣточки, и въ короткое время получаютъ красивыя пирамиды, болѣе или менѣе правильной формы.

Король Альфонс XIII Испанскій. (Портр. на стр. 116).

Опасная горловая болѣзнь малолѣтняго короля Испаніи визвала во всей странѣ и далеко за ея предѣлами самыя искреннія заявленія сочувствія.

Передъ скорбью матери, вполне достойной всеобщаго уваженія за свою доброту и высокій умъ, всѣ партіи, такъ волновавшіяся при составленіи новаго министерства, пріостановили свои несогласія. Жители Мадрида со страхомъ окружали день и ночь королевскій дворецъ, чтобы услышать что-либо объ Августѣйшемъ больномъ; и наконецъ изъ всѣхъ провинцій королевой-регентшей получались въ видѣ дѣшево или адресовъ самыя искреннія, сочувственныя заявленія соболѣзнованія и преданности.

Въ настоящую минуту, маленькому больному гораздо лучше и всякая опасность миновала, но, въ виду всеобщаго интереса къ королю-ребенку, мы, полагая что изображеніе миловиднаго его дѣтскаго личика доставитъ удовольствіе нашимъ читателямъ, помещаемъ портретъ Альфонса XIII на стр. 116. Альфонс XIII родился послѣ смерти короля Альфонса XII, 6 мая 1886 года. Оставшись вдовцомъ по смерти королевы Мерседесъ — дочери герцога Монпансье, Альфонс XII 17 ноября 1879 г. вступилъ вторично въ бракъ съ Марією-Христиною, эрцгерцогинею Австрійскою — бывшею королевой-регентшей Испаніи. Отъ этого брака у него родился дочері: Донья Мер-

седесъ — принцесса Астурійская (1 сентября 1880 г.), которая, въ случаѣ смерти Альфонса XIII, стала бы наследницею престола, и Донья Марія-Терезія, (1 сентября 1882 г.).

Нѣсколько интересныхъ подробностей о ходѣ болѣзни короля сообщаетъ мадридская газета *Imparcial*. Пять дней и пять ночей больной находился между жизнью и смертью и во все это время королева-мать безотлучно находилась при немъ. Любовь, заботливость и вниманіе, съ какими она относилась къ своему сыну, не поддаются описанію. „Боже милосердный, не отнимай отъ меня *robre bubi del alma* (бѣднаго буби моей души),“ шептала постоянно ея уста. 29 декабря стала замѣтна перемѣна къ лучшему. Послѣ многочасоваго сна Rey niño проснулся около 5 часовъ, и чувствуя облегченіе, открылъ свои маленькіе глазки и воскликнулъ: „Ах!, мамита! какъ я тебя люблю!“ Въ отвѣтъ на эти слова, Марія-Христина осыпала своего сына поцѣлуями. Съ тѣхъ поръ съ каждымъ днемъ здоровье Альфонса XIII замѣтно восстанавливается, но все-таки врачи выказываютъ большую осторожность и много не позволяютъ своему повелителю, который, чувствуя прибывающія силы и встрѣчалъ отказы, иногда капризничаетъ. Такъ на-дняхъ онъ требовалъ, чтобы его накормили яблцами, и не могъ уснокоиться до тѣхъ поръ, пока королева-мать не рассказала ему, что въ Мадридѣ курицы перестали нестись, и что надо отшариваться въ Арангуэсъ, чтобы поискать тамъ яичъ.

Библиографія.

„Автографы музыкальных дѣятелей“. Изданіе журнала *Нувеллистъ*. — „Музыкальный календарь-альманахъ“. Состав. П. Лисовскій. Изд. журнал. *Нувеллистъ*.

Наиболѣе распространенный изъ нашихъ музыкальных журналовъ *Нувеллистъ* выпустилъ недавно два прекрасныя изданія: альбомъ автографовъ дѣятелей музыки и музыкальный календарь-альманахъ. Первый представляетъ вещь весьма цѣнную и заключаетъ въ себѣ нотныя автографы и факсимиле композиторовъ русскихъ и иностранныхъ и фототипическіе портреты русскихъ композиторовъ. Второе изданіе является любопытнымъ матеріаломъ для исторіи музыки въ Россіи и служитъ кромѣ того хорошею справочною книгой по музыкальной части. И по внѣшности, и по внутреннему содержанию оба изданія заслуживаютъ полнаго сочувствія образованной публики, которая конечно оцѣнитъ труды редакціи журнала, одного изъ старѣйшихъ не только у насъ, но и за границей.

Двадцать пятый списокъ сортовъ плодовыхъ, древесныхъ, кустарныхъ и многолетнихъ растений, находящихся въ помолочимскомъ саду и питомникѣ для акклиматизаціи плодовыхъ деревьевъ и кустарниковъ д-ра Э. Л. Регеля и Я. К. Кессельринга. 1890 г.

Ежегодное изданіе этого списка въ теченіе четверти столѣтія уже достаточно свидѣтельствуетъ о его пригодности.

Что касается содержанія списка, то уже все высказано въ его заглавіи. Въ немъ предлагаются, по преимуществу, разные новые виды по всѣмъ отраслямъ культуры растений, за исключеніемъ чисто полевыхъ и огородничныхъ растений. При этомъ всѣ эти виды предварительно были испытаны относительно ихъ выносливости въ нашемъ климатѣ, такъ что всѣ перечисленныя растения смѣло можно разводитъ у насъ, если только придерживаться тѣмъ указаніямъ многолѣтняго опыта, которыя помещены въ списокѣ. Цѣны притомъ довольно умеренны. Слѣдуетъ еще указать на строгую систему при опредѣленіи именъ растительныхъ видовъ, въ чемъ очень грубнать вообще въ каталогахъ. Впрочемъ, подобная научная обработка списка достижима въ такой степени лишь при участіи ученыхъ специалистовъ, какими именно и является д-ръ Э. Л. Регель.

Русскія вышивки. Узоры изъ коллекціи вышивокъ, собранной К. Далматовымъ. СПб. 1890. Цѣна 3 р.

Извѣстный собиратель и знатокъ русскаго народнаго шитья, К. Далматовъ, издалъ чрезвычайно интересный и изящный альбомъ русскихъ вышивокъ, непополненныхъ въ атласу и пологну для русскаго терема въ датскомъ королевскомъ паркѣ Фреденсборгъ. Первый выпускъ, состоящій изъ 16 рисунковъ, заключаетъ въ себѣ узоры великорусскіе.

Разныя извѣстія.

Правительственныя распоряженія.

— Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ пришло необходимымъ подчинить волостныя расходы извѣстному контролю со стороны правительственныхъ учреждений по крестьянскимъ дѣламъ. Выработанныя правила въ непродолжительномъ времени будутъ разосланы губернаторамъ для надлежащаго руководства и исполненія.

— Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ рѣшено принять особыя мѣры въ предупрежденію и пресѣченію чумной эпизоотіи и другихъ заразныхъ болѣзней на рогахомъ скотѣ. Въ губерніяхъ, гдѣ не введены земскія учрежденія, рѣшено поэтому увеличить кредиты на борьбу съ чумою, въ томъ числѣ въ Кіевской, Астраханской и Архангельской.

Военное и морское дѣло.

— Государь Императоръ, по случаю кончины шефа 55-го пѣхотнаго Подольскаго полка, генераль-адъютанта Радецкого, въ ознаменованіе доблестныхъ заслугъ покойнаго Престолу и Отечеству, Высочайше повелѣть соизволилъ наложить вышеупомянутому полку трауръ на три дня.

— Въ Батумѣ, 12 января, сильными волненіемъ на рейдѣ у многихъ судовъ порвало швартовныя, сорвало много мелкихъ судовъ, принесло ихъ въ строящійся портъ, гдѣ порвало швартовныя и англійскаго парохода. Вышеніе продолжалось около часа.

— Изъ Одессы 14 января отправилась по желѣзной дорогѣ черезъ Гамбургъ въ Англію команда изъ 60 человекъ для приѣма пар-

хода Добровольнаго флота „Орель“, который ожидается въ Одессу въ первыхъ числахъ февраля и приметъ участіе въ рейсахъ на дальній Востокъ.

— Изъ Баку отъ 15 января телеграфируютъ, что военный пароходъ „Геокъ-Тепе“, сѣвший на мель и получившій пробоину, снятъ съ мели и приведенъ въ Петропскъ.

Сооруженія и постройки.

— Для покрытій расходовъ по сооружеію водопровода въ Москвѣ, городской думѣ рѣшено вынискать облигаціи на 5½ милліоновъ на основаніяхъ разрѣшеннаго 29 апрѣля 1883 года вынуска облигаціи.

— Въ Батумскомъ портѣ открытъ для общаго пользования вновь выстроенный моль, представляющій существенную часть работъ, предпринятыхъ для устройства закрытаго помѣщенія на батумскомъ рейдѣ.

— Сооруженіе Мариупольскаго порта, постройки котораго весьма заинтересованы углеромашленники юга Россіи, подвигается къ концу. Глубина гавани доведена, согласно проекту, до 14 фут., а набережная устроена уже на протяженіи 150 саж. Портъ постепенно приступаетъ къ отпавкѣ грузовъ и только подъѣздные пути, находящіеся въ неудовлетворительномъ состояніи, мѣшаютъ успѣху его дѣятельности.

Спортъ.

— Въ ноябрѣ прошлаго 1889 года, сотникъ конно-амурскаго полка Пѣшковъ выѣхалъ изъ г. Благовѣщенска, на Амурѣ, на своей строевой лошади, сибирской породы,

въ Петербургъ. Въ декабрѣ мѣсяцѣ, по послѣднимъ свѣдѣніямъ, даннымъ прѣѣхавшими 14 января въ Москву сибирскими кучками, г. Пѣшковъ встрѣченъ ими былъ подъ Иркутскомъ, въ 2,000 верстахъ отъ Благовѣщенска. Г. Пѣшковъ ѣдетъ на одной лошади, безъ подставки и безъ провожатаго, дѣлая въ сутки среднимъ числомъ 75 верстъ. За свѣдломъ онъ имѣетъ запасъ провіанта и оружія, необходимыхъ въ глухихъ сибирскихъ тайгахъ. Судя по наружному виду и энергіи коня и всадника, г. Пѣшковъ несомнѣнно окончитъ съ успѣхомъ свою небывалую еще въ кавалерійскихъ лѣтисяхъ всего міра поѣздку: побороть 8,000 верстъ по непроходимымъ дѣбрямъ во время свѣжныхъ бурановъ и 40 градусныхъ морозовъ, одному, не имѣя достаточнаго отдыха ночью, такъ какъ г. Пѣшковъ, по прѣѣздѣ, не доверяетъ никому лошади, ухаживая за ней собственноручно, — дѣло, требующее страшной энергіи и выдержки. Г. Пѣшковъ — командиръ сотни конно-амурскаго полка, родомъ сибирскій казакъ.

Медицина.

— Изъ Тифлиса, отъ 12 января, сообщаютъ, что докторъ Аветикъ Бабаевъ командированъ главноначальствующимъ въ Персію для опредѣленія на мѣстѣ характера существующей тамъ холерной эндеміи и санитарнаго состоянія мѣстностей Закавказья, которымъ можетъ угрожать эндемія.

— По свѣдѣніямъ изъ Хорасанской про-

винцин, съ 15 ноября по декабрь прошлаго года тамъ умерло болѣе 3,000 человекъ. Въ Мешхедѣ умирало ежедневно до 100 человекъ. Отсутствие врачей не позволяетъ опредѣлить болѣзни: симптоны ея — боли желудка и головы, при лихорадкѣ. Теперь смертность уменьшилась.

Въ Бухарскомъ ханствѣ не было случая заболѣванія инфлуэнцой; лихорадка-же, весьма острая и даже смертельная, свирѣпствовала мнѣшнимъ лѣтомъ, но не выходила изъ предѣловъ ханства.

Изъ губерній и областей.

— 9 января, въ Москвѣ, въ домѣ Россійскаго дворянства, происходило собраніе членовъ фамилій Корсаковыхъ, Римскихъ-Корсаковыхъ и Дондуковыхъ-Корсаковыхъ, для

чествованія этого дня, по случаю исполняшагося *пятидесятилетия* со времени пріѣзда изъ Литвы и поступленія на „Государеву службу“ въ Россію, Венцеслава Жигмундовича Корсака, родоначальника названныхъ фамилій.

— Въ Москвѣ, 14 января, въ Думѣ былъ данъ въ честь Археологическаго съѣзда обѣдъ на 300 персонъ. Залы были украшены зеленью и драпированы малиновымъ бархатомъ. Первый тостъ провозглашенъ городскимъ головою за Государя Императора, затѣмъ слѣдовали обычные тосты.

— Изъ Мешхеда сообщаютъ, что на тамошнемъ рынкѣ, въ послѣднее время, ощущается значительный недостатокъ въ русскихъ мануфактурныхъ издѣліяхъ, вслѣдствіе чего нерсы начали покупать товары у англичанъ.

Главный русскій складъ среднеазиатскаго товаршества пусть.

— Въ Хабаровскѣ, подъ предѣлательствомъ генераль-губернатора, пдетъ совѣщаніе о проживающихъ въ краѣ корейцахъ, занявшихъ большія пространства земли въ пограничныхъ мѣстностяхъ.

Некрологъ.

— 13 января, скончался въ Варшавѣ пачальникъ штаба Варшавскаго военнаго округа, генераль-лейтенантъ Дмитрій Станиславовичъ Нагловскій.

— 16 января, скончался послѣ тяжелой болѣзни, гофмейстеръ Высочайшаго Двора, вице-президентъ Сиб. попечительнаго о тюрьмахъ комитета, т. сов. Оскаръ Ильичъ Квистъ. Покойный былъ первымъ предѣлательствомъ с.-петербургскаго столичнаго мирового съѣзда.

Политическое обозрѣніе.

Столкновеніе Англіи съ Португаліей вызвало неопровержимое возбужденіе умовъ въ послѣдней. Вынужденные уступить противнику, на сторонѣ котораго сила, португальцы, начиная съ молодого короля, повсюду и всячески выражаютъ свое негодованіе англичанамъ. Король Домъ-Карлъ отказался принять орденъ Подвязки, который собралась пожаловать ему по случаю его восшествія на престолъ. Возбужденіе и, можно сказать, озлобленіе всѣхъ классовъ населенія выражается на каждомъ шагу. Торговцы отказываются отъ сдѣланныхъ въ Англіи заказовъ. Домовладѣльцы не страхуютъ болѣе своихъ страсцій въ англійскихъ страховыхъ обществахъ; желѣзныя дороги не перевозятъ посылокъ и товаровъ, адресованныхъ въ Англію; вывѣски на англійскомъ языкѣ снимаются; англичане, состоящіе членами разныхъ клубовъ, поголовно исключаются; объявленія на англійскомъ языкѣ не печатаются. Такимъ образомъ положеніе англичанъ въ Португаліи стало очень критическимъ. Вместе съ тѣмъ, неприязнь ко всему англійскому вызвала стремленіе сблизиться съ Франціей и Испаніей, и либеральными газетами ведется энергично пропаганда „новаго тройственнаго союза“, весьма сочувственно приветствуемаго парижскими и мадридскими газетами.

Неудовольствіе на дѣйствія Англіи не только замѣтно во всей Европѣ, но и въ самой Англіи начинаютъ раздаваться голоса противъ мѣръ, принятыхъ маркизомъ Солсбери въ сношеніяхъ съ Португаліей. Такъ, 10 января, на рходѣ выборовъ въ Лондонѣ, министръ финансовъ Гошентъ произнесъ рѣчь, въ которой выразилъ сожалѣніе по поводу конфликта съ Португаліей и сказалъ, что британское правительство вынуждено было поступить такъ, какъ оно поступило, потому что португальскій агентъ вмѣшался въ дѣла территоріи, на которую Португалія ни малѣйшаго права не имѣетъ. Время для посредничества теперь миновало. Если Англія и впродѣ будетъ искать довѣріе къ правительству, то послѣднее надѣется благополучно уладить сложный африканскій вопросъ. Въ тотъ-же день Гладстонъ, въ произнесенной въ Честерѣ рѣчи, также выразилъ сожалѣніе по поводу замѣшательства съ Португаліей, этимъ негоднымъ союзникомъ Англіи, однимъ изъ тѣхъ государствъ, которымъ Англія особенно обязана покровительствовать; критиковать образъ дѣйствій маркиза Солсбери онъ не намѣренъ до тѣхъ поръ, пока ему не станутъ извѣстны обстоятельства дѣла. Вслѣдъ затѣмъ ораторъ напалъ на Турцію за угнетеніе критянъ и армянъ, причѣмъ выставилъ на видъ, что султанъ не будетъ предметомъ симпатій Англіи до тѣхъ поръ, пока Англія не убѣдится, что онъ желаетъ быть гуманнымъ и справедливымъ правителемъ.

Что же касается до разрѣшенія англо-португальскаго кон-

фликта, то Брюссельскій *Nord* указываетъ, что его можно было подвергнуть разрѣшенію

Брюссельской конференціи, такъ какъ обѣ спорящія державы опираются на Берлинскій трактатъ, а Брюссельская конференція является какъ бы продолженіемъ его, и въ ней участвуютъ представители обѣихъ державъ.

Французская палата депутатовъ не можетъ засѣдать покойно. Едва удалось правительству устранить въ палатѣ запретъ о предстоящемъ яко-бы свиданіи въ Брюсселѣ Германскаго императора съ президентомъ Карно, какъ спустя нѣсколько дней, буланжисты учинили громадный скандалъ, точно желая напомнить о своемъ существованіи. 9 января въ палатѣ разбиралось касированное министромъ внутреннихъ дѣлъ Констаномъ постановленіе муниципальнаго совѣта, ассигновавшаго денежные средства заботавшимся рабочимъ. Защиту дѣйствій совѣта принялъ на себя Жоффренъ, тотъ самый, который былъ признанъ депутатомъ Монмартрскаго округа, избравшаго Буланже, когда избраніе послѣдняго было касировано. Буланжисты во чтъ бы то ни стало рѣшили не дать ему возможности говорить и по очереди поднимали такой шумъ, что тронихъ изъ нихъ, Дерулада, Мильвуа и Лагера, силою пришлось удалитъ изъ засѣданія. Послѣдствіемъ непомѣрнаго усердія буланжистовъ явилось внесеніе Рейнагомъ въ палату проекта резолюціи, кончавшейся вънутренній уставъ палаты вводится постановленіе, что съ противленіе депутата предписаніямъ президентомъ влечетъ за собою исключеніе виновнаго изъ палаты на все время сессіи. Съ другой стороны, говорятъ, Жоффренъ рѣшился сложить съ себя депутатскія полномочія, чтобы вновь выступитъ противъ Буланже или Лагера кандидатомъ въ депутаты. Лагеръ принялъ вызовъ Жоффрена.

Чешское движеніе спльно обезопасило австрійскихъ нѣмцевъ. Были употреблены всѣ средства, чтобы привести обѣ партіи въ Чехіи къ соглашенію и, послѣ 14 засѣданій, оно состоялось. Имѣя уже опубликованъ въ Вѣнѣ и Прагѣ официальный текстъ протокола объ этомъ соглашеніи, нѣмцы и чешскія партіи и кружки всѣхъ отбѣлковъ, за исключеніемъ младо-чеховъ, приняли почти единогласно всѣ выработанныя условія соглашенія. Представители нѣмецкой и чешской партій сдѣлали другъ другу визиты, для официального подтвержденія принятія ими основъ соглашенія, причѣмъ старались перешеголять другъ друга въ любезностяхъ. Соглашеніе коснулось, какъ извѣстно, главнымъ образомъ вопросовъ объ организаціи областного школьнаго совѣта, областного культурнаго совѣта, учрежденія новой торговой палаты въ Восточной Чехіи, — и распределенія границъ мѣстныхъ, окружныхъ и областныхъ судовъ. Рядомъ съ тѣмъ Грегръ заявилъ одному

Испанскій король Альфонсъ XIII.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1890 г.

Подписная цѣна показана на первой страницѣ.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всё уже вышедшіе въ 1890 году номера.

журналисту, что младо-чехи основательно просмотрятъ соглашение, причѣмъ будутъ руководиться исключительно національными интересами Чешскаго народа. Нѣтъ спора, что старо-чехи сдѣлали большія уступки и что соглашение послѣдовало по соображеніямъ иностранной политики. Правительство желаетъ, чтобы не было недовольныхъ цѣмцевъ, но соглашение, повидимому, не соответствуетъ желаніямъ большинства Чешскаго народа.

Въ Берлинѣ 13 января окончились засѣданія сессіи рейхстага, и закончились непринятіемъ закона о социалистахъ. Несмотря на всю важность его, имперскій канцлеръ отсутствовалъ. Бебель возставалъ противъ проекта, который должно считать исключительнымъ закономъ, не смотря на снисходительное примѣненіе его въ послѣдніе годы. Министръ Герфуртъ, опровергая доводы Бебеля, сказалъ, что вожди социаль-демократовъ никакъ нельзя считать представителями массы, особенно-же рабочихъ; въ крайнемъ случаѣ ихъ можно считать представителями лишь тѣхъ рабочихъ, которые не хотятъ работать. Тѣмъ не менѣе законъ былъ отвергнутъ большинствомъ 169 голосовъ противъ 98. Велѣдъ затѣмъ министръ Беттигеръ объявилъ сессію закрытою и предложилъ членамъ палаты собраться въ 6 часовъ вечера въ Бѣлой залѣ для выслушанія императорскаго посланія, въ заключеніи коего выражена надежда, что будущій рейхстагъ также будетъ печенъ о рабочихъ классахъ, положеніе которыхъ можетъ быть улучшено лишь мирными и законными средствами.

С М Ъ С Ъ .

Анекдотъ про Петра Великаго. Во время Шведской войны, въ Петербургѣ, для большаго осторожности, зимою черезъ Неву ставились рогатки съ Выборгской къ Московской сторонѣ. Онѣ охранялись часовыми, которымъ приказано послѣ вечерней зари не пропускать никого ни въ Петербургъ, ни изъ Петербурга. Однажды Петръ Великій былъ въ театрѣ, находившемся на Литейной, недалеко отъ дома кумы, генеральши Настасьи Васильевны Бобринцевой-Пушкиной. Она тоже была въ театрѣ и просила государя пріѣхать къ ней послѣ представленія на вечеринку, на что онъ и согласился. Послѣ спектакля Петръ незамѣтно вышелъ изъ театра и съ однимъ денщикомъ, въ маленькіхъ саняхъ, заѣхалъ со стороны Охты къ упомянутой кумѣ. Подъѣхавъ къ часовому, стоявшему близъ Литейнаго двора отъ Московской стороны, и назвавшись петербургскимъ купцомъ, запоздавшимъ на Охтѣ, просилъ его пропустить.

— Не велѣно пропускать, отвѣчалъ часовой. — Поѣзжай назадъ! Государь предложилъ ему рубль, и все прибавляя по столько же, доходить до десяти рублей. Часовой, видя его упорство, сказалъ: — Вижу, что ты человекъ добрый; такъ, пожалуй, поѣзжай назадъ; буде же еще станешь упорствовать, то я или принужденъ буду тебя застрѣлить, или, выстрѣливъ изъ ружья, дать знать гауптвахтѣ, и тебя возьмутъ подъ караулъ какъ шпіона.

Тогда государь похалъ къ часовому, стоявшему съ Выборгской стороны и снова, сказавшись купцомъ, просилъ пропуска. Этотъ часовой пропустилъ его за два рубля. Пробираясь по Невѣ, къ дому Бобринцевой-Пушкиной, государь попалъ въ поляну и былъ едва выхваченъ изъ нея денщикомъ, а лошадь сама выпрыгнула на ледъ. Петръ пріѣхалъ къ кумѣ весь мокрый. Увидя его въ такомъ видѣ и услышавъ, что случилось, всѣ присутствующіе пришли въ ужасъ.

— И зачѣмъ, батюшка, пеняла государю хозяйка, — самому тебѣ такъ трудиться? Развѣ не могъ ты послать для осмотра карауловъ кого другаго?

— Когда часовые могутъ измѣнять, то кто же лучше испытать-то можетъ, какъ не я самъ? отвѣчалъ Петръ.

На другой день состоялся приказъ по полку: часоваго-измѣнника повѣсить, и, проверта два взятые имъ за пропускъ рубля, навязать ему на шею, а другаго часоваго произвести въ капралы и пожаловать десятью рублями, предложенными ему накануне.

Любопытный анекдотъ этотъ, въ числѣ другихъ, помѣщенъ въ *Русскомъ Архивѣ*. (в.)

Изъ воспоминаній о Шамилѣ. Въ одной изъ кавказскихъ газетъ помѣщены весьма интересныя воспоминанія о Шамилѣ, знаменитомъ имамѣ Чечни и Дагестана. Особенно интересны подробности первой встрѣчи его съ почившимъ Государемъ, вскорѣ послѣ взятія Шамилы въ плѣнъ. Онъ былъ вмѣстѣ съ семействомъ представленъ Государю въ Чугуевѣ 15 сентября 1859 года и былъ, во время пріема, блѣднѣе обыкновеннаго.

— Я очень радъ, сказалъ Императоръ, — что ты, наконецъ, въ Россіи. Жалко, что это случилось не ранѣе! Ты раскаиваться не будешь. Я тебя устрою, и мы будемъ жить друзьями.

При этомъ Государь обнялъ и поцѣловалъ Шамиля. Послѣ пріема государя Шамиль былъ на смотрѣ. Онъ былъ въ восторгѣ, когда увидалъ маневры, сказалъ за Государемъ, говоря:

— Это точно война у насъ въ Чечнѣ.

На слѣдующій день Государь пріѣхалъ въ Харьковъ. За нимъ слѣдовалъ и Шамиль. Онъ катался на лошадахъ, восхищался городомъ и домами. Его удивляли ристалища въ циркѣ; онъ думалъ, что наѣздицы, лошади—все это волшебство. Вечеромъ была иллюминація и балъ въ Дворянскомъ собраніи. Когда его повезли на балъ, и онъ увидѣлъ блестящіе костюмы дамъ, онъ отскочилъ на нѣсколько шаговъ и началъ молиться. Его спросили, правятся-ли ему дамы? Онъ отвѣтилъ:

— Не всѣ... молодыя.

На вопросъ, позволяеть-ли ему законъ его вѣры быть въ обществѣ женщинъ, — онъ отвѣтилъ: — Я самъ законъ моей вѣры, и могу.

Толпа двигалась за кавказскимъ львомъ. Его спросили, не усталъ-ли онъ. Онъ отвѣтилъ: — Въ присутствіи Его Величества, Русскаго императора, я не чувствую усталости!

Дамы его спросили, какъ ему нравится все, что онъ здѣсь видитъ. — Вы не будете въ раю, отвѣчала Шамиль. — Отчего?

— Оттого, отвѣтилъ онъ, — что у васъ здѣсь на землѣ рай, какой намъ Магометъ обѣщалъ на небѣ. Меня, въ особенности, удивляетъ, что мужчины обнимаютъ женщинъ; но, впрочемъ, Пророкъ обѣщалъ это и намъ, правовернымъ, въ будущей жизни. (в.)

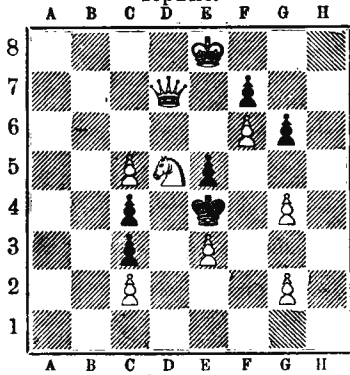
Сколько у насъ георгіевскихъ кавалеровъ? Въ настоящее время у насъ на лицо слѣдующее число георгіевскихъ кавалеровъ офицерскихъ степеней. Гроссмейстеръ ордена Государя Императора, кавалеръ 2 степени. *1-й степени* въ Россіи—2: Ихъ Императорскія Высочества генералъ-фельдмаршалъ Велик. Кн. Николай и Михаилъ Николаевичи, за границей—эрцгерцогъ Австрійскій Альбертъ (имѣетъ также 4 и 3 степ. ордена, шефъ 14-го драгунскаго и 86-го Вильманстрандскаго пѣхотнаго полка). *2-й степени*: генераловъ — 3: члены Госуд. Совѣта, генерал-адъютанты гр. Д. А. Милютинъ, кн. Д. И. Святополкъ-Мирскій 1-й и Варшавскій генералъ-губернаторъ и командующій войсками I. В. Гурко; за границей — король Саксонскій Альбертъ. *3-й степени*: Его И. В. Вел. Кн. Владиміръ Александровичъ; генераловъ — 5: генерал-адъютанты — военный министръ Ш. С. Ванновскій, начальникъ гл. штаба Н. Н. Обручевъ, чрезвычайный посолъ при Германскомъ императорѣ, гр. П. А. Шуваловъ, генералъ-отъ-инфантерій баронъ Криденеръ, командующій войсками Одесскаго военного округа Х. Х. фонъ-Роопъ; генералъ-лейтенантовъ — 16: генералъ-адъютантъ М. П. Драгомировъ, наказный атаманъ Войска Донскаго кн. Святополкъ-Мирскій 2-й и друг.; за границей — король Румынскій Карлъ, бывший Сербскій король Миланъ, владѣтель князь Черногорскій Николай и принцъ Саксонскій Георгъ. По Морскому вѣдомству и флоту: адмираловъ — 3, вице-адмираловъ — 2, контръ-адмираловъ — 7, капитановъ 1 ранга — 4, 2 ранга — 5, подполковникъ — 1, лейтенантовъ — 3. Изъ служащихъ по гражданскому вѣдомству имѣютъ орденъ — 3 лица. (в.)

Крымскіе дервиши. Одна крымская газета знакомитъ своихъ читателей съ гражданскимъ устройствомъ крымскихъ дервишей или софу. Дервиши образовались изъ мусульманъ, наложившихъ на себя обѣтъ лишнихъ моленій, больше чѣмъ предписываетъ коранъ, и на Востокѣ составляютъ классъ людей, раздѣленный на 12 орденовъ, отличающихся другъ отъ друга способомъ отравленія своихъ молебствій и бѣднѣй. Дервиши подчиняются своимъ духовнымъ старшинамъ — шейхамъ, которые руководятъ молебствіями, слѣдятъ за тѣмъ, чтобы ихъ единовѣрцы вели угодный Богу образъ жизни, и, вслѣдствіе этого, пользуются у магометанъ большимъ почетомъ. Званіе ихъ наследственно; въ случаѣ же пресѣченія рода дервиши избираютъ изъ среды своей новаго шейха, который, съ благословенія другаго, старѣйшаго шейха, приступаетъ къ отравленію своихъ новыхъ обязанностей. Каждый шейхъ имѣетъ свой молитвенный домъ и вѣднѣю его подчиняется извѣстный районъ. Дервиши ничѣмъ не отличаются отъ прочихъ мусульманъ.

Крымскіе дервиши, которыхъ въ одномъ Бахчисараѣ до ста душъ, принадлежатъ къ двумъ орденамъ: одинъ такъ-называемые вертящіеся дервиши — деврани, другіе, размыслиющіе — навишкетти. Изъ муллъ — дервишей очень мало, большинство же ихъ занимается земледѣліемъ, ремеслами и торговлею, но встрѣчаются и ничего не дѣлающіе, юродивые, которые, обыкновенно, нищенствуютъ и, расхаживая по базарамъ, поютъ молитвы. (в.)

Шахматная задача № 7.

Г. Готшалл.
Черные.

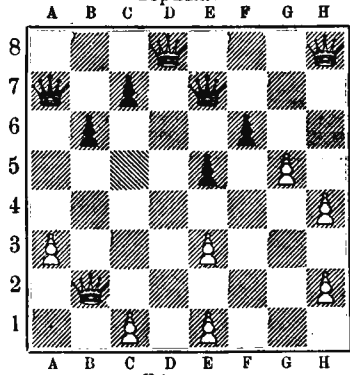

Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 4 хода.

Шашечная задача № 8.

В. Шошья.
Черный.

Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и запираютъ дамку черныхъ.

Шарада. Задача № 9.

Возьми дитя садовъ, полей,
Что расцвѣтаетъ пышно лѣтомъ,
И съ тѣмъ составомъ вмѣстѣ слей.
Что яркій блескъ даетъ предметамъ.
И выйдетъ вредный паразитъ...
Онъ проскользнуть вездѣ сумѣетъ
И хоть умомъ не поразишь,
Но шибко жнетъ, тамъ гдѣ не сѣетъ.

СОДЕРЖАНІЕ: Судьба. Повесть князя М. Н. Волконскаго. (Продолженіе). — Исусъ. Повѣствованіе изъ библейскихъ временъ. Георга Эберса (съ рис.). (Продолженіе). — Въ рисункахъ: Вѣщее затменіе. Стих. І. І. Ясинскаго (съ рис.). — Озадачены (съ рис.). — Смертная казнь у ландснейховъ (съ рис.). — Схватка съ медвѣдемъ (съ рис.). — У нассы III класса (съ рис.). — Привѣтъ мой дамамъ (съ рис.). — Барсукъ (Meles taxus) (съ рис.). — Генералъ-адъютантъ В. Ф. Радецкій (съ портр.). — Амадей I, герцогъ Аостскаго, бывшій король Испанскій (съ портр.). — Растительные карлики (съ рис.). — Король Альфонсъ XIII Испанскій (съ портр.). — Библиографія. — Разныя извѣстія. — Политическое обозрѣніе. — Смѣсь. — О подпискѣ на „Ниву“ 1890 г. — Задачи. — Объявленія.

Издатель А. Марксъ.

Редакторъ В. Ключниковъ.

ЭЛЕОПАТЪ пров. КИНУНЕНЪ

для волосъ, средство противъ перхоти на головѣ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптек. и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп. но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Жители въ провинціи выписываютъ Элеопатъ Кинунена изъ ближайшихъ отъ нихъ городовъ, гдѣ только имѣется Аптек. или Космет. магазинъ, но не менѣе двухъ флаконовъ.

Просятъ непременно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждого флакона, — пров. Кинуненъ. (3) № 4287

ПОДГОТОВЛЕНІЕ НА МѢСТА

счетоводовъ (бухгалтеровъ), конторщиковъ, подотчныхъ приказчиковъ, путемъ практическихъ упражненій, въ конторѣ ФИРМЫ СЧЕТОВОДЪ, въ С.-Петербургѣ, Невскій проспектъ, № 66. № 4316

LA VELOUTINE

Спеціальная рисово-висмутовая пудра. CHARLES FAY, Parfumeur, 9, rue de la Paix, Paris.

МИГРЕНИ И НЕВРАЛГИИ УСПОКОИВАЮТСЯ перлами скипидарной эссенции Д-ра КЛЕРТАНА.

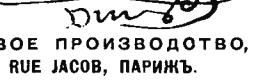
Каждый флаконъ заключаетъ въ себѣ 30 перловъ, отчего лѣченіе обходится въ нѣсколько копѣекъ. Ц. № 4284 6-2

УВѢДОМЛЕНІЕ.

Если мигрени происходятъ отъ дурнаго состоянія желудка или отъ запора, слѣдуетъ употребить УГОЛЬ Д-ра ВЕЛЛОКА.

Скипидарная эссенція, заключающаяся въ перлахъ Д-ра КЛЕРТАНА, химически чиста. Требуется на каждомъ флаконѣ подпись

ОПТОВОЕ ПРОИЗВОДСТВО, 19, RUE JACOB, ПАРИЖЪ. НАХОДЯТСЯ ВО ВСѢХЪ АПТЕКАХЪ.

Поступило въ продажу у всѣхъ книгопродавцевъ изданіе Ю. Конденъ:

ПРОКАЗЫ ШАЛУНА съ 150 рис. Вуша, въ стихахъ Л. Пальмина, изящное изданіе. Ц. 1 руб., въ папкѣ 1 р. 20 коп.

Изданіе съ комическими рисунк. извѣсти. Буша, до того смѣшны, что невольно возбуждаютъ въ каждомъ неудержимый смѣхъ.

НЕ ХОЧУ УЧИТЬСЯ Похожденіе живописца, картины въ лицахъ: Мазинина, Начунова, Ваклуши-Бей, княжны Батистова и Шапа.

Юмор. романъ. Цѣна 1 руб., въ папкѣ 1 р. 15 коп.

ХОЧУ ЖЕНИТЬСЯ Складъ и продажа: Москва, Ю. Конденъ, Бронная, д. Румянцева. Выписывая изъ склада за пересылку не платитъ. Продаются въ Петербургѣ въ книжн. магаз. Попова, Мартынова, Суворина, Панафидина, Карбасникова, Глазунова, Мамонтова, Прѣснава, Салаова, Вольфа и др. Ц. № 4312 3-1

ЛЕВИНГССЪ и ГЮЗИНЪ ЮНЫЙ ИМПЕРАТОРЪ.

имѣютъ честь сообщить, что они доставля- Рюм.-хрон. XVIII в. Вс. Соловьева. ютъ черную краску, которую печатается Спб. Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405 въ колонк. пер. 2 р. 75 к., съ перес. 3 р. 25 к.

CRÈME-SIMON (КРЕМЪ-СИМОНЪ)

произведе- ніе прекрас- наго запаха, не порти- щееся. LA POUDRE SIMON И МЫЛО à la CRÈME-SIMON имѣютъ тотъ же за- пахъ.

J. Simon, 36, Rue de Provence 36, Парижъ

У книготорговцевъ Тузова и Шигина можно получить сочиненія: обь уравненіяхъ третьей и четвертой степени. Цѣна 40 коп. № 4318 4-1

Вышелъ новый роскошный альбомъ великорусскихъ узоровъ по кавѣ К. Д. ДАЛМАТОВА, исполненныхъ имъ въ Русскій теремъ Датск. Короа. парка Фреденсборга. 16 табл. Цѣна 3 руб., съ перес. 4 руб. Адресъ Далматова: Спб., Лаговка, 29.

МАТУРАЛЬНАЯ У ГЛИНИСТАЯ МИНЕРАЛЬНАЯ ВОДА МАТТОНИ ГИСТЮБЛЕРЬ ЧИСТЫЙ щелочнокислый источникъ ОСВѢЖИТЕЛЬНЫЙ И ЗДОРОВЫЙ СТОЛОВЫЙ-НАПИТОКЪ можно вездѣ получить. 600000 (миллионъ) бутылочной вывозъ.

CIGARETTES ESPIC contre ASTHME & CATARRHE AUTORISÉES PAR LE GOUVERNEMENT RUSSE рôt général: STOLL & SCHMIDT, à Saint-Petersbourg Vente en gros: J ESPIC, 20, rue Saint-Lazare, Paris. Exiger la Signature sur chaque Cigarette.

Весьма легко для каждого заниматься фотографированіемъ. Предлагаемъ № 4216 ФОТОГРАФИЧЕСКУЮ СЕКРЕТНУЮ КАМЕРУ ШТИРНА. Цѣна съ пластинками на 36 снимковъ 20 р. Шесть моментальныхъ снимковъ въ одну минуту. Носится незаметно подъ сюртукомъ. Весьма удобна. Хорошіе результаты. Пробные снимки: 50 к. Единственная продажа для всей Россіи. Краткое печатное наставленіе къ фотографированію прилагается бесплатно. Аппараты для съемокъ изображеній въ кабинетную величину, съ хоронимъ объективомъ, начиная съ 15 рублей. Большой выборъ всѣхъ предме- товъ каса- ющихся фотографіи. С.-ПЕТЕРБУРГЪ НЕВСКІЙ ПР., № 25-1.

Всѣ названные косметическіе продукты не содержатъ никакихъ вредныхъ веществъ, почему и разрѣшены Спб. Стол. Врачебн. Управленіемъ. 1) ПОДЛИННИКЪ ПАСТА EUGENIE средство для лица. Цѣна банки 1 р. 60 к. 2) БАЛЬЗАМЪ EUGENIE изъ миртов. цвѣтотъ для декольте, лица и рукъ. Ц. флак. 1 р. 70 к. 3) ЭЛЕКСИРЪ MELANGE для волосъ. Ц. за флак. 2 р. 4) ХИННО-ГЛИЦЕРИНОВ. ПОМАДА для волосъ. Цѣна банки 2 р. 5) РУМЯНА EUGENIE жидкія, придающія щекамъ и ушамъ розов. цвѣтъ. 6) РУЧНАЯ РАКОВИННАЯ ПОМАДА для волосъ. Цѣна банки 1 рубль 30 коп. 7) ПОДЛИННИКЪ POUDE EUGENIE бѣлая и розов. Ц. съ пухов. 1 руб. 50 коп., безъ пухов. 1 руб. 20 коп. КРАСКА ДЛЯ ВОЛОСЪ черная, коричн. и свѣтлор. Цѣна кор. 3 руб. Рисъ Гутманъ. Главное дѣло въ С.-Петербургѣ: въ Русскомъ обществѣ торговли аптекарскими товарами, Казанская; въ Центральномъ Аптекарскомъ Дѣпо, Милютинъ Гидъ; у Рузанова, Гостинный Дворъ; бывшій Дарзановъ, Пассаажъ, № 15-17; у Сіу и Кю; у Персона и Табо, Невскій пр., № 18 и въ другихъ аптекарскихъ магазинахъ. Въ Москвѣ: у К. И. Феррейна, Никольска и въ другихъ аптекарск. магаз., а также можно получать во всѣхъ аптекарскихъ магазинахъ всей Россіи.

ДВУНОГІЙ ВОЛКЪ. Н. Н. Каразина. Изданіе 2-е. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к. Обращаются въ Контору журнала „Нива“, а также и ко всѣмъ извѣстнымъ книгопродавцамъ.

„НЕ КАШЛЯЙ“.
 Медо-Травяной-Мальца-Экстракт и Конфекты. *)
Л. Г. ПИТЦШЪ и К^о.
 въ Бреславль.
 Употребляется противъ кашля, мокроты, хрипелости, страданій горла и груди.
СПОСОБЪ УПОТРЕБЛЕНІЯ:
 Д-ръ Михайлис мед. прас. назначилъ для дѣтей 3—4 раза въ день по 1 чайной ложкѣ, а взрослые берутъ ежедневно 4—6 чайныхъ ложекъ экстракта.
 Конфекты предупреждаютъ кашель, охриплость и простуду горла.
 Химическимъ анализомъ и медицинскими опытами подтверждено, что во всякомъ случаѣ въ составъ этихъ препаратовъ не входятъ никакія вредныя для здоровья вещества и ввозъ и продажа въ Россіи разрешены Медицинскимъ Департаментомъ.
 *) Цѣна: бутылка 1 р. 25 к. и 2 р. 40 к. конфеты по 30 и 50 к.
 Упаковка и пересылка считаются особо.
 Главный складъ для Россіи у В. Ауриха въ С.-Петербургѣ, Волоколайна 18—19.
 Продажа во всѣхъ аптекарскихъ магазинахъ и аптекахъ Россіи. А. № 4045 12—7

МУКОМОЛЬНЫЯ МЕЛЬНИЦЫ
 для паровой, конной и ручной силы,
МЕХАНИЧЕСКІЯ ЗЕРНОСУШИЛКИ
 изобрѣтенія В. Аккермана.
ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКІЯ МАШИНЫ
 сѣялки, плуги, молотилки и т. п.
ПАРОВЫЯ МАШИНЫ въ 3, 4 силы и т. п.
 на складѣ при механическомъ заводѣ
В. АККЕРМАНА,
 СПбургъ, Больш. Волотная, 6 (Пески).

ЖЕЛАЮ
 купить сто (100) пудовъ муки перваго сорта для просфоръ и 25 пудовъ восковыхъ свѣчей.
 Адресъ: въ Константинополь, Турція, упомянутаго иеромонаху Іезекилю Балашеву, въ зданіи Афонской Свято-Рождественской Іоанна Предтечи обители. Галата, Парма Налу, № 2. № 4322 3—1

НА ВЫБОРЪ ПО 25 к.
НОВОСТИ ПАРИЖСКОЙ ВЫСТАВКИ.
 Кромѣ вещей опубликованныхъ въ „Нивѣ“ въ разн. номерахъ прошлаго года поступили слѣдующія: Микроскопы, увеличив. 1000 разъ. ♦ Изящн. коммась. ♦ Такой же брелокомъ. ♦ Магнитъ. ♦ Электрической порошокъ для чистки металловъ. ♦ Эйфельова башня, игра головоломка. ♦ Изящн. булавка д. галстуха. ♦ Дорожн. кармани. чернильница. ♦ Альбомъ загадочн. картинъ. ♦ Приборъ—перо, карандашъ, линейка и проч. въ футлярѣ. ♦ Новомодн. цѣпочка (chatelaine). ♦ Парижская медаль—загадка. ♦ Хрустальн. рамка для визитн. картъ. ♦ Новая игра—свинка въ млеверѣ (очень забавно). ♦ Та-же игра брелокомъ. ♦ Минутная кухня. ♦ Самофотографъ. ♦ Конвертъ свѣтящихъ ночью картинъ. ♦ Цепельница изъ щипъ съ разн. видами. ♦ Брелокъ д. образанія сигарь. ♦ Кольцо д. ключей. ♦ Фокусн. книжка съ забавн. измѣненіями. ♦ Портмоне кожан. ♦ Салониковая стелька отъ сырости и пога. ♦ Календарь-барометръ. ♦ Свистокъ-брелокъ. ♦ Воздушный волчекъ (American Bird). ♦ Новѣйшая лутка-задача „Освободи мена“. ♦ Портсигаръ для папирсъ. ♦ Клейка для бумаги. ♦ Всемирный цементъ д. смѣлки фарфора, стекла, кожи и проч. ♦ Табакерка изящн. ♦ Карандашъ пишущій чернилами. ♦ Шапки. ♦ Доска шапечная. ♦ Занася чернилъ, кончатъ м. писать много страницъ. ♦ Супружескій или любовный термометръ. ♦ Машинка д. очинки карандашей. ♦ Меритонъ—новая звуковая забавка. ♦ Карандашъ-автоматъ. ♦ Машинка д. вѣдваніи: нитокъ въ голку (пара). ♦ Пинцаль металлич. ♦ Карандашъ д. вывода чернилъ съ пальцевъ. ♦ Пробочникъ. ♦ Математическая игра -- задача. ♦ Японская самолетающая бабочка. ♦ Обезьяна самолетающая. ♦ Крокодиль позлуцій. ♦ Черепъ самодвижущаяся и много другихъ вещей по самымъ дешевымъ цѣнамъ. Выписывающіе всѣ 60 предметовъ высылаютъ С. Р. 10. Товаръ на сумму менѣе 2-хъ руб. не высылается. Новый каталогъ всѣхъ изобрѣтеній за 7 коп. марку. Адресоваться: С.-Петербургъ, 4, Невскій просп., 4. Складъ новыхъ изобрѣтеній (фирма сущ. съ 1872 г.).
 ♦ Товаръ высылается немедленно. ♦

ВЫСОЧАЙШЕ утвержденное **Товарищество** Пиво-медовареннаго завода „ИВАНА ДУРДИНА“ въ С.-Петербургѣ, у Ново-Калинкина моста

основ. въ 1839 году,
 рекомендуетъ свой великолѣпно выдержанный **Англійскій Портеръ**, розлитый въ англійскія бутылки и полубутылки съ этикетками завода.

Цѣна за 1 ведро въ бочкѣ 2 р.
 „ „ 1 укладн. ящикъ 100 бут. . . 14 „
 „ „ 1 „ „ 100½ бут. . . 7 „
 Посуда считается отдѣльно.

Англійскій Портеръ, изготовляемый нашимъ заводомъ, по своимъ выдающимся качествамъ вполне заслуживаетъ того громаднаго распространенія, которое онъ имѣетъ въ С.-Петербургѣ. Въсѣтъ съ тѣмъ, принимая во вниманіе дешевизну нашего Англійскаго Портера и его способность къ пересылу на самыя дальнія разстоянія, Правленіе Товарищества льститъ себя надеждою, что гг. иногородные торговцы и любители прекраснаго и вполне здороваго напитка почтять нашъ заводъ своими заказами.

Заказы исполняются вскими количествами, но не менѣе 30½ бут. Прейсъ-куррантъ высылается бесплатно. № 4311

Адр. для телегр.: Дурдину. Петербургъ.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ **МѢХОВЫХЪ ТОВАРОВЪ**
ПРИДВОРНАГО ПОСТАВЩИКА

П. М. ГРИНВАЛЬДТЪ

въ С.-Петербургѣ

ПЕРЕВЕДЕНЪ НА
НЕВСКІЙ ПРОСПЕКТЪ, № 22.

Рекомендуются мѣха и мѣховыя издѣлія высшаго достоинства по различнымъ цѣнамъ. № 4101

Участіе на Всемирной Парижской Выставкѣ 1889 года
„ВНѢ КОНКУРСА“

Офицерскій крестъ Почетнаго легіона.

Адресъ для телеграммъ: ПЕТЕРБУРГЪ, ГРИНВАЛЬДТЪ.

ЭЛИКСИРЪ,
ПОРОШОКЪ И ПОМАДА
ДЛЯ ЗУБОВЪ

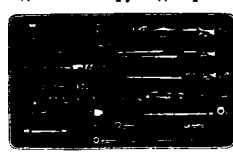
ОТЦЕВЪ ВЕНЕДИКТИНЦЕВЪ

Аббатства СУЛЯКЪ (Жаронда) Франція.
 Находятся во всѣхъ аптекахъ, москательныхъ лавкахъ и носметическихъ магазинахъ.

ГОТОВАЛЬНИ

и отдѣльн. инструм. для рисованія.

Изъ желтой мѣди отъ 1 р. 75 к.

Изъ массивнаго никелина отъ 3 р. 75 к.

Бочки нашихъ циркулей округлены и не портятъ бумагу. Въ наши готовальни прѣврены и приготовлены къ немедленн. употребленію.

Е. КРАУСЪ и Комп.

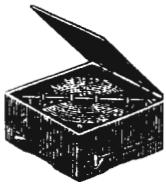
Парижъ, Avenue de la Republ., 4
 Складъ для Россіи:

въ С.-Петербургѣ, Мойка, домъ № 42.
 Новый иллюстр. прейсъ-куррантъ оптичск. прибор. высылается бесплатно. № 4321 2—1

25-й иллюстрированный списокъ сортовъ плодовыхъ и декоративныхъ деревьевъ и кустарниковъ, розановъ и красивыхъ многолѣтнихъ растений **ПОМОЛОГИЧЕСКАГО САДА** Д-ра Регеля и Я. Кессельринга по желанію высылается бесплатно Др. Э. Регелемъ въ Импер. Ботаническомъ саду въ С.-Петербургѣ.

АНЕМІЯ **ХЛОРОЗА**
МАЛОКРОВІЕ **БЛѢДНОСТЬ**
ПРИМѢНЯЕТСЯ ЛѢЧЕНІЕ
НАЗВАННЫХЪ БОЛѢЗНЕЙ
ПИЛЮЛЯМИ ВАЛЛЭ
 (ОДОБРЕННЫМИ ПАРИЖСКОЙ МЕДИЦИНСКОЙ АКАДЕМІЕЙ).
PILULES DE VALLET. П. № 4283 6—2
НАСТОЯЩІЯ ПИЛЮЛИ ВАЛЛЭ НЕ ПОСЕРЕБРЕННЫ.
 Онѣ бываія и имя Валлэ написано на каждой пилюль.
 Не брать флаконы, на которыхъ на этикеткѣ не находится мое имя и мой адресъ:
19, RUE JACOB.
 Прод. во всѣхъ аптекахъ. *Waller*
АНЕМІЯ
МАЛОКРОВІЕ

СИМФОНІОНЫ

(Музыкальные шка- тулки с пере- мными пьесами).

Малые с руч- ной с 6-ю пьес. 10 р. Добавочныя пьесы по 40 к.

Малые заводныя с 6-ю пьес. 20 р., добавочныя пьесы по 40 коп.

Больше завод ные 60 тонн. с 10-ю пьес. 40 р., доба- вочныя пьесы по 60 к.

Больше заводныя 84 тонн. с 10-ю пьес. 60 р., добавочныя пьесы по 75 коп.

Больше заводныя 84 тонн. „Sublime Harmonie“ с 10-ю пьес. 100 руб., доба- вочныя пьесы по 1 руб.

Списки пьесъ для симфоніоновъ, а также иллюстрированныя преисъ-курантъ въсьмъ инструментамъ—**бесплатно.**

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ
главное депо № 4317
музыкальныхъ инструментовъ и нотъ.
С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40
(прежній 36 и 42).
Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарына.

МОЛОДЫМЪ ДЪВЦАМЪ „ВЪНОКЪ“

изъ русскихъ любимыхъ романсовъ для одного голоса съ фортепіано,

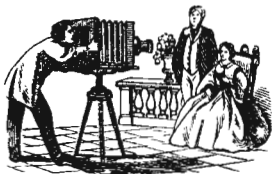
Архангельскаго, Афанасьева, Бахметева, Вар- ламова, Голдбергъ, Галики, Гурьева, Дарго- мижскаго, Дерфельта, Дюбка, Контскаго, Игнатьева, Губинштейна, Шапина, Яковлева.

2-е изданіе. П. № 4313

Цѣна 2 рубля.

Москва, у П. ЮРГЕНСОНА,
С.-Петербургъ, у І. Юргенсона.

ТОЛЬКО 10 руб.!

Постоящій фотографическій аппаратъ, съ треножникомъ, не играюща, коимъ каждый можетъ снимать съ натуры портре- ты, виды и пр., въ визитки, и кабинеты, велич., съ пробн. снимк. и руководств. Перес. за 15 фунт. Адресъ: С.-Петер- буръ в. Складъ новыя изобрѣтеній, 4, Невскій просп., 4, рядомъ съ Главн. Шлябмъ. Новый иллюстр. каталогъ въсьмъ изобрѣтеній за 7 к. марку.

Поставщики велосипедовъ Русской Арміи

Торговый Домъ Ж. БЛОКЪ,

Москва, С.-Петербургъ,
Кузнецкій Мостъ. Б. Морская № 21.

имѣеть

единственный Складъ для всей Россіи Велосипедовъ: Спидей, Вишней, Русскій Клубъ, Мол- ния (New Rapid), Имперіаль и др.

Цѣны отъ 100 до 500 руб.

НОВОСТЬ

Общедоступный Свистъ № 2
= 150 руб. =

Преисъ-куранты высылаются бесплатно.

Поставщики велосипедовъ Русской Арміи

Наводненіе. Ром. изъ современн. жизни.
Вс. Соловьева. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

Поступилъ въ продажу въ конторѣ журнала „Нива“
(СПБ., Невскій, № 6)

ПОЛНЫЙ ТОМЪ „НИВЫ“ за 1889 г.

заключающій въ себѣ 1,300 стр. разнообразнаго текста и 700 худо- жественно-выполненныхъ гравюръ, разск. А. Фета—„Внѣ моды“, повѣсть Н. Д. Ахшарумова—„Опасная игра“, романъ М. В. Кре- стовской—„Торжество Юліи Андреевны“, большой ром. въ 2-хъ част. В. И. Немировича-Данченко—„Подъ звонъ колоколовъ“, историч. ром. въ 2 част. графа Е. А. Салиаса—„Барыни-крестъ- янни“, разск. кн. Д. Голицына-Муравлина—„Увлеченіе“, разск. П. Дорошенко—„Нто-же“ и массу другихъ повѣстей, разсказовъ и стихотвореній извѣстныхъ писателей, а также много научно-попу- лярныхъ статей по зоологіи, гігіенѣ, живописи и мн. др. Кромѣ того нѣсколько художественныхъ приложений—важнѣйшія рыбы Рос- сіи, важнѣйшія драв. растенія Россіи, Росс. Импер. ордена и проч., печат. красками, большой сборникъ новѣйшихъ повѣстей и разска- зовъ (томъ 484 стр.) и большая олеографическая картина профес. В. Д. ОРЛОВСКАГО:

„ЛѢТНІЙ ВЕЧЕРЪ ВЪ МАЛОРОССІИ“.

ЦѢНА ЭТОМУ ВОЛЪШОМУ ТОМУ, со всѣми бесплатными преміями и приложениями:

Брошюрован. 4 р. Въ колѣнк. перепл. 5 р. 50 к.
Съ пересылкою до 2000 Съ пересылкою до
версты 6 р. 2000 версты 7 р. 50 к.
Свыше 2000 версты за пересылку прилагается по расто- янію за 13 фунтовъ.

БИЛЛЯРДНАЯ ФАБРИКА

А. ФРЕЙБЕРГЪ.

С.-Петербургъ, Троицкій пр., близъ Египет- скаго моста, домъ № 7-2. 26-2
Иллюстрированныя преисъ-куранты по вос- требованіямъ высылаются безвозмездно.

ЭКСТРАКТЫ КВАДРУПЛЬ ЛОЗЕ:

ЛОЗЕ „ЛАНДЫШЪ“, ЛОЗЕ „ДИКИЙ ЯСМИНЪ“, ЛОЗЕ „ЗОЛОТАЯ ЛИЛІЯ“.

НОВО!! ЛОЗЕ „ЧТО ХОТИТЕ“

ДУХИ.

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ,

46, Гегерстрассе, Берлинъ, придворный парфюмеръ. № 4054

Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи.

ОБУВЬ ТОВ. СПБ. МЕХ. ПРОИЗВ. ОБУВИ

- имѣется въ продажѣ:
- въ Гельсингфорсѣ у М. Диндрозъ, Але- ксандровская ул., № 11.
- „Гельсингфорсѣ у Э. Ленбейсъ, Эспланада.
- „Медитополь у С. М. Сахарова.
- „Медитополь у Х. Бершацкаго.
- „Маріуполь у С. М. Сахарова.
- „Митавѣ у А. Хомзе и Ко, Колонна- ды, № 104.
- „Новороссійскѣ у М. К. Селезенева.
- „Ростовѣ н/Д. у Х. М. Бахчисараѣева.
- „Ригѣ у А. Хомзе и Ко, Шейнень штрас- се, № 4.
- „Таганрогѣ у Ташіева и Хаснекова.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

ВАЗЕЛИНОВОЕ МЫЛО

І. ГОЛЛЕНДЕРЪ

для смягченія кожи.

Новоизобрѣтенное вазелиновое мыло, при- ятнаго запаха, придаетъ кожѣ желаемую вѣжную мягкость. Цѣна за кусокъ 30 коп., 3 куска съ пересылк. 1 р. 50 к.

Получать можно во всѣхъ парфюм. и аптек. магазинахъ и аптекахъ Россіи.

Главный складъ: СПБ., Демидовъ пер., д. № 1. (3) № 4278

ЦАРЬ-ДЪВИЦА.

Вс. Соловьева.

Ром.-хрон. XVII в., въ 3 ч. Ром. этотъ обни- жаетъ эпоху правленія и низложенія Царевны Софій. СПБ. 1886 г. Изд. 2-е. П. 2 р., съ перес. 2 р. 50 коп.; въ колѣнк. перепл. 2 р. 75 к., съ перес. 3 руб. 25 коп.

7 разъ удостоена пер- выхъ наградъ

НѢМАЯ СКРИПКА

для ученья

удобная для игры днемъ и ночью, не доста- вляя безпокойства сосѣдямъ. 2-2

Въ употребленіи у проф. Вильгельми, Са- разате, Сивори, Зингеръ, Соръ, Леонаръ и др.

Нашамъ уважаемымъ покупателямъ реко- мендуемъ кромѣ того прекрасныя итальян- скія струны высшаго качества, также какъ и всѣ другіе музыкальные инструменты, въ особенности старинныя настоящія инстру- менты въ большомъ выборѣ Ц. № 4246

Бр. ВОЛЬФЪ,

ФАБРИКА МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ

въ КРЕЙЦНАХЪ.

Преисъ-куранты бесплатно и франко.

НЕБЫВАЛЫЙ СЛУЧАЙ!

3000 фотограф. альбомовъ

(отъ 50 коп. до 15 руб.)

25% ниже фабричныхъ цѣнъ. Рекомендую особенно слѣдующіе:

- Маленьк. форматъ (леди) американск. кожан., плюшев. и пр. 50, 60, 75, 90 к. и 1 р.
- Форматъ охватъ 1 р. до 2 р. 50 к.
- Форматъ Виктория (большіе) 1 р. 50 к., 2 р., 2 р. 50 к., 3 р. до 7 р.
- Большой форматъ (кварти): американск. гладк. съ тиснен. и металлич. украшеніями и пр. пр. 2 р. 75 и 3 руб. Томе ножи. съ тисненіемъ и металлич. украш. съ живописью, изъ аягаторской кожи съ живо- писью и въ японскомъ стилѣ 3 р. 50 к., 4 р., 4 р. 50 к., 5 р., 5 р. 50 к., 6 р. до 12 р. 50 к. Томе плюшев. съ шелков. или металлич. украшеніями, эмальировани. съ живописью и въ японскомъ и китайск. стилѣхъ 3 р. 75 к., 4 р., 4 р. 50 к., 5 р., 5 р. 50 к., 6 р., 6 р. 50 к., 7 руб., 7 р. 50 к. до 15 руб.

Всѣ вышеозначенныя альбомы элегантно и изящно выполнены.

Кромѣ того рекомендую послѣднюю Па- рижскую Новость „Грация“, дамскіе растя- гивающіеся кушакъ изъ золотой проволоки съ золотымъ замочкомъ, прокрашенныя чернымъ, бѣлымъ, кровавымъ, голубымъ, розовымъ, желтымъ или темнокраснымъ шелкомъ. Цѣ- на 3 руб. 50 коп.

Высылка по всей Россіи. При заказѣ про- шу высылать стоимость. № 4310

СКЛАДЪ

ОСКАРЪ ЛЕССЕРЪ

С.-Петербургъ, Садовая, 12—18, напротивъ Гост. Двора.

ПЕЧАТЮЩАЯ МАШИНА „РЕМИНГТОНА“.

Пишетъ въ 8 разъ быстре пера. Чистота, четкость и красота.

Введена во всѣхъ Министерствахъ и мног. правительств. и частныхъ учрежд.

Преисъ-курантъ, содерж. многочисленн. отзывы отъ Правительства и другихъ учре- жденій, высылаются бесплатно. № 3748

Единственный складъ для всей Россіи:

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ

Москва С.-Петербургъ
Кузнецкій мостъ. Б. Морская, 21.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XXI г.

г. XXI

№ 5

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

1890

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЕСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
Выданъ 3 февраля 1890 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цена этого № 20 к., съ перес. 25 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1890 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГЪ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за
строку непарейль (1/4 шир.
страни) въ Глав. Кон. Ред. по
75 к. — Загран.: для Франціи у
Agence Navas по 2 fr. 40 с.;
для Австр., Герман. и Швейц.
у Rudolf Mosse по 1 M. 70 Pf.

Безъ доставки въ Пе-
тербургъ 5 р.

Съ доставкою въ Пе-
тербургъ 6 р. 50 к.

За границу, съ пересылкою 9 р.

Безъ дост. въ Москвѣ чр.
конт. объявл. Н. Н. Печков-
ской, Петровск. Торг. линіи. 6 р.

Съ пересылкою въ Москву
и другіе города Россіи . . . 7 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особыя приложенія при
„НИВѢ“ объявленіи отъ тор-
говыхъ домовъ принимаются
для иногородн. и городскихъ
подписчиковъ по особому
соглашенію.

Везъ всякой доплаты за пересылку главныхъ премій.

При семъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за ФЕВРАЛЬ 1890 г., съ 28 рисунками и отд. листъ съ 33 чертеж.
выкоекъ въ натур. величину и 17 рис. выильныхъ работъ.

Сборъ морской травы. Картина Джона Смита-Луиса, грав. Мали.

К. Р.

Стихотвореніе А. Н. Майкова.

Эти милыя двѣ буквы,
Что два бѣлые огни
Тьмой осенней, въ бездорожье,
Манятъ издали меня.

Зажжены они въ воротахъ,
Что въ особый міръ ведутъ—
Свѣтлый міръ, гдѣ, гости съ неба,
Духи чистые живутъ;

Для того живутъ, чтобъ знали
Дѣти бѣдныя земли
Славословья силъ небесныхъ
Вѣчной Правдѣ и Любви;

Для того—чтобъ знали тоже
Братья ихъ на небесахъ
Обо всѣхъ земныхъ страданьяхъ,
Обо всѣхъ людскихъ слезахъ...

И проходятъ мимо люди—
Люди плоти и страстей—
Тѣ не видятъ ихъ, не слышатъ
Ни молитвъ ихъ, ни рѣчей;

Но идетъ поэтъ-провидѣць—
Какъ подъ солнечнымъ лучомъ
Въ мигъ они просіяваютъ
Въ полномъ обликѣ своемъ.

1889.

Судьба.

Повѣсть князя М. Н. Волконскаго.

(Окончаніе).

V.

Въ тотъ день когда Павелъ Николаевичъ Артедьевъ получилъ письмо Андрея Николаевича—ему особенно нездоровилось.

Давнишняя, хроническая, по продолжительности, и вмѣстѣ съ тѣмъ острая по тяжелымъ припадкамъ болѣзни, которою онъ страдалъ уже нѣсколько лѣтъ и которая не поддавалась не только леченію, но даже опредѣленію знаменитостей—усилилась за послѣднія недѣли.

Павелъ Николаевичъ чувствовалъ нестерпимую боль въ сочлененіяхъ и страшно страдалъ одышкою. Подъ ложечкой у него опять вспухло и кашель съ вязкою, окрашеною въ красный цвѣтъ мокротой сталъ дуть его.

Докторъ, какъ всегда, когда усиливалась болѣзнь, началъ прѣзжать два раза въ день. Онъ прѣзжалъ, соболѣзновалъ, слушалъ, прописывалъ лекарства, но не могъ принести облегченія.

Пригласили на консилиумъ знаменитость.

Знаменитость прѣехала, осмотрѣла, выслушала, раздѣла больного до-нага, простукивала его и, поговоривъ по-латыни съ постояннымъ врачомъ, уѣхала, одобрявъ леченіе.

Не смотря однако на то, что знаменитостью ничего не было сдѣлано особеннаго—больному послѣ консилиума стало какъ будто легче.

Онъ успокоился и даже какъ будто повеселѣлъ. Но затѣмъ опять все пришло въ прежнее положеніе.

Опять всю ночь мучительный кашель не давалъ спать и животъ сильно увеличился въ объемѣ.

Письмо Андрея Николаевича пришло въ первомъ часу.

Раздался тоненькій, электрической звонокъ, и швейцаръ подалъ доставленный по почтѣ конвертъ.

Павелъ Николаевичъ, жившій съ отцомъ и матерью, былъ у себя въ комнатѣ. Онъ только-что принялъ мыльнякъ, прописанный знаменитостью и, волнуясь и сердясь, ждалъ чтобы ему принесли чего-нибудь поѣсть, такъ какъ послѣ пріемовъ лекарства была прописана немедленно ѣда.

Болѣе пяти минутъ уже прошло, но ему ничего не несли.

Разстегнувъ свою австрійскую, верблюжьей шерсти куртку, Павелъ Николаевичъ сталъ ходить по комнатѣ.

Волненіе душило его.

— Хоть умирай, ворчалъ онъ, — имъ все равно! кажется, не трудно два яйца принести...

Онъ хотѣлъ уже подойти къ звонку и, нажавъ пуго-

вицу, не отпускать ее до тѣхъ поръ пока не придетъ къ нему кто-нибудь, но въ это время дверь скрипнула.

„Наконѣцъ-то!“ подумалъ Павелъ Николаевичъ и быстро обернулся.

Катя, старая горничная его матери, ходившая теперь за нимъ, стояла посреди комнаты и держала конвертъ на подносѣ.

— Вамъ письмо... робко сказала она.

— Какое письмо, гдѣ письмо? Завтракъ гдѣ... гдѣ завтракъ? Я завтракъ полчаса какъ прошу.

Павелъ Николаевичъ сжалъ руки и, трясаясь отъ гнѣва, поднялъ ихъ къ потолку.

— Сейчасъ несуть!.. проговорила Катя и, положивъ письмо на письменный столъ, поскорѣе ушла.

Минуты черезъ двѣ завтракъ,—т. е. два яйца въ смятку, положенныя въ серебряную съ гербомъ кастрюльку, закрытую салфеткой, на серебряномъ-же подносикѣ,—былъ поданъ, и Павелъ Николаевичъ, усѣвшись на широкій турецкій диванъ и придвинувъ къ себѣ круглый столикъ, поспѣшно пилъ эти яйца, чтобы наверстать потерянное время.

Письмо нераспечатанное лежало на столѣ.

Павелъ Николаевичъ не глядѣлъ на него.

Онъ еще не успокоился, негодовалъ на весь свѣтъ—и въ особенности на всѣхъ своихъ домашнихъ.

Ему казалось, что они нарочно сговорились его мучить.

„Что имъ хочется, чтобы я умеръ, что-ли“, думалъ онъ, „вотъ теперь разсердился и будетъ хуже... Мнѣ хуже, а имъ ничего... Что это еще за письмо?..“ вспомнилъ онъ и, подойдя къ столу, взялъ конвертъ, распечаталъ его, развернулъ исписанный съ четырехъ сторонъ листъ бумаги, и посмотрѣлъ на подпись.

— Найденовъ... Найденовъ... проговорилъ онъ насушивъ брови. — Кто это Найденовъ?

Онъ дернулъ плечами, поднялъ ихъ и, повернувъ листокъ, сталъ читать.

Вдругъ его породистое, красивое, хотя исхудалое лицо болѣзненно покраснѣло.

— Это еще что? продолжалъ онъ, и точно для того чтобы лучше разглядѣть, не поднимая глазъ отъ письма, держа его въ рукахъ, приблизился къ окну.

Изъ столовой, гдѣ накрывали завтракъ, ясно былъ слышенъ шумъ посуды, и этотъ шумъ, также, какъ то, что читалъ Павелъ Николаевичъ, раздражающе дѣйствовало на него.

— Мнѣ-то какое дѣло, чортъ-бы ихъ всѣхъ побралъ! проговорилъ онъ онять вслухъ и продолжалъ думать:

„Скажите пожалуйста! откажись отъ мѣста!“

Онъ бросилъ письмо на столъ и заходилъ по комнатѣ. Ъсть ему также опять хотѣлось. Подъ ложечкой со-сало, и кашель, какъ всегда, усилился отъ волненія.

„Подлецы!.. нужно будетъ просто сказать тамъ въ министерствѣ... Вѣдь это шантажъ, просто шан-тажъ“, мысленно повторялъ онъ, обрадовавшись этому слову, „что-жь онъ меня запугивать вздумалъ?.. жена... ребенокъ... умираетъ... Мнѣ-то какое дѣло... Я ему еще покажу—откажись... Откажусь!.. не на такого, братъ, на-паль! нѣтъ, братъ, шутишь!.. фу-ты, опять боли начи-наются... и главное всѣмъ рѣшительно все равно—ни-кто вниманія не обращаетъ!“

Онъ подошелъ къ дивану и легъ на него, стараясь успокоиться.

Къ вечеру ему стало хуже, и онъ слегъ въ постель.

Теперь къ нему пріѣхали двѣ знаменитости и про-писали вдвое больше лекарствъ. Въ подмогу Катѣ при-ставили фельдшера. Комнату Павла Николаевича обставили на подобіе клиники, согласно всѣмъ послѣднимъ усовер-шенствованіямъ и открытіямъ науки.

Черезъ двѣ недѣли ему стало какъ-будто лучше.

Онъ проснулся подъ утро, около семи часовъ: про-снулся, оглядѣлся, хотѣлъ разбудить храпѣвшаго у окна въ креслахъ фельдшера, чтобы онъ поправилъ ему по-душки, но раздумалъ и, повернувшись на спину, сталъ глядѣть въ уголь на широкую печку изъ фигурныхъ изразцовъ.

Онъ глядѣлъ сначала безмысленно, потомъ ему въ голову пришла его болѣзнь—и онъ подумалъ о томъ, какъ ему трудно было дышать и какъ жгло подъ ло-жечкой и что теперь этого, слава Богу, нѣтъ (онъ по-щупалъ есть-ли опухоль, надѣясь, что и она сошла, по она была все тамъ-же). Потомъ онъ почему-то вспомнилъ, какъ во время болѣзни терли ему суконкой постоянно стывшія ноги; потомъ передъ нимъ, какъ живое, явилось миловидное, встревоженное (хотя она старалась улыбаться) лицо сестры Любы; потомъ кар-тины и образы недавняго прошлаго стали быстро, без-связно мѣняться.

„А что было до болѣзни?“ подумалъ онъ, „что-то неприятное, или пріятное? Что это было?“

Онъ сдѣлалъ усилие мысли, чтобы вспомнить.

Ему пришло на память имя врачебной знаменитости.

„Нѣтъ не то—то другое... Куртка не застегивалась? нѣтъ... Алекс... Да-а-а!—министерство! Надо было ѣхать представляться... и сколько времени прошло съ этою болѣзнью!“

Онъ остановился, соображал, какъ ему надо будетъ одѣться, выбриться, причесаться, чтобы ѣхать къ на-чальству... „Надо галстуховъ купить... кажется, нѣтъ ихъ... вѣтъ не то!“ снова подумалъ онъ черезъ минуту— „что-то было другое...“ И онъ опять началъ вспоминать.

Фельдшеръ шевельнулся и наклонилъ голову, при-слушиваясь, не проснулся-ли больной.

„Ахъ еще помѣшаетъ! мнѣ теперь такъ хорошо“, испугался Павелъ Николаевичъ, замѣтивъ движеніе фельдшера, и притворился спящимъ.

„Да, да, да... Катя письмо принесла—отказаться отъ мѣста“, вдругъ вспомнилъ онъ; и раздраженіе, которое явилось у него, когда онъ читалъ письмо, опять нашло на него.

„Откажись! н-нѣтъ, батюшка мой...“ думалъ онъ и, согнувъ колѣна и уперевъ ступни въ тюфякъ, онъ хотѣлъ, оттолкнувшись, самъ, безъ посторонней помощи, подняться на подушки, чтобы лечь повыше. Но при этомъ движеніи боль подъ ложечкой опять дала себя знать.

— А-ахъ! простоналъ Павелъ Николаевичъ, безсильно опускаясь въ прежнее положеніе и стараясь уже не шевелиться, чтобы дать утихнуть боли.

Но она не утихала.

„Да, и вотъ есть-же счастливые, вотъ какъ этотъ фельдшеръ, или какъ его тамъ... который просится на мое мѣсто... Тотъ-бы сейчасъ побѣжалъ, а я вотъ лежи“.

— А-а-ахъ!.. простоналъ онъ опять,—какія боли, Гос-поди, какія боли!.. приказать дать хлоралу?.. Ахъ! ахъ!.. Семень Якличъ, Семень Якличъ... дайте мнѣ... эхъ, да чего вы спите!.. тоже ухаживать беретесь... Дайте мнѣ хлоралу, морфину — что-нибудь...

Фельдшеръ быстро вскочилъ и, не понявъ съ про-сонья, чего отъ него требовали, подошелъ къ больному.

— Что вамъ угодно?..

Павелъ Николаевичъ нарочно молчалъ, стиснувъ зу-бы, чтобы помучить фельдшера.

Тотъ повторилъ вопросъ.

— А-ахъ, чего-нибудь, чего-нибудь... послѣ новаго молчанія вдругъ не то прокричалъ, не то простоналъ Павелъ Николаевичъ. — Боже, какія боли! Боже мой, Боже!..

Къ утру, когда въ домѣ начали вставать, онъ уже успокоился и снова заснулъ.

Фельдшеръ вышелъ изъ спальни, умылся, переодѣлся и, выпивъ съ буфетчикомъ нѣсколько стакановъ чаю, опять вернулся къ больному и сѣлъ къ окну съ книгой.

Въ одиннадцать часовъ пришла на дыпочкахъ Еле-на Ивановна провѣдать сына. Въ двѣнадцать прі-ѣхалъ докторъ — больной все спалъ, и спалъ такъ же тихо, спокойно, какъ ночью до семи часовъ.

Въ два наконецъ онъ проснулся, кликнулъ фельдше-ра и принялъ лекарство.

Ему дали молока. Онъ выпилъ его съ удовольствіемъ.

— Теперь я такъ полежу, сказалъ онъ.

И пока Катя прибирала комнату, онъ все время ле-жалъ съ сосредоточеннымъ выраженіемъ лица, не го-воря ни слова и не сводя глазъ съ изразцовой печки...

Когда комната была убрана и фельдшеръ съ по-мощью Кати перемѣнилъ Павлу Николаевичу рубашку, вытеръ ему руки и лицо и пригладилъ волосы, и Еле-на Ивановна опять пришла къ нему, онъ видимо съ любовью и удовольствіемъ смотрѣлъ на мать, но раз-сѣянно слушалъ ея рассказы, которыми она старалась занять его, и упорно о чемъ-то думалъ, все объ одномъ и томъ же.

— О чемъ ты думаешь? замѣтивъ по его глазамъ, что внутри его что-то происходитъ, спросила Елена Ивановна, съ тревогой заглядывая ему въ лицо.

Павелъ Николаевичъ не покраснѣлъ, а слегка по-розовѣлъ, взялъ руку матери, поцѣловалъ ее, но ни-чего не отвѣтилъ.

Весь день продолжалось это его углубленіе въ са-мого себя...

Заѣзжала Любови Николаевна съ мужемъ, потомъ былъ братъ Алексѣй со своимъ товарищемъ по полку. Павелъ Николаевичъ всѣмъ былъ радъ, всѣхъ звалъ къ себѣ, на всѣхъ глядѣлъ съ любовью, но разсѣять его, отвлечь отъ того, о чемъ онъ думалъ — ничто не могло.

Вечеромъ, когда всѣ пошли обѣдать, онъ долго шеп-тался о чемъ-то съ Катей, и потомъ все время былъ въ безпокойствѣ, хотя къ ночи заснулъ и спалъ до утра.

Это утро онъ провелъ въ новой тревогѣ и былъ крайне раздражителенъ до тѣхъ поръ, пока Катя, ѣз-дившая по его порученію, не показалась въ чужъ рас-творенную его дверь.

Онъ точно встрепенулся и ожилъ...

— Ну что? громко спросилъ онъ.

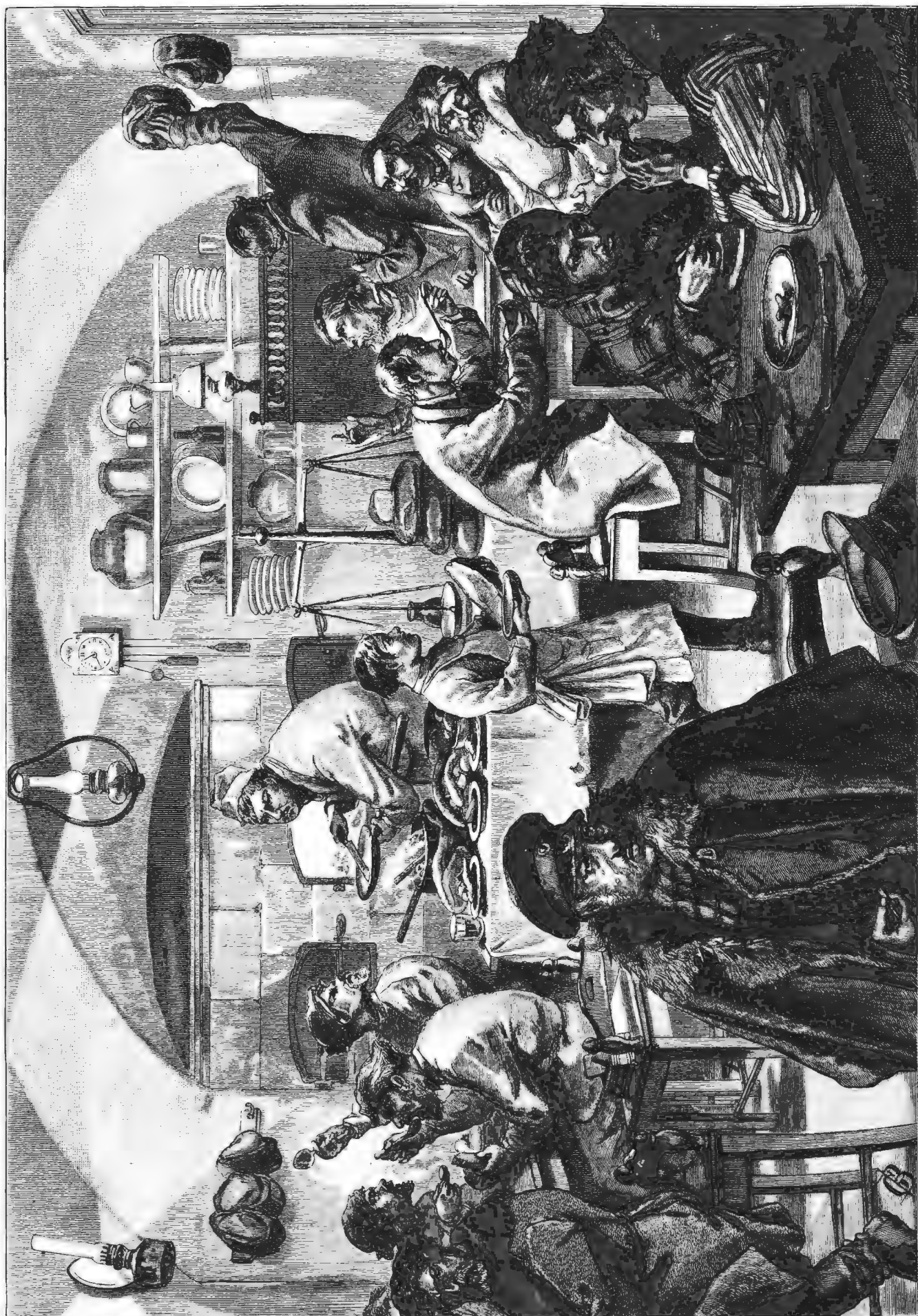
Катя вошла и начала тихо рассказывать.

Павелъ Николаевичъ долго слушалъ, потомъ вынулъ ключи изъ-подъ подушки, велѣлъ Катѣ достать изъ письменнаго стола портфель, самъ открылъ его, взялъ три двадцати-пяти-рублевыхъ бумажки и протянулъ ихъ Катѣ.

Пикник на Масляницѣ.

Съ карт. (право възстановед. въ гравюрѣ и т. п. принадлеж. исключнт. „Нивѣ“) Грузинскаго, грав. Флюгель.

Блины вь СПБ. народной столовой. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Бролинга, грав. Бухеръ.

— Это дѣвочки отдайте,—слышите?—только сейчас поѣзжайте на извозчикѣ... мелочи тутъ возьмите, у меня въ портмонѣ...

И Павелъ Николаевичъ протянулъ руку къ стоявшему у его постели столику...

Прошло еще дней десять. Было около двухъ часовъ. Павелъ Николаевичъ вмѣстѣ со своими родными сидѣлъ за завтракомъ.

Боли его утихли; кашель уменьшился, и болѣзнь пришла въ то прежнее, такъ сказать *нормальное* положеніе, въ которомъ была передъ тѣмъ, какъ больному слечь въ постель. Раздраженіе однако и нервное разстройство снова вернулись къ Павлу Николаевичу.

За завтракомъ, кромѣ своихъ, домашнихъ, сидѣли—Сургинъ, мужъ Любовь Николаевны, и Александра Романовна, знавшая, кажется, весь свѣтъ въ ребяческомъ возрастѣ, въ томъ числѣ, разумѣется, и Елену Ивановну Артеньеву...

Елена Ивановна, довольная тѣмъ, что вся семья ея въ сборѣ, цвѣла широкою блаженною улыбкой и заискивающе-ласково смотрѣла временами на мужа. Старикъ Артеньевъ сидѣлъ прямо, вытянувшись, высоко закинувъ голову и поглядывая нѣсколько строго своими выпуклыми большими глазами то на хмурающагося больного сына, то на Сургина, шутившаго съ Александрой Романовной.

— Ну-съ, Павелъ Николаевичъ, сказала вдругъ Александра Романовна, — я за ваше здоровье пью и за ваше выздоровленіе...

Павелъ Николаевичъ еще сердитѣе нахмурился и не поблагодарилъ.

— Ужъ лучше за его новое назначеніе и за будущую карьеру... сказалъ Сургинъ, знавшій, что зять не любитъ, когда вообще говорятъ про его здоровье.

Павелъ Николаевичъ неохотно чокнулся съ протянутыми къ нему рюмками.

Наступило молчаніе.

— А вы были уже въ министерствѣ? спросила Александра Романовна.

Павелъ Николаевичъ не отвѣтилъ.

— Нѣтъ еще, сказала за него Елена Ивановна, — гдѣ ему было! а кстати, когда же ты думаешь въ самомъ дѣлѣ ѣхать? обратилась она къ сыну.

Но онъ продолжалъ молчать.

— Паша, тебя мамá спрашиваетъ, строго сказалъ старикъ Артеньевъ.

— Что? переспросилъ Павелъ Николаевичъ.

Елена Ивановна повторила вопросъ.

Всѣ почему-то притихли, всѣмъ стало неловко.

Вдругъ Павелъ Николаевичъ всталъ, бросилъ салфетку на столъ и сердитыми, налившимися кровью глазами посмотрѣлъ на отца.

— Я вове не пойду въ министерство, сорвавшимся, дрожащимъ отъ волненія голосомъ сказалъ онъ.

Отецъ удивленно поднялъ на него глаза. Елена Ивановна тоже.

— Я отказался уже отъ мѣста, продолжалъ Павелъ Николаевичъ, — и на него уже давно назначенъ другой чиновникъ... мнѣ нечего идти...

Онъ быстрыми шагами удалился въ свою комнату и заперъ дверь за собою на ключъ.

Елена Ивановна, оробѣвъ, потупилась въ тарелку, испуганно взглянувъ на мужа. Александра Романовна сейчасъ же сдѣлала видъ, какъ будто ея здѣсь нѣтъ и все происшедшее совсѣмъ ея не касается.

Старикъ Артеньевъ сидѣлъ нѣкоторое время молча, со сдвинутыми бровями.

— Поѣзжайте завтра въ министерство, обратился онъ спокойно къ Сургину, — узнайте подробно, какихъ онъ тамъ надѣлалъ глупостей.

На другой день Сургинъ ѣздилъ въ министерство и привезъ оттуда отвѣтъ, что Павелъ Николаевичъ дѣй-

ствительно отказался отъ назначенія и на его мѣсто назначенъ уже *какой-то* Найденовъ.

VI.

Съ той самой минуты какъ стало извѣстно, что Андрей Николаевичъ получаетъ завидное для многихъ мѣсто — у него вдругъ отыскалось столько пріятелей и доброжелателей, что онъ сталъ даже въ тупикъ: онъ никакъ не ожидалъ, чтобы объ немъ помнило, знало его и беспокоилось столько людей. Оказалось, что всѣ ожидали, разумѣется, этого назначенія и теперь были рады ему: „Андрей Николаевичъ — такой прекрасный человекъ, дай Богъ ему всего хорошаго“. Его поздравляли и пожимали руки. Знакомые, не навѣстившіе ни разу его во время болѣзни жены, теперь приходили съ Васильевскаго Острова и Петербургской Стороны узнать о ея здоровьи, хотя Марья Ивановна совсѣмъ поправилась и чувствовала себя прекрасно.

На службѣ теперь никто уже не пропускалъ случая крѣпко пожать ему руку и сказать нѣсколько привѣтливыхъ словъ. Чиновники усердно чинили ему карадаши и предупредительно протягивали спички, когда онъ вынималъ портеигаръ изъ кармана. Новые пріатели на перебой старались выразить готовность къ услугамъ: кто предлагалъ знакомаго перевозчика мебели, честнѣйшаго человекъ; кто горячо и убѣдительно совѣтовалъ не замазывать рамы, а задѣлать ихъ особыми гутаперчевыми полосками, и сообщалъ подробный адресъ, гдѣ можно было купить эти полоски. Предлагали *уступить* (очень дешево) пьянино „для Анички“, которая вѣроятно теперь будетъ брать уроки музыки... рекомендовали, на всякій случай, обойщика, столяра...

Денегъ никто не предлагалъ, но Андрей Николаевичъ могъ уже вполнѣ обернуться своими средствами.

Онъ пожималъ руки, благодарилъ, всѣмъ одинаково добродушно и весело улыбался, радовался совѣтамъ пріятелей, и отъ души думалъ про нихъ: какіе однако это все прекрасные люди.

Теперь онъ понималъ истинный смыслъ картиннаго, — передающаго именно то, что нужно, какъ всѣ русскіе обороты, — выраженія: „гора свалилась съ плечъ!..“

Именно онъ чувствовалъ на плечахъ какую-то чисто физическую легкость, выпрямилъ свою усталую спину и дышалъ свободно и легко.

Въ обиходномъ словарѣ ихъ домашняго разговора появились теперь совершенно новыя опредѣленія. Такъ, напримѣръ, въ отношеніи времени все дѣлилось на „*потомъ*“ и „теперь“. Все прекрасное относилось къ первому, а второе было „все равно“.

Когда собственно должно было наступить это вожделенное „потомъ“ — съ переѣздомъ-ли ихъ на новую казенную квартиру, со внесеніемъ-ли имени Андрея Николаевича въ приказъ по вѣдомству, или когда Аничка начнетъ брать уроки музыки — трудно было опредѣлить; но это не мѣшало ясности и прелести сознанія предстоящей перемѣны къ лучшему.

Если что-нибудь находили теперь не такъ въ домѣ, сейчасъ говорилось что *потомъ* будетъ непременно иначе — и всѣмъ становилось отъ этого весело и хорошо.

Все что казалось до сихъ поръ нехорошимъ — словно улучшилось и стало другимъ. Даже тѣсныя три комнаты квартиры словно сдѣлались больше и свѣтлѣе, далеко не давили такъ и не наводили такого безотраднаго унынія, какъ въ дни несчастія и горя.

Марья Ивановна не знала какъ наградить Мароушу и чѣмъ отблагодарить принимавшую въ нихъ „*тогда*“ такое участіе лавочницу.

Всѣ вещи, которыя казалось теперь требовали замѣны новыми, — были отданы Мароушѣ, такъ что ея сундукъ, изъ котораго она доставала мелочь, чтобы везти Митеньку въ больницу — едва заперался теперь, до того былъ переполненъ...

„Мелочь“ ей разумѣется отдали съ лихвою.

Нагрубившая пьянка приходила снова проситься на прежнее мѣсто. Она часа полтора, пристыженная, сидѣла на кухнѣ, но ее даже не пустили къ „господамъ“.

Неподдѣльную, искреннюю радость выказалъ Найденовымъ молодой докторъ, близко узнавшій ихъ за болѣзнь Маріи Ивановны. Особенно Аня стала теперь его другомъ, и онъ съ удовольствіемъ встрѣчалъ ее тихую улыбку, обращенную къ нему...

Про свою ночную молитву въ церкви Аня рассказала только матери, и они всей семьей, въ первый-же день, какъ только докторъ выпустилъ Марію Ивановну на воздухъ—служили молебень у иконы Божіей Матери.

Аня шла на молебень въ церковь торжествующая, но какъ и тогда, въ ту страшную ночь, боясь думать о чемъ нибудь, боясь радоваться, что Господь услышалъ ея молитву, потому что это была-бы гордость, грѣхъ и за нимъ могла послѣдовать переменна счастья такъ же легко, какъ и появленіе его,—а это счастье было слишкомъ цѣнно, слишкомъ счастливо, чтобы хоть частицу потерять отъ него...

Выздоровѣвшая, повеселѣвшая Марія Ивановна казалась помолодѣла. Снова явились и сила, и бодрость.

Андрей Николаевичъ попрежнему еще ходилъ въ своей трепаной барашковой шапкѣ и драповомъ пальто, подкладку котораго столько разъ Марія Ивановна чинила своими руками; но теперь онъ носилъ ихъ съ такою радостною улыбкою и сознаниемъ своего благополучія, что даже они казались новѣе и лучше, чѣмъ были. Впрочемъ, давно уже было рѣшено „потомъ“ замѣнить первымъ дѣломъ и пальто, и шапку новыми...

Обо всемъ, что нужно будетъ еще сдѣлать и какъ оно будетъ „потомъ“, разговаривали теперь Андрей Николаевичъ съ женою, сидя вдвоемъ, вечеромъ, на диванѣ, уложивъ дѣтей и блаженно улыбаясь. Эти разговоры и мечты, за которые уже Марія Ивановна не сердилась на мужа, и напротивъ сама радовалась имъ, возобновлялись каждый вечеръ и каждый вечеръ приносили новую отраду.

„Господи! какое счастье!“ думала Марія Ивановна. „Неужели настанетъ и скоро настанетъ то время, когда можно будетъ засыпать спокойно, съ сознаниемъ, что завтра не придется мучиться откуда взять денегъ на расходъ или чѣмъ заплатить въ лавочку или на что выкупить теплое платье къ зимѣ изъ заклада!“

„Тогда“, мечтала она, „можно будетъ готовить къ обѣду все что захочешь — любимыя кушанья Андрея Николаевича, дѣлать пирожное для дѣтей...“

И она не утерпѣла: не дождавшись этого счастливаго „потомъ“, цѣлое утро провозилась съ Марѳушей на кухнѣ и приготовила любимыя щи Андрея Николаевича, съ ватрушками, телячьи котлеты (очень дорогое кушанье), разварила судака и сдѣлала „бла-манже“...

Андрей Николаевичъ, конфузись, благодарилъ ее и радовался на нее, чувствуя словно и онъ самъ помолодѣлъ, былъ такой-же, какимъ помнилъ себя, когда его, счастливаго и полного надеждъ на будущее, называли женихомъ его милой, любимой Маши.

И какъ это произошло все скоро и неожиданно!

Андрей Николаевичъ, кажется, вѣчно будетъ помнить этотъ день.

Очнувшись тогда, наканунѣ ночью, Марія Ивановна лежала на своей вынесенной въ среднюю комнату постели. Обѣденный столъ придвинули къ окну. Сторы были спущены. Лишняя мебель—вынесена въ спальню.

Марія Ивановна, усталая, изнеможенная за болѣзнь, спала укрѣпляющимъ, восстанавливающимъ силы сномъ.

Онъ не раздѣвался всю ночь и просидѣлъ у постели жены. Было утро. Марѳуша приносила ему чаю. Съ улицы слышался колокольный звонъ. Андрей Николаевичъ вспомнилъ, что сегодня воскресенье и что ему надо идти на службу...

И при этомъ воспоминаніи сердце его сжалось. Тамъ

на службѣ онъ все еще продолжалъ исполнять должность, на которую теперь не могъ уже рассчитывать. Онъ удивлялся, однако, почему не является его замѣститель и почему до сихъ поръ нѣтъ приказа объ немъ. Ему сказали, что Артедьевъ боленъ и боленъ серьезно.

„А вдругъ онъ умретъ?..“ пришло въ голову Андрею Николаевичу... „Онъ можетъ умереть вѣдь, если его болѣзнь серьезна... Вѣдь это выходъ...“

Но быстро охватившее его при этой мысли чувство радости вдругъ смѣнилось ужасомъ.

„Что это я?“ спохватился онъ, „что со мною?.. Боже, Господи!..“ Онъ поймалъ себя на такой мысли, которая была слишкомъ уже страшна... „Ну, я этого не сдѣлаю, положимъ не сдѣлаю, да и не могу сдѣлать“, продолжалъ онъ думать, „но если, если-бы могъ... нѣтъ, и тогда-бы не сдѣлалъ“, рѣшилъ онъ, и чтобы разсѣяться, думать о другомъ, сталъ смотрѣть на спящую жену и прислушивался къ шороху, рядомъ въ спальнѣ.

Аня должно-быть проснулась и одѣвалась. Черезъ нѣсколько времени Аня дѣйствительно вышла изъ спальни и, поздоровавшись съ нимъ, прошла въ кухню...

Въ передней раздался тихій звонокъ.

„Кто-бы это могъ быть?“ подумалъ Андрей Николаевичъ. „Вѣрно письмо...“

Онъ слышалъ какъ осторожно отворили дверь, какъ вошелъ кто-то и потомъ все затихло снова.

Никакого письма не несли.

Андрей Николаевичъ остался у жены.

Мысли его снова разбѣжались, разсѣялись. Какъ-то неясно, неопредѣленно мелькало въ немъ воспоминаніе о мѣстѣ; беспомощность, неизвѣстность положенія мучила его и разумъ отказывался найти какой-нибудь выходъ...

„А тамъ вѣдь пришелъ кто-то!“ вспомнилъ онъ... и поднявшись на цыпочкахъ, чтобы не потревожить все еще спящую жену, онъ прошелъ черезъ комнату, отворилъ дверь въ переднюю, шагнулъ черезъ нее и остановился въ дверяхъ кухни.

Тамъ у стола сидѣла Аня и на табуреткѣ возлѣ нея—какая-то прилично одѣтая, съ цѣпочкой на груди, въ дамской шляпѣ съ лентами, полная женщина, не-то барыня. Марѳуша стояла поодаль и умильно глядѣла, подперевъ подбородокъ рукою.

Аня, взволнованная, что-то горячо рассказывала.

— Отъ Павла Николаевича Артедьева! сказала, поднимаясь навстрѣчу Андрею Николаевичу, женщина.

Онъ невольно поднималъ къ глазамъ руку, точно желая согнать съ нихъ заставшій туманъ и провѣрить, не во снѣ-ли ему грезится все.

Отнявъ руку, онъ опять увидѣлъ передъ собою симпатичное, добродушное лицо женщины въ шляпѣ и взволнованное, дрожащее личико своей Ани.

— Зачѣмъ? произнесъ онъ какъ-то отрывисто, не помня того что говорить.

— Павелъ Николаевичъ сами нездоровы. Они получили ваше письмо... просили передать насчетъ мѣста... будьте покойны...

Андрей Николаевичъ ничего уже не могъ понять дальше, онъ не слышалъ словъ, онъ чувствовалъ только, что полное спасеніе явилось, что горе его смѣнится радостью... Слезы все выше и выше подступали ему къ горлу, онъ началъ чаще и чаще дышать, глаза стали влажны, и онъ, закрывъ лицо руками, въ первый разъ заплакалъ за все это ужасное, безнадежное время.

Но слезы эти были уже слезами радости...

Черезъ три дня послѣ этого, директоръ призвалъ его къ себѣ въ кабинетъ, дружески-пріятно поздоровался съ нимъ и показалъ на стулъ у своего стола.

— Я могу васъ поздравить, сказалъ онъ, видимо чувствуя удовольствіе дѣлаемой имъ теперь справедливости.—Г. Артедьевъ отказался по болѣзни отъ назначенія и мѣсто остается за вами...

— Голубчик! хотѣлъ вскрикнуть Андрей Николаевичъ, но вспомнивъ, что онъ передъ директоромъ и что такой возгласъ совершенно не соотвѣтствуетъ данному положенію, могъ только выразить благодарность въ тѣхъ выраженіяхъ, которыя были приличны случаю.

VII.

Къ марту мѣсяцу Найденовы окончательно устроились на своей новой казенной квартирѣ, въ которой было теперь у нихъ два хода, большая передняя, столовая, гостиная, словомъ, полный просторъ и удобство.

Марья Ивановна сидѣла съ Аней въ гостиной за пальцами. Онѣ вышивали большой платъ шелками по фаю, къ образу въ церковь...

Было тихо, только большая иголка, проходя упругую матерію, изрѣдка шумѣла, напругая туго натянутый фая и заставляя поскрипывать пальцы.

— Ты цвѣты поливала? прервала наконецъ молчаніе Марья Ивановна, выбирая нужную ей шелковинку.

— Да... отвѣтила Аня.

Марья Ивановна посмотрѣла на свои маленькіе дамскіе старинные часики, которые *тогда* такъ долго были въ закладѣ и за которые она съ такимъ трудомъ вносила проценты, но все-таки берегла ихъ изъ числа „пропавшихъ“, т. е. просроченныхъ вещей, и, воткнувъ иголку, поднялась отъ пальцевъ...

— Я къ дѣтямъ пойду, сказала она.

Аня кивнула головою и снова наклонилась надъ вышиваньемъ.

Марья Ивановна вышла въ коридоръ, заглянула въ столовую — накрываютъ ли обѣдъ; тамъ стучала уже посудой опрятная молоденькая горничная-финка въ въ бѣломъ передникѣ и ситцевомъ платьѣ; прошла по коридору и остановилась въ дверяхъ большой дѣтской, гдѣ Леша отчаянно вертѣлъ ручку исправленной, передѣланной заново старинной шарманки.

Боря сидѣлъ у своего, подареннаго ему на именины, маленькаго письменнаго столика и занимался.

Онъ готовился съ учителемъ-студентомъ въ гимназію.

Рядомъ, въ маленькой комнатѣ, гдѣ было завѣшено окно, спалъ Митенька. Марья Ивановна пришла туда.

— Спать? спросила она у Марюши, которая стала ходить теперь за дѣтьми.

— Спать, спать... успокоительнымъ шепотомъ произнесла Марюша.

— Скоро будить пора!..

— Разбудимъ...

Марья Ивановна снова вернулась въ гостиную, къ пальцамъ.

— Барыня, вино вся вышело, пришла горничная.

Марья Ивановна вынула свой замшевый кошелекъ (сколько разъ у ней бывало наворачивались слезы, когда она доставала этотъ кошелекъ) и пошурша въ немъ новенькими, клейкими „казначейскими“ деньгами, дала горничной трехрублевую бумажку.

— Одну пугильку? спросила та.

Марья Ивановна кивнула головою.

Теперь Андрей Николаевичъ не опаздывалъ уже къ обѣду, онъ спѣшилъ домой сіяющій и довольный.

Онъ сдѣлалъ все что могъ для семьи. Но какъ ни уговаривала его Марья Ивановна шить собственно для себя новое платье, онъ упорно отказывался, говоря, что его сюртучекъ еще очень даже хорошъ и можетъ служить...

Какъ всегда, въ опредѣленную часть, вернулся Андрей Николаевичъ къ обѣду, но вернулся на этотъ разъ съ грустнымъ, опустившимся лицомъ.

— Что случилось? спросила Марья Ивановна.

— Ты газету читала сегодня?

— Нѣтъ...

— Я тоже, утромъ не читала, а на службѣ мнѣ сказали, что Артеневъ скончался...

Марья Ивановна набожно перекрестилась, и неподдѣльное огорченіе выразилось на ея лицѣ.

Вечеромъ Андрей Николаевичъ пошелъ на паннихиду къ Артеневу.

Исусъ.

Повѣствованіе изъ библейскихъ временъ. Георга Эберса. (Продолженіе).

(Право перевода пріобрѣтено редакціей отъ автора).

Навинъ и Урія

Глава XIII.

Пламенные рѣчи Аарона и Элеазара опять пробудили въ упавшемъ духомъ, ропщущемъ народѣ мысли о Богѣ и Его обѣтованіяхъ. Освѣживъ усталое тѣло сномъ и подкрѣпивъ себя пищей и питьемъ, многіе вновь обрѣли прежнюю твердость. Когда освобожденнымъ тягловымъ напомнили о гяжелыхъ работахъ и унижительныхъ побояхъ, отъ которыхъ

они теперь избавились, они, вмѣстѣ съ другими, признали волю Божию въ томъ, что фараонъ не преслѣдовалъ ихъ. Но еще болѣе способствовала поднятію общаго духа богатая добыча, взятая изъ отбитаго у египтянъ запаснаго двора. Тягловые поденщики и прокаженные — изъ числа послѣднихъ также многіе присоединились къ выступившимъ и теперь расположились особо, внѣ становища, — словомъ, всѣ тѣ, пропитаніе коихъ зависѣло отъ фараона, видѣли себя обезпеченными на долгое время отъ нужды и лишений. Однако и теперь не было недостатка въ недовольныхъ, и то здѣсь, то тамъ обсуждался вопросъ, — неизвѣстно кѣмъ поднятый, — не благоразумнѣе ли будетъ вернуться обратно и поручить себя милосердію фараона. Пострекатели старались дѣлать это незамѣтно, но тѣмъ не менѣе имъ нерѣдко приходилось слышать въ отвѣтъ рѣзкія слова и угрозы.

Маріамъ присоединилась къ братьямъ и дѣлила ихъ трудныя обязанности. Какъ могъ знойный вѣтеръ пустыни такъ скоро убить мужество народа! Какимъ нетерпѣливымъ, маловѣрнымъ и строитивымъ выказалъ себя этотъ народъ при первой прерватности судьбы, какимъ необузданнымъ въ своихъ дикихъ порывахъ! Когда въ пути, передъ восходомъ солнца, странствующие были собраны на вечернюю молитву, одни обратили взоръ къ дневному свѣтилу, восходившему на востокѣ, другіе выгнали небольшого истукана, котораго захватили съ собой, третьи стали молиться нильской акаціи, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Египта считающейся священнымъ деревомъ. Что имъ было до Бога, который повелѣлъ имъ покинуть такъ много и возложить на себя такія тяготы? Они уже выказывали робость, хотя въ сущности еще не видѣли настоящихъ опасностей. Моисей намѣревался вести свой народъ изъ Сокхова, по пути, ведущемъ чрезъ землю филистимскую, прямо въ Палестину, т. е. въ страну обѣтованную; но настроеніе народа принудило его отказаться отъ этого замысла и избрать другой.

Для того чтобы достигъ великаго пути, соединяющаго Африку съ Азіей, надо было пройти по узкому перешейку, кото-

Сбитенщикъ. Ориг. рис. (собственность „Нивы“) А. Пітровскаго, грав. Шюблеръ.

рый скорѣе разьединилъ, чѣмъ связывалъ обѣ части свѣта. Онъ былъ сильно защищенъ противъ вторженій и, частью естественными, частью искусственными преградами, отрѣзывалъ путь бѣглецамъ. Почва была пересѣчена глубокими озерами, а между ними возвышались сильныя укрѣпленія, въ которыхъ стояли крѣпостные отряды опытныхъ египетскихъ войскъ.

Эта цѣпь укрѣпленій называлась Хетамомъ или, какъ евреи произносили, Эаомомъ, и первое изъ нихъ, наиболѣе сильное, находилось всего въ нѣсколькихъ часахъ пути отъ Сохкова.

Когда народъ, подлый мыслью о своемъ Богѣ, вдохновенный и готовый на все, сбросилъ свои цѣпи и радостно ринулся въ походъ къ землѣ обѣтованной. Моисей, а съ нимъ вмѣстѣ и большинство старѣйшинъ думали, что онъ, какъ горный потокъ, разорветъ плотины и преграды, опрокинетъ и разрушитъ все, что встрѣтится ему на пути. Съ этими рышными отрядами, которымъ смѣлый натискъ обѣщалъ полный успѣхъ, тогда какъ рабская нерѣшительность могла принести лишь смерть и гибель, они рассчитывали перейти линію эаамскихъ укрѣпленій, словно кучу хворосту. Теперь же, когда послѣ небольшого ряда пренятствій и лишеній уже успѣлъ угаснуть пылъ въ сердцахъ народа, — теперь, когда на одного восторженно настроеннаго еврея приходилось два равнодушныхъ и пять недовольныхъ или робкихъ, взятіе съ бою эаамской линіи стоило-бы потоковъ крови и могло бросить на ставку все уже достигнутое.

Одолженіе пиомскаго крѣпостнаго отряда произошло при столь благоприятныхъ условіяхъ, что трудно было ожидать вторично чего-либо подобнаго, а потому первоначальный замыселъ пришлось измѣнить и попытаться обойти укрѣпленія. Въместо того, чтобы держать путь къ сѣверо-востоку, приходилось теперь идти къ югу.

Но прежде, чѣмъ приступить къ этому, Моисей хотѣлъ, при помощи нѣсколькихъ благонадежныхъ мужей, изслѣдовать новый путь и рѣшить: удобенъ-ли онъ для прохожденія всѣмъ народомъ.

Все это обсуждалось подъ старою смоковницею передъ домомъ Аминадава, и Маріамъ, въ качествѣ безмолвной свидѣтельницы, присутствовала при всѣхъ этихъ переговорахъ.

На совѣтѣ мужей женщина, даже такая какъ Маріамъ, не имѣла права голоса: но ей было очень тяжело оставаться безмолвною, когда совѣтъ рѣшилъ отказаться отъ нападеша на крѣпостцы, даже въ томъ случаѣ, если опытный полководецъ Осія, которому самъ Богъ вручилъ мечъ Свой, вернется къ своему народу.

— Что значитъ лучшій полководецъ, если нѣтъ войска, которое бы ему повиновалось?!.. воскликнулъ Наассонъ.

И всѣ прочіе согласились съ его мнѣніемъ.

Когда собраніе разошлось, Моисей братеки нѣжно простился съ сестрой. Маріамъ, зная, что онъ готовъ отважиться на новыя опасности, высказала ему свою тревогу съ тою скромностью съ которою всегда обращалась къ брату, стоявшему умомъ и силой выше всего окружающаго. Моисей съ ласковымъ упрекомъ взглянулъ ей въ лицо и указавъ рукой на небо; сестра поняла его, съ горячей благодарностью поцѣловала ему руку и проговорила:

— Тебя хранить Всевышній: я не боюсь болѣе за тебя.

Моисей поцѣловалъ ее въ лобъ, просилъ подать ему дочечку, на которой написалъ нѣсколько словъ, и бросилъ ее въ дуло смоковницы, проговоривъ:

— Это Осія, то есть Иисусу, сыну Навинову, когда онъ придетъ сюда въ мое отсутствіе. Господь судилъ ему великое назначеніе, если онъ научится уповать на Бога, а не на сильныхъ земли.

Съ этими словами онъ отошелъ прочь; Ааронъ же, въ качествѣ главы рода, остался съ Маріамью и сообщилъ ей, что одинъ достойный мужъ проситъ ея руки.

— Знаю, отвѣчала она, поблѣднѣвъ.

Ааронъ съ удивленіемъ взглянулъ на сестру и продолжалъ представительнымъ тономъ:

— Каково бы ни было твое рѣшеніе, оно будетъ справедливо, если ты запомнишь одно: сердце твое принадлежитъ твоему Богу и твоему народу, и мужъ, которому ты отдашь свою руку, долженъ быть готовъ служить обоимъ; ибо сказано: да будутъ два въ плоть одну. Если же высшая цѣль одной не будетъ цѣлью и другаго, они останутся разъединены на вѣкъ. Голосъ плоти, соединившій ихъ, скоро умолкнетъ и останется лишь разладъ.

Съ этими словами Ааронъ удалился, и Маріамъ готовилась послѣдовать за нимъ. Можетъ-быть помощь ея нужна въ домѣ, гостеприимствомъ котораго она пользовалась. Но тутъ новое обстоятельство съ непреодолимою силой удержало ее подъ смоковницею.

Что значила укладка тѣльной утвари и повседневныя домашнія заботы, когда дѣло шло о вопросахъ всецѣло завладѣвшихъ ея душою! То могла исполнить иъ Елизавета, жена Наассона, и первая попавшаяся ключница или вѣрная рабыня. Здѣсь же дѣло шло о самомъ высшемъ — о благѣ или гибели ея народа.

Къ старѣйшинамъ, собравшимся подъ смоковницею, присоединились и другіе выдающіеся мужи. Оръ же удалился вмѣстѣ съ Моисеемъ.

Появился подъ старымъ деревомъ и Урія, сынъ Ора. Литейщикъ, только что вернувшійся изъ Египта, говорилъ въ Мемфисѣ съ людьми стоявшими близко къ Высокимъ Вратамъ и слышалъ, что фараонъ готовъ снятъ съ евреевъ непомѣрныя тяготы и даровать имъ новыя милости, если только Моисей умолюститъ Бога, которому служитъ, и вернетъ народъ въ Египетъ, послѣ жертвоприношеній въ пустынь. Поэтому Урія находилъ болѣе благоразумнымъ отправить посланцевъ въ Таинъ и еще разъ войти въ переговоры съ Высокими Вратами.

Эти предложенія, которыя онъ не осмѣливался еще сообщить своему отцу, литейщикъ передалъ старѣйшинамъ съ самымъ добрымъ намѣреніемъ. Онъ надѣялся, что принятіе ихъ отстранитъ отъ народа великія бѣдствія. Но едва онъ высказалъ свои ясно и краснорѣчиво изложенные взгляды, какъ старшій Навинъ, отецъ Осія, до сихъ поръ съ трудомъ сдерживавшій себя, выступилъ впередъ.

Обыкновенно ясное и спокойное лицо старца пылало теперь гнѣвомъ, рѣзко выдѣляясь своей краснотой изъ обрамлявшихъ его густыхъ, бѣлыхъ кудрей. Нѣсколько часовъ тому назадъ онъ слышалъ, какъ Моисей отвергъ подобныя же предложенія съ неумолимою рѣзкостью и безошадными доводами — и вотъ теперь онъ слышитъ ихъ снова; мало того, онъ замѣчаетъ между собравшимися нѣкоторые признаки сочувствія, грозящіе подорвать великое предпріятіе, ради успѣха котораго онъ принесъ такія жертвы и такъ много бросилъ на ставку.

Ильному старцу стало невтерпѣжъ; онъ разразился гнѣвными словами, сверкая взоромъ и грозно поднявъ кулакъ:

— Это что за рѣчи! Неужели намъ вновь связывать концы веревки, которую разорвалъ самъ Господь Богъ нашъ? Ты сохтѣуешь снова связать ее непрочнымъ узломъ, который будетъ держаться лишь до тѣхъ поръ, пока того захочетъ нерѣшительный, слабый человекъ, двадцать разъ уже нарушавшій слово, данное намъ и Моисею? Ты хочешь снова запереть насъ въ клѣтку, изъ которой Всевышній освободилъ насъ чудомъ? Ты хочешь, чтобы мы отнеслись къ Господу Богу нашему какъ къ неисправному должнику, и предпочли преддаваемое намъ поддѣльное золото кольцо тѣмъ царскимъ сокровищамъ, которыя Онъ обѣщаетъ намъ? О ты, подосланный египтянами — желаль-бы я..

При этихъ словахъ пылкій старецъ гнѣвно поднял кулакъ, но опустилъ руку, не выговоривъ угрозы, которая готова была сорваться съ его устъ, ибо тутъ Гавриилъ, старѣйшій изъ колѣна Завулона, воскликнулъ:

— Вспомни лучше о своемъ сынѣ, который и посейчасъ благоденствуетъ среди враговъ нашего народа!

Эти слова попали въ цѣль; однако самообладаніе пылакаго старца поколебалось лишь на мигъ; прерывая тѣхъ, кто выражалъ свое неудовольствіе на злобныя слова Гавриила, и тѣхъ многихъ, которые одобряли завулонянина, Навинъ воскликнулъ:

— Именно потому, что вмѣстѣ съ десятью тысячами десятинъ земли мнѣ предстоитъ можетъ-быть, повинуюсь Всевышнему, потерять и любимаго сына, я имѣю право говорить здѣсь!

Старецъ тяжело переводилъ духъ, причемъ широкая грудь его поднималась какъ-бы волнами, а глаза, ослѣненные густыми бѣлыми бровями, обратились уже со смягчившимся выраженіемъ на сына Ора, который сильно поблѣднѣлъ во время его запальчивой рѣчи. Навинъ продолжалъ:

— Вотъ это — добрый, послушный отцу сынъ; онъ также лишился многого, оставивъ въ Мемфисѣ свои прославленные мастерскія и собственный домъ, за то благословеніе Всевышняго всегда будетъ надъ нимъ. Но именно потому, что до сихъ поръ онъ исполнялъ данный Имъ завѣтъ, онъ и не долженъ посягать на то, что мы начали съ помощью Всевышняго. Тебѣ же, Гавриилъ, я скажу, что мой сынъ вовсе не благоденствуетъ среди враговъ, а послушный моему призыву, идетъ къ намъ такъ же, какъ первенецъ Ора, Урія. Причины, задерживающія его, навѣрное чрезвычайно важны, и не могутъ быть постыдными какъ для Осія, такъ и для меня, его отца. Я знаю своего сына и увѣренъ въ немъ; тѣхъ же, кто ожидаетъ отъ него чего-либо другаго, поведеніе моего сына рано или поздно выставитъ лжецами.

Навинъ остановился, чтобы откинуть бѣлую гриву съ разгоряченнаго чела, и такъ какъ никто не возражалъ ему, онъ снова обратился къ литейщику и продолжалъ съ сердечною ласкою въ голосъ:

— Ты, конечно, говорилъ не за тѣмъ, чтобы прогнѣвить меня, Урія. У тебя добрыя намѣренія; но только величіе и славу Бога отцовъ нашихъ ты мѣрилъ мѣркою лживыхъ египетскихъ боговъ, которые умираютъ и воскресаютъ и, какъ недавно сказалъ Ааронъ, изображаютъ ликъ съ малой мѣрѣю Того, Кто всездѣущъ, всеисцѣль, всюду дѣйствуетъ и все превосходитъ. Пока Моисей не научилъ меня лучшему, я также думалъ, что служить Богу — значитъ убивать на жертвенникѣ быка, ягненка или гуся, какъ это дѣлаютъ египтяне; но когда, — подобно тому, какъ было со мной, при помощи Моисея, — твои глаза откроются и ты постигнешь Того, Кто управляетъ міромъ и сдѣлалъ насъ Своимъ народомъ, ты зажжешь, какъ я и какъ всѣ мы, а конечно скоро и сынъ мой, въ своей собственной груди тотъ жертвенный огонь, который никогда не угасаетъ, истребляя все, что не относится къ Богу съ любовью, преданностью, вѣрою

и почтениемъ. Черезъ Моисея, раба своего, Богъ обѣтовалъ намъ величайшія блага: освобожденіе отъ рабства и возможность жить и властвовать на своей собственной землѣ, въ прекрасной странѣ, принадлежащей намъ и дѣтямъ нашимъ! Мы находимся на пути къ его дарамъ, и тотъ, кто захочетъ остановаить насъ на этомъ пути, кто побудитъ насъ вернуться снова въ желѣзныя сѣти, которыя мы разорвали, тотъ совѣтуется своему народу, какъ овцамъ, броситься въ огонь, изъ котораго онъ спаслся. Я не сержусь на тебя; у тебя на лицѣ написано, что ты понимаешь, какъ безумно заблуждался; но знайте все въ здѣсь присутствующіе, вотъ что я слышала изъ собственныхъ устъ Моисея нѣсколько часовъ тому назадъ: того, кто посовѣтуется возвратиться и вступитъ въ переговоры съ египтянами, онъ объявитъ измѣнникомъ Иеговъ, Богу нашему, губителемъ и заклятымъ врагомъ своего народа!

Тогда литейщикъ подошелъ къ старцу, протянулъ ему руку и, глубоко убѣжденный въ справедливости его упрековъ, воскликнулъ:

— Никакихъ переговоровъ, никакихъ соглашеній съ египтянами! Благодарю, что ты открылъ мнѣ глаза! И для меня, конечно, настанетъ часъ, когда ты или кто другой, ближе меня къ Нему стойши, научитъ меня вполне познать твоего Бога, который также и мой!

Съ этими словами онъ удался вмѣстѣ со старцемъ, который шелъ обнять его плечи себѣ въ опору; а Маріамъ слушала, заставъ дыханіе, послѣднія заявленія Ури, и когда онъ высказалъ желаніе вполне познать Бога своего народа, ея глаза засверкали вдохновеніемъ. Она почувствовала, что душа ея исполнилась величіемъ Всевышняго, и ощутила въ себѣ силу вселять въ другихъ вѣру въ Его откровеніе. Но и на этотъ разъ обычай заставлялъ ее молчать. Съ болью въ сердцѣ вошла она снова въ толпу, но убѣдившись, что Осія еще не вернулся, отправилась домой, такъ какъ начинало уже смеркаться, и вошла на кровлю, гдѣ собрались все члены принявшей ее семьи.

Тамъ, казалось, никто не замѣтилъ ея отсутствія, даже бѣдная, унылая Милка, — и Маріамъ почувствовала себя безконечно одинокою въ этомъ домѣ.

О, если-бы пришелъ Осія, если бы она нашла крѣпкую руку, на которую могла бы опереться, какъ хотѣлось бы ей избавиться отъ этого сознанія отчужденности въ своей семьѣ, отъ этого бесполезнаго прозябанія подъ кровлей, которую ей приходилось называть своею, хотя въ душѣ она никогда не чувствовала себя подъ нею вполне дома.

Моисей и Ааронъ ушли и взяли съ собою внука Ора; ей-же, которая жила и дышала лишь для народа и его благополучія, никто изъ нихъ не смѣлъ нужнымъ доверитъ подробности о томъ, куда они направились и какова цѣль ихъ странствованія.

Зачѣмъ Богъ, которому она вполне посвятила себя и свою жизнь, сдѣлалъ ее женщиною, давъ ей умъ и душу мужчины?

Она ждала, не заговоритъ-ли съ нею кто-нибудь изъ окружающихъ ее взрослыхъ и дѣтей, чтобы испытать, любитъ-ли ее въ этомъ кружкѣ хорошихъ людей, къ которому и она принадлежала. Но дѣти Элеазара тѣнились къ дѣду и бабушкѣ, а Маріамъ никогда не умѣла привлечь къ себѣ дѣтей. Елизавета руководила рабами, которые оканчивали укладку того, что бралось съ собою; Милка сидѣла, держа на колѣняхъ свою кошку, и смотрѣла въ пространство; а старшіе мальчики куда-то ушли. Никто не обратилъ на нее вниманія и не заговорилъ съ нею.

Глубокая скорбь овладѣла ею; поужинавъ со всеми, причѣмъ она сдѣлала надъ собою усилие, чтобы своимъ мрачнымъ настроеніемъ не нарушить радостнаго возбужденія дѣтей, предвидѣвшихъ большое удовольствіе въ предстоящемъ путешествіи, — Маріамъ снова поспѣшила на воздухъ.

Плотно закутавшись покрываломъ, она пошла одна-одинохонька въ станъ, и то, что увидѣла тамъ, конечно не могло облегчить ея тягостнаго гнета. Тамъ было довольно шумно, и если въ нѣкоторыхъ мѣстахъ навстрѣчу ей восторженно и съ радостною надеждою звучали набожныя пѣсни, то гораздо чаще ей приходилось слышать дикую брань и возмутительныя рѣчи. Тамъ, гдѣ слышались угрозы и проклятія ея великому брату, она ускорила шагъ; но не могла убѣжать отъ безпокойства о томъ, что будетъ завтра на разсвѣтѣ, при выступленіи, если недовольные возьмутъ верхъ.

Она знала, что народъ вынужденъ идти впередъ; но страхъ передъ боевыми силами фараона всегда тревожилъ ее: она какъ бы воплощала ихъ въ богатирскомъ образѣ Осія. Если самъ Господь не станетъ въ ряды несчастныхъ поленщиковъ и пастуховъ, кричащихъ и спорящихъ вокругъ нея, то развѣ могутъ они сопротивляться привычнымъ къ войнѣ, хорошо вооруженнымъ отрядамъ египтянъ, ихъ конямъ и колесницамъ?

Маріамъ слышала, что во всехъ концахъ стана выставлена стража съ приказаніемъ трубить въ рога или ударить въ металлическія доски при приближеніи неприятеля до тѣхъ поръ, пока люди не соберутся на условленный призывъ.

Она уже давно прислушивалась, не раздается-ли этотъ призывъ, но еще напряженнѣе ждала топота копытъ одинокаго коня, твердой поступи и звучной рѣчи воина, котораго такъ страстно желала видѣть.

Ради него она все возвращалась къ сѣверному концу стана,

который примыкалъ къ дорогѣ отъ Таниса, и гдѣ, по приказанію Моисея, стояли шатры лучшихъ бойцовъ. Здѣсь она надѣялась найти лишь твердую увѣренность; однако, подслушавъ рѣчи вооруженныхъ людей, которые тѣснымъ кругомъ сидѣли у сторожеваго огня, она поняла, что предложеніе Ури нашло сторонниковъ и между ними. Большинство изъ нихъ были мужья и отцы семействъ; они покинули за собой, кто домъ, кто клочекъ земли, кто дѣло или службу, и если нѣкоторые и съсылались на повелѣніе Всевышняго и новое, прекрасное отечество, обѣщанное Богомъ, то весьма многие готовы были вернуться. Какъ охотно вступила бы Маріамъ въ толпу этихъ ослѣвленныхъ и убѣждала-бы ихъ съ новой вѣрой и надеждой исполнить повелѣніе Господа и идти за ея братомъ! Но и здѣсь она должна была наложить на себя молчаніе. Только слушать другихъ имѣла она право, и ее все сильнѣе влекло туда, гдѣ она разчитывала услышать выскія, возбуждающія духъ, слова и предложенія.

Маріамъ находила какую-то неизъяснимую прелесть въ этомъ горячемъ возбужденіи, и ей казалось, что у нея отняли что-то хорошее, дорогое, когда совѣщавшіеся удалились на покой и споры замолкли.

Она еще разъ взглянула на дорогу, ведущую въ Танисъ; но тамъ не видно было ничего, кромѣ ходившихъ вадъ и вперѣдь стражниковъ.

До сихъ поръ она не сомнѣвалась въ прибытіи Осія; ибо знала, что посланный ему призывъ во имя Всевышняго — дошелъ до него. Но теперь, когда звѣзды гасли одна за другой, когда полночь уже миновала, ей вдругъ съ необычайной ясностью пришло на умъ, что Осія уже столько лѣтъ прожилъ среди египтянъ, и что можетъ-быть онъ найдетъ недостойнымъ мужа пойти на призывъ женщины, даже если призывъ этотъ сдѣланъ во имя Всевышняго. Она сегодня пережила уже столько разочарованій; почему ей не суждено пережить и этого?

Осія, Оръ и Маріамъ подъ смоковницей.

Глава XIV.

глубоко встревоженная такими мыслями, Маріамъ направилась къ дому принявшихъ ее друзей, чтобы предаться ночному покою. Но, вступивъ уже на порогъ, она остановилась и снова начала прислушиваться по направленію къ сѣверу.

Осія долженъ прибыть оттуда.

Государыня-Масляница.

Съ карт. (право воспроизвед. въ гравюрь и т. п. принадлежитъ исклѹч. „Нивѣ“) Китаева, грав. Шюблеръ.

Библиотека "Руниверс"

Въ начку.

Масляница на морѣ.

Блины въ каютѣ-кампани.

Буерь на полозьяхъ.

На вахтѣ.

На марсѣ.

Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Китаева, грав. Рашевскій.

Крѣпленіе парусовъ

Библиотека "Руниверс"

Но она не услышала ничего кромѣ шаговъ стражи да голоса Ора, обходившаго станъ съ вооруженнымъ отрядомъ.

И этотъ также не могъ услѣдить дома.

Ночь была теплая и звѣздная, какъ бы созданная для того, чтобы предаваться тихимъ размышлениямъ. Скамья подъ стартою смоковницей была пуста, и Маріамъ, опустивъ голову, направилась къ любимому мѣсту отдохновенія, которое она завтра покинетъ навсегда.

Но не успѣла она дойти до скамьи, какъ невольно остановилась и прижала руку къ высоко подымавшейся груди. На этотъ разъ дѣйствительно былъ слышенъ топотъ копытъ, и онъ раздавался съ сѣвера.

Можетъ-быть это колесницы фараона, преслѣдующія выходцевъ? Можетъ-быть ей слѣдуетъ поднять тревогу, чтобы разбудить бойцовъ? Или это тотъ, кого она ждетъ съ такимъ нетерпѣніемъ? Да, да, да! Это одинъ всадникъ, и всадникъ только что прибывшій въ станъ евреевъ; ибо среди шатровъ поднялся шумъ, послышался лай собакъ, говоръ, вопросы и отвѣты.

Это Осія, она знаетъ теперь навѣрное!

Если онъ освободился отъ узъ привязывавшихъ его къ фараону и соратникамъ и сбѣжать одинъ во мракъ ночи, то это признакъ его повиновения. Любовь закалила его волю, ускорила бѣгъ его коня—и нѣтъ причинъ сдерживать долѣе благодарность и отдавать награду, которую онъ заслужилъ. Въ ея объятіяхъ онъ пойметъ, что если отказался отъ многого, то найдется еще лучшее, сладчайшее! Маріамъ казалась, будто окрестная ночь превратилась въ яркій день, когда она разслышала, что всадникъ направляется прямо къ дому Аминадава, пріютившему ее. Она знала теперь, что онъ прибылъ на ея призывъ, прибылъ за нею.

Онъ сбѣжитъ къ ней раньше, чѣмъ къ своему родителю, который остановился въ обширномъ, пустомъ домѣ своего внука, Ефрема.

Онъ конечно, стремится къ ней, насколько это допускаетъ бѣгъ коня; но вѣдь нельзя такъ скоро миновать станъ. О, какъ долго тянулись мгновенья! Наконецъ, она увидѣла всадника; вотъ онъ соскочилъ съ коня, вотъ проводникъ его бросилъ поводья лошади другому, слѣдовавшему за нимъ.

Это Осія, да—это онъ!

Но проводникъ его—Маріамъ сразу узнала его и невольно вздрогнула—проводникъ его былъ Оръ, тотъ самый Оръ, что нѣсколько часовъ тому назадъ сваталъ ее.

Вотъ они стоятъ рядомъ, оба некая ея руки, при свѣтѣ звѣздъ и неравномъ мерцаніи смоляныхъ плосекъ, горѣвшихъ близъ повозокъ и утвари, приготовленной къ завтрашнему походу.

Старшій превосходилъ крѣпыша-воина ростомъ и, будучи простымъ ставроладѣльцемъ, держался не менѣе прямо, чѣмъ египетскій военачальникъ. Голоса обоихъ звучали благородно и мужественно; но голосъ любимаго человѣка казался ей полнѣе и ниже. Они подошли уже такъ близко, что разговоръ ихъ былъ ясно слышенъ.

Оръ сообщилъ вновь прибывшему, что Моисей отправился развѣдывать путь, и Осія выразилъ свое сожалѣніе—такъ какъ имѣлъ передать ему нѣчто весьма важное.

Далѣе Оръ объяснилъ, что ему придется выступить завтра съ народомъ, а Моисей присоединится къ нимъ въ пути. Потомъ Оръ указалъ на домъ Аминадава, въ которомъ всѣ огни были потушены, и пригласилъ Осію провести остатокъ ночи подъ его кровомъ, такъ какъ онъ, конечно, не пожелаетъ будить своего отца въ такой поздній часъ.

Маріамъ замѣтила, что другъ ея медлитъ отвѣтомъ, нерѣшительно поглядывая на женскую половину и на крышу дома Аминадава. Хорошо зная, чего ищутъ его взоры, и не будучи въ состояніи долѣе сдерживать порывовъ своего сердца, она вышла изъ-подъ смоковницы и горячо привѣтствовала вновь прибывшаго.

Онъ также не сталъ скрывать своей радости, и Оръ видѣлъ, какъ молодые люди сначала безмолвно подали другъ другу руки, затѣмъ обнялись горячими привѣтствіями.

— Я знала, что ты придешь! воскликнула Маріамъ.

И Осія отвѣчалъ радостно взволнованнымъ голосомъ:

— Тебѣ не трудно было угадать это, пророчица; вѣдь въ числѣ голосовъ призывавшихъ меня, былъ также и твой.

Потомъ продолжалъ спокойнѣе:

— Я надѣялся, кромѣ тебя, застать здѣсь и твоего брата, такъ какъ привезъ вѣсть имѣющую огромное значеніе для него, для тебя и для всего народа. Я вижу, что вы всѣ здѣсь готовы къ выступленію, а между тѣмъ жалъ было бы потревожить твоихъ старыхъ хозяевъ и поспѣшить съ дѣломъ, которое еще можетъ измѣниться.

— Чтѣ ты хочешь сказать? спросилъ Оръ и пододвинулся ближе къ говорившимъ.

— Я хочу сказать, возразилъ Осія,—что если Моисей останется при своемъ рѣшеніи вести народъ къ востоку, то будетъ пролито много ненужной крови. Я слышалъ въ Танисѣ за вѣрное, что эмаекіе крѣпостные отряды получили приказаніе не пропускать ни одного человѣка, а тѣмъ болѣе такіа несмѣтныя скопища, которыя сейчасъ на пробѣдѣ станомъ удивили

меня своей многочисленностью. Я знаю начальника крѣпостей Аіу и знаю его войска. Произошла бы страшная и безплодная рѣзня нашихъ необученныхъ, полубезоружныхъ... Однимъ словомъ, я долженъ немедленно говорить съ Моисеемъ, немедленно, не теряя ни мгновенья, чтобы предотвратить величайшее бѣдствіе, пока еще не поздно.

— Все, чего ты опасаться, не ускользнуло и отъ нашего вниманія, возразилъ Оръ,—именно затѣмъ, чтобы предотвратить бѣдствіе, отправился Моисей въ опасный путь.

— Куда? спросилъ Осія.

— Это тайна вождей народа.

— Мой отецъ также въ числѣ ихъ.

— Совершенно вѣрно; потому я и предлагаю провести тебя къ нему. Если онъ возьметъ на себя открыть тебѣ...

— Если онъ связанъ словомъ, то конечно промолчитъ. Кто начальствуетъ завтра надъ выступающими?

— Я.

— Ты? повторилъ Осія съ изумленіемъ, но тотъ продолжалъ спокойно:

— Тебя удивляетъ дерзость настуха, который берется начальствовать надъ ополченіемъ? Но Владыка всѣхъ воинствъ, держащій въ рукахъ Своихъ судьбы наши, Самъ будетъ вести насъ. Я же вполнѣ полагаюсь на Его водительство.

— Я также, возразилъ Осія.— Ни кто какъ Богъ, именемъ котораго Маріамъ призвала меня сюда, дать мнѣ—я не сомнѣваюсь въ этомъ—то высокое порученіе, съ которымъ я прибылъ сюда. Я долженъ видѣть Моисея, пока еще не поздно.

— Ты уже слышалъ, что до завтра, а пожалуй и долѣе его не удастся увидѣть никому изъ насъ. Можетъ-быть ты желаешь пока поговорить съ Аарономъ?

— А онъ здѣсь въ станѣ?

— Нѣтъ; но мы ожидаемъ, что онъ возвратится къ нашему выступленію, то-есть черезъ нѣсколько часовъ.

— Имѣеть-ли онъ власть рѣшать важные вопросы въ отсутствіе Моисея?

— Нѣтъ, онъ только велегрѣчиво передаетъ народу приказанія своего великаго брата.

Полководецъ досадливо потушилъ взоръ, но послѣ краткаго размышленія, заговорилъ съ новой горячностью, обращаясь къ Маріамъ:

— Господь Богъ нашъ открываетъ Свою волю черезъ Моисея; но вѣдь и тебѣ, великой дѣвѣ, его сестрѣ, вѣщаетъ Всевышній...

— Ахъ, Осія! перебила его пророчица и съ умоляющимъ видомъ, какъ-бы желая остановить его, протянула къ полководцу руки. Но тотъ, не обращая вниманія на ея возраженіе, продолжалъ еще съ большею горячностью:

— Тебѣ Господь Богъ нашъ повелѣлъ призвать меня, слугу Своего, къ своему народу; тебѣ приказалъ Онъ дать мнѣ имя, на которое я хочу промѣнять данное мнѣ родителями, тридцать лѣтъ съ честью носимое мной. Повинуясь твоему призыву, я бросилъ все, что могло возвеличить меня между людьми. Но въ то самое время, какъ тамъ въ Египтѣ я шелъ на смертельную опасность, съ именемъ Бога моего и твоимъ образомъ въ сердцѣ, на мою долю выпало порученіе, которое я долженъ здѣсь исполнить—и потому я думаю, что оно исходитъ отъ Самого Всевышняго. Я обязанъ передать это порученіе вождямъ народа; но такъ какъ не нашелъ здѣсь Моисея, то считаю за лучшее и справедливѣйшее передать его тебѣ, ибо ты, хотя и женщина, стоишь ближе всѣхъ ко Всевышнему послѣ своего брата. Я прошу тебя выслушать меня. Но третій пока еще не долженъ слышать того, что я имѣю сказать тебѣ.

При этихъ словахъ Оръ выпрямился во весь свой высокой ростъ и, прерывая рѣчь полководца, спросилъ Маріамъ, желаетъ-ли она выслушать сына Навиннова безъ свидѣтелей, на что пророчица отвѣчала едва слышимымъ: „Да“.

Тогда Оръ холодно и гордо обратился къ воину:

— Я полагаю, проговорилъ онъ,—Маріамъ знаетъ волю Господа и волю ея брата и ей извѣстно, что причлещуетъ женамъ Израіля. Если я не ошибаюсь, то подъ этой самой смоковницей, досточтимый Навинъ, твой родитель, далъ сыну моему Урію единственный отвѣтъ, который можетъ дать Моисей носителю подобнаго порученія.

— А тебѣ оно извѣстно? рѣзко спросилъ воинъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ тотъ,—но я догадываюсь, и вотъ—смотри сюда!

Оръ наклонился съ юношеской легкостью, сильными руками поднялъ два громадныхъ камня, прислонилъ ихъ одинъ къ другому, сложилъ вокругъ нихъ нѣсколько меньшихъ и заговорилъ тяжело дыша:

— Да будетъ камень этотъ свидѣтелемъ между мною и тобою, какъ памятникъ Мицпа, поставленный Іаковомъ и Лаваномъ; какъ Лаванъ призвалъ Господа въ свидѣтели между нмъ и Іаковомъ, такъ и я призываю Его.—Ты-же помни о камнѣ этомъ, когда мы разойдемся въ разныя стороны. Я возлагаю руку на этотъ памятникъ и свидѣтельствую, что я, Оръ, сынъ Халева и Ефраты, ни на кого другаго не уповаю, кромѣ Бога отцовъ нашихъ, и готовъ слѣдовать Его волѣ, вызывающей насъ изъ царства фараонова въ землю обѣтованную.

Тебя-же, Осію, сына Навина, спрашиваю я—и Господь Богъ услышитъ отвѣтъ твой. Не ожидаешь-ли ты иной помощи, кромѣ помощи Бога Авраамова, избравшаго *нашъ* народъ Своимъ народомъ? И еще свидѣтельствуй: считаешь-ли ты египтянъ, нашихъ притѣснителей, отъ ига конхъ Господь Богъ обѣщавалъ освободить насъ, считаешь-ли ты ихъ смертельными врагами твоего Бога и твоего народа? ¹⁾

Мужественныя черты война передернуло при этихъ словахъ; онъ хотѣлъ опрокинуть камень и гнѣвно отвѣтить на докучный допросъ, но Маріамъ прикоснулась къ камню и воскликнула, схвативъ правую руку Осіи:

— Онъ спрашиваетъ тебя предъ лицомъ Господа Бога нашего, призваннаго въ свидѣтели между вами.

Осіа овладѣлъ своимъ гнѣвомъ, и, крѣпко сжавъ руку дѣвушки, сдержанно возразилъ:

— Онъ спрашиваетъ, но отвѣтъ останется за мной. Тутъ недостаточно сказать *да* или *нѣтъ*. Но и я также призываю Бога въ свидѣтели и передъ этимъ Богомъ ты — по только одна ты, Маріамъ—должна услышать чего я хочу и съ какою цѣлью я прибылъ сюда. Ты же, Оръ, смотри сюда! Подобно тебѣ я возлагаю руку на этотъ камень и свидѣтельствую, что я, Осіа, сынъ Навина, ни на кого не уповаю кромѣ Господа Бога отцовъ нашихъ. Да будетъ Онъ свидѣтелемъ между мной и тобою и да рѣшитъ: стою-ли я на Его пути или на пути заблуждающагося человѣка. Его воля, завѣщанной Имъ Моисею и этой великой дѣвѣ, буду я слѣдовать. Слова эти я скрѣпляю клятвой—и Господь Богъ нашъ да охранитъ ее.

Оръ выслушалъ съ напряженнымъ вниманіемъ и воскликнулъ, потрясенный искренностью этой рѣчи:

— Господь Богъ нашъ слышалъ твою клятву—и въ отвѣтъ на нее я клянусь еще вотъ въ чемъ: если настанетъ часъ, когда ты, памятуя о семъ камнѣ, дашь твоё показаніе, въ которомъ нишѣ отказалъ мнѣ, то да не будетъ между нами гнѣва и неудовольствія. Я добровольно передамъ тебѣ, если такова будетъ воля Господа, главное начальствованіе надъ вооруженными силами, какъ болѣе опытному и искусному чѣмъ я, вѣдавшій лишь стада и пастуховъ. Ты же, Маріамъ, помни, что камень этотъ будетъ также свидѣтелемъ твоихъ словъ, которыми ты обмѣняешься съ этимъ человѣкомъ, предъ лицомъ Бога. Помни тѣ карающія слова, которыя ты слышала подъ этимъ самымъ деревомъ изъ устъ отца этого человѣка. Я же призываю Бога въ свидѣтели, что проклялъ бы Урію, роднаго сына моего, радость моего сердца, если бы онъ пришелъ къ нашему народу съ тѣми предложеніями, которыя принесъ намъ Осіа; ибо они могутъ отвратить маловѣрныхъ отъ истиннаго Бога. Помни же, Маріамъ, и выслушай еще вотъ что: если обратись ко мнѣ, я всегда откликнусь, и та дверь, которую я отверзъ тебѣ, останется отверстою, что бы ни случилось!

Съ этими словами Оръ удалился.

Оба оставшіеся не могли разобрать, что въ нихъ происходило: но тотъ, кто только что совершилъ долгій, опасный путь, съ пылкомъ страстью ожидалъ мгновенія, когда онъ снова увидитъ любимую дѣвушку, теперь въ смущеніи и тревогѣ понуривъ голову; Маріамъ же, готовившая къ его встрѣчѣ всѣ горячія ласки, которыми любящая женщина вознаграждаетъ любовь и вѣрность, опустилась на землю передъ камнемъ, принавъ челою къ дуплисту, узловатому стволу старой смоковницы.

¹⁾ Обычай ставить камни памятниками какихъ либо событій или обстоятельствъ—однимъ изъ древнѣйшихъ и ведетъ начало отъ каменнаго вѣка. Упоминаемое Орѣмъ событіе въ Библии излагается такъ: И отвѣчалъ Лаванъ и сказалъ Якову: «Теперь заключимъ союзъ, и это будетъ свидѣтельствовать между мною и тобою». При семъ Яковъ сказалъ ему: «вотъ съ нами нѣтъ никого; смотри, Богъ свидѣтель между мною и тобою». И взялъ Яковъ камень и поставилъ его памятникомъ... И сказалъ Яковъ родственникамъ своимъ: «наберите камень». Она взяла камни и сдѣлала холмъ; и вѣи, и пили тамъ на холмѣ. И сказалъ ему Лаванъ: «Холмъ сей свидѣтель сего дня между мною и тобою». И назвалъ его Лаванъ Іегар-Сагадунъ; а Яковъ назвалъ его Галаадомъ. И сказалъ Лаванъ Якову: «сегодня этотъ холмъ и памятникъ, который я поставилъ, между мною и тобою свидѣтель; почему и наречено ему имя: Галаадъ», также: Мицпа, оттого что Лаванъ сказалъ: «да надзираетъ Господь надо мною и тобою, когда мы спроемся другъ отъ друга».

Встрѣча Осіи съ прокаженными.

Глава XV.

Долго подъ смоковницей раздвигались только тихіе стоны молодой дѣвушки и нетерпѣливые шаги война. Онъ сильно боролся, чтобы вернуть себѣ самообладаніе, а она не смѣла мѣшать ему.

Онъ все еще не могъ дать себѣ отчета въ томъ, что внезапно, горой вставало между нимъ и его возлюбленною.

Изъ словъ Ора онъ заключилъ, что и отецъ его и Моисей отвергають всякое посредничество и соглашеніе; а между тѣмъ привезенныя имъ предложенія казались ему неизреченною милостью Всевышняго. Никто здѣсь еще ничего не зналъ о нихъ, и если Моисей дѣйствительно тотъ, за кого онъ его почитаетъ, то Господь, конечно, откроетъ ему глаза и укажетъ на него, Осію, какъ на Своего избранника, который долженъ уготовить народу лучшую будущность. Въ отгѣ своемъ онъ тоже не сомнѣвался. Онъ полагалъ, что ему не трудно будетъ склонить его на свою сторону. Осіа еще разъ съ убѣжденіемъ повторилъ себѣ, что Всевышній указываетъ ему этотъ путь; еще разъ все мысленно взвѣсилъ и, когда Маріамъ наконецъ поднялась, онъ приблизился къ ней съ новою надеждой. Любящее сердце побуждало его заключить дѣвушку въ объятія, но она отстранила его. Ей замѣнилъ ея обычный, чистый и густой голосъ, она угрюмо и беззвучно спросила его, почему онъ такъ долго не являлся и что намѣренъ теперь сообщить ей.

Во прахѣ подъ смоковницей, она не только собиралась съ духомъ и молилась, но еще заглянула въ глубь своей души. Она любила Осію. Но ей чужется, что онъ пришелъ сюда съ такимъ же точно порученіемъ, какъ Урія, и въ сердцѣ ея грозилъ, чѣмъ когда-либо, отозвалась гнѣвная рѣчь старца Навина. Опасенія что ея возлюбленный на ложномъ пути и нежданной поступокъ Ора усмирили въ ней волненія страсти, отрезвленный умъ ея весь устремился на то, чтобы узнать, почему Осіа, котораго она призывала именемъ Господа, такъ долго не являлся, а теперь явился одинъ, безъ Ефрема.

Ясное небо было усеяно звѣздами. Казалось-бы, онъ должны были взирать съ высоты на счастье возлюбленной четы, которая вновь свидѣлась поелѣ разлуки; на самомъ же дѣлѣ онѣ были свидѣтелями робкихъ вопросовъ взволнованной дѣвушки и нетерпѣливыхъ отвѣтовъ пылкого, горько обманутаго въ своихъ ожиданіяхъ мужа.

Онъ заговорилъ о своей любви, о томъ, что прибылъ съ тѣмъ чтобы назвать ее своею. Она не отнимала у него руки, но молила пока оставить сватовство и прежде всего повѣдать то, что она такъ страстно желала знать.

Дорогою Осіа кое-что узналъ объ Ефремѣ тотъ встрѣчнаго соратника изъ Таниса и могъ сообщить Маріамѣ, что непослушный юноша, должно быть мучимый любопытствомъ, больно и раненый, отправился въ городъ, гдѣ и нашелъ пріютъ и пощенія въ одномъ дружескомъ домѣ. Но это извѣстіе встревожило дѣвушку и вызвало въ ней укору совѣсти: непослушный юноша, спротоку выросшій у ней на глазахъ, теперь, по ея винѣ, попалъ въ египетскій домъ.

Осіа клялся, что вернетъ его къ своимъ. Она же все оставалась озабоченною—и онъ, наконецъ, спросилъ: неужто она не довѣряетъ ему и его любви. Маріамъ и на это не дала ему утѣшительнаго отвѣта, но приступила къ нему съ новыми разспросами о причинѣ его замедленія. Для успокоенія ея Осіи ничего не оставалось, какъ начать разсказъ и именно съ конца того, что испытывалъ онъ за послѣднее время.

Она слушала его, прислонясь къ стволу смоковницы. Онъ, горя нетерпѣніемъ, почти виѣ себя, порывисто ходилъ взадъ и впередъ. Ему казалось, что въ настоящую минуту ни о

чемъ другомъ не стоило говорить, кромѣ страсти и надежды, которыя наполнили его душу. Еслибъ онъ навѣрное узналъ, что ея сердце чуждается его, онь, открывъ душу отцу, постигши бы снова удалиться и смѣло пустился бы въ неизвѣстное странствование на поиски за Моисеемъ. Обрести Маріамъ и избѣжать клятвеннаго преступленія — вотъ все, къ чему онъ стремился. Какъ ни важно было все пережитое и пережитое имя за послѣдніе дни, теперь это казалось ему пустяками — и онъ торопливо, неохотно отвѣчалъ на разспросы дѣвушки.

Осія вель свой разговоръ отрывисто и небрежно, и чѣмъ чаще прерывала его Маріамъ, тѣмъ раздраженнѣе и нетерпѣливѣе становилась его рѣчь, а чело покрывалось глубокими морщинами.

Осія, сопровождаемый конюхою, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ бодро ѣхалъ по направлению къ югу, полный самыхъ свѣтлыхъ надеждъ. Съ приближеніемъ сумерокъ, онъ замѣтилъ толпу народа, которая шла впереди. Сначала онъ подумалъ, что наткнулся на отсталый отрядъ выступившихъ въ походъ евреевъ, и ускорилъ шагъ своего коня. Но не успѣлъ онъ еще нагнать странниковъ, какъ мимо него пробѣжало нѣсколько поселенъ и погонщиковъ, которые, покинувъ свои возы съ вьючными животными, олашали воздухъ громкими и настоятельными криками предостереженія. Это надоумило Осію, что отрядъ передъ нимъ состоялъ изъ прокаженныхъ. Предостереженія бѣглецовъ оказались вполнѣ основательными. Уже первые изъ наступившихъ имъ странниковъ носили все признаки ужаснаго недуга. Они встрѣтили его раздрающимъ сердцемъ воплемъ: „проказа! проказа!“ обратили къ нему искаженные струнами и покрытыя бѣлою нилью лица и смотрѣли на него тусклыми, безжизненными глазами.

Вскорѣ Осія сталъ различать между ними и отдѣльныя личности. Вотъ египетскій жрецъ съ бритою головою, а вотъ и еврейскіе мужи и жены. Соблюдая строгое самообладаніе военначальника, Осія обратился къ нимъ съ должными вопросами и узналъ, что они шли изъ своего отдѣльнаго мѣстожителства на восточномъ берегу Нила, какъ разъ противъ мемфисскихъ каменоломенъ. Нѣкоторые изъ евреевъ между ними узнали, что ихъ народъ покинулъ Египетъ и отправился на поиски самимъ Господомъ обѣтованной имъ земли. Тогда они рѣшились тоже отдать себя въ руки всемогущаго Бога своихъ праотцевъ и послѣдовать за соплеменниками. Къ нимъ примкнули и египетскіе жрецы, которыхъ съ ними связывало ихъ общее несчастье. Они пробрались въ Сокхоу, куда, какъ слышали, первоначально направился Моисей. Но все, къ кому они обращались за указаніемъ пути, при встрѣчѣ съ ними, отъ нихъ бѣжали. Такимъ образомъ они зашли слишкомъ далеко на сѣверъ и теперь блуждали около крѣпости Фавны. Осія настигъ ихъ на разстояніи часа пути отъ нея. Онъ обратился къ вожакамъ прокаженныхъ съ совѣтомъ вести ихъ обратно, дабы не занести заразы въ станъ странствующихъ евреевъ.

Пока шли эти переговоры, изъ крѣпости выступилъ отрядъ египетскихъ воиновъ, съ цѣлю преградить прокаженнымъ путь. Начальникъ отряда былъ знакомъ Осію, и ему не пришлось прибѣгать къ силѣ. Обонимъ удалось склонить вожаковъ, чтобы они вели больныхъ на Синайскій полуостровъ, гдѣ въ горахъ, недалеко отъ рудниковъ, существовалъ поселокъ прокаженныхъ. Вожакъ сдѣлалъ на увѣщанія Осію, который обѣщавалъ, когда евреи двинутся на востокъ, явиться въ поселокъ и взять съ собою всѣхъ выздоровѣвшихъ. Въ случаѣ-же, еслибъ евреи остались въ Египтѣ, всѣмъ очищеннымъ отъ проказы предоставлено будетъ вернуться на родину. А пока чистый воздухъ незаселенной мѣстности можетъ многимъ вернуть здоровье.

Все это потребовало времени, и къ первоначальной задержкѣ присоединило новую. Осія былъ въ близкомъ соприкосновеніи съ прокаженными и теперь долженъ былъ захватить въ Фавну, чтобы подвергнуться очищенію. Ему надлежало спрыснуться итичьей кровью, переменить одежду и исполнить еще кое-какіе обряды, которые онъ самъ считалъ необходимыми. А все это обыкновенно совершалось только при дневномъ свѣтѣ. Конюха же его задержалъ въ крѣпости на болѣе продолжительное время: сердобольный малый, завидѣвъ въ числѣ прокаженныхъ своего родственника, не вытерпѣлъ и подалъ ему руку.

Причина остановки была неприятная и печальная. Осія покинулъ Фавну послѣ полудня и шия на пути Сокхоу опять оживился надеждой на свиданіе съ Маріамъ и отдался отрадной мысли, что везетъ единоплеменникамъ много-общающія вѣсти.

Во время ночной ѣзды, приближавшей его къ отцу и къ возлюбленной, сердце его учащенно билось отъ радостныхъ ожиданій. Но вотъ онъ у цѣли и, вмѣсто великаго блаженства, на которое рассчитывалъ, до сихъ поръ испытываетъ только горькія разочарованія.

Отрывочно, нехотя повѣствовать онъ о своей встрѣчѣ съ прокаженными. Но крайнему своему разумѣнію, онъ сдѣлалъ все что могъ для блага этихъ несчастныхъ. Соратники его за то хвалили. Но та, одобреніемъ которой онъ всего больше дорожилъ, выслушавъ его, указала ему на одно мѣсто въ ста-

нѣ и смущенно проговорила: „они одной съ нами крови и у насъ одинъ Богъ съ ними. Прокаженные изъ Зоана, Фа-коса и Фибессеа ¹⁾ сдѣдовали за нами на нѣкоторомъ разстояніи и теперь шатры ихъ раскинута за чертой стана. Находящіеся въ Сокхоу — ихъ не много — выступятъ вмѣстѣ съ нами. Когда Господь обѣщавъ своему народу землю, куда мы теперь стремимся, Онъ разумѣлъ всѣхъ, великихъ и малыхъ, бѣдныхъ и слабыхъ, не исключая конечно и тѣхъ несчастныхъ, которые однако остаются въ рукахъ враговъ. Не лучше-ли сдѣлать-бы ты, еслибъ отдѣлалъ Евреевъ отъ Египтянъ и привелъ къ намъ тѣхъ, въ которыхъ течетъ одна кровь съ нами?“

Въ вошѣ внезапно вспыхнула мужская гордость. Отвѣтъ его былъ строгъ и суровъ. — „На войнѣ должно жертвовать сотнями, чтобы спасти тысячи. И пастырь отдѣляетъ отъ стада паршивыхъ овецъ, дабы не заразить остальныхъ.“

— Вѣрно, съ жаромъ перебила дѣвушка, — но вѣдь пастырь слабый человѣкъ, не знающій средства противъ заразы. Господь же, призывая къ себѣ цѣлый народъ, конечно не допуститъ, чтобы изъ покорности Его воли выросло зло.

— Такъ думать женщина, возразилъ Осія. — По то что ей внушено состраданіемъ — мало вѣснть во мнѣни мужнины. Вы охотно повинуетесь голосу сердца и вамъ вообще лучше подчиняться, помня что это всего приличнѣе вашему плу.

Густая краска разлилась по лицу Маріамы. Скрытое въ этихъ словахъ жало вдвойнѣ укололо ее, такъ какъ оно исходило отъ Осію. Какъ много перенесла она уже сегодня, ради своего пола, а вотъ и онъ даетъ ей чувствовать, что она только женщина и не ровня ему! Но, вѣдь онъ же, въ виду воздвигнутаго Оромъ памятника, обращаясь къ ней затѣмъ, чтобы выслушать ея мнѣніе, очевидно признавая въ ней тоже одного изъ народныхъ вождей, а теперь вдругъ возвращаетъ ее въ тѣсныя рамки, — ее, которая ни умомъ, ни способностями не уступаетъ ни одному мужчннѣ.

Онъ, со своей стороны, тоже чувствовалъ себя оскорбленнымъ въ своемъ достоинствѣ. Обхожденіе Маріамы давало ему понять, что настоящій часъ рѣшаетъ, кому изъ нихъ будетъ принадлежать главенство въ ихъ будущемъ союзѣ. Онъ стоялъ передъ ней въ своей мужественной красотѣ, гордый и величественный, какимъ она еще никогда не видала его. Но это не умилило въ ней желанія постоять за свое оскорбленное женское достоинство, и желаніе это въ заключеніе превозмогло въ ней все другія чувства. Она первая прервала томительное молчаніе, которое наступило вслѣдъ за ея упрекомъ. Маріамъ, призывавъ на помощь все свое самообладаніе, спокойнo сказала:

— Мы оба совѣмъ забыли о томъ, что такъ поздно удерживаетъ насъ здѣсь. Ты хотѣлъ сообщить мнѣ вѣсти, которыя принесъ сюда своимъ, и выслушать мнѣніе не Маріамы, слабой женщины, а повѣренной Господа.

— Но я рассчитывалъ также и на сердечный прѣвѣтъ любящей дѣвушки.

— И ты получишь его, быстро проговорила дѣвушка, снимая руку съ памятника. — Но вѣдь весьма возможно, что мое мнѣніе будетъ несогласно съ мнѣніемъ мужа, умъ и сила котораго настолько превосходятъ мои. Ты сейчасъ только доказалъ, что не выносишь ни моего, ни вообще женскаго противорѣчія.

— Маріамъ! попытался онъ остановить ее.

Но она съ жаромъ продолжала:

— Не говори, я это почувствовала. Величайшимъ горемъ моей жизни было бы лишиться твоей любви. Но потому-то именно и надо, чтобы ты вполнѣ узналъ меня прежде, чѣмъ услышишь мое рѣшеніе.

— Сначала выслушай мое порученіе...

— Нѣтъ, нѣтъ! съ живостью перебила она, — отвѣтъ замерь бы у меня на губахъ! Дай мнѣ прежде рассказать тебѣ о женинѣ съ любящимъ сердцемъ, но цѣнящей вѣчто выше любви. Ты усмѣхаешься? Ну что жъ: ты правъ, пока не знаешь того, что я намѣрена тебѣ сказать.

— Въ такомъ случаѣ, говори! сказалъ онъ съ такимъ выраженіемъ, въ которомъ ясно слышалось, какъ трудно ему было владѣть собой.

— Благодарю! горячо воскликнула она.

Маріамъ прислонилась къ стволу стараго дерева, а онъ опустился на скамью. Взоръ его то устремлялся въ землю, то скользилъ по ея лицу.

— Дѣтство мое ужъ прошло, начала она, — скоро то же будетъ и съ моею юностью. Въ младенствѣ я почти ничѣмъ не отличалась отъ другихъ дѣвочекъ. Какъ онѣ, забавлялась я игрой, и хоти мать учила меня молиться Богу нашихъ праотцевъ, я не менѣе охотно слушала и рассказы моихъ подружекъ объ Изидѣ. Тайкомъ пробиралась я иногда въ храмъ богини, покупала благовонныя травы, опустошала нашъ садикъ, украшала ея алтарь и приносила ей въ жертву цвѣты. Я была рослѣе и сильнѣе многихъ, къ тому же — дочь Амрама, и потому за мной охотно слѣдовали другія и дѣлали то, что я указывала. Мнѣ было восемь лѣтъ, когда мы покинули Зоанъ и переселились сюда. Я еще не успѣла обзавестись подругами, а тѣмъ временемъ явился ты и поселился въ домѣ Гамалила,

¹⁾ Еврейское названіе греческой Бубастиды.

Масляничное катанье „на чухнахъ“. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Г. Бролинга, грав. Шюблеръ.

мужа твоей сестры: ты тамъ лѣчила отъ раны, нанесенной тебѣ ливійскимъ копьемъ. Подиши-ли то время, когда ты, уже юнона, выбрала себѣ въ подруги маленькую дѣвочку? И исполнила твои порученія и, какъ умѣла, съ тобой болтала. Ты же занимала меня разсказами о кровавыхъ битвахъ и побѣдахъ, о блестящихъ воинскихъ доспѣхахъ, боевыхъ коняхъ и колесницахъ. Ты показывала мнѣ кольцо, которое получилъ въ награду за храбрость, а когда рана твоя закрылась, мы вмѣстѣ бродили по пастбищамъ.

„Здѣсь была храмъ Изиды, которую и ты почитала. Часто прокрадывалась я въ преддверіе этого храма молиться за тебя и приносила въ даръ богинѣ мои праздничныя сласти. Я такъ много наслаждалась отъ тебя о фараонѣ и окружающемъ его блескѣ, объ египтянахъ, ихъ мудрости, искусствѣ и пышной жизни, что всей силой моего маленькаго сердца начала стремиться въ столицу. До меня, кромѣ того, доходили слухи, что мой братъ Моисей пользуется большими милостями въ царскомъ дворцѣ и почетомъ среди жрецовъ. Я охладѣла къ своему народу, который мнѣ казался, во всѣхъ отношеніяхъ, гораздо хуже египетскаго.

„А тамъ началась разлука съ тобой. Я была благочестива. Мое сердце привыкло видѣть въ божественной силѣ — какъ бы она ни называлась — источникъ всякихъ благодѣйствъ, и я усердно молилась за фараона и его войско, въ рядахъ котораго ты сражался.

„Мать непрежнему иногда говорила мнѣ о Богѣ нашихъ предковъ, какъ о Всемогущемъ Покровителѣ, Которому народъ нашъ обязанъ многими милостями въ прошломъ, и разсказывала мнѣ о Немъ дивныя вещи. Но тѣмъ не менѣе, она сама по временамъ совершала жертвоприношенія Сету и закомла цвѣтами трилистниковъ священнаго быка, посвященнаго богу солнца. Къ тому же и она была расположена къ египтянамъ, которые окружали уваженіемъ гордость и радость ея сердца, нашего Моисея.

„Такъ минуло мнѣ пятнадцать лѣтъ; я жила весело, какъ всѣ мои подруги. Вечеромъ, когда съ пастбищъ возвращались наступки, я любила, вмѣстѣ съ молодежью, сидѣть у пылающаго костра. Мнѣ бывало пріятно, когда сыновья ставовладѣльцевъ, отдавая мнѣ предпочтеніе передъ другими дѣвучками, за мной ухаживали и за меня сватались. Но я всѣмъ отказывала, не исключая и египетскаго сотника, который заправлялъ празднествами на запасномъ дворцѣ, — я думала о тебѣ одномъ, другѣ моего дѣтства. Ни одной изъ своихъ драгоцѣнностей не пожалѣла бы я отдать за то, чтобы ты какимъ-нибудь чудомъ очутился среди насъ, когда я на иршествахъ играла и пѣла подъ звуки бубна и меня со всѣхъ сторонъ громко хвалили. Когда толпы внимали моимъ пѣснямъ, я думала о тебѣ и, заливаясь, какъ жаворонокъ, передавала то, что наполняло мое сердце. Пѣнь моя была для тебя, а не для Всевышняго, Которому предназначалась“.

При этомъ счастливымъ признаніи молодой дѣвочки, новый приливъ страсти закинулъ въ сердцѣ Осія. Онъ вскочилъ со скамьи и простеръ къ ней объятія. Но она сурово ихъ отстраняла, не желая уступать волненію, которое грозило उत्веръ и се.

Дрогнувшимъ, точно не своимъ голосомъ, продолжала она говорить, сначала едва слышно и торопливо, потомъ все громче и выразительнѣе:

— Элеазаръ, сынъ Аарона, выучилъ меня читать. Онъ приносилъ мнѣ книги съ повѣствованіями о не сбыточномъ, но тѣмъ не менѣе глубоко трогавшемъ сердце. Иногда то были хвалебныя гимны богамъ, или пламенные пѣсни влюбленныхъ. Онѣ хватали меня за сердце и часто, вечеромъ или въ полдень, когда кругомъ все было тихо и стада съ пастырями паслись на пастбищахъ, я, оставаясь одна, повторяла эти пѣсни или слагала новыя — всего чаще хвалебныя гимны божеству. Въ нихъ прославляла я то Аммуна съ головой овна, то Изиду съ головой коровы, а иногда и Великаго, Всемогущаго Бога, являвшагося Аврааму, о Которомъ все чаще и чаще мнѣ говорила мать, по мѣрѣ того какъ я росла. Любимымъ моимъ занятіемъ было въ тишинѣ слагать такія пѣсни или мысленно созерцать черты величія и могущества Божія, святыхъ ангеловъ и страшныхъ демоновъ. Изъ рѣзвато ребенка я превратилась въ мечтательную дѣвочку. Никто мнѣ не мѣшалъ жить по своему и некому было меня предостеречь. Мать послѣдовала за покойнымъ отцомъ; я жила одна съ престарѣлою родственницей Рахилью, никого, ни даже самое себя не радуя. Старшій братъ, Ааронъ, переселился къ своему тестю Амнадаву. Унаслѣдованный имъ доль Амрама былъ для него слишкомъ малъ и бѣденъ, и онъ уступилъ его мнѣ. Подруги тоже меня забыли. Веселость моя исчезла, и я сморѣла на нихъ свысока: потому что могла слагать пѣсни и была дальновиднѣе всѣхъ ихъ.

„Но вотъ мнѣ минуло девятнадцать лѣтъ. Вечеромъ въ день моего рожденія, о которомъ всѣ позабыли, кромѣ Милки, дочери Элеазара, Всевышній впервые послалъ мнѣ вѣстника. Онъ мнѣ явился въ образѣ ангела и велѣлъ приготовить домъ къ приему гостя, который мнѣ дороже всѣхъ на свѣтѣ.

„Утро застало меня подъ этимъ деревомъ. Я вернулась домой, вмѣстѣ съ Рахилью прибрала домъ, приготовила ложе, пищу и питье — словомъ, сдѣлала все, чѣмъ можно почтить гостя. Наступилъ и миновалъ полдень; вечеръ перешелъ въ ночь; опять настало утро; я все еще ожидала гостя. Передъ солнечнымъ закатомъ въ этотъ день вдругъ громко зачали собаки. Я подошла къ дверямъ и увидѣла быстро приближавшагося мощнаго мужа, со вклокоченной бородой и сѣдыми волосами, въ изодранномъ бѣломъ одѣяніи жреца. Собаки съ визгомъ отъ него отшатнулись, я же признала въ немъ моего брата.

„Наше свиданье послѣ долгой разлуки сначала принесло мнѣ больше страха, чѣмъ радости. Моисей скрывался отъ сыщиковъ, которые преслѣдовали его за убійство пристащика. Тебѣ это извѣстно.

„Въ глазахъ его еще сверкалъ зловѣщій блескъ. Онъ въ своемъ гнѣвѣ унодоблялся для меня богу Сету, и каждое слово его медленнѣе рѣчи, какъ молотомъ и рѣзкомъ, врѣзывалось мнѣ въ сердце. Трижды семь дней провелъ онъ подъ моимъ кровомъ. Я была одна съ нимъ и съ глухою Рахилью. Онъ у меня скрывался, и никто посторонній намъ не мѣшалъ. Тутъ-то черезъ него познала я Бога нашихъ предковъ.

„Робко, съ трепетомъ внимала я его мощной рѣчи. Всѣкія слова его, какъ камни, падали мнѣ на сердце, когда онъ раскрывалъ передо мной то, чего отъ меня требуетъ Господь, или изображалъ величіе и грозную силу Того, Кого ни чей умъ не можетъ постигнуть и ни кто не дерзаетъ назвать. Да, когда онъ говорилъ о Немъ и объ египетскихъ божествахъ, Богъ моего народа возставалъ передо мной какъ исполнить, теми котораго поддерживаетъ сводъ небесный, а другіе боги казались мнѣ пресмыкающимися у ногъ Его подобно псамъ визжащимъ.

„Еще повѣдалъ мнѣ Моисей, что нашъ народъ единственный, Богомъ избранный. Тогда сердце мое впервые ощутило гордость отъ того, что и я тоже отрасль Авраама, и съ этихъ поръ каждый еврей сталъ мнѣ братомъ, каждая дочь Израиля — сестрою. Тогда только поняла я, въ какой жестокой неволѣ томился нашъ народъ. Прежде я была слѣпа къ его страданіямъ, но Моисей раскрылъ мнѣ глаза и вселилъ въ мое сердце ненависть — ту великую ненависть къ притѣснителямъ моего народа, изъ которой выросла любовь къ притѣсненнымъ. Я поклялась, что послѣдую за братомъ какъ только повелитъ Господь. И вотъ Онъ не заставилъ меня ждать, и голосъ Иеговы мнѣ такъ же понятенъ, какъ языкъ человѣческой.

„Тѣмъ временемъ умерла старая Рахиль. Покорная воля Моисея, я перестала жить въ одиночествѣ и, по приглашенію Аарона и Амнадава, переселилась къ нимъ. Я была гостей въ ихъ домѣ, но жила своею отдѣльною жизнью. Они мнѣ не мѣшали, и эта смолковница на ихъ землѣ была какъ-бы моею собственностью. Подъ ея сѣнью Господь повелѣлъ мнѣ призвать тебя и наречь именемъ „того, кому въ помощь Иегова“. И ты — отнынѣ не Осія больше, а Исусъ — повиновался призыву Господа и Его пророчицъ“.

Тутъ воинъ прервалъ рѣчь дѣвочки, которую слушала съ напряженнымъ вниманіемъ и возростающимъ разочарованіемъ:

— Да, воскликнулъ онъ, — я повиновался тебѣ и Всевышнему, но ты не удостоиваешь меня спросить, чего мнѣ это стоило. Ты довела твой разсказъ до настоящаго времени, но умолчала о тѣхъ дняхъ, которые ты, по смерти моей матери, провела у насъ въ Танисѣ. Или ты забыла о томъ, что мнѣ повѣдали тогда твои глаза и уста? Неужели у тебя изгладился изъ памяти день разлуки и вечеръ у моря, когда ты мнѣ приказала надѣяться и считать себя твоимъ? Можетъ-быть ненависть, внушенная тебѣ Моисеемъ, вмѣстѣ съ другими чувствами, убила въ тебѣ и любовь?

— Любовь? повторила Маріамъ и устремила на него грустный взоръ. — О, гнѣвъ! Развѣ я могу забыть это время, самое счастливое въ моей жизни? Но съ тѣхъ поръ, какъ Моисей вернулся изъ пустыни, чтобы, по волѣ Божьей, освободить народъ, — это было три мѣсяца спустя послѣ нашей разлуки — я перестала считать годы и мѣсяцы, дни и ночи.

— Въ такомъ случаѣ, ты и то время забудешь! съ горечью замѣтилъ Осія.

— Пѣтъ, возразила Маріамъ, съ мольбой смотри на него. — Любовь, зародившаяся и выросшая въ сердцѣ ребенка и не увидящую въ сердцѣ дѣвочки, нельзя убить. Но тотъ, кто посвящаетъ себя Богу...

Она внезапно остановилась и, въ порывѣ вдохновенія, воздвѣвъ руки и глаза къ небу, воскликнула:

— Ты здѣсь, со мной, Всемогущій, Великій! Ты видишь мое сердце! Ты знаешь, почему Маріамъ перестала считать дни и годы! Ты знаешь, что она хочетъ одного: быть твоимъ орудіемъ, докопѣ ея народъ, и въ то же время народъ этого человѣка, не обрѣтеть того, что Ты обѣтовала ему!

Во время этого воззвания, вырвавшегося из глубины души молодой дѣвушки, подулъ легкій вѣтерокъ, обычный предвѣстникъ развѣта, и зашевелилъ въ листь смоковницы надъ головою Маріамы. Она внисла глазами въ полуоткрытый еще сундукъ, полуоткрытый трепетнымъ свѣтомъ зарождающейся зари, величественный обликъ дѣвушки. Она казалась ему чудеснымъ видѣніемъ. То благо, котораго она ждала для народа, то великое что должно совершиться прежде, чѣмъ она согласится опять отдаться своему сердцу—онъ это совершить! Увлеченный и самъ высококъ полетомъ ея духа, онъ бросился къ ней, схватилъ ее за руку и въ радостномъ возбужденіи воскликнулъ: „Онъ уже насталъ, желанный тобою часъ, и тебѣ возвращается право опять считать дни, мѣсяцы и годы и слѣдовать голосу твоего сердца! Я больше не Осія—я Иисусъ, Божій избранныкъ! Я научусь любить народъ мой, какъ ты его любишь. Я дамъ ему счастье, я дамъ ему позою отечество, если такъ судилъ Господь!“

Глаза Маріамы ярко выскочили. Въ порывѣ благодарной радости она воскликнула:—Ты поведешь насъ въ обѣтованную землю?!.. О, Всевышній, безмѣрна Твоя благодѣнь! Вотъ онъ, Божій посолъ, онъ идетъ къ намъ...

„Онъ здѣсь!“ вдохновенно докончилъ за нее Иисусъ. Она не противилась больше, когда онъ привлекъ ее къ себѣ, и трепеща отъ восторга возвратила его поцѣлуй.

Моисей убиваетъ пристава.

(Продолженіе будетъ).

Государыня-Масляница.

(Рис. на стр. 124, 125, 132, 133 и 137).

Государыня-Масляница — превеликая проказница! Кого хочешь съ толку собьешь, отъ дѣла оттянешь, на веселье смашишь, помолодишь, позабавишь, шутить и смѣяться заставишь!

Вонъ, взгляните на нее, на Государыню-Масляницу! Право, и поглядѣть-то любодорого! Сытая, гладкая, здоровая, стоитъ за столомъ, крытымъ бранюю скатертью, уставленнымъ всякими любимыми русскими яствами, раздастъ блины стонками, изъ братники медъ старый по чаркамъ разливаешь, изъ жбана кваскомъ мятнымъ утробушку расхоложиваешь, изъ сулен виномъ заморскихъ голову туманишь... А сажа во весь широкій ротъ улыбаются, словно сказать хочеть:

— Ненадолго я къ тебѣ пришла, Русь православная! Веселись — усѣнешь потомъ насунуться, насидѣться за книгамъ, назваться за счетами, намаяться за работою...

— Некогда мнѣ, государыня! отвѣчалъ ей кунецъ-толетосумъ, побрякивая счетами, разводи на нихъ косточками. — Развѣ не видишь: приходи съ расходомъ свести надо... Барыши подсчитать...

А самъ косится заплывшими глазками на стоу блиновъ Государыни-Масляницы.

— Что ты дѣлешь ко мнѣ съ пустяками, госпожа Масляница! отвѣчаетъ ей небрежно важный чиновникъ. — До пустяковъ-ли мнѣ, до твоего-ли веселья, когда ты видишь — я докладъ долженъ кончить... Интересъ можетъ пострадать государственней...

А самъ носика любуется на блины румяные, на бураги съ жиромъ свѣжю.

— Уходи, проваливай! кричитъ Масляницѣ бравый поручикъ, покручивая усъ молодецкій. — Во-первыхъ, у меня въ бумажикѣ пусто; а во-вторыхъ, субординація, дисциплина, служба, служба и служба!

А самому до смерти хочется отвѣдать блинчиковъ съ прищепкомъ и залить ихъ бутылочкой холоденькаго...

— Уходите, пожалуйста, сударыня! вѣжливо раскланивается Масляницѣ модный адвокатъ. — Вы видите, что я статьи закона къ моей защитѣ подыскиваю, пункты указываю, параграфы обозначаю... Тутъ ужъ не до веселья, когда мой клиентъ, понимаете...

Адвокатъ показываетъ на шею пальцемъ; а у самого такъ и горитъ очи на жирныя яства масляничныя, на сулен да на братины...

— До веселья-ли мнѣ, матушка? Въ гробъ гляжу, о душѣ помышляю, говоритъ Масляницѣ старый дѣдъ. — Въ былое время, точно, веселился бывало и я въ Масляную...

И старичекъ умильно поглядываетъ на Государыню-Масляницу, вспоминая былое.

— До веселья-ли тутъ, милостивая государыня! торжественно и уныло произноситъ на встрѣчу Государыни-Масляницѣ скорбный поэтъ, немилосердно выдерывая свои косматые волосы. — До веселья-ли тутъ, когда кругомъ я вижу только плачь и скрежетъ зубовый!

И онъ начинаетъ читать свою мрачную элегію; но стопа жирныхъ блиновъ на рѣзномъ деревянномъ блюдѣ сбиваетъ его съ толку, путаетъ... Рима ускользаетъ отъ него...

— Прочь, порождение глухой русской старины! Остатокъ заблужденій языческаго мракобѣсія! нестучленно кричитъ современный мыслитель, которому только и свѣта въ окошкѣ, что съ Запада. — Стану-ли я подражать другимъ и подчиниться всякъ твоимъ глупымъ затѣямъ? Прочь!..

Тутъ ужъ Государыня-Масляница не выдержала: залилась она здоровымъ громкимъ хохотомъ, такъ что щеки ея толстыя запрыгали, глаза слезой замаслились. Ухватила она за бока ручищами двоями и сказала умишку, смѣясь, съ укоризною: — Больно ты зазнался, разумничекъ! Не глупѣй тебя были

твой дѣды и прадѣды. — Русь отъ татаръ отганвали, отъ ляховъ отбивали, отъ злыхъ бѣдъ да напастей отганвали: на полѣвѣта ее раскинули, превыше всѣхъ царствъ заморскихъ поставили — а мнѣ въ почетѣ не отказывали! Умѣли они и дѣло дѣлать во-время — и во-время умѣли тѣшиться. А ты все хочешь подъ одно гребло свести: все добъ морщишь, все перомъ скривляешь, все думушку какую-то мудреную думаешь! все хочешь Русь-матушку снасти да на умъ наставишь! Полно, нѣтъ и дѣла безъ потѣхи; нѣтъ и будней безъ праздника... То-то ты все и хмуришься, что о весельи забыть — меня, Государыню-Масляницу, почитать пересталъ! Да погоди, прочту и всѣхъ вастъ по-своему!..

И махнула на всѣхъ Государыня-Масляница своимъ бѣлымъ тафтянымъ рукавичкомъ, всѣхъ обвѣла своей фатой волшебною... Подкатила она къ кунцу-толетосуму лихою тройкою, съ бубенцами, съ колокольцами... Къ важному чиновнику явилась важнымъ камердинеромъ — звать на блины къ „Его Превосходительству“... Къ bravому поручику прилетѣла почтовою поѣзду на дежурный накетъ „отъ родителей“... Къ господину-адвокату подкралась шаловливой актрисою... Къ старому дѣду вбѣжала въ комнату рѣзвомъ внучкою; къ скорбному поѣту принеслась на крыльяхъ вдохновенія веселюю рифмою; къ современному мыслителю упала на его мрачныя теоріи розовою, раздушеною заносочкой, неписанною мелкимъ, жемчужнымъ почеркомъ...

И вдругъ все вверхъ дномъ повернулось, — завертѣлось, заплесало, запрыгало... Все шумитъ, все гудитъ и звенитъ, все тѣшится и радуется, все снѣшитъ урвать у суровой судьбы еще нѣсколько свѣтлыхъ, веселыхъ деньковъ, забывая и мудрые совѣты гигиены, и недавніе страхи когтистой инфлуэнцы, и угрозы ворчуна-катарра, и правила благоразумной теоріи Молчалина, выше всего на свѣтѣ ставящей „умѣренность и аккуратность“. Звукъ уноительнаго вальса слился съ трелями гармоникки, треньканье бубенчиковъ со звономъ стаканавъ, громкія задвижки съ нѣжнымъ шепотомъ... „Ходи баня, ходи печь — сапогъ нѣчего беречь! Пойти бураго запречь!“ И лихая нѣбеса обрывается, заглушаемая тономъ пляски, отъ которой трещитъ полъ и дребезжатъ оконницы.

И полюбовалась Государыня-Масляница своимъ дѣломъ, порадовалась своей волшебной силѣ-крѣпости! Стоитъ румяная, развеселая за своимъ столомъ, крытымъ бранюю скатертью, уставленнымъ любимыми русскими яствами, раздавать не поспѣваетъ блины румяные съ разнымъ прищепкомъ, прищепкомъ и снадобьемъ, разливать не поспѣваетъ по кубкамъ и братинамъ старые, стоялые меды розмичные и крѣпкія, забористыя вина заморскія. А сама Государыня приговариваетъ:

— Не бойся веселаго, Русь-матушка, бойся насмурнаго! Не забывай мудраго правила: „дѣлу — время, а потѣхѣ — часъ!“

Поддаваясь общему масляничному настроенію, я тоже, поминется, въ одинъ изъ предшествующихъ годовъ, бросилъ въ сторону бумаги и книги, и пошелъ бродить „подъ балаганами“. Бродилъ я одинъ, присматривался довольно дѣлливо къ тому, что ужъ столько разъ случалось видѣть: — тѣ-же на живую нитку сбитые балаганы, шалаши, бесѣдки, карусели, качели, катальные горы, лавочки съ грошевыми лакомствами: та-же тѣнота и давка около балконовъ, на которыхъ пляшутъ какія-то необыкновенно-плотныя дѣвцы, похлопывая руками на морозѣ; тотъ же некончи всѣмъ завѣстный „старый дѣдъ“, съ длиннѣйшею носконовою бороδοю, съ безконечными рѣсками и дешевымъ остроуміемъ — и тотъ же здоровый, громкій, несомнаемый смѣхъ толпы кругомъ „дѣда“... Тѣ же раѣшникъ съ „райками“, въ которыхъ показывается „какъ городъ Аршава горитъ, а князь Паскевичъ-Эриванскій поодаль стоитъ — и

Столкновение между Англиєю и Португаліей. Манифестация передъ памятникомъ Камозенса. Толпа покрываетъ крепость статуи мореплавателей. Рис. Луи Тенэрь.

ничего не говорить, а только говорить: пушай себя горить!" Тѣ же сбитенники съ кренделями, болтающимися на поясе; тѣ же продавцы какого-то весьма сомнительнаго кваса въ стеклянныхъ кувшинахъ... Все то-же и то-же — давно уже известное мнѣ съ дѣтства... А народъ веселится, радуется, отъ души смѣется, бѣтъ на ходу всякую дрянь, тѣшится такими дѣтскими забавами, на которыя со стороны и посмотрѣть даже странно...

— А вотъ братцы, кричитъ на сосѣдномъ балконѣ „дѣдъ съ бороδοю“, — прислушайте! Разскажу вамъ сказку не сказку и совсѣмъ не была... Ну, ты, рыжій, чего головой мотаешь? Али мою сказку знаешь? Знаешь, такъ разсказывай!

Толпа хохочетъ и озирается, отыскивая глазами „рыжяго“.

— А въ томъ, братцы, моя сказка, что прѣехала къ намъ однажды въ деревню Государыня-Масляница — всѣхъ мужиковъ перешлошила, всѣхъ бабъ растормошила... Всѣ блины пекутъ, потѣшаются, по деревенской улицѣ катаются... А одинъ бобыль, безъ блиновъ сидитъ, зубами пощелкиваетъ... Однако тоже, запрягъ лошаденку, залегъ въ дровнишки, ѣдетъ — пѣсни поетъ. Поровнялся съ нимъ богатый сосѣдъ, да и говоритъ ему:

— Дивлюсь я на тебя, сосѣдушка! Избѣнка у тебя коломъ подперта, на бокъ валится; дровнишки — взглянуть не на что; упряжка мочальная; кляченка косматая; подпоясанъ ты лыкомъ, прикрылся — рогожею... А тоже, какъ люди, пѣсни поешь? Неужто и тебѣ весело?

— Весело! ему бобыль отвѣчаетъ. — Не въ упряжкѣ, не въ одежѣ — веселье. Оттого и веселюсь, что никому не завидую... А ты, рыжій, какъ думаешь?

И опять толпа хохочетъ, отыскивая „рыжяго“, и, очевидно, не вникая во внутренней смыслъ разсказанной сказки.

„Никому не завидовать — мудрое правило“, думаю я про себя. „Безъ зависти и точно живетъ веселѣе...“

И перехожу къ другому балкону, на которомъ другой „дѣдъ съ бороδοю“ сидитъ верхомъ, нагнувшись къ публикѣ, и ведетъ съ ней бесѣду тоже о Масляницѣ.

— Пришла къ намъ въ деревню Масляница, разсказываетъ „дѣдъ“. — Пришла, пожаловала — а мужичьё-дурачье ее и спрашиваютъ:

— Ты съ чѣмъ пришла, государыня?

— А съ чѣмъ всегда ходила, съ тѣмъ и опять пришла.

— Небось съ овсянымъ блиномъ, да съ гречневымъ? говорить мужики, а сами въ затылкахъ чешутъ.

— А вамъ, небось, мои блины надоѣли? спрашиваетъ ихъ Государыня-Масляница.

— Да многонько у насъ нынче народу попримерло, такъ

Графъ М. Х. Рейтеръ. (По поводу 50-лѣтняго юбилея).
Съ фотогр. Бергамаско, грав. Шюблеръ.

твои блины намъ и на поминкахъ прѣблнсь...

— Эхъ, вы! Дураки, дураки! говоритъ имъ Масляница. — То бѣли вы блины на поминкахъ, кануномъ¹⁾ промазывали, кутей заѣдали — горе горевали! А мои блины въ масло макайте, сметанкой смазывайте, зеленымъ виномъ запивайте! Всякое горе забудете!

„Въ самомъ дѣлѣ странно, подумалъ я, перекочевывая къ третьему балкону, — почему именно на Масляной, на этой недѣлѣ общаго и шумнаго веселья, охватывающаго всю Русь православную, народъ питається блиномъ, поминальнымъ кушаньемъ?“ Припомнились мнѣ, по этому поводу, разныя ученые объясненія... Масляница — послѣдній зимній праздникъ, въ которомъ будто-бы народъ чувствуетъ поворотъ солнца къ лѣту, почему и „проводы Масляницы“ во многихъ мѣстахъ совпадаютъ съ „проводами зимы“. „А такъ какъ представленіе о Зимѣ“ — продолжаютъ глубокомысленно ученые — „въ народномъ сознаниі тождественно съ представленіемъ о Смерти (откуда они это узнали?), то и на проводахъ зимы, и на проводахъ Масляницы видимъ тѣ же обряды, что на похоронахъ и поминкахъ...“

Объясненіе очень ученое, но и очень темное — и едва-ли вѣрное? Зима на Руси, никогда, въ народномъ сознаниі, „не олицетворила собою смерти“. Русскій человекъ испоконъ вѣковъ ожидалъ зимы съ радостью, оживалъ зимою физически и нравственно. Зима была для него временемъ отдыха и открывала ему широкій, гладкій путь во всѣ стороны по снѣжной равнинѣ... Просторъ и воля, кати, куда хочешь; вози товаръ всюду безъ моста, безъ дороги!.. Нѣтъ! блины на поминкахъ и блины на Масляной ничего не имѣютъ, и не могутъ имѣть общаго, точно такъ же, какъ и представленіе русскаго человека о смерти не можетъ имѣть ничего общаго съ олицетвореніемъ Масляницы въ видѣ безобразнаго чучела. Русскій человекъ во всѣ вѣка пзумлялъ иноземцевъ своимъ чрезвычайнымъ равнодушіемъ къ смерти; онъ во всѣ вѣка знаетъ, что она — „не за горами, а за плечами“, и потому умиралъ такъ же просто, какъ и жилъ...

Подхожу къ третьему балкону въ то время, когда „дѣдъ“ уже заканчиваетъ свою бесѣду съ толпою и на прощанье приговариваетъ:

— Очень ужъ я васъ нынче смѣшилъ и тѣшилъ, братцы! Смотрите, какъ завтра за блины сидете, да поминать меня станете — чуръ не поперхнитесь, да первымъ блиномъ не подавите! Очень ужъ это плохо, какъ первый блинъ да комомъ...

И вдругъ мнѣ припомнился по этому поводу народный разсказъ о томъ, какъ Петръ Великій справлялъ Масляницу.

¹⁾ Канунъ, кануонецъ — топленый медъ, которымъ поливаютъ кутю при поминкахъ.

Г. П. Кондратьевъ. (По поводу 25-лѣтняго юбилея).
Съ фотогр. Бергамаско, грав. Шюблеръ.

Когда-то, еще въ ранней молодости, мнѣ пришлось его слышать отъ старика-сказочника, въ окрестностяхъ Новгорода. — Петръ Первый гораздъ былъ на великое дѣло, рассказывалъ мнѣ мой пріятель-сказочникъ, — гораздъ былъ и гулянки гулять... Въ Рождество, бывало, самъ по своимъ пріятелямъ ѣздилъ, со вѣздой, Христа славилъ, и угощенье съ собою возилъ, а на Масляной любилъ и покататься, и пошноровать, и блинковъ поѣсть. Вотъ, однажды, въ самый первый день Масляной, докладываютъ ему фискалы:

— Такъ и такъ молъ, ваше величество, есть между вашими боярами такой крамольникъ, что на васъ со своими пріятелями умыслиеть. Не прикажете-ли за нимъ команду отпривести — его съ пріятелями на цѣпь посадить?

— Нѣтъ, говоритъ царь, — я къ нему нынче блинковъ поѣсть самъ съѣзжу.

— Что ты, батюшка-царь! взмолился Петру фискалы. — Да у него нынче все его пріятели въ сборѣ... Человѣкъ съ тридцать наберется! Приѣдешь къ нимъ, оттуда живымъ и не выйдешь.

— Полно врать! говоритъ царь. — Пусть ихъ будетъ тридцать — да я-то самъ по себѣ. Аль забыли, что я между Петрами — Первый?

— Царь-батюшка, говорятъ фискалы, — не ѣзди ты, не губи своей душешки! У нихъ тамъ на тебя великое оружіе припасено!

— Чтò мнѣ оружіе! Да я только на порогъ къ нему стулню, такъ онъ у меня первымъ блиномъ и подавится!

Отступилъ фискалы: видятъ что съ нимъ не сговорилъ... А Петръ Первый взялъ съ собою своего любимого деньщика, Меньшикова, сѣлъ въ саночки, да и поѣхалъ къ крамольнику блинковъ поѣсть.

Крамольникъ-то у себя въ хоромахъ сидитъ, съ друзьями блины ѣсть, бражничаеть, а самъ про царя Петра говоритъ:

— Онъ и тѣмъ не хоронъ, и тѣмъ не угодецъ — надо подумать, какъ его извести... Ужъ я такой зарокъ положилъ, что самъ живъ не буду — а его загублю!

Какъ сказалъ это, дверь-то вдругъ — настель, и сталъ передъ крамольникомъ царь Петръ на порогѣ:

— Здравствуй, хозяйнушка! Съ широкою Масляною! А крамольникъ-то, какъ взялъ блинъ въ ротъ, такъ и замеръ — подавился блиномъ, поспѣлъ, только глазами водить...

— Ну, говоритъ царь, — вижу я, что плохо тебѣ... И первый блинъ да комоль! Эй вы, уберите его!

Вынесли крамольника замертво. — Ну, а теперь, какъ нѣтъ здѣсь хозяина, угощайте меня вы, его пріятели.

Засуетились пріятели крамольника, несутъ царю стоку блиновъ на серебряной тарелкѣ, подаютъ ему вино въ серебряный кружкѣ. А царь посмотрѣлъ на блины, сбросилъ ихъ на блюдо, говоритъ:

— Не гожи блины! Не гожа мнѣ ваша и тарелка. Да промежду ладоней ее и скатать... Посмотрѣть на вино, выплеснуть его на полъ, говоритъ:

— Не гоже ваше вино! Не гожа и кружка!

Да ручищей ее къ столу и приплющилъ.

— Ну, вижу, говоритъ, — что вы меня угостить не умѣете... Такъ авось я не лучше-ли васъ угощу! Данилычъ, вынь изъ ящика мое угощенье!

Деньщикъ и вынулъ пучекъ веревокъ.

Какъ увидели пріятели крамольника, такъ и наги передъ царемъ на колѣни:

— Виноваты, молъ, ваше величество.

Да, Государыня-Масляница настоящая чародѣйка! Она всемъ кружитъ головы, заставляя всехъ плясать по своей волшебной дудкѣ, всехъ вызываетъ къ веселью, побуждая на мгновение забыть о житейской прозѣ и невзгодахъ.

И куда не заглянешь Масляница: на чердакъ и въ подвалъ, въ роскошную гостиную и въ скромную народную столовую, куда простой человѣкъ заходитъ поѣсть блинковъ на мѣдный грошъ... Катается она и на рысакахъ, и „на чухонцахъ“, которые тоже на Масляницѣ стряхиваютъ свою флегму, и обгоняя другъ друга, бодро покрикиваютъ при зводѣ бубенчиковъ: „Держи р-р-равъи! Р-р-равую руку держи!“

Государыня-Масляница и тѣмъ приноситъ утѣху, кто судьбою оторванъ отъ родной земли, отъ роднаго крова и родной семьи... Въ то время, какъ мы тѣшимся здѣсь всеми благами, всеми дарами Государыни-Масляницы и скачемъ на тройкѣ за городъ, скользя по гладкой поверхности рѣки, окованной аринными льдомъ, взрывая комьями снѣгъ, которымъ разскакавшиеся пристяжныя забрасываютъ полеть нашихъ саней... Въ то же время, гдѣ-то далеко, въ другомъ полушаріи, подъ южными широтами, волны разбушевавшагося океана вздымаются на пѣнистые хребты русское судно дальняго плаванія, швыряютъ его какъ щепку изъ стороны въ сторону, потрясая его стѣнки, раскачивая мачты, обдавая налубу дождемъ сверкающихъ брызговъ... Русскіе моряки, собравшись въ каютъ-компаниі, готовятся къ своей скромной, обычной трапезѣ. Все намурыни, все хмурятся, всемъ надоѣла несносная качка... Только капитанъ какъ-то особенно, плутовато улыбается, по-смаатривая на товарищей, и, очевидно, готовясь ихъ угостить какимъ-то неожиданнымъ, диковиннымъ блюдомъ... Китаецъ-слуга, стараясь сохранить на ходу равновѣсіе, подаетъ на столъ закрытое блюдо, съ котораго самъ капитанъ осторожно поднимаетъ крышку, приговаривая:

— Господа! Съ широкою Масляницей!

— Ба, ба, ба! И точно!.. Вѣдь нынче у насъ на Руси начинается Масляная! Bravo! Блины... Вотъ сюрпризъ! Блины подъ трюнками! Блины на океанѣ!

И все оживаются... Все наперерывъ спѣшатъ говорить, вспоминаютъ недавній потѣхи и проказы Масляной у себя дома, — и передъ каждымъ возникаетъ милый образъ далекой родины, теплый родной уголокъ, кружокъ друзей, одушевленныхъ бесѣдой и легкимъ, веселымъ похмѣльемъ...

И все славятъ Государыню-Масляницу, причудливу, проказливу, чародѣйку-великую!

П. Полевой.

Къ рисункамъ.

Сборъ морской травы. (Рис. на стр. 121).

Великъ и разнообразенъ животный и растительный міръ въ водѣ. Съ каждымъ днемъ совершаются новыя открытія въ таинственномъ подводномъ царствѣ, но никогда не будетъ предѣла открывеніямъ изъ глубинъ океана. Уже то, что выбрасывается волнами на берегъ, говоритъ о богатствахъ, сокрытыхъ въ водныхъ пучинахъ. Прибрежные жители собираютъ случайные дары моря и нерѣдко тѣмъ и существуютъ; такъ, сборъ морской травы во многихъ побережныхъ мѣстностяхъ образуетъ цѣлый промыселъ. Подбирая выброшенную на берегъ траву или срѣзая ее на незначительной глубинѣ, ее сушатъ и затѣмъ она поступаетъ на различныя подѣлки. Напримѣръ, однимъ родомъ травы (*Zostera L.*) набиваютъ матрацы и подушки, другой (*Carex L.*) идетъ на плетенки, туфли, маты, и вообще многообразно въ обиходѣ и жизни употребленіе морской травы, сборъ которой изображенъ на стр. 121.

Сбитенщикъ. (Рис. на стр. 129).

Типичная фигура сбитенщика, правдиво и бойко нарисованная художникомъ Пюгровскимъ, хорошо знакома русскому люду въ зимнюю пору. Днемъ и ночью могутъ встрѣтить его на покрытой снѣгомъ улицѣ. Неторопливо ходитъ онъ изъ одного мѣста въ другое и предлагаетъ невзыскательнымъ потребителямъ горячій сбитень, приготовленный изъ воды, меду или патоки съ инбиремъ.

Лисабонскія манифестаціи. (Рис. на стр. 140).

Читатели „Нивы“ знаютъ уже о столкновеніи португальцевъ съ англичанами въ Средней Африкѣ. Послѣ того какъ въ Лисабонѣ узнали объ ультиматумѣ лорда Солсбери по поводу португальскихъ экспедицій въ Шире и область Пиассы, насе-

леніе устроило нѣсколько враждебныхъ англичанамъ демонстрацій, и одна изъ нихъ отличалась глубоко патріотическимъ характеромъ.

Толпа направилась на площадь Камозенса, посреди коей возвышается статуя авгора *Лузиады*. Какъ извѣстно, великій португальскій поэтъ, родившійся въ 1524 году, воспѣлъ въ своей поэмѣ — *os Lusíadas* — славу Португальцевъ и ихъ великихъ открытія въ дальнихъ моряхъ, и считается въ ряду первоестественныхъ эпическихъ поэтовъ. Умершій въ ужасной бѣдности въ 1580 г., нынѣ для португальцевъ онъ сталъ символомъ отечества, и вотъ почему памятникъ ему былъ избранъ для демонстраціи. Толпа закутала чернымъ крепомъ статуи мореплавателей и португальскихъ ищателей, окружающія пьедесталъ главной статуи Камозенса. На пьедесталѣ наклеили объявленіе, въ которомъ сказано, что крепъ этотъ вѣряется охранѣ народа, арміи и флота; кто сорветъ его, будетъ считаться измѣнникомъ родины и продавшимся Англіи. До тѣхъ поръ пока дѣло въ Африкѣ не будетъ кончено къ чести Португалии, статуя Камозенса будетъ въ траурѣ.

Графъ М. Х. Рейтернъ. (Портр. на стр. 141).

„Приобрѣтенныя вами обширныя познанія и многосторонняя опытность по финансовой части — говорится въ Высочайшемъ манифестѣ, данномъ 20 января на имя члена Государственного Совѣта, графа Рейтерна, — побудили почившаго въ Бозѣ родителя моего вѣрнуть вамъ въ 1862 году управленіе Министерствомъ Финансовъ. Состоя во главѣ сего министерства въ продолженіе шестнадцати лѣтъ, вы неуклонно стремились осуществити Монаршіи предначертанія, направленныя къ развитію и упроченію государственнаго хозяйства на правильныхъ и неизблѣмыхъ основаніяхъ. Високоудививъ, занявъ, по избранію Моему, высокую постъ предѣдателя Комитета Министровъ, вы явили исполненіемъ возложенныхъ на васъ важныхъ обя-

занности новое доказательство свойственной вам *непреклонной твердости и стартовой правдивости*, коими проникнута вся ваша предыдущая деятельность." Этими Монаршими словами замечательно верно охарактеризована, достойная глубокого уважения, личность гр. Михаила Христофоровича Рейтерн, как весьма видного государственного деятеля и как честного, прямого, необыкновенно трудолюбивого человека. Пользка служить гр. Рейтерну с честью, с редкою энергией своему делу отчужды и его важные заслуги, в особенности как финансиста, признаны всеми. Онъ, в самую критическую минуту, когда доверие къ нашимъ финансамъ среди европейскихъ капиталистовъ было ослаблено, кредитъ нашъ стоялъ низко, когда въ желѣзныхъ дорогахъ чувствовалась неотложная необходимость, явился во всеоружии своей энергичной деятельности. Изыскавъ средства къ сооруженію въ Россіи желѣзныхъ дорогъ на казенный счетъ, онъ одновременно сумѣлъ привлечь къ этому делу и частную предприимчивость, такъ что къ концу его управленія министерствомъ Финансовъ, въ шестнадцатилѣтній періодъ, было выстроено до 20 тысячъ верстъ рельсовыхъ путей; при этомъ, въ разгаръ желѣзнодорожной горячки, онъ сумѣлъ упорядочить дело получения концессій, испросивъ Высочайшее повелѣніе на установленіе новой системы выдачи этихъ концессій по конкурренціи въ запечатанныхъ конвертахъ, что дало прекрасные результаты. Созданъ былъ желѣзнодорожный фондъ и реализация желѣзнодорожныхъ должностей постепенно была регулирована правительствомъ. Съ такою же энергіей гр. Рейтернъ, тотчасъ послѣ того, какъ Россія покрылась первою сѣтью желѣзнодорожныхъ путей, принявъ рядъ полезнѣйшихъ мѣръ къ развитію нашей желѣзодобывательной промышленности, давъ прекрасные матеріалы своимъ преемникамъ для завершения этого дела. Наравнѣ съ этимъ, можно сказать, примѣрною деятельностью, гр. Рейтернъ трудился неутомимо надъ нашимъ бюджетомъ и возводилъ его, съ помощью своихъ даровитыхъ сотрудниковъ. Благодаря выработкѣ такихъ законовъ, которые совершенно упорядочили отечественные финансы, русская государственная рѣшенъ могла быть въ первый разъ опубликована, въ 1863 году, во всеобщее свѣдѣніе, а вслѣдъ затѣмъ стали публиковаться и ежегодные отчеты государственнаго контролера. Стоя на стражѣ интересовъ государственнаго казначейства, путемъ особенныхъ усилій охраняя ихъ, гр. Рейтернъ достигъ, наконецъ, цѣли къ которой онъ столь упорно стремился — къ уравновѣженію нашихъ бюджетовъ, такъ что передъ Восточною войною, бюджетъ получился излишней.

Цицъ Государственнаго Совета, статсъ-секретаря, графа Михаилъ Христофоровичъ Рейтернъ происходитъ отъ древней шведской дворянской фамиліи, поселившейся въ Лифляндіи въ XVII столѣтіи, изъ той замѣчательной семьи, которая вѣрой и правдой служила Россіи и на полѣ брани, и на мирномъ поприщѣ общественной деятельности и дала нашей родинѣ немало прекрасныхъ людей. Отецъ Михаилъ Христофоровича, Христофоръ Романовичъ Рейтернъ, былъ извѣстнѣйшій боевой генералъ, начальникъ кавалерійскихъ войскъ въ южной Россіи, участникъ отечественной войны 1812 г. М. Х. Рейтернъ родился 12 сентября 1820 г., въ г. Юрьевѣ, Смоленской губерніи. Получивъ дома основательное воспитаніе подъ благотворнымъ влияніемъ своей умной и прекрасной во всѣхъ отношеніяхъ матери, уроченной фонъ-Гельфрейхъ, онъ продолжалъ образованіе въ частномъ пансіонѣ города Верро и окончилъ его въ Царскосельскомъ лицѣ въ 1840 г. съ чиномъ IX класса и съ серебряною медалью за отличные успѣхи, вынесъ изъ лица благородныя, истинно человѣчныя идеи Пушкинскои эпохи, будучи также много обязанъ развитіемъ умственнымъ и нравственнымъ своему родственнику, славному поэту В. А. Жуковскому. Службу свою гр. Рейтернъ началъ въ кредитной канцеляріи министерства Финансовъ, когда имъ управлялъ графъ Канкринъ, затѣмъ служилъ съ 1843 по 1854 г. по министерству Юстиціи, а затѣмъ въ Главномъ морскомъ штабѣ и былъ тогда командированъ въ южныя и сѣверныя губерніи, а затѣмъ на три года въ Пруссію, Францію, Англію и Соединенные Штаты для изученія финансовыхъ учреждений Запада и желѣзнодорожныхъ сооружений Америки. Пожалованный въ 1858 г. въ статсъ-секретаря, гр. Рейтернъ вскорѣ былъ назначенъ членомъ Совета министра Финансовъ и управляющимъ делами комитета желѣзныхъ дорогъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ принималъ самое дѣятельное участіе въ трудахъ разныхъ коммисій по финансовой части. Въ 1862 г. онъ назначенъ управляющимъ министерствомъ Финансовъ, а въ концѣ того же года сдѣланъ министромъ и занималъ этотъ постъ до 7 июля 1878 г., когда, по разстроенному здоровью, долженъ былъ покинуть его. Въ томъ же году онъ назначенъ членомъ Государственнаго Совета, а съ 1881 по 1887 г. занималъ постъ председателя Комитета Министровъ. Цицъ дѣятельнаго тайнаго совѣтника онъ получилъ еще въ 1870 г. Онъ имѣетъ орденъ Бѣлаго Ордена, Св. Александра Невского, Св. Владиміра 1-й степ., Св. Андрея Первозваннаго и много друг. знаковъ отличія и состоитъ, между прочимъ, почетнымъ членомъ Имп. Академіи Наукъ.

П. Быновъ.

Г. П. Кондратьевъ. (Портр. на стр. 141).

Во вторникъ, 30 января текущего года состоялся юбилей-

ный спектакль въ Мариинскомъ театрѣ. Главный режиссеръ русской оперы праздновалъ двадцатилѣтіе своей артистической службы при Императорскихъ театрахъ сперва въ качествѣ пѣвца, а затѣмъ въ настоящей должности. Кто, сколько ибудь знакомый съ механизмомъ театральнаго дела, не знаетъ съ какими сложными занятіями сопряжены обязанности режиссера и какую, можно сказать, тяжелую отвѣтственность нести онъ въ этой должности, которая требуетъ и знанія сцены, и опытности, и большой энергіи. Этими всеми качествами вполне обладаетъ нынѣшній режиссеръ нашей Русской оперы Геннадій Петровичъ Кондратьевъ. До вступленія въ эту должность Г. П. Кондратьева, режиссерская часть стояла очень невысоко; неустройству труппы, непорядки по репертуарной части и иные слишкомъ бросались въ глаза. Много труда, усилій и стараній пришлось приложить Кондратьеву для того, чтобы наладить дело какъ слѣдуетъ, водворить во всемъ настоящей порядокъ. Въ этихъ стремленіяхъ уничтожить всякую распушенность, оказался человекъ горячо преданный делу, преданный искусству, которого не устрашили никакія, ни тайныя, ни явные нападки его враговъ, и который всегда шелъ своей дорогой, честно исполняя свои обязанности. Не касаясь нынѣшняго состава русской оперы, далеко не удовлетворяющаго требованіямъ современнаго искусства, смѣло можно сказать, что Кондратьевъ сдѣлалъ для нашей оперы много, стараясь всеми силами поднять ея духъ, улучшить матеріальное положеніе артистовъ, устранить все вредно-влияющее на успѣхъ дела. Достаточно вспомнить, что Кондратьеву принадлежатъ мысль объ учрежденіи при оперѣ должности учителя сцены, мысль занимаемой О. О. Палеекомъ, что его же стараниями устроены классы для обученія хорошему пѣнію и для теоретической подготовки, что онъ достаточно погрузился въ коммисіяхъ для выработки новыхъ положеній объ артистахъ, по увеличенію ихъ окладовъ и друг. и способствовалъ отчасти бенефицивъ въ оперѣ, какъ показала опытъ, только введшихъ делу. Наконецъ, онъ былъ однимъ изъ учредителей ссудо-сберегательнаго кассы артистовъ русской оперы, обороты которой достигаютъ нѣсколькихъ сотъ тысячъ. При Кондратьевѣ, за девятнадцать лѣтъ его режиссерской деятельности, поставлено тридцать восемь новыхъ оперъ, изъ нихъ двадцать шесть русскихъ, которымъ Кондратьевъ всегда дѣлалъ особенное предпочтеніе, будучи по своимъ убѣжденіямъ и симпатіямъ вполне русскимъ человекомъ. Нѣсколько умѣло и старательно исполнять свои обязанности Кондратьевъ видно изъ того что при немъ доходность спектаклей русской оперы почти удвоилась: въ 1871 г., когда онъ былъ утвержденъ въ должности режиссера, опера давала дохода около 180 тысячъ, въ настоящее же время эта цифра возросла до 330 тысячъ. Чисто артистическая дѣятельность Кондратьева, при всей ея кратковременности, также весьма почтена. Со половины шестидесятихъ годовъ вплоть до перехода своего на должность режиссера, онъ былъ украшеніемъ нашей оперной сцены и съ перваго дебюта пользовался большимъ успѣхомъ. Главныя оперы, въ которыхъ съ наибольшимъ успѣхомъ участвовалъ Кондратьевъ, были: «Русланъ», «Вражья сила», «Гальба», «Гроза», «Лучія», «Шурпанетъ», «Вильгельмъ Телль», «Пророкъ» («Юанни», «Лейденскій»), «Юзигринъ», и друг. Многие почтенныя качества Г. П. Кондратьева, которыя приобретаются воспитаніемъ въ хорошей семьѣ, довольно указываютъ на происхожденіе его изъ дворянской среды. Геннадій Петровичъ Кондратьевъ, сынъ уѣзднаго предводителя дворянства, родился 5 февраля 1834 г. въ родовомъ имѣніи Языкино, Кинешемскаго уѣзда, Костромской губерніи, и первоначальное образованіе получилъ въ Александровскомъ (Царскосельскомъ) корпусѣ для малолѣтнихъ, а затѣмъ въ Павловскомъ корпусѣ. Рано обнаруживъ влеченіе къ пѣнію и хорошій голосъ, онъ былъ зачисленъ въ пѣвческій кадетскій хоръ и сдѣлалъ большіе успѣхи, когда былъ переведенъ въ Павловскій корпусъ, гдѣ руководителемъ хора былъ извѣстнѣйшій Г. А. Ламакинъ, умѣвнѣйшій развивать музыкальныя способности въ своихъ ученикахъ. Съ двѣнадцатилѣтняго возраста Кондратьевъ сталъ учиться игрѣ на скрипкѣ и виолончели у Подобѣдова, не менѣе извѣстнаго тогда музыканта, и успѣлъ настолько, что въ 1849 г. уже находился во главѣ корпуснаго хора и былъ прекраснымъ дирижеромъ. Ему, благодаря этому, было дозволено Я. И. Ростовцевымъ для поддержанія хора приѣзжать въ Петербургъ уже по окончаніи курса, послѣ прикомандированія Кондратьева къ образцовому кавалерійскому полку, стоявшему въ Павловскѣ. Поступивъ на службу въ Кирасирскій Бел. Ку. Елены Павловны полкъ, онъ въ 1854 г. былъ произведенъ въ офицеры и спустя годъ отправленъ въ Севастополь, гдѣ находился до конца войны, пробывъ охотникомъ на горѣ Св. Мекензія нѣсколько мѣсяцевъ. Выйдя затѣмъ тотчасъ въ отставку, онъ прибылъ въ Петербургъ и здѣсь, черезъ А. Н. Майкова, познакомился со знаменитымъ лабашемъ, который и посоветовалъ Кондратьеву ѣхать въ Италію учиться пѣть. Въ Миланѣ онъ бралъ уроки пѣнія у Ренетто, а декламаций у профессора Торелли. Черезъ четыре года онъ дебютировалъ въ Паварѣ (въ Пьемонтѣ) ролью Ассуръ въ Россинской оперѣ «Семирамида», затѣмъ пѣлъ въ Верчелли, Казанѣ, Александріи, Туринѣ и др. Возвратясь въ Россію, Кондратьевъ пѣлъ сезонъ 1863

1864 г. въ Тифлисе, а по приѣздѣ въ Петербургъ, для получения заграничнаго паспорта, былъ приглашенъ гр. Бергомъ на службу въ русскую оперу, гдѣ его дебютъ состоялся 6 сентября 1864 г. въ оперѣ „Русланъ и Людмила“, сопровождавшейся огромнымъ успѣхомъ. По выходѣ въ отставку Стѣнова,

С. А. Геденовъ предложилъ въ 1871 г. Кондратьеву занять мѣсто главнаго режиссера, въ каковой должности онъ и пріобрѣлъ себѣ уваженіе всѣхъ истинно понимающихъ дѣло людей, трудясь, какъ говоритъ поэтъ, „безъ торопливости, но и безъ отдыха“ (Ohne Hast—ohne Rast).
П. Бывовъ.

Политическое обозрѣніе.

Самую интересною новостью минувшей недѣли является отставка князя Бисмарка отъ должности министра торговли. Мѣшеніе князя одни объясняютъ преклоннымъ возрастомъ маститаго руководителя внѣшней и внутренней политики Германской имперіи, его не всегда удовлетворительнымъ состояніемъ здоровья за послѣднее время, а также громаднымъ трудомъ, сопряженнымъ съ тѣмъ положеніемъ, которое занимаетъ князь Бисмаркъ; другіе видятъ въ отставкѣ поворотъ Пруссіи къ болѣе активному образу дѣйствій въ вопросѣ о законодательныхъ мѣрахъ, направленныхъ къ обезпеченію рабочихъ. Новымъ министромъ торговли назначенъ г. Берлешъ. Занимая до настоящаго назначенія постъ президента Прирейнской Пруссіи, онъ обнаружилъ по отношенію къ рабочимъ много просвѣщенной заботливости и доброжелательства. Во время недавнихъ стачекъ, оставаясь энергичнымъ, но въ то же время осмотрительнымъ администраторомъ, онъ поборолъ волненіе, не прибѣгая къ содѣйствію войска, безъ котораго не обошлись въ Вестфаліи.

Въ этомъ назначеніи и видятъ якобы подтвержденіе втораго предположенія, но *Сверло-Германская Всеобщая Газета* заявляетъ, что назначеніе новаго министра торговли послѣдовало исключительно вслѣдствіе собственнаго желанія имперскаго канцлера ограничить кругъ своей дѣятельности. Всѣ же другія причины, которыя приводились газетами въ объясненіе этой перемѣны, лишены, по словамъ офиціознаго органа, всякаго основанія. Какъ бы доказательствомъ вышеназложеннаго и въ противорѣчіе слухамъ объ уменьшившемся расположеніи молодаго Германскаго императора къ князю Бисмарку—является присутствіе императора Вильгельма на обѣдѣ у имперскаго канцлера 23 января. Во время обѣда императоръ неоднократно пилъ за здоровье князя Бисмарка и оставался у него во дворцѣ до 11 часовъ вечера.

Отставка князя Бисмарка отъ должности министра торговли не помѣшала нѣмецкимъ газетамъ отнестись съ должнымъ вниманіемъ къ брошюрѣ полковника Штоффеля, появившейся въ Парижѣ и трактующей „о возможности союза Франціи съ Германіей“. Полковникъ Штоффель, „проницательно доносившій наканунѣ франко-германской войны Наполеону III о прусской арміи, стоитъ за союзъ съ Германіей и предпocтпавляетъ его союзу съ Россіей. Стоить де только Германіи возвратитъ своей сосѣдкѣ Эльзасъ и Лотарингію, и Франція предоставитъ свои силы Германіи для охраненія западно-европейскаго строя отъ разрушающаго натиска съ востока.

Германская печать не отвергаетъ въ принципѣ готовности заключить союзъ съ Франціей, но о возвращеніи отнятыхъ у Франціи провинцій и думать не хочетъ. „Если—говоритъ *National Zeitung*—дѣйствительно свободѣ и цивилизаціи Европы грозитъ съ востока такая серьезная опасность, какъ то утверждаетъ Штоффель, то Франція слѣдуетъ дорожить союзомъ съ Германіей и помимо такого второстепеннаго дѣла, какъ вопросъ о томъ, чьи войска расположены въ Мецѣ и Страсбургѣ“.

Нѣсколько иначе отзывается о брошюрѣ Штоффеля французская печать. *Journal des Débats* заявляетъ въ особой статьѣ: „Даже если-бы Эльзасъ и Лотарингія никогда не были присоединены къ Германіи, то и тогда мысль о франко-гер-

манскомъ союзѣ противъ Россіи слѣдовало бы отвергнуть, такъ какъ она противна чувствамъ, традиціямъ и интересамъ нашей страны. Напротивъ, для установленія между Россією и Франціей—не союза, а согласованія дипломатическихъ интересовъ—существуютъ незыблемыя основанія; причины эти существовали ранѣе 1870 года и никто не можетъ ихъ уничтожить“.

Пользуясь случаемъ появленія брошюры Штоффеля, брюссельскій *Le Nord* пишетъ, что въ послѣднее время неоднократно говорилось о перемѣнѣ направленія французской политики по отношенію къ Германіи, и хотя офиціально это отрицалось, но въ воздухѣ носилось какое-то вѣяніе; появлялись русофобскія брошюры, которыя остались незамѣченными по ихъ ничтожности. Имя Штоффеля, разыгравшаго роль Кассандры въ трагедіи паденія третьей имперіи—достаточно громко, но отъ этого въ брошюрѣ его не прибавилось смысла, и *Le Nord* твердо вѣритъ въ искренность если не чувствъ, то во всякомъ случаѣ здраваго смысла, руководящаго общественнымъ мнѣніемъ Франціи въ ея отношеніяхъ къ Россіи, а также убѣжденъ, что почтенному полковнику не подѣ силу направить этотъ здоровый смыслъ на другой путь.

Въ Парижѣ палата депутатовъ продолжаетъ очищать себя отъ незаконно понавшихъ въ ея среду quasi-депутатовъ. Рядомъ съ тѣмъ республиканская ея часть старается сплотиться, чтобы придать дѣйствіямъ болѣе однообразія и единодушно поддержать правительство, буде къ тому встрѣтятся необходимыя. Если очищеніе палаты отъ непрошенныхъ гостей и совершается довольно удачно, то вторая попытка увѣнчалась полнымъ неуспѣхомъ. На бывшемъ 17 января общемъ собраніи республиканскихъ депутатовъ предложено было устроить ежемѣсячныя собранія и постоянное бюро. Первое предложеніе было принято, но послѣднее отвергнуто. Бриссонъ назвалъ предложеніе объ учрежденіи постояннаго бюро попыткой къ установленію негласной власти. Изъ 200 присутствовавшихъ 162 подписались членами собранія, прочіе воздержались. Неудачный исходъ общаго собранія республиканской партіи, а также слухи о несогласіяхъ между министрами, заставляють многихъ считать неустойчивымъ настоящее министерство и допускать возможность недалекаго кризиса.

По послѣднимъ извѣстіямъ, на островѣ Критѣ положеніе дѣлъ снова принимаетъ тревожный характеръ. Нѣскольکو турокъ были убиты христіанами. Послѣдніе, боясь возмущенія, бѣжали въ горы. Турецкія войска, посланныя въ деревни Мессарскаго округа, совершили жестокости изъ мести, и возстаніе представляется вновь вѣроятнымъ, тѣмъ болѣе, что вибъ горю турки не въ состояніи держаться и вынуждены укрываться въ крѣпостяхъ. Въ виду такого положенія дѣлъ, по словамъ *Neue Freie Presse*, къ Порту обратились съ нотами Россія и Франція, а затѣмъ были получены въ Константинополѣ также ноты отъ Англіи и Італіи. Газета увѣряетъ, что нота послѣдней редижирована въ весьма рѣшительномъ тонѣ и требуетъ нѣкоторыхъ измѣненій въ извѣстномъ фирманѣ. При этомъ также сообщается, будто бы Россія предложила возложить надзоръ за дѣйствіями турецкихъ властей на островѣ на комисію изъ консуловъ европейскихъ державъ.

С М Ъ С Ъ.

Случай изъ жизни покойнаго императора Александра II. Въ своихъ воспоминаніяхъ о Н. Н. Муравьевѣ, напечатанныхъ въ „Историческомъ Вѣстникѣ“, г. Бороздинъ передаетъ разсказъ Муравьева объ одномъ, серьезномъ случаѣ, который произошелъ съ императоромъ Александромъ Николаевичемъ, когда онъ еще былъ наследникомъ. „Въ 1853 году—разсказываетъ Муравьевъ—возвращаясь съ цесаревичемъ съ Ольмюцкаго свиданья, государь пожелалъ сдѣлать осмотръ моему корпусу, остался имъ доволенъ и ошастливилъ меня съ наследникомъ принятіемъ моего солдатскаго обѣда въ лагерномъ шатрѣ. Гости мои были въ самомъ прекрасномъ настроеніи, что меня отъ души радовало; вдругъ, за вторымъ блюдомъ, когда подали рыбу, цесаревичъ поперхнулся и сталъ съ силою откашливаться; въ горло ему попала рыба кость. Откашливанье не вело ни къ чему; онъ посиѣлъ, глаза выкатились, кость его душила. Пронзочно смѣяние. Государь, вскочивъ со своего мѣста, разстегнулъ мундиръ цесаревичу, ударялъ его въ шею рукой: ничто не помогало. Находившійся тутъ же лейбъ-медикъ просилъ позволенія дѣйствовать инструментомъ, его допустили, и онъ съ большими усилиями протолкнулъ, наконецъ, кость въ пищеводъ. Наслѣдникъ тогда вздохнулъ и сталъ приходитъ въ себя. Эти нѣсколько минутъ были ужасны. Я никогда не видѣлъ государя на-

столько смущеннымъ и растроганнымъ. Онъ былъ въ отчаяніи, блѣденъ, слезы текли у него по лицу и, пока все не кончилось, не переставалъ креститься. Наслѣдникъ сильно ослабѣлъ, его раздѣли и положили въ мою постель. Черезъ нѣсколько дней онъ оправился; ему обвязали горло и перевезли въ Петербургъ“. Этотъ несчастный случай избавилъ, однако, наследника отъ тучности, которою онъ страдалъ,—съ зтихъ поръ онъ сталъ худѣть. (в.)

Археологическая находка. Недавно, по сообщенію кievскихъ газетъ, проектированный художественный музей въ Кіевѣ получалъ въ даръ древній мечъ, вырытый плугомъ на поляхъ Золотоношскаго уѣзда (Полтавской губ.), близъ села Григоровки. Плугомъ вырыто было два меча, и одинъ изъ нихъ былъ воткнутъ въ человѣческой черепъ, пронизанный имъ почти насквозь; черепъ съ воткнутымъ мечомъ взялъ помѣщикомъ Максимовичемъ, а другой мечъ былъ присланъ въ Кіевъ. Мечъ этотъ имѣетъ восемь вершковъ длины, желѣзный, обоюдоострый, съ рукояткою оканчивающейся двумя завитками. Полагають, что это типъ скифскаго меча. На поляхъ Григоровки, прилегающей къ берегу Днѣпра, находятъ часто глиняные горшки съ золой и разныя предметы, свидѣтельствующіе о томъ, что въ той мѣстности въ древнія времена жилъ народъ, у котораго покойниковъ сжигали и пепель въ глиняныхъ урнахъ зарывали въ

землю. Теперь крестьяне не употребляют эти глиняные урны для шитья. (в.)

Новый способ рыбной ловли с особенным успехом практикуется нынѣ въ Самарѣ. Онъ состоитъ въ ужении рыбы на отрубное тѣсто и изобрѣтенъ еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ этомъ городѣ неизвѣстно къмъ. Тѣсто готовится изъ двухъ частей крупныхъ отрубей и одной части пшеничной муки и на него жадно берется язъ, а нѣрѣдка судакъ и лещъ. Вскорѣ послѣ изобрѣтѣнія этого способа, на Волгѣ имъ удили рыбу не многие и то изъ любви къ искусству. Но затѣмъ, особенно года три назадъ, такая ловля обратилась въ промыселъ. Въ лѣтнее время года многие жители занимаются ужениемъ рыбы на тѣсто съ плотовъ и лодокъ и зарабатываютъ отъ 1 до 2 рублей ежедневно. На этой рыбной ловлѣ нѣрѣдко приходится, по словамъ мѣстной газеты, видѣть даже мастеровыхъ людей, которые, въ виду ограниченности заказовъ и упадка цѣны на работы, оставляютъ на лѣто свои ремесла и по цѣлымъ недѣлямъ живутъ на плоткахъ, занимаясь рыболовствомъ вплоть до наступленія холодовъ и окончанія полевыхъ работъ. Приглашенные рыбаки удятъ рыбу товариществами, обыкновенно по-двое, причѣмъ чередуются: одинъ ловитъ, другой сбываетъ наловленную рыбу и ловля идетъ непрерывно. Самые искусные рыбаки на отрубное тѣсто нѣрѣдко налавливаютъ рыбы до двухъ пудовъ въ день. Значительная часть городского населенія кормится этой довью. (в.)

Надгробная пятисотлѣтняя плита. Недавно въ Азовѣ найдена интересная для археологовъ плита изъ мрамора. На ней зна-

чится слѣдующая надпись: „1362 года, 11 дня мѣсяца августа. Здѣсь почтѣтъ знаменитый и благородный мужъ, господинъ Яковъ Корнарю, венеціанецъ, графъ Арбскій и прочая. По дожескому повелѣнью посоль и консулъ въ Таиѣ и по всему царству Гакарин (?), гдѣ и скончался. Душа и прахъ въ мирѣ да покоятся“. (в.)

Предохраненіе шнуровъ и бичевовъ отъ гніенія играетъ роль немаловажную въ хозяйствѣ. Самыя прочныя бичевки получаются, если ихъ положить въ сгущенный растворъ квасцовъ дня на два или въ горячій растворъ дубовой коры на столько же или немного болѣе времени. Но еще лучше готовить лѣтнегнущіе шуры и бичевки такимъ способомъ. Ихъ кладутъ въ крѣпкій растворъ клея, затѣмъ сушатъ и опускаютъ въ настой дубовой коры, послѣ чего опять сушатъ и, наконецъ, старательно вытираютъ тряпкой смазанной растительнымъ масломъ. (в.)

Замороженные фрукты можно возстановитъ слѣдующимъ способомъ. Въ объемистый сосудъ наливаютъ холодноватую воду и бросаютъ въ нее горсти двѣ поваренной соли; когда соль совершенно распустится, въ воду опускаютъ замороженные фрукты. Этого достаточно, чтобы они, въ теченіе нѣкотораго времени, отошли и приобрѣли свою первоначальную свѣжесть, причѣмъ возстановляется вполнѣ и ихъ качество. То же самое можно дѣлать и съ зеленью. (в.)

Населеніе Соединенныхъ Штатовъ по переписи 1888 года достигало 62 1/2 милліоновъ; изъ нихъ 2 милліона приходится на берега Тихаго океана. (с.)

Рѣшеніе ребуса № 1 (помѣщеннаго въ № 1). „Терпѣніе лучше спасенія“.

Рѣшеніе алгебраической задачи № 2 (помѣщен. въ № 1).

a) d = b + c	a = 14 = М
b) 1/2 (a + z) = 21	b = 1 = А
c) a + x = 30	c = 11 = Й
d) z - d = x	d = 12 = К
x) x^y = 4096	x = 16 = О
y) a - d = 2	y = 3 = В
z) x - a = 2	z = 28 = Ъ

Майновъ.

Примѣчанія къ: 2) Коэффициентъ шестаго члена разложенія седьмой степени равенъ числу сочетаній изъ семи элементовъ по пяти или изъ семи элементовъ по два: c^2/7 = 7*6/1*2 = 21.

3) Уравненіе (1/64)^2 - 0,1x = 4/0,125 приводимъ къ виду: 2^0,1x = 2^3; откуда x = 30.

5) Назвавъ искомое число черезъ у, согласно условію составляемъ уравненіе: (y-6)/10 + 6000 = y + 2313; откуда у = 4096.

6) Уравненіе: z^2 = -1 + 1 1/2 (z^2 - z^-2) приводится къ простѣйшему виду: z^2z - 3z^2 - 4 = 0; откуда z = 2.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: СПб. — А. Марцинскаго, А. А. Поспѣева, Невъ — А. И. Шульженко, Мценскъ — С. Дурикова, Одесса — М. Юрѣна, Сухарево — А. Вердеревской, Троицкое — С. Ф. Евстирь, Юрѣвецъ — А. А. Павловскаго.

Въ задачѣ вкралась маленькая неправильность: Въ пятомъ условіи: вмѣсто: шестое число въ степени седьмаго, нужно: пятое число въ степени шестаго.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Подписчику № 26173. Напрасно вы полагаете, что имя Исусъ (по еврейски Іешуа или Іегошуа) у насъ усвоено только Исусу Христу. На Западѣ дѣйствительно различается имя Спасителя (Jesus) отъ имени сына Навина (нѣмец. Josua, франц. Josué, англ. Joshua или Joshy); но у насъ этого различія нѣтъ. Въ Библии, въ книгѣ Исуса Навина читаемъ: (гл. I) Рече Господь Исусу сыну Навину... И заповѣда Исусъ книжочкамъ.. И отвѣщавше Исусу, рша.. и т. д. до конца книги онъ называется просто Исусомъ и лишь нѣрѣдка Исусомъ сыномъ Навина. Нужно-ли напоминать, что кромѣ него, въ Ветхомъ Заветѣ извѣстенъ Исусъ, сынъ Сираховъ, и три первосвященника (по счету тридцатый, 43-й и 58-й), посвятившихъ одно имя Исуса; также какъ и по Р. Х. были три первосвященника посвятившихъ это имя (64-й, 80-й и 81-й).

СОДЕРЖАНІЕ: Н. Р. Стихотвореніе А. Н. Майнова. — Судьба. Повѣсть князя М. Н. Волконскаго. (Окончаніе). — Исусъ. Новѣствованіе изъ библейскихъ временъ. Георга Эберса (съ рис.). (Продолженіе). — Государыня-Маслинца. П. Полеваго (съ 5 рис.). — Къ рисункамъ: Сборъ морской травы (съ рис.). — Сибирячки (съ рис.). — Лисабонскія манифестаціи (съ рис.). — Графъ М. Х. Рейеръ (съ портр.). — Г. П. Кондратьевъ (съ портр.). — Политическое обозрѣніе. — Сѣбѣ. — Рѣшенія задачъ. — Почтовый ящикъ. — Объявленія. — При семь № прилагается „ПАРИЖСНІЯ МОДЫ“ за ФЕВРАЛЬ 1890 г., съ 28 рисунками и отд. листъ съ 32 чертж. выкроекъ въ натур. величину и 17 рис. выпильныхъ работъ.

Издатель А. Марнсъ.

Редакторъ В. Ключниковъ.

Въ магазинѣ духовныхъ книгъ П. Л. ТУЗОВА въ СПб., Гостиный дворъ, № 45, поступило въ продажу ОСТРОМИРОВО ЕВАНГЕЛІЕ 1056—1057 (2-е) фотограф. изданіе. Нѣ ластв. СПб. 1889 г., и. 10 р., вѣс. 9 ф. Также въ роскошномъ колѣнок. переплѣтѣ, ц. 15 р., вѣс. 12 ф. На почтов. перес. прил. согласно показан. вѣса по таксу.

НОВАЯ КНИГА: ПРОРОЧЕСТВО СТАРОГО УЧИТЕЛЯ. Разсказъ А. Б. Гремнина. СПб. 1890. Цѣна 40 коп. Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ. № 4336

Advertisement for 'Пластырь' (Plaster) by V.I. Shepov. Text: 'Разрѣшенный въ аптекахъ, аптекарскихъ магазинахъ, магазинахъ обуви и ремесловъ, издѣлій. Выписывающимъ не менѣе 3-хъ пеньковъ, пересылка бесплатно, торговцамъ значительная уступка.' Includes an image of a plaster box.

Advertisement for 'Скрипки' (Violins) by B. Wolf. Text: 'Семь разъ удостоены первыхъ наградъ. Самыя лучшія и дешевыя въ настоящее время, неподражаемы по тону и качеству отъ 6—30 марокъ, знаменитыхъ мастеровъ отъ 30—200 марокъ. Альты, виолончели, басы. Смычки 1 1/2—50 мар. Фугляры 3 1/2—40 мар. Цитры 16—300 мар. Гитары 6—50 мар. Превосходныя струны. Вся духовная инструмента. Нѣмая скрипка для ученія (собств. изобрѣт.). Мастерская для пошивовъ. Рекомендаціи отъ Вильгельма, Саразате, Сорэ, Зингеръ и проч. Полнѣйшая гарантія. Прейсъ-курарты бесплатно. Бр. Вольфъ. Фабрика струнныхъ инструментовъ, Ц. № 4121 Крѣйцнахъ. 9—7

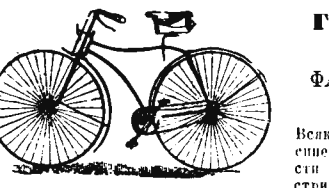
Отъ Департамента Удѣловъ

симвъ объявляется, что собственная продажа винъ Департамента изъ имѣній: ЕІС ІМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА „Ливадія“ и Удѣльныхъ „Абрау“, „Кахетинскаго“ и „Массандра“ (бывшее вл. С. М. Воронцова) — производится съ 27-го сего Января изъ погребовъ:

- 1) въ домѣ Д-та Удѣловъ, Моховая, № 40.
2) Невскій пр., Милютинъ ряды, № 27. № 434:

Advertisement for 'VELOUTINE' by Charles Fay. Text: 'Во всѣхъ складахъ духовъ и у всѣхъ парикмахеровъ во Франціи и заграничій. Специальная рисово-висмутовая пудра. CHAULES FAY, Parfumeur, 9, rue de la Paix Paris.

Advertisement for 'ASTHME & CATARRHE' cigarettes. Text: 'CIGARETTES ESPIC contre ASTHME & CATARRHE. AUTHORIZED BY THE GOVERNMENT OF RUSSIA. Post general: STOLL & SCHMIDT, à Saint-Petersbourg. Vente en gros: J. ESPIC, 20, rue Saint-Lazare, Paris. Exiger la Signature sur chaque Cigarette.

ГЕНРИХЪ КЛЕЙЕРЪ Франкфуртъ и/М. Р. № 4330 ФАБРИКАНТЪ ВЕЛОСИПЕДОВЪ „ОРЕЛЬ“. 12—1 Великаго рода двухъ- и трехъ- колѣсные велосипеды для взрослыхъ и дѣтей. Составныя части и принадлежності. Идутъ агентовъ. Иллюстрированный каталогъ за 10 пфен. марками.

ПИСЬМЕННОЕ ПРЕПОДАВАНІЕ ДВОЙНОЙ БУХГАЛТЕРІИ, № 4340

на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, вполнѣ замѣняющее устное преподаваніе, съ успѣхомъ практикуемое по всей Россіи въ теченіе многихъ лѣтъ, быстро и легко усваиваемое лицами обоюдопола. Полнѣйшее ручательство за успѣхъ. Окончившимъ курсъ по желанію выдаются свидѣтельства. Вознагражденіе весьма умѣренное. Программы и пробныя письма высылаются бесплатно. Преподаватель бухгалтеріи: А. Н. Янковскій, въ Ригѣ.

ЭЛЕОПАТЪ пров. КИНУНЕНЪ

для волосъ, средство противъ перхоти на головѣ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптек. и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп. но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Жители въ провинціи выписываютъ Элеопатъ Кинунена изъ ближайшихъ отъ нихъ городовъ, гдѣ только имѣется Аптеки или Космет. магазинъ, но не менѣе двухъ флаконовъ.

Просятъ непременно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждого флакона,—пров. Кинуненъ. (4) № 4287

ПРЕДЛАГАЮ ГГ. УЧИТЕЛЯМЪ ЗА 20 РУБЛЕЙ

50 грифельныхъ досокъ № 9, 1000 грифелей,
50 губокъ, 720 карандашей,
50 линейкъ, 36 мѣловокъ,

съ упаковкою и пересылкою во всѣ мѣста Европейской Россіи, расположенная на линіяхъ желѣзныхъ дорогъ.

Р. Глезеръ въ Ригѣ,

фабрика карандашей, грифелей, досокъ и т. п.
Прейсъ-курранты высылаются бесплатно. № 4331.

новое, ПЯТОЕ изданіе

ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ А. Н. МАЙКОВА,

издано изданіемъ А. Ф. МАРКСОМЪ, съ портретомъ автора, гравированнымъ на стали, и факсимиле.

Настоящее изданіе дополнено всѣми послѣдними произведеніями А. Н. Майкова, тщательно просмотрѣно и исправлено авторомъ.

Утвержденнымъ г. Министромъ опредѣленіемъ Ученого Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія постановлено: книгу „Полное собраніе сочиненій А. Н. Майкова“ реномендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, а также для выдачи, при выпускѣ, въ награду ученикамъ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, окончивающимъ въ оныхъ курсъ, о чемъ и напечатано въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

3 тома in 8, болѣе 1 500 страницъ. Цѣна 6 руб., съ перес. 6 р. 75 к.; въ роскош. календар. перепл. съ золот. тиснен.—8 р., съ перес. 9 руб.

Для подписчиковъ „Нивы“—5 р. 50 к., съ перес. 6 р. 25 коп., въ переплетѣ 7 руб., съ пересылкою 8 руб.

Съ требованіями просятъ обращаться въ СПбургъ, въ контору журнала „Нива“ (Невскій, 6).

Противъ насморка—бронхита КАПСЮЛИ ГЮЙО

Пріемъ ЗА КАЖДОЙ ЪДОЙ двѣ капсулы.
CAPSULES GUYOT.

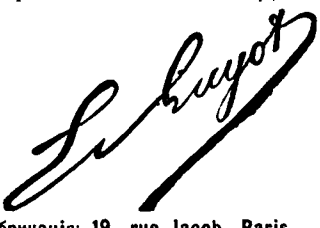
Прежде капсулы эти были черная и неприятны для пріема; теперь же онѣ бѣлыя и похожи на конфеты.

На каждой капсулѣ выдавлена подпись Гюйо. Ц. № 4301 6—2
Деготь, содержащій въ капсуляхъ Гюйо, переносится самыми слабыми желудками.

Примѣчаніе. Дѣти и особы, которыя не могутъ проглатывать эти капсулы, будутъ пользоваться

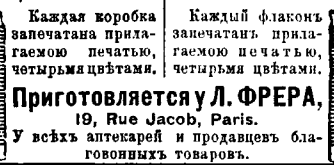
ПАСТОЙ РЕНЬО
PÂTE RENAUD
приготовляемой
19, rue Jacob.

Требовать на этикеткахъ следующую подпись трехъ цвѣтотъ:
Во всѣхъ аптекахъ.
Оптовая фабрикація: 19, rue Jacob, Paris.

ЗУБОЧИСТНЫЯ СРЕДСТВА ПЕЛЛЕТЬЕ, ОДОНТИНЪ ПЕЛЛЕТЬЕ ЭЛИКСИРЪ ПЕЛЛЕТЬЕ

Ц. № 4300 ЧЛЕНА МЕДИЦИНСКОЙ АКАДЕМІИ ВЪ ПАРИЖѢ. 6—2
Каждая коробка залечатана прилагаемою печатью, четырьмя цвѣтами.
Каждый флаконъ залечатанъ прилагаемою печатью, четырьмя цвѣтами.
Приготовляется у Л. ФРЕРА, 19, Rue Jacob, Paris.
У всѣхъ аптекарей и продавцевъ благовонныхъ товаровъ.

Изданы Ф. Павленковымъ и поступили въ продажу во всѣхъ книжныхъ магазинахъ
СОЧИНЕНІЯ А. СКАВИЧЕВСКАГО.
Критическія этюды, публицистическ. очерки, литературн. характеристики 1838—1887.
СОДЕРЖАНІЕ: Новое время и старыя боги. Русское недомысліе. Прудонъ объ искусствѣ. Герои голубиного полета. Теорія Лассаля. Живая струя. Д. И. Писаревъ. Старая правда. Чего нужно добиваться реальному поэту. Соросъ гдѣ русской критикѣ Герои вѣчныхъ ожиданій. Графъ Левъ Толстой. Старый идеализмъ въ современной оболочкѣ. Три человѣка сороковыхъ годовъ. Сентиментальное прекрасноедушіе. Наши грядущіе Бисмарки. Литературныя противорѣчія. Винниградъ современной морали. Наша современная беззащитность. Три письма о русской словесности. А. И. Левитовъ. Н. А. Некрасовъ. Разладъ художника и мыслителя. Эпидемія легкомыслія. Женскій вопросъ. Жизнь въ литературѣ и литература въ жизни. (Л. Успенскій, какъ разрушитель иллюзій В. М. Гаршина). Новый человѣкъ деревни. О нравственно-философскихъ идеяхъ гр. Л. Толстаго. Власть тьмы. Пѣсни о женской неволѣ. Русскій историческій романъ въ его проломъ и настоящемъ. Женщины въ песняхъ Островскаго. А. С. Пушкинъ. Къ „Сочиненіямъ“ приложенъ портретъ автора, гравированный въ Лейпцигѣ Геданомъ. Цѣна за два большихъ тома (около 1700 стр.) 3 руб. Въ простомъ переплетѣ—3 руб. 50 коп. Въ роскошномъ—4 руб. М. № 4327

ПЛОДОВЫЙ САДЪ А. РОХЕЛЯ

въ С.-Петербургѣ, Выборг. ч., ульѣ Лаборатори, шоссе и Полюстровск. просп. выслаетъ бесплатно новый иллюстр. каталогъ плодовыхъ и декоративныхъ деревьевъ и кустарниковъ, земляники, крагеуса для изгородей, розъ, многолѣтнихъ красивоцвѣт. раст. и пр. съ краткимъ объясненіемъ ихъ культуры. № 4341

ЖИРНАЯ ПУДРА ЛЕЙХНЕРА

для вечера а также и дня! Незамѣтна на кожѣ! Косметическое средство для красоты кожи! Цѣна коробки 1 рубль! № 4293 12—2
Театральныя гримировки: Румяна, бѣлѣла и карандаши для бровей! Имѣются во всѣхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи. Л. ЛЕЙХНЕРЪ, Берлинъ, поставщикъ Бельгійскихъ театровъ и двора. Главное депо для Россіи у В. Ауриха, Колокольная, № 18. С.-Петербургъ.

Весьма легко для каждого заниматься фотографированіемъ. Предлагаемъ № 4216
ФОТОГРАФИЧЕСКУЮ СЕКРЕТНУЮ НАМЕРУ ШТИРНА.
Цѣна съ пластинками на 36 снимковъ 20 р.
Шесть моментальныхъ снимковъ въ одну минуту.
Носится незамѣтно подъ короткимъ. Весьма удобна.
Хорошіе результаты. Пробныя снимки: 50 к.
Единственная продана для всей Россіи.
Краткое печатное наставленіе къ фотографированію прилагается бесплатно. Аппараты для съемокъ изображеній въ кабинетную величину, съ хоронимъ объективомъ, начиная съ 15 рублей. Большой выборъ всѣхъ принадлежностей къ фотографіи.
СКЛАДЪ ФОТОГРАФИЧЕСКИХЪ ПРИНАДЛЕЖНОСТЕЙ
БРУНО ЗЕНГЕРЪ и Ко
фотографіи. С.-ПЕТЕРБУРГЪ НЕВСКІЙ ПР., № 25—1.

ЭЛИКСИРЪ, ПОРОШОКЪ И ПОМАДА ДЛЯ ЗУБОВЪ

ОТЦЕВЪ БЕНЕДИКТИНЦЕВЪ
Аббатства СУЛАНЪ (Жиронда) Франціи.
Находятся во всѣхъ аптекахъ, москательныхъ лавкахъ и косметическихъ магазинахъ.

- Всѣ названныя косметическія продукты не содержатъ никакихъ вредныхъ веществъ, почему и разрѣшены Спб. Стод. Врачебн. Управленіемъ.
- 1) ПОДЛИННИКЪ ПАСТА EUGENIE средство для лица. Цѣна банки 1 р. 60 к.
 - 2) БАЛЬЗАМЪ EUGENIE изъ миртов. цвѣтовъ для декольте, лица и рукъ. Ц. флак. 1 р. 70 к.
 - 3) ЭЛИКСИРЪ MELANGE для волосъ. Ц. за флак. 2 р.
 - 4) ХИННО-ГЛИЦЕРИНОВ. ПОМАДА для волосъ. Цѣна банки 2 р.
 - 5) РУМЯНА EUGENIE жидкія, придающія щекамъ и ушамъ розов. цвѣтъ.
 - 6) РУЧНАЯ РАКОВИННАЯ ПОМАДА для волосъ. Цѣна банки 1 рубль 30 коп.
 - 7) ПОДЛИННИКЪ POUДRE EUGENIE бѣлая и розов. Ц. съ пухов. 1 руб. 50 коп., безъ пухов. 1 руб. 20 коп.
- КРАСКА ДЛЯ ВОЛОСЪ** черная, коричн. и свѣтлор. Цѣна кор. 3 руб. Рискъ Гутманъ.
Главное депо въ С.-Петербургѣ: въ Русскомъ обществѣ торговли аптекарскими товарами, Казанская; въ Центральномъ Аптекарскомъ Депо, Милютинъ Гдѣ; у Рузанова, Гостиный Дворъ; бывший Дарзанскъ, Пассаажъ, № 15-17; у Сіу и Ко; у Персона и Тибо, Невскій пр., № 18 и въ другихъ аптекарскихъ магазинахъ.
Въ Москвѣ: у К. И. Феррейна, Никольска и въ другихъ аптекарск. магаз., а также можно получать во всѣхъ аптекарскихъ магазинахъ всей Россіи.

ДВУНОГІЙ ВОЛКЪ.

Н. Н. Каразина. Изданіе 2-е. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к. Обращаться въ Контору журнала „Нива“, а также и ко всѣмъ известнымъ книгопродавцамъ

СЕМЬЯ ВОЛЬНОДУМЦЕВЪ. Историч. повѣсть времянь Екатерины II. Петрова и В. Кашинкова. Ч. 1-я.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1890 г. на
РЕМЕСЛЕННУЮ ГАЗЕТУ,
 ежемѣсячное изданіе. 6-й годъ.
 Москва, Малая Дмитровка, д. Алексѣевой.

♦ Въ каждомъ № помѣщаются: со-
 веты, рецепты, указанія и понятныя
 описанія новостей по всемъ реме-
 сламъ и некрупнымъ техническимъ про-
 изводствамъ, со множествомъ рисунковъ
 и рабочихъ чертежей (въ текстѣ и
 на 100 особыхъ листахъ) разныхъ но-
 выхъ изобрѣній, инструментовъ, стан-
 ковъ, машинъ и всякихъ полезныхъ
 приспособленій для мастеровъ и зо-
 ванцевъ. Также образцы: мужскихъ модъ
 и обуви: всѣхъ сезоновъ; столярныхъ, то-
 карныхъ, слесарныхъ, кузнечныхъ и др.
 изобрѣній, драпировокъ, ювелирныхъ и др.
 работъ. Описанія выставокъ, музеевъ,
 учебныхъ мастерскихъ, новости по тех-
 ническому и ремесленному образованію.

♦ Необходимое изданіе для техника,
 ремесленника, кустара, сельского хо-
 зяина, любителя ремесла и для школы.
 Въ него преміи дается: 100 листовъ при-
 ложений (чертежей и рисунковъ), стою-
 щихъ въ розничной продажѣ около 20 р.,
 и стѣнный календарь, изящно иллюстри-
 рованный.

♦ 60 №№ въ годъ. ♦

♦ 6 р. въ годъ съ перес. и достав-
 кой, 4 руб. за 1/2 года. № 4332

РЕМ. ГАЗ. одобрена Учен. Ком.
 Мин. Народ. Пров.

ЕЩЕ НА ВЫБОРЪ
 по 25 коп.

НОВОСТИ ПАРИЖСКОЙ ВЫСТАВКИ.
 Кромѣ вещей, опубликованныхъ въ
 прошломъ номерѣ, имѣются еще слѣ-
 дующія: ♦ Браслетъ отъ ревма-
 тизма. ♦ Метелка д. ильн. ♦ Аль-
 бомъ типовъ Гого-
 ля. ♦ Географиче-
 скій атласъ. ♦
 Альбомъ видовъ
 Петербурга. ♦ Аль-
 бомъ Москвы. ♦
 Альбомъ художни-
 ка Мартиши. ♦
 Резина предохран.
 занозки отъ выно-
 сѣ. ♦ Свѣчуситель.
 ♦ Профитка для
 огарковъ. ♦ Для дущенія орѣховъ. ♦ Сан-
 тиметръ. ♦ Сантиметръ-аршинъ. ♦ Вѣчная
 вѣшалка-цѣпочка д. платья. ♦ Извѣстн. фут-
 ларъ д. шведскихъ слѣткв. ♦ Герметикъ
 пробка. ♦ Стѣнная вѣшалка. ♦ Томика д.
 ножей. ♦ Черниловыводчикъ. ♦ Патентован-
 ный водчикъ изъ бумаги, бѣлыя и проч. ♦ Элек-
 трическ. порошокъ д. чистки металла. ♦
 Порошокъ д. серебрения. ♦ Пластяръ отъ
 жеволей. ♦ Золотая чернила. ♦ Серебрян.
 чернила. ♦ Вставка для карандаша, мѣла
 и проч. ♦ Чернъ для кожи. ♦ Грѣза д.
 смачиванія обуви. ♦ Конировальн. чернила.
 ♦ Больно отъ ревматизма. ♦ Пробки д.
 бутылочекъ съ разноцвѣтн. головками. ♦ Эл-
 фезева башня—игра пьесъ. ♦ Русская
 свѣтлыца новал. ♦ Альбомъ загадокъ,
 картинокъ. ♦ Крючекъ д. застѣгиванія са-
 ногъ. ♦ Карман. фонарь. ♦ Пробковина-
 матель. ♦ Перочистка. ♦ Указатель строи-
 (шара). ♦ Каучуковая зубная щетка. ♦ Ро-
 зетки для карточи. стола (извѣстн.). ♦ Лид-
 кость отъ жарчины. ♦ Составъ д. поли-
 ровки мебели, рамокъ. ♦ Азбука-крючка.
 ♦ Азбука-малятка (роскошн.). ♦ Каран-
 дашъ-автоматъ. ♦ Чернильн. карандашъ-
 автоматъ. ♦ Армянскій комплиментъ—
 шутка. ♦ Пыльная бутылочка или выхва-
 вѣстанка (фокусъ). ♦ Магическій пор-
 фель. ♦ Резина д. выскабливанія чернилъ.
 ♦ Крючекъ д. бумаги. ♦ Мышеловка. ♦
 Машинка для чистки картофеля. ♦ и слѣ-
 дующія сочиненія: ♦ Какъ быть порядоч-
 нымъ человекомъ. ♦ Всемирный постано-
 вленіе всего. ♦ Необходимыя правила для
 женщинъ. ♦ Необходимыя правила для
 матерей. ♦ Необходимыя правила для куп-
 цовъ. ♦ Тоже д. приказчиковъ. ♦ Подви-
 жи чѣловѣколюбій. ♦ и много другихъ ве-
 щей по самымъ дешевымъ цѣнамъ. Выпи-
 сываніе всѣхъ 62 предмета вышѣ, выси-
 лываютъ только С. Р. 12,50 к. Товаръ на
 сумку менѣе 2-хъ рублей не высылается.
 Заказъ исполняется немедленно. **Новый
 каталогъ** всѣхъ изобрѣтѣній за 7 коп.
 высылается. Адресоваться: С.-Петербургъ, 4,
 Невскій просп., 4. Складъ Новыхъ Изобрѣ-
 тѣній (фирма существуетъ съ 1872 года).

ЦАРЬ-ДѢВЦА.

Вс. Соловьева. Ром.-хрон. XVII вѣка,
 въ 3-хъ ч. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.: въ
 холст. перепл. 2 руб. 75 коп., съ перес.
 3 руб. 25 коп.

ВЫСОЧАЙШЕ утвержденное Товарищество Пиво-медовареннаго завода
 „ИВАНА ДУРДИНА“ въ С.-Петербургѣ, у Ново-Калинкина моста

основ. въ 1839 году,
 рекомендуетъ свой великолѣпно выдержанный **Англий-
 скій Портеръ**, розлитый въ англійскія бутылки и по-
 лубутылки съ этикетами завода.

Цѣна за 1 ведро въ бочкѣ 2 р.
 „ „ 1 укладн. ящикъ 100 бут. . . 14 „
 „ „ 1 „ „ 100 1/2 бут. . . 7 „

Посуда считается отдѣльно.

Английскій Портеръ, изготовляемый нашимъ за-
 водомъ, по своимъ выдающимся качествамъ вполне заслу-
 живаетъ того громаднаго распространенія, которое онъ
 имѣетъ въ С.-Петербургѣ. Въмѣстѣ съ тѣмъ, принимая во ви-
 даніе дешевизну нашего Англійскаго Портера и его способ-
 ность къ пересылу на самыя дальнія разстоянія, Правленіе
 Товарищества лѣститъ себя надеждою, что гг. иногородные
 торговцы и любители прекраснаго и вполне здороваго
 напитка почтять нашъ заводъ своимъ заказомъ.

Заказы исполняются всѣми колчествами, но не менѣе
 30 1/2 бут. Прейсъ-куранты высылаются безплатно. № 4311

Адр. для телегр.: Дурдину. Петербургъ.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ МѢХОВЫХЪ ТОВАРОВЪ
ПРИДВОРНАГО ПОСТАВЩИКА

П. М. ГРИНВАЛДЪ

въ С.-Петербургѣ

ПЕРЕВЕДЕНЪ НА НЕВСКІЙ ПРОСПЕКТЪ, № 22.

Рекомендуются мѣха и мѣховыя издѣлія высшаго достоинства по различнымъ цѣнамъ. № 4101

Участіе на Всемирной Парижской Выставкѣ 1889 года „ВНѢ КОНКУРСА“

Офицерскій крестъ Почетнаго легіона.

Адресъ для телеграммъ: ПЕТЕРБУРГЪ, ГРИНВАЛДЪ.

Въ книжныхъ магазинахъ Москвы и С.-Петербурга поступила въ продажу книга:
 Э. Ренана предъ судомъ науки или опроверженіе извѣстнаго сочиненія

Э. РЕНАНА:

„ЖИЗНЬ ИСУСА“

основанное на выводахъ изъ Библии и разсматриваемое съ точки зрѣнія исторической критики и философіи.

Сочиненіе аббата ГЕТТЭ

главнаго редактора журналовъ L'Union Chretienne и L'Observateur Catholique, автора „Исторіи церкви во Франціи“, „Исторіи иезуитовъ“, „Наставл. виновника раскола въ вѣрѣ“ и др. сочиненій по исторіи и философіи, касающихся религіи. Переводъ съ франц. втораго изданія Л. А. Фейгина. Москва, 1889 г. Ц. 2 р. Одинъ томъ болѣе 400 стр.

Вотъ перечень главъ, помѣщенныхъ въ книгѣ: **Часть 1-я**, главы 1—XIII. Введеніе. **Часть 2-я**. Положеніе Иисуса въ исторіи міра. Дѣтство и юность Иисуса. Его первыя впечатлѣнія. Воспитаніе Иисуса. Стрѣй понятій, на лонѣ которыхъ образовывается Иисусъ. Первые афоризмы Иисуса. Его идеи объ Единствѣ Бога Отца и объ единой чистой религіи. Первые ученики. **Часть 3-я**. Иоаннъ Креститель. Путешествіе Иисуса къ Иоанну и Его пребываніе въ пустынѣ Иудейской. Онъ принимаетъ крещеніе отъ Иоанна. Разъясненіе идей Иисуса о Царствіи Божіемъ. Иисусъ въ Капернаумѣ. Ученики Иисуса. Провѣдѣ при озерѣ. Царствіе Божіе, какъ пріютъ нищихъ. Посольство Иоанна-узника къ Иисусу. Смерть Иоанна. Отношеніе его учениковъ къ ученикамъ Иисуса. Первые стремленія къ Иерусалиму. Отношенія Иисуса къ язычникамъ и самарянамъ. **Часть 4-я**. Начало легенды объ Иисусѣ. Идея, которую Онъ имѣлъ о Себѣ Самомъ и о Своей сверхъестественной роли. Чудеса. Окончательное выраженіе идеи Иисуса о царствѣ Божіемъ. Учрежденіе Иисуса. Возрастающій энтузіазмъ. Протесты противъ Иисуса. Последнее посвѣщеніе Иисусомъ Иерусалима. Козни враговъ Иисуса. Последняя недѣля жизни Иисуса. Смерть Иисуса. Иисусъ во гробѣ. Судьба враговъ Иисуса. Существенный характеръ дѣянъ Иисуса.

Приложенія: Событіе Воскресенія Иисуса Христа. Бесѣды.—Ю. Шикоппа. Достоверность евангельскихъ сказаній.—Лекція В. Фаррара. Общія доказательства дѣятельности Евангельской исторіи и о четвероевангеліи изъ соч. Э. Пресансе.—„Иисусъ Христосъ и Его время“.

Сочиненіе бывшаго католическаго аббата, а нынѣ православнаго священника при русской иосольской церкви въ Парижѣ Владиміра Геттэ служитъ вполне безпристрастнымъ, строго-научнымъ отвѣтомъ на сочиненія гг. Ренана, Штрауса, Баура и другихъ. Сомнѣніи, иногда противъ воли заграждающіяся въ нашъ пылливый умъ, при чтеніи этой книги, при логически дѣльномъ разборѣ, развеиваются какъ дымъ, и вѣра въ истину Евангельской исторіи укрѣпляется болѣе и болѣе.

Съ требованіемъ пріослѣдъ гг. иногородныхъ обращаться въ книжный магазинъ Н. А. Морозова, на Никольской, въ домѣ церкви Владимірскаго Богоматери въ Москвѣ. Пересылка за счетъ магазина. № 4333

Новая брошюра д-ра мед. Н. И. Левинсона

БЕСѢДЫ О ГИПНОТИЗМѢ
 Цѣна 30 к., продается всездѣ и у автора:
 Графскій пер., д. 7—9, кн. 3.

КОНЦЕРТНЫЙ РОЯЛЬ
ФАБРИКИ ШРЕДЕРА,
 весьма мало употребленъ, продается по
 случаю отъѣзда, за 500 рубл. Узнать въ
 Редакц. журн. „Илья“ (Невскій, 6).

CRÈME-SIMON
(КРЕМЪ-СИМОНЪ)

произведе-
ніе прекрас-
наго запаха,
не портя-
щееся.

LA POUDE
SIMON
И МЫЛО
à la
CRÈME-SIMON
имѣютъ тотъ же за-
пахъ.

J. Simon, 36, Rue de
Provence 36, Парижъ
 Въ розницу у парижмажеровъ, парфюм-
 ровъ и аптекарей. А. № 4815 15—2

ПИСАЮЩАЯ МАШИНА „РЕМИНГТОНА“.

Пишетъ въ 3 раза быстрее пера. Чистота, четкость и красота. Введена во всея Министерствѣхъ и мног. правительствъ и частныхъ учрежд.

Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленн. отзывы отъ Правительства и другихъ учреждений, высылаются бесплатно. № 3748

Единственный складъ для всей Россіи:

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ

Москва С.-Петербургъ
Кузнецкій мостъ. Б. Морская, 21.

НЕБЫВАЛЫЙ СЛУЧАЙ!

3000 фотограф. альбомовъ

(отъ 50 коп. до 15 руб.)

25%o ниже фабричныхъ цѣнъ. Рекомендую особенно слѣдующіе:

Малень. форматъ (леди) американск. кожан., плюшев. и пр. 50, 60, 75, 90 к. и 1 р.

Форматъ охватъ 1 р. до 2 р. 50 к.

Форматъ Виктория (больше) 1 р. 50 к., 2 р., 2 р. 50 к., 3 р. до 7 р.

Большой форматъ (кварто) американск. гладк. съ тиснен. и металлич. украшениями и пр., пр. 2 р. 75 и 3 руб. Тоже кожан. съ тисненіемъ и металлич. украш. съ живописью, изъ ангаторской кожи съ живописью и въ японскомъ стилѣ 3 р. 50 к., 4 р., 4 р. 50 к., 5 р., 5 р. 50 к., 6 р. до 12 р. 50 к. Тоже плюшев. съ шелков. или металлич. украшениями, эмальированн. съ живописью и въ японскомъ и китайск. стиляхъ 3 р. 75 к., 4 р., 4 р. 50 к., 5 р., 5 р. 50 к., 6 р., 6 р. 50 к., 7 руб., 7 р. 50 к. до 15 руб.

Всѣ вышеозначенные альбомы элегантно и изящно выполнены.

Кромѣ того рекомендую послѣднюю Парижскую Новость „Грация“, дамскіе растагивающіеся кушанья изъ золотой проволоки съ золотымъ замочкомъ, прокатные черныя, бѣлыя, красноватыя, голубыя, розовыя, желтыя или темнокрасныя шелкомъ. Цѣна 3 руб. 50 коп.

Высылка по всей Россіи. При заказѣ прошу высылать стоимость. № 4310

СКЛАДЪ

ОСКАРЪ ЛЕССЕРЪ

С.-Петербургъ.
Садовая, 12 — 18, напротивъ Гост. Двора.

ТОЛЬКО 10 руб.!

Настоящій фотографическій аппаратъ, съ треножникомъ, не игрушка, коимъ каждый можетъ снимать съ натуры портреты, виды и пр., въ визитн. и кабинетн. велич., съ пробн. снимк. и руковедств. Перес. за 15 фунт. Адресъ: С.-Петербургъ. Складъ новихъ изобрѣтений, 4, Невскій просп., 4, рядомъ съ Главн. Штабомъ. Новый иллюстр. каталогъ всѣхъ изобрѣтений за 7 к. марку.

ГОТОВАЛЬНИ

и отдѣльн. инструм. для рисованія.

Концы нашихъ циркулей округлены и не портятъ бумагу. Всѣ наши готовальни провѣрены и приготовлены къ немедленн. употребленію.

Е. КРАУСЪ и Комп.

Парижъ, Avenue de la Républ., 4.

Складъ для Россіи:
въ С.-Петербургѣ, Мойка, домъ № 42.

Новый иллюстр. преясъ-курантъ оптичск. прибор. высылаются бесплатно. № 4321 2—2

ЛЕВИНГЕСЪ и ГЮЗЕНГЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которую печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405

РУЧНЫЕ ОРГАНЫ

ОРКЕСТРЪ-МАНОПАНЪ, играющій цѣлыя увертюры, большія попури, всѣ танцы, русскія пѣсни и пр., съ 10-ю пѣснями 80 р. Добавочныя пѣсы по 1 р. 20 к., 2 р. 40 к. и дороже. (Къ инструменту прилагаются 10 пѣснь по 1 руб. 20 коп.)

Фениксъ-Органъ съ 10-ю пѣснями 35 р. Добавочныя пѣсы разн. размѣра по 70 к.

Герофонъ съ 10-ю пѣснями 28 или 32 р. Добавочныя пѣсы по 60 к.

Аристонъ-Органъ съ 10-ю пѣснями 25 руб. Добавочныя пѣсы по 60 к.

Новость для дѣтей:
Серафинъ съ 6-ю пѣс. 15 р. Добавочныя пѣсы по 40 к.

Иллюстрированный преясъ-курантъ и списки пѣснь — бесплатно. № 4328

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ

ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ И НОТЬ.

С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40. — Москва, Кузнецкій м., домъ Захарьина.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1890 ГОДЪ

на

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ „РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Условия подписки на 1890 г.

(ОДИННАДЦАТИЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ).

Годъ.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Россіи	12 р.	6 р.	3 р. — 1 р.
За границу	14 „	7 „	3 „ 50 к. —

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка: при подпискѣ, къ 1 апрѣля, 1 июля и 1 октября по 3 рубля.

Книгопродавцамъ дѣляется уступка въ размѣрѣ 50 коп. съ каждаго годового экземпляра. Кредита и разсрочки по доставляемымъ или подпискамъ не допускается.

Журналъ выходитъ нодъ тою же редакціей, при томъ же составѣ сотрудниковъ и въ прежнемъ объемѣ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

въ конторѣ журнала: Москва, Леонтьевскій переулокъ, 21.
Редакторъ-издатель **В. М. ЛАВРОВЪ**.

№ 4291

PAPIER FAYARD ET BLAYN

употребляется въ леченіи ревматизма, раздраженія дыхательныхъ органовъ, насморка, раздраженія груди, вывиховъ, ранъ, ожоговъ, ознобленій, мозолей и всякихъ нагноившихъ затвердѣній. Продажа во всѣхъ аптекахъ (требовать собственноручную подпись).

№№ 206 и 223.

Подъ этимъ названіемъ Товарищество Спб. Механическаго Производства Обуви имѣетъ въ продажѣ самыя дешевыя сорта дамскихъ полусапожекъ на резинѣ, изъ кожи выдѣланной на собственномъ кожевенномъ заводѣ. Дешевле доставить подобную обувь никто не въ состоянн, такъ какъ Товарищ. получаетъ ежедневно сырую шкуру съ Спб. бойни, изъ которой выдѣлываетъ кожу тщательнѣйшимъ способомъ, посредствомъ лишь натуральныхъ дубильныхъ веществъ и затѣмъ изъ нея изготовляетъ обувь самымъ выгоднымъ образомъ, машинами наилучшей системы.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

ВАЗЕЛИНОВОЕ МЫЛО

I. ГОЛЛЕНДЕРЪ

ДЛЯ СМЯГЧЕНІЯ КОЖИ.

Новоизобрѣтенное вазелиновое мыло, пріятнаго запаха, придаетъ кожѣ желаемую нѣжную мягкость. Цѣна за кусокъ 30 коп., 3 куска съ пересылк. 1 р. 50 к.

Получать можно во всѣхъ парфюм. и аптек. магазинахъ и аптекахъ Россіи.

Главный складъ: Спб., Демидовъ пер., д. № 1. (4) № 4278

ПРЕПОДАЮ ПИСЬМЕННО

ПОЛНАЯ ГАРАНТІЯ за успѣхъ ПИСЬМЕННОГО ОБУЧЕНІЯ. въ 10 уроковъ

вполнѣ ЗАМѢНЯЮЩЕЕ ПИСЬМЕННОЕ ОБУЧЕНІЕ. ДУРНОЙ ПОЧЕРКЪ ИСПРАВЛ. на КРАСИВОЕ БѢЛОЕ КОНТОРСК. ПИСЬМО ОСНОВАТЕЛЬНО. ОБУЧЕНІЕ ДВОЙНО ИТАЛЬЯНСКОЙ БУХГАЛТЕРІИ

Москва, Покровка, домъ Буткиной.
Названіе учителя: **А. С. ШИМАНСКІЙ.**

НА ОТВѢТЬ ПРИЛАГАТЬ МАРКУ.

У книготорговцевъ Созонова и Шигина можно получать сочиненія: объ уравненіяхъ третьей и четвертой степени.

Цѣна 40 коп. № 4318 4—2

Усовершенствованныя НАРОДНЫЯ ЦИТРЫ

собств. издѣлія продаются по вновь усовершенствованнымъ цѣнамъ:

съ 3 педальми по 4 р. и 4 р. 50 к.

„ 7 „ „ съ приспособленіемъ для легкой и скорой настройки по 6 рублей.

Самый легкій инструментъ для изученія. Пріятный тонъ. Въ короткое время проданы многія тысячи.

За пересылку по почтѣ прошу прилагать за 4 руб. за 10 фунт., за 6 руб. за 15 фунт.

I. Ф. МЮЛЛЕРЪ

Москва, Петровка, домъ Волкова.
Иллюстр. преясъ-курантъ всѣмъ инструментамъ бесплатно. (20) Ц. № 3864
Торговцамъ дѣляется скидка.

Поставщики велосипедовъ Русской Арміи

Торговый Домъ Ж. БЛОКЪ,

Москва, С.-Петербургъ,
Кузнецкій мостъ. Б. Морская № 21.

имѣетъ единственный Складъ для всей Россіи Велосипедовъ: Спифтъ, Виннетъ, Русскій Клубъ, Молнія (New Rapid), Имперіаль и пр.

Цѣны отъ 100 до 500 руб.

НОВОСТЬ

Общедоступный Свѣтъ № 2 = 150 руб. =

Прейсъ-Куранты высылаются бесплатно.

Поставщики велосипедовъ Русской Арміи

XXI г.

№ 6

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXI

1890

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 8—10 РИС. И ЕЖЕМЪСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
 Выданъ 10 февраля 1890 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № „Нивы“ 15 к., съ перес. 20 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1890 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГЪ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

ОБЪЯВЛЕНІЯ
 въ „НИВѢ“ принимаются за
 строку непарейль (1/4 шир.
 стран.) въ Глав. Кон. Ред. по
 75 к.—Загран.: для Франціи у
 Agence Navas по 2 fr. 40 с.;
 для Австр., Герман. и Швейц.
 у Rudolf Mosse по 1 M. 70 Pf.

Безъ доставки въ Петер-
 бургъ **5 р.**
 Съ доставкою въ Петер-
 бургъ **6 р. 50 к.**

Безъдост. въ Москвѣ чр. конг. объявл.
 Н. Н. Печковской, Петровск. Торг. зпн. **6 р.**
 Съ пересылкой въ Москву и другіе го-
 рода Россіи **7 р.**
 За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. **9 р.**

ПРИЛОЖЕНІЯ.
 Особые приложения при
 „НИВѢ“ объявленіи отъ тор-
 говыхъ домовъ принимаются
 для иногородн. и городскихъ
 подписчиковъ по особому
 соглашенію.

БЕЗЪ ВСЯКОЙ ДОПЛАТЫ ЗА ПЕРЕСЫЛКУ ГЛАВНЫХЪ ПРЕМІЙ.

Назачій кордонъ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Н. Кравченко, грав. Флюгель.

Склирена.

Историческая повесть А. А. Смирнова.

I.

Для давно минувших дней,
Преданья старины глубокой...
А. Пушкинъ.

Склиренѣ не спится... Распустивъ свои длинные черные волосы, она неподвижно сидитъ у окна. Прохладный ночной воздухъ вѣетъ съ моря; сіяніе мѣсяца выдѣляетъ ея лицо на темной обивкѣ кресла, играя на позолотѣ двуглаваго орла, вѣнчающаго его высокую спинку.

Въ глубинѣ спальни, на столѣ у ложа, горитъ свѣтильникъ; невѣрнымъ свѣтомъ озаряетъ онъ причудливую мозаику въ полукуполѣ надъ ложемъ, тигровыя шкуры на полу изъ пестрыхъ мраморовъ и небрежно брошенные пурпурныя ткани. Далѣе комната погружена въ полумракъ; видны лишь колонны, поддерживающія своды потолка; лунный свѣтъ широкими пятнами ложится на полу.

Все спитъ подъ покровомъ апрѣльской ночи, прохладной и безмолвной, блещущей переливами луннаго свѣта, мерцающей безчисленными звѣздами. Запахомъ розъ и жасминовъ дышетъ дворцовый садъ; за узорною листвою его чинаръ, за темными стрѣлами его кипарисовъ видна неопредѣленно сѣрая морская гладь, тонуть въ голубой дали берегъ Азіи, Халкедонъ и неясныя очертанія далекихъ горъ.

Въ Халкедонѣ давно уже погасли огни, во дворцѣ также все погрузилось въ сонъ — потемнѣли окна на половинѣ императора и въ покояхъ императрицы Зои. Только стражи порою перекликаются вдали, только безсонная струя воды журчитъ и лепечетъ гдѣ-то въ саду, да соловьи заливаются въ темныхъ аллеяхъ...

Но не спится любимицѣ императора—Августѣйшей Склиренѣ ¹⁾. Она приказала потушить огни, позволила придворнымъ и прислугѣ ложиться спать. Среди ночнаго безмолвія она осталась одна со своими думами. Ей невыносимо тяжело... она думаетъ о томъ, что произошло вечеромъ, и случившееся за послѣднее время снова воскресаетъ передъ нею со всею подробностями.

Послѣ вечерни, при выходѣ изъ церкви, императрица Зоя приказала сказать, что ей надо видѣть Склирену. Императора въ церкви не было; онъ уѣхалъ на нѣсколько дней въ заповѣдныя лѣса надъ водопроводами, въ окрестностяхъ которыхъ предполагалась большая соколиная охота. Ничего добраго не предвѣщало свиданіе съ императрицею—затаенное чувство взаимнаго не-расположенія часто прорывалось въ отношеніяхъ двухъ женщинъ. Зоя сама допустила переселеніе любимицы мужа во дворецъ, позволила вѣнчать ее титуломъ „Августѣйшей“ и создать ей невѣроятное и невиданное до толѣ положеніе фаворитки, сидящей на престолѣ рядомъ съ нею—законною супругою и императрицею. Зоя обмѣнялась даже, по требованію мужа, клятвами дружбы со Склиреною, и въ силу всего этого, ненавидѣла молодую женщину. Не смотря на свои шестьдесятъ лѣтъ, императрица еще жаждала радостей жизни и ей невыносимо было встрѣчать соперницу, молодую и прекрасную, окруженную тѣмъ же почетомъ и блескомъ, какъ она сама.

Въ сопровожденіи двухъ служанокъ, неторопливо шла Склирена по безконечнымъ переходамъ дворца, слабо освѣщеннымъ рѣдкими свѣтильниками. Порою, какъ темное пятно, показывалась съ боку открытая дверь

на террасы сада и свѣжій ночной воздухъ дышалъ въ лицо; порою, сквозь узорную рѣшетку входа, виднѣлся озаренный мерцающею лампадою иконостасъ церкви. Шаги гулко раздавались по мраморному полу. Изрѣдка попадавшіеся навстрѣчу тѣлохранители или спаѳаріи, въ золоченыхъ латахъ и шлемахъ, почтительно уступали дорогу Августѣйшей.

Зоя не тотчасъ приняла ее, и Склиренѣ пришлось ждать въ той знаменитой комнатѣ, которая предшествовала опочивальнѣ императрицы, и за искусный подборъ мозаикъ на полу, стѣнахъ и потолкѣ, получила названіе „гармоніи“.

„Она нарочно заставляетъ меня дожидаться...“ думала молодая женщина, разсѣянно глядя на пестрый мраморный полъ.

Въ „гармоніи“ царил тишина; нѣсколько придворныхъ разговаривали между собою потихоньку въ противоположномъ концѣ комнаты, и шепотъ ихъ неуловимо жужжалъ.

Наконецъ дверь въ опочивальню распахнулась и дежурный свухъ съ поклономъ пригласилъ Склирену войти. Зоя, безъ повязки, въ одной туникѣ, сидѣла въ креслѣ съ высокою спинкою. Крашенные волосы и нарумяненное лицо придавали ей сходство съ муміей и, благодаря этимъ ухищреніямъ, еще сильнѣе выступали морщины на утомленномъ лицѣ императрицы, ея безжизненные холодныя черты. Только небольшіе каріе глаза, быстрые какъ мыши, показывали, что она еще живой человѣкъ.

Зоя не пошевелилась и только окинула вошедшую быстрымъ взглядомъ.

— Подойди, Августѣйшая, сказала она и прибавила, указывая на стулъ около себя:—садись!

Склирена сѣла. Взглядъ старухи еще разъ скользнулъ по ея лицу.

— Я хотѣла тебя видѣть, начала Зоя,—скажи мнѣ: правда-ли, что ты обѣщала Алексею Вурцъ послать его катепаномъ Иверіи на мѣсто Михаила Ясита?

— Да, смѣло отвѣтила Склирена,—я обѣщала его женѣ попросить за него императора.

Императрица нетерпѣливо махнула рукою.

— Знай же, что царевна Евпренія хлопочетъ объ этомъ назначеніи для Льва Торника и, вѣроятно, онъ и будетъ назначенъ ¹⁾.

— Я думаю, помолчавъ продолжала Зоя,—что прежде, чѣмъ обѣщать, ты могла спросить меня, не имѣю-ли я кого-нибудь въ виду на это мѣсто.

Она впилась глазами въ лицо своей собесѣдницы, но та молчала, и это молчаніе, кажется, еще болѣе раздражало старуху.

— Что же ты молчишь? спросила она наконецъ.

— Ты знаешь сама, отвѣтила Склирена,—когда могла я спросить тебя? Мы встрѣчаемся лишь въ церкви, да на торжественныхъ пріемахъ. Ты не часто дѣлаешь мнѣ честь говорить со мною.

Зоя перебила ее съ раздраженіемъ:

— Оттого-то ты и рѣшила, что верховныя права принадлежатъ Августѣйшей Склиренѣ? Не пожелаешь-ли ты смѣнить всѣхъ высшихъ сановниковъ? Не прикажешь-ли и мнѣ перебраться въ монастырь на островѣ Принкипо, чтобъ оттуда издали любоваться Константинополемъ, гдѣ ты будешь распоряжаться?

¹⁾ Склирена, происходившая изъ знаменитаго рода Склировъ, лицо вполне историческое. О ней, ея красотѣ и педляханномъ положеніи, занимаемомъ ею при дворѣ Константина IX Мономаха, упоминаютъ всѣ хроникеры того времени, главнымъ образомъ Зонара, Пселлъ и Кедринъ.

¹⁾ Левъ Торникъ—управлявшій Иверіей послѣ Михаила Ясита, былъ племянникъ Мономаха и пользовался особымъ покровительствомъ сестры императора, царевны Евпреніи. Въ 1047 году онъ поднялъ возстаніе противъ дяди, провозгласилъ себя императоромъ, но въ концѣ концовъ былъ взятъ въ плѣнъ и ослѣпленъ. (Lebeau. Histoire du Bas Empire. Tome XIV).

Яркій румянецъ разлился по смуглому лицу красавицы; очевидно ее призвали лишь затѣмъ, чтобъ сорвать на ней дурное настроеніе духа, чтобъ оскорбить ее... Однако она овладѣла собою и спокойно замѣтила:

— Быть-можетъ императоръ найдетъ Вурцу достойнымъ...

— Оставайся красивою игрушкой, рѣзко перебила ее императрица,—и предоставь намъ рѣшать, кто на что способенъ.

Склирена снова вспыхнула.

— Я знаю, только замѣтила она. — достойнымъ окажется тотъ, кто дастъ тебѣ тысячу червонцевъ за свое назначеніе.

— А если бы и такъ! возразила Зоя и голосъ ея возвысился до крика.—Мономаху нужны деньги, чтобы дарить направо и налево самоцвѣтные камни или полные червонцами кувшины... ¹⁾ Когда въ казну всасываются голодною пивкой...

— Я уйду, твердо сказала Склирена, поднимаясь съ мѣста,—ты призвала меня лишь затѣмъ, чтобы оскорбить... ты жалишь, пользуясь отсутствіемъ императора, но я не боюсь тебя—ты ничего не можешь мнѣ сдѣлать.

— Какъ ты смѣешь такъ говорить со мною? также поднимаясь съ мѣста, закричала Зоя.—Думаешь-ли ты, что я не сумѣю заставить тебя молчать?! Знай, что все вооружены противъ тебя; мы—императрицы, царицы, патриархъ... онъ не сегодня-завтра выступитъ противъ тебя съ проповѣдью... Помни, что ты держишься лишь благодаря моей добротѣ, ничтожное созданіе...

Кровь бросилась въ голову Склирены.

— Августѣйшая, я стану слушать тебя, когда ты будешь говорить, какъ подобаетъ императрицѣ...

Гордо повернувшись, она пошла къ дверямъ. Гнѣвнымъ взглядомъ провожала ее взбѣшенная старуха.

— Смотри, Августѣйшая! крикнула Зоя, когда она выходила уже въ сосѣднюю комнату.

Все бывшіе въ „гармоніи“ поднялись при появленіи любимицы императора и невольно слышали рѣзкій, раздраженный голосъ старухи.

— Смотри, Августѣйшая, не опоздай завтра къ обѣднѣ, какъ сегодня опоздала къ вечернѣ.

Прикусивъ себѣ губу, быстро прошла Склирена въ свои покои.

„Не увидишь ты меня завтра у обѣдни“, вся дрожа отъ волненія, думала она, снимая повязку, дорогіе записки и перстни. „Пусть ждетъ меня въ церкви и злится, старая ханжа...“

— Евфимія, обратилась она къ одной изъ служанокъ, безмолвно помогавшихъ ей раздѣваться,—чтобъ на развѣтѣ была подана лодка къ дворцовой пристани. Ты и Херимонъ поѣдете со мною на Принкипо. Приготовь все нужное.

— Завтра воскресенье, замѣтила Евфимія.—Развѣ ты уѣдешь отъ обѣдни?

— Слушай что приказано! строго крикнула Склирена.

Отпустивъ служанокъ, она сѣла у окна. Тишина стояла кругомъ, все объято было мирнымъ сномъ, но не было тишины въ сердцѣ красавицы.

Мысли ея невольно обращаются назадъ, къ длинному ряду прожитыхъ годовъ. Вся жизнь ея воспоминается ей съ мелкими подробностями, точно въ далекомъ прошломъ хочетъ она найти отвѣтъ на вопросъ—что ей дѣлать?

Она видитъ себя дѣвочкой, послѣ смерти родителей привезенною къ брату ея—Василію Склиру. Онъ былъ почти на двадцать лѣтъ старше сестры; женатый на

племянницѣ царствовавшего въ то время императора Романа III Аргиры (перваго мужа Зои), онъ занималъ высокую придворную должность протостратора. Василій Склиръ былъ слѣпъ; еще императоръ Константинъ VIII велѣлъ выколоть ему глаза за попытку убѣжать изъ заключенія, куда онъ пошелъ за поединкомъ. Дѣвочка помнитъ, какое впечатлѣніе произвели на нее огромныя залы и галереи дворца, его тѣнистыя сады, какъ ее удивляла слѣпота брата... Красиваго ребенка скоро все узнали и полюбили во дворцѣ; самъ императоръ—высокій, худощавый старикъ—не разъ ласкалъ малютку и гладилъ ея шелковистые черные волосы; только императрица Зоя, тогда еще молодая пятидесятилѣтняя женщина, внушала дѣвочкѣ невольную боязнь—она никогда не любила дѣтей.

Склирена росла среди роскоши дворцовой обстановки; лучшіе учителя занимались съ нею логикою, философіей и риторикой. На пятнадцатомъ году ея необычайная красота привлекала общее вниманіе. Одному изъ богатѣйшихъ вельможъ Византіи удалось получить ея руку. Онъ увезъ Склирену въ свои имѣнія и тамъ, среди охотъ и развлеченій, невидимо забылъ о своей молодой женѣ. Но не прошло и двухъ лѣтъ, какъ скоротечная чахотка унесла его въ могилу. Потерявъ супруга, семнадцатилѣтняя вдова вернулась къ брату, подъ кровлю священнаго дворца.

Никто не могъ соперничать со Склиреною: правильныя черты ея лица, глубокіе черные глаза, стройность и грація движеній невольно останавливали взоры. Она знала, что Склиры—одинъ изъ знатнѣйшихъ родовъ Византіи, что родной ея дѣдъ—знаменитый полководецъ Варда Склиръ, долго оспаривалъ престолъ у Василия II Болгаробойцы. Это сознаніе иногда проглядывало во взорѣ ея, въ сдержанной улыбкѣ, въ величавомъ поворотѣ головы. Она привыкла къ роскоши и почестямъ; ея свободный разговоръ дышалъ увѣренностью и спокойствіемъ, искрился блестящими остроуміемъ и смѣлостью мысли.

За два года ея отсутствія дворецъ совершенно измѣнилъ свой характеръ. Еще при ней умеръ императоръ Романъ III, какъ говорили, отравленный своею супругою. Онъ скончался въ ночь на Великій Четвертокъ, и Зоя въ ту же ночь обвѣнчалась съ Михаиломъ Пафлагоняниномъ, который и взомелъ на престолъ подъ именемъ Михаила IV. Молодой и красивый императоръ женился своей супругѣ въ сновья; онъ страдалъ падучею болѣзью, а потому все дѣла перешли понемногу къ его брату, монаху Іоанну-евнуху. Для Зои настали невеселые дни: деверь держалъ ее какъ въ темницѣ, она не могла безъ его позволенія выйти изъ своихъ покоевъ, принять у себя гостя. Михаилъ IV показывался рѣдко: припадки падучей все чаще и чаще мучили его. Когда необходимо было появиться передъ народомъ, то вокругъ трона вѣсили занавѣсь, который быстро задергивали, чуть лицо императора искажалось приближеніемъ принадека. Онъ проводилъ время съ отшельниками и монахами, странниками и юродивыми, омывалъ имъ ноги, укладывалъ ихъ спать на свое ложе, а самъ проводилъ ночи на голыхъ камняхъ. Имперіей полновластно распоряжался Іоаннъ; казни, пытки и ссылки тянулись безконечною чередою.

У своего брата Василия Склирена снова встрѣтила Константинъ Мономаха, одного изъ самыхъ блестящихъ царедворцевъ того времени. Онъ недавно овдовѣлъ послѣ второй жены, которая приходилась родственницею Василию; ему было уже пятьдесятъ лѣтъ, но онъ еще вполне сохранилъ свою красоту и особенный отпечатокъ доброты и мягкосердечія. Склирену онъ помнилъ ребенкомъ, но теперь, вмѣсто малютки, онъ увидѣлъ прекрасную молодую женщину. Все, что сохранилось въ его душѣ способнаго къ горячему чувству, вспыхнуло внезапною страстью къ молодой вдовѣ. Долго

¹⁾ Мономахъ осыпалъ Склирену подарками. Однажды, увидя во дворцѣ красивый мѣдный кувшинъ, онъ приказалъ наполнить его золотомъ монетою и отнести Склирѣ. (Скабаланоичъ, „Византійская церковь и государство въ XI в.“, стр. 298).

Преследуемые волками. Картина Върушь-Ковальского, грав. Кирязе.

онъ хлопоталъ безуспѣшно, чтобы законъ отмѣнилъ для него суровое запрещеніе вступать въ третій бракъ.

Въ это время какъ громъ обрушилась немилость Иоанна на Мономаха, пользовавшагося когда-то особымъ расположеніемъ Зои. Ему велѣно было отправиться въ ссылку на островъ Митилену. Къ общему удивленію, Склирена объявила, что она поѣдетъ съ нимъ. Тронуло-ли ее глубокое чувство Мономаха и его безразличная преданность? Привлекла-ли ее покорность, съ которой онъ принялъ упавшій на него ударъ судьбы? Полюбила-ли она его? Кто знаетъ?.. Она послѣдовала за нимъ въ изгнаніе, она не жалѣла своихъ богатствъ, чтобы смягчить для него суровость ссылки и утѣшила его своими ласками и заботами. Кажется, самые лучшіе, самые свѣтлые годы провела она съ Мономахомъ въ его изгнаніи. Константинъ опасался, чтобы за нимъ опять не прислали изъ столицы; онъ полагалъ, что ему грозитъ казнь или ослѣпленіе и не разъ подумывалъ постричься въ монахи. Вѣ эти опасенія и лишенія тѣснѣе сближали ихъ, и онъ становился дорогъ Склиренѣ, можетъ-быть изъ-за тѣхъ жертвъ, которыя она же ему принесла.

Въ это время умеръ Михаилъ IV, протеслось бурное и короткое царствованіе Михаила V Калафата. Наконецъ снова воцарились Зоя и Феодора.

Не смотря на свой шестидесятилѣтній возрастъ, Зоя въ третій разъ захотѣла выйти замужъ. Для императрицы не могъ служить препятствіемъ законъ, запрещавшій третій бракъ. Послѣ долгихъ колебаній, она предложила царскій вѣнецъ и свою руку Константину Мономаху. Склирена первая посоветовала ему не отказываться, и вотъ Константинъ IX Мономахъ взлезъ на престолъ. Велѣдъ за нимъ вернулась въ Византию и его подруга. Ее поселили сперва въ роскошномъ домѣ въ Манганахъ, ближайшемъ къ дворцу кварталѣ города. Потомъ, по желанію императора, съ согласія Зои и въ силу особаго указа сената, она переселилась въ Богомъ хранимый дворецъ, торжественно была вѣнчана титуломъ „Августѣйшей“, стала появляться въ процессіяхъ и на престолѣ рядомъ съ Константиномъ и Зоєю. Мысль о необычайности такого неслыханнаго положенія, повидимому не смущала ее.

Среди удовольствій придворной жизни, она старалась не задумываться надъ явнымъ нерасположеніемъ къ ней императрицы и царевны Евпреніи, сестры Константина Мономаха; но, мало-по-малу, у нея все чаще стали повторяться столкновенія съ которою-нибудь изъ нихъ. До нея дошли слухи, что Никита Стифатъ изъ Студійскаго монастыря горячо ратовалъ противъ ея ложнаго положенія и вліянія при дворѣ. Склирена, однако, не придавала этому никакого значенія; не зная царственныхъ заботъ, она щедро размышала вокругъ себя монаршіи милости и блистала сказочною роскошью.

Тогда-то разыгралась страшная драма, которая вдругъ открыла ей глаза, одно воспоминаніе о которой какъ тяжелый сонъ встаетъ и теперь передъ нею въ тиши нѣ весенней ночи... Это случилось всего годъ съ небольшимъ тому назадъ—9 марта 1044 г.—въ день Сорока Мучениковъ; когда императоръ торжественною процессіей выходилъ изъ воротъ священнаго дворца, направляясь въ храмъ Спасителя, среди народа раздался голоса: „Не хотимъ Склирену императрицею!.. не хотимъ, чтобы изъ-за нея умерли наши матери порфирородныя Зоя и Феодора!“ Камни и стрѣлы полетѣли въ кучку придворныхъ и тѣлохранителей, тѣсно обступившихъ императора. Возмущенная толпа отрѣзала имъ обратный путь ко дворцу. Защищаясь отъ натиска, одинъ изъ спаваріевъ обнажилъ оружіе, свалка закипѣла; крики, проклятія, стоны—смѣшались въ одинъ зловѣщій гулъ... ¹⁾

¹⁾ Бунтъ противъ Склирены подробно описанъ у Кедрина. (G. Cedreni, ed. Migne, p. 288).

Блѣдная, какъ полотно, стояла Склирена у высокаго окна дворца, откуда она должна была смотрѣть на процессію. Она не замѣтила обращающихся къ ней порою, полныхъ непріязни взглядовъ императрицы Зои и монахини Феодоры, которыя сидѣли рядомъ у сосѣдняго окна. Изъ-за нея теперь льется кровь на площади, изъ-за нея жизнь Мономаха въ опасности. Она не разъ видѣла кровь, видѣла изуродованныхъ жертвъ пытки, которыхъ развозили иногда по улицамъ города, она не боялась лицомъ къ лицу столкнуться съ опасностью, но никогда ей сердце не сжималось съ такою жгучею болью и мучительнымъ сознаніемъ виновности, какъ въ этотъ памятный день...

Среди гула мятежа изъ окна дворца слабо прозвучала голосъ Зои. Нѣсколько разъ безуспѣшно повторяла она свое воззваніе къ народу. Наконецъ, услышало ее нѣсколько человекъ; они старались подойти поближе и скоро уже цѣлая толпа тѣснилась подъ окномъ. Императрица убѣждала народъ разойтись, убѣряла, что ни ей, ни сестрѣ нечего опасаться. Слова Зои рѣшили участь возстанія. Свалка прекратилась, императоръ безпрепятственно возвратился во дворецъ и высокія ворота захлопнулись за нимъ и за его стражей. Не взглянувъ на Склирену, удалились сестры-императрицы. Она осталась одна со своими приближенными. Площадь пустѣла; тамъ убирали убитыхъ и раненыхъ.

Въ тотъ же день Склирена просила у императора позволенія покинуть дворецъ; она хотѣла уѣхать въ свои имѣнія. Беззаботный Константинъ болѣе всего боялся измѣнять разъ принятый порядокъ жизни. Онъ горячо возсталъ противъ намѣренія своей подруги и заявилъ, что онъ не позволитъ ей уѣхать. Она осталась во дворцѣ, но жизнь для нея стала пыткой; она вдругъ поняла и мучительно стала чувствовать свое ложное положеніе. Безконечный церемональ и этикетъ двора казались ей тяжелыми цѣпями. Она невольно ловила косые взгляды Зои и царевны Евпреніи; при каждомъ шумѣ она вздрагивала, ей чудилось, что она снова слышитъ гулъ мятежа...

Какая радость ей въ томъ, что императорская повязка украшаетъ ея чело, что золотые орлы вышиты на ея шуршурныхъ туфляхъ—если весь этотъ блескъ и почеть куплены цѣною ежедневныхъ мелкихъ оскорбленій, рабствомъ передъ неутомимымъ этикетомъ...

Среди этихъ мучительныхъ думъ поблѣднѣло обаяніе такъ долго окружавшее для нея Мономаха; она стала замѣчать, какъ онъ постарѣлъ, какъ мало осталось отъ прежняго блестящаго царедворца въ безхарактерномъ до слабости, въ разбитомъ подагрой старикѣ. Только воспоминаніе тихихъ и ясныхъ годовъ проведенныхъ на Митиленѣ связывало ее съ нимъ. Не разъ говорилъ онъ ей, что, въ случаѣ смерти Зои, она будетъ императрицею, но Склирену и прежде не плѣняли эти честолюбивыя мечты; теперь же, послѣ того чтъ случилось 9 марта, измученная происками и непріятностями, она охотно бросила бы все и ушла, лишь бы не видѣть никого, лишь бы не имѣть, какъ сегодня, тяжелыхъ сценъ съ Зоєю... Въ новомъ столкновеніи съ императрицею, молодую женщину особенно поразили вскользь брошенныя старухою слова о патріархѣ. Она знаетъ, что суровый Михаилъ Керулларій далеко не другъ ей; она знаетъ, что дѣятельная и энергичная личность новаго патріарха имѣетъ особое обаяніе и при дворѣ, и въ народѣ ¹⁾. Красавица съ дѣтства сохранила робость передъ однимъ именемъ патріарха, и этой робости не убило въ ней изученіе Аристотеля и Платона.

Склирена должна оставить дворецъ... она покинетъ его теперь же, пока императоръ не вернулся съ охоты. Она уѣдетъ въ монастырь на Принкипо... за нимъ при-

¹⁾ При этомъ патріархъ произвелъ разрывъ Церквей.

звано право убѣжища, Мономахъ не рѣшится нарушить его. Тамъ она обдумаетъ все и придетъ къ окончательному рѣшенію.

Она вслушивалась въ тишину весенней ночи, вглядывалась въ далекія звѣзды, словно спрашивая ихъ о томъ, чтѣ ждетъ ее. Ей вдругъ страстно захотѣлось вырваться изъ этихъ стѣнъ, безцѣльна и пуста показалась въ нихъ жизнь, глубоко и больно сдавило грудь сожалѣніемъ о чемъ-то минувшемъ, о чемъ-то невозвратномъ.

Жила-ли она до сихъ поръ? Ей двадцать пять лѣтъ и, за всю ее жизнь, только годы съ Мономахомъ на Митленѣ вспоминаются ей съ отрадою. Гдѣ же тѣ огненные страницы, гдѣ то счастье, котораго такъ смѣло ждешь, въ которое такъ горячо вѣрить молодость? Вспоминаются ей пиры и оргіи въ Жемчужинѣ¹⁾; она старалась заглушить ими пустоту жизни, но сильное чувство не освѣщало ихъ, и ничего, кромѣ еще большей тоски и утомленія, не оставляли они въ ее душѣ...

Она встала, бросилась на ложе и въ глубокомъ отчаяніи сжала руками свою голову. Ей надо жизни настоящей, просторной и кипучей; ее сковалъ бездушный этикетъ, ее давятъ золотые своды потолковъ, тяжелая парча драгоценныхъ одеждъ...

Долго сухіе, горячіе глаза съ неизяснимою грустью глядѣли въ полумракъ комнаты; долго, высоко и неровно колыхалась грудь.

Но понемногу мысли ея начинали путаться; куда-то назадъ отступило волновавшее душу горе: сонъ подкрался незамѣтно и охватилъ ее своимъ покоемъ.

Ночь стояла тихая, лунная. Все спало — только бессонная струя воды журчала гдѣ-то въ саду, да соловьи заливались въ темныхъ аллеяхъ...

II.

Все — горы, острова — все утренняго пара
 Покрѣто дымкою... какъ будто сладкій сонъ,
 Какъ будто свѣтлая, серебряная чара
 На мѣрѣ наведена — и счастьемъ грезить оны...
 II, съ небомъ слитое въ одномъ сіяньи, море
 Чуть плещеть жемчугомъ отяжелѣвшихъ волнъ.
 II этой грезю унитъся на просторѣ
 Съ тоской зоветъ тебя нетерпѣливый челнъ...

А. Н. Майновъ („У Мраморнаго моря“).

Заря едва занималась, когда отъ бѣлой мраморной пристани отчалила лодка ослѣненная златотканнымъ балдахиномъ. Десять гребцовъ дружно налегали на весла; дорогой коверъ покрывалъ сидѣнье и свѣшивался до самой воды. Завернувшись въ голубой, затканый золотомъ гиматій, сидѣла въ лодкѣ Склирена; въ нѣкоторомъ отдаленіи помѣщалась Евфимія и вѣрный евнухъ Херимонъ.

Было прохладно. Уходящая ночь сказывалась еще въ странномъ, непривычномъ освѣщеніи, въ сѣроватыхъ тонахъ, уже пронизанныхъ золотыми отблесками восхода. Заря все ярче пылала за сѣролиловыми очертаніями горъ, словно огнемъ охвативъ легкія облака на небосклонѣ. Впереди, въ утреннемъ туманѣ рисовались гористые острова Пропонтиды, сливаясь съ облаками алѣли сіяга далекаго Вионискаго Олимпа. Все дальше уходили назадъ Византія и Халкедонъ, съ ихъ мраморными дворцами и куполами церквей. Морскою просторъ все шире охватывалъ лодку.

Солнце появилось наконецъ и, какъ брызгами золота, осыпало все своими лучами; звѣздою вспыхнулъ крестъ на Св. Софій, ярко загорѣлись золотые купола новой церкви Василія Македонскаго.

Все словно ожило съ проснувшимся днемъ: быстро

развѣялась золотистая дымка тумана, и морская гладь затрепетала отливами перламутра. Дельфины играли на поверхности; то тамъ, то сямъ внезапно поднималась изъ воды круглая спина таинственнаго чудовища и, кувыркаясь, снова пропадала въ глубинѣ. Причудливо раскинувъ паруса, едва подвигались при безвѣтріи тяжело нагруженные суда, несшія изъ дальнихъ странъ заморскіе товары въ столицу міра. Но чѣмъ дальше, тѣмъ менѣе попадалось имъ навстрѣчу судовъ и лодокъ, безлюднѣе дѣлалось кругомъ, шире развѣтывалась гладь моря и туманнѣе становился отступающій назадъ Константинополь.

Склирена полною грудью вдыхала утренній воздухъ, еще пропитанный ароматомъ и свѣжестью ночнаго моря. Она опустила руку въ прозрачную воду, и ее тѣшила цѣна, бѣлою полосой бѣжавшая за длинными красивыми пальцами ея. Чайка, трепеща бѣлоснѣжными крыльями, кружилась надъ водою, и молодой женщиной казалось, что ровные взмахи весель, какъ крыльевъ, уносятъ и ее въ невѣдомую даль. Она покинула дворецъ и пока ей не хотѣлось думать о томъ, чтѣ осталось позади, она даже позабыла, кажется, что императрица будетъ негодовать на ея отсутствіе въ церкви. Снова весело и радостно было у ней на сердцѣ; точно это сіяющее, полное свѣта и жизни раннее утро заглянуло ей въ душу и разогнало тамъ ночной сумракъ.

Они поровнялись съ лодкой, въ которой три рыбака собирались забрасывать въ море неводъ.

— Брось имъ золота, Херимонъ, сказала молодая женщина евнуху. — и вели гребцамъ остановиться; пусть рыбаки забросятъ сѣтъ на мое счастье.

Съ любопытствомъ смотрѣла она какъ, обѣзжая большой кругъ, рыбаки спускали на дно узкую длинную сѣтъ, какъ потомъ они поѣхали вокругъ захваченнаго ею пространства, шумно загребая веслами. а одинъ изъ нихъ, ставъ на носу лодки, бросалъ въ воду камни, чтобы испугать рыбу и загнать ее въ сѣти. Громко звучали короткіе всплески падающихъ камней. Темныя очертанія ладьи необычайно красно рисовались въ косыхъ лучахъ утренняго солнца на золотисто-сѣромъ морѣ.

Дворцовая лодка приблизилась къ рыбакамъ, когда они стали вытягивать неводъ. Склирена видѣла, какъ въ появившейся изъ невѣдомой глубины сѣти билась и трепетала серебристая рыба. Бросившіи камни рыбаки теперь вынимали ихъ изъ невода и пускали въ сосудъ съ водою. Взглядъ Склирены скользнулъ по его лицу и невольно остановился на немъ. Она никогда еще не видывала такой красоты.

Ему было около двадцати лѣтъ; сѣро-голубые задумчивые глаза его, казалось, отражали небо; бѣлокурые кудри разсыпались золотыми кольцами изъ-подъ шляпы, золотистый пушокъ пробивался надъ губою. Разстегнутый воротъ рубашки обнажалъ стройную шею и широкую, загорѣвшую грудь.

— Твое счастье, госпожа! сказалъ старый рыбаки, помогавшій ему вынимать изъ сѣтей рыбу. — Смотри, сколько попалось.

Юноша также поднялъ на нее свой ясный и кроткій взоръ.

— Да, твое счастье, звучнымъ молодымъ голосомъ повторилъ онъ, — много рыбы.

Выговоръ его былъ не совсѣмъ правителъ и изобличалъ чужеземца.

Склирена приказала подъѣхать ближе къ рыбацкей ладѣ и наклонилась надъ сосудомъ съ рыбою, любуясь радужными отливами ея чешуи.

— А вотъ морская звѣзда, прозвучалъ надъ ее ухомъ голосъ молодого рыбака.

Она быстро подняла голову; онъ протягивалъ ей только что вынутую изъ невода морскую звѣзду и улыбался тихою улыбкою, обнаружившей ровные какъ жем-

¹⁾ Жемчужиною — *Marguerite* — назывался одинъ изъ дворцовъ, принадлежавшихъ къ главному или „Священному“ дворцу. Подробное описаніе резиденціи императоровъ сдѣлано, на основаніи византійскихъ источниковъ, французскимъ ученымъ Jules Labarte. Le palais Impérial de Constantinople Paris 1861.

чугъ бѣлые зубы. Въ этой улыбкѣ было что-то открытое, что-то дѣтски-простодушное и такъ странно гармонировавшее съ его могучею вѣдностью.

Она не рѣшилась взять морское животное своими нѣжными руками. Онъ засмѣялся.

— Не бойся, она не кусается, замѣтилъ онъ и положилъ звѣзду на коверъ около молодой женщины.

Никто не глядѣлъ на нихъ, общее вниманіе было привлечено споромъ стараго рыбака съ Херимономъ о названіи большой рыбы только что вынутой изъ невода.

— Какъ зовутъ тебя и гдѣ твоя родина? быстро спросила Склирена.

Яркимъ пламенемъ блеснули ея черные, какъ ночь, глаза и прикрылись длинными рѣсницами; румянецъ охватилъ смуглое лицо красавицы.

— Мое имя — Глѣбъ, тихо молвилъ онъ, — моя родина — далекіе берега Борисовна, который мы зовемъ Двѣпромъ.

— Ты христіанинъ?

— Да.

— Ты рыбакъ?

— Теперь рыбакъ — я рабъ.

Онъ опустилъ голову надъ своимъ неводомъ и нерешительно дернулъ занутовавшуюся въ его нитяхъ рыбу. Сомнительно сидѣла Склирена: полный довѣрія и грусти звукъ послѣднихъ словъ его еще раздавался въ ея ушахъ.

Черезъ мгновеніе смолкъ разговоръ Херимона съ рыбаками.

— Госпожа, обратилась къ своей поведительницѣ Евфимія, — этотъ рыбакъ говоритъ, что давно въ его неводъ не попадало столько рыбы.

Склирена слабо улыбнулась.

— Дай имъ еще золота, сказала она Херимону, — дай каждому изъ нихъ. А намъ пора въ путь. Прощайте, добрые люди!

— Прощай, госпожа, да благословить тебя Богъ за твою щедрость! говорили рыбаки.

Удары весель заглушили ихъ благословія. Лодка двинулась въ путь, и долго, прикрывая глаза руками, глядѣли ей вслѣдъ рыбаки.

Недалеко отъ выхода изъ Босфора въ Мраморное море раскинулся цѣлый архипелагъ небольшихъ острововъ, издавна получившихъ названіе „Принцевыхъ“. Отовсюду, гдѣ въ Константинополѣ открываются виды на море, можно разглядѣть прихотливыя очертанія этихъ гористыхъ острововъ, которые точно плаваютъ на блестящей поверхности Пропонтиды, выдѣляясь впереди туманныхъ Азіатскихъ горъ.

Гораздо сильнѣе, чѣмъ на берегахъ Босфора, чувствуется на островахъ Пропонтиды близость Юга: синѣе надъ ними небо, голубѣе разстилающееся кругомъ море, даже солнце на нихъ кажется ярче и горячѣе. По крутымъ склонамъ ихъ горъ растутъ цѣлые лѣса низкорослыхъ южныхъ сосенъ; сѣровая зелень оливковыхъ рощъ примѣшивается порою къ темнымъ отливамъ сосноваго бора; виноградники стелются по горамъ, кусты желтаго дрока и плющи лѣнятся по крутымъ скаламъ, живописно свѣсившимся надъ моремъ. Ярко-красная, глинистая почва въ бору едва прикрыта выгорающею отъ жара травой, но долины и побережье, оживленные роцями лавровъ и кипарисовъ, благоухаютъ розами, лаврами и жасминами. Виды на голубую Пропонтиду, на зубчатую линію далекихъ горъ такъ ярки красками, такъ гармоничны въ ихъ сочетаніи. Казалось бы, эти прекрасныя мѣста могутъ навѣять лишь думы о жизни и счастьи, такомъ же свѣтломъ и яркомъ, какъ это солнце, — такимъ же чистомъ, какъ этотъ воздухъ.

А между тѣмъ лишь тяжелыя, грустныя воспоминанія связаны въ византійской исторіи съ Принцевыми островами. Въ скромныхъ монастыряхъ, тамъ и сямъ

ютящихся на вершинахъ горъ или у берега, одинъ за другимъ появлялись и сходили въ могилу низверженныя императоры, изуродованныя самозванцы, министры-измѣнники, неволею постриженные императрицы и царевны — жертвы политическихъ заговоровъ и переворотовъ. Императрица Ирина, не задумавшаяся выколоть глаза собственному сыну; Св. Меѳодій, который во время иконоборческихъ гоненій восемь лѣтъ просидѣлъ въ ужасной темницѣ на островѣ Антигонѣ; множество другихъ воспоминаній и образовъ возникаютъ въ памяти при имени Принцевыхъ острововъ.

Къ этимъ грустнымъ страницамъ византійской исторіи невольно возвращались думы Склирены, когда она бродила по Принкишо.

Въ женскомъ монастырѣ, гдѣ она поселилась, свобода ея ничѣмъ не была стѣняема; она гуляла одна, выходя и возвращаясь когда ей было угодно. Игуменья, лишь съ немногими сестрами знавшая имя своей высокой гостью, щадя ея, не спрашивала, надолго-ли она пожаловала къ нимъ. Склирена жила день за днемъ, наслаждаясь тишиною и спокойствіемъ.

На другой же день послѣ пріѣзда ея на Принкишо, императрица прислала двухъ своихъ приближенныхъ, которые должны были уговорить Склирену вернуться. Зоя готова была повидимому извиниться за свои рѣзкія слова, лишь бы молодая женщина, до возвращенія императора съ охоты, снова была во дворцѣ. Склирена холодно приняла посланныхъ и отвѣтила имъ, что она не помнитъ рѣзкихъ словъ императрицы, что отнюдь не это заставило ее уѣхать, но что возвращаться она пока не намѣрена. Посланные уѣхали, но Склирена знала, что лишь вернется Константинъ — онъ также будетъ настаивать на томъ, чтобы она не покидала дворца. Правда, императоръ лишенъ возможности дѣйствовать силою, онъ не рѣшится нарушить права убѣжища, испоконъ вѣковъ принадлежащаго монастырю. Но, что же дѣлать? Можетъ-ли она запереться въ обители, надѣтъ монашеское покрывало и умереть для міра?

Этотъ-то вопросъ неотступно преслѣдовалъ Склирену, когда она одна, уйдя изъ монастыря, бродила по острову. Она заставляла себя протанывать длинныя монастырскія службы. Она видѣла, какъ горячо молились нѣкоторые изъ монахинь; ей вспоминается одна изъ сестеръ, молодая, болязненная женщина, приходившая въ храмъ къ каждой службѣ. Забывая свои немощи, она часами оставалась въ церкви и надо было видѣть ея восторженное лицо, ея горячіе глаза, когда она опускалась на холодныя плиты и припадала къ нимъ пылающимъ лбомъ. Весь міръ забывала она; она молилась — и въ выраженіи ея лица сказывалась безконечная сладость молитвы. При взглядѣ на эту сестру что-то въ родѣ зависти шевелилось въ душѣ Склирены. Эта монахиня счастлива, она нашла въ чемъ забыться; но достуины-ли Склиренѣ эти радости?

И она старалась не пропускать ни одной службы; она и у себя занималась чтеніемъ священныхъ книгъ. Но нерѣдко непослушная мысль отрывалась отъ книги и требовала живой жизни, рисовала картины прошлаго, роскошную обстановку Жемчужины. Въ ужасѣ вставала молодая женщина съ мѣста, торопливо шептала молитву и начинала класть земные поклоны до изнеможенія, почти до потери сознанія. Въ такой мучительной борьбѣ прошло нѣсколько дней.

Однажды Склирена сидѣла за чтеніемъ Псалтири, когда ей пришли сказать, что пріѣхалъ протостраторъ Василій Склиръ.

Драгоценная, украшенная миниатюрами рукопись, въ переплетѣ изъ барельефовъ по слоновой кости, вынала изъ рукъ красавицы, она быстро поднялась съ мѣста и пошла навстрѣчу брату, который входилъ въ комнату, опираясь на плечо шедшаго передъ нимъ слуги.

Неаполитанна. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) В. Китаева, грав. Шюблеръ.

Василій Склиръ былъ высокаго роста моложавый мужчина, лѣтъ сорока двухъ. Черная борода окаймляла его тонкое лицо, схожее съ лицомъ сестры. Только вѣки, безсиленно опущенныя надъ пустыми глазами впадинами, придавали ему странное и грустное выраженіе. Онъ гордо держалъ свою голову съ густыми черными волосами; увѣренность и сознаніе достоинства сквозили въ его движеніяхъ—это былъ достойный внукъ знаменитаго Варды Склира.

Онъ приказалъ слугѣ удалиться и подаль руку сестрѣ; она довела его до кресла, бережно усадила слѣпаго, подвинула табуретъ и сѣла у самыхъ ногъ его.

— Сестра, сестра... говорилъ онъ, обнимая ее. — зачѣмъ ты покинула насъ?

Пальцы его торопливо коснулись лица красавицы и недоумѣніе отразилось въ его чертахъ.

— Чтѣ съ тобою? ты больна? быстро спросилъ онъ.

— Нѣтъ, отвѣтила она, — я похудѣла просто отъ непривычки къ строгой монастырской жизни.

— Такъ стало-быть это правда! съ горечью воскликнулъ Склиръ, — ты хочешь отказаться отъ міра!?

И пальцы слѣпаго пробѣжали по головѣ сестры, по ея плечу, съ тайною боязнью найти на ней монашеское покрывало.

— Богъ поможетъ мнѣ въ этомъ, тихо и твердо сказала Склирена.

— Но это невозможно! горячо возразилъ Василій; — вѣдь я пріѣхалъ за тобою, императоръ сильно боленъ и хочетъ видѣть тебя. Ты не можешь отказать ему...

Если бы Склиръ могъ видѣть волненіе, которое охватило лицо его сестры, онъ понялъ бы, какимъ гнетомъ ложится на нее борьба со вновь набѣгающею волною жизни; но онъ почувствовалъ лишь, какъ дрогнула ея рука, и понялъ, что еще не все потеряно.

— У Константина опять тяжелый припадокъ подагры. Ты не должна отказывать ему въ свиданіи. Кто внушилъ тебѣ такія странныя мысли? Мономахъ соготовитъ тебя; ты имѣешь вліяніе на дѣла, ты окружена почетомъ и блескомъ... Старуха не долго проживетъ... можетъ-быть мнѣ суждено сдѣлаться братомъ императрицы...

— Меня не прельщаетъ это, сказала Склирена, — вспомни 9 марта; народъ не любитъ меня.

— Народъ нашъ — ребенокъ. Онъ любитъ всѣхъ, кто даетъ ему хлѣба и денегъ. Посмотри, онъ привязанъ даже къ этой безпутной старухѣ, — а за чтѣ ее любить? Во всю жизнь она ни о чемъ, кромѣ своихъ удовольствій, не думала.

— Василій, не будемъ говорить объ этомъ. Только здѣсь, на свободѣ, я поняла вполнѣ, въ какой тюрьмѣ я жила.

— Проси теперь, чего хочешь: Мономахъ предоставитъ тебѣ полную свободу, онъ сдѣлаетъ все, чтѣ тебѣ вздумается; онъ такъ увѣренъ, что одно твое присутствіе приноситъ ему счастье. Долгъ благодарности обязуетъ тебя вернуться. И потомъ, сестра, ты еще такъ молода; тебѣ жизнь сулитъ столько счастья и радостей.

Ближе сдвинулись черныя брови красавицы; мрачнѣе стало ея чело.

— Братъ, рѣшительно сказала она, — я жила двадцать пять лѣтъ и много грѣшила. Пора мнѣ уйти отъ всего этого.

Склиръ внезапно приподнялся со своего кресла и опустился передъ сестрою на колѣни.

— Я умоляю тебя, проговорилъ онъ, прижимаясь головою къ ея рукѣ, — вернись... Если не для себя, то для того имени, которое ты носишь, или хоть для твоего бѣднаго слѣпаго брата. Прошли тѣ времена, когда нашъ дѣдъ боролся изъ-за престола... сломили насъ... теперь при дворѣ я силенъ лишь тобою; уйди ты—и меня постигнетъ немилость, можетъ-быть ссылка, потеря имущества... Всѣ рады будутъ повредить

Склирамъ... Пожалѣй твоихъ племянниковъ; судьба лишила ихъ матери, не отнимай же у нихъ отца. Молю тебя, Августѣйшая...

Въ волненіи поднялась Склирена съ мѣста.

— Зачѣмъ ты мучишь меня?! съ глубокою горестью произнесла она.

— Вернись... повторялъ Склиръ, — завтра на зарѣ я увезу тебя.

Она молчала.

— Завтра, передъ твоимъ отъѣздомъ, ты узнаешь мое рѣшеніе, молвила она, наконецъ. — Пропшу тебя, оставь меня: теперь я должна прочесть молитвы.

Протостраторъ кликнулъ своего раба и удалился, оставя сестру надъ книгою въ глубокой задумчивости.

Но она не могла читать: въ ея утомленной головѣ, гдѣ, какъ ей казалось, уже начиналъ просыпаться восторгъ и пониманіе сладости молитвы, снова, какъ волны, забродили думы о мірѣ, о земномъ счастьи...

Она начала творить поклоны, но думы назойливо преслѣдовали ее. Ясное солнечное утро заглядывало въ маленькія окна; природа вѣяла спокойствіемъ и свѣжестью и словно манила къ себѣ, словно хотѣла заставить забыть человеческое горе. Какъ бы повинуюсь ея призыву, Склирена оставила священную книгу, спустилась во дворъ монастыря и вышла за его ограду.

Море было въ нѣсколькихъ шагахъ отъ воротъ. Она приблизилась къ самому берегу и пошла по песчаной отмели, внемля ласковому шуму лѣниво подбѣгавшей къ ея ногамъ волны. Скоро монастырь скрылся за выступомъ берега. Воздухъ, пропитанный смолистымъ ароматомъ сосенъ, еще дышалъ утреннею прохладою; длинныя тѣни ложились отъ прибрежныхъ скалъ и низкорослыхъ сосенъ. Кругомъ было полное безлюдье, только трещали кузнечики и птицы чирикали въ кустахъ, да въ глубинѣ залива, вытаскивъ лодку на отмель, какой-то человекъ вычерпывалъ изъ нея воду.

Склирена подвигалась къ нему, оглябая заливъ, и онъ нѣсколько разъ поднималъ голову, вглядываясь въ приближавшуюся женщину.

— Добраго утра! сказала онъ ей, когда она подошла ближе.

Она уже узнала его по бѣлокурымъ кудрямъ, по взгляду сѣро-голубыхъ глазъ: это былъ Глѣбъ — молодой рыбакъ, встрѣченный ею по пути на Принкино.

— Здравствуй, вымолвила она.

— Я издали узналъ тебя, говорилъ рыбакъ. Онъ наклонился, зачерпнулъ еще воды и далеко выплеснулъ ее въ море; мелкія брызги сморщили на минуту зеркальную поверхность. — Развѣ ты здѣсь живешь? Я думалъ, ты изъ городскихъ... продолжалъ онъ, переставая черпать и поднимая на нее взглядъ. — Но чтѣ съ тобою, ты измѣнилась... ты нездорова? заботливо замѣтилъ онъ.

— Нѣтъ, я здорова, отвѣтила она и прибавила, помолчавъ: — а ты какъ попалъ сюда?

— Я привезъ своего хозяина. Онъ отсюда родомъ и ежегодно въ этотъ день пріѣзжаетъ къ обѣднѣ вонъ въ тотъ монастырь, что бѣлѣетъ на горѣ, — онъ указалъ на бѣлѣвшій на вершинѣ стѣны мужскаго монастыря. — Сегодня день святаго Георгія, замѣтилъ онъ.

— Давно ты служишь этому хозяину? сама не зная зачѣмъ, спросила она.

— Давно. Уже два года... съ тѣхъ поръ, какъ я сталъ рабомъ.

— Какимъ образомъ очутился ты въ Византіи?

Онъ бросилъ свою черпалку и облокотился на бортъ лодки.

— Мы сами пришли. Мы приплыли по Черному морю со своимъ княземъ Владиміромъ Ярославичемъ и съ воеводою Вышатою. Мы хотѣли взять вашъ Царьградъ.

Она вспомнила о смѣломъ набѣгѣ россось и о кровавой битвѣ на берегахъ Босфора ¹⁾.

— Ты былъ взятъ въ плѣнъ во время битвы?

Онъ утвердительно кивнулъ головою, и при этомъ воспоминаніи глаза его сверкнули и губы слегка дрогнули. Отъ ласковаго взгляда этой прекрасной женщины въ его душѣ внезапно вспыхнула безотчетная жажда жизни, свободы и жгучій стыдъ за свое позорное рабство. Онъ низко опустилъ голову. На мгновение воцарилось молчаніе.

— Тебѣ тяжело здѣсь? съ участіемъ спросила она.

— Да, тихо произнесъ рыбакъ, — я не люблю этого громаднаго города, его шума и толкотни. У насъ лучше; у насъ просторъ и тишина...

Онъ задумался. Потомъ онъ вдругъ тряхнулъ золотистыми кудрями и выпрямился. Такъ молодой орленокъ расправляетъ крылья, собираясь летѣть вдаль.

— Я уйду... я ужъ пробовалъ, но хозяинъ поймалъ меня и посадилъ въ темницу. Да это ничего... Дай время—я опять уйду...

Непоколебимою увѣренностью звучали слова его. Вдругъ онъ словно спохватился, замолкъ и поднялъ глаза на свою собесѣдницу.

— Товарищи сказывали, уже совсѣмъ другимъ голосомъ началъ онъ,—что ты очень знатна и богата.

— Развѣ они меня знаютъ? живо спросила она.

— Нѣтъ. Но у тебя была такая красивая лодка, твой рабъ доставалъ столько золота и сама ты была вся въ золотѣ, какъ царица.

— Ты каждый день выѣзжаешь за рыбою?

— Каждый день. На зарѣ мы оставляемъ городъ. Мы живемъ у самаго Мраморнаго моря; моего хозяина, Алиція, всѣ знаютъ въ Византіи.

— Мнѣ сдается, что мы еще встрѣтимся съ тобою... можетъ быть, я поѣду кататься по морю. Ну, а теперь прощай, Глѣбъ!

— До свиданія, вѣдь мы еще увидимся, съ улыбкою поправила онъ.

Она невольно усмѣхнулась и, повернувшись, пошла по дорожкѣ къ монастырю.

— Смотри же, крикнулъ онъ ей вслѣдъ,—пріѣзжай въ море; мы снова забросимъ сѣть на твоё счастье... и золота твоего намъ не надо—ты добрая госпожа.

Она поднималась по тропинкѣ въ гору среди сосенъ и издали кивала ему головою съ улыбкою.

(Продолженіе будетъ).

Иисусъ.*)

Ловѣствованіе изъ библейскихъ временъ. Георга Эберса. (Продолженіе).

(Право перевода приобретено редакціей отъ автора).

Маріамъ и Оръ у колодца.

Глава XVI.

Боясь собственной слабости, Маріамъ вырвалась изъ объятій своего возлюбленнаго, — и счастливая, радостная, ожидая новыхъ милостей Божиихъ, стала слушать краткій разсказъ его о томъ, что онъ пережилъ послѣ ея призыва.

Описавъ тотъ страшный разладъ, который терзалъ его душу, онъ разсказалъ, какъ онъ снова обрѣлъ прежнюю вѣру и, покорный Богу своего народа

и призыву родителей, пошелъ во дворецъ, чтобы, не взирая на возможность заточенія или казни, просить объ освобожденіи его отъ данной присяги.

Потомъ онъ сообщилъ, какъ милостиво встрѣтила его скорбящая царская чета и какъ онъ принялъ на себя порученіе убѣдить вождей народа, чтобы они сводили своихъ соплеменниковъ лишь на короткое время въ пустыню, а затѣмъ привели ихъ обратно въ Египетъ и поселили на новой превосходной землѣ; къ западу отъ Рѣки. Тамъ уже ни одинъ иноземный приставникъ не будетъ угнетать рабочихъ; свои же старѣйшины станутъ управлять дѣлами евреевъ и во главѣ ихъ будутъ стоять человѣкъ, ими же избранный.

Въ концѣ концовъ онъ объявилъ, что самъ онъ назначенъ начальникомъ вооруженныхъ силъ евреевъ и, въ качествѣ на-

чальника, будетъ брать на себя въ случаѣ необходимости посредничество между ними и египтянами.

Счастливымъ, въ союзѣ съ любимой женщиной, будетъ онъ ревностно заботиться въ новой странѣ о послѣднемъ изъ своихъ соплеменниковъ. На пути въ Сокхоотъ ему казалось, будто онъ послѣ кровавой битвы услышалъ звуки побѣдной трубы; и теперь онъ думаетъ, что имѣть полное право считать себя вѣстникомъ и посломъ Всевышняго.

По ту сторону прервалъ свою рѣчь; ибо Маріамъ, которая до тѣхъ поръ слушала его съ радостно блистающими глазами, при послѣднихъ словахъ все пугливый и тревожный слѣдила за его рѣчью. Когда же онъ выказалъ надежду, въ союзѣ съ нею, осчастливить свой народъ, она отняла у него руку, со страхомъ взглянула въ его мужественное, радостно возбужденное лицо и, какъ бы стараясь овладѣть собою, опустила взоры.

Не понимая, что происходитъ въ душѣ Маріамъ, онъ еще ближе подвинулся къ ней. Сначала онъ думалъ, что стыдъ и смущеніе послѣ первой ласки, оказанной мужчиной, связываютъ языкъ дѣвушки. Но когда, послѣ того какъ онъ самъ называлъ себя истиннымъ посломъ Божиимъ, она неодобрительно и отрицательно покачала головою, онъ снова вспылилъ и, едва владея собою, воскликнулъ съ горечью:

— Такъ ты думаешь, что Господь, чудомъ охранивъ меня отъ ярости сильнаго и допустивъ принять изъ могущественныхъ рукъ такіе дары, которыхъ сильнѣйшій никогда добровольно не дастъ слабѣйшему, сдѣлать это для того только чтобы насмѣяться надъ горячей, искренней вѣрой человѣка, котораго Онъ Самъ избралъ Своимъ слугою?

Глухимъ голосомъ, едва сдерживая слезы, перебила его Маріамъ:

— Сильнѣйшій, слабѣйшему! Думая такъ, ты заставляешь меня повторить вопросъ твоего отца: Кто же по твоему сильнѣе, Господь-ли Богъ нашъ, или сидящій на престолѣ слабый человѣкъ, первенецъ котораго увялъ какъ трава, по одному мановенію Всевышняго? Ахъ, Осія, Осія!

— Иисусъ! перебилъ онъ ее, видя себя. — Или ты отказываешь мнѣ и въ имени данномъ мнѣ Богомъ? Я уповалъ на Его помощь въ ту минуту когда вступалъ во дворецъ сильнаго; подъ Его руководствомъ искалъ я спасенія и блага нашему народу, которое и нашелъ дѣйствительно, а ты... ты...

— Ни отецъ твой, ни Моисей, никто изъ вѣрующихъ старѣйшинъ не ждетъ ничего добраго отъ египтянъ, возразила Маріамъ, тяжело переводя духъ.—На гибель евреямъ послужитъ все то, что даютъ они; злаки, посѣянные нами, сохнутъ, лишь только нога египтянина коснется ихъ. Ты же, чьей честностью они злоупотребляютъ, ты служишь для нихъ свисткомъ, которымъ птицеловъ заманиваетъ въ сѣти неразумныхъ птицекъ. Они обманомъ дали тебѣ въ руки молотъ, чтобы ты еще крѣпче скавалъ дѣни, которыми мы расторгли съ Божьею помощью. Моими духовными очами я вижу...

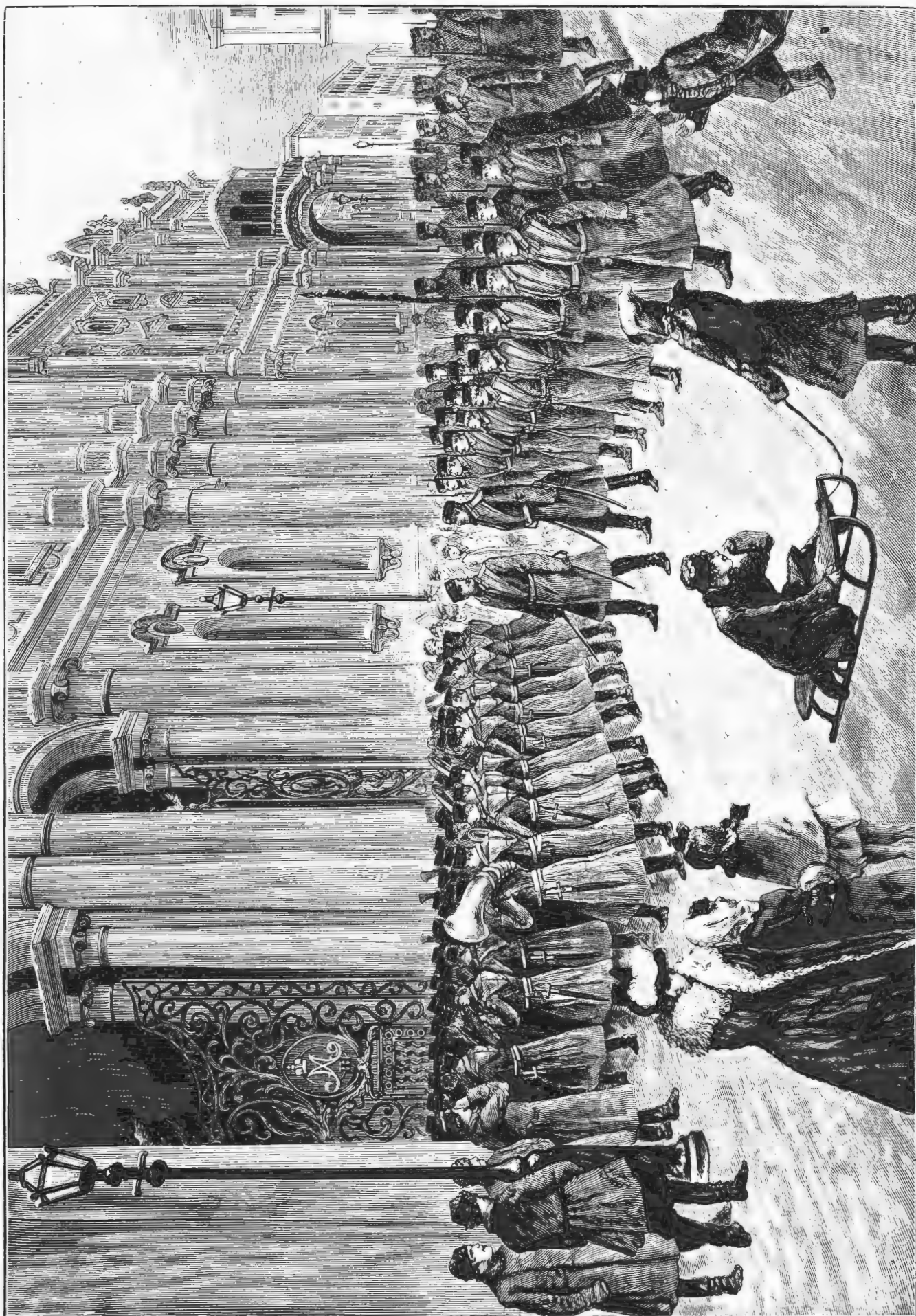
— Не въ мѣру много! перебила ее воинъ, скрежеща отъ гнѣва. Ненависть говорить твоими устами и затемнять твой

¹⁾ Неудачный походъ князя Владиміра Ярославича былъ въ 1043 г. Въ Константинополь осталось много россось въ плѣну.

* Сынъ Навина.

Литературный альбомъ. „Сказка о царѣ Салтанѣ“, Пушкина. Орлг рис (собств. Нивы.) А Чина грав Шюгеръ

Разводъ у Зимняго дворца въ СПБ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Бролинга. грав. М. Рашевскій.

ясный умъ. И если итцеловъ дѣйствительно — какъ ты сейчасъ сказала — сдѣлать изъ меня свистокъ и злоупотреблять мною, вводи меня въ заблужденіе, то этому онъ лучше всего могъ научиться у тебя... да, у тебя! Ты сама подавала мнѣ надежды на твою любовь и вѣрность. Отъ твоей любви ждалъ я всего, — а гдѣ она, эта любовь? Какъ ты не щадила меня, наноси мнѣ удары, такъ и я, не щадя самого себя, сознаюсь тебѣ во всемъ. И пришелъ не потому, что Богъ отцовъ нашихъ звалъ меня, но потому что призывъ этотъ дошелъ ко мнѣ черезъ тебя и моего отца. Вы ищете далекой, неизвѣстной страны, которую обѣщали вамъ Господь; я же открываю народу врата новаго, вѣрнаго отечества. Но не ради народа я это сдѣлалъ — ибо, что значилъ онъ для меня до сихъ поръ! — а прежде всего, чтобы въ этой новой странѣ быть счастливымъ съ тобою, которую я любилъ, и съ престарѣлымъ отцомъ! Ты же, чье холодное сердце не знаетъ любви, ты, съ моимъ неостывшимъ лобзаньемъ на устахъ, отвергаешь все мои предложенія изъ ненависти къ рукѣ, которой я всеѣмъ этимъ обязанъ. По образу жизни и стремленіямъ, ты перестала быть женщиной! То, что для другихъ женъ выше и дороже всего, ты отглаткиваешь отъ себя погой.

Но тутъ Маріамъ не выдержала и разразилась рыданіями, закрывъ руками судорожно искажившееся лицо.

Между тѣмъ, вмѣстѣ съ развѣтвомъ, въ проснувшемся станѣ, снова началось движеніе. На порогѣ дома Аминадава и Нассона показались прислужники, мужчины и женщины, и все возставшее отъ сна потянулось къ колодезю и водоюю. Но Маріамъ ничего не замѣчала.

Какъ радостно забилося и расцвѣло ея сердце, когда возлюбленный сказалъ ей, что поведетъ ее съ собою въ землю обѣтованную Господомъ! Она не колебалась бросилась ему на грудь, чтобы на одинъ короткий мигъ вкусить величайшее блаженство; но какъ скоро счастье смѣнилось разочарованіемъ! Когда утренній вѣтерокъ зашумѣлъ въ верхушкахъ смоковницы, въ то время какъ Исусъ объявлялъ о томъ, что даруетъ фараонъ народу, ей показалось, что съ вершины дерева вѣщаетъ гнѣвный голосъ Самого Бога, и что она снова слышитъ карающую рѣчь престарѣлаго Навина. Какъ громъ и молнія поразила эта рѣчь Урію; а чѣмъ же отличались его требованія отъ требованій Исуса?

Народъ, какъ она слышала изъ устъ Моисея, погибнетъ, если, измѣнивъ своему Богу, едетъ на обѣщанія фараона. Заклѣчь союзъ съ человекомъ, который пришелъ уничтожить все то, для чего жили и къ чему стремились ея братья и его же родной отецъ, было бы предательствомъ и нѣзбыой. А между тѣмъ она любила Исуса — и какъ охотно, вмѣсто того, чтобы рѣзко оттолкнуть его, она бы снова прильнула къ его сердцу, которое билось для нея одной!

Но листья въ верхушкѣ дерева продолжали шумѣть; Маріамъ казалось, что они повторяютъ предостереженіе Аарона, и это предостереженіе придало ей новую твердость. Шелестъ въ вершинѣ смоковницы очевидно исходилъ отъ Бога, избравшаго ее Своей рабой, и когда Исусъ, въ страстномъ порывѣ, сознался что прежде всего желаніе обладать любимой женщиной побудило его служить народу, который былъ столь же чуждъ ему, сколь дорогъ ей, — Маріамъ показалось, что сердце ея перестало биться и, обята смертельнымъ страхомъ, она невольно разразилась громкими рыданіями.

Не обращая вниманія на Исуса и на проснувшійся станъ, она снова опустила на землю съ вздохами горѣ руками и устремила широко раскрытые, влажные глаза къ небу, какъ бы ожидая новаго откровенія. Утренній вѣтерокъ попрежнему шумѣлъ въ вершинѣ смоковницы, и вдругъ Маріамъ показалось, что неожиданно возсіяло солнце, не только въ ея душѣ, но и на всемъ окружающемъ, какъ всегда бывало, когда ей, пророчицѣ, являлось какое-либо видѣніе. По въ этомъ солнечномъ свѣтѣ она увидѣла образъ, который испугалъ ее; каждый листъ на смоковницѣ шепталъ ей его имя, но человекъ этотъ былъ не Исусъ, а другой — тотъ, кого не ждало ея сердце. Онъ стоялъ передъ ея духовными очами, весь залитый свѣтомъ и блескомъ, во всей своей величественной красѣ, торжественно возложивъ руку на воздвигнутый имъ камень.

Едва переводя духъ, взирала Маріамъ на этотъ образъ: какъ охотно закрыла бы она глаза и уши, чтобы не видѣть его и не слышать голоса, исходящаго изъ смоковницы! Но вотъ, видѣніе исчезло, голоса смолкли, и, въ яркомъ заревѣ, она увидѣла его, того человека, который первый коснулся своими устами ея дѣвственныхъ устъ: съ поднятымъ мечомъ, предводительствуя соплеменными ему пастухами, стремился онъ на невидимаго врага.

Подобно блеску молніи явилось и угасло это видѣніе, но не успѣло еще оно исчезнуть, какъ Маріамъ уже поняла его значеніе.

Мужъ, котораго она назвала Исусомъ, который соединяетъ въ себѣ все, чтобы сдѣлаться вождемъ и защитникомъ своего народа, не долженъ быть отвлекаемъ любовью отъ высокаго назначенія, къ которому призывалъ его Всевышній. Привезенное имя порученіе должно остаться неизвѣстно евреямъ, для того, чтобы они не дали сорвать себя съ опаснаго

пути, на который вступили по указанію Господа. Съ той же ясностью, съ которой Маріамъ видѣла исчезнувшее видѣніе, она прозрѣла теперь, какъ ей должно поступить. И, какъ будто Всевышній хотѣлъ показать пророчицѣ, что она правильно поняла Его волю, прежде чѣмъ она успѣла встать и нанести своему возлюбленному новый ударъ, который готовила ему и себѣ, раздався неподалеку отъ смоковницы голосъ, приказывавшій стекавшимся со всѣхъ сторонъ толпамъ строиться въ походъ.

И такъ, путь на которомъ можно было спастись отъ самой себя, открылся передъ Маріамью. Между тѣмъ Исусъ все еще не дерзалъ прервать благоговѣнное настроеніе молящейся.

Онъ былъ до глубины души оскорбленъ и возмущенъ ея отказомъ. Но, когда, взглянувъ на Маріамъ, онъ увидѣлъ, какъ все ея тѣло дрожало отъ внезапно охватившаго ее озноба, какъ ея глаза и руки, словно зачарованные, поднялись къ небу, — онъ почувствовалъ, что въ душѣ молодой дѣвушки совершается что-то великое и святое и что было-бы преступленіемъ помѣшать ей. Мало того, у него невольно явилась мысль, что желаніе обладать женщиной, стоящей такъ близко къ Господу, само по себѣ есть уже величайшая дерзость. Правда, было-бы великимъ наслажденіемъ назвать это возвышенное существо своимъ, но не легко было-бы также видѣть, что возлюбленному и супругу она предпочитаетъ другаго, хотя-бы этого другаго былъ Самъ Всевышній.

Люди и стада потянулись уже мимо смоковницы, и воинъ наконецъ рѣшился заговорить съ пророчицей и указать ей на мимо-идущихъ. Маріамъ поднялась на ноги, обратилась къ нему и проговорила сдавленнымъ голосомъ:

— Я бесѣдовала съ Господомъ, Исусъ, и знаю теперь Его волю. Помнишь-ли ты еще тѣ слова, которыми Богъ призывалъ тебя?

Онъ утвердительно кивнулъ головой, и Маріамъ продолжала: — Въ такомъ случаѣ ты долженъ знать, что Всевышній открылъ отцу твоему, Моисею и мнѣ: Онъ хочетъ вывести насъ изъ страны египетской и поселить въ землѣ, гдѣ не будетъ надъ нами ни фараона, ни его наместника, и гдѣ самъ Господъ будетъ нашимъ царемъ. Такова Его воля, и если ты хочешь служить Ему, то долженъ идти за нами и, въ случаѣ надобности, вести въ бой своихъ соплеменниковъ.

Тогда онъ ударилъ себя въ грудь и воскликнулъ въ сильномъ волненіи:

— Я связанъ клятвой вернуться въ Танисъ и сообщить фараону, какъ вожди народа приняли предложенія, съ которыми онъ послалъ меня. Хотя-бы сердце мое разрывалось на части, клятвопреступникомъ я не буду!

— А мое да разорвется прежде чѣмъ измѣню своему Богу! проговорила Маріамъ. — Каждый изъ насъ избралъ себѣ путь и да будетъ передъ этимъ камнемъ расторгнуто то, что связывало насъ между собою.

Онъ видѣ себя бросилъ къ Маріамъ, стараясь схватить ея руку, но она повелительнымъ движеніемъ остановила его, повернулась и пошла къ толпѣ, которая съ волами и возами тѣснилась у колодезца.

Старые и малые почтительно разступились, когда Маріамъ, гордо выпрямившись, направилась къ Ору, отдававшему приказанія пастухамъ. Оръ пошелъ ей навстрѣчу и, выслушавъ то, что она вполголоса сообщила ему, положилъ руку ей на голову и прѣизнесъ торжественно:

— Господь да благословитъ союзъ нашъ!

Рука объ руку съ пожилымъ вождемъ, которому она обѣщала отдать свою жизнь, шла Маріамъ навстрѣчу Исусу и ничто не обличало ея волненія, за исключеніемъ прерывистаго дыханія, выдымавшаго ея грудь; ибо, хотя лицо ея поблѣднѣло, за то глаза были такъ же сухи и осанка такъ же величественна, какъ всегда.

Она предоставила Ору сообщить новость возлюбленному, отъ котораго навсегда отказалась. Исусъ, услышавъ его слова, отшатнулся, какъ будто передъ нимъ разверзлась пропасть.

Съ поблѣвшими отъ волненія губами, смотрѣлъ онъ на неравную чету и извѣстная насмѣшка готова была сорваться съ его устъ, но, при видѣ строгаго выраженія лица Маріамъ, онъ подавилъ свой гнѣвъ и старался ничтожными, заурядными словами приккрыть свое волненіе.

Чувствуя однако, что ему не удастся надолго сохранить показное равнодушіе, онъ постѣнилъ проститься съ Маріамью, заявивъ, что ему надо повидать отца и чрезъ него созвать старѣйшинъ.

Но не успѣлъ онъ еще кончить своей рѣчи, какъ поблѣжали спорившіе пастухи, прося Ора указать какое мѣсто подobaетъ въ шестви тому или другому козбну; Оръ послѣдовалъ за ними, а молодая дѣвушка, оставшійся наединѣ съ Исусомъ, заговорила тихимъ, но твердымъ голосомъ, смотря на него умоляющими глазами:

— То, что насъ соединило, расторгнуто внезапною поступкомъ, но мы связаны болѣе высокими узами. Какъ я отказалась отъ того, что было для меня самаго дорогаго, такъ и ты пожертвуй тѣмъ, къ чему стремилось твое сердце. Вспомни волю Всевышняго, назвавшего тебя Исусомъ! Одна минута превратила величайшее счастье въ великое горе; пусть-же оно

послужить на благо нашему племени! Оставайся сыномъ народа, къ которому ты принадлежишь по рожденію! Будь тѣмъ, къ чему призываетъ тебя Господь, будь вождемъ своихъ единоплеменниковъ! Я не сомнѣваюсь, что ты привлечешь старѣйшинъ на свою сторону, если пожелаешь сдержать данную фараону клятву и откроешь имъ привезенный тобою предложеніе. Воспротивятся изъ нихъ немногіе, но прежде всѣхъ, конечно, твой родитель. Я уже слышу его громкую, гнѣвную рѣчь, направленную противъ любимаго сына. Если ты останешься глухъ къ его увѣщаніямъ, народъ забудетъ призывъ Бога и пойдетъ за тобой; ты станешь могущественъ и будешь властвовать надъ евреями. Но когда наступитъ часъ, въ который снѣгитиницъ размететъ по вѣтру свои обѣщанія, когда ты убѣдишься, что онъ еще сильнѣе прежняго давитъ твоихъ соплеменниковъ, а они отпадаютъ отъ Бога отцовъ своихъ, чтобы служить вѣтроподобнымъ петуканамъ,—тогда проклятіе отца твоего постигнетъ тебя, гнѣвъ Всевышняго поразитъ ослѣпленныхъ—и одно отчаяніе будетъ у дѣломъ того кто повергъ въ бѣдствія слабую толпу, на защиту коей призвалъ его Господь. И потому я, слабая женщина, но служительница Господа и дѣва, которой ты былъ дороже жизни, зываю къ тебѣ: Страхись проклятія родительскаго и гнѣва Господа! Войси возвращенія народа съ пути истиннаго!

Тутъ подошла рабыня, которая пришла звать Маріамъ отъ имени ея друзей, и пророчица проговорила торопливымъ шепотомъ:

— Еще два слова. Если ты не хочешь быть слабѣе женщицъ, которой противорѣчія раздражали тебя, пожертвуй собственными желаніями на благо многимъ тысячамъ твоихъ единокровныхъ! Положи руку на этотъ камень и поклонись мнѣ...

Но тутъ голосъ измѣнилъ пророчицѣ. Руки ея тщетно искали опоры и, слабо вскрикнувъ, она упала на колѣни у воздвигнутаго Оромъ памятника.

Сильная рука Иисуса поддержала ее, и нѣсколько женщинъ, подосѣвшихъ на его зовъ, вскорѣ привели ее въ чувство.

Маріамъ окинула блуждающими глазами окружающее и только встрѣтивъ озабоченное лицо друга, вспомнила, гдѣ находится и чтѣ произошло. Потомъ она торопливо выпила воды, поданной ей женой одного изъ настуховъ, отерла полныя слезъ глаза, тяжело вздохнула и прошептала, обращаясь съ слабой улыбкой къ Иисусу:

— Я все-таки слабая женщина.

Затѣмъ она направилась къ дому, но, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, опять остановилась, позвала воина и сказала ему вполголоса:

Видишь, народъ выстраивается. Скоро онъ двинется въ путь. Остаешься-ли ты при своемъ намѣреніи? Еще есть время созвать старѣйшинъ.

Она отрицательно покачала головой и, встрѣтивъ благодарный взглядъ ея влажныхъ глазъ, проговорилъ вполголоса:

— Я буду помнить этотъ часъ и этотъ камень, жена Ора. Передай мой привѣтъ отцу и скажи ему, что я люблю его. Назови ему также имя, которое, по велѣнію Всевышняго, отнынѣ будетъ носить его сынъ. Пусть изъ этого имени, обозначающаго помощь Иеговы, онъ почерпнетъ увѣренность, когда узнаетъ куда я иду, чтобы сдержать данную мною клятву.

Съ этими словами онъ кивнулъ головой Маріамъ и направился къ стану, гдѣ успѣли уже напоить и накормить его коня; но она закричала ему встѣдъ:

— Еще одно слово: Моисей оставилъ тебѣ посланіе въ дуплѣ этого дерева.

Воинъ подошелъ къ смоковницѣ и прочиталъ предназначенное ему краткое посланіе великаго еврея: „Будь твердъ и мужественъ“, гласило оно. Иисусъ поднялъ голову и весело воскликнулъ:

— Вотъ эти слова мнѣ по душѣ! Если мы видимся сегодня въ послѣдній разъ, жена Ора, если мнѣ придется идти на смерть, то знай, что я съумѣю умереть твердо и мужественно. Ты же утѣши моего престарѣлаго родителя, какъ съумѣешь.

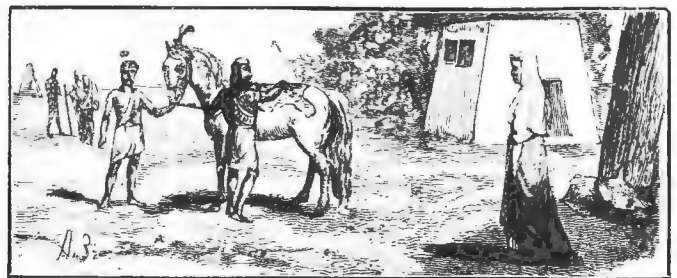
Съ этими словами онъ вскопчилъ на коня, и въ то время какъ, вѣрный данной клятвѣ, мчался въ Танисъ, въ душѣ его не было страха, хотя онъ хорошо сознавалъ, навстрѣчу какой великой опасности онъ идетъ. Лучшія надежды его рушились, но тѣмъ не менѣе глубокая скорбь боролась въ его душѣ съ радостнымъ подъемомъ духа. То было новое сильное чувство, наполнявшее все его существо—и чувство это было лишь слегка омрачено, хотя испытанная имъ обида могла-бы другому испортить всю жизнь. Онъ обрѣлъ высокую цѣль, и въ то же время имѣлъ право сказать себѣ, что не будетъ ниже Ора, ни кого-либо другаго. Надъ нимъ не будетъ никого, кромѣ двухъ высшихъ силъ, которымъ онъ самъ хотѣлъ посвятить свою кровь и жизнь: его Бога и его народа. Съ удивленіемъ ощущалъ онъ это новое чувство, которое было въ состояніи далеко отгѣнить въ груди мужа все прочее и даже любовь.

Правда, по временамъ онъ съ грустью опускалъ голову, вспоминая о своемъ старомъ отцѣ; но онъ хорошо сдѣлалъ, что подавилъ въ себѣ горячее желаніе еще разъ прижать его къ своему сердцу. Старикъ едва-ли понялъ-бы его побужденія, и гораздо лучше было для обоихъ разстаться не выдавшись, тѣмъ въ открытой ссорѣ.

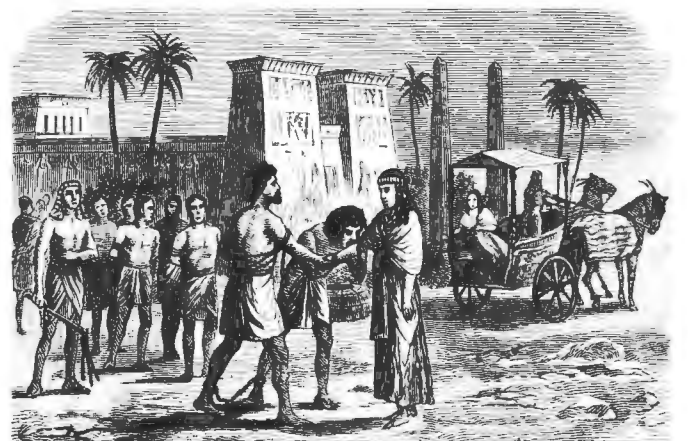
Часто ему казалось, что все пережитое былъ одинъ только сонъ; Иисусъ былъ какъ-бы охваченъ волненіями послѣднихъ часовъ, и, крѣпкій тѣломъ, едва ощущалъ то напряженіе силъ, которому подвергалъ себя.

На одномъ знакомомъ постояломъ дворѣ по пути, гдѣ онъ засталъ много воиновъ и между ними нѣсколько хорошо знакомыхъ начальниковъ, далъ онъ наконецъ себѣ и коню отдыхъ, и когда, подкрѣпившись, поѣхалъ дальше, то дѣйствительная жизнь снова вступила въ свои права, ибо до самыхъ воротъ града Рамвеса, Таниса, онъ проѣзжалъ мимо отрядовъ воиновъ и узналъ, что они получили приказаніе соединиться съ тѣми тысячами, которыхъ онъ самъ привелъ изъ Ливіи.

Наконецъ онъ достигъ города и, проѣзжая мимо храма Аммуна, услышалъ громкіе вопли, хотя и слышалъ дорогою, что чума почти прекратилась. Проходившая мимо стража подтвердила то, къ чему подготовили его нѣкоторые признаки: первый прорицатель и верховный жрецъ боговъ, престарѣлый Руи умеръ на девяносто восьмомъ году жизни, а Баи, второй прорицатель, такъ горячо завѣрявшій полководца въ своей дружбѣ и благодарности, сдѣлался преемникомъ умершаго и вмѣстѣ съ тѣмъ верховнымъ жрецомъ и судьей, хранителемъ печати и главнымъ казначеемъ, словомъ, могущественнѣйшимъ сановникомъ въ государствѣ.

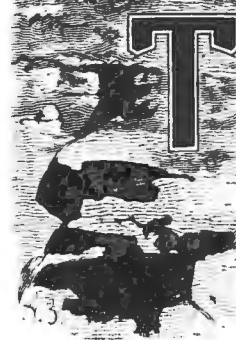

Отъѣздъ Иисуса изъ Сиккова.

Иисусъ, Ефремъ и Казана.

Глава XVII.

отъ, кому въ помощь Иегова! шепталъ пять дней спустя, съ горькою усмѣшкой, обремененный цѣнами государственной преступникъ, котораго, вмѣстѣ съ сорока товарищами по несчастью, вели изъ побѣдныхъ вратъ Таниса по направленію къ востоку.

Эти несчастные предназначались въ рудники на Синайскомъ полуостровѣ, гдѣ нужны были новые каторжники.

Лишь мимолетною была усмѣшка ссыльнаго; онъ выпрямилъ свой мощный станъ, и съ обросшихъ бородою усть его прозвучали слова:

— Твердъ и мужественъ!

Какъ будто желая передать и шедшему около него юношѣ тотъ подъемъ духа, который онъ снова обрѣлъ, онъ шепнулъ:

— Мужайся, Ефремъ, мужайся! Чтѣ бы ни случилось, не надо опускать головы, гляди смѣлѣ!

— Не разговаривать на ходу! крикнулъ старшему ссыльному одинъ изъ вооруженныхъ ливійскихъ стражниковъ, сопровождавшихъ отрядъ каторжниковъ, и внушительно поднялъ плетъ; тотъ, кому онъ грозилъ, былъ Иисусъ, а его товарищъ по несчастью — Ефремъ, котораго приговорили раздѣлить его участь.

Въ чемъ она состояла, знаетъ каждый ребенокъ въ Египтѣ, такъ какъ выраженіе: «пусть меня сожгютъ въ рудники!» было однимъ изъ самыхъ ужасныхъ народныхъ заклятій, а участь всякаго другаго преступника была вдвое легче участи осужденныхъ за государственное преступленіе.

Въ рудникахъ ихъ ожидалъ рядъ ужаснѣйшихъ униженій и мукъ. Силы здороваго человѣка надрывались тамъ непослѣдними трудами; а неощеннаго принуждали къ такимъ работамъ, что онъ скоро находилъ тотъ вѣчный покой, котораго давно жаждала его измученная душа. Ссылка въ рудники равнялась осужденію на медленную, мучительную смерть, и все-таки человѣкъ цѣнитъ свою жизнь такъ высоко, что ссылка эта считалась болѣе мягкимъ наказаніемъ, чѣмъ смертная казнь отъ руки палача.

Ободряющія слова Иусеа мало подѣйствовали на Ефрема; но когда нѣсколько мгновеній спустя, преступниковъ обогнала колесница съ наметомъ, на которой позади возницы и пожилой женщины стояла стройная, знатная молодая особа, Ефремъ быстрымъ движеніемъ обернулся и слѣдилъ за новозкой блестящими глазами, пока дорожная пыль не скрыла ее изъ виду.

Молодая женщина была плотно закутана покрываломъ; однако Ефрему казалось, что въ ней онъ узналъ ту, ради которой гибнетъ и малѣйшему знану которой онъ и теперь еще готовъ былъ повиноваться.

И юноша не ошибся: знатная женщина въ колесницѣ была Казана, дочь начальника стрѣлковъ Горнехта, а старуха—ея мамка.

Когда колесница значительно опередила колодниковъ, Казана приказала старухѣ ждать ее возлѣ маленькаго храма у дороги, близъ котораго, въ рощѣ вильскіихъ акацій, былъ вырытъ колодезь для путниковъ, а сама быстро спрыгнула на дорогу и стала ходить взадъ и впередъ въ тѣни деревьевъ, пока налетавшее облако пыли не показало ей, что колодники уже близко.

Тогда она сняла золотыя кольца, заранѣе приготовленныя ею для этой цѣли, и пошла навстрѣчу вождю печальнаго шествія, который фхалъ впереди его на ослѣ. Въ то время, какъ она разговаривала съ нимъ, указывая на Иусеа, приставъ бросилъ украдкой взглядъ на скользящій въ его руку кольца, увидѣвъ пріятный желтый блескъ и, такъ какъ скромность его разсчитывала лишь на серебро, то лицо его тотчасъ приняло дружелюбно предупредительное выраженіе.

Правда, просьба, съ которою обратилась къ нему Казана, онятъ омрачила его лицо, но при новыхъ обѣщаніяхъ молодой женщины оно вторично просіяло. Онъ быстро обернулся къ своимъ подчиненнымъ и закричалъ:

— Эй, люди! ведите кротовъ къ колодезю! Дать имъ напиться! Доставимъ ихъ въ вѣдра земли свѣжими и здоровыми!

Потомъ онъ подѣхалъ къ колодникамъ и закричалъ Иусеу:

— Ты должно-быть самъ распорядился въ былое время и каешься мнѣ строителемъ, чѣмъ бы слѣдовало и для твоей и для моей пользы. Эй, стража! смотри за прочими! А этому мнѣ нужно сказать словечко наединѣ.

При этомъ онъ захопалъ въ ладоши, точно выгонялъ куръ изъ огорода, и пока колодники тянули ведра, вмѣстѣ со стражниками наслаждаясь освѣжавшимъ питьемъ, приставъ отвелъ въ сторону отъ дороги Иусеа и Ефрема; разлучить ихъ было нельзя, такъ какъ они были скованы у щиколки общемоу цѣпью.

Маленькій храмъ скоро закрылъ ихъ отъ взоровъ толпы, а приставъ опустился на ступеньку въ нѣкоторомъ разстояніи отъ обоихъ евреевъ, предварительно показавъ имъ вполнѣ понятнымъ движеніемъ руки на тяжелую металлическую палицу, бывшую въ его правой рукѣ, и на барсучью собаку, улегшуюся у его ногъ.

Во время послѣдовавшаго затѣмъ разговора онъ не смущался съ нихъ глазъ. Пусть ихъ говорятъ себѣ, что угодно; онъ знаетъ свою обязанность; и хотя за хорошія деньги готовъ смотрѣть сквозь пальцы на послѣднее прощанье, но въ теченіе двадцати лѣтъ, несмотря на множество попытокъ къ побѣгу, ни одному изъ его кротовъ—такъ любилъ онъ называть будущихъ рудокоповъ—не удалось обмануть его бдительности.

Эта красавица, по всей вѣроятности возлюбленная того виднаго молодца, который, какъ ему говорили, былъ прежде военачальникомъ. Но и гораздо болѣе знатныхъ людей ему приходилось уже называть кротами, а если закутанная женщина пріѣхала для того, чтобы сунуть въ руку колодника напильникъ или золото, то приставу это могло быть только на руку; вѣдь вечеромъ, на привалѣ, оба будутъ обысканы, даже черные волосы младшаго, котораго не успѣли остричь только потому, что все было сдѣлано кое-какъ, второнахъ, при отпавленіи колодниковъ, которое должно было совершиться раньше выступленія войскъ фараона.

Приставъ не могъ слышать, о чемъ шепотомъ разговаривала женщина съ бывшимъ военачальникомъ, но ея покорный видъ и смущеніе невольно заставляли полагать, что она-то и погубила добраго молодца. Охъ, эти женщины! А молодой-то малый на цѣли... Взоры, которые онъ устремляетъ на стройную женщину, такъ жгучи, какъ будто онъ хочетъ спалить ими ея покрывало. Погоди, пріятель! Великій отецъ Аммуна!

Вѣдь у этихъ кротовъ впереди такая школа, гдѣ ихъ научатъ скромности!

Вотъ женщина откинула покрывало. Что за красавица! Тяжело, должно быть, разставаться съ такою возлюбленною! А вотъ она и плачетъ вдобавокъ!

У суроваго пристава сердце размякло, насколько допускала его служба; но онъ съ величайшимъ удовольствіемъ угостилъ бы плетью старшаго преступника, — развѣ не позоръ имѣть такую возлюбленную и стоять каменья-каменья! Негодѣй съ самаго начала не протянуть даже руки женщины, которая очевидно любила его, хотя онъ, приставъ, отъ всего сердца простилъ бы имъ даже поцѣлуй или объятіе.

А не то, пожалуй, эта красавица—жена воина, обманувшая его? Но вѣтъ, вѣтъ! Вотъ онъ — съ какою добротой наклонился теперь къ ней! Такъ говоритъ только отецъ со своимъ ребенкомъ; но его кроть слишкомъ молодъ, чтобы имѣть такую дочь. Загадка! Однако приставъ не трудился надъ ея рѣшеніемъ, ибо во время пути въ его рукахъ была полная возможность сдѣлать изъ самаго скрытнаго колодника открытую книгу.

Впрочемъ, не только пристава надъ смѣлыми, но и всякаго заинтересовалъ бы, конечно, вопросъ: что побудило эту прекрасную, знатную женщину выѣхать на развѣтъ на большую дорогу, къ несчастному, обремененному цѣпями колоднику?

И дѣйствительно, Казану могъ побудить къ этой побѣдѣ только мучительный страхъ, что любимый ею человѣкъ будетъ презирать ее и проклинать, какъ низкую предательницу. Ужасная участь ожидала его, и живое воображеніе Казаны представляло ей Иусеа въ рудникахъ, истомленнаго, разбитаго, осунувшагося, умирающаго, съ проклятіемъ ей на устахъ.

Вечеромъ того дня, когда въ домъ ихъ принесли Ефрема, дрожащаго въ лихорадкѣ, полузадохнаго отъ дорожной пыли, отецъ сообщилъ ей, что въ молодомъ еврейѣ они нашли залогъ, который заставитъ Осію вернуться въ Танисъ и подчиниться требованіямъ прорицателя Бан, съ которымъ начальникъ стрѣлковъ былъ связанъ тайнымъ разговоромъ. Потомъ, отецъ довѣрилъ ей, что не только отличія и высокой санъ, но также и бракъ съ нею должны были привязать Осію къ египтянамъ и къ одному дѣлу, отъ котораго онъ, Горнехтъ, ожидалъ величайшихъ благъ для себя, для своей семьи и для страны.

Все это наполнило ее радостною надеждою на давно желанное счастье. Казана призналась въ этомъ колоднику, стоя около маленькаго придорожнаго храма, поинкнувъ головою и проливая обильныя слезы, такъ какъ теперь онъ уже навсегда для нея потерянъ; если Осія не отвѣчаетъ на любовь, которую она съ дѣтскихъ лѣтъ отдала ему, то не долженъ, по крайней мѣрѣ, съ ненавистью и осужденіемъ, не выслушавъ предварительно.

Иусеу охотно и внимательно выслушалъ ее и увѣрилъ, что ничто не можетъ въ такой мѣрѣ облегчить ему сердце, какъ возможность ея оправданія отъ тяжелаго упрека и увѣренность, что не она предала его и юношу ихъ ужасной участи.

Молодая женщина, громко зарыдавъ, долго и напрасно старалась превозмочь себя; наконецъ ей удалось нѣсколько успокоиться и вернуться къ разсказу.

Вскорѣ послѣ отъѣзда Осіи умеръ верховный жрецъ, и въ тотъ же самый день Бан, второй прорицатель Аммуна, сдѣлался его преемникомъ. Тогда многое измѣнилось, и могущественнѣйшій человѣкъ въ государствѣ вселить въ фараонѣ ненависть къ евреямъ и ихъ вождю—Мезу, котораго до этихъ поръ какъ царь, такъ и царица защищали и боялись. Онъ убѣдилъ также государя преслѣдовать бѣглецовъ, и немедленно было собрано войско, чтобы принудить ихъ къ возвращенію. Она тотчасъ поняла, что Осія не согласится принять назначеніе противъ своихъ единоплеменниковъ, и что онъ долженъ быть возмущенъ своимъ посольствомъ для заключенія договора, который теперь нарушили, еще не узнавъ, принялъ ли его еврей.

Когда онъ вернулся, то фараонъ—Осія слишкомъ хорошо зналъ это—приказалъ заключить его подъ стражу и не пускать себѣ на глаза, пока Осія не поклонится снова принять начальство надъ своими тысячами и остаться вѣрнымъ слугою царя. Однако Бан, новый верховный жрецъ, не забылъ о спасителѣ своей жизни и отнесся къ нему съ расположеніемъ и благодарностью; она знаетъ, что Бан надѣялся также вовлечь его въ тайное предпріятіе, въ которомъ участвовать и ея отецъ. Тотъ же Бан требовалъ, чтобы фараонъ, въ случаѣ если Осія снова дастъ клятву въ вѣрности, освободилъ его отъ битвы съ его народомъ, назначилъ его начальникомъ чужеземныхъ наемниковъ и возвелъ его въ число друзей царя. Впрочемъ, все это, конечно, извѣстно Осію—вѣдь новый верховный жрецъ самъ предлагалъ ему эти лакомые куски, которые онъ отвергъ съ такимъ гордымъ и мужественнымъ негодованіемъ.

Ея отецъ сначала также былъ на сторонѣ Осіи и впервые пересталъ ставить ему въ упрекъ его происхожденіе.

Но на третій день по возвращеніи Осіи, начальникъ стрѣлковъ пошелъ переговорить съ нимъ, и съ тѣхъ поръ все измѣ-

Св. Іоаннъ Непомукъ раздаєть милостыню. Съ карт. Ф. Дитз, грав. Гёнеманъ.

шло къ худшему. Осія лучше знать, что побудило того, о котором она, какъ дочь, не смѣетъ думать ничего дурнаго, изъ друга сдѣлается его смертельнымъ врагомъ.

При этомъ Казана вопросительно взглянула на воина, и онъ не замедлил отвѣтомъ. Начальникъ стрѣлковъ приходилъ объявить, что Осія былъ бы для него желаннымъ зятемъ.

— И ты отвѣтилъ? спросила Казана, робко взглянувъ ему въ лицо.

— Я отвѣчалъ, что ты мнѣ мила и дорога съ дѣтства, но что обстоятельства запрещаютъ мнѣ связывать судьбу женщины съ моею.

Глаза Казаны сверкнули, и она воскликнула:

— Потому что ты любишь другую, женщину своего племени, ту самую, которая послала къ тебѣ Ефрема.

Колодникъ покачалъ головою и ласково отвѣчалъ:

— Ошибаешься, Казана! Та, о которой ты думаешь, теперь уже стала женой другого.

— Но въ такомъ случаѣ, воскликнула вдова, оживая и глядя на него съ нѣжною мольбой, — почему же ты... о, прости меня... почему же ты такъ обидно отказалъ отцу?

— Я былъ далеко отъ этого, дорогого дитя, ласково отвѣчалъ воинъ и положилъ руку на ее голову. — Но я все-таки не могъ исполнить его желанія, потому, что суровая необходимость не позволяетъ мнѣ помышлять о мирномъ счастьѣ у собственнаго очага, къ которому стремятся другіе. Если бы даже мнѣ оставили свободу, моя жизнь была бы во всякомъ случаѣ полна волнений и борьбы.

— Сколько людей, однако, возразила Казана, — владѣютъ мечомъ и щитомъ, и вернувшись домой, отдыхаютъ съ женой и наслаждаются весть, что дасть родной крови.

— Конечно, конечно, задумчиво отвѣчалъ онъ. — Но меня призываютъ другія обязанности, которыхъ вы, египтяне, не вѣдаете. Я сынъ своего народа.

— И ему ты готовишься служить? спросила Казана. — О, я хорошо понимаю тебя. Но все-же... Зачѣмъ же въ такомъ случаѣ ты вернулся въ Танисъ? Зачѣмъ ты отдался въ руки фараона?

— Потому что меня связывала священная клятва, бѣдное дитя, ласково отвѣчалъ онъ.

— Клятва, воскликнула Казана, — которая ставитъ смерть и неволю между тобою и тѣми, кого ты любишь и кому желаешь служить! О, если бы ты никогда не возвращался въ это царство несправедливости, предательства и неблагодарности! Какъ многимъ эта клятва принесла горе и слезы! Но что ужьды вамъ, мужамъ, до тѣхъ страданій, которые вы доставляете другимъ? Мнѣ, злосчастной, ты отравилъ все радости жизни, а среди твоихъ единоплеменниковъ скорбитъ почтенный отецъ, у котораго ты единственный сынъ. Сколько разъ видала я Навина, величественнаго старца съ блестящими взоромъ и бѣлоснѣжными сѣдинами! Такимъ будетъ и Осія, если ему суждена глубокая старость, говорила и себѣ, встрѣчая его на пристаняхъ или у входа въ Высокія Врата, когда онъ распорядился пастухами, гнавшими быковъ и тонкорунныхъ овецъ въ даръ къ столу сборщика податей. А теперь упростиство сына будетъ отравлять ему каждый день его старости!

— Теперь у него есть сынъ, отвѣчалъ Исусъ, — который идетъ на муки, обремененный цѣпями, но можетъ держать голову выше, чѣмъ предавшіе его. Они вмѣстѣ съ фараономъ забыли, что онъ не разъ проливалъ за нихъ свою кровь на полѣ брани и при всѣхъ опасностяхъ оставался вѣренъ своему царю. Менепта, его пафетиникъ и главный судья, которому я спасъ жизнь, и многие другіе, называвшие меня своимъ другомъ, теперь покинули меня и ввергли въ бѣдствіе, а вмѣстѣ со мною и этого, ни въ чемъ неповиннаго, отрока. Но да падетъ на тѣхъ, кто совершили все это, кто рѣшился на такія преступленія...

— Не проклинай ихъ, перебила Казана съ шипящимъ лицомъ.

Но Исусъ, не внимая ей словамъ, воскликнулъ:

— Развѣ я не мужъ, чтобы мнѣ забыть о мести!

Тогда молодая женщина, боязливо прижимаясь къ его рукамъ, заговорила умоляющимъ голосомъ:

— Ты конечно не можешь простить моему отцу, но не проклинай его. Онъ сдѣлался твоимъ врагомъ изъ любви ко мнѣ. Ты знаешь его горячую кровь, которая часто завлекаетъ его въ крайности, не смотря на его годы. Онъ даже отъ меня скрылъ то, что считаетъ для меня позоромъ; ибо многіе искали моей руки и у него нѣтъ ничего дороже меня. Скорѣе фараонъ проститъ бунтовщику, чѣмъ отецъ мой отвергшему меня, его сокровище. Онъ вернулся домой, словно бѣсноватый. Каждое слово изъ его устъ было проклятіемъ. Онъ не могъ усидѣть дома, но и за стѣнами его продолжалъ бушевать неприменно. Конечно, въ концѣ концовъ, онъ успокоился-бы, какъ всегда бываетъ съ нимъ, но, къ несчастію, въ преддверіи Высокіихъ Вратъ онъ встрѣтился съ человекомъ, которому выгодно было подлить масла въ огонь. Я знаю все это отъ супруги верховнаго жреца; она не менѣе меня возмущена тѣмъ зломъ, что тебѣ причинили. Ея мужъ сдѣлалъ все возможное, чтобы спасти тебя; она-же, твердостью не уступающая мужчине, готова

была помочь ему отворить тебѣ двери темницы; она хорошо помнитъ, что ты въ Ливіи спасъ ее мужа. Вмѣстѣ съ твоими должны были пасть и цѣпи Ефрема и все было уже готово, чтобы облегчить вамъ бѣдство...

— Я знаю все это, мрачно перебилъ Исусъ, — и вознесу хвалу Богу отцовъ моихъ, если невѣрны были дошедшіе до меня слухи, будто именно ты, Казана, виновница того, что двери нашей темницы замкнулись крѣпче прежняго.

— Развѣ я пріѣхала бы сюда, если-бъ слухи эти были вѣрны!? съ жаромъ воскликнула взволнованная красавица. — Конечно и въ моей душѣ шевельнулась ненависть, какъ въ каждой женщинѣ, которую отвергъ любимый человекъ; но постигшее тебя бѣдствіе скорѣе обратило гнѣвъ мой въ состраданіе и раздуло прежнее пламя въ моемъ сердцѣ. Клянусь милостивымъ судьей, котораго я жду на судилищѣ мертвыхъ, неповинна я въ этомъ и никогда не переставала надѣяться на твое освобожденіе. Только вчера вечеромъ, когда было уже слишкомъ поздно, я узнала, что замыслы Бан разстроены. Верховный жрецъ можетъ много сдѣлать; но именно тому, кто вступилъ теперь въ союзъ съ моимъ отцомъ, онъ не захочетъ стать поперекъ дороги.

— Ты разумѣешь князя Спитаха, племянника фараона! гнѣвно воскликнулъ Исусъ. — Мнѣ намекали, что они затѣвуютъ что-то въ его пользу. Меня самого хотѣли поставить на мѣсто сирива Аарсу, начальника наемныхъ войскъ, если я не помѣшаю имъ расправиться съ моимъ народомъ и отречься отъ своихъ единокровныхъ. Но я лучше перенесу двадцать смертей, чѣмъ запятнаю себя такимъ предательствомъ. Аарсу пригодите меня для ихъ мрачныхъ замысловъ, но въ концѣ концовъ онъ измѣнитъ и имъ. Что касается меня, то князь Спитахъ имѣетъ основаніе ненавидѣть меня...

Казана приложила палецъ къ губамъ, озабоченно указала на Ефрема и приставу и прошептала:

— Побереги отца! Князь... ненависть его къ тебѣ...

— Слостолюбецъ хочеть и тебя опутать своими сѣтями, а теперь узналъ, что ты благоволишь ко мнѣ, перебилъ ее воинъ.

Казана покраснѣла и утвердительно кивнула головою:

— Вотъ покоро-то Аарсу, котораго онъ успѣлъ привлечь на свою сторону, такъ строго и охранялъ васъ, проговорила она.

— Сиринъ дѣйствительно смотрѣлъ въ оба, сказалъ Исусъ.

— Но довольно объ этомъ! Я вѣрю тебѣ и отъ всего сердца благодарю за то, что ты послѣдовала за нами. Какъ охотно я вспоминалъ всегда въ походѣхъ о прелестномъ ребенкѣ, который расцвѣталъ на моихъ глазахъ!

— Общаснѣ-ли ты и впрдѣ думать о немъ безъ гнѣва и ненависти?

— Общаю, отъ всего сердца.

Молодая женщина въ страстномъ порывѣ схватила руку колодника, чтобы поднести ее къ губамъ; но онъ отянулъ руку, и Казана, взглянувъ на него влажными глазами, проговорила съ горечью:

— Ты отказываешь мнѣ въ милости, которой не отнимаютъ и у послѣдняго нищаго, просящаго милостыню?

Потомъ, гордо выпрямившись, она воскликнула такъ громко, что приставѣ вздрогнуть и посмотреть на солнце, не пора-ли двигаться въ путь.

— Я-же говорю тебѣ: наступитъ время, когда ты сама, какъ милости, будешь просить позволенія облобызать эту руку! Когда придетъ гонецъ и принесетъ свободу тебѣ и этому отроку, знай — что вы будете обязаны ею Казанѣ.

Отъ сильнаго волненія прекрасное лицо молодой египтянки покрылось яркимъ румянцемъ. Исусъ схватилъ ее руку и воскликнулъ:

— О, еслибъ тебѣ удалось то, къ чему стремитесь твоя преданная душа! Могу-ли я воспретить тебѣ смягченіе того великаго несчастія, которое постигло этого юношу въ твоемъ домѣ? Но, какъ честный человекъ, я долженъ сказать тебѣ, что никогда, ни въ какомъ случаѣ, не поступлю на службу египтянъ. Чѣд бы ни случилось, я, отнынѣ, душою и тѣломъ буду принадлежать народу, который вы пресѣдовали и презирали и къ которому я принадлежу по крови и по рожденію.

Казана поинкла прелестною головкой, но тотчасъ же снова подняла ее и проговорила:

— Никто не можетъ сравниться съ тобою въ величій и благородствѣ; это я знаю съ дѣтства. И если я среди своего народа не найду никого достойнаго уваженія, я буду думать о тебѣ, въ которомъ все правда и доблесть, безъ малѣйшаго пятна. Но когда бѣдной Казанѣ удастся освободить тебя, не презирай ее, если найдешь ее хуже чѣмъ оставляешь теперь, ибо какъ бы она ни унизилась, какимъ бы позоромъ ни покрыла себя...

— Что ты замышляешь? съ тревогою перебилъ ее Исусъ.

Но онъ не успѣлъ получить отвѣта, ибо приставѣ поднялся и, хлопнувъ въ ладоши, закричалъ:

— Впередъ, кроты, живѣе въ путь!

Тогда сердце воина сжалось подъ наплывомъ грустнаго чувства и, повинуясь мгновенному порыву, онъ поцѣловалъ опечаленную красавицу въ лобъ и въ темя, шепнувъ ей:

— Оставь меня въ моемъ несчастіи, если наша свобода будетъ стоить твоего униженія. Во всякомъ случаѣ для насъ

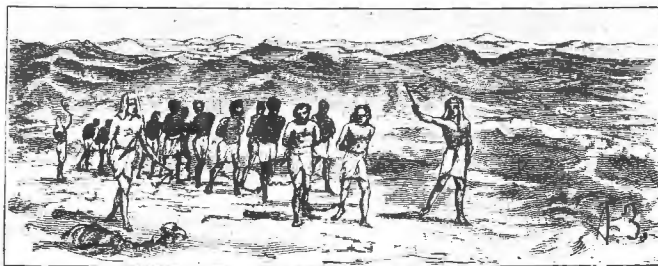
не расцветет уже радость свиданія; ибо, что бы ни случилось, жизнь моя будет отнынѣ лишь борьбой и самоотреченіемъ. Окружающая насъ ночь будетъ все темнѣе и темнѣе, но какъ бы ни была она мрачна и неопредѣлена, одна звѣзда будетъ всегда сіять мнѣ и этому отроку: воспоминаніе о тебѣ, милое, дорогое дитя!

Исуетъ указать на Ефрема — и юноша, видѣ себя, припалъ устамъ къ рукѣ и плечу рыдавшей молодой женщины.

— Впередъ! крикнулъ еще разъ приставъ, ухмыляясь, благодарно поглядывая на щедрую женщину въ колесницѣ и дивясь тому счастливому взгляду ея влажныхъ глазъ, которымъ она провожала колодниковъ.

Кони тронули, послышались новые приказанія, раздались нѣсколько ударовъ бича по обнаженнымъ спинамъ, нѣсколько стонувъ огласили утренній воздухъ — и шествіе осужденныхъ снова заволновалось по направлению къ востоку. Цѣнь, прикрѣпленная къ ногѣ товарища по несчастію, поднимала до-

рожнюю пыль, которая окутывала толпу колодниковъ такимъ же густымъ облакомъ, какимъ горе, ненависть и страхъ охватывали душу каждаго изъ этихъ несчастныхъ.

Каторжники на пути къ рудникамъ.
(Продолженіе будетъ).

Къ рисункамъ.

Казачій кордонъ. (Рис. на стр. 149).

Черноморскіе казаки были призваны сторожить отъ черкесскихъ набѣговъ часть той линіи, которая тянулась по Кубани и Тереку отъ Чернаго до Каспійскаго моря. Такъ какъ весь сѣверный склонъ Кавказскаго хребта и закубанской равнины были населены вдоль пограничной линіи горекими племенами, всегда враждебными казаку и готовыми сдѣлать набѣгъ на его жилища, то на плечахъ черноморцевъ лежало тяжелое бремя охраны этой линіи на каждомъ ея пунктѣ, поворотѣ, извѣстнѣ, словомъ всюду, гдѣ была хоть малѣйшая возможность обратиться гордо въ казачьи владѣнія. На протяженіи 260 верстъ пограничной линіи было устроено болѣе 60 постовъ и батарей и болѣе ста пикетовъ, хотя въ разное время и мѣнялось какъ общее количество этихъ укрѣпленій, такъ и расположеніе ихъ. Пикеты или, какъ назывались они у черноморцевъ, „бикеты“, представляли собою небольшіе плетеные изъ ивы шалаши съ двойными стѣнками, промежутки между которыми наполовину наполнялись землей. Каждый пикетъ былъ окопачъ небольшимъ ровомъ и снабженъ сторожевою „вышкой“, т. е. обыкновенною на столбахъ каланчой, и такъ называемою сигнальною „фигурой“ для оповѣщенія тревоги. Постъ или, какъ его называютъ черноморцы, „кардонъ“ былъ тотъ же пикетъ, но только въ большихъ размѣрахъ и основательнѣе устроенный. Въ кордонѣ возводились постоянныя жилища для казаковъ — хаты, и онъ былъ окруженъ болѣе глубокимъ, чѣмъ пикеты, ровомъ и землянымъ валомъ. Нѣсколько большихъ размѣровъ сторожевая вышка снабжалась шпильемъ съ утвержденною на немъ поперечною перекладиною, на которую, въ случаѣ тревоги днемъ, вадергивались шары. Вблизи укрѣпленія врывалась въ землю высокая жердь, обмотанная пенькой и сѣномъ или соломой, а иногда кромѣ того снабженная кадкой со смолой. Это и была сигнальная „фигура“ или „вѣха“, зажигаемая которую казаки давали знать въ темную ночь соседнимъ постамъ о набѣгѣ неприятеля. Въ пикетъ обыкновенно выставлялась команда отъ 3 до 10 казаковъ, — въ посты отъ 50 до 200 человекъ.

Преслѣдуемые волками. (Рис. на стр. 152 и 153).

Знаменитый живописецъ охотничьихъ сценъ, лошадей и собакъ, Вѣрушъ-Ковальскій рисуетъ намъ самую обыкновенную въ зимнее время сцену нападенія волковъ на проѣзжую тройку.

Когда въ селахъ пустѣетъ,
Смокнувъ ибени селянъ,
И сѣдой забѣдетъ
Надъ болотомъ туманъ,
Изъ дѣсовъ тихомолкомъ
По полямъ волкъ за волкомъ
Отправляются всѣ на добычу.

(гр. А. Толстой).

Обыкновенно трусливый, зимою голодный звѣрь дѣлается безумно смѣлымъ и не боится ничего на свѣтѣ. Стая такихъ хищниковъ въ высшей степени опасна для людей и животныхъ. Вѣрные своему правилу утомлять добычу долгимъ преслѣдованіемъ, они часто по нѣскольку верстъ гоняты за скачущей тройкой, и благо путникамъ, если они во-время успѣютъ добраться до деревни, отстрѣливаясь отъ голодной стаи.

Неаполитанка. (Рис. на стр. 157).

Люблю глаза твои, мой другъ,
Съ игрой ихъ пламенно чудесной,
Когда ихъ приподымаешь вдругъ
И словно молніей небесной
Окинешь бѣгло цѣлый кругъ...

В. Тютчевъ.

Литературный альбомъ. „Сказка о царѣ Салтанѣ“

Пушкина. (Рис. на стр. 160).

Островъ на морѣ лежитъ,
Градъ на островѣ стоитъ.
Каждый день идетъ тамъ диво,
Море вздуется бурливо,
Закипитъ, подыметъ волнъ,
Хлынетъ на берегъ пустыи,
Расплеснется въ скоромъ бѣгѣ —
И останется на брегѣ
Тридцать три богатыря,
Въ чешуѣ златой горя,
Всѣ красавицы молодые,
Великаны удалые,
Всѣ равны какъ на подборъ;
Старый дядька Черноморъ
Съ ними изъ моря выходитъ,
И попарно ихъ выводитъ,
Чтобы островъ тотъ хранить
И дозоромъ обходить.

А. Пушкинъ.

Разводъ у Зимняго Дворца въ СПБ. (Рис. на стр. 161).

Смѣна карауловъ въ Зимнемъ Дворцѣ и разводъ или парады съ музыкой вокругъ Александровской колонны всегда привлекаютъ многочисленныхъ зрителей. Нашъ художникъ весьма живо передаетъ одну изъ такихъ сценъ: небольшой отрядъ, съ музыкантами во главѣ, идетъ въ ворота дворца занимать внутренніе караулы.

Св. Іоаннъ Непомукъ. (Рис. на стр. 165).

Св. Іоаннъ (Игъ) Непомукъ, покровитель Чеховъ, о жизни и мученической кончинѣ коего сохранились лишь устные преданія, родился около 1330 года въ чешскомъ городкѣ Непомукѣ. Легенда, записанная въ 1670 году, іезуитомъ Бальбиномъ, гласитъ, что Св. Іоаннъ получилъ степень магистра въ Пражскомъ университетѣ. Рукоположенный во священническую санъ, онъ былъ проповѣдникомъ въ Тейнской пражской церкви, потомъ настоятелемъ церкви Св. Вита и протоіереемъ въ церкви Всѣхъ Святыхъ, а также милостынераздателемъ короля Вячеслава IV и духовникомъ королевы Іоанны. Въ 1383 году, въ навечеріе Вознесенія Господня, когда Св. Іоаннъ, несмотря на угрозы короля и пытки, не согласился выдать довѣренное ему королевой на исповѣди, Вячеславъ приказалъ утопить его въ рѣкѣ Молдавіи. Исторія также занесла въ свою лѣтопись фактъ его утопленія, хотя не подъ 1383 годомъ, а подъ 1393. Еще задолго до того времени, какъ папа Бенедиктъ XIII въ 1729 году причислилъ Непомука къ лику святыхъ римско-католической церкви, народъ чешскій уже считывалъ его какъ защитника отъ клеветы и подозрѣній, а также помощника въ опасности на водахъ. Память его, 16 мая, донинѣ празднуется во всей Чехіи народнымъ торжествомъ.

Процессъ Гюффе и антропометрія.

(Рис. на стр. 168).

Въ Парижѣ, какъ вѣроятно извѣстно читателямъ изъ газетъ, въ настоящее время всѣ слои общества занимаетъ процессъ пристава Гюффе, убитаго нѣкимъ Эйро при содѣйствіи Габріели Боннаръ, изобразившей на нашемъ рисункѣ въ тотъ моментъ, когда помощникъ г. Бертильона, впервые примѣнившій антропометрію къ установленію личности преступника, измѣряетъ ея ухо. Вотъ объ этомъ-то новомъ способѣ, принятомъ уже и русскою сыскою полиціей, мы и считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ. Прежде, когда попадался преступникъ-рецидивистъ, т. е. побывавшій уже разъ въ рукахъ правосудія, и скрывалъ свое имя, то для установленія его личности проводили его предъ выстроенными въ линію аген-

там сыскной полиції и кто-нибудь из послѣднихъ узнавалъ его. Нечего и говорить о несовершенствѣ этого способа. Другой способъ состоялъ въ сличеніи преступника со снятою съ него прежде фотографическою карточкой; но у сыскной полиції такихъ карточекъ накапливалось до ста тысячъ,—легко-ли было найти именно нужную и притомъ только по сходству

называемыхъ „примѣтъ“, которыя почти всегда оказываются тождественными у нѣсколькихъ сотъ человекъ. Но и антропометриі было-бы недостаточно для практическихъ полицейскихъ цѣлей, если-бы не было особой классификаціи, позволяющей дѣлать размѣренія преступниковъ на категории и группы. Эта-то классификація и изобрѣтена г. Верпильономъ. Чтобы понять

Процессъ Гюффе въ Парижѣ. Антропометрическое измѣреніе Габріэла Бонпаръ. Рис. Гене.

чертъ лица, которыя могли и измѣниться за нѣсколько лѣтъ, протекшихъ между снятіемъ портрета и вторичнымъ арестомъ преступника? Вотъ тутъ-то и явилась на помощь антропометриі.

Антропометриі (измѣреніе человекъ) состоитъ въ измѣреніи и записываніи размѣровъ тѣла и длины отдѣльныхъ костей у данной личности, какъ-то: роста, длины ручнй кисти, ступни, длины и ширины черепа и т. п. Такъ какъ на свѣтъ не найдется двухъ людей, у которыхъ всѣ размѣры частей тѣла совпадали-бы въ точности, — то нѣтъ надобности доказывать преимущества этого способа надъ снятіемъ фотографіи съ преступника или полицейскимъ описаніемъ такъ-

се, предположимъ, что передъ нами преступникъ мужичина и сто тысячъ карточекъ, на которыхъ записаны измѣренія ста тысячъ преступниковъ обоого пола и всякаго возраста. Карточки эти разложены въ шкафу со множествомъ полокъ и ихъ отдѣленій въ видѣ ящичковъ. Надо отыскать карточку именно предстоящаго предъ нами мужичины. Прежде всего мы оставяемъ въ сторону полки и отдѣленія съ 40,000 женщинъ и дѣтей. Такимъ образомъ изъ ста тысячъ остается только шестьдесятъ.

Какая важнѣйшая категория послѣ пола и возраста? Конечно-бы—ростъ. Но ростъ можетъ измѣняться съ годами, поддается плутовству (можно горбиться, вытягиваться при измѣ-

рени), неточно измѣряется и притомъ представляеть у разныхъ людей разницу не болѣе какъ въ 30 центиметровъ; доу-етивъ что ростъ измѣряется лишь приблизительно, съ ошибкой въ 3 центиметра, мы установимъ не болѣе десяти группъ. Напротивъ, голова измѣряется съ точностью до одного миллиметра, а разница въ измѣреніи у разныхъ людей простирается до 30 миллиметровъ. Стало-быть, можно установить 30 категорій. При томъ черепъ, послѣ двадцатилѣтняго возраста, почти не измѣняется въ размѣрахъ. Поэтому главной основой дѣленія на группы (послѣ пола и возраста) и была выбрана длина черепа отъ носовой впадины до самой выпуклой части затылочной шишки.

И такъ оставшіяся шестьдесятъ тысячъ карточекъ раздѣлены въ шкафу на три группы: съ малою, среднюю и значительную длиной головы. Такимъ образомъ, если мы знаемъ длину черепа у нашего субъекта, намъ останется искать его лишь въ двадцати тысячахъ карточекъ. Но опытъ показалъ, что ширина черепа измѣняется независимо отъ его длины; это позволило раздѣлить каждыя 20,000 опять-таки на три группы: съ малою, среднюю и значительную шириной черепа. Такимъ образомъ, по измѣреніи ширины черепа у нашего субъекта, останется только шесть тысячъ для дальнѣйшихъ изысканій. Длина средняго пальца руки даетъ третью, еще болѣе точное указаніе, и позволить раздѣлить каждыя 6000 на три же группы, по двѣ тысячи, которыя въ свою очередь, раздѣленныя по длинѣ ступни на три группы, дадутъ всего 600 карточекъ. Эти шестьсотъ, раздѣленныя по длинѣ локтя, дадутъ 200, по длинѣ ушной раковины — 70,

сѣтокъ карточекъ уже легко пересмотрѣть случая, ихъ съ преступникомъ по особымъ значащимся въ нихъ примѣтамъ, какъ-то: родимымъ пятнамъ, рубцамъ, хромотѣ, запканью и т. п., которыя означаются также на измѣрительныхъ карточкахъ.

Измѣренія производятся особыми, весьма точными инструментами. Карточки измѣреній разложены въ особыхъ ящичкахъ шкафа по группамъ вмѣстѣ съ фотографическими портретами.

Такимъ образомъ для того, чтобы узнать былъ-ли преступникъ уже въ рукахъ сыскающей полиціи—стоитъ только составить карточку его измѣреній въ томъ порядкѣ, какъ выше изложено, и затѣмъ, глядя на цифры этой карточки и переходя въ шкафу отъ категорій къ категоріи и отъ группы къ группѣ, въ теченіе минуты придемъ къ послѣднему десятку карточекъ, среди которыхъ и окажется дубликатъ, только-что составленной, если преступникъ уже подвергся измѣренію, хотя бы и нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

Убѣдившись въ этомъ, полиція можетъ уже вести съ преступникомъ такой разговоръ:

— Вы говорите, что ваша фамилія Ивановъ? — Да. — Не правда, ваша фамилія Петровъ. Вы родились, говорите, въ Тульѣ? — Да. — Не правда, и т. д. Вотъ ваша фотографія... Какъ, вы отрицаете, что это вашъ портретъ? Хорошо. Раздѣньтесь—у васъ окажется рубецъ

на правой лопаткѣ и родимое пятно подъ мышкой... Преступникъ теряется—онъ уличенъ окончательно и вынужденъ признаться, что онъ дѣйствительно то самое лицо, которое разъ уже было въ рукахъ полиціи.

Графъ П. А. Валувевъ. (Портр. на этой стр.).

Тихо и почти незамѣтно сошелъ въ могилу одинъ изъ видныхъ государственныхъ дѣятелей прошлаго царствованія, графъ

Графъ П. А. Валувевъ. † 27 января 1890 г. Съ фотогр. Левинкаго, грав. Шюблеръ.

Миссъ Нелли Блэй.

Миссъ Елизавета Бейландъ.

Кругосвѣтная путешественница.

по росту—25, и наконецъ 9 или 10 по длинѣ всей руки отъ плеча до кисти.

Такимъ образомъ, благодаря антропометрическимъ коэффициентамъ, вся коллекція во сто тысячъ карточекъ въ шкафу раздѣлена на группы по десятку карточекъ въ каждой, а де-

Петръ Александровичъ Валувевъ, скопчавшіяся, послѣ продолжительной болѣзни, 27 января. Въ послѣднія девять-десять лѣтъ гр. Валувевъ уже не игралъ никакой политической роли, которую считалъ для себя поконченною, и совершенно ушелъ въ частную жизнь, такъ что имя этого безспорно талантли-

ваго и разносторонне образованнаго человека было почти предано забвенію. Изреченіе мудрѣйшей изъ мудрѣйшихъ книгъ учить насъ воздавать каждому по дѣламъ его. Гр. Валугеву выпало на долю проводить въ жизнь три коренныя реформы: крестьянскую, земскую и по дѣламъ печати. Особенно дѣятельное участіе принимать онъ въ составленіи положеній о печати, дѣйствовавшихъ съ 1865 года, причемъ выказалъ чрезвычайную гуманность и, дѣйствуя въ либеральномъ духѣ, дѣлалъ столько послабленій и уступокъ, что вмѣсто свободы печати явилась крайняя распушенность, способствовавшая сильному броженію умовъ и роившая престижъ власти. Вообще гр. Валугевъ былъ слишкомъ пламеннымъ поклонникомъ западной цивилизаціи, которую весьма упорно стремился насаждать на русской почвѣ, не принимая въ размѣтъ совершенно иныхъ условій жизни нашей страны, и этимъ достигъ только однихъ отрицательныхъ результатовъ. Онъ былъ весьма твердъ въ своихъ убѣжденіяхъ, всегда оставался вѣренъ идеямъ и стремленіямъ, вдохновлявшимъ его едва ли не съ первыхъ шаговъ его служебной карьеры, но въ немъ слишкомъ было замѣтно отсутствіе критическаго отношенія къ собственнымъ дѣйствіямъ, что, въ связи съ его чрезвычайною мягкостью, вредно для представителя власти, привело къ дѣлому ряду прискорбныхъ событий, которыя довольно печально отозвались на судьбѣ самого графа. Очень почетна и благотворна была дѣятельность графа Валугева относительно улучшенія тюремъ и арестантскихъ ротъ. До реформы графа, мѣста заключенія находились въ самомъ неудовлетворительномъ состояніи: помѣщенія были тѣсны, во многихъ тюрьмахъ медицинская помощь отсутствовала, процентъ смертности былъ весьма значителенъ, праздность, эта „мать пороковъ“, преобладала. Гр. Валугевъ, насколько это зависѣло отъ него, преобразовалъ арестантскія роты, примѣнилъ трудъ заключенныхъ къ исполненію казенныхъ работъ и возбуждалъ частную, руководимую промышленностью арестантовъ. Поработавъ онъ достаточно и по управленію Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ, сумѣвъ расширить этотъ округъ государственной дѣятельности. Онъ присоединилъ къ нему горное вѣдомство и управленіе государственнаго коннозаводства; принималъ живое участіе въ комисіи по изслѣдованію положенія сельскаго хозяйства въ Россіи, какъ предѣлатель, кромѣ того обратилъ вниманіе на два существенныхъ вопроса государственнаго хозяйничанья—на осушеніе болотъ и разведеніе лѣсовъ, а также учредилъ болѣе строгій надзоръ за счетною частью, уменьшивъ расходы казны по горному вѣдомству и увеличивъ арендныя статьи государственныхъ имуществъ въ значительной степени. Есть еще одна сторона дѣятельности его, въ которой онъ проявилъ свое широкое образованіе и способности,—это его литературныя занятія. Онъ началъ ихъ въ половинѣ 50-хъ годовъ, помѣстивъ, между прочимъ, двѣ статьи въ *Отечественныхъ Запискахъ*: „Парижская учетная контора“ и „Рижскія городскія кредитныя кассы: торговая и учетная“. Сотрудничалъ онъ также въ правительственной газетѣ *Сѣверная Почта*, въ созданномъ имъ журналѣ *Отголоски*, гдѣ помѣстивъ „Экономическія и финансовыя замѣтки“, беллетристическую вещь „У Покрова въ Левшинѣ, въ семидесятихъ годахъ“ и другія статьи, затѣмъ въ *Нови*, гдѣ напечатаны, между прочимъ, и его стихотворенія, и въ московскомъ журналѣ *Дѣтскій Отдыхъ*, гдѣ онъ работалъ весьма усердно. Кромѣ того, онъ издалъ отдѣльно „Сборникъ краткихъ благочестивыхъ чтеній на всѣ дни года“ и романъ „Юрникъ“ выдержавшій два изданія и заключающій въ себѣ не мало матеріала для опредѣленія политическихъ и общественныхъ воззрѣній бывшаго государственнаго дѣятеля, между прочимъ, его большихъ нѣмецкихъ снматій, какъ одного изъ яркихъ представителей отжившей нѣмецкой партіи въ Россіи.

Членъ Государственнаго Совѣта, почетный оскунъ, статсъ-секретарь, д. тайн. совѣта, графъ Петръ Александровичъ Валугевъ происходилъ изъ древняго дворянскаго рода, предокъ котораго, литовскій уроженецъ Окагья Воль, прибылъ въ Россію въ началѣ XIV вѣка и принялъ здѣсь православную вѣру. П. А. Валугевъ родился въ Москвѣ 22 сентября 1815 г.; отца его звали Александромъ Петровичемъ, а мать была урожденная фонъ-деръ-Бришкенъ, внослѣдствіи г-жа Фелькерзамъ. Получивъ хорошее домашнее воспитаніе, которое дало ему, между прочимъ, основательное знаніе всѣхъ главнѣйшихъ европейскихъ языковъ, П. А. Валугевъ на 16 году поступилъ на службу въ канцелярію московскаго военнаго генералъ-губернатора, затѣмъ въ 1834 г. переведенъ въ I отд. Собств. Е. И. В. Канцеляріи, въ 1845 г. опредѣленъ чиновникомъ особыхъ порученій къ рижскому генералъ-губернатору и съ 1853 по 1858 г.

управлялъ Курляндской губерніею. Въ 1861 графъ Валугевъ вступилъ въ управленіе дѣлами Комитета Министровъ и 9 ноября того-же года утвержденъ въ должности министра Внутреннихъ Дѣлъ. Вскорѣ послѣ голода въ Самарской губерніи онъ принужденъ былъ оставить службу въ министерствѣ и назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта. Со времени отставки до 1871 г. онъ предѣлалъ въ правленіи ссуднаго и учетнаго банка и участвовалъ въ управленіи главн. общ. росск. жел. дорогъ, когда былъ назначенъ почетнымъ оскуномъ, начальникомъ Николаевскаго сиротскаго института, реальнаго женскаго училища и Александровскаго сиротскаго дома, въ то же время участвуя въ трудахъ комисіи по училищной, податной и друг. реформамъ. 16 апрѣля 1872 г. графъ Валугевъ занялъ постъ министра Государственныхъ Имуществъ, а 19 февраля 1880 г., состоя статсъ-секретаремъ, членомъ Государственнаго Совѣта, предѣлатель Комитета Министровъ, Кавказскаго комитета и комисіи прошеній, былъ возведенъ съ нисходящимъ его потомствомъ въ графское достоинство. Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ онъ управлялъ до 1879 г. Графъ П. А. Валугевъ имѣлъ множество орденовъ русскихъ и иностранныхъ. Не мѣшаетъ замѣтить, что на образованіе государственнаго склада ума его имѣла большое вліяніе служба графа подъ начальствомъ извѣстнаго графа Сперанскаго, на котораго онъ такъ стремился походить. Графъ Валугевъ въ значительной степени искупилъ свои прошлыя ошибки своею полезною, вносили христіанскою жизнью, переносивъ безропотно тяжелыя нравственныя и физическія страданія и даже довольно серьезныя матеріальныя лишенія... Трогательныя предсмертныя распоряженія покойнаго, кои онъ завѣщалъ похоронить его съ крайнею простотою.

П. Быковъ.

Въ 72 дня вокругъ свѣта. (Портр. на стр. 169).

Баснословное кругосвѣтное путешествіе Филаса Фогга (герой знаменитаго романа Жюль Верна) длилось, какъ извѣстно, 80 дней.

Двѣ американскія дѣвушки превзошли его въ дѣйствительности, задумавъ совершить кругосвѣтное путешествіе въ 75 дней, причемъ побѣдительница въ состязаніи еще выиграла почти трие сутокъ.

Миссъ Нелли Блэй, представительница газеты *New-York World*, отправилась изъ Нью-Йорка 14 (2) ноября и вернулась утромъ 25 (13) января, совершивъ путешествіе вокругъ свѣта въ 72 дня и 6 часовъ. На всѣхъ станціяхъ между Санъ-Франциско и Нью-Йоркомъ ей устраивались безчисленныя оваціи. Соперница ея, миссъ Елизавета Бейландъ, представительница *Cosmopolitan Magazine*, опоздала на пароходъ въ Гаврѣ, хотя и задержала отправленіе его на нѣсколько часовъ, заплативъ переводомъ по телеграфу 10.000 франковъ, а потому и прибыла въ Нью-Йоркъ лишь тремя или четырьмя днями позже.

Прилагаемъ портреты отважныхъ путешественницъ, совершившихъ это путешествіе каждая въ полномъ одиночествѣ.

Катокъ улицы Перголезъ въ Парижѣ.

(Рис. на стр. 172).

За весьма рѣдкими исключеніями климатъ Франціи не допускаетъ продолжительнаго катанья на естественномъ льду; почти каждый разъ, какъ Парижское общество конькобежцевъ объявляло о катаньѣ на завтрашній день, оттепель за ночь отбывала праздникъ. Коньки уже становились не болѣе какъ эмблемой, а ледъ—мнѣомъ, какъ вдругъ повое изобрѣтеніе оживило этотъ спортъ.

Въ громадномъ бетонномъ бассейнѣ уложены желѣзныя трубы, звывающіяся такъ, что вся длина ихъ составляетъ 16 верствъ. Онѣ проводятъ холодъ и передаютъ его водѣ въ бассейнѣ на поверхности 2500 кв. метровъ при 18 сантиметрахъ глубины. Три сильныя паровыя машины, дѣйствуя на три спеціальныя машины производящія ледъ, сжимаютъ газообразный амміакъ до жидкаго состоянія и устремляютъ его въ трубы.

Такимъ образомъ сухой газообразный амміакъ, сжатый мощными поршнями въ жидкость, проводится по всей системѣ трубъ, погруженныхъ въ воду. Здѣсь онъ снова переходитъ въ газообразное состояніе и производитъ холодъ замораживающій воду въ ледъ. Газообразный амміакъ затѣмъ вытягивается изъ трубъ обратно поршнями, снова сгущается въ жидкость и слѣдовательно служитъ безъ конца. Благодаря этому устройству, въ закрытомъ пространствѣ круглой громадной залы получается постоянный искусственный катокъ.

Политическое обозрѣніе.

Новая постановка въ Германіи вопроса о рабочихъ не заставила себя долго ждать послѣ отставки князя Бисмарка какъ министра торговли. Въ *Имперскомъ Указателѣ* уже опубликованъ императорскій приказъ на имя имперскаго канц-

лера; приказомъ этимъ повѣщается германскимъ представителямъ во Франціи, въ Англии, Бельгіи и Швейцаріи осведомиться у правительствъ этихъ странъ, согласны-ли они вступить въ переговоры по вопросу о содѣйствіи проявившимся

въ послѣднее время пуждамъ рабочихъ. Если мысль эта будетъ въ принципѣ принята, имперскому канцлеру будетъ немедленно предписано пригласить на конференцію всѣ правительства, принимающія однакоже участіе въ рабочемъ вопросѣ. Другимъ приказомъ предписывается министру торговли приступить къ пересмотру законовъ о ремеслахъ, въ видахъ удовлетворенія справедливыхъ жалобъ и обезпеченія спокойствія рабочихъ и работодателей. Императоръ заявляетъ, что онъ желаетъ, чтобы государственные горные заводы были образоваными учреждениями. Для обсужденія этихъ вопросовъ долженъ собраться государственный совѣтъ въ предсѣдательствѣ императора. Эти императорскія повелѣнія относительно мѣръ къ улучшенію быта рабочихъ вызвали въ Берлинѣ общія ликования, хотя никто не сомнѣвается въ трудности разрѣшенія намѣченной задачи. Отсутствие подписи министра придаетъ повелѣніямъ характеръ проявленія личной воли монарха. Въ руководящихъ кругахъ обнаруживаются, повидимому, два расходящихся теченія. Въ то время, какъ канцлеръ попрежнему совѣтуетъ соблюдать сдержанный образъ дѣйствій по отношенію къ возбужденнымъ вопросамъ, съ другой стороны признается необходимою инициатива правительства для совместнаго дѣйствія съ иностранными державами. Преобладаютъ мнѣнія, что соглашение съ Австро-Венгріей и Италіей по этому предмету уже достигнуто. Кроме названныхъ государствъ, какъ сообщаетъ *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*, предприняты предварительныя сношенія съ Франціей, Англіей, Бельгіей и Швейцаріей, а также съ прочими государствами, гдѣ возникъ этотъ вопросъ: съ Данією и Швеціей. Переговоры съ поименованными въ императорскомъ повелѣніи державами имѣютъ большіе шансы на успѣхъ, но тѣмъ не менее государственный совѣтъ будетъ обсуждать мѣры къ охранѣ рабочихъ независимо отъ успѣха этихъ переговоровъ. Большая часть газетъ посвящаетъ императорскому повелѣнію сочувственныя статьи; не выказались еще по этому предмету лишь инспирируемыя офиціозныя *Norddeutsche Allgemeine Zeitung* и *Kreuz-Zeitung*. Рядомъ съ тѣмъ нѣкоторые органы германской печати, въ томъ числѣ *Kreuz-Zeitung* и социалистскій берлинскій *Volksblatt*, признавая важное значеніе послѣднихъ императорскихъ повелѣній, говорятъ, что ихъ практическій успѣхъ зависитъ отъ результатовъ международныхъ переговоровъ.

Печать другихъ западно-европейскихъ государствъ отзывалась о приказѣ императора Германскаго очень сочувственно, а въ Австріи, можно сказать, даже восторженно. Такъ, *Presse* замѣчаетъ, что проектъ международной охраны рабочихъ является уже самъ по себѣ осуществленіемъ идеи социального мира и что эта идея, при международномъ обсужденіи ея, можетъ превратиться въ идею международного мира. Англійскія газеты выражаются съ расположеніемъ объ извѣстномъ повелѣніи Германскаго императора, но сомнѣваются, чтобы конференція могла привести къ практическимъ результатамъ. *Pall Mall Gazette* считаетъ принятіе приглашенія маркизомъ Солсбери неподлежащимъ сомнѣнію, а швейцарская печать всѣхъ отбѣнокъ выражаетъ надежду, что предложенная федеральнымъ правительствомъ конференція состоится при участіи Германіи въ Бернѣ.

Парижъ взволнованъ происшествіемъ съ герцогомъ Орлеанскимъ, сыномъ графа Парижскаго. Онъ прибылъ во Францію, 26 января явился утромъ въ Парижѣ въ рекрутское присутствіе и потребовалъ зачисленія въ ряды французской арміи. Герцога направили въ военное министерство, гдѣ, какъ и въ присутствіи, ему отвѣтили отказомъ. Тогда онъ возвратился въ квартиру герцога де-Люинъ, гдѣ въ 6^{1/2} ч. вечера былъ арестованъ и препровожденъ къ префекту полиціи, которому заявилъ, что, достигнувъ совершеннолѣтія, онъ прибылъ для исполненія обязанностей французскаго гражданина по отбыванію воинской повинности. Префектъ отвѣтилъ, что, въ виду формальныхъ требованій закона, онъ обязанъ арестовать принца. Велѣдъ затѣмъ герцога отравили въ тюрьму Консьержери, гдѣ съ нимъ обращаются съ величайшею внимательностью. Арестованіе послѣдовало въ силу закона, воспрещающаго

заго пребываніе на французской территоріи главамъ царствовавшихъ во Франціи домовъ и ихъ прямымъ наследникамъ. Послѣ того принцъ былъ преданъ суду исправительной полиціи, и засѣданіе произошло 31 января.

Публики въ судѣ было много. Въ отвѣтъ на вопросъ президента, герцогъ сказалъ слѣдующее: „Прошу позволенія обратиться къ суду безъ фразъ. Я прибылъ во Францію, чтобы служить простымъ солдатомъ. Политикомъ я не занимаюсь; политика касается только моего отца, покорнымъ сыномъ и вѣрнымъ слугою котораго я состою. Я явился не въ палату, а въ рекрутское присутствіе, и зналъ, чему подвергаюсь, но это не остановило меня. Я хотѣлъ послужить отечеству въ полку: развѣ это преступленіе? Я люблю отечество; но развѣ это преступокъ? Нѣтъ, я не считаю себя виновнымъ, не хочу защищаться, и отъ души благодарю моихъ совѣтниковъ за ихъ преданность, но прошу ихъ не защищать меня. Въ изгнаніи я привѣдъ почитать судебную власть моего отчества и подчинюсь ея приговору. Я не жду ничего, кромѣ милосердія, но если меня осудятъ, то я увѣренъ въ оправданіи моемъ со стороны 200,000 рекрутовъ моего класса, которые, болѣе меня счастливые, получаютъ возможность послужить родинѣ“. Президентъ возразилъ герцогу: „Вѣдь вы знали о законѣ, воспрещающемъ вамъ служить во французской арміи?“ Герцогъ отвѣтилъ: „Если бы этого закона не существовало, я не былъ бы въ Консьержери“. Товарищъ прокурора высказалъ въ своей обвинительной рѣчи, что къ подсудимому долженъ быть примѣненъ законъ, завѣдомо имъ нарушенный. На обвинительную рѣчь отвѣчалъ адвокатъ Руссъ, сказавшій, что герцогъ прибылъ во Францію для отбѣгнута воинской повинности, ни съ кѣмъ, кромѣ своей молодости, не совѣтовался и совершилъ личный добровольный актъ, который послужитъ къ его чести на всю жизнь. Затѣмъ Руссъ выразилъ пожеланіе, чтобы въ дни опасности во Франціи нашлось много сыновъ, подобныхъ герцогу. Рѣчь свою Руссъ закончилъ слѣдующими словами: „Военный законъ, обязывающій всѣхъ воинскою повинностью, уничтожаетъ дѣйствіе закона объ изгнаніи членовъ царствовавшихъ во Франціи фамилій“. Судъ, послѣ продолжительнаго совѣщанія, постановилъ приговоръ о заключеніи герцога Орлеанскаго въ тюрьму на два года. При выходѣ публики изъ залы суда произошло небольшое приключеніе. Нѣсколько группъ стали кричать: „Да здравствуютъ Орлеаны!“, на что другія группы отвѣчали криками: „Да здравствуетъ республика!“ Одна изъ группъ отиравилась къ Pont-Neuf, чтобы положить вѣнокъ у статуи Генриха IV, при чемъ раздавались возгласы: „Да здравствуетъ король! Да здравствуютъ Орлеаны!“ Другая партія оглашала воздухъ криками: „Да здравствуетъ республика!“ Въмѣшавшаяся въ дѣло полиція арестовала 25 человекъ.

Болгарія снова заставляеть говорить о себѣ. Въ Софіи открытъ публицистомъ Ризовымъ заговоръ противъ правительства. Заговоръ якобы имѣлъ цѣлью устранить принца Фердинанда и членовъ нынѣшняго болгарскаго правительства. Арестовано множество лицъ, преимущественно военного сословія, съ Паницей во главѣ. При обыскѣ у Паницы найдены письма, адресованныя нынѣ также арестованному куцу Халонкову. Письма эти шифрованными. Въ нихъ будто бы говорится, что наступила благоприятная минута для низверженія нынѣшняго болгарскаго правительства, но что переворотъ долженъ быть совершенъ безъ кровопролитія. До сихъ поръ никакихъ важныхъ показаній Паница полицейскому судѣ не сдѣлалъ. По послѣднимъ извѣстіямъ, заговоръ имѣлъ цѣлью увести принца Фердинанда и умертвить Стамбулова и Муткурова. Въ числѣ другихъ, по словамъ изъ Лондона: „въ Русіи арестованъ русскій, Наднинъ, за соучастіе въ заговорѣ“.

Въ „Daily News“ сообщаютъ изъ Землина: „Германскій генеральный консулъ въ Софіи потребовалъ, именемъ русскаго правительства, выдачи ему, консулу, Халонкова, какъ русскаго подданнаго. Болгарское правительство еще не дало отвѣта на это требованіе“. По дальѣйшимъ извѣстіямъ, въ Вѣнѣ ходятъ слухи, что Паница и еще четыре офицера разстрѣляны вчера въ Софіи. Стамбуловъ надѣется, что это произведетъ устрашающее дѣйствіе на недовольныхъ офицеровъ расположенныхъ въ провинціи частей.

С М Ъ С Ъ .

Остатки древности найдены не такъ давно въ юртѣ станицы Голубинской, втораго Донскаго округа, однимъ казакомъ. Раскапывая около своего жилья, для хозяйственныхъ надобностей, небольшую курганъ, онъ вырылъ нѣсколько вещей, по всѣмъ признакамъ относящихся къ скифскому періоду: сосудъ красной мѣди, съ двумя фигурами по краямъ въ родѣ кониковъ или собачекъ, и съ двумя ушками грубой работы, весомъ 5 ф. 32 золотн.; мѣдный переломленный пополамъ кружокъ (зеркало) и два золотыхъ браслета. Каждый браслетъ состоитъ изъ тройнаго витка кольца, оканчивающагося двумя головками, похожими на эмвѣицы; изъ нихъ одинъ съ 16 гнѣздами для камней или другихъ украшеній (въ духъ гнѣздахъ уцѣлѣла бирюза), весомъ 32^{1/2} зол., а другой съ 10 гнѣздами для камней, весомъ 29^{1/2} зол. Всѣ эти вещи поступили въ донской исторической музей. (Ъ.)

Календарь для прекраснаго пола. Въ одной изъ газетъ при-

водится списокъ драгоценныхъ камней, соотвѣтствіе ихъ мѣсяцамъ и значеніе, словомъ, календарь этихъ камней: Январь. Гранатъ: постоинство. Февраль. Аметистъ: искренность. Мартъ. Рубинъ: мужество. Апрель. Бриллиантъ: невинность. Май. Изумрудъ: успѣхъ. Юні. Агатъ: здоровье. Юль. Сафиръ: радость. Августъ. Александритъ: счастье. Сентябрь. Хризолитъ: ревность. Октябрь. Опалъ: надежда. Ноябрь. Топазъ: вѣрность. Декабрь. Бирюза: сила. (Ъ.)

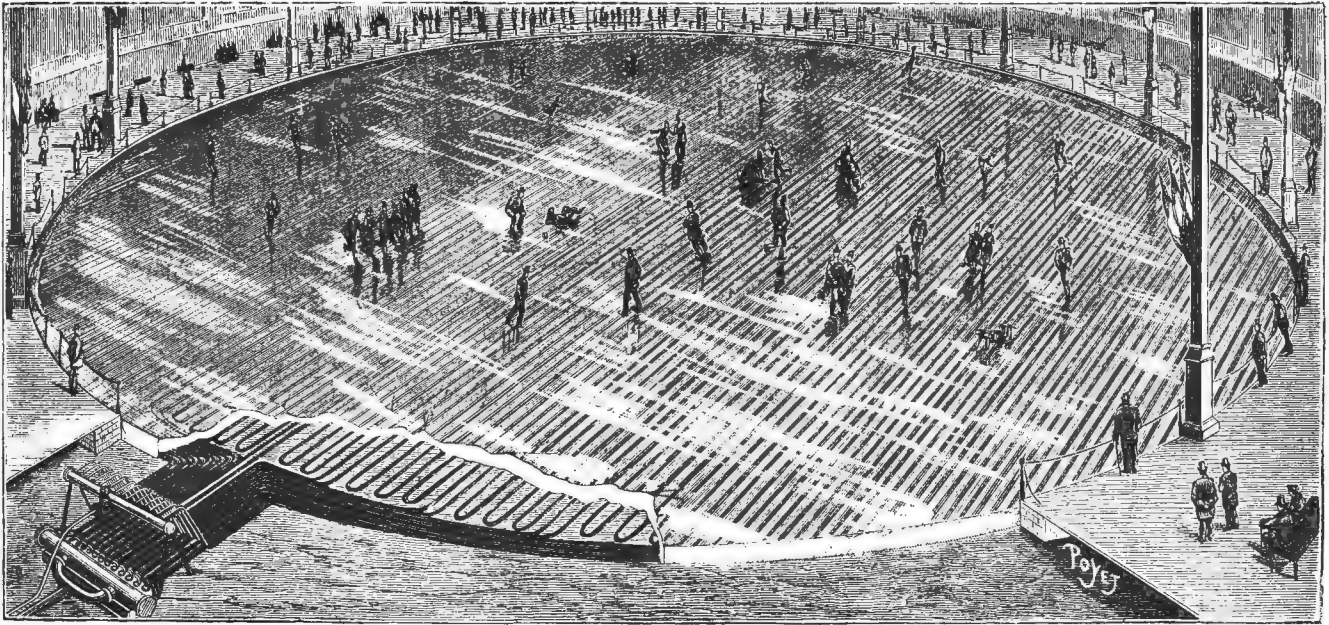
Любопытныя обмслвки. Не такъ давно въ одной изъ провинціальныхъ газетъ было напечатано: „Такого-то числа *весь день свѣтитъ солнце, а предшествующую осенью - луна.*“ И въ томъ же номерѣ газеты далѣе помѣщено извѣстіе: „Крестыиинъ Пгнать Приходкинъ съ односельчанномъ своимъ Андреемъ Приходкинымъ пришли въ хуторъ *Вьялевицкую* съ цѣлью *взять жену свою Александру*“ и проч. (Ъ.)

Профессор Норденшильдъ, по сообщенію, сдланному имъ шведской академіи наукъ, намѣренъ, вмѣстѣ съ барономъ Оскаромъ Диксономъ, снарядить въ 1891 г. научную экспедицію къ южному полюсу, при содѣйствіи Австраліи. (с.)

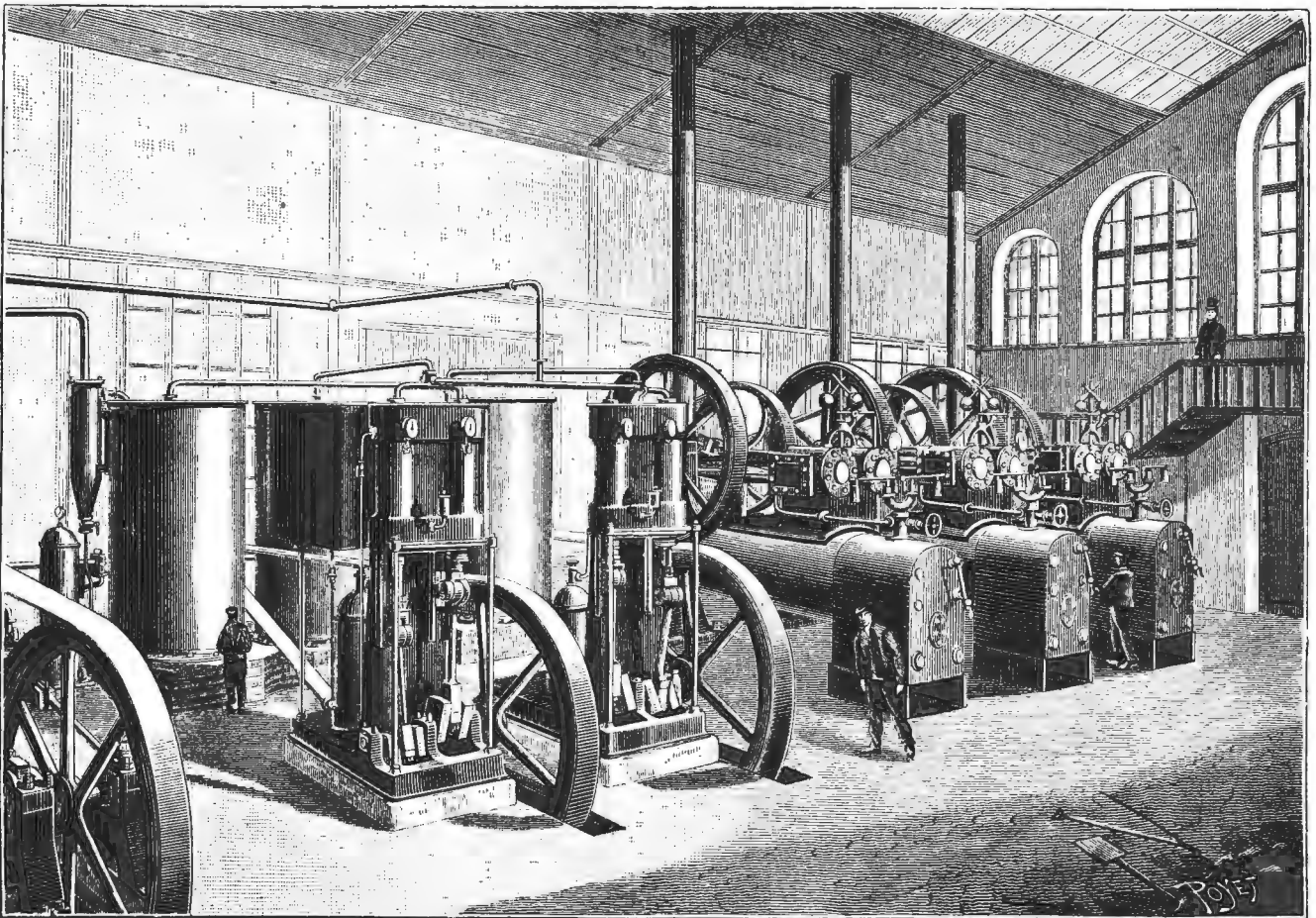
Столѣтній старикъ. Въ Вильнѣ, въ богадѣльнѣ общества „Доб-

раяся на палку, ходить довольно бойко. Изъ богадѣльни онъ ежедневно отлучается въ городъ по дѣламъ или къ знакомымъ. По его словамъ, онъ ни разу въ жизни не болѣлъ, у него была только оспа. На своемъ вѣку онъ никогда не употреблялъ ни горячихъ напитковъ, ни пива, не курить и не ѣлъ сельдей. Женился, Бакъ, тридцати-

Катокъ улицы Перголезъ въ Парижѣ.

Снарядъ на днѣ бассейна для замораживанія воды.

Зала машинъ для замораживанія воды въ бассейнѣ.

рохотной копѣйки,“ призрѣвается дворянинъ Михаилъ Бакъ, имѣющій отъ роду сто одинъ годъ. Не смотря на его глубокую старость, онъ смотритъ еще весьма бодрѣмъ, имѣетъ только небольшую прорѣдь въ волосахъ и много сохранившихся зубовъ въ обѣихъ челюстяхъ. Росту онъ большаго, плечистый, хотя сгорбленный, но, опи-

яти лѣтъ и прожилъ съ женою 64 года, всего только около двухъ лѣтъ назадъ похоронивъ ее на сто-пятомъ году ея жизни. Бакъ хорошо помнитъ Отечественную войну 1812 г., и самъ принималъ въ ней участіе, поступивъ вольнымъ конфедератомъ въ ряды французскихъ войскъ, имѣя въ то время 23 года отъ роду. (в.)

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1890 г.

Подписная цѣна показана на первой страницѣ.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1890 году номера.

Крымскія амазонки. До настоящаго времени среди жителей Крыма и преимущественно греческаго его населенія сохранилось воспоминаніе о существовавшей некогда въ Крыму ротѣ амазонокъ и ея знаменитомъ командирѣ Еленѣ Ивановнѣ Шидянской, про которую ходило много разсказовъ чисто легендарныхъ. Теперь Таврическая архивная коммисія, на основаніи сохранившихся документовъ, представляетъ эту личность въ дѣйствительномъ свѣтѣ. Шидянская, въ первомъ бракѣ Саранцова, была женою старшаго офицера балаклавскаго полка. Вскорѣ по присоединеніи Крыма, въ мартѣ-апрѣлѣ 1787 года, среди балаклавскихъ женщинъ возникла мысль о сформированіи роты амазонокъ. Эта рота и была составлена изъ благородныхъ гречанокъ, и начальницей ея избрана единогласно Шидянская. Амазонки носили общую однообразную форму, состоявшую изъ бархатной малиноваго цвѣта юбки и зеленой курточки или сienesера; какъ тотъ, такъ и другая обшивались золотымъ галуномъ. Главное-же украшеніе составлялъ бѣлый тюрбанъ, украшенный перьями и блестками. Каждая амазонка была вооружена ружьемъ при трехъ боевыхъ патронахъ. Во время посѣщенія императрицей завоеваннаго края, рота была выстроена шалерами вдоль лимонной алеи, при въздѣ въ Балаклаву. Первымъ подъѣхалъ къ ротѣ императоръ Іосифъ II, увидавъ новое войско, подѣловалъ начальницу. Это вызвало ропотъ неудовольствія въ подчиненныхъ, и рота пришла въ волненіе. Но находчивый командиръ прекраснаго пола скомандовалъ: „Смирно! Чего испугались, развѣ не видите, что императоръ не откусилъ моихъ губъ и не далъ мнѣ своихъ.“ Слово „императоръ“ подѣйствовало на амазонокъ умиротворительно. Послѣ этого къ ротѣ подъѣхала сама государыня, подошла къ Шидянской, подѣловала ее и сказала: „Поздравляю васъ, амазонскія капитанъ, ваша рота въ исправности, я ея очень довольна“. Загѣмъ императрица, осмотрѣвъ Крымъ и уѣхавъ въ Петербургъ, прислала Шидяницкую перстень въ 1,800 рублей и 10,000 руб. деньгами для раздачи чинамъ роты. Дальнѣйшихъ свѣдѣній о крымскихъ амазонкахъ не имѣется. Сама Шидянская, именовавшаяся послѣдствіи каштаномъ, умерла въ глубокой старости, чуть-ли не ста лѣтъ, и, повидимому, пуждалась, ибо приближала къ Высочайшей помощи, о чемъ свидѣлствуютъ уцѣлѣвшіе документы. Говорятъ, что ея прахъ покоится гдѣ-то на симферопольскомъ кладбищѣ; могилы, всѣми забытая, не поддерживается и надгробная плита съ надписью обросла мхомъ отъ времени. (в.)

Объ открытіи саркофага знаменитой египетской царицы, — возлюбленной Антоніи — Клеопатры, въ иностранныхъ газетахъ пишутъ слѣдующее: Извѣстіе это имѣетъ весьма шаткое основаніе, тѣмъ болѣе, что саркофагъ найденъ въ землѣ, въ саду. По словамъ Плутарха, въ жизнеописаніи Антоніи, — Клеопатра еще при жизни приказала воздвигнуть себѣ огромный, повидимому не менѣе чѣмъ двухъэтажный мавзолей. Когда Антоній сталъ подозрѣвать, что она слишкомъ сочувственно относится къ предпріятію молодаго Цезаря, Клеопатра „приказала“, гласить жизнеописаніе, свести въ воздвигнутую ею гробницу, находившуюся близъ храма Изиды и представлявшую зданіе замѣчательной красоты и вышины, драгоценнѣйшія царскія сокровища, состояція изъ золота, серебра, изумрудовъ, жемчуга, чернаго дерева, слоновои кости и коринны, вмѣстѣ съ множествомъ факеловъ и наклп. Цезарь (Октавіанъ), опасавшійся, чтобы царица, доведенная до отчаянія, не сожгла всѣхъ сокровищъ, посылалъ къ ней отъ времени до времени людей, которые должны были поддерживать въ ней самую пріятную надежду, между тѣмъ какъ самъ онъ поспѣшно приближался къ городу. Когда же, послѣ первоначальныхъ усилій, дѣло Антоніи пошло все хуже и хуже и солдаты его массами переходили къ Октавіану, Клеопатра укрывалась въ своей гробницѣ (гдѣ, слѣдовательно, находились и жилие покои, которыя послѣдствіи

лишь должны были служить культу мертвыхъ) и опустила подъемную дверь, крѣпко запиравшуюся замками и засовами. Здѣсь разыгрался послѣдній актъ трагедіи: Антоній дѣлаетъ попытку самоубійства, и при помощи Клеопатры и двухъ преданныхъ прислужницъ, переносится въ гробницу, гдѣ и умираетъ. Октавіанъ пытается захватить его живымъ въ свои руки, но ему удается лишь удержать отъ самоубійства Клеопатру, при помощи преданныхъ лицъ, которымъ удается проникнуть въ гробницу. Многие цари и полководцы оспаривали право похоронить Антоніа, но Октавіанъ не хотѣлъ отнимать его тѣла у Клеопатры, которая и похоронила его съ царской пышностью, получивъ разрѣшеніе употребить на это все, что она желала. Нельзя не предположить, что погребеніе это совершилось въ воздвигнутомъ ею великолѣпномъ мавзолеѣ. Смерть Клеопатры известна всѣмъ; но надо замѣтить, что послѣдняя ея просьба, обращенная къ Цезарю — быть похороненною рядомъ съ Антоніемъ — была дѣйствительно исполнена. „Хотя Цезарь, говоритъ далѣ Плутархъ, — былъ сильно раздраженъ смертью этой женщины, онъ не могъ не удивляться ея великодушію и приказалъ похоронить ее съ царской пышностью рядомъ съ Антоніемъ. Равно и двѣ ея прислужницы, по повелѣнію Октавіана, удостоились почетнаго погребенія.“ Изъ этого достовѣрнаго свидѣтельства явствуетъ по крайней мѣрѣ то, что если саркофагъ Клеопатры будетъ найденъ, то одновременно съ нимъ долженъ быть открытъ и саркофагъ Антоніа. Если же оба были дѣйствительно погребены въ воздвигнутомъ Клеопатрой многоэтажномъ мавзолеѣ, то должна быть открыта цѣлая гробница, а не одинъ только саркофагъ. (с.)

Анекдотъ изъ Хивинскаго похода. Во время подготовки къ переправѣ черезъ Аму-Дарью, — разсказывается въ одномъ журналѣ — два орудія выѣхали впередъ и начали обстрѣливать противоположный берегъ рѣки. Начальникъ артиллеріи отряда, сильно злоупотреблявшій правиломъ, дозволяющимъ каждому человѣку разъ въ жизни сдѣлать глупость, подсакалъ къ молодому поручику съ замѣчаніемъ: зачѣмъ онъ такъ рано открылъ огонь. Смутившійся офицеръ отвѣтилъ, что онъ обстрѣливаетъ доступъ хивинцевъ къ „каюкамъ“. „Я вамъ говорю, что вы открыли слишкомъ рано огонь“, киятился начальникъ. — „Если-бы я открылъ огонь немного позже, оправдалась поручику, — то хивинцы уезли-бы „каюки“. — „Вы ничего не понимаете, горячился начальникъ, — вы не понимаете, — закончилъ онъ знаменательною фразою, — что артиллерія существуетъ для стрѣльбы на дальнія разстоянія“. Это историческій фактъ. (в.)

Секта „фромовъ“. Въ Петроковской губерніи, по извѣстію польской газеты „Слово“, между живущими тамъ нѣмцами-колонистами сильно распространена секта такъ называемыхъ „фромовъ“. Вотъ описаніе одного собранія членовъ этой секты. Въ обыкновенной хатѣ колониста устроенны лавки, на которыхъ справа отъ входа сидятъ женщины, слѣва — мужчины, а напротивъ дверей помѣщенъ столикъ съ лежащей на немъ Библіей и стоящимъ Распятіемъ. За столомъ стоитъ колонистъ, который послѣ объясненій прочитаннаго имъ изъ Библии мѣста, начинаетъ говорить проповѣдь, рисуя яркими красками муки ада. Слушатели заливаются слезами, проповѣдникъ доходитъ до высокой степени возбужденія. Отъ времени до времени слушатели кидаются на землю, съ ними дѣлаются конвульсіи и, стоная, они выкрикиваютъ слова: „Herr Gott, Herr Jesus“. Спустя болѣе или менѣе продолжительное время, на землѣ лежатъ уже всѣ. Зрѣлище выходитъ потрясающее. Проповѣдникъ, наконецъ, умолкаетъ, становится на колѣни и громко начинаетъ читать „Отче нашъ“. При этомъ становится на колѣни и всѣ тѣ, которые еще сидѣли. По окончаніи молитвы, съ земли поднимается одинъ изъ тѣхъ, съ кѣмъ сдѣлалась конвульсія, занимаетъ мѣсто за столомъ — и все начинается снова, въ прежнемъ порядкѣ. (в.)

Задача буквъ (ходъ короля) № 10.

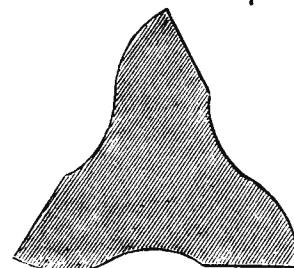
Н. С. Даржана.

- Найти слѣдующія 9 словъ:
 1. Одно изъ западныхъ графствъ Англіи 32. 12. 38.
 30. 4. 27. 14. 16. 37.
 2. Лобъ 13. 33. 39. 35.
 3. Романъ Достоевскаго 45.
 23. 34. 29.
 4. Ходящій по міру 1. 44.
 20. 28. 24.
 5. Сынъ Сна и Ночи, богъ смѣха и насмѣшекъ 41. 7.
 19. 21.
 6. Названіе кушанья 15.
 46. 42.
 7. Порода собакъ 8. 36.
 3. 6. 43. 5.
 8. Корабельный поваръ 2. 9. 31.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	
10	11	12	13	14	15	16	17	18	
	19	20				21	22		
	23	24				25	26		
	27	28				29	30		
	31	32				33	34		
	35	36				37	38		
39	40	41	42			43	44	45	46

9. Гора на мысѣ Доброй Надежды 10. 18. 26. 17. 22. 25. 11. 40.
 Буквы найденныхъ словъ размѣстятъ въ предлагаемой фигурѣ по квадратамъ, на мѣстахъ соответствующихъ цифрѣ, но такъ, чтобы можно было прочесть посредствомъ хода короля — фамилію извѣстнаго русскаго писателя и названія трехъ его произведеній.

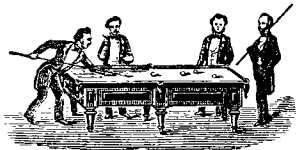
Геометрическая задача № 11.

Данную фигуру раздѣлить на такія части, изъ которыхъ можно было бы составить правильнѣйшій восьмиугольникъ.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ просит своих гг. много-родныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

БИЛЛИАРДНАЯ ФАБРИКА

А. ФРЕЙЗЕРГЪ.

С.-Петербургъ, Троицкій пр., близъ Египетскаго моста, домъ № 7-2. 26-3

Иллюстрированные прейсъ-курранты по потребностямъ высылаются безвозмездно.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ВѢСТНИКЪ САДОВОДСТВА, ПЛОДОВОДСТВА и ОГОРОДНИЧЕСТВА

1890 г.

Органъ Императорскаго Россійскаго Общества Садоводства подъ редакцію **В. Н. Кутузова** (СПб., Лѣсной Институтъ).

Журналъ выходитъ ежемѣсячно, въ объемѣ 3 листовъ текста съ двумя хромолито-графіями и разными рисунками въ текстѣ.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи журнала „Нива“ (СПб., Невскій просп., № 6) и у назначенаго Общества Э. И. Эндеръ (СПб., Импер. Ботаническій Садъ). Цѣна 8 рублей за годъ. Допускается подписка съ разсрочкой для лицъ состоящихъ на государственной службѣ исключ. въ конторѣ редакціи „Нивы“.

АНЕМІА
МАЛОКРОВІЕ

ПРИМѢНЯЕТСЯ ЛѢЧЕНІЕ

НАЗВАННЫХЪ БОЛѢЗНЕЙ

ХЛОРОЗА
БЛѢДНОСТЬ
ЛИЦА

ПИЛЮЛЯМИ ВАЛЛЭ

(ОДОБРЕННЫМИ ПАРИЖСКОЙ МЕДИЦИНСКОЙ АКАДЕМІЕЙ).

PILULES DE VALLET.

Ц. № 4283 6-3

НАСТОЯЩІЯ ПИЛЮЛИ ВАЛЛЭ НЕ ПОСЕРЕБРЕННЫ.

Онѣ были и имя Валлэ написано на каждой пилюлѣ.

Не брать флаконъ, на кото-
рыхъ на этикетѣ не находит-
ся мое имя и мой адресъ:
19, RUE JACOB.

Прод. во всѣхъ аптекахъ.

ХЛОРОЗА
БЛѢЛИ

АНЕМІА
МАЛОКРОВІЕ

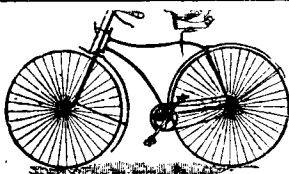
Во всѣхъ складахъ духовъ и во всѣхъ парикмахер-
скихъ во Франціи и заграничій.

LA VELOUTINE

Спеціальная рисово-
висмутовая пудра.

CHARLES FAY, Parfumeur, 9, rue de la Paix Paris.

Ц. № 3767 (46)

ГЕНРИХЪ КЛЕЙЕРЪ

Франкфуртъ н/М. В. № 4330

ФАБРИКАНТЪ ВЕЛОСИПЕДОВЪ

„ОРЕЛЬ“.

12-2
Бескаго рода двухъ- и трехъ- колесные вело-
сипеды для взрослыхъ и дѣтей. Составныя ча-
сти и принадлежности. Имутьъ агентствъ. Иллю-
стрированный каталогъ за 10 пфен. марками.

ДЛЯ УХОДА ЗА КОЖЕЙ

EAU DE LYS DE LOHSE.

Въ виду часто встрѣчаемыхъ въ продажѣ поддѣлокъ, слѣдуетъ при покупкѣ
требовать. Ц. № 4053 9-5

Eau de Lys de LOHSE.

МЫЛО ЛОЗЕ „LILIENMILCH“

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ

Придворный Парфюмеръ

46. Jägerstrasse, Berlin.

Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи.

Съ этнографическою цѣлью предпринимается иллюстрированное издание
ВСЕМИРНАГО АЛЬБОМА
для увѣковѣченія памяти

КРАСАВИЦЪ XIX стол.

Что можетъ быть интереснѣе человѣческаго лица? Но въ богатѣйшей библиотекѣ
вы найдете атласы, содержащіе рисунки всевозможныхъ растений и животныхъ, но
не отыщите ни одного, въ которомъ были бы воспроизведены всѣ формы чело-
вѣческой красоты. Давы хотя отчасти пополнить этотъ пробѣлъ, дѣлая первый
опытъ, просить всѣхъ сочувствующихъ этой идѣе присылать свои фотографическія
карточки съ обозначеніемъ національности на нихъ, по слѣд. адресу:
Въ г. Тифлисъ (Кавказъ), баронессѣ Кл. фонъ-Винклеръ. Ц. № 4342

ДВУНОГІЙ ВОЛКЪ.

Н. Н. Каразина. Изданіе 2-е. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к. Обращаться въ Контору
журнала „Нива“, а также и ко всѣмъ извѣстнымъ книгопродавцамъ.

СОДЕРЖАНІЕ: Склирена. Историческая повѣсть А. А. Смирнова. — Исусъ. Повѣ-
ствованіе изъ библейскихъ временъ. Георга Эберса (съ рис.). (Продолженіе). —
Къ рисункамъ: Казачій кордонъ (съ рис.). — Преслѣдуемые волнами (съ рис.). —
Неаполитанна (съ рис.). — Литературный альбомъ. „Сказна о царѣ Салтанѣ“
Пушкина (съ рис.). — Разводъ у Зимняго Дворца въ СПб. (съ рис.). — Св. Іоаннъ
Непомучъ (съ рис.). — Процессъ Гюффе и антропометрія (съ рис.). — Графъ П. А.
Валуевъ (съ портр.). — Въ 72 дня вокругъ свѣта (съ 2 портр.). — Натонъ улицы
Перголезъ въ Парижѣ (съ 2 рис.). — Политическое обозрѣніе. — Смѣсь. — О подписа-
нѣ на „Ниву“ 1890 г. — Задачи. — Объявленія.

Издатель А. Марксъ.

Редакторъ В. Ключниковъ.

ЭЛЕОПАТЪ ПРОВ. КИНУНЕНЪ

для волосъ, средство противъ перхоти на
головѣ. Элеопатъ Кинунена находится для
продажи во всѣхъ большихъ Аптекъ и
Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, со-
держащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп.
но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Жители въ провинціи выписываютъ Элеопатъ Кину-
нена изъ ближайшихъ отъ нихъ городовъ, гдѣ только
имѣется Аптекъ или Космет. магазинъ, но не менѣе
двухъ флаконовъ.

Просить непременно обращать вниманіе
на клеймо въ самомъ стеклѣ каждого фла-
кона,—пров. Кинуненъ. (5) № 4287

МИГРЕНИ И НЕВРАЛЬГИ УСПОКОИВАЮТСЯ

перлами скипидарной эссенціи Д-ра КЛЕРТАНА.

Каждый флаконъ заключаетъ въ себѣ 30 перловъ, отчего лѣченіе
обходится въ нѣсколько копѣекъ. Ц. № 4284 6-3

УВѢДОМЛЕНІЕ.

Если мигрени происходятъ отъ ду-
рнаго состоянія желудка или отъ запора,
слѣдуетъ употребить

УГОЛЬ Д-ра БЕЛЛОКА.

Требовать
на этике-
тѣ под-
пись

Dr Belloc

Скипидарная эссенція, заключающаяся
въ перлахъ Д-ра КЛЕРТАНА, химиче-
ски чиста.

Требов-
ать на
каждомъ
флаконѣ
подпись

Clertan

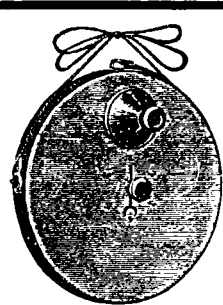
ОПТОВОЕ ПРОИЗВОДСТВО,
19, RUE JACOB, ПАРИЖЪ.
НАХОДЯТСЯ ВО ВСѢХЪ АПТЕКАХЪ.

САРШИЖКА

Вновь выработана большая партія на дѣтній сезонъ 1890 г: для дамскихъ платяевъ,
дѣтскихъ костюмовъ и мужскихъ сорочекъ, новѣйшихъ рисунковъ, прочныхъ красокъ,
не уступающая дорогимъ зефирамъ, цѣною отъ 12 до 20 коп. за аршинъ, съ пересыл-
кою во всѣ города Россіи. Продажа партіонная и розничная. Прейсъ-куррантъ, въ ко-
торомъ до 300 модныхъ образцовъ, высылается заказной бандеролью за 49 к. почтовыми
марками. Торговцамъ условия по соглашенію съ фирмой.

Адресъ: г. Саратовъ, Константину Андреевичу Андрееву.

№ 4345

Весьма легко для каждого заниматься фотографиро-
ваніемъ. Предлагаемъ Ц. № 4216

ФОТОГРАФИЧЕСКУЮ СЕКРЕТНУЮ НАМЕРУ ШТИРНА.

Цѣна съ пластинками на 36 снимковъ 20 р.
Шесть моментальныхъ снимковъ въ одну минуту.
Носится незамѣтно подъ сюртукомъ. Весьма удобна.
Хорошіе результаты. Пробные снимки: 50 к.

Единственная продажа для всей Россіи.

Краткое печатное наставленіе къ фотографиро-
ванію прилагается бесплатно. Аппараты для съемокъ
изображеній въ кабинетную величину, съ хорошимъ
объективомъ, начиная съ 15 рублей. Большой вы-
боръ всѣхъ пред-
метовъ кас-
ющихся

СКЛАДЪ ФОТОГРАФИЧЕСКИХЪ ПРИНАДЛЕЖНОСТЕЙ
БРУНО ЗЕНГЕРЪ и Ко
фотографія. С.-ПЕТЕРБУРГЪ НЕВСКІЙ ПР., № 25-1.

ДЛЯ ЧИСТКИ ЗУБОВЪ.

EAU DE BOTO

(ВОДА БОТО) Рт. № 4314 14-1

чистить зубы и освѣжаетъ ротъ.

Слѣдуетъ непременно требовать настоящую
„ВОДУ БОТО“.

Главный складъ: 17, Rue de la Paix, PARIS.
Прежній адресъ: 229, Rue Saint-Honoré.
Продается во всѣхъ москвитинскихъ лавкахъ и
у всѣхъ парфюмеровъ.

Требов. также Туалетный Исусъ Бото высш.
качества въ отношеніи тонкости запаха.
Представитель для всей Россіи: Н. Л. Натанъ,
Ипатьевскій пер., д. Гуськова, въ Москвѣ.

ПРЕПОДАЮ ПИСЬМЕННО

ПОЛНАЯ ГАРАНТИЯ ЗА УСПѢХЪ ПИСЬМЕННОГО ОБУЧЕНИЯ. **вЪ 10** **вЪ 10**

заполняе замѣняющее востное преподаваніе уроковъ

ДУРНОЙ ПОЧЕРКЪ ИСПРАВА. НА КРАСИВОЕ БЛАГОЕ КОНТОРСК. ПИСЬМО ОСНОВАТЕЛЬН. ОБУЧЕНІЕ ДВОЙНОЙ ИТАЛЬЯНСКОЙ БУХГАЛТЕРІИ

Москва, Покровка, домъ Бутикова. А. С. ШИМАНСКОЙ.

НА ОТВѢТЪ ПРИЛАГАТЬ МАРКУ.

Вышелъ № 1-й
ежемесячнаго журнала
ТЕХНИЧЕСКИЙ СБОРНИКЪ

Т **ВѢСТНИКЪ ПРОМЫШЛЕННОСТИ.**
Содержаніе: — Отъ редакціи. — Съездъ русскихъ деятелей по техническому образованию. Учен. инж.-тех. Я. Никитинскаго. — Выставка технич. и ремесл. школъ при съездѣ. Инж.-техн. И. Тумскаго. — Фабричная промышленность и техническое образование. — Генераторное отдѣленіе и генераторы. Инж.-техн. И. Федорова. — Набівка ситцевъ. Ю. Вишневаго. — Техническія замѣтки (съ Парижской выставки). Учен. инж. мех. П. Худянова. — Практическія изслѣдованія и замѣтки о льнопряденіи. Технол. Ф. Мѣшалаина. — Скользящая желѣзная дорога въ Парижѣ. Инж. техн. И. Яковлевскаго. — Передача силы сжатіемъ воздухомъ въ Парижѣ, по системѣ Форра. Инж. технол. Л. Боровича. — Форсушка Брей. Д. Печковского. — Прочность силановъ при различныхъ температурахъ и мелкіи замѣтки. Л. Боровича. — Электрической жельзъ для жел. дор. А. Столповскаго. — Ребристыя дымогарныя трубы инженера **Serve**. — Разныя техническія новости. — Общество для содѣйствія улучшенію и развитію мануфактурной промышленности. — Новыя техническія сочиненія. — Правительственныя распоряженія. — Новыя привилегіи. — Объявленія.

Рисунки въ текстѣ и на особыхъ таблицахъ. Приложеніе: Нефть и ея обработка. 1-й лист. Инж.-техн. И. Тумскаго.

Подписка продолжается: на годъ съ доставкой 16 р., на 1/2 года 9 р.

Допускается разсрочка. Адр.: Москва, Малая Дмитровка, д. Алексѣевой.

Редакторъ-Издатель, ученый инженеръ-механикъ **Н. Назначевъ**. № 4348

ЦИТРЫ

Отличной работы, хорошаго качества и сильнаго тона отъ 16—22—28—38—300 мар. Школа Грегера для самообученія 1 ч. 5 м., II ч. выпш. школа 7 м. Скрипки и всѣ струнные инструменты. Прейс-курранты бесплатно. Ц. 4167 **БРАТЯ Вольфъ**, 4-3 Фабрика инструментовъ, Крейцихъ.

КНЯЖНА ОСТРОЖСКАЯ.

Вс. С. Соловьева.

Историческая повѣсть въ 2-хъ частяхъ. Сюжетъ заимствованъ изъ русской исторіи XVI в. Томъ этотъ украсенъ 20 рис. художника П. С. Панова. Изд. III. СПб. 1885 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ маленк. перепл. 2 р. 75 коп., съ перес. 3 р. 25 к.

БЕЗПЛАТНО.

Каталогъ рѣдкихъ книгъ и фотографій женскихъ и мужскихъ моделей. Пробныя модели высылаются за 2 рубля. Verlagsgesellschaft (Dieckmann & Co). Leipzig. R. № 4335 3-1

МУКОМОЛЬНЫЯ ЖЕЛЬНИЦЫ
для паровой, конной и ручной силы, **МЕХАНИЧЕСКІЯ ЗЕРНОСУШИЛКИ** изобрѣтенія В. Аккермана.

ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКІЯ МАШИНЫ
сѣялки, плуги, молотилки и т. п.

ПАРОВЫЯ МАШИНЫ въ 3, 4 силы и т. п. на складѣ при механическомъ заводѣ **В. АККЕРМАНА**, СПбуръ, Болотная, 6 (Пески).

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ МѢХОВЫХЪ ТОВАРОВЪ

ПРИДВОРНАГО ПОСТАВЩИКА

П. М. ГРИНВАЛЬДТЪ

въ С.-Петербургѣ

ПЕРЕВЕДЕНЪ НА НЕВСКІЙ ПРОСПЕКТЪ, № 22.

Рекомендуются мѣха и мѣховыя издѣлія высшаго достоинства по различнымъ цѣнамъ. № 4101

Участіе на Всемирной Парижской Выставкѣ 1889 года „ВНѢ КОНКУРСА“

Офицерскій крестъ Почетнаго легіона.

Адресъ для телеграммъ: **ПЕТЕРБУРГЪ, ГРИНВАЛЬДТЪ.**

ЭЛИКСИРЪ, ПОРОШОКЪ И ПОМАДА ДЛЯ ЗУБОВЪ

ОТЦЕВЪ БЕНЕДИКТИНЦЕВЪ

Аббатства СУЛЯКЪ (Жиронда) Франціи.

Находятся во всѣхъ аптекахъ, косметическихъ лавкахъ и косметическихъ магазинахъ.

Всѣ названныя косметическія продукты не содержатъ никакихъ вредныхъ веществъ, почему и разрѣшены С.П.Б. Стод. Врачеби. Управленіемъ.

- ПОДЛИННИКЪ ПАСТА EUGENIE** средство для лица. Цѣна банки 1 р. 60 к.
- БАЛЬЗАМЪ EUGENIE** изъ миртов. цвѣтовъ для декольте, лица и рукъ. Ц. флак. 1 р. 70 к.
- ЭЛИКСИРЪ MELANGE** для волосъ. Ц. за флак. 2 р.
- ХИНО-ГЛИЦЕРИНОВ. ПОМАДА** для волосъ. Цѣна банки 2 р.
- РУМЯНА EUGENIE** жидкіи, придающіи щекамъ и ушамъ розов. цвѣтъ.

Рекомендуется въ особенности для театровъ и баловъ. Цѣна за флаконъ 1 р. 50 к.

- РУЧНАЯ РАКОВИННАЯ ПОМАДА** Цѣна банки 1 рубль 30 коп.
- ПОДЛИННИКЪ Poudre Eugenie** бѣлая и розов. Ц. съ пухов. 1 руб. 50 коп., № 4202 12-8 безъ пухов. 1 руб. 20 коп.

КРАСКА ДЛЯ ВОЛОСЪ черная, коричн. и свѣтлор. Цѣна кор. 3 руб. **Рисъ Гутманъ.**

Главное дѣло въ С.-Петербургѣ: въ Русскомъ обществѣ торговли аптекарскими товарами, Казанская; въ Центральномъ Аптекарскомъ Дѣло, Милютинъ Рядъ; у Рузавова, Гостинный дворъ; бывшій Дарзанскъ, Пассаажъ, № 15-17; у Сіу и Ко; у Персонъ и Тибо, Невскій пр., № 18 и въ другихъ аптекарскихъ магазинахъ.

Въ Москвѣ: у К. И. Феррейна, Никольскя и въ другихъ аптекарск. магаз., а также можно получать во всѣхъ аптекарскихъ магазинахъ всей Россіи.

CIGARETTES ESPIC contre ASTHME & CATARRHE

AUTONISÉES PAR LE GOUVERNEMENT RUSSE

Le pôt général: STOLL & SCHMIDT, à Saint-Petersbourg

Vente en gros: J. ESPIC, 20, rue Saint-Lazare, Paris.

Exiger la Signature sur chaque Cigarette.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1890 ГОДЪ

на **ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ „РУССКАЯ МЫСЛЬ“.**

Условія подписки на 1890 г. (ОДИННАДЦАТИЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

Годъ.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Россіи	12 р.	6 р.	3 р.— 1 р.
За границу	14 "	7 "	3 " 50 к.—

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка: при подпискѣ, въ 1 апрѣля, 1 іюля и 1 октябріи по 3 рубля.

Книгопродавцамъ дѣлается уступка въ размѣрѣ 50 коп. съ каждаго годоваго экземпляра. Кредита и разсрочекъ по доставляемымъ ими подпискамъ не допускается.

Журналъ выходитъ подъ тою же редакціей, при томъ же составѣ сотрудниковъ и въ прежнемъ объемѣ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ
въ конторѣ журнала: Москва, Леонтьевскій переулокъ, 21.
№ 4291 Редакторъ-издатель **В. М. ЛАВРОВЪ.**

У книгопродавцевъ Тузова и Шигина можно получать сочиненія: объ уравненіяхъ третьей и четвертой степени. Цѣна 40 коп. № 4318 4-3

ЖЕЛАЮ

имѣть честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которою печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2406

ЖЕЛАЮ

купить сто (100) пудовъ муки перваго сорта для просфоръ и 25 пудовъ восковыхъ свѣчей. Адресъ: въ Константинополь, Турція, упомянутому іеромонаху Іезекилю Балашеву, въ зданіи Аѳонской Свято-Рождественской Іоанна Предтечи обители, Галата, Парма Напу, № 2. № 4322 3-1

Сочиненія ФР. ШОПЕНА (отдѣльными писемъ), въ новомъ, дешевомъ и изящномъ изданіи, подъ редакціей **Миниули**, изданной наилучшей гг. профессорами С.-Петербургской и Московской консерваторій. Цѣна каждой писемъ отъ 15 коп. до 45 коп.

ВАСИЛИ БЕССЕЛЬ и К^о, издатель. С.-Петербургъ, Невскій, 54.—Москва, Петровка, 12. № 4351

Только что поступило въ продажу: **ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ И. П. Котляревскаго**, на малороссійскомъ языкѣ. Съ портретомъ, біографіей автора и словаремъ къ „Энеидѣ“, составленнымъ С. П. Натановымъ, изданіе третье, подъ редакціей И. С. Левицкаго. Т. Киевъ, 1890 года. Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 20 к. Высылается бесплатно каталогъ книгъ, относящихся къ исторіи и этнографіи южно-русскаго края, и малороссійскихъ книгъ и нотъ, т. е. малороссійскихъ оперъ и пѣсенъ для пѣнія съ аккомпаниментомъ фортепьяно, шесть на малороссійскіе мотивы для фортепьяно въ 2 и 4 руки, для скрипки и друг. инструментовъ, находящихся въ продажѣ въ книжномъ и музыкальномъ магазинѣ **Болеслава Норейко** въ Киевѣ и Одессѣ. № 4346

КОНЦЕРТНЫЙ РОЯЛЬ
ФАБРИКИ ШРЕДЕРА.

весьма мало употребленнымъ, продается, по случаю отъѣзда, за 500 рубл. Узнать въ Редакц. журн. „Нива“ (Невскій, 6).

АЛЬБОМЪ

РИСУНКОВЪ ДЛЯ ВЫШИЛІВАНІЯ, состоящій изъ 25 листовъ съ 391 совершенно новыми, оригинальными и нигдѣ еще не напечатанными рисунками художника **Л. П. СЕРГѢЕВА**.

Альбомъ этотъ отличается изяществомъ, вкусомъ и разнообразіемъ стили; въ немъ включена масса превосходныхъ вещей — отъ самыхъ мелкихъ и до болѣе сложныхъ и крупныхъ. Цѣна этого изданія назначена крайне умѣренной: въ изданіи, литограф. оберткѣ 1 р. 25 к., а съ пересылкою 1 р. 60 к.

Требованія просить адресовать: въ СПб., въ контору журнала „Нива“ (Невскій, 6).

ФИСГАРМОНИИ

прекрасна-го тона. солидной конструкции, роскошной отделки.

ФРАНЦУЗСКИЯ вт. 160, 130, 160, 200, 200, 300 и 500 рублей.

АМЕРИКАНСКИЯ вт. 110, 150, 175, 250, 300, 350, 450, 600, 700, 900 и 1400 р.

Играть на фисгармонии можно легко выучиться. Кто немного играет на фортепиано, тому игра на фисгармонии не составляет никакого труда.

Школа для фисгармонии 3 руб.

Иллюстрированный прейс-куррантъ инструментовъ и каталогъ нотамъ для фисгармонии—бесплатно.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ

главное депо № 4854 музыкальных инструментовъ и нотъ. С.-Петербургъ, В. Морская, № 34 и 40. Москва, Кузнецкий мостъ, д. Захарына.

САРПИНКА

сезонъ 1890 года.

Самые новѣйшіе и модные рисунки. Лучшей доброты.

отъ 12 до 20 к. аршинъ.

Образцы по требованію высылаются.

Альбомъ за 42 коп., конвертъ за 28 коп.

Продажа оптомъ и въ розницу.

Адресъ: Товариществу Промышленниковъ Сарпинскихъ Издѣлій. Саратовъ. № 4944 5-1

КЪ СВѢДѢНІЮ!

Вслѣдствіе улучшенія курса и чтобы сдѣлать машину еще болѣе доступной, фабрика наша возможнымъ понизить цѣну вышедшимъ карманнымъ двухноточнымъ швейнымъ машинамъ

МОЛЬДАКОТЪ СЪ КОЛЕСОМЪ.

Цѣна съ пересылкой въ Европ. Россію 7 руб., въ орѣхов. футл. 8 р. Пересылка въ Азиатск. Россію за 3 фунт. Главн. складъ въ Москвѣ, въ писчебумажномъ магазинѣ „Полиграфъ“, Мясницкая, д. Ермакова.

Поставщики велосипедовъ Русской Арміи

Торговый Домъ Ж. БЛОКЪ,

Москва, С.-Петербургъ, Кузнецкий Мостъ, В. Морская № 21.

имѣетъ единственный Складъ для всей Россіи Велосипедовъ: (Сифтъ, Вишпетъ, Русскій Клубъ, Молния (New Rapid), Имперіаль и пр.

Цѣны отъ 100 до 500 руб.

НОВОСТЬ

Пополненный Свѣтъ № 2 = 150 руб. =

Прейс-Куррантъ высылаются бесплатно.

Поставщики велосипедовъ Русской Арміи

Поступилъ въ продажу въ конторѣ журнала „Нива“ (СПБ., Невскій, № 6)

ПОЛНЫЙ ТОМЪ

„НИВЫ“ за 1889 г.

заключающій въ себѣ 1,300 стр. разнообразнаго текста и 700 художественно-выполненныхъ гравюръ, разск. А. Фета—„Внѣ моды“, повѣсть Н. Д. Ахшарумова—„Опасная игра“, романъ М. В. Крестовской—„Торжество Юліи Андреевны“, большой ром. въ 2-хъ част. В. И. Немировича-Данченко—„Подъ звонъ колоколовъ“, историч. ром. въ 2 част. графа Е. А. Салиаса—„Барыни-крестьянки“, разск. кн. Д. Голицына-Муравлина—„Увлеченіе“, разсказъ П. Дорошенко—„Нто-же“ и массу другихъ повѣстей, разсказовъ и стихотвореній извѣстныхъ писателей, а также много научно-популярныхъ статей по зоологій, гигиенѣ, живописи и мн. др. Кромѣ того нѣсколько художественныхъ приложений—важнѣйшія рыбы Россіи, важнѣйшія драв. растенія Россіи, Росс. Импер. ордена и проч., печат. красками, большой сборникъ новѣйшихъ повѣстей и разсказовъ (томъ 484 стр.) и большая олеографическая картина профес. В. Д. Орловскаго:

„ЛѢТНІЙ ВЕЧЕРЪ ВЪ МАЛОРОССІИ“.

ЦѢНА ЭТОМУ БОЛЬШОМУ ТОМУ, со всеми бесплатными преміями и приложениями:

Брошюрован. 4 р. Въ колѣнк. перен. 5 р. 50 к. Съ пересылкою до 2000 Съ пересылкою до версты 6 р. 2000 версты 7 р. 50 к. Свыше 2000 версты за пересылку прилагается по разстоянію за 13 фунтовъ.

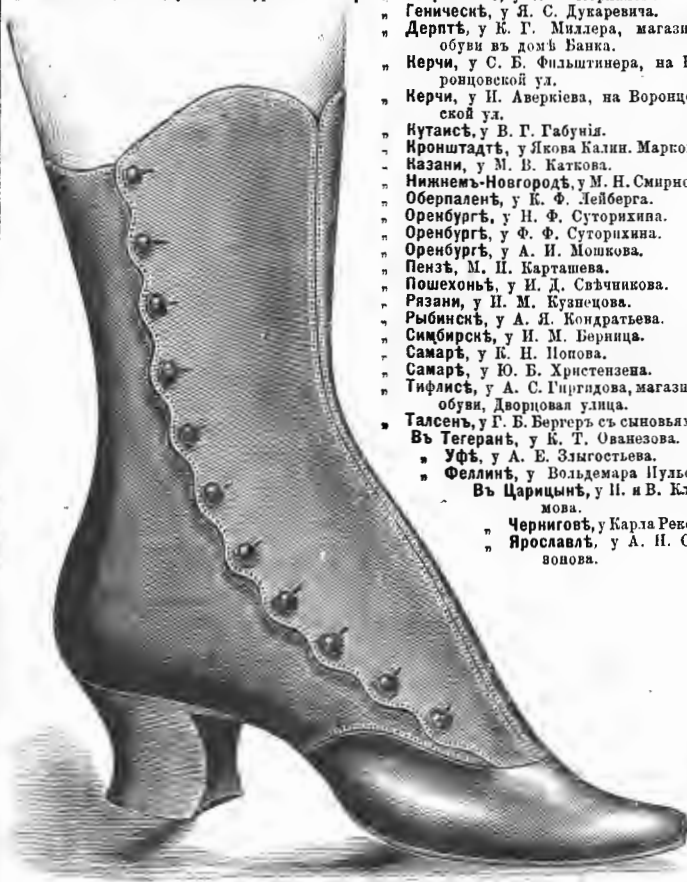
ОБУВЬ

ТОВ. СПБ. МЕХ. ПРОИЗВ. ОБУВИ

имѣется въ продажѣ:

- Въ Астрахани, у С. Ф. Трёмбискаго.
- Архангельскѣ, у М. П. Арнсона.
- Бану, у Арафелова и Качачева, магазинъ обуви.
- Втумѣ, у Г. Огородникова и К.
- Благовѣщенскѣ, у Н. Я. Чурина и К.

- Въ Венденѣ, у А. Петерсена.
- Владикавказѣ, у Е. С. Зипатова сывновья.
- Владикавказѣ, у братьевъ Багдасарова.
- Голдинскѣ, у Икова Герценберга.
- Георгіевскѣ, у С. Р. Корнилова.
- Геническѣ, у Я. С. Дукаревича.
- Дерптѣ, у М. Г. Миллера, магазинъ обуви въ домѣ Банка.
- Керчи, у С. Б. Фильштинера, на Воронцовской ул.
- Керчи, у И. Аверкиева, на Воронцовской ул.
- Кутаисѣ, у В. Г. Габунія.
- Кронштадтѣ, у Якова Калин. Маркова.
- Назани, у М. В. Каткова.
- Нижнемъ-Новгородѣ, у М. Н. Смирнова.
- Оберпаленѣ, у К. Ф. Лейберга.
- Оренбургѣ, у Н. Ф. Суторихина.
- Оренбургѣ, у Ф. Ф. Суторихина.
- Оренбургѣ, у А. И. Моткова.
- Пензѣ, М. П. Карташева.
- Пошехоньѣ, у И. Д. Свѣчкинова.
- Рязани, у И. М. Кузнецова.
- Рыбинскѣ, у А. Я. Кондратьева.
- Симбирскѣ, у И. М. Берница.
- Самарѣ, у К. Н. Попова.
- Самарѣ, у Ю. Б. Христензена.
- Тифлисѣ, у А. С. Гиргидова, магазинъ обуви, Дворцова улца.
- Талсынѣ, у Г. Б. Бергера съ сывновьями.
- Въ Тегеранѣ, у К. Т. Ованезова.
- Уфѣ, у А. Е. Злыгостьева.
- Феллинѣ, у Вольдемара Пульса.
- Въ Царицынѣ, у Н. и В. Климова.
- Черниговѣ, у Карла Рекса.
- Ярославѣ, у А. И. Сафонова.

ПЕРВОЕ ВЪ РОССІИ ПАРОВОЕ ПРОИЗВОДСТВО

КРАСОКЪ для гг. художниковъ, живописцевъ, лакировщиковъ, маляровъ, войсков. домашняго обихода. Складъ маселъ, лаковъ, кистей, холста для картинъ и всѣхъ живописно-малярныхъ принадлежностей

ПРОИЗВОДИТЕЛЬ и СПЕЦІАЛИСТЪ

различныхъ живописныхъ, лакировочныхъ, позолотныхъ и малярныхъ работъ № 4242

С.-ПЕТЕРБУРГЪ К. И. ГОФЕ. МОЙКА № 77.

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ

Г. ВАЛЬТЕРЪ

Специалистъ хронометровъ. СПбургъ, Невскій пр., № 52 прот. Им. Шубл. Библиотеки. Оптовая и рознич. продажа. Подробный иллюстрированный прейс-куррантъ высылается по востребованію бесплатно. Пересылка на счетъ магазина. Ручательство на 2 года. № 4155 10-9

ВАЗЕЛИНОВОЕ МЫЛО

І. ГОЛЛЕНДЕРЪ

для смягченія кожи.

Новоизобрѣтенное вазелиновое мыло, пріятнаго запаха, придаетъ кожѣ желаемую пышную мягкость. Цѣна за кусокъ 30 коп., 3 куска съ пересылк. 1 р. 50 к.

Получать можно во всѣхъ парфюм. и аптек. магазинахъ и аптекахъ Россіи.

Главный складъ: СПБ., Демидовъ пер., д. № 1. (5) № 4278

АЛЬБОМЫ

ФОТОГРАФИЧЕСКІЕ

подробности въ „Нивѣ“ №№ 3, 4 и 5.

СКЛАДЪ

ОСКАРЪ ЛЕССЕРЪ,

Садовая, 12-18, напр. Гост. Двора.

САДОВОЕ ЗАВЕДЕНІЕ П. П. ДАУГУЛЯ

существуетъ съ 1822 года въ г. Дерптѣ, Лифляндской губ. и высылаетъ бесплатно и franco КАТАЛОГЪ ОБЪЯВЛЕНІЙ огородныхъ, цвѣточныхъ и экономическимъ, 500 сорт. РОЗАНАМЪ, грунтовымъ и оранжерейнымъ, Георгинамъ, Гвоздикамъ, цвѣтчи. луковичнымъ, воздушн. и тенлици. растеніямъ, фруктовымъ и украсительнымъ № 4347

ДЕРЕВАМЪ и КУСТАРНИКАМЪ, яблонинамъ, спаржѣ, шампаньон. гнѣздамъ, растительн. гигрометрамъ (предсказыв. перемену погоды въ точности за 24 ч. впередъ, ц. 2 р.) и пр., съ обозначеніемъ крайн. цѣны.

CRÈME-SIMON (КРЕМЪ-СИМОНЪ)

преlestнаго запаха, не портится и служитъ для смягченія кожи. Пудра SIMON и Мыло à la CRÈME SIMON дополняютъ его дѣйствія и имѣютъ тотъ же запахъ.

J. Simon, 36, Rue de Provence 36, Парижъ

Въ розницу у парикмахеровъ, парфюмеровъ и аптекарей. А. № 4315 15-3

ПИСЬМАННАЯ МАШИНА „РЕМИНГТОНА“.

Пишетъ въ 3 раза быстрее пера. Чистота, четкость и красота. Введена во всѣхъ Министерствахъ и мног. правительствъ. и частныхъ учрежд. Прейс-куррантъ, содерж. многочисленн. отзывы отъ Правительства и другихъ учреждений, высылаются бесплатно. № 3748 Единственный складъ для всей Россіи:

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ Москва, С.-Петербургъ, Кузнецкой мостъ. В. Морская, 21.

Выходитъ еженедельными №№ въ три листа съ 6—10 рис. и ежемѣсячнымъ даровымъ приложеніемъ парижскихъ модъ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
 Выданъ 17 февраля 1890 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫРОЕЖЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цена этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1890 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.
 ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

ОБЪЯВЛЕНІЯ
 въ „НИВѢ“ принимаются за
 строку нонпарейль (1/4 шир.
 стран.) въ Глав. Кон. Ред. по
 75 к.—Загран.: для Франціи у
 Agence Navas по 2 fr 40 с.;
 для Австр., Герман. и Швейц.
 у Rudolf Mosse по 1 M. 70 Pf.

Безъ доставки въ Пе-
 тербургъ 5 р.

Съ доставкою въ Пе-
 тербургъ 6 р. 50 к.

За границу, съ пересылкою

Безъ дост. въ Москвѣ чр.
 конт. объявл. Н. Н. Печков-
 ской, Петровск. Торг. линіи. 6 р.

Съ пересылкою въ Москву
 и другіе города Россіи . . . 7 р.

За границу, съ пересылкою 9 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
 Особая приложенія при
 „НИВѢ“ объявленія отъ тор-
 говыхъ домовъ принимаются
 для иногородн. и городскихъ
 подписчиковъ по особому
 соглашенію.

Чудо какъ пристало!.. вотъ ужъ именно къ лицу!.. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Назачинскаго, грав. Ольшевскій.

Рубашка.

(Изъ Николая).

На всемъ пространствѣ Индостана
Вы не нашли-бъ, конечно, хапа
Могущественнѣй и мудрѣй,
Чѣмъ Абдалла; но такъ жестоко
Страдалъ хандрою онъ, что изъ всѣхъ людей
Несчастнымъ самымъ былъ. Врачи всего Востока
Стекались къ нему, лечили день и ночь,
Микстуры бочками вливали,
Всѣ знанія свои на помощь призывали —
И не могли ничѣмъ помочь.
Жилъ въ Самаркандѣ въ эту пору
Ученый бонза; шелъ о немъ повсюду слухъ,
Что всѣ болѣзни безъ разбору
Онъ лечитъ колдовствомъ. Во весь несутся духъ
Къ нему гонцы, — и вотъ къ больному
Пришелъ врачующій мудрецъ, —
Смотрѣлъ, ощупывалъ и молвилъ наконецъ:
„Здѣсь мѣста нѣтъ лекарству никакому;
Владыку своего однимъ лишь вы спасти
Могли бы, — если бы успѣли
На свѣтѣ гдѣ-нибудь найти
Рубашку, бывшую на тѣлѣ
Счастливица полнаго; пусть ханъ вашъ въ ней встанетъ,
Ложится, бѣгаетъ, танцуетъ, суетится,
Пока его насквозь испарина пробьетъ —
Тогда — ручаюсь вамъ — тогда онъ исцѣлится.“
Придворные и ханъ изумлены,
Но все-таки рѣшается властитель
Пойти на поиски во всѣ мѣста страны.
Съ нимъ отправляется и чародѣй-цѣлитель.
Съ кого начать? Конечно съ тѣхъ
Вельможъ и богачей, взлелѣянныхъ судьбою,
Которыхъ жизнь течетъ средь радостныхъ утѣхъ
Невозмутимую рѣкою.
Коли счастливы въ мѣрѣ есть,
Такъ вѣрно между нихъ. И вотъ поодиночкѣ
Ханъ всѣхъ испробовалъ; но въ чьей-бы онъ сорочкѣ
Ни прогулялся дней пять-шесть, —
Недугъ становится сильнѣе.
Смѣется бонза ихъ затѣй —
Счастливица полнаго въ такомъ кругу найти.
„Слѣпцы! — онъ говоритъ, — кто между вами можетъ, —
Коль руку на сердце положить, —
Сказать, что онъ хоть шагъ на жизненномъ пути
Свершилъ какъ человѣкъ по истинѣ счастливый?“

Смутилъ вельможъ мудрецъ правдивый.
„Не обратится-ль въ средній классъ?
Тамъ не найдемъ-ли?“ И тотчасъ
Сбирать рубашки всюду стали —
Не помогаетъ ни одна:
Тотъ счастливъ по всему, но очень ужъ жена
Зла и сварлива; тотъ печали
Отъ сверныхъ сыновей не оберется; тутъ
Болѣзни счастье грызутъ;
Здѣсь честолюбіе является отравой;
Тамъ скупость или гонѣба за славой;
И такъ у всякаго, чью только ни возьметъ
Рубашку бѣдный ханъ, чего-нибудь навѣрно
Для счастья полнаго, глядишь, недостаетъ!

Минуло года два, — а дѣло такъ же скверно,
Какъ было въ первый день. Мудрецъ
Пришелъ въ уныніе наконецъ
И спрашивалъ себя тревожно:
„Ужли въ такой большой странѣ
Найти и въ правду невозможно
Хоть одного счастливаго вполне?“

Но вотъ однажды на дорогѣ
Изъ попадается настухъ. Лежитъ бѣднякъ
Полу-нагой, оперся на кулакъ
И свищетъ весело; о горѣ или тревогѣ,
Какъ видно, у него и рѣчи даже нѣтъ.
Подходитъ бонза. — „Мнѣ сдается —
Онъ говоритъ — что безъ заботъ живется
Тебѣ, пріятель.“ Тотъ въ отвѣтъ:
„Заботы! А съ какой же стати?“
— „И ты таковъ всегда?“ —
„Сегодня, какъ вчера; сътъ, какъ мой стада,
И веселье, какъ они!“ — „И большой благодати
Ты не желаешь?“ — „Для чего?
Здоровъ я и меня всѣмъ сердцемъ любить Рега!“
„Ну, — бонза думаетъ — должно быть одного
Счастливаго нашель я человѣка!..“
— „Пріятель! Мнѣ нужна рубашка, на два дни
Не одолжишь-ли ты? Я буду благодаренъ.“
— „Съ большой бы радостью, — да только, милый баринъ,
Рубашки нѣту у меня!“

П. Вейнбергъ.

Склирена.

Историческая повѣсть А. А. Смирнова.

(Продолженіе).

III.

По и въ монашеской одеждѣ,
Какъ подъ узornoю парчой,
Все беззаконною мечтой
Въ ней сердце билося, какъ прежде...
Лермонтовъ („Демонъ“, ч. II).

Возвратясь изъ города въ монастырь, двѣ монахини привезли къ вечеру извѣстіе, что императоръ боленъ. Хотя вѣсть эта была лишь подтвержденіемъ того, что говорилъ Склиръ, но тѣмъ не менѣе она произвела на недавнюю гостью монастыря самое тяжелое впечатлѣніе. Вернувшись съ прогулки, Склирена осталась у себя въ кельѣ. Два раза присылалъ Склиръ спросить, не можетъ ли онъ видѣть Августѣйшую, но она упорно отказывала брату въ свиданіи и отвѣчала ему только, что завтра утромъ, передъ его отъѣздомъ, она сообщитъ ему, поѣдетъ ли съ нимъ.

Она сидѣла за своими священными книгами и съ ужасомъ замѣчала, что лишь глаза ея слѣдятъ за

крупными буквами рукописей, а мысли витаютъ далеко. Она вставала на молитву, клала земные поклоны и вдругъ останавливалась въ глубокой задумчивости... Всѣ впечатлѣнія этого дня, словно нарочно, стремились оторвать ее отъ тихаго созерцательнаго настроенія, въ которое, ей казалось, она начинала погружаться.

„Императоръ разстроенъ моимъ отъѣздомъ... я виною его болѣзни...“ думалось ей, и въ душѣ ея пробуждалась жалость къ больному старику.

Ей вспоминается, какъ въ дѣтствѣ она проснулась однажды ночью, тою странною ночью, когда скончался Романъ III. Въ окнахъ мелькаютъ огни, по коридорамъ проходятъ какіе-то люди. „Императоръ кончается“... шепотомъ раздается во всѣхъ углахъ дворца. Что-то зловѣщее и таинственное чудится въ этомъ ночномъ оживленіи...

Неужели и теперь во дворцѣ опять такое же смятеніе?.. Склирена силится оторваться отъ этихъ ти-

железных думъ, отъ разныхъ воспоминаній; она переводчивасть листы священныхъ книгъ, она хочеть забыться въ чтеніи, но назойливыя мысли преслѣдуютъ ее и дразнятъ и мапять куда-то...

Послѣ заката Склирена вышла за ограду и сѣла на мраморной скамьѣ, прислоненной къ стѣнѣ монастыря.

Глубокая тишина стояла кругомъ. Солнце уже сѣло; розовыя дали меркли. Только черныя кипарисы рисовались на погасавшемъ заревѣ заката. Съ востока надвигалась ночь, предметы теряли свои очертанія; поблѣднѣвшее море спокойною гладью лежало вокругъ. Южныя сумерки быстро стгущались; все окружающее сливалось въ одну темную массу.

Раздались шаги. Склирена разглядѣла приближавшуюся къ ней монахиню. Молча подошла она и сѣла съ ней рядомъ на скамьѣ.

— Ты уѣжаешь отъ насъ? спросила она, узнавъ свою сосѣдку.

— Не знаю еще, отвѣтила Склирена: ее больно кольнуть этотъ вопросъ.

— Значитъ, ты все-таки думаешь объ отъѣздѣ. Напрасно. Ты нигдѣ не найдешь монастыря лучше нашего, убѣжденно замѣтила пришедшая.

— Я не рѣшила еще, останусь ли я въ монастырѣ.

— Ты хочешь вернуться въ міръ? съ неподдѣльнымъ изумленіемъ воскликнула монахиня. — Ты не знаешь, счастья ли тебѣ свою душу или погубить?! О, сѣбная, сѣбная!

Съ невольною робостью вглядывалась Склирена въ лицо своей собесѣдницы, неопредѣленно блѣднѣвшее подъ чернымъ покрываломъ.

— Развѣ ты не знаешь, что міръ лежитъ во злѣ? что нечестіе и развратъ растутъ съ каждымъ днемъ? О, какъ я ненавижу твой міръ! какъ охотно бы я раздавила его!—непритворное озлобленіе звучало въ ея голосѣ. — Я не знаю, какъ тебя зовутъ, но, судя по всему, ты знатна и богата. Тебя не удивитъ поэтому, если я скажу тебѣ, что и я когда-то знала веселье жизни, роскошь богатства. Я слушала слова лести, мнѣ нравилось общее поклоненіе. Но меня силою оторвали отъ міра и, вѣрь, я благословляю теперь эту минуту. Я никогда не пойду назадъ въ этотъ омутъ, не захочу губить себя.

Склиренѣ становилось жутко; увѣренныя рѣчи неизвѣстной рѣзко звучали среди ночнаго безмолвія.

— Да — губить себя... не на годъ, не на два — на цѣлую вѣчность. Знаешь ли ты, что такое муки и терзанія вѣчныя? Тебя не заботитъ это, ибо ты молода и красива; но и ты не уйдешь отъ смерти. А думаешь ли ты о смертномъ часѣ?

Лихорадочная дрожь все сильнѣе охватывала молодую женщину; она боялась смерти, и ей хотѣлось уйти куда-нибудь, убѣжать отъ страшнаго разговора.

Рѣзкій ударъ въ било возвестило начало бдѣнія. Монахиня поднялась съ мѣста.

— Пойду молиться, чтобы ты прозрѣла... Брось тѣлѣ, прахъ и суету; прими чинъ ангельскій. Стпнеть тѣло, которому ты угождаешь, черви съѣдятъ его; погибнетъ душа въ адскихъ мукахъ... одумайся, безумная!

И вышедшій изъ мрака призракъ безслѣдно исчезъ во мракѣ. Дрожа отъ волненія, провожала его глазами Склирена. Мысли, какъ испуганныя птицы, неслись одна за другою, сердце неровно билось...

Мало-по-малу ее успокоила тишина ночи и яркія звѣзды, разсыпанныя по темному куполу небесъ. Свѣжій морской воздухъ доносилъ порою запахъ весны — зелени и цвѣтовъ; казалось, засынающее море чуть слышно шептало что-то у берега. Природа не спала подъ темнымъ покрываломъ—она лишь дремала, и сквозь эту чуткую дремоту слышалось могучее бнѣніе жизни, набѣгала волна упоенія южной весны.

Развѣ о смерти, развѣ объ отреченіи отъ счастья и радостей шептала эта весенняя ночь?

Позже всѣхъ пришла Склирена въ церковь. Она стала въ свою стасидію¹⁾ у лѣваго клироса, близъ открытаго окна.

Душно было въ церкви; восковыя свѣчи у иконъ тускло мерцали подъ невысокими сводами, покрытыми потемнѣвшею живописью. Вдоль стѣнъ, неподвижныя въ своихъ стасидіяхъ, стояли черныя, безстрастныя тѣни въ монашескихъ одѣяніяхъ.

Долго и горячо молилась Склирена, но мало-по-малу усталость начала овладѣвать ею. Безъ конца тянулась монастырская служба; дремота туманила глаза молодой женщины, и напрасно напрягала она силы, стараясь слѣдить за ходомъ служенія. Ей невольно думается о томъ, что происходитъ теперь во дворцѣ; ей вспоминаются подробности ея прежней жизни... Она оглядывается вокругъ: какъ странно все окружающее ее — огни въ дыму кадиль, черныя, неподвижныя тѣни монахинь вдоль стѣнъ... И снова дремота туманитъ ея мысли. Но она дѣлаетъ усиліе и отгоняетъ налетающій сонъ—она достоинтъ службу до конца. Бодрѣ облокотясь на потемнѣвшее дерево рѣзныхъ ручекъ стасидіи, она опять слѣдитъ за священнодѣйствіемъ. Свѣжій ночной воздухъ врывается въ окно и колеблетъ пламя свѣчей.

Вотъ уже гасятъ свѣчи и свѣтильники; храмъ погружается въ полумракъ. Слышенъ шумъ опускаемыхъ въ стасидіяхъ сидній; Склирена тоже садится. Чтица выходитъ на середину храма и начинается чтеніе изъ Житія Святыхъ. Долго слѣдитъ молодая женщина за разсказомъ о жизни Святаго... наконецъ, снова зажигаются свѣчи. Торжественный возгласъ: „Слава Тебѣ, показавшему намъ свѣтъ...“ и шбіе: „Слава въ вышнихъ Богу...“ надостоно встрѣчаетъ рождающуюся зарю.

Но Склирена уже не слушаетъ службы... она глядитъ въ окно. Тамъ ярко горитъ небосклонъ, и просыпающееся море трепещетъ отливами перламутра. Сердце красавицы усиленно бьется и высоко вздымается ея грудь... ей чудится — она видитъ ласковый и довѣрчивый взглядъ сѣро-голубыхъ глазъ, и молодой голосъ, звучащій безысходною грустью, тихо говоритъ ей:

— Теперь рыбакъ;—я рабъ...

Уже совсѣмъ разсвѣло, когда Склирена, утомленная и разбитая, возвратилась въ свою келью. Ей хотѣлось спать и въ то же время ее тревожила мысль, что скоро Склирѣ прилетѣть къ ней за отвѣтомъ. Она еще колебалась, и постепенно эта послѣдняя борьба отступала передъ всевластнымъ сномъ. Склонясь на ручку кресла, въ которое она сѣла, воротясь изъ церкви, Склирена уснула—и странный сонъ приснился ей.

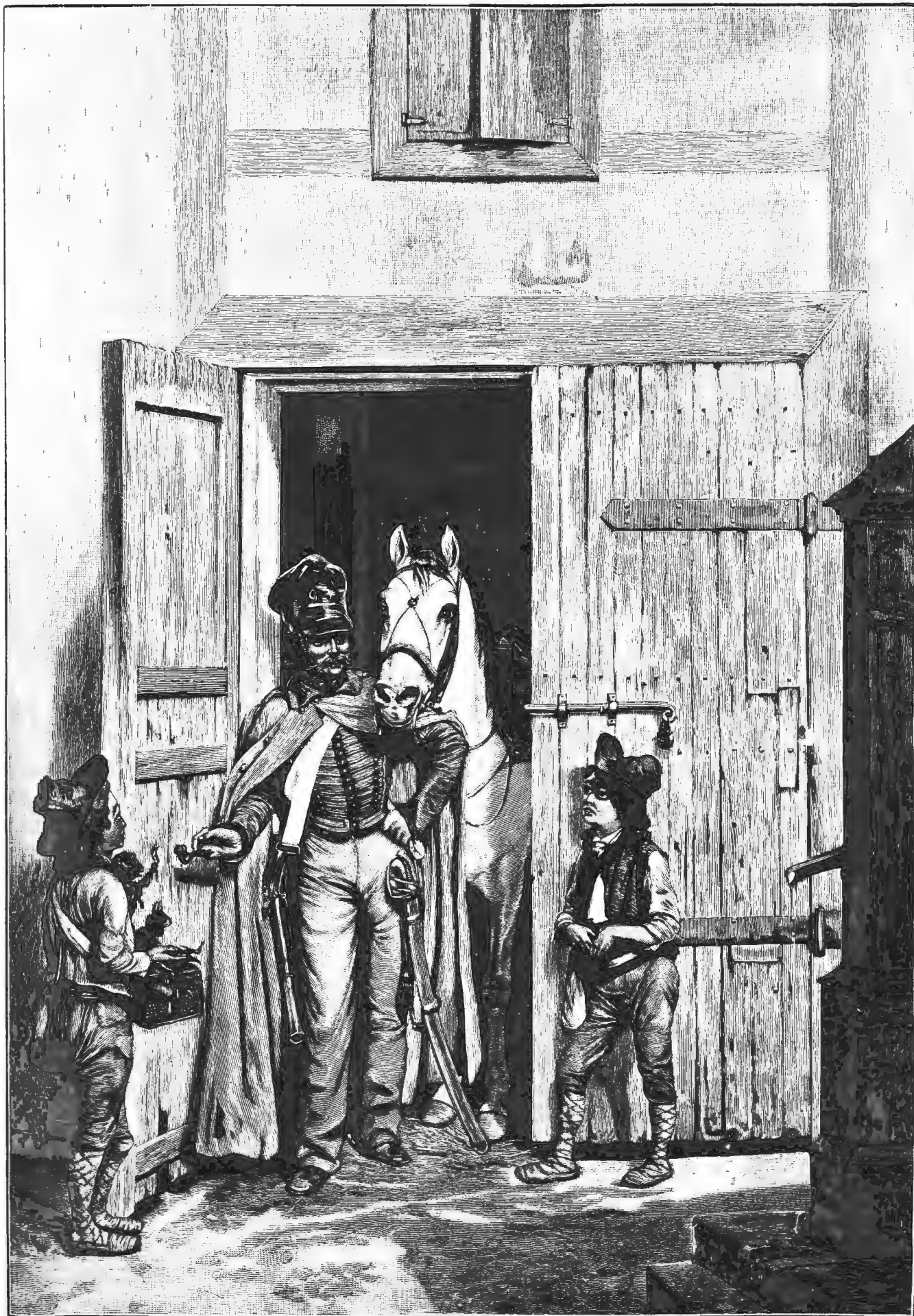
Она была въ лѣсу, ярко-озаренномъ мѣсяцемъ. Его свѣтъ прорѣзывалъ густую листву и бѣлыми пятнами ложился на траву. Черныя стволы деревьевъ, точно какія-то чудовища, стояли вокругъ. Шумъ ея одинокихъ шаговъ, трескъ сучьевъ подъ ея ногами громко раздавались въ тишинѣ ночи. Склиренѣ было страшно среди мертваго безмолвія; она шла торопливо, ей думалось, что близка опушка этого лѣса; но деревья тянулись безконечными вереницами и не было имъ конца. Ей смутно вспоминалось, что она совсѣмъ уѣхала изъ дому, что она не хотѣла туда возвращаться.

Вдругъ, посреди открывшейся передъ нею, озаренной луннымъ свѣтомъ лѣсной поляны, она увидѣла сѣдаго, какъ лунь, старика. Онъ стоялъ безъ движенія, при-

¹⁾ Стасидія—мѣсто для сиднія, съ откидною на петляхъ доскою, съ высокими ручками и спинкой. Стасидіи или формы, сохранившіяся въ Россіи лишь въ нѣкоторыхъ старинныхъ монастыряхъ, уцѣлѣли повсюду на Востокѣ и особенно въ храмахъ Св. Афонской горы. На Афонѣ, согласно византійскому обычаю, употребляется также для созыванія молящихся било, а не колоколь.

Литературный альбомъ. „Русалка“, Пушкина. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) И. Волкова, грав. Флюгель.

Лейб-гусарь и савояры (1813 г.). Съ картины проф. Виллевальда, грав. Флюгель.

стально глядя на нее, и, казалось, видѣлъ ее, хотя она была еще въ глубокой тѣни лѣса.

При видѣ старика мгновенно пропалъ страхъ, сжимавшій сердце Склирены. Она доврчиво подошла къ нему, словно она давно знала его, словно только для свиданія съ нимъ пришла она въ этотъ лѣсъ.

— Что мнѣ дѣлать? невольно вырвалось у ней.

Старикъ ласково положилъ ей руку на плечо, и она поняла, что ея собесѣдникъ знаетъ все, что ее гнететъ, знаетъ ея борьбу и ея думы,—что только отъ его словъ зависить ея будущее.

— Вернись домой, тихо сказалъ онъ ей,—не уходи отъ людей, какъ бы тебѣ ни было тяжело съ ними. Тебѣ-ли, слабой женщицѣ, бродить одной въ этомъ лѣсу? Въ людяхъ ищи подпоры, помощи и сочувствія; пользуйся жизнью и вѣрь, что иногда одинъ мигъ истиннаго счастья искупаетъ годы страданій. Когда будетъ тебѣ тяжело, когда постигнуть тебя испытанія—я снова приду и подкрѣплю и научу тебя...

Ночной вѣтерокъ шевельнулъ листья озаренныхъ мѣсяцемъ деревьевъ, они веснятно зашептали что-то... они говорили о жизни и о счастьи, какъ и рѣчь страннаго старика. столь понятная Склиренѣ, такъ смѣло зовущая ее къ земнымъ радостямъ.

Вошедшее солнце заглядывало въ окна, когда Евфимія разбудила свою повелительницу.

— Августѣйшая, протостраторъ ждетъ твоего отвѣта, говорила она.

Въ ушахъ красавицы еще раздавался тихій голосъ старика.

— Скорѣе объяви ему, что я ѣду вмѣстѣ съ нимъ, рѣшительно сказала Склирена.

IV.

...рука судьбы
 Меня вела инымъ путемъ...
 Но нынче я увѣренъ въ томъ,
 Что быть-бы могъ въ краю отповѣ
 Не пѣзъ послѣднихъ удалцовъ.

Лермонтовъ („Мцыри“).

Солнце уже высоко стояло на небѣ и сильно наклонило, когда лодка, въ которой плыла Склирена съ братомъ, приближалась къ городу. На голубомъ небѣ, надъ голубымъ моремъ все ярче и опредѣленнѣе развѣртывался передъ ними царственный городъ съ его бѣломраморными дворцами и колоннадами.

Быстро, какъ птица, летѣла лодка; только вода пѣнилась подъ смѣлыми ударами весель. Они обогнали рыбацѣй челнъ; два рыбака возвращались въ немъ съ рыбной ловли.

Склирена узнала челнъ, узнала двухъ товарищей Глѣба и замѣтила, что его не было съ ними. Она почувствовала, что румянецъ вспыхнулъ на ея щекахъ, и ей было досадно на себя, и отъ этой досады ярче и ярче разгоралось ея лицо.

Она сдѣлала гребцамъ знакъ остановиться.

— Я знаю этихъ людей, сказала она брату, въ объясненіе остановки и крикнула, обращаясь къ старому рыбаку:—ну, что, старикъ: каковъ былъ уловъ?

Онъ узналъ ее и привѣтливо улыбнулся.

— Спасибо, добрая госпожа; сегодня много поймали... вотъ возьмемъ домой.

— А гдѣ же вашъ иноземный товарищъ? какъ бы всколѣзъ спросила она.

— Съ нимъ случилось несчастіе, отвѣчалъ рыбакъ.

Лицо Склирены снова заалѣло.

— Какое? быстро спросила она.

— Вчера онъ ѣздилъ съ хозяиномъ на Принкино и, когда вернулись, хозяинъ за что-то разсердился и сильно ударилъ его. Глѣбъ не вытерпѣлъ, онъ забылъ, что онъ рабъ. Кровь въ немъ закипѣла, онъ бросился на хозяина и смялъ его... мы едва ихъ разняли.

Опустивъ глаза слушала красавица этотъ рассказъ; невольное одобреніе промелькнуло въ выраженіи ея лица.

— Хозяинъ посадилъ его въ подвалъ, гдѣ бѣдняга провелъ ночь и сидитъ теперь. Кажется, хозяинъ намѣренъ вовсе отъ него отдѣлаться.

— Что ты хочешь сказать? съ испугомъ спросила Склирена.

— Кажется, продать его хотятъ.

Молодая женщина приказала дать золота „этимъ бѣднымъ людямъ“, и лодка пустилась въ дальнѣйшій путь.

Когда Склиръ со своею сестрою вошелъ въ императорскіе покои. Константинъ Мономахъ дремалъ на своемъ ложѣ. Больныя ноги его были прикрыты мѣховымъ одеяломъ. Лицо императора, окаймленное сѣдою бородою, значительно осунулось за послѣдніе дни. Онъ уже нѣсколько дней вовсе не могъ ходить.

— А? кто тутъ? спросилъ онъ спросонокъ, поднимая голову и окидывая вошедшихъ мутнымъ взглядомъ.

— Прости, всесвѣтлый, что я нарушилъ твой покой, проговорилъ Склиръ, кланаясь до земли. — Согласно твоему же священному приказанію, я велѣлъ сестрѣ, мимо дежурныхъ тѣлохранителей, вести меня прямо къ тебѣ.

— Склирена, радостно выговорила Мономахъ,—накопецъ-то ты вернулась!

Молодая женщина наклонилась и поцѣловала его руку; онъ по-отечески облобызалъ ее въ лобъ.

— Какъ я радъ... какъ хорошо!.. шепталъ старикъ.

— Видишь, государь, я исполнилъ твое порученіе.— Но утѣшь-же раба твоего и скажи: лучше-ли твое здоровье, солнце наше? говорилъ Склиръ.

— Лучше, Василій; конечно лучше... я такъ благодаренъ тебѣ. Послѣ я поговорю съ тобою...

— Я подожду въ пріемной, государь.

Хорошо зная расположеніе комнатъ дворца, слѣпой, съ низкимъ поклономъ, одинъ направился къ дверямъ и вышелъ изъ опочивальни.

— Какое счастье, что ты вернулась!.. теперь все пойдетъ попрежнему, ты снова будешь здѣсь, въ Жемчужинѣ, говорилъ Мономахъ, цѣлуя ея руки.—И зачѣмъ ты уѣзжала? Да, я знаю, мнѣ говорили: императрица обидѣла тебя. Не бойся, она больше не станетъ—она мнѣ общала.

— Богъ съ нею, съ императрицею; ея нападки—это послѣднее изъ-за чего я оставила бы дворецъ. Множество обстоятельствъ заставили меня уѣхать...

Императоръ растерянно вслушивался въ ея слова.

— Я хотѣла просить тебя, чтобы ты разрѣшилъ мнѣ совсѣмъ оставить дворецъ, заключила она.

— Я зналъ, что онять это такъ кончится... въ глубокой горести сказалъ Мономахъ.—Да, я сталъ совсѣмъ старикомъ, ты не можешь болѣе любить меня...

— Государь, горячо возразила красавица,—ты знаешь, какъ ты дорогъ мнѣ, какъ я уважаю тебя. Самые счастливые годы провела я съ тобою... повѣрь же, что мое желаніе—не пустая прихоть.

— Да чего же тебѣ недостасть? перебилъ онъ.

Она горько улыбнулась.

— Чего нѣтъ у Августѣйшей Склирены!? Золото, камни; она сидитъ на престолѣ рядомъ съ тобою и Зоею, ея Жемчужина блещетъ роскошью... И не смотря на это—моя жизнь невыносима, вдругъ мѣняя голосъ продолжала она.—Положеніе мое при дворѣ самое ложное, всякая свобода у меня отнята. Меня замучили приемами, выходами, крестными ходами, бездушнымъ этикетомъ. Жемчужина—это моя тюрьма...

Она закрыла глаза рукою и опустила голову. Молчаніе воцарилось.

— Молодость, молодость... задумчиво сказалъ императоръ.

Она вдругъ подняла голову и глаза ея сверкнули.

— О, если бы я могла хоть не надолго очутиться на свободѣ, могла бы пожить одна и для себя...

— Да кто же тебѣ мѣшаетъ, дитя мое? спросилъ Константинъ. — Я сегодня же отдамъ приказъ ни въ чемъ тебя не стѣснять; живи, веселись — ты будешь совсѣмъ свободна... но только, молно тебя—не покидай дворца.

Радость блеснула въ ея глазахъ и сейчасъ же смѣшилась сомнѣнiемъ. Она прямо смотрѣла на Мономаха и, казалось, хотѣла что-то спросить его.

— А если... начала она и остановилась въ нерѣшимости.—если я полюблю?

Лицо Мономаха поблѣднѣло, нервно дрогнули углы губъ. Снова водарились молчанiе.

— Ты видишь... робко молвила красавица,—было бы лучше если бы я не возвращалась.

Онъ молчалъ.

— Мнѣ давно слѣдовало ожидать, что ты это спросишь... чуть слышно проговорилъ онъ наконецъ.— Я уже старикъ. я взялъ свое отъ жизни, а ты еще такъ молода... Давно умерло, давно похоронено мое счастье...

Онъ откинулъ голову на подушки и закрылъ прослезившiеся глаза. Оба молчали. Наконецъ Мономахъ выпрямился; лицо его было спокойнѣе.

— Поступай, какъ знаешь, дитя мое, сказалъ онъ,— наслаждайся жизнью, какъ хочешь... знай: ты совершенно свободна. Но я молю тебя объ одномъ: оставайся во дворцѣ, чтобы я могъ чувствовать твое присутствiе, какъ лучомъ солнца, любоваться твоею красотой... Въ память этихъ счастливыхъ лѣтъ, которые ты сейчасъ воспоминала—не оставляй меня.

Она поднялась съ мѣста и обѣими руками охватила его шею.

— Золотое сердце... шептала она, пряча свое лицо въ его сѣдую бороду.—Я буду около тебя; моя преданность, мое уваженiе всегда останутся при тебѣ.

Онъ дѣловалъ ея лобъ, ея красивыя руки, и слезы—слезы объ оторвавшемся дорогомъ прошломъ катились изъ глазъ его.

— Ну, а теперь, заговорилъ Мономахъ, освобождаясь изъ ея объятiй,—теперь я хочу видѣть тебя какъ прежде веселою, какъ прежде беззаботною. Прикажи вечеромъ устроить пиръ въ Жемчужинѣ... меня принесутъ въ носилкахъ, и мы отпразднуемъ твое возвращенiе... отпразднуемъ начало нашей дружбы...

Между колоннъ, на террасахъ Жемчужины была устроена обширная палатка изъ шелковыхъ тканей; безчисленные огни освѣщали пиръ, темная ночь и звѣздное небо заглядывали за подобрашны занавѣсы; на массивныхъ серебряныхъ треножникахъ тянулись ряды бурильницъ, разливавшихъ тонкiй ароматъ; полъ былъ усыпанъ лепестками розъ.

Вѣрная духу античной Греци, Склирена любила, чтобы ея гости возлежали за пирами. По правую ея руку помѣщался императоръ въ своихъ роскошныхъ носилкахъ. Гостей было всего человѣкъ двѣнадцать, по въ ихъ числѣ собрался весь пѣтъ Византии. Налѣво отъ хозяйки помѣщался первый министръ Константинъ Лихудъ, среднихъ лѣтъ статный мужчина; когда онъ говорилъ, всѣ невольно прислушивались къ его звучному голосу, увлекающаго его краснорѣчiемъ, аттической красотой его рѣчи. Тутъ же былъ и слѣпой протостраторъ, и начальникъ снаварiевъ, этерiархъ Романъ Бонла¹⁾, косноязычный, живой и забавный человѣчекъ, любимецъ императора, и молодой философъ, поэтъ и исто-

рикъ Михайлъ Пселлъ — столь знаменитый внослѣдствiи¹⁾.

Слуги въ роскошныхъ одеждахъ разнесли угощенiя и наливали гостямъ дорогаго кипрекаго вина. Слышались оживленные разговоры, звонъ золотыхъ кубковъ; порою раздавался смѣхъ надъ удачной острою, забавнымъ разказомъ.

Императоръ былъ веселъ: онъ много разговаривалъ и смѣялся.

— Я сегодня совсѣмъ ожилъ, говорилъ онъ Роману Бонлѣ—кого не оживить присутствiе этой волшебницы? Взгляни на нее, Романъ; видалъ-ли ты хоть во снѣ такую красавицу?

Маленькiй человѣкъ забавно прищурился и, словно боясь ослѣпнуть, прикрылъ глаза рукою, глядя на Склирену.

Она дѣйствительно была сказочно хороша въ этотъ вечеръ: одѣтая въ интую жемчужомъ серебристо-розовую парчу, съ блистающею при огняхъ алмазною діадемой на головѣ, съ гирляндой бѣлыхъ розъ черезъ плечо, какъ богиня предадала она на ширю. Облокотясь на парчевыя подушки своего ложа, она полусидѣла, и всякое ея движенiе было полно неизъяснимой граци, а глаза горѣли блескомъ и оживленiемъ. Красавица снова отдалась обстановкѣ, среди которой она чувствовала себя царицею, гдѣ у ней не было соперниковъ въ изяществѣ и остроумiи, гдѣ всѣ безотчетно подчинялись власти ея молодости и красоты.

— Странное существо — человѣкъ, сказала она Лихуду. — Вчера въ монастырѣ я серьезно думала, что могу умереть для мiра, а сегодня мнѣ опять такъ хочется жить и такъ хорошо здѣсь.

— Во дворцѣ было пусто безъ тебя, Августѣйшая, отвѣтилъ Лихудъ,—вынь изъ живой твари сердце—и она становится трупомъ, а вѣдь Жемчужина—сердце дворца. Всѣ рады, что ты вернулась; вотъ послушай какiя строфы написалъ въ честь твоего возвращенiя мой другъ Пселлъ.

Услыхавъ свое имя, философъ повернулся въ ихъ сторону.

— Я хочу слышать твои новые стихи, сказала ему Склирена.

— Когда говоритъ богиня, смертный долженъ повиноваться, покорино отвѣтилъ Пселлъ, развертывая лежавшiй около него свитокъ.

Разговоры смолкли и раздались звучныя строфы привѣтственныхъ стиховъ Пселла. Онъ сравнивалъ красавицу съ подругою солнца—съ луною, которая озаряетъ темноту ночи.

Одобренiе и рукоплесканiя долго не смолкали, когда онъ окончилъ чтенiе. Поэтъ подошелъ къ молодой женицинѣ и съ низкимъ поклономъ вручилъ ей свитокъ; она проворно сняла съ себя гирлянду бѣлыхъ розъ и увѣчала ею голову Пселла.

— Если мои стихи дѣйствительно имѣли счастье тебѣ понравиться, сказалъ онъ ей при этомъ,—то не откажи мнѣ въ исполненiи моей просьбы: спой намъ что-нибудь.

— Да... горячо подхватилъ Лихудъ, — пожалуйста, доставь намъ эту отраду...

— Спой, спой, сказалъ и императоръ, — мы такъ давно не слышали твоего пѣнiя.

Склирена, выучившаяся у рабыни-арабки пѣть и играть на лютнѣ, не заставила долго просить себя. Лютня была принесена; струны дрогнули и зазвенѣли подъ бѣлыми перстами красавицы. Все замерло, всѣ взоры обратились къ ней.

— Я не знаю ничего новаго, сказала она,—я спою вамъ также про луну...

¹⁾ Въ концѣ царствованiя Мономаха любимецъ его Романъ Бонла запятналъ себя покушенiемъ на жизнь своего повелителя. Онъ былъ однако проценъ безхарактернымъ императоромъ. (Скабал., стр. 66).

¹⁾ Михайлъ Пселлъ — знаменитый историкъ, поэтъ и философъ—оставилъ множество интересныхъ описанiй интимной жизни императоровъ своей эпохи, стиховъ и философскихъ трактатовъ.

И она запѣла старую пѣсню, которую и прежде не разъ пѣвала, но для всѣхъ эта пѣсня прозвучала какъ что-то новое и незнакомое.

Какъ я тебя ждала, красавица-луна!
Чуть всыхнетъ небосклонъ, тобою озаренный,
Въ прозрачной полумгѣ изъ утлого челна
На берегъ выйдетъ онъ—любимый и смущенный.
Нѣмая ночи мгла тобой оживлена,
Вотъ рокотъ соловья разсыпался влюбленный;
Нѣжнѣ шепчетъ пѣснь бессонная волна,
Лишь воздухъ недвижитъ—цвѣтами напоенный.
Онъ будетъ ждать меня, въ раздумье погруженъ...
Не знатенъ, не богатъ, совѣмъ безвѣстенъ онъ—
Но я его люблю—и властью никакою
Не удержать меня, когда, огня полна,
Я на берегъ сойду, озарена луною...
Какъ я ждала тебя, красавица-луна!

Она кончила и послѣдній звонъ струнъ замеръ... Мгновенно наступившая тишина вдругъ прервалась громкими, восторженными криками, несмолкающими рукоплесканиями. Все заволновалось, всѣ поднялись съ мѣстъ и окружили пѣвицу. Но не смотря на горячія просьбы, она не стала больше пѣть. Подозвавъ къ себѣ этериарха Боилу, она заговорила съ нимъ вполголоса.

Мало-по-малу опять завязались оживленные бесѣды между гостями. Склирена поднялась съ мѣста и оставила пиръ, но долго еще не смолкала его веселый шумъ. Вино рѣкою лилось въ золотые кубки, звѣздное небо видѣлось между занавѣсами и ароматный дымъ изъ курильницъ на серебряныхъ треножникахъ легкимъ облакомъ висѣлъ въ воздухѣ.

Послѣ ярко-освѣщенной палатки пира очутившись въ темной террасѣ, Склирена долго вглядывалась въ сумракъ ночи. Потомъ она спустилась по широкой лѣстницѣ въ садъ и пошла по мощеной мраморными плитами дорожкѣ.

Ярко горѣли звѣзды. Воздухъ благоухалъ цвѣтами; стройные кипарисы неподвижно чернѣли надъ головою.

Склирена шла торопливо, но не отъ одной быстрой ходьбы неровно стучало ея сердце.

Кто-то стоялъ у поворота дорожки; Склирена узнала одного изъ своихъ управителей.

— Это ты—Прокопій? спросила она.

— Я, Августѣйшая, отвѣчала управитель.

Сердце ея упало.

— Ты одинъ? вырвалось у ней.

— Нѣтъ. Онъ здѣсь — вонъ на той скамьѣ. Я купилъ его.

Она вздохнула свободнѣе и быстро пошла впередъ.

— Встанъ; Августѣйшая госпожа идетъ! сказалъ Прокопій, подходя вслѣдъ за пей къ бѣлой мраморной скамьѣ. Стройная тѣнь Глѣба поднялась и выпрямилась передъ подошедшими.

— Здоровъ ли ты? Хозяинъ ничего не сдѣлалъ тебѣ? быстро спросила Склирена. — Ты мой рабъ теперь. Я купила тебя.

Онъ съ изумленіемъ вглядывался въ лицо стоявшей передъ нимъ новой госпожи; онъ зналъ этотъ голосъ.

— Боже мой! всплеснувъ руками, воскликнулъ онъ наконецъ.—Это ты „Августѣйшая“! ты — моя госпожа!

Удивленно, но не радостно звучали слова его. Склирена замѣтила это.

— Развѣ ты не радъ?

— Нѣтъ... я радъ. Мнѣ легче работать для тебя, чѣмъ для этого...

— Твоя работа будетъ не тяжелая. Ты поступишь въ число тѣлохранителей. Тебя сейчасъ отведутъ въ твое помѣщеніе, а завтра ты получишь новыя одежды, шлемъ, латы, оружіе и начнешь учиться своимъ обязанностямъ... Я часто буду видѣть тебя...

Будущее казалось ей такимъ свѣтлымъ, сіяющимъ. Легкій вѣтерокъ шелестѣлъ листвою, издали доносился ласковый ропотъ волнъ Пропонтиды.

— Ну, теперь можешь идти... Прокопій! обратилась

она къ стоявшему въ почтительномъ отдаленіи управителю,—отведи его къ начальнику спааріевъ.

Она опустила на скамью, гдѣ Глѣбъ сидѣлъ до ея прихода, прислушиваясь къ удаляющемуся звуку ихъ шаговъ, и никогда, кажется, не дышалось ей такъ легко и свободно. Дворецъ болѣе не казался ей тюрьмою: напротивъ, ей чудилось теперь, что весь міръ заключенъ въ его стѣнахъ, подъ его куполами, что каждый листъ дремлющихъ подъ звѣзднымъ шатромъ деревьевъ шепчетъ что-то новое...

На другой день Глѣбъ оделся въ одежду спаарія, и глядя на него трудно было подумать, что еще день назадъ онъ былъ простымъ рыбакомъ и впервые облачился въ блестящій нарядъ царскаго тѣлохранителя. Къ нему необычайно шель и яркій плащъ, красивыми складками заброшенный сверхъ блестящихъ латъ, и золоченый шлемъ, придававшій мужественный видъ его юношескому свѣжему лицу; ремни сандалій ловко и свободно охватывали его ноги, а привѣшенный съ боку мечъ вовсе не стѣснялъ его. Можно было подумать по непринужденности, по врожденной граціи его движений, что онъ съ дѣтства носилъ этотъ нарядъ; только иногда имъ овладѣвало смущеніе и природная застѣнчивость сказывалась въ выраженіи лица, въ румянцѣ, ярко вспыхивавшемъ на лицѣ.

Блескъ и роскошь царскаго жилища поразили бывшего рыбака. Новые товарищи водили его по дворцу, показывая разныя диковины, и изумленію Глѣба не было границъ передъ безконечными рядами залъ, пестротою и яркостью мраморовъ и мозаикъ по ихъ стѣнамъ, красотою галерей и колоннадъ.

Священный, Богомъ-хранимый дворецъ, окруженный, какъ крѣпость, стѣнами, находился близъ Св. Софій и отдѣлялся отъ нея лишь внутреннею площадью, форумомъ Августеономъ. Дворецъ состоялъ изъ множества отдѣльныхъ зданій, соединенныхъ колоннадами, внутренними дворами — атриумами, террасами и переходами. Каждый императоръ пристраивалъ новую церковь, залу, молельню или внутренніе покои; это былъ цѣлый лабиринтъ построекъ, лишенный однообразія и фасада, заключенный въ непреступныхъ стѣнахъ, какъ кремль русскихъ царей, какъ сераль султановъ. Надъ массою построекъ возвышались золотые купола церквей, башни, порталы и колоннады, смѣло выступавшія вверхъ.

Помѣщеніе спааріевъ находилось на первомъ внутреннемъ дворѣ, на которомъ гордо выступала знаменитая Сигма—главный порталъ священнаго дворца, украшенный колоннами фригійскаго мрамора. Дворъ этотъ носилъ названіе таинственнаго фіала Сигмы; весь окруженный колоннадою, онъ былъ мощенъ мраморомъ, и фонтанъ посреди его билъ изъ массивной золотой раковины въ серебряную чашу бассейна.

Направо отъ таинственнаго фіала Сигмы находились дворцы Дафнейскій и Халцейскій, съ примыкавшими къ нимъ церквю Св. Стефана и Каѳизмою,—дворцомъ императорской трибуны, откуда монархи, не выходя изъ стѣнъ укрѣпленнаго дворца, въ виду всего народа, глядѣли на игры въ ипподромѣ.

Цѣлый рядъ залъ тянулся за Сигмою; тамъ въ длинной галереѣ Сорока Мучениковъ примыкала Жемчужина—помѣщеніе Склирены, и Кенургіонъ—внутренніе покои императора; тамъ-же, среди множества церквей и молельнь, висилась Золотая Палата или Хризотриклиній, съ ея смѣлымъ куполомъ, съ мозаичнымъ образомъ Спасителя — проходя мимо котораго изъ своихъ покоевъ, всегда, согласно обычаю, останавливались на молитву многія поколѣнія императоровъ.

Кругомъ по террасамъ спускались къ морю тѣнистые сады, съ бассейнами, фонтанами, статуями, часовнями и бесѣдками, съ дивными видами, тамъ и сямъ развѣтывающимися по Пропонтиду.

Молитва. Съ карт. Г. Макса, грав. Брендамуръ.

Глѣбъ скоро познакомился со всѣми уголками царскаго жилища; онъ приглядѣлся къ его сказочной обстановкѣ; его перестали удивлять массивные троны изъ лигатаго золота, двери съ серебряными барельефами, блистающіе дорогими камнями оклады иконъ, мозаики, шелковые и пурпурные занавѣсы, пушистые восточные ковры. Окончивъ ежедневное ученіе, онъ нерѣдко бродилъ по дворцу или садился въ саду, глядѣлъ на море и далеко уносился мыслями, вспоминая просторъ родимыхъ степей. Но особенно полюбилось ему море въ часы непогоды; въ ропотъ его волнъ Глѣбу слышался то шумъ дремучихъ лѣсовъ Сѣвера, то заунывная родная пѣсня, то звонъ мечей... Ему приходили на память удалые набѣги, въ коихъ онъ еще отрокомъ участвовалъ вмѣстѣ съ княжескою дружиною, и разгоралось его лицо, глаза блестѣли и сердце кипѣло юношеской отвагой... Горько и больно было ему возвращаться къ дѣйствительности, вспоминать, что негдѣ ему развернуть свою удаль, не съ кѣмъ помѣриться силою... За тяжелой работой рыбака ему не было времени скучать, трудъ смѣнялся крѣпкимъ сномъ подъ сѣнью рыбацкой хижины, и потому онъ проклиналъ теперь свою относительную свободу, свое бездѣйствіе и судьбу, перенесшую его изъ бѣдной лачуги въ эту золотую клѣтку. Конечно, теперь ему легче было убѣжать, но онъ чувствовалъ, что онъ не можетъ на это рѣшиться, что онъ связанъ добротой своей повелительницы. Дружина росо-варяговъ, гдѣ Глѣбъ могъ бы найти земляковъ, стояла въ тотъ годъ гдѣ-то въ далекой провинціи; со своими товарищами — спаярами — онъ не сближался: избалованные тѣлохранители любили театры, зрѣлища, бани и прочія городскія удовольствія, они проводили ночи за игрою въ кости.

Иногда Глѣба звали въ Жемчужину. Со своими придворными сидѣла тамъ Склирена, порою за женскими работами, порою развлекалась пляскою невольницъ, ихъ пѣніемъ; случалось, что и сама она брала лютю и пѣла. Нерѣдко Глѣбъ заставлялъ тамъ протостратора

Склира, Пселла и другихъ вельможъ. Тогда онъ издали прислушивался къ ихъ разговору, часто даже не понимая ихъ отвлеченныхъ споровъ. Нѣсколько разъ красавица подзывала его къ себѣ, спрашивала, всѣмъ-ли онъ доволенъ, не нуждается-ли въ чемъ. Онъ отвѣчалъ коротко, словно торопясь окончить разговоръ; окруженная подобострастнымъ дворомъ, она казалась ему теперь далекою и недосыгаемою, она была его „госпожею“.

Склирена пытливо глядѣла на него. Что-же онъ за человѣкъ? Почему онъ сторонится отъ нея? Какъ смѣетъ этотъ рабъ, этотъ красивый варваръ, такъ холодно отвѣчать на ея ласковыя слова, которыя, какъ небесную манну, ловятъ всѣ окружающіе? Онъ скромненько, онъ знаетъ свое мѣсто; приходя, онъ остается въ отдаленіи, чуть не рядомъ съ Херимономъ. Откуда-же этотъ холодный тонъ, этотъ невозмутимо спокойный взоръ?

Она купила его не изъ пустой прихоти избалованной женщины; ее тронуло и заинтересовало тяжелое положеніе его — она хотѣла дать ему свободу. Но теперь, конечно, роскошь дворца заставитъ его позабыть и неволю, и далекую родину.

— Начинаешь-ли ты привыкать? Или тебя все еще тянетъ домой? спросила она его однажды.

— Развѣ можно привыкнуть къ тюрьмѣ? отвѣтилъ онъ тихо.

Склирена была поражена. Дворецъ—это осьмое чудо свѣта — для него тюрьма?! Онъ предпочитаетъ дикую варварскую страну всему другому — блеску и роскоши, открытой дорогѣ къ славѣ и почестямъ, вниманію первой красавицы Византіи!?

Во время первой бесѣды съ Глѣбомъ, она такъ горячо сочувствовала его любви къ родинѣ, его стыду передъ позоромъ рабства — но теперь она ненавидѣла его родину, она не могла понять почему онъ не примиряется со своею неволюю. Эти думы отравляли покой молодой женщины. Ну, что-же? Если такъ—она отпуститъ его на волю... не сейчасъ — а черезъ мѣсяць, черезъ два; пускай онъ еще побудетъ во дворцѣ...

(Продолженіе будетъ).

Иисусъ.^{*)}

Повѣствованіе изъ библейскихъ временъ. Георга Эберса. (Продолженіе).

(Право перевода приобретено редакціей отъ автора).

Походъ фараона.

Глава XVIII.

Лпшъ на разстояніи часа пути отъ небольшого храма, у котораго отдыхали ссыльные, дорога развѣтвлялась: одна вѣтвь вела къ югу на Сокхоетъ и къ западному заливу Чермнаго моря, другая въ юго-восточномъ направленіи, чрезъ укрѣпленный перешеекъ — къ рудникамъ.

Вскорѣ послѣ отправленія колодниковъ, выступило изъ города Рамзеса и войско, собранное для преслѣдованія евреевъ; а такъ какъ ссыльные довольно долгое время отдыхали у колодца, то войска почти настигли ихъ. Не успѣли ссыльные отойти отъ колодца, какъ показались уже гонцы, очищавшіе путь для приближающихся военныхъ силъ. Они приказали ссыльнымъ остановиться и отойти въ сторону, пока не пройдетъ мимо легкой обозъ съ царскими шатрами и кухней, грохотъ котораго уже слышался вдали.

Проводники ссыльныхъ были довольны этою остановкою. Они никуда не спѣшили; день былъ жаркій, и если они опоздаютъ къ мѣсту назначенія, то виноваты будутъ не они, а войска.

Иисусъ также порадовался этой остановкѣ. Юный товарищъ его по пѣни—тупо смотрѣлъ передъ собою и давалъ такіе безсвязные отвѣты, что дядя не на шутку встревожился. Онъ хорошо зналъ, что многіе изъ приговоренныхъ къ каторжнымъ работамъ впадаютъ въ уныніе и безуміе. Теперь же, когда часть войска должна пройти мимо, зрѣлище это — новое для юноши — развлечетъ его и можетъ-быть положить конецъ нѣмому отчаянію.

Въ сторонѣ отъ дороги высился песчаный холмъ, поросшій тамарисковыми кустами, и къ нему-то направилъ приставъ своихъ ссыльныхъ. Онъ былъ суровъ, но не жестокъ, и потому охотно разрѣшилъ своимъ „кротамъ“ растянуться на песокъ, ибо шествіе обѣщало занять довольно долгое время.

Едва колодники расположились на отдыхъ, какъ послышался стукъ колесъ, ржаніе горячихъ коней, громко отдаваемые приказанія и неприятный крикъ ословъ.

Уже съ появленіемъ первыхъ колесницъ, Ефремъ спросилъ дядю, гдѣ самъ фараонъ. Но Иисусъ отвѣчалъ съ улыбкой, что когда царь выступаетъ въ походъ во главѣ войска, то прежде всего за передовымъ отрядомъ слѣдуютъ обозъ и кухня; ибо фараонъ и его приближенные любятъ найти разбитыя ставки и

^{*)} Сынъ Навина.

накрытые столы послѣ дневнаго перехода, когда ратники и ихъ вожди отойдутъ на покой.

Не успѣвъ Иисусъ окончить свою рѣчь, какъ показалось множество пустыхъ повозокъ и несавьюченныхъ ословъ. Они должны были поднять подати хлѣбомъ и мукой, убойной и птицей, виномъ и пивомъ, которыя доставлялись каждою деревней, и уже наканунѣ были вручены сборщикамъ.

Вскорѣ затѣмъ показался отрядъ бойцовъ на колесницахъ. По двѣ лошади были запряжены въ небольшія, двухколесныя, окованныя бронзою колесницы, и на каждой стоялъ боецъ и возница. Къ передку колесницъ были прикрѣплены большіе колючаны, а воины опирались на коня или на огромные луки. Рубашка, покрытая мѣдными чешуями, или стеганный панцирь съ пестро расшитымъ плащомъ, шлемъ и передокъ колесницы защищали бойцовъ отъ метательныхъ снарядовъ врага. Медленно рысью прошелъ этотъ отрядъ, который Иисусъ называлъ передовой охраной, а за нимъ слѣдовало множество повозокъ и телегъ, везомыхъ лошадьми, мулами или волами, и цѣлыя стада высоко нагруженныхъ ословъ.

Дядя указывалъ племяннику на длинныя столбы, шести и тяжелые свертки дорогихъ тканей, изъ которыхъ составлялись царскія ставки; все это было нагружено на множество выючныхъ животныхъ, затѣмъ слѣдовали ослы и телеги съ кухонною утварью и походною кузницей.

Между поклажею ѣхали на ослахъ врачи, хранители царскихъ одеждъ, составители мазей, повара, цвѣточники, прислужники и рабы, — словомъ все, что принадлежало къ царскому стану. Только что выступивъ въ походъ, всѣ были еще свѣжи и склонны къ шуткамъ; поэтому замѣчавшіе колодниковъ отпускали имъ ѣдкія шутки въ египетскомъ вкусѣ, которыя иные старались однако загладить милостынею. Другіе, не затрогивавшіе ссыльныхъ, также посылали имъ нѣсколько плодовъ или мелкое подаенье, потому что всякій, свободный сегодня, завтра могъ послѣдовать за этими несчастными. Присавъ ихъ не препятствовалъ принятію поданій, а когда проходившій мимо рабъ, котораго Иисусъ когда-то продалъ за недобросовѣстность, назвалъ имя Осей и съ оскорбительными ужимками указалъ на него, то добрый сердцецъ, хотя и суровый съ виду приставъ предложилъ обиженному глотокъ вина изъ собственной походной баклажки.

Ефремъ, взявшій на дорогу отъ Сокхова до Таниса лишь посохъ да маленькій узелокъ съ хлѣбомъ, сушеной бараниной, рѣдкою и финиками, высказалъ удивленіе по поводу безчисленнаго множества людей и вещей, которые были нужны для удобства одного человека; потому онъ снова впасть въ прежнюю задумчивость, пока дядя не пробудилъ его новыми объясненіями.

Какъ только прошелъ обозъ царскаго стана, приставъ ссыльныхъ хотѣлъ приказать своему отряду двигаться далѣе, но „очищавшіе путь“, шедшіе впереди стрѣлковъ, не позволили ему этого, такъ какъ колодникамъ не подобало смѣшиваться съ воинами. Поэтому ссыльные остались на холмѣ и продолжали смотрѣть на двигавшееся мимо шествіе.

За стрѣлками слѣдовали тяжело вооруженные, съ большими щитами изъ крѣпкой бычачьей кожи, которые даже самымъ рослымъ воинамъ доходили почти по шею; Осей рассказывалъ юношѣ, что эти щиты ставятся на ночь одинъ къ другому и ими, какъ заборомъ, окружаютъ царскій станъ. Кромѣ такой обороны, у каждаго тяжело вооруженнаго было еще копье, короткій, княжалообразный мечъ или боевой серпъ. Когда за этимъ родомъ войскъ показался отрядъ ирацниковъ, Ефремъ впервые заговорилъ самъ и сталъ увѣрять, что тѣ ираци, которыя онъ выучился дѣлать у пастуховъ, гораздо лучше, чѣмъ ираци воиновъ; подзадориваемый дядей, онъ принялся рассказывать съ такимъ оживленіемъ, что даже расположеншіеся возлѣ колодники прислушались къ рассказамъ о томъ, какъ ему удавалось камнемъ изъ ираци убивать не только шакаловъ, волковъ и пантеръ, но даже коршуновъ. Въ то же время онъ разспрашивалъ дядю о значеніи знаменъ и о названіяхъ отдѣльныхъ отрядовъ.

Многія тысячи прошли уже мимо, когда показался новый отрядъ воиновъ на колесницахъ, и приставъ ссыльныхъ воскликнулъ:

— Добрый Богъ! Властелинъ обоихъ міровъ! Живи, благоденствуй и здравствуй! При этомъ онъ ощутился на колѣни какъ бы на молитву, а преступники растянулись во весь ростъ и готовились крикнуть по первому знаку пристава:

— Живи, благоденствуй и здравствуй!

Но еще долго пришлось ожидать фараона, ибо когда проѣхали бойцы на колесницахъ, показались сначала тѣлохранители, чужеземные наемники съ своеобразными наплечными украшениями и большими мечами у бедра; за ними вели сперва многочисленныя изображенія боговъ, а потомъ двигалась большая толпа жрецовъ и секретарей. За ними шли опять тѣлохранители, и тогда только показался фараонъ со своимъ приближеннымъ. Впереди послѣднихъ ѣхалъ верховный жрецъ Бан на позолоченной боевой колесницѣ, которую вели великолѣпные гнѣдые жеребцы. Онъ уже прежде начальствовалъ войсками на войнѣ, а потому и теперь принялъ на себя водительство въ походѣ по велѣнію боговъ и, хо-

тя оставался въ жрецескомъ одѣяннѣ, но при этомъ носилъ шлемъ и боевую сѣкуру полководца. Наконецъ, тотчасъ за Банъ появился самъ фараонъ, но не на боевой колесницѣ, какъ его воинственные предшественники; нѣтъ, онъ предпочиталъ чтобы его несли на царскомъ сѣдалѣшѣ. Сверху великолѣпный наметъ, а сбоку большія и плотныя круглыя опахала, прикрѣпленныя къ длиннымъ древкамъ и несомыя вѣтероносцами, защищали царя отъ палящихъ лучей солнца.

Оставивъ за собой городъ съ его побѣдными вратами и восторженными привѣтствіями толпы, поддерживавшими его въ бодрствующемъ состояніи, Менеота заснулъ, и охраняющіе отъ солнца опахала не дали бы ссыльнымъ возможности увидѣть его ликъ, если бы крики колодниковъ не были такъ громки, что фараонъ проснулся и повернулъ голову въ ихъ сторону. Милостивое движеніе правой руки показало однако, что онъ принялъ ихъ за другихъ, а не за колодниковъ, и прежде чѣмъ смолкли крики несчастныхъ, фараонъ снова закрылъ глаза.

Молчаливая задумчивость Ефрема перешла теперь въ живѣйшее вниманіе, и когда провезли пустую золотую колесницу царя, передъ которой борзились такіе великолѣпные кони, какихъ ему никогда еще не случалось видѣть, онъ громко сталъ выражать свое восхищеніе.

Благородныя животныя, надъ умными головами которыхъ качались густые пучки перьевъ, и богатая сбруя, осыпанная золотомъ и драгоценными камнями, дѣйствительно представляли прекрасное зрѣлище. Большіе золотые, украшенные изумрудами колючаны, сбоку колесницы, были наполнены стрѣлами.

Разслабленный человекъ, немощной рукѣ котораго было вѣверено управленіе великимъ народомъ; нѣженка, котораго пугало всякое усиліе, приобрѣталъ снова потерянную силу мышцъ, когда дѣло шло объ охотѣ; а на этотъ походъ онъ смотрѣлъ, какъ на звѣриную травлю въ большіхъ размѣрахъ. Пускать стрѣлы, вмѣсто дичи, въ тѣхъ людей, которыхъ онъ такъ недавно страшился, казалось ему царскою забавою; поэтому онъ охотно согласился на требованіе верховнаго жреца и присоединился къ выступившимъ войскамъ. Походъ былъ предпринятъ по велѣнію великаго бога Аммуна, и потому царю нечего было бояться страшнаго могущества Мезу. Онъ отплатитъ еврею, какъ только захватитъ его въ свои руки, за тотъ страхъ, который испытали онъ и жена, и за всѣ пролитыя изъ-за него слезы.

Иисусъ принялся было объяснять юношѣ, въ какомъ финикійскомъ городѣ приготавливаютъ золотыя колесницы, какъ вдругъ онъ почувствовалъ, что Ефремъ схватилъ его за руку и воскликнулъ:

— Она, она! Смотри! Это она!

Юноша покраснѣлъ до корня волосъ. И онъ не ошибся — въ той самой колесницѣ, въ которой недавно догоняла ссыльныхъ, приближалась теперь въ числѣ придворныхъ фараона прекрасная Казана; кромѣ нея, еще много женщинъ приняло участіе въ походѣ, который начальники цѣхоты, старшій, храбрый рубака времени великаго Рамзеса, назвалъ „веселительною побѣдкою“.

Въ походы, предпринимаемые въ пустыню и далѣе въ Сирию, Ливію и Эѳіопію, властителя сопровождала лишь часть избранныхъ любимицъ въ завѣданныхъ со всѣхъ сторонъ колесницахъ, охраняемыхъ евнухами; но на этотъ разъ не царица, оставшаяся дома, а жена верховнаго жреца присоединилась къ войскамъ и подала примѣръ другимъ знатымъ женщинамъ. И, конечно, для многихъ было весьма заманчиво, не подвергаясь опасностямъ, испытать волненія военнаго времени.

Съ часъ тому назадъ Казана изумила своимъ появленіемъ супругу Банъ, такъ какъ еще вчера молодую вдову не могли увидѣть чтобы она послѣдовала за войсками. Повинуясь какому-то вдохновенію, не спросивъ у отца, собравшись такъ наскоро что съ нею не было даже необходимыхъ въ пути вещей, Казана присоединилась къ шествію войскъ, и повидному притягивающею силою для нея сдѣлался человекъ котораго она до сихъ поръ любила, хотя человекъ этотъ былъ не кто иной, какъ Синтахъ, племянникъ царя.

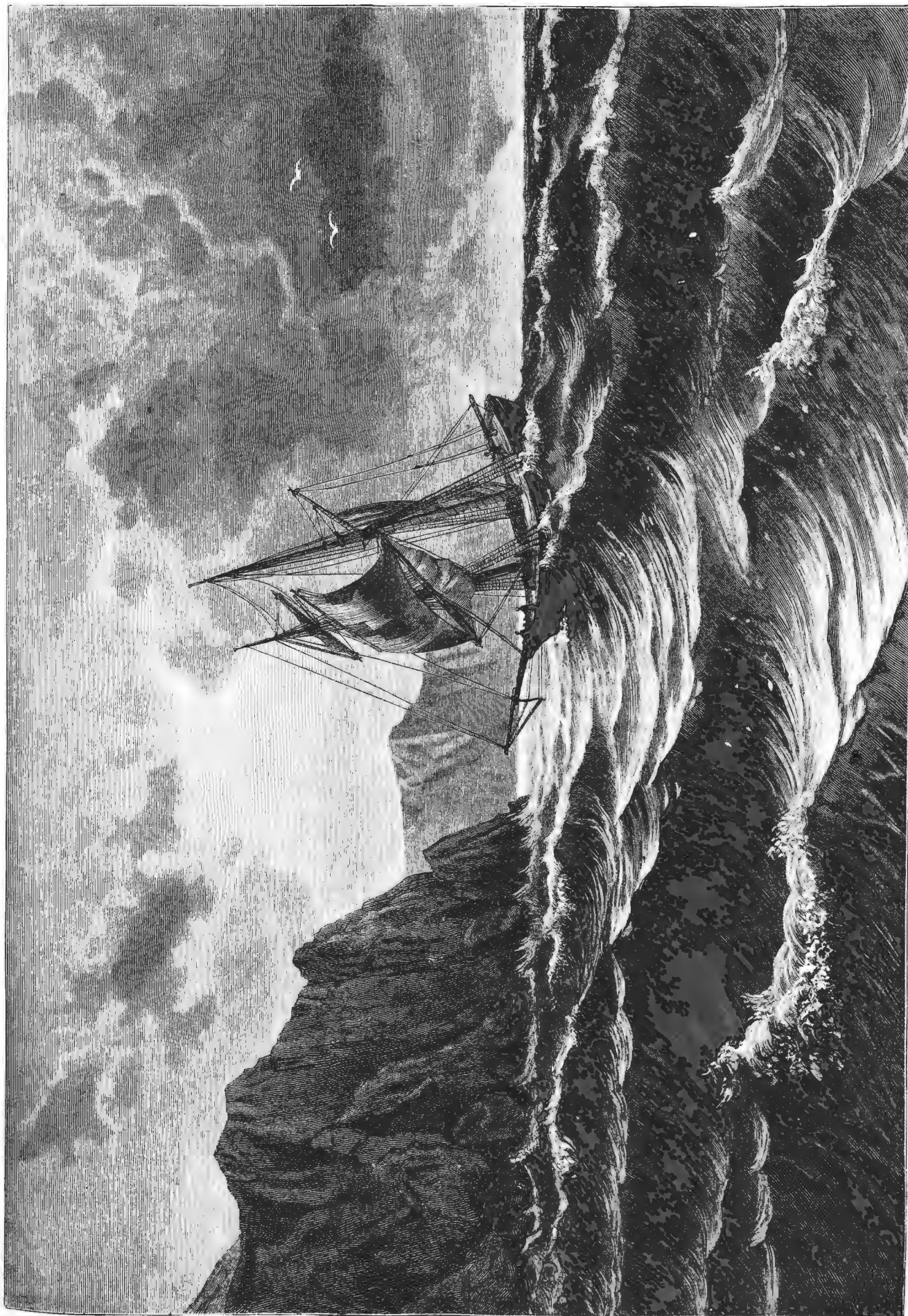
Когда Казана проѣзжала мимо колодниковъ, князь стоялъ на колесницѣ, возлѣ прекрасной молодой женщины, на мѣстѣ ея кормилицы, и шутя объяснялъ значеніе поднесенныхъ ей цвѣтовъ, а Казана утверждала, что цвѣты эти ни въ какомъ случаѣ не могли предназначаться ей, такъ какъ часъ съ четвертью тому назадъ она еще и не думала отправляться въ походъ. Но Синтахъ увѣрялъ, что Аторы еще при восходѣ солнца сообщили ему, какое счастье ждетъ его, и въ борьбѣ каждаго цвѣтка доказываетъ справедливость его словъ.

Ихъ окружили нѣсколько молодыхъ придворныхъ, ушедшихъ впередъ отъ своихъ колесницъ, и присоединились къ ихъ болтовнѣ, вмѣстѣ съ веселою женой верховнаго жреца, которая сѣла со своей большой дорожной колесницы и велѣла нести себя въ носилкахъ.

Отъ Исуса ничто не ускользнуло изъ всего этого; когда онъ увидѣлъ, какъ весело и шаловливо Казана ударила опахаломъ по рукѣ князя, о которомъ она такъ недавно вспоминала съ отвращеніемъ, его чело омрачилось, и онъ спрашивалъ себя,

Нищенствующие цыгане. Съ карг. Везина, грав. Бонгъ.

Турецкое разбойничье судно (кочерма) у берегов Крыма осенью.
Ориг. рис. (собств. "Нивы") Э. Магдесіана, грав. Галевскій.

неужели молодая женщина лишь дерзко смѣялась надъ его несчастьемъ.

Но тутъ приставъ ссыльныхъ замѣтилъ кудри на вискахъ Спнтаха, что служило отличительнымъ признакомъ принадлежести къ царскому дому, и громкія восклицанія пристава „Благоденствуй, благоденствуй!“ къ которымъ присоединились также стражники и ссыльные, были услышаны Казаною и ея спутниками. Они взглянули на тamarисковую рощицу, откуда раздавались эти восклицанія, и тогда Исусъ замѣтилъ, какъ молодая женщина, поблѣдивъ, быстрымъ движеніемъ указала на ссыльныхъ. Вѣроятно она что-то приказывала Спнтаху, потому что сначала онъ съ неудовольствіемъ пожалъ плечами, но потомъ, послѣ довольно продолжительнаго, то шуточнаго, то дѣловаго разговора съ нею, соскочилъ съ колесницы и знакомъ подозвалъ къ себѣ пристава ссыльныхъ.

— Видѣли-ли эти люди, закричалъ онъ съ дороги такъ громко, что Казана могла его слышать, — видѣли-ли эти люди ликъ Добраго Бога, Властителя обоихъ міровъ?

На нерѣшительный отвѣтъ пристава, онъ продолжалъ выскокомѣрно:

— Все равно! За-то они видѣли моп черты и черты прекраснѣйшей изъ женщинъ. Если колодники вслѣдствіе этого надѣются на милость, то они правы. Ты знаешь, кто я. Рассказать колодниковъ!

Онъ сдѣлалъ знакъ пристава и добавилъ вполголоса:

— Тѣмъ не менѣе, смотри въ оба! Вонъ этого, что въ кустахъ, бывшего военачальника Осію, я не долюбиваю. По возвращеніи, явись ко мнѣ и доложи о немъ. Чѣмъ безгласнѣе онъ станетъ, тѣмъ глубже я занушу руку въ кошель. Понялъ? Начальникъ поклонился и подумалъ:

„Постараюсь, князь, но постараюсь также и о томъ, чтобы никто не могъ посягнуть на жизни моихъ кротовъ. Чѣмъ выше эти господа, тѣмъ кроваваднѣе и диковиннѣе ихъ желанія! Ужь сколько приходилъ ко мнѣ съ такими предложеніями! Вотъ и этотъ! Снимаетъ бѣднымъ малымъ кандалы, а мнѣ хочетъ отягчить душу безчестнымъ убійствомъ. Не на такого напалъ, Спнтахъ!“

— Эй, Гэгеръ, давай мѣшокъ съ кузнечнымъ наборомъ и свяжи съ кровотъ цѣпи!

Пока на песчаномъ придорожномъ холмѣ визжали пилы, колодники освобождались отъ позныхъ кандаловъ и затѣмъ, ради безопасности, каждому поодиночкѣ связывались руки, войска фараона продолжали идти мимо.

Казана приказала князю Спнтаху освободить несчастныхъ, влекомыхъ на страданія, отъ цѣпей, и при этомъ открыто созналась, что ее возмущаетъ жестокое униженіе военачальника, который такъ часто бывалъ гостемъ въ ея домѣ. Жена верховнаго жреца поддержала ея желаніе, и князь долженъ былъ уступить.

Исусъ зналъ, кому онъ и Ефремъ обязаны этой милостью—и принялъ ее съ благодарностью.

Съ ногъ его сняли излишнюю тяжесть, но душу его все тяжелѣе давила тревога и безпокойство:

Войскъ, проходившихъ теперь мимо, хватило бы ему, чтобы уничтожить до послѣдняго человѣка всѣхъ десятеро большія силы, чѣмъ опоченіе его единоземниковъ. Его народъ, отецъ, Маріамъ, хотя и причинившая ему страданія, но тѣмъ не менѣе указавшая ему тотъ путь, который онъ еще въ темницѣ признавалъ единственно вѣрнымъ, — всѣ они несомнѣнно обречены пабленію. Какъ ни великъ Богъ, о величьи котораго такъ пламенно говорилъ ему пророкъ, и на Котораго онъ самъ научился взирать съ благоговѣніемъ восторгомъ, но при натискѣ такого войска, необученныя и плохо вооруженныя толпы пастуховъ должны несомнѣнно и безвозвратно погибнуть. Эта увѣренность, все болѣе подтверждавшаяся съ каждымъ проходившимъ отрядомъ, глубоко терзала душу Исуса. Никогда еще онъ не испытывалъ такой жгучей боли, которая все усиливалась, по мѣрѣ того, какъ онъ различалъ знакомыя лица, такъ недавно подчиненныхъ ему тысячъ, которымъ теперь начальствовалъ другой, а шли они на этотъ разъ затѣмъ, чтобы уничтожить его единокровныхъ. Все это тяжело было видѣть, да къ тому же и состояніе Ефрема внушало опасенія; со времени появленія Казаны, ея заступничества за него и другихъ товарищей по несчастью, юноша снова замолкъ и растерянными глазами смотрѣлъ вдаль или вслѣдъ войску.

Когда мальчика освободили отъ оковъ, Исусъ спросилъ его потихоньку, не рвется-ли онъ душою поскорѣе къ своимъ, чтобы помочь имъ въ борьбѣ противъ такихъ силъ. Но Ефремъ отвѣтилъ только:

— Противъ такихъ войскъ имъ все равно придется положить оружіе. Чего намъ не доставало до ухода? Ты былъ такой-же еврей, какъ и они, а между тѣмъ сталъ среди египтянъ знатнымъ полководцемъ, пока не послѣдовалъ призыву Маріамъ. Я бы на твоемъ мѣстѣ не такъ поступилъ.

— А какъ-же? сурово спросилъ Исусъ.

— Какъ? повторилъ юноша, и весь пылъ его молодой души пробился наружу. — Какъ? Я бы остался тамъ гдѣ честь и слава и все прекрасное. Величайшимъ изъ великихъ міра,

счастливейшимъ изъ счастливыхъ могъ бы ты сдѣлаться,—я знаю это; но ты рѣшилъ иначе.

— Потому что этого требовалъ долгъ, возразилъ Исусъ строгимъ голосомъ, — потому что отнынѣ я хочу служить только народу, среди котораго я родился.

— Народу? съ презрѣніемъ переспросилъ юноша. — Я знаю его, этотъ народъ, и ты самъ видѣлъ его недавно въ Сокхоѣ. Бѣдники—пропащая голь, которая гнетъ спину подъ палкой; а состоятельные ничего знать не хотятъ, кромѣ своихъ стадъ, да еще ссорь между собою, если они принадлежать къ вождямъ колѣнъ. Ничто ласкающее глазъ и сердце недоступно имъ. Меня считаютъ однимъ изъ самыхъ богатыхъ, а между тѣмъ я съ ужасомъ думаю объ унаследованномъ мною отцовскомъ домѣ, хотя онъ одинъ изъ самыхъ большихъ и красивыхъ. Кто видѣлъ лучшее, тотъ и глядѣть на это не станетъ.

На челѣ Исуса напряглись жилы и онъ принялся, въ гнѣвныхъ выраженіяхъ, упрекать мальчика за то, что тотъ отрекается отъ своего племени и предательски измѣняетъ своему народу.

Но тутъ, услышавъ громкій голосъ Исуса, приставъ приказалъ ему молчать, и приказаніе это было видимо пріятно своеобразному юношѣ. Когда, на дальнѣйшемъ пути, дядя съ упрекомъ глядѣлъ ему въ лицо или спрашивалъ, обдумалъ-ли мальчикъ его слова, Ефремъ съ неудовольствіемъ отворачивался и упорно молчалъ до тѣхъ поръ, когда на небосклонѣ затеплилась первая звѣзда, шествіе остановилось на ночлегъ подъ открытымъ небомъ и колодникамъ rozdali ихъ скудную пищу.

Тогда Исусъ вырылъ себѣ руками въ песокъ ямку для ночевки и заботливо помогъ отроку сдѣлать то же самое.

Ефремъ молча принималъ услуги дяди; но когда они улеглись рядомъ и послѣдній заговорилъ о Богѣ своего народа, на Чью помощь они должны уповать, чтобы не поддаться въ рудникахъ мрачному отчаянію, юноша перебилъ его тихо, но съ злобною рѣшимостью:

— Живымъ они не притащатъ меня въ рудники! Лучше умереть на побѣгѣ, чѣмъ сплнзуть тамъ медленную смертью.

Исусъ шепотомъ сталъ увѣщавать его и снова указалъ на его обязанности къ народу; мальчикъ просилъ оставить его въ покоѣ. Однако, черезъ нѣсколько времени, онъ толкнулъ дядю и тихо спросилъ:

— Что они тамъ замышляютъ съ княземъ Спнтахомъ?

— Не знаю, врядъ-ли что-нибудь хорошее.

— А гдѣ-же Аарсу, сиринь, что начальствуетъ надъ азіатскими наемниками? Твой врагъ, который съ такимъ злобнымъ усердіемъ стережъ насъ? Я не выдалъ его среди войска.

— Онъ остался со своими отрядами въ Танисѣ.

— Охранять дворецъ?

— Да, конечно.

— Значитъ, у него много войска и фараонъ довѣряетъ ему?

— Вполнѣ; хотя онъ врядъ-ли этого заслуживаетъ.

— А между тѣмъ, онъ—сиринь, значитъ нашъ по крови?

— По крайней мѣрѣ по наружности и по языку онъ ближе къ намъ, чѣмъ къ египтянамъ.

— Я бы самъ принялъ его за одного изъ нашихъ. А между тѣмъ, онъ занимаетъ весьма видное мѣсто въ войскахъ, какъ и ты прежде?

— Мало-ли сиринь и ливійцевъ начальствующихъ и надъ большими отрядами. А глашатай Бенъ Мецана, одинъ изъ знатнѣйшихъ придворныхъ — египтяне называютъ его Рамзесомъ въ святилищѣ Ра — тоже сынъ еврея.

— И имъ не ставятъ въ вину ихъ происхожденія?

— Было-бы несправедливо утверждать это. Но къ чему такіе вопросы?

— Мнѣ не снится.

— И потому тебѣ приходятъ эти мысли? Нѣтъ, у тебя есть что-то на умѣ, и мнѣ будетъ очень больно, если я не ошибусь. Ты хочешь поступить на службу фараона?

Нѣкоторое время оба молчали. Потомъ Ефремъ заговорилъ снова, и хотя онъ обращался къ Исусу, но скорѣе казалось, что онъ говоритъ самъ съ собою:

— Они уничтожатъ нашихъ, а тѣхъ кто останется въ живыхъ—ждетъ рабство и позоръ. Домъ мой уже разрушенъ; ни одной головы моего великолѣпнаго скота не увидѣть, а унаследованное мною серебро и золото, котораго, говорятъ, такъ много, они увезутъ съ собой. Оно осталось на сохраненіи у твоего отца и станетъ добычею египтянъ. Неужели я, получивъ свободу, долженъ мириться съ жестокимъ обращеніемъ и подставлять спину свою подъ удары?

Исусъ съ жаромъ прошепталъ ему:

— Ты долженъ молить Бога отцовъ своихъ, чтобы Онъ защитилъ и охранилъ твой народъ. Если-же Всевышній судилъ намъ погибель, будь мужель и научись ненавидѣть всѣми силами юной души тѣхъ, чья пята раздавила твоихъ единоземниковъ. Бѣги къ сирійцамъ, предложи имъ свою сплнзную, юношескую руку и не знай отдыха и покоя, пока не отомстишь тѣмъ, кто пролилъ кровь твоего народа и тебя самого, неповннаго, заковалъ въ цѣпи.

Снова все замолкло на нѣкоторое время, лишь глухіе, тихіе стоны раздавались съ ложа Ефрема; но вотъ опять послышался его тихій шепотъ:

— Вотъ, напримѣръ, насъ не отягощаютъ болѣе цѣпи; неужели я долженъ ненавидѣть ту, которая освободила насъ отъ нихъ?

— Будь благодаренъ Казанѣ, послышался тихій отвѣтъ,— и ненавидь ея единоплеменниковъ.

Юноша промолчалъ, но Иисусъ слышалъ, какъ онъ мечется на своемъ ложѣ, тяжело дыша и глубоко вздыхая.

Полночь минула, мѣсяцъ высоко стоялъ на небѣ, а бодрствующій колодникъ не переставалъ прислушиваться къ движеніямъ своего юнаго товарища. Но тотъ молчалъ, хотя сонъ бѣжалъ и его. Однако съ его ложа слышалось что-то въ родѣ скрипа зубовъ. Не мыши-ли забрели въ пустынную мѣстность, поросшую желтою сухою травой, среди солончаковъ и бесплодныхъ пустырей, и теперь грызутъ черствый хлѣбъ колодниковъ?

Однихъ этихъ скрипящихъ звуковъ было уже достаточно, чтобы прогнать сонъ; но Иисусъ и не хотѣлъ спать; онъ все еще надѣялся открыть глаза ослѣпленному. Однако юноша не подавалъ никакихъ признаковъ жизни.

Наконецъ Иисусъ палочился было нащупать плечо племянника; но тотчасъ-же оставилъ свое намѣреніе, увидѣвъ, при свѣтѣ луны, что Ефремъ поднимаетъ руку, тогда какъ на ночь всѣмъ плѣнникамъ руки были связаны накрѣпко.

Иисусъ понялъ, что скрипъ происходилъ отъ острыхъ зубовъ юноши, перегрызавшихъ веревки. Онъ приподнялся и взглянулъ на небо, потомъ вокругъ себя.

Затѣмъ дыханіе, слѣдилъ онъ за движеніями мальчика и сердце его тревожно билось. Ефремъ помышлялъ о бѣгствѣ, и первый шагъ къ освобожденію уже сдѣланъ! Дай Богъ, чтобы и послѣдующіе удались ему! Но Иисусъ боялся, что бѣглецъ изберетъ не тотъ путь. Этотъ отрокъ—единственный сынъ его любимой покойной сестры, круглый сирота, никогда не знавшій тѣхъ совѣтовъ и указаній, которые можетъ дать только мать и которые упрямый, молодой умъ готовъ ирриять только отъ матери. Чужія руки подвизывали молодое дерево къ подпоркѣ и если оно выросло прямымъ и стройнымъ, то материнская любовь не облагородила его добрыми прививками. Мальчикъ росъ не у роднаго очага, столь необходимаго для юноши. Что-жъ удивительнаго, если онъ чувствовалъ себя чужакомъ среди своихъ?

Подъ вліяніемъ такихъ размышленій, Иисусъ ощутилъ глубокую жалость къ мальчику вмѣстѣ съ сознаніемъ нѣкоторой виновности передъ нимъ; ибо не ради-ли его, не ради-ли порученія къ нему, Иисусу, юношу постигли столь великія бѣдствія? И потому, несмотря на все свое желаніе еще разъ предостеречь юношу отъ измѣны и нарушенія долга, онъ не рѣшался на это, боясь помѣшать его замысламъ. Каждый звукъ могъ привлечь вниманіе стражниковъ. Иисусъ уже съ такимъ участіемъ слѣдилъ за приготовленіями къ побѣгу, какъ будто мальчикъ началъ ихъ по его приказанію.

Поэтому, вмѣсто всякихъ предостереженій, онъ сталъ высматривать за племянника всю окрестность, хорошо зная, что добрые совѣты очень рѣдко достигаютъ цѣли и только жизненный опытъ способенъ давать неотразимыя наставленія.

Вскорѣ опытный взглядъ полководца указалъ ему путь, на которомъ Ефремъ, при удачѣ, могъ бы скрыться отъ преслѣдованія.

Онъ потихоньку окликнулъ племянника и въ отвѣтъ тотчасъ-же раздался шепотъ:

— Я развяжу и тебѣ веревки, только протяни ко мнѣ руки. Мое уже свободны!

Напряженные черты Иисуса прояснили.

Этотъ упрямый юноша все-таки славный малый; онъ подвергалъ опасности свое предпріятіе, чтобы спасти того, кто, освободившись, навѣрное постарается закрыть ему тотъ путь, на которомъ онъ, въ своемъ юношескомъ увлеченіи, надѣялся найти счастье.

1. 2. 3. 4. 5. 6.

Роды оружія въ египетской арміи на древнѣйшихъ памятникахъ. 1)

1) 1. Тяжело-вооруженный. 2. Пращникъ. 3. Легко-вооруженный. 4. Стрѣлокъ. 5. Боевая колесница. 6. Трубаць.

Побѣга Ефрема.

Глава XIX.

смотрѣвшись внимательно кругомъ, Иисусъ убѣдился, что на небѣ еще не стемнѣло, но если продержится поднявшійся съ моря сѣверный вѣтеръ, онъ нагонитъ тучи, которыя закроютъ мѣсяцъ.

Стало душно. Стража однако не смыкала глазъ и правильно смѣнялась. Трудно было обмануть ея бдительность. Но рядомъ съ ложемъ Ефрема, которое дядя его, для большаго удобства, устроилъ на легкомъ скатѣ холма, начиналось и шло къ долины узкое ущелье. Облитые луннымъ свѣтомъ, обнаженные края его бѣжали гипсомъ и сверкали жемчужными слюдами. Ущелье примыкало къ солончаковому болоту, окаймленному высокими хвощемъ и взерошеннымъ кустарникомъ. Еслибъ ловкому юношѣ удалось незамѣтно пробраться въ ущелье и затѣмъ сползти къ солончаку,—побѣга, особенно подъ прикрытіемъ тучъ, могъ бы удалиться.

Убѣдясь въ этомъ, Иисусъ такъ же хладнокровно, какъ еслибъ дѣло шло не о собственномъ спасеніи, а просто объ указаніи пути одному изъ воиновъ нѣкогда состоявшей подъ его начальствомъ тысячи, обудилъ, обудилъ ли бы и онъ, съ развязанными руками, послѣдовать за Ефремомъ, не подвергая опасности послѣдняго. Онъ принужденъ былъ сознаться, что нѣтъ. Стражникъ на вершинѣ холма, всего въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ, то сидѣлъ, то ходилъ взадъ и впередъ. Онъ, при свѣтѣ луны, легко могъ бы замѣтить усплія юноши освободить Иисуса отъ пути. Облако, которое въ этотъ мигъ набѣгло на мѣсяцъ, могло разсѣяться прежде чѣмъ юноша окончитъ эту работу. Такимъ образомъ Ефремъ подвергнулся опасности упустить, можетъ-быть единственную, удобную для побѣга минуту. Было бы преступно и достойно презрѣнія, ради невѣрной надежды на собственное избавленіе, преградить путь къ свободѣ тому, чьимъ естественнымъ покровителемъ онъ былъ. Иисусъ шепнулъ Ефрему:

— Мнѣ нельзя съ тобой бѣжать. Ты же сползи по ущелью къ солончаку. Какъ только тучи закроютъ мѣсяцъ, я капляну—и ты бѣги. Въ случаѣ удачи, сѣйни къ нашему народу. Клянися моему престарѣлому отцу; снеси ему мои увѣренія въ любви и преданности и увѣдомь его, куда меня ведутъ. Слушайся его и Маріамъ: ихъ совѣты лучшіе. Смотри, облако приближается къ мѣсяцу. Ни слова больше.

Но Ефремъ не унимался и все еще шепотомъ просилъ его протянуть къ нему связанные руки, чтобы онъ могъ ихъ развязать. Иисусъ приказалъ ему молчать. Стражникъ наверху вступилъ въ разговоръ съ другимъ, пришедшимъ къ нему на смѣну. Иисусъ закашлялъ, а потомъ напряженно, пританцъ дыханіе, съ сильно бьющимся сердцемъ сталъ прислушиваться.

Онъ уловилъ легкій шорохъ, а огонь, пылавшій на вершинѣ холма, разведенный и поддерживаемый стражей для удаленія дикихъ звѣрей, вспыхнувъ, показалъ ему опустѣвшее ложе Ефрема.

Онъ съ облегченіемъ перевелъ духъ: ущелье, безъ сомнѣнія, приняло юношу въ свои вѣдра. Но потомъ, какъ ни настаивалъ онъ ухо, чтобы уловить еще какой-нибудь звукъ, онъ ничего не слышалъ, кромѣ шаговъ и голоса стражника.

Смыслъ рѣчи послѣдняго, однако, для него пропалъ: все вниманіе его было поглощено бѣгломъ. Какъ проворно и осторожно должно-быть подвигался ловкій юноша! Но онъ еще не показывался изъ ущелья. Мѣсяцъ, тѣмъ временемъ, побѣдоносно боролся съ облакомъ. Его серебряный кругъ выглянулъ изъ-за скрывавшей его темной завѣсы, и трепетный столбъ свѣта заигралъ на неподвижной поверхности солончака. Иисусъ,

напряженно за всѣмъ слѣдившій, могъ теперь разглядѣть, что тамъ дѣлалось: но онъ не видѣлъ ничего, похожего на человѣческой образъ.

Не наткнулся-ли бѣглецъ въ ущельѣ на какое-нибудь препятствіе — на груды камней, или на пропасть, которая поглотила его? При этой мысли у Исуса замирало сердце.

Какъ жадно ловилъ онъ малѣйшій шорохъ со стороны ущелья! Ничего! Царившее тамъ безмолвіе ужасало его. Но вотъ... О, лучше бы это безмолвіе вовсе не нарушалось! Ночной воздухъ внезапно огласился грохотомъ падающихъ камней и шуршаніемъ обваливающейся земли. Когда мѣсяцъ снова выглянулъ изъ-за облачной завѣсы, Исусъ разглядѣлъ внизу, у болота, живое существо, которое можно было одинаково принять за звѣря и за человѣка: оно ползло на четверенькахъ. Вдругъ вода въ болотѣ всколыхнулась и разсыпалась блестящими. Что-то съ берега прыгнуло въ болото. Мѣсяцъ скрылся за новымъ облакомъ и все погрузилось во мракъ.

Съ трудомъ переводя духъ, Исусъ подумалъ, что то былъ Ефремъ. Юноша, во всякомъ случаѣ, уже успѣлъ намного опередить погоню, которая теперь, безъ сомнѣнія, будетъ за нимъ послана.

Стража дѣйствительно не дремала и не далась больше въ обманъ, когда Исусъ сдѣлалъ еще попытку отвлечь ея вниманіе, громко крикнувъ: „Шакалы!“ Раздался пронзительный свистъ, который мгновенно поднялъ на ноги всѣхъ спавшихъ. Минутъ спустя, приставъ съ горящей лучиной стоялъ надъ Исусомъ и тревожно заглядывалъ ему въ лицо. Увидя его на мѣстѣ, онъ вздохнулъ съ облегченіемъ. Не напрасно же онъ его передъ тѣмъ такъ крѣпко связалъ: убѣги именно этотъ узникъ — не сдобровать бы ему самому.

Пока приставъ осматривалъ веревки на рукахъ колодника, свѣтъ лучины упалъ на опустѣвшее ложе Ефрема. Тамъ, какъ бы въ насѣдникъ, еще валялись концы перегрызенныхъ веревокъ. Приставъ схватилъ ихъ, швырнулъ въ ноги Исусу, далъ пронзительный свистокъ и, что было мочи, крикнулъ:

— Бѣжалъ! Еврей! Курчавый малецъ!

Оставивъ въ покоѣ Исуса, онъ принялся сваривать погоню. Хриплымъ отъ гнѣва голосомъ раздавалъ онъ приказанія, которыми другіе молча и быстро повиновались.

Одни изъ стражниковъ торопливо собирали въ кучу, пересчитывали и связывали попарно колодниковъ. Другіе, съ начальникомъ во главѣ, спускали собакъ на слѣдъ бѣглеца и готовились сами за ними слѣдовать.

На глазахъ у Исуса, попятливый животный, обнюхавъ ложе и веревки Ефрема, со всѣхъ ногъ бросился въ ущелье. Съ трудомъ переводя дыханіе, видѣлъ онъ потомъ, какъ, пробежавъ довольно долго въ ущельѣ, онъ оттуда выскочилъ и пошелъ по направленію къ солончаку. Счастливая мысль внушила Ефрему не огибать болота по землѣ, а перебраться черезъ него въ бродѣ. На берегу собаки потеряли слѣдъ. Прошло нѣсколько минутъ, пока онъ, усердно нюхая землю, снова всталъ и впередъ около болота. Наконецъ раздался ихъ радостный лай: онъ опять началъ на слѣдъ. Но Исусъ уже не боялся худыхъ послѣдствій. Ефремъ конечно теперь уже настолько опередилъ погоню, что его можно было считать въ безопасности. Тѣмъ не менѣе у храброго вонва сильно билось сердце и время казалось ему безконечно длиннымъ, пока не вернулся приставъ — ни съ чѣмъ и въ полномъ занемогеніи.

Уже не молодыхъ лѣтъ, приставъ конечно не рассчитывалъ самъ словить быстроногаго юношу. Но въ погоню были посланы еще двое младшихъ, ловкихъ и проворныхъ стражниковъ. Самъ приставъ объявилъ о томъ со злою усмѣшкой.

Дотолъ добродушный, человѣкъ этотъ совсѣмъ измѣнился. Происшествіе это казалось ему нестерпимымъ позоромъ, несчастіемъ.

Колодникъ, пытавшійся обмануть стражу крикомъ: „Шакалы!“ конечно, помогалъ бѣглецу! Не мало проклятій выпало и на долю принца Ситаха, который ни съ того, ни съ сего вздумалъ вмѣшиваться въ чужія дѣла. Нѣтъ, онъ, приставъ, никогда больше этого не допустить и теперь вымести на узникахъ всѣ несправедливости, какія могутъ постигнуть его по милости Ефрема. Онъ приказалъ снова заковать преступниковъ попарно, и бывшаго военачальника соединилъ съ дряхлымъ старикомъ, который сильно кашлялъ. Кромѣ того, выстроивъ колодниковъ въ рядъ, онъ до зари заставилъ ихъ неподвижно стоять передъ огнемъ.

Исусъ не въ состояніи былъ отвѣчать на разспросы своего новаго товарища по цѣпи. Онъ съ тревогой ожидалъ возвращенія тѣхъ, которые еще продолжали погоню за Ефремомъ. Онъ возносился духомъ къ Богу, Который обѣщалъ ему Свою помощь. Онъ отдавалъ въ руки Всевышняго судьбу свою и убѣжавшаго юноши. Но молитва его часто прерывалась грубыми нападками пристава, вымещавшаго на немъ свою злобу.

Мужъ, нѣкогда стоявшій во главѣ тысячъ, переносилъ все молча. Онъ старался принимать сыпавшуюся на него брань, какъ неотвратимое зло, въ родѣ града или дождя. Но всего больше труда стоило ему скрыть радость, охватившую его, когда на зарѣ вернулись младшіе стражники, измученные, захваченные, со включенными волосами и съ пустыми ру-

ками — если не считать одной изъ собакъ, которую принесли съ раздробленнымъ черепомъ.

Приставу ничего больше не оставалось, какъ направиться къ ближайшей изъ крѣпостей на укрѣпленной линіи Эама, которая и безъ того лежала на пути колодниковъ, и заявивъ тамъ о случившемся.

Послѣ Ефремова побѣга, грубостямъ и жестокостямъ стражниковъ не было конца. Наканунѣ еще приставъ предоставлялъ несчастнымъ идти спокойнымъ, ровнымъ шагомъ; сегодня же заставляли ихъ пеносильно торопиться. Воздухъ былъ душный. Жгучіе лучи солнца боролись съ грозными тучами, которые тяжелыми клубами надвигались съ сѣвера.

Мощное тѣло Исуса, привыкшее къ разнаго рода тягостямъ и лишениямъ, безъ труда выносило муки ускоренной ходьбы. За-то слабый товарищъ его, послѣдившій за писцовыми книгами, то и дѣло выбывалъ изъ силъ и наконецъ совсѣмъ свалился.

Приставъ былъ вынужденъ посадить несчастнаго на 'осла и сковать Исуса съ другимъ преступникомъ. Этотъ новый товарищъ бывшаго военачальника оказался братомъ старика. Сильный и крѣпкій египтянинъ, онъ былъ осужденъ на каторгу за то только, что, по несчастной случайности состоялъ въ кровномъ родствѣ съ однимъ изъ государственныхъ преступниковъ.

Съ этимъ бодрымъ и свѣжимъ товарищемъ легче было идти. Исусъ съ участіемъ слушалъ его доверчивый шепотъ. Египтянинъ повѣрялъ ему свое горе, сѣтовалъ на разлуку съ женой и дѣтьми, которыхъ оставилъ въ нуждѣ и отчаяніи. Два сына умерли у него отъ моровой язвы, и онъ глубоко скорбѣлъ о томъ, что не успѣлъ похоронить ихъ какъ слѣдуетъ. Такимъ образомъ онъ терялъ своихъ любимцевъ не только въ жизни, но и въ вѣчности.

На второмъ привалѣ огорченный отецъ заговорилъ еще откровеннѣе. Душа его была переполнена жаждой мести. Онъ полагалъ, что то же чувство должно воодушевить и его товарища по несчастію, строгая, благородная наружность котораго обличала человѣка занимавшаго нѣкогда высокое положеніе. У бывшаго зрителя царскихъ конюшенъ была сличенца въ числѣ любимцевъ фараона. Отъ нея и отъ сестры ея, своей собственной жены, онъ слышалъ, что во „дворцѣ затворницъ“¹⁾ затѣвается противъ фараона заговоръ. Онъ даже знаетъ, кѣмъ именно хотятъ эти женщины замѣнить Менефту.

Когда же Исусъ недоверчиво и вопросительно посмотрѣлъ на него, зритель шепотомъ продолжалъ:

— Во главѣ заговора — племянникъ фараона, Ситахъ, и его высокопоставленная мать. Получивъ свободу, я и тебя не забуду. Меня же, конечно, не забудетъ моя свояченица.

Затѣмъ онъ пожелалъ узнать, что было причиною несчастія его товарища. Исусъ откровенно сказалъ ему, кто онъ. Египтянинъ внезапно воспласталъ негодованіемъ и сталъ проклинать судьбу, осудившую его на столь тѣсное товарищество съ евреемъ. Гнѣвъ его, однако, скоро стихъ, подавленный самообладаніемъ, съ какимъ этотъ еврей переносилъ всѣ испытанія. Исусъ же радъ былъ, что зритель царскихъ конюшенъ наконецъ оставилъ его въ покоѣ и пересталъ осаждать его жалобами и разспросами.

Теперь онъ дѣлами часами могъ безпрепятственно отдаваться собственнымъ мыслямъ. Онъ приводилъ въ порядокъ ощущенія и чувства, вызванныя въ немъ послѣдними событіями, и старался овладѣть собой и своимъ положеніемъ въ новыхъ, тяжелыхъ обстоятельствахъ, среди которыхъ очутился.

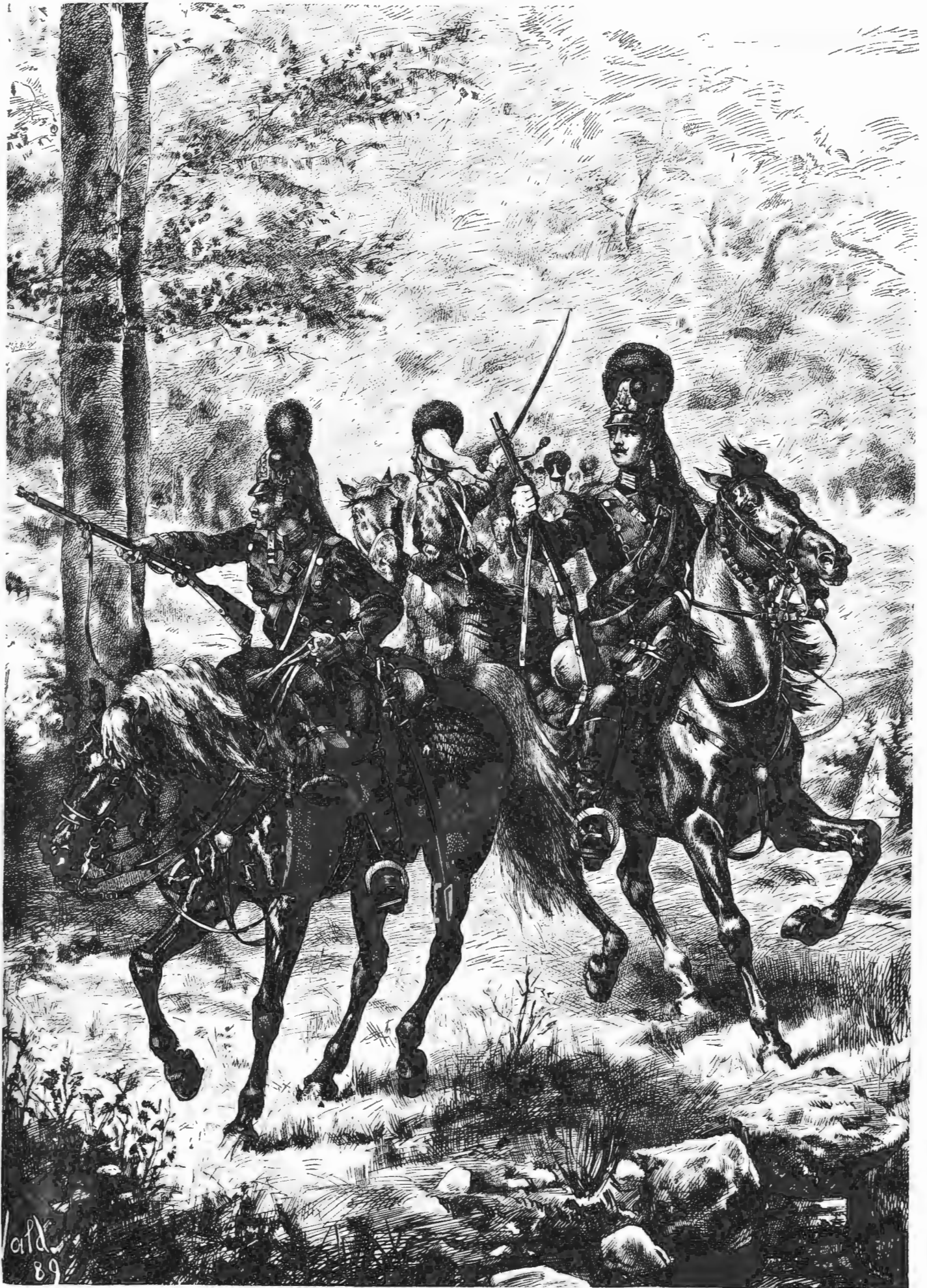
Спокойное размысленіе и углубленіе въ самого себя принесло ему пользу. Всю слѣдующую ночь онъ спалъ крѣпкимъ, освѣжающимъ сномъ.

Когда онъ проснулся, звѣзды еще слабо мерцали на небѣ. Ему невольно вспомнилась смоквинца въ Сохкоѣ. Онъ опять пережилъ то печальное утро, когда навсегда лишился своей возлюбленной — той, которая обратила его къ Богу и къ своему народу. Надъ нимъ разстилался свѣтлый небосклонъ, и никогда еще не ощущалъ Исусъ такъ ясно близости Всевышняго. Онъ думалъ о Его безконечномъ могуществѣ и въ немъ впервые зародилась надежда, что Всевышній Творецъ неба и земли, конечно, найдетъ способъ защитить Свой народъ отъ десятигисичной египетской рати.

Исусъ пламенно молилъ Господа, чтобы Онъ простеръ десницу Свою надъ безпомощнымъ народомъ, который, повинаясь Его волѣ, покинулъ свои пещера и съ вѣрою устремился въ неизвѣстную даль. Молился онъ и о престарѣломъ своемъ отцѣ, котораго не могла уже защищать сыновья рука. Молитва укрѣпила Исуса, и въ душѣ его водворился миръ.

Окликъ стражниковъ, злобный звукъ цѣпей, видъ несчастныхъ товарищей, все, что въ настоящее время окружало его, неизбежно должно было поддерживать въ немъ мысль объ ожидавшей его суровой долѣ. Онъ обреченъ отнынѣ на жизнь въ тѣсномъ, душномъ пространствѣ подъ землей, безъ воздуха и свѣта. Ему предстоитъ томиться голодомъ и жаждой, пережить оскорбленія и побои, влечить убійственно-однообраз-

¹⁾ Гаремъ высшихъ египетскихъ мусульманъ.

Русская армія. На маневрахъ. Конные гренaдeры на развѣдкѣ. Рис. А. Вальдъ, грав. Веберъ.
Библиотека "Руниверс"

ные дни и ночи. Ему грозила преждевременная старость въ цѣлѣхъ и подневольномъ трудѣ. И не смотря на все это, Иусуа ни на мигъ не покидала увѣренность, что страшная участь минуетъ его, что явится неожиданная случайность, которая спасетъ его.

Когда на разсвѣтѣ колодниковъ погнали дальше въ путь по направленію къ востоку, Иусуа видѣлъ всю несообразность своей увѣренности, но тѣмъ не менѣе ни за что не хотѣлъ съ ней расстаться.

Путь ихъ лежалъ черезъ пустыню. Нѣсколько часовъ быстрой ходьбы привели ихъ къ первой крѣпости, которая называлась Твердыней Сети. Въ прозрачномъ воздухѣ пустыни она уже давно казалась нмѣ всего на разстояніи полета стрѣлы.

На обнаженной каменисто-песчаной почвѣ, гдѣ не росло ни пальмы, ни кустика, обнесенная частоколомъ, грозно высилась эта крѣпость съ ея валомъ, откосной стѣной, бойнищцей, широкою, плоскою крышею, на которой толпились вооруженные воины. Сюда было дано знать изъ Пнѣома, что евреи хотѣли пробиться черезъ рядъ крѣпостей на перешейкѣ, и приближающейся отрядъ колодниковъ первоначально было принять за передовое отолченіе переселенцевъ. Но отвѣснымъ стѣнамъ крѣпости со всѣхъ сторонъ выдавались выступы, въ видѣ вышекъ, съ которыхъ не давали неприятелю во время приступа приблизить къ стѣнѣ осадныя лѣстницы. На этихъ выступахъ воины, изъ-за зубцовъ, высматривали приближающихся. На этотъ разъ они очевидно успокоились: стрѣлки, уже державшіе наготовѣ стрѣлы, вложили ихъ обратно въ козаны. Съ высоты башни успѣли замѣтить малочисленность приближавшагося отряда. Отъ послѣдняго отдѣлился посланный съ указомъ завѣдывающему оружейнымъ дворомъ фараона начальнику крѣпости; послѣдній уполномочивался дать своебодный пропускъ колодникамъ.

Предъ ними растворились ворота и ихъ впустили за частоколь, гдѣ пристава предоставилъ имъ расположиться для отдыха на расклеванныхъ илгачахъ, покрывавшихъ это пространство.

Побѣгъ отсюда былъ невозможенъ даже при ослабленномъ надзорѣ. Частоколь здѣсь былъ почти неприступенъ. Но еслибъ смѣльчаку и удалось черезъ него перелѣзть, онъ, все равно, сдѣлался бы жертвою метательныхъ снарядовъ, дѣйствіе которыхъ было бы немедленно противъ него направлено съ крѣпостной крыши и изъ-за зубцовъ, вѣнчавшихъ стѣнные выступы.

Отъ привычныхъ глазъ бывшего военачальника не ускользнуло, что въ крѣпости все было, какъ во время войны, готово къ оборонѣ. Всѣ воины были на своихъ мѣстахъ. У большаго мѣднаго щита на башнѣ сгояла стража, съ тяжелой напичей наготовѣ, чтобы ударить въ этотъ щитъ, въ случаѣ приближенія неприятелей. Вокругъ, насколько глазъ могъ видѣть, нигдѣ не было ни дерева, ни зданія, по гулу отъ ударовъ въ мѣдную доску доносился до ближайшей крѣпости на Эамской линіи и предупреждалъ ея отрядъ объ опасности или призывалъ на помощь.

Назначеніе на службу въ эту пустыню не считалось наказаніемъ, но было несчастіемъ, и военачальники обыкновенно заботились о томъ, чтобы не держать тамъ слишкомъ долго одиѣ и тѣ-же части войскъ.

Въ свое время Иусуа тоже завѣдывалъ одною изъ такихъ крѣпостей на крайнемъ югѣ, которая называлась Южнымъ Мигдоломъ. Всѣ отдѣльныя крѣпости этого рода носили название Мигдола, что на языкѣ семитовъ означаетъ крѣпостную башню.

Здѣсь все еще ожидали евреевъ. Нечего было и думать, чтобы Моисей повелъ народъ обратно въ Египетъ. Слѣдовательно, онъ или все еще оставался въ Сокхоѣ, или же двинулся дальше на югъ. Но тамъ было много соляныхъ озеръ и лежало Черное море—какъ могли тысячи евреевъ переправиться черезъ ихъ глубокія воды?

При этихъ мысляхъ сердце Иусуа болѣзненно сжималось: всѣ его опасенія должны были осуществиться. Онъ слышалъ, какъ начальникъ крѣпости сообщилъ приставу, что евреи нѣсколько дней тому назадъ уже подходили близко къ чергѣ укрѣпленій, но потомъ вдругъ, не приступая къ осадѣ, круто повернули на югъ. Должно полагать, что они съ тѣхъ поръ скитаются въ пустынѣ, между Пнѣомомъ и Чернымъ моремъ. Обо всемъ этомъ было доложено въ Танисъ, но царь приказалъ отложить выступленіе въ походъ египетскихъ войскъ до истеченія семи дней глубокой скорби по умершемъ на слѣдникѣ престола. Это могло быть на руку евреямъ. Но сегодня голубь принесъ письмо, съ извѣстіемъ, что ослѣпленные выходцы изъ Египта расположились лагеремъ у Пи-гахирова, по соседству съ Чернымъ моремъ. Такимъ образомъ египетскому войску не трудно будетъ ихъ, какъ стадо барановъ, загнать въ волны: всѣ другіе пути къ отступленію будутъ имъ отрезаны.

Приставъ съ удовольствіемъ слушалъ эти сообщенія. Онъ что-то шепнулъ на ухо начальнику крѣпости и указалъ пальцемъ на Иусуа. Послѣдній давно призналъ въ начальникѣ крѣпости одного изъ своихъ бывшихъ подчиненныхъ, сотника въ его тысячѣ, которому Иусуа не разъ оказывалъ благодѣянія. Теперь онъ, въ своемъ бѣдственномъ положеніи, вовсе не желалъ обращать на себя вниманіе чловѣка, который былъ ему многимъ обязанъ. По тотъ, при взглядѣ на своего бывшего военачальника, сильно покраснѣлъ и сдѣлалъ такое движеніе плечами, какъ будто-бы хотѣлъ выразить ему свое участіе, а въ то же время и свое безсиліе чѣмъ-нибудь помочь ему. Однако онъ сказалъ приставу такъ громко, что Иусуа могъ его слышать:

— Законъ воспрещаетъ вступать въ разговоры съ государственными преступниками, но я знаю этого чловѣка въ лучшіе дни, я велю подать тебѣ вина, а ты—прошу тебя—раздѣли его съ нимъ.

Онъ разговоривая подошелъ къ воротамъ. Приставъ замѣтилъ, что Иусуа меньше всѣхъ другихъ колодниковъ заслуживаетъ какого-либо снисхожденія: «вѣдь это онъ помогъ бѣжать молодому еврею!»

Начальникъ крѣпости провелъ рукой по волосамъ и сказалъ: — Мнѣ хотѣлось удружить ему, хотя онъ мнѣ еще кое-что долженъ. Но въ такомъ случаѣ обойдемся и безъ вина: вы здѣсь и такъ уже слишкомъ долго отдыхали!

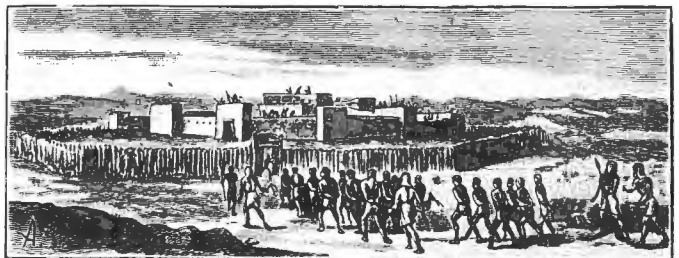
Приставъ съ досадою собралъ колодниковъ въ путь и погналъ ихъ дальше въ пустыню, по направленію къ рудникамъ.

На этотъ разъ Иусуа шелъ съ поникшею головой. Онъ возмущался противъ судьбы, которая удерживала его здѣсь въ цѣлѣхъ, въ то время какъ его народу и отцу грозила такая опасность. Подъ его водительствомъ, странники можетъ-быть еще и нашли-бы какой-нибудь выходъ. Онъ терзался тѣмъ что узлы тѣла мѣшали его духу подать помощь своимъ единокровнымъ. И все-таки онъ не хотѣлъ унывать. Онъ, правда, говорилъ себѣ, что все проиграно, что народъ его погибнетъ въ предстоящей борьбѣ. Но въ то же время, въ ушахъ его непрестанно звучало новое, самимъ Богомъ данное ему имя, а въ сердцѣ его все сильнѣе разгорались ненависть и презрѣніе ко всему египетскому. Въ послѣднія мгновенія гнѣвъ его еще больше былъ возбужденъ недостойнымъ поведеніемъ съ нимъ начальника крѣпости. Его охватило сильное возмущеніе. Приставъ, замѣтивъ его изысканія щеки и мрачный блескъ его глазъ, подумалъ, что и этотъ сплать не лишитъ лихорадки, которую уже страдали многіе изъ колодниковъ.

Когда жалкій отрядъ ихъ, съ наступленіемъ сумерокъ, остановился на ночлегъ въ пустынѣ, Иусуа съ трудомъ сдерживалъ свое волненіе. То, что теперь вокругъ него дѣлалось, вполне соответствовало настроенію его духа. Съ сѣвера, отъ моря, опять надвигались черныя тучи. Поднялся вѣтеръ. Порывы его, съ воемъ и свистомъ, вздымали клубы горячаго песка, который и осыпалъ расположившихся на покой колодниковъ. Внезапно сверкнула молнія, загрочоталъ громъ и на землю бѣшено хлынули потоки дождя.

Сначала толстые слои пыли служили покровомъ несчастнымъ, потомъ ложа ихъ превратилась въ пруды и озера. Стражники связали колодниковъ по рукамъ и ногамъ и, сами насквозь промокшіе и дрожащіе, придерживали ихъ еще за концы веревокъ. Ночь была черше углей на залитомъ ливнемъ кострѣ: въ случаѣ побѣга, въ этомъ мракѣ, не было возможности преслѣдовать бѣглеца.

Но Иусуа не помышлялъ о тайномъ побѣгѣ. Между тѣмъ какъ египтяне, при паденіи изъ тучъ ослѣпительнаго огня молній и при грохотѣ грома, принимаемомъ ими за голосъ Сета, трепетали и оглашали воздухъ стовами, онъ только ощущалъ близость разгнѣваннаго Бога и самъ раздѣлялъ Его гнѣвъ. Въ настоящемъ проявленіи Его всеокрушающаго могущества онъ видѣлъ знаменіе, и грудь его гордо вздымалась при мысли, что онъ призванъ служить мечомъ этому Сильнѣйшему изъ сильныхъ и Величайшему изъ великихъ.

Твердыня Сети.

(Продолженіе будетъ).

Къ рисункамъ.

Чудо какъ пристало!.. Вотъ ужъ именно къ лицу!..

(Рис. на стр. 177).

Кому изъ городскихъ обывателей мелкаго разбора не извѣст-

ны тѣ «правовѣрные» промышленники, которые въ каждомъ домѣ готовы скупить всякую старую рухлядь, равно и продать все содержимое своего необятнаго мѣшка? Пожилому

чиновнику найдется там такъ называемый бухарскій халатъ, женѣ его — дешевенкія шерстяныя матеріи всѣхъ цвѣтовъ, хотя торгуясь продавецъ обыкновенно убѣждаетъ покупателя: „ты не смотри ея цвѣтъ — ты нюхай ея краску!“ Для сельскихъ же красавицъ, забѣгающихъ въ городъ или основывающихся въ немъ на заработки, въ этомъ мѣшкѣ цѣлый магазинъ — поношеннаго, но самаго „моднаго“ платья и головныхъ уборовъ „последняго фасона“. Вотъ передъ нами одна изъ такихъ модницъ, остановивъ татарина, тутъ же на улицѣ примѣриваетъ полный „костюмъ“, къ неискуемому восторгу пожилой матеріи или тетки.

Литературный альбомъ. „Русалка“ Пушкина.

(Рис. на стр. 180).

Дифировское дно. Теремъ русалокъ, которыя только что оставили пляжу и рѣзвятся въ верхнихъ слояхъ воды, вокругъ своей царицы, бесѣдующей съ маленькою дочкой, русалочкой.

Русалка. послушай дочка, нынче на тебя
Надѣюсь я. Къ намъ на берегъ сегодня
Придетъ мужчина. Стереги его
И выдь ему на встрѣчу. Онъ намъ близокъ:
Онъ — твой отецъ.

Дочь. Тотъ самый что тебя!

Русалка. Покинулъ и на женинѣ женился?
Онъ самъ. Къ нему ибѣнѣ приласкайся
И расскажи все то, что отъ меня
Ты знаешь про свое рожденье, также
И про меня. И если спроситъ онъ:
Забудь-ль я его или нѣтъ — скажи,
Что все его я помню и люблю,
И жду къ себѣ. Ты поняла меня?

Дочь. О! поняла.

Русалка. Ступай же. (Одна) Съ той поры
Какъ бросилась безъ памяти я въ воду
Отчаянной и презрѣнной дѣвчонкой
И въ глубинѣ Дифира рѣки очулась
Русалкою холодной и могучей,
Прошло ужъ восемь долгихъ лѣтъ;
Я каждый день о мщеніи помышляю —
И нынѣ, кажется, мой часъ насталъ.

Лейбъ-гусарь и савояры (1813 г.). (Рис. на стр. 181).

Великая Отечественная война Двѣнадцатаго Года и наступившія за ней событія даютъ неисчерпаемый матеріалъ писателю и живописцу. Имъ уже не разъ пользовался, и всегда съ успѣхомъ, заслуженный профессоръ Императорской Академіи и членъ ея совѣта Богданъ Павловичъ Виллевалде. На страницахъ *Нивы* не разъ помѣщались гравюры съ его картинъ, относящихся къ великой эпохѣ русской исторіи. И въ настоящемъ номерѣ читатели найдутъ его картину, изображающую русскаго лейбъ-гусаря въ Парижѣ въ 1813 г. весело болтающаго съ маленькими савоярами, которые съ удивленіемъ смотрятъ на война пришедшаго откуда-то издалека.

Молитва. (Рис. на стр. 185).

Своды темные стараго храма...
Все здѣсь вѣетъ святой тишиной,
Въ блѣдномъ сумракѣ дымя опіями
Благовонною льется волной.
Межъ колоннъ уголокъ отдаленный...
Страстно молится дѣвушка въ немъ;
Взоръ ея глубоко умиленный
Загорается дивнымъ огнемъ.
Все ея существо молодое
Безмятежной полнѣ красоты, —
И хранятъ столько нѣги, покоя
Полудѣтскія эти черты.
Ей мірская не вѣдома битва:
Дышать кротостью эти уста —
И красавицы юной молитва
Такъ тиха, задумевна, чиста...
Внемяя нѣспіямъ торжественнымъ клира,
И безгрѣшнымъ блаженствомъ дыша,
Далеко отъ грѣховнаго міра
Унеслась молодая душа...
Вотъ лучъ солнца, и теплый, и ласкый
Въ уголокъ согревонный проникъ —
И какою улыбкой прекрасной
Озарился молящейся ликъ.
И душа ея въ эти мгновенья
Преисполнилась вся торжества, —
И она созерцаетъ въ забвеньи
Лучезарный чертогъ божества.

П. Б.—овъ.

Нищенствующіе цыгане. (Рис. на стр. 188).

Быстро мчатся кони, звонко побрякивая бубенцами, по свѣжымъ сугробамъ. Широко раскинулась поляна ровная, бѣлая, безлюдная... Только гдѣ-то вдаль клубится дымокъ у жалкаго шалаша кочующихъ цыганъ. Завидя приближеніе

проѣзжихъ, двое изъ нихъ, помоложе, со шляпами въ рукахъ, выскочили навстрѣчу, прося подать милостыню. Испуганные ихъ внезапнымъ появленіемъ, кони подхвятили и быстро понесли широкія розвальни по рыхлому снѣгу просторной поляны.

Турецкое разбойничье судно (ночерма) у береговъ Крыма осенью. (Рис. на стр. 189).

Мѣстности, омываемыя водами Чернаго моря, принадлежатъ къ самымъ богатымъ и цвѣтущимъ частямъ нашего обширнаго отечества; разнообразныя произведенія Черноморскаго побережья издавна служили приманкой хищникамъ, особенно при обширности береговой линіи и трудности надзора. Впрочемъ, случась нападенія въ послѣдніе годы, можно сказать, совѣмъ не знаютъ, и смѣлые налеты турецкихъ пиратовъ относятся болѣе къ прошедшему. Нашъ рисунокъ изображаетъ небольшое турецкое судно „кочерму“ у береговъ Крыма, промышляющее контрабандой, а при случаѣ готовое ограбить беззащитнаго и нерадиваго обитателя страны.

На маневрахъ. Конные гренадеры на развѣдкѣ. (Рис. на стр. 193).

Помѣщенная на стр. 193 гравюра съ рисунка А. Вальда бойко передаетъ сцену изъ жизни русскихъ войскъ на маневрахъ. Нѣсколько конныхъ гренадеровъ осторожно пробираются на развѣдкѣ въ чащѣ лѣса, выслѣживая непріятеля.

И. К. Яхонтовъ. (Портр. на стр. 196).

Въ прошломъ году, 22 марта, скончался старѣйшій въ русскомъ флотѣ протоіерей, настоятель Морскаго Никольскаго собора, Иванъ Константиновичъ Яхонтовъ. Въ лицѣ его пастырское служеніе особенно тѣсно соединилось со служеніемъ русской богословской науки и духовному просвѣщенію. Постоянно, въ продолженіе своего 45-лѣтняго священническаго служенія, слѣдя за движеніемъ богословской науки въ Россіи и направленіями ея на Западъ, онъ всѣ силы своего выдающагося ума и всю свою энергію прилагалъ къ тому, чтобы знакомить русскихъ людей съ послѣдними выводами этой науки и преимущественно со стороны ихъ жизненнаго смысла. Поэтому его духовно-литературная дѣятельность имѣла характеръ главнымъ образомъ публицистическій. Состоя съ 1862 по 1876 г. редакторомъ богословскаго журнала „Духовная Бесѣда“, онъ особенно энергично проводилъ въ своемъ журналѣ ту мысль, что всѣ добытые христіанскою богословскою наукою выводы должны быть принимаемы и усвоены русскимъ человѣкомъ въ строгомъ духѣ православія. Многочисленныя статьи церковно-историческаго, полемическаго и авологетическаго содержанія на страницахъ этого журнала, принадлежавшія перу самого редактора, представляютъ первую для того времени попытку изложенія нѣкоторыхъ церковно-историческихъ фактовъ и опроверженія анти-православныхъ мнѣній — въ популярной формѣ. Популярность изложенія отличаетъ и отдѣльно изданныя сочиненія И. К. Яхонтова, которыя, хотя не имѣютъ характера академической учености, тѣмъ не менѣе составляютъ довольно замѣтный вкладъ въ нашу духовную литературу и особенно полезны, по своему ясному, чуждому тенденціозности и строго систематическому изложенію предмета, для первоначальнаго ознакомленія съ нѣкоторыми изъ церковно-историческихъ и богословскихъ вопросовъ.

Не меньшаго вниманія заслуживаетъ и проповѣдническая дѣятельность И. К. Яхонтова. Не проходило въ жизни его нѣдѣи ни одного важнаго случая, который-бы не вызвалъ краснорѣчиваго слова со стороны ученаго пастыря, и оно было тѣмъ увлекательнѣе, что произносилось почти всегда въ видѣ импровизаціи. Сила убѣжденія и чувства отличала вообще всѣ его проповѣди, изъ которыхъ весьма многія помѣщены въ его „Собраніи духовно-литературныхъ трудовъ“ (т. I).

Въ нравственномъ отношеніи свѣтлая личность И. К. Яхонтова произвела обаяніе на всякаго, кто имѣлъ случай близко узнать его. Безхитростная прямота и правдивость, простота жизни и готовность нуждающемуся въ чемъ-либо оказать посильную помощь — отличительныя черты покойнаго. Характерную черту въ его жизни составляла также особенная любовь къ русской святынѣ, побуждавшая его предпринимать весьма частыя отдаленныя путешествія къ Св. мѣстамъ.

По происхожденію, первоначальному воспитанію и образованію И. К. Яхонтовъ принадлежалъ Симбирской губерніи. Сынъ сельскаго священника, онъ началъ свое образованіе въ Алатырскомъ духовномъ училищѣ, откуда въ 1834 г. поступилъ въ Каванскую духовную семинарію. Здѣсь Яхонтовъ особенное вниманіе обратилъ на изученіе новыхъ языковъ (франц. и нѣмец.) и, благодаря терпѣливой самодѣятельности, достигъ такихъ блестящихъ результатовъ, что, оставаясь ученикомъ, онъ въ то же время, по порученію семинарскаго начальства, два года былъ лекторомъ новыхъ языковъ въ семинаріи. Какъ лучший и даровитѣйшій ученикъ, еще за годъ до окончанія курса онъ отравленъ былъ семинаріею въ С.-Петербургскую Духовную Академію, гдѣ окончилъ курсъ въ 1838 г. со степенью магистра богословія. По выходѣ изъ Академіи, Яхонтовъ рѣшилъ посвятить себя па-

стырскому служению, и первым местом такого служения его была церковь Св. Екатерины (въ Екатерингофѣ). Въ 1854 г. Яхонтовъ назначенъ былъ священникомъ и законоучителемъ Смольнаго института. Это призваніе Яхонтова къ дѣятельности педагогической дало ему возможность примѣнить къ дѣлу свои богословскія познанія.

Состоя законоучителемъ въ Смольномъ институтѣ, Яхонтовъ назначенъ былъ членомъ Высочайше учрежденнаго комитета для изданія краткихъ и дешевыхъ духовно-правственныхъ книгъ, членомъ Духовной консисторіи, конференціи Дух. Академіи и Спб. комитета духовной цензуры.

Особенно широкая просвѣтительная дѣятельность Яхонтова началась со времени назначенія его — уже въ санѣ протоіерея — настоятелемъ церкви Св. Іоанна Предтечи, что въ Ямской (въ 1860 г.). Принявъ на себя со слѣдующаго года редактированіе журнала *Духовная Бесѣда*, Яхонтовъ со всей энергіей отдался дѣлу духовнаго просвѣщенія. Интересъ къ этому дѣлу сохранился у него до самой послѣдней минуты жизни. Занявъ съ 1874 г. мѣсто настоятеля Морскаго Никольскаго собора и чрезъ два года прекративъ изданіе *Духовной Бесѣды*, онъ и теперь свободное отъ занятій время проводилъ преимущественно среди прежнихъ друзей — книгъ, въ своемъ кабинетѣ, представлявшемъ весьма значительную (до 3,000 названій) и цѣнную библиотеку. Въѣздъ съ тѣмъ Яхонтовъ не оставлялъ и дѣятельности общественной.

Смерть постигла И. К. Яхонтова совершенно неожиданно: онъ умеръ отъ разрыва сердца и погребенъ на Волковомъ кладбищѣ.

Заключеніе герцога Орлеанскаго въ Парижскую тюрьму Консьержери.

(Портр. и рис. на этой стр.).

Читателямъ *Нивы* извѣстенъ уже арестъ герцога Филиппа Орлеанскаго. Вотъ нѣкоторыя подробности этого происшествія.

Принцъ Луи-Филипп-Робертъ, старшій сынъ графа Парижскаго, нынѣшняго главы французскаго королевскаго дома (Maison Royale de France), родился 6-го февраля 1869 года и носитъ титулъ герцога Орлеанскаго.

Герцогъ Луи-Филиппъ Орлеанскій.
Съ фот. грав. Шюблеръ.

Молодой претендентъ на французскій престолъ, достигнувъ совершеннолѣтія (21 года), пожелалъ вступить въ ряды французской арміи и для того, чтобы безпрепятственно добраться до Парижа, просилъ одного изъ своихъ друзей, герцога де-Люинь, зятя герцогини д'Юзесъ, чтобы тотъ пріѣхалъ за нимъ въ Лозанну, гдѣ герцогъ Орлеанскій изучалъ военное дѣло. Герцогъ де-Люинь привезъ принца нѣкоторыя принадлежности грима и платье англійскаго фасона для переодеванья, а на другой день оба прибыли въ Парижъ и остановились въ отелѣ герцогини де-Люинь. Послѣ извѣстныхъ неудачныхъ попытокъ въ рекрутскомъ присутствіи и въ мэріи VII округа, принцъ

Протоіерей Иванъ Константиновичъ Яхонтовъ. † 22 марта 1889 г.
Съ фот. Шапиро, грав. Шюблеръ.

который, во исполненіе закона 22 (10) іюня 1886 г., рѣшился дать приказъ объ арестованіи герцога.

Полицейскій комиссаръ Клеманъ, явившись въ отелъ герцогини де-Люинь, былъ введенъ въ небольшую гостиную, гдѣ засталъ двухъ молодыхъ людей, собиравшихся на званый обѣдъ. Г. Клеманъ разстегнулъ сюртукъ и показалъ свой форменный шарфъ.

— *Господинъ д'Орлеанъ?* проговорилъ онъ вопросительно.

Одинъ изъ молодыхъ людей подошелъ къ нему и спокойно отвѣтилъ:

— Это я, сударь.

написалъ слѣдующее письмо военному министру:

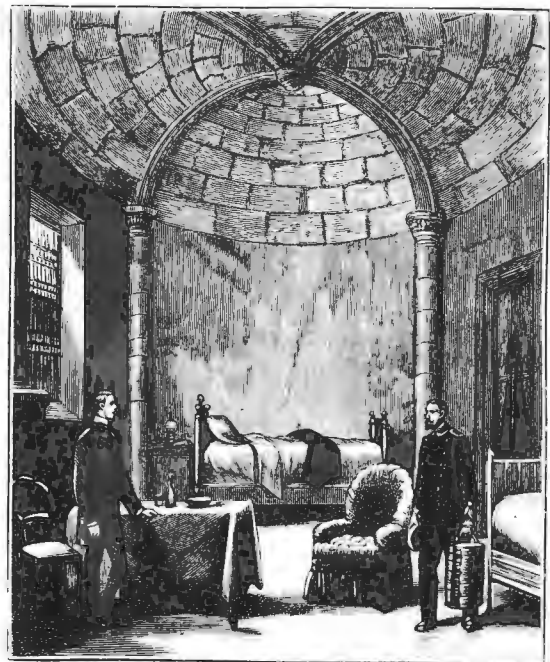
„Г. министръ, — я сегодня являлся въ Сенское бюро рекрутскаго присутствія, чтобы внести свое имя въ рекрутскіе списки и затѣмъ отбыть три года службы, какъ подобаешь каждому честному французу. Изъ рекрутскаго присутствія меня отослали, впрочемъ, весьма вѣжливо, въ мэрію, а оттуда въ военное министерство. Я не могъ добиться никакаго рѣшенія. Поэтому обращаюсь къ вамъ. Я вовсе не намѣренъ, затыкая мое пребываніе въ Парижѣ, подавать поводъ къ демонстраціямъ. Мнѣ извѣстно, что по исключительному закону я не могу получить никакаго чина во французской арміи, но я думаю, г. министръ, что и этотъ законъ не воспрещаетъ мнѣ служить просто солдатомъ.“

„Вотъ великая честь, которой я добиваюсь, ожидая на этотъ запросъ возможно сраго отвѣта отъ вашей справедливости и вашего патриотизма.“

„Прошу васъ, г. министръ, принять увѣреніе въ высокомъ уваженіи“

Филиппъ, герцогъ Орлеанскій“.

Г. Фрейсине (военный министръ) тотчасъ увѣдомилъ о происшедшемъ министра внутреннихъ дѣлъ, г. Констанана, 22 (10) іюня 1886 г., рѣшился

Помѣщеніе герцога Орлеанскаго въ тюрьмѣ Консьержери.

— Я—Клеманъ, полицейскій комиссаръ. Вы, конечно, знаете зачѣмъ я здѣсь?

— Не совсѣмъ.

— Вамъ извѣстно, что вы нарушили статью I закона 23 іюня 1886 г.? Приглашаю васъ отправиться со мною къ г. полицейскому префекту.

— Хорошо, я слѣдую за вами.

Эти слова принцъ пропелъ улыбаясь.

Герцогъ де-Люинъ просилъ позволенія сопровождать принца. Все трое отправились въ полицейскую префектуру, гдѣ г. Лозе принялъ принца въ своемъ кабинетѣ при г. Клеманѣ. Герцогъ дождался въ приемной.

— Вы дѣйствительно *господинъ* Луи-Филиппъ д'Орлеанъ?

— Да, сударь.

— Знаете-ли вы, что вы нарушили законъ, воспрещающій вамъ пребываніе на французской территоріи?

— Знаю.

— У меня есть точныя предписанія на этотъ счетъ.

— Какія?

— Мнѣ приказано отправить васъ въ Консьержери, гдѣ вы будете ожидать дальнѣйшихъ постановленій.

Г. Клеманъ съ двумя полицейскими немедленно отвезъ принца въ Консьержери, куда послѣдоваль и герцогъ де-Люинъ. Полицейскій префектъ не хотѣлъ помѣстить принца въ такъ-называемую „общую тюрьму“ или Дено, куда отправляются все арестованные тотчасъ послѣ ареста, и потому отдалъ приказъ заключить принца въ Консьержери. Камера принца находится рядомъ съ помѣщеніемъ директора тюрьмы. Ее даже нельзя назвать камерой, такъ какъ это кабинетъ председателя суда, въ которомъ онъ допрашиваетъ обвиняемыхъ наканунѣ суда. Нашъ рисунокъ изображаетъ принца въ этомъ помѣщеніи въ то время, когда сторожъ приноситъ ему обѣдъ.

Португальскій путешественникъ Серпа Пинто.

(Портр. на этой стр.).

Александръ Альбертъ да-ла-Роке де-Серпа Пинто, виновникъ недавняго столкновенія португальцевъ съ англичанами въ Средней Африкѣ, родился 20 (8) апрѣля 1846 г. въ замкѣ Польхрасъ-на-Дуро въ Португаліи, воспитывался въ Америкѣ, куда отецъ его переселился въ 1848 году, въ 1858 году вернулся въ Португалію. до 1864 г. учился въ Лисабонской военной школѣ и поступилъ поручикомъ въ пѣхоту. Отправленный въ Мозамбикъ, онъ тамъ совершилъ нѣсколько путешествій и въ чинѣ майора былъ назначенъ начальникомъ одной изъ снаряженныхъ португальцами экспедицій. Изъ Бенгуэлы онъ отправился чрезъ Квиленгесъ и Нголу въ Биге, откуда, разставшись со своими спутниками, Капелло и Ивенсомъ, направившимся къ сѣверу, пошелъ далѣе вдоль Кубанго и изслѣдовалъ притоки верховьевъ Замбези. Здѣсь, по его словамъ, онъ открылъ бѣлое племя Кассеквере. Отъ Куандо онъ достигъ Дялуи на лѣвомъ берегу Замбези, гдѣ хотя и отбилъ нападеніе чернокожихъ племени Марутсе-Мамбунда, но за то все его послышки разбѣжались. Затѣмъ онъ двинулся къ югу, къ водопадамъ Викторіи, и насчиталъ на этомъ протяженіи Замбези 37 пороговъ; потомъ черезъ Шошонгъ и Преторію прибылъ 16 (4) марта 1879 г. въ Адень, откуда вернулся въ Евро-

пу. Описаніе его путешествія издано на многихъ европейскихъ языкахъ. Новую экспедицію для изслѣдованія области на западъ отъ Ниссы и на югъ отъ Бангвелло до Лоангве, предпринялъ онъ въ 1885 году вмѣстѣ съ Кардосо, офицеромъ португальскаго флота, однимъ англичаниномъ-фотографомъ, 250 послышцами и конвоемъ изъ 800 вооруженныхъ негровъ изъ Ингамбана. Болѣзнь вынудила его передать начальство Кардосо; еще кое-какія неудачи постигли экспедицію, но тѣмъ не менѣе она установила путь изъ Мозамбика въ Ибо, оттуда до Блантира и назадь до устья Замбези.

Недавно майоръ Серпа-Пинто отправился къ устью рѣки Шире, притока Замбези, въ землю племени малококосовъ. Мѣстность эту нѣкогда посѣтилъ Ливингстонъ, и съ того времени англичане считаютъ ее подъ своимъ покровительствомъ. Появленіе отважнаго португальскаго путешественника не укрылось отъ вниманія зоркаго ока храбрыхъ мореплавателей, постигнувшихъ водрузить англійскій флагъ на пути Серпа-Пинто, считавшаго проходимою имъ страну свободною и независимою. Поведеніе англичанъ возмутило изслѣдователя и онъ свергнулъ англійское знамя. Такое якобы неуваженіе къ англійскимъ интересамъ вызвало извѣстное нашимъ читателямъ изъ „политическаго обозрѣнія“ столкновеніе между Англійей и Португаліей, до сихъ поръ еще не пришедшее къ полюбовному разрѣшенію.

Графъ Юлій Андраши. (Портр. на стр. 200).

Телеграфъ принесъ извѣстіе о смерти графа Гулаи (Юлія) Андраши, бывшаго съ 1871 по 1879 министромъ-президентомъ и руководителемъ австро-венгерской политики. Андраши родился въ 1823 г. въ Землинѣ, по окончаніи университетскаго курса путешествовалъ по Европѣ, въ 1847—48 г. былъ депутатомъ рейхстага отъ Землинскаго компата и приобрѣлъ славу краснорѣчиваго оратора и писателя. Вслѣдствіе участія въ венгерскомъ восстаніи 1847—48 года, Андраши былъ въ 1850 г. заочно приговоренъ къ смерти на висѣлицѣ и изображеніе его было повѣшено въ 1852 г. Амнистированный по просьбѣ о помилованіи, онъ вернулся въ отечество, снова сталъ оберъ-геншпаномъ въ Землинѣ и примкнулъ къ партіи Деака. Въ 1867 г. сдѣлавъ министромъ-президентомъ венгерскаго кабинета, а въ 1871 году, по паденіи Бейста, занялъ его мѣсто—канцлера Австро-Венгрии. Андраши всю жизнь былъ непримиримымъ врагомъ Россіи, сильно содѣйствовалъ созванію Берлинскаго конгресса, былъ на немъ главнымъ уполномоченнымъ Австро-Венгрии, добился оккупации Босніи и Герцеговины австрійскими войсками. Жертвы людьми и деньгами, которыхъ потребовала эта оккупация, возбудили противъ него общее неудовольствіе и въ октябрѣ 1879 года онъ вынужденъ былъ выйти въ отставку, но остался до конца жизни однимъ изъ самыхъ близкихъ совѣтниковъ императора.

Португалецъ Серпа Пинто, африканскій путешественникъ.

Урожай 1889 года, по данным временника Центрального Статистического Комитета Министерства Внутренних Дѣлъ.

Во всякой странѣ количество производимаго ею хлѣба — прямо или косвенно влѣяетъ на общее благосостояніе населенія; а потому понятно, что вопросъ о томъ, каковъ урожай хлѣба въ государствѣ въ тотъ или другой годъ, является однимъ изъ самыхъ важныхъ для правительства. Обыкновенно такого рода вопросы интересуются лишь правительственные учрежденія, да развѣ сами хлѣбопроизводители и хлѣботорговцы: скучно, массы цифръ, да цифръ. Общество и удовлетворяющая его требованія печать относится къ такимъ предметамъ болѣе или менѣе поверхностно; да и то безъ цифръ. Газеты печатаютъ себѣ, что виды на урожай, въ такой-то и такой-то мѣстности, хорошие или дурные, благоприятныя или неблагоприятныя, что урожай тутъ плохъ, а тамъ хорошъ и... этого достаточно.

Въ послѣдніе годы, однако, вопросъ о нашемъ хлѣбѣ и его урожаѣ пріобрѣлъ и для общества весьма серьезное и, если угодно, временами, острое значеніе. Съ одной стороны — извѣстный хлѣбный кризисъ, съ другой — весьма знаменательное положеніе, занятое Министерствомъ Финансовъ по отношенію къ хлѣбному дѣлу и т. п., расширили кругъ интересующихся дѣломъ и потребовали для сужденій болѣе близкаго ознакомленія и съ цифрами.

Предлагая, въ первый разъ, нашимъ читателямъ данныя объ урожаѣ хлѣбовъ, въ прошломъ году, мы сообщаемъ ихъ въ цифрахъ и графически, и пользуемся для этого только что вышедшимъ

№ 15 *Временника Центрально Статистическаго Комитета Министерства Внутреннихъ Дѣлъ*. Въ виду того, однако, что, вѣроятно, многимъ изъ нашихъ читателей, какъ ходъ статистическихъ работъ подобнаго рода, такъ равно и рабочая организація Центрально Статистическаго Комитета не вполне извѣстна — считаемъ возможнымъ предпослать нѣсколько общихъ замѣчаній по этому предмету.

Основой полученія свѣдѣній объ урожаѣ служатъ вопросный листокъ. На вопросномъ листкѣ землевладѣльцы и крестьяне даютъ свѣдѣнія: о количествѣ посѣвовъ каждаго хлѣба, количествѣ собраннаго зерна и соломы и вѣсѣ четверти зерна (ибо, какъ извѣстно, одинъ и тотъ же хлѣбъ, въ одной и той же мѣстности, бываетъ разнаго вѣса). Такихъ листковъ отъ каждой волости требуется по 12: по шести отъ крестьянъ и по шести отъ землевладѣльцевъ. Полагая примѣрно по 25 волостей на уѣздъ, при 585 уѣздахъ, въ 50 губерніяхъ Европейской Россіи и 10 въ Привислинскомъ краѣ, получимъ до 180,000 листковъ.

Въ предѣлахъ губерній, листки сгружаются Губернскими Статистическими Комитетами и, безо всякой разработки, передаются центральному учрежденію, то есть, Центральному Статистическому Комитету.

На обработку этого матеріала, комитету приходится выступать съ весьма незначительными собственными силами, по съ сильнымъ контингентомъ, такъ называемыхъ, вольныхъ рабочихъ.

Этому-то составу и предстоитъ превратить сырой матеріалъ первоначальныхъ свѣдѣній въ систематическую и удоб-

ную для разумѣнія картину и, притомъ, въ возможно короткій промежутокъ времени.

Работа по каждому роду хлѣба состоитъ сначала въ выводѣ волостныхъ среднихъ, потомъ изъ нихъ среднихъ уѣздныхъ цифръ для: посѣва, урожая зерна и урожая соломы.

Эти послѣднія среднія вмѣстѣ съ данными о площадяхъ земли, занятыхъ тѣмъ или другимъ хлѣбомъ (въ распределеніи земли по угодьямъ и посѣвамъ, изданія Центрально Статистическаго Комитета), служатъ для опредѣленія количества всего высѣяннаго и собраннаго зерна и собранной соломы, по губерніямъ. Затѣмъ уже, вычисленіе относительныхъ данныхъ и другихъ среднихъ цифръ является естественнымъ послѣдствіемъ исполненной работы.

Строго говоря, разработка данныхъ урожая, по существу, хотя

и требуетъ большой затраты рабочиыхъ силъ и труда, не представлялась бы въ производствѣ особенно сложною, если бы она не осложнялась иногда даже до ненормальной степени, сломъ и рядомъ, небрежностью лицъ, дающихъ свѣдѣнія. Въ листкахъ обыкновенно не различаютъ разнородныхъ единицъ земли (казенная десятина — 2,400 кв. саж., экономическая — 3,200 кв. саж. — хозяйственная — 3,600 кв. саж., круги, загоны и т. п., которые въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ нужно приводить къ величинѣ казенной десятины); написанныя наобумъ цифры; подчасъ, вмѣсто цифръ, нигде ненужныя пометки, какъ на техническомъ

языкѣ рабочихъ, называются всякія не идущія къ дѣлу разглагольствованія;—вообще все это, вмѣстѣ и въ частности, крайне затрудняетъ разработку матеріала.

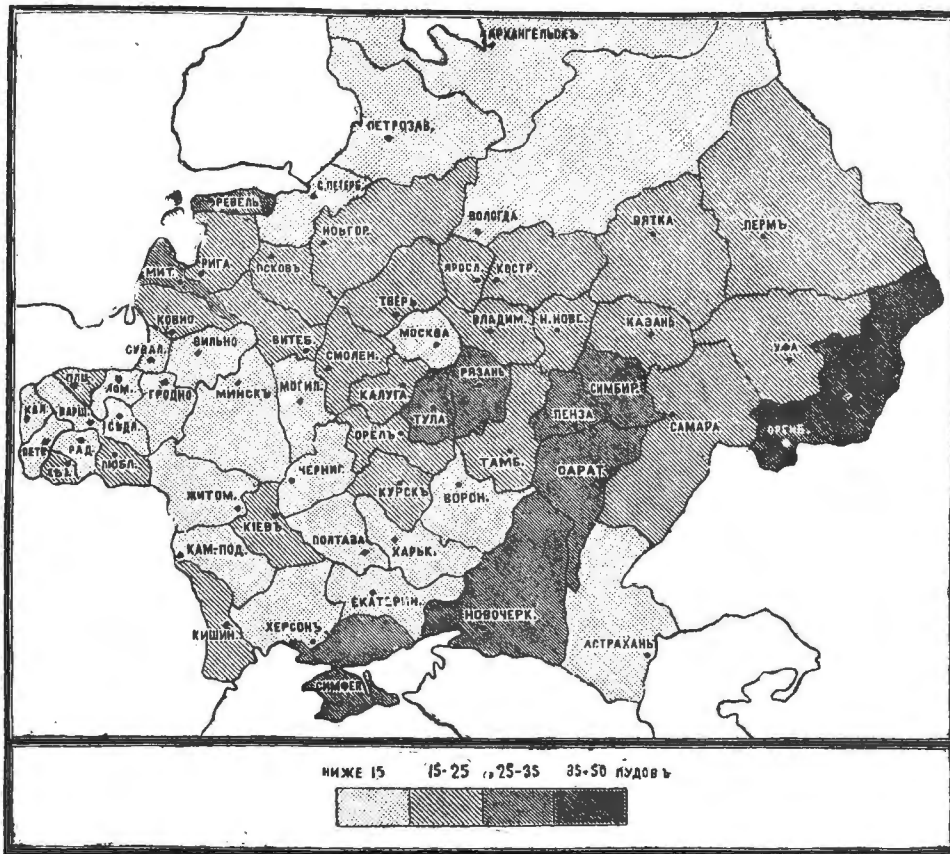
Въ силу этого, стыдно бываетъ слушать то самодовольное и задорное хвастовство порчею статистическихъ свѣдѣній, которое высказывается иногда нѣкоторыми Митрофанами нашей „интеллигенціи“; вѣдь имъ, бѣднымъ, и въ голову не приходитъ, что они своею развязностью сводятъ рублевой (въ день) заработокъ вольнаго рабочаго на тридцать, а иногда даже и на двадцать копѣекъ; портятъ кровь тѣмъ, кому вѣдать приходится, да сверхъ того, даютъ возможность правительству и обществу воспользоваться результатами работъ значительно позже того времени, когда она действительно нужна.

Въ настоящемъ году, однако, Центральный Статистическій Комитетъ — вообще въ послѣднее время, лѣтъ за 5—7, обнаруживающей энергическую дѣятельность, — намеренъ какъ выйти изъ необходимости выпускать свѣдѣнія объ урожаѣ даннаго года лишь въ мартѣ или апрѣлѣ слѣдующаго года, выпустивъ въ *Временникъ* № 15 лишь общіе результаты разработанныхъ данныхъ объ урожаѣ.

Этотъ *Временникъ*, конечно, даетъ возможность дожидаться подробностей относительно урожая, хотя бы и до апрѣля, ибо свѣдѣнія имъ представленныя являются совершенно достаточными для общихъ соображеній и даютъ достаточно полную картину урожая въ имперіи по губерніямъ.

Самыя важныя черты ея мы и предлагаемъ читателямъ.

Изъ общаго количества 260,884,100 четвертей собраннаго

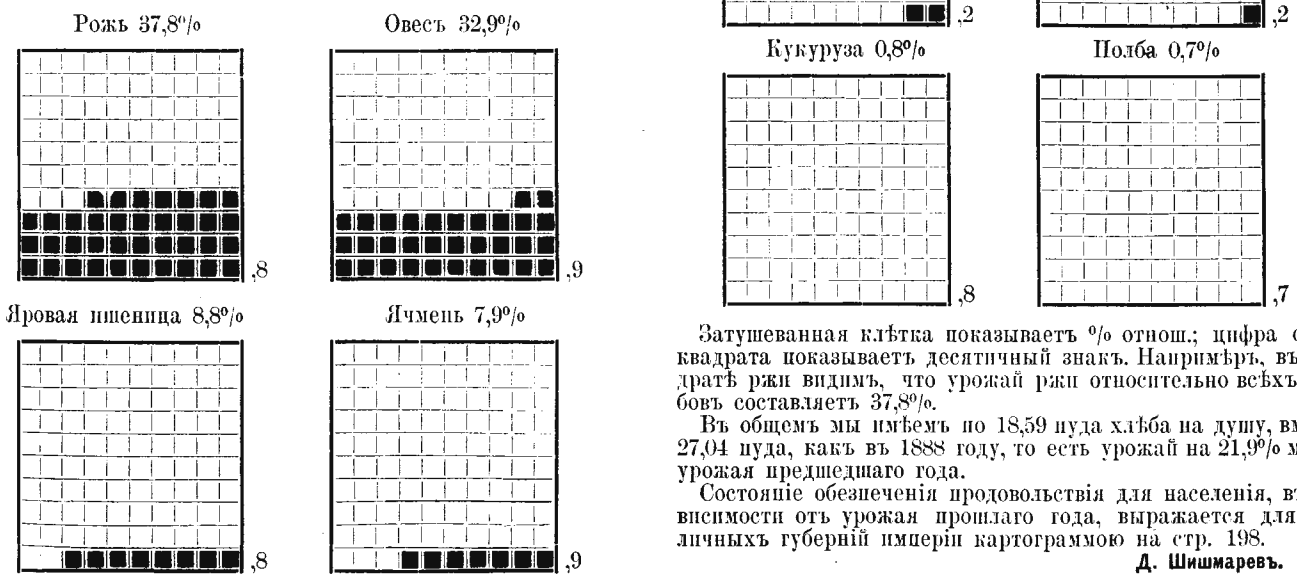

Остатокъ всѣхъ хлѣбовъ (безъ картофеля) на 1 душу сельскаго населенія (об. пола) за 1889 г., по губерніямъ (въ пудахъ). Составлена картографомъ А. П. Петровскимъ.

хлѣба (на 73.351,300 четвертей менѣе сравнительно съ 1888 г. или иначе на 78,1%) приходится на долю:

	В С Е Г О.	На душу обо- его пола.	Въ 1888 г. было.	Сравнит. съ 1888 г.
Ржи	98.899,700 четв.	8,22 п.	11,42 п.	78,1%
Озим. пшен. . .	8.668,600 "	0,74 "	2,50 "	41,4%
Яров. пшен. . .	22.986,200 "	2,01 "	3,13 "	73,9%
Овса	85.806,600 "	4,27 "	5,11 "	88,3%
Ячменя	20.723,000 "	1,48 "	2,31 "	72,9%
Полбы	1.721,000 "	0,10 "	0,10 "	112,6%
Гречихи	11.454,400 "	0,67 "	0,68 "	102,2%
Проса	5.774,600 "	0,62 "	1,07 "	61,7%
Кукурузы	1.912,900 "	0,23 "	0,45 "	54,4%
Гороха	2.938,200 "	0,26 "	0,44 "	69,0%
Всего	260.884.100 "	18,59 "	27,04 "	78,1%

Представляя, для наглядности, это въ графическихъ изображеніяхъ (%) наборныхъ диаграммахъ съ десят. знакомъ; диаграмма директора Центрального Статистическаго Комитета Н. А. Тройницкаго и старшаго редактора Комитета В. Д. Аленидина, будемъ имѣть (%):

Затусеванная клетка показываетъ % отнош.; цифра около квадрата показываетъ десятичный знакъ. Напримѣръ, въ квадратѣ ржи видимъ, что урожаю ржи относительно всѣхъ хлѣбовъ составляетъ 37,8%.

Въ общемъ мы имѣемъ по 18,59 пуда хлѣба на душу, вмѣсто 27,04 пуда, какъ въ 1888 году, то есть урожаю на 21,9% менѣе урожаю предшедшаго года.

Состояніе обезпеченія продовольствія для населенія, въ зависимости отъ урожая прошлаго года, выражается для различныхъ губерній имперіи картограммою на стр. 198.

Д. Шишмаревъ.

Политическое обозрѣніе.

Осужденіе герцога Орлеанскаго, самовольно возвратившагося во Францію, продолжаетъ оставаться злобою дня; многихъ интересуетъ, какъ выпутается министерство изъ настоящаго положенія, которое становится еще болѣе запутаннымъ въ виду роялистскихъ манифестацій и нежеланія герцога со своей стороны просить о помилованіи. Тѣмъ не менѣе полагаютъ, что президентъ помилуетъ принца по истеченіи извѣстнаго времени. Послѣ осужденія герцога Орлеанскій подчиненъ въ тюрьмѣ одинаковому съ прочими арестантами обращенію, за исключеніемъ пищи. Посѣщать его разрѣшено, но его просить, лишь восемнадцати лицамъ, изъ коихъ семеро — родственники. Впрочемъ, изъ числа ихъ герцогъ де-Люнь, присутствовавшій на „уиншѣ“, данномъ студентами-орлеанстами, исключенъ изъ списка лицъ, которымъ разрѣшено посѣщать герцога Орлеанскаго въ заточеніи. По истеченіи установленнаго для подачи апелляціонной просьбы десятидневнаго срока, онъ будетъ, вѣроятно, переведенъ въ Лаосскую тюрьму, въ Сѣверномъ департаментѣ. Не мало хлопотъ правительству причиняютъ также результаты перебаллотировокъ. Въ Парижѣ 4 февраля происходили выборы шести депутатовъ Сенскаго департамента взамиѣнъ неутвержденныхъ палатою буланжистскихъ кандидатовъ, причемъ пять изъ нихъ были вновь избраны, въ томъ числѣ Лоръ, получившій 10,191 голосовъ противъ 4,953 голосовъ поданныхъ за Лессагаре, и Беллевалъ, получившій 11,022 голоса противъ 9,829 голосовъ, поданныхъ за Гоблэ. Накъ остался на баллотировкѣ, какъ получившій 3,840 голосовъ, т. е. менѣе, чѣмъ оба его противника вмѣстѣ; изъ которыхъ кандидатъ Бурневиль получилъ 2,575 голосовъ, а кандидатъ опортунистовъ Деломбръ — 1,761 голосъ. Избирателей явилось меньше чѣмъ на послѣдніе выборы и безпорядковъ не было. Это избраніе вновь пяти буланжистскихъ депутатовъ въ департаментѣ Сены равносильно чувствительному удару правительству, авторитетъ котораго, повидимому, уменьшится въ палатѣ.

Пока западно-европейскія правительства придуть къ соглашенію о принятіи участія въ конференціи по рабочему вопросу и эта конференція состоится, Пруссія уже приступила къ разработкѣ его. 2 февраля, прусскій государственный со-

вѣтъ былъ открытъ рѣчью императора, въ которой указано на серьезность и отвѣтственность предстоящей совѣту задачи. „Охраненіе противъ произвольной и безпредѣльной эксплуатаціи рабочей силы — сказать, между прочимъ, императоръ — работа дѣтей, подлежащая ограниченію, положеніе женщинъ, — все это можетъ быть улучшено и упорядочено. При этомъ слѣдуетъ обсудить, насколько промышленность можетъ вынести увеличеніе издержекъ производства, не терпя ущерба на всемирномъ рынкѣ. Не менѣе важнымъ является учрежденіе представительства отъ рабочихъ. Рядомъ съ государствомъ, должны также школа и церковь оставаться обширнымъ полемъ благотворной дѣятельности“. Для обсужденія законопроектовъ, которые будутъ немедленно внесены въ государственный совѣтъ, императоръ назначаетъ отдѣленія по торговлѣ и ремесламъ и по дѣламъ внутренняго управленія; въ эти отдѣленія императоръ назначитъ свѣдущихъ людей. Отдѣленія должны уже собраться 14 (26) февраля. Вышеприведенная рѣчь императора при открытіи государственнаго совѣта, какъ замѣчаютъ, расходится съ рескриптами въ томъ, что хранитъ молчаніе о страхованіи, равно какъ объ узаконенной равноправности рабочихъ; за то особенно выставляется на видъ охрана рабочихъ. Въ послѣднемъ отношеніи рѣчь сходится съ точкою зрѣнія принятаго рейхстагомъ 17 іюня 1887 г. законопроекта, который не былъ одобренъ имперскимъ правительствомъ. Изъ подлиннаго текста рѣчи нельзя вывести заключенія, будутъ-ли національныя мѣры къ охранѣ рабочихъ зависеть отъ результата международныхъ переговоровъ. Имѣется основаніе предполагать, что даже въ случаѣ неудачнаго исхода послѣднихъ приняты будутъ усиленныя мѣры къ охранѣ рабочихъ въ Германіи. По слухамъ, внесенный въ государственный совѣтъ матеріалъ долженъ храниться въ тайнѣ.

Заговоръ Паницы продолжаетъ волновать Болгарію. Слухъ о его казни не подтверждается и, какъ говорятъ, пущенъ самимъ Стамбуловымъ, чтобы запугать гарнизоны. Что касается самаго заговора, то *Одгекъ* сильно подозреваетъ, что онъ сочиненъ также Стамбуловымъ съ цѣлью избавиться отъ опасныхъ личностей и вызвать передъ выборами терроръ

въ странѣ. Впрочемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ изъ Софін сообщаютъ черезъ Вѣну: „Паница сознался, что заговоръ составленъ былъ съ цѣлью низложить принца Кобургскаго и устранить Стамбулова, управленіе котораго приноситъ вредъ либеральнымъ учрежденіямъ Болгаріи. По словамъ Паницы, заговорщики дѣйствовали, однако, вовсе не подъ иностраннымъ вліяніемъ“. Что касается настроенія, господствующаго теперь въ Бол-

гаріи, то, по словамъ одной депеши: „Недовольство и раздраженіе противъ Стамбулова обостряется. Военные рошутъ и порицаютъ публично его дѣйствія. Стамбуловъ не выходитъ и охраняется сильною стражею. Никто не допускаетъ мысли, что Паницу разстрѣляютъ. Подтверждается, что началомъ раздраженія въ военныхъ сферахъ послужила перемена ружей, принятыхъ вопреки протесту военной интеллигенціи“.

С М Ъ С Ъ .

Мейнингенцы, которыхъ представленія скоро начнутся въ Петербургѣ, считаютъ въ составѣ своей знаменитой труппы—Макса Грубе, артиста Королевскаго театра въ Берлинѣ. Г. Грубе много лѣтъ принадлежалъ къ придворному театру герцога Мейнингенскаго и при переходѣ въ Берлинъ былъ избранъ почетнымъ членомъ Мейнингенскаго театра. Еще молодой, артистъ этотъ славится во всей Германіи какъ первостепенный исполнитель характерныхъ ролей. Сверхъ того, на тѣ же амилу приглашены выдающіяся силы въ лицѣ Карла Вейзера, Леопольда Теллера и Dr. Лудвига Вюльнера. Постѣдній не болѣе года какъ выступилъ на сцену, до того времени будучи приватъ-доцентомъ, а впоследствии профессоромъ Лейпцигскаго университета. Изъ женскаго персонала прежде всего слѣдуетъ назвать дѣвину Анну Гаферландъ, известную трагическую актрису, которая подобно г. Грубе примкнула къ Мейнингенцамъ на длинный рядъ гастролей въ Петербургѣ и Москвѣ, и г-жу Аманду Гинднеръ, артистку отличающуюся громаднымъ талантомъ и замѣчательною красотою. Весь персоналъ Мейнингенской труппы состоитъ изъ 36 артистовъ и 24 артистокъ.

Рѣдная долговѣчность. Въ Кіевѣ, по словамъ мѣстныхъ газетъ, проживаетъ мѣщанинъ Козелецкая, достигшая ста-двадцатилѣтняго возраста и сохранившая настолько свои силы, что до сихъ поръ можетъ работать. Память ея тоже замѣчательно сохранилась. Старушка до малѣйшихъ подробностей помнитъ всѣ обстоятельства своей семейной жизни и съ достаточною ясностью рассказываетъ обо всѣхъ историческихъ событіяхъ въ краѣ, которыхъ она была свидѣтельницею. По ея словамъ, передъ нашествіемъ французовъ, въ Трипольѣ расквартировано было множество латышей, чухонцевъ и друг. инородцевъ. При бѣгствѣ французовъ изъ Москвы, нѣкоторые изъ нихъ заходили въ Кіевъ и здѣсь умирали отъ истощенія, холода и голода. Тѣла умершихъ французовъ, какъ утверждаетъ старушка, сжигались для предупрежденія распространенія эпидеміи. Козелецкая ясно помнитъ также посѣщеніе Кіева въ 1781 г. Павломъ Петровичемъ, бывшимъ тогда великимъ княземъ; при слѣдованіи черезъ городъ цесаревича въ толпу народа бросались деньги, причемъ нѣсколько монетъ досталось и разсказницѣ. Козелецкая вспоминаетъ тѣ времена, когда на мѣстѣ теперешняго Крещатика были малодоступныя дебри, поросшія вѣковыми дубами и осинами, среди которыхъ нерѣдко скрывались злоумышленники, открыто нападавшіе на горожанъ, переходившихъ изъ одной части города въ другую. Въ тѣ же отдаленныя времена существовалъ, по ея разсказамъ, интересный обычай въ Кіевѣ: мѣстные мѣщане въ день памяти Маккавеевъ и въ праздникъ Богоявленія Господня обязаны были выѣзжать на Дибирь на водоосвященіе, одѣтые въ казацкіе костюмы и военные доспѣхи, при чемъ не являшійся платили штрафъ. У Козелецкой было 12 дѣтей, изъ коихъ шестому, по времени рожденія, сыну теперь 70 лѣтъ, а самой младшей дочери ея — 50 лѣтъ. (в.)

Интересныя вычисленія размѣровъ величайшаго швейцарскаго глетчера сдѣланы цюрихскимъ профессоромъ А. Геймомъ — известнымъ знаткомъ швейцарскихъ альпъ. Объемъ ледянаго потока Алецкаго глетчера, низу отъ линіи вѣчныхъ снѣговъ (Firnlinie) достигаетъ 10,800 милліоновъ кубическихъ метровъ. Чтобы составить себѣ нѣкоторое понятіе объ этой массѣ, можно представить линію длиною 10 милліоновъ метровъ, на которой непрерывнымъ рядомъ слѣдовали бы куски льда, вышиною въ домъ; или же: такъ какъ діаметръ земли имѣетъ около 1,720 географическихъ миль (12,900 километровъ), а экваторъ 3,400 миль (40,500 километровъ), то изъ льда глетчера можно было бы образовать кольцо вокругъ наибольшей окружности земли, площадь разрѣза котораго равнялась бы 270 квадратнымъ метрамъ. Относительно Горнерскаго, втораго по величинѣ швейцарскаго глетчера, было однажды исчислено, что изъ него можно было бы построить

три города, величиною въ Лондонъ, изъ массивныхъ, ледяныхъ глыбъ, имѣющихъ форму и величину домовъ. (с.)

Объ искусственномъ рыборазведеніи въ Харьковской губ. сообщаютъ довольно любопытныя свѣдѣнія въ одной газетѣ. За послѣдніе годы въ рѣкахъ этой губерніи количество рыбы сильно стало уменьшаться. Это побудило сельскихъ хозяевъ заняться искусственнымъ разведеніемъ рыбы, которое, не требуя большихъ затратъ, весьма быстро развивается съ каждымъ годомъ. Рыба разводится въ садкахъ, прудахъ въ двѣ сажени длины и ширины и въ одну — глубины.

Вода въ нихъ проточная, такъ какъ необходимымъ условіемъ разведенія рыбы признается чистый спускъ воды и очищеніе пруда. Для взрослыхъ рыбъ пригодна всякая вода — рѣчная, дождевая и ключевая, не имѣющая, однако, органическихъ отбросовъ. На зиму рыба переносится въ особые бассейны; дно пруда каждую весну переносится. Въ помѣщичьихъ прудахъ разводится разнообразная рыба: окуни, лещи, караси, карпы, пискари, судаки. Въ нѣкоторыхъ же, существующихъ 10—15 лѣтъ, удалось развести стерлядей и друг. рѣчныхъ рыбъ. Всѣ затраты, по словамъ землевладѣльцевъ, имѣющихъ прудъ болѣе 5 лѣтъ, уже окупались отъ продажи излишней рыбы. (в.)

Простой способъ опредѣленія качества керосина указываетъ одно изъ нашихъ техническихъ изданій. Керосинъ наливаютъ до-верху въ пробирку и, прикрывъ отверстіе большимъ пальцемъ, опрокидываютъ книзу и погружаютъ въ воду, нагрѣтую до 38 градусовъ. Затѣмъ, держа пробирку въ томъ же положеніи, отнимаютъ палецъ, и если въ верхней части пробирки появятся пузырьки газа, постепенно вытѣсняющіе керосинъ книзу, то часть вытѣсненнаго керосина укажетъ на количество содержащагося въ

немъ легко воспламеняющагося газа, а слѣдовательно и на непригодность подобнаго керосина. Онъ опасенъ не только вѣдѣніемъ своей легкой воспламеняемости, но и потому что распространяетъ зловоніе, такъ какъ при горѣніи выделяетъ массу летучихъ углеводородовъ, которые, не успѣвая вполне сгорать, даютъ окисъ углерода — газъ ядовитый. Выдѣленіе газовыхъ пузырьковъ при температурѣ воды ниже 38 град. по Цельсію, указываетъ на еще меньшую пригодность керосина для освѣщенія. И наоборотъ, керосинъ во всѣхъ отношеніяхъ хорошъ, если онъ не выделяетъ пузырьковъ газа въ пробиркѣ, опрокинутой въ воду, которая нагрѣта до 38 град. по Цельсію. (в.)

Драгоценныя сокровища изъ временъ Византіи открыты недавно въ Константинополѣ, въ древней сокровищницѣ греческихъ императоровъ. Нѣсколько рабочихъ, какъ сообщаютъ изъ столицы Турціи, открыли въ расположенной близъ Ая-Софін сокровищницѣ, каменную дверь, которая очевидно вела въ болѣе глубокія подземныя помѣщенія. Султанъ назначилъ комиссію изъ трехъ высшихъ сановниковъ, которые приказали отворить дверь и проникли въ низкое, но обширное подземелье, наполненное сокровищами эпохи предшествовавшей завоеванію Константинополя. Множество предметовъ уже перенесено въ султанскій дворецъ, но стоимость всего найденнаго содержится въ глубокой тайнѣ. Извѣстно лишь, что въ числѣ открытыхъ вещей находится много предметовъ царскаго вооруженія, и въ особенности коллекція оружія, принадлежавшаго Константину Палеологу. (с.)

Вліяніе красокъ на душевное состояніе чловѣка Опытъ одного итальянскаго врача въ этомъ направленіи съ душевнобольными дали слѣдующіе достойные вниманія результаты. Меланхоликъ, который отказывался отъ всякой пищи, развеселился и началъ пить и ѣсть послѣ того, какъ просидѣлъ три часа въ окрашенной въ красный цвѣтъ и ярко-освѣщенной комнатѣ. Другой, весьма взволнованный больной, въ окрашенномъ синею краскою помѣщеніи, послѣ нѣсколькихъ часовъ, вполне успокоился, между тѣмъ какъ всѣ остальные успокоительныя средства не произвели на него никакого дѣйствія. (н.)

Графъ Юлій Андраши. († 18 (6) февраля 1890).

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1890 г.

Подписная цѣна показана на первой страницѣ.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1890 году номера.

Поддѣлка винъ. Относительно этого вопроса существуетъ дѣлая литература. Трудно теперь получить чистое, натуральное вино, внѣ самыхъ мѣстъ винодѣлія. Фальсификацію можно раздѣлить на двѣ большія группы: собственно поддѣлка винъ и приготовление искусственнаго вина. Приемы собственно поддѣлки вина крайне разнообразны. Важнѣйшіе слѣдующіе: отнятіе кислоты вина прибавленіемъ мѣла, соды или поташа (образующіея притомъ соли винокаменной, яблочной и уксусной кислотъ весьма вредны, прямо опасны для здоровья), раскисленіе свинцомъ. Послѣдній, а также квасцы и желѣзныи купоросъ придаютъ винамъ терпкость, вяжущій вкусъ. Видъ стараго вина достигается жженымъ сахаромъ, колеромъ, а улучшеніе вкуса и просвѣтленіе вина — обработкою гипсомъ. Послѣднимъ путемъ входитъ въ вино вредный стронціевый кальцій. Для задержанія броженія присыпаютъ одинъ изъ сильныхъ ядовъ, какъ это оказалось по новѣйшимъ изслѣдованіямъ — салициловую кислоту. Такъ назыв. „шеэлизация“ состоитъ въ прибавленіи къ вину глицерина для приданія ему сладости. Для окрашивания пускаютъ въ ходъ нѣкоторыя весьма вредныя вещества: преимущественно анилиновыя краски; безвредны — черника, бузина, просвирынякъ, свекла и пр. Разбавленіе вина водой и вызываемое этимъ сдобриваніе его спиртомъ, яблочнымъ сидромъ, настойками, сахаромъ и проч. — самое обыкновенное дѣло. Не оставили безъ вниманія и такъ назыв. букета винъ, который образуется въ винѣ медленно, вслѣдствіе чего букетъ тѣмъ сильнѣе и пріятнѣе, чѣмъ оно старѣе. Тутъ на помощь явилась химія, открывшая въ перегонѣ каменнаго угля и нефти рядъ веществъ, могущихъ замѣнить по пріятному вкусу тѣ сложныя эфиры, которые составляютъ букетъ вина. Въ Петербургѣ имѣются два завода этихъ чистыхъ огравъ, рассылающіе агентовъ по всей Россіи и печатающіе открыто разныя способы приготовленія всевозможныхъ винъ при помощи подобныхъ веществъ.

Широкое распространеніе получило у насъ и приготовленіе искусственнаго вина, въ которомъ винограднаго сока бываетъ самое ничтожное количество, или даже не бываетъ подчасъ совсѣмъ. *Бурскій Листокъ* описываетъ три способа. „Холодный способъ“, состоящій въ смѣшеніи разныхъ настоевъ спирта и небольшого количества плохаго винограднаго вина; напр. на 3 ведра послѣдняго берутъ 25 вед. воды, картофельной патоки 4 пуда, обыкновенной водки 7 в., а настоенной на кишмишѣ или черникѣ 2 в.: все это смѣшивается вмѣстѣ въ бочкѣ — и вино готово. „Горячій способъ“ разнитъ только тѣмъ, что сначала варятъ сахаръ, смѣшивая съ нимъ разныя пахучія и красящія вещества. Третій способъ обходится совсѣмъ безъ винограднаго вина. Берутся его составныя части и подвергаются броженію; получается „нормальное“ или „элементарное“ вино, которое затѣмъ, при помощи всевозможной дражи, превращается въ хереса, портвейны, мускатъ-люнели и тому подобныя вина. (N.)

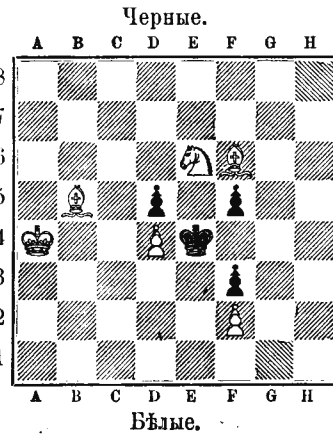
Астрономическое открытіе. Намъ было сообщено, что американскій астрономъ Бруксъ, открывшій въ теченіе шести лѣтъ не менѣе десяти кометъ, нашелъ еще одиннадцатую 6 (18) іюля 1889 г. Последняя, названная Бруксовой, подобно кометѣ Биелы, состоитъ изъ нѣсколькихъ (5) отдѣльныхъ звѣздъ, какъ это впервые видѣлъ Барнардъ, астрономъ Лиской обсерваторіи въ Калифорніи. Время прохожденія скрывшейся кометы Биелы опредѣляли въ 6½ лѣтъ, а у Бруксовой оно, по вычисленію Чендлера, — семь. Этотъ американецъ вмѣстѣ съ тѣмъ доказалъ, что Бруксова комета лишь нѣсколько лѣтъ тому назадъ прошла настолько близко отъ планеты Юва, что настоящая ея орбита является только слѣдствіемъ этого послѣдняго обстоятельства. Въ настоящее время Чендлеръ выяснилъ, что Бруксова комета есть комета 1770 года, названная по нашему академику, который ее вычислилъ, кометой Лекселя (Lexell). Для прежнихъ астрономовъ подобныя вычисления были весьма затруднительны. Знали только комету Галлея, которая каждые 25 лѣтъ разъ обращается около солнца; относительно-же всѣхъ остальныхъ принималось, что онѣ никогда не возвращаются. Вдругъ оказалось по вычислениямъ, что комета 1770 года должна была возвращаться каждыи 5½ лѣтъ, а между тѣмъ ее раньше ни разу не видѣли. Лексель вскорѣ послѣ этого открытія и доказалъ, что комета 1770 года не могла быть раньше видима, такъ какъ вычисленная имъ для этой кометы орбита явилась лишь слѣдствіемъ ея притяженія въ 1767 году планетой Юва; и далѣе, что она, по той-же причинѣ, въ 1779 году должна снова скрыться. При тогдашнемъ состояніи астрономіи невозможно было опредѣлить дальнѣйшую судьбу этой странной кометы. Въ Бруксовой кометѣ Чендлеръ теперь открылъ, какъ мы говорили выше, комету 1770 года. Это открытіе весьма важно и благодаря ему многіе вопросы въ скоромъ времени найдутъ себѣ рѣшеніе. (N.)

Популярность И. А. Крылова. доходила, какъ извѣстно, до высокой степени. Въ интересномъ дневникѣ А. В. Никитенко разсказывается нѣсколько случаевъ, рисующихъ эту популярность. Зна-

менитый баснописецъ намѣревался купить себѣ домъ, но такъ какъ онъ требовалъ большихъ передѣлокъ, то Крыловъ, за неизмѣнимъ средствъ, оставилъ свое намѣреніе. Вдругъ черезъ нѣсколько дней къ нему является какой-то богатый купецъ и проситъ позволенія устроить все дѣло покупки дома. Крыловъ недоумѣваетъ, но купецъ объясняетъ ему, что онъ, какъ всѣ русскіе, знаетъ баснописца и настаиваетъ на своей просьбѣ. Крыловъ, наконецъ, соглашается. Купецъ усердно всѣмъ распоряжается, доставляетъ превосходный матеріалъ, самъ за всѣмъ надзираетъ, а цѣны за все показываетъ половинныя. Въ результатѣ Крыловъ получаетъ, за ничтожную въ сравненіи съ выгодами сумму, отличный домъ. Въ другой разъ къ Ив. Андреевичу явились двое купцовъ изъ Казани и, объяснивъ ему, что они, наравнѣ съ прочими казанцами, любятъ и уважаютъ русскаго баснописца, просили дозволенія снабжать его ежегодно лучшимъ чаемъ, которымъ они торгуютъ. И дѣйствительно, говоритъ Никитенко, Крыловъ каждый годъ получалъ отъ нихъ превосходнаго чая такое количество, что его годнѣ было достаточно для наполненія пространнаго брѣха геніальнаго баснописца. (в.)

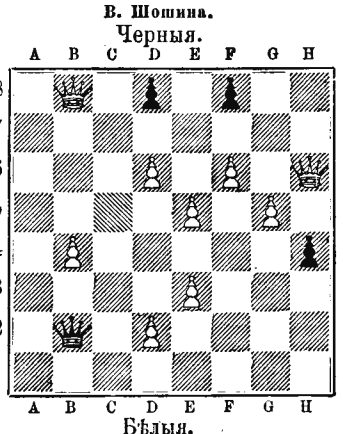
Съ согласія родныхъ недавно умершаго знаменитаго пѣвца Гайара, у трупа вырѣзано горло для изслѣдованія. Горло этого пѣвца не обнаруживаетъ никакихъ аномалій, оно только во всѣхъ измѣреніяхъ оказывается меньше, чѣмъ у обыкновеннаго смертнаго, и голосовыя связки, особенно лѣвыя, сильно развиты.

Шахматная задача № 12.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 4 хода.

Шашечная задача № 13.

Бѣлыя начинаютъ и запираютъ дамку и шашку черныхъ.

Рѣшеніе географической задачи № 3 (помѣщен. въ № 2).

	***	****	
	Ясва	Танги	
	9	12	
•	*****	*****	*****
Э	Ливорно	Сердоболь	Одесса
7	4	1	10
***	*****	***	***
Ара	Пелюсъ	Объ	Лить
2	11	8	5
	*****	***	
	Енисей	Гота	
	6	3	

„Добро творити — себя веселити“.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи прислали отъ Гг.: СПб. — А. А. Поспѣева, Н. В. Пякова, Ф. Михель, М. А. Никитина; Москва — И. Акимовъ, С. Королькова, Кравцова, М. Волнухиной, Б. Норовино — В. К. Терскаго, Валдай — Х. И. Небольной, С. И. Глаголевской, Вильномір — С. И. Вершилло, Елисаветградъ — М. Цепкиной, Калуга — С. П. Соколова, Киевъ — М. Пушкава, Нижній-Новгородъ — М. И. Балашникова, Лебедянъ — В. И. Чурилина, Одесса — М. Юрвена, Шигры — М. Барнова, В. Рышкова.

Рѣшеніе ребуса № 4 (помѣщеннаго въ № 2).

„Языкомъ болтай, а рукамъ воли не давай“.

СОДЕРЖАНІЕ: Рубашна. Стих. П. Вейнберга. — Смирена. Историческая повѣсть А. А. Смирнова (Продолженіе). — Исусъ. Повѣствованіе изъ библейскихъ временъ Георга Эбера (съ рис.). (Продолженіе). — Къ рисункамъ: Чудо канъ пристало!.. Вотъ умъ именно изъ лица!.. (съ рис.). — Литературный альбомъ „Русалка“ Пушкина (съ рис.). — Лейбъ-гусаръ и савояры (1813 г.) (съ рис.). — Молитва (съ рис.). — Нищенствующе цыгане (съ рис.). — Турецкое разбойничье судно (ночерма) и береговъ Крыма осенью (съ рис.). — На маневрахъ. Конные гренадеры (съ рис.). — И. К. Яхонтовъ (съ портр.). — Заключеніе герцога Орлеанскаго въ Паризскую тюрьму Консьержери (съ портр. и рис.). — Серпа Пинто (съ портр.). — Графъ Юлій Андраши (съ портр.). — Урожай 1889 года по даннымъ временника Центрального Статистическаго Комитета Министерства Внутреннихъ Дѣлъ (съ картой). — Политическое обозрѣніе. — Смѣсь. — О подпискѣ на „Ниву“ 1890 г. — Задачи и рѣшенія задачъ. — Объявленія.

Издатель А. Ф. Марксъ.

Редакторъ В. Ключинновъ.

ЛЕПНИНГЪ и ГЮЗИНЪ
имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которую печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405
У книготорговцевъ Тузова и Шигина можно получить сочинение: объ уравненіяхъ третьей и четвертой степени.
Цѣна 40 коп. № 4318 4-4

Издана Ф. Павленковымъ новая книга:
ПСИХОЛОГІЯ ВНИМАНІЯ
Д-ра Рибо. Перев. съ франц. Ц. 50 коп.

ЖЕЛАЮ
купить сто (100) пудовъ муки перваго сорта для просфоръ и 25 пудовъ восковыхъ свѣчей.
Адресъ: въ Константинополѣ, Турціи, упомянутому иеромонаху Іезекилю Балашеву, въ зданіи Афонской Свято-Рождественской Іоанна Предтечи обители. Галата, Парма Налу, № 2. № 4322 3-2

РИСУНКИ
для вышиванія, рѣзныхъ работъ, инкрустаций и живописи на деревѣ.
860 номеровъ. Каталогъ съ 1000 иллюстраціи, инструменты, украшения за 20 к. почтов. марками. Корреспонденція на французскомъ или нѣмецкомъ языкѣ. Фамилію и мѣсто на адресахъ просимъ писать по-русски и по-нѣмецки. R. № 4361 3-1
MEY & WIDMAYER, München, Deutschl.

БЕЗПЛАТНО.
Каталогъ рѣдкихъ книгъ и фотографій женскихъ и мужскихъ моделей. Пробныя модели высылаются за 2 рубля. Verlagsgesellschaft (Dieckmann & Co). Leipzig. R. № 4335 3-2

ПРЕПОДАЮ ПИСЬМЕННО
ПОЛНАЯ ГАРАНТІЯ ЗА УСПѢХЪ ПИСЬМЕННОГО ОБУЧЕНІЯ.
ВЪ ИО. УРОКОВЪ ДУРНОЙ ПОЧЕРКЪ ИСПРАВИЛЪ НА КРАСИВОЕ БѢЛОЕ КОНТОРСКОЕ ПИСЬМО ОСНОВАТЕЛЬН. ОБУЧЕНІЕ ДВОЙНОЙ ИТАЛЬЯНСКОЙ **БУХГАЛТЕРІИ** Москва, Покровка, домъ Буткиной. А. С. Шмаковскій.
* НА ОТВѢТЪ ПРИЛАГАЕТЪ МАРКУ.

ВТОРАЯ ЖЕНА, Ром. Жарлатина. Пер. съ нѣм. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

МОЗОЛЬНАЯ ЖИДКОСТЬ „ГОЛЛЕНДЕРА“.
Средство для уничтоженія мозолей и бородавокъ. Цѣна 35 коп. за флаконъ, за два флакона съ перес. 1 руб.
Получать можно во всѣхъ парфюмерн., аптекарск. магазинахъ и аптекахъ. Главнѣйшій складъ у Г. Голлендера, Демидовъ пер., № 1. Въ С.-Петербурѣ. № 4366

НОВАЯ КНИГА: ПРОРОЧЕСТВО СТАРАГО УЧИТЕЛЯ.
Разсказъ А. Б. Греммина. СИБ. 1890. Цѣна 40 коп.
Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ. № 4336

ДИРЕКЦІЯ

ЗАВОДА ДЛЯ РАЗВЕДЕНІЯ ПОРОДИСТЫХЪ СОБАКЪ
Владѣлецъ Артуръ Зейфартъ
Кэстрицъ (Германія),

удостоенный высшихъ отличій, поставившій многихъ европейскихъ дворовъ и зоологическихъ садовъ, лучшій болѣе 10000 благодарственныхъ писемъ всѣхъ странъ, рекомендуетъ превосходныхъ модныхъ и разныхъ специально-любительскихъ собакъ.
Богатый выборъ Гончихъ, Лгавыхъ, Борзыхъ, Понтеровъ, Сетеровъ, Ищейекъ, Таксовъ, Водолазовъ, Вудлоговъ, исполненныхъ Сент-Бернарскихъ собакъ, громадныхъ нѣмецкихъ договъ и 50 разныхъ благородныхъ породъ салонныхъ собакъ. Ручательство только за Qualitѣ. Альбомъ съ 50-ю иллюстраціями и пресъ-куррантъ высылаются за 30 коп. почт. марками. R. № 4362

ЭЛЕОПАТЪ пров. КИНУНЕНЪ
для волосъ, средство противъ перхоти на головѣ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптекъ и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп. но безъ пересылки.
Пров. КИНУНЕНЪ.
Просятъ непременно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждого флакона,—пров. Кинуненъ. (6) № 4287

CIGARETTES ESPIC contre ASTHME & CATARRHE
AUTORISÉES PAR LE GOUVERNEMENT RUSSE
-rôt général: STOLL & SCHMIDT, à Saint-Petersbourg
Vente en gros: J. ESPIC, 20, rue Saint-Lazare, Paris.
Exiger la Signature sur chaque Cigarette.

Поступило въ продажу у всѣхъ книгопродавцевъ изданіе Ю. Конденъ:
ПРОКАЗЫ ШАЛУНА съ 150 рис. Буша, въ стихахъ Л. Пальмина, изд. ное изданіе. Ц. 1 руб., въ ланкѣ 1 р. 20 коп.
Изданіе съ комическими рисун. извѣстн. Буша, до того смѣшн., что невольно возбуждаютъ въ каждомъ неудержимы смѣхъ.
НЕ ХОЧУ УЧИТЬСЯ Похождения живописца, картинъ въ лицахъ: Мавзильина, Пачунова, Бакуши-Бей, княжны Батистова и Маша.
ХОЧУ ЖЕНИТЬСЯ Юмор. романъ. Цѣна 1 руб., въ ланкѣ 1 р. 15 коп.
Складъ и продаж: Москва, Ю. Конденъ, Бронная, д. Румянцева. Выписывая изъ склада за пересылку не платятъ. Продаются въ Петербургѣ въ книжн. магаз. Попова, Мартынова, Суворина, Панафидина, Карбасникова, Глазунова, Мамонова, Прѣснава, Салаева, Вольфа и др. Ц. № 4312 3-2

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1890 ГОДЪ
НА
ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНІЕ „РУССКАЯ МЫСЛЬ“.
Условія подписки на 1890 г.
(ОДИННАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).
Годъ. 6 мѣс. 3 мѣс. 1 мѣс.
Съ доставкой и пересылкой во всѣ мѣста
Россія 12 р. 6 р. 3 р. — 1 р.
За границу 14 „ 7 „ 3 „ 50 к. —
Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка: при подпискѣ, къ 1 апрѣлю, 1 июля и 1 октября по 3 рубля.
Книгопродавцамъ дѣляется уступка въ размѣрѣ 50 коп. съ каждаго годоваго экземпляра. Кредита и разсрочекъ по доставляемымъ или подпискамъ не допускается.
Журналъ выходитъ подъ той же редакціей, при томъ же составѣ сотрудниковъ и въ прежнемъ объемѣ.
ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ
въ конторѣ журнала: Москва, Леонтьевскій переулокъ, 21.
№ 4291 Редакторъ-издатель В. М. ЛАВРОВЪ.

Всѣ названныя косметическія продукты не содержатъ никакихъ вредныхъ веществъ, почему и разрѣшены С.П. Стол. Врачебн. Управленіемъ.
1) **ПОДЛИННИКЪ ПАСТА EUGENIE** средство для лица. Цѣна банки 1 р. 60 к.
2) **БАЛЬЗАМЪ EUGENIE** изъ мятровъ, цвѣтовъ для декольте, лица и рукъ. Ц. флак. 1 р. 70 к.
3) **ЭЛЕКСИРЪ MELANGE** для волосъ. Ц. за флак. 2 р.
4) **ХИННО-ГЛИЦЕРИНОВ. ПОМАДА** для волосъ. Цѣна банки 2 р.
5) **РУМЯНА EUGENIE** жидкія, придающія щекамъ и ушамъ розов. цвѣтъ.
Рекомендуется въ особенности для театровъ и баловъ. Цѣна за флаконъ 1 р. 50 к.
6) **РУЧНАЯ РАКОВИННАЯ ПОМАДА** Цѣна банки 1 рубль 30 коп.
7) **ПОДЛИННИКЪ POUDE EUGENIE** бѣлая и розов. Ц. съ пухов. 1 руб. 50 коп., № 4202 12-9 безъ пухов. 1 руб. 20 коп.
КРАСКА ДЛЯ ВОЛОСЪ черная, коричн. и свѣтлор. Цѣна кор. 3 руб. Рись Гутманъ.
Главное дѣло въ С.-Петербурѣ: въ Русскомъ обществѣ торговли аптекарскими товарами, Кавалская; въ Центральномъ Аптекарскомъ Дѣло, Милитарнъ Гадъ; у Рузинова, Гостинный Дворъ; бывшій Даранскъ, Нассажа, № 15-17; у Сіу и Къ; у Персонъ и Тибо, Невскій пр., № 18 и въ другихъ аптекарскихъ магазинахъ.
Въ Москвѣ: у К. И. Феррейна, Никольскя и въ другихъ аптекарск. магаз., а также можно получить во всѣхъ аптекарскихъ магазинахъ всей Россіи.

ЭЛЕКСИРЪ, ПОРОШОКЪ И ПОМАДА ДЛЯ ЗУБОВЪ
ОТЦЕВЪ БЕНЕДИКТИНЦЕВЪ
Аббатства СУЛЯКЪ (Жиронда) Франціи.
Находятся во всѣхъ аптекахъ, москательныхъ лавкахъ и косметическихъ магазинахъ.

ТЕЛЕФОНЪ КОНТОРЫ № 100.
БАНКИРСКАЯ КОНТОРА АЛЕКСАНДРЪ КУТУЗОВЪ
С.-Петербургъ, Невскій пр., домъ № 29-31, рядомъ съ Думой свѣтъ имѣетъ честь довести до свѣдѣнія своихъ клиентовъ, что она принимаетъ на себя **БЕЗПЛАТНО** комиссію по оплатѣ 28-го февраля с. г. съ выигр. листовъ Госуд. Дворянскаго зем. банка **ВТОРЫМЪ** 40 руб. **ВЗНОСОМЪ**, какъ заложенныхъ въ Конторѣ, такъ и вновь оставленныхъ подъ кватціи. Контора **ПОКУПАЕТЪ И ПРОДАЕТЪ** прощ. бумаги, русское золото и серебро, иностранныя деньги въ кредитныхъ билетахъ, золотѣ и серебрѣ. М. № 4338
ВЫДАЕТЪ ССУДЫ съ правомъ уплаты долга по частямъ
подъ билеты I займа 225 руб.
подъ билеты II займа 210 „
Подъ другія процентныя бумаги 10% ниже биржевой цѣны.
ПРИНИМАЕТЪ ВКЛАДЫ до востребованія и на срокъ, а также на текущій счетъ.
Принимаетъ страх. бил. I и II займовъ по 80 коп.
Исполняетъ биржевыя и иногородныя порученія въ точности.

Противъ насморка—бронхита КАПСЮЛИ ГЮЙО
Приемъ ЗА КАЖДОЙ ЪДОЙ двѣ капсулы.
CAPSULES GUYOT.
Прежде капсулы эти были черныя и неприятны для приема; теперь же онѣ бѣлыя и похожи на конфеты.
На каждой капсулѣ выдавлена подпись Гюйо. Ц. № 4301 6-3
Деготь, содержащій въ капсулахъ Гюйо, переносится самыми слабыми желудками.
Примѣчаніе. Дѣти и особы, которая не могутъ проглатывать эти капсулы, будутъ пользоваться **ПАСТОЙ РЕНЬО** PATE REGNAULD приготавливаемой 19, rue Jacob.
Требовать на этикеткахъ слѣдующую подпись трехъ цвѣтовъ:
Во всѣхъ аптекахъ.
Оптовая фабрикація: 19, rue Jacob, Paris.

ГОРЬКАЯ ВОДА ИСТОЧНИКА ФРАНЦА ЮСИФА

Натуральная минеральная слабительная вода источника ФРАНЦЪ-ЮСИФЪ въ Будапештѣ, по отзывамъ медицинскихъ авторитетовъ, она действуетъ легко, аккуратно и безъ всякихъ вредныхъ послѣдствій. Рекомендуется какъ слабительная вода, не содержащая въ своемъ составѣ вредныхъ здоровью веществъ. Продается въ аптекахъ и аптеч. магазинахъ. Ц. № 4238 7—3

Для нормальнаго приема достаточно одного ляннаго стакана Дирекція въ Будапештѣ.

РАЗРѢШЕННЫЙ ПЛАСТЫРЬ ПРОВИЗОРА Ф. И. ШЕНФЪ

Можно получать во всехъ лучшихъ аптекахъ, аптекарскихъ магазинахъ, магазинахъ обуви и резинов. изделий. Выписывающимъ не менее 3-хъ пачекъ, пересылка бесплатна, торговымъ значительная уступка.

Главный складъ у изобрѣтателя, провизора Ф. И. Шенфъ, въ Москвѣ, Патриарше пруды, д. Бриткина. Ц. № 4182 10—6

УСОВЕРШЕНСТВОВАННЫЯ НАРОДНЫЯ ЦИТРЫ

Собств. издѣлія продаются по вновь удешевленнымъ цѣнамъ:

- съ 3 педалями по 4 р. и 4 р. 50 к.
- съ приспособленіемъ для легкой и скорой настройки по 6 рублей
- Самый легкий инструментъ для изученія. Приятный тонъ. Въ короткое время проданы многія тысячи.

За пересылку по почте прошу прилагать за 4 руб. за 10 фунт., за 6 руб. за 15 фунт.

И. Ф. МОЛЛЕРЪ

Ильстр. прейсъ-курантъ всѣмъ инструментамъ бесплатно. (21) Ц. № 3864

Торговцамъ дѣляется скидка.

Горько и подлинно съ этой фабрики, маркой.

Huste-Nicht

„НЕ КАШЛЯЙ“.

Медо-Травяной-Мальцъ-Экстрактъ и Конфекты. *)

Л. Г. ПИТШЪ и Ко. въ Бреславлѣ.

Употребляется противъ кашля, мокроты, охриплости, страданій горла и груди.

СПОСОБЪ УПОТРЕБЛЕНІЯ:

Д-ръ Михаиловъ мед. праск. назначилъ для дѣтей 3—4 раза въ день по 1 чайной ложкѣ, а взрослые берутъ ежедневно 4—6 чайныхъ ложекъ экстракта.

Конфекты предупреждаютъ кашель, охриплость и простуду горла.

Анализомъ химическимъ и медицинскимъ опытами подтверждено, что во всякомъ случаѣ въ составѣ этихъ препаратовъ не находится никакихъ вредныхъ для здоровья веществъ и ввозъ и продажа въ Россіи разрешены Медицинскимъ Департаментомъ.

*) Цѣна: бутылка 1 р. 25 к. и 2 р. 40 к. Конфекты по 30 и 50 к.

Упаковка и пересылка считаются особо

Главный складъ для Россіи въ Ауринга С.-Петербургѣ, Колокольная 18—19.

Продажа во всехъ аптекарскихъ магазинахъ Россіи. А. № 4045 12—8

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ МЪХОВЫХЪ ТОВАРОВЪ ПРИДВОРНАГО ПОСТАВЩИКА П. М. ГРИНВАЛЬДТЪ

вѣ С.-Петербургѣ

ПЕРЕВЕДЕНЪ НА НЕВСКІЙ ПРОСПЕКТЪ, № 22.

Рекомендуются мѣха и мѣховыя издѣлія высшаго достоинства по различнымъ цѣнамъ. № 4101

Участіе на Всемирной Парижской Выставкѣ 1889 года „ВНѢ КОНКУРСА“

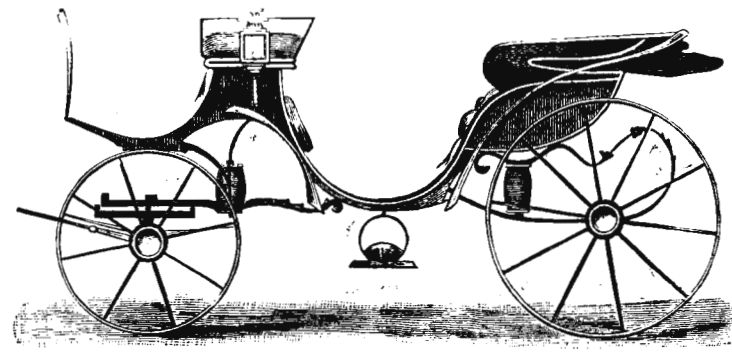
Офицерскій крестъ Почетнаго легіона.

Адресъ для телеграммъ: ПЕТЕРБУРГЪ, ГРИНВАЛЬДТЪ.

РЕЗИНОВЫЯ БУФЕРНЫЯ РЕССОРЫ

системы А. П. ЭНГЕЛЬГАРДТА

привилегія № 5120 и 3104.

торгахъ Товарищества Россійско-Американской Резиновой Мануфактуры въ С.-Петербургѣ и Москвѣ. № 4357 3—1

Заказы на всякаго рода экипажи принимаютъ:

- въ С.-Петербургѣ: А. А. Вайновъ, Литейный просп., домъ № 15. О. Ретике, за Московской заставой, по Колмовской ул., д. № 5.
- въ Варшавѣ: Шидловская экипажная фабрика, Юрсульская ул., д. № 41—76.
- въ Ярошевѣ: Ярошевская экипажная фабрика Н. К. фонъ-Гюбенетъ, Могилевской губернии, Климовичскаго уѣзда, ст. Хотимскъ.
- въ Енатеринбургѣ: Владиславъ Францевичъ Кузьминскій. Резиновые буфера и также чертежи и инструкции для примѣненія оныхъ къ экипажамъ можно получить въ магазинахъ резиновыхъ товаровъ и въ конторахъ Товарищества Россійско-Американской Резиновой Мануфактуры въ С.-Петербургѣ и Москвѣ. № 4357 3—1

Весьма легко для каждого заниматься фотографированіемъ. Предлагаемъ № 4216

ФОТОГРАФИЧЕСКУЮ СЕКРЕТНУЮ НАМЕРУ ШТИРНА.

Цѣна съ пластинками на 36 снимковъ 20 р. Шесть моментальныхъ снимковъ въ одну минуту. Носится незаметно подъ сюртукомъ. Весьма удобна. Хорошіе результаты. Пробные снимки: 50 к.

Единственная продажа для всей Россіи.

Краткое початое наставленіе къ фотографированію прилагается бесплатно. Аппараты для съемки изображеній въ кабинетную величину, съ хорошимъ объективомъ, начиная съ 15 рублей. Большой выборъ всякихъ предметовъ касаящихся фотографіи. С.-ПЕТЕРБУРГЪ НЕВСКІЙ ПР., № 25—1

СКЛАДЪ ФОТОГРАФИЧЕСКИХЪ ПРИНАДЛЕЖНОСТЕЙ БРУНО ЗЕНГЕРЪ и Ко

Семь разъ удостоены первыхъ наградъ.

СКРИПКИ.

Самыя лучшія и дешевыя въ настоящее время, неподражаемы по тону и качеству отъ 6—80 марокъ, знаменитыхъ мастеровъ отъ 30—200 марокъ. Альты, Виолончели, басы. Смычки 1 1/2—50 мар. Фюляры 3 1/2—40 мар. Цитры 16—300 мар. Гитары 6—50 мар. Превосходныя струны. Всѣ духовые инструменты. Нѣмая скрипка для ушей (собств. изобрѣт.). Мастерская для починки. Рекомендациі отъ Вильгельми, Саразате, Сори, Зингеръ и проч. Полнѣйшая гарантія. Прейсъ-курантъ бесплатно.

Бр. ВОЛЬФЪ.

Фабрика струнныхъ инструментовъ. Ц. № 4121 Крѣйцнахъ. 9—8

Разрѣшены Врачебнымъ Управленіемъ, какъ не содержащая вредныхъ здоровью веществъ, весьма полезныя въ домашнемъ быту

ДОМАШНІЯ КРАСКИ

(инженеръ-технологъ В. Михайловскаго).

Для окрашиванія шерсти, шелка и бумаги дома. Всякій членъ семейства можетъ окрасить вновь или перекрасить поноее платье, кофту, пальто, шарфи, ленты, чулки и т. п., а также пряжу для вязанія и вышиванія въ любой цвѣтъ у себя дома одними лишь домашними красками (въ глиняномъ горшкѣ или деревянной кадѣ), не обращаясь болѣе къ красильнямъ. Всѣ цвѣта и оттѣнки.

Пробная карта съ 15 крат. образц. шерсти и бумаги (роз., красн., малин., коричнев., зел., желт., синій, черн.) и одной пробочкой краски высыл. за 21 к. (марками). Каждой краски высыл. на 50 к. (для окрас. 4 фунт. пряжи), коллекція изъ 7 разныхъ красокъ 3 р. с., изъ 15 красокъ 6 р. с. (на пересылку 50 к.). „Руководство къ окрас. дом. красками“ (до 100 образц. и съ рисунк.), при краскахъ 35 коп. Обращаться: С.-Пбуржъ, Надеждинская, 14. Красочный и аптекарскій магазинъ В. Михайловскаго.

Рекомендуется экономнымъ хозяйкамъ: синія въ порошокъ — коробка 50 к.; сушія чернила—черн., красн., син., зел., лилов.,—три цвѣта 50 к., отдѣльно по 20 коп. (не портятъ перьевъ); краски для пасхальн. яицъ 6 цвѣтовъ 60 к., отдѣльно по 15 к. (бѣлокъ ничуть не окрашивается). № 4358

Открыта подписка на новый иллюстрированный ежемѣсячный журналъ

„ВѢСТНИКЪ ПТИЦЕВОДСТВА“.

Цѣна: съ 1-го марта 1890 г. по 1-е января 1891 года, съ пересылкой три рубля.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Лѣсной, Новая ул. Омьтиное Птицеводное Хозяйство.

САРПИНКА

сезонъ 1890 года.

Самые новѣйшіе и модные рисунки. Лучшей доброты.

отъ 12 до 20 к. аршинъ.

Образцы по требованію высылаются:

Альбомъ за 42 коп., конвертъ за 28 коп.

Продажа оптомъ и въ розницу.

Адресъ: Товариществу Промышленниковъ Сарпинскихъ Издѣлій. Саратовъ. № 4344 5—2

НОВОУРОДЕНІЕ. Ром. изъ современн. жизни. Вс. Соловьева. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

По весьма умѣреннымъ цѣнамъ и лучшаго качества.

СКРИПКИ въ 2 1/2, 4, 6, 8, 10, 12, 15, 20, 25, 30, 40, 50, 60, 75, 100 р. и др.

СМЫЧКИ ДЛЯ НИХЪ въ 50 к., 1, 1 1/2, 2, 3, 5, 10, 15, 20 и 30 р.

ФУТЛЯРЫ въ 3 1/2, 5, 7, 12, 18 и 30 р.

СКРИПКИ 3/4, 1/2 и 1/4 величина для дѣтей.

Школа Баганца въ 1 р., 2 р. 50 к. и 3 р. 50 к.

АЛТЫ и ВИОЛОНЧЕЛИ.

Гитары въ 3 1/2, 5, 8, 30, 40, 50 р. и др. Ор. 8 р. съ механизмомъ для струнъ. Школа Соколова по 1 1/2 и 2 1/2 р.

Ноты въ дешевыхъ изданіяхъ. Переводка на счетъ покупателя. Иллюстрированы. Прейсъ-курантъ — бесплатно.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ
главное депо № 4368
Музыкальныхъ инструментовъ и нотъ.
С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40.
Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарына.

Во всѣхъ складахъ духовъ и въ всѣхъ парикмахеровъ во Франціи и за границей.

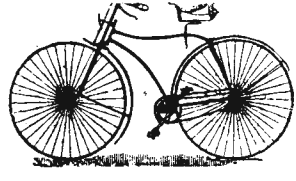
LA VELOUTINE

Спеціальная рисово-висмутуовая пудра.

CHATELAIN FAY, Parfumeur, 9, rue de la Paix Paris.

PAPIER FAYARD ET BLAYN

употребляется въ леченіи ревматизма, раздраженія дыхательныхъ органовъ, насморка, раздраженія груди, вывиховъ, ранъ, ожоговъ, ознобленій, мозолей и всякихъ наклонныхъ затвердѣній. Продажа во всѣхъ аптекахъ (требовать собственноручную подпись).

ГЕНРИХЪ КЛЕЙЕРЪ
Франкфуртъ и/М. В. № 4330
ФАБРИКАНТЪ ВЕЛОСИПЕДОВЪ „ОРЕЛЬ“. 12-3
Вскаго рода двухъ- и трехъ-колесные велосипеды для взрослыхъ и дѣтей. Составныя части и принадлежности. Интузъ агентовъ. Иллюстрированный каталогъ за 10 пфен. марками.

Очки отъ 1 р. 25 к., Пенсы отъ 1 р. 30 к., Бинокли отъ 4 р. 75 к., Барометры отъ 3 р. Термометры отъ 25 к. и проч. оптическіе и хирургическіе инструменты по умѣреннымъ цѣнамъ, во вновь открытомъ оптическомъ магазинѣ

П. П. МАШИНА и К^о.
Москва, Рождественка, близъ Кузнецкаго моста, д. Суздальскаго подворья.

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ
вновь полученныхъ английскихъ велосипедовъ.

Г. ЖЕМЛИЧНА,
Москва, уголъ Тверской и Старога Газетнаго пер., домъ Фальцбургъ-Фейль, магазинъ № 19.

Прейсъ-куранты высылаются бесплатно.

CRÈME-SIMON
(КРЕМЪ-СИМОНЪ)

прелестнаго запаха, не портится и служитъ для смягченія кожи.

Пудра SIMON и Мыло à la CRÈME SIMON

дополняютъ его дѣйствіемъ и имѣютъ тотъ же запахъ.

J. Simon, 36, Rue de Provence 36, Парижъ
Въ розницу у парикмахеровъ, парфюмеровъ и аптекарей. А. № 4815 15-4

БЪЛЪЕ
ВЪ БОЛЬШОМЪ ВЫБОРѢ ГОТОВОЕ и на ЗАКАЗЪ

мужское, дамское, столовое, постельное, туалетное, также чулки, носки, ружайки, кальсоны, платки и полное **ПРИДАНОЕ.**

Элегантный фасонъ, изящная работа, товаръ лучшаго качества.

Цѣны весьма умѣренныя.

Гг. иногороднымъ иллюстрированы. Прейсъ-курантъ высылаются бесплатно.

ГАРМСЕНЪ и К^о.
С.-Петербургъ, Гост. Дворъ, 144.
Фирма существ. съ 1840 г.

Поставщики велосипедовъ Русской Арміи

Торговый Домъ Ж. БЛОКЪ,
Москва, Кузнецкій мостъ, Б. Морская № 21.
С.-Петербургъ, Б. Морская № 21.

имѣетъ единственный Складъ для всей Россіи Велосипедовъ: (винтъ, Виппегъ, Русскій Клубъ, Молніи (New Rapid), Импераль и пр.

Цѣны отъ 100 до 500 руб.

Новость
Общедоступный Свинтъ № 2 = 150 руб. =

Прейсъ-Куранты высылаются бесплатно.
Поставщики велосипедовъ Русской Арміи

ВАЗЕЛИНОВОЕ МЫЛО

I. ГОЛЛЕНДЕРЪ
для смягченія кожи.

Новоизобрѣтенное вазелиновое мыло, пріятнаго запаха, придаетъ кожѣ желаемую мягкость. Цѣна за кусокъ 30 коп., 3 куса съ пересылк. 1 р. 50 к.

Получать можно во всѣхъ парфюм. и аптеч. магазинахъ и аптекахъ Россіи.

Главный складъ: **СПБ., Демидовъ пер., д. № 1.** (6) № 4278

ЦАРЬ-ДѢВИЦА.
Вс. Соловьева.

Ром.-хрон. XVII в., въ 3 ч. Ром. этотъ обнимаетъ эпоху правленія и низложенія Царевны Софій. СПб. 1886 г. Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 коп.; въ колѣнкор. перепл. 2 р. 75 к., съ перес. 3 руб. 25 коп.

КНЯЖНА ОСТРОЖСКАЯ.
Вс. Соловьева.

Историч. повѣсть въ 2-хъ част., съ 20 рис. художника И. С. Панава. Изданіе III. Цѣна перепл. 2 р. 50 к.; въ каленк. перепл. 2 р. 75 к., съ перес. 3 р. 25 к.

ВИРТЕМБЕРГСКАЯ СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВ. АКАДЕМІЯ
въ Гогенгеймѣ. D. № 4360 2-1

Лѣтній курсъ начинается во вторникъ, 15-го Апрѣля с. г. Программы и списки лекцій съ планомъ сельско-хозяйственнаго заведенія высылаются по желанію бесплатно

КОРОЛЕВСКАЯ ДИРЕКЦІЯ АКАДЕМІИ
Гогенгеймъ въ Мартѣ мѣс. 1890 г. Vossler.

ЗУБОЧИСТНЫЯ СРЕДСТВА ПЕЛЛЕТЬЕ,
Ц. № 4300 ЧЛЕНА МЕДИЦИНСКОЙ АКАДЕМІИ ВЪ ПАРИЖѢ. 6-3

ОДОНТИНЪ ПЕЛЛЕТЬЕ ЭЛИКСИРЪ ПЕЛЛЕТЬЕ
бѣлитъ зубы, не портя ихъ эмали. освѣжаетъ ротъ.

Каждая коробка запечатана прилагаемою печатью, четырьмя цѣтлами.

Каждый флаконъ запечатанъ прилагаемою печатью, четырьмя цѣтлами.

Приготовляется у **Л. ФРЕРА,**
19, Rue Jacob, Paris.
У всѣхъ аптекарей и продавцевъ благовоинныхъ товаровъ.

АЛЬБОМЫ
ФОТОГРАФИЧЕСКІЕ

подробности въ „Нивѣ“ №№ 3, 4 и 5.

СБЛАДЪ

ОСКАРЪ ЛЕССЕРЪ,
Садовая, 12-18, напр. Гост. Двора.

САМОУЧИТЕЛЬ ИСТОЧНИКОВЪ ДОХОДА
въ 2-хъ частяхъ, съ 2-мя табл. чертежей. Руководство въ быстрому самообученію безъ учителя, лебому изъ 14 разл. заней

ПРИНОСЯЩИХЪ НА КАЖДОЕ ЛИЦО ЕЖЕМѢСЯЧНО

отъ **50 до 250 р.**

Не требующихъ капитала, быстро изучаемыхъ, легкихъ, доступныхъ всякому возрасту и полу.

Соч. А. МИХАЙЛОВЪ. № 4363

Цѣна съ пересылкой: или деньгами 50 к. Налож. плат. не высылаю.

Требованія адресовать: въ Харьковъ, Кулебакскій пер., д. Пашенка, женѣ подполковника Александръ Дмитриевичъ Золотинской.

102 и 112.

Подъ этимъ названіемъ Товарищество С.-Петербургскаго Механическаго Производства Обуви имѣетъ въ продажѣ общезвѣстныя мужскія ботинки на двухъ или одной подошвахъ съ узкимъ, круглымъ или широкимъ носкомъ. При покупкѣ обращайте вниманіе на фабричное клеймо.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

ПИСЬМУЩАЯ МАШИНА „РЕМИНГТОНА“.

Пишетъ въ 3 раза быстрѣ пера. Чистота, четкость и красота. Введена во всѣхъ Министерствахъ и мног. правительствъ, и частныхъ учрежд.

Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленн. отзывы отъ Правительства и другихъ учреждений, высылаются бесплатно. № 3748

Единственный складъ для всей Россіи:

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ
Москва С.-Петербургъ
Кузнецкій мостъ. Б. Морская. 21.

XXI г.

№ 8

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXI

1890

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЪСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
 Выданъ 24 февраля 1890 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫПРОЕКТЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цена этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1890 г.

Безъ доставки въ Петербургѣ . . . 5 р. Съ доставкою въ Петербургѣ 6 р. 50 к. Безъ доставки въ Москвѣ чр. конт. объявл. Н. Н. Печковской, Петровская Торг. линія 6 р. Съ пересылкой въ Москву и др. города Россіи . . . 7 р. За гра- ницу . . . 9 р.

Въ глуши парна. Съ карт. (собств. „Нивы“) проф. Ю. Клевера, грав. Кирмее.

Пѣсня Солнцу. *)

Исаи Тегнера.

(Переводъ съ шведскаго).

Солнцу пѣсня моя!
Съ золотыхъ облаковъ,
Свѣтоносецъ мировъ,
Смотришь ты, какъ они,
Чуть виднѣясь въ синій,
Отъ начала время
Окружаютъ твой тронъ,
Что вассаловъ семья.

Ночь, владычица сновъ,
Надъ землею царить,
И могильный покровъ
На поблекшей лежитъ;
Съ неба сонмы лампадъ
Въ царство скорби глядятъ...
Но твой пламенный вновь
На востокъ горитъ:
Рдѣетъ розой востокъ;
Какъ изъ почки цвѣтокъ,
Мірозданье встаетъ;
Жизнь и свѣтъ ему шлетъ
Твой привѣтливый взоръ:
Онъ лучистъ и огнистъ,
Мечетъ искры на листъ,
Пишетъ пламенемъ съ горъ.
Жизни быстрый потокъ
Вновь широкъ и глубокъ:
Вновь онъ плещетъ, шумитъ,
И твой ликъ въ немъ дрожитъ,
Пока тихій закатъ
Не растворитъ палатъ,
Освѣщенныхъ зарей, —
Утомленнымъ трудамъ,
Удрученнымъ сердцамъ
И надеждъ земной.

Сынъ небесъ, дай отвѣтъ,
Гдѣ зажегся твой свѣтъ?

Гдѣ ты былъ, гдѣ ты былъ,
Какъ въ предсвѣтной ночи
Самъ Предвѣчный свѣтиль,
Сбѣявъ жизни лучи?
Иль, какъ ангель, стоялъ
Ты у трона Творца.
Въ блескѣ Божья вѣнца
Божьей славой сіялъ?
Но Творцу, возгордѣвъ,
Ты перечить дерзнулъ.
И твой шаръ, прогнѣвъсь,
Въ глубь, какъ мячъ, онъ толкнулъ,
Чтобъ и тамъ ты творилъ
Волю Господа Силь?
Не съ тѣхъ поръ ли твой путь —
Вѣчно-быстрый полетъ,
И никто отдохнуть
На пути не зоветъ?
Не съ тѣхъ поръ ли покрытъ,
Какъ туманной фатой,
Блескъ горящихъ ланитъ?
Помнишь день ты иной. —
Какъ свѣтъ Божья лица
Видѣть ты пересталъ
И съ колѣней Отца
Въ тлѣнь и пропасть уналъ.

Вѣдь усталъ ты, усталъ
Одиного блуждать?
Тѣ-жь пути совершалъ.
Чтобы вновь начинать!
И свершаешь ты ихъ
Уже тысячи лѣтъ,
Но въ кудряхъ золотыхъ
Сѣдины еще нѣтъ:
Еще гордо идешь
Свѣтозарной стезей **)
И, какъ витязь, ведешь.

Свою рать за собой...
Но остынетъ твой жаръ,
Треснетъ огненный шаръ,
И, окутавшись мглой,
Рухнетъ міръ подъ тобой;
Какъ разрушенный домъ,
Мірозданье крутомъ
Въ бранный прахъ разнесетъ,
И съ подбитымъ крыломъ,
Время мертвымъ орломъ
Въ безконечность падетъ!..
Съ неба ангель слетитъ
И, дивясь, поглядитъ
На пустыни тѣхъ странъ,
Гдѣ ты, въ хорѣ свѣтилъ,
Яркимъ лебедемъ плылъ,
И тебя уносилъ
Голубой океанъ!
Взоръ тебя не найдетъ,
И безплотный пойметъ,
Видя тьму впереди,
Что Предвѣчный Творецъ,
Давшій скорби конецъ,
Примиренъ и съ тобой;
Что простилъ Онъ, Отецъ,
И обрѣлъ ты покой
На Господней груди.

Такъ сіяй-же, катись,
Міра бранныго свѣтъ,
Къ свѣту вѣчному мчись,
Исполняй свой завѣтъ!
Жизнь земная на мигъ,
И на мигъ—ея дни...
Лучшей пѣсней твой ликъ
Встрѣчу въ лучшей сини.

В. Головинъ.

Склирена.

Историческая повѣсть А. А. Смирнова.

(Продолженіе).

V.

Is it the tender star of love?
The star of love and dreams?
Oh, no! from that blue tent above
A hero's armour gleams...
Longfellow. („The light of stars“).

Въ концѣ мая императоръ опять страдалъ припадками подагры.

Однажды подъ вечеръ Склирена пошла навѣстить его. Лучи склонявшагося къ закату солнца заглядывали въ небольшія окна покоевъ императора. Мономахъ опять сидѣлъ въ задумчивости, накрывъ ноги дорогимъ мѣхомъ. Онъ видимо былъ ветревоженъ: забота непривычными морщинами легла на его лицѣ. Онъ указалъ молодой женщинѣ кресло около самой постели.

*) „Пѣсня Солнцу“—одно изъ извѣстнѣйшихъ, во многихъ европейскихъ переводахъ, лирическихъ стихотвореній знаменитаго И. Тегнера, епископа въ Векшіо (1782 † 1846 г.), творца „Фритиофа“, „Акселя“, „Перваго Причащенія“ и пр. Оттого-то Беттигеръ въ жизнеописаніи Тегнера, составляющемъ введене къ полному собранію его сочиненій, называетъ шведскаго поэта „Пѣвцомъ солнца“, — выраженіе, повторяемое многими шведскими и нѣмецкими критиками произведеній великаго сѣвернаго писателя. Критики сравниваютъ „Пѣсню Солнца“, появившуюся въ 1816 году, съ лучшими дионрамбами Пиндара и съ Оссиановскими пѣснями „Дневной Звѣзды“ въ поэмкахъ: „Carthou“, „Darthula“ и другихъ. *Переводъ.*

— Я радъ, что ты пришла, сказала онъ ей, — я успокаиваюсь когда ты подлѣ меня.

— Чтѣ случилось? спросила она, — ты чѣмъ-то взволнованъ.

Онъ съ грустью кивнулъ головою.

— Если-бъ ты знала какъ мнѣ тяжело... Я не могу быть спокоенъ ни на минуту, я окруженъ измѣнниками. Родные, близкіе, — всѣ противъ меня злоумышляютъ...

Слезы дрожали въ его глазахъ.

— Ты, одна ты никогда не шла противъ меня. Ты щадишь своего больнаго старика.

— Да что-же случилось? нетерпѣливо спросила она.

— Случилось то, что императрица перехватила письмо Григорія Докіана къ сестрѣ моей, къ Еврепії. Изъ этого письма можно понять, что противъ меня составленъ заговоръ.

— Заговоръ!? повторила Склирена, широко раскрытая глаза.

— Я не знаю, кого хотять возвести на престолъ—

**) Образъ, нѣсколько напоминающій 6, 7 и 8-й стихи 18-го псалма: „Въ солнцѣ положи селеніе Свое: и той, яко женихъ, исходяй отъ чертога своего, возрадуется, яко исполнишь, теши путь. Отъ края небесе сеходъ его, и срѣтеніе его до края небесе: и вѣсть иже укрѣется теплоты его“. *Переводъ.*

да и не все-ли мнѣ равно? Будеть-ли это Константинъ Далассинъ, Багратъ-ли, царь Грузіи, или Левъ Торникъ! Я долженъ раздавить крамолу въ самой семьѣ своей. За Еврешей уже учрежденъ строгій надзоръ. Но могу-ли я безусловно довѣрять и Зоѣ? вдругъ понизивъ голосъ прибавилъ онъ. — Въдъ ея былъ отравленъ Романъ III...

Онъ задумался, и тишина возстановилась на нѣсколько мгновений.

— Императрица должна сейчасъ прійти, продолжалъ Мономахъ, — ей общали доставить свѣдѣнія о подробностяхъ. Мнѣ кажется, въ этомъ дѣлѣ Зоѣ искренне на моей сторонѣ... Это ужасно, ужасно! приходится бояться всѣхъ, въ каждомъ человѣкѣ видѣть врага... Помнишь-ли ты, съ какими мыслями я взшелъ на престолъ? Какъ горячо желалъ я дать отдыхъ имперіи, какъ общалъ стоять на стражѣ мира и тишины?

Она съ грустнымъ сочувствіемъ кивнула ему головою.

— И вотъ — началось: измѣны, заговоры, бунтъ Эротика, возстаніе Маніака, набѣгъ россовъ, вѣроятность войны съ турками... ¹⁾

— Что-же такое? возразила Склирена, — развѣ ты не вышелъ побѣдителемъ изъ всѣхъ этихъ испытаній? Константинъ, тебѣ нельзя унывать: ты — глава Восточной и Западной Римской имперіи, ты — владыка міра... нѣтъ страны, гдѣ не прошли со славою византійскіе легіоны, гдѣ не знакомо обаяніе твоего имени, силы и власти...

Онъ ласково поглядѣлъ на нее и пожалъ ей руку.

— Ты умѣешь говорить... тебя можно заслушаться. Но не думай, что я забочусь лишь о своей личности. Мнѣ больно за государство; всѣ эти обстоятельства губятъ его. Имперія расшатана; набѣги варваровъ, внутреннія смуты ее изнурили. Мои эдикты и новеллы тщетно слятся поддержать правосудіе — оно падаетъ. Мы горды, мы презираемъ варваровъ — а готовы съ униженіемъ купить у нихъ миръ или союзъ.

— Ты сегодня мрачно настроенъ, сказала Склирена, — но я твердо вѣрю, что Византія — царица міра и сумѣетъ сберечь для него свѣтъ вѣры, знаній и искусства.

Дежурный спальникъ, кубикюларій, распахнулъ дверь опочивальни.

— Императрица идетъ! проговорилъ онъ.

Склирена быстро поднялась съ мѣста.

— Я уйду... сказала она.

За исключеніемъ официальныхъ случаевъ, эти двѣ женщины избѣгали встрѣчи. Императоръ за руку удержалъ ее.

— Прощу тебя, останься, молвилъ онъ, — мнѣ легче, когда ты со мною.

Зоѣ, оставя въ соседней комнатѣ сопровождавшихъ ее, была уже на порогѣ. Склирена встала съ мѣста и почтительно и низко ей поклонилась. Кубикюларій пододвинулъ императрицѣ кресло и потихоньку вышелъ. Зоѣ сѣла.

— Мнѣ надо поговорить съ тобою, произнесла она.

— Говори, я слушаю, сказалъ Мономахъ.

Императрица обратила взглядъ на Склирену.

— Она все знаетъ, продолжалъ Константинъ, поймавъ этотъ взглядъ, — ты можешь говорить не стѣняясь.

— А, тѣмъ лучше, сказала Зоѣ, — пускай Августѣйшая увидитъ, что, кромѣ пировъ и любовныхъ забавъ, у носящихъ пурпурныя туфли бываютъ и другія заботы.

Склирена вспыхнула, но промолчала, опустивъ глаза на свою красную обувь украшенную золотыми орлами. Мономахъ сдвинулъ сѣдые брови.

— Ты хотѣла говорить о дѣлѣ, замѣтилъ онъ женѣ.

— Да... я узнала имена двухъ сообщниковъ Григорія Докана; это — Иверъ Аонининъ и монахъ Пикифоръ — евнухъ. Сегодня ночью эти три заговорщика должны, подь предлогомъ охоты, сѣхаться въ загородномъ домѣ

¹⁾ Возстанія Эротика и Маніака были подавлены въ 1012 г. Войну съ турками Мономахъ началъ лишь въ 1048 г.

Докана, на берегу Пропонтиды. Вотъ прекрасный случай захватить ихъ и пресѣчь заблаговременно ихъ планы.

— Твоя правда, но надо терять времени, сказалъ Мономахъ и хлопнулъ въ ладоши. Кубикюларій показался въ дверяхъ.

— Сейчасъ позвать сюда этеріарха Боилу, распорядился императоръ.

— Онъ ожидаетъ въ пріемной, замѣтилъ спальникъ.

Черезъ минуту маленькій человѣчекъ, войдя въ комнату и поклонясь до земли, приблизился къ ложу государя, поцѣловалъ его руку и въ ноясъ поклонился Августѣйшимъ.

Императоръ въ двухъ словахъ рассказалъ ему въ чемъ дѣло.

— Возьми сейчасъ-же взводъ спааріевъ, поѣзжай за городъ и живыми или мертвыми захвати измѣнниковъ. Сослужи мнѣ эту службу; я знаю — это дѣло не легкое и опасное. Они стануть защищаться. Людей выбери вѣрныхъ; лучше возьми изъ молодыхъ, или изъ иноземцевъ, чтобъ они не вздумали перейти къ крамольникамъ.

Злая усмѣшка скользнула по лицу Зоѣ.

— Можно будетъ также захватить этого иноземца — спаарія Глѣба... сказала она.

Руки Склирены похолодѣли.

— Глѣбъ... онъ, кажется, недавно служилъ, пробормоталъ Боила.

— Да. Но онъ уже получилъ повышеніе. Дай-же ему случай доказать, что почести сыплются на него не даромъ.

Императоръ былъ сильно взволнованъ.

— Да, конечно... пускай и этотъ Глѣбъ поѣдетъ, сказалъ онъ. — и приходи ко мнѣ съ докладомъ какъ-бы поздно ты ни вернулся. Ну, а теперь оставьте меня одного; у меня нѣтъ больше силъ.

Ни жива, ни мертва шла Склирена вслѣдъ за Зоєю по галереѣ Орологія; дыханіе у ней захватывало, ноги дрожали.

— Я полагаю, обратилась Зоѣ къ своей спутницѣ, — твой бывший рабъ очень радъ будетъ случаю отличиться. Какъ ты думаешь, Августѣйшая?

Склирена призвала на помощь всѣ свои силы и повидимому спокойно выговорила:

— Да... вѣроятно.

Ледяное безстрастіе этого отвѣта поразило Зою; она невольно оглянулась, думая уловить въ ея чертахъ слѣды тревоги и смятенія, но ничего, кромѣ безпрѣдѣльной ненависти, не прочитала она въ сосредоточенномъ лицѣ красавицы.

— Притворщица... кукла мраморная! со злобою отвертываясь, прошипѣла старуха.

Солнце только что сѣло, когда Глѣбъ, вмѣстѣ съ нѣлымъ взводомъ спааріевъ, выѣхалъ изъ дворца.

Обычное оживленіе вечера царило на улицахъ: нестроя толпа двигалась къ ипподрому; верхнія колоннады его, украшенныя статуями, были полны гуляющихъ. Съ этого любимого мѣста прогулки византійцевъ открывался чудный видъ на море и на городъ, а въ часы заката, въ розовыхъ нѣжныхъ краскахъ его, видъ этотъ казался чѣмъ-то волшебнымъ.

Спааріи, съ Боилою во главѣ, скакали по большому триумфальному пути къ Золотымъ Воротамъ. Колонны портиковъ мелькали по бокамъ дороги; порою въ прорѣзѣ улицъ, сбѣгавшихъ къ морю, видѣлась еще трепещущая блескомъ заката Пропонтида. лиловыя горы, розовый небосклонъ. Прохожіе сторонились, слыша лошадиный топотъ; ноги лошадей скользили порою по гладкимъ камнямъ и искры летѣли изъ-подъ копытъ. Отъ быстраго бѣга струя свѣжаго воздуха налетала имъ навстрѣчу. Сумерки ступались въ узкихъ улицахъ; быстрыя, разорванныя облака пробѣгали надъ горо-

Утѣшеніе въ музыкѣ (*Adagio consolante*). Стъ карт. Гёслина, грав. Гейеръ и Кирязе.

домъ. Одинъ за другимъ развѣтывались пять форумовъ триумфальнаго пути, рѣзко выдѣлялись на меркнувшемъ небѣ ихъ колонны и обелиски.

Тѣмъ дальше отъ центра, тѣмъ безлюднѣе становился городъ; они пробѣжали теперь по кварталу Ксеролофа. Портнки давно кончились; по сторонамъ дороги тянулись кладбища, тюрьмы, мѣста казни, лагерныя стоянки. День погасалъ и небо хмурилось все сильнѣе. Внезапный дождь крупными каплями зашумѣлъ вокругъ.

Было уже совсѣмъ темно и огни зажигались въ домахъ, когда снаварии доскакали до Золотыхъ Воротъ и остановились подъ ихъ сводами взмыленныхъ коней. Разсмотрѣвъ при тускломъ свѣтѣ фонаря документъ о пропускѣ, старшій по караулу приказалъ отпереть ворота. Поднята была на тяжелыхъ цѣпяхъ наружная рѣшетка, шедкнулъ замокъ, застучали засовы и медленно, съ жалобнымъ скрипомъ, распахнулись тяжелые ворота, какъ пасть открывъ путникамъ зияющую бездну мрака. Ни одного огня не свѣтилось вѣд стѣнъ, едва замѣтною полоскою убѣгала вдаль сѣрая дорога. Крупный дождь шумѣлъ вокругъ... Холодно, непріятно и жутко было въ этой тѣмнѣ...

— Ну, братцы, сказалъ одинъ изъ часовыхъ, — не хорошо теперь въ полѣ.

Снаварии выѣхали за ворота и скоро пропали во мракѣ. Только топотъ копытъ еще раздавался подъ шумъ дождя.

Ворота снова затворились. Дождь векорѣ прошелъ, и глубокая тишина возстановилась надъ предметемъ.

Только по временамъ издали, постепенно приближаясь и переходя отъ солдата къ солдату, раздавался протяжный и однообразный окликъ часовыхъ вдоль стѣнъ.

Узнавъ около полуночи, что Романъ Боила воротился и пошелъ съ докладомъ къ императору, Склирена послала просить его зайти на обратномъ пути въ Кемчужину.

Усталый и запыленный, вошелъ онъ къ ней.

— Прости меня, Августѣйшая; я прямо съ дороги, проговорилъ онъ, — ты хотѣла меня видѣть.

Онъ не выговаривалъ многихъ буквъ; его косноязычье и малый ростъ обыкновенно вызывали улыбку собесѣдника, но на этотъ разъ Склирена глядѣла на него съ серьезнымъ безпокойствомъ.

— Я очень тревожилась объ исходѣ даннаго тебѣ порученія. Садись и расскажи, какъ все это вышло.

Боила сѣлъ на конецъ скамьи.

— Они арестованы всѣ трое и нѣсколько человѣкъ ихъ прислуги. Одинъ изъ заговорщиковъ раненъ. Дѣло вышло очень серьезное: они закричались отчаянно.

Склирена испуганно посмотрѣла на него.

— Но вы остались невредимы? быстро спросила она.

— Я потерялъ двухъ солдатъ убитыми, да человѣкъ шесть ранено.

— О, Боже!.. со стономъ вырвалось у ней.

Молчаніе воцарилось въ комнатѣ.

— Тамъ былъ одинъ иноземецъ, котораго я помѣстила въ число снаваріевъ... робко начала она.

— Да, знаю—Глѣбъ... перебилъ ее етеріархъ.—Онъ молодецъ—этотъ юноша. Я видѣлъ—онъ бился какъ левъ...

Она подняла голову.

— Кажется, онъ остался живъ, добавилъ Боила.

Это „кажется“ съ острую болью прошло по ея сердцу, но все-же слова етеріарха нѣсколько ободрили ее.

— Я прискакалъ сюда во весь махъ; часть солдатъ отправилась съ преступниками въ Анемадскую тюрьму, другіе везутъ раненыхъ товарищей. Извини, Августѣйшая, я долженъ еще сдѣлать нѣкоторыя распоряженія.

Онъ всталъ. Она его не удерживала.

Склиренѣ было не до сна въ эту ночь. Едва ушелъ Боила, она тихонько вышла на галерею Сорока Мучениковъ. По галереѣ взадъ и впередъ ходилъ часовой; онъ окликнулъ ее; но, узнавъ любимицу императора, вытянулся и почтительно пропустилъ ее. Молодая женщина отворила небольшую дверь и вошла въ Триконхъ—любимый триклиній императора Теофила. Слабый свѣтъ полумѣсяца, взошедшаго послѣ полуночи, едва проникалъ въ круглыя окна, прорѣзанныя въ высокихъ, позолоченныхъ сводахъ; смутно выступали колонны и мозаичный полъ; стѣны казались широко раздвинутыми. Склирена направилась къ параднымъ дверямъ въ залъ; ихъ было три, всѣ онѣ выходили на Сигму—порталь Богомъ-хранимаго дворца. Средняя изъ дверей, массивнаго серебра съ барельефами, открывалась лишь въ торжественныхъ случаяхъ, но у молодой женщины былъ ключъ отъ одного изъ боковыхъ входовъ. Она смѣло повернула его въ замокъ, бронзовая дверь тихо отворилась; Склирена была на парадномъ крыльцѣ священнаго дворца. Длинные ряды колоннъ тянулись передъ нею; двѣ широкія лѣстницы сбѣгали во дворъ,—въ знаменитый таинственный фіалъ Сигмы. За фонтаномъ, у широкихъ входныхъ воротъ стояли на часахъ два стража, видѣлись ихъ тѣни съ двойными топорами на длинныхъ древкахъ. Атріумъ былъ широкъ; они не могли слышать легкихъ шаговъ красавицы, заглушенныхъ еще шумомъ фонтана. Налѣво—широкая мраморная лѣстница поднималась на галерею Дафнейскаго дворца; направо—открытая дверь вела въ помѣщеніе снаваріевъ.

Серизъ луны сквозь туманную дымку облаковъ тускло освѣщала атриумъ, фонтанъ посреди его и мелкія бѣллыя струи, съ однообразнымъ плескомъ бѣжавшія изъ его золотой раковины. Тѣни тучъ, то темнѣе, то свѣтлѣе, пробѣгали по еще мокрымъ отъ недавняго дождя мраморнымъ плитамъ двора.

Склирена остановилась у колонны и стала ждать.

„Кажется, остался въ живыхъ“, думалось ей, „но можетъ быть раненъ, опасно раненъ“.

Она должна увидѣть его, должна узнать... и красавица напряженно вглядывалась въ темное пространство за воротами.

При измѣнчивомъ невѣрномъ освѣщеніи таинственный фіалъ Сигмы казался зачарованнымъ. Неподвижно стояли у входа двое дремлющихъ часовыхъ. Время шло.

„Дрался какъ левъ...“ вспомнились ей слова Романа Боилы, и гордость сверкнула въ ея глазахъ. Конечно, она всегда знала, что Глѣбъ такъ же храбръ, какъ и прекрасенъ...

Вдругъ она вздрогнула: среди плеска воды къ ней издали донесся лошадиный топотъ. Она присудушалась... сомнѣнія нѣтъ: это снаварии возвращаются изъ ночной поѣздки. Одинъ изъ нихъ, опередивъ товарищей, подсккалъ къ воротамъ. Стражи встрепенулись, послышался ихъ окликъ. Нѣсколько человѣкъ выбѣжало изъ снаварикія встрѣтить пріѣхавшихъ и принять лошадей. Вотъ еще подѣхало нѣсколько человѣкъ. За воротами послышались голоса, движеніе, ржаніе уводимыхъ коней.

Одинъ изъ тѣлохранителей быстро прошелъ черезъ атриумъ къ дверямъ снаварикія. Склирена подняла голову, вглядываясь... „Нѣтъ, это не онъ“.

Вдругъ тихій стонъ раненаго раздался у воротъ среди общаго говора. Болѣзненно отдался онъ въ сердцѣ молодой женщины; она не отрывала глазъ отъ чернѣвшихъ у воротъ тѣней.

— Осторожнѣе... иди въ ногу... слышалось оттуда.

Медленно колыхаясь показались носилки. Съ боковъ шли люди съ факелами.

Похолодѣвъ отъ ужаса, глядѣла Склирена на невольно покачивавшуюся, странно-освѣщенную голову лежанина на носилкахъ. У ней отлегло отъ сердца—это не былъ Глѣбъ.

А въ воротахъ уже показались еще носилки и еще, и еще... и вся замирая смотрѣла она на печальное шествіе, и съ новымъ вздохомъ облегченія поворачивала взглядъ опять къ воротамъ.

Вотъ еще двоихъ товарищи провели подь руки, прошло еще нѣсколько человѣкъ, но напрасно Склирена всматривалась въ нихъ: Глѣба не было въ ихъ числѣ.

И вдругъ сердце ея радостно дрогнуло: среди головокъ у воротъ, она ясно разслышала звуки его голоса. Забывъ всякую осторожность, она быстро сошла во дворъ и остановилась у фонтана. Водяная пыль обдавала ее холодомъ и сыростью, но Склирена ее не замѣчала: облокотясь на серебро бассейна, она не отрывала глазъ отъ входившаго.

„Какъ онъ блѣденъ, какъ странно идетъ онъ!“ Отчаяніе сдавило ей грудь; она хотѣла броситься къ нему и, не помня себя, отчетливо и ясно выговорила:

— Глѣбъ!

Услыхавъ свое имя, спаѳарій остановился и оглянулся. Онъ замѣтилъ тѣнь у фонтана и сдѣлалъ къ ней движеніе; но тѣнь быстро приложила палецъ къ устамъ. Глѣбъ замеръ на мѣстѣ. Тѣнь указала ему на полумракъ опоясывавшій дворъ колоннады и сама неслышно скользнула къ Сигмѣ, поднялась на ступени и скрылась среди колоннъ.

Стражи ничего не слышали. Глѣбъ приближался, оглябая фіаль въ тѣни колоннады.

Какъ безумная бросилась она ему навстрѣчу.

— Ты не раненъ? ты не раненъ? шептала она и слезы катились изъ глазъ ея.

Съ изумленіемъ глядѣть онъ на нее.

— Августѣйшая... это ты!? здѣсь... одна, въ ночной часъ... что случилось?

Онъ стоялъ передъ нею стройный и красивый; золотистыя кудри выбивались изъ-подъ сурово надвинутаго на лобъ шлема; тусклый свѣтъ мѣсяца игралъ на его блестящей поверхности, и голубыя очи юноши кротко и изумленно глядѣли на молодую женщину.

— Ты не раненъ? настойчиво повторяла она.

— Нѣтъ... молодецки тряхнувъ плечомъ, отвѣтилъ онъ,—эту царапину на ногѣ даже нельзя назвать раной. Она заживетъ черезъ три дня...

Склирена съ неподдѣльнымъ ужасомъ поглядѣла на его окровавленную ногу.

— Надо-же перевязать рану!

— Я говорю тебѣ—пустяки... презрительно сказалъ онъ,—послѣ перевяжутъ. Я дешево отдѣлался.

И онъ сообщилъ ей, какъ спаѳаріи окружили домъ Докіана, какъ мятежники выбѣжали съ вооруженными слугами и какая свалка закипѣла въ темнотѣ. Онъ разсказывалъ путаясь и сбиваясь; онъ не умѣлъ говорить краснорѣчиво.

Положивъ ему руку на плечо, она съ гордостью слушала его разсказъ.

— Да, мнѣ говорили, что ты бился молодцомъ, сказала она, когда онъ замолкъ, и прибавила радостнымъ шепотомъ:—Но какое счастье, что все кончилось благополучно.

— Почему-же ты до сихъ поръ не ложишься? Кого ждала ты? спросилъ Глѣбъ.—Вѣдь ужъ скоро утро.

Она глядѣла своими горящими глазами прямо въ его очи.

— Да развѣ я могла спать когда тебѣ угрожала смерть? Я чуть не умерла сегодня, когда эта злая старуха велѣла и тебя послать... но я не показала ей своего волненія... и ты еще спрашиваешь!? Я тебя ждала, я для тебя пришла!

Очи ея блестѣли, горячее дыханіе жгло его лицо; вся она дрожала и трепетала, какъ струна подь ударомъ руки.

Фонтаны шумѣли. Высокія, темныя колонны Сигмы, какъ безмолвные сторожа стояли вокругъ. Внизу, какъ

очарованный, спалъ таинственный фіаль и неясно рисовались при свѣтѣ мѣсяца колоннады Дафнейскаго дворца.

— Скажи-же хоть слово, прилегая головою ему на грудь, шептала она.

— Я не могу опомниться, тихо вымолвилъ онъ,—ты—Августѣйшая... ты любишь меня!? Нѣтъ, нѣтъ... это шутка.

— Шутка... повторила она, и страстнымъ упрекомъ дрогнувъ ея голосъ. Опустивъ руки и неподвижно глядя передъ нимъ, она долго вглядывалась въ его лицо, потомъ круто повернулась, неровными шагами прошла вглубь Сигмы и опустилась на ступени, закрывъ лицо руками.

Онъ подошелъ къ ней и стоялъ безмолвный и смущенный.

— Ты бы не сказала, что это шутка... если-бъ зналъ, какъ я измучилась... увавшимъ голосомъ молвила она.

Ее душилъ воротъ одежды; она рвала его рукою, судорожно сжавъ губы, и рубиновыя застежки его откидывались съ легкимъ звономъ, обнажая ея шею. Лицо ея исказилось страданіемъ.

Онъ съ участіемъ склонился къ ней.

— Перестань, молвилъ онъ,—зачѣмъ ты себя мучишь? Если-бы ты знала, какъ мнѣ тяжело, какъ мнѣ жаль тебя...

Она слушала, въ недоумѣніи все шире и шире раскрывая глаза. Вдругъ въ нихъ молніей сверкнула дикая, сумасбродная мысль. Голова нагнулась впередъ, какъ у тигрицы, готовой броситься на жертву.

— Ты любишь другую... въ изступленіи прошептала она,—да, да... и я найду ее.

Она смолкла и, словно устыдясь своей мгновенной вспышки, опять закрыла лицо руками. Тишина стояла кругомъ, только шумъ фонтановъ не умолкалъ. Небо блѣднѣло, разсвѣтъ разогналъ ночной мракъ.

— Зачѣмъ ты такъ говоришь? тихо молвилъ Глѣбъ,—я никого не люблю. Погляди на меня—я весь въ пыли, въ крови... до любви-ли мнѣ? Нѣтъ, я никогда еще не страдалъ отъ любви и не знаю этого несчастья.

Онъ не лгалъ, онъ не могъ лгать—его открытый, глубоко спокойный взглядъ лучше словъ говорилъ то же самое.

Склирена глядѣла куда-то вдаль. Казалось—день, вмѣстѣ съ тѣнями ночи, безжалостно развѣивалъ ея послѣднія грѣзы. Наконецъ она поднялась съ мѣста и спокойно и властно сказала:

— Ну, теперь ступай домой... пора!

Опустивъ голову, онъ послушно побрелъ прочь. Она, не оглядываясь, приблизилась ко входу Триконха и замокъ щелкнулъ за нею въ бронзовой двери.

Она была одна въ триклиніи; только блѣдный разсвѣтъ заглядывалъ на нее въ окна. Прислонясь пылающимъ лбомъ къ холодному мрамору колонны, она сама словно окаменѣла: любовь, отчаяніе, стыдъ леденили ея душу, и она была-бы рада, если-бъ золотые своды Триконха обрушились и задавили ее.

Послѣ обѣдни у Св. Софій, въ великомъ триклиніи Магнауры, происходилъ пріемъ франкскихъ пословъ.

Огромная зала была полна народа; отдѣльно, на опредѣленныхъ мѣстахъ помѣщались патриціи, сенаторы, проконсулы и спаѳаріи. Съ обѣихъ сторонъ опущеннаго надъ входомъ пурпурнаго занавѣса стояли два протоалата (знаменосца) съ золотыми императорскими знаменами на тонкихъ древкахъ. На возвышеніи, куда вели ступени зеленого мрамора, помѣщались три трона изъ массивнаго золота; въ серединѣ на тронѣ, украшенномъ драгоценными камнями, подь сѣнью большаго золотаго креста усыпаннаго яхонтами и рубинами, сидѣлъ императоръ, направо отъ него—императрица, налѣво—Склирена. Золотые львы лежали у подножія трона.

Солнце заливало все радостным блескомъ, играя на яркихъ одеждахъ, на блистающихъ шлемахъ, на мягкихъ переливахъ шелковыхъ тканей. Серебряные органы играли, неуловимый шепотъ стоялъ надъ толпою.

Но вотъ музыка смолкла: зала огласилась криками многолѣтня Августѣйшима и изъ-за раздвинувшейся занавѣсы препозиты (придворное званіе) вводили франкскихъ пословъ и ихъ свиту. Опять заигралъ органъ: вошедшіе подошли къ ступенямъ трона и низко поклонились императору. Толпа зашевелилась, тѣснѣе сдвигаясь вокругъ нихъ; Глѣбъ очутился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Склирены.

Среди возстановившейся тишины раздались слова логовѣта (канцлера), стоявшаго на ступеняхъ трона. Онъ передавалъ посламъ привѣтствіе императора, спрашивалъ объ ихъ здоровьи.

Но Глѣбъ не слушалъ логовѣта; онъ глядѣлъ на Склирену. Она сидѣла неподвижно, словно окаменѣвъ на массивномъ золотомъ тронѣ. Наброшенный на ея

голубую, затканную золотомъ одежду, парчевый плащъ, отороченный жемчугомъ, какъ риза ложился кругомъ крупными, словно кованными складками. Императорская диадема изъ сафировъ, алмазовъ и жемчуга, свѣшиваясь длинными подвѣсками вдоль щекъ и соединяясь подъ подбородкомъ у алмазной застежки плаща, точно рамой изъ золота и драгоценныхъ камней, окружала лицо красавицы.

Среди благоговѣйнаго безмолвія стоявшей у ея ногъ толпы, охваченная лучомъ горячаго солнца, дробившимся и игравшимъ въ каменныхъ ея убора, на золотѣ драгоценныхъ одеждъ.—Августѣйшая сидѣла безстрастная и безучастная. Длинные рѣсницы были опущены, ни одинъ мускуль строгаго лица не шевелился.

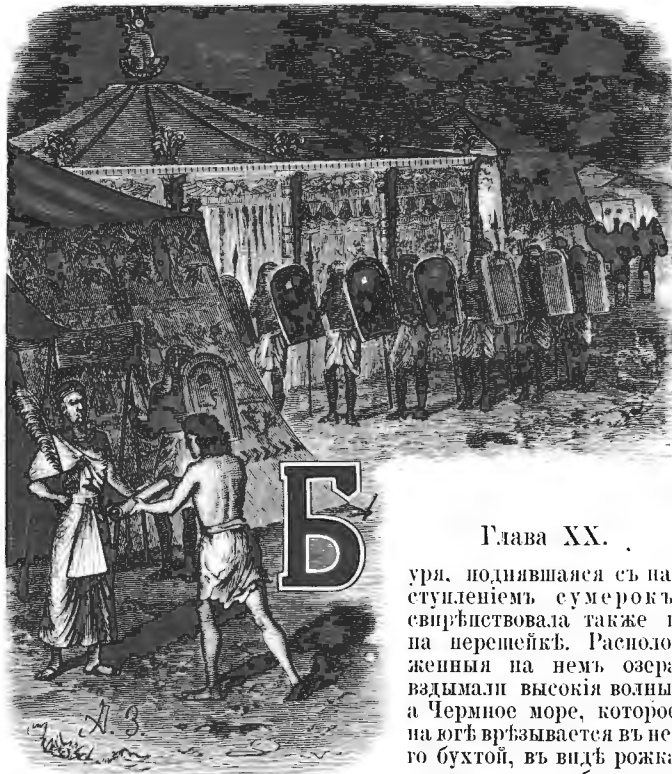
Только въ странномъ свѣтѣ, только въ бреду могли послышаться Глѣбу страстные рѣчи, что говорила эта женщина, окруженная общимъ поклоненіемъ, стоящая на такой недосыгаемой высотѣ почестей и блеска!

(Продолженіе будетъ).

Иисусъ.^{*)}

Повѣствованіе изъ библейскихъ временъ. Георга Эберса. (Продолженіе).

(Право перевода приобрѣтено редакціей отъ автора).

Б

Глава XX.

уря, подымавшаяся съ наступленіемъ сумерокъ, свѣтлѣла также и на перешейкѣ. Расположенные на немъ озера вздымали высокія волны, а Черное море, которое на югѣ врѣзывается въ него бухтой, въ видѣ рожка улитки, сильно бурлило.

И дальше на сѣверъ, гдѣ фараоново войско недавно расположилось лагеремъ, подъ защитой Южнаго Мидола самой сильной изъ крѣпостей на линіи Эола—въ воздухѣ тоже носился подгоняемый бурей песокъ. Въ станѣ царя и его сановниковъ не переставалъ работать молотъ, вколачивая все глубже въ землю колья отъ шатровъ. Вихрь рвалъ и трепалъ шелковыя, шерстяныя и холщевыя ткани этихъ шатровъ и грозилъ повалить колья, поддерживавшіе походныя жилища царя и его приближенныхъ.

Надъ сѣверомъ висѣла черная туча, но мѣсяцъ и звѣзды по временамъ еще свѣтили. Вдали сверкала зарница и на мгновеніе также разогнала постепенно стгуцавшійся мракъ. Все еще можно было надѣяться, что дождь и нынѣ обойдетъ этотъ обыкновенно шадимый имъ уголокъ. Повсюду горѣли костры. Двойные ряды воиновъ, образуя вокругъ нихъ живую изгородь, защищали ихъ отъ напора бури.

Въ эту ночь стража несла тяжелую службу. Воздухъ былъ душный, несмотря на сѣверный вѣтеръ, который дулъ во всю силу и бросалъ людямъ въ лицо цѣпы горсти песку.

Сѣверный входъ въ лагерь охранялся только двумя часовыми, но и ихъ было вполне достаточно: благодаря дурной погодѣ, уже давно никто не являлся съ требованіемъ про-

*) Сынъ Навина.

пуска. Но три часа спустя послѣ солнечнаго заката, вдругъ показалась стройная фигура не то юноши, не то мальчика, который, предъявивъ значокъ, удостовѣрившій въ немъ посланца, просилъ указать ему дорогу къ ставкѣ князя Сигтаха.

Все въ немъ говорило о длинномъ и томительномъ пути. Его густыя, черныя кудри были вкочлены, а ноги покрыты густымъ слоемъ пыли и засохшаго ила. Но онъ тѣмъ не менѣе не внушалъ подозрѣній. Онъ держался просто и съ достоинствомъ. Значокъ, имъ предъявленный, былъ въ порядкѣ, а письмо было дѣйствительно на имя князя; это засвидѣтельствовалъ и писецъ при приемѣ хлѣбныхъ запасовъ, который находился здѣсь въ числѣ другихъ чиновниковъ и теперь, вмѣстѣ съ низкими чинами, засѣдалъ у сосѣдняго костра.

Видъ юноши всѣмъ понравился. Къ тому же, онъ принесъ изъ Таниса и конечно принесъ свѣжія новости. Ему очистили мѣсто у огня и предложили раздѣлить ужинъ. Но онъ очень торопился.

Онъ съ благодарностью отвергъ приглашеніе, коротко отвѣчалъ на всѣ разспросы и просилъ дать ему проводника. Желаніе его было немедленно исполнено. Но ему скоро пришлось убѣдиться, что доступъ къ одному изъ членовъ царскаго дома не такъ-то легокъ. Шатры фараона, его родственниковъ и приближенныхъ стояли въ самомъ центрѣ стана, за дѣлнымъ заборомъ изъ щитовъ, охраняемые тяжело вооруженными воинами. Прежде, чѣмъ допустить юношу за черту ихъ, его многократно посылали отъ одного къ другому и всякій разъ подвергали новому осмотру письмо къ князю. Проводникъ его былъ отпущенъ, а мѣсто его занялъ важный сановникъ, именованійей «дарекими глазами и ушами». Онъ уже собирался сломать печать и вскрыть письмо, но юноша рѣшительно тому воспротивился. Наконецъ, ему указали двѣ рядомъ стоявшія и сильно колеблемыя вѣтромъ ставки: одна укрывала князя Сигтаха, другая—Казану, дочь Горнехта. Изъ первой палатки вышелъ комнатный сановникъ и, въ отвѣтъ на выраженное юношей желаніе проинкнутъ къ князю, взялся самъ доставить письмо. Сановникъ состоялъ при дворѣ князя, и Ефремъ—это былъ онъ—согласился поручить ему письмо, но съ тѣмъ, что самъ онъ за то будетъ немедленно допущенъ къ молодой вдовѣ.

Царедворецъ почему-то считалъ весьма важнымъ, чтобы письмо прошло черезъ его руки. Онъ смѣрилъ Ефрема взглядомъ и осведомился, знаетъ-ли его Казана. Юноша отвѣчалъ утвердительно и кромѣ того прибавилъ, что имѣеть къ ней устное порученіе. Египтянинъ улыбнулся.

— Хорошо, сказалъ онъ въ заключеніе,—только мы не пускаемъ на наши ковры съ такими ногами. Да къ тому-же ты, кажется, совѣтъ изъ силъ выбился и нуждаешься въ подкрѣпленіи. Ступай за мной!

Онъ увелъ Ефрема въ маленькую палатку, гдѣ старый рабъ и другой, едва вышедшій изъ дѣтства, сидѣли у огня и заѣдали свой ужинъ лучкомъ чеснока.

При входѣ сановника, оба вскочили. Онъ приказалъ старика вымыть Ефрему ноги, а подростка отиравилъ на кухню князя, съ требованіемъ отъ своего имени мяса, хлѣба и вина. Затѣмъ онъ увелъ юношу въ свою собственную ставку, освѣщенную свѣтлышкомъ, и сталъ разспрашивать, почему юноша, не похожий ни на раба, ни на бродягу, имѣеть однако такой плачевный видъ. Ефремъ объяснилъ, что дорогой наткнулся на тяжело рашенаго человѣка и перевязалъ ему рану верхнею

Что бы это могло значить?!.. Съ варг. Белбура. грав. Бодь.

Библиотека "Руниверс"

частью своего пояса. Сановникъ немедленно досталъ и подалье кусокъ тонкой льняной ткани.

Отвѣтъ этотъ, впрочемъ близкій къ правдѣ, казался столь непридуманнѣйшимъ и правдоподобнѣйшимъ, что сановникъ легко повѣрилъ ему. А Ефремъ, тронутый его ласковымъ обращеніемъ, со своей стороны не противился, когда тотъ, не ломая печати, заглянулъ въ гибкій свертокъ папируса, чтобы нѣсколько ознакомиться съ его содержаніемъ. Круглые, запляснѣнныя жирные глаза царедворца при этомъ сверкнули такъ хитро, что юноша, готовый признать его за олицетвореніе добродушія, вдругъ открылъ въ немъ большое сходство съ кошкой.

Покончивъ съ письмомъ, царедворецъ удалился и предоставилъ юношѣ спокойно подкрѣпиться и привести себя въ порядокъ. Когда онъ вернулся, Ефремъ, умытый, опоясанный новой льняной тканью, съ тщателью расчесанными, усаженными, благоухающими кудрями, стоялъ передъ зеркаломъ, размышляя, надѣтъ ему, или нѣтъ, на руку широкое, золотое запястье.

Онъ долго колебался. Настоящее положеніе его было опасно: онъ это хорошо знаетъ. Драгоценный обручъ составлялъ все его состояніе. Съ какимъ трудомъ, во время неволи, скрывалъ онъ его въ складкахъ своего пояса! Запястье могло сослужить ему вредъ еще не малую службу. Надѣтъ его, онъ можетъ обратить на себя вниманіе—и тогда опасность быть узаннымъ увеличится.

Но собственное отраженіе въ зеркалѣ и тщеславное желаніе предстать передъ Казаной во всей красотѣ, заглушило въ немъ осторожность и въ концѣ концовъ драгоценное украшеніе засверкало у него надъ локтемъ.

Сановникъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на прекраснаго, горделиваго юношу, въ котораго такъ быстро превратился жалкій посланецъ. У него невольно вырвался вопросъ, не родственникъ-ли юноша Казанѣ. Получивъ отрицательный отвѣтъ, онъ вторично осведомился, изъ какого знатнаго дома проросло молодой человекъ.

Ефремъ въ смущеніи опустилъ глаза, потомъ попросилъ египтянина, забавить его отвѣта, пока онъ не повидается съ дочерью Горнехта.

Придворный еще разъ окинулъ юношу пытливымъ взглядомъ, покачалъ головой, но прекратилъ свои расспросы. То, что онъ успѣлъ подмѣтить въ письмѣ, составляло тайну, которая грозила смертью соучастнику, а знатный молодой посолъ, безъ сомнѣнія, принадлежалъ къ числу приверженцевъ его повелителя, князя Сиптаха.

Дрожь пробѣжала по объемистому, пухлому тѣлу придворнаго. Онъ робко и участливо смотрѣлъ на цвѣтущее, молодое существо, которое такъ смѣло вмѣшивалось въ опасную игру.

Его повелитель до сихъ поръ еще только намекалъ на какую-то тайну, и придворный еще могъ отдѣлать свою судьбу отъ судьбы князя. Сдѣлай онъ это теперь—и его ожидаетъ обезпеченная старость. Но если онъ послѣдуетъ за княземъ, на какую высоту онъ можетъ вознестись, въ случаѣ удачи! Онъ былъ отцомъ многочисленной семьи и ему предстоялъ трудный выборъ. Съ увлажненнымъ лбомъ и безъ ласки мысли въ головѣ, проводилъ онъ Ефрема къ шатру Казаны и поспѣшилъ обратно къ своему повелителю.

Въ шатрѣ изъ легкихъ столбиковъ и тяжелыхъ пестрыхъ тканей, гдѣ помѣщалась прекрасная вдова, царило безмолвіе.

Съ сильно бьющимся сердцемъ стоялъ передъ нимъ Ефремъ. Наконецъ онъ собрался съ духомъ и рѣшился отдрнуть занавѣсъ, прирѣбленный къ землѣ и надутый вѣтромъ какъ парусъ. Передъ юношей открылось темное пространство, къ которому слѣва и справа примыкали два другія. Во второмъ было такъ же темно, какъ въ первомъ, но справа, сквозь щели, свѣтился огонь. Шатеръ состоялъ изъ трехъ отдѣленій, съ плоской крышей, какъ Ефрему не разъ случалось видѣть, и въ освѣщенномъ отдѣленіи находилась та, къ которой онъ стремился.

Во избѣжаніе подозрѣній, онъ рѣшился побѣднть въ себѣ робость. Онъ узкъ наклонился и отсегнулъ петлю, которая придерживала занавѣсъ на крюкъ, вбитомъ въ землю. Вдругъ дверь изъ освѣщеннаго отдѣленія распахнулась и оттуда вышла и погрузилась въ темноту женская фигура.

Она-ли это?

Дерзнуть-ли ему съ ней заговорить?

Да, такъ должно.

Сгиснувъ руки, онъ съ трудомъ переводилъ духъ, точно готовясь, непривыканный, переступить за порогъ святая-святыхъ въ храмѣ. Наконецъ онъ отдрнулъ занавѣсъ. Замѣченная имъ передъ тѣмъ женщиною встрѣтила его легкимъ крикомъ. Къ Ефрему мгновенно вернулось самообладаніе. Лучъ свѣта, скользнувшій по лицу женщины, позволилъ ему узнать въ ней не Казану, а ея мамку, сопровождавшую ее сначала къ колодникамъ, а потомъ и въ станъ. Мамка тоже признала его и смотрѣла на него, какъ на выходца съ того свѣта.

Они были въ хорошихъ отношеніяхъ. Когда Ефремъ въ первый разъ вступилъ подъ кровъ начальника стрѣлковъ, она помогала ему омыться и смачивала бальзамомъ его раны; а

во второе его посѣщеніе ухаживала за нимъ вмѣстѣ со своей госпожой.

Они тогда часто по цѣлымъ часамъ весело разговаривали, и Ефремъ знаетъ, что она къ нему хорошо расположена. Когда онъ, въ лихорадочномъ бреду, лежалъ съ отуманеннымъ сознаніемъ, она, съ материнской нѣжностью, гладила его по головѣ; позже—неутомимо расспрашивала его о евреяхъ и, въ заключеніе, сообщала ему, что сама происходить изъ сирійскаго племени, сроднаго съ народомъ Ефрема. Даже языкъ ея—и тотъ не былъ ему вполнѣ чуждъ. Ее—двадцатилѣтнюю женщиною—вмѣстѣ съ другими плѣнниками великаго Рамсеса привели въ Египетъ. Ефремъ, говорила она, напоминалъ ей собственнаго ея сына въ ранней юности.

Юношѣ, слѣдовательно, нечего было бояться ея. Онъ схватилъ ее за руку, шепотомъ сообщилъ ей, что ему удалось бѣжать и что онъ теперь пришелъ сюда, просить совѣта у ея госпожи.

Слово „бѣжать“ успокоило старушку. Стоявшее передъ ней привидѣніе могло обратиться въ бѣгство другихъ, но не ее. Успокоенная, она погладила Ефрема по курчавой головѣ и даже не дослушавъ его торопливаго разсказа, посѣдила обратно въ освѣщенный покой, сообщить госпожѣ о своей находкѣ.

Минъ случилось, Ефремъ стоялъ передъ тою, которая стала путеводною звѣздой его жизни. Съ пылающимъ щеками смотрѣлъ онъ на прекрасное, но видимо заплаканное лицо молодой женщины. Его точно кольнуло въ сердце, когда она, еще не удостоивъ его самого привѣтствіемъ, поспѣшила осведомиться, не слѣдуетъ-ли за нимъ и Осія. Однако онъ скоро забылъ эту обиду, замѣтивъ, какъ молодая вдова ласково на него смотрѣла. А когда Казана обратила вниманіе мамки на его свѣжій, цвѣтущій видъ и замѣтила, что онъ возмужалъ, Ефрему показалось, что онъ дѣйствительно выросъ, и сердце его еще сильнѣе забилось.

Она хотѣла узнать все до малѣйшей подробности, что касалось его дяди. И только пересказавъ ихъ, юноша, наконецъ, выразилъ ей свое желаніе поговорить съ ней и о собственной судьбѣ. Казана еще разъ перебила его. Надо было сговориться съ мамкой насчетъ мѣръ для безопасности Ефрема. Скоро все было придумано.

Прежде всего старуха, съ помощью юноши, закрыла какъ можно плотнѣе главный входъ въ шатеръ. Потомъ указала ему темный покой, куда онъ долженъ будетъ скрыться по первому ея знаку.

Казана, тѣмъ временемъ, наполнила кубокъ виномъ, а когда Ефремъ вернулся съ мамкой, приказала ему сѣсть у своихъ ногъ, на шкурѣ жирафа. Затѣмъ она пожелала узнать, какъ удалось ему обмануть бдительность стражи и что намѣренъ онъ предпринять въ будущемъ. Предварительно, однако, она еще сообщила ему, что Горнехта остался въ Танисѣ, а потому юношѣ нечего бояться, что его здѣсь узнаютъ и предадутъ.

По всему видно было, какъ рада Казана свиданью съ Ефремомъ. Узнавъ, что онъ обязанъ успѣхомъ своего бѣгства приказанію князя Сиптаха сваять съ колодниковъ цѣпи, она какъ ребенокъ захлопала въ ладоши. Вѣдь князь это сдѣлать по ея просьбѣ! Но лицо ея скоро опять омрачилось. Она глубоко вздохнула и проговорила, что сердце ея, до прихода Ефрема, изпыло отъ тоски и слезъ. Но она докажетъ Осію, на что способна женщина, задумавшая осуществить свое заветное желаніе.

Ефремъ, между прочимъ, упомянулъ и о своемъ намѣреніи освободить дядю, прежде чѣмъ самому бѣжать. Она за то поблагодарила его взглядомъ. А при разсказѣ о томъ, какъ Исусъ отказался отъ его услугъ, чтобы не затруднить такъ ловко подготовленнаго имъ бѣгства юноши, Казана съ важными глазами обратилась къ мамкѣ и воскликнула:

— Кто другой поступилъ бы такъ!

Съ напряженнымъ вниманіемъ слушала она дальнѣйшій разсказъ бѣгльца и часто прерывала его полными участія замѣчаніями.

А онъ въ упоеніи настоящихъ мгновеній, казавшихся ему чудеснымъ сномъ, теперь забылъ томительные дни и ночи, которые еще такъ недавно пережилъ. Его оживленный разсказъ не нуждался въ поощренійхъ, и Казана напрасно то и дѣло подливала ему въ кубокъ вина.

Краснорѣчиво описалъ онъ, какъ наткнулся въ ущельѣ на груды камней, какъ тѣ покатылись у него изъ-подъ ногъ и увлекли его съ собою въ пропасть. Онъ тогда подумалъ, что все потеряно. Свистокъ пристава раздался раньше, чѣмъ онъ успѣлъ выкарабкаться изъ-подъ камней и броситься въ солончакъ.

Но не даромъ же онъ ребенкомъ научился такъ шибко бѣгать по роднымъ полямъ и узнавать направленіе по звѣздному небу. Не оглядываясь и не осматриваясь, пустился онъ теперь изъ всей мочи бѣжать—прямо на югъ. Не разъ въ темнотѣ спотыкался онъ о камни и падалъ въ ямы, которыхъ такъ много въ песчаной почвѣ пустыни. Но онъ мигомъ вскакивалъ и бѣжалъ дальше на югъ—все на югъ, гдѣ, какъ онъ

зналъ, находилась Казана. Ради нея пренебрегъ онъ совѣта старѣйшихъ и мудрыхъ — ради нея готовъ онъ сейчасъ опять отдать свободу и жизнь.

Онъ самъ не понималъ, откуда бралась у него смѣлость — ей все это высказывать. Но его не образумили ни ударъ опухаю- щимъ по рукамъ, ни негодующее восклицаніе мамы: „Каковъ мальчуганъ-то!“ Онъ не спускалъ съ Казаны сверкающихъ глазъ и все говорилъ, говорилъ...

За нимъ въ погоню спустились собаки. Одна изъ нихъ настигла его: онъ схватилъ ее и ударомъ о скалу раздробилъ ей черепъ. Другую онъ закидалъ камнями и заставилъ съ визгомъ укрыться въ кустарникъ. Другихъ преслѣдователей онъ и въ глаза не видалъ ни ночью, ни въ теченіе слѣдующаго дня. Но вотъ и большая дорога. Встрѣчные поселяне указали ему, куда направилось войско фараона. Около полудня, Ефремъ, изне- могая отъ усталости, заснулъ подъ смоковницею, а когда проснулся — солнце уже клонилось къ закату. Его терзалъ голодъ. Проходя мимо одного огорода, онъ вытащилъ изъ земли нѣ- сколько рѣпковокъ. Вдругъ изъ сосѣдней канавы выскочилъ хо- зяинъ: Ефремъ едва отъ него убѣжалъ. Часть ночи онъ про- шель дальше по большой дорогѣ, а затѣмъ подкрѣпивъ себя сномъ у колодца: онъ зналъ, что дикіе звѣри вообще избѣга- ютъ людныхъ мѣстъ, и не боялся ихъ.

Съ восходомъ солнца, онъ опять пошелъ по слѣдамъ фарао- нова войска. Въ полдень, измученный ходьбой и голодомъ, Ефремъ добрался до деревушки въ плодородной мѣстности, которую орошаетъ каналъ Сети. Тутъ онъ вдумалъ было продать свое золотое запанье, съ цѣлью часть денегъ упо- требить на покупку болѣе существенной пищи, а другую до поры до времени припрятать. Но онъ побоялся, чтобы его не приняли за вора и не взяли подъ стражу опять: посягъ его весь изодрается о колючки, а обувь давно свалилась съ ногъ. Въ заключеніе онъ порѣшилъ, какъ это ни было ему тяжело, обратиться къ состраданию поселянъ. Онъ постучался у одной хижины; на него посмотрѣли и удивились, что такой молодой и сильный мужчина не работаетъ, а проситъ подаянія: луч- ше бы онъ предоставилъ это старымъ и слабымъ, наемѣли- во посоветовали ему. Въ другой хижинѣ ему просто-на- просто пригрозили побоями. Ефремъ, понуривъ голову, ни съ чѣмъ, хотѣлъ идти дальше. Но присутствовавшая при этомъ молодая женщина остановила его и сунула ему въ руки кусокъ хлѣба и нѣсколько финиковъ. Она и больше охотно дала бы ему, да вся ихъ деревня была крайне истощена непосильными побоями въ пользу войска, которое только что прошло здѣсь.

Никогда никакія яства не казались Ефрему такими вкус- ными, какъ это неожиданное подаяніе. Онъ у перваго же ручья расположился отдохнуть и утолить свой голодъ. Однако онъ скрылъ отъ Казаны, что настоящее удовольствіе было для него отравлено горькимъ сомнѣніемъ. Голодъ совѣтъ упорно твердилъ ему, что не стремиться къ Казанѣ долженъ онъ, а повиноваться Иисусу и идти къ своимъ единокровнымъ.

Онъ нерѣшительно продолжалъ нуть, но сама судьба положила конецъ его колебаніямъ. Съ полчаса шель онъ пусты- ной и вдругъ наткнулся на сидѣвшаго съ краю дороги юношу почти однихъ съ нимъ лѣтъ. Бѣдный стоялъ и обѣими руками держалъ себя за ногу. Ефремъ нагнулся къ нему, чтобы спросить, о чемъ онъ плачетъ, и къ удивленію своему, узнавъ въ нему слугу Горнехта, скорохода и гонца, съ ко- торымъ въ болѣе время часто разговаривалъ.

— Неужели Апу, нашъ проворный нубійскій скороходъ? воскликнула молодая женщина. Ефремъ отвѣчалъ утвердительно. Мальчикъ несъ письмо князю Синтаху. Ему приказано было торопиться. Привыкнувъ бѣгать передъ чистокровными копытами своего повелителя, онъ, какъ стрѣла, мчался пустыней: но, всего на разстояніи двухъ часовъ ходьбы отъ стага, вдругъ наступилъ на острый черепокъ разбитой бамбуки, которая валялась на дорогѣ, и жестоко поранилъ себѣ ногу.

— А ты не захотѣлъ оставить его безъ помощи? перебила Казана.

— Какъ же иначе? отвѣчалъ Ефремъ. — Бѣдный мальчикъ истекалъ кровью и былъ блѣденъ, какъ смерть. Я спелъ его къ ближайшему ручью, обмылъ ему зияющую рану и смазалъ бальзамомъ, который нашелъ при немъ.

— Это я, годъ тому назадъ, дала ему сосудикъ съ бальза- момъ, замѣтила сердобольная мамка, утирая слезы. Ефремъ уже былъ на этотъ счетъ просвѣщенъ самими благодарнымъ Апу и теперь подтвердилъ замѣчаніе доброй старушки.

— Я изорвалъ свой верхній поясъ, продолжалъ онъ, — и сталъ, какъ умѣлъ, перевязывать ему рану. А онъ все торо- пилъ меня и совалъ въ руки свой значокъ посланца и свер- токъ. Бѣдняжка не зналъ о постигшемъ меня несчастіи и умо- лялъ, вмѣсто него, доставить письмо князю. Я съ радостью взялъ — и не прошло двухъ часовъ, какъ уже былъ въ станѣ. Письмо въ рукахъ князя, а я передъ тобой. Но лицу твоему вижу, что и ты этому рада. Я же, сидя у твоихъ ногъ и на- слаждаясь твоимъ лицедрѣніемъ, считаю себя счастливѣйшимъ изъ людей. Благодарность моя къ тебѣ безгранична. Пусть опять закують меня въ цѣли: я все спокойно перенесу — лишь- бы ты не лишила меня своихъ милостей. Я до сихъ поръ былъ очень несчастливъ! У меня нѣтъ ни отца, ни матери, никто не

любитъ меня. Ты одна приласкала меня и, неправда ли, болѣе не оттолкнушь меня?

Онъ казался вѣдъ себя отъ страсти. Напряженіе послѣднихъ дней и все что онъ переувчувствовалъ за послѣдніе часы, теперь сказалося въ немъ такъ сильно, что лишило его всякаго са- мообладанія. Юноша, почти ребенокъ, безъ оного и покрови- тельства, вопли предоставленный самому себѣ, онъ, какъ испуганный итенецъ, который ищетъ защиты подъ крыломъ матери, склонилъ голову въ колѣна Казаны и неудержимо за- рыдалъ.

Жалость охватила сердце молодой женщины, и на ее гла- захъ тоже выступили слезы. Она ласково положила руку на голову Ефрема. Рыданія потрясли его молодое, сильное тѣло. Тогда Казана обѣими руками приподняла его голову, поцѣло- вала его въ лобъ и щеки и, съ улыбкой заглядывая ему въ лицо, сказала:

— Глухой, глухой мальчикъ! Отчего же мнѣ не быть къ тебѣ доброю и зачѣмъ я стану гнать тебя? Твой дядя мнѣ несказанно дорогъ, а ты вѣдъ замѣняешь ему сына! Развѣ не ради вась обоихъ рѣшилась я уже на то, что прежде каза- лось мнѣ невозможнымъ?.. Такъ будетъ и впредь. Пусть другіе обо мнѣ думаютъ и говорятъ что хотятъ — мнѣ все равно, лишь бы удалось то единственное, чему я приношу въ жертву себя и свою жизнь и все, что нѣкогда такъ высоко цѣнила. Погоди немного, бѣдный, пылкій юноша, продолжала она и вторично поцѣловала его въ щеку. — погоди, я и тебѣ расчищу дорогу! Ну, а теперь довольно.

Послѣднія слова звучали почти строго: Казана хотѣла по- ложить границы все возраставшему волненію юноши. Но вдругъ она сама встала и въ испугѣ, торопливо проговорила:

— Ступай отсюда, ступай скорѣй!

Къ ставкѣ приближались мужскіе шаги. Стоявшая на-сторо- жѣ мамка подала условный знакъ. Самъ Ефремъ почувалъ что-то недоброе и безпрекословно слѣдовалъ за старухой въ тем- ный покой. Еще мигъ — и было бы поздно. Занавѣсь у шатра быстро отдернулись. Вошелъ мужчина и направился въ освѣ- щенное отдѣленіе. Тамъ Казана — юноша это отчетливо слы- шала — дружески приветствовала гостя и выражала удивленіе его позднему посѣщенію.

Мамка, тѣмъ временемъ, схватила свой собственный плащъ и, прикрывая имъ обнаженные плеча Ефрема, шепотомъ го- ворила:

— Передъ солнечнымъ восходомъ приходи къ шатру, но, если тебѣ дорога жизнь, не входи, пока я тебя не позову. У тебя нѣтъ ни отца, ни матери, а Казана... о милое, золотое сердечко!.. она, конечно, лучшая изъ лучшихъ, но годится-ли она въ наставницы такому вѣтрогону, который воспламеняется какъ сухая солома — это другое дѣло. Во время твоего разска- за, я о многомъ передумала. Ты мнѣ любъ и потому говорю тебѣ: твой дядя — мое дитячко правду говоритъ — лучший изъ людей, а я такъ знаю толкъ въ людяхъ! Слушайся его! То, что онъ тебѣ совѣтуетъ, несомнѣнно къ твоему добру! Слѣдуй за нимъ повсюду! Если онъ сочтетъ нужнымъ отозвать тебя отъ Казаны и отъ нашихъ мѣсть — тѣмъ лучше для тебя. Мы съ ней идемъ по опасной дорогѣ и, еслибъ дѣло шло не объ Осин, я обѣими руками стала бы удерживать ее. Но его ради, я сама — а вѣдъ я старуха — въ огонь пошла бы! Конечно, мнѣ жаль — жальче чѣмъ можно сказать словами — и ее, безцѣнное мое дѣтнще, и тебя также. А потому повторю: слушайся дяди, юноша! Иначе тебѣ не сдобровать!

Затѣмъ, не дожидаясь его отвѣта, она вытолкнула Ефрема изъ ставки, осушила глаза и, какъ къ ней въ чемъ не бывало, вернулась въ освѣщенный покой.

Но Казана вела со своимъ позднимъ посѣтителемъ бесѣду, которая не терпѣла свидѣтелей. „Милое дитя“ приказало мамкѣ зажечь свѣтильникъ и идти спать.

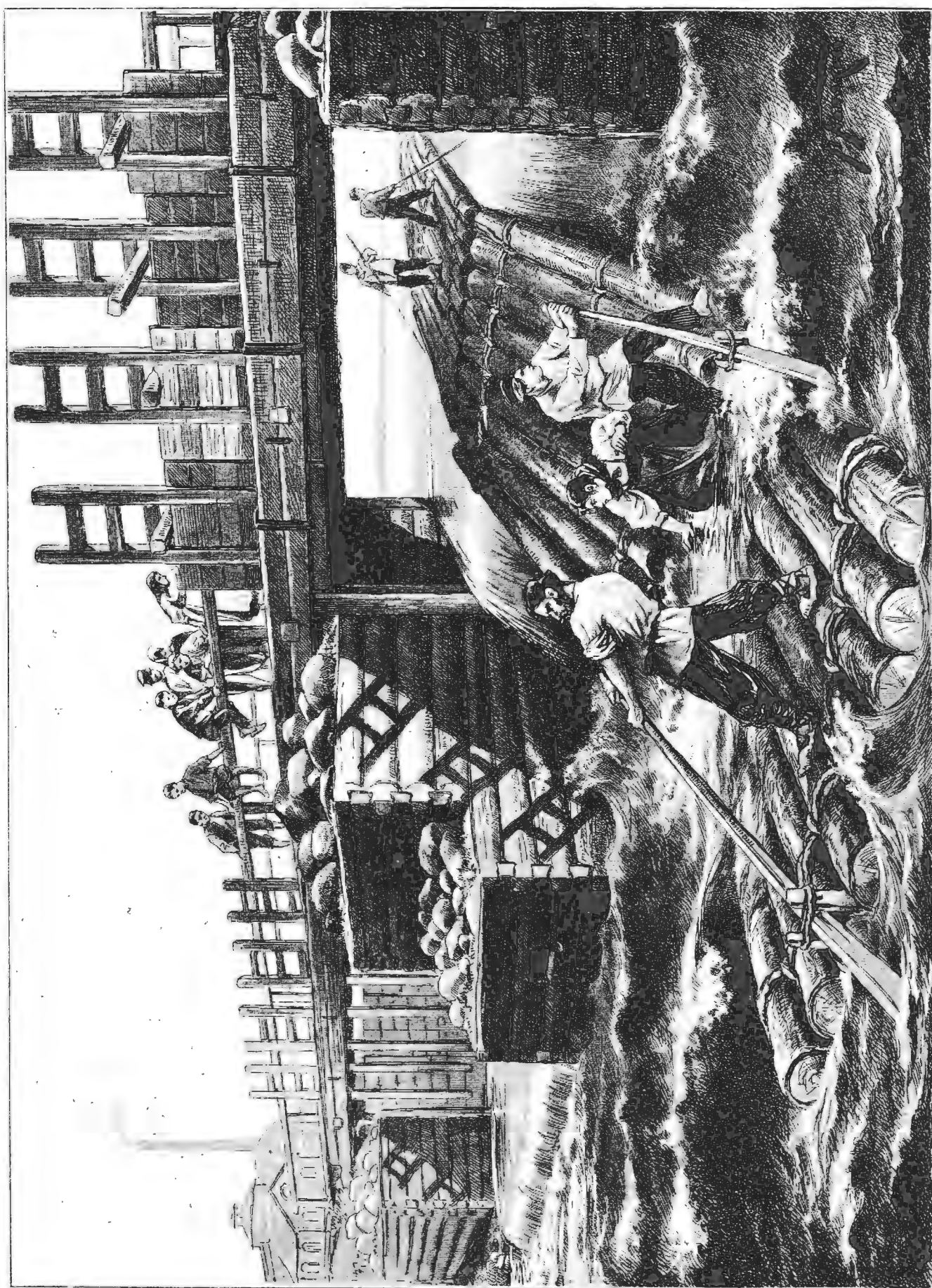
Мамка молча повиновалась, но въ темной комнатѣ, гдѣ ей ложе стояло рядомъ съ ложемъ Казаны, она закрыла лицо руками и горько заплакала.

Преданной женщиной казалась, что весь міръ перевернулся вверхъ дномъ. Какъ могла ея возлюбленная Казана отдать и честь свою, и чистоту человѣку который — мамка это знала — въ душѣ былъ ей противенъ!

Ефремъ и нубіецъ Апу.

Славъ лѣса по Шекенѣ въ Новгородской губ. Орш. рис. (собств. „Нивы“) Полянова, грав. въ Арт. Зав. „Нивы“.

Власть звуковъ. Съ карт. Рейхерга, грав. Ерикс.

Князь Сиптахъ и Казана.

Глава XXI.

В

ъ тѣни шатра, изъ котораго его только что удалили, Ефремъ осторожно присѣлъ на корточки и, приложивъ ухо къ подвижной стѣнѣ, все превратился въ слухъ. Онъ распоролъ во швѣ шатерной ткани небольшое отверстіе и такимъ образомъ могъ видѣть и слышать все, что происходило въ освѣщенномъ покое у любимой женщины.

Бура загнала въ шатры всѣхъ, кому обязанности службы не препятствовали тамъ оставаться. Ефрему почти не грозила опасность быть открытымъ, тѣмъ болѣе, что мѣсто, гдѣ онъ притаился, было въ тѣни. Пляска мамки окутывала его съ головы до ногъ и, если по его молодому тѣлу иногда пробѣгала дрожь, то не отъ холода, а отъ нестерпимой боли въ сердцѣ.

Человѣкъ, на груди котораго теперь покоилась голова Казаны, былъ князь, сильный и могущественный властелинъ. Когда онъ дерзко склонился къ ея губамъ, ловя поцѣлуй, вѣтрешая красавица не всегда отъ него уклонялась. Ефрему она, конечно, ничѣмъ не была обязана, но дядѣ его она отдала свое сердце. Его предпочла она всѣмъ прочимъ и на все рѣшилась, чтобы освободить его. А между тѣмъ, вотъ, на глазахъ Ефрема, измѣняетъ ему, отдаетъ другому то, что по праву принадлежитъ одному Осии. Правда, и съ нимъ самими, съ Ефремомъ, она тоже была ласкова; но милости, которыя выпадали на его долю, были только крохами со стола его дяди: Ефремъ ихъ похищалъ. Юноша сознавалъ это, краснѣлъ отъ стыда и все-таки чувствовалъ себя обманутымъ, оскорбленнымъ и за себя тоже, не за одного дядю, котораго любилъ и уважалъ, хотя и пренебрегалъ его совѣтами.

А Осия? Не смотря на свое странное поведение, тогда, у ручья на большой дорогѣ, онъ, конечно, томился тѣми же желаніями, какъ Ефремъ; и этотъ князь иначе быть не могло: и вотъ она низко и вѣроломно принимаетъ ласки другаго, знала что гнѣвъ несчастнаго колдунника безсиленъ надъ нею.

Сиптахъ—Ефремъ понялъ это при ихъ послѣдней встрѣчѣ—врагъ его дяди, и съ нимъ-то именно Казана измѣняетъ любимому человѣку!

Сквозь щель въ шатрѣ, Ефремъ могъ видѣть все, что тамъ происходило, но онъ иногда нарочно закрывалъ глаза. Тѣмъ не менѣе, претившее ему зрѣлище влекло его точно волшебною силой. По временамъ онъ готовъ былъ опрокинуть шатеръ, убить князя, а невѣрную Казану осыпать упреками и бросить ей въ лицо имя Осии.

Страсть Ефрема постепенно превратилась въ ненависть и презрѣніе. За мигъ предъ тѣмъ онъ считалъ себя счастливейшимъ изъ смертныхъ, а теперь называлъ себя самымъ несчастнымъ. Такого надеянія, съ такой высоты, еще никто, казалось ему, никогда не испытывалъ.

Мамка была права. Горе и отчаяніе—вотъ все, что могла принести ему вѣроломная красавица.

Онъ уже вскоцилъ и хотѣлъ бѣжать безъ оглядки. Но чарующій звукъ ея смѣха опять приковалъ его къ мѣсту. Онъ остался и продолжалъ слушать.

Сначала кровь такъ буйствовала въ немъ и такъ сильно шумѣла у него въ ушахъ, что онъ не могъ слѣдить за разговоромъ, который происходилъ въ освѣщенномъ отдѣленіи шатра. Мало-по-малу, онъ, однако, сталъ вникать въ смыслъ отдѣльныхъ реченій, а потомъ ужъ ни одно слово для него не пропало. Разговоръ былъ знаменательный и раскрылъ передъ нимъ бездну, при видѣ которой у него закружилась голова.

Казана однако все еще не сдавалась. Но требованія князя становились горячѣе и настойчивѣе. Въ награду за ея милости, онъ обѣщалъ ей санъ нарги и мѣсто рядомъ съ собой на

египетскомъ престолѣ, которыми замыслилъ овладѣть. Все это было имъ ясно высказано. Но вслѣдъ за тѣмъ, рѣчь его полилась такимъ бурнымъ потокомъ, что въ ней ужъ трудно было разобраться. Князь въ эту минуту головой выдавалъ себя Казанѣ. Онъ рисковалъ свободой и жизнью, думая только о томъ, чтобы дать больше силы своимъ клятвамъ и успокоить молодую женщину, въ которой его наступательный образъ дѣйствій невольно пробуждалъ страхъ и отвращеніе. Наконецъ онъ упомянулъ о письмѣ, которое принесъ Ефремъ, и прочелъ его вслухъ. Юноша задрожалъ. Онъ оказывался соучастникомъ гнуснѣйшаго заговора. На мигъ имъ овладѣлъ соблазнъ—въ свою очередь измѣнить измѣнникамъ и предать ихъ въ руки того, чью гибель они замыслили. Но онъ отвергъ эту мысль, довольствуясь сознаніемъ, что судьба Казаны и князя въ его рукахъ, что онъ можетъ ежеминутно раздавить ихъ, какъ козявокъ. Это сознаніе было первымъ приятнымъ ощущеніемъ, испытаннымъ въ теченіе послѣдняго страшнаго часа. Оно подѣйствовало на него успокоительно и вернуло ему самообладаніе. Чѣмъ дальше проникалъ онъ въ недостойные замыслы этихъ людей, тѣмъ болѣе сознавалъ онъ всю цѣну правды и добра, отъ которыхъ чуть не отрекся. Вспомнилъсь ему и слова дяди:

„Не давай ни высшимъ, ни низшимъ права относиться къ тебѣ иначе, какъ съ уваженіемъ, и ты можешь держать голову такъ же высоко, какъ самый гордый витязь въ пурпурной одеждѣ и золотой бронѣ“.

На одрѣ болѣзни, въ домѣ Казаны, слова эти неотступно преслѣдовали его. Но въ неволѣ и во время бѣгства они вышли у него изъ памяти, потомъ снова припомнились ему въ ставкѣ комнатнаго сановника, когда, подкрѣпленный и освѣженный, онъ любовался собою въ зеркалѣ, которое передъ нимъ держалъ старый рабъ. Въ настоящую минуту они предстали передъ нимъ во всей своей силѣ. И странно! Презрѣніи измѣнникъ въ палаткѣ Казаны былъ именно въ пурпурной одеждѣ и золотой бронѣ—но развѣ онъ смѣлъ высоко держать голову? То, что онъ теперь замыслилъ, могло совершиться только втайнѣ и во мракѣ, подобно работѣ отвратительнаго крота подъ землею.

Ложь, обманъ и вѣроломство—три неразлучные спутника всѣхъ дурныхъ дѣлъ—вотъ орудія съ помощью которыхъ собирались они дѣйствовать, за одно съ женщиной, которую, къ стыду своему, Ефремъ намѣревался набрать себѣ въ руководительницы и, въ угоду которой, уже чуть не отрекся отъ всего честнаго, благороднаго и дорогаго ему.

Ефрема учили ненавидѣть и обходить все составлявшее ступени той лѣстницы, по которой разсчитывалъ такъ высоко взобраться этотъ дурной человѣкъ. Ефремъ зналъ это, ибо замыслы князя стали для него теперь открытою книгой.

Свертокъ, принесенный юношей, содержалъ два письма. Одно отъ заговорщиковъ въ Танисѣ, другое отъ матери Сиптаха.

Въ Танисѣ ожидали скорого возвращенія князя и сообщали ему, что начальникъ наемныхъ воиновъ, сиріецъ Аарсу и женское население „дворца затворницъ“ готовы присягнуть ему въ вѣрности. Затѣмъ, пусть только верховный жрецъ Аммуна—одновременно верховный судья, намѣстникъ и хранитель государственной печати—провозгласитъ его царемъ,—двери дворца передъ нимъ растворятся и онъ можетъ безпрепятственно вступитъ на престолъ. А если Менефетъ вернется, фараонъ будетъ арестованъ отрядомъ тѣлохранителей, которые и покончатъ съ нимъ, какъ приказывалъ Сиптахъ, вообще не любившій полумѣръ и въ настоящемъ случаѣ хотѣвшій дѣйствовать рѣшительно, хотя верховный жрецъ стоялъ только за заточеніе Менефеты, да и то не строгое.

Теперь боялись только преждевременнаго возвращенія изъ Оивъ младшаго сына Менефты, Сети, котораго, по смерти старшаго брата, дѣлался настоящимъ престоломъ. Голубиная почта принесла извѣстіе, что онъ уже въ дорогѣ. Это и было причиной послѣдшаго вызова въ Танисѣ Сиптаха и верховнаго жреца, которому предстояло провозгласить перваго.

Были также приняты мѣры и противъ возможнаго противодействия со стороны войска. Пусть оно только побѣдитъ евреевъ, и большая часть его будетъ разбитена по прежнимъ стоянкамъ, гдѣ оно и подозрѣвать не будетъ о изложеніи своего теперешняго верховнаго вождя. Отрядъ тѣлохранителей преданъ Сиптаху, а та незначительная часть войска, которая, вмѣстѣ съ княземъ, вернется въ столицу, въ крайнемъ случаѣ легко можетъ быть усмирена наемниками Аарсу.

Теперь все дѣло въ томъ, сказалъ въ заключеніе князь, потягиваясь съ видомъ человѣка окончившаго тяжелый трудъ,—чтобы мнѣ, вмѣстѣ съ Баи, какъ можно скорѣе, явиться въ Танисѣ, возложитъ на себя царскій вѣнецъ въ храмѣ Аммуна, быть провозглашеннымъ и принятымъ въ качествѣ фараона во дворцѣ. Остальное само собой сдѣлается. Сети, котораго они величаютъ настоящимъ, бѣдняжка, такъ же слабъ духомъ, какъ и его отецъ. Онъ подчинится обстоятельствамъ, въ противномъ случаѣ мы заставимъ его силой. Что же касается Менефеты, отрядъ тѣлохранителей ужъ позаботится о томъ, чтобы онъ тоже никогда больше не возвращался во дворецъ Рамзессова города.

Другое письмо, на имя фараона, было отъ матери князя.

Оно плыло въ виду, вызывая въ столицу верховнаго жреца и Спитаха, избавитя послѣдняго отъ нареканія, будто онъ изъ трусости покидаетъ войско, передъ самымъ сраженіемъ. Мать князя никогда не чувствовала себя здоровѣе, но это не мѣшало ей лицемерно жаловаться и увѣрять, что дни ея сочтены. Она умоляла царя немедленно отпустить къ ней сына и верховнаго жреца, Баи, иначе она будетъ лишена утѣшенія благословить, передъ смертью, свое единственное дѣтнице.

Кромѣ того, она сознавала за собой кое-какія прегрѣшенія и никто, кромѣ верховнаго жреца, не могъ расположить въ ея пользу боговъ. Безъ его напутствія, она умретъ въ отчаяніи.

Недостойный похититель царскаго вѣнца прочелъ вѣдунъ и это письмо. Оно было, въ его глазахъ, мастерскимъ произведеніемъ женскаго ума и хитрости. Читая его, онъ съ удовольствіемъ потиралъ себѣ руки.

Измѣна, убійство, лицемеріе, коварство, оскверненіе самыхъ святыихъ чувствъ, все, что есть дурнаго, было введено въ ходъ, чтобы возвести Спитаха на престоль. Когда Казана узнала о томъ, что грозилъ фараону, она горько заплакала и заломила руки. Но она успокоилась, когда князь увѣрилъ ее, что Горнехъ одобряетъ все предпринятое ими — единственно ко благу Египта; хотѣтъ вырвать власть изъ рукъ настоящаго царя, потому что онъ губитъ страну.

Чтеніе письма матери князя къ фараону — этой матери, которая подстрекала на тишное преступленіе роднаго сына — было послѣднею каплею горечи въ сердцѣ Ефрема. Оно затронуло въ немъ самую чувствительную струну. Молодой еврей привыкъ смотрѣть на отношенія родителей къ дѣтямъ какъ на что-то святое. Оскорбленіе того, что въ его глазахъ заслуживало наибольшаго уваженія, привело его въ ярость. Онъ сжалъ кулаки и, грозно потрясая ими, съ проклятіемъ на устахъ, вскопчилъ и бросился бѣжать.

Ефремъ уже не слышалъ, какъ вслѣдъ за тѣмъ Казана потребовала отъ князя клятвы, что онъ, достигнувъ власти, безпримѣрно исполнитъ ея первую просьбу. Она не станетъ просить у него ни денегъ, ни подарковъ, а только права прощать и мловать тѣхъ, кого ей укажетъ сердце. Грядущія событія несомнѣнно вызовутъ гнѣвъ боговъ; она, Казана, беретъ на себя умиловити ихъ.

Ефремъ не хотѣлъ, не могъ больше ничего видѣть и слышать. Все это казалось ему такъ ужасно, такъ неавидно!

Впервые созналъ онъ, какой опасности подвергся самъ: онъ могъ увязнуть въ этомъ отвратительномъ болотѣ и сдѣлаться дурнымъ, потеряннмъ человѣкомъ. „Но все же“, думалось ему, „я никогда не палъ бы такъ низко“. Слова дяди опять пришли ему на умъ. Онъ гордо поднялъ голову, расправилъ плечи и грудь, какъ бы желая провѣрить, точно-ли сломлены его силы, глубоко вдохнулъ и подумалъ, что не стоить губить себя изъ-за дурной женщины — будь она даже прекрасна и соблазнительна, какъ Казана.

Прочь, прочь отсюда, подальше отъ этихъ сѣтей, которыя чуть и его не опутали, чуть не втянули въ убійство и всецѣскую неправду!

Онъ рѣшился немедленно идти къ своимъ и быстро направился къ выходу изъ стана, но едва сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, поглядѣлъ на небо и увидѣлъ, что теперь всего еще второй часъ пополудни. Вокругъ все было тихо. Только пѣз-за ближайшаго плетня, гдѣ стояли царскіе кони, по временамъ слышался звукъ дѣши или ржаніе жеребца.

Бѣжать теперь-же было-бы опасно: его могли бы замѣтить и задержать. Благоразуміе предписывало обуздать истеричіе и повременить. Взоръ Ефрема, блуждая по окрестнымъ предметамъ, остановился на ставкѣ комнатнаго сановника. Изъ нея вышелъ старый рабъ. Онъ оглядывался по сторонамъ, очевидно высматривая своего хозяина. А тотъ, тѣмъ временемъ, все еще сидѣлъ въ шатрѣ князя, дожидаясь его возвращенія отъ Казаны.

Старый рабъ съ самаго начала любовно отнесся къ Ефрему, и теперь, съ добродушной настойчивостью, сталъ приглашать его въ ставку, чтобы хорошенько отдохнуть, ибо молодости уже-де сонъ.

Ефремъ охотно принялъ приглашеніе. Теперь только почувствовалъ онъ, какъ сильно усталъ: ноги его точно были налиты свинцомъ. Старикъ отдалъ ему въ распоряженіе свою цыновку, которую разослалъ для него на землѣ. Едва коснувшись ея, Ефремъ почувствовалъ, какъ будто у него отнимаются руки и ноги. Тѣмъ не менѣе онъ намѣревался здѣсь, въ затишнѣ, получить обдумать свое положеніе.

Мысли его прежде всего устремились въ будущее, къ порученію дяди.

Онъ безповоротнo рѣшилъ идти къ своимъ. Если евреямъ удастся спастись отъ войскъ фараона, другіе могутъ дѣлать что хотятъ — а онъ соберетъ своихъ пастырей, слугъ, товарищей и во главѣ ихъ посѣлится въ рудники, освободить дядю. Онъ непремѣнно вернетъ его престарѣлому отцу и народу, которому Иусуъ такъ нуженъ. Ефремъ уже видѣлъ себя впередъ другихъ, съ боевымъ топоромъ въ рукахъ... но тутъ сонъ одолѣлъ его. Онъ заснулъ такъ крѣпко, что даже не выдалъ никакихъ сновъ, а когда занялось утро, старый рабъ съ трудомъ его разбудилъ.

Станъ уже былъ въ движеніи. Тамъ снимали шатры, нагружали запряженныя волами и ослами повозки, ковали лошадей, мыли колесницы, чистили оружіе и досѣхи, раздавали и торопливо ѣли утреннюю закуску.

Гдѣ слышался звукъ трубы, гдѣ громко отдаваемый приказъ, а восточная часть стана оглашалась плѣшмъ жрецовъ, благоговѣнно приветствовавшихъ возрожденіе бога солнца.

Къ роскошному пурпуровому шатру, рядомъ со ставкой Казаны, который уже разбирали ловкіе слуги, подѣхала раззолоченная колесница, а за ней и другая, такая-же.

Князь Спитахъ и верховный жрецъ Баи получили отъ фараона разрѣшеніе ѣхать въ Танисъ, принять послѣдній вздохъ умирающей.

Скоро и Ефремъ простился со старымъ рабомъ. Онъ поручилъ доброму старику возвратитъ плащъ мамкѣ Казаны и сказать ей, что онъ рѣшился исполнить ея совѣтъ и желаніе дяди.

Затѣмъ онъ пустился въ путь.

Ефремъ безпримѣтно вышелъ изъ стана. Углубясь въ пустыню, онъ внезапно огласилъ ее крикомъ, какимъ въ былое время зывалъ на настигнахъ своихъ пастуховъ. Звукъ его голоса разнесся по равнинѣ и спустилъ ластеба, который съ сосѣдней скалы обозрѣвалъ окрестность. Птица взвилась. Юношѣ показалось, что и ему стоить только расправить руки, онъ немедленно превратится въ крылья и тоже быстро унесетъ его вдаль. Никогда еще не чувствовалъ онъ себя такъ хорошо и привольно, никогда не сознавалъ въ себѣ такой силы. Если-бы въ это время ему предложили начальство надъ тысячею въ египетскомъ войскѣ, онъ и теперь, какъ тогда, передъ разрушеннымъ жилищемъ Навина, отвѣчалъ-бы что желаетъ лишь одного: попрежнему оставаться пастыремъ и управлять только своими стадами и слугами.

Онъ круглый сирота, но у него есть народъ, къ которому онъ принадлежить: гдѣ водворится этотъ народъ, тамъ будетъ и его домъ.

Какъ странникъ, издавѣка возвращающійся на родину, Ефремъ все ускорялъ свой шагъ.

Въ ночь прибытія юноши въ Танисъ, мѣсяцъ едва зарождался въ небѣ. Полный, серебристый кругъ, теперь, въ его глазахъ блѣднѣвшій передъ утренней зарей, все еще принадлежалъ тому-же самому мѣсяцу. Но Ефрему казалось, что прошли годы и разлукъ его съ Маріамью. И въ самомъ дѣлѣ, онъ такъ много пережилъ въ послѣдніе дни, что набрался опыта на цѣлую жизнь.

Онъ ушелъ отъ своихъ юношей, а возвращался къ нимъ зрѣлымъ мужемъ. Благодаря послѣдней страшной ночи, онъ въ одномъ только не измѣнился — и въ самомъ главномъ: возвратясь къ своимъ, онъ можетъ, попрежнему, смѣло смотрѣть въ глаза всѣмъ, кого любитъ и почитаетъ.

Да, и больше того!

Ефремъ покажетъ всѣмъ, кого особенно чтитъ, что и онъ имѣетъ право высоко держать голову.

Онъ заплатитъ свой долгъ Иусуу. Онъ за все вознаградитъ дядю, который остался въ дѣняхъ, чтобы онъ, его племянникъ, могъ быть свободенъ какъ птица.

Онъ уже съ часъ неутомимо стремился впередъ, когда набрелъ на полразрушенную сторожевую башню. Онъ поднялся на нее, съ цѣлью обозрѣть мѣстность. Величественная вершина горы Вааль-Цефона уже давно видѣлась на чертѣ небосклона. Теперь, по сю сторону ея, передъ Ефремомъ сверкнулъ сѣверный край Чермнаго моря.

Свершавшаяся ночью буря улеглась, но сильное колыханіе изумрудно-зеленой пелены моря показывало, что оно все еще не могло успокоиться. По безоблачному до тѣхъ поръ небу опять забѣгали клочки темныхъ тучъ, которыя какъ-бы предвѣщали новую бурю.

„На что“, думалъ Ефремъ, осматриваясь кругомъ, „могли рассчитывать еврейскіе вожди, собираясь разбить свой станъ между Вааль-Цефономъ и Пн-гахировомъ?“ Послѣдній былъ теперь передъ нимъ, какъ на ладони. Онъ, со своими хижинами и шатрами, возвышался на берегу узкаго заводья, которое высылалъ далеко вглубь страны сѣверо-западный рукавъ Чермнаго моря.

Спитахъ говорилъ это Казанѣ. Неужели князь опять обмануть?

Нѣтъ! Вѣроломный измѣнникъ на этотъ разъ, противъ своего обыкновенія, сказалъ правду.

Между поселкомъ и моремъ, тамъ, гдѣ по вѣтру носилась легкая струйка дыма, соколіи глазъ Ефрема различилъ множество свѣтлыхъ точекъ, издали напоминавшихъ стада овецъ, — а среди нихъ какую-то возню.

Это былъ станъ его единокровныхъ.

Пространство, теперь отдѣлявшее его отъ нихъ, показалось ему ничтожнымъ.

Но, чѣмъ ближе были они, тѣмъ сильнѣе озабочивала Ефрема ихъ судьба. Его великому народу, черезъ нѣсколько часовъ, грозила опасность, вмѣстѣ съ женами и дѣтьми, со стадами и шатрами, погибнуть отъ руки многочисленнаго и сильнаго врага.

По мѣрѣ дальнѣйшаго обозрѣнія мѣстности, сердце его все

богбавищеніе сжималось. Нечего было и думать объ отступленіи на востокъ, гдѣ волновалось глубокое морское заводье, или на югъ, гдѣ бурлило само Черное море, или на сѣверъ, откуда надвигались полчища фараона. Къ западу тауцалась обнаженная Эванская степь. Еслибъ евреямъ и удалось туда проникнуть, это все равно ни къ чему не привело-бы. Они опять очутились-бы въ египетскихъ владѣніяхъ и неходя изъ Египта, все равно, не состоялся-бы.

Его народу, значить, ничего больше не оставалось, какъ отважиться на бой. При этой мысли кровь застыла въ жилахъ юноши. Ему была хорошо знакома плохо вооруженная и етоль же плохо обученная, частью дикая и необузданная, частью жалкая и трусливая, дружина евреевъ. А съ другой стороны, развѣ онъ не былъ въ эти дни свидѣтелемъ благоустройства, царившаго среди египетскаго войска съ его безчисленной пѣхотой и великолѣпными боевыми колесницами?

Ефремъ, такъ же точно какъ передъ тѣмъ его дяди, пришелъ къ убѣжденію, что народъ его погибнетъ, если не явится къ нему на помощь Самъ Богъ его праотцевъ. Во дни дѣтства его и теперь, огляывая его въ Таинствѣ, Маріамъ со сверкающими глазами твердила ему о великомъ, всемогущемъ Богѣ, Который возлюбилъ народъ еврейскій больше всѣхъ другихъ народовъ. Но вдохновенная рѣчь пророкицы не пробуждала въ его дѣтскомъ сердцѣ никакихъ другихъ чувствъ, кромѣ благоговѣйнаго тремета передъ неостыжимымъ величіемъ и грознымъ могуществомъ этого Бога.

Гораздо легче и пріятнѣе было ему возноситься духомъ къ богу солнца. Благодушный наставникъ Ефрема, египетскій жрецъ въ Пнѳомѣ, часто водилъ его во храмъ этого бога. Позднѣе юноша и совсѣмъ пересталъ ощущать потребность въ обращеніи къ какому-бы то ни было божеству. Онъ ни въ чемъ не нуждался. Другія дѣти во всемъ слѣдовали примѣру родителей. Онъ-же росъ сиротой. Пастухи, сторожившіе его стада, сначала въ шутку, потомъ на самомъ дѣлѣ величали его своимъ господиномъ. Это преждевременно развило въ немъ сознание собственной силы и сдѣлало его тѣмъ гордымъ, своевольнымъ юношей, какимъ онъ былъ до сихъ поръ.

Ему, здоровому, сильному, властному, ценившемуся старшіе. Другіе въ немъ нуждались, самъ-же онъ привыкъ только на себя полагаться. О чемъ нибудь просить — о мелочи или о важномъ дѣлѣ — было ему равно невыносимо. Онъ не считалъ нужнымъ прибѣгать и къ Богу, Который стоялъ такъ высоко надъ нимъ, что поневолѣ казался ему чуждымъ.

Но теперь, въ виду страшной опасности, грозившей его народу, Ефремъ впервые понялъ, что въ настоящей, неограниченной бѣдѣ спасенія ждать можно только отъ всемогущей руки Того, въ чей власти разбить въдребезги и небо, и землю.

Что такое онъ, Ефремъ, чтобы утруждать мольбами о себѣ Бога, величіе Котораго Маріамъ и Осія изображали ему въ такнхъ яркихъ краскахъ? Инос дѣло многотысячный народъ, самимъ Богомъ избранный для великой будущности. Народъ этотъ на краю гибели. Ефремъ, который теперь къ нему возвращается прямо изъ непріятельскаго стана, можетъ-быть одинъ избрилъ всю глубину грозившей ему опасности.

И его вдругъ охватило убѣжденіе, что Господь, погруженный въ заботы о небѣ и землѣ, о солнцѣ и звѣздахъ, и на мгновеніе забывшій о судьбѣ своего народа, теперь, въ лицѣ его, Ефрема, посылаетъ ему спасителя. Онъ все еще стоялъ на вершинѣ разрушенной башни и, воздвѣ руки, устремилъ взоръ въ небо.

Темныя тучи, которыя онъ ужъ давно замѣтилъ на горизонтѣ, быстро надвигались съ сѣвера и постепенно застилали небосклонъ. Вѣтеръ, совсѣмъ было стихшій при солнечномъ восходѣ, опять задулъ и быстро превратился въ бурю. Все чаще и чаще чередовались порывы его и, проносясь надъ нерешейкомъ, гнали цѣлые столбы желтаго песку.

Желая, чтобы молитва его была услышана, Ефремъ, стараясь перекричать бурю, во всю силу своей молодой груди воскликнулъ: „Адонан, Адонан! Ты, именуемый Иеговою, великій Богъ праотцевъ моихъ, услышь меня, Ефрема! Я молодой, неопытенъ и, въ ничтожествѣ своемъ, не стою Твоего вниманія. Мнѣ ничего не надо для себя. Но народъ, Тобою избранный, нынѣ въ великой нуждѣ. Онъ, по слову Твоему, покинулъ и безопасные дома свои, и тучныя пастбища, ибо Ты обѣщала ему лучшую землю. Но вотъ, за нимъ гонятся фараоновы полчища. Народъ нашъ не въ силахъ побороть ихъ. Повѣрь мнѣ, Или!), мой Господь! Я былъ въ египетскомъ станѣ и все видѣлъ. Такъ же вѣрно, какъ то, что я здѣсь передъ Тобою, знаю я, что намъ не одолѣть ихъ. Фараонова рать растопчетъ насъ, какъ стадо воловъ точить былинки на пастбищахъ. Мой — и Твой также — народъ устронлъ стоянку тамъ, гдѣ фараонъ, окруживъ его со всѣхъ сторонъ, отрѣжетъ ему все пути ко спасенію: мнѣ это ясно видно отсюда! Выслушай-же мнѣ, Адонан! Можешь-ли Ты меня слышать въ эту страшную бурю? Конечно можешь, ибо Тебя зовутъ всемогущимъ. А если Ты слышишь и внимаешь въ смыслъ моихъ словъ, то зришь и правду ихъ. Вспомни обѣтъ, который Ты далъ народу черезъ раба Твоего, Моисея!

„У египтянъ я видѣлъ развратъ, убійство и всякаго рода

вѣроломство. Даже въ меня, грѣшного, неопытнаго юношу, вселили они ужасъ и отвращеніе. Ты-же — источникъ всякаго добра и, по свидѣтельству Маріамъ, сама правда. Ты не захочешь, какъ они, нарушить Своего обѣта? Пѣтъ, нѣтъ. Все-ильный, Великій, одна мысль о томъ уже грѣшна! Услыши меня, Адонан! Смотри: на сѣверѣ поднимаются и готовы на насъ ринуться египетскія полчища; на югѣ Твой народъ въ безпесходной бѣдѣ. Но Ты, Всемогущій, Премудрый, съумѣешь его спасти. Ты обѣщала имъ новую землю, но если они погибнутъ, кто-жъ вступитъ въ нее!“

Такъ заключилъ Ефремъ свою дѣтскую, нескладную, но прямо изъ сердца выливавшуюся молитву.

Онъ опростовѣясь бросился внизъ по крутой дѣтницѣ полуразвалившейся башни и пустился бѣжать по обнаженной пустынѣ такъ быстро, какъ будто вторично спасался отъ погони. Буря, несшаяся съ сѣверо-востока, подгоняла его, и вѣроятно, думалось ему, такъ же точно ускорила и движеніе фараоновой пѣхоты. Вожди его народа, должно быть, не подозреваютъ, какъ многочисленна надвигающаяся на нихъ рать, и не сознаютъ всей опасности своего положенія. За то онъ, Ефремъ, ясно видитъ ее и предупредить ихъ. И онъ несетъ съ такой быстротой, какъ будто буря дала ему крылья.

Вотъ и селеніе Ни-гахиронъ. Ефремъ не останавливался въ немъ, но мимоходомъ замѣтилъ, что оно совсѣмъ опустѣло: ни людей, ни скота не было видно. Должно-быть жители, испуганные приближеніемъ египетскихъ войскъ, а можетъ-быть и евреевъ, посѣгнули куда нибудь скрыться.

Ефремъ все шелъ, а небо, яркая лазурь котораго здѣсь вообще рѣдко омрачается, на этотъ разъ стало все мрачнѣе и буря разыгрывалась. Вихрь разнесилъ волосы вокругъ разгоряченнаго чела юноши. Ефремъ прерывисто дышалъ, но не прекращалъ бѣга. Ноги его, напротивъ, съ каждымъ шагомъ впередъ, все быстрѣе и быстрѣе отдѣлялись отъ почвы.

По мѣрѣ приближенія къ морю, ревъ бури усиливался и грознѣе шумѣли волны, которыя бѣшено кидались на камни у подножія Вааль-Цефона и съ илескомъ разбивались объ нихъ. Всего только часть времени прошелъ съ тѣхъ поръ, какъ Ефремъ оставилъ башню, а вотъ ужъ и передовыя палатки еврейскаго стана. Его встрѣтилъ хорошо знакомый окрикъ: „Не чисто!“ Передъ нимъ мелькнули печальныя одежды, а изъ отрѣпанныхъ вѣтромъ ставокъ выглянули измощенныя, покрытыя струями лица. Онъ понялъ, что наткнулся на стоянку прокаженныхъ, которымъ Моисей велѣлъ располагаться на отдыхъ за чертой общаго стана.

Но Ефремъ такъ торопился, что не захотѣлъ идти въ обходъ, а съ размаху промчался между палатками прокаженныхъ. Не остановила его и высокая пальма, съ корнемъ вырванная вѣтромъ и рухнувшая такъ близко отъ него, что верхушкой даже задела его.

Но вотъ, наконецъ, и самый станъ. И тутъ попадались бурные матуры и поваленные плетни.

У первыхъ же знакомыхъ, которые ему встрѣтились, Ефремъ оевѣдомился объ отцѣ своей покойной матери и Исуса, о старцѣ Навинѣ.

Навинъ, вмѣстѣ съ Моисеемъ и съ другими старѣйшими, удалился на морской берегъ. Ефремъ послѣдовалъ за ними. Влажный, пропитанный солью воздухъ оевѣжилъ его.

Однако онъ не могъ немедленно вступитъ въ объясненія со старѣйшими. Онъ воспользовался этимъ временемъ, чтобы перевести духъ и, остановясь въ нѣкоторомъ разстояніи, наблюдалъ, какъ они вели оживленные переговоры съ финикійскими мореходами.

Такимъ молодымъ людямъ, какъ Ефремъ, воспрещалось вмѣшиваться въ совѣщанія старѣйшихъ. На этотъ разъ рѣчь между ними шла очевидно о морѣ. Еврей безпрестанно указывали на заливъ, а финикіане то на заливъ, то на гору, на небо и на сѣверъ, откуда неслае все свирѣпѣвшая буря.

Выступъ каменной стѣны защищалъ старѣйшій отъ урагана. Но, несмотря на это, онъ, опираясь на посохи и цѣпляясь за камни, все-таки съ трудомъ держался на ногахъ.

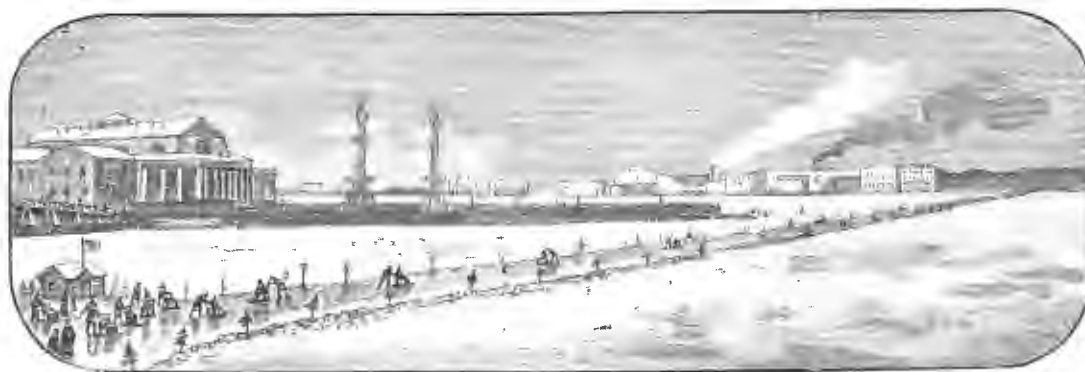
Наконецъ совѣщаніе кончилось. Мощная фигура Моисея, въ сопроважденіи нѣсколькихъ другихъ важнѣйшихъ старѣйшихъ, медленными, но твердыми шагами направилась дальше по морскому берегу, а Навинъ, поддерживаемый пастухами, съ трудомъ сопротивляясь вѣтру, побрелъ обратно въ станъ. Онъ былъ въ печальной одеждѣ, и между тѣмъ какъ лица остальныхъ свѣтились радостной надеждой, его прекрасное, окаймленное сѣдой бородой и сѣдыми кудрями лицо сохранило выраженіе глубокой скорби.

Ефремъ окликнулъ его. Онъ приподнял свою львиную голову и, узнавъ юношу, вздрогнулъ, въ испугъ огшатнулся и крѣпче ухватился за руку сильнаго пастуха, который его поддерживалъ.

Опущенники изъ рабовъ, оставленные имъ въ Таинствѣ, сообщили ему объ ужасной участи истиннаго его сына и внука. Старецъ разорвалъ одежду, посылалъ челомъ голову, облекся въ печальныя одежды и горько оплакивалъ любимаго, доблестнаго, единственнаго своего сына и юнаго внука.

И вдругъ Ефремъ здѣсь, передъ нимъ! Дѣдъ положилъ руки на плечи юноши, горячо обнималъ, цѣловалъ его и спрашивалъ о сынѣ: живъ-ли онъ и все-ли еще преданъ своему народу.

*) Или — у евреевъ одно изъ именъ Божіихъ. Ред.

Петербургъ. Видъ на Неву, Васильевскій островъ и Петербургскую сторону съ Дворцовой набережной.

Съ катальщинами черезъ Неву отъ Дворцоваго моста на Петербургскую сторону.
 Ориг. рие. (собетв. „Нивы“) Г. Брѣкнига, грав. Шюблеръ.

Ефремъ съ радостью отвѣчалъ на все утвердительно. Навинъ еще разъ обнялъ его и побрелъ дальше, опираясь на него: онъ больше не хотѣлъ, чтобы его поддерживали чужія руки и чтобы посторонніе защищали его отъ бури.

Его ожидала важная и неотложная обязанность. На пути къ стану, пылкій юноша, сквозь ревь урагана, напрягая голосъ, сообщилъ дѣду о своемъ замыслѣ въ пользу Осин, отнынѣ называемаго Исусомъ. Онъ, Ефремъ, соберетъ своихъ пастуховъ и товарищей и вмѣстѣ съ ними отправится освободить дядю. Въ бодромъ, еще свѣжемъ старикѣ тоже пробудилось и ключемъ забиячо стремленіе къ дѣятельности. Онъ старъ, но еще не разуучился владѣть оружіемъ и не отстанетъ отъ молодыхъ товарищей Ефрема. Онъ вмѣстѣ съ ними пойдетъ освобождать сына. Въ глазахъ его сверкали слезы. Воздвѣвъ руку къ побѣ, онъ заговорилъ:

— Богъ праотцевъ нашихъ бодрствуетъ надъ нами. Онъ — оплотъ и крѣпость наша. Видишь ли тамъ на краю залива песокъ, водоросли и раковины? Какой-нибудь часъ тому назадъ, мѣсто это еще было покрыто водой и гнѣлось волнами — теперь это намъ путь ко спасенію, сынъ мой! Если вѣтеръ продержится, воды залива уйдутъ еще дальше въ море. Это подтверждаютъ и финикийцы, а они народъ опытный во всемъ, что касается моря. Они говорятъ, что намъ покровительствуетъ богъ сѣвернаго вѣтра, которому они поклоняются. Но мы лучше знаемъ, Кто на самомъ дѣлѣ указываетъ намъ выходъ въ пустыню. А плохо намъ приходилосьъ, дитя мое!

— Да, дѣдушка, воскликнулъ Ефремъ. — вы были точно львы въ западнѣ. Египетское войско — вѣдь я близко видѣлъ его — ненужно. Я нарочно затѣмъ изъ всѣхъ силъ и сбѣжалъ сюда, чтобы предупредить васъ. Сколько въ немъ тяжело-вооруженныхъ ратниковъ, стрѣлковъ, сколько коней и колесницъ!

— Знать, знаемъ, перебилъ его старецъ. — Но вотъ мы и пришли.

Онъ указалъ полуопрокинутую ставку, которую слуги старались укрѣпить, а возлѣ нея старого-престарого еврея. Это былъ отецъ Навина, Елншамъ. Плотно укутанный, онъ отдыхалъ въ носилкахъ.

Навинъ торопливо что-то ему сказалъ и позвалъ Ефрема. Пока тотъ обнималъ прадеда и принималъ его ласки, Навинъ съ юношескимъ пыломъ сталъ отдавать приказанія слугамъ и пастухамъ.

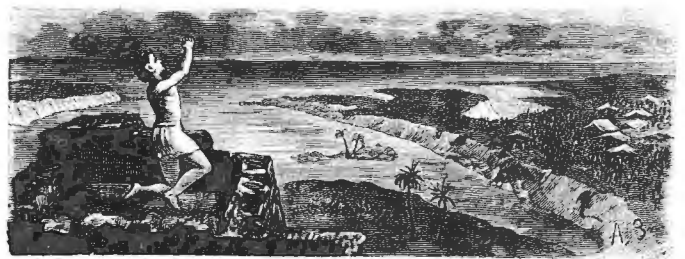
— Оставьте, не подымайте шатровъ! говорилъ онъ. — Буря начала за васъ работу! Собирайте ткани, навертывайте ихъ на колья! Грузите повозки, вьючите животныхъ! Всѣ руки за дѣло! Гадъ, Замма, Иаковъ, помогайте другимъ! Настать часъ — пора въ походъ! Сбѣжите, снаряжайте коней и повозки! Живѣй, какъ можно живѣй! Господь указываетъ намъ путь! Идемъ по зову Его и по слову Моисея! Стройтесь въ старомъ порядкѣ. Во главѣ всѣхъ мы, за нами другія колѣна, позади чужеземцы и прокаженные, мужи и жены. Радуйтесь, люди! Господь творитъ для насъ великое чудо: Онъ для своего избраннаго народа осушаетъ море. Продолжайте работать, но въ глубинѣ сердца вашихъ возблагодарите Его! Молитесь, да защитить Онъ насъ и вносѣдетъ въ. Если не хотите, чтобы васъ поразила мечъ египетскій или раздавила колес-

ница фараона, сбѣжите, изъ-всѣхъ силъ сбѣжите! Дайте — я самъ сверну эту палатку! Сюда, юноша, ко мнѣ! Смотрите-ка, вонъ дѣти Манасинъ уже все сложили и теперь нагружаютъ повозки. Вотъ такъ, Ефремъ, отлично! ты умѣешь владѣть руками! Ну, что еще остается сдѣлать? Ахъ, старая моя, безпамятная головушка! Да не мало же и вынесла она за это время! Рафу, ты малый проворный, сбѣги къ пноземцамъ — я вляса ихъ предупредить. Скажи, чтобъ и они собирались и не отставали отъ нашихъ. Время дорого! Господи, Боже мой, распрости Свою десницу надъ пародомъ Твоимъ и пусть передъ этой бурей — мощнымъ Твоимъ дыханіемъ — еще дальше отступятъ волны! Всѣ, всѣ молитесь, не оставая работъ! Вездѣущій видитъ ваши сердца и, конечно, услышитъ вашу молитву. Стой, Ефремъ, эта пона слишкомъ тяжела для тебя! Ты надорвешься! Каковъ молодець — вѣдь справился! Сокхоцы, полюбуйтеся на вапего юнаго господина и порадуитесь его силѣ!

Слова эти прилипли по сердцу пастухамъ, слугамъ и служанкамъ Ефрема. Они и до того уже привѣтствовали его среди работы. Многие дѣловали ему руки и всѣ радовались его возвращенію. Они усердно собирали, завертывали, укладывали разныя пожитки, таскали тяжести, нагружали повозки, связывали и стогали испуганный бурею скотъ.

Выходцы изъ Сокхова и изъ Танса одинаково хлопотали и суетились вокругъ Ефрема. Не отставали отъ нихъ и другіе ставовладельцы и менѣе значительные люди изъ колѣна Ефремова, ставки которыхъ окружали шатеръ ихъ вождя, Навина. Но, не смотря на столь усердные сборы, все-таки прошло нѣсколько часовъ, пока всѣ ставки были убраны, домашнія рухляды, запасы для людей и кормъ для животныхъ сложены и навьючены, старые, слабые и больные размѣщены по повозкамъ и повозкамъ.

Издали, сквозь ревь бури, по временамъ доносились сюда звуки густаго повелительнаго голоса Моисея и болѣе мягкой рѣчи Аарона. Но ни Ефремово, ни Иудино колѣна не нуждались въ подбодреніи: ими руководили Оръ и Наассонъ. При первомъ, къ тому-же, неотлучно находилась его молодая жена, Маріамъ. Не такъ собирались другія колѣна, благодаря упорству и трусости своихъ старѣйшинъ, которые и были главными виновниками опаснаго положенія, въ какомъ теперь находились евреи.

Молитва Ефрема на башнѣ.

(Продолженіе будетъ).

Литературныя бесѣды.

И. А. Крыловъ.

Между предшественниками, а затѣмъ и современниками Пушкина ярко звѣздой блеститъ имя знаменитаго баснописца Ивана Андреевича Крылова. Изъ многихъ лицъ, его современниковъ, дѣйствовавшихъ на поприщѣ литературы, онъ быть-можетъ болѣе всѣхъ не сталъ просто лицомъ историческимъ только, произведенія котораго признаются важными въ исторіи литературы, но уже не читаются. Басни Крылова понынѣ остаются и быть-можетъ останутся навсегда занимательными и полезными, и ихъ будутъ знать не по имени только самые отдаленные потомки, пока живъ будетъ русскій языкъ.

Такое значеніе Крыловскихъ басенъ въ русской литературѣ обусловливается столько же формой ихъ, сколько и содержаниемъ. Басня, повидимому, такой легкой и доступный родъ литературныхъ произведеній, на самомъ дѣлѣ представляетъ необыкновенныя трудности. Недаромъ во всемъ мірѣ такъ мало сравнительно замѣчательныхъ баснописцевъ, и въ новыя времена только два имени пользуются дѣйствительно заслуженною славой — Лафонтенъ у французовъ и Крыловъ у насъ. Басня тогда тогда получаетъ свой истинно поучительный смыслъ, когда въ ней, въ формѣ аллегоріи, подъ видомъ животныхъ и вещей неодушевленнаго міра болѣею частью, выражаются настолько ярко и отчетливо дѣла человеческія, отношенія людей другъ къ другу, слабости и пороки людскіе, что читатель чувствуетъ себя какъ бы лично заинтересованнымъ въ разсказѣ. Но для того, чтобы такой результатъ получался, автору необходимо такое глубочайшее знакомство съ людьми, съ ихъ общими и индивидуальными свойствами, и такое глубо-

чайшее знакомство съ жизнью, съ отношеніями людей, какія встрѣчаются рѣдко, — необходимо въ авторѣ большой умъ, соединенный съ многостороннимъ знаніемъ практической жизни. Въ романѣ, въ повѣсти, въ драмѣ, наконецъ, авторъ можетъ характеризовать людей съ ихъ свойствами и отношеніями на многихъ страницахъ и въ разнообразныхъ изворотахъ, онъ можетъ въ нихъ ограничиться однимъ-двумя характерами, однимъ-двумя отношеніями людскими, которые, будучи выражены удачно, могутъ дать автору значительное мѣсто въ литературѣ. Но эти же характеры и эти отношенія баснописецъ, если бы онъ захотѣлъ сдѣлать басню то же, что дѣлается романомъ или повѣстью, долженъ былъ бы вложить въ форму короткаго изреченія, обнаруживъ при этомъ величайшій свойства ума и вдохновенія. Много-ли вы придумаете басенъ, если вашъ умъ одностороненъ и знаніе жизни недостаточно? И какъ трудно найти множество разнообразныхъ формъ, короткихъ разсказовъ изъ міра не людскихъ отношеній, чтобы выразить ваши многостороннія мысли! Этими въ значительной степеніи и объясняется, что басня, какъ форма, повторяется у разныхъ народовъ и у греческихъ и римскихъ баснописцевъ вы найдете тѣ же разсказы, которые взяты и Лафонтеномъ, и Крыловымъ, какъ и всѣми баснописцами міра.

Русскій умъ склоненъ къ баснѣ, къ аллегорическому изображенію жизни въ ея отношеніяхъ. И въ русской литературѣ пользуются заслуженною извѣстностью не одинъ баснописецъ; кромѣ Хемницера и Дмитріева, особенно замѣчательны Измайловъ, современникъ и почти соперникъ Крылова. Но слава Крылова затмеваетъ всѣ эти имена. Крыловъ началъ писать

басни послѣ цѣлаго ряда малоизвѣстныхъ, но высоко замѣчательныхъ не для своего только времени, сатирическихъ произведений, которыми онъ развилъ свои гениальныя силы. И въ баснѣ, которая составляетъ вѣнецъ его литературной дѣятельности, онъ является поистинѣ неподражаемымъ. Рожденный и воспитанный въ крайней бѣдности, еще въ дѣтствѣ онъ уже узналъ жизнь и людей. Вырастая, онъ любилъ проводить свободное время на площадяхъ и базарахъ, гдѣ толпились всякій людъ; смотрѣлъ кулачные бои, ходить на рѣку, гдѣ собирались водовозы и прачки. Эти народныя сборища послужили для него школой чисто русскаго языка и дали ему многочисленныя и многообразныя случаи для изученія русскаго человѣка въ его коренныхъ свойствахъ. Владѣя отъ природы необычайно практическимъ и трезвымъ умомъ, русскою смѣткою, просто и прямо смотря на явленія окружающей жизни, безъ предвзятыхъ пристрастій или какихъ нибудь теорій, Крыловъ, не получившій къ тому же систематическаго образования и все взявшій изъ непосредственнаго наблюденія жизни, сумѣлъ создать для себя воззрѣнія на общественную русскую жизнь и на характеръ русскихъ людей въ высокой степени провищательныя. Въмѣстѣ съ формою, чарующе прекрасною, эти свойства ума Крылова и дали его баснямъ тотъ характеръ и тѣ свойства, которые дѣлали имя ихъ автора однимъ изъ драгоцѣннѣйшихъ имель въ русской литературѣ.

Въ наше время не легко представить себѣ трудности, которыя предстояли Крылову въ его дѣятельности. Русскій языкъ того времени, когда онъ выступилъ въ качествѣ уже баснописца, былъ еще очень далекъ отъ простой разговорной рѣчи, и его достоинствомъ, не недостаткомъ, считалась нѣкоторая вычурность и фразистость, которую мы встрѣчаемъ у тогдашняго главы литературы, Карамзина. Но Крыловъ заговорилъ своимъ необыкновеннымъ языкомъ, чисто разговорнымъ, образнымъ и яркимъ, въ первыхъ же своихъ басняхъ. Его знаменитая басня „Ворона и Лисица“, съ содержаниемъ, замечательнымъ отъ Лафонтена, принадлежитъ и къ первымъ его баснямъ, она написана въ 1808 году. А между тѣмъ какая сила выражений въ ней, какое, если такъ можно выразиться, психологическое пониманіе описываемаго въ баснѣ происшествія! Какъ удивительно схвачены и какими краткими, но выразительными чертами выражена лъстная натура главнаго дѣйствующаго лица, Лисицы; какими простыми, еще болѣе короткими, но еще болѣе выразительными словами охарактеризована простодушная податливость на лѣсть Вороны! У ней — „отъ радости въ зобу дыханье сперло“ и она поспѣшила каркнуть „во все воронье горло“ — вотъ и все. Крыловъ для своихъ последователей долженъ былъ быть вліятельнѣйшимъ учителемъ по отношенію къ языку; въ немъ каждый находилъ неиссякаемый источникъ духа и силы русскаго языка.

Крылову ставили въ упрекъ, считали недостатками его басенъ между прочимъ то, что у него нѣрѣдко правоученіе предшествуетъ самому разсказу. Такъ написана и „Ворона и Лисица“, начинающаяся, какъ извѣстно, объясненіемъ вреда и гнусности лести. Порицатели этого приема не безъ основанія утверждали, что онъ ослабляетъ впечатлѣніе разсказа, котораго окончаніе уже заранѣе ясно изъ правоученія, лишаетъ его интереса. Съ точки зрѣнія теоретической и въ примѣненіи къ баснописцамъ меньшей силы, тѣмъ Крыловъ, мысль эта справедлива. Но Крылову этотъ приемъ его не вредилъ. Какъ извѣстно, перечитываніе истинно художественныхъ произведений, когда читатель уже досконально знаетъ содержаніе, доставляетъ еще большее удовольствіе, оставивъ еще большее впечатлѣніе, чѣмъ прочтеніе въ первый разъ. Но басни Крылова всегда истинно художественныя созданія, оставляю-

щія въ читателѣ всегда глубокое впечатлѣніе не вишнимъ содержаніемъ, а вышукостью, яркостью и внутреннею значительностью образовъ. Не все-ли вамъ равно, будете-ли вы видѣть эту великолѣпную фигуру всемірнаго осла, который „уставивъ въ землю лбомъ, „изрядно!“ говорить“ и совѣгуетъ учиться соловью у пѣтуха, — будете-ли вы видѣть его постѣ или прежде правоученія?

Нужно сказать къ тому-же, что Крыловъ, намѣренно-ли это у него выходило или нѣтъ, долженъ былъ иногда именно такъ строить свои басни — съ правоученіемъ впереди, и въ этомъ выражается одна существеннѣйшая черта его, какъ писателя. Дѣло въ томъ, что онъ выбралъ форму басни для своихъ произведений сознательно, считая ее наилучшею, наиболее вліятельною для цѣлей писателя. „Надлежало-бы говорить онъ — поставить въ число благотворителей рода человѣческаго того, кто главнѣйшія правила добродѣтельныхъ поступковъ предлагаетъ въ короткихъ выраженіяхъ, дабы они глубже впечатлѣвались въ памяти“. Крыловъ смотрѣлъ на литературу, какъ на средство вліять на людей, и форма басни, короткаго выраженія нравственныхъ правилъ, потому и дорога была ему, что въ нее могло быть вложено нравственное содержаніе. Не разсказъ — главное было для Крылова, а нравственное правило, заключенное въ немъ. И вотъ почему первое и главное, естественно, могло нѣрѣдко являться на первомъ мѣстѣ. И это тѣмъ болѣе, что всякій разсказъ можетъ быть понятъ съ различныхъ точек зрѣнія различно, и авторъ могъ заботиться прямо, чтобы его басни не понимались неправильно, и уже впереди давалъ руководящее начало, тотъ нравственный выводъ, который долженъ былъ найти въ баснѣ читатель.

Позднѣйшая критика и показала, не лишне сказать, что можно разсказы басенъ толковать очень различно, и въ то же время очень невѣрно и пристрастно. Возьмите хотя бы ту же басню „Ворона и Лисица“, и вмѣсто ея пріямой и яснаго смысла о гнусности лести, къ тому же только вредящей тѣмъ, кто любитъ ее, вы можете подставить такой: авторъ же потому рекомендуетъ считать лѣсть гнусною, что поддаваясь ей можно потерять кое-что, какъ Ворона потеряла сыр. Такимъ образомъ можно заподозрить автора въ узости нравственныхъ представленій, въ жалкой практичности. Такъ именно и было по отношенію къ Крылову. Но скажите, какъ можетъ быть иначе изображена лѣсть въ ея дѣйствіи, если она потому и существуетъ у лѣстцовъ, что она имъ выгодна, если она всегда связана съ потерей для поддающихся ей, для любящихъ ее. И авторъ не виноватъ, что такъ дѣлалъ: дѣла въ Божьемъ мірѣ, и нравственное правило, предисланное имъ баснѣ, должно предохранять отъ ложныхъ толкованій ея.

Содержаніе басенъ Крылова необыкновенно разнообразно, и оно тѣсно примыкаетъ къ тѣмъ явленіямъ, которыя совершались тогда. Существуетъ удивительное мнѣніе, весьма усердно распространяемое, — мнѣніе, что Крыловъ былъ равнодушенъ къ общественнымъ дѣламъ, просто дѣлнвъ. Во мнѣніи этомъ, вышедшемъ изъ того, что Крыловъ былъ челоѣкъ безъ политическихъ претензій, нѣтъ правды. Крыловъ глубоко отмѣтилъ все то, что было злаго, составявнаго вопроса въ его время. Среди его басенъ вы найдете и историческія, характеризующія тогдашнія дѣла (напр. „Волкъ въ овчарнѣ“ — о Наполеонѣ и его общаніяхъ послѣ 1812 г.), и просто нравственныя; многіе говорятъ о воспитаніи, многіе нападаютъ на фальшивое образованіе, за которымъ скрывалось невѣжество, и пр., и пр. Все это были серьезнѣйшія явленія того времени, на которыя отзывался Крыловъ не холодно, а съ чувствомъ глубоко умаго челоѣка, не увлеченнаго ни теоріями, ни пристрастіями, смотрѣвшаго на жизнь съ высоты, наблюдавшаго ее въ ея общемъ, громадномъ теченіи. **Арс. Введенскій.**

Къ рисункамъ.

Въ глуши парка. (Рис. на стр. 205).

Много создано кистью Ю. Ю. Клевера превосходныхъ картинъ, правдивыхъ и поэтическихъ. Но однимъ изъ самыхъ привлекательныхъ произведений талантливаго пейзажиста навсегда останется картина, принадлежащая къ первымъ годамъ его творчества и носящая названіе „Въ глуши парка“. Дѣтъ 14 тому назадъ она была выставлена безъ имени автора на премію, и сразу обратила на себя вниманіе публики, критики и судей, обвинившихъ ее высшею наградою. Приобрѣтенная издателемъ нашего журнала, картина эта появляется нынѣ на первой страницѣ этого № *Ивы* въ изящной гравюрѣ Кирмэ. При взглядѣ на нее, безотчетно припоминается стихотвореніе „Запущенный паркъ“:

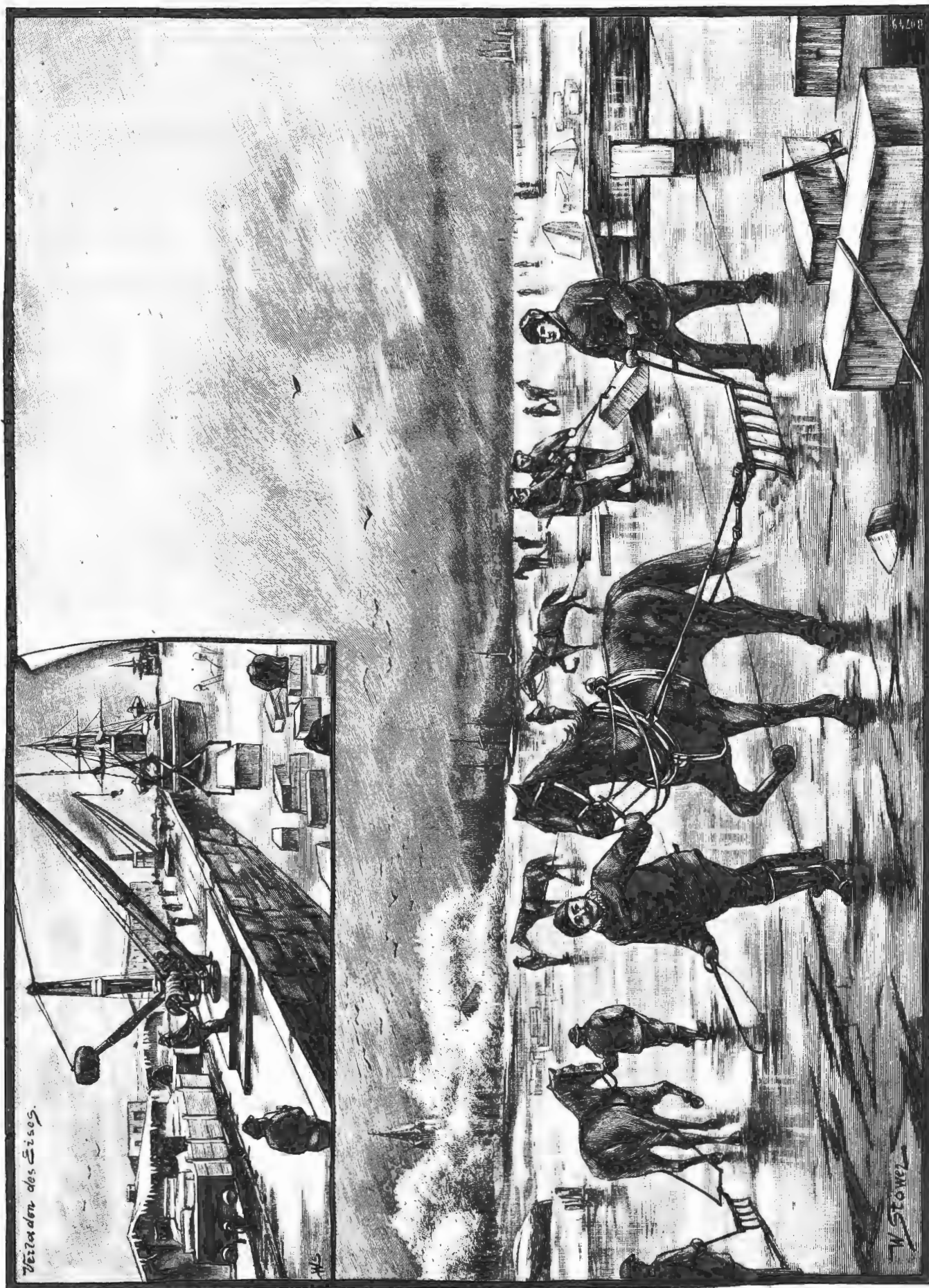
Старинный паркъ. Въ тѣни деревь
Заглохшій прудъ безмолвно дремлетъ,
Невольно душу грусть объемлетъ
Въ прохладѣ томной береговъ,
И давъ просторъ воспоминаньямъ
Въ какомъ-то смутномъ полуснѣ,
Подъ грустнымъ паркомъ обаянемъ
Слѣдншіе часами въ тишинѣ.

Какъ ласточка промчится мимо,
Какъ лебедь гордо проплыветъ,
Запечатлѣвъ неуловимо
Мгновенный слѣдъ на лонѣ водъ...

Adagio consolante. (Рис. на стр. 208 и 209).

Плавно льются звуки скрипки подѣ смычкомъ старика-монаха. Въ широкое окно и дверь видно, какъ спокойно догораютъ чудный вечеръ. Подѣ впечатлѣніемъ наступающей тихой ночи, сѣдовласый отшельникъ, весь отдавшій мечтамъ, старается передать ихъ въ звуки. Но куда устремлены его думы, гдѣ онѣ витаютъ? Изысканный путь имъ пройденъ, быть-можетъ не безъ бурь и волненій. Приближаясь къ пристани вѣчнаго покоя, безъ сомнѣній и страха, онъ унесся подѣ чистые и кроткіе звуки къ свѣтлому времени юности, лежащему вдали, но вызывающему всегда отрадные грѣзы.

Не въ прошедшее устремлены думы его слушательницы. Она вся въ настоящемъ и будущемъ. Но тихіе звуки и на нее подѣйствовали успокоительно и тяжелое настоящее блекнетъ предѣ примиряющимъ будущимъ.

Ледоръзы по озерамъ и рѣкамъ Помераніи. Рис. Стѣверъ, грав. Цейше.

Что бы это могло значить?!

(Рис. на стр. 213).

Косуль стрѣляют почти так же как и олень, хотя въ настоящее время для нихъ чаще употребляютъ обыкновенныя дробовики, а не виштовки. Иногда обносятъ лоскутьями большія лѣсныя пространства и гонять дичь на стрѣлковъ. Бьютъ и съ подхода. Опытные охотники приманиваютъ самцовъ, подражая крику самки. Какъ бы то ни было, по воть передъ нами двѣ жертвы человѣческаго спорта, которыхъ охотники сѣшаютъ утащить изъ родимаго лѣса, къ изумленію и ужасу двухъ удѣльвиныхъ подругъ...

Славъ лѣса въ Новгородской губерніи.

(Рис. на стр. 216).

Новгородская губернія, съ ея непроходимыми болотами, какъ извѣстно, покрыта дремучими и безконечными лѣсами. Мѣстное крестьянское населеніе, не будучи въ силѣ существовать хлѣбомашествомъ на скудной землѣ, занимается главнымъ образомъ славомъ и заготовкой лѣса. Лѣсъ обыкновенно заготавливается зимою, затѣмъ его доставляютъ на берега многочисленныхъ притоковъ Шексны и Мологи, связывають канатами въ плоты, а весною въ половодье пускаютъ въ славъ. Собственно славить плоты бревенъ не представляло бы особеннаго затрудненія, если бы на всемъ протяжении рѣкъ не было никакихъ преградъ, въ видѣ заводскихъ плотинъ, устроенныхъ при каждой фабрикѣ, для пользованія силой воды. Эти-то роковыя мѣста на рѣкѣ и обуславливаютъ всю трудность и искусство слага. Вода, поднятая плотинами на нѣсколько верстъ вверхъ, по рѣкѣ, при открытіи шлюзовъ, стремится въ нихъ съ немовѣрною быстротой, падала съ довольно большой высоты, ломая и коверкая все, что неумѣло проскользнетъ черезъ шлюзъ. Обыкновенно славщики къ назначенному сроку собираются со своими плотами выше плотинъ, и ждутъ открытія шлюзовъ. Но воть ихъ открыли, и плоты, одинъ за другимъ, теченіемъ воды подтягиваются къ роковому мѣсту. И надо много смѣлости, навыка, и присутствія духа, чтобы твердо рукою править плотомъ, ибо, при малѣйшей оплошности, онъ можетъ наскочить на выдающійся уголокъ плоти-

Н. И. Огаревъ. († 19 января 1890) Ст. фот. Трунова, грав. Шюблеръ.

Иосифъ II, императоръ Австрійскій (по поводу сотой годовщины смерти).

ны, порвать связывающіе его канаты и разлетѣться на части, при чемъ конечно неминуема и гибель находящагося на немъ людей, между которыми нерѣдко есть женщины и даже подростки-дѣти. Но привычная, переходящая изъ поколѣній въ поколѣнія смѣлость этихъ людей даетъ имъ возможность съегодно вести эту трудную работу.

В. Поляновъ.

Власть звуковъ.

(Рис. на стр. 217).

Голубымъ огонькомъ вспыхнулъ спиртъ подъ чайникомъ, который „зафыркалъ, заворчалъ“, съ шипѣніемъ испускала струю пара изъ носка, и тѣмъ привелъ въ болѣе смущеніе четырехъ боташекъ. Тема самая простая, но какъ ее въ состояніи выполнить искусный художникъ — читатели могутъ видѣть на нашемъ рисункѣ.

Съ катальщиками черезъ Неву отъ Дворцоваго моста.

(Рис. на стр. 221).

Нева между Дворцовой набережной и Петербургской стороной вмѣстѣ съ вытекающей изъ нея туть Малою Невой представляетъ зимою довольно долгій, хотя и кратчайшій путь между этими частями столицы. Въ послѣднее время для удобства пѣшеходовъ черезъ рѣку устроено сообщеніе посредствомъ кресель на полозьяхъ. На такое кресло, довольно широкое, садятся двое пассажировъ, а такъ-называемый „катальщикъ“ становится позади и, работая коньками, чрезвычайно быстро доставляетъ пугникова на другой берегъ, всего за пять копѣекъ.

Ледорѣзы въ Помераніи.

(Рис. на стр. 224).

Ежегодно возрастающее потребленіе льда въ большихъ городахъ заставило изыскивать новыя, болѣе практичныя способы его добыванія на зимнемъ покровѣ рѣкъ. Въ Помераніи для этого приспособленъ такъ-называемый *ледовой плугъ*, состоящій изъ простаго желѣзнаго станка съ рукояткой позади и 5-6 острыми, нѣсколько выгнутыми вперёдъ зубцами, которые при „паханіи“ льда на одной лошади, прорѣзываютъ узкія щели во льду и такимъ образомъ облегчаютъ добываніе отдѣльныхъ кабановъ (глыбъ). Кабаны доставляются на

ближайшую железнодорожную станцію, гдѣ и принимаются подъемнымъ краномъ, какъ показано въ верхней части рисунка.

Н. И. Огаревъ. (Портр. на стр. 225).

Недавно Москва съ большою пышностью провожала въ могилу одного изъ весьма почтенныхъ дѣятелей своихъ, генералъ-майора Николая Ильича Огарева, *своего*, во всѣхъ отношеніяхъ, москвича, который болѣе сорока лѣтъ прослужилъ въ Бѣлокаменной въ должности полиціймейстера и стяжалъ прекрасную, незапятнанную репутацію, искреннія симпатіи и уваженіе всѣхъ и каждого. Это былъ петый москвичъ, свято хранившій лучшія преданія роднаго ему города, старая московскія традиціи. — личность, носившая на себѣ отпечатокъ того истиннаго, характернаго „прекраснодушія“, которое все рѣже и рѣже встрѣчается въ позднѣйшее время и которымъ прежде могла особенно похвалиться первопрестольная столица. Н. И. Огаревъ былъ тѣмъ болѣе дорогъ москвичамъ, что, стоя на стражѣ охраненія общественной безопасности, онъ ревностно относился къ своей службѣ, отличался строгою исполнительностью и вмѣстѣ съ тѣмъ сохранялъ доброе сердце, былъ всегда человѣчнымъ и довольно патриархальнымъ въ своихъ сношеніяхъ съ обывателями. Онъ умѣлъ сочетать въ качествѣ благороднѣйшаго человѣка со своими служебными обязанностями, перѣдко весьма исколчивыми. Неотлучно пребывая на своемъ посту, безъ усталыя наблюдалъ за порядкомъ. Огаревъ, по справедливому замѣчанію одного москвича, могъ быть официально строгимъ сколько ему угодно. Это никого не обманывало и не пугало. Слушались строгія приказанія, но не боялись ихъ автора. Въ знали, что неофициально онъ — „добрѣйшей души человѣкъ“, что это — „свой, московскій“, и что въ трудныя минуты жизни обыватель неизмѣнно встрѣтитъ искреннее участіе въ „генералѣ Огаревѣ“. Жилъ онъ довольно скромно и смирно въ Москвѣ настоящимъ безразбратникомъ, и это какъ нельзя лучше подтвердилось послѣ его смерти: итогъ оставленнаго имъ имущества далъ всего-на-всего шестьсотъ рублей... Покойный любилъ искусство, былъ большимъ театраломъ и всегда покровительствовалъ сценическимъ дѣятелямъ. Не далѣе какъ мѣсяца за два до кончины онъ праздновалъ пятидесятилѣтній юбилей службы своей въ офицерскихъ чинахъ, въ Москвѣ не бывала съ поздравленіями въ его квартирѣ, изъ которой онъ не выходилъ уже съ іюля мѣсяца, заболѣвъ воспаленіемъ легкихъ, имѣвшимъ печальный конецъ. Николай Ильичъ Огаревъ скончался въ преклонномъ возрастѣ. Онъ происходилъ изъ стараго дворянскаго рода. Его отецъ, тайный совѣтникъ Илья Ивановичъ Огаревъ служилъ двадцать лѣтъ Пермскимъ губернаторомъ и былъ женатъ на Маріи Владиміровнѣ Акнифовой. Отъ этого брака и родился Николай Ильичъ, 23 апрѣля 1820 года въ Москвѣ, гдѣ онъ получилъ и первоначальное образованіе. Затѣмъ онъ былъ помѣщенъ въ Корпусъ инженеровъ Путей Сообщенія, откуда въ 1837 году поступилъ военноопредѣляющимся въ лейб-гвардію кирасирскій полкъ Государа Наслѣдника Цесаревича, а отсюда перешелъ въ лейб-гвардію гусарскій полкъ Его Величества, гдѣ прослужилъ около двухъ лѣтъ. Черезъ пять лѣтъ по полученіи офицерскаго чина онъ уволился отъ службы съ чиномъ штабсъ-ротмистра. Въ 1845 году онъ вторично поступилъ въ военную службу, черезъ четыре года былъ произведенъ въ майоры, а 26 августа 1849 г. въ подполковники и въ декабрѣ того же года былъ назначенъ Московскимъ полиціймейстеромъ 1 отдѣла. За свою примѣрную службу на этомъ посту онъ получилъ нѣсколько орденовъ (Св. Владиміра, Св. Станислава, Св. Анны), аренду и разные подарки. 17 декабря 1881 года онъ произведенъ въ генералъ-майоры и въ томъ же году получилъ званіе отличія безпорочной службы. Николай Ильичъ скончался 19 января. Похороны его отличались такою торжественностью, при огромномъ стеченіи народа, какой давно не запомнитъ московскіе старожилы, и по массѣ вѣнковъ отъ всевозможныхъ учреждений, обществъ и частныхъ лицъ, по обстановкѣ напоминали похороны другаго славнаго дѣятеля — Скобелева.

П. Б.—овъ.

Иосифъ II, императоръ Австрійскій.

(Портр. на стр. 225).

Ровно сто лѣтъ тому назадъ, 20 (8) февраля 1790 г., скончался глава распадавшейся имперіи, императоръ Германскій Иосифъ II, который будто-бы велѣлъ начертать на его гробницѣ: „Здѣсь лежитъ государь, котораго намѣренія были чисты, но планы всѣ до единаго потерпѣли крушеніе“. Старшій сынъ герцога Франца-Стефана Лотарингскаго (съ 1740 г. императора Франца I) и Маріи-Терезіи, Иосифъ родился 13 (1)

марта 1741 г. Воспитаніе его, въ угоду венграмъ, было отдано въ руки необразованнаго магната, графа (внучатдѣтви князя) Баттани, а первоначальное образованіе искутанъ Фергеру и Вейкарду, а затѣмъ цѣлой фалангѣ разношерстныхъ преподавателей, которые приучили принца лишь къ безпорядочному и въ высшей степени поверхностному чтенію, преимущественно новѣйшей (того времени) французской литературы. Быстро усваивавшій новѣйшія идеи и полагавшійся единственно на собственное сужденіе, Иосифъ скоро почувствовалъ полное умственное отчужденіе и одиночество въ окружавшей его средѣ, которому не могли пособить мимолетныя бесѣды съ выдающимися людьми той эпохи. Въ 1764 г. Иосифъ былъ избранъ и коронованъ Германскимъ императоромъ, а такъ какъ отецъ его умеръ уже въ слѣдующемъ году, то дѣятельности молодого монарха повидимому открывалось обширное поле. По воли императрицы Маріи-Терезіи и противодѣйствовавшимъ монархическимъ стремленіямъ сословное государственное устройство, ставили эту дѣятельность въ самыя тѣсныя предѣлы и все вліяніе его ограничивалось военнымъ дѣломъ и внѣшней политикой, къ которымъ не лежало его сердце, занятое исключительно народнымъ хозяйствомъ и церковнымъ устройствомъ, въ которыхъ онъ замыслилъ капитальныя реформы. Но смерти Маріи-Терезіи, онъ тотчасъ и приступилъ къ нимъ, заставивъ Фридриха Великаго воскликнуть: „Voilà nouvel ordre des choses!“ Известно къ чему привели эти реформы мечтателя на престолѣ. Онъ хотѣлъ облегчить положеніе низшихъ классовъ народа, связать разноплеменная австрійскія земли въ одну сплошную монархію и увеличить ее внѣшними приобритеніями. Иосифъ отменилъ крѣпостное право, опредѣливъ подробными правилами обязанности крестьянъ къ помѣщикамъ; издалъ постановленія о теримости разныхъ вѣроисповѣданій въ своемъ государствѣ и старался устранить вѣшателство папы, подчинивъ духовенство непосредственно своей власти; упразднилъ многіе монастыри, обративъ ихъ имущество на больницы и благотворительныя заведенія. Всѣми этими реформами онъ только возстановилъ противъ себя два могущественнѣйшія сословія имперіи: дворянство и духовенство; онъ старался вредить его преобразованіямъ — и это удавалось имъ тѣмъ легче, что Иосифъ не отличался осмотрительностью и, какъ сострилъ надъ нимъ тотъ-же Фридрихъ, всегда „дѣлалъ второй шагъ прежде перваго“. Попытки ввести однообразное управленіе въ разныхъ частяхъ имперіи вызвали сильный ропотъ въ Венгріи и полное возстаніе въ Бельгіи, такъ что Иосифъ незадолго до своей смерти вынужденъ былъ отменить большую часть своихъ нововведеній.

Почти такъ же неудачны были внѣшнія предпріятія. Планъ присоединенія Баваріи не удался благодаря противодѣйствію Фридриха Великаго. Иосифъ хотѣлъ вознаградить себя на юго-востоку присоединеніемъ Молдо-Валахій и Сербіи и въ союзѣ съ Екатериною II началъ войну съ турками, неудачное теченіе коей снова разнуздало задремавшую было оппозицію въ послѣдственныхъ австрійскихъ областяхъ. Въ Бельгіи дѣло дошло до кровавыхъ столкновеній. Иосифъ круто измѣнилъ систему и хотѣлъ подавить возстаніе военнымъ положеніемъ, но у него не достало военныхъ силъ, и онъ долженъ былъ прибѣгнуть къ унипательной помощи папы Пія VI. Въ Венгріи, какъ мы видѣли, онъ вынужденъ былъ отменить всѣ свои нововведенія. Императоръ лежалъ уже на смертномъ одрѣ, вѣдѣтвіе болѣзни легкихъ, развившейся послѣ турецкаго похода, когда начались волненія въ средѣ чешскихъ и тирольскихъ сословій, что заставило его воскликнуть: „Я дамъ имъ все чего требуютъ, только дали бы мнѣ спокойно сойти въ могилу“. Иосифъ скончался 49-ти лѣтъ.

Звѣздочки изъ кожи апельсина. (Рис. на стр. 228).

Одинъ изъ читателей журнала *Nature*, г. Дантанъ, сообщаетъ интересный способъ очистить апельсинъ отъ кожи, сохранивъ ее вполнѣ цѣлою, и притомъ, по снятіи кожи съ плода, она можетъ быть высушена въ видѣ красивыхъ и разнообразныхъ звѣздочекъ.

Для этого надо выбрать апельсинъ съ гладкою кожей, безъ всякихъ недостатковъ. Затѣмъ раздѣляютъ ее на опредѣленное число частей, сначала небольшое, иглой или перомъ, и намѣченные слѣды надрѣзаются острымъ ножомъ. По мѣрѣ надрѣзыванія, кожа отгибается, пока отъ нея апельсинъ совсемъ не будетъ очищенъ. Затѣмъ снятая кожа раскладывается на листѣ бумаги и накалывается булавками. Въ такомъ положеніи она высушивается и затѣмъ надолго можетъ быть сохранена въ видѣ разнообразныхъ звѣздочекъ и фигуръ, которыя читатели найдутъ на нашемъ рисункѣ подъ буквами А, В, С, D, E и F. Два другіе рисунка представляютъ постепенное нанесеніе на апельсинъ надрѣзовъ и апельсинъ съ разрывною, но еще не снятою кожей.

Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

— Е. И. В. Вел. Княгиня Марія Александровна Герцогиня Эдинбургская съ Супругомъ

Е. К. В. Герцогомъ Эдинбургскимъ отбыли 3½ часа дня. Проводить Августѣйшихъ Государя и Государыню прибыли на вокзалъ желѣзной Императорскою поѣздъ, 12 февраля, въ дороги Ихъ Императорскія Величества, Го-

сударь Пастыльник Цесаревич и другія Особы Императорской Фамиліи.

Дѣла церкви.

— Высочайше повелѣно: предоставить оберъ-прокурору Св. Синода внести, въ течение шести лѣтъ, начиная съ 1890 года, въ финансовыя сметы Св. Синода по семидесяти тысячъ рублей въ годъ на церковно-строительныя надобности Прибалтійскаго края.

— Въ Митавѣ, 14 февраля, приступлено къ перестройкѣ митавскаго православнаго храма на Высочайше пожалованныя для сего средства.

Торговля.

— Общество юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ предполагаетъ построить элеваторы на слѣдующихъ 10-ти станціяхъ: Новоукраинка, Парщина, Крыжополь, Подолное, Попельня, Проскуровъ, Чубовка, Скнысовъ, Рожиче и Винница. Каждый изъ элеваторовъ на первыхъ трехъ станціяхъ разсчитанъ на 53 вагона легкаго зерна; на остальныхъ же проектированы элеваторы только на 10 вагоновъ.

Народное просвѣщеніе.

— Дворянство Орловской губерніи во всеподданнѣйшемъ адресѣ обратилось съ ходатайствомъ: 1) объ уменьшеніи классныхъ занятий въ гимназіяхъ сокращеніемъ программы по древнимъ языкамъ; 2) о сравненіи всѣхъ предметовъ преподаванія въ гимназіяхъ съ привоеніемъ, однако, первенствующаго значенія отечественной исторіи и русскому языку; и 3) объ образованіи особой комиссіи, при участіи врачей, для проектированія означенныхъ измѣненій въ системѣ гимназическаго образованія.

Государь Императоръ, по прочтеніи адреса и разсмотрѣніи всеподданнѣйшаго доклада Министра Народнаго Просвѣщенія по поводу сего адреса, 23 января Высочайше повелѣтъ

созвонить: отклонить упомянутое ходатайство орловскаго дворянства.

Искусства изобразительныя.

— 13 февраля, Ихъ Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица посетили XVIII передвижную художественную выставку, устроенную въ залахъ Императорской Академіи Наукъ. На выставку также прибыли Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ и др. Особы Императорской Фамиліи.

Ихъ Величества были встрѣчены членами комитета передвижныхъ выставокъ и экспонентами и смотрѣвали выставку въ продолженіе часа, причемъ Августѣйшими Особами были приобретены въ собственность слѣдующія картины: Его Величествомъ — „Притихло“, П. Н. Дубовскаго; Ея Величествомъ — „Выдворяющая“, К. В. Лемоха, „Охотники на отдыхѣ“, В. Е. Маковского, „Видъ Арканова“, А. П. Боголюбова, „Пева“, А. К. Ветрова, „Но рѣкъ Ока“, А. Е. Архипова, и „Будущій рынокъ“, П. И. Богданова-Вильскаго; Ихъ Императорскими Высочествами Наслѣдникомъ Цесаревичемъ — „Крымскій видъ“, атакже А. М. Васнецова, и Великимъ Княземъ Георгіемъ Александровичемъ — „Крымскій пейзажъ“, Н. К. Бондаренскаго.

На 10-й акварельной выставкѣ, во время Высочайшаго посѣщенія, 10 февраля, Ихъ Величествами и Особами Императорской Фамиліи были между прочимъ приобретены акварели: Ея Величествомъ — Ф. К. Ангардта — „Вьеръ“ (рисунко на блѣдомъ атласѣ); Л. О. Иремаци — „Дорога въ Ивандюжъ“; Н. Н. Каранина — „Степь передъ восходомъ солнца“; В. П. Шрейбера — „Цѣлѣтъ“ (Иванъ да Марья); Его Императорскимъ Высочествомъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ — П. Д. Шниова — „Уральскій какашъ“.

Изъ губерній и областей.

— Въ Варшавѣ, 9 февраля, по дѣлу убій-

ства младенцевъ арестованы: главная виновница Скублнская, Здановская и Куикова. Вслѣдствіе обыска въ другихъ участкахъ арестовано нѣсколько женщинъ, занимающихся приемомъ младенцевъ на воспитаніе. Проживавшій у Скублнской 18-лѣтній молодой человекъ, послѣ ареста, признался, что въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ вынесъ въ корзины 50 труповъ. Трупы на 10 и на 15 труповъ приготавливалъ столяръ Миленскій. Сынъ Скублнской, Лудовикъ и столяръ Миленскій арестованы. До сихъ поръ удостовѣрено 76 жертвъ Скублнской. Подобнаго рода тайныхъ акушеровъ въ городѣ много, почему газеты домогаются возстановленія закрытой недавно коранны при домѣ подкидышей въ больницѣ Младенца Иисуса.

— Въ Ригѣ, 8 февраля, мастерскія Рижско-Туккумской желѣзной дороги сгорѣли до тла. Въ сгорѣвшихъ мастерскихъ находились 5 локомотивовъ, стоявшихъ 100,000 руб., и по одному пассажирскому вагону втораго и перваго классовъ. Кромѣ того, ошметки уничтожены всѣ товарныя станки и инструменты.

— Въ Симферополѣ, 3 февраля, погорѣли рѣзницы и базарная лавка. Убытки страховыхъ обществъ до 50,000 рублей.

Некрологъ.

— 2 февраля, въ гор. Владикавказѣ, послѣ тяжкой болѣзни, скончался генеральнаго штаба генераль-лейтенантъ Алексѣй Михайловичъ Сѣзгаловъ.

— 9 февраля, скончался начальникъ движенія Закаспійской дороги Н. П. Чижевъ, одинъ изъ выдающихся сотрудниковъ при сооруженіи Среднеазійской желѣзной дороги.

— Въ Тифлисѣ, 10 февраля, скончался грузинскій историкъ, председатель поземельной сословной комиссіи и кавказскаго отдѣла археологическаго общества Д. З. Баградзе.

Политическое обозрѣніе.

Въ Германіи только что окончены выборы въ парламентъ. Возбужденіе или оживленіе, съ какимъ соединяется это время въ политической жизни другихъ странъ, во Франціи, наиримѣрь, или Англій, здѣсь почти совсѣмъ отсутствовало. Спокойно и методично выполнили свое призваніе германцы. Въ такихъ большихъ избирательныхъ центрахъ, какъ Берлинъ, не было совсѣмъ замѣтно, что переживается великій парламентскій моментъ, результатомъ котораго должно появиться своеобразное теченіе политической жизни. По словамъ корреспондента *Нового Времени*, ни суеты, ни давки, ни возбужденія на лицо не было, но за то не было и ни малѣйшаго признака торжественности. Кромѣ бѣлыхъ афишъ, прибитыхъ на дверяхъ и у входа, присутствіе въ домѣ такого Wahllokal обнаруживается только группой приставленныхъ ко входу Zettelmänner, на обязанности которыхъ лежитъ раздача входящимъ избирательныхъ билетовъ, съ именами кандидатовъ каждой партіи. Внутри, за огромнымъ столомъ, ничѣмъ не прикрытымъ, часто составленнымъ изъ полуожинны обыкновенныхъ ресторанныхъ столиковъ, помѣщается назначенный городомъ комиссаръ со своей канцеляріей, ведущей протоколъ выборовъ, слѣдующей за избирательнымъ спискомъ и отмѣчающей въ немъ тѣхъ, кто уже воспользовался своимъ правомъ голоса. Въ одномъ изъ такихъ избирательныхъ центровъ, въ ресторанѣ палаты господъ, воспользовался своимъ правомъ голоса и князь Бисмаркъ, объявившій во всеуслышаніе, что онъ голосуетъ за консервативнаго кандидата, и отклонившій попытку свободомыслящаго Zettelmann'a вручить ему билетикъ съ именемъ кандидата своей партіи.

Подводя итоги совершившихся выборовъ, оказывается что первымъ голосованіемъ избранъ 251 депутатъ и предстоитъ 146 перебаллотировокъ. Первое мѣсто среди избранныхъ занимаютъ по численности члены партіи центра, за ними слѣдуютъ консервативы, а далѣе по порядку цифры избранныхъ — свободомыслящіе, социалы, національ-либералы, члены имперской партіи, поляки, альясъ-лотарингцы, гвельфы, демократы, антисемиты и датчане. Такимъ образомъ бывшее въ прежнемъ рейхстагѣ правительственное коалиціонное большинство, которое составлялось изъ такъ называемыхъ „партій картели“, уже нынѣ потеряло пораженіе. Въ выигрышѣ оказались свободомыслящіе и социалы. Хотя перебаллотировки могутъ еще многое переимѣнить, но уже теперь можно предвидѣть, что будущій рейхстагъ будетъ совсѣмъ не схожъ на своего предшественника. Подобный исходъ выборовъ не остался безъ вліянія и на исходъ кризиса, который предвидѣлся въ случаѣ оставленія княземъ Бисмаркомъ долж-

ностей прусскаго министра-президента и имперскаго канцлера, о чемъ ходило не мало слуховъ. Нынѣ кризисъ этотъ устраненъ или по крайней мѣрѣ временно отложенъ, хотя даже въ оппозиціонныхъ кружкахъ выражаются сильное желаніе, чтобы имперскій канцлеръ сохранилъ за собою высшее завѣдываніе дипломатіей, признавая однако, что необходимо облегчить его занятія.

За то въ Венгріи министерскій кризисъ, кажется, не далеко. Оппозиція во что бы то ни стало рѣшилась низвергнуть Коломана Тиеса. Во время преній о бюджетѣ въ палатѣ, когда министръ-президентъ сталъ возражать на нападки, въ палатѣ раздались проницательскіе крики „Noch!“ перемѣнивавшіеся съ возгласами: „Убъжайте, мы заплатимъ расходы на поѣздки! Тиесъ надо убирать!“ Шумная сцена продолжалась до тѣхъ поръ, пока Тиеса не умолкъ. Но этия скандалы не прекратились. 13 февраля въ палатѣ депутатовъ Абрами сказалъ: „Тиеса обладаетъ шкурою, неспособною краснѣть“. Президентъ Печи замѣтилъ, что подобныя выраженія неприличны. Замѣчаніе это вызвало страшный шумъ. Оппозиція грозилъ президенту кулаками. Угрозы воскликнуть: „Мы будемъ производить скандалы до тѣхъ поръ, пока Тиесъ не выйдетъ въ отставку“. Абрами послалъ президенту своихъ секундантовъ, но послѣ объясненій дуэль не состоялась.

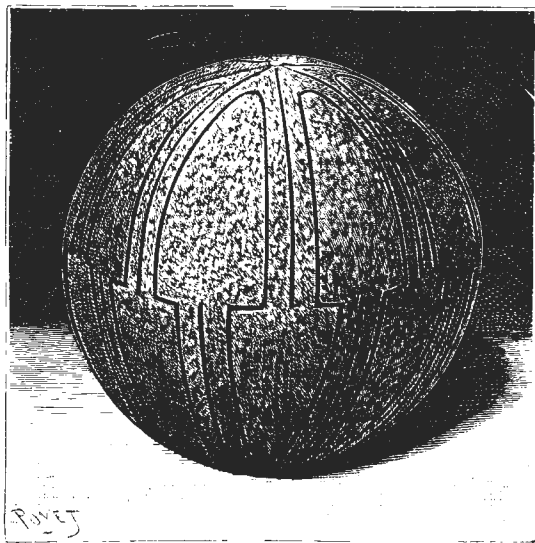
Въ Парижѣ дѣло помилованія герцога Орлеанскаго затянulo. 13 февраля его отвезли по утру въ Клерво безъ всякихъ инцидентовъ и тотчасъ затѣмъ герцогъ былъ заключенъ въ тюрьму. Къ нему будутъ примѣнены правила, касающіяся политическихъ арестантовъ. Помѣхой помилованія являются съ одной стороны поведеніе роялистовъ, а съ другой — радикалы, выступившіе съ требованіемъ амнистіи участникамъ забастовки.

Заговоръ Паницы, кажется, является больше всего дѣломъ Стамбулова. По крайней мѣрѣ въ *Correspondance de l'Est* помѣщено сообщеніе изъ Софіи, ярко свидѣтельствующее, что извѣстныхъ документовъ въ дѣлѣ о заговорѣ не существуетъ. Стамбуловъ медлитъ предъявленіемъ военному суду всѣхъ документовъ по дѣлу Паницы. Повидимому, дипломатическіе представители нѣкоторыхъ державъ конфиденціально посовѣтовали не оглашать этихъ документовъ.

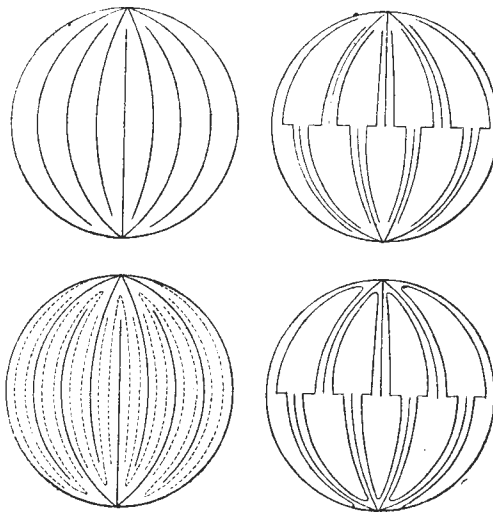
Рядомъ съ тѣмъ одинъ изъ нихъ, германскій генеральный консулъ Вангенгеймъ, по словамъ Агентства Рейтера, запросилъ особую нотою болгарское правительство — какимъ образомъ предполагается производить возвратъ русскихъ окупаціонныхъ расходовъ. Въ то же время Вангенгеймъ увѣдомилъ министерство, что уплата должна производиться ему и что онъ вы-

дать квитанцію. Образъ дѣйствій Россіи вызываетъ много толковъ. Извѣстные политическіе круги толкуютъ его въ смыслъ косвеннаго признанія statu quo, другіе полагаютъ, что Россія имѣетъ лишь цѣлью причинить Болгаріи затрудненія. Въ официальныхъ кругахъ увѣряютъ, что Болгарія выполнитъ принятія на себя обязательства и такимъ образомъ представитъ

себѣ въ Софійскій банкъ съ 1886 г. и что можно получить ихъ по востребованію. Когда слугамъ принца Фердинанда предложено было перейти отъ слова къ дѣлу, они стали распространять извѣстія, что вопліи естественное, казалось бы, требованіе, предъявленное черезъ посольство германскаго консула, одни толкуютъ въ смыслъ шага, направленного къ кос-

Апельсинъ съ разрѣзанною коницею, которую можно снять въ видѣ звѣздочки.

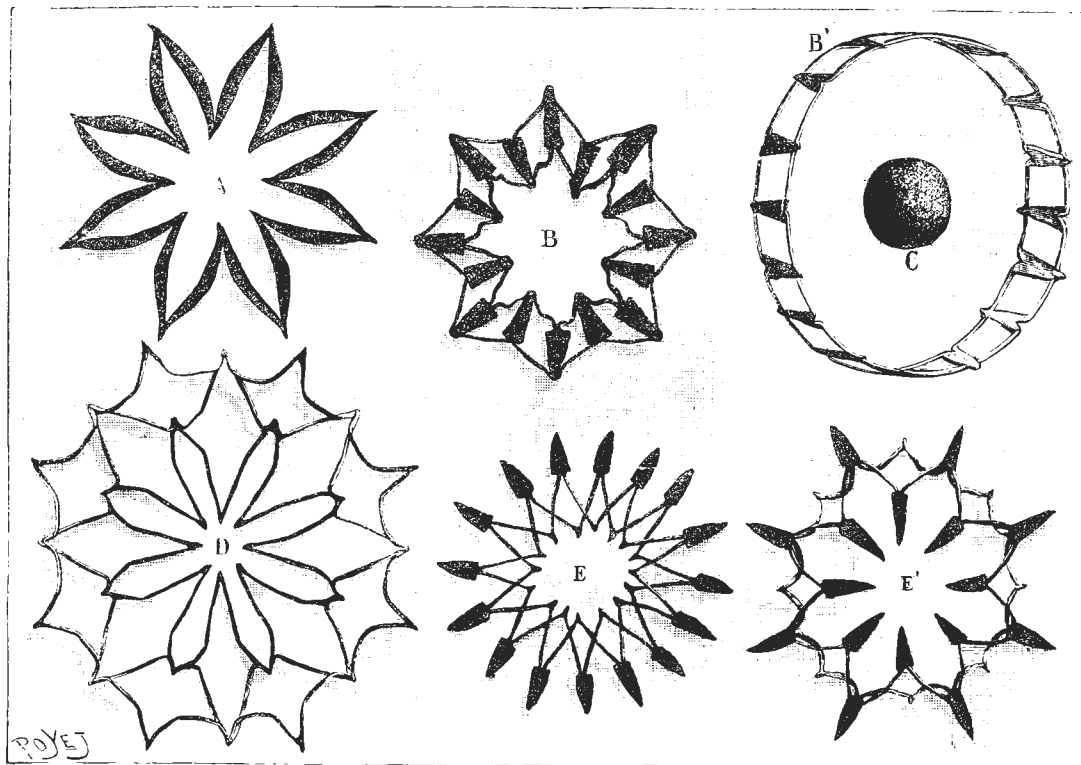
Надрѣзы на кожѣ апельсина, позволяющіе снять ее въ видѣ звѣздочки.

повое доказательство своего желанія исполнить международныя обязанности.

По этому поводу „*Journal de St.-Petersbourg*“ напечатала: „Въ числѣ полученныхъ вчера телеграммъ находится депеша изъ Лондона, сообщающая, по свѣдѣніямъ изъ Софій, что Русское правительство потребовало черезъ тамошняго германскаго генеральнаго консула взноса слѣдующей за послѣд-

нему признанію status quo въ Болгаріи, тогда какъ другіе полагаютъ, что Россія, поступая такъ, имѣетъ лишь въ виду причинить Болгаріи затрудненія.

„Первое изъ этихъ предположеній такъ же мало основательно, какъ и второе. Означеннымъ требованіемъ не обусловливается никакое, хотя бы даже косвенное признаніе. По полученнымъ нами свѣдѣніямъ, вѣнскій кабинетъ, разрѣшая ви-

Звѣздочки изъ кожицы апельсина.

ше четыре года суммы по покрѣтію оккупационныхъ расходовъ въ Болгаріи. Фактъ этотъ подтверждается сегодня другою депешою изъ того же источника. Извѣстно, что въ отвѣтъ на циркуляръ, коимъ въ декабрѣ прошлаго года, Русское правительство указало на незаконность болгарскаго займа, заключеннаго подъ залогъ желѣзныхъ дорогъ, г. Странскій разослалъ своимъ агентамъ ноту, въ которой было заявлено, что должныя Россіи суммы аккуратно вносятся на хра-

нискъ и котировку на биржахъ недавняго болгарскаго займа, не колебався объявить, что такое разрѣшеніе вовсе не равносильно признанію принца Фердинанда; съ тѣмъ большимъ основаніемъ требованіе о полученіи недоплаченныхъ годичныхъ взносовъ долга, лежащаго на болгарскомъ народѣ, не можетъ быть истолковано въ смыслъ такого признанія со стороны предъявляющей требованіе.

„Что же касается втораго предположенія, то принцъ Ко-

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1890 г.

Подписная цѣна показана на первой страницѣ.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1890 году номера.

бурскій и его министры могутъ очутиться въ „затруднительномъ положеніи“ лишь въ томъ случаѣ, когда завѣренія г. Странскаго о томъ, что недоплаченные годичные взносы

находятся на храненіи въ Софійскомъ банкѣ и уплата ихъ представляется желательною, оказались бы несоответствующими истинѣ“.

С М Ъ С Ъ.

Изъ жизни Н. Д. Хвоцинской. Въ своихъ воспоминаніяхъ о г-жѣ Хвоцинской (В. Крестовскомъ-псевдонимѣ), г-жа Винидкая рассказываетъ, въ *Историческомъ Вѣстникѣ*, о томъ какая добрая душа таилась въ покойной писательницѣ, которая, не смотря на всю горечь ея жизни, отличалась веселостью. Живая говорунья, никого не щадившая своей незлобивою насмѣшкою, въ своихъ неистощимыхъ разсказахъ она глумилась иногда и надъ собой. Она терпѣть не могла частныхъ театровъ съ тѣхъ поръ, какъ разъ попала въ артистическій кружокъ, и вотъ какъ она объ этомъ разсказала, со свойственнымъ ей юморомъ: „Думала: умру. Зала биткомъ набита, и всѣ стоятъ, потому что стульевъ мало. Я маленькая, и въ заднемъ ряду ничего не могла видѣть, кромѣ спинокъ и затылковъ, и хотѣла уйти сейчасъ же какъ вошла. Но только что я повернулась къ двери, какъ въ нее влетѣлъ молодой человекъ, зацѣпился пуговицею сюртука за цѣпочку моего лорнета и втащилъ меня въ толпу. Я его молила: „Остановитесь, отцѣпите меня, милостивый государь!“ — ничего не слышитъ и не замѣчаетъ, стремится, изо всѣхъ силъ, продираясь локтями впередъ, и все тащить меня за собой какъ собачку на цѣпочкѣ. Цѣпочка затянулась на шеѣ, того и гляди: умру. Тогда я рѣшилась взять его за локоть. Онъ обернулся такъ строго, и почти крикнулъ: „Что вамъ угодно?“ Я едва могла выговорить, показавъ, рукой на шею: „Сдѣлайте милость, освободите“. Онъ извинился, отцѣпилъ меня, и устремился дальше, а я осталась въ серединѣ толпы, ни назадъ, ни впередъ ужъ выбраться и не могла. И пришлось волею-неволею стоять до изнеможенія, ничего не видя, кромѣ луны на самомъ верху сцены, да и ту всю перекосило, потому что неловко потянули небосклонъ, такъ что луна была представлена въ формѣ изогнутой груши. И за это удовольствіе я деньги заплатила.“ (в.)

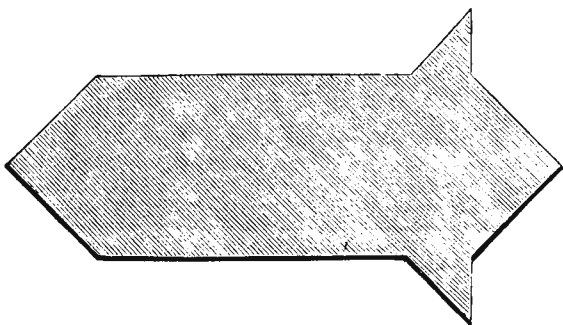
Обрядъ вѣнчанія у Сирийскихъ христіанъ. Въ новомъ московскомъ журналѣ *Русское Обозрѣніе* напечатаны чрезвычайно любопытные очерки А. П. Воейкова: „У сирийскихъ христіанъ и въ Траванкорѣ“, изъ путешествія по южной Индіи. Вотъ какъ авторъ очерковъ, между прочимъ, описываетъ обрядъ вѣнчанія у сирийскихъ христіанъ. Послѣ полудня въ воскресенье на Масляницѣ въ Сирийской церкви, признающей намѣстника патріарха, должны были вѣнчаться многія пары—это послѣдній день свадебъ предъ великимъ постомъ. Не желая опоздать, г. Воейковъ пришелъ уже слишкомъ рано. Народу было много, духота ужасная. Онъ вышелъ на веранду, идущую вокругъ церкви. Когда узнали, что онъ русскій, народъ сталъ толпиться около него; знающихъ по англійски было довольно, такъ что было съ кѣмъ разговаривать. Одинъ изъ присутствовавшихъ предложилъ отправиться къ епископу Иерусалимскому въ ризницу. Онъ довольно молодой, благообразной наружности восточнаго типа. Одѣтъ въ рясу и клобукъ; послѣдній такой же формы что у насъ. Онъ отвѣтилъ Воейкову увѣсительнымъ восточнымъ при-

вѣтствіемъ и просилъ войти въ церковь, построенную не крестомъ, а базиликой, т. е. длиннымъ четырехугольникомъ. Алтарь на востокъ, съ однимъ входомъ; иконостаса нѣтъ, но на стѣнахъ фрески. Брачущіеся пары уже собрались и священники въ синихъ суконныхъ расахъ и скуфьяхъ сидѣли на ступеняхъ вблизи алтаря, находившихся тамъ, гдѣ у нихъ входъ на клиросъ. Затѣмъ началась исповѣдь и причащеніе брачущихся. Когда кончилось причащеніе, вошелъ епископъ и облачился на возвышеніи передъ алтаремъ. Вокругъ него внизу *покоемъ* стояло 12 паръ брачущихся; ближе къ алтарю была поставленъ столъ, покрытый цвѣтною скатертью, за который сѣлъ епископъ, а вокругъ него стали священники и дьяконы; только двое были въ рясахъ. Начались довольно продолжительныя молитвы, и въ это время священники снимали кольца и кресты съ жениховъ и невестъ и клали ихъ на столъ. Затѣмъ спросили о согласіи вступить въ бракъ и совершили обрученіе; потомъ епископъ со священниками благословили жениховъ крестами, каждого отдѣльно. Держа крестъ надъ головой, произносили длинную молитву на сирийскомъ языкѣ. Чаше всего повторялось слово „гнахъ“. Потомъ такимъ же порядкомъ благословляли каждую невесту. Затѣмъ тоже съ молитвой надѣвали синія покрывала на головы невестъ, и этимъ окончилась церемонія. Молодые вышли изъ церкви, причемъ надъ невестами несли большіе красные зонтики. Они были взяты на прокатъ въ сирийской униатской церкви; тамъ же взяли и часть золотыхъ украшеній невестъ. Женихи и невесты очень молоды, ни одной изъ послѣднихъ не было болѣе 14-ти лѣтъ, а инымъ лишь 10. Слезь не было видно, замѣчалось тупое равнодушіе. (в.)

Маршалъ Макъ-Магонъ разсчитываетъ искорѣ окончить свои мемуары. Къ сожалѣнію, по словамъ *Фигаро*, это любопытное произведеніе не будетъ распространено въ публикѣ. Издатель печаталъ его лишь въ шести экземплярахъ, предназначаемыхъ для ближайшихъ родственниковъ.

Леченіе чахотки путешествіями. Въ медицинскій газетѣ *Врачъ* разсказывается слѣдующій случай. Отецъ одного доктора, будучи 35-ти лѣтъ, страдалъ кашлемъ, кровохарканіемъ, малокровіемъ, общимъ недомоганіемъ, лихорадкой и упадкомъ силъ. Въ такомъ состояніи онъ отправился путешествовать въ коляскѣ. Сперва это его такъ истощило, что его обрели на вѣрную смерть, но потомъ онъ поправился и продолжалъ ежедневно совершать прогулки на воздухѣ и умеръ только 65 лѣтъ, отъ другой болѣзни—рака въ желудкѣ. При вскрытіи оба легкія оказались у него совершенно нормальными, только на верхушкѣ одного изъ нихъ былъ старый рубецъ. Изъ всѣхъ его 93 потомковъ никто не страдалъ чахоткой. Авторъ статьи совѣтуетъ поэтому чахоточнымъ ходить ежедневно пѣшкомъ отъ 3 до 6 миль, но не останавливаться для бесѣды со знакомыми, въ избѣжаніе простуды. Никакая погода не должна останавливать этого моціона. (в.)

Геометрическая задача № 14.

Раздѣлить данную фигуру на шесть частей, изъ которыхъ составить квадратъ.

Въ геометрической задачѣ № 11 слѣдуетъ читать вмѣсто „восьмиугольникъ“ — „треугольникъ“.

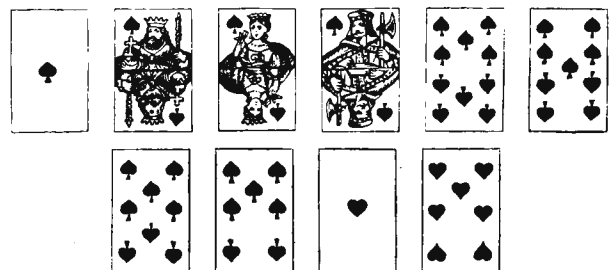
Анаграмма. Задача № 15.

Съ лица—онъ древній богъ, до пяти вооруженный. По мѣтвѣ римлянъ, къ нимъ очень благосклонный. Онъ тамъ гдѣ слышенъ крикъ: „Руби, вози!“ И въ честь его одну планету нарекли.

Съ *изманки*-жъ этотъ богъ—понятіе такое, Что можетъ насъ лишитъ отраднато покоя И не легко его тотъ можетъ перенести Кто совѣтливъ всегда и сберегаетъ честь.

Задача-шутка, въ преферансѣ № 16.

У одного изъ играющихъ, имѣющаго свой ходъ, послѣ пригласки образовалась слѣдующая игра:

По ошибкѣ, вмѣсто того, чтобы объявить 9 шикъ или 9 безъ козырей, онъ, волнуясь, объявилъ 9 червей, и такъ какъ противники тотчасъ повнстовали, былъ вынужденъ играть въ 9 червяхъ.

Онъ выигралъ игру.

Какъ расположились остальные карты?

Въ пользу голодающихъ Черногорцевъ въ контору журнала „Нива“ поступили пожертвованія отъ слѣдующихъ лицъ и учреждений:

Отъ г. Шрутъ, СПб.—2 р. 22 к., г. Ваки, СПб.—1 р., Конторы журнала „Нива“—30 р. 50 к., М., Царское С.—1 р., Д. Б., Н.-Новгородъ—3 р., И. И. Розонова, Ковровъ—1 р., Израилитана, Смоленскъ—1 р., Е. Д., Слонимъ—3 р., М. В., Плецкскъ—5 р., Богородскаго начального училища (Калуж. уезда)—1 р. 20 к., Д. Куденова, Тифлисъ (по подписн. листу)—6 р. 70 к., служащихъ ст. Садовой, Гр.-Ц. ж. д.—5 р. 40 к., О. А. Миклушиной, Бугульма—3 р., К. Григорьева, Шуша—5 р., Пензвѣтнаго, ст. Вознесенская—3 р., М. Баловой, Миасск. зав.—10 р., М. И. Звѣрской, Новгородъ—1 р., учениковъ школы с. Баруджикъ—4 р., Н. А. Рытченкова, Луганскъ—3 р., К. В. Бѣльтанскаго, Кам.-Под.—1 р., Н. Н. Никишина, ст. Врынъ—1 р. 40 к., Н. П. Лещева, Майкопъ—1 р. и И. М. Кузнецова, Лебединъ—2 руб.—а всего 95 р. 42 к., каковая сумма сдана для отсылки по назначенію въ Хозяйственное Управление Святѣйшаго Синода, по квитанціямъ за №№ 44 и 118.

СОДЕРЖАНИЕ: Пѣсня Солнцу. Исаян Тегнера. (Переводъ со шведскаго). — Силлерена. Историческая повѣсть А. А. Смирнова. (Продолженіе). — Исусъ. Повѣствованіе изъ библейскихъ временъ Георга Эберса (съ рис.). (Продолженіе). — Литературныя бесѣды И. А. Крыловъ. А. Введенскаго. — Къ рисункамъ: **Въ глуши парня** (съ рис.). — **Adagio consolante** (съ рис.). — **Что бы это могло значить?** (съ рис.). — **Славъ лѣса въ Новгородской губерніи** (съ рис.). — **Власть звуковъ** (съ рис.). — **Съ натальницами черезъ Неву** (съ 2 рис.). — **Ледорѣзы по озерамъ и рѣкамъ Помераніи** (съ рис.). — **Н. И. Огаревъ** (съ порт.). — **Иосифъ II, императоръ Австрійскій** (съ порт.). — **Звѣздочки изъ кожи апельсина** (съ 3 рис.). — **Разныя извѣстія.** — Политическое обозрѣніе. — Смѣсь. — О подпискѣ на „Ниву“ 1890 г. — Задачи. — Пожертвованія въ пользу голодающихъ Черногорцевъ. — Объявленія.

Издатель А. Ф. Марксъ.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

**М. СУДАКЪ (Крымъ). ПАНСИОНЪ ДЛЯ ПРИѢЗЖИХЪ
АЛ. АР. ИММЕРЪ. (На берегу моря).**

Помѣщеніе съ полнымъ содержаніемъ: отъ 55 руб. сер. до 130 руб. сер. въ мѣсяцъ съ лица. Открывается 10-го апрѣля 1890 года.

За подробными печатными свѣдѣніями просить обращаться: Крымъ, м. Судакъ, Александръ Арсеньевичъ Иммеръ. № 4374

ПЛОДОВЫЙ САДЪ РОХЕЛЯ

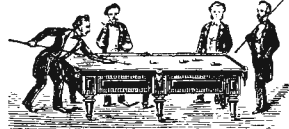
въ С.-Петербургѣ, Выборг. ч., угодъ Лаборатори. шоссе и Полуостровск. просп. высылаетъ бесплатно новый иллюстр. каталогъ плодовыхъ и декоративныхъ деревьевъ и кустарниковъ, земляники, крапегуса для изгородей, розъ, красивоцвѣт. раст. и пр. съ объясненіемъ ихъ культуры и съ планомъ сада. № 4375

**CIGARETTES ESPIC contre
ASTHME & CATARRHE**

AUTORISÉES PAR LE GOUVERNEMENT RUSSE
Le pôt général: STOLL & SCHMIDT, a Saint-Petersbourg
Vente en gros: J. ESPIC, 20, rue Saint-Lazare, Paris.
Exiger la Signature sur chaque Cigarette.

Exiger la Signature sur chaque Cigarette.

БИЛЛЯРДНАЯ ФАБРИКА

А. ФРЕЙБЕРГЪ.

С.-Петербургъ, Троицкій пр., близъ Египетскаго моста, докъ № 7-2. 26-4

Иллюстрированные прейс-куранты по потребованіямъ высылаются безвозмездно.

**ВОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ
ВСѢХЪ НОВОСТЕЙ ПО ФОТОГРАФИИ.**

Фотографическіе аппараты начиная съ 15 р.

Ручные аппараты для моментальныхъ съемокъ, начиная съ 12 рублей. № 4376

Собственная столярная и механическая мастерскія.

Новѣйшій полный прейс-курантъ съ рецензіями изданія 1890 года высылается при полученіи 35 коп. почтовыми марками.

Издательство

ФОТОГРАФИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА
(третій годъ).

**СКЛАДЪ ФОТОГРАФИЧЕСКИХЪ ПРИНАДЛЕЖНОСТЕЙ
БРУНО ЗЕНГЕРЪ и К^о**

Издательство. Подписка 4 рубля съ перес. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, НЕВСКІЙ ПР., № 25-1.

Всѣ названныя косметическіе продукты не содержатъ никакихъ вредныхъ веществъ, почему и разрѣшены С.И.В. Стат. Врачебн. Управленіемъ.

- 1) **ПОДЛИННИКЪ ПАСТА EUGENIE** средство для лица. Цѣна банки 1 р. 60 к.
- 2) **БАЛЬЗАМЪ EUGENIE** изъ мятв. цвѣтв. для декорат. лица и рукъ. Ц. флак. 1 р. 70 к.
- 3) **ЭЛЕКСИРЪ MELANGE** для волосъ. Ц. за флак. 2 р.
- 4) **ХИННО-ГЛИЦЕРИНОВ. ПОМАДА** для волосъ. Цѣна банки 2 р.
- 5) **РУМЯНА EUGENIE** жидкія, придающія щекамъ и ушамъ розов. цвѣтъ.
- 6) **РУЧНАЯ ЗАКОВИННАЯ ПОМАДА** Цѣна банки 1 рубль 30 коп.
- 7) **ПОДЛИННИКЪ POUDE EUGENIE** бѣлая и розов. Ц. съ пухов. 1 руб. 30 коп., № 4202 12—10 безъ пухов. 1 руб. 20 коп.

КРАСКА ДЛЯ ВОЛОСЪ черная, коричн. и свѣтлор. Цѣна кор. 3 руб. Рись Гутманъ.

Главное депо въ С.-Петербургѣ: въ Русскомъ обществѣ торговли аптекарскими товарами, Казанская; въ Центральномъ Аптекарскомъ Депо, Милютинъ Рядъ; у Рузанова, Гостинный Дворъ; бывшій Дарзанскъ, Пассаажъ, № 15—17; у Сіу и К^о; у Перовъ и Тибо, Невскій пр., № 18 и въ другихъ аптекарскихъ магазинахъ. Въ Москвѣ: у К. П. Феррейна, Никольскя и въ другихъ аптекарск. магаз., а также можно получать во всѣхъ аптекарскихъ магазинахъ всей Россіи.

Leichner's Fettpulver

ЖИРНАЯ ПУДРА ЛЕЙХНЕРА

для вечера и также и дня! Незамѣтна на кожѣ! Косметическое средство для красоты кож! Цѣна коробки 1 рубль!

Театральныя гримировки! № 4293 12—3

Румяна, бѣлала и карандаши для бровей!

Имѣются во всѣхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи.

Л. ЛЕЙХНЕРЪ, Берлинъ, поставщикъ Бельгійскихъ театровъ и дворъ.

Главное депо для Россіи у В. Ауриха, Колокольная, № 18. С.-Петербургъ.

САПОГИ СЪ ГОЛЕНИЩАМИ

для мужчинъ, изготовляемъ изъ самой прочной и мягкой кожи, на двойной подошвѣ подъ № 128, или на одной подошвѣ подъ № 132. Въ маленькихъ городахъ и деревняхъ, въ коихъ не всегда находится опытный сапожникъ умѣющій хорошо исправить починку, подобно прочная обувь должна особенно цѣниться. Гг. торговцы, имѣя въ продажѣ нашу обувь, приобрѣтутъ довольство публики и въ скоромъ времени убѣдятся, что кругъ ихъ покупателей значительно расширится. Советуемъ испытать!

УЧЕНИКИ И УЧЕНИЦЫ Ѳ. В. ЕЗЕРСКАГО

принимаетъ на себя счетныя работы по заведенію правильнаго счетоводства, по прѣисъ и т. п. Адресъ. Счетовод. Ѳ. В. Езерскаго, Невскій пр., № 66.

Во всѣхъ складахъ духовъ и у всѣхъ парикмахеровъ во Франціи и за границей.

LA VELOUTINE

Спеціальная рисово-висмутовая пудра.

CHARLES FAY, Parfumeur, 9, rue de la Paix Paris.

ЭКСТРАКТЫ КВАДРУПЛЬ ЛОЗЕ:
ЛОЗЕ „ЛАНДЫШЪ“. ЛОЗЕ „ДИКИЙ ЯСМИНЪ“, ЛОЗЕ „ЗОЛОТАЯ ЛИЛІЯ“.

НОВО!! ЛОЗЕ „ЧТО ХОТИТЕ“
ДУХИ.

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ, 9-6
46, Гегерстрассе, Берлинъ, придворный парфюмеръ. № 4054

Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи.

**ЭЛЕКСИРЪ,
ПОРОШОКЪ И ПОМАДА
ДЛЯ ЗУБОВЪ**

ОТЦЕВЪ БЕНЕДИКТИНЦЕВЪ

Аббатства СУЛЯКЪ (Жиронда) Франціи.

Находится во всѣхъ аптекахъ, москательныхъ лавкахъ и косметическихъ магазинахъ.

МОЗОЛЬНАЯ ЖИДКОСТЬ „ГОЛЛЕНДЕРА“.

Средство для уничтожения мозолей и бородавок. Цѣна 35 коп. за флаконъ, за два флакона съ перес. 1 руб. Получать можно во всѣхъ парфюмерн., аптекарск. магазинахъ и аптекахъ. Главный складъ у Г. Голлендера, Демидовъ пер., № 1. Въ С.-Петербургѣ. (2) № 4366

ЗА 30 КОП.
почтовыми марками высылаются
ФОКУСНЫЯ КАРТЫ
съ объясненіями и иллюстр. преискуратомъ.

За 80 коп. высылаются
ВОЛШЕБН. ПОРТСИГАРЪ
для эконоимыхъ курителей: ножаный 1 р. Прекрасное средство отъ вдыханія охотниковъ до напиресъ фабрикъ „Чуага“.

МАСТЕРСКАЯ ИГРЪ И ФОКУСОВЪ
А. МЕЛАМЕДА.
СПБ., Забалканск. пр., д. № 7, кв. 63.
Торговцамъ выгодная уступка.

Книга доктора Боголюбова: **Совѣты, какъ приобрести и сохранить согласно требованіямъ науки ЗДОРОВЬЕ и БЪЛИЗНУ ЗУБОВЪ; ЧИСТЫЙ и ЗДОРОВЫЙ ЦВѢТЪ ЛИЦА; ЗДОРОВЬЕ и БОГАТСТВО ВОЛОСЪ** и пр. Высылаютъ наложеннымъ платежемъ за 85 к. или марками 75 к. Л. Липтровичъ, Москва, у Больш. Театра, д. Ностицъ.

Поступила въ продажу новая книга: **ПСИХОЛОГІЯ ВЕЛИКИХЪ ЛЮДЕЙ** Професс. Жюли. Переводъ съ франц. Г. Лопатина. Второе издание Ф. Павленкова. 320 стр. Ц. 1 руб. М. № 4350

ЛЕПНИКОВЪ и ГИЗНИНЪ имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которую печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405

ЦАРЬ-ДЪВЦА.

Вс. Соловьева. Ром.-хрон. XVII вѣка, въ 3-хъ ч. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.; въ коленк. перекл. 2 руб. 25 коп., съ перес. 2 руб. 75 коп.

ВНИМАНІЮ СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЕЙ.

Открыта подписка на дозволенное Святейшимъ Синодомъ иллюстрированное изданіе съ художественными приложеніями, подъ названіемъ:

„СЪ ЦЕРКОВНАГО АМВОНА“

СБОРНИКЪ ОБРАЗЦОВЫХЪ ПРОПОВѢДЕЙ ГОВОРЕННЫХЪ ДАРОВИТЫМИ И ТАЛАНТЛИВЫМИ

НАШИМИ АРХИПАСТЫРЯМИ и ПАСТЫРЯМИ. ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ПРОГРАММЫ ИЗДАНІЯ:

ПОУЧЕНІЯ, БЕСѢДЫ, СЛОВА, РЪЧИ и СОБЕСѢДОВАНІЯ: I. На Господскіе, Богородичные, воскресные, праздничные, храмовые, дарскіе и торжественные дни въ году. II. На дни недѣльные, на дни святыхъ и чудотворныхъ иконъ. III. На предметы догматическаго содержанія: о символахъ вѣры, крещеніи, миропомазаніи, причащеніи, покаяніи, священствѣ, бракѣ, едосищеніи, воскресеніи мертвыхъ, загробной жизни, надеждѣ, Молитвѣ Господней, славословіи, блаженствѣхъ, любви, заповѣдѣхъ, постахъ, говѣніи, исповѣди; о молитвахъ къ Богу, Пресвятой Богородицѣ и святымъ, о молитвахъ за живыхъ и умершихъ; о поклоненіи иконамъ и мощамъ; о церковныхъ службахъ, требахъ и обрядахъ. IV. На событія изъ исторіи библейской и новозавѣтной. V. На событія изъ исторіи церкви и въ особенности русской. VI. На притчи, тексты св. Евангелія и Апостола. VII. На освещеніе храмовъ, постриженіе въ монашество, посвященіе въ священническую санъ и пр. VIII. На различные случаи личной, семейной, приходской, гражданской и религіозно-правственной жизни. IX. На предметы общенародныхъ нуждъ, несчастій, заблужденій, суевѣрій, предразсудковъ, пороковъ и т. п. X. На борьбу съ сектантами, старообрядцами и др. XI. На вѣнъ богослуженія собесѣдованія съ народомъ и проч. и проч.

1. Полное изданіе будетъ состоять изъ 12-ти книгъ, отпечатанныхъ на сатирированной, молочнаго цвѣта, бумагѣ, красивымъ четкимъ шрифтомъ, иллюстрированныхъ, въ подобающихъ мѣстахъ, священными изображеніями, рисунками, виньетками и пр.
2. Проповѣди будутъ расположены въ строго-систематическомъ порядкѣ. Каждая книга „Съ церковнаго амвона“ будетъ заключать въ себѣ нѣчто самостоятельное цѣлое, изъ области проповѣдическаго круга.
3. Къ проповѣдямъ на двенадцатые праздники прилагается 13 копій съ иконъ, писанныхъ замѣчательными русскими художниками для московскихъ соборовъ, безукоризненно выполненныхъ путемъ хромофотографическаго способа, масляными красками. Иконы, наклеенныя на деки, имѣютъ замѣчательное достоинство стоящихъ оригиналы, писанные художниками. Размѣръ каждой иконы въ ширину 6¼, въ вышину 7¼ вершка.
4. Къ проповѣдямъ на дни празднованія чудотворнымъ иконамъ прилагается 12 точныхъ снимковъ съ болѣе прославленныхъ и чтимыхъ народомъ образовъ (Спасителя, Божіей Матери и святыхъ), воспроизведенныхъ олеографическимъ и конгрефскимъ способами, масляными красками и золотомъ.
5. Порядокъ выхода книгъ „Съ церковнаго амвона“ и размѣры ихъ будетъ производиться ежемесячно, начиная съ февраля и кончая декабремъ 1890 года.

Цѣль предпріятія нами изданія: 1) Доставить русскому духовенству, за недорогою цѣною, такое капитальное изданіе собранія поученій, словъ, бесѣдъ, рѣчей и собесѣдованій нашихъ лучшихъ проповѣдниковъ, которое могло бы имъ служить **настоящимъ проповѣдическою энциклопедіею**, отвѣчающею на всѣ вопросы и случаи въ ихъ проповѣдической дѣятельности. 2) Дать возможность лицамъ не богатымъ средствами, но помѣщеннымъ въ сборникѣ образами, ознакомиться со всѣми замѣчательными проповѣдическими произведеніями нашихъ архипастырей и пастырей, на покупку которыхъ, въ отдѣльной продажѣ, понадобилось бы затратить довольно крупную сумму денегъ. 3) Представить священству провинціальныхъ городовъ и въ особенности сельскому духовенству рядъ чрезвычайно разнообразныхъ по содержанію проповѣдей, во множествѣ помѣщенныхъ нами изъ рѣдкихъ и дорогихъ изданій—но цѣнѣ не для каждого доступныхъ.

Мы не будемъ заискивать въ свое изданіе проповѣдей, пропущенныхъ отвлеченными разсужденіями, а также и такихъ, языкъ которыхъ тяжелъ, книженъ и малопонятенъ народу. Мы будемъ заимствовать изъ массы сочиненій только то, что по изложенію просто, ясно, удобопонятно и носитъ на себѣ характеръ талантливости и дарованія.

Въ ряду проповѣдей, конечно, не послѣднее мѣсто будутъ занимать проповѣди о пьянствѣ, воровствѣ, нищенствѣ, напрасной божбѣ, свирепости, посядѣнкахъ, ссорахъ, семейныхъ раздѣлахъ, эпидемическихъ болѣзняхъ, грабѣжнѣ, бездождіи, пожарахъ, истребленіи дѣсовъ и т. п.

Приславшіе требованія на книгу „Съ церковнаго амвона“ получаютъ: 1) 13 копій съ иконъ двенадцатыхъ праздниковъ немедленно; и 2) 12 точныхъ снимковъ съ чудотворныхъ образовъ, въ апрѣлѣ 1890 г. Крошѣ того, редакція изданія не теряетъ надежды разослать подписавшимся на изданіе, съ послѣднею 12-ю книжкой сборника, портреты всѣхъ здравствующихъ нынѣ русскихъ митрополитовъ и архіепископовъ.

Первая книжка Сборника выйдетъ около 20-го февраля, а вслѣдъ за ней и вторая.

Редакція изданія Д. И. ПРОТОПОПОВА.

Подписная цѣна полному изданію (12 книгъ съ приложеніями) 5 р., съ перес. 6 р.

Требованія съ деньгами присылать въ контору изданія: Москва, „Русскій книжный магазинъ“, Тверская улица (бл. Охотнаго), домъ Коммисарова. № 4371

Съ разрѣшенія С.-Петербургскаго Врачебнаго Управленія только потому что не содержатъ въ своемъ составѣ вредныхъ здоровью веществъ.

ДОМАШНІЯ КРАСКИ
(изобрѣтатель-технологъ В. Михайловскаго)

для окрашиванія шерстян., шелков., бумажн. пряжи, пошеного платія, чулокъ и т. п. въ любой цвѣтъ дома. Прочно, дешево и хорошо. Предлагаемая краска—именно домашнія, такъ какъ вслѣдъ, хотя бы въ отдаленнѣйшей глуши Россіи, можетъ самъ окрасить или перекрасить вышивавшее платье, кофту, пальто, ясу, подрабники, ленточки, головные платки—все какъ бы запово, а также нить домашнее вязанье (шарфы, перчатки, дѣтскія шапочки) и вышиванье изъ пряжи, сирденной и окрашенной дома лишь домашними красками, безъ помощи красильнѣ и безъ всякихъ затратъ на домашнемъ быту (горшочъ или кадка) и все крашеніе продолжается одинъ часъ времени. При безвредности дом. красокъ красить могутъ даже дѣвочки-подростки, что само-по-себѣ можетъ дать вѣрный и хорошо цѣнный поводъ заработка и поддержку семейству.

Приготовленіе и продажа домашнихъ красокъ принадлежитъ исключительно красочному и аптекарскому магазину В. Михайловскаго, С.-Петербургъ, Надеждинская, 14 (куда просить адресоваться).

Каждой краски высылаются на 50 к. (для окраск. 4 фунт. пряжи или платья). Коллекція изъ 7 разныхъ красокъ 3 р. с., изъ 15 красокъ 6 р. с. (на пересылку 50 коп.). „Укуководство къ окрашив. дом. краск.“ (до 100 краш. образцовъ) при краскахъ 35 к. (отдѣльно не продается). Пробная карта съ 15 краш. обр. шерсти и бумаги (роз., крак., малин., коричн., зел., оранже., голуб., черной) и пробочкой одной краски—за 21 к. (марк.). С.-Пбургъ, Надеждинская, 14. Красочный и аптекарскій магазинъ В. Михайловскаго.

Рекомендуется экономнымъ хозяйкамъ: синья—коробка 50 к., сухія чернила—черн., красн., син., лилов., зел.—три цвѣта 50 к., всѣ 60 коп. (не портятся перья), краски для пасх. яицъ—6 цвѣтовъ 60 коп. (до бѣлка не прокрашиваются). № 4369

ЭЛЕОПАТЪ пров. КИНУНЕНЪ

для волосъ, средство противъ перхоти на головѣ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптекъ и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, со-дер-жащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп. но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Просятъ непремѣнно обращать вниманіе на клеймо въ самоѣмъ стеклѣ каждого фла-кона,—пров. Кинуненъ. (7) № 4287

АНЕМІЯ МАЛОКРОВІЕ

ХЛОРОЗА БЛѢДНОСТЬ ЛИЦА

ПРИМѢНЯЕТСЯ ЛѢЧЕНІЕ НАЗВАННЫХЪ БОЛЕЗНЕЙ

ПИЛЮЛЯМИ ВАЛЛЭ
(ОДОБРЕННЫМИ ПАРИЖСКОЙ МЕДИЦИНСКОЙ АКАДЕМІЕЙ).
PILULE DE VALLET. Ц. № 4283 6—4
НАСТОЯЩІЯ ПИЛЮЛИ ВАЛЛЭ НЕ ПОСЕРЕБРЕНЫ.
Онѣ были и имя Валлэ написано на каждой пилюлѣ.

Не брать флаконы, на кото-рыхъ на этикетѣ не находит-ся мое имя и мой адресъ:
19, RUE JACOB.
Прод. во всѣхъ аптекахъ.

ХЛОРОЗА БЪЛИ АНЕМІЯ МАЛОКРОВІЕ

ГЕНРИХЪ КЛЕЙЕРЪ
Франкфуртъ н/М. № 4330
ФАБРИКАНТЪ ВЕЛОСИПЕДОВЪ „ОРЕЛЪ“. 12—4

Всякаго рода двухъ- и трехъ-колесные велосипеды для взрослыхъ и дѣтей. Составныя части и принадлежності. Идутъ агентовъ. Иллюстрированный каталогъ за 10 пфен. марками.

ДЛЯ ЧИСТКИ ЗУБОВЪ.
EAU DE BOTO
(ВОДА БОТО) Р. № 4314 14—2

чиститъ зубы и освѣжаетъ ротъ.
Слѣдуетъ непремѣнно требовать настоящую „ВОДУ БОТО“.

Главный складъ: 17, Rue de la Paix, PARIS.
Прожій адресъ: 229, Rue Saint-Honoré.
Продается во всѣхъ мостательныхъ лавкахъ и у всѣхъ парфюмеровъ.

Требов. также Туалетный Укусъ Бото выш. качества въ отношеніи тонкости запаха.
Представитель для всей Россіи: Н. Л. Натанъ, Инатевскій пер., д. Гуськова, въ Москвѣ.

ВАЗЕЛИНОВОЕ МЫЛО

I. ГОЛЛЕНДЕРЪ

для смягченія кожи.

Новоизобрѣтенное вазелиновое мыло, приятнаго запаха, придаетъ кожѣ желаную нѣжную мягкость. Цѣна за кусокъ 30 коп., 3 куса съ пересылк. 1 р. 50 к.

Получать можно во всѣхъ парфюм. и аптеч. магазинахъ и аптекахъ Россіи.

Главный складъ: Спб., Демидовъ пер., д. № 1. (7) № 4278

МУКОМОЛЬНЫЯ МЕЛЬНИЦЫ

для паровой, конной и ручной силы, МЕХАНИЧЕСКІЯ ЗЕРНОСУШИЛКИ изобрѣтенія В. Аккермана.

ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКІЯ МАШИНЫ: сѣялки, плуги, молотилки и т. п.

ПАРОВЫЯ МАШИНЫ въ 3, 4 силы и т. п. на складѣ при механическомъ заводѣ

В. АККЕРМАНА,

СПбургъ, Божья. Волотная, 6 (Пески).

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ

на Всемирной Выставкѣ въ Парижѣ 1889 года.

ЦВѢТОЧНЫЙ

О-ДЕ-КОЛОНЪ

БРОКАРЪ и КО.

ИЗОБРЕТЕННЫЯ

№ 4873

8-1

Складъ фабрики: Офицерская, 5.

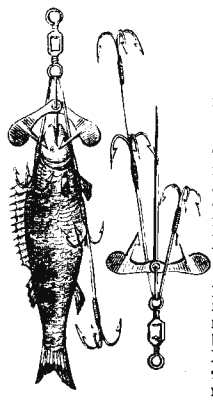

АРЧЕРЪ

СПИННЕРЪ.

Апаратъ для ловли рыбы на живца; живецъ надвѣвается на проволку и прикрѣпляется металлическими плавниками: съ боковъ подвѣшивается крючкомъ. Цѣна 1 руб. 50 коп., на пересылку отъ 1 до 3 прибавляется 50 к. Кромѣ Азіатской Россіи и Сибіри.

Прейсъ-куррантъ рыболов. принадл. высылается бесплатно. № 4970 П. Ф. Наратаевъ, Невскій пр., Милитинъ радъ, № 18, въ С.-Петербургѣ.

РИСУНКИ

для выпиливанія, рѣзныхъ работъ, инкрустаций и живописи на деревѣ.

800 номеровъ. Катогаи съ 1000 иллюстраціями, инструменты, украшенія за 20 к. почтов. марками. Корреспонденція на французскомъ или нѣмецкомъ языкѣ. Фамилію и мѣсто на адресахъ просимъ писать по-русски и по-нѣмецки. R. № 4361 3-2 MEY & WIDMAYER. München, Deutschl.

ПИШУЩАЯ МАШИНА „РЕМИНГТОНА“.

Пишетъ въ 3 раза быстрѣе пера. Чистота, четкость и красота. Введена во всѣхъ Министерствахъ и мног. правительствъ и частныхъ учрежд.

Прейсъ-куррантъ, содерж. многочисленн. отзывы отъ Правительства и другихъ учреждений, высылается бесплатно. № 3748 Единственный складъ для всей Россіи:

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ
Москва С.-Петербургъ
Кузнецкій мостъ. Б. Морская, 21.

„РУССКІЙ ЛѢСЪ“.

Составилъ **О. К. АРНOLDЪ.**

ТОМЪ I.

Изданіе А. Ф. МАРКСА въ С.-Петербургѣ.

Русскій лѣсовладѣлецъ и лѣсопромышленникъ, вслѣдствіе закона 4 апрѣля 1888 г., поставлены въ нѣсколько нѣмыя отношенія къ лѣсу, сравнительно съ существовавшими до изданія закона.

Эти новыя отношенія заставляютъ собственниковъ лѣснаго имущества ознакомиться съ характерными чертами лѣснаго хозяйства и установить такой порядокъ въ своихъ лѣсахъ, который бы не обезцѣнивалъ ихъ, а напротивъ сохранилъ бы за ними и даже возвысилъ доходность.

Сочиненіе „Русскій лѣсъ“ задано цѣлю помочь лѣсовладѣльцамъ въ рѣшеніи этихъ насущныхъ вопросовъ.

Все сочиненіе разбито на три тома, изъ коихъ нынѣ вышелъ изъ печати и поступилъ въ продажу первый томъ. Въ немъ разсматривается современное состояніе русскихъ лѣсовъ и указывается на существующіе въ нихъ безпорядки.

Въ этомъ томѣ выясняется значеніе лѣсовъ вообще; помѣщены статистическія свѣдѣнія о площади лѣсовъ, находящихся въ каждомъ уѣздѣ Европейской Россіи, съ показаніемъ сколько въ томъ числѣ казенныхъ, частновладѣльческихъ и принадлежащихъ крестьянскимъ обществамъ; представлено сравненіе лѣсности Россіи и западно-европейскихъ государствъ.

Особенно важное значеніе для частныхъ лѣсовладѣльцевъ, лѣсопромышленниковъ и для лѣсоохранительныхъ комитетовъ въ губерніяхъ, — надо полагать, — имѣетъ глава посвященная подробно разсмотрѣнію и выясненію лѣсоохранительнаго закона 4 апрѣля 1888 г., такъ какъ появившіяся о немъ до сихъ поръ въ печати сообщенія изъ провинціи и разсужденія указывали на то, что съ положеніями этого важнаго закона не вполне еще разобрались.

Къ вышедшему тому приложены двѣ художественно исполненныя карты, изображающія 14-ю красками лѣсности: одна — Россіи, по отдѣльнымъ уѣздамъ; другая — западно-европейскихъ государствъ.

Цѣна этому первому тому 5 руб., съ пересылкою 5 р. 60 к., а для подписавшихся на это изданіе до выхода втораго тома изъ печати, остается цѣна съ пересылкою 4 рубля.

Второй томъ сочиненія выйдетъ изъ печати въ концѣ 1890 или въ началѣ 1891 года, а вслѣдъ за нимъ въ непродолжительномъ времени выйдетъ и третій томъ.

Содержаніе втораго тома: описаніе древесныхъ породъ, растущихъ въ лѣсахъ Россіи, лѣсохозяйственное ихъ значеніе, уходъ за каждою породой, приемы возвращенія лѣсовъ въ различныхъ полосахъ Россіи, орудія употребляемыя для лѣсоразведенія, опасности угрожающія лѣсамъ, враги повреждающіе ихъ, порядокъ рубки въ лѣсахъ. Въ этомъ томѣ помѣщено будетъ болѣе 120 художественно исполненныхъ гравюръ и литографій съ изображеніемъ древесныхъ породъ и ихъ частей, культурныхъ орудій, вреднѣйшихъ насекомыхъ, и 17 эстамповъ на мѣди.

Цѣна за II томъ, въ объемѣ не менѣе 36 листовъ убористой печати, назначается съ пересылкою для подписчиковъ до выхода изданія 8 рублей, а послѣ выхода изъ печати цѣна будетъ возвышена.

Наонецъ III томъ — будетъ содержать указанія возможно выгоднѣйшей организаціи лѣснаго хозяйства, какъ въ крупныхъ, такъ и въ мелкихъ лѣсовладѣніяхъ: устройство лѣса съ начертаніемъ плана хозяйства; порядокъ эксплуатаціи лѣса; учетъ отпускаемыхъ лѣсныхъ материаловъ; условія, какія должны быть влючаемы въ контракты; извлеченіе доходовъ отъ побочныхъ пользованій въ лѣсу; соответственное устройство администраціи и отчетности лѣснаго имущества.

Цѣна за III томъ назначается съ пересылкою для подписчиковъ 2 рубля, а послѣ выхода изъ печати цѣна будетъ значительно возвышена.

Вышедшій изъ печати первый томъ можно получить въ Конторѣ журнала „Нива“, С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, № 6.

Туда-же просить обращаться и тѣхъ, кто пожелаетъ подписаться на II и на III томъ сочиненія, съ высылкою денегъ.

МИГРЕНИ И НЕВРАЛЬГИ УСПОКОИВАЮТСЯ перлами скипидарной эссенціи Д-ра КЛЕРТАНА.

Каждый флаконъ заключаетъ въ себѣ 30 перловъ, отчего лѣченіе обходится въ нѣсколько копѣекъ. Ц. № 4284 6-4

УВѢДОМЛЕНІЕ.

Если мигрени происходятъ отъ дурнаго состоянія желудка или отъ запора, слѣдуетъ употреблять

УГОЛЬ Д-ра БЕЛЛОКА.

Требовать на этикеткѣ подписи

Скипидарная эссенція, заключающаяся въ перлахъ Д-ра КЛЕРТАНА, химическіи чиста.

Требовать на каждомъ флаконѣ подписи

ОПТОВОЕ ПРОИЗВОДСТВО, 19, RUE JACOB, ПАРИЖЪ. НАХОДИТСЯ ВО ВСѢХЪ АПТЕКАХЪ.

БЕЗПЛАТНО.

Каталогъ рѣдкихъ книгъ и фотографій женскихъ и мужскихъ моделей. Пробныя модели высылаются за 2 рубля. Verlagsgesellschaft (Dieckmann & Co) Leipzig. R. № 4335 8-3

Въ магазинѣ духовныхъ книгъ И. Л. Тузова въ Спб., Гостин. дворъ, № 45, поступило въ продажу

ОСТРОМИРОВО ЕВАНГЕЛІЕ

1056—1057 (2-е) фотограф. изданіе. Въ листъ. Спб. 1889 г., ц. 10 р., вѣс. 9 ф. Тоже въ роскошномъ коленкор. переплетѣ, ц. 15 р., вѣс. 12 ф. На почтов. перес. прил. согласно показан. вѣса по таксу.

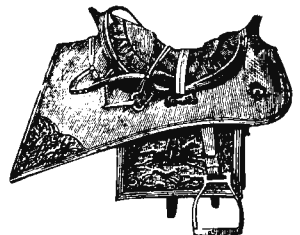
CRÈME-SIMON (КРЕМЪ-СИМОНЪ)

предстнаго запаха, не портится и служитъ для смягченія кожи. Пудра SIMON и Мыло à la CRÈME SIMON дополняютъ его дѣйствія и имѣютъ тотъ же запахъ.

J. Simon, 36, Rue de Provence 36, Парижъ

Въ розницу у парикмахеровъ, парфюмеровъ и аптекарей. А. № 4315 15-5

Казанское сѣдло № 1, роскошно отделанное — изъ натуральной кожи, съ утолщеніемъ остальн.

полн. приборомъ 20 р. Тоже № 2—16 р. Пересылка по ж. д. 2 р. Почтою въ Евр. Росс. 5 р., Сибирь, Кавк. и Ц. Польск. за 30 ф. Фабрика М. и И. Малышевыхъ, Саратовъ.

ПРЕПОДАЮ ПИСЬМЕННО

ПОЛНАЯ ГАРАНТІЯ ЗА УСПѢХЪ ПИСЬМЕННОГО ОБУЧЕНІЯ.

вполнѣ ЗАВѣЩАЮЩЕЕ УСЛОВІЕ ПРЕПОДАВАНІЯ УРОКОВЪ

ДУРНОЙ ПОЧЕРКЪ ИСПРАВЛ. на КРАСИВОЕ БѢЛОЕ КТОРКОР. ПИСЬМО ОСНОВАТЕЛН. ОБУЧЕНІЕ ДВОЙНОЙ ИТАЛЬЯНСКОЙ

БУХГАЛТЕРІИ

Москва, Покровка, домъ Бутиковой. А. С. Шмакинскій.

НА ОТВѢТЪ ПРИЛАГАТЬ МАРКУ.

Поставщики велосипедовъ Русской Арміи

Торговый Домъ Ж. БЛОКЪ,

Москва, С.-Петербургъ, Кузнецкій мостъ. Б. Морская № 21.

имѣетъ единственныи Складъ для всей Россіи Велосипедовъ: Свифтъ, Винпегъ, Русскій Клубъ, Молнія (New Rapid), Имперіаль и др.

Цѣны отъ 100 до 500 руб.

НОВОСТЬ

Очень доступный (вѣшт. № 2) = 150 руб. =

Прейсъ-Куррантъ высылаются бесплатно. Поставщики велосипедовъ Русской Арміи.

XXI г.
№ 9

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXI
1890

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 8—10 РИС. И ЕЖЕМЪСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
Выдаѣт 3 марта 1890 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № „Нивы“ 20 к., съ перес. 25 к.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1890 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГЪ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за
строку нонпарейль (1/4 шир.
стр.) въ Глав. Кон. Ред. по
75 к. — Загран.: для Франціи у
Agence Navas по 2 fr. 40 с.;
для Австр., Герман. и Швейц.
у Rudolf Mosse по 1 M. 70 Pf.

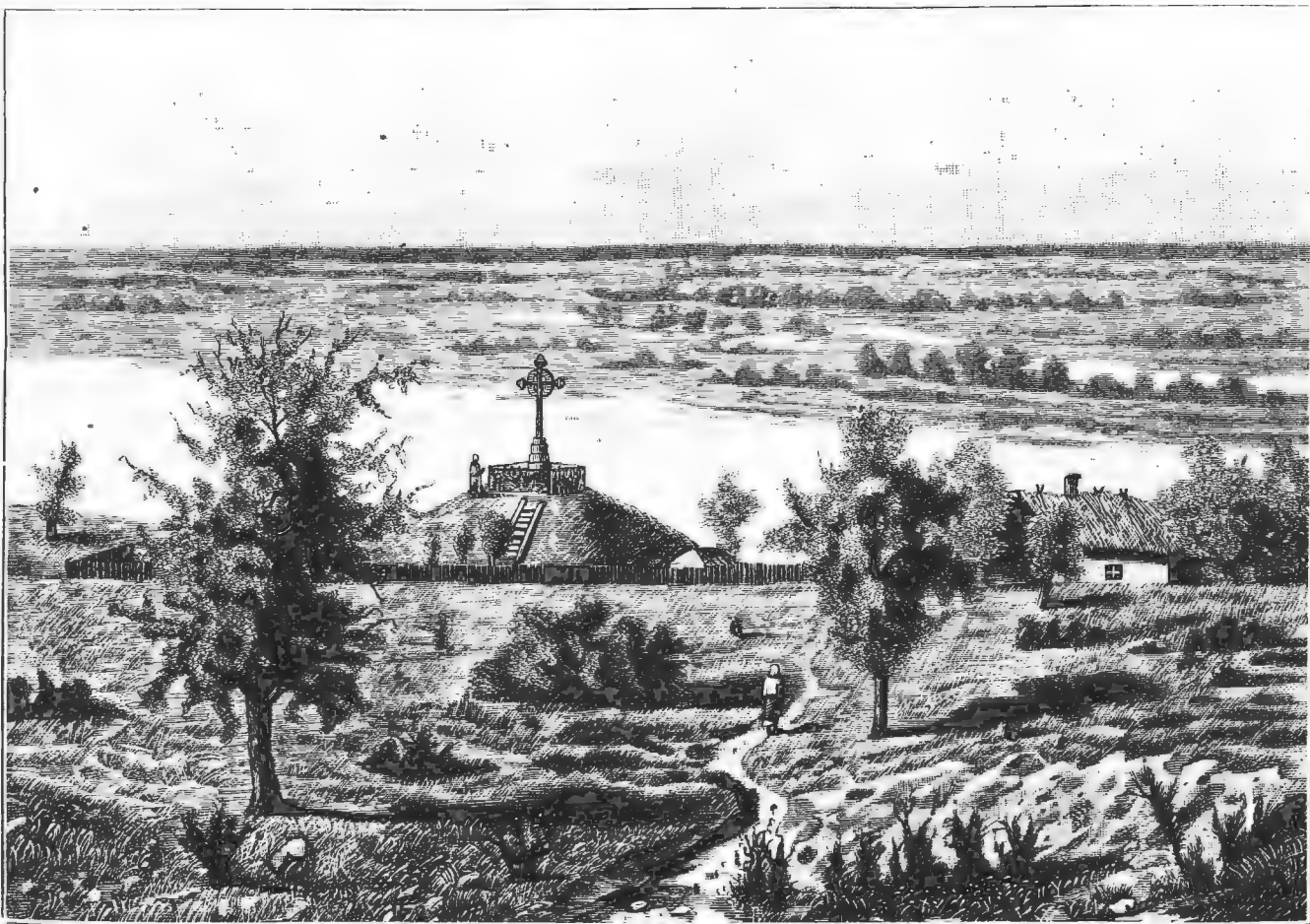
Безъ доставки въ Петер-
бургъ 5 р.
Съ доставкою въ Петер-
бургъ 6 р. 50 к.

Безъдост. въ Москвѣ чр. конг. объявл.
Н. Н. Печковской, Петровск. Торг. лин. 6 р.
Съ пересылкой въ Москву и другіе го-
рода Россіи 7 р.
За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 9 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особыя приложенія при
„НИВѢ“ объявленій отъ тор-
говыхъ домовъ принимаются
для иногородн. и городскихъ
подписчиковъ по особому
соглашенію.

БЕЗЪ ВСЯКОЙ ДОПЛАТЫ ЗА ПЕРЕСЫЛКУ ГЛАВНЫХЪ ПРЕМІЙ.

При семь № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за МАРТЪ 1890 г., съ 27 рисунками и отд. листъ съ 26 чертеж.
выкоекъ въ натур. величину и 15 рис. рукодѣльных работъ.

Могила Т. Г. Шевченна въ окрестностяхъ Канева Ориг. рис. (собств. „Нивы“) П. Васильченна, грав. Венцель.

Стихотвореніе.

Я. П. Полонскаго.

И врагами богатъ и—друзьями,
 Стало быть и—вражда не бѣда.
 Но бѣда что сильна и криклива
 И смѣла боевая вражда.
 А наивная дружба готова
 Миѣ и денегъ, и славы желать.

Но робка, шепетильна и любить
 Молча, мнѣ сострада, вздыхать.
 И я право не знаю, что хуже:
 Эта дружба иль эта вражда.
 Но невольѣ, завидуя силѣ,
 Я врагами горжусь иногда.

1889.

Склирена.

Историческая повѣсть А. А. Смирнова.

(Продолженіе).

VI.

...и надеждъ и отчаяній рой,
 Кочующей мысли прибой и отбой...
 Гр. А. Толстой („Колышется море“).

При самомъ выходѣ изъ Босфора въ Прооптиду, за Халкедономъ и заливомъ Евтропія, на длинномъ полуостровѣ, далеко выступившемъ въ море, утонулъ среди тѣнистаго сада дворецъ Герія. Извилистыя дорожки разбѣгаются среди кипарисовъ и развѣсистыхъ чинаръ, тамъ и сямъ изъ зелени поднимаются то церковь, то роскошныя термы, то уединенная часовня, то стройная колоннада портика.

Трудно отыскать уголокъ красавице Геріи. Вся обвѣянная лучами яркаго солнца, вся въ зелени и цвѣтахъ, далеко выплыла она въ обнявшее ее почти со всѣхъ сторонъ море. Тихо и ласково лепечуть его воды, колыхаясь у мраморныхъ ступеней пристани. Лазурная, словно затканная золотыми искрами, ширь моря сливается въ туманной дали съ небосклономъ. Налѣво— Принцезы острова и далекія горы Виноиіи, направо— Халкедонъ, цвѣтущіе берега Босфора и смѣло выступившая впередъ, словно легкой дымкой одѣтая Византія. Тамъ кипитъ жизнь и оживленіе; туда слѣзаетъ скользиція по водамъ лодки и живописныя парусныя суда—а здѣсь тишь и спокойствіе, только вѣтерокъ вѣетъ съ моря, чуть слышно шепчутся волны съ листвою столѣтнихъ деревьевъ, да нестрыя бабочки порхаютъ надъ цвѣтами.

Склирена, вмѣстѣ съ императоромъ, покинула Священный дворецъ и пріѣхала провести нѣсколько дней въ Геріи. Въ числѣ тѣлохранителей при нихъ находился и Глѣбъ; молодой женицинѣ чаще приходилось встрѣчаться съ нимъ; пользуясь лѣтнею свободой, они легче могли бесѣдовать—но не на радость были ей эти встрѣчи...

Подъ холодною внѣшностью, подъ сосредоточеннымъ выраженіемъ лица, въ ней мучительно билось и трещало безнадежное чувство. Всякая мысль ея была томительною думою о немъ; она заслушивалась звуками его голоса, не могла оторвать отъ него глазъ, любясь ясною, спокойною красотою его; она въ каждомъ словѣ Глѣба открывала новые горизонты его души. Сколько она передумала, сколько пережила въ безконечно длинныя безсонныя ночи, какими несбыточными грѣзами о взаимномъ и страстномъ чувствѣ дразнили ее мечты, какъ жадно ждала она дня, зная, что онъ снова соединитъ ихъ—для новыхъ грѣзъ счастья, для новой пытки.

Она глубоко страдала отъ сознанія человѣческаго безсилія: Глѣбъ былъ рабомъ ея, и она могла приказывать убить его, бросить въ темницу, выколоть глаза; она могла осыпать его золотомъ и драгоценностями, отличить отъ сверстниковъ почестями и монаршими милостями, но какъ заставить его полюбить, жить лишь ею, какъ она теперь живетъ только имъ?

Много разъ пыталась она заглушить въ себѣ это чувство, много разъ хотѣла побороть его разсудкомъ,

но при первой встрѣчѣ она снова чувала что-то свѣжее и могучее въ его простыхъ, несложныхъ словахъ и вновь уступала чарующему обаянію этой загадочной и чистой души.

Она совѣмъ измѣнила образъ жизни. Она избѣгала шумныхъ удовольствій, ей стыдно было вспомнить о былыхъ шракахъ, которые кончались оргіями, гдѣ не было предѣловъ прихотямъ избалованной красавицы... Теперь время проходило тихо, день за днемъ. Когда Глѣба не было около нея, она думала о немъ, искала встрѣчи, мимолетнаго разговора. Но чѣмъ ближе старалась она подойти къ нему, тѣмъ дальше, казалось, отодвигался онъ, точно какая-то бездна росла между ними. Холоднымъ спокойствіемъ дышали слова его... она была для него чужая, далекая, „Августѣйшая“...

А она считала свою красоту всевластною, она думала, что все въ мірѣ покорно ей. Она мечтала, что вдали отъ Священнаго дворца, среди волшебныхъ красотъ Геріи всыхнетъ наконецъ пламя, проснется его дремлющее чувство.

Отчаяніе леденило ее душу, но никто не замѣтилъ бы этого. Только взглядъ сталъ глубже и грустнѣе, да лицо слегка поблѣднѣло. Но она была такъ же спокойна, такъ же пріятлива; попрежнему рѣчь ея блистала остроуміемъ, попрежнему дивная красота Склирены вызывала общее поклоненіе.

Глѣбу объясненіе на Сигмѣ казалось сномъ. Его глубоко смутило непривычный огонь слышанныхъ имъ рѣчей, его испугала сила ея порыва. Онъ напрасно старался въ чертахъ красавицы уловить слѣды страсти, молніей сверкнувшей въ нихъ въ тотъ вечеръ. Молнія блеснула и погасла; страннымъ свѣтомъ озарила она на мгновеніе окрестность и темнѣе кажется смѣнившій ее мракъ. Крѣпче закутавшись въ плащъ, прячется отъ грозы испуганный путникъ и съ недоумѣніемъ озирается, прежде чѣмъ идти дальше, готовый снова спрятаться при первомъ признакѣ грозы.

Зной спадалъ. Въ тѣни сада Геріи повѣяло прохладою и запахомъ моря.

Склирена одна спустилась въ садъ и потихоньку пошла по дорожкѣ вдоль берега, глядя на спокойную какъ зеркало Прооптиду. На поворотѣ дороги она замѣтила Глѣба, въ глубокой задумчивости сидѣвшаго на скамьѣ. Сердце красавицы забилося; она подошла ближе и остановилась въ двухъ шагахъ отъ него. Глѣбъ поднял голову и почтительно поклонился съ мѣста.

— Ты все грустишь... участливо сказала она, — о чемъ ты такъ глубоко задумался?

— Я думаю о своей родинѣ, тихо молвилъ онъ.

Щеки Склирены ярко вспыхнули.

— Я не понимаю твоихъ порывовъ... развѣ у тебя нѣтъ здѣсь всего что нужно? Неужели тебѣ кажется, что внѣ предѣловъ Византіи можно найти и счастье, и свободу?

Досада звучала въ ея словахъ. Она повернула голову

и съ грустью глядѣла вдаль. Пропонтида была спокойна и это спокойствіе овладѣло мало-по-малу душою молодой женщины.

— Посмотри вокругъ себя, сказала она, — неужели не хороша эта природа?

Онъ молчалъ. Да, эта природа прѣкрасна, какъ и сама Склирена, — но ему непонятна, ему чужда эта жгучая и знойная красота.

— Отчего ты не стараешься побороть свою тоску, развлекайся? Когда я зову тебя къ себѣ и у меня пляшутъ рабы — ты не смотришь на нихъ; когда я пою и играю на лютнѣ — ты не слушаешь...

Онъ нетерпѣливо тряхнулъ плечомъ.

— Не могу я, какъ женщина, развлекаться пустыми забавами. Вотъ если бѣ война началась...

— О, ради Бога... быстро произнесла она, — тебя могутъ ранить... убить...

Онъ поглядѣлъ на нее съ горькою усмѣшкой.

— Я твой рабъ, твой невольникъ... съ отчаяніемъ выговорилъ онъ, — сдѣлай же изъ меня вторую Евфимію, засади за прыжку... заставь плести кружева...

Онъ не договорилъ и, махнувъ рукою, пошелъ отъ нея по дорожкѣ.

Тяжело было ему. Одинокое горе давило его. Ему хотѣлось высказаться, душа его просила сочувствія... но что могъ онъ сказать этой чуждой, гордой красавицѣ, — своей госпожѣ? Она то далека, холодна, то вдругъ какъ огнемъ обожжетъ внезапнымъ порывомъ страсти, прихотью избалованной повелительницы. Какъ жаль, что она больше не такова, какъ онъ видѣлъ ее на Принкино!.. тогда отъ ея взора, казалось, раскрывалась душа его: въ этомъ взорѣ тихо теплилось сочувствіе и не было въ немъ ни грозы, ни молній... и въ смутныхъ грѣзахъ рисовалась Глѣбу не Августѣйшая Склирена, гордая и недоступная, — а тихое и кроткое созданіе, любящее все, что ему дорого...

Долго смотрѣла ему вслѣдъ красавица.

Все кончено. Онъ никогда не полюбитъ ее... это ясно, какъ ясно то, что безъ этого не стоить жить. Не стоить тянуть эту ежедневную пытку. Склирену измучили безсонныя ночи, полныя гнетущей тоски, встрѣчи — все болѣе отталкивающая ихъ другъ отъ друга. Она должна дать ему свободу... вѣдь она затѣмъ и купила его. Пусть онъ благословитъ ее вернувшись на родину, пусть онъ хоть тогда пойметъ какъ она его любила и какія жертвы готова была принести ему... И сердце красавицы сжималось съ болью: отпустить его... знать, что ни сегодня, ни завтра — никогда больше она не увидитъ его. Это невозможно — это смерть! Если бѣ вмѣсто его холодныхъ, бездушныхъ словъ, что какъ острый ножъ вонзаются въ ея сердце, гдѣ-нибудь далеко-далеко блеснула надежда... но кругомъ все темно. Надо рѣшиться, надо отпустить Глѣба. А потому? Море близко — оно такъ заманчиво шепчетъ у берега, оно такъ глубоко близъ этихъ скалъ... Все потонетъ въ его лазурной глубинѣ, не будетъ больше ни мукъ, ни отчаянія...

Но неужели все кончено? Ей не вѣрится.

Векорѣ по возвращеніи императора и Склирены въ Священный дворецъ, Мономахъ зашелъ однажды въ Жемчужину. Красавица въ глубокомъ раздумьи сидѣла у окна своей опочивальни.

— О чемъ грустнишь ты? спросилъ ее императоръ, заботливо взглядываясь въ безучастное лицо ея, — здорова-ли ты?

— Я здорова, проговорила она.

Но звукъ ея голоса и погасшій взоръ не соответствовали словамъ.

Константинъ сѣлъ подлѣ нея и взялъ ее за руку.

— Отчего же у тебя такой задумчивый видъ? Зачѣмъ блѣдно твое лицо? О чемъ ты думаешь постоянно?

— Я смотрѣла на море, на Принцевы острова — и жалѣла, что весною не осталась тамъ навсегда... Миѣ невыносимо жить. Меня преслѣдуютъ грѣзы, несбывшіяся мечты о земномъ счастьи — я не могу спать... мой умъ мутится...

Она остановилась испуганно.

„Зачѣмъ говорить!“ подумалось ей.

— Это навожденіе, серьезно сказалъ Мономахъ, — посоветуйся съ монахами, призови ворожею. Ты не должна оставаться одна. Отчего, напримѣръ, Жемчужина такъ давно не оглашалась веселымъ шумомъ шировъ?

— Меня утомляютъ ширы, быстро отвѣтила она, и яркая краска охватила ея лицо.

— Я сегодня ѣду на охоту въ лѣса надъ водопроходами, продолжалъ императоръ, — хочешь ѣхать со мною? Тамъ разобьютъ палатки; пока я стану охотиться, ты будешь въ лѣсу, на чистомъ воздухѣ. Проведемъ ночь въ палаткахъ и завтра возвратимся.

— Хорошо, равнодушно отвѣтила она, — я поѣду.

Когда зеленыя поля развернулись передъ путниками съ обѣихъ сторонъ дороги, когда пропали изъ глазъ грозныя стѣны столицы и кресты церквей въ монастыряхъ Св. Маманта ¹⁾ и Козмидіона — Склиренѣ стало легче. Лишь поля да небо окружали ее...

Цѣлый день провела она въ лѣсу. На полянѣ среди деревьевъ были разбиты палатки. День стоялъ знойный: пчелы жужжали надъ цвѣтами; чирикание птицъ, трескъ кузнечиковъ — немолчнымъ гамомъ неслись изъ лѣсу. Безучастно сидѣла Склирена въ тѣни большого дерева; потухшій взоръ ея былъ устремленъ вдаль, безчисленные лѣсные голоса лишь тупою болью отдавались въ ея сердцѣ; въ немъ было холодно и темно... Но порою вдругъ просыпались отрывки какихъ-то мыслей и грѣзъ, лихорадочнымъ блескомъ загорались глаза, блѣдное лицо вспыхивало. Въ жару откидывала она на подушки пылающую голову и уносила къ куда-то, гдѣ бредъ мѣшался съ дѣйствительностью...

Императоръ и его свита возвратились съ охоты послѣ заката. Ужинъ былъ приготовленъ подъ открытымъ небомъ; пламя костровъ трепетно освѣщало ужинавшихъ. Склиренѣ нездоровилось, и ранѣе окончанія ужина она удалилась въ свою палатку. Увѣщенная дорожными коврами, освѣщенная таинственнымъ свѣтильникомъ — палатка ея стояла ближе другихъ къ опушкѣ лѣса.

Евфимія помогла ей раздѣться, потушила огонь и сама легла на коврѣ близъ входа.

Среди мрака Склирена прислушивалась къ голосамъ кончавшихъ ужинъ охотниковъ. Гдѣ-то невдалекѣ назойливо трещалъ кузнечикъ. Ей не спалось; въ душевной палаткѣ, на жаркомъ коврѣ, ворочаясь съ боку на бокъ, она слышала, какъ разошлись охотники, какъ мало-по-малу замолкли голоса. Время отъ времени раздавался лишь окликъ стражей, да безсонный кузнечикъ продолжалъ свою однообразную пѣсню. Мысли Склирены безпокойно блуждали, бросаясь отъ одного предмета къ другому. Она старалась забыть все, чѣмъ болѣло ея сердце, и въ то же время чувствовала, что роковыя мысли подходятъ все ближе и ближе — неизбежныя какъ судьба. Низкій потолокъ палатки давилъ ее: слышалось мѣрное дыханіе уснувшей Евфиміи.

Сегодня Склирена не видала Глѣба, онъ остался въ городѣ. Еще ни однимъ словомъ, ни однимъ намекомъ не видала она ему своего намѣренія отпустить его на волю, но, все равно, ничто не можетъ помѣшать ей. Конечъ... конецъ всему...

Лицо ея пылало; она задыхалась въ духотѣ палатки; сердце билось сильно и неровно.

¹⁾ Въ монастырѣ Св. Маманта еще по договору Олега съ греками было разрѣшено жить русскимъ. „Приходящіе же Русь да вытѣзятъ у Св. Мамы...“

Весенняя ярмарка въ Ярославль. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) А. Земцова, грав. Бухеръ.

Сочувствіе. Сь карт. Ф. Вау. грав. Руссо.

Вдругъ среди ночной тишины она явственно разслышала, что кто-то вдали, въ лѣсу должно-быть, называлъ ея имя. Склирена вздрогнула, она знала этотъ голосъ, она уже слышала его гдѣ-то. Съ лихорадочною дрожью сѣла она на своемъ ложѣ, невѣрной рукою ища въ темнотѣ свой гиматій. Она ничего не видѣла, ничего не понимала; она знала только, что должна идти туда, куда ее звалъ таинственный голосъ...

Завернувшись въ гиматій, она неслышно скользнула мимо сладко спавшей Евфиміи и раздвинула входныя занавѣсы палатки.

Полный мѣсяцъ стоялъ надъ лѣсомъ и рѣзкія причудливыя тѣни бросали деревья. Невдалекѣ вспыхивали и замирали, трепеща голубымъ пламенемъ, погасающіе костры. Склирена прямо пошла къ лѣсу. Часовой окликнулъ ее.

— Кто идетъ?

Она остановилась.

— Развѣ ты не знаешь меня? спросила она.

Онъ подошелъ ближе.

— Прости меня, Августѣйшая, я не подумалъ, что это ты...

Она вошла въ лѣсъ. Чѣмъ-то сказочнымъ казался онъ — безмолвный и таинственный — въ яркомъ мѣсячномъ сіяніи, въ безконечныхъ переливахъ свѣта и тѣни. Роса, какъ алмазы, дрожала на травѣ; сыростью ночи вѣяло подъ пологомъ листвы; золотыя мушки — свѣтляки, какъ яркія звѣздочки, сіяли въ темнотѣ.

Быстро, не оглядываясь, шла впередъ Склирена. Голова ея горѣла, вся она дрожала мелкою, лихорадочною дрожью. Она, казалось, узнавала заколдованный лѣсъ, она помнила тропинку, по которой шла. Безконечною чередой одно за другимъ тянулись великаны-деревья; сучья трещали порою подъ ея ногами.

Посреди лѣсной поляны, на старомъ ивѣ сидѣлъ, весь озаренный мѣсяцемъ, сѣдой какъ лунъ старикъ. Склирена узнала таинственнаго старца, котораго она видѣла во свѣ на Принкино. Такимъ же внимательнымъ, насквозь пронизывающимъ взоромъ глядѣлъ онъ на приближавшуюся, и тѣмъ же самымъ пониманіемъ людскаго горя, тѣмъ же знаніемъ жизни блестялъ его взглядъ.

— Я звалъ тебя, сказалъ онъ, — я знаю какъ ты несчастлива.

Слезы сверкнули на глазахъ ея. Она опустилась на траву, почти у ногъ старика, и закрыла лицо руками. Онъ нагнулся къ ней, какъ къ ребенку, и взялъ, утѣшая, за руку.

— Онъ не любитъ меня... сквозь слезы говорила она, — малѣйшій отбѣнокъ любви въ моихъ рѣчахъ пугаетъ его... Онъ избѣгаетъ встрѣчь... Когда я пою и играю ему на лютнѣ — онъ не слушаетъ... Если бѣ онъ любилъ другую — я знала бы по крайней мѣрѣ кто мѣшаетъ моему счастью и сдумѣла бы обойтись съ нею... но онъ никого не любитъ! Онъ мой рабъ... Я могу его убить, заключить въ темницу; но я хочу, чтобы онъ душою принадлежалъ мнѣ, чтобы мною полны были мысли его, чтобы онъ думалъ обо мнѣ и днемъ, и ночью, чтобы безъ меня ему не было жизни, какъ мнѣ безъ него...

Старикъ слушалъ ея страстныя рѣчи, медленно кивая головою. Кругомъ стояла тишина, лѣсъ спалъ при свѣтѣ мѣсяца; только далеко въ поляхъ однообразно и грустно кричала какаля-то ночная птица.

Наконецъ старикъ остановилъ Склирену.

— Мнѣ жаль тебя, сказалъ онъ. — Я позвалъ тебя, чтобы спросить: хочешь-ли ты моей помощи. Я могу помочь тебѣ; у меня есть одно странное, но могучее средство.

Она слушала его затаивъ дыханіе.

— Ты умѣешь пѣть и играть на лютнѣ. Я могу вложить въ лютню твою душу. Все страданіе твоего сердца перейдетъ въ звуки: каждый разъ когда ты за-

будешь о себѣ для него, когда ты всю жизнь свою готова будешь разбить для его минутнаго счастья — пѣснь твою получить чудесную силу и страшное могущество. Врядъ-ли что устоитъ передъ такою пѣсней. Но чудная связь установится между тобою и лютнею: всѣ волненія твоего сердца будутъ дрожать на ея струнахъ: каждый разъ послѣ сильнаго потрясенія, послѣ вдохновенной могучей пѣсни будетъ рваться тонкая струна — и когда она оборвется въ третій разъ, съ нею вмѣстѣ оборвется и жизнь твоя... Вся твоя сила, все твое чувство уйдетъ въ эти пѣсни — и если только эта сила можетъ покорить его, то въ концѣ онъ будетъ твой беззавѣтно, безъ малѣйшей тѣни сомнѣній... Но за то — ты умрешь...

Склирена вздрогнула: страхъ дотогѣ невѣдомый вдругъ охватилъ ее. Она такъ боялась смерти... Старикъ замѣтилъ ея страхъ.

— Не бойся, дитя мое, сказалъ онъ ей. — Вѣдь если ты не хочешь, то и не надо. Но другаго средства помочь твоему горю у меня нѣтъ. Знай, что въ мірѣ не существуетъ силы могучѣе звона послѣдней струны, передъ тѣмъ, какъ она обрывается вмѣстѣ съ жизнью... Больше своей жизни, больше своей души человѣкъ не можетъ дать...

Руки молодой женщины были холодны какъ ледъ; голова горѣла, мысли путались. Она сдѣлала движеніе.

— Старикъ, не говори такъ, съ мольбою сказала она, — мнѣ странно... я боюсь смерти...

— погоди, коротко отвѣтилъ онъ. — я сыграю тебѣ.

И онъ взялъ лютню, которая лежала около него на травѣ. Онъ весь словно вдругъ помолодѣлъ: голосъ у него внезапно сталъ болѣе звонкимъ и, казалось даже, пламенемъ жизни загорѣлись очи. Илѣтъ онъ на какомъ-то незнакомомъ языкѣ, но съ первыхъ же звуковъ его пѣсни, Склирена доврчиво повернулась къ нему и страхъ ея пропалъ безслѣдно. Она не понимала словъ, но эти звуки проникали ей въ душу и были ей понятнѣе всякихъ словъ. Легко и спокойно сдѣлалось вдругъ на душѣ красавицы. Ей чудилось, что въ свѣтлые годы дѣтства она уже видѣла и полюбила этого старика. Она давно знаетъ, ей всегда слышалась, она не могла только вспомнить и вложить въ звуки эту дивную пѣсню, которая тихо и торжественно льется во мракѣ теплою лѣтней ночи по уснувшему лѣсу, въ далекое, недосягаемое звѣздное небо.

Съ тихою радостью, съ тихою грустью встають передъ Склиреною умчавшіеся счастливые дни дѣтства — и ей не жаль ихъ, ей такъ легко и отрадно...

Словно издали прозвучалъ знакомый, любимый голосъ; милый образъ, казалось, склонился надъ нею во мракѣ, сильнѣе и сильнѣе разгораясь забило сердце... она знаетъ для кого оно бьется, чьимъ дыханіемъ дышетъ ночной вѣтерокъ. чьи очи горятъ далекими звѣздами, кѣмъ живетъ эта безмолвная ночь... И внезапно, съ необычайною силою проснулась въ ней надежда на счастье, готовность отдать всю жизнь за мгновеніе...

Онъ смолкъ, склоняясь надъ своею лютнею. Зачарованная сидѣла Склирена и звуки умолкнувшей пѣсни еще дрожали въ ея ушахъ...

— Какъ хорошо! прошептала она наконецъ, — никогда, никто не слышалъ такого пѣнія.

— Ты могла бы пѣть такъ же, замѣтилъ онъ.

Въ душѣ ея снова закипѣли надежды на счастье... она добьется его звуками заколдованныхъ пѣсней.

— Я готова... сказала она, — пускай душа моя перейдетъ въ лютню.

— Но, ты забыла, что ты умрешь, когда въ третій разъ лопнетъ струна... тебѣ не жаль жизни, тебя не пугаетъ смерть?

— Мнѣ ничего не жаль, я ничего не боюсь... Теперь я слышала, какъ ты пѣлъ...

Проснувшись ночью, Евфимія увидѣла, что занавѣсь палатки откинуты и лунный свѣтъ озаряетъ опустѣвшее ложе Склирены. Испуганная служанка разбудила людей, и все бросились искать молодую женщину.

Лишь на зарѣ нашли ее далеко въ лѣсу; она лежала на травѣ, посреди лѣсной поляны, въ лихорадочномъ бреду, въ безсознательномъ состояніи.

VII.

Amor elia null'amato amar perdona...
Dante („Inferno“ Canto V. 103.)

Послѣ нѣсколькихъ дней болѣзни, едва начавъ поправляться, Склирена велѣла принести себѣ лютню. Бережно взяла она инструментъ въ руки и сдѣлала служанкамъ знакъ, чтобы онѣ вышли вонъ.

Оставшись одна, она со страхомъ глядѣла на лютню, которая повидимому ничуть не измѣнилась. Склирена робко прижалась къ ней ухомъ и невольно вздрогнула: струны дрожали и тихо звенѣли... Она взяла нѣсколько аккордовъ, и кровь ее поледенѣла отъ ужаса: въ ея рукахъ вмѣсто бездушнаго инструмента было что-то трепещущее, что-то живое... невыразимымъ страданіемъ и болью звенѣли струны.

Евфимія вошла въ комнату.

— Госпожа, умоляющимъ голосомъ сказала она, — оставь лютню... эти стоны рвутъ душу...

Но Склирена и не хотѣла играть. Она послушно отдала лютню служанкѣ, и улыбка торжества мелькнула на ея лицѣ. Она знала теперь свою силу...

Однажды послѣ полудня Глѣба позвали въ Жемчужину. Склирена уже совершенно оправилась отъ болѣзни, только лицо ея было еще блѣдно.

Она подняла отъ своей работы взглядъ на вонедшаго Глѣба, слегка кивнула головою въ отвѣтъ на его низкій поклонъ, и снова углубилась въ свое занятіе. Глѣбъ прошелъ въ уголокъ комнаты и заговорилъ тамъ съ Херимономъ.

Стоялъ знойный лѣтній день, но въ раскрытыя окна Жемчужины вѣяло прохладою съ моря. Съ различными работами въ рукахъ сидѣли придворныя дамы; рабы и евнухи, скрестивъ на груди руки, неподвижно стояли, прислонясь къ колоннамъ и, кажется, дремали. Склирена была на другомъ концѣ комнаты; она вышивала золотомъ по шелку. Нѣсколько рабынь сидѣло на полу вокругъ кресла, стараясь предупредить всякое ея желаніе, поймать каждое движеніе. Одна, сидящая у самыхъ ногъ своей госпожи, подавала ей золотыя нити; другая — черная какъ ночь арапка, со сверкающими бѣлками глазъ, — обмахивала красавицу опахаломъ изъ павлиньихъ перьевъ, прикрѣпленнымъ на длинной ручкѣ.

Придворныя дамы вполголоса бесѣдовали между собою, и только ихъ разговоръ да несущаяся въ окна изъ сада безконечная трескотня цикады нарушали тишину.

— Дай мнѣ лютню, вдругъ сказала Склирена, откладывая работу въ сторону.

Рабыня посидѣла исполнить ея приказаніе. Молодая женщина сдѣлала движеніе рукою, служанки подвинулись съ мѣста и отошли въ другой конецъ комнаты.

Она заиграла грустную, заунывную мелодію и заплѣла вполголоса. Словъ не было въ ея пѣсни и какогото странною, непонятною силою звучалъ ея голосъ. Глѣбъ поднималъ голову, прислушался и, вставъ, подошелъ ближе. Она взглянула на него: до сихъ поръ онъ никогда не слышалъ ея пѣсень.

— Играй, продолжай, промовилъ онъ въ отвѣтъ на ея вопрошающій взоръ. — ты такъ хорошо начала... я не мѣшаю тебѣ?

— Нисколько, отвѣтила она, — если тебѣ нравится, то подойди ближе и слушай.

Онъ сдѣлалъ еще нѣсколько шаговъ и остановился около нея, прислонясь къ колоннѣ.

Ободренная столь неожиданно, она громче ударила по струнамъ и заплѣла.

Глѣбъ слушалъ и лицо его оживлялось, огнемъ блеснули очи. Это былъ привольный и заунывный напѣвъ его родины; онъ дышалъ просторомъ степеней, безбрежными разливами рѣкъ, онъ шумѣлъ таинственнымъ шумомъ дремучихъ лѣсовъ. Безвыходною тоскою, неодолимою грустью звенѣлъ знакомый напѣвъ и дрожалъ, замирая, и хваталъ за сердце... Глѣбу вдругъ стало ясно, что нѣтъ болѣе той бездны, которую онъ всегда чувствовалъ между ней и собою. Это была близкая, родная душа; эта прекрасная женщина поняла его горе, она жила съ нимъ одною жизнью... Пораженный этимъ открытіемъ, онъ жадно слушалъ ее и не могъ наслушаться. Передъ нимъ вставали картины прежняго: домъ отца, ласки матери, потомъ жизнь среди княжеской дружины, междоусобныя брани князей, ихъ набѣги...

Вдругъ одна изъ струнъ дрогнула и, казалось, готова была оборваться... Склирена остановилась и, поблѣднѣвъ, опустила лютню на колѣни.

— Какъ я испугалась!.. вымолвила она, оправляясь. — мнѣ показалось — струна лопнула...

— Нѣтъ, струны цѣлы, проговорилъ Глѣбъ. — Продолжай же... пой еще...

Живая мольба слышалась въ его словахъ.

— Нѣтъ, я не могу... это еще слишкомъ утомляетъ меня, сказала красавица и, отдавъ лютню подошедшей рабынѣ, снова принялась за работу.

„Завтра игры въ ипподромѣ!“ Радостная вѣсть эта, какъ волна, разнесится по Константинополю, переходить изъ устъ въ уста и встрѣчается всеобщимъ ликоваемъ.

Цѣлая толпа собралась на ипподромѣ; криками восторга приветствуетъ она вѣстника, явившагося съ приказаніемъ натянуть шелковый навѣсъ передъ императорскою трибуною. Изъ конюшенъ выводятъ лошадей, чистятъ сбрую, осматриваютъ колесницы. Кому изъ любимцевъ народа, которому изъ „безсмертныхъ“ возницъ завтра достанется побѣда? ¹⁾

До вечера необыкновенное оживленіе царитъ на улицахъ; густая толпа собирается ко времени заката на галереяхъ ипподрома. Слышится громкій говоръ, горячіе споры; у подножія статуй знаменитѣйшихъ возницъ бьются объ закладъ. Многіе рѣшаются ночевать подъ открытымъ небомъ, чтобы успѣть занять лучшія мѣста.

На утро что-то необычное сразу кидается въ глаза. Лавки заперты, принарядившаяся какъ въ большой праздникъ толпа валитъ по улицамъ, ведущимъ къ ипподрому. Съ самаго ранняго утра его мраморныя ступы покрыты народомъ; странные типы и наряды виднѣются среди пестраго, разноплеменнаго сборища: россы, козары, армянинъ, арабы, франкъ, турокъ — сошлись сюда съ разныхъ концовъ свѣта. Шумъ и говоръ стоятъ въ воздухѣ.

Среди всего этого оживленія пустынно выдѣляется арена, съ узорно насыпаннымъ на ней разноцвѣтнымъ пескомъ, съ невысокою террасою, разсѣкающею ее вдоль и установленной обелисками и колоннами. Только въ обоихъ концахъ этой оси ипподрома виднѣются кучки людей у органовъ, звуки которыхъ заглушаются гуломъ толпы, да нѣсколько служителей разбрасываютъ цвѣты по песку арены.

¹⁾ Рамбо, въ своей талантливой статьѣ „Le sport et l'hippodrome à Constantinople“ (Revue des deux Mondes, 1871 p. 771) сообщаетъ множество интересныхъ свѣдѣній объ устройствѣ ипподрома, организациі игръ, враждѣ партій. Онъ упоминаетъ также о привилегіяхъ баловней публики — „безсмертныхъ“ — эноховъ-возницъ.

Нижніе уступы стали наполняться представителями партій; справа партія зеленыхъ, слева—голубыхъ. Всѣ они были въ одинаковыхъ бѣлыхъ туникахъ съ широкою пурпурною полосою, съ зелеными или голубыми перевязями черезъ плечо, съ жезлами, украшенными полумѣсяцемъ. Иностранные послы, со своими свитами, появились на назначенныхъ имъ мѣстахъ. Солнце яркимъ свѣтомъ заливало всю эту пеструю картину; безоблачное небо синѣло надъ нею.

Вдругъ все стихло. Шестъ пробѣжали по толпѣ. Стражи и тѣлохранители, блистая золотыми латами и шлемами, съ развѣвающимися знаменами и хоругвями, спустились на выступъ, „покоемъ“ опоясывавшій трибуну императора. Сенаторы, патриции и придворные наполнили балконы каюизмы, выступающіе надъ ареною.

„Императоръ идетъ!“ пронеслось въ толпѣ, и мгновенно все замерло, мертвая тишина установилась. Константинъ IX Мономахъ, съ короною на головѣ и со скипетромъ въ рукахъ, показался на ступеняхъ трона, возвышавшагося посреди трибуны. Обратясь лицомъ къ толпѣ, онъ поднялъ уголь своей порфиры и благословилъ народъ. Вся масса поднялась на мѣстахъ, и приветственный крикъ стотысячной толпы потрясъ воздухъ ¹⁾.

Императоръ сѣлъ на тронѣ; придворные и евнухи размѣстились на ступеняхъ его. За бронзовыми рѣшетками галерей церкви Св. Стефана видно движеніе, тамъ размѣщаются придворныя дамы ²⁾. Снова зашумѣла и загудѣла толпа, вновь заиграли органы, раздались приветственные пѣсни партій. Наконецъ, дежурный препозитъ далъ знакъ начинать.

Съ шумомъ отворилось четверо воротъ подъ императорскою ложею и четыре колесницы, по четыре коня

каждая, устремились на арену. Отклонясь назадъ, стояли на нихъ возницы, одѣтые въ яркіе кафтаны—голубой, зеленый, бѣлый и красный. Все это вихремъ понеслось впередъ, обгоняя друга и взрывава песокъ арены. Всѣ взоры обратились на нихъ; притаивъ дыханіе стѣдила за ними вся масса народа. Напряженное молчаніе прерывалось лишь возгласами одобренія и горячими мольбами о побѣдѣ.

Огибая ипподромъ, въ облакахъ взрываемаго песку, неслись четыре четверни. Голубой былъ впереди—и крикъ торжества раздался въ лѣвыхъ отъ каюизмы рядахъ. Громче вырывались поощренія, волненіе росло каждый шагъ и все полнѣе захватывало огромную толпу. Казалось это было что-то одно—громодное, живое, дышащее однимъ вздохомъ, съ замирающимъ сердцемъ устремившее тысячи глазъ на одну точку...

Поздравленія, восторженные стихи въ честь побѣдителя пронеслись по уступамъ. Препозитъ съ высоты императорской трибуны провозгласилъ имя побѣдившаго въ первомъ бѣгу.

Четверо воротъ снова захлопнулись за вѣхавшими въ нихъ колесницами. Служители вышли ровнять изрытую копытами почву и приготовить ее ко второму бѣгу ³⁾. Толпа задвигалась, заволновалась: наступилъ перерывъ.

Какъ море забушевала толпа, едва побѣдитель остановилъ покрытыхъ пѣной коней передъ трибуною императора. Вслѣдъ за нимъ подкатили и остановились рядомъ колесницы его соперниковъ. Окружившіе ихъ конюхи крѣпко схватили коней подъ уздцы, но тѣ сердито дергали головами и пѣна бѣлыми хлопьями падала на песокъ.

(Окончаніе въ слѣд. №).

Иисусъ.

Повѣствованіе изъ библейскихъ временъ. Георга Эберса. (Продолженіе).

(Право перевода приобретено редакціей отъ автора).

Потопленіе египтянъ.

Глава XXII.

Первоначальное намѣреніе евреевъ, прорваться сквозь линію ѳавемскихъ укрѣпленій и затѣмъ двинуться дальше на сѣверо-востокъ, по направленію къ Палестинѣ, оказалось неосуществимымъ. И другой замыселъ Моисея, провести народъ въ обходъ у Южного Мигдола, тоже не могъ осуществиться, такъ какъ развѣдчики донесли, что и въ этой твердынѣ былъ значительно усиленъ крѣпостной отрядъ.

¹⁾ Придворный церемоніаль Константина Багрянороднаго подробно объясняетъ, какъ происходитъ выходъ императора для присутствованія на играхъ. Оригинально, что во время этого выхода дежурный препозитъ (придворное званіе) несетъ передъ императо-

Тогда большинство евреевъ приступило къ Моисею съ требованіемъ вести ихъ обратно. Они считали лучшимъ просить у фараона пощады, чѣмъ обрекать на вѣрную гибель самихъ себя, своихъ женъ и дѣтей.

На вразумленіе ихъ ушло нѣсколько дней. Новые развѣдчики принесли вѣсти о приближеніи фараона съ всемѣтными полчищами. Въ виду этой крайней опасности, настало время понудить евреевъ къ смѣлой попыткѣ пробиться впередъ. Моисей налегъ на нихъ всей тяжестью своей властной личности. Ааронъ пустилъ въ ходъ всю силу своего увлекательнаго краснорѣчія. Навинъ и Оръ дѣлали все возможное, чтобы и другихъ одушевить собственной отвагой. Но странныя вѣсти, казавшяся, лишили большинство евреевъ послѣдняго самообладанія и погасили въ нихъ великую искру вѣры въ Бога. Они ужь окончательно рѣшились отдать себя на милость фараона. Но вернулись вотъ ихъ гонцы, которыхъ они, за сиптійскими вѣстями, сами отъ себя послали на развѣдку—и принесли вѣсти, что египетскимъ войскамъ приказано избивать всѣхъ евреевъ поголовно, не щадя и тѣхъ, которые принесутъ повинную. Фараонъ хотѣлъ примѣрно наказать чужеземцевъ, чьи чары разорили и погубили столько египтянъ.

Такимъ образомъ они слишкомъ поздно узнали, что возвращеніе было бы для нихъ еще вѣрнѣею гибелью, чѣмъ самый смѣлый натискъ впередъ. Но способные носить оружіе, послѣдовавшіе было за Оромъ и Навиномъ къ Южному Мигдолу, тотчасъ обратились въ бѣгство, лишь только услышали воинственные звуки египетскихъ трубъ. Измученные, унавившіе духомъ и раздраженные вернулись они къ своему народу, съ преувеличенными разсказами о боевыхъ силахъ фараона. Ихъ

ромъ горящую восковую свѣчу, и императоръ, заходя во всѣ храмы и часовни на пути по галереямъ дворца, повсюду самъ зажигаетъ лампады у мѣстныхъ иконъ. Вообще „de ceremoniis“ Константина Багрянороднаго даетъ много интересныхъ свѣдѣній о дворцовыхъ обычаяхъ и внутреннемъ расположеніи помѣщеній.

²⁾ Въ XI вѣкѣ императрицы уже не рѣшались, какъ въ IV или V вѣкѣ, открыто присутствовать на играхъ. Положеніе женщины, окруженной евнухами, напоминало гаремы мусульманъ.

³⁾ Четыре раза бѣжали колесницы, потомъ начинались представленія шуговъ, акробатовъ; выводились рѣдкія животныя.

⁴⁾ Сынъ Навина.

Баловень семьи. Съ карт. Зимма. грав. Веберъ.

исцугъ и отчаяніе не замедлили сообщиться и храбрѣйшимъ изъ евреевъ. Тщетны были все увѣщанія, все усилія ихъ образумить. Ни къ чему не повели также и угрозы. Возмущившаяся толпа увлекла за собой и вождей. Такимъ образомъ она добралась до Чермнаго моря, глубокаго, изумрудная волна котораго преградила ей движеніе дальше на югъ.

Тогда евреи разбили лагерь между Пинахироомъ и Вааль-Цефономъ. Здѣсь вождямъ удалось опять обратиться къ Богу праотцовъ.

Въ виду неминуемой гибели, отъ которой никакая человеческая сила не могла ихъ спасти, они снова научились обращаться взоры къ небу. И сердце Моисея снова переполнилось состраданіемъ къ этой несчастной, тѣло-исцугуемой толпѣ, которая довѣрилась ему и за нимъ послѣдовала. Еще въ прошлую ночь поднялся онъ на одну изъ низжайшихъ вершинъ Вааль-Цефона. При свистѣ вѣтра и ревѣ бури вознесся онъ духомъ къ Господу и ощутилъ Его присутствіе. Онъ неутомимо плагалъ передъ Нимъ горе своего народа и молился о его спасеніи.

Въ тотъ-же самый часъ Маріамъ, жена Ора, вышла на морскую берегъ, и тамъ, подъ одинокою пальмой, все еще сознавая себя избранницей Бога, умоляла Его о томъ же, о чемъ и Моисей. Она молилась о судьбѣ женъ и дѣтей, которыхъ, до вѣривъ Ему, пустились въ дальній путь. Не забыла она помолиться колѣнопреклоненно и о другѣ своей юности, теперь томившемся въ неволѣ. Но слова ея молитвы были робки и нерѣшительны:

— Не отврати, Господи, взоровъ Твоихъ и отъ злополучнаго Осиа, котораго я, но Твоему велѣнію, назвала Иисусомъ—хотя онъ и оказался менѣе покорнымъ Твоей волѣ, чѣмъ братъ Моисей, и сиротъ мой, Оръ. Вспомни о юномъ Ефремѣ, вникѣ Твоего вѣрнаго слуги, Цавина!

Затѣмъ она вернулась въ шатеръ своего мужа. Тѣмъ временемъ и другіе мужчины и женщины, распростертыя передъ ставками, или на жесткихъ, омоченныхъ слезами, циновкахъ, тоже взывали къ Господу, поручая ему судьбу своихъ близкихъ и дорогихъ.

Такимъ образомъ въ эту ночь, неполовинную смертельной тревоги, еврейскій шатеръ превратился въ храмъ, гдѣ все, отъ мала до велика, отцы и матери семействъ, господа и рабы, не исключая и бѣдныхъ прокаженныхъ—все, возносясь духомъ къ Господу, некали и обрѣтали Его.

Такъ настало то утро, въ которое и Ефремъ также, отъ полноты своего дѣтскаго сердца, сквозь ревъ бури, взывалъ къ Господу,—и вдругъ море стало отступать отъ земли въ глубь своихъ вѣдръ.

Когда народъ собравшимися глазами увидѣлъ чудо, которое Господь совершалъ для избранныхъ своихъ, все, даже отчаяніе, превратилось въ твердовѣрующаго и одушевилось радостной надеждой.

Не только въ колѣнѣ Ефремовомъ, но и въ другихъ, среди чужеземцевъ и прокаженныхъ, вездѣ, вновь пробудившаяся надежда всехъ подстрекала къ усиленнымъ сборамъ въ походъ. Народъ впервые собрался и выстроился въ боевомъ порядкѣ единодушно, безъ ссоръ и брани, безъ буйства и насилій, безъ слезъ и проклятій.

По заходѣ солнца, Моисей съ высоко поднятымъ жезломъ, Ааронъ съ молитвой и священнымъ иѣніемъ, впереди всехъ, выступили въ русло морскаго залива.

Буря свирѣствовала съ прежней силой. Осушивъ дно залива, она мчалась на юго-западъ, раздувая пламя и разнося дымъ свѣточей, которые предшествовали каждому колѣну.

Все взоры съ напряженнымъ вниманіемъ и съ довѣріемъ устремлялись на главныхъ вождей, за которыми непосредственно слѣдовалъ старшій Навинъ, во главѣ колѣна Ефремова. Песокъ морскаго дна, по которому они ступали, былъ мокръ, но твердъ. Даже стада, и тѣ шли свободно, какъ по торному пути, слегка наклонному къ морю.

Ефремъ, въ которомъ старѣйшины уже предвидѣли будущаго вождя, взялся, по предложенію дѣда, слѣдить за порядкомъ шествія и особенно за тѣмъ, чтобы оно не подвергалось задержкамъ. Съ этой цѣлью его вооружили начальническимъ жезломъ. Не одни финикійскіе кормчіе, но и рыбаки, гнѣдившіеся у подошвы Вааль-Цефона, предаказывали, что когда мѣсяцъ поднимется до высшей точки на сводѣ небесномъ, море вернется въ свое прежнее ложе. Поэтому надо было спѣшить, избѣгая всякихъ остановокъ.

Юноша наслаждался бурей. Она трепала его волосы и когда онъ сновалъ повсюду, куда призывали его обязанности, побѣдоносно борясь съ нею, это пріятно водвало его, какъ предвкушеніе успѣха тѣхъ замысловъ, которые ронилъ въ его головѣ.

Темнота быстро смѣнила вечернія сумерки. Въ воздухѣ носился острый запахъ морской травы и рыбы, которая осталась на днѣ залива. Юноша, внезапно превратившійся въ мужа, съ наслажденіемъ вдыхалъ этотъ запахъ, который теперь казался ему несравненно пріятнѣе благоуханій гарда въ шатрѣ Казаны. Воспоминаніе о ней въ теченіе послѣднихъ часовъ только разъ промелькнуло у него въ головѣ: ему некогда было о ней думать.

У него были полны руки дѣла. Ему приходилось то удалять съ пути морскую поросль, наносимую случайно набѣгавшею волной, то хватать за рога и тащить дальше передоваго козла въ стадѣ, который упирался, не рѣшаясь ступить на мокрую почву, то подгонять воловъ и вьючныхъ животныхъ, когда тѣ упрямилась и не хотѣли переходить водомоины.

Иногда онъ подпиралъ плечомъ слишкомъ тяжело нагруженную повозку и помогать ее вытаскивать, когда она увязала колесами въ рыхломъ пескѣ. Еще въ самомъ началѣ шествія, почти не сходя съ египетскаго берега, два отряда наступовъ поспорили о томъ, кому изъ нихъ идти впередъ. Ефремъ быстро рѣшилъ ихъ споръ, посредствомъ жребія. Двѣ маленькія дѣвочки, у которыхъ мать была поглощена заботами о грудномъ ребенкѣ, съ громкимъ плачемъ барахтались въ лужѣ. Ефремъ на рукахъ перенесъ ихъ черезъ воду. У одной повозки сломалось колесо. Онъ, при свѣтѣ факеловъ, велѣлъ оттащить ее въ сторону, а поклажу и даже обломки самой повозки ввалилъ на плечи дюжимъ тягловымъ, несшимъ до тѣхъ поръ лишь небольшіе узелки. Плачущихъ женщинъ и дѣтей Ефремъ ободрялъ словомъ утѣшенія; когда же свѣтъ факеловъ падалъ на лицо свертняка по дѣтамъ, который могъ пригодиться при освобожденіи Иисуса, Ефремъ вкратцѣ сообщалъ ему, что рассчитывается на его содѣйствіе въ одномъ смѣломъ предпріятіи.

Орковъ съ громадными кадильницами, которые во всехъ другихъ случаяхъ обыкновенно предшествовали народу, на этотъ разъ пришлось отодвинуть назадъ, въ самые послѣдніе ряды шествія—иначе сѣверо-восточный вѣтеръ гналъ бы кадильный дымъ прямо въ лицо странникамъ. Такимъ образомъ эти маленькія дольше всехъ оставались на египетскомъ берегу. Все отряды оножденія уже прошли мимо нихъ, за исключеніемъ прокаженныхъ, которымъ отведено было мѣсто за чужеземцами. Послѣдніе состояли изъ пестрой толпы азіатовъ семитской крови. Они большею частью бѣжали отъ тягловой работы, или отъ пріеудежнаго имъ по египетскимъ законамъ тяжкаго наказанія. Однако между ними встрѣчались и торговцы, находившіе себя покушниковъ среди многочисленныхъ странниковъ, и пастухи племени Шау, которыхъ пограничные чиновники не пускали обратно на родину. Ефрему не легко было поладить съ чужеземцами. Они долго оставались на твердой землѣ, требуя, чтобы прокаженнымъ велѣно было держаться какъ можно дальше отъ нихъ. Въ заключеніе ему однако удалось съ ними сговориться, благодаря содѣйствію старѣйшины Веніамина колѣна. Юноша, между прочимъ, въ видѣ угрозы непокорнымъ, сообщилъ имъ предсказаніе финикійцевъ и рыболововъ, что когда мѣсяцъ начнетъ заходить, море вернется въ свое прежнее ложе. Наконецъ одинъ благоумный вожакъ прокаженныхъ—бывшій египетскій жрецъ—объясалъ, что они будутъ сохранять, по крайней мѣрѣ, половину разстоянія, предписываемаго закономъ въ обычное время.

Буря между тѣмъ все сильнѣе разыгрывалась. Свистъ вѣтра, грохотъ падающихъ волнъ и ревъ морскаго прибоя заглушали все другіе звуки—и повелительные возгласы старѣйшинъ, и стоны женщинъ, и плачъ дѣтей, и визгъ собакъ, мычанье и блеяніе дрожащихъ отъ страха стадъ. Голосъ Ефрема слышали только находившіеся въ непосредственной близости отъ него. Много факеловъ уже потухло, а тѣ, которые еще горѣли, надо было съ большимъ трудомъ защищать отъ вѣтра. Ефремъ, тяжело переводя духъ, шелъ позади прокаженныхъ. Онъ отдыхалъ и собирался съ новыми силами. Вдругъ его окликнули. Онъ обернулся и узналъ товарища, который былъ на развѣдкѣ и теперь только возвращался къ своимъ. Крупныя капли пота покрывали лобъ вновь прибывшаго и онъ съ трудомъ переводилъ духъ. Увидя въ рукахъ Ефрема начальническій посохъ, онъ шепнулъ ему, что фараонъ со своими колесницами значительно опередилъ все остальные египетскія войска и теперь находится близъ Пинахироа. Если онъ не остановится тамъ для отдыха и не захочетъ ждать соединенія съ боевыми силами, которыя позади него, то можетъ ежеминутно наступить бѣглецовъ. Проговоривъ все это на ходу, развѣдчикъ поспѣшилъ дальше, мимо прокаженныхъ, сообщить свои вѣсти другимъ вождямъ. Ефремъ остановился и схватилъ себя за голову. Отчаяніе опять овладело его сердцемъ.

Вражескія полчища приближаются. Они опрокинутъ, сомутъ, раздавятъ, словно кучу муравьевъ, всехъ этихъ мужей, женъ и дѣтей. Ефремъ только что видѣлъ ихъ во всей ихъ трогательной безпомощности. Всемъ существомъ его овладѣло молитвенное настроеніе, и стѣсненное сердце юноши какъ бы само взывало въ тишинѣ ночи:

— Или, Или, Великій Боже въ небесахъ! Тебѣ повѣстно—вѣдь я Тебѣ ужъ это говорилъ—и Твое всевидящее око, не смотря на темноту nocturno, конечно зрѣтъ, въ какомъ положеніи народъ, которому Ты обѣщалъ новую землю. Вспомни Твой обѣтъ, Иегова! Будь милостивъ къ намъ, Всемогущій, Великій! На насъ наступаетъ непобѣдимая вражья сила! Удержи ее! Спаси насъ! Защити бѣдныхъ женъ и дѣтей! Спаси насъ! Будь милостивъ къ намъ!

Ефремъ поднялъ глаза къ небу и увидѣлъ на вершинѣ Ва-

аль-Цефона яркій красный огонь. Его зажгли финикияне, дабы расположить въ пользу евреевъ бога сѣверныхъ вѣтровъ, Ваала, и враждебно настроить его противъ ненавистныхъ египтянъ.

Это было сдѣлано по-дружески. Но Ефремъ волагалъ свои надежды на другаго Бога. Онъ продолжалъ смотреть на небо. По небу мчались сѣрые и черные клубы тучъ, которыя сталкивались, расходились, насакавали одинъ на другаго и неслись дальше, какъ бы отыскивая себѣ новые пути. Изъ-за двухъ точно соскочившихъ одна съ другой тучъ выглянула серебряный кругъ полной луны: Ефремъ увидѣлъ, что она почти достигла уже высшей точки на своѣмъ небесномъ.

Это опять повергло его въ уныніе. Онъ вспомнилъ предсказаніе о вѣтрѣ и о погодѣ людей опытныхъ и свѣдущихъ по этой части. Если море вздуваетъ теперь вернуться въ старое ложе—народъ еврейскій погибъ. Не найти ему спасенія и въ бѣгствѣ на сѣверъ: тамъ среди ила и камней, большія пространства стоячей воды. Да, если волны пощипать нахлынуть, сѣмя Авраамово исчезнетъ съ лица земли, какъ исчезаютъ, подъ давленіемъ теплой руки, начертанныя на воскѣ шельмена.

По развѣ этотъ, повидимому, обреченный гибели народъ не тотъ самый, который Господь назвалъ Своимъ избраннымъ? Печалью Онъ предасть его въ руки Своихъ и его враговъ?

Штъ, вѣтъ и тысячу разъ вѣтъ!

Вѣдь мѣсяцъ, отъ котораго теперь ожидаютъ столько бѣдъ, до сихъ поръ покровительствовалъ же бѣгству евреевъ. Надо только надѣяться и вѣрить!

Къ тому же, ничто еще пока и не потеряно.

Да и чтѣ бы ни случилось впредь, теперь народъ еврейскій ужъ не погибнетъ весь поголовно. Собственное племя Ефрема, шедшее во главѣ всѣхъ, уже во всякомъ случаѣ будетъ спасено. Да и не оно одно: вѣроятно ужъ многіе достигли противоположнаго берега — и число спасенныхъ можетъ-быть гораздо больше, чѣмъ онъ полагаетъ.

Самъ Ефремъ продолжалъ идти позади всѣхъ. Онъ прислушивался, не приближаются-ли египетскія колесницы. Еще не сходя съ берега залива, онъ приложилъ ухо къ землѣ. Юноша могъ вполне положиться на свой слухъ. Сколько разъ на этомъ самомъ мѣстѣ случалось ему различать отдаленный топотъ заблудившихся быковъ и овецъ, или, на охотѣ, издали ловить звуки приближающагося стада антилопъ и газелей.

Находясь позади всѣхъ, онъ больше всѣхъ подвергался опасности. Но, чтѣ за важность?

Какъ охотно отдалъ бы онъ свою жизнь, чтобы спасти остальныхъ!

Съ той минуты, какъ онъ вооружился начальническимъ железомъ, Ефремъ взялъ на себя и обязанность бодрствовать надъ своими. Онъ слушалъ-слушалъ — и вдругъ уловилъ едва замѣтный трепетъ и стонъ почвы. Да, это неприятель! Это колесницы фараона — и какъ быстро несутся его гордые кони!

Ефрема точно ударили бичемъ. Онъ со всѣхъ ногъ бросился впередъ торопить другихъ.

Какъ душно вдругъ стало въ воздухѣ, не смотря на бурные порывы вѣтра, которые потушили уже столько факеловъ! Тучи скрывали мѣсяцъ, но за то все ярче и ярче разгорался костеръ на вершинѣ Вааль-Цефона. Вылетающія оттуда искры теперь стремительно неслись на западъ: вѣтеръ перемѣнялъ направление и начиналъ дуть съ востока.

Лишь только Ефремъ замѣтилъ это, какъ опять стремглавъ кинулся назадъ, къ замыкающимъ шестіе отрокамъ съ кадилашцами. Онъ торопило отдалъ приказъ, вновь напоинить мѣдные сосуды кадилашницъ такъ, чтобы они давали какъ можно больше дыму. Ефремъ полагалъ, что гонимый прямо навстрѣчу фараону дымъ испугаетъ и задержитъ коней его.

Пикалая мѣра не казалась ему ничтожною. Каждый мигъ былъ дорогъ. Когда дымъ, вырываясь изъ кадилашницъ, густыми клубами и захватывая дыханіе, понесся назадъ, по направлению только что пройденнаго евреями пути, Ефремъ снова устремился впередъ. Надо было предупредить старѣйшинъ и заставить всѣхъ ускорить шагъ. И дѣйствительно всѣ, странники, носильщики, погонщики и пастухи засуетились и пошли быстрее. Вѣтеръ, все рѣшительнѣе и рѣшительнѣе дувшій съ востока, значительно затруднилъ ихъ движеніе. Но они храбро боролись съ нимъ, подстрекаемые страхомъ передъ неприятелемъ, который гнался за ними по пятамъ.

Какъ сторожевая собака, ревниво оберегающая стадо, перешелъ Ефремъ отъ одного вождя къ другому, сообщая о близкой опасности, и его вездѣ привѣтливо встречали. По мѣрѣ движенія его впередъ, восточный вѣтеръ, какъ-бы въ награду ему за неустрашимую борьбу съ ураганомъ, сталъ доносить до него странные, чудесные звуки. Чѣмъ ближе подходилъ юноша къ собственному племени, тѣмъ явственнѣе различалъ крики неудержимаго восторга — первые, носившіе столько страданій, вырвавшіеся изъ обреченной груди еврейскаго народа.

Крики эти освѣжили Ефрема, какъ прохладительный напитокъ послѣ долгой жажды. Онъ тоже радостно воскликнулъ: „Спасены, спасены!“

Уже два колѣна вступили на восточный берегъ залива. Они зажгли тамъ двѣ большія смоляныя плоски, свѣтъ которыхъ, вмѣстѣ съ радостными кликами, долженъ былъ поддерживать мужество въ падавшихъ духомъ остальныхъ странникахъ. При свѣтѣ этихъ плосекъ Ефремъ увидѣлъ на прибрежномъ холмѣ величественную фигуру Моисея съ простертымъ къ морю железомъ. Видъ этотъ больше всего ободрилъ и успокоилъ его — и не его одного, а всѣхъ странниковъ, отъ мала до велика. Человѣкъ этотъ—избранникъ Божій, Жезль, простираемый имъ къ морю, сдерживаетъ волны. Черезъ него, своего служителя, Господь возвращаетъ имъ понятное движеніе.

Ефремъ пересталъ звать къ Всемогущему о спасеніи своего народа. Заботу эту взялъ на себя тотъ великій, сильный мужъ. Собственный-же скромный долгъ юноши предписывалъ ему слѣдить за движеніемъ отдѣльныхъ частей шестія.

И онъ слѣдилъ за всѣми, до прожженныхъ и отроковъ съ кадилашцами включительно. Подходя къ каждому новому отряду странниковъ, Ефремъ восклицалъ: „Спасены, спасены! Къ дѣли! Жезль Моисея укрощаетъ волны! Ужъ многіе у берега! Возблагодарите Господа! Впередъ, чтобы и вы могли присоединиться къ общей радости! Устремите ваши взоры на эти два красивые огня. Ихъ зажигаютъ спасенные и между ними избранный Божій служитель, съ простертымъ къ морю железомъ.“

Затѣмъ Ефремъ снова бросился на землю и приложилъ къ ней ухо. На этотъ разъ онъ ужъ ясно услышалъ конскій топотъ и скрипъ колесъ.

Онъ продолжалъ слушать, но зловѣщія звуки вдругъ замерли. Вокругъ только ревелъ буря, бумевали волны, да изрѣдка восточный вѣтеръ доносилъ отдѣльные возгласы и крики.

Фараоновы колесницы примчались къ заливу. Дно его было обнажено и сухо, тѣмъ не менѣе египтяне долго медлили, перѣнаясь пускаться по этому опасному пути. Но вотъ раздались воинственный кликъ — и колеса опять заскрипѣли; только теперь они двигались не такъ скоро, хотя все-таки гораздо скорѣе, чѣмъ могъ идти народъ.

Такимъ образомъ египтяне, подобно евреямъ, шли по сухому дну залива; но если бѣглецамъ удастся хоть немного опередить преслѣдователей, тогда имъ больше нечего бояться. На берегу и подъ прикрытіемъ ночи, они легко могли-бы распылиться въ пустынь и укрыться въ разбросанныхъ по ней горахъ, въ мѣстахъ недоступныхъ ни конямъ, ни колесницамъ. Моисей хорошо зналъ эту страну: онъ долго скитался въ ней изгнанныкомъ. Теперь необходимо было поскорѣй предупредить его о приближеніи неприятеля. Ефремъ для этого отрядилъ къ нему юношу изъ колѣна Вениаминова. Посланный былъ уже далеко, почти у самаго берега. Самъ-же Ефремъ опять остался позади всѣхъ, чтобы лучше слѣдить за движеніями египетской рати. Ему теперь не зачѣмъ было прикладывать ухо къ землѣ, чтобы сквозь ревъ бури слышать ржаніе коней и скрипъ колесъ: они и такъ ужъ были слышны. Проклаженные кричали и воили, воображая себя уже опрокинутыми, растоптанными или сброшенными въ воду. Путь постепенно служивался, и море очевидно намѣревалось опять вступить въ свои права.

Люди и животныя уже не могли двигаться широкими рядами, какъ прежде. Шестіе пришлось перестраивать и удлинять, при чемъ терялось драгоцѣнное время. Правая сторона шестія, обятая страхомъ, уже слушала по водѣ, которая быстро прибывала; всѣ торопились, ибо издали уже слышались приказания египетскихъ вождей.

Тѣмъ не менѣе, неприятеля очевидно что-то задерживало. Ефремъ легко угадалъ чтѣ именно. Почва подъ ногами его становилась все мягче, и узкія колеса боевыхъ колесницъ должны были глубоко—вѣроятно по самую ось — врызываться въ песокъ.

Юноша, подъ прикрытіемъ темноты, прокрался, какъ можно ближе къ преслѣдователямъ. До ушей его долетѣло проклатіе и грубое приказаніе не щадить быча. Немного спустя, онъ ужъ совсемъ ясно услышалъ, какъ одинъ изъ начальниковъ говорилъ другому: „Проклятая безтолочь! Нечего было задерживать насъ до полудня и тратить время на гаданье, да на торжество, по случаю замѣны Ваи другимъ жрецомъ. Тогда мы переловили-бы евреевъ, какъ стаю перепеловъ. Верховный жрецъ до сихъ поръ всегда съ достоинствомъ держалъ себя на войнѣ, а тутъ вдругъ растроголся и, въ угоду умирающей бабѣ, согласился передать власть другому.“

— По вѣдъ это мать Сигаха, примирительно замѣтилъ другой. — А впрочемъ, и для двадцати царевнъ не слѣдовало измѣнять своимъ обязанностямъ. Еслибъ Ваи не вздумалъ уѣхать, намъ теперь не зачѣмъ было-бы до смерти морить коней, да еще въ такую погоду, когда ни одинъ благодушный военачальникъ не пощадитъ своимъ людямъ ужинать и спокойно сидѣть въ шатрахъ у огня. Эй, вы, погоняйте коней! Мы опять возьмемъ въ нескѣ!“

За первой колесницей раздался громкій крикъ. Ефремъ слышалъ, какъ новый голосъ приказывалъ:

— Впередъ, скорѣй, что есть мочи, хотя-бы пришлось зажать коней!

— Еслибъ можно еще было вернуться, продолжалъ пер-

Свѣжая рыба! Съ карт. Лигнера, грав. Гейеръ.

Изъ Смутаго времени. Служка на стражѣ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) В. Радомскаго, грав. Гашевскій.

вый голосъ, принадлежавшій Фхавиному впереди всѣхъ военачальнику, родственнику царя, — и сейчасъ приказалъ-бы поворачивать назадъ. Да пельзя. Передовые ряды столкнулись-бы съ задними и произошла-бы свалка. А по тому впередъ—чего-бы намъ это ни стоило! Мы за ними слѣдуемъ по пятамъ. Стой, стой! Проклятый, бѣдкій чадь! Ну, ужь, погодите вы, собаки! Какъ только дорога станетъ шире, мы всѣхъ зашь, отъ мала до велика, перебьемъ! Да отнимуть у меня боги по одному дню жизни за каждаго еврея, которому и дамъ пощаду. Еще факель потухъ! Даже собственной руки не выдать! Въ такую пору охотно промѣнялъ-бы свой предводительскій жезлъ на клюку нищаго.

— Или золотую цѣпь на шейникъ висѣльщика! съ проклятіемъ прибавилъ другой. — Хоть-бы мѣсяцъ опять выглянулъ! Гороскопъ предсказывалъ, что онъ будетъ свѣтить съ вечера до утра, и я самъ совѣтовалъ выступить позпозже и превратить ночь въ день. Хоть-бы чутчюкъ свѣта!..

Рѣчь эта осталась недокоченной. Изъ югозападныхъ ущелій Вааль-Цефона, какъ дикій звѣрь, вдругъ вырвался бурный порывъ вѣтра и съ размаху налетѣлъ на странниковъ. Нахлынула громадная волна и съ ногъ до головы облила Ефрема.

Онъ отряхнулся, откинулъ назадъ волосы и вытеръ глаза. По позади его, въ рядахъ египтянъ раздался крикъ ужаса: та самая волна, что окатила Ефрема, смыла и увлекла въ море переднюю колесницу.

Въ юности опять пробудился страхъ за своихъ, и онъ поспѣшилъ соединиться съ ними. Вдругъ сверкнула молнія и на мигновение освѣтила заливъ, гору Вааль-Цефона и всю окрестность. На этотъ разъ громъ еще не сразу послѣдовалъ за молніей, но скоро гроза приблизилась. Молнія уже не змѣйками по тучамъ, а сплошными потоками огня прорѣзывала окружающій мракъ и полями еще трепетало, какъ уже грохотали оглушительные удары грома, многократно повторяясь въ ущельяхъ каменной горы и зловѣщими раскатами разносись по заливу и морскому берегу.

Ослѣпительная молнія на далекомъ разстояніи озаряла свѣтомъ и море и землю, людей и животныхъ, когда чреватая грозой тучи разражались съ новою силой и разливали въ воздухъ и по морскимъ волнамъ сѣрно-желтый отблескъ, въ которомъ яркія змѣйки молній мелькали точно сквозь желто-зеленое стекло.

Ефремъ замѣтилъ, что теперь самыя грозныя тучи набѣгали уже не съ сѣвера, а съ юга. Новая молнія показала ему взбѣсившихся коней, которые мчались прямо въ воду, и нѣскольکو колесницъ, наскочившихъ одна на другую. Подъ ними гибли люди и онѣ заграждали путь другимъ.

Тѣмъ не менѣе врагъ все-таки подвигался и разстояніе между бѣглецами и преслѣдующими не увеличивалось. Но въ средѣ послѣднихъ царилъ смятеніе—и въ промежутки между раскатами грома, изъ ихъ рядовъ слышались крики ужаса перепуганныхъ воиновъ и ободряющіе или угрожающіе возгласы начальниковъ.

Не смотря на черноту тучъ, на густоту завѣсы, скрывавшей южную часть горизонта, на свирѣиость вѣтра, небо все еще не разрѣшалось дождемъ. Странники были мокры, но не отъ дождевой, а отъ морской воды. Волны все выше вздувались и чаще обрушивались на дотолѣ безводную часть залива.

Все уже и уже становилась дорога, а вмѣстѣ съ тѣмъ растягивалась и хвостъ шествыи.

Пламя отъ смоляныхъ плошекъ на берегу продолжало указывать испуганнымъ евреямъ спасительную цѣпь и освѣщать жезлъ, Господомъ дарованный Моисею. Они съ каждымъ шагомъ приближались къ нему.

Внезапно раздались крики необузданной радости: это вышло на берегъ и племя Вениаминово. Оно подъ конецъ шло уже въ бродъ по водѣ, подъ пѣнистымъ прибоемъ. Неимоверныхъ усилій стоило ему оберегать воловъ отъ волнъ, тащить тяжело нагруженные повозки и подгонять скотъ. Но вотъ наковецъ и люди, и животные въ безопасности на берегу. Теперь оставалось позаботиться только о чужеземцахъ и прокаженныхъ. У послѣднихъ не было своихъ стадъ, а у первыхъ и тѣмъ болѣе. Но передъ ними беспорядочно толпою въ водѣ рогаатый и рунный скотъ, оставшій отъ своихъ хозяевъ. Вода между тѣмъ доходила уже по колѣна. Ефремъ поспѣшилъ на берегъ, созвалъ насуховъ и съ ихъ помощью благополучно загналъ животныхъ на берегъ.

Вотъ и чужеземцы, при свѣтѣ молній, при раскатахъ грома, всѣ до одного вышли на спасительный берегъ. Ихъ привѣтствовали радостными криками.

Прокаженные, тѣмъ временемъ, шли сначала по колѣна, потомъ по поясъ въ водѣ. Наконецъ разверзлись и хляби небесныя. Дождь лилъ потоками на несчастныхъ. Однако и они въ заключеніе тоже достигли цѣпи. Правда, у многихъ матерей, которыя до послѣдняго мигновения не спускали дѣтей съ рукъ и съ плечъ своихъ, на берегу вдругъ подкосились ноги, а прокаженные струнцами лица многихъ мужчинъ пылали въ лихорадочномъ жару. Это были тѣ изъ прокаженныхъ, которые, въ качествѣ менѣе извуренныхъ болѣзнью, помогали та-

щить по размокшей почвѣ повозки, или переправляли черезъ воду посылки.

Они, въ ожиданіи дальнѣйшихъ событій, по приказанію Моисея, расположились по ту сторону пальмовой рощи, которая зеленѣла между холмами у ручья, недалеко отъ морскаго берега. Остальныхъ же евреевъ повели дальше, въ глубь страны. Тамъ они должны были ожидать, пока дадутъ знакъ продолжать странствіе на юго-востокъ, по каменной безплодной пустыни, мало доступной для благоустроеннаго войска и боевыхъ колесницъ фараона.

Орѣ собрали около себя всѣхъ своихъ пастырей. Всѣ они были вооружены коньями, пращами и короткими мечами, готовые отразить непріятели, если-бы тотъ осмѣлился встѣдъ за ними ступить на твердую землю. Евреи порѣшили убивать всѣхъ людей и коней, а изъ вражескихъ повозокъ воздвигать преграды, которыя препятствовали бы движенію слѣдующихъ отрядовъ египтянъ.

Огонь въ смоляныхъ плошкахъ на берегу такъ усердно подерживался, что ни буря, ни ливень не могли затушить его. Онъ долженъ былъ свѣтить пастырямъ, которые, съ Навиномъ, Орэмъ и Ефремомъ, во главѣ, собирались отражать египетскихъ воиновъ съ ихъ боевыми колесницами.

Но тщетно ждали они своихъ преслѣдователей. Ефремъ, при свѣтѣ смоляныхъ плошекъ, первый замѣтилъ, что заливъ, который еврей только что прошел по-суху, снова наполнился водой и слился съ широкой целеной моря. А дымъ, который до сихъ поръ несся на юго-западъ, теперь заструился на сѣверъ. Было время первой утренней смѣны стражей. Юноша воскликнулъ:

— Смотрите на плочки! Вѣтеръ перемѣнился! Онъ теперь гонитъ море на сѣверъ! Фараонова рать погибнетъ въ волнахъ!

Сердца спасенныхъ странниковъ переполнились благодарностью. Между ними на мигновение водворилось благоговѣнное молчаніе. Вдругъ старый Навинъ воскликнулъ:

— Онъ правъ, дѣти! Ничтожны мы, люди! Господь и Богъ мой! Строгъ и страшенъ Твой судъ надъ врагами!

Новые клики радости прервали Навина. Толпа странниковъ, которая вмѣстѣ съ изнемогающими отъ усталости Моисеемъ и Аарономъ, находилась у источниковъ, тоже замѣтила перемѣну, о которой возвѣстилъ Ефремъ. Радостная, ужасающая, невѣроятная и однако вполне достоверная вѣсть быстро перешла изъ устъ въ уста и съ каждымъ мигномъ встрѣчала новое подтвержденіе.

Множество глазъ поднялось къ небу: мрачныя тучи теперь дѣйствительно неслись на сѣверъ.

Ливень прекратился. Громъ умолкъ—и только зарница продолжала сверкать надъ перешейкомъ и надъ сѣверной оконечностью моря.

Вотъ и заходящій мѣсяцъ, вышлывъ изъ-за гряды тучъ, мирнымъ, серебристымъ свѣтомъ облилъ вершину Вааль-Цефона и заливъ, который опять пѣнился волнами.

Ревъ и свистъ бури перешелъ въ легкой шелестъ утренняго вѣтерка, который несся съ юга. Море, еще недавно кипѣвшее и, какъ дикій звѣрь, яростно бросавшееся на скалы, теперь лишь слегка колыхалось и въ сладкой истомѣ покоилось у каменстаго подножія горы.

Впрочемъ, и море не сразу успокоилось. Оно еще нѣсколько времени угрюмою целеной волновалось надъ массой поглощенныхъ имъ труповъ. Но блѣднолицій мѣсяцъ не хотѣлъ уйти на покой, не украсивъ своимъ лучами мѣсть вѣчнаго упокоенія царя и его многочисленныхъ сподвижниковъ. Широкою золотой полосой свѣта окаймилъ онъ погребальный покровъ ихъ—морскую пучину—и на прощанье осыпалъ ее блестящими и алмазами въ серебряной оправѣ.

Когда заря зардѣлась на востокѣ, еврейскій станъ уже былъ раскинутъ. Но странники лишь наскоро могли вкусить пищи. Тотчасъ послѣ солнечнаго восхода зазвучала мѣдь и народъ хлынулъ къ мѣсту сборища у источниковъ. Тамъ, Маріамъ, громко ударя въ бубенъ и оглашая воздухъ его побрякушками, мѣрно выступила впередъ. За нею мѣрными движеніями въ ладъ, послѣдовали другія жены и дочери еврейскія. Маріамъ возгласила:

„Пою Господу, ибо Онъ высоко превознеся; коня и всадника его ввергнулъ въ море.“

„Господь крѣпость моя и слава моя. Онъ былъ мнѣ спасеніемъ. Онъ Богъ мой и прославлю Его; Богъ отца моего, и превознесу Его.“

„Господь—мужъ браин. Йегова имя Ему.“

„Колесницы фараона и войско его ввергнулъ Онъ въ море, и избранные военачальники его потонули въ Черномомъ морѣ.“

„Пучины покрыли ихъ; они пошли въ глубину, какъ камень.“

„Десница Твоя, Господи, прославилась силой; десница Твоя, Господи, сразила врага.“

„Величіемъ славы Твоей Ты низложилъ возставшихъ противу Тебя. Ты послалъ гнѣвъ Твой, и онъ попалъ ихъ, какъ солому.“

Отъ дуновения Твоего попустились воды, влага стала, какъ стѣна, опустѣли пучины въ сердцахъ моря.

„Врагъ сказалъ: Погонюсь, настигну, раздѣлю добычу; насчитается ими душа моя; обнажу мечъ мой, истребить ихъ рука моя.“

Ты дунуль духомъ Твоимъ, и покрыло ихъ море: они погрузились, какъ свинецъ, въ великихъ водахъ.

„Кто, какъ Ты, Господи, между богами? Кто, какъ Ты, величественъ святостью, достоятимъ хвалами, Творецъ чудесъ.“

Ты простеръ десницу Твою, поглотила ихъ земля.

„Ты ведешь милостью Твоею народъ сей, который Ты избавилъ; провоздаемъ силою Твоею въ жилищахъ святыхъ Твоихъ“. Жены и мужи вторили ей, когда она возглашала: „Шою Господу, ибо высоко превознесся Онъ; коня и всадника его ввернулъ въ море“.

Пѣнь и торжественная обстановка этой минуты навѣки запечатлѣлись въ сердцахъ евреевъ. Все пренепомнили признательной радостью и свѣтлыми надеждами на лучшую будущность.

Вотъ тебѣ за мою иршну...

Глава XXIII.

валебное пѣніе мало-помалу замолкло. Буря давно прекратилась, но сѣрватая дымка опять застигла угреннее небо, которое заря такъ пышно было разукрасила. Съ юго-запада все еще дулъ сильный вѣтеръ, море волновалось, а верхушки палмъ у источниковъ качались и кивали.

Спасенный народъ воздавалъ хвалу Господу; даже самые равнодушные и упорные вторили пѣнію Маріамъ, торжественнымъ шествіемъ подвигаясь къ морю. Но тутъ нѣкоторые изъ нихъ подверглись сильному искушенію поскорѣй выйти изъ рядовъ и сѣсть на берегъ, куда теперь ихъ манила богатая пожива.

Немного спустя, они толпами устремились къ морю. Волны, подобно великодушнымъ хищникамъ, возвращали ночную добычу и выбрасывали ее на берегъ.

Сильный вѣтеръ не могъ удержать даже женщинъ. Все торопились на берегъ, куда ихъ влекли двѣ самыя сильныя страсти человѣческой — корысть и месть.

На берегу то и дѣло появлялось что-нибудь новенькое, возбуждавшее корыстные желанія. То показывался трупъ воина, то обломокъ колесницы. Съ однихъ, если то были тѣла знатныхъ лицъ, евреи срывали золотыя и серебряныя украшенія; у другихъ вытаскивали изъ-за пояса короткіе мечи и сѣкиры. Простолудныя, мужчины и женщины, рабы и невольницы,

евреи и чужеземцы танцли съ утопленниковъ застѣжки и записья изъ благороднаго металла и срывали кольца съ ихъ вадутыхъ пальцевъ.

Стаи вороны, летѣвшія вездѣ за народомъ, но во время бури куда-то пропавшія, теперь опять появились. Птицы, каркая, боролись съ вѣтромъ и старались удержаться надъ трупами, чую ихъ запахъ.

Но еще большую алчность проявляла еврейская чернь. Стоило волнъ вынести на берегъ какой-нибудь цѣнный предметъ и вокругъ него тотчасъ затѣвались драки, а воздухъ оглашался дикими криками и бранью. Старѣйшины ни во что не въшивались. Они полагали, что народъ имѣетъ право на добычу. А если кто-нибудь изъ нихъ обнаруживалъ желаніе обуздать грубую жадность толпы, ему отказывали въ послушаніи.

То, что они за послѣдніе часы вытерпѣли отъ египтянъ, было такъ ужасно, что даже лучшіе изъ евреевъ не считали нужнымъ подавлять въ себѣ жажду мести. Сѣдовлаемые мужи, съ благородной осанкой, жены и матери, съ печатью добрыхъ нравовъ на лицѣ, толкали обратно въ пучину несчастныхъ, которые на обломкахъ боевыхъ колесницъ или другихъ повозокъ вытывали на берегъ. Ихъ били настырскими и странническими посохами, ножами, сѣкирами, бросали въ нихъ камни, осыпали ихъ ругательствами, заставляя вынустать изъ рукъ обломки спасительнаго дерева. Тѣхъ-же немногихъ, которымъ все-таки удавалось ступить на берегъ, гнали назадъ въ море, до сихъ поръ тщетно надившее ихъ.

Озлобленіе было такъ велико и месть казалась такимъ святымъ долгомъ, что никто и не думалъ о пощадѣ и жалости, обыкновенно возбуждаемыхъ несчастіемъ. Никто не звалъ къ великодушію, не подавалъ голоса въ пользу милосердія. Никому въ голову не приходило, что за спасенныхъ можно было-бы, какъ за военнопленныхъ, требовать выкупа.

— „Смерть заклятымъ врагамъ!“ — „Гибель имъ!“ — „Топите ихъ!“ — „Рыбамъ въ сѣть!“ — „Вы насъ и дѣтей нашихъ загнали въ море — сами теперь похлебайте соленой пучины!“ — вотъ крики, которые раздавались со всѣхъ сторонъ, и никто не думалъ ихъ укротить — ни даже Маріамъ съ Ефремомъ, тоже вышедшіе на берегъ, посмотреть что тамъ дѣлалось.

Молодая дѣвушка стала женой Ора, но брачная жизнь почти ничего не измѣнила въ ея нравахъ и обычаяхъ. Судьба народа и общеніе съ Богомъ, пророчицей Котораго она себя почитала, попрежнему составляли суть ея жизни. И теперь, когда сбывлись ея надежды и моленія, когда она своею пѣснью выразила чувства вѣрующихъ и, въ качествѣ одного изъ народныхъ вождей, шествовала во главѣ проникнутой благодарностью толпы, ей казалось, что она достигла вершины счастья.

Ефремъ впервые напомнилъ ей объ Осин. Толкуя съ юношей о колодникѣ, она гордо какъ царица шла среди толпы, величаво отвѣчая на ея поклонныя. Ея глаза сіяли счастьемъ, а лицо лишь изрѣдка выражало состраданіе, когда Ефремъ рассказывалъ ей о бѣдствіяхъ дяди. Она все еще помнила нѣкогда любимаго человека, но уже не нуждалась въ немъ для достиженія своей высокой цѣли.

Ефремъ, упомянувъ между прочимъ объ египетской красавицѣ, отдавшей свое сердце Осин, началъ было рассказывать о томъ, какъ, по ея просьбѣ, съ колодниковъ сняли оковы... Вдругъ на одномъ изъ самыхъ людныхъ мѣстъ у моря толпа особенно заволоновалась и зашумѣла. Дикіе воли ярости смѣшивались тамъ съ ликованіями: море, очевидно, выбросило какую-то драгоценность.

Любопытство привлекло туда и Ефрема съ Маріамью. Толпа съ уваженіемъ разступилась передъ послѣдней — и вновь прибывшіе увидѣли кузовъ большой дорожной повозки безъ колесъ, а въ немъ нѣчто ужасное. Холщевый покровъ кузова былъ съ него сорванъ и на днѣ его лежали двѣ пожилыя египтянки: третья, молодая, стояла прислонясь къ задней стѣнкѣ этой странной, превратившейся въ челнокъ повозки. Двѣ первыя были мертвы и отчасти покрыты водой, успѣвшей проникнуть въ кузовъ. Нѣсколько евреевъ уже раздумывали какъ бы сорвать золотыя украшенія съ шеи и съ рукъ болѣе знатной утопленницы. Молодая египтянка, по какой-то случайности оставшаяся въ живыхъ, сама предлагала еврейскимъ женщинамъ свои драгоценности. Ея блѣдныя губы и тонкія полуокоченѣвшія руки дрожали. Она тихимъ, приятнымъ голосомъ говорила, что все имъ одается, предлагала за себя богатый выкупъ, лишь-бы онѣ пощадили ея жизнь — она еще такъ молода и, къ тому-же, недавно еще оказала помощь одному еврею — пусть только онѣ выслушаютъ ее.

Мольбы ея звучали въ высшей степени трогательно. Но ее такъ часто прерывали бранью и угрозами, что лишь немногіе могли ее слышать. Вдругъ она громко вскрикнула. Какая-то грубая баба вырвала у нея изъ уха золотую змѣйку серьги, какъ разъ въ то время, когда подошли Ефремъ и Маріамъ.

Отчаянный крикъ египтянки какъ пожегъ колыбель юношу въ сердце. Онъ узналъ Казану, и щеки его поблѣднѣли.

Въ повозкѣ лежали тѣла мамки и супруги верховнаго жреца, Ваи.

Видь себя, Ефремъ растолкалъ толпившихся вокругъ мужичиъ, бросился на песчаный бугорокъ, къ которому волны прибили кузовъ полуразвалившейся повозки и, съ пылающими щекнами, весь дрожа отъ волненія, воскликнулъ:

— Назадъ! Горе тому, кто коснется ея!

Но одна еврейка, жена кирничника, у которой, при переходѣ черезъ море, въ жестокихъ судорогахъ умеръ ребенокъ, уже выхватила у Казаны изъ-за пояса кинжалъ и вонзала ей въ спину, съ злораднымъ крикомъ:

— Вотъ тебѣ за мою крошку, негодная дѣвка!

Она взмахнула маленькимъ окровавленнымъ оружіемъ и готовилась нанести второй ударъ, но Ефремъ бросился между убійцей и ея жертвою и отнять кинжалъ. Онъ заслонилъ собою раненую, и, махая надъ головою острымъ клинкомъ, громко и грозно воскликнулъ:

— Убійцы и грабители, тронь ее кто—я смѣшаю кровь его съ кровью этой женщины!

Потомъ онъ наклонился къ окровавленной Казанѣ. Она лежала безъ чувствъ. Онъ поднялъ ее и на рукахъ понесъ къ Маріамъ.

Озадаченные грабители нѣсколько мгновений молча смотрѣли на него, но онъ не успѣлъ дойти до цѣли, какъ вокругъ него раздались призывы:

— Къ мести! къ мести! Мы нашли ее—наша и добыча! посланное на него со всѣхъ сторонъ. — Какъ смѣешь дерзкій Ефремитъ ругать насъ убійцами и грабителями? Ужъ коли пошло на то, чтобы лить египетскую кровь, такъ и лить ея! Какъ Богъ нашъ, такъ и мы не хотимъ щадить враговъ! Всѣ на него! Отнять у него дѣвку!

Юноша не обращалъ вниманія на эти гнѣвные крики, пока не сдѣлалъ своей ноши, уложивъ голову Казаны на колѣняхъ Маріамъ, которая расположилась на ближайшемъ песчаномъ бугоркѣ. Но возбужденная толпа—женщины впереди—сильно гнѣшила его. Тогда онъ оный взмахнулъ кинжаломъ и крикнулъ:

— Еще разъ говорю вамъ: назадъ! Кто изъ васъ тутъ сыны Иуды и Ефрема? Сомкнитесь вокругъ Маріамъ, супруги вашего вождя! Вотъ такъ, друзья, братья, и горе тому, кто коснется ея! Мести вамъ надо? Но вѣдь мѣсть уже совершена тѣмъ чудовищемъ, которое поразило беззащитную. Вамъ нужны драгоцѣнности вашей жертвы? Ладно, онѣ ваши. Я прибавлю еще кое-что отъ себя, если вы оставите въ покоѣ умирающую и не помѣшаете женѣ Ора за ней ухаживать.

Онъ наклонился къ Казанѣ, снялъ съ нея остальные кольца, пряжки, застежки и отдалъ все это жадно простирившимся къ нему рукамъ. Потомъ сорвалъ съ собственной руки широкій золотой обручъ и, поднявъ его высоко надъ головою, крикнулъ:

— А вотъ и обѣщанная надбавка! Разойдитесь, оставьте раненую на попеченіи Маріамъ, и вы получите это золото, которое можете раздѣлить между собой. А крови хотите—суньтесь только, но ужъ тогда обручъ останется при мнѣ.

Слова Ефрема произвели свое дѣйствіе. Разъяренныя женщины поглядывали то на тяжелое золотое замястье, то на красиваго юношу, а собравшіеся вокругъ него мужи колѣна Иудина и Ефремова вопросительно переглядывались. Наконецъ жена одного чужеземнаго торговца за всѣхъ порубилась:

— Пусть только этотъ красавчикъ, княжкой сыночекъ, отдастъ намъ замястье, а мы ужъ такъ и быть оставимъ ему полумертвую занубушку.

Съ этимъ всѣ единодушно согласились, исключая жены кирничника. Отметивъ за своего ребенка, она думала, что совершила дѣло угодное Господу, а между тѣмъ ее обозвали убійцей. Она въ негодованіи осыпала юношу ругательствами, но въ концѣ концовъ была тоже увлечена толпой, которая отправилась дальше по берегу некая новой добычи.

Пока длились эти бурныя пререканія, Маріамъ твердою, искусною рукою перевязывала рану Казаны. Кинжалъ былъ подаренъ красавицѣ княземъ Спихахомъ, ради шутки, чтобы и она не выступала въ походѣ безоружною. Она получила глубокую рану въ запячье и потеряла такъ много крови, что слабая некра ея жизни ежeminутно грозила погаснуть.

Но она была еще жива и ее успѣли перенести въ шатеръ Павина, который стоялъ ближе всѣхъ.

Престарѣлый вождь былъ занятъ раздачей оружія пастырямъ и юношамъ, которыхъ Ефремъ созвалъ въ походъ на освобожденіе дяди. Старецъ только что объявилъ, что и самъ намѣренъ къ нимъ присоединиться, когда подошли Ефремъ и Маріамъ съ печальной пошею.

Если Казана была съ давнихъ поръ расположена къ достойному старику, то и онъ, со своей стороны, былъ искренно преданъ прекрасной дочери начальника стрѣлковъ Горнехта.

При встрѣчахъ она всегда ласково привѣтствовала его, а онъ отвѣчалъ:

„Благолюви тебя Господь, милое дитя!“ или: „Въ добрый часъ повстрѣчался старикъ съ такимъ милымъ созданьемъ!“

Головка Казаны была еще въ дѣтскихъ кудряхъ, когда Павинъ послалъ ей блѣсившихъ барашковъ съ особенно шелковистой шерстью, а отцу ея промѣнивалъ на зерновой хлѣбъ коровъ и быковъ, которыхъ воспитывалъ на славу. А

внослѣдствіи все, что онъ слышалъ о Казанѣ отъ сына, еще больше располагало его въ ея пользу.

Онъ видѣлъ въ ней самую прелестную дѣвушку въ Таннефѣ; будь она еврейской крови, онъ почелъ-бы за счастье сочетать ее со своимъ сыномъ.

Видъ его любимицы въ такомъ положеніи сильно огорчилъ старца. Слезы закатали у него изъ глазъ на блѣсившую бороду, и голосъ его дрогнулъ, когда онъ, привѣтствуя Казану, замѣтилъ окровавленную перевязку на ея плечѣ.

Молодую женщину положили на его ложе, и Павинъ отдалъ въ распоряженіе пророчицы, искусной въ дѣлѣ врачеванія, свой собственный зарецъ съ лекарствами.

Маріамъ просила мужичиъ удалиться и оставить ее наединѣ съ тяжело раненою. Она подкрѣпила ее лекарствомъ и тщательно прежняго перевязала ей рану.

Казана, омытая отъ крови, съ рысесанными волосами, лежала на чистомъ свѣжемъ бѣлѣ. Она походила на дремлющаго ребенка, едва вступившаго на порогъ юности.

Она еще дышала, но щеки и губы ея были блѣдны. Только послѣ втораго пріема лекарства открыла она глаза.

Старикъ и внукъ его стояли въ ногахъ у ея ложа. Ко взаимному удивленію, ни тотъ, ни другой, смотря на эту чужую женщину, не могъ удержатъ слезъ.

Увѣренность въ коварствѣ и порочности Казаны, такъ внезапно овладѣвшая Ефремомъ, сразу оттолкнула его отъ нея и вернула на путь добродѣтели, который онъ было покинулъ. Тѣмъ не менѣе, онъ затаилъ въ глубинѣ сердца все слышанное имъ у шатра ея. Рассказывая дѣду и Маріамъ о ея заступничествѣ въ пользу бѣдныхъ колодезниковъ, онъ, какъ любящій отецъ, скрывающій слѣды проступковъ своего сына, ни словомъ не выдалъ того, что тогда слышалъ.

Теперь онъ былъ доволенъ собою. Вопреки всему видѣнному и слышанному, онъ думалъ, что это чудное созданье не могло совершить ничего постыднаго.

Для стараго же Павина она никогда не переставала быть прелестнымъ ребенкомъ, отрадою его очей и радостью его сердца. Онъ съ нѣжной заботливостью смотрѣлъ на ея вздрагиваніе отъ боли лица, а когда она, наконецъ, открыла глаза, отечески ласково ей улыбнулся. Она тотчасъ признала его и Ефрема—это было видно по ея взгляду, но не въ силахъ была даже кинуть головой. Тѣмъ не менѣе, ея выразительное лицо ясно говорило объ ея радостномъ изумленіи. Маріамъ въ третій разъ дала ей лекарство и смочила ея лобъ свѣжающимъ снадобьемъ. Казана широко раскрытыми глазами смотрѣла на нихъ. Она замѣтила озабоченныя лица мужичиъ. Наконецъ ей съ успѣхомъ удалось едва слышно произнести:

— Рана болитъ—а смерть... неужели я умру?

И она вопросительно смотрѣла то на того, то на другаго. Павинъ и Ефремъ охотно скрыли бы отъ нея жестокую правду, но она продолжала:

— Я хочу знать. Умоляю, скажите мнѣ правду!

Маріамъ стояла возлѣ нея на колѣняхъ. Она собралась съ духомъ и отвѣчала:

— Да, бѣдняжка, рана твоя глубока. Но сколько хватитъ моего умѣнья, все будетъ сдѣлано, чтобы какъ можно дольше поддерживать въ тебѣ жизнь.

Въ словахъ этихъ звучало состраданіе, но голосъ пророчицы, повидимому, неприяно поразило раненую. Губы ея болѣзненно дрогнули. Она закрыла глаза и крупныя слезы заструились по ея щекамъ.

Вокругъ царило глубокое, томительное молчаніе. Наконецъ Казана подняла вѣки и, устремивъ на Маріамъ потухшій взоръ, тихо и точно чѣмъ-то озадаченная, проговорила:

— Ты женщина и занимаешься врачевнымъ искусствомъ?

Пророчица отвѣчала:

— Богъ мой повелѣлъ мнѣ заботиться о страждущихъ изъ моего народа.

Въ глазахъ умирающей сверкнулъ тревожный огонекъ. Она громче прежняго и съ увѣренностью, всѣхъ удивившею, сказала:

— Ты—Маріамъ, та, что звала къ себѣ Осю!

— Твоя правда, коротко и смѣло подтвердила пророчица.

Казана продолжала:

— У тебя дивная, властная красота—и ты, конечно, многое можешь. Онъ повиновался твоему голосу, а ты... ты все-таки согласилась быть женою другаго.

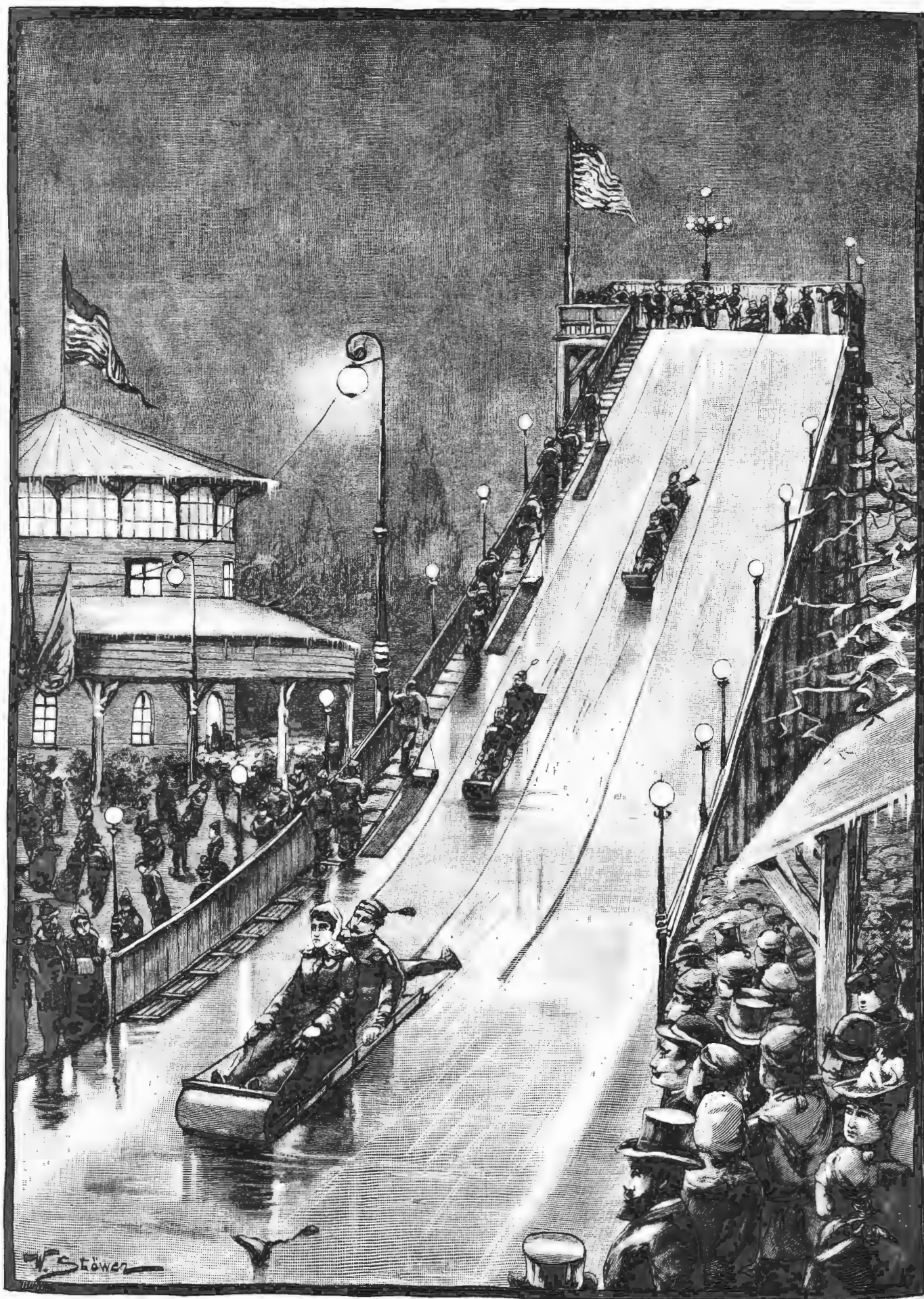
Пророчица вторично, но на этотъ разъ глухо и сдержанно, проговорила:

— Твоя правда.

Умирающая снова закрыла глаза. На губахъ ея заиграла странная, недоумѣвающая улыбка—но не надолго. Казаной скоро овладѣло сильное безпокойство. У ней задрожали пальцы, губы и даже вѣки на закрытыхъ глазахъ, а узкій, гладкій лобъ ея покрывался морщинами, какъ бы подъ гнетомъ непривычной, глубокой думы.

Наконецъ то, что ее смущало, вдругъ какъ бы нашло себѣ исходъ, и она въ страхѣ и тоскѣ заговорила:

— Ты, Ефремъ, почти замѣнилъ ему сына; а ты, старичокъ,—горячо любимый отецъ его. Вотъ вы тутъ стоите и будете жить... А я... я... О, какъ тяжело разставаться съ бѣ-

Ледяныя горы въ Нью-Йоркѣ. Рис. Стёверъ, грав. Пейне.

лымъ свѣтомъ!.. А нубиень поведетъ меня на судъ Оанриса. Мое сердце взвѣсятъ и!..

Она вздрогнула вѣзмъ тѣломъ. Пальцы ея судорожно задвигались. Однако ей скоро удалось совладать съ собою, и она хотѣла продолжать. Но Маріамъ строго запретила ей говорить, такъ какъ это могло ускорить ея конецъ.

Казана собрала всѣ свои силы, долгимъ взглядомъ смѣрила пророчицу съ головы до ногъ и торопливо, насколько хватало голоса, воскликнула:

— Ты хочешь помѣшать мнѣ сдѣлать то, что надо?.. Ты!

Въ этомъ вопросѣ слышалась насмѣшка. Но раненая все-таки приняла къ свѣдѣнію совѣтъ падить свои силы и уже гораздо медленнѣе и спокойнѣе продолжала, точно говоря съ самой собою:

— Я не могу такъ погнѣнуть васъ, шѣтъ! Почему все это случилось?.. Радъ чего я все... все... Если мнѣ предстоитъ это исполнить, я не стану сѣтовать, лишь бы онъ узналъ, какъ было дѣло. Навинъ, добрый, старый Навинъ—вѣдь ты мнѣ еще въ дѣтствѣ подарилъ ягненочка... я его очень любила... И ты, Ефремъ, дитя мое—вамъ... вамъ хочу я все повѣрить!..

Зловѣщій кашель прервалъ ее. Однако она оправилась и снова обратилась къ Маріамъ. Въ голосѣ ея на этотъ разъ звучало такое горькое и несомнѣнное отвращеніе, что всѣ знавшіе ея кроткій нравъ теперь съ трудомъ узнали этотъ голосъ.

— А ты, говорила Казана, — ты, сильная женщина съ мужскимъ голосомъ и врачъ едвобавку — ты отозвала его изъ Таинса, отъ его воинствъ и отъ меня!.. Онъ исполнилъ твою волю. Ты же... ты стала женою другого—и это ужъ послѣ его прибытія... Да! когда Ефремъ пришелъ за нимъ, онъ еще называлъ тебя дѣвой!.. Не знаю, заставитъ ли это страдать Осію... За то знаю шѣто другое, что и хочу сообщить, пока еще не поздно... По слышать это могутъ только тѣ, которые его любятъ!.. Я — понимаешь-ли? — я люблю его, люблю выше всего на землѣ! А ты... у тебя есть мужъ и Богъ, вѣднѣямъ Котораго ты усердно служишь. Ты сама это сказала. Что же тебѣ Осія? И потому, прошу тебя, прошу, оставь насъ! Изовѣсь, съ кѣмъ я встрѣчалась, очень не многие бывали мнѣ неприятны; по ты, твой голосъ, твои глаза... они леденятъ мнѣ сердце — и если ты останешься здѣсь, я не въ силахъ буду говорить какъ слѣдуетъ... а говорить мнѣ, ахъ, какъ трудно! Но прежде чѣмъ уйти — ты вѣдь врачъ — скажи, мнѣ надо знать—я многое еще должна передать имъ передъ смертью... Я умру, если буду говорить?

Пророчица опять не смогла ничего другого ей отвѣтить, кромѣ короткаго:

— Да, навѣрно.

Но на этотъ разъ слова эти вырвались у нея твердо, рѣшительно, и въ нихъ звучало предостереженіе.

Маріамъ колебалась между долгомъ врача въ отношеніи больной и влеченіемъ повиноваться вождь умирающей: но, взглянувъ на старика Навина, прочла въ его глазахъ приглашеніе поступить по желанію послѣдней. Она низко склонила голову и вышла изъ шатра. Но тутъ она вдругъ особенно живо почувствовала горечь, заключающуюся въ словахъ Казаны, и это ей испортило конецъ такъ прекрасно начавшагося дня. Впрочемъ, Маріамъ и впоследствии, гораздо позже, въ теченіе всей своей послѣдующей жизни, никакъ не могла дать себѣ отчета, почему сю, въ присутствіи этой умирающей, внезапно овладѣло сознаніе какъ бы собственнаго уменія и превосходства той.

Когда Казана осталась одна съ дѣдомъ и внукомъ, Ефремъ опустился на колѣна волье ея ложа. Навинъ поцѣловалъ ее въ лобъ и наклонилъ къ ней свою сѣдую голову, чтобы лучше слышать ея тихую рѣчь.

— Теперь мнѣ легче, снова начала она. — Эта рослая женщина... эти мрачныя сросшіяся брови... черные, какъ ночь, глаза... они пылаютъ и въ то же время такъ холодны!.. Эта женщина... Осія любилъ ее? Скажи мнѣ, отецъ, я не изъ пустаго любопытства спрашиваю!

— Онъ почиталъ ее, вмѣстѣ со всѣмъ нашимъ народомъ, отвѣчалъ огорченный старецъ.—У нея высокая душа и съ нею говоритъ Самъ Господь Богъ нашъ. Но ты, моя любимица, съ самаго дѣтства была дорога ему, это я знаю.

Легкій трепетъ пробѣжалъ по всему тѣлу умирающей. Она закрыла глаза и радостная улыбка заиграла на ея губахъ.

Навинъ подумалъ, что смерть уже готова похитить ее. Онъ ваялъ кубокъ съ лекарствомъ и сталъ прислушиваться къ ея дыханію.

Казана, повидимому, ничего не замѣчала. Но, немного спустя, она открыла глаза, вынула лекарство и продолжала:

— Я сейчасъ точно видѣла Осію. Онъ былъ въ боевыхъ доспѣхахъ, какъ въ то время, когда въ первый разъ взялъ меня на руки. Я была такая маленькая, а онъ такой важный—и это меня слегка пугало. Малка рассказывала, что онъ побѣдилъ много враговъ. Его приходъ всегда меня радовалъ, а уходъ печалитъ. Такъ проходили годы, а съ ними вмѣстѣ росла моя любовь. Мое сердце было полно имъ, такъ полно... и тогда, какъ меня выдвали за другого, и постъ, когда я овдовѣла...

Послѣднія слова она произнесла едва слышно и принуждена была немного отдохнуть, потомъ продолжала:

— Осія знаетъ все это, но не знаетъ, какъ я о немъ безпокоилась, когда онъ былъ на войнѣ, и какъ страстно желала его возвращенія. По вотъ онъ вернулся. Съ какою радостью ждала я свиданія съ нимъ! А онъ?.. Эта женщина—мнѣ говорилъ Ефремъ—эта высокая, гордая женщина прислала звать его въ Пнеомъ. Но онъ вернулся—и тогда... О, Навинъ, слышь твой!.. Ахъ, это было самое тяжелое!.. Онъ отказался отъ моей руки, которую ему предлагалъ мой отецъ... О, какъ больно!.. Нѣтъ, я больше не могу!.. Дай мнѣ напиться!

Горькія воспоминанія вызвали краску на ея щекахъ. Опытный старецъ зналъ, что волненіе и усилія, которымъ она себя подвергала, могутъ сократить послѣднія мгновенія ея жизни. Онъ умолялъ ее лежать молча и спокойно. Но Казана непремѣнно хотѣла высказать все, что было у нея на душѣ. Ее терзала отрывистый кашель. Она положила руку на грудь, по продолжала:

— Затѣмъ явилась ненависть — не надолго. Я никогда не любила Осію такъ сильно, какъ ѣдучи въ догонку за несчастнымъ колодникомъ: ты это знаешь, мой мальчикъ. Но тутъ-то и началось то гадкое, отвратительное, самое ужасное... о чѣмъ я непременно должна вамъ сказать, иначе онъ будетъ презирать меня... Я никогда не знала моей матери и волье меня не было никого, кто могъ-бы меня предостеречь и во-время остановитъ... Съ чего-же мнѣ начать? Князь Сиптахъ—ты, конечно, знаешь его, отецъ?—этотъ дурной человѣкъ скоро станетъ правителемъ моей отчины. Мой родитель съ нимъ въ заговорѣ!.. Милосердые боги, я не могу продолжать!

Страхъ и отчаяніе разлились по ея лицу. Ефремъ прервалъ ее и, со слезами на глазахъ, дрожащимъ голосомъ сказалъ, что ему все извѣстно. Онъ повторилъ слышанное имъ въ ея шатрѣ, и она движешемъ глазъ подтвердила его рассказъ.

Въ заключеніе Ефремъ упомянулъ о женѣ верховнаго жреца, Баи, трупъ которой былъ выброшенъ на берегъ. Казана прервала его тихимъ восклицаніемъ:

— Это все она затѣяла, сказала она.—Супругъ ея долженъ былъ сдѣлаться первымъ лицомъ въ странѣ и управлять самимъ фараономъ. Вѣдь Сиптахъ не царскій сынъ.

— Да, вѣднѣямъ Навинъ, чтобы принудить ее къ молчанію и помочь ей въ томъ, что ей еще оставалось досказать.—И жрецъ Баи, который его возвысилъ, такъ же легко можетъ его снова унижить. Сиптахъ еще скорѣе, чѣмъ его предшественникъ, сдѣлается орудіемъ въ рукахъ человѣка провозгласившаго его царемъ. Я хорошо знаю сирину Аарсу и, если не ошибаюсь, настанетъ время, когда онъ, до слухъ нуръ съ помощью своихъ наемщиковъ помогавшій властвовать другимъ, самъ воцарится на развалинахъ терзаемаго внутренними раздорами Египта. Но что побудило тебя, дитя мое, слѣдовать за войскомъ и за этимъ презрѣннымъ сластолюбцемъ?

Глаза умирающей оживились. Этотъ вопросъ приводилъ ее именно къ тому, что она желала рассказать. Она отвѣчала такъ скоро и громко, какъ только дозволяло ея изнеможеніе.

— Я сдѣлала это ради твоего сына, изъ любви къ нему, чтобы возвратитъ Осію свободу. Еще наканунѣ вечеромъ я твердо и рѣшительно отказалась отъ всего, что мнѣ предлагала жена Баи отъ имени князя. Но когда я опять свидѣлась съ твоимъ сыномъ у источниковъ на большой дорогѣ, и когда онъ, Осія... Ахъ, онъ похъ конецъ былъ такъ ласковъ, добръ, такъ нѣжно поцѣловалъ меня!.. И вотъ, вотъ... бѣдное мое сердце!.. Онъ, лучший изъ людей, былъ въ такой страшной бѣдѣ, осужденъ на муки и оскорбленія!.. Когда онъ пошелъ дальше, влача за собою дѣнь, у меня вдругъ зародилась мысль...

— Отважное, безумное, заблудшее дитя!.. воскликнулъ старецъ.—Ты рѣшилась воспламенить сердце царя, чтобы съ его помощью освободитъ моего сына и твоего друга?

Умирающая подтвердила это улыбкой и тихо прибавила:

— Да, да, ради этого и только ради этого! Князь былъ мнѣ такъ противенъ! А стыдъ... а позоръ... о, какъ это было ужасно!

— И ты все это взяла на себя, ради моего сына!.. опять перебилъ старикъ. Онъ поднесъ къ губамъ руку Казаны и оросилъ ее слезами.

Она же, указывая глазами на Ефрема, съ тихимъ рыданіемъ прибавила:

— И о немъ также думала. Онъ такъ молодъ, а жизнь въ рудникахъ такъ тяжела!

Дрожь пробѣжала по ея членамъ. Юноша осыпалъ поцѣлуями ея горячую руку. Она съ любовью смотрѣла на него и на старика Навина.

— Значитъ, все хорошо... едва слышно проговорила она потомъ,—и если боги даруютъ ему свободу...

Ефремъ не далъ ей досказать.

— Мы сегодня же выступаемъ въ рудники! шло воскликнулъ онъ.—Я, дѣдъ и товарищи, мы живо отираемъ его стражниковъ въ иренсподнюю.

— И онъ изъ моихъ собственныхъ устъ, прибавилъ старикъ, — услышитъ, какъ самоотверженно любила его Казана. Всей жизни его не хватитъ на то, чтобы достаточно возблагодарить ее за такую жертву...

У него оборвался голосъ, и онъ не могъ продолжать. Съ лица умирающей исчезло страдальческое выраженіе. Она лежала

молча. Блаженная улыбка играла у нея на губахъ. Но вдругъ на лбу ея выступили легкія морщинки и она тихо сказала:
— Все, все хорошо... Вотъ одно только... Мое тѣло... неблагодарное... безъ священнаго...

Навинь посѣдѣвши успокоить ее.
— Лишь только ты закроешь глаза, я какъ слѣдуетъ обряжу и передамъ тѣло финнійскимъ мореходамъ, которые теперь съ нами здѣсь: они доставятъ его твоему отцу.

Она хотѣла повернуться къ нему и поблагодарить его взглядомъ, но вдругъ обѣими руками схватилась за грудь. Алая кровь выступила у нея на губахъ. Щеки то вспыхивали, то покрывались блѣдностью, и послѣ короткой, мучительной борьбы смерть наложила руку на это любвеобильное сердце. Черты лица приняли спокойное выраженіе. Казана лежала съ видомъ ребенка, которому мать только что отпустила прощупокъ и нѣжно обняла его передъ отходомъ ко сну.

Старецъ горько плакалъ, закрывая ей глаза. Ефремъ, глубоко потрясенный, съ благоговѣніемъ приложился къ ея навѣки сомкнувшимся вѣкамъ. Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ оба молчали.

Наконецъ Навинь сказала:

— Я не люблю толковать о томъ, что насъ ожидаетъ по ту

сторону могилы: самъ Моисей этого не знаетъ. Но, кто, умирая, оставляетъ по себѣ трогательное воспоминаніе въ сердцахъ тѣхъ, кого онъ любилъ,—тотъ, я полагаю, и послѣ смерти продолжаетъ жить. Часы воспоминанія о нынѣ отшедшей будутъ самыми свѣтлыми въ нашей жизни. Поступимъ съ ея тѣломъ такъ, какъ мы ей обѣщали, а затѣмъ впередъ... на выручку того, кому Казана принесла себя въ жертву, и докажемъ, что мы любимъ его не меньше, чѣмъ эта египтянка!

Судъ Озириса и взвѣшваніе сердца умершей.

(Продолженіе будетъ).

Къ рисункамъ.

Могила Т. Г. Шевченка близъ Канева.

(Рис. на стр. 233).

Года за два до смерти, Шевченко пріѣхалъ изъ Петербурга на побывку въ Малоросію, и видъ родныхъ мѣстъ навелъ его на мысль купить на Дибирѣ клочекъ земли, выстроить на немъ хату, жениться и жить тихо, мирною жизнью. Вернувшись въ Петербургъ, онъ велъ объ этомъ цѣлую переписку съ братомъ, приготовить и послать деньги на покупку земли. Мѣсто для хаты было выбрано на берегу родной рѣчки, въ Кіевской губ., между городомъ Каневымъ и селомъ Пекарями, Черкаскаго уѣзда. На этомъ-то мѣстѣ и былъ преданъ землѣ два года спустя прахъ его, перевезенный со Смоленскаго кладбища въ Петербургъ, въ апрѣлѣ 1861 года. Высокая насыпь на берегу Дибира, обложенная камнями, и на ней большой крестъ—такова могила Шевченка. Съ одной стороны—зарѣчная даль, съ другой—склоны холмовъ, покрытые лѣсомъ.

Весенняя ярмарка въ Ярославлѣ. (Рис. на стр. 236).

Хотя ярмарки въ настоящемъ смыслѣ слова въ Ярославлѣ не учреждено, но издавна завелось обычаемъ, что съ 5 по 20 марта въ городѣ ежегодно съѣзжаются торговцы съ разною посудомъ и деревянными издѣліями (преимущественно колесами), причѣмъ производится торговля и другими предметами.

Сочувствіе. (Рис. на стр. 237).

Бѣдныя крошки!.. Старшіе, въ хлопотахъ трудовой жизни, забыли объ нихъ—и вотъ имъ, набѣгавшимъ и пагулявшимъ, поневолѣ пришлось дожидаться у запертой двери, пока вернется домой кто-нибудь изъ *болышихъ*. Двое уже заснули отъ скуки, а можетъ-быть и отъ голодной усталости. Только старшая сестренка бодрствуетъ за вѣхъ съ вѣрнымъ товарищемъ итръ, который сочувственно смотритъ ей въ глаза, согрѣвая своей теплою мордой и шей забѣднаго мальчугана.

Баловень семьи. (Рис. на стр. 241).

Онъ только что проснулся и прямо изъ колыбельки охотно пошелъ на руки къ дѣду, котораго узналъ сразу, потому что этотъ всегда одинаковъ, а тѣ—другія—къ нимъ надо присматриваться; у нихъ что ни день, то и на головѣ, и на рукахъ, и всюду что-нибудь новое и совсѣмъ другаго цвѣта чѣмъ вчера... И малютка серьезно тарачитъ глазенки. Но вотъ одна изъ дамъ дѣлаетъ ему *козу*—и по этому несомѣнному признаку онъ узнаетъ младшую тетю, къ несказанному торжеству прочіихъ и въ особенности бывшей его кормилицы, а теперь няньки, которая въ сторонкѣ болѣе всѣхъ любитъ общимъ баловнемъ... Вся эта семейная сцена чрезвычайно тепло передана художникомъ.

Свѣжая рыба. (Рис. на стр. 244).

Сегодня рыбакамъ особенно повсчастливилось на взморьѣ: съѣли два усѣвкали закидывать. Красавица-рыбачка несетъ цѣлую корзину мелкой морской рыбы и особо, въ видѣ главнаго трофея ловли, громадную камбалу—тюрбо, которая даже на мѣстномъ рынкѣ цѣнится довольно высоко сравнительно съ прочемъ. Денежъ выдался на рѣдкость!

Изъ смутнаго времени. Служка на стражѣ.

(Рис. на стр. 245).

За выступомъ угловой башни, прислонившись къ стѣнѣ, сложенной изъ грубо тесаннаго камня, стоитъ насторожъ монашескаго служка, и съ вершины холма смотритъ въ долину—

не подступаютъ-ли откуда врагъ? Не крадется-ли его передовой полкъ къ обители?.. Обмотавъ правую руку четками, онъ, лѣвою рукою, оперся на бердышъ.—всегда готовый на защиту святой обители и на кровавый бой съ врагомъ. Не знаетъ онъ ни усталости, ни сна, ни покоя.—онъ только однимъ озабоченъ: „да не придетъ врагъ во пощѣ!“ Давно уже разстался онъ съ миромъ, давно отказался отъ всѣхъ благъ и соблазновъ его, и живеть однимъ помысломъ о томъ, чтобы сберечь свою тихую пристань отъ всякихъ напастей. Здѣсь онъ нашелъ себѣ успокоеніе, здѣсь заживо похоронилъ себя, назначивъ себѣ и могилу на братскомъ кладбищѣ; здѣсь лежитъ онъ гостями за домъ Св. Угодниковъ, не уступаая ни пяди земли врагу, которому онъ представляется грозѣе и тверже каменной ограды, окружающей обитель.

Ледяныя горы въ Америкѣ. (Рис. на стр. 249).

Въ Западной Европѣ и въ Америкѣ почти совсѣмъ не знаютъ о катаньи съ ледяныхъ горъ, хорошо извѣстныхъ каждому русскому. Ничто подобное стало развиваться въ послѣднее время въ Америкѣ, откуда успѣло уже перейти въ Англійю, Голландію и Швейцарію. Это „Tobogganing“ или катанье со свѣговъ горъ, перенятое у краснокожихъ Сѣверной Америки. Особеннымъ распространеніемъ tobogganing пользуется въ Канадѣ, гдѣ для того употребляютъ высокіе холмы, покрытые свѣгомъ, съ пологимъ уклономъ, иногда въ 2 и 3 версты. Въ Нью-Йоркѣ съ тою-же цѣлью построены искусственныя горы, покрытыя свѣгомъ и облитыя въ морозъ водою. Съ этихъ ледяныхъ или, правильнѣе, свѣговъ горъ скатываются на деревянныхъ разной длины доскахъ, загнутыхъ спереди. Иногда на одномъ toboggan помѣщается до 12 человекъ, съ быстротою молніи несущихся по скользкой поверхности горы.

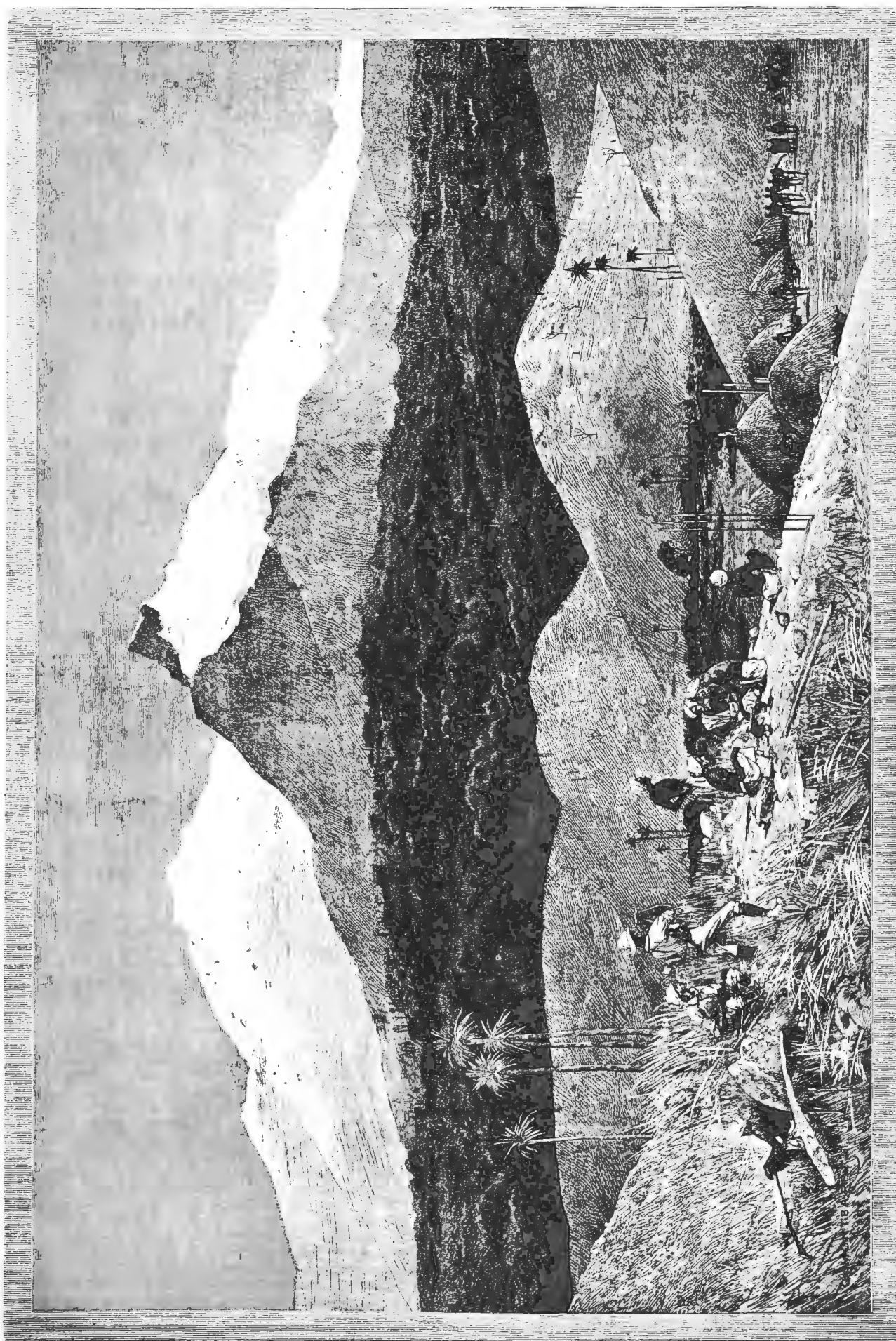
Лунныя горы въ Средней Африкѣ, открытыя экспедиціей Станлея. (Рис. на стр. 252).

Въ числѣ новыхъ географическихъ открытій, произведенныхъ экспедиціей Станлея въ Средней Африкѣ, весьма интересною горной хребетъ Рувензори, возвышающійся надъ долиною рѣки Земники, близъ озера Альбертъ-Нганца. Станлей считаетъ эти горы тождественными съ тѣми, что въ древности назывались „Лунными“. Названіе это упоминается Шибединомъ, арабскимъ географомъ XV вѣка, который говоритъ, что истоки Нила находятся именно въ этихъ горахъ, недалеко южнѣе экватора. Теперь это извѣстіе вполне оправдалось на дѣлѣ, по крайней мѣрѣ относительно западной вѣтви Верхняго Бѣлаго Нила.

Лейтенантъ Стерсъ, восходившій на Рувензори до 10,677 футовъ высоты 6 іюня 1889 г., изобразилъ Лунныя горы на прилагаемомъ рисункѣ и даетъ слѣдующее описаніе:

Горы эти представляютъ великолѣпное зрѣлище, когда проходишь мимо нихъ подошвы: глубокія темныя долины уходятъ вверхъ изъ-за окружающихъ ихъ лѣсовъ у подножій горъ. Отличительную черту всего хребта составляютъ холмообразныя вершины: въ южной части хребта онѣ почти неизмѣнно имѣютъ коническую форму съ весьма крутыми склонами (нѣкоторые до 45°). Снизу до высоты 6,000—7,000 футовъ они покрыты обыкновеннымъ лѣсомъ; выше до 10,000 футовъ его замѣняетъ густая чаща бамбука; еще выше на 1,500 футовъ растутъ лѣсные кустарники, а далѣе голая скала до вершины. Высочайшая точка хребта—около 17,000 футовъ, при 2,000 футовъ выше свѣговой линіи.

Страна у подножій горъ принадлежитъ къ плодороднѣйшимъ. Бананы и другіе плоды—главные туземные продукты. Общая длина хребта около 90 миль.

Руензори или „Лунная горы“ в Средней Африкѣ, открытыя Станлеемъ вь послѣдней его экспедиціи.
Съ наброска поручика Стерса, у стника экспедиціи.

Бездымный порохъ. (Рис. на этой стр.).

Одинъ изъ сотрудниковъ *Nature*, Поль Жеръ, снялъ прилагаемые два моментальные снимка съ залповъ обыкновеннымъ и такъ-называемымъ бездымнымъ порохомъ, который составляетъ злѣбу дна во всѣхъ европейскихъ арміяхъ.

Разница между залпами поразительная и бросается въ глаза безъ всякихъ комментариевъ.

При стрѣльбѣ обыкновеннымъ порохомъ густое дымное

труднолюбивыхъ и полезныхъ своихъ дѣятелей. 30 января, въ Кіевѣ, въ профессорской читальнѣ, незадолго до факультетскаго засѣданія, скончался отъ апоплексическаго удара Георгій Дмитріевичъ Сидоренко, ординарный профессоръ университета Св. Владиміра, гласный Кіевской городской думы и управляющій Кіевского городского кредитнаго общества. Всю жизнь свою онъ посвятилъ упорному труду, былъ прекраснымъ педагогомъ и уважаемымъ общественнымъ дѣятелемъ. Докторъ политической экономіи и статистики, д. с. с. Георгій Дмитріевичъ Сидоренко, мѣщанинъ по происхожденію, родился въ г. Ижмѣ въ апрѣлѣ 1832 года и первоначальное образованіе получилъ въ мѣстномъ уѣздномъ училищѣ. Когда въ половинѣ сороковыхъ годовъ профессоръ Кіевского университета Алексѣй Ивановичъ Ставровскій ревизовалъ это училище, ему очень понравились бойкіе отвѣты Сидоренко, считавшагося однимъ изъ

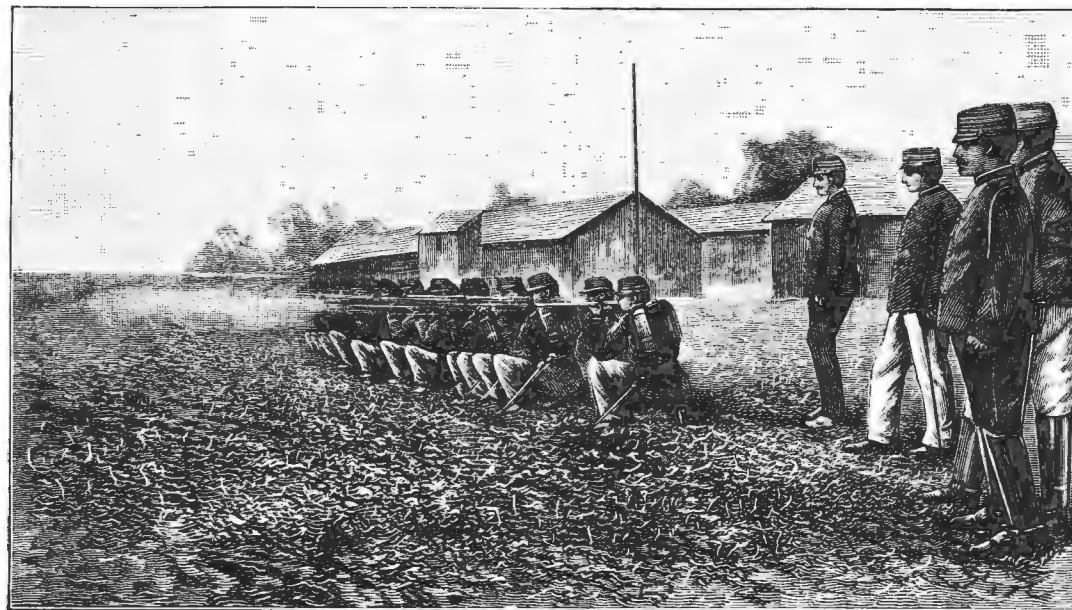

Залпъ обыкновеннымъ порохомъ. Моментальная фотографія П. Жера.

облако сначала выскакиваетъ далеко впередъ, потомъ отступаетъ на стрѣлковъ и совершенно ихъ окутываетъ. Бездымный порохъ даетъ лишь въ первый мигъ легкую дымку, которая немедленно разсѣивается. Да и въ первый мигъ дымка эта на разстояніи полутора шаговъ уже незаметна.

Послѣдствія новаго изобрѣтенія очевидны. Прицѣльная

рѣвничъ Сидоренко, мѣщанинъ по происхожденію, родился въ г. Ижмѣ въ апрѣлѣ 1832 года и первоначальное образованіе получилъ въ мѣстномъ уѣздномъ училищѣ. Когда въ половинѣ сороковыхъ годовъ профессоръ Кіевского университета Алексѣй Ивановичъ Ставровскій ревизовалъ это училище, ему очень понравились бойкіе отвѣты Сидоренко, считавшагося однимъ изъ

Залпъ бездымнымъ порохомъ. Моментальная фотографія П. Жера.

стрѣльба станетъ вѣрнѣе, такъ какъ дымъ не будетъ мѣшать прицѣлу. Съ другой стороны, неприятелю не по чѣмъ будетъ цѣлить, такъ какъ присутствіе стрѣлковой цѣли на известномъ разстояніи обличается только дымками ихъ выстрѣловъ. И наконецъ, движенія частей войска позади линіи стрѣлковъ, совершенно до сихъ поръ невидимыя неприятелю за дымомъ, теперь будутъ у него какъ на ладони. Все это неминуемо поведетъ за собой измѣненія въ самой тактикѣ боя.

Г. Д. Сидоренко. (Портр. на стр. 256).

Отечественная наука недавно потеряла одного изъ весьма

лучшихъ учениковъ, и онъ ходатайствовалъ передъ учебнымъ начальствомъ о переводѣ Сидоренка во 2-ю кіевскую гимназію и о принятіи его на общую ученическую квартиру на полное содержаніе. Оправдавъ рекомендацію, Сидоренко кончилъ гимназическій курсъ съ золотою медалью и съ правомъ на чинъ XIV класса за особенныя успѣхи въ греческомъ языкѣ. Изъ гимназіи онъ поступилъ въ университетъ Св. Владиміра, на историко-филологическій факультетъ, также на казенный счетъ, и въ 1856 г. окончилъ образованіе, получивъ степень кандидата. Почетный членъ Кіевского учебнаго округа, по представленію университетскаго совѣта, оставилъ Сидоренка при

университетѣ для преподаванія, подѣ руководствомъ профессора Н. Х. Бунге, политической экономіи и для пригласенія къ ученой степени. При этомъ Сидоренко былъ причисленъ къ учебному персоналу гимназій Белоцерковской, а затѣмъ Кіевской. Въ 1858 году за свою диссертацию „Торго. Политико-экономическое ученіе его въ теоріи и въ практическомъ примѣненіи“, онъ получилъ степень магистра политической экономіи и статистики, а въ мартѣ слѣдующаго года былъ командированъ съ ученою цѣлью, на два года, за-границу, откуда онъ посылалъ статьи въ разные періодическія изданія, напечатаны, между прочимъ, въ *С.-Петербургскихъ Ведомостяхъ* интересный очеркъ „Эпизодъ изъ финансовой исторіи Австріи“. За-границей Сидоренко слушалъ лекціи въ Гейдельбергѣ, Лейпцигѣ и Парижѣ, работая подѣ руководствомъ нѣмецкихъ экономистовъ Вильгельма Рошера, Роберта Моля, Карла Рау, правовѣда Арена и знаменитаго Лабутэ въ Парижѣ. По возвращеніи въ отечество, Сидоренко былъ избранъ въ 1861 году исправляющимъ должность адъюкта юридическаго факультета, по кафедрѣ законовъ о государственныхъ повинностяхъ и финансахъ, а затѣмъ и секретаремъ факультета. Въ слѣдующемъ году онъ исправлялъ должность экстраординарнаго профессора по занимаемой имъ кафедрѣ. Когда съ 1863 г. студенты юридическаго факультета впервые стали слушать лекціи политической экономіи по университетскому

уставу 1863 г., Сидоренко читалъ этотъ предметъ за отсутствіемъ профессора по кафедрѣ политической экономіи. Въ 1867 и въ 1873 гг. онъ былъ избираемъ деканомъ юридического факультета на соответственныя трехлѣтія. По полученіи степени доктора политической экономіи, въ 1869 году, онъ былъ утвержденъ ординарнымъ профессоромъ. Какъ только открылась въ Кіевѣ городская дума по новому положенію 1870 года, Сидоренко былъ избранъ въ члены и съ этого времени принималъ живѣйшее участіе въ рѣшеніи вопросовъ городского хозяйства. Благодаря своей усердной дѣятельности по городскому общественному управленію, онъ пользовался среди кіевлян достаточной извѣстностью. Еще въ 1866 году Сидоренко былъ избранъ судьей университетскаго суда и оставался имъ по 1868 г., затѣмъ онъ былъ снова избранъ кандидатомъ на должность судьи того же суда, а въ 1881 году избранъ его председателемъ и занималъ эту должность до послѣдняго времени. Въ томъ же году, по выслугѣ установленнаго срока, оставленъ при университетѣ еще на пять лѣтъ. Кромѣ магистерской и докторской диссертаций („Значеніе рекрутской повинности въ ряду системъ формировавія и комплектованія войскъ“), покойный профессоръ печаталъ статьи въ *Кіевлянинѣ*, *Сборникѣ Государственныхъ знаній* и друг. изданіяхъ столичныхъ и провинціальныхъ.

П. Б.

Библиографія.

Святотыпые рассказы. Вас. Пемировича-Данченко. СПб. 1890. Цѣна 2 рубля.

Новая книга талантливаго нашего писателя, вмѣстѣ съ недавно изданными имъ романомъ „Монахъ“ и рассказами „Незамѣтные герои“, несомнѣнно принадлежитъ къ лучшимъ и наиболѣе поэтическимъ его произведеніямъ. Въ этомъ родѣ, гдѣ сверхъ поэтическаго чутія, умѣнья затрогивать самыя неувольнимыя струны души человѣческой, необходима еще и блестящая фантазія, у нашего автора мало соперника еще въ русской литературѣ. Прочтите, наиримѣрь, его „Щелы“ — трогательный рассказъ о судьбѣ двухъ бѣжавшихъ мальчиковъ, „Забитый рудникъ“, гдѣ въ подземной тѣмѣ совершается одинъ изъ величайшихъ катаклизмовъ и въ его рамкѣ идетъ рядомъ написанная широкою кистью драма борьбы нѣсколькихъ человѣкъ противу слѣпыхъ силъ природы. А

рассказъ о Смерти королевскаго цѣвца (Воскресшая пѣвица) — такъ уже не пишутъ нынче. Для такихъ страницъ надо хранить въ душѣ неизсякаемый источникъ вдохновенія. И какое „письмо“ у Пемировича-Данченко! Какъ изображена имъ природа: въ его „Чумѣ“, „Горномъ рыцарѣ“ — ее видишь съ ея свѣто-тѣнью, съ ея рельефами, обоняешь запахъ ея цвѣтотвъ, слышишь шумъ ея лѣсовъ и волкъ. Въ „Трѣфовомъ королѣ“ — слышь мальчишка, пошавшаго въ карточное царство, — авторъ съ тонкимъ юморомъ рассказываетъ подробности бубноваго туза въ колодѣ картъ. Мы искренно привѣтствуемъ появленіе этой книги „Святотыпые рассказы“, какъ „Монахъ“ и „Незамѣтные герои“, изданы издѣнціо на прекрасной бумагѣ. Наружность книги въ этомъ отношеніи вполне соответствуетъ ея содержанию.

Л. С.

Политическое обозрѣніе.

Въ началѣ марта въ Берлинѣ соберется конференція по вопросамъ объ упорядоченіи работы въ промышленныхъ заведеніяхъ и на горныхъ заводахъ. Имѣя въ *Имперскомъ Указѣ* напечатано содержаніе бумагъ, посланныхъ, по повелѣнію императора Вильгельма, германскимъ посламъ въ Лондонъ, Парижъ, Римъ и Вѣну, а также посланникамъ въ Берлинъ, Брюссель и Гагъ, Консентагенъ и Стокгольмъ, для передачи соответственнымъ правительствамъ бумаги эти касаются нававшей конференціи. Въ означенныхъ документахъ выражено, что такъ какъ вопросы эти не имѣютъ политическаго значенія, то они, повидимому, могутъ быть сперва подвергнуты обсужденію специалистовъ. Программа конференціи обнимаетъ вопросы объ упорядоченіи работы на горныхъ заводахъ, воскресной работы, работы дѣтей, молодыхъ людей и женщинъ. Отдѣльные вопросы перечислены съ величайшею подробностью. Заключительными вопросами являются слѣдующіе: 1) надо ли сдѣлать постановленія относительно выполненія тѣхъ правилъ, которыя будутъ вырабатаны конференціей, и относительно надзора за ихъ выполненіемъ? 2) слѣдуетъ ли созывать и въпредъ конференціи представителей заинтересованныхъ державъ и какія задачи, въ такомъ случаѣ, нужно ставить слѣдующимъ конференціямъ?

Многія газеты, отмѣчая отсутствіе на предстоящей конференціи Россіи (которой нѣтъ никакого дѣла до такъ-называемаго рабочаго вопроса) и Соединенныхъ Штатовъ, сомнѣваются, чтобы конференція привела къ какому-либо практическимъ результатамъ.

Къ подобному заключенію приходится, наиримѣрь, Жюль Симонъ, указывая, что во Франціи республиканское правительство является противникомъ государственнаго социализма. Тѣмъ не менѣе, почти всѣ приглашенныя правительства изъявили свое согласіе на участіе въ конференціи. Но нѣкоторыя изъ державъ, собирающихся участвовать въ берлинской конференціи, особенно же Франція, дадутъ своимъ представителямъ лишь ограниченныя полномочія, такъ что если на конференціи будутъ подняты извѣстные вопросы, представители заявятъ, что не уполномочены принять участіе въ ихъ обсужденіи.

Такимъ извѣстными вопросами можетъ быть требованіе Ванъ-Пула, сдѣланное имъ въ бельгійскомъ сенатѣ, чтобы на берлинской конференціи бельгійское правительство внесло предложеніе объ общемъ разоруженіи. Требованіе это вызвало въ свое время одобренныя возгласы на всѣхъ скамьяхъ сената.

На ряду съ предстоящею конференціей Германія сильно занята результатами перебаллотировокъ въ рейхстагъ. Результатъ этотъ уже теперь сводится къ тому, что рядомъ съ пораженіемъ правительственныхъ партий картели и особенно національ-либераловъ, равно и съ побѣдой социалистовъ, число которыхъ превышаетъ 36, одержаны удивительные успѣхи свободомыслящими, которые, вмѣсто прежнихъ 32 мѣстъ въ рейхстагѣ, будутъ располагать 70-ю. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ Берлинѣ сильно озабочены вновь появившимися слухами объ удаленіи князя Бисмарка отъ дѣлъ. Изъ вполнѣ благонадежнаго источника сообщаютъ, что произошелъ конфликтъ между имперскимъ канцлеромъ и бывшимъ воспитателемъ императора Гинццетеромъ. Имперскій канцлеръ предъявилъ нѣчто въ родѣ ультиматума, онъ требуетъ удаленія Гинццетера. Желаніе имперскаго канцлера будетъ, вѣроятно, исполнено. Но черезъ нѣсколько дней изъ Вѣны сообщили въ *Times*, что удаленіе князя Бисмарка въ частную жизнь — дѣло рѣшенное. Онъ вынужденно останется въ должности до тѣхъ поръ, пока не будетъ рѣшенъ вопросъ о будущемъ устройствѣ имперской канцеляріи. Полагаютъ, что на збѣто имперской канцеляріи будетъ учреждено нѣсколько самостоятельныхъ министерствъ. Въ Берлинѣ это телеграфікою извѣстено изъ Вѣны въ *Times* относятся къ числу тѣхъ многочисленныхъ слуховъ, которые, не имѣя никакого фактическаго основанія, производятъ, однако, тревожное впечатлѣніе въ биржевыхъ кружкахъ.

Въ Парижѣ министерство только что пережило внутренній кризисъ. Вслѣдствіе личныхъ разногласій съ г. Тираромъ на бывшемъ 17 февраля утромъ совѣтѣ министровъ г. Констанъ подаль во отставку. Послѣ полудня онъ поѣхалъ въ Елисейскій дворецъ и вручилъ президенту республики прошеніе объ отставкѣ. Принятое г. Констаномъ рѣшеніе вызвало въ коридорахъ палаты большое удивленіе и многочисленныя толпы. Республиканцы единогласно сожалѣютъ объ отставкѣ г. Констана. Разногласія вызваны были тѣмъ, что совѣтъ министровъ рѣшилъ на постъ старшаго президента кассационной палаты назначить политическаго дѣятеля, а не лицо судебнаго вѣдомства. Гг. Тевенъ и Констанъ предлагали именно такое лицо, тогда какъ гг. Тираръ и Рувье требовали назначенія политическаго дѣятеля. При этомъ гг. Тираръ и Констанъ обмѣнялись рѣзкими словами, вслѣдствіе чего послѣдній заявилъ, что выйдетъ въ отставку. Министромъ внутреннихъ дѣлъ назначенъ г. Буржуа, депутатъ отъ департамента Марны. Черезъ 2 дня въ палатѣ Дрейфусъ внесъ запросъ о причинахъ

отставил г. Константа и потребовал, чтобы правительство ясно изложило свою политику. Г. Тирарь ответил, что правительство держится все той-же программы и попрежнему желает единения республиканцев и устранения всяких раздражающих вопросов; в дѣлѣ о реформах правительство намѣрено и впредь слѣдовать чисто республиканской политикѣ. Въ заключеніе ораторъ предложилъ палатѣ опредѣленно высказаться по вопросу о довѣрїи къ кабинету. Послѣ многочисленныхъ рѣчей палата, большинствомъ 249 голосовъ противъ 200, вотировала одобренную министерствомъ формулу перехода къ очереднымъ дѣламъ, гласящую, что палата довѣряетъ правительству и убѣждена, что оно будетъ попрежнему слѣдовать чисто республиканской политикѣ согласно желаніямъ страны. Подобная побѣда министерства, всего 49 голосами, наводитъ на мысль, что положеніе министерства въ Парижѣ не прочно.

По извѣстіямъ изъ Константинополя, отъ 15 февраля, армянскій патріархъ Анникіанъ вручилъ Поргѣ, при особой потѣ, пространный докладъ объ армянскихъ дѣлахъ. Докладъ составленъ церковнымъ совѣтомъ и подписанъ архіепископами

и высшими духовными особами. Указывая на ненормальное положеніе, въ которое поставлено армянское населеніе вслѣдствіе дурнаго управленія властью и частыхъ набѣговъ курдовъ, церковный совѣтъ настоятельно проситъ султана пенонитить, вмѣстѣ съ другими уступками, двѣ слѣдующія главныя просьбы: возстановить въ полномъ объемѣ привилегіи армянской церкви и ввести реформы, предусмотрѣныя берлинскимъ договоромъ. Великій визирь обѣщавъ немедленно представить этотъ докладъ султану.

Относительно положенія дѣлъ на островѣ Критѣ, если вѣрить Агентству Рейтера и заявленію въ палатѣ общинъ сэръ-Джемса Фергюссона, грабежи и насилія, повидимому, вообще прекратились, но въ городахъ распространяются возмутительныя сообщенія, въ томъ числѣ неосновательныя жалобы на жестокость войскъ. Вернувшихся на родину бѣглецовъ оставляютъ въ покоѣ, только 16-ти изъ нихъ возвращеніе запрещено. Общее положеніе дѣлъ возбуждаетъ большія надежды на полное успокоеніе. Не таковы сообщенія итальянскихъ газетъ, пророчащихъ въ недалекомъ будущемъ снова возбуденіе на островѣ.

Разныя извѣстія.

Военное и морское дѣло.

— По случаю кончины начальника Терской области и наказанаго атамана Терскаго казачьяго войска, генералъ-лейтенанта А. М. Сибкалова, вдова покойнаго, Е. М. Сибкалова, 4 февраля, удостоилась получить отъ Ея Величества Государыни Императрицы телеграмму слѣдующаго содержанія:

«Не могу высказать вамъ всей Моей скорби по поводу столь жестоко поразившаго васъ великаго несчастія; примите выраженіе почтительнаго Моего сочувствія и живаго участія, которое Государь и Я принимаемъ въ вашемъ горѣ.»

МАРИЯ.

— 20 февраля, въ воспоминаніе тридцатипятилѣтней годовщины обороны Севастополя, въ 6 часовъ вечера, въ каютъ-компаниі 8-го флотскаго экипажа состоялся обѣдъ севастопольцевъ, на который собралось около 50 лицъ, участниковъ севастопольской обороны. Во время обѣда игралъ хоръ музыки 8-го флотскаго экипажа и пѣлъ хоръ пѣвчихъ. На обѣдѣ присутствовалъ Е. Н. В. Вел. Кн. Михаилъ Николаевичъ, который и провозгласилъ первый тостъ за Государя Императора.

— Въ Одессѣ получены свѣдѣнія, что въ Нью-Кастлѣ недавно производилось испытаніе паровой силы строящагося на заводѣ „Гаутона Лесля и Коми.“ новаго парохода Добровольнаго флота „Орель“. При этомъ оказалось, что новый пароходъ дѣлаетъ 17 съ небольшимъ узловъ въ часъ. Управленіе Добровольнаго флота обѣщало выдать строителямъ премію въ 500 фунт. стерл., если строящийся пароходъ будетъ дѣлать по 19 узловъ въ часъ. Вслѣдствіе этого, владельцы завода рѣшились добиться преміи и приступили къ передѣлкѣ.

— 14 февраля, на Кронштадтскомъ Маломъ рейдѣ было произведено, посредствомъ пороховнаго, нѣсколько взрывовъ для уничтоженія большихъ камней, оказавшихся послѣ произведеннаго въ навигацію 1889 года углубленія. Взрывомъ уничтожено два большихъ камня.

— Въ Балаклавѣ въ апрѣлѣ начнутся работы по извлеченію изъ воды двухъ английскихъ пароходовъ, затонувшихъ еще во время Крымской войны.

Финансы.

— Всѣхъ государственныхъ доходовъ съ 1 января по 1 декабря 1889 года поступило 817,000 милл. р., болѣе въ сравненіи съ поступлениями за то же время 1888 г. (788,438

милл. руб.) на 28,556 милл. руб. Въ частности обыкновенныхъ доходовъ поступило въ 1889 г. 801,225 милл. руб., сравнительно съ поступлениями обыкновенныхъ доходовъ въ счетъ смѣты 1888 г. (763,811 милл. руб.) болѣе на 37,414 милл. руб., и чрезвычайныхъ 15,869 милл. руб., противъ поступившихъ въ 1888 г. (3,921 милл. руб.) болѣе на 11,948 милл. руб.

Промышленность и сельское хозяйство.

— 18 февраля, въ Москвѣ, въ эскриптаузѣ, открылась XI очередная выставка птицеводства, устроенная состоящимъ подъ Высочайшимъ Государыни Императрицы покровительствомъ Моск. Обществомъ любителей птицеводства.

— Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ замѣчается постепенное уменьшеніе производительности паровыхъ мукомольныхъ мельницъ въ Одессѣ. Въ 1880 году сумма производства всѣхъ мельницъ въ Одессѣ опредѣлялась въ 9,930,847 р., а къ 1890 году она упала до 3,000,000 р., т. е. на 70 процентовъ. Эта поразительная разница въ производствѣ муки произошла, главнымъ образомъ, отъ уменьшенія разбра гребованій на нее со стороны какъ внутреннихъ, такъ и вѣнскихъ рынковъ.

— Крахмальное производство въ Одессѣ находится въ настоящее время въ сильномъ упадкѣ. Изъ существующихъ въ городѣ двухъ крахмальныхъ фабрикъ одна недавно закрылась, а на другой дѣла идутъ очень тихо. Главная причина невыгодности производства крахмала заключается въ томъ, что русскія фабрики не въ состояніи конкурировать съ иностранными, продающими крахмаль значительно дешевле.

Торговля.

— Крещенская ярмарка въ гор. Сызрани продолжалась въ нынѣшнемъ году въ теченіе двухъ недѣль, начиная съ 6 января. Съѣздъ народа на ярмарку былъ незначителенъ. Было привезено товаровъ всего на сумму 216,058 р., менѣе противъ прошлаго года на 2,872 р., и продано на 53,231 р., менѣе прошлагодняго на 12,739 р. Вообще торговля на ярмаркѣ годъ отъ года падаетъ, привозъ и сбытъ товаровъ все становится менѣе.

— Управленіемъ юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ заключено недавно условіе съ фирмою Гуго Лютеръ и Эдмундъ Гаррисъ относительно постройки зерноподъема на станціи Одесса-Застава. Зданіе зерноподъема будетъ состоять изъ двухъ корпусовъ, емкостью по 80 тысячъ четвертей каждый.

С м ѣ с ь .

Ловное воровство. Лордъ Весселей, англійскій посланникъ въ Петербургѣ въ началѣ тридцатыхъ годовъ, однажды поспорилъ съ графомъ Зубовымъ о томъ, которые изъ карманныхъ воровъ искуснѣе: англійскіе или русскіе. Лордъ отдавалъ преимущество первымъ, а графъ его оспаривалъ и въ заключеніе побился объ закладъ, что петербургскіе воры, днемъ, на улицѣ украдутъ съ груди лорда всѣ ордена, а онъ этого и не замѣтитъ. Пусть только лордъ,

со всѣми своими регалиями, три дня подрядъ прогуливается отъ двѣнадцати до часу пополудни.

Такимъ образомъ предупрежденный, лордъ Весселей вышелъ на прогулку, съ твердой рѣшимостью не поддустать къ себѣ близкаго никого подозрительнаго. Едва сдѣлалъ онъ нѣсколько шаговъ, какъ его остановилъ какой-то рабочій и, что-то объясняя ему, указывать наверхъ. Съ крыши, на веревкѣ, висѣла черешня, въ

знакъ того, что тамъ происходить работы. Лордъ взглянулъ наверхъ, а рабочій къ нему подступилъ. Англичанинъ мгновенно заподозрилъ въ немъ вора и отстранилъ его отъ себя. Лицо рабочаго выразило досаду, а лордъ со смѣхомъ продолжалъ прогулку. Немного спустя, къ нему привязались нищія дѣти и неотступно просили милостыни. Пока лордъ ихъ удовлетворялъ, на него стали наступать пьяный. Но лордъ былъ насторожѣ и ловко увернулся. Пьяный, шатаясь, пошелъ дальше, но скоро пересталъ шататься и пошелъ обыкновеннымъ шагомъ.

„Ага“, подумалъ лордъ, „это была вторая попытка“.

Дальше, англичанинъ наткнулся на кучку зѣвакъ вокругъ извозчика, который спорилъ съ сѣдокомъ. Ему пришлось протискиваться сквозь толпу. Сѣдокъ обсыпалъ бранью извозчика и, какъ бы лица защиты, приблизился къ лорду.

— Нумеръ третій! прошепталъ тотъ и опять уклонился. Но вотъ пришло время, прогулка кончилась, и лордъ вернулся домой, со всеми своими орденами въ цѣлости.

Вечеромъ онъ встрѣтился въ англійскомъ клубѣ съ Зубовымъ и со смѣхомъ рассказалъ ему о неудачныхъ попыткахъ надъ нимъ уличныхъ воровъ. Графъ казался раздосадованнымъ.

— Ну, посмотримъ, что еще придумаютъ они завтра, замѣтилъ лордъ на прощанье.

— Вижу, милордъ, что вамъ не легко озадачить, въ раздумьѣ проговорилъ Зубовъ.

На слѣдующій день лордъ замѣтилъ, что вокругъ него опять снова много подозрительныхъ личностей. Одинъ прилично одѣтый мужчина, подавая ему шелковый платокъ, учтиво освѣдомился: не онъ ли обронилъ его. Русский, красивый юноша неотступно навязывалъ ему англійскія книги и гравюры. Лордъ, страстный любитель рѣдкихъ изданій, дѣйствительно, чуть не увлекся желаніемъ приобрести одинъ экземпляръ, но во-время спохватился и съ улыбкой отстранилъ отъ себя навязчиваго продавца. Въ нижнемъ этажѣ одного дома, мимо котораго онъ проходилъ, вдругъ разбилось окно. Звонъ падающаго стекла заставилъ лорда оглянуться. Въ окнѣ стоялъ ребенокъ въ очевидной опасности вывалиться на улицу: онъ отъ страха метался и громко кричалъ. Лордъ бросился къ нему на помощь, но вдругъ замѣтилъ веревку (хотя и тщательно скрытую за занавѣсками), которая придерживала ребенка за попку. Онъ предоставилъ плутинкѣ кричать и, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжалъ прогулку. А у окна уже собралось нѣсколько лицъ, съ очевидной цѣлью воспользоваться суматохой при спасеніи ребенка и обокрасть мягкосердаго лорда.

— Это было отлично придумано, вечеромъ того же дня сказалъ лордъ, при новой встрѣчѣ со своимъ противникомъ,— очень, очень остроумно! Да и мальчишка, какъ двѣ капли воды, похожъ на моего собственнаго сына въ Англии. На этотъ разъ я, дѣйствительно, чуть не попался.

— Нечего дѣлать, съ кислой миной проговорилъ графъ,— я готовъ заплатить пари. Мои плуты испробовали надъ вами все самая замысловатая свои штуки, и все даромъ. Они ошиблись даже въ расчетѣ на вашъ копейкъ—любовь къ старымъ книгамъ—и на ваше родительское сердце. Позвольте получить.

— Итъ, возразилъ лордъ,— наши условія еще не выполнены. За мной еще одна прогулка и послѣ нея только я въ правѣ сказать, что по всемъ правиламъ выигралъ пари.

На третій день прогулка лорда обошлась безъ приключеній: онъ не встрѣтилъ ни одной подозрительной личности. Онъ уже направился домой, какъ у воротъ своего ближайшаго сосѣда, важнаго польскаго барина, былъ остановленъ возомъ съ мебелью и разными другими пожитками, въ томъ числѣ съ дырявой периной. Дулъ сильный вѣтеръ и лордъ былъ съ головы до ногъ обсыпанъ пухомъ. У подъѣзда магната стояли два ливрейные лакея. Они бросились чистить лорда.

— Дома баринъ? спросилъ онъ.

— Такъ точно-съ, отвѣчали лакеи, не переставая чистить.

— Въ такомъ случаѣ я зайду къ нему.

У магната англичанинъ засталъ гостей и въ томъ числѣ русскаго графа.

— Какъ, вы безъ орденовъ? воскликнулъ Зубовъ и громко разсмѣялся.

Лордъ бросился къ зеркалу: ордена его все до одного исчезли.

— Какъ? Гдѣ? Когда? твердилъ онъ въ изумленіи.— До меня

никто не дотрогивался, кромѣ вашихъ ливрейныхъ лакеевъ, обратился онъ къ польскому графу.

— Я не держу ливрейныхъ лакеевъ, возразилъ тотъ со смѣхомъ.

— Успокойтесь, милордъ, сказали графъ Зубовъ,— эти лакеи были мои честные вора.

— Ну-съ, мое почтеніе! На этотъ разъ вы дѣйствительно отличились. Вчерашніе же и третьягоднишніе ваши плуты никуда не годились.

— Вы ошибаетесь, милордъ, отвѣчалъ Зубовъ.— Тѣ плуты нарочно прикидывались педовкими, чтобы вѣрше васъ обойти.

— Да, это хорошій урокъ! сознался лордъ.— Вотъ же пари, и даю вамъ слово, что отнынѣ я буду лучшаго мѣтвѣя о петербургскихъ мошенникахъ.

Знаменитыя картины и ихъ стоимость. По словамъ *Daily Graphic*, лордъ Дудлей, неоднократно уже являвшійся ловкимъ дѣльцомъ и продавшій пять лѣтъ тому назадъ германскому правительству свою *Fra Angelico* за 10,000 ф. стерл., а герцогу Омальскому *Трехъ грацій* Рафаэля за 25,000 ф. ст., снова выручилъ крупную сумму. А именно *Canal Grande* Тернера перешелъ изъ владѣнія лорда Дудлея во владѣніе м-ра Вандербильтъ за 20,000 ф. ст. Самъ Тернеръ продалъ эту картину въ 1860 г. за 2,520 ф. ст. м-ру Гамбаргу, который съ своей стороны перепродалъ ее м-ру С. Менделю. Когда картинная галерея послѣдняго пошла съ молотка, покойный лордъ Дудлей приобрѣлъ картину за 8,000 ф. ст. Такимъ образомъ сынъ его сдѣлалъ теперь дѣйствительно недурную аферу. Впрочемъ, м-ръ Вандербильтъ привыкъ лускать въ ходъ крупныя суммы, для пополненія своей картинной галереи. Такъ напр., утверждали, что онъ предлагалъ королевіи Викторіи 100,000 ф. ст. за *Споръ* Мейсонъ и былъ очень удивленъ, когда полученный отказъ доказалъ ему, что долларъ не всегда всемогущъ. Наполеонъ III, подарившій эту картину принцу-супругу, купилъ ее въ свое время у Мейсонъ за 1,000 ф. с. Не безынтересно будетъ упомянуть здѣсь при случаѣ о другихъ странныхъ суммахъ, заплаченныхъ владѣльцами за нѣкоторыя знаменитыя картины. Цифра, до которой достигъ *Angelus* Милье, известна каждому. За *Мадонну* Рафаэля, принадлежавшую дому Альдобрандици, Лондонская національная галерея уплатила 70,000 ф. ст.

Французское правительство приобрѣло для Луврской галереи Мурильо отъ маршала Сульта за 23,440 ф. ст., а м-ръ Вэнкеръ изъ Филадельфій имѣлъ мужество заплатить три года тому назадъ 20,000 ф. ст. за *Христа передъ Пилатомъ* Мункачи. *Портретъ Альбрехта Дюрера* Гольдшугера, относящійся къ 1526 г., доставилъ Германіи такую-же сумму, а за Рафаэлевскую *Мадонну со святыми* было уплачено въ 1876 г. 20,475 ф. ст. Далѣе, Лондонская національная галерея приобрѣла въ 1857 г. отъ графа Пизани *Семейство Дарія* Поля Веронеза за 13,650 ф. ст., а отъ герцога Мальборо портретъ *Карла I* Ванъ-Дика за 17,500 ф. ст. Ванъ-Дикъ когда-то просилъ за эту картину 200 ф. ст., но получилъ только 100 ф. ст. М-ръ Твэстъ заплатилъ за *Братцевъ Вальмръвъ* Рейнгольда 13,500 ф., покойный м-ръ Стюартъ, нью-йоркскій мануфактурный король—12,000 ф. ст. за Мейсонъ „1807“, другой американецъ за *Interview* Петра Говся 11,040 ф. ст. Въ 1876 г. *Герцогиня Девонширская* Генсборо дала 10,600 ф., послѣ того какъ извѣстный коллекціонистъ м-ръ Эллисъ заплатилъ за нее 65 ф. Лордъ Ротшильдъ приобрѣлъ *Г-жу Помпадуръ* Буше за 10,395 ф. ст., а одинъ нѣмецкій коллекціонистъ—*Мистриссъ Гиббертъ* Генсборо за 10,000 ф. ст. (с.)

Рыба-барабанщикъ. Профессоръ Мейбусъ, посѣтившій недавно островъ Св. Маурікія, наблюдалъ, что известная рыба *Balistes aculeatus*, будучи поймана, производитъ звуки подобныя барабанщицѣ, посредствомъ длиннаго костистаго отростка, который быстро движется на подобіе рычага, а плавательный пузырь дѣйствуетъ какъ резонаторъ, усиливая звуки.

Австралийцы вымираютъ быстрее всѣхъ прочихъ нецивилизованныхъ расъ. Племя Маори въ Новой Зеландіи, со времени водворенія англичанъ на этомъ островѣ, уменьшилось болѣе чѣмъ на половину; со ста до сорока тыс. душъ. Норвежскій ученый Карлъ Лумгольдъ, посѣтившій недавно сѣверо-восточную часть Гвинисланда, говоритъ, что вымирание совершенно звѣроподобныхъ туземцевъ идетъ быстрыми шагами и не пройдетъ ста лѣтъ, какъ отъ нихъ не останется и слѣда.

Георгій Дмитріевичъ Сидоренко († 30 января 1890 г.).
Съ фотогр. Вл. Высоцкаго, грав. Шюблеръ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА „НИВУ“ 1890 года.

Подписная цѣна показана на первой страницѣ.
Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1890 году номера.

Нѣчто объ открытіяхъ. Газета *Новое Время* въ № 5025 напечатала по нашему адресу слѣдующую поправку:

Журналъ *Нива* открылъ новую планету Юва (многогратная?). Въ послѣднемъ (7-мъ) № *Нивы*, въ отдѣлѣ „Смѣсь“, сообщается о весьма важномъ астрономическомъ открытіи, благодаря которому многие де вопросы будутъ въ скоромъ времени рѣшены. Появлялась въ прошломъ году комета Брукса прошла де очень близко отъ „кометы Юва“ вследствие чего орбита ея получила измѣненіе.

Что же это за комета Юва, открытая *Нивой*? Оказывается, что редакція *Нивы* подразумеваетъ здѣсь планету „Юпитеръ“, по-латыни „Jupiter“, родительный падежъ котораго будетъ „Юви“, откуда *Нива* и выдумала „Юва“.

Недурно, особенно для редактора энциклопедическаго лексикона г. Ключникова.

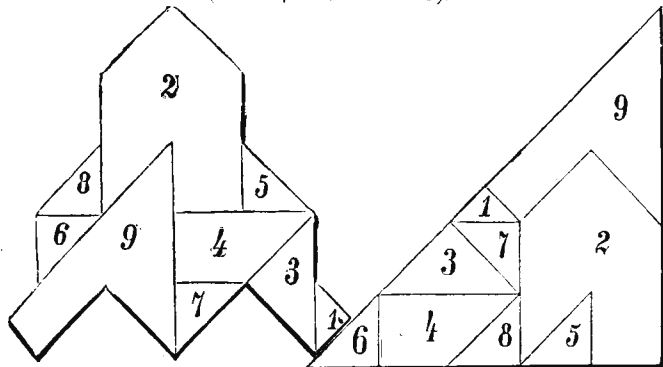
Очень благодарны за поправку (которую, впрочемъ, и сами собирались сдѣлать), хотя *Новое Время* очевидно переусердствовало: мы никогда не называли „планету Юва“ то кометой, то планетой, какъ пишетъ *Новое Время*. Это было бы дѣйствительно такимъ развязнымъ отношеніемъ къ астрономіи, какое найдется развѣ въ статьѣ *Нового Времени* „Въ гостяхъ у астрономовъ“ (№ 4974), гдѣ между прочими курьезами, говорится о *трубѣ времени Тихо-Браге*, тогда какъ первая астрономическая труба изобрѣтена 7 лѣтъ спустя послѣ его смерти, и слѣдовательно не могла быть ни на одной изъ обсерваторій его времени.

Дѣло было гораздо проще: редакція положила на своего сотрудника, сообщенія котораго до сихъ поръ отличались точностью, и приняла „планету Юва“ за одну изъ тѣхъ слипкомъ двухсотъ мелкихъ планетъ, которыхъ названія никто не помнитъ наизусть, кромѣ астрономовъ-специалистовъ, тѣмъ болѣе, что постоянно открываются новые астероиды. Вотъ происхожденіе ошибки, которую *Новое Время* напрасно называетъ „открытіемъ“ *Нивы*. Вѣдь такихъ „открытій“ гдѣ-гдѣ, а ужъ въ *Новомъ Времени* можно указать сколько угодно и тѣми же словами, какими это дѣлаетъ газета отпосредственно насъ. Напримѣръ:

Новое Время открыло новую корону Венцеля (нѣмецкаго короля?) Въ одномъ изъ номеровъ газеты (конца прошлаго года) сообщается о предполагаемомъ коронованіи Австрійскаго императора этою короною. Что-же это за корона Венцеля, открытая *Новымъ Времени*? Оказывается, что редакція *Нового Времени* подразумеваетъ здѣсь чешскую корону Св. Вячеслава, по нѣмецки Wenzel, родительный падежъ котораго будетъ Wenzels, откуда *Новое Время* и выдумало Венцеля.

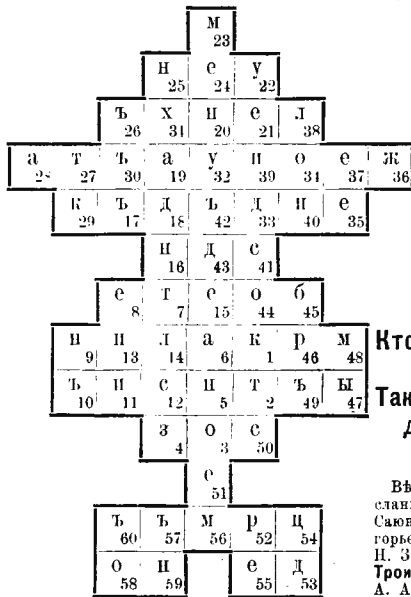
Недурно, особенно для политической газеты, которая, въ качествѣ европейской и русской, должна-бы знать хоть славянскія земли.

Рѣшеніе геометрической задачи № 6 (помѣщенной въ № 3).

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: СПб. — М. К. Коробова, А. Оп—ова, Н. В. Панкова, В. В. Герцель, Г. А. Дмитриева, А. Степанова, В. Смирнинскаго, М. Н. Кочергина, А. Марцинскаго, Ф. Михель, Москва — С. Н. Ильина, А. Журавлева, Ф. А. Куликова, Б. Коровино — В. К. Терскаго, Буй — М. Левашовой, Бѣлостокъ — Л. Панесъ, И. Каминъ, Варшава — В. Алексѣева, Р. М. Лавренка, К. Меркушкина, Гаврилова — Пригожей, Елецъ — Д. Селиванова, Зимарово — А. Н. Аблова, Нишинецъ — М. Красильщикъ, Налуга — С. П. Соколова, Лебедянь — В. П. Чурилина, Могилевъ — Ф. Филиповича, Нѣжинъ — А. М. Архангельскаго, Орель — В. Хонъ, Оренбургъ — С. Н. Потычина, Петрозаводскъ — Е. Серого, Сергіевъ пос. — И. А. Стромницца, Н. М. В—ва, С. Н. Заботина, Севастополь — А. Казасъ, Шацкъ — А. А. Тюменева, Херсонъ — А. Богашева.

Рѣшеніе задачи буквъ № 5 (помѣщенной въ № 3).

- 1) Демонъ.
- 2) Дождь.
- 3) Эребъ.
- 4) Десна.
- 5) Цинкъ.
- 6) Тикъ.
- 7) Еногъ.
- 8) Мета.
- 9) Хунмы.
- 10) Резеда.
- 11) Усь.
- 12) Слонь.
- 13) Или.

Кто знатень и силенъ, да не уменъ,
Такъ худо, ежели и съ добрымъ сердцемъ онъ.
Крыловъ.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: СПб. — Ф. Михела, А. Саюнова, М. А. Пикитина, Е. М. Григорьевой, А. А. Постилова, Носовна — Н. З. Шаула, Одесса — М. Юрьена, Троицкое — С. Ф. Вастиръ, Шацкъ — А. А. Тюменева.

Рѣшеніе шахматной задачи № 7 (помѣщ. въ № 4).

- Бѣлые. Черные.
- 1) Ф. d7—d8
 - 1) Ф. g6—g5
 - 2) Кр. e8—d7
 - 2) Кр. e4 : d5
 - 3) Ф. d8—a8+
 - 3) Кр. d5 : c5
 - 4) Ф. a8—a5x

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: СПб. — А. А. Постилова, Н. В. Панкова, Невъ — Г. Рутенбергъ, Козловъ — Н. Верещагина, Троицкое — С. Ф. Вастиръ.

- 6) b8—d6
- 7) d6—b4
- 8) b2—d4
- 9) e1—f2
- 10) c1—e3

- (вар. а.)
- 4) b6—a5
 - 5) b8—f4
 - 6) f4—e3
 - 7) a3—b4
 - 8) c1—b2
 - 9) e1—c3

Рѣшеніе шашечной задачи № 8 (помѣщ. въ № 4).

- Бѣлыя. Черныя.
- 1) e3—f4
 - 1) e5—g3
 - 2) h4—f2
 - 2) f6—h4
 - 3) d8—g5
 - 3) h4—f6
 - 4) h8—b8
 - 4) b6—c5
 - 5) a3—b4
 - 5) c5—a3

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: СПб. — С. Т. Грибова, А. А. Постилова, Н. П. Мачигина, К. П. Панафидина, Москва — В. В. Фотьева, Н. Каратыгина, Н. П. Смирнова, Бердянскъ — П. Бурбухаги, Елизаветградъ — Д. Лагунова, Налуга — С. П. Соколова, Нострома — Н. Сахарова, Козловъ — Н. Верещагина, Коломна — С. А. Андреева, Невъ — Г. Рутенбергъ, Молога — М. Н. Неустроева, Троицкое — С. Ф. Вастиръ.

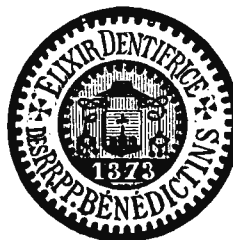
Рѣшеніе шарады № 9 (помѣщенной въ № 4). Мак — лакъ.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: СПб. — Н. Зеньковичъ, В. Триумфова, Н. В. Панкова, Н. Демидова, Д. Мачигинъ, Ф. Михель, Москва — М. Захарова, Б. Коровино — В. К. Терскаго, Брянскъ — Н. Мирошкина, Бѣжецкъ — С. П. Вейцъ, Бахмутъ — А. Бутовскаго, Бѣлгородъ — Ф. И. Мазуръ, Березовка — К. Безбородова, Гомель — Н. Лейцингеръ, Изюмсково — Дмитровскаго, Козловъ — В. П. Сафарть, Орель — П. Земцова, Васлица, М. Кичина, Одесса — В. Кузнецова, Ростовъ — К. Маклакова, А. И. Щербакова, Харьковъ — В. Стратонитскаго, А. Ф. Пуже, Ярославль — Н. Москина.

СОДЕРЖАНІЕ: Стихотвореніе Я. П. Полонскаго. — Силерена. Историческая повесть А. А. Смирнова. (Продолженіе). — Исусъ. Повѣствованіе изъ библейскихъ временъ Георга Эберса (съ рис.). (Продолженіе). — Къ рисункамъ: Могила Т. Г. Шевченка близъ Канева (съ рис.). — Весенняя ярмарка въ Ярославль (съ рис.). — Сочувствіе (съ рис.). — Баловень семьи (съ рис.). — Свѣжая рыба (съ рис.). — Изъ смутнаго времени. Служба на странѣ (съ рис.). — Ледяная гора въ Америкѣ (съ рис.). — Лунныя горы въ Средней Африкѣ, открытыя экспедиціей Станлея (съ рис.). — Бездымный порохъ (съ 2 рис.). — Г. Д. Сидоренко (съ портр.). — Библиографія. — Политическое обозрѣніе. — Разныя извѣстія. — Смѣсь. — О подпискѣ на „Ниву“ 1890 г. — Рѣшенія задачъ. — Объявленія. — При семь № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за МАРТЪ 1890 г. съ 27 рис. и отд. листъ съ 26 чертежами выкроекъ въ натур. величину и 15 рис. рукодѣльныхъ работъ.

Издатель А. Ф. Марксъ.

Редакторъ В. Ключниковъ.

ЭЛИКСИРЪ, ПОРОШОКЪ И ПОМАДА ДЛЯ ЗУБОВЪ

ОТЦЕВЪ БЕНЕДИКТИНЦЕВЪ
Аббатства СУЛИБЪ (Жиронда) Франція.
Находятся во всѣхъ аптекахъ, косметическихъ лавкахъ и ювелирскихъ магазинахъ.

VELOUTINE

Спеціальная рисово-висмутуовая пудра.
CHATELAIN LES FAY, Parfumeur, 9, rue de la Paix Paris.

PAPIER FAYARD ET BLAYN

употребляется въ леченіи ревматизма, раздраженія дыхательныхъ органовъ, насморка, раздраженія груди, вывиховъ, ранъ, ожоговъ, ознобленій, мозолей и всякихъ нагноившихся затвердѣній. Продажа во всѣхъ аптекахъ (требовать собственноручную подпись).

ВАЗЕЛИНОВОЕ МЫЛО

И. ГОЛЛЕНДЕРЪ

для смягченія кожи.

Новоизобрѣтенное вазелиновое мыло, приятнаго запаха, придаетъ кожѣ желаемую нежную мягкость. Цѣна за кусокъ 30 коп., 3 куска съ пересылк. 1 р. 50 к.

Получать можно во всѣхъ парфюмер. и аптеч. магазинахъ и аптекахъ Россіи.

Главный складъ: Спб., Демидовъ пер., д. № 1. (8) № 427

БАРОМЕТРЫ-АНЕРОИДЪ.

Въ полнр. дерев. оправѣ отъ 9 до 14 р. Тоже съ термометромъ отъ 13 до 22 р. Карманны. баром. и для измѣренія высотъ отъ 11 до 45 р.

Е. КРАУСЪ и К^о.

Фабрика оптическихъ инструментовъ Париж, Aven. d. I. Républic. 4. ДЕПО ДЛЯ РОССІИ С.-Петербургъ, Мойна, № 42.

Иллюстр. прейсъ-кур. высылаются бесплатно. Въ магазинѣ духовныхъ книгъ И. Л. Тузова въ Спб., Гостин. дворъ, № 45, поступило въ продажу **ОСТРОМИРОВО ЕВАНГЕЛІЕ** 1056—1057 (2-е) фотограф. издание. Въ листъ. Спб. 1889 г., ц. 10 р., вѣс. 9 ф. Тоже въ роскошномъ колѣнкор. переплетѣ, ц. 15 р., вѣс. 12 ф. На почтов. перес. прил. согласно показан. ябса по таксъ.

ДОМЪ продается каменный, двухъ-этажный съ фангелемъ, надворными постройками, большимъ фруктовымъ садомъ. Подробно: Новгородъ, Л. П. Класе.

Книга доктора Боголюбова: **Совѣты, какъ приобрести и сохранить согласно требованіямъ науки ЗДОРОВЬЕ и БЛИЗКУ ЗУБОВЪ: ЧИСТЫЙ и ЗДОРОВЫЙ ЦВѢТЪ ЛИЦА: ЗДОРОВЬЕ и БОГАТСТВО ВОЛОСЪ** и пр. Высылаеть наложеннымъ платежемъ за 85 к. или марками 75 к. Л. Линтронъ, Москва, у Больш. Театра, д. Ностичъ.

БАЛЕТЪ П. ЧАЙКОВСКАГО „СПЯЩАЯ КРАСАВИЦА“.

Полный балетъ перелож. А. Зилоти, 2-е исправл. издание. 6 р. — к Полный балетъ, упрощенное издание Лангера 5 „ — Вальсъ, перелож. А. Зилоти: въ 2 руки 70 „ въ 4 руки 1 „ — Фарандоль 30 „ Вальсъ и полька 30 „ Вальсъ для танцевъ, арр. Ружницкаго для фортепиано въ 2 руки, 2-е исправл. изд. 70 „ Кадриль, полька, мазурка Ружницкаго, по 40 „ Попурри въ 2 руки, Ружницкаго 1 „ 25 „ Москва, у П. ЮРГЕНСОНА, С.-Петербургъ, у П. ЮРГЕНСОНА. П. № 4383

ВАЖНОЕ ИЗВѢЩЕНІЕ.

Въ теченіе 10 уроковъ каждый почеркъ дѣлается блестящимъ по красотѣ: посредствомъ переноски въ 12 уроковъ. **Невскій, 20, нв. 26.** Специальность исправленія почерка взрослымъ. Р. № 4392. Пробныя уроки бесплатно. Фото-копіи поленяющ. результатъ 33 коп. Программа 10 коп. Письмени. отвѣтъ 14 к. (почт. марк.). Каллигр. С. М. П.-ский. **Насимовская невѣста** Ист. ром. въ 3 ч., соч. Н. С. Соловьева. Изд. 2-е. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р., въ кол. пер. 2 р. 25 к., съ пер. 2 р. 75 к.

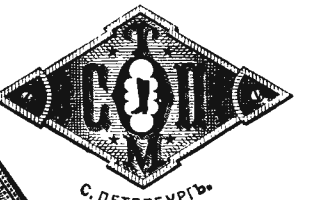
РИСУНКИ МОЗОЛЬНАЯ ЖИДКОСТЬ „ГОЛЛЕНДЕРА“.

для выпиливанія, рѣзныхъ работъ, кинры стаціи и живописи на деревѣ. 860 номеровъ. Каталоги съ 1090 иллюстраціями, инструментами, украшенія за 20 к. давокъ. Цѣна 35 коп. за флаконъ, за два флакона съ перес. 1 руб. Корреспонденція на французскомъ или нѣмецкомъ языкъ. Фамилію и мѣсто на адресахъ просимъ писать по-русски и по-нѣмецки. R. № 4361 3—3 MEY & WIDMAYER, München, Deutschl. Вѣ С.-Петербургѣ. (3) № 4366

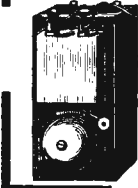
340, 341.

Сортъ 340, сапожки на пуговицахъ для дѣтей до 3-хъ л. возраста. Сортъ 341, сапожки на пуговицахъ для дѣтей отъ 3-хъ до 5-ти л. возраста. Наша обувь для дѣтей отличается не только прочностью, но и особеннымъ устройствомъ дающимъ возможность натуральному развитію дѣтской ноги. Благодаря этимъ качествамъ требованіе на дѣтскую обувь постоянно увеличивается. За прейсъ-курантами и подробными свѣдѣніями гг. торговцевъ просимъ обращаться къ Товариществу С.-Петербургскаго Механическаго Производства Обувн. Спбурзь, Обводный каналъ № 134.

ЭЛЕКТРИЧЕСКІЕ ЗВОНКИ.

Полное устройство, состоящее изъ одного отличнаго дѣйств. звонка, 2 элементовъ Лекланше съ ящичкомъ, 30 саж. изолированной проволоки и 1-й кнопки **всѣ только лишь за 8 руб.** Приборъ для электрическаго освѣщенія, микрофоны и телефоны отъ 15 руб. за каждую станцію. Кроме того, всѣ отдѣльныя части и принадлежности продаются по самымъ дешевымъ цѣнамъ въ складѣ

К. И. ФРЕЛАНДТЪ

Екатерининскій каналъ, уг. Невскаго просп., д. Учетнаго Банка, № 30—16, въ С.-Петербургѣ. Иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается.

СТРАХОВАНІЕ ЖИЗНИ ВЪ СТРАХОВОМЪ ОБЩЕСТВѢ „РОССІЯ“

ВЫСОЧАЙШЕ утвержденномъ въ 1881 г. СТРАХОВАНІЯ:

- Капиталовъ на случай смерти,
 - Вдовьихъ пенсій,
 - Капиталовъ на старость,
 - Пенсій на старость,
 - Приданнаго для дѣвушекъ,
 - Стипендій для мальчиковъ,
 - Пожизненныхъ доходовъ.
- № 3847 6—6

Страхователи участвуютъ въ прибыляхъ Общества. Къ 1 января 1889 г. въ Обществѣ „Россія“ было застраховано 20,107 лицъ на капиталъ въ 56.795,020 руб. Дивидендъ страхователей въ 1889 г. составляетъ 12%.

Заявленія о страхованіи принимаются и всякаго рода свѣдѣнія сообщаются въ Правленіи въ С.-Петербургѣ (Большая Морская, № 13) и въ агентствахъ Общества въ городахъ Имперіи. Брошюры по страхованію жизни выдаются и высылаются, по требованію, бесплатно.

ИНТЕРЕСНЫЯ НОВОСТИ! ИНТЕРЕСНЫЯ НОВОСТИ! ИНТЕРЕСНЫЯ НОВОСТИ!

для молодыхъ и старыхъ, удобныя для подарковъ. Развлеченіе для каждого. **ЗА ТРИ РУБЛЯ СЕР.** высылаю слѣдующіе каждому интересныя **ФОКУСЫ** и **ШУТКИ**: Одну волшебную спичечную коробку, изъ которой при открытіи выпрыгиваетъ фигура. Одинъ волшебный портъ-сигаръ съ секретомъ. Одинъ волшебный палецъ интересней. Двадцать штукъ интересныхъ для каждого фокусныхъ картинокъ. Одну закодированную фокусную бутылочку съ секретомъ. Одинъ волшебный портфельчикъ съ фокусомъ. Одну волшебную коробку съ секретомъ. Одну волшебную змью Фараона. Интересная новость. Одну Американскую игру „Настойчивыя поросата“. Интересна! Три свѣтящихъ въ темнотѣ картинокъ. Новость! Одинъ фокусъ: прорѣзать ножомъ веревку, при чемъ послѣдняя остается цѣлою. Цѣна за всѣ вышеозначенныя вещи вмѣстѣ съ объясненіями ихъ фокусовъ и способовъ употребленія **только ТРИ руб. сер.** На пересылку и упаковку слѣдуетъ прилагать 12 штукъ 7 копѣечныхъ почтовыхъ марокъ. Заказы съ деньгами прошу посылать по адресу: Въ гор. ПАРВУ, С.-Петербургской губ. Купцу Веніамину Давидовичу **МИХАЙЛОВСКОМУ.** П. № 4381

- Всѣ названныя косметическіе продукты не содержатъ никакихъ вредныхъ веществъ, почему и разрѣшены Спб. Стод. Врачеби. Управленіемъ.
- ПОДЛИННИКЪ ПАСТА EUGENIE** средство для лица. Цѣна банки 1 р. 60 к.
 - БАЛЬЗАМЪ EUGENIE** изъ мирров. дѣтвонъ для декольте, лица и рукъ. Ц. флак. 1 р. 70 к.
 - ЭЛЕКСИРЪ MELANGE** для волосъ. Ц. за флак. 2 р.
 - ХИННО-ГЛИЦЕРИНОВ. ПОМАДА** для волосъ. Цѣна банки 2 р.
 - РУМЯНА EUGENIE** жидкія, придающія щекамъ и ушамъ розов. цвѣтъ. Рекомендуются въ особенности для театровъ и баловъ. Цѣна за флаконъ 1 р. 50 к.
 - РУЧНАЯ РАКОВИННАЯ ПОМАДА** Цѣна банки 1 рубль 30 коп.
 - ПОДЛИННИКЪ Poudre EUGENIE** бѣлая и розов. Ц. съ пухов. 1 руб. 50 коп., безъ пухов. 1 руб. 20 коп.
- КРАСКА ДЛЯ ВОЛОСЪ** черная, корич. и свѣтлор. Цѣна кор. 3 руб. Рискъ Гутманъ. Главное депо въ С.-Петербургѣ: въ Русскомъ обществѣ торговли аптекарскими товарами, Казанская; въ Центральномъ Аптекарскомъ Депо, Милитиной Гадъ; у Рузапова, Гостининый Дворъ; бывший Дарзансъ, Пассаажъ, № 15—17; у Сіу и Къ; у Персого и Тибо, Невскій пр., № 18 и въ другихъ аптекарскихъ магазинахъ. Въ Москвѣ: у Николюка и въ другихъ аптекарск. магаз., а также можно получать во всѣхъ аптекарскихъ магазинахъ всей Россіи.

ЛУЧШАЯ ВЪ МІРѢ
ГАРМОНИИ
Фабрики **Г. Ф. КАЛЬЕЕ**, по фабричнымъ дешевымъ цѣнамъ.

Однорядныя: въ 4, 5, 6, 7, 7½, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 20 и 25 р.
Двурядныя: въ 12, 14, 15, 16, 18, 20, 25 и 30 р. и въискія въ 10 и 22 р.
Трехрядныя: въ 60 р. и въискія въ 30, 50 и 75 р.
Самочинитель Соколова по 1 р. Ноты его же по 75 к. и 1 р. за тетрадь.
Гармонию можно имѣть нѣмецкаго или русскаго строя.
Заказы изъ провинцій исполняются немедленно и аккуратно.
Иллюстрир. прейсъ-курантъ бесплатно. Продажа оптомъ и въ розницу.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ
главное депо № 4394
Музыкальныхъ инструментовъ и нотъ.
С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40.
Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарына.

„L'URBAINE“
(УРБАНЪ)
ФРАНЦУЗСКОЕ ОБЩЕСТВО СТРАХОВАНІЯ ЖИЗНИ

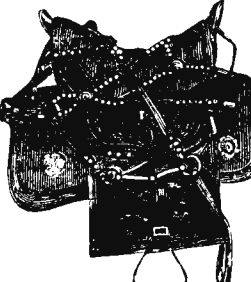
Высочайше доущенное въ дѣятельности въ Россійской Имперіи.
Основной капиталъ . . . 12,000,000 фр.
Резервн. фондъ во Франціи . . . 60,000,000 фр.
Точная гарантія для страхователей во Россіи:

- 1) Специальный залогъ въ Государственномъ Банкѣ въ 500,000 руб.
- 2) Специальный резервный фондъ, отчисляемый подъ контролемъ Правительства.
- 3) Специальный запасный капиталъ въ размѣрѣ 10% съ чистой прибыли.

хранящіеся неприкосновенно въ Государств. Банкѣ.

Главное Агентство Общества для Россіи С.-Петербургъ, Невскій просп., № 13.
Управляющій **В. С. Розенблатъ**.
АГЕНТСТВА ВО ВСѢХЪ ГОРОДАХЪ.

Чрезвычайно удобна съ полн. приборомъ, рюкзакъ, вышитый съ арабск. тюрбаномъ, или бѣлымъ войлокомъ.

Рюкзакъ съ полн. приборомъ, по ж. д. 40 р., по почте по 40 р. Фабрика М. И. МАШИНСКИХЪ, Саратовъ.

ПРЕПОДАЮ ПИСЬМЕННО
ПОЛНАЯ ГАРАНТІЯ ЗА УСПѢХЪ ПИСЬМЕННОГО ОБУЧЕНІЯ.
въ 10 р. УРОКОВЪ ДУРНОЙ ПОЧЕРКЪ ИСПРАВЛ. на КРАСНОЕ БѢЛОЕ КОНТОРСК. ПИСЬМО ОСНОВАТЕЛЬН. ОБУЧЕНІЕ ДВОЙНОЙ ИТАЛЬЯНСКОЙ **БУХГАЛТЕРІИ**
Москва, Покровка, домъ Бутиковой. Управляющій **А. С. Шмакинъ**.
НА ОТВѢТЪ ПРИЛАГАТЬ МАРКУ.

Ф. Э. ДРЕХСЛЕРЪ,
Варшава, Лешно, 14.
Бичики отъ 100 р. Рюкзакъ отъ 135 р. № 4386 10-1

НИЖИЩАЯ МАШИНА „РЕМИНГТОНА“
Пишетъ въ 3 раза быстрее пера. Чистота, четкость и красота. Выдана во всѣхъ Министерствахъ и много правительствъ, и частныхъ учрежд.
Прейсъ-курантъ, содерж. много численн. отзывы отъ Правительства и другихъ учреждений, высылается бесплатно. № 3748
Единственный складъ для всей Россіи:
ГОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ
Москва С.-Петербургъ
Кузнецкій мостъ. Б. Морская, 21.

Только что вышло изъ печати и поступило въ продажу въ конторѣ журнала „Нива“ (СПб., Невскій, 6), а также у всѣхъ известныхъ книгопродавцевъ:

Сочиненіе **О. К. АРНОЛЬДА:**
„РУССКІЙ ЛѢСОЪ“
ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

Изданіе **А. Ф. МАРКСА** въ С.-Петербургѣ.

Первый томъ состоитъ изъ 322 страницъ и между прочимъ заключаетъ въ себѣ предисловіе и введеніе автора, большую карту Европ. Россіи, печат. 14 краск., и карту Европы, печат. 6 краск. Русский лѣсовладелецъ и лѣсопромышленникъ, вслѣдствіе закона 4 апрѣля 1888 г., поставлены въ нѣсколько иныхъ отношеній къ лѣсу, сравнительно съ существовавшими до изданія закона.

Эти новыя отношенія заставляютъ собственниковъ лѣснаго имущества ознакомиться съ характерными чертами лѣснаго хозяйства и установить такой порядокъ въ своихъ лѣсахъ, который бы не обезцѣнивалъ ихъ, а напротивъ сохранилъ бы за ними и даже возвысилъ доходность.

Сочиненіе „Русскій лѣсоъ“ задалось цѣлью помочъ лѣсовладельцамъ въ рѣшеніи этихъ насущныхъ вопросовъ.

Все сочиненіе будетъ состоять изъ трехъ большихъ томовъ, отпечатанныхъ на лучшей бумагѣ, съ приложеніемъ 2-хъ картъ, 120 художественно исполненныхъ гравюръ и полиптичей и 17 эстамповъ на мѣди. Въ вышедшемъ изъ печати первомъ томѣ разматривается современное состояніе русскихъ лѣсовъ и указывается на существующіе въ нихъ безпорядки.

Въ этомъ томѣ выясняется значеніе лѣсовъ вообще; помѣщены статистическія свѣдѣнія о площади лѣсовъ, находящихся въ каждомъ уѣздѣ Европейской Россіи, съ показаніемъ сколько въ томъ числѣ казенныхъ, частновладельческихъ и принадлежащихъ крестьянскимъ обществамъ; представлено сравненіе лѣсистости Россіи и западно-европейскихъ государствъ.

Особенно важное значеніе для частныхъ лѣсовладельцевъ, лѣсопромышленниковъ и для лѣсоохранительныхъ комитетовъ въ губерніяхъ, — надо полагать, — имѣетъ глава посвященная подробному разсмотрѣнію и выясненію лѣсоохранительнаго закона 4 апрѣля 1888 г., такъ какъ появившіяся о немъ до сихъ поръ въ печати сообщенія изъ провинцій и разсужденія указывали на то, что съ положеніями этого важнаго закона не вполне еще разобрались.

Къ вышедшему тому приложены двѣ художественно исполненныя карты, изображающія 14-ю красками лѣсистость: одна — Россіи, по отдѣльнымъ уѣздамъ; другая — западно-европейскихъ государствъ.

Второй томъ сочиненія выйдетъ изъ печати въ концѣ 1890 или въ началѣ 1891 года, а вслѣдъ за нимъ въ непродолжительномъ времени выйдетъ и третій томъ.

Содержаніе втораго тома: описаніе древесныхъ породъ, растущихъ въ лѣсахъ Россіи, лѣсохозяйственное ихъ значеніе, уходъ за каждою породою, приемы возвращенія лѣсовъ въ различныхъ полосахъ Россіи, орудія употребляемыя для лѣсоразведенія, опасности угрожающія лѣсамъ, враги повреждающіе ихъ, порядокъ рубки въ лѣсахъ. Въ этомъ томѣ помѣщено будетъ болѣе 120 художественно исполненныхъ гравюръ и полиптичей съ изображеніемъ древесныхъ породъ и ихъ частей, культурныхъ орудій, вреднѣйшихъ насекомыхъ, и 17 эстамповъ на мѣди.

Наконецъ, III томъ — будетъ содержать указанія возможно выгоднѣйшей организаціи лѣснаго хозяйства, какъ въ крупныхъ, такъ и въ мелкихъ лѣсовладѣніяхъ: устройство лѣса съ начертаніемъ плана хозяйства; порядокъ эксплуатаціи лѣса; учетъ отпускаемыхъ лѣсныхъ материаловъ; условія, какія должны быть включаемы въ контракты; извлеченіе доходовъ отъ побочныхъ пользованій въ лѣсу; соответственное устройство администраціи и отчетности лѣснаго имущества.

Условія подписки на всѣ три тома:

При выписываніи 1-го тома вносится 4 р., до выхода 2-го тома 8 р. и до выхода 3-го тома 2 р., а всего 14 руб.

Иногородные ПОДПИСЧИКИ на все сочиненіе за пересылку не платятъ. За два мѣсяца до выхода II и III томовъ въ „Нивѣ“ будетъ объявлено о днѣ выхода ихъ.

По выходѣ всего сочиненія цѣна будетъ значительно возвышена.

Подписка принимается исключительно въ конторѣ журнала „Нива“ (СПб., Невскій, 6).

Цѣна первому тому въ отдѣльной продажѣ 5 р., а съ перес. 5 р. 60 к.

Примѣчаніе. Лица купившія 1-й томъ отдѣльно и желающія приобрести слѣдующіе 2 тома, платятъ за все сочиненіе наравнѣ съ подписчиками, т. е. 14 р., при чемъ до выхода 2-го тома вносятъ 7 р., а 3-го тома 4 р.

ДОМАШНІЯ КРАСКИ
(Инженеръ-технолога В. Михайловскаго)
для окрашиванія шерстян., шелков., бумаги, прижи, подбивающаго пальца, чулокъ и т. п. въ любой цвѣтъ дома. Также синія, сухія чернила, краски для пасхальн. яицъ.
С.-Петербургъ, Надеждинская, 14. Красочный и аптекарскій магазинъ В. Михайловскаго.
Подробнѣе см. въ №№ 7 и 8 „Нивы“. № 4382

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ
Г. ВАЛЬТЕРЪ
Специалистъ хронометровъ. СПбургъ, Невскій пр., № 52 прот. Инт. Публ. Библиотеки. Оптовая и розничн. продажа. Подробный иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается по востребованію безплатно. Пересылка на счетъ магазина. Ручательство на 2 года. № 4155 10

Во всѣхъ книжн. магазинахъ новая книга:
СВЯТОЧНЫЕ РАЗСКАЗЫ
Вас. Немировича-Данченко.
Цѣна 2 руб.

Издана Ф. Павленковымъ новая книга:
ЭЛЕКТРИЧЕСКІЕ ЗВОНКИ.
Соч. Боттона. Практическое руководство для любителей. Перевелъ съ англ. и дополнилъ Д. Головъ. Съ 114 рис. Ц. 1 р.

CRÈME-SIMON
(КРЕМЪ-СИМОНЪ)
прелестнаго запаха, не портится и служитъ для смягченія кожи.
Пудра SIMON и Мыло à la CRÈME SIMON дополняютъ его дѣйствіемъ и имѣютъ тотъ же запахъ.

J. Simon, 36, Rue de Provence 36, Парижъ
Въ розницу у парикмахеровъ, парфюмеровъ и аптекарей. А. № 4815 15 — 6

САРПИНКА
сезонъ 1890 года.
Самые новѣйшіе и модные рюкзачки. Лучшей доброты.
отъ 12 до 20 к. аршинъ.
Образцы по требованію высылаются:
Альбомъ за 42 коп., конвертъ за 28 коп.
Продажа оптомъ и въ розницу.
Адресъ: Товариществу Промышленниковъ Сарпинскихъ Издѣлій. Саратовъ. № 4344 5-8

Поставщики велосипедовъ Русской Арміи
Торговый Домъ Ж. БЛОКЪ,
Москва, С.-Петербургъ, Кузнецкій мостъ, Б. Морская № 21.
имѣетъ единственный Складъ для всей Россіи Велосипедовъ: Сипольт, Виппегъ, Русскій Клубъ, Молни (New Rapid), Импералъ и пр.

Цѣны отъ 100 до 500 руб.
НОВОСТЬ
Одно колесный Сивѣтъ № 2 = 150 руб. =
Прейсъ-Куранты высылаются безплатно.
Поставщики велосипедовъ Русской Арміи

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XXI г.
№ 10

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXI
1890

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЕСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
Выдаеъ 10 марта 1890 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫРОЕНЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1890 г.

Безъ доставки въ Петербургъ . . .	5 р.	Съ доставкою въ Петербургъ	6 р. 50 к.	Безъ доставки въ Москвѣ чр. конт. объявл. Н. Н. Печков- ской, Петровская Торг. линія	6 р.	Съ пересылкой въ Москву и др. города Россіи . . .	7 р.	За гра- ницу . . .	9 р.
--------------------------------------	------	-------------------------------	------------	--	------	---	------	-----------------------	------

На венеціанскихъ лагунахъ. Съ картины Ф. Рубена, грав. Ерикк.

Склирена.

Историческая повѣсть А. А. Смирнова.

(Окончаніе).

Императрица Зоя была больна и не присутствовала на играхъ. На галереѣ церкви Св. Стефана одна Склирена сидѣла на высокомъ тронѣ посреди пестрой толпы придворныхъ дамъ. Изъ-за рѣзныхъ бронзовыхъ рѣшетокъ, между колоннами, Августѣйшая и ея дворъ не были видны толпѣ, но передъ ними во всей красѣ развертывался, какъ муравьями кишачій народомъ, гигантскій амфитеатръ ипподрома съ его стройною колоннадою, рѣзко бѣлѣвшею на темно-голубомъ небѣ.

Прохладный вѣтерокъ колебалъ шелковый павѣсъ, натянутый передъ императорскою трибуною; чернымъ пятномъ ложилась его тѣнь на стѣны каонзмы. Императора не было въ ложѣ; онъ удалился на время перерыва, но нѣсколько придворныхъ, въ блистающихъ золотомъ и драгоценными камнями одеждахъ, да спааріи въ золоченыхъ латахъ и шлемахъ стояли тамъ, бесѣдуя между собою.

Облокотясь на ручку трона, Склирена разсѣянно смотрѣла на толпу, которая пестрѣла на бѣлыхъ мраморныхъ уступахъ и шевелилась, тѣсясь къ широкимъ лѣстницамъ, отъ арены поднимавшимся къ верхней колоннадѣ. Говоръ и смѣшанный гулъ раздавался въ ушахъ красавицы, взоръ терялся въ морѣ головъ и разнообразныхъ уборовъ. Но вотъ въ одномъ изъ среднихъ ярусовъ съ противоположной стороны ярко блеснула на солнцѣ золотая каска спаарія. Лица его, за дальнимъ разстояніемъ, нельзя было разглядѣть, но Склирена узнала его. Онъ шелъ медленно, пробирался межъ сидящими.

Сердце ея радостно дрогнуло; она невольно слѣдила глазами за яркой точкой на его каскѣ, и во всей этой толпѣ она видѣла теперь лишь одного стройнаго и ловкаго спаарія.

Онъ уже подошелъ къ лѣстницѣ, ведущей наверхъ. Вдругъ среди спускающейся по ней толпы возникло смѣненіе, словно кто-то боролся; отчаянный, ужасный крикъ своимъ леденящимъ звукомъ покрылъ на мигновение шумъ толпы. Всѣ поднялись со своихъ мѣстъ. На ступеняхъ лѣстницы народъ тѣснился вокругъ чегото лежащаго на землѣ; съ лѣстницы быстро сбѣгали челоѣкъ въ свѣтлой одеждѣ, обгащенной кровью.

— Убийца, убійца!.. пронеслось въ толпѣ.

Вся блѣдная, какъ полотно, поднялась на тронѣ Склирена; полными невыразимаго ужаса глазами глядѣла она на убійцу, который вырывался изъ рукъ задержавшихъ его людей, на народъ, что тѣснился вокругъ лежащаго на ступеняхъ. Въ этой толпѣ она не видѣла болѣе блестящей каски спаарія...

Съ подавленнымъ стономъ опустилась она на сидѣніе трона, и голова ея безсилно свѣсилась на-бокъ. Странный звонъ, словно отъ лопнувшей струны, задрожалъ въ воздухѣ.

— Августѣйшей дурно... пронеслось между придворными дамами, столпившимися у трона.

Евнухи побѣжали за водою, за врачемъ; ей терли помертвѣвшія руки. Склонивъ украшенную императорскою повязкою голову на-бокъ, вся въ блескѣ золота и драгоценныхъ камней, красавица была неподвижна и только чувство глубокаго страданія и сердечной боли замерло въ прекрасныхъ, поблѣвшихъ какъ мраморъ, чертахъ ея.

Сонъ, вырвавшійся изъ груди Склирены, не смотря на разстояніе, ясно слышалъ еще одинъ челоѣкъ. Этотъ челоѣкъ былъ Глѣбъ.

Когда рядомъ съ нимъ произошла ссора и одинъ изъ ссорившихся ударилъ другаго книжалою, онъ съ участіемъ наклонился къ раненому. Въ это время да-

лекій, слабый стонъ женщины громче и сильнѣе раздался въ его ушахъ, чѣмъ только-что имъ слышанный вопль смерти, и въ то же время словно оборвалось что-то и жгучею болью затрепетало въ сердцѣ. Онъ невольно выпрямился и, блѣднѣя, взглянулъ на галерею Св. Стефана. Ему показалось, что онъ видитъ смѣненіе за ея бронзовыми рѣшетками... Невыразимая тревога охватила его душу, и вдругъ, какъ молнія, блеснула передъ нимъ яркій, очаровательный образъ красавицы, и онъ понялъ мгновенно, что онъ любитъ ее—ее одну, безумно и навсегда...

Вечеромъ, ложась спать, Склирена, цѣлый день не выходившая изъ Жемчужины, разспрашивала служанокъ, чѣмъ окончились игры и кто остался побѣдителемъ. Про Глѣба она не спрашивала: вопросъ—кого убили во время перерыва, былъ первый, вырвавшійся у ней, когда она пришла въ себя. Она вздохнула свободно, услышавъ, что всѣ подробности этого случая рассказывалъ спаарій Глѣбъ, приходившій узнать объ ея здоровьѣ и случайно очутившійся на лѣстницѣ рядомъ съ убитымъ.

Служанки наперерывъ спѣшили ей сообщить о различныхъ происшествіяхъ дня.

— Августѣйшая! сказала одна изъ нихъ,— на твоей лютнѣ сегодня утромъ лопнула струна...

— Я это знала... чуть слышно выговорила Склирена.

VIII.

Что въ ней, въ этой пѣсни?.. что зоветъ, и рыдаетъ, и хватается за сердце?.. Гоголь („Мертвая душа“, гл. XI).

Глѣбъ полюбилъ Склирену съ той минуты, когда услышалъ изъ ея устъ любимые напѣвы своей родины, когда онъ узналъ, что она поняла его горе, что она не чужая ему... До тѣхъ поръ чувство смутно жило въ его груди; Склирена казалась ему недосыгаемою, далекою, его пугали ея страстные порывы. Но онъ созналъ свою любовь лишь въ роковую минуту на ипподромѣ, словно въ стонѣ молодой женщины онъ прочелъ всю ея грустную повѣсть. Жизнь его перевернулась съ этого мгновения; все чѣмъ кишѣла молодая кровь, все что грезилось въ смутныхъ снахъ, — какъ яркій цвѣтокъ распустилось подъ лучомъ солнца.

Два дня послѣ обморока Склирена не выходила изъ Жемчужины, и Глѣбъ напрасно цѣлыми часами бродилъ по дворцу въ чаяніи встрѣтить ее.

Наконецъ, утромъ на третій день онъ увидѣлъ ее издали на галереѣ Сорока Мучениковъ; въ сопровожденіи служанокъ она шла въ садъ, чтобы, по совѣту врача, подышать чистымъ воздухомъ. Глѣбъ отступилъ въ сторону, давая ей дорогу. Легкою стопою приближалась она, словно, не касаясь земли, летѣла впереди своихъ спутницъ. Приблизясь, она ласково кивнула головою въ отвѣтъ на его поклонъ.

— Приходи въ садъ черезъ полчаса, сказала она вполголоса,— мнѣ надо видѣть тебя.

Какъ видѣніе она пронеслась мимо и слѣдомъ за нею мелькнули молодыя лица ея служанокъ. Неподвижно стоялъ спаарій, глядя имъ вслѣдъ, пока онъ не скрылся за поворотомъ, пока не затихъ шумъ ихъ шаговъ.

Медленно ползли для него эти полчаса; онъ нѣсколько разъ заходилъ на Орологій, гдѣ стояли большіе водяные часы — но тамъ время, казалось, ползло еще медленнѣе.

Наконецъ указанный срокъ прошелъ, и Глѣбъ спустился въ садъ.

Полуденное солнце обливало налящими лучами двор-

цовый садъ, но въ тѣни колоннады, у тихо журчащаго фонтана было прохладно. Плющи и виноградъ, со своею узорчатою зеленью, глидины съ длинными сережками ароматныхъ цвѣтовъ вползли по мраморнымъ колоннамъ и, переплетаясь и перекидываясь съ одной на другую, образовали непроницаемый навѣсъ зелени. Густые лавровые и олеандровые кусты тѣснились кругомъ; темные киварисы длинными стрѣлами вознеслись надъ ними, а въ вышинѣ, рисуясь на темно-голубомъ небѣ, чуть слышно шумѣли раскидистыя приморскія сосны.

Между двухъ колоннъ, на каменной скамьѣ, покрытой ковромъ, сидѣла Склирена. Толпа ея придворныхъ помѣщалась въ отдаленіи. Молодая женщина была одна; она только-что окончила бесѣду съ братомъ, и прото-страторъ со своимъ вожатымъ поднимался ко дворцу по мощеной мраморомъ аллѣѣ.

Увидя Глѣба, она подозвала его и указала ему на табуретъ почти у ея ногъ, гдѣ только-что сидѣлъ Склиръ.

— Я хочу сообщить тебѣ радостную новость, сказала ему она, — ты скоро получишь полную свободу.

Глѣбъ сидѣлъ безмолвно, и лицо его выразило скорѣе удивленіе, чѣмъ радость. Она, кажется, замѣтила это и продолжала смѣяться:

— Мономахъ вошелъ въ переговоры съ вашимъ княземъ; онъ хочетъ выдать свою дочь отъ перваго брака за князя Всеволода Ярославича ¹⁾. Ты не можешь долѣе считаться рабомъ... два-три мѣсяца—и ты будешь совершенно свободенъ.

Нѣсколько дней тому назадъ онъ бросился-бы къ ея ногамъ и не зналъ-бы какъ выразить свою благодарность, но теперь онъ сидѣлъ неподвижно и только страхъ возможности разлуки будили въ немъ ея слова.

— Развѣ ты не радъ? спросила она.

Онъ отвѣтилъ не сразу.

— Это еще не скоро... сказалъ онъ наконецъ, — оставимъ теперь этотъ разговоръ... успѣемъ.

Затаенная робкая радость промелькнула въ ея взглядѣ.

Сердце Глѣба стучало. Ему хотѣлось высказать ей то мучительно сладкое волненіе, которое какъ огонь разливалось по его жиламъ; но онъ молчалъ, робко глядя на ея сверкающую, дивную красоту.

— Я не видела тебя два дня... Чтѣ ты дѣлалъ? спросила она.

— Я... началъ было онъ, но голосъ его дрогнулъ и оборвался. Онъ закрылъ лицо руками.

— Чтѣ съ тобою? заботливо спросила она и лучистый взоръ ея остановился на немъ.

Онъ махнулъ рукою и, не поднимая головы, прошепталъ:

— Погоди... я потомъ скажу тебѣ... все...

Нѣсколько мгновеній длилось молчаніе. Склирена наклонилась, взяла лежавшую у ея ногъ лютию и провела рукою по струнамъ. Въ это время Михаилъ Пселлъ появился въ кружкѣ сидѣвшихъ въ отдаленіи придворныхъ.

— А, философъ! воскликнула Склирена.

Ученый подошелъ къ ней съ низкимъ поклономъ.

— Скажи мнѣ, Пселлъ, продолжала она, — вѣдь смерть не страшна?

— Ты задаешь страшный вопросъ. Человѣкъ не долженъ бояться смерти... вспомни Сократа.

— Я знаю... перебила его она, — вы всѣ, философы, готовы сейчасъ выпить чашу яда.

Пселлъ улыбнулся.

— Нѣтъ, не всѣ... или я плохой философъ. Я не боюсь смерти, но и умирать не хочу. Я слишкомъ люблю и солнце, и красу природы, и свои занятія.

— Ты любишь все это, снова перебила она, — и от-

того не хочешь умирать... не такъ-ли? Смерть и любовь—враги?

— Любовь—это жизнь! промолвилъ философъ.

— О нѣтъ, нѣтъ, горячо возразила она, — я думаю: любовь—это безсмертіе; для нея нѣтъ ни жизни, ни смерти...

Пселлъ засмѣялся.

— Ты ловишь меня на словахъ, молвилъ онъ, — что это тебѣ вздумалось говорить о смерти?

— Не знаю, задумчиво сказала она и снова провела рукою по струнамъ.

Она начала пѣть вполголоса, но мало-по-малу звуки ея пѣсни стали расти и крѣпнуть: въ нихъ слышалась сначала тихая жалоба, стонъ наболѣвшей, измученной души... потомъ въ извивахъ мелодіи послышалась чарующая надежда; задушевные звуки словно отгоняли горе, словно успокаивали печаль... Громче и громче разливались они—и вотъ, въ могучемъ созвучіи, какъ первый лучъ свѣта во мракѣ, повѣяла близость утѣшенія, дохнуло ласкою, тепломъ и свѣтомъ. Все задрожало радостью и уже не было мѣста горю; съ несказанною нѣжностью трепетала и замирала пѣсня—ласковая, какъ ропотъ волнъ Пропонтиды, пѣбкая, какъ первое сіяніе зари...

Глѣбъ весь превратился въ слухъ. Каждый звукъ глубоко раздавался въ его сердцѣ; онъ снова переживалъ все то, чтѣ прошло въ его душѣ съ памятнаго мгновенія во время игры; онъ былъ въ какомъ-то бреду, въ невѣдомомъ лучезарномъ мірѣ... Глаза его горѣли, дрожація губы беззвучно лепетали признаніе.

Вдругъ взоры ихъ встрѣтились: она прочитала въ его глазахъ то, чтѣ шептали его уста, и отвѣтнымъ пламенемъ, какъ зарницею, вспыхнуло ея лицо—и пѣсня оборвалась звонкимъ, восторженнымъ крикомъ счастья...

Поблѣдивъ, Склирена, вдругъ выпрямилась, дрогнула и, какъ мертвая, унала-бы на землю, если-бы Пселлъ и Глѣбъ не поддержали ее. Лютия съ лопнувшей струною выкатилась изъ рукъ ея. Съ помощью подбѣжавшихъ людей посадили они молодую женщину на скамью. Блѣдная, какъ мертвецъ, съ безсильно повисшею головою, она сидѣла бездыханная. Напрасно ей терли руки, брызгали на нее водою, казалось—душа не хотѣла возвратиться въ это мраморное тѣло.

Глѣбъ, стоя на колѣняхъ, также теръ ей руки, и опечаленный взоръ то и дѣло поднимался въ томительной тревогѣ на мертвенное лицо красавицы.

Наконецъ она слабо вздохнула, открыла глаза и поглядѣла вокругъ. Сначала она видимо не могла вспомнить, гдѣ она находится, чтѣ случилось; но мало-по-малу сознаніе возвратилось и она знакомъ выразила желаніе вернуться домой.

Бережно, какъ ребенка, взявъ ее на руки Херимонъ и осторожными шагами направился ко дворцу. Пселлъ на ходу поддерживалъ ей голову. Безмолвно шли кругомъ евнухи и служанки.

Глѣбъ проводилъ печальное шествіе до дверей Жемчужины и остался на галереѣ Сорока Мучениковъ съ вѣсколькими придворными, также ожидавшими вѣсти о здоровьѣ Склирены.

Черезъ четверть часа вышелъ изъ Жемчужины Пселлъ, и всѣ окружили его съ разспросами.

— Она очнулась, отвѣчалъ философъ, —врачъ однако совѣтовалъ ей лечь... Онъ не понимаетъ причины этихъ странныхъ обмороковъ; Августѣйшая очень слаба. Какъ она пѣла! прибавилъ онъ, и глаза его вспыхнули при этомъ воспоминаніи: —я никогда не слышалъ и, вѣроятно, уже болѣе не услышу такого пѣнія. Чтѣ значитъ однако—вдохновеніе! все болѣе увлекаясь продолжалъ Пселлъ. — Когда слушаешь ее, передъ тобою открывается новый міръ, тебѣ понятна становится вѣчная загадка жизни... Этотъ порывъ вдох-

¹⁾ Эта греческая царевна сдѣлалась въ послѣдствіи матерью князя Владиміра Всеволодовича, въ честь дѣда прозваннаго Мономахомъ.

Выкупъ дороги свадебнымъ поѣдомъ. Съ карт. Г. Весина, грав. Кислингъ.

повенія былъ минутой безсмертія: пускай пѣсь ея смолкла, она не умретъ никогда...

Цѣлый день Глѣбъ не могъ найти себѣ мѣста. Какъ тѣнь бродилъ онъ повсюду. Забрелъ въ тѣлохранительскую—тамъ было пусто: два-три человѣка крѣпко спали на своихъ ложахъ, да въ сѣняхъ два снаорія играли въ кости. Онъ вышелъ въ таинственный фіалъ Сигмы и подошелъ къ фонтану.

„Здѣсь она тогда ждала меня“, подумалось ему, и онъ старался поймать серебристыя брызги струй, со звономъ бѣжавшихъ изъ золотой раковины. „Сколько воды убѣжало съ тѣхъ поръ...“

Онъ побрелъ куда глаза глядятъ и векорѣ снова очутился на галереѣ Сорока Мучениковъ, гдѣ и остановился, прислонясь къ колоннѣ. Только тутъ смолкала томительная тревога его—ее заглушало усиленное бѣненіе сердца при каждомъ звукѣ голоса, шумѣ шаговъ у дверей Жемчужины...

Вотъ одна служанка проходя сказала другой: „ты слышала, Августѣйшая Склирена сильно заболѣла?“

Горькое, мучительное недоумѣніе просыпалось въ его груди.

„Неужели она умретъ?“ въ отчаяніи думалъ онъ. „Не можетъ быть... какъ-же умереть теперь, когда настоящая жизнь только-что начинается?“

Часы проходили, а онъ все стоялъ, прислонясь къ стѣнѣ.

Наконецъ онъ увидѣлъ Евфимію и чуть не бѣгомъ бросился ей навстрѣчу.

— Ну, что она? задыхаясь спрашивалъ онъ.

— Теперь она уснула... отвѣтила Евфимія, и слезы сверкнули на заплаканныхъ глазахъ вѣрной служанки.— О, если-бы ты зналъ какъ она слаба, какой странной у ней взглядъ!..—Она остановилась, стараясь овладѣть собою.—Я именно тебя хотѣла видѣть, продолжала она черезъ мгновеніе.—Августѣйшая поручила мнѣ передать тебѣ, что ей во что бы то ни стало надо съ тобой увидаться. Приходи завтра на закатѣ въ садъ, въ бесѣдку „орла“—знаешь? Госпожа сказала, что будетъ тамъ, какъ-бы себя ни чувствовала.

Во всю ночь Глѣбъ не сомкнулъ глазъ въ мучительныхъ думахъ о ней, въ мечтахъ о предстоящемъ свиданіи...

IX.

А море Черное шумитъ не умолкая...
Лермонтовъ („На смерть князя А. И. Одоевскаго“).

Узнавъ о болѣзни Склирены, императоръ пришелъ ее навѣстить и довольно долго пробылъ у ней. Возвращаясь въ свои покои, онъ встрѣтилъ Пселла съ Василиемъ Склиромъ и позвалъ ихъ къ себѣ.

— Что это съ твоею сестрою? спросилъ онъ протостратора, войдя къ себѣ и садясь въ кресло.

— Не понимаю, священный повелитель, отвѣчалъ Склиръ, — я бесѣдовалъ съ нею за четверть часа до обморока: она ни на что не жаловалась.

— Пселль, ты былъ около нея... сказалъ Мономахъ.

— Да. Я замѣтилъ, отвѣтилъ философъ,—что у Августѣйшей были грустные думы; она заговорила о смерти и спрашивала, страшно-ли умирать...

Константинъ въ задумчивости гладилъ свою сѣдую бороду.

— Удивительно... замѣтилъ онъ, — что за странная болѣзнь!.. Съ тѣхъ поръ какъ она заболѣла на охотѣ въ лѣсу, это уже второй обморокъ, и я вижу, что силы ея уходятъ...

Какая-то тревожная мысль промелькнула вдругъ въ глазахъ императора.

— Распорядись, Василий, рѣшительно сказалъ онъ,—чтобы мой врачъ лѣчилъ ее. Я что-то мало довѣряю ея врачу.

Склиръ поклонился до земли.

— Иду исполнять божественное велѣніе твое, молвилъ онъ, уходя.

Вечеромъ Мономахъ отправился къ императрицѣ.

Въ ея опочивальнѣ царилъ полумракъ; она сидѣла въ креслѣ и внимательно слушала монаха, который, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея, стоя у аналоя, читалъ изъ житія святыхъ. Два-три свѣтильника и восковыми свѣча у аналоя тускло освѣщали большую комнату.

— Мы послѣ дочитаемъ, сказала Зоя монаху, когда ей доложили, что императоръ идетъ. — Подожди въ Гармоніи, отецъ. Я позову тебя.

Она встала, привѣтствуя вонеднаго императора. Константинъ очевидно былъ не въ духѣ; онъ коротко отвѣтилъ на привѣтствіе жены и, сурово сдвинувъ сѣдья брови, сѣлъ около нея.

— Ваше величество не веселы сегодня, съ ироніей замѣтила старуха.

— Ты знаешь сама, что тревожитъ меня, сухо отвѣтилъ императоръ.

— Конечно, отвѣтила старуха, — государственныя дѣла не легки.

— Меня заботитъ здоровье Склирены, перебилъ онъ съ нескрываемой досадою.

— А! съ притворнымъ удивленіемъ протянула Зоя.

Они замолкли.

— Развѣ ты не слыхала про ея болѣзнь? спросилъ Мономахъ.

— Да, мнѣ сдается, что слышала... прищуриваясь молвила старуха,—но у меня нѣтъ времени заниматься всякими слетными и пустяками. Кажется, врачъ говоритъ, что нѣтъ ничего опаснаго.

Наплывъ негодованія душилъ Мономаха.

— Такъ ты думаешь, нѣтъ ничего опаснаго... съ искривившейся улыбкою проговорилъ онъ.

Она поглядѣла на мужа, какъ-бы стараясь найти причину его волненія, и затѣмъ отвортила голову.

— Я ничего не знаю. Это врачъ говорилъ, холодно сказала она.

— Врачъ говорилъ... со злобою повторилъ императоръ,—ужь не приходишь-ли онъ къ тебѣ совѣщаться о лѣкарствахъ для больной?

Зоя раземѣялась бездушнымъ и наглымъ смѣхомъ.

— Такъ вотъ что... презрительно выговорила она,—ты, кажется, думаешь, что я отравляю ее?

Константинъ въ волненіи поднялся съ мѣста.

— Я знаю тебя и считаю способною на все...

Она остановила его властнымъ движеніемъ руки.

— Успокойся, съ пренебреженіемъ сказала она,—если-бы мнѣ было надо, я-бы это сдѣлала четыре года назадъ, когда выходила за тебя замужъ.

Идовитая усмѣшка скользнула по ея лицу.

— И притомъ, продолжала она,—вся эта сцена дурно тобой разыграна. Весь дворецъ знаетъ, что болѣзнь Склирены—дѣло твоихъ рукъ, твоей ревности.

Мономахъ глядѣлъ, недоумѣвая.

— Но я посоветовала-бы сѣдому ревнивцу устранить сперва этого писанаго красавца.

— Какого красавца? съ возрастающимъ изумленіемъ спросилъ Константинъ.

— Ты, кажется, хочешь меня увѣрить, что тебѣ ничего не извѣстно про любовь Склирены къ снаорію Глѣбу...

Нѣсколько мгновеній императоръ сидѣлъ неподвижно и потомъ вдругъ, какъ ужаленный, быстро поднялся съ мѣста.

— Замолчи, змѣя! виѣ себя воскликнулъ онъ,—тебѣ завидно, что Склирена лучше и чище тебя. Ни годы, ни близость смерти не умертвятъ твоего яду, не исправятъ тебя отъ пороковъ... Ты хочешь бросить грязью въ

женщину, которая отдала мнѣ молодость, которая одна въ цѣломъ мірѣ любила меня...

Онъ замолкъ и въ отчаяніи закрылъ лицо руками. Зоя встала и крикнула дежурнаго евнуха.

— Императоръ сейчасъ уходитъ къ себѣ, рѣзко сказала она ему,—позови монаха продолжать чтеніе.

Евнухъ вышелъ. Константинъ поднялся съ мѣста.

— И къ тому-же, рѣшительно молвилъ онъ Зоѣ,—знай, что Склирена свободна и можетъ дѣлать что хочетъ; не мнѣ стѣснять ея свободу.

Императрица презрительно улыбнулась и отвернулась, будто не желая слушать. Монахъ не прощаясь вышелъ изъ комнаты.

Послѣ безсонной ночи императоръ приказалъ позвать къ себѣ Константина Лихуда.

— Отдай приказъ немедленно посадить спаарія Глѣба въ Анемадскую тюрьму, сурово сказалъ онъ ему.

Лихудъ поклонился.

— И чтобъ никто объ этомъ не зналъ, добавилъ императоръ.—Что это у тебя за грамота?

— Я принесъ тебѣ подписать указъ о повсемѣстномъ освобожденіи плѣнныхъ россовъ по случаю обрученія царевны съ княземъ Всеволодомъ.

— Хорошо. Оставь.

Лихудъ направился было къ дверямъ, но вдругъ остановился и вернулся къ Монаху.

— Государь, замѣтилъ онъ,—я вспомнилъ что спаарій Глѣбъ — также изъ россовъ. Мы не знаемъ, кто онъ такой, изъ какой семьи. Не повредило-бы дѣлу твое приказаніе.

Монахъ нахмурился.

— У меня есть причины... началъ было онъ и остановился.

— Я не сомнѣваюсь, государь, почтительно отвѣтилъ Лихудъ,—но я позволю тебѣ напомнить, что Романъ Боила хлопотеть о награжденіи этого самаго Глѣба. Я рѣшаюсь возражать только потому, что знаю твою доброту и довѣрчивость. Безпристрастны-ли лица, желающія погубить спаарія? Можемъ-ли мы изъ-за этого рисковать разстройствомъ сватовства?

Императоръ задумался.

— Ахъ, дѣлай съ нимъ что хочешь! воскликнулъ онъ,—только чтобы онъ не встрѣчался со мною, чтобы онъ не былъ спааріемъ, не жилъ въ Константинополѣ!

Лихудъ поклонился.

— Завтра-же, когда объявятъ указъ о свободѣ плѣнныхъ, я прикажу ему уѣхать на родину...

Въ дворцовомъ саду, на самомъ высококомъ мѣстѣ, приютилась подъ защитою столѣтнихъ сосенъ красивая бесѣдка. Мозаики по золотому фону покрываютъ ея своды, покоющіеся на колоннахъ розоваго мрамора. Чудный видъ открывается изъ ея оконъ: видны и зеленые берега Босфора, и величественно высящаяся Св. Софія и Пропонтида, окаймленная далекими горами.

Трудно было выбрать болѣе красивое мѣсто для бесѣдки—какъ орелъ высоко поднялась она надъ садомъ и вѣроятно оттого ее и назвали „Орломъ“¹⁾.

Склирена была одна. Среди разостланнаго на полу пушистаго восточнаго ковра, она полулежала на парчевыхъ подушкахъ. Вся въ бѣломъ, красавица казалась бѣднѣе вчерашняго; ея густые, черные волосы были подняты кверху и перехвачены гладкимъ золотымъ обручемъ. Глубокіе глаза ея были широко раскрыты. Лютня лежала у ея ногъ, а кругомъ—на коврѣ, на ея колѣняхъ, на пестромъ мраморномъ полу лежали цѣлыя горы розъ всевозможныхъ цвѣтовъ и отѣнковъ; Склирена собирала ихъ въ букеты, но не

ими были заняты ея мысли... Она тоскливо прислушивалась къ каждому звуку, къ каждому шороху... Она ждала и сердце ея замирало отъ страху, что онъ не придетъ... Не было-ли пустымъ обманомъ воображенія то что она вчера прочла въ его взглядѣ?... Есть-ли основаніе у мечты, всю ночь золотымъ сномъ порхавшей надъ красавицей?... придетъ-ли онъ?

Она прислушалась, слышны были шаги... кто-то быстро взбѣгалъ на ступени. Она подняла глаза на входившаго, выронила цвѣты, протянула ему обѣ руки и вся засвѣтилась радостною улыбкою.

Глѣбъ бросился на коверъ къ ея ногамъ и жадными поцѣлуями покрывалъ ея красивыя, словно выточенные руки.

— Тебѣ лучше... шепталъ онъ.—Я глазъ не сомкнулъ всю ночь... я такъ испугался вчера... тебѣ лучше, не правда-ли?

Она съ тихою улыбкою проводила рукою по склоненной передъ нею, курчавой головѣ его.

— Не спрашивай меня о моемъ здоровьи. Мнѣ такъ хорошо теперь. Каждое мгновеніе наше, а что дальше—не все-ли равно?

Она подняла нѣсколько цвѣтовъ и долго въ задумчивости вдыхала ихъ ароматъ; потомъ она передала ихъ Глѣбу.

— Я знаю—ты любишь цвѣты, сказала она,—полюбуйся, какая прелесть, какой ароматъ... Къ вечеру они завянутъ...

Они замолкли. Вечерняя тишина стояла вокругъ, и жаль было нарушать эту тишину. Да и къ чему говорить, когда въ безмолвіи слышишь согласное бѣненіе двухъ сердець...

Онъ первый прервалъ молчаніе.

— Ты сказала вчера, что мнѣ возвратятъ свободу... но я не знаю, что случилось со мною—никогда я не былъ такъ счастливъ и такъ свободенъ, какъ теперь. Мнѣ не надо иной свободы, мнѣ не надо родины—я всю жизнь останусь здѣсь съ тобою...

— Всю жизнь... повторила она,—да, всю жизнь вмѣстѣ. и когда я умру, душа моя всюду будетъ вмѣстѣ съ тобою.

Она взяла лютню и стала перебирать струны, а онъ продолжалъ говорить и подъ тихій звонъ этихъ струнъ, казалась, на огненныхъ крыльяхъ летѣла рѣчь его.

— Зачѣмъ говоришь ты о смерти? Намъ теперь жить надо... Я не знаю, какъ хороша жизнь, какое безконечное счастье любить тебя, дышать съ тобою однимъ воздухомъ... Смотри—голова моя въ огнѣ, руки холодны, сердце бьется и трепещетъ одною тобою... Я цѣлый день ждалъ свиданія... безъ тебя я не живу—ты мой свѣтъ, моя родина, мое счастье... быть твоимъ рабомъ, жить и умереть за тебя—другаго блаженства нѣтъ.

Горячія слезы падали изъ его глазъ. Ароматъ розъ поднимался благоуханной волной; вечерній вѣтерокъ вѣялъ въ раскрытыя окна. Вечеръ опускался на землю, розовый румянецъ охватилъ горизонтъ.

Она въ упоеніи слушала его рѣчи. Это не сонъ—лютня побѣдила его холодное сердце, съ каждымъ звукомъ ея плѣни пламя будетъ разгораться сильнѣе... и пальцы красавицы сильнѣе нажимали струны, и аккорды раздавались громче и могучѣе...

Вдругъ она остановилась и ужасъ отразился на лицѣ ея. Вѣдь уже два раза обрывалась струна...

Глѣбъ не замѣтилъ ея страха; онъ былъ весь—увлеченіе.

— Пой... пой еще, твердилъ онъ въ какомъ-то забытій.—Когда ты обрываешь звуки этой лютни, тяжелыя, мучительныя воспоминанія, невольныя сомнѣнія возникаютъ въ душѣ моей... Играй и пой—молю тебя; съ каждой плѣней твоею я еще горячѣе, еще безпрѣдѣльнѣе люблю тебя. Играй и пой—прошу тебя...

Онъ поддерживалъ лютню; страстной мольбою дышали слова его.

¹⁾ Орелъ (Λετός), зданіе построено въ саду при Василии Македонскомъ. Оно лежало на самой вершинѣ холма. (Labarte p. 86. II. Кондаковъ. „Визант. церкви Константинополя“, стр. 59).

Могучая волна вдохновенія захватывала красавицу. Пускай въ прахъ упадутъ всѣ сомнѣнія, пускай среди бури и огня они будутъ вдвоемъ. Развѣ мигъ — не вѣчность?

Склирена выпрямилась, ударила по струнамъ и заплѣла.

Глѣбъ жадно глядѣлъ на нее: охваченная розовымъ отблескомъ заката, въ сѣяніи безсмертной, вдохновенной красоты, сидѣла она передъ нимъ. Дыханіемъ жизни, пламенемъ страсти и счастья вѣяло отъ каждаго ея движенія, отъ каждой складки ея одеждъ. Громко неслась ея пѣснь среди вечерней тишины. Въ ея чарующей мелодіи всѣ чувства, всѣ мысли, вся душа переродилась въ звуки... Сердце рвалось и замирало, словно все вихремъ летѣло куда-то, словно все захлестывала властная волна жгучихъ восторговъ. Пѣснь затопляла все бурнымъ, могучимъ потокомъ; она трепетала страстью, ныла побѣднымъ пламенемъ и торжествующимъ счастьемъ...

Вдругъ съ жалобнымъ стономъ оборвалась струна... Склирена отбросила лютню; съ надтреснутымъ звукомъ ударился разбившійся инструментъ о мраморный полъ. Красавица склонилась въ объятія Глѣба и замерла въ доломъ лобзаній... На мигъ все помутилось кругомъ въ вихрь безумнаго счастья... Развѣ мигъ — не вѣчность?

Ужасный стонъ внезапно огласилъ тишину... Вся затрепетавъ, Склирена выскользнула изъ его объятій и упала на коверъ.

Обезумѣвъ отъ ужаса, склонился онъ надъ нею. Дрогнувшей рукою онъ силится приподнять ее, онъ звалъ ее по имени...

Ни звука не раздавалось въ отвѣтъ... Вѣчнымъ покоемъ вѣяло отъ мраморнаго чела, отъ дивныхъ чертъ ея, улыбка счастья и упоенія замерла на устахъ... сердце не билось.

Умирающія розы кадили благоуханіемъ надъ усопшей красавицей... умирающій день обнималъ ее послѣдними лучами...

Небольшое парусное судно выходило изъ Босфора въ Черное море. Уже назадъ остались опасные гребни Кіанейскихъ скалъ; впереди непривѣтливо темнѣлъ морской просторъ, шумѣли свинцовыя волны съ бѣлыми гребнями.

На палубѣ, облокотясь на бортъ, сидѣлъ Глѣбъ. Онъ глядѣлъ назадъ, на прибрежные холмы Босфора. Съ каждымъ мгновеніемъ они становились туманнѣе, отодвигались далѣе.

Не все-ли равно, что ждетъ его на далекой родинѣ? Всѣ думы его, вся жизнь — назадъ; онъ забылъ тяжелые годы неволи, его не радуетъ свобода. Одинъ любимый, сверкающій красотою образъ носится передъ нимъ въ лучахъ тепла и свѣта. Среди снѣговъ отчизны, подъ бѣднымъ небомъ Сѣвера, онъ не перестанетъ мечтать о синевѣ полуденнаго неба, о ласкающемъ шумѣ волнъ голубой Пропонтиды, о прекрасной — какъ сказка — теперь родной сердцу его Византіи...

Его глаза невольно поднялись кверху, къ вѣчной лазури; надъ самыми мачтами несло легкое, пронизанное лучами солнца облако... Не душа-ли византійской красавицы летѣла на немъ вслѣдъ за безвѣстнымъ русскимъ воиномъ?..

К О Н Е Ц Ъ .

Иисусъ.*)

Ловѣствованіе изъ библейскихъ временъ. Георга Эберса. (Продолженіе).

(Право перевода приобретено редакціей отъ автора).

Намъ придется, какъ ранамъ, пачаться въ гору...

Глава XXIV.

оударственные преступники, шедшіе къ рудникамъ, на этотъ разъ медленно подвигались къ цѣли.

Опытный приставъ говорилъ, что не запомнить другаго такого перехода по пустынѣ. Никогда еще не извѣлъ онъ столько хлопотъ и не встрѣчалъ столько препятствій, случайностей и несчастныхъ приключеній.

Одинъ изъ его кротовъ, Ефремъ, бѣжалъ. Приставъ лишилъ своихъ вѣрныхъ собакъ-щисекъ. Вѣреинный ему отрядъ былъ застигнутъ, перенуганъ и насквозь промоченъ такою бурей, какая развѣ въ пять лѣтъ разъ посѣщаетъ эту полосу пустыни. На слѣдующій вечеръ буря — та самая, которая подготовила гибель фараонова войска — разыгралась еще сильнѣе и продолжительнѣе. Она задержала движеніе

* Сильв Навина.

отряда, и вслѣдствіе почной стоянки на открытомъ воздухѣ подъ ливнемъ, заболѣло лихорадкою нѣсколько колодниковъ и стражниковъ. Отъ дождя пострадали также и египетскіе ослы, не привыкшіе къ сырости: лучшаго изъ нихъ надо было оставить на дорогѣ.

Въ заключеніе пришлось похоронить двухъ колодниковъ, трехъ другихъ, сильно расхворавшихся, взвалить на оставшихся ослы, а пону послѣднихъ распределить между сельскими. Никогда еще, въ теченіе двадцатипятилѣтней службы, ничего подобнаго до сихъ поръ не случалось съ приставомъ, а впереди ему предстояло еще строгое взысканіе.

Все это очень дурно дѣйствовало на расположеніе его духа. Обыкновенно онъ слылъ за самаго добродушнаго пачъ своихъ товарищей-приставовъ, но теперь обнаруживалъ сильное раздраженіе. Всѣхъ хуже доставалось отъ него Иисусу, какъ другу того безсовѣстнаго юнина, съ побѣгомъ котораго и начался всѣ невзгоды.

Можетъ-быть вслѣдствіемъ приставъ и мягче обошелся бы съ Иисусомъ, еслибъ тотъ жаловался, какъ напримѣръ шедшіи позади него колодникъ, или угрожалъ, какъ его товарищъ по цѣпи. Послѣдній то и дѣло намекалъ на грядущія времена, когда его свояченица настолько приблизится къ фараону, что будетъ въ состояніи воздать по заслугамъ тѣмъ, которые теперь такъ жестоко обращаются съ ея милымъ родственникомъ.

Но Иисусъ далъ себѣ слово переносить грубыя выходки пристава и товарищей съ такимъ же невозмутимымъ спокойствіемъ, съ какимъ въ былое время переносилъ солнечный зной, который не разъ томилъ его во время военныхъ походовъ по пустынѣ. Его твердый, мужественный духъ помогъ ему не отступать отъ этой рѣшимости.

Приставъ нагружалъ его невозможными тяжестями. Иисусъ напрягалъ всѣ силы своихъ мышцъ и плелся далѣе безъ возраженій и жалобъ, пока не подкашивались у него ноги. Тогда приставъ кидался на него, сбрасывалъ съ его плечъ часть ноши и восклицалъ, что видитъ и понимаетъ всю злобу Иисуса: весь расчетъ его — свалиться на дорогѣ и создать ему, приставу, новыя затрудненія. Но онъ, приставъ, не дастъ себя въ обманъ и никому не подаритъ жизни, которая нужна въ рудникахъ.

Разъ приставъ до крови стегнулъ Иисуса, но тотчасъ же принялъ всѣ мѣры къ тому, чтобы залечить его рану. Онъ далъ ему для подкрѣпленія вина и, чтобы Иисусъ могъ испол-

Джузепе. Съ карт проф. Желли, грав. Джемсъ.

нѣ оправится, на цѣлые полднѣ приостановилъ движеніе отряда.

Приставъ не забылъ обѣщаній князя Спитакха — щедро награждать того, кто ему доставитъ извѣстіе о смерти Иисуса. Но это только побуждало его заботливѣе къ нему относиться. Онъ былъ честенъ и не хотѣлъ для личныхъ выгодъ жертвовать своими обязанностями: это навсегда лишило бы его двухъ лучшихъ благъ — сна и позы на вѣду.

Такимъ образомъ, если еврейскаго колодника и подвергали истязаніямъ, то, во всякомъ случаѣ, не слыше слыть. Это, къ утѣшенію Иисуса, еще давало ему возможность кое въ чемъ облегчать своихъ менѣе сильныхъ товарищей.

Свою собственную судьбу онъ отдалъ въ руки Бога, который призвалъ его служить Себѣ. Однако онъ понималъ, что одною благочестивою покорностью Его воли нельзя ограничиться, и потому мысль о бѣгствѣ ни днемъ, ни ночью не покидала его. Но цѣль, соединившая его съ другими колодниками, была слишкомъ крѣпка: ее каждое утро и вечеръ вновь свидѣтельствовали и закрѣпляли. Такимъ образомъ всякая попытка къ побѣгу повела бы лишь къ худшимъ бѣдствіямъ.

Колодники шли сначала холмистою мѣстностью, потомъ, въ виду длиннаго горнаго хребта, пошли въ гору, а въ заключеніе вступили въ пустыню, но каменистой почвѣ которой были разбросаны утесы изъ песчаника въ видѣ сильно усѣченыхъ конусовъ.

На пятый вечеръ они расположились почевать у подножій высокой горы, которую природа, казалось, воздвигла исключительно изъ каменныхъ пластовъ. А на шестой день они съ восходомъ солнца свернули въ боковую долину, которая вела въ рудники.

Нагнать ихъ пришлось только однажды, въ первые дни шествія, посланцу изъ царскаго казначейства. Но за то многократно попадались имъ встрѣчные небольшие обозы съ малахитомъ, бирюзой, мѣдью и зелеными слезами, которые изготовлялись по соудѣству съ рудниками и оттуда препровождались въ Египетъ.

Въ числѣ другихъ путниковъ, встрѣченныхъ ими при входѣ въ долину, куда они свернули въ это утро, была одна чета, которая получила отъ царя помилованіе и теперь возвращалась на родину. Приставъ, желая ободрить своихъ изнемогающихъ кротовъ, указалъ имъ на нее. Но зрѣлище это произвело на колодниковъ обратное дѣйствіе. Включенные волосы мужчины, которому едва минуло тридцать лѣтъ, совсѣмъ посѣдѣли. Его икогда высокой, стройный станъ согнулся, а худая обнаженная спина была пещерена рубцами и кровавыми подтеками. Жена, раздѣлявшая его печальную участь, ослѣпла. Она сидѣла на ослѣ съ туннымъ видомъ безумной. Шумъ шествія колодниковъ, нарушивъ безмолвіе пустыни, прошелъ для нея безслѣдно, хотя она и не была глуха. Она не обратила на нихъ вниманія, и продолжала, ничего не видя, равнодушно смотрѣть передъ собой.

Встрѣча съ этими несчастными представила Иисусу его собственную будущность какъ въ зеркалѣ. Онъ впервые застоялъ и закрылъ лицо руками.

Приставъ былъ тронутъ ужасомъ этого человѣка, стойкость котораго до сихъ поръ казалась ему непоколебимою. Онъ поспѣшилъ его успокоить и сказалъ:

— Не всѣ же такими возвращаются домой — нѣтъ, право, не всѣ.

«Потому что бываетъ еще хуже», прибавилъ онъ про себя. — „Но бѣднѣгамъ нѣтъ нужды знать это заранее. Въ слѣдующій разъ, когда я приду сюда, непременно справлюсь объ Осин. Интересно будетъ посмотрѣть, во что превратится этотъ вольт. Самые сильные и выносливые часто гибнутъ скорѣе другихъ“.

Приставъ, какъ погонщикъ управляющій жалкими клячами, взмахнулъ плетью надъ колодниками, но не коснулся ни одного изъ нихъ. Затѣмъ онъ указалъ на облако дыма, которое поднималось изъ-за высокой стѣны, справа отъ дороги.

— А вотъ и плавильныя печи! воскликнулъ онъ. — Въ полдень мы будемъ уже на мѣстѣ. Тамъ мы, конечно, найдемъ огонькъ сварить чечевичу, да раздобудемъ и кускомъ баранины. Вѣдь сегодня празднуется день рожденія добраго бога, сына солнца. Да здравствуетъ и да процвѣтаетъ онъ!

Отрядъ колодниковъ еще съ полчаса шелъ среди высокихъ отвѣсныхъ береговъ, вдоль русла высохшей рѣки. Недавній ливень образовалъ было здѣсь горный потокъ, который, съ шумомъ и гнѣвой, стремился въ долину. И теперь еще отъ него оставалось не мало дѣлать.

Печальное шествіе обогнуло еще одинъ крутой склонъ горы, на которой возвышался небольшой египетскій храмъ Аторы, съ могильными камнями вокругъ, и приблизилось къ повороту въ ущелье, гдѣ находились рудники.

Передъ воротами нагорнаго храма, въ день рожденія фараона, развѣвались значки на высокихъ шестахъ. Изъ долины обыкновенно безмолвныхъ рудниковъ доносился перпри-

вичный шумъ, крикъ, лязгъ и гамъ. Приставъ подумалъ, что это колодники шумиѣ обыкновеннаго празднуютъ великій день и сообщили свою догадку другимъ стражникамъ, которые въ недоумѣніи остановились и прислушивались.

Шествіе продолжало путь. Всѣ были такъ измучены, что никто даже не подыалъ головы. Полуденное солнце жгло и ослѣпительнымъ блескомъ обливало стѣны ущелья, которыя отражали такой жаръ, точно хотѣли соперничать съ соседними плавильными печами.

Не смотря на близость цѣли, колодники плелись какъ во снѣ. Изъ нихъ одинъ только находился въ сильномъ возбужденіи — до того сильнымъ, что у него захватывало духъ.

Какъ боевой конь, таща плугъ, сгибаетъ шею, раздуваетъ ноздри и мечетъ изъ глазъ молніи, такъ точно согбенный подъ тяжестью ноши стагъ Иисуса вдругъ выпрямился и его сверкающей взоръ устремился въ сторону шума, который приставъ принялъ за звуки праздничнаго веселья.

Онъ, Иисусъ, не такъ думалъ. Онъ не могъ ошибиться: это боевые клики египетскихъ воиновъ, трубные призывы къ бою, браніе оружія и крики вражескихъ силъ.

На все готовый, онъ окликнулъ своего товарища по цѣли и повелительно шепнулъ ему:

— Часъ освобожденія насталъ. Смотри въ оба и слѣно слабой за мной!

Египтяниномъ также овладѣло сильное волненіе. Иисусъ бросилъ взглядъ въ боковое ущелье и приказалъ товарищу быть наготовѣ.

Съ одного взгляда онъ различилъ на вершинѣ утеса величественный образъ и noctенную, обрамленную сѣднвами голову Навина. Онъ и въ десятитысячной толпѣ, и на еще большаго разстояніи узналъ бы его! Взглядъ Иисуса съ любимаго старца перенесся на пристава. Пестрый вообразить, что между государственнымъ преступникомъ вѣнхнулъ бунтъ и, въ испугѣ, не могъ выговорить слова. Наконецъ, къ нему вернулось присутствіе духа, и онъ хриплымъ голосомъ приказалъ стражникамъ:

— Стройтесь позади колодниковъ и бейте всякаго, кто вздумаетъ бѣжать!

Но какъ только подчиненные пристава очутились въ тылу отряда, Иисусъ крикнулъ своему товарищу:

— Хватай его!

Онъ находился впереди всѣхъ и, вмѣстѣ съ товарищемъ, кинулся на изумленнаго пристава. Тотъ не успѣлъ опомниться, какъ Иисусъ схватилъ его за правую руку, а египтянинъ за лѣвую.

Приставъ былъ очень силенъ. Ярость, имъ овладѣвшая, еще удвоила его силу, но тѣмъ не менѣе онъ тѣтено старался вырваться изъ желѣзныхъ рукъ Иисуса и его товарища.

Бывшій военачальникъ быстро сообразилъ, какимъ путемъ можетъ скорѣй добраться до своихъ. Путь этотъ пролегалъ мимо небольшого отряда египетскихъ стрѣлковъ, которые съ противоположнаго утеса пускали стрѣлы въ евреевъ. Враги, однако, не рѣшались стрѣлять въ Иисуса и его спутниковъ. Мощная осанка пристава, его одежда и оружіе достаточно общажи его званіе, и оба колодника шли подъ его прикрытіемъ.

— Приподними цѣль правой рукой, шепнулъ еврейскій воинъ своему товарищу, — а я буду держать передъ нами живую щитъ. Намъ теперь придется, какъ ракамъ, идти въ гору.

Товарищъ повиновался. Они были уже на разстояніи одного выстрѣла отъ враговъ. Имъ приходилось идти то бокомъ, то задомъ, и они шли, прикрываясь приставомъ. Иисусъ громовымъ голосомъ восклицалъ:

— Это сынъ Навина возвращается къ отцу и къ народу!

Онъ шагъ за шагомъ приближался къ еврейскимъ бойцамъ.

Ни одинъ изъ египтянъ, узнавшихъ пристава, не рѣшался пускаться стрѣлять въ колодниковъ. Вмѣстѣ скованные бѣглецы все еще задомъ подымались въ гору, какъ вдругъ съ высоты ея чей-то громкій, радостный голосъ окликнулъ Иисуса. Мгновеніе спустя, къ нему навстрѣчу бѣжалъ по скату Ефремъ съ толпой юныхъ еврейскихъ бойцовъ.

Иисусъ съ изумленіемъ увидѣлъ, что сынъ его народа, кроме обычныхъ пастушескихъ пращей и мѣтчиковъ съ закругленными камнями за поясомъ, были вооружены еще египетскими мечами, сѣкирами и большими щитами.

Ефремъ приблизился, но прежде всего выстроилъ своихъ товарищей въ два ряда, такъ что Иисусъ очутился между ними, какъ за двойной стѣной, которая защищала его отъ вражескихъ стрѣлъ.

Тогда только отдался юноша радости свиданія. За его приветствіемъ скоро послѣдовало другое, не менѣе радостное. У выступна скалы появился Навинъ. Его туда привели подъ защитой большихъ египетскихъ щитовъ, которые были выброшены моремъ. Подъ прикрытіемъ утеса, ловкія руки проворно освободили Иисуса и его товарища-колодника отъ цѣпей, а Ефремъ, съ помощью другихъ юношей, тутъ же заковалъ въ нихъ пристава.

Несчастный не пытался даже сопротивляться. Онъ былъ совсѣмъ уничтоженъ и только, когда ему хотѣли связать руки за спиной, попросилъ позволенія предварительно утеретьъ глаза. Слеза за слезой катились по щекамъ этого суроваго чело- вѣка и капали на его сѣдую бороду. Его перехитрили, провели и ослепили: отнынѣ онъ считалъ себя неспособнымъ къ отира- вленію своей должности.

Павинъ страстно, горячо обнялъ своего освобожденнаго, вновь обрѣтеннаго, единственнаго сына, котораго уже считали погибшимъ. Потому онъ вынулъ изъ рукъ и, отступивъ на шагъ, не переставалъ имъ любоваться. Почтенный старецъ жадно слушалъ увѣренія Іисуса, что онъ остался вѣрныи своему Богу и что отнынѣ надѣренъ всего себя посвятить на служеніе еврейскому народу.

Но они не могли долго наслаждаться радостью своего чудеснаго свиданія. Имъ еще предстояла борьба, предводитель- ство въ которой, само собой, какъ бы по неоспоримому праву, теперь перешло въ руки Іисуса.

Онъ порадовался избавленію своего народа, но не безъ гру- сти услышалъ о печальной судьбѣ храбраго воиска, къ вождямъ котораго такъ долго съ гордостью причислялъ и себя. Другой отрядъ вооруженныхъ пастырей, тѣмъ временемъ, подъ начальствомъ Ора, супруга Маріамы, собирался нанять на би- рюзовые прииски, близъ Дофки, которые лежали южнѣе, на разстояніи нѣсколькихъ часовъ ходьбы отсюда. Въ случаѣ по- бѣды, отрядъ этотъ долженъ былъ соединиться съ молодою дружиной Ефрема.

Юноша горѣлъ отъ нетерпѣнія сразиться съ египтянами. Осторожный Іисусъ уже успѣлъ убѣдиться въ малочисленности враговъ и не сомнѣвался, что значительно превосходившіе ихъ числомъ и воинственно-настроенные пастыри легко съ ними справятся. Но онъ считалъ себя виновникомъ предстоя- щей битвы и не хотѣлъ, чтобы изъ-за него проливалась лиш- няя кровь. Онъ приказалъ Ефрему сръзать съ сосѣдней паль- мы вѣтвь и потрѣбовать себѣ щитъ. Прикрываясь имъ и ма- хая вѣтвью мпра, онъ одинъ направился къ неприятелю.

Завидѣвъ знакъ, съ которымъ былъ хорошо знакомъ, страж- никъ, стоявшій у входа въ рудники, поспѣшилъ доложить сво- ему начальнику о приближеніи еврея съ пальмовой вѣткой въ рукахъ.

Начальникъ былъ не прочь приступить къ переговорамъ, но сначала хотѣлъ ознакомиться съ содержаніемъ письма, ко- торое было ему только-что подано и, повидимому, содержало дурныя вѣсти. О томъ свидѣтельствовало лицо посланца и нѣ- сколько отрывочныхъ словъ, сказанныхъ имъ своимъ роди- чамъ.

Воины фараона кормили и поили изнемогающаго отъ уста- лости, запяленнаго скорохода и съ ужасомъ слушали вѣсти, которыя онъ имъ сообщалъ хриплымъ голосомъ. Начальникъ тѣмъ временемъ читалъ письмо.

Чѣмъ дальше читалъ онъ, тѣмъ мрачнѣе становилось его чело, и въ заключеніе онъ нетерпѣливо скомкалъ папирусъ. Письмо заключало въ себѣ извѣстіе о гибели египетскаго вой- ска, о смерти фараона Менефты, о неудавшейся попыткѣ князя Синтаха овладѣть престоломъ, о провозглашеніи и вѣн- чаніи на царство, подъ именемъ Сети II, старшаго изъ оставшихся въ живыхъ сыновей покойнаго царя. Князь Синтахъ бѣжалъ въ болотистый округъ Дельты, а сиріецъ Аареу перешелъ на сторону новаго царя и былъ назначенъ военачальникомъ всѣхъ наемныхъ войскъ въ Египтѣ. Что ка- сается верхняго жреца и судьи, Бан, Сети II лишилъ его высокаго сана и удалилъ отъ себя. Заговорщики въ пользу Синтаха будутъ сосланы не въ мѣдныя рудники, а на золотые эоноскіе прииски. Въ письмѣ сообщалось еще, что многіе обитательницы „дома затворницъ“, и въ томъ числѣ, конечно, мать Синтаха, были удушены. Всѣ лишніе воины въ рудникахъ должны немедленно отправиться въ Таишъ, гдѣ недостаетъ опытныхъ людей для вновь набираемыхъ отрядовъ.

Эти вѣсти имѣли важныя послѣдствія. Оказалось, что Іисусъ уже знаетъ о гибели египетскаго войска и, кромѣ того, ожи- дая скорого подкрѣпленія отъ еврейскаго отряда, послан- наго занять Дофку. Египетскій начальникъ мгновенно из- мѣнилъ задорный тонъ на болѣе стоворчивый и старался только выговорить себѣ, но возможности, болѣе благоприя- тныя условія отступленія. Онъ хорошо зналъ слабость отряда, охраняющаго бирюзовыя копи, а съ родины тоже не могъ ожидать никакой помощи. Къ тому же, личность еврея, ко- торый съ нимъ договаривался, внушала ему довѣріе. Онъ сдѣлалъ еще кое-какія возраженія, пустилъ въ ходъ еще нѣ- сколько угрозъ, но въ заключеніе удовлетворился обѣщаніемъ свободнаго пропуска всему отряду, вѣтвѣтъ съ вьючными скотомъ и необходимыми съѣстными припасами: само собой разумѣется, все это лишь послѣ того, какъ египтяне сложатъ оружіе и укажутъ всѣ подземные ходы, въ которыхъ рабо- таютъ колодники.

Отрядъ еврейскихъ юношей, вдвое превосходившій числомъ египтянъ, безрешительно приступилъ къ ихъ обезоруженію. У многихъ изъ закаленныхъ египетскихъ воиновъ наvertsнчалась на глазахъ слеза. Иные, съ бранью и проклятіями, ло-

мали копы и расщепляли стрѣлы. Нѣсколько старыхъ вои- новъ, нѣкогда служившихъ подъ начальствомъ Іисуса, теперь узнали его и, грозя ему кулаками, клеймили его названіемъ памѣнника.

На службу сюда, въ пустыню, большею частью отпраивлялись подовки войска, и почти всѣ здѣшніе воины носили на лицѣ печать испорченности или крутаго нрава. На берегахъ Нила умѣли выбирать людей, которые неумолимую строгость къ беззащитнымъ считали своею первою обязанностию.

Наконецъ, былъ отворенъ входъ въ рудники. Іисусъ самъ вооружился рудокопнымъ свѣтильникомъ и проникъ въ дуп- ныя трущобы, гдѣ государственные преступники, совсѣмъ на- гіе, въ дѣбахъ, выбивали изъ стѣнъ мѣдную руду.

Онъ еще издали слышалъ удары кирокъ, съ острыми наконечникомъ въ видѣ ласточкиныхъ крыльевъ, которыми колодники долбили скалу. Затѣмъ до него донеслись жалобные вопли мужскихъ и женскихъ голосовъ. Это жестокіе пристава, сопровождавшіе несчастныхъ въ рудники, подгоняли неради- выхъ на работѣ.

Сегодня, въ день рожденія фараона, каторжниковъ води- ли на сосѣдную гору, въ храмъ Аторы, молиться за царя, который цовергъ ихъ въ такую бездну скорби. Они были бы до слѣдующаго утра освобождены отъ работы, если бы не не- чаянное нападеніе евреевъ, побудившее начальство снова за- переть ихъ въ рудникахъ. По этому же случаю и женщины сегодня здѣсь работали, тогда какъ обыкновенно онѣ только раздробляли и просѣивали руду, которая шла на приготовленіе сплава и красильныхъ веществъ.

Каторжники, слышавъ голосъ и шагъ Іисуса, которые гулко раздавались среди обнаженныхъ каменныхъ стѣнъ, боя- лись новой бѣды—и подземные ходы огласились ихъ гром- кимъ плачемъ и сѣгованіями. Но лишь только освободитель добрался до первыхъ изъ этихъ несчастныхъ, радостная вѣсть о томъ, что онъ пришелъ положить конецъ ихъ горькой участи, мгновенно распространилась и проникла въ самые отдален- ныя закоулки копей.

Дикіе влики радости огласили пространство, доселѣ привык- шее только къ болѣзненнымъ стонамъ и къ слезамъ. Но одно- временно до слуха Іисуса донесся и громкій вопль, за кото- рымъ послѣдовало предсмертное хрипѣніе. Одинъ каторж- никъ, вскинувшись, бросился на самого невиннаго изъ при- ставовъ и убилъ его своею киркой. Примѣръ этотъ про- будилъ жажду мести и въ другихъ: никто не успѣлъ опом- ниться, какъ та же участь постигла и остальныхъ приставовъ. Иные изъ нихъ, впрочемъ, пытались сопротивляться и, рядомъ съ собой, укладывали и своихъ убійцъ.

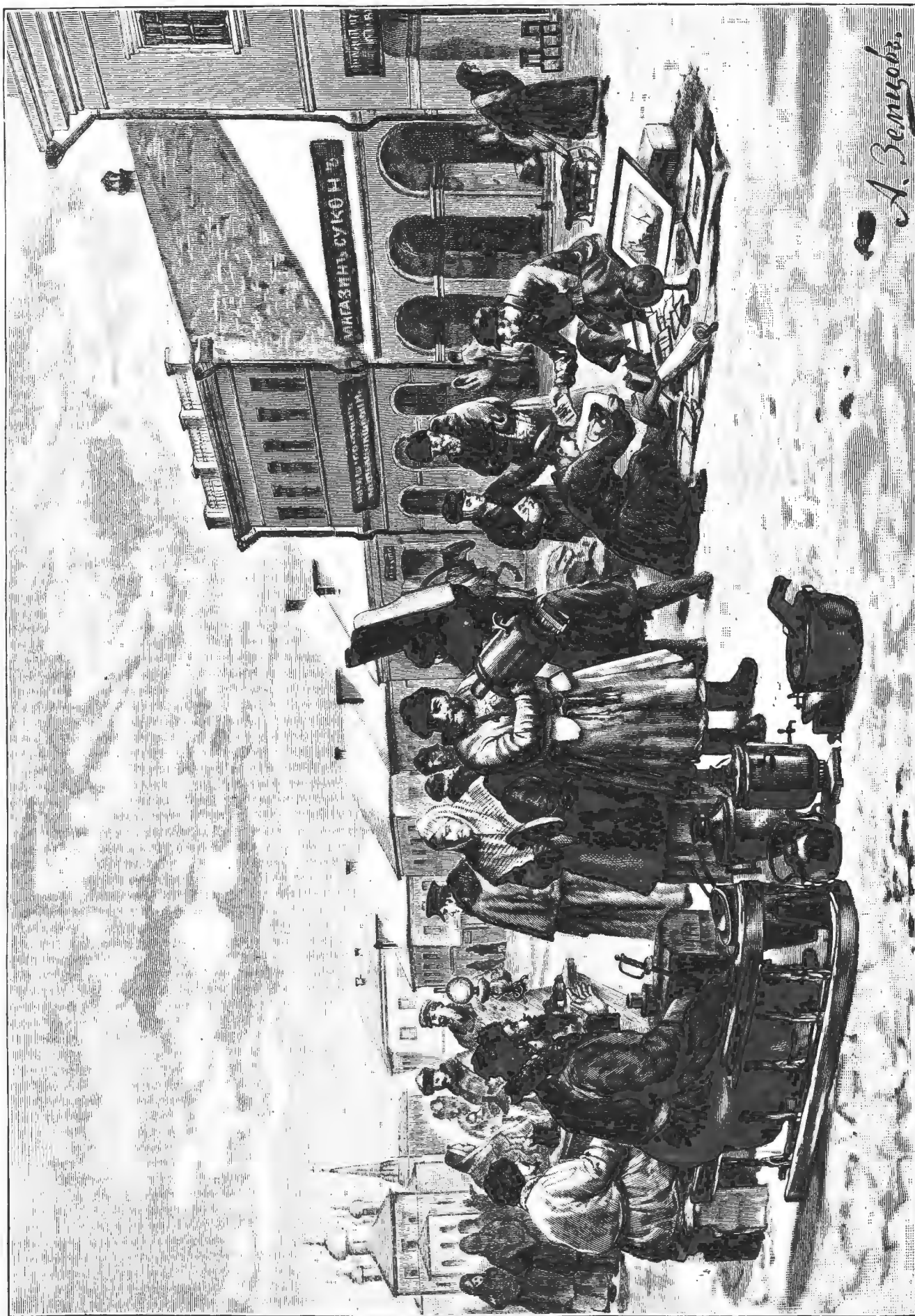
Наконецъ Іисусу удалось вывести освобожденную толпу на свѣтъ Божій. Дико и грубо звучали голоса этихъ людей, сливаясь съ бряцаніемъ цѣпей, которыя несчастные еще вла- чили за собой.

Самые неустрашимые изъ евреевъ—и тѣ содрогнулись при видѣ измученной, изуренной толпы. Многіе изъ числа этихъ несчастливцевъ въ свое время наслаждались мирною жизнью у собственныхъ очаговъ, или вкушали отъ разныхъ благъ при царскомъ дворѣ. Между ними были нѣжныя матери и отцы семейства, привыкшіе широко пользоваться благами гражда- нственности, среди народа богато одареннаго природою. Внезапно ослѣпленные солнечнымъ свѣтомъ, они теперь жалко мигали воспаленными глазами. Быстрый переходъ отъ мрака почти къ яркому дневному свѣту вызывалъ у нихъ слезы или заставлялъ жадно озираться съ видомъ голодной совы.

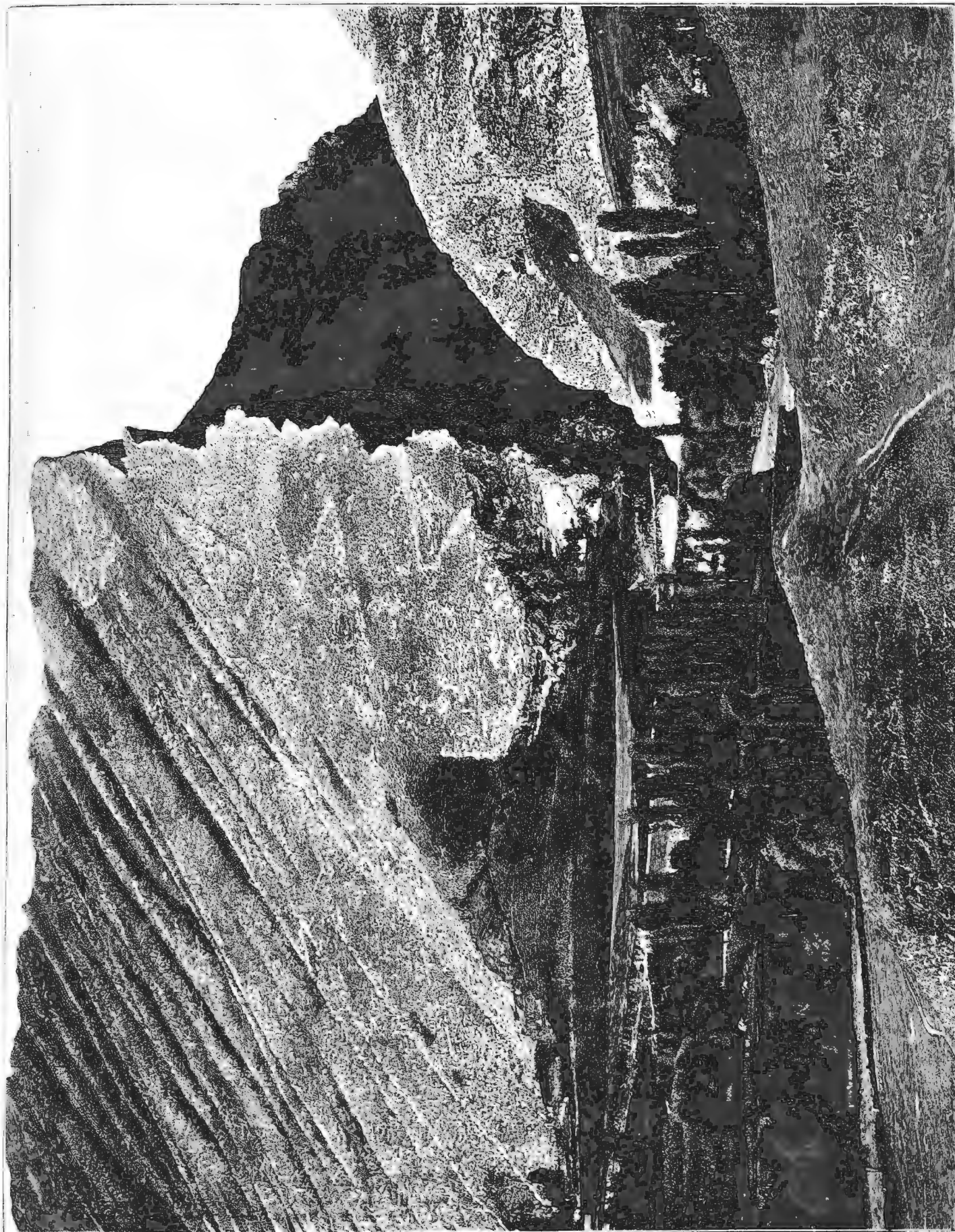
Ошеломленные неожиданнымъ оборотомъ своей судьбы, они сначала не пренитговали евреямъ, которые, по знаку Іисуса, принялись сбивать съ нихъ оковы. Но, постепенно, они при- нили въ себя и замѣтили выстроенныхъ у скалы безоруж- ныхъ воиновъ и приставовъ. Они внезапно овладѣла непо- дающейся никакому описанію ярость. Съ дикимъ воплемъ и скрежетомъ зубовъ вырвались они изъ рукъ, которыя рабо- тали надъ ихъ освобожденіемъ, и забывъ о тяжести обременявшихъ ихъ цѣпей, неустово бросились на безоружныхъ. Они не успѣли обмѣняться ни словомъ, ни взглядомъ, но дѣй- ствовали единодушно, повинуваясь одному и тому-же страшному влеченію. Евреи не могли ихъ удержать. Каждый изъ осво- божденныхъ кидался на того, за кѣмъ считалъ больше обиды и побоевъ. Здѣсь слабый, измозженный челоѣкъ впиался пальцами въ шею гораздо сильнѣйшаго чѣмъ самъ; тамъ нагія, обезображенныя пуждой и лишентями женщины зубами и ногтями рвали и терзали надометрица, который чередъ тѣмъ больно билъ и оскорблялъ ихъ. Всѣ снѣжили выме- стить на пригнѣнителяхъ долго сдерживаемую злобу.

Ненависть разлилась неудержимымъ потокомъ, который стре- мился захватить какъ можно больше жертвъ.

Произошло ужасное смятеніе. То была сумятица ударовъ и ограженій, кровавыхъ схватокъ на ногахъ и на землѣ, въ клубахъ красноватаго песка, среди раздражающихъ воплей, криковъ, визга и воя. Не было никакой возможности различить что-нибудь въ этомъ отвратительномъ смѣшеніи мужчинъ и женщинъ, изъ которыхъ одни находились подъ вліяніемъ самыхъ кровожадныхъ страстей и обезумѣли отъ жажды

Толкучна. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) А. Земцова, грав. Шюблергь.

Цудахарскія ворта (ущелье въ среднемъ Дагестанѣ, Андійскаго онруга). Съ фот. Ройнова, грав. Флюгель.

места, а другие дѣйствовали подъ гнетомъ смертельнаго страха и чувства самозащиты.

Тѣмъ немощнѣе изъ каторжниковъ воздерживались отъ дѣятельнаго участія въ свалкѣ, но и тѣ громкими криками подстрекали товарищей, обсыпали ругательствами противниковъ и сами, объятые гнѣвомъ, грозили имъ кулаками.

Ярость, съ какою освобожденные каторжники теперь кидались на своихъ бывшихъ мучителей, могла сравниться только съ тѣмъ неслыханнымъ жестокосердіемъ, которое они передъ тѣмъ на себѣ испытали.

По люди эти находились подъ защитой Исуса, который ихъ обезоружилъ.

Онъ приказалъ своимъ разнять сѣдвшихъ—по возможности не проливая крови. Но это было не легко и причинило еще не мало новыхъ бѣдъ. Наконецъ дѣло уладилось. Тутъ только оказалось, насколько страстное возбужденіе придало силы этимъ слабымъ, изнуреннымъ людямъ. Въ минувшей свалкѣ обѣ стороны дрались безъ оружія, а мѣсто битвы, между тѣмъ, было усыпано трупами и большинство бывшихъ надсмотрщиковъ и приставовъ истекало кровью.

По восстановленіи порядка и тишины, Исусъ обратился къ раченому смотрителю коней, съ требованіемъ списка каторжниковъ. Тотъ указалъ ему на состоявшаго при рудникахъ ишца, который одинъ остался цѣль и невредимъ. Онъ между прочимъ былъ врачомъ колодежниковъ. Уже не молодой и самъ видѣвшій много горя, человекъ этотъ,—по опыту знавшій, какъ трудно иногда бываетъ справиться съ жизнью,—вездѣ, гдѣ только могъ, старался облегчать участь несчастныхъ.

Онъ охотно выдалъ списокъ каторжниковъ, въ числѣ которыхъ оказалось и вѣскольکو евреевъ. Послѣ церквички многие выразили желаніе сѣдовать за своими избавителями.

Наконецъ, обезоруженные воины и стражники могли отпривгнаться въ обратный путь на родину. Приставъ, который сопровождалъ въ рудники Исуса съ его товарищами, вдругъ отдѣлился отъ остальныхъ египтянъ. Въ смущеніи, съ поникшею головой, подошелъ онъ къ Навинну и его сыну и сталъ просить ихъ, чтобы они ему позволили за ними сѣдовать: на родинѣ ему нечего ждать хорошаго, и кромѣ того, во всемъ Египтѣ нѣтъ бога столь могущественнаго, какъ ихъ Богъ. Онъ видѣлъ, какъ Осія, нѣкогда самъ военачальникъ, въ бѣдѣ простиралъ руки къ этому Богу и ему испосылалась такая твердость, какой онъ, приставъ, никогда ни въ комъ до сихъ поръ не встрѣчалъ. А теперь онъ еще узналъ, что этотъ-же Богъ, спасая свой народъ, потопилъ въ водахъ фараонова войско. Такой Богъ ему по душѣ—и онъ отнынѣ ничего такъ не желаетъ, какъ жить съ тѣми, которые Ему поклоняются и служатъ.

Исусъ охотно согласился на просьбу пристава. Въ числѣ освобожденныхъ каторжниковъ нашлось пятнадцать евреевъ, а между ними, къ великой радости Ефрема, оказался и Рувимъ, мужъ бѣдной, вѣчно печальной Милки, которая такъ горячо привязалась къ Маріамн. Его сдержанность и молчаливость послужили ему здѣсь въ пользу—и тяжкая, подневольная работа повидимому мало истощила его мощное тѣло.

Ефремъ и его юные товарищи только радовались удачѣ своего предпріятія и торжествовали свою побѣду. Но когда зашло солнце, а Ора съ его отрядомъ все еще не было, безпокойство овладѣло Навинномъ и его близкими.

Ефремъ ужъ собрался съ нѣкоторыми товарищами идти на развѣдку, какъ явился посланный съ извѣстіемъ, что воины Ора упали духомъ при видѣ прочныхъ египетскихъ укрѣпленій. Ихъ вождь тщетно старался ихъ воодушевить и понудить на приступъ: они не отваживались на столь смѣлое предпріятіе. Если Навинъ не явится къ нему на помощь, отрядъ Ора несомнѣнно отступитъ.

Было рѣшено идти на помощь къ оробѣвшимъ, и всѣ бодро двинулись въ путь. Дорогой, среди почной тишины и пролады, Ефремъ и Навинъ рассказали Исусу о Казанѣ, какъ они ее нашли и какъ она умерла. Такимъ образомъ воинъ узналъ все, что желала передъ смертью сообщить ему женщина, такъ горячо его любившая. Онъ былъ глубоко тронутъ и до самой Дофки шелъ уже молча, погруженный въ раздумье. Наконецъ они прибыли въ долину бирюзовыхъ прісковъ, среди которой возвышалась крѣпость съ примыкавшими къ ней жилищами каторжниковъ.

Оръ со своими бойцами держался въ засадѣ, въ одной изъ боковыхъ долинъ. Исусъ, взявъ въ свои руки начальство надъ соединенными силами евреевъ, раздѣлилъ ихъ на вѣскольکو отрядовъ, изъ которыхъ каждый имѣлъ особое назначеніе. Запала заря, и онъ подалъ знакъ идти на приступъ.

Борьба не долго длилась. Слабый крѣпостной отрядъ былъ легко ослепелъ, твердыня взята, и обезоруженные египтяне, также какъ и товарищи ихъ изъ мѣдныхъ коней, отпущены на родину. Каторжникамъ возвратили свободу, а проказенные, поселокъ которыхъ находился въ соседней долинѣ, по ту сторону рудниковъ, получили позволеніе сѣдовать за побѣдителями на извѣстномъ разстояніи.

Чего не смогъ мужъ Маріамн, Оръ, — то удалось Исусу. Передъ выступленіемъ въ обратный путь, Навинъ собралъ на

молитву юныхъ воиновъ Ефрема и вмѣстѣ съ ними возблагодарилъ Господа. Къ нимъ присоединился и отрядъ Ора. Молодые товарищи Ефрема вездѣ сопровождали Исуса восторженными кликами.

На обратномъ пути часто раздавались возгласы:

— Да здравствуетъ нашъ военачальникъ! Да здравствуетъ тотъ, кого самъ Богъ нарекъ мечомъ Своимъ! Мы всюду пойдемъ за нимъ! Господь черезъ него даруетъ намъ побѣду!

Воины Ора во времямъ также присоединились къ этимъ кликамъ, и Оръ имъ не пренятствовалъ. Онъ самъ, по вѣтн крѣпости, благодарилъ Исуса и поздравлялъ его съ освобожденіемъ.

Выступая въ обратный путь, Исусъ хотѣлъ уступить мѣсто во главѣ шествія старшему военачальнику. Моисей и другие старѣйшины, послѣ перехода черезъ Черное море, назначили Ора верховнымъ вождемъ всѣхъ еврейскихъ войскъ; но теперь Оръ предоставилъ первое мѣсто вперед шествія престарѣлому Навинну, который былъ на много лѣтъ старше его.

Дорога шла сначала по ровной горной долинѣ, потомъ направлялась черезъ хребетъ называвшійся Левзіемъ Меча, который составлялъ единственный путь сообщенія между рудниками и Чернымъ моремъ.

Сухова и пустынна была горная окрестность и тяжелъ крутой подъемъ къ перевалу. Престарѣлый отецъ Исуса выросъ въ равнинахъ Гесема и не привыкъ къ горнымъ дорогамъ. Теперь то сынъ, то внукъ, при громкомъ ликованіи товарищей послѣдняго, на рукахъ несли его до самаго перевала. Суиругъ Маріамн, который, во главѣ своего собственнаго отряда, шелъ позади юныхъ воиновъ Ефрема, слышалъ ихъ радостные клики. Взоръ его омрачился, и онъ низко опустилъ голову.

Здѣсь пришлось устроить стоянку, въ ожиданіи народа, путь которому лежалъ черезъ пустыню Синъ на Дофку.

Побѣдители съ высоты перевала высматривали странниковъ. Но пока еще ничто не предвѣщало приближенія послѣднихъ. Тогда они обратили взоры въ другую сторону, на только что пройденный горный путь, и не могли оторвать глазъ отъ чуднаго, величественнаго зрѣлища, которое имъ тамъ представилось. У ногъ ихъ лежала круглая долина, окаймленная высокими утесами, каменными глыбами, краями, зубцами. Бѣлыя какъ мѣлъ, черныя какъ вороново крыло, сѣрыя, бурныя, красныя и зеленныя громады выросли, казалось, прямо изъ песку и стремились вверхъ, къ ослѣпительно-яркой, безоблачной лазури неба.

Все, на чемъ здѣсь оставались взоры, было пустынно, беззвучно и безжизненно. По скатамъ разноцвѣтныхъ скалъ, тѣснѣвшихъ несчастную почву долины, не росло ни травки, ни былинки. Ни птица, ни червь, ни мошка не оживляли этой безмолвной, безжизненной мѣстности. Глазъ не встрѣчалъ здѣсь ничего, что говорило бы о человѣкѣ и его дѣятельности, о сѣяніи, насажденіи и трудѣ. Эти ни къ чему неприиспособленныя каменныя громады казались созданными Господомъ для Самого Себя. Тотъ, кто проникъ сюда, могъ думать, что онъ поираетъ мѣсто Самимъ Творцомъ избранное для Своего отдохновенія,—что онъ вступитъ во Святаа Святыхъ какого-нибудь храма.

Юная часть отряда, молча, созерцала великолѣпную картину у ногъ своихъ. Молодые люди расположились вокругъ Навина, который любилъ водиться съ молодежью, и непрерывно старался оказывать ему услуги. Старецъ покоился среди нихъ, подъ наскоро раскинутымъ шатромъ. Онъ рассказывалъ о военныхъ подвигахъ своего сына, и на глазахъ его навергивались радостныя слезы.

Исусъ и Оръ тѣмъ временемъ еще оставались на вершинѣ перевала. Исусъ молча смотрѣлъ внизъ на пустынную долину подъ синимъ сводомъ неба, среди верукотворныхъ столбовъ и колоннъ, которые какъ бы составляли величественнѣйшій въ мірѣ храмъ.

Старшій воинъ долго не поднималъ головы и мрачно смотрѣлъ внизъ. Вдругъ онъ прервалъ молчаніе и сказалъ:—Когда я въ Сокхоѣ призывалъ Господа въ свидѣтели между тобой и мною, я тамъ водвилъ памятникъ. Здѣсь же, въ этой мѣстности, среди этой тишины, нѣтъ, кажется, надобности ни въ памятникахъ, ни въ алтаряхъ, чтобы ощущать Его близость.

Оръ выпрямился, поднялъ голову и продолжалъ:

— Къ Тебѣ, устремляю мой взоръ, Адонаи! къ Тебѣ обращаю мое смиреннее слово, Йеова, Богъ Авраама и нашихъ праотцевъ! Молю Тебя, будь вторично посредникомъ между мною и этимъ человекомъ, котораго Ты самъ призвалъ служить Тебѣ, повелѣвъ ему быть мечомъ Твоимъ!

Оръ произнесъ эти слова съ воздѣтми къ небу глазами и руками. Потомъ важно, торжественно продолжалъ:— Вопрощаю тебя, Осія, сынъ Навинновъ, помнишь-ли ты наши обѣты передъ памятникомъ, который я соорудилъ въ Сокхоѣ?

— Помню, отвѣчалъ младшій воинъ. — Въ великой бѣдѣ и

опасности позналъ я, чего требуетъ отъ меня Господь. Съ этихъ поръ я всё силы моей души и тѣла — отъ Него же полученны мною въ даръ — посвящаю служению Ему и Его народу, который въ то же время и мой народъ. Имя мое отнынѣ Исусъ... Я не ищу больше помощи ни у египтянъ, ни у чужеземныхъ царей... Самъ Господь Богъ нашъ, устами твоей жены, далъ мнѣ это имя.

Оръ съ прежнею важною и торжественною сказаль:—Этого я и ждалъ отъ тебя. Пусть же Всевышній: свидетель нашей бесѣды здѣсь, будетъ нынѣ свидетелемъ исполненія и моего обѣта Ему. Служитель Его, Моисей, и другіе старѣйшины возвели меня въ санъ главноначальствующаго всеми боевыми силами нашими. Но — ты названъ Исусомъ и клянешься отнынѣ служить одному нашему Богу. Къ тому же ты, въ качествѣ восначальника, гораздо больше можешь сдѣлать чѣмъ я, посѣдѣвшій въ мирныхъ занятіяхъ наставра, и чѣмъ великій другой еврей, какъ бы онъ ни прозывался. Да исполните же обѣтъ мой, данный въ Соххофъ! Я предлагаю служителю Господа Моисею и другимъ старѣйшинамъ доверить тебѣ начальство надъ войскомъ. Въ ихъ руки передаю я рѣшеніе. А теперь узнай и ты, какъ знаетъ читающей въ моемъ сердцѣ Господь, что я втайнѣ питалъ на тебя гнѣвъ. Но, ради нашего народа, я готовъ забыть все, что насъ до сихъ поръ раздѣляло. Вотъ тебѣ моя правда!

И онъ подавъ руку Исусу, который взялъ ее и отвѣчалъ ему съ такою же искренностью:

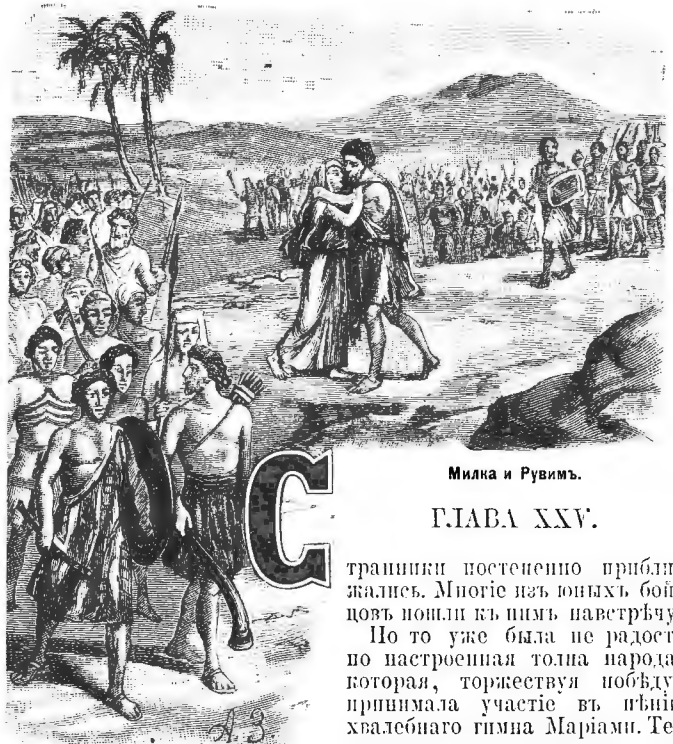
— Ты говоришь, какъ мужъ — пусть же и мое слово будетъ съило и окровенно, какъ твое. Во имя народа и того дѣла, которому мы служимъ, я принимаю твое предложеніе. Но ты призвалъ въ свидетели Всевышняго... Онъ тутъ, Онъ слышитъ насъ — и я тоже ни слова не утаю изъ правды. Ты передаешь мнѣ начальство надъ войскомъ; но къ этому и Господь призвалъ меня. Онъ сдѣлать это черезъ посредство твоей жены Маріамы — и это мое право. Но въ томъ, что ты добровольно уступаешь мнѣ главенство, я признаю великую заслугу. Я знаю, какъ трудно человѣку отказываться отъ власти, особенно въ пользу младшаго и не любимого... Ты это сдѣлалъ — и я благодарю тебя. Но и я въ глубинѣ моего сердца тоже таилъ на тебя гнѣвъ, ибо ты лишилъ меня блага, которое для всякаго мужа чуть-ли еще не дороже власти — ты лишилъ меня любви женщины.

Кровь хлынула въ щекамъ Ора.

— Маріамы! воскликнуть онъ. — Я не принуждалъ ее къ браку со мною. Я даже не внесъ за нее, по обычаю предковъ, свадебнаго выкупа. Она добровольно согласилась быть моей женою.

— Я это знаю, спокойно отвѣчалъ Исусъ.—Но нѣкто любилъ ее больше и больше твоего и пламя ревности жестоко жгло его. Однако, оставь заботу. Еслибъ ты теперь вздумалъ дать ей разводную и самъ привелъ ее ко мнѣ съ тѣмъ, чтобы я отверзъ ей мой шатеръ и объятія, я сказалъ бы тебѣ: „Зачѣмъ ты это сдѣлалъ?“ Я только недавно узналъ, что такое любовь женщины и на что она способна. Я ошибался, когда думалъ, что Маріамъ раздѣляетъ мое чувство къ ней. Къ тому же, идя въ цѣняхъ, въ часы тяжкаго бѣдствія я покладая всё силы моего тѣла, весь пламень моей души не отдавать никому порознь, а цѣлкомъ посвятить моему народу. И любовь женщины не отвратитъ меня отъ великой обязанности, которую я взялъ на себя. Что же касается твоей жены, я буду какъ чужой возлѣ нея, повинувся ей только какъ пророцицѣ, если Господь опять призоветъ меня черезъ нее, для новыхъ велѣній.

И онъ также протянулъ Ору свою руку. Пока старый воинъ отвѣчалъ на ея пожатіе, еврейскіе бойцы на вершинѣ перевала заволновались и зашумѣли. Въ гору поднимались ихъ развѣдчики, съ извѣстіемъ, что громадный облачный столбъ шли по дорогѣ возвращаетъ приближеніе народа.

Милка и Рувимъ.

ГЛАВА XXV.

Странники постепенно приближались. Многие изъ юныхъ бойцовъ пошли къ нимъ навстрѣчу.

По то уже была не радостно настроенная толпа народа, которая, торжествуя побѣду, принимала участіе въ пѣніи хвалебнаго гимна Маріамы. Теперь евреи шли медленно, вяло, точно нехотя подымались

на гору. Имъ предстояло взбираться по самому крутому склону, чтобы достигнуть перевала на ея вершинѣ. Тѣ, кому приходилось тащить тяжести, глубоко вздыхали; женщины и дѣти плакали; погонщики, направляя свои возы въ узкую крутую колею, осланили воздухъ проклятіями. У всѣхъ пересохло въ горлѣ. Голоса измученныхъ людей, соединенными силами подиравшихъ новозки, или подгонявшихъ вьючныхъ скотъ, звучали глухо и хрипло.

Эта многотысячная толпа, которая всего нѣсколько дней тому назадъ была проникнута благодарностью къ спасительной силѣ своего Господа, теперь имѣла видъ разбитаго войска и такую казалась она Исусу, смотрѣвшему на нее сверху.

Путь евреевъ съ послѣдняго привала на берегу Чермнаго моря былъ очень тяжелъ. Они шли по дикой безводной пустынѣ, которая имъ, выросшимъ на плодородныхъ равнинахъ Нижняго Египта, казалась особенно печальною и безотрадною.

Взгляды ихъ, привыкшіе къ широкому кругозору, здѣсь повсюду встрѣчали препятствія въ голыхъ стѣнахъ, за которыми скрывалась даль.

Миновавъ проходъ Баба, они вступили въ долину того же имени. И здѣсь, и въ дальнѣйшемъ странствіи по пустынѣ Синай, они вездѣ встрѣчали только узкія ущелья, среди отвѣсныхъ скалъ. Высокая, мрачнаго вида гора тяжелою, грозною громадой воздвигалась надъ остальными высями, которая казалась странникамъ чудовищными произведеніями рукъ человѣческихъ. Ничто не скрывало отъ глаза составныхъ частей этой твердыни, каменныхъ пластовъ, равномерно патромозденныхъ на одинаковыхъ разстояніяхъ. Казалось, будто неполныя строители, помогавшіе здѣсь Зикждителю вселенной, внезапно были отсюда отозваны и работа ихъ осталась недооконченною среди пустыни, гдѣ некому было наблюдать за ея окончаніемъ, ибо она не предназначалась ни для какого живаго существа. Глубы сѣраго и бураго гранита вдымались по крайямъ дороги, а въ песокъ на ней безпрестанно попадались кучи обломковъ краснаго порфира или черныхъ какъ уголь камней, точно разбитыхъ молотомъ и похороненныхъ на остаткахъ, получаемыхъ при выплавланіи руды. Странной формы скалы съ зеленоватымъ отливомъ тѣсно охватывали, непрерывно слѣдовавшія одиѣ за другими, котловины, которыя перерѣзывались тянувшейся вверхъ дорогой. Великій разъ, вступая въ новое ущелье, странники испытывали страхъ, что высокая скала на заднемъ планѣ окончательно преградитъ имъ путь и заставитъ ихъ вернуться вспять. Тогда между ними поднимался ропотъ; но скоро открывался выходъ — и они вступали въ новую точно такую же котловину.

Пока евреи находились еще по близости отъ Чермнаго моря, они довольно часто встрѣчали колючія камедныя деревья и ароматическія травы. Но чѣмъ дальше углублялись они въ каменистую пустыню, тѣмъ суше и непронзводительнѣе становилась почва. Подъ конецъ глаза ихъ уже тщетно искали травъ и деревьевъ.

Въ Египтѣ имъ часто попадались источники прѣсной воды и группы тѣнистыхъ палмъ, а по соседству съ Чермнымъ моремъ находилось много хорошо снабженныхъ водою колодезъ. Но съ перваго же привала въ пустынѣ Синай, стран-

ники ничего больше не находили для утоления своей жажды. Къ полудню пмъ уже начало казаться, будто сонмъ какихъ-то коварныхъ демоновъ нарочно смеетъ со скалъ все, чтò могло давать тѣнь. Въ этихъ котловинахъ и ущельяхъ все жгло и ослѣпляло. Въ нихъ положительно негдѣ было укрыться отъ палящаго зноя.

На привалѣ былъ розданъ людямъ и животнымъ послѣдній остатокъ запасной воды, и когда евреи угромъ собиравшись въ путь, у нихъ уже не оставалось ни капли, а жажда тѣмъ временемъ все усиливалась.

Малодушіе и тупое недовольство опять овладѣло толпой. Она не переставала роптать на Моисея и на другихъ старѣйшинъ. Зачѣмъ заставили они народъ отказаться отъ счастливой жизни на тучныхъ египетскихъ пажитяхъ и ввергли ихъ въ эту страшную бездну лишений и скорби! Но когда страшники достигли вершины Меча, ихъ гортани до того пересохли, что они уже больше не могли ни роптать, ни проклинать.

Посланный отъ Навина, Ефрема и Ора еще во время подъема въ гору принесть имъ извѣстіе о побѣдѣ, одержанной юною дружиной, и объ освобожденіи Исуса и другихъ илѣйниковъ. Но эти люди были въ такомъ изнеможеніи, что добрая вѣсть мало порадовала ихъ. Лишь кое-гдѣ въ толпѣ скользя улыбка на бородатыхъ лицахъ мужчинъ, да промелькнулъ огонекъ въ потухшихъ взорахъ женщинъ.

Даже Маріамъ со своею неразлучною снутицей Милкою — и та не выходила изъ толпы и не торопилась, непрежнемъ, съзвать жену на благодарственную молитву.

Бѣдная, горемычная женщина, которую Маріамъ взяла подъ свое покровительство, изъ страха разочарованія все еще не рѣшалась вполне отдаться вновь пробудившейся въ ней надеждѣ. Мужъ ея, Рувимъ, былъ сдержанный, молчаливый человекъ — и посланный отъ Навина не умѣлъ сказать, были ли онъ въ числѣ освобожденныхъ. Тѣмъ не менѣе, Милка сильно волновалась. Маріамъ приказала ей успокоиться. Тогда она бросилась къ подругамъ и засыпала ихъ вопросами. Но тѣ, конечно, ничего не могли ей сообщить о ея потерянномъ другѣ. Милка разрыдалась и опять вернулась къ пророчицѣ. Но и тутъ не много утѣшенія нашла она. Маріамъ была занята собственными мыслями. Ей самой не терпѣлось поздравить своего мужа съ побѣдой и привѣтствовать друга дѣтства, возвращавшагося изъ тяжелой неволи. Она была погружена въ себя и казалась удрученной тяжелыми думами.

Моисей, узнавъ объ удачномъ исходѣ нападенія на рудники и объ освобожденіи Исуса, немедленно отлучился отъ своего народа. До него дошли слухи, что воинственные амалекитяне, поселившіе оазъ у подножія горы Синая, уже вооружались, чтобы воспрепятствовать проходу странниковъ черезъ ихъ, обильную водой и тѣнистыми пальмами, траву, которая лежала, какъ островъ, среди пустыни. Моисей съ нѣсколькими смѣльчаками, наперерѣзъ черезъ горы, отправился на развѣдку. Онъ намѣревался опять соединиться со своими между Алушей и Рефидномъ въ долинѣ, предшествовавшей оазу.

Въ отсутствіе Моисея и тѣхъ старѣйшинъ, которые съ нимъ ушли, мѣсто ихъ во главѣ народа должны были занять Авиданъ, старѣйшина колѣна Вещьяминова, и возвратившіеся изъ похода въ рудники, князья колѣнъ Іудина и Ефремова, Оръ и Навимъ.

Съ приближеніемъ народа къ перевалу, навстрѣчу ему выступилъ Оръ съ освобожденными каторжниками, впереди которыхъ и скорѣе всѣхъ шелъ новобрачный мужъ Милки, Рувимъ. Молодая женщина издала увидѣла его, когда онъ спустился съ горы, и, не смотря на увѣщанія Маріамъ, опрометью бросилась къ нему навстрѣчу. Она такимъ образомъ добѣжала до половины Симеонова колѣна, которое предшествовало ея собственному.

Тамъ встрѣча Милки съ Рувимомъ отрадно подѣйствовала на многихъ изъ этихъ измученныхъ странниковъ. А когда молодая женщина, нѣжно обнявшись съ мужемъ, подошла къ пророчицѣ, та едва узнала ее: блѣдная лпія внезапно превратилась въ блестящую, румяную розу. Уста ея, до сихъ поръ обыкновенно сомкнутыя и раскрывавшіяся только для робкой просьбы или необходимаго отвѣта, теперь были въ непрерывномъ движеніи. Ей столько надо было узнать, о столькомъ разспросить своего молчаливаго мужа, которой такъ много въ страдала!

Они составляли прекрасную, счастливую чету. Имъ казалось, что они не по голымъ скаламъ и не по жесткой пустынной дорогѣ ступаютъ, а несутся по чудной долинѣ, гдѣ царствуетъ весна, журчатъ ручьи и поютъ птицы.

Видъ ихъ счастья въ первую минуту благотворно подѣйствовалъ и на Маріамъ, которая до сихъ поръ, не щадя усилий, поддерживала и ободряла унывавшую женщину. Но скоро всѣ слѣды радостнаго участія слетѣли съ ея лица. Между тѣмъ какъ Рувимъ съ Милкой, едва касаясь земли, точно неслись на крыльяхъ, Маріамъ шла съ низко опущенною головою, подъ гнѣтомъ мысли, что она сама виновата, если въ настоящую минуту не вкушаетъ такого-же блаженства.

Она говорила себѣ, что, отказавшись повиноваться голосу своего сердца, она принесла тяжелую, похвальную, Богу приятную жертву. А между тѣмъ у нея не выходила изъ головы

управшая египтянка, которая не признала за пей права считаться въ числѣ любящихъ Осію и которая сама такъ рано умерла изъ-за своей любви.

Она-же, Маріамъ, все еще пользуется жизнью. Она убила въ себѣ всѣ самыя пылкия желанія своего сердца. И теперь долгъ запереть ей стремиться мыслью къ человѣку, который спокойно остается тамъ наверху. Онъ отиный душой и тѣломъ преданъ своему народу и Богу своихъ праотцевъ. Этому прекрасному, свободному мужу со временемъ можетъ быть предстоить сдѣлаться вождемъ всѣхъ боевыхъ силъ еврейскаго народа — если такъ назначитъ Моисей, послѣ котораго онъ первый и величайшій изъ евреевъ.

Зачѣмъ въ ту знаменательную ночь послѣдовала она не влеченію своего женскаго сердца, а голосу призванія, которое превознесло ее надъ всѣми женщинами? Вотъ и она тоже давно была-бы въ его объятіяхъ такъ точно, какъ теперь пріютилась въ объятіяхъ Рувима его бѣдная, слабая, но безмѣрно счастливая Милка, которая теперь бодро идетъ возлѣ него.

„Чтò за мысли!“

Она жестоко боролась съ ними и старалась загнать ихъ въ самую глубь сердца. Такъ пламенно желать свиданія съ другимъ было теперь для нея грѣхомъ. И она съ тоской стремилась къ мужу: онъ защититъ ее въ этотъ горькій часъ и спасетъ ее отъ самой себя и отъ запретныхъ мыслей.

Видъ мужъ ея — князь отъ колѣна Іудина, а не бывшій египтянинъ и освобожденный каторжникъ.

Какое ей дѣло до Ефремита, отъ котораго она навсегда отказалась?

Почему-же ей такъ больно, что онъ не сѣшится къ ней навстрѣчу? Почему-же она все еще дѣлаетъ въ глубинѣ сердца безумную надежду, что его удерживаютъ наверху неотложныя обязанности?

Она едва видѣла и слышала то, чтò дѣлалось вокругъ, и только благодарное привѣтствіе, на ходу брошенное Милкою Оръ, извѣстило ее о приближеніи супруга.

Оръ уже издала носылалъ ей поклонны, но онъ шелъ одинъ, безъ Осія или Исуса — какъ-бы тамъ ни прозывался освобожденный каторжникъ. Ее точно кольнуло въ сердце, но она горько себя за то утѣшила. Маріамъ цѣнила своего пожилаго мужа и теперь могла безъ труда ласково привѣтствовать его.

Онъ некрепко отвѣчалъ на ея поклонъ. Молодая, вновь соединенная чета со своей стороны привѣтствовала Ора, какъ побѣдоносца освободителя Рувима и многихъ другихъ несчастныхъ. Но Оръ уклонился отъ этихъ похвалъ, говоря, что онъ по праву не ему принадлежитъ, а Исусу, котораго Маріамъ, именемъ Всевышняго, призвала вести въ бой ихъ народъ.

Маріамъ поблѣдѣла и, не смотря на крутой подъемъ въ гору, закидала мужа вопросами. Узнавъ, что Исусъ теперь вмѣстѣ съ юною дружиной Ефрема отдыхаетъ за виномъ, а Оръ далъ обѣтъ отказаться въ его пользу отъ верховнаго начальства, какъ только на то согласится Моисей, Маріамъ съ недовольнымъ видомъ повела своими еросиными бровями. Ея высокій лобъ омрачился, и она рѣзко проговорила:

— Конечно, ты мой господинъ и мнѣ не пристало противорѣчить тебѣ даже въ томъ случаѣ, когда ты настолько забываешь свою жену, что намѣренъ ронять себя передъ человѣкомъ, который нѣкогда осмѣливался поднимать на нее глаза.

Оръ живо перебилъ ее:

— Онъ больше не желаетъ тебя — и даже еслибъ я далъ тебѣ разводъ, онъ не захочетъ тобою владѣть.

— Нѣтъ? переспросила она съ принужденной улыбкой. — И ты отъ него самого это знаешь?

— Онъ отиный намѣренъ и тѣломъ, и душой служить своему народу и отрекается отъ женской любви, отвѣчалъ Оръ. Но она продолжала:

— Отреченіе легко тамъ, гдѣ домогательство повело бы только къ новому отказу и стыду. Онъ въ минуту великой опасности некалъ помощи у египтянъ, а ты даровалъ народу его первую побѣду на запасномъ дворѣ въ Сокхоѣ. Значитъ, не ему, а тебѣ принадлежитъ начальство надъ войскомъ, которое тебѣ вѣрилъ Самъ Господь черезъ слугу Своего, Моисея.

Оръ тревожно взглянулъ на жену, которой отдалъ свою позднюю любовь. Щени ея ныли; она тяжело, отрывисто дышала. Но Оръ не зналъ, чему это приписать: трудному-ли восхожденію на гору, или страстному честолюбію, которое она переносила и на него, своего мужа.

Ему отрадно было видѣть, что она цѣнитъ его выше молодого бойца, возвращенія котораго онъ такъ боялся. Но, съ другой стороны, онъ послѣдѣлъ въ строгомъ повиновеніи долгу и никогда не отегушалъ отъ того, чтò считалъ справедливымъ. Для его первой жены, которую онъ уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ похоронилъ, его малѣйшія желанія были приказаніями, да и со стороны Маріамъ онъ до сихъ поръ еще не встрѣчалъ противорѣчій. Въ превосходствѣ надъ нимъ Исуса, какъ военачальника, нельзя было сомнѣваться, и Оръ, съ трудомъ переводя духъ — восхожденіе на гору и ему тоже на этотъ разъ не легко давалось — сказалъ:

— Меня радуетъ и я почитаю себѣ за честь твое высокое

Операционная комната.

Лазаретъ съ клетками для животныхъ.

Приемная зала.

Наружный видъ зданія.

Лечебница Русскаго Общества покровительства животнымъ.

Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Т. Бролинга, грав. Рашевскій.

мишье обо мнѣ. Но еслибъ Моисей со старѣйшими и оставилъ по прежнему за мной высшее начальство надъ войскомъ, развѣ ты могла бы забыть мою клятву передъ памятникомъ въ Сокхотѣ? Я помню ее и сдержу.

Она съ неудовольствіемъ отвернулась отъ него и до самой вершины горы шла молча.

На верху побѣдоносная молодежь громкими кликами привѣтствовала приближеніе своихъ.

Радость свиданія, пища и питье, которое, хотя въ скудномъ количествѣ, но все-таки могло быть роздано большинству нуждавшихся въ подкрѣпленіи, подняли мужество мучимыхъ жаждою странниковъ. Они даже сократили отдыхъ на вершинѣ перевала, чтобы скорѣй добраться къ Дофкѣ. По словамъ Иисуса, ихъ тамъ ожидали не только колодцы съ водой, но и сокрытый источникъ, о существованіи котораго ему сообщили бывшій приставъ при колодникахъ.

Теперь дорога шла внизъ. «Скорость» — вотъ лозунгъ изнемогающихъ отъ жажды, у которыхъ впереди источникъ свѣжей воды. Они почти вслѣдъ за солнечнымъ заходомъ прибыли въ долину съ бирюзовыми коянами и раскинули свой станъ на холмѣ съ развалинами бывшей крѣпости и съ пожарищемъ запасныхъ складовъ Дофки.

Источникъ, пританчившій въ рошѣ изъ камедныхъ деревьевъ, посвященной богинѣ Аторъ, былъ скоро найденъ. Неустойчивыя сердца тѣхъ, которые въ пустынѣ Синъ были такъ близки отъ отчаянія, теперь ожили и снова наполнились признательной вѣрой и надеждой. Чтобы проникнуть къ оживительной влагѣ, которая произвела эту чудесную перемену, пришлось срубить нѣсколько великолѣпныхъ камедныхъ деревьевъ.

Иисусъ и Маріамъ свидѣлись еще на вершинѣ перевала, но тамъ они едва успѣли обмѣняться привѣтствіями. Здѣсь, въ станѣ, имъ было свободнѣе.

Было уже поздно. Старѣйшины держали совѣтъ о мѣрахъ обороны, на случай внезапнаго нападенія амаликитянъ.

Иисусъ явился туда вмѣстѣ съ отцомъ. Наслѣдникъ высокочтимаго старца княжеской крови былъ всеимъ радостно встрѣченъ. На совѣтѣ охотно приняли предложеніе Иисуса составить передовой отрядъ изъ юнцовъ, а тѣмъ ополченія изъ бѣглецовъ и затѣмъ послать на развѣдку нѣсколько небольшихъ отборныхъ отрядовъ изъ первыхъ.

Иисусъ созывалъ за собой все права быть вождемъ многочисленныхъ военныхъ силъ. Самъ Богъ ввѣрилъ ему высшее начальство надъ еврейскимъ ополченіемъ, а Моисей, посылая ему увѣщаніе быть смѣлымъ и стойкимъ, еще утвердилъ его въ своемъ званіи. Пылившій военачальникъ, Оръ, добровольно уступалъ ему свои права. Слово этого человѣка было крѣпко, хотя онъ пока и не повторилъ своего обѣщанія передъ старѣйшими. Во всякомъ случаѣ, съ Иисусомъ все обращались, какъ съ настоящимъ военачальникомъ и самъ онъ созывалъ себя таковымъ.

Когда старѣйшины, окончивъ совѣщаніе, разошлись, Оръ, несмотря на поздній часъ, пригласилъ Иисуса сопровождать его въ свою ставку. Иисусъ согласился: ему необходимо было обясниться съ Маріамью. Онъ хотѣлъ въ присутствіи ея мужа сказать ей, что наконецъ нашель тотъ путь, который она ему такъ усердно указывала.

Иблизныя чувства еврея умолкаютъ передъ женой другаго. Супруга Ора должна узнать, что Иисусъ больше не желаетъ ея. Онъ въ часъ тихаго раздумья навсегда отъ нея отказался.

Иисусъ признавалъ въ ней великую женщину, но мысль о ея величій теперь леденила его.

Да и обращеніе ея съ нимъ въ настоящее время бросало на нее новый свѣтъ. Холодная улыбка, съ которою она его привѣтствовала на вершинѣ перевала, тогда-же внушила ему убѣжденіе, что они отнынѣ другъ другу чужіе. Сознаніе это еще укрѣпилось въ немъ, когда онъ снова свидѣлся съ ней при свѣтѣ ярка пылаваго костра, передъ пынинамъ шатромъ старѣйшины.

Спасенный Рувимъ и Милка уже давно отъ нея ушли. Маріамъ, въ тиши одинокаго ожиданія, собиралась кое-что высказать человѣку, для котораго она такъ много сдѣлала, что теперь должна была раскayваться.

Всего легче гнѣваться на тѣхъ, передъ кѣмъ въ душѣ считаешь себя неправымъ. Женщина такъ высоко цѣнитъ даръ своей любви, что даже отъ отвергнутаго ею требуетъ постоянной признательности. А Иисусъ похвалялся своимъ охлажденіемъ къ женщинѣ, къ которой нѣкогда пылалъ страстью и которую держалъ въ своихъ объятіяхъ. Мало того, онъ даже говорилъ, что больше не желалъ-бы обладать ею, даже въ томъ случаѣ, если-бы ему было предоставлено на то право. И онъ доказалъ это на дѣлѣ, когда, вмѣсто того что-бы сплестись къ ней навстрѣчу, преспокойно дожидался ея прибытія.

Теперь наконецъ онъ пришелъ вмѣстѣ съ ея мужемъ, который готовъ былъ уступить ему свое первенство.

Но она, Маріамъ, зорко бодрствуетъ надъ своимъ не въ мѣру великодушнымъ супругомъ.

Пожилому мужу, съ которымъ она соединила свою судьбу и самоотверженная преданность котораго ее глубоко трогала, не пристало давать себя въ обиду кому бы то ни было. Первое мѣсто принадлежитъ ему по праву и онъ долженъ крѣпко за него держаться, хотя бы уже потому только, что ей претитъ быть женою человѣка, который не можетъ больше раз-

считывать на первенство среди своихъ братьевъ.

Никогда еще этой привычкой къ почиту и вѣрившей въ свой пророческій даръ женщинѣ не было такъ тяжело на душѣ. Ненависть, которую въ нее вдохнулъ Моисей къ египтянамъ, теперь уже не изгладила нищи; и Маріамъ, какъ-бы сама того не сознавая, искала для нея новаго предмета въ лицѣ Осія,—этого, прежде столь любимаго, человѣка.

По ничто не пренятствуетъ и женщинѣ ласково относиться къ тому, кого ей не за что презирать. И Маріамъ, хотя невольно вслыхнувъ при видѣ человѣка, на поцѣлуй котораго и сама отвѣчала поцѣлуемъ, тѣмъ не менѣе сочувственно и дружески его встрѣтила.

По она при этомъ называла его по прежнему Осіей. Тогда онъ, замѣтивъ ея настойчивое повтореніе этого имени, спросилъ, неужели она забыла, что сама велѣла ему, въ качествѣ избранныка Божія, называться «Иисусомъ».

Краска на щекахъ Маріамъ сгустилась. У ней хорошая память, отвѣчала она, но Осія напоминаетъ ей о времени, которое она предпочла-бы позабыть. Имя данное ему Господомъ онъ самъ отвергъ, когда помощи Божіей предпочелъ милость цари египетскаго. Она останется вѣрна старой привычкѣ и по прежнему будетъ звать его «Осіей».

Прямодушный воинъ не ожидалъ такого враждебнаго къ себѣ отношенія. Однако онъ сохранилъ самообладаніе и спокойно отвѣчалъ, что надѣется впередъ не часто доставлять ей случай какъ бы то ни было себя называть; люди-же къ нему расположенные все охотно зовутъ его Иисусомъ.

Маріамъ замѣтила, что и она готова звать его такъ, если позволить мужъ и самъ онъ этого непремѣнно захочетъ. Въднмя—это только одежда. Советъ иное дѣло, разумеется, должности и званія.

Иисусъ возразилъ, что онъ все еще вѣритъ тому, что Самъ Господь, устами ея, своей пророчицы, призвалъ его быть вождемъ бойцовъ ихъ народа. Онъ за однимъ Моисеемъ признаетъ право устранить его отъ этого званія. Оръ былъ одного съ нимъ мнѣнія и протянулъ Иисусу руку.

Маріамъ перестала сдерживаться и съ вызывающимъ шлозомъ заговорила:

— Я и въ этомъ не раздѣляю твоего мнѣнія. Ты уклонился отъ призыва Всевышняго. Въдн ты не станешь этого отрицать? Вездѣсущій видѣлъ тебя не во главѣ твоихъ, а у ногъ фараона—и Онъ лишилъ тебя званія, которымъ было тебя облечь. А въ заключеніе Онъ Самъ, могущественнѣйшій изъ полководцевъ, поднялъ бурю, всѣлилъ море и оно поглотило врага. Такой конецъ постигъ тѣхъ, кого ты считалъ своими друзьями, доколѣ они не заковали тебя въ цѣпи и не доказали, какъ они на самомъ дѣлѣ расположены къ тебѣ и къ твоимъ. Я же, тѣмъ времемъ, воздала хвалу Всевышнему за Его милости къ намъ, и весь народъ принималъ участіе въ моемъ хвалебномъ гимнѣ. И Господь въ тотъ же самый день, вмѣсто тебя, призвалъ другаго быть вождемъ нашихъ войскъ; этого другаго—ты знаешь—мужъ мой. Пусть Оръ никогда не учился военному искусству. Самъ Богъ направляетъ его руку, а развѣ не Онъ одинъ даетъ побѣду? Мой мужъ, слушай меня хорошенъко, мой мужъ—нашъ военачальникъ. Если онъ въ порывѣ великодушія и забылъ это, то конечно не станеть больше слагать съ себя своего высокаго званія, когда вспомнитъ, Чья рука его имъ облела. Я, его жена, возвышаю голосъ и ему о томъ напоминаю.

Иисусъ повернулся, намѣреваясь уйти. Онъ хотѣлъ положить конецъ печальному спору, но Оръ удержалъ его. Негодуя на неслышанное внимательство жены въ мужскія дѣла, онъ увѣрилъ Иисуса, что по прежнему намѣренъ исполнить свое обѣщаніе; вѣтеръ да развѣетъ недоброжелательную рѣчь женщины; Моисей разъяснитъ, кого Иегова избираетъ въ военачальники.

Пронзисое эти слова, Оръ со строгимъ достоинствомъ смотрѣлъ въ лицо своей жены, какъ бы приглашая ее образумиться, и по-видимому достигъ цѣли. Маріамъ то блѣднѣла, то краснѣла. Она тоже сдѣлала попытку удержать гостя и, какъ бы желая задобрить его, дрожащею рукой пригласила его подойти поближе.

— Еще одно, тяжело переводя духъ начала она, — хочу я сказать для того, чтобы ты меня какъ слѣдуетъ понялъ. Я называю нашимъ другомъ всякаго, кто служитъ дѣлу нашего народа. А какъ самоотверженно ты собираешься ему служить, мнѣ извѣстно отъ Ора. Насъ разлучило твое довѣріе къ милостивымъ фараонамъ, и потому я теперь особенно цѣню твой рѣшительный разрывъ съ египтянами. Но все величіе твоего поступка я уразумѣла лишь съ тѣхъ поръ, какъ узнала, что не одна привычка долгихъ лѣтъ связывала тебя съ врагомъ нашимъ, а еще и другія цѣпи.

— На что ты мѣтешь этими словами? перебилъ ее Иисусъ, увѣренный, что она готовитъ новую стрѣлу, съ цѣлью его уязвить.

Но она не обратила вниманія на его перерывъ и съ вызывающимъ взглядомъ, который противорѣчилъ примирительному смыслу ея рѣчи, непринужденно продолжала:

— Послѣ того, какъ рука Господня избавила насъ отъ врага, Черное море выбросило на берегъ женщину рѣдкой красоты. Я перевязывала рану, нанесенную ей одною еврейкой. Она призналась въ любви къ тебѣ и, умирая, вспоминала о тебѣ, какъ о своемъ кумирѣ.

Оскорбленный до глубины души, Иисусъ воскликнулъ:

— Если ты говоришь правду, жена Ора, то рассказ моего отца должен быть невѣренъ. Отъ него я слышала, что эта несчастная говорила только при тѣхъ, которые меня любили, а не при тебѣ. И она права была, не желая твоего присутствія: ты не могла бы ее понять.

Самонадѣйная улыбка заиграла на губахъ Маріамы. Онъ замѣтилъ это и поспѣшилъ прибавить:

— Твой умъ, конечно, десятикрато острѣе, чѣмъ быть умъ этой бѣдняжки. Но въ сердцѣ твоемъ, открытомъ для высокаго помысловъ, нѣтъ мѣста для любви. Оно состарится и перестанетъ биться, не испытавъ ее. Ты сверкаешь глазами, но я все-таки договарю. Ты больше чѣмъ женщина, ты—пророкъ. Я же не могу похвастаться столь великимъ даромъ. Я просто разсудительный человѣкъ и мнѣ больше пристало драться, чѣмъ заглядывать въ будущее. Но тѣмъ не менѣе, я предвижу, что случится. Ты будешь лелеять въ своемъ сердцѣ ненависть ко мнѣ. Ты попытаться пересадить ее и въ сердце мужа твоего, гдѣ станешь усердно раздувать ее. И я знаю также почему! Тебя свѣдаетъ честолюбіе и тебѣ невыносимо быть женою человѣка, который признаетъ надъ собой превосходство другаго. Ты отказываешься называть меня племенемъ, которымъ я тебѣ же обязанъ. Но если ненависть и гордость не заглушили въ тебѣ единственнаго чувства, которое еще насъ съ тобой соединяетъ—любови къ нашему народу—то, говорю тебѣ, настанетъ день, когда ты сама, добровольно, непринужденная, по влеченію сердца, назовешь меня „Иисусомъ“.

Онъ легкимъ движеніемъ головы поклонился Маріамы съ ея мужемъ и исчезъ въ ночной темнотѣ.

Орѣ мрачно смотрѣлъ ему вслѣдъ и не находилъ словъ, пока шаги запоздалаго гостя раздавались въ сонномъ станѣ. Но затѣмъ долго сдерживаемый гнѣвъ его вспыхнулъ, и онъ сурово повернулся къ молодой женѣ, къ которой до сихъ поръ всегда относился съ восторженной нѣжностью.

Въ два шага онъ сталъ возлѣ нея. Она была еще блѣднѣе его и въ сильномъ смущеніи смотрѣла въ огонь. Голосъ Ора потерялъ свою обычную звучность. Онъ рѣзко, почти грубо сказалъ:

— Я имѣлъ мужество взять себѣ въ жены дѣвушку которая считала себя ближе другихъ женщинъ къ Богу. Но вотъ, сдѣлавшись моею, она заставляетъ меня раскаиваться въ моей неопытной смѣлости.

— Раскаиваться? вырвалось изъ ея поблѣднѣвшихъ губъ, и она съ вызывающимъ видомъ устремила на него свои черные глаза.

Но Орѣ ни мало ни смутился. Онъ схватилъ ее за руку, до боли сжалъ ее и продолжалъ, какъ началъ:

— Да, ты заставаешь меня раскаиваться! И да будетъ мнѣ стыдно, если я доущу, чтобы за этимъ позорнымъ часомъ послѣдовали еще другіе, подобные ему.

Она хотѣла вырвать у него свою руку, но онъ крѣпко держалъ ее.

— Я взялъ тебя въ жены для того, чтобы ты была гордостью моего дома. Я хотѣлъ посвятить честь, но вмѣсто того пожинаю стыдъ. Что можетъ быть позорнѣе для мужа, какъ состоять подъ властью жены, да еще до того забывающей свои обязанности, что она позволяетъ себѣ оскорблять друга, который находится подъ защитой законовъ гостепріимства! Другая женщина—не такая, какъ ты, нѣтъ—а прямодушная и справедливая, оглядываясь на прошлыя заслуги своего мужа, не стала бы искать новыхъ почестей, изъ желанія раздѣлять ихъ съ нимъ. Такой женщиной мнѣ не пришлось бы указывать, что мужъ ея, Орѣ, въ теченіе своей долгой жизни пожалъ столько почестей, что теперь можетъ, безъ ущерба для себя, часть ихъ уступить другому. Не тотъ первый среди людей, который выше всѣхъ по сану, а тотъ, который больше всѣхъ подвизается въ самоотверженной любви къ народу, наиболѣе угодному Иеговъ. Ты высоко возносилась, ты хочешь, чтобы въ тебѣ почитали избранницу Божию. Я не стану этому препятствовать, доколѣ ты будешь помнить обязанности жены. Ты, правда, еще обязана мнѣ и любовью; ты въ день нашей свадьбы мнѣ въ ней клялась. Но сердце человѣческое можетъ давать только то, что ему свойственно. Твоей же холодной души—Осія правъ говоря это—чужда любовь, которая грѣшитъ и себя и другихъ.

Онъ повернулся къ ней спиной и удалился подъ темную сѣнь шатра. Она же еще сидѣла передъ огнемъ, мигающее пламя котораго скользило по ея прекрасному, блѣдному лицу.

Сѣдой мужъ сейчасъ стоялъ передъ ней во всей полнотѣ своего достоинства, внушая невольное къ себѣ уваженіе и подавляя ее своимъ величіемъ—истый князь и вождь народный. Каждое изъ его словъ, какъ ударъ книжала, вонзалось ей въ сердце. Вѣская правда, въ нихъ заключавшаяся, пронизала на Маріамъ свое дѣйствіе. Они точно поднесли ей зеркало—и она увидѣла въ немъ отраженіе, которое испугало ее.

Маріамъ точно что-то толкала послѣдовать за мужемъ и молить его о возвращеніи ей любви, вѣнчаніе которой она—доселѣ столь одинокая—въ послѣднее время съ благодарностью ощущала вокругъ себя.

Она сознавала, что и сама способна тѣмъ же платить ему за его драгоценный подарокъ. Ничего не желала она теперь такъ искренно и страстно, какъ услышать отъ него хоть одно слово прощенія и любви.

Она чувствовала себя внутренно увидшеною, засохшею, опѣившею, точно хлѣбное поле, пораженное ядовитою ржавчиной. А вѣдъ пѣкогда и въ ней все зеленѣло и цвѣло!

Припомнились ей гесемскія пашни, которыя, принеся богатую жатву, вдругъ дѣлались сухими и безплодными и оставались такими, доколѣ ихъ не орошала рѣчная влага, послѣ чего ихъ почва и воспринятыя ею сѣмена опять размягчались и пускали новые ростки. Такъ было и съ нею—съ тою только разницею, что она собственноручно бросила въ огонь назрѣвавшую жатву и дерзко воздвигла плотину между животворною влагой и пересохшею землею.

Но время еще не ушло!

Въ одномъ только признавала она Ора неправымъ—это въ его мнѣніи, будто она не похожа на другихъ женщинъ и не способна, какъ онѣ, горячо и нѣжно стремиться къ любимому человѣку. Отъ нея зависѣло доказать ему противное въ его обмѣтлахъ.

Но пока онъ, конечно не безъ основанія, считаетъ ее холодною и безчувственною, ибо тамъ, гдѣ прежде цвѣла любовь, теперь ключемъ бьетъ горькій источникъ, который отравляетъ все, къ чему прикасается.

Не было ли это отмсткою сердца, котораго пламенные порывы она такъ доблестно въ себѣ умертвила?

Богъ отвергъ ея самую тяжелую жертву: въ этомъ нельзя было сомнѣваться. Онъ пересталъ являть ей Свое величіе въ возвышающихъ душу образахъ—и она врядъ-ли была еще вправѣ называться Его пророкицей. Эту жертву она, правдивая, заставила служить неправдѣ. И вотъ она, жившая въ мирѣ съ собой, доколѣ по совѣсти печала стези праведной, теперь повергнута въ мучительное безпокойство. Съ той минуты, какъ она совершила то трудное и великое дѣло, для нея ужъ не цвѣтутъ больше надежды:—а прежде у нея было ихъ такъ много. Она, не зная себя равной среди женщинъ, должна была со стыдомъ отступить передъ бѣдною умирающею. Она, всегда благосклонная ко всѣмъ своимъ единокровнымъ и преданнымъ святому дѣлу народа, теперь вдругъ оскорбила лучшаго и благороднѣйшаго изъ всѣхъ. Постѣднія изъ тягловыхъ женъ умѣла еще сильнѣе привязывать къ себѣ развѣ полюбившаго ее мужа—она же, Маріамъ, дерзко оттолкнула отъ себя своего.

Ей было холодно въ одиночествѣ—она искала отрады у его очага и тамъ оказалось теплѣе, чѣмъ она надѣялась. Великодущіе и любовь Ора были настоящимъ бальзамомъ для ея наболѣвшаго сердца. Хотя онъ не вернулъ ей потеряннаго, однако пріятно замѣнилъ его.

Теперь же онъ считалъ ее неспособною ни на какое нѣжное движеніе души, а между тѣмъ она не могла жить безъ любви и была на все готова, лишь бы онъ ей вернулъ свою. Но гордость тоже составляла часть ея натуры. Ее влекло смиренно открыть мужу свое сердце, но въ то же время ее одолевалъ и страхъ подвергнуть себя униженію. И она продолжала стоять передъ горящимъ костромъ, пока онъ, дыма и чади, не погасъ у ея ногъ и она очутилась во мракѣ.

Ее обуялъ непривычный страхъ.

Двѣ летучія мыши, прилетѣвшія изъ рудниковъ на огонь и кружившіяся надъ нимъ, вдругъ, какъ привидѣніи, пронеслись мимо, чуть не задѣвъ ее. Все гнало Маріамъ обратно въ шатеръ къ мужу. Она съ быстрою рѣшимостью вошла въ освѣщенное свѣтильникомъ пространство. Но тамъ было пусто. Ее приняла только рабыня, объявившая, что Орѣ отправился къ сыну и вуюку, гдѣ и останется до наступленія въ походъ.

У Маріамы болѣзненно сжалось сердце. Она съ дѣтства не чувствовала себя такою пристыженною и безпомощною.

Нѣсколько часовъ спустя, станъ проснулся. Въ шатеръ вошелъ Орѣ и кратко привѣтствовалъ Маріамъ. Въ ней ужъ снова поднялась вся ея гордость и ея отвѣтное привѣтствіе звучало холодно и равнодушно.

Къ тому же, Орѣ былъ не одинъ. Его сопровождалъ его сынъ Урія.

Да и видъ у него былъ суровѣе чѣмъ когда-либо. На утро состоялось собраніе мужей колѣна Иудина и было рѣшено, что Орѣ не долженъ передавать званіе военачальника человѣку изъ другаго колѣна.

Это застало его въ располхъ. Онъ объявилъ, что окончательное рѣшеніе вопроса предоставляетъ Моисею. А теперь желаніе, чтобы рѣшеніе это было не въ его пользу, еще обострилъ самоувѣренный взглядъ молодой женщины, отъ котораго у него опять закипѣло на душѣ.

Маріамъ, Орѣ и Иисусъ передъ шатромъ.
(Продолженіе будетъ).

Къ рисункамъ.

На лагунахъ. (Рис. на стр. 261).

Венеція, какъ извѣстно, окружена болотами, по которымъ проходятъ судоходные каналы. Это и образуетъ такъ-называемыя лагуны, которыя частью отдѣлены отъ открытаго моря песчаными дюнами (Lidi). Эти лагуны, въ свою очередь, частью защищены отъ морскаго прибоя мураннами, стѣнами плотинъ, облицованныхъ мраморными плитами; стѣны имѣютъ до 5 саж. высоты и до 7 сажень ширины. Въ общемъ, лагуны—это прибрежныя, мелководныя и отчасти болотистыя пространства Адриатическаго моря, по которымъ живетъ бѣднѣйшее населеніе Венеціи. Изящная картинка Рубена изображаетъ намъ семью такихъ обывателей, за стиркой бѣлья и кунашемъ.

Выкупъ дороги свадебнымъ поѣздомъ.

(Рис. на стр. 264 и 265).

Обычай выкупа дороги новобрачными издавна встрѣчается

Менеликъ II, Негусъ Абиссинскій. Съ фот. Др. Траверсы.

ся во многихъ странахъ, правда, въ различныхъ и своеобразныхъ видахъ. Въ древнемъ Римѣ женихъ во время свадебнаго пира бросалъ орѣхи (noces proicere) столпившимся у входа дѣтямъ. Въ Россіи, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, устраиваютъ заставу на пути проѣзда молодыхъ, кладя хворостину поперекъ дороги, причемъ старый и малый требуютъ выкупа проѣзда у друзей. Рисункъ Шаховскаго на эту тему былъ уже помѣщенъ въ № II нашего журнала за 1888 годъ. Картина И. Везина переноситъ зрителя въ сѣверную Венгрію, гдѣ обычай выкупа также сохранился. Полная жизни картина мюнхенскаго художника наглядно и бойко передаетъ вѣздъ свадебнаго поѣзда въ деревню жениха, внезапно остановленнаго своими односельчанами, требующими вознагражденія за пріемъ новой поселеники въ свою среду.

Джузеппе. (Рис. на стр. 269).

Небольшая, но полная жизненной правды картина итальянскаго живописца Джелли изображаетъ молодого пастушкантальянца.

Лохмотьями прикрытъ, полунагой,
Глаза какъ смоль и съ молніею взгляда,
Съ чернокудрявой, смуглой головой,
Пасеть ребенка козь нугливыхъ стадо.

(А. Н. Майновъ).

Толкучка. (Рис. на стр. 272).

Знакомая каждому столичному жителю картина: тутъ и продавецъ старыхъ гравюръ, картъ и глобусовъ; и торговецъ подержанною мѣдною посудой съ громадными самоварами; и стекольщикъ, и башмачникъ, и вынесеніе на продажу собствен-

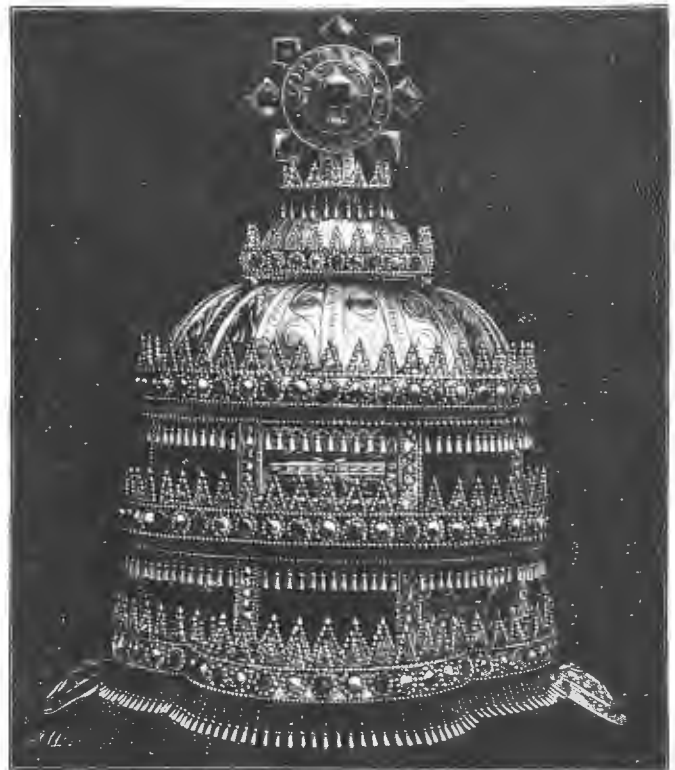
ное или неблагопріобрѣтенное платье. Все это въ буквальномъ смыслѣ слова толчется подъ открытымъ небомъ на большой площадкѣ между лавками, предлагая свой товаръ, крича, торгуясь и переругиваясь.

Цудахарскія ворота.

Ущелье Даргинскаго округа въ Дагестанѣ.

(Рис. на стр. 273).

Дагестанъ по своему орографическому строенію раздѣляется на гористую и низменную части, изъ которыхъ первая занимаетъ двѣ трети территоріи всей этой страны, вмѣщающей въ себя 25 тыс. квадратныхъ верстъ. Изъ этого можно, и не бывавъ тамъ, представить себѣ, какой колоссальный узелъ горъ онъ изображаетъ собою, а въ этомъ узлѣ сердцевиною его—Средній Дагестанъ—большую часть года покрытый на вершинахъ своихъ снѣгомъ, отличающийся суровымъ климатомъ и недостаткомъ удобной для земледѣлія земли, въ особенности поражаетъ грандіозностью и дикостью своей природо-

Корона негуса Менелина, работы миланскаго ювелира Конфалоньери.

ды. Слѣды стихійной борьбы и переворотовъ выступаютъ тутъ на каждомъ почти шагѣ и принимаютъ иногда самыя причудливыя формы въ образованіи громадныхъ скалъ, бездонныхъ пропастей и ущелій. Такъ, наприимѣръ, въ Даргинскомъ округѣ рѣка, Казикумухекая-Койсеу, пробуравивла себѣ такое ущелье, при аулѣ Цудахарѣ, что его и нельзя иначе назвать, какъ Цудахарскими воротами. Не будь этихъ воротъ—немыслимо было бы и существованіе тутъ аула, заключающаго населеніе въ 1412 душъ. На нашемъ рисункѣ изображена и урема рѣки Койсеу, которая, какъ все уремы даже и въ гористыхъ мѣстностяхъ, неизменно украшаются болѣе или менѣе богатою растительностью. Пирамидальный тополь, въ перемежку съ другими, большею частью фруктовыми деревьями, дичками, съ кустами боярышника, обліпихи и кизила смягчаютъ суровость всего пейзажа и даютъ особенную рельефность двумъ соединяющимся въ немъ контрастамъ—громаднымъ каменнымъ глыбамъ, лишеннымъ всякой жизненности, и ярко блестящей ея растительности.

Лечебница Русскаго Общества покровительства животнымъ въ СПб. (Рис. на стр. 277).

Недавно устроенная правленіемъ Общества лечебница (станціонарная) имѣетъ 2 отдѣленія—для мелкихъ и крупныхъ животныхъ. Первое занимаетъ кухню и двѣ комнаты подвального этажа дома, гдѣ помѣщается правленіе; второе, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ перваго,—во дворѣ. Въ кухнѣ варится для большихъ животныхъ пища и помѣщается служитель при лечебницѣ; имѣется водопроводъ; полъ—непроницаемый для жидкостей. Въ ближайшемъ къ кухнѣ помѣщеніи находится 6 вѣтокъ и

въ слѣдующемъ—8: двѣ изъ этихъ кѣтокъ имѣютъ размѣры, во все стороны, по 1½ ари.; остальные 12—по 1 ари. Кѣтки состоятъ изъ пола, въ однихъ—длинковаго, въ другихъ асфальтоваго, прутьяныхъ желѣзныхъ, обитыхъ внутри на половину высоты цинкомъ, стѣнокъ, дверецъ въ нихъ и не сплошной по крышки, что, препятствуя съ одной стороны животнымъ высасывать изъ кѣтокъ, съ другой—совершенно обезпечиваетъ доступъ въ нихъ воздуха и свѣта. Надъ кѣтками висятъ дощечки, на которыхъ означается кличка животного, фамилія его владѣльца, родъ болѣзни, время поступленія въ лечебницу и порція. Въ каждой комнатѣ, кромѣ форточкы, имѣется такъ-называемый вентиляторъ (вертушка), а въ противоположной стѣнѣ, сообщаемая съ дымовой трубой, вытяжка, такъ что обмѣвъ испорченнаго воздуха на свѣжій вполне обезпеченъ. Отдѣленія для крупныхъ животныхъ состоятъ всего изъ двухъ стойлъ и такъ-называсмаго денника, раздѣленныхъ между собою ши-

Переполненіе лечебницы съ первыхъ же дней ея открытія, заставило отказываться въ пріемѣ больныхъ животныхъ. Дабы избѣжать нареканій, правленіе Р. О. и. ж. нынѣ уже приступило къ расширенію помѣщенія и наняло соседнее помѣщеніе, отдѣлка котораго скорѣ окончится.

Менеликъ, негусъ Абиссинскій, и его корона.

(Портр. и рис. на стр. 280).

Италія, въ заботахъ о расширеніи своего вліянія на сѣверо-восточномъ берегу Африки, всячески ухаживаетъ за новымъ Абиссинскимъ негусомъ, Менеликомъ. Любезность свою она простерла до того, что позаботилась даже о коронѣ, которая будетъ украшать чело „царя царей“. Макоиненъ, глава швабской миссіи, передъ отъѣздомъ изъ Италіи, выразилъ желаніе поднести Менелику къ его коронаціи новую „императорскую“ корону вмѣсто серебряной позолоченой, которая уже принад-

Проходъ перваго желѣзнодорожнаго поѣзда по новому мосту черезъ Фортскій заливъ въ Шотландіи.

рокимъ проходомъ. Передъ помѣщеніемъ этимъ—маленькій дворикъ. Лечебница устроена по проекту и подъ наблюденіемъ члена Общества ниж.-архит. З. В. Зосимовскаго. Съ устройствомъ этой лечебницы, одновременно, улучшена и существующая уже давно амбулаторная лечебница, пополненіемъ въ ней аптечки и хирургическихъ инструментовъ. Завѣдывающимъ обѣими лечебницами состоитъ нынѣ ветеринарный врачъ А. В. Айтекаревъ.

21 ноября 1889 г. состоялось освященіе и официальное открытіе обѣихъ лечебницъ.

Правила лечебницы Р. О. и. ж. (Шески, уголь Дегтярной и 3-й ул., д. 6—19). **Пріемъ:** Больныя животныя принимаются въ лечебницу во всякое время, не исключая и праздниковъ. Амбулаторный же пріемъ ежедневно, отъ 11 до 2 час. дня и отъ 3½ до 4½ час. вечера. **Леченіе и содержаніе:** Плата въ лечебницу за недѣлю вносится впередъ. Плата взимается по-существу въ слѣдующемъ размѣрѣ, не менше:

- За крупное животное 1 р. 50 к.) въ сутки.
 - „ мелкое животное — р. 50 к.)
 - За пребываніе болѣе 3-хъ сутокъ платится какъ за недѣлю.
 - За собакъ здоровыхъ, помѣщаемыхъ только на содержаніе и прісмотръ:
 - Большихъ и среднихъ 15 руб.) въ мѣсяцъ.
 - Маленькихъ 12 руб.)
 - Ванны.** Для большихъ и среднихъ собакъ 1 р. 50 к.
 - „ маленькихъ 1 р. — к.
- Операциіи по соглашенію.**

лежала ему какъ королю швабскому. Антонелли, привезшій съ собою изъ Абиссиніи набросокъ этой короны, сдѣланный какимъ-то армянскимъ живописцемъ, обличилъ исполненіе мысли Макоинена, который оставилъ для этого въ Римѣ потребную сумму, около 25,000 лиръ. Заказъ былъ переданъ миланскому придворному ювелиру Джузепе Конфалоньери, который не могъ сдѣлать короны по рисунку вслѣдствіе его несовершенства и сочинилъ новый вѣнецъ въ традиціонномъ стилѣ короны негусовъ. Какъ видно на рисункѣ, она имѣетъ видъ тиары, осыпанной рубинами, сафирами и изумрудами, изъ чеканнаго золота, и вѣситъ около трехъ килограммовъ (7½ фунтовъ). Верхъ имѣетъ видъ купола, надъ которымъ высится византийскій крестъ, на оконечностяхъ коего помѣщены эмалевыя изображенія Св. Троицы и лица четырехъ Евангелистовъ.

Прилагаемый портретъ Менелика сдѣланъ съ фотографіи пѣвѣстнаго путешественника по Африкѣ, Др. Траверси.

Первый поѣздъ на мосту черезъ Фортскій заливъ въ Шотландіи. (Рис. на этой стр.).

Въ № 12 *Иви* за 1888 годъ мы дали полное описаніе этого, втораго по величинѣ въ цѣломъ свѣтѣ, моста черезъ Фортскій заливъ въ Шотландіи, тогда еще сооружавшагося. 21 (9) января нынѣшняго года, по мосту прошли два пробныя поѣзда, каждый въ три локомотива и 50 вагоновъ, нагруженныхъ каменнымъ углемъ. Оба поѣзда медленно двигались однимъ за другимъ, по временамъ останавливаясь, дабы дать нижеперамъ

возможность освидетельствовать путь. Мостъ выдержалъ тяжесть въ 1,800 тоннъ, т. е. вдвое болѣею предначиненной. 24 января по мосту прошелъ первый поѣздъ, состоявшій изъ локомотива, тендера и двухъ вагоновъ. Затѣмъ мостъ былъ торжественно открытъ принцемъ Вельскимъ 4 марта (20 февраля).

Варшавскія злодѣяства. (Рис. и портр. на стр. 284).

Въ ночь на 6 февраля случился пожаръ въ деревянномъ домѣ на Сѣнной улицѣ, въ Варшавѣ. Домъ этотъ, населенный преимущественно небогатыми рабочими людьми, состоялъ изъ двухъ строгій, выходившихъ на Сѣнную и Сливкую. Строенія соединялись между собою флигелемъ, съ одной стороны, и конюшнями съ сараемъ—съ другой. Застигнутые врасплохъ жильцы дома спасались кто какъ могъ, но, благодаря стараніямъ пожарныхъ, огонь былъ вскорѣ прекращенъ. Болѣе всего пострадало помѣщеніе въ которомъ жила акушерка Скублинская. По словамъ квартирантовъ, Скублинская принимала къ себѣ на выкормленіе и воспитаніе малютокъ—и потому было тотчасъ-же приспущено къ осмотру ея квартиры. Осмотръ этотъ привелъ къ невѣроятному открытію. На чердакѣ было найдено одинъ за другимъ нѣсколько труповъ младенцевъ.

Библиографія.

Вѣстникъ садоводства, плодородства и огородничества. 1890. Годъ XXI. Мартъ. СПб.

Содержаніе этой чрезвычайно интересной книжки:

Vanda coerulea Griffith. Ваида синія. Съ хромолитографіею. Э. Л. Регеля. —Сѣверный житель на южномъ берегу Крыма. Продолженіе. В. К. Афанасовича. —Уходъ за орхидеями въ прошломъ и теперь. Окончаніе. П. Е. Волкенштейна. —Комнатныя растенія и уходъ за ними. Продолженіе. В. П. Кутузова. —Агава *L. Agave*. Съ 4-мя рисунками. Э. Л. Регеля. —Виноградарство и винодѣліе на Дону. С. П. Попова. —*Sphaerophysa salsula* DC. Сферофиза соломячковая. Съ хромолитографіею. Э. Л. Регеля. —Краткія замѣтки о культурѣ розъ въ грунтѣ. П. Г. Гроссена. —*Aechmea Ruiz et Pav.* Съ рисунками. Э. Л. Регеля. —Саратовская земская сельско-хозяйственная выставка въ 1889 году. Ш. А. Дмитріева.

Хроника и мелкія извѣстія: Дешевая и прочная замазка для парниковыхъ рамъ. —Лубковая сигара. —Новое растеніе для изгородей. —

Чѣмъ долѣе производился обыскъ, тѣмъ болѣе открывалось жертвъ необычайнаго злодѣянія. Тотчасъ-же всѣ лица на которыхъ пало подозрѣніе—были арестованы; но ихъ преступленіе, во всѣхъ ужасныхъ подробностяхъ, открылось только спустя нѣсколько дней, когда были найдены трупы дѣтей, скрытые въ стѣнѣ сарая, который занимала Скублинская у сапожника, и въ особенности, когда прислужникъ Скублинской, Вятъ, заявилъ на допросѣ у судебного слѣдователя, что онъ помогалъ въ хозяйствѣ Скублинской и хоронилъ дѣтей, которыя отдавались ей на воспитаніе и которыя у ней умирали. Такихъ несчастныхъ малютокъ погибло у Скублинской, по словамъ Вята, въ одномъ ноябрѣ мѣсяцѣ прошлаго года, болѣе 50 и онъ ихъ похоронилъ на кладбищѣ Брудно, близъ Варшавы. По этимъ, должно быть, не ограничивается число жертвъ злодѣйки, и врядъ-ли можно будетъ выяснитъ весь ужасъ безпримѣрнаго въ уголовной лѣтроніи преступленія надъ дѣтьми, которыхъ бросало въ вертепъ преступницы легкомысленное довѣріе или гнусное безсердечіе. Кроме акушерки вдовы Маріанны Скублинской, привлечены къ отвѣтственности ея сестра, Агнешка Здановская, хозяйка сторѣвшаго помѣщенія, дочь Скублинской, Сусанна Кубекъ и дочь Здановской, Эмилиа, проживавшая у Скублинской безъ проницки Розалія Магальская и нѣсколько другихъ злодѣевъ.

Bouillie bordelaise. —Новая вода. —Крупный цвѣтъ *Celosia cristata.* —*Livistona sinensis.* —Ранній сѣвъ въ Силезіи. —Земля для посѣва мелкихъ сѣмянъ. —Предостереженіе молодымъ торгующимъ садовникамъ. —Приготовленіе растеній для гербарія. —Заводъ для риготовленія Пулькѣ въ Парижѣ. —*Aesculus Hippocastanum biferum.* —Неурожай томатовъ въ Америкѣ. —Къ посѣву очень мелкихъ сѣмянъ. —Акклиматизація *Araucaria imbricata.* —Къ свѣдѣнію любителей розъ. —Новая классификація розъ. —*Rosa polyantha* какъ подвой. —*Tradescantia* - барометръ. —Иванскій кедръ. —Камелинъ въ Португаліи. —Ботаническій садъ въ Гентѣ. —Новыя разновидности *Iris Kämpferi.* —*Aquilegia chrysantha grandiflora alba.* —*Abutilon Thompsoni* въ грунтѣ. —Экспертъ цвѣточныхъ луковицъ въ Сѣверной Америкѣ. —Урожай плодовъ. —*Tritoma.* —Сѣрникозлая мѣдь. —Испанискія головки артишока. —Группы нестроилетнихъ деревьевъ и кустарниковъ. —*Cotoneaster horizontalis.* —*Phormium tenax*—водяное растеніе. —Питательность грибовъ. В. К.

Отвѣты на вопросы, помѣщенные въ январской книжкѣ.

Политическое обозрѣніе.

Эпидемія „министерскихъ кризисовъ“ снова посѣтила Европу. Вслѣдъ за Констаномъ во Франціи, въ Венгріи покинулъ министерство и Коломанъ Тисса, четырнадцать лѣтъ занимавшій постъ перваго министра. Постоянно возрастающая въ палатѣ оппозиція, которая употребляла всѣ усилія чтобы низвергнуть ненавистнаго ей человѣка, можетъ быть довольною удаленіемъ г. Тиссы, хотя оставленіе изъ поста перваго министра, благодаря чрезвычайно ловко выбраннымъ условіямъ и времени, повидимому никакъ нельзя признать за отступленіе предъ его оппозиціонными противниками. Воспользовавшіеся проектомъ новаго закона о венгерскомъ подданствѣ, г. Тисса удалился изъ министерства, какъ искренній патріотъ, предпочитающій отказаться отъ власти, чѣмъ допустить неключеніе Контута изъ числа венгерскихъ гражданъ. Эта уловка позволила г. Коломану Тиссѣ сохранить и даже укрѣпить свое положеніе вождя національной партіи. Прошеніе свое объ отставкѣ Коломанъ Тисса подалъ послѣ засѣданія совѣта министровъ, бывшаго 21 февраля. Это засѣданіе, въ предѣлѣхъ императора, продолжалось два часа и было посвящено законопроектъ о подданствѣ. Тисса внесъ проектъ, въ которомъ упоминается, что Контуть по прежнему считается венгерскимъ гражданиномъ. Силаги внесъ другой проектъ, въ которомъ не принимаются въ соображеніе отдѣльныя личности. Министры одобрили проектъ Силаги. Тогда Тисса заявилъ, что долженъ настанавать на своемъ проектѣ, такъ какъ въ свое время онъ далъ въ рейхстагѣ обѣщаніе, что законъ о подданствѣ обезпечитъ права Контута, какъ венгерскаго гражданина. Совѣтъ разошелся, не принявъ никакого рѣшенія. Послѣ того въ политическихъ кругахъ было преобладающимъ мнѣніе, что министерскій кризисъ можетъ разрѣшиться не иначе, какъ выходомъ г. Тиссы въ отставку, которая и была принята императоромъ Францомъ-Иосифомъ, послѣ продолжительной аудіенціи 23 февраля. Такъ какъ Тисса заявилъ, что онъ горячо будетъ поддерживать предстоящее министерство, то сформированіе новаго кабинета не встрѣтило никакихъ затрудненій и новый кабинетъ уже сформированъ. Санари назначенъ министромъ-президентомъ и министромъ внутреннихъ дѣлъ. Чешскія газеты, обсуждая венгерскій министерскій кризисъ, рѣзко нападаютъ на Тиссу. *Politik* выставляетъ на видъ, что было противно видѣть, какъ Тисса ифиллялся за свой портфель. *Народные Листы* видятъ въ паденіи Тиссы симптомъ того, что и въ Венгріи наступаетъ эра знаменательныхъ переворотовъ.

Вслѣдъ за Венгріей министерскій кризисъ разразился во Франціи 1 (13) марта. Въ засѣданіи сената Спюллеръ, отвѣчая на запросъ о француско-турецкомъ торговомъ договорѣ, представилъ объясненіе и заявилъ, что принципъ наиболѣе благоприятствуемой націи будетъ взаимно примѣненъ къ Франціи и Турціи вилоть до 1892 г., когда истекаетъ срокъ всѣмъ существующимъ торговымъ договорамъ. Нѣсколько сенаторовъ винодѣльныхъ департаментовъ протестовали, опасаясь, что послѣдствіемъ этой мѣры будетъ привозъ изюма. Тираръ доказывалъ, что благодаря этому соглашенію съ Турціей, правительство оказало услугу французской торговлѣ и требованіе простаго перехода къ очереднымъ дѣламъ. Требованіе это было отвергнуто большинствомъ 129 голосовъ противъ 117 и затѣмъ сенатъ вопрошалъ формулу перехода къ очереднымъ дѣламъ, предлагающую правительству вступить съ Турціей въ переговоры для установленія *modus vivendi* до заключенія торговаго договора. 2 (14) марта, утромъ, Тираръ вручилъ президенту Карно прошеніе кабинета объ отставкѣ. Прошеніе это было принято и составленіе новаго кабинета будетъ, вѣроятно, поручено Фрейснэ. По слухамъ, въ составъ кабинета войдутъ Констанъ и Рибо, а министры Барбе, Фэ и Фальбергъ сохранять свои портфели. Президентъ Карно совѣщался съ президентами сената и палаты депутатовъ. Полагаютъ, что вечеромъ онъ пригласитъ къ себѣ Фрейснэ.

21 февраля на обѣдѣ, устроенномъ въ отелѣ *Kaiserhof* браденбургскимъ провинціальнымъ сеймомъ, присутствовали Германскій императоръ и произнесъ рѣчь, вызвавшую не мало толковъ, вслѣдствіе не совсемъ вѣрной передачи въ телеграммахъ смысла ея. Въ ней онъ указывалъ на тѣсный союзъ, существующій между браденбургцами и гогенцоллернами. Императоръ сказалъ, что браденбургцы стояли за домъ его, какъ въ дни бѣдствій, такъ и въ счастливые дни, но лишь во время бѣдствій узнаешь истинныхъ друзей. Его упрекали въ томъ, что онъ слишкомъ много путешествуетъ, и невѣрно толковали цѣли его поѣздокъ, но онъ всѣмъ совѣтуетъ дѣлать то же, потому что тогда они станутъ съ болѣеимъ спокойствіемъ и хладнокровіемъ судить о людяхъ и событіяхъ. „На открытомъ морѣ я созерцалъ ночью звѣздное Божье небо и это возбудило во мнѣ совсемъ другія мысли, я научился судить объ отечественной политикѣ съ вышней точки зрѣнія и благодаря этому помѣшалъ необдуманымъ мѣрамъ“. Далѣе императоръ указалъ, что онъ намѣренъ идти по слѣдамъ

своего дѣда. „Слѣдуя по его стопамъ, говорилъ державный ораторъ, я буду считать важнѣйшею моею задачею, какъ можно ближе заботиться о благѣ низшихъ классовъ моихъ подданныхъ“. Въ концѣ рѣчи юный императоръ заявилъ: „Добро пожаловать всѣмъ тѣмъ, кто хочетъ мнѣ помочь, но тѣмъ, кто будетъ ставить мнѣ преграды на моемъ пути—я раздаю!“.

Рѣчь императора Германскаго вызвала въ вѣнской печати различные толки. Правительственная *Presse* говоритъ, что подлинный текстъ рѣчи производитъ еще болѣе странное впечатлѣніе, чѣмъ ея телеграфное резюме, при чемъ гнѣвно замѣчаетъ: „На слова императора Вильгельма о вѣрности бранденбургцевъ, которая, въ противоположность тому, что было въ другихъ государствахъ, проявлялась всегда въ годы бѣдствій, мы замѣтимъ, что этотъ контрастъ мы можемъ спокойно принять на счетъ другихъ государствъ, такъ какъ вѣрность австрійцевъ царственному дому Габсбурговъ уже болѣе восьми вѣковъ выдержала въ ихъ прекрасномъ южно-германскомъ отечествѣ самыя страшныя бури и сокрушила всѣхъ тѣхъ, кто прогнѣвдѣствовалъ этой вѣрности“. Въ политическихъ кругахъ видятъ въ этой статьѣ намекъ на далеко еще не исчезнувшія въ южной Германіи симпатіи къ Габсбургскому дому.

Франціи встревожена извѣстіями изъ своихъ африканскихъ колоній. Кроваваго дагомеяйскаго короля близъ Котону на французскихъ, и хотя былъ вынужденъ отступить, но французы лишились нѣсколькихъ человѣкъ убитыми въ стычкѣ съ дагомеянами, которые дрались такъ искусно, что во французскомъ морскомъ министерствѣ утверждаютъ, будто ими предводительствовалъ нѣмецкій офицеръ. Чтобы наказать дерзкаго владыку, Франція собирается отправить экспедиционный отрядъ въ 4 тыс. человѣкъ въ Дагомею; войска набраны будутъ изъ частей, расположенныхъ въ Алжирѣ, Тулонѣ и Брестѣ. О причинахъ вызвавшихъ нападеніе, Г. Этьеннъ сообщилъ въ палатѣ депутатовъ: „Не смотря на давнишніе договоры, дагомеяйскаго короля оспариваетъ права Франціи и отказывается признавать французскій протекторатъ надъ богатою территоріею Вейда, примыкающею къ Дагомеѣ съ запада и которую дагомеяйскаго короля считаетъ своею собственностью. Байоль тщетно старался убѣдить его въ необходимости уважать договоры. Король послалъ дерзкій отвѣтъ и вторгся во французскую территорію. Атаки были побѣдоносно отбиты, но оставшіеся неосторожно въ Вейдахъ французы сдѣлались жертвами измѣны. Если Франціи не дано будетъ полного удовлетворенія, придется прибѣгнуть къ болѣе энергичнымъ мѣрамъ, но не съ цѣлью завоеванія Дагомея, а для того, чтобы дать полезный урокъ“.

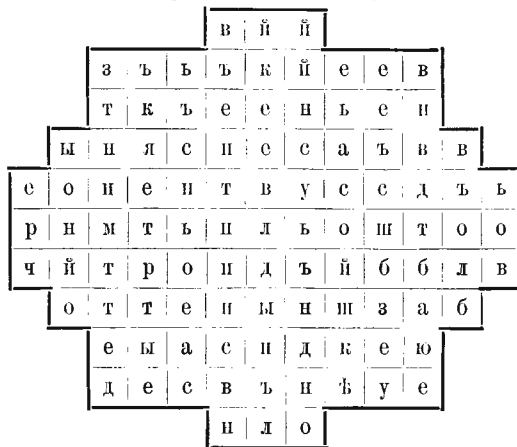
Относительно положенія дѣлъ на островѣ Критѣ, Порта разослала своимъ представителямъ за границею циркуляръ, въ

которомъ заявляетъ, что положеніе дѣлъ никакихъ опасностей не возбуждаетъ.

СМѢСЬ.

Впечатлительный театраль старыхъ временъ. Въ молодости В. Р. Зотовъ, маститый наш писатель и журналистъ, былъ страстнымъ театраломъ и былъ весьма близко знакомъ съ закулиснымъ міромъ. Онъ даже воспѣлъ нѣсколько хорошихъ танцорокъ въ юмористическомъ стихотвореніи „Театраль“, изданномъ отдѣльною книжечкой съ прекрасными рисунками В. Ф. Тимма. Въ книжкѣ было также и нѣсколько тогдашнихъ театраловъ, участь которыхъ не всегда была пріятна и завидна. „Такъ, въ началѣ 1843 года, — разсказываетъ г. Зотовъ въ своихъ очеркахъ, „Петербургъ въ сороковыхъ годахъ“, — умеръ одинъ изъ самыхъ рьяныхъ почитателей балета, двадцатилѣтній Головинъ. Онъ былъ влюбленъ въ танцорку Ду—ну, бывшую еще воспитанницей театральнаго школы. Онъ провожалъ ее всякій разъ послѣ спектакля и она сама начала кокетничать съ нимъ, дѣлая ему глазки со сцены, пока за ней никто не ухаживалъ. Когда же явился богатый и важный поклонникъ, она откровенно сказала Головину, чтобы онъ оставилъ ее въ покоѣ. Онъ началъ описывать ей всѣ мученія отвергнутой любви, но разсчитавшая дѣвица грубо прогнала обожателя. Сцена эта происходила послѣ спектакля, у театральнаго подъезда, когда карета воспитанницъ готова была отвезти ихъ въ школу. Головинъ въѣзнилъ

Задача бунѣвъ (ходъ коня) № 15.

2-й заемъ 1866 года.

48-й тиражъ 1-го марта 1890 года.

ТИРАЖЪ ВЫИГРЫШЕЙ ВЪ ГОСУДАРСТВЕННОМЪ БАНКѢ.

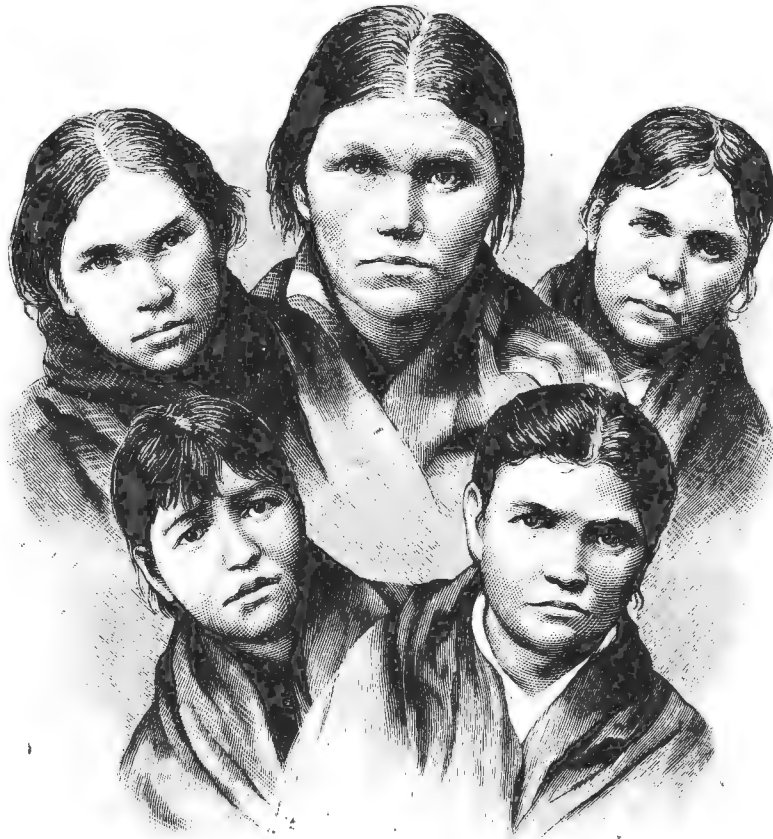
№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.						
43	5	500	2763	44	500	4951	26	10000	7410	41	500	9368	22	500	12124	31	500	14535	12	5000	17216	27	500
95	7	500	2803	27	1000	4969	41	500	7445	23	500	9383	30	500	12181	21	500	14678	39	1000	17257	9	500
113	35	500	2815	20	500	5009	25	500	7465	16	500	9384	18	500	12249	49	500	14679	38	500	17306	21	500
161	26	500	2833	24	500	5111	50	500	7534	15	500	9387	28	500	12320	27	500	14857	2	500	17327	16	500
241	24	500	2838	25	500	5157	26	500	7667	38	500	9486	34	500	12348	20	500	14920	27	500	17425	1	500
269	36	500	2967	38	500	5189	40	500	7733	50	500	9598	3	500	12395	16	500	15076	27	500	17518	12	500
284	43	500	2978	9	500	5307	35	1000	7783	3	5000	9634	23	500	12551	9	500	15077	10	500	17573	42	500
318	23	500	3087	34	500	5329	2	500	7850	40	500	9657	24	500	12597	18	500	15078	23	500	17677	27	500
321	20	500	3131	41	500	5346	45	500	7860	6	500	9738	19	500	12740	18	1000	15080	11	500	18078	46	500
602	10	500	3139	40	1000	5354	16	500	7863	12	500	9760	33	500	12967	44	500	15152	25	1000	18104	46	500
615	6	500	3151	13	500	5409	35	500	8020	47	500	9781	34	500	13212	1	500	15164	40	500	18192	32	500
708	29	500	3339	3	500	5434	19	500	8072	50	500	9782	1	500	13221	50	500	15165	47	500	18224	34	8000
738	40	500	3561	10	500	5510	23	500	8087	6	500	9801	28	500	13368	3	500	15237	16	500	18332	39	500
972	27	500	3660	20	500	5527	44	5000	8129	29	500	9817	46	500	13422	45	500	15293	40	500	18370	12	500
972	34	500	3692	13	500	5574	10	500	8139	20	500	9883	17	500	13429	9	500	15340	20	500	18527	47	500
984	11	500	3831	44	500	5619	26	500	8160	14	500	9986	8	500	13576	17	500	15390	16	500	18653	25	500
990	43	500	3860	22	500	5666	36	500	8234	21	500	10048	13	500	13596	9	500	15403	31	500	18684	34	500
992	18	500	3947	22	500	5793	12	5000	8296	45	500	10088	22	8000	13629	11	500	15459	38	500	18722	29	500
1025	25	500	3990	7	500	5869	49	500	8497	47	500	10186	43	500	13648	47	1000	15683	38	5000	18745	47	500
1073	45	500	3997	16	500	5950	39	500	8511	31	500	10260	41	20000	13674	23	500	15684	34	500	18745	48	500
1184	26	500	4004	11	500	5983	27	40000	8565	43	500	10273	33	500	13681	25	500	15716	44	500	18831	36	1000
1219	16	500	4023	7	500	6006	20	500	8656	17	500	10518	29	500	13692	14	500	15833	6	500	18869	40	500
1272	15	500	4444	34	500	6020	49	500	8691	37	500	10596	45	500	13708	37	1000	15859	2	500	18942	29	500
1327	25	500	4155	45	500	6220	23	500	8710	29	500	10647	17	500	13734	20	500	15963	12	1000	19097	45	500
1476	2	500	4182	15	500	6243	38	500	8747	26	1000	10694	48	500	13737	44	500	16006	13	8000	19107	20	500
1664	20	500	4261	46	5000	6277	6	500	8752	5	5000	10718	40	10000	13777	30	500	16202	8	500	19131	20	500
1689	34	500	4266	13	500	6280	40	500	8794	49	1000	10735	8	500	13833	37	500	16287	42	1000	19135	34	75000
1732	1	500	4319	35	500	6367	41	500	8991	21	500	10771	16	500	13836	21	500	16506	17	500	19256	20	500
1930	3	500	4445	48	1000	6381	7	500	9020	18	500	10775	35	1000	13881	36	500	16560	11	500	19349	1	500
2204	23	500	4483	41	500	6384	35	500	9067	6	500	10903	40	8000	13910	45	500	16608	25	500	19435	32	1000
2225	6	500	4559	48	500	6491	14	500	9103	2	500	10997	6	500	13956	23	500	16610	6	500	19519	22	500
2385	13	500	4621	50	500	6573	17	500	9164	29	500	11057	35	500	14005	30	500	16640	14	500	19550	8	500
2454	38	1000	4672	38	500	6685	7	500	9237	22	500	11125	6	10000	14126	14	500	16750	35	500	19566	4	500
2547	43	500	4763	44	500	6751	27	8000	9241	18	500	11157	26	500	14157	27	500	17005	22	500	19701	35	500
2582	12	1000	4768	10	500	6940	31	500	9277	32	1000	11190	6	500	14337	18	500	17054	8	500	19741	50	500
2706	20	5000	4795	49	500	7070	34	500	9321	22	500	11585	29	500	14375	18	500	17113	7	500	19927	25	500
2712	29	500	4812	31	500	7222	35	1000	9335	13	500	12123	43	500	14454	18	500	17208	12	500	19949	16	500
2743	1	500	4927	7	25000	7340	7	500	9344	41	500												

ММ серій, вышедшихъ въ тиражъ погашеніи.

153, 1003, 1087, 1370, 1467, 1561, 1646, 2071, 2091, 2097, 2225, 2313, 2461, 2524, 2707, 2935, 3005, 3273, 3737, 3810, 3992, 4067, 4378, 4432, 4609, 4705, 4763, 4816, 5029, 5193, 5269, 5887, 5895, 6810, 6845, 7077, 7221, 7278, 7449, 7806, 7884, 8919, 8860, 9347, 9457, 9506, 9745, 9932, 10214, 10242, 10243, 10407, 10720, 10775, 10806, 11086, 11207, 11411, 11431, 11441, 11891, 11997, 12149, 12463, 12560, 13000, 13263, 13411, 13412, 13687, 14176, 14786, 15091, 15251, 15902, 16680, 16707, 16818, 16899, 17019, 17127, 17174, 17407, 17532, 17679, 18661, 19041, 19212, 19333, 19485, 19515, 19557.

ся въ окно кареты и его съ трудомъ могли оттащить. Въ ту же ночь онъ слегъ въ постель, прохворалъ два мѣсяца и умеръ отъ аневризма. Гробъ Головина провожало человекъ двѣнадцать молодежи, причемъ сперва шли разговоры о случаяхъ подходящихъ къ настоящему. Затемъ вспомнилъ, кстати, о судьбѣ молодого герцога Бомонъ, умершаго тоже отъ любви къ пѣвицѣ Мирѣ и о появленіи на его великолѣпномъ памятникѣ, на кладбищѣ отца Лашеза, шести начертанныхъ нотъ: *la, mi, re, la, mi, la*. Долго ломали голову надъ этой надписью, пока не разгадали, что эти ноты означаютъ: *La Miré Pa mis là* (Мирѣ уложила его сюда). (в.)

Примѣненіе силы вѣтра къ добыванію электрическаго свѣта, какъ имѣющей передъ прочими двигателями преимущество дешевизны, начинается въ последнее время входить въ употребленіе. По словамъ „Электротехника“, такого рода приспособленіе дѣйствуетъ съ успѣхомъ на свѣрномъ маякѣ мыса La Neve. Посредствомъ вѣтряной мельницы приводятся въ движеніе двѣ динамическія машины, которыя накоп-

Сусанна Кубень. Маріанна Скублинская. Мазгальская.
Эмилія Здановская. Агнешка Здановская.

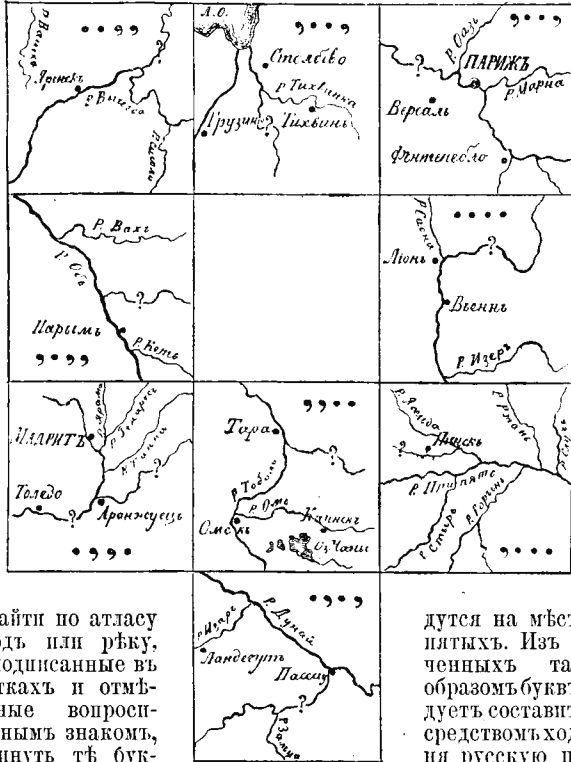
Съ наброска нашего спеціального корреспондента грав. Шюблеръ.

ляютъ электричество въ аккумуляторахъ. Мельница помещается на деревянномъ помостѣ и передаетъ движеніе при посредствѣ вертикальнаго вала. На этомъ валу расположены шкивы, черезъ которые перекинута ремень, передающіе движеніе динамомашинамъ. Мельница работаетъ совершенно равномерно какъ при слабомъ вѣтрѣ, такъ и въ бурю. Последнее всѣми знатоками дѣла считается труднѣйшею частью всей задачи. А между тѣмъ при посредствѣ регулятора достигнута въ этомъ отношеніи совершенно удовлетворительные результаты. Этотъ регуляторъ дѣйствуетъ посредствомъ тренія на валъ, который закрываетъ или открываетъ отверстие вѣтрянаго колеса настолько, чтобы поддержанная дѣйствіемъ вѣтра плоскость соответственно силѣ вѣтра то увеличивалась, то уменьшалась, подобно тому, какъ это происходитъ въ турбинахъ. Обѣ машины дѣйствуютъ попеременно, смотря по количеству электричества въ аккумуляторахъ. Когда электричества накопилось достаточно, машина сама собой останавливается. (с.)

Пожарище дома, въ которомъ жила Скублинская. Съ наброска нашего спеціального корреспондента, рис. Бролингъ.

Географическая задача № 17.

Найти по атласу город или рѣку, не подписанные въ клѣткахъ и отмѣченные вопросительнымъ знакомъ, выкинуть тѣ буквы, которыя при-

дуются на мѣсть за-пятыхъ. Изъ полученныхъ такимъ образомъ буквъ слѣдуетъ составить посредствомъ хода коня русскую пословицу.

ЗАЯВЛЕНИЕ.

Контора журнала „НИВА“ проситъ Гг. подписчиковъ, НЕ ВНЕСШИХЪ ПОЛНУЮ ГОДОВУЮ ПОДПИСНУЮ ПЛАТУ за „НИВУ“ 1890 г., озаботиться своевременными взносами слѣдуемыхъ съ нихъ денегъ. Гг. иногородные подписчики, при высылкѣ денегъ, благоволятъ прилагать печатные адреса отъ бандеролей.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

СОДЕРЖАНИЕ: Силрена. Историческая повѣсть А. А. Смирнова. (Окончаніе). — Исусъ. Повѣствованіе изъ библейскихъ временъ Георга Эберса (съ рис.). (Продолженіе). — Бъ рисункамъ: На лагунахъ (съ рис.). — Выкупъ дороги свадебнымъ поѣздомъ (съ рис.). — Джузепе (съ рис.). — Толчучна (съ рис.). — Цудахарския ворота (съ рис.). — Лечебница Русскаго Общества покровительства животнымъ въ СПБ. (съ рис.). — Менеликъ, негусъ Абиссинскій, и его корона (съ рис.). — Первый поѣздъ на мосту черезъ Фортскій заливъ въ Шотландіи (съ рис.). — Варшавскія злодѣйства (съ портр. и рис.). — Библиографія. — Политическое обозрѣніе. — Смѣсь. — Тиражъ выигршей въ Государственномъ Банкѣ. — Задачи. — Заявленіе. — Объявленія.

Издатель А. Ф. Марксъ.

Редакторъ В. Клюшиновъ.

ВИРТЕМБЕРГСКАЯ СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВ. АКАДЕМІЯ въ Гогенгеймѣ.

Лѣтній курсъ начинается во вторникъ, 15-го Апрѣля с. г. Программы и списки лекцій съ планомъ сельско-хозяйственнаго заведенія высылаютъ по желанію безплатно.

КОРОЛЕВСКАЯ ДИРЕКЦІЯ АКАДЕМІИ Гогенгеймъ въ Мартѣ мѣс. 1890 г.

Vossler.

ТУАЛЕТНОЕ СРЕДСТВО ДЛЯ ДАМЪ,

БЕРЕЗОВЫЙ БАЛЬЗАМЪ Д-РА ЛЕНГИЯ

употребляется для бѣлизны кожи, лица и рукъ. Въ виду многихъ поддѣлокъ прошу обратить вниманіе на припечатанную здѣсь охранительную марку и на подпись единственнаго агента **Василія Аурихъ** въ С.-Петербургѣ, Коло-*Василіурихъ*кольналь, 18—19.

Цѣна: флакону 1 руб. 65 коп., бензоэво мыло 35 коп. и 50 коп. кусокъ, опо помада (лучше колъдъ-крема) 1 руб. Упаковка и пересылка въ Европ. Россіи 70 коп., въ Азіат. 1 р. Имѣется во всѣхъ парфюмерн. и аптекарскихъ магазинахъ и аптекахъ Россіи. В. № 4407 12—1

CIGARETTES ESPIC contre ASTHME & CATARRHE

AUTHORISÉES PAR LE GOUVERNEMENT RUSSE

Le rôt général: STOLL & SCHMIDT, a Saint-Petersbourg

Vente en gros: J. ESPIC, 20, rue Saint-Lazare, Paris.

Exiger la Signature sur chaque Cigarette.

Во всѣхъ складахъ духовъ и въ всѣхъ парикмахерскихъ во Франціи и заграничей.

LA VELOUTINE

Спеціальная рисово-висмутовая пудра.

CHARLES FAY, Parfumeur, 9, rue de la Paix Paris.

БИЛЛЯРНАЯ ФАБРИКА А. ФРЕЙБЕРГЪ.

С.-Петербургъ, Троицкій пр., банъ Египетскаго моста, домъ № 7—2. 26—5

Иллюстрированные прейсъ-курранты по востребованіямъ высылаются безвозмездно.

20-го февраля вышла и разсылается гг. подписчикамъ 2-я книжка журнала № 4299

3 Р. ДЕШЕВАЯ БИБЛИОТЕКА. 12

Г. Осія, Георга Эберса (съ нѣмецкаго). — П. Эва, романъ Джованни Верги (съ итальянскаго). — III. Златно, бѣль, записанная Василіемъ (съ болгарскаго). — IV. Зеленые вѣтви, разсказъ Л. Диллинга (съ норвежскаго). — V. Шесть черныхъ собакъ, разсказъ Та-лаба (съ нѣмецкаго). — VI. Перстень Бога Тота, разсказъ (съ англійскаго). — VII. Сама жизнь, романъ А. Дельви (съ французскаго). Часть вторая „Любовь“ и часть третья „Правосудіе“. — Объявленія.

ПОДПИСКА ПРОДОЛЖАЕТСЯ. 320 стр. книж., въ 320 стр. кандая.

Адресъ редакціи: Москва, Петровка, д. Левенсонъ.

АНЕМІЯ МАЛОКРОВІЕ ХЛОРОЗА БЛѢДНОСТЬ ЛИЦА

ПРИМѢНЯЕТСЯ ЛѢЧЕНІЕ НАЗВАННЫХЪ БОЛЕЗНЕЙ

ПИЛЮЛЯМИ ВАЛЛЭ

(ОДОБРЕННЫМИ ПАРИЖСКОЙ МЕДИЦИНСКОЙ АКАДЕМІЕЙ).

PIULES DE VALLET. П. № 4283 6—5

НАСТОЯЩІЯ ПИЛЮЛИ ВАЛЛЭ НЕ ПОСЕРЕБРЕННЫ.

Онѣ бѣлыя и имя Валлэ написано на каждой пилюль.

Не брать флаконы, на которыхъ на этикеткѣ не находится мое имя и мой адресъ: 19, RUE JACOB.

ХЛОРОЗА БЪЛИ АНЕМІЯ МАЛОКРОВІЕ

Прод. во всѣхъ аптекахъ.

ЭЛЕОПАТЪ

ПРОВ. КИНУНЕНЪ

для волосъ, средство противъ перхоти на головѣ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптек. и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп., но безъ пересылки.

ПРОВ. КИНУНЕНЪ.

Просятъ непременно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждая флакона.—Пров. Кинуненъ. (8) № 4287

Поставщики велосипедов Русской Армии

Торговый Домъ Ж. БЛОКЪ,

Москва, С.-Петербургъ,
Кузнецкий Мостъ, Б. Морская № 21.

имѣютъ единственный Складъ для всей Россіи Велосипедовъ: Свифтъ, Виншетъ, Русскій Клубъ, Молнія (New Rapid), Имперіаль и пр.

Цѣны отъ 100 до 500 руб.

НОВОСТЬ
Общедоступный Свифтъ № 2 = 150 руб. =

Прѣсы-Курарты высылаются бесплатно.

Поставщики велосипедовъ Русской Армии

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ ГЕНРИХЪ БЛОКЪ

взимаетъ по судамъ:
уменьшеннымъ . . . 8% год. и 1/2% еж. ком.
возвышеннымъ . . . 9% год. и 1/2% еж. ком.

Высшій размѣръ судъ:

Подъ I—VI банк. бил.	95 р.
I—III восточн. займы.	95
городск. обліг.	85
зем. закл. листы 6%	90
5%	83
I вынужденный заемъ . . . 21	
II 20	
Дворникъ съ вынр. з. л. . . 30	

Размѣръ % и судъ можетъ быть измѣненъ по состоянию денежнаго рынка. Подробныя условія выдаются и высылаются бесплатно. Контора В. Д. помещается: Спб., 57 (новый № 59), Невскій, соб. д.

Имѣю честь уведомить С.-Петербургскую публику, что во всѣхъ магазинахъ **ЧЕРЕПЕНИНОВА** получаютъ въ Пасхѣ

ТАМБОВСКІЕ ОКОРОКА

приготовленія Василія Степановича Мокроусова въ Тамбовѣ.

ДАМСКІЙ ПАРИКМАХЕРЪ АНРИ ДЕЛЬКРОА и КО

Невскій, 60, во дворъ на лѣво.

Модная прическа "Танагра". Незамыслимаяся "буклеты", громадный выборъ, всѣ цвѣта.

Спеціальная мастерская усовершенствованнѣйш. париковъ.

Залы для прически, окраски и шампуня. № 4418

МИНДАЛЬНОЕ МЫЛЬНОЕ ТѢСТО !!

приготовленное лабораторіей А. Энглундъ.

Миндальное мыльное тѣсто на безеозовомъ содѣ, котораго обилія, освежающая и пріятная пѣна, впитываясь въ кожу, придаетъ ей нѣжность и мягкость, употребляется какъ мыло.

Цѣна за кусокъ 35 к., съ пересылкою 6-ти кусковъ 2 р. 50 коп.

Для предупрежденія поддѣлокъ прошу обратить вниманіе на подпись А. Энглундъ красными чернилами и марку С.-Петербургской Косметической Лабораторіи.

Получать можно во всѣхъ известнѣйшихъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ всей Россійской Имперіи. Ц. № 4409 12—1

ГЛАВНІЙ СКЛАДЪ
А. ЭНГЛУНДЪ,
Спб., Литейный пр., 36.

У ВСѢХЪ ИЗВѢСТНЫХЪ КНИГОПРОДАВЦЕВЪ
ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ

Н. М. ПРЖЕВАЛЬСКІЙ.

Биографическій очеркъ, сост. Н. Ф. Дубровинъ. 602 стр., 4 портрета, 3 автографа, 2 рисунка и карта четырехъ путешествій. Доходъ съ изданія назначается въ капиталъ имени Пржевальскаго. Цѣна 5 р., съ перес. 5 р. 70 к. Книгопродавцамъ 20% уступки. Складъ изданія: С.-Петербургъ, Колокольная, № 14, у В. А. Березовскаго, который, въ виду цѣли изданія, отказался отъ всякой уступки. М. № 4414 —1

Всѣ названіе косметическіе продукты не содержатъ никакихъ вредныхъ веществъ, почему и разрѣшены Спб. Стол. Врачеби. Управленіемъ.

- ПОДЛИННИКЪ ПАСТА EUGENIE** средство для лица. Цѣна банки 1 р. 60 к.
- БАЛЬЗАМЪ EUGENIE** изъ миртов. вѣтвотъ для декорате, лица и рукъ. Ц. флак. 1 р. 70 к.
- ЭЛЕКСИРЪ MELANGE** для волосъ. Ц. за флак. 2 р.
- ХИНО-ГЛИЦЕРИНОВ. ПОМАДА** для волосъ. Цѣна банки 2 р.
- РУМЯНА EUGENIE** жидкія, придающія цвѣтамъ и ушамъ розов. цвѣтъ.
- РУЧНАЯ РАКОВИННАЯ ПОМАДА** Цѣна банки 1 рубль 30 коп.
- ПОДЛИННИКЪ Poudre EUGENIE** бѣлая и розов. Ц съ пухов. 1 руб. 30 коп., безъ пухов. 1 руб. 20 коп.

КРАСКА ДЛЯ ВОЛОСЪ черная, коричн. и свѣтлор. Цѣна гор. 3 руб. Рись Гутманъ.

Глвное дѣло въ С.-Петербургѣ: въ Русскомъ обществѣ торговли аптекарскими товарами, Казанская; въ Центральномъ Аптекарскомъ Дѣлѣ, Милитинъ Гиде; у Рузанова, Гостинный Дворъ; бывшій Даранскъ, Насажы, № 15-17; у Сіу и Кр; у Перель и Тибо, Невскій пр., № 18 и въ другихъ аптекарскихъ магазинахъ.

Въ Москвѣ: у Никольска и въ другихъ аптекарск. магаз., а также можно получить во всѣхъ аптекарскихъ магазинахъ всей Россіи.

ЕЩЕ ПОДАРОКЪ!

СЪ ПАРИЖСКОЙ ВЫСТАВКИ!

Кромѣ выше опубликованныхъ въ прошломъ номерѣ поступили слѣдующія:

- Самосвѣтн. полой курительн. приборъ британскаго серебра 8 р.
- Гравированіе на стеклѣ (приборъ) 2 р.
- Гравированіе на стали 50 к.
- Кремневая свиченница съ Эйфел. башней, очень изящная, 4 р., безъ оной 2 р.
- Электрич. свиченница 75 к.
- Путешествіе вокругъ свѣта 75 к.
- Свиченница съ фиделемъ 75 к.
- Тоже безъ оного 50 к.
- Губка-юности аппаратъ д. мытья и фротировки тѣла 1 р.
- Дѣтскіе фокусы часы 75 к.
- Игра смѣхъ дѣтей и взрослыхъ.
- Шкапулка-чародѣйка 75 к.
- Пушиль-машинка или аппаратъ превращенія предметовъ 3 р.
- Личикъ съ фокусами въ 1 р., 2 р., 4 р.
- Портфель съ фокусами (10 и 26 фокусовъ) 1 р. 50 к., 2 р.
- 30 штукъ головоломкѣ (игра въ теріиѣ) 3 р.
- Игра (пасьянсъ) Эйфелева башня 50 к.
- Америк. никелов. стѣлов. часы, ручательство — 4 р.
- Машинка для стрижки волосъ людей и животныхъ 7 р.
- Комнатные фигурчатые (медвѣди) кегли (очень изящн.). Игра 6 р.
- Французскія столовая кегли, новая игра 3-4 р.
- Летающая муха (парикска новостъ) 1 р. 50 к.
- Музыкальн. волчекъ 1 р.
- Выжиганіе по дереву и кожѣ, полой приборъ съ платиновымъ прожигателемъ II. 12 р.
- Тисненіе по кожѣ любыхъ рисунковъ, съ инструментами и образцами. II. 6 р.
- Большой приборъ. II. 10 р.
- Живописъ на фарфорѣ, фаянсѣ, маоликѣ и стеклѣ. II. 12 р.
- Гелиоиниатора или искусство раскрашиванія красками портретовъ, картинъ, астамповъ и проч. II. 6 р.
- Литохромія или искусство обращать гравюры и литографіи въ изящныя масляныя картины. II. 7 руб.
- Гелиоиниатора и литохромія вмѣстѣ. II. 11 р.
- Домашній фотографъ, посредствомъ коего всякій, даже ребенокъ, можетъ перенести портреты, карточки, гравюры и проч. II. 4 р.
- Тоже съ приложеними. II. 4 р. 50 к.
- Гальванопластика или искусство золоченія, серебрянія, никелированія и т. д. II. 4 р., 6 р., 8 р. и 10 р.
- Опытъ съ электричествомъ, полой приборъ. II. 2 р. 50 к.
- Работы изъ стружекъ и бересты. II. 1 р. 50 к.
- Живописъ брилліант. II. 2 руб.
- Пантографъ, приборъ для увеличенія и уменьшенія картинъ, плановъ, рисунковъ и проч. II. 1 р. 50 к., тоже металлическій 4 р.
- Калиграфъ, коимъ всякій можетъ научиться красиво писать. II. 1 р.
- Механографъ для увеличенія и уменьшенія картинъ. II. 1 р. 50 к.
- Живописецъ-самоучка, съ красками. II. 2 р.
- Дита-архитекторъ. II. 2 р.
- Кораблестроитель, постройка судовъ по моделямъ. II. 3 р. 50 к.
- Живописное русск., франц., нѣмецк. II. 1 р. 50 к.
- Шахматы. II. 2 р.
- Шашки. II. 1 р.
- Волшебные фонари съ наставленіемъ самому раскрашивать картины. II. 1 р. 50 к., 2 р., 2 р. 50 к., 3 р., 4 р., 5 р., до 50 р.
- Камеръ-обскуры, для рисованія съ натурю. II. 2 р. 50 к.
- Тоже болшыя, складныя. II. 6 р.
- Ортограма, новый приборъ для рисованія перспективъ съ красками и проч. II. 5 р.
- Станокъ для выпилки по дереву и металламъ (работать рукою и ногою) деревян., со всѣми приложеними. II. 4 р.
- Такой же желѣзній 6 р.
- Личикъ со стальнойми и переплетными инструментами. II. 10 р.
- Налѣжный приборъ для снаиванія и приная всякихъ металлическихъ вещей. II. 3 р. и болшыій II. 5 р.
- Приборъ для дѣланія рамъ изъ багетовъ, съ инструментами. II. 6 р.
- Фотографическій аппаратъ — не игрушка, для сниманія съ натурю, визитныхъ и кабинетныхъ портретовъ, видовъ и пр., съ пробнымъ снимк. и подробн. руковод. (пересылка за 15 фунт.). II. 60 р.
- Симфоніонъ, музыкальній инструментъ, игравшій неограниченное число вѣсь съ приложениемъ. II. 10 р. Ивеса отдѣльно по 60 к.
- Новостъ: Электрическая лампа, автоматъ, какъ поинчикъ и для закуриванія папиросовъ. II. 5 руб.
- Электрич. столовая лампа для освѣщенія комнаты. II. 15 р. и много друг. новостей.

Всѣ вышеозначенные приборы съ руководствами. М. № 4408

Заказы исполняются немедленно, но не менѣе какъ на три рубля. Новый иллюстрированный каталогъ всѣхъ изобрѣтеній высылается за 7 коп. марку.

СКЛАДЪ НОВЫХЪ ИЗОБРѢТЕНІЙ.

Адресъ: С.-Петербургъ, 4, Невскій просп. 4. Фирма существ. съ 1872 года.

ЖЕТОНЫ

ИМПЕРАТОРСКИХЪ
РОССІЙСКИХЪ УНИВЕРСИТЕТОВЪ.

Золотые по 11 р., серебряные золоченые по 4 руб.

Ювелиръ **БЮЛЕРЪ**, Б. Морская, № 9, С.-Петербургъ. № 4401

ГЛАВНОЕ ДѢЛО ЧАСОВЪ

Г. ВАЛЬТЕРЪ

Спеціалістъ хронометровъ. Спбурзь, Невскій пр., № 52 прот. Им. Публ. Библиотеки. Оптовая и розничн. продажа. Подробный иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается по востребованію бесплатно. Пересылка на счетъ магазина. Ручательство на 2 года. № 4155 10

Ф. Э. ДРЕХСЛЕРЪ, Варшава, Лѣшно, 14. Бицикли отъ 100 р. Роберы отъ 135 р. № 4386 10—2

ЛЕННИГСЪ и ГЮЗНИГЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которую печатаются иллюстрированный журналъ "Нива". № 2405

МУКОМОЛЬНЫЯ МЕЛЬНИЦЫ

для паровой, конной и ручной силы, МЕХАНИЧЕСКІЯ ЗЕРНОСУШИЛНИ изобрѣтенія В. Аккермана.

ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКІЯ МАШИНЫ сѣялки, плуги, молотилки и т. п.

ПАРОВЫЯ МАШИНЫ въ 3, 4 силы и т. п. на складѣ при механическомъ заводѣ

В. АККЕРМАНА,

Спбурзь, Больш. Болотная, 6 (Пески).

Книга доктора Боголюбова: **Совѣтъ, какъ пріобрѣсти и сохранить со гласно требованіямъ науки ЗДОРОВЬЕ и БЛИЗКУЮ ЗУБОВЪ; ЧИСТЫЙ и ЗДОРОВЫЙ ЦВѢТЪ ЛИЦА; ЗДОРОВЬЕ и БОГАТСТВО ВОЛОСЪ** и пр. Высылаетъ наложеннымъ платежемъ за 85 к. или марками 75 к. Л. Литтровъ, Москва, у Больш. Театра, д. Ностичъ.

НОВОСТІ!

Предохранитель отъ лопанія ламповыхъ стенокъ. М. № 4416-

Надѣвается на всякое ламповое стекло и безусловно предохраняетъ таковое отъ лопанія. За границею въ 2 мѣсяца продано сличкомъ 10 миллионно штукъ. Высылается не менѣе 1 дюжины.

1 дюжина 2 руб.

съ пересылкою по всей Россіи. Адресъ: Складъ новыхъ изобрѣтеній, 4, Невскій пр., 4, Спбурзь. Каталогъ всѣхъ изобрѣтеній за 7 коп. марку.

ПИШУЩАЯ МАШИНА „РЕМИНГТОНА“.

Пишетъ въ 3 раза быстрѣе пера. Чистота, четкость и красота. Введена во всѣхъ Министерствѣхъ и мног. правительств. и частнѣхъ учрежд.

Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленныя отзывы отъ Правительства и другихъ учреждений, высылается бесплатно. № 3748

Единственный складъ для всей Россіи:

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ
Москва С.-Петербургъ
Кузнецкій мостъ. Б. Морская, 21.

ЦАРЬ-ДѢВЦА.

Вс. Соловьева. Ром.-хрон. XVII вѣка. въ 3-хъ ч. II. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.; въ колѣнк. перекл. 2 руб. 25 коп., съ перес. 2 руб. 75 коп.

Поступило въ продажу у всѣхъ книгопродавцевъ изданіе **Ю. Конденъ:**

ПРОКАЗЫ ШАЛУНА съ 150 рис. Буша, въ стихахъ Л. Пальмина, изящное изданіе. Ц. 1 руб., въ накѣ 1 р. 20 коп.

Изданіе съ комическихки рисунк. извѣстн. Буша, до того смѣшн., что нѣвольно возбуждаетъ въ каждомъ неударжимый смѣхъ.

НЕ ХОЧУ УЧИТЬСЯ Походженія живописца, картины въ лицахъ: Маликина, Пачунова, Баклуин-Вой, княжны Батистова и Мама Юмор. романъ. Цѣна 1 руб., въ накѣ 1 р. 15 коп.

ХОЧУ ЖЕНИТЬСЯ Складъ и продажа: Москва, Ю. Конденъ, Бронныя, д. Румянцова. Выписывая изъ склада за пересылку не платитъ. Продаются въ Петербургѣ въ книжн. магаз. Попова, Мартынова, Суворина, Панафидина, Карбасникова, Глазунова, Мамонтова, Прѣснова, Сатаева, Вольфа и др. II. № 4312 3—3

ПЕРВОЕ ВЪ РОССІИ ПАРОВОЕ ПРОИЗВОДСТВО

КРАСОКЪ для гг. художниковъ, живописцевъ, лакировщиковъ, маляровъ, войска, домашняго обихода. Складъ маселъ, лаковъ, кистей, холста для картинъ и всѣхъ живописно-малярныхъ принадлежностей

ПРОИЗВОДИТЕЛЬ и СПЕЦІАЛИСТЪ различнѣхъ живописныхъ, лакировочныхъ, позолотныхъ и малярныхъ работъ № 4411

С.-ПЕТЕРБУРГЪ К. И. ГОФЕ. МОЙКА, № 77

ВАЗЕЛИНОВОЕ МЫЛО

I. ГОЛЛЕНДЕРЪ

для смягченія кожи.

Новозобрѣтенное вазелиновое мыло, пріятнаго запаха, придаетъ кожѣ желаемую нѣжную мягкость. Цѣна за кусокъ 30 коп. 3 куска съ пересчакъ 1 р. 50 к.

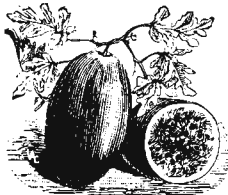
Получать можно во всѣхъ парфюм. и аптек. магазинахъ и аптекахъ Россіи.

Главный складъ: СПБ., Демидовъ пер., д. № 1. (9) № 427.

И. Г. НАРЛСОНЪ въ Воронежѣ.

ОБШИРНЫЙ ПИТОМНИКЪ

плодовыхъ и декоративныхъ деревьевъ и кустарниковъ, превосходно выведенныхъ на сухой почвѣ и высокой мѣстности, награжденныхъ на большихъ Россійскихъ и Международныхъ выставкахъ наивысшими наградами—золотыми медалями.

складъ съѣвъ,

превосходнаго качества и безукоризненной исхоности, сельско-хозяйственныхъ, огородныхъ и цвѣточныхъ.

Больше, обстоятельно и ясно составленные прейсъ-курранты, иллюстрированные массой изящно отпечатанныхъ рисунковъ овощей, цвѣтовъ, комнатныхъ и тепличныхъ растений, фруктовъ, деревьевъ и кустарниковъ, высылаются немедленно по заявленію за 17 коп. почтовыми марками. № 4412

ВЕНГЕРСКАЯ ПОМАДА для ХОЛИ и МЯГКОСТИ ЗУБОВЪ

Главный складъ въ парфюмер. магазинѣ 52. ПАССАЖЪ, 52.

При высылкѣ 1 р. с. или наложеннымъ платежемъ высылаются одна банка помады во всѣ города Россіи. № 4410

ГЛАВНОЕ ДѢЛО ЧАСОВЪ

Б. АЛЬТШВАГЕРА

С.-Петербургъ, Невскій просп., № 42,

имѣетъ постоянно богатый выборъ всевозможныхъ карманныхъ, столовыхъ, стѣнныхъ и дорожныхъ часовъ, регуляторовъ и будильниковъ. Ручательство на два года. Цѣночки различныхъ модныхъ фасоновъ и металловъ.—На высылку иллюстрированнаго прейсъ-курранта проситъ прилагать 7 копѣчную марку. 5-1

МИНИАТЮРН. АХРОМАТИЧ. БИНОКЛЬ

Безъ формы и фабрики. Минимума подлинны.

со шпурк. въ замшевомъ кошелькѣ. 8 р. 50 к. съ пересылкою . . . 9 . . .

„Диллипутъ“ удобно помещается въ карманѣ жилета или между пуговицами мундира и вполнѣ замѣняетъ, какъ для поля, охоты, путешествія или театра, большіе и тяжелые бинокли.

Е. КРАУСЪ и К^о.

Спеціалн. фабр. оптич. инструментовъ Парижъ, Aven. d. l. Républic. 4.

СКЛАДЪ для РОССІИ С.-Петербургъ, Мойка, № 42.

Иллюстр. прейсъ-куррантъ оптич. и фотограф. прибор. высылаются безплатно.

1863 1876 1889

Придворные поставщики

А. РАЛЛЕ и К^о

въ Москвѣ
Оптовая Торговля
Никольская, Боговавленскій переулокъ, д. Чижовыхъ
въ С. ПЕТЕРБУРГѢ
главный корпусъ
маринскаго рынка
во Чернышеву переулку,
близъ Садовой.

ЭЛИКСИРЪ, ПОРОШОКЪ И ПОМАДА для ЗУБОВЪ

ОТЦЕВЪ БЕНЕДИКТИНЦЕВЪ

Аббатства СУЛЯКЪ (Жиронда) Франціи.

Находится во всѣхъ аптекахъ, москательныхъ лавкахъ и косметическихъ магазинахъ.

для ЧИСТКИ ЗУБОВЪ. ЕAU DE ВОТОТЪ

(ВОДА БОТО) Рѣ. № 4314 14-3

чистить зубы и оживляетъ ротъ.

Слѣдуетъ непременно требовать настоящую „ВОДУ БОТО“.

Главный складъ: 17, Rue de la Paix, PARIS. Прежній адресъ: 229, Rue Saint-Honoré.

Продается во всѣхъ москательныхъ лавкахъ и у всѣхъ парфюмеровъ.

Требов. также Туалетный Уксусъ Бото вмен. качества въ отношеніи тонкости запаха. Представитель для всей Россіи: Н. Л. Натанъ, Пятницкій пер., д. Гуськова, въ Москвѣ.

Употребляемая въ С.-Петербургск. Воспитательномъ Домѣ

МОЛОЧНАЯ МУКА

для вскармливанія грудныхъ дѣтей, суррогатъ материнскаго молока

Паровой фабрики ВЛИГЕНТЪ и РОБИНСОНЪ въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

Единственный агентъ для Россіи: **ВАСИЛІЙ АУРИХЪ**, Колокольная, 18—19, въ С.-Петербургѣ. Ея подлинность должна быть на кож. *Васурихъ* дой жестянкѣ.

Цѣна 90 к. за жестянку безъ пересылки.

Продается въ аптек. магазинахъ и аптекахъ Россіи В. № 4416 9-1

МИГРЕНИ И НЕВРАЛЬГИ УСПОКОИВАЮТСЯ перлами скипидарной эссенции Д-ра КЛЕРТАНА.

Каждый флаконъ заключаетъ въ себѣ 30 перловъ, отчего дѣленіе обходится въ нѣсколько конфетъ. Ц. № 4284 6-5

УВѢДОЖЕНІЕ. Если мигрени происходятъ отъ дурнаго состоянія желудка или отъ запора, слѣдуетъ употребить **УГОЛЬ Д-ра БЕЛЛОГА.**

Требовать на этикеткѣ подписи *Dr. Bellog*

Скипидарная эссенція, заключающаяся въ перлахъ Д-ра КЛЕРТАНА, хлещетъ ниета.

Требовать на каждомъ флаконѣ подписи *Clertan*

ОПТОВОЕ ПРОИЗВОДСТВО. 19, RUE JACOB, ПАРИЖЪ. НАХОДИТСЯ ВО ВСѢХЪ АПТЕКАХЪ.

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ

на Всемирной Выставкѣ въ Парижѣ 1889 года.

№ 4473

ИЗООБРЕТЕНІЙ

8-3

О-ДЕ-КОЛОНЪ

ЦВѢТОЧНЫЙ

БРОКАРЪ и К^о

Складъ фабрики: Офицерная, 5.

ФАБРИКА МЕЛЬХИОРОВЫХЪ ИЗДѢЛІЙ А. КАЧЪ

въ С.-Петербургѣ, Невскій пр., д. № 36.

Рекомендуетъ огромный выборъ новѣйшихъ фасоновъ, всевозможнѣйшихъ вещей, подражающихъ серебру. Гр. вногороднамъ высылаются иллюстрированные каталоги, по требованію, безплатно. № 4402 3-1

CRÈME-SIMON (КРЕМЪ-СИМОНЪ)

преlestнаго запаха, не портится и служитъ для смягченія кожи.

Пудра SIMON и Мыло à la CRÈME SIMON дополняютъ его дѣйствія и имѣютъ тотъ же запахъ.

J. Simon, 36, Rue de Provence, 36, Парижъ

Въ розницу у парикмахеровъ, парфюмеровъ и аптекарей. А. № 4315 15-7

ЛУЧШІЙ ПОДАРОКЪ КЪ ПРАЗДНИКУ!

ТОЛЬКО 10 руб.!

Настоящій фотографическій аппаратъ, съ треножникомъ, не игрушка, коимъ каждый можетъ снимать съ натурал. портреты, виды и пр., въ визитн. и кабинетн. велич., съ пробн. снимк. и руководит. Перес. за 15 фунт. Адресъ: С.-Петербургъ. Складъ новыхъ изобрѣтеній, 4, Невскій просп., 4, рядомъ съ Главн. Штабомъ. Новый иллюстр. каталогъ всѣхъ изобрѣтеній за 7 к. марку.

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ

новѣе полученныхъ англійскихъ велосипедовъ.

Г. ЖЕМЛИЧКА, Москва, уголъ Тверской и Старого Развѣснаго пер., домъ Фальс-Фейт, магазинъ № 19.

Прейсъ-курранты высылаются безплатно.

ГЕРОФОНЪ

Цена съ 10-ю песнями 23 руб.
Герофонъ съ приспособленіемъ для громкой и тихой игры, съ 10-ю песнями 32 р.
Добавочная песня по 60 коп.
Пересылка за 50 фунтовъ.
Каталогъ нотъ для герофона и иллюстрированный прейс-курантъ всѣми инструментами — бесплатно.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ
главное депо № 4398
музыкальных инструментовъ и нотъ:
С.-Петербургъ, В. Морская, № 34 и 40.
Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарыина.

МОЗОЛЬНАЯ ЖИДКОСТЬ

„ГОЛЛЕНДЕРА“.

Средство для уничтожения мозолей и бородавокъ. Цена 35 коп. за флаконъ, за два флакона съ перес. 1 руб.

Получать можно во всѣхъ парфюмерн., аптекарск. магазинахъ и аптекахъ. Главный складъ у Г. Голлендера, Дежидовъ пер., № 1. Въ С.-Петербургѣ. (3) № 4303

ОГРОМНЫЙ ЗАПАСЪ.

Приготовлено для продажи до 8,000,000 фунтовыхъ и лѣсныхъ деревьевъ. Цена фруктовымъ привитымъ отъ 5 к. за дерево, лѣснымъ отъ 50 к. за 1,000 деревьевъ. Для посадки большихъ партій отпускаются по условію свѣдущіе люди. Прейс-курантъ высылаетъ Садоводство В. В. Быханова въ Липецкѣ, Тамб. губ. № 4403

НАВОЖДЕНІЕ. Ром. изъ современн. жизни. В. Соловьева. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.

ПРЕКРАСНЫЙ ПОДАРОКЪ НА ПАСХУ!

Фаустъ и Мефистофель на Брокенѣ.
Образецъ гравюры на мѣди (уменьш. въ 12 разъ) изъ книги „Фаустъ“, Гёте.

Изданіе А. Ф. МАРКСА:

Новое большое роскошно иллюстрированное изданіе in folio сочиненія

ГЁТЕ

„ФАУСТЪ“

сбѣ части, переводъ А. ФЕТА, съ 25-ю эстампами гравированными на мѣди и 132-мя гравюрами на деревѣ по рисункамъ **ЭНГЕЛЬБЕРТА ЗЕЙБЕРТЦА**, исполненными знаменитыми граверами: **Адрианомъ Шлейхомъ, Альгейеромъ, Зигле и друг.**

Классически образцовый переводъ **А. Фета** не только передаетъ слово въ слово оригиналъ прекраснымъ стихомъ, но и снабженъ (въ примѣчаніяхъ) всѣми объясненіями трудно понимаемыхъ мѣстъ, а также необходимыми комментаріями, чѣмъ значительно облегчено чтеніе второй части „Фауста“.

Изъ всѣхъ книгъ такъ-называемой классической литературы, „Фаустъ“ Гёте представляетъ истинную сокровищницу: онъ такъ богатъ высокими идеями, что его можно перечитывать всю жизнь и всегда съ новымъ наслажденіемъ.

Цена въ роскошномъ изданіи (шагреновомъ) переплетѣ, съ золотымъ обрѣзомъ и въ футлярѣ 40 р., за пересылку слѣдуетъ прилагать за 35 фунтовъ, по разстоянію.

Съ требованіями обращаться въ контору журнала „НИВА“, СПб., Невскій пр., № 6.

ПОДАРОКЪ НА ПАСХУ! ПОЛНЫЙ ТОМЪ „НИВЫ“ за 1889 г.

закрывающей въ себѣ 1,300 стр. разнообразнаго текста и 700 художественно-выполненныхъ гравюръ, разск. А. Фета—„Внѣ моды“, повѣсть Н. Д. Ахшарумова—„Опасная игра“, романъ М. В. Крестовской—„Торжество Юліи Андреевны“, большой ром. въ 2-хъ част. В. И. Немировича-Данченко—„Подъ звонъ колоколовъ“, историч. ром. въ 2 част. графа Е. А. Салиаса—„Барыни-крестьянки“, разск. кн. Д. Голицына-Муравлина—„Увлеченіе“, разск. П. Дорошенко—„Что же“ и массу другихъ повѣстей, разсказовъ и стихотвореній извѣстныхъ писателей, а также много научно-популярныхъ статей по зоологіи, гігіенѣ, живописи и мн. др. Кроме того нѣсколько художественныхъ приложений—важнѣйшія рыбы Россіи, важнѣйшія древ. растенія Россіи, Росс. Импер. ордена и проч., печат. красками, большой сборникъ новѣйшихъ повѣстей и разсказовъ (томъ 484 стр.) и большая олеографическая картина профес. В. Д. Орловскаго:

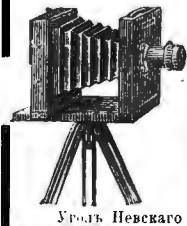
„ЛѢТНИЙ ВЕЧЕРЪ ВЪ МАЛОРОССІИ“.

ЦѢНА ЭТОМУ БОЛЬШОМУ ТОМУ, со всѣми бесплатными преміями и приложениями:

Брошюровап. 4 р. Въ колѣнк. перепл. 5 р. 50 к.
Съ пересылкою до 2000 Съ пересылкою до
верстѣ 6 р. 2000 верстѣ 7 р. 50 к.

Свыше 2000 верстѣ за пересылку прилагается по разстоянію за 13 фунтовъ.

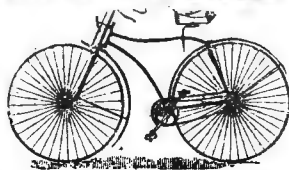
СЕКРЕТНАЯ МОМЕНТАЛЬНАЯ ФОТОГРАФІЯ.

Посредствомъ предлагаемаго новаго, только что появившагося, маленькаго, элегантнаго фотографическаго аппарата, краснаго полированнаго дерева съ азиатскимъ объективомъ и моментальнымъ затворомъ, можно, безъ предварительнаго знанія, удобно, легко, свободно и незаметно, безъ закънн пластинъ, моментально или съ раздѣленіемъ на время, снять 12 ландшафтовъ, группъ или портретовъ, величину пластинки 6x8 сантиметр. Цена только РС. 12. Новый и богато иллюстрированный прейс-курантъ на 1890 годъ высылается. В. № 4408

СКЛАДЪ ФОТОГРАФИЧЕСКИХЪ ПРИНАДЛЕЖНОСТЕЙ
К. И. ФРЕЛАНДЪ

Угль Невскаго и Екатерининскаго канала, д. № 30—16, С.-Петербургъ.

ГЕНРИХЪ КЛЕЙЕРЪ

Франкфуртъ н/М. Р. № 4330

ФАБРИКАНТЪ ВЕЛОСИПЕДОВЪ

„ОРЕЛЬ“.

12—6
Вскаго рода двухъ- и трехъ-колесные велосипеды для взрослыхъ и дѣтей. Составныя части и принадлежности. Ищутъ агентовъ. Иллюстрированный каталогъ за 10 пфен. марками.

Товарищество СПб. Механическаго Производства Обувн имѣетъ

СОБСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ

лишь въ нижеслѣдующихъ городахъ:

въ С.-Петербургѣ:

Невскій пр., 5, близъ Адмиралтейск. площ.
Невскій пр., 54, прот. Александр. театра.
Гостинный дворъ, 51, Садовая улица.
Обводный каналъ, 134, въ зданіи фабрики.

въ Москвѣ:

Петровка, прот. Кузнецкаго Моста, д. Хомяковыхъ.
Тверская, близъ Охотнаго, д. Сумкина.

въ Одессѣ:

Римельская ул., д. Баржанскаго.
Въ этихъ магазинахъ постоянно находится большой выборъ всѣхъ сортовъ обуви нашего производства.

ЦѢНЫ БЕЗЪ ЗАПРОСА.

При этомъ № прилагается для гг. многообразныхъ подписчиковъ (за исключеніемъ москвитинъ) объявленіе отъ чайной торговли К. Е. Ниселева въ Москвѣ.

Дозвол. цензур., СПб., 7 марта 1890 г.

Изданіе А. Ф. Маркса, СПб., Невскій, 6.

Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., № 1.
Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XXI г.
№ 11

г. XXI
1890

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЪСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
Выданъ 17 марта 1890 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫПРОЕВЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цена этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1890 г.

Безъ доставки въ Петербургъ . . .	5 р.	Съ доставкою въ Петербургъ	6 р. 50 к.	Безъ доставки въ Москвѣ чр. конт. объявл. Н. Н. Печков- ской. Петровская Торг. линія	6 р.	Съ пересылкой въ Москву и др. города Россіи . . .	7 р.	За гра- ницу . . .	9 р.
--------------------------------------	-------------	-------------------------------	-------------------	--	-------------	---	-------------	-----------------------	-------------

Мандолината. Съ карт. К. Кизеля, грав. Бонгъ.

Попъ Симеонъ.

(Разсказъ изъ жизни на дальнемъ Востокѣ)

А. Я. Максимова.

I.

Не такъ давно, англійскій капитанъ Бойтонъ переплылъ Па-де-Кале въ гутаперчевомъ костюмѣ собственнаго изобрѣтенія. Ради оригинальности, онъ поставилъ себѣ на грудь мачту съ небольшимъ парусомъ. Море было спокойно и сверкало на лѣтнемъ солнцѣ, словно гигантскій, отшлифованный, стальной листъ. Разстояніе между берегами не превышало сорока миль. Два парохода, переполненные избранною публикой, въ особенности дамами, провожали отважнаго пловца, готовые оказать ему быструю, своевременную помощь, если бы она понадобилась. Мужчины ободряли его энергичными криками; дамы воодушевляли своими прекрасными, разгорѣвшимися глазками, внимательно слѣдившими за каждымъ движеніемъ храбраго, статнаго, ловкаго капитана... На французскомъ берегу, Бойтона встрѣтили красивыя рыбацки и щедро усыпали цвѣтами всю дорогу, отъ морскаго побережья до гостиницы, гдѣ капитанъ намѣревался переодѣться и позавтракать. Всѣ восхваляли необычайное мужество пловца; газеты прокричали о немъ, какъ о героѣ дня. Всюду, гдѣ бы ни показывался Бойтонъ въ первые дни послѣ подвига, ему устраивали оваціи, словно коронованной особѣ...

Впрочемъ, я хочу разсказать вамъ отнюдь не о храбростѣ, мужественномъ капитанѣ Бойтонѣ — о немъ уже достаточно писали журналы и газеты, какъ русскія, такъ и заграничныя. Нѣтъ, я разскажу вамъ о смиренномъ, никому неизвѣстномъ попѣ Симеонѣ, тоже пловцѣ, но пловцѣ другаго закала, совершившемъ свой скромный подвигъ безъ театральной обстановки, безъ криковъ „ура“ и цвѣтовъ...

Случилось это въ самое тревожное время для всей Россіи: въ разгаръ Турецкой войны, когда англичане, ошеломленные нашими военными успѣхами, начали также проявлять относительно насъ явно враждебныя намѣренія. Со дня на день мы ждали объявленія войны со стороны гордой Великобританіи, испугавшейся предстоящаго паденія Константинополя, къ которому приближалась наша побѣдоносная армія.

Неожиданно обострившіяся отношенія Англии къ Россіи поставили наши далекія восточныя окраины въ критическое положеніе. Нашъ аванпостъ на Великомъ океанѣ — Владивостокъ оказался совершенно беззащитнымъ. Суда Сибирской флотиліи, плохо снабженныя и вооруженныя, искали уѣжища въ Санъ-Франциско, чтобы избѣгнуть погрома отъ сильной англійской эскадры, сосредоточившейся въ водахъ Тихаго океана. Весь крайній Востокъ былъ охваченъ паникой, вызванной полною беззащитностью. Мѣстныя власти, въ силу полученныхъ свыше инструкцій, приступили къ энергичной постройкѣ вокругъ Владивостока кое-какихъ укрѣпленій и въ то же время, не надѣясь на нихъ, сибѣшили вывезти изъ порта, въ глушь ближайшихъ лѣсовъ, все казенное имущество, провіантъ и т. п. запасы. Въ это тревожное время, всѣ мысли властей были сосредоточены только на спасеніи нашего аванпоста отъ вражескаго нашествія. Въ общей суматохѣ были совершенно забыты наши военные посты, разбросанные на побережьѣ и въ особенности на островѣ Сахалинѣ, совершенно отрѣзанномъ отъ всего міра. Въ то время островъ еще не былъ даже соединенъ съ материкомъ посредствомъ телеграфнаго кабеля; почтовыхъ сообщеній также не имѣлъ, но пользовался только оказіями, т. е. случайно проходившими судами Сибирской флотиліи, на обязанность которыхъ было возложено снабженіе всѣхъ военныхъ постовъ, расположенныхъ на островѣ, необходимыми припасами. Мы уже упомянули, что Сибир-

ская флотилія скрылась въ Санъ-Франциско, совершивъ блестящій переходъ черезъ океанъ. Такимъ образомъ, громадный островъ остался брошеннымъ на произволъ судьбы. Между тѣмъ, въ виду его уже стали изрѣдка показываться англійскія военныя суда. Видимо, англичане намѣревались завладѣть Сахалиномъ тотчасъ по объявленіи войны Россіи, чтобы воспользоваться его богатыми угольными залежами. Наши военные посты, расположенные на западномъ берегу и въ Анивѣ, на его южной оконечности, оказались забытыми. Особенно въ опасномъ положеніи находился Корсаковскій постъ, расположенный въ заливѣ Анива, куда военныя суда Сибирской флотиліи не успѣли доставить, передъ уходомъ въ Санъ-Франциско, необходимый запасъ провизіи. Взамѣнъ послѣдней, власти отправили въ одинъ изъ ближайшихъ постовъ, для очистки совѣсти, 40,000 рублей, которые и предложили начальнику поста передать при случаѣ въ Аниву, для приобрѣтенія кое-какихъ запасовъ, хотя бы рису, отъ японцевъ. Послѣдніе уже не разъ и прежде спасали Корсаковскій постъ отъ голодной смерти, помогали также и въ разгаръ Турецкой войны, но, при появленіи у Сахалина англійскихъ военныхъ судовъ, начали опасаться посылать свои джонки съ рисомъ, чтобы онѣ не были схвачены, какъ военные призы. Надо помнить, что какъ сахалинцы, такъ и сосѣди-японцы находились въ полномъ невѣдѣніи относительно времени открытія враждебныхъ дѣйствій со стороны англичанъ, такъ какъ отсутствіе не только телеграфовъ, но даже и почты, не дало возможности получить своевременное извѣстіе объ объявленіи войны Англійей Россіи. Такимъ образомъ, снабженіе Корсаковскаго поста провизіей со стороны острова Іезо, расположеннаго почти въ ста верстахъ, стало крайне затруднительнымъ, тѣмъ болѣе, что у начальника поста не было денегъ для поощренія предпримчивости японскихъ подрядчиковъ. Начальникъ поста написалъ тогда въ Хакодате русскому консулу о своемъ безвыходномъ положеніи, но письмо это, отправленное съ оказіей, на японской джонкѣ, дошло по адресу почти черезъ мѣсяць. Русскій консулъ, въ свою очередь, собиравъ о положеніи Корсаковскаго поста во Владивостокъ, но тамъ не могли помочь дѣлу, за уходомъ всѣхъ судовъ въ Санъ-Франциско. Такимъ образомъ, вся надежда оставалась только на японцевъ и русскаго консула. Послѣдній всѣми силами старался поощрить японцевъ къ снабженію Корсаковскаго поста необходимыми запасами и, дѣйствительно, помогъ посту пережить тревожное время. Между тѣмъ въ посту, получившемъ деньги, находились въ совершенномъ невѣдѣніи, что творится въ Корсаковскомъ посту, и считали его положеніе безнадежнымъ, если не доставить туда присланныхъ денегъ. Съ этого момента и начинается нашъ разсказъ о „скромномъ“ подвигѣ попа Симеона.

Глубокая, холодная осень. Лазурь неба давно уже скрыта тяжелыми, свинцовыми облаками, быстро несущимися надъ мрачнымъ и пустыннымъ Японскимъ моремъ. Море кипитъ и бушуетъ. Волна за волной, подгоняемая пронизывающимъ, холоднымъ сѣверо-западнымъ вѣтромъ, неудержимо стремятся куда-то вдаль; завернувъ впередъ пѣнистые, грозные гребни. Море, словно оживленное непогодой, реветъ и стонетъ. Могуцій вѣтеръ вдунулъ въ него несокрушимую, страшную, необузданную жизнь и превратилъ его въ тысячеглавую, стихійную гидру. Грозно ползетъ это чудовище на скалистое, неровное побережье Сахалина, словно хочетъ поглотить громады камней, нагроможденные

на дорогѣ. Съ яростнымъ ревомъ ударяютъ волны въ крѣпкую грудь отвѣснаго берега, будто силясь разбить ее; бѣшено вскидываются онѣ вверхъ на огромную высоту и, обрушившись съ грохотомъ внизъ, отпрядываютъ назадъ съ какою-то стихійною злобой. Отброшенные волны стальнойваются съ прибывающими вновь, дружно бѣгущими, словно грозная рать, на отчаянный приступъ мрачнаго острова; накопляясь новыми, ужасающими громадами, волны опять яростно хлещутъ въ отвѣсныя скалы, потрясая ихъ основаніе и обдавая до вершинъ серебряною пылью. Шумитъ и бѣснуется могучій прибой по всему безлюдному берегу Сахалина. Слышатся то стоны, то ропотъ, будто плачется передъ небесами необъятное, вскипѣвшее море, за разбитыя грѣзы и надежды. Ежеминутно слышатся глухіе, громовые удары, точно гдѣ-то вдали, подъ землю, раздаются могучіе залпы орудій: это бьютъ волны въ глубокія пещеры и гроты, созданные, въ скалистомъ прибрежьи, неутомимымъ, вѣчно бушующимъ, моремъ. Могучее эхо вторитъ грозному шуму прибоя короткими, надрывающими душу, отзвуками, словно гдѣ-то, въ непроницаемой и непроглядной чащѣ, безнадежно вскрикиваетъ затерявшійся путникъ...

Среди вскипѣшаго моря, островъ Сахалинъ тянется длинною, мрачною полосой, вздымаясь, почти отвѣсной стѣной, надъ пѣнящимся прибоемъ. Хлопья снѣга лежатъ, въ видѣ причудливыхъ шапокъ, на вершинахъ отвѣльныхъ скалъ и кекуръ, придавая общей картинѣ необыкновенно суровый колоритъ. Тайственный, дѣвственный лѣсъ раскинулся почти по всему острову, покрывая щетинистою одеждой всѣ склоны и вершины малозвѣданныхъ холмовъ; безмолвный и мрачный, онъ угнетаетъ своею безжизненностью: ни звука, ни шороха... Все будто вымерло въ его необъятныхъ тущахъ или притихло подъ гнетомъ быстро наступающей, суровой зимы. Первый снѣгъ уже легъ тяжелыми хлопьями на темныя, непроницаемыя ели, прикрылъ фантастическими, пышными шапками стройныя и вмѣстѣ съ тѣмъ величественныя сосны, развѣсився прихотливыми кружевами на оголенныхъ березахъ, печально простирающихся къ небу тонкія, граціозныя вѣтви. Первый снѣгъ уже накрылъ, словно саваномъ, низины и тундры, совершенно засыпалъ узкія, звѣриныя тропы, заглушилъ собою каждый, едва доступный, клочокъ земли, еще не скованной морозомъ. Снѣгъ легъ пышнымъ ковромъ вдоль рокочущихъ ручьевъ и ручейковъ, несущихъ свинцовыя, быстрыя воды въ потемнѣвшее, грозное море; онъ засыпалъ одинокія юрты инородцевъ, разбросанныя на необъятномъ просторѣ обширнаго острова, точно оазисы среди безграничной Сахары; снѣгъ, наконецъ, еще болѣе омертвилъ и безъ того безжизненный постъ, расположенный на берегу Сахалина посреди колоній каторжныхъ. Непривѣтливныя, деревянныя постройки поста разбросаны въ беспорядкѣ. Мрачныя казармы каторжныхъ, съ толстыми желѣзными рѣшетками въ небольшихъ окнахъ, тянутся болѣе правильными линиями, нѣсколько въ сторонѣ отъ зданій мѣстнаго военнаго и гражданскаго управления: это казарма квартирующей здѣсь роты солдатъ, невзрачныя хижинки мелкихъ служащихъ, а также чистенькіе, привѣтливые домики людей наживы — разныхъ торговцевъ всевозможными товарами, но преимущественно спиртомъ, имѣющимъ на островѣ наибольшій и выгоднѣйшій сбытъ. Благодаря навязчивой услугѣ этихъ хищниковъ-купцовъ, безстыдно спаивается все инородческое населеніе Сахалина, готовое промѣнять на соблазнительный, жгучій спиртъ всю годовую свою добычу: лѣтнюю — рыбную, и зимнюю — пушную. На ряду съ инородцами, спаиваются и каторжныя, ухитряющіяся приобрѣтать спиртъ, несмотря на самый строгій надзоръ со стороны начальства, вопреки всѣмъ распоряженіямъ мѣстныхъ властей. Вмѣстѣ съ каторжными, напиваютъ

сы и солдаты, видящіе въ крѣпкихъ напиткахъ единственное наслажденіе среди крайне однообразной, до нельзя скучной и тревожной жизни на безлюдномъ, каторжномъ островѣ...

II.

Солнце, прятавшееся цѣлый день за нависшими свинцовыми облаками, уже исчезло за горизонтомъ. Всюду легли темныя тѣни быстро наступившаго осенняго вечера. Пронизывающій сѣверозападный вѣтеръ жалобно воетъ и мечется, точно не находя простора среди невзрачныхъ построекъ заброшеннаго поста. Бѣшено крутятся онѣ подъ окнами, неистово потрясая закрытыя ставни и силясь пробраться въ жарко натопленныя комнаты. Злобно свиститъ вѣтеръ во всѣхъ, едва замѣтныхъ, щеляхъ, стонетъ въ трубахъ и гулко проносится по пустымъ чердакамъ, встряхивая по пути порожними кадучками, бочками и ящиками. Черезъ мгновение, какъ-будто недовольный только что сдѣланнымъ бѣглымъ осмотромъ пустыхъ чердачныхъ помѣщеній, вихрь съ воемъ выносится опять на просторъ и мчится къ чернѣющему вдали лѣсу, подхватывая по дорогѣ засохшія листья и неся ихъ куда-то вдалѣ, въ непроглядную тьму ближайшей тайги... Постъ словно вымеръ; всюду господствуетъ мертвая тишина; на единственной улицѣ — ни души. Только часовые бодро шагаютъ вокругъ каторжныхъ казармъ, чутко прислушиваясь къ каждому подозрительному шороху, зорко всматриваясь въ едва проникаемый мракъ осенняго вечера. Изрѣдка слышится, среди воя непогоды, ихъ протяжный, взаимно ободряющій и призывающій къ бдительности, окрикъ: „Слушай!..“ „Слушай!..“ „Слушай!..“ Э тотъ окрикъ, перехватываемый въ теченіе нѣкотораго времени всѣми часовыми, наконецъ замираетъ гдѣ-то вдали, словно унесенный въ тайгу налетѣвшимъ буйнымъ вихремъ...

Почти все населеніе поста уже спитъ, стараясь сномъ скоротать длинный, убійственно скучный, осенній вечеръ и, слѣдующую за нимъ, не менѣе длинную ночь. Только въ окнахъ постоваго управления чуть мерцаетъ привѣтливый огонекъ... Тамъ еще бодрствуютъ: обсуждаютъ чрезвычайно важный, не терпящій отлагательства, вопросъ о томъ, какъ снабдить присланными изъ Николаевска деньгами батальонъ, расположенный въ южной части обширнаго Сахалина — въ заливѣ Анива. Въ присутственной комнатѣ, вокругъ самодѣльнаго, четырехугольнаго стола, накрытаго сѣрымъ солдатскимъ сукномъ, испачканнымъ до неузнаваемости чернилами, сидѣли трое: начальникъ поста, старенькій, сильно сутуловатый маіоръ Аникинъ, его помощникъ поручикъ Орловъ и дѣлопроизводитель управленія титулярный совѣтникъ Крышевъ. Небольшіе, вѣчно бѣгающіе глаза маіора глядѣли строго и пронизательно; его кругленькое, лоснящееся лицо, обрамленное сѣдыми баками николаевскихъ временъ, носило на себѣ печать добродушнаго довольства своею персоной, занимающей важный служебный постъ, средній между губернаторомъ и главнымъ смотрителемъ каторжныхъ торемъ. Поручикъ Орловъ, испитой, неряшливый, уже давно предавшій забвенію всѣ свои человѣческія достоинства, представлялъ разительный контрастъ своему солидному, всегда съ иголочки одѣтому, начальнику. Постоянно цыганій, съ поволоками, глупыми глазами, Орловъ производилъ отталкивающее впечатлѣніе. Подобострастный, трусливый съ высшими, онъ былъ до-нельзя наглъ съ каждымъ, кто стоялъ хотя ступенью ниже его. Въ отношеніи подчиненныхъ, солдатъ и каторжныхъ, Орловъ былъ хищнымъ звѣремъ; онъ находилъ необычайное наслажденіе истязать тѣхъ и другихъ, при каждомъ представлявшемся случаѣ. За свою изумительную жестокость, поручикъ носилъ среди каторжныхъ характерную кличку „людобѣдъ“... Дѣйствительно, если

На службу Государеву. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) В. Радомского, грав. Шюблеръ.

бы дали Орлову волю, то онъ навѣрное запоролъ бы до смерти всѣхъ... даже, пожалуй, своего друга и собутельника, чиновника Крышева, сухаго, какъ щепка, и длиннаго, словно верстовой столбъ. Крючковатый красный носъ, подъ которымъ торчала, вмѣсто усовъ, какалято грязная, засыпанная нюхательнымъ табакомъ, щетина, придавалъ дѣлопроизводителю видъ хищной птицы, собирающейся клюнуть падаля. Изъ-подъ его нависшихъ, сѣдыхъ бровей злобно глядѣли зеленоватые, хитрые глаза, безпокойно бѣгавшіе съ предмета на предметъ, словно Крышевъ отыскивалъ жертву для своего алчнаго крючкотворства. Выдающийся кляузникъ и наущникъ, Крышевъ очень напоминалъ подьячихъ былыхъ временъ. Онъ говорилъ всегда съ разстановкой, обдумывая каждое слово и бойко забрасывая собесѣдниковъ всевозможными параграфами, статьями, пунктами многочисленныхъ законоположеній, а также изумительными подчасъ разъясненіями разныхъ высшихъ инстанцій, выкопанными Богъ вѣсть изъ какихъ сводовъ, документовъ и архивовъ. Въ силу этого, яко-бы необъятнаго знакомства съ законами, а также любви къ кляузничеству и сутяжничеству, Крышевъ считался на Сахалинѣ чрезвычайно опаснымъ человѣкомъ, который, будто бы, можетъ подвести каждое дѣяніе подъ известную уголовную статью и пунктъ, состричь длинный доносъ, отослать его, куда слѣдуетъ, и обрушить, затѣмъ, на головы совершенно неповинныхъ людей грома начальства и зоркаго правосудія. Всѣ ненавидѣли Крышева и вмѣстѣ съ тѣмъ боялись, опасаясь навлечь на себя его неприязнь, за которую всегда слѣдовала какая-нибудь выдающаяся кляуза или доносъ. Маіоръ Аникинъ былъ единственнымъ здѣсь человѣкомъ который не особенно опасался Крышева—и то только въ силу крѣпкаго убѣжденія, что служебная его дѣятельность безукоризненно неспорочна и не омрачена, за цѣлый почти полувѣкъ службы, ни единымъ, болѣе или менѣе грязнымъ, поступкомъ. Это глубокое сознание своего высокаго нравственнаго превосходства ставило почтеннаго старика-служаку, въ отношеніи Крышева, въ весьма выгодныя условія. Кляузникъ-дѣлопроизводитель хорошо это сознавалъ и не безпокоилъ пока маіора бесполезными на него доносами, хотя и ловилъ моментъ повредить ему при случаѣ, повредить просто въ силу своей злой привычки подкладывать „свинки“ всѣмъ безъ разбору, какъ выражаются сибиряки...

III.

И такъ, въ управленіи рѣшался вопросъ о доставкѣ денегъ въ Корсаковскій постъ, вопросъ, повидимому пустой, но, на самомъ дѣлѣ, казавшійся неразрѣшимымъ для представителей постовой администраціи.

— Шутка-ли!.. Вѣдь сорокъ тысячъ рублей переслать надо!.. съ отчаяніемъ говорилъ чуть-ли не въ десятый разъ маіоръ Аникинъ, стараясь придумать что-либо путное.

— Да-съ, Иванъ Петровичъ, деньги не малыя, пробасилъ поручикъ Орловъ, глубокомысленно всматриваясь въ закоптѣвшее стекло кривой лампы, точно требуя отъ него вдохновенія для разрѣшенія трудной задачи.

— По точному смыслу статьи 125 и примѣчанія къ параграфу 47 хозяйственнаго устава, деньги эти должны остаться на храненіи въ денежномъ ящикѣ управленія, впредь до первой оказіи, выпалилъ безъ передышки Крышевъ, нервно потирая свой крючковатый носъ.

— Полноте, батенька, бросьте теперь свои статьи и параграфы, началъ Иванъ Петровичъ добродушно урезонивать дѣлопроизводителя.—Надо деньги доставить во что бы то ни стало: въ противномъ случаѣ, батальонъ погибнетъ, погибнетъ позорно, не на полѣ брани, а

отъ голоду... Понимаете-ли теперь, что деньги необходимо доставить немедленно!..

— Надо доставить, опять согласился поручикъ Орловъ совершенно безучастно.

— Я самъ знаю, что надо доставить, но съ кѣмъ, какъ!? началъ горячиться добродушный старикъ.—Подумайте хорошенько—до Корсаковского поста около семисотъ верстъ... Зима на носу... Всѣ тропинки засыпаны уже непроходимымъ снѣгомъ... Медвѣди бродятъ по тайгѣ десятками... Кто возьмется, при такихъ условіяхъ, доставить деньги!.. Вы, что-ли?..

— Нѣтъ-съ, избавьте, пробасилъ поручикъ Орловъ, оторвавшись наконецъ отъ лампы.—Я еще жить хочу, а это... на вѣрную смерть идти...

— Придется обождать какое-нибудь военное судно, вставилъ свое слово дѣлопроизводитель.

— Судно!?!.. какое?!.. удивился Иванъ Петровичъ.—Развѣ вамъ неизвѣстно, что всѣ суда Сибирекой флотилии ушли, въ ожиданіи военныхъ дѣйствій съ англичанами, Богъ вѣсть куда... Мы, здѣсь, брошены на произволъ судьбы—сами должны обо всемъ позаботиться и о товарищахъ подумать... съ отчаяніемъ повторилъ маіоръ, не видя никакого исхода изъ затруднительнаго положенія и горя въ то-же время искреннимъ желаніемъ помочь бѣдствующему гарнизону Корсаковского поста.

Но тутъ въ коридорѣ скрипнули половицы, дверь распахнулась и „въ присутствіе“ вошелъ саженнаго роста священникъ въ темномъ, шерстяномъ, сильно потертомъ, подрясникѣ, плотно облегавшемъ атлетическія плечи и могучіе, сильно выпуклые мускулы громадныхъ рукъ. Большая, львиная голова священника крѣпко сидѣла на короткой, жилистой шеѣ. Смуглое лицо его, обрамленное густою бородкою, дышало несокрушимую отвагою, желѣзною энергіею и непреклонною волею. Сѣрые, пронизательные глаза, раздѣленные крупнымъ орлинымъ носомъ, глядѣли ясно и спокойно, придавая типичной фізіономіи священника необыкновенно привлекательное, чарующее выраженіе, преисполненное величаваго добродушія и въ то-же время какого-то горделиваго сознанія нравственной чистоты... Это былъ извѣстный всему Сахалину попъ Симеонъ, самоотверженный и смѣлый миссіонеръ, всецѣло отдавшійся святому и трудному дѣлу христіанскаго просвѣщенія, энергично разносимаго имъ по всему необъятному острову. Это былъ безукоризненно честный, неукротимо отважный поборникъ Христа, совершавшій свои удивительные миссіонерскіе подвиги въ глуши каторжнаго Сахалина, твердо, спокойно, настойчиво, безъ театральной обстановки и безъ желанія обратить на себя чье-либо вниманіе. Попъ Симеонъ не кичился своими выдающимися подвигами и находилъ ихъ вполне естественными, какъ-бы исходящими изъ нравственной силы cadaго человѣка. Вѣчный труженикъ, онъ жаждалъ этихъ подвиговъ, какъ необходимой пищи для своей возвышенной души и громадной энергіи, избытокъ которой онъ былъ готовъ отдать на всякое честное, смѣлое дѣло, хотя бы оно даже не относилось къ его прямой миссіонерской дѣятельности.

Въ данномъ случаѣ, попъ Симеонъ напоминалъ древнихъ русскихъ богатырей, опредѣленно не знавшихъ на какое честное дѣло пожертвовать избытокъ своей силы и отваги, и бродившихъ по бѣлу свѣту только ради всевозможныхъ случайныхъ подвиговъ, въ которыхъ можно было бы лишь найти полное удовлетвореніе своему богатству. Попъ Симеонъ, по своей рѣдкой скромности и выдающейся нравственной чистотѣ, никогда не сознавалъ всего величія подвиговъ, совершаемыхъ имъ въ невѣдомой глуши. Это былъ необыкновенный человѣкъ высокаго призванія, забывшій „міръ“ ради невѣжественныхъ ивородцевъ и, погрязшихъ въ преступленіяхъ, каторжниковъ. Попъ Си-

меонъ жаждалъ только одного: просвѣтить первыхъ и возвратить вторымъ ихъ человѣческое достоинство, нравственную чистоту, совѣсть и въ то-же время вѣру въ благодать и милосердіе Божіе. Всегда одинъ, совершенно безоружный, съ небольшою котомкой за плечами и съ посохомъ въ рукѣ, онъ бродилъ по мрачному Сахалину, отъ одной юрты инородцевъ къ другой, дѣлая ежегодно по тайгѣ, пѣшкомъ, по тысячѣ слишкомъ верстѣ, не страшась ни хищныхъ звѣрей, ни бѣглыхъ каторжныхъ, ни непогоды. Онъ зналъ островъ, какъ свои ладони; ему были извѣстны каждая звѣровая тропа, каждая юрта инородцевъ и каждый, самый ничтожный ручеекъ; онъ чувствовалъ себя въ глухой тайгѣ какъ дома, прекрасно освоившись съ ея капризами, опасностями и природой... Нравственное вліяніе попа Симеона на каторжныхъ было неотразимо. Преступники любили и уважали его за привѣтливое и всегда теплое обращеніе, за рѣдкое вниманіе и заботливость объ ихъ физическихъ и нравственныхъ нуждахъ; въ то-же время, они преклонялись, какъ грубыя натуры, передъ его непомерною силою и богатырскимъ тѣлосложеніемъ. Каторжные признавали въ немъ чловѣка во всѣхъ отношеніяхъ необычайнаго и всегда съ удивленіемъ глядѣли, съ какою легкостью перебрасывалъ онъ иногда громаднѣйшія бревна и балки, какъ почти шутя носилъ на широкихъ плечахъ по два куля муки, лично поощряя „несчастныхъ“ разгружать судно, привезшее хлѣбъ. Показывая каторжнымъ примѣръ непрерывной дѣятельности и любви къ труду, попп Симеонъ никогда не забывалъ своего прямого миссіонерскаго дѣла: крестилъ новообращенныхъ, наставлялъ и укрѣплялъ въ новой вѣрѣ уже присоединившихся къ лону православной церкви, совершалъ необходимые церковныя требы. Мало того, будучи знакомъ съ практической медициной, онъ лечилъ больныхъ и прививалъ оспу, удивляя всѣхъ своею высокочеловѣколюбивою дѣятельностью. Попп Симеонъ не зналъ усталости; никто не видѣлъ его отдыхающимъ. Это былъ рѣдкій типъ замѣчательнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ скромнаго дѣятеля на далекомъ Востокѣ, всецѣло преданнаго святому дѣлу, во имя широкой христіанской любви и помощи...

IV.

— Честной компаніи низко кланяюсь, проговорилъ миссіонеръ, перекрестившись передъ образомъ и подходя затѣмъ къ столу.

— Здравствуй, отецъ Симеонъ, здравствуй!.. Какъ живешь-можешь? радушно привѣтствовалъ неожиданнаго гостя маіоръ.

Крышевъ только крикнулъ, какъ-то съежился и угрюмо скосилъ глаза куда-то въ сторону. Онъ очень недолго любилъ миссіонера за его рѣзкую правдивость и постоянное бичеваніе всякихъ клязуничествъ и доносовъ. Отношенія между нимъ и попомъ Симеономъ были крайне натянуты, хотя не дошли еще до явнаго разрыва, благодаря только тому, что почтенный миссіонеръ не обращалъ вниманія на злобную антипатію клязуника-дѣлопроизводителя и всегда стоялъ выше его мелкой ненависти и грязныхъ дрызгъ.

Какъ будто не замѣчая неприятнаго впечатлѣнія, произведеннаго его неожиданнымъ приходомъ на желчнаго Крышева, попп Симеонъ, пожавъ руки маіору и поручику, подошелъ къ насунившемуся чиновнику, видимо избѣгавшему добрыхъ сношеній съ миссіонеромъ.

— Здравствуйте, батенька, Александръ Ильичъ, проговорилъ онъ просто и дружески, протягивая мозолистую руку.

Крышевъ сердито крикнулъ, вскинулъ хитрые, злые глаза на миссіонера, но, встрѣтивъ его ясный, спокойный взглядъ, тотчасъ-же скосилъ ихъ въ темный уголъ комнаты.

— Я для вашего преподобія не батенька, а кавалеръ Святаго Станислава третьей степени и коллеж-

скій ассесоръ, грубо оборвалъ онъ, не подавая руки и нервно заерзавъ на стулѣ, точно угорь передъ раскаленными угольями.

Попп Симеонъ хладнокровно спряталъ за подрясникъ протянутую было руку и опустился на ближайшій стулъ, неловко подогнувъ подъ него свои громадные ноги, обутыя въ грубые сапожища, сшитые имъ самимъ изъ першичьей кожи, крѣпкой и непромокаемой.

— Я къ вамъ, Иванъ Петровичъ, обратился онъ къ маіору послѣ непродолжительнаго, неловкаго молчанія.

— Къ вашимъ услугамъ, батюшка, любезно проговорилъ Аникинъ.

— Я только что вернулся въ постъ, началъ попп Симеонъ издалека объяснять неожиданный свой приходъ въ присутственное мѣсто, въ моментъ наиболѣе торжественнаго и важнаго засѣданія.—Ходилъ къ проливу Невельскаго—тамъ у гилыка Като дѣти разболѣлись, такъ просилъ придти—полечить...

— Вотъ охота-то со всякою сволочью возиться, брезгливо проворчалъ поручикъ Орловъ.

— Своего рода сподвижничество! ехидно прошипѣлъ Крышевъ, заерзавъ опять на стулѣ.

Миссіонеръ окинулъ поручика и дѣлопроизводителя яснымъ, спокойнымъ взглядомъ и хладнокровно продолжалъ:

— Услыхалъ я, что въ Анивѣ батальонъ бѣдствуетъ... Деньги какія-то надо переслать туда, да оказіи подходящей нѣтъ...

— Совершенно справедливо, отецъ Симеонъ, обрадовался маіоръ, охваченный предчувствіемъ, что миссіонеръ навѣрное быстро разрѣшитъ головоломный вопросъ о доставкѣ въ Корсаковскій постъ сорока тысячъ рублей.—Посоветуйте, что дѣлать?

— Давайте деньги—я ихъ доставлю, просто проговорилъ попп Симеонъ.

— Возможно-ли это!? съ невольнымъ сомнѣніемъ воскликнулъ Иванъ Петровичъ.

— Да-съ, невозможно-съ, злобно прошипѣлъ Крышевъ.—На основаніи статей...

— Позвольте, Александръ Ильичъ, тутъ надо серьезный вопросъ разрѣшить, а вы только путаете...

— Статья 152 хозяйственнаго устава разрѣшаетъ членамъ хозяйственнаго комитета высказывать свои мнѣнія, а слѣдующая статья воспрещаетъ предсѣдателю оказывать какое-либо давленіе на эти мнѣнія, скороговоркой отчеканилъ Крышевъ, злобно насунившись.

Старикъ-маіоръ опѣшилъ было отъ новаго ряда указанныхъ дѣлопроизводителемъ статей, но тотчасъ же овладѣлъ собою и сдержанно проговорилъ:

— Хорошо-съ, извольте высказать свое мнѣніе... Въ Корсаковскомъ посту нуждаются въ деньгахъ... Необходимо ихъ доставить—въ противномъ случаѣ, батальонъ погибнетъ съ голоду... Ваше мнѣніе?..

— Деньги надо оставить до первой оказіи и отправить ихъ, когда представится возможность, съ надлежащимъ конвоемъ, на основаніи...

— А батальонъ пускай погибаетъ? перебилъ маіоръ, начиная опять терять терпѣніе.

— Пускай погибаетъ... на законномъ основаніи, хладнокровно вставилъ свое слово миссіонеръ.

— На основаніи 154 статьи хозяйственнаго устава, постороннія лица не имѣютъ права не токмо принимать участіе, но даже присутствовать при засѣданіяхъ хозяйственнаго комитета и прочихъ военныхъ собраній и совѣтовъ, еще разъ отчеканилъ Крышевъ, окидывая попп Симеона злобнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ торжествующимъ взглядомъ: „вотъ, молъ, какъ тебя отдѣлалъ!..“

— Отъ этихъ статей и параграфовъ съ ума сойти можно!.. Толку въ нихъ не добьешься! съ отчаяніемъ воскликнулъ Иванъ Петровичъ и глубоко вздохнулъ.

— Ваше мнѣніе? обратился онъ, послѣ краткой паузы, къ поручику Орлову.

— Я во всем согласенъ съ почтеннымъ Александромъ Ильичемъ, пробасилъ поручикъ, нетерпѣливо поглядывая посоловѣвшими глазами на стоявшій въ углу шкапъ „съ дѣлами“, въ которомъ, среди официальныхъ документовъ, всегда хранилась четверть водки, приобретаемая вскладчину имъ и Крышевымъ.

— Я не согласенъ съ мнѣніемъ комитета, твердо проговорилъ маіоръ.—и, въ силу дарованной мнѣ Высочайшей власти, поступаю такъ, какъ указываетъ мнѣ моя честь и совѣсть... Отецъ Симеонъ, обратился онъ затѣмъ къ миссіонеру,—извольте высказать, какимъ способомъ вы намѣрены доставить въ Корсаковскій постъ присланныя батальону сорокъ тысячъ рублей... Берегомъ это сдѣлать нельзя... Всѣ тропы уже засыпаны снѣгомъ — дороги нѣтъ...

— Пойду моремъ, просто сказалъ попъ Симеонъ.

— Ступай, попина, ступай на дно раковъ ловить! проворчалъ поручикъ Орловъ.

— Денежки только выдай ему, такъ онъ лататы задасть, злобно прошепталъ Крышевъ на ухо своему другу.

— Я согласенъ, энергично проговорилъ Иванъ Петровичъ, послѣ небольшого раздумья.—Примите отъ меня деньги и сохрани васъ Господь... Исполните великое христіанское дѣло—спасите батальонъ!

— Позвольте-съ, я долженъ еще указать на статьи Уложенія о наказаніяхъ, по которымъ начальникъ, до вѣрившій казенныя суммы частному лицу... началъ было свое словоизверженіе Крышевъ, но тотчасъ же смолкъ, поразившись неожиданно грознымъ видомъ маіора.

— Молчать-съ, приказываю вамъ молчать-съ! крикнулъ выведенный изъ терѣнія Иванъ Петровичъ, сильно стукнувъ кулакомъ объ столъ.—Я-съ—начальникъ!.. Я-съ отвѣчаю за свои распоряженія передъ Государемъ Императоромъ, и вамъ не позволю указывать на статьи Уложенія о наказаніяхъ!.. Вы-съ—подчиненный!.. Это не ваше дѣло! А я-съ готовъ нести всякую кару, чтобы только спасти батальонъ... Пускай судятъ-съ, если я поступилъ неправильно!.. Отецъ Симеонъ, обратился маіоръ торжественно къ миссіонеру,—завтра же утромъ примите отъ меня деньги и отправляйтесь въ опасный путь съ Богомъ... Отдаю въ ваше распоряженіе все, что имѣю. Распоряжайтесь по усмотрѣнію... А теперь, объявляю засѣданіе комитета закрытымъ, добавилъ старикъ и величественно вышелъ изъ комнаты, сопровождаемый почтеннымъ миссіонеромъ.

— Наплачтесь у меня изъ-за этихъ денегъ, ехидно зашипѣлъ Крышевъ, злобно грозя кулакомъ по направленію только что захлопнувшейся двери.—Я васъ упеку туда, куда Макаръ и телякъ не говяля... Я васъ въ тартарары сброшу... Проклятый попишка!.. Полоумный старикашка... вишь, какой пряткій!.. Въ силу Высочайше дарованной мнѣ власти, поступаю такъ, какъ указываетъ мнѣ честь и совѣсть, передразнилъ дѣлопроизводитель своего начальника.—Я тебѣ покажу эту силу... Не обрадуешься, какъ привлеку подѣл ответственность за небрежное храненіе казенныхъ суммъ...
V.

Попъ Симеонъ всталъ на другой день за часъ до восхода солнца и тотчасъ же пошелъ въ ближайшую каторжную казарму, къ своимъ заблудшимъ овцамъ. Арестанты только что поднялись съ грязныхъ наръ и свертывали свои жесткіе, засаленные тюфяки, извѣстные больше подѣ характеристическимъ названіемъ „блиновъ“. Въ казармѣ, едва освѣщенной чадными ночниками, господствовало дикое оживленіе. Въ воздухѣ гудѣли сотни хриплыхъ голосовъ, словно силившихся перекричать одинъ другой. Едва продравни глаза, арестанты, по обыкновенію, уже спорили и переругивались. Въ одномъ углу даже шла безобразная свалка: гремѣли кандалы, слышались звонкія пощечины и глухіе удары кулаковъ, раздавались дикія вскрикиванія обозлившихся буяновъ.. Никто не обращалъ вниманія

на завязавшуюся драку: каждый былъ занятъ своимъ дѣломъ, своими утренними дразгами и „впечатлѣніями“... Даже часовые, поставленные въ коридорахъ, безучастно глядѣли на драчуновъ черезъ небольшие, рѣшетчатые окна, прорѣзанные въ крѣпкихъ дверяхъ: они сознавали свое полное безсиліе возстановить среди каторжныхъ должный порядокъ и тишину...

Попъ Симеонъ, имѣя свободный и постоянный доступъ къ арестантамъ, безъ задержки миновалъ грязный, длинный коридоръ и подошелъ къ дверямъ камеры, охраняемымъ часовымъ. Загремѣлъ засовъ; дверь распахнулась, и въ коридоръ хлынули клубы парнаго, застоивающагося за ночь воздуха. Миссіонеръ смѣло переступилъ порогъ и вошелъ въ казарму.

— Батюшка пришелъ, батюшка пришелъ, послышался сдержанный говоръ.

Вѣсть о неожиданномъ приходѣ миссіонера разнеслась по громадной казармѣ съ быстротою молніи. Арестанты разомъ стихли, забывъ только что разгорѣвшуюся драку, взаимное озлобленіе и дикую, непристойную ругань.

— Здравствуйте, дѣтки! звучнымъ голосомъ привѣтствовалъ попъ Симеонъ затихшихъ и присмирѣвшихъ каторжныхъ.

— Здравія желаемъ, батюшка! раздался дружный, единодушный отвѣтъ, и арестанты не замедлили окружить любимаго миссіонера плотнымъ кольцомъ.

— Я зашелъ къ вамъ съ важнымъ, неотложнымъ дѣломъ, объяснилъ попъ Симеонъ свой неожиданный приходъ въ казарму.—Помогите, дѣтки!

— Поможемъ, батюшка, поможемъ, если въ нашихъ силахъ... зашумѣли каторжные, съ любопытствомъ сплочиваясь вокругъ миссіонера.

— Слушайте, дѣтки! началъ послѣдній тѣмъ же звучнымъ голосомъ, отчетливо раздавшимся во всѣхъ углахъ обширной казармы.—Въ Корсаковскомъ посту батальонъ съ голоду помираетъ... Я взялся доставить туда деньги для продовольствія... Кто изъ васъ пойдетъ со мной моремъ?.. Кто поможетъ мнѣ совершить христіанское дѣло—спасити сотни людей отъ тяжелой смерти?..

— Я, я, я! раздались энергичные крики, и арестанты еще плотнѣе сдвинулись вокругъ обожаемаго миссіонера.

— Спасибо, дѣтки! поблагодарилъ попъ Симеонъ задушнымъ голосомъ.—Спасибо вамъ!.. Вижу, что всѣ охотно желаютъ помочь несчастнымъ и раздѣлить со мной сугубую опасности дальняго пути по морю, въ осеннее время... Жалѣю, что не могу всѣхъ взять... Мнѣ нужно только пять человѣкъ... Бросьте живо жребій, а о счастливыхъ я доложу маіору.

— Слушаемъ, батюшка! дружно отвѣтили каторжные и тотчасъ же начали группироваться вокругъ своихъ артельныхъ старостъ.

Попъ Симеонъ присѣлъ на ближайшія нары и сталъ терпѣливо ожидать результата выборовъ... Черезъ полчаса толпа каторжныхъ хлынула опять къ миссіонеру. Впереди шелъ казарменный выборный староста, сѣдой, но бодрый еще старикъ, сосланный въ безерочную каторгу за разбойничество и затѣмъ двукратный побѣгъ съ мѣста заключенія.

— Выбраны, батюшка: Наумовъ, Стручковъ, Головлевъ, Вахрушевъ и Багажевъ, доложилъ староста, низко кланяясь.—Эй, молодцы, выходите впередъ! обратился онъ къ сплотившейся стѣнѣ каторжныхъ.

Изъ толпы вышли пять арестантовъ, пять наиболее отчаянныхъ головъ, сосланныхъ въ каторгу преимущественно за разбойничество и убійство, и низко поклонились, въ свою очередь, миссіонеру.

— Ишь, какіе молодцы: богатырь къ богатырю! похвалилъ попъ Симеонъ, съ удовольствіемъ оглядывая коренастыя, мускулистыя фигуры „добровольцевъ“.—Да я съ такими удалцами на край свѣта готовъ идти! энергично добавилъ онъ.

XVIII передвижная выставка. „Урок“.

Съ карт. профессора **В. Е. Мановскаго** (право воспроизведенія въ гравюрѣ и т. и. принадлежитъ „Нивѣ“), грав. Рашевскій.

— Не отстанемъ отъ тебя, батюшка!. Веди, куда знаешь!. Наше дѣло слушаться тебя! отвѣтили „добровольцы“, до-нельзя польщенные похвалой обожаемаго миссіонера, произнесенной передъ цѣлою казармой. Арестантское ихъ самолюбіе было удовлетворено; они разомъ вскинулись искреннимъ, твердымъ желаніемъ оправдать широкое довѣріе попа Симеона и вмѣстѣ съ тѣмъ не осрамиться передъ товарищами, бывшими свидѣтелями ихъ доброй воли сопровождать миссіонера въ его опасномъ и трудномъ предпріятіи.

— Готовьтесь, молодцы: сегодня же въ путь тронемся, обратился попъ Симеонъ къ „добровольцамъ“. — Золотаго времени терять нельзя, а то какъ разъ запоздаемъ въ Корсаковское...

— Чего намъ готовиться?!. Мы готовы... Пищу да полушубки дадутъ—и дѣло въ шляпѣ, энергично проговорилъ Наумовъ, рыжий, сильно рябой мужикъ атлетическаго тѣлосложенія.

— Конечно готовы! дружно подтвердили остальные добровольцы слова товарища.

— Спасибо вамъ, поблагодарилъ попъ Симеонъ.— А теперь побѣгу къ маюру, окончательно дѣло улажу... Прощайте, дѣтки! обратился онъ къ арестантамъ, направляясь къ выходу изъ камеры.

— Счастливо оставаться... Возвращайтесь благополучно! дружно крикнули каторжные, провожая миссіонера шумною, но крайне почтительною гурьбой до самыхъ дверей...

Попъ Симеонъ, выйдя изъ казармы, быстро зашагалъ къ дому начальника поста. Иванъ Петровичъ уже былъ вставши. Выслушавъ краткій докладъ миссіонера о благопріятномъ результатѣ его посѣщенія каторжныхъ, маюръ молча отперъ, стоявшій въ комнатѣ, письменный столъ и вытащилъ изъ потайнаго ящика объемистую пачку кредитныхъ билетовъ.

— Тутъ ровно сорокъ тысячъ, коротко проговорилъ онъ, передавая пачку миссіонеру.—Благослови васъ Богъ!..

Попъ Симеонъ принялъ деньги и, не считая, захихнулъ

ихъ далеко за пазуху. Трогательный актъ взаимнаго, глубокаго довѣрія прошелъ въ высшей степени просто. Маюръ, отдавая сорокъ тысячъ казенныхъ денегъ, вмѣстѣ съ ними ввѣрялъ попу Симеону свою воинскую честь и долготѣнную репутацію безукоризненно честнаго служаки, ставилъ на карту всю служебную карьеру и благосостояніе своей семьи. Иванъ Петровичъ сознавалъ, что совершаетъ беззаконіе, довѣря казенныя деньги частному лицу, но въ то-же время хорошо понималъ, что онъ прибѣгаетъ къ единственной возможности спасти батальонъ отъ голодной смерти,—возможности, конечно, призрачной, но все-таки достижимой при желѣзной энергіи и мужествѣ отважнаго миссіонера. Почтенный маюръ рѣшился „рискнуть“ всею своею службою и честью, въ силу мужественнаго желанія спасти батальонъ и въ надеждѣ, что Богъ поможетъ попу Симеону совершить безпримѣрный доселѣ подвигъ—сдѣлать на утлой ладѣ опасный переходъ бурнымъ моремъ, вдоль нешривѣтливаго, страшнаго Сахалина.

„Будь, что будетъ,“ энергично рѣшилъ въ умѣ Иванъ Петровичъ, не стараясь тревожить себя тяжелыми сомнѣніями и предположеніями. Онъ былъ глубоко убѣжденъ, что миссіонеръ, со своей стороны, пожертвуетъ жизнью, чтобы только выполнить задуманное имъ дѣло спасенія батальона. Онъ ввѣрилъ въ несокрушимую отвагу попа Симеона, ввѣрилъ въ его неотразимое обаяніе на каторжныхъ, избранныхъ имъ себѣ въ сопутники. Вотъ почему маюръ ни слова не сказалъ противъ сдѣланнаго миссіонеромъ выбора, какъ нарочно, наиболѣе отъявленныхъ негодяевъ изъ всѣхъ арестантовъ.

— Пойду готовиться къ походу, просто проговорилъ попъ Симеонъ, поднимаясь со стула.—До свиданья, многоуважаемый Иванъ Петровичъ.

— Благослови васъ Господь, набожно прошепталъ маюръ, крѣпко пожимая богатырскую, закорузлую руку миссіонера и провожая его до сѣней.—Готовьтесь, а я тѣмъ временемъ распоряжусь о выдачѣ вамъ ружей, патроновъ и необходимой провизіи...

(Продолженіе будетъ).

Иисусъ.*)

Повѣствованіе изъ библейскихъ временъ. Георга Эберса. (Продолженіе).

(Право перевода приобретено редакціей отъ автора).

Бунтъ противъ Моисея.

Глава XXVI.

Освѣжившись и воспріянувъ духомъ, народъ двинулся въ путь на зарѣ слѣдующаго дня; но небольшой источникъ, раскопанный общими усиліями, былъ уже вычерпанъ до дна.

Однако никто не горевалъ о томъ, что нельзя было взять съ собою на дорогу запаса

воды; всѣ рассчитывали найти въ Алушѣ новый источникъ.

Величественно поднялось на безоблачномъ небѣ лучезарное дневное свѣтло. Солнечный свѣтъ возбуждающе подбѣгивалъ на сердца людей; все сверкало и сіяло вокругъ; и голубой небесный сводъ, и скалы, и желтѣющая нечистая дорога. Чистый, ароматическій, освѣженный ночью прохладой воздухъ вдыхался полною грудью и походъ былъ всѣмъ въ удовольствіе.

Мужчины проявляли теперь больше увѣренности; глаза женщинъ давно уже не блистали такъ радостно. Господь вновь доказалъ Своему народу, что не забываетъ его въ нуждѣ, и родители съ гордостью взирали на своихъ сыновей, одолѣвшихъ врага. Въ средѣ многихъ колѣнъ происходили радостныя встрѣчи съ близкими, которыхъ считали погибшими. Всякій сѣвшилъ съ величайшею готовностью залѣчить тѣ раны, которыя нанесли ихъ близкимъ страшныя принудительныя работы. Къ тому же, не только среди Ефремитовъ, но и вслѣдъ, радовались возвращенію Иисуса, какъ теперь всѣ, за исключеніемъ колѣна Іудина, называли Осію, вспоминая объ утѣшительномъ обѣтѣ, связанномъ съ этимъ именемъ.

Юноши, разбившіе подъ его начальствомъ египтянъ, рассказывали прочимъ, что за человѣкъ сынъ Навиновъ, какъ онъ все знаетъ и какъ умѣетъ поставить каждого на подобающее ему мѣсто. Одинъ его взглядъ воспламеняетъ сердца мужествомъ; отъ одного его воинственнаго клика уже бѣгутъ враги.

Глаза блистали гордостью у тѣхъ, кто говорилъ о престарѣломъ Навинѣ и его храбростіи внука. Племена Ефремову, притязанія котораго многимъ приходились не нонутру, теперь охотно уступали первое мѣсто. Только Іудино колѣно роптало и предавалось унынію. И дѣйствительно, оно, повидимому, имѣло на то причины. Вождь его, Оръ, и его молодая супруга казались отягченными какимъ-то тяжелымъ бременемъ. Заговаривавшій съ ними видѣлъ ясно, что избралъ недобрый часъ.

*) Сынъ Навина.

Пока солнце бросало косые лучи, можно было еще найти кое-какую тѣнь у подошвы песчаныхъ скалъ, окаймлявшихъ дорогу съ обѣихъ сторонъ или возвышавшихся посреди ея, и потому, когда сыны Ора затянули пѣснь, все, старое и молодое, присоединилось къ нимъ и радости въ всѣхъ Милка — бѣдность которой исчезла теперь — съ ея освобожденнымъ, счастливымъ супругомъ.

Дѣти собирали и приносили родителямъ золотисто-желтые плоды горькой тѣвы, которые падали съ иссохшихъ стеблей точно съ неба и лежали на дорогѣ. Но плоды были горьки какъ желчь, и одинъ угрюмый старецъ изъ племени Завулонова, собиравшій ихъ ради твердыхъ корокъ, въ которыхъ онъ сохранялъ мази, сказалъ по этому поводу:

— Такъ будетъ и съ нынѣшнимъ днемъ. Онъ кажется намъ приятнымъ, но когда солнце поднимется выше и мы не найдемъ воды, мы познаемъ всю его горечь!

Предсказаніе его сбылось слишкомъ скоро. Ибо какъ дорога, переходя отъ песчаной мѣстности къ каменистымъ образованиямъ, напоминавшимъ то красный кирпичъ, то булыжникъ, становилась все круче и круче, такъ и солнце поднималось все выше, и дневной жаръ часъ отъ часу дѣлался невыносимѣе.

Казалось, солнце никогда еще не посылало такихъ палящихъ лучей, безжалостно поражающихъ непокрытыя головы и обнаженные спины.

То старецъ, то юноша падалъ подъ жгучимъ зноемъ члн, хватаясь лихорадочно руками за голову, качался какъ пьяный, дѣляясь за придорожные камни. Воспаленная кожа сходила съ лица и рукъ, страшный зной сунулъ гортани, а проснувшись было твердость духа падала вмѣстѣ съ силами.

Скотъ, опустивъ голову, неохотно шелъ дальше, едва волоча ноги, или катался по землѣ, пока плеть пастуха не заставляла его собрать послѣднія силы.

Въ полдень народу данъ былъ отдыхъ; но ни падн тѣни не было въ томъ мѣстѣ, гдѣ приходилось ему отдыхать. Пробовавшие прилечь подъ палящими лучами полуденнаго солнца находили, вмѣсто освѣженія, лишь новый страданія, а потому несчастные, мучимые жаждой, стали сами торопить выстуженіемъ, надѣясь скорѣе прибыть къ страстно ожидаемому источнику въ Алушѣ.

Во все предшествующіе дни, когда солнце начинало спускаться къ западу, жаръ спадалъ и передъ наступленіемъ сумерокъ легкое дуновение вѣтерка освѣжало воспаленныя головы. Но сегодня каменистая мѣстность осталась еще нѣсколько часовъ раскаленною полдневнымъ жаромъ, пока, наконецъ, съ запада, съ моря, не поднялся свѣжій вѣтерокъ. Въ то же время передовой отрядъ, шедшій по совѣту Иисуса во главѣ народа, остановился, а за нимъ и все шествіе.

Мужчины, женщины и дѣти обратили взоры въ одну сторону; руки, посохи и костыли указывали на одну точку, ибо тамъ открылось поразительное, невиданное зрѣлище.

Кликъ удивленія и восторга вырвался изъ усталыхъ, пересохшихъ устъ, давно уже не открывавшихся ни для вопросовъ, ни для замѣчаній, и вскорѣ отъ ряда къ ряду, отъ племени къ племени, до прокаженныхъ и замыкавшаго шествіе отряда включительно, послышалось одно всѣмъ извѣстное имя, — имя священной горы, на вершинѣ которой Господь общалъ Моисею вести народъ въ обширную, прекрасную землю, текущую млеко и медомъ.

Никто не сообщилъ имъ этого, а между тѣмъ каждый зналъ хорошо, что видить передъ собою впервые гору Хоривъ и священную вершину этой гранитной твердыни, Синаи.

Только эта гора и могла быть престоломъ всемогущаго Бога...

Подобно той купинѣ, изъ которой Господь вѣщалъ Своему пабранику, вся святая гора была, казалось, объята пламенемъ. Высоко и величественно воздымалась ея семиконечная вершина надъ окружающими горами и долинами и сіяла навстрѣчу странникамъ, какъ исполинскій, освѣщенный всемірнымъ пожаромъ красный яхонтъ.

Никому не доводилось видѣть ничего подобнаго. Но вотъ солнце опустилось еще ниже и наконецъ ушло на покой въ море, дежавшее за дѣбною горъ. Теперь красный яхонтъ превратился въ вишневыи и постепенно получилъ лиловато-синій оттѣнокъ фіалки. А взоры народа все оставались какъ-бы прикованными къ нему.

Мало того, когда дневное свѣтило исчезло совсѣмъ и украсило лишь своимъ отблескомъ длинное облако съ золотистыми краями, глаза всѣхъ открылись еще шире. Одинъ изъ сыновъ племени Вениамина, пораженный величіемъ этого зрѣлища, увидѣлъ въ облакѣ длинныя, окаймленные золотомъ, одежды Іеговы, и сосѣди, которымъ онъ сообщилъ свою мысль, увидѣли тоже и раздѣлили его благочестивое волненіе.

Но лишь на короткое время это зрѣлище заставило странниковъ забыть жажду и утомленіе. Вскорѣ величайшій подъемъ духа уступилъ мѣсто глубокому унынію; ибо, когда наступила ночь и послѣ короткаго перехода достигли мѣстечка Алуши, оказалось, что кочующее племя, вчера снявшееся со стоянки, засыпало и безъ того скудный источникъ камнями и валунами.

Вся вода, имѣвшаяся съ собой, была выпита еще не доходя Дофки, а изсякшій источникъ въ рудникахъ не далъ возмож-

ности наполнить ни одного мѣха. Жажда не только сушила гортани, но начинала жечь и внутренности. Пересохшее горло отказывалось принимать твердую пищу, въ которой не было недостатка. Куда ни обращался взоръ, ему представлялись безутѣшныя, возбуждающія состраданіе или возмутительныя картины.

Здѣсь мужчины и женщины шумѣли и бранились, жаловались и стонали, тамъ они предавались нѣмому отчаянію. Нѣкоторые, стараясь утѣшить своихъ плачущихъ отъ жажды дѣтей, боролись и дрались за мѣстечко у засыпаннаго источника, надѣясь набрать въ чашу хотя каплю драгоценной влаги. Къ довершенію всего, скотъ мычалъ и блеялъ такъ жалобно и безпомощно, что сердце пастуховъ обливалось кровью.

Лишь немногіе дали себѣ трудъ разбить шатры. Ночь была тепла — и тѣмъ скорѣе успѣютъ сытятся въ путь, тѣмъ лучше. Черезъ нѣсколько часовъ общалъ примкнуть къ путникамъ Моисей, а онъ одинъ можетъ помочь; его долгъ — охранять людей и животныхъ отъ страшнаго бѣдствія!

Если Богъ, общавшій столько прекраснаго впередъ, дастъ имъ погибнуть въ пустынѣ, то человекъ которому они доверились — жрецъ и обманщикъ, а Богъ, на могущество и милость котораго онъ училъ ихъ надѣяться, — живѣе и безмилѣе тѣхъ звѣроподобныхъ истукановъ, которымъ они поклонялись въ Египтѣ.

Среди брани и проклятій начинали слышаться и угрозы. Когда Ааронъ, вернувшійся къ народу, обратился къ нему съ рѣчью, навстрѣчу ему поднялись ярѣико сжатые кулаки...

Вскорѣ и Маріамъ, по волѣ своего супруга, должна была отказаться отъ попытки утѣшить женщинъ добрыми словами, послѣ того какъ одна изъ нихъ, у которой на иссохшей груди умеръ ребенокъ, замахнулась на пророчицу камнемъ, а другія послѣдовали ея примѣру.

Престарѣлаго Навина и сына его выслушивали гораздо охотнѣе.

Оба соглашались съ тѣмъ, что Иисусу придется сражаться, куда-бы ни поставилъ его Моисей. Но Оръ самъ вывелъ его къ ратникамъ, которые радостно привѣтствовали его.

Какъ старецъ, такъ и сынъ его хорошо умѣли укрѣпить къ себѣ довѣріе. Они стали рассказывать объ обильномъ источникахъ оазѣ амалнннтянъ, до котораго уже осталось недалеко, и указали на оружіе неисполнаго народу самимъ Богомъ. Иисусъ увѣрялъ ратниковъ, что они далеко превосходятъ численностью воиновъ кочующаго племени; и если молодое войско покажетъ себя такимъ-же храбрымъ какъ на рудникахъ и въ Дофкѣ, то, съ Божьею помощью, побѣда будетъ на его сторонѣ.

Послѣ полуночи, Иисусъ, по совѣщаніи со старѣйшинами, приказалъ трубить въ рога, для созыва ратниковъ. При свѣтѣ яснаго звѣзднаго неба онъ произвелъ имъ смотръ, раздѣлилъ ихъ на сотни, назначилъ надъ каждою соответственнаго начальника и разъяснилъ имъ смѣсъ тѣхъ боевыхъ возгласовъ, которымъ они должны будутъ повиноваться.

Они пришли сюда усталые и полумертвые отъ жажды, но предстоящая дѣятельность, къ которой готовилъ ихъ сильный духомъ предводитель, надежда на побѣду и драгоценную добычу: кусокъ земли, богатый ключами и растительностью у подошвы святой горы, дивнымъ образомъ подкрѣпили утраченныя силы.

Ефремъ былъ среди воиновъ и оживлялъ другихъ своею неутомимою выносливостью. Когда-же бывшій полководецъ, — относительно котораго Господь уже показалъ, что считаетъ его достойнымъ даннаго ему имени, — сталъ убѣждать своихъ соплеменниковъ чтобы они возложили надежду на всемогущество Божіе, то слова эти произвели совсѣмъ другое дѣйствіе, чѣмъ рѣчи Аарона, которыя они слышали ежедневно со дня выстуженія.

Когда говорилъ Иисусъ, со многихъ молодыхъ устъ, хотя и страдавшихъ отъ жажды, срывались восторженные возгласы: „Да здравствуетъ полководецъ! Ты нашъ вождь; одному тебѣ мы будемъ повиноваться!“

Тогда онъ объяснилъ имъ твердо и рѣшительно, что требуемое отъ нихъ повиновеніе онъ намеренъ выкавать и самъ. Онъ охотно встанетъ въ ряды какъ простой ратникъ, если такъ повелитъ Моисей.

Еще звѣзды ясно сіяли на безоблачномъ небѣ, когда рога стали трубить выстуженіе въ походъ. Передовой же отрядъ былъ уже посланъ ранѣе, чтобы сообщить Моисею, какъ обстоятъ дѣла, и Ефремъ послѣдовалъ за гонцами, какъ только окончилось ученое войско.

Во время дальнѣйшаго пути, Иисусъ держалъ воиновъ такъ тѣсно сплоченными, какъ будто немедленно предстояло нападеніе. При этомъ онъ пользовался каждымъ случаемъ, чтобы поучать ратниковъ и изъ начальниковъ, какъ вести себя въ бою и какъ строить свои сотни. Такимъ образомъ онъ поддерживалъ вниманіе своихъ подчиненныхъ до тѣхъ поръ, пока звѣзды не стали гаснуть на небѣ.

Лишь изрѣдка слышались жалобы или возраженія среди ратниковъ; но тѣмъ громче раздавался ропотъ, проклятія и угрозы среди невооруженныхъ. Не успѣла еще занять заря, какъ среди истомленныхъ жаждою и падающихъ отъ уста-

XVIII передвижная выставка. Виздоравливающая.
Съ карт. **К. В. Лемоха** (пробрѣтена Ея Величествомъ). (Право воспроизведенія въ грав. и т. п. принадлежить „Нивѣ“). Грав. Флюгель.

Прерванная шахматная партія. Карг. Жана Люльвеса, грав. Гейсрѣ.

лости мужей, при видѣ бѣдствій претерпѣваемыхъ ихъ женами и дѣтьми, все чаще и чаще стали раздаваться возгласы:

— Идемъ на Моисея! Побьемъ его камнями, какъ только найдемъ его!

То одинъ, то другой съ громкими проклятіями поднималъ съ земли камень, и ярость толпы росла такъ страшно и необузданно, что Оръ собралъ на совѣтъ наиболѣе благомыслящихъ изъ старѣйшинъ, а затѣмъ повелъ ратниковъ колѣна Іудина впередъ, чтобы въ случаѣ если дѣло дойдетъ до крайности, охранить Моисея вооруженною рукою отъ неистовства толпы.

Иисусу поручено было сдерживать напоръ возмущившихся, которые съ бранью и угрозами старались опередить ратниковъ.

Когда наконецъ солнце взошло во всемъ своемъ ослѣпительномъ блескѣ, шестіе представляло самую жалкую картину. Даже ополчение едва передвигало ноги. Только когда мятежники старались пробиться впередъ, ратники исполняли свой долгъ и сдерживали ихъ мечами и копытами.

По обѣимъ сторонамъ равнины, которою шли теперь путники, возвышались высокія стѣны сѣраго гранита, поразительно блестящаго и сверкающаго, когда косые лучи солнца падали на куски кварца, въ изобилии пестрѣвшіе среди толщей сѣдаго камня.

Въ полдень, среди этихъ, мѣстами близко сдвигавшихся, голыхъ каменныхъ глыбъ наступилъ опять палаящій зной; но пока еще чувствовалась утренняя прохлада. По крайней мѣрѣ скотъ могъ нѣсколько утолщъ жажду; ибо тутъ въ изобилии попадались кусты сочнаго, душистаго беоарана ¹⁾, который мальчики-пастухи собирали себѣ въ полы и затѣмъ подносили своимъ любимцамъ, забывая собственную усталость и жажду.

Такъ шли они около часу, какъ вдругъ послышались громкіе радостные клики, переходившіе отъ передоваго отряда изъ ряда въ рядъ до замыкавшихъ шестіе.

Никто не объяснилъ ихъ словами, но всякій зналъ хорошо, что значатъ эти клики. Они обозначали, что найденъ источникъ чистой воды.

Вскорѣ вернулся Ефремъ, чтобы подтвердить радостную вѣсть—и надо было видѣть какъ она подѣйствовала на утомленныхъ!

Какъ будто каждый уже осушилъ полную чашу, всѣ выпрямились и съ удвоенной скоростью двинулись впередъ. Вооруженныя сотни уже не преграждали имъ путь, а радостно приветствовали проходившихъ мимо.

Но вотъ шестіе остановилось. Передовые достигли уже давно желаннаго источника, который вѣрнѣе вслѣдхъ валовъ и рововъ сдержалъ стремительный потокъ людей.

Изъ толпы послышались громкіе, потрясшіе долину, клики. Но вотъ стали уже показываться радостныя лица мужчинъ и женщинъ съ полными сосудами въ рукахъ и кувшинами на плечахъ. Они весело кивали своимъ друзьямъ, крича имъ слова утѣшенія и сѣбша протискиваясь къ нимъ сквозь толпу. Но часто, прежде чѣмъ они успѣвали достигнуть цѣли, драгоценное сокровище силою вырывали у нихъ изъ рукъ.

Иисусъ со своими сотнями также продолжилъ себѣ дорогу къ источнику, чтобы поддерживать порядокъ среди жаждущихъ. Но приходилось потерпѣть еще немного; мощные сыны колѣна Іудина, съ которыми Оръ выступилъ впередъ, еще были заняты сворачиваніемъ съ мѣста громадныхъ глыбъ, посредствомъ рычаговъ наскоро устроенныхъ изъ ствола колючихъ камедныхъ деревьевъ, дабы расширить доступъ къ водѣ, которая била нѣсколькими струями изъ щелей скалы.

Первоначально ручей терялся въ кучѣ поросшихъ мохомъ гранитныхъ глыбъ и оттуда уходилъ въ землю. Но теперь удалось уже задержать драгоценную влагу и образовать водоемъ, изъ котораго можно было обнести и скотъ.

Тѣ, кому удалось уже наполнить кувшинъ, взяли воду, которая успѣла миновать быстро растущую плотину. Теперь же были поставлены стражники, не подпускавшіе никого, чтобы дать водѣ отстояться въ обширномъ водоемѣ, который наполнился съ поразительной быстротой.

Теперь уже легко было ждать, имѣя передъ глазами тотъ Божій даръ, котораго всѣ такъ страстно желали. Кладъ былъ найденъ; оставалось только сохранить его. Не слышно было болѣе ни ропота, ни недовольства; многіе смотрѣли даже робко и пристыженно на новый даръ Всевышняго.

Вскорѣ послышались вдали громкіе клики и привѣтствія; но избранникъ Божій, знавшій, какъ никто, всѣ долины и скалы, пастбища и источники въ области Хорива, и вновь давшій такъ много своему народу, удалился въ одно изъ ущелій, чтобы укрыться отъ выраженной благодарности, раздававшихся все громче и громче, и прежде всего, чтобы дать покой глубоко потрясенной душѣ.

Вскорѣ послышались искреннія хвалы Господу изъ среды освѣжившагося и вновь ожившаго народа, который никогда еще не разбивалъ стана съ болѣе твердой вѣрою и радостною надеждой.

Пѣсни, веселый смѣхъ, шутки и прибаутки сопровождали постановку каждаго шатра, и станъ выросъ мгновенно, какъ будто по мановенію волшебнаго жезла.

¹⁾ Cantolina fragrantissima.

Вонистенно блистали глаза молодого ополченія, и не мало головъ скота было убито на торжественный пиръ. Матери, окончивъ все необходимое по хозяйству, вели своихъ дѣтей къ источнику и показывали имъ то мѣсто, гдѣ жезлъ Моисея указалъ народу бѣгущую изъ гранитныхъ скалъ воду. Не только женщины, но и мужи стояли водѣвъ глаза и руки къ небу, на томъ мѣстѣ, гдѣ Іегова такъ ясно проявилъ Свое милосердіе; между ними не мало было и недавнихъ бунтовщиковъ, уже поднимавшихъ было камень противъ избранника Божія. Никто не сомнѣвался, что здѣсь произошло новое, великое чудо.

Всѣ старались внушить дѣтямъ, чтобы они помнили этотъ день и часть, а одна изъ женщинъ принялась смачивать у источника головы своихъ внучатъ, чтобы благодать сохранилась на нихъ и на будущее время.

Надежда, благодарность и горячая вѣра царили вездѣ, и даже исчезъ страхъ передъ вонистенными сынами Амаліка; ибо чего могли опасаться тѣ, надъ которыми было милосердіе Всемогущаго Заступника?

Лишь въ одномъ шатрѣ, наиболѣе красивомъ изъ всѣхъ, въ шатрѣ вождя сыновъ Іудиныхъ не было общей радости.

Маріамъ сидѣла одна среди своихъ женщинъ, послѣ молчаливаго участія въ пированіи радостно возбужденныхъ мужчинъ и послѣ того какъ она узнала отъ Рувима, мужа Милки, что Моисей, миновавъ всѣхъ старѣйшинъ, передалъ званіе полководца Іисусу; мужъ же ея, Оръ, съ радостью согласился уступить начальствованіе сыну Навинову.

На этотъ разъ пророчица не присоединилась къ хвалебнымъ пѣснямъ своего народа. Когда Милка и другія женщины стали убѣждать ее послѣдовать за ними къ источнику, она приказала имъ идти безъ нея.

Она ожидала своего супруга и хотѣла видѣть его наединѣ. Она хотѣла показать ему, что жаждетъ его прощенія. Но онъ не возвращался. Когда разошелся совѣтъ старѣйшинъ, онъ остался съ новымъ полководцемъ, выстроившимъ своихъ ратниковъ, и остался какъ помощникъ, какъ подчиненный того самаго Осія, который ей, Маріамъ, былъ обязанъ и своимъ призваніемъ, и именемъ Іисуса.

Возвратившіяся отъ источника служанки ея взяли за веревку и пряжку; Маріамъ не терпѣла этой нивменной работы и сидѣла сложа руки, устремивъ глаза въ пространство. Часы тянулись медленно, и она чувствовала какъ ея рѣшимость смиренно и кротко встрѣтитъ супруга—все болѣе ослабѣвала. Она хотѣла молить Бога, чтобы Господь далъ ей силы смириться передъ тѣмъ, кто былъ ея господиномъ; но, привыкшая къ пламеннымъ мольбамъ, пророчица не могла теперь найти молитвеннаго настроенія. Когда же ей удавалось сосредоточиться и вознести сердце къ Богу, ей какъ нарочно мѣшали. Каждая новая вѣсть, приходившая изъ стана, усиливала ея дурное расположеніе духа. Когда наконецъ наступилъ вечеръ, пришлось посланецъ съ приказаніемъ, чтобы она не заботилась объ ужинѣ для мужчинъ—который, между тѣмъ, давно уже былъ готовъ. Оръ, сынъ его и звукъ намѣрены принять приглашеніе Навина и Іисуса.

Тогда Маріамъ съ трудомъ удержала слезы. Но если-бы она дала имъ волю, то это были-бы слезы гнѣва и оскорбленнаго женскаго достоинства, а не горя и тоски.

При смѣнѣ ночной стражи, воины проходили мимо нея и во всѣхъ сотняхъ слышались клики въ честь Іисуса.

«Твердь и мужество!» раздавались по временамъ слова, и Маріамъ знала, что они относятся къ тому, который былъ ей когда-то дорогъ и котораго теперь—молодая женщина не скрывала этого отъ себя—она ненавидѣла. Ея мужа почтили привѣтствіями одни лишь сыны его-же племени. Это-ли благодарность за то великодушіе, съ которымъ онъ уступилъ молодому человеку власть принадлежавшую по праву ему одному. Супругъ ея оттертъ въ пользу другаго; она знавала это съ болѣе жгучей болью въ сердцѣ, чѣмъ то, что ее, новобрачную, Оръ оставилъ одну.

Вечерній пиръ передъ шатромъ Ефремитовъ тянулся долго. Передъ полночью, Маріамъ отослала прислужницъ спать и легла сама ждать возвращенія супруга, которому хотѣла повѣдать все то, чѣмъ болѣе ея сердце, что возмущало ее и чего она желала.

Сонъ будетъ далекъ отъ нея, при такомъ состояніи духа, думалось ей. Но волненія и страшное напряженіе послѣднихъ дней взяли свое и, среди молитвъ о собственномъ смиреніи и любви ея господина, сонъ овладѣлъ Маріамью. Только во время утренней смѣны, ее внезапно разбудилъ звукъ трубъ, возвѣщавшихъ о близкой опасности.

Маріамъ поспѣшно поднялась на ноги и, взглянувъ на ложе своего супруга, увидѣла его пустымъ. Однако оно было смято, а на песчаномъ полу—цыновки были натянуты только въ главномъ покоѣ шатра—она увидѣла, у самаго своего ложа слѣды ногъ Ора.

Значитъ онъ стоялъ подлѣ нея и, можетъ быть, съ любовью смотрѣлъ ей, сияющей, въ лицо.

Да, именно такъ и было; старая рабыня подтвердила это безъ всякихъ разспросовъ съ ея стороны. Разбудивъ Ора, старуха присутствовала при томъ, какъ онъ осторожно освѣ-

тиль лицо Маріамъ и долго съ любовью склонялся надъ нею, какъ бы желая поцѣловать ее.

Эта добрая вѣсть такъ обрадовала одинокую женщину, что она забыла свою обычную сдержанность и прикоснулась устами ко лбу маленькой, сгорбленной старушки, служившей еще ей родителями. Потомъ она велѣла поспѣшно убрать себѣ волосы, надѣла свѣтло-голубую праздничную одежду, подаренную ей Оромъ, и поспѣшила въ станъ, чтобы проститься съ нимъ.

Между тѣмъ вооруженные отряды уже выстроились. Начали торопливо срывать шатры, и Маріамъ долго проискала своего мужа. Наконецъ она увидѣла его, но онъ былъ поглощенъ важнымъ повидимому разговоромъ съ Исусомъ. Забѣтивъ послѣдняго, пророчица почувствовала дрожь во всемъ тѣлѣ, и уже не въ силахъ была заставить себя подойти къ говорившимъ.

Источникъ Моисея.

Бой съ амаликитянами.

Глава XXVII.

редстояла упорная битва, ибо по сообщенію согладатаевъ, къ амаликитянамъ присоединились и другія кочевыя племена. Правда, еврейское ополченіе вдвое превосходило своего врага численностью. Зато какъ далеко отставали ратники Исуса въ военной опытности отъ привычныхъ къ бою

Непріятель шель съ юга, отъ оаза у подошвы священной горы, на которомъ съ незапамятныхъ временъ поселилось воинственное племя амаликитянъ. Оазъ составлялъ для него все; ему оно было обязано жизнью, благосостояніемъ, и за него готово было пролить послѣднюю каплю крови.

Исусъ, признанный уже Моисеемъ и всѣмъ народомъ въ качествѣ вождя еврейскихъ вооруженныхъ силъ, вывелъ свои сотни на самую широкую часть долины, дававшую ему возможность лучше воспользоваться численнымъ превосходствомъ своего войска.

Онъ приказалъ снять шатры и разбить ихъ вновь на сѣверномъ концѣ предназначенной для боя равнины Рефидинъ, въ болѣе узкой ея части, облегчавшей защиту стана. Главное начальствованіе надъ станомъ и надъ воинами, оставленными для обороны послѣдняго, онъ передалъ мудрому, осторожному Навину, своему отцу.

Исусъ хотѣлъ оставить также Моисея и старѣйшихъ въ чертѣ обороняемаго стана; но великій вождь народа предупредилъ его и, выѣвъ съ Оромъ и Аарономъ, поднялся на вершину гранитнаго утеса, откуда можно было обозрѣвать всю битву. Такимъ образомъ и сражающіеся могли видѣть Моисея и его товарищей на скалѣ, господствующей надъ всей равни-

ной, зная, что избранныкъ Божій не премпнетъ предстать за нихъ предъ Всевышнимъ, испросить имъ побѣду и одолженіе.

Каждый простой ратникъ, каждая женщина, каждый дряхлый старикъ въ этотъ великій часъ опасности обратились къ Богу отцовъ своихъ. Воинственный кликъ, избранный Исусомъ: „Иегова — наше знамя!“ связывалъ сердца воиновъ съ Вождемъ браней, напоминая самымъ малодушнымъ и неопытнымъ, что они не могутъ сдѣлать ни единого шага безъ воли Божіей.

Рога и трубы, поднимавшіе тревогу, звучали все громче и громче, ибо амаликитяне проникли уже на плоскую равнину, которой предстояло быть мѣстомъ боя, хотя такого поля битвы никогда не избралъ-бы опытный полководецъ добровольно. Оно было ограничено съ двухъ сторонъ высокими, отвѣсными, гранитными скалами. Такимъ образомъ, въ случаѣ побѣды непріятеля, былъ-бы потерянъ и станъ. Съ другой стороны, всѣми средствами военного искусства приходилось пользоваться на самомъ тѣсномъ пространствѣ.

Обойти непріятеля или неожиданно ударить на него сбоку казалось при такихъ условіяхъ невозможнымъ; однако полководецъ воспользовался и самыми скалами для успѣха дѣла. Онъ послалъ своихъ неуклюжихъ пращниковъ и опытѣйшихъ стрѣлковъ занять уступы сѣрыхъ каменныхъ твердынь и объяснилъ имъ, по какому знаку они должны вступать въ бой.

Исусъ съ перваго взгляда убѣдился, что не преувеличивалъ значенія своихъ враговъ. Воины, открывшіе бой, были смуглые, обросшіе бородами, мужи, съ рѣзко очерченными, смѣлыми чертами лица и черными глазами, воинственно и съ дикой ненавистью смотрѣвшими на непріятеля.

Всѣ они, подобно своему изборожденному рубцами, сѣдобродому предводителю, отличались гибкимъ, стройнымъ тѣлосложеніемъ; они ловко владѣли мѣднымъ серповиднымъ мечемъ, кривымъ тарчемъ изъ тяжелаго, крѣпкаго дерева или копыемъ, украшеннымъ подл лезвіемъ пучками верблюжьихъ волосъ. Воинственный кликъ звучалъ громко, грозно и смертоносно изъ крѣпкой груди этихъ людей, которымъ предстояло или побѣдить, или уступить пришельцамъ родную землю.

Первый натискъ врага Исусъ встрѣтилъ въ главѣ отряда, вооруженнаго большими египетскими щитами и копыями, и ратники его, воспламененные своимъ предводителемъ, съумѣли довольно долго сдерживать непріятеля; тѣмъ болѣе, что узкій входъ въ долину не позволялъ послѣднему развернуть всѣ свои силы.

Когда-же амаликитская пѣхота отступила и ее замѣнили отрядъ воиновъ на быстроногихъ одnogорбыхъ верблюдахъ, многіе изъ евреевъ, испугавшись вида знакомыхъ имъ лишь по рассказамъ, громадныхъ и диковинныхъ животныхъ, съ громкими криками побросали свои щиты и обратились въ бѣгство. Ведники вогнали верблюдовъ въ разстроенные ряды непріятеля и длиннымъ, острымъ тарчемъ поражали его сверху. Непривычные къ такому нападенію, пастухи бѣжали, думая только о собственномъ спасеніи. Внезапный ужасъ овладѣлъ ими, когда они неожиданно встрѣтили горящіе глаза и услышали рѣзкій, злобный крикъ испуганныхъ амаликитскихъ женъ, которыя сопровождали своихъ мужей въ битву, чтобы воспламенить ихъ на полѣ сраженія и вселять ужасъ въ непріятеля. Онѣ придерживались лѣвою рукою за спускавшіеся съ сѣдла ремни и не отставали отъ верблюдовъ, которые влекли ихъ за собою. Ненависть, казалась, закалила слабыя женскія сердца противъ страха смерти, состраданія и робости — и страшный, пронзительный крикъ этихъ вѣдьмъ нагонялъ ужасъ даже на храбрѣйшихъ изъ евреевъ.

Однако, лишь только Исусъ увидѣлъ, что его ратники дрогнули, онъ постарался обратить и эту неудачу въ свою пользу и приказалъ отступить еще далѣе, чтобы открытъ непріятелю входъ въ долину. Онъ понималъ, что успѣшнѣе всего можетъ воспользоваться численнымъ превосходствомъ своихъ силъ, когда получитъ возможность тѣснить непріятеля спереди и съ боковъ и ввести въ бой своихъ пращниковъ и стрѣлковъ.

Ефремъ и его храбрые товарищи, окружавшіе Исуса на случай порученій, были посланы въ сѣверную часть долины къ начальникамъ стоявшихъ тамъ сотенъ, чтобы сообщить имъ о новомъ порядкѣ дѣйствія и передать приказаніе двинуться впередъ.

Съ легкостью дикихъ козъ поспѣшили быстроногіе юноши исполнить данное имъ приказаніе — и вскорѣ оказалось на дѣлѣ, что полководецъ былъ правъ. Какъ только амаликитяне вышли на средину долины, на нихъ напали со всѣхъ сторонъ, и храбро устремившіеся впередъ воины падали съ мечемъ или копыемъ въ рукъ, пораженные круглыми камнемъ пращника или мѣткой стрѣлой лучника, занимавшихъ выступы скалъ.

Между тѣмъ, Моисей съ Аарономъ находился попрежнему на господствующей надъ долиной горѣ, откуда наблюдала за битвой, въ которой самъ, какъ посѣдѣвшій въ дѣлахъ мира, могъ принимать участіе лишь сердцемъ и душой.

Ни одинъ шагъ, ни одно движеніе поднятаго или опущеннаго меча не ускользало отъ его внимательнаго взгляда. Когда же началось наступленіе и полководецъ намѣренно открылъ противнику доступъ въ самое сердце своихъ силъ, Оръ воскликнулъ, обращаясь къ избраннику Божію:

— Высокій умъ твоей сестры, а моей жены, судилъ вѣрно: сынъ Навина не оправдалъ выбора Всевышняго. Посмотри, что за распоряженія! Численный перевѣсъ на нашей сторонѣ, а между тѣмъ непріятель безпрятственно проникаетъ въ средину нашего войска. Какъ воды Чермнаго моря разступились по повелѣнію Господа, такъ разступаются теперь наши сотни и, кажется, по волѣ своего предводителя.

— Дабы поглотить амаликитянъ, какъ волны морскія поглотили египтянъ, гласилъ отвѣтъ Моисея.

Затѣмъ великій старецъ воздѣлъ руки къ небу и воскликнулъ:

— Воззри, о, Иегова, на Твой народъ, въ новой бѣдѣ! Укрѣпи руку и обостри зрѣніе того, котораго Ты нарекъ мечемъ Своимъ! Даруй ему помощь, которую Ты обѣщаль ему, когда назвалъ его, Осей, Иисусомъ! И если Тебѣ не угодно болѣе, чтобы онъ, оказавшійся твердымъ и мужественнымъ, какъ подобаешь Твоему полководцу, велъ нашихъ ратниковъ въ битву, то спойди Самъ съ силами небесными и стань во главѣ войска, дабы уничтожить враговъ Твоего народа.

Такъ молился избранныкъ Божій, воздѣвъ руки горѣ и не переставая взывать ко Господу, Чья воля управляла его волей. Вскорѣ Ааронъ сообщилъ ему, что евреи сильно тѣснятъ непріятеля и духъ войска поддерживается въ превосходномъ состояніи. Иисусъ послѣдуетъ всюду; ряды непріятеля замѣтно рѣдѣютъ, между тѣмъ какъ ряды евреевъ какъ будто прибываютъ.

Орѣ подтвердилъ то же самое и присовокупилъ, что нельзя отказать сыну Навинову въ великой доблести и мужественномъ презрѣніи къ смерти. Вотъ онъ только что поразилъ топоромъ одного изъ грозныхъ амаликитскихъ вождей!

Моисей глубоко вздохнулъ, опустилъ руки и съ величайшимъ напряженіемъ сталъ слѣдить за дальнѣйшимъ ходомъ битвы, которая свирѣпствовала и бушевала, усиливалась и затихала чередъ ея глазами.

Между тѣмъ солнце успѣло достигнуть полудня и бросало на сражающихся пальцы, отвѣсные лучи. Сѣрыя гранитныя скалы дышали зноемъ, и на челѣ трехъ мужей, занимавшихъ возвышенную скалу, давно уже выступали крупныя капли пота. Каково же было сражающимся тамъ внизу! каково было раненымъ, истекающимъ кровью, лежащимъ въ пещѣ, со жгучею болью въ ранахъ!

Моисей чувствовалъ все это такъ сильно, какъ будто переживалъ самъ. Его непоколебимо-твердая душа тѣмъ не менѣе была исполнена состраданія, а все эти одиночные, для которыхъ онъ жилъ и трудился, за которыхъ молился и думалъ, были какъ бы близкія дорогія дѣти для его великаго родительскаго сердца.

Орѣ болѣлъ ранами своихъ единоплеменниковъ, но сердце его билось съ гордостью при видѣ того, какъ тѣ самые евреи, которые недавно возмущали его своей трусостью и робкою покорностью, научились теперь защищаться и нападать; какъ одинъ за другимъ отряды юного ополченія кидались на врага, съ громкимъ кликомъ: „Иегова — наше знамя!“

Въ доблестной осанкѣ Иисуса ему чудились будущіе евреи, внуки его современниковъ, такіе, какими онъ представлялъ себѣ и желалъ видѣть ихъ. Теперь онъ не сомнѣвался болѣе, что самъ Господь избралъ сына Навинова военачальникомъ своего народа. Властительный взоръ очей Моисея никогда еще не горѣлъ такъ радостно, какъ въ эти мгновенія.

Но что-же это?

Изъ устъ Аарона вырвался крикъ ужаса; Орѣ же, обезумѣвъ, вскопчилъ съ мѣста и напряженно устремилъ глаза на сѣверъ. Оттуда, гдѣ стояли шатры народа, раздавался боевой кликъ и вмѣстѣ съ тѣмъ громкіе жалобные вопли, въ которыхъ слышались какъ бы голоса женщинъ и дѣтей.

Непріятель напалъ на становище евреевъ.

Отрядъ амаликитянъ, задолго до начала битвы, отдѣлился отъ главныхъ силъ и прошелъ никому неизвѣстнымъ горнымъ ущельемъ.

Орѣ вспомнилъ о своей молодой женѣ, Ааронъ о вѣрной, преданной Елисаветѣ, о своихъ дѣтяхъ и внукахъ—и оба обратили взоры къ Моисею съ иѣною мольбой отпустить ихъ въ станъ на помощь дорогимъ сердцу; но суровый вождь отказалъ имъ и оставилъ ихъ при себѣ.

Онъ снова воздѣлъ къ небу глаза и руки. Въ горячемъ порывѣ обратился онъ къ Всевышнему—и чѣмъ дальше, тѣмъ пламеннѣе была его молитва, ибо все успѣхи его ратниковъ казались потерянными. Каждый взглядъ на поле битвы, каждое извѣстіе переданное его товарищами, въ тѣ минуты, когда душа его, пребывая съ Господомъ, оставалась глуха и слѣпа къ происходившему у ногъ его, ложилась новымъ, тяжелымъ бременемъ на его сердце.

Иисусъ, во главѣ сильнаго отряда, отдѣлился отъ сражающихся, а вмѣстѣ съ нимъ и Веселилъ, внукъ Ора, Охоловъ, его любимый товарищъ, юный Ефремъ и мужъ Милки, Рувимъ.

Орѣ слѣдилъ за ними глазами, посылалъ имъ во слѣдъ благія пожеланія и благословенія отъ полноты своего сердца; ибо нѣтъ сомнѣнія, что онъ спѣшитъ на помощь стану. Орѣ обратилъ слухъ на направленію къ сѣверу, какъ будто пред-

чувствуя, насколько именно его касаются тѣ отрывистые вопли, которые доносились по временамъ порывомъ вѣтра.

Престарѣлый Навинъ выступилъ противъ отряда амаликитянъ, напавшаго на станъ, и храбро сражался противъ него; когда-же онъ убѣдился, что сотни, оставленныя Иисусомъ подъ его начальствомъ, не могутъ долѣе противостоять непріятелю, онъ обратился къ полководцу съ просьбой о подкрѣпленіи. Иисусъ немедленно поручилъ дальнѣйшее веденіе битвы второму вождю колѣна Іудина, Наассону, а также Ури, сыну Орову, который успѣлъ отличиться храбростью и распорядительностью, а самъ поспѣшилъ съ другими избранными на помощь отцу.

Онъ не терялъ ни мгновенія, а между тѣмъ исходъ битвы былъ уже рѣшенъ, когда онъ появился на полѣ сраженія. Амаликитяне успѣли прорвать ряды ратниковъ Навина, отрѣзали его отъ нихъ и ринулись на становище евреевъ.

Прежде всего Иисусъ выручилъ престарѣлаго отца изъ рукъ непріятеля. Затѣмъ необходимо было очистить шатры отъ сыновъ пустыни. Здѣсь пронеслись уже горячіи рукопашной бой, одинъ за другимъ, грудь противъ груди, а между тѣмъ Иисусъ не могъ послѣдовать вездѣ самъ, и долженъ былъ предоставить молодому ополченію дѣйствовать въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ самостоятельно.

Все съ тѣмъ-же кликомъ: „Иегова — наше знамя!“ бросился онъ впередъ на ставку вождя, Ора, которою непріятель овладѣлъ прежде всего и гдѣ проходила наиболѣе горячій бой.

Входъ въ шатеръ былъ уже усеянъ мертвыми тѣлами, но наступленныя амаликитяне продолжали драться съ горстью евреевъ. Изъ глубины ставки доносились отчаянные вопли и стоны.

Съ быстротою молніи ринулся Иисусъ въ шатеръ—и здѣсь ему представилось зрѣлище, наполнившее ужасомъ даже его неустрашимую душу. Слѣва, на окровавленныхъ цыновкахъ, покрывавшихъ широкій полъ шатра, катались въ изступленной борьбѣ евреи и амаликитяне, а справа онъ увидѣлъ Маріамъ и ея прислужницъ, со связанными на сплѣтѣ руками.

Мужичны намѣревались увезти съ собою плѣнницъ, какъ драгоцѣнную добычу, но одна изъ амаликитянокъ, стора ревностию, ненавистью и жаждой мести, замыслила предать чужестранокъ сожженію и раздвала на очагѣ уголья, которые, при помощи сорванного съ головы Маріамъ покрывала, уже разгорѣлись яркимъ пламенемъ.

Шумъ и вопли еще усилились въ обширной ставкѣ, когда Иисусъ ворвался въ нее.

Съ одной стороны, съ дикимъ ревомъ боролись противники; съ другой — прислужницы пророчицы, увидѣвъ приближающихся евреевъ, подняли громкіе стоны и крики, моля о помощи и спасеніи.

Послѣдняя ихъ, съ покрытымъ смертною блѣдностью лицомъ, упала на колѣни передъ тѣмъ непріятельскимъ вождемъ, жена котораго готовила ей страшную смерть.

Какъ духъ возставшій изъ земли, явился передъ Маріамью избавитель ея—и то, что произошло теперь, навсегда запечатлѣлось въ ея памяти рядомъ страшныхъ, безсвязныхъ, но тѣмъ не менѣе величественныхъ картинъ.

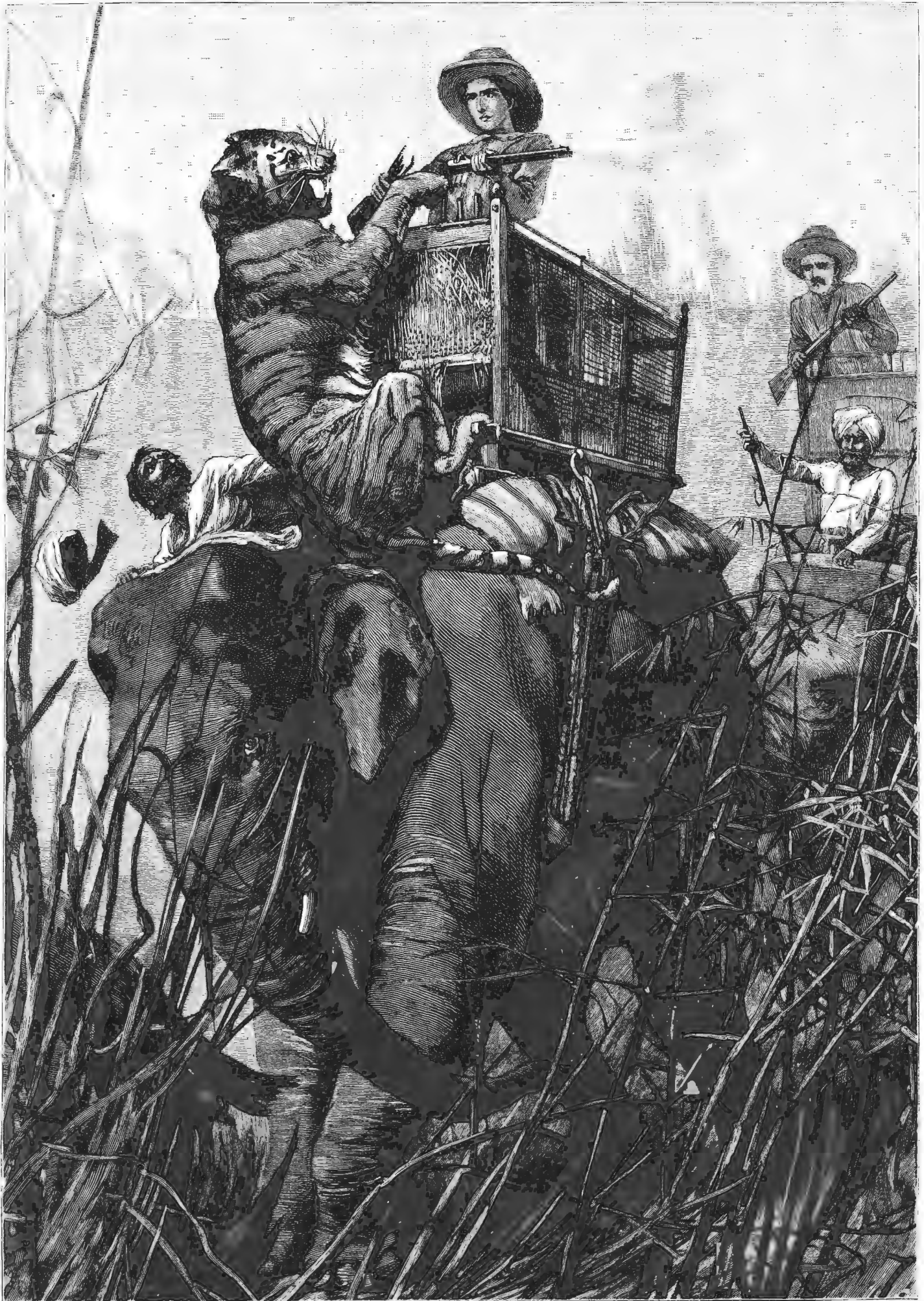
Прежде всего она видѣла богатырскій образъ связавшаго ее вождя амаликитянъ. Смуглый воинъ съ хищными, горбатымъ носомъ, черною бородою и огненными глазами, былъ похожъ на орла своихъ родныхъ горъ. Но съ нимъ скоро предостояло помѣряться другому, когда-то дорогому ея сердцу человеку.

Маріамъ часто и прежде сравнивала его со львомъ, но никогда еще онъ не былъ такъ похожъ на царя пустыни, какъ теперь.

Грозы и могучи были оба, и трудно было рѣшить заранѣе, кто изъ нихъ будетъ побѣжденъ, и кто останется побѣдителемъ: Маріамъ суждено было стать свидѣтельницей борьбы. Пылкій сынъ пустыни, съ громкимъ боевымъ кликомъ, ринулся на хладнокровно ждавшего его еврея.

Повидимому жизнь должна прекратиться, если бѣненіе сердца остановится на сколько-нибудь продолжительное время, — это извѣстно каждому ребенку; между тѣмъ Маріамъ чувствовала, что ея сердце перестало биться, точно замерло или окаменѣло, когда льву грозила опасность со стороны орла, когда блеснулъ острый ножъ амаликитянина, и она увидѣла кровь, брызнувшую изъ плеча Иисуса.

Но остановившееся было сердце воскресло снова, забывшій еще сильнѣе прежняго — и льву подобный боецъ, къ которому она только-что относилась со страстною ненавистью, вдругъ, точно чудомъ, снова сталъ для нея дорогимъ другомъ дѣтства. Словно въ звукахъ трубы и кимваловъ, снова воскресла любовь, чтобы торжественно вступить побѣдительницей въ ея еще недавно столь пустынную, одинокую душу. Сразу было забыто и похоронено все, что оттолкнуло ее отъ Иисуса, и никогда, никто не зывалъ горяче къ Всевышнему, чѣмъ Маріамъ въ той краткой молитвѣ, которая вылилась теперь изъ ея сердца за спасеніе любимаго человека. Молитва эта была такъ-же быстро услышана, какъ и пламенная: орелъ палъ и опустилъ крылья, смятый превосходною силою льва.

Приключеніе герцога Орлеанскаго на охотѣ за тигромъ въ Индіи.

Тогда у Маріам потемнѣло въ глазахъ, и она, какъ во снѣ, почувствовала только, что Ефремъ перерѣзалъ веревки, связывавшія ея руки.

Но вскорѣ она снова очнулась и увидѣла распростертое у ногъ ея, окровавленное тѣло, убитаго вождя, а по другую сторону шатра тѣла убитыхъ и раненыхъ амаликитянъ и евреевъ, между которыми было много рабовъ ея мужа. Возлѣ навшихъ въ бою, гордо стояли, торжествуя побѣду, мощные воины ея народа, и среди нихъ почтенный обликъ престарѣлаго Навина, который перевязывалъ рану Иисусу.

Маріамъ чувствовала, что именно ей надлежало это сдѣлать, и съ глубокимъ стыдомъ и жгучею болью въ сердцѣ подумала, какъ виновна была въ отношеніи этого человѣка. Теперь она не знала, какъ заглядить свою вину и какъ выразить ему свою благодарность.

Сердце ея было полно желаніемъ услышать изъ устъ Иисуса слово примиренія, и она приблизилась къ нему на колѣняхъ по залитому кровью полу шатра; но ея краснорѣчивыя, пророческія уста точно онѣмѣли и не могли найти подходящихъ словъ. Но вотъ изъ ея стѣсенной груди громко и умиленно вырвалось восклицаніе:

— Иисусъ! о, Иисусъ! Тяжко согрѣшила я передъ тобою и всею моею жизнью готова искупить твою вину; только не презирай мою благодарность! Не отталкивай ее отъ себя и, если можешь, прости меня!

Больше она не въ состояніи была ничего пропознать, но тутъ—и этого она никогда не могла забыть впоследствии—она залилась горячими слезами, а онъ сильною и въ то же время нѣжною рукою, поднявъ ее съ земли, какъ мать своего упавшаго ребенка, и изъ устъ его раздались кроткія, ласковыя, всепрощающія слова. Онъ взялъ ея руку, и она убѣдилась, что онъ болѣе на нее не сердится.

Маріамъ чувствовала свою руку въ его рукѣ и слушала его утѣреніе въ томъ, что имя Иисуса ему пріятнѣе всего слышать изъ ея устъ.

Наконецъ, съ вопиственнымъ крикомъ: „Иегова—наше знамя!“ онъ ринулся изъ шатра, и долго еще въ ея сердцѣ звучалъ его громкій голосъ и одушевленный откликъ его воиновъ.

Погомъ все затихло кругомъ, и она знала только, что никогда, ни прежде, ни послѣ, она не плакала такими горячими и горькими слезами, какъ въ этотъ часъ. Тутъ же она дала два торжественныхъ обѣта Богу, избравшему ее своей пророчицей.

А между тѣмъ шумъ битвы снова раздавался вокругъ тѣхъ двухъ людей, къ которымъ относились эти обѣты.

Одинъ опять повелъ свои отряды изъ спасеннаго стана на встрѣчу врагу; другой, вмѣстѣ съ народными вождями, наблюдалъ за боемъ, кличавшимъ у его ногъ и становившимся все яростнѣе.

Иисусъ засматъ своихъ въ очень затруднительномъ положеніи. Мѣстами они отступали, мѣстами лишь слабо отбивались отъ натиска сыновъ пустыни; Орь съ усиливавшимся безпокойствомъ слѣдилъ за исходомъ боя, потому что въ станѣ находилась его жена и вукъ, а здѣсь, внизу, его сыну грозила смертельная опасность.

Его родительское сердце болѣзненно сжималось, когда онъ видѣлъ, что Урія отступаетъ; когда-же онъ наступалъ снова и искуснымъ натискомъ поражалъ врага, Орь ощущалъ радостное чувство и ему хотѣлось крикнуть сыну слово одобренія.

Но чей слухъ былъ въ состояніи различить отдѣльный человѣчскій голосъ среди шума оружія, вопиющихъ кликовъ, воплей женщинъ, стоновъ раненыхъ, жалобнаго рева верблюдовъ, звука трубъ и роговъ?

Передній отрядъ амаликитянъ уже врѣзался клиномъ въ самыя заднія еврейскія сотни.

Еслибы амаликитянамъ удалось проложить дорогу слѣдовавшимъ за ними полчищамъ и соединиться съ тѣмъ отрядомъ, который нападлъ на станъ, то сраженіе было-бы потеряно для евреевъ и гибель народа была-бы полная, такъ какъ у южнаго входа въ долину стоялъ еще отрядъ амаликитянъ, который не принималъ участія въ битвѣ и, казалось, предназначался для защиты оаза въ случаѣ неудачи.

Но тутъ случилась новая неожиданность.

Сыны пустыни пробілись уже такъ далеко впередъ, что камни и стрѣлы пращниковъ и стрѣлковъ едва могли достигать ихъ; чтобы послѣдніе не оставались въ бездѣйствіи, ихъ пришлось отозвать съ занимаемыхъ ими высотъ къ мѣсту боя.

Ору давно-бы слѣдовало уже закричать Уривъ, чтобы онъ вспомнилъ о стрѣлкахъ и ввелъ ихъ въ бой; но вотъ показался юноша, съ ловкостью горной козы приближавшійся къ нимъ со стороны стана и карабкавшійся съ одной скалы на другую.

Добравшись до первыхъ стрѣлковъ, онъ что-то говорилъ имъ, слѣдующимъ дѣлалъ знаки, которые они передавали дальше, и наконецъ все они спустились по склону въ долину, потому что взобрался на западную скалистую стѣну, на высоту роста нѣсколькихъ человѣкъ, и внезапно исчезли, какъ будто скалы поглотивши ихъ.

Юноша во главѣ пращниковъ и стрѣлковъ—былъ Ефремъ.

Черное пятно, видѣвшееся на скалистой стѣнѣ, въ которомъ юноша исчезъ вмѣстѣ со стрѣлками было не что иное какъ отверстіе ущелья, и этимъ путемъ стрѣлки вѣроятно присоединятся къ отряду, который пошелъ на выручку стана.

Такъ думалъ не только Орь, но и Ааронъ, и первый снова сталъ сомнѣваться въ призваніи Иисуса, такъ какъ защита находившихся въ станѣ ослабила войско, начальствованіе надъ которымъ было возложено на его сына и на Наассона.

Бой вокругъ стана продолжался уже втеченіе нѣсколькихъ часовъ, и Моисей не переставалъ молиться съ воздѣтыми руками, когда амаликитянамъ удался новый натискъ.

Тогда вождь народа снова собралъ свои силы и еще усерднѣе воззвалъ къ помощи Всевышняго, но отъ изнеможенія у него подкосились колѣна и утомленныя руки отказывались повиноваться. Однако духъ его не ослабѣвалъ и въ сердцѣ упорно держалось желаніе умолигъ Того, Кто управляетъ битвами.

Вождь народа не хотѣлъ оставаться въ бездѣйствіи въ этотъ бою—оружіемъ его была молитва.

Какъ ребенокъ не отстаеетъ отъ матери, самоотверженно прося чего-нибудь для своихъ братьевъ и сестеръ, такъ и Моисей неотступно умолялъ Всевышняго, который до сихъ поръ, какъ отецъ, охранялъ его и его народъ и чудеснымъ образомъ избавлялъ ихъ отъ самыхъ страшныхъ опасностей.

Скоро Моисей совершенно изнемогъ тѣломъ. Онъ обратился къ сопровождавшимъ его, и они придвинули къ нему обломки скалы, на который онъ опустился, чтобы новою молитвою смягчить сердце Всевышняго.

Такъ сидѣлъ онъ, и если изнеможенныя мышцы отказывались служить ему, то душа по прежнему повиновалась и съ новою силою воспрянула къ Руководителю судьбы.

Но руки Моисея итѣмъли все болѣе и болѣе и наконецъ опустились какъ бы подъ тяжестью свинца, не смотря на то, что въ теченіе многихъ лѣтъ ему постоянно приходилось воздѣлывать ихъ къ небу, усердно призывая Бога.

Спутники его хорошо видѣли это и—замѣтивъ, что какъ только у великаго вождя опускались руки, сыны Амалека одерживали новый успѣхъ,—оба старательно поддерживали руки Моисея одинъ съ правой, другой съ лѣвой стороны. Такимъ образомъ хотя этотъ сильный человѣкъ не въ состояніи былъ уже отчетливо произносить слова, хотя его исполненное тѣло качалось изъ стороны въ сторону, и ему неоднократно казалось, что камень, на которомъ онъ сидитъ, должна и вся земля колеблется вмѣстѣ съ нимъ, по тѣмъ не менѣе очи и руки его были неотступно подняты къ небу. Ни на одно мгновеніе не переставалъ онъ приывать Всевышняго до тѣхъ поръ, пока внезапно не раздался со стороны стана радостный побѣдный крикъ, громко отраженный каменными стѣнами долины.

Это Иисусъ появился снова на полѣ битвы и во главѣ своихъ воиновъ ринулся съ неотразимою силою на врага. Съ этой минуты бой принялъ иное направленіе.

Хотя онъ еще не былъ рѣшенъ окончательно и Моисей не переставалъ возносить сердце къ небу и подымать поддерживаемыя друзьями руки, но наконецъ ряды амаликитянъ дрогнули и побѣжали къ южному входу долины, откуда пришли.

Оттуда также послышался радостный крикъ, и изъ тысячи устъ раздалось: „Иегова—наше знамя! Побѣда, побѣда!“

Тогда избранныкъ Божій снялъ свои руки съ поддерживавшихъ ихъ плечъ, свободно и высоко поднялъ ихъ и воскликнулъ съ новою чудесною силою: „благодарю Тебя, Господь и Богъ мой! Иегова—наше знамя! Народъ спасенъ!“

Тутъ у изнеможеннаго вождя закрылись очи, но спустя немного времени онъ снова открылъ ихъ и увидѣлъ, какъ Ефремъ со стрѣлками и пращниками бросился на отрядъ амаликитянъ, стоявшій у южнаго входа въ долину, между тѣмъ какъ Иисусъ гналъ главныя силы сыновъ пустыни на встрѣчу ихъ отступавшимъ братьямъ.

Военачальникъ узналъ отъ плѣнныхъ объ ущельѣ, которое давало возможность хорошо лазящимъ людямъ пробраться въ долину, ведущую къ южному краю поля битвы, и вскорѣ Ефремъ замельнулъ по этой трудной дорогѣ со своими стрѣлками и пращниками въ тѣлѣ послѣднимъ сопротивлявшимся отрядамъ противника.

Стѣсенные съ двухъ сторонъ, порѣдѣвшіе и приведенные въ уныніе ряды амаликитянъ прекратили бой, и тутъ обнаружилось какъ быстро владѣютъ ногами взрослые въ горной странѣ дѣти пустыни; по знаку своего начальника, они перебились верблюдами и разлетѣлись въ разныя стороны, какъ перья, гонимыя вѣтромъ. Подобно проворнымъ ящерицамъ карабкались они руками и ногами на казавшіеся недоступными человѣку отвѣсные горные скаты; другіе спаслись тѣмъ самымъ ущельемъ, которое указали Иисусу плѣнные рабы.

Освобожденіе Маріамъ.

(Окончаніе въ слѣд. №).

Къ рисункамъ.

Мандолината. (Рис. на стр. 289).

Дубравы облиты дремотою сладкой,
Почіють холмы и долины...
Безмолвіе всюду... Лишь гдѣ-то украдкой,
Аккорды звучатъ мандолины.
То — струны ея нѣжныхъ коснулись искусно
Прекрасныя женскія руки,
И льются мелодіей томной и грустной
Чудесные, стройные звуки.
Они и волшебны, и такъ прихотливы
Какъ смѣлыя грезы поэта,
Какъ радужныхъ яркихъ цвѣтовъ переливы,
Какъ тѣни предъ часомъ разсвѣта.
Въ нихъ слышится сердца влюбленнаго ропотъ,
Весны молодой лигованье,
Проснувшихся кленовъ таинственный шепотъ,
Голубки лѣсной воркованье;
И гимновъ торжественныхъ строгіе тоны,
И лепетъ потока жемчужный,
И смѣхъ серебрястый, и робкіе стоны,
Души истомленной, недужной.
Тѣ звуки, и страстью пылають мятежной,
Какъ пламя грозить, вырастають,
И вдругъ, словно волны о камень прибрежный,
Мгновенно дробятся и тають.
Въ нихъ — степи привольной просторъ необятный,
Къ невѣдомой дали влеченье...
И каждому чуткому сердцу понятно
Безъ словъ ихъ значенье...

П. В. Б.—в.

На службу Государеву. (Рис. на стр. 292 и 293).

Война всегда была великимъ, тягостнымъ, страшнымъ бѣдствіемъ — теперь и прежде, въ отдаленное отъ насъ „доброе старое время“... Разница только въ томъ, что теперь, когда раздается рѣзкій призывъ воинской трубы, — на службу Царю и Отечеству спѣшатъ воины, т. е. тѣ, кто обязанъ „общей воинскою повинностью“; а прежде, при объявленіи войны, на службу Государеву собирались люди только одного „служилого сословія“, которые вели за собою въ походъ, на войну, на смерть и гибель, толпы людей не подготовленныхъ ни къ войнѣ, ни къ воинской службѣ, ни къ трудамъ и лишениямъ, сопряженнымъ съ нею. Вотъ они плетутся гуськомъ по дорогѣ: впереди самъ господинъ, дворянинъ или боярскій сынъ, въ полномъ вооруженіи, въ нарядномъ платьѣ, на хорошемъ, сытомъ конѣ, съ „прядымъ запасомъ воинскимъ“. За нимъ ѣдутъ его братья и родичи, съ болѣе посредственнымъ вооруженіемъ и запасомъ, на худшихъ коняхъ; а за тѣми ѣдутъ ихъ челядницы и холопы, ихъ слуги и крестьяне — ѣдутъ и плутъ, неся на плечѣ пудовый бердышъ или тяжелую рогатину, шлепаня по дорогѣ размятыми стѣнными или лаптями. А позади всей служки, и конной, и пѣшей, по дорогѣ плетется обозъ изъ крестьянскихъ подводъ, которыя везутъ запасное платье, шатры и котлы, оружіе и доспѣхи, съѣстные припасы и всякую рухлядь, какаѣ можетъ быть въ походѣ пригодныя. Весь этотъ воинскій поѣздъ съ обозомъ тянется къ сборному мѣсту, въ которомъ онъ долженъ быть въ назначенное время... А если не будетъ — то заищутъ дворянина или боярскаго сына въ *мытесѣ* (въ отсутствующихъ) и объявятъ ему „великій грѣвъ Государевъ“.

Урокъ. (Рис. на стр. 297).

Выдающееся мѣсто въ ряду русскихъ жанристовъ безспорно принадлежитъ В. Е. Маковскому, бѣдѣнному бытописателю интимной домашней жизни на Руси. Безъ предвзятой мысли, просто и жизненно создаетъ Маковскій одно за другимъ прекрасныя произведенія, которыя являются наглядными страницами нашего жителя-бытѣ. Помѣщаемая въ нынѣшнемъ № его картина съ XVIII передвижной выставки „Урокъ“ изображаетъ классную комнату, въ зажиточномъ домѣ, въ которой французъ-учитель горячо объясняетъ своему анатичному ученику урокъ, въ присутствіи пожилой женщины, можетъ быть матери ученика, съ удивленіемъ смотрящей на увлеченіе не по лѣтамъ учителя.

Выздоровливающая. (Рис. на стр. 300).

К. В. Лемохъ въ своихъ произведеніяхъ за послѣдніе годы является едва-ли не лучшимъ изобразителемъ дѣтей, и преимущественно дѣтей крестьянскихъ, съ ихъ горемъ и радостями. Не мало художниковъ берутъ тѣ же сюжеты, но у нихъ мы видимъ обыкновенно только фигуры дѣтей, тогда какъ г. Лемохъ, много наблюдая, зорко подмѣчая и чувствуя въ дѣтяхъ все дѣтское, передаетъ на своихъ картинахъ ихъ міръ во всей его правдѣ и привлекательности. Лучшею иллюстраціей его творчества можетъ послужить помѣщаемая нами гравюра съ его картины „Выздоровливающая“, пріобрѣтенной на послѣдней XVIII передвижной выставкѣ Ея Величествомъ Государыней Императрицей.

Прерванная шахматная партія. (Рис. на стр. 301).

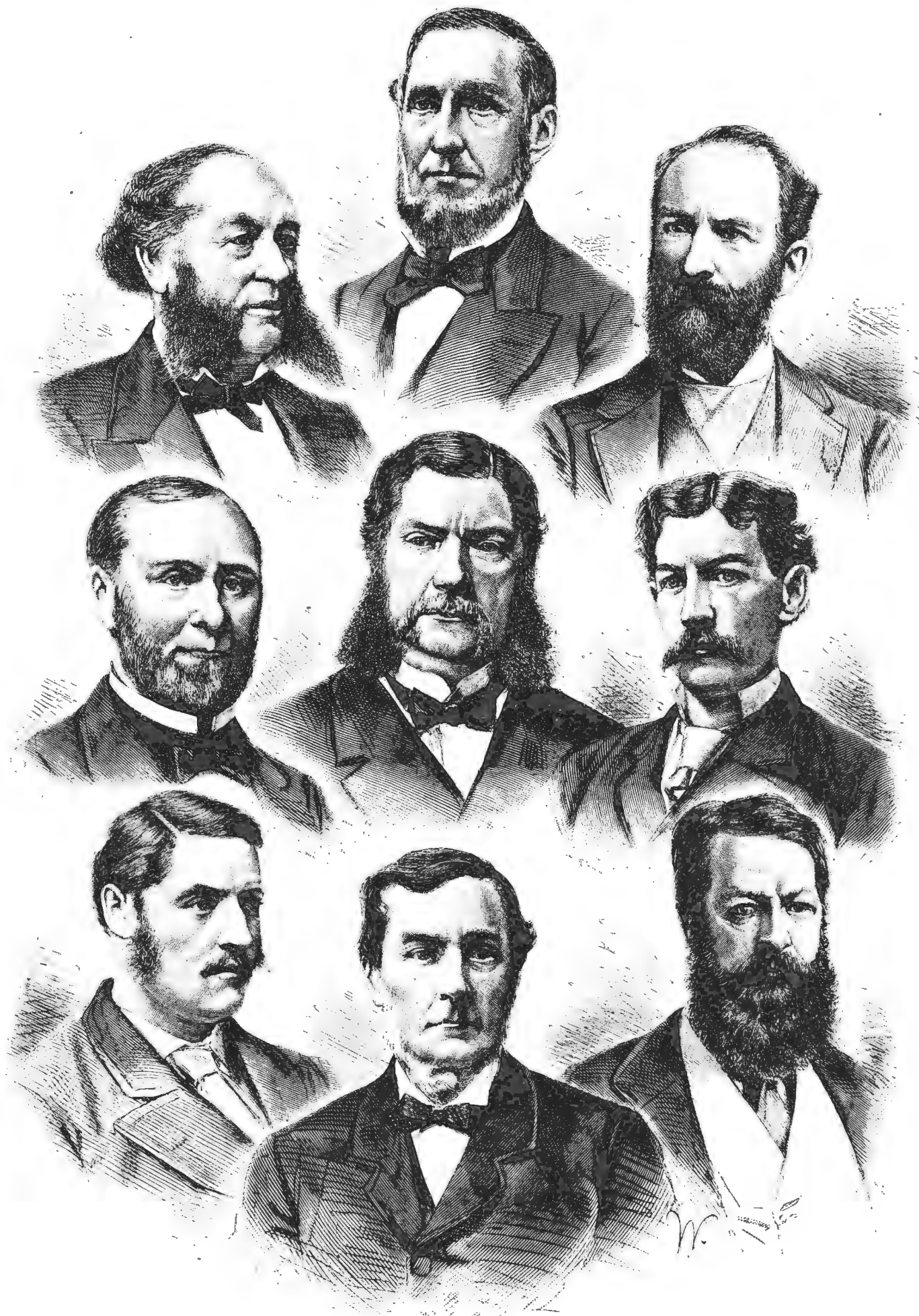
Игра въ шахматы, одна изъ самыхъ интересныхъ игръ, можетъ быть причислена и къ числу самыхъ древнихъ изъ нихъ, если вѣрить извѣстному разсказу объ ея изобрѣтателѣ, браминѣ Сисейѣ. Но особенною любовью и распространениемъ шахматы пользовались во Франціи, благодаря шахматисту Филидору, въ ту эпоху, которой принадлежатъ изображенныя на нашей гравюрѣ игроки, видимо повздорившіе изъ-за какого-нибудь хода. Отворотись другъ отъ друга, они молча сидятъ у доски, на которой неприкосновенно стоятъ шахматы, и интересная партія, хотя и послужившая яблокомъ раздора, можно думать, вскорѣ будетъ доведена до конца.

Приключеніе герцога Орлеанскаго на охотѣ за тиграми въ Индіи. (Рис. на стр. 305).

Личность герцога Луи-Филиппа Орлеанскаго въ послѣднее время обратила на себя вниманіе всей Европы. Рыцарскій поступокъ молодого принца, желавшаго отбыть воинскую повинность во Франціи, заслуживалъ по меньшей мѣрѣ не того мѣщански-республиканскаго формализма, съ какимъ отнеслись къ нему въ отечествѣ, черезчуръ уже поистру засадивъ его въ кутузку наравнѣ съ проворовавшимися или обанкротившимися героями дня. Полагаемъ, что читатели не безъ интереса прочтутъ о приключеніи, въ которомъ герцогъ блистательно выказалъ свойственную ему отвагу и личную храбрость. До послѣдовавшей въ іюль 1889 года помолвки своей съ принцессой Маргаритой Шартрекою, герцогъ служилъ поручикомъ и адъютантомъ главнокомандующаго Англо-индійскою арміей. Передъ отъѣздомъ принца изъ Индіи, тогдашній вице-король ея, Лордъ Дѣфферинъ, устроилъ въ честь его большую охоту въ Ненагѣ, которая длилась шесть недѣль; въ ней принималъ участіе и родственникъ герцога, принцъ Генрихъ Орлеанскій, впоследствии такъ интересно изложившій въ своей книгѣ свои охоты на тигровъ въ Остъ-Индіи. Не смотря на то, что въ Англо-Индійскихъ владѣніяхъ ежегодно убивается до двухъ тысячъ тигровъ, число этихъ страшныхъ хищниковъ все еще громадно, и уменьшилось лишь въ областяхъ населенныхъ англичанами. Густые, едва проходимые даже для слоновъ джунгли (тростниковыя и камышовыя чащи) доставляютъ тигру безопасныя убѣжища для вывода дѣтенышей, а плохо вооруженные туземцы рѣдко отваживаются на борьбу со страшнымъ врагомъ. Поэтому тигръ не удаляется отъ человѣческихъ поселковъ какъ левъ, а напротивъ своими нападеніями рѣдко самъ заставляеть людей покидать селенія, часто похищая взрослыхъ обывателей среди бѣла дня, смѣло бросаясь на вооруженныя партіи путешественниковъ и даже на военные отряды. Нападенія его всегда такъ внезапны, что увернуться отъ нихъ нѣтъ никакой возможности, и хищникъ обыкновенно уже скрывается съ умерщвленной жертвой, прежде чѣмъ спутники ея успеютъ опомниться. Англійское правительство назначеніемъ высокихъ наградъ много содѣйствовало истребленію тигровъ, и охотники изъ англичанъ производятъ правильныя охоты по плану, выказывая иногда чудеса храбрости. Охоты-же устраиваемыя индійскими раджами на слонахъ, для своихъ европейскихъ гостей, съ громаднымъ числомъ загонщиковъ, поднимающихъ шумъ и гамъ на весь околотокъ, не болѣе какъ царственное удовольствіе, болѣею частью безопасное, но за то и кончающееся почти пустяками. Однако и на этихъ охотахъ случаются несчастія, и не смотря на все мѣры предосторожности, высокопоставленнымъ стражкамъ приходится иногда заглянуть прямо въ глаза смерти, какъ это и было съ принцемъ Орлеанскимъ. Однажды охотникъ наткнулся на логовище тигрицы. Двое дѣтенышей тотчасъ нали подъ выстрѣлами, между тѣмъ какъ подававшіеся впередъ непрерывною линіей слоны загнали тигрицу въ небольшую чащу на берегу рѣчки, гдѣ она и забила подъ хворостомъ у древеснаго ствола. Слонъ, на которомъ ѣхалъ герцогъ Орлеанскій, пошелъ прямо на дерево и повалилъ его — тигрица выскочила, прыгнула на слона и ударомъ лапы раздробила двустольный штудеръ принца, причемъ послѣдовало выстрѣль. Магуть (погонщикъ) спасся съ пумпительною ловкостью, уцѣпившись за ухо слона и соскочивъ на-земь — а принцъ повидимому долженъ былъ погибнуть. Къ счастью, разъяренный звѣрь былъ до такой степени озадаченъ неудачнымъ скачкомъ и внезапнымъ выстрѣломъ, что въ то же мгновеніе соскочилъ со слона внизъ и кинулся въ джунгли. На этотъ разъ охоту пришлось кончить, ибо слоны были до того напуганы этимъ случаемъ, что съ ними не стало сладу. Не смотря на такое внушительное предостереженіе, герцогъ на слѣдующее-же утро отправился за тигрицей и, выслѣдивъ ее, застрѣлилъ въ то время, какъ она хотѣла переплыть рѣчку.

Величайшіе богачи въ мірѣ. (Портр. на стр. 308).

Слово *богачъ*, какъ извѣстно, содержитъ въ себѣ понятіе въ высшей степени относительное. Шмюкъ въ *Журналистахъ*, по-

Величайшіе въ міръ богачи.

В. Г. Вандербяльтъ.
А. Д. Стюартъ.
Д. П. Н. Стюартъ, маркизь Бьютъ.

Россель Седжъ.
Д. Д. Асторъ.
Герцогъ Р. Гровеноръ-Вестминстерскій.

Джай Гульдъ.
Д. Г. Беннеттъ.
Герцогъ Сотерландскій.
Библиотека "Руниверс"

лучивъ въ подарокъ 25 талеровъ, считалъ себя „странно богатымъ“, между тѣмъ какъ одинъ миллиарщикъ, услышавъ, что по смерти банкира *** осталось состояніе въ три милліона долларовъ, въ изумленіи воскликнулъ: „Я не думалъ, что онъ такъ бѣденъ!“ Французскій ученый де-Вариньи, въ своей книгѣ *Les grandes fortunes aux Etats Unis et en Angleterre (Крупныя состоянія въ Соединенныхъ Штатахъ и Англии)*, пытается установить опредѣленныя границы для касты „богачей“, принимая что къ этой категоріи должны быть отнесены владѣющіе состояніемъ не менѣе какъ въ десять милл. рублей, — по его изслѣдованіямъ оказывается, что такихъ господъ на свѣтѣ около 700, и распределены они по земному шару слѣдующимъ образомъ: въ Англій 200 человекъ, въ Соединенныхъ Штатахъ 100, въ Германіи съ Австро-Венгрією 100, во Франціи 75, въ Россіи 50, въ Индіи 50 и въ остальныхъ странахъ 125. Изъ этихъ баловней фортуны авторъ выдѣляетъ еще дюжину „самыхъ богатыхъ“, владѣющихъ состояніемъ не менѣе сорока

сѣхъ петличковъ и большинство владѣльцевъ принадлежатъ къ англійской аристократіи, которой земельная собственность не подвергается такимъ колебаніямъ какъ предпріятія американскихъ спекуляторовъ.

Авторъ весьма естественно обращаетъ вниманіе и на психологическій вопросъ: Дѣлаетъ-ли обладаніе такими громадными состояніями владѣльцевъ ихъ счастливыми. Въ отвѣтъ онъ приводитъ слова умершаго года два тому назадъ В. Г. Вандербильта, который однажды высказалъ, что владѣніе такимъ колоссальнымъ состояніемъ есть бремя, въ буквальномъ смыслѣ угнетающее и не дозволяющее владѣльцу пользоваться радостями жизни.

Мостъ черезъ Фортскій заливъ въ Шотландіи.

(Рис. на этой стр.)

Вотъ еще нѣкоторыя данныя объ открытомъ недавно мостѣ черезъ Фортскій заливъ въ Шотландіи, этомъ величайшемъ изъ

Готонда Вѣнскаго выставки.

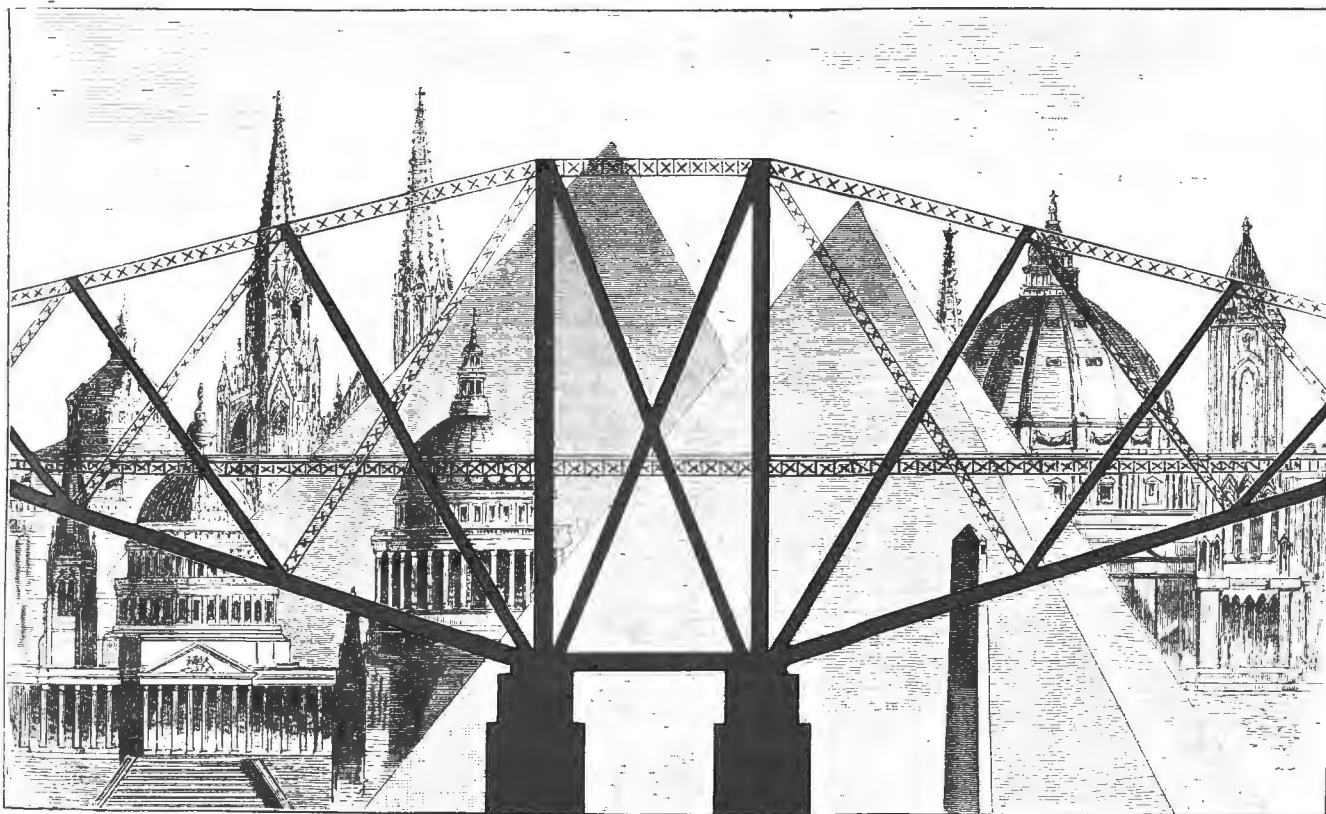
Кельнскій соборъ.

Пирамида Хеоса.

Пирамида Хефрена.

Церковь Св. Стефана въ Вѣнѣ. Соборъ Св. Петра въ Римѣ.

Страбургскій соборъ.

Церковь Св. Троицы въ Нью-Йоркѣ.

Капитолій въ Вашингтонѣ.

Соборъ Св. Павла въ Лондонѣ.

Обелискъ въ память битвы при Бонкесъ-Гиллѣ.

Сравнительная высота моста черезъ Фортскій заливъ въ Шотландіи и другихъ высочайшихъ сооружений.

милл. руб. Вотъ списокъ ихъ съ обозначеніемъ капитала и годовыхъ процентовъ:

Имя.	Национальность.	Капиталъ въ милл. руб.	Проценты.
Джай Гульдъ	Американецъ	550	28 м. Р.
Д. В. Маккай	„	490	25 „ „
Ротшильдъ	Англичанинъ	400	20 „ „
Вандербильтъ	Американецъ	250	12 1/2 „ „
Д. П. Джонсъ	„	200	10 „ „
Герц. Вестминстерскій	Англичанинъ	160	8 „ „
Джонъ Асторъ	Американецъ	100	5 „ „
А. Д. Стюартъ	„	80	4 „ „
Д. Г. Беннеттъ	„	60	3 „ „
Герц. Сотерландскій	Англичанинъ	60	3 „ „
Герц. Норгумберландскій	„	50	2 1/2 „ „
Маркизъ Бьютъ	„	40	2 „ „

Какъ видно изъ списка, величайшіе богачи встрѣчаются только въ Англійи и Соединенныхъ Штатахъ, при чемъ львиная доля выпадаетъ Америкѣ. Впрочемъ, цифры приводимыя французскимъ ученымъ относительно американскихъ богачей вычислены имъ приблизительно и вѣрны лишь до извѣстной степени. Гораздо большею точностью отличаются цифры англійскихъ аристократовъ, такъ какъ онѣ почерпнуты изъ англій-

металлическихъ сооружений въ цѣломъ свѣтѣ.

Громадный трудъ этотъ былъ предпринятъ двумя выдающимися англійскими инженерами, Джономъ Фаулсеромъ и Бенджаменомъ Баркеромъ. Они выбрали мѣсто для моста надъ суженіемъ Фортскаго залива, съ небольшимъ островкомъ посрединѣ, который позволялъ прочно утвердить центральный устой моста. Дабы подъ мостомъ могли проходить большіе корабли, высота его надъ уровнемъ воды должна была быть весьма значительна, и адмиралтейство потребовало 45 метровъ (около 22 сажень) высоты, дабы доставить свободный проходъ самымъ крупнымъ военнымъ судамъ. Фортскій мостъ имѣетъ 4 пролета: два большіе посрединѣ и два менѣе широкихъ по концамъ моста. Большіе пролеты имѣютъ 580 метровъ (около 280 сажень, болѣе полуверсты) ширины. Интересно сравнить высоту этого моста съ высочайшими зданіями въ мірѣ, изображенными на нашемъ рисункѣ: Ротондой Вѣнскаго выставочнаго зданія, Кельнскимъ соборомъ (79 1/2 саж.), Хеосовой пирамидой (72 саж.), Хефреновой пирамидой (70 саж.), церковью Св. Стефана въ Вѣнѣ, церковью Св. Петра въ Римѣ (70 саж.), Страбургскимъ соборомъ, церковью Св. Троицы въ Нью-Йоркѣ, Капитоліемъ въ Вашингтонѣ, церковью Св. Павла въ Лондонѣ и обелискомъ въ память павшихъ въ битвѣ на Бонкеромъ холмѣ.

Политическое обозрѣніе.

Эпидемія министерскихъ кризисовъ достигла полного развитія. Французскій кабинетъ, чувствуя непрочность своего поло-

женія по выходѣ г. Констана изъ его состава, воспользо-вался первымъ благовиднымъ предлогомъ и удалился отъ

дѣль. Неудача, постигшая министерство въ сенатѣ при обсужденіи фрашко-гурецкаго торговаго договора и отказъ въ простомъ переходѣ къ очереднымъ дѣламъ, является слишкомъ пустячнымъ поводомъ, чтобы выйти въ отставку; по предчувствію, быть можетъ, новыхъ и большихъ неудачъ, ускорило развязку: 2 марта утромъ министръ-президентъ Тираръ вручилъ президенту Карю прошение кабинета объ отставкѣ, и прошение было принято. Составленіе новаго кабинета поручено было Фрейсине и министерство сформировалось подъ вліяніемъ Флоке, почему нынѣ полагаютъ, что оно будетъ клонить въ сторону радикаловъ, но въ то же время многіе, подобно Леону Сэ, считаютъ новое министерство кабинетомъ умѣренности. Составъ его: военный министръ Фрейсине, онъ-же и президентъ кабинета, министръ внутреннихъ дѣлъ—Констанъ, юстиціи—Фальеръ, иностранныхъ дѣлъ—Рибо, финансовъ—Рувье, морекго министръ—Барбе, народнаго просвѣщенія—Буржуа, земледѣлія—Девель, торговли—Жюль Ронъ и министръ общественныхъ работъ—Гюйо.

Такимъ образомъ въ составѣ новаго министерства вошли тѣ-же лица, которые составили предшествовавшее министерство, за исключеніемъ бывшаго президента Тирара, министра юстиціи Тавене и министра иностранныхъ дѣлъ Спюллера. Совершенно новымъ членомъ является умѣренный республиканецъ Рибо. Бывшій министръ народнаго просвѣщенія г. Фальеръ дѣлается министромъ юстиціи, а смѣнившій было г. Констанъ въ министерствѣ Тирара министръ внутреннихъ дѣлъ г. Леонъ Буржуа—получаетъ портфель министра народнаго просвѣщенія.

Въ такомъ составѣ новое министерство уже выступило въ палатѣ депутатовъ съ правительственною декларациею 6 марта. Въ ней кабинетъ обращается ко всѣмъ фракціямъ республиканской партіи съ цѣлью учредить республику на широкихъ основаніяхъ, исполненную терпимости и спокойствія. Министерство присоединяется къ идеѣ страны, требующей болѣе дѣятельнаго охраненія сельскаго хозяйства и національнаго труда, оно желаетъ свободы дѣйствія по истеченіи въ 1892 году срока торговыхъ договоровъ, съ тѣмъ чтобы установить таможенные тарифы. Въ заключеніе, въ деклараціи выражается заботливость объ улучшеніи быта рабочихъ классовъ и заявляется, что министерство хочетъ быть правительствомъ въ настоящемъ смыслѣ слова и сильно подвинуть общественныя дѣла. Въ виду всего этого, оно доверчиво ожидаетъ, что парламентъ окажетъ ему содѣйствіе въ исполненіи его задачи.

Такое содѣйствіе въ видѣ довѣрія и было оказано новому министерству въ тотъ-же день, когда Локруа внесъ запросъ о деклараціи и потребовалъ объясненій относительно принятія нѣкоторыхъ законовъ. Фрейсине отвѣтилъ, что законы эти предполагаются примѣнять въ духѣ твердости и справедливости, и затѣмъ выраженіе довѣрія къ кабинету было вотировано большинствомъ 318 голосовъ противъ 78.

Въ Германіи эпидемія министерскихъ кризисовъ выразилась еще въ сильнѣйшей степени выходомъ князя Бисмарка въ отставку.

Хотя уже давно поговаривали о желаніи имперскаго канцлера удалиться на покой, но никто не ожидалъ столь близкой и неожиданной развязки. Еще 1 марта телеграфъ принесъ изъ Берлина извѣстіе, что канцлерскій кризисъ продолжается и что отставка канцлера послѣдуетъ въ ближайшія восемь недѣль, а 5 марта была доставлена изъ Берлина депеша: „Въ городѣ говорятъ, что князь Бисмаркъ подалъ сегодня прошеніе объ отставкѣ“. На другой день были получены извѣстія, что согласія императора на поданное наканунѣ кн. Бисмаркомъ прошеніе объ увольненіи отъ должностей имперскаго канцлера и президента прусскаго совѣта министерство ожидаютъ въ самомъ непродолжительномъ времени. И дѣйствительно, 8 марта въ *Имперскомъ Указателѣ* появился указъ

о принятіи прошенія, причемъ въ знакъ вѣчной благодарности императоръ возвелъ князя въ герцоги Лауенбургскіе и назначилъ его генералъ-полковникомъ кавалеріи съ чиномъ фельд-маршала арміи.

Событіе это является явленіемъ громадной важности, принимаемая во вниманіе, что князь Бисмаркъ, сначала въ Пруссіи, а затѣмъ въ Германіи, стоялъ во главѣ управленія въ теченіи 28 лѣтъ и руководилъ судьбами не только своей родины, но и всей Европы.

Внезапное, хотя и ожидаемое, удаленіе князя Бисмарка отъ дѣлъ заслонило собою все другія явленія европейской жизни, отвлекло и сосредоточило вниманіе всѣхъ на себя, хотя въ то же время совершается событіе, которое не должно быть обойдено молчаніемъ. Мы говоримъ о конференціи по рабочему вопросу, собравшейся нынѣ въ Берлинѣ.

На конференцію съѣхалось болѣе 60 делегатовъ изъ Бельгіи, Даніи, Германіи, Англіи, Франціи, Италіи, Люксембурга, Нидерландовъ, Австро-Венгріи, Португаліи, Швеціи и Норвегіи, Швейцаріи и Испаніи. Въ *Имперскомъ Указателѣ* сообщается: „Министръ торговли пріѣхествовалъ въ Конгрессовой залѣ канцлерскаго дворца членовъ конференціи, выразилъ благодарность императора, указавъ на предшествовавшее приглашеніе Швейцаріи, вслѣдствіе предупредительности которой представилось возможнымъ одновременное обсужденіе стремленій швейцарскаго правительства и императора. Далѣе министръ сказалъ, что рабочий вопросъ требуетъ общаго вниманія. Съ тѣхъ поръ какъ состязаніе промышленности стало угрожать мирному развитію народовъ, рѣшеніе этого вопроса представляется не только долгомъ человеколюбія, но государственно-охранительною мудростью. Одинаковое положеніе, въ которомъ находится все государство, оправдываетъ попытку къ соглашенію относительно предупредительныхъ мѣръ. Программа опредѣляетъ рамки техническаго обсужденія вопросовъ, оставляя за высшими правительствами свободу рѣшенія. Въ заключеніе министръ выразилъ надежду, что конференція не останется безъ успѣшныхъ результатовъ; мудрая опытность участниковъ конференціи оправдываетъ убѣжденіе, что ея труды окажутъ на Европу благотворное воздѣйствіе“.

Президентомъ конференціи избранъ безъ голосованія министръ торговли Берлепшъ. Президентское бюро образовано изъ германскаго совѣтника миссіи Кейзера, секретаря французскаго посольства Дюмена и секретаря германскаго посольства Арко. Въ распредѣленіи занятій конференціи сказано, что отдѣльные вопросы, коимъ скоро конференція приступаетъ это цѣлесообразнымъ, могутъ быть преспровождены для предварительнаго обсужденія въ особыя коммисіи, члены которой назначаются конференціей. Доклады коммисіи и отдѣльныхъ членовъ должны быть напечатаны до обсужденія даннаго вопроса. Голосованіе производится поименно и по государствамъ въ алфавитномъ порядкѣ. Каждая делегация располагаетъ лишь однимъ голосомъ. За все время конференціи переговоры должны храниться въ строгой тайнѣ 5 марта въ засѣданіи конференціи объ огражденіи рабочихъ заводахъ, о воскресной работѣ и о работѣ женщинъ, дѣтей и подростковъ. Президентомъ первой коммисіи состоитъ прусскій горный совѣтникъ Гошкорнъ, второй князь-епископъ Коппъ, а вице-президентомъ датскій статскій совѣтникъ Тиггенъ; въ третью коммисію президентомъ состоитъ Жюль Симонъ, а вице-президентомъ венгерскій совѣтникъ горнозаводскаго вѣдомства Шпиреръ.

Но странной случайности, одновременно съ засѣданіями конференціи, въ Англіи началась забастовка рабочихъ въ угольныхъ коняхъ. Въ Ланкашейрѣ, Йоркшейрѣ, Дербишейрѣ и Сѣверномъ Валлисѣ приостановили работы 200,000 угольщиковъ. Забастовка вызвана отказомъ въ увеличеніи задѣльной платы.

Разныя извѣстія.

Предворныя извѣстія.

— 28 февраля, Ихъ Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица посѣтили фрейлину Ея Величества Надежду Алексѣевну Барганеву, являющуюся въ этотъ день внѣбрачными дѣтьми своего служенія фрейлиной и возведенную въ званіе камеръ-фрейлины.

Дѣла церкви.

— Въ Одессу, 3 марта, на пароходѣ русскаго общества доставлена изъ Андреевскаго скита Аюонской горы чудотворная икона Богоматери и ковчегъ со святыми мощами Угодниковъ Воинскихъ для строящагося въ Петербургѣ при Аюонскомъ Андреевскомъ подворьѣ храма, въ память чудеснаго избавленія Царской Семьи 17 октября 1888 г.

Правительственныя распоряженія.

— Сдѣланныя недавно нѣкоторыя дополне-

нія и измѣненія въ правилахъ о работѣ машиностроительныхъ на фабрикахъ и заводахъ будутъ введены въ дѣйствіе, какъ слышно, въ первой половинѣ іюля мѣсяца текущаго года.

— При Медицинскомъ совѣтѣ образована подъ предѣтельствомъ В. В. Папугина коммисія, которой предстоитъ пересмотрѣть „Сводъ учрежденій и уставовъ врачейныхъ по гражданской части“.

Промышленность и сельское хозяйство.

— Въ вѣшедшемъ недавно сборникѣ статистическихъ свѣдѣній о горнозаводской промышленности въ Россіи, составленномъ С. П. Кулибнинымъ, находятся слѣдующія свѣдѣнія о горнозаводской промышленности въ Россіи за 1887 годъ. Въ этомъ году было добыто золота разсыпнаго 1,964 пуда 16 фунт. 29 зол. 35 долей и жильнаго—163 п. 25 ф. 88 зол. 27 1/2 д., а всего 2,128 п. 2 ф. 21 з. 62 1/2 д.

Добыча золота сравнительно съ двумя предыдущими годами возросла. Платины въ 1887 г. добыто 269 пуд. 4 фунта 92 доли. Серебра, выплавленного почти исключительно изъ серебро-свинцовыхъ рудъ, было получено 938 пуд. 34 фунт. 19 зол., причемъ по-прежнему наибольшее количество, а именно 662 пуда, добыто въ Алтайскомъ округѣ.

— Среди новыхъ отраслей горнозаводской промышленности, зарождающихся въ последнее время на югѣ Россіи, нельзя не отмѣтить добываніе марганца, возникновеніе котораго относится къ началу 1886 г. Въ мѣстности, гдѣ были открыты марганцовыя руды, въ Екатеринославскомъ уѣздѣ, при впаденіи рѣки Соленой въ рѣку Бузудукъ (притоку Днѣпра), въ мѣстности Покровское, принадлежащемъ Его Императорскому Высочеству Великому Князю Михаилу Николаевичу, съ на-

чала разработки было добыто около 600 тыс. пудов руды, сбываемой на заводы юга России и за-границу.

— Имп. Русс. Общество акклиматизации животных и растений устраивает в 1890 г. в Памайловском звиринце, в Москве, выставку пчеловодства.

Литература и наука.

— Государь Императоръ, 28 февраля, Всемилостивѣе соизволилъ разрѣшить д. т. с. Батюшкову приступить къ изданію историческаго иллюстрированнаго сборника „Подолія и Бессарабія“ по той-же программѣ, какая положена въ основу сборниковъ „Холмская Русь“, „Волынь“ и „Бѣлоруссія в Литва“.

— Государь Императоръ, удостоивъ благосклонно принять поднесенный ст. сов. Николаемъ Барсуковымъ экземпляръ третьей книги сочиненія его „Жизнь и труды М. П. Пого-

дина“, Всемилостивѣе соизволилъ повелѣть благодаритъ автора за такое поднесеніе.

Открытія и изобрѣтенія.

— Недавно былъ произведенъ спускъ воды изъ Звиринецкаго озера, расположеннаго вблизи Киева. Верхній слой дна озера, на глубинѣ около 5 аршинъ, состоятъ изъ лесса (чрезвычайно мелкій песокъ съ глиной); подъ этимъ слоемъ обнаруженъ пластъ хорошаго, довольно стараго торфа, толщиной отъ $\frac{1}{2}$ до 4 аршинъ.

— Въ Екатеринославскомъ уѣздѣ, близъ мѣстечка Никополя, въ имѣніи С. А. Бродницкаго, Пяклопольѣ, недавно найдены превосходнаго качества и очень крупный гранаты, самородки котораго попадаются величиной въ голубинное яйцо.

— Недавно, по почтенію Кавказскаго учебнаго округа былъ присланъ однимъ изъ нашихъ учителей образецъ руды, открытой

въ сел. Курушь, Дагестанской области и оказавшейся ртутною, а именно кшварью, содержащею въ себѣ 74,7% ртуту. Это открытіе слѣдуетъ признать очень важнымъ, такъ какъ ртутныя руды, при томъ съ такимъ богатымъ содержаниемъ металла, встрѣчаются весьма рѣдко. Въ Россіи ртуть добывается только въ Екатеринбургской губерніи.

Изъ губерній и областей.

— 1 марта, въ ночь, украдено въ Сосновцахъ изъ кассы Варшавско-Вѣнской дороги 30,000. Касса найдена въ 7 верстахъ отъ станціи на дорогѣ за-границею. Злоумышленники разыскиваются.

— Во время пребыванія на станціи Бухара туркестанскаго генералъ-губернатора, мѣстная русская колонія подала коллективную просьбу о побужденіи эмира Бухарскаго принять энергическія мѣры къ очисткѣ столицы отъ страшныхъ нечистотъ.

С М Ъ С Ъ .

Станлей, говорить Стэдъ, могъ бы смѣло быть героемъ сказочныхъ преданій. Жизнь его, со дня рожденія и до торжественнаго вступленія съ Эмиль-пашой въ Багамою, полна самыхъ невѣроятныхъ приключеній, случайностей и опасностей. Голодь, болѣзни, лишения, неприятели пули, болотныя лихорадки безсилны противъ этого человѣка, жизнь его какъ будто заколдована.

Станлей не зналъ своего отца: мать была дочерью арендатора небольшой фермы въ Вельсѣ, Джона Роуанда, по которому и былъ названъ мальчикъ. Дѣдъ очень любилъ маленькаго Джона и называлъ его „человѣкомъ будущаго“. Но мать вскорѣ вышла замужъ, дѣдъ умеръ, и мальчикъ былъ отданъ въ пріютъ. Тамъ онъ преуспѣно учился, двѣнадцати лѣтъ окончилъ курсъ и поступилъ въ пастухи. Черезъ два года вотчимъ его, мясникъ по профессіи, отдалъ мальчика въ ученю къ одному изъ своихъ собратій въ Ливерпулѣ. По занятію это, въ связи съ дурнымъ обращеніемъ, не понравилось Джону; онъ бѣжалъ и укрылся на одномъ изъ стоявшихъ въ гавани парусныхъ судовъ. Когда судно вышло въ открытое море, Джонъ явился къ капитану и предложилъ „отработать“ свой переѣздъ въ качествѣ матроса. Такимъ образомъ онъ добрался до Америки, попалъ въ Нью-Орлеанъ и сталъ искать работы. Счастье благоприятствовало ему. На окрѣ лавки старевишка онъ увидѣлъ объявленіе: „Требуется мальчикъ“, и, на вопросъ хозяйки, что онъ умѣетъ дѣлать, Джонъ отвѣтилъ: „Все, что можетъ дѣлать мальчикъ моего возраста и моего сложенія“. Условіе было заключено и хозяйка такъ подлюбила новаго ученика, что впоследствии усыновилъ его и такимъ образомъ Джонъ Роуандъ, по имени пріемнаго отца, получилъ имя Генри Мортлэка Станлея.

Старикъ Станлей умеръ; Генри продалъ лавочку и поступилъ добровольцемъ въ федеративнаго войска. Здѣсь онъ отличился, попалъ въ плѣнь, бѣжалъ, снова появился на время въ Вельсѣ, потомъ снова въ Америкѣ, гдѣ поступилъ въ войска, но уже матросомъ и на сторону Сѣверныхъ Штатовъ. Тутъ онъ опять отличился, добравшись вилавъ, подъ градомъ пули, съ канатомъ въ зубахъ, къ покинутому конфедеративными войсками крейсеру, благодаря чему крейсеръ былъ взятъ. За такой подвигъ храбрости Станлей былъ произведенъ въ подпоручики и въ этомъ званіи началъ свои корреспонденціи въ *New-York-Herald*.

По окончаніи войны, Станлей прибылъ со своимъ судномъ въ Константинополь, откуда сдѣлалъ экскурсію въ Среднюю Азію и здѣсь снова подвергся необычайнымъ приключеніямъ. Въ Смирнѣ его арестовали и продержали довольно долго въ заточеніи. Освободившись отъ нашей, онъ попалъ въ руки разбойниковъ, которые ограбили его и въ концѣ концовъ передали за известное вознагражденіе властямъ, въ качествѣ разбойника. Однако, стараніями *Levant Herald'a* и американскаго консула, Станлей не только былъ освобожденъ, но еще получилъ въ возмещеніе убытковъ значительную сумму отъ турецкаго правительства.

Возвратившись въ Америку, Станлей бросилъ флотъ и, по порученію *New-York-Herald'a*, въ качествѣ корреспондента сопровождалъ генерала Шермана въ его походѣ противъ индійцевъ Сіу, а затѣмъ, когда возгорѣлась война между Англіей и Абиссиніей, находился въ войскѣ лорда Нешира. Здѣсь онъ превзошелъ всѣхъ другихъ репортеровъ. Занявъ телеграфную проволоку, онъ, со свойственною ему находчивостью, во избѣжаніе перерыва въ работѣ, передавалъ, во время отсутствія матеріала, отрывки изъ Библии. Владѣлецъ *New-York-Herald'a*, г. Беннеттъ, былъ такъ доволенъ своимъ корреспондентомъ, что не только щедро вознаграждалъ его, но и командировалъ въ Центральную Африку, на поиски Ливингстона. Съ этихъ поръ дѣятельность Станлея получаетъ громкую известность. Первая корреспонденція его объ „открытіи“ пролѣзавшаго безъ вѣсти путешественника и миссионера были приняты на газетной уткѣ, но вскорѣ получились доказательства ихъ достоверности. Съ тѣхъ поръ Африка сдѣлалась главнымъ полемъ дѣятельности знаменитаго изслѣдователя, соединяющаго въ себѣ плѣтство вальдѣйца, флегму англичанина и изобрѣтательность янки. Лейтенантъ

Браконъ, служившій въ Конго подъ начальствомъ Станлея, даетъ ему слѣдующую характеристику:

„Это человѣкъ быстрыхъ рѣшеній и величайшей нерѣшительности. За десять минутъ до выступленія, онъ не знаетъ, куда пойдеть, и пойдеть ли вообще. Человѣкъ жѣлзвой силы и упрямой воли, онъ быстро обезкураживается и такъ же быстро овладѣваетъ собой. Станлей имѣетъ одинъ недостатокъ: онъ болѣе себялюбивъ, чѣмъ бы слѣдовало, и безпощаденъ относительно своихъ сотрудниковъ-европейцевъ. Никто лучше его не умѣетъ обращаться съ туземцами, но европейцы болѣе уважаютъ, чѣмъ любятъ его. Съ бѣлыми сотоварищами онъ держитъ себя царькомъ, живетъ обособленно и считаетъ справедливымъ жертвовать при случаѣ тѣмъ или другимъ для собственной безопасности. Нерѣдко, послѣ пережитыхъ сообщеній опасностей, онъ садился одинъ, съ трубкой въ зубахъ, въ своей палаткѣ и, зная, что ни у кого изъ насъ, офицеровъ, нѣтъ табаку, онъ никогда не предлагалъ намъ своего. Надо долго прожить со Станлеемъ, чтобы научиться понимать его, но другомъ его нельзя сдѣлаться никогда“.

О такой „обособленности“ говорятъ все знающіе Станлея. По общему отзыву, манера его держать себя довольно привѣтлива, но всегда холодна и несообщительна. (с.)

Разводъ въ Америкѣ. По официально обнародованному въ Вашингтонѣ отчету, въ Соединенныхъ Штатахъ за послѣдніи 20 лѣтъ расторгнуто 328,716 браковъ. Каждый штатъ имѣетъ на этотъ предметъ свои собственные законы. Среди мотивовъ, считающихся достаточными для разведенія супруговъ, встрѣчаются слѣдующіе: Одинъ мужъ называлъ сестру своей жены воровкой. Другой побилъ нуделя своей жены. Третій имѣлъ привычку жевать табакъ. Четвертый насильно обрѣзалъ своей женѣ локочки на лбу. Какой-то мужъ вернулся домой въ полночь и заставилъ жену разговаривать съ нимъ, хотя ей хотѣлось спать. Жена отказалась принести мужу пудовки. Другая провалялась цѣлое утро въ постели. Третья стащила мужа съ кровати за бороду. (с.)

Въ Сербіи, 19 ноября 1889 года, наблюдалось весьма рѣдкое паденіе метеоритовъ въ видѣ каменнаго дождя, на эллиптической площадкѣ въ 8 верстъ длины и 5 верстъ ширины, южнѣ Чачака на Моравѣ. Бѣлградскій профессоръ Зувичъ насчиталъ 26 паденныхъ камней, въ общемъ болѣе 2 пудовъ вѣсомъ; одинъ камень вѣсилъ около полупуда. Замѣчательны были при этомъ звуковыя явленія: въ Чачакѣ, Крагуевцѣ, Ягодинѣ и Чуришъ дрожали дома и донахлестъ стекла въ окнахъ. Содрясненіе ощущалось въ самомъ Бѣлградѣ, за 200 сльшкомъ верстъ.

Эмиль Золя, отличавшійся тучностью, въ послѣднее время замѣтно похудѣлъ. На пользу своихъ собратій по комлекціи онъ обнародовалъ средство, благодаря которому избавился отъ излишней полноты. Средство довольно простое, но довольно неприятное. Не слѣдуетъ абсолютно ничего пить. Съ тѣхъ поръ, какъ худѣющій Рафаэли сообщилъ Золя это средство, романшетъ, не смотря на всѣ просьбы жены, не пилъ ни вина, ни чего другаго. Въ недѣлю онъ потерялъ 10 фунтовъ вѣса, а въ три мѣсяца 45 фунтовъ. Золя, по его словамъ, чувствуетъ себя въ настоящее время вполнѣ хорошо. (с.)

Своеобразная брань. По словамъ извѣстнаго путешественника Шпекке, среди бедуиновъ Верхняго Египта употребляется проклятіе, задѣвающее за живое вышнорированную вѣжливость европейца. Когда бедунъ сильно разсердится на другаго, онъ высказываетъ ему слѣдующее пожеланіе: „Пусть душа твоя знаетъ такъ же мало покоя, какъ шляпа на головѣ франка“. (с.)

Громадная статуя. Одинъ японскій математикъ сообщаетъ, что вѣсь знаменитой бронзовой статуи Дамбуту въ Нарѣ (Японія) по новейшимъ вычисленіямъ достигнетъ 8,166,739,630 фунтовъ. Статуя изображаетъ Будду въ сидячей позѣ.

Въ Массачусеттѣ (Сѣверо-Американскіе Штаты) составилась компанія для проложенія въ Палестинѣ жѣлзной дороги, которая должна соединить между собою главнѣйшіе города Св. Земли и продолжится черезъ Газу до Дамаска.

Алмазный и бриллиантовый промысел получился за последнее время широкое распространение в Антверпене. Пятьдесят лет тому назад он не существовал вовсе, но, с открытием капских рудников, в 1863 году, начал быстро развиваться. Уже в 1871 году насчитывалось в Антверпене до ста гранильщиков алмазов. В период времени от 1873 до 1876 года, бриллиантовый промысел достиг необычайного расцвета. Шлифовальщики без труда зарабатывали до 3,000 франков в неделю. В виду легкого заработка число их быстро возрастало, но хороший резчик тем не менее выручал до 2,000 франков в неделю. В 1880 году число шлифовальщиков в Антверпене превышало 2,000 и в то же время заработная плата понизилась на 60 процентов. Но это было только начало кризиса, который усиливался со дня на день и был вызван главным образом тем обстоятельством, что владельцы алмазных копей, с целью поднятия цены на камни, сократили высылку их в Европу. Нешлифованные камни, попадающие иногда на рынок, продаются теперь по непомерно высоким ценам. В Антверпене существуют гранильни, которые могут служить образцом совершенства. Но большинство таких заведений прекратило деятельность, так как работы хватает только на десятую часть всех наличных мастеров. Правда, некоторые алмазники зарабатывают до сих пор до 2,000 франков в неделю; но не надо забывать, что хороший специалист в этом деле — своего рода художник. Он сортирует алмазы и режет их таким образом, чтобы сохранить лучшую часть камня. Эта процедура требует необычайной точности, а следовательно ловкости, опытности и вѣрного глаза. Каждый нешлифованный камень представляется рядом с частями безукоризненной воды и красоты, тусклым мѣстом, пятна и другие недостатки. Такой камень может выиграть сто и более процентов в руках искусного гранильщика, который сумеет обработать его самым выгодным образом. Шлифовальщики, за немногими исключениями, люди неподкупной честности. В Антверпене они составляют кружок, в который принимаются только вполне безупречные личности. Они имѣют собственный ежемѣсячный орган „Брильянт“, для защиты их общих интересов, и намѣрены учредить особый синдикат. Гранильщики брильянтов гордятся своим ремеслом. Они не забыли, что в XVI вѣкѣ члены его корпорации имѣли право носить шагу наравнѣ с живонисами. Торговцы брильянтами в Антверпене имѣют также свой клуб, в котором бывають ежедневны биржевыя собрания. Слѣдует замѣтить, что шлифованные в Антверпене камни, в особенности крупные, имѣют и за границей большую ценность, вследствие совершенства их обработки. Даже Амстердам, в котором чувствуется тот-же кризис, не может конкурировать с Антверпеном по художественности работы. В Германіи брильянты, сравнительно малой ценности, шлифуются в Гану. Во Франціи, какъ оно ни странно, до послѣдняго времени вовсе не было алмазнаго промысла. Даже теперь в Парижѣ насчитывается лишь отъ 300 до 400 гранильщиков, т. е. в пять разъ меньше чѣмъ в Антверпене. Весьма возможно, что в виду наступившаго кризиса многие хорошіе мастера требуются в Париж, но надо надѣяться, что кризис прервется и что город Антверпен не лишится этой отрасли промышленности, которую онъ всегда гордился и которая имѣетъ за собой такое славное прошлое. (с)

Приводимъ статистическую таблицу потребления соли, составленную англійскимъ химикомъ Симмондомъ. Цифры обозначаютъ, конечно, не только то количество соли, которое употребляетъ человѣкомъ въ пищу, но и значительныя массы поваренной соли, идущія на различныя производства, какъ напр., на приготовленіе соды, глауберовой соли, хлора, стекла, мыла, а также для сохраненія жизненныхъ припасовъ и улучшенія пищи скота. На каждую душу населенія потребляютъ:

Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты	22,000 килогр. соли.
Англія	18,136 „ „
Франція	13,602 „ „
Италія	9,068 „ „
Россія	8,161 „ „
Бельгія	7, 48 „ „
Австрія	7,254 „ „
Пруссія	6,347 „ „
Бенгалія	5,897 „ „
Бомбей	4, 64 „ „
Швейцарія	3,853 „ „

Найти точное объясненіе этихъ цифръ не легко; одно только можно сказать съ иѣкоторой достоверностью, а именно, что резкая неравномерность въ распредѣленіи потребляемаго количества соли зависитъ не отъ различія въ пищѣ, а отъ степени развитія тѣхъ химическихъ производствъ, которыя требуютъ употребленія соли. (с.)

Во что обходится выстрѣлъ изъ тяжелаго морскаго орудія? Англійскій военный журналъ *United Service Gazette* отвѣчаетъ на этотъ вопросъ, по крайней мѣрѣ для Англіи, такимъ образомъ: „Въ публикѣ неизвѣстно, можетъ-быть, что каждый выстрѣлъ изъ большаго морскаго орудія составляетъ уже скромный годовою доходъ. Ядро, порохъ и патронъ 110-ти-тоннаго орудія обходятся 153 фунта стерл. (ок. 1,500 рублей), въ томъ числѣ 900 фунтовъ пороха. Между тѣмъ, такое орудіе выдерживаетъ только 95 выстрѣловъ, послѣ чего становится совершенно негоднымъ къ употребленію. Такъ какъ стоимость орудія достигаетъ 16,500 фунт.

ст. (165,000 рублей), то на каждый выстрѣлъ надо отсчитать 174 ф. ст., что составитъ на каждый выстрѣлъ въ общей сложности 327 ф. ст. (3270 руб.). Если сдѣлать такой же расчетъ для 67-ми-тоннаго орудія, стоимость котораго равняется 10,000 ф. ст. и которое перестаетъ быть годнымъ послѣ 127 выстрѣловъ, то выстрѣлъ обойдется въ 184 ф. ст., между тѣмъ какъ выстрѣлъ изъ 45-ти-тоннаго орудія, стоющаго 6,300 ф. ст. и котораго хватаетъ на 150 выстрѣловъ, обходится въ 98 ф. ст. (с.)

Вчетверо выше Монблана. О громадномъ объемѣ вышедшаго въ настоящее время цѣликомъ четвертаго изданія энциклопедическаго словаря Мейера сообщаютъ слѣдующія интересныя данныя: для печатанія 1,036 листовъ съ 113,880,000 буквъ потребовалось изготовить 16,576 стереотипныхъ досокъ и, вмѣстѣ съ приложеними, пошло 817,000 стоиъ бумаги, всѣмъ не менѣе 7½ миллионѣ фунтовъ. Если бы собранные до сихъ поръ 140,000 экземпляровъ (первыя томы печатались дополнительно) или, выражаясь иначе 2,240,000 томовъ, разложить на листы, то можно было бы покрыть ими плоскость въ 53,144,000 квадр. метровъ или около одной квадратной мили. Если представить себѣ всю массу бумаги сложенною листъ къ листу, то получилась бы бумажная полоса въ 106,277 километровъ длиною, которая могла бы охватить экваторъ 2⅓ раза. Въ развернутыхъ и положенныхъ одинъ на другой листахъ получилась бы башня въ 20,932 метра вышиною, т. е. болѣе чѣмъ вчетверо выше высочайшей горы въ Европѣ — Монблана. Прибыль книготорговцевъ на новомъ изданіи достигаетъ уже 12½ миллионѣ марокъ. (с.)

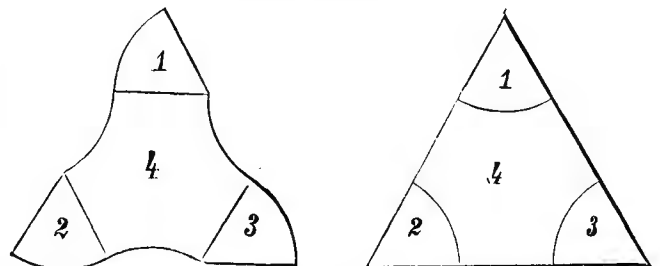
Англичане Питкинъ и Ниблетшъ изобрѣли аппаратъ, который обнаруживаетъ присутствіе свѣтллагаго газа въ комнатномъ воздухѣ. Аппаратъ состоитъ изъ двухъ, прикрѣпленныхъ къ одной доскѣ, термометровъ, одинъ изъ коихъ тотчасъ поднимается, какъ только къ окружающему воздуху примѣшивается газъ. Устройство аппарата намъ въ точности не извѣстно, но надо полагать, что ртутный шарикъ заключенъ въ особую оболочку, по всей вѣроятности изъ платиновой губки, которая способна нагреваться при поглощеніи свѣтллагаго газа. (с.)

Вѣт машины земнаго шара, по сообщенію журнала *Космосъ*, представляють работу въ 45 миллионѣ лошадиныхъ силъ. Эта работа равна производительности миллиарда людей, т. е. почти всего населенія земли. Распредѣленіе рабочей силы по главнѣйшимъ странамъ земнаго шара слѣдующее: на Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты приходится 7,5 миллионѣ, на Англію — 7, на Германію — 4,5, на Францію — 3 и на Австрію — 1,5 миллионъ лошадиныхъ силъ. (с.)

Рѣбусъ. Задача № 18.

Рѣшеніе геометрической задачи № 11 (помѣщенной въ № 6).

Вѣрныя рѣшенія этой задачи прислали отъ Гг.: С. П. — В. П. Пасецкаго, П. А. Кондратьева, В. Кондратьева, П. Бернсакаго, Ф. Михель, Москва — А. Осепенинъ, А. А. Богданова, Грязи — Д. П. Радецаго, Злынка — Х. Е. Макарова, Замарово — А. И. Аглова, Нов. овъ — П. И. Митарева, Казула — С. И. Соболева, Лѣбеднь — В. И. Чурилина, Мценскъ — В. Р. Максимова, Троицкоз — С. Ф. Бастарь, Щучинъ — Д. П. Жигановскаго, Ярославль — П. Мосалова.

Рѣшеніе задачи буквѣ (Ходъ короля) № 10.

(помѣщенной въ № 6).

16	18	21	20	23	26	29	28	31
н	к	с	е	а	ь	о	м	о
17	15	19	22	25	24	27	30	32
с	а	о	ч	т	с	е	л	т
	12	14				35	33	
	м	щ				ь	о	
	13	11				34	36	
	ѣ	п				в	о	
	8	10				46	37	
	с	і				п	ч	
	9	7				38	45	
	к	в				с	с	
	6	2				39	44	
	о	о				р	р	
5	4	3	1		49	41	42	43
л	л	м	п		к	н	б	у

1) Ворчестер, 2) Чело, 3) Бѣсы, 4) Индій, 5) Момъ, 6) Суп, 7) Моська, 8) Кок и 9) Столовая.

Помяловскій. Мѣщанское счастье. Молотовъ. Очерки Бурсы.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: СПБ. — А. А. Писарева, Ф. Михель, Н. В. Панкова, Б. Коровино — В. К. Трескаго, Лебедяна — В. И. Чурилина.

Поправка. Въ № 9 Нивы, на стр. 256, въ подписи под портретомъ Г. П. Сидоренко, вкралась опечатка: вмѣсто „1890 г.“ слѣдуетъ „1889“.

ЗАЯВЛЕНИЕ.

Контора журнала „НИВА“ проситъ Гг. подписчиковъ, НЕ ВНЕСШИХЪ ПОЛНУЮ ГОДОВУЮ ПОДПИСНУЮ ПЛАТУ за „НИВУ“ 1890 г., озаботиться своевременными взносами слѣдуемыхъ съ нихъ денегъ. Гг. иногородные подписчики, при высылкѣ денегъ, благоволятъ прилагать печатные адреса отъ бандеролей.

СОДЕРЖАНИЕ: Попъ Симеонъ. Разсказъ изъ жизни на дальнемъ Востоку. А. Я. Максимова. — Исусъ. Повѣствованіе изъ библейскихъ временъ Георга Эберса (съ рис.). (Продолженіе). — Къ рисункамъ: Мандолината (съ рис.). — На службу Государеву (съ рис.). — Уронъ (съ рис.). — Выздоровляющая (съ рис.). — Прерванная шахматная партія (съ рис.). — Приключеніе герцога Орлеанскаго на охотѣ за тиграми въ Индіи (съ рис.). — Величайше богачи въ мірѣ (съ 9 портр.). — Мостъ черезъ Фортскій заливъ въ Шотландіи (съ рис.). — Политическое обозрѣніе. — Газеты извѣстія. — Сѣбѣ. — Задачи и рѣшенія задачъ. — Поправка. — Заявленіе. — Объявленія.

Издатель А. Ф. Марксъ.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

ПОДАРОКЪ НА ПАСХУ!

Новое, большое, роскошно иллюстрированное изданіе in folio

ГЁТЕ „ФАУСТЪ“

объ части, переводъ А. ФЕТА, съ 25-ю эстампами гравированными на мѣди и 132-мя гравюрами на деревѣ по рисункамъ

Энгельберта Зейбертца,

исполненными знаменитыми граверами: Адрианомъ Шлейхомъ, Альгейеромъ, Зигле и друг.

Изданіе А. Ф. МАРКСА въ СПБ.

Появленіе въ свѣтъ настоящаго изданія было встрѣчено русскою выдающеюся прессою весьма лестными отзывами: такъ, между прочимъ, *Русскія Видомости* (№ 346), говорятъ о книгѣ слѣдующее: „Предпріятіе г. Маркса вполнененное теперь, является большою заслугою передъ цѣнителями изящныхъ изданій. Ничего подобнаго по роскоши, красотѣ и изяществу — мы не знаемъ въ нашей литературѣ. Мы не ошибемъ, сказавъ, что такого изданія безсмертной поэмы Гёте мы еще не видѣли... Разбираемое нами изданіе украшено массою эстамповъ Э. Зейбертца, иллюстрирующихъ главныя сцены. Знаменитый художникъ выполнилъ свою задачу блестяще, какъ въ этихъ работахъ, такъ и во множествѣ подлѣшней, находящихся въ текствѣ „Фауста“. Онъ не только вѣрно воспроизвелъ идеи великаго поэта, — онъ воплотилъ ихъ въ действительность тѣхъ отдѣльныхъ вѣковъ... А. Ф. Марксъ напечаталъ все это съ роскошью, которую намъ не изобладали русскіе издатели. Отдѣльныя картины (а ихъ всѣхъ много) — хоть вынай на стѣну, бумага великолѣпна, переплетъ книги тоже выдержанъ въ строгомъ вкусѣ того времени, — ни банальной позолоты, ничего, что рѣзало-бы глаза... Мы искренно поздравляемъ г. Маркса съ этимъ изданіемъ...“

Цѣна въ роскошномъ конаномъ (шагреневомъ) переплетѣ, съ золотымъ обрѣзомъ и въ футлярѣ 40 р., перес. за 35 фунтовъ по разстоянію.

Съ требованіями просятъ обращаться въ Главную Контору журнала „Нива“, Невскій просп., № 6, въ С.-Петербургѣ.

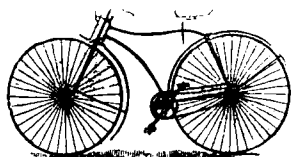
ГЕНРИХЪ КЛЕЙЕРЪ

Франкфуртъ н/М. Р. № 4330

ФАБРИКАНТЪ ВЕЛОСИПЕДОВЪ

„ОРЕЛЬ“. 12-7

Велкаго рода двухъ- и трехъ- колесные велосипеды для взрослыхъ и дѣтей. Составныя части и принадлежности. Ищутъ агентовъ. Иллюстрированный каталогъ за 10 пфен. марками.

РЕКОМЕНДУЮ ВОЛЬНОЙ ВЫБОРЪ ЧАСОВЪ

своей собственной фабрики

съ полнымъ ручательствомъ за прочность механизма и вѣрность хода. В. № 4424 3-1

ПАВЕЛЪ ВУРЪ,

поставщикъ Двора Его Величества.

С.-Петербургъ, на Невскомъ просп., д. 23.

Москва, на углу Кузнецкаго Моста и Рождественки, д. № 6, Захарьина, бывш. Торлецкаго.

Иллюстрир. прейсъ-курантъ высыл. по требован. бесплатно.

КОСМЕТИЧЕСКІЯ СРЕДСТВА,

разрѣшены на общихъ основаніяхъ торговли, какъ не содержація въ составѣ своемъ вредныхъ здоровью веществъ. Косметикъ Одаляскъ. Цѣна 2 р., пер. 50 к. Мамонтовое благовонное мыло, обильно пѣнящееся. Цѣна 60 коп., пересылка не мене 1/2 дюж. Ориентальская влажная пудра. Цѣна 2 р., пересылка 50 коп. Топонинъ — помада для волосъ. Цѣна 1 р. 50 к., перес. 50 коп. № 4330

Бальзамъ Колорадо, растительный продуктъ для волосъ. Цѣна 4 рубля, перес. 1 руб.

Предметы эти находятся въ продажѣ въ С.-Петербургѣ, въ магаз. Рузанова и СПБ. Химической Лабораторіи. Вунса — въ Москвѣ, на Кузнецкомъ, въ Харьковѣ, Русск. Общ., въ Вильнѣ у Грушевскаго. Для иногороди. въ магаз. Добжанскаго, въ Варшавѣ

Въ магазинѣ духовныхъ книгъ И. Л. Тузова въ СПБ., Гостинный дворъ, № 45, поступило въ продажу **ОСТРОМИРОВО ЕВАНГЕЛІЕ** 1056—1057 (2-е) фотограф. изданіе. Въ листъ. СПБ. 1889 г., ц. 10 р., вѣс. 9 ф. Тоже въ роскошномъ коленкор. переплетѣ, ц. 15 р., вѣс. 12 ф. На почт. перес. прил. согласно показан. вѣса по таксѣ.

МАРЬ-ДѢВИЦА. Вс. Соловьева. Ром.-хрон. XVII вѣка, въ 3-хъ ч. II. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.; въ колѣн. перепл. 2 руб. 25 к., съ перес. 2 руб. 75 коп.

Ф. Э. ДРЕХСЛЕРЪ. Варшава, Лешно, 14. Бицикли отъ 100 р. Ревверы отъ 135 р. № 4386 10-3

ЭЛЕОПАТЪ ПРОВ. КИНУНЕНЪ

для волосъ, средство противъ перхоти на головѣ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптекъ и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп., но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Просятъ непременно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждаго флакона, — пров. Кинуненъ. (9) № 4287

CIGARETTES ESPIC contre ASTHME & CATARRHE

AUTHORISÉES PAR LE GOUVERNEMENT RUSSE

Le pôt général: STOLL & SCHMIDT, à Saint-Peter bourg

Vente en gros: J ESPIC, 20, rue Saint-Lazare, Paris.

Exiger la Signature sur chaque Cigarette.

Во всѣхъ складахъ духовъ и у всѣхъ парикмахеровъ во Франціи и заграничей.

VELOUTINE

Спеціальная рисово-висмутовая пудра.

CHA LES FAY, Parfumeur, 9, rue de la Paix Paris.

PAPIER FAYARD ET BLAYN

употребляется въ леченіи ревматизма, раздраженія дыхательныхъ органовъ, насморка, раздраженія груди, вывиховъ, ранъ, ожоговъ, ознобленій, мозолей и всѣхъ накожныхъ затвердѣній. Продажа во всѣхъ аптекахъ (требовать собственноручную подпись).

ЭЛИКСИРЪ, ПОРОШОКЪ И ПОМАДА ДЛЯ ЗУБОВЪ

ОТЦЕВЪ БЕНЕДИКТИНЦЕВЪ

Аббатства СУЛЯКЪ (Жировда) Франція.

Находятся во всѣхъ аптекахъ, монастырскихъ лавкахъ и косметическихъ магазинахъ.

ДВУНОГІЙ ВОЛКЪ.

Н. Н. Яразина. Изданіе 2-е. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к. Обращаться въ Контору журнала „Нива“, а также и ко всѣмъ известнымъ книгопродавцамъ.

ВЕНГЕРСКАЯ ПОМАДА
 ДЛЯ ХОДИ И МЯГКОСТИ
 ♦ УСОВЬ ♦
 Главный складъ въ парфюмерн. магазинѣ
 52. ПАССАЖЬ, 52.
 ♦ При высылкѣ 1 р. с. или наложен-
 нымъ платежемъ высылается одна банка
 помады во все города Россіи. № 4410

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ
В. АЛЬТШВАГЕРА
 С.-Петербургъ, Невскій просп., № 42,
 имѣетъ постоянно богатый выборъ всевозможныхъ карманныхъ, столовыхъ, стѣнныхъ и дорожныхъ часовъ, регуляторовъ и будильниковъ. Ручательство на два года. Цѣночки различныхъ модныхъ фасоновъ и металловъ.—На высылку иллюстрированнаго прейсъ-куранта просить прилагать кофейную марку. 5—2

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ
 на Всемирной Выставкѣ въ Парижѣ
 1889 года.
О-ДЕ-КОЛОНЪ
 ЦВѢТОЧНЫЙ
 БРОКАРЪ и К^о
 № 4373 Изобрѣтённый
 8—4
 Складъ фабрики: Офицерская, 5.

ЭЛЕКТРИЧЕСКІЕ ЗВОНКИ.
 Полное устройство, состоящее изъ одного отлочно дѣйств. звонка, 2 элементовъ Лекланше съ щиткомъ, 30 саж. изолированной проволоки и 1-й кнопки все только лишь за 8 р.
 Приборъ для электрическаго освѣщенія, микрофоны и телефоны отъ 16 руб. за каждую станцію.
 Кроме того, всѣ отдѣльныя части и принадлежности продаются по самымъ дешевымъ цѣнамъ въ складѣ
И. И. ФРЕЛАНДЪ,
 Екатерининскій кавалъ, уг. Невскаго пр. д. Учетнаго Банка, № 30—16, въ С.П.
 Иллюстрированный прейсъ-курантъ высылается. В. № 4428

CRÈME-SIMON
 (КРЕМЪ-СИМОНЪ)
 прелестнаго запаха, не портится и служитъ для смягченія кожи.
 Пудра SIMON и Мыло
 à la CRÈME SIMON дополняютъ его дѣйствіемъ и имѣютъ тотъ же запахъ.
J. Simon, 36, Rue de Provence 36, Парижъ
 Въ розницу у парикмахеровъ, парфюмерн. и аптекарей. А. № 4315 15—8

AU BON MARSCHE
 С.-ПЕТЕРБУРГЪ,
 Гостиный Дворъ, № 133 и 134.
ПОСЛѢДНІЯ НОВОСТИ
 ПАРИЖА и ЛОНДОНА для
ВЕСЕННЯГО и ЛѢТНЯГО СЕЗОНОВЪ
ШЕЛКОВЫЯ, ШЕРСТЯНЫЯ и
БУМАЖНЫЯ ТКАНИ
 новѣйшихъ жанровъ въ огромномъ количествѣ, гладкія, carreaux, gaue и т. д. **ФУЛЯРЪ** набивн. Biaritz raye, Beige foulé, Jacquarts, Zephyr de Koanné, Toile de Vichy, Flanelle de Santé, Organdis, Кроазе меланжъ, Сатинъ гладкій и фантази. № 4425
Драпъ Амазонъ новѣйшихъ цвѣтовъ.
КОСТЮМЫ HAUTES NOUVEAUTES.

1863 1879 1883
Придворные поставщики
А. РАЛЛЕ и КО
 Въ Москвѣ
 Оптовая Торговля
 Никольская, Богооявленскій переулокъ д. Чижовыхъ
ВЪ С. ПЕТЕРБУРГѢ
 Главныя корпусы
 Маринскаго рынка
 по Чернышеву переулку,
 близъ Садовой

ЗУБОЧИСТНЫЯ СРЕДСТВА ПЕЛЛЕТЬЕ,
 Ц. № 4300 члена медицинскои академіи въ Парижѣ. 6—5
ОДОНТИНЪ ПЕЛЛЕТЬЕ бѣлитъ зубы, не портя ихъ эмали.
ЭЛИКСИРЪ ПЕЛЛЕТЬЕ укрѣпляетъ десны, освѣжаетъ ротъ.
 Каждая коробка запечатана прилагаемою печатью, четырьмя цѣтатами.
 Каждый флаконъ запечатанъ прилагаемою печатью, четырьмя цѣтатами.
Приготавливается у Л. ФРЕРА,
 19, Rue Jacob, Paris.
 У всѣхъ аптекарей и продавцевъ благовонныхъ товаровъ.

ДЕШЕВЫЕ ПОДАРКИ КЪ СВ. ПАСХѢ!
Складъ ОСКАРЪ ЛЕССЕРЪ.
 С.-Петербургъ, Садовая, 12—18.

Только-что получены изъ Парижа, Лондона и Венеціи слѣдующія новости:
Бриллиантинъ—новѣйшій дамскій уборъ (серебро 84 пробы), а именно: Брошки 2 р., 3 р., 4 р., 5 р. и 6 р. Браслеты соответствующіе 3 р., 4 р., 5 р., 6 р., 7 р., 8 р., 9 р. и 10 р. Брошки съ прекрасно бирюзю 7 р. и 8 р. Также въ видѣ бабочекъ съ подвижными крыльями и иглонами, а равно съ бирюзю или венеціанскою эмалью 7 р. Цѣпочки новомодныя (Chatelaine) для мужскихъ и дамскихъ часовъ (серебро 84 пробы) 5 р., 6 р., 7 р., 8 р., 9 р., 10 р., 11 р. и 12 р. Оригинально: настоящія венеціанскія мозаиковыя брошки 4 р. 50 к. «Грація»—дамскій кушакъ изъ позолоченой проволоки, растяжимый, протканый шелкомъ всѣхъ цвѣтовъ 3 р. 50 к. Громадный выборъ фотографическихъ альбомовъ отъ 50 к. до 25 руб.
 Заказы высылаются немедленно. При заказѣ на 15 руб. скидка 6%, на 30 руб. скидка 10%. Все не нравящееся покупателю перемѣняется немедленно. № 4413 2—2

Leichner's Fettmilde
ЖИРНАЯ ПУДРА ЛЕЙХНЕРА
 для вечера а также и дня! Незамѣтна на кожѣ! Косметическое средство для красоты кожѣ! Цѣна коробки 1 рубль! № 4293 12—4
 Театральныя гримировки!
 Румяна, бѣлала и карандаши для бровей!
 Имѣются во всѣхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи.
 Л. ЛЕЙХНЕРЪ, Берлинъ, поставщикъ Бельгійскихъ театровъ и двора.
 Главное депо для Россіи у В. Аурика, Колодольная, № 18. С.-Петербургъ.

Только что вышло изъ печати
МОЛОДОЙ ФЛЕЙТИСТЪ,
 Альбомъ 25 любимыхъ пьесъ для одной флейты, состав. Нигофъ, к. 1 р. 20 к.
НОВОСТИ для корнета и фортепiano „Пріятныя воспоминанія“ Деобр. любимыхъ пьесъ, сост. Ф. Добри. № 4428
 № 1. „Пекатели жемчужовъ“ мал. по-лури 40 к.
 „2. „Забудь родная“ романсъ 30 „
 „3. „Когда мы встрѣтимся съ тобою“ цыг. романсъ 30 „
 „4. Babet ee Cadet изъ оперы М. Ни-тушъ 40 „
 „5. „Сгубили меня твои очи“ цыг. ро-мансъ 30 „
 „6. Отвержи изъ оперы „Карменъ“ 70 „
 „7. „Приди, моя голубка“, цыганск. вальсъ 40 „
 „8. „Въ темной аллеѣ“ цыг. дуэтъ (для одного или двухъ корнетовъ) 30 „
 „9. Изъ балета „Фамета“ 40 „
 „10. „Очи черныя“ романсъ 30 „
 Всѣ десять пьесъ въ одной тетради для одного корнета 85 к., продаются у издателя
НИКОЛАЙ ХРИСТІАНОВИЧЪ
ДАВИНГОФЪ.
 Кроме того рекомендуетъ въ большомъ выборѣ и по самымъ дешевымъ цѣнамъ всѣ ноты, гдѣ бы не были изданы или опубликованы. С.-Петербургъ, Большая Морская, № 30 (уголъ Гороховой), заказы изъ провинціи исполняются съ первою отход. почтою.

РОЗЫ!
РОЗЫ!
РОЗЫ!
 Вывозъ во все страны свѣта
 Новѣйшія, роскошнѣйшія и самыя дешевыя розы, какіе: пирамидальныя, чайныя, махровыя, дамскія, шестрѣя, вьющіяся и пр. пр. рекомендуетъ придворный поставщикъ
WILHELM
KOELLE & Co.
 въ Аугсбургѣ (Augsburg Bayern).
 25 густыхъ первокассныхъ сортовъ за 10 марокъ, 15 гигантскихъ сортовъ розъ за 10 марокъ, густыя пирамидальныя розы до 1 метра вышиною за штуку отъ 2—3 марокъ. Каталогъ содержашій до 2700 №№ высл. безплатно R. № 4420

ЛУЧШІЙ ПОДАРОКЪ КЪ ПРАЗДНИКУ!
 ТОЛЬКО 10 РУБ.
 Настоящій фотографическій аппаратъ, съ треножникомъ, не игрушка, коимъ каждый можетъ снимать съ натуры портреты, виды и пр., въ визитн. и кабинетн. велич., съ пробн. снимк. и руководства. Перес. за 15 фунт. Адресъ: С.-Петербургъ. Складъ новыхъ изобрѣтѣній, 4. Невскій просп., 4, рядомъ съ Главн. Штабомъ. Новый иллюстр. каталогъ всѣхъ изобрѣтѣній за 7 к. марку.

ЛУЧШІЙ ПОДАРОКЪ КЪ ПРАЗДНИКУ!
 ТОЛЬКО 10 РУБ.
 Настоящій фотографическій аппаратъ, съ треножникомъ, не игрушка, коимъ каждый можетъ снимать съ натуры портреты, виды и пр., въ визитн. и кабинетн. велич., съ пробн. снимк. и руководства. Перес. за 15 фунт. Адресъ: С.-Петербургъ. Складъ новыхъ изобрѣтѣній, 4. Невскій просп., 4, рядомъ съ Главн. Штабомъ. Новый иллюстр. каталогъ всѣхъ изобрѣтѣній за 7 к. марку.

КОФЕ ЛЮБИТЕЛЕЙ, КАКАО И ШОКОЛАДЪ.
 Золотая медаль
 на выставкѣ въ Парижѣ 1889 года.
С. СИУ и К^о. Р. № 4423
 Какао самый лучшій, самый питательный, самый дешевый, общедоступный постный напитокъ, 80 к., 1 р. и 1 р. 40 к. фунтъ.
 Пробная коробка 4 чашки 10 коп.
 Депо 16, Невскій просп., 16.
МАГАЗИНЪ А. СИУ и К^о.

Поставщики велосипедов Русской Армии.

Торговый Домъ Ж. БЛОКЪ,
 Москва, С.-Петербургъ,
 Кузнецкій Мостъ, Б. Морская № 21.

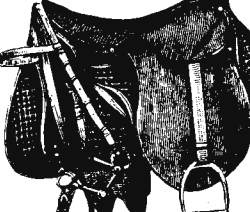
имѣетъ
 единственный Складъ для всей
 Россіи Велосипедовъ: Свифтъ,
 Випнегъ, Русскій Клубъ, Мол-
 ния (New Rapid), Имперіаль и пр.

Цѣны отъ 100 до 500 руб.

НОВОСТЬ
 Аптекодупный Свѣтъ №2
 = 150 руб. =

Прейсъ-Курантъ высылаются бесплатно.
 Поставщики велосипедовъ Русской Армии.

25 и 30 р. Аппетитное сырое съ уксусомъ
 и ароматами, подл. приправы, Пересыла-
 въ Европ. Россіи 3 р. Москва и Сибирь
 въ Европ. Россіи 3 р. Москва и Сибирь

25 и 30 р. Точка зрения 18 и 20 р. Обсѣ-
 въ М. и М. МАЛЫШЕВЪХЪ, Саратовъ.

РАСПАКОВАННЫЙ
 ПЛАСТЫРЬ
 ПРОВИЗОРА
 Э. И. ШЕПФЪ
 для
 УНИЧТОЖЕНІЯ
 МОЗОЛЕЙ
 БОРОДАВОКЪ
 Цѣна 35 коп.

Можно получать во всѣхъ лучшихъ
 АПТЕКАХЪ, АПТЕКАРКИХЪ МАГАЗИНАХЪ,
 МАГАЗИНАХЪ ОБУВИ и РЕЗИНОВ. ИЗДЕЛІЙ.

Выписывающимъ не менѣе 3-хъ пе-
 нальчиновъ, пересылка бесплатно,
 торговцамъ значительная уступка.

Главный складъ у изобрѣтателя, прови-
 зора Э. И. Шепфъ, въ Москвѣ, Патриарше
 пруды, д. Бриткина. Ц. № 4182 10-8

Только подлинно съ этой фабрич. маркой.

Huste-Nicht
 "НЕ КАШЛЯЙ".
 Медо-Травяной-Мальць-Экстрактъ и
 Конфекты.)

Л. Г. ПИТШЪ и Ко.
 въ Бреславлѣ.

Употребляется противъ кашля, мокроты
 хриплости, страданій горла и груди.

СПОСОБЪ УПОТРЕБЛЕНІЯ:
 Д-ръ Михаѣлисъ мед. праст. назначилъ
 для дѣтей 3-4 раза въ день по 1 чайной
 ложкѣ, а взрослые берутъ ежедневно 4-6
 чайныхъ ложекъ экстракта.

Конфекты предупреждаютъ кашель, ох-
 ронность и простуду горла.

Химическимъ анализомъ и медицинскими
 опытами подтверждено, что во всякомъ
 случаѣ въ составъ этихъ препаратовъ не
 входятъ никакія вредныя для здоровья ве-
 щества и ввозъ и продажа въ Россіи раз-
 рѣшены Медицинскимъ Департаментомъ.

*) Цѣна: бутылка 1 р. 25 к. и 2 р. 40 к.
 конфекты по 30 и 50 к.

Упаковка и пересылка считаются особо.

Главный складъ для Россіи у В. Ауриха
 въ С.-Петербургѣ, Колокольная, 18-19.

Продажа во всѣхъ аптекарскихъ магаз.
 и аптекахъ Россіи. А. № 4045 12-16

ВТОРАЯ ЖЕНА. Ром. Маршанта. Пер. съ
 нѣм. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 1 р. 75 к.

РЕЗИНОВЫЯ БУФЕРНЫЯ РЕССОРЫ
 системы А. П. ЭНГЕЛЬГАРДТА
 привилегія № 5120 и 3104.

Заказы на всякаго рода экипажи при-
 нимаютъ:
 въ С.-Петербургѣ:
 А. А. Вайновъ, Литейный просп.,
 домъ № 15.
 Ф. Ретике, за Московскою заставою,
 по Колмовской ул., д. № 5.
 въ Варшавѣ:
 Шидловская экипажная фабрика,
 Иерусалимская ул., д. № 41-76.
 въ Яровѣнѣ:
 Яровевская экипажная фабрика П.
 К. фонъ - Гюбенетъ, Могилевской
 губернии, Климовческаго уѣзда, ст.
 Хотимскъ.
 въ Екатеринбургѣ:
 Владиславъ Францевичъ Кузьмичъ.
 Резиновые буфера и также чертежи и
 инструкции для примѣненія оныхъ къ
 экипажамъ можно получать въ мага-
 зинахъ резиновыхъ товаровъ и въ кон-
 торахъ Товарищества Россійско-Американской Резиновой Мануфактуры въ С.-Петербургѣ и Москвѣ. № 4357 3-2

ДЛЯ УХОДА ЗА КОЖЕЮ
EAU DE LYS DE LOHSE.

Въ виду часто встрѣчаемыхъ въ продажѣ поддѣлокъ, събудетъ при покупкѣ
 требовать № 4053 9-6

Eau de Lys de LOHSE.
МЫЛО ЛОЗЕ „LILIENMILCH“
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ
 Придворный Парфюмеръ
 46. Jägerstrasse, Berlin.
 Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ урюжниковъ Россіи.

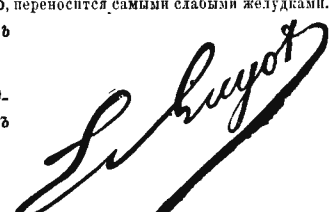
ПРОТИВЪ НАСМОРКА — БРОНХИТА — ХАХОТКИ АСТМЫ
КАПСЮЛИ ГЮЙО
 Приемъ ЗА КАЖДОЙ ѢДОЙ двѣ капсули.
CAPSULES GUYOT.

Прежде капсули эти были черныя и неприятны для приема; теперь же онѣ бѣлыя
 и похожи на конфетку.
 На каждой капсулѣ выдвлена подпись Гюйо.
 Деготь, содержащій въ напсюляхъ Гюйо, переносится самими слабыми желудками.
 Ц. № 4301 6-5

Примѣчаніе. Дѣти и
 особы, которыя не мо-
 гутъ проглатывать эти
 капсули, будутъ пользо-
 ваться

ПАСТОЙ РЕНЬО
 PATE REGNAULD
 приготовляемой
 19, rue Jacob.

Требовать
 на этикет-
 тахъ слѣ-
 дующую под-
 писъ трехъ
 цвѣтновъ:
 Во всѣхъ
 аптекахъ.
 Оптовая фабрикація: 19, rue Jacob, Paris.

ЛЮБИМЫЙ и ГИЗНИМЪ
 имѣютъ честь сообщить, что они доставля-
 ютъ черную краску, которую печатается
 иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405

БѢЛЫЕ
 ВЪ БОЛЬШОМЪ ВЫБОРѢ
ГОТОВОЕ и на ЗАКАЗЪ
 мужское, дамское, столовое, постель-
 ное, туалетное, также чулки, носки,
 фуфайки, кальсоны, платки и полное
ПРИДАНОЕ.
 Элегантный фасонъ, изящная ра-
 бота, товаръ лучшаго качества.
 Цѣны весьма умѣренныя.
 Гг. иногороднимъ иллюстрированы. преисъ-
 курантъ высылается бесплатно.

ГАРМСЕНЪ и Ко.
 С.-Петербургъ, Гост. Дворъ, 144
 фирма существ. съ 1840 г.

PARIS

GRANDS MAGASINS DU

Printemps
NOUVEAUTÉS
Envoi gratis et franco
 du catalogue général illustré
 renfermant toutes les modes
 nouvelles pour la SAISON
 d'Été, sur demande affranchie
 adressée à

MM. JULES JALUZOT & Co
PARIS

Sont également envoyés franco,
 les échantillons de tous les tissus
 composant nos immenses assorti-
 ments, mais bien spécifier les
 genres et prix.

Expéditions dans tous les Pays du Monde.

Le catalogue indique les condi-
 tions pour l'envoi franco de
 port et de douane.

Correspondance en toutes langues

№ 4321 8-1

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ
ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ
 Измайловскій проспектъ, № 21.

ЯИЦА ИЗЪ МЫЛА
 прозрачныя и непрозрачныя. Рт. № 4422 2-1

**Большой выборъ деревянныхъ, хрусталь-
 ныхъ и бронзовыхъ**
ЯИЦЪ ДЛЯ ПОДАРКОВЪ.
БЕЗВРЕДНАЯ
КРАСКА ДЛЯ ЯИЦЪ.

ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ
 въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

1) Невскій проспектъ,
 домъ Католической
 церкви, № 32.
 2) Невскій проспектъ,
 у Анничкова моста, № 66.
 3) Уголь Вознесен-
 скаго и Казанской, д.
 Шредера, № 52-24.
 (Розничная и оптовая
 продажа).

Въ Москвѣ: 1) На
 Кузнецкомъ Мосту, д.
 Третьяковскихъ.
 Золотъ медаль. Парижъ. 1889.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 8—10 РИС. И ЕЖЕМЪСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
 Выдавъ 24 марта 1890 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫПРОЕКТЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № „Нивы“ 15 к., съ перес. 20 к.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1890 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГЪ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.

ОБЪЯВЛЕНІЯ
 въ „НИВѢ“ принимаются за
 сторону непарейль (1/4 шир.
 стран.) въ Глав. Кон. Ред. по
 75 к. — Загран.: для Франціи у
 Agence Navas по 2 fr. 40 с.;
 для Австр., Герман. и Швейц.
 у Rudolf Mosse по 1 M. 70 Pf.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:
 Безъ доставки въ Петер-
 бургъ 5 р.
 Съ доставкою въ Петер-
 бургъ 6 р. 50 к.
 Безъ дост. въ Москвѣ чр. конг. объявл.
 Н. Н. Печковской, Петровск. Торг. лин. 6 р.
 Съ пересылкой въ Москву и другіе го-
 рода Россіи 7 р.
 За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 9 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
 Особая приложенія при
 „НИВѢ“ объявленій отъ тор-
 говыхъ домовъ принимаются
 для многократн. и городскихъ
 подписчиковъ по особому
 соглашенію.

БЕЗЪ ВСЯКОЙ ДОПЛАТЫ ЗА ПЕРЕСЫЛКУ ГЛАВНЫХЪ ПРЕМІЙ.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1890 г. номера „Нивы“ со всѣми приложеніями.

Н. С. ЛѢСКОВЪ.

Извѣстно какое важ-
 ное значеніе въ рус-
 ской народной жизни
 имѣетъ духовенство, ка-
 кимъ вліятельнымъ эле-
 ментомъ является оно
 въ ней. Всестороннее
 изученіе своеобразнаго
 быта этого сословія и
 ознакомленіе русскаго
 общества съ его харак-
 теромъ, понятіями и пра-
 вами — составляетъ
 большую заслугу писа-
 теля, многіе годы посвя-
 тившаго себя этому все-
 ма серьезному и благо-
 му дѣлу. Такимъ почтен-
 нымъ писателемъ, ока-
 завшимъ отечественной
 литературѣ и нашему
 обществу столь суще-
 ственную услугу, являет-
 ся у насъ Н. С. Лѣ-
 ковъ, который въ ны-
 нѣшнемъ году заканчи-
 ваетъ тридцатилѣтіе
 своей неутомимой и пло-
 дотворной литературной
 дѣятельности. До него
 наша литература или
 вовсе обходила духо-
 венство, или затроги-
 вала его мимоходомъ,
 изображая довольно
 односторонне, и въ боль-
 шинствѣ случаевъ не-
 вѣрно. Н. С. Лѣсковъ
 первый ввелъ въ лите-
 ратурѣ повѣствованія

Николай Семеновичъ Лѣсковъ. (По поводу 30-лѣтія литературной дѣятельности).
 Съ фот. Чеснокова, грав. Шюблеръ.

изъ быта православнаго
 духовенства, освѣтили
 его со всѣхъ сторонъ,
 дали намъ вѣрную и
 широкую картину жиз-
 ни этого оригиналь-
 наго міра, въ цѣломъ
 ридѣ высокохудожес-
 твенныхъ образцовъ,
 созданныхъ съ глубокою
 правдою и замѣчатель-
 нымъ искусствомъ, пред-
 ставили характерныя
 черты духовнаго сосло-
 вія. Изобразивъ до мель-
 чайшихъ подробностей
 вѣрною сторону этого
 быта, онъ коснулся и
 нравственной стороны
 его наиболее типич-
 ныхъ представителей;
 онъ сумѣлъ показать
 всѣ свѣтлыя, прекрас-
 ныя стороны интерес-
 ной среды имъ изобра-
 жаемой, не скрылъ онъ
 и странностей въ обра-
 зѣ жизни, нравахъ и по-
 нятіяхъ ея. Н. С. Лѣ-
 ковъ съ полнымъ без-
 пристрастіемъ взгля-
 нулъ на духовное сосло-
 віе въ Россіи, и одинъ
 евоими прекрасными
 трудами въ этой области
 сдѣлалъ очень много для
 опредѣленія настояща-
 го положенія и характе-
 ра православнаго духо-
 венства въ его отноше-
 ніяхъ къ церкви и об-
 ществу. Особенно пока-

залъ онъ себя глубокоимъ знатокомъ быта духовенства нашего и замѣчательнымъ художникомъ въ своемъ романѣ, или, лучше сказать, бытовой хроникѣ „Соборяне“, гдѣ мастерски изображена и общественная и семейная жизнь русскаго священника, полная и радостей, и тревогъ, его дѣятельность, какъ пастыря, которая часто связана разными условіями, мѣшающими ему вести плодотворную борьбу со всякими жеученіями. Величавый, чарующій образъ протоіерея, отца Савелія Туберозова, и не менѣе крупная фигура Ахиллы Десницына, діакона той-же старгородской соборной поповки, героевъ этого романа, представляютъ глубоко задуманные типы, такъ и просіявшея на полотно, и принадлежать къ блестящимъ созданіямъ отечественной литературы, которые можно поставить на ряду съ типами Гончарова, Тургенева, Островскаго и другихъ корифеевъ русской изящной словесности, среди которыхъ Н. С. Лѣсковъ съ его огромнымъ и вполнѣ оригинальнымъ талантомъ занимаетъ видное мѣсто. Знакомясь съ народнымъ бытомъ и разнообразными явленіями русской жизни во время продолжительныхъ своихъ странствованій по всѣмъ мѣстамъ роднаго края, Н. С. Лѣсковъ внимательно изучилъ и русскій расколъ, изъ богатой типами и содержаниемъ жизни котораго онъ также нерѣдко бралъ сюжеты для своихъ произведеній. Таковъ, напримѣръ, его рассказъ „Запечатлѣнный ангелъ“, обратившій на себя большое вниманіе и своими художественными достоинствами, вѣрнымъ изображеніемъ быта напоминающій лучшія произведенія другаго знатока раскола, Мельникова (Печерскаго). Еще ранѣе появленія „Соборянъ“, Лѣсковъ заставилъ говорить о себѣ и даже произвелъ настоящую сенсацію своимъ романомъ „Некуда“, взятымъ изъ эпохи процвѣтанія нигилизма на Руси, противъ котораго авторъ романа со свойственною ему чуткостью честно поднималъ свой голосъ. Такое уродливое явленіе какъ нигилизмъ не могло не поразить умнаго и отзывчиваго писателя, и онъ вполнѣ художественно и безпристрастно изобразилъ печальную картину нигилистическаго движенія и тогдашняго общаго броженія умовъ, благодаря которому гибло столько молодыхъ, свѣжихъ силъ. Помимо своего историческаго значенія, романъ „Некуда“ имѣетъ значеніе и въ художественномъ отношеніи. Въ немъ есть превосходныя бытовыя картины и сцены, и представляющій цѣлый рядъ весьма типичныхъ лицъ попадавшихъ въ нигилистическій омутъ. Въ этомъ-же романѣ авторъ, кромѣ того, впервые коснулся жизни нашего духовенства и показалъ, какъ прекрасно онъ знаетъ этотъ міръ, очертивъ тонко и искусно личность матери Агніи, игуменны и настоятельницы одного монастыря. Зорко всматриваясь въ русскую жизнь, талантливый писатель коснулся позднѣе и другаго, не менѣе прискорбнаго въ ней явленія — общаго взаимнаго ненавистничества, парящаго среди подобразованныхъ или совсѣмъ невѣжественныхъ кружковъ такъ-называемой „интеллигенціи“. Этому явленію авторъ посвятилъ какъ большой романъ „На пожахъ“, такъ и цѣлый рядъ прекрасныхъ рассказовъ. Но, ополчаясь противъ уродливыхъ явленій современной жизни, Н. С. Лѣсковъ рисовалъ не одиѣ темныя стороны ея. Напротивъ, все чистое, свѣтлое,

все дышащее добромъ, всѣ отрадные явленія находятъ живой откликъ въ произведеніяхъ талантливаго романиста и еще съ большею любовью изображаются имъ. Въ цѣлой серіи рассказовъ авторъ живыми красками рисуетъ симпатичныя лица, людей вѣрныхъ своему долгу, замѣчательныхъ своимъ безкорыстіемъ, добросердечіемъ, честностью, однимъ словомъ „праведниковъ“, какъ называетъ ихъ авторъ. Къ такимъ рассказамъ относится, между прочимъ, и напечатанный въ „Нивѣ“ 1874 года „Павлинь“. Съ большимъ сочувствіемъ изображаетъ онъ и хорошія, привлекательныя черты нашего простонародья, обнаруживая искреннюю любовь къ простому классу, но безъ той слащавости, безъ того возведенія мужика на пьедесталъ, которыми страдаютъ другіе писатели, пресловутые наши „народники“. Въ своихъ взглядахъ на мужика и на многія стороны и явленія русскаго быта, русской жизни, Н. С. Лѣсковъ не держится ходячихъ мнѣній, не идетъ за толпою; онъ выработалъ свои особенныя, оригинальныя мнѣнія. Своеобразиемъ отличается и его замѣчательно выработанный слогъ, увлекательный, блестящій сравненіями и безобиднымъ, легкимъ юморомъ. Н. С. Лѣсковъ — большой художникъ, по своему огромному таланту, чуткости, замѣчательному умѣнію распоряжаться своими силами и средствами напомнимъ лучшей „старыхъ мастеровъ“. Къ сожалѣнію, больша часть критики всегда относилась равнодушно къ яркому таланту Лѣскова, замалчивала его блестящія, глубоко обдуманныя вещи; одни плохо понимали высокодаровитаго писателя, другіе, главнымъ образомъ либеральныя пустословы, не могли ему простить его смѣлыхъ обличеній нигилистической вакханаліи и отзывались о его дѣятельности пристрастно, не скрывая своей тупой вражды къ писателю.

Николай Семеновичъ Лѣсковъ происходить изъ дворянскаго семьи и родился 4 февраля 1831 г., въ селѣ Гороховѣ, Орловскаго уѣзда и губерніи, а дѣтскіе годы провелъ въ другомъ селеніи той-же губерніи. Кромскаго уѣзда, — с. Панинѣ. Воспитаніе получилъ онъ въ Орловской гимназіи и, опротивъ шестнадцатилѣтнимъ юношей, рано узналъ невзгоды жизни, рано долженъ былъ нелегкимъ трудомъ добывать себѣ средства къ существованію, такъ какъ все имущество, оставшееся послѣ отца, сторѣло въ эпоху большихъ орловскихъ пожаровъ сороковыхъ годовъ. Сперва Лѣсковъ служилъ, недолго, на государственной службѣ, потомъ на частной, требовавшей частыхъ разъѣздовъ. Эти разъѣзды дали ему возможность близко познакомиться съ бытомъ всѣхъ сословій, вынести массу самыхъ разнообразныхъ впечатлѣній, которыя послужили богатымъ матеріаломъ для его произведеній беллетристическихъ, публицистическихъ и иныхъ, преимущественно подписанныхъ псевдонимомъ *М. Стебницкій*. Необыкновенно чуткій и отзывчивый къ явленіямъ современности, Лѣсковъ писалъ по всевозможнымъ вопросамъ и очень много, но его извѣстность, его слава зиждется на его большихъ беллетристическихъ произведеніяхъ и на очеркахъ изъ жизни духовенства. Послѣднія пять-шесть лѣтъ Лѣсковъ увлекаетъ публику своими высокохудожественными легендами, которыя онъ обрабатываетъ по „Прологу“.

П. Быковъ.

Попъ Симеонъ.

(Рассказъ изъ жизни на дальнемъ Востокѣ).

А. Я. Максимова.

(Продолженіе).

VI.

Готовясь къ опасному предпріятію, попъ Симеонъ проявилъ кипучую, изумительную дѣятельность. По странному капризу судьбы, этотъ замѣчательный человекъ оказался морякомъ въ душѣ, полнымъ несокрушимой, желѣзной энергіей и при томъ достаточно опытнымъ. Въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, каторжные-добровольцы исправили, подъ его наблюденіемъ, единственную досчатую, неуклюжую лодку, давно уже забракованную для плаванія даже въ тихую погоду. Самъ миссіонеръ скроилъ изъ солдатскаго холста кое-какіе паруса, ешилъ ихъ, соорудилъ мачты и сдѣлалъ необходимыя приспособленія для ихъ постановки. Онъ-же изготовилъ до десятка веселъ и приладилъ къ лодкѣ рули. Обыватели съ живѣйшимъ любопытствомъ слѣдили за энергичною работой богатыря-миссіонера и съ трепетомъ ждали момента, когда этотъ мужественный пловецъ усядется со своими смѣльчаками-добровольцами въ утлую, кое-какъ сколоченную, ладью и ввѣрится бурной, коварной стихіи — морю, хотя нѣсколько стихшему, но все еще грозно шумѣвшему и рокотавшему. Никто не вѣрилъ, что этотъ страшный моментъ наступитъ. Каждому казалось, что попъ Симеонъ

не рискнетъ выйти на безумную борьбу съ бурнымъ моремъ и откажется, рано или поздно, отъ своего смѣлаго предпріятія, преисполненнаго, на каждомъ шагу, смертельными опасностями. Между тѣмъ, почтенный миссіонеръ готовился къ походу съ изумительною энергіей, ежеминутно проявляя необычайную физическую и душевную мощь. Около полудня, лодка уже стояла у пристани, совершенно снаряженная всѣмъ необходимымъ. Все населеніе поста собралось на берегу и съ удивленіемъ глядѣло на суровыя, серьезныя лица добровольцевъ-каторжныхъ, рѣшившихся идти съ попомъ Симеономъ на явную смерть. Многіе смотрѣли на нихъ съ сожалѣніемъ, словно на приговоренныхъ къ казни. Никто не вѣрилъ, что они благополучно совершатъ свой богатырскій подвигъ. Поручикъ Орловъ и дѣлопроизводитель Крышевъ, злорадные и выпившіе, казалось, заранѣе предвкушали гибель мужественнаго миссіонера, вмѣстѣ съ сорока тысячами довѣренныхъ ему казенныхъ денегъ, — предвкушали, какъ будто и послѣдующее затѣмъ „законное“ преслѣдованіе „упрямаго“ маіора за „самовольныя“ дѣйствія. Они съ нетерпѣніемъ ожидали отплытія миссіонера, получавшаго въ поствомѣ управленіи послѣднія инструкціи отъ добродуш-

наго Ивана Петровича. Наконецъ, нетерпѣніе ихъ удовлетворилось. Попъ Симеонъ вышелъ, въ сопровожденіи маіора, изъ управленія и молодцовато направился къ снаряженной лодкѣ. Одѣтый въ полушубокъ, онъ мало походилъ на духовную особу; его атлетическая фигура, не скрытая широкою рясой, выдавалась еще рѣзче и поражала всѣхъ своими необычайными, богатырскими размѣрами. Подойдя къ лодкѣ, миссіонеръ совершенно по-генеральски поздоровался съ добровольцами.

— Здорово, ребята!

— Здравія желаемъ! единодушно крикнули каторжные, нисколько, повидимому, не озадаченные неожиданнымъ превращеніемъ попа Симеона въ браваго военнначальника.

— Садись въ весла! властно распорядился почтенный миссіонеръ, быстро входя въ лодку и усаживаясь на руль.

Добровольцы-каторжные безпрекословно заняли мѣста по банкамъ ¹⁾ и живо разобрали весла, ожидая дальнѣйшихъ приказаній.

— Отваливай! съ апломбомъ завятаго моряка scomандовалъ попъ Симеонъ.—Весла на воду!

Лодка отошла отъ пристани и тяжело заколыхалась на волнахъ. Добровольцы дружно налегли на весла, стараясь побороть упорное сопротивленіе цѣлой рати шумящихъ валовъ.

— Помогите вамъ Господи! крикнулъ маіоръ, провожая постепенно удалявшуюся отъ берега лодку глазами, полными слезъ.—Сохрани васъ Богъ!..

Попъ Симеонъ снялъ мѣховую шапку, истово перекрестился и затѣмъ низко поклонился собравшимся на берегу. Толпа безмолвно и съ трепетомъ слѣдила за прыгнувшею въ волны лодкой, ужасаясь несокрушимой удаліи миссіонера и добровольцевъ-каторжныхъ рѣшившихся вѣряться, на утлой ладѣ, бурному и коварному морю, особенно грозному въ осеннее время...

Отойдя отъ берега съ трудомъ мили на двѣ, попъ Симеонъ приказалъ поставить паруса. Лодка рванулась впередъ и довольно быстро пошла вдоль острова къ заветному заливу Анива, на берегу котораго, въ четырехъ стахъ миляхъ далѣе, бѣдствовала отъ недостатка продовольствія цѣлый батальонъ... Погода стояла ровная. Вѣтеръ временно стихъ и гналъ передъ собой цѣлыя гряды крутыхъ волнъ, хотя и величественныхъ, но въ то же время далеко не грозныхъ и не страшныхъ. На прояснившемся небѣ блистало солнце, словно приветствуя отважныхъ пловцовъ. Яркіе лучи его эффектно переливались, разноцвѣтными огнями, въ рыхлой, снѣжной пеленѣ, прикрывшей, будто саваномъ, безконечную полосу побережья, одинокіе утесы, холмы и темный, хвойный лѣсъ, широко раскинувшійся по необъятному простору мрачнаго, пустыннаго Сахалина.

Бурливыми бурунами набѣгали волны на крутой, скалистый берегъ острова и лѣтливо отпрядывали опять назадъ, чтобы незамѣтно слиться съ новыми волнами, величественно катившимися подъ давленіемъ студенаго сѣверо-западнаго вѣтра. Море, шумливое и рокошующее у скалистаго побережья, колыхалось вдали отъ берега безшумно и спокойно, словно могучая грудь сладко спящаго великана. Ничто не нарушало величественнаго отдыха грозной стихіи; никто не оживлялъ безграничную, волнующуюся поверхность моря. Всюду прыгали однѣ только крутые волны, среди которыхъ мелькалъ лишь темный островъ. Лодки съ отважными добровольцами. Лодка то тяжело взбѣгала на верхушки валовъ, то стремительно падала въ водную пропасть, на время совершенно исчезая, словно проглоченная ненасытнымъ, жаднымъ моремъ. Попъ Симеонъ, сидя на рулѣ, зорко слѣдилъ за каждой волной, стараясь отвратить отъ утлой ладьи ея разрушающій ударъ. Лодка, послушная смѣлой, ловкой рукѣ, неслась впередъ, точно гигантская птица, широко

¹⁾ Скамьи у лодки известны у моряковъ подъ названіемъ „банки“.

раскинуть свои крылья-паруса. Гребцы-каторжники, сильно уставшіе отъ продолжительной, тяжелой гребли противъ волнъ, теперь отдыхали, лѣтливо развалившись на днѣ лодки и прячась въ то же время отъ холоднаго, пронизывающаго вѣтра. Кто курилъ, кто безцѣльно глядѣлъ въ глубокое, ясное небо, грустно вспоминая такое же прекрасное небо, раскинувшееся, въ видѣ подобнаго же чуднаго купола, надъ роднымъ селомъ, за нѣсколько тысячъ верстъ отъ злополучнаго, страшнаго Сахалина...

— Ахъ, казія какая! вдругъ прервалъ молчаніе каторжникъ Стручковъ неожиданнымъ восклицаніемъ и вскопчилъ на ноги.

— Чтѣ случилось? полюбопытствовалъ попъ Симеонъ, отвлекая на секунду свое вниманіе отъ руля.

— Весь бокъ промокъ!.. Лодка, видно, течетъ... Вона, сколько воды набралось, проговорилъ Стручковъ, выжимая намокшую полу полушубка.

— Да и подъ наши бока вода подступила, замѣтилъ другой гребецъ, Наумовъ, также приподнимаясь со дна лодки.

— Подмочетъ бока — ничего; благо-бы провизія не подмокла, весело добавилъ Головлевъ.—По моему, лучше ходить съ подмоченными боками, нежели съ голоднымъ брюхомъ.

— Плохо, значитъ, лодку проконошатили. На волнахъ малость подраспатало ее: она и потекла, хладнокровно замѣтилъ попъ Симеонъ.—Это, впрочемъ, пустячки!.. Возьмите-ка, ребятки, черпалки, да и откачивайте воду.

— Какъ-то мы на такой лодкѣ до Корсаковского доберемся? съ сомнѣніемъ прошепталъ молчавшій до сихъ поръ Багажевъ.

— Богъ сохранить—доберемся, обнадежилъ Багажева его другъ и землякъ Вахрушевъ.—А если не доберемся, такъ объ этомъ и толковать не стоитъ. Хорошо знаешь, что двухъ смертей не бываетъ, а одной не миновать...

— Вѣрно твое слово, поддакнулъ Головлевъ.—Помирать-ли въ морѣ, помирать на каторгѣ: одна статья—смерть... Немного раньше, немного позже—и въ этомъ особаго разсчета нѣтъ... Жизнь наша каторжная—несладкая: при такой жизни и смерти страшиться нечего...

Перекидываясь словами, каторжники дружно выкачивали изъ лодки воду и вскорѣ почти осушили дно.

— Значитъ, не такъ плоха еще лодка, если воду успѣваемъ откачивать, весело замѣтилъ Головлевъ, вновь разваливаясь на мѣшкѣ съ сухарями.

— Опять набѣжитъ, угрюмо проворчалъ Багажевъ, отличавшійся среди товарищей-колотниковъ постоянно мрачнымъ настроеніемъ духа.

— Набѣжитъ—вновь откачаемъ; руки свои—не занимай статъ, отпарировалъ Головлевъ, раскуривая погасшую трубку.

— Ишь, какой прыткой!.. А если погода разбушуетъ, да насъ тряхнетъ такъ, что и лодка разсыпется... Чтѣ тогда скажешь? спросилъ тотъ-же Багажевъ, сердито поглядывая на вздымавшіяся вокругъ вершины крутыхъ волнъ.

— Чтѣ скажу? переспросилъ Головлевъ.—Да чтѣ тебѣ на это сказать? Поймаю за хвостъ какую-нибудь рыбицу, да и укачу на ней за тридевять земель, въ десятое царство, гдѣ прекрасныя русалочки живутъ и золотыя яблочки ѣдятъ.

— Молодецъ, Головлевъ! похвалилъ попъ Симеонъ веселаго каторжника, улыгнувшись.

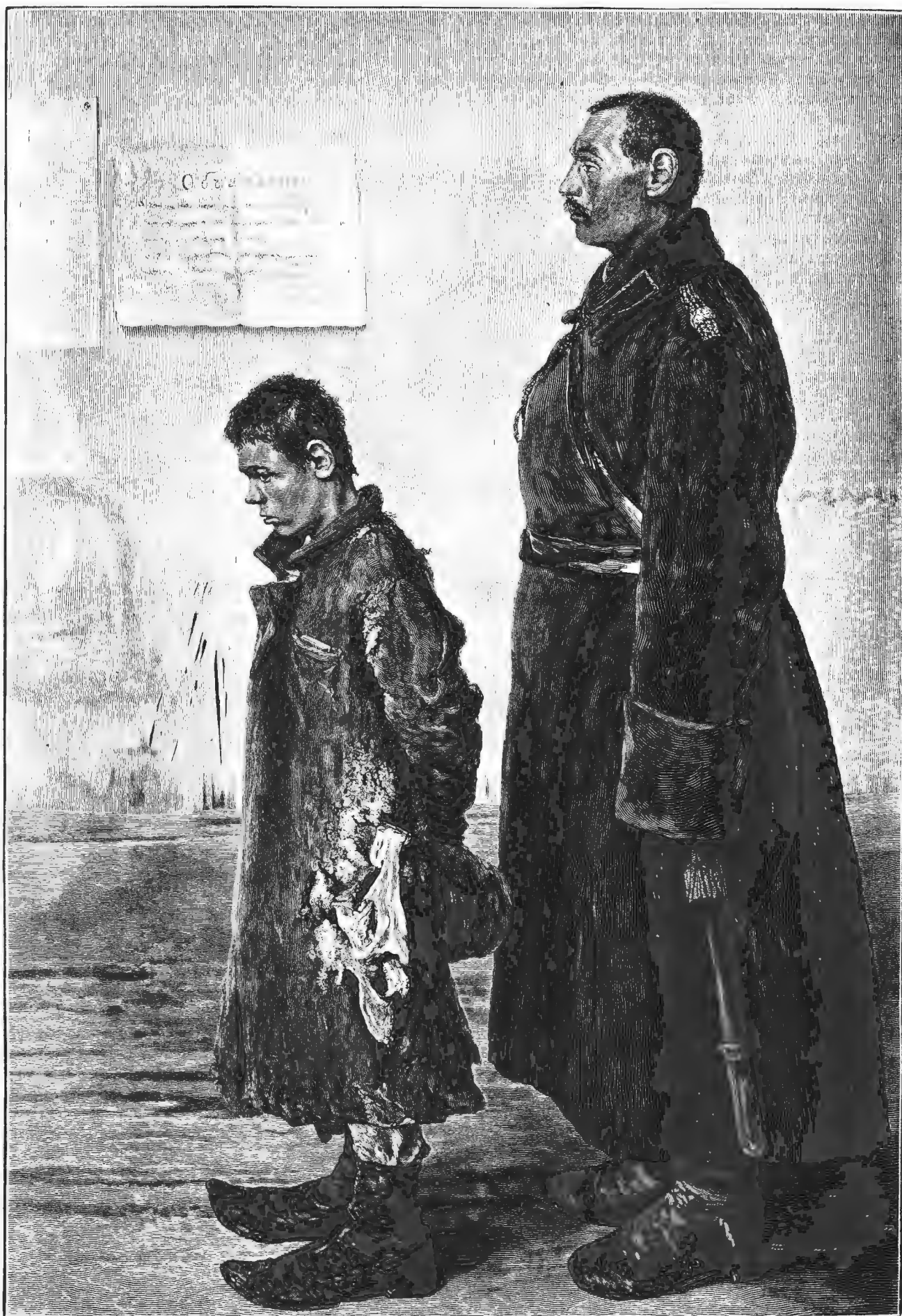
— Радъ стараться, батюшка! по солдатски гаркнулъ Головлевъ, снимая шапку.— Не прикажете-ли чарочку выпить?

— Нѣтъ, ужъ погоди, голубчикъ, съ улыбкой проговорилъ попъ Симеонъ.— За добрую рѣчь — лишь по-

Выставка Имп. Академіи Художествъ. „Юрій Милославскій находитъ Киршу“.

Карг. Н. Сверчкова (право воспроизведенія въ гравюрѣ и т. п. принадлежитъ исключительно „Нивѣ“), грав. Рашевскій.

XVIII передвижная выставка. Бродяга.

Ст. карт. С. В. Иванова (право воспроизведения в гравюре и т. п. принадлежит исключительно „Нивъ“), грав. Рашевский.

Библиотека "Руниверс"

хвала: отъ похвалы не опьянѣешь... А чарочку выпьешь съ товарищами передъ ужиномъ.

— И за то благодарень, согласился Головлевъ, зарапѣе предвкушая сладость обѣднанной чарки водки.

Время ужина наступило незамѣтно. Какъ только солнце начало приближаться къ горизонту, попъ Симеонъ разрѣшилъ выпить по чаркѣ и закусить. Каторжники-добровольцы мигомъ выкатили поближе къ миссіонеру боченокъ съ водкой, развязали мѣшки, добыли сухари, соль, лукъ и юколу¹⁾. Попъ Симеонъ собственноручно выдалъ каждому добровольцу по чаркѣ и опять закуорилъ боченокъ. Затѣмъ, взявъ нѣсколько сухарей, кусокъ юколы и сталъ закусывать, продолжая править рулемъ. Поѣли.

— Ложитесь отдохнуть, предложилъ миссіонеръ.

Добровольцы не заставили упрашивать себя и тотчасъ-же задремали, убаюкиваемые плавною качкой лодки.

VII.

Ночь прошла спокойно. Попъ Симеонъ бодро просидѣлъ на рулѣ до утра напролетъ и только съ разсвѣтомъ позволилъ себѣ немного вздремнуть, поручивъ управление рулемъ Головлеву, выказавшему нѣкоторую способность къ морскому дѣлу. Погода вполнѣ пока благоприятствовала добровольцамъ, и плаваніе шло безъ особенныхъ приключеній и тревогъ. Правда, почти каждый часъ приходилось отливать изъ лодки воду, постоянно прибывавшую черезъ множество невидимыхъ щелей; но къ этому тревожному обстоятельству всѣ успѣли привыкнуть настолько, что перестали даже тревожиться дряхлымъ и малонадежнымъ состояніемъ утлой ладьи. Каторжники-добровольцы чрезвычайно быстро освоились съ моремъ и чувствовали себя, на его, постоянно волнующейся, поверхности, несравненно лучше и свободнѣе, чѣмъ въ каторжной, до-нельзя промозглой казармѣ. Объ опасностяхъ тяжелаго плаванія они не думали, такъ какъ мало сознавали необычайные капризы коварнаго моря, то ласковаго и прекраснаго, словно сирена, то грознаго и безумно жестокаго, безпощаднаго и кровожаднаго, словно древній, ненасытный Вааль... Поцу Симеону не удалось выснуться и отдохнуть послѣ тяжелаго бодрствованія, въ теченіе длинной осенней ночи. Не прошло и двухъ часовъ послѣ того, какъ миссіонеръ сомкнулъ свои уставшія вѣки, онъ почувствовалъ, что его тормошатъ, сперва осторожно, легко, но затѣмъ все сильнѣе и назойливѣе, съ явнымъ намѣреніемъ разбудить во что бы то ни стало. Попъ Симеонъ съ трудомъ раскрылъ слипшіеся глаза и съ недоумѣніемъ осмотрѣлся. Надъ нимъ склонились всѣ каторжники-добровольцы; лица ихъ были тревожны, а лицо Багажева даже искажено ужасомъ.

— Батюшка, батюшка, шептали каторжные наперерывъ,—поглядите-ка! Кажись, наша смерть пришла!..

Миссіонеръ быстро приподнялся и зорко взглянулъ по указанному направленію.

— Пустяки, успокойте онъ до-нельзя встревоженныхъ добровольцевъ.—Сидите только смирно, не шелохнитесь и не шумите... Богъ сохранитъ!..

Каторжные, нѣсколько успокоенные, начали сосредоточенно всматриваться на волнующуюся поверхность моря, фантастически освѣщенную яркимъ солнцемъ, уже поднявшимся высоко надъ горизонтомъ. Среди верхушекъ волнъ изрѣдка мелькали какія-то громадныя, безобразныя, совершенно круглыя головы, получеловѣчьи, полувѣриныя. Все ближе и ближе. Страшныя, усатыя морды стали мелькать чаще. Цѣлыя сотни какихъ-то сказочныхъ чудовищъ лѣнивоплыли прямо къ лодкѣ, точно намѣреваясь раздавить ее своей массой и растерзать находящихся въ ней. До напряженнаго слуха добровольцевъ сталъ доноситься ужасающій ревъ, очень похожій на ревъ бѣшеныхъ быковъ. По мѣрѣ прибли-

¹⁾ Юкола — вяленая на солнцѣ красная рыба (кета).

женія чудовищъ, ревъ этотъ все усиливался и усиливался; воздухъ, казалось, дрожалъ и стоналъ, потрясенный до послѣдняго атома. Каторжниковъ вновь охватило безпокойство, вскорѣ смѣнившееся неодолимымъ ужасомъ, когда лодка вдругъ оказалась окруженною безсчетнымъ множествомъ какихъ-то неизвѣстныхъ чудовищъ. Послѣднія то скрывались подъ водой, то вновь появлялись и вытягивали кверху свои страшныя круглыя головы, при чемъ воздухъ вылеталъ съ шумомъ изъ ихъ широкихъ ноздрей. Нѣкоторыя чудовища становились въ водѣ совершенно вертикально, выказывая при этомъ часть своего громаднаго, чернаго туловища, съ боковъ котораго безобразно торчали не то лапы, не то плавники. Многія подливали къ самому борту лодки и съ любопытствомъ заглядывали внутрь ея, точно всматривая подходящую жертву. У каторжныхъ, отъ ужаса, шевелились на головахъ волосы, но они продолжали хранить мертвое молчаніе, хорошо помня приказаніе попа Симеона сидѣть смирно и спокойно. Страшный ревъ оглушалъ ихъ и ужасалъ... Но вотъ одно изъ чудовищъ подплыло къ лодкѣ такъ близко, что едва не опрокинуло ее своею безобразною мордою. Подъ сильнымъ впечатлѣніемъ этой критической минуты, Багажевъ безотчетно схватился за ружье и хотѣлъ было выстрѣлить... Попъ Симеонъ во время замѣтилъ порывистое движеніе Багажева, ловко выхватилъ изъ его рукъ ружье и хладнокровно положилъ его рядомъ съ собой.

— Не шевелись, глушій, прошепталъ миссіонеръ, до боли сжавъ своею стальною рукою плечо Багажева. Тотъ съежился и закрылъ отъ ужаса глаза, ожидая съ мига на мигъ послѣдняго часа своей каторжной жизни..

Между тѣмъ несмѣтное стадо чудовищъ стало рѣдѣть и вскорѣ проплыло мимо лодки къ берегу. Ихъ страшный ревъ постепенно стихалъ и наконецъ слился съ хлестомъ волнъ о борта лодки, продолжавшей подвигаться къ цѣли своего опаснаго плаванія. Каторжные-добровольцы вздохнули съ облегченіемъ, точно съ ихъ плечъ свалился тяжелый камень.

— Слава Богу, бѣда миновала! нарушилъ Головлевъ продолжительное молчаніе.—Батюшка, что это за звѣри были? обратился онъ къ попу Симеону.

— Сивучи, удовлетворилъ любопытство миссіонеръ.

— Страшные звѣри, съ содроганіемъ проговорилъ Багажевъ.

— Добродушнѣйшіе, поправилъ попъ Симеонъ.— Боятся этихъ звѣрей нечего... Не тронь ихъ только—и они тебя не тронуть. А ты вотъ едва-едва большой бѣды не надѣлалъ...

— Какъ такъ, батюшка!? испугался Багажевъ, совершенно забывшій о своемъ безотчетномъ поползновеніи убить одно изъ чудовищъ.

— Ты выстрѣлить хотѣлъ по одному звѣрю, объяснилъ миссіонеръ.— Не вырви я у тебя ружья, ужъ навѣрное теперь и въ живыхъ никого изъ насъ не было-бы. Звѣрь этотъ добродушенъ, пока его не трогаютъ и не пугаютъ. Стоило-же ранить одного, все стадо разсвирѣблало-бы—и тогда пиши пропало: слѣдочковъ не оставили-бы какъ отъ насъ, такъ и отъ лодки.

— Куда-же сивучи плывутъ? полюбопытствовалъ Наумовъ, продолжая слѣдить за круглыми головами морскихъ чудовищъ, едва мелькавшими въ отдаленіи.

— А тутъ, вѣроятно, лежище ихъ по близости: отдыхать плывутъ. Выползутъ они на песокъ и будутъ себѣ лежать, пока не надоѣстъ имъ.

— Да развѣ они ползаютъ? удивился Головлевъ.— У нихъ, кажись, и лапъ-то нѣтъ, а просто какія-то лопаты съ боковъ висятъ.

— Ласты, а не лопаты, поправилъ попъ Симеонъ Головлева.— Такихъ ласть у каждаго сивуча четыре штуки: двѣ—спереди и двѣ—сзади, очень похожія на

рыбий хвостъ. Передніе ласты служатъ въ водѣ звѣрю замѣсто весель, а задніе—рулемъ; на берегу-же—ногами... И бѣгаютъ-же сивучи, опираясь на эти ласты, не хуже насъ...

— Диковинные звѣри, вставилъ свое слово молчаливый Стручковъ, — и въ водѣ-то живутъ, и на берегу...

— Батюшка, а какъ будто-бы свѣжѣть начинается, перебилъ Стручкова Головлевъ, поглядывая на горизонтъ.—Вона, и зайчики уже поверхъ волнъ заходили.

Попъ Симеонъ пытливо посмотрѣлъ на потемнѣвшее море, затѣмъ на небо, постепенно покрывавшееся свинцовыми тучами; обратилъ вниманіе на громаднаго буревѣстника¹⁾, Богъ вѣсть откуда появившагося; оглядѣлъ безконечную полосу мрачнаго Сахалина, передъ которымъ словно раскинулась вдругъ гигантская, мгlistая завѣса.

— Не даромъ сивучи въ берегъ ударились — будетъ непогода, проговорилъ миссіонеръ, по окончаніи своихъ наглядныхъ метеорологическихъ наблюдений.—Господь шлетъ намъ первое испытаніе... Постараемъ встрѣтить его мужественно и съ надеждою на Божью помощь!

Какъ-бы въ подтвержденіе словъ попа Симеона, налетѣлъ легкій шквалъ; лодка слегка накренилась и рванулась впередъ, будто лошадь, получившая жестокий ударъ бичемъ.

— Ишь какъ ходко пошла! замѣтилъ Наумовъ, поглядывая за бортъ, мимо котораго быстро замелькали ключья морской пѣны и отрывки водоросли.

— Еще ходче пойдѣмъ, какъ погода разгуляется, добавилъ Головлевъ.—Живо до Корсаковского поста добѣжимъ.

— Нечего о будущемъ загадывать: будущее въ рукахъ Божіихъ, строго перебилъ попъ Симеонъ.—Лучше спустите-ка задній парусъ: подъ однимъ пойдѣмъ; а то того и гляди лодку перевернетъ.

Парусъ былъ спущенъ совершенно своевременно: налетѣлъ новый вихрь, крѣпче прежняго, и накренилъ лодку такъ сильно, что она черпнула даже бортомъ. Каторжные притихли, поглядывая съ тревогой на разомъ потемнѣвшій горизонтъ. Попъ Симеонъ только встряхнулъ львиной головою и крѣпче сжалъ сильной рукой румпель (рукоятъ руля). Онъ хорошо видѣлъ, что предстоитъ серьезная борьба со стихіей, борьба на жизнь или смерть, и рѣшился постоять за ввѣренныя ему сорокъ тысячъ рублей честно и мужественно. Смѣло глядѣлъ богатырь-миссіонеръ на вздымавшіяся вокругъ волны, ловко отстраняя отъ лодки ихъ жестокіе, все-разрушающіе удары. Лодка словно потеряла свою прежнюю неуклюжесть; легко взлетала она, подъ напоромъ постепенно свѣжѣвшаго вѣтра, на вершины валовъ и стремительно падала затѣмъ въ разверзшуюся вдругъ водную пропасть, поскрипывая всѣми сочлененіями. Съ каждой минутой она совершала эти, захватывавшіе духъ, взлеты и паденія все отчаяннѣе и отчаяннѣе, словно билась въ предсмертной агоніи. Волны видимо росли и вздувались, точно гигантскіе пузыри. Онѣ уже не бѣжали ровными, гладкими рядами, но неслись съ какою-то дикою поспѣшностью, сердито завернувъ впередъ пѣнистые, косматые гребни, неслись съ плескомъ и злобѣщимъ шумомъ, угнетавшимъ душу. Лазурь неба скрылась за свинцовыми тучами, грозно нависшими почти надъ самую поверхность встревоженного моря. Пронизывающій до костей, студеной вѣтеръ все крѣпчалъ, срывая съ волнъ, сильными порывами, ихъ пѣнистые гребни. Въ воздухѣ крутились отдѣльные снѣжинки, какъ-бы предвѣстники мятели, со стономъ мчавшейся изъ сибирскихъ тундръ. Становилось холоднѣе и холоднѣе. Крѣпчавшій вѣтеръ прохватывалъ до мозга костей, несмотря на добрые полушубки. Являлась надобность согрѣться, чтобы не закоренѣть. Кто-то попросился въ весла. Опытный попъ Симеонъ отказалъ:

¹⁾ Морская птица, появляющаяся передъ бурей.

— Пойдѣмъ, пока возможно, подъ парусомъ... На веслахъ вспотѣете, а вспотѣть въ такой морозъ опасно: никакъ ужъ потомъ не согрѣетесь.

Каторжные послушались и начали похлопывать одинъ другаго руками и пошевеливать ногами, чтобы только не отмерзли. Вѣтеръ, между тѣмъ, все крѣпчалъ и крѣпчалъ... Море темнѣло и становилось грознымъ. Небо начало принимать какой-то злобѣщій оттѣнокъ; свинцовыя, тяжелыя облака спускались ниже и ниже, словно желая придавить отважныхъ пловцовъ своею ужасающею громадою. Ясный день превратился почти въ непроницаемую ночь: такъ сдѣлалось вдругъ темно. Порывы вѣтра со свистомъ проносились надъ лодкой, накренивая ее каждый разъ все больше и больше, точно силясь опрокинуть. Попъ Симеонъ не зѣвалъ на руль, хорошо сознавая, что отъ его опытной руки зависитъ общее благополучіе. Когда было нужно, онъ ловко спускался по вѣтру и потравливалъ (перепускалъ) шкоты¹⁾, чѣмъ значительно уменьшалъ силу напора разбушевавшейся стихіи. Лодка неслась по изборожденному, пѣнистому морю съ поразительною быстротою, угремъ извиваясь въ хаосѣ грозныхъ волнъ. Она скрипѣла во всѣхъ сочлененіяхъ, дрожала и, казалось, готова была, каждую минуту, распасться на нѣсколько частей. Гигантскіе валы преслѣдовали ее съ злобнымъ шипѣніемъ, свирѣпо завернувъ впередъ косматые, бурливые гребни. Изрѣдка, несмотря на бдительность попа Симеона, верхушки волнъ захлестывали въ лодку, обдавая всѣхъ брызгами студеной, соленой воды, быстро замерзавшей на полушубкахъ, сапогахъ, парусахъ и мѣшкахъ съ провизіей. Вскорѣ, почти вся лодка покрылась ледяною корой, постепенно утолщавшеюся; она замѣтно стала тяжелѣть, словно обвѣшиваемая новыми и новыми чудовыми гириями. Ко всему этому, изъ разошедшихся на качкѣ досокъ обильно сочилась вода, которую пришлось непрерывно откачивать въ нѣсколько рукъ. Положеніе добровольцевъ-пловцовъ становилось критическимъ; но никто изъ каторжныхъ не терялъ еще бодрости духа, глядя на энергичную, смѣлую, самоувѣренную фигуру попа-богатыря, отважно всматривавшагося въ полусумракъ бурнаго, мрачнаго дня. Закаленное сердце его билось ровно и спокойно. Обдаваемый волнами, обмерзшій съ головы до ногъ, онъ со стическимъ хладнокровіемъ велъ отчаянную борьбу съ разсвирѣпѣвшей стихіей, словно сознавая превосходство разумной силы, ободренной надеждой на Божью помощь, надъ стихійною силой, хотя грозною, но въ то-же время бессмысленною... Постепенно, становилось темнѣе и темнѣе. Вдругъ, какъ будто разорвалась въ воздухѣ тяжелая завѣса, и надъ лодкой пронеслись, со стономъ и воемъ, тучи снѣга... Началась жестокая мятель на морѣ. Все скрылось въ непроницаемой мглѣ бѣшеной вьюги. Море завывало и заплакало, точно оживленное. Волны съ невѣроятнымъ озлобленіемъ повели противъ слабой скорлупы новыя атаки, несравненно отчаяннѣе и грознѣе всѣхъ предшедшихъ. Казалось, море хотѣло воспользоваться подоспѣвшею помощью снѣжняго вихря, чтобы поглотить наконецъ отважныхъ пловцовъ, осмѣлившихся ввѣриться коварной стихіи. Наступила критическая минута. Во вселенной, какъ будто-бы, господствовалъ первобытный хаосъ, среди котораго нельзя было разглядѣть даже ближайшую поверхность клокочущаго моря. Лодку бросало, точно щепку, съ волны на волну. Мачта гнулась и трещала. Обледенѣлый парусъ каждую секунду былъ готовъ разлетѣться въ клочья. Вода въ лодкѣ продолжала прибывать, несмотря на то, что ее откачивали непрерывно всѣ каторжные, не только черпалками, но даже шапками. Добровольцы-моряки работали молча, сосредоточенно, стараясь не выказать другъ передъ другомъ гнетущихъ опасеній за жизнь. Каждый хорошо

¹⁾ Шкоты — веревки, придерживающія нижній, вишній уголь паруса.

видѣлъ, что жизнь эта виситъ на волоскѣ, но никто не высказалъ слова какой-либо безнадежной жалобы или сѣтованія. Всѣ сознавали, что спасеніе, если оно только возможно, въ рукахъ попа Симеона, продолжавшаго сохранять то-же мужественное спокойствіе и богатырскую отвагу. Стихійный хаосъ не ужасалъ его, но какъ будто лишь давалъ полный просторъ его внутреннимъ силамъ, долго спавшимъ подъ священнической рясою. Борьба со стихіей воодушевляла отважнаго миссіонера. Молча управляя рулемъ, онъ въ то-же время зорко слѣдилъ за тѣмъ, что дѣлалось у его ногъ. Онъ уже давно обратилъ вниманіе на энергичную работу каторжныхъ, непрерывно отливавшихъ изъ лодки воду, которая просачивалась черезъ многочисленныя щели распатанныхъ досокъ. Замѣтивъ, что вода не убываетъ, попъ Симеонъ пришелъ къ быстрому рѣшенію выбростись на берегъ, находившійся всего лишь въ нѣсколькихъ миляхъ. Несмотря на окружающую мглу, отыскать берегъ было не трудно: стоило лишь спуститься по вѣтру, дувшему прямо на островъ. Не говоря ни слова, попъ Симеонъ положилъ руль на бортъ, и лодка, повинуясь ловкой рукѣ, повернулась и помчалась птицей, подталкиваемая общими усилиями вѣтра и волны. Послѣднія силились нагнуть лодку и залить ее съ кормы, но попъ Симеонъ всегда успѣвалъ увертываться отъ грознаго натиска свирѣлыхъ валовъ... Каторжные энергично продолжали откачивать воду, не замѣчая ловкаго маневра своего смѣлаго кормчаго. Прошло около получаса. Волна стала вдругъ круче, что доказывало близость берега. Попъ Симеонъ счелъ своевременнымъ предупредить добровольцовъ, чтобы тѣ не были ошеломлены гибельною неожиданностью:

— Приготовьтесь, молодцы, скоро выскочимъ на берегъ... Попадѣмъ въ буруны — держитесь крѣпче...

Едва успѣлъ миссіонеръ предупредить каторжныхъ, какъ громадная, крутая волна вдругъ подкинула лодку и трихнула ее съ такою силою, что едва не выбросила всѣхъ въ воду: лодка перескочила черезъ первую грядку буруновъ... Вокругъ, безпорядочно прыгали совершенно отвѣсныя волны; вода бурлила и клокотала, словно въ котлѣ. Лодка неистово заметалась въ какомъ-то хаосѣ волнъ, грозя ежеминутно разсыпаться. Мачта обломилась и грузно упала вмѣстѣ съ парусомъ, едва не сбросивъ за бортъ отважнаго миссіонера, продолжавшаго стоять на рулѣ. Лишенная направляющей силы, лодка отчаянно завертѣлась. Волны съ дикимъ озлобленіемъ начали вливаться одна за другой, смывая за бортъ мѣшки съ провизіей, весла и разную мелочь. Каторжные-добровольцы едва держались, судорожно уцѣпившись за банки.

— Не робѣй, молодцы!.. Держись крѣпче! воодушевлялъ попъ Симеонъ добровольцевъ зычнымъ голосомъ, котораго не въ силахъ были заглушить ревъ вѣтра и адскій шумъ клокотавшихъ у побережья буруновъ...

Вотъ налетѣлъ грозный, крутой валъ и совершенно накрылъ своей громадой утлую ладью, моментально погружившуюся въ воду.

— Берегъ близко! едва успѣлъ попъ Симеонъ еще разъ воодушевить гребцовъ, разбросанныхъ, вновь налетѣвшей волной, въ разныя стороны...

Началась страшная борьба слабыхъ людей съ грозною, разсвирѣвшешю стихіей. Каждый силился добраться до берега, едва видимаго среди метели. Попъ Симеонъ, лихой и замѣчательный пловецъ, ухватилъ за шиворотъ ближайшаго изъ погибающихъ, Вагажева, и черезъ минуту отчаянной борьбы былъ уже съ нимъ на песчаномъ побережьи, внѣ власти страшныхъ буруновъ. Остальные бились еще въ волнахъ, постоянно отбрасываемые ими отъ берега, котораго тщетно старались достигнуть. Попъ Симеонъ тотчасъ же замѣтилъ бѣдственное положеніе товарищей по несчастію и, не раздумывая, вновь бросился въ воду — спасать несчастныхъ, из-

немогавшихъ отъ непосильной борьбы съ грознымъ ремемъ. Съ непоколебимымъ мужествомъ, онъ помогъ каждому вырваться изъ мертвящихъ объятій бѣшено ревущихъ буруновъ, не вѣдая устали и немощи. Истомленные, окоченѣвшіе, промокшіе до костей, каторжные были обязаны своимъ спасеніемъ исключительно богатырью-миссіонеру, непомѣрно отважному и непомѣрно самоотверженному.

Вывавъ изъ буруновъ живыхъ людей, попъ Симеонъ продолжалъ съ тѣмъ же поразительнымъ самоотверженіемъ спасать необходимыя вещи, провизію и даже выволокъ въ концѣ концовъ на песчаное побережье опрокинутую бурунами лодку. Онъ хорошо сознавалъ, что потеря послѣдней повлечетъ за собой гибельныя послѣдствія и потому приложилъ всѣ свои богатырскія усилія къ тому, что бы спасти ее отъ окончательнаго крушенія. Это ему воистинѣ удалось, благодаря песчаному побережью, на которое Провидѣніе выбросило злополучныхъ добровольцевъ...

VIII.

Несмотря на счастливое спасеніе, положеніе добровольцевъ продолжало оставаться въ высшей степени критическимъ. Благодаря пятиградусному морозу, при сильномъ вѣтрѣ, намокшая одежда быстро обмерзла, и всѣ оказались закованными въ ледяныя латы. Нѣкоторые начали окончательно коченѣть, не имѣя силъ расправить члены. Попъ Симеонъ видѣлъ, что надо принять энергичныя и рѣшительныя мѣры для устраненія новой опасности, еще болѣе ужасной и смертельной. Многолѣтняя миссіонерская дѣятельность на Сахалинѣ помогла ему: онъ вспомнилъ о необыкновенномъ созданіи сибирской природы — низкоросломъ кедрѣ, и бросился энергично разыскивать подъ снѣгомъ такъ-называемый сунникъ. Онъ отлично ознакомился за время своего странствованія по острову съ этимъ замѣчательнымъ растеніемъ, обладающимъ одновременно характеристикой дерева, кустарника и лозы, и въ то же время не похожимъ ни на одно изъ нихъ. Низкорослый кедръ принадлежитъ къ полезнѣйшимъ произведеніямъ Сибири. Замѣчательно узловатый, искривленный стволъ его обыкновенно ползетъ, подобно запущенно-виноградной лозѣ, по самой землѣ, покрывая ее частою сѣтью узловатыхъ, переплетающихся стволовъ. Изъ-подъ снѣга торчатъ нѣсколько пучковъ зеленыхъ иголокъ, которыя и даютъ возможность разыскать это благодѣтельное растеніе, составляющее, во многихъ совершенно безлѣсныхъ мѣстахъ, превосходное и притомъ единственное топливо. Достигнувъ извѣстнаго возраста, стволы низкорослаго кедра умираютъ, засыхаютъ и превращаются въ замѣчательный сунникъ, воспламеняющійся съ такою же легкостью, какъ трутъ. Это растеніе встрѣчается всюду: въ совершенно пустынныхъ степяхъ, на утесистыхъ горныхъ склонахъ, въ тайгѣ, начиная съ Сахалина и кончая Ледовитымъ океаномъ. Чѣмъ почва безплоднѣе, чѣмъ климатъ суровѣе, тѣмъ роскошнѣе произрастаетъ низкорослый кедръ, представляя для кочующихъ инородцевъ одинъ изъ полезнѣйшихъ даровъ природы. Безъ этого растенія, составляющаго во многихъ мѣстностяхъ единственное топливо, навѣрное обезлюдила бы большая часть сѣверо-восточной Сибири...

Попъ Симеонъ отлично зналъ замѣчательныя и незамѣнимыя свойства низкорослаго кедра и вскорѣ приволокъ громадную охапку превосходнаго сунника, который немедленно разжегъ при помощи огнива. Черезъ минуту уже горѣлъ, за выступомъ прибрежной скалы, громадный костеръ, возлѣ котораго начали обогрѣваться и обсушиваться окоченѣвшіе добровольцы-моряки, вмѣстѣ со своимъ отважнымъ капитаномъ-попомъ. Подъ вліяніемъ нѣжащаго тепла, всѣ разомъ повеселѣли и ободрились. Но примѣру неутомимаго миссіонера, каждый притащилъ по большой охапкѣ хвороста, съ цѣлью

Весенняя выставка Имп. Акад. Худ. „Свиданіе“.

Карг. И. Лосева (право воспроизведенія въ гравюрѣ и т. п. принадлежитъ исключительно „Нивѣ“), грав. Шюблеръ.

поддержать огонь костра до утра. Обсушившись, начали мечтать объ ужинѣ. Головлевъ разыскалъ котелокъ, выброшенный услужливыми бурунами, насыпалъ его снѣгомъ, а также смокшей въ водѣ крупной и рѣшилъ сварить кашу: недаромъ онъ былъ на каторгѣ кашеваромъ. Наумовъ приволокъ мѣшокъ съ намокшими сухарями, вытащенный изъ буруновъ неутомимымъ миссіонеромъ. Багажевъ притащилъ связку ююлы. Вахрушевъ смастерилъ надъ костромъ треножникъ, для подвѣски котелка съ кашей.

Въ то время какъ добровольцы хлопотали объ ужинѣ, пошъ Симеонъ занялся болѣе важнымъ, по его мнѣнію, дѣломъ: развернулъ намокшія пачки кредитныхъ билетовъ и сталъ каждую бумажку осторожно просушивать передъ костромъ. Работа эта напоминала египетскую, но почтенный миссіонеръ не смущался и продолжалъ заботливо перебирать кредитные билеты всевозможныхъ достоинствъ, стараясь возвратить имъ благообразный видъ...

Время проходило незамѣтно, такъ какъ всѣ были чѣмъ-нибудь заняты. Наступилъ вечеръ. Погода продолжала бушевать, но на нее никто уже не обращалъ вниманія. Плающій костеръ и пріятный запахъ готовой каши заставили забыть недавнія тяжелыя невзгоды.

— Батюшка, пожалуйста закусить, любезно предложилъ Головлевъ, снимая съ костра закопченный котелокъ съ кашей.

— Кушайте на здоровье, дѣтки, а я послѣ, какъ справлюсь съ деньгами, отказался пошъ Симеонъ.

— Слушаемъ, согласился Головлевъ, сильно проголодавшийся. — Ну, ребята, присаживайтесь, обратился онъ къ товарищамъ.

— А какъ ѣсть кашу будемъ?.. Лежекъ-то вѣдь нѣтъ, замѣтилъ до-нельзя голодный Багажевъ, жадно поглядывая на дымившуюся кашу.

— Лежекъ нѣтъ — не бѣда: безъ нихъ обойдемся, проговорилъ Головлевъ. — Возьмите по щепочкѣ, и дѣло въ шляпѣ... Только смотрите, ребята, языковъ не зановите, добавилъ онъ весело.

Каторжные не замедлили воспользоваться практическимъ совѣтомъ находчиваго товарища и стали ѣсть щепочками.

— Ну, ужъ и каша! сердито проговорилъ Наумовъ и сплюнулъ на-сторону.

— А что, развѣ дурна, не по вкусу пришлась? спросилъ Головлевъ, задѣтый за живое восклицаніемъ товарища.

— Попробуй, предложилъ Наумовъ, продолжая отплеиваться.

Головлевъ попробовалъ.

— Вотъ такъ мерзость! отплюнулся онъ въ свою очередь.

— Каша и не можетъ быть хороша, замѣтилъ пошъ Симеонъ. — Вѣдь крупа въ морской водѣ намокла, ну и прогоркла.

— Правда ваша, батюшка, согласился Наумовъ. — А Багажевъ-то, Багажевъ-то, обратилъ онъ вниманіе товарищей, — смотрите, такъ и убираетъ кашу за обѣ щеки.

— Не до разбору!.. Брюхо, словно рукавица, выворачивается отъ голоду, угрюмо проворчалъ Багажевъ, продолжая ѣсть.

— А что, братцы, вѣдь другой каши нѣтъ — давайте эту ѣсть, весело предложилъ Головлевъ. — Глядите, какъ и я начну ее уленетьвать.

И дѣйствительно, онъ началъ ѣсть съ видимымъ аппетитомъ только что охаянную кашу, словно не замѣчая отвратительнаго вкуса морской воды.

— Голодъ вѣдь не тетка! проговорилъ Наумовъ и сталъ также уничтожать кашу.

Остальные товарищи не замедлили послѣдовать соблазнительному примѣру и черезъ пять минутъ котелокъ уже опростали.

— Не сварить-ли еще? предложилъ Головлевъ, обливая щепку, служившую ему ложкой.

— Свари, вари: все равно, что жрать, попросили проголодавшіеся за день товарищи.

Черезъ полчаса новый котелокъ каши былъ уничтоженъ съ тою же поспѣшностью... Сварили кашу въ третій разъ, и тогда только присѣлъ къ котелку пошъ Симеонъ, покушавшій съ одинаковымъ аппетитомъ и тѣмъ же первобытнымъ способомъ, то есть щепочкой. Пожевавъ вдобавокъ прогорклыхъ сухарей, всѣ почувствовали необычайную истому и желаніе уснуть.

— Ложитесь, предложилъ миссіонеръ, — а я покараулю, да костеръ поддержу.

— И вамъ, батюшка, отдохнуть бы надо, замѣтилъ предупредительный Головлевъ.

— Отдохнешь самъ — смѣнишь меня, а потомъ и другимъ придется въ очередь вступить, распорядился пошъ Симеонъ. — Необходимо одному бодрствовать цѣлую ночь, добавилъ онъ какъ бы въ объясненіе своего распоряженія. — Теперь морозъ: костеръ потухнетъ и всѣ замерзнемъ...

Ночь миновала благополучно. Къ утру вѣтеръ значительно стихъ, метель прекратилась и наступилъ совершенно ясный, хотя все еще морозный, день. Пошъ Симеонъ проснулся съ разсвѣтомъ и тотчасъ приступилъ къ тщательному осмотру лодки. Повернувъ ее вверхъ килемъ, онъ разглядѣлъ многочисленныя щели разошедшихся отъ качки досокъ. Старая конопатка во многихъ мѣстахъ совершенно вывалилась. Казалось, было невозможно привести лодку въ сколько-нибудь надежный видъ, но пошъ Симеонъ не упалъ духомъ и энергично рѣшилъ исправить ее во чтѣ бы то ни стало, находя для себя все возможнымъ. Какъ только каторжные-добровольцы позавтракали тою же отвратительною кашею и прогорклыми сухарями, миссіонеръ распредѣлил между ними работы по немедленному исправленію лодки. Одному поручилъ добыть моху для конопатки, другому приказалъ сколачивать разошедшія доски и скрѣплять со шпангоутами деревянными гвоздями, за неимѣніемъ желѣзныхъ; наконецъ остальныхъ послалъ въ ближайшую тайгу, собрать со стволовъ старыхъ сосенъ и елей смолу и сварить ее. Самъ пошъ Симеонъ приводилъ въ порядокъ мачты, паруса и весла, выброшенные на берегъ услужливыми въ данномъ случаѣ бурунами. Цѣлый день кипѣла на безлюдномъ прибрежьи энергичная работа, и къ вечеру лодка была опять готова къ спуску.

— Завтра, тронемся въ дальнѣйшій путь, если погода позволитъ, просто объявилъ за ужиномъ миссіонеръ.

— Что жъ, пора... Не зимовать же намъ здѣсь, такъ же просто согласились каторжные, точно имъ предложено было совершить какую-нибудь легкую прогулку, а не новый рискъ жизнью на утлой ладѣ, среди коварнаго и грознаго моря.

На другой день, погода окончательно стихла. Море едва бороздилось легкимъ вѣтромъ, хотя крупная зыбъ продолжала еще клокотать у побережья. Лодку съ величайшимъ трудомъ вывели за небольшой мысокъ, гдѣ вновь нагрузили ее кое-какою подмоченною провизіей. Пошъ Симеонъ прочелъ передъ отплытіемъ краткую напутственную молитву. Каторжные молча заняли мѣста по банкамъ и дружно ударили въ весла... Три часа слишкомъ они бились почти на одномъ мѣстѣ, силакъ одолѣть буруны, постоянно отбрасывавшіе лодку къ берегу; нѣсколько разъ ее едва не опрокинуло и не залило... Были минуты въ высшей степени критическія, но, благодаря искусству попа Симеона и дружной работѣ добровольцевъ, изъ буруновъ наконецъ выбрались, и лодка очутилась на просторѣ... Весла убрали; поставили опять паруса. Лодка попрежнему заколыхалась по крупной зыби, точно и не терпѣла крушенія два дня тому

назадъ. Правда, послѣдствія этого страшнаго крушенія были громадны, но никто изъ добровольцевъ не старался ухудшить свое душевное расположеніе обстоятельнымъ приведеніемъ въ ясность всѣхъ потерь понесенныхъ при выбрасываніи на берегъ. Необходимо было сохранить полную бодрость духа. Впереди еще лежалъ длинный путь вдоль негостепримнаго, мрачнаго Сахалина, вблизи котораго съ опаскою плавають, осенью и зимой, даже большіе паровые корабли. Около каторжнаго острова, въ это суровое время года, море постоянно неспокойно. Часто дующіе сѣверо-западные вѣтры, рѣзкіе и пронизывающіе насквозь, приносятъ съ собой грозные штормы и метели, чрезвычайно опасные для плаванія. И при такихъ условіяхъ, горсть отважныхъ людей рискнула ввѣриться бурной стихіи, охваченная самоотверженною рѣшимостью извѣтить отъ голодной смерти батальонъ, брошенный и забытый, въ виду военныхъ дѣйствій съ англичанами, на отдаленной южной оконечности громаднаго Сахалина. Преисполненные рѣдкою отвагою, добровольцы ввѣрили свою жизнь утлой, достатой лодкѣ, едва годной для плаванія по спокойной рѣкѣ, но никакъ не по бурному морю, въ водахъ котораго гибли многіе крѣпкіе и большіе корабли. Съ первыхъ же дней плаванія, природа послала удалцамъ тяжкія испытанія, которыя, однако, нисколько не умалили въ нихъ богатой рѣшимости и самоотверженной отваги. Едва вырвавшись изъ дѣйкихъ лапъ грозной смерти, они вновь осмѣлились принять ея грозный вызовъ, при обстоятельствахъ, еще болѣе ужасающихъ и угнетающихъ: лодка кое-какъ проконопаченная мхомъ, залитая плохой смолой, сколоченная деревянными гвоздями; полное отсутствіе провизіи, если не считать небольшой связки

юколы и мѣшковъ съ сухарями и гречихой, размокшими въ морской водѣ. Подобныхъ сухарей не стали бы ѣсть голодные свиньи; они вызывали сильныя боли въ желудкѣ и нестерпимую тошноту; вкусъ ихъ былъ отвратителенъ, напоминалъ гадку юсмѣсь всевозможныхъ солей, начиная съ глауберовой и кончая горькою англійскою. Между тѣмъ, эти сухари и гречиху приходилось употреблять въ силу крайней необходимости, вслѣдствіе полнаго отсутствія какой-либо другой провизіи, предстояло ѣсть въ теченіе неопредѣленнаго еще числа дней, такъ какъ никто еще не могъ положительно сказать, какъ скоро и доберутся-ли еще отважные добровольцы до Корсаковского поста. Вдобавокъ, всѣ ружья и патроны оказались потопленными въ страшныя минуты выбрасыванія на берегъ. Смоченные и просоленные затѣмъ полушубки закорузли и едва сходились. Ноги добровольцевъ были сдавлены, словно въ тискахъ, съезжившимися до-нельзя сапогами, снять которые значило бы остаться затѣмъ босымъ, такъ какъ надѣть ихъ вновь было бы невозможно. Попъ Симеонъ, а глядя на него и каторжные терпѣливо сносили всѣ эти невзгоды, движимые лишь высокимъ самоотверженіемъ. Закоренѣлые преступники, одушевленные богатыремъ-миссіонеромъ, были охвачены челоуѣколюбивымъ подвигомъ; ихъ черствыя, повидимому, сердца раскрылись отъ одного лишь теплаго прикосновенія попа Симеона и оказались преисполненными многими нравственныхъ качествъ, лишь спавшихъ подъ гнетомъ каторжной жизни и тяжело-сложившихся обстоятельствъ, приведшихъ „несчастныхъ“ изъ сердца Россіи на отдаленный, мрачный, суровый Сахалинъ...

(Окончаніе въ слѣд. №).

Иисусъ.*)

Повѣствованіе изъ библейскихъ временъ. **Георга Эберса.** (Окончаніе).

(Право перевода приобретено редакціей отъ автора).

Моисей лобзаетъ Иисуса-Навина.

Глава XXVIII.

Большая часть амаликитянъ пала, и поле сраженія было усеяно ихъ ранеными. Къ тому же, еврейскій военачальникъ зналъ, что другія племена пустыни, до сихъ поръ дѣйствовавшія заодно съ амаликитянами, теперь, по обыкновенію, покинутъ побѣжденныхъ и удалятся въ свои владѣнія.

Тѣмъ не менѣе можно было полагать, что отчаяніе вернетъ отвагу побѣжденнымъ и они не отгадутъ своего оазиса безъ сопротивленія.

Но бойцы Иисуса были до крайности истомлены: ихъ нельзя было немедленно вести дальше.

Самъ онъ также получилъ нѣсколько легкіхъ ранъ — и потеря

* Сынъ Навина.

крови, въ соединеніи съ напряженіемъ, которое онъ испыталъ въ послѣдніе дни, отразился и на его желѣзномъ тѣлѣ.

Далѣе, солнце, съ восходомъ котораго началась битва, уже клонилось къ закату. Было-бы неблагоприятно вторгаться въ оазисъ среди ночной темноты.

И самъ Иисусъ, а еще больше его храбрые воины нуждались въ отдыхѣ до разсвѣта.

Вокругъ него были все радостныя лица, сіяющія гордымъ сознаніемъ побѣды. Распущенные на отдыхъ отряды, отирались въ станъ къ своимъ, сначала шли медленнымъ, усталымъ шагомъ. Но, проходя мимо Иисуса, они оглашали воздухъ такими громкими, бодрыми кликами, какъ будто никогда и не ощущали усталости, которая только что заставляла ихъ идти съ понурыми головами и едва влача ноги.

— Да здравствуетъ Иисусъ! Да здравствуетъ побѣдитель! еще долго повторяли горные отголоски послѣ того, какъ изъ глазъ уже скрылись отряды. Но еще громче раздавались въ сердцахъ Иисуса слова благодарности Моисея. „Ты держалъ себя, гласили эти слова, — мощно и твердо, какъ истый мечъ Вышшняго. Долокъ ты въ Господѣ полагаешь свою силу и въ Иеговѣ видишь свое знамя, никакой врагъ намъ не страшень!“

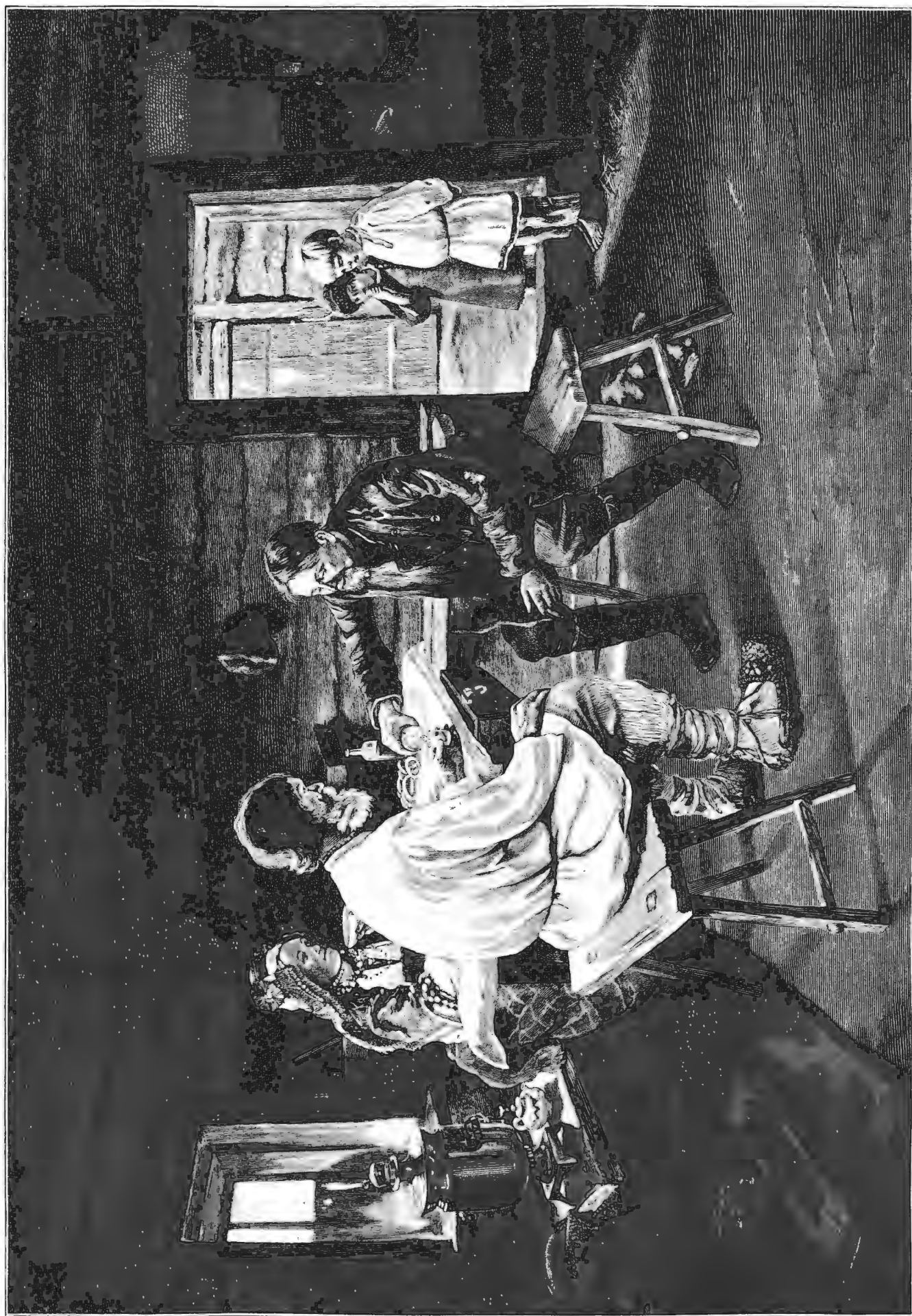
Онъ все еще ощущалъ у себя на челѣ лобзаніе великаго избранника Божія, который, въ виду цѣлаго народа, заключилъ его въ объятія и прижалъ къ груди. Иисусъ до сихъ поръ не могъ справиться съ волненіемъ, одолѣвшимъ его подъ конецъ этого богатаго событіями дня.

Онъ еще оставался на полѣ битвы. Онъ чувствовалъ потребность разобратъ въ самомъ себѣ, прежде чѣмъ присоединиться къ толпѣ и къ отцу, которому принадлежала добрая доля участія во всемъ великомъ, что теперь волновало душу его сына.

Вокругъ царили ужасъ и запустѣніе. Кромѣ Иисуса, здѣсь были только мертвые или тяжело раненные.

Вороны, слѣдомъ летѣвшіе за странниками, все смѣлѣе и смѣлѣе кружились надъ тѣлами, въ ожиданіи обильной добычи. Запахъ крови вызвалъ изъ глубины горъ и ущелій хищныхъ звѣрей — ихъ ревъ и алчный вой оглашалъ всю окрестность.

Съ переходомъ сумерокъ въ ночной мракъ, надъ напштанымъ кровью пространствомъ замелькали огни. Это рабы или тѣ изъ странниковъ, которые не досчитывались своихъ близ-

XVIII передвижная выставка. Олятникъ.
Карт. П. Коровина (право воспроизведенія въ гравюру и т. п. принадлежитъ „Нивѣ“). грав. Флюгель

Весенняя выставка Имп. Акад. Худ. „Отпущение рабыни на свободу“.

Карт. Лосева (право воспроизведения въ гравюрѣ и т. п. принадлежить исключительно „Нивѣ“), грав. Шюблеръ

кихъ, разбирали тѣла, отдѣля мертвыхъ отъ раненыхъ, враговъ отъ друзей. Стоны умирающихъ сливались съ карканьемъ злобѣйшей птицы и съ ревомъ голодныхъ шакаловъ, гиенъ, львовъ и леопардовъ.

Но Иисусъ былъ хорошо знакомъ со всѣми ужасами поля битвы и они не пугали его.

Онъ, прислонясь къ скалѣ, созерцалъ звѣзды — тѣ самыя, которыя сіяли надъ шатромъ его, въ лагерѣ подъ Танисомъ, гдѣ онъ выдержалъ такую жестокою борьбу съ самимъ собою и принялъ самое трудное рѣшеніе въ своей жизни.

Его больше не прельщали дары и почести, которыми еще могъ-бы обогатить и возвеличить его произволъ малодушнаго, причудливаго фараона. Какое значеніе могло теперь имѣть для него стройное, превосходно обученное войско, къ военачальникамъ котораго онъ еще недавно съ гордостью себя причислялъ?

Ему теперь съ трудомъ вѣрилось, что было время, когда начальство надъ лишнею египетскою тысячею составляло предметъ всѣхъ его вождедѣній,—когда ему несказанно льстило всякое новое назначеніе, каждый новый знакъ отличія, присуждавшійся ему тѣми, которыхъ большинство не стѣило его уваженія.

Въ то время онъ всего ждалъ отъ египтянъ и ничего отъ собственнаго народа.

Не дальше еще какъ въ ту ночь, передъ шатромъ, все племя его единокровныхъ казалось ему презрѣнною толпою, осужденною на вѣчное рабство въ подневольномъ трудѣ. Онъ высоко смотрѣлъ даже на знатнѣйшихъ изъ своихъ соплеменниковъ: они всѣ были пастыри, египтяне ихъ презирали, а онъ раздѣлялъ предразсудки послѣднихъ.

Его собственный отецъ тоже былъ ставовладѣлецъ, но если Иисусъ почиталъ его и любилъ, то вопреки его званію и только въ силу неотразимаго обаянія, какое на всѣхъ производилъ добродѣтельный старецъ. Его полная жизни, бодрая, свѣтлая личность во всѣхъ возбуждала невольное уваженіе и любовь, и прежде всѣхъ въ собственномъ его сынѣ.

Съ нимъ Иисусъ охотно признавалъ свое родство. Но за этимъ единственнымъ исключеніемъ, онъ всегда держалъ себя среди товарищей по оружію такъ, что они забывали его происхожденіе и считали его однимъ изъ своихъ. Прабабка Иисуса Асенева, жена Иосифа, была египтянка, и онъ этимъ похвалялся.

А теперь, а нынѣ?

Онъ заставилъ-бы горько раскаяться всякаго, кто назвалъ-бы его египтяниномъ. То, отъ чего онъ еще въ прошлое новолуніе со стыдомъ отрекся-бы и что постарался-бы скрыть, то въ настоящую новолунную ночь — сердце молодого мѣсяца только что вынырнулъ на звѣздное небо—заставляло его высоко подымать голову.

Какое наслажденіе въ возможности со справедливою гордостью называть себя тѣмъ, кѣмъ онъ въ дѣйствительности былъ!

Его жизнь среди египтянъ казалась ему теперь сломною, безконечною ложью и измѣной собственному знамени. Его правдивый умъ радовался, что наконецъ положенъ предѣлъ недостойному укрывательству и отреченію отъ собственной крови.

Онъ съ благодарностью чувствовалъ себя сыномъ народа, болѣе всѣхъ прочихъ угоднаго Господу—членомъ общества, гдѣ всякій могъ съ дѣтства простирать съ любовью руки къ Богу, самое существованіе котораго избранные умы среди египтянъ окружали таинственностью, ибо не считали свой народъ способнымъ понять Его мощное величіе.

И этотъ единый Богъ, передъ которымъ всѣ египетскіе боги ничто, призвалъ его, сына Навина, быть борцомъ за своихъ братьевъ и защитникомъ возлюбленнаго Имъ народа. Этотъ Богъ далъ ему имя, которое навсегда общасть ему Его помощь и покровительство.

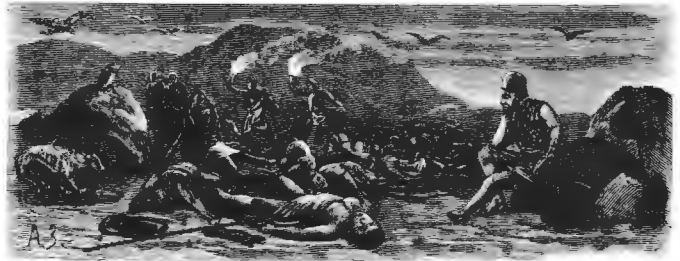
Иисусъ думалъ: лучшая и высшая цѣль въ жизни — это, по волѣ своего Бога, кровью и жизнью послужить своему народу. Но мѣръ этихъ думъ, черные глаза его горѣли все ярче. Сердце его было переколото великою любовью и страстнымъ желаніемъ вознаградить съ избыткомъ свой народъ за то пренебреженіе, которое онъ ему оказывалъ въ прошломъ.

Онъ, правда, навсегда лишился великой, благородной женщины, которую надѣялся назвать своею; но это не нарушало его радостнаго настроенія духа. Она продолжала высоко стоять въ его мнѣніи, но онъ ужъ больше не стремился обладать ею. Онъ теперь думалъ о ней съ благодарностью, но спокойно. Иисусъ не могъ не сознавать, что началъ новую жизнь именно съ той знаменательной ночи, когда она подала ему примѣръ того, какъ надо всѣмъ, даже самымъ дорогимъ, жертвовать своему Богу и народу.

А вина пророкицы передъ нимъ? Она изгладилась изъ его памяти. У него было въ обычаѣ забывать то, что онъ однажды прощалъ. Теперь онъ помнилъ только то, чѣмъ былъ ей обязанъ. Подобно дереву, высоко стремящемуся къ небу на рубежѣ двухъ мировъ, стояла она теперь между его прошлымъ и настоящимъ. Любовь ихъ сошла въ могилу, но они не переставутъ идти объ руку по одному пути, къ одной общей цѣли.

Онъ припомнилъ все, что уже успѣлъ сдѣлать на новой дорогѣ. Жалкіе еврейскіе рабы, въ короткій срокъ его начальства надъ ними, уже превратились въ храбрыхъ воиновъ. На полѣ сраженія они уже добровольно повиновались, а послѣ побѣды высоко держали голову. „И такъ будетъ“, думалъ онъ, „все лучше и лучше съ каждымъ новымъ успѣхомъ“. Отнынѣ ему уже казалось не только желательнымъ, но и вполне осуществимымъ, съ помощью своего народа, завоевать для него отечество, которое онъ могъ бы любить и гдѣ его единокровные, среди свободнаго, привольнаго житія, могли бы сдѣлаться хорошими, достойными людьми, какими онъ, Иисусъ, желалъ ихъ видѣть.

Среди ужаса, вѣявшаго съ поля сраженія, въ темную, безлунную ночь, на сердцѣ у него было радостно и свѣтло, какъ днемъ. „Богъ и мой народъ!“ тихо вырвалось у него изъ груди души. Онъ еще разъ съ признательностью взглянулъ на звѣздное небо и покинулъ усѣянную тѣлами долину смерти. Онъ походилъ на триумфатора, шествующаго по цвѣтамъ и пальмовымъ вѣткамъ, которыми благодарный народъ усыпаетъ путь побѣдителей.

Иисусъ Навинъ на полѣ битвы.

Истуканъ Сета и жертва Молоху.

Заключеніе.

Въ станѣ Иисусъ засталъ большое оживленіе.

Передъ шатрами пылали костры. Вокругъ сновали радостно-настроенныя толпы. Во многихъ мѣстахъ убивали скотъ, гдѣ — для благодарственныхъ жертвоприношеній, гдѣ — для ночнаго пира.

Появленіе Иисуса вездѣ пріветствовалося радостными, восторженными криками. Онъ не нашелъ отца въ своей ставкѣ. Навинъ, по приглашенію Ора, отправился къ нему и тамъ, передъ шатромъ послѣдняго, сіяющей счастіемъ старецъ, обнялъ своего сына.

Маріамъ съ супругомъ тоже оказали позднему гостю пріемъ, который его глубоко тронулъ. Оръ съ сердечною искренностью подалъ ему руку, а она почтительно склонилась передъ нимъ головою и въ глазахъ ея свѣтилась благодарность.

Оръ, прежде чѣмъ усадить гостя, отвелъ его въ сторону и приказалъ рабу, только что убившему телца, раздѣлить послѣдняго на двѣ части. Указывая на нихъ Иисусу, онъ сказалъ:

— Сынъ Навина, ты совершилъ великое дѣло для народа, да и для меня также. Всей жизни моей не хватитъ на то, чтобы достойно отблагодарить тебя за то, что ты сдѣлалъ для меня и для жены моей. Если ты, дѣйствительно, какъ говоришь, забвешь горькія рѣчи, нарушившія въ Дофкѣ нашъ миръ, то давай заключимъ братскій союзъ, котораго и будемъ дер-

жаться въ горѣ и въ радости, въ пугдѣ и въ опасностях. Если ты на это согласенъ, то приглашаю тебя, по примѣру нашихъ праотцевъ, вмѣстѣ со мной пройти между частями убитаго животного.

Иисусъ поспѣдовалъ приглашенію Ора. Маріамъ первая съ жаромъ присоединилась къ одобрителнымъ возгласамъ Навина. Это она, смирясь передъ мужемъ и вернувъ себѣ его любовь, склонила его на союзъ съ Иисусомъ, который долженъ былъ еще больше скрѣпить ихъ дружбу.

И какъ легко это ей удалось! Все какъ бы само собой шло къ ней на встрѣчу, чтобы облегчить ей исполненіе двухъ обѣтовъ, которые она дала въ ту минуту, когда сынъ Навина — она теперь охотно называла его „Иисусомъ“ — превралъ ее изъ ругъ враговъ. Значитъ, она ихъ въ добрый часъ дала.

Рѣшимость быть женщиною, какъ всѣ другія, вмѣстѣ съ чувствомъ совершенно поваго для нея довольства, сообщила ей мягкость, которая до сихъ поръ была ей чужда. Это еще больше расположило къ ней мужа, всю дѣлу которому она окончательно узнала въ печальные дни его отчужденія отъ нея.

Одновременно съ союзомъ Ора и Иисуса, заключился другой, между двумя вѣрными сердцами, которые до сихъ поръ разлучалъ священный долгъ. Другія еще сидѣли за ужиномъ передъ палаткой Ора, когда явились три человѣка изъ племени, подвластнаго Навину, и выразили желаніе поговорить со своимъ вождемъ. То были: старая отщепенница, оставшаяся въ Танисѣ, ея внучка Хогла и женихъ послѣдней Асиръ, съ которымъ она разлучилась, чтобы ухаживать за родными.

Престарѣлый дѣдъ ея, Элавъ, скоро умеръ. Тогда бабка и внучка стравились вѣдѣ за народомъ — первая на ослѣбъ старика — и присоединились къ евреямъ послѣ невѣроятныхъ трудностей.

Навинъ ласково ихъ принялъ и далъ Хоглу въ жены Асиру. Такимъ образомъ этотъ кровавый день для многихъ оказался и радостнымъ. Но закончился онъ все-таки печально.

Въ теченіе всего странствія у евреевъ ни одинъ вечеръ, когда въ стагѣ зажигались огни, не обходился безъ ссоръ и кровавыхъ схватокъ.

Дѣло въ такихъ случаяхъ не рѣдко доходило до ранъ и даже убійствъ. Кто мстилъ другому за оскорбленіе, кто возставалъ противъ несправедливаго присвоенія себѣ чужой собственности или нарушенія взятыхъ на себя обязательствъ.

Восстановленіе порядка и наказаніе виновныхъ тогда являлось дѣломъ не легкимъ. Осудники отказывались признавать судей въ комъ бы то ни было. Оскорбленные соединялись вмѣстѣ и старались грубою силой сами оказывать себѣ правосудіе.

Въ настоящій праздничный вечеръ до слуха Ора и его гостей тоже стали долетать звуки, къ которымъ уже всѣ успѣли привыкнуть. Но вотъ среди грубыхъ, необузданныхъ криговъ замелькали огни. Старѣйшіны встревожились за безопасность стана. Они встали и поспѣшили на шумъ, съ цѣлью положить конецъ беспорядку. Но то, чтѣ представилось имъ взорамъ, превзошло ихъ ожиданія и наполнило однихъ гнѣвнымъ ужомомъ, а другихъ скорбью.

Тогда оцѣнила отъ радости послѣ побѣды.

Ее обуяло желаніе осязательнымъ образомъ выразить благодарность божеству. Въ числѣ чужеземцевъ находились между прочимъ и финикійскіе выходцы. Подъ живымъ впечатлѣніемъ жестокихъ обрядовъ своей страны, они теперь зажгли яркій костеръ въ честь своего бога Молоха и собирались принести ему самую угодную для него жертву, а именно — побросать въ огонь плѣнныхъ амаликитянъ.

Рядомъ параллельно воздвигли на высокомъ деревянномъ столбѣ глиняное изображеніе египетскаго бога Сета, которое, разсчитывая на его покровительство, ваялъ съ собой въ странствіе одинъ изъ его почитателей.

Сотни людей пѣли, восклицали и плясали вокругъ него. Они не могли бы съ большимъ восторгомъ и искренностью возноситься духомъ, еслибъ собрались здѣсь, вмѣсто поклоненія языческому божеству, на возданіе Богу своихъ отцовъ почести, которая подобаешь Ему одному.

По возвращеніи въ лагерь, Ааронъ собралъ народъ и въ его присутствіи воздалъ благодареніе Господу. Но потребность излить свою душу предъ хорошо знакомымъ изображеніемъ божества во многихъ была такъ сильна, что они, при первомъ же взглядѣ на глинянаго идола, забывъ истиннаго Бога, упали передъ нимъ на колѣна.

При видѣ служителей Молоха, которые, готовясь бросать въ огонь человѣческія жертвы, уже свисывали ихъ, Иисусъ воспыла гнѣвомъ. Онъ попытался имъ воспрепятствовать, но ослѣбленные страстью отказались ему повиноваться. Тогда онъ приказалъ трубить въ трубы и призвалъ на помощь свою вѣрную дружину, которая не любила чужеземцевъ, а ему была безгранично предана. Имъ скоро удалось разогнать и отпугнуть неукоренныхъ къ мѣсту ихъ стоянки въ лагерь.

Навинъ, Оръ и Наасонъ едва могли удержать евреевъ отъ открытаго возмущенія, которое только усугубило бы ихъ вину. Но когда пылкій старецъ разбилъ ихъ идола, многіе вознегодовали на него. Они охотно дали бы волю своимъ ру-

камъ и плохо пришлось бы старцу, еслибъ ихъ не остановило уваженіе къ его сѣдинамъ и любовь къ нему самому, къ его сыну и внуку.

Моисей тутъ не было. Онъ, какъ послѣ каждой опасности, изъ которой Богъ выводилъ народъ невредимымъ, удалился въ пустыню. Маріамъ не могла безъ слезъ думать о горести, которую причиняетъ ея великому брату неблагодарность и отступничество народа.

И на радостное настроеніе духа Иисуса, и на его вѣру въ будущее тоже легла мрачная тѣнь. Распростертый на пьновѣ въ шатрѣ своего отца, онъ не смыкалъ глазъ, размышляя о случившемся.

Душа воина въ немъ упорно стремилась къ мысли объ единой, всемогущей, непогрѣшимой силѣ, которая управляла бы всѣмъ въ мірѣ, въ томъ числѣ и человеческой жизнью, и отъ всякой твари требовала бы неуклоннаго повиновенія. Все въ природѣ и въ жизни указывало на зависимость отъ воли Одного, безконечно Великаго и Могущаго. Все двигалось или покоилось по Его мановенію.

Для самого Иисуса, вождя горсти воиновъ, его Богъ былъ верховнымъ, самымъ прозорливымъ военачальникомъ — единственнымъ, съ которымъ побѣда всегда неразлучна.

Какъ дерзнуть на оскорбленіе такого Господа и отступничествомъ воздать Ему за Его милости!

Но народъ сдѣлать это на глазахъ у Иисуса. Припоминая подробности событія, вызвавшего его внимательство, Иисусъ задавалъ себѣ вопросъ: какъ укрѣпить народъ отъ гнѣва Всевышняго? Какъ открыть безумной толпѣ глаза на Его неперѣченную благодать и на Его всемогущее величіе?

Отвѣтъ не являлся. Онъ чувствовалъ себя безпомощнымъ передъ необузданностью и произволомъ, которые грозили роковыми послѣдствіями его народу.

Ему, правда, удалось подчинить себѣ своихъ бойцовъ. Какъ только затрубили трубы и онъ самъ явился во всеоружіи, они немедленно повиновались ему.

Не было развѣ средствъ и въ мирное время, среди ежедневныхъ занятій, удерживать ихъ въ границахъ, гдѣ-бы, какъ у египтянъ, существованіе слабѣйшихъ было обезпечено и ограждено отъ своеволія сильныхъ и кичливыхъ.

Утро застало его среди этихъ размышлений. Звѣзды начали блѣднѣть. Иисусъ вскочилъ съ ложа и крикнулъ, какъ наканунѣ, трубить въ трубы. Вновь образованные боевые отряды и на этотъ разъ безпрекословно и въ полномъ составѣ явились на его зовъ.

Они выступили изъ лагеря и, съ Иисусомъ во главѣ, двинулись въ узкое ущелье. Около часу шли они молча, еще въ сумеркахъ, наслаждаясь прохладой, обыкновенно предшествующею разсвѣту.

Но вотъ заалѣлъ востокъ. На небѣ вспыхнула заря и яркимъ, горячимъ румянцемъ залила величественное чело священной горы.

Она вся передъ странниками: до нея какъ рукой подать. На хребтѣ ея отчетливо вырисовываются всѣ выступы, пропасти, ущелья. Надъ ея семиконечною зубчатой вершиной парятъ орлы съ орлицей. При каждомъ взмахѣ могучихъ крыльевъ они тоже отливаютъ золотомъ въ общемъ сіяніи занимающагося дня.

Странники въ безмолвномъ восторгѣ созерцали эту картину. Обаятые благоговѣйнымъ трепетомъ они, какъ иѣкогда передъ Алушей, всѣ до одного, съ иѣмою молитвой воздѣли руки къ небу.

Они съ облегченнымъ сердцемъ продолжали путь и, весело перекликаясь, указывали другъ другу на красивыхъ птицекъ въ темныхъ перьяхъ, которыя со звонкимъ щебетомъ порхали вокругъ, предвѣщая близость свѣжей воды.

Полчаса спустя, показали и синеватая зелень тамарисковыхъ кустарниковъ и высокія вершины пальмъ. До слуха странниковъ стали долетать самые пріятные изъ всѣхъ звуковъ пустыни — плескъ и журчаніе водъ.

Это ихъ еще ободрило, а величественный видъ Синайской горы ¹⁾, съ вершиной ушрающеюся въ небо и подернутою синеватою дымкою, наполнялъ благоговѣйнымъ восторгомъ сердца этихъ людей, которые выросли среди безконечныхъ Гесемскихъ равнинъ.

Они осторожно пробирались дальше, изъ опасенія наткнуться на остатки разбитыхъ амаликитянъ въ засадѣ.

Но врагъ не показывался. Единственные слѣды его мести, виушенной отчаяніемъ, являлись въ разрушенныхъ жилищахъ, въ срубленныхъ среди долины пальмахъ и въ разоренныхъ садахъ.

Странники, дабы безпрепятственно продолжать путь, должны были расчищать его отъ загромождавшихъ его стroyныхъ стволы съ пыльными верхушками. Когда и это было сдѣлано, Иисусъ по скалисту ущелью, которое вело къ источнику

¹⁾ Нынешній Сербалъ, а не Синай византийцевъ, который, по нашему мнѣнію, лишь при Юстиніанѣ былъ признанъ за гору гдѣ даны заповѣди. Предположеніе, что Сербалъ и есть именно тотъ Синай, о которомъ говоритъ Священное Писаніе, еще прежде насъ высказано Лепсіусомъ и теперь многими раздѣляется. Для подробнаго изложенія этого предположенія, смотри нашъ трудъ: „Durch Gosen zum Sinai, aus dem Wanderbuch und der Bibliothek.“ 2 Aufl. Leipzig. 1882. Wilh. Engelmann. Aom.

въ долину, взобрался на первый каменный выступ горы, чтобы отсюда обозрѣть окрестность и выслѣдить, нѣтъ-ли гдѣ врага.

Узкая, крутая тропинка, пролежавшая по громадамъ краснаго гранита съ зеленоватыми жилками діорита, привела Иеуса къ небольшой площадкѣ, высоко расположенной надъ оазомъ. Тамъ, у свѣтлаго источника, зеленѣлъ кустарникъ и нѣжныя горныя цвѣты украшали печальную наготу пустыни. Иеусъ захотѣлъ тутъ отдохнуть. Онъ сталъ опираться и вдругъ, подъ сѣнью нависшей скалы, увидѣлъ высокій человѣческій образъ.

Это былъ Моисей.

Онъ такъ далеко унесся на крыльяхъ собственной мысли, что потерялъ сознаніе времени и мѣста и не замѣтилъ приближавшагося Иеуса.

Вопиъ герѣзливо дождался, пока наконецъ тотъ поднялъ брадатую голову и дружески-величаво привѣтствовалъ его.

Затѣмъ они оба стали обозрѣвать оазъ и каменистыя долины горной страны у ихъ ногъ. На западѣ за склономъ горы передъ ними мелькалъ изумрудно-зеленый уголокъ Чермнаго моря.

Бесѣда ихъ шла о народѣ и о Богѣ, Который до сихъ поръ такимъ чудеснымъ образомъ ихъ велъ. Обратясь на югъ, они увидѣли безконечную вереницу странниковъ, которая, колыхаясь какъ волны, медленно подвигалась къ оазу.

Тогда Иеусъ раскрылъ Моисею свое сердце и высказалъ ему всѣ вопросы, смущавшіе его въ послѣднюю безсонную ночь и на которые онъ не находилъ отвѣта. Моисей слушалъ его спокойно, потомъ глухо, отрывисто проговорилъ:

— Разнузданность въ станѣ— да, она можетъ испортить нашъ народъ. Но Господь даетъ намъ въ руки силу, которая поможетъ намъ сокрушить произволъ. Горѣ тѣмъ, кто станетъ ей сопротивляться! Сила эта громадна, какъ эта гора, и непоколебима, какъ эта каменная твердыня. Имъ придется это на себѣ испытать!

Грозная рѣчь Моисея замолкла.

Оба нѣсколько времени безмолвно смотрѣли вдаль. Наконецъ Иеусъ спросилъ:

— Но чтожъ это за сила?

Брадатая уста Божьяго слуги твердо и громко вѣщали: „Законъ!“ И онъ указалъ жестомъ на вершину горы.

Затѣмъ Моисей слегка кивнулъ головой и удалился. Иеусъ продолжалъ обозрѣвать мѣстность и вскорѣ замѣтилъ на желтой почвѣ долины движеніе какихъ-то тѣней.

То были остатки разбитыхъ амаликитянъ, которые искали для себя новаго мѣста осѣлости.

Иеусъ еще нѣсколько времени за ними слѣдилъ, наконецъ убѣдился, что они удаляются отъ оаза. Тогда и онъ началъ спускаться въ долину.

Онъ былъ погруженъ въ глубокую думу. — „Законъ!“ повторялъ онъ про себя.

Да, вотъ чего не доставало странникамъ! Закону предстало обуздать эту дикую, только что вырвавшуюся изъ неволи толпу и создать изъ нея народъ, достойный Бога, Который предпочелъ его всѣмъ другимъ народамъ земнымъ.

Но размышленія военачальника были скоро прерваны. До него изъ оаза сталъ доноситься смѣшанный гулъ человѣческихъ голосовъ, мычанье и блянье стада, лай собакъ и тяжелые удары молота.

Это разбивались шатры — дѣло мирное, не требовавшее его присутствія.

Онъ бросился на землю подъ густою тѣнью тамарисковыхъ кустовъ, надъ которыми гордо раскинулась вершина пальмы. Иеусъ съ наслажденіемъ расправлялъ свои усталыя мышцы. Онъ началъ успокаиваться: отнынѣ существованіе народа обезпечивалось — въ военное время его мечомъ, въ мирное—закономъ. Конечно, это было много: это подкрѣпляло надежду. Однако въ этомъ еще не все—нѣтъ, нѣтъ, это не могло быть все. Чѣмъ больше Иеусъ думалъ, тѣмъ глубже чувствовалъ, что этого еще недостаточно для его единокровныхъ братьевъ и сестеръ. Его широкое чело снова омрачилось; снокоисствіе отъ него отлетѣло, и онъ тихо покачалъ головой.

Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! Законъ не могъ дать его возлюбленнымъ всего, чего онъ для нихъ желалъ. Чтобы будущность ихъ была такъ свѣтла и прекрасна, какъ онъ себѣ ее представлялъ на пути въ рудники, требовалось еще нѣчто.

Но, чтѣ именно? Какъ оно называлось?

Онъ закрылъ глаза и, напрягая мозгъ, мысленно переносился къ другимъ народамъ, которыхъ видалъ на войнѣ и въ мирѣ. Онъ искалъ у нихъ того, чего не доставало его единокровнымъ и среди этихъ размышленій заснулъ. Во снѣ ему представилась Маріамъ и образъ другой прелестной дѣвы, похожей на Казану въ то время, когда она чистымъ, невиннымъ ребенкомъ часто слѣзила къ нему на встрѣчу, а за ней слѣдомъ шель бѣлый ягненокъ, котораго ей много лѣтъ тому назадъ подарилъ его отецъ.

Каждое изъ этихъ двухъ видѣній предлагало ему свой даръ— и онъ долженъ былъ выбрать одинъ изъ нихъ.

Маріамъ держала въ рукахъ и съ суровою важностью подавала ему тяжелую золотую скрижаль, на верш которой огненными буквами начертано было слово: „законъ“. Младшая дѣва простирала къ нему густую пальмовую вѣтку — знакъ мира, который былъ ему хорошо извѣстенъ.

Видъ скрижалъ вызвалъ въ немъ благоговѣйный трепетъ, но пальмовая вѣтка такъ дружелью кивала ему, что онъ безъ колебаній схватилъ ее. Образъ пророчицы мгновенно разсѣялся, какъ туманъ, гонимый утреннимъ вѣтромъ. Онъ съ горестнымъ изумленіемъ смотрѣлъ на то мѣсто, гдѣ она передъ тѣмъ стояла. Его и удивлялъ, и тревожилъ собственный выборъ, въ безопытности котораго онъ однако не сомнѣвался. Наконецъ онъ рѣшился спросить у дѣвы, чтѣ означаетъ ея даръ для него и для его народа.

Она, склонивъ къ нему голову, указала вдаль и произнесла три слова, нѣжная благозвучность которыхъ проникла въ самую глубину его сердца. Но сколько онъ ни старался вынуть въ ихъ смыслъ, это ему не удавалось. Онъ молилъ дѣву объяснить ихъ, но вдругъ проснулся отъ звука своего собственного голоса. Опечаленный и задумчивый вернулся онъ въ станъ.

Иеусъ и впоследствии не разъ пытался припомнить эти слова, но всегда напрасно. Онъ всю великую силу своего духа и тѣла посвятилъ народу. За то племянникъ его, Ефремъ, волилъ достойный позже выпавшаго на его долю почета, былъ, въ качествѣ могущественнаго князя и вождя своего племени, основателемъ новаго, своего собственного дома. Онъ далъ престарѣлому Навину правнуковъ, которые еще надолго продолжили его славный родъ.

Дальнѣйшіе подвиги Иеуса и завоеваніе имъ своему народу новаго отечества всѣмъ хорошо извѣстны.

Тамъ, въ Обѣтованной землѣ, много лѣтъ спустя, родился въ Виллемеѣ другой Иеусъ, Который принесъ въ даръ всему человечеству то, чтѣ сынъ Навина тщетно искалъ для одного народа еврейскаго.

Три слова въ его видѣніи, смысла которыхъ никакъ не могъ уловить суровый военачальникъ, гласили: „Любовь, Милосердіе, Искупленіе!“

Законъ!

К О Н Е Ц Ъ.

Къ рисункамъ.

Выставка Имп. Академіи Художествъ и XVIII передвижная выставка (въ Академіи Наукъ).

(Рис. на стр. 320, 321, 325, 328 и 329).

Если нѣсколько лѣтъ тому назадъ и была какая-нибудь возможность сравнить произведенія художниковъ принадлежащихъ такъ или иначе къ нашей Академіи съ произведеніями отдѣлившейся отъ нея группы „передвижниковъ“, то за послѣдніе годы и эта возможность окончательно исчезла. Передвижныя выставки, съ каждымъ годомъ быстрѣе скользя по наклонной плоскости самоувѣреннаго оригинальничанья, пренебреженія къ преемственности въ искусствѣ и вообще къ какой бы то ни было строгой школѣ, и ободряемыя въ этомъ анти-художественною критикою, неизбежно должны были прид-

ти къ упадку—и дѣйствительно пришли на текущей выставкѣ въ Академіи Наукъ. За нѣсколькими исключеніями (о которыхъ *Нива* своевременно дала отчетъ словомъ и снимками), никогда еще передвижная выставка не была такъ убога и по числу картинъ (съ небольшимъ сотня), и по качеству ихъ.

Начнемъ обзоръ ея съ высшаго рода живописи—религиозна-исторической. Единственнымъ представителемъ ея на XVIII передвижной выставкѣ является картина проф. Ге: „Что есть истина?“ (Іоан. XVIII, 38). Трудно понять, для чего понадобилось автору сослаться на текстъ Евангелія, подписывая картину, въ которой не только нѣтъ ни одной евангельской черты, но какъ бы умыленно собраны такія, которыя совершенно противорѣчатъ Евангельскому тексту. Въ картинѣ всего двѣ

Тридцать сребрениковъ Іуды. Съ карт. Академика Ю. О. Бонча-Томашевского, грав. Флюгель.

фигуры, из которых одну, не различно ни ростомъ, ни стапюмъ, ни лицомъ, со злыми маленькими глазами, со вселюпными, неопрытными космами волосъ, прикрываю какими-то сѣрыми отрешками почечкишка, г. Ге выдаетъ намъ за Спасителя, а другую—грубаго, обрзвлага и одурьлага отъ великихъ излишествъ отпущеника въ родѣ Тримальциона — за изящнаго, умнаго и просвѣщеннаго римскаго правителя Пилата. Чтобы въ двухъ словахъ передать впечатлѣнне этой картины, приведемъ случившійся на выставкѣ, къ сожалѣнню не анекдотъ, а фактъ. Одинъ весьма просвѣщенный цѣнитель искусства, приди на выставку безъ каталога, съ перваго взгляда принявъ картину г. Ге за изображение Иуды, пришедшаго возвратить полученные за предательство 30 сребренниковъ. Вотъ къ какому печальному наденію приводитъ въ концѣ концовъ недомыслие касательно такъ-называемыхъ „реализма“ и „натурализма“ въ искусствѣ! Если въ началѣ художественнаго поирца г. Ге, послѣ его преловутой „Тайной вечерни“, можно было говорить хоть о техникѣ и съ на ей, то на послѣдней низводящей ступени его дальнѣйшаго развитія самая техника оказывается забденною ложнымъ направденіемъ.

Въ отдѣлахъ жанра и пейзажа попадаются нѣсколько прекрасныхъ картинъ, большая часть которыхъ, впрочемъ, принадлежить такимъ именамъ какъ Шишкинъ, В. Е. Маковскій, Боголюбовъ и др., которыхъ какъ-то странно считать „передвижниками“. Въ большинствѣ же собственно экспонентовъ мало кто выдаетъ надъ уровнемъ посредственности и крайняго убожества мысли.

Послѣ новыхъ распоряженій министерства Императорскаго двора, которыми устройство выставки въ Академіи Художествъ предоставлено коммисіи (жюри) самихъ экспонентовъ, а сборъ за входъ на выставку съ посѣтителей распределяется между экспонентами, передвижныя выставки утрачиваютъ послѣднюю raison d'être, и вѣроятно будутъ продолжать свое движеніе по наклонной плоскости.

Напротивъ, академическая выставка нынѣшняго года очень богата и числомъ выставленныхъ предметовъ (болѣе 400 номеровъ), и разнообразіемъ ихъ содержанія, и безспорно выдающимися произведеніями. Однѣхъ историческихъ картинъ (большинство, впрочемъ, историческаго жанра) наберется съ десятокъ, каковы, напр.: „Владимірское разореніе“ Кошелева, „Передъ вѣтромъ“ К. Е. Маковскаго, „Послѣднія минуты митрополита Филиппа“ Новосольскаго, батальныя картины Дмитріева-Оренбургскаго и Каразина, „Сцена изъ французской революціи“ Свѣдомскаго и др. Портреты на выставкѣ около сорока, не считая этюдовъ, головъ и т. п. Отдѣлы жанра и пейзажа, само собою разумется, преобладаютъ какъ численностью, такъ и художественностью исполненія. Далѣе встречаются: живопись, акварели, сангины, пастели, архитектурныя рисунки и проч. Кроме того, въ нынѣшнемъ году и скульптурный отдѣлъ представленъ съ рѣдкою въ послѣдніе годы полнотою: есть и статуи, и группы, и бюсты, и памятники, и барельефы.

Одно изъ главныхъ украшеній выставки, громадный историческій жанръ К. Е. Маковскаго „Передъ вѣтромъ“, требовалъ особенно тщательнаго воспроизведенія и гравированія для *Писы* за границей. Поэтому мы начнемъ нашъ обзоръ выставки съ прелестнаго историческаго жанра „Отпущеніе раба на свободу“ (рис. на стр. 329), картина, которая доставила автору ея, г. Лосеву, званіе академика.

Въ древнемъ Римѣ было очень много рабовъ. Часто число ихъ было больше числа свободныхъ. У римлянъ рабъ, *servus*, въ обширномъ смыслѣ слова, былъ-ли онъ мансиримъ, т. е. захваченъ на войнѣ, или родившійся въ домѣ своего господина, считался скорѣе вещью, чѣмъ человѣкомъ. Отношенія хозяина къ рабамъ были очень суровы, и чѣмъ рабство было тяжелѣе, тѣмъ труднѣе былъ выходъ раба на волю. Но и получивъ ее и ставъ вольноотпущеннымъ, *libertus*, *manumissus*, бывшій рабъ не былъ вполнѣ свободнымъ человѣкомъ и его правоспособность была ограничена. Онъ былъ лишень права голоса, не могъ занимать общественныхъ должностей, ни носить золотого кольца и т. п., и находился подъ покровительствомъ и опекою патрона. Получить свободу рабъ могъ тремя способами. Или его имя занеслось съ согласія его господина въ списки цензовъ, на которые дѣлился римскій народъ, или по духовному завѣщанію своего господина ему даровалась свобода, или въ присутствіи претора или судьи, когда хозяинъ не противорѣчилъ заявленію о свободѣ своего раба, послѣ чего преторъ касался головы его особою палочкою (*vindicta*) и объявлялъ его свободнымъ.

Послѣдній случай изобразилъ въ своей картинѣ Лосевъ, гдѣ рабъня отпущается на волю и преторъ уже готовъ коснуться ея головы виндиктой.

Чрезвычайно изящно и красочно написанная, эта картина, со множествомъ фигуръ, полныхъ движенія и жизненной правды, близко напоминаетъ невоображаемая картины изъ древней жизни Альма Тадемы, и по всей справедливости заслуживаетъ той высокой награды, которую Академія поирила талантъ молодаго художника.

Другая картина г. Лосева (рис. на стр. 325) изображаетъ

свидѣніе двухъ влюбленныхъ; вся мысль ея въ лицѣ молодой дѣвушки, озабоченномъ позвией перваго чувства.

Другимъ выдающимся представителемъ исторически-бытоваго жанра на выставкѣ является картина профессора Сверчкова (рис. на стр. 320).

Она изображаетъ сцену изъ первой главы извѣстнаго романа Загоскина, какъ Юрій Милославскій со своимъ вѣрнымъ холопомъ Алексѣемъ нашелъ заповождя Киршу.

Снѣжная равнина, читаемъ мы въ романѣ, — взрываемаго порывистымъ вѣтромъ, походила на бурное море; холодъ ежеминутно увеличивался, а вѣтеръ превращался въ совершенный вихрь. Цѣлая облака пушистаго снѣга крутились въ воздухѣ, и не только ослѣпляли путешественниковъ, но даже мѣшали имъ дышать свободно.

Вдругъ черная большаго собака съ громкимъ лаемъ бросилась на встрѣчу къ Алексѣю, начала къ нему ласкаться, вертѣть хвостомъ, визжать и потомъ съ водемъ побѣжала назадъ.

Алексѣй пошелъ за нею; но едва онъ ступилъ нѣсколько шаговъ, какъ увидѣлъ лежащаго въ снѣгу человека въ сѣромъ армякѣ, подпоясанномъ пестрымъ кушакомъ, изъ-за котораго видѣлась рукоятка широкаго турецкаго кнжала; длинная винтовка, въ сукопномъ чехлѣ, висѣла у него за спиною, а съ правой стороны къ поясу привязана была толстая казачья плеть; татарская шапка, съ густымъ околышемъ, лежала подлѣ головы...

Съ передвижной выставки мы на этотъ разъ беремъ двѣ картинки-жанръ „Бродяга“ Иванова и „Олятникъ“ Коровина.

Помѣщенная на стр. 321 гравюра „Бродяга“ могла бы послужить прекрасною иллюстраціей къ разсказу Немровича-Данченко „Заговорило“, напечатанному въ Сборникѣ романовъ, повѣстей и разсказовъ, приложенномъ къ нашему журналу за прошлый годъ. Это тотъ самый „нашенокъ“, выброшенный изъ воспитательнаго дома въ чухонскую деревню, гдѣ онъ росъ, вѣчно сжимаясь отъ вѣчныхъ попрековъ и побоевъ. Всегда голодный, онъ научился красть и грабить, и никакія наказанія не могли его исправить; росъ онъ сперва въ деревнѣ, потомъ въ городѣ, и жилъ на зло всѣмъ и каждому. Вотъ и теперь онъ очевидно попалъ въ какой-то продѣлкѣ, за которую приходится расплачиваться сначала въ участкѣ, куда доставить его официальный спутникъ, а потомъ и на судѣ. Типичны лица обилъ фигуръ.

„Олятникъ“ Коровина — бытовая картинка, представляющая стараго медвѣжьего охотника въ бесѣдѣ съ нахавшимъ изъ города товарищемъ по охотѣ, кушомъ средней руки или мѣщанномъ, за чайкомъ.

Тридцать сребренниковъ Иуды. (Рис. на стр. 333).

Душевное состояніе предателя прекрасно обрисовано Фарраромъ въ его книгѣ „Жизнь Иисуса Христа“. Когда утренній свѣтъ разогналъ холодный сумракъ ночи и предатель узналъ о рѣшеніи священниковъ и синедриона, когда увидѣлъ что Спасителя предадутъ на распятіе римскому правителю, тогда у него впервые открылись глаза на то, что онъ сдѣлалъ. Великія преступленія обладаютъ страшною силой озаренія. Онъ ужаснулся своей собственной мерзости и сознаніе ея неудержимо гнало его отъ угрызений совѣсти къ отчаянію. Если-бы онъ даже тогда пошелъ къ своему Господу и Спасителю, наль къ ногамъ Его, умоляя о прощеніи, — все было-бы забыто ему. Но увы! — вмѣсто этого онъ пошелъ къ своимъ покровителямъ, сообщникамъ и искусителямъ въ преступленіи. Въ нихъ онъ не встрѣтилъ ни жалости, ни привѣта. Онъ былъ презрѣнимъ, сломаннымъ орудіемъ, и потому теперь оттолкнуть былъ ими. До бѣшенства доводившій его угрызения совѣсти встрѣтилъ въ нихъ холодное равнодушіе и наглое презрѣніе. „Сотрѣшилъ я“, нествою вопилъ онъ изъ, „предалъ кровь неповинную“. Неужели онъ ожидалъ встрѣтись въ нихъ угнѣненіе въ мучительныхъ терзаніяхъ своей совѣсти, сочувствіе въ совершенномъ имъ дѣлѣ, оправданіе со стороны ихъ властнаго одобренія? „Что намъ до того? смотри самъ!“ отвѣчали они, единственно такого только безсердечнаго отвѣта достойнаго несчастнаго предателя, котораго сами-же они подстрекали, ободряли и побуждали на его гнусное дѣло. Онъ видѣлъ, что въ немъ не нуждаются больше, что въ преступленіи нѣтъ возможности для взаимнаго уваженія, нѣтъ мѣста для чувства, кроме взаимнаго отвращенія. Жалкіе тридцать сребренниковъ составляли все, что онъ могъ получить. Съ отчаяніемъ бросивъ ихъ на полъ — на священное мѣсто, гдѣ засѣдали священники и куда самъ онъ не смѣлъ войти, онъ ринулся въ область безотраднато уединенія, откуда уже не вышель живымъ. Таково содержаніе прекрасной картины академика Вонча-Томашевскаго, выдержанной въ строго-классическомъ стилѣ.

Св. Жены на Крестномъ пути. (Рис. на стр. 336).

Преданія римской церкви разсказываютъ множество событий изъ этого „скорбнаго пути“ — *via dolorosa* — но въ Евангеліи упоминается лишь единственный случай. Ев. Лука передаетъ, что среди множества народа, слѣдовавшаго за Иисусомъ на Голгофу, было много и женщинъ. Отъ мужчинъ въ этой двигающейся толпѣ онъ повидному не получилъ ни одного слова состраданія или сочувствія. Но женщины, болѣе отзывчивыя на страданіе, менѣе способныя управлять

своими чувствами, не могли и не хотѣли скрывать ужаса и скорби, которыми наполняло ихъ это зрѣлище. Онѣ были себя въ грудь и оглашали воздухъ плачемъ, пока Самъ Спаситель не заставилъ ихъ прекратить эти вопли словами торжественнаго предостереженія. Далѣе, въ Евангеліи говорится, что въ толпѣ, окружавшей Распятаго Страдальца на Голгофѣ, въ от-

даленіи стояло нѣсколько женщинъ, которыя смотрѣли на Него; это были Матерь Его Марія, Марія Магдалина, Марія жена Клеопы, мать Иакова и Иосифа, и Саломія, жена Заведей. Художникъ изобразилъ ихъ еще на Крестномъ пути, когда онѣ въ выступомъ скалы видятъ приближающееся Крестное шествіе.

Библиографія.

Портреты современныхъ воиновъ дѣятелей, изд. В. А. Березовскаго. Цѣна за 1 портретъ 1 рубль.

Предыдущее издание портретовъ нашихъ извѣстныхъ генераловъ: Ванновскаго, Обручева, Гурко, Драгомирова, графа Шувалова (послѣ въ Берлинѣ), Рихтера (начал. Главн. квартирн.), Махотина (начальн. воен. учебн. завед.), князя Дондукова-Корсакова, Розенбаха, Куропаткина, покойныхъ: Г. Г. Радецкаго, М. Д. Скобелева 2-го и друг.

Портреты напечатаны по способу фототипіи и выполнены какъ по сходству, такъ и по отчужденности работы, превосходно: такого размѣра фотографіи стоятъ 25—30 руб. Нельзя не приветствовать подобное изданіе: за-границей портреты каждаго

общественнаго дѣятеля распространены въ массѣ различныхъ изданій, у насъ же часто невозможно достать портрета министра, стоящаго во главѣ своего министерства болѣе 10 лѣтъ. Для военныхъ портреты дѣятелей на боевомъ поприщѣ имѣютъ огромное нравственное значеніе, способствуютъ запоминанію дѣлъ совершенныхъ изображаемымъ лицомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ паноминная разсказы, часто перемежаемые съ поэтическими легендами объ ихъ подвигахъ; подобные разсказы воодушевляють воина и представляютъ ему идеаль, къ которому особенно хочется стремиться. Теперь уже напечатано 14 портретовъ, и г. Березовскій общасть продолжать это изданіе.

Разныя извѣстія.

Правительственныя распоряженія.

— Имѣннымъ Высочайшимъ указомъ министру Финансовъ повелѣно: приступить къ выкупу всѣхъ билетовъ седьмага пятипроцентнаго займа 1862 года на сумму 15 милл. ф. стерлинга. Выпустить для сей цѣли новыя 4% облигаціи на нарицательный капиталъ въ 75 милл. рублей золотомъ или 11,865,000 ф. стерлинга на слѣдующихъ основаніяхъ: Заемъ сей вносится въ государственную долговую книгу подъ названіемъ „Россійскаго 4% золотого займа, третій выпускъ 1890 года“. Облигаціи сего займа выпускаются именныя и на предъявителя достоинствомъ въ 125 руб. зол., 625 руб. зол. и 3,125 руб. золотомъ.

Во исполненіе Имѣннаго Высочайшаго указа, министръ Финансовъ снѣмъ объявляетъ во всеобщее свѣдѣніе: Всѣ находящіеся въ обращеніи билеты седьмага 5% займа 1862 года снѣмъ назначаются къ выкупу на 19 іюня (1 іюля) 1890 года. Сообразно сему теченіе процентовъ по упомянутымъ билетамъ прекращается съ 19 іюня (1 іюля) 1890 года.

Военное и морское дѣло.

— 22 марта исполнится пятидесятилѣтній годовщина со дня кончины героя-солдата Тенинскаго полка, Архима Осипова, погибшаго при взрывѣ Михайловскаго укрѣпленія (на берегу Чернаго моря). Подвигъ Осипова состоитъ въ томъ, что онъ во время атаки Михайловскаго укрѣпленія чересамы, когда русскими это укрѣпленіе уже было потеряно, забрался въ погребъ, гдѣ хранился порохъ, и взорвалъ его. Изображеніе этого подвига было помѣщено въ *Нивѣ* 1871 г. Покойный

императоръ Николай Павловичъ особенно отмѣтилъ этотъ подвигъ Архима Осипова и выдѣлилъ изъ ряда другихъ подвиговъ тѣмъ, что приказалъ имя Осипова навсегда сохранить въ 1-й ротѣ Тенинскаго полка и считать его первымъ рядовымъ на всѣхъ веревкахъ. Съ этого времени, при сиротѣ имени Осипова, первый за имя рядовой отзывается: „людищъ во славу русскаго оружія при взрывѣ Михайловскаго укрѣпленія“. Въ 1881 году Осипову поставленъ памятникъ во Владикавказѣ. Тенинскій полкъ ежегодно, 22 марта, чтитъ память героя нашихъ дней въ своей полковой церкви. Въ настоящій годъ, въ день годовщины, на площади у памятника, состоится, какъ сообщаетъ газета „Свѣтъ“, общій парадъ всѣхъ войскъ владикавказскаго гарнизона.

Промышленность и сельское хозяйство.

— Крестьяне-переселенцы Срѣтенскаго поселка въ Сѣверъ-Даринской области объявляютъ въ газетѣ „Окраина“, что они, изучивъ въ теченіе двухъ лѣтъ культуру американскаго хлопчатника уланца, всего продали до 8 тысячъ пудовъ въ 1889 году, и намѣревались нынѣ усилить посѣвъ его, просить купцовъ оказать имъ содѣйствіе ссудою капитала, за круговую порукою общества въ 120 дворовъ, на поставку до 30 тысячъ пудовъ первосортнаго сыра.

Искусства изобразительныя.

— 10 марта, Ея Величество Государыня Императрица съ Е. П. В. Вел. Кн. Ксеньей Александровною, посѣтили выставку дамскаго художественнаго кружка въ СПб. Ея Величество была встрѣчена на лестницѣ членами

кружка Е. П. В. Вел. Кн. Елисаветой Осодоровною и предсѣдательницею кружка П. П. Куріаръ. Между прочимъ, Ея Величество обратила особенное вниманіе на работу Е. П. В. Вел. Кн. Елисаветы Осодоровны (шрма съ нарисованными птицами и цвѣтами, акварель по газу). Ея Величество приобрѣла на выставкѣ икарты работы г-жи Олсуфьевой (выжиганіе по дереву).

Спортъ.

— 25 января утвержденъ министеромъ Внутреннихъ Дѣлъ уставъ Крымскаго горнаго клуба въ Одессѣ. Новый клубъ поставляетъ себѣ цѣль: 1) научное изслѣдованіе крымскихъ горъ и распространеніе собираемыхъ о нихъ свѣдѣній; 2) поощреніе къ посѣщенію и изслѣдованію этихъ горъ и облегченіе пребыванія въ нихъ естественныятеплымъ и художникамъ, отправляющимся въ горы съ научною или артистическою цѣлью; 3) поддержку мѣстныхъ отраслей сельскаго хозяйства, садоводства и мелкой горной промышленности и, наконецъ, 4) охрану рѣдкихъ горныхъ видовъ растений и животныхъ. Дѣйствительные члены платятъ при поступленіи въ клубъ 2 р. — на основаніи капитала и 10 руб. — членскаго взноса. Почтенные члены вносятъ одновременно 100 руб.

— Наступившая теплая погода дала возможность нашимъ охотникамъ начать стрѣльбу глухарей на току чрезвычайно рано. Такъ, мы слышали, что въ одномъ изъ нашихъ охотничьихъ обществъ первый глухарь былъ убитъ 12 марта — случай досихъ поръ, въ окрестностяхъ Петербурга, небывалый.

Политическое обозрѣніе.

Князь Бисмаркъ сошелъ съ политической арены. Нѣтъ сомнѣнія, что совершившееся событіе имѣетъ чрезвычайно важное политическое значеніе. „Безспорно, замѣчаетъ *Journal de St.-Petersbourg*, что со сцены сходитъ величайшій человекъ нашего времени и что участіе его въ общественной жизни ознаменовалось такими великими преобразованіями, какихъ давно уже не переживала Европа“. По свѣдѣніямъ *Kölnische Zeitung*, рескриптъ объ отставкѣ былъ врученъ князю 8 марта въ 3 ч. пополудни по порученію императора управляющимъ гражданскимъ кабинетомъ его величества Луканузомъ и управляющимъ военнымъ кабинетомъ генераломъ Гайке. Въ тотъ же день, какъ мы уже сообщали на прошлой недѣлѣ, въ прибавленіи къ *Имперскому Указателю* опубликованы указы объ увольненіи князя Бисмарка, согласно прошенію, отъ должности имперскаго канцлера, президента прусскаго совѣта министровъ и министра иностранныхъ дѣлъ, а также указъ о назначеніи генерала де-Каприви имперскимъ канцлеромъ и президентомъ прусскаго совѣта министровъ, временное же управленіе министерствомъ иностранныхъ дѣлъ возложено было на графа Бисмарка, который, 14 марта, также податъ прошеніе объ отставкѣ: императоръ принялъ это прошеніе и назначилъ канцлера де-Каприви министромъ иностранныхъ дѣлъ. Въ томъ же прибавленіи къ *Указателю* опубликованъ кабинетный приказъ императора, коимъ императоръ принимаетъ отставку канц-

лера, согласно поданному имъ прошенію, но при этомъ высказываетъ увѣренность, что и впредь императоръ и отечество не будутъ лишены содѣйствія и вѣрной преданности князя Бисмарка. Императоръ надѣется, что при жизни ихъ обоихъ ему не придется стать лицомъ къ лицу съ мыслью о разставаніи. Его величество видитъ милостивую волю Провидѣнія въ томъ, что при вступленіи своемъ на престолъ онъ имѣлъ при себѣ совѣтникомъ князя. Все, что было достигнуто для Пруссіи и Германіи, все, что онъ, князь, сдѣлалъ для предшественниковъ императора и для него самого — все это остается навѣки запечатлѣннымъ въ памяти благодарностью. И за границую мудрая, энергичная политика мира, которую императоръ, по глубокому убѣжденію, рѣшилъ и впредь руководить, заслуживала всегда громкой признательности. Наградить такія услуги нельзя, но въ знакъ вѣчной благодарности императоръ возводитъ князя въ званіе герцога Лаунбургскаго и жалуетъ ему свой портретъ во весь ростъ. Во второмъ кабинетномъ приказѣ императоръ, какъ высшій военный вождь, приноситъ благодарность князю Бисмарку за его незабвенныя заслуги, оказанныя арміи въ царствованіе гдѣ и влготъ до нашихъ дней. Императоръ знаетъ, что онъ является выражителемъ чувствъ арміи, жагуча князю высшее положеніе въ войскѣ назначеніемъ его генералъ-полковникомъ кавалеріи съ

Святая Жены на Крестномъ пути. Съ картины А. Делуга, грав. Флюгель.

тиномъ фельдмаршала арміи. Выраженная императоромъ признательность князю Бисмарку произвела на всѣхъ глубокое впечатлѣніе въ Берлинѣ, да и вообще въ Германіи, гдѣ, надо сказать, многіе не допускали мысли, что князь Бисмаркъ, при жизни, можетъ стоять вдали отъ политическихъ дѣлъ. Лучшимъ доказательствомъ этого является то обстоятельство, что первое извѣстіе о подачѣ канцлеромъ прошенія объ отставкѣ, появившееся въ *Kölnische Zeitung*, встрѣчено было съ сомнѣніемъ и недоувѣрчивостью, и многія газеты, перепечатавая извѣстіе, назвали его „сенсационнымъ слухомъ“.

Причины удаленія князя Бисмарка отъ дѣлъ трудно доискаться въ дѣлой грудѣ предположеній и сообщеній. Объ одномъ можно сказать почти съ увѣренностью, что между молодымъ императоромъ и бывшимъ канцлеромъ произошелъ разладъ и, какъ сообщаютъ *Гамбургскія Извѣстія*, что канцлеръ удалился вовсе не по доброй волѣ. Въ другой газетѣ, также вдохновляемой княземъ Бисмаркомъ, въ *Norddeutsche Allgemeine Zeitung* мы находимъ короткое, но довольно краснорѣчивое сообщеніе, что для удержанія князя Бисмарка никакихъ усилий приложено не было. Какъ говорить, до послѣдней минуты князь Бисмаркъ рассчитывалъ, что императоръ одумается, не согласится на его отставку, и былъ пораженъ почти до слезъ, когда ему подали оба собственноручные рескрипта императора Вильгельма, удостоившіе принятіе отставки.

Трудно и тяжело было также и юному Германскому императору, когда онъ соглашался на прошеніе желѣзнаго канцлера. *Weimarsche Zeitung* опубликовала телеграмму императора Вильгельма отъ 22 марта къ одному особенно преданному ему лицу: „Сердечно благодарю за ваше любезное письмо. Я дѣйствительно пережилъ горькія испытанія и тяжкія минуты. Сердце мое такъ страдаетъ, какъ будто я вторично лишился моего дѣда. Но видно, что уже такъ Богу угодно! И такъ я долженъ переносить все это, хотя бы и суждено было мнѣ погибнуть. На мою долю выпала обязанность вахтеннаго офицера на государственномъ кораблѣ. Курсъ остается прежній и теперь—на всѣхъ парахъ!“ „Вильгельмъ“.

Къ новому императору канцлеру де-Каприви въ Германіи всѣ относятся сочувственно; со времени своей дѣятельности въ должности морскаго министра, Каприви оставилъ во всѣхъ партияхъ сочувственное воспоминаніе о себѣ. Надѣются, что онъ, какъ и прежде, проявитъ способность осваиваться съ новою для него областью. Такъ какъ у Каприви нѣтъ политической программы, то всѣ ожидаютъ, что вѣншія политика Германіи будетъ вестись въ прежнемъ направленіи, тогда какъ для политики внутренней императоръ уже указалъ новые пути.

Подобнаго-же мѣтнія держится и заграничная печать. *Reform* говоритъ, что германская политика никакимъ измѣненіемъ вѣдѣтвіе отставки князя Бисмарка не подвергнется. Преемникъ канцлера, кто бы онъ ни былъ, будетъ держаться по отношенію къ европейскимъ государствамъ такого-же образа дѣйствій, какъ и его предшественникъ. Французская печать относится къ отставкѣ князя Бисмарка спокойно, полагая, что это гораздо болѣе интересуетъ Австро-Венгрію и Італію,

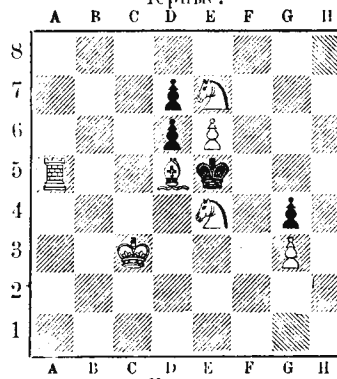
чѣмъ Францію. Газеты не думаютъ, чтобы событіе это могло произвести какія-нибудь перемены во взаимныхъ отношеніяхъ Франціи и Россіи, такъ какъ они основаны на обоюдныхъ симпатіяхъ и интересахъ.

По свѣдѣніямъ *Berliner Politische Nachrichten*, труды конференціи въ Берлинѣ объ охранѣ рабочихъ подвигаются впередъ: закрытія конференціи ожидаютъ 29 марта. Всѣ три коммисіи конференціи выработали уже важныя рѣшенія. Къ работамъ въ рудникахъ будутъ допускаемы подростки не моложе 14 лѣтъ; работа женщинъ въ нѣдрахъ рудниковъ вообще воспрещается; работа дѣтей на фабрикахъ ставится въ зависимость отъ окончанія школьнаго образованія по закону, на починья-же работы малолѣтнихъ моложе четырнадцати лѣтъ принимать запрещено, да и вообще продолжительность для нихъ рабочаго дня не должна превышать шести часовъ, при томъ съ четверть-часовыми по крайней-мѣрѣ роздыхами. Далѣе постановлено, что на работы во вредныхъ для здоровья и опасныхъ промыслахъ малолѣтніе допускаемы быть не могутъ. Воскресный отдыхъ вообще установленъ, исключая определенныхъ случаевъ, когда требуется непрерывность производства или движенія и когда работа можетъ производиться лишь въ извѣстное время года, но и въ такихъ случаяхъ рабочимъ долженъ быть даваемъ отдыхъ каждое второе воскресенье.

Въ Лондонѣ получено изъ Софіи интересное извѣстіе о заговорѣ Паницы. Послѣдній якобы сдѣлалъ въ слѣдственной коммисіи полное признаніе относительно заговора, который де имѣлъ цѣлью привести къ примиренію между Россіей и Болгаріей.

Шахматная задача № 20.

Г. Готшалъ.
Черные.

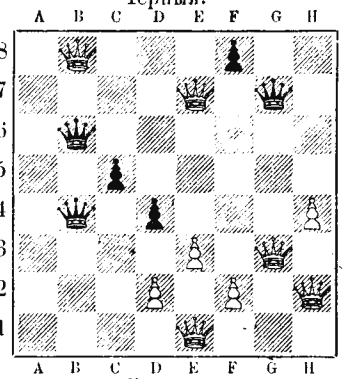

Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 4 хода.

Шашечная задача № 21.

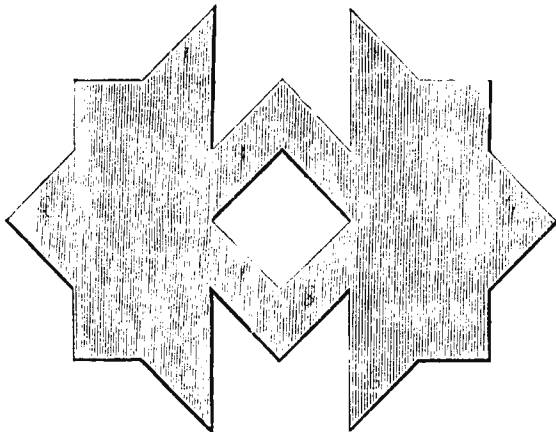
Н. В. Паница.
Черный.

Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и запираютъ шашку черныхъ.

Геометрическая задача № 19.

Разрѣзать данную фигуру прямыми линиями на 14 частей такъ, чтобы составить изъ нихъ прямоугольники.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Контора журнала „НИВА“ проситъ Гг. подписчиковъ, НЕ ВНЕСШИХЪ ПОЛНУЮ ГОДОВУЮ ПОДПИСНУЮ ПЛАТУ за „НИВУ“ 1890 г., озаботиться своевременными взносами слѣдующихъ съ нихъ денегъ. Гг. иногородные подписчики, при высылкѣ денегъ, благоволятъ прилагать печатные адреса отъ бандеролей.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при переѣздѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

При слѣдующемъ № „Нивы“ будетъ разослано гг. подписчикамъ ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ, состоящее изъ ЧЕТЫРЕХЪ акварелей художника Н. Н. КАРАЗИНА, подъ названіемъ „РУССКІЙ ХЛѢБЪ“, изображающихъ различныя фазы земледѣлія.

СОДЕРЖАНИЕ: Н. С. Лёсковъ (съ портр.). — Попп Симеонъ, Разказъ изъ жизни на дальноу Востокъ. А. Я. Максимова. (Продолжение). — Исусъ. Покръстованіе изъ библейскихъ временъ Георга Эберса (съ рис.). (Окончание). — Къ рисункамъ: Выставка Имп. Академіи Художествъ и XVIII передвижная выставка (въ Академіи Наукъ) (съ 5 рис.); Юрій Милославскій, карт. проф. Свѣрикова; Бродяга, карт. Иванова; Отпущение рабыни на свободу и Свиданіе, карт. Лозева; Олѣтнікъ, карт. Корвинна. — Тридцать сребренниковъ Іуды (съ рис.). — Св. Жены на Крестномъ пути (съ рис.). — Библиографія. — Разнаа извѣстія. — Политическое обозрѣніе. — Задачи. — Заявленія. — О переѣзѣ адреса. — Объявленія.

Издатель А. Ф. Марксъ.

Редакторъ В. Ключниковъ.

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ
ЯИЦЪ ИЗЪ МЫЛА, коробки въ 6 и 12 яицъ изъ мыла различныхъ цвѣтовъ по 60 кол. коробка.

A. GIU и КО. П. № 4114

Спеціальность парфюмерій высшаго качества.

16, Невскій просп., 16.

Большой выборъ мыла и духовъ „Nouveaux bouquets“.

Большой выборъ туалетныхъ принадлежностей.

Нѣколько уведомить С.-Петербургскую публичку, что во всѣхъ магазинахъ **ЧЕРЕПЕННИКОВА** получены къ Пасхѣ

ТАМБОВСКІЕ ОКОРОКА

приготовленія Василія Степановича Мокроусова въ Тамбовѣ. № 4397

CIGARETTES ESPIC contre ASTHME & CATARRHE

AUTHORISÉES PAR LE GOUVERNEMENT RUSSE
rôt général: STOLL & SCHMIDT, à Saint-Petersbourg
Vente en gros: J ESPIC, 20, rue Saint-Lazare, Paris.
Exiger la Signature sur chaque Cigarette.

ДЛЯ ОКРАШИВАНІЯ СЪ ДИУХЪ ВОЛОСЪ: ПОМАДА, флаконъ 3 р., пересылка 1 р., для удобства: жидкая и густая помада, по полуфлакону, цѣна 3 р., 50 к., пересылка 1 р., 50 к. Гороховая ул., д. № 57, магазинъ-парикмахерская Ивановой.

ЭЛИКСИРЪ,
Порошокъ и помада
для зубовъ
отцвѣвъ Бенедиктинцевъ
Аббатства СУЛЯКЪ (Жаронда) Франція.

Находится во всѣхъ аптекахъ, москательныхъ лавкахъ и косметическихъ магазинахъ.

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ
на Всемирной Выставкѣ въ Парижѣ 1889 года.

О-ДЕ-КОЛОНЪ ЦВѢТОЧНЫЙ

БРОКАРЪ и КО. № 4373

ИЗООБЪЯВЛЕНІЙ 8-5

Сладъ фабрики: Офицерская, 5.

1863 1882 1889

Придворные поставщики

А. РАЛЛЕ и КО.

въ Москвѣ
Оптовая Торговля
Никольская, Богооявленскій переулокъ, д. Чижовыхъ

въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ
главный корпусъ
Маринскаго рынка
по Чернышеву переулку,
близъ Садовой.

PARIS

GRANDS MAGASINS DU Printemps

NOUVEAUTÉS

Envoi gratis et franco
du catalogue général illustré renfermant toutes les modes nouvelles pour la SAISON d'Été, sur demande affranchie adressée à

MM. JULES JALUZOT & Cie PARIS

Sont également envoyés franco, les échantillons de tous les tissus composant nos immenses assortiments, mais bien spécifier les genres et prix.

Expéditions dans tous les Pays du Monde.

Le catalogue indique les conditions pour l'envoi franco de port et de douane.

Correspondance en toutes langues

№ 427 3-2

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ
ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ
Измайловскій проспектъ, № 21.

ЯИЦА ИЗЪ МЫЛА
прозрачныя и непрозрачныя. П. № 4422 2-2

Большой выборъ деревянныхъ, хрустальныхъ и бронзовыхъ

ЯИЦЪ ДЛЯ ПОДАРКОВЪ.
БЕЗВРЕДНАЯ
КРАСКА ДЛЯ ЯИЦЪ.

ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ
ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

1) Невскій проспектъ, дождь Католической церкви, № 32.
2) Невскій проспектъ, у Анничкова моста, № 66.
3) Уголь Вознесенскаго и Казанскаго, д. Шредера, № 52-24. (Розничная и оптовая продажа).

Въ Москвѣ: 1) На Кулицкомъ Мосту, д. Третьяковскихъ.
2) Золот. медаль. Парижъ. 1889.

ПОПРАВКА.

Въ объявленіи „ЕЩЕ ПОДАРКИ“, помеченомъ въ „Нивѣ“ № 10, на 285 стр. вкрался слѣдующій опечатки: на 7-й строкъ сверху, при словѣ „Смѣсь“ дѣлой и взрослыхъ, пропущена ея цѣна 1 р., а на 9-й строкъ снизу дѣна фотографическому аппарату напечатана 60 р. вмѣсто 10 р.

Ф. Э. ДРЕХСЛЕРЪ,
Варшава, Лешно, 14.
Бишкпи отъ 100 р. Ровора отъ 135 р. № 4386 10-4

ЛЕВНИНГЪ и ГЮЗНИНГЪ
имѣють честь сообщить, что они доставляють черную краску, которую печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405

РЕЦЕНТЫ и РУКОВОДСТВО

для дѣланія чернилъ, синихъ и ваксъ 1 р., „Syndeticon“ — всемірный клей, сложный глянц. лакъ и др. 1 р. съ перес. У аптекаря Мартинсонъ, СШБ., Вѣзбородкинъ пр., 19.

ЧОКРАНКО-БУЛГАНСКАЯ
грязе-лечебница „Товарищества“ врачей въ Крыму, въ г. Керчь. Сезонъ съ 15-го мая по 1-е сентября. Подробности въ брошюрѣ, которая высылается за одну семикоп. марку. Адр. въ г. Керчь, Таврич. губ. Доктору Филимовичу. П. № 4440 12-1

БАНКІРСКІЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОКЪ

взимаетъ по ссудамъ:

уменьшеннымъ	8 1/2% год. и 1 1/2% эк. ком.
обыкновеннымъ	9% год. и 1 1/2% эк. ком.

Высшій размѣръ ссуды:

Подъ 1—VI банк. бил.	95 р.
1—III восточн. банкн.	95
городск. oblig.	85
зем. акт. листы 69 1/2	90
„ 70 1/2	83
Генеральный заемъ	215
„ 200	200
Дворянск. съ выпр. з. л.	30

Размѣръ 2% и ссуды можетъ быть взимаетъ по состоянію денежнаго рынка. Подробныя условія выдаются и высылаются бесплатно. Коштра Б. Д. номѣщается: СШБ., 57 (новый № 59), Невскій, соб. д.

4711

О-ДЕ-КОЛОНЪ.

Можно получать во всѣхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи и заграници.

ГЛАВНОЕ ДЕПО: у Алекс. ТИСЪ и К^о, Пушкиска, № 4. П. № 4439 5-1

CRÈME-SIMON
(КРЕМЪ-СИМОНЪ)

предѣстнаго запаха, не портится и служитъ для смягченія кожи.

Пудра SIMON и Мыло à la CRÈME SIMON дополняютъ его дѣйствія и имѣють тотъ же запахъ.

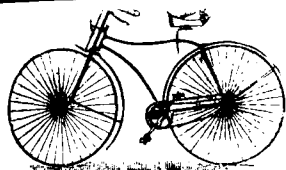
J. Simon, 36, Rue de Provence, Парижъ

Въ розницу у парикмахеровъ, парфюмеровъ и аптекарей. А. № 4315 15-9

НАВУИДЕНІЕ. Гол. изъ современн. жизни. Вс. Соловьева. П. 2 р., съ пер. 2 р., 50 к.

ПОДГОТОВЛЕНИЕ НА МЪСТА

счетоводовъ (бухгалтеровъ), конторщиковъ, подотчетныхъ приказчиковъ, путемъ практическихъ упражненій, въ конторѣ **ФИРМЫ СЧЕТОВОДЪ**, въ С.-Петербургѣ, Невскій просп., № 66. № 4437

ГЕНРИХЪ КЛЕЙЕРЪ
Франфуртъ н/М. R. № 430
ФАБРИКАНТЪ ВЕЛОСИПЕДОВЪ
„ОРИЕЛЬ“. 12 8

Велосипедъ рода двухъ- и трехъ- колесные велосипеды для взрослыхъ и дѣтей. Составная часть и принадлежности. Индустриальный иллюстрированный каталогъ за 10 шфл. марками.

Въ книжныхъ магазинахъ Москвы и Петербурга поступила въ продажу книга:

ЗНАМЕНІЯ ПРИШЕСТВІЯ АНТИХРИСТА

И
КОНЧИНЫ ВЪКА, УКАЗАННЫЯ БОЖЕСТВЕННЫМЪ ПИСАНИЕМЪ

И
СОГЛАСНЫЯ АПОСТОЛЬСКОМУ ВОПРОСУ:

„Что есть знаменіе Твоего пришествія и кончины вѣка?“ (Мат. 24.3).

Сочиненіе СТЕФАНА (ДИВОРСКАГО), митрополита Рязанскаго и Муромскаго. Москва, 1890 г., цѣна 70 коп., съ перес. 1 руб. № 4436

Съ требованіями просимъ гг. иногороднихъ обращаться въ книжный магазинъ Морозова, на Никольской, въ домѣ при церкви Владимирской Божіей Матери, въ Москвѣ.

ТУАЛЕТНОЕ СРЕДСТВО ДЛЯ ДАМЪ,

БЕРЕЗОВЫЙ БАЛЬЗАМЪ Д-РА ЛЕНГИЛЯ

употребляется для бѣлизны кожи, лица и рукъ. Въ виду многихъ поддѣлокъ прошу обратить вниманіе на припечатанную здѣсь охранительную марку и на подпись единственнаго агента **Василія Аурихъ**.

въ С.-Петербургѣ, Колокольная, 18—19.

Цѣна: флакону 1 руб. 65 коп., бензоево мыло 35 коп. и 50 коп. кусокъ, опо помада (лучше конды-крема) 1 руб. Упаковка и пересылка въ Европ. Россіи 70 коп., въ Азіат. 1 р. Издается во всѣхъ парфюмерн. и аптекарскихъ магазинахъ и аптекахъ Россіи. В. № 4407 12—2

ДЛЯ ЧИСТКИ ЗУБОВЪ.

EAU DE BOTO

(ВОДА БОТО) П. № 4314 14—4

чиститъ зубы и освѣжаетъ ротъ.
Слѣдуетъ непременно требовать настоящую „ВОДУ БОТО“.

Главный складъ: 17, Rue de la Paix, PARIS.
Прежній адресъ: 229, Rue Saint-Honore.
Продается во всѣхъ москательныхъ лавкахъ и у всѣхъ парфюмеровъ.

Требов. также Туалетный Уксусъ Бото выш. качества въ отношеніи тонкости запаха.
Представитель для всей Россіи: Н. Л. Натанъ, Нытвевскій пер., д. Гуськова, въ Москвѣ.

АНЕМИЯ
МАЛОКРОВІЕ

ПРИМѢНЯЕТСЯ ЛѢЧЕНІЕ
НАЗВАННЫХЪ БОЛѢЗНЕЙ

ХЛОРОЗА
БЛѢДНОСТЬ
ЛИЦА

ПИЛЮЛЯМИ ВАЛЛЭ

(ОДОБРЕННЫМИ ПАРИЖСКОЙ МЕДИЦИНСКОЙ АКАДЕМІЕЙ).

PILULES DE VALLET. П. № 4283 6—6

НАСТОЯЩІЯ ПИЛЮЛИ ВАЛЛЭ НЕ ПОСЕРЕБРЕННЫ.
Онѣ бѣлыя и имя Валлэ написано на каждой пилюль.

Не брать флаконы, на которыхъ на этикетѣ не находится мое имя и мой адресъ:
19, RUE JACOB.

ХЛОРОЗА
БЪЛИ

АНЕМИЯ
МАЛОКРОВІЕ

ЭЛЕОПАТЪ

ПРОВ.
КИНУНЕНЪ

РЕКОМЕНДУЮ БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ЧАСОВЪ
своей собственной фабрики
съ полнымъ ручательствомъ за прочность механизма и вѣрность хода. В. № 4424 3—2

ПАВЕЛЬ БУРЪ,
поставщикъ Двора Его Величества.
С.-Петербургъ, на Невскомъ просп., д. 23.
Москва, на углу Куницкаго Моста и Рождественск., д. № 6, Захарьина, бывш. Торлецкаго.

Иллюстрир. прейсъ-курантъ высыл. по требован. бесплатно.

ВИЛЛЯРДНАЯ ФАБРИКА
А. ФРЕЙЗЕРГЪ.
С.-Петербургъ, Троицкій пр., близъ Египетскаго моста, домъ № 7—2. 26—6

Иллюстрированные прейсъ-куранты по востребованію высылаются безвозмездно.

Во всѣхъ складахъ духовъ и во всѣхъ парикмахерскихъ во Франціи и заграничій.

LA VELOUTINE
Спеціальная рисово-висмутовая пудра.
CHATELAIN FAY, Parfumeur, 9, rue de la Paix Paris.

П. № 3707 (32)

Въ книжныхъ магазинахъ Москвы и Петербурга поступила въ продажу книга:

ПОСЛѢДНЯЯ ГОДИНА МІРА
И
ЦЕРКВИ ХРИСТОВОЙ НА ЗЕМЛѢ,

на основаніи ученія Священнаго Писанія и творенія святыхъ отецъ. Сост. П. М. Бородинъ. Москва, 1890 года. Цѣна съ пересылкой 1 р. 50 к. № 4435

Съ требованіями просимъ гг. иногороднихъ обращаться въ книжный магазинъ Морозова, на Никольской, въ домѣ при церкви Владимирской Божіей Матери, въ Москвѣ. № 4438

СТОЛЫПИНСКІЯ
МИНЕРАЛЬНЫЯ ВОДЫ И ГРЯЗИ.

Солно-сѣрная, желѣзистая и разсольная воды. Минеральная грязь. Стенной курсъ. Главный курсъ съ 1 июня по 1-е августа. Мобилированные номера (отъ 15 руб. въ дѣлѣ) и семейныя квартиры (отъ 60 р. за весь курсъ). Кураэль. Оркестръ музыки. — Дешевые курсы съ 1 мая по 1 июня и съ 1 августа по 1 сентября, съ платою по 1 р. 50 к. въ сутки за отдѣльный номеръ съ прислугою и самоваромъ, за питьемъ минеральной воды, минеральную ванну и обѣдъ изъ 2 блюдъ. Врачебные совѣты бесплатно. — Кроме того, во все время лѣтнаго сезона, открыта лечебница (35 руб. въ мѣсяцъ за содержаніе и леченіе). По требованію (прилагая 2 марки по 7 к.) высылается брошюра съ хим. анализомъ, справочными свѣдѣніями, таксомъ и видами заведенія. Адресъ: Контора Столып. минер. водъ, Самарской губ., почт. ст. Криволучье. № 4438

СЕКРЕТНАЯ МОМЕНТАЛЬНАЯ ФОТОГРАФІЯ.

Посредствомъ предлагаемаго новаго, только что появившагося, маленькаго, элегантнаго фотографическаго аппарата, красиваго полированного дерева съ алмазическимъ объективомъ и моментальнымъ затворомъ, можно, безъ предварительнаго знанія, удобно, легко, свободно и незамѣтно, безъ замѣны пластинъ, моментально или съ раздѣленіемъ на время, снять 12 ландшафтовъ, группъ или портретовъ, величиною пластинки 6x8 сантиметр. Цѣна только РС. 12. Новый и богатъ иллюстрированный прейсъ-курантъ на 1890 годъ высылается. В. № 4432

СКЛАДЪ ФОТОГРАФИЧЕСКИХЪ ПРИНАДЛЕЖНОСТЕЙ
К. И. ФРЕЛАНДТЪ
Уголъ Пискарева и Екатерининскаго канала, д. № 30—16, С.-Петербургъ.

МИГРЕНИ И НЕВРАЛЬГИ УСПОКОИВАЮТСЯ
перлами скиндарной эссенціи Д-ра КЛЕРТАНА.

Каждый флаконъ заключаетъ въ себѣ 30 перловъ, отчего лѣченіе обходится въ нѣсколько конфетъ. П. № 4284 6—6

УВѢДОМЛЕНІЕ.
Если мигрени происходятъ отъ дурнаго состоянія желудка или отъ запора, слѣдуетъ употребить

УГОЛЬ Д-РА ВЕЛЛОКА.

Требовать на этикетѣ подписи

Скиндарная эссенція, заключающаяся въ перлахъ Д-ра КЛЕРТАНА, химическаго.

Требовать на каждомъ флаконѣ подписи

Clertan
Dm 89

ОПТОВОЕ ПРОИЗВОДСТВО.
19, RUE JACOB, ПАРИЖЪ.
НАХОДИТСЯ ВО ВСѢХЪ АПТЕКАХЪ.

для волосъ, средство противъ перхоти на головѣ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптекъ и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп., но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Просятъ непременно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждого флакона,—пров. Кинуненъ. (11) № 4287

СОЧИНЕНИЯ Т. ЯСНИКАГО (МАКСИМА БЪЛИНСКАГО).

Стихотворения. 3-е значительно исправленное и дополненное издание. СПб. 1890. Ц. 1 р.
 Трагедии. Романъ. СПб. 1890. Ц. 1 р.
 Ирины Плутарховъ. Романъ. СПб. 1890. Ц. 1 р.
 Повѣсти и рассказы. 1879—1886. 4 тома. СПб. Ц. 6 р. Отд. по 1 р. 50 к.
 Въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“ № 4419 5—2

(3)

ВЕНГЕРСКАЯ ПОМАДА ДЛЯ ХОЛИ И МЯГКОСТИ

◆ УЗОВЪ ◆
 Главный складъ въ парфюмери. магазинъ 62. ПАССАЖЪ, 62.
 ◆ При высылкѣ 1 р. с. или наложеннымъ платежемъ высылается одна банна помады во все города Россіи. № 4410

ВАЗЕЛИНОВОЕ МЫЛО

І. ГОЛЛЕНДЕРЪ

для смягченія кожи.

Новоизобрѣтенное вазелиновое мыло, пріятнаго запаха, придаетъ кожѣ желаемую вѣдую мягкость. Цѣна за кусокъ 30 коп. 3 куска съ пересыл. 1 р. 50 к.

Получать можно во всѣхъ парфюм. и аптеч. магазинахъ и аптекахъ Россіи.

Главный складъ: СПб. Демидовъ пер., д. № 1. (11) № 4278

КОСМЕТИЧЕСКІЕ СПЕРМАЦЕТОВЫЕ ЛИЧНЫЕ УТИРАЛЬНИКИ косметика А. ЭНГЛУНДЪ.

При употребленіи спермацетовыхъ утиральниковъ, кожа лица дѣлается чистой. Удобное средство въ дорогѣ. Ихъ удобно всегда имѣть при себѣ. Цѣна пачки 60 коп., съ перес. не менѣе 2-хъ пач.: 2 р.; 4 пачки съ перес. 3 р. Для предупрежденія поддѣлки, прошу требовать на каждой пачкѣ: подписи А. Энглундъ — красными чернилами и марку Сиб. Косметической Лабораторіи.

Получать можно: во всѣхъ магазинахъ Сиб. Химической Лабораторіи, въ Русск. Общ. торгов. аптеч. товар., у А. Рузанова, въ Москвѣ у К. Феррейна, В. Безардинъ, Р. Келлеръ и Ю. О. Гелдига, и во всѣхъ известныхъ аптеч. и парфюм. торгов. Россійской имперіи. Главный складъ для всей Россіи, С.-Петербургъ, С.-Петербургская Косметическая Лабораторія. А. Энглундъ. Инглейная № 38. Ц. № 4441

Наставщики велосипедовъ Русской Арміи

Торговый Домъ Ж. БЛОКЪ,

Москва, С.-Петербургъ,
Кузнецкій мостъ, Б. Морская № 21.

ИМѢЕТЪ
единственный Складъ для всей Россіи Велосипедовъ: Свифтъ, Виннетъ, Русскій Клубъ, Молния (New Rapid), Имперіалъ и др.

Цѣны отъ 100 до 500 руб.

НОВОСТЬ

Общедоступный Свифтъ №2 = 150 руб. =

Прессъ-Куранты высылаются бесплатно.
Наставщики велосипедовъ Русской Арміи

Только что вышло въ свѣтъ и поступило въ продажу новое изданіе А. Ф. МАРКСА въ СПБ.:

ВСПОМОГАТЕЛЬНАЯ КНИЖКА ДЛЯ ЛѢСНИЧИХЪ и ЛѢСОВЛАДѢЛЬЦЕВЪ

Состав. О. АРНОЛЬДЪ.

СПБ., 1890 г. Цѣна въ колѣнкоромѣ переплетѣ 75 коп., съ пересылкою 1 руб.

Настоящая книжка содержитъ въ себѣ таблицы для опредѣленія площади древесныхъ оснований и кубическаго содержанія какъ цѣлыхъ стволовъ, такъ и частей ихъ; таблицы площадей сѣченія круговъ и объемовъ цилиндра; временныя масовыя таблицы, (для сосны, ели, дуба, березы и ольхи) и вообще всѣ тѣ таблицы, которыя необходимо всегда имѣть при себѣ лѣсничему, таксатору, лѣсовладѣльцу и лѣсоторговцу—при устройствѣ лѣсовъ, оцѣнкѣ лѣсовъ, изслѣдованіи плодородности деревъ и соответствующихъ имъ видовыхъ чиселъ. Изданныя до сихъ поръ подобныя таблицы весьма неудобны по своему большому формату, вслѣдствіе чего ими не всегда можно пользоваться при работахъ, между тѣмъ какъ эта книжка издана въ форматѣ приспособленномъ для ношенія въ карманѣ и можетъ быть постояннымъ спутникомъ лѣсничаго или лѣсовладѣльца.

Съ [требованиями просить обращаться въ С.-Петербургъ, въ контору журнала „Нива“ (Невскій, д. 6).

КОСМЕТИЧЕСКІЯ СРЕДСТВА,

разрѣшена на общихъ основаніяхъ торговли, какъ не содержащая въ составѣ своемъ вредныхъ здоровью веществъ. Косметикъ Одалинскъ. Цѣна 2 р., пер. 50 к. Мамонтовое благононное мыло, обильно пенящееся. Цѣна 60 коп., пересылка не менѣе 1/2 доз. Ориенталинская влажная пудра. Цѣна 2 р., пересылка 50 коп. Тоникъ — помада для волосъ. Цѣна 1 р. 50 к., перес. 50 коп. № 4350

Вальзамъ Колорадо, растительный продуктъ для волосъ. Цѣна 4 рубля, перес. 1 руб.

Предметы эти находятся въ продажѣ: въ С.-Петербургѣ, въ магаз. Рузанова и Сиб. Химической Лабораторіи. Бунса—въ Москвѣ, на Кузнецкомъ; въ Харьковѣ, Русск. общ. въ Вильнѣ у Грудзенскаго. Для иногородн. въ магаз. Добржанскаго, въ Варшавѣ.

ДЕШЕВЫЕ ПОДАРКИ КЪ СВ. ПАСХѢ!

Складъ ОСКАРЪ ЛЕССЕРЪ.

С.-Петербургъ, Садовая, 12—18.

Только что получены изъ Варшавы, Лондона и Венеціи слѣдующія новинки:
 Бриллиантъ — новѣйшій дамскій уборъ (серебро 84 пробы), а именно: Брошки 2 р., 3 р., 4 р., 5 р. и 6 р. Браслеты соответствующіе 3 р., 4 р., 5 р., 6 р., 7 р., 8 р., 9 р. и 10 р. Брошки съ прекрасною бирюзой 7 р. и 8 р. Также въ видѣ бабочекъ съ подвижными крыльями и иглонами, а равно съ бирюзой или венеціанскою эмалью 7 р. Цѣпочка новомодная (Chatelaine) для мужскихъ и дамскихъ часовъ (серебро 84 пробы) 5 р., 6 р., 7 р., 8 р., 9 р., 10 р., 11 р. и 12 р. Оригинально: настоящія венеціанскія мозаичныя брошки 4 р. 50 к. „Граци“ — дамскій кушакъ изъ позолоченой проволоки, растяжимый, протканый шелкомъ, всѣхъ цвѣтовъ 3 р. 50 к. Громадный выборъ фотографическихъ альбомовъ отъ 50 к. до 25 руб.

Заказы вышлагаются немедленно. При заказѣ на 15 руб. скидка 5%, на 30 руб. скидка 10%. Все не нравящееся покупателю возвращается немедленно. № 4413 2—2

НИЖЕГОРОДСКАЯ ЯРМАРКА.

Складъ для оптовой продажи товаровъ Товарищества С.-Петербургскаго Механическаго Производства Обуви находится во время ярмарки въ Нижнемъ-Новгородѣ, въ Пушномъ ряду, противъ наваны лит. А. и Б., №№ 15, 16 и 17. Настоящее объявленіе просить гг. торговцевъ принять къ свѣдѣнію.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

МОЗОЛЬНАЯ ЖИДКОСТЬ

„ГОЛЛЕНДЕРА“.

Средство для уничтоженія мозолей и бородавокъ. Цѣна 35 коп. за флаконъ, за два флакона съ перес. 1 руб.

Получать можно во всѣхъ парфюмерн., аптекарск. магазинахъ и аптекахъ. Главный складъ у І. Голлендеръ, Демидовъ пер., № 1. Въ С.-Петербургѣ. (6) № 4398

Вышло новое изданіе Ф. Павленкова:

СОВРЕМЕННЫЕ ПСИХОПАТЫ!

Д-ра А. Кюллера. Перев. съ французскаго. 325 стр. Цѣна 1 р. 50 к.

БЕЗПЛАТНО

вышлагаю прессъ-курантъ общеполезныхъ и интересныхъ

ИЗОБРѢТЕНІЙ

Г. Гебгардтъ,

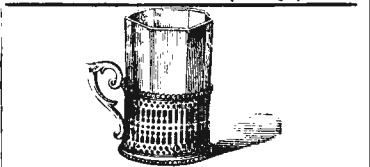
С.-Петербургъ,

Пассажи, магазинъ № 37.

ГЛАВНОЕ ДѢЛО ЧАСОВЪ

Б. АЛЬТШВАГЕРА

С.-Петербургъ, Невскій просп., № 42, имѣетъ постоянно богатый выборъ всевозможныхъ карманныхъ, столовыхъ, стѣнныхъ и дорожныхъ часовъ, регуляторовъ и будильниковъ. Ручательство на два года. Цѣночки различныхъ модныхъ фасоновъ и металловъ. — На высылку иллюстрированнаго прессъ-куранта просить прилагать 7 копѣчную марку. 5—3

ФАБРИКА МЕЛЬХИОРОВЫХЪ ИЗДѢЛІЙ А. КАЧЪ

въ С.-Петербургѣ, Невскій пр., д. № 36.

Рекомендуетъ огромный выборъ новѣйшихъ фасоновъ, всевозможнѣйшихъ вещей, подражающихъ серебру. Гг. иногороднымъ вышлагаются иллюстрированные каталоги, по требованію, бесплатно. № 4402 3—2

ЛУЧШІЙ ПОДАРОКЪ КЪ ПРАЗДНИКУ!

ТОЛЬКО 10 руб.!

Настоящій фотографическій аппаратъ, съ треножникомъ, не пирюшка, коимъ каждый можетъ снимать съ натуры портреты, виды и пр., въ визитъ и кабинеты, велич., съ пробн. снимк. и руководств. Перес. на 15 фунт. Адресъ: С.-Петербургъ, Складъ новыхъ изобрѣтеній, 4, Невскій просп., 4, рядомъ съ Главн. Штабомъ. Новый иллюстр. каталогъ всѣхъ изобрѣтеній за 7 к. марку.

НИШУНЦАЯ МАШИНА „РЕМИНГТОНА“.

Пишетъ въ 3 раза быстрее пера. Чистота, четкость и красота. Введена во всѣхъ Министерствѣхъ и мног. правительств. и частныхъ учрежд. Прессъ-курантъ, содерж. многочисленн. отзывы отъ Правительства и другихъ учреждений, вышлагается бесплатно. № 3748 Единственный складъ для всей Россіи:

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ
Москва С.-Петербургъ
Кузнецкій мостъ. Б. Морская, 21.

При этомъ не прилагается для гг. городскихъ подписчиковъ объявленіе отъ Банкирскаго Комитетъ Генрихъ Блокъ въ СПБ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЪСЯЧН. ДАРОВ. ПРИЛОЖ. „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖИ
 Выданъ 31 марта 1890 г. ВЪКР. (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. раб. (отъ 20 до 40 рис.). Цена этого № 20 к., съ перес. 25 к., съ акварел. Каразина 60 к., съ пер. 70 к.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1890 г.

Безъ доставки въ Петербургъ . . .	5 р.	Съ доставкою въ Петербургъ	6 р. 50 к.	Безъ доставки въ Москвѣ чр. конт. объявл. Н. Н. Печков- ской. Петровская Торг. линия	6 р.	Съ пересылкой въ Москву и др. города Россіи . . .	7 р.	За гра- ницу . . .	9 р.
--------------------------------------	------	-------------------------------	------------	--	------	---	------	-----------------------	------

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1890 г. номера „Нивы“ со всѣми приложеніями.

При этомъ № прилагается Пасхальный сюрпризъ для нашихъ подписч.: 4 акварели Н. Каразина, печат. 5-ю красками.

При семъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за АПРѢЛЬ 1890 г., съ 28 рисунками и отд. листъ съ 33 чертеж. выкроекъ въ натур. величину и 30 рис. рукодѣльныхъ работъ.

Св. Пасха. Заутреня. Ориг. рис. (собствени. „Нивы“), А. Писемскаго, грав. Рашевскій.

QUASI UNA FANTASIA.

Стихотвореніе А. Фета.

Сновидѣнье,
Пробужденье,
Таесть мгла.
Какъ весною,
Надо мною
Высь свѣтла.

Неизбѣжно,
Страстно, нѣжно
Уповать,
Безъ усилій
Съ плескомъ крылій
Залетать—

Въ мѣрѣ стремленій,
Преклоненій
И молитвъ;
Радость чужа,
Не хочу я
Вашихъ битвъ.

Попъ Симеонъ.

Разсказъ изъ жизни на дальнемъ Востоѣ А. Я. Максимова. (Окончаніе).

IX.

Добровольцы неугомимо подвигались впередъ, пользуясь благоприятными условіями на время стихнувшей погоды. Ровный вѣтеръ гналъ лодку вдоль утесистаго острова, окаймленнаго бѣлоснѣжною пѣной вѣчно шумящаго прибоя и поражающаго взоръ мертвеннымъ однообразіемъ и безжизненностью. Всюду высились къ небу тысячи скалистыхъ кекуръ, самыхъ фантастическихъ очертаній и формъ. Вершины лѣсистыхъ холмовъ громоздились одна на другую, ниспадая въ море отвѣсными скалами и утесами, излизанными волной. Лодка съ отважными добровольцами неслась легкокрылою птицей, словно спѣша миновать эти суровыя, опасныя мѣста. Попъ Симеонъ продолжалъ безъ усталы управлять рулемъ, призывая въ душѣ благодать и милосердіе Божіе. Каторжные не сидѣли безъ дѣла: имъ приходилось безостановочно отливать воду, постоянно пробиравшуюся черезъ щели кое-какъ проконопаченныхъ досокъ. Эта работа уже не смущала ихъ; они вполне освоились съ дряхлостью лодки и прилагали все силы только къ тому, чтобы продлить, по возможности, ея тяжкую агонію. Въ этомъ заключалась вся задача опаснаго предпріятія. Все хорошо понимали, что только на лодкѣ возможно добраться до Корсаковского поста, въ которомъ томился батальонъ неопредѣленнымъ ожиданіемъ крайне необходимой помощи...

Новыя сутки протекли безъ тяжкихъ испытаній, что значительно подбодрило добровольцевъ. Они уже начали мечтать о благополучномъ окончаніи труднаго плаванія, какъ вдругъ задувпшій порывами вѣтеръ сталъ предвѣщать новый штормъ. Попъ Симеонъ не рискнулъ встрѣтить его въ морѣ, на расшатанной лодкѣ, и послѣшилъ направить ее къ берегу, съ цѣлью переждать быстро приближавшуюся непогоду при болѣе благоприятныхъ условіяхъ. Между тѣмъ, достигнуть этихъ условій было не легко. Пристать къ берегу, при полномъ отсутствіи удобныхъ бухтъ, было почти такъ же опасно и рискованно, какъ встрѣтить штормъ въ морѣ. Неумолчные, грозные буруны клокотали вдоль всего, совершенно открытаго, побережья, ужасая своимъ дикимъ величіемъ и поражая стихійною силою. Чтобы достигнуть спасительнаго берега, надо было вновь пробиться черезъ буруны, вновь рискнуть жизнью. Между тѣмъ, въ этомъ безумномъ рискѣ заключался единственный исходъ изъ критическаго положенія, грозившаго несомнѣнно смертельною опасностью. Перекрестившись, попъ Симеонъ рѣшительно направилъ лодку прямо въ буруны, стараясь только выбрать ровное, песчаное мѣсто.

— Выбрасываться будемъ, предупредилъ онъ добровольцевъ, не замѣтившихъ маневра.

— Зачѣмъ? удивился Наумовъ, которому казалось, что все идетъ какъ нельзя лучше.

— Непогода будетъ, лаконически объяснилъ попъ Симеонъ, мотнувъ львиною головою на сѣверо-западъ, отъ котораго быстро надвигалась темная, грозная туча.

— Опять, значитъ, кушаться будемъ, весело замѣтилъ Головлевъ, видимо щеголявшій передъ товарищами своею отвагою.

— Будемъ, невольно улыбнулся миссіонеръ.—А пока, держись крѣпче!..

Все схватились за банки. Лодку подбросило почти на двѣ сажени и съ размаху кинуло затѣмъ въ какой-то адскій хаосъ буруновъ. Обѣ мачты слетѣли, точно срубленные топоромъ. Кто-то вскрикнулъ, но этотъ отчаянный крикъ моментально былъ заглушенъ яростнымъ ревомъ волнъ, разомъ набросившихся на лодку со всѣхъ сторонъ. Все скрылось въ дикомъ хаосѣ морской пѣны и брызгъ... Прошло нѣсколько мгновеній, и среди клокочущихъ волнъ показалась львиная, могучая голова попа Симеона, смѣло и богатырски выгребавшаго къ песчаной отмели. Рядомъ съ нимъ мелькнули другія головы, но тотчасъ же исчезли подъ новой, грозно нахлынувшей, волной. Надъ бурунами господствовали лишь попъ Симеонъ, видимо не желавшій покинуть товарищей по несчастью на жестокой произволъ разбушевавшейся стихіи. Вотъ головы добровольцевъ появились вновь и начали постепенно приближаться къ спасительному берегу. Миссіонеръ, несмотря на сильно намоченную одежду, держался на волнахъ, словно дельфинъ, переплывая отъ одного утопающаго къ другому и поддерживая богатырскою рукою болѣе истомленныхъ и слабыхъ... Борьба людей со стихіей шла отчаянная, но въ то же время мужественная, и... люди, наконецъ, одолѣли... Впрочемъ, не все...

— Багажева нѣтъ! замѣтилъ Головлевъ, едва переведя дыханіе послѣ только-что вынесенной, жестокой схватки съ бурунами.

— Погибъ, глухо проговорилъ попъ Симеонъ, уже успѣвшій оглядѣть зоркимъ глазомъ поверхность бушующаго моря, на волнахъ котораго тяжело колыбалась лишь опрокинутая лодка, постепенно прибываемая бурунами къ песчаной отмели.

— Вѣрно мачтой его пришибло, высказалъ свое предположеніе Наумовъ, выжимая изъ полунубка потоки соленой воды.

— Я слышалъ, какъ онъ вскрикнулъ, когда мачты упали, подтвердилъ Вахрушевъ и глубоко вздохнулъ о погибшемъ другѣ.

— Э-эхъ, жалко бѣднягу!.. Упокой, Господи, усопшаго раба твоего, съ глубокимъ чувствомъ проговорилъ попъ Симеонъ и трижды перекрестился.—А вы, дѣтки, не унывайте, энергично обратился онъ затѣмъ къ добровольцамъ.—Раскладывайте скорѣй изъ сушника костеръ, да обсушивайтесь, а я тѣмъ временемъ лодочку на песокъ выволоку, да кое-какіе пожитки...

Черезъ полчаса, на песчаномъ прибрежьи уже пылалъ яркий костеръ, пламя котораго все росло и росло, раздуваемое свирѣпымъ вихремъ, налетѣвшимъ со сѣверомъ отъ сѣверо-запада. Не было сомнѣнія, что добровольцы достигли спасительнаго берега какъ разъ во-

время. Въ морѣ разыгрался жестокий штормъ, преисполненный грознаго величія и поразительный по силѣ. Казалось, Зевсъ, Борей и Нептунъ, дружно сплотившись, задались демоническимъ намѣреніемъ обратить вселенную въ первобытное, хаотическое состояніе. Воздухъ дрожалъ отъ оглушающаго рева буруновъ. Гигантскія, пѣнистыя волны яростно лѣзли на островъ и съ грохотомъ обрушивались на одинокія скалы, обдавая ихъ брызгами и ключьями пѣны. Столѣтнія сосны и ели покорно гнули свои гордыя, опушенные снѣгомъ, вершины подъ могучимъ натискомъ вихря, со стономъ несшаго тучи льдистой пыли...

Добровольцы были принуждены оставить песчаное побережье и искать убѣжища отъ непогоды въ ближайшей чащѣ дѣвственнаго лѣса, до котораго добрались съ величайшимъ трудомъ, утопая по поясъ въ снѣжныхъ сугробахъ. Вновь развели костеръ. Яркое пламя фантастически освѣтило ближайшія вѣковые деревья, угрюмо стоявшія сплошною стѣной, словно грозныя стражи на рубежѣ многовѣковой, таинственной, страшной, необъятной тайги. Молча усѣлись вокругъ костра измученные добровольцы и стали опять просушивать на себѣ закоружлые полушубки, сапоги и исподнее платье. Всѣхъ трясла лихорадка; зубъ не попадалъ на зубъ. Даже пона Симеона корбило и ломало, но онъ, по обыкновенію, не обращалъ вниманія на физическій недугъ и, едва обсушившись, занялся опять просушкой денегъ. Миссіонеру хотѣлось, во что бы то ни стало, доставить увѣренныя ему сорокъ тысячъ рублей въ возможной сохранности и тѣмъ вполне оправдать высокое довѣріе уважаемаго Ивана Петровича. Эти выцѣпшія, измятыя кредитныя бумажки были для него дороже собственной жизни: онъ ухаживалъ за ними съ большими вниманіемъ и теплотою, чѣмъ мать могла бы ухаживать за любимымъ дѣтищемъ. Въ каждой депозиткѣ миссіонеръ какъ-бы осызая каплю жизни голодающаго въ Анивѣ батальона и горѣлъ желаніемъ доставить всѣ эти капли съ тѣмъ-же героическимъ самоотверженіемъ, съ какимъ сказочные богатыри добывали и доставляли капли живой воды.

Обогрѣвшись у пылающаго костра, добровольцы оживились. Головлевъ вспомнилъ объ ужинѣ:

— Лопать хочется, а лопать нечего...

— Вѣрно твое слово, подтвердилъ Наумовъ. — Все, почитай, на этотъ разъ погибло: только лодку, да несла успѣлъ батюшка спасти...

— Какъ развѣтветъ, такъ и пищу найдемъ: Богъ не безъ милости, замѣтилъ поппъ Симеонъ, продолжая просушивать передъ костромъ деньги.

— Дай Господи, а то съ голоду придется помереть, проговорилъ Вахрушевъ, подставляя къ огню то бокъ, то спину, то грудь.

— А погода-то какъ стонетъ — страсть! вставилъ свое слово Стручковъ, прислушиваясь къ реву вѣтра и грозному рокотанію буруновъ.

— Господь и на этотъ разъ помиловалъ насъ, сказалъ поппъ Симеонъ. — Въ-время до берега добрался, и лодочка опять съ нами... Правда, придется много потрудиться надъ ней, но ничего — постараемся опять починить...

— А долго просидимъ въ этой труппѣ? полюбопытствовалъ Головлевъ.

— Все отъ Бога, отвѣтилъ миссіонеръ. — Взыщеть Всевышній насъ своею милостью, такъ дня черезъ три и въ дальнѣйшій путь тронемся... Только бы погодка стихла...

— А ѣсть-то что будемъ? спросилъ сильно проголодавшійся Наумовъ.

— Богъ пошлетъ — не оставитъ, проговорилъ поппъ Симеонъ увѣреннымъ, задушевымъ голосомъ, проникнувшимъ до самаго сердца каторжныхъ, разомъ охваченныхъ ободряющею надеждою, что „Богъ дѣйствительно не оставитъ“...

Сомнѣнія и тревоги исчезли, точно ихъ не бывало. Добровольцы повеселѣли и съ бодрымъ духомъ расположились на ночь вокругъ костра. Поппъ Симеонъ остался на стражѣ, желая предоставить болѣе истомленнымъ товарищамъ по несчастію необходимый, оживляющій отдыхъ...

X.

Наступила ночь. Вьюга прекратилась. Жестокий штормъ продолжалъ ревѣть при прояснившемся небѣ, злобно потрясая мохнатыми вершинами вѣковыхъ деревьевъ. Поппъ Симеонъ сидѣлъ у костра, изрѣдка подбрасывая въ него охапки хвороста и даже цѣлыя сучья, которые обламывалъ богатырскими руками съ ближайшихъ осеней и елей. Въ то же время, онъ не переставалъ слѣдить за спящими, до-нелзя уставшими, добровольцами, охраняя ихъ отъ всевозможныхъ случайностей, столь обыкновенныхъ при условіяхъ подобной ночевки въ глухой тайгѣ, передъ пылающимъ костромъ и въ морозъ. Поппъ Симеонъ не смущался окружающимъ хаосомъ; его не пугали грозный стонъ тайги, мракъ глухой осенней ночи и яростныя порывы разбушевавшейся стихіи. Продолжительныя прежнія странствованія миссіонера по сахалинскимъ труппамъ основали его съ ихъ ужасами и опасностями. Не разъ ему приходилось встрѣчать смерть лицомъ къ лицу — и всегда онъ выходилъ изъ грозныхъ затрудненій невредимымъ. Онъ былъ увѣренъ, что Провидѣніе не покинетъ его и въ настоящіе тяжелые дни, и эта увѣренность преисполняла его непоколебимымъ мужествомъ. Сидя у костра, поппъ Симеонъ обдумывалъ дальнѣйшее плаваніе до Корсаковского, до котораго оставалось еще около ста миль. Тщательный осмотръ лодки, произведенный послѣ втораго ея крушенія, далъ крайне неутѣшительные результаты. Лодка напоминала рѣшето, съ поломанными бортами, рулемъ и шпангоутами (ребрами); починить ее возможно было только поверхностно; о капитальномъ исправленіи нельзя было и думать, даже при обладаніи всѣми необходимыми инструментами и матеріалами. Между тѣмъ, матеріаловъ не было; изъ инструментовъ сохранился лишь топоръ: миссіонеръ успѣлъ засунуть его за поясъ еще передъ первымъ выбрасываніемъ на берегъ, хорошо сознавая крайнюю нужду въ немъ при наступившихъ суровыхъ обстоятельствахъ. Съ тѣхъ поръ онъ не разставался съ топоромъ, благодаря чему удалось спасти его и во второй разъ. Перебирая въ головѣ трудности дальнѣйшаго путешествія, поппъ Симеонъ окончательно рѣшилъ слѣдовать до Анивы вдоль самаго берега. Правда, онъ рисковалъ, при этихъ условіяхъ плаванія, быть выброшеннымъ бурунами, каждую минуту, на тысячи скалъ, разбросанныхъ по всему побережью; но эта бѣда казалась ему ничтожною сравнительно съ громаднымъ рискомъ плаванія въ отдаленіи отъ острова, на лодкѣ, могущей разсыпаться теперь совершенно неожиданно и пойти ко дну раньше, чѣмъ успѣли бы дойти на ней до берега...

Обстоятельно обдумывая всѣ предстоящія трудности, поппъ Симеонъ случайно вскинулъ глаза на чащу и тотчасъ же замѣтилъ въ ней два горящихъ уголька. Не было сомнѣнія, что это высматривалъ добычу гроза и страшилище сибирскихъ лѣсовъ — чернобурый медвѣдь, единственное хищное животное на Сахалинѣ. Миссіонеръ быстро приподнялся, вытащилъ изъ-за пояса топоръ и, ослѣненный внезапною, смѣлою мыслью, отважно двинулся навстрѣчу хищнику, готовившемуся, по-видимому, слѣлать нечаянное нападеніе на одного изъ спящихъ каторжниковъ. Очевидно, звѣрь былъ страшно голоденъ, если рискнулъ выйти изъ чащи, не пугаясь пылающаго костра. Увидя приближавшагося миссіонера, медвѣдь глухо зарычалъ, поднялся на заднія лапы и грозно пошелъ навстрѣчу, страшно вращая глазами, налившимся кровью. Это было громадное, косматое чудовище, почти на цѣлый аршинъ выше пона Симеона.

Христосованіе боярина съ нищими на Пасхѣ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) И. В. Лебедева, грав. Шюблеръ.

Последній не дрогнулъ, но только приостановился и сталъ отважно ждать приближенія хищника. Медвѣдь, освѣщенный красноватымъ пламенемъ костра, продолжалъ идти впередъ, щелкая зубами, словно предвкушая извѣданную имъ, вѣроятно, сладость человеческого мяса. Вотъ, онъ уже вытянулъ переднія лапы и широко раскрылъ пасть... Еще моментъ, и хищникъ схватить въ свои могучія, смертельныя объятія мужественнаго миссіонера... Но попъ Симеонъ не дремалъ: ловко увернулся онъ отъ мохнатыхъ лапъ и взмахнулъ топоромъ... Раздался ужасающій ревъ, и медвѣдь, съ раскромсанный головой, съ размаху грохнулся на спягъ, орошая послѣдній кровью... Добровольцы, разбуженные рывканьемъ хищника, вскочили на ноги и растерянно глядѣли на хищника, который бился въ предсмертныхъ судорогахъ, разметывая лапами спягъ и безсильно щелкая челюстями...

Попъ Симеонъ хладнокровно засунулъ за поясъ окровавленный топоръ и спокойно проговорилъ:

— Господь смилостивился и послалъ намъ знатную закуску... Теперь не пропадемъ съ голоду...

— Богатырь ты, батюшка! съ восторженнымъ удивленіемъ воскликнулъ Головлевъ, съ удивленіемъ разглядывая громадную туну медвѣдя, недвижно уже распластавшагося на спягу.

— Вѣрно, что богатыри! подтвердили остальные каторжные. — Ишь, какого важнаго звѣря топоромъ положили!

— Богъ помогъ, скромно проговорилъ попъ Симеонъ и затѣмъ приказалъ: — Волочите его ближе къ костру, распластаемъ, да и зажаримъ... Ъсть, вѣдь, хотите?..

Четверо каторжныхъ безпрекословно ухватились за медвѣжьи лапы и съ трудомъ подтащили хищника къ костру. Опытной рукой бывалаго охотника, миссіонеръ распотрошилъ медвѣдя, снялъ шкуру и распласталъ его затѣмъ на нѣсколько отдѣльныхъ кусковъ. Черезъ четверть часа, отъ костра пошелъ аппетитный запахъ жаренаго на угольяхъ мяса... Добровольцы покушали такъ плотно, какъ никогда не ѣдали даже въ родномъ селѣ, не говоря уже о каторгѣ.

Питаясь медвѣжатиной, добровольцы прожили на безлюдномъ, пустынномъ берегу четыре дня, въ теченіе которыхъ лодка опять была приведена, общими усиліями, если не въ надежное, то хотя видимо въ исправное состояніе. Во всякомъ случаѣ, попъ Симеонъ на-

дѣлся добраться на ней до Анивы, тѣмъ болѣе, что штормъ прекратился и наступило временное затишье. Даже буруны значительно улеглись и едва лизали скалистое побережье. Надо было пользоваться благоприятной погодой, и добровольцы съ прежнею отвагой пустились въ дальнѣйшій путь, захвативъ съ собой нѣсколько пудовъ зажаренной медвѣжатины. Шли подъ самымъ берегомъ, преимущественно подъ веслами, потому что паруса превратились въ какіе-то безобразные клочья, не приносяшіе существенной пользы. Съ заходомъ солнца, добровольцы приставали къ острову, выбирая удобныя для стоянки мѣста, приставали съ исключительною цѣлью передохнуть, обогрѣться около костра и обсушиться. Последнее было особенно необходимо, потому что лодка текла и постоянно была наполнена водой почти наполовину. Добровольцамъ приходилось, такимъ образомъ, цѣлыми днями сидѣть по щиколку въ водѣ и мерзнуть отъ стужи; но никто не унывалъ, предвидя скорое окончаніе тяжелаго путешествія...

Къ вечеру, на пятія сутки, показались привѣтливые огоньки Корсаковского поста.

— Вотъ и постъ! радостно воскликнулъ попъ Симеонъ, и первый разъ въ жизни изъ его широкой, богатырской груди вырвалось могучее, раскатистое „ура!“

Каторжники оглянулись на берегъ, и, увидѣвъ признаки жилища, восторженно подхватили вырвавшійся крикъ богатыря-миссіонера. На глазахъ у всѣхъ показались слезы удивленія, и каждый искренно возблагодарилъ Всевышняго за благополучное окончаніе опаснаго, долельзя тяжелаго, плаванія...

Беззвучно прибыли добровольцы въ постъ. Попъ Симеонъ едва отыскалъ того, на чье имя были адресованы сорокъ тысячъ рублей. „Человѣкъ берега“ встрѣтилъ миссіонера холодно, строго оглядѣлъ его закорузлый полубубокъ и поряжѣвшіе, растрескавшіеся сапоги, мелькомъ взглянулъ на его измученное, исхудавшее лицо, и озадачилъ вдругъ неожиданнымъ, сердитымъ вопросомъ:

— Отчего бумажки подмочены?

Попъ Симеонъ не далъ требуемаго отвѣта; онъ лишь глубоко вздохнулъ и молча вышелъ изъ кабинета строгаго начальника.

Такъ отблагодарили отважнаго миссіонера за его самоотверженную услугу, о которой никто бы и не вспомнилъ, если бы намъ не вздумалось рассказать о ней...

конецъ.

Давидъ и Голіаѳъ.

Новеллетта Эрмины Виллингеръ.

Швею Дорушку ежедневно встрѣчали на проселкѣ, обставленномъ справа и слѣва домиками небольшой деревушки, въ свою очередь точно прислоняющимися къ зеленѣющимъ горамъ. Дорушка, впрочемъ, не одна выходила изъ дому, а всегда въ сопровожденіи мальчугана лѣтъ шести, который, въ избыткѣ здоровья, такъ же самоувѣренно и побѣдоносно относился къ жизни, какъ вяло и нерѣшительно совершала свой жизненный путь сама Дорушка, благодаря своему малокровію. Этимъ юнымъ героемъ она была обязана одному изъ тѣхъ припадковъ слабости, изъ которыхъ слагалась вся ея жизнь, и хотя мальчуга сопровождалъ ее на всѣхъ побѣгушкахъ, весело подражая губами барабанному бою и трубнымъ гласамъ, но молодая мать все еще не могла утѣшиться и смириться, изводя себя раскаяніемъ и жаждой потеряннаго счастья. Полевая работы были ей не подъ силу, она продала доставшуюся ей по наслѣдству землю и прокармливала себя и своего Давида заработкомъ отъ шитья. Жили они въ наемномъ помѣщеніи у старой крестьянки, одинокой домовладѣлицы. Старуха по цѣлымъ днямъ, если только позволяла погода, просиживала на крыльцѣ, съ косты-

лемъ на колѣняхъ, закутавъ ноги потеплѣе и созерцая Божій міръ, то есть тѣсную долинуку.

Это была единственная особа, которой небаивался Давидъ. Мать же обязана была слѣдовать за нимъ какъ собачонка—и подчинялась этому. Говорить онъ всегда властнымъ голосомъ, заложивъ руки за спину, и если кто-нибудь изъ сельскихъ парней не повиновался ему, мальчуга львенкомъ бросался на упряма, не разбирая сколькими головами тотъ его выше.

Такимъ образомъ въ деревушкѣ онъ пользовался не особенно хорошею славой, хотя каждый давалъ ему что могъ и ласково гладилъ бѣлокурую, волнистую гриву, роскошно обрамлявшую загорѣлое личико.

Отъ его зоркихъ глазъ не ускользнуло, что мать никогда не смѣется, не болтаетъ и не шутитъ какъ другія, и онъ часто въ гнѣвъ хваталъ ее за косы, крича на нее: „да развеселись же!“ Но когда она, въ угоду ему, разглаживала скорбную складку губъ улыбкой, на блѣдное лицо ея жалко было смотрѣть—и Давидъ выбѣгалъ изъ дому, поднимая неистовый барабанный бой ртомъ и кулаченками, что всегда помогало ему скрывать свои ощущенія.

Въ самомъ дѣлѣ, отношенія тутъ сложились совсѣмъ навыворотъ, и мальчикъ принялъ на себя родительскія обязанности относительно покинутой матери, не пуская ее ни на шагъ изъ дому безъ себя, то браня, то лаская и защищая ее своими кулачками отъ чьей-либо грубости.

А Дѳрушка, не смотря на эту энергическую опеку, съ каждымъ днемъ становилась все печальнѣе и грустнѣе; она была не глуха и хорошо сознавала, что это извращеніе міроваго порядка не пойдетъ въ прокъ мальчугану и преждевременная самостоятельность при властительныхъ замашкахъ можетъ повести къ весьма дурнымъ послѣдствіямъ. Съ другой же стороны, она была слишкомъ слаба, чтобы противоудѣйствовать этому человѣчку, тѣмъ болѣе, что втайнѣ сама восхищалась въ немъ силой и повадками его отца, который подобно златокудруму Зигфриду помахивалъ топоромъ и съ такою первобытною мощью въ голосѣ привѣтствовалъ ее однажды въ лѣсу ликующимъ: „Дай Богъ добраго здорovia!“

Когда же дровосѣвки потянулись дальше, а вмѣстѣ съ ними ушелъ и Давидъ Брандъ изъ околотка, Дѳрушкѣ ничего не оставалось, какъ послать за нимъ одного изъ своихъ друзей съ запросомъ, не думаетъ-ли онъ на ней жениться. Отвѣтъ Бранда былъ коротокъ: „это ужъ черезчуръ скучно будетъ“. Послѣ этого Дѳрушка, помолясь Богу, зажила одиноко и несла свой крестъ какъ пришлось. Не въ ея духѣ было совѣтоваться да жаловаться на свою судьбу, а старуха, у которой она жила, не любила мѣшаться въ чужія дѣла. Тѣмъ не менѣе, она умѣла быть по своему полезною, при случаѣ журила мальчугана, высчитывала ему продѣлки и въ заключеніе слегка наказывала его своимъ костьюлемъ, причемъ, конечно, ей было больнѣе чѣмъ ему, такъ какъ ревматичныя руки ея не годились на такую работу, и вѣроятно собственнымъ ея стомамъ и вздохамъ надо приписать то, что мальчишка молча, словно воды въ ротъ набравъ, переносилъ эту расправу. Даже матери онъ ни слова не говорилъ объ этихъ наказаніяхъ, вѣроятно инстинктомъ чуя, что можетъ этимъ уронить свою власть въ ея глазахъ.

За-то старуха была для него какъ бы представительницей собственной его совѣсти, и если онъ охотно удиралъ завидѣвъ ее, то съ другой стороны ему никогда не приходило въ голову тревожить ея покой. Она тихо и мирно жила себѣ заодно съ природой, въ созерцаніи которой находила единственное свое занятіе. Тутъ она радовалась вмѣстѣ со всѣмъ что росло вокругъ нея, душа ея какъ бы опущала прозябаніе растений, возсылая теплыя хвалы благодѣтельному солнцу; или скорѣла словно объ утратѣ своихъ кровныхъ, когда ранній градъ пригибалъ къ землѣ тонкіе злаки или сбивалъ на-земь незрѣлые плоды. Такъ жила она въ постоянной смѣнѣ настроеній, ничего не упуская изъ виду, праздную послѣ долгой работы и ограничивая свою дѣятельность лишь сочувствіемъ.

Частенько жалѣла она скорѣвшую молодую женщину, но съ другой стороны и досадовала на нее, какъ таки можно жить въ дивномъ Божіемъ мірѣ ни о чемъ не думая кромѣ собственныхъ дѣлъ.

„Погляди-ка, Дѳрушка, вокругъ себя, какъ все зеленѣетъ!“ хотѣлось ей сказать.

Но именно въ послѣднее время къ Дѳрушкѣ было еще труднѣе приступить чѣмъ прежде. Какъ уже сказано, теперь она, вдобавокъ, мучилась еще заботами о будущности своего мальчугана, продѣлки котораго ежедневно доходили до нея и одна другой хуже.

Давидъ-же, окончательно измучившійся видя вѣчныя слезы матери, которыхъ не могъ себѣ объяснить, въ концѣ-концовъ счелъ за лучшее подрастаться однажды сзади къ сидѣвшей на стулѣ старухѣ и шепнуть ей: „чего-же надо мамѣ?“

— Гм! проворчала та, — чего ей надо-то? — хоть-бы крошечку радости.

Вечеромъ, на закатѣ солнца, Дѳрушка, войдя къ себѣ въ комнату, нашла на столѣ громадную вязанку полевыхъ, садовыхъ и лѣсныхъ цвѣтовъ, напоившую весь покой благоуханіемъ. Давидъ стоялъ у отворенной двери, держась за скобу и молча слѣдя за матерью.

— Господи Твоя воля! простонала та, — вѣрно ты опять какъ воришка забирался во всѣ сосѣдскіе сады! Разбойникъ ты этакій, вотъ ужъ именно крестъ послалъ мнѣ Господь! Уморить меня хочешь!

День спустя — было воскресенье и Дѳрушка чинила Давидово платье — онъ ворвался въ комнату запыхавшись, въ разорванныхъ штанишкахъ, съ расцарапанными до крови ногами, и бросилъ матери на колѣна гнѣздо съ воронятами.

— А вотъ *этихъ* чтобы достать, объявилъ онъ съ торжествомъ, — надо было забраться на самое высокое дерево.

— Господи Исусе Христе! вскрикнула несчастная Дѳрушка, — на что похоже твое праздничное платье!.. Что изъ тебя самого будетъ?!.. Боже мой, смилуйся надо мной, горемычною!

— Слушай-ка, ты! шепнула Давидъ на другой день утромъ старухѣ, — цвѣты ей не радость, и птицы тоже — какія еще бываютъ радости?

Старуха обернулась, проворно схватила мальчика за руку и поставила его передъ собой. Нѣсколько времени она пытливо глядѣла на него, какъ-бы собираясь съ мыслями, потомъ тихо и внушительно заговорила:

— Давидъ Брандъ — вотъ какъ зовутъ единственную радость въ мірѣ, которая можетъ опять развеселить маму. Ступай за нимъ и приведи его — только до него не скоро дойдешь: сначала надо внизъ по долину, а потомъ вверхъ вонъ по той горбатой горѣ, что такъ лукаво поглядываетъ сюда къ намъ; по ту сторону за нею течетъ рѣка, тамъ въ эту пору дровосѣвки гонятъ плоты внизъ по теченію; тамъ спросишь Давида Бранда и расскажешь ему зачѣмъ пришелъ — да смотри, безъ него и не являйся домой, это я тебѣ говорю!..

Давидъ кивнулъ головой: онъ былъ преисполненъ рѣшимости и предпримчивости.

— А онъ большой? спросилъ онъ, подумавъ.

— Разумѣется, подтвердила старуха, — но ты вѣдь слышалъ про настушка Давида, что одолѣлъ Голиава — и самъ такъ-же сдѣлай.

И набила ему карманы хлѣбомъ, зная что никакихъ опасностей быть не можетъ въ родимой долину и что всякій дастъ парнишкѣ молока, если тому захочется пить.

Давидъ выступилъ въ путь, глухо барабанивъ въ горделивомъ сознаніи важности порученія. Онъ не надѣлъ ни фуфайки, ни чего-нибудь на голову, но захватилъ съ собой здоровую дубинку, которою намѣревался гнать домой радость, если та не войдетъ сама.

Дорога долиною не представляла трудностей; если въ попадавшихся на пути домахъ видѣлся отворенный хлѣвъ и Давидъ замѣчалъ, что тамъ доять, онъ съ обычной самоувѣренностью заявлялъ желаніе хлебнуть молока, и смѣшная дѣвка или баба охотно подавала ему подойникъ. Если его пытались разспрашивать, онъ удиралъ съ громкимъ хохотомъ, радуясь что обладаетъ тайной и никого не удостоивая подѣлиться ею.

Было уже далеко за полдень, когда Давидъ пришелъ къ подножію горбатой горы, которая должна привести его къ цѣли. Не давая себѣ труда высмотрѣть дорогу, мальчуганъ началъ восхожденіе просто на четверенькахъ и довольно долго карабкался такъ по крутому склону, держа дубинку въ зубахъ. Вечерѣло, а въ непролазной чащѣ ельника и мелкой поросли стало совсѣмъ темно; маленькій человѣчекъ не разъ поднималъ дубинку и храбро наносилъ ударъ по диковинному дре-

весному корню, представлявшему въ мутномъ свѣтѣ мѣсяца нѣкоторое сходство съ человѣческимъ лицомъ, или вдругъ останавливался и прислушивался къ шороху и треску позади его; но не смотря на то, что подѣ ногами у него была бездна, а надъ нимъ вершина, которой глазъ не могъ измѣрить, онъ изъ ревности къ дѣлу ни разу не подумалъ о собственномъ положеніи. Тѣмъ не менѣе, запнувшись объ лежавшее поперекъ дороги дерево и упавъ, онъ уже не могъ тотчасъ вскочить на ноги; внезапно усталость одолѣла его, и мигъ спустя онъ уже спокойно и глубоко дышалъ, точно лежа въ своей постели подѣ вѣрной охраной матери. Древесный стволъ защищалъ его отъ бездны по ту сторону, а надѣ головой ребенка тихо шумѣлъ заночевавшій лѣсъ.

Утреннее солнце только-что погрузило первые лучи въ засверкавшую рѣчную влагу. На берегу стоялъ какой-то мужчина, усердно мывшій себѣ лицо и шею въ чистой водѣ; вдругъ онъ прекратилъ свое занятіе и прислушался. На опушкѣ лѣса появилась маленькая фигурка и остановилась въ нѣсколькихъ шагахъ отъ мывшагося, громко барабанила губами. Мальчуганъ ощущалъ пустоту въ желудкѣ и полный упадокъ духа, почему и примѣнялъ такъ усердно обычное средство, котораго до сихъ поръ не пускалъ еще въ ходъ; очевидно, ему пришлось довольно плохо—объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствовала его внѣшность, такъ какъ отъ рубашонки его на тѣлѣ остались почти отрепья и бѣлизна ея, облитая теплымъ золотистымъ свѣтомъ утренняго солнца, придавала Давидушкѣ видъ сваливагося съ неба херувимчика. Нѣчто подобное кажется и сдавалось смотрящему на него мужчинѣ, такъ какъ онъ съ дружеско-любымъ и звонкимъ смѣхомъ спросилъ:

— Скажи на милость, пузырь, откуда тебя вѣтеръ занесъ?

— Все не вѣтеръ, сказалъ Давидъ, и назвалъ девушку, изъ которой пришелъ.

— Ну да не одинъ-же одинѣхонекъ? удивился тотъ.

— А то что же?

— Такъ! а теперь куда-же ты идешь?

— Давида Бранда ищу.

Мужчина стряхнулъ капли воды съ лица и пристально посмотрѣлъ на мальчика; онъ замѣтилъ что волосы малютки такими-же густыми волнами обѣяютъ лобъ, какъ у него самого, и только немного свѣтлѣе его собственныхъ.

— На что онъ тебѣ, этотъ Давидъ Брандъ? недобриво проговорилъ онъ.

— Поведу его къ мамѣ, ей нужно хоть крошечку радости.

— Вотъ что, а кто твоя мама?

— Да Дѣрушка-же!

— Это она тебя и послала?

— Какъ ты глупъ однако!.. расхохотался Давидъ.— она и знать не знаетъ; а только цвѣты ей не радость,

и птицы тоже, да и старуха сказала: ее одинъ Давидъ Брандъ развеселить—вотъ я и хочу притащить его... Ахъ!—изъ груди маленькаго человѣчка вырвался отчаянный вопль ужаса,—дубинка-то моя!.. Это я въ лѣсу забылъ свою дубинку!

— Ну, полно, зачѣмъ тебѣ понадобилась дубинка? спросилъ мужчина, удерживая мальчуга, который порывался уже бѣжать обратно въ лѣсъ.

— Конечно понадобилась, простоналъ тотъ, — вѣдь этотъ Давидъ Брандъ большущій, что твой Голякъ! теперь мнѣ съ нимъ не сладить!

Мужчина громко захохоталъ, хотя въ то же время какая-то влага помутила его взглядъ.

— Я достану тебѣ дубинку, обѣщаль онъ,—а теперь пойдемъ со мной, ты навѣрно усталъ и проголодался.

Онъ посмотрѣлъ на малютку сверху внизъ и, замѣтивъ, что ножонки его въ крови, взялъ его на руки.

Неподалеку отъ рѣки стоялъ досчаной шалашикъ, въ которомъ дровосѣки варили себѣ похлебку на завтракъ. При входѣ мужчины съ ребенкомъ на рукахъ, они потѣснились за столомъ и безъ долгихъ разспросовъ подали ему тарелку похлебки. Давидушкѣ дали ложку, и онъ кушалъ молодецки, пріотившись на колѣняхъ своего покровителя, державшаго ему тарелку. Затѣмъ, поѣвъ до-сыта, онъ съ глубокимъ вздохомъ блаженства прислонился къ широкой груди покровителя, и глаза его стали слипаться. Но онъ все еще лепеталъ:

— Пора мнѣ... къ Давиду Бранду...

— Да онъ здѣсь, успокоилъ его мужчина, — это я самъ.

— Вотъ какъ, вздохнулъ мальчуга, — ну и хорошо, теперь мнѣ дубинки не надо...

„И въ правду—не надо!.. и въ правду—не надо!..“ отозвалось въ груди мужчины, и онъ долженъ былъ собрать всѣ силы, чтобы не разрыдаться. Вѣдь это безцѣнное сокровище—его собственность, этотъ храбрый молодчикъ, отправившійся по бѣлу свѣту и стершій себѣ до крови ножонки на поискахъ радости для матери.

— А я, старый дуракъ, еще радовался что волень какъ птица! бормоталъ онъ, прижимая спящаго ребенка къ сердцу.— Нѣтъ, ужъ тебя-то я никогда не покину!..

Дровосѣкамъ онъ сказалъ, что отнесетъ забѣглаго мальчугана домой и вернется къ вечеру. Потомъ, не дожидаясь пробужденія малютки, заботливо понесъ его на рукахъ въ обратный путь на горбатую гору.

— Что-жъ такое, шепталъ онъ про себя, не спуская глазъ со своего точнаго подобія, — что-жъ такое, если съ Дѣрушкой и вправду скучновато... Статочное-ли дѣло, чтобы мой ненаглядный понапрасну проходилъ за мной и одолѣлъ своего Голяка даже безъ дубинки!

КОНЕЦЪ.

Лисица.

Съ французскаго.

Фруктовый садъ моего крестнаго отца былъ все тотъ же; грушевыя деревья, вытанутыя въ формѣ лиръ или вѣровъ, гнѣзились вдоль изгороди, а по концамъ садовыхъ рядковъ возвышались красивыя яблони, подстриженныя въ видѣ бокаловъ или причудливыхъ вазъ. Искусство на каждомъ шагу торжествовало здѣсь надъ природой.

Самъ крестный также нисколько не измѣнился. Сидя въ обвитой зеленю бесѣдкѣ, онъ попрежнему читалъ безъ очковъ своего любимца, Горация, котораго я еще издали узнавалъ съ перваго взгляда. Мнѣ казалось, что и старая соломенная шляпа его была все та же. Изъ кармана сняга фартука выглядывали, какъ всегда, садовничьи ножницы и ножъ для прививки деревьевъ. Услышавъ мои шаги, крестный съ живостью поднялся съ мѣста; его худощавое лицо просіяло и озарилось привѣтливой улыбкой.

— Какъ, это ты? съ этими словами онъ обнялъ меня и поцѣловалъ въ обѣ щеки.—Скажи пожалуйста, чему я обязанъ

удовольствіемъ видѣть тебя? Твои посѣщенія мнѣ очень пріятны, но—не въ упрекъ тебѣ будь сказано—немного рѣдки.

— Я пришелъ къ вамъ за свѣтомъ, крестный.

— Вотъ что! Въ чемъ же дѣло?

— Два знакомыхъ семейства, у которыхъ я бываю, рѣшили женить меня.

— Ахъ, чортъ возьми!

— Мнѣ предлагаютъ двухъ невѣстъ: обѣ богаты и обѣ хорошенькія; одна—брюнетка, другая—блондинка и...

— И сердце твое не знаетъ, которой отдать предпочтеніе.

— Вотъ именно. Дайте совѣтъ, которую выбрать—блондинку или брюнетку?

— Или ни ту, ни другую?

— Посовѣтуйте-же мнѣ, дорогой крестный!

— Ну, если ты непременно хочешь знать мое мнѣніе, то я думаю, какъ Пантагрюэль, что есть столько-же доводовъ за, какъ и противъ женитьбы.

Отъ „Двѣнадцати Евангелій“ въ Великій Четвергъ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Котляровскаго, грав. Шюблеръ.

— Нѣтъ, не шутя, что вы мнѣ посоветуете?
 — Сохрани меня Богъ совѣтовать въ такомъ дѣлѣ!
 — Почему-же нѣтъ?
 — Подумай только, сколько-бы намъ причинило огорченій, если-бы мой совѣтъ оказался плохъ, а ты бы ему послѣдовалъ или наоборотъ — онъ былъ-бы хорошъ, а ты бы ему не послѣдовалъ...
 — Такъ что-же вы хотите чтобы и сдѣлать?
 — Ничего пока не дѣлай!.. Жди! Жизнь наша походить на часы, состоящие изъ безчисленнаго множества колесиковъ, наблюдение за которыми мы должны предоставить часовщику; чѣмъ больше мы будемъ сами вертѣть ихъ, тѣмъ хуже будетъ ихъ ходъ.
 — Вы думаете?..
 — Дѣла всегда устраняются сами собой; чѣмъ больше мы хлопочемъ о нихъ, тѣмъ хуже они запутываются.
 — Вы полагаете?
 — Ты знаешь исторію Аристомена, храбраго защитника своей родины, Мессени?
 — Это тотъ, котораго бросили въ пропасть?
 — Тотъ самый. Онъ былъ взятъ въ плѣнъ спартацами вмѣстѣ съ горстью своихъ сподвижниковъ и сброшенъ въ глубокое ущелье. Всѣ его товарищи разбились до смерти объ острые скалы; одинъ Аристоменъ остался живъ, унавъ на труны своихъ сподвижниковъ, — но только затѣмъ, чтобы претерпѣть болѣе продолжительнаго предсмертнаго страданія. Петерфильвий чело-вѣкъ самъ-бы положилъ имъ конецъ, раскронивъ себѣ черепъ о камни; но Аристоменъ былъ не такъ простъ, онъ ждалъ, ждалъ долго... Наконецъ пришла лисица, привлеченная запахомъ труповъ... Вѣдь не съ неба-же она свалилась, подумалъ Аристоменъ, „значитъ изъ этой пропасти есть какой-нибудь выходъ.“ Придя къ такому заключенію, Аристоменъ началъ наблюдать за лисицей, пошелъ по ея слѣдамъ и выбрался на волю. Появившись снова въ Мессеніи, онъ подыять духъ своихъ воиновъ и заставилъ спартацевъ начать войну слызнова.
 — Да, такъ ваше мнѣніе...
 — Что лисица непременно явится; надо только дожидаться ея.
 — Вамъ хорошо говоритъ!
 — Я конечно разсуждаю нѣсколько метафорически; но долженъ тебѣ сказать, что самъ находился въ такой-же пропасти, въ какой вижу тебя теперь...
 — Вы?
 — И лисица явилась спасти меня.
 — Полноте, я не могу повѣрить...
 — Садись. Я все разскажу тебѣ, пока Катерина подастъ намъ завтракъ.
 Я сѣлъ на скамью. Пчелы жужжали вокругъ бесѣдки, привлеченныя сладкимъ запахомъ жасмина. Изъ кустовъ изгороди доносилось пѣжное пѣніе малиновки, а на одномъ изъ грушевыхъ деревьевъ ссорилась и кричала цѣлая стая воробьевъ.
 — Я былъ тогда твоихъ лѣтъ, началъ крестный, — и точно такъ-же носился съ исторіей, какъ ты теперь съ живописью. Жизнь моя дѣлилась на двѣ половины: шесть мѣсяцевъ въ году я рылся въ парижскихъ бібліотекахъ, а другіе шесть — путешествовалъ по Европѣ, въ поискахъ за историческими фактами и открытіями. Въ то время я былъ занятъ своей книгой „Норманны въ Сициліи“. Совершенно погруженный въ свою работу, я отказался отъ всего, что не имѣло отношенія къ господству норманновъ, и вращался почти исключительно въ кругу ученыхъ, поглощенныхъ изслѣдованіями древностей и пожелтѣвшихъ старыхъ рукописей. Возвращаясь домой съ вечернихъ засѣданій и ложась въ постель, я и во снѣ продолжалъ видѣть норманновъ и ихъ постройки въ Палермо и Мессинѣ. Мнѣ и въ голову не приходило, что чего-нибудь не хватаетъ для полноты моего счастья; но, къ несчастью, другіе думали иначе. Въ тотъ самый день, когда я извѣстилъ дядю Шарля и тетюшку Годэ о своемъ намѣреніи ѣхать въ Цаполь, они отвѣтили мнѣ одновременно, точно сговорившись: „я надѣюсь, что ты не пройдешь черезъ Версаль, не остановившись у меня на нѣсколько дней“. Я рѣшилъ было пожертвовать своимъ родственникамъ 24 часа, находя, что и этого срока, отнятый отъ норманновъ, составляетъ не малую жертву; но по полученіи обоихъ писемъ, я почувствовала, что такое среднечанье со временемъ можетъ навлечь на меня двойной упрекъ въ неблагодарности. Всѣмъ своимъ положеніемъ я обязанъ былъ тетюшкѣ Годэ и дядѣ Шарлю. Оставившись одинъ на свѣтѣ, почти безъ всякихъ средствъ, совершенно неподготовленный къ какому-либо производительному труду, безъ ихъ помощи и никогда не могъ-бы продолжать дорогихъ мнѣ научныхъ занятій, не приносившихъ мнѣ въ то время ни гроша. Конечно, я былъ не въ правѣ забыть все это и отказать родственникамъ въ моемъ посѣщеніи. Вѣривъ все это, я обѣщала пробыть въ Версаль цѣлую недѣлю, и дѣйствительно сдержала слово.
 „Первые дни прошли прекрасно, не возбуждая во мнѣ никакихъ подозрѣній. Я обѣдалъ у дяди Шарля и ужиналъ у тетюшки Годэ. Имѣя мало общаго между собою, — онъ былъ сангвиническаго, она — холерическаго темперамента, — они не любили другъ друга и видѣлись очень рѣдко. Я разсказывалъ

имъ обоимъ о норманнахъ; они охотно меня слушали, и разговоръ ни на минуту не прерывался.
 „Въ воскресенье — никогда въ жизни не забуду я этого воскресенья — я обѣдалъ у дяди, который жилъ тогда въ этомъ самомъ домѣ, гдѣ я теперь живу. Послѣ обѣда мы вышли съ нимъ рука объ руку пройти по саду, и я разсказывалъ ему о своихъ норманнахъ и ихъ постройкахъ, какъ вдругъ дядя совершенно неожиданно остановился и проговорилъ:
 — „Кстати, когда-же ты женишься?
 — „Когда я женюсь?..
 „Такой вопросъ со стороны закоренѣлаго холостяка представлялъ нѣчто до того забавное, что я не могъ удержаться и громко расхохотался.
 — „Пожалуйста, не смѣйтесь, милостивый государь, замѣтилъ дядя рѣзко, — это вовсе не смѣшно.
 „И, постепенно входя въ экстазъ, онъ началъ громкій панегирикъ брачной жизни, въ которомъ смѣшивалъ самые серьезные и забавные доводы, то цитируя мѣста изъ Библіи и Св. Отцовъ, то изъ Рабеля, и вообще не останавливаясь ни передъ чѣмъ. Я былъ внѣ себя отъ удивленія.
 — „Хотя-бы съ точки зрѣнія гигиены, говорилъ онъ, — можетъ-ли быть что-нибудь вреднѣе для здоровья, какъ эти вѣчные обѣды въ кухмистерскихъ? Или ты хочешь сдѣлаться склоннымъ къ апоплексіи и ревматизмамъ, какъ я? Или пожелтѣть, какъ твоя тетюшка? Или, можетъ быть, ты предпочитаешь взять себѣ ключницу, которая будетъ обкрадывать тебя и помыкать тобой?
 — „Но, дорогой дядя...
 — „Ахъ, пожалуйста, безъ дорогаго дяди!.. Я говорю въ твоихъ интересахъ, и если ты не хочешь добровольно понизить меня, то я тебя заставляю силой!.. Я отниму у тебя ренту...
 — „Мою ренту?..
 — „Тогда конецъ твоимъ изслѣдованіямъ, путешествіямъ и норманнамъ!.. Я буду глухъ и нѣмъ и не скажу болѣе ни слова.
 „Я съ трудомъ могъ проговорить только:
 — „И вы это сдѣлаете?
 — „Разумѣется, милостивый государь.
 — „Но по какому-же поводу, дядюшка! За что?
 — „За что? За то, что я люблю тебя. За то, что я не желаю тебѣ такой безотрадной жизни, какую я веду, и такого катарра желудка, какой я себѣ нажилъ. И въ Писаніи сказано: „Не хорошо челоуѣку быть одному!“ И ужь конечно Тотъ, кто говоритъ эти слова, былъ правъ.
 — „Дорогой дядя...
 — „Я отнимаю у тебя ренту и баста!
 „Не было никакой возможности сдвинуть его съ этого пути. По крайней-мѣрѣ въ ту минуту рѣшеніе его казалось непреклоннымъ, и я присутствовалъ только при взрывѣ давно заряженной мины. Я счелъ за лучшее прибѣгнуть къ отступленію, обѣщавъ подумать.
 „Когда вечеромъ я пришелъ къ тетюшкѣ Годэ ужинать, она тотчасъ замѣтила мой разстроенный видъ; не успѣвъ и войти, какъ она обратилась ко мнѣ съ вопросомъ:
 — „Скажи, пожалуйста, что съ тобой?
 — „Со мной? Ничего... Только голова нѣсколько не на мѣстѣ.
 — „Бѣдный, милый мальчикъ! воскликнула она съ участіемъ. — Я понимаю твои заботы и жду отъ тебя откровенности... Ты послушался наконецъ голоса природы...
 — „Вы хотите сказать?..
 — „Ты недоволенъ собой! Ты чувствуешь, что такъ долгие жить нельзя. Ты наконецъ понялъ, что пришло время жениться.
 „Я чуть не вскрикнулъ отъ удивленія. — Какъ? опять!
 — „Опять? Развѣ ты уже женатъ? тайно, что-ли?
 „У меня не хватило духу оставить тетюшку въ этомъ заблужденіи, хотя оно, можетъ быть, спасло бы меня. Я сослался на безумную страсть къ замужней женщинѣ, на которой я не могъ жениться и на которую смотрѣлъ, какъ на умершую.
 — „Женитьба выльчнитъ тебя, объявила тетюшка, — она успокоитъ тебя.
 „Пожилая женщина стала приводить различные аргументы съ такимъ одушевленіемъ, какого я никогда не замѣчалъ за ней. И съ какимъ краснорѣчіемъ она говорила о пустотѣ моего безотраднаго существованія!
 — „Развѣ ты хочешь, чтобы за тобой, больнымъ, ходили чужіе? Хочешь умереть бездѣтнымъ, не оставивъ послѣ себя наследниковъ твоихъ дарованій, которые продолжали-бы твое дѣло?..
 „Тетюшка заключила свою торжественную рѣчь словами, которыми я такъ и ждалъ отъ нея:
 — „Я говорю для твоей же пользы, и если ты изъ упрямства не хочешь понять этого, то я заставляю тебя силою: я отниму у тебя ренту!
 „Вотъ такъ дилемма! Приходилось или отказаться отъ норманновъ, или отдать себя во власть женщины; двѣ перспективы, которыя внушали мнѣ одинаковый ужасъ; я поиробовалъ было возразить:
 — „Но, милая тетюшка, дѣти, если они у меня будутъ, мо-

жесть быть, вовсе не пожелаютъ продолжать моего дѣла, а жена будетъ мѣшать мнѣ самому заниматься имъ.

— „Послѣдній доводъ вызвалъ новый потокъ краснорѣчія.

— „Вовсе нѣтъ! воскликнула тетушка;—присутствіе любящаго и любимаго существа ободритъ тебя и удвоитъ твои силы. Въ этомъ и состоитъ удивительное свойство брака: онъ охраняетъ отъ всякихъ невзгодъ; удваиваетъ личные достоинства, придавая каждому изъ супруговъ хорошія свойства другаго; онъ...

„Она говорила еще долго, но я уже не слушалъ ее; внезапный лучъ свѣта освѣтилъ пропасть, въ которой я находился, и я увидѣлъ—лицу...

— „Когда тетушка кончила, я заговорилъ:

— „Скажите мнѣ, милая тетушка, если вы видите столько хорошаго въ бракѣ, почему вы сами не вышли замужъ?

„Тетушка скорчила соответственное обстоятельству лицо и проговорила со вздохомъ:

— „Молодая дѣвушка не всегда можетъ располагать своей судьбой.

— „Прекрасно, возразилъ я,—но женщина болѣе зрѣлаго возраста?

— „Она взглянула на меня съ удивленіемъ:

— „Что ты хочешь этимъ сказать? объяснись пожалуйста!

„Я дѣйствовалъ, какъ настоящій Макиавелли, но мнѣ не оставалось другаго выбора:

— „Я хочу сказать, милая тетушка, что охотно повѣнчаюсь, но съ однимъ условіемъ—чтобы вы показали мнѣ примѣръ.

— „Я?

— „Позвольте! И если вы, по прошествіи трехъ медовыхъ мѣсяцевъ, все еще будете настаивать, чтобы я женился, я даю вамъ слово исполнить ваше желаніе.

— „Ты можешь обѣщать что хочешь, но твое предположеніе нелѣпо; ты очень хорошо знаешь, что я и думать не могу о замужествѣ.

— „Скажите лучше—не хотите!

— „Ты глухъ! Въ моемъ возрастѣ!

— „Ахъ, вы еще такой молодецъ!.. только слишкомъ скромны.

— „Ты кажется надо мной смѣешься.

— „Боже меня упаси! Спросите-ка дядюшку Шарля, что онъ объ этомъ думаетъ? Онъ еще давеча говорилъ мнѣ о васъ.

— „Дядя Шарль!

„Тетушка была поражена; по имя дяди Шарля мѣше оттолкнуло ее, чѣмъ я предполагалъ. Мнѣ оставалось только поддерживать сказанное, и я безъ зазрѣнія совѣсти настаивалъ на своемъ. Я объявилъ, что ихъ взаимная антипатія была не болѣе какъ недоразумѣніе, что они любили другъ друга

гораздо больше чѣмъ сами думали, и только совѣстились сознаться себѣ въ этомъ; что я, благодареніе Богу, ясно читаю въ ихъ сердцахъ и пріѣхалъ въ Версаль только затѣмъ, чтобы способствовать сближенію двухъ непонимающихъ другъ друга существъ.

„Тетушка слушала меня съ удивленіемъ, но не безъ удовольствія и не безъ нѣкоторой доли жеманства. Я повторилъ ей всѣ тѣ аргументы въ пользу брака, которые она только-что приводила сама, присовокупивъ еще слышанные мной отъ дяди. Я говорилъ цѣлый часъ съ пламеннымъ краснорѣчіемъ, на которое раньше не считалъ себя способнымъ; и, уходя, оставилъ почтенную тетушку въ полномъ убѣжденіи, что дядя Шарль уже двадцать лѣтъ втихомолку страдаетъ по ней.

— „Затѣмъ прощайте! Значитъ вы согласны, дорогая тетушка?

— „Если бы я когда-нибудь согласилась, объявила она, провозжая меня въ переднюю,—то только ради тебя, чтобы заставить тебя послѣдовать моему примѣру.

„На слѣдующее утро мнѣ предстояло говорить съ дядей, который прямо встрѣтилъ меня вопросомъ:

— „Ну! когда же ты женишься?

— „Послѣ васъ.

— „Послѣ меня?

— „Развѣ вы хотите, чтобы за вами, большимъ, ходили чужіе? Между тѣмъ какъ возлѣ васъ находится прекрасная, милая женщина, которая любитъ васъ больше, чѣмъ вы предполагаете.

— „О комъ ты говоришь?

— „О тетушкѣ Годэ.

— „Ты, кажется, шутить?

— „Вовсе нѣтъ, дядя; я слышалъ отъ нея самой...

„Короче сказать, онъ сѣлъ за столъ, съ полнымъ убѣжденіемъ, что тетушка всегда его любила. За десертомъ онъ торжественно объявилъ:

— „Право, если я когда-нибудь соглашусь, то только, чтобы заставить тебя послѣдовать моему примѣру.

„На слѣдующій день, я устроилъ между ними свиданіе, а три мѣсяца спустя, тетушка Годэ была уже г-жой Шарль.

„По возвращеніи моемъ изъ Неаполя я завтракалъ у нихъ и съ тѣхъ поръ часто видѣлся съ ними; но уже ни тотъ, ни другая не напоминали мнѣ о моемъ обѣщаніи и не угрожали отнять ренты, оставивъ меня въ покоѣ съ моими норманнами. Однако пора идти завтракать. Катерина уже ждетъ насъ. И такъ, не говори мнѣ ни о брюнеткахъ, ни о блондинкахъ; я не хочу давать тебѣ никакого совѣта. Подожди, пока придетъ лисца, да—именно, пока придетъ лисца! (С.)

Святая Земля.

Назаретъ и Иерусалимъ въ I вѣкѣ христіанства и теперь.

(Рис. и планъ на стр. 352, 353, 355, 361 и 364).

Кому изъ возвратившихся на родину послѣ поклоненія Св. Гробу и Голгоѣ въ Иерусалимѣ не приводилось разсказывать о видѣнномъ, слышанномъ, испытанномъ во время паломничества по Св. Землѣ? Многіе слушатели завидуютъ разсказчику и думаютъ: „да, хорошо бы хоть разъ въ жизни побывать тамъ“.

Вотъ кто-нибудь изъ послѣднихъ, можетъ-быть, перенесется со мною мысленно, напримѣръ, въ Акку, средневѣковую St. Jean d'Acce, Итолемаиду грековъ, на восточный берегъ Средиземнаго моря, на сѣверную оконечность открытаго Канфскаго залива. Вотъ она, Обѣтованная Земля, вотъ Акка. Вонъ высятся цинкъ Кармиль (Мар-Элиасъ, гдѣ въ лѣсахъ жилъ пророкъ Ілія). На высотѣ 1,200 ф. надъ уровнемъ моря католическій монастырь и обшрпный страннопріимный домъ. Въ Аккѣ мы не останемся. Это—кучка бѣлыхъ домовъ, сады, густая, темная тропическая зелень и ничего болѣе. Изумрудныхъ ковровъ природы впереди у насъ еще довольно. Сейчасъ за Аккою устье рѣчки Шихоръ-Ливнатъ, по гречески Белюсъ. Бушуютъ, пѣнятся ея воды, мірады брызгъ летятъ, сверкая, на порогахъ. По руслу то и дѣло торчатъ уродливыя скалы. Отъ истока ея часть-полтора ходьбы до Каны Галилейской. Стоитъ лишь перелезть черезъ небольшую возвышенность. Но что за чудесная картина природы развертывается на ея вершинѣ передъ пораженнымъ путникомъ! На вѣкъ останется она и въ памяти, и въ сердцѣ... Налѣво... далеко-далеко, чуть не подпирая облака, виднѣются въ дымчатой синевѣ абрисы грозная, величественнаго съ сѣдою головою Ермона (10,000 ф.). Онъ выдвинулся, точно передовой постъ длинной цѣпи Ливанскихъ горъ; между этими едва-едва рисуется Макмель, гора знаменитая историческими кедрами. Прямо на востокъ по всему горизонту блестящая лента Тиверіадскаго моря (Генисаретскаго озера, нынѣ Бар-Теваріе), увѣковѣченнаго евангельскими сказаніями. Иорданъ протекаетъ во всю его длину отъ сѣвера къ югу. Оно на 400 ф. ниже уровня Средиземнаго моря и имѣетъ форму груши, 15 верстъ длины, до 8 верстъ въ наибольшую ширину. Апоптолы переплывали его въ два часа. Много рыбы; особенно вкусна эл-атри; она кругловага, красна и довольно жирна. Воды этого озера отличаются странными капризами. Буря поднимается моментально, нежданно, негаданно, и въ одно мгновеніе ока

упахаетъ. Точно горячая вспышка добряка-человѣка. На западномъ берегу ближе къ истоку Иордана стоитъ Табаріе, на мѣстѣ языческой Тиверіады, гдѣ въ золотыхъ дворцахъ величавой роскоши текла беззвучная жизнь Ирода Агринны. Вблизи селеніе Медждель, по преданію, родина Маріи изъ Магдалы, какъ называлось село во время Иисусова. За нимъ къ сѣверу, между скалъ, пролегаетъ узкая, живописная тропа, по которой—нѣтъ сомнѣнія—много разъ проходилъ Спаситель, направляясь въ Капернаумъ (нынѣ Тел-Хумъ), въ центрѣ мѣстности, гдѣ долгое время слышалось Его ученіе и совершался Его дѣла. Сѣвернѣе Капернаума археологи давно и тиетно щуптъ развалины городовъ Виссанды, Гаризима, Далмануты.

Въ правой сторонѣ отъ зрителя разстилается роскошный коверъ Ездрилонской равнины. Тутъ куполообразная вершина Фавора, отъ подошвы до маковки поросшая дубомъ и терпеномъ. Далѣе красивые выступы Малаго Ермона; за нимъ, почти на границѣ Самаріи, скрывая собою заиорданскую страну Гергесинскую, тянутся горы Гилвуйскія; ближе къ серединѣ картины—Ендоръ, родина библейской волшебницы, Нанъ—памятный чудомъ Иисуса. Наконецъ, тутъ же, въ центрѣ этой благословенной страны виднѣются изъ-за зелени садовъ бѣлыя лачуги, кой-какъ разбросанныя, окруженныя небольшими холмиками. Это городокъ Эн-Назира, евангельскій Назаретъ, мѣсто Благовѣщенія Св. Дѣвы, гдѣ протекли тридцать лѣтъ земной жизни Великаго Учителя.

Вся эта страна—рай Палестины.

Но въ какомъ мѣстѣ Св. Земли находимся мы? Можетъ быть нѣсколько географическихъ и историческихъ данныхъ будутъ здѣсь кстати.

По библейскимъ книгамъ, по талмудамъ религіозныя границы Палестины при жизни Иисуса Христа опредѣлить съ точностью трудно. Центромъ послѣдователей закона Моисеева былъ, разумѣется, Иерусалимъ. По мѣрѣ удаленія отъ него, народонаселеніе смѣшивалось болѣе и болѣе съ язычниками. Обыкновенно границы ея указываютъ такъ: на С. была Сирія (провинція Абденская), восточною границею служилъ Иорданъ, южнѣе Мертвое море. На Ю. отъ оконечности этого моря по

Мечеть Акса.

Мечеть Омара.

Храмъ Воскресенія.

Русскія постройки.

Самуилова гора.

Дамасскія ворота.
Дорога въ Назаретъ.
Пещера Іереміи.

В о с т о ч н а я с т ѣ н а С в. Г р а д а І е р у с а л и м а.

Долина Іосафата и Кидронскій потокъ.

Источникъ Силоамскій.

Памятникъ Ависалома.

Магометанское кладбище.

Золотыя
ворота.

Геосиманія.

Геосиманскія (озчія)
ворота.

Храмъ Успенія
Богородицы.

Общій видъ Іерусалима. Рис. Уксенбрехеръ, грав. Кезебергъ.

прямой линии къ Газѣ, граничила Пдумед,—Средиземное море омывало западъ. Разумѣется, политическія границы простирались далѣе. Сыновья Ирода Великаго владѣли страной за-иорданскою. Филиппу тамъ принадлежали мелкія провинціи: Ватанія, Трахонитія, Галонитія, Итурія и Авранитія, весь югъ—провинція Перей была во власти тетрарха Галилеи Ирода Агриппы. По словамъ Св. Іеронима, Палестина по меридіану простиралась на 160 римскихъ миль, что составляетъ 234 вер. (если чѣмъ отъ Петербурга до ст. Вологое). Отъ Яффы до Іордана считается нынѣ 110—120 верстъ.

Этотъ небольшой клочекъ дѣлился, какъ и теперь, на три области; на сѣверѣ—Галилея, за нею Самарія, нынѣшняя Напруза, на югѣ—Юдея (въ тѣсномъ смыслѣ; римляне называли Іудейскою провинціею всю Палестину). Отъ юга къ сѣверу по вѣсьмъ тремъ областямъ лежитъ широкая горная полоса, перефрѣзываемая въ южной части Галилеи Евдрилонскою долиною на пространствѣ отъ морскаго берега до самаго Іордана. Южная группа—Іудейскія или Ефраимовы горы находится въ Юдеѣ и Самаріи, сѣверная—въ Галилеѣ.

Мы остановились на одной изъ возвышенностей этой группы на сѣверѣ. Кана Галилейская у насъ подъ ногами. Евангельская-ли это Кана? Нѣкоторые палестинновѣды полагаютъ, что чудо претворенія Іисусомъ Христомъ воды въ вино совершенно было въ Кефрѣ-Канѣ, маленькомъ мѣстечкѣ подлѣ самаго Назарета. Тутъ недавно окончена постройкою и освящена православная церковь, у католиковъ давно воздвигнутъ монастырь и, по увѣренію настоятеля, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ явлено было чудо. Католики, особенно въ Палестинѣ, воюющая сторона. Въ мои путешествія по Св. Землѣ я какъ-то инстинктивно избѣгалъ посѣщенія католическихъ гнѣздъ, но одному изъ юныхъ паломниковъ, знаю, настоятель предлагалъ освѣжиться водою „изъ того самаго, будто-бы, источника, изъ котораго была почерпнута претворенная въ вино“. Глубокія изслѣдованія должны были привести монаха къ такому утвержденію. Вообще къ подобнымъ заявленіямъ католическихъ монаховъ слѣдуетъ относиться съ благоразумною осторожностью въ Палестинѣ.

Павелъ (Іоанн. I, 46) говоритъ: „Изъ Назарета можетъ ли быть что доброе?“ Если членъ Синедриона и знакомый съ книгами пророковъ явилъ этими словами грубое невѣріе, то онъ далъ понятіе о ничтожности мѣстечка точное. Таково оно и теперь. Въ сторонѣ отъ главныхъ путей, оно состоитъ изъ группы бѣлыхъ домиковъ, едва видныхъ изъ-за зелени садовъ. Два-три зданія европейской архитектуры составляютъ выдающееся исключеніе. Іосифъ Флавій, историкъ временъ Калигулы, насчитываетъ въ Назаретѣ до 2 тысячъ жителей. Столько же приблизительно ихъ и теперь. Люди бѣдные, простые, самаго патриархальнаго быта. Въ совершенно такой же средѣ Іисусъ Христосъ провелъ тутъ 30 лѣтъ земной жизни. Средневѣковыя итальяскіе мастера ввели манеру изображать Матерь Божію съ Предвѣчнымъ Младенцемъ на золотомъ сѣдалищѣ, въ коронѣ, въ парчевыхъ и пурпурныхъ одеждахъ, окруженною мозаичными и разными роскошными деталями. Но тѣмъ осуществились только благочестивыя идеи живописцевъ, дѣйствительности не соответствовавшія. Святое Семейство среди бѣднаго люда жило въ такой же бѣдности. „Не плотникъ ли Онъ?“ говорится въ Евангеліи отъ Луки (VI, 3). Іосифъ, мастероваго такого областнаго закоулка, не могъ быть „очень искуснымъ“, какъ гласитъ о немъ и преданіе. Слѣдовательно, трудами онъ снискивалъ только необходимое для поддержанія семьи. Іисусъ жилъ, всецѣло отдаваясь молитвѣ, готовясь къ исполненію великаго посланничества, въ бѣдности, среди невозмутимой тишины, какъ, вѣроятно, жили и Его сверстники. По какому уже обаянію производилъ на нихъ Младенецъ Іисусъ, можно судить по слѣдующей наивной легендѣ, сохранившейся въ одномъ арабскомъ (апокрифическомъ) евангеліи: „Быль мѣсяцъ Адаръ (конецъ февраля, начало марта по нашему годосчисленію), толпа ребятишекъ-товарищей однажды, играя, избрала Его царемъ, украсила голову Его вѣнкомъ благоуханныхъ розъ, посадила на возвышеніи, покрытомъ яркими одеждами. Затѣмъ всѣ стали по обѣ стороны импровизованнаго трона въ качествѣ царедворцевъ и тѣлохранителей, и останавливали случайно проходившихъ, пригласивъ поклониться и отдавать Царю подобающія почести“.

Глядя на узкія, кривыя улицы, болѣе похожія на темные коридоры, невольно соглашаешься съ мнѣніемъ изслѣдователей сграны, что Назаретъ сохранилъ вполнѣ первозданную фиаіопомію. Не такъ, какъ въ другихъ мѣстахъ, напр. въ Іерусалимѣ. Здѣсь чувствуется, что эти скромные домики съ плоскими крышами, гдѣ грѣются голуби, сизоворонки и другая мелкота, были таковы и въ Іисусово время. Вотъ скалистый обрывъ холма. Не туда-ли буйная, заносчивая толпа фарисеевъ, возмущенная знаменательною проповѣдью въ синагогѣ, хотѣла увлечь Іисуса съ намѣреніемъ свергнуть со скалы? Вотъ колодезь.—можно вполнѣ полагать, что именно къ нему ходила Св. Дѣва съ кувшиномъ на головѣ дважды въ день за водою для домашняго употребленія.

Мѣста освященныя евангельскими сказаніями—теперь въ рукахъ католиковъ и православныхъ. У католиковъ воздвигнутъ монастырь на мѣстѣ Св. Благовѣщенія. Подъ главнымъ

алтаремъ храма два спуска въ пещеру, гдѣ являлся Архангелъ Дѣвѣ Маріи. Въ недалекомъ отсюда разстояніи монахо-фраициканецъ указываетъ мѣсто, гдѣ была мастерская Іосифа. И тамъ—католическая церковь. Православнымъ принадлежитъ мѣсто, гдѣ стояла вышеупомянутая синагога. Тутъ греческій монастырь. Игуменъ гостепріимно предложитъ келію для отдыха, предусматривая, разумѣется, соответствующую ленту. Вообще духовенство въ Палестинѣ много упрекаютъ за экзидуатанію паломниковъ. Въ этихъ упрекахъ есть доля правды, но только доля. Тутъ много грѣшатъ односторонностью, скажу болѣе,—лицепріятіемъ. Гдѣ не видно этихъ грѣховъ? Умолю о нашихъ религіозныхъ центрахъ, но укажу на Римъ, на итальянское, напр. Ватиканъ, гдѣ католики показываютъ мощи Николая Чудотворца. Чѣмъ больше извѣстный пунктъ привлекаетъ паломниковъ, тѣмъ пропорціональнѣе расстѣтъ лобостыжаніе. Но греческое духовенство въ Палестинѣ, за малымъ исключеніемъ, по образованію не на высокомъ уровнѣ. Высшая интеллигенція должна нести большую отвѣтственность чѣмъ... *sancta simplicitas*.

Усталый путникъ пойдетъ въ Назаретъ благоустроенный и безплатный пріютъ, бывший многою года предметомъ заботъ Палестинской коммисіи нашего министерства Иностраннхъ Дѣлъ. Двухэтажное зданіе, съ окнами въ верхнемъ этажѣ, отчетливо видно на нашей картинкѣ. Два раза въ годъ къ 25 марта и 6 августа здѣсь гостепріимно помѣщаютъ тысячные караваны нашихъ паломниковъ, приходящихъ изъ Іерусалима. Въ нижнемъ этажѣ пять обширныхъ помѣщеній для школы. Къ означеннымъ срокамъ классныя принадлежности выносятся, готовится кровъ для простонародья. На верху отдѣльныя свѣтлыя чистыя комнаты для „дворянъ-поклонниковъ“, приемная, кухни. Отличныя постели со свѣжимъ бѣлымъ, чистота, полный по возможности комфортъ. Все дѣло велось долгое время опытною, заботливою начальницей школы изъ русскихъ. Подлѣ этихъ комнатъ на крышѣ перваго этажа роскошная веранда съ чуднымъ видомъ на Назаретъ и окрестности.

Отдохнемъ и мы въ этомъ, поистинѣ благотворительномъ пріютѣ. Отправляющемуся во Св. Градъ предстоитъ утомительный, чуть не трехдневный путь верхомъ на лошади или на ослѣ съ уродливимъ арабскимъ сѣдломъ, огромной тугонабитою подушкой, днемъ подъ палящими лучами солнца, ночью иногда холодною, сырою, съ сомнительными ночлегами.

Паломникъ, прибывшій изъ Палестины, съ сожалѣніемъ покидаетъ Галилею, эту колыбель христіанства, котловину, гдѣ кроется мирный Назаретъ, благословенную, благоуханную Евдрилонскую долину. Въ предѣлахъ Самаріи панорама иная. Пальмы, банановыя, апельсинныя роши, цѣлебный эвкалиптъ остаются позади. Сперва на угрюмыхъ, безводныхъ каменистыхъ равнинахъ кое-гдѣ близъ жалкихъ селеній зеленѣютъ нерослая пшеница и тощія виноградники. Далѣе путь лежитъ по голымъ скаламъ и высямъ известковаго хребта Іудейскихъ горъ. Однокомое путнику на жесткой, пыльной, расклевенной почвѣ на каждомъ шагѣ и днемъ угрожаетъ опасность. Житель здѣсь враждебно глядитъ на всякаго пшоземца. Это—вражда историческая, особенно сильная къ евреямъ. По разрушеніи царства израильскаго ассирійскій царь Салманасаръ перевелъ сюда людей изъ Вавилона, Куты, Авва, Емаа и Сепервама. Переселенцы приняли у оставшихся на мѣстѣ жителей Моисеево пятикнижіе, но постоянно отвергали вниги пророческія и такъ-называемый „второй законъ“, т. е. комментаріи пятикнижія и писанныя преданія книжниковъ. Отсюда непримиримая злоба. Галилеяне, отправляясь къ празднику Пасхи въ Іерусалимъ, миновали Самарію и охотились или окольнымъ путемъ по Саронской долинѣ вдоль Средиземнаго моря или по долинѣ Іорданской. Слово „Самаритянинъ“ у евреевъ было самымъ оскорбительнымъ ругательствомъ. Они даже избѣгали произносить его. Заковникъ, пытавшій Іисуса: „кто его ближній?“ на вопросъ Великаго Учителя, кто былъ ближній израненному разбойникомъ на Герихонской дорогѣ,—священникъ-ли, левитъ, или самаритянинъ?—уклонился назвать по имени послѣдняго, отвѣчалъ: „оказавшій ему (израненному) милость“. Ненависть эта еще болѣе усилилась, когда самаритяне задумали строить храмъ, подобный іерусалимскому на горѣ Гаризимѣ, южнѣе ихъ главнаго города Сихема (нынѣ Напруза), имя это евреи ради глумленія переняли изъ Сихемъ (синонимъ слова „пьяный“). И евангелистъ Іоаннъ, повѣствуя о бесѣдѣ Христа съ самаритянкою, называетъ Сихемъ этимъ прозвищемъ. Означенная бесѣда—единственное евангельское событіе, имѣвшее мѣсто въ Самаріи. Племенная вражда была, само собою, чужда сердцу Іисуса, однакъ послѣ торжественнаго исхода этой бесѣды, Онъ повидному не сознавалъ неискренности въ заявленіяхъ людей прибывшихъ къ Нему изъ города.—по крайній мѣрѣ, въ Евангеліи отсутствуютъ признаки обшенія Его съ самаритянами послѣ сего выдающагося событія.

Отъ Напрузы, по мѣрѣ приближенія къ южной окраинѣ области, мѣстность принимаетъ все болѣе сѣрай, безградный колоритъ. Голыя скалы, горы, горы! Блѣсоватую лентой выстелъ то выраво, то влѣво, вверхъ и внизъ пустынная дорога. Растительности никакой. Гдѣ-гдѣ одиноко стоятъ оливковыя де-

ревья съ уродливо раскинувшимися вѣтвями, съ тощею, едва зеленеющею листвою. Пустынно, дико, безлюдно. Понятно, какъ отраднo было чувство крестоносцевъ, когда они недалеко отъ Вееля (дома Божія) увидели наконецъ съ вершины холма стѣны города вѣчнаго, построеннаго въ доисторическія времена легендарными великанами евусеями, Салемъ Мельхиседековъ, Элію-Канитоліну римлянъ, Ел-кудсъ арабовъ, градъ Давидовъ, Святой Городъ, Иерусалимъ! Интересна этимологія имени „Иерусалима“ по талмуду: „Авраамъ, говоритъ одинъ ученый раввинъ, „назвалъ это мѣсто *Иере*, а Симъ—*Салемомъ*. И Богъ сказалъ, если Я оставлю за городомъ имя *Иере*—обидитъ праведный Симъ, назову *Салемомъ*—обыку праведнаго Авраама. Сохраню лучше за мѣстомъ оба имени!“

И нынѣ съ такимъ-же радостнымъ чувствомъ паломникъ, совершивъ многотрудный путь, съ той-же самой вершины видитъ вѣковыя стѣны Св. Града, и приближается къ Дамасскимъ воротамъ. Направо, за Самуиловой горой, на обширной Майдамской площади, у сѣверо-западнаго угла городскаго, красуются, какъ крѣпостца, господствующая надъ городомъ, — русскія богородицкія заведенія и пріюты съ соборомъ Св. Троицы. Налѣво гора Елеонская съ пятиглавымъ византійскаго стиля новымъ храмомъ на западномъ ея склонѣ. Взойдемъ на террасу этого храма, воздвигнутаго педрами нашей Царственной Семьи. Прилагаемый видъ Иерусалима какъ-бы снятъ съ этого пункта. Елеонъ, на который мы взошли, отдѣленъ отъ городской возвышенности долиною Иосафата и Кидронскимъ потокомъ. У подножія горы Геосиманскій садъ; за нимъ тянется, огибая гору съ юга, дорога въ Виванію и далѣе къ Ерихону, къ р. Иордану. По этому пути направлялся Спаситель на ослицѣ при кликахъ: „Осанна! Осанна!“

Иерусалимъ времяпъ Иисуса Христа представляется теперь какъ-бы передвинутымъ съ прежняго мѣста вверхъ. При царѣ Давидѣ центромъ городской жизни были два холма — Сіонъ и Офель; послѣдній съ вершиною Морія, на которомъ стоялъ храмъ Соломона. Городская стѣна съ юга огибала оба склона этихъ холмовъ и спускалась почти до низовой долины сыновъ Гинномовыхъ. Восточная стѣна шла, какъ и нынѣ, по той же прямой линіи, но у воротъ, именуемыхъ Овчьи (нынѣ Геосиманскими), она, подъ прямымъ угломъ, поворачивала къ западной стѣнѣ, и обѣ сходились у громадной башни Гинникусъ. Ездра и Неемія построили вторую стѣну; съ сѣверной стороны она включила въ городскую черту холмъ Акра. Голгова, съ садомъ Иосифа Аримафейскаго, оставалась внѣ города. Потомъ за эту вторую стѣною развелись сады, воздвигались жилыя строения. Иродъ Агриппа, уже по Вознесеніи Господнемъ, присоединилъ и эту обширную мѣстность, именованную Бевеюю, къ городу и обнесъ ее третьею стѣною, существующею и нынѣ; при этомъ западная значительно продолжена по той-же прямой линіи, какъ видно на нашемъ рисункѣ. Такимъ образомъ часть первой сѣверной стѣны и воздвигнутая Нееміею оказались внутри города; отъ нихъ не осталось и слѣда. Затѣмъ въ настоящее время южная стѣна идетъ по вершинамъ холмовъ Сіона и Офеля, а прежней, огибавшей отроги этихъ холмовъ, не существуетъ, и та часть города, гдѣ

прежде кишѣла общественная дѣятельность, теперь лежитъ пустыремъ; на немъ одиноко стоитъ мечеть съ гробницею Давида и горницею, гдѣ совершена была Тайная Вечеря... Тутъ же православное кладбище.

Сравнительное положеніе Иерусалима времяпъ Давида, Иисуса Христа и въ XIX вѣкѣ объясняется наглядно слѣдующимъ чертежомъ (на этой стр.).

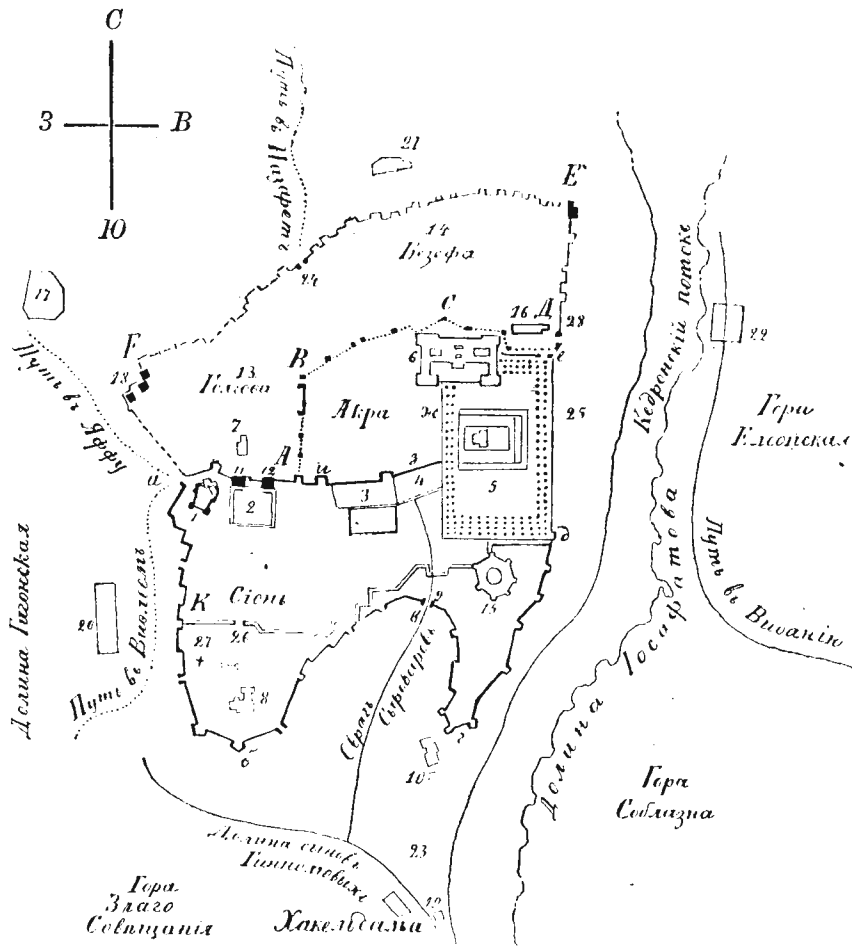
а) угловыя ворота, нынѣ Яффекія, 1) башня Гинникусъ, 2) дворецъ Ирода Великаго, 3) Кенктусъ, по словамъ I. Флавія, городской форумъ, 4) Милло—сообщеніе съ храмомъ чрезъ Тирофейскій оврагъ (сыраровъ), 5) храмъ Ирода, на мѣстѣ Соломонова, 6) башня Антонія, 7) прудъ Амигдаловъ (Вирсавин), 8) гробница Давида, 9) ворота Навозныя, 10) Силоамскій источникъ, 11) башня Фарсаль, 12) башня Маріамны, 13) холмъ Голгова, 14) холмъ Бевеоя, 15) Офель, крѣпостца времяпъ Маиассія, 16) прудъ Висзда, 17) русскія постройки на Майдамской площади, 18) башня Песинусъ, 19) источникъ Рогель (Вир-Ейюбъ, колодезь Юва), 20) прудъ Гитонскій, 21) пещера Иереміи, 22) садъ Геосиманскій, 23) царскіе сады, 24) ворота Дамасскія, 25) Золотыя, 26) Сіонскія, 27) православное кладбище, 28) ворота Овчія (Геосиманскія, Сити-Маріамъ).

Постараемся теперь по многочисленнымъ источникамъ воссоздать видъ города Иерусалима въ I вѣкѣ, съ пункта, избраннаго нами на западномъ склонѣ Елеонской горы.

При жизни Иисуса Христа городъ имѣлъ видъ неприступной твердыни, съ трехъ сторонъ окруженной глубокими долинами. Высокая каменная стѣна съ бойницами, башнями и многими воротами (подобными нынѣ кремлевскимъ) тянется по ту сторону Кидронскаго потока, за нею масса городскіхъ строеній изъ бѣлаго камня безъ крышъ. Надъ ними возвышаются два гигантскія сооруженія: храмъ и дворецъ Ирода. Историкъ Иосифъ Флавій такъ выражается о первомъ: „подобнаго зданія на свѣтѣ еще никто не видѣлъ“. Построеніе его нача-

лось за 19 лѣтъ до Рожд. Христ., а совершенно оны окончены въ 64 году послѣ Рожд. Христ. При Иусуѣ Христѣ производится внутренняя отдѣлка. Оны состоитъ изъ нѣсколькихъ открытыхъ дворовъ. Изъ-за городской стѣны поднимаются безконечныя крытые портики и колоннады бѣлаго мрамора, а въ центральной его части на высокой платформѣ красуются „Святая Святыхъ“, зданіе, крытое золотыми листьями съ высокими золотыми шпичами, горящими на солнцѣ. Шпичи охраняютъ крышу отъ птицъ. На сооруженіе храма употребляются камни въ 7—8 метровъ длины и 4 высоты. „Учителю, посмотри какіе камни и какія зданія?“ Иусуѣ сказалъ ему (ученику) въ отвѣтъ: „видишь сіи великія зданія? Все это будетъ разрушено, такъ что не останется камня на камнѣ“ (Марк. XIII, 1—2). Храмъ въ оконченомъ видѣ просуществовалъ шесть лѣтъ. Въ 70 году по Р. Хр. Титъ его разрушилъ до основанія. Нѣкоторые археологи полагаютъ, что „Золотыя ворота“, заложеныя нынѣ, входили въ составъ наружной стѣны его, но большинство ученыхъ утверждаетъ, что они возведены въ позднѣйшее время.

За сѣверо-западнымъ угломъ храма, на холмѣ Акра, стоитъ другое сооруженіе: башня Антонія. Это громадная кубическая

а, б, в, г, д, е, ж, з, п, а — первая стѣна града Давида.
 А, В, С, Д — вторая стѣна Неемין, включившая холмъ Акру въ городскую черту. Обѣ стѣны составляли границы Иерусалима во время земной жизни Иисуса Христа.
 Д, Е, Г, а — третья стѣна, начата постройкою Иродомъ Агриппою 8 лѣтъ спустя по Вознесеніи Иисуса Христа, существуетъ и нынѣ.
 Л, Е, Г, а, К, н — означенная двойною чертою стѣна КЛ — границы современнаго Иерусалима.

Планъ Иерусалима.

масса полноразмерных камней, высота ее 50 локтей. С верхней платформы в 40 квадратных локтей римский гарнизон день и ночь блюдет за проходящими на обширных площадях храма. В эту башню — крепость была уведена тысяча начальников апостол Павел во время одного из народных возмущений, которые в это время повторялись почти ежедневно. Рядом с башней — претория и дворец Понтия Пилата. В городе несколько площадей, улицы узкие, темные, недоступны колесным экипажам. При встрече с нагруженными верблюдами или ослами, пешеход укрывается в лавочку или за калитку. В городе больше 450 синагог; они принадлежат частным лицам, богатым семействам, корпорациям, киринейцам, киприйцам, азиатам, александрийцам. С самого раннего утра на улицах толпа женщин, книжников, фарисеев. Все это, с „тефилинном“ повязанным на руку, входит в синагогу, каждый в „свою“. На вершине Сиона царит над дворцом Ирода, неслыханно величественный, из белого мрамора. I. Флавий упоминает о двух других его дворцах: Цезарейском и Агриппейском, о театре, колоннах. Позади главного дворца возвышались две башни изумительных размеров. Громадные водопроводы от Соломоновых прудов (у Этана, за Вилеомом, 15 верст от Иерусалима) снабжали городские пруды и цистерны водой. По выражению талмудов, „кто не видел тогда Иерусалима — не имеет и понятия о том, что такое величественный город“.

И что же осталось от этого величия? Одно воспоминание. Теперь Иерусалим стоит на собственных развалинах, — но каких? Мне довелось слышать такую замечку: „если бы при Иисусе Христе была воздвигнута колонна, подобная Александрийской перед Золотым Дворцом, то в настоящее время удобно бы было прикладываться ко кресту, который в руках ангела“. Если это и гиперболы, то в некоторых местностях, как напр., в несуществующем теперь овраге Терсейонь, такая насыпь мыслима. Кто бывал в Алжире, Египте, в мусульманских городах Малой Азии — может составить себе понятие о нынешнем Иерусалиме. Узкие, кривые улицы, темные, грязные базары со снующей толпою оборванцев в туфлях и красных фесках, навьюченными ослами, мулами и верблюдами, невзрачными белыми строениями без малейших наружных украшений; лавочки со всякого рода товаром, грязными, заплясанными, кой-как выложенным на прилавок, где, поджав ноги, сидят и торговцы с вечным наргиле и чашкою кофе. У него дешевый красивый товар, а вместе и мьяльное дело, ящичек с продыранными двугривенными и турецкими бешыками и паричками за желатинную сетку. Он алчно высчитывает этот грязный билон за вашу золотую монету. С ним рядом араб торгует фруктами, сахаром, инжиром, керосином,

оливковым маслом; тут же еврей-часовщик, тут и фигаро-брадобрей, и окровавленные туши баранины, лавка восковых свечей, фотографических видов, отвратительно грязная греческая кухмистерская... вонь, смрад, грязь на мостовой, на стбах, на вывешенном трибуне. В снующей толпе чувствуется взаимная враждебность мусульман, евреев, христиан. Она притаилась ради материального только интереса и благодаря некоторому уже ознакомлению властей и полиции с европейскими порядками. Европеец для туземца — доходная статья. В первом только могущественное религиозное обаяние местности побуждает отращивание от жизни в этой среде.

Взглянем теперь с террасы русского храма Марии Магдалины на Святой Град.

Он еще спит. Едва-едва начинает над ним бѣлѣть пелена ночи. Сзади нас по горизонту холма Новой Галилеи, Елеонской горы и горы Соблазна медленно стелется длинная, свѣтящаяся полоса неба, она сливается в громадный яркій полукруг, в какое-то оранжевое сияние, и вдруг посреди его загорается ослѣпительный костер дневного свѣтила. Зубчатая стѣна города, за нею крыши стропил, купола, минареты, амфитеатр вокруг лежащих холмов, — все это обливается розовым цвѣтом. Темная пелена с послѣднею запоздавшею утренней звѣздой уже сплывает, она уже голубая, пѣшно прозрачная. В эту минуту панорама дѣйствительно очаровательна. Но только одну минуту. Лучи солнечные властно гонят утреннюю прохладу. Печет, дышется уже горячим воздухом. Картина исчезла, как сон. Как сон изглаживается въ памяти и картина прежняго Иерусалима. Что озарило нас солнце? На мѣстѣ златоверхаго сѣ блосѣжною колоннадою храма чернѣет огромный скривившійся пѣсколько на бокъ куполъ мечети Омара, на площади Харам-э-Шерифа. Немного лѣвѣ такой-же куполъ, хоть и поменьше, надъ мечетью Акса. Это — свѣтлицы магометанъ. Позади зелѣнѣют крыши синагоги, минареты, католическія колокольни съ песнопною болтовней ихъ колоколовъ, прѣтящей для непривычнаго слуха. Гдѣ была преторія Пилата — серая іерусалимскаго наши, рядомъ очерчившія отъ времени каменныя глыбы — остатки развалинъ башни Антонія, когда-то грозной, неприступной. Отъ дворцовъ Ирода, конечно, нѣтъ и слѣда. Кое-гдѣ изъ-за стѣнъ видѣются группы домовъ съ каменными горбами вмѣсто крыши, кой-гдѣ тянется вверхъ вѣковой кипарисъ, одиноко гнется въ сторону тощая пальма, да торчатъ жесткія лопастн росяго кактуса.

И взоръ паломника останавливается только на изящномъ куполѣ храма Воскресенія, осязняющаго величайшія изъ Свѣтлицъ христіанскаго міра. Туда стремится всѣ его помыслы и чувства, порождаемыя евангельскими сказаніями.

Старый Паломникъ.

Русскій хлѣбъ.

(Четыре акварели Н. Н. Каразина).

Бесплатное художественное приложение къ „Нивѣ“ на Пасху.

Блестящій талантъ Н. Н. Каразина, стяжавшаго почетную извѣстность за-границей и украшающаго своими рисунками лучшія французскія и англійскія иллюстраціи, слишкомъ полюбилъ у насъ въ Россіи для того, чтобы намъ нужно было обращать вниманіе читателей на цѣнность разсмѣлагаго при этомъ № приложения. Но нельзя не поблагодарить художника за счастливый выборъ темы новыхъ его произведеній, изображающихъ различныя фазы того труда, который является въ полномъ смыслѣ народнымъ въ странѣ земледѣльческой по преимуществу. „Русскій хлѣбъ“ кормитъ не одна лишь наша родина съ ея сотней миллионъ сыновъ, но и значительная часть всей Европы. Отъ его урожая главнымъ образомъ зависитъ наше государственное и общественное благосостояніе, а слѣдовательно и большая или меньшая доля земныхъ благъ, выходящихъ каждому изъ насъ. И вотъ передъ нами наглядно воспроизведено возникновеніе, ростъ и созрѣваніе этого воистину „Божьяго дара“, къ которому съ такимъ благоговѣніемъ относится народъ нашъ, — и воспроизведено въ такихъ поэтическихъ и дышащихъ святою простотою образахъ, которые доступны лишь русскому живописцу, глубоко проникнутому значеніемъ изображаемаго. Со своей стороны, мы не щадили никакихъ усилий, чтобы передать высокохудожественныя рисунки Н. Н. Каразина fac-simile, въ точности сохранивъ малѣйшіе оттѣнки красокъ и тончайшіе удары его кисти. Понимающіе дѣло оцѣнятъ всѣ трудности воспроизведенія акварели, написанной въ манерѣ сепіи, на первый взглядъ кажущейся почти одноцвѣтною; но лишь понятавшіе сконцентрировать эту кажущуюся простоту — поймутъ обыкновенный любитель, сколько тоновъ потребовалось для того, чтобы придать этимъ картинкамъ гармонію и жизнь. Мы тѣмъ болѣе можемъ гордиться этимъ, что всѣ прилагаемыя рисунки воспроизведены и печатаны въ Россіи, въ нашемъ, такъ недавно еще устроенномъ артистическомъ заведеніи.

Нужно-ли русскому читателю давать объясненія прилага-

емыхъ рисунковъ?.. Во всякомъ случаѣ, это гораздо раньше съдѣлалъ уже одинъ изъ нашихъ народныхъ поэтовъ, какъ бы предсобрывъ всю серію и заключивъ ее въ одномъ цѣломъ — мы разумѣемъ „Урожай“ Кольцова, который и вышесываемъ здѣсь:

Люди сельскіе	Бороны зубьемъ
Божьей милости	Порасчесывать...
Идали съ трепетомъ	Посмотрю пойду,
И молитвою.	Полубоюсь,
Заодно съ весной	Что послалъ Господь
Пробуждаются	За труды людямъ:
Ихъ завѣтныя	Выше пояса
Думы мирныя.	Рожь зернистая
Дума первая:	Дремлетъ колосомъ
Хлѣбъ изъ закрома	Почти до земли,
Насыпать въ мѣшки,	Словно Божій гость,
Убирать воза.	На всѣ стороны,
А вторая ихъ	Дню веселому
Была думунка:	Улыбаются;
Изъ села гузомъ	Вѣтерокъ по ней
Въ пору выѣхать.	Плыветь-лосниться,
Третью думушку	Золотой волной .
Какъ задумали —	Разбѣгается...
Богу Господу	Люди семьями
Помолилися;	Принялися жать,
Чѣмъ свѣтъ по полю	Косить подъ корень
Всѣ разѣхались	Рожь высокую.
И пошли гулять	Въ концы частыя
Другъ за дружкой,	Снопы сложенъ;
Горстью полною	Отъ воевъ всю ночь
Хлѣбъ раскидывать	Скринить музыка.
И давай пахать	На гумнахъ вездѣ,
Землю плугами,	Какъ князя, скирды
Да кривою сохой	Широко сдѣять
Перепахивать,	Поднявъ головы.

Звонари-любители на Пасхъ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“) В. Полякова, грав. Ангереръ.

Къ рисункамъ.

Заутреня. (Рис. на стр. 341).

Тихая, теплая весенняя ночь. Свѣтъ сталъ и сбѣжалъ мутными ручейками, кое-гдѣ оставивъ широкія дуги на чернѣющей почвѣ. На пригоркѣ, у рѣки, высится сельская церковь, вся залитая огнями въ великую ночь Свѣтлага Христова Воскресенья. Радостно бьются сердца въ ночной тишинѣ, прерываемой только стройнымъ ильемъ и мирнымъ колокольнымъ звономъ, призывающимъ „къ молитвѣ благоустой“.

И звонъ смиряющей
Всѣмъ въ душу проснется,
Окрестъ сзывающей,
Въ поляхъ разносится...

Христосованіе боярина съ нищими на Пасхѣ.

(Рис. на стр. 344 и 345).

Старинная русская жизнь полна такими чертами быта, которые прекрасно характеризуютъ доброе сердце русскаго челоѣка и то глубокое христіанское смиреніе, которымъ были проникнуты въ древне-русскомъ обществѣ всѣ русскіе люди — отъ знатнѣйшаго боярина и вельможи до послѣдняго простолюдина. Однимъ изъ такихъ трогательныхъ и глубоко-осмысленныхъ древне-русскихъ обычаевъ было обязательное „христосованіе“ всѣхъ бояръ и знатныхъ, богатыхъ людей съ „нищею братією“ и всякими калѣками, которые во множествѣ собирались въ ночь на Свѣтлое Христово Воскресеніе на боярскіе дворы и тамъ выжидали окончанія заутрени и обѣда. Художникъ изобразилъ на своей картинѣ тотъ моментъ, когда, по окончаніи торжественной церковной службы, возвѣщающей всему міру о Воскресеніи Христовомъ, бояринъ сходитъ съ крыльца своей дворовой церкви и приступаетъ къ выполненію обычнаго „христосованія“. Нищие и калѣки, цѣлою вереницею выстроившіеся вдоль тына, ограждающаго боярскій дворъ, одна за другою подходятъ къ боярину, лобзаются съ нимъ троекратно „навкрестъ“ и затѣмъ переходятъ къ столамъ, на которыхъ приготовлены всѣ обрядовыя пасхальныя яства — куличи, пасхи, сыры и крашенныя яйца — для разгавливанья. Однимъ изъ боярскихъ челядинцевъ держитъ въ рукахъ тяжелый кошель съ мѣдными деньгами, изъ которыхъ надѣляетъ каждаго нищаго и калѣку. Въ самомъ центрѣ картины, весь въ бѣломъ, выступаетъ изъ толпы калѣкъ „Божій челоѣкъ“ — юридичъ, и, торжественно возглашая „Христосъ воскрес!“ — идетъ къ боярину. Направо, на переднемъ планѣ картины, видны „возила“ (т. е. вѣчто въ родѣ крытой телѣжки), въ которыхъ на боярскій дворъ привезенъ какой-то несчастный, разбитый параличемъ и лежащій безъ движенія. Теплое, сѣренькое и туманное, весеннее утро обливаешь мягкимъ, бѣловатымъ свѣтомъ и толпу людей, и выступы каменнаго храма, и голыя, еще не одѣтыя листвою деревья сада...

Въ заключеніе нашего описанія добавимъ, что этотъ старинный и прекрасный обычай донынѣ соблюдается въ Москвѣ многими изъ богатыхъ купцовъ, еще сохранившихъ въ своемъ домашнемъ обиходѣ многія черты древне-русскаго, до-петровскаго быта. И теперь еще въ Москвѣ и другихъ старинныхъ городахъ средней полосы Россіи нищие и калѣки не только собираются толпами на дворы богатыхъ купцовъ въ наутріе Св. Пасхи и получаютъ свою долю пасхальныхъ яствъ и милостыню, но и въ другіе дни, напримѣръ въ „Родительскую субботу“, въ дни поминокъ, въ „сорочинны“ (т. е. въ 40-й день по смерти одного изъ членовъ семьи), пропеваютъ тѣ же сборы нищихъ и то же надѣленіе ихъ кушаньемъ и деньгами. Художникъ, очевидно, не разъ наблюдалъ подобныя сцены въ Бѣлокаменной и потому такъ живо возсоздалъ передъ нами нашу „старину-стародавнюю“...

Отъ „Двѣнадцати Евангелій“ въ Великій Четвергъ.

(Рис. на стр. 349).

Страстная недѣля Великаго поста вся посвящена воспоминаніямъ послѣднихъ дней земной жизни Спасителя. Особенно важны по воспоминаніямъ три послѣдніе дня, называемые потому великими. Въ первый изъ нихъ, Великій Четвергъ, дерковъ воспоминаетъ омовеніе ногъ, тайную вечерю, прощальную бесѣду Исуса Христа съ учениками на пути къ Геосманскому саду, наконецъ преданіе Сына Божія на страданія и смерть. Исторія ихъ въ хронологическомъ порядкѣ излагается на утрени (чаще на соединенной вечерни съ утречей, т. е. во время всенощнаго бдѣнія) въ 12 чтеніяхъ, избранныхъ изъ всѣхъ Евангелистовъ, или въ такъ-называемыхъ „Двѣнадцати Евангеліяхъ“. Чтеніе ихъ совершается при горящихъ свѣчахъ, которыя въ некоторыхъ мѣстностяхъ уносятся вѣрующими домой, какъ это представлено на нашемъ рисункѣ.

Звонари-любители. (Рис. на стр. 357).

Всю Свѣтлую недѣлю раздаются колокольный перезвонъ надъ крещенымъ міромъ. Въ деревняхъ, селахъ и городахъ простолюдины — мѣщане, мелкіе купцы — почитаютъ за особен-

ное удовольствіе и даже за священную обязанность побывать на колокольнѣ и потрезвонить.

На нашемъ рисункѣ изображены два такихъ любителя, изъ которыхъ одинъ, повидимому, старикъ-купецъ, въ присутствіи всего семейства, съ благоговѣннымъ увлеченіемъ занимается красивымъ звономъ.

Причетникъ. (Рис. на стр. 360).

Типичный жанръ молодого художника-любителя изображаетъ причетника, замѣняющаго обгорѣвшаго свѣчи на паникадилѣ новыми. Это весьма удачно исполненный этюдъ двойнаго освѣщенія.

Анна Александровна Гусева родилась въ СПБ., въ 1864 году, и воспитывалась въ пансіонѣ Человѣколюбиваго Общества. Случайно проявившеюся у нея способностью къ живописи заинтересовался живописецъ Его Величества, академикъ Зичи, и взялся за дальнѣйшее развитіе ея таланта. Въ нынѣшнемъ году г-жа Гусева экспонировала на выставкѣ въ Академіи Художествъ написанный ею въ 1885 году — „Черешъ“.

Князь Бисмаркъ. (Портр. на стр. 364).

Князь Бисмаркъ удался съ политической арены и, какъ говоритъ *National Zeitung*, еще при жизни отошелъ къ безсмертнымъ. Около 30-ти лѣтъ желѣзный князь руководилъ судьбами родины, а затѣмъ и всей западной Европы, которая зорко присматривалась къ великому государственному дѣятелю при всякомъ событіи въ политическомъ мірѣ. Не время еще произнести приговоръ его дѣятельности и не мѣсто ему въ бѣглой замѣткѣ, но имя его навѣки начертано на скрижаляхъ исторіи послѣдней половины настоящаго вѣка. Посетитель высокой идеи, онъ упорно проводилъ ее и выразилъ блестящимъ образомъ въ созданіи вновь Германской Имперіи, долго гегемонировавшей въ Европѣ. Уходя на покой, новый Цинциннатъ оставляетъ по себѣ неизгладимый слѣдъ челоѣка съ высокимъ умомъ и настойчивою волей, не знавшаго никакихъ преградъ, на пути ко благу и славѣ Германіи. Россія, давно уже освободившаяся отъ воздѣйствія и вліянія творца судьбы Европы, спокойно смотритъ на совершившееся событіе, ожидая отъ будущаго только лучшаго и славнаго для себя.

Въ *Имперскомъ Указателѣ* напечатаны слѣдующія строки объ отъѣздѣ бывшаго канцлера изъ Берлина:

„Канцлеръ покинулъ имперскую столицу съ убѣжденіемъ, что онъ дорогъ сердцу народа и что въ прошальномъ привѣтѣ берлинскаго населенія сказалась глубоко прочувствованная благодарность за его бессмертныя заслуги. Это признательное настроеніе раздѣляетъ вся нація, которая съ тяжестью на сердцѣ видитъ удаленіе канцлера, но твердо рѣшилась сохранить блага концы она обязана этому челоѣку, а именно единство Германіи и глубоко укоренившуюся вѣрность королю. Едва-ли найдеть князь лучшую награду за свои дѣянія и творенія, нежели доходившія до него и теперь, когда онъ удался отъ дѣлъ, свидѣтельства о томъ, что нація, выражая ему чувства признательности и уваженія, превращаетъ ихъ въ дѣла, оставаясь вѣрною императору и имперіи, и оказываясь достойною великой эпохи, которую она переживала съ эрой *Бисмарка*. Завтра, когда князю исполнится 75 лѣтъ отъ роду, нація обратитъ свои помысленія и молитвы къ тихому пріюгу во Фридрихеру съ единодушнымъ пожеланіемъ, чтобы — какъ сказано въ высочайшемъ рескриптѣ его величества — его „незамѣнная для отечества жизнь“ длилась какъ можно долѣе и „чтобы Богъ даровалъ ему еще много лѣтъ безмятежной старости, просвѣтленной сознаніемъ вѣрно исполненнаго долга“.

Къ празднованію 75-го дня рожденія князя императоръ, какъ извѣстно, прислалъ ему цѣнные подарки и собственноручное письмо. Больше 2,000 челоѣкъ росписались въ его пріезной, собравшаяся толпа устроила грандіозныя оваціи, а вечеромъ повторилась факельная процессія изъ служащихъ на желѣзныхъ дорогахъ.

Генераль де-Каприви. (Портр. на стр. 364).

Новый имперскій канцлеръ и замѣститель князя Бисмарка, генераль де-Каприви, почти на 16 лѣтъ моложе желѣзнаго канцлера. Онъ родился 12 февраля 1831 года въ Берлинѣ. Свой родъ онъ ведетъ отъ двухъ знаменитыхъ итальянскихъ полководцевъ, состоявшихъ на австрійской службѣ, а именно отъ мужекой линии отъ маршала Монтекукули, а по женской — отъ Октавіо Пикколомини. Отецъ его былъ тайнымъ совѣтникомъ и членомъ суда высшей инстанціи въ Берлинѣ. По окончаніи курса Вердерской гимназіи, онъ поступилъ вольноопредѣляющимся въ 1849 г. въ полкъ гвардейскихъ гренадеровъ императора Франца и произведенъ на слѣдующій годъ въ офицеры; по окончаніи курса въ военной академіи въ 1859 г., онъ въ 1861 году произведенъ былъ въ капитаны генеральнаго штаба и въ 1865 г. назначенъ ротнымъ командиромъ 64-го полка. Въ 1866 году де-Каприви переведенъ былъ въ главный штабъ и произведенъ въ майоры; въ составѣ штаба

главной квартиры участвовалъ въ войнѣ 1866 г., послѣ чего былъ причисленъ, какъ офицеръ генеральнаго штаба, къ штабу гвардейскаго корпуса, въ 1870 г., въ чинѣ подполковника, назначенъ начальникомъ штаба X-го корпуса. Въ 1872 г. онъ былъ начальникомъ одного изъ отдѣленій военного министерства; въ 1877 г. произведенъ въ генералъ-майоры; въ 1878—назначенъ начальникомъ пѣхотной бригады въ Штеттинѣ, въ 1881—командиромъ одной изъ гвардейскихъ бригадъ въ Берлинѣ, а въ декабрѣ 1882 г. произведенъ въ генералъ-лейтенанты и назначенъ начальникомъ 30-й дивизии въ Мецѣ. По выходѣ въ отставку управляющаго адмиралтействомъ фонъ-Стопа, ген. де-Каприви былъ призванъ къ руководству совершенно новою для него областью военного дѣла и произведенъ въ то же время въ вице-адмиралы. Въ этой должности онъ проявилъ большія организаторскія способности, ясный взглядъ на потребности флота и столько специальныхъ познаній по морскому дѣлу, что неоднократно вызывалъ удивленіе не только стороннихъ лицъ, но и специалистовъ.

Императоръ Вильгельмъ въ это время успѣлъ оцѣнить его

способности, чему является доказательствомъ рескриптъ дапный Каприви при выходѣ его изъ морскаго министерства. Въ рескриптѣ этомъ императоръ говоритъ, что считаетъ Каприви однимъ изъ самыхъ выдающихся офицеровъ германской арміи и особенно благодаритъ его за то благотворное вліяніе, которое онъ оказалъ на духъ корпуса офицеровъ.

Съ 1888 г. генералъ де-Каприви снова вернулся въ сухопутную войска и въ чинѣ генерала отъ-инфантерій состоялъ послѣднее время командиромъ 10-го армейскаго корпуса, расположеннаго въ Ганноверѣ.

По своей наружности, какъ это можно видѣть по прилагаемому портрету, новый канцлеръ чрезвычайно похожъ на князя Бисмарка; какъ и послѣдній, онъ очень высокаго роста, воинственной осанки, съ сѣдыми волосами и усами. Въ бытность свою начальникомъ морскаго вѣдомства, Каприви въ 3 ч. пополуночи ежедневно выходилъ изъ адмиралтейства на прогулку по Тиргартену, гдѣ прѣзжіе въ Берлинъ часто принимали его за знаменитаго канцлера, съ которымъ новый канцлеръ, говоритъ, состоитъ въ отличныхъ отношеніяхъ.

Разныя извѣстія.

Придворная извѣстія.

— Е. В. Королева Эллиновъ Ольга Константиновна прибыла 21 марта, по Варшавской желѣзной дорогѣ, въ С.-Петербургъ. Е. В. Королева Эллиновъ будетъ имѣть пребываніе въ СПб., во дворцѣ Е. Н. В. Вел. Кн. Павла Александровича.

— Наслѣдный принцъ Италіанскій, путешествующій по Востоку подъ именемъ герцога де-Поленцо, прибываетъ 24 марта въ Батумъ изъ Константинополя на пароходѣ „Одесса“, отсюда отправится въ Закавказскую область, а на обратномъ пути пройдетъ черезъ Крымъ и посѣтитъ Одессу.

Дѣла церкви.

— Движеніе чеховъ къ религіозному единенію съ православными рус. народомъ, начавшееся давно въ Волынской и Кіевской губ., перешло и въ Бессарабскую губ. Въ концѣ 1889 г. присоединились къ православію чехи, жители с. Новограда, Изманьскаго уѣзда, а 6 января текущаго года возвратилось къ вѣрѣ отцовъ 27 чеховъ, проживающихъ въ гор. Бендерахъ.

— Священникъ села Николаевки 2-й (Карадешевки), Елисаветградскаго уѣзда, Иона Атаманскій, въ послѣдніе дни минувшаго 1889 г. присоединилъ изъ штундизма къ Святой Православной Церкви 16 человекъ взрослыхъ и при нихъ 9 дѣтей, начиная отъ семилѣтняго возраста и ниже; старѣйшій изъ присоединившихся, Антоній Барамба, 22 года находившійся въ штундизмѣ, со слезами выразилъ, отъ имени всѣхъ присоединившихся, благодарность священнику Атаманскому. 2 января текущаго года еще три штундиста явились къ священнику Атаманскому и просили его въ тотъ же день присоединить ихъ къ православію.

Военное и морское дѣло.

— 16 марта Ихъ Императорскія Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица изволили посѣтить с.-петербургскую военную тюрьму (одиночнаго до четырехъ мѣсяцевъ заключенія). Обходя заключенныхъ, Ихъ Величества милостиво обратились къ нимъ съ вопросами. Государь Императоръ повелѣлъ сократить для нихъ срокъ заключенія на одинъ мѣсяць. Одинъ изъ нижнихъ чиновъ лейбъ-гвардіи уланскаго полка, Иванъ Яшинъ, принесъ чистосердечное раскаяніе, чѣмъ и обратилъ на себя вниманіе Государыни Императрицы, пожелавшей освободить его; но справку оказалось, что онъ подлежитъ освобожденію при принятіи Высочайше дарованной милости. Надо было видѣть счастье этого молодого улана, выражавшаго свою радость слезами умиленія.

Настоящее Высочайшее посѣщеніе является въ дѣтскихъ незабвенныхъ, какъ событіе выдающееся, и нѣтъ сомнѣній, что оказанная милость послужитъ лучшей порукою полного исправленія бывшихъ заключенныхъ.

Промышленность и сельское хозяйство.

— Изъ Астрахани, отъ 15 марта, телеграфируютъ: Сообщеніе съ моремъ установилось. Начали прибывать зимовья лодки съ тюленемъ, котораго на рейдѣ имѣется и уже сдано до 2,000 пудовъ. Весь тюлень убитъ на пловучихъ льдахъ. На промыселъ доставлено 13 бѣлузъ, давшихъ мяса 80 пудовъ и шкура болѣе 12 пудовъ.

— Изъ Харьковской губерніи уже началось передвиженіе рабочихъ, направляющихся изъ сѣверныхъ и внутреннихъ губерній въ южныя. Нѣсколько партій крестьянъ, нанятыхъ подрядчиками для весеннихъ работъ, направлены въ Свѣрдльскую область. Въ послѣднихъ числахъ февраля изъ сѣверныхъ губерній въ южныя потянулись также мастеровые: кузнецы, плотники, каменщики. Большая часть изъ нихъ направилась въ города: Одессу, Николаевъ, Херсонъ, Севастополь, Ростовъ-на-Дону, Мариуполь.

— Въ Катты-Курганѣ, открытъ инженеромъ Юговичемъ хлѣбноочистительный заводъ, съ гидравлическимъ прессомъ, устроенный по американскому образцу.

— Въ текущемъ году въ СПб. будетъ устроена всероссійская выставка плодоводства, садоводства, огородничества и проч., устраиваемая Имп. Росс. Обществомъ Садоводства. Выставка будетъ помѣщаться въ Михайловскомъ манежѣ, откроется 23 сентября 1890 года и продолжится до 10 октября.

Искусства изобразительныя.

— Въ Одессѣ, по почину мѣстныхъ художниковъ гг. Розмарицана, Скадовскаго, Попова, Костанди, Ладженскаго, Эдвардса и др., организуется новое художественное общество, которое будетъ состоять изъ художниковъ, живущихъ въ Одессѣ, а также и въ другихъ городахъ Южной Россіи—въ Кіевѣ, Харьковѣ, Херсонѣ, Николаевѣ и друг. Новое общество стремится объединить южно-русскихъ художниковъ для взаимной поддержки и самопомощи. На первыхъ порахъ задумано устройство ежегодныхъ періодическихъ выставокъ картинъ, рисунковъ, акварелей, скульптурныхъ работъ. Кромѣ того, будетъ положено основаніе постоянной художественной выставкѣ, куда художники могли бы присылать свои работы для сбыта. Періодическія выставки изъ Одессы будутъ переѣзжать въ другіе города Южной Россіи.

— Скульпторомъ Б. В. Эдвардсомъ испол-

ненъ мраморный бюстъ покойнаго героя наваринской и севастопольской битвъ адмирала Синцова, для постановки на могилѣ его въ Севастополѣ.

Театръ и музыка.

— Среди концертовъ нынѣшняго великолестнаго сезона въ Москвѣ съ особеннымъ вниманіемъ мѣстная публика отнеслась къ данному г-жею Александровою-Кочетовою. Въ качествѣ артистки она занимала нѣкогда видное мѣсто въ русской оперѣ; какъ профессоръ пѣнія, она дала много полезныхъ силъ нашей сценѣ и концертнымъ эстрадамъ. Слѣдя изъ-за-гору-въ-гору за успѣхами ея учениковъ и ученицъ, мы могли по справедливости оцѣнить серіозность и высокія качества ея школы. На нынѣшнемъ испытаніи ея ученицъ выдѣлились особенно г-жи: Одяницкая, Шеръ, Ржевская-Гартель, Симичъ, Павлова и Мандельштамъ. Изъ учениковъ выдвинулся г. Гончаровъ. Всѣ они отличаются строгостью методовъ, хорошею фразировкой, пѣвностью интонаціей. Между ними есть уже способные занять мѣсто на оперной сценѣ и еще подготавливающие къ ней. Г-жѣ Александровой было много подшошеній, еще больше оцѣнокъ. Въ ней Москва обладаетъ прекрасною преподавательницей вокальнаго искусства.

Изъ губерній и областей.

— Изъ Москвы отъ 21 марта телеграфируютъ: Проектъ новаго водопровода окончательно рассмотрѣвъ. Въ апрѣлѣ начнется работа. Реализація займа въ 5 1/2 милліоновъ на этотъ предметъ поручена думою управѣ, которой предоставлено выпустить заемъ или сразу, или частями, но употребить его исключительно на водопроводъ. Рассмотрѣніе проекта канализаціи, связаннаго съ вопросомъ о водопроводѣ, постановлено поручить той-же комиссіи. Расходъ на этотъ предметъ исчислеть въ 6.250,000 руб.

Новыя книги.

Л. Котлубай. Желѣзнодорожный міръ. Спб. 1890 г. 272 стр., ц. 1 р. 50 к.

А. Гершенъ. Общая физиология души (Psychophysologie générale). Перевелъ Г. Палернъ. Изд. Ф. Павленкова. Спб. 1890 г. 223 стр., ц. 1 р.

Проф. Фр. фонъ-Эмаркъ. Первая помощь въ несчастныхъ случаяхъ. Руководство для Самаритскихъ школъ. Перев. съ 8-го нѣм. изд. д-ръ С. Груздевъ. Съ 90 рис. въ текстѣ. Изданіе К. Л. Риккера. Спб. 1890 г. 87 стр., ц. 80 к.

П. В. Антаровъ. Евреи п жиды. Изъ моихъ воспоминаній. Спб. 1890 г. 202 стр., ц. 1 р.

Политическое обозрѣніе.

Политическое положеніе въ Германіи съ удаленіемъ князя Бисмарка отъ дѣлъ и съ назначеніемъ другаго лица на посты канцлера, перваго министра королевства Прусскаго и министра иностранныхъ дѣлъ Германской имперіи, повиди-

мому, должно остаться безъ переменъ. Бисмарка нѣтъ, но на его мѣстѣ фонъ-Каприви. Однако, эта перемена не отвлечетъ вниманія отъ истиннаго смысла вещей. Люди смѣняются, но не похожи одинъ на другаго. Принимая во вниманіе, что

бывшій канцлеръ оставилъ свой постъ вслѣдствіе разногласій съ юнымъ императоромъ, пожелавшимъ сохранить за собою полную инициативу въ дѣлахъ государства, нельзя не согласиться съ мнѣніемъ брусельскаго *Nord'a*, полагающаго, что съ успокоеніемъ волненія, вызваннаго отставкой князя Бисмарка, обнаружится съ полною очевидностью, что Вильгельмъ II — полный хозяинъ, какъ во внутренней, такъ и во

стѣ своему гораздо проще, и теперь не подлежитъ сомнѣнію, что Европѣ придется имѣть дѣло съ личною политикою Вильгельма II.

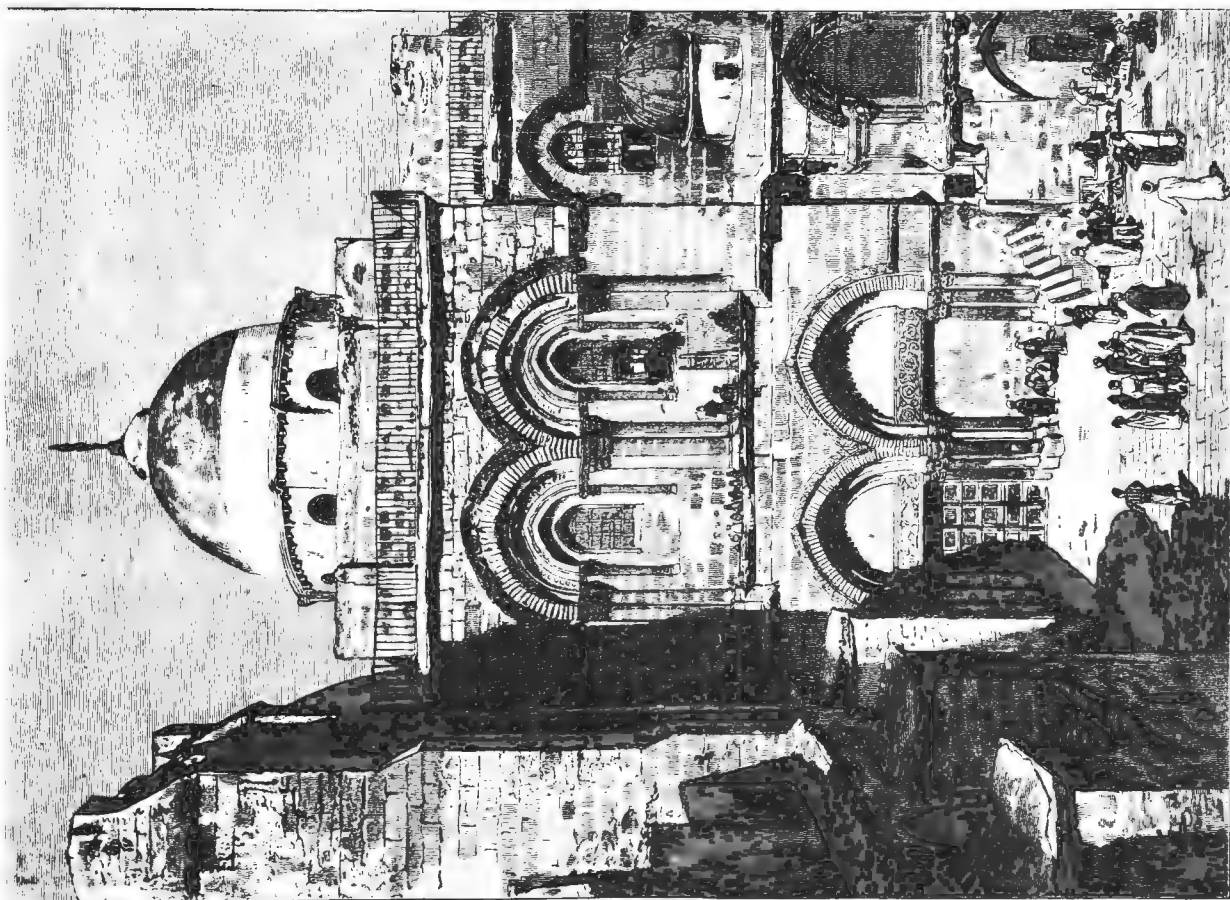
Размовка желѣзнаго канцлера со своимъ молодымъ повелителемъ, суди по толкамъ газетъ, была очень серьезною и съ удаленіемъ князя Бисмарка не только не улеглась, но, если вѣрить слухамъ, еще болѣе обострилась, въ особенности

Причетникъ. Съ карт. (право гравир. прибор. „Нивой“) А. Гусевой, грав. Шюблеръ.

внѣшней политикѣ. Внутренняя политика останется прежнею, но средства къ достиженію цѣлей будутъ нынѣ. Иностранная политика въ ея общихъ чертахъ, т. е. во всемъ томъ, что касается сохраненія мира, тоже не подвергнется перемѣнамъ, но она утратитъ тотъ сложный характеръ, какой она имѣла при князѣ Бисмаркѣ. Политика государей по самому суще-

ствѣ овацій въ честь Бисмарка, по возвращеніи его въ Фридрихеру, куда онъ прибылъ на покой 18 марта. Черезъ 2 дня, по случаю рожденія князя, въ Фридрихеру были получены изъ всѣхъ странъ поздравленія. Въ книгахъ росписалось болѣе 2,000 лицъ. Кромѣ родственниковъ съѣхалось много гостей, въ томъ числѣ депутація отъ студентовъ Геттингенскаго уни-

Иерусалимъ. Фасадъ церкви Св. Гроба. Рис. Экенбрехеръ, грав. Кезебергъ.

Назаретъ. Рис. Экенбрехеръ, грав. Кезебергъ.

верситета. Собравшийся перед домом народ неоднократно устранивал выходящего на балкон князя восторженными овациями. Вечером гамбургские граждане устроили блистательный факельшуг. Тысячи лиц с факелами проходили перед домом князя Бисмарка, который вышел с семьей во двор на крыльцо и благодарил за овацию. Д-ръ Польте произнес патетическую рѣчь и заключил ее пожеланіемъ, чтобы Богъ сохранилъ еще на многія дѣта жизнь князя для блага отечества. Затѣмъ при пѣніи „Wacht am Rhein“ и „Deutschland über Alles“ факелы были свалены въ кучи.

Въ это время въ Берлинѣ окончила свои засѣданія конференція объ охранѣ рабочихъ. 17 марта было заключительное ея засѣданіе, и постановленія конференціи, по слухамъ, вскорѣ будутъ опубликованы. Говорятъ, что на ней признано полезнымъ учрежденіе третейскихъ судовъ изъ рабочихъ и работодателей, и для этого полагаютъ воспользоваться установленіемъ выборныхъ комиссій изъ рабочихъ. Учрежденіе международного бюро для приведенія въ исполненіе принятыхъ конференціею рѣшеній признано было нецѣлесообразнымъ, за то высказались за періодическія сессіи конференціи объ охранѣ рабочихъ для взаимнаго сообщенія опытовъ, съ тѣмъ, чтобы положить начало международному рабочему праву, что можетъ принести пользу не только внутреннему миру участвующихъ въ конференціи государствъ, но и общему миру. Что касается воскреснаго отдыха, то, по слухамъ, конференція единогласно выразила желаніе: 1) чтобы постояннымъ рабочимъ предоставленъ былъ въ недѣлю одинъ день отдыха; 2) чтобы фабричнымъ рабочимъ тоже былъ предоставленъ въ недѣлю одинъ день отдыха; 3) что днемъ отдыха для несовершеннолѣтнихъ рабочихъ должно быть воскресенье. При этомъ, однако, каждому государству предоставляется сохранить за собою право исключеній и отсрочекъ. Затѣмъ признано желательнымъ, чтобы для всѣхъ фабричныхъ рабочихъ день отдохновенія былъ назначенъ въ воскресенье. По этому пункту французскіе делегаты отъ голосованія воздержались. По второму пункту программы, а именно, какія исключенія могутъ быть допущены въ случаѣ, если послѣдуетъ соглашеніе относительно воскреснаго отдыха, всѣ делегаты, исключая англійскихъ, вопиовали слѣдующее: во всѣхъ промыслахъ, которые, либо по техническимъ причинамъ, либо потому, что удовлетворяютъ безусловнымъ нуждамъ, равно какъ въ та-

кихъ, которые терять ограниченія отъ времени года или зависеть отъ стихій, рабочіе тѣмъ не менѣе должны пользоваться отдыхомъ каждое второе воскресенье. По 3-му вопросу, какимъ образомъ могутъ быть установлены исключенія, Англія, Франція и Италия присоединились къ бельгійскому предложенію, чтобы средства къ установленію исключеній были предоставлены на усмотрѣніе каждого государства, равно какъ средства къ приведенію въ исполненіе постановленій конференціи. Прочія державы присоединились къ предложенію Люксембурга, чтобы исключенія для всѣхъ договаривающихся сторонъ были одинаковыя и установлены путемъ международного соглашенія.

Въ Испаніи проявилось недовольство пылкимъ либеральнымъ министерствомъ Сагасты, въ особенности въ средѣ военныхъ. Популярный въ странѣ генералъ Дабанъ разослалъ испанскимъ генераламъ циркуляръ, гдѣ жалуется, что нынѣшнее министерство устранило отъ дѣлъ военный элементъ, предпочитая ему гражданскій. Дабанъ особенно возмущается противъ проекта назначенія въ колоніи гражданскихъ губернаторовъ вмѣсто военныхъ. Затѣмъ въ газетѣ *Usercito* напечатано содержаніе разговора съ генераломъ Дабаномъ, заявившимъ, что армія дошла до крайнихъ предѣловъ злоупотребленій. Генералъ надѣется, что армія поможетъ горю и увѣряетъ, что нѣсколько генераловъ готовы оказать ему содѣйствіе. Инцидентъ этотъ сильно взволновалъ парламентскіе круги. За свои дѣйствія генералъ Дабанъ былъ подвергнутъ аресту на 2 мѣсяца. Но когда въ сенатѣ президентъ прочелъ приказъ военнаго министра объ арестѣ Дабана, раздался громкій протестъ. Маркизъ Сардеаль заявилъ, что генералъ Дабанъ, будучи сенаторомъ, не можетъ быть арестованъ безъ предварительнаго разрѣшенія сената. Министръ юстиціи возражалъ, что правительство имѣетъ право подвергать аресту генераловъ, хотя бы они и были сенаторами. Сенатъ, большинствомъ 96 голосовъ противъ 35, рѣшилъ препроводить дѣло на разсмотрѣніе особой комиссіи. Въ палатѣ также обсуждалось предложеніе, коимъ правительству выражается порицаніе по дѣлу Дабана. Послѣ разъясненій министра юстиціи, отставившаго права правительства подвергать офицеровъ высылкѣмъ, и рѣши Сагасты, предложеніе было взято назадъ.

Библиографія.

Русское Обзоріе. Литературно-политическій и научный журналъ, издаваемый подъ редакціей кн. Д. Н. Цергелева. Москва. 1890. I, II и III книжки (Январь, Февраль, Март).

Наконецъ и Москва, послѣ двухлѣтняго перерыва, имѣетъ достойный ея ежемѣсячный органъ, журналъ въ полномъ и строгомъ смыслѣ этого слова, т. е. періодическое издание систематически слѣдящее за современною жизнью во всѣхъ ея проявленіяхъ, а не случайный сборникъ статей печатаемыхъ почти безо всякаго контроля со стороны редакціи, по мѣрѣ того, какъ онѣ накопляются въ ея портфель. Передъ нами три первыя книжки этого журнала, изъ которыхъ каждая распадается на два отдѣла: беллетристики, политическихъ и научныхъ статей, съ одной стороны, и собственно редакціонный, съ другой. Первый украшаютъ стихотворенія К. Р. А. Фета, Козлова, великолѣпная поэма Я. П. Полонскаго („Фантазія“), повѣсти и рассказы К. Орловскаго, Кота Мурлыки, М. В. Крестовской, Г. Г. Яценскаго, А. В. Стерня, интересныя воспоминанія А. Фета о Боткинѣ, Тургеневѣ и гр. Л. Н. Толстомъ; статьи К. Ф. Головина, В. С. Соловьева, А. А. Кирѣева, кн. Ухтомскаго и др. Во второмъ — изъ книжки въ книжку печатаются письма собственннхъ заграничныхъ корреспондентовъ *Русскаго Обзорія*, В. Стѣда изъ Лондона, Вельшингера и Вогю изъ Парижа; затѣмъ редакціонные отдѣлы театральнаго хроникъ, музыкальнаго обзорія, экономическаго обзорія и современной дѣтиспей и проч. находятся въ завѣдываніи извѣстныхъ специалистовъ, какъ С. Васильевъ, Н. Д. Камкинъ, Л. П. Вороновъ, а критика и библиографія распределена между

нѣсколькими представителями литературы и науки.

Молодежь. Романъ К. Орловскаго. 2 т. СПб. 1890.

Г. Орловскій, какъ извѣстно, принадлежитъ къ тѣмъ немногимъ у насъ писателямъ, которымъ, по самому положенію ихъ, хорошо знакомъ бытъ высшаго общества и петинныхъ представителей образованной среды. Въ этомъ смыслѣ романы его всегда поучительны, такъ какъ отличаются вѣрнымъ изображеніемъ дѣйствительности, художественнымъ чувствомъ мѣры, не позволяющимъ автору впадать въ преувеличенія или каррикатурность (недостатки, къ сожалѣнію, слишкомъ общіе у большинства современныхъ беллетристовъ), изяществомъ формы въ малѣйшихъ подробностяхъ и умомъ освѣщающимъ цѣлое. Новое произведеніе г. Орловскаго изображаетъ эпоху непосредственно слѣдовавшую за послѣднею турецкою войною и читается съ большимъ интересомъ.

Russischer Fabelschutz, deutsch von Moritz Michelson. S.Pb. 1890.

Подъ этимъ заглавіемъ г. Михельсонъ, такъ недавно еще назвавшій лучшія произведенія Кольцова въ переводѣ на нѣмецкій языкъ, выпустилъ теперь книжку переведенныхъ имъ басенъ, принадлежащихъ перу выдающихся русскихъ баснописцевъ, до Крылова включительно, которому и отведена въ ней львиная доля; выбраны лучшія басни Хемницера, Дмитриева, Измайлова и др. Новый трудъ г. Михельсона отличается свойственною ему точностью передачи подлинника и блестящею легкостью стиха, что, при нѣсколькомъ сатирическомъ складѣ ума автора, дѣлаетъ переводы его образцовыми.

С М Ъ С Ъ.

Черты характера Гоголя. Многіе не мало упрекали Гоголя въ эгоизмъ, черствости характера, неспособности любить и внушать къ себѣ любовь. По мнѣнію г. Шенрока, автора интересной статьи „Н. В. Гоголь и А. С. Данилевскій“, помѣщенной въ одномъ изъ ежемѣсячныхъ журналовъ, такіе упреки несправедливы и происходятъ по очевидному недоразумѣнію, которое устраняется извѣстными данными о тѣлой привязанности Гоголя къ сотоварищамъ-нѣжинцамъ. Нельзя не обратить вниманіе на то, что всѣ нареканія на личный характеръ Гоголя исключительно исходятъ отъ людей, знавшихъ его весьма поверхностно, тогда какъ друзья вспоминали и вспоминаютъ о немъ не иначе, какъ съ самымъ теплымъ, искреннимъ чувствомъ, рѣшительно протестуя противъ почти установившагося взгляда на его характеръ. Несимпатичнымъ казался онъ тѣмъ людямъ, которые мало знали его и при томъ имѣли случаи

соприкасаться — въ послѣдніе годы его жизни — съ тяжелыми сторонами его характера — высокомеріемъ, заносчивостью, раздражительностью, болѣзненною капризностью, наконецъ, съ неиродеемъ обыкновенно отчужденіемъ общества, — и, конечно, всѣ эти стороны легко могли производить на многихъ отталкивающее впечатлѣніе. Кроме того, въ этомъ немало виновата была и врожденная скрытность Гоголя и какая-то холодная необщительность въ обращеніи съ мало знакомыми ему людьми, — черта, въ единогласномъ признаніи которой сходятся всѣ, кто знаетъ его. А. С. Данилевскій рассказываетъ г. Шенроку про одинъ случай, какъ къ нему въ деревню нарочно прѣхали однажды довольно высокопоставленные въ губернскомъ городѣ лица, единственно съ цѣлью видѣть Гоголя, и въ какое мучительно-неудобное положеніе поставилъ себя хозяинъ, опрометчиво сказавъ, что Гоголь дома, тогда какъ тотъ ни за что не хотѣлъ

показываться любящим гостям, а когда, наконец, выехать к ним в постель настоятельных просьб Данилевскаго, то почти не был в состоянии принудить себя говорить с ними. В другой раз, когда Данилевский был инспектором пансиона в Кіевѣ и к нему также прѣхалъ Гоголь, неожиданно собралось большое общество, желавшее с ним познакомиться; но на Гоголя опять напала такая хандра, что онъ просидѣлъ въ этомъ обществѣ не болѣе получаса. Такихъ примѣровъ было много. Анна Васильевна Гоголь припоминаетъ также случай, когда братъ ея, приглашенный однажды на обѣдъ, увидавъ на дворѣ дома множество экипажей, понадеялся на то, что отсутствіе его не будетъ замѣчено, и уѣхалъ домой. Потомъ оказалось, что весь неожиданный сѣздъ многочисленныхъ гостей произошелъ именно ради его, причемъ нарочно приготовлены были его любимыя блюда. Гоголь былъ искренно преданъ друзьямъ своимъ и не разъ помогалъ имъ. Такъ, напримѣръ, онъ выручилъ изъ бѣды Данилевскаго, въ которую тотъ попалъ, благодаря мошенническому хищенію какимъ-то евреемъ присланныхъ ему изъ дому денегъ. Узнавъ объ этомъ, Гоголь немедленно написалъ письмо Погодину, въ которомъ просилъ его, какъ одного изъ ближайшихъ друзей, прислать ему вексель въ двѣ тысячи рублей къ русскому банкиру Валентину. Между тѣмъ онъ отправилъ Данилевскому сохранившійся у него билетъ въ 100 франковъ, говоря: «Я не трогалъ его никогда, какъ будто зналъ его пріятное для меня назначеніе», и, получивъ изъ Рима 200 франковъ, тотчасъ переслалъ ему. Особенно достойна вниманія въ этомъ отношеніи истинная деликатность Гоголя: выпросивъ деньги у Погодина, онъ объявилъ дѣло въ письмѣ къ Данилевскому случайностью, будто Погодинъ прислалъ ему деньги неожиданно. (в)

Могила князя-шута. Недавно въ *Историческомъ Вѣстникѣ* помѣщена была замѣтка П. П. Полеваго о могилѣ несчастнаго шута-Голицына (внука князя Василя Васильевича Голицына, знаменитаго вельможи и любимца царевны Софій Алексѣевны), который игралъ такую жалкую, страдательную роль въ известной свадьбѣ въ Ледяномъ Домѣ, — этой безпримѣрно-жестокой, ужасной шуткѣ. Эту могилу авторъ замѣтки отыскалъ въ историческомъ селѣ Братовщинѣ, при помощи жены мѣстнаго священника, въ 1887 году, лѣтомъ. Могила Голицына находится на старомъ кладбищѣ села, заброшенномъ, заросшемъ бурьяномъ, крапивою и всякими сорными травами, безъ ограды, безъ всякаго слѣда памятниковъ или крестовъ. Около избушки, поставленной на краю возвышенія, срубаннаго при проведеніи шоссе, Полевою и спутникъ его, художникъ К. В. Лебедевъ, увидели нѣчто въ родѣ каменной скамьи. На этой скамьѣ сидятъ, около нея играютъ и рѣзвятся дѣти; она-то и оказалась надгробнымъ памятникомъ князя-шута. На узкой боковой сторонѣ его высѣчена слѣдующая надпись, буквально списанная авторомъ замѣтки: «1775 году июня 18 числа скончался князь Михайль Алексѣевичъ Голицынъ въ рожденія ево семидесяти восьми летъ а скончалъ векъ свой». Надпись оказалась очень важною даною, опровергающею невѣрныя данныя Голицынскихъ родословій. Если князь Михайль Алексѣевичъ скончался 78-лѣтнимъ старикомъ въ 1775 году — значитъ онъ родился въ 1697 году, а не въ 1687, какъ показываетъ Серчевскій въ своемъ известномъ сочиненіи о родѣ князей Голицыныхъ. Значитъ также, что онъ родился въ то время, когда его дѣдъ и отецъ (Алексѣй Васильевичъ) жили въ ссылкѣ, а не ѣхалъ съ ними въ ссылку двухлѣтнимъ ребенкомъ, какъ рассказываютъ нѣкоторые биографы Голицыныхъ. Невѣрно показано у Серчевскаго, слѣдовательно, и годъ первой женитьбы Михаила Алексѣевича (1711); надо предполагать, что женился онъ ровно на десять лѣтъ позднѣе, т. е. въ 1721 году, когда ему было двадцать четыре года отъ роду. Невѣрно показаннымъ оказывается и самый годъ смерти князя-шута, который, какъ видно изъ надписи на его гробницѣ, скончался не въ 1778 году, а въ 1775. (в.)

Эпиграммы Куликова. Въ сороковыхъ годахъ на сценѣ Александринскаго театра играла первыя роли талантливая Вѣра Самойлова, недавно поступившая; сестра ея Надежда и братъ Василій уже давно пользовались любовью публики; даже ихъ мать, Софья, считалась Самойловой 1-й, хотя и не являлась уже на сценѣ. Была у нихъ еще старшая сестра, Любовь, не являвшаяся на сценѣ, но заботившаяся объ артистическомъ развитіи сестеръ. На этомъ основаніи — говоритъ В. Р. Зотовъ въ своихъ воспоминаніяхъ — она играла своего рода роль за кулисами и до того надобла съ разными требованіями режиссеру Куликову (известному плодотворному водевилисту), что онъ написалъ на нее такую эпиграмму: «Хотя я Вѣру не люблю, но если съ ней соединюся, тогда съ Надеждой помирюся, Любовь же къ... Софьѣ я пошлю». Вообще Куликовъ отличался эпиграммами; въ одной онъ осмѣялъ жалкаго чиновника К.—цкаго, бывшаго на побѣгушкахъ у Геденова и подслуживавагося Самойловымъ, въ чайникъ отъ нихъ всякихъ благъ:

К — цкій не шадитъ по дружбѣ всѣ усилія,
Вѣжить, кричить, зоветь предъ публику Василя.
Въ немъ бѣготня такъ вволювала кровь,
Что вынустить Надежду, Вѣру,
Разъ, сторяча, забывъ и стыдъ и мѣру,
Онъ чуть не вынустилъ предъ публику Любовь.

На этого самаго Кр.—цкаго, который пользовался незавидною репутаціей при театрѣ, но нажилъ себѣ три дома, поставленный наблюдать за сборами театральнаго кассирова, тѣмъ же Куликовымъ была написана и другая эпиграмма съ каламбуромъ: «Мужъ къ ловлѣ децкой приставленъ, черезъ мужа и женѣ добро. Мужъ ловить злато и серебро, женѣ — Самойловъ предоставленъ. (в.)

Новѣйшее изобрѣтеніе Эдиссона составляютъ фонографическіе часы, которые вмѣсто боя выкликаютъ громкимъ и яснымъ голосомъ не только часы, но и половники и четверти часа. Внутри часовъ помѣщается, находящійся въ соединеніи съ часовымъ механизмомъ, фонографъ, въ который можетъ быть вставляема любая фонограмма. Эдиссонъ изготовилъ для этой дѣли цѣлый рядъ всевозможныхъ пластинокъ, пригодныхъ для всякаго случая въ жизни. Въ качествѣ будильника, часы громкимъ, явственнымъ голосомъ называютъ спящаго по имени, приказываютъ ему встать и предостерегаютъ отъ всякихъ случайностей, могущихъ произойти вслѣдствіе промедленія. Въ кухонныхъ часахъ фонограмма повторяетъ кухаркѣ приказанія хозяйки, напоминаетъ о томъ, что должно быть сдѣлано въ каждую данную минуту, для того чтобы обѣдъ поспѣлъ въ извѣстный часъ и т. д. Въ общественныхъ собраніяхъ часы выкликаютъ въ послѣдовательномъ порядкѣ нумера программы, а въ тѣхъ случаяхъ, когда политическій ораторъ связанъ временемъ, они напоминаютъ ему, что нужно поторопиться, слѣдующими словами: «Этотъ ораторъ говорилъ уже полчаса и долженъ уступить мѣсто другому». Засидѣвшійся гость, который самъ не уйдетъ во-время прекратить посѣщеніе, слышитъ въ 11 часовъ 55 минутъ возгласъ часовъ: «Черезъ пять минутъ наступаетъ завтрашній день», и т. д.

Какъ всѣ свои изобрѣтенія, такъ и это Эдиссонъ намѣренъ эксплоатировать и въ недалекомъ будущемъ названные часы появятся въ продажѣ. Между тѣмъ у Эдиссона нашелся конкурентъ въ лицѣ лейтенанта италіанской службы Джанни Беттини, проживающаго въ настоящее время въ Нью-Йоркѣ. Лейтенантъ Беттини взялъ привилегію на изобрѣтенный имъ новый фонографъ, который, по его словамъ, является значительно улучшеннымъ эдиссоновскимъ графофономъ. И дѣйствительно, беттиніевскій аппаратъ передаетъ человѣческой голосъ съ поразительной ясностью, раздѣльностью и такой силой звука, что въ обыкновенной комнатѣ онъ слышенъ всѣми присутствующими безъ помощи слуховой трубки. Подобно эдиссоновскому фонографу и графофону, колебанія голоса передаются съ пластинки посредствомъ иглы на цилиндрѣ, съ тою только разницею — и въ этомъ заключается главнымъ образомъ его усовершенствованіе — что множество иглъ, лучеобразно расположенныхъ, собираютъ колебанія съ различныхъ частей пластинки въ одну общую точку и передаютъ цилиндру концентрированную сумму ихъ. Благодаря этому получается полнота звука, ясность и точность, которыхъ не достигалъ до сихъ поръ ни телефонъ, ни фонографъ. Беттини утверждаетъ, что его аппаратъ передаетъ 60% воспринятой звуковой массы и рассчитываетъ сдѣлать его еще сильнѣе, такъ чтобы онъ съ полною точностью передавалъ силу и нюансы воспринятыхъ имъ звуковыхъ волнъ. Аппаратъ можетъ быть ясно выслушиваемъ на разстояніи ста футовъ. Беттини изобрѣлъ также особый составъ для замѣны восковаго цилиндра, гораздо болѣе чувствительный для нанесенія фонограммы. Италіанскій лейтенантъ обладаетъ повидимому также природнымъ гениемъ изобрѣтателя. Между прочимъ онъ изобрѣлъ юниоръ для фортепiano, посредствомъ котораго играющій можетъ переворачивать ноты, не отнимая рукъ отъ клавишей. (с.)

Этруская Помпея. Близъ Марцаботто, въ провинціи Болоньи, по словамъ газеты *Perseveranza*, найдены случайно остатки этрускаго города. По словамъ профессора Бриціо, городъ дѣлился на четыре части двумя, пересѣкавшимися подъ прямымъ угломъ по направленію странъ свѣта, главными улицами въ 15 метровъ шириною. Двѣ другія, съ востока на западъ идущія улицы, той же ширины, дѣлили эти четыре части на восемь равныхъ отрѣзковъ, которые, въ свою очередь, пересѣкались параллельными между собою переулками въ 5 метровъ шириною. Главныя улицы имѣютъ панели, мостки для пешеходовъ въ 5 метровъ шириною, и между ними остается пробѣжная дорога (шоссе) также въ 5 метровъ шириною. Вдоль мостковъ со стороны домовъ тянется жолоба въ 80 сантиметровъ въ диаметрѣ. Вырытые до сихъ поръ этрусскіе дома построены на манеръ римскихъ и окружены лавками. Одинъ изъ нихъ, 35 метровъ длиною, имѣетъ обширныя, выложенныя мозаикой сѣни, черезъ которыя проникаютъ въ атриумъ, также выложенный мозаикой, въ которомъ помѣщается импудвумъ. Къ атриуму примыкаютъ три спальни (cubiculi), а также большое, съ одной стороны открытое, помѣщеніе, которое и представляетъ собой столовую (tablinium). Правильность, съ которой разбитъ городъ, заставляетъ предполагать, что онъ возникъ не постепенно, а, какъ колонія, построенъ сразу, по заранѣе составленному плану. На основаніи найденныхъ предметовъ, какъ напримѣръ, расписныхъ вазъ, а также по содержанию открытыхъ доселѣ гробницъ, слѣдуетъ отнести постройки города ко второй половинѣ V вѣка до Р. Христова. (с.)

Черный камень Каабы. Въ февральской книгѣ журнала *Русское Обозрѣніе* помѣщена интересная статейка кн. Э. Э. Ухтомскаго «Мекка въ политическомъ и религіозномъ отношеніи». Авторъ, между прочимъ, рассказываетъ въ ней о «черномъ камнѣ», замурованномъ въ стѣну южнаго угла Каабы, главнаго святилища магометанъ. Ревнителю ислама, притекшіе съ молитвенною цѣлью издалека, устремляются къ Мэджиду'ль-Хараму («святой мечети»), величественному сооруженію, внутри котораго могутъ помѣститься десятки тысячъ народа, и гдѣ виситъ пресловутая Кааба съ этимъ «чернымъ камнемъ». Когда-то онъ, по преданію, былъ блѣднѣ сѣваго, но потемнѣлъ отъ того, что люди такъ грѣшили. Въ день Страшнаго Суда у камня образуются два глаза. Онъ увидитъ и провидитъ насквозь всѣхъ, кто пѣловалъ его, и камень заговоритъ и станетъ свидѣтельствовать за нихъ предъ Аллахомъ. Построеніе Каабы, на по-

добіе такого-же святилища, уже существующаго на пещи, приписывается Аврааму. Предки арабовъ, Измаиль и Агарь, погребены буд-то-бы тутъ. Когда туземцы еще вполнѣ были идолопоклонниками, въ юности Магомета, на столбахъ близъ Каабы видѣлось, между проч. изображеніями, изображеніе Пресвятой Дѣвы съ Предвѣщымъ Младенцемъ. Исламъ все пострѣлѣлъ, но не посмѣлъ унизить культъ „чершаго камня“ (Хаджаруль Асвад). Идревесть обычай одѣвать его. Драгоценный этотъ покровъ (кисва), расшитый золотомъ и серебромъ съ начертанными стихами изъ Корана, нынѣ готовится на средства султана въ Каирѣ одною избранною семьей. Такъ какъ ткань не вполнѣю облекаетъ мекканское сокровище, то она колеблется, при слабѣйшемъ движеніи воздуха, а вбрующіе на это взираютъ съ благоговѣніемъ какъ на знаменательный признакъ присутствія оберегающихъ Каабу 70,000 ангеловъ. Ихъ крылья касаются покрывала... (в)

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

В. И. П—ву, Владивостокъ. Подный томъ „Нивы“ за 1889 г. со всеми приложеніями, преміями и въ роскошномъ коленкоровомъ переплетѣ, стоитъ 5 р. 50 к., но въслѣдствіе **новаго почтового тарифа**, пересылка его во Владивостокъ обойдется Вамъ въ 15 руб. 50 коп. и такимъ образомъ томъ „Нивы“ съ пересылкою во Владивостокъ будетъ стоить 21 р. Поэтому не желаете-ли Вы получить „Ниву“ отдѣльными нумерами, которые могутъ быть отправлены Вамъ въ заказныхъ бандероляхъ, а премія и крышка для переплета нумеровъ — вышлются посылками. При такомъ условіи томъ обойдется Вамъ въ 12 руб. съ пересылкою.

О. Б. Н—ву, Благовѣщенскъ. Прежде чѣмъ выслать требуемый Вами экземпляръ „Фауста Гёте“, стоящій 40 руб. безъ пересылки и 45 руб. съ пересылкою въ Европ. Россіи, считаемъ нужнымъ предупредить Васъ, что въслѣдствіе **новаго почтового тарифа**, одна пересылка его въ Благовѣщенскъ будетъ стоить 33 р. и такимъ образомъ книга съ пересылкою обойдется Вамъ въ 73 р. Въ виду этого просимъ сообщить, согласны-ли Вы уплатить за пересылку означенную сумму и если нѣтъ, то благоволи-те уведомить, какъ поступить съ полученными отъ Васъ на 1 экз. „Фауста“ деньгами — 45 рублями.

Князь Бисмаркъ. Съ fotogr. грав. Геншльгъ.

Новый канцлеръ Германской имперіи, Георгъ Лео фонъ Каприви. Съ fotogr. грав. Веберъ.

Рѣшеніе задачи-шутки въ преферансъ № 16 (помѣщенной въ № 8).

Двѣ червы въ сносѣ. У противниковъ по двѣ червы. Ходъ съ туза червей; затѣмъ съ пикъ.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: СПб. — В. Трофимова, П. П. Лакомцева, С. А. Б., Ф. Л. Брокатто, Гейнг, Маріа В., Ф. В. Судиловскаго, Н. Семеновскаго, Разумова, С. Линдстремъ, Давидовой, В. С. Бехъ, А. Давуло, Вильминова, И. Юренича, П. А. Кондратьева, Брусова, В. А. Триумфова, П. И. Ижевскаго, П. В. Панкова. **Москва** — К. П. Автомова, Милоскаго, Г. Р. Яновскаго, С. П. Лебедева, Соколова, А. С. Косовскаго, **Александрія** — М. Протопопова, **Бердянскъ** — П. О. Бурбухати, **Борзна** — Т. Погибскипа, Б. Когвино — В. К. Терскаго, **Бобруйскъ** — М. Богданова, **Бахмутъ** — А. Вутовскаго, **Велижъ** — Г. Шалитъ. **Выборгъ** — Н. Тверскаго, **Вятск. Поляны** — А. Шуйшева, **Вильна** — Шахъ Назарова, **Варшава** — В. Щербакъ, **Воронежъ** — Ю. Вендиковскаго, **Весегонскъ** — Н. Кущелева, **Грузды** — М. П. Гальпернъ, **Глуховъ** — М. Самуйловича, **Дмитровскъ** — А. Косова, **Елецъ** — Л. Л. Цыпина, А. И. Цѣтковской, **Езерна** — А. О. де-Кадохъ, **Елисаветградъ** — Массъ, Жуковна — А. М. Замлери, **Зальце** — М. Маркулина, **Ив. Вознесенскъ** — К. Борисова, **Кременчугъ** — Н. П. Богомолова, **Кораблино** — С. Ф. Старикова, **Иларашъ** — Т. Гейденрейхъ, **Казань** — Л. В. К. Маруполь — Д. Тосхоноранъ, **Минскъ** — Алешитадт, **Нѣгинскія** — М. Бакина, **Новороссійскъ** — В. Бернцкаго, **Одесса** — М. Юрьева, **Оништы** — Э. Беренштейнъ, **Петербургъ** — Марунова, **Пинскъ** — А. К. Добринскаго, **Пермь** — Машарова, **Полоцкъ** — № 56756, **Поти** — А. Кириловой, **Старица** — П. Клаушманова, **Сороки** — Г. Б. Вассерманъ, **Спаскъ** — Карасева, **Севастополь** — Г. Бобо, **Средниново** — А. Должанова, **Тула** — В. и Н. Рудневыхъ, **Харьковъ** — С. Ф. Г., **Щацкъ** — А. А. Тюменова, **Эривань** — А. Миклашевской, **Юрьевецъ** — А. А. Павловскаго, **Ямполь** — Н. Неймана.

Рѣшеніе анаграммы № 15 (помѣщенной въ № 8).

Марс — Срам

Рѣшеніе шашечной задачи № 13. (помѣщ. въ № 7).

Бѣлые. | Черныя.
d6 — e7d8 — b6
e5 — d6b2 — g7 или h8
e3 — f4h4 — f6
f4 — e5f6 — d4
d6 — e7f8 — d6
h8 — b2g7 или h8 — a1
b4 — e5b6 — d4
d2 — e3d4 — b2
b6 — e1 и забираетъ дамку и шашку черныхъ.

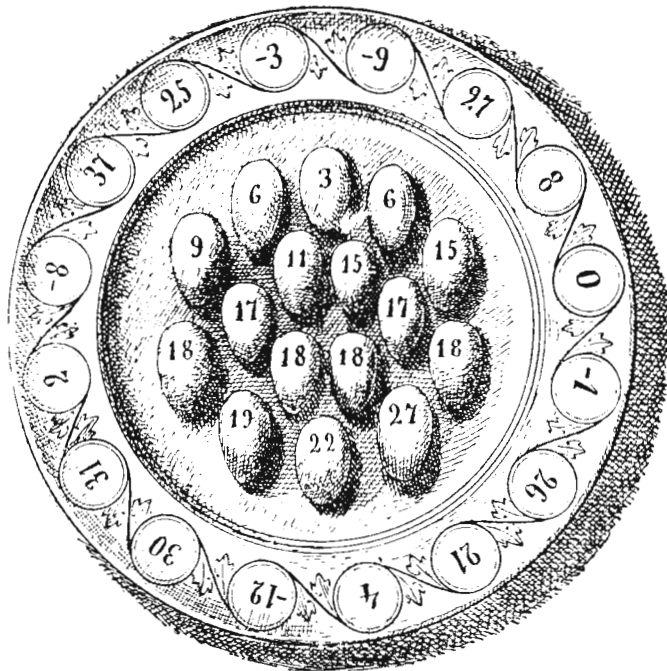
Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: СПб. — К. П. Панафилова, **Москва** — Н. П. Смирнова, **Бердянскъ** — П. О. Бурбухати, **Есаветградъ** — М. Г. Осятинскаго, **Калуга** — С. П. Соколова, **Молога** — М. С. Неустроева, **Одесса** — Н. В. Байкетова, **Царское Село** — П. И. Видлифова.

Рѣшеніе шахматной задачи № 12. (помѣщ. въ № 7).

Бѣлые. | Черныя.
1) Cf6—h8 f5—f4
2) Ke6—g7 Кр e4—d4
3) Kg7—f5† Кр Куда
4) Ch8—d4 угодно.
или Kf5—d6

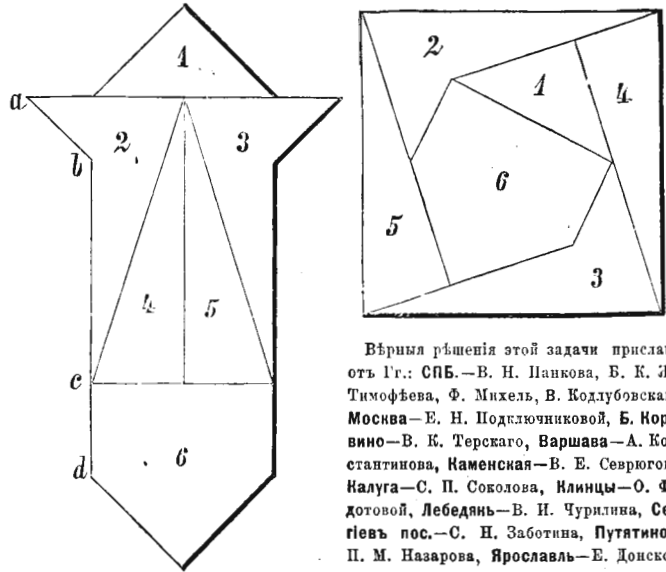
Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: СПб. — А. А. Носиѣва, **Дисна** — М. Г. Гильдина, **Калуга** — С. П. Соколова.

Пасхальная задача № 22.

Яйца, находящаяся въ тарелкѣ, требуется раздѣлить на двѣ группы; одни изъ нихъ расположить внѣ ея, а другія въ самой тарелкѣ симметрично противъ чиселъ на краяхъ тарелки съ тѣмъ, чтобы, приложивъ первыя (внѣ тарелки) къ числамъ противъ нихъ находящимся и вычтя вторыя изъ остальныхъ чиселъ, можно было, по замѣнѣ полученныхъ суммъ и разностей соответствующими въ азбукѣ буквами, прочитатъ конецъ, а замѣнивъ буквами числа однихъ яицъ—начало привѣтствія.

Рѣшеніе геометрической задачи № 14 (помѣщенной въ № 8).

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: СПБ.—В. Н. Пашкова, Б. К. Ж., Тимофѣева, Ф. Михель, В. Коздубовскаго, Москва—Е. Н. Подключниковой, Б. Корвино—В. К. Терскаго, Варшава—А. Константина, Каменская—В. Е. Севрюгова, Калуга—С. П. Соколова, Минцы—О. Федотовой, Лебедянь—В. Н. Чурилина, Сергѣевъ пос.—С. Н. Заботина, Путятино—П. М. Назарова, Ярославль—Е. Донской.

СОДЕРЖАНІЕ: Quasi una fantasia. Стих. А. Фета. — Польшъ Симоенъ. Разсказъ изъ жизни на дальнемъ Востоку. А. Я. Максимова. (Окончаніе). — Давидъ и Голаевъ. Новеллета Эрмины Виллингеръ.—Лисица. Съ французскаго.—Святая Земля. Назаретъ и Іерусалимъ въ I вѣкѣ христіанства и теперь (съ 3 рис. и планомъ). — Русский хлѣбъ (съ 4-мя акварелями Н. Н. Каразина).—Къ рисункамъ: Заутреня (съ рис.). — Христованіе боярина съ нищими на Пасхѣ (съ рис.). — Отъ „Двѣнадцати Евангелій“ въ Великій Четвергъ (съ рис.).—Звонари-любители (съ рис.).—Причетникъ (съ рис.). Князь Бисмаркъ (съ портр.).—Генераль де-Нарривъ (съ портр.).—Разныя извѣстія. — Политическое обозрѣніе.—Библиографія.—Смѣсь.—Почтовый ящикъ.—Задачи и рѣшенія задачъ.—Объявленія.

При этомъ № прилагаются: 1) Безплатное художественное приложеніе „Нивѣ“ на Пасху; 4 АНКВАРЕЛИ Н. Н. КАРАЗИНА. 2) „ПАРИЖСІЯ МОДЫ“ за АПРѢЛЬ 1890 г., съ 28 рис. и отд. листъ съ 33 чертж. выроекъ въ натур. величину и 30 рис. рундѣльныхъ работъ.

Издатель А. Ф. Марксъ.

Редакторъ В. Ключниковъ.

Во всѣхъ складахъ духовъ и у всѣхъ парикмахеровъ во Франціи и заграничій.

LA VELOUTINE

Спеціальная рисово-висмутовая пудра.

CHARLES FAY, Parfumeur, 9, rue de la Paix Paris.

Ц. № 3767 (53)

ЗУБОЧИСТЫЯ СРЕДСТВА ПЕЛЛЕТЬЕ,

Ц. № 4300 ЧЛЕНА МЕДИЦИНСКОЙ АКАДЕМИИ ВЪ ПАРИЖѢ. 6—6

ОДОНТИНЪ ПЕЛЛЕТЬЕ **ЭЛИКСИРЪ ПЕЛЛЕТЬЕ**

бѣлить зубы, не портя ихъ эмалью. укрѣпляетъ десны, освѣжаетъ ротъ.

Каждая коробка запечатана прилагаемою печатью, четырьмя цвѣтами.

ПРИГОТОВЛЯЕТСЯ У Л. ФЕРЕРА,
19, Rue Jacob, Paris.

У всѣхъ аптекарей и продавцевъ благовонныхъ товаровъ.

Каждый флаконъ запечатанъ прилагаемою печатью, четырьмя цвѣтами.

СЕСАЧЕТЪ ДОЛЖЕНЪ БЫТЬ ТРЕБОВАЕМЪ КАКЪ ГАРАНТІЯ ОРИГИНАЛА ПРОДУКТА.

ЗУБНОЙ ВРАЧЪ

К. БАУХЪ

В. МОРСКАЯ, № 17, СПБ.

Лечение зубныхъ болей, пломбированіе, исполненіе всѣхъ зубныхъ операцій, вставленіе новыхъ зубовъ и цѣлѣкъ челюстей по американской методѣ; передѣлка старыхъ челюстей. Прочное и аккуратное исполненіе гарантируется на много лѣтъ. Цѣны умеренныя.

У ВСѢХЪ ИЗВѢСТНЫХЪ КНИГОПРОДАВЦЕВЪ ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ № 4402

Н. М. ПРЖЕВАЛЬСКІЙ.

Биографическій очеркъ, сост. Н. Ф. Дубровинъ. 602 стр., 4 портрета, 3 автографа, 2 рисунка и карта четырехъ путешествій. Доходъ съ изданія назначается въ напѣталъ имени Пржевальскаго. Цѣна 5 р., съ перес. 5 р. 70 к. Книгопродавцамъ 20% уступки. Складъ изданія: С.-Петербургъ, Колокольная, № 14, у В. А. Березовскаго, который, въ виду цѣлы изданія, отказался отъ всякой уступки.

ЗАЙКИ

могутъ воспользоваться леченіемъ въ заведеніи К. № 4456

РОБЕРТА ЭРНСТЪ,

въ Берлинѣ, Potsdamerstrasse, 37.

ГЕНРИХЪ КЛЕЙЕРЪ
Франкфуртъ н/М. Р. № 4330

ФАБРИКАНТЪ ВЕЛОСИПЕДОВЪ „ОРЕЛЬ“. 12—9

Всякаго рода двухъ- и трехъ-колесные велосипеды для взрослыхъ и дѣтей. Составилъ части и принадлежности. Ницуть агентовъ. Иллюстрированный каталогъ за 10 пфен. марками.

ЦАРЬ-ДѢВИЦА. Вс. Соловьева. Ром.-хрон. XVII вѣка, въ 3-хъ ч. Ц. 1 р. 50 к., съ пер. 2 р.; въ колѣнк. перепл. 2 руб. 25 к., съ перес. 2 руб. 75 коп.

ЛЕННИНГЪ и ГЮЗИНГЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которую печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405

ЗА 30 КОП. почтовыми марками высылаются

ФОКУСНЫЯ КАРТЫ съ объясненіями и иллюстрир. префектуратомъ. Мт. № 4461

За 80 коп. высылаются

ВОЛШЕБН. ПОРТСИГАРЪ для экономныхъ курителей: номаный 1 р. Прекрасное средство отвадить охотниковъ до папиросъ фабрики „Чунаго“.

МАСТЕРСКАЯ ИГРЪ И ФОКУСОВЪ

А. МЕЛАМЕДА.
СПБ., Забалканск. пр., д. № 7, кв. 63.
Торговцамъ выгодная уступка.

PAPIER FAYARD ET BLAYN

Ц. 4122 113-10

употребляется въ леченіи ревматизма, раздраженія дыхательныхъ органовъ, насморка, раздраженія груди, вывиховъ, ранъ, ожоговъ, ознобленій, мозолей и всякихъ наклонныхъ затвердѣній. Продажа во всѣхъ аптекахъ (требовать собственноручную подпись).

ЭКСТРАКТЫ КВАДРУПЛЬ ЛОЗЕ:

ЛОЗЕ „ЛАНДЫШЪ“, ЛОЗЕ „ДИКИЙ ЯСМИНЪ“, ЛОЗЕ „ЗОЛОТАЯ ЛИЛІЯ“.

НОВО!! ЛОЗЕ „ЧТО ХОТИТЕ“

ДУХИ.

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ, 9—7
46, Гегерстрассе, Берлинъ, придворный парфюмеръ. № 4054
Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи.

ЧОКРАНКО-БУЛГАНАНСКАЯ грязе-лечебница „Товарищества“ врачей въ Крыму, въ г. Керчи. Сезонъ съ 15-го мая по 1-е сентября. Подробности въ брошюрѣ, которая высылается за одну семикоп. марку. Адр. въ г. Керчь, Таурич. губ., доктору Филимовичу. Ц. № 4440 12—2

КРАСКА ДЛЯ ВОЛОСЪ

В. ГЕНА ВЪ ВѢНѢ ИЗЪ ГРЕЦКИХЪ ОРЪХОВЪ.

Безвредное средство для быстро окрашенія волосъ и бороды въ черныя, русыя, темно- и свѣтло-каштановыя цвѣты. 8—1

Цѣна за флаконъ 3 руб. съ пересылкой. Главнй складъ въ Россіи у В. Аурихъ въ С.-Петербургѣ, Колокольная, 18.

Ф. Э. ДРЕХСЛЕРЪ,
Варшава, Лешно, 14.
Бицкиа отъ 100 р. Ровери отъ
135 р. № 4386 10-5

**БАНКИРСКИЙ БЛОКЪ
ГЕНРИХЪ ДМОКЪ**

взимаетъ по ссудамъ:
уменьшеннымъ . . . 8% год. и 1/2% еж. ком.
возвышеннымъ . . . 9% год. и 1/2% еж. ком.
Высшій размѣръ ссуды:
Подъ I—VI банк. блт. 95 р.
I—III восточн. займы. 95
городск. облгг. 83
зем. закн. листы 6% 90
" " " 5% 83
I вышршый заемъ 215
" II 200
" Дворянск. съ вышр. з. л. 30
Размѣръ % и ссуды можетъ быть измѣ-
няемъ по состоянію денежнаго рынка. По-
дробная условія выдаются и выслаются
безплатно. Контора В. Д. помещается: СПб.,
57 (новый № 59), Невскій, соб. д.

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ

инновъ полученныхъ ан-
глійскихъ велосипедо-
въ. 4—1
Г. ЖЕМЛИЧНА,
Москва, утолъ Тверска-
го и Старога Галатна-
скаго пер., домъ Фальд-
Фейнъ, магазинъ № 19.
Прейсъ-курранты выслаются безплатно.

АХРОМАТ. УНИВЕРСАЛЬН. БИНОКЛЬ

Карм. форм. въ замшев. кошелькѣ. 8 руб.
пересылка за 3 ф.
Больш. форм. съ футляр. и ремн. 9 руб.
пересылка за 4 ф.
„Аргусъ“ имѣеть превосходн. оптичск. каче-
ства и одинаково пригоденъ для военныхъ,
цѣлей, охоты, поля и театра, а потому
пользѣ заслуживаетъ названія „универсаль-
наго бинокля“. Театральные бинокли въ
разн. оправ. отъ 5 до 65 рублей.
Е. КРАУСЪ и К^о.
Специальн. фабр. оптич. инструментовъ.
Парижъ, Авен. d. l. Républic. 4.
СКЛАДЪ ДЛЯ РОССІИ
С.-Петербургъ, Мойка, № 42.
Иллюстр. преісъ-куррантъ оптич. и фотограф.
прибор. выслаются безплатно.

**ПОЛЕЗНЫЙ ПОДАРОКЪ
КЪ ПРАЗДНИКУ.**

РЕМЕСЛЕННАЯ ГАЗЕТА,
еженедѣльное изданіе. 6-й годъ.
Москва, Малая Дмитровка, д. Але-
ксѣевой.

♦ Въ каждомъ № помѣщаются: со-
веты, рецепты, указанія и понятныя
описанія новостей по всемъ реме-
сламъ и некрупнымъ техническимъ про-
изводствамъ, со множествомъ рисунковъ
и рабочихъ чертежей (въ текствѣ и
на 100 особыхъ листахъ) разныхъ но-
выхъ изобрѣтѣй, инструментовъ, стан-
ковъ, машинъ и всякихъ полезныхъ
приспособленій для мастеровъ и зо-
лактва.
♦ Необходимое изданіе для техника,
ремесленника, кузнеца, сельского хо-
зяйина, любителя ремесла и для школы.
Выше премія дается: 100 листовъ при-
ложеній (чертежей и рисунковъ), сто-
ящихъ въ розничной продажѣ около 20 р.,
и стѣнной календарь, изящно иллюстри-
рованный.
50 №№ ВЪ ГОДЪ.
♦♦ 6 р. въ годъ съ пе-
ресылкой и доставкой, 4 р.
за 1/2 года. № 4456
♦ Подписавшимся среди
года выслаются всѣ вы-
шедшіе №№.
РЕМ. ГАЗ. одобрена Учен. Ком.
Мин. Народ. Провѣд.

ЭЛЕОПАТЪ ПРОВ. КИНУНЕНЪ

для волосъ. Элеопатъ Кинунена нахо-
дится для продажи во всѣхъ большихъ
Аптек. и Космет. магазинахъ. Цѣна фла-
кону, содержащему 120 граммовъ, 1 р.
50 коп., но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.
Простятъ непременно обращать вниманіе
на клеймо въ самомъ стеклѣ каждого фла-
кона,—пров. Кинуненъ. (12) № 4287
Главный складъ: С.-Петербург., Демидовъ пер., д. № 1.

РЕКОМЕНДУЮ БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ЧАСОВЪ
своей собственной фабрики
съ полнымъ ручательствомъ за прочность механизма и
вѣрность хода. В. № 4121 3-3
ПАВЕЛЬ ВУРЕ,
поставщикъ Двора Его Величества.
С.-Петербургъ, на Невскомъ просп., д. 23.
Москва, на углу Кузнечнаго Моста и Рождественки, д. № 6, Захарь-
ина, бывш. Тордентога.
Иллюстрир. преісъ-куррантъ высыл. по требован. безплатно.

ДЛЯ СТРАДАЮЩИХЪ ЛЕГКИМИ

Dr. Bremer's Heilanstalt, Görbersdorf, Schlesien.
Лечебное заведеніе Д-ра Бремера. Герберсдорфъ,
Силезія, въ Неполинскихъ Горахъ,
учрежденное въ 1851 году. В. № 4457 12-1
Главный докторъ Ф. Вольфъ.
Обширный паркъ съ прилегающимъ къ нему еловымъ лѣсомъ. Искусственно про-
ложенная дорожка достигаютъ до 14 километровъ. Пляжи убранный кургаузъ. Въ паркѣ
находятся роскошныя виллы. Дни умиреныи. Присекты выслаются безплатно
Администрація лечебнаго заведенія Д-ра Бремера.
Подробности метода леченія см. II изд. „Die Therapie der chronischen Lungen-
schwindsucht von Dr. H. Bremer. Verlag von I. F. Bergmann, Wiesbaden.“

**ЭЛИКСИРЪ,
ПОРОШОКЪ И ПОМАДА
ДЛЯ ЗУБОВЪ**
ОТЦЕВЪ БЕНЕДИКТИНЦЕВЪ
Аббатства СУЛИКЪ (Жиронда) Франція.
Находятся во всѣхъ аптекахъ, моспа-
тельныхъ лавкахъ и косметическихъ ма-
газинахъ.

ЗАВОДЪ ДЛЯ РАЗВЕДЕНІЯ ПОРОДИСТЫХЪ СОБАКЪ
владѣлецъ Артуръ Зейфартъ
Кэстрицъ (Германія)
получилъ множество премій и пользующійся всемирн. извѣтностью.
Специальности: Громадный выборъ Салонныхъ собакъ, Сенъ-
Бернарскихъ и Водолазокъ, Бульдоговъ, Охотничьихъ собакъ,
собакъ спорта и проч.
ПОРОДИСТЫЯ СОБАКИ:
Нѣмецкіе неополитскіе Догы, Пузеля, Шницы, Криоловки, Пин-
черы, Лягавыя, Борзья и Гончія собаки, Таксы и проч. Ручатель-
ство только за Quality. Каталогъ выслаются безплатно, а аль-
бомъ за 50 пфен. Вывозъ во всѣ страны свѣта. В. № 4458 2-1

ПРОТИВЪ НАСМОРКА - БРОНХИТА - ЧАХОТКИ АСТМЫ
КАПСЮЛИ ГЮЙО
Пріемъ ЗА КАЖДОЙ ЪДОЙ двѣ капсулы.
CAPSULES GUYOT.
Прежде капсулы эти были черныя и неприятны для пріема; теперь же онѣ бѣлыя
и похожи на конфекту.
На каждой капсулѣ выдавлена подпись Гюйо. Ц. № 4301 6-6
Детей, содержащихъ въ капсулахъ Гюйо, переносятся самими слабыми желудками.
Примѣчаніе. Дети и
особы, которыя не мо-
гутъ проглатывать эти
капсулы, будутъ пользо-
ваться
ПАСТОЙ РЕНЬО
PATE REGNAULD
приготовляемой
19, rue Jacob.
Требовать
на этике-
тахъ стѣ-
дующую под-
пись трехъ
цветныхъ:
Во всѣхъ
аптекахъ.
Оптовая фабрикація: 19, rue Jacob, Paris.

МОЙНАКСКОЕ
ГРЯЗЕЛЪЧЕБНОЕ и ЛИМАННОЕ
№ 4448 ЗАВЕДЕНІЕ
въ городѣ Евпаторіи
открывается съ 20 мая по 20 августа.
За подробностями просить обра-
щаться въ гор. Евпаторію, Тавриче-
ской губ., Гг. доктору С. П. Цеценев-
скому или доктору С. П. Ходжашу.

ЭЛЕКТРИЧЕСКІЯ ЗВОНКИ.
Подное устройство, со-
стоящее изъ одного от-
лично дѣйств. звонка, 2
элементовъ. Леканше съ
лицомъ, 30 самъ изоли-
рованной проволоки и 1-й
кнопки
все только лишь за 8 р.
Приборъ для электри-
ческаго освѣщенія, ми-
крофоны и телефоны отъ
15 руб. за каждую станцію.
Кромѣ того, всѣ отдѣльныя части и ири-
надлежности продаются по самымъ дешѣ-
вымъ цѣнамъ въ складѣ
Н. И. ФРЕЛАНДЪ,
Екатерининскій каналъ, уг. Невскаго пр.,
д. Учетнаго Банка, № 30-16, въ СПб.
Иллюстрированный преісъ-куррантъ вы-
сылается. В. № 4454 3-1

МА СЕБѢ СЪОБЩАЮТЪ ТОЛЬКО ПРАВИЛЬНЫМЪ СПОСО-
БОМЪ ОТДѢЛЕНІЕМЪ КАЖДАГО ПАВЕРНАГО ПАВЕРНАГО
СТАВЪ ВРЕДНЫХЪ ЗАБОРОВОМЪ ВЕЩЕСТВЪ.
РАЗРЕШЕННЫЙ
КАЖДАКЪ СПАХЪ УПРАВЪ
ПЛАСТЫРЬ
ПРОВИЗОРА
В. И. ШЕПФЪ
ДЛЯ
УНИЧТОЖЕНІЯ
МОЗОЛЕЙ
БОРОДАВОКЪ
ЦѢНА 35 КОП.
Можно подучать во всѣхъ лучшихъ
АПТЕКАХЪ, АПТЕКАРХИХЪ МАГАЗИНАХЪ,
МАГАЗИНАХЪ ОБУВИ И РЕЗИНЫ. ИЗДѢЛІИ.
Выписывающимъ не менѣе 3-хъ по-
чальныхъ марокъ, пересылка безплатно.
торговцамъ значительная уступка.
Главный складъ у изобрѣтателя, прови-
зора В. И. Шепфъ, въ Москвѣ, Патріаршіе
пруды, д. Бриткина. Ц. № 4182 10-9

**ЛУЧШАЯ ЗАБАВА
НА ЛѢТО.**
ТОЛЬКО 10 руб.!

Настоящій фотографическій аппаратъ,
съ триожиномъ, не пружина, комъ
каждый можетъ снимать съ натуры пор-
реты, виды и пр., въ визиты и кабинеты.
велич., съ пробн. снимк. и руководитъ.
Перес. за 15 фунт. Адресъ: С.-Петер-
бургъ. Складъ новыхъ изобрѣтѣй,
4, Невскій просп., 4, рядомъ съ Главн.
Штабомъ. Новый иллюстр. каталогъ
всѣхъ изобрѣтѣй за 1 к. марку.

CRÈME-SIMON
(КРЕМЪ-СИМОНЪ)
прелестнаго
запахъ, не
портится и
служить для
смягченія кожи.
Пудра SIMON
и Мыло
à la CRÈME SIMON
дополняютъ его
дѣйствія и имѣютъ
тотъ же запахъ.
J. Simon, 36, Rue de Provence 36, Парижъ
Въ розницу у парикмахеровъ, парфюме-
ровъ и аптекарей. А. № 4315 15-10

GRANDS MAGASINS DU

Printemps

NOUVEAUTÉS

Envoi gratis et franco

du catalogue général illustré renfermant toutes les modes nouvelles pour la SAISON d'Été, sur demande affranchie adressée à

MM. JULES JALUZOT & Cie
PARIS

Sont également envoyés franco, les échantillons de tous les tissus composant nos immenses assortiments, mais bien spécifier les genres et prix.

Expéditions dans tous les Pays du Monde.
Le catalogue indique les conditions pour l'envoi franco de port et de douane.

Correspondance en toutes langues

Н. П. ЛАНИНЪ,

КОММИССИОНЕРЪ ОБЩЕСТВА РУССКИХЪ ВРАЧЕЙ ВЪ МОСКВѢ.

- 1) ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ вѣ Москвѣ, Москворѣцкій мостъ, собственный домъ. Телефонъ № 764.
- 2) ОПТОВЫЙ СКЛАДЪ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, Чернышевъ пер., д. № 2—64. Представитель фирмы Л. О. Ниршнеръ.
- 3) ОПТОВЫЙ СКЛАДЪ ВЪ ОДЕССѢ, на углу Екатерининской и Еврейской ул., д. Испасъ. Представитель фирмы Н. Н. Николаевъ.
- 4) ОПТОВЫЙ СКЛАДЪ И ТОРГОВЛЯ ВЪ НИЖЕГОРОДСКОЙ ЯРМАРКѢ, на углу Нижегородской и Макарьевской улицъ, домъ Бочкаревой.
- 5) ОПТОВЫЙ СКЛАДЪ И ТОРГОВЛЯ ВЪ БАКУ, во время ярмарки.

РУССКОЕ ШАМПАНСКОЕ и ЯГОДНЫЯ и ФРУКТОВЫЯ ВОДЫ имѣются также въ продажѣ во всѣхъ извѣстныхъ трантирахъ, ресторанахъ, гостиницахъ, колоніальныхъ и фруктовыхъ магазинахъ и винныхъ погребахъ въ МОСКВѢ, С.-ПЕТЕРБУРГѢ, ВАРШАВѢ, ОДЕССѢ, ТИФЛИСѢ, ГЕЛЬСИНГФОРСѢ, и во всѣхъ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ Европейской Россіи, Сибири, Закавказья, Царства Польскаго, Великаго Княжества Финляндскаго и въ нашихъ новыхъ владѣніяхъ въ Азіи: въ Петро-Александровскѣ, Мервѣ, Самаркандѣ, Туркестанѣ, Ташкентѣ, Чинишлярѣ, Асхабадѣ, Чарджубѣ, Коканѣ, Бухарѣ; во Владивостокѣ и въ Николаевскѣ на Амурѣ. Кромѣ того, въ недавнее время, открыта торговля и коммисіонерство въ Константинополѣ (въ Турціи), въ Ханькоу и въ Шанхаѣ (въ Китаѣ).

Фирма существуетъ съ 1854 года.

Фирма удостоена ВЫСОЧАЙШЕЙ БЛАГОДАРНОСТИ въ 1875 году

и права на получение ГОСУДАРСТВЕННОГО ГЕРБА въ 1884 году.

Въ разное время она удостоена на ВСЕРОССИЙСКИХЪ ВЫСТАВКАХЪ десяти наградъ и на ИНОСТРАННЫХЪ ВЫСТАВКАХЪ тридцати шести наградъ.

При этомъ считая признаніемъ обязанности довести до всеобщаго свѣдѣнія, что на ВСЕМИРНОЙ ВЫСТАВКѢ ВЪ ВАРЦЕЛОНѢ 1888 года я былъ удостоенъ почетнымъ званіемъ ЧЛЕНА ЖЮРИ (Membre du Jury) и мое производство, въ признаніе къ его совершенству и многочисленнымъ наградамъ, полученнымъ на прежнихъ выставкахъ, удостоено ВЪЗЪ КОМ-ПЮРСА (Hors Concours).

Кромѣ ЗОЛОТОЙ МЕДАЛИ, присужденной мнѣ на этой выставкѣ, я былъ удостоенъ новой высшей, почетной награды заключающейся въ присланной мнѣ ГРАМОТѢ чрезъ Министерство Финансовъ и при оной

КОМАНДОРСКІЙ КРЕСТЪ „СВ. ИЗАБЕЛЛЫ КАТОЛИЧЕСКОЙ“.

„РУССКОЕ ШАМПАНСКОЕ“ по своимъ достоинствамъ не уступаетъ самымъ лучшимъ сортамъ заграничныхъ марокъ.

Для изученія винодѣлія и спеціально ШАМПАНСКАГО, я въ 1858 г. ѣздилъ во Францію и Германію и изучалъ тамъ винодѣліе, подъ руководствомъ г. ПАСТЕРА—въ Парижѣ, г. МОМЕМЕ—въ Реймѣ, г. ЛАДРЕЯ—въ Дижонѣ, г. МУЛЬДЕРА—въ Лейпцигѣ и др.

Благодаря знанію теоріи и практики винодѣлія, моимъ неустаннымъ трудамъ и энергіи, я и поставилъ мое производство на степень совершенства и вѣи всякой конкуренціи. И первый въ Россіи доказалъ, что ШАМПАНСКОЕ, приготовленное изъ русскаго винограднаго вина, получаемаго мною изъ Шабскихъ виноградниковъ, можетъ быть нисколько не хуже настоящихъ французскихъ и нѣмецкихъ лучшихъ марокъ.

ИМѢЮТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ СЛѢДУЮЩІЕ СОРТА ВИНЪ:

РУССКОЕ ШАМПАНСКОЕ:	Русское шампанское.
Императорское сладкое золот. ярлыкъ.	Cremant Rosé (Креманъ розовое).
„ полусухое серебр. ярлыкъ.	Cremant Sec (Креманъ сухое).
„ очень сухое бѣлый ярлыкъ.	„ Demi Sec (Креманъ полусухое).
„ „Кларетъ“ (высш. сортъ) бронзов. ярл.	„ Кларетъ второй сортъ.

Съ 1-го февраля сего года всѣ сорта шампанскихъ винъ съ этикетками моей фирмы, во избѣжаніе поддѣлокъ и подражаній, выпущены въ продажу съ новой герметической укупоркой, при помощи проволоочной сѣтки и металлической пластинки сверхъ пробки, съ выдавленнымъ клеймомъ „Н. П. Ланинъ“ и кромѣ того эта сѣтка снабжена именной пломбой фирмы „Н. П. Ланинъ, Москва“.

ИМѢЮТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ СЛѢДУЮЩІЕ СОРТА ВОДЪ:

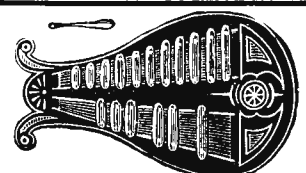
МИНЕРАЛЬНЫЯ ВОДЫ.	ФРУКТОВЫЯ ВОДЫ.	ЯГОДНЫЯ ВОДЫ:
Сельтерская.	Ананасная.	Брусничная.
Содовая.	Апельсиновая.	Вишневая.
	Ванильная.	Земляничная.
	Грушевая и Лимонная.	Клубничная.
		Красносмородиновая съ ванилью.
		Малиновая.
		Рябиновая.
		Черносмородиновая.

КЛЕЙМА БУТЫЛОКЪ НОВАГО ОБРАЗАЦА и ПРОБОКЪ, а ТАКЖЕ РИСУНКИ ЯРЛЫКОВЪ УТВЕРЖДЕНЫ ПРАВИТЕЛЬСТВОМЪ. ВОДЫ ПРИГОТОВЛЯЮТСЯ изъ АРТЕЗИАНСКОЙ ВОДЫ и изъ САМЫХЪ СВѢЖИХЪ ЯГОДЪ, и для этого имѣется огромный запасъ ягодныхъ соковъ, сохраняемыхъ всегда свѣжими, въ продолженіе цѣлаго года, при помощи вновь изобрѣтеннаго мною способа.

Прейсъ-куранты по требованію высылаются бесплатно.

Н. П. ЛАНИНЪ.

№ 4451

! НОВОСТЬ: ЛИРОФОНЪ !

съ точностью копирующій клавиатуру фортепьяно, имѣющій 41 тонъ со всѣми ихъ полутонами и хроматическими гаммами, съ обозначеніемъ названія каждаго тона. Полная возможность безъ помощи учителя разигрывать всевозможныя пьесы, настроясь по камертону, дальнейшей настройкой никогда болѣе не требуетъ; полная гарантія за прочность.

Цѣна 6 рублей.

БОЛѢ 500 ДЮЖИНЪ

роскошныхъ нѣмецкихъ и русскихъ

ГАРМОНИЙ

въ 1 р. 30, 1 р. 60, 2, 2 1/2, 3, 4 1/2, 5, 6 1/2, 8, 10, 11, 12, 15, 18, 20, 25, 28, 30, 40 р. и др. Самочитатели для гармоній по 1 руб.

Лучшей работы и пріятнаго тона въ 1 р. 40, 2 1/2, 3 1/2, 5 3/4, 8, 10, 15, 25, 30 р. и дороже. Скрипки 1 1/2, 2, 3 1/2, 5 3/4, 8, 10, 20, 30 р. и др. Мандолины въ 6 1/2, 7 1/2, 10, 15, 20 и др. Цитры въ 7 1/2, 10, 15, 20, 25 р. и дороже. Концертины въ 1 3/4, 2 1/2, 4, 6, 10, 13 р. и др. Гармофоны съ 10-ю пьесами 26 руб. Аристонъ съ 10-ю пьесами 22 руб. и пр. пр. музык. INSTR. въ гром. выборѣ, по фабрич. цѣнамъ. Торговцамъ скидка. ТОРГОВЫЙ ДОМЪ и ФАБРИКА музыкальныхъ инструментовъ

А. Е. КУЛАКОВЪ.

Новый иллюстр. прейсъ-курантъ всѣмъ инструментамъ высылается бесплатно. Главн. контора и склады: Садовая, № 40, въ С.-Петербургѣ. № 4448

РЕЙНСКІЕ БУКЕТЫ

высшій сортъ

ЦВѢТОЧНАГО О-ДЕ КОЛОНА

продается разныхъ запаховъ, во всѣхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи и за границей. Главное Дѣло: у Алекс. Тиссъ и №, Пушкинская, № 4.

Употребляемая въ С.-Петербургск. Воспитательномъ Домѣ

МОЛОЧНАЯ МУКА

для вскармливанія грудныхъ дѣтей, суррогатъ материнскаго молока

Паров. фабр. БЛИГКЕНЪ и РОБИНСОНЪ въ СІБ.

Единственный агентъ для Россіи: **ВАСИЛІЙ АУРИХЪ**, Колокольная, 18 — 19, въ С.-Петербургѣ.

Его подпись должна быть на каждой жестянкѣ:

Цѣна 90 к. за жестянку безъ пересылки.

Продается въ аптек. магазинахъ и аптекахъ Россіи В. № 4406 9—2

Дешевое седло замшево съ ушачкомъ и ос. Кавказск. приборомъ 30 Р. и тѣло шелкомъ.

Пересылка по ш. и 3 р. почтою за 40 Ф. Фабрика М. и Н. МАЛЫШЕВЫХЪ, Саратовъ.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XXI г. № 14 г. XXI 1890

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЪСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
Выдавъ 7 апрѣля 1890 г. и Л. СТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цена этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1890 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГЪ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за
строну нонпарейль (¼ шпр.
стран.) въ Глав. Кон. Ред. по
75 к.—Загран.: для Франціи у
Agence Havas по 2 fr. 40 с.;
для Австр., Герман. и Швейц.
у Rudolf Mosse по 1 M. 70 Pf.

Безъ доставки въ Пе-
тербургъ 5 р.

Съ доставкой въ Пе-
тербургъ 6 р. 50 к.

За границу, съ пересылкою

Безъ дост. въ Москвѣ чр.
конт. объявл. Н. Н. Печков-
ской, Петровск. Торг. линіи. 6 р.

Съ пересылкой въ Москву
и другіе города Россіи 7 р.

9 р.

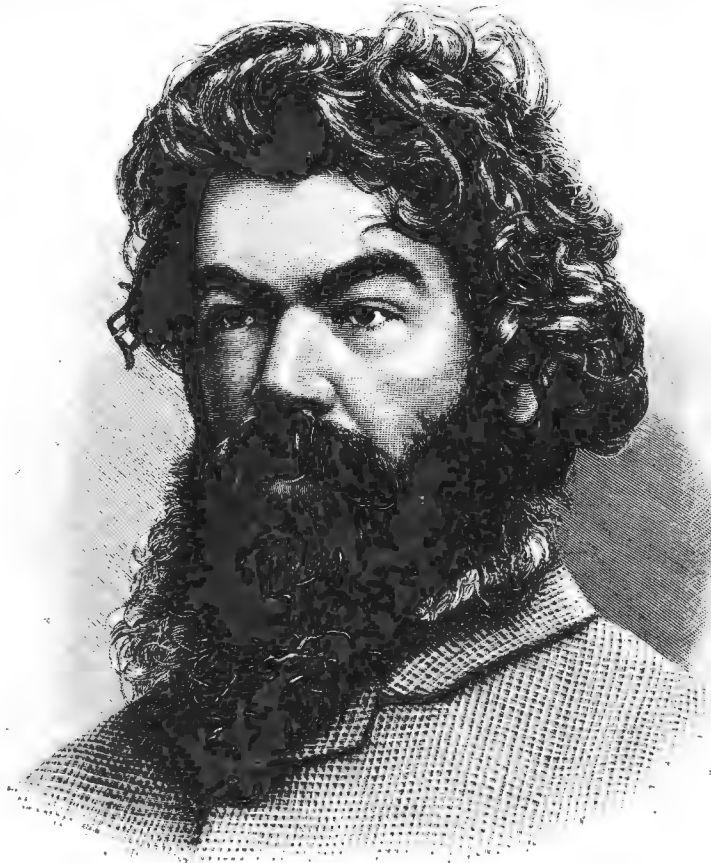
ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особыя приложенія при
„НИВѢ“ объявленія отъ тор-
говыхъ домовъ принимаются
для иногородн. и городскихъ
подписчиковъ по особому
соглашенію.

Всѣмъ всякой доплаты за пересылку главныхъ премій.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1890 г. номера „Нивы“ со всѣми приложеніями.

І. І. Ясинскій.

Въ средѣ русскихъ мо-
лодыхъ беллетристовъ
особенно выдается имя
І. І. Ясинскаго, одного
изъ любимѣйшихъ пу-
бликою романистовъ, бо-
лѣе извѣстнаго подъ
псевдонимомъ *Максима
Бѣлинскаго*. Безспорно,
между молодыми наши-
ми писателями онъ наи-
болѣе талантливый и
симпатичный, наиболее
понимающій задачи чи-
стаго искусства и по-
стоянно работающій
надъ собою, надъ разви-
тіемъ своего дарованія,
которое у него замѣтно
растетъ и крѣпнеть.
Только благодаря такой
усиленной работѣ и чут-
кости художника, соеди-
ненной съ горячею лю-
бовью къ литературѣ,
онъ не погубилъ своего
таланта и вышелъ на на-
стоящую, широкую до-
рогу, освободившись отъ
вреднаго вліянія новѣй-
шей натуралистической
школы во Франціи, влія-
нія такъ называемыхъ
„протоколистовъ“, кото-
рымъ онъ замѣтно по-
дражалъ нѣкоторое вре-
мя. История литератур-
ной карьеры Макенма
Бѣлинскаго во многихъ
отношеніяхъ настолько

Іеронимъ Іеронимовичъ Ясинскій (Максимъ Бѣлинскій).
Съ фот. Павловскаго, грав. Шюблеръ.

поучительна, что о ней
стоитъ сказать нѣсколь-
ко словъ, тѣмъ болѣе,
что она прекрасно характе-
ризуетъ нашего дарови-
таго романиста. Свою
литературную деятель-
ность ему пришлось на-
чать въ то время, когда
среди такъ-называемой
интеллигенціи искус-
ство отрицалось, красоту
считали пустякомъ, а
увлеченіе дурно поняти-
ми Воклемъ, Спенсе-
ромъ, Дарвиномъ, Кон-
томъ и другими доходи-
ло до крайности. Вліяніе
это коснулось и Макенма
Бѣлинскаго. По его соб-
ственнымъ, печатнымъ
признаніямъ, онъ жадно
читалъ разныя quasi-
ученныя книжки и со-
всѣмъ не зналъ ни Гон-
чарова, ни Льва Тол-
стаго, почти не зналъ
Тургенева, не говоря
уже о заграничныхъ ро-
манистахъ и поэтахъ;
онъ считалъ жизнь
ужасно скучною, пото-
му что самъ задыхался
въ пыльной атмосферѣ
поверхностной учености
и занимался лишь рев-
ностнымъ отрицаніемъ
прекраснаго въ жизни,
всѣхъ тѣхъ потребно-
стей души, безъ кото-
рыхъ немислимо суще-
ствованіе всякаго сколь-

ко-нибудь просвѣщеннаго человѣка. Однако, врожденная поэтическая жилка заговорила въ нашемъ романѣ: онъ довольно скоро прозрѣлъ, особенно послѣ того, какъ прочелъ романъ гр. Толстаго „Анна Каренина“, который произвелъ на его поэтическую душу ошеломляющее впечатлѣніе. „Точно волшебная панорама,—разказываетъ самъ І. І. Яенискій,—развернулась предо мною жизнь цѣлаго общественнаго слоя, трепещущая избыткомъ крови, залитая яркимъ свѣтомъ, полная изумительныхъ художественныхъ подробностей...“ Онъ проникся благоговѣніемъ къ имени художника, и понялъ всю силу значенія послѣдняго. Но онъ все еще не могъ вполне отрѣшиться отъ пагубныхъ для его таланта вліяній, отъ тенденціознаго направленія той литературной среды, въ которой онъ главнымъ образомъ вращался, пока, наконецъ, не повернулъ круто на нутъ истино-художественнаго творчества, послѣ чего его талантъ расцвѣлъ вполне. Съ тѣхъ поръ Яенискій остается неизмѣнно вѣрнѣйшимъ приверженцемъ мелочи довольно глубоко, дѣлать ихъ осмысленными и психологически вѣрно уяснить характеръ и значеніе того или другаго явленія. Обладая огромнымъ запасомъ наблюдательности, онъ легко и мягко умѣетъ нарисовать прелестную жанровую сценку, сдѣлать изысканный абрисъ человѣческой фигуры, нѣсколькими удачными штрихами набросать цѣлую картину, живую, правдивую, въ сочныхъ краскахъ, рельефную. Все это отличаетъ въ немъ художника, писателя умнаго, со вкусомъ, съ тонкимъ пониманіемъ цѣлей искусства, которому нашъ романъ придаетъ огромное значеніе. „Мы бросаемъ романъ — говоритъ г. Яенискій — если авторъ поучаетъ насъ психологій, социологій, политическою экономію, а не изображаетъ намъ жизнь въ художественныхъ образахъ; мы читаемъ романъ, потому что хотимъ сдѣлаться счастливыми, а не образованными. Конечно, образование можетъ доставить счастье, но только впоследствии, не непосредственно, какъ это дѣлаетъ поэзія, играющая первенствующую роль въ человѣческой дѣятельности всякаго рода... Романъ долженъ быть выше ходячихъ научныхъ и общественныхъ мнѣній. Романъ, это — философія въ образахъ, онъ учитъ чувствовать... Поэтическое наслажденіе подучается отъ весьма разнообразныхъ душевныхъ волненій, которыя возбуждаются въ насъ чтеніемъ поэтическихъ произведеній. Наслажденіе въ данномъ случаѣ заключается въ гармонической смѣнѣ впечатлѣній. Если нѣтъ гармоніи въ этой смѣнѣ, то мы говоримъ, что въ произведеніи отсутствуетъ поэтическая правда и оно или слащаво, или чрезвѣрно сухо. Человѣкъ и затѣмъ природа — вотъ вѣчная тема поэтическихъ произведеній“. Этой теоріи искусства І. І. Яенискій держится и въ своихъ произведеніяхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что І. І. Яенискій пойдетъ далеко впередъ и создастъ что-нибудь сильное, у него для этого есть всѣ данныя — и талантъ, и молодость. Ему теперь всего сорокъ лѣтъ.

Геронимъ Геронимовичъ Яенискій родился въ Харьковѣ 18 апрѣля 1850 года. Его отецъ (въ свое время не безызвѣстный на югѣ адвокатъ) происходилъ изъ польской семьи, предки которой, однако, были русскіе. Мать писателя, Ольга Максимовна Бѣлинская, была малоросіянка, дочь полковника, одного изъ героевъ Бородинской битвы. Она любила поэзію, знала наизусть Лермонтова и подъ ея вліяніемъ Яенискій сталъ сочинять стихи, когда ему было лѣтъ 10—11. Этому помогло еще то обстоятельство, что въ домѣ Яенискихъ бывалъ поэтъ, Иванъ Петровичъ Бороздина, крестившій кого-то изъ дѣтей въ ихъ семьѣ. Грамотѣ Яенискій научился четырехъ лѣтъ отъ роду, а когда ему было 6 лѣтъ, онъ прочелъ множество книгъ изъ библиотеки его отца и главнымъ образомъ медицинскія сочиненія; Ольга Максимовна заставляла его читать религіозныя книги. Все дѣтство нашего романиста протекло на Украинѣ, къ которой онъ и теперь тяготеетъ всей душой, выбирая и сюжеты для своихъ произведеній изъ южно-русской жизни. Воспитанъ онъ былъ въ страхѣ Божіемъ, въ духѣ православной церкви и среднее образование получилъ въ черниговской гимназій, а высшее въ университетѣ Св. Владиміра въ Кіевѣ на естественномъ факультетѣ. Обстоятельства помѣшали ему добиться кандидатскаго диплома, и онъ, выйдя изъ университета, поступилъ на государственную службу, занявъ мѣсто помощника секретаря въ черниговскомъ губернскомъ акцизномъ управленіи. Послѣ этого онъ былъ секретаремъ черниговской губернской земской управы, причѣмъ редактировалъ „Земскій Сборникъ“. Оставивъ скоро и эту службу, онъ всецѣло посвятилъ себя литературѣ. Первые попытки писательства его относятся къ 1870 году, когда онъ помѣтилъ нѣсколько статей и стихотвореній въ „Кіевскомъ Вѣстникѣ“, „Кіевскомъ Телеграфѣ“ и другихъ провинціальныхъ издавіяхъ. Затѣмъ онъ сталъ печатать стихотворенія, повѣсти, очерки и разныя замѣтки въ „Пчелѣ“ (редакція Я. П. Полонскаго), „Кругозорѣ“, „Будильникѣ“, „Развлеченіи“. Въ 1876 году онъ былъ редакторомъ „Кіевскаго Телеграфа“, а по перѣздѣ въ Москву редактировалъ „Газету Гатцука“ и сотрудничалъ въ журналѣ „Природа и Охота“, гдѣ онъ велъ научныя обозрѣнія. Послѣ этого онъ былъ дѣлательнымъ сотрудникомъ „Слова“, по научному отдѣлу, помѣтивъ также и рядъ разсказовъ и повѣстей въ этомъ и въ другихъ ежемѣсячныхъ журналахъ подъ псевдонимомъ Максима Бѣлинскаго. Скоро произведенія, подписанныя этимъ именемъ, обратили на себя вниманіе критики и публики, и І. І. Яенискій, мало-по-малу, сдѣлался весьма популярнымъ и любимымъ беллетристомъ. Произведенія его, весьма многочисленные, стали печататься во всевозможныхъ издавіяхъ и многія изъ нихъ появились въ переводахъ на французскомъ, нѣмецкомъ, чешскомъ, хорватскомъ и другихъ языкахъ. Съ половины 80-хъ годовъ Яенискій началъ пользоваться извѣстностью и какъ поэтъ, и собраніе его стихотвореній выдержало уже три изданія. Что касается его прозаическихъ произведеній, то отдѣльныя изданія ихъ разошлись въ нѣсколькихъ тысячахъ экземпляровъ. Изъ послѣднихъ произведеній І. І. Яенискаго особенное вниманіе обратили на себя романы „Трагикъ“, „Иришархъ Плутарховъ“ и „Свѣтъ ногасъ“.

Петръ Быновъ.

Кладъ.

Романъ І. І. Яенискаго (Максима Бѣлинскаго). Часть І.

І.

Предмѣстье Парфеновка расположено на днѣ оврага, образуемаго двумя горами—Щитовкой и Черепной. Оно состоитъ изъ многихъ неправильныхъ улицъ, застроенныхъ одноэтажными домиками, которые крыты, большею частью, соломою и обшито молодыми вербами. Каждый годъ Парфеновка претерпѣваетъ наводненіе, при чемъ часть ея построекъ разрушается. Съ незамятныхъ временъ она заселена нищими, бѣдными торговками и полуголодными ремесленниками. Впрочемъ, благодаря обилію глины, на которой построена вся Парфеновка, здѣсь процвѣтаетъ гончарный промыселъ и есть нѣсколько кирпичныхъ заводовъ. Дымъ отъ этихъ заводовъ густою черною тучей виситъ надъ предмѣстьемъ, о которомъ въ городѣ сложилась дурная слава: оно гнѣздо всяческихъ эпидемій—тифа, дифтерита, болотной лихорадки и, кромѣ того, парфеновцы слывуть за первыхъ негодяевъ и разбойниковъ.

Въ юль мѣсяцѣ, передъ вечеромъ, вся Парфеновка была взволнована неожиданнымъ событіемъ: по дорогѣ, по которой ночью не рѣшались ѣздить городскіе извозчики, спустилась карета, везомая парой вороныхъ, и, рискуя опрокинуться, покатила по главной отло-

гой улицѣ. Затѣмъ она свернула въ Преображенскій переулокъ, сдѣлала еще нѣсколько поворотовъ и, миновавъ кирпичный заводъ купца Вѣнова, остановилась передъ домомъ печника Михайлыча. Карета была большая, дорожная, съ вензелями и съ золочеными коронами на дверцахъ. Бѣлоголовый мальчишка, игравшій за воротами и одѣтый, соответственно своему нѣжному возрасту, въ одну только рубашку, юркнулъ въ калитку и позвалъ отца, Михайлычъ, сидѣвшій въ саду и приготавливавшій сѣтъ для перепеловъ, ловля которыхъ была его любимой охотой, выскочилъ за ворота и, увидѣвъ карету, вынуть изо рта трубку и на вопросъ изъ кареты: „Ты печникъ?“ вѣжливо произнесъ, приближаясь къ опущенному окну въ дверцѣ:

— Точно такъ, я печныхъ дѣлъ мастеръ.

Онъ увидѣлъ молодого человѣка съ рѣденькою бородой и горбатымъ носомъ, осѣдланымъ большими темными очками.

— Инструменты у тебя есть?

— Какже, все, что полагается въ нашемъ ремеслѣ.

— А ты хорошо кладешь печи?

— Да ужъ будьте благонадежны. Лучше меня вамъ никто не сложитъ.

— Ты можешь разобрать печь и опять сложить?

— Разобрать и сложить, если угодно кирпичную, угодно изразцовую, желѣзную, каминъ, голландскую, амосовскую... Извольте строниться?

Молодой человекъ не отвѣтилъ.

— Хочешь ты заработать сто рублей? Вери инструментъ и сейчасъ поѣдемъ со мною. Говори—согласенъ, нѣтъ? Что-жъ ты молчишь? Я найду другаго печника.

— А куда ѣхать?

— Въ городъ, мой другъ. Утромъ ты вернешься назадъ. Скорѣй!

Михайлычъ почесалъ затылокъ. Отчего не заработать ста рублей? Ему еще никогда не случалось въ такое короткое время заработать такую большую сумму. Но... если бы молодой человекъ не говорилъ такъ картаво и если бы у него былъ поменьше носъ!

Михайлычъ опять почесалъ затылокъ и спросилъ:

— Почему же вамъ понадобилась такая сѣшная работа?

— А, ты разсуждаешь! вскричалъ молодой человекъ.—Я не люблю печныхъ дѣлъ мастеровъ, которые разсуждаютъ. Николай, поѣзжай къ сосѣду. На этой улицѣ мы найдемъ, кого намъ надо.

Михайлычъ почувствовалъ, какъ ревность зашевелилась въ его душѣ. Съ неба валятся деньги. Зачѣмъ ихъ упускать?

— Да нѣтъ, ваше сіятельство, я съ превеликой охотой, началъ онъ, кланаясь.—Лучше меня мастера не найдете. Напрасно только будете ѣздить. А если сомнѣваетесь, не угодно ли будетъ спросить у купца Вѣнова. Онъ вамъ скажетъ, что за десять лѣтъ въ его домѣ не дымилъ ни одна печь моей работы. Дровъ идетъ мало и тепло держится отъ топки до топки. Повремените минутку, я принесу инструментъ.

Незнакомецъ съ длиннымъ носомъ махнулъ рукою и откинулся въ уголъ кареты. Михайлычъ прибѣжалъ въ садъ и наскоро объяснилъ женѣ, куда и зачѣмъ его требуютъ. Она ужъ изъ окна видѣла карету и наблюдала страннаго барина, который показался ей похожимъ на сову. Она торопливо отвѣчала мужу, что сто рублей не шутка и на дорогѣ не валяются, и тутъ же у ней мелькнули въ головѣ разныя хозяйственныя соображенія, которые могутъ быть осуществлены при такомъ неожиданномъ приливѣ денегъ. Михайлычъ взялъ мѣшокъ съ молоткомъ, со скребками, кружаломъ, проволокой и другими принадлежностями печнаго мастерства, надѣлъ свой синій кафтанъ, помолился на образа и вышелъ на улицу.

— Прикажете садиться? На козлы? спросилъ онъ и поставилъ ногу на колесо.

Но молодой человекъ отворилъ дверцу и указалъ ему на мѣсто рядомъ съ собой.

— Садись сюда!

— А мѣшокъ я отдамъ кучеру?

— Нѣтъ, и его сюда. А глина у тебя есть?

— Глина—очень хорошая. Первый сортъ.

— Гдѣ же она?

— Я полагаю, ваше сіятельство, за глиной потомъ сходить.

— О, некогда будетъ ходить. Возьми теперь.

Михайлычу страннымъ показалось везти глину въ каретѣ обитой штофною матеріей. Но онъ повиновался, набралъ во дворѣ глины и вернулся съ нею.

— Все готово?

— Все.

Дверца захлопнулась. Кучеръ тронулъ лошадей, Михайлычъ перекрестился, и карета покатила, но не назадъ, а впередъ и по такимъ кривымъ улицамъ, что можно было удивляться искусству кучера, который ни разу не опрокинулъ экипажа ни на одномъ косогорѣ. Жена Михайлыча, окруженная дѣтьми, стояла за воротами и смотрѣла испѣвъ каретъ, вся дрожа отъ волне-

ня, потому что ей хотѣлось поскорѣе рассказать кумушкамъ и сосѣдкамъ о необыкновенномъ счастьѣ Михайлыча, мастерство котораго начинаютъ цѣнить богачи, ѣздящие въ каретахъ и обладающіе такими длинными носами, какихъ отродясь она не видывала даже у жидовъ.

II.

Михайлычъ не смѣлъ сѣсть въ глубь кареты. Пружинныя подушки дѣлали нечувствительными толчки неровной дороги, и онъ приятно улыбался. Изъ почтенія къ длинноносому молодому человеку, онъ не надѣвалъ картуза и держалъ его у себя на колѣняхъ. Ему хотѣлось бы, чтобы кто-нибудь изъ парфеновцевъ заглянулъ въ карету, узналъ его и обмеръ отъ удивленія. Но незнакомецъ задернулъ синими шелковыми занавѣсками окна, и свѣтъ въ карету проникалъ только изъ двухъ маленькихъ стеколъ, сквозь которыя ничего не было видно, кромѣ спины кучера въ бѣломъ парусиномъ армякѣ. Вопросы вертѣлись на языкѣ печника, но онъ молчалъ, потому что хозяинъ кареты былъ крайне неразговорчивъ. Такъ какъ не на что было смотрѣть, Михайлычъ обратилъ вниманіе на сигару, которую курилъ молодой человекъ, отвернувшись отъ своего сосѣда. Это была длинная темная сигара, украшенная золотомъ надписью и такая благовонная, что у Михайлыча трепетали ноздри отъ удовольствія.

„Воображаю, съ какою печью придется мнѣ возить-ся“, думалъ онъ.

Черезъ нѣкоторое время мысли его приняли другое направление:

„Сколько я ни видѣлъ знатныхъ людей, всегда у нихъ странныя лица. Или онъ толстый, какъ русская печь, или худой, какъ проволока. Одинъ еле передвигаетъ ноги, хоть ему двадцать пять лѣтъ; другой говоритъ сквозь зубы, а вотъ этотъ картавитъ. Бѣлую кость сразу видно. Нашему брату сколько ни дай денегъ—мы хамами останемся. Такого носа не вырастетъ. Нѣтъ, братъ, шалишь, не вырастетъ. Онъ, братъ, можетъ вино какое особенное пить, да и отецъ его пилъ, и дѣдъ, и прадѣдъ. Онъ каждый день соловьиный языкъ ѣстъ“.

Михайлычъ не могъ бы сказать, откуда почерпнулъ онъ свѣдѣніе о соловьиномъ языкѣ и какую связь имѣетъ этотъ маленький кусочекъ жесткаго мяса съ наружностью знатныхъ людей. Тѣмъ не менѣе, онъ былъ глубоко убѣжденъ, что ни самъ онъ, ни его дѣти, ни правнучки никогда не станутъ питаться соловьинымъ языкомъ и сохранять свое хамское обличье до втораго пришествія. Вслѣдствіе этого онъ продолжалъ сидѣть на кончикѣ пружинной подушки и мялъ въ рукахъ свой картузъ.

Карета, должно быть, взбиралась на гору. Михайлыча отбрасывало въ глубину экипажа, но онъ съ упорствомъ вѣжливаго человека удерживалъ прежнее положеніе. Лошади шли шагомъ. Потомъ началась ровная дорога. Прошло, по крайней мѣрѣ, полчаса. Карета мчалась быстро, какъ вагонъ желѣзной дороги. Колеса стучали, и по звуку, издаваемому копытами, было очевидно, что она ѣдетъ по шоссе. Но это не была городская мостовая. Михайлычъ легонько приподнял шелковую занавѣску и заглянулъ въ окно. Онъ увидѣлъ поле, придорожныя березы, и понялъ, что это Курское шоссе.

Но молодой человекъ сдѣлалъ рѣзкое движеніе, плотно задернулъ занавѣску и сказалъ:

— Послушай, печникъ, если ты хочешь заработать не только сто рублей, но и получить на чай еще четвертной билетъ, ты долженъ вести себя, какъ будто бы ты глухъ, слѣпъ и нѣмъ. Понимаешь ли ты, о чемъ я тебѣ говорю?

— Точно такъ, ваше сіятельство, отвѣтилъ печникъ,

Выставка Имп. Акад. Худож. Верховья рѣки Тигра.

Съ картины (исключительное право воспроизведенія приобретено „Нивой“) А. Нившенко рисов. самъ авторъ, fac-simile Ангерера.

хотя онъ не понималъ, о чемъ ему говорить молодой человѣкъ.

— Очень хорошо, если понимаешь. Кажется, ты способный и толковый печникъ. Однако, ты можешь не называть меня вашимъ сѣятельствомъ. Быть-можетъ я не графъ и не князь. Можетъ-быть я баронъ. Можетъ-быть я кто-нибудь повыше. Затѣмъ, я могу быть простымъ купцомъ, или фабрикантомъ, или чиновникомъ. Не выкуришь ли ты эту сигару? Тебѣ скучно, а сигара имѣетъ свойство успокоивать. Лучше будетъ, если ты вообразишь, что я, напримѣръ, *никто* и что я разыскалъ тебя единственно съ цѣлью облагодѣтельствовать. Когда у человѣка много денегъ, у него является по временамъ желаніе подѣлиться съ ближними. Отъ нечего дѣлать богатые люди устраиваютъ благотворительныя общества, узнаютъ адреса бѣдняковъ, посѣщаютъ ихъ и оставляютъ по себѣ добрую память въ ихъ благодарныхъ сердцахъ. Одинъ миллионеръ каждый день давалъ заработокъ землекопамъ, заставляя ихъ сегодня рыть яму, а завтра засыпать ее. Такая же точно фантазія пришла, можетъ, и мнѣ. Мнѣ сказали, что ты добродѣтельный мастерской, и я рѣшилъ отъ времени до времени занимать тебя выгодными порученіями въ родѣ того, о которомъ ты уже знаешь. Но, какъ великій благодѣтель, я скромецъ и даже стыдливъ. Я не хочу, чтобы ты зналъ, кто я и гдѣ та печь, которая тебя обогатитъ. Позволь, мой другъ, завязать тебѣ глаза этимъ платкомъ. Повѣрь, онъ нисколько не помѣшаетъ тебѣ докурить сигару, а окурокъ спрятать въ карманъ и показать женѣ.

— Позвольте, зачѣмъ же завязывать? спросилъ печникъ, увидѣвъ въ рукахъ молодаго человѣка шелковый платокъ, который онъ досталъ изъ бокового кармана кареты.

— Ты опять разсуждаешь, насмѣшливо произнесъ молодой человѣкъ.—Я не сомнѣваюсь въ твоёмъ здравомъ смыслѣ, но почему же ты сомнѣваешься въ моемъ? Изъ всего, что я тебѣ сказалъ, ясно, почему я не желаю, чтобы ты былъ зрячимъ. Я бы съ удовольствіемъ закупорилъ тебѣ еще уши. Но если ты полагаешь это лишнимъ, я попрошу тебя сейчасъ же выйти изъ кареты.

Онъ былъ убѣжденъ, впрочемъ, что печныхъ дѣлъ мастеръ Михайлычъ не пожелаетъ выйти изъ кареты. Не ожидая, пока онъ отвѣтитъ, молодой человѣкъ быстро и искусно завязалъ ему глаза и что-то на невѣдомомъ Михайлычу языкѣ прокричалъ кучеру. Карета повернула направо, потомъ налево. Началась опять проселочная дорога. Михайлычъ сидѣлъ съ завязанными глазами, и къ его представленію о спатныхъ людяхъ прибавилась новая черта.

„Все молчалъ, а заговорилъ, какъ по писанному. Хочетъ пошутить, пускай его балуется. Онъ думаетъ, что я не понимаю, а я очень хорошо вижу, что онъ издѣвается надо мной. Меня не проведешь. Ты только денежки подай“.

Но неизвѣстность, куда его везутъ, невольно тяготила Михайлыча. Ему тѣмъ болѣе становилось не по себѣ, что дорога была слишкомъ продолжительна. До города всего ѣзды четверть часа, а они ужъ ѣдутъ добрый часъ.

„Пожалуй, тутъ не безъ штуки“, рѣшилъ Михайлычъ. Сигара его потухла, онъ пальцемъ считилъ пепель и, въ самомъ дѣлѣ, спряталъ ее въ карманъ. Еще прошло нѣсколько минутъ. Михайлычъ вздохнулъ.

— Сейчасъ приѣдемъ, успокоилъ его молодой человѣкъ.

Раздался грохотъ мостовой, шумъ экипажей и говоръ голосовъ. Но еще долго катилась карета по улицамъ города. Михайлычу показалось, что его привезли на какой-то дворъ, который не былъ мощенъ. Карета оста-

новилась. Молодой человѣкъ взялъ Михайлыча за обѣ руки, толкнулъ дверцу и повелъ его по песчаной дорожкѣ мимо цвѣтниковъ, которые струили запахъ резеды. У Михайлыча забилось сердце.

— Инструментъ остался въ каретѣ и глина, началъ онъ.

— Не твое дѣло. Принесутъ.

Въ голосѣ, какимъ были сказаны эти слова, чувствовалось утомленіе и злость.

— Ступай тверже, произнесъ голосъ.—Ступеньки. Не бойся. Площадка. Три ступеньки. Направо и прямо!

Шаги глухо отдавались въ коридорѣ. Потомъ Михайлычъ почувствовалъ подъ ногами мягкій коверъ и прошелъ рядъ комнатъ, цѣпляясь головой за бахрому портьеръ.

— Можешь снять повязку, проговорилъ молодой человѣкъ и заперъ за собой дверь на ключъ.

III.

Михайлычъ осмотрѣлся. Онъ увидѣлъ высокую комнату, освѣщенную лампой подъ широкимъ абажуромъ. Съ тѣхъ поръ, какъ его увезли изъ Парфеновки, успѣло стемнѣть. А можетъ быть тяжелая, непроницаемая для свѣта драпировка, плотно закрывавшая окно, мѣшала проникнуть въ комнату послѣднимъ лучамъ вечерней зари. Въ углу возвышалась большая изразцовая печь съ зубчатымъ карнизомъ. „Хорошо сложена“, подумалъ Михайлычъ. „Должно быть, пѣмецъ клалъ. Намъ такъ не сдѣлать“.

Кашлянувъ, онъ подошелъ къ печкѣ и мостучалъ по ней согнутымъ пальцемъ съ видомъ знатока.

Въ комнатѣ мебели было мало. Стоялъ только турецкій кожаный диванъ и противъ него у стѣны книжный шкафъ рѣзнаго темнаго дуба.

— Вотъ эту печь, сказалъ незнакомецъ.

Печникъ пожалъ плечами и улыбнулся.

— Хорошая работа, произнесъ онъ.

— Надо вынуть два ряда изразцовъ, началъ молодой человѣкъ.— Или, можетъ быть, три. Лучше всего, конечно, сверху—такъ, чтобы образовалась полость. Я туда кое-что положу. Ничего особеннаго: кладъ для моихъ внуковъ.

Глаза Михайлыча засмѣялись.

— Это можно, сказалъ онъ.

Маленькая дверь въ стѣнѣ, которую сразу трудно было замѣтить, потому что она была оклеена обоями, отворилась, и кучеръ (не въ армякѣ, а ужъ въ пиджакѣ, и скорѣе баринъ, чѣмъ кучеръ) внесъ въ комнату мѣшокъ съ глиной и съ инструментомъ Михайлыча.

— Лѣсенку, промолвилъ длинноносый баринъ.

Странный кучеръ скрылся и скоро вернулся со складною лѣсенкой. Михайлычъ потребовалъ воды, и на этотъ разъ самъ баринъ принесъ два ведра съ водой.

— Во сколько времени ты разберешь? спросилъ онъ Михайлыча.

— Сломать недолго, сказалъ Михайлычъ, поглядывая на печь.

— Я тебя оставляю одного и черезъ два часа изразцы должны быть вынуты. Нельзя терять времени.

Князь, баронъ или, какъ онъ отрекомендовался Михайлычу, *никто* удалился изъ комнаты. Замокъ щельнулъ два раза, и Михайлычъ не безъ страха обвелъ глазами высокую комнату, за стѣнами которой послышалась бѣглая рѣчь все на томъ-же невѣдомомъ языкѣ; очевидно, баринъ бесѣдовалъ съ кучеромъ, который какъ будто горячился. Михайлычъ прислушался и ничего не понялъ. Разговоръ вдругъ оборвался.

— Вотъ поди-жь ты, началъ Михайлычъ разсуждать самъ съ собой, но на этомъ разсужденіи остановился. Онъ потрогалъ скобу, полюбовался на ея чеканку, приблизился къ потайной двери, потолкалъ ее, убѣдился, что

она тоже заперта, и подошелъ къ занавѣшенному окну. Онъ приподнялъ драпировку: окно снаружи было забито досками и такъ плотно, что онъ не могъ найти ни одной щели.

Михайлычъ покачалъ головой и повторилъ:

„Нѣтъ, тутъ не безъ штуки. Кладь! Что же другое, какъ не кладь? Все же мнѣ въ первый разъ приходится слышать про кладь въ печкѣ“.

На столѣ, на которомъ горѣла лампа, лежали свѣчки и стояла стеариновая свѣча въ бронзовомъ подсвѣчникѣ. Михайлычъ зажегъ свѣчу, вынулъ ее изъ подсвѣчника и, разставивъ лѣсенку, взобрался съ молоткомъ въ другой рукѣ до самаго верха печки. Онъ долго выстукивалъ ее, и ему было жаль разрушать такое прекрасное произведеніе печнаго мастерства.

Наконецъ, онъ выщербнулъ изразецъ изъ карниза и, какъ только обезобразилъ печь, молотокъ его быстро застучалъ по другимъ изразцамъ. Цементъ, связывавшій изразцы, легко распадался. Куча ихъ лежала черезъ часъ на полу. Комната наполнилась пылью. Михайлычъ до половины влѣзъ въ отверстіе, сдѣланное имъ въ печкѣ, и со свѣчей въ рукѣ сталъ, посвистывая, осматривать ея внутренность.

— Ну, что? спросилъ рѣзкій голосъ позади его.

Михайлычъ вздрогнулъ и обернулся.

— Готово, ваше баронство!

— Пріятно имѣть дѣло съ расторопнымъ печникомъ, произнесъ молодой человѣкъ и, побрячавъ связкой ключей, отперъ книжный шкафъ.

Онъ сдѣлалъ это, впрочемъ, не сразу—ключъ цѣлкомъ время не попадалъ въ отверстіе. Наконецъ, баринъ нагнулся, раздвинулъ книги и досталъ изъ-за нихъ свертокъ. Держа его на рукахъ, онъ торопливо подошелъ къ дивану и почти бросилъ ношу. Пружины зазвенѣли, свертокъ слегка подпрыгнулъ на диванѣ.

— Послушай, любезный, началъ молодой человѣкъ, переводя духъ, — вотъ кладь, о которомъ я говорилъ. Но ты сходи съ лѣстницы. Я хочу самъ положить.

Михайлычъ спустился на полъ и бросилъ взглядъ на свертокъ.

Кладь былъ продолговатый, зашитъ въ парусину, нѣсколько разъ обмотанъ веревкой и осмоленъ.

Смола прилипла къ рукамъ молодаго человѣка, и онъ считалъ ее съ своихъ ладоней носовымъ платкомъ.

— Не будетъ ли тяжело для вашей милости? услужливо спросилъ Михайлычъ.

— Нѣтъ.

— Я полагаю такъ, что пудовъ пять? осторожно возразилъ Михайлычъ. И еще осторожно спросилъ:— Серебро-съ? Или, обыкновенно, золото?

— Бумажки, мой другъ, бумажки! съ какою-то веселой злостью сказалъ баринъ, и взялъ опять свертокъ.— Я настолько силенъ, что справлюсь съ какой угодно тяжестью. Надѣюсь, ты будешь имѣть уваженіе къ моей силѣ.

Онъ сталъ взбираться со сверткомъ по складной лѣсенкѣ. Михайлычъ внизу придерживалъ ее. Фигура молодаго человѣка отражалась вмѣстѣ съ фигурой свертка на стѣнѣ въ видѣ черной колеблющейся тѣни, напоминавшей собою старуху съ ребенкомъ на рукахъ. Странное сходство это бросилось въ глаза Михайлычу, и легкая дрожь пробѣжала по его спинѣ.

Остановившись передъ послѣдней ступенькой, молодой человѣкъ сталъ воевывать свертокъ въ отверстіе. Михайлычъ, какъ очарованный, смотрѣлъ вверхъ, и ротъ его былъ раскрытъ.

— Лѣвѣ! шепнулъ Михайлычъ:—провалится.

Обливаясь потомъ, выполнилъ свою задачу незнакомецъ. Онъ уложилъ свертокъ, который пришлось немного согнуть.

— Теперь ты можешь приступить ко второй поло-

винѣ твоей работы, сказалъ молодой человѣкъ, отряхая руки и сыгивая съ лѣсенки.

— Глиной развѣ не прикажете залить? опять шепотомъ произнесъ Михайлычъ.

— Залей глиной! приказалъ молодой человѣкъ.

Но теперь онъ не выходилъ изъ комнаты. Сѣвъ на подоконникѣ, онъ наблюдалъ за Михайлычемъ и за каждымъ его движеніемъ. Онъ съ любознательностью смотрѣлъ, какъ Михайлычъ бросаетъ глину въ отверстіе и лѣпитъ изразцы, нанизывая ихъ на проволоку. Онъ самъ поднимался по другой половинѣ лѣстницы и свѣтилъ Михайлычу. Иногда растерянный взглядъ Михайлыча, неожиданно устремленный на него, заставлялъ его отворачиваться. Два часа, по крайней мѣрѣ, не покидалъ онъ усерднаго печника, не обращая вниманія на пыль, густымъ слоемъ ложившуюся на его платье. На его блѣдномъ, худомъ лицѣ блестѣли темныя стекла очковъ, и лобъ прорѣзывала глубокая морщина.

Когда Михайлычъ влѣзилъ послѣдній изразецъ, возстановивъ въ прежней красѣ карнизъ и мокрой тряпкой смывъ съ печки слѣды глины, молодой человѣкъ сказалъ:

— Ты мастеръ своего дѣла! Мастеръ! Профессоръ печнаго искусства!

Онъ досталъ изъ бумажника пачку денегъ. Михайлычъ, не вѣря своимъ глазамъ, смотрѣлъ на пачку. Онъ улыбнулся и сталъ застѣнчиво размахивать рукой. Молодой человѣкъ подаль ему условленную сумму и половину прибавилъ на чай.

Михайлычъ низко поклонился, поспѣшно собралъ свой инструментъ и остановился у порога.

— Любезный другъ, сказалъ баринъ,—а не выпьешь-ли ты на дорогу и не закусишь-ли? Теперь два часа, третій. Ты усталъ.

Онъ взялъ Михайлыча за руку и, толкнувъ маленькую дверцу, ввелъ въ тускло освѣщенную комнату, гдѣ была приготовлена закуска. Онъ налилъ рюмку Михайлычу и себѣ, чокнулся съ нимъ, и Михайлычъ залпомъ опорожнилъ рюмку. За первой рюмкой послѣдовала вторая, потомъ третья, и Михайлычъ совсѣмъ на-веселѣ разстался со страннымъ длинноносымъ господиномъ.

„Душевный, однако, господинъ“, думалъ онъ о немъ, поглядывая на водку.

Когда Михайлычъ собрался въ путь, ему опять завязали глаза. Въ началѣ дороги Михайлычъ заснулъ, а когда очнулся, то увидѣлъ себя лежащимъ у воротъ своего дома. Свѣтало.

Сперва ему показалось, что все видѣнное имъ—сонъ. Онъ ощупалъ карманъ: деньги лежали тамъ все, съчетомъ сто-пятьдесятъ рублей. На скамейкѣ—его инструментъ въ мѣшкѣ. Онъ перекрестился на востокъ и постучалъ въ калитку. Ученикъ отворилъ ему. Михайлычъ вошелъ въ комнату, гдѣ на высокой постели спала его жена.

— Дмитріевна, а Дмитріевна! сталъ онъ ее будить.

Она открыла глаза.

— Что-жъ такъ скоро вернулся, Михайлычъ?

— Зачѣмъ мѣшкать? отвѣчалъ Михайлычъ.—Деньги, смотри сколько!

Дмитріевна вскочила съ постели и поцѣловала мужа.

— Ну, Дмитріевна, да и натерѣлся я страховъ! началъ Михайлычъ.—Посадили меня въ карету, везутъ, глаза завязали, словно казнить собираются. Баринъ съ длиннымъ носомъ сигарой попотчивалъ. Пріѣзжаемъ, гляжу, комната—вотъ какая, какъ церковный придѣлъ! Сейчасъ говорятъ мнѣ: можешь ты эту печь сложить и разобрать не въ три минуты, а такъ примѣрно, къ свѣту. Конечно, посмотрѣлъ я,—печь огромная. Сейчасъ давай молоткомъ стучать. Изразцы богатѣйшіе. Нѣмецкая работа! Приходитъ баринъ и говоритъ: будемъ прятать кладь.

— Кладь, Михайлычъ? вскричала Дмитріевна, прижимаясь къ мужу.

— Да ужь я тебѣ говорю! продолжалъ Михайлычъ.— Засмоленъ, какъ шампанская бутылка. Вотъ, примѣрно, такой величины, какъ нашъ Митька. Посрединѣ толще, а къ концамъ поуже. Баринъ взялъ и вдвинулъ кладь въ дыру. Потомъ я изразцами заложилъ и печь опять стала, какъ была. Самъ нѣмецъ не узнаеть, что я трогалъ.

— Ахъ, Михайлычъ, что-же въ немъ внутри?

— А Господь его вѣдаетъ, что въ немъ внутри! Баринъ строгій — глазъ съ меня не спускалъ. Но я ткнулъ, вижу, что, однако, мягкое. Ты только помалкивай, Дмитріевна.

— А сколько въ немъ денегъ?

— Сколько денегъ? Чтò, мнѣ — говорили? Онъ объ этомъ, душа моя, очень даже молчалъ. Ну, можетъ, миллионъ. Разныя деньги бываютъ, Дмитріевна. Бумажныя!

— Скажи мнѣ, Михайлычъ, ты умный человекъ, — какія это бумажки, которыя въ печкѣ не горять?

— Прошу тебя, Дмитріевна, помалкивай. Я первый печной мастеръ на Парфеновкѣ. Помалкивай, Дмитріевна.

— Чего-же молчать? возразила она. — Тебѣ заплачено. Шутка сказать, полтора ста рублей! Туда и назадъ возили тебя, завязавши глаза. Ты развѣ знаешь, гдѣ и кто? Ты развѣ землю бѣлъ, чтобы молчать?

— Дмитріевна, земли я не бѣлъ, началъ Михайлычъ, садясь на кровать и снимая съ себя сапоги. — Но большія неприятели могутъ произойти, если ты начнешь болтать. Правду сказать, Дмитріевна, я не знаю, чтò такое въ этомъ кладѣ.

— Тебѣ, Михайлычъ, надо было-бы сказать: аминь, аминь, разсыпья!

— Баба съ глупостью! сердито замѣтилъ Михайлычъ. — Онъ у меня въ самомъ затылкѣ сидѣлъ. Я сталь-бы молитву читать: разсыпья, разсыпья, а онъ

меня носомъ долбонуть-бы въ банку. Разсыпья! Онъ вѣдь тоже средство знаетъ.

Михайлычъ легъ и началъ:

— А вотъ объясни, Дмитріевна, какимъ манеромъ я у себя подъ воротами проснулся? Въ каретѣ меня везли, а все чудно, братъ.

— Винцомъ отъ тебя пахиваетъ, Михайлычъ.

— Выпилъ-то я, выпилъ. Да нечто такъ пьютъ? На меня сонъ былъ наведенъ, таинственно заключилъ Михайлычъ.

Дмитріевна стала приставать къ нему съ новыми разспросами.

— Какъ-же сонъ-то наводятъ, Михайлычъ?

— Брысь! Молчи! закричалъ печникъ.

Жена его испугалась и смолкла.

— Качается.

— Что такое, Михайлычъ?

— Что? Смотри!

Онъ взялъ себя за носъ, рванулъ его вверхъ и потомъ внизъ.

— Носъ качается. Носъ у него, Дмитріевна, качается, ей Богу! Носъ качается, вотъ что...

— Съ ума ты сошелъ, Михайлычъ!

— Право слово. Онъ какъ пилъ со мной водку, закинулъ голову и тутъ я увидѣлъ, что носъ, должно быть, не его. Носъ, можно сказать, совсѣмъ не человѣческій. Такъ-то, Дмитріевна! Почему качается? А?

Съ этими словами Михайлычъ уронилъ на подушку отяжелѣвшую голову, покачалъ ею направо и налево, и захрапѣлъ.

Солнце вошло надъ Парфеновкой и мало-по-малу разсѣяло утренній туманъ. Торговки съ корзинами стали выходить на базаръ. Потянулись возы съ гончарными издѣліями. Парфеновка проснулась. Покинула свое ложе Дмитріевна, предалась хозяйственнымъ хлопотамъ, созвала и накормила цыплятъ, выдоила коровъ и приготовила завтракъ для своихъ ребятшекъ. Михайлычъ все еще почивалъ.

(Продолженіе будетъ).

Сестра милосердія.

Разсказъ Н. Л. Ярославской.

Не случалось-ли вамъ въ старомъ, запущенномъ, одичаломъ саду найти гдѣ-нибудь въ уголку заросшей прудочекъ? Не правда-ли, какъ тихо и таинственно подъ густымъ зеленымъ сводомъ перенатаившихся между собой кустовъ? Прудокъ полонъ по самымъ края чистой прозрачной водою, но неба онъ не отражаетъ, ему не видать неба, ему не видать ничего изъ наружнаго міра, даже свѣтъ не проходитъ сквозъ разросшіеся кусты: бузина, черемуха, калина, жимолость, ветлы образовали сводъ надъ водою и непроницаемыя стѣны кругомъ, и отражается только этотъ зеленый сводъ въ маленькомъ двухъ-саженномъ прудкѣ. Здѣсь идетъ своя особая внутренняя жизнь, никому не нужная, неизвѣтная и не нуждающаяся ни въ комъ. Какъ-бы ни была сильна буря снаружи. — до того тихаго уголка она дойти не можетъ, развѣ только чуть-чуть пробѣжитъ легкая рѣчь по гладкой темной поверхности воды. Въ засуху прудокъ не высыхаетъ: у него на самой глубинѣ есть свой ключъ.

Я вспомнила о такомъ прудокѣ, случайно найденномъ мною въ одномъ запущенномъ саду, всматриваясь однажды вечеромъ въ лицо сестры милосердія, ходившей за мною во время болѣзни. Такъ точно, казалось мнѣ, и въ ея душѣ таится что-то вѣчно живое, какъ ключъ въ прудокѣ, но давно снаружи заросшее, заглохшее, никому неизвѣтное, и отражаетъ ея душа свой собственный внутренній міръ воспоминаній. Снаружи — подобіе жизни, а внутри что-то особое, чуждое для всѣхъ и никому неизвѣстное.

Сестра сидѣла у столика, на которомъ горѣла лампа подъ зеленымъ колпакомъ, и визала, прилежно всматриваясь въ свою работу. Къ ея кроткому, блѣдному лицу такъ хорошо шла скромная бѣлая косынка, завязанная подъ подбородкомъ и заложенная за уши. Черты были неправильны, но производили впечатлѣніе общаго созвучія; ротъ сестры былъ выразительный, очень женственный, безконечно терпѣливый и кроткій; глаза сѣрые, серьезные, почти строгіе, но выраженіе рта смягчало впечатлѣніе взгляда. На лбу, между глазъ лежали глубокія складки, — тѣ складки, въ особенноти одну изъ нихъ, немного вкось надъ лѣвой бровью, могло врѣзать только глубокое, долгое страданіе души.

Я лежала, подперши голову рукой, и вглядывалась въ это лицо, которое такъ стало мнѣ знакомо за эти три послѣднія недѣли; ночь и день, кроткое, блѣдное, оно наклонялось надо мной при малѣйшемъ моемъ движеніи, все съ тою же неизмѣнною любовью и вниманіемъ во взглядѣ, какъ мать наклоняется надъ больнымъ ребенкомъ. Во время тяжелыхъ страданій, во время бессонныхъ ночей и бреда я ощущала на себѣ успокоительное вліяніе этого неутомимаго ухода, полного любви и самоотверженія; но только теперь, когда я стала поправляться, рассмотрѣла я внимательно лицо сестры. Мнѣ захотѣлось, какъ тамъ надъ прудомъ, осторожно раздвинуть густыя вѣтки, зайти въ самую глубину таинственнаго уголка и посмотрѣть, чтò отражаетъ эта спокойная, чистая поверхность. Сестра подняла голову и взглянула на меня.

— Вы не спите? спросила она меня, своимъ пріятнымъ, тихимъ голосомъ.

— Нѣтъ, не сплю.

— Отчего?

— Не хочется.

— Болитъ что-нибудь?

— Нѣтъ, мнѣ хорошо.

Она встала и своею большою, но красивою, свѣжею рукой дотронулась до моего лба и головы.

— Что-жъ это вы не спите? спросила она опять.

— Не спите, сестрица, я все на васъ смотрѣла.

— Что-жъ на меня смотрѣть! Я думаю, ужь вы меня до капельки знаете.

— Нѣтъ, васъ знать нельзя.

— Какъ это нельзя? удивилась она.

— Да такъ нельзя. Наружность вашу я точно знаю, да именно по наружности-то и вижу, что въ вашей душѣ многое мнѣ неизвѣстно.

Мнѣ показалось, что она вздрогнула и необычно рѣзко сказала:

— Ну, будетъ разговаривать, скоро полночь; я вамъ дамъ сейчасъ лекарство, спите, и я лягу.

Мои силы быстро возвращались. Я могла сидѣть въ креслѣ, и у насъ съ сестрой каждый день завязывались безконеч-

Выставка Имп. Анад. Худож. Подходъ къ медвѣжьей берлогѣ.

Съ картины (исключит. право воспроизведенія приобретено „Нивой“) А. Кившенко, рис. самъ авторъ, fac-simile Ангерера.
Библиотека "Руниверс"

ные разговоры, — о себѣ, однако, она никогда ничего не сообщала. Разъ только рѣчь зашла о частыхъ самоубійствахъ, рассказы о которыхъ наполняютъ столбцы газетъ. Сестра ожилилась.

— Да, руки-то на себя наложить можно и скоро, сказала она, — да какой за это отвѣтъ дашь! Какъ бы ни на есть, лучше помучиться на землѣ, — время придетъ — Господь самъ прекратитъ, — а глядишь, все же кое-кому и пригодится на свѣтѣ.

Я еще не видала такого живаго румянца на щекахъ ея; видно было, что разговоръ нашъ задѣлъ за живое особенно чувствительную струну въ ней.

— Ни съ кѣмъ я изъ своихъ больныхъ не говорила, какъ съ вами говорю, сказала она, — мнѣ самой странно! Отчего это? Вы мнѣ точно родная стали, даже подумать скучно ухватить отъ васъ.

— Ну и не убажайте, сестрица.

— Какъ можно! испугалась она, — а больныс-то? Вѣдь у меня дѣла-то много!

— И я къ вамъ прыкнула, сказала я, — тоже какъ къ родной, только все же очень мало про васъ знаю.

— Да, я человѣкъ скрытный, возразила сестра, улыбувшись своею кроткой грустной улыбкой; — а все-таки, при бавила она, — вамъ бы я, кажется, всю свою душу открыла...

— Такъ откройте-же, сестрица!

Она вся вслыхнула и встала.

— Можетъ-быть и расскажу все, сказала она, убирая свою работу; я видѣла, что руки у ней дрожали.

Она накинула шерстяную шаль на голову и вышла. Я видѣла въ окно, какъ она прошла по дорожкѣ въ садъ. День былъ пасмурный, осенній, моросило; листья въ деревьяхъ уже не было, они всѣ опали и покрывали дорожку желтымъ, скользкимъ ковромъ; гдѣ лѣтомъ было такъ густо и тѣнисто — теперь все обнажилось и вездѣ сквозило. Я долго смотрѣла, какъ сестра Марія ходила взадъ и впередъ по прямой аллеѣ въ саду; лица ея мнѣ не было видно, кажется, она ни разу не подняла головы; она ходила скорымъ, ровнымъ шагомъ, вѣроятно, не сознавая, когда поворачивала назадъ въ концѣ аллеи, не замѣчая холодной изморози, не чувствуя мокрыхъ листьевъ подъ ногами. Стало смеркаться; въ домѣ уже были зажжены лампы, когда сестра вернулась въ комнату, вся мокрая и холодная. Лицо ея было блѣднѣе обыкновеннаго, подъ глазами обозначались темные круги, она какъ будто стала старше. Очевидно, въ эти два часа, она пережила вновь все свое прошлое, вынесла какую-то борьбу. Глядя на нее, я упрекала себя въ томъ, что настойчиво просила ее рассказать мнѣ свою жизнь; Богъ знаетъ, не жестоко-ли было растревать въ ней какую-то рану, которую время могло затянуть, какъ затягиваетъ все на свѣтѣ. Мы въ тотъ вечеръ почти не разговаривали и очень рано обѣ улеглись спать, но я долго слышала, что сестра ворочалась въ постели. На другой день, мы по обыкновенію сидѣли вдвоемъ съ сестрой Маріей и обѣ работали, но молчаніе наше въ этотъ день прѣрѣдка только было прерываемо двумя-тремя словами.

— Которое сегодня число? спросила я, чтобы только сказать что-нибудь.

— Двадцать шестое сентября, отвѣтила сестра и прибавила: — сегодня пятнадцать лѣтъ, какъ я поступила въ общину.

Она, какъ будто вдругъ рѣшившись, сказала:

— Я вамъ расскажу свою жизнь... Тяжело! я все съ силами собиралась, не могла.

— А можетъ быть лучше вовсе не рассказывать? сказала я.

— Нѣтъ, давить очень что-то... Скажу, не лучше-ли будетъ! Откладывать не хочу, хватать надо.

— Вамъ бы надо еще пожить, отдохнуть, сказала я, — вы не очень-то богатыремъ смотрите.

— Что! я-то! она махнула рукой. — Я здорова, я всегда здорова, какъ-то горько прибавила она, и тотчасъ же начала, какъ будто боясь опять не быть въ силахъ исполнить свое намѣреніе. — Ну, расскажу я просто, вы извините меня, я вѣдь совсѣмъ неученая, изъ простыхъ, деревенская; въ общинѣ только выучилась, около больныхъ, что нужно, и медицинскія выраженія, а образованія все-же не имѣю никакого. Мой отецъ былъ изъ дворовыхъ людей, только давно получилъ отпусковую, даже еще дѣдушка мой вышелъ на волю и принеся въ купечество московское. У отца лавка была въ нашемъ мѣстѣ, отъ Москвы сорокъ верстъ по большой дорогѣ. Онъ торговалъ всякимъ товаромъ, что мужикамъ нужно: и веревками, и дегтемъ, и табакомъ, и баранками, и чаемъ, и посудой, и красивымъ товаромъ, ну, извѣстно, какъ въ деревняхъ обыкновенно. Онъ по нашему мѣсту первый торговецъ былъ; противъ него никто ничего сдѣлать не могъ: и кунитъ сходили, и товаръ первостатейный, и самъ онъ былъ для покупателей человѣкъ обходительный, справедливый; мужики имѣли къ нему большое уваженіе. Онъ себя съ ними держалъ хотъ и просто, а все не какъ свой братъ, — да изъ себя такой былъ солидный, здоровый, красивый мужчина, говорить нечего, и свѣжій, даромъ что шестьдесятъ лѣтъ исполнилось; бороду носилъ окладистую, ходилъ всегда одѣтый прилично, хотъ бы и не по нашему мѣсту, въ любомъ городѣ купцомъ могъ назваться. Мать моя, царство ей небесное, давно померла; моему меньшому брату въ то время еще восьми лѣтъ не было, а я такъ

просто дѣвочка была лѣтъ пяти, едва ее помню, чуть-чуть. Насъ всѣхъ у отца четверо осталось послѣ нея, три сына, а дочь я одна. Старшіе братья, оба, тоже по торговой части были. Одного тятенька въ Москвѣ опредѣлили въ большомъ магазинѣ учиться, а онъ тамъ сжился и въ деревню не ѣдетъ, такъ и остался въ чайномъ магазинѣ приказчикомъ, хорошее мѣсто имѣлъ, только его потомъ хозяинъ перевелъ въ Нижній; онъ тамъ и женился и сейчасъ все въ Нижнемъ. Второму отцу въ нашемъ мѣстѣ лавку выстроилъ, красивымъ товаромъ онъ торговалъ, въ нашемъ мѣстѣ и женили его, только онъ четыре года пожилъ и померъ; жена осталась, двое дѣтей, торгуетъ послѣ него, ничего — справляется. Остались мы у отца двое, я да братъ — Сережа. Во мнѣ отецъ души не чаялъ, какъ я у него одна дочь была; ужъ онъ меня одѣвалъ, рядилъ какъ куклу, и покупалъ все, все, чего-бы я только ни захотѣла. Бывало поѣдетъ въ Москву и навезетъ мнѣ откуда гостинцевъ всякихъ, и конфетъ, и платевъ, и платковъ, чего-чего не привезетъ! А мнѣ, конечно, любо, глупа была еще, молода, тѣшитъ меня каждая бездѣлица. Отецъ у насъ, надо вамъ сказать, въ домѣ строгій былъ; всѣ передъ нимъ дрожкой дрожали; я одна его не боялась. Говорилъ онъ мало, все бывало молчитъ больше и не глядитъ ни на кого. Придетъ изъ лавки — молчитъ, а мы его ждемъ обѣдать, станеть передъ иконами, долго-долго молится, и мы стоимъ, ждемъ, потомъ ужъ распояшется, сядетъ, и мы садимся; за столомъ, бывало помилуй Богъ кому заговорить, а ужъ смѣяться и подумать нельзя! Все у насъ велось по старинному. Какъ взглянетъ тятенька, да скажетъ: „Что ты?“ скажетъ — „дьявола, что-ль, тѣшитъ хочешь за столомъ-то?“ — у того душа въ пятки уйдетъ. Кричать онъ не кричалъ, а тѣмъ больше страху было отъ этого отъ молчанія его; если рассердится, сдвинетъ брови, да большою онъ такой, здоровый, какъ скажетъ: „Ну, ну!“ скажетъ, „смотри у меня!“ Страсть какъ испугаетъ! А что „смотри!“ — никто отъ него ничего такого не видалъ никогда. У насъ въ домѣ жила тетка моя, матери покойной сестра родная, Настасья Маркеловна, и при ней дочь ея, богатая Поля, Пелагея. Тетка у насъ хозяйство вела, — безъ этого нельзя, я еще молода была, безъ хозяйки невозможно; а не любилъ тятенька эту Настасью Маркеловну — страсть какъ, а Полю горбатую-то еще лучше не любилъ, — да какъ быть безъ нихъ? нельзя! Чужую пугать — расагачить все. Мнѣ кажется, изъ-за тетки тятенька на себя суровость напускалъ; знай, молъ, свое мѣсто! И во всемъ, во всякой бездѣлицѣ онъ хозяйномъ былъ; даже что говорить — и то безъ его приказанія ничего не готовили; предъ праздникомъ, все, бывало, до мелочи самъ прикажетъ. Во всемъ домѣ я одна его не боялась: и говорить, и пѣсни пѣть, и смѣяться — все могла. Мнѣ ничего, слова не скажетъ, еще взглянетъ на меня, улыбнется, по головѣ меня поглядитъ, а чуть если Поля что — онъ на нее крикнетъ, такъ та и уйдетъ въ кухню къ себѣ за перегородку, а тетка молчитъ да зится; за это, за самое, не возлюбилъ меня тетка, просто ненавидеть ненавидала дѣла меня; а сама, какъ привязанная — куда ей идти? некуда, да у зятя домъ полная чаша, онъ обѣ и теплы и сыты, ни въ чемъ ей отказу нѣтъ, да и хозяйка все-же она въ домѣ; а въ чужихъ людяхъ кто ее съ горбатою дочерью возьметъ?

„Надо вамъ сказать, село у насъ большое, богатое село, стоитъ на самомъ шоссе, и мѣсто бойкое, торговое мѣсто. Мужики, когда сѣно-ли, хлѣбъ-ли, товаръ-ли какой везутъ въ Москву, изъ Москвы-ли — все въ нашемъ мѣстѣ пристають, трагирить было много, кабаковъ того больше, лавки тоже были, кромѣ нашей еще три, только наша противъ другихъ совсѣмъ особенная была, на самомъ перекресткѣ стояла, да и торговля въ ней велась чистая и бойкая, все равно какъ въ городѣ; другія лавочки хотъ и торговали, а совсѣмъ плохо. Моему отцу ото-всѣхъ почетъ былъ большой, не ползалъ онъ ни передъ кѣмъ, не кланялся, а даже начальство его любило, и становой пристава бывало заѣдетъ, даже исправникъ — и тотъ одинъ разъ заѣхалъ, гостинцу дѣтямъ своимъ ваялъ. Противъ насъ, на шоссе чрезъ шоссе, тоже лавочку держалъ купецъ одинъ — Силаевъ — фамилія, Денисъ Осиповичъ; только тотъ больше мукой торговалъ, крупами тоже и печенымъ хлѣбомъ. Два у него сына было: Алексѣй, старшій, да Василій. Алексѣй этотъ при отцѣ находился, а Василій въ солдаты отдалъ, т. е. жребій ему выпалъ, я это мало и помню, даромъ что мнѣ ужъ семнадцатый годъ пошелъ, да какъ-то меня эти самые Силаевы не занимали въ то время; я съ подружками гуляла все больше, къ намъ еще и не подходилъ никто изъ молодыхъ мужчинъ, а у Силаевыхъ дѣвницъ не было никого, я такъ на нихъ какъ-то и вниманія не обращала. Только не знаю я, какой-то случай вышелъ, жребій-ли дальній у Василія былъ, льготный-ли онъ какой оказался, послѣ года его домой вернули. Пришелъ онъ въ свое село съ военной выправкой, въ мундирѣ, молодецъ такой — залюбовались на него наши барышни, да и все тутъ; сколько у насъ было въ селѣ дѣвицъ, всѣ въ него по уши влюбились, своихъ всѣхъ побросали. Мнѣ онъ тоже нравился; бывало идетъ по улицѣ, и я пальцы брошу — на него поглядѣть, а все-таки не могу сказать, чтобы влюблена была, а такъ просто — хорошъ и хорошъ. И знаете-ли, характеръ у меня такой скверный, можетъ-быть и я бы влюбилась не плоше другихъ въ него, да не нравилось мнѣ, что наши всѣ

около него вертятся, а онъ—точно такъ и должно, и глядѣть ни на кого не хочетъ, такъ свысока съ ними обращается. „На-же вотъ“, думаю, „а я на тебя и смотрѣть не буду“. Да ему въ шутку, если гдѣ вмѣстѣ, все бывало съ Алексѣемъ шу-чу, со старшимъ; Алексѣй на одинъ только годъ старше былъ, двадцать три года ему исполнилось, а мнѣ восемнадцатый шель. Въ это время сталъ мнѣ отецъ кое-что намекать, что пора ужъ мнѣ скоро и жениха подыскивать, и приданое мнѣ готовить,—оно хоть и прежде готово было, да и отъ матери много осталось всего,—но въ это время кунить онъ, и знаю, еще много кое-чего; а самому не хочется ему отдавать меня, вижу; а мнѣ замужъ еще не хотѣлось, веселая я была такая, да затѣйливая, и воля мнѣ была дана большая. Тятенька заговорить со мною про жениховъ, а я нарочно, будто не понимаю, на другое на чтѣ сведу, такъ оно у насъ и разойдется. Алексѣй Силаевъ не желанный былъ, говорили будто старикъ каялся, напрасно онъ его прежде не женилъ, а теперь солдата поскорѣй женить надо. Солдатъ этотъ самый—Василій—такой забралъ верхъ въ домѣ,—братъ и пикнуть не смѣй, даромъ что старшій. Плоха стала жизнь Алексѣю, смиренный онъ такой былъ, а старикъ во всемъ Василю слушаться сталъ. „Да какъ Вася хочетъ, да какъ Вася посоветуетъ“, только отъ него и слышно; даже Василю старикъ захотѣлъ женить впередъ Алексѣя. Всѣ у насъ подвинулись, дѣло совсѣмъ невиданное: впередъ старшаго да меньшаго женить! и богатую невѣсту взялъ за него—дальнюю, не изъ нашего мѣста, купеческую дочь; такъ наши дѣвчцы просто всѣ чушь не помышляли съ досады! Въ лавкѣ у отца Василю распоряжался какъ хозяинъ, Алексѣй у него сталъ за приказчика и больше ничего. А все отчего? Василю солдатомъ-то въ гвардію служилъ, въ Петербургѣ годъ слишкомъ прожилъ, ну, а дѣло извѣстное—издалека прѣхалъ, его всѣ и слушай, ума вѣдь за моремъ всегда больше! Вернулся онъ и давай во всемъ новые порядки заводитъ. Женился, денегъ много взялъ, выстроилъ аккуратно противъ нашей лавки себѣ магазинъ, да какой! товару привезъ и выписалъ изъ Петербурга самаго лучшаго, и открылъ такую торговлю, что наша-то лавка противъ его никуда не стала годиться. Сначала мой тятенька смѣялся надъ нимъ, надъ его затѣями, все говорилъ: „вотъ молодой-то! сейчасъ видно, по модному! Какъ прогоритъ Вася-то и будетъ модно! Нонче всѣ въ трубу вылетаютъ! Женнины денежки всѣ ухнулъ должно-быть, да и отца на старости лѣтъ по міру пустить.“ А тутъ, глядимъ, вышло совсѣмъ не то. Какъ сталъ Василю самъ за прилавокъ, народъ такъ и повалилъ къ нему; онъ со всякимъ ласковымъ былъ, даже со всякимъ мужикомъ, и шутить и говорить, всякому мужику уваженіе дѣлаетъ; отвернулись мужики отъ тятеньки—и конецъ. Стала у насъ торговля тише и тише; чтѣ хочешь, то и дѣлай! Василю хоть и плоше товаръ продаетъ, да сходишь, а главное—заговорить всякаго. Слово онъ очень много изъ Питера привезъ! мужикъ развѣситъ уши и слушаетъ, ему и лестно, особенно если выпивши, а не глядитъ на то, что онъ ему, можетъ, товаръ гнилой подуетъ, за то на копѣйку дешевле. Забыли, что тятенька честь честью годовъ двадцать съ лишнимъ торговалъ. Разсердился тятенька на Силаевыхъ страсть какъ! такъ разсердился, что ни приведи Господи! Не такъ онъ горевалъ объ убыткѣ, какъ больше обижался на то, что уваженіе они у него перебили. Да какъ на грѣхъ всякій поровитъ ему непременно въ разговорѣ на Силаевыхъ указать; становой приставъ, такъ и тотъ одинъ разъ зашелъ, а тятенька только накануне шкря привезъ изъ Москвы, предлагаетъ ему:

— „Попробуйте, говорить, икорки, Савелій Степановичъ, —масло! таешь во рту!

„Тотъ попробовалъ.“

— „Ну нѣтъ, говорить, —Силаевская помягче ваней будетъ.“

„Тятенька даже позеленѣлъ весь. Да мало сталъ и заходить къ намъ чистый народъ, потому что у насъ все въ одномъ помѣщеніи, и рыба, и деготь, и красный товаръ, хоть и большая лавка была, а все-же запахъ! У Силаевыхъ на три раствора магазинъ. Кабы можно было, тятенька сейчасъ-бы построилъ лавку вдвое противъ Васильиной, и товару навозилъ не изъ Москвы или Петербурга, изъ-за границы-бы привезъ, хоть бы и прогорѣлъ—все-таки чтобы всякій видѣлъ: вотъ, молъ, Данила Макарычъ какой! не уступилъ Васкѣ Силаеву! Такой онъ у насъ былъ—ему чтобы почетъ отъ всѣхъ: на это, кажется, все бы промѣнялъ. Должно-быть въ душѣ у него просто такая мѣла въ то время была—и не пересказать. Одинъ разъ я сижу въ залѣ у окошка и пью, а онъ смотрѣлъ-смотрѣлъ на меня, да какъ заплачетъ! Я испугалась. Никогда не видывала этого.“

— „Тебя жалѣю, Манничка, говорить, — за что-жь я тебя-то безъ приданого оставляю, а не то слѣмъ-бы я Силаевскую сибѣ-то укротить!“ Да какъ хлопнетъ кулакомъ по столу: — „Подавитесь-бы Васкѣ своей своей торговлей!“ Я даже вздрогнула, а тетка, Настасья Маркеловна, та изъ кухни выскочила. А онъ ни на кого не взглянулъ, надвинулъ картузъ на лобъ и пошелъ изъ дому. И прежде, случалось, пасмурный бывалъ, а съ этого времени подступиться къ нему нельзя стало; бывало въ тѣ поры когда тятенька дома, и я даже, всѣ на цыпочкахъ ходилъ. А Полькѣ нашей горбатой до того проходу не

стало, что ужъ мать ее къ сестрѣ въ Хатьковъ монастырь гостить услала, до грѣха; не ровень часъ—обнѣхъ съ глазъ прогонитъ, авось, молъ, Богъ милостивъ, обойдется, вернуть можно.“

„И глупая-же я какая была, Господи! какъ подумаю!—сестра Марія грустно улыбулась и покачала головой. — Тятенькѣ ужъ и такъ не втерпѣжь, а мнѣ эта самая его ненависть на какую штуку пригодилась! У насъ по всему мѣсту шляпки въ модѣ были: и батюшкны дѣвчцы, и отца диакона жена, молодая была, и по купечеству кто чуть побогаче, всѣ въ шляпкахъ ходили; а у моего отца также упрямство было, мы чтобы не смѣли шляпокъ носить—и конецъ! Невѣстка моя, братнина жена, какъ вышла замужъ, привезла было шляпку, такъ и ей не велѣлъ носить, даже за это дорогой ей шелковый платокъ подарилъ; ну, конечно, когда овдовѣла, такъ она и сама бросила ридиться, а мнѣ дѣло молодое, просто покоя нѣтъ, хочется шляпки—да и все тутъ: и во снѣ-то, и на яву все шляпки мерещатся; ужъ и просила я и плакала,—нѣтъ и нѣтъ, не дозволяетъ тятенька. Пойду я къ подругамъ къ кому, возьму надѣну шляпку, въ зеркало ужъ я посмотрю-посмотрю, все стекло просмотрю, повздыхаю-повздыхаю да и свину, ничего не сдѣлаешь! Ридитъ меня тятенька страсть какъ любить: платьевъ-платьевъ у меня конца нѣтъ, и все хорошия, а къ каждому платью подобраны платочки голдовые по ф-скольбу, и цотемѣе, и посвѣтѣе, и въ цвѣтъ—цвѣточками, все шелковые, были и шерстяные, хорошия, а не глядѣли бы мои глаза на тѣ платки, всѣ-бы отдала за шляпку, хоть за самую плохенькую! Вотъ какъ женили Василю Денисыча, его молодая такая была франтиха, первая по селу, и шляпъ у ней—каждый праздникъ все новая, а мнѣ и пуше обидно. Я, какъ есть, одна-одиношенка платкомъ покрывая хожу, ровню жичка. И вздумайся мнѣ, какъ-то разъ, этой Васильевой женой тятеньку попрекнуть. „Вотъ, говорю, — во всемъ-то Силаевы противъ насъ первое мѣсто заняли, и ходитъ Авдотья Максимовна все въ новыхъ шляпкахъ, какъ-же ей передо мною не величаться! Должно быть думаетъ у моего отца денегъ не хватаетъ дочери шляпку купить“. Сказала я это слово не ему, а теткѣ, ну а онъ тутъ-же былъ; я знала, что онъ услышитъ; сказала и сама испугалась. Поблѣднѣлъ онъ весь, какъ полотно, и затрясся, взглянулъ на меня и говоритъ: „Вотъ на старости лѣтъ до чего дожилъ: родная дочь—и та меня коритъ!“ и вышелъ вонъ. Я пустилась за нимъ, плачу. „Тятенька, говорю,—простите меня, глупую, ради Христа небеснаго!“ Въ ноги ему повалилась, а сама все плачу. Лучше-бы онъ меня обругалъ или прибилъ, а онъ только тихоюко сказалъ: „Богъ проститъ, Манюша!“ Такъ я весь вечеръ глазъ не осушала. А онъ поѣхалъ въ Москву на этой-же недѣлѣ за товаромъ и привезъ мнѣ двѣ шляпы; я и рада-то, ужъ и сказать не знаю чтѣ, и жалко мнѣ его и совѣстно; стою, верчу ихъ въ рукахъ, сама вся красная, лучше-бы онъ ихъ и не возилъ.“

„Конечно, съ этой со вражды перестали мы знаться съ Силаевыми совсѣмъ. Бывало къ нимъ на именины всегда мы съ тятенькой хаживали, и они къ намъ тоже ва Данила, 17 декабря, всегда званы, а тутъ какъ ножомъ отрѣзали: ни они къ намъ, ни мы къ нимъ; а если тятенька встрѣтится на улицѣ съ кѣмъ изъ нихъ, точно займется чтѣмъ въ сторонѣ, отвернется, чтобы съ ними не кланяться. Мнѣ-бы оно, конечно, и ничего, да что-то мнѣ Алексѣя жалко было, онъ не то что братъ—смиренный былъ, простой; да ужъ очень его бѣднаго обижали въ семьѣ; меньшой братъ съ женой просто завертѣлъ старика совсѣмъ. Алексѣя никто ни слушать, ни спрашивать не сталъ; жилъ онъ хотя и старшій, а просто какъ у чужихъ изъ милости! Даже дивились всѣ. Онъ и за прилавокъ, онъ и товаръ возитъ къ хорошимъ господамъ, онъ и въ пекарнѣ, его и въ Москву, когда-то сибѣе, и все съ него спрашиваютъ, а онъ хоть бы слово когда отвѣтилъ. Вотъ такъ-то у насъ дѣла все были не радостныя до весны; въ тотъ годъ мнѣ въ день Маріи Египетской девятнадцать лѣтъ исполнилось, и очень удивлялись всѣ, даже тятеньку корили въ глаза кто посмѣлѣе былъ, какъ это онъ меня дома держитъ. Много свахъ къ намъ хаживало, а у батюшки все одинъ отвѣтъ: „молода, да молода!“ А про то забылъ, что куда ужъ молода: совсѣмъ, по нашему, перестарокъ скоро буду. Не хотѣлось ему меня изъ дому отпускать; кабы не братъ Сережа—а онъ въ то время солдатчину отбывалъ,—кабы не Сережа, онъ бы въ домъ взялъ, а то нельзя, братъ придетъ домой, хозяиномъ будетъ; хотѣлось тятенькѣ дожидаться Сережи, куда онъ клонитъ будетъ, можетъ не захочетъ-ли гдѣ на сторонѣ жить, тогда-бы сейчасъ ко мнѣ въ домъ взяли. А мнѣ и горя мало пока, что онъ женихамъ отказывается,—чтѣ мнѣ тѣ женихи всѣ! Мысль у меня своя на умѣ: „вотъ кабы Силаевы прислали, думаю, можетъ-быть тятенька-бы и отдалъ, и помирились-бы съ ними, а я бы за Алексѣя, ничего, пошла-бы!“

„Въ эту весну Пасха поздняя была, на Ѳоминой мы въ одинъ платяхъ по улицѣ гуляли. Нашъ сосѣдъ въ Егорьевъ день именинникъ былъ. Егоръ Филипповичъ богатый былъ трактирщикъ, званы и мы были съ тятенькой, а тятенькѣ такое дѣло вышло, послѣ Святой непременно въ Москву съѣздить было нужно, думалъ въ Егорьевъ день утромъ вернуться,

Выставка Импер. Анад. Худож. Тихимъ вечеромъ.
Съ карт. (право воспроизведеія приобретено „Нивой“) Е. П. Судновской, грав. Шюблеръ.

Выставка Импер. Акад. Худож. Недужная.
Съ карт. (право воспроизведеія приобрет. „Нивой“) и. Пелевина. грав. Флюгель.

пѣтъ—не пришлось; мнѣ бы одной, конечно, не годилось вовсе идти, а мнѣ страсть хочется; бѣжала къ невѣстѣ, она не пойдегъ-ли,—„нездорово, говоритъ, зубы болятъ“, обвизанная сидитъ; а за мной какъ на грѣхъ барышни пришли, ну покою не дають: „пойдемъ, да пойдемъ къ Егору Филипповичу на именини!“ Не отговорюсь никакъ! ну, дѣлать нечего, пошла съ ними. Гостей много было; я и не знаю какъ мнѣ быть, какъ это я взойду одна да поздравлять буду хозяина; стою этакъ въ дверяхъ залы, вся зардѣлась и не знаю, что дѣлать. Вдругъ вижу, въ залѣ у окошка сидитъ Алексѣй Силаевъ, и какъ это онъ издали меня увидалъ!—смотритъ на меня, улыбается, слышу его взглядъ на себѣ, и такъ у меня что-то сердце застучало, не стало мнѣ видно ни гостей, ни хозяина. Въ ухахъ гудитъ, не слышу я говорю, смѣха, точно я будто въ пустынь какой стою поодаль отъ Алексѣя и будто мы съ нимъ одни. Не знаю долго-ли, коротко-ли я стояла, и забыла, что хозяйна поздравить надо; подхватили меня барышни, завертели, насильно меня съ собою увели въ боковую пристройку. Что онъ тамъ затѣяли, пѣсни-ли пѣтъ, играть-ли въ колечко,—не помню, должно быть и я съ ними играла; помню одно: что ни говорю, что ни дѣлаю, одно на умѣ: Алексѣева улыбка, и одного до смерти хочется—увидать его еще разокъ. Долго мы тутъ въ пустыхъ комнатахъ возились, а я все на дверь смотрѣла, точно въ эту дверь непременно Алексѣй взойти долженъ; и сама знаю, что незачѣмъ ему сюда къ намъ, къ барышнямъ, идти, а все смотрю. На дворѣ смеркаться стало, я и говорю барышнямъ: „ну, что это мы заблудились сюда, пойдите къ гостямъ лучше въ залу“. У насъ была одна бойкая такая, тоже купеческая дочь, Груня Васюкова, „тамъ духота, говоритъ,—позовемъ лучше сюда кавалеровъ молодыхъ, а?“ Мы всѣ такъ и ахнули. „Какъ можно!“ говоримъ, „вотъ Груня у насъ безстыдница кака!“ А пока мы ее усовѣщаемъ, слышимъ подъ окошкомъ кто-то падаетъ; изъ насъ ныря даже закричали со страху, а другія, кто побойчѣе, подошли къ окошку поглядѣть; видимъ, лѣзутъ къ намъ въ окна кавалеры наши. Окошки только приперты были,—мы къ дверямъ, а въ двери—другіе! Батюшки, что намъ дѣлать! Барышни кто бѣжать, кто визжитъ, ахаютъ, которыя такъ головою въ лавки уткнулись, а молодцы, конечно, смѣются, ловятъ ихъ. Я стою, точно меня громомъ ударило, въ дверь прямо Алексѣй входитъ, взомель и стоитъ, смотритъ, смѣется. Мнѣ и весело-то, и страшно, и сама не знаю, что со мной. А онъ подошелъ ко мнѣ и спрашиваетъ: „отчего меня нигдѣ не видать? да отчего гулять рѣдко хожу?“—„Я-то хожу“, говорю, „а вы-то все при дѣлѣ, да въ хлопотахъ, вамъ-то итѣтъ досуга разгуляться“. — „А кому я нуженъ?“ спрашиваетъ, „съ барышнями-то гулять я ужъ стар!“ Взглянула я на него,—а какой онъ былъ молодецъ, сейчасъ передо мною какъ живой стоитъ, высокій, статный такой, волосы русые такъ кольцами и вьются, взглядъ ласковый, глаза голубые, самъ бѣлый, красивый; бороду онъ брилъ, а усы маленькіе, тоже русые; даже я засмѣялась. „Ужъ и нашли-же что сказать!“ говорю, „старый!“ Я смѣюсь и онъ смѣется, и сами не знаемъ, что намъ смѣшно; глядимъ другъ на дружку и помираемъ со смѣху, очень намъ обоимъ весело, что мы вмѣстѣ смѣемся.

— „Ну что тутъ впопыхахъ-то, говорю,—стоимъ? Надо, говорю,—на свѣтъ выбраться“. А барышни не хотятъ, развозились тутъ съ молодежью, а я не любила этого: что-жъ баловаться! Пошла я въ дверь, а Алексѣй за мной выходитъ въ сѣни; мнѣ чего-то страшно стало, шарю впопыхахъ, хочу за скобу взяться, никакъ не найду, а Алексѣй сталъ передо мною, да и смѣется. „Не пуцуй васъ, говоритъ, Марья Даниловна, вы сперва мнѣ на одинъ вопросъ отвѣтите“.

— „Какіе такіе вопросы, говорю,—пустите меня, а то я закричу“.

— „Да и кричать, говоритъ,—не нужно, я и такъ пуцу, вы только мнѣ отвѣчайте: отчего вы всѣмъ женхамъ отказываете? правду говорятъ, будто вы зареклись замужъ идти, или врутъ люди?“

„Я даже испугалась.—„Врутъ, говорю,—все врутъ, батюшка отказывалъ“, сказала я самой совѣстно стало, какъ это я ему бойко отвѣчала“.

— „Ну, говоритъ, а если я посватаюсь? п голосъ у него дрогнулъ, а я не знаю, что сказать, закрылась руками и стою; онъ думалъ и плачу. „Что вы это“, говоритъ,—„голубка моя? Обидѣлся на меня? Что вы заплакали!“ Такъ и сказала, какъ я сейчасъ говорю; знало это слово: „голубка моя“ мнѣ въ душу и сказать не могу; точно все сердце мое откликнулось ему на эту его ласку, кажется-бы я что ни есть лучшими-бы словами ему отвѣтила! Только и могла выговорить, что „присылайте!“ да какъ пустилась бѣжать изъ сѣней прямо къ себѣ домой, такъ и не пошла къ гостямъ, такъ и не пришлось мнѣ поздравить хозяйна, мнѣ даже послѣ совѣстно вспомнить было объ этомъ; да и то правда, что я ничего не ѣла на именинахъ; хоть не поздравляла, за то и не угостила меня никто ничѣмъ. Да мнѣ и не до ѣды!

„На другой день тятенька изъ Москвы прѣхалъ, ему тетка сейчасъ рассказала, что я безъ него одна на именинахъ нировала; она думала достанется мнѣ за это, а тятенька только спросилъ какъ дѣло было и ничего не сказалъ, а я, конечно,

про Алексѣя ему ни полсловечка. Вотъ стала я дожидаться, когда отъ Силаевыхъ сватагъ придутъ; чуть слышу въ прихожую кто взомель, я къ себѣ наверхъ, въ свѣтелку бѣгомъ, схоронюсь за занавѣской и сижу,—измучилась совѣтомъ! А тутъ новая бѣда стряслась. Мосго тятенька давно все хотѣли старостой церковнымъ выбрать, а онъ отказывался, дѣлами отговаривался, а мы хорошо примѣчали, отчего онъ ломается. Хотѣлось ему, чтобы просили больше; онъ знаетъ что выбрать некого по нашему мѣсту кромѣ него, его обойти никакъ нельзя было, потому весь приходъ къ нему съ уваженіемъ, да и онъ ко храму очень усерденъ былъ. Надо-же такъ на бѣду, умеръ предъ этимъ прежній староста, выбирать поваго, и какъ разъ въ эти-то дни выбрали не тятеньку, а Силаева, Дениса Осиповича. Я про это дѣло и не знала ничего. Сижу, что-то дѣлаю у насъ въ холодной, комната у насъ такая была, окошко въ садъ, сундуки тамъ, всякое добро хранилось; слышу теткыны шаги; торопливо такъ вбѣгаетъ ко мнѣ тетка, руками машетъ. „Господи свѣты“, кричитъ, „стыдъ-то какой! осыпалъ онъ себя, Машенька, на все село! Никто теперь и свататься не сунется! Господи, грѣхъ какіе!“ У меня такъ ноги и подкосились, сѣла на сундукъ и сама не знаю на что подумать“.

— „Да что, говорю,—случилось-то такое?“

— „Да просто выгнать онъ ее, можно сказать, выпроводилъ совѣтомъ обидно! говоритъ“.

— „Да кого? Кто выгнать?“

— „Да отецъ-то твой, Машенька! Силаеву Авдотью Осиповну, сватать она тебя приходила!“

„Я такъ и обмерла“.

— „Съ чего-же онъ? говорю“.

— „Да вотъ такъ и такъ, въ старосты Дениса Осиповича выбрали“.

— „Господи! что мнѣ теперь дѣлать!“

— „Привыкъ онъ себя считать первымъ во всемъ—никого знать не хочетъ. Не стерпѣлъ и не стерпѣлъ выше себя никого, не такой человекъ былъ, чтобы ему переломить себя. Ну, хоть-бы отказать, да за честь, какъ водится поблагодарить бы, а онъ самъ себя не вспомнилъ. Что долго въ себѣ скрывалъ, таилъ, то все у него наружу вышло, столько онъ наговорилъ Авдотѣ Осиповнѣ, что та великую обиду получила“.

„Съ этого дня всѣ наши несчастія пошли. Конечно, Силаевы стали враги съ нами непримиримые, да и прочіе всѣ, съ этихъ поръ, стали насъ сторониться. Какъ узнала я тогда отъ тетки все дѣло какъ было — и объяснить не могу что со мною сдѣлалось. Пришли-бы сейчасъ, сказали-бы мнѣ, что утонуть мой Алексѣй или еще какъ померъ — не хуже бы я горевала. Потому знаю — все одно не бывать мнѣ теперь за нимъ никогда. Долго что-то тетка мнѣ все говорила,—какъ она ушла, повалилась я какъ сноиъ на сундукъ—и вотъ какъ плакала! Никогда я въ жизни ни прежде, ни послѣ такъ не плакала, какъ тогда, потому первое горе мое было настоящее. Много было горей послѣ, да тѣхъ слезами оплакать нельзя было, со всего мира слезъ бы не хватило! Не слезами сердце послѣ обмывалось—кровью оно залилось, да такъ и замерло навсегда“.

Сестра Марія тяжело перевела духъ и помолчала“.

„Да, съ этого дня всѣ несчастія пошли, продолжала она, — должно быть тятенькѣ самому стыдно стало, да видитъ онъ, что многіе перестали ходить къ намъ; ему совѣстно, а онъ на себя сердитъ, зачѣмъ ему совѣстно, и старается, чтобы ему поддержать свое мнѣніе передъ собою,—и чего прежде не было съ нимъ никогда, сталъ выпивать съ этихъ поръ, дальше—больше, дальше — больше, должно быть въ винѣ онъ только оправданіе себѣ и находилъ. Какъ выпьетъ, веселый сдѣлается, шутитъ, смѣется, а больше всего пьяный хвастается привыкъ, тогда какъ прежде бывало никогда себѣ слова въ похвалу не скажетъ, всякій самъ понимай, какой онъ есть человекъ; а тутъ и поидетъ, и поидетъ расписывать: и такой-то онъ, и первый-то человекъ, и торговца-то такого нигдѣ не найти, и то съ нимъ, скажетъ, бывало, и это... А трезваго лучше прежняго бояться мы стали; не говорить ни съ кѣмъ, ходить какъ туча черная, глядитъ изподлобья на всѣхъ, страхъ на всѣхъ наводитъ. Частехонько я въ то время, бывало, сижу-сижу за пильцами, да что сидѣть, только путаю, работу порчу, брошу да и зальюсь слезами... Что со мной теперь, бѣдной, будетъ! Вѣкъ, должно быть, вѣковушей останусь! А луце какъ про Алексѣя вспомню, такъ навзрыдъ и зарыдаю!“

„Вотъ такъ-то одинъ разъ сидѣла я сидѣла дома и захотѣлось мнѣ погулять выйти, а въ то время весна въ полномъ разгарѣ стояла; не хотѣлось мнѣ на улицѣ показываться; у насъ домъ выходилъ одними окошками на улицу, а заднее стѣной на усадьбу. Съ боку былъ у насъ палисадничекъ и крыльцо выходило туда, мы тамъ всегда цвѣты сажали; тятенька въ лѣтнее время любилъ чай кушать, вынесемъ стульевъ, самоваръ поставимъ, на крыльцѣ чай пьемъ, а усадьбу залустили совѣмъ. Дѣдушка мой покойникъ, царство ему небесное, тотъ любитель былъ, большой садъ развелъ и всего-то онъ насадилъ—и яблони у него были, и вишни, кусты всякіе, малина, смородина, сирени цѣлую аллею посадилъ, и чего-чего только у него тутъ не было; а послѣ него тятенька забросилъ этотъ садъ совѣмъ, разрослось все, какъ само хотѣло, мы туда и

не ходили совсѣмъ, потому незачѣмъ. Дорожекъ не было, и не видать гдѣ были дорожки-то, а земля хорошая, жирная, ну, все такъ росло, трава какая, лѣтомъ совсѣмъ и съ головой уйдешь въ нее! Колодезь былъ по старинному устройству, журавлемъ, такъ даже его едва видно изъ-за кустовъ. Какая сила всего, просто удивительно! Вышла я тутъ и пошла по усадьбѣ, на людей тошно было глядѣть, хотѣла гдѣ потише. И Господи, какая меня тутъ обступила красота! И сейчасъ мнѣ тотъ вечеръ памятенъ. Солнце только сѣло, небо алѣло за кустами, нигдѣ ни одинъ листочекъ не шелохнется, тишина, спокойствіе и воздухъ легкій. Черемуха цвѣтетъ, всякая трава свой запахъ даетъ, и что ни кустъ—то соловей. Такъ и трещать кругомъ меня, другъ съ дружкой перекликаются, потому мѣсто залущенное, никто имъ не мѣшаетъ, хозяева они тутъ сами себѣ. Куда ни взглянешь, кажется, все радуется; а у меня такой камень навалился на сердце— жизни я не рада! Чѣмъ больше тутъ радости, тѣмъ мнѣ тошнѣе, а домой ворочаться не хочется. Иду я впередъ, все впередъ, а сама плачу. Господи! всемъ Ты радость послалъ, за что-жь меня, бѣдную, обижаетъ! Кое-гдѣ такъ заросло, въ кровь руки царапаю, а все иду, не слышу что больно; все мнѣ кажется гдѣ вольнѣе, и мнѣ легче будетъ. Пробралась сквозь кусты до самаго до конца сада, заборъ тутъ такой древній былъ, весь потерялся, а мѣстами и повалился, за заборомъ поле крестьянское; тихо, ни души нигдѣ, одна сила Божія во всякой твари. Нашла я пенушекъ и сѣла; кабы можно было лечь бы тутъ, легла бы и умерла тутъ совсѣмъ. Пришла мнѣ на мысль и бѣсна: „Что ты, душа, тоскуешь!“ Сначала я ее тихонько, про себя зашѣла, а потомъ и сама не знаю какъ все громче и громче пою, остановилась, передохну, а соловьи-то еще громче трещать, точно дразнить меня... И слышу, далеко-далеко моя пѣсня разносится по росѣ, по вечерней,—мнѣ и люблю! Я пою: „Лягу я въ могилу и забудусь вѣчнымъ сномъ!“ в другъ слышу шуршитъ кто-то за мной по травѣ; я оглянулась, а это идетъ ко мнѣ Алексѣй Денисычъ. Испугалась я, вскочила, бѣжать бы надо, а у меня ноги дрожать, не могу

бѣжать; стою я, горю вся и не знаю что дѣлать. Онъ подошелъ ко мнѣ, молодой такой, и краше онъ мнѣ показался всего саду и ярче солнышка. Выкликнули мнѣ его соловьиныя пѣсни должно-быть, вызвала погулять радость вешняя! Подошелъ ко мнѣ и говоритъ: „Зачѣмъ вамъ въ могилу ложиться, Марья Давидовна!“ на мою пѣсню намекаетъ, „погодите“, говоритъ, „и вѣчнымъ сномъ забываться! Можетъ еще и поживете на радость себѣ!“ А я никакъ сказать ничего не могу. Помолчали мы, потомъ и говоритъ она опять: „Несчастные мы съ вами! Чѣмъ это мы Бога прогнѣвили, что все намъ счастья не даетъ!“

— „Не знаю, говорю я,—съ тятенькой что-то случилось.“

„Алексѣй поглядѣлъ на меня пристально, потомъ взялъ меня за обѣ руки и говоритъ, самъ просто задыхается:“

— „Слушай, Маша, говоритъ, — этакъ вѣдь нельзя! Скажи ты мнѣ, ради Христа, одно словечко, и я навѣки оставлюсь тебѣ вѣрнымъ: любишь ты меня или нѣтъ? Если любишь, такъ Господь насъ не оставитъ, терпѣть будемъ, Богъ милостивъ! Можетъ быть вашъ тятенька предложилъ гнѣвъ на милость, дасть свое согласие. Вѣдь я передъ нимъ ни въ чемъ, какъ есть, не виноватъ; можетъ быть и я самъ черезъ брата совсѣмъ несчастный сталъ. Не глухой же человекъ Данило Макарычъ, самъ все наши дѣла знаетъ! Маша, голубка ты моя желанная, захочешь ли ты терпѣть? Подождать захочешь ли?“ спрашиваетъ онъ меня, держитъ за обѣ руки, близко такъ смотритъ на меня; я ужъ и не знаю, что тутъ со мною случилось, какъ Леся меня держала обними руками, такъ и я его за шею обими руками обняла, крѣпко мы съ нимъ поцѣловались. „Хоть до старости, говорю,—желанный ты мой, дождись буди, ни за кого не пойду“. И какая удивительная это вещь, любовь-то! Не знаю я сама, что сдѣлалось, какъ я опять домой пошла; вѣдь, кажись, и садъ все тотъ же, и перемѣны нигдѣ нѣтъ никакой, а мнѣ точно каждый листочекъ смѣется и соловьи-то шелкаютъ не попрежнему, и черемуха пахнетъ не по-давнишнему... Иду—не ногами ступаю, безъ крыльевъ летаю! Сама себя не помню!

(Окончаніе въ слѣд. №).

Король королей.

(Изъ жизни послѣдняго абиссинскаго повелителя).

Африка изобилуетъ оригинальными царственными особами. Но не всѣ онѣ смѣшной наружности, какъ напр. „короли Камеруна“; встрѣчаются и между ними „темнокожіе цезари“, исторія царствованія которыхъ полна интереса: умные дипломаты, дѣльные полководцы, конечно, въ африканскомъ духѣ. Европейецъ мало ихъ пѣнитъ—и не одинъ полководецъ уже дорого почитался за это пренебреженіе. То же случилось въ послѣднее время и съ итальянцами, которые передъ катастрофой при Саати, смотрѣли на абиссинскаго государя, какъ на атамана разбойнической шайки, и на императора Иоанна II, какъ на главу ободранной черни. Африканцы не только счумѣли побѣдить, но даже привели побѣдами итальянское министерство къ паденію.

Эти факты, еще свѣжые въ нашей памяти, доказываютъ, что императоръ Иоаннъ II, „царь Иванъ“, какъ называли его бывшіе въ Абиссиніи вольные казаки, павшій въ борьбѣ съ дервишами, — была необыкновенная личность, заслуживающая эпитафій.

Конечно, трудно написать послѣднюю, потому что не сразу поймешь такую своеобразную страну, какъ Абиссинія. Для другихъ государей Африки мы легко находимъ направленіе нашему сужденію: мы имѣемъ дѣло съ язычниками и магометанами, съ первобытными народами или съ дикарями, слегка тронутыми культурою. Но негусъ-негести (царь царей)—государь христіанскій, и вслѣдствіе этого мы склонны строже судить его. Прежде всего мы должны помнить, что въ Абиссиніи христіанство сохранило первобытныя формы, до того чуждая Западной Европѣ, что и католики, и протестанты сочли нужнымъ посылать въ Абиссинію миссіи, чтобы „христіанъ“ тамъ находящихся „обращать“.

Съ древнѣйшихъ временъ Абиссинія имѣетъ свою христіанскую церковь, которая вмѣстѣ съ тѣмъ и государственная; глава этой церкви называется *абунной*.

Въ Абиссиніи христіанство проявляетъ себя преимущественно въ борьбѣ съ магометанствомъ; борьба-же съ магометанами была издревле нитью связывающею многочисленныя племена Абиссиніи, и императоръ Иоаннъ II послѣ многолѣтней борьбы въ первый разъ воссоединилъ „королей“ и упрочилъ свою власть надъ ними.

Иоаннъ II собственно узурпаторъ,—мы говоримъ это, потому что въ Абиссиніи съ нѣкоторыхъ поръ повидимому сдѣлалось правиломъ похищеніе власти силою. Онъ признанъ былъ въ 1867 г., когда англичане объявили знаменитый походъ противъ императора Теодора, захватившаго миссіонеровъ и консуловъ и заставившаго ихъ лить пушки и пригословлять пороховъ. Теодоръ получилъ прозвище „бича Божія“ Абиссиніи, а Иоаннъ былъ ему подвластенъ, какъ губернаторъ провинціи Тигре, и не отличался вѣрностью своему повелителю, такъ какъ вмѣсто того чтобы повиноваться призыву вассаловъ на войну, онъ

остался нейтральнымъ, предоставилъ англичанамъ свободный проходъ черезъ свою провинцію и даже доставлялъ имъ по 60,000 ф. пшеницы еженедѣльно.

Послѣ смерти императора Теодора, застрѣливагося на развалинахъ Магалы, Кассан—такъ назывался будущій негусъ-негести—англійскимъ генераломъ лордомъ Непиромъ былъ провозглашенъ, за свои заслуги, королемъ. Ему было подарено, ставшее ненужнымъ, вооруженіе англійской арміи: множество ружей, шесть мортиръ, шесть гаубицъ, порохъ и снаряды, конный и артиллерійскій обозы. Въ Африкѣ это обычай—и даже въ наше время итальянцы загладили орудіями и патронами за нейтралитетъ короля Менелика въ Шоа, нынѣ ставшаго преемникомъ императора Иоанна.

Послѣ отступленія англичанъ, на императорскій тронъ явилось три претендента: Менеликъ, король въ Шоа, Гобези въ Ластѣ и Кассан. Между послѣдними произошло кровавое столкновение. Кассан побѣдилъ, несмотря на то, что непріятель былъ вѣнтеро сильнѣе его. Англійскія орудія выказали свое преимущество, да и Кассан отличился храбростію: въ рѣшительной битвѣ при Аду его видѣли въ первыхъ рядахъ, не обращаваго вниманія на опасность, неподвижно стоявшаго однимъ коленомъ на землѣ и стрѣлявшаго въ своихъ враговъ.

Въ этой битвѣ Гобези былъ взятъ въ плѣнъ—и ему, по обычаю страны, предстояло ужасный конецъ: набьютъ уши пороховъ и взорвутъ черепъ. Но Кассан умилился. Гобези былъ „только“ ослѣпленъ раскаленнымъ желѣзомъ и отведенъ въ серебряныхъ цѣпяхъ въ одну изъ созданныхъ природою горныхъ крѣпостей, въ Амба-Саламу.

Такъ какъ Менеликъ, правитель Шоа, оставался спокойнымъ, то Кассан отправился въ древнюю столицу Аксумъ и здѣсь повелѣлъ короновать себя 21 января 1872 года. Съ этого времени именовался онъ Иоанномъ II, королемъ королей Эѳіопіи, негусомъ-негести, пророке говоря, императоромъ.

Въ то время, какъ новый повелитель былъ занятъ восстановленіемъ спокойствія и порядка, Абиссинія показала себя завиднымъ приобрѣтеніемъ другому честолюбцу. Швейцарецъ Муцингеръ, женатый на абиссинкѣ и состоявшій на египетской службѣ, завоевалъ Египту двѣ сѣверныя провинціи Абиссиніи и уговорилъ хедива завоевать всю Абиссинію.

Двѣ экспедиціи, предпріятыя египтянами, окончились полнымъ пораженіемъ. Абиссинцы не пощадилъ ихъ и всѣхъ оставшихся въ живыхъ египтянъ изувѣчили, намѣренно отпустить нѣсколькихъ, чтобы они, по возвращеніи на родину, рассказали о своемъ пораженіи.

Побѣды надъ „турками“ укрѣпили власть новаго императора; онъ получилъ прозвище „избранника Божія“ и настало время, когда самъ могущественный Менеликъ, правитель Шоа, добровольно предсталъ передъ Иоанномъ, съ тяжелымъ камнемъ на

шеф, знакомъ подчиненности. Иоаннъ великодушно повелѣлъ своему генералу Расъ-Алулѣ снять съ него камень, обнявъ его и короновать королемъ Шоа. Только теѣперь сталъ Иоаннъ истиннымъ „королемъ королей“, и носился со всевозможными планами преобразований, которые все-таки никогда не были приведены въ исполненіе. Съ Египтомъ нельзя было достигнуть соглашения, но борьба скоро прекратилась, такъ какъ Египетъ потерялъ Суданъ и появились новые враги, дerviши: т. е. магисты.

Этотъ врагъ оказался опаснѣе Италіи, осарнивавшей у Абисиніи гавань Массауа. Будущее покажетъ какое преимущество получать магисты отъ недавнихъ большихъ побѣдъ надъ Иоанномъ II. Въ интересахъ цивилизаціи надо сожалѣть о пораженіи и смерти императора Иоанна II, ибо благодаря этому снова укрѣнилось могущество полумѣсяца въ Африкѣ. Въ борьбѣ противъ торговцевъ невольниками въ Восточной Африкѣ, — онъ былъ-бы для евреисцевъ незамѣнимымъ союзникомъ, если-бы имъ заручились. Но серьезной попытки въ этомъ направлеиіи никогда не дѣлалось, такъ какъ сношенія съ нимъ были не очень пріятны. Знаменитый Гордонъ*), который былъ посланъ къ негусу-негести, чтобы добыть благоприятныя условія мира для Египта, далъ слѣдующую характеристику абиссинскаго повелителя:

„Король, видимо, съ ума сходитъ. Онъ отрѣзываетъ носы нюхающимъ табакъ и губы курящимъ. Иоанна еще болѣе ненавидятъ чѣмъ Феодора. Хотя это и безчеловѣчно, но онъ не велитъ умерщвлять, а ненавнвающимся ему людямъ приказываетъ обрубать ноги или руки, или вливать имъ горячее сало въ уши. Ни одинъ иностранецъ не можетъ путешествовать по странѣ безъ позволенія короля, кушитъ что нибудь или имѣть пристанище; трудно найти болѣе абсолютный деспотизмъ. Офицеръ введши меня къ королю, послѣ Алулы первый по чину, встрѣтилъ своего дядю и двоюроднаго брата въ цѣняхъ и не смѣлъ спросить, за что.

„Король мужчина лѣтъ 45, существо угрюмое и смотрящее изподлобья. Онъ никогда не посмотритъ вамъ въ глаза, но какъ скоро вы отвернетесь, выучитъ на васъ глаза какъ тигръ. Онъ никогда не смѣется; его взглядъ безпокоенъ и постоянно блуждаетъ, полный глубокаго недовѣрія. Презирающій всѣхъ и всѣмъ презираемый, по моему мнѣнію, это самый несчастный человекъ. Корыстолюбію его нѣтъ границъ; обладаніе свободною гаванью онъ представляетъ себѣ въ томъ смыслѣ, что придутъ цѣлыя флоты съ подарками отъ европейскихъ государствъ, которымъ онъ будетъ отвѣчать на письма: „Вы мой братъ, моя мать и пр. Какъ ваше здоровье?“ Онъ таскаетъ за собой главныхъ государственныхъ преступниковъ, въ томъ числѣ и несчастнаго слѣпаго Гобези“.

Мнѣніе Гордона не совсѣмъ вѣрно; король умѣлъ писать и другія письма: наиримѣръ, врученное имъ Гордону для передачи египетскому хедиву гласило: „Какъ твое здоровье на этой недѣлѣ? Слава Богу, я и мои солдаты чувствуемъ себя очень хорошо. Я получилъ твое письмо. Но поводу заключенія мира ты прислалъ ко мнѣ человека. Послѣ того какъ я тобою ограбленъ, ты борешься противъ меня безъ вѣдома короля, но королямъ это будетъ сообщено. И теперь ты желаешь тайнымъ образомъ, какъ дѣлаютъ разбойники, заключить миръ. Какъ можешь ты заключить миръ, если ты затрудняешь сношенія кушдамъ и населенію страны? Короли будутъ увѣдомлены о моемъ и твоёмъ поведеніи. Писано въ Сениѣ 29 октября 1879 года“.

Подъ королями подразумѣваются здѣсь европейскіе государи, которымъ императоръ Иоаннъ, въ самомъ дѣлѣ, отписывалъ письма. Императоръ Вильгельмъ I получилъ также подобное письмо, въ которомъ просили его посредничества въ спорѣ о границахъ и онъ не отложилъ его въ сторону, но послалъ известнаго Герхарда Рольфа съ письмомъ къ королю королей Абисиніи. Это путешествіе очень важно для знанія абиссинскихъ отношеній. — Рольфъ не имѣлъ повода питать неприязнь къ императору Иоанну и привезти несоимѣнно искаженный образъ своенравнаго человека, какъ это сдѣлалъ Гордонъ. Рольфъ разсматривалъ его какъ безпристрастный, во все внѣ-

кающій, судья и стѣмблъ этому странному христіанскому государю отдать справедливость.

Иоаннъ II былъ, по мнѣнію Рольфа, вполнѣ благоразумный человекъ, если принять въ соображеніе обстоятельство при которыхъ онъ возвысился. Его упрекали въ истеричности къ миссіонерамъ, причѣмъ не хотѣли понять, что въ его глазахъ миссіонеры были „сретки“, ибо абиссинцы убѣждены, что ихъ христіанство „единственно истинное“. Поэтому устраивать миссіи въ Абисиніи — предпріятіе опасное. Вотъ для примѣра короткій разговоръ Иоанна II со шведскимъ миссіонеромъ.

— Зачѣмъ-же вы пришли? спросилъ императоръ.
— Чтобы съ высочайшаго вашего соизволенія учить христіанской религіи.
— Но вѣдь мы всѣ христіане.
— Мы хотимъ обращать не только абиссинцевъ, но и фалаша*).
— Развѣ въ Швеціи и Европѣ нѣтъ евреевъ?
— О да! но тамъ много священниковъ, чтобы обратить ихъ въ христіанство.
— Какъ вы пришли сюда, какія земли прошли вы?
— Мы прошли Европу и Египетъ.
— А! — къ какой-же религіи принадлежатъ египтяне?
— Къ магометанской.

— Такъ оставайтесь лучше тамъ, чтобы обращать египтянъ и турокъ, вмѣсто того чтобы идти въ Абисинію, гдѣ всѣ христіане. Прежде всего позаботьтесь, чтобы земля и мѣстность, гдѣ нашъ Спаситель жилъ и былъ распятъ, Палестина и Иерусалимъ были христіанскими. — Все болѣе и болѣе горячаеъ, негусъ продолжалъ: — Христіане: французы, нѣмцы, англичане всегда хвастаются силою, что имъ ничего не стоитъ прогнать турокъ, такъ зачѣмъ-же оставляютъ они Святыя Мѣста въ рукахъ невѣрныхъ? Только Россія и я боремся все время съ магометанами и вѣроятно, въ одинъ прекрасный день, мы подадимъ другъ другу руку въ Иерусалимѣ!.

Императоръ Иоаннъ былъ самодержецъ: въ Абисиніи не знаютъ другой формы правленія. Въ 1881 году принудилъ онъ всѣхъ, живущихъ въ его странѣ, магометанъ перейти въ христіанство; подобное-же принужденіе бывало и въ европейскихъ государствахъ. Онъ запретилъ курить табакъ; но вѣдь и Іаковъ I въ Англіи сдѣлалъ то же самое и даже написалъ книгу противъ „проклятаго зелья“. Онъ установилъ жестокаго наказанія; но развѣ въ Европѣ не имѣли подобныхъ? въ музеяхъ до сихъ поръ еще стоятъ орудія пытки и лишь одно столѣтіе прошло съ того дня, какъ поднялся дымъ отъ послѣдняго костра въ Берлинѣ. Конечно, было-бы похвальное распространить въ Абисиніи просвѣщеніе, — но евреисцы не всегда это дѣлаютъ. Удивительно странныя вещи разсказали негусу ученые европейскіе путешественники. Такъ, до прибытія Рольфа — Иоаннъ считалъ Грецію за сильнѣйшую державу въ Европѣ: кто ему это разсказалъ — осталось неизнаннымъ. О Германіи онъ сказалъ слѣдующее:

— Вашъ императоръ — настоящій императоръ, онъ негусъ-негести Германіи, какъ и теперь Абисиніи, ибо мнѣ сказали, что подъ его главенствомъ находятся многіе короли.

— Это совершенно вѣрно, ваше величество, отвѣтилъ Рольфъ. — Прежде многіе князья съ помощью императора Наполеона приобрѣли независимость; императорское достоинство угасло, но съ годами въ Германіи возстановилась Имперія и всѣ государи Германіи признаютъ въ императорѣ своего высшаго полководца.

— Это совершенно такъ, какъ у насъ въ Абисиніи, отвѣчалъ негусъ.

Миръ дѣлится абиссинцами на три государства: Эѳіопію, Турцію и Европу. О Европѣ король королей имѣлъ самыя странныя понятія, въ чемъ, какъ сказано, виноваты сами европейцы.

Но каковы-бы ни были Иоаннъ II, его трагическій конецъ доказываетъ его храбрость; онъ доказалъ, что императоръ можетъ умереть во главѣ своей арміи, если онъ обладаетъ мужествомъ настоящаго воина. Какіе порядки установятся въ Абисиніи, Менеликъ-ли, изъ Шоа, удержится негусомъ, — итальянцамъ-ли удастся извлечь выгоды изъ смерти негуса для ихъ колониальной политики — это покажетъ будущее.

Къ рисункамъ.

Верховья рѣки Тигра. Карт. Кившенко.

(Рис. на стр. 372 и 373).

Двѣ рѣки, близнецы Тигръ и Евфратъ, протекаютъ по той благодатной мѣстности, гдѣ, по Библейскому свидѣтельству, помѣщался рай и которую слѣдуетъ считать колыбелью цивилизаціи. Месопотамія привлекала весь античный миръ, въ нее стремились населенія всѣхъ соседнихъ странъ, что доставило, въ древности, главенство Халдеѣ и Ассиріи. Тигръ (Диджалъ) беретъ начало вблизи Евфрата, у Сиванскихъ рудниковъ, на южномъ краю горной цѣпи Тавра. Главные истоки, называемые Учъ-Гель (три озера), бьютъ изъ земли не болѣе 400 саж. отъ глубокаго ущелья, гдѣ течетъ Мурадъ, и образуемый ими ручей направляется къ Евфрату, но другой потокъ встрѣчаетъ его и направляетъ къ Тигру; это и есть главная вѣтвь его. Тигръ вначалѣ принимаетъ много горныхъ ручьевъ, дѣлаю-

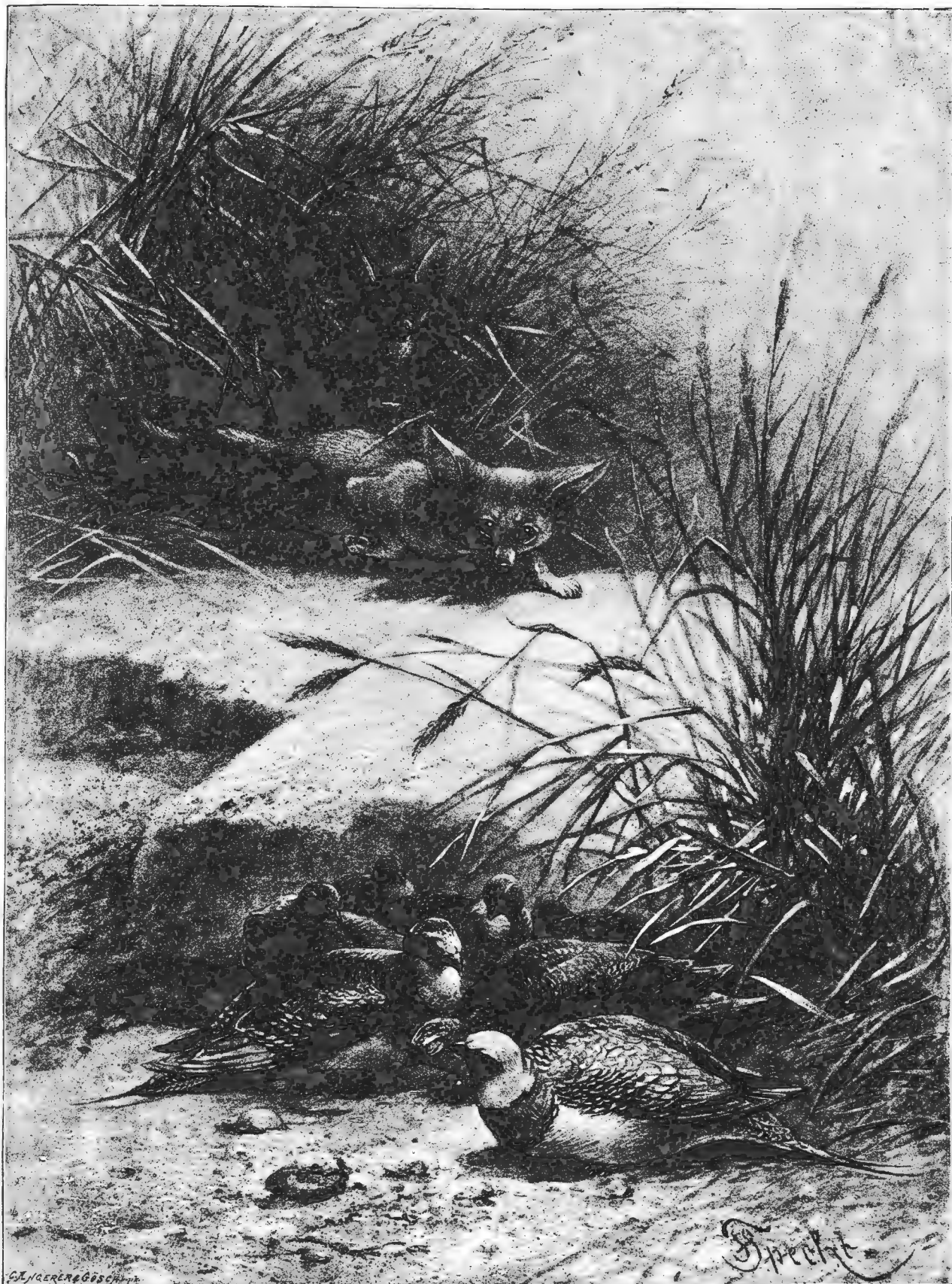
щихъ его течение крайне быстрымъ и извилистымъ, почему бассейнъ Тигра почти постоянно переплетается съ бассейномъ Евфрата. Къ сѣверо-западу отъ Дярбекира, протекала Курдистанъ, рѣка быстро увеличивается въ объемѣ и далѣе, у Корны, сливается съ Евфратомъ. Населеніе верховьевъ Тигра смѣшанное, болышею частью курды и армяне, затѣмъ туркмены и греки, греки и евреи. Торговля процвѣтаетъ въ Дярбекирѣ, преимущественно шелковыми тканями, и ведется караваннымъ путемъ. Одинъ изъ каравановъ и изображенъ на картѣ Кившенко.

Подходъ къ медвѣжьей берлогѣ. Картина Кившенко. (Рис. на стр. 377).

Картина нашего талантливаго художника изображаетъ тотъ моментъ медвѣжьей охоты, отъ котораго зависитъ успѣхъ или

*) 26 января 1885 г. умерщвленъ магистами при взятіи Харума.

*) Евреевъ (повлито, только предлогъ).

Феннеки, подстерегаючі степныхъ куръ. Рис. Ф. Шпехта, грав. Ангереръ.

пеуенѣхъ ея. Приближаться къ берлогѣ слѣдуетъ съ крайнею осторожностью, чтобы не снугнуть звѣря. Въ противномъ случаѣ, если онъ недостаточно облегался, медвѣдь вскопичитъ и уйдетъ. Это понимаютъ и привычныя собаки (лайки), которыхъ держатъ на привязи вожатыя трехъ стрѣлковъ, собирающихся занять нумера вокругъ берлоги. Собаки эти играютъ особую роль на медвѣжьей охотѣ: назначеніе ихъ остававливаетъ звѣря, который ползѣетъ на охотника. Чужая близость страшнаго врага, онѣ уже насторожились и глаза ихъ горятъ какъ угольки, но ни одна изъ нихъ не твякнетъ и не заворчитъ, соблюдая полную тишину.

Тихимъ вечеромъ. Карт. Е. П. Судковской.

(Рис. на стр. 380).

Вдова извѣстнаго художника, Е. П. Судковская, учившаяся живописи въ Парижѣ, выставила въ Академіи Художествъ прелестную картинку, воспроизводимую здѣсь въ точной копіи. Молодая дѣвушка, прогуливаясь за деревней тихимъ лѣтнимъ вечеромъ, приѣхала на изгородь отдохнуть и лѣтнво покачивается на гибкой жерднѣ, быть-можетъ ожидая кого-то. Одинъ изъ двухъ вѣрныхъ спутниковъ ея, кажется, уже завидѣлъ подходящаго и насторожилъ уши.

Недужная. Карт. Пелевина. (Рис. на стр. 381).

Картинки проф. Пелевина всегда отличаются правдивою передачей русскаго крестьянскаго быта, безъ утрировки и подчеркиваній, составляющихъ дурную манерность повѣйшей школы. Передъ нами бабушка, подевшая на постель къ больной вучкѣ съ тѣмъ чтобы полакомить „недужную“ любимымъ кушаньемъ. Барбоска съ величайшимъ интересомъ слѣдитъ за хозяйками, умильно повилывая короткимъ хвостомъ на полу. Кругомъ нехитрая обстановка крестьянскаго избы съ уголкомъ „цивилизациі“ въ видѣ гравюры выдранной изъ какого-то журнала и налѣпленной на стѣну.

Феннеки, подкарауливающіе степныхъ куръ.

(Рис. на стр. 385).

Мы уже не разъ давали въ „Нивѣ“ описанія и изображенія различныхъ видовъ степной курчии. При сильно развитомъ зрѣніи и слухѣ, въ соединеніи съ рѣзвостью полета, птица эта ничего не боялась-бы, еслибы не было феннека, который тревожитъ ея совѣ и въ жаркіе часы полудня, и прохладною ночью.

Феннекъ, или степная лисица (*Fennecus Zerda*), тоже песчинный сынъ пустыни, и разновидности его населяютъ всю Африку. Цвѣтъ его желто-песчаный какъ почва, ступни его лапы опушены жесткою шерстью, которая совершенно заглушаетъ его шаги на песокъ. Органъ же слуха его развитъ гораздо сильнее чѣмъ у степныхъ куръ, благодаря громадному наружному уху — онъ слышитъ ночью присутствие куръ но малѣйшему ихъ сонному движенію, неслышно подкрадывается къ нимъ и въ одинъ прыжокъ овладѣваетъ жертвой.

Фигурные часы. (Рис. на стр. 388).

Скульптору Петру Бауэру пришла счастливая мысль соединить художественное произведеніе съ практическими цѣлями и устроитъ подставку для часовъ въ видѣ граціозной акробатки, держажей въ равновѣсіи на ногѣ шаръ, который служитъ часами. Стройныя формы фигуры и тонкое выполненіе невольно обращаютъ вниманіе на это изваяніе, своеобразное и изящное въ то же время.

И. И. Козловъ. (Портр. на стр. 389).

„За Кіевомъ, гдѣ Днѣпръ широкій въ крутыхъ брегахъ кипитъ, шумитъ, у роица на горѣ высокой обитель иноковъ стоитъ...“ Кому неизвѣстны эти печальныя строки „Чернеца“? Кто не читалъ этого трогательнаго произведенія слѣнца-поэта Козлова, привлекательнаго таланта котораго въ свое время имѣлъ многочисленный кругъ поклонниковъ? Въ нынѣшнемъ году минуло ровно полвѣка со дня его кончины, поэтическія стихотворенія Козлова не имѣютъ прежняго значенія, они нѣсколько устарѣли, но своей прелести, своего обаянія они не потеряли и до сихъ поръ. Согрѣтыя песчиннымъ чувствомъ, проникнутыя глубокою, но тихою грустью, трогательно вѣрою и покорностью воли Провидѣнія, поэмы и мелкія произведенія Козлова производятъ оградное впечатлѣніе и теперь; они извѣстны, потому что, по выраженію друга его, Жуковскаго, „съ величайшею вѣрностію выражаютъ *правду*, состояніе души глубоко-страдающей, глубоко-вѣрующей и смиренной“, а по своей простотѣ понятны и доступны для всѣхъ, и образованныхъ, и необразованныхъ. Это плоды вдохновенія, почерпнутаго въ должнхъ и глубокихъ страданіяхъ, это — дѣвѣты, расцвѣтшіе на волнѣ скорби“. Разбитый въ сорокалѣтнемъ возрастѣ параличемъ, лишенный ногъ и зрѣнія, разлученный болѣзнію со всѣмъ міромъ и со всѣми его радостями, Козловъ нашелъ для себя утѣшеніе, забвеніе и цѣль жизни въ волшебномъ мірѣ поэзіи, которую онъ любилъ со днѣ юности. „Свѣтлая богиня вѣявъ подходила къ его бѣдному одру и протягивала больному свою

могучую руку“ и несчастный поэтъ-слѣпецъ взялъ отъ поэзіи все, чтѣ она могла дать ему. Онъ выстрадалъ свою поэзію, и пѣсни его, по замѣчанію одного изъ современныхъ ему критиковъ, текутъ какъ сладкія слезы, облегчающія горе душевное. Произведенія Козлова тѣсно связаны съ его жизнью, съ его исключительнымъ положеніемъ, и отличительнымъ характеромъ ихъ является меланхолія, а вышнимъ признакомъ — блескъ и роскошь описаній, легкость и точность разсказа, нѣкоторая цвѣтливость слога. Описаніе Кавказа и Крыма въ поэмѣ „Посланіе къ Гибѣдичу“, изображеніе венеціанской ночи, нѣкоторыя строфы стихотворенія „Къ Италіи“ являются нагляднымъ доказательствомъ той вѣрности картинъ природы, той яркости, роскоши красокъ, которымъ многие удивлялись въ произведеніяхъ Козлова. Большимъ достоинствомъ его таланта тогдашніе критики считали способность выражать чувство, хотя не всегда глубокое, но всегда близкое къ намъ, которое мы легко понимаемъ, но которое столь мало открывается и выходитъ наружу въ обыкновенной жизни, что для него по большей части нѣтъ выраженной. Такъ же смотритъ на слѣнца-поэта и Бѣлинскій, находящій, что самобытность замѣчательнаго таланта Козлова не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что Козловъ — поэтъ *чувства*, точно также какъ Баратынскій — поэтъ мысли; поэтому, говоритъ Бѣлинскій — не ищите у него художественныхъ созданій, глубокихъ и мирообъемлющихъ созерцаній, ищите въ немъ одного чувства. Его нельзя отнести къ числу художниковъ: онъ поэтъ въ душѣ, и его талантъ былъ выраженіемъ его души. Несчастье дало ему и содержаніе и форму, и колоритъ для пѣсеней; почему всѣ его произведенія однообразны, всѣ на одинъ тош. Таинство страданія, покорность воли Провидѣнія, надежда на лучшую жизнь за гробомъ, вѣра въ любовь, тихое ушаніе, краткая грусть, — вотъ обычное содержаніе и колоритъ его вдохновеній. Присовокупите къ этому прекрасный, мелодическій стихъ, и музыка Козлова охарактеризована вполне. Когда авторъ „Чернеца“ началъ писать, литературный міръ всей почти Европы находился подъ неотразимымъ вліяніемъ гениальнаго Байрона, дѣйствовавшаго даже на натуры кроткія и задумчивыя, совершенно чуждыя мрачнаго Байроновскаго настроенія. Это вліяніе, естественно, отразилось и на Козловѣ, для котораго Байронъ, по словамъ Дружинина, „сталъ существомъ неземнымъ, предметомъ поклоненія самаго пламеннаго“. Уже въ фантазіи Козлова послѣдовательно слагались тихія картины русскаго пейзажа, уже свѣтлыя воспоминанія души любящей и вѣрной, наводили его на темы стоящія серьезной обработкой, когда талантъ Козлова перенесъ свое столкновѣніе съ вліяніемъ Байроновскаго таланта. Подъ вліяніемъ такой борьбы поэтъ-слѣпецъ создалъ двѣ лучшія свои поэмы „Чернецъ“ и „Княгиня Наталья Борисовна Долгорукая“, въ которыхъ народность и иноземный духъ слились вмѣстѣ и которыя „исполнены байроновскихъ цвѣтовъ, вышитыхъ на русскомъ фонѣ“. Въ обычныхъ поэмахъ Козловъ высказался вполне, какъ поэтъ и какъ подражатель, выразилъ и силу свою, и всѣ слабости, недостатки. При своемъ робкомъ стихѣ, тихій, кроткій и незлобивый поэтъ не могъ усвоить себѣ красоты своего идеала, стремительность, высокой лиризмъ, пламенную силу, страсть байроновскихъ произведеній; но слабыя стороны великаго поэта невольно отразились въ стихотвореніяхъ Козлова, особенно въ его подражаніяхъ, передѣлкахъ, по которымъ противники байроновскаго элемента легко могутъ изучить всѣ эти слабыя стороны британскаго гениа. „Чернецъ“ — одно изъ крупныхъ, лучшихъ и наиболѣе характерныхъ произведеній Козлова; оно создало ему славу и, еще ранѣе появленія своего въ печати, облетѣвъ всю Россію, имѣло такое же значеніе въ литературѣ двадцатыхъ годовъ, какое имѣла „Вѣдная Лиза“ Карамзина въ девятидесятыхъ годахъ прошаго и первыхъ нынѣшняго вѣка; поэму эту знали наизусть и мужчины, и женщины, она вызывала обильныя слезы послѣднихъ и вообще возбуждала въ публикѣ не менѣйшій интересъ, чѣмъ и первая поэма Пушкина. Другія поэмы Козлова: „Княгиня Наталья Борисовна Долгорукая“, „Венгерскій лѣсъ“ и „Безумная“, не смотря на обиліе прекрасныхъ поэтическихъ мѣстъ, слабѣе „Чернеца“ и представляютъ не чтѣ иное какъ повтореніе его; слова другія, но мысль, мотивъ — одинъ и тѣ же. Будучи въ дѣлѣ поэзіи весьма воспримчивымъ, изучивъ превосходно величайшія произведенія иностранныхъ литературы, Козловъ стяжалъ себѣ еще и славу образцоваго переводчика. Онъ оставилъ намъ вполне художественные, блестящіе стихотворные переводы изъ Байрона, В. Скотта, Борнса, Кембелля, Вордсворта, Т. Мура, Вольфа, Тасса, Мандони, Мицкевича и друг. поэтовъ; особенно цѣнятся его переводы „Пять семеро“ (We are seven) Вордсворта, „На поргребеніи англійскаго генерала сэра Джона Мура“ Карла Вольфа и „Субботній вечеръ поселенія“, Борнса. Козловъ протраждалъ болѣе двадцати лѣтъ, будучи совершенно прикованъ къ постели одиннадцатъ лѣтъ слѣпкомъ, и находилъ утѣшеніе всего его подерживалъ, какъ могъ, В. А. Жуковскій.

Иванъ Ивановичъ Козловъ родился въ Москвѣ 11 апрѣля 1779 г. въ дворянской семьѣ и воспитаніе получилъ домашнее. Еще на 5-мъ году былъ внесенъ въ списки л.-гв. Измайловскаго

полка и 16-ти лѣтъ имѣлъ чинъ прапорщика. Служилъ потомъ въ Герольдіи, въ канцеляріи московскаго главнокомандующаго, въ 1812 г. былъ уволенъ отъ службы, а затѣмъ, по окончаніи войны, снова служилъ въ департаментѣ Государственныхъ Имуществъ и въ 1814 г. получилъ чинъ коллежскаго секретаря. Ранѣе, въ 1809 г., онъ женился на С. А. Давыдовой, дочери бригадира, и соединивъ радости домашней жизни съ блескомъ и удовольствіями свѣта, былъ совершенно счастливъ; пѣтя прекрасную наружность, будучи ловокъ, любезенъ и весьма хорошо образованъ, онъ считался душою свѣтскихъ обществъ. Онъ вращался среди литераторовъ, былъ хорошо знакомъ съ Карамзинымъ, подружился съ Жуковскимъ, зналъ въ совершенствѣ французскій и итальянскій языки, обладалъ хорошою памятью могъ читать наизусть всего Раина, Тасса и главныя мѣста изъ Данта. Всѣ его любилъ, все ему улы-

балось. Но ударъ паралича лишилъ его погъ, а затѣмъ, послѣ болѣзни глазъ, потерялъ въ 1821 году и зрѣніе. Уже слѣдуяму научился онъ по-англійски и по-фрѣмски, зналъ тоже наизусть всего Байрона, всѣ поэмы Вальтеръ-Скотта, лучшія мѣста изъ Шекспира и въ занятіяхъ поэзіей короталъ свое время, не вставая уже съ одра болѣзни. Онъ скончался 30 января 1840 года, въ Петербургѣ; тѣло его погребено на кладбищѣ Александро-Невской лавры, недалеко отъ могилъ Карамзина и Жуковскаго. „Козловъ—говорить о немъ послѣдній—сохранилъ въ глубинѣ души все свое прошедшее; онъ жилъ имъ въ настоящемъ и до послѣдней минуты сберегъ всю свѣжесть и теплоту любящаго сердца“. Его произведенія, на которыхъ лежитъ печать благороднаго дарованія, дають ему право занять одно изъ почетныхъ мѣстъ среди поэтовъ пушкинской плеяды.

П. Быковъ.

Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

— 23 марта, Ихъ Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица съ Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ Николаемъ Александровичемъ, Вел. Кн. Георгіемъ Александровичемъ и Вел. Кн. Ксенією Александровною, въ 9 часовъ вечера, прибыли въ театральное училище и присутствовали на годичномъ спектаклѣ учениковъ. По окончаніи спектакля, Ихъ Величества остались ужинать въ училищѣ и отбыли изъ него въ половинѣ перваго часа пополудни.

— По полученнымъ въ Тифлисѣ свѣдѣніямъ, наслѣдныи принцъ Неаполитанскій выѣзжаетъ изъ Константинополя на пароходѣ Русскаго общества пароходства и торговли въ Батумъ 27 марта; изъ Батума отправится, черезъ Тифлисъ и Баку, въ Закаспійскій край, оттуда по желѣзной дорогѣ въ Самаркандъ; на обратномъ пути пройдетъ черезъ Баку въ Тифлисъ, отсюда во Владикавказъ, Новороссійскъ, Ялту, Севастополь, Одессу; изъ Одессы черезъ Варшаву въ Германію.

Торговля.

— Приѣздъ изъ Афганистана купцы, проживающіе въ афганскомъ каравансарай Бухары, положительно утверждаютъ, что эмиръ Абдурахманъ официально согласился на свободу торговли русскихъ каравановъ въ городахъ афганскаго Туркестана, Чарвилаета и даже въ самомъ Гератѣ.

Искусства изобразительныя.

— 25 марта закрылась X акварельная вы-

ставка въ СПб. Выставку со дня ея открытія посетило 13,222 человекъ. Согласно правиламъ выставки, по закрытіи быть произведенъ розыгрышъ акварельныхъ премій; разыграно было 44 акварели, по одной на каждое 300 входныхъ билетовъ.

Литература и наука.

— Въ началѣ 1889 года, Имп. рус. географич. общество получило отъ наслѣдниковъ адмирала П. П. Крузенштерна оставшіяся послѣ него бумаги, рукописи и карты. Всѣ эти матеріалы общество поручило разсмотрѣть дѣйствительному члену Ф. Ф. Витраму, который и представилъ въ настоящее время свой отчетъ.

— Канцелярія Главноначальствующаго гражданскою частью на Кавказѣ вызываетъ желающихъ взять изданіе газеты „Кавказъ“ съ будущаго года.

Некрологъ.

— 19 марта, скончался въ Петербургѣ присутствовавшій въ Департаментѣ Герольдіи сенаторъ д. т. с. Михаилъ Николаевичъ Туруновъ.

— 20 марта, послѣ тяжелой и продолжительной болѣзни, скончался въ г. Галсалѣ членъ Государственнаго Совѣта, генералъ-адъютантъ, генералъ отъ кавалеріи графъ Александръ Ивановичъ Бревернъ-де-ла-Гарди. Последніе годы почти 60-ти-лѣтней своей службы графъ былъ командующимъ войсками Московскаго военнаго округа (съ 1879 г.).

Изъ губерній и областей.

— Въ Москвѣ, реализацію городского зай-

ма въ 5½ милліоновъ для устройства водопровода взять на себя дѣлькомъ Волжско-Камскій банкъ по 94 р. 13 к. за 100 р.

— Въ Астрахани 24 марта получено изъ Бухары официальное сообщеніе, что слухъ о появленіи тамъ холеры лишень всякаго основанія.

— Въ Асхабадѣ прибылъ изъ Петербурга Д. П. Алферакъ съ горнымъ инженеромъ Николаевымъ для эксплуатаціи, съ разрѣшенія начальника Закаспійской области, сѣрныхъ залежей въ мѣстности Кирхъ-Чульби, въ Каракумской песчаной степи. На-дняхъ экспедиція отправляется на мѣсто для точнаго опредѣленія количества и качества слѣры.

— 13 февраля, въ 10 часовъ 30 минутъ вечера, въ гор. Вѣрномъ произошелъ настолько сильный подземный толчокъ, что качались лампы, а дымовыя трубы кое-гдѣ дали трещины; въ Малой станицѣ въ одномъ домѣ развалилась печь. Въ тотъ же день, въ 9 ч. 50 м. вечера, было два очень сильныхъ толчка, сопровождавшихся продолжительнымъ (¼ мин.) колебаніемъ въ Джаркентѣ; толчки ощущались съ юго-запада.

23 марта, въ Вѣрномъ, въ пятомъ часу утра, было сильное землетрясеніе съ подземнымъ гуломъ, продолжавшееся 15 секундъ. Дома дрожали. На сѣверномъ берегу Иссыкъ-Куля землетрясенія бывають почти безпрестанно въ теченіе уже цѣлаго мѣсяца.

— Первая суируга шаха Персидскаго ѣдетъ черезъ Тифлисъ въ Вѣну дѣлаться.

Политическое обозрѣніе.

Юный Германскій императоръ продолжаетъ сосредоточивать на себѣ всеобщее вниманіе, и вниманіе это растетъ съ каждымъ днемъ и каждымъ новымъ извѣстіемъ, получаемымъ изъ Берлина. Извѣстія такъ и сыплются на удивленный міръ изъ столицы Германской имперіи одно за другимъ и, не успѣвъ еще разобратъ въ полученномъ сообщеніи, какъ новая вѣсть приводитъ опять либо втѣшикъ, либо въ изумленіе.

Внезапная отставка князя Бисмарка поразила всѣхъ, и только стали къ ней привыкать, стараясь донскаяться причинъ неожиданнаго удаленія канцлера отъ кормила правленія, какъ газеты принесли извѣстія объ окончаніи берлинской конференціи по вопросу объ улучшеніи быта рабочихъ и выработанныхъ ею положеній, которыя хотя и похожи болѣе на академическаго разсужденія съ платоническими пожеланіями и практическаго значенія въ настоящемъ имѣть не могутъ. Тѣмъ не менѣе въ будущемъ, быть можетъ, они и окажутъ вліяніе на разрѣшеніе такъ-называемаго социальнаго вопроса, особенно если такія конференціи будутъ повторяться, какъ о томъ высказывались въ Берлинѣ. Вирочемъ, о значеніи принятыхъ конференціей въ Берлинѣ рѣшеній нельзя еще говорить, такъ какъ *Имперскій Указатель* заявляетъ, что опубликованныя до сихъ поръ сообщенія относительно постановленій конференціи не основаны на официальныхъ данныхъ и что официальное сообщеніе по этому предмету послѣдуетъ лишь въ этой газетѣ. Велѣдъ затѣмъ въ *Имперскомъ Указателѣ* появился рядъ статей подъ общимъ заглавіемъ: „Соціальная политика, социальная реформа и социализмъ“, которыя, можно думать, не лишены связи съ трудами конференціи. Въ этихъ статьяхъ выставляется положеніе, что разрѣшеніе социальнаго вопроса доступно лишь правительству. Только исходящая отъ него социальная реформа не разрушаетъ существующаго порядка, но сохраняетъ и укрѣпляетъ почву подъ нимъ. Имѣя въ виду устраненіе вредныхъ и опасныхъ послѣдствій существую-

щаго экономическаго строя, это преобразование можетъ быть выполнено лишь путемъ принудительныхъ жертвъ и уступокъ ради общаго блага. Подобныя обязательныя жертвы нельзя считать нарушеніемъ правъ частной собственности, но требовать ихъ можетъ только государство. Одну изъ задачъ государства составляетъ помощь страждущимъ. Только выполняя эту задачу государство можетъ быть сильнымъ и могущественнымъ. Однако, при разрѣшеніи вопроса, необходимо содѣйствіе всего общества, содѣйствіе церкви и школы, а также помощь политическихъ партій. „Общество — говоритъ въ одной изъ статей *Указателя* — подобно вѣсамъ, которые держитъ въ своихъ рукахъ монархъ. Онъ то прибавляетъ, то убавляетъ вѣсы на той или другой чашкѣ вѣсовъ, чтобы сохранить или возстановить равновѣсіе. Эту задачу можетъ выполнить только корона, задача же парламента — оказывать коронѣ содѣйствіе въ охраненіи общественнаго мира, справедливости и излеченія социальныхъ недуговъ. Если это будетъ такъ, то социальная реформа увѣнчается успѣхомъ и почва подъ ногами социализма исчезнетъ“. Велѣдъ за сими телеграфъ принесли изъ Берлина извѣстіе о весьма важномъ распоряженіи въ дѣлѣ пополненія корпуса офицеровъ, встрѣченномъ очень сочувственно либеральною печатью. Въ императорскомъ кабинетномъ приказѣ объявлялось, что для занятія офицерскихъ должностей могутъ быть отнынѣ подготовляемы не только родовые дворяне и сыновья офицеровъ и гражданскихъ чиновниковъ, но также сыновья почетныхъ бюргерскихъ семействъ. „Я считаю носителями будущности моей арміи—говорится въ приказѣ—также сыновей тѣхъ почетныхъ бюргерскихъ семействъ, которыя воспитываютъ своихъ дѣтей въ преданности королю и отечеству, въ сердечной любви къ военной карьерѣ и въ христіанскомъ дѣлѣ“. Последнее выраженіе, конечно, не понравится вѣлмъ жиждовскимъ и жиждовствующимъ газетамъ, и онѣ боятъ, что доступъ въ корпусъ офицеровъ будетъ закрытъ евреямъ. Далѣе въ приказѣ императоръ осуждаетъ требуемые нѣкоторыми на-

чальниками частей отъ офицеровъ личные денежные взносы, такъ какъ это не можетъ служить мѣриломъ престижа корпуса офицеровъ. Императоръ цѣнитъ особенно тѣ полки, которые при небольшихъ средствахъ охотно исполняютъ свою службу. Расходы на представительство должны нести только командующіе генералы; штабъ-офицерамъ же не слѣдуетъ подвергаться внушающимъ имъ большія заботы денежнымъ жертвамъ въ надеждѣ, что такимъ образомъ имъ легче удастся сдѣлаться полковыми командирами. Императоръ возлагаетъ на начальниковъ частей обязанность заботиться объ образованіи способныхъ офицеровъ и вести дѣло такъ, чтобы образъ ихъ жизни не требовалъ несообразныхъ тратъ. Въ виду этого, начальники частей преимущественно должны энергично противодействовать все болѣе и болѣе усиливающемуся стремленію къ роскоши.

Въ это-же время послѣдовало распорядженіе, касающееся быта офицеровъ въ Германіи и направленное къ пресѣченію частыхъ поединковъ въ германской арміи. Законъ строго запрещаетъ и караетъ дуэль, а между тѣмъ, офицеръ, отказывающійся отъ поединка, считается опозореннымъ и исключается навсегда изъ корпуса офицеровъ. Упразднить совсѣмъ дуэль императоръ не считалъ возможнымъ, но принять мѣры къ возможному ограниченію ея. Съ этою цѣлью издано императорское повелѣніе, предписывающее, чтобы отнынѣ поединки проходили не иначе, какъ съ согласія суда чести, и могли имѣть мѣсто лишь въ случаѣ дѣйствительнаго оскорбленія и отказа представить извиненія и въ случаѣ оскорбленія родственницы или невѣсты офицера. При этомъ безусловно запрещаются поединки: изъ-за ссоры въ клубѣ и т. п. заведеніяхъ; если противникъ дрался на дуэли уже три раза, и если одинъ изъ противниковъ женатъ или отецъ семейства.

Но не одними внутренними преобразованиями озабоченъ императоръ Вильгельмъ II. Если върять газетѣ *"Paris"*, напечатанной писемъ изъ Берлина, Германскій императоръ давно мечтаетъ объ улучшеніи взаимныхъ отношеній между Германіей и Франціей и даже заявилъ о томъ князю Бисмарку. Неудовлетворительный отвѣтъ канцлера о томъ, что Германія уже сдѣлала все, чтобы придти къ желаемымъ императору результатамъ и что дальше идти нельзя, говорятъ, сильно огорчилъ молодого монарха и былъ одною изъ причинъ удаленія канцлера отъ дѣла. Нынѣ императоръ лично составляетъ проектъ соглашения—и надеется, что исходъ его не можетъ не быть благоприятнымъ.

Пока Германія только собирается сблизиться съ Франціей, Италия уже сблизилась, для чего всячески ухаживаетъ за своей союзницей. Такъ, по извѣстіямъ *Riforma*, итальянскій король пожаловалъ Спюллеру ленту ордена Маврикія и Лазаря за усердное содѣйствіе восстановленію сердечныхъ сношеній между Италіей и Франціей. Другой изъ отставныхъ

министровъ Тираръ на-дняхъ прибылъ въ Римъ и сдѣлалъ визитъ Криспи, который посѣдѣшилъ отдать ему визитъ на другой день. *Riforma* сообщаетъ, что бесѣда имѣла весьма сердечный характеръ и что собеседники радовались послѣдовавшему во взаимныхъ отношеніяхъ Италиі и Франціи улучшенію. Тираръ увѣрялъ, что пресмнники его будутъ держаться такого же образа дѣйствій, на что Криспи отвѣтилъ, что они всегда встрѣтятся со стороны Италиі самыя дружескія на-мѣренія.

СМѢСЬ.

Исполнскіе часы, куда механики, сооружены недавно, по словамъ американскихъ газетъ, Феликсомъ Мейеромъ, въ Нью-Йоркѣ, гдѣ они возбуждаютъ общее удивленіе. Часы носятъ громкое названіе „національно-американскихъ астрономическихъ часовъ“. Они имѣютъ 10 футовъ вышины, 8 ширины и вѣсятъ 80 центнеровъ. Кромѣ нью-йоркскаго времени, они показываютъ время 13 другихъ городовъ (Вашингтона, Санъ-Франциско, Пекина, Константинополя, С.-Петербурга, Лондона, Берлина, Парижа и т. д.). Кромѣ того, часы воспроизводятъ теченіе планетъ въ простыя и високосные годы. Когда бьетъ полный часъ, начинается играть музыка, и фигура Вашингтона, составляющая главное украшеніе часовъ, поднимается со своего кресла. Въ то же время лакей-автоматъ отворяетъ двери справа отъ „отца отечества“, и изъ этихъ дверей выходятъ, одинъ за другимъ, всѣ бывшіе президенты Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, воспроизведенные съ портретнымъ сходствомъ; они дефилируютъ передъ Вашингтономъ, почтительно кланяются ему и уходятъ въ другую дверь, которую тоже отворяетъ ливрейный лакей. Послѣ этого Вашингтонъ спокойно садится на свое кресло. Полные часы указываютъ скелетъ; три-четверти часа—человѣкъ въ цвѣтѣ дѣтъ; полчаса—юноша, и четверти часа—ребенокъ. Одна изъ церквей Бостона уже предлагала за это произведеніе искусства 45 тысячъ долларовъ, но владѣлецъ часовъ не уступаетъ ихъ мѣнѣе 50 тысячъ. (с.)

Въ Сандрингамѣ, резиденціи принца Вельскаго, существуетъ обычай, чтобы всѣ прибѣгающія туда, хотя бы на нѣсколько дней, лица *взвѣшивались*, какъ по прибытіи, такъ и при отъѣздѣ. Результаты взвѣшиванія записываются въ особую книгу и

каждый посѣдѣтель обязанъ удостовѣрить своею подписью, насколько великъ его вѣсъ. Книга эта составляетъ фоліантъ почтенныхъ размѣровъ и принцъ Вельскій лично наблюдаетъ за тѣмъ, чтобы записи производились съ величайшею точностью и акуратностью. Не такъ давно туда внесено имя лорда Солсбери. Англійскій премьеръ удостовѣрилъ своею подписью, что вѣсъ его составляетъ ровно 114 килограммовъ. Во время пребыванія лорда въ Сандрингамѣ вѣсъ этотъ не измѣнился. (с.)

Памятникъ Колумбу. Въ палатѣ представителей Сѣверо-Американскихъ Штатовъ внесенъ законопроектъ объ ассигнованіи 600,000 долларовъ (ок. 1.200,000 руб.) на сооруженіе величественнаго памятника Колумбу въ Вашингтонѣ.

Утверждаютъ, что въ Китаѣ ежегодно умираетъ 150 тысячъ

Фигурные часы. Скульптура П. Бауэра, грав. Бонгъ.

человѣкъ вслѣдствіе злоупотребленія опиумомъ. (с.)

Извѣстный парижскій профессор Шарко сообщаетъ въ нью-йоркскую газету *Forum* о слѣдующемъ гипнотическомъ опытѣ, который онъ будто бы производилъ сотни разъ въ клиникѣ: „И передаю одной женщинѣ, которую передъ тѣмъ привелъ въ гипнотическое состояніе, листъ чистой бумаги и говорю ей: „вотъ мой портретъ, похожъ ли онъ?“ После краткаго колебанія, больная отвѣчаетъ: „Да, это ваша фотографія; дайте мнѣ ее, пожалуйста“. Для того, чтобы еще тверже внушить больной представленіе о моемъ портретѣ, я указываю ей на ту сторону бумаги, куда будто бы повернуть мой профиль; описываю ей свой костюмъ и т. д. Потомъ я смѣшиваю бумагу, на которой дѣлаю лишь незначительную отмѣтку, съ другими листами такой же чистой бумаги и подаю всю пачку пациенткѣ съ вопросомъ, не знакомъ ли ей одинъ изъ этихъ портретовъ. Перелистовавъ бумагу, она тотчасъ же находитъ мнимый портретъ и говоритъ: „Вотъ ваша фотографія“. Если я подаю ей листъ перевернутымъ, она объявляетъ, что видитъ теперь портретъ сверху ногами. Но вотъ я вывожу больную изъ гипнотическаго состоянія и подаю ей снова пачку чистой бумаги; она снова отрицаетъ тотъ же листъ и снова утверждаетъ, что это моя фотографія. Она уноситъ съ собою листокъ въ палату, и даже наскѣпки другихъ больныхъ не могутъ разубѣдить ее въ томъ, что у нея въ рукахъ моя фотографія. Если я во время гипноза шепну пациенткѣ, чтобы она нѣсколько дней послѣ пробужденія оставалась подъ вліяніемъ той же галлюцинаціи,—такъ оно и случается“. Физиологическую причину этихъ своеобразныхъ и почти неистощимыхъ явленій Шарко видитъ въ безграничномъ легковѣрїи, съ которымъ данный субъектъ воспринимаетъ всякое внушеніе гипнотизера. „Подъ вліяніемъ гипнозизма, говоритъ ученый,—какъ бы возникаетъ

М. И. Козловъ (по поводу 50-лѣтія его смерти). Съ соврем. портр. грав. Шюблеръ.

въ мозгу полное отсутствіе мысли, и каждое представленіе, брошенное внушеніемъ въ это пустое пространство, безпрепятственно разрастается и достигаетъ абсолютнаго господства“. Такъ неотразимо вліяніе внушенія уже въ его простѣйшихъ формахъ, и потому можно себя представить, къ какимъ разнообразнымъ результатамъ можно прийти при помощи этого средства. Явленія эти, по словамъ Шарко, объясняются весьма просто—чрезвычайной впечатлительностью чувствъ, вызванной гипнотическимъ состояніемъ. (с.)

Въ Остѣ-Индіи открыто недавно замѣчательное растеніе, обладающее, по словамъ журнала *Nature*, чрезвычайною магнетическою силой. Если оторвать листъ этого растенія, то рукѣ тотчасъ сообщается сильный электрическій токъ. Колебаніе магнитной стрѣлки ощущается уже на разстояніи 6 метровъ и тѣмъ ближе подносить ее къ растенію, тѣмъ болѣе усиливается колебаніе. Таинственная сила растенія видоизмѣняется смотря по времени дня. Сильнѣе всего она выражается около двухъ часовъ пополудни, между тѣмъ какъ ночью она равняется нулю. Во время бурной погоды сила эта увеличивается въ поразительной степени. Въ дождливую погоду растеніе какъ бы блекнетъ; во время грозы оно понижаетъ и теряетъ электрическую силу, даже будучи прикрыто наметомъ. Если въ это время оторвать листокъ, то рука не чувствуетъ ни малѣйшаго электрическаго тока, и магнитная стрѣлка не колеблется даже на самомъ близкомъ разстояніи. Замѣчательно, что ни одна птица, ни одно насекомое не садятся на это дерево. Инстинктъ охраняетъ ихъ отъ внезапной смерти. Замѣтимъ также, что тамъ, гдѣ произрастаетъ это растеніе, не находится никакого металла; догадательно, что вся магнетическая сила сосредоточивается въ самомъ деревѣ. (с.)

Ребусъ. Задача № 23.

ЗАЯВЛЕНІЕ.
 Контора журнала „НИВА“ проситъ Гг. подписчиковъ, НЕ ВНЕСШИХЪ ПОЛНУЮ ГОДОВУЮ ПОДПИСНУЮ ПЛАТУ за „НИВУ“ 1890 г., озаботиться своевременными взносами слѣдующихъ съ нихъ денегъ. Гг. иногородные подписчики, при высылкѣ денегъ, благоволятъ прилагать печатные адреса отъ бандеролей.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.
 Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

СОДЕРЖАНІЕ: І. Ясинскій (съ портр.).—Кладъ. Романъ І. Ясинскаго (Максима Бѣлинскаго). Ч. 1.—Сестра милосердія. Разсказъ К. Л. Ярославской.—Нороль королей. (Изъ жизни послѣдняго абиссинскаго повелителя).—Бъ рисункахъ: Верховья рѣки Тигра. Картина Кившенко (съ рис.).—Подходъ къ медвѣжьей берлогѣ. Картина Кившенко (съ рис.).—Тихимъ вечеромъ. Карт. Е. П. Судювской (съ рис.).—Недужная. Карт. Пелевина (съ рис.).—Феннеки, поднарауливающие степныхъ нуръ (съ рис.).—Фигурные часы (съ рис.).—М. И. Козловъ (съ портр.).—Разныя извѣстія.—Политическое обозрѣніе.—Смѣсь.—Ребусъ.—Заявленіе.—О перемѣнѣ адреса.—Объявленія.

Пздатель А. Ф. Мѣрсья. Редакторъ В. Клюшниковъ.

МОЗОЛЬНАЯ ЖИДКОСТЬ

„ГОЛЛЕНДЕРА“.

Средство для уничтожения мозолей и бородавок. Цена 35 коп. за флаконъ, за два флакона съ перес. 1 руб.

Получать можно во всѣхъ парфюмерн., аптекарск. магазинахъ и аптекахъ. Главный складъ у **Г. Голлендера**, Демидовъ пер., № 1. Въ С.-Петербургѣ. (8) № 4366

ОБЩАЯ ФИЗИОЛОГИЯ ДУШИ.

Вышло новое издание **Ф. ПАВЛЕНКОВА**: А. Герцена. Професс. физиологн въ Лозанѣ. Со вступительнымъ письмомъ А. Герцена-отца. Перев. съ франц. К. Г. руб. М. № 4473

Болѣе 500 дюжинъ роскоши. изъедек. **ГАРМОНИИ** всегда въ запасѣ разн. конст., отдѣлки и тоновъ, въ 1 р. 30, 1 р. 60, 2 р. 30, 3 р. 40, 5 р. 60, 8, 10, 11, 12, 15, 18, 20, 25, 28, 30, 40 р. и дороже. Самоучители 1 руб. Герофоны съ 10-ю пьесами 26 р. Аристонъ съ 10-ю пьесами 20 р. и пр. муз. инстр. по фабричн. цѣнамъ. Отгомъ и въ розн. Торгов. скнда.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ и ФАБРИКА музыкальныхъ инструментовъ **А. Е. КУЛАКОВЪ**. Новый иллюстр. прейсъ-курантъ всѣмъ инструментамъ высылается бесплатно. Главн. Конт. и складъ: Садовая, № 40, въ С.-Петербургѣ. № 4475

НАВОЖДЕНИЕ.

Романъ изъ современной жизни. **Вс. Соловьева**. Цена 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.

ЧОКРАНСКО-БУЛГАНСКАЯ грязе-лечебница „Товарищества“ врачей въ Крыму, въ г. Керчи. Сезонъ съ 15-го мая по 1-е сентября. Подробности въ брошюрѣ, которая высылается за одну семикоп. марку. Адр. въ г. Керчь, Таврич. губ., доктору Филимовичу. Ц. № 4440 12-3

МОЙНАКСКОЕ ГРЯЗЕЛѢЧЕБНОЕ и ЛИМАННОЕ ЗАВЕДЕНІЕ

въ городѣ Евпаторіи открывається съ 20 мая по 20 августа. За подробностями просить обращаться въ гор. Евпаторію, Тавричской губ., Гг. доктору С. П. Ценева-скому или доктору С. П. Ходжашу.

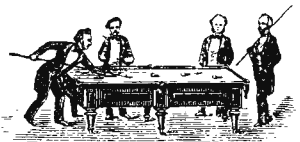
ЧОКРАКСКОЕ

грязелечебное заведение въ Крыму, въ 14 верстахъ отъ г. Керчи, у солтанаго озера Чокракъ, въ сезонъ 1890 г. будетъ открыто съ 20 мая. За справками обращаться въ г. Керчь, къ Ару Добровольскому. За 4 марки высылается брошюра о Чокракскомъ заведеніи. № 4469

Издание **К. Ф. БЛЮМА** и № въ Митавѣ. Только что вышло: „**АХЪ ИНФЛЮЭЦА**“, юмористическій вальсъ съ куплетами Сибирскаго юмориста (И. Ф. Борисовскаго). Музыка О. Тейхъ, ор. 19. Цена 50 коп. № 4474. Пересылка на счетъ издателей.

ШЕСТЬ РАЗСКАЗОВЪ

Н. Морскаго (Лебедева), съ 118 рисунками и винетками **Н. Н. КАРАЗИНА**. ОПЛАЧЕНІЕ: 1) Дяденка. 2) Уличная лѣвица. 3) Ночь. 4) Обезьянка. 5) Грѣхъ-ли это? 6) Кувшинчикъ. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ колденковомъ переплетѣ, съ золотымъ тисненіемъ 2 р. 75 к., съ пересылкою 3 р. 50 к. Разказы написаны живымъ увлекательнымъ языкомъ и могутъ быть съ пользою отнесены къ однимъ изъ наилучшихъ произведеній этого талантливаго беллетриста.

БИЛЛЯРДНАЯ ФАБРИКА А. ФРЕЙБЕРГЪ.

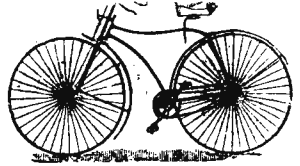
С.-Петербургъ, Троицкй пр., близъ Египетскаго моста, домъ № 7--2. 26-7. Иллюстрированные прейсъ-куранты по востребованіямъ высылаются безвозмездно.

ЭЛЕОПАТЬ ПРОВ. КИНУНЕНЪ

для волосъ. Элеопать Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптек. и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп., но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ. Просить непременно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждого флакона, — пров. Кинуненъ. (13) № 4287. Главный складъ: С.-Петербургъ, Демидовъ пер., д. № 1.

CIGARETTES ESPIC contre ASTHME & CATARRHE
AUTORISÉES PAR LE GOUVERNEMENT RUSSE
Le pôt général: STOLL & SCHMIDT, à Saint-Petersbourg
Vente en gros: J. ESPIC, 20, rue Saint-Lazare, Paris.
Exiger la Signature sur chaque Cigarette.

ГЕНРИХЪ КЛЕЙЕРЪ Франкфуртъ н/М. R. № 4330 **ФАБРИКАНТЪ ВЕЛОСИПЕДОВЪ „ОРЕЛЬ“**. 12-10. Всякаго рода двухъ- и трехъ-колесные велосипеды для взрослыхъ и дѣтей. Составныя части и принадлежности. Ищутъ агентовъ. Иллюстрированный каталогъ за 10 пфен. марками.

ЗАВОДЪ ДЛЯ РАЗВЕДЕНІЯ ПОРОДИСТЫХЪ СОБАКЪ

владѣлецъ **Артуръ Зейфартъ** Кэстрицъ (Германія) получивъ множество премій и пользующійся всемірн. извѣстностью. **Спеціальности:** Громадный выборъ Салонныхъ собакъ, Водлазовъ, Бульдоговъ, Сенъ-Бернарскихъ, Охотничьихъ собакъ, собакъ спорта и проч. **ПОРОДИСТЫЕ СОБАКИ:** Нѣмецкіе исполніе Догг, Нуделя, Шницъ, Крысоловки, Нинчеры, Лягавы, Борзая и Гончая собаки, Таксы и проч. Ручательство только за Qualité. Каталогъ высылается бесплатно, а альбомъ за 50 пфен. Вывозъ во всѣ страны свѣта. R № 4458 2--2

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ВСѢХЪ НОВОСТЕЙ ПО ФОТОГРАФИИ.

Фотографическіе аппараты начиная съ 15 р. Ручные аппараты для моментальныхъ съемокъ, начиная съ 12 рублей. № 4376. Собственная столярная и механическая мастерскія. Новѣйшій полный прейсъ-курантъ съ рецензиями изданія 1890 года высылается при полученіи 35 коп. почтовыми марками. Издательство **ФОТОГРАФИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА** (третій годъ). Годовая подписка 4 рубля съ перес. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, НЕВСКІЙ ПР., № 25—1.

Во всѣхъ складахъ духовъ и у всѣхъ парикмахеровъ во Франціи и за границей. **LA VELOUTINE** Специальная рисово-висмутовая пудра. **CHATELAIN FAY, Parfumeur, 9, rue de la Paix Paris.** Ц. № 3767 (54)

ДЛЯ СТРАДАЮЩИХЪ ЛЕГКИМИ

Лечебное заведеніе **Д-ра Бремера**, Герберсдорфъ, Силезія, въ Исполинскихъ Горахъ, учрежденное въ 1854 году. R. № 4457 12--2. **Главный докторъ Ф. Вольфъ**. Обширный паркъ съ прилегающимъ къ нему еловымъ лѣсомъ. Искусственно проложенная дорожка достигаетъ до 14 километровъ. Изящно убранный кургаузъ. Въ паркѣ находятся роскошная вилла. Цѣны умеренныя. Проспекты высылаетъ бесплатно. **Администрація лечебнаго заведенія Д-ра Бремера.** При заведеніи находится русскій врачъ. Подробности методы леченія см. II изд. „Die Therapie der chronischen Lungenschwindsucht von Dr. H. Bremer. Verlag von I. F. Bergmann, Wiesbaden.“

ТУАЛЕТНОЕ СРЕДСТВО ДЛЯ ДАМЪ, БЕРЕЗОВЫЙ БАЛЬЗАМЪ Д-РА ЛЕНГИЯ

употребляется для бѣлизны кожи, лица и рукъ. Въ виду многихъ поддѣлокъ просимъ обратить вниманіе на припечатанную здѣсь охранительную марку и на подпись единственнаго агента **Василія Аурихъ**, въ С.-Петербургѣ, Колоколь-ная, 18—19. Цѣна: флакону 1 руб. 65 коп., **бензоево мыло** 35 коп. и 50 коп. кусокъ, **опо помада** (лучше колыд-крема) 1 руб. Упаковка и пересылка въ Европ. Россіи 70 коп., въ Азіат. 1 р. Нибется во всѣхъ парфюмерн. и аптекарскихъ магазинахъ и аптекахъ Россіи. В. № 4407 12-3

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ И. И. БАЛДИНЪ и К.,

Москва, Столешниковъ пер., д. Корзинкина. **РЕКОМЕНДУЕТЪ:** **КРОВАТИ** съ пружинными и волосными матрацами отъ 16 руб., диваны, канапы, кресло-кровати, дѣтскія коляски, велосипеды и проч. **УМЫВАЛЬНИКИ** мраморные отъ 13 руб., цинковые отъ 4 руб., ванны, души, клеветы и проч. **НОВОСТИ:** умывальныя вазы съ педалью совершенно новой системы, по своей компактности, прочности и простотѣ крайне удобны для провинціи, отъ 5 рублей. **СЕРВИЗЫ** столовые и чайныя русскихъ и заграничныхъ фабрикъ, разные рисунки, чайные отъ 8 руб., столовые отъ 15 рублей. **ХРУСТАЛЬ** бакара, богемскій и русскій. Стаканы отъ 60 коп., рюмки отъ 75 коп. ложина, вазы, блюда, графинны и проч. **ЛАМПЫ** висячія, кабинетныя, стѣнныя и столовыя. Люстры, бронзовыя канделябры, подсвѣчники и проч. **ПОСУДА** желѣзно-эмалированная заграничныхъ фабрикъ по фабричнымъ цѣнамъ. **МАШИНЫ** для рубки мяса, выжиманія сока, чистки ножей и картофеля, откупориванія сардинъ и пробокъ, приготовления мороженаго и проч. **МЕБЕЛЬ** буковая и садовая, стулья, диваны, кресла, табуреты и проч. **ПОЛНОЕ** домохозяйство, какъ-то: столовая, чайная и кухонная посуда, ложки, вилки, лопки, хрусталь и все нужное 90 рублей. **ВЪ БОЛЬНИЦАХЪ**, госпиталѣ, училища и вообще казенныя заведенія Торговый Домъ принимаетъ всякаго рода поставку. Отправка во всѣ города Россіи и на всѣ станціи желѣзныхъ дорогъ съ ручательствомъ за цѣлость въ дорогѣ. Правильно Торговаго Дома. Если купленные или выписанныя какія-бы то ни было вещи не соответствуютъ своему назначенію или не нравятся, Торговый Домъ принимаетъ обратно и выдаетъ деньги. № 4465. **ПРОДАЖА ОПТОВАЯ и РОЗНИЧНАЯ.** Кромѣ того Контора Торговаго Дома предлагаетъ свое содѣйствіе Гг. шогороднымъ по полной мебелировки домовъ и дачъ, для каковой цѣли, по полученіи болѣе правильно разъясненнаго требованія, и высылаетъ полную смѣту стоимости оной. Сверхъ сего контора принимаетъ всякаго рода комисіи по выпискѣ товаровъ, матеріаловъ и проч. и охотно исполняетъ обратныя порученія для сбыта оныхъ въ Москвѣ. На отвѣтъ просимъ прилагать двѣ 7-ми коп. марки. **Торговый Домъ И. И. Балдинъ и К°.**

ВЕНГЕРСКАЯ ПОМАДА

ДЛЯ КОЛИ И МЯГКОСТИ

УСОВЪ

Главный складъ въ парфюмери. магазинѣ СПБ., 52. ПАССАЖЪ, 52, Невскій пр. При высылкѣ 1 р. с. или наложеннымъ платежемъ высылаются одна банка помадъ во все города Россіи. № 4410

ЛВИНИГЪ и ГЮЗИНЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которую печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 4410

ТУАЛЕТНЫЯ МЫЛА

ЛУИ БУНСЬИКО

ПАРФЮМЕРИЯ

А. Д. МАРШЕЛЬЕ

ПЕРУЛЬСКОЕ МОСКОЕ КОЛОДЦОВОЕ

ЗОЛОТАЯ МЕДАЛЬ

на Всемирной Выставкѣ въ Парижѣ 1889 года.

О-ДЕ-КОЛОНЪ

ЦВѢТОЧНЫЙ

БРОКАРЪ и Ко

ИЗГОТОВИТЕЛЬ

№ 4873

8-7

Складъ фабрики: Офицерская, 5.

ТИМОЛОВЫЙ зубной эликсиръ.

ТИМОЛОВЫЙ зубной порошокъ.

фабричная

ОСВѢЖАЮТЪ РОТЬ.

марка.

С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ

ТЕХНО-ХИМИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРИИ

КОМПОРА и СКЛАДЫ въ С.-Петербургѣ. Александринская площадь, № 7.

Продаются въ лучшихъ магаз. Имперіи. Во избѣжаніе подражаній просимъ обратить вниманіе на вышеописанную фабричную марку, утвержденную правительствомъ.

Подробные прейсъ-курранты высылаютъ. Ц. № 4463 сѣ бесплатно. 7-1

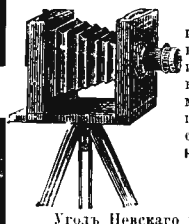
4711

О-ДЕ-КОЛОНЪ.

Можно получать во всехъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи и заграничн.

ГЛАВНОЕ ДЕНО: у Алене. ТИСЬ и Ко, Пушкинская, № 4. Ц. № 4439 5-2

СЕКРЕТНАЯ МОМЕНТАЛЬНАЯ ФОТОГРАФІЯ.

Посредствомъ предлагаемаго новаго, только что изобрѣтеннаго, маленькаго, эlegantнаго фотографическаго аппарата, красиваго лакированнаго дерева съ аллантическимъ объективомъ и моментальнымъ затворомъ, можно, безъ предварительнаго знанія, удобно, легко, свободно и незаметно, безъ замятия пластинъ, моментально или съ раздѣленіемъ на время, снять 12 ландшафтовъ, группъ или портретовъ, величиную пластинки 6x8 сантиметр. Цѣна только РС. 12. Новый и богато иллюстрированный прейсъ-куррантъ на 1890 годъ высылаются. В. № 4464 3-1

СКЛАДЪ ФОТОГРАФИЧЕСКИХЪ ПРИНАДЛЕЖНОСТЕЙ **К. И. ФРЕЛАНДТЪ** Вальзамъ Колорадо, растительный продуктъ для волосъ. Цѣна 4 рубли, перес. 1 руб.

КОСМЕТИЧЕСКАЯ СРЕДСТВА,

разрѣшены на общихъ основаніяхъ торговли, какъ не содержащія въ составѣ своемъ вредныхъ здоровью веществъ. Косметикъ Одалистъ. Цѣна 2 р., пер. 50 к. Мамоитовое благовонное мыло, обильно пѣнившееся. Цѣна 60 коп., пересылка не мене 1/2 дюж. Ориантинская влажная пудра. Цѣна 2 р., пересылка 50 коп. Тополитъ — помада для волосъ. Цѣна 1 р. 50 к., перес. 50 коп. № 43 0

Предметы эти находятся въ продажѣ: въ С.-Петербургѣ, въ магаз. Рузанова и СПБ. Химической Лабораторіи. Бунса—въ Москвѣ, на Кузнецкомъ; въ Харьковѣ, Русск. Общ.; въ Вильнѣ у Грузевскаго. Для иногородн. въ магаз. Добжанскаго, въ Варшавѣ.

САНОЖКОВСКАЯ (РЯЗАНСКОЙ ГУБЕРНІИ) ЖЕНСКАЯ ПРОГИМНАЗІЯ

въдомства Министерства Народнаго Просвѣщенія извѣщаетъ, что прошенія о приѣмѣ ученицъ присылаются въ г. Саножокъ на имя заправительницы прогимназіи Маріи Ивановны Буйновской. Ц. № 4468

Ученицы принимаются не моложе 8 лѣтъ. Плата за обученіе приходящихъ ученицъ русскимъ предметамъ 15 руб. въ годъ; съ приращеніемъ французскаго языка, музыки и танцевъ 50 руб.; за полныхъ пансіонерокъ, живущихъ въ зданіи прогимназіи, 150 руб. въ годъ.

1893

1882

ИЗДАТЕЛЬСТВО

ПРИДВОРНЫЕ ПОСТАВЩИКИ

АРАЛЛЕИКО

ВЪ МОСКВѢ

Оптовая Торговля

Никольская, Богоявленскій переулокъ, д. Чижовыхъ

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ

ГЛАВНЫЙ КОРПУСЪ

МАРИНСКАГО РЫНКА

ПО ЧЕРНЫШЕВУ ПЕРЕУЛКУ,

БЛИЗЪ САДОВОЙ

ДЛЯ ЧИСТКИ ЗУБОВЪ.

EAU DE BOTO

(ВОДА БОТО) РѢ. № 4314 14-5

чиститъ зубы и освѣжаетъ ротъ.

Слѣдуетъ непременно требовать настоящую „ВОДУ БОТО“.

Главный складъ: 17. Rue de la Paix, PARIS. Превжій адресъ: 229, Rue Saint-Monogé.

Продается во всехъ москательныхъ лавкахъ и у всехъ парфюмеровъ.

Требов. также Туалетный Укусъ Бото высш. качества въ отношеніи тонкости запаха. Представитель для всей Россіи: Н. Д. Натанъ, Шпательскій пер., д. Гускова, въ Москвѣ.

ЭЛИКСИРЪ, ПОРОШОКЪ И ПОМАДА ДЛЯ ЗУБОВЪ

ОТЦЕВЪ БЕНЕДИКТИНЦЕВЪ

Аббатства СУЛЯКЪ (Швицъ) Франціи.

Находится во всехъ аптекахъ, москательныхъ лавкахъ и косметическихъ магазинахъ.

ГЛАВНОЕ ДЕНО ЧАСОВЪ

Б. АЛЬТШВАГЕРА

С.-Петербургъ, Невскій просп., № 42,

имѣеть постоянно богатый выборъ всевозможныхъ карманныхъ, стоювыхъ, стѣнныхъ и дорожныхъ часовъ, регуляторовъ и будильниковъ. Ручательство на два года. Цѣночи различныхъ модныхъ фасоновъ и металловъ. — На высылку иллюстрированнаго прейсъ-курранта просить прилагать 7 копѣчную марку. 5-6

НОВОСТЬ!!

НОВѢЙШІЙ И ЛУЧШІЙ МЕХАНИЧЕСКІЙ ИНСТРУМЕНТЪ

ПИАНО-МЕЛОДИКО

Цѣна 90 рубли

Ноты отдѣльно по 80 коп. за 1 (одну) метръ (1 метръ=1 1/2 аршин.).

Требуйте подробное описаніе и ната-логъ нотъ =

І. Ф. МЮЛЕРЪ

Москва, Петровка, д. Волкова, противъ Столешникова переулка.

БЕРЕЗОВАЯ ЭМУЛЬСІЯ

косметика А. ЭНГЛУНДЪ.

При употребленіи березовой эмульсіи, кожа лица дѣлается блѣлой. Ц. флакона 1 р. 25 к., съ перес. 2 р., 2 флак. съ перес. 3 руб. Для предупрежденія поддѣлокъ, прошу торговать: подпись А. Энглундъ красными чернилами и марку Сиб. Косметической Лабораторіи. Ц. № 4477

Получать можно: въ Русск. Общ. торгов. антек. товар., у А. Рузанова, въ Москвѣ; у К. Феррейль, В. Безбардскіи, Р. Келлеръ и Ко, О. Геллингъ, и во всехъ извѣстныхъ антек. и парфюм. торгов. Россійской имперіи. Главный складъ для всей Россіи: С.-Петербургъ, С.-Петербургская Косметическая Лабораторія А. Энглундъ. Литейный, № 38.

ЗАЙКИ могутъ пользоваться леченіемъ въ заведеніи Р. № 4456

РОБЕРТА ЭРИСТЪ,

въ Берлинѣ, Potsdamerstrasse, 37.

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ

ГЕНРИХЪ БЛОКЪ

взимаетъ по ссудамъ:

умевышеннымъ . . . 8% год. и 1/2% еж. ком

возвышеннымъ . . . 9% год. и 1/2% еж. ком

Высшій размѣръ ссуды:

Подъ I—VI банк. бил. 95 р.

„ I—III восточн. займы. 95

„ городск. обліг. 85

„ зем. закл. листы 6% 90

„ „ 5% 83

„ I вингрыйшій заемъ 215

„ II 200

„ Дворянск. съ вингр. з. л. 30

Размѣръ % и ссуды можетъ быть измѣняемъ по состоянію денежнаго рынка. Подробныя условія выдаются и высылаются безплатно. Комтора Б. Д. помѣщается: СИБ., 57 (новый № 59), Невскій, соб. д.

МИНДАЛЬНОЕ МЫЛЬНОЕ ТѢСТО!!

приготовленное лабораторіей А. Энглундъ.

Миндальное мыльное тѣсто на березовомъ сокѣ, котораго обильная, освѣжающая и притягивающая въ кожу, придаетъ ей нежность и мягкость, употребляется какъ мыло.

Цѣна за кусокъ 35 к., съ пересылкою 6-ти кусковъ 2 р. 50 коп.

Для предупрежденія поддѣлокъ, прошу обратить вниманіе на подпись А. Энглундъ красными чернилами и марку С.-Петербургской Косметической Лабораторіи.

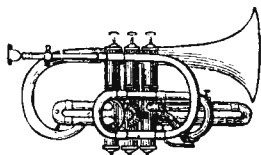
Получать можно во всехъ извѣстныхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ всей Россійской Имперіи. Ц. № 4403 12-2

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ

А. ЭНГЛУНДЪ,

СПБ., Литейный пр., 26.

ГОРНЕТЬ-А-ПИСТОНЫ

въ 18, 25, 30, 40, 50, 60, 75, 100 р. и дороже. Самоучитель Баганца по 1 1/2 и 2 1/2 р. Трубы, тромбоны, вальторны, альтгорны, теноргорны, баритоны, басы, геликоны.

ФЛЕЙТЫ

въ 3, 5, 7, 10, 15, 20, 30, 40, 50, 60, 75, 85, 120 и 160 р. Самоучитель Келера по 1 1/2 и 2 1/2 р.

Кларнеты въ 7, 12, 18, 25, 30, 45, 60 и 75 р. Самоучитель Кигнера по 2 1/2 и 4 р. Гобой, Фаготы и пр.

Литавры, Барабаны, Тарелки и проч. Иллюстрир. прейс-курantz — бесплатно.

Юлий Генрих ЦИММЕРМАНЪ главное депо № 4471

музыкальных инструментовъ и нотъ: С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40. Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарьина.

ЮНЫЙ ИМПЕРАТОРЪ.

Ром.-хрон. XVIII в. Вс. Соловьева. СПб. Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ колѣнк. пер. 2 р. 75 к., съ перес. 3 р. 25 к.

ВАЗЕЛИНОВОЕ МЫЛО

1. ГОЛЛЕНДЕРЪ

для смягченія кожи. Новозобрѣтенное вазелиновое мыло, приносящее запахъ, придаетъ кожѣ желаемую живую мягкость. Цѣна за кусокъ 30 коп., 3 куска съ пересл. 1 р. 50 к.

Получать можно во всѣхъ парфюм. и аптеч. магазинахъ и аптекахъ Россіи.

Главный складъ: СПб., Демидовъ пер., д. № 1. (13) № 4278

ПОРЬКАЯ ВСДА ИСТОЧНИКА ФРАНЦА ИОСИФА

Натуральная минеральная слабительная вода источника ФРАНЦЪ-ИОСИФЪ

въ Будапештѣ, по отзывамъ медицинскихъ авторитетовъ, она дѣйствуетъ легко, аккуратно и безъ всякихъ вредныхъ послѣдствій.

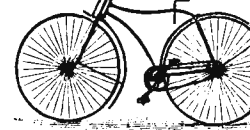
Рекомендуется какъ слабительная вода, не содержащая въ своемъ составѣ вредныхъ здоровью веществъ. Продается въ аптекахъ и аптеч. магазинахъ. Ц. № 4238 7-6

Для нормальнаго приема достаточно одного виннаго стакана Диренция въ Будапештѣ.

Торговый Домъ Ж. Блокъ,

Москва, С.-Петербургъ, Кузнецкій Мостъ, Б. Морская № 21.

имѣетъ единственный Складъ для всей Россіи Велосипедовъ: Свифтъ, Винпегъ, Русскій Клубъ, Молния (New Rapid), Имперіаль и пр.

Цѣны отъ 100 до 500 руб.

НОВОСТЬ

Одинъ изъ лучшихъ Свифтъ № 2 = 150 руб. =

Прейс-Курantzы высылаются бесплатно. Поставщики велосипедовъ Русской Арміи

Ф. Э. ДРЕХСЛЕРЪ, Варшава, Лешно, 14. Бицикли отъ 100 р. Роверы отъ 135 р. № 4386 10-6

ФАБРИКА МЕЛЬХИУРОВЫХЪ ИЗДѢЛІЙ А. КАЧЪ

въ С.-Петербургѣ, Невскій пр., д. № 36. Рекомендуетъ огромный выборъ новѣйшихъ фаянсовыхъ, всевозможнѣйшихъ вещей, имитирующихъ серебро. Гг. иногороднымъ высылаются иллюстрированные каталоги, по требованію, бесплатно. № 4402 3-3

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ ЮЛІА ФЛОРАНА

основанъ въ 1849 году. 16, Большая Морская, 16, С.-Петербургъ. Рѣ. № 4476.

Спеціальность мужскаго и дамскаго бѣлья и принадлежностей туалета. ПОЛНОЕ ПРИДАНОЕ для невѣстъ и новорожденныхъ.

ОТДѢЛЪ ЧУЛОЧНАГО ИЗДѢЛІЯ.

- Чулки бумажн. суровые отъ 8 — за дож.
- Чулки бум. сур. полос. " " 75 га гару.
- Чулки бум. цвѣтн. полос. " " 75 "
- Чулки бум. одноцвѣтн. " " 70 "
- Чулки фильдекос. суров. " 11 — за дож.
- Чулки фильдекос. одноцв. " 85 за пару
- Чулки фильдек. одноцв. extra. " 1 10 "
- Чулки полупелюшковые " 2 50 "
- Чулки шелковые одноцвѣтн. и фантази. " 2 "
- Поски бумажные суровые " 2 — за дож.
- Поски бум. сур. полосат. " 6 — "
- Поски бум. цвѣтн. полос. " 6 75 "
- Поски бум. одноцвѣтн. " 5 — "
- Поски фильдекос. суров. " 7 — "
- Поски фильдекосовые суровые полосатые. " 8 — "
- Поски фильдекос. цвѣтн. полосатые " 8 50 "
- Поски фильдек. одноцв. " 9 — "
- Поски шелковые одноцвѣтн. и фантази.

ВИРШТАНСКІЯ минеральная вода.

Въ Виленской губ., надъ Нѣманомъ, въ 32 верстахъ отъ г. Новыи, въ живописной здоровой мѣстности, защищенной съ сѣвера и сѣверо-востока сосновыми лѣсами и высокими холмами.

ЛЕЧЕБНЫЙ СЕЗОНЪ

съ 15 мая до конца августа. Старые источники (числомъ 5), богаче всѣхъ извѣстныхъ минеральныхъ водъ содержаниемъ хлористаго кальція и сернистаго калия, употребляютъ преимущественно для ваннъ.

Новый источникъ Викторія — соляной (поваренной соли) содержитъ кромѣ того Глауберову соль, 1/4% двууглекислой закиси желѣза и слѣды йода; употребляется только внутрь.

Многочисленныя наблюденія показали большую дѣятельность этихъ водъ въ золотухѣ, англійской болѣзни, блѣдной немочи, хроническихъ ревматизмахъ, ломотѣ, различныхъ параличахъ, невралгіяхъ, хроническихъ женскихъ болѣзняхъ, хроническихъ болѣзняхъ пищеваарительныхъ путей и т. д.

Заведеніе имѣетъ 60 ваннъ, 2 гостиницы съ 70 номерами, кромѣ того имѣются отдѣльные дома и частныя квартиры, 2 ресторана, кондитерская и молочная ферма.

Аптека снабжена всѣми необходимыми средствами; имѣются всѣ натуральныя минеральныя воды, кумысъ, кофеиры.

При заведеніи особый врачъ и обыкновенно нѣсколько вольнопрактикующихъ. Лечение электричествомъ (электрическія ванны), массажемъ (гинекологическимъ) по способу Туръ-Брандта и подвижнымъ.

Въ паркѣ два раза въ день играютъ военный оркестръ; имѣются кегли, крокетъ и приспособленія для гимнастики; два раза въ недѣлю въ Кургауздъ танцевальныя вечера.

Собщеніе съ Ковной ежедневное по шоссе въ хорошо устроенныхъ закрытыхъ diligencсахъ и отдѣльныхъ экипажахъ.

Жизнь въ общемъ не дорогая и удобная. Болѣе подробная свѣдѣнія можно получить до 10-го мая — у заведывающаго подмаи врача П. О. Савицкаго (Вильна, Ковная ул., д. Фитингофа), а послѣ 10-го мая въ конторѣ вѣдъ — Трокекаго узла — м. Вирштаня.

СОЧИНЕНІЯ Г. ЯСНИСКАГО (МАКСИМА БѢЛИНСКАГО).

Стихотворенія. 3-е значительно исправленное и дополненное изданіе. СПб. 1890. Ц. 1 р. Трагедіи. Романъ. СПб. 1889. Ц. 1 р. Иринархъ Плутарховъ. Романъ. СПб. 1890. Ц. 1 р. Повѣсти и рассказы. 1879—1886. 4 тома. СПб. Ц. 6 р. Отд. по 1 р. 50 к. Въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“. № 4419 5-4

- 1378 ц. 35к.
- 1375 ц. 50к.
- 1376 ц. 20к.
- 1379 ц. 60к.
- 1385 ц. 1р25к.
- 1306 ц. 75к.

Разныя системы и величины. За пересылку (кромѣ Азиатской Россіи и Сибири) отъ 1-го до 12 прибавляется 40 коп. № 4467 Точные размеры и цѣны помѣщены въ иллюстрированномъ каталогѣ, который магазинъ высылаетъ бесплатно. С.-Петербургъ, Невскій пр., Милотинъ рядъ, № 18, магазинъ П. Ф. Наратаева.

CRÈME-SIMON (КРЕМЪ-СИМОНЪ)

прелестнаго запаха, не портится и служитъ для смягченія кожи. Пудра SIMON и Мыло à la CRÈME SIMON дополняютъ его дѣйствія и имѣютъ тотъ же запахъ.

J. Simon, 36, Rue de Provence 36, Парижъ. Въ розницу у парикмахеровъ, парфюмеровъ и аптекарей. А. № 4315 15-11

ПИШУЩАЯ МАШИНА „РЕМИНГТОНА“.

Пишетъ въ 3 раза быстрее пера. Целостность и красота. Введена во всѣхъ Министерствахъ и мног. правительствъ и частныхъ учрежд. Прейс-курantz, содерж. многочисленныя отзывы отъ Правительства и другихъ учреждений, высылаются бесплатно. № 3748 Единственный складъ для всей Россіи: ГОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ Москва С.-Петербургъ Кузнецкій мостъ. Б. Морская. 21.

КОНСТ. МАЛЬМЪ СКЛАДЪ РЕЗНОВЫХЪ ТОВАРОВЪ

Большая Морская, 34. Честь имѣетъ рекомендовать свой большой выборъ

ДОРОЖНЫХЪ ПРЕДМЕТОВЪ,

изъ которыхъ заслуживаютъ особенное вниманіе: ДОРОЖНЫЯ ПРОСТЫНИ

противъ заразы въ кроватяхъ гостиницъ: хотя послѣ ухода прѣвѣжающаго бѣлье перемѣняется, но тюфякъ остается болѣею частью не тронутымъ и часто бываю, что заболѣваютъ въ гостиницахъ, не зная отъ чего.

ПОРТЬ-ПЛЕДЫ

съ улучшеннымъ устройствомъ для укладки ручнаго багажа.

ЧЕМОДАНЫ И МѢШКИ

уже неоднократно заслуживши одобреніе за фасонъ и прочность.

НОЧНЫЯ ВАЗЫ

въ незамѣтныхъ фасонахъ. ГЕРМЕТИЧЕСКІЯ ФЛЯГИ для вина, бульона, молока и проч.

СКЛАДНЫЯ ПОДУШКИ

воздухомъ наполняющіяся. МѢШКОВЫЯ ГРѢЛКИ для подогреванія бѣлья дѣлать и болѣе.

СКЛАДНЫЯ ВИДЕ

съ ложками и безъ, въ чехлѣ. НЕЛОМАЮЩІЯСЯ фаянсовыя тарелки, кружки, стаканы, чашки, блюдечки, чайники и кофейники.

СПИРТОВАЯ КУХНЯ

карманная, чтобы въ вагонѣ подогрѣть кушанье и питье.

НИКЕЛЕВЫЯ И СТЕКЛЯННЫЯ

мыльницы, щеточницы и пудреницы. КАРМАННОЕ МЫЛО: видѣ книжки, въ которой каждый листъ изъ мыла.

СИГНАЛЬНЫЙ АППАРАТЪ

противъ воровъ, прикрѣпляемый къ дверлямъ. ВАГОННЫЙ ПОДСВѢЧНИКЪ

легко прикрѣпить на любое мѣсто въ вагонѣ. ТУАЛЕТНЫЯ КАРМАНЫ

съ очень удобною внутреннею. ГЕРМЕТИЧЕСКІЯ ПОСУДЫ

изъ толстаго стекла, для икры, масла и проч. закуски, взятъ съ собой, кот. по случ. герметическ. закупориванія не портятся.

СНИМАТЕЛЬНЫЯ ДОСКИ

для накладыванія на влозетное сидѣніе: СКЛАДНЫЯ ДОСКИ для соединенія двухъ скамеекъ въ вагонѣ.

СТОЛОВЫЙ ПРѢВЪРЪ:

ножикъ, вилка, ложка и стаканъ — все въ одномъ футлярѣ. БУМАЖНИКЪ ПРОТИВЪ ВОРОВЪ

имѣетъ такое устройство, что чужая рука его изъ кармана не можетъ вынуть. СЕКРЕТНЫЯ КАРМАНЫ

для денегъ и документовъ, носятъ подъ бѣльемъ. ДОРОЖНЫЯ ТУФЛИ

изъ самаго тонкаго и мягкаго войлока. СКЛАДНАЯ НОСИЛКА: видѣ стула, чтобы большого удобно носить въ вагонѣ и по дѣстницамъ какъ и многіе другіе

ПРАКТИЧЕСКІЯ ПРЕДМЕТЫ по сходнымъ цѣнамъ. По воскресеньямъ закрытъ.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XXI г.
№ 15

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXI
1890

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 8—10 РИС. И ЕЖЕМЪСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
Выданъ 14 апрѣля 1890 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫНРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цѣна этого № „Нивы“ 15 к., съ перес. 20 к.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1890 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НЕВСКІЙ ПР., Д. №. 6.

ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за
строку нонпарейль (1/4 шир.
стр.) въ Глав. Кон. Ред. по
75 к. — Загран.: для Франціи у
Agence Havas по 2 fr. 40 с.;
для Австр., Герман. и Швейц.
у Rudolf Mosse по 1 M. 70 Pf.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:
Безъ доставки въ Петер-бургъ 5 р.
Съ доставкой въ Петер-бургъ 6 р. 50 к.
Безъдосл. въ Москвѣ чр. конт. объявл. Н. Н. Печковской, Петровск. Торг. лин. 6 р.
Съ пересылкой въ Москву и другіе города Россіи 7 р.
За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италию и друг. госуд. 9 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ.
Особыя приложенія при
„НИВѢ“ объявленія отъ тор-
говыхъ домовъ принимаются
для иногородн. и городскихъ
подписчиковъ по особому
соглашенію.

БЕЗЪ ВСЯКОЙ ДОПЛАТЫ ЗА ПЕРЕСЫЛКУ ГЛАВНЫХЪ ПРЕМІЙ.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1890 г. номера „Нивы“ со всѣми приложеніями.

Базарная площадь въ Бухарѣ. Продавцы скота. Съ фот. Апостоли, грав. Шюблеръ

А. П. М.... ву.

Мнѣ тѣмъ дороже твой привѣтъ,
 Что брызнулъ онъ лучомъ неожиданнымъ
 Ужь по далекимъ, по туманнымъ
 Рядамъ прожитыхъ нами лѣтъ...
 Смотри: студентскіе мундиры...
 И всѣ вы, тѣсною толпой,
 Бряцанью полудѣтской лиры
 Открытой внемлете душой.
 Вамъ—въ звукахъ голоса нетвердыхъ,
 И въ робкомъ переборѣ струнъ,
 И въ недохваченныхъ аккордахъ—
 Могучій чудится перунъ...
 Средь блѣдныхъ образовъ, по смѣлымъ
 Быть-можетъ профилямъ кой-гдѣ,
 Меня ужъ мастеромъ умѣлымъ
 Провозгласивъ, соборомъ цѣлымъ,
 Входящей плещете звѣздѣ...
 И откровененъ былъ и звѣнокъ
 Вашъ дружній кликъ и громъ похвалъ,
 Но какъ испуганный ребенокъ
 Предъ вами, помню, я стоялъ...

Куда уйти, куда бы скрыться
 Съ тоской глядѣлъ по сторонамъ—
 По счастью (для чего таиться?)
 Тогда я не повѣрилъ вамъ—
 Да такъ не вѣрю и понинѣ,
 И только жду—ужь много лѣтъ!—
 Пророкъ не слышится-ль въ пустынѣ?
 Неидетъ-ли истинный поэтъ?..
 Глашатай Бога и природы,
 Для тьмы непогасимый свѣтъ,—
 Кому онъ посланъ—тѣ народы
 И тѣ вѣка—имъ смерти нѣтъ!
 Для всѣхъ грядущихъ въ немъ—наука,
 И откровенье, и законъ!
 И въ немъ—ни образа, ни звука
 Не унесетъ потокъ времени;
 Стоить—спокойный, величавый,
 Одинъ—какъ солнце въ небесахъ—
 И наши маленькія славы—
 Всѣ гаснутъ при его лучахъ!

1888. Мал 5.

А. Майновъ.

Кладъ.

Романъ І. І. Ясинскаго (Максима Бѣлинскаго). Часть І.

(Продолженіе).

IV.

Иконописецъ Ивановъ жилъ недалеко отъ печныхъ дѣлъ мастера Михайлыча. Его домикъ находился въ глубинѣ жиденькаго вишневаго сада и, прежде чѣмъ добраться до него, надо было долго идти огородомъ, при чемъ сорныя травы, росшія по обѣимъ сторонамъ тропинки, били по ногамъ. Пройдя огородъ, надо было перелѣзть черезъ низенькій плетень, на которомъ были натканы для просушки горшки, словно головы витязей вокругъ сказочнаго замка Кащея. Собака хриплымъ лаемъ встрѣчала гости, прыгая на дѣши. Самъ Ивановъ былъ кривоплечій старичокъ съ длинными усами, которые придавали ему видъ таракана, потому что правый усъ смотрѣлъ вверхъ, а лѣвый внизъ, или-же наоборотъ. Отъ этого онъ казался еще глубокомысленнымъ. А такъ какъ онъ былъ начитанъ въ Священномъ Писаніи и получалъ „Листокъ Объявленій“, то на Парфеновѣ шелъ слухъ о немъ какъ о челоѣкѣ образованномъ. Онъ былъ нелюдимъ, но иногда у него все-таки собирались, и если гости не спорили съ нимъ, а терпѣливо слушали, что онъ имъ говорить, онъ оставался доволенъ.

Весь день проводилъ онъ за мольбертомъ и тоненькой кисточкой писалъ лики Святыхъ, самъ растирая краски. Святитель Николай выходилъ у него словно въ нитяномъ парикѣ, а конь Георгія Побѣдоносца напоминалъ собою игрушечную лошадку. Живопись его была зеркальная и цѣнилась знатоками иконописнаго дѣла. Но онъ медленно и туго работалъ, и ему еле хватало на пропитаніе себя и своей семьи, состоявшей изъ дочери Ѳеклы и ея двухъ дочерей, Мани и Сани, уже взрослыхъ дѣвушекъ. Маня помогала дѣду и собиралась въ монастырь, чтобы посвятить себя Богу и иконописи, а Саша была легкомысленная особа, вся въ мать, и съ пятнадцати лѣтъ кокетничала уже съ парфеновскими сердцеѣдами. Наружность дѣвушекъ, однако, была обманчива. Скорѣе Маню, съ ея вздернутымъ носикомъ и темными пламенными глазами, можно было принять за шалунью, чѣмъ

Сашу, красивое лицо которой хранило печать какой-то почти монашеской строгости.

Печникъ Михайлычъ, на другой день послѣ поѣздки въ городъ съ завязанными глазами, отправился вечеромъ къ Иванову. Онъ встрѣтилъ на огородѣ Маню и, приподнявъ картузь, освѣдомился о здоровьѣ Флорентія Адриановича.

— Они въ добромъ здоровьѣ, отвѣчала Маня, улыбаясь.

— А вы куда-же это? спросилъ Михайлычъ.

— По своему дѣлу, уклончиво отвѣчала Маня.

— По какому, позвольте намъ узнать?

— Скоро состарѣтесъ, произнесла Маня со смѣхомъ.—Въ церковь Богу молиться.

— Помолитесь и за насъ грѣшныхъ.

Обмѣнявшись еще разъ поклономъ съ дѣвушкой, Михайлычъ занесъ ногу черезъ плетень и увидѣлъ въ сумеркахъ сѣней Ѳеклу, которая молча колотила кулаками Сашу, а та, наклонясь, молча принимала удары. Обѣ женщины тяжело дышали.

Онъ изъ деликатности подождалъ, пока окончится трепка, и едва мать вытолкнула дочь изъ сѣней, Михайлычъ соскочилъ съ перелаза, состоявшаго изъ низенькой скамеечки вбитой въ землю.

— Съ добрымъ вечеромъ васъ, сказалъ онъ.

— Здравствуйте, недовольнымъ голосомъ промолвила изъ сѣней Ѳекла.

— Что, можно видѣть Флорентія Адриановича?

— Да ужь пришли, такъ пожалуйте. Папашѣ что-то нездоровится. Они теперь чай пьютъ. Пожалуйте.

Саша прошла мимо Михайлыча. Въ мастерской иконописца уже свѣтился огонекъ. Печникъ вошелъ въ комнату и сталъ искать глазами хозяина.

На стѣнахъ висѣли конченныя и начатыя образа, а также принесенныя для исправленія, затѣмъ двѣ палитры, литографіи съ изображеніемъ монастырей и пустыней, архіереевъ и государственныхъ людей. На окнахъ и на полкахъ стояли банки съ красками и кистями. Окна были затворены, въ углу мерцала лам-

падка, застарѣлый запахъ масляной живописи и табачнаго дыма билъ въ носъ.

За круглымъ столомъ на некрашеномъ диванѣ съ балясинками сидѣлъ Ивановъ. Самоварчикъ шумѣлъ на столѣ и керосиновая лампа бросала свѣтъ на стекло чайной посуды. Въ рукахъ Иванова дымилась фарфоровая трубочка, на которой красовалась турчанка.

— Добро пожаловать! процѣдилъ сквозь зубы Ивановъ, не вставая съ мѣста и не поворачивая головы.— Съ чѣмъ пришелъ, Михайлычъ?

Михайлычъ посреди комнаты поклонился хозяину и затѣмъ подошелъ пожать ему руку.

— Слыхалъ, что нездоровится вамъ, Флорентій Адриановичъ. Зашелъ провѣдать.

— Спасибо. Приближается срокъ. На новую квартиру надо переѣзжать. Но только, говорятъ, квартиры вздорожали.

— Неужели-же на новую квартиру? спросилъ печникъ и, вѣжливо подобравъ полы сюртука, сѣлъ на кончикъ деревяннаго стула.

— Пора, Михайлычъ, хитро произнесъ старый иконописецъ. — Ты подумай, сколько мнѣ годовъ — седьмой десятокъ. Поневоля о новой квартирѣ помышляешь. На-дняхъ ходилъ осматривать. Ничего, положимъ, хорошо. Деревья, воздухъ. Посидѣлъ, выкурилъ трубочку, помолился на кресты... Чайку не хочешь-ли?

— Чайку можно. Благодарствуйте! А что, Флорентій Адриановичъ, повеселѣе слышать? Въ газетахъ о войнѣ не пишутъ-ли?

— Въ настоящее время, началъ иконописецъ,—кровопролитныя сраженія происходятъ на сушѣ и на морѣ во всѣхъ частяхъ свѣта между бѣлыми и черными народами. Всюду проповѣдуютъ Евангеліе Божіе. Между тѣмъ Бисмаркъ интригуется.

— Свою линію ведетъ, сказалъ печникъ, прихлебывая чай.

— Очень просто. Иезуитъ. Такого другаго нѣтъ.

— Но я думаю, осторожно проговорилъ Махайлычъ,—и окромѣ Бисмарка есть на свѣтѣ хитрые люди.

— Хитрые, но не умные. Лисица тоже хитра, однако-же до Бисмарка далеко.

— Въ нашемъ городѣ, напримѣръ, живи да оглядывайся, продолжалъ Михайлычъ, пропуская мимо ушей параллель между Бисмаркомъ и лисицей.

— Такъ-то оно такъ, сказалъ Ивановъ.—Отецъ Анкудимъ по сей день триста рублей мнѣ долженъ. Въ Вознесенскомъ монастырѣ за обновленіе древней живописи ни гроша не дали. Архіерей смѣты не утвердилъ. Все завтраками кормятъ. Ужъ такое наше дѣло ремесленное.

Печникъ Михайлычъ махнулъ рукой. Онъ былъ счастливъ: у него ни за кѣмъ не пропало ни копейки. Но ему не хотѣлось отстать отъ почтеннаго иконописца. Онъ вздохнулъ и произнесъ:

— Только казенная копейка въ огнѣ не горитъ и въ водѣ не тонетъ. Но мнѣ желательнѣе-бы, Флорентій Адриановичъ, обратить ваше вниманіе на хитрыхъ людей. Вотъ въ прошломъ году у насъ на Парфеновкѣ ограбили вдову Николаевну... помните, которая травками лечила?... Вѣдь что выдумали! дьяволами одѣлись! въ маскахъ!

— Это, братъ Михайлычъ, къ политикѣ не относится, съ неудовольствіемъ сказалъ иконописецъ, видя, что разговоръ принимаетъ другой оборотъ и ему даетъ направление печникъ.

— Конечно, конечно, я вѣдь только къ примѣру, подтвердилъ Михайлычъ. — Иной въ маскѣ, иной... съ носомъ. Бываютъ очень натуральные носы, Флорентій Адриановичъ!

Тотъ посмотрѣлъ на печника подозрительно вопросительнымъ взглядомъ, и его тараканы усы пришли въ движеніе.

— Гдѣ-жъ это ты видѣлъ такіе носы? Въ маскарадѣ?

— Точно что въ маскарадѣ. А пожалуй что во снѣ. Думаю такъ, что во снѣ, прибавилъ онъ, понизивъ голосъ, и потрогалъ свой носъ.

Иконописецъ Ивановъ давно считалъ Михайлыча большимъ дуракомъ. Онъ засмѣялся и передвинулъ трубочку въ другой уголь рта.

— Чудакъ человекъ! Ты хоть мертваго размѣшишь. Расскажи, расскажи твой сонъ.

И онъ приготовился слушать.

— Я пошутилъ, Флорентій Адриановичъ, застѣнчиво началъ печникъ.—Ничего, впрочемъ, не изволили слышать о каретѣ?

— Ахъ, да! Бисмаркъ къ тебѣ прѣзжалъ, что-ли? Говорила мнѣ сегодня Саша. Какже! Ты, сосѣдъ, въ гору идешь! Съ золотыми гербами!

— Кареты не скроешь! сказалъ Михайлычъ и, свернувъ въ комочекъ носовой платокъ, отеръ потъ съ лица съ тяжелымъ вздохомъ.

— Вчера вышелъ я въ садочекъ, началъ онъ, помолчавъ,—вышелъ и говорю Дмитріевнѣ: „что, Дмитріевна, говорю, четвертый день безъ работы сидимъ? Поѣду я, перепелами забавлюсь“. А она, извѣстно, уповаетъ на Бога и только промолвила: „поѣзжай, Михайлычъ“. Анъ глядь—мальчикъ бѣжитъ и меня кличетъ. Выхожу это я за ворота, баринъ произноситъ примѣрное соображеніе о необходимости печки, и тутъ начался, Флорентій Адриановичъ, сонъ.

Иконописецъ Ивановъ такъ заинтересовался рассказомъ Михайлыча, что сказалъ:

— Подожди, братъ Михайлычъ, минутку.

Онъ протеръ очки, надѣлъ ихъ и проговорилъ:

— Теперь продолжай.

— Завязали мнѣ глаза, продолжалъ Михайлычъ,—привезли, какъ будто въ какой дворецъ, сейчасъ водкой угощать, сейчасъ вижу носъ, сейчасъ печку ломать и, наконецъ, полтора ста рублей кредитными билетами. Произношу Дмитріевнѣ: „молчи, жена моя любезная“, а самъ вполне увѣренъ, что она первая-же всей Парфеновкѣ раззвонитъ. Бабье дѣло, Флорентій Адриановичъ! Пра-родительское происхожденіе отъ Евы — вѣрно-ли я говорю?

— Ты это, Михайлычъ, оставь, сказалъ старый иконописецъ.—Ева Евой, но не твоего ума дѣло. Что-же дальше-то?

— Да что-же дальше? Деньги оказались не фальшивыми, а печь я, дѣйствительно, сломалъ и вновь склалъ, какъ было настоятельное желаніе барина.

— Такъ. Но почему-же сонъ?

— Дѣйствительно, Флорентій Адриановичъ, въ первый и послѣдній разъ въ жизни. И какъ мнѣ это понимать, я не знаю!

— Лукавишь ты, Михайлычъ.

— Нисколько не лукавлю, произнесъ Михайлычъ, снова вытирая потъ съ лица.—Я преимущественно на счетъ хитрыхъ людей. Нѣтъ-ли тутъ большой хитрости, Флорентій Адриановичъ?

— А именно? спросилъ иконописецъ и выпустилъ длинную струю табачнаго дыма, въ волнахъ котораго на нѣкоторое время исчезъ печникъ Михайлычъ.

— Я усматриваю хитрость, Флорентій Адриановичъ, сказалъ онъ.—Носъ вполне поддѣльный.

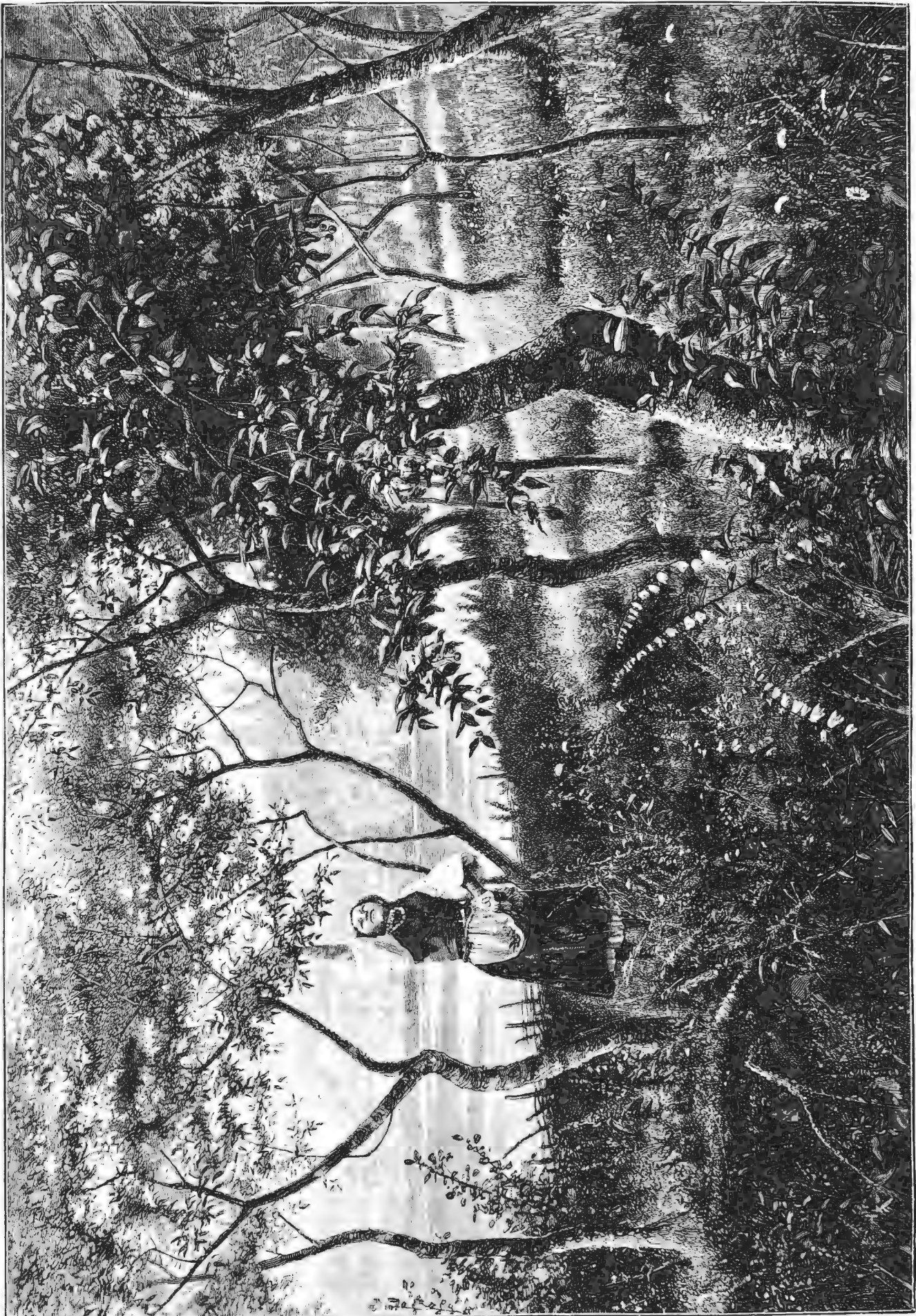
— У барина, говоришь?

— Да-съ, прощенталъ печникъ и придвинулся къ старику.—Какая цѣль и что, и для чего—объ этомъ кого спросишь? Теперь зачѣмъ смола? Не золото, не серебро, а вообще, что-то мягкое, и я долженъ былъ замуровать въ печь. Гдѣ — сказать не имѣю основательныхъ причинъ, влѣдствіе завязанныхъ глазъ. Однимъ словомъ, Флорентій Адриановичъ, таинственное заблужденіе чувствъ.

— Ты не былъ-ли пьянъ, Михайлычъ? спросилъ старый иконописецъ.

Выставка Имп. Акад. Худож. Первое появленіе русскихъ войскъ на Аму-Дарьѣ подѣ начальствомъ К. П. Кауфмана въ 1863 г. Переправа у Учъ-Чучана. Съ карт. Н. Каразина (право воспроизведенія въ гравюрѣ и т. п. принадлежить исключительно „Нивѣ“), грав. Шюблеръ.

Выставка въ Имп. Акад. Худож. Вишенникъ.
Съ карт. Н. А. Сергѣева (право воспроизведенія въ гравюрь и т. п. принадлежить „Нивѣ“), грав. Ращевскій.

— Былъ, но не очень, отвѣчалъ печникъ.—Припалъ бы все за сонное недоумѣніе, однако-же, деньги настоящія: сто рублей за работу, пятьдесятъ вообще на чай. Флорентій Адриановичъ, научите меня, въ какомъ смыслѣ мнѣ молчать? Нѣтъ-ли тутъ большой хитрости? Это въ первыхъ. А во-вторыхъ — какъ-бы не вышло судоговоренія!

Иконописецъ Ивановъ набилъ новую трубочку и, выпустивъ нѣсколько клубовъ дыма, глубокомысленно началъ:

— Приключеніе, братъ Михайлычъ, можно сказать, романическое. Понимаю я во всемъ этомъ дѣлѣ еще меньше твоего. Даже откровенно скажу тебѣ: ты меня, какъ будто, дурачишь. Пускай-бы Дмитріевна звонила, а я бы на твоёмъ мѣстѣ молчалъ. Влетишь и не радъ будешь. Тутъ можетъ-быть замѣшалось какое-нибудь дипломатическое предпріятіе. А, можетъ, ты, самъ того не подозрѣвая, заложилъ въ печку динамитъ — тогда тебя сошлютъ въ каторжные работы.

— Что вы, Флорентій Адриановичъ! съ испугомъ вскричалъ печникъ.—Я даже не знаю, что такое динамитъ.

— Ой-ли? произнесъ старикъ и сквозь табачную дымку хитро посмотрѣлъ на Михайлыча.—Динамитъ, братецъ, это порохъ, но только большей силы. Одного заряда достаточно, чтобы взорвать на воздухъ всю Парфеновку.

Въ третій разъ отеръ потъ съ лица встревоженный Михайлычъ.

— Для чего-жъ взрывать? спросилъ онъ съ тоской.

— Пала старая вѣра—вотъ для чего. Есть намѣреніе шаръ земной расколоть пополамъ — геній науки посягаетъ.

Откуда у Флорентія Адриановича были свѣдѣнія о тайныхъ намѣреніяхъ генія науки — неизвѣстно. Вѣрнѣе, онъ дошелъ до этого своимъ умомъ, тѣмъ болѣе, что голый черепъ его заключалъ въ себѣ вещество болѣе доброкачественное, чѣмъ курчавая голова печника Михайлыча.

— Какое дѣло-то! произнесъ печникъ.—Но почему же я могъ знать! Флорентій Адриановичъ, конечно, лучше всего помолчать?

— Я, сосѣдъ, доносить на тебя не пойду, съ усмѣшкой сказалъ старикъ.—Но ты будь остороженъ. Да, помолчи! Выпей еще стаканчикъ.

— Благодарствуйте, Флорентій Адриановичъ, — вспо-тѣлъ. Вечеръ жаркій. Пойду, Флорентій Адриановичъ. Что-то не сидится, Флорентій Адриановичъ. Желаю вамъ быть здоровымъ!

— Коли не сидится, я удерживать не стану, произнесъ иконописецъ. — Весьма чудесное приключеніе, достойное описанія въ „Листкѣ Объявленій!“ Будь благонадеженъ—сохраню въ тайнѣ.

Съ любопытствомъ глядя на печника Михайлыча, простился съ нимъ парфеновскій мудрецъ и даже, при-вставъ, проводилъ его до дверей.

Уже совсѣмъ стемнѣло. Михайлычъ, при хрипломъ лаѣ собаки, перешагнувъ перелазъ. Роса была сильная. Пахло укропомъ. Звѣзды бросали тусклый свѣтъ на безмолвный огородъ и на тихо дремавшія деревья. Въ пяти шагахъ нельзя было отличить тѣнь отъ предмета.

Михайлычъ шелъ по тропинкѣ и слышалъ женскіе голоса. Хотя у него была своя тайна, но ему показалось, что узнать еще чужую тайну не будетъ лишнимъ. Онъ былъ парфеновецъ, а всѣ парфеновцы любознательны. Михайлычъ притаился за плетнемъ.

— Саша, ты сама виновата, говорила Маня.—Отчего мать никогда не тронетъ меня пальцемъ? Ты въ церковь пошла для чего? Съ Петрикомъ поговорить?

— Отчего-же не поговорить съ Петрикомъ, Маня? Онъ въ меня влюбленъ.

— Ну, вчера ты до свѣта проболтала съ Карнѣемъ Петровичемъ?

— Что-жъ, Карнѣй Петровичъ тоже меня любитъ! Грѣха нѣтъ въ томъ, продолжала Саша,—посмѣюсь съ однимъ и пошучу съ другимъ, а молиться я успѣю еще въ старости лѣтъ.

Маня засмѣялась.

— Право, ты меня вводишь въ соблазнъ. Скажи, Саша, ничего дурного у тебя не вышло съ Карнѣемъ Петровичемъ? за что мать взбѣлась?

— Что-же дурного-то? Сидѣли мы на скамеечкѣ подъ вишнями. Онъ меня цѣловалъ, а я его. Онъ клянется мнѣ въ вѣчной приверженности, а я ему въ отвѣтъ: „не вѣрю“. Между тѣмъ разсвѣло.

— А сегодня ты съ Петрикомъ будешь? шепотомъ спросила Маня.

— Ахъ, Маня, я вѣдь не въ монастырь собираюсь, а въ міру буду жить. Мать днемъ колотитъ, ну, только ночью и поболтать!

Михайлычъ кашлянулъ, сестры затихли.

— Кто это? робко спросила Маня.

— Пожелавши пріятной ночи! сказалъ Михайлычъ, поднимаясь изъ засады.

— Ахъ, это вы! Что у насъ еще не святъ?

— Никакъ нѣтъ-съ: дѣдушка въ полной бодровственности, а относительно Ѳеклы Флорентьевны не освѣдомленъ.

— Пойдемъ. До свиданія, Михайлычъ!

— Счастливо оставаться, барышни.

V.

Карнѣй Петровичъ былъ дворянинъ и жилъ на Парфеновкѣ въ собственномъ домикѣ, состоявшемъ изъ двухъ небольшихъ комнатъ. Ему шелъ двадцать второй годъ и онъ велъ жизнь недоросля. Огороды, примыкавшіе къ его домику, онъ постепенно закладывалъ. Онъ издерживалъ на себя сравнительно большія деньги и считался первымъ щеголемъ на Парфеновкѣ. Ни у кого изъ парфеновскихъ кавалеровъ не было такихъ пестрыхъ галстуконъ. Его жакетки были снабжены настоящими и фальшивыми карманами, и шляпы онъ носилъ широкополая изъ бѣлой и желтой соломки съ темно-зелеными шелковыми или черными бархатными лентами.

Наружность онъ имѣлъ такую, какая наиболѣе должна была останавливать на себѣ вниманіе парфеновскихъ барышень, въ родѣ Саша. Онъ стригъ волосы по модѣ и приглаживалъ фиксагуромъ брови. Вслѣдствіе этого онъ казались черными. Тусклые, маленькіе, безцвѣтные глаза его смотрѣли нагло, а на щекахъ, едва опущенныхъ рыжеватою бородкой, игралъ молодой румянецъ. Отъ него всегда пахло розой или жасминомъ.

Когда-то онъ былъ въ гимназій, но исключенъ изъ четвертаго класса за кражу книгъ. Порокъ этотъ нельзя было объяснить и извинить его любовью къ просвѣщенію: выйдя изъ гимназій, парфеновскій недоросль не прочиталъ ни одной печатной строки. Но онъ бывалъ въ городскомъ театрѣ и вдохновлялся опереточными изреченіями и мотивами. Онъ бывалъ также въ кабакѣ, который назывался „Золотая Рыбка“ и былъ, нѣ-которымъ образомъ, магнитнымъ полюсомъ всего пред-мѣстья, потому что къ нему ежеминутно устремлялись сердца парфеновцевъ.

„Золотая Рыбка“ торговала виномъ на правахъ трактира и ее содержалъ жидъ Аронъ Шминдригъ. Она славилась своею кислую капустой, биллиардомъ и отдѣльными комнатами. Никто никогда не проѣзжалъ черезъ Парфеновскій оврагъ; но все-же отъ времени до времени гости занимали эти комнаты, играли тамъ въ карты и пьянствовали.

Карнѣй Петровичъ — фамилія его Крутикъ — былъ одинъ изъ усерднѣйшихъ посѣтителей „Золотой Рыбки“. Пока — онъ пользовался у Арона большимъ авторитетомъ. Все, что онъ пилъ и ѣлъ въ парфеновскомъ ресторанѣ, Аронъ записывалъ въ книжку, и счетъ росъ

да росъ. Итогъ уже давно перешель за четвертую сотню, но, поглядывая изъ окна на домикъ Крутика, Аронъ соображалъ, что еще рано требовать погашенія счета. Хорошій счетъ! Пусть онъ еще вырастетъ. Это не дурная трава, которую слѣдуетъ выпалывать; напротивъ, онъ подобенъ пшеницѣ, которая въ свое время созреетъ и дастъ превосходный урожай. Адъютантомъ Крутика безмѣнно состоялъ Петрикъ. Онъ старался подражать Крутику въ манерахъ. Онъ былъ его сосѣдомъ и владѣль небольшимъ кирпичнымъ заводомъ. Петрикъ умѣлъ соединять скупость съ расточительностью, потому что расточительствовалъ онъ преимущественно на счетъ своего друга. Былъ онъ старше его на нѣсколько лѣтъ и образованіе получилъ далеко не столь блестящее. Ему не удалось окончить курса даже въ приходскомъ училищѣ. Какъ и Карнѣй Петровичъ, Петрикъ не былъ женатъ.

Печникъ Михайлычъ, разставшись съ Маней и Сашей, направился не домой, а въ „Золотую Рыбку“, фонарь которой привѣтно горѣлъ на днѣ Парфеновскаго оврага. Въ кабацѣ онъ встрѣтился съ обоими друзьями—Крутикомъ и Петрикомъ. Друзья ужъ собирались уходить и о чемъ-то бесѣдовали съ Аронъ, который стоялъ за вырубкой и, держа перо въ рукѣ, писалъ счетъ, въ пользу слушающаго гостей. Правая рука его съ легкимъ трескомъ клала на счетахъ костяшки. Жесткая лампа бросала на все, что было въ кабацѣ—на людей, на полки съ бутылками и штофами, на убогую деревянную мебель, на акцизный патентъ подъ стекломъ въ плоской черной рамкѣ, на пыльные тарелки съ ядовитыми закусками, въ родѣ сѣрой капусты съ лукомъ и постнымъ масломъ, черно-зеленыхъ кусковъ селедки въ укусѣ и расположающихся огурцовъ, неприятный угрюмый свѣтъ. Тѣмъ не менѣе, обстановка кабака заставляла сладко задрожать сердце Михайлыча. Войдя, онъ потерялъ руки, раскланялся съ молодыми людьми и кивнулъ головой Арону или бутылкамъ—неизвѣстно. Аронъ понималъ, что бутылкамъ. Онъ положилъ перо, налилъ стаканчикъ очищенной и съ кривой улыбкой, въ которой принялъ участіе и его длинный носъ, покосившійся въ сторону, сказалъ:

— А, можетъ быть, Михайлычъ, вы бы хотѣли теперь шампанскаго? Такъ у меня есть шампанское!

— Угости, Михайлычъ! произнесъ Петрикъ.

— Развѣ Михайлычъ разбогатѣлъ? спросилъ Крутикъ со смѣхомъ.

— Псс! Онъ теперь ѣздитъ въ каретахъ съ золотымъ гербомъ, сказалъ жидъ.

Въ кабацѣ начался разговоръ о вчерашнемъ посѣщеніи Михайлыча знатнымъ господиномъ, который увезъ его къ себѣ, и утромъ, наградивъ по-царски, доставилъ домой.

— Съ тебя шампанское! проговорилъ Карнѣй Петровичъ заплетающимся языкомъ.

Но онъ, не смотря на то, что былъ пьянъ, не могъ серьезно допустить мысли, чтобы Михайлычъ потребовалъ шампанскаго, котораго никогда не пилъ, все равно какъ никогда не ѣлъ соловьиныхъ языковъ. Петрикъ тоже не находилъ вкуса въ шампанскомъ. Ему—лишьбы выпить на чужой счетъ.

— Все равно, Михайлычъ, угости сиводайчикомъ! предложилъ онъ.

— Все равно! подтвердилъ Крутикъ и провелъ рукой надъ стойкой, опрокинувъ графинчикъ съ водкой. Водка подмочила закуски и онѣ стали еще ядовитѣе; но все-таки ихъ съѣдятъ сегодня, завтра, а можетъ быть и послѣ-завтра.

Михайлычъ долженъ былъ распить могогарычъ съ друзьями и вышелъ съ ними изъ кабака.

— Мнѣ главное, Карнѣй Петровичъ, началъ онъ на улицѣ, въ припадкѣ какой-то жгучей откровенности,—чтобы не было судоговоренія. Я свое дѣло испол-

нилъ. Я печь замуровалъ акуратно. Петрикъ, ты куда душа моя? Сашеньку повидать? А?

— Что ты мелешь вздоръ! вскричалъ Петрикъ и толкнулъ Михайлыча.—Ты не слушай его, Карнѣй Петровичъ!

— Сашенька—моя, увѣренно сказалъ Крутикъ и разсмѣялся.

Михайлычъ провозидилъ съ Петрикомъ Карнѣя Петровича до дома и затѣмъ они пошли вдвоемъ.

— Если что тебѣ извѣстно, началъ Петрикъ,—не выдавай меня, Михайлычъ. А то тебѣ худо будетъ.

— Худо мнѣ будетъ—это вѣрно, сказалъ печникъ и махнулъ рукой, растопыривъ всю пятерню.—Однако-же, доказать невозможно!

— То-то же. Она, какъ угорь! Въ ступѣ не поймашь. Но только хороша, Михайлычъ!

— У насъ способовъ нѣтъ, чтобы такую сдѣлать! подхватилъ Михайлычъ.—Нѣмецкая глазировка. Но огня не приметъ. Нѣтъ, Петрикъ, теперь шабашъ! Напрасно, любезный другъ, будешь стараться! За шаръ земной опасеніе!

— А что?

— Пожарная команда не поможетъ. Нѣтъ!

— Да толкомъ говори! вскричалъ Петрикъ.—Первый разъ слышу!

— Вещь съ порохомъ! произнесъ Михайлычъ.—Да-съ.

— Ч-чортъ!.. Нализался! И когда это онъ успѣлъ? проговорилъ Петрикъ.—Надоѣлъ ты мнѣ! Проваливай!

Петрикъ ускорилъ шагъ и покинулъ Михайлыча одного. Михайлычъ долго стоялъ въ темнотѣ лѣтней ночи. Въ Парфеновскомъ оврагѣ она почти черна. На Черепной горѣ чуть виднѣлся сумрачнымъ пятномъ бѣлый силуэтъ кладбищной церковки. На горѣ Щитовкѣ мерпали городскіе фонари, освѣщая желтую стѣну форта. Парфеновка была погружена въ глубокой сонъ. И только пламя ближайшаго кирпичнаго завода, дрожа вмѣстѣ съ густыми тѣнями ночи, свидѣтельствовало о нѣкоторой жизни предметья. Да вдали раздавался нѣсколько разъ крикъ совы: это Петрикъ вызывалъ Сашу.

VI.

За фортомъ начинался городъ на берегу судоходной рѣки и былъ торговымъ центромъ всего края. Поэтому въ городѣ всегда было большое движеніе, и онъ славился своими блестящими магазинами, ресторанами, увеселительными заведеніями и много-этажными частными домами. Торговая часть города примыкала къ административной, заключавшей въ себѣ присутственныя мѣста, домъ генераль-губернатора и военныя постройки. За административнымъ кварталомъ слѣдовалъ аристократическій, потонувшій въ садахъ. Этотъ кварталъ былъ разбросанъ на большомъ пространствѣ и занималъ самую здоровую и живописную часть мѣстности. Барскіе дома отличались затѣйливой архитектурой, были украшены лѣнными гербами, но нѣкоторые изъ нихъ стояли съ забытыми дверями и окнами. Ихъ владѣльцы жили за границей или въ Петербургѣ и не заглядывали въ свои дома.

Въ числѣ пустыхъ домовъ обращалъ на себя вниманіе красивый дворецъ князей Язембскихъ. Онъ былъ окруженъ липовымъ садомъ и желѣзной рѣшеткой съ золочеными украшениями. Дворецъ былъ двухъ-этажный, съ шестью колоннами посерединѣ, съ зеркальными окнами, за которыми виднѣлись пылящіеся занавѣски, и съ массивными рѣзными дверями. Передъ главнымъ фасадомъ дома глѣбли цвѣтники. Проходящіе съ сожалѣніемъ видѣли, какъ зарастаютъ цвѣтники, и крапива достигаетъ до оконъ перваго этажа. Иногда, среди зелени сорныхъ травъ, вдругъ расцвѣтаетъ какой-нибудь яркій красивый цвѣтокъ, который привлекаетъ взоры и вызывалъ зависть.

Нѣсколько лѣтъ подъ-рядъ стоялъ пустымъ домъ

Яземскихъ. Онъ былъ забить послѣ смерти стараго семидесятилѣтняго князя, который одиноко доживалъ въ немъ свой вѣкъ. Въ городѣ князю принадлежали богатѣйшіе магазины и цѣлый гостиный дворъ на базарной площади. Его доходы исчислялись въ миллионъ. Но старикъ былъ скупъ и каждый день аккуратно справлялся въ рынокъ о цѣнахъ на припасы. Послѣ смерти, наслѣдникамъ, его сыну и дочери, досталось колоссальное богатство. Они похоронили отца, старая княжна уѣхала въ Петербургъ и тамъ скончалась, а сынъ, передъ тѣмъ крайне нуждавшійся и жившій векселями, поселился въ деревнѣ, въ одномъ изъ наслѣдственныхъ имѣній.

Въ юнѣ домъ Яземскихъ, который сосѣди давно ужъ называли мертвымъ, какъ будто ожилъ. Въ нѣкоторыхъ окнахъ его засвѣтились огни, ворота рѣшетки растворились, и разнесся слухъ, что прѣбхалъ молодой Яземскій. Впрочемъ, онъ никому изъ сосѣдей не сдѣлалъ визита. Его никто не видѣлъ, и недѣли черезъ двѣ онъ опять уѣхалъ. Домъ опять сталъ пустъ. Его красная крыша, усѣянная множествомъ трубъ, выдѣлялась на раскаленной лазури небесъ вмѣстѣ съ неподвижными вершинами усыхающихъ тополей и темнолистныхъ липъ. Безчисленные стаи галокъ оглашали своимъ крикомъ мертвый домъ.

VII.

Близъ этого дома проходилъ печникъ Михайлычъ черезъ недѣлю послѣ разговора своего съ Флорентіемъ Адриановичемъ о динамитѣ и о разрушительныхъ намѣреніяхъ, которыя питаетъ геній науки на счетъ земнаго шара. Утро воскреснаго дня располагало Михайлыча къ счастливымъ и пріятнымъ мыслямъ. Онъ былъ трезвъ въ первый разъ послѣ семидневнаго запоя, которому предавался съ увлеченіемъ, повергавшимъ въ большое горе добронравную Дмитріевну. Освобождаясь отъ тяготы запоя, Михайлычъ шелъ легкой поступью и дивился самому себѣ.

„Зачѣмъ?“ вопрошалъ онъ себя. „Какая причина полнаго отчаянія? Теперь очень хорошо было бы взять лягаша, зарядить ружьецо и принести Дмитріевнѣ десятокъ чирять“.

Черезъ нѣсколько минутъ, словно чѣмъ ошарашенный, онъ произносилъ.

„А между тѣмъ хожу я по этой прекрасной улицѣ дуракъ-дуракомъ“.

Издѣдка навстрѣчу Михайлычу попадались разряженные по воскресному горожане, но въ этой части города у него не было знакомыхъ. Онъ смотрѣлъ по сторонамъ съ улыбкой челоука, который только что выздоровѣлъ. Кошмары далеко, но нѣтъ - нѣтъ да и толкнетъ что-то въ сердце.

„Главное, что резеда пахнетъ“, сказалъ онъ и оглянулся съ хитрымъ выраженіемъ въ глазахъ на мертвый домъ.

Пройдя нѣсколько шаговъ, Михайлычъ, повинувшись тому влеченію, которое заставляло его все утро ходить по улицѣ дуракъ-дуракомъ, повернулъ назадъ. Чугунная рѣшетка съ золочеными украшеніями позволяла видѣть внутренность двора. Зброшенные цвѣтники благоухали, не смотря на обиліе сорныхъ травъ.

Михайлычъ остановился передъ калиткой.

Кирпичная дорожка вела отъ калитки къ боковому крыльцу дома, и по ней степеннымъ шагомъ шелъ высокій старикъ, съ бритымъ строгимъ лицомъ, въ длинномъ черномъ сюртукѣ и въ старомодномъ кашемировомъ цилиндрѣ. Въ рукѣ онъ держалъ трость съ серебрянымъ набалдашиникомъ. Изъ задняго кармана его сюртука висѣлъ конецъ краснаго фуляроваго платка.

Можно было бы подумать, судя по осанкѣ, что это какой-нибудь отставной министръ, доживающій въ провинціи свой вѣкъ. Михайлычъ почувствовалъ на себѣ

взглядъ старика, снялъ картузь и вѣжливо поклонился.

Министръ подошелъ къ самой рѣшеткѣ.

— Что тебѣ, любезный?

— Ничего-съ. Духъ пріятный. Я говорю, что духъ пріятный.

— Ну, и проходи.

— Такъ точно-съ, произнесъ Михайлычъ и помахалъ картузомъ.—А вы не изволите, ваше сіятельство, нуждаться въ печныхъ дѣлѣ мастерѣ? какъ бы подѣлитѣмъ внезапнаго вдохновенія спросилъ Михайлычъ.

Министръ вперилъ пристальный взоръ въ печныхъ дѣлѣ мастера.

— Проходи.

— Ваше сіятельство...

— Да ты самъ, сіятельный, что-ли? спросилъ старикъ.—Я, любезный, служу господамъ. Быть графомъ или княземъ не всякій можетъ. Мы, любезный, не очень любимъ попросаскѣ. Зубовъ не заговаривай. Проходи.

Михайлычъ отошелъ въ сторону и нѣкоторое время глядѣлъ на домъ съ его обветшавшими лѣпными украшеніями и съ плотно-занавѣшенными окнами. Наконецъ, онъ пересѣкъ наискосокъ улицу и, постепенно замедляя шагъ, застѣнчиво приблизился къ городовому, который стоялъ у своей будки.

— Позвольте спросить у васъ, служба, началъ Михайлычъ,—чей это домъ?

Городовой широко зѣвнулъ, перекрестилъ ротъ и сказалъ:

— Какой? гдѣ? а Господь его вѣдаетъ! Этотъ? Князя Яземскаго.

— Галокъ много, началъ Михайлычъ и хотѣлъ затѣять разговоръ о галкахъ, которыя кружились надъ мертвымъ домомъ.

Но городовой снова зѣвнулъ и, махнувъ рукой, ушелъ въ свою будку.

Михайлычу показалось, что изъ неловкаго положенія, въ которое поставилъ его несообщительный полицейскій, онъ всего лучше можетъ выйти, покачавъ головой. Онъ покачалъ головой, пошелъ по противоположной сторонѣ улицы и оттуда смотрѣлъ на мертвый домъ, на гулявшаго за рѣшеткой старика въ цилиндрѣ и на неугомонныхъ галокъ. Когда ихъ особенно много—это не къ добру; и когда онѣ предпочитаютъ кружиться надъ одной изъ трубъ дома, минуя остальные, то это что-нибудь да значить

„Потому что галка, шалишь, тоже очень умная птица!“ заключилъ свои мысли печникъ Михайлычъ. Онъ сошелъ по деревяннымъ ступенькамъ Авдѣевского спуска и въ самомъ низу встрѣтился съ Карнѣемъ Петровичемъ и Сашей. Недоросль былъ одѣтъ съ изысканнымъ щегольствомъ. малиновый галстукъ и сиреневыя перчатки рѣзко бросались въ глаза, и эти цвѣта ярко отбѣгали новенькій палевый пиджакъ, карманы котораго оттопыривались и были нагружены яблоками, грушами и бумажнымъ картузомъ съ малиной. Саша была въ платочкѣ, въ свѣтломъ шерстяномъ платьѣ, въ шелковыхъ перчаткахъ и съ новенькимъ ситцевымъ зонтикомъ. Она съ нѣкоторой тревогой посмотрѣла на Михайлыча, который поспѣшилъ, со свойственною ему вѣжливостью, привѣтствовать молодыхъ людей.

— Съ воскреснымъ днемъ, Карнѣй Петровичъ!

— Здравствуй. Ты это откуда?

— Дѣлалъ ревизію городу, Карнѣй Петровичъ! Любопытствовалъ, всѣ-ли дома на своемъ мѣстѣ.

— И что-же?

— Какъ будто одного не оказалось, отвѣчалъ печныхъ дѣлѣ мастеръ и такъ хитро взглянулъ на Сашу, что у ней сильно забилося сердце и она подумала со страхомъ: „какъ бы онъ чего мамашѣ не наговорилъ?“.—Домъ былъ, дѣйствительно, на своемъ мѣстѣ, продолжалъ Михайлычъ,—и я самъ его, можно сказать,

XVIII передвижная выставка. Будущий инокъ.

Съ карт. Богданова-Бѣльскаго (право воспроизведенія въ гравюрѣ и т. п. принадлежитъ „Нивѣ“), грав. Флюгель.

руками ощупывалъ. Но теперь его затруднительно съскать.

— Ты, Михайлычъ, совсѣмъ помѣшанный, со смѣхомъ сказалъ Крутикъ.

— Михайлыча испортили, промолвила Сапа.

— Есть порча, которую поправить можно. Но, однако, порча порчѣ рознь. Иная печка все дымить—хоть чистымъ золотомъ ее обложи.

Сашѣ опять показались слова Михайлыча исполненными какого-то таинственного смысла и намекающими на ея поведеніе. Она начала:

— А я у мамыши отпросилась на цѣльный день съ Карнѣемъ Петровичемъ. Мы за Днѣпръ поѣдемъ. На-

шихъ много туда ѣдетъ. Говорятъ, въ Эльдорадо обезьянъ привезли, которыя романсы поютъ.

— И на гитарѣ играютъ, подтвердилъ Карнѣй Петровичъ.

Саша прыснула со смѣху.

— Послушайте, Михайлычъ, что я вамъ скажу, проговорила она съ лукавой улыбкой,—вы къ нашимъ не заходите. Дѣдушка, не приведи Богъ, какъ скучаетъ, а мамаша сегодня злющая, презлющая.

— Пароходъ пропустимъ! Пойдемъ скорѣй! вскричалъ Карнѣй Петровичъ, схватилъ Сашу за руку и, не отвѣтивъ на поклонъ Михайлыча, потащилъ ее вверхъ по ступенькамъ.

(Продолженіе будетъ).

Сестра милосердія.

Рассказъ К. Л. Ярославской.

(Окончаніе).

„Такъ съ этого съ вечера и пошла у меня жизнь легкая, радостная, какой прежде никогда не бывало; да не долго пришлось мнѣ тѣшиться! Какъ любила я Леню — пересказать вамъ не могу. Тихій онъ былъ, совѣтливый такой, ласковый,—кажется, такихъ мужчинъ на свѣтѣ нѣтъ. Бывало я днем-то мыкаюсь изъ угла въ уголъ, не дождусь, когда вечеръ придетъ, чтобы мнѣ можно было хоть пять словъ сказать съ нимъ. А днемъ отъ окошка въ залъ и не отхожу, тутъ и шью, тутъ и пяльцы поставила, изъ одного только окошка видна была Силаевыхъ лавка; издали мнѣ хоть увидать его, а увижу—такъ все во мнѣ и засмѣется! Все мнѣ любо: и тятеньку не боюсь, тетка—и съ той, кажется, цѣловаться готова, ко всякому человекую доброту чувствую. Ну, да что толковать-то, я думаю, у всѣхъ все одно! Такъ оно у насъ время шло не шло, а летѣло, и не замѣтила я, какъ мѣсяцъ пролетѣлъ и другой, ужъ и Петровъ день прошелъ. Все у насъ съ Леной по вечерамъ одинъ разговоръ, какъ бы къ тятенькѣ подступиться, да какъ бы что устроить. Послѣ той обиды никакъ невозможно было ему свататься, ужъ приходилось мнѣ какъ-нибудь; авось, думали, Богъ дастъ не случится ли такой часъ милостивый, поклониться мнѣ тятенькѣ въ ноги, уприснить его, что, молъ, сълюбились мы крѣпко, опять же и не виновать ни въ чемъ Алексѣй, самого дома обижаютъ. А страшно мнѣ было—хуже бы не вышло! Ну, помилуй Богъ, рассердился, слѣдить тогда за мной будутъ, мнѣ и не видать больше Леню никогда. Онъ все меня, бывало, уговариваетъ: „Терпѣнья моего больше нѣтъ, все говоритъ,—что за жизнь наша несчастная!“ А я дивлюсь: „Какая несчастная, говорю,—теперь мнѣ не жизнь—царство! Рай у меня на землѣ!“ Такъ-то вотъ мы день за день, приду я, проберусь сквозь кусты, гляжу—ужъ сидитъ мой Леня подъ рябиной, дожидается меня; сядемъ рядышкомъ, посидимъ, иной разъ молча даже,—да намъ и разговоръ не нужно, и такъ намъ хорошо! Тихо кругомъ вездѣ, тепло, далеко только дергачъ покрываетъ, травой пахнетъ, сырая она, росистая. Ну, чего-жь еще-то надо! Говорю: „вѣкъ бы такъ прожить!“

— „Что-жь вѣкъ-то такъ, Леня говоритъ,—грѣхъ такъ отъ людей хорониться, точно не ладное затѣваемъ. Чѣмъ я не лепшихъ-то тебѣ?! Охъ! кабы обвинчаться поскорѣе! Куда бы лучше!“

— „Да лучше бы, и словъ нѣтъ! Да нельзя! Какой же грѣхъ? Развѣ наша воля хорониться? Кабы не тятенькино-то несогласіе, такъ мы бы давно и обвинчаны были!“

„Только вскорѣ послѣ Петрова дня стала я примѣчать: что-то тетка на меня чуднѣ такъ поглядываетъ, не то насмѣшливо такъ пофырываетъ, не то сердиться вздумаетъ невпопадъ; страшно мнѣ стало: „ну, думаю, помилуй Богъ, что замѣтила она, да отцу скажетъ“. Инда въ жаръ меня кинуло! Цѣлый день у меня душа не на мѣстѣ была, и порѣшила я, будь что будетъ, а конецъ какой-нибудь положить надо, правда Ленина. Жара стояла просто нестерпимая, а къ вечеру гроза собралась, страсть какая! Навсегда мнѣ тотъ вечеръ въ памяти останется. Я думаю: „вотъ какъ поужинаемъ—мы ужинали рано—сейчасъ я на крыльцо и побѣгу, пока тетка убирается въ кухню, непременно поговорить нужно, поскорѣе конецъ сдѣлаемъ какой-нибудь, что онъ посоветуетъ“. Только всталъ изъ-за стола, я немножко тутъ у тятеньки нарочно на глазахъ повертѣлась, онъ что-то считать сѣлъ за счеты, я сунулась въ коридоръ, сердце у самой что-то бьется, глядѣ—а тутъ тетка передо мной въ дверяхъ. Что за чудо! Зачѣмъ ей тутъ и быть, кажется; фыркнула она, привычка у ней была, точно ибѣтхъ иудѣйскій, отвернется и пойдетъ себѣ важно такъ. Вижу, молнія сверкаетъ; что мнѣ дѣлать? А къ Ленѣ сбѣгать непременно нужно, поговорить, на душѣ что-то неспокойно очень; воротилась опять въ комнату, подѣлала что-то,—на другое крыльцо, опять тетка! не къ добру это совсѣмъ! Ну, коли такъ, думаю, тѣмъ болѣе надо непременно нынче хоть въ послѣдній разъ

повидаться сходить и уговориться какъ быть. Насилу-то я вырвалась! Сѣла на крыльцѣ посидѣть, потомъ какъ услышала, что тетка горшками въ кухнѣ загремѣла, я шмыгъ въ садъ. Бѣгу, задыхаюсь, дышать нечѣмъ, страшно! Громъ гремитъ, молнія сверкаетъ, хоть и вдали еще, чуть-чуть накрапывать начинается, крупныя капли такія. Думаю, пожалуй и даромъ все, не придетъ Леня въ грозу. Однако, остановилась духъ перевести, темно очень, не видать ничего, туча черная нависла, слышу шаги по травѣ шуршатъ, осторожно, успокоилась я немножко. Подошелъ онъ ко мнѣ, я ужъ ему поскорѣе все рассказываю.—„Да, говоритъ, долго я все дождался, да что-то, говоритъ, тоска на меня нынче напала такая—рассказать не могу. Нигдѣ мѣста себѣ не найду. Быть бѣдѣ, мое сердце чувствуетъ.“—„Ну, что ты, говорю, даже меня настращаль! Это—гроза все! Вотъ я завтра, Богъ дастъ, поклонюсь тятенькѣ, просить буду, онъ же у насъ эти дни все, слава Богу, трезвый. Можетъ быть и обойдется! Это у тебя передъ радостью, говорю, сердце ноетъ.“

— „Дай Богъ, говоритъ,—чтобы передъ радостью, да плохо вѣрится! А ужъ если опять отецъ согласія не дастъ, такъ одинъ конецъ—уезду я тебя; обвинчаемся и все тутъ! Послѣ-то, авось, проститъ, не проклянетъ!“

— „Ну, говорю, увидимъ. А можетъ и безъ того дѣло обойдется. А идти надо, какой дождикъ-то пошелъ, прощай куда.“

— „Богъ знаетъ, говоритъ,—когда теперь увидимся, тетка я боюсь очень; ты берегись, лучше обожди приходитъ. А на прощанье, говоритъ,—поцѣлуй меня получше.“

„Только я, было, поцѣловаться съ нимъ хотѣла—вдругъ молнія какъ осветитъ насъ! Мы даже другъ отъ дружки отскочили, такъ испугались. Въ бѣломъ такомъ свѣтѣ увидала я Леню, да онъ самъ такой блѣдный мнѣ показался, лицо грустное. Такъ мы и не поцѣловались въ этотъ разъ, точно намъ Богъ не велѣлъ, страшно ужъ очень обонимъ стало, и сами не знаемъ, чего страшно. И дождь принялся лить просто какъ изъ ведра; я бѣжать пустилась домой, да скоро бѣжать невозможно, и темно-то, да кусты тутъ густые такіе. Пришла я мокрая, просто съ головы до ногъ. Думаю: не пойду я переднимъ крыльцомъ, не наткнулась бы на тетку или на отца; лучше пойду черезъ палисадникъ и прямо въ коридоръ, а тамъ вождѣ самой двери лѣстница наверхъ ко мнѣ въ свѣтлцу, никто меня не увидитъ. Толкнулась въ дверь, а она заперта. Сердце у меня упало. Нарочно это тетка, думаю, никогда эту дверь не запирали до самой ночи. Дѣлать нечего, надо идти другимъ крыльцомъ, мимо кухни. Только я переступила порогъ, а ко мнѣ навстрѣчу отецъ, и свѣча у него въ рукахъ. Взглянула я на него и обмерла. Никогда я еще его не видывала такимъ. Весь позеленѣлъ, даже трясется. Ну, думаю, смерть моя теперь пришла. Тетка все сказала. Накинулся на меня отецъ, сначала не тронулъ, а словами—что я такая, да сякая, знаетъ онъ, гдѣ я была, да его на старости лѣтъ осрамил! Я ему въ ноги. „Вотъ, говорю, такъ и такъ. Будь отецъ родной! Не бей, не кори свое дѣтище! Не срамил я тебя, а смилуйся ты надъ моимъ горемъ великимъ, прикажи за Силаева Алексѣя замужъ идти!“ Не успѣла я выговорить, какъ онъ на меня кинется! Платокъ съ меня стащилъ и давай меня за волосы. „Не бывагъ, кричитъ,—никогда этому! Да чтобы я тебя послушался!“ Потомъ схватилъ меня за косу, волокомъ проволочъ черезъ залу, выкинулъ меня въ комнату, гдѣ у насъ добро хранилось, заперъ дверь и ключъ изъ замка вытащилъ. Господи! Что тутъ со мною было—и не знаю! И избита-то я, и обидно и больно мнѣ, да кажется и боли не слышала, ужъ очень душа у меня болѣла. А гроза какая въ ту ночь—я во всю жизнь такой грозы не видывала! Я лежу на полу и думать ничего не могу; одно у меня желаніе, даже у Бога просила, кабы убило меня той грозой. Молнія какъ

сверкнетъ—все въ окошко видно: и усадьбу нашу, и поле вдали, кусты вѣтромъ качаетъ, дужки вездѣ стоятъ; да и не такъ, какъ всегда бываетъ, что сверкнетъ—и опять темнота, а продолжительно, разъ за разомъ и подолю съ неба не сходитъ, а громъ просто катается то ближе, то дальше, не умолкаетъ, а удара два сразу сухіе, какъ изъ пушки выпалить; я вскочила даже на ноги. И въ ту ночь въ двухъ мѣстахъ у насъ загорѣлось: у мужика овинъ занялся, а еще на Силаевской усадьбѣ большущую елку такъ пополамъ и расколело и сломало всю сверху до-низу. Думаю я такъ, что непременно либо тетка на меня наговорила очень много, пожалуй и наврала, потому очень-то дурнаго я ничего за собой не знала,—или ужъ что-нибудь одно, подпоила она отца этимъ вечеромъ, а то удивляться надо, какъ это онъ Бога не побоялся въ ту ночь, да въ такую грозу. Да! Прости, Господи, этой Настасѣ Маркеловнѣ—все ей рукъ дѣло было! И вѣдь не любилъ ее тятенька шибко, а тутъ, какъ ужъ была у него ненависть на Силаевыхъ, родной дочери не пожалѣлъ, ее послушался. Ослабъ человекъ въ то время совсѣмъ, самъ себя опустилъ. Такъ-то двое сутокъ меня продержалъ тятенька взаперти. По утрамъ принесеть мнѣ тетка поѣсть, взойдетъ, поставитъ на сундукъ, говоритъ что-то, будто жалко ей меня, а меня такая злоба на нее возметъ, просто душитъ меня. Кажется, кинулась бы на нее, до смерти бы избила, одного боюсь, хуже бы не стало, только изъ-за этого и не подняла рукъ на нее; слышу—она идетъ, я сяду къ окошку, отвернусь, будто пристально чтъ въ окно смотрю, на ея рѣчи ни слова не отвѣчу; постоитъ она, постоитъ, уйдетъ, опять меня запретъ,—только я послѣ ея ухода и за пищу принималась. Да кажется, кабы не Лена, я бы и ѣсть не стала, какъ бы нибудь себя извела, голодомъ бы себя уморила, или еще какъ-нибудь; очень ужъ злоба во мнѣ на всѣхъ набралось много! Такая злоба, да бессильная-то я тутъ взаперти сижу, кажется, живое существо бы понало подъ руку, а бы его разорвала на части; поглядѣла, нельзя ли въ окошко вылѣзти; когда такъ, думаю, если я осрамилась, пускай же правда будетъ тятенькина, вылѣзу въ окно и уйду къ Алексѣю, не я тогда виновата, самъ пеняй на кого знаешь! Но вылѣзти никакъ невозможно, комната нежилая была и двойной рамы не выставляли въ ней никогда; окошки здоровыя; попробовала потрасти—ничего не сдѣлаешь, изрѣжешься только стеклами, больше ничего! Даже такое озлобленіе во мнѣ было, сама я себя не узнавала. Богу молиться—и то въ эти дни не могла. Утромъ слышу далеко, не въ нашемъ селѣ, а въ Пречистомъ, отъ насъ версты три, къ заутрени ударили,—думая, вотъ люди собираются Богу молиться, а я вторья сутки и не церекрестилась, сижу неумытая, не чесавая, и за чтъ это? Господи! Такъ мнѣ что-то себя самое жалко стало... Слышу, колоколь хорошо такъ звенить, явственно; утро тихое должно быть, ясно солнышко свѣтитъ, на травѣ, вижу, роса блеститъ, и заплакала я въ первый разъ въ эти дни, горько плачу, а самой все-таки легче стало на душѣ. Прости имъ, Господи, думаю, что они меня невинную такъ мучить хотятъ! Только почти-что ужъ къ вечеру, видно мнѣ, что солнышко совсѣмъ за сарай зашло, на другія это сутки слышу тятенькины шаги,—вотъ, думаю, выпуститъ меня на волю, а сама еще думаю: только бы немножко смилословился, я опять ему въ ноги, буду просить, чтобы выслушалъ онъ меня, не казнилъ, пускай срокъ на меня наложить, хоть годъ, хоть два—и выходить не буду, и выдаться съ Алексѣемъ не хочу, все вытерплю, а послѣ пускай отдастъ за него. Только подошелъ тятенька къ двери, отперъ замокъ и говоритъ: „выходи“. Я встала, вышла, а онъ не глядитъ на меня; я поклонилась ему въ ноги, говорю: „Прости меня, батюшка родимый, въ чемъ я передъ тобой согрѣшила...“ Онъ меня перебилъ, договорить не далъ, вижу, не по себѣ ему очень; должно-быть себя бы послушалъ—совсѣмъ бы иначе дѣло пошло, а тутъ сидитъ въ немъ бѣсъ такой, не даетъ ему покоя! Перебилъ онъ меня, да такъ поспѣшно: „Богъ проститъ, говоритъ,—ничего тутъ квасы разводите; я тебя просваталъ, ноиче стоворъ, говоритъ,—будетъ, гости соберутся, одѣнся въ хорошее платье“. Такъ меня его слово—какъ обухомъ все равно, даже не нашлась чтъ сказать ему, а онъ повернулся и пошелъ. Что такое, думаю, за несчастье! Да за кого просваталъ-то онъ меня, безталанную? И спросить не знаю у кого. Къ теткѣ ни за чтъ въ мирѣ не сунусь, стою и думаю все, у кого бы мнѣ спросить: за кого тятенька меня просваталъ. Слышу, тятенька изъ дому въ лавку пошелъ, а въ залѣ вода плещется, значитъ полъ моетъ старуха наша Прохоровна. Я въ залу; вижу, Прохоровна босыми ногами топчется, юбку подоткнула, но не столько дѣло дѣлаетъ, сколько глаза утираетъ, плачетъ старуха, разливается. Я кликнула: „Прохоровна, говорю тихонько такъ.—поди-ка сюда“. Она какъ взглянетъ на меня, мочалку бросила, кинулась ко мнѣ, обняла и плачетъ, бѣдная, просто унять ее не могу, плачѣтъ и причитываетъ надо мною, все равно какъ надъ покойницей: „Да ты мой горемычная! Да на кого тебя родная мать, сироту, оставила! Да чтобы злымъ людямъ ни на этомъ свѣтѣ, ни на томъ покоя себѣ не выдать!“—„Полно, говорю, Прохоровна, полно тебѣ, а то тетка услышитъ, бѣда будетъ.“—„Да ей, злюкъ, чтобы ни дна, ни покрывки! Развѣ я не знаю, что все она, все она, проклятая!“—„Постой, опять говорю, скажи ты мнѣ на милость, за кого меня тятенька

просваталъ-то?“ Утерлась она, старая: „Какъ за кого? говорить,—да за Артемія, говоритъ, за кабашишка криваго!“ Я такъ и ахнула. Ну, думаю, значить навѣрно наврала на меня тетка, отцу непременно сказала, что за кого бы ни было меня только спихнуть поскорѣе надо. Сердце у меня ушло. Артемій этотъ самый послѣдній у насъ въ селѣ человекъ считался, держалъ онъ на выѣздѣ кабакъ и заѣзжали къ нему,—ну, какъ водится на выѣздѣ,—тѣ, что ужъ на ногахъ не стоятъ больше. Старый онъ былъ, вдовый, и объ одномъ глазѣ. Захотѣлось мнѣ хоть передъ старухой-то оправдаться. „Охъ горько, говорю,—Прохоровна, голубушка моя! Такъ тяжело, сосетъ меня тоска, въ могилу бы мнѣ лучше лечь сейчасъ! Наговорили на меня злые люди, какъ змѣи лютыя подкрался, отцу напентали на дочь родную. Неповинна я, говорю, Прохоровна, какъ есть ни въ чемъ.“

— „Знаю я, она говоритъ,—что ты какъ голубь у насъ чистая, бѣлая! Болитъ у меня сердце по тебѣ, дитятко, ахъ какъ болитъ! Терпи, говоритъ,—сговоръ не вѣнецъ. Можетъ и обдумаетъ еще до тѣхъ поръ тебя отецъ родной, Богу молится.“ Обтерла она руку и перекрестила меня, старая, какъ малъ родная. Одна пожалѣла меня, приласкала. Пошла я къ себѣ въ свѣтелку, сѣла подъ окошкомъ и сижу, гляжу, что-то будетъ со мною. Какъ вспомню Леню, такъ у меня сердце сожмется, больно въ груди, подумать не могу. Какъ-бы, думаю, ему хоть вѣсточку подать что-ли какъ? Выйти нельзя никуда, послать некого! Отворила окошко, солнце за деревья зашло, тишина вездѣ, все слышно, гулко такъ; на прудѣ баба бѣлье валькомъ бьетъ,—пол-версты будетъ, а все слышно; скотину пригнали на томъ концѣ деревни—и то все слышно. Пришло мнѣ въ голову, запою я пѣсню да погромче,—недалеко Силаевскій домъ, не услышитъ-ли? Подумала, какую-бы мнѣ пѣсню спѣть, не придумаю, а поскорѣе надо. Наконецъ пришла мнѣ на память, хоть и не совсѣмъ подходящая, а все-же, думаю, вѣсть подамъ ему:

Не сиди, мой другъ, поздно вечеромъ,
Ты не жги свѣчу воску яраго,
Ты не жди меня до полуночи.
Ахъ, прошли, прошли, наши красны дни,
Наши радости буйной вѣтръ унесъ
И разсыпал ихъ по чистому полю.
Сонзволил такъ родной батюшка,
Чтобъ женился я на иной женѣ,
Не горять въ небѣ по два солнышка,
Не свѣтять по два мѣсяца,
Не любить два раза добру молодцу!
Ужъ я батюшки не слушаюсь,
Родной матушки я слушаюсь,
Обвѣчаюсь я съ иной женой,
Я съ иной женой, съ смертью раннею,
Съ смертью раннею и насильною!
Залилась слезами красна дѣвица,
Во слезахъ она слово молвила:
„Ахъ ты, милый мой, ненаглядный мой!
Не жилища я на бѣломъ свѣтѣ
Безъ тебя, моя надеженька!
Нѣтъ у горюшки двухъ голубчиковъ,
У лебедушки двухъ лебедиковъ,
У меня не быть двумъ милымъ дружкамъ!
Не сидитъ она поздно вечеромъ,
А горитъ свѣча воску яраго,
На столѣ стоитъ новъ тесовой гробъ,
Во гробу лежитъ красна дѣвица“.

„Спѣла я пѣсню, все гляжу, гляжу въ окошко, не увижу-ли кого хоть издали; далеко мнѣ въ окошко видно: огороды чужіе, овинны, потомъ выгонъ крестьянскій... Вдругъ вижу близко, почти что около нашего забора, бѣжитъ, скачетъ, смѣется дурачекъ нашъ—Миша: убогій былъ, вовсе ничего не смыслилъ, а Богъ его знаетъ, иное скажетъ, хоть и не свизно такъ, а глядишь—сбудется, должно-быть его Богъ за злобѣе любилъ. Доставалось ему, бѣдному, отъ злыхъ людей, и камнями въ него кидали и собаками дразнили его, одинъ разъ такъ пазъ ружья испугали, дѣлйй день какъ мертвый лежалъ; а ужъ бывало кого любить, за того, кажется, всюду готовъ идти. Дашь ему въ руки чтъ, скажешь: „на вотъ, Миша, такому-то отдай, смотри не показывай никому!“ Иной разъ мы просто для смѣху. Побѣжитъ, въ руки зажметъ, бѣгомъ хоть двѣ версты—не остановится, отдастъ кому вѣрно, и не могъ его остановить, слушать не станетъ, все одно помнить. А кто ударитъ его, обидитъ, онъ не дерется,—заплачетъ и пойдетъ. Вотъ какъ увидала я Мишу, гляжу, онъ не смѣется, серьезно такъ, да въ припрыжку черезъ кочки бѣжитъ, въ рукѣ что-то зажалъ; сейчасъ пришло мнѣ въ голову, не мнѣ-ли что-нибудь. Побѣжала я внизъ, въ калитку, думаю, какъ-бы не перехватилъ кто у него! Ко мнѣ бѣжитъ, увидала меня, смѣется, хрипитъ, такая у него привычка была, отъ радости. Отдаетъ мнѣ платокъ красный ситцевый, свернутый. „На, на“, говоритъ, заикался онъ. „А-а-лексѣй Денисьичъ прислалъ. Тебѣ отдать вѣлѣтъ. Конфечку дай, дай мнѣ конфечку“.

Весенняя идиллія. Съ карт. професс. Генриха Семирадскаго (исключит. право воспроизведенія въ гравюрѣ и проч. для Россіи приобрѣт. „Нивой“), грав. Р. Бонгъ.

— „Ну, Миша, говорю, — в другой раз дамъ, нѣтъ копѣчки поныче.

— „В другой разъ дамъ, в другой разъ!“ Засмѣялся и бѣгомъ пустился отъ меня. И развертываю платокъ, вижу въ уголку что-то завязано; развязываю: капелыная бумажка, на-рандашемъ нацарапано: „Когда гости соберутся, не подавай виду, покорись, все дѣлай, что отецъ велитъ, въ концѣ десяти-таго выходи въ палисадникъ, увезу тебя“.

Такъ я обрадовалась избавленію своему, стою и дѣлать что не знаю отъ радости. „Ну, думаю, слава тебѣ Господи, что-нибудь да будетъ все-таки!“ Одѣваться пошла, одѣваюсь и смѣюсь сама. Они думаютъ — къ сговору, а я къ вѣнцу наряжаюсь. Чудно къ вѣнцу одной одѣваться, ни подругъ, ни свахъ! „Ну что-жъ, думаю, видитъ Богъ мою душу, не виноваты мы съ Леной ни въ чемъ, злые люди довели! А потомъ, думаю, какъ прѣйдемъ молодые, поклонимся отцу въ ноги, онъ и самъ радъ будетъ. Не по своей волѣ, по наговору отдастъ за чучелу, за такога, за Артемія!“ И одѣлась я въ платье, что было самое лучшее, сиреневое, свѣтлое, шелковое, въ первый разъ надѣвала только къ Пасхѣ; тятенька подарилъ, да сшить не успѣли. Не надо-бы, думаю, мнѣ къ вѣнцу сиреневое, точно вдовѣ, да дѣлать нечего! Было-бы блѣдное небеснаго цвѣта лучше, да нѣтъ, было да испачкалось, много носила, а это новенькое. И весело мнѣ и страшно; одѣлась, боюсь, какъ-бы не замѣтила тетка, что лицо у меня веселое, не стали-бы примѣчать за мной. Стала передъ зеркаломъ и стараюсь, вотъ вѣдь глупая была, чтобы мнѣ лицо попечальнѣе сдѣлать, а не могу, глаза смѣются, да и только. Позвали меня въ залу, сонла я, ни на кого не гляжу, глаза опустила; гости уже собрались кое-кто, думается, изъ любовничества больше, и женихъ мой нареченный... Господи! вотъ женихъ-то! и сконфузился онъ очень, никогда въ нашей компаніи не бывалъ, и неловко-то ему, а одежда не по немъ; красный, лоснится весь, какъ масляный. За мной тятенька ему тысячу рублей пообѣщала, я послѣ узнала. Господи, вѣдь вотъ какъ наговорили на меня, — а я и не понимала тогда всего этого дѣла-то. Какъ вошла я въ комнату, даже шепотъ по гостямъ пошелъ, подружки мои въ уголку, слышу, сморкаются, всхлипываютъ. Поглядѣла я въ ихъ сторону, хотѣлось мнѣ сказать, что не плачьте моль — не такъ еще мое дѣло плохо; — побоялась. Весь этотъ вечеръ не на сговоръ похожъ былъ, на похороны больше; ни разговоръ, ни веселье не клентся. Я сижу возлѣ Артемія, ни я ему ни слова, ни онъ мнѣ, только одувается, да платкомъ лысину вытираетъ. Былъ у насъ шутникъ одинъ, на почтѣ служилъ, молодой еще, Николай Ивановичъ, Пяткинъ фамилія, всё мы его любили очень, простой былъ. Такъ и тотъ что-то хочеть-хочеть пошутить и не вьжеться у него шутка ни съ чѣмъ. Отецъ-дьяконъ къ нему обратился:

— „Что-жъ вы-то, говорить, — Николай Ивановичъ, вы хотъ компанію развеселите. Отъ васъ ждемъ смѣху!“

— „Не могу, говорить, — должно-быть все веселье наше Марья Даниловна съ собою замужъ уносить. Развѣ за здорovie ея вышптъ!“

„Взять рюмку, напль себя, подошелъ было:

— „Эхъ, говорить, — какъ погляжу! Не по вѣсѣтѣ женихъ-то; и пить не могу.“

Какъ хватить полной рюмкой объ полъ, а самъ отвернулся и глаза утираетъ.

„Ничего никто не сказалъ. Однако, не понравилась тятенькѣ эта рѣчь, даже выговорилъ онъ Николая Ивановича за это:

— „Все вы веселье, дескать, портите!“

— „Да и портитъ нечего, говорить Николай Ивановичъ, — у васъ поныче веселье какъ на похоронахъ.“

„Принялся тятенька угощать гостей, настоящаго веселья нѣтъ, такъ хотъ въ рюмкахъ его поискать; угощаетъ и самъ пьетъ; вижу, много онъ иветъ, краснѣть сталъ. Я сижу-сижу, да все на часы поглядываю: когда это, Господи, десятый часъ наступитъ! Едва слышу что говорить, что дѣлаютъ; все думаю: да какъ я выйду, да тетка-бы не увидала; нѣтъ, думаю, ужинъ готовить въ кухнѣ, не увидитъ! Да какъ мы поѣдемъ съ Леной... вѣрно ужъ онъ лошадей заказалъ; да въ какой церкви вѣнчатся будемъ... Подружки ко мнѣ и не подошли, а то-бы я имъ все-таки шеннула. Кто-то изъ гостей просилъ повеличать невѣсту; долго онъ мялся, шептался, потомъ Груня начала было одна, да какъ взглянетъ на меня, заплакала и перестала; и пѣсню никто сѣтъ не могъ. Однако вижу я около поло-вины десятиаго порядкомъ захмѣлѣлъ тятенька, и сталъ куражиться, какъ у него привычка была. „Ужъ я же докажу злодѣямъ, какъ у меня дочь родную сватать! Да я за ней милліона денегъ не пожалѣю! Что мнѣ зятъ! Развѣ мнѣ какой-нибудь кабатчикъ Артемій въ зятя-бы годился! Все злые люди надѣлали!“ Унимать его гости стали; я сижу просто какъ во снѣ, совѣстно-то мнѣ и обидно, и на часы смотрю: выходить пора. Тутъ изъ за двери тетка, гляжу, отца вызываетъ, и думала по хозяйству; гости между собой разговаривать громко стали, про отцовы рѣчи должно быть толковать, а мнѣ такъ неловко послѣ этого стало; ну, думаю, никому не удивительно, коли я выйду; да и пора! Скользнула я въ дверь, по коридору

и на крыльцо; только я выхожу, гляжу тятенька съ той стороны дома пробирается прямо въ палисадникъ... Сердце у меня уяло. Господи, что будетъ? Слышу тятенька сказалъ: „Понался-же ты мнѣ, злодѣй!“ Я рванулась въ садъ, какъ помѣшанная; только видѣла, какъ тятенька наклонился, поднялъ кирпичъ и кинулъ въ Леню.

„Я закричала, что мочи было. Бросилась къ нему, а онъ, мой голубчикъ, и не вздохнулъ... прямо въ високъ ему кирпичемъ... самъ тятенька не думалъ... Господи! люди сбѣжались, огню вынесли, суматоха пошла; я бросилась на него, обняла... слышу, какъ онъ подъ руками у меня холодѣеть... сразу смерть была. Люди толкуются кругомъ меня; кто кричитъ: „оттирайте его!“ кто „за становымъ бѣгите, за докторомъ!“; ну, извѣстно, голову всё потеряли. Кто-то крикнулъ: „вяжите убійцу!“ До той поры, говорятъ, тятенька стоялъ какъ истуканъ, точно самъ не понималъ, что сдѣлалъ; какъ крикнули: „вяжите убійцу“, онъ засмѣялся такъ, что у всѣхъ морозъ по кожѣ пробѣжалъ. Сказалъ только: „вяжите! ну что-жъ вы!“ Тутъ фельдшеръ пришелъ, занялись всё около Лени, никто не видѣлъ, какъ тятенька исчезъ. Когда становой прѣхалъ, велѣлъ представитъ ему Данила Махарыча; искать-искать его вездѣ... насилу нашли... на чердакѣ, на балкѣ повѣсился...“

Сестра Марія продолжать не могла, ее трясло какъ въ лихорадкѣ; она ушла и заперлась въ своей комнатѣ. Въ тотъ вечеръ я ее ужъ не видала. На другой день утромъ, она, по обыкновенію, пришла къ чаю, блѣдная, но спокойная попрежнему. Послѣ чаю она опять сѣла противъ меня.

— „Досказать надо, начала она, — теперь ужъ не много. Я ничего не помню; что говорила вамъ — рассказала мнѣ поосторонне; со мной горячка сдѣбалась. Двѣ недѣли я лежала, думали жива не останусь; невѣстка моя да Груня, да Прохорова, отъ меня не отходили. А тетка — та забрала кое-какія вещи и уѣхала къ сестрѣ, на другой же день, — остаться не могла.“

„Долго я болѣла, а еще того дольше поправлялась, все слабость такая была. И ужъ это время, какъ я поправляться стала, вспомнить не могу; кажется, никакое мученіе сравниться не можетъ! Одно у меня на умѣ, одна мысль — какъ-бы силъ хватило доплзти до пруда — утопиться. Все равно какъ помѣшалась я на этомъ, объ одномъ только думаю, силы все пробую, когда дойти смогу до пруда. Даже мало о своихъ покойникахъ думать стала; одна мысль — утопиться. Вотъ такъ-то сижу одинъ разъ, передъ вечеромъ, даромъ что августъ, — тепло было; сижу въ платкѣ шерстяномъ на крыльцѣ у насъ, на солнышкѣ; и думаю все: вотъ нынче до забора дошла, а завтра еще подальше, авось скоро и подъ-гору доплзу до пруда. И правда моя, что умопомѣшательство у меня было; никому, никому словечка про это не говорила, обманывала ихъ; напротивъ, — все говорила про то, куда поѣду, да что дѣлать буду. Только смотрю я, бѣжитъ ко мнѣ Миша; а я не видала его съ того самаго дня. Бѣжить, увидаль меня, засмѣялся, обрадовался. — „Какъ поживаешь, говорить, — какъ поживаешь?“

— „Да плохо, Миша, говорю, — умирать хочу!“

— „А онъ мнѣ отвѣчаетъ:

— „Живи, живи! говорить, — умирать нельзя! А-а-лексѣй Денисичъ не велитъ!“

„Вскочилъ самъ и побѣжалъ опять.“

„Не знаю, что со мною сдѣбалось. Съ тѣхъ самыхъ поръ ни слезы я пролить не могла, а тутъ точно сердце во мнѣ растаяло. Плакала я, плакала, долго плакала и горько. И съ этихъ Мишинныхъ словъ бросила думать топиться. Какъ можно? Дивлюсь, что за помярченіе у меня было. Только что я при смерти въ горячкѣ лежала — и не даль мнѣ Богъ смерти, а я теперь топиться вздумала! Да какъ это я?! Должно быть, коли жива осталась, еще кому-нибудь на свѣтѣ нужна! А кто-жъ за грѣшную за тятенькину душу молиться будетъ? И правда Мишина, что Алексѣй Денисичъ не велитъ! Руки, если я на себя наложу, не выдать мнѣ его никогда и въ царствѣ небесномъ! Мученикомъ онъ жилъ, мученической вѣнецъ привялъ. Жить мнѣ надо подольше, да великій грѣхъ свой замолю и тятенькиной душѣ покой вымолю. Хотѣла я въ монастырь идти, совѣмъ ужъ собралась, и Прохорова меня уговаривала, да такой случай вышелъ. Какъ оправилась совѣмъ, захворала невѣстка у меня — тифомъ; кому-же за ней ходить? Одни дѣти около нея; поселилась я въ ея домѣ, ходила за ней день и ночь, пока она встала; она оправилась, — дѣти въ оспѣ лежали у ней два мѣсяца; ну, сидючи тутъ все около больныхъ, и надумалась я обо всемъ въ долги ночи-то. Всю свою жизнь разобрала до ниточки, все припомнила, все поняла. Читала и я тоже, бывало, отцу Писаніе. Вспомнились мнѣ слова, что „вѣра безъ дѣлъ мертва.“ Что-жъ я, думаю, въ монастырь-то пойду! Тамъ и безъ меня народу много. Лучше я что имѣю — пожертвую на поминъ души своихъ покойниковъ, а сама буду за больными ходить. Много на бѣломъ свѣтѣ нужди, горю; чѣмъ могу, пособлю. Такъ и сдѣлала. Поѣхала въ Москву, хлопотала долго, да пока съ добромъ со своимъ развязалась; пришлось еще изъ знакомыхъ кос-за-кѣмъ походить, кто хво-

раль; а тутъ стали въ Сербію уѣзжать сестры, и я поѣхала; въ военное время поработала, Богъ привелъ. Успокоилась моя душа, слава Богу. Конечно, многого сдѣлать не могу. Болѣзней-то, да нуждъ такъ много, Господи, куда ни взглянешь. Даже жалость беретъ, что не хватаетъ рукъ. Одна у меня мысль, Бога благодарю, Отца Небеснаго, что послалъ Онъ мнѣ тогда Мишу, грѣха я не взяла на себя; кабы не Богу отвѣтъ, покойнѣе-бы, конечно, смерть принять, да главное не

хуже-бы сдѣлать! Время придетъ, авось и меня Господь вспомнитъ!..

Мѣсяца черезъ два послѣ того какъ сестра Марія отъ меня уѣхала, я, будучи въ Москвѣ, заглянула въ общину. Мнѣ сказали, что за недѣлю предъ тѣмъ сестра Марія заразилась тифомъ отъ больнаго, и тихо, съ радостью скончалась...

Господь наконецъ вспомнилъ ее...

Литературныя бесѣды.

А. С. Грибоѣдовъ и его „Горе отъ ума“.

Въ первой половинѣ двадцатыхъ годовъ въ русской читающей публикѣ стали расходиться рукописные списки комедій „Горе отъ ума“, скоро сдѣлавшей имя своего автора, Александра Сергѣевича Грибоѣдова, знаменитымъ. Только десять лѣтъ спустя (въ 1833 г.) комедія эта появилась въ печати, не многимъ раньше она была поставлена на сценѣ; но вся образованная Россія и по рукописямъ знала ее наизусть, и отдѣльныя фразы ея сдѣлались пословицами.

Какъ все великое, „Горе отъ ума“ имѣло, однако, и своихъ враговъ. Тогдашній вліятельный журналъ, „Вѣстникъ Европы“, мнившій себя самымъ настоящимъ представителемъ европейской образованности въ тогдашней Россіи, отнесся къ комедіи съ полнымъ осужденіемъ, находя нехорошимъ и ея языкъ, тогда какъ этотъ языкъ приближается къ разговорному, и ея содержаніе, особенно же неудачнымъ считая ея главнаго героя, Чацкаго. На самомъ дѣлѣ это было произведеніе необыкновенное, полное оригинальности, самостоятельности, самобытности, какъ въ отношеніи языка и формы вообще, такъ и воззрѣній, которыя авторъ вложилъ въ комедію. И именно это-то обстоятельство, что комедія не подходила подъ установившіяся мнѣнія и шаблоны, а была отраженіемъ глубокой, самостоятельной духовной, умственной жизни автора, передавала его собственные, выношенные имъ самимъ мысли и сомнѣнія — это-то именно и вызывало, какъ это обыкновенно бываетъ, нападенія со стороны людей, считавшихъ себя представителями истины.

Чтобы понять всю значеніе безсмертной комедіи Грибоѣдова, нужно принять во вниманіе время, когда она была написана. То было время, когда литература, въ истинномъ смыслѣ этого слова, еще только возникла въ нашемъ отечествѣ, когда еще собирались только материалы и средства для нея. Въ Жуковскомъ и Батюшковѣ, главнѣйшихъ тогдашнихъ дѣятеляхъ русской литературы, русская жизнь и русскій умъ еще не получали своего отраженія, въ нихъ преобладалъ заимствованный западно-европейскій романтизмъ; для Пушкина еще только приближалась пора расцвѣта его гениальнаго дарованія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и возможность созданія имъ великихъ національныхъ произведеній, которыя должны были лечь въ основаніе всей русской литературы. И вотъ, въ это-то время появляется „Горе отъ ума“, обладающее всѣми качествами произведенія зрѣлой литературы, совершенно независимое, свободное и по формѣ, и по содержанію. Авторъ его является передъ нами какъ бы стоящимъ внѣ тогдашнихъ условий литературы: когда все еще смотрѣло на Западъ, на европейскія литературы, ища тамъ и формъ и содержанія; когда и Пушкинъ еще не освободился отъ подобнаго вліянія, Грибоѣдовъ въ своемъ произведеніи не былъ ни романтикомъ, ни сентименталистомъ, ни чѣмъ либо инымъ, онъ — самъ по себѣ, онъ взрослый умъ среди учениковъ, онъ совершенно свободенъ отъ заботъ о томъ, какое направленіе — европейское или иное — будетъ въ его произведеніи, онъ просто высказываетъ въ формѣ комедіи то, о чемъ онъ думалъ много и страстно, что заставляло страдать его впечатлительную душу. Если бы подобное произведеніе было написано послѣ Пушкина и Гоголя, когда русская литература уже являлась дѣйствительнымъ отраженіемъ русской жизни и была самостоятельна, оно осталось бы великимъ произведеніемъ, но появленіе его все-же не могло бы вызывать удивленія; для своего же момента оно было явленіемъ изумительнымъ, поражающимъ, обнаруживающимъ въ своемъ авторѣ необыкновенное дарованіе. Не для своего только момента, однако, имѣло „Горе отъ ума“ великое значеніе; прошло значительно болѣе чѣмъ полвѣка со времени его появленія, но оно остается свѣжимъ, неуважающимъ и для современнаго читателя, потому что въ немъ, помимо временныхъ чертъ русской жизни, захвачены глубокіе корни душевной жизни вообще, зрѣлице которой всегда будетъ интересно для живаго и мыслящаго человѣка.

Въ комедіи, какъ извѣстно, представленъ русскій человѣкъ высшего сословія, во время долгаго путешествія за-границей, отвыкшій отъ русской жизни, зрѣлице которой теперь вызываетъ въ немъ страстное негодованіе. Человѣка этого, въ которомъ авторъ отразилъ себя, свои думы, свое негодованіе, критика упрекала въ недостаткѣ ума и такта, страннымъ образомъ считая его въ этомъ отношеніи противоположностью автору, котораго онъ, какъ это все признавали, отражалъ. Даже гениально-провидательный Пушкинъ — и тотъ сказалъ,

что Чацкій совсѣмъ не уменъ, въ то время какъ Грибоѣдовъ очень уменъ. Мнѣніе это имѣетъ свои основанія въ положеніи и въ дѣйствіяхъ Чацкаго въ комедіи. Въ самомъ дѣлѣ, трудно представить себѣ истинно умнаго человѣка, навязывающаго иной разъ, какъ повидимому дѣлаетъ это Чацкій, свои страстныя мысли завѣдомо неспособному понять его человѣку, и это производитъ на читателя впечатлѣніе противуэстетическое, это кажется некрасивымъ и невѣрнымъ дѣйствительности.

Въ сущности въ этомъ осужденіи Чацкаго — простое недоразумѣніе, основанное на чисто внѣшнемъ и не важномъ, если хотите — недостаткѣ безсмертной комедіи. Дѣло въ томъ, что самый замыселъ автора дѣлалъ такое положеніе для Чацкаго неизбежнымъ. Въ лицѣ Чацкаго авторъ хотѣлъ изобразить человѣка съ извѣстнымъ, очень характернымъ отношеніемъ къ русской тогдашней жизни — и это отношеніе, это негодованіе его при видѣ нечестностей, нельзя было выразить иначе, какъ путемъ монологовъ Чацкаго, заставивъ его говорить и обнаруживать этимъ путемъ свои мысли и чувства; Чацкій поневолѣ, по самому ходу и характеру комедіи, долженъ былъ быть говорливъ. Но, какъ извѣстно, монологи, длинныя рѣчи, часто съ самимъ собою, въ драматическихъ произведеніяхъ имѣютъ условное значеніе, — ими выражается обыкновенно не то только, что дѣйствующее лицо дѣйствительно должно говорить въ пьесѣ, а и то, что оно думаетъ и чувствуетъ въ данный моментъ, потому что другаго средства выразить эти думы и чувства въ драматическомъ произведеніи нѣтъ, кромѣ монологовъ. Чацкій именно и занимаетъ въ комедіи такое положеніе, что большинству рѣчей его, которыя онъ не имѣлъ нужды обращать къ дѣйствующимъ лицамъ, должны быть понимаемы именно въ смыслѣ выраженія его думъ и чувствъ, на самомъ дѣлѣ гласно не высказанныхъ. Но автору необходимо было иногда показывать не отношеніе только Чацкаго къ обществу, а наоборотъ — и общества этого къ Чацкому и къ его мыслямъ, и въ этихъ случаяхъ монологи Чацкаго по необходимости должны были быть обращены къ дѣйствующимъ лицамъ. Повидимому, этотъ характеръ постройки комедіи долженъ былъ бы придавать ей нѣкоторую искусственность; она дѣйствительно и существуетъ. Но авторъ въ эту форму вложилъ столько страстнаго чувства, съ такою яркостью и правдивостью изобразилъ нравственную физиономию и общества, и протестующаго лица, Чацкаго, что эта внѣшняя „искусственность“, вытекшая изъ осмысленныхъ и страстныхъ стремленій автора ярче выразить глубочайшее содержаніе, совершенно не напоминаетъ о себѣ, къ сожалѣнію, только важный поводъ къ обвиненію Чацкаго въ недостаткѣ ума, т. е. къ недостаточному пониманію этого трагическаго лица въ комедіи русской жизни.

Главное содержаніе комедіи Грибоѣдова, такимъ образомъ, заключается въ протестѣ противъ направленной русской жизни во времена автора. И всѣ сцены въ пьесѣ состоятъ или въ изображеніи жизненныхъ явленій, характеризующихъ эти направленія, или въ протестующихъ монологахъ Чацкаго. И чтобы нравственный смыслъ комедіи былъ ясенъ, необходимо представить себѣ то общество, которое нашелъ Чацкій по своему возвращеніи изъ-за границы.

Общество это было своеобразно и характерно, и дѣйствительно могло внушить глубокое негодованіе. Его умственный и нравственный склад образовался подъ вліяніемъ двухъ, равно неблагоприятныхъ условий. Отъ старинной русской жизни наследственно и по преданію къ нему перешли грубость и беззаконіе, воспитанныя старымъ подьячествомъ и возросшіе подъ вліяніемъ глубоко прѣвншей всю жизнь татарщины безсловнаго крѣпостничества. Съ другой стороны, увлеченіе европейскимъ просвѣщеніемъ, т. е., въ сущности, внѣшними формами европейской образованности, создало другое, не менѣе печальное явленіе, — презрѣніе ко всему своему, родному. Въ этомъ родномъ и старинномъ русскомъ далеко не все было худо, и если произволъ и всякое беззаконіе были, то во всякомъ случаѣ они были не исполненіемъ нравственныхъ правилъ, а противорѣчіемъ имъ. Когда русское общество, отворотившись отъ всего роднаго, принимало съ Запада внѣшнія формы образованности, оно, конечно, вмѣстѣ со внѣшностью не могло взять и нравственныя основы европейской жизни, и сдѣлалось глубоко безпринципнымъ обществомъ, а потому безнравственнымъ. Въ прошломъ столѣтіи, какъ исторія сохра-

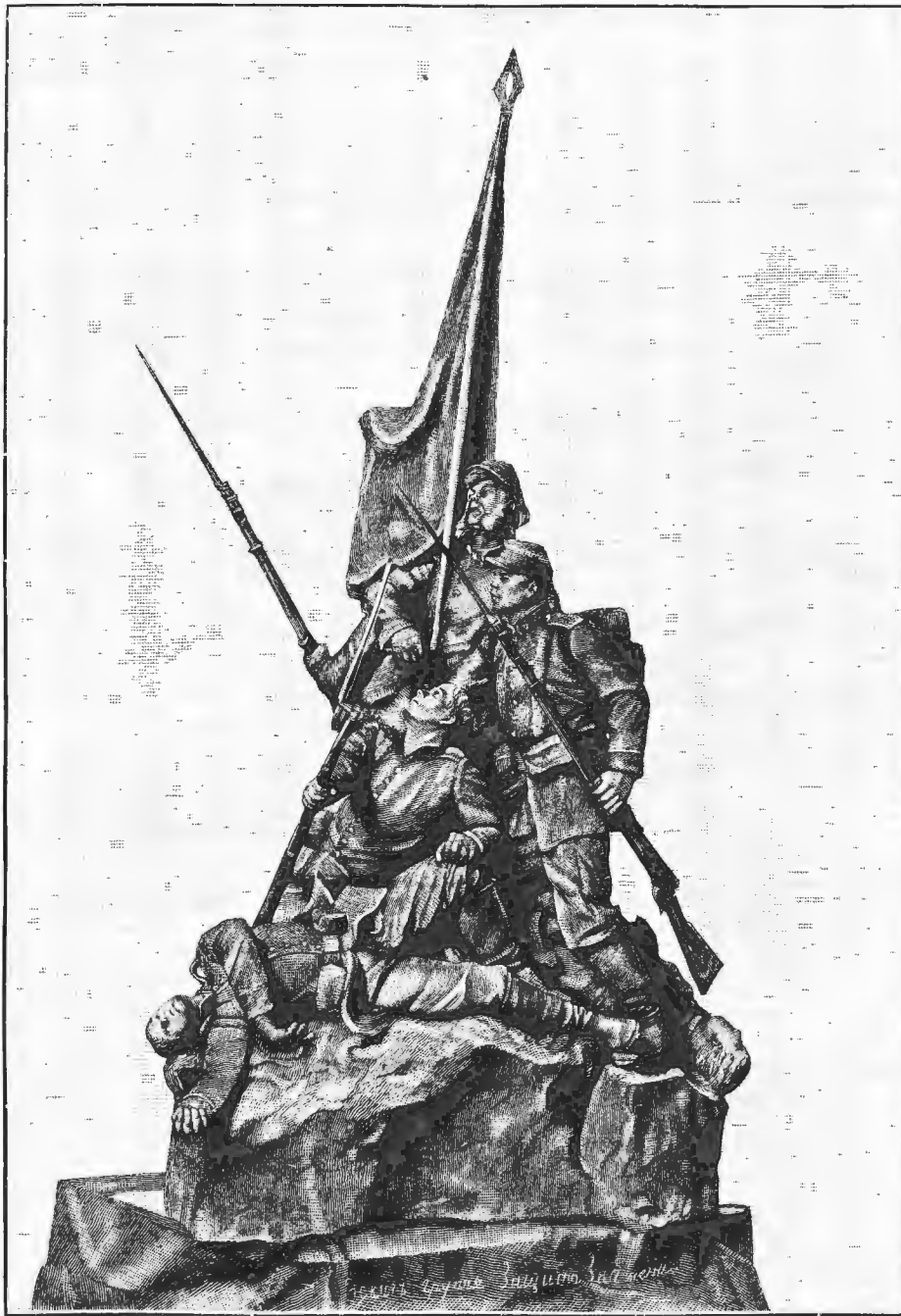
нила въ памяти, въ Россіи совершался безконечный рядъ такихъ жестокостей и ужасовъ со стороны людей высшаго, образованнаго класса, которые прямо указываютъ на безпринципность, на безразличность, и примѣровъ которыхъ старинная русская жизнь, несмотря на весь свой мракъ, не знала; въ старину русскіе люди хоть „Бога боялись“, а теперь, подѣ влияніемъ фальшиваго вольнодумства, и это препятствіе къ разгулу личныя страстей исчезло. И весь XVIII вѣкъ, со своею внѣшностью европейскаго образованія, былъ тяжкимъ временемъ.

Въ то время, когда писалъ Грибоѣдовъ свое „Горь отъ ума“, еще живо было въ обществѣ это страшное зло русской жизни, хотя большее образованіе общества въ это время нѣсколько улучшало положеніе дѣлъ. Но все еще грознымъ призракомъ стояло преклоненіе передъ всѣмъ европейскимъ безъ разбора, фальшивая образованность, рядомъ съ господствомъ грубыхъ страстей. Въ такихъ обществахъ развивается чрезвычайное стремленіе къ земнымъ благамъ, усиваются люди не истинныхъ достоинствъ, а искательные, льстивые и ловкіе. Все это и проходитъ передъ глазами Чацкаго въ лицахъ Фамусова, Скалозуба, Молчалина и пр. и пр. Въ лицѣ Молчалина мы видимъ примѣръ такого страшнаго извращенія нравственныхъ понятій, что самыя подлыя дѣянія низкопоклонства онъ считаетъ своими достоинствами и не стыдится говорить о нихъ.

Чацкій и является олицетвореннымъ протестомъ противъ этихъ внутреннихъ и глубокихъ зловъ русской жизни. Грибоѣдовъ съ гениальной проникательностью угадывалъ, что причины этихъ зловъ коренятся далеко не въ одномъ отсутствіи въ

русскомъ обществѣ „европейскаго просвѣщенія“, какъ тогда думали многие, и просвѣщеніе это не казалось ему пугающимъ силу исцѣлять всѣ язвы, — онъ видѣлъ обратную сторону медали и необходимость правдивыхъ устоевъ. И вотъ онъ одинаково протестуетъ какъ противъ „прошедшаго жита подлѣйшихъ чертъ“, такъ и противъ того, что русскіе люди забыли свою „старину святую“, и вымѣняли все на иностранный ладъ, на чуждые обычаи, не справляясь о томъ, что хорошо, что дурно. „Какъ можно европейское поставить въ параллель съ національнымъ!“ — вотъ обій крикъ тогдашнихъ людей русскаго общества. Смѣлая проповѣдь самобытности и критическаго отношенія къ „европейскому“, конечно, должна была вызвать протестъ со стороны „любителей европейскаго просвѣщенія“, на что выше и указано.

Гениальный критикъ Вѣлискій указывалъ на то, что Грибоѣдовъ не подчинился влиянію Пушкина. Дѣйствительно, ге-

Защита знамени. Группа изъ гипса В. Н. Пашенко.

(Право воспроизв. въ грав. и т. принадлеж. исключ. „Нивѣ“). Грав. Шюблеръ.

ниальный авторъ „Горь отъ ума“ не примкнулъ ни къ какому кружку или направленію, онъ стоитъ одиноко и самостоятельно въ ряду великихъ русскихъ писателей.

Арс. Введенскій.

Къ рисункамъ.

Бухара. Бухарская площадь. (Продавцы скота).

(Рис. на стр. 393).

Базарные дни въ Бухарѣ, Самаркандѣ, а равно и въ другихъ восточныхъ городахъ бываютъ нѣсколько разъ въ недѣлю, большую часть по средамъ и субботамъ. Въ центральномъ базарѣ сосредоточена вся торговля, за исключеніемъ продажи скота. На окраинахъ же города имѣется нѣсколько площадей; на одной продаются лошади, на другой верблюды, на третьей бараны, ослы, и все въ огромной массѣ. Необыкновенную картину представляетъ такой базаръ: толпы народа собираются на площадь, перемѣшиваются съ животными, въ воздухѣ стоитъ нечистый гулъ и пылъ столбомъ. Особенно

оригинально, когда идетъ проба лошадей и джигиты ловко гарцуютъ на красивыхъ послушныхъ лошадяхъ, заставляя ихъ выдѣлывать разные фокусы. Когда уводятъ животныхъ съ площадей, то непривычный просто задыхается отъ густой желтой и ѣдкой пыли.

Первое появленіе русскихъ войскъ на Аму-Дарьѣ, подѣ начальствомъ К. П. Кауфмана въ 1863 г. Переправа у Учъ-Чучуна. Карт. Н. Н. Каразина.

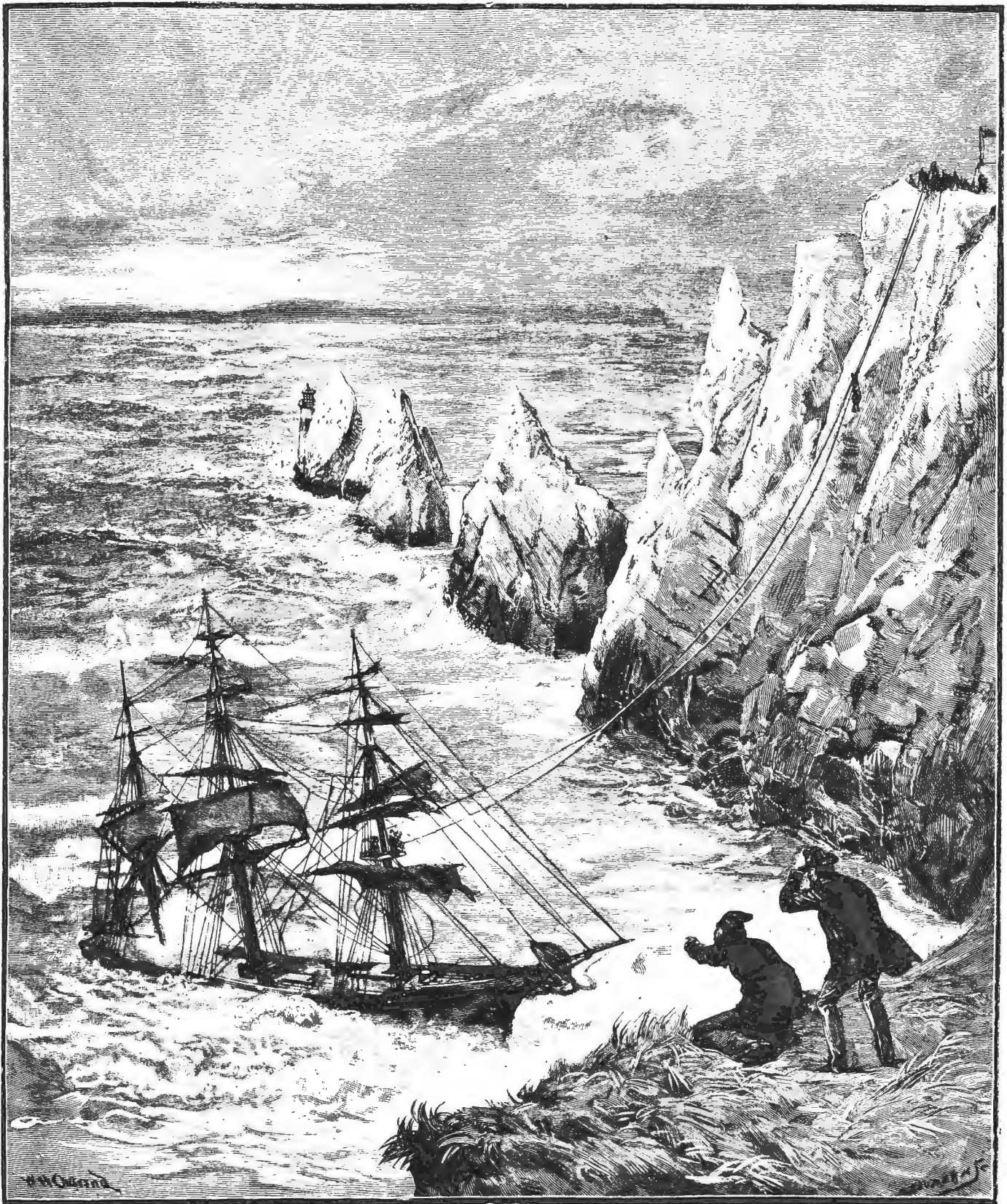
(Рис. на стр. 396).

Въ 1863 году русскія войска (колонна идущая изъ Ташкента, подѣ личнымъ начальствомъ генераль-адъютанта Конст. Петр.

Кауфмана), послѣ героическаго перехода черезъ мертвую пустыню Адамъ-Крыланъ, впервые появился на правомъ берегу Аму-Дарьи у урочища Учъ-Чучакъ (три холма). Вся хивинская армія съ многочисленною артиллеріею расположилась на противоположномъ берегу, готовясь дать серьезный отпоръ пришельцамъ. Позиція непріятели была почти неприступна,

дакъ повтонные парки, и желѣзныя лодки („Кауфманки“) спускались на воду.

Результатъ дѣйствія нашей артиллеріи былъ блестящій—массы хивинцевъ были буквально сметены со своихъ позицій и переправа вынуждена была безъ жертвъ; а къ ночи того же дня вся туркестанская колонна уже была на томъ берегу,

Спасеніе экипажа при крушеніи судна у острова Вайта. Рис. Ауэидъ, грав. Пауманъ.

а переправа, подъ огнемъ хивинскихъ орудій, безъ должной подготовки, конечно была немислима.

Генералъ Кауфманъ немедленно занялся именно этою подготовкою—наши орудія вытянулись длинною линіею по гребню берега и открыли убійственный огонь по непріятельской позиціи, а тѣмъ временемъ подтягивались вьючные на верблю-

въ предѣлахъ когда-то недоступнаго Хивинскаго ханства.

Участь этого грознаго, славнаго непобѣдимымъ государства, существовавашаго тысячелѣтія, была рѣшена безповоротно.

Картина эта написана художникомъ по заказу Государя Императора, въ числѣ цѣлой серіи, и составляетъ собственность Его Величества.

Вишенникъ. Картина Н. А. Сергѣева.

(Рис. на стр. 397).

Картина Н. А. Сергѣева (ученикъ проф. Тагорю) отличается красочностью, яркостью и силой тоновъ, каковы напр. выставленные имъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ *тысящи*, июнь, июль, августъ и др. На текущей выставкѣ въ Имп. Академіи Художествъ общее вниманіе привлекаетъ написанный имъ вишенникъ, вишневыи садикъ, безъ котораго въ Малороссіи не обходится почти ни одна крестьянская усадьба, ни одна украинская пѣсня. Вся освѣщенная яркими лучами южнаго солнца, молодая дичина набираетъ въ передникъ вишни прямо съ дерева, окруженная пышнымъ ковромъ зелени и цвѣтовъ.

Будущій инокъ. Карт. Богданова-Бѣльскаго.

(Рис. на стр. 401).

На послѣдней передвижной выставкѣ посетители невольно останавливались и заглядывались на картину — незнакомаго большинству публики — художника Богданова-Бѣльскаго „Будущій инокъ“. Крестьянскій подростокъ, грамотный, судя по тутъ-же лежащей книгѣ, весь отдали мечтамъ подъ розказни странника, сообщающаго молодому слушателю о житѣ-бытѣ по Святымъ Мѣстамъ. Типичная фигура странника и замѣчательно удавшееся выраженіе созерцательности на лицѣ юности заставляютъ позабыть о нѣкоторыхъ недостаткахъ въ картинѣ, представляющей во всякомъ случаѣ отрадное явленіе на ежегодной выставкѣ „передвижниковъ“ въ нынѣшнемъ году.

Весенняя идиллія. Карт. проф. Генр. Семирадскаго.

(Рис. на стр. 404 и 405).

Замѣчательно тонкая гравюра съ картины Г. Семирадскаго изображаетъ группу античныхъ поселенъ, расположившихся у водоема, съ небольшимъ стадомъ козъ и съ дѣтьми, подъ навѣсомъ деревьевъ, гдѣ

Въ полдень скрываются отъ радио
Въ широколиственной сѣни,
Воздухъ виная прохладный
Въ сладкой, забывчивой лѣни. (Н. Щербина).

Защита знамени. Группа Пащенко. (Рис. на стр. 408).

Изваянія, изображающія сцены изъ военной жизни, составляютъ въ пластикѣ явленіе новое, если не считать рельефовъ или украшеній на памятникахъ.

Какъ самостоятельныя произведенія, передающія событія военнаго времени, — они стали появляться сравнительно поздно, — послѣ памятной франко-прусской войны 1870 года, когда сразу на выставкахъ во Франціи и въ Германіи скульпторы стали выставлять статуи и группы, служившія къ увѣковѣчиванію славныхъ эпизодовъ изъ войнъ. Но у насъ до послѣдняго времени подобнаго рода произведенія почти совсѣмъ не были извѣстны.

На послѣдней академической выставкѣ вниманіе публики привлекаетъ прекрасная группа скульптора Владимира Михайловича Пащенко, представляющая защиту знамени въ послѣднюю турецкую войну.

Чрезвычайно удачно расположенныя семь фигуръ, въ половину естественной величины, производятъ живое впечатлѣніе, отчасти напоминая произведенія въ томъ-же родѣ французскихъ мастеровъ, что, впрочемъ, становится понятнымъ, если припомнить, что первоначальнымъ своимъ художественнымъ образованіемъ г. Пащенко обязанъ французской школѣ изящныхъ искусствъ въ Парижѣ. Нынѣ молодой скульпторъ работаетъ въ Римѣ.

Спасеніе экипажа при кораблекрушеніи у острова Вайта. (Рис. на стр. 409).

Недавно, трехмачтовый стальной корабль *Айрексъ*, шедшій изъ Англии въ Рио-де-Жанейро, во время сильной бури въ Ламаншѣ, потерялъ крушеніе у такъ-называемыхъ *Иголь* (Needles), островерхихъ утесовъ у береговъ острова Вайта. Корабль былъ брошенъ бурей къ берегу. Экипажъ, состоявшій изъ тридцати четырехъ человекъ, пытался спустить шлюпку, но безъ успѣха, при чемъ двое погибли. Корабль быстро погружался и экипажъ искалъ спасенія на мачтѣ и снастяхъ, гдѣ и оставался всю ночь и большую часть слѣдующаго дня. Къ полудню корабль былъ замѣченъ съ берега и къ нему на помощь отправили спасательную лодку на буксирѣ парохода изъ Тотландской бухты. Но все успѣли подойти къ *Айрексу* оказались тщетными, вследствие страшнаго волненія, и лодка вернулась къ берегу. Затѣмъ, посредствомъ ракетнаго снаряда, съ берега на палубу *Айрекса* былъ брошенъ канатъ, посредствомъ котораго и установилось сообщеніе погибшаго судна съ берегомъ. По этому канату еще до сумерокъ перетаскили пятнадцать человекъ, одного за другимъ,

какъ показано на нашемъ рисункѣ, а къ полночи и всѣхъ остальныхъ, за исключеніемъ одного, который наканунѣ въ бурю сломалъ себѣ руку и ногу, а потому не могъ взобраться на мачту и утонуть.

Викторъ-Эммануиль, принцъ Неаполитанскій, наследникъ Италіанскаго престола. (Портр. на стр. 412).

Путешествующій въ настоящее время по южнымъ окраинамъ Россіи наследникъ Италіанскаго престола, принцъ Викторъ-Эммануиль-Фердинандъ-Марія-Януарій, единственный сынъ короля Гумберта и королевы Маргариты (рожд. принцессы Савойской), родился 30 октября (11 ноября) 1869 года въ Неаполѣ. Населеніе впервые увидело его выступившимъ официально на турнирѣ, данномъ въ Римѣ въ 1883 году при бракосочетаніи герцога Генуэзскаго съ принцессой Изабеллой Баварской. Воспитаніе принца было чисто военное, и теперь онъ состоитъ подполковникомъ въ 5-мъ пѣхотномъ и 1-мъ прусскомъ полку гессенскихъ гусаръ № 13, коего шефомъ числится Августѣйшій отецъ принца.

Небольшаго роста, не особенно крѣпкаго тѣлосложенія, принцъ отличается чертами, свойственными скорѣе Саксонской династіи (по бабкѣ), нежели Савойскому дому. Воспитаніе по-видимому отняло у него ту пылкость, которою отличался дѣдъ его, Викторъ-Эммануиль II, и которая во временахъ, какъ бы вѣшкками, прорывается у короля Гумберта. Но за то ничто не въ состояніи смутить его мужественнаго безстрашія, какъ между прочимъ оказалось, напримѣръ, при неудачныхъ опытахъ съ динамитомъ, когда принцъ, раненный въ числѣ прочихъ, спокойно спросилъ послѣ взрыва: почему не продолжаютъ опыта.

Какъ извѣстно изъ телеграммъ, принцъ, путешествующій инкогнито, подъ именемъ герцога да-Поленцо, прибылъ 30 марта на турецкой яхтѣ *Султане* въ Батумъ, откуда выѣхалъ въ Кутаисъ, посетилъ Гелатскій монастырь, затѣмъ отправился въ Гори, Тифлисъ, Баку, гдѣ 3 апрѣля осматривалъ ханскій дворецъ, дѣвичью башню, Балахинскій промываль. Послѣ завтрака у Побеля, принцъ въ 3-мъ часу вернулся въ Баку, обѣдалъ у губернатора, а вечеромъ была прогулка на морскіе огни. 4 апрѣля принцъ утромъ осматривалъ заводъ Чернаго городка, а въ 5 часовъ вечера на пароходѣ „Князь Барятинскій“ выѣхалъ въ Узунъ-Ада. Далѣе онъ намѣренъ посетить Самаркандъ, Ташкентъ, Бухару и проч.

Въ путешествіи принца сопровождаютъ генералъ-лейтенантъ графъ Морра-ди-Лавріано, докторъ Бокка, маркизъ Катанео, капитанъ Малвенци и шесть человекъ прислуги.

Сотникъ Д. Пѣшковъ. (Портр. и рис. на стр. 412 и 413).

Сотникъ Дмитрій *Пѣшковъ*, уроженецъ знаменитой по борьбѣ съ китайцами въ концѣ XVII ст. станицы Албазинской Амурскаго казацкаго войска, ѣдетъ въ Петербургъ верхомъ изъ Благовѣщенска на Амурѣ, откуда выѣхалъ 7 ноября 1889 г. Въ Омскъ пріѣхалъ 27 февраля 1890 г., т. е. на 113-я сутки, дѣлавъ за это время 4,905 верстъ на одной и той-же маленькой строевой лошади. Больше или меньше продолжительныхъ остановокъ за все это время г. Пѣшковъ имѣлъ 8, въ теченіе 26 дней; въ томъ числѣ 14 дней ему привелось прожить въ Иркутскѣ, такъ какъ онъ заболѣлъ не минованіемъ и Сибирь „инфлюэнцей“. Выкидывая дни остановокъ, выйдетъ что г. Пѣшковъ ѣхалъ отъ Благовѣщенска до Омска 87 дней, дѣлавъ въ среднемъ выводѣ по 56 верстъ въ день; были впрочемъ дни, когда онъ проѣзжалъ и по 70 верстъ и даже разъ 86½ верстъ.

Несмотря на громадность совершеннаго пути, среди снѣговъ, метелей, сибирскихъ буряновъ и морозовъ не разъ доходившихъ до 35° R. — какъ лошадь, такъ и всадникъ имѣютъ весьма бодрый видъ. Лошадь, за все время пути, ни разу нигдѣ не болѣла. Ухаживаетъ за лошадью исключительно самъ сотникъ Пѣшковъ: онъ слѣдитъ за ея выстойкой послѣ большихъ переѣздовъ, самъ ее чиститъ, самъ кормитъ и поитъ. Дача овса, по мѣрѣ движенія впередъ, все болѣе и болѣе увеличивается, поднявшись съ обычныхъ 3 гарнца въ сутки до 8. Замѣчательна разборчивость лошади по отношенію къ питью: пить она воду исключительно свѣжую; чуть застоялой воды не принимаетъ и въ такомъ случаѣ переходитъ на снѣгъ, который весьма охотно ѣстъ. Почти весь путь по Барабѣ между Томскомъ и Омскомъ, въ теченіе 12 дней, она вмѣсто воды пользовалась снѣгомъ.

Ростъ лошади замѣчательно малъ, едва достигаетъ 1 арш. 14½ верш. Грузъ, который она на себѣ везетъ, вмѣстѣ съ всадникомъ — 4 пуда 38 фунтовъ. Самъ всадникъ тоже небольшого роста, но весьма крѣпкаго сложения; онъ очень еще молодой человекъ, съ симпатичной наружностью и характера, какъ сообщаетъ нашъ омскій корреспондентъ.

Политическое обозрѣніе.

Новый германскій канцлеръ де-Канриви 3 апрѣля въ прусской палатѣ депутатовъ произнесъ свою первую парламентскую рѣчь и, такъ сказать, началъ публично свою новую дѣя-

тельность. Началъ онъ ее скромно, не какъ канцлеръ Германской имперіи, а какъ первый министръ Прусскаго королевства; при томъ съ самаго начала онъ заявилъ, что его

слова не должны быть сочтены за политическую рѣчь, такъ какъ онъ находилъ до сихъ поръ вдали отъ политической жизни и не могъ еще, вслѣдствіе этого, обозрѣть всей сферы своей дѣятельности, а только желаетъ представиться ландтагу. Затѣмъ ораторъ, сдѣлавъ ретроспективный обзоръ значенія князя Бисмарка, выразилъ надежду, что будущее Пруссіи будетъ и впредь обезпечено. Зданіе достаточно крѣпко построено для того, чтобы оно могло выдержать вѣтры и непогоды. „Особа нашего Августѣйшаго государя — присовокунить канцлеръ — достаточно ясно обнаружила свое значеніе какъ для страны, такъ и для иностранныхъ государствъ. Пруссію и Германію ждетъ счастливая будущность. Императоръ сказалъ, что курсъ останется прежній. Ждать новой эры не должно, но въ министерствѣ выдвинется коллегіальная система; онъ, канцлеръ, предоставитъ дѣловому изслѣдованію самое широкое поле дѣятельности и будетъ брать доброе тамъ, гдѣ его найдеть“.

Подтвержденіемъ того, что „курсъ германской политики“ останется прежній, могло бы послужить извѣстіе объ обмѣнѣ мыслей между генераломъ Каприви и графомъ Кальноки, который привелъ будто бы къ полному и безусловному соглашенію по всѣмъ вопросамъ иностранной политики и особенно на *Vostok*. Но извѣстіе это появилось въ пресловутомъ *Pesther Lloyd*, безъ извѣщенія все превеличавающемъ и пускающемъ съ легкимъ сердцемъ извѣстія въ родѣ того, что у Австро-Венгрии болѣе чѣмъ когда-либо развиваются руки въ отношеніи къ Россіи вслѣдствіе помянутаго обмѣна мыслей между германскимъ канцлеромъ и графомъ Кальноки.

Что касается Италіи, другаго союзника Германіи, то та же газета передаетъ, что въ подобномъ же направленіи происходилъ обмѣнъ мыслей съ Криспи, но притомъ воздерживается отъ сообщенія результатовъ этого обмѣна.

Между тѣмъ Италія все хлопочетъ о сближеніи съ Франціей, для чего, какъ и некоторые газеты порѣшили, Криспи выйдетъ въ отставку. Такъ *Correspondence de l'Est* сообщаетъ, что отставка Криспи представляется вѣроятною и что желаемымъ и ближайшимъ ея послѣдствіемъ будетъ сближеніе Италіи съ Франціей. Газета присовокуляетъ, что берлинскій и вѣнсскій кабинеты отнесутся къ отставкѣ Криспи безъ особенной тревоги, такъ какъ король Гумбертъ останется попрежнему членомъ тройственнаго союза.

Чешко-нѣмецкое соглашеніе, о которомъ въ свое время говорили газеты, все еще не приведено къ окончанію и на допозднительной конференціи о немъ пренія все еще ведутся безъ всякаго результата. Руководитель младочеховъ, Эдуардъ Грегръ, произнесъ на дняхъ, по поводу обсужденія бюджета въ рейхсратѣ, горячую рѣчь противъ соглашенія. Между прочимъ, онъ заявилъ, что до сихъ поръ правительство подвергалось чрезвычайнымъ нападкамъ со стороны нѣмецкой оппозиціи, а теперь братается съ нею, доказывая тѣмъ самымъ свою безпринцип-

ность. „Таафе — сказалъ Грегръ — хочетъ поддержать соглашеніе насильственными мѣрами противъ младочеховъ, но чешскій народъ отвергнетъ это соглашеніе, которое было подготовлено во дворцѣ германскаго посла князя Рейсса и принесетъ пользу только прусской агитаціи въ Чехіи. Чешскій народъ неотступно требуетъ осуществленія чешскаго государственнаго права и коронаціи императора чешскою короной“.

Это соглашеніе, порождающее только несогласія въ Чехіи, можно думать уладится не скоро, если принять въ соображеніе постоянно возрастающее расположеніе въ странѣ къ партіи младочеховъ, выражающееся въ побѣдахъ въ выборахъ стенограммъ этой партіи. Недавнее избраніе въ Юнгъ-Бундлау депутатами въ рейхсратъ младочеха Шпиндлера, при нынѣшнемъ составѣ большинства въ этомъ совѣтѣ, произвело на нѣмцевъ удручающее впечатлѣніе; надо признать, что до сихъ поръ Юнгъ-Бундлау былъ старочешскимъ пунктомъ, гдѣ проживалъ создатель соглашенія Матушъ.

Изъ Софіи сообщаютъ, что слѣдственная коммисія по дѣлу Паницы окончила возложенную на нее задачу. Разбирательство дѣла начнется въ послѣднихъ числахъ апрѣля. Всѣхъ подсудимыхъ 15, изъ нихъ 7 офицеровъ, остальные — статскіе. По признаніямъ де подсудимыхъ, задуманный ими при провѣдѣ черезъ Софію князя Долгорукова планъ заключался будто бы въ слѣдующемъ: какъ только очередь караула во дворцѣ дошла бы до поручика Ризова, нынѣ арестованнаго, то двое другихъ офицеровъ, капитанъ Моловъ и поручикъ Киссиновъ, перешедши нижними чинами, должны были войти въ спальню принца Фердинанда и арестовать его. Въ то же время предполагалось арестовать министровъ и командировъ расположенныхъ въ Софіи полковъ. По приведенію плана въ исполненіе, долженъ де былъ бы прѣхать въ Софію русскій генералъ, чтобы руководить временнымъ правительствомъ и назначить выборы въ общее собраніе.

На Критѣ попрежнему безпокойно. 10 апрѣля произошло значительное вооруженное столкновеніе между турками и христианами въ Селино. Много убитыхъ и раненыхъ. Салибъ-бей, вратясь въ Канею изъ Ретимскаго округа, куда онъ былъ командированъ для дознанія, заявилъ, что жалобы христианъ на безчестства турецкихъ войскъ и жандармовъ хотя преувеличены, но не совсѣмъ неосновательны. Салибъ-бей велѣлъ арестовать одного солдата и одного жандармскаго сержанта, о которыхъ отзывались, какъ о главныхъ виновникахъ. Велѣдствіе увѣдомленій, полученныхъ отъ турецкаго морскаго агента въ Аѳинахъ, Шакиръ-паша сдѣлалъ распоряженіе, чтобы на берегахъ острова отнюдь не допускалась высадка возвращающихся домой критскихъ выходцевъ. Какъ бы протестомъ противъ турецкаго управленія и выраженіемъ печали страны явилось въ большихъ городахъ отсутствіе обычныхъ въ ночь на страстную пятницу церковныхъ процессій, не смотря на принятія Шакиромъ-пашею мѣры относительно охраны христіанскаго богослуженія.

С М Ъ С Ъ.

Д-ръ А. Винкельманъ, въ только что изданномъ имъ руководствѣ къ физикѣ, даетъ слѣдующую наглядную таблицу различныхъ скоростей.

	Число метровъ въ секунду:		Число метровъ въ секунду:
Улитка	0,0015	Сильнѣйшій циклонъ	116,0
Человѣкъ при ходьбѣ . . .	1,35	Звукъ въ воздухѣ . . .	290,0
„ на лыжахъ	2,95	„ въ безвоздушн.	
Комета Галлея въ афеліи	3,00	пространствѣ	337
Наибыстрѣйшая рѣка . . .	4,00	Пушечное ядро	500
Ааростать въ безвѣтріи . .	6,4	Волна прилива	800
Скорость	7,1	Камни съ Тенерифъ-	
Муха	7,6	скаго пика	1 км.
Лучшій пароходъ	8,5	Луна	1
Велосипедъ двухколесный	9,7	Взрывъ удари. ваты.	5,8
Свѣжій вѣтеръ	10,0	Солнце	7,6
Миноноска	11,5	Земля	29,5
Ковкობъжець	11,6	Надъ звѣзды среди . .	40
Скаковая лошадь	12,6	Токъ подводн. кабеля	4,000
Горный потокъ	14,3	Телеграфный токъ . . .	11,690
Курьерскій поѣздъ	16,7	Индуктивный токъ . . .	18,400
Океанскія волны	21,6	Электрич. токъ среди .	36,000
Почтовый голубь	27,0	Протуберанцы въ сол-	
Ураганъ	45,0	нечныхъ пятнахъ . . .	200,000
Ласточка	67,0	Свѣтъ	300,000

Изъ жизни Гоголя много интересныхъ фактовъ сообщено въ трудѣ В. П. Шенрока „Гоголь и Данилевскій“, помѣщенномъ въ одномъ изъ нашихъ ежемѣсячныхъ журналовъ. Между прочимъ разсказывается, что, задумавъ свои „Мертвыя Души“, Гоголь обращался ко всѣмъ друзьямъ и знакомымъ съ убѣдительною просьбой оказать ему содѣйствіе въ собираніи матеріала сообщеніемъ своихъ замѣтокъ и наблюденій надъ обществомъ. Но друзья и знакомые какъ будто сговорились не внимать его усердной молбѣ, очевидно, не обладая даромъ охватывать характерныя черты, какъ это легко удавалось всегда Гоголю. Ульяна Григорьевна Данилевская разсказывала Шенроку, какъ долго она спорила при свиданіи съ Гоголемъ,

чистосердечно объясняя свое уклоненіе отъ предложенной ей задачи не нежеланіемъ, а неумѣиемъ, неискusstвомъ. Гоголь сначала ни за что не хотѣлъ и слушать и не принималъ никакихъ резоновъ; казалось, онъ не допускалъ и мысли, чтобы для кого-бы то ни было просьба его могла быть затруднительна; онъ упорно стоялъ на своемъ, что вся помѣха заключается если не въ нежеланіи, то въ излишней скромности, преувеличенномъ недоверіи къ своимъ силамъ: стоитъ только принятая, и дѣло будетъ исполнено. Гораздо позднѣе, получая отовсюду оди и тѣ же ссылки на неисполненіе его желанія, Гоголь, повидимому, понялъ и согласился, что записываніе впечатлѣній и особенно составленіе живыхъ характеристикъ — дѣло легкое для него — было для огромнаго большинства смертныхъ непосильнымъ бременемъ, требуя особой наблюдательности и недюжиннаго таланта. А. С. Данилевскій разсказывалъ г. Шенроку, какія лица послужили, по его предположенію, прототипами въ некоторыхъ произведеній Гоголя: Акакій Акакиевичъ — Юдинъ, о которомъ онъ часто разсказывалъ Гоголю и который заходилъ къ Данилевскимъ. Это было несчастнѣйшее созданіе. Маниловъ — Юрьевъ, Василій Ивановичъ, былъ женатъ на двоюродной сестрѣ А. С. Данилевскаго. Чичиковъ — общій знакомый въ началѣ 30-хъ годовъ. П. П. Штѣухъ — Федоръ Акимовичъ Данилевскій. Онъ былъ полковникъ. Въ 1812 году ему оторвало обѣ ноги. Императоръ Александръ Павловичъ заказалъ ему деревянные ноги, совершенно свободно, безъ костылей. Государь, узнавъ объ его тяжеломъ положеніи, принялъ его подъ свое покровительство, прибавилъ ему столовыхъ. Онъ считался на службѣ, получалъ чины. (в.)

Н. Д. Хвощинская, помимо талантности своей, отличалась чрезвычайною добросовѣстностью во всякой работѣ. Она всегда возмущалась тою небрежностью, которую позволяли себѣ беллетристы новѣйшаго времени. Посредственностямъ, завладѣвшимъ руководствомъ нашей печати, доставалось отъ нея. Съ какой-то схоластическою придирчивостью выискивала она ничтожнѣйшіе промахи въ каждомъ новомъ произведеніи и горячо доказывала, что здѣсь хронологія не соблюдена, а въ другомъ мѣстѣ герой не могъ по-

часть из столовой прямо в спальню, если в предыдущей главѣ говорилось, что столовая расположена была въ другомъ фасадѣ и проч. „Вотъ посмотрите“, говорила она одной знакомой своей, напечатанной о ней воспоминанія въ *Историческомъ Вѣстникѣ*, — „какъ я работаю“, и уводила свою гостью въ свою маленькую комнату съ кроватью отгороженной ширмой и небольшимъ столомъ, поставленнымъ лѣвымъ бокомъ къ окну. На немъ гостя увидела мелко-на-мелко написанные листы отъ верхняго края страницы до нижняго уголка сжатыми, едва разборчивыми строчками. Четвертушки и клочки бумаги тоже сидели устланы ея микроскопическимъ почеркомъ, и на отдельныхъ бумажкахъ начертаны линии, клетъки, квадраты. „Это планы“, говорила романтичка. „Планы квартиры я заранѣе обдумываю и рисую и ужъ не собьюсь, гдѣ какая комната; у меня читатель словно видитъ ихъ расположение. И медленно, иногда по двѣ строки въ день пишу, да за то отчетливо и добросовѣстно работаю. А это хронологія“, показывала она исчерченную цифрами бумажку. „Передъ тѣмъ какъ начать работу, я уясню себѣ и запишу: кто изъ героевъ въ какомъ году родился. Это необходимо.“ Все это она говорила о себѣ тономъ самоощущенія. (в.)

Столѣтній старецъ. Въ одну изъ нашихъ медицинскихъ газетъ докторъ Бурлаковъ сообщилъ недавно, что въ деревнѣ Гушаловкѣ, Хорошковской волости, Кобелякского уѣзда (Полтавской губерніи), живетъ казакъ Федоръ Романовичъ Лавренко, которому теперь 106 лѣтъ. Онъ видитъ еще настолько хорошо, что самъ вдѣваетъ нитку въ иглу и шьетъ, но слышитъ уже плохо; свободно ходитъ, и только въ послѣднее время ноги при ходьбѣ дрожатъ. Всѣ дѣти его отличаются тоже замѣчательнымъ здоровьемъ; пятому сыну его теперь уже шестьдесятъ лѣтъ, но онъ смотритъ мужичиной средняго возраста. (в.)

Случай изъ области таинственнаго и неразгаданнаго произошелъ недавно въ Царствѣ Польскомъ. По словамъ газеты *Калишанинъ*, дочь жителя мѣстечка Вѣрусова, Калишскаго уѣзда, проходя по льду черезъ рѣку Прену, утонула; утопленницу искали въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, но всѣ поиски были напрасны. Наконецъ, вскорѣ послѣ этого, сестра утонувшей, руководимая полученнымъ ею во снѣ указаніемъ, точно опредѣлила на рѣкѣ мѣсто, гдѣ должно находиться тѣло утонувшей. Въ указанномъ мѣстѣ сдѣлана была прорубь, и тамъ дѣйствительно найдена была утопленница. (в.)

Молоко, какъ питательное вещество. Если сравнить различные вещества относительно такъ-называемой единицы питательности, которая зависитъ отъ количества содержащагося въ веществѣ бѣлка, жира и крахмала, то наиболее дешевымъ будетъ, конечно, то, въ которомъ за извѣст-

Принцъ Викторъ-Эммануиль Неаполитанскій, наслѣдникъ Итальянскаго престола. Рис. Пуссенъ.

выше приемъ, — и самый сильный приступъ кашля быстро останавливается. Врачъ, рекомендующій этотъ способъ отъ кашля, самъ испыталъ на себѣ его благотворное дѣйствіе, причемъ у него исчезала вообще и самая наклонность къ простудѣ. Это простое средство можно съ успѣхомъ употреблять и противъ икоты. (в.)

Замѣчательный грузъ доставленъ изъ Египта въ Ливерпуль, торговому дому Льюингтонъ и К^о. Онъ состоялъ изъ 180,000 кошачьихъ труповъ. Какой-то предприимчивый спекуляторъ отыскалъ недалеко отъ Каира древне-египетское кошачье кладбище и получилъ отъ правительства разрѣшеніе перевезти набальзамированные трупы, лежавшіе тамъ 4000 лѣтъ, въ Англію. Названный торговый домъ закупилъ всѣ 180,000 труповъ за 18,000 франковъ, и — когда-то почитавшіяся у египтянъ священными — животныя послужатъ для англійскихъ полей протымъ удобреніемъ... (с.)

Искусственное разведеніе губокъ. Нѣкто г. Оскаръ Шмидтъ, профессоръ Градскаго университета (въ Штиріи), изобрѣлъ способъ искусственнаго разведенія губокъ. Онъ беретъ большую, только что выгашенную изъ моря губку, рѣжетъ ее на множество мелкихъ частей и сажаетъ ихъ въ море на соответственныхъ мѣстахъ. Черезъ три года кусочки эти разрастаются въ огромныя губки. Одинъ изъ опытовъ далъ такой результатъ: на дѣйстви затраченныхъ марокъ, считая сюда же и проценты за три года, получился сборъ въ 400 большихъ губокъ. Австро-венгерское прави-

Сотникъ Д. Пѣшковъ. Съ фог. Буланже въ Омскѣ, грав. Пуцъ.

тельство, въ виду важности открытія, приняло мѣры для развитія новаго промысла на далматскихъ берегахъ, общаваъ ему содѣйствіе и поддержку. (с.)

Недавно сдѣлано удивительное открытіе, что солнечный лучъ, при извѣстныхъ условіяхъ, можетъ издавать звукъ. При производенныхъ опытахъ лучъ падалъ въ стеклянный сосудъ, содержащій сажу, цвѣтн. шелкъ, шерсть или другія вещества. Надъ сосудомъ быстро вращали металлическій дискъ съ отверстиями, который перерывалъ лучъ, то бросая на сосудъ тѣнь, то пропуская мимолетный свѣтъ. Если къ сосуду приложить ухо, то въ тѣ моменты, когда падаетъ свѣтъ, въ сосудѣ слышатся своеобразные звуки. Еще интереснѣе становится опыты, если помѣстить надъ дискомъ приему и пропустить сквозь нее солнечный лучъ, падающій въ сосудъ искрами всѣхъ цвѣтовъ радуги. Въ этомъ случаѣ въ сосудѣ также будутъ слышаться звуки, но лишь отъ извѣстныхъ частей цвѣтоваго луча, между тѣмъ какъ остальные части не производятъ звука. (с.)

Изъ Неаполя сообщаютъ: „Въ октябрѣ прошлаго года, близъ воротъ Porta-Stabiana, въ густомъ слѣдѣ пещи, найдены отпечатки трехъ человеческихъ труновъ и дерева, съ которыхъ, для болѣе подробнаго изученія, сняты гипсовые слѣпки. Изслѣдованія показали, что труны принадлежали двумъ мужчинамъ и одной женщинѣ, изъ которыхъ одинъ мужчина лежалъ на лѣвомъ боку, другой, вытянувшись — на спинѣ, женщина же опустилась на землю

какъ бы для молитвы, далеко протянувъ передъ собой руки. Но гораздо интереснѣе изслѣдованія, произведенныя профессоромъ Фортунато Пасквале надъ деревомъ, которое отпечатлѣлось въ пещѣ во всю свою величину вмѣстѣ съ листьями и плодами. Оно принадлежитъ къ той породѣ Laurus Nobilis, которая отличается круглыми плодами, достигающими зрѣлости лишь къ концу осени. А такъ какъ, по мнѣнію профессора Пасквале, плоды, насколько можно судить по ихъ величинѣ и формѣ, были уже зрѣлы, то находка эта служить новымъ доказательствомъ того предположенія, что великое изверженіе Везувія произошло не въ августѣ, а въ ноябрѣ 79 года послѣ Р. Христова. (с.)

Стрѣльба изъ береговыхъ орудій получила новое примѣненіе, какъ замѣна тревожныхъ сигналовъ въ туманную погоду. Непригодность сигнальнаго рожка давно уже заставляла желать замѣны его чѣмъ нибудь другимъ, и лондонскій Trinity House (главное управленіе морскихъ сигналовъ въ Англіи) уже въ 70-хъ годахъ производилъ многочисленные опыты надъ различными звуками инструмента, чтобы опредѣлить, который изъ нихъ наиболѣе пригоденъ для береговыхъ сигналовъ. Результаты показали, что

звукъ сигнальнаго рожка простирается не далѣе 15 верстъ, а на болѣе значительныхъ расстояніяхъ легко можетъ быть смѣшиваемъ съ пароходнымъ свисткомъ. (Согласно международной конвенціи, въ туманную погоду всѣ пароходы обязаны днемъ и ночью давать каждыя пять минутъ свистки, для предупрежденія столкновеній съ другими судами). Между прочимъ выяснилось, что изъ всѣхъ употребительныхъ туманныхъ сигналовъ наиболѣе понятные и далеко слышимые —

пушечные выстрѣлы. Звукъ пушечнаго выстрѣла слышенъ на расстояніи 22 верстъ. Однако же проектъ употребленія орудій для этой цѣли рушился за невозможностью достигнуть точнаго и безопаснаго дѣйствія, ибо выстрѣлы должны производиться каждыя пять минутъ, подобно сигнальному рожку. Между тѣмъ извѣстны случаи, какъ рожокъ дѣйствовалъ безъ перерыва 240 часовъ. То же самое должно дать и орудіе. Возможность такого безостановочнаго дѣйствія достигнута шведскимъ капитаномъ фрегата „Энгстремомъ“, благодаря употребленію скорострѣльной пушки съ механическими механизмами. Такъ какъ при этихъ орудіяхъ стрѣльба производится безъ ядеръ, то службу можетъ нести съ успехомъ и малоопытная прислуга. На шведскомъ берегу уже довольно долго дѣйствуетъ въ качествѣ туманнаго сигнала скорострѣльная пушка 6-ти сантиметроваго калибра, и результаты получаются вполне удовлетворительные. Такъ какъ она дѣлаетъ до 30 выстрѣловъ въ минуту, то нашли возможнымъ передавать сигналы посредствомъ

алфавита Морзе, замѣняя точки и тире короткими или длинными промежутками между выстрѣлами. Гильзы могутъ служить до 300 разъ и снаряжаются на мѣстѣ возлѣ самаго орудія. (с.)

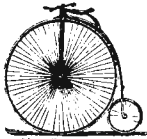

Сотникъ Пѣшковъ на своемъ конѣ. Съ фот. М. Буланже въ Омскѣ, грав. Пуць.

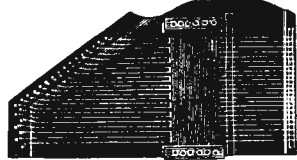
ЗАЯВЛЕНІЕ.

Контора журнала „НИВА“ проситъ Гг. подписчиковъ, **НЕ ВНЕСШИХЪ ПОЛНУЮ ГОДОВУЮ ПОДПИСНУЮ ПЛАТУ** за „НИВУ“ 1890 г., озаботиться своевременными взносами слѣдуемыхъ съ нихъ денегъ. Гг. иногородные подписчики, при высылкѣ денегъ, благоволятъ прилагать печатные адреса отъ бандеролей.

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ

иновъ полученныхъ английскихъ велосипедовъ. 4-2
Г. ЖЕМЛИЧКА,
 Москва, уголъ Тверской и Старого Газетнаго пер., домъ Фатыль-Фейнъ, магазинъ № 19.
 Прейс-куранты высылаются безплатно

УСОВЕРШЕНСТВОВАННЫЯ НАРОДНЫЯ ЦИТРЫ

собрать, издѣли продаются по вновь удешевленнымъ цѣнамъ; съ 3 педалами по 4 р. и 4 р. 50 к. съ 7 педалами съ приспособленіемъ для легкой и скорой настройки по 6 рублей. Самый легкій инструментъ для изученія. Приятный тонъ. Въ короткое время проданы многія тысячи.
 За пересылку по почтѣ прому прилагать за 4 руб. за 10 фунт., за 6 руб. за 15 фунт.

И. Ф. МИЛЛЕРЪ

Москва, Петровка, домъ Волкова.
 Иллюстр прейс-курантъ всѣмъ инструментамъ безплатно. (25) Ц. № 3864
 Торговцамъ дѣлается скидка.

ГОРЬКАЯ ВОДА ИСТОЧНИКА ФРАНЦА ЈОСИФА

Натуральная минеральная слабительная вода источника **ФРАНЦЪ-ЈОСИФЪ**

въ Будапештѣ по отзывамъ медіцинскихъ авторитетовъ, она дѣйствуетъ легко, аккуратно и безъ всякихъ вредныхъ послѣдствій.

Рекомендуется какъ слабительная вода, не содержащая въ своемъ составѣ вредныхъ здоровью веществъ. Продается въ аптекахъ и антек. магазинахъ. Ц. № 4238 7-7
 Для нормальнаго приема достаточно одного виннаго стакана Дирекція въ Будапештѣ.

МА СЛѢДСТВИЯМЪ ТОРГОВЦАМЪ РАВНѢШНЫЯ ВРАЧЪ-МАСТЕРЪ СЛѢДСТВИЯМЪ ТОРГОВЦАМЪ РАВНѢШНЫЯ ВРАЧЪ-МАСТЕРЪ СЛѢДСТВИЯМЪ ТОРГОВЦАМЪ РАВНѢШНЫЯ ВРАЧЪ-МАСТЕРЪ

РАЗРАБОТАННЫЯ КЛУБКАМИ ВРАЧЪ УПРАВЛЕНІЯ

ПЛАСТЫРЬ
 ПРОФИЗОРА
В. И. ШЕПФЪ
 для уничтоженія **МОЗОЛЕЙ**
БОРОДАВОКЪ
 цѣна 35 коп.

Можно получать во всѣхъ лучшихъ аптекахъ, аптекарскихъ магазинахъ, магазинахъ обуви и резинов. издѣлій. Выписывающимъ не менѣе 3хъ пед. ильчиковъ, пересылка безплатно, торговцамъ значительная уступка.

Главный складъ у изобрѣтателя, провизора **В. И. Шепфъ**, въ Москвѣ, Патриаршіи пруды, д. Бриткина. Ц. № 4182 10-10

CRÈME-SIMON (КРЕМЪ-СИМОНЪ)

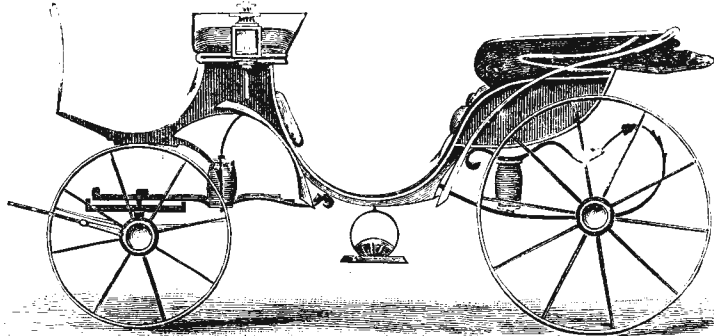

прелестнаго запаха, не портится и служить для смягченія кожи.
Пудра SIMON
 и **Мыло**
 à la **CRÈME SIMON**
 дополняютъ его дѣйствіемъ и имѣютъ тотъ же запахъ.

J. Simon, 36, Rue de Provence 36, Парижъ
 Въ розницу у парикмахеровъ, парфюмеровъ и аптекарей. А. № 4315 15-12

РЕЗИНОВЫЯ БУФЕРНЫЯ РЕССОРЫ

системы **А. П. ЭНГЕЛЬГАРДТА**
 привилегія № 5120 и 3104.

Заказы на всякаго рода экипажи принимаются: въ С.-Петербургѣ: А. А. Вайновъ, Литейный пр., д. № 15. Ѳ. Ретико, за Московской заставой, по Колтовской ул., д. № 5. въ Москвѣ: П. И. Колесинъ, 1-я Рогожская. въ Варшавѣ: Шидовецкая экипажная фабрика, Юргалинская ул., д. № 41-76. въ Ярошевѣ: Ярошевская экипажная фабрика Н. К. фонъ-Гюббенетъ, Могилевскій губ., Климовичскаго уѣзда, ст. Хотимскыя. въ Екатеринбургѣ: Владиславъ Францевичъ Кузьминскій Резиновые буфера и также чертежи и инструкции для примѣненія оныхъ къ экипажамъ можно получать въ магазинахъ резиновыхъ товаровъ и въ конторахъ Товарищества Россійско-Американской Резиновой Мануфактуры въ С.-Петербургѣ и Москвѣ. № 4357 3-3

ВАЗЕЛИНОВОЕ МЫЛО

І. ГОЛЛЕНДЕРЪ

для смягченія кожи.
 Новозобрѣтенное вазелиновое мыло, приятнаго запаха, придаетъ кожѣ ласкаемую и живую мягкость. Цѣна за кусокъ 30 коп., 3 куска съ пересылк. 1 р. 50 к.
 Получать можно во всѣхъ парфюм. и антек. магазинахъ и аптекахъ Россіи.
 Главный складъ: СПБ., Демидовъ пер., д. № 1. (14) № 4278

Ф. Э. ДРЕХСЛЕРЪ,
 Варшава, Лешно, 14.
 Бицикли отъ 100 р. Роверы отъ 135 р. № 4386 10-7

ЗАЙКИ

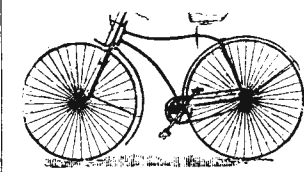
могутъ воспользоваться леченіемъ въ заведеніи **Р. № 4456**
РОБЕРТА ЭРНСТЪ,
 въ Берлинѣ, Potsdamerstrasse, 37.

МИНДАЛЬНОЕ МЫЛЬНОЕ ТѢСТО !!

приготовленное лабораторіей **А. Энглундъ**. Миндальное мыльное тѣсто на березовомъ сокѣ, котораго обильная, освѣжающая и приятная ибна, впитывается въ кожу, придаетъ ей нѣжность и мягкость, употребляется какъ мыло.
 Цѣна за кусокъ 35 к. съ пересылкою 6-ти кусковъ 2 р. 50 коп.
 Для предупрежденія подѣлокъ прому обратитъ вниманіе на подпись **А. Энглундъ** красными чернилами и марку С.-Петербургской Косметической Лабораторіи.
 Получать можно во всѣхъ извѣстныхъ аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ всей Россійской Имперіи. Ц. № 4409 12-3
 ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ
А. ЭНГЛУНДЪ,
 СПБ., Литейный пр., 36.

PAPIER FAYARD ET BLAÏN

используется въ леченіи ревматизма, раздраженія дыхательныхъ органовъ, насморка, раздраженія груди, вывиховъ, ранъ, ожоговъ, ознобленій, мозолей и всякихъ наклонныхъ затвердѣній. Продажа во всѣхъ аптекахъ (требовать собственноручную подпись).

ГЕНРИХЪ КЛЕЙЕРЪ

Франкфуртъ н/М. К. № 4330
ФАБРИКАНТЪ ВЕЛОСИПЕДОВЪ „ОРЕЛЬ“. 12-11
 Всякаго рода двухъ- и трехъ-колесные велосипеды для взрослыхъ и дѣтей. Составныя части и принадлежности. Имѣютъ агентовъ. Иллюстрированный каталогъ за 10 пфен. марками.

ДЛЯ СТРАДАЮЩИХЪ ЛЕГКИМИ

Лечебное заведеніе **Д-ра Бремера**, Герберсдорфъ, Силезія, въ Исполинскихъ Горахъ, учрежденное въ 1854 году. К. № 4457 12-3
Главный докторъ Ф. Вольфъ.

Обширный паркъ съ прилегающимъ къ нему еловымъ лѣсомъ. Искусственно проложенныя дорожки достигаютъ до 14 километровъ. Изящно убранный кургуазъ. Въ паркѣ находится роскошныя виллы. Цѣны умеренныя. Проспекты высылаются безплатно

Администрація лечебнаго заведенія Д-ра Бремера.

При заведеніи находится русскій врачъ.
 Подробности метода леченія см. II изд. „Die Therapie der chronischen Lungen-schwindsucht von Dr. H. Bremer. Verlag von I. F. Bergmann, Wiesbaden.“

ЭЛЕКТРИЧЕСКІЕ ЗВОНКИ.

Полное устройство, состоящее изъ одного отдѣльно дѣйств. звонка, 2 элементовъ Лекланье съ лицомъ, 30 саж. изолированной проволоки и 1-й кнопки все только лишь за 8 р.
 Приборъ для электрическаго освѣщенія, микрофоны и телефоны отъ 15 руб. за каждую станцію.
 Кроме того, всѣ отдѣльныя части и принадлежности продаются по самымъ дешевымъ цѣнамъ въ складѣ
Н. И. ФРЕЛАНДЪ,
 Екатеринбургскій каналъ, уг. Невского пр., д. Учетнаго Банка, № 30-16, въ СПБ.
 Иллюстрированный прейс-курантъ высылается. В. № 4454 3-2

УСОВЕРШЕНСТВОВАННЫЯ БЕЗОПАСНЫЯ ВЕЛОСИПЕДЫ

Специально построенные для русскихъ дорогъ изъ стали **Велдесса** фабрикою **Зейдель и Науманъ**. Какъ

НОВОСТЬ!

Съ двойнымъ ходомъ, равняющаяся скорости 54" и 60". Расстояніе педалей отъ земли 7". Усовершенствованы во всѣхъ деталяхъ. Незамѣнимы для гг. военныхъ и дѣлающихъ большія путешествія. Каталогъ безплатно. Ц. № 4480 3-1
 торговый домъ **АБАЧИНЪ и ОРЛОВЪ**,
 Москва, Мясницкая, д. Ситова

1863 12 1889

Придворные поставщики

А. РАЛЛЕ И КО

ВЪ МОСКВѢ
 Оптовая Торговля
 Никольская, Богоявленскимъ переулкомъ д. Чижовыхъ
 ВЪ С. ПЕТЕРБУРГѢ
 Главный корпусъ
 Маринскаго рынка
 по Чернышеву переулку,
 близь Садовой.

МЫЛО ВАСЕЛИНОВОЕ
 АРАЛЛЪКЪ
 МОСКВА

ЛУЧШИЯ ВЪ МІРѢ
ГАРМОНИИ
 фабрики I. Ф. КАЛЬБЕ, по фабричнымъ дешевымъ цѣнамъ.

Однорядная: въ 4, 5, 6, 7, 7 1/2, 8, 9, 10, 11, 12, 15, 20 и 25 р.
 Двурядная: въ 12, 14, 15, 16, 18, 20, 25 и 30 р. и вѣска въ 10 и 22 р.
 Трехрядная: въ 60 р. и вѣска въ 30, 50 и 75 р.
 Самоучитель Соловѣва по 1 р. Пюги его же по 75 к. и 1 р. за тетрадь.

Гармоніи можно имѣть нѣмецкаго или русскаго строю.
 Заказъ изъ провинціи исполняется немедленно и аккуратно.
 Иллюстрир. прейсъ-курантъ бесплатно.
 Продажа оптомъ и въ розницу.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ
 главное депо № 4485
 музыкальныхъ инструментовъ и нотъ:
 С.-Петербургъ, В. Морская, № 34 и 40,
 Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарьина.

МОЗОЛЬНАЯ ЖИДКОСТЬ
„ГОЛЛЕНДЕРА“.

Средство для уничтоженія мозолей и бородавокъ. Цѣна 35 коп. за флаконъ, за два флакона съ перес. 1 руб.

Получать можно во всѣхъ парфюмерн., аптекарск. магазинахъ и аптекахъ. Главный складъ у I. Голлендеръ, Демидовъ пер., № 1. Въ С.-Петербургѣ. (9) № 4366

ЭМИЛЬ ЛИПГАРТЪ и Ко.
 строители земледѣльческихъ машинъ и орудій.

Специальность: плуги и молотилки. Они же состоятъ главнымъ агентами известнаго англійскаго завода паровыхъ молотилокъ и локомобилей Клейтона и Шутлеворта въ Англіи и знаменитаго завода сѣнокосилокъ, жневей „Дези“ и сноповязалокъ Маи Нормина въ Чикаго.

Кромѣ того имѣются: тарелочныя бороны Рандала и конныя грабли Тигра завода Стодартъ, ридовыя сѣлки Сакка и проч. № 4484 26-1

Запасныя части ко всѣмъ машинамъ. Фабрика и Главная Контора въ Москвѣ. Масницкая ул., соб. домъ, бивш. Бр. Бутенювъ. Отдѣленіе въ Харьковѣ, Рыбная ул., д. Иванова.

ЛЕННИНГЪ и ГЮЗНИГЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которую печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405

Поставщики велосипедовъ Русской Арміи

Торговый Домъ Ж. БЛОКЪ,
 Москва, С.-Петербургъ,
 Кузнецкій Мостъ. Б. Морская № 21.

имѣетъ единственный Складъ для всей Россіи Велосипедовъ: Свифтъ, Вишеть, Русскій Клубъ, Молния (New Rapid), Имперіаль и пр.

Цѣны отъ 100 до 500 руб.

НОВОСТЬ
 Общедоступный Свѣтъ № 2
 = 150 руб. =

Прейсъ-Курранты высылаются бесплатно.
 Поставщики велосипедовъ Русской Арміи

ЭЛЕОПАТЪ пров. КИНУНЕНЪ

для волосъ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптекъ и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп., но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Просятъ непременно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждого флакона,—пров. Кинуненъ. (14) № 4287

Главный складъ: С.-Петерб., Демидовъ пер., д. № 1.

ДЛЯ УХОДА ЗА КОЖЕЙ
EAU DE LYS DE LONSE.

Въ виду часто встречаемыхъ въ продажѣ поддѣлокъ, слѣдуетъ при покупкѣ требовать № 4033 9-7

Eau de Lys de LONSE.
МЫЛО ЛОЗЕ „LILIENMILCH“
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ
 Придворный Парфюмеръ
 46. Jägerstrasse, Berlin.
 Можно получить во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи.

CIGARETTES ESPIC contre
ASTHME & CATARRHE
 AUTORISÉES PAR LE GOUVERNEMENT RUSSE

Le Dépôt général: STOLL & SCHMIDT, à Saint-Petersbourg
 Vente en gros: J. ESPIC, 20, rue Saint-Lazare, Paris.
 Exiger la Signature sur chaque Cigarette.

ДОРОЖНЫЯ ВЕЩИ

Товарищество С.-Петербургскаго Механическаго Производства Обуви, вслѣдствіе постоянно поступающихъ требованій со стороны своихъ гг. покупателей, нашло необходимымъ открыть три года тому назадъ, специальное отдѣленіе для изготовленія всевозможныхъ дорожныхъ вещей, которая своею прочностью и дешевизною уже достаточно зарекомендовали себя передъ публикою. Продажа вышеупомянутыхъ вещей производится исключительно въ собственныхъ магазинахъ Товарищества:

Въ С.-Петербургѣ:
 Невскій пр., д. 5. — Невскій пр., д. 54. — Гостинный дворъ, № 51 (по Садовой ул.).

Въ Москвѣ:
 Петровка, д. Хомяковыхъ, прот. Кузнецкаго; Тверская, д. Сурина, бл. Охотнаго.

Въ Одессѣ:
 Ришельевская ул., д. Баржанскаго.

ЭЛИКСИРЪ,
ПОРОШОКЪ И ПОМАДА
ДЛЯ ЗУБОВЪ

ОТЦЕВЪ БЕНЕДИКТИНЦЕВЪ

Аббатства СУЛАНЪ (Жиронда) Франція.

Находятся во всѣхъ аптекахъ, москательныхъ лавкахъ и косметическихъ магазинахъ.

КОНСТ. МАЛЬМЪ
СКЛАДЪ
РЕЗНОВЫХЪ ТОВАРОВЪ

Большая Морская, 34.
 Честъ имѣетъ рекомендовать свой большой выборъ

ДОРОЖНЫХЪ ПРЕДМЕТОВЪ,
 изъ которыхъ заслуживаютъ особенное вниманіе:

ДОРОЖНЫЯ ПРОСТЫНИ
 противъ заразы въ кротахъ гостинницъ: хотя постъ ухода прижавшаго обильно перебивается, но тѣмъ остается большою частью не тронутымъ и часто бывало, что заболѣвають въ гостинницѣ, не зная отъ чего.

ПОРТЬ-ПЛЕДЫ
 съ улучшеннымъ устройствомъ для складыванія ручнаго багажа.

ЧЕМОДАНЫ И МѢШКИ
 уже неоднократно заслуживши одобреніе за фасонъ и прочность.

НОЧНЫЯ ВАЗЫ
 въ незамѣтныхъ фасонахъ.

ГЕРМЕТИЧЕСКІЯ ФЛЯГИ
 для вина, бульона, молока и проч.

СКЛАДНЫЯ ПОДУШКИ
 воздухомъ наполняющіяся.

МѢШКООБРАЗНЫЯ ГРѢЛКИ
 для подогреванія обѣды дѣтямъ и больнымъ.

СКЛАДНЫЯ БИДЕ
 съ ножками и безъ, въ чехлѣ.

НЕЛОМАЮЩІЯСЯ
 фарисонныя тарелки, кружки, стаканы, чашки, блюдечки, чайники и кофейники.

СПИРТОВАЯ КУХНЯ
 карманная, чтобы въ вагонѣ подогрѣть кушанье и питье.

НИКЕЛЕВЫЯ И СТЕКЛЯННЫЯ
 мельницы, щеточки и пудреницы.

КАРМАННОЕ МЫЛО:
 видъ книжки, въ которой каждый листъ изъ мыла.

СИГНАЛЬНЫЙ АППАРАТЪ
 противъ воровъ, придрѣмывать къ дверямъ.

ВАГОННЫЙ ПОДСВѢТНИКЪ
 легко придрѣмать на любое мѣсто въ вагонѣ.

ТУАЛЕТНЫЯ КАРМАНЫ
 съ очень удобною внутренностью.

ГЕРМЕТИЧЕСКІЯ ПОСУДЫ
 изъ толстаго стекла, для икры, масла и проч. закуски, взятъ съ собой, кот. по случ. герметическ. закупориванія не портятся.

СНИМАТЕЛЬНЫЯ ДОСКИ
 для накладыванія на клезетное сидѣніе.

СКЛАДНЫЯ ДОСКИ
 для соединенія двухъ скамеекъ въ вагонѣ.

СТОЛОВЫЙ ПРИБОРЪ:
 ножикъ, вилка, ложка и стаканъ—все въ одномъ футлярѣ.

БУМАЖНИКЪ ПРОТИВЪ ВОРОВЪ
 имѣетъ такое устройство, что чужая рука его изъ кармана не можетъ вынуть.

СЕКРЕТНЫЯ КАРМАНЫ
 для денегъ и документовъ, носить подъ обѣшемъ.

ДОРОЖНЫЯ ТУФЛИ
 изъ самаго тонкаго и мягкаго войлока.

СКЛАДНАЯ НОСИЛКА:
 видъ стула, чтобы больнаго удобно носить въ вагонѣ и по лѣстницамъ какъ и многіе другіе

ПРАКТИЧЕСКІЕ ПРЕДМЕТЫ
 по сходнымъ цѣнамъ.
 По воскресеньямъ закрытъ.

ЖИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРЫ

XXI г.

№ 16

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXI

1890

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЪСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
Выданъ 21 апрѣля 1890 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖЪ ВЫПРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цена этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1890 г.

Безъ доставки въ Петербургѣ . . . 5 р. } Съ доставкою въ Петербургѣ 6 р. 50 к. } Безъ доставки въ Москвѣ чр. конт. объявл. Н. Н. Печковской, Петровская Торг. линіи 6 р. } Съ пересылкой въ Москву и др. города Россіи . . . 7 р. } За гра- ницу . . . 9 р.

Выставка Имп. Анад. Худож. Подъ защитой. Карг. П. Целевина, грав. Ю. Шюблеръ.

Стихотвореніе

А. Фета.

Мама! Глянь-ко изъ окошкка:
Знать вчера недаромъ кошка
Умывала носъ.—
Грязи нѣтъ, весь дворъ одѣло,
Посвѣтлѣло, побѣлѣло,
Видно есть морозъ.

* * *

Не колючій, свѣтло-синій
По вѣтвямъ развѣшанъ иней,
Погляди хоть ты:
Словно кто-то тароватый
Свѣжей, бѣлой, пухлой ватой
Всѣ убралъ кусты.

* * *

Ужь теперь не будетъ спору:
За салазки да и въ гору
Весело бѣжать.
Правда, мама? не откажешь.
А сама навѣрно скажешь:
„Ну скорѣй гулять!“

Кладъ.

Романъ I. I. Ясинскаго (Максима Бѣлинскаго). Часть I.

(Продолженіе).

VIII.

Въ началѣ іюня мѣсяца, т. е. за нѣсколько недѣль до необыкновеннаго приключенія съ печникомъ Михайлычемъ, которое заставило его приобрести особенный взглядъ на знатныхъ людей, пьнствовать въ „Золотой Рыбкѣ“ и считать галокъ на мертвомъ домѣ, — къ подъѣзду дачи князя Язембскаго, находящейся подъ Москвой въ имѣніи Орликъ, подкатилъ экипажъ. Это было позднимъ вечеромъ.

На дачѣ только въ одной комнатѣ горѣлъ огонь. Вторая жена князя, Наталья Михайловна, была въ страшномъ горѣ: ея шестилѣтній пасынокъ Юрій уже нѣсколько дней болѣлъ какой-то странною болѣзнью, отъ которой не могъ вылечить ни одинъ изъ докторовъ, то и дѣло привозимыхъ въ Орликъ. Наконецъ, знаменитый московскій врачъ *** объявилъ, что мальчику поможетъ морской воздухъ и что его надо купать въ соленыхъ грязяхъ.

Огонь горѣлъ въ спальнѣ княгини. Она снаряжала мальчика въ путь: и такъ какъ она была нѣжная махича, то ей самой хотѣлось закутать поплотнѣе маленькаго Юрія: ночь изъ пасмурныхъ, а до станціи надо ѣхать вереть пятнадцать.

Мальчикъ весь день стоналъ, но къ вечеру его стоны утихли. Князь Николай Семенычъ до послѣдней минуты не выходилъ изъ своего кабинета, гдѣ сидѣлъ въ темнотѣ съ саквояжемъ черезъ плечо и револьверомъ въ карманѣ. Прислуга была увѣрена, что князь почиваетъ передъ дорогой. Но онъ со времени болѣзни мальчика не могъ сомкнуть глазъ. Онъ боялся свѣта, у него болѣли глаза, и онъ принужденъ былъ носить темныя консервы.

Когда часы ровнымъ серебрянымъ звономъ пробили десять, Николай Семенычъ встрепенулся и направился въ спальню жены. Изъ пріотворенныхъ дверей спальни струилась и падала на полъ полоска свѣта, того свѣта, который кажется всегда зловѣщимъ и страннымъ тамъ, гдѣ есть тяжело-больные.

— Пора ѣхать? сказалъ Николай Семенычъ, входя въ спальню.

Мальчикъ, закутанный, лежалъ на постели; Наталья Михайловна, опершись локтемъ на комодъ, стояла поодаль.

Это была женщина лѣтъ двадцати-пяти, т. е. лѣтъ на десять моложе князя. У ней было блѣдное безкровное лицо со впалыми темными глазами. Тонкія брови ея почти сливались надъ переносьемъ безъ перегиба, и это придавало оригинальный отпечатокъ ея наружности. Губы ея были сжаты, правая рука нервно перебирала кружево на груди.

Наталья Михайловна устремила взглядъ на мужа и произнесла:

— Поѣзжайте. Да, пора. Будьте мужчиной и покажите, что вы не нуждаетесь въ помощи слабой женщины. Юрій, во что бы то ни стало, *долженъ быть живъ*, сказала она, выразительно подчеркнувъ послѣднія слова, — и жертва, которой я требую отъ васъ, совсѣмъ не велика, прибавила она съ суровой улыбкой.

— Двоемъ было бы удобнѣе, замѣтилъ князь.

— Мнѣ надо отдохнуть, возразила Наталья Михайловна. — Я измучилась. Право, я могу сойти съ ума. Въ Москвѣ мой братъ будетъ для васъ полезнѣе.

Николай Семенычъ искоса бросилъ взглядъ на постель, гдѣ, вытянувшись, лежалъ мальчикъ.

— Подумайте, сколько времени я долженъ быть съ глазу на глазъ съ моимъ бѣднымъ Юріемъ, упавшимъ голосомъ сказалъ онъ.

Такъ же искоса посмотрѣла на постель и Наталья Михайловна.

— Я не утверждаю, что это легко, проговорила она. — Но надо умѣть пользоваться ударами судьбы. Нѣтъ худа, въ которомъ не было бы добра. Берите мальчика и уѣзжайте. Все погибло, если вы пропустите поѣздъ! раздражительно прошептала она.

Съ первой встрѣчи своей съ Натальей Михайловной, которая была подругой его первой жены, Николай Семенычъ почувствовалъ надъ собой ея власть. Теперь онъ повиновался ей, какъ всегда безирекословно, и взялъ на руки Юрія.

— До свиданья, Натали!

Наталья Михайловна позволила. Лакей со свѣчей проводилъ Николая Семеныча на крыльцо. Другой слуга подошелъ, чтобы взять у князя больнаго Юрія. Но Николай Семенычъ никому не отдалъ мальчика. Онъ сѣлъ въ фаятонъ и держалъ сына на колѣняхъ. Лошади тронули; дворъ опустѣлъ.

Наталья Михайловна долго смотрѣла изъ окна на дорогу, по которой мчался фаятонъ. Сначала она различала оба фонаря, потомъ они слились въ одну свѣтящуюся точку, наконецъ точка исчезла на поворотѣ.

IX.

Николай Семенычъ вернулся черезъ три недѣли. Княгиня, по его телеграммѣ, сама выѣхала къ нему на вокзалъ и, увидѣвъ краснощекаго мальчика съ веселыми глазами, стоявшаго на платформѣ возлѣ ея мужа, расплакалась. Она быстро опустилась передъ нимъ на колѣни, прижала его голову къ своей щекѣ и много разъ съ улыбкой, вся покраснѣвъ отъ волненія, повторила:

— Ты узналъ маму, узналъ? Милый мой, ты узналъ маму?

Ребенокъ, одѣтый въ бархатную курточку съ широкимъ батистовымъ воротничкомъ, растерянно смотрѣлъ на мать и на отца и въ то же время слѣдилъ за трубой отъѣзжающаго поѣзда. Поѣздъ занималъ его гораздо больше, чѣмъ мать.

Глаза у Николая Семеныча перестали болѣть, и онъ ужъ не носилъ консервовъ. Усталымъ и равнодушнымъ взглядомъ отыскалъ онъ въ сумеркахъ надвигающагося вечера свой фаятонъ и направился къ нему, волоча пледъ по землѣ. Онъ первымъ сѣлъ въ экипажъ, заложилъ ногу за ногу и закурилъ сигару.

— Мой мальчикъ, тебѣ холодно? сказала Наталья Михайловна и, посадивъ сына въ фаятонъ, прикрыла пледомъ.

Вечеръ былъ теплый. Мальчикъ напрасно возражалъ и говорилъ, что ему душно. Наталья Михайловна настояла на своемъ.

— Вы, конечно, мнѣ потомъ все расскажете, почти весело сказала она, обращаясь къ мужу и пожимая ему руку.

— Конечно, я ничего вамъ не расскажу, угрюмо произнесъ Николай Семенычъ. — Зачѣмъ? Вѣдь вы теперь спокойны?

— Да. Но и вы спокойны?

— Можетъ-быть я спокоенъ. Но можетъ-быть я неспокоенъ. Вы сами не поѣхали, потому что боялись съ ума сойти. Представьте, что это удовольствіе выпало на мою долю. Увѣряю васъ, по временамъ мнѣ кажется, что я сумасшедшій.

— Надѣюсь, вы не сдѣлали промаха...

— Ни малѣйшаго. То есть, повидимому, ни малѣйшаго. Сумасшедшіе очень хитры. Братъ вамъ кланяется. Впрочемъ, берегитесь брата.

— Вы говорите о Валерьянѣ страннымъ тономъ. Или вы смѣтаетесь? спросила Наталья Михайловна, пожавъ плечами.

— Не спрашивайте меня, проговорилъ князь.—Мнѣ, въ сущности, все равно. Жизнь логична. Подлость не бываетъ тамъ, гдѣ ея не можетъ быть. Но она заводится, какъ только складываются благоприятныя обстоятельства.

Онъ замолчалъ. Дымъ отъ его сигары беспокоилъ Наталью Михайловну. Она отвернулась отъ мужа и стала ласкать сына.

Нѣсколько дней жили Язембскіе на своей дачѣ. Они должны были вскорѣ ѣхать за границу.

Наталья Михайловна цѣлые дни проводила съ сыномъ, и подъ предлогомъ, что онъ боленъ, не впускала къ нему въ спальню никого изъ старыхъ слугъ. Впрочемъ, въ отсутствіе мужа, она рассчитала почти всю прежнюю прислугу. Она была раздражительна, и приготовления къ отъѣзду ссорили ее со всѣми.

Князь сидѣлъ на балконѣ и сосредоточенно молчалъ. Онъ ни на что не обращалъ вниманія. Ничто, казалось, не могло разбудить его душу, погруженную въ сонъ.

Глаза его были устремлены въ одну точку, руки сложены на колѣняхъ, а длинныя худыя ноги вытянуты. Онъ ничего не читалъ, ничѣмъ не интересовался, забывалъ сроки завтрака и обѣда, и лакей долженъ былъ по нѣскольку разъ докладывать ему объ одномъ и томъ же.

Юрій скучалъ и часто вспоминалъ дядю Валерьяна. Княгиня находила, что онъ привыкъ безъ нея къ дурнымъ манерамъ. Стоя на одной ногѣ, онъ поджималъ другую и закладывалъ руку черезъ плечо. Его не занимали дорогія игрушки; онъ самъ изъ палочекъ устраивалъ салазки и съ громкимъ вульгарнымъ крикомъ возилъ ихъ по паркету, воображая себя извозчикомъ. По временамъ на него находили капризы, и онъ часа по два ревелъ безъ всякой причины. За всѣмъ тѣмъ онъ былъ завиднаго здоровья, и Наталья Михайловна надѣялась, что за границей, гдѣ она хотѣла провести, по крайней мѣрѣ, годъ, мальчикъ совсѣмъ окрѣпнетъ.

Наканунѣ отъѣзда Николай Семенычъ сказалъ женѣ:

— Вы знаете, что Валерьянъ потребовалъ отъ меня ежегодной пенсіи въ двадцать тысячъ.

— Онъ могъ потребовать тридцать и пятьдесятъ, но вы могли не дать.

— Я обѣщала.

Наталья Михайловна задумчиво посмотрѣла въ пространство и спросила:

— На сколько лѣтъ? Неужели пожизненно? Но отчего вы не предложили ему одновременно?.. Онъ не богатъ. Кругомъ въ долгахъ, и охотно согласился-бы.

— Да. А черезъ полгода потребовалась бы новая одновременная сумма. Онъ вѣчно будетъ держать насъ въ кабалѣ.

— Валерьянъ—сговорчивый человѣкъ, замѣтила Наталья Михайловна.—Вы продолжаете быть въ дурномъ расположеніи духа. Онъ пріѣдетъ провожать насъ. Я дамъ ему телеграмму, я сама переговорю съ нимъ.

Николай Семенычъ поглубже сѣлъ въ вольтеровское кресло и сложилъ руки на колѣняхъ. Наталья Михайловна взглянула на него съ презрѣніемъ. Если бы онъ не былъ покорнымъ мужемъ, она, вѣроятно, не находила бы поводовъ презирать Николая Семеныча. Но теперь она презирала его. Николай Семенычъ способенъ только быть орудіемъ; онъ уменъ, въ немъ развито семейное чувство, онъ любитъ жену—кажется, любить—но въ немъ нѣтъ собственнаго источника энергіи. Его постоянно надо понукать. Онъ умѣетъ повиноваться и не умѣетъ приказывать. Правда и то, что будь у Николая Семеныча твердая воля, энергія, Наталья Михайловна не стала бы его женой. Какъ и вся-

кая женщина, Наталья Михайловна имѣла весьма противорѣчивые взгляды на жизнь. Но они казались ей здоровыми и другъ друга не исключаящими. Она начала:

— Вы до сихъ поръ не посвятили меня въ подробности нашего дѣла. Между тѣмъ, я хочу знать ихъ. Вы пропускаете сквозь зубы черезъ день по одному слову. Оказывается, что Валерьянъ хочетъ воспользоваться... Но больше никто не замѣшанъ?

— Никто.

— Это невозможно! Это разорительно! вскричала Наталья Михайловна.—Кто могъ ожидать отъ Валерьяна! А впрочемъ...

Она сѣла на ручку кресла и одной рукой обвила шею мужа.

— Я возьму на себя счеты съ Валерьяномъ. Слышите? и, перемѣнивъ тонъ, она продолжала:—я согласна съ вами. Люди самые близкіе могутъ быть хуже, чѣмъ о нихъ думаешь. Можетъ-быть я черезчуръ понадѣялась на Валерьяна. Но вѣдь все равно, безъ него нельзя было обойтись.

— Да, безъ него нельзя было обойтись, подтвердилъ Николай Семенычъ.

— Вы сказали очень умную вещь, что обстоятельства создаютъ подлецовъ. Надъ этимъ я долго думала. Примѣръ на лицо. Но если Валерьянъ станетъ насъ прижимать, я, повѣрьте, сумѣю оградить интересы нашего ребенка. Я знаю, что скажу Валерьяну и какъ заставлю его не выходить изъ предѣловъ умѣренности.

— Отлично, произнесъ Николай Семенычъ съ тихимъ вздохомъ.—Я не сомнѣваюсь въ вашемъ умѣннѣ.

— Изъ вашихъ краткихъ писемъ и телеграммъ я не могла представить себѣ, что съ вами, и все-ли благополучно, начала Наталья Михайловна, ласкаясь къ мужу.— Не правда-ли, было жестоко оставлять меня въ неизвѣстности?

— Въ данномъ случаѣ извѣстность была жестоко неизвѣстности, сказалъ Николай Семенычъ.

— Зачѣмъ вы ѣздили въ Святогорскъ?

— Позвольте не объяснять. Капризъ, предразсудокъ—я не знаю что. Придумайте причину сами.

— Вы туда отвезли?..

— Что?—нашъ кладъ? съ кривой усмѣшкой спросилъ Николай Семенычъ.—Можетъ быть. Но не все-ли вамъ равно...

— Не все равно, возразила Наталья Михайловна.

— Спросите у сердца? Оно вамъ скажетъ, что все равно. Вы вполне безопасны, всѣ мѣры приняты. А съ братомъ вы беретесь покончить сами.

Онъ разсмѣялся беззвучнымъ смѣхомъ.

— Странно вы стали смѣяться, сказала Наталья Михайловна и отшатнулась отъ мужа, который на мгновеніе показался ей деревянною куклою, не способною на нѣжное чувство.

— Юрій, пооди сюда. Взгляни на меня. Скажи, ты любишь папу?

Юрій подбѣжалъ къ матери.

— Люблю.

— Покажи, какъ ты его любишь?

Мальчикъ машинально приблизился къ Николаю Семенычу и обнялъ его. Исполнивъ сыновній долгъ, онъ вернулся къ своимъ салазкамъ.

— Неужели вы ничего не чувствуете къ сыну? ревниво спросила Наталья Михайловна.— Вѣдь это же нашъ сынъ. Проснитесь, Николай Семенычъ, забудьте прошлое. Ради Бога, что съ вами? съ неподдѣльною тревогой спросила она и заглянула въ глаза мужа.

Взглядъ у него былъ стеклянный, неподвижный, устремленный въ одну точку. На тонкихъ губахъ его промелькнула нехорошая улыбка.

— Со мной? Ничего, безстрастно сказалъ Николай Семенычъ, и вѣки его, словно свинцовыя, надвинулись и полузакрыли его глаза.

Выставка Императорской Академіи Художествъ. „Ночевья езидовъ“.

Съ картины акад. А. Д. Кившенко (исключ. право воспроизв. въ гравюрѣ и т. п. принадл. „Нивѣ“), рис. самъ авторъ, грав. facsimile Липерери.

— Или вы думаете, что Юрій не нашъ? спросила она, желая уязвить мужа.—Что онъ вамъ чужой?

— Отстаньте отъ меня! Не мучьте меня! крикнулъ Николай Семенычъ, вскочилъ и выпрямился во весь ростъ.

Наталья Михайловна поблѣднѣла. Еще никогда не велъ себя такъ Николай Семенычъ. Ей часто случалось прикрикнуть на него и топнуть ногой, но онъ кричалъ на нее въ первый разъ. На минуту ей представилось, что власть ускользаетъ изъ ея рукъ. Жгучее чувство обиды разлилось въ ея груди. Ей самой захотѣлось унижить мужа. У ней потемнѣло въ глазахъ. Ст. языка ужъ готово было слетѣть рѣзкое слово. Но она сдѣлала надъ собой усиліе и, преодолевъ вспышку, возможно спокойно произнесла:

— Можете уйти въ свой кабинетъ. Вамъ подадутъ сейчасъ воды.

Николай Семенычъ бросилъ на жену потухшій взглядъ и вышелъ.

— Я не люблю папу! сказалъ Юрій изъ своего угла. Звонъ бубенчиковъ возвѣстилъ, что кто-то пріѣхалъ.

Это былъ Валерьянъ Оскольцевъ. Онъ поспѣшилъ явиться въ Орликъ, опасаясь, что Язембскіе уѣдутъ за-границу, не повидавшись съ нимъ, и онъ не получить денегъ, обѣщанныхъ ему княземъ Николаемъ.

Валерьянъ былъ похожъ на сестру. Его волосы были гладко выстрижены и у него были такія же странныя, какъ у Натальи Михайловны, брови. Длинный носъ почти безобразилъ его молодое лицо, которое можно было бы, при другихъ условіяхъ, назвать красивымъ. Выраженіе его глазъ, узкихъ и темныхъ, было неприятное; въ нихъ таилось что-то себялюбивое, наглое и нечистое. Онъ былъ одѣтъ, какъ одѣвалась въ то время московская золотая молодежь. Дни стояли пасмурные и холодные, но отложные воротнички далеко открывали шею и грудь Валерьяна—предполагалось, что жарко. Цвѣтные башмаки похожи на пару лодокъ. Въ обоихъ карманахъ жилета спрятаны были концы золотой массивной цѣпочки. Въ рукахъ Валерьянъ держалъ трость съ серебрянымъ вензелемъ. Съ нею онъ вошелъ и въ комнаты.

— Здравствуй, Натали, какъ ты поживаешь? началъ Валерьянъ, здороваясь съ сестрой.—Не знаю, рада ты видѣть меня или не рада, но предполагаю, что у тебя имѣются кое-какія родственныя чувства. Дай-ка мнѣ поцѣловать поэтому твою руку. Что новаго? А, ты хотѣла вызвать меня телеграммой! Въ самомъ дѣлѣ, я понадобился? Опять—да?

Онъ пытливо посмотрѣлъ на сестру и усадилъ ее рядомъ съ собою на диванѣ, не выпуская ея руки.

— Кстати, какъ здоровье Николая Семеныча?

— Онъ нездоровъ. Ты отлично это знаешь, Валерьянъ.

— Ты имѣешь преувеличенное представленіе о моемъ всевѣдѣніи, сказалъ молодой человѣкъ.—У бѣдняги опять душа не на мѣстѣ что-ли? понизивъ голосъ, спросилъ онъ.

— Нѣтъ, Валерьянъ, его нездоровье выражается иначе, начала Наталья Михайловна, не потупляя глазъ подъ взглядомъ Валерьяна.—Онъ вообразилъ, что ты владѣешь какою-то тайной, которая можетъ насъ будто бы скомпрометировать. Онъ даже говорилъ съ тобой объ этомъ и далъ тебѣ глупое обѣщаніе. Впрочемъ, требовать отъ него ежегодно по двадцати тысячъ ты могъ только шутя. Не правда-ли, Валерьянъ? Тайны никакой нѣтъ, повторяю. Если же тебѣ извѣстна какая-нибудь тайна, то она касается тебя одного. Тебѣ придется хранить ее до гробовой доски въ интересахъ твоей личной безопасности. Не такъ-ли, Валерьянъ?

— Нѣтъ, не такъ! вскричалъ Оскольцевъ.

Онъ давно ужъ пересталъ играть рукой сестры. Напряженная улыбка раздвинула его губы, и въ его глазахъ блеснулъ огонекъ.

— Поменьше лукавства, сестра, побольше прямоты и откровенности! Ты просто хочешь оставить меня при пиковомъ интересѣ? Не хитри—худо будетъ.

Наталья Михайловна разсмѣялась искренно и весело.

— Кому? спросила она.

— Всѣмъ.

— Но—и тебѣ?

— И мнѣ.

Наталья Михайловна продолжала смѣяться.

— Береги-же свою тайну, начала она, почувствовавъ, что смѣхъ перестаетъ быть веселымъ.—Скажи, много у тебя долговъ?

Валерьянъ встрепенулся.

— Вотъ сколько!

И онъ сдѣлалъ движеніе у горла.

— Твои долги можно будетъ погасить, серьезно проговорила княгиня, какъ бы находя, что пора шуточный тонъ бесѣды переменить на болѣе положительный.—Вообще тебѣ можно оказать небольшую помощь. Мы не имѣемъ права располагать деньгами Юрія, правда. Но, куда ни шло—сто тысячъ!

— Натали! Ты меня дразнишь! У меня однихъ долговъ на семьдесятъ тысячъ! вскричалъ Оскольцевъ.

— На тридцать тысячъ можно хорошо устроиться, сказала Наталья Михайловна тономъ не допускающимъ возраженія.

Кромѣ того, Валерьянъ прочиталъ на лицѣ сестры: „кончено—это мое послѣднее слово. Я настою на своемъ изъ упрямства. Всѣ Оскольцевы упрямы, а не забывай, что я урожденная Оскольцева“. Она встала и спросила:

— Конечно, ты будешь пить чай? Ты проведешь съ нами вечеръ? И будешь настолько любезенъ, прибавила она болѣе ласково,—что не возобновишь при Николаѣ Семенычѣ разговоръ о деньгахъ?

Молодой человѣкъ нахмурился. Сидя на диванѣ, онъ разставилъ руки, уперся кулаками въ пружины и изподлобья глядѣлъ на сестру.

„На этотъ разъ я долженъ уступить, но все равно, я свое возьму“, думалъ онъ.

Въ гостиную воѣхалъ Юрій, держа въ поводу большого игрушечнаго коня.

— Дядя, лошадь!

— Да, братъ, лошадь, процѣдилъ сквозь зубы Валерьянъ.

И, обратясь къ сестрѣ, сказалъ:

— Наслѣдственная черта! Юрій любитъ лошадей, какъ и Николай Семенычъ. Одно это, Натали, должно доказывать, что Юрій его сынъ. Какъ ты думаешь?

— Не болтай пустяковъ, сурово произнесла Наталья Михайловна.

На другой день князь и княгиня Язембскіе съ сыномъ Юріемъ выѣхали за-границу.

Х.

„Надъ всѣмъ родомъ князей Язембскихъ тяготѣтъ, можно сказать, какой-то фатумъ“, писалъ хроникеръ „Листка объявленій“. Этотъ листокъ держалъ въ рукѣ, на далекомъ отъ себя разстояніи, Флорентій Адриановичъ, вооруженный очками, и громко читалъ вечеромъ у себя дома въ присутствіи любознательнаго печника Михайлыча, дочери своей Оеклы Флорентьевны, отца Пансія, монаха изъ Вознесенскаго монастыря, и внучки Мани. Ея сестры, Саши, не было.

— Позвольте, дѣдушка, что такое фатумъ?

Старый иконописецъ пошевелилъ усами и вопросительно посмотрѣлъ на отца Пансія.

Монахъ погладилъ свою козлиную рыженькую бородку, кашлянулъ и кротко объяснилъ:

— Фатумъ? Ежели прежнее блаженство и счастье человѣка обратилось въ злополучіе, то нарицается такая удобопреклонность фатумомъ.

Флорентій Адриановичъ кивнулъ монаху головой. снова пошевелилъ усами и продолжалъ:

„Вперяя взоръ въ сѣдую древность, мы прежде всего видимъ князя Петра Язембскаго, замученнаго въ Александровской слободѣ по приказанію царя Іоанна Грознаго. Внучкъ его былъ казненъ при Михаилѣ Ѳедоровичѣ, вмѣстѣ съ бояриномъ Шейнымъ, за измену. При Елизаветѣ Петровнѣ княгинѣ Евпраксіи Язембской былъ урѣзанъ языкъ. Адмиралъ Язембскій, впавъ въ немилость при императорѣ Павлѣ и будучи сосланъ въ свою вотчину, удавился отъ тоски. У сына его, князя Алексея Павловича, была падучая. У Алексея было два сына: извѣстный сибаритъ и одинъ изъ послѣднихъ московскихъ вельможъ князь Николай, впаавшій въ глубокой старости въ нищету, и князь Семень, нашъ святогорскій землякъ. Въ свое время газеты передавали о страшномъ несчастіи, которое его поразило. Жена его страдала малокровіемъ и подвержена была обморокамъ. Послѣдній обморокъ ея продолжался три дня, ее сочли умершей и похоронили. Но такъ какъ сторожъ, находившійся при склепѣ, утверждалъ, что онъ слышалъ ночью стоны, то гробъ былъ вскрытъ—и что же? Книгиня лежала мертвая ничкомъ. Одивъ палецъ у ней на рукѣ былъ откушенъ, а въ черныхъ волосахъ ея ярко бѣлѣлись сѣдые пряди. Обстоятельство это усугубило мрачное расположеніе духа князя Семена, тѣмъ болѣе, что сынъ его Николай оказался замѣшаннымъ въ политическомъ процессѣ. Хотя молодому человѣку удалось оправдаться, но онъ до самой кончины отца не могъ добиться примиренія съ нимъ и долгое время бѣдствовалъ. Сдѣлавшись, наконецъ, обладателемъ милліоннаго состоянія, онъ мирно зажилъ въ одномъ изъ своихъ московскихъ имѣній. Но въ концѣ истекшаго мѣсяца онъ собрался со своей семьей за-границу и, не доѣзжая до Эйдунена, вдругъ выскочилъ изъ вагона съ явнымъ намѣреніемъ покончить съ собою. Онъ получилъ сильное сотрясеніе головного мозга, и положеніе его безнадежно. Что побудило его на самоубійство—неизвѣстно. Онъ молодъ, богатъ и, повидимому, былъ счастливъ. Поневолѣ задумаешься надъ судьбою-гонительницею однихъ и покровительницею другихъ. Въ настоящее время представителемъ рода Язембскихъ является малолѣтній сынъ князя Язембскаго—Юрій, и въ случаѣ смерти отца, которой ожидаютъ со-дня-на-день, этому отроку предстоитъ сдѣлаться однимъ изъ богатѣйшихъ домовладѣльцевъ нашего города“.

Флорентій Адриановичъ сложилъ газету и вздохнулъ.

— Предопредѣленіе свыше, задумчиво произнесъ отецъ Паисій.

— Домъ ихъ не даромъ называется мертвымъ, сказалъ иконописецъ.—Вполнѣ унылый видъ.—И подумавъ, что хорошо, однако, жить въ такомъ мертвомъ домѣ. Онъ вслухъ произнесъ:—нѣтъ, не помѣнялся бы я съ Язембскими на свою хату.

Маня улыбнулась. Ей нравился огорокъ съ цвѣтами, который она сама сѣяла, и нравился садикъ, немного въ сторонѣ отъ убогаго жилища ея дѣда. Еслибъ не это, она ужъ давно поступила бы въ монастырь.

Такъ какъ рѣчь зашла о мертвомъ домѣ, то печникъ Михайлычъ вспомнилъ галокъ. Онъ безпокойно завозился на мѣстѣ, хотѣлъ что-то сказать и широко раскрылъ ротъ; но слова, которыя бы выражали его мысль, не подвернулись на языкъ. Онъ посидѣлъ съ раскрытымъ ртомъ и, наконецъ, успокоился.

Отецъ Паисій, поговоривъ еще и послушавъ, поднялся уходить и съ застѣнчивою торопливостью подаль руку Флорентію Адриановичу, поклонился печнику и благословилъ женщинъ.

— А гдѣ же младшая дочь ваша? освѣдомился онъ у Ѳеклы.

Ѳекла ничего не отвѣтила въ комнатѣ, но вышла

вслѣдъ за отцомъ Паисіемъ въ сѣни и стала ему жаловаться на Сашу:

— Не знаю, отецъ Паисій, что съ ней дѣлать!

Монахъ не могъ подать никакого совѣта. По его внутреннему убѣжденію, мать наказывалась за то, что въ молодости сама грѣшила. Но онъ этого не сказалъ Ѳеклѣ изъ деликатности.

Михайлычъ нѣсколько разъ прощался съ хозяевами. Но хотя Ѳекла не дообливала его—у ней были съ нимъ старые счеты и въ свое время она не прочь была выйти за него замужъ, да онъ „спитилъ“—однако она удерживала его. Ей хотѣлось, чтобы посторонній человѣкъ увидѣлъ, какъ Саша возвратится. А то онъ станетъ рассказывать, что Саша не почуветъ дома.

Наконецъ, Саша пришла въ десятомъ часу. На вопросъ матери, гдѣ она была:

— Тамъ, гдѣ насъ нѣтъ, отвѣтила она.

— Какъ ты отвѣчаешь?

— Весьма просто.

— Скажешь ты матери, гдѣ ты была! крикнулъ Флорентій Адриановичъ.

Саша хлопнула дверью и ушла въ другую комнату.

Мать сердито посмотрѣла на гостя, какъ бы говоря: „ну, чего ты еще сидишь. Пора теперь и честь знать“.

Михайлычъ ушелъ. Ночь была теплая и звѣздная. Но временамъ темнота словно вздрагивала: это горѣлъ огонь на сосѣднемъ кирпичномъ заводѣ Петрика, и отблескъ пламени чуть-чуть освѣщалъ огорокъ. Подъ шелковичнымъ деревомъ стоялъ Петрикъ и разговаривалъ съ Карнѣемъ.

— Она меня несчастнымъ сдѣлала. Я ленту ей подарилъ, башмаки и медальонъ. Я жениться на ней хотѣлъ.

— Я тоже хотѣлъ на ней жениться, молвилъ Карнѣй.—А сколько она отъ меня денегъ перебрала! Сколько разъ я возилъ ее въ Эльдorado!

— Ну-ка, свистни.

— Ѳекла еще, пожалуй, не спитъ.

— Свистни.

Карнѣй приставилъ къ губамъ два пальца. Въ отвѣтъ на его свистъ черезъ минуту что-то зашуршало въ кустахъ и, при тускломъ освѣщеніи пламени кирпичнаго завода, появилась Саша. Она тяжело дышала, коса ея расплелась, глаза блестѣли и напряженная улыбка обнажала бѣлые зубы. Петрикъ схватилъ ее за руку. Она не ожидала встрѣчи съ нимъ и съ недоумѣніемъ взглянула на Карнѣя. Что она шептала, Михайлычъ не слышалъ. До него долетѣло только:

— Карнѣй Петровичъ! Пожалуйста, Карнѣй Петровичъ, нельзя сегодня! Петрикъ, оставьте меня!

Кажется отъ нея требовали какой-то уступки, грозили скандаломъ, если она не согласится. Черезъ нѣкоторое время она подала одну руку Карнѣю, другую Петрику, и всѣ они послѣшно вышли на улицу.

Михайлычъ былъ давно женатъ, но ревность, зависть и то чувство, которое лежитъ въ основѣ общественнаго мнѣнія и заставляетъ постороннихъ вмѣшиваться въ интимную жизнь частныхъ людей, охватили его съ странною силой. Онъ не пошелъ домой и издали послѣдовалъ за молодыми людьми.

Парфеновскія улицы были пустыни. Парфеновскій оврагъ прямо упирался въ Днѣпръ. Тамъ была перевозъ, и старичокъ Агей держалъ лодки, которыя можно было брать у него напрокатъ. Михайлычъ видѣлъ, какъ оба сорванца усадили Сашу въ лодку и отчалили. Они плыли сначала внизъ по теченію, а Михайлычъ шелъ по берегу, напрягая зрѣніе и вглядываясь въ темноту, которая была бы почти непроглядна, если бы не разноцвѣтные электрическіе огни въ Эльдorado, дрожавшіе отвѣсными струями въ синевато-черной влагѣ Днѣпра.

Михайлычъ остановился, замѣтивъ во мракѣ лодку

съ молодыми людьми, которую они вдруг повернули против теченія. Тусклый, почти погасающій лучъ электрическаго свѣта на мгновеніе озарилъ силуэты Саши и ея кавалеровъ, и послышался смѣхъ дѣвушки. Смѣхъ прокатился тихимъ, замирающимъ отголоскомъ по глади рѣки. Потомъ Михайлычу почудилось, что молодые люди о чемъ-то спорятъ съ Сашей. Она нѣсколько разъ слабо вскрикнула, снова засмѣялась, и вдругъ нѣмую тишину словно прорѣзала какой-то мучительный стонъ. Сердце у Михайлыча затрепетало; онъ бросился бѣжать, споткнулся, упалъ и, когда, наконецъ, добрался до перевоза, все замерло на Днѣпрѣ. Тяжелое молчаніе нарушалось только мѣрнымъ ласкающимъ лепетомъ прибрежной зыби. Перевозъ былъ пустыненъ.

— Агей! Агей! сталъ звать Михайлычъ.

Но Агея не было. Старикъ уплылъ уже со своими сѣтими на рыбный промыселъ.

XI.

Всю ночь не спалъ Михайлычъ. Нельзя было заснуть послѣ того, что довелось ему увидѣть и услышать. Чуть свѣтъ онъ, измученный и продрогшій, направился къ пристани.

Еще не совсѣмъ разсѣялся утренній туманъ. Солнце низко стояло надъ горизонтомъ, и его матовые золотые лучи, пронизывая прозрачную мглу, окрашивали въ блѣдный цурпуръ пески Днѣпра, барки съ неубранными парусами и береговыя постройки—пристань, купальни, часовню. Рѣка чуть трепетала, и по ней словно еще скользили тающія тѣни разсвѣта. Противоположный берегъ выдѣлялся вдали зубцами своихъ тополевыхъ аллей и фасадомъ увеселительнаго ресторана, который напоминалъ собою картошный игрушечный дворецъ.

Михайлычъ сѣлъ на скамейку и сталъ ждать парохода.

Сонный сторожъ, сгорбясь въ углу, угрюмо смотрѣлъ на Михайлыча. Рыжій матросъ, въ синей суконной блузѣ, курилъ трубку. Невысокія волны съ лѣнивымъ плескомъ бились о бортъ пристани.

Наконецъ, отъ того берега отчалилъ пароходъ съ послѣдними запоздалыми гостями Эльдорадо. Онъ описалъ полукругъ и черезъ нѣсколько минутъ, всплывая воду, причалилъ. Матросъ зацѣпилъ его багромъ, привязалъ канатомъ и перебросилъ мостики.

Высадились только два пассажира, Петрикъ и Карнѣй.

Они были пьяны. Но кромѣ водки и вина, ихъ возбуждало еще что-то другое. Они прошли мимо Михайлыча и ему показалось, что они нарочно не узнали его.

Онъ окликнулъ ихъ—они не обернулись.

Михайлычъ бросился за ними; но они, на его глазахъ, сѣли не торгуясь на извозчика и укатили въ городъ.

„А гдѣ же Саша?“ подумалъ Михайлычъ, и холодный потъ выступилъ у него на вискахъ и на лбу.

Ему припомнились крики Саши, потомъ ея смѣхъ, опять крики, раздрающій душу вопль и странное молчаніе, которое послѣдовало затѣмъ.

„Утопили“, рѣшилъ онъ.

За что? Была это месть или одна изъ тѣхъ шутокъ, на которыя способны парфеновцы?

То, что онъ былъ свидѣтелемъ, можетъ быть, гибели Саши, что онъ подозрѣвалъ уже вчера вечеромъ Петрика и Карнѣя въ дурномъ умыслѣ, что онъ могъ бы предупредить Сашу и не предупредилъ—мучительной болью отозвалось въ его сердцѣ.

Онъ направился отъ пристани къ парфеновскому оврагу. Его слегка пошатывало и, идя по берегу, онъ спотыкался.

Предмѣстье уже проснулось. Навстрѣчу печнику попалось нѣсколько человѣкъ знакомыхъ. У перевоза онъ встрѣтился съ Агеемъ, который несъ сѣти. Вдругъ онъ почувствовалъ непреодолимую потребность рассказать о видѣнномъ кому-нибудь. Остановивъ Агея, онъ спросилъ:

— Скажи, пожалуйста, добрый человѣкъ, знаешь ты меня?

— Отчего же не знать, отвѣчалъ рыбакъ.

— За кого же ты меня знаешь? Печныхъ я дѣлъ мастеръ или, можетъ, я кто другой?

— Ты печникъ—да. Что-же дальше-то?

— Нанималъ я у тебя вчера лодку, или нѣтъ?

— Нѣтъ.

— И я говорю нѣтъ, съ улыбкой сказалъ Михайлычъ.—А не помнишь-ли, кто у тебя вчера нанималъ лодку въ одиннадцатомъ часу? продолжалъ онъ.

— Гдѣ-же мнѣ помнить!

— Крутикъ съ Петрикомъ. Еще съ ними дѣвушка была—внучка иконописца Иванова.

— Вѣрно. Была. Теперь помню. Что вѣрно, то вѣрно.

— Лодку тебѣ доставили?

— Нѣтъ. На томъ берегу бросили. Съ тѣмъ и нанимали. Ничего, не пропадетъ.

— А она утопла! съ торжествомъ объявилъ Михайлычъ.

Рыбакъ такъ и понялъ, что утонула не лодка, а дѣвушка. Онъ спокойно замѣтилъ:

— Много ихъ тонетъ. Слышь, Степанычъ, внучка Иванова утопла.

Собралися народъ, пошли разспросы: какъ утонула Саша? и гдѣ?

— Да кто видѣлъ?

— Да вотъ видѣлъ.

— Ты же чего молчалъ, любезный? спросилъ у Михайлыча авторитетный голосъ.—Ты чего до сихъ поръ молчалъ, и тебя спрашиваю?

Печныхъ дѣлъ мастеръ повернулъ голову и мигомъ снялъ картузь. Передъ нимъ стоялъ парфеновскій полицейскій надзиратель подъ зонтикомъ и съ простынею подъ мышкой. Онъ только что выкунался.

— Ваше благородіе, началъ Михайлычъ,—опасался достаточной подозрительности.

— Какой подозрительности?

— Вслѣдствіе того, что утонутіе произошло не по закону, таинственно объявилъ Михайлычъ.

— Сама утопилась, что-ли?

— Не столько сама утопилась, сколько по причинѣ.

— Что? Говори толкомъ! Кто утопилъ?

— Объ этомъ извольте спросить Агея, уклончиво и хитро сказалъ печникъ.

— Я тебя спрашиваю! крикнулъ надзиратель.

— Наши собственные доморощенные парфеновцы утопили Сашу. Какъ передъ Истиннымъ Богомъ!

— Ты, братъ, пьянъ?

— Ни маковой росинки! скромно признался Михайлычъ.—Колебаніе происходитъ отъ затменія чувствъ, не спалъ, ваше благородіе!

— Пойдемъ со мной! строго промолвилъ надзиратель и поручилъ Михайлычу нести простыню и мыло съ мочалкой.

Къ полудню вытащили изъ Днѣпра Сашу. Она лежала на берегу, палимая солнцемъ. Блѣдныя заостренныя руки ея были подняты кверху, а лицо, еще недавно прекрасное, почернѣло, какъ у негритянки. Парфеновцы приходили, смотрѣли на нее и качали головой. Оекла весь день стояла надъ трупомъ дочери, убитая горемъ. Сестра Саши, Маня, плакала; дѣдъ ворчалъ и тоже плакалъ.

(Продолженіе будетъ).

Литературный альбомъ. „Зимняя сказка“, Шекспира. Герміона. Карт. К. Кизеля, грав. Пейне.

Моничка.

Повѣсть Н. Морскаго (Н. К. Лебедева). (Посмертное произведение).

I.

Въ день, съ котораго начинается мое несложное повѣствованіе, Моничка явился передъ нами въ совершенно иномъ свѣтѣ. До сихъ поръ всѣ мы, его товарищи, гимназисты седьмаго класса N-ской гимназій, знали Моничку за человѣка не пристрастнаго къ какимъ-либо преимуществамъ общественаго положенія, знали за добраго и не гордаго мальчика, учащагося такъ себѣ, не хорошо, не дурно, большаго любителя разныхъ стишковъ, статеекъ смѣхотворно-апекдотическаго характера, вообще легкаго чтенія. Моничка только и читалъ подобнаго рода вещи. Если ему вообще предлагали прочесть что-нибудь болѣе серьезное, онъ прежде всего строилъ глубокомысленную фязіономію, довольно уморительную, очень не подходящую къ его круглому добродушному, розовому лицу, съ открытымъ выраженіемъ голубыхъ глазъ,—и, состроивъ такую фязіономію, насунившись и вычистивъ нижнюю губу, отвѣчалъ обыкновеннымъ вопросомъ:

— Есть что-нибудь забавное?

Ему отвѣчали отрицательно, и тогда его интересъ къ предлагаемому для прочтенія моментально угасалъ. Онъ съ пренебреженіемъ, нѣсколько даже аффектированнымъ, швырялъ книгу и отстранялъ отъ себя того, кто предлагалъ ее.

— Подальше.. подальше-съ! „Нельзя-ли для прогулокъ подальше выбрать переулокъ!“

Всѣ мы видали Моничку по праздникамъ съ мамашей и тетенькой, а впоследствии съ кузиной, только что пріѣхавшей изъ Петербурга, гдѣ она воспитывалась въ какомъ-то модномъ пансіонѣ,— въ церкви, гдѣ Моничка скромно молился передъ образами, ставилъ по порученію маменьки или тетеньки свѣчи, а разъ съ оуценными глазами обонялъ даже съ тарелочкой церковъ во время кружечнаго сбора. Моничка всегда блестялъ формой,—мундиромъ, вицъ-мундиромъ и пальто,—блестѣлъ перчатками, блестялъ расчесанными золотистыми волосами. Онъ любилъ, судя по нѣкоторымъ его словамъ, повеселиться, потанцовать, былъ большимъ поклонникомъ театра, при чемъ драмъ предпочиталъ водевилъ—и все это, въ связи съ любовью Монички къ легкому чтенію и перенесыванію въ особую тетрадку разныхъ стиховъ,—въ связи съ легкимъ отношеніемъ его ко всему, что носило на себѣ признакъ серьезности, что требовало труда чтобы быть понятнымъ,—заставляло насъ признать въ Моничкѣ значительную склонность къ эпикурейству и легкомыслію.

Вообще же это былъ самый добропорядочный изъ воспитанниковъ, на отличномъ счету у начальства за поведеніе,—никогда не протестовавшій и державшійся въ сторонѣ отъ всякихъ школьныхъ манифестацій. Какимъ-нибудь класснымъ протестамъ онъ сочувствовалъ болѣе въ душѣ, при чемъ доходилъ въ этомъ отношеніи даже до нѣкотораго излишества и чрезмѣрнаго усердія.

Такъ, когда гимназистъ четвертаго класса Акимовъ, невольный школьными порядками, написалъ слѣдующее четверостишіе, посвященное имъ N-скому гимназисту:

Что такъ печально на желтое зданіе *)
Бѣдный глядишь, прогрессишь?
О!.. ты не все потерялъ еще:—свыше
Жди себѣ помощи, жди, гимназистъ!..

И когда, довольствуясь скромною славой, Акимовъ отдалъ свое невинное четверостишіе Лапшину, ученику седьмаго класса, просилъ его дать возможно большее распространеніе этому поэтическому произведенію, но „Бога ради никому не открывалъ имени автора“; когда Лапшинъ исполнилъ наказъ друга въ точности и объявилъ классу, что „вотъ, въ городѣ ходитъ стихотвореніе“, прочелъ его, но относительно имени автора отозвался незнаемъ,—всѣ, понятно, бросились просить—дать списать, и Моничка чуть-ли не первый:

— Одолжи, Лапшинъ, сдѣлай милость!

— Потише, господа!.. Узнаешь начальство—бѣда!..

Моничка поддержалъ Лапшина:

— Простецы! это—облеченіе... Не давай имъ, Лапшинъ, они еще глуцы для такихъ вещей... Дай мнѣ—первому.

Четверостишіе даво было первому Моничкѣ и онъ немедленно и, конечно, очень скоро переписалъ его. Но вотъ, что странно: казалось, Моничка находилъ удовольствіе не столько въ самомъ произведеніи, сколько въ таинственномъ переписываніи его во время какого-нибудь класса, причемъ всякій разъ хотѣлъ для чего-то имѣть передъ глазами первоисточникъ, т. е. рукопись находящуюся у воспитанника Лапшина. Казалось бы, можно было ограничиться собственными переписками; еще легче можно было заучить четверостишіе:—нѣтъ, Моничка избиралъ болѣе сложный путь. Нѣтъ-нѣтъ, да во время класса, когда прилежный Лапшинъ уходилъ въ слѣженіе за какимъ-нибудь урокомъ, объясненіемъ учителя, нежданно его кто-то дергалъ за полу и знакомый голосъ Монички произносилъ шепотомъ:

*) Гимназія была окрашена въ желтый цвѣтъ.

— Лапшинъ, а Лапшинъ!..

— Чего тебѣ? полуобертывался тотъ.

— Дай стихи.

Занятый своимъ дѣломъ, Лапшинъ недоумѣвалъ, о какихъ стихахъ идетъ рѣчь:

— Какіе стихи?

Моничка приставлялъ ко рту руку форточкой, чтобы его слова прямѣе доходили до цѣли, и выспаливалъ скороговоркой торопливаго шепота:

— „Что такъ печально на желтое зданіе, бѣдный глядишь, прогрессишь?“

Это повторилось разъ-другой, но на третьемъ, послѣ торопливаго шепота Монички, Лапшинъ, которому подобная комедія надобла, отвѣтилъ:

— Отвяжись!

Въ отвѣтъ на что получилъ энергическимъ шепотомъ съ приставленною ко рту рукой:

— Дуракъ!..

II.

Вотъ каковъ былъ Моничка, вотъ какимъ глубокомыслиемъ отличался онъ. Никакихъ теорій Моничка намъ не проповѣдывалъ, да вѣроятно и не зналъ о нихъ. Онъ не прочь былъ во временахъ похвалиться передъ нами, что читаетъ и изучаетъ вещи болѣе серьезныя нежели тѣ, за которыми мы привыкли его видѣть. Нѣтъ-нѣтъ, да вдругъ ему приходила мысль преражно заявить намъ, что онъ изучаетъ, наиримѣръ, Гегеля, Фейербаха, Канта, вообще нѣчто такое, о чемъ мы имѣли самое смутное понятіе. Мы возражали на такое заявленіе обыкновенно въ слѣдующемъ тонѣ:

— Но ты не любишь серьезнаго; какъ же ты читаешь Канта?

Моничка ударялъ себя по лбу:

— Простецы! это выше серьезнаго.

Мы, конечно, приставали потомъ:

— Изучалъ Канта?

Моничка отвѣчалъ съ важностью:

— Понятно.

Это случилось уже въ седьмомъ классѣ, когда Моничка открылъ, что у него усы, и сталъ нещадно крутить едва замѣтные зачатки ихъ, что придавало ему еще болѣе глубокомысленный видъ. Мы не удовлетворились даннымъ имъ отвѣтомъ и продолжали допрось:

— Въ чемъ же заключается ученіе Канта?

Моничка посмотрѣлъ на насъ свысока:

— Не поймете!

Мы, конечно, обидѣлись и закричали въ одинъ голосъ:

— Вѣрно ты самъ ничего не понял!

— Нѣтъ, понялъ.

— А понялъ, такъ объясни.

Тогда Моничка, вдругъ схватилъ книгу, развернулъ ее и, углубляясь въ чтеніе, крикнулъ намъ:

— Оставьте... не мѣшайте!.. чего пристали!

Мы всѣ любили Моничку и жили съ нимъ въ согласіи. Изъподъ ободочки эпикурейскаго легкомыслія, только но временамъ напускающаго на себя серьезность, въ которую мы плохо вѣрили, глядѣло на насъ доброе товарищеское сердце, искреннее расположеніе и привязанность.

Моничка не былъ богатъ; его фамилія—Рогожинъ—не отличала въ немъ знатнаго происхожденія, но тѣмъ не менѣе мы знали, что мать Монички была вдова генераль-майора, получала большую пенсію, а ея сестра, мать Моничкиной кузины—была вдова генераль-лейтенанта. Обѣ генеральши-вдовы жили вмѣстѣ, какъ шла молва, въ большой дружбѣ, обѣ были невысокаго роста, походили чрезвычайно одна на другую, обѣ хорошо объяснялись по-французски, любили повеселиться, получали большія пенсіи. У Рогожиной, которой исполнилось пятьдесятъ—былъ одинъ сынъ Моничка; у сестры ея, которой исполнилось сорокъ девять—была одна дочь Лиза или, какъ называли ее мать и тетка, Lise. Моничкѣ шелъ девятнадцатый, а Лизѣ или Lise—восемнадцатый; словомъ, какъ въ наружности, тѣлахъ матерей и дѣтей, такъ и въ ихъ общественномъ положеніи, равно какъ въ матеріальныхъ средствахъ—оказывалось значительное сходство. На средства пополамъ—сестры нанмали довольно большую квартиру, держали карету, имѣли пару плоховатыхъ лошадей, мужскую и женскую прислугу и домъ ихъ считался въ N-скѣ аристократическимъ. Слѣдуетъ еще прибавить, что обѣ сестры относились къ своимъ дѣтямъ такимъ образомъ: Рогожина была, если не особенно, то все-таки довольно строга къ Моничкѣ, но баловала до невѣроятія Lise; а сестра ея, напротивъ, взыскивала съ Lise и была матерински нѣжна къ Моничкѣ.

Обо всемъ этомъ мы знали отлично, и хотя намъ было извѣстно, что въ N-скѣ проживало не мало людей и побогаче и познатнѣе Моничкиныхъ мамыши и тетеньки, тѣмъ не менѣе этихъ послѣднихъ все-таки, нисколько не колеблясь, мы причисляли къ мѣстной аристократіи, а потому чрезвычайно ува-

жали въ нашемъ энкуррейфѣ, что онъ нисколько не чванился положеніемъ своихъ родныхъ. Моничка никогда не блгсталъ передъ нами тѣмъ что онъ сынъ генерала, никогда не хвастался что бѣдигъ въ каретѣ, и очень конфузился, если мы встрѣчали его въ ней гдѣ-нибудь. Не умѣю сказать почему, но намъ это очень нравилось.

Я началъ этотъ разсказъ съ того, что однажды Моничка явился передъ нами совершенно въ иномъ свѣтѣ, вслѣдствіе чего вооружилъ противъ себя если не всѣхъ насъ, то большую часть. Это случилось передъ Пасхой, въ послѣдній годъ нашего пребыванія въ гимназій, на пятницу шестой недѣли. Уже окончился классъ законоучителя Грибоѣдова, и онъ, протаясь съ нами, не столько остановился на желаніи намъ весело встрѣтиться и провести праздникъ, сколько на томъ, чтобы мы, въ виду близкихъ выпускныхъ экзаменовъ, хорошо поговорили на предстоящей седьмой недѣлѣ; уже инспекторъ роздалъ намъ въ послѣдній разъ отгѣтки и пожелалъ усѣховъ во время экзаменовъ, рекомендуя въ наступающую Пасху не столько предаваться развлеченіямъ, сколько исподволь подготавливаться; уже стали распускать младшіе классы и мы, связавъ свои книги, ожидали нашей очереди, — когда Моничка началъ въ одиночку отводить то того, то другаго изъ насъ куда-нибудь въ сторону и, неопределенно таинственно съ однимъ, подыбалъ другаго. Конечно, насъ это заинтересовало, тѣмъ болѣе, что свои секретныя сообщенія Моничка вольно не съ тѣми, съ кѣмъ былъ ближе, а съ товарищами довольно ему далекими. Переговоривъ съ тремя или четырьмя, Моничка подошелъ наконецъ ко мнѣ и отвелъ меня въ сторону. Я не былъ ему другомъ, но во всякомъ случаѣ мы находились въ отличнѣйшихъ отношеніяхъ. Отойдя въ отдаленный уголъ класса, Моничка зашепталъ:

— Вотъ въ чемъ дѣло, Лебедевъ: въ первое воскресенье послѣ Свѣтой — у насъ спектакль, я играю, моя кузина и еще кое-кто. По окончаніи спектакля танцы. Не можешь-ли ты быть у насъ?

— Постараюсь; спасибо.

Онъ сжалъ мнѣ руку:

— Пожалуйста. И еще вотъ что: прошу, не говори никому изъ нашихъ объ этомъ.

— Это почему?

— Видишь... я желалъ пригласить нѣкоторыхъ изъ товарищей и конечно пригласить-бы Иванова, Лапшина, Жукова и тебя. Мамѣ позволила мнѣ пригласить четверыхъ... и я...

Онъ нѣсколько сконфузился и замаялся. Я поспѣшилъ выразить свое удивленіе сдѣланному мнѣ выбору:

— И ты, сказала я, — вмѣсто Иванова, Лапшина, Жукова, пригласилъ Попова, Похвиснева и Удольскаго, оставивъ только меня. Я не понимаю такого образа дѣйствій.

Моничка растерялся.

— Я право не знаю, какъ поступить иначе. Неужели ты не понимаешь?

— Ничего.

— Ивановъ, Жуковъ, Лапшинъ—это конечно умнѣйшіе изъ нашихъ товарищей... но...

— Но?

— По возможности-ли они въ *свѣтъ*? посуди самъ...

Тогда я понялъ все. Мы стояли съ Моничкой другъ передъ другомъ, не сводя одинъ съ другаго глазъ. Не знаю что думалъ онъ, по моему бѣднѣ голова, гордая знаніемъ гимназическаго курса, какъ-то не умѣла и не могла переварить, связать, примирить другъ съ другомъ всѣ противорѣчія, открывшіяся моему уму изъ этого вздорнаго разговора. Возможно-ли они, эти наши товарищи, въ *свѣтъ*? Свѣтъ, котораго я и не зналъ, и не видѣлъ, представлялся мнѣ какою-то призмой, въ которой блестяю множество огоньковъ и преломлялись дѣла самыхъ чистыхъ, самыхъ идеальныхъ отгѣнковъ. О, я не только слышалъ, но и преувеличивалъ слышанное, что этотъ свѣтъ холоденъ, безсердеченъ, что женщины въ немъ всѣ сплошь и рядомъ кокетки, мужчины — обольстители, что онъ хорошъ только снаружи, — все я это зналъ; но я также помнилъ, что вишнія оболочка этого такъ-называемаго „свѣта“ — прекрасна, радужна и безукоризненно парадна. И помня это послѣднее, я понялъ всю невозможность вмѣшательства Иванова, Жукова, Лапшина, съ ихъ панталонами прихвощенными на колѣнкахъ, съ ихъ прическами и съ ихъ красными большими руками — въ эту изящную цѣпь черныхъ фраковъ, открытыхъ жилетовъ, золотыхъ пенсовъ, въ эту цѣпь grand rond'a, переплетенную пуфами и воланами разноцвѣтныхъ дамскихъ газовыхъ платьевъ. Моничка былъ правъ въ своемъ выборѣ — и тѣмъ не менѣе сердце мое сжималось при мысли, что эти милые, добрые, благородные и умные, знающіе несравненно болѣе насъ съ Моничкой, товарищи не могли быть пущены за порогъ лучезарнаго свѣта только за то, что у нихъ панталоны поднялись на колѣнкахъ, да галстухъ тѣзветъ къ ушамъ. Это разъ — но не все. До сихъ поръ насъ раздѣляли по рангамъ только въ силу нашихъ учебныхъ отличій, а теперь вышалъ случай, являясь возможность раздѣлить по нашему вишнему виду, по нашимъ манерамъ, одеждѣ, умѣнью держать себя въ обществѣ, и такое раздѣленіе насъ по вишнимъ признакамъ на приличныхъ и неприличныхъ для общества

было несравненно оскорбительнѣе перваго раздѣленія по нашимъ усѣхамъ.

Пока мы стояли съ Моничкой другъ передъ другомъ — классъ узналъ отъ кого-то о тайнѣ Моничкиныхъ шептаній съ четверыми изъ насъ: вѣрно кто-нибудь проболтался. Многую стала какая-то ледяная пелена не столько между нами, приглашенными, и классомъ, сколько между этимъ послѣднимъ и Моничкой. Мы, приглашенные, попали только въ разрядъ какихъ-то подозрительныхъ, тогда какъ Моничка сразу былъ признанъ отщепенцемъ, блуднымъ братомъ товарищеской семьи. Большинство впрочемъ не сказало ни намъ, ни Моничкѣ ни слова; только откровеннѣйшіе не удержались. Лапшинъ, высокій силачъ-брюнетъ, за ветхостію своего вицмундира ходившій послѣдній мѣсяцъ пребыванія въ гимназій въ черномъ очень широкомъ сюртукѣ ниже колѣнъ и чрезвычайно узкихъ сиреневыхъ панталонахъ, — просто вышвырнулъ Моничку на середину класса, когда по окончаніи переговоровъ со мною нашъ бѣдный энкуррейфъ хотѣлъ занять свое обычное мѣсто, придвинулся рядомъ съ Лапшинскимъ. Моничка вылетѣлъ на середину класса и изумленно оглянулся на Лапшина съ выраженіемъ испуга въ своихъ прекрасныхъ глазахъ:

— Ты съ ума сошелъ, Лапшинъ! крикнулъ онъ, вытирая выщипанный объ полъ мундиръ и брюки. Раздраженный Лапшинъ пустилъ въ Моничку толстую связку книгъ, такъ порядкомъ ударившуюся о несчастнаго.

— Вотъ тебѣ! Убирайся, аристократника!

Увы! этотъ „аристократника“, пронаосный такимъ тономъ, точно въ мѣрѣ не существовало ничего болѣе сквернаго — навсегда изгналъ изъ обращеній другія, интимно-шутливыя прозвища Монички. Съ этого роковаго дня, когда приглашеніемъ нѣкоторыхъ изъ насъ Моничка раздѣлилъ классъ на чистыхъ и нечистыхъ — за прежнимъ „энкуррейфомъ“ до окончанія курса установилось презрительное прозвище „аристократника“. Съ этого дня Моничка сталъ для класса отщепенцемъ, получилъ новую окраску и цвѣтъ.

III.

Я былъ радъ и не радъ сдѣланному мнѣ Моничкой приглашенію: радъ потому, что понасть въ аристократическій домъ его матери и тетки — значило увидѣть вблизи тотъ самый блестящій, хоть и *втроеолный свѣтъ*, о которомъ я имѣлъ до сихъ поръ самое поверхностное и теоретическое понятіе; не радовался-же я этому приглашенію потому, что оно обило любимыхъ мною товарищей и, выдѣливъ изъ числа послѣднихъ Моничку, могло весьма невыгодно отозваться и на мнѣ самомъ. Всею седьмую недѣлю и часть Свѣтой я колебался — идти мнѣ къ Моничкѣ или нѣтъ, — все не рѣшался ни на первое, ни на второе, борясь межъ двухъ огней. Мое желаніе по-смотреть на *свѣтъ* унало въ значительной степени, когда, для два до вечера у Монички, я узналъ, что ни Поповъ, ни Похвисневъ, ни Удольскій не отправятся туда: Похвисневу и Удольскому сдѣлать этого почему-то рѣшительно было невозможно, а Поповъ, ни съ того, ни съ сего, вдругъ ударился въ тонъ противной Моничкѣ партіи и объявилъ мнѣ, встрѣтаясь на бульварѣ, что не пойдетъ ни за что:

— А ну его, аристократнику! прибавилъ онъ съ видомъ чловѣка говорящаго о томъ, о чемъ совершенно и не стоить говорить; — чего я тамъ не видалъ?

Послѣ этого, естественно, я почти рѣшилъ не ходить на вечеръ и вѣроятно-бы не пошелъ, если-бы въ самый день спектакля — утромъ — Моничка не захалъ ко мнѣ самъ. Надо сказать, что до сихъ поръ, ни у меня, ни у другихъ изъ нашихъ товарищей Моничка не бывалъ: если ему нужно было списать какую-нибудь задачу или узвать объ урокахъ, — онъ посылалъ къ кому-либо изъ насъ лакея въ военной ливреѣ и въ запискѣ спрашивалъ и просилъ о томъ и этомъ, но самъ не бывалъ никогда, и визитъ его ко мнѣ едва ли не былъ первымъ.

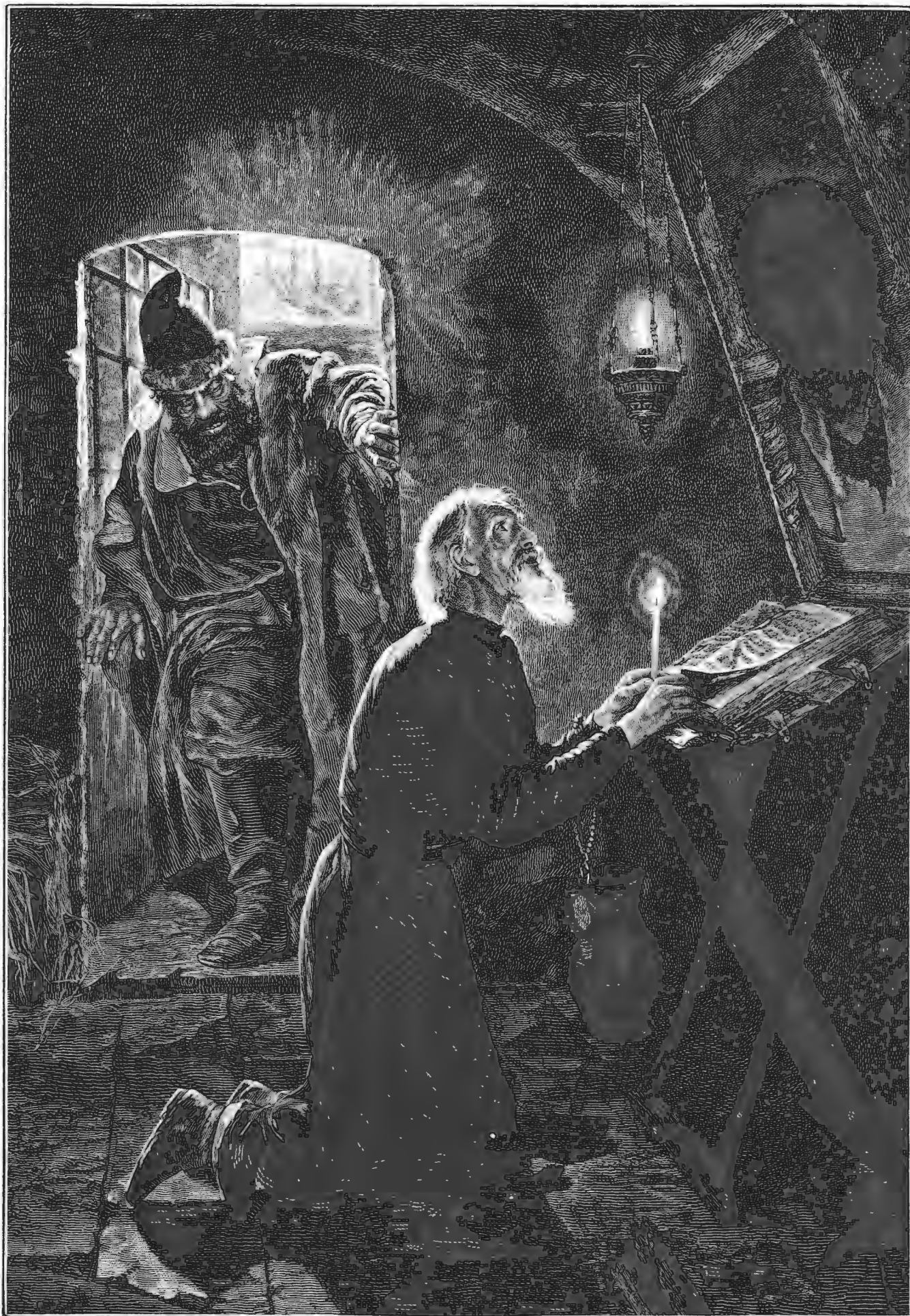
Я его, конечно, совершенно не ожидалъ, и когда онъ позвонилъ, преспокойно отперъ дверь, думая что пришелъ кто-нибудь къ моимъ родителямъ. Каково-же было мое удивленіе, когда, отворивъ дверь, я увидѣлъ передъ собою Моничку, весьма сконфуженнаго! Нѣкоторое время мы оба стояли въ состоянии чрезвычайнаго смущенія другъ передъ другомъ, отдѣленные входнымъ порогомъ, стояли не произнося ни слова. Влистая формой, новымъ съ иголки мундиромъ и фуражкой, чистенькій и приглаженный, въ безукоризненныхъ бѣлыхъ перчаткахъ, Моничка былъ красивъ отъ смущенія до корней своихъ золотистыхъ волосъ. Его голубые глаза какъ только взглянули на меня, такъ и опустились; пушистыя рѣсницы дрожали — и не подымая опущеннаго взгляда, Моничка слегка дрожавшимъ голосомъ спросилъ меня по нѣкоторомъ молчаніи:

— Можно къ тебѣ?

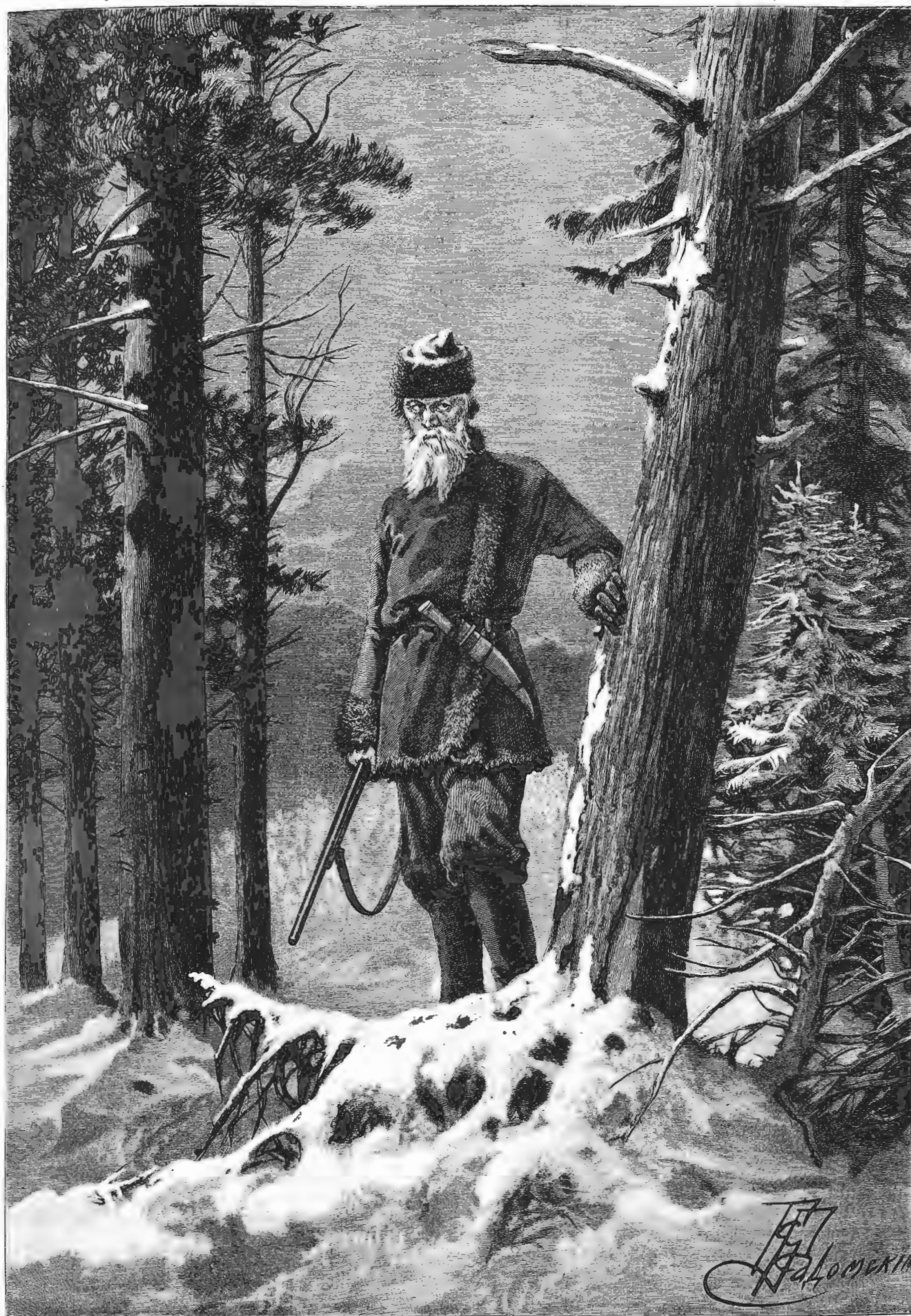
Кажется смущеніе передавалось отъ него ко мнѣ и отъ меня къ нему; мы оба помогали въ этомъ другъ другу. При отвѣтѣ на вопросъ Монички, голосъ мой тоже дрожалъ не менѣе его, и мы оба не смотрѣли другъ на друга.

— Отчего-же: зайді..

Тогда онъ снялъ пальто — и стройный и высокій, ловкій въ своемъ прекрасно сшитомъ мундирѣ, — провелъ рукою по пышнымъ золотистымъ волосамъ, и полуприподнявъ свои пушистыя рѣсницы:

Выставка Имп. Акад. Худож. Последнія минуты митрополита Филиппа.
Съ карт. А. Н. Новоскольцева (право воспроизведенія въ гравюрь и т. п. принадлежит „Нивъ“), грав. Флюгель.
Библиотека "Руниверс"

Лѣсникъ. Ориг. рис. (собств. „Нивы“), В. Радомскаго, грав. Рашевскій.

— Куда идти?
— Сюда.

Я указывал ему путь через наш небольшой зал, из которого дверь вела в крохотный обь одно окно кабинетик, где я жил. Моя комната была незатѣпанаго убранства; въ ней стояла кровать, письменный столъ, этажерка съ книгами и въ пространствѣ между первымъ и второю — старинное кресло, у котораго было обито одно сидѣнье, а спинка и ручки — деревянные; надъ кресломъ висѣла большая карта Европейской Россіи. Комнатка была такъ мала, что когда ко мнѣ кто приходилъ, то въ ней возможно было только сидѣть, а не ходить — при чемъ кресло предоставлялось обыкновенно гостю, а самъ я — за недостаткомъ другаго мѣста — усаживался на постель приходившуюся какъ разъ противъ кресла. Такъ поступилъ я и теперь. Моничкѣ было предложено кресло, но онъ, все еще смущенный, какъ вошелъ, такъ самымъ прилежнымъ и тщательнѣйшимъ образомъ сталъ разсматривать висѣвшую на стѣнѣ карту, какъ-бы отыскивая на ней что-то.

— Это Европейская Россія, уткнулся онъ въ карту, не выпуская изъ рукъ фуражки, занеся ее вмѣстѣ съ лѣвою рукою, оставшеюся въ блоснѣжной перчаткѣ, за спину, а правою слѣдуя за обозначеннымъ на картѣ извѣномъ Волги, — Волга... постой: вотъ Астрахань, Саратовъ... вотъ Самара... Симбирскъ...

И перескочилъ на Ярославль; точно это не только была цѣль его исканій, но цѣль всего его визита ко мнѣ, такъ онъ обрадовался ужъ этому Ярославлю!

— Вотъ онъ, вотъ!

Я не понялъ, въ чемъ дѣло? Моничка сбавилъ тонъ и все еще блуждая по картѣ, какъ будто занятый чѣмъ-то другимъ, пробурчалъ себѣ подъ носъ:

— Ярославль... Превосходная эта карта у тебя, обернулся онъ въ мою сторону, разсматривая теперь комнату, стараясь не сморгнуть на меня, — и комнатка у тебя уютная...

— Мала очень, вставилъ я.

— Для занятій удобно: въ сторонѣ... да и зачѣмъ се большую?..

Я тронулъ его неумышленно за большое мѣсто, отвѣтивъ на сдѣланное имъ вскользь замѣчаніе о величинѣ комнаты:

— Не то что большую, а все не худо бы попросторнѣе... Придутъ товарищи...

— Къ тебѣ ходить много?

— Всѣ заходятъ.

Моничка сидѣлъ теперь противъ меня на вышесказанномъ креслѣ и, попрежнему опустивъ свои густыя рѣсницы, вертѣлъ изящными руками фуражку, по временамъ съ чрезвычайною любовательностью разсматривая золотую надписъ на бѣломъ лайковомъ подбѣ. Если до сихъ поръ Моничка и былъ еще смущенъ, все-таки краска, чрезмѣрно заливавшая его красное лицо въ то время, когда онъ только-что пришелъ, мало-по-малу улеглась по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ алѣла пѣжно-розовымъ румянцемъ постоянно, а голосъ пересталъ дрожать; если смущеніе Монички выражалось только въ томъ, что онъ все еще не сморгнулъ на меня и повидимому не рѣшался приступить къ объясненію цѣли своего неожиданнаго визита, — то теперь, когда я упомянулъ, что ко мнѣ заходятъ *все* товарищи, Моничка снова понуцовѣлъ весь, голосъ его опять задрожалъ, равно какъ и опущенныя рѣсницы. Тѣмъ же менѣе онъ спросилъ:

— И... чѣмъ же вы занимаетесь?

— Болтаемъ... читаемъ... споримъ...

— Что же вы читаете?

— Стихи...

— Стихи?

Онъ какъ-то тихо произнесъ это слово, и вдругъ поднявъ опущенныя рѣсницы, сталъ сморгнуть задумчивымъ взглядомъ своихъ голубыхъ глазъ на стекла моего единственнаго окошка, выходящаго въ садъ. Думалъ ли онъ о товарищескихъ собраніяхъ въ этой маленькой комнаткѣ, о спорахъ, о легкомысленныхъ мечтахъ юности, которыя возникли здѣсь, развивались и громко-гласно высказывались, — думалъ ли онъ о свободѣ, съ которой могъ и принимать у себя кого хочъ, не смотря ни на какой сюртукъ, ни на какія манеры, о свободѣ пріема товарищей, которой онъ, повидимому, былъ лишенъ, — не знаю; только слѣдя за Моничкинымъ пристально и безцѣльно устремленнымъ взглядомъ, я замѣтилъ, что густая синева его глазъ какъ бы вдругъ поблѣдѣла, потомъ блеснула точно слюдяной оболочкой и выдѣлила слезы... Я опустилъ глаза, но видѣлъ, что Моничка подымалъ вверхъ руку — вѣрно смахнулъ его непрошенныя слезы — и затѣмъ, кашлянувъ, произнесъ:

— Знаешь: Похвисневъ не будетъ, у него отецъ именинникъ... Поповъ раздумалъ...

Онъ началъ довольно бойко, но затѣмъ значительно спалъ съ тона, произнося:

— Ундольскій уѣхалъ...

И совсѣмъ уже тихо закончилъ:

— А ты?..

Я только-что хотѣлъ отвѣчать, что буду, буду непременно, такъ какъ послѣ слезъ Монички я рѣшилъ во что бы то ни стало быть у него, — только-что хотѣлъ порадовать Моничку

этимъ извѣстіемъ, какъ оба мы вздрогнули отъ неожиданности: изъ сада, какъ разъ въ то стекло, которое находилось въ форточкѣ, ударилъ и полетѣлъ назадъ на землю довольно большой пучокъ лиловыхъ подсолнечниковъ съ темно-зелеными листьями. Я бросился немедленно къ форточкѣ, отворилъ ее — и снова брошенный букетъ на этотъ разъ влетѣлъ въ комнату и упалъ на колѣни удивленнаго Монички... На букетѣ дрожали росинки, нѣсколько лиловыхъ лепестковъ посыпалось на полъ. Черезъ отворенную форточку еще двойной рамы въ комнату ворвался весенній, смѣшанный съ остатками не растаявшаго снѣга, воздухъ... и вибрирующей, нѣсколько пѣвучей голосъ крикнуть мнѣ:

— Лебедь господишь, пожалуйста въ садъ!

IV.

Я высунулъ голову въ форточку:

— Мнѣ нельзя: у меня гость.

— А скоро онъ уйдетъ?

— Такъ невозможно спрашивать, когда вы знаете, что мой гость слышитъ вашъ вопросъ.

— Нельзя?.. ну, такъ извините меня, господишь гость.

Такъ какъ послѣднія слова относились уже къ Моничкѣ, то я, естественно, нѣсколько повернулъ къ нему свое лицо съ улыбкой, выражающею нѣкоторое снисхожденіе къ словамъ особы, бросившей мнѣ букетъ, находившейся въ рукахъ Монички. Благородный молодой человѣкъ, услышавъ вопросъ о томъ, скоро ли онъ уйдетъ, думая, вѣроятно, что мѣшаетъ, поспѣшилъ подняться съ кресла и вполголоса прощался со мной:

— Прощай... Такъ какъ же... ты тоже не будешь?

Но я остановилъ его:

— Сдѣлай милость, не торопись... Ты у меня въ первый разъ и я тебя не выпущу. Развѣ тебѣ куда нужно?

— Нѣтъ, по я думалъ...

— А зачѣмъ у него мой букетъ? Не для него же я его собирала! вотъ было бы умно: для незнакомаго-то!

Мы оба стояли у окна, Моничка все еще съ букетомъ, котораго не успѣлъ выпустить изъ рукъ и положить куда-нибудь. Привставъ на бревно, приготовленное для постройки качелей, на насъ смотрѣла молодая особа, конечно, не столько занитрессованная мною, котораго видѣла не впервые, сколько моимъ гостемъ. Это была дѣвушка лѣтъ семнадцати, очень тонкая, легкая и быстрая въ движеніяхъ. Она отличалась довольно высокимъ ростомъ, необыкновенною стройностью, причѣмъ эта послѣдняя въ значительной мѣрѣ выигрывала отъ того, что ея плечи не были узкими. На прекрасной шеѣ гордо сидѣла прехорошенькая головка съ черными, какъ смоль, волосами, собранными въ косу, сложенную какой-то корзиною на затылкѣ. Черные, нѣсколько напоминающіе цыганскіе, глаза съ обводящими ихъ сверху пушистыми бровями; тонкій носъ римскихъ очертаній и какъ бы легкая дымчатая смугловатость, изъ-подъ которой пробивался не розовый, а пунцовый румянецъ; чуть-чуть открытый ротъ съ ослѣпительно-бѣлыми зубами — все это придавало молодой дѣвучкѣ нѣкоторое сходство съ цыганкой. Къ довершенію этого послѣдняго — дѣвушка одѣлась въ довольно ярко-лиловый цвѣтъ, въ ея ушахъ сверкали длинныя золотыя серьги съ аметистами и брилліантами, а падо лбомъ она соорудила себѣ не то вѣнокъ, не то пыльную діадему изъ лиловыхъ безъ зелени подсолнечниковъ... Ей, какъ она ни была высока и хоть взгромоздилась на бревно, вѣроятно, недостаточно было видно насъ, потому что, переставъ смѣяться, она схватилась руками за протянувшійся надъ ея головою отъ ближайшаго дерева довольно толстый, еще безлиственный сукъ и, крѣпко держась, на нѣсколько мгновеній приподнялась, повисла въ воздухѣ и затѣмъ, раскачавшись, прыгнула на землю, съ прежнимъ смѣхомъ, приблизившись къ окну, у котораго мы стояли.

— Кто такой?

Я опять долженъ сдѣлать ей внушеніе относительно неумѣстности предложеннаго ею вопроса:

— Такъ нельзя спрашивать...

— Нельзя?.. Интересно-же мнѣ знать, кто это?

— Имѣйте терпѣніе: спросите, когда онъ уйдетъ...

— А если онъ не скоро уйдетъ?.. Онъ кажется и не сбирается...

— Опять!.. Дѣлать нечего: я вижу вамъ придется представить моего товарища... Это — Рогожинъ...

— Рогожинъ!.. не сытъ-ли той генеральши?.. Ахъ, батюшка, да вѣдь мы званы сегодня къ вамъ — и я не знаю въ чемъ мнѣ быть... Мнѣ необходимо васъ о многомъ разспросить...

Я посмотрѣлъ на Моничку, смущеніе котораго при видѣ этой молодой особы, съ которой я перекрикивался черезъ форточку, совершенно прошло. Когда я назвалъ Моничку — онъ очень ловко раскланялся съ повою знакомой; когда-же эта послѣдняя сказала, узнавъ Моничкину фамилію, что она приглашена къ Рогожинымъ на вечеръ, лицо Монички выразило легкое недоумѣніе — и я тутъ только сообразилъ, что не догадался до сихъ поръ назвать молодую особу. И сдѣлать это тихо, такъ что слышать одинъ Моничка:

— Это — Любовь Петровна Образцова, дочь одного капитана...

Вонъ тамъ живутъ...

Любовь Петровна догадалась о чем идти рѣчь и вмѣшалась:

— Образцова, крикнула она, — мой папаша служилъ подъ начальствомъ вашего папашина, и ваша мамаша и тетенька знаютъ его давно. А сестрицу вашу — онъ даже на рукахъ носилъ... Красавица, говорить... Да выдѣйте-же, пожалуста, мнѣ право очень нужно съ вами посоветоваться... Выходите...

Я посмотрѣлъ вопросительно на Моничку, — онъ шепнулъ мнѣ тихо:

— Выдѣдемъ на минуту. Мнѣ кстати пора ѣхать домой.

И выходя вмѣстѣ со мною въ переднюю, уже безъ всякихъ обиняковъ и прегняго смущенія — прямо спросилъ:

— Ты слѣдовательно будешь сегодня?

— Непремѣнно.

Онъ сжалъ мнѣ крѣпко руку. Надѣвъ пальто, мы поспѣшили къ ожидавшей насъ въ саду Любовь Петровнѣ.

V.

Любовь Петровна, не смотря на свою оригинально-красивую наружность, не нравилась съ перваго взгляда. Она, равно какъ и отецъ ея, были уроженцы Юга, а потому какъ въ наружности своей, такъ и въ чрезвычайно быстрыхъ, нѣсколько рѣзкихъ, и порою даже какъ будто вкрадчивыхъ манерахъ — носили южный отпечатокъ. Оба говорили очень скоро и не только употребляли при этомъ лѣстивыя, умоляющія выраженія, но исполнѣ отвѣчавшія тому, о чемъ шла рѣчь, но сопровождали такія выраженія вкрадчивыми и умоляющими минами. Ихъ испугъ передъ какимъ-нибудь довольно ничтожнымъ обстоятельствомъ, въ родѣ напримѣръ того, что кто-либо занозилъ себѣ палецъ, или натеръ себѣ тѣсною обувью мозоль на ногѣ, — напоминалъ нѣчто подобное тому выраженію сочувствія, какое оказываютъ лицу понесшему самую горестную утрату. Ихъ испугъ, ихъ радость, ихъ горе и веселье — все это казалось чѣмъ-то ужъ слишкомъ бурнымъ, какъ-бы даже неестественнымъ и принудительнымъ. Можно было-бы конечно заподозрить Образцовыхъ въ лицемеріи, если-бы ихъ то лѣстивая, то вкрадчивая до приниженности рѣчь не обрасталась одинаково — рѣшительно ко всему. Когда отецъ разговаривалъ, и особенно спорилъ о чемъ-нибудь съ дочерью, они оба такъ разгорячались, что, если это случилось лѣтомъ, ихъ можно было слышать черезъ улицу: они были не въ силахъ удержаться во время спора на своемъ мѣстѣ, присаживались на какой-нибудь стулъ и, присѣвъ, немедленно вскакивали, подбѣгали другъ къ другу, стоя одинъ передъ другимъ съ разгорѣвшимися глазами, кричали что-то, сопровождали свой крикъ самою живою жестикულიціей. Если имъ приходилось слышать что-нибудь несогласное съ ихъ убѣжденіями и они должны были при этомъ молчать, выслушивать безъ возраженій, по ихъ то блѣднымъ, то вспыхивающимъ физиономіямъ, по ихъ выразительнымъ чернымъ глазамъ, то тускнѣвшимъ, то разгорѣвшимся какимъ-то фанатически-мрачнымъ огнемъ, — можно было видѣть въ какомъ порывистомъ и бурномъ состояніи находятся ихъ души. Увлечъ ихъ чѣмъ-нибудь до невѣроятной степени, до безумія, до самоудуствия, до какого-то иступленія — ничего не стоило, какъ ничего не стоило разочаровать до отчаянія, до тоски, до полнѣйшаго душевнаго упадка.

Я не могу удержаться, чтобы не рассказать при этомъ одну сцену, очевидцемъ которой я былъ мѣсяцевъ за восемь до визита Монички ко мнѣ. Образцовы тогда только что перѣехали въ отдаваемый постояльцамъ моимъ отцомъ одно-этажный, но очень просторный деревянный домъ, выходящій главнымъ фасадомъ на улицу, а заднимъ въ большой, запущенный садъ, куда глядѣло единственное окошечко моей комнаты. Тутъ ужъ кстати замѣчу, что жилъ я съ родителями, отцомъ и матерью, — сестры давно вышли замужъ, и что садъ у насъ былъ очень большой со множествомъ яблонь и прямо съ Вѣнца, — такъ называется въ Н — скѣ нагорный берегъ Волги, — спускался къ послѣдней по горѣ, не доходя до нея ровно на ширину проезда. Замѣчу еще, что весною, какъ этотъ проѣздъ, такъ и часть нашего сада обыкновенно затоплялись разливающейся рѣкой. Такой прекрасный садъ былъ не у однихъ насъ, но у всѣхъ сосѣднихъ съ нами домовладѣльцевъ, такъ что весь скатъ горы въ этомъ мѣстѣ — представлялъ, если глядѣть съ Волги, одно непрерывное яблочное и вишневое насажденіе, что во время цвѣтенія было поистинѣ прекрасно. Вставивъ эти поясненія, которыя будутъ мнѣ полезны въ дальнѣйшемъ моемъ рассказѣ, возвращаюсь къ описанію той сцены, о которой упоминалъ.

Не знаю, какъ это случилось и почему, но помню, что черезъ нѣсколько дней по перѣздѣ въ нашъ большой домъ капитана Образцова съ дочерью, батюшка послалъ меня къ нимъ за деньгами (у него было условлено, что Образцовъ станетъ платить по третямъ и притомъ каждую треть впередъ). Я видѣлся уже до этого моего посѣщенія съ Образцовыми, — съ капитаномъ разъ, когда онъ приходилъ къ отцу для переговоровъ, а съ Любовью Петровной нѣсколько разъ, такъ какъ она то и дѣло выбѣгала въ садъ, гдѣ мы и встрѣчались. Стоялъ еще августъ мѣсяцъ, едва миновало Преображеніе, а потому у Образцовыхъ были всѣ окна настежь и по комнатамъ дулъ таки порядочный, хоть и теплый, сквозной вѣтеръ. Когда я

пришелъ, меня встрѣтилъ со вкрадчиво-лѣстивыми манерами и низкими поклонами такой-же смуглый, какъ и дочь, капитанъ, такой-же высокій, съ такими-же глазами и такимъ-же римскимъ носомъ. Какъ и у Любови Петровны — у капитана была гордо посаженная на шеѣ голова съ копной черныхъ волосъ, голова къ которой совсѣмъ не шло склоняться до такой степени, какъ склонялась она передъ каждымъ, и придавать лицу эти вкрадчивыя и лѣстивыя выраженія, безпрестанно появляющіяся, какъ у отца, такъ и у дочери. Капитанъ былъ одѣтъ въ бѣлую шелковую рубашку, подвязанную малиновымъ шнуркомъ, форменные панталоны и шитыя золотомъ красныя сафьянныя туфли. Встрѣтивъ меня поклонами, онъ почему-то руки мнѣ не подаль и когда я сдѣлалъ это самъ — онъ, какъ какую-нибудь драгоценность, осторожно принявъ мою руку обѣими своими, и согнувшись въ три погибели, бережно пожалъ ее, при чемъ неизвѣстно за что еще поблагодарилъ, за посѣщеніе, или за протянутую руку:

— Благодарю-съ... сдѣлайте честь...

Мы вошли въ комнаты и сѣли.

— Батюшка поручилъ мнѣ.. началъ было я, но капитанъ не далъ мнѣ договорить, вкочилъ точно ужаленный, даже, какъ показалось мнѣ, поблѣднѣлъ и, направляясь къ письменному столу, закричалъ, какъ-бы защищаясь отъ удара поднятою рукой:

— Знаю-съ, знаю-съ... Это вы насчетъ денегъ?.. приготовлены... Я вотъ напишу листочекъ, что такой-то вносятъ за третъ впередъ, и папаша вашъ пусть потрудится на этомъ листочкѣ росписаться въ полученіи... въ полученіи-съ... Потому съ дѣвочкой вы листочекъ-то мнѣ и потрудитесь вернуть... съ дѣвочкой-съ...

Онъ подбѣжалъ къ столу, торопливо огниралъ, цутал ключи, — у него была ихъ цѣлая связка, — то одинъ, то другой ящикъ, считалъ дрожащими худощавыми руками деньги, потому сѣлъ и углубился въ писаніе „листочка“. У отвореннаго на улицу окна сдѣла Любовь Петровна, молча со мною раскланиваясь при моемъ входѣ, но не познаноменная со мною отцомъ. Отъ нечего дѣлать я смотрѣлъ, какъ капитанъ — вѣроятно отъ торопливости или непривычки къ письменной работѣ — портилъ одинъ листокъ, портилъ другой, бросалъ ихъ и начиналъ писать третій... Любовь Петровна занималась тѣмъ, что, снявъ съ шеи нитку жемчуга, обвивала имъ то одну, то другую руку на подобіе браслета... Вдругъ мы оба — она и я — посмотрѣли въ отворенное на улицу окно, откуда неожиданно раздалась голосъ:

— Милостыню Христа ради, подайте, барышня!

Въ окно смотрѣло лицо еще довольно молодой, но одѣтой въ ветхое крестьянское платье, женщины съ груднымъ ребенкомъ. Капитанъ при этомъ возгласѣ нищей сдѣлалъ клякъъ и схвативъ четвертый листокъ — записалъ на немъ; Любовь Петровна пошла въ карманъ, вѣроятно намѣреваясь подать что-нибудь нищей, но какъ у нея въ карманѣ ничего не оказалось, кромѣ платка, встала со своего мѣста и пошла къ отцу:

— Папаша, нѣтъ-ли у тебя мелочи?

Онъ вкочилъ, какъ ужаленный, и отрѣзалъ:

— Нѣтъ-съ!

Оба, отецъ и дочь, стояли другъ передъ другомъ: онъ — гнѣвно сверкая на нее своими черными глазами, быть-можетъ въ нѣлыкости своего характера ненавидя ея въ эту минуту всѣми силами души; она — совершенно спокойно относящаяся къ его гнѣву, съ какимъ-то мрачнымъ огонькомъ во взглядѣ и румянцемъ своихъ смуглыхъ щекъ. Онъ крикнулъ ей:

— Я занятъ, Любовь Петровна, занятъ-съ. Развѣ вы не видите?

Образцовъ при этомъ вдругъ сѣлъ, но не принявъ тотчасъ же за писанье, а точно ждалъ, что должно произойти что-то необыкновенное... Не сказавъ ни слова, Любовь Петровна тихо повернулась отъ отца и неторопливо пошла къ окну, гдѣ ожидала милостыни нищая. Отецъ сдѣлалъ за движеніями дочери и чѣмъ ближе она подходила къ окну, тѣмъ, если можно такъ выразиться, восторженнѣе и умилениѣе становился его еще за мгновеніе передъ этимъ гнѣвный взглядъ. Онъ окаменѣлъ, слѣдя за дочерью.

— Вотъ, своимъ обычнымъ вкрадчивымъ голосомъ, совсѣмъ не идущимъ къ дѣду, начала она, подойди къ окну, и протянула нищей нитку жемчуга съ фермуаромъ, — возьми. Знаешь, въ той улицѣ есть лавка золотыхъ вещей? поди и продай это тамъ. Если тебя спросятъ: гдѣ ты достала, скажи: барышня Образцова дала; если не повѣрятъ — пусть пришлютъ кого-нибудь сюда узнать. Я скажу, что ты продаешь свое, а не краденое...

Капитанъ выслушалъ все сказанное дочерью до конца и, захвативъ нѣзъ чачки денегъ приготовленныхъ за квартиру двѣ ассигнаціи, сорвалъ со стула и бросился къ окну:

— Вздорь-съ! крикнулъ онъ какимъ-то визгливымъ и дрожащимъ голосомъ, — вздорь-съ! гдѣ это простой бабѣ жемчугъ и брилліанты продавать: да се какъ еще надуютъ; да и о васъ скажутъ, Любовь Петровна, что вы все это для показу сдѣлали, чтобы городъ весь говорилъ... Давай сюда жемчугъ... вотъ...

И выхвативъ изъ рукъ растерявшейся нищей пинку жемчуга, онъ бросилъ ей ассигнаціи. Потомъ, улавъ передъ дочерью на колѣни и цѣлуя ея руки, забывъ о моемъ присутствіи, обливаясь слезами, онъ кричалъ, какъ сумасшедшій:

— Не только жемчуга мнѣ не жалъ выбросить для тебя за окно, а всѣхъ семидесяти пяти тысячъ, которыми владѣю... Сердце твое дороже мнѣ, мой ангельчикъ, всего!

(Продолженіе будетъ).

Новые враги человѣческаго здоровья.

Кто слѣдитъ за развитіемъ медицины въ послѣднее время, тотъ вѣроятно согласится, что она удѣляетъ много силъ на рекогносцировку, на отысканіе враговъ человѣческаго счастья, ибо здоровье есть одно изъ главнѣйшихъ залоговъ послѣдняго. Много враговъ было извѣстно и раньше, но еще большее число ускользало отъ наблюдателей; благодаря же улучшеннымъ инструментамъ и успѣхамъ химіи, число извѣстныхъ значительнѣе умножилось: трихины, бактеріи вторгаются въ нашу жизнь, а средствъ борьбы съ ними мы имѣемъ пока очень мало, или вѣрнѣе ихъ даже совсѣмъ нѣтъ. Не успѣли опомниться отъ этихъ новшенокъ, а ужъ насъ устрашаютъ новыми — птоманами. Хотя въ періодической литературѣ уже неоднократно писалось о нихъ, все-же не излишне посвятить этому предмету нѣсколько словъ.

Человѣчество, конечно, сталкивалось съ этимъ непріятелемъ съ очень давнихъ поръ, но лишь съ начала нынѣшняго столѣтія начинается лѣтнописъ птоманновъ.

Въ Баденѣ и Вюртембергѣ каждую весну стала появляться болѣзнь съ 40—50% смертности и это объясняли отравленіемъ колбасами. Между тѣмъ въ остальной Германіи, гдѣ колбасы уничтожаются ничуть не меньшее количество, болѣзнь этой не замѣчалась. Много спорили о причинѣ заболѣванія и наконецъ рѣшили, что въ колбасахъ Швабін развивается особое вредное вещество — колбасный ядъ. Тогда-же выяснилось, что сильно прогнившія колбасы съ запахомъ сѣроводорода — не причиняли отравленія; слѣдовательно, говорили, дѣло не въ одномъ гніеніи. Далѣе, Гусеманъ въ своемъ сочиненіи, вышедшемъ въ 1862 году, признавалъ причиною этихъ отравленій все-таки гніеніе животныя вещества, предполагая, что при этомъ образуется какое-то особое ядовитое вещество. Онъ объяснялъ, что зимою отравленій такого рода не происходитъ, потому что условія въ общемъ для гніенія не подходящія; лѣтомъ-же заболѣваній также нѣтъ, ибо всѣ колбасы къ этому времени съѣдены и отравляются поэтому не чѣмъ, — тогда какъ весною, въ апрѣлѣ, начинающія портиться колбасы даютъ обильный матеріалъ для заболѣванія, тѣмъ болѣе, что въ той мѣстности недостаточная вентиляция камеръ для копченія соединена съ тугою набивкою фарша и толщиною колбасъ (какъ кровяныя, печеночныя). Нужно прибавить, что здѣсь колбасы заготавливаются разъ въ году, а именно осенью.

Долго искали причину ядовитости колбасъ, т. е. то вещество, которое здѣсь вредносно дѣйствуетъ, но ни одного изъ извѣстныхъ дотолѣ ядовъ открытъ не удавалось. Такъ продолжалось до 1876 года. Въ этомъ году итальянскій профессоръ Сельми напечаталъ свою работу о птоманнахъ (трупныхъ ядахъ), веществахъ кристаллизующихся, выдѣляемыхъ имъ изъ гніющего мяса различныхъ животныя. И до него, впрочемъ, были разрозненныя свѣдѣнія, но ему принадлежитъ честь обобщенія всѣхъ этихъ фактовъ, открытіе новыхъ и освѣщеніе всего этого. Затѣмъ чуть-ли не каждый годъ шло открытіе все новыхъ птоманновъ. Что-же это за вещества?

По своимъ качествамъ они оказались очень похожими на растительныя алкалоиды, какъ стрихнинъ, опій, морфій, теинъ (въ чаѣ, кофе и шоколадѣ) и др. и поэтому въ судебно-медицинской практикѣ, гдѣ отравленіе приписывалось дѣйствію послѣднихъ, можно предполагать не всегда правильную экспертизу, такъ какъ отравленіе могло обуславливаться птоманнами. Это конечно вело къ судебной ошибкѣ, потому что присутствіе послѣднихъ веществъ пока исключаетъ мысль о злонамеренности. Поэтому химики были озабочены найти средство отличать алкалоиды отъ птоманновъ, и дѣйствительно довольно скоро труды ихъ увѣнчались успѣхомъ, хотя и не вполне еще надежнымъ. Вообще птоманы сильно щелочныя, маслообразныя, безцвѣтныя жидкости, дающія съ кислотами соли. Происходятъ птоманы при разложеніи животныя вещества и преимущественно въ одинъ изъ періодовъ его, а именно довольно близкій къ началу. Вотъ почему опасность заразиться трупнымъ ядомъ особенно велика при свѣжемъ трупѣ, какъ это утверждаютъ всѣ практически занимающіеся анатоміей, — гнилой уже перешелъ эту опасную стадію и поэтому является болѣе безопаснымъ въ этомъ отношеніи.

Теперь будетъ ясна причина, почему у насъ въ Россіи, гдѣ особенно много потребляется рыбы, нельзя сказать что-бы были особенно рѣдки случаи отравленія этою послѣднею. При этомъ въ трупахъ отравившихся находятъ тѣ же птоманы, которые заключались въ оставшихся пробахъ съѣденныхъ рыбъ, какъ это можно было наглядно видѣть на препаратахъ доктора Пеля на всероссійской рыбопромышленной выставкѣ въ Петербургѣ.

Интересно, что мясо нѣкоторыхъ рыбъ, по свидѣтельству лучшихъ знатоковъ дѣла, даже совершенно свѣжее, бываетъ

ядовито только временно, другихъ же — всегда. Къ послѣдней категоріи относятся, напримѣръ, два вида сельдей: *Clupea thrissa* и *C. venenosa*. Кроме того, очень много рыбъ (около 72 видовъ), такъ сказать, сомнительныхъ: въ иныхъ случаяхъ онѣ производятъ симптомы отравленія, въ другихъ — нѣтъ. Чтобы успокоить читателя снѣшу прибавить, впрочемъ, что всѣ онѣ живутъ въ тропическихъ моряхъ. Если къ жаркому климату добавить еще, что всѣ онѣ питаются падалью, т. е. трупами различныхъ загнившихъ животныя, то причина ихъ ядовитости совершенно ясна: сами онѣ заражаются птоманами, которые на нихъ вѣроятно дѣйствуютъ слабѣе или даже совсѣмъ не дѣйствуютъ, иначе онѣ сами погибли бы отъ такой пищи. Присутствіе въ ихъ мясѣ этихъ птоманновъ, при употребленіи въ пищу въ то время, когда они еще не успѣли перейти въ болѣе простыя соединенія, влечетъ за собою отравленіе. Вообще ядовитость рыбъ — дѣло давно извѣстное: еще въ походахъ Александра Македонскаго солдатамъ было запрещено ѣсть рыбу. Впрочемъ, причина ядовитости не всегда вышесказанная — послѣдняя можетъ также зависѣть отъ растений, употребляемыхъ рыбою въ пищу.

Бѣлковыя вещества животнаго организма при своемъ разрушеніи даютъ рядъ веществъ близкихъ къ разсмотрѣннымъ, но выдѣленныхъ подъ особымъ названіемъ лейкоманновъ. Послѣдніе въ общемъ схожи съ птоманами, но ядовитыя ихъ свойства нѣсколько слабѣе, хотя и они могутъ сильно угнетать и раздражать нервную систему и кишечный каналъ.

Легко видѣть, что и въ живомъ организмѣ должны образоваться лейкоманны, потому что частицы организма отъ работы огмираютъ и замѣщаются новыми; челоѣкъ также постоянно умираетъ въ своихъ мельчайшихъ частяхъ, поэтому продукты распада бѣлковъ, какъ наиболѣе измѣнчивыхъ, должны у него встрѣчаться. И дѣйствительно, они постоянно находятся въ продуктахъ выдѣленія. Но такъ какъ, благодаря усиленной дѣятельности, образованіе этихъ отбросовъ можетъ превзойти способность организма ихъ удалить, то нѣкоторые ученые склонны думать, что періодичность сна и находится въ зависимости отъ этого. Организмъ, особенно головной мозгъ, за день все болѣе и болѣе засоряется ими и наконецъ происходитъ какъ бы самоотравленіе и подобие смерти — сонъ. Но во время покоя, когда отбросовъ этихъ образуется очень мало (количество ихъ находится конечно въ прямой зависимости отъ количества работы), — организмъ можетъ успѣшнѣе заняться удаленіемъ накопившихся раньше. Постепенно мозгъ освобождается отъ лейкоманновъ и къ утру готовъ вновь къ дѣятельности. Это предположеніе подтверждается магистерскою диссертациею А. А. Жапдра, такъ какъ ему удалось выяснитъ, что, когда организмъ лишенъ возможности кожного дыханія, напр., при лакированіи кожи, животное умираетъ; предшествующею же стадіею является сонливость, общіяя всѣмъ животнымъ, надъ которыми удалось производить опыты, не исключая и челоѣка.

Дѣйствіе возбуждителей, алкалоидовъ, заключающихся, напримѣръ, въ кофе, чаѣ и др., на усталый организмъ объясняютъ тѣмъ, что они способствуютъ выдѣленію лейкоманновъ и переходу ихъ въ другія соединенія, и такимъ образомъ даютъ возможность вновь принятыя за работу. Увлечлись даже мыслью на основаніи этого совершенно вычеркнуть сонъ изъ росписанія челоѣческой жизни, употребляя вещества еще болѣе способствующія удаленію и претворенію ядовитыхъ отбросовъ дѣятельности организма. Не смотря на всю заманчивость воспользоваться болѣе чѣмъ пятнадцатью годами своей жизни, производящими непронзводительно, конечно, это является несбыточною мечтою.

Нѣкоторое косвенное подтвержденіе тому, что сонъ обуславливается накопленіемъ ядовитыхъ отбросовъ, можно видѣть въ казни, нѣкогда практиковавшейся въ Китаѣ. Тамъ нѣкоторыхъ преступниковъ обрекали на смерть отъ безсонницы, не давая имъ спать, и дѣйствительно недѣли черезъ двѣ постоянного бодрствованія эти жертвы жестокости засыпали, несмотря ни на какія помѣхи, и болѣе не просыпались. Итакъ, накопленіе лейкоманновъ, веществъ ядовитыхъ, вело къ самоотравленію.

Нельзя предположить, чтобы организмы не попытались извлечь пользу изъ ядовитыхъ веществъ въ нихъ образующихся, и дѣйствительно можно указать на нѣсколько такихъ примѣровъ. Органы защиты скорпионовъ, фалангъ (напр. въ Туркестанѣ), змѣй, нѣкоторыхъ саламандръ, а также иныхъ рыбъ содержатъ лейкоманны, но всѣ они почти совсѣмъ не наслаиваются и здѣсь открывается широкое поле молодымъ ученымъ.

За послѣднее время сдѣано открытіе, чрезвычайно важное, въ области занимающаго насъ предмета. Въ засѣданіи Парижской академіи наукъ, 16 января прошлаго года, Броун-Се-

Засѣданіе Императорскаго Географическаго Общества.

Императорское Географическое Общество въ С.-Петербургѣ. Входный залъ.

Ориг. рис. (собств. „Нивы“) Г. Бролинга, грав. Бухеръ.

Библиотека "Руниверс"

куарь и д'Арсонваль сдѣлали предварительное сообщеніе о сильно ядозигомъ летучемъ лейкоманнѣ, найденномъ ими въ стуженныхъ водяныхъ парахъ воздуха выдыхаемаго каждымъ здоровымъ человѣкомъ и млекопитающимъ. Съ новаго врага сорвана маска. До сихъ поръ вредное вліяніе непорочнаго дышаемаго людей воздуха сводили лишь къ накопленію углекислоты и ей приписывали все вредное дѣйствіе на организмъ; между тѣмъ оказывается, что животныя сравнительно легко переносятъ довольно большія количества углекислоты, главная же вина падаетъ на лейкоманну.

А такъ какъ послѣднія—вещества легко разлагающіяся на

болѣе простыя соединенія, то становится понятнымъ, почему такъ пріятно освѣжиться въ душномъ залѣ съ многолюдною толпою — платкомъ, надушеннымъ какимъ-нибудь эфирнымъ масломъ (духами). Благодаря испаренію послѣдняго, окружающій насъ воздухъ озонируется, т. е. дѣлается болѣе энергичнымъ въ дѣлѣ окисленія и измѣненія вновь открытыхъ враговъ нашего здоровья. Здѣсь интересно то, что мы безсознательно наши средства борются съ врагомъ, котораго еще не знали, руководясь лишь чувствомъ пріятнаго. На эту тему можно было бы сказать многое, но читателю самъ припомнитъ не мало подобныхъ примѣровъ.

М. Штауде.

Къ рисункамъ.

Подъ защитой. Карт. И. Пелевина.

(Рис. на стр. 417).

Наирасно кружится и прыгаетъ съ лаемъ собаченка, тщетно пытаясь укунить кошку. Она подъ защитой дѣтей, усѣвшихъ на буряки и подразаивающихъ оттуда сердитаго недруга Машки. На эту незамысловатую тему съ обычнымъ своимъ искусствомъ и простотою написалъ прелестную картину И. Пелевинъ, хорошо извѣстный всѣмъ почитателямъ академическихъ выставокъ.

Кочевья езидовъ. Карт. акад. А. Кившенко.

(Рис. на стр. 420 и 421).

Езиды составляютъ таинственную восточную секту, численностью до 20 милліоновъ человѣкъ, которые живутъ разбросано, преимущественно въ деревняхъ турецкихъ провинцій Дамаскъ, Алеппо, Діарбекръ, Мардинъ и Мосулъ, а также у насъ на Кавказѣ, въ Эриванской губерніи. Ихъ вѣрованія представляютъ смѣсь магометанства, Зендъ-Авесты и въ незначительной степени христіанства, съ присоединеніемъ къ нимъ особаго поклоненія ангелу Мелекъ-Таусу, иъкогда падшему, а затѣмъ снова обратившемуся къ Богу. Его-то езиды и считаютъ основателемъ своей религіи. Говорятъ езиды по-курдски, и занимаются скотоводствомъ и земледѣліемъ. Одно изъ ихъ кочевій изобразилъ даровитый академикъ А. Д. Кившенко, хорошо знакомый читателямъ „Нивы“ по многимъ прекраснымъ рисункамъ, перѣдко помѣщавшимся на страницахъ нашего журнала.

„Герміона“, картина Кизеля. (Рис. на стр. 425).

Симпатичный образъ сицилійской королевы Герміоны, несправедливо заподозрѣнной своимъ мужемъ, заключенной въ тюрьму, страдавшей въ 16-ти-лѣтнемъ изгнаніи и притомъ сохранившей всю чистоту и незлобивость высокой души, — не разъ уже вдохновлялъ живописцевъ. На прилагаемомъ снимкѣ съ картины Кизеля превосходно передано выраженіе затѣнаго горя, наложившаго свою печать на прекрасныя черты оскорбленной супруги и матери, которой чѣсть и домашнее счастье возстановляются наконецъ въ послѣднемъ актѣ одного изъ причудливѣйшихъ созданій Шекспира. Обращаемъ вниманіе читателей на тонкую гравюру, почти непрерывными штрихами воспроизводящую безчисленныя тѣни и полутѣни орнаментала.

Послѣднія минуты митрополита Филиппа.

Карт. Новоскольцева. (Рис. на стр. 428).

Извѣстная трагическая судьба этого святителя. Вызванный Грознымъ на Московскую митрополию изъ Соловецкаго монастыря, гдѣ былъ игуменомъ, сынъ боярина Колычева, представитель одного изъ древнихъ родовъ, Филиппъ на первыхъ порахъ объявилъ что согласился быть митрополитомъ лишь подъ условіемъ уничтоженія опричнины. Иоаннъ сильно разсердился, и Филиппъ мало-по-малу сдался на убѣжденія другихъ бояръ, что его обязанность не въ томъ чтобы идти прямо противъ царской воли, а въ томъ чтобы смягчать гнѣвъ государя при каждомъ удобномъ случаѣ. Но отказавшись собственноручною записью отъ вмѣшательства въ опричнину, Филиппъ не отказался отъ права печаловаться и ходатайствовать за опальныхъ. Векоръ начались казни, опричнина буйствовала; вельможи и народъ умоляли митрополита вступиться въ дѣло. Филиппъ зналъ что народъ привыкъ видѣть въ митрополитѣ печальника, и не хотѣлъ молчать. Наирасно Иоаннъ избѣгалъ свиданій съ митрополитомъ, боясь печалованій: встрѣчи были необходимы въ церквахъ — и здѣсь-то проходили страшныя сцены заклинаній. „Только молчи, одно тебѣ говорю: молчи, отецъ святой!“ говорилъ Иоаннъ, сдерживая духъ гнѣва, который владѣлъ имъ: — „молчи и благослови насъ!“ — „Наше молчаніе грѣхъ на душу твою налагаетъ, и смерть наноситъ“, возражалъ Филиппъ и снова обличалъ царя своимъ сильнымъ словомъ. Царь выходилъ изъ церкви въ сильномъ раздумьи, и опричникамъ становилось страшно за себя: они рѣшили погубить Филиппа и нашли сообщниковъ между духовными, во владыкахъ повгородскомъ, суздальскомъ, рязанскомъ, благовѣщенскомъ протопопѣ, духовникѣ царскомъ; послѣдній явно и тайно носилъ на Филиппа Иоанну рѣчи неподобныя; отпра-

вились въ Соловецкій монастырь, привезли оттуда преемника Филиппова, игумена Паисія, доносы котораго легли въ основаніе на судѣ соборномъ. Защитниковъ у Филиппа не оказалось, все молчало. 8 ноября 1568 года опричники съ безчестіемъ вывели Филиппа изъ Успенскаго собора, народъ бѣжалъ за нимъ со слезами. Мѣстомъ изгнанія для Филиппа назначенъ былъ Тверской Отрочъ монастырь. Въ слѣдующемъ году, проѣзжая Тверь на походѣ въ Новгородъ, Иоаннъ заслалъ къ Филиппу одного изъ самыхъ приближенныхъ опричниковъ, злодѣя Малюту Скуратова, взять благословеніе; но Филиппъ не далъ его, говоря, что благословеніе только для добрыхъ и на доброе. Малюга задумилъ святителя. Такъ палъ непобѣжденнымъ великій пастырь Русской церкви, мученикъ за священный обычай печалованія.

Картина г. Новоскольцева представляетъ послѣдніи минуты святителя, къ которому уже входитъ его палачъ.

Лѣсникъ. Ориг. рис. В. Радомскаго.

(Рис. на стр. 429).

Это не „Бирюкъ“, но, подобно угрюмому лѣснику въ извѣстномъ разсказѣ Тургенева, также „рѣдкій на видъ молодецъ. Высокаго роста, плечистый, сложенный на славу. Черная курчавая борода закрываетъ его суровое и мужественное лицо, а изъ-подъ сросшихся широкихъ бровей смѣло глядятъ каріе глаза“. Держа ружье на перевѣсь, оръ рѣзко выматриваетъ какую-нибудь дичь или сторожитъ непростонаго почитателя вѣрныхъ его охранѣ лѣсовъ.

Залъ засѣданій Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. (Рис. на стр. 433).

Почти 45 лѣтъ существуетъ Императорское Русское Географическое Общество, настойчиво выполняющія задачи, ради которыхъ оно было основано въ Петербургѣ, чуть не полвѣка тому назадъ.

Въ маѣ 1845 года генераль-адъютантъ Литке, по порученію прочихъ учредителей, представилъ министру Внутреннихъ Дѣлъ Л. А. Перовскому обстоятельную записку объ учрежденіи Русскаго Географическаго Общества, въ которой говорилось, что Общество учреждается для „собиранія и распространенія какъ въ Россіи, такъ и за предѣлами оной, возможно полныхъ и достовѣрныхъ свѣдѣній о нашемъ отечествѣ: 1) въ отношеніи географическомъ, разумѣя подъ этимъ все, что принадлежитъ къ землеописанію, мѣстности, физическихъ свойствъ страны, произведеній природы и проч.; 2) въ отношеніи статистическомъ, понимая подъ этимъ словомъ не одинъ только подборъ бездушныхъ чиселъ, но одну количественную статистику, но и описательную или качественную, т. е. всѣ сопряженныя стихіи общественной жизни, и 3) въ отношеніи этнографическомъ, т. е. познаніе разныхъ племенъ, обитающихъ въ нынѣшнихъ предѣлахъ государства, со стороны физической, нравственной, общественной и языковѣднн, какъ въ нынѣшнемъ, такъ и въ прежнемъ состояніи народовъ“.

6 августа того-же года послѣдовало Высочайшее утвержденіе положенія Комитета Министровъ объ учрежденіи Русскаго Географическаго Общества и о дарованіи Обществу по 10,000 руб. ежегоднаго пособия изъ Государственнаго Казначейства. Вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдовало Всемилостивѣйшее Государя Императора соизволеніе на просьбу, съ которою учредители обратились къ Великому Князю Константину Николаевичу о принятіи Его Высочествомъ званія предѣдателя Географическаго Общества.

19 сентября 1845 года состоялось *первое засѣданіе* Общества, на квартирѣ В. И. Даля, въ домѣ министерства Внутреннихъ Дѣлъ, въ присутствіи восьми членовъ-учредителей *), причемъ было положено просить генераль-адъютанта Литке принять званіе помощника предѣдателя; министр Внутреннихъ Дѣлъ Л. А. Перовскій, оказавшій живое и просвѣщенное участіе въ дѣлѣ учрежденія Общества, единогласно былъ избранъ первымъ его почетнымъ членомъ; тогда-же, по произведеннымъ выборамъ, 51 лицо оказалось избранными въ дѣйствительные члены Общества. Второе засѣданіе Общества, 7 октября, происходило въ большой конференцъ-залѣ Импера-

*) К. И. Арсеньевъ, баронъ Ф. П. Врангель, Г. П. Гельмерсенъ, В. И. Даль, И. И. Келлеръ, М. И. Муравьевъ, П. И. Рикордъ и В. Я. Струве.

торской Академии Наукъ, въ предѣлительствѣ адмирала Литке, положеніе, которое оно должно было занять среди существовавшихъ уже ученыхъ учреждений въ Россіи; тогда же были объявлены имена лицъ назначенныхъ управляющими отдѣленіями и избранъ первый составъ Совѣта въ числѣ восьми членовъ.

Такъ сформировалось Русское Географическое Общество по энергично приступило къ своей дѣятельности, съ цѣлью изученія обширнаго отечества; 28 декабря 1849 г. Общество удостоилось особаго вниманія Государя Императора, Всемилостивѣйшее принявшаго его подъ Свое Высочайшее покровительство, и съ этихъ поръ именуется Императорскимъ. Нынѣ вице-предѣвателемъ Общества состоитъ сенаторъ г. с. П. П. Семеновъ, помощникомъ предѣвателя ген.-лейт. Г. И. Стебницкій, секретаремъ общества А. В. Григорьевъ и предѣлающими въ отдѣленіяхъ: географіи математической А. А. Тилло, географіи физической И. В. Мушкетовъ, этнографіи В. И. Ламанскій и статистики Е. И. Ламанскій.

Постоянно расширяя свою дѣятельность, Русское Географическое Общество по настоящее время успѣло уже совершить не мало крупныхъ предпріятій и научныхъ изслѣдованій въ области географическаго изученія Россіи, въ широкомъ смыслѣ (экспедиціи Прижевальскаго, Потанина, Громбчевскаго и мн. др.), всегда находя единодушіе въ средѣ своихъ членовъ, число которыхъ простирается нынѣ до 800,—всегда внося живое участіе въ своихъ трудахъ со стороны Августѣйшаго предѣвателя, высокой поддержкѣ котораго Общество обязано осуществленіемъ многихъ обширнѣйшихъ предпріятій. При постоянномъ возрастаніи дѣятельности Общества, ему неоднократно приходилось обращаться къ правительству съ ходатайствомъ объ особомъ матеріальномъ содѣйствіи, и ходатайства эти постоянно удостоивались Всемилостивѣйшаго вниманія Государя Императора, Августѣйшаго Покровителя, щедро являвшаго знаки Высочайшаго благоволенія къ трудамъ Географическаго Общества.

Дѣятельность Общества постоянно встрѣчала сочувствіе и въ средѣ частныхъ лицъ, съ первыхъ-же годовъ своего существованія вызывая со стороны ихъ значительныя денежныя пожертвованія. Во главѣ ревнителей на пользу науки въ этомъ отношеніи, находился покойный П. В. Голубковъ, пожертвованія котораго простираются до 52,000 рублей; затѣмъ слѣдуетъ графъ Э. К. Гуттенъ-Чанскій, пожертвовавшій Обществу 20,000 руб., и цѣлый рядъ другихъ жертвователей, неразрывно связавшихъ свое имя съ Императорскимъ Русскимъ Географическимъ Обществомъ, приидя ему на помощь въ дѣлѣ изученія родной земли.

До 1862 г. Общество помѣщалось въ домѣ Лопатина, по Мойкѣ; въ этомъ году Обществу отведено было помѣщеніе въ зданіи министерства Народнаго Просвѣщенія, близъ Чернышева моста; Обществомъ занята была часть нижняго этажа, по фасаду выходящему на Чернышевскій скверъ и отчасти на Театральную улицу. Этимъ помѣщеніемъ Общество пользуется и нынѣ. На прилагемомъ рисункѣ изображена первая зала Общества, ведущая непосредственно въ залу засѣданій, которая представлена въ верхней части рисунка. Посрединѣ первой залы расположенъ рядъ большихъ столовъ, заключающихъ въ себѣ шкафы для помѣщенія картъ большаго формата; простѣйки залы заняты многочисленными библиотечными шкафами, въ верхнихъ частяхъ своихъ стѣны украшены картинами; прямо противъ входа, надъ дверью, ведущею въ залу засѣданій, помѣщается портретъ упомянутаго выше жертвователя Обществу П. В. Голубкова; арки украшены бюстами знаменитыхъ географовъ и этнографическихъ коллекціями — на первомъ планѣ представлена, принесенная въ даръ Обществу секретаремъ его А. В. Григорьевымъ, весьма цѣнная и рѣдкая коллекція древняго оружія и утвари японцевъ; у одного изъ оконъ помѣщается столъ библиотечка и у слѣдующаго — столъ казначея Общества; дверь посрединѣ дѣвой стѣны ведетъ въ канцелярію Общества и въ помѣщенія ученаго архива и склада изданій. Дверь противоположная входу ведетъ въ залу засѣданій. Противъ входа въ нее въ задранированной нишѣ помѣщается портретъ Государя Императора, по сторонамъ портреты — Августѣйшаго предѣвателя Великаго Князя Константина Николаевича и учредителя Общества графа Литке; въ той-же залѣ, надъ дверью, ведущею въ такъ-называемую совѣтскую залу, помѣщается портретъ Императора Александра II. Подъ портретомъ Августѣйшаго Покровителя Общества возвышается каѳедра, передъ которой расположенъ, накрытый сукномъ, столъ для членовъ бюро и членовъ Общества; остальная часть залы занята стульями, какъ для членовъ Общества, такъ и для гостей, присутствующихъ въ засѣданіяхъ. По стѣнамъ близъ каѳедры разставлены доски и карты, задняя и лѣвая стѣны заняты стеклянными шкафами, заключающими въ себѣ множество манекеновъ въ костюмахъ различныхъ народностей Россіи и другіе этнографическіе предметы.

Не велико помѣщеніе Общества и все болѣе и болѣе начинаетъ сказываться его недостаточность; постоянно возрастающая библиотечка Общества заняла уже всѣ свободныя мѣста. Этнографическій музей, котораго лишь незначительная часть

помѣщается въ шкафахъ и витринахъ, въ большей части своей, за недостаткомъ мѣста, сложенъ въ ящики, герметически закупоренные во избежаніе порчи; эти ящики хранятся въ помѣщеніи склада изданій; около 20 манекеновъ переданы Обществу въ Румянцевскій-Дашковскій музей, въ Москвѣ, и послужили при его учрежденіи зерномъ его обширныхъ вносѣдствій коллекцій. Помѣщеніе ученаго архива, приводимаго нынѣ въ полный порядокъ, отчасти занятое библиотечкою, также становится тѣснымъ; наконецъ и изображенная на рисункѣ зала засѣданій, служащая мѣстомъ ршенія обширныхъ географическихъ предпріятій, и мѣстомъ, гдѣ выслушиваются отчеты о совершенныхъ предпріятіяхъ и путешествіяхъ,—часто оказывается далеко недостаточною для того, чтобы вмѣстить всѣхъ желающихъ прослушать, подчасъ полныя глубокаго интереса, свѣдѣнія и результаты различнаго рода экзекандій и изслѣдованій, направленныхъ къ разностороннему изученію дорогой всѣмъ русскимъ родины. **В. И.**

Веніаминъ Франклинъ. (Портр. на стр. 436).

5 (17) апрѣля текущаго года Соединенные Штаты чествовали сотую годовщину смерти великаго американскаго патріота и ученаго. Веніаминъ Франклинъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ государственныхъ людей и писателей Сѣверной Америки, родился 6 (17) января 1706 года въ Бостонѣ, шестнадцатымъ ребенкомъ въ семьѣ мыловара, переселившагося изъ Англіи въ ея американскія колоніи въ 1682 г. Первоначально Веніаминъ предназначали на пасторское поприще, но у отца не достало средствъ дать сыну образованіе, и послѣдній вынужденъ былъ покинуть латинскую школу, на десятомъ году жизни вернуться въ отчий домъ и помогать отцу въ мыловарномъ дѣлѣ; но такъ какъ оно было противно мальчику, то 12-ти лѣтъ онъ поступилъ къ старшему изъ своихъ сводныхъ братьевъ типографскимъ ученикомъ. Здѣсь каждый свободный часъ юноша посвящалъ самообразованію и чтенію полезныхъ книгъ. Вскорѣ онъ попыталъ и собственныя силы на литературномъ поприщѣ, написавъ двѣ баллады, которыя самъ разносилъ по городу на продажу. Первыми прозаическими опытами его были статьи въ издаваемой его братомъ газетѣ. Когда же братъ его вносѣдствіи былъ посаженъ въ тюрьму за какой-то памфлетъ, Веніаминъ принялъ на себя редакцію газеты и даже подписывалъ газету своимъ именемъ. Несогласія съ братомъ побудили его въ 1723 году покинуть Бостонъ; онъ отправился черезъ Филадельфію, гдѣ тамошній губернаторъ сэръ-Вильямъ Кейтъ обѣщалъ ему поддержку, въ Лондонѣ съ тѣмъ чтобы закупить все нужное для заведенія собственной типографіи. Пристроившись тамъ въ знаменитой типографіи Пальмера, Франклинъ обратилъ на себя вниманіе многихъ выдающихся людей метафизическимъ сочиненіемъ, въ которомъ опровергалъ Вулстеново ученіе объ естественной религіи, въ 1726 году вернулся въ Америку и, по смерти брата, въ 1728 году завелъ собственную типографію, которая вскорѣ достигла такого процвѣтанія, что Франклинъ могъ основать свою газету. Въ это время онъ женился на дѣвѣ Ридъ, замолвленной съ нимъ еще въ 1724 году, но въ отсутствіе его вышедшей за другаго и послѣ несчастнаго брака разведенной съ мужемъ. Вскорѣ онъ открылъ книжную и бумажную торговлю, основалъ общество для содѣйствія первоначальному образованію купцовъ и ремесленниковъ и въ 1731 году первую публичную бібліотеку — учрежденіи распространившіяся затѣмъ по всѣмъ Англо-американскимъ колоніямъ. Съ 1736 года назначенный секретаремъ колониальнаго парламента въ Пенсильваніи и въ слѣдующемъ году оберъ-почтмейстеромъ, онъ содѣйствовалъ учрежденію милиціи, противопожарнаго общества, академіи для пенсильванской молодежи, мощенію улицы и множеству общепользныхъ предпріятій. Губернаторъ и верхняя палата колоніи совѣщались съ нимъ во всѣхъ общественныхъ дѣлахъ, и между прочимъ поручили ему въ 1743 г. составить для Америки проектъ философскаго общества, коего предѣвателемъ Франклинъ и оставался до конца жизни. Къ этому-же времени относятся его знаменитые опыты по электричеству, поведшіе къ открытію имъ громоотвода и электрическаго змѣя, а по изданіи имъ книги „Новые опыты и наблюденія надъ электричествомъ“ — къ избранію его членомъ Лондонскаго Королевскаго общества, которое прислало ему въ 1753 году золотую медаль. Еще въ 1747 г. выбранный въ члены колониальнаго собранія въ Пенсильваніи, онъ теперь былъ назначенъ генераль-почтмейстеромъ англо-американскихъ колоній, примкнулъ къ народной партіи и создалъ великій планъ союзнаго устройства, конгресса и центральнаго управленія въ сѣверо-американскихъ колоніяхъ. Послѣ кратковременнаго участія въ войнѣ англійскаго правительства съ французами, грозившими вторженіемъ изъ Канады, Франклинъ въ 1757 году отправился посланникомъ въ Лондонъ для улаженія возникшихъ уже несогласій метрополіи съ колоніями, и оставался тамъ до 1762 года, а затѣмъ вторично въ 1766 году, причемъ защищалъ въ англійскомъ парламентѣ вольности колоній уже послѣ извѣстныхъ смуть вызванныхъ такъ-называемымъ актомъ о шпемельной таксѣ, замѣнившей налоги, который и былъ отмененъ по его на-

Веніаминъ Франклинъ. (По поводу сотой годовщины смерти). Съ портр. І. З., грав. въ мастерской „Нивы“.

стояніямъ. Но это уже не могло остановить начавшейся борьбы за независимость американскихъ колоній. Франклинъ потерялъ мѣсто генералъ-почтмейстера и даже подвергался опасности быть арестованнымъ при началѣ враждебныхъ дѣйствій. Тѣмъ не менѣе въ мартѣ 1775 года онъ вернулся въ Филадельфію, гдѣ былъ избранъ членомъ конгресса и поставленъ во главѣ комитета общественной безопасности. Въ этомъ званіи онъ принималъ выдающееся участіе въ провозглашеніи независимости 4 іюля 1776 года. Для доставленія средствъ странѣ на борьбу онъ предложилъ выпускъ бумажныхъ денегъ и лично пожертвовалъ на это 4,000 ф. стерлинговъ. Въ концѣ года онъ отправился во Францію, гдѣ, встрѣченный съ боль-

шимъ почетомъ, заключилъ союзный договоръ 6 февраля 1778 года и былъ признанъ полномочнымъ посланникомъ 13-ти соединенныхъ штатовъ. Послѣ долгихъ и упорныхъ трудовъ, о которыхъ свидѣтельствуетъ его переписка и дневникъ, онъ съ величайшимъ дипломатическимъ искусствомъ добился наконецъ мирнаго договора 3 сентября 1783 года и признанія независимости Штатовъ. Въ Америкѣ встрѣтили его съ шумной пальбой и колокольнымъ звономъ. Затѣмъ онъ три раза былъ губернаторомъ роднаго штата Пенсильваніи и только въ 1788 году, вслѣдствіе недуговъ, удалился въ частную жизнь. Франклинъ умеръ 5 апрѣля 1790 года. Конгрессъ наложилъ по случаю его кончины національный трауръ на цѣлый мѣсяць.

Политическое обозрѣніе.

Президентъ французской республики въ настоящее время путешествуетъ по югу Франціи. Особенное значеніе придается посѣщенію имъ нѣкоторыхъ мѣстъ, гдѣ еще недавно все республиканское было въ немилости. Выѣхалъ президентъ Карно изъ Парижа 3 апрѣля въ сопровожденіи 44 корреспондентовъ французскихъ и иностранныхъ газетъ, какъ сообщаетъ специальная телеграмма. Проѣхавъ можно-сказать многократно всю Францію, онъ прибылъ на другой день вечеромъ въ Марсель, какъ извѣстно, отличающийся радикализмомъ одной части населенія и консерватизмомъ другой. Не смотря на дождь, публика устроила президенту большую овацію. На бывшемъ слѣдующимъ утромъ пріемъ въ префектурѣ, австрійскій консулъ, представляя консуловъ, пожелалъ счастья и благоденствія правительству республики. Президентъ Карно благодарилъ и выразилъ удовольствіе по поводу того, что интересы, касающіеся марсельской торговли, находятся въ столь хорошихъ рукахъ. Марсельскій епископъ, представляя духовенство, сказалъ, что оно подготовляетъ добрыхъ гражданъ серьезнымъ религіознымъ обученіемъ и внушеніемъ любви къ Богу и отечеству. На банкетѣ въ зданіи биржи, данномъ муниципалитетомъ и сервированномъ на четыреста приборовъ, президентъ Карно, отвѣчая на рѣчь мэра, указалъ на участіе, съ которымъ Франція относится къ вопросамъ, касающимся социальныхъ интересовъ, причемъ присовокушилъ, что переживаемая міромъ экономическая борьба требуетъ единенія всѣхъ патриотовъ, исполненныхъ великодушнаго честолюбія служить интересамъ страны. Изъ Марсели г. Карно отправился въ Тулонъ, гдѣ сдѣлался предметомъ еще болѣе овацій и чествованій. Особенное значеніе придается прибытію особой итальянской эскадры, для привѣтствованія президента Франціи. Подобной чести не удостоивался ни одинъ изъ его предшественниковъ. Начальника этой эскадры, адмирала Ловера, президентъ Карно принималъ 7 апрѣля въ торжественной аудіенціи. Адмиралъ вручилъ собственноручное письмо короля Гумберта съ аккредитованіемъ адмирала въ качествѣ чрезвычайнаго посла для привѣтствованія президента республики. Президентъ Карно отвѣтилъ, что правительство республики цѣнитъ актъ близости королевскаго правительства и видитъ доказательство чувствъ Итальянскаго народа къ Франціи, причемъ присовокушилъ, что ему пріятно видѣть итальянскую эскадру во французскихъ водахъ. Аудіенція имѣла весьма торжественный характеръ. Адмиралъ присутствовалъ на завтрачкѣ въ морской префектурѣ, сидя по правую руку президента Карно. На другой день президентъ Карно былъ на итальянскомъ броненосцѣ „Italia“ и еще разъ просилъ адмирала благодарить короля Гумберта, причемъ вручилъ нѣсколько орденствъ итальянскимъ офицерамъ.

Въ этой послышѣ итальянской эскадры въ Тулонъ брѣвельская газета *Nord* видитъ новый залогъ мира, находя, что возстановленіе дружественныхъ отношеній между парижскимъ

и римскимъ кабинетами не можетъ не оказать отличнаго вѣдѣнія на взаимныя отношенія Франціи и Германіи, которыя, впрочемъ, въ настоящую минуту не оставляютъ желать ничего лучшаго.

Изъ Тулона президентъ Карно отправился на Корсику, „колыбель и гнѣздо бонапартизма“. Въ 10 ч. утра, 9 апрѣля, президентъ Карно прибылъ въ Аяччіо и былъ встрѣченъ всѣми властями, именными гражданами, при звонѣ колоколовъ и восторженныхъ кликахъ несмѣтной толпы народа. Принимая на другой день мѣстныя власти, президентъ Карно произнесъ рѣчь, въ которой указалъ на прекращеніе прежнихъ раздоровъ и выразилъ удовольствіе по поводу того, что на Корсики существуетъ теперь всего только одна партія — партія французовъ, связанныхъ между собою чувствомъ патриотизма. На крики: „Да здравствуетъ Карно!“, которыми встрѣчена была рѣчь, президентъ отвѣтилъ возгласомъ: „Да здравствуетъ Корсика!“ Изъ Аяччіо г. Карно отправился въ Бастію.

Въ это же время, по безъ того шума, императоръ Вильгельмъ посѣтилъ Бременъ и Бремергафенъ, а отсюда выѣхалъ въ Вильгельмсафенъ. Въ славномъ торговомъ городѣ онъ присутствовалъ на закладкѣ памятника своему дѣду, императору Вильгельму I. Пользуясь пребываніемъ своего моварха, бременцы устроили въ честь его банкетъ въ городской ратушѣ, а затѣмъ въ Бремергафенѣ, на одномъ изъ пароходовъ „Лойда“, былъ обѣдъ. На немъ императоръ, между прочимъ, заявилъ, что „должно вѣрить его намѣренію быть на стражѣ мира“. Когда подчасъ въ печати слова его толкуютъ иначе, слѣдуетъ въ такихъ случаяхъ имѣть въ виду, что рѣчи государя „не позволительно ни искажать, ни перефразировать“. Стремленія его направлены къ сохраненію мира, потому что только подѣ събою мира могутъ процвѣтать торговля и промышленность.

Эти заявленія только подтверждаютъ слухи о сохраненіи въ Германіи „прежняго курса“ въ политикѣ, хотя по уходѣ Бисмарка, мало-по-малу, начинаютъ раздаваться голоса противъ политики желѣзнаго канцлера, и не только въ Германіи, но и за предѣлами ея. Такъ, на дняхъ въ австрійскомъ рейхстагѣ Вокатый произнесъ рѣчь противъ бисмарковской политики. Ораторъ утверждалъ, что союзъ съ Германіею безполезенъ, такъ какъ Россія вовсе не угрожаетъ Австріи. Прежде Бисмаркъ „обгаль за Россіей“, но безуспѣшно, а затѣмъ онъ сблизился съ Австріей и вслѣдствіе этого австрійское министерство иностранныхъ дѣлъ превратилось въ отдѣленіе берлинской имперской канцеляріи. Образъ дѣйствій австрійской дипломатіи по отношенію къ Балканскому полуострову не болѣе, какъ хвостовство. Исторія свидѣтельствуетъ, что Германія — исконный врагъ Австріи; Россія, напротивъ, была всегда безкорыстна къ ея другомъ. Опныиъ задача австрійской дипломатіи заключается въ сблизеніи съ Россіей.

С М Ъ С Ъ .

Сотникъ Дмитрій Николаевичъ Пѣшковъ, портретъ котораго мы приложили въ прошломъ № *Нивы*, 12 апрѣля прибылъ уже въ Казань, все на той же лошади, сдѣлавъ 6,787 верстъ въ 155 дней, и продолжаетъ поѣздку.

Осторожность животныхъ. Издавна сложилось среди моряковъ повѣрье, что „крысы покидаютъ обреченное на гибель судно“. Достоинно замѣчанія, что нѣкоторыя птицы обладаютъ тою-же способностью предвидѣнія, которая приписывается крысамъ. Такъ напр. когда въ 1884 году въ Марсели и его окрестностяхъ появилась холера, всѣ ласточки и воробьи исчезли изъ города и первыя не возвратились уже болѣе въ этомъ году; за то на улицахъ появилось необычайное количество вороговъ. Въ Каирѣ, Александріи и другихъ городахъ сѣверной Африки замѣчено было во время эпидеміи то же самое явленіе. Интересно было бы, если бы наука подтвердила его и выяснила его причины. (с.)

Одно изъ важнѣйшихъ открытій современной астрономіи сдѣлано въ Потсдамской обсерваторіи профессорами Фогелемъ и Шейнеромъ. Они открыли невидимая звѣзда. Уже раньше неоднократно указывалось на то, какимъ образомъ, благодаря спектриметрическимъ, т. е. основаннымъ на измѣреніи спектра небеснаго тѣла, наблюденіямъ, можно вывести заключеніе: движется ли извѣстная звѣзда къ солнечной системѣ или удаляется отъ нея. Другими словами, при помощи указанного метода, можно составить сужденіе о движеніи созвѣздіи въ полѣ зрѣнія. Методъ этотъ примѣняютъ упомянутыми изслѣдователями къ извѣстной неподвижной звѣздѣ „Алголь“, въ созвѣздіи Персея. Алголь потому представляетъ особый интересъ для наблюдений, что въ немъ замѣчаются измѣненія свѣта, которыя очевидно подчинены извѣстному закону, такъ какъ повторяются черезъ короткіе правильные промежутки. Причины этой измѣчивости, казалось, можно было бы искать въ физическихъ измѣненіяхъ на поверхности тѣла; между тѣмъ спектральный анализъ показалъ, что такое предположеніе не можетъ быть допущено. Фогель и Шейнеръ своими измѣреніями доказали, что Алголь уда-

ляется отъ насъ въ тотъ періодъ, который предшествуетъ его наименьшему свѣту, такъ-называемому *minimum*у, и приближается послѣ *minimum*а. Такимъ образомъ намъ кажется, какъ будто звѣзда качается подобно маятнику взадъ и впередъ на линіи зрѣнія; на самомъ же дѣлѣ Алголь имѣетъ круговое движеніе и совершаетъ его вмѣстѣ съ темнымъ спутникомъ вокругъ одного общаго центра. Изслѣдователи исчисляють скорость Алголя около 6 миль въ секунду; скорость спутника вдвое больше. Диаметръ Алголя равняется 230,000 миль. Диаметръ спутника 180,000. Центры обоихъ тѣлъ отстоятъ другъ отъ друга на 700,000 миль. Масса Алголя составляетъ $\frac{2}{3}$ массы солнца, а спутника лишь $\frac{2}{3}$. Особая важность новаго открытія заключается въ томъ, что добытые результаты относятся не къ одному только Алголю, но и къ цѣлому ряду такъ-называемыхъ измѣняющихся звѣздъ, совершенно аналогичныхъ Алголю. Измѣчивость ихъ, какъ теперь доказано, зависитъ не отъ физическихъ явленій на самихъ тѣлахъ. Самыя звѣзды названы поэтому измѣчивыми звѣздами типа Алголя. Новымъ открытіемъ выясняется характеръ всѣхъ измѣчивыхъ звѣздъ. (с.)

Случай изъ адвокатской практики. Въ одной казанской газетѣ разсказанъ слѣдующій анекдотъ, не такъ давно приключившійся въ Царицынскомъ окружномъ судѣ. Разсматривался искъ какого-то купца со вдовы-крестьянки, неправильно отхвачившей у него клочекъ земли. Интересы купца отстаивалъ адвокатъ, очень краснорѣчивый, сыпавшій словъ больше, чѣмъ у него волосъ на головѣ. Баба, понятію, защищалась сама и съ цѣлюю разжалобить судъ прихватила съ собою въ храмъ Ѳеомиды ребятишекъ. Адвокатъ съидетъ и мечетъ перлы краснорѣчія, какъ вдругъ баба обращается къ нему: — Пльшивый, буде врать-то. Постыдись! — Позвольте! Такъ нельзя! останавливаетъ ее пресѣдатель. — Вреть лгасый все, суди праведные; на своей землицѣ я пристроичку сдѣлала.

Этотъ неожиданный своего рода ораторскій пріемъ наивной бабы побѣдствовалъ: адвокатъ спасовалъ и въ искѣ ему было отказано. (в.)

Задача бунвъ (Ходъ коня) № 24.

Найти 16 словъ; буквы ихъ такъ расположены по квадратамъ на мѣстахъ цифръ, чтобы посредствомъ хода коня можно было прочесть отрывокъ стихотворенія извѣстнаго русскаго писателя.

1) Атмосферическое явление 1. 2. 3. 4. 5.

2) Внутренний органъ у всѣхъ позвоночныхъ 6. 7. 8. 9. 10. 11.

3) Вредное насекомое 12. 13. 14. 15. 16.

4) Драгоценный камень 17. 18. 19. 20. 21. 22.

5) Древняя греческая монета 23. 24. 25. 26. 27.

6) Деревянный кубокъ 28. 29. 30. 31. 32.

7) Народъ въ Сибири 33. 34. 35. 36. 37. 38. 39.

8) Овощъ 40. 41. 42. 43. 44. 45.

9) Пушный звѣрь 46. 47. 48. 49. 50.

10) Римское оружіе 51. 52. 53. 54.

11) Рѣка и гитца 55. 56. 57. 58. 59. 60. 61. 62.

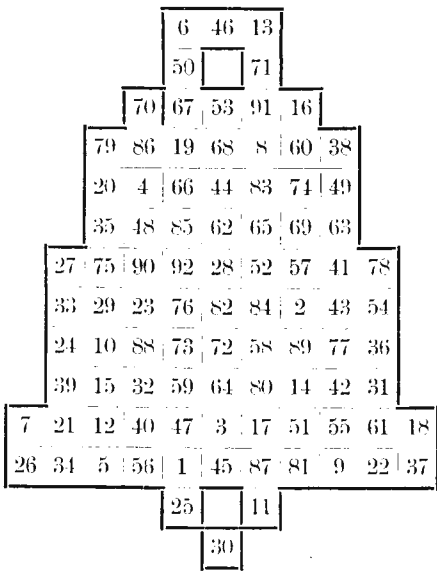
12) Сосудъ для переливанія жидкостей 63. 64. 65. 66. 67. 68.

13) Топливо 69. 70. 71. 72. 73.

14) Хлѣбное растеніе 74. 75. 76. 77. 78. 79. 80. 81.

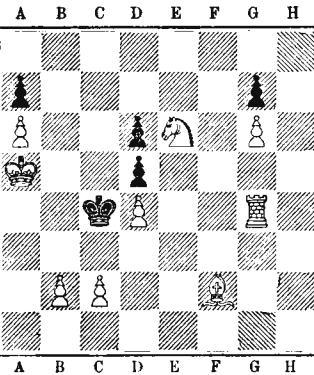
15) Шахматная фигура 82. 83. 84. 85. 86.

16) Ядовитое растеніе 87. 88. 89. 90. 91. 92.

Шахматная задача № 25.

Черные.

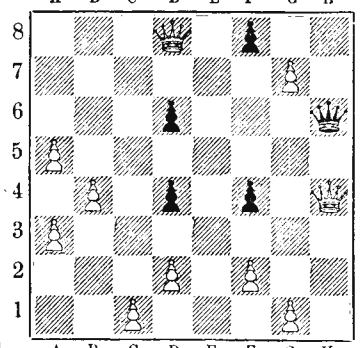
Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 4 хода.

Шашечная задача № 26.

В. Шонникъ.

Черныя.

Бѣлыя.

Бѣлыя начинаютъ и забираютъ дамку и шашку черныхъ.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. много-родныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

СОДЕРЖАНІЕ: Стихотвореніе А. Фета. — Повесть Н. Морскаго (Н. К. Лебедева). — Новые враги челоѣчества. М. Штауде. — Къ рисункамъ: Подъ защитой. Карт. И. Пелевина (съ рис.). — Ночевья ездювъ. Карт. анад. А. Нившено (съ рис.). — „Герміона“. Картина Кизеля (съ рис.). — Последнія минуты митрополита Филиппа. Карт. Новоскольцева (съ рис.). — Лѣсныя. Ориг. рис. В. Радомскаго (съ рис.). — Залъ засѣданій Императорскаго Русскаго Географическаго Общества (съ рис.). — Вениаминъ Франкинъ (съ портр.). — Политическое обозрѣніе. — Смѣсь. — Задачи. — Объявленія.

Издатель А. Ф. Марксъ.

Редакторъ В. Ключниковъ.

Рѣшеніе ребуса № 18 (помѣщеннаго въ № 11).

„Покорись бѣдѣ—и бѣда покорится“.

Advertisement for G. Valters, watchmaker, with an image of a pocket watch.

Advertisement for Billiard Factory A. Freyberg, featuring an image of a billiard table.

Advertisement for Царь-Дѣвица, with a reference to a historical event.

Advertisement for TABAKЪ (Tobacco) with a list of products and prices.

Advertisement for LA VELOUTINE, a cosmetic product, with an image of a bicycle.

Advertisement for ЖЕТОНЫ (Medals) from Russian universities.

Advertisement for NOBOSTЬ (News) featuring an apparatus for copying drawings.

Advertisement for ГЕНРИХЪ КЛЕЙЕРЪ (Henry Kleier) bicycle factory.

Advertisement for МОЗОЛЬНАЯ ЖИДКОСТЬ (Mozole liquid) for treating blisters.

Advertisement for „L'URBAINE“ insurance company.

Advertisement for КОСМЕТИЧЕСКІЯ СРЕДСТВА (Cosmetics) with a list of products.

Advertisement for ЛЪТНЯЯ НОВОСТЬ! (Summer News!) featuring a product for hair.

Advertisement for Французское общество страхования жизни (French Life Insurance Society).

Advertisement for ЭЛИКСИРЪ, ПОРОШОКЪ И ПОМАДА (Elixir, Powder, and Pomade) for teeth, with a circular logo.

Advertisement for МОЙНАКСКОЕ ГРЯЗЕЛЪЧЕБНОЕ И ЛИМАННОЕ (Moinak's mud and lagoon) for health.

МАССА БЛАГОДАР. и ОТЛИЧ. ОТЗЫВОВЪ
ОСНОВАТЕЛЬНОЕ ОБУЧЕНИЕ
БУХГАЛТЕРИИ
 ИНОГОРОДНЫХЪ и МОСКОВСКИХЪ
 ПОСРЕДСТВ. ЛЕКЦІИ-КОРРЕСПОНДЕНЦІИ
 ВПОЛНЪ ЗАМѢНЯЮЩИХЪ УСТНОЕ ПРЕПОДАВАНІЕ. — ПЛАТА УМѢРЕННАЯ.
 ПРЕПОДАВАТЕЛЬ КОММЕРЧЕСКАЯ НАУКА
С. Я. ЛИДЕНТАЛЬ
 АРБАТЬ, МАЛ. НИКОЛО-ПЕСКОВСКИЙ
 МОСКВА. ПЕРЕУЛОКЪ, ДОМЪ АДАМОВИЧА.
 ПОДРОБНЫЕ УСЛОВІЯ И ПРОБНЫЯ ЛЕКЦІИ
 ВЫСЛАЮТСЯ БЕЗПЛАТНО.

ШОКОЛАТЪ
ФАБРИКИ ССІУЖКЕ
 НАХОДЯТСЯ ВО ВСѢХЪ ГОРОДАХЪ РУССІИ.
 ПРЕДОСТЕРЖАЕМЪ ОТЪ ПОДЖАМАНІЯ И НАШЕЙ МАРКИ.

CRÈME-SIMON
(КРЕМЪ-СИМОНЪ)

предстнаго запаха, не поргится и служатъ для смягченія кожи.
 Пудра SIMON и Мыло à la CRÈME SIMON дополняютъ его дѣйствія и имѣютъ тотъ же запахъ.

J. Simon, 36, Rue de Provence, 36, Парижъ
 Въ розницу у парикмахеровъ, парфюмеровъ и аптекарей.
 А. № 4315 15-13

НОВЫЙ!!
НОВЫЙШІЙ и ЛУЧШІЙ МЕХАНИЧЕСКІЙ ИНСТРУМЕНТЪ ПІАНО-МЕЛОДИКО
 Цѣна 90 рублей.
 Ноты отдѣльно по 80 коп. за 1 (одинъ) метръ (1 метръ = 1 1/2 аршин.).
 Требуется подробное описаніе и каталогъ нотъ =

І. Ф. МЮЛЛЕРЪ
 Москва, Петровка, д. Волкова, противъ Стодешникова черузка.

УСОВЕРШЕНСТВОВАННЫЕ БЕЗОПАСНЫЕ ВЕЛОСИПЕДЫ

Специально построенные для русскихъ дорогъ изъ стали Вальдесса фабрикою Зейдель и Науманъ. Какъ

НОВЫЙ!!
 съ двойнымъ ходомъ, равняющийся скорости 54 и 60. Разстояние педалей отъ земли 7. Усовершенствованы во всѣхъ деталяхъ. Незамѣнимы для гг. военныхъ и дѣлающихъ большія путешествія. Каталоги безплатно. Ц. № 4480 3-2

ТОГОВЫЙ ДОМЪ АБАЧИНЪ и ОРЛОВЪ.
 Москва, Мясницкая, д. Ситова.

CIGARETTES ESPIC contre ASTHME & CATARRHE
 AUTORISÉES PAR LE GOUVERNEMENT RUSSE
 Dépôt général: STOLL & SCHMIDT, à Saint-Petersbourg
 Vente en gros: J. ESPIC, 20, rue Saint-Lazare, Paris.
 Exiger la Signature sur chaque Cigarette.

СЕКРЕТНАЯ МОМЕНТАЛЬНАЯ ФОТОГРАФІА.

Посредствомъ предлагаемаго новаго, только что полвннанаго, маленькаго, элегантнаго фотографическаго аппарата, краснаго полированного дерева съ аналитическимъ объективомъ и моментальнымъ затворомъ, можно, безъ предварительнаго знанія, удобно, легко, свободно и незамѣтно, безъ заѣмки пластинъ, моментально или съ раздѣленіемъ на время, снять 12 ландшафтовъ, группъ или портретовъ, величиною пластинки 6-8 сантиметр. Цѣна только РС. 12. Новый и богато иллюстрированный преѣз-курантъ на 1890 годъ выслается. В. № 4464 3-2

СКЛАДЪ ФОТОГРАФИЧЕСКИХЪ ПРИНАДЛЕЖНОСТЕЙ К. И. ФРЕЛАНДЪ
 Уголь Невскаго и Екатерининскаго канала, д. № 30-16, С.-Петербургъ.

ДЛЯ СТРАДАЮЩИХЪ ЛЕГКИМИ
 Лечебное заведеніе Д-ра Бремера. Герберсдорфъ, Силезія, въ Исполинскихъ Горахъ,
 учрежденное въ 1854 году. К. № 4457 12-4

Главный докторъ Ф. Вольфъ.

Обширный паркъ съ прилегающимъ къ нему еловымъ лѣсомъ. Искусственно-приложенныя дорожки достигаютъ до 14 километровъ. Изящно убранныя кургаузы. Въ паркѣ находятся роскошныя виллы. Цѣны умеренныя. Прспекты высылаются безплатно

Администрація лечебнаго заведенія Д-ра Бремера.
 При заведеніи находится русскій врачъ.
 Подробности метода леченія см. II изд. „Die Therapie der chronischen Lungenschwindsucht von Dr. H. Bremer. Verlag von I. F. Bergmann, Wiesbaden.“

ТУАЛЕТНОЕ СРЕДСТВО ДЛЯ ДАМЪ, БЕРЕЗОВЫЙ БАЛЬЗАМЪ Д-РА ЛЕНГЛЯ

употребляется для бѣлизны кожи, лица и рукъ. Въ виду многихъ поддѣлокъ прошу обратить вниманіе на причепающую здѣсь охранительную марку и на подпись единственнаго агента **Василія Аурихъ**, въ С.-Петербургѣ, Колокольная, 18-19.

Цѣна: флаконъ 1 руб. 65 коп., бензоево мыло 25 коп. и 50 коп. кусокъ, оло помада (лучше кольдъ-крема) 1 руб. Улаковка и пересылка въ Европ. Россіи 70 коп., въ Азіат. 1 р. Имѣется во всѣхъ парфюмерн. и аптекарскихъ магазинахъ и аптекахъ Россіи. В. № 4407 12-4

ДЛЯ ЧИСТКИ ЗУБОВЪ. ЕAU DE VOTOT (ВОДА БОТО) Pt. № 4314 14-6

чищаютъ зубы и освѣжаютъ ротъ.
 Слѣдуетъ непременно требовать настоящую „ВОДУ БОТО“.

Главный складъ: 17, Rue de la Paix, PARIS. Прешій адресъ: 229, Rue Saint-Honoré. Продается во всѣхъ мостательныхъ лавкахъ и у всѣхъ парфюмеровъ.

Требов. также Туалетный Укусъ Бото высм. качества въ отношеніи тошкости запаха. Представитель для всей Россіи: Н. Л. Натанъ, Итальянскій пер., д. Гуськова, въ Москвѣ.

МУЗЫКАЛЬНАЯ НОВОСТЬ!
 Во всѣхъ странахъ патентованный, гарантированный и съ большимъ успѣхомъ распространенный, заводный **СИМФОНІОНЪ.**

Этотъ симфоніонъ — ЛЕЙПЦИГСКОЕ ИЗОБРЕТЕНІЕ — представляетъ собою значительно улучшенную марманку, рѣзко и выгодно отличающуюся отъ шарманки испанскихъ фабрикъ, и можетъ быть рекомендованъ всѣмъ любителямъ музыки. Посредствомъ накладываемыхъ круглыхъ стальныхъ пластинокъ на немъ можетъ быть сыграна любая музыкальная пьеса, причемъ, благодаря своему полному и мягкому тону, этотъ великолепный инструментъ несомнѣнно доставитъ для каждой семьи пріятное удовольствіе. Изящной вышивкой своей отдѣлки онъ можетъ служить солиднымъ украшеніемъ комнаты. Симфоніоны изготовляются различныхъ величинъ, цѣною отъ 10 до 145 марокъ. Выборъ музыкальныхъ пьесъ простирается до нѣсколькихъ сотъ номеровъ. Стоимость отдѣльныхъ нотныхъ пластинокъ отъ 50 шф. до 1,70 мар. за штуку, смотря по величинѣ инструмента. Иллюстрированные преѣз-куранты съ каталогомъ нотъ выслаются по желанію безплатно. Требования и прочую корреспонденцію прошу присылать по возможности на нѣмецкомъ языкѣ. Отправка производится только за наличный расчетъ или съ наложеннымъ платежомъ. Инструментъ стоимостью въ 10 марокъ играетъ посредствомъ верхняго рукоятки, всѣ прочіе-же заводные.

A. ZULEGER, Leipzig.
 Фабрика основана въ 1870 году. К. № 4500

ЛЕННИНГЪ и ГЛОЗНИГЪ
 имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которую печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405

КРАСКА ДЛЯ ВОЛОСЪ
В. ГЕНА въ ВѢИЪ
 ИЗЪ ГРЕЦКИХЪ ОРЪХОВЪ.
 Безвредное средство для быстрого окрашенія волосъ и бороды въ черной, русой, темно- и свѣтло-каштановой цвѣтъ. 8-2

Цѣна за флаконъ 3 руб. съ пересылкой. Главный складъ для Россіи въ В. Аурихъ въ С.-Петербургѣ, Колокольная, 18.

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ ГЕНРИХЪ БЛОКЪ
 взимаетъ по ссудамъ:
 уменьшеннымъ . . . 8% год. и 1/2% еж. ком
 возвышеннымъ . . . 9% год. и 1% еж. ком

Высшій размѣръ ссуды:
 Нодъ I-VI банк. бил. 95 р
 I-III восточн. займы. 95
 городск. oblig. 85
 зем. закл. листы 6% 90
 „ „ 5% 83
 I вингрийскій заемъ 215
 II 200
 Дворникъ съ вынр. з. л. 30

Размѣръ % и ссуды можетъ быть измѣненъ по состоянію денежнаго рынка. Подробныя условія выдаются и выслаются безплатно. Контора Б. Д. помещается: Спб. 57 (новый № 59), Невскій, соб. д.

ЭМАЛИРОВАННЫЕ МЪЛКИ
 ФАБРИКИ ГОЛИЦИНСКАГО
 въ С.-Петербургѣ,
 Измайловскій полкъ, 4-я рота, собств. домъ, 11.
МЪЛКИ ДЛЯ КАРТЪ
 2-1 всѣхъ сортовъ. № 4502

МАНЕКЕНЫ
 Бр. Ковалевскихъ
 въ С.-Петербургѣ, по Невскому просп., д. № 48, въ Пассаажѣ, по 2-й галлерей, № 48.

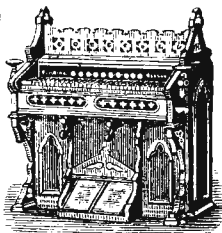
Новооткрытый магазинъ при манекено-механической мастерской. Имѣется большой выборъ манекеновъ мужскихъ, дамскихъ и дѣтскихъ и принимаются заказы по лифамъ. Многоразными выслается съ улаковкой дамскій манекенъ за 10 р. Иллюстрированный преѣз-курантъ по требованію выдается безплатно, многоразными выслается по почтѣ за 7-ми коп. марку. Отдѣленіе въ Одессѣ, уг. Пондешской и Пушкинской, д. Гукоскаго.

№ 411
РОЗОВОЕ ГЛИЦЕРИНОВОЕ МЫЛО
 вѣжное, прозрачное какъ хрусталъ глицериновое мыло съ настоящими запахомъ розъ. Можно получать во всѣхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазинахъ Россіи и заграници.

Главное депо у Александра Тиссъ и Ко, Пушкинская, № 4.

КАПИТАНЪ ГРЕНАДЕРСКОЙ РОТЫ,
 Ром.-хрон. XVIII в. В. Соловьева. Изданіе. 3-е. Спб. 1886 г. Ц. 2 руб., съ пересылкой 2 руб. 50 коп.

ФИСГАРМОНИИ

прекрасна-го тона, солидной конструкции, роскошной отделки.

ФРАНЦУЗСКИЯ въ 100, 130, 160, 200, 300 и 500 рублей.

АМЕРИКАНСКИЯ въ 110, 150, 175, 250, 300, 350, 450, 600, 700, 900 и 1400 р.

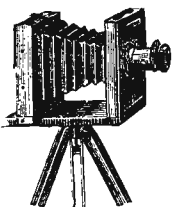
Играть на фисгармонии можно легко выучиться. Кто немного играет на фортепиано, тому игра на фисгармонии не составляет никакого труда.

Школа для фисгармонии 3 руб. Иллюстрированный прейс-курантъ инструментовъ и каталогъ нотамъ для фисгармонии — безплатно.

Юли Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ главное депо № 4493 музыкальных инструментовъ и нотъ: С.-Петербургъ, В. Морская, № 34 и 40. Москва, Кузнецкий мостъ, д. Захарьина.

ЧОНРАНСКО-БУЛГАНСКАЯ грязе-лечебница "Товарищества" врачей въ Крыму, въ г. Керчи. Сезонъ съ 15-го мая по 1-е сентября. Подробности въ брошюру, которая высылается за одну семикоп. марку. Адр. въ г. Керчь, Таврич. губ., доктору Филимовичу. Ц. № 4440 12-3

ФОТОГРАФИЧЕСК. АППАРАТЫ ДЛЯ ЛЮБИТЕЛЕЙ.

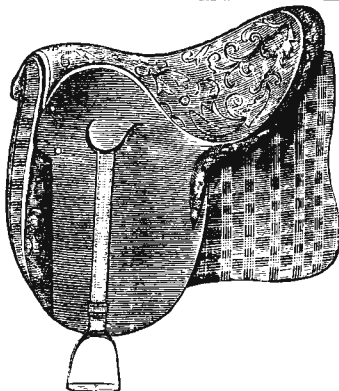
Вследствие новѣйшаго изобретения фотографиров. доступно каждому, и этими аппаратами можетъ всякій, безъ особенной подготовки, снимать очень хорошия портреты, группы и ландшафты.

Цена полн. прибора 18, 30, 35, 50 руб. и дороже.

Наборы принадлежностей отъ 9 рублей. Просимъ не смѣшивать съ рекламируемые аппараты.

Е. КРАУСЪ и Комп. Фабрика оптическихъ инструм. въ Парижѣ. ДЕПО ДЛЯ РОССИИ:

С.-Петербургъ, Мойка, № 42. Руководство и иллюстр. прейс-курантъ высылаются безплатно. № 4497 2-1

Мягкое англійское седло бѣлой или черной кожи съ замшевыми сиденьемъ, шиломъ шелькомъ очень красивое, покойное и прочное съ уздечкой и остальн. полн. приборъ 40 р. Перес. по Ж. Д. 3 руб. почтой за 30 р. Саратовъ фабрика М и И МА. ПЫШЕВЫХЪ

ПИШУЩАЯ МАШИНА "РЕМИНГТОНА".

Пишетъ въ 3 раза быстрее пера. Чистота, четкость и красота. Введена во всехъ Министерствахъ и много правительствъ и частныхъ учрежд.

Прейс-курантъ, содерж. многочисленныя отзывы отъ Правительствъ и другихъ учреждений, высылается безплатно. № 3748 Единственный складъ для всей Россіи: **ГОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ** Москва С.-Петербургъ Кузнецкій мостъ. В. Морская, 21.

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ

Измайловскій проспектъ, № 27.

ЖИДКОСТЬ ОТЪ МОЛИ ПО 30 КОП.

Для сбереженія шубъ, платьевъ, ковровъ, мебели и проч.

Этотъ составъ можетъ служить жидкостью для очищенія воздуха въ комнатахъ посредствомъ пульверизатора.

ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

- 1) Невскій проспектъ, домъ Католической церкви, № 32. Рт. № 4490
- 2) Невскій проспектъ, у Анничкова моста, № 66.
- 3) Уголь Волынецкаго и Казанской, д. Шредера, № 24 — 52. (Розничная и оптовая продажа).

Въ Москвѣ: 1) На Кузнецкомъ мосту, домъ Третьяковъхъ.

Употребляемая въ С.-Петербургск. Воспитательномъ Домѣ МОЛОЧНАЯ МУКА

для вскармливанія грудныхъ дѣтей, суррогатъ материнскаго молока Шаров. фабр. **БЛИГКЕНЪ** и **РОБИНСОНЪ** въ СПБ.

Единственный агентъ для Россіи: **ВАСИЛИЙ АУРИХЪ**,

Колокольная, 18 — 19, въ С.-Петербургѣ.

Его подпись должна быть на каждой жестянкѣ:

Цѣна 90 к. за жестянку безъ пересылки. Продается въ аптекахъ, магазинахъ и аптекахъ Россіи. В. № 4469 9-3

1863 1864 1865 1866 1867 1868 1869 1870 1871 1872 1873 1874 1875 1876 1877 1878 1879 1880 1881 1882 1883 1884 1885 1886 1887 1888 1889 1890

Придворныя поставщики

А. РАЛЛЕ и КО

въ Москвѣ
Оптовая Торговля
Никольская Богоявленскій переулочекъ Чижовыхъ
въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ
главнымъ корпусомъ
МАРИНСКАГО РЫНКА
по Чернышеву переулку,
близъ Садовой

ЭЛЕОПАТЪ пров. КИНУНЕНЪ

для волосъ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всехъ большихъ Аптекахъ и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп., но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Просятъ непременно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждого флакона, — пров. Кинуненъ. (15) № 4287

Главный складъ: С.-Петербургъ, Демидовъ пер., д. № 1.

ПОВѢСТИ и РАЗСАЗЫ Всеволода Крестовскаго (автора "Петербург. Трущобы"): 3-е издание. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

БИРШТАНСКІЯ МИНЕРАЛЬНЫЯ ВОДЫ

(подробности см. въ № 14).

Ф. Э. ДРЕХСЛЕРЪ, Варшава, Лешно, 14. Бикцикли отъ 100 р. Роверы отъ 135 р. № 4386 10-8

ВЕНГЕРСКАЯ ПОМАДА Д-НИ ХОЛП и МИГКОСТИ

Главный складъ въ парфюмери. магазинѣ СПБ., 52. ПАСАНЪ, 52, Невскій пр. При высылкѣ 1 р. с. или наложеннымъ платежемъ высылаются одна банка помады во все города Россіи. № 4410

ВАЗЕЛИНОВОЕ МЫЛО

1. ГОЛЛЕНДЕРЪ

для смягченія кожи.

Новоизобрѣтенное вазелиновое мыло, пріятнаго запаха, придаетъ кожѣ желаемую мягкую мягкость. Цѣна за кусокъ 30 коп., 3 куска съ пересыл. 1 р. 50 к.

Получать можно во всехъ парфюм. и аптекахъ, магазинахъ и аптекахъ Россіи.

Главный складъ: СПБ., Демидовъ пер., д. № 1. (15) № 4278

ПОРЬКАЯ ВОДА ИСТОЧНИКА ФРАНЦА ИОСИФА

Натуральная минеральная слабительная вода источника ФРАНЦА-ИОСИФА

въ Будапештѣ, по отзывамъ медицинскихъ авторитетовъ, она дѣйствуетъ легко, аккуратно и безъ всякихъ вредныхъ послѣдствій. Рекомендуется какъ слабительная вода, не содержащая въ своемъ составѣ вредныхъ здоровью веществъ. Продается въ аптекахъ и аптекахъ, магазинахъ. Ц. № 4238 Для нормальнаго пріема достаточно одного виннаго стакана Дирекція въ Будапештѣ.

Поставщики велосипедовъ Русской Арміи

Торговый Домъ Ж. БЛОКЪ,

Москва, | С.-Петербургъ, Кузнецкій мостъ. | В. Морская № 21.

имѣетъ единственный Складъ для всей Россіи Велосипедовъ: Свинфотъ, Виннетъ, Русскій Каубъ, Молни (New Rapid), Имперіаль и др.

Цѣны отъ 100 до 500 руб.

НОВОСТЬ Обще доступный Свинфотъ № 2 = 150 руб. =

Прейс-Куранты высылаются безплатно. Поставщики велосипедовъ Русской Арміи

При этомъ № прилаг. для гг. городск. и иногородн. подписч. объявл. отъ завода Николая Богданова и К°. въ Москвѣ.

Дозвол. цензур., СПБ., 18 апрѣля 1890 г.

Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6.

Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., № 1. Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XXI г.

№ 17

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXI

1890

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМЯСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ (отъ 30 до 40 модн. рис.)
Выдавъ 28 апрѣля 1890 г. и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.). Цена этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Продолжается подписка на „НИВУ“ 1890 г.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ВЪ С.-П.-БУРГЪ, НЕВСКІЙ ПР., Д. № 6.
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ „НИВЫ“:

ОБЪЯВЛЕНІЯ
въ „НИВѢ“ принимаются за
страну нонпарейль (т. е. шир.
стран.) въ Глав. Кон. Ред. по
75 к.—Загран.: для Франціи у
Agence Navas по 2 fr. 40 с.;
для Австр., Герман. и Швейц.
у Rudolf Mosse по 1 M. 70 Pf.

Безъ доставки въ Пе-
тербургъ 5 р.

Съ доставкою въ Пе-
тербургъ 6 р. 50 к.

За границу, съ пересылкою 9 р.

Безъ дост. въ Москвѣ чр.
конт. объявл. Н. Н. Печков-
ской, Петровск. Торг. линіи. 6 р.

Съ пересылкою въ Москву
и другіе города Россіи . . . 7 р.

Съ пересылкою въ Москву
и другіе города Россіи . . . 7 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Особыя приложенія при
„НИВѢ“ объявленія отъ тор-
говыхъ домовъ принимаются
для иногородн. и городскихъ
подписчиковъ по особому
соглашенію.

Везъ всякой доплаты за пересылку главныхъ премій.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе въ 1890 г. номера „Нивы“ со всѣми приложеніями.

А. А. Колокольниковъ.

31 января, въ Обуховскомъ сталелитейномъ заводѣ (близъ Петербурга), произошло торжественное и въ высшей степени задумчивое и чествованіе начальника завода, контръ-адмирала Александра Александровича Колокольцова, по поводу двадцатипятой годовщины славнаго его управленія.

По окончаніи работъ этого дня, болѣе двухъ тысячъ мастеровыхъ и служащихъ съ ихъ семействами собрались въ одной изъ обширныхъ мастерскихъ приѣхать къ своему достойнаго начальника, встрѣтивъ его, по русскому обычаю, хлѣбомъ-солью при торжественныхъ звукахъ военной музыки. Затѣмъ, когда былъ отслуженъ благодарственный молебенъ и дѣти заводской школы прочли кантату, сочиненную къ этому дню въ честь ихъ почитателя, начался приемъ поздравленій и многочисленныхъ адресовъ отъ представителей учебныхъ учреждений и обществъ, заводовъ и отдельныхъ лицъ, при-

Контръ-адмиралъ А. А. Колокольцовъ (по поводу 25-й годовщины управленія Обуховскимъ заводомъ). Съ фот. А. Яснопна, грав. Шюблеръ.

чемъ было получено и множество телеграммъ изъ разныхъ мѣстъ.

Такая глубокая признательность была вызвана плодотворною дѣятельностью юбиляра, представляющего неоцѣненную заслугу какъ передъ государствомъ—созданіемъ русскаго могущественнаго оружіянаго завода, обезпечивающаго средства его обороны, такъ и передъ русскою техникою—образцовою постановкою наигруднѣйшаго производства подъ руководствомъ, избранныхъ Колокольцовымъ, исключительно русскихъ инженеровъ.

А. А. Колокольцовъ родился въ 1833 году. Отецъ его, Александръ Васильевичъ Колокольцовъ, будучи самъ боевымъ морскимъ офицеромъ, съ дѣтскихъ лѣтъ готовя сына къ морской службѣ, опредѣлилъ его въ Морской кадетскій корпусъ, гдѣ Колокольцовъ сразу сталъ въ число первыхъ учениковъ. Выпущенный изъ корпуса въ 1852 году, А. А. Колокольцовъ мичманомъ отправился въ извѣстное, по описанію И. А. Гончарова, круго-

свѣтлое плаваніе на фрегатѣ „Паллада“ съ знаменитымъ адмираломъ Путятинымъ и затѣмъ, не вернувшись въ Россію, вмѣстѣ съ нимъ же перешелъ на фрегатѣ „Діана“. 11 декабря 1854 года, фрегатъ этотъ потерялъ неслыханное крушеніе отъ подводнаго землетрясенія въ Японскомъ морѣ, и вслѣдъ затѣмъ, захваченный ураганомъ, былъ вынужденъ выброститься въ бухтѣ „Хеда“ (въ 60 километрахъ отъ города Симода). Это было уже время войны, и наши славные моряки очутились отрѣзанными отъ отечества и повидному обреченные на тяжкое бездѣйствіе. Но геройская рѣшимость и удивительная находчивость, свойственная истинно-русскимъ людямъ, помогли имъ выйти изъ этого положенія. Рѣшено было немедленно приступить къ постройкѣ шкуны, и исполненіе этой трудной задачи было поручено А. А. Колокольцову. Тутъ ему представился случай проявить свои удивительныя техническія способности. Не будучи специалистомъ и не имѣя подъ руками ни руководство, ни чертежей, Колокольцовъ смѣло приступилъ къ дѣлу, и по его указаніямъ работа закипѣла. Кругомъ, по счастью, былъ чудный строевой лѣсъ, а матросы превратились въ отличныхъ плотниковъ и кузнецовъ. Со сказочною быстротою шкуна была изготовлена, и адмиралъ, съ главною частью команды, смѣло пустился на ней въ Океанъ. Ночью, встрѣтившись съ непріятельскою эскадрой, шкуна „Хеда“ проскочила подъ самымъ носомъ англійскаго фрегата и благополучно пришла къ устьямъ Амура.

Шкунѣ этой суждено было затѣмъ послужить образцомъ для возникшаго тогда японскаго флота, такъ какъ, по желанію Государя Императора, она, подъ командою А. А. Колокольцова, была отправлена назадъ въ подарокъ японскому правительству.

Въ 1859 г. А. А. Колокольцовъ участвовалъ въ весьма интерес-

ной экспедиціи посольства флигель-адъютанта (нынѣ графа и генералъ-адъютанта) Н. П. Игнатьева въ Хиву и Бухару. Плавая на баржѣ въ эскадрѣ В. И. Бутакова въ Аральскомъ морѣ, онъ первый нашелъ фарватеръ, по которому оказалось возможнымъ войти въ Аму-Дарью и затѣмъ подняться до Кунграда.

Съ назначеніемъ А. А. Колокольцова агентомъ отъ Морскаго министерства въ Англію и Францію, гдѣ строились лучшіе образцы нашего флота, опредѣлилось истинное призваніе его къ заводской дѣятельности.

Близко ознакомившись съ главнѣйшими иностранными заводами и ихъ производствами, онъ съ удивительною легкостью усвоивалъ себѣ практически такія многостороннія знанія, какихъ не въ состояніи дать никакая школа. Это не ускользнуло отъ провинительности Е. И. В. Генералъ-Адмирала, и когда явилась необходимость поддержать только что зародившейся русскій орудіиный заводъ, Е. И. В. рѣшилъ достигнуть этого между прочимъ „постановленіемъ во главѣ завода морскаго офицера, обладающаго отличными познаніями, приобретенными имъ во время многолѣтнихъ сношеній съ заводами Великобританіи“, какъ это выражено въ Высочайшемъ Е. И. В. докладѣ, отъ 19 іюня 1865 года, вслѣдствіе котораго въ томъ же году и состоялось назначеніе А. А. Колокольцова начальникомъ Обуховскаго завода.

Съ этого времени продолжается та блестящая, неутомимая дѣятельность А. А. Колокольцова, благодаря которой Обуховскій заводъ, развиваясь съ поразительнымъ успѣхомъ, приобретаетъ европейскую извѣстность, огромное государственное значеніе и сдѣлался по справедливости предметомъ нашей національной гордости.

Кладъ.

Романъ І. І. Ясинскаго (Максима Бѣлинскаго). Часть І.

(Продолженіе).

ХІІ.

Показанія Михайлыча были спутаны и сбивчивы. Было подозрительно, что онъ всю ночь не спалъ и бродилъ по берегу. Рыбакъ Агей показалъ, что Петрикъ и Крутикъ съ внучкой Иванова занимали у него лодку, но онъ не слышалъ, чтобъ Саша кричала; напротивъ, она и молодые люди были веселы, шутили и смѣялись. Была отыскана лодка, брошенная у пристани Эльдорадо. На пескѣ поднята лента, которую носила Саша въ косѣ — значитъ ясно, что Саша переправилась на тотъ берегъ и можетъ-быть гуляла въ Эльдорадо. Дальнѣйшимъ дознаніемъ было обнаружено, однако, что въ Эльдорадо Петрикъ и Карнѣй ходили и сидѣли все время вдвоемъ. Саша могла съ ними за что-нибудь поспорить и одна отплыть назадъ на пароходѣ. Въ лицо не знали ее на пристани, такъ какъ въ Эльдорадо и обратно много ѣздитъ барышень—одиночекъ и съ кавалерами. Всѣхъ не запомнишь. Но не пошла-ли Саша ночью одна на Парфеновку, не встрѣтилась ли она на пути съ печникомъ Михайлычемъ и не произошла ли тогда какая-нибудь сцена, послѣдствіемъ которой явилась гибель Саши? Это тѣмъ болѣе казалось возможнымъ, что трупъ Саши вытащили совсѣмъ не тамъ, гдѣ, по словамъ Михайлыча, ее утопили молодые люди, а у самаго берега—у выступа надъ кручей. Тамъ же надзирателемъ были усмотрѣны слѣды мужскихъ сапоговъ. По свѣркѣ, слѣды оказались принадлежащими Михайлычу. На одномъ каблукѣ была всего половина подковы: слѣдъ выдалъ эту тайну обуви Михайлыча.

Парфеновскаго печныхъ дѣлъ мастера рѣшено было задержать. И если бы Петрикъ и Карнѣй въ-время вернулись, они могли бы очиститься отъ подозрѣнія, наброшеннаго на нихъ Михайлычемъ. Но они струсили и бѣжали. Ихъ арестовали только на четвертый день, и на первомъ же допросѣ у слѣдователя они сознались, что утопили Сашу нечаянно.

Слѣдователь былъ маленькій человекъ съ огромною, исключенною головой, краснымъ носомъ, добродушными и проницательными глазами.

— Отчего же вы сами нечаянно не утопились? спросилъ слѣдователь и, отпивъ изъ стакана воды, сильно отдававшей запахомъ водки, продолжалъ:—Какъ же вы ее утопили?

— Позвольте доложить вамъ, г. слѣдователь, началъ Карнѣй Крутикъ:—у насъ было намѣреніе поугаать ее, потому что она положительно заслуживала испуга.

— Такъ. Вы стали раскачивать лодку?

— Мы, дѣйствительно, стали раскачивать лодку. Саша принялась кричать и ругать насъ нецивилизованными словами.

— Вамъ, разумѣется, сдѣлалось обидно. Дальше что?

— Дѣйствительно, намъ сдѣлалось обидно. Покойная пользовалась любовью не только моею, но и моего друга—Петрика, о чемъ онъ, наконецъ, мнѣ рассказалъ. Тогда мы увидѣли, съ кѣмъ имѣемъ дѣло. Но зла мы ей не хотѣли, по благородству своей натуры.

— Прекрасно. Все-таки вы мнѣ расскажите, какъ вы ее нечаянно утопили. И такъ, вамъ стало обидно, вы не перенесли обиды. Все въ глубинѣ вашей души возмутилось и вы спихнули въ воду беззащитную дѣвушку?

— Это совершенно вѣрно, г. слѣдователь. Вы насколько не ошибаетесь насчетъ нашего благороднаго негодования, отвѣчалъ Карнѣй, приподнимая голову и развязно покручивая свои бѣловатые усики.—Но она не была беззащитна, такъ какъ намъ было извѣстно, что она плаваетъ, какъ утка; отъ берега-же было какихъ-нибудь двѣсти шаговъ.

— И долго вы любовались ея искусствомъ?

— Къ сожалѣнію, не болѣе минуты. Петрикъ говорить мнѣ—смотри, утопится, вернемся къ ней. Я повернулъ лодку. Я очень хорошо понималъ, г. слѣдователь, что выходитъ плохая исторія. Между тѣмъ, Саша захлебнулась и пошла ко дну.

— Ну-съ. А вы отправились кутить въ Эльдорадо?

— Мы были ошеломлены неожиданнымъ событіемъ и, на нашемъ мѣстѣ, всякій поступилъ бы такъ, произнесъ Карнѣй и опять покрутилъ усики.

— Ленту вы съ собой на память взяли?

— Ленту Саша сама бросила въ лодку, такъ какъ Петрикъ сталъ ее укорять подарками. Она еще очень хороший медальонъ швырнула въ воду. Тоже Петрикъ подарилъ. Башмаки хотѣла сбрасывать. Тоже отъ Петрика. Но тутъ...

— Сердце у васъ не выдержало, подсказалъ слѣдователь.—А не можете-ли вы припомнить, когда вы при-

шли звать Сашу съ собой на Днѣбрь, было у васъ желаніе, уже вполне готовое и созрѣвшее, утопить дѣвушку?

— Нисколько не утопить, возразилъ Карнѣй.—Позвольте замѣтить, г. слѣдователь, что въ вашемъ допросѣ я замѣчаю полное пристрастіе и желаніе навязать намъ то, чего мы не совершали.

— Вы можете на меня жаловаться, а отвѣчать на мои вопросы все-таки должны, сказалъ слѣдователь.—Но какъ же—вы, значить, сговорились выманить дѣвушку въ глухую ночь изъ дому и, отплывъ на середину Днѣбра, бросить ее въ воду, полагая, что отъ этого ей ничего не приключится?

— Такъ точно—мы полагали.

У Петрика слѣдователь спросилъ:

— А вы—тоже изъ образованныхъ?

— Воспитывался въ приходскомъ училищѣ.

— Но курса наукъ не окончили? Вашего друга исключили за кражу книгъ. А васъ за что?

— Я всегда страдалъ изъ-за женщинъ, разочарованно произнесъ Петрикъ.—Будучи въ училищѣ, я безнадежно влюбился въ дочь учителя. Она назначала мнѣ свиданія, но отецъ, въ виду того, что я мѣщанинъ, а также несовершеннолѣтій, потребовалъ моего исключенія.

— Въ какихъ отношеніяхъ находились вы къ дѣвушкѣ, утопленной вами вмѣстѣ съ дворяниномъ Карнѣемъ Крутикомъ?

— Я любилъ ее: но меня терзала ревность.

— Къ кому же вы ревновали Сашу?

— Къ Карнѣю Крутику.

— Зная, что Карнѣй Крутикъ тоже любитъ ее.

— Да, мнѣ это было извѣстно.

— И вы скрывали отъ него до поры до времени, что вы ухаживаете за Сашей?

— Скрывалъ, но дружба взяла верхъ надъ любовью. Когда Карнѣй узналъ отъ меня, что Саша измѣняетъ ему, онъ взялъ съ меня честное благородное слово помочъ ему наказать ее.

— Вы рѣшились утопить Сашу?

— Нѣтъ, только такъ... выкупать!

— Но за что-же? Что, собственно, называете вы измѣной?

— Г. слѣдователь, я стѣняюсь.

— Будьте такъ добры, не стѣсняйтесь.

— Позвольте, я вамъ скажу на ухо...

— Э, нѣтъ, покорно благодарю! Вы мнѣ ухо откусите. Станьте немножко дальше.

— Я напишу на бумагѣ.

— Ну, пишите.

Петрикъ написалъ нѣсколько словъ. Слово слѣдователь покраснѣлъ, прочитавъ признаніе Петрика, показалъ ему протоколъ вскрытія тѣла покойной Сани и сердито сказалъ:

— Ты такой-же скверный лжець, какъ и твой приятель. Ни тебѣ, ни ему не сдобровать!.. Негодяй!..

Чтобы успокоить свои расхолодившіеся нервы, маленький волосатый слѣдователь отпилъ изъ стакана освѣжающаго напитка и, помолчавъ, продолжалъ съ прежнимъ добродушіемъ:

— Вы имѣете полное право, любезный, протестовать противъ грубыхъ выраженій, которыя я дозволилъ себѣ для характеристики вашей благородной личности. Вамъ это представляется закономъ.

— Нѣтъ, г. слѣдователь, я протестовать не намѣренъ, съ вѣжливымъ поклономъ замѣтилъ Петрикъ.—Сами посудите, къ чему это можетъ повести? Къ вашему озлобленію. Напротивъ, я желаю получить ваше снисхожденіе.

— Вы, можетъ-быть, еще кого-нибудь утопили?

— Нѣтъ. Напрасное предположеніе. Удушившая среда, въ которой намъ пришлось влачить свое юное существованіе, могла привить намъ разнообразныя пороки.

Но у насъ никогда въ мысляхъ не было покушаться на чью-либо жизнь.

— Отправляйтесь теперь пока въ острогъ! заключилъ слѣдователь допросъ.

Михайлычъ былъ скоро выпущенъ на свободу. Но онъ далъ показаніе, поразившее слѣдователя своею необыкновенною странностью.

— Свидѣтель, что вы можете еще добавить? спросилъ слѣдователь у Михайлыча, прочитавъ ему протоколъ.

— А кой-что желалъ бы сообщить вашему высокородію, таинственно подмигнувъ сказалъ Михайлычъ.

— Пожалуйста.

— Говорятъ, что будто земной шаръ... Разумѣется, это, можетъ, глупости...

— Да, печникъ, причемъ тутъ земной шаръ? Пролетите лучше свѣтъ на нѣкоторыя темныя стороны дѣла.

— Свѣчи не боится, оглянувшись по сторонамъ и наклонясь надъ столомъ, за которымъ сидѣлъ слѣдователь, шепотомъ началъ Михайлычъ.—Но отъ искры можетъ рас-тово!

— Отъ искры? Вы, кажется, трезвѣ меня. Но вчера вы не были-ли пьяны?

— Вѣрите-ли, и вчера, и третьяго дня не попользовался отъ Дмитріевны двумя копѣйками, отвѣчалъ Михайлычъ со вздохомъ.—Деньги прибрала къ рукамъ и Шминдрика упростила не отпускать въ долгъ. А вѣдь, кажись, полтора ста рублей съ неба свалились.

— Вы получили полтора ста рублей? Подождите, о какой свѣчѣ вы начали?

— Свѣча была стеларинованная—въ подвѣчникѣ. Темно—позвольте спросить, какъ же безъ свѣчи? Пока я печь разбираю—еще туда-сюда. А пришлось изразецъ къ изразцу пригонять—безъ свѣчи невозможно обойтись. Онъ же самъ и свѣтилъ.

— Кто?

— Носатый.

— Ничего не понимаю. Садитесь, печникъ. Расскажите, откуда взялся носатый?

— Ничего, ваше высокородіе, я постою. Дѣло привычное. Взаялся онъ изъ кареты. Всѣ видѣли. Прямо на Парфеновку прикатила, сейчасъ меня вызвали. Такъ и такъ, слухомъ земля полнится, что ты мастеръ, а между тѣмъ, ваялъ въ низкость. Хочешь полтора ста рублей заработать? Тебѣ, братъ, пригодятся; я же не кто иной, какъ благотворитель, но только глаза тебѣ надо завязать. Дмитріевна совѣтуетъ: пуцай завязываютъ. Завязали мнѣ глаза, дали въ руки золотую сигару—кури и молчи, не шевелись и не думай. Я эту сигару, ваше высокородіе, сберегъ.

Михайлычъ вынулъ изъ кармана окурокъ съ золоченымъ клеймомъ и положилъ на столъ.

— Видали вы такія сигары, ваше высокородіе? значительно спросилъ онъ.

— Ну все это, братъ, къ дѣлу не относится.

— Такъ точно, не относится.

— Однако, если ты началъ, такъ ужъ докончи. Я изъ любопытства послушаю. Когда это случилось?

— Мѣсяцъ тому назадъ, ваше высокородіе.

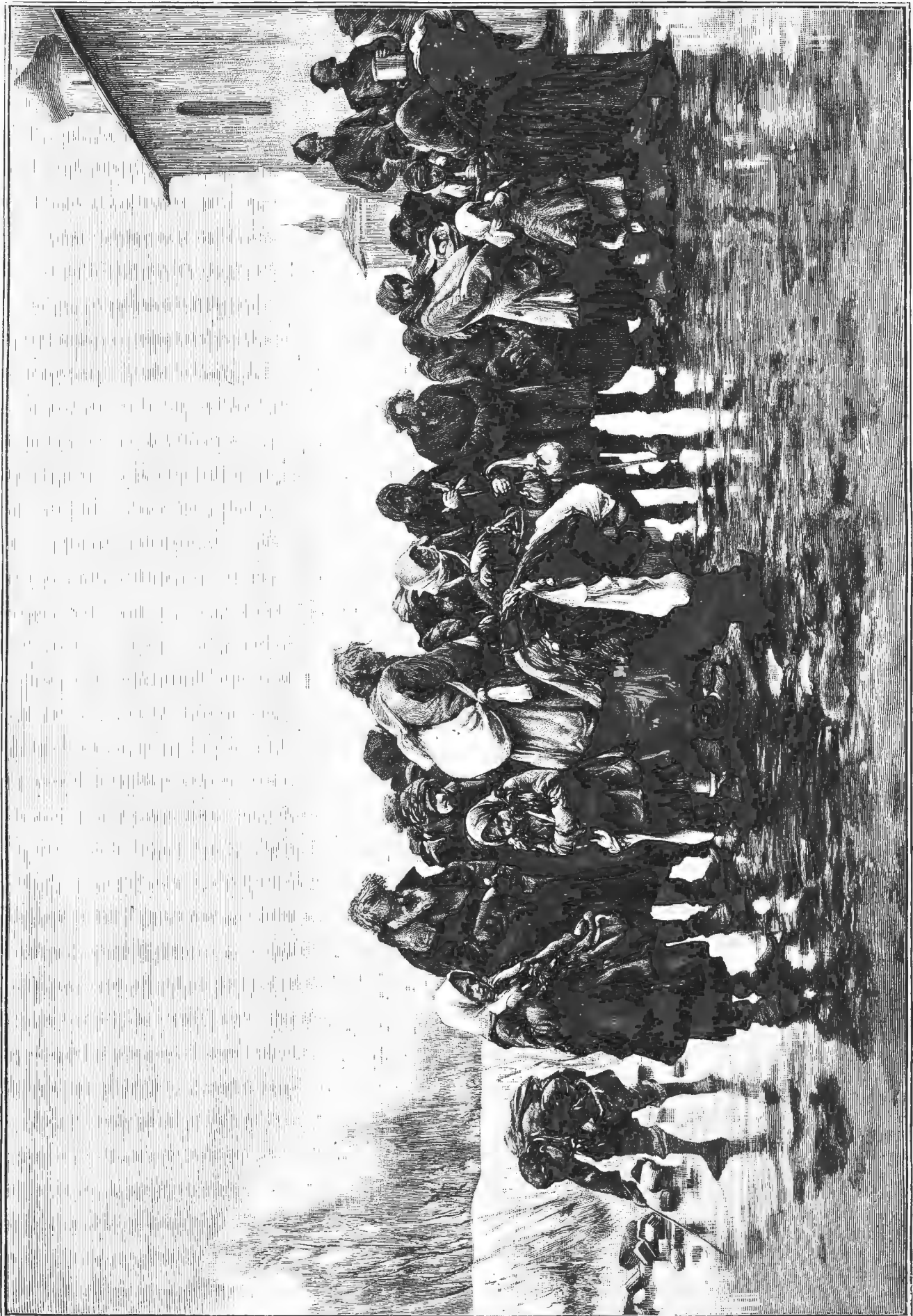
— Зачѣмъ же ты разбираешь и потомъ складываешь печь? Дымилась?

— Ни въ какомъ случаѣ. Печь, ваше высокородіе, образцовая—изъ лучшаго нѣмецкаго изразца. Дмитріевна такъ полагаетъ, что кладъ. Носатый тоже буркнулъ, что, какъ будто, кладъ. А Флорентій Адриановичъ воображаетъ дипломатическій динамитъ.

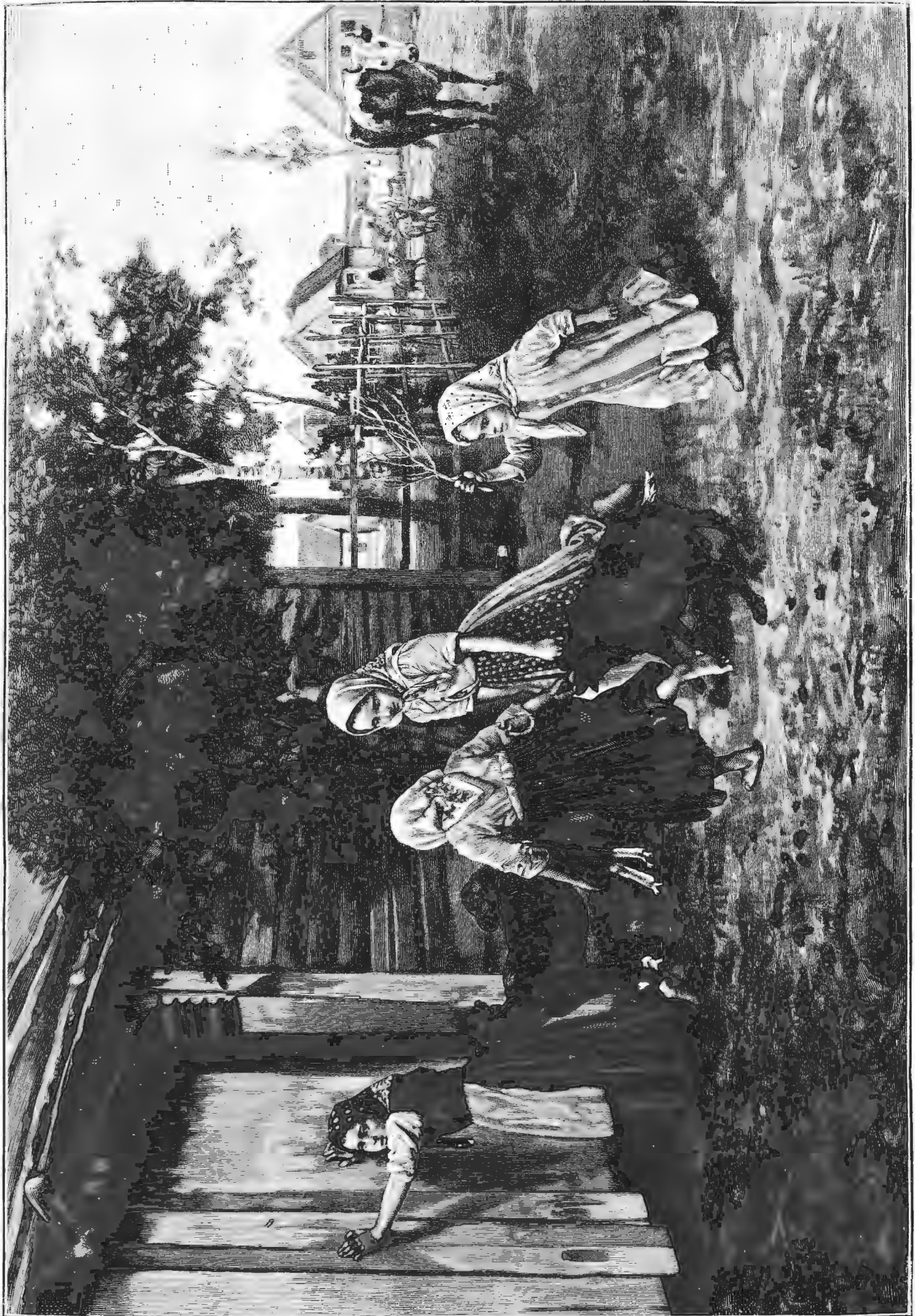
— Динамитъ! Подожди, печникъ, я выпью немного водички. Почему же ему кажется, что это динамитъ?

— Такъ, ваше высокородіе, выходитъ по наукѣ.

Слѣдователь, не спуская глазъ съ Михайлыча, разсматривалъ всю его фигуру, причемъ разнообразныя

Выставка Императорской Академіи Художествъ „У церкви“.
Съ картинъ и Творенинова (право вопроизв. въ гравюрѣ и т. п. принадле. „Нивѣ“), грав. Шюблеръ.

Выставка Имп. Анат. Худож. „На буксиръ“.
Съ карт. проф. Н. Д. Дмитриева-Оренбургскаго (право воспроизведенія въ гравюрь и т. п. принадлежить „Нивѣ“), грав. Шюблеръ.

мысли пронеслись въ его умѣ. Въ концѣ концовъ, онъ подумалъ: „печникъ глупъ какъ пробка, но въ его разсказѣ есть какое-то зерно правды. Если бы я былъ сыщикомъ, то могъ бы по этой ниточкѣ обратиться до интереснаго клубочка“. Онъ хотѣлъ ужь отпустить Михайлыча, но Михайлычъ, переминаясь съ ноги на ногу и чувствуя себя неловко подъ взглядомъ двухъ пытливыхъ, насмѣшливыхъ глазъ, присовокушилъ:

— Я, ваше высококордіе, подозрѣніе имѣю.

— Да—на кого же?

— На мертвый домъ, ваше высококордіе.

Слѣдователь зналъ, что домъ Язембскихъ народъ называетъ мертвымъ. Онъ спросилъ:

— Ты думаешь, что тебя возили въ мертвый домъ? Чѣмъ же ты это докажешь?

— Во-первыхъ, резеда пахнетъ, ваше высококордіе. Нигдѣ такъ не пахнетъ резедой. Главная примѣта. А, во-вторыхъ—галки. Сколько я ни ходилъ смотрѣть, все надъ одной трубой кружать.

Слѣдователь махнулъ рукой и позволилъ Михайлычу уйти.

Когда слѣдователю понадобилось опять допросить Михайлыча по дѣлу Петрика и Крутика, онъ, словно нечаянно, возобновилъ рѣчь о мертвомъ домѣ и полюбопытствовалъ, почему Михайлычъ связываетъ съ носомъ таинственнаго господина, развѣзжающаго въ каретѣ съ золотыми гербами и скрывающаго въ печкѣ дипломатическій динамитъ, судьбы земнаго шара. Но Михайлычъ ничего не могъ объяснить, несъ ахиною и ссылался на авторитетъ иконописца Иванова, къ сожалѣнію удрученнаго горемъ и потому не имѣющаго возможности представить г. слѣдователю „никакихъ соображеній“.

XIII.

Августъ прошелъ. Слѣдствіе было кончено и передано прокуроромъ въ окружной судъ.

Петрикъ и его другъ явились на судъ разодѣтыми по послѣдней парфеновской модѣ, въ цвѣтныхъ пиджакахъ, раздушенные и завитые, какъ барашки. Адвокатъ ихъ наговорилъ ошеломляющихъ фразъ: о молодости, любви, о томленіи юныхъ душъ, которыя ищутъ въ грязи небесный элементъ, о нравственности, оскорбляемой отсутствіемъ идеаловъ. Конечно, дурно, что молодые люди, узнавъ объ измѣнѣ Саши, захотѣли наказать ее; но мѣра наказанія, придуманная ими, совсѣмъ не отвѣчала тому, что рѣшила судьба въ слѣпомъ озлобленіи противъ Саши. Нѣтъ, благородные, молодые люди сознательно не могли быть убійцами! Прокуроръ тоже наговорилъ фразъ о молодости, о любви, о томленіи юныхъ душъ, которыя ищутъ въ грязи небесный элементъ, о нравственности, оскорбляемой отсутствіемъ идеаловъ. Но Петрикъ и Карнѣй, не смотря на ихъ утонченно-благородные взгляды, все-таки утопили Сашу. Если бы они сбросили ее съ колокольни въ надеждѣ на то, что она артистически прыгаетъ, то едва ли можно было бы усмотрѣть въ ихъ поступкѣ дѣяніе не наказуемое закономъ. Револьверъ убиваетъ, если онъ заряженъ. И темная рѣка, въ которую ночью бросаютъ дѣвушку, чтобы посмотрѣть, какъ та плаваетъ, не можетъ вдругъ лишиться своихъ губительныхъ свойствъ. „Стихія есть стихія“, произнесъ прокуроръ съ убѣжденіемъ.

Залъ суда былъ набитъ публикой. Друзья, по временамъ, оглядывались и, улыбаясь, кивали кому-то головой. Вообще, они вели себя развязно, смотрѣли на хорошенькихъ женщинъ и, во время перерыва, съѣли въ комнатѣ для подсудимыхъ по десятку пирожковъ.

Присяжные засѣдатели удалились. Черезъ два часа они вынесли друзьямъ оправдательный вердиктъ.

Хотя многимъ казалось, что Саша была утоплена молодыми людьми въ самомъ дѣлѣ „добросовѣстно“,

какъ утверждали они въ своемъ заключительномъ словѣ, т. е. что они рассчитывали на ея спасеніе, и имъ не удалось это только по независящимъ отъ нихъ причинамъ, но общественная совѣсть была возмущена рѣшеніемъ присяжныхъ.

Можетъ быть судомъ неудачно были поставлены вопросы. Все же, хоть какъ-нибудь, слѣдовало наказать парфеновскихъ сорванцовъ. Однако они погубили Сашу и остались безнаказанными.

Прямо изъ суда они поѣхали въ трактиръ и выпили, какъ могутъ пить люди въ ихъ положеніи: когда они сѣли на извозчика, они шумѣли, кричали и приказали пустить лошадь во весь карьеръ.

— Какъ бы людей не задавить! замѣтилъ извозчикъ съ сочувственной улыбкой, оглянувшись на сѣдоковъ, удалъ которыхъ ему понравилась.

— Ничего, дави! сказалъ Карнѣй.

— Оправдаютъ! пояснилъ Петрикъ.

Стояли дождливые осенніе дни. Немощенныя улицы отдаленныхъ концовъ города были покрыты жидкою грязью. Дрожки стали спускаться въ парфеновскій оврагъ и нагнали Михайлыча, который пѣшкомъ шелъ изъ суда, увязая въ растворенной глинистой почвѣ. На немъ былъ надѣтъ новенькій синій кафтанъ. Увидѣвъ Михайлыча, друзья раскланялись съ нимъ съ изысканно-комичною вѣжливостью. Брызги грязи обдали его—онъ сердито посторонился.

Всю дорогу вздыхалъ Михайлычъ. Онъ справедливо опасался, что этимъ не ограничится месть друзей.

Унылый и молчаливый, зашелъ онъ въ „Золотую рыбку“. Оказалось, что ужь тамъ шелъ пиръ горой. Въ отдѣльномъ номерѣ кутили оправданные убійцы Саши. Аронъ Шминдрикъ съ перомъ въ рукѣ стоялъ за конторкой, щелкалъ на счетахъ и торопливо подводилъ итоги долгамъ Карнѣя Крутика. Рѣзкая морщина лежала межъ бровей заботливаго еврея. Сегодня должна быть выпита Крутикомъ послѣдняя чаша кредита. Отъ времени до времени еврей поднималъ глаза и ласково поглядывалъ въ окно на домикъ парфеновскаго дворянина, бѣлѣвшій на противоположной сторонѣ улицы въ дымѣ мутнаго вечера.

— Деньги! отрывисто произнесъ Шминдрикъ, увидѣвъ вошедшаго Михайлыча.

Михайлычъ положилъ на стойку пятнадцать копѣекъ. Еврей налилъ стаканъ водки и указалъ на закуски.

— Что же теперь будетъ? спросилъ Михайлычъ, обтирая ротъ рукой.

Шминдрикъ молчалъ.

— Аронъ, ты хоть жидъ, но все же душа у тебя есть, продолжалъ Михайлычъ,—ты скажи мнѣ, кто же теперь утопилъ Сашу?

— Знаешь, что я тебѣ скажу, Михайлычъ, началъ еврей, какъ человѣкъ мудрый и достаточно пожившій на свѣтѣ:—ѣшь пирогъ съ грибами и держи языкъ зубами.

Послѣ чего онъ снова погрузился въ свои счета.

Михайлычъ покачалъ головой и пошелъ къ женѣ, которой разсказалъ, чѣмъ кончился судъ, и предложилъ тотъ же вопросъ.

— Ахъ, Михайлычъ, отвѣчала Дмитріевна, подперевъ щеку рукой, — погляжу я на тебя—сердце обливается кровью! Чтѣ съ тобой стало! Чего тебя понесло тогда на Двѣрзь? Жилъ бы ты какъ всѣ: моя хата съ краю, я ничего не знаю.

— На моемъ мѣстѣ, Дмитріевна, ты бы не такъ звонила! осерчавъ, сказалъ Михайлычъ.

— Кто я, Михайлычъ? Да когда-же, о чемъ я звонила? Скажи, кто отъ меня слышалъ о носатомъ баринѣ? Не утаю, горько иногда приходится—свижусь съ кумой, такъ-бы все и выложила; да нѣтъ—молчу, лучше въ ротъ воды наберу. Стыдно тебѣ, Михайлычъ!

Михайлычъ взглянулъ на воду, стоявшую въ кув-

шинѣ, вспомнилъ, что слѣдователь, допрашивая, тоже набираетъ въ ротъ воды, и пожалѣлъ, что самъ онъ питаетъ отвращеніе къ этой жидкости. Онъ легъ на койку.

— Дмитриевна, гдѣ-то у насъ была гирька...

— Была. На что тебѣ?

— Предоставь мнѣ ее, положу я въ карманъ и буду носить отъ тоски. Неробень случай, Дмитриевна, а между прочимъ я имѣю основательный умыселъ.

— На кого, Михайлычъ?

— Деревянная баба! вскричалъ Михайлычъ.—Дурой была, дурой и останешься. Ты какъ полагаешь: Крутикъ и Петрикъ зачѣмъ, когда фхали на извозчикѣ и со мной повстрѣчались, благодарственный выкрутасъ сдѣлали? мрачно спросилъ онъ.

— Развѣ сдѣлали? озабоченно переспросила Дмитриевна.

— А! То-то! Поняла!

Михайлычъ отвернулся къ стѣнкѣ и уставился глазами въ щель.

Послѣ обѣда онъ нашелъ нужнымъ потревожить полицейскаго надзирателя, и доложилъ ему, сначала инстинктивно, а потомъ и прямо, что боится мести друзей.

— Что-же они тебѣ сдѣлаютъ?

— По крайней мѣрѣ ребро выймутъ, гадательно сказала Михайлычъ.

— Безпокойный ты человекъ! замѣтилъ надзиратель и прогналъ Михайлыча.

Нѣсколько дней затѣмъ ходилъ онъ по Парфеновкѣ съ пятифунтовикомъ въ карманѣ. Карманъ оттягивался, рвался и Дмитриевна чинила его по вечерамъ.

Однажды печникъ Михайлычъ былъ въ гостяхъ у Флорентія Адриановича и, придя домой, сообщил женѣ новость: Маня поступила въ послушницы во Фроловскій монастырь. Поговоривъ съ Дмитриевной, Михайлычъ улегся спать и подложилъ „безопасную“ гирьку, какъ онъ называлъ свой кастетъ, подъ подушку. Скоро ему сталъ сниться какой-то длинный тяжелый сонъ. Ему привидѣлась Саша, которая, будто, вышла изъ воды и гонится за нимъ по берегу бушующей, почернѣвшей рѣки. Кажется, онъ вотъ-вотъ уйдетъ отъ нея, да ноги не повинуются, колѣни сгибаются отъ страха, и онъ спотыкается на каждомъ шагѣ. А утопленница ближе и ближе, настигла его—онъ упалъ. Костлявые пальцы ея впились въ его горло,—душить его Саша, нельзя ему крикнуть, трудно пошевелиться. Весь похолодѣлъ онъ отъ ужаса и, наконецъ, проснулся.

Комната была полна дыма. Дмитриевна, схвативъ ребятъ, уже выскочила на улицу и рыдающимъ голосомъ звала мужа. Михайлычъ машинально бросился къ одеждѣ и однимъ прыжкомъ очутился возлѣ Дмитриевны. Родной домикъ его горѣлъ со всѣхъ четырехъ концовъ.

— Ничего, Дмитриевна! сказалъ онъ женѣ растерянный и улыбающійся.—Ничего! Я цѣль. Ахъ ты Господи, Боже мой! Важно горитъ!

Потомъ онъ храбро ворвался въ пылающій домикъ и, дымясь, какъ головня, выбѣжалъ черезъ нѣсколько мгновений съ подушкой въ рукахъ.

— Дмитриевна, Митьки нѣту!

— Тятя, я здѣсь, отозвался мальчикъ, который все время держался за юбку матери.

— Пострѣлъ, ты чего-же здѣсь? крикнулъ отецъ и далъ шлепка сыну.—Даромъ я погибалъ, что-ли?

— Да что ты, успокойся, Михайлычъ! сказалъ иконописецъ Ивановъ, стряхивая искру съ волосъ печника.

Увидѣвъ человека, который пользовался его неограниченнымъ уваженіемъ, Михайлычъ хотѣлъ было пошутить надъ своимъ неожиданнымъ несчастіемъ, но лицо его передернуло судорогой, и онъ сталъ рыдать.

XIV.

Спустя недѣлю послѣ пожара, печникъ Михайлычъ явился къ судебному слѣдователю утромъ на квартиру.

Слѣдователь жилъ у сестры, которой уступилъ свою часть наслѣдства, доставшагося ему послѣ смерти отца, хотя сестра и не имѣла на то законнаго права, потому что вышла замужъ при жизни родителей. Она взидала съ брата деньги за комнату, и отдѣльно за столъ, отдѣльно за чай, отдѣльно за прачку. Если къ нему приходилъ гость и выпивалъ стаканъ чаю, она вела счетъ этимъ стаканамъ и подавала его двадцатаго числа, въ день полученія слѣдователемъ жалованья.

Маврикинъ—фамилія слѣдователя—посмѣивался надъ скопидомствомъ сестры и самъ прибавлялъ къ счету какую нибудь мелочь, которую она упустила изъ виду.

Помѣщеніе у Маврикина состояло изъ небольшой комнаты съ низкимъ потолкомъ, уставленной обветшалой мебелью. Такъ какъ въ домѣ имѣлось старинное четырехное фортепьяно и его некуда было дѣвать, то оно заняло уголь въ комнатѣ у Маврикина. Когда Маврикину приносили обѣдъ—онъ не любилъ ѣсть на половинѣ сестры—остатки кушаньевъ онъ приказывалъ прятать въ этотъ инструментъ, который такимъ образомъ превратился въ буфетъ. Дѣлалъ это Маврикинъ единственно для того, чтобы позлить сестру. Вечеромъ, сядя въ халатъ у раскрытаго окна, онъ сзывалъ свистомъ собакъ и кормилъ ихъ объѣдками, и сестра его, стоя на крыльцѣ, съ нѣмымъ гнѣвомъ смотрѣла на то, какъ идетъ прахомъ добро. Она рѣшила отпустить брату самыя маленькія обѣденныя порціи. Кормленіе собакъ по вечерамъ, тѣмъ не менѣе, продолжалось, и Маврикинъ задавалъ себѣ вопросъ: какъ скоро наступитъ время, когда порцій совсѣмъ не будетъ.

Михайлычъ засталъ Маврикина за умываньемъ.

Засучивъ по локоть рукава сорочки, слѣдователь юмористически теръ руки мыломъ, кусокъ котораго прислала ему сестра и которое никакъ не пѣнилось.

— Это яблоко, а не мыло, сказалъ слѣдователь и поднесъ его къ глазамъ дворника, исправлявшаго при немъ обязанность лакея.—Что это такое, мой другъ, объясни мнѣ!

— Должно-быть мыло. Барыня говорили, что тридцать копѣекъ заплачено.

— А! печникъ! вскричалъ Маврикинъ, увидѣвъ входящаго Михайлыча.—Вотъ ты, братецъ, очень умный человекъ: рассуди, Бога ради, нашъ споръ—что это такое?

Михайлычъ вѣжливо принялъ мыло изъ рукъ слѣдователя и, осмотрѣвъ его, произнесъ:

— Замазка.

— Ну, да Богъ съ нимъ! со смѣхомъ заключилъ Маврикинъ и сталъ умываться.—Скажи, Иванъ, барынѣ, что на будущее время я самъ стану себѣ покупать мыло, а этотъ кусокъ спрячу на память. Что, печникъ? Зачѣмъ пожаловалъ?

Михайлычъ началъ:

— Ваше высокородіе, со мной случай.

— Случай? Что нибудь опять?..

— Пожаръ сдѣлался ночью при большомъ скопленіи свидѣтелей.

— Жаль тебя, братецъ. Большой убытокъ?

— Все погорѣло. Даже гирька пятифунтовая была—и та пропала! сказалъ Михайлычъ и махнулъ рукой.

Слѣдователь, расчесывая свои волосы гребенкой, зубцы которой ломались, тщетно искалъ глазами зеркала: оно висѣло еще вчера, но сестра велѣла унести его къ себѣ въ переднюю.

— Такъ ты погорѣлъ. И гирька, говоришь, сгорѣла? Иванъ, гдѣ зеркало? А! Ну, все равно. Гирька изъ чего была? Свинцовая?

— Изъ чугуна, ваше высокородіе.

— Ну, такъ она едва-ли сгорѣла. Ты-бы ее поискалъ. Иванъ, скажи барынѣ, что я не намѣренъ дальше терпѣть. Я привыкъ видѣть свою физиономію. Скажи, что я скучаю. Но почему-же тебѣ гирьки жаль?

— Ахъ, ваше высокородіе, сколько я ее въ карманѣ носилъ—но Крутикъ и Петрикъ тоже знали, чѣмъ меня доухать. Вѣдь это отъ нихъ, ваше высокородіе, красный пѣтухъ произошелъ.

— Они подождли тебя?

— Такъ точно. Кто-же больше? Прямой интересъ. Теперь, какъ вышло имъ судебное разрѣшеніе разбойничать, они на всю Парфеновку изъявляютъ уголовную претензію. Защитите, ваше высокородіе! Что дѣлать? Какъ быть? Могу-ли, наконецъ, и я надѣяться на судебное разрѣшеніе, если я, примѣрно, Петрику зубы въ затылокъ вгоню?

— Нѣтъ, печникъ, судебного разрѣшенія тебѣ на это не будетъ, отвѣтилъ слѣдователь, доканчивая свой туалетъ и собирая въ портфель бумаги, чтобы ѣхать въ камеру. — Прощай, голубчикъ. Не гнѣвайся на меня, если я тебѣ скажу, что ты довольно странный человѣкъ. Всегда ты являешься съ какими нибудь невѣроятными сообщеніями. Если тебя подождли и ты можешь это доказать—жалуйся. Я произведу слѣдствіе и виновные, конечно, будутъ наказаны.

— Нѣтъ, ваше высокородіе, покорно благодарю за слѣдствіе. Теперь я опять построюсь, а они меня вторично сожгутъ? Въ Сибирь-бы ихъ сослать, да и шабаш! Напишите лучше такую бумагу, что, молъ, такъ и такъ, большое безпокойство причиняютъ печныхъ дѣлъ мастеру Михайлычу — вѣкъ буду за васъ Бога молить!

— Я не имѣю права писать такихъ бумагъ. Судить и наказывать не мое дѣло, возразилъ слѣдователь. — Иванъ, принеси Михайлычу стаканъ чаю. Ты пей чай, Михайлычъ, а я уѣду. Да, кстати, взгляни, Бога ради, на эту печь. Скоро холода начнутся. Сдѣлай такъ, чтобы ее только разъ въ недѣлю можно было топить. У меня

сестра расчетливая женщина, и она тебѣ въ ножки поклонится. А что, Михайлычъ, ты, я думаю, за своимъ несчастіемъ и галокъ забылъ считать?

Михайлычъ улыбнулся и отвѣчалъ:

— Два раза былъ на своемъ мѣстѣ. Галки кружатъ.

— Все надъ одной трубой?

— Да, ваше высокородіе, очень замѣчательно.

— Ты не вдумывался хорошенько—почему онѣ кружатъ?

Михайлычъ пожалъ плечами и таинственно произнесъ:

— Что нибудь чуютъ.

Глаза у слѣдователя на мгновеніе вспыхнули какимъ-то страннымъ огонькомъ, словно онъ только теперь понималъ, что Михайлычъ не такой глупецъ, какимъ онъ до сихъ поръ казался.

— Послушай, Михайлычъ, началъ онъ, стараясь положить ему свою руку на плечо и, наконецъ, достигая этого, благодаря вѣжливости печныхъ дѣлъ мастера, который слегка согнулъ станъ,—ты, во всякомъ случаѣ, славный малый, откровенный, немножко иносказательный, но приятный въ обхожденіи. Я тебя должно-быть очень полюблю. Ты заходи ко мнѣ сегодня вечеромъ или лучше завтра, потому что завтра праздникъ, и я намѣреваюсь угостить тебя обѣдомъ. Сестра большая мастерица кормить.

Онъ добродушно подаль Михайлычу руку, и тотъ, растерявшись отъ такой чести, почувствовалъ въ своей душѣ приливъ несказанной преданности къ Маврикину. Это чувство заставило его выйти вслѣдъ за Маврикинъ на улицу, услужливо во все горло крикнуть извозчика и почти влюбленными глазами смотрѣть на маленькую неуклюжую фигуру слѣдователя съ огромнымъ портфелемъ подъ-мышкой, пока тотъ не скрылся изъ виду.

(Продолженіе будетъ)

Моничка.

Повѣсть Н. Морснаго (Н. К. Лебедева). (Посмертное произведеніе).

(Продолженіе).

VI.

Слабостью Любовь Петровна были чужія несчастья всякаго рода. Трудно было найти въ мірѣ другое существо, которое бы до такой степени много пролило слезъ надъ чужимъ горемъ—и какихъ слезъ! Въ семьѣ какого-нибудь рабочаго, дворника, кучера, извозчика—умиралъ ребенокъ; семья вздыхала, обряжала покойничка, безропотно переносила его утрату и набожно крестилась, наутру младаческую дуну въ лучшей изъ міровъ. Все совершалось тихо, просто,—чрезвычайное мѣшалось съ обыденнымъ: обмытый ребенокъ клался въ гробикъ, въ печи пеклись блины; но вдругъ врывалась барышня, Любовь Петровна, выдавшая покойничка, бывшая восприемницей его при крещеніи, нянчившая его... Какую массу слезъ проливала она надъ этимъ кратковременнымъ жителемъ міра сего, что за громкими причитаніями, способными вызвать слезы у камней, а не то что у живыхъ людей, оглашала она эту избу, гдѣ отецъ-извозчикъ мирно сидѣлъ до сихъ поръ на лавкѣ, въ ожиданіи времени выноса, гдѣ бабушка съ озабоченнымъ видомъ слѣдила за печеніемъ блиновъ, а мать обряжала сестренку для проводовъ братца въ его послѣдній земной пріютъ. Съ появленіемъ барышни—все измѣнялось: мать, точно кто расшевелилъ ей душу, разбередилъ ея душевные раны, ударилась въ слезы; бабушка со вздохами пекла блины; отецъ тревожно ворочался на своемъ сидѣннѣ, и сестренки, которыя за минуту передъ этимъ не безъ удовольствія подумывали о проводахъ братца на обсаженное ветлами кладбище,—ревѣли благимъ матомъ. Былъ такой случай въ жизни Любови Петровны,—случай, надъ которымъ любилъ подсмѣиваться даже экспансивный не менѣе дочери капитанъ. У Любови Петровны жила горничная, дѣвица уже въ лѣтахъ. Вѣроятно польстясь на вѣкоторое сбереженіе, сдѣланное ею, къ ней присватался какой-то наборщикъ, бывший несравненно моложе невѣсты—почти мальчишка. Перезрѣлая невѣста конечно влюбилась въ молодого жениха,—дѣло близилось къ свадьбѣ, какъ вдругъ женихъ отчалилъ: нашелъ видно побогаче. Оставленная невѣста перестала принимать пищу и не спала, вся можно-сказать распухнувъ отъ слезъ. Любовь Петровна до такой степени добросовѣстно раздѣлила горе съ покинутою, что даже похудѣла, потеряла аппетитъ и сонъ и изъ особы собогъзвующей дошла до такого состоянія, что ей самой слѣдовало собо-

лѣзновать. Въ разныхъ нелѣпныхъ планахъ, какъ бы вернуть къ покинутой невѣстѣ жениха, Любовь Петровна и не замѣтила, что къ оставленной невѣстѣ вернулся аппетитъ и сонъ, а немного спустя и весело-оживленный видъ. Любовь Петровна помнила измѣну и окаменѣла отъ удивленія, когда однажды горничная сообщила ей безъ малѣйшихъ слѣдовъ своего недавняго горя:

— Барышня, а вѣдь меня мясникъ Иванъ сватаетъ.

— Ну?..

Барышня предчувствовала дальнѣйшее, но не хотѣла вѣрить себѣ.

Горничная скромно вставила:

— Хорошій ужъ очень человѣкъ...

Любовь Петровна даже поблѣднѣла въ виду подобнаго несостоятельна, и губы ея чуть слышно прошептали:

— А тотъ?

Горничная махнула легкомысленно рукой:

— А, ну его, шайтана!.. Этого посолдиѣте.

Посолдиѣте... хорошій человѣкъ!.. Любовь Петровна понимала только вѣрность,—вѣрность даже къ самому отъявленному негодю. Измѣнчивое сердце привело ее въ яростный гнѣвъ. И оттолкнувъ отъ себя съ омерзеніемъ горничную, которая была виновата только въ томъ, что не представляла собою душевнаго подобія Любови Петровны, она съ поблѣднѣвшимъ лицомъ и блестящими отъ гнѣва глазами крикнула ей:

— Вонъ!..

Никто не въ силахъ былъ поколебать разъ составленнаго Любови Петровною мнѣнія, а единственный человѣкъ, который стоялъ къ ней ближе всѣхъ, да и лучше ее зналъ,—капитанъ, былъ самъ безумцемъ, увлекающимся не менѣе своей дочери,—безумцемъ, способнымъ только потворствовать ея ошибкамъ и увлеченіямъ, а отнюдь не устранять ее отъ нихъ. Капитанъ, не смотря на тамъ и сямъ блиставшіе серебромъ волосы, въ его косматой, черной гривѣ, оставался младенцемъ и чистымъ сердцемъ не менѣе своей семнадцатилѣтней дочери.

Таковы были отецъ и дочь Образцовы, съ которыми предстоило теперь познакомиться Моничкѣ.

VII.

Любовь Петровна встрѣтила насъ въ саду, въ которомъ обнажились отъ снѣга только тѣ мѣста, гдѣ доступу солнца не препятствовало густое, хотя еще и не зазеленѣвшее на-

Виставна Импер. Академіи Художествъ. „Въ науку“.

Съ карт. О. Н. Винцмана (право воспроизведенія въ гравюрь и т. п. принадлежить „Нивъ“), грав. Пуць.

саждение. Волга близилась уже къ ледоходу, какъ-то вся поспѣла и мѣстами какъ-бы вслучилась: освободившаяся изъ-подъ снѣгу травка казалась желтоватою; только нѣжно-лиловые подснежники, яркими островками, скрывъ подъ своими цвѣтами зеленые листочки, разнообразили зимній еще видъ сада. Солнце грѣло: капало съ крышъ, снѣгъ проваливался подъ ногой; въ голубомъ и безоблачномъ небѣ пѣлъ скворецъ, чирикали у дома собиравшіе что-то воробьи, а на высохшихъ мѣстахъ выступали предводимыя пѣтухомъ куры. Нагрѣтый весеннимъ солнцемъ воздухъ смѣшивался съ холодомъ еще довольно обильнаго снѣга и льда покрывавшаго поверхность Волги. Весна чувствовалась въ воздухѣ, но еще не вполне.

Передъ незнакомымъ человѣкомъ Любовь Петровна сняла съ головы импровизованную изъ подснежниковъ діадему и встрѣтила васъ просто въ волосахъ, блистая на солнцѣ аметистами своихъ серегъ. Такъ какъ она была въ одномъ платьѣ (Любовь Петровна не боялась простуды и, несмотря на раннее время года, уже выставила въ своей комнатѣ передъ самой Святой единственное, выходящее въ садъ, окно), то вѣроятно озябла, казалась нѣсколько поблѣднѣвшею, отчего свойственная ей смуглость какъ-то еще больше выступила на ея лицѣ. Въ своихъ блестящихъ серьгахъ, съ нѣсколько растрепанными вѣтромъ черными волосами и открытыми улыбкой ослѣпительно бѣлыми зубами, Любовь Петровна въ этотъ разъ болѣе обыкновеннаго походила на цыганку, что миѣ не особенно въ ней нравилось. Миѣ было непріятно, что при первомъ свиданіи съ Моничкой, Любовь Петровна имѣла именно подобный видъ и могла произвести на него невыгодное впечатлѣніе. Не подумайте, что я былъ равнодушенъ къ Любови Петровнѣ; о, нѣтъ,—недовольство происходило тутъ совершенно изъ-за другой причины. У очень молодыхъ людей, у юношей есть желаніе похвалиться знакомствомъ съ хорошенькою или въ какомъ-нибудь отношеніи замѣчательною дѣвушкой, а потому бываетъ очень досадно, когда, думая удивить своимъ знакомствомъ, видишь что оно произвело совершенно иного рода впечатлѣніе, не то, котораго ожидалъ.

Во что бы то ни стало я рѣшилъ вывести Любовь Петровну на свѣжую воду, обличить въ томъ, что она держитъ себя совсѣмъ не такъ, какъ обыкновенно, что она ломается и манерничаетъ. Въ самомъ дѣлѣ, крикнувъ Моничку, сказавъ что ей необходимо его видѣть, что-то разспросить, о чемъ-то посовѣтоваться,—словомъ, вызвавъ его въ садъ, Любовь Петровна теперь вдругъ какъ-бы застыдилась чего-то и повела себя очевиднымъ образомъ неискренно. Какъ обыкновенно, она съ торопливою любезностью жала руку Монички и извинялась передъ нимъ въ неосторожно вырвавшихся у нея словахъ, которыми она побудила его безпокоиться выходить въ садъ. Моничка очень вѣжливо отвѣтилъ ей на это:

— Помилуйте, какое-же это безпокойство!

Но она настаивала на своемъ, говорила вѣвучею скорою рѣчью и по своему обычаю сильно жестикулировала, то заламывая ни съ того, ни съ сего руки, то прижимая ихъ для чего-то къ сердцу, поднимая глаза къ небесамъ, для чего-то набѣгая смотрѣть въ устремленные на нее прекрасные голубые глаза Монички, точно совѣтъ у нея не была чиста.

— Однако... И зачѣмъ я, глупая, безпокоила васъ!.. Вамъ можетъ не время и во всякомъ случаѣ ничего нѣтъ интереснаго разговаривать со мной.

Моничка спокойно, какъ-бы не замѣчая ея ломанья и нисколько не разувѣряя Любовь Петровну въ томъ, что ему нѣтъ никакого интереса бесѣдовать съ нею, просто-на-просто напомнилъ ей:

— Вы хотѣли спросить меня что-то о нашемъ вечерѣ?

При этомъ Любовь Петровна вспыхнула окончательно, просто залилась краской до корней волосъ. Приподнявъ плечи, прижавъ руки къ груди и закативъ глаза, она вскричала:

— Боже мой! я право не думала о томъ, что болтаетъ мой языкъ. Представьте, какой вздоръ я хотѣла васъ спросить...

— Именно?

— Говорить правду—я не желала къ вамъ ѣхать; ужъ куда миѣ: я дѣвушка необразованная, въ аристократическомъ обществѣ не бывала...

— Ужъ и аристократическомъ! усмѣхнулся Моничка.

Любовь Петровна удивилась этой усмѣшкѣ:

— А какъ-же? развѣ нѣтъ? Мамаша ваша — генеральша, тетенька—генеральша... развѣ это шутка? А гости? Вѣрно вся здѣшняя знать соберется. И миѣ, милый господинъ, дѣйствительно страшно понасть къ вамъ. Но папаша говоритъ, что надо ѣхать... А ну какъ я не съумѣю себя держать?

Вопросъ этотъ относился къ Моничкѣ, по *милый господинъ*, это выраженіе какихъ-то приниженныхъ приживалокъ и ходящихъ съ пѣснями по дворамъ цыганокъ, окончательно вывело меня изъ терпѣнія; не давъ отвѣтить Моничкѣ, я самъ отвѣтилъ на вопросъ Любови Петровны—и отвѣтилъ, надо сказать, довольно дерзко:

— Конечно, не съумѣете, если будете такъ манерничать.

Я произнесъ эти слова съ раздраженіемъ и, вѣроятно, измѣнившись въ лицѣ. Любовь Петровна мгновенно осѣклась, робко посмотрѣла на меня, не произнеся ни слова, и замолчала. На

мгновеніе воцарилось общее молчаніе, прерванное Моничкой обращеніемъ къ Любови Петровнѣ:

— Вамъ вѣроятно холодно?... вы такъ легко одѣты.

Она отвѣтила на этотъ разъ просто: „да“, и машинально вдругъ двинулась къ своему дому, опустивъ голову.

Мы тоже въ молчаніи послѣдовали за ней.

Дойдя до крыльца, Любовь Петровна остановилась, и не подымая опущенныхъ глазъ, какъ-то робко, но безъ прежняго манерничанья простилась съ нами:

— Прощайте...

Моничка поглядывалъ на меня, вѣроятно усматривая во миѣ виновника такого внезапнаго превращенія молодой дѣвушки. Хотя я и сознавалъ справедливость сдѣланнаго мною замѣчанія, но теперь миѣ стало жаль Любовь Петровну, тѣмъ болѣе, что я все-таки ее обидѣлъ. Не отвѣчая на ея прощаніе—я сдѣлалъ попытку исправить свою вину:

— Вы такъ и не спросили у него, указавъ я на Моничку,—о сегодняшнемъ вечерѣ... Вы обидѣлись на меня?..

Она стояла передъ нами на ступенькахъ крыльца и пристально разсматривала противоположный, отлично видный съ возвышенія берегъ Волги. Что-то въ родѣ легкой улыбки появилось около ея губъ при моемъ вопросѣ, и несмотря на обоихъ насъ, она отвѣтила собственно миѣ:

— Нѣтъ, но миѣ было совѣстно...

— Что я позволилъ себѣ замѣчаніе? спросилъ я.

— Да... и за себя.

— За себя?

— Потому что я довела васъ до этого замѣчанія.

Тутъ вмѣшался Моничка, руководясь благимъ побужденіемъ—смягчить всю эту маленькую размолвку и покончить наши объясненія:

— Между коротко знакомыми людьми, замѣтилъ онъ,—это случается...

При звукахъ мягкаго и пріятнаго голоса Монички, Любовь Петровна перестала смотрѣть на противоположный берегъ Волги и встрѣтилась своими задумчивыми глазами съ открытымъ взглядомъ Моничкиныхъ прелестныхъ глазъ. И смотря на нихъ, тихо-тихо прошептала:

— Конечно, случается...

Потомъ смолкла на мгновеніе и прежнимъ тихимъ шепотомъ, какъ бы помимо собственной воли, повинуясь неотражимому дѣйствию какого-то возникшаго въ ней душевнаго состоянія, докончила прерванное:

— Только миѣ кажется, что сдѣлай вы миѣ замѣчаніе, оно бы не обидѣло меня...

Потомъ она провела рукой по блѣдному лицу своему, какъ бы приводя сбитыя мысли въ порядокъ, вздохнула, точно ей мало было воздуха, обвела насъ растерянными и смущенными взглядами, и безъ словъ, сдѣлавъ обоимъ какой-то прощальный жестъ блѣдною рукой съ тонкими пальцами, убѣжала въ домъ, такъ и не спросивъ Моничку о томъ, для чего его вызвала въ садъ.

Моничка какъ-то особенно низко нахлобучилъ фуражку на голову, поднялъ воротникъ и, углубившись въ какія-то думы, въ молчаніи дошелъ со мною до воротъ, за которыми его ожидала пролетка. Здѣсь, стиснувъ миѣ крѣпко руку и не повторивъ приглашенія, онъ бросился въ пролетку и какимъ-то суровымъ басомъ крикнулъ кучеру:—Пошелъ!..

VIII.

Этотъ день, можно сказать, весь ушелъ въ Моничкины вечера. Какъ только Моничка уѣхалъ отъ меня и я вернулся домой, твердо рѣшившись быть на вечерѣ, я вошелъ съ матушкой въ подробныя обсужденія нѣкоторыхъ деталей моего вечераго костюма. Въ самый разгаръ нашихъ переговоровъ влетѣлъ въ комнату, гдѣ мы находились, капитанъ, на правахъ жильца имѣвшій обыкновеніе ходить къ намъ черезъ заднее крыльцо, чтобы никого не безпокоить звонкомъ. Входя онъ уловилъ мои слова о бѣлыхъ перчаткахъ, и цѣлуя, по своему обычаю, руку матушки, заспѣшилъ оновѣстить о цѣли своего прихода, намекая на нашъ разговоръ:

— И я о томъ-же, моя родная... Вы молодого человѣка снаряжаете, а у меня забота—о молодой дѣвицѣ...

— Въ чемъ-же дѣло?

— Да что, родная, платьевъ у Любови Петровны множество, а надѣтъ рѣшительно не знаемъ что... Не посовѣтуете-ли вы? Матушка затруднилась.

— Какъ-же я, капитанъ, могу посовѣтовать... Если-бы я была здорова и выходила—я бы пошла къ вамъ и выбрала бы, что болѣе подходитъ Любочкѣ къ лицу...

— Можно сюда принести, родная, всѣ ея туалеты...

— Развѣ ужъ такъ...

Мысленно представивъ себѣ красивую и стройную Любочку—матушка повидимому увлеклась обсужденіемъ туалета молодой дѣвушки.

— Знаете, капитанъ, ваша дочь такъ хороша...

Капитанъ съежился:

— Ахъ, родная!..

— Увѣряю...

— Балуете меня, дурня...

— Ужъ если женщина,—все равно, хоть и старая, больная,

как я,—мы всё, и молодья, и старья въ этомъ отношеніи одинаковы,—хвалить красоту другой женщины, это значитъ, капитанъ, что дѣло идетъ дѣйствительно о красавицѣ... Вы, мужчины, неразборчивы: у васъ красавицы — направо и налево...

— Такъ-такъ, родная...

— Ваша дочь, капитанъ, такъ хороша, что разныя украшенія для нея даже излишни.—Матушка полузакрываетъ глаза и импровизовала: — Пышная юбка и простой, самый простой корсажъ... Волосы зачесать назадъ... въ нихъ чайную розу... А вы вѣдь не съумѣете одѣть Любочку?..

— Пожалуй, что и такъ, родная...

— Не одѣтсея-ли ей здѣсь, при мнѣ?.. Пусть все принесутъ сюда... право, такъ лучше.—Вѣдной матушкѣ, не покидавшей за болѣзнью ногъ цѣлую зиму дома, улыбулась перспектива собиранія Любовъ Петровны на вечеръ. Она прибавила:—Вотъ трюмо; здѣсь пусть подь моимъ надзоромъ Любочку и причешутъ и одѣнутъ.

— Благодарѣтельница! дайте еще разъ поцѣловать ваши ручки...

Право, выдался для капитана денекъ! Лишь только онъ удался отъ насъ, онъ побѣжалъ покупать, вълѣдствіе совѣта матушки, *sortie de bal* для Любовъ Петровны. Пробѣжавъ часа полтора и отыскавъ именно такую накидку, какую совѣтовала приобрести матушка, капитанъ вернулся домой и громко потребовалъ къ себѣ дочь, заранѣе радуясь, какъ ребенокъ, удачно сдѣланной имъ покупке, которою хотѣлъ поразить Любовъ Петровну. Последняя сидѣла въ своей комнатѣ и долго не отзывалась на зовъ отца; когда же, наконецъ, откликнулась и вышла, то капитанъ, готовившійся поразить дочь растянутою по спинкѣ стула *sortie de bal*, при видѣ молодой дѣвушки — отступилъ въ изумленіи на шагъ назадъ и вскричалъ:

— Чтѣ съ тобою?

Онъ имѣлъ полнѣйшее право удивиться. Любовъ Петровна появилась передъ нимъ до нѣкоторой степени замаскированной. Она укутала себѣ голову и закрыла лицо большимъ кускомъ розоваго газа, при чемъ вылила на себя вѣроятно цѣлую стклянку какихъ-то необыкновенно крѣпкихъ духовъ, нахнувшихъ розами. Подъ налетомъ розоваго газа ея лицо горѣло точно въ жару, а черные глаза искрились и стали какъ-то глубже. Она отвѣтила на вопросъ отца только блаженною улыбкой, но не произнесла ни слова. Изумленный и этимъ молчаніемъ, и этою странною, точно безумною улыбкой, а главное, этимъ ароматомъ розъ и газовымъ покрываломъ — капитанъ нѣсколько уже испуганно повторилъ свой вопросъ:

— Чтѣ съ тобою?

Все попрежнему, продолжая блаженно улыбаться, Любовъ Петровна и на этотъ разъ не дала никакого отвѣта. Уже совершенно испугавшись и моментально поблѣднѣвъ отъ мысли, не помѣшалась-ли дочь, капитанъ съ тревогой схватилъ ее за руку и заранѣе настойчиво и умоляюще спросилъ, близко-близко приблизивъ свое блѣдное лицо къ пылающему лицу дочери:

— Говори... не мучь... Чтѣ съ тобой?

Она вдругъ залилась счастливымъ смѣхомъ, понявъ его опасенія, откинула съ лица розовый газъ и бросивъ на плечи отца свои тонкія и гибкія руки—всмотрѣлась въ него блестящими и глубокими глазами, почти шепча, блаженно шепча и медленно произнесла, точно вѣдушиваясь въ слова:

— Развѣ ты не видишь что со мной!.. Со мной—счастье, блаженство, восторгъ... Со мной безуміе, потому что я смотрю черезъ это розовое покрывало, какъ бы стараясь видѣть все въ розовомъ... Это излишне: мнѣ лучезарнѣе, мнѣ радостнѣе для меня и безъ этой розовой дымки... Понялъ?

Капитанъ отрицательно покачалъ головой:

— Нѣтъ.

Она приблизила свое лицо къ лицу отца.

— Какъ?.. Не понялъ, когда все становится радостнѣе и восхитительнѣе, когда солнце блещетъ яснѣе, цвѣты кажутся ароматнѣе и красивѣе, когда душа переполняется такимъ восторгомъ... такимъ восторгомъ... неужели не понялъ?..

Она шептала эти слова вдохновенно, сіяя счастьемъ, шептала, какъ бы боясь громкимъ произношеніемъ словъ прогнать летавшій вокругъ нея рой счастливыхъ и чарующихъ глазъ видѣній. Капитанъ не понималъ о чемъ говоритъ дочь и, вдавываясь неволью въ ея тонъ, прошепталъ:

— Когда это бываетъ?

Она наклонилась къ самому его уху и шепнула ему не болѣе двухъ словъ, громко прибавивъ:

— Вотъ когда это бываетъ... Теперь понялъ: иди, оставь меня, дай мнѣ быть одной!.. Не спрашивай!.. потому!.. Да и зачѣмъ спрашивать: чтѣ я отвѣчу тебѣ? Развѣ я чтѣ знаю, чтѣ понимаю, съумѣю объяснить тебѣ?.. Поди, поди... Оставь меня одну!

И не посмтрѣвъ на отца, не обративъ вниманія на купленную имъ *sortie de bal*, Любовъ Петровна неслышно и легкою поступью скользнула въ свою комнату, плотно затворивъ за собою дверь. Капитанъ постоялъ нѣкоторое время посреди комнаты, а затѣмъ, неслышно и осторожно вышелъ въ залъ, рѣшившись предоставить дочь на нѣкоторое время самой себѣ. Но зайдя къ матушкѣ, показать купленную имъ *sortie*

de bal, онъ не утерпѣлъ и дословно передалъ мнѣ, какъ „другу дома“, приведенный разговоръ съ дочерью, при чемъ передавая—былъ проникнуть едва-ли не въ слышимѣйшей даже стени, чѣмъ Любовъ Петровна, тѣмъ же самымъ блаженно-счастливымъ настроеніемъ. Онъ блисталъ глазами, поигралъ рука-объ-руку и твердилъ:

— Живеть, живеть-съ... Впервые человѣкомъ себя вполне почувствовала... существомъ-съ... созданіемъ Божиимъ...

И пытался нѣсколько охладить этотъ странный для меня восторгъ:

— Положимъ, что живеть, сказалъ я, — но вѣдь эта жизнь, эти минуты счастья могутъ окончиться...

Онъ насторожился:

— Чѣмъ-съ?

— Разочарованіемъ и даже... несчастьемъ...

— Что-же изъ этого-съ? какъ-бы вскнился онъ на меня,— что-же изъ этого-съ?.. Богу одному-съ всё концы, всё-съ окончанія извѣстны... Люди не знаютъ-съ... и зачѣмъ знать-съ?.. Минутами счастья живутъ, а не прозябаніемъ... Что за жизнь, если такихъ минутъ довольно не бываетъ!.. Онѣ грѣютъ, онѣ окрашиваютъ въ цвѣтъ—и чтѣ мнѣ за дѣло до того, какъ и чѣмъ онѣ окончатся?.. Воспоминаніе-съ, воспоминаніе! вскричалъ онъ, колоти себя въ грудь для вяжого убѣжденія моего въ истинности того, что онъ говоритъ,—останется; а воспоминаніе о прожитыхъ счастливыхъ минутахъ—это, простите за сравненіе, лампада, озаряющая долгую и томительную ночь страданья...

Въ этотъ день капитану таки не мало пришлось побѣгать отъ себя къ намъ и обратно. Съ этими сборами на балъ, съ этимъ нежданно возникшимъ чувствомъ Любочки,—ему пришлось возиться одному. Онъ хлонаталъ, онъ приготавлился, перебѣгалъ отъ себя съ Любочкиными нарядами къ намъ, самъ смотрѣлъ, какъ горничныя гладилъ платье, самъ притащилъ къ матушкѣ довольно объемистый сундучекъ доставшихся Любочкѣ отъ матери драгоценностей. Дочь онъ не тревожилъ, но самъ тревожился цѣлый день, а къ вечеру, когда хорошая и ясная съ утра погода испортилась, пошелъ дождь и свѣтъ, капитанъ просто потерялъ голову. Онъ прибѣгалъ къ матушкѣ и ворвался къ ней въ невообразимой тревогѣ:

— Вѣдь нельзя ѣхать, родная! вскричалъ онъ, не переступивъ еще порога.

— Почему? спросила матушка.

— Погода, доложу вамъ, самая омерзительная: дождь и свѣтъ... грязь по колѣна...

— Что-же въ этомъ?.. вѣдь вы не пойдете, а побдете...

— Не укроешься, родная... Намъ, мужчинамъ, и то трудно, а Любовъ Петровнѣ—просто невозможно... Сами посудите: въ бальномъ туалетѣ и на дрожкахъ, да при такой погодѣ...

Мы всё замолчали, не зная, что придумать, и вѣроятно ничего бы не придумали, если-бы матушка, ужъ очень желавшая потѣшить себя сборами Любочки на вечеръ, не выручила насъ.

— Знаете чтѣ я придумала, вдругъ оживленно произнесла она;—конечно, такъ ѣхать невозможно въ бальномъ туалетѣ... Но вѣдь до Рогожинныхъ недалеко... Какъ вы думаете: если запретъ вашу, капитанъ, лошадь и нашу въ возокъ—дотащить васъ тронхъ или нѣтъ?..

Въ нашемъ небольшомъ возкѣ, въ который зимой обыкновенно запрягали одну лошадь, давно невозможно было ѣздить вълѣдствіе страшной грязи, но какъ утопающій хватается за соломенку, такъ и мы всё трое ухватились теисрь за мысль совершить свой переѣздъ до Рогожинныхъ въ возкѣ на парѣ. Капитанъ пришелъ отъ предложенія матушки даже въ такой восторгъ, что не только бросился цѣловать ея руки, но для чего-то крѣпко пожалъ и мою руку, проникновенно смотря при этомъ на меня и шепнувъ мнѣ:

— О, это было-бы для нея несчастьемъ!

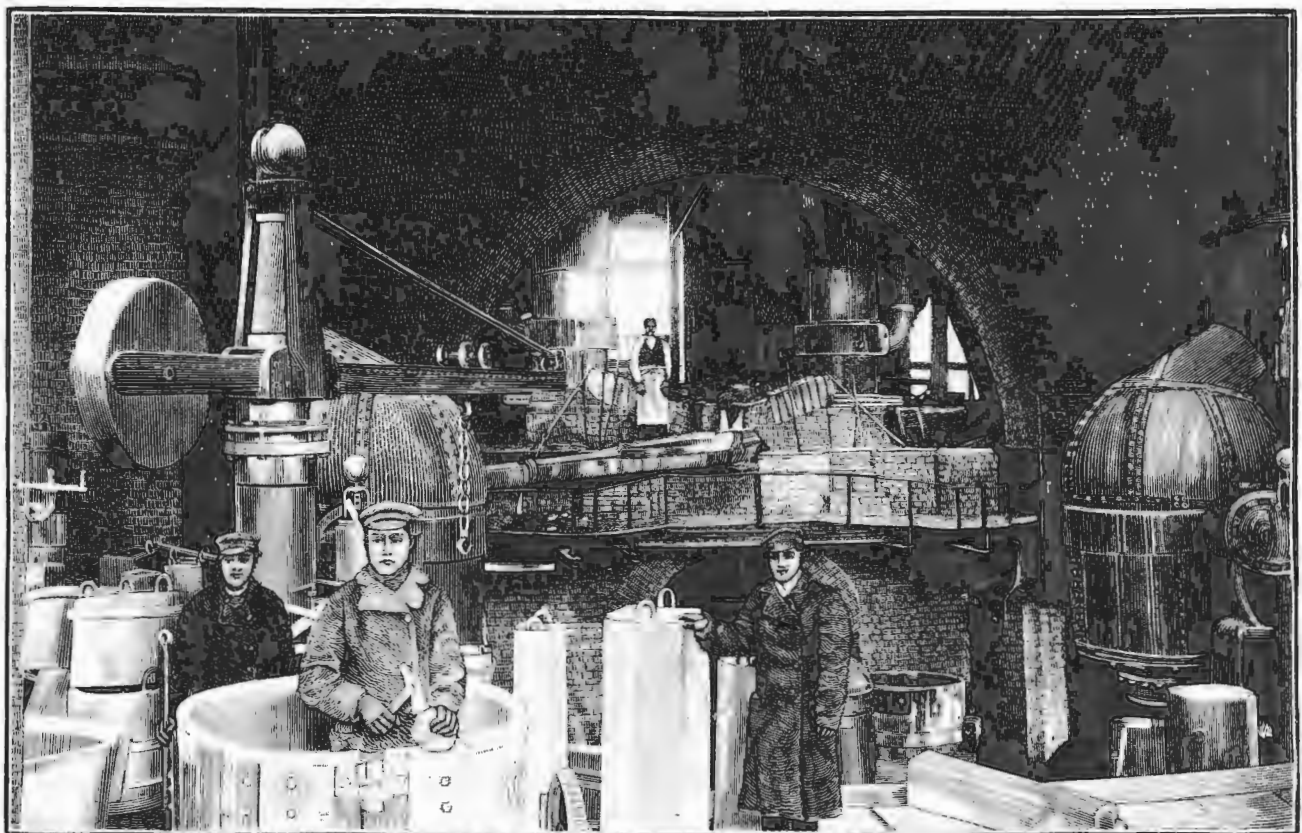
Имя того, кто своимъ появленіемъ такъ внезапно взволновало чувства Любовъ Петровны, не было произнесено ни капитаномъ, ни мною, но очевидно — было извѣстно настолько же ему, насколько и мнѣ... При послѣднихъ словахъ капитана я невольно почему-то опустилъ глаза и отвѣтилъ молчаніемъ.

IX.

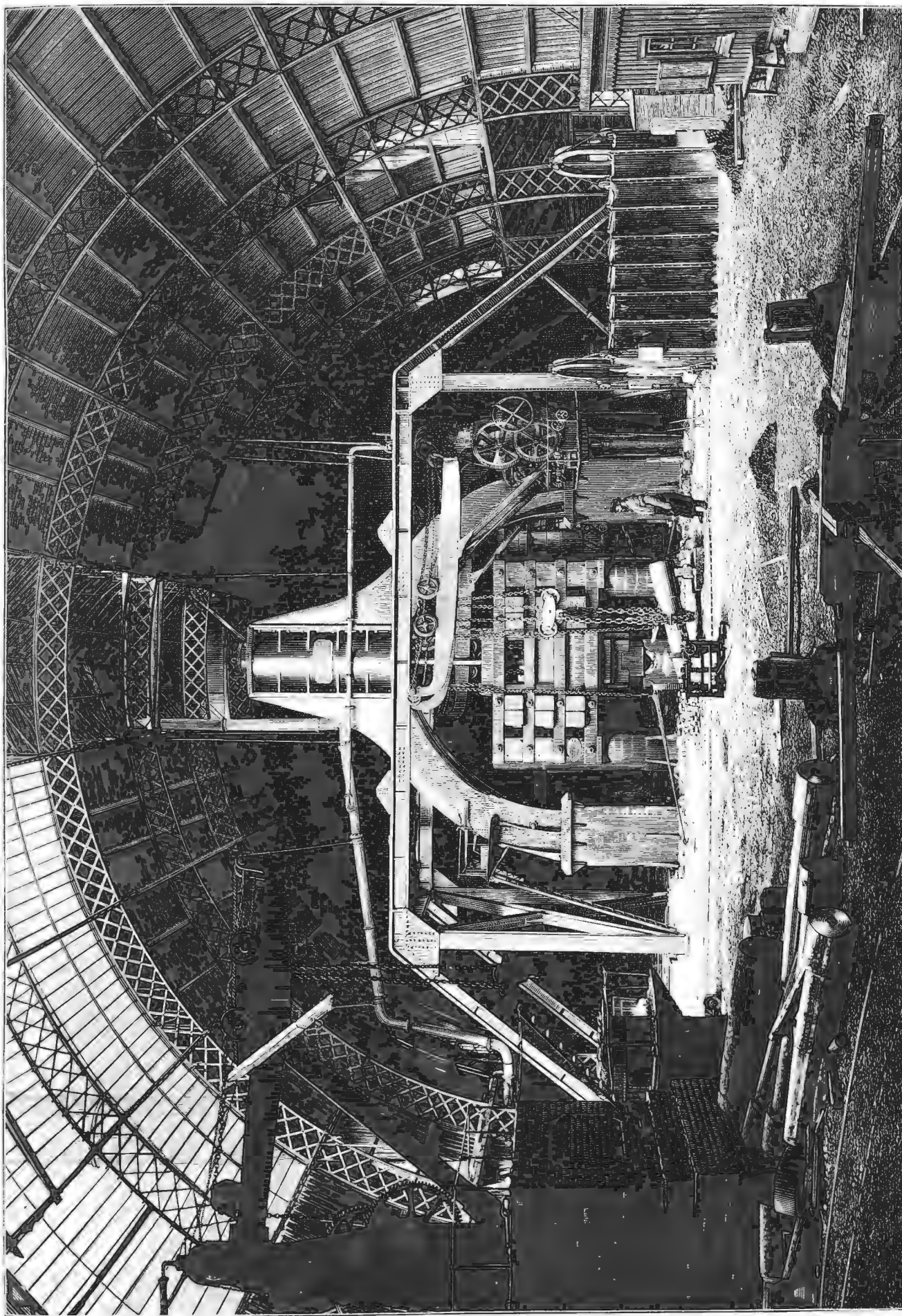
Вечеромъ нашъ домъ представлялъ нѣчто торжественное. Матушка приказала освѣтить всё комнаты, по которымъ, въ ожиданіи Любовъ Петровны, одѣвавшейся въ присутствіи матушки и всѣхъ нашихъ и Образцовскихъ горничныхъ,—въ молчаніи расхаживали я и капитанъ, нрѣдка перебрасываясь словами какъ другъ съ другомъ, такъ и съ вышедшимъ изъ своего кабинета батюшкой, человѣкомъ весьма молчаливымъ и большимъ домосѣдомъ. Мы съ капитаномъ блестяли: я своимъ гимназическимъ мундиромъ, бѣлыми перчатками, онъ—абхазской или кутанеской формой своего полка и солдатскимъ Георгіемъ на груди. Нарушая господствующее молчаніе нрѣдка замѣчаніями о погодѣ и продолжительности одѣванія Любовъ Петровны, мы думали о близившемся моментѣ отъѣзда нашего къ Рогожиннымъ, о томъ, чтѣ насъ тамъ ожидаетъ, заглядывали въ окна, прислушиваясь къ барабанившему по стекламъ дождю,—когда двери матушкиной спальни наконецъ распахнулись, послышался какой-то стукъ—

Общій видъ Обуховскаго стале-литейнаго завода. Съ фот. грав. Рашевскій.

Обуховскій стале-литейный заводъ. Аппараты для приготовления бессемеровской стали. Съ фот. Ржешотарскаго, грав. Флюгель.

Обуховский сталелитейный заводъ, 50-тонный (3100-пудовый) паровой молотъ.
Съ фот. Досса, грав. Рашевскій.

и двѣ дюжихъ, жившихъ у насъ служанки прежде всего выкатили матушку на ея передвижномъ особаго устройства креслѣ. Волѣзненное и блѣдное лицо матушки было на этотъ разъ оживлено. Матушка запаслась золотымъ лорнетомъ, такъ какъ была близорука, и хотѣла видѣть выходъ Любовь Петровны возможно яснѣе.

И вотъ она появилась, высокая, стройная и воздушная, въ облакахъ пышной газовой юбки, изъ которой выходилъ гладкій, почти безъ всякихъ украшеній, атласный корсажъ. Только въ его верхней части, вырѣзъ былъ прикрытъ газомъ, оканчивавшимся у самаго горла довольно густымъ рюшемъ. Капитанъ притащилъ цѣлый сундучекъ доставшихся Любочкѣ отъ матери драгоценностей; Любовь Петровнѣ самой очень хотѣлось надѣть тяжелыя и длинныя брилліантовыя серьги, на руки—по нѣскольку браслетовъ, а косу заколотъ золотымъ гребнемъ; но матушка рѣшительно возстала противъ этого. Она зачесала волосы Любовь Петровны назадъ, свила ихъ на затылкѣ въ косу и не дозволила украшать голову ничѣмъ, кромѣ полу-распустившейся чайной розы, приколотой притомъ какъ-то сбоку, очевидно не напоказъ. Матушка дозволила Любовь Петровнѣ надѣть на одну изъ рукъ изъ всей массы браслетовъ самый простенькій—узенькій золотой обручъ, безъ камней,—весьма неуважаемый ни отцомъ, ни дочерью. Такимъ образомъ костюмъ молодой дѣвушки былъ расчитанъ на простоту.

Отъ близости-ли этого быть-можетъ перваго выѣзда *въ свѣтъ*, или отъ какихъ-нибудь другихъ причинъ, Любовь Петровна показала мнѣ какъ-то блѣднѣе обыкновеннаго. Окруженное темнымъ ореоломъ черныхъ, зачесанныхъ назадъ волосъ—ея лицо какъ-то всыхивало только по временамъ, окрашиваясь на щекахъ легкимъ румянцемъ, а глаза были какіе-то тускые, точно сдѣланные изъ агата и лишь изрѣдка поблескивавшіе, на самое впрочемъ непродолжительное время. Кромѣ того, отъ торжественности-ли костюма, отъ волненія-ли, обыкновенно быстрыя, рѣзкія и нѣсколько угловатыя манеры Любовь Петровны на этотъ разъ были медленны и даже какъ будто дѣлнывы. Любовь Петровна шла къ намъ тихо, какъ-бы въ задумчивости, складывая и распуская вѣеръ, прицѣпленный у ея корсажа на шнурѣ.

Мы встрѣтили этотъ выходъ молчаишемъ; на матушка вскричала по адресу молодой дѣвушки:

— Прелестно!

И видя, что мы молчимъ, съ нѣкоторою даже строгостью—обернулась къ капитану:

— Какова ваша дочка-то, капитанъ?

Капитанъ смотрѣлъ на свою дочь постоянно умиленими глазами, но тѣмъ не менѣе лицо его при вопросѣ матушки выразило нѣкоторое смущеніе.

— Хороша, моя родная, какъ-то вкрадчиво отвѣтилъ онъ,—но...

Матушка строго воззрилась на капитана:

— Какое еще „но“, капитанъ?

Онъ почти съ молящимъ видомъ умилостивлялъ матушку:

— Украшеньце-то что же вы, моя дорогая, ужъ больно пожаждли?

Матушка даже не захотѣла отвѣчать, махнула рукой и отвернулась отъ капитана, негодуя на неразвитость въ немъ изящнаго вкуса.

— Ты что, Павелъ Трофимычъ, молчишь, съ досадою обратилась она къ батюшкѣ,—только и знаешь, что пыхтишь своей трубкой. Посмотри: какова красавица-то?

Любовь Петровна стояла передъ нами, наклонивъ въ какой-

то задумчивости свою голову и разсматривая развернутый вѣеръ. Батюшка преравнодушно посмотрѣлъ на молодую дѣвушку и тономъ полифѣшшаго безразличія отвѣтилъ:

— Очень мила.

Матушка въ негодованіи пожала плечами и подняла глаза вверхъ, призывая небеса въ свидѣтели равнодушія супруга къ красотѣ и неразвитости вкуса капитана.

— О, Боже, прости имъ!..

Но вдругъ она оживилась:

— Подвезите меня къ піанино! крикнула она столцимъ въ сторонѣ горничнымъ. — я хочу видѣть, какъ она танцуетъ вальсъ... Одинъ туръ—и довольно. —Она командовала горничнымъ: — подвиньте ближе... такъ... откройте крышку.—И махнувъ въ мою сторону своею нѣжною, худошабою и слабою рукой, сказала: „проси“, и прелюдировала вальсъ.

Мы конечно поспѣшили исполнить этотъ капризъ, и я, можно сказать, съ военною ловкостью подлетѣлъ къ Любовь Петровнѣ, поклонился ей и, охвативъ ея талію, закружилъ по залу. Играя, матушка слѣдила за нами, дѣлая замѣчанія. Любовь Петровнѣ, на которой, повидимому, сосредоточено было все ея вниманіе.

— Чуть-чуть наклоните, Любочка, вашу голову къ плечу кавалера... О, не слншкомъ... вотъ такъ... Очень мило...

Матушка вдругъ оборвала свою игру, и мы остановились.

— Довольно, сказала она, — отдохните и загѣмъ отправляйтесь: пора... Я готова продержатъ васъ цѣлый вечеръ. Да, вдругъ спохватилась она, — вы, Любочка, танцуйте *съ ними* только въ случаѣ крайности, чтобы не сидѣть...

Любочка не поняла.

— Съ кѣмъ съ ними?

Матушка съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ махнула въ мою сторону рукой:

— Съ этими гимназистиками, мой другъ. Съ ними можно только въ случаѣ недостатка. А то какіе же это кавалеры!

Я только-что хотѣлъ обидѣться, когда за честь гимназистовъ храбро выступилъ капитанъ. Видя, что Любочка всыхнула при словахъ матушки, капитанъ откашлинулъ и, выступивъ впередъ, возразилъ почтительно матушкѣ:

— Нельзя же, родная, такъ поступать... Любовь Петровна и я очень уважаемъ вашего сына...

Матушка перебила и отвѣтила за меня:

— Онъ не обидится.

— И опять—тамъ хозяйнѣ-гимназистѣ... Нельзя же не протанцовать съ нимъ...

— Ну, какой-нибудь туръ вальса, конечно, можно, сплзшла матушка на доводы капитана, — только знаете — немного... Я увѣрена, капитанъ, прибавила она, — что дочь ваша будетъ царницей вечера: она такъ хороша!

Капитанъ возразилъ:

— Елизавета Эдуардовна тоже хороши-сь и притомъ — превосходно воспитаны.

— Племянница Рогожиной?

— Такъ точно.

Матушка на минуту задумалась, какъ бы рѣшая въ своемъ умѣ, можетъ ли Елизавета Эдуардовна быть соперницей Любовь Петровнѣ и, рѣшивъ о совершенно ей незнакомой дѣвушкѣ, что никакъ этого не можетъ быть, высказала свое рѣшеніе вѣдухъ:

— Нѣтъ; *та* навѣрное хуже вашей дочери... сами увидите. Однако, пожайте, господа, какъ ни жаль мнѣ васъ отпустить... Такъ бы цѣлый вечеръ и просидѣла, глядя на васъ такихъ нарядныхъ. Ну, благослови васъ Богъ!

(Продолженіе будетъ).

Обуховскій сталелитейный заводъ.

Главное назначеніе этого завода составляетъ производство артиллерійскихъ орудій, чрезвычайно важное и интересное не только въ военномъ отношеніи, но и въ техническомъ, ибо успѣхъ его обуславливается степенью технического и промышленнаго развитія самой страны. Въ настоящее время орудія достигаютъ чудовищныхъ размѣровъ, конструкція ихъ значительно усложнилась и они со своими станками представляютъ такія тяжелыя и сложныя машины, что для самаго ихъ дѣйствія приходится примѣнять и паровую силу, и гидравлику. Поиатно, что выдѣлка такихъ орудій, огромной стоимости, становится все затруднительнѣе и заставляетъ по необходимости пользоваться всемъ, что выработано научною стороною техники и практическими примѣненіями ея разнообразныхъ отраслей.

Въ Россіи существуютъ два пушечныхъ завода: Пермскій—въ Перми и Обуховскій—близъ Петербурга, въ селѣ Александровскомъ; но первый значительно блѣднѣе техническими средствами, и по количеству производства далеко уступаетъ второму, служа доказательствомъ тому, что для подобныхъ заводовъ близостью мѣстъ рожденія и выплавки рудъ не вознаграждается ихъ удаленіе отъ тѣхъ учреждений административныхъ и научныхъ, отъ которыхъ зависитъ оживленіе и успѣхъ ихъ дѣятельности,—такъ какъ огромная стоимость орудій обуславливается главнымъ образомъ не цѣною первичныхъ матеріаловъ, а чрезвычайно сложною ихъ обработкою, на свое-

временное усовершенствованіе способовъ которой и должна быть направлена вся забота.

Мысль о необходимости имѣть заводъ для выдѣлки пушекъ вблизи самаго Петербурга много разъ была высказываема представителями какъ Военнаго, такъ и Морскаго министерствъ, и задачу осуществить ее принялъ на себя, въ 1863 году, извѣстный своею широкою техническою дѣятельностью Н. И. Путиловъ, вступившій съ этою цѣлью въ товарищество съ капитаномъ Кудрявцевымъ и со специалистомъ по стальному дѣлу, горнымъ инженеромъ П. П. Обуховымъ, именемъ котораго и былъ названъ этотъ возникавшій частный заводъ.

Но дальнѣйшее его развитіе потребовало огромныхъ средствъ, и Морское министерство, приди на помощь, вынуждено было при этомъ съ 1865 года принять на себя непосредственный надзоръ и участіе въ управленіи предпріятіемъ, назначивъ начальникомъ завода А. А. Колокольцова.

Подъ его мудрымъ управленіемъ заводъ развивался съ изумительнымъ успѣхомъ и, снабжая нашу артиллерию превосходными орудіями дешевле иностранныхъ, не только выходилъ изъ положенія казеннаго должника, но обезпечилъ и дальнѣйшее свое существованіе трехмилліоннымъ запаснымъ капиталомъ, помимо многомилліоннаго инвентаря своего имущества. Переходъ такого завода снова въ частное самостоятельное владѣніе представлялся правительству уже нежелательнымъ, въ виду возможнаго уклоненія его отъ примаго назначенія—

служить целям государственной обороны, и потому в 1883 году Морское министерство приобрело себе третью часть павей товарищества, а вслед за тем, при решении удовлетворить надлежащим образом интересы частных лиц, владеющих остальными паями, в 1885 году состоялся окончательный переход Обуховского завода в казну, причем, с пребыванием во главе его прежнего начальника, он продолжает расти и развиваться с прежним успехом.

Чтобы дать в общих чертах понятие о величии, средстве и производительности этого завода, достаточно упомянуть, что он занимает место около 33 десятины, застроенное капитальными зданиями со всевозможными сооружениями для выплавки и обработки стальных изделий, при действии 32 паровых машин совокупностью в 900 номинальных сил; при чем, располагая 2,000 рабочих, он выдвывает в год около 300,000 пудов стали.

Все это количество стали вырабатывается из привозного чугуна, который в свою очередь получается из железных руд на месте их рождения, для чего там служат огромные цилиндрические печи с дутьем, называемые домнами. Измельченная руда и горючий материал (каменный или древесный уголь) попеременно слоями забрасывается в них и разжигается. По мере сгорания топлива, руда накаляется, выделяется из нее железо насыщается углеродом топлива и получается чугун, который при этом жаром расплавляется и выщелачивается из печи. Таким образом из железной руды прежде всего получают чугун, который есть не что иное, как железо, содержащее в себе известное количество углерода. Если затем выдуть из чугуна часть углерода, получится сталь, а если выдуть весь углерод, получится железо, которое само по себе не плавится, а потому и не может быть получено из руды непосредственно.

Изготовление стали в Обуховском заводе производится тремя совершенно различными способами, в зависимости от которых она получает и различные названия, а именно: тигельной, мареновской и бессемеровской.

Для получения тигельной стали употребляются лучшие сибирские чугуны, выплавленные на древесном угле, а потому не содержащие вредных примесей серы и фосфора. Из этих чугунов в отдельной мастерской — пудлинговой — изготавливается предварительно так называемая пудлинговая сталь. В печь, нагретую до-бела (дровами, высушенными при 100° жара), заваливают пятнадцать пудов чугуна и поднимают жар до такой степени, чтобы чугун мог расплавиться, представляя собою жидкую ванну. При действии воздуха, свободно вступающего в печь, углерод из чугуна выгорает и частицы чугуна постепенно переходят в сталь; а так как сталь труднее плавится (при более высокой температуре), чем чугун, то она и представляет собою твердые крупинки, количество которых в жидком чугуне все увеличивается. Рабочий перебивает эту замороженную массу железным ломом, ловко накачивая крицу из этих крупинок, приваривающихся одна к другой. Для этой работы — пудлингования — имеют шесть печей и в каждой от одной закладки получается пять криц стали по два пуда; а в течение дня рабочие в две смены (дневную и ночную) успевают сделать десять заливок. Полученные крицы вынимают из печи и на маленьких тележках быстро подвозят к паровому молоту, под которым их обжимают медленными ударами, усиливая их по мере того, как губчатая масса стали, выходящая из себя жидкие шлаки, уплотняется и получает форму прямоугольного бруска.

Приготовленная таким образом сталь не однородна, а потому полученные бруски ломают под молотом пополам и по виду излома сортируют на мягкую сталь и твердую: мягкая сталь в изломе имеет сильный блеск, крупное зерно и местами волокнистое сложение; излом же твердой стали матовый и мелко-зернистый. Разсортированную сталь сажают в особые (сварочные) печи, нагретые до светло-красного цвета и, пропуская между вращающимися вальками, прокатывают в длинные, тонкие полосы. Полосы эти ломают и снова сортируют по толщине; а затем уже разрезают паровыми ножницами на куски, величиною в кубической вершок. В таком виде пудлинговая сталь доставляется в литейную мастерскую для приготовления литой, тигельной стали.

Эта двухэтажная мастерская имеет в центре второго этажа огромный зал для отливок, от которого в три стороны идут двумя рядами трубы, всего числом шестьдесят, и у каждой трубы имеется по четыре сталеплавильных горна, устроенных под полом мастерской. В этих горнах устанавливаются по четыре тигля (высокие горшки), закрытые крышками и вмещающие в себя по два пуда нагретой пудлинговой стали вместе со стружками от стальных изделий и некоторыми примесями, необходимыми для приготовления литой стали того или другого определенного свойства. Затем в горна засыпают кокс и, разжигая его, получают жар, достаточный для расплавления стали в тиглях.

Изготовление тиглей, способных выдержать такой жар,

составляет одну из труднейших задач этого производства. Материалом для них служит лучшая огнеупорная глина (добываемая в Боровичском уезде) с примесью древесного угля и чистейшего графита, привозимого с острова Цейлона.

По прошествии трех-четырех часов времени, когда вся масса в тиглях расплавится и сделается жидкою, их особенно клеями вынимают из горнов сверху и несут в литейный зал, где сталь из них выливают в установленные на полу железные желоба, обмазанные глиной, после чего тигли бросают через имеющиеся отверстия в нижней этаж; остывая там, они растрескиваются и затем служат лишь как материал для изготовления новых тиглей. Сталь, выливаемая в желоба, стекает по ним в чугунную, с обеих сторон открытую, цилиндрическую форму, установленную в нижнем этаже на чугунном поддоне. Наибольшие формы вмещают до 3000 пудов стали, и все необходимое для плавности тиглей должно быть поднесено и вылито менее чем в полчаса, чтобы сталь, быстро стывающая, не успела охладиться. Такая отливка для непривычных зрителей представляет страшную картину. Множество людей попарно с раскаленными до-бела тиглями бегут друг за другом взад и вперед, испытывая мучительный жар и безпрестанно попадая один другим навстречу; но в этой беспорядочной повидимому тьмоте они следуют строго определенному плану, что только и в состоянии предотвратить несчастные случаи столкновения, при которых пролитая сталь могла бы причинить смертельные ожоги и произвести всеобщую панику.

Через два-три часа после отливки сталь застывает настолько, что образует достаточно твердую корку и, сжимаясь, отстает от стенок формы. Тогда мостовой кран, двигающийся по рельсам под крышей здания, поднимает форму вверх и на поддон остается болванка отлитой стали.

В этой же мастерской происходит отливка и мареновской стали из огромных печей Сименса-Мартена, расположенных с четвертой стороны литейного зала. В этих печах, нагреваемых газовым пламенем, получают сталь, расплавляя при этом огромные куски, остающиеся как отброс от других стальных изделий. Кроме 5-ти- и 10-ти-тонных печей, в настоящее время построены две 30-ти-тонные печи, из которых каждая может расплавить и выпустить сразу более 1800 пудов стали. Все это огромное количество, вытекающая огненной струей из печи, наполняет собою соответственной величины ковш, который движется по рельсам на уровне пола и подвозится к тому месту, где установлена форма. Затем открывается пробка нижнего отверстия в ковш и сталь из него выпускается непосредственно в расположенную под ним форму.

Надо заметить, что полученные описанным образом литые болванки (тигельные и мареновские) не будут одинаково плотны по всей высоте: нижняя часть их остывает под давлением верхней и получается значительно плотнее, не имея того количества внутренних пузырей, которое образуется в верхней части от газов, не успевших выдуться из остывающего металла. Поэтому для изготовления орудий признаю возможным употреблять лишь нижнюю часть болванки, отбрасывая третью часть ее сверху. Чтобы избежать этой необходимости, в той же мастерской установлен громадный гидравлический пресс для прессования жидкой стали, наполняющей форму, так что сталь остывает при страшном давлении, доходившем до 2-х тонн на квадратный дюйм. При этом уже вся болванка получается одинаково плотная и годная в дело.

Процесс получения бессемеровской стали производится в специальной бессемеровской мастерской и представляет собою специальное зрелище, как по красоте световых эффектов, так и по простоте химических и механических манипуляций, причем работа людей вполне заменена гидравлическою силою и все совершается, как-бы по маю волшебства, составляя полный контраст тигельной отливки.

Способ Бессемера, предложенный им в 1855 году, получения стали принадлежит без сомнения к числу важнейших открытий металлургической техники новейшего времени. Благодаря ему, удалось возможным получать такой дорогой материал, как сталь, быстро и дешево, вследствие чего употребление ее расширяется все более и более, замбия, с выгодой во всех отношениях, железо и чугун.

По этому способу через расплавленный чугун, без дальнейшего потребления топлива, продувается сильный ток воздуха, под влиянием которого углерод из чугуна постепенно выгорает и получается сначала сталь, а затем и железо.

Чугун, предварительно расплавленный в особой цилиндрической высокой печи (вагранке), выпускается из нее и по желобу стекает через верхнее отверстие в грушевидную железную реторту, выложенную внутри огнеупорною массою; в дне ее имеется множество отверстий, через которые вдвигается воздух действием 160-ти-сильной воздушной машины. Приняв в себя расплавленный чугун, реторта из горизонтального положения поворачивается в

вертикально, съ шумомъ выбрасывая огненный фонтанъ, такъ какъ при этомъ автоматически открываются клапаны для вдуваемого воздуха и начинается самый процессъ бессемерованія.

Въ первый его періодъ выгораетъ лишь небольшое количество углерода; пламя, вылетающее изъ реторты, бываетъ короткое, грязнаго желтовато-краснаго цвѣта и сопровождается блестящими искрами горящаго желѣза, разлетающимися во всѣ стороны въ видѣ ярко-блестящихъ лучистыхъ звѣздочекъ. Слышно какъ металлъ въ аппаратѣ шумитъ и клокочетъ, ударяясь по временамъ о его стѣнки, причемъ вслѣдствіе химическихъ реакцій онъ становится все горячѣе.

Скоро наступающій второй періодъ—быстро выгоранія углерода. Расплавленная масса сильно вспучивается и хотя занимаетъ лишь одну десятую часть реторты, пламя съ частицами желѣза съ шумомъ выбрасывается изъ ея устья, причемъ пламя постепенно удлиняется, въ немъ появляются фиолетовыя полосы и оно окрашивается въ голубоватый цвѣтъ съ ослѣпительными бѣлыми краями, сопровождаемая бурнымъ дымомъ перегорѣвшаго желѣза.

Въ продолженіе послѣдняго періода—послѣванія стали, остатокъ выгорающаго углерода все уменьшается и увеличивается количество сгорающаго желѣза, причемъ искры, вылетающія изъ аппарата, образуютъ непрерывный огненный снапъ. Бурный дымъ мало-по-малу исчезаетъ, а пламя снова укорачивается, но становится болѣе прозрачнымъ и блестящимъ; при этомъ шумъ уже стихаетъ и вмѣсто него слышится лишь шипѣніе.

Наблюденіе пламени въ спектроскопѣ ясно показываетъ моментъ полного выдѣленія углерода, когда весь металлъ переходитъ въ желѣзо; реторту тогда снова поворачиваютъ въ горизонтальное положеніе, причемъ автоматически прекращается притокъ воздуха, и сразу все стихаетъ.

Такъ какъ требуется получить не желѣзо, а сталь желеемой твердости, т. е. содержащую въ себѣ известное количество углерода (0,3%—0,7%), то въ реторту немедленно добавляютъ изъ особой небольшой печи нѣкоторое количество, расплавленнаго въ ней, чугуна съ опредѣленнымъ заранее содержаниемъ углерода.

Достаточно самаго незначительнаго промежутка времени, чтобы произошла та химическая реакція, послѣ которой изъ смѣси расплавленнаго желѣза и чугуна, само собой получается вполне однородная сталь, которую, наклонивъ реторту, выпускаютъ сначала въ ковшъ, а затѣмъ уже изъ него разливаютъ въ приготовленные формы.

Весь процессъ продолжается 20—25 минутъ и каждая изъ двухъ имѣющихся ретортъ, работая попеременно, даетъ сразу 350 пуд. стали.

Стальные болванки, полученные тѣмъ или другимъ способомъ, требуютъ необходимой обработки и прежде всего направляются въ огромную молотовую кузницу, гдѣ и производится ихъ ковка подъ паровыми молотами. Въ Обуховскомъ заводѣ имѣется пятнадцать молотовъ, и самый болѣйшій изъ нихъ 50 тоннъ, т. е. въсѣ его ударяющей бабы составляетъ болѣе 3,000 пудовъ. Въ Россіи существуетъ еще лишь одинъ такой молотъ на Пермскомъ пушечномъ заводѣ.

Главную задачу при постановкѣ этого молота составляло сооруженіе достаточно прочнаго фундамента, способнаго выдержать силу приниаемыхъ имъ на себя ужасныхъ ударовъ. Чтобы образовать его, пришлось углубиться на 80 футовъ (на 28 футовъ ниже дна протекающей рядомъ Невы), пока не дошли до грунта твердой скалы, и на ней уже, во всю эту глубину, былъ залитъ бетонъ, наполненный собою, установленный на брусчатой обвязкѣ, конусъ изъ котельнаго желѣза. Получивъ такимъ образомъ на естественной скалѣ искусственный монолитъ, на него уже поставили чугунную наковальню въ 28.000 пуд., доходящую до уровня пола мастерской. О трудности такихъ работъ лучше всего можно судить по ихъ стоимости: устройство всего молота, съ имѣющимися при немъ кранами, печами и котлами обошлось въ 500.000 р., и изъ нихъ 300.000 рублей было затрачено на образованіе одного фундамента.

Подъ 50-ти-тоннымъ молотомъ проковываютъ болванки для болѣйшихъ орудій, которыя предварительно накаляются до свѣтло-краснаго цвѣта въ огромныхъ печахъ, нагреваемыхъ газомъ. При этомъ молотъ имѣется три такихъ печи съ подвижнымъ подомъ, въ которыя и закладываются по одной болванкѣ, такъ что ковка продолжается непрерывно: пока одну болванку проковываютъ, на смѣну ей успѣваетъ нагрѣться новая. Такія болванки проковываютъ не сразу, а въ нѣсколько нагрѣвовъ, по остываніи сажая ихъ снова въ печь.

Какъ ни велика сила описаннаго молота, она оказывается уже не вполне достаточною для проковки все болѣе увеличивающихся орудій, а потому въ настоящее время по собѣдству съ нимъ устанавливается громадный гидравлическій ковальный прессъ. Такие прессы, изобрѣтенныя лишь въ послѣднее время, имѣютъ огромное преимущество передъ паровыми молотами: при нихъ нѣтъ надобности устраивать особенно дорогие фундаменты, такъ какъ при ихъ дѣйствіи проковываемая болванка получаетъ хотя и огромное, но равномерное со

всѣхъ сторонъ давленіе, а слѣдовательно и нѣтъ вертикально-дѣйствующихъ ударовъ; кромѣ того, развивая большую силу, гидравлическіе прессы работаютъ гораздо экономнѣе паровыхъ молотовъ, въ которыхъ масса пара непроизводительно выпускается на воздухъ; такъ, работа подъ 50-ти-тоннымъ молотомъ стоитъ самому заводу 50 р. въ часъ.

Выкованныя орудійныя болванки имѣютъ видъ длинныхъ, силовыхъ конусовъ съ цилиндрическимъ утолщеніемъ на концѣ для замочной части и назначаются для приготовленія ствола орудія. Болванки эти отправляются въ механическія мастерскія, гдѣ онѣ прежде всего поступаютъ на токарныя станки для черновой обточки и затѣмъ переходятъ на сверлильные станки для грубого сверленія канала. Обточенные и высверленные нагрубо стволы отправляются въ отжигательную мастерскую, гдѣ производится закалка и отпускъ стали, вслѣдствіе чего она приобретаетъ надлежащія упругость и прочность. Эта операція производится такимъ образомъ: орудійный стволъ, предварительно подогрѣтый дровами прямо на полу мастерской, поднимаютъ сильнымъ паровымъ краномъ и закладываютъ вертикально въ цилиндрическую печь, соответственной величины, которая уже ранѣе прогрѣта до-красна; дальнѣйшее нагрѣваніе ствола въ печи производится также дровами, которыя по мѣрѣ сгорания забрасываются черезъ верхнія отверстія печи, прикрываемыя крышками. По всей высотѣ печи имѣются отверстія для наблюденія за равномерностью нагрѣванія. Раскаленный стволъ, по достиженіи надлежащей температуры, опредѣляемой особыми приборами, вынимаютъ изъ печи и погружаютъ на нѣсколько минутъ для охлажденія въ чанъ, вмѣщающій до 2.000 пуд. масла (льнянаго или коноплянаго) и окруженный для охлажденія резервуаромъ проточной воды. Охлажденный стволъ, вынувъ изъ масла, снова помещаютъ въ раскаленную еще печь и, плотно ее замуравивъ, оставляютъ стволъ медленно остывать вмѣстѣ съ печью.

Отожженные такимъ образомъ орудійные стволы снова отправляются въ механическія мастерскія, гдѣ ихъ разсверливаютъ и обтачиваютъ начисто, а затѣмъ скрѣпляютъ нѣсколькоими сплошными рядами стальныхъ колецъ, надѣвая ихъ въ нагрѣтомъ состояніи, такъ что по остываніи они сжимаютъ стволъ съ известнымъ, точно опредѣленнымъ натяженіемъ*). Наконецъ окончательно обтачивается наружная поверхность получившагося орудія, и оно поступаетъ сначала на полировочный станокъ для полировки канала, а затѣмъ на наръзательный станокъ для образованія въ немъ наръзовъ, которые прежде прорѣзываются грубо и уже окончательно отдѣляются шлифованіемъ.

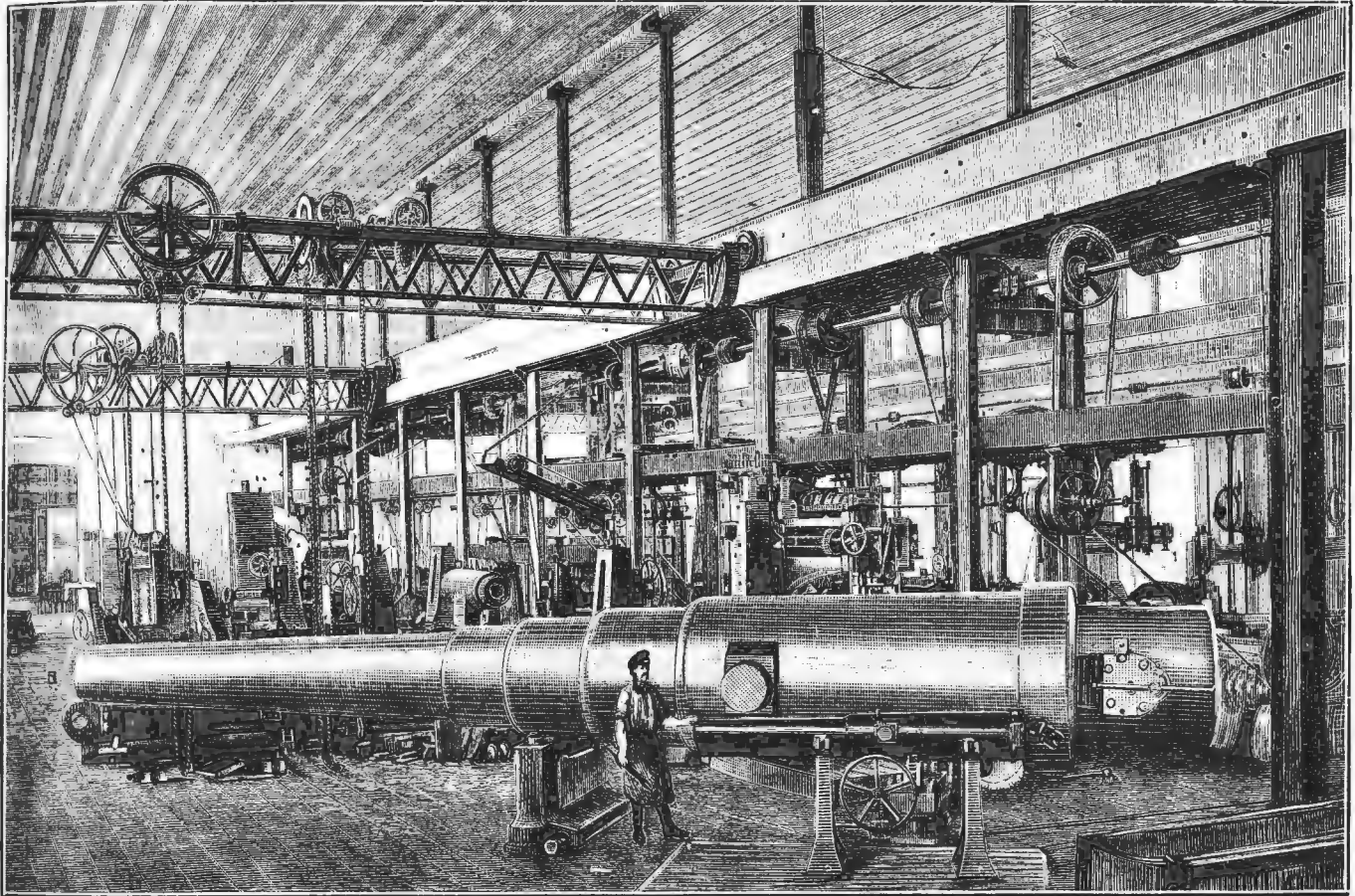
Когда орудіе окончательно изготовлено и къ нему приравлены всѣ части, его испытываютъ стрѣльбою на самомъ заводѣ въ такъ-называемой пробной ямѣ, гдѣ оно устанавливается на надлежащемъ станкѣ. При этомъ помощью особыхъ остроумныхъ приборовъ точно опредѣляютъ давленіе пороховыхъ газовъ въ каналѣ орудія и начальную скорость полета ядра.

Орудія, выпускаемыя изъ завода, отправляютъ всего чаще водою къ Невѣ, для чего имѣются огромные береговые краны. При помощи одного изъ нихъ было погружено на баржу и наибольшее орудіе, изготовленное на Обуховскомъ заводѣ, 16-ти-дюймовое, въсомъ въ 5,200 пуд. Помимо этого сообщенія, орудія могутъ быть отправлены и по желѣзной дорогѣ, для чего Обуховскій заводъ проложилъ собственную вѣтвь, соединившую его съ Николаевскою желѣзною дорогой, и построилъ спеціальныя платформы для перевозки тяжелыхъ орудій, въ которыхъ грузъ можетъ быть распределенъ равномерно на 16 или даже на 32 колеса, только такимъ образомъ не нарушая прочности мостовыхъ сооруженій.

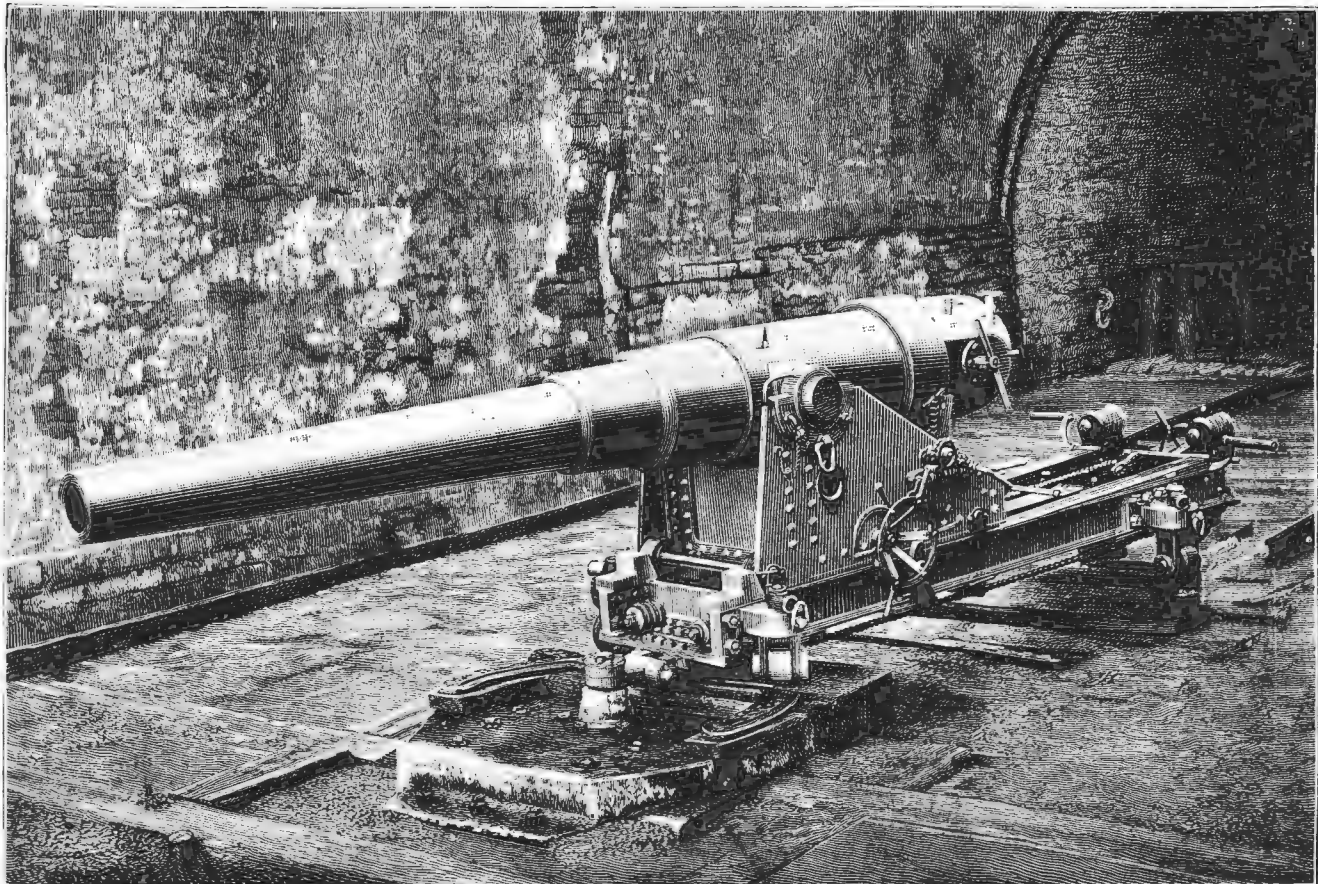
На такихъ платформахъ были отправлены въ Севастополь 12-дюймовыя орудія на суда, построенныя въ Черномъ морѣ. Въсѣ этихъ орудій, при длинѣ ихъ въ 30 футъ, составляетъ 3,100 пуд., снаряды ихъ въсѣтъ 25 пудовъ, при зарядѣ пороха въ 8½ пудовъ. Орудія эти обошлись для казны по 79,895 р., т. е. менѣе 26 р. за пудъ, включая сюда и 30% прибылей въ пользу завода, между тѣмъ какъ такія-же 12-дюймовыя орудія, заказанныя въ то же время у Крупна, обошлись по 41 р. за пудъ, причемъ оказались на 462 пуда тяжелѣе, а качествомъ значительно слабѣе, такъ что не могутъ выдерживать полныхъ зарядовъ.

Преслѣдуя главнымъ образомъ задачу служить нашей артиллеріи, Обуховскій заводъ изготовилъ и выпустилъ въ теченіе своей 25-ти-лѣтней дѣятельности болѣе 5,000 орудій, но помимо изготовленія орудій, заводъ занятъ производствомъ станковъ, снарядовъ, минъ Уайтхеда, валовъ для судовыхъ машинъ и проч. При этомъ еще въ немъ имѣются ружейная мастерская, изготовившая для нашей арміи болѣе полу-милліона ружейныхъ стволовъ, и шинопрокатная мастерская, выпускавшая въ желѣзнодорожныхъ шинахъ милліонъ пудовъ стали.

*) Помимо такого скрѣпленія, Обуховскій заводъ приступилъ въ послѣднее время къ изготовленію такъ-называемыхъ проволочныхъ орудій, въ которыхъ стволъ скрѣпляется тонкою и узкою стальною лентою, навиваемою на него рядами въ холдномъ состояніи посредствомъ особаго механизма.

Обуховскій сталелитейный заводъ. 12-дюймовое дальнбойное орудіе въ 30 калибровъ длиной. Съ фот. грав. Рашевскій.

Обуховскій сталелитейный заводъ. Дальнбойное орудіе морской артиллеріи, длиною 28 калибровъ, установленное для стрѣльбы. Съ фотогр. грав. Рашевскій.

Къ рисункамъ.

„У церкви“. Карт. И. И. Творожникова.

(Рис. на стр. 444).

Въ 1889 году, на академической выставкѣ, вниманіе посѣтителей невольно сосредоточивали на себѣ работы И. И. Творожникова, одна изъ которыхъ, „Дѣвочка“, была воспроизведена на страницахъ нашего журнала въ № 19 за прошлый годъ. Смѣлость и правдивость кисти, простота и задушевность въ обработкѣ сюжета — были главными достоинствами художника, и въ этомъ году они проявились еще въ высшей степени, съ прибавкой сложной и искусной композиціи. Его картина „У входа въ церковь“ является однимъ изъ лучшихъ и замѣчательнѣйшихъ произведеній настоящаго года, несмотря на сравнительное богатство нынѣшней выставки прекрасными работами. Содержание картины самое простое. У входа въ церковь, въ ненастный и холодный день, позднюю осенью, столпились нищія въ ожиданіи подачекъ богомольцевъ. Но какъ жизненно и правдиво написаны всѣ эти несчастные! Картина „У входа въ церковь“ рѣдкое явленіе въ современной русской живописи, въ дѣтскихъ которой имя художника должно занять далеко не послѣднее мѣсто.

„На буксирѣ.“ Картина профес. Н. Д. Дмитріева-Оренбургскаго. (Рис. на стр. 445).

Профессоръ батальной живописи Николай Дмитріевичъ Дмитріевъ-Оренбургскій, помимо своихъ картинъ изъ военного быта, пользуется заслуженною извѣстностью какъ талантливый изобразитель русскаго народнаго быта, изъ котораго онъ нерѣдко почерпаетъ содержаніе для своихъ картинъ. Стоитъ припомнить его извѣстнаго „Утопленника“, составляющаго собственность Академіи Художествъ, „Пожаръ въ деревнѣ“ — собственность Государя Императора, „Воскресенье въ деревнѣ“ и другія работы. Нынѣ мы помѣщаемъ гравюру съ его картины „На буксирѣ“, гдѣ фигуры дѣтей и вся сцена заговки козла превосходно переданы бойкою кистью профессора.

„Въ науку.“ Карт. Ѳ. К. Винцмана. (Рис. на стр. 449).

Въ этой картинѣ художникъ мастерски исчерпалъ цѣлый мірокъ, ютящийся обыкновенно гдѣ-нибудь на менѣе людныхъ улицахъ столицы, въ третьихъ или четвертыхъ этажахъ, подъ вѣвской „Моды или уборы“ или „Портниха мадамъ така-то“. Здѣсь на лицо всѣ стадіи развитія столичной швен средняго разбора, отъ дѣвочки-ученицы до хозяйки заведенія. Крестьянская баба или подгородная мѣщанка, видимо изнуренная житейской борьбой, приводитъ свою дочку, рѣшившись отдать ее „въ науку“. Хозяйка сурово и съ высоты своего положенія торгуется на счетъ условій и своей власти (которая, замѣтимъ мимоходомъ, нерѣдко превышаетъ до истязаній ребенка тѣмъ или другимъ способомъ), ученицы съ тушымъ любопытствомъ оглядываютъ будущую подругу, собираясь на первыхъ порахъ засыпать ее щипками и насмѣшками, и только молодая мастерица, такъ недавно еще сама прошедшая эту тяжкую школу, съ участіемъ смотритъ на бѣдную дѣвочку, зануганную непривычною ей обстановкой.

Н. А. Лейкинъ. (Портр. на стр. 461).

Кто изъ сколько-нибудь грамотныхъ людей въ Петербургѣ не знаетъ имени Лейкина, кто не читалъ его „сценочекъ“, которыя породили множество подражателей. Недавно этотъ популярный писатель скромно отпраздновалъ тридцатилѣтіе своей литературной дѣятельности. Онъ началъ ее стихами въ газетѣ *Русскій Миръ* 1860 г., гдѣ въ № 27, отъ 13 апрѣля, напечатана лирическая пьеска „Кольцо“; помѣтивъ въ *Петербургскомъ Вѣстникѣ* 1861 г. еще нѣсколько стихотвореній, а также первый прозаическій очеркъ „Гробовщикъ“, Н. А. Лейкинъ оставилъ стихи и посвятилъ себя правописательнымъ очеркамъ и сценамъ, тому жанру, который очень скоро доставилъ ему извѣстность. Эта извѣстность началась послѣ появленія въ *Библиотекѣ для чтенія* 1863 года его перваго болѣе крупнаго произведенія „Апраксинцы“, обратившаго на себя общее вниманіе. Въ этихъ очеркахъ Н. А. Лейкинъ чрезвычайно удачно обрисовалъ почти нетронутый до него литературою, совершенно особенный типъ нашего купечества и выказалъ огромную наблюдательность и несомнѣнный талантъ, выразившійся въ необыкновенной правдивости каждой самой мелкой черты описанной и въ мастерствѣ группировать ихъ въ типическія картины. Полное отсутствіе всего сочленнаго, дѣланнаго, изображеніе почти неувидимыхъ отбѣсковъ типа петербургскихъ апраксинцевъ до-пожарной эпохи, все это придавало произведенію Н. А. Лейкина тѣмъ большее значеніе,

что онъ рисовалъ не мимолетныя, мелкія сцены, по касался довольно крупныхъ бытовыхъ чертъ. Такими же достоинствами отличается и другое его произведеніе „Биржевые артельщики“, тоже обратившее на себя серьезное вниманіе критики. На нихъ и зиждется литературная извѣстность Лейкина, его значеніе какъ писателя-этнографа, разработывающаго среду „темнаго царства“, бытъ купеческій и мѣщанскій. Что же касается его популярности, то она создалась его сценками и очерками, появившимися сряду нѣсколько лѣтъ почти ежедневно въ такъ-называемой „малой прессѣ“, число которыхъ достигаетъ до 8 тысячъ. Кроме того, Лекинъ написалъ рядъ веселыхъ пьесокъ, имѣвшихъ успѣхъ на сценѣ, которую онъ изучилъ прекрасно, одно время подвизаясь на ней подлѣ псевдонимомъ Водянова, а также помѣстилъ въ *Петербургской Газетѣ* множество мелкихъ историческихъ компиляцій о народныхъ праздникахъ на Руси, харчевняхъ, заѣзжихъ домахъ, кладбищахъ и проч.

Николай Александровичъ Лейкинъ вышелъ изъ купеческой среды; его родъ состоитъ въ петербургскомъ купечествѣ съ 1781 года и ведетъ свое начало изъ Любимовскаго уѣзда, Ярославской губ. Отецъ Лейкина, Александръ Ивановичъ, торговалъ шелковыми товарами въ Гостиномъ Дворѣ, мать — Любовь Ивановна Иванова, происходила изъ крестьянскаго сословія, и оба они не принадлежали къ такъ-называемому сѣрому купечеству, а были довольно образованные люди. Отецъ цитировалъ даже строфы изъ „Евгенія Онегина“ и „Горя отъ ума“, мать очень любила романы Диккенса. Николай Александровичъ родился въ Петербургѣ, въ ночь на 8 декабря 1841 года, и воспитаніе получилъ въ реформатскомъ училищѣ, курсъ котораго кончилъ въ 1858 году съ прекраснымъ знаніемъ нѣмецкаго языка и съ любовью къ естественно-научнымъ занятіямъ. Нѣмецкимъ языкомъ онъ владѣлъ настолько, что въ училищѣ сочинялъ цѣлыя пьески по-нѣмецки (также и на рускомъ), которыя и разыгрывались въ ученическихъ спектакляхъ. По выходѣ изъ училища, Лейкинъ помогалъ отцу въ торговлѣ, служилъ приказчикомъ и въ кладовой иностранныхъ товаровъ Боненбюста, а затѣмъ въ Первомъ Страховомъ Обществѣ лѣтъ пять. Послѣ этого онъ сталъ заниматься литературою, которую полюбилъ страстно еще юношею, выработавъ особенный, легкій фельетонный родъ и не претендуя ни на серьезность, ни на художественность. Его сценки и очерки, полные юмора, бойкіе, живые, оригинальные, совершенно соответствуютъ вкусамъ невзыскательнаго читателя, видящаго въ чтеніи только предметъ для развлечения. Помимо своей литературной дѣятельности, Лейкинъ пользуется извѣстностью въ столицѣ и какъ дѣятель общественной. Онъ уже нѣсколько лѣтъ состоитъ гласнымъ городской думы и участвовалъ въ разныхъ коммисіяхъ, какъ напримѣръ, по вопросу объ увеличеніи числа учебныхъ заведеній, въ коммисіи ремесленныхъ училищъ. Онъ также состоитъ съ 1885 г. членомъ наблюдательнаго комитета въ СПб. Городск. Кредитн. Обществѣ. Многія произведенія Н. А. Лейкина переведены на иностранные языки: нѣмецкій, англійскій и итальянскій. Съ 1880 г. Лейкинъ издаетъ собственный журналъ *Осколки*.

П. Быковъ.

Нестроевой старшаго разряда писарь Никифоръ Еремѣевичъ Левченко. (Портр. на стр. 461).

Въ концѣ марта злоумышленниками была сдѣлана дерзкая попытка приобрести, при помощи подкупа служащихъ въ одномъ изъ штабовъ въ Петербургѣ, важныя секретныя свѣдѣнія. Съ предложеніемъ достать эти свѣдѣнія обратились къ писарю Левченко, но этотъ честный и благородный молодой человекъ не только не поддался обольщенію подкупа, но, памятуя долгъ службы и святость присяги, успѣшилъ довести о сдѣланномъ ему предложеніи по начальству, и этимъ достиглась возможность, при помощи писаря Татаринова и дѣятельномъ и энергическомъ содѣйствіи петербургской полиціи, обнаружить и задержать злоумышленниковъ.

Писарь Левченко за честность и находчивость произведенъ былъ въ унтеръ-офицеры, ему и Татаринову пожалованы знаки отличія ордена Св. Анны съ выдачею каждому изъ нихъ по 100 руб.

Левченко на службѣ всего съ 1 января 1889 года, холостъ, изъ крестьянъ Полтавской губерніи, Пирятинскаго уѣзда, деревни Сирбиловки, и, какъ окончившій курсъ народнаго училища, пользуется льготою 3 разряда. Заклучимъ настоящую краткую замѣтку русскою народною поговоркою:

„Какъ за Богомъ молитва — такъ за Царемъ служба не пропадетъ.“

Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

— Экстренный повѣздъ съ принцемъ Пеа-

полиганскимъ вышелъ изъ Самарканда 14 хару, Чарджуй и Мервъ, 16 апрѣля утромъ апрѣля и безостановочно прошелъ черезъ Бу-

принцъ остановился на ст. Гахка, гдѣ при-

существовать на ученья артиллерийской конной батареи Кубанского казачьего войска. На станции принцу поднесли несколько экземпляров огромных закавказских ящериц. Не дожидаясь 12 верста до Асхабада, принца остановили на полустанции Аннау, откуда в экипаж со свитой отправился к развалинам Анаурской мечети. В два часа пополудни принца остановили на 1/4 часа на ст. Асхабад, где его встретил генерал-адъютант Комаровъ, поднесший его высочеству 75 фотографических снимков собственной работы, небольшую археологическую коллекцию и шкуру тигра. Принца выехал из Асхабада в Узун-Ада, откуда 17 апреля отбыл на пароходъ „Императоръ Александръ Третій“ в Баку. Прибывъ в Баку, на пристани принца былъ встреченъ губернаторомъ, городскимъ головою и другими лицами. В 10 часовъ его высочество проехалъ въ коляскѣ въ вокзалъ, где въ Царскихъ покояхъ былъ сервированъ для него завтракъ. В началѣ второго часа принца отбылъ съ пассажирскимъ поѣздомъ по Закавказской дорогѣ для осмотра Кедабегскаго завода, успѣвъ посѣтить итальянское консульство и Темные яды, где купилъ нѣсколько азиатскихъ ковровъ.

Дѣла церкви.

— На сооруженіе постоянной Голговы (на подобіе Иерусалимской), устраиваемой въ Сѣв. Кавказскомъ соборѣ въ память чудснаго событія 17 октября 1888 года, въ настоящее время поступило 2,600 рублей; сооруженіе обойдется не менѣе 3,000 рублей. Приемъ пожертвованій продолжается старостою Кавказскаго собора, полковникомъ графомъ Н. О. Гейденомъ.

— 7 апрѣля, въ м. Самгородкѣ, Бердичевскаго уѣз., Киевской губ., въ приходской церкви, мѣстнымъ священникомъ М. Родзиевскимъ былъ совершенъ обрядъ присоединенія

къ православію нѣсколькихъ чешскихъ семействъ, въ числѣ 23 челоѣкъ.

Финансы.

— Въ январѣ текущаго года поступило всего государственныхъ доходовъ 84,961 милл. руб., сравнительно съ январемъ 1889 г. (87,333 милл. руб.) менѣе на 2,372 милл. руб. Уменьшеніе общаго итога доходовъ зависѣло отъ того, что въ январѣ 1890 г. чрезвычайныя поступления составили только 0,405 милл. руб. противъ 4,057 милл. руб., поступившихъ въ 1889 году. Напротивъ, обыкновенные доходы въ общемъ увеличились съ 83,336 милл. руб. въ январѣ 1889 г. до 84,556 милл. руб. въ январѣ 1890 г., давъ, такимъ образомъ, избытокъ въ нынѣшнемъ году въ 1,220 милл. рублей.

Военное и морское дѣло.

— 15 апрѣля новгородскія городское и купеческое общество чествовали 85-й пѣхотный императора Вильгельма полкъ и 22-ю артиллерійскую бригаду по случаю 25-лѣтняго пребыванія ихъ въ Новгородѣ.

— Японскимъ принцемъ Акихито Коматсу, сочувствующимъ благой дѣланію русскаго общества „Краснаго Креста“, прислано въ главное управленіе, черезъ японское посольство, пожертвованіе въ 700 рублей. Въ виду заботливости о нуждахъ общества и теплаго сочувствія къ дѣлу „Краснаго Креста“, выраженныхъ такимъ пожертвованіемъ, принца Коматсу, съ Высочайшаго Государни Императрицы соизволенія, утверждены почетнымъ членомъ общества.

— 15 апрѣля вечеромъ въ Одессу возвратился крейсеръ „Россія“ изъ Нью-Касля, где онъ былъ капитально отремонтированъ; скорость хода значительно увеличилась.

Сельское хозяйство.

— Въ одномъ изъ имѣній Константиноградскаго уѣзда, Полтавской губерніи, устраивается первое въ Россіи, такъ называемое,

опытное поле (champ de démonstration). Это—совершенно новое и остроумное средство для развитія и поднятія сельскаго хозяйства. Опытныя поля впервые были введены во Франціи. Задача подобныхъ полей заключается въ наглядномъ обученіи возможно большаго числа лицъ, въ самыхъ глухихъ мѣстахъ страны, прочно установленнымъ фактамъ земледѣльческой науки, не получившимъ еще всеобщаго распространенія въ данной мѣстности. Цѣль опытаго поля—сдѣлать для земледѣльца нагляднымъ полезное вліяніе удачнаго примѣненія способовъ обработки, сорта растенія или извѣстнаго удобрения. Опытныя поля устраиваются обыкновенно вблизи большаго дороги, по соседству ярмарокъ, въ мѣстахъ, хорошо доступныхъ глазу. Ихъ величина колеблется отъ 1/2 до 1 десятины.

Искусства изобразительныя.

— Въ Ростовѣ-на-Дону, 17 апрѣля, торжественно открытъ памятникъ въ Бозѣ почившему Императору Александру Второму. Памятникъ сооруженъ на средства города и пожертвованія, по проекту академика Микѣшина.

Археологія и древности.

— Въ Севастополѣ, въ морскомъ собраніи, выставлена чрезвычайно интересная археологическая находка, сдѣланная въ Херсонесѣ, 28 марта сего года, при разрытіи насани близъ строящагося храма, а именно: бѣлая мраморная стойка отъ римскаго „Delphica“ (сѣдалища), въ 1 1/2 аршина высоты, съ изображеніемъ львиной головы, художественной работы, выдающейся впередъ груди и снизу широкой ланя на пьедесталѣ. Находка сдѣлана на глубинѣ около двухъ саженъ. Въ настоящее время на этомъ мѣстѣ работаютъ 15 челоѣкъ, такъ какъ возможно, что тамъ найдутся остатки зданія, въ которомъ помѣщалась сѣдалище.

Политическое обозрѣніе.

Президентъ Карно окончилъ свое путешествіе на югъ Франціи, совершивъ его съ выдающимся успѣхомъ. Перебывавъ въ цѣломъ рядѣ городовъ, онъ останавливался преимущественно въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ республиканскій режимъ не въ большомъ почетѣ. Горячій повсюду приемъ говоритъ однако, что почти два десятка лѣтъ новой республики нѣсколько примирили съ нею недовольныхъ. Особенное значеніе придастся торжественнымъ встрѣчамъ на островѣ Корсикѣ, средоточіи бонапартизма. Все корсиканскіе сенаторы и депутаты привѣтствовали главу своей родины, и до 80 общинъ со всего острова прислали своихъ мэровъ съ тою же цѣлью. Разумѣется, такая встрѣча пришла не всѣмъ по вкусу; особенно рѣзко заявилъ о своемъ неудовольствіи принца Наполеонъ. Онъ напечаталъ письмо на имя г. Карно, въ которомъ упрекаетъ президента за посѣщеніе дома Наполеона I въ Аяччіо, называя это неумѣстнымъ поступкомъ. „Какъ смѣете вы—писатьъ принца—безъ причины изгнавшій меня, наследника императора, изъ Франціи, являющагося съ лицемѣрнымъ поклоненіемъ къ колыбели великаго челоѣка!“ Далѣе, принца упрекаетъ правительство въ томъ, что оно есть правительство партій, подрывающее и уничтожающее Францію.

Какъ бы то ни было, письмо принца Наполеона къ президенту Карно особеннаго вниманія не обратило на себя. Газеты вообще находятъ, что престижъ „наследника Наполеона Великаго“, не великій безъ того, отъ этой его выходки должень рухнуть окончательно. *Journal des Débats* посвятилъ по этому случаю принцу ѣдку, но заслуженную статью, указавъ, между прочимъ, на то, что во время имперіи принца, получая громадное содержаніе, никакой пользы государству не приносилъ.

Возвратясь съ острова на материкъ, Карно особенно радушно былъ встрѣченъ въ Ниццѣ, гдѣ, между прочимъ, во время приема, президента Карно посѣтилъ Великій Князь Николай Николаевичъ Старшій. Президентъ республики принялъ Великаго Князя въ отдѣльной гостиной. Свиданіе имѣло особенно сердечный характеръ. Генералъ Брюжеръ отдалъ визитъ Великому Князю отъ имени президента. На пути съѣзжанія въ Парижъ, 14 апрѣля, при проѣздѣ Карно чрезъ Гренобль, толпа въ 10,000 челоѣкъ наполнила вокзалъ съ цѣлью сдѣлать президенту восторженную овацію. Пришлось употребить въ дѣло жандармовъ, чтобы очистить путь и дать поѣзду пройти. После того безъ всякихъ приключеній на другой день Карно прибылъ въ Парижъ.

Помимо внутренняго политическаго значенія, поѣздка Карно знаменательна и по проявленіямъ сближенія Италіи со своею сосѣдкой, Франціей. Въ первомъ изъ этихъ государствъ сближеніе встрѣчено органами всехъ партій съ большимъ сочувствіемъ. Во Франціи, напротивъ, идея сближенія съ Италіей далеко не всѣмъ правится. Республиканская печать вообще довольно и особенно *Raix*, которая слыветъ за органъ Елисейскаго дворца, замѣчаетъ съ удовольствіемъ, что нынѣшнее путешествіе президента Карно привело къ давно желанному политическому результату—улаженію недоразумѣній между Франціей и Италіей. За то монархическая и буланжистская печать вообще не сочувствуетъ сближенію, не довѣряя искренности итальянцевъ.

Вслѣдъ за возвращеніемъ Карно въ Парижъ, въ немъ произошло новое событіе подтверждающее упроченіе республики. Состоялись общинные выборы; результаты ихъ благоприятны для республиканцевъ. Предстоятъ, правда, многочисленные перебаллотировки, но уже заранѣе можно сказать, что буланжисты побѣждены несмотря на все попытки заявить о жизненности и силѣ партій.

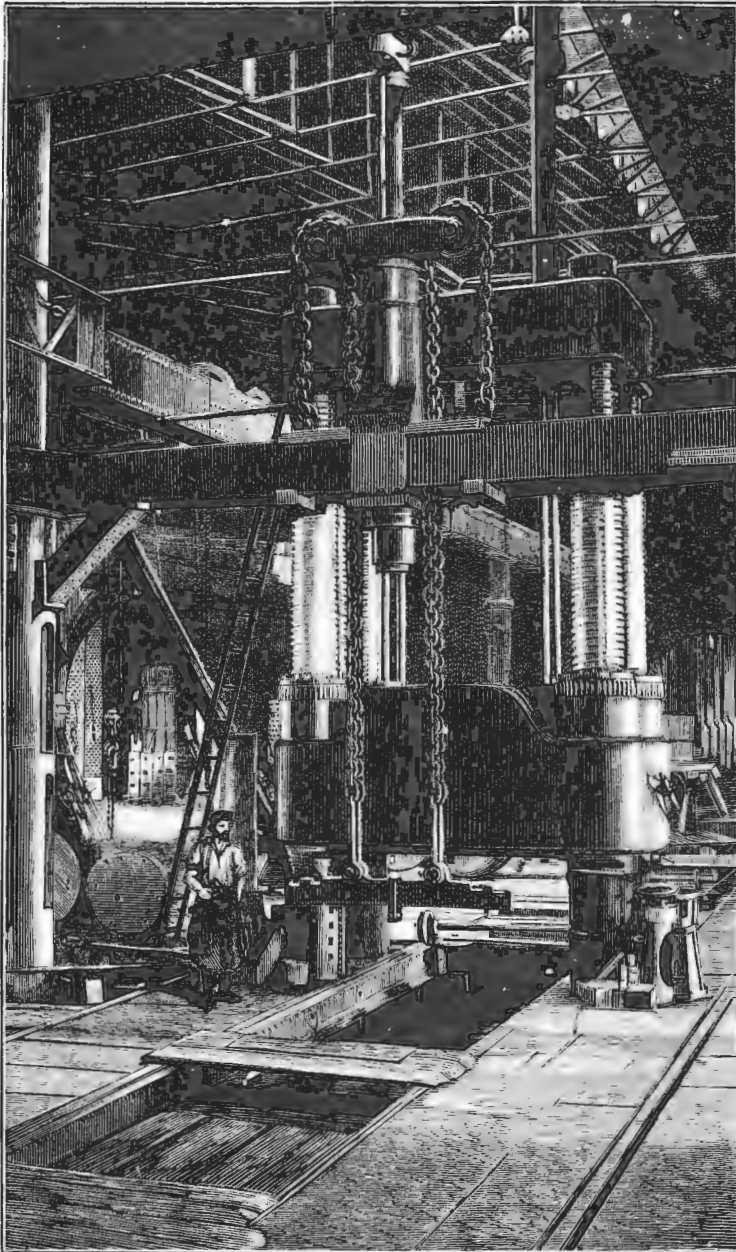
1 мая, по новому стилю, еще не наступало, когда Австрія уже пришлось считаться съ движеніемъ рабочихъ въ Моравіи. Особенно бѣствовали стачившіеся рабочие въ Вагнитадтѣ, гдѣ было арестовано около сотни буланжистовъ, и въ Бѣлой. Въ этомъ послѣднемъ городѣ стачники произвели настоящій разгромъ и оказали сопротивленіе войскамъ, которыя вынуждены были стрѣлять. Безпорядки возникли врасплохъ. Около 4,000 рабочихъ, а по другимъ свѣдѣніямъ не болѣе 1,000 появившихся на улицахъ, разбивали во всехъ домахъ окна и разносили кабаки. Буяны оказали сопротивленіе войску, не поддались атакамъ нѣхоты въ штыки и стрѣляли изъ револьверовъ въ ротнаго командира. Тогда пѣхота дала два сильныхъ залпа—послѣ чего толпа разсѣялась. Въ *Wiener Abendpost* опубликовано официальное сообщеніе, въ которомъ заявлено, что во время бытія въ Бѣлой войска тотчасъ стали стрѣлять боевыми патронами, потому что примѣняя призыванную къ содѣйствію на законномъ основаніи вооруженную силу должно поступать всегда съ полною серьезностью; кромѣ того, графъ Таафе обратилъ вниманіе всехъ намѣстниковъ на тѣ статьи закона, по которымъ должно поступать на основаніи осаднаго положенія. Говоря о безпорядкахъ въ Бѣлой и объ укрощеніи строптивыхъ боевыми патронами, газеты, какъ-бы мимоходомъ, указываютъ на превосходныя качества ружей Манлихера, получившихъ первое и печальное примѣненіе на людяхъ при подавленіи безпорядковъ въ Бѣлой:

„дѣйствіе ружья Манлихера, пинуть газеты, оказалось ужаснымъ. Въ 10 вскрытыхъ трупахъ (всѣхъ убитыхъ было 11) не найдено было пуль; всѣ раны сверленные, сквозныя, навзлетъ.“
Тѣмъ не менѣе, полученныя депешы о „праздникѣ рабочихъ“.

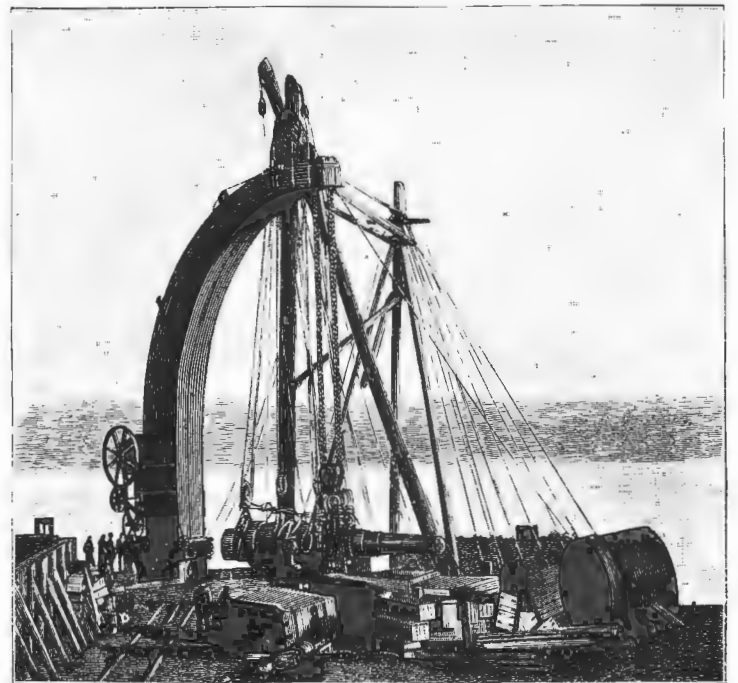
1 мая, въ общемъ говорить, что онъ повсюду прошелъ сравнительно спокойно. Нѣсколько незначительныхъ вспышекъ, неизбежныхъ при громадномъ стеченіи празднаго люда, нисколько не умалили общій спокойный строй „майскаго праздника“.

Изъ Болгаріи получаютъ только одинъ вѣстости. Агентству Гаваса телеграфируютъ, что по поводу статей греческихъ газетъ, обсуждающихъ идею балканской федераціи, офиціозная „Свобода“ съ удовольствіемъ констатируетъ, что греческая печать присоединяется къ идеямъ, починъ которыхъ принадлежитъ Болгаріи, причемъ присовокупляетъ: „колебаться долѣе намъ не слѣдуетъ; войдемъ въ соглашеніе, образуемъ восьмую державу, предложивъ и Турціи войти въ составъ балканской федераціи. Такимъ образомъ намъ удастся разрѣшить балканскій кризисъ. Постараемся также войти въ соглашеніе относительно Македоніи, бывшей всегда яблокомъ раздора. Отъ великихъ же державъ ждаты намъ нечего, такъ какъ политика ихъ была всегда заинтересованная.“

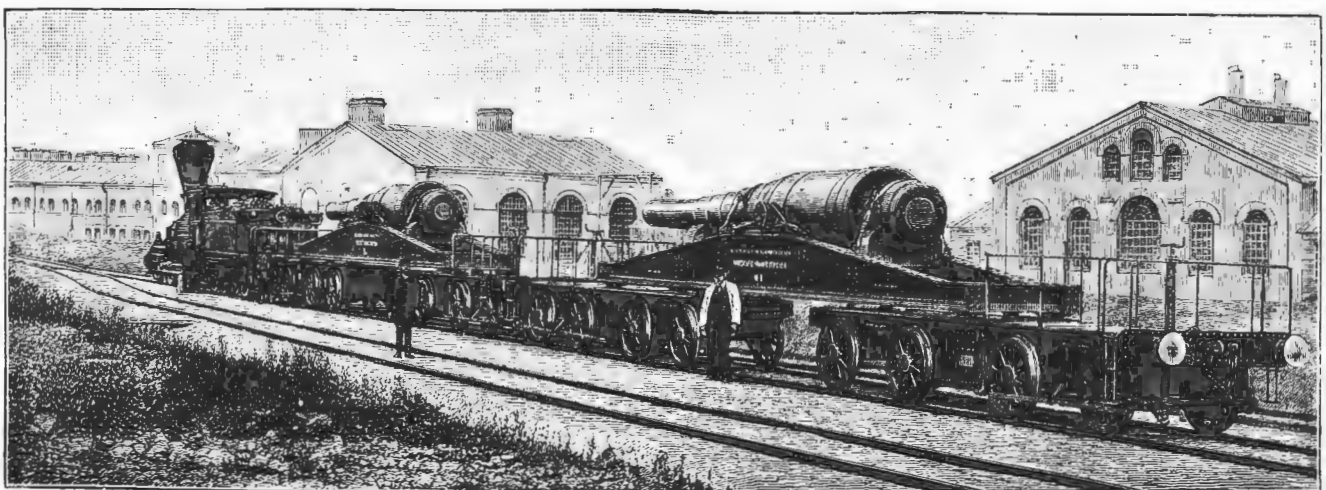
Совсѣмъ иного рода извѣстія приходятъ изъ Бѣлграда и полученіе ихъ вызываетъ радость и расположеніе къ этой странѣ. Въ столицѣ сербскаго королевства 14 апрѣля, церковнымъ регламентомъ, принятымъ скупщиною, уничтожены всѣ напредникія антиканоническія узаконенія. Церкви возвращенъ внутренний миръ и прежнее каноническое положеніе вполне регулировано. Регулированы отношенія церкви и государственной власти. Бракоразводныя дѣла королевскаго дома предоставлены вѣднію архіерейскаго собора. Возстановлена неготинская епископія съ резиденціею въ Зайчарѣ. Регламентъ одобренъ митрополитомъ Михаиломъ.

Обуховскій сталелитейный заводъ. Гидравлическій прессъ для жидкой стали.
Съ фот. грав. Рашевскій.

Обуховскій сталелитейный заводъ. Погрузка 16-дюймоваго орудія въ 5200 пудовъ. Съ фот. грав. Рашевскій.

Обуховскій сталелитейный заводъ. Отправка въ Севастополь 12-дюймоваго орудія на спеціальныхъ 32-колесныхъ платформахъ.
Съ фот. грав. Рашевскій.

С М Ъ С Ъ .

Телескопическая комета. Въ настоящее время астрономы слѣдятъ за телескопической кометою, которая по виѣшнему виду не представляетъ никакихъ особенностей, но путь этой кометы и условия, при которыхъ она наблюдается, не совсѣмъ обыкновенны.

Теперь (въ двадцатыхъ числахъ апрѣля по новому стилю) комета представляется небольшимъ круглымъ туманнымъ пятномъ и имѣетъ ядро по яркости равное звѣздѣ 9,5 величины. Она находится теперь (26 апрѣля по нов. ст.) недалеко отъ звѣзды ζ Cygni и можетъ быть наблюдаема только около полуночи.

Мы открываемъ кометы по большей части тогда, когда онѣ находятся отъ земли на разстояннн близкнзительно равномъ разстоянню земли отъ солнца. Комета, о которой теперь говоримъ, открыта 19 марта Бруксомъ въ Кембриджѣ (въ Америкѣ) и во время открытнн разстоянне ея отъ земли было въ два съ половиною раза болѣе средняго разстояннн земли отъ солнца, такимъ образомъ это разстоянне равнялось приблизительно 50 милліонамъ географ. миль. На эту особенность нельзя не обратить вниманнн. Кромѣ того, мы наблюдаемъ по большей части тѣ кометы, кратчайшее разстоянне которыхъ отъ солнца (какъ говорятъ астрономы: разстоянне въ перигелинн) также не превосходитъ средняго разстояннн земли отъ солнца, чаще-же бываетъ менѣе его. Въ настоящемъ случаѣ, размѣры этого разстояннн далеко болѣе упомянутой величины.

Только въ первыхъ числахъ юнн комета приблизнтся на кратчайшее разстоянне къ солнцу (пройдетъ черезъ перигелинн) и тогда это кратчайшее разстоянне будетъ почти въ два раза болѣе средняго разстояннн земли отъ солнца.

Въ виду этихъ особенностей наблюдаемую комету слѣдуетъ признавать за довольно яркую изъ телескопическихъ. Что касается яркости понимаемой въ обыкновенномъ смыслѣ слова, то едва-ли можно ожидать, что Бруксова комета 1890 года будетъ доступна невооруженному глазу даже и тогда, когда приблизнтся къ солнцу въ перигелинн ея орбиты, ибо она и тогда останется еще очень далекою отъ центрального тѣла нашей системы и солнце едва-ли произведетъ большнн метаморфозы въ ея строеннн.

Сента „голубцовъ“, о которой помѣщены любопытнн свѣдѣнн въ „Историческомъ Вѣстникѣ“, сильно распространилась за послѣднее время въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Поволжья, такъ что можно встрѣтить цѣлыя селеннн приверженцевъ этой секты. Въ общемъ она представляетъ собой одно изъ развитѣннн хлыстовщины, а ея названнн „голубцы“, „голубчики“ чисто мѣстное,—по крайней мѣрѣ ихъ такъ называютъ въ Саратовской губерннн. Голубцы отрицаютъ церковное богослуженне, таинства, иконы, духовенство, празннкн, бракъ, на своихъ собранннхъ поютъ величнн гимны, сопровождающннся радѣнннми и крайней разнузданностью нравовъ. Пословъ „голубчики“ не соблюдаютъ, но за то не употребляютъ спиртныхъ напитковъ, мяса, чаю, луку, картофеля и проч. О послѣднемъ даже у нихъ сложилась легенда, что если картофель положить на нѣсколько дней въ печь въ горшкѣ, то тамъ, вмѣсто картофеля, явятся щенки, и что вообще картофель такъ плодотворенъ, какъ собаки, а поэтому и не чистъ. Любопытно, что это же нѣрѣдко приходится слышать и отъ православныхъ крестьянъ, живущихъ по сосѣдству съ голубцами. Всѣ свои вѣрованнн голубцы держатъ въ глубокой тайнѣ и рѣдко признаются въ своей принадлежности къ сектѣ, бывають у исповѣднн, принимаютъ священниковъ, но за то нѣрѣдко кощунствуютъ. Вотъ слова вечерней и утренней молитвы голубцовъ, записанныхъ со словъ одного сектанта Атка-

скаго уѣзда, Саратовской губерннн. Утренняя: „Шла матушка Марнн изъ города Иерусалима, шла — приустала, легла — приуснула. И приснился ей сонъ страшный-престрашный: на горѣ Сионской растутъ три дерева: одно — Петра, другое — Кедра, третье — св. Кипариса. На св. Кипарисѣ жиды Христа распнвали, ручки, ножки прибавали, терновъ вѣнецъ надѣвали, Его тѣлеса смотрѣли: Его тѣлеса — что дубовая кора, изъ Цего руда — что кована рѣка“. Вечерняя: „Ложились раба спать, крестомъ заграждалась, звѣздой освѣщалась, небой покрывалась, ангелы въ окошкахъ, Христось въ дверяхъ, Спасъ на рукахъ, Матушка Пресвятая Богородица вокругъ двора“. Замѣчательно, что и православные, живущнн по сосѣдству съ голубцами, употребляютъ эти бессмысленнн молитвы. (в.)

Охранительнн мѣры противъ пожаровъ въ старѣ.

Въ послѣдней книжкѣ журнала „Русское Обзорнне“ помѣщенъ интереснн очеркъ г. Дубасова „Изъ исторнн инородческаго землевладѣнн въ Росснн“, въ которомъ, между прочимъ, говорится о пожарахъ, которые, относясь къ числу неблагоприятныхъ условий нашего отжившаго быта, въ прежннн времена губили наши поселеннн и жнзньнн еще болѣе, чѣмъ теперь. Противъ нихъ правнтельство принимало охранительнн мѣры, какъ это видно изъ слѣдующей *на-мннн* 1661 года, приводимой авторомъ въ сокращенномъ видѣ.

„... И вамъ, козловскнн боярскнн сынъ Минай Еньковъ и площаднн дьячекъ Ларька Хвоценскнн, заказъ крѣпкнн съ великимъ за-прещеннемъ, чтобы всякихъ чиновъ люди въ нннѣннее лѣтнее

время избъ и банн не топили николи, для ради береженнн отъ пожару, и избъ и банн у всѣхъ людей запечатать. А для ради хлѣбнаго печеннн велѣть людямъ сдѣлать нечи на пустыхъ мѣстахъ, у рѣкъ и на огородахъ далече. А для береженнн отъ пожару велѣть всякому человѣку на всякой избѣ поставить каднн и бочки съ водою и метлы и помелы. Да вамъ бы, Минаю и Ларькѣ, смотрѣть накрѣпко, чтобы по улицамъ ночью были сторожи, да самимъ бы вамъ смотрѣть въ день и въ ночь безпрестанно. А будетъ въ сыщите, кто избу или баню топить и нечати портитъ, и быть тѣмъ людямъ въ жестокомъ наказаннн. А будетъ вы, Минай и Ларька, учнете кому воровать и поминки и посулы и гостинцы имать, и вамъ быти въ великой оналѣ подѣ смертною казннн...“ Пожары губили у насъ не одни поселеннн. Часто они обнимали наши стены, на которыхъ въ былые годы росла высокая сплошная трава, приближались къ тамбовскимъ и козловскимъ валовымъ крѣпостямъ и истребляли деревянннн городки и башни. Опасность отъ стѣнныхъ пожаровъ была такъ велика, что нашимъ воеводамъ и стрѣлчнкнмъ головамъ вмѣнено было въ обязанность особенно зорко слѣдить за стѣнью и выгнать траву около валовъ, тннущнхся отъ Козлова до Усмани, *чтобы по-жаръ не подошелъ къ валу и не по-жаръ крѣпостей. Памяти* нашимъ воеводамъ по этому поводу отличались особенно настойчивостью. Въ 1662 году изъ Приказа Козловскому воеводѣ Лихареву и головѣ Муромцову писано было такъ: „какъ къ вамъ ся память придетъ и вы-бѣ вѣднли по валу въ день и въ ночь и берегли-бѣ

его накрѣпко, и сотеннымъ головамъ приказывали-бѣ съ большимъ пристраженнемъ, дабы они, стоя съ сотенными людьми на валу, берегли его отъ пожаровъ. А какъ не будетъ вѣтру и вамъ съ береженнемъ обжечь траву у валу“. (в.)

Въ Берлинѣ выходитъ въ свѣтъ 588 пернодическихъ изданнн: 36 ежедневныхъ политическихъ газетъ, 61 еженедѣльныхъ и др. листковъ и 491 профессиональныхъ журналовъ.

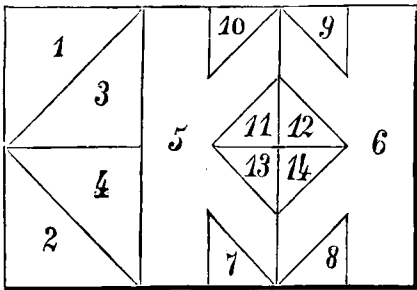
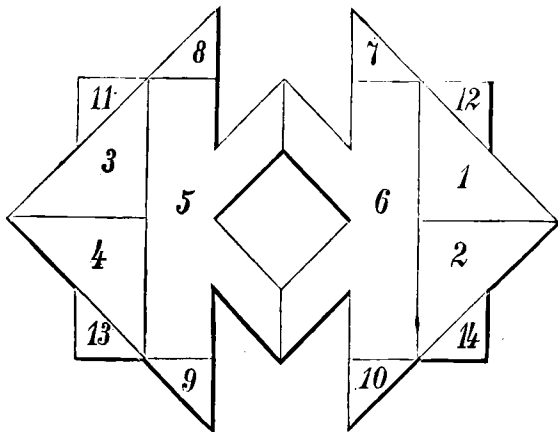

Н. А. Лейнинъ (по поводу тридцатилѣтнн литературной дѣятельности). Съ фот. Денъера, грав. Шюблеръ.

Старшаго разряда писарь Н. Е. Левченко. Съ фотогр. грав. Шюблеръ.

Рѣшеніе геометрической задачи № 19 (помѣщ. въ № 12).

Логина, Буй - В. В. Галанна, Б Коровино - В. К. Терсаго, Витебскъ - I. Герцова, Воронежъ - Н. Ларичева, Владай - Глаголевскаго, Екатеринбургъ - А. Анчиникова, Елисаветградъ - И. Коровъ, С. Олинскаго, Зальсье - М. Маракудина, Киевъ - Я. Шебанова, И. I. Шкоттъ, Коломна - В. Доброхотова, Калуга - С. П. Соколова, Изменская - В. Е. Севрюгова, Казань - В. Д. А., Креславка - К. Холкина, Крестовское - Ф. Васильева, Лебедянь - В. И. Чурилина, Ланы - С. Илинскаго, Могилевъ - Ф. Филиповича, Николаевъ - К. Войченко, М. Рудневича, Оренбургъ - С. Н. Потѣпина, Одесса - Е. Бутми, А. О. Навани, Е. Ф. Андциферова, Остроленка - В. Фомина, Петергофъ - А. Барсукова, Севастополь - П. А. Кондорачи, Саратовъ - Ф. Рѣшетникова, Сызрань - В. Н. Владыкина.

Рѣшеніе шашечной задачи № 21 (помѣщенной въ № 12).

- Бѣлыя. 1) E7 - F6, 2) G3 - C3, 3) D2 - C3, 4) B8 - D6, 5) E3 - C5, 6) H2 - D7, 7) C7 - D6, 8) H4 - G5, 9) D6 - G3, 7) C7 - F4, и т. д. 8) H4 - G5, 9) H2 - G3, 10) E1 - D2, и т. д. Черныя. G7 - E5, D4 - B2, B2 - D4, C5 - E7, E7 - D6, F8 - E7, E7 - F6, F6 - H4, F8 - G7, E7 - F6, F6 - H4, F8 куда угодно. и т. д.

F 8 - G 7, G 7 - H 6, D 6 - E 7, H 4 - G 5, шапка и т. д. заперта. Остальные вариации понятны. Верныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: П. Ф. Бурбухати въ Бердянскѣ и С. П. Соколова въ Калугѣ.

Рѣшеніе шахматной задачи № 20 (помѣщенной въ № 12).

Бѣлыя. 1) Л. а5 - а8, 2) Л. а8 - е8, 3) К. е7 - g6+, 4) К. g6 - h4x. Черныя. 1) d7 : e6, 2) e6 : d5, 3) Кр. е5 - f5. Верныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: Дисна - М. Г. Гильдина, Налуга - С. П. Соколова, Назань - № 54, 736, Невъ - Г. Рутенбергъ, Щучинъ - И. Перельштейнъ, Ярославль - Крылова.

ЗАЯВЛЕНИЕ. Контора журнала "НИВА" проситъ Гг. подписчиковъ, НЕ ВНЕСШИХЪ ПОЛНУЮ ГОДОВУЮ ПОДПИСНУЮ ПЛАТУ за "НИВУ" 1890 г., озаботиться своевременными взносами слѣдуемыхъ съ нихъ - денегъ. Гг. иногородные подписчики, при высылкѣ денегъ, благоволятъ прилагать печатные адреса отъ бандеролей.

СОДЕРЖАНІЕ: А. А. Колокольцовъ (съ портр.). - Владъ Романъ I. Ясинскаго (Максима Бѣлинскаго), Ч. I. (Продолженіе). - Мюнхика. Повесть Н. Морскаго (Н. К. Лебедева). (Продолженіе). - Обуховскій сталелитейный заводъ (съ 8 рис.). - Къ рисункамъ: "У церквей". Карт. И. И. Творожникова (съ рис.). - "На бурмистрѣ". Карг. проф. Н. Д. Дмитриева-Оренбургскаго (съ рис.). - "Въ науку". Карг. Ф. И. Винциана (съ рис.). - Н. А. Лейкинъ (съ портр.). - Нестровъ старшаго разряда, писарь Н. Е. Левченко (съ портр.). - Газныя извѣстія. - Политическое обозрѣніе. - Смѣль. - Рѣшенія задачъ. - Заявленіе. - Объявленія. Издатель А. Ф. Маркст. Редакторъ В. Ключниковъ.

PAPIER FAYARD ET BLAYN

употребляется въ леченіи ревматизма, раздраженія дыхательныхъ органовъ, пасторка, раздраженія груди, вывиховъ, ранъ, ожоговъ, ознобленій, мозолей и всякихъ наклонныхъ затвердѣній. Продажа во всѣхъ аптекахъ (требовать собственноручную подпись).

ДАНТИСТЪ А. Лоберъ переехалъ въ Гороховую улицу въ д. 46, кв. II, принимаетъ отъ 9 утра до 6 вечера ежедневно. № 4519

ВАЗЕЛИНОВОЕ МЫЛО I. ГОЛЛЕНДЕРЪ ДЛЯ СМЯГЧЕНІЯ КОЖИ. Новозобрѣтенное вазелиновое мыло, пригодно запаха, придаетъ кожѣ желаемую упругую мягкость. Цена за кусокъ 30 коп. 3 куска съ пересылк. 1 р. 50 к. Получать можно во всѣхъ парфюм. и аптек. магазинахъ и аптекахъ Россіи. Главный складъ: СПБ., Демидовъ пер., д. № 1. (1610) № 4278

Методика ручнаго труда. По Саломону изложилъ Фармаковский. Одобрено Мин. Нар. Просвѣд. для всѣхъ училищъ. Ц. 75 к. Школьная дѣтетика - о сохраненіи здоровья учащихся дѣтей, составилъ Фармаковский. Изд. 7-е, рекомендованное Мин. Нар. Просвѣд. учебнымъ заведеніямъ и родителямъ. Ц. 1 р. 50 к. Методика дисциплины. По Боку изложилъ Фармаковский. Одобрено Мин. Нар. Просвѣд. Ц. 1 р. 20 к. Складъ въ Одессѣ у книгопродавца Е. П. Распопова. № 4518 2--1

Вышла изъ печати вторая часть "ЗРИТЕЛЬНОГО ДИКТАНТА" Самоучебное знаковь препишанія. Сост. В. Зелинскій. Ц. 40 коп., съ перес. 55 коп. Первая часть этой книги въ самое короткое время выдержала три изданія. Ц. 1-й части 45 коп., съ перес. 60 коп. Продаются въ книжныхъ магазинахъ и въ складѣ изданій В. А. Зелинскаго: Москва, Патриаршіе пруды, д. Миротлюбивой. Стоимость книгъ можно прилагать почт. марками въ заказныхъ писемкахъ. № 4514 Адресъ Редакціи журнала "Русскій Лѣсопромышленникъ": Невъ, Лытеранская ул., № 8.

Поступило въ продажу новое изданіе Ф. Павленкова: СОЧИНЕНІЯ В. М. РѢШЕТНИКОВА ВЪ ДВУХЪ ТОМАХЪ. Мт. № 4513 Съ портретомъ автора и вступительной статьей М. Протопопова. Цена за два тома 2 р. 50 к. Простые переплеты по 50 к. Роскошные 1 р. Пересылка за 4 фута.

НЕПРОМОКАЕМАЯ ПАЛЬТО и ПЛАЩИ резиновыя, шелковыя, а также изъ английскихъ шерстяныхъ матерій новѣйшихъ рисунковъ, изящнаго покроя, которыя изготовляются въ собственной мастерской. ДАМСКІЯ ШЕЛКОВЫЯ ПАЛЬТО! замѣчательныя своею легкостью и изяществомъ. Мужское пальто шерстян. отъ 30 р. до 55 р. плащъ " " 25 " 50 " Дамское пальто обмѣнов. " 20 " 35 " шелковое. " " " 45 " Резиновыя пальто. " " 8 " 25 " Образчики матерій и рисунковъ фасоновъ высылаются по востребованію. ГЛАВНЫЕ СКЛАДЫ РЕЗИНОВЫХЪ ИЗДѢЛІЙ ПИХЛАУ и БРАНТЪ въ Москвѣ: П. № 4508 3--1 1) Петровка, домъ Соколова, 2) Ильинка, близъ Биржи.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1890 ГОДЪ на еженедѣльный журналъ ЛѢСО "РУССКІЙ ПРОМЫШЛЕННИКЪ" Всеобщій Вѣстникъ Торговли лѣсными продуктами (III годъ изданія). № 4503 2--1 Подписная цена { 8 рублей на годъ { съ января съ пересылкою { 4 " " 1/2 года. { или июля. Каждый подписчикъ имѣетъ право помѣстить одинъ разъ БЕЗПЛАТНО на страницахъ журнала свое объявленіе: годичный - въ 4) строкъ, полугодичный - въ 20 строкъ (въ одномъ изъ трехъ столбцовъ). Пробные номера журнала высылаются по востребованію бесплатно. Адресъ Редакціи журнала "Русскій Лѣсопромышленникъ": Невъ, Лытеранская ул., № 8.

ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ Вс. Крестовскаго (автора "Петербургскихъ Трущобъ"); 3-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к. ДЛЯ ОКРАШИВАНІЯ ВОЛОСЪ: ПОМАДА, флаконъ 3 руб., пересылка 1 р., для удобства: жидкая паста помада, по полуфлакону, цѣна 3 р. 50 к., пересылка 1 р. 50 к. Гороховая ул., д. № 57, магазинъ-парикмахерская Ивановой. № 4504

Ф. Э. ДРЕХСЛЕРЪ, Варшава, Лешно, 14. Бицикли отъ 100 р. Роверы отъ 135 р. № 4386 10--9

МОЗОЛЬНАЯ ЖИДКОСТЬ "ГОЛЛЕНДЕРЪ". Средство для уничтоженія мозолей и бородавокъ. Цѣна 35 коп. за флаконъ, за два флакона съ перес. 1 руб. Получать можно во всѣхъ парфюмер., аптекарск. магазинахъ и аптекахъ. Главный складъ у I. Голлендеръ, Демидовъ пер., № 1. Въ С.-Петербургѣ. (11) № 4366

БИРШТАНСКІЯ МИНЕРАЛЬНЫЯ ВОДЫ (подробности см. въ № 14).

ШОКОЛАТЪ ФАБРИКИ "С. СТУДНЕ" НАХОДИТСЯ ВО ВСѢХЪ ГОРОДАХЪ РУССКІЯ ИМАШЕНЪ ПАРКИ

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ вновь полученныхъ английскихъ велосипедовъ. 4-3 Г. ЖЕМЛИЧНА, Москва, уголокъ Газетнаго пер., домъ Фальцфельдъ, магазинъ № 19. Прейс-курранты высылаются бесплатно

(8)

ВЕНГЕРСКАЯ ПОМАДА
ДЛЯ ХОЛИ И МЯГКОСТИ

♦ **УСОВЪ** ♦

Главный складъ въ парфюмерн. магазинѣ
СПБ., 52. ПАССАЖЪ, 52. Невскій пр.
♦ При высылкѣ 1 р. с. или наложен-
нымъ платежемъ высылается одна банка
помады во все города Россіи. № 4410

ЛЪТНЯЯ НОВОСТЬ!

Англискіе растягивающіяся кушачи
„ГРАЦІА“ изъ позолоченой проволоки съ
массивн. позолоченнымъ замочкомъ, про-
красненъ блымазъ, розовымъ, голубымъ, зо-
лотымъ, синимъ, темнo-краснымъ и чер-
нымъ шелкомъ. Кушачи прозрачныя
очень прохладительны и при-
ятно носить для каждой дамы.
Цѣна 3 руб. 50 коп. Торговымъ дѣлается
уступка. Единственный складъ для Россіи
у **ОСКАРА ЛЕССЕРЪ**,
СПБ., Садовая, 12—18, въ 1-мъ дворѣ.

ПРЕПОДАЮ ПИСЬМЕННО

ПОЛНАЯ ГАРАНТІЯ
ЗА УСПѢХЪ
ПИСЬМЕННОГО
ОБУЧЕНІЯ.

вполнѣ
замышляющее
устное
препода-
ваніе.

УРОКОВЪ

ДУРНОЙ ПОЧЕРКЪ
ИСПРАВЛ. на КРАСИВОЕ БЛАГОЕ КОНТОРСКОЕ ПИСЬМО
ОСНОВАТЕЛН. ОБУЧЕНІЕ ДВОЙНОЙ ИТАЛЬЯНСКОЙ
БУХГАЛТЕРІИ
Москва, Покровка, домъ Бутиковой
А. С. Шиманскій.

НА ОТВѢТЪ ПРИЛАГАТЬ МАРКУ.

ПОРЬКАЯ ВОДА ИСТОЧНИКА
ФРАНЦА ЈОСИФА

Натуральная минеральная сла-
бительная вода источника
ФРАНЦЪ-ЈОСИФЪ

въ Будапештѣ,
по отзывамъ меди-
цинскихъ авторите-
товъ, она дей-
ствуетъ легко, анку-
ратно и безъ вся-
кихъ вредныхъ по-
слѣдствій.

Рекомендуется
какъ слабительная
вода, не содержащая
въ своемъ составѣ
вредныхъ здоровью веществъ. Продается въ
аптекаxъ и аптек. магазинахъ. Ц. № 4238
Для нормальнаго приема достаточно одного
виннаго стакана Диренція въ Будапештѣ.

Поставщики водоснабженъ Русской Арміи

Торговый Домъ
Ж. БЛОКЪ,

Москва, С.-Петербургъ,
Кузнечій Мостъ, Б. Морская № 21.

имѣетъ
единственный Складъ для всей
Россіи Водоснабженъ: Сифтъ,
Вишеть, Русскій Клубъ, Мол-
нии (New Rapid), Имперіалъ и пр.

Цѣны отъ 100 до 500 руб.

НОВОСТЬ
Общедоступный Сифтъ №2
= 150 руб. =

Прейсъ-Куранты высылаются бесплатно.
Поставщики водоснабженъ Русской Арміи

ОРКЕСТРЪ-МАНОПАНЪ

Большой изящный салонный
органъ, на которомъ можно не-
сполнять посредствомъ карто-
нныхъ нотныхъ листовъ цѣлая
увертюры, большія оперы, са-
лонныя пьесы, русскія пѣсни и
все танцы. Оркестръ-Манопанъ
играетъ отчетливо, чрезвычайно
полнымъ и приятнымъ тономъ,
имѣетъ двойное голосо и при-
способленіе для громкой и тихой
игры. Этотъ инструментъ реко-
мендуется отлично для семей-
ныхъ баловъ, вечеринокъ, для
клубовъ и пр. Цѣна съ 10-ю пьес-
ами 80 руб. Добавочныя пьесы
по 1 р. 20 к., 2 р. 40 к. и до-
роже. Къ инструменту прила-
гаются 10 пьесъ по 1 р. 20 к.
Пересылка за 85 фунт. Списокъ
пьесъ для Оркестра - Манопана,
а также иллюстрированный
прейсъ-курантъ всѣмъ инстру-
ментамъ — бесплатно. № 4506

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ

ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ И НОТЬ.

С.-Петербургъ, Б. Морская, № 34 и 40. — Москва, Кузнечій м., домъ Захарьина.

Въ зубооубрачн. кабинетахъ Ивана Ив. ХРУЩОВА,
Невскій, 43, на углу Троицкой, ежедневно производится всѣ зубныя операціи, леченіе,
пломбированіе и вставленіе искусственныхъ зубовъ.

Тутъ же въ конторѣ продается всѣ материалы, требуемыя для зубооубрачн. практики.
№ 4505 5—1

КОМУ

придется быть въ Петербургѣ, Москѣ
или Одессѣ, соотвѣтн. воспользоваться
случаемъ, чтобы посѣтить наши мага-
зины, снабженные громаднымъ выбо-
ромъ обуви всевозможн. хъ сортовъ и
размѣровъ, а также и дорожныхъ ве-
щей изъ матеріала наилучшаго каче-
ства, вполнѣ заслуживающихъ внима-
нія каждого. Служащимъ при магазинахъ
вмѣнено въ обязанность раздавать же-
лающимъ наши прейсъ-куранты и да-
вать самыя подробныя разъясненія на
все вопросы, касающіеся предметовъ
нашего производства. Каждый имѣющій
наши прейсъ-куранты всегда будетъ въ
состояніи требовать отъ своего постав-
щика желаемый сортъ обуви.

КОСМЕТЪ
С. ПЕТЕРБУРГЪ.

№ 4510

ПИСЬМУЩАЯ МАШИНА
„РЕМИНГТОНА“.

Имѣетъ въ 3 раза
быстрѣ пера. Чисто-
та, чекоткость и красота.
Введена во всѣхъ
Министерствахъ и
мног. правительствъ
и частныхъ учрежд.
Прейсъ-курантъ, содерж. многочисленн
отзывы отъ Правительства и другихъ учре-
жденій, высылается бесплатно. № 374
Единственный складъ для всей Россіи:
ГОРГОВЫЙ ДОМЪ Ж. БЛОКЪ
Москва С.-Петербургъ
Кузнечій мостъ. Б. Морская, 21.

ЧОКРАКСКО-БУЛГАНАКСКАЯ
граве-лечебница Товарищества* врачей
въ Крымѣ, въ г. Керчи. Сезонъ съ 15-го
мая по 1-е сентября. Подробности въ бро-
шюрѣ, которая высылается за одну семі-
коп. марку. Адр. въ г. Керчь, Таврич. губ.,
д-тору Филимоновичу. Ц. № 4440 12—6

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ
ЮЛІА ФЛОРАНА

основанъ въ 1849 году.
16, Большая Морская, 16,
С.-Петербургъ. Рт. № 4511.

Спеціальность мужского и дамскаго
бѣлья и принадлежностей туалета.
ПОЛНОЕ ПРИДАНОЕ
для невѣстъ и новорожденныхъ.

ОТДѢЛЪ ЧЛЮЧНАГО ИЗДѢЛІЯ.

Чулки бумажн. суровые отъ 8 — за дюж.
Чулки бум. суров. полос. — 75 за пару.
Чулки бум. цвѣтн. полос. — 75 ”
Чулки бумажные одно-
цвѣтные. — 45 за пару
Чулки бум. одноцвѣтные — 40 ”
Чулки фильдеко. суров. — 11 — за дюж.
Чулки фильдеко. одноцв. — 85 за пару.
Чулки фильдеко. одноцв.
extra. — 1 10 ”
Чулки полушелковые — 2 50 ”
Чулки шелковыя одно-
цвѣтные — 4 — за пару.
Поски бумажные суровые — 2 — за дюж.
Поски бум. сур. полосат. — 6 — ”
Поски бум. цвѣтн. полос. — 6 75 ”
Поски бум. одноцвѣтные — 5 — ”
Поски фильдеко. суров. — 7 — ”
Поски фильдеко. суров. по-
лосатые. — 8 — ”
Поски фильдеко. цвѣт-
ные полосатые — 8 50 ”
Поски фильдеко. одноцв. — 9 — ”
Поски шелковыя одноцвѣтные и фантези.

Новые платиновые аппараты
для выжиганія ризунковъ по
дереву. Мт. № 4516

съ 1-мъ платиновымъ
исполнительнымъ
электромъ
за 8 руб.
и переслать за 4 фига.
съ 2-ми платиновыми
исполнительными
электромъ
за 20 руб.
и переслать за 4 фига.

Рисунки и описаніе бесплатно.
ЭЛЕКТРИЧЕСКІЕ ЗВОНКИ
отъ 2-хъ руб. и дороже

и всѣ отдѣльныя части и принадлежности
къ нимъ по самымъ дешевымъ цѣнамъ.

Деталей Телефонн. аппаратовъ съ
устройствомъ, пачкой, проводомъ, кноп-
кой, дерев., фарфоров., и металличе-
скими

Пумерные ашар. отъ 2 25 М.
Телефоны комнатные и для даль-
нихъ постоянній разнакъ системъ.

Иллюстриров. прейсъ-куранты бесплатно.
Оптов. покупател. значит. уступка
СПБ., Екатерининскій каналъ, 27, кв. 36,
противъ Государственн. Банки, складъ опти-
ческихъ и механическихъ товаровъ
бывшій В. ВЕСТЕРГЪ.

ЭЛЕОПАТЪ ПРОВ. КИНУНЕНЪ

для волосъ. Элеопатъ Кинуна находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптек. и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп., но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Просятъ непременно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждого флакона, — пров. Кинуненъ. (16) № 4287

Главный складъ: С.-Петерб., Демидовъ пер., д. № 1.

